This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

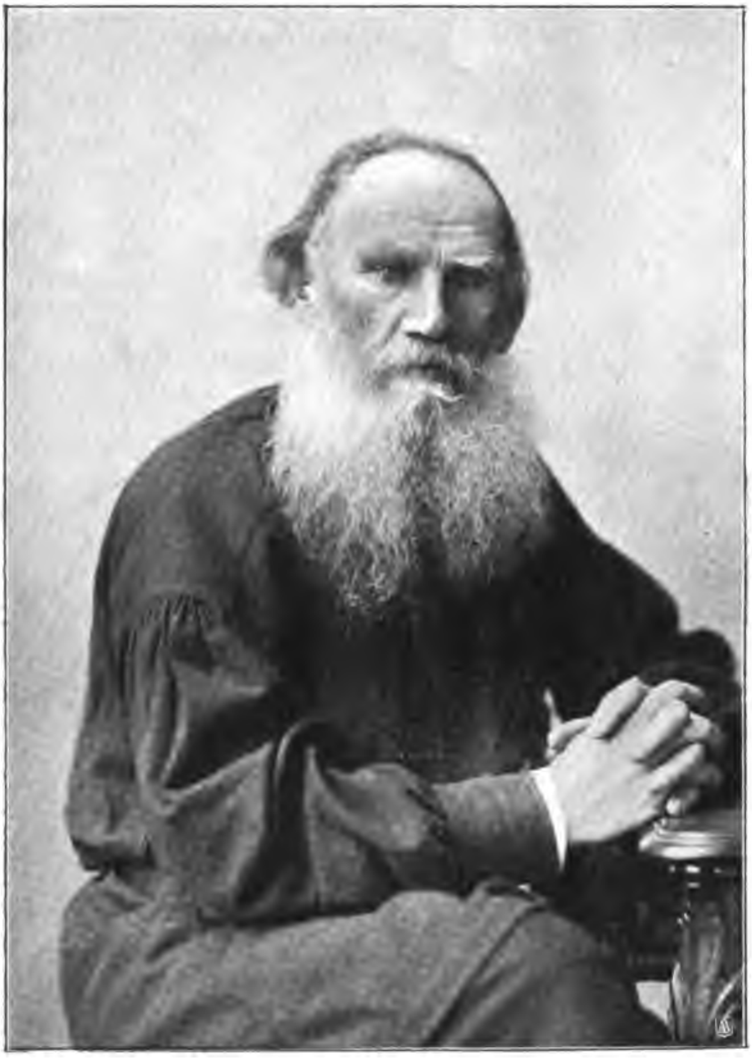
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

P Slav 381.10

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922



ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

Съ фотографіи 1896 года.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 27 МАРТА 1900 Г. СПБ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXX

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

P Slav 381.10
~~Slav 25.15~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМИДЕСЯТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1900 года).

Ивановскаго. Спб. 1898. А. В. С.—29) Проф. Евгеній Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Выпускъ I, II и III. Казань. 1899—1900. Арк. Л—нко. — 30) В. А. Павловичъ. Разсказы изъ русской исторіи. Пятое изданіе. Съ 23 рисунками. Спб. 1900. И. С.—31) Русскій біографическій словарь. Томъ II. Алексинскій—Бестужевъ-Рюминъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго общества А. А. Половцева. Спб. 1900. С. Ш.—32) П. Н. Полевой. Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Изданіе А. Ф. Маркса. Томъ I. Спб. 1900. С. П.—33) Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго. Спб. 1900. Арк. Л—нко.—34) Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 гг. Спб. 1900. Е. Еленина. — 35) В. Л. Тагѣевъ. Русскіе надъ Индіей. Спб. 1900. Проф. Н. Орлова.—36) Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1898. Тифлисъ. 1899. С. П.—37) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XVI. Тифлисъ. 1899. А. Хах—ова.—38) М. Г. Джанашвили. Царица Тамара. (Съ обзоромъ грузинской исторіи и литературы до эпохи Тамары). Тифлисъ. 1900. А. Хах—ова.—39) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Е. К. Тифлисъ. 1899. А. Хах—ова.—40) Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Э. Лависса и А. Рамбо. Томъ шестой. Людовикъ XIV. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. П. К—аго.—41) Кохъ Максъ. Исторія нѣмецкой литературы. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. А. Н.—42) Л. В. Федоровичъ. Исторія политической экономіи съ древнѣйшихъ временъ до А. Смита. Одесса. 1900. М. — 43) Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. Москва. 1900. «Библіотека для самообразованія», III. И. А.—44) К. К. Герцъ. Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. Выпускъ 1-й: Археологическая топографія Таманскаго полуострова.—Выпускъ 2-й: Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ.—Выпускъ 3-й: Письма изъ Италіи и Сициліи.—Выпускъ 4-й: О состояніи живописи въ Сѣверной Европѣ, отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи.—Выпускъ 5-й: Статьи по археологіи восточной, классической и древне-христіанской. Спб. 1898—1900. А. М—на.—45) Н. Карѣевъ. Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Изданіе второе. Изданіе Спб. акціонернаго общества печатнаго дѣла «Издатель». Спб. 1900. С. П.—46) М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическое изслѣдованіе. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1900. Д. К. Е—ва.—47) Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Профессора А. Р. Уоллеса. Переводъ Л. Лакіера. Съ приложеніемъ статьи профессора В. Зомбарта: Соціализмъ и соціальное движеніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Переводъ Х. Раппопорта. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1900. А. Никитинскаго.—48) Эмиль Эггеръ. Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ временъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900. К. Лосскаго.—49) Михайловъ, Д. Аполлонъ Григорьевъ, жизнь въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его. Спб. 1900. А. Л.—50) Профессоръ Л. Іолли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Переводъ съ нѣмецкаго А. Санина.. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Д. К. Ежова.—51) Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ второй (книги 3 и 4). Спб. 1900. И. Н. З.— 52) В. Доброправовъ. Скопчество въ предѣлахъ Владимірской епархіи. Владиміръ. 1900. А. В. С.—53) Памятная книжка Ломжинской губерніи на 1900. Ломжа. 1900. Г—ва. — 54) Н. Д. Чечулинъ. Русскій соціальный романъ XVIII в. Спб. 1900. Галланина.—55) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Седьмая часть. М. 1900. С. Ш. — 56) Н. Е. Волковъ. Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ. Въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1900. В. Р—ва.—57) П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900. Н.—58) И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. Спб. 1899. А. М—на.—59) Wierzbowski, Teodor. Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzów polskich. T. I. 1887—1600. Warszawa. 1900. Н. Любовича. 60) С. Н. Прокоповичъ. Рабочее движеніе на западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія. Т. I. Германія и Бельгія. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899. Д. К. Е—ва.—61) С. и Б. Уэббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Перевелъ съ англійскаго Г. А. Паперна. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1899. А. Никитинскаго.—62) Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Переводъ съ французскаго Е. Леонтьевой. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1900. Д. Е—ва.—63) На границѣ. Повѣсти и разсказы Ѳ. Ѳ. Тютчева. Москва. 1900. И. Н. З.

Slav 25.15

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

АПРѢЛЬ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1900 г.

См. слѣд. стр.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ [1].

XII.

ПРОШЛО еще съ мѣсяцъ, Сережа не находился.

Съ водвореніемъ новой хозяйки, въ домѣ свершился переворотъ столь же странный, сколько неожиданный.

Всѣ ждали строгостей, притѣсненій и придирокъ отъ пришельцевъ и всячески старались стушевываться, чтобъ заставить забыть о своемъ существованіи, но вскорѣ новая госпожа и челядь ея доказали, что опасаться ихъ нечего и, по мѣрѣ того, какъ всѣ стали успокоиваться и набираться смѣлости, порядокъ, искони соблюдавшійся послѣ смерти бабушки, началъ нарушаться.

Старики, управлявшіе многочисленной дворней послѣ отъѣзда Авдотьи Ивановны и Ивана Дмитріевича, сами сложили съ себя власть и не выходили изъ своихъ коморокъ, чтобъ не сталкиваться съ разволььничавшейся молодожью, становившейся со дня на день смѣлѣе и нахальнѣе. Шумный смѣхъ и говоръ достигалъ до барскихъ хоромъ, молодые лакеи позволяли себѣ заигрывать съ бѣлошвейками и горничными въ комнатахъ и проходахъ, прилегавшихъ къ столовой и къ коридору, куда выходила дверь моей комнаты, изъ которой я почти совсѣмъ не выходила.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 881.

Семейные обѣды были, подъ какимъ-то предлогомъ, отмѣнены, и намъ съ Ромой и съ аббатомъ опять стали подавать кушать въ маленькой столовой, въ то время какъ папенька съ молодой женой обѣдали и ужинали въ парадной залѣ съ хорами, рядомъ съ концертной.

Папенька жилъ, какъ въ чаду, ничего не замѣчая, пришельцы же объ одномъ только заботились: пріобрѣсти постыдными поблажками расположеніе падкихъ на баловство хамовъ.

Въ одно прекрасное утро вошла ко мнѣ Степанида съ письмомъ въ рукѣ. Письма этого она уже теперь не прятала, какъ раньше, подъ передникъ, а подала мнѣ его безъ всякихъ предосторожностей и съ лукавой усмѣшкой.

— Графскій Степанъ принесъ. Завтра зайдетъ за отвѣтомъ. Опять отъ нихъ въ Питеръ ѣдутъ,—объявила она ухмыляясь.

Ее, повидимому, забавляло мое смущеніе. Увы! если и поднялась въ моей душѣ борьба между чувствомъ собственнаго достоинства, повелѣвавшимъ мнѣ отказаться отъ ея услугъ, и между страстнымъ желаніемъ узнать, что пишетъ мнѣ мой возлюбленный, то борьба эта длилась недолго, и роковой конвертъ очутился въ моихъ рукахъ раньше, чѣмъ голосъ совѣсти успѣлъ во мнѣ заговорить.

Она вышла, еще разъ подтвердивъ мнѣ, что отвѣтъ нуженъ къ вечеру, а я, заперевъ дверь, дрожащими отъ волненія пальцами распечатала письмо и впилась глазами въ дорогія строки.

Шарль предупреждалъ меня, что вслѣдствіе интриги, къ которой онъ причастенъ, я въ самомъ непродолжительномъ времени узнаю о горячемъ участіи, которое высшее московское общество принимаетъ въ моей судьбѣ, и чтобъ я отнюдь не отказывалась отъ проявленій симпатій, которыя мнѣ должны оказывать. Онъ этого требовалъ по праву моего жениха, напоминалъ мнѣ клятву, данную мною никому не принадлежать, кромѣ его, и утверждалъ, что послѣ неосторожнаго и преступнаго поступка папеньки, возстановившаго противъ себя позорной женитьбой все общество и всѣхъ родныхъ, я должна искать поддержки и защиты у этого общества. Ему было очень горько, что онъ не можетъ самъ пріѣхать въ Москву именно въ такое время, когда я болѣе чѣмъ когда либо нуждаюсь въ его поддержкѣ, но ему посчастливилось найти въ одномъ изъ друзей своего благодѣтеля, графа Захара Григорьевича, такого покровителя, что не воспользоваться случаемъ, упрочить наше положеніе на всю жизнь, было бы въ высшей степени безразсудно. Ему дали важную работу, которую отложить невозможно, намекая при этомъ, что отъ исполненія ея зависитъ его карьера. По его мнѣнію, война неизбѣжна. «А война—это для меня единственное средство назвать тебя моей женой...». Онъ умолялъ меня ему отвѣтить, повторялъ, что тогда только успокоится, когда будетъ знать, что

я послѣдую безъ разсужденій его совѣтамъ, и докажу ему настолько довѣрія, что безъ колебаній повинуюсь ему, какъ мужу. Просилъ сообщить все, что у насъ слышно про Сережу, и умолялъ не слишкомъ сокрушаться разлукой съ братомъ, такъ какъ наступаютъ такія времена, что невозможно предвидѣть, гдѣ будетъ безопаснѣе для юноши Сережиныхъ лѣтъ: въ домѣ ли отца, или среди кочующаго племени въ степяхъ и дремучихъ лѣсахъ.

Можно себѣ представить, въ какое смятеніе привело меня это письмо, и какъ заинтригована была я намеками на предстоявшія мнѣ неожиданности! Ни минуты не колеблясь, отвѣчала я ему, что исполню въ точности всѣ его требованія и, съ сладкимъ сознаніемъ, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который обо мнѣ заботится и на котораго я могу полагаться больше, чѣмъ на самоё себя, запечатала письмо и передала его Степанидѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того пріѣхалъ изъ деревни дядя. Не спросивъ ни про папеньку, ни про его жену, онъ прошелъ прямо ко мнѣ и сталъ спрашивать про Сережу. Я должна была все ему разсказать, что помнила про нашего пропавшаго брата, что онъ говорилъ мнѣ передъ роковымъ днемъ, какой онъ имѣлъ видъ и проч., проч. Все заставилъ онъ меня вспомнить и въ точности ему передать, даже и то, что я считала величайшей тайной между мною и Сережей. Такимъ образомъ онъ узналъ и про сцену, которую я нечаянно подсмотрѣла между братомъ и Матаваевой, задолго до того дня, когда она сдѣлалась моей мачихой.

— Все это мнѣ ужъ было извѣстно,—проговорилъ онъ вполголоса, точно съ цѣлью успокоить мои сомнѣнія относительно умѣстности моей безграничной откровенности,—и я тотчасъ же понялъ причину его бѣгства изъ родительскаго дома. Это доказываетъ, что его не успѣли окончательно испортить... И ты говоришь, что онъ послѣднее время ее ненавидѣлъ?

— О, да! Онъ такъ ее ненавидѣлъ, что я даже не осмѣлилась напомнить ему про то время, когда онъ совершенно иначе къ ней относился, и онъ не знаетъ... про то, что я вамъ сейчасъ сказала,—прибавила я, запинаясь и краснѣя отъ стыда.

— Это хорошо. Это доказываетъ, что онъ мучится своимъ грѣховнымъ увлеченіемъ, а тамъ, гдѣ раскаяніе, тамъ и исправленіе. Не сокрушайся о братѣ, Лиза, Господь все строитъ къ лучшему. Наступаютъ такія времена, когда въ звѣриной берлогѣ и въ цыганскомъ таборѣ человѣкъ будетъ чувствовать себя безопаснѣе, чѣмъ въ каменныхъ хоромахъ своихъ предковъ,—прибавилъ онъ, устремляя пристальный взглядъ въ пустое пространство, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, точно онъ видитъ въ этомъ пустомъ углу то, что скрыто отъ простыхъ смертныхъ. Тутъ только, внимательнѣе въ него взглядываясь, замѣтила я, какъ онъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, а именно до смерти дѣдушки,

когда онъ въ присутствіи папеньки, священника, моего Шарля и старшихъ изъ дворни, присутствовалъ при чтеніи дѣдушкинаго завѣщанія. Въ лицѣ у него не было ни кровинки, и онъ такъ похудѣлъ, что платье сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Носъ заострился, какъ у покойника, а глаза вдохновенно сверкали изъ темныхъ впадинъ. Чѣмъ больше смотрѣла я на него, тѣмъ сильнѣе жалѣла и любила его.

— Зачѣмъ вы насъ покинули, дяденька! — вскричала я.— Еслибъ вы чаще насъ навѣщали, постигшихъ насъ несчастій не случилось бы!

Онъ тяжело вздохнулъ.—Я поступалъ такъ, какъ мнѣ казалось лучше, — возразилъ онъ кротко.—Надо молиться и во всемъ полагаться на Него...

По коридору раздались поспѣшные шаги, и онъ смолкъ. Вошелъ, или, лучше сказать, вбѣжалъ папенька.

— Ты давно пріѣхалъ?.. я только сейчасъ про это узналъ,— проговорилъ онъ, обнимая брата. И, не выпуская его рукъ изъ своихъ, прибавилъ съ горестью:—Какъ ты похудѣлъ? Боленъ вѣрно былъ? И не прислалъ за мною? Какъ тебѣ не стыдно! я бы этого не сдѣлалъ!..

— Я не былъ боленъ, и видѣться съ тобой не для чего было, ты все равно не послушалъ бы моихъ совѣтовъ... Я на нихъ не скупился, когда могъ надѣяться, что они къ чему нибудь поведутъ,—прибавилъ онъ печально.

— Ты всего не знаешь, Лева, дай мнѣ все тебѣ объяснить...

Дядя остановилъ его движеніемъ руки.

— О томъ, что сдѣлано, говорить не стоитъ, я пріѣхалъ для Сережи...

— Онъ найдется! —вскричалъ папенька,—не дальше, какъ вчера, я видѣлся съ полицмейстеромъ, онъ мнѣ сказалъ, что они ужъ напали на слѣдъ юноши, скрывающагося въ окрестностяхъ Москвы...

— Брось, братецъ, увлекаться вздоромъ,—ты самъ знаешь, что Сережи въ окрестностяхъ Москвы давно нѣтъ,—прервалъ его дядя.

Мнѣ стало неловко присутствовать дольше при разговорѣ, который начиналъ обостряться, и я поднялась съ мѣста, чтобы выйти изъ комнаты, но папенька, догадавшись о моемъ намѣреніи, схватилъ меня за руку.

— Останься,—произнесъ онъ такимъ умоляющимъ шопотомъ, что я немедленно подошла къ пяльцамъ, открыла работу и сѣла за нее. Дядя продолжалъ стоять неподвижно у окна, папенька же принялся расхаживать большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, ероша волосы, что̀ было признакомъ у него сильнаго душевнаго волненія. Довольно долго молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ, ничѣмъ не прерывалось, кромѣ шума отъ его шаговъ да шороха

нитки сквозь натянутую парчу, по которой я выводила узоръ для воздуховъ въ нашу церковь на хуторѣ.

— Почему ты думаешь, что Сережа успѣлъ далеко убѣжать?— спросилъ вдругъ папенька, останавливаясь передъ дядей.—Откуда у тебя о немъ свѣдѣнія?

— Оставимъ это, тамъ, гдѣ онъ теперь, ему лучше, чѣмъ здѣсь,— отрывисто возразилъ дядя.

Я ждала вспышки гнѣва и обиды со стороны папеньки, но вышло иначе. Внезапно успокоившись на счетъ сына, онъ сталъ жаловаться на то, что ошибся въ расчетѣ, женившись на вдовѣ Матаваева.

— Ты знаешь, какъ ее любилъ и какъ довѣрялъ ей покойный батюшка? Ну, она и мнѣ влѣзла въ душу, увѣрила меня, что безъ хозяйки въ домѣ мнѣ никогда не удастся выдать Лизу замужъ. И Варжаевъ ее поддерживалъ... О, я знаю, ты дурного мнѣнія о Варжаевѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился покровительства своихъ знатныхъ родственниковъ,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ движеніе досады дяди при имени Варжаева,—но, право же, ты ошибаешься, онъ совсѣмъ не дурной человѣкъ, и то, что онъ не захотѣлъ подольститься къ графу, скорѣе говоритъ въ его пользу... Графъ Захаръ Григорьевичъ сталъ такъ много себѣ позволять съ нѣкоторыхъ поръ, что можно усомниться въ его умственныхъ способностяхъ... да вотъ, если ужъ къ слову пришлось, не дальше какъ вчера я про него узналъ, что онъ намѣревается дать, какъ всегда, праздникъ на Ѳоминой недѣлѣ и во всеуслышаніе объявилъ, что на этомъ праздникѣ увидятъ въ первый разъ мою дочь, но одну, безъ моей жены. Какъ тебѣ это нравится? Теперь я понимаю; кто виновникъ заговора противъ Дарьи въ обществѣ, и почему всѣ наши дамы прислали мнѣ сказать, чтобъ я не привозилъ къ нимъ съ визитомъ мачиху моихъ дѣтей...

— А что Романъ? Скучаетъ онъ по братѣ?—прервалъ дядя его изліянія на полусловѣ.

— Ужасно! Не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Аббатъ жалуется, что онъ не хочетъ учиться, и что ничѣмъ его невозможно развлечь...

— Аббатъ? Неужели ты его до сихъ поръ не выгналъ? — съ негодованіемъ спросилъ дядя.

— Выгнать? А ты думаешь легко въ настоящее время найти иностранца къ дѣтямъ?—возразилъ, пожимая плечами, папенька.— Сейчасъ видно, что ты живешь далеко отъ свѣта и не знаешь, что въ немъ дѣлается! Ростопчинъ разогналъ всѣхъ французовъ изъ Москвы...

— Однако, какъ и прежде, на Кузнецкомъ мосту все французскія вывѣски...

— Это что въ сравненіи съ тѣмъ, что было раньше, всего только

мѣсяцъ тому назадъ! Что этотъ человѣкъ дѣлаетъ, уму непостижимо! Войны еще нѣтъ, и, Богъ дастъ, не будетъ, а онъ, вмѣсто того, чтобъ успокоивать публику, на то онъ и генералъ-губернаторъ, не знаетъ, что выдумать, чтобъ стѣснить торговлю и нагонять страхъ...

— Чтожъ ты у меня не спросишь, почему я прошелъ къ твоей дочери прежде, чѣмъ повидаться съ тобой?—снова прервалъ его дядя.

— Не знаю, но меня это огорчило и обидѣло. Неужели и ты тоже намѣренъ на меня дуться за то, что я женился?

— Я пріѣхалъ отчасти для Лизы, чтобъ узнать, не согласится ли она принять предложеніе бабушки Сусанны,—продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ, дядя.

Бабушка Сусанна была наша отдаленная родственница, игуменья монастыря въ Новгородской губерніи. Она издавна была въ ссорѣ съ дѣдомъ и прервала всякія сношенія съ его семьей, чтобъ не навлекать на нее гнѣва главы, но изрѣдка, когда наша мать была еще жива, отъ нея пріѣзжали монахини съ подарками въ видѣ сотоваго меда, просвиръ, образковъ и т. п., при письмѣ, на которое маменька, обласкавъ и одаривъ посланную, немедленно отвѣчала. Послѣдняя отъ нея посылка большой просвиры была намъ доставлена на другой день послѣ смерти маменьки, и такъ какъ насъ повезли къ дѣдушкѣ, то всѣ наши сношенія съ бабушкой Сусанной прекратились. Услышавъ ея имя, я смутилась, и сердце мое сжалось недобрымъ предчувствіемъ. Неужели мнѣ не дадутъ дождаться возвращенія Шарля въ Москву? На мое счастье, папенька испугался больше меня мысли со мною разстаться и съ живостью спросилъ: —Что бабушкѣ Сусаннѣ отъ меня нужно? Ужъ не думаетъ ли, что я отпущу Лизу къ ней въ монастырь?

— Да, она предлагаетъ пріютить ее на время,—отвѣчалъ дядя.

Папенька вспылилъ. — На какое время? Я не понимаю! Лизѣ пора выѣзжать въ свѣтъ, надо показать ее женихамъ, а ты лѣзешь съ монастырями! Дай ей раньше состариться. Бабушка Сусанна вдоволь натѣшилась въ міру прежде, чѣмъ черную рясу надѣть, съ кѣмъ только она не махалась,—прибавилъ онъ со смѣхомъ.

— Развѣ я тебѣ предлагаю на всю жизнь заключить Лизу въ монастырь?—сдержанно возразилъ дядя.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана своего камзола письмо и подалъ его брату.

— Прочти, что она пишетъ. Новгородъ отъ Петербурга недалеко, и тамъ тоже есть люди, хорошо освѣдомленные,—прибавилъ онъ.

Я сидѣла ни жива ни мертва въ ожиданіи приговора. Папенька долго читалъ письмо, потому, можетъ быть, что оно было неясно написано, а, можетъ быть, потому, что заинтересовался его содержаніемъ; лицо его, по мѣрѣ того какъ чтеніе близилось къ концу, становилось серіознѣе, и между бровями засѣла складочка, которая

не разгладилась даже и тогда, когда онъ кончилъ и, сложивъ исписанный листъ, подалъ его брату.

— Ну, что?—спросилъ этотъ послѣдній, обрадованный впечатлѣніемъ, произведеннымъ на его легкомысленнаго брата посланіемъ старухи.

— Ты правъ, но... позволь мнѣ переговорить съ Дарьей,—съ усиліемъ вымолвилъ папенька.—Я недолго, подожди меня минутъ десять.

— Ступай, но не забывай, что твои дѣти не ея дѣти, и что ты одного изъ нихъ уже лишился, благодаря ей,—сказалъ дядя.

Папенька, махнувъ рукой, вышелъ, а дядя послѣ небольшого молчанія, во время котораго я не поднимала глазъ съ работы, спросилъ у меня: имѣю ли я что нибудь противъ того, чтобъ ѣхать къ бабушкѣ Сусаннѣ?

— Ты тамъ будешь на положеніи гостьи. У тебя будетъ хорошенькая комната, окнами въ садъ. Никто не будетъ тебѣ мѣшать заниматься музыкой, читать, работать. Наступаетъ весна, лѣтомъ все выяснится, и, если, какъ думаютъ такіе люди, какъ вашъ отецъ, войны не будетъ, ты вернешься къ осени назадъ. А если будетъ война, что болѣе чѣмъ вѣроятно, мнѣ нечего тебѣ объяснять, какія тебя, молодую, невинную дѣвушку, ждутъ въ Москвѣ опасности, по истинѣ хуже смерти.

Я молчала, съ тоской помышляя о роковой необходимости оставлять его въ недоумѣніи относительно настоящей причины моей нерѣшительности. А онъ, между тѣмъ, понимая мое молчаніе посвоему, продолжалъ:

— Насчетъ Романа ты можешь быть покойна, я возьму его къ себѣ, и куда бы судьба ни забросила меня, съ нимъ не разстанусь. Что же касается до Сережи, то намъ нечего думать о томъ, чтобъ его найти въ то смутное время, которое начинаетъ переживать Россія. Гдѣ онъ именно, я не знаю, но мнѣ извѣстно, что онъ далеко,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Онъ вамъ писалъ?—спросила я.

— Да. И просилъ оставить отца въ невѣдѣніи на его счетъ полтора мѣсяца. Какъ видишь, я нашелъ нужнымъ исполнить его требованіе, сегодня ровно шесть недѣль, какъ онъ васъ покинулъ.

— Вы его видѣли? Онъ прямо къ вамъ поѣхалъ?—вскричала я.

Но на вопросы мои дядя не счелъ нужнымъ отвѣтить и вернулся къ прерванному объясненію моего положенія.—Если ты надѣешься, какъ того желаетъ твой отецъ и его жена, веселиться въ такъ называемомъ свѣтѣ и найти себѣ жениха...

— Не говорите такъ, дядя!—вскричала я съ такимъ негодованіемъ, что онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ. Я же была въ такомъ волненіи, что могла только прибавить сквозь слезы, что о балахъ и женихахъ не думаю.

— Въ такомъ случаѣ, что же тебя здѣсь удерживаетъ?

— Какъ папенька прикажетъ,—чуть слышно пролепетала я.

— Разумѣется. Противъ его воли я тебя отсюда не увезу. Но надо надѣяться, что она благоразумнѣе его и пойметъ, что для нихъ же лучше, если ты заранѣе будешь находиться въ безопасномъ убѣжищѣ... Война разыграется вдругъ. Бонапарту захочется застичь насъ врасплохъ... Что онъ пойдетъ на Москву, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Поражать врага—такъ ужъ въ сердце, — прибавилъ онъ вполголоса, и вдругъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Прежде чѣмъ пріѣхать къ вамъ, я на полчаса заѣхалъ къ графу Захару Григорьевичу и встрѣтилъ тамъ пріѣзжаго изъ Петербурга, вашего бывшаго гувернера, де-Сабри...

Что̀ онъ говорилъ дальше, я не слышала, кровь съ такою силою прилила къ моей головѣ, что въ ушахъ зазвенѣло, а въ глазахъ помутилось. Хорошо, что я сидѣла за работой и могла сколько угодно пригибаться къ пяльцамъ, не возбуждая подозрѣнія, что я близка къ обмороку! Только усиліемъ воли овладѣла я собой настолько, что ничѣмъ не выдала своей тайны. Я такъ далека была отъ мысли, что Шарль въ Москвѣ, что въ первую минуту мнѣ казалось, что я слышу это во снѣ, и даже когда вошелъ папенька и объявилъ, что жена его и слышать не хочетъ о моемъ отъѣздѣ въ монастырь, я спрашивала себя: когда же, наконецъ, разсѣется очарованіе, и я очнусь отъ блаженной грезы?

Но я не просыпалась, и съ каждой минутой приходилось убѣждаться, что Шарль отъ меня близко, и что я каждую минуту могу его увидѣть! А между тѣмъ давно ли получила я отъ него письмо съ извѣстіемъ, что онъ не знаетъ, когда ему можно будетъ сюда пріѣхать, и что это приводитъ его въ отчаяніе? Но вѣдь могла случиться перемѣна, его могли послать съ какимъ нибудь порученіемъ... Неужели дядя не скажетъ ничего про̀ него папенькѣ? Я стала прислушиваться къ ихъ разговору. Папенька излагалъ подробно причины, заставлявшія его противиться моему отъѣзду изъ Москвы: Дарья Алексѣевна обидѣлась при первыхъ его словахъ о предложеніи брата.

— И надо сознаться, что она права. Все же она моя жена, и усылать Лизу, чтобъ спасти ее отъ опасности, значитъ не довѣрять намъ. Точно мы не сумѣемъ ее сберечь такъ же хорошо, какъ бабушка Сусанна! Не говоря ужъ о томъ, что странно принимать предосторожности противъ опасности, которая, можетъ быть, никогда не наступитъ. Когда война будетъ объявлена, всегда успѣется принять мѣры...

— Ты видѣлся съ вашимъ бывшимъ учителемъ, де-Сабри?— прервалъ его, къ величайшему моему удовольствію, дядя.

— Съ Шарлемъ? Да развѣ онъ въ Москвѣ?—удивился папенька.

— Да, онъ здѣсь. Насколько я могъ понять (видѣлъ я его только минуту), онъ сюда посланъ съ порученіемъ изъ главной квартиры. Онъ адъютантъ при какомъ-то генералѣ, кажется, при Барклаѣ.

— Вотъ какъ! Я за него очень радъ! Я всегда говорилъ, что онъ умный и благородный молодой человѣкъ, вполнѣ достойный протекціи, которую ему оказываетъ графъ... Ты вѣрно его тамъ видѣлъ? Ну, что старикъ? Жаловался тебѣ, вѣрно, на меня? Мнѣ со всѣхъ сторонъ разсказываютъ, что онъ называетъ меня преступникомъ. Но онъ ошибается, потому что не знаетъ всѣхъ обстоятельствъ, заставившихъ меня поступить такъ, какъ я поступилъ... Когда ты его увидишь, объясни ему это, пожалуйста, скажи ему, что я прошу его меня выслушать, я ему все объясню...

— Я его больше не увижу, сегодня же ѣду въ монастырь. Разъ ты не хочешь отпустить со мною Лизу, мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего. Обозъ, отправленный изъ Радостнаго къ бабушкѣ Сусаннѣ, ужъ давно прибылъ, и меня тамъ ждутъ.

— Ты это что же? спасаешь свои сокровища отъ нашествія врага?— съ усмѣшкой спросилъ папенька.

— Мою библіотеку. Остального мнѣ не жаль, остальное дѣло наживное, а книги—дѣло другое, не говоря уже о томъ, что многіе изъ тѣхъ, которые мнѣ ихъ подарили, теперь уже скончались. Мнѣ невозможно себѣ представить жизнь безъ моихъ книгъ,—отвѣчалъ дядя.

— Шарль не говорилъ тебѣ, когда онъ къ намъ явится?—прервалъ его съ досадой папенька. Каждое напоминаніе о бѣдствіяхъ, приближенію которыхъ онъ не хотѣлъ вѣрить, производило на него непріятное впечатлѣніе.

— Нѣтъ. Про васъ не было рѣчи,—отвѣчалъ дядя.—Впрочемъ, я уже сказалъ тебѣ, что видѣлъ его всего одну минуту, онъ ѣхалъ съ депешами къ генералъ-губернатору, и насколько я могъ понять изъ его разговора съ графомъ, онъ пріѣхалъ въ Москву ненадолго.

— Все-таки онъ у насъ будетъ,—объявилъ папенька съ увѣренностью, за которую мнѣ захотѣлось его обнять и крѣпко, крѣпко расцѣловать.

Дядя съ нами разстался, обѣщавъ на обратномъ пути побыть у насъ дольше и повидать Рому, котораго онъ просилъ на этотъ разъ не тревожить, вѣроятно, потому, что ему не хотѣлось встрѣчаться съ аббатомъ. Послѣднія его слова были:—Надѣюсь, что человѣка этого у васъ въ домѣ уже не будетъ, когда я вернусь? Право же, мальчику лучше быть одному, подъ надзоромъ старика изъ крѣпостныхъ, чѣмъ съ такимъ негодяемъ!

Папенька обѣщалъ послѣдовать его совѣту. Ему теперь казалось, что и дѣйствительно, послѣ случившагося съ Сережей, неприлично держать въ домѣ аббата, и когда они вышли въ коридоръ,

я слышала, какъ онъ сказалъ, что посовѣтуется на этотъ счетъ съ Шарлемъ.

Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи я провела день! Каждую минуту, при каждомъ шорохѣ, мнѣ казалось, что я слышу шаги моего возлюбленнаго. Но, увы, приходилось разочаровываться въ ожиданіяхъ, наступилъ вечеръ, а затѣмъ ночь, а Шарль не являлся. Никогда еще не страдала я такъ сильно въ разлукѣ съ нимъ, какъ въ этотъ достопамятный день. Мысль, что онъ отъ меня близко, и что я не знаю, когда его увижу, приводила меня въ отчаяніе. Самыя ужасныя предположенія лѣзли въ голову: то казалось мнѣ, что ему запрещаютъ меня видѣть, и что графъ поставилъ ему условіемъ раззнакомиться съ нашимъ домомъ, если онъ не желаетъ лишиться его милостей, то приходило въ голову, что порученіе, данное ему въ Петербургѣ, такого рода, что онъ никого изъ прежнихъ знакомыхъ не можетъ навѣстить въ Москвѣ. Но не успѣвали предположенія эти зародиться въ моемъ воображеніи, какъ я отъ нихъ съ негодованіемъ отвертывалась. Слишкомъ была я увѣрена въ его любви, чтобъ допустить, что онъ согласился на подобныя условія. И папенька былъ такихъ же мыслей: стоило только вспомнить, съ какою увѣренностью онъ сказалъ, что Шарль непремѣнно насъ навѣститъ, чтобъ убѣдиться, что не я одна увѣрена въ его чувствахъ къ намъ.

XI.

Всю ночь провела я въ волненіи и заснула только подъ утро, однако проснулась въ обычный часъ, тотчасъ же вспомнила про Шарля и рѣшила непремѣнно какъ можно скорѣе сообщить о пріѣздѣ нашего друга Ромѣ. Онъ навѣрное пристанетъ къ папенькѣ, чтобъ узнать, когда увидимъ мы нашего любимца. Но до обѣда братъ занимался съ аббатомъ наверху, вызвать его не было возможности, и приходилось ждать до обѣда. Чтобъ убить время, я сѣла за работу. Часы пробили одиннадцать, и вошла Степанида съ такимъ радостно-возбужденнымъ лицомъ, что я съ замирающимъ сердцемъ ждала извѣстія о пріѣздѣ Шарля, но вышло не то: она объявила, что меня зовутъ въ гостиную къ какой-то дамѣ, съ которой папенька ужъ съ полчаса какъ разговариваетъ.

— Приказали вамъ въ бѣлое платье одѣться и въ шляпу. Поѣдете вѣрно съ нею куда нибудь,—прибавила она, вынимая платье изъ шкапа и принимаясь меня одѣвать.

Чтобъ представить себѣ мое недоумѣніе и удивленіе, надо вспомнить, какую уединенную жизнь я вела. У меня положительно не было ни одного знакомаго дома, въ которомъ я бы даже изрѣдка бывала. Кто та дама, передъ которой я должна была явиться въ

нарядѣ и въ шляпѣ?—я не могла себѣ представить и нѣсколько разъ заставила горничную повторить, что въ гостиной меня ждетъ не господинъ, а дама, и какъ она ни стояла на своемъ, я все-таки выбѣжала въ коридоръ въ полной увѣренности сейчасъ увидѣть Шарля. Однако, чѣмъ ближе подходила я къ гостиной, гдѣ папенька ждалъ меня съ незнакомкой, тѣмъ надежда моя блѣднѣла, а когда, подойдя къ двери, я услышала голосъ папеньки и посѣтительницы, то волей-неволей пришлось убѣдиться, что свиданія съ милымъ надо еще подождать. На диванѣ сидѣла дама среднихъ лѣтъ совершенно мнѣ незнакомая.

— А вотъ и моя Лиза?—вскричалъ папенька, прерывая бесѣду, чтобъ представить меня гостьѣ, которая обратилась ко мнѣ съ привѣтливой улыбкой.

— Графиня Наталья Алексѣевна такъ добра, что прислала за тобой свою пріятельницу, г-жу Кусовникову,—сказалъ папенька въ то время, какъ я дѣлала низкій реверансъ передъ незнакомкой.— И какъ я ни просилъ отсрочить твое посѣщеніе, хотя бы до завтра, чтобъ самому представить тебя графинѣ...

— Я не могла согласиться потому, что графиня ожидаетъ васъ сегодня,—прервала его незнакомка, притягивая меня къ себѣ и нѣжно цѣлуя.—И такъ, милѣйшій князь, съ вашего позволенія, я похищаю вашу красавицу на весь день,—прибавила она, подни-маясь съ мѣста и протягивая руку папенькѣ, которую онъ почтительно поднесъ къ губамъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ я уже сидѣла съ незнакомкой въ великолѣпной каретѣ, которая помчалась вихремъ по улицамъ къ тому огромному дому, гдѣ жила, во время своихъ пріѣздовъ въ Москву, единственная дочь извѣстнаго графа Червленнаго, умершаго года три тому назадъ.

Про него и про нее я много слышала отъ папеньки, отъ Люси, отъ Шарля, а также отъ тетеньки Катерины Ивановны, которая всегда являлась къ маменькѣ съ цѣлымъ ворохомъ новостей. Потомъ, когда мы уже жили у дѣдушки, при мнѣ говорили, что она лишилась отца, и я ее очень жалѣла, такъ какъ, нѣжно любя папеньку, способна была понимать ея горе. Позже, послѣ смерти дѣдушки, папенька часто говорилъ, что первый его визитъ со мной будетъ къ графинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, которая при каждой встрѣчѣ съ нимъ всегда про меня спрашиваетъ. Я часто старалась себѣ представить эту популярную въ Москвѣ личность, но какъ всегда, когда много слышишь разнорѣчивыхъ отзывовъ о человѣкѣ, я никакъ не могла себѣ представить ни наружности ея, ни ума, ни характера. Когда про нее заходила рѣчь, при первыхъ же словахъ разговоръ сворачивалъ на несмѣтное состояніе, оставленное ей отцомъ, и личность ея постоянно затмевалась описаніями ея богатства. Единственный человѣкъ, говорившій мнѣ про графиню

Анну Алексѣевну, не касаясь ея состоянія, былъ Шарль. Онъ часто видѣлъ ее у своего благодѣтеля и бывалъ у Червленныхъ въ ихъ великолѣпномъ имѣніи подъ Москвой, гдѣ задавались при жизни покойнаго графа пиры, про которые толковалъ весь городъ. Но, къ стыду моему, я должна сознаться, что не вслушивалась въ его разсказы про графиню, и въ то время, когда меня къ ней везли, больше досадовала, чѣмъ радовалась новому знакомству, ничего не ожидая отъ него, кромѣ скуки и стѣсненія. Спутница моя, не умолкая, объясняла мнѣ, какое для меня счастье, что такая особа, какъ графини, беретъ меня подъ свое покровительство, намекая на безчисленныя выгоды, которыя мнѣ это можетъ доставить, а я думала только о томъ, какое будетъ горе, если Шарль выберетъ именно сегодняшній день, чтобъ побывать у насъ. Чего добраго, ему надо будетъ завтра же уѣхать обратно, и мы не увидимся! При этой мысли, сердце мое сжималось такою тоской, что я съ трудомъ сдерживала слезы.

Наконецъ, мы подъѣхали къ настежь отворенным воротамъ большого двора, съ фонтаномъ среди палисадника, и, обогнувъ его, карета остановилась передъ высокимъ круглымъ подъѣздомъ, со ступенекъ котораго сбѣжали двое гайдуковъ въ ливреяхъ, чтобъ растворить дверцу кареты и высадить насъ.

— Гдѣ графиня?—спросила моя спутница, поднима[illegible] ницѣ, устланной красивымъ ковромъ.

— Графиня въ теплицѣ и проситъ васъ съ княж[illegible] отвѣчалъ гайдукъ.

Г-жа Кусовникова предложила мнѣ слѣдовать за нею по длинной анфиладѣ комнатъ, уставленныхъ великолѣпною мебелью и съ чудными картинами по стѣнамъ. Тутъ было шумно и оживленно; на каждомъ шагу попадались какія-то странныя существа, въ смѣшныхъ нарядахъ, между которыми были и карлики, и уроды, съ любопытствомъ меня разглядывавшіе, обмѣниваясь безцеремонными замѣчаніями на мой счетъ. По пренебреженію къ нимъ моей спутницы я поняла, что уроды эти составляютъ штатъ графини, принадлежность ея дома. У насъ не было ни приживалокъ, ни приживальщиковъ, ни уродовъ, ни дурочекъ, ни юродивыхъ, ни шутовъ, но въ этомъ отношеніи домъ дѣдушки составлялъ исключеніе, которымъ Люси немало чванилась. Она часто говорила намъ, что пребываніе дѣда за границей преобразило его въ настоящаго европейца, и что его сравнивать нельзя съ прочими московскими вельможами. Въ этотъ день мнѣ пришлось воочію убѣдиться въ справедливости ея словъ. Такихъ богатствъ, какъ здѣсь, у насъ не было, но убранство нашего дома отличалось несравненно бо̀льшимъ вкусомъ и всюду царствовалъ порядокъ, о которомъ здѣсь не было и помину; по угламъ чудныхъ залъ съ хорами и съ разрисованными потолками валялись кучи лохмотьевъ, въ которые кутались

полуголыя уродливыя существа, встрѣчавшія и провожавшія насъ такими страшными гримасами и возгласами, что я невольно старалась не отступать ни на шагъ отъ моей спутницы. Но эта послѣдняя такъ привыкла къ этому безобразію, что шла совершенно спокойно, не обращая вниманія ни на кривлянія, ни на возгласы безобразной толпы, обступавшей насъ со всѣхъ сторонъ. Только по временамъ, когда которая нибудь изъ дурочекъ подступала къ намъ такъ близко, что прикосновеніе ея грязныхъ рукъ и отреньевъ грозило свѣжести нашихъ туалетовъ, приказывала она лакею, шедшему за нами, отогнать докучливаго урода. Раздавались шлепки, визгъ и ругань, и насъ на нѣсколько минутъ оставляли въ покоѣ, пока въ слѣдующей комнатѣ другіе «божіи люди» снова не выводили изъ терпѣнія мою спутницу.

Наконецъ, мы приблизились къ высокому покою, съ золоченой мебелью, мраморной группой посреди и съ задней стѣной сплошь въ стеклахъ, сквозь которыя виднѣлся дивный зимній садъ. Не успѣли мы переступить порогъ этого покоя, какъ по этому саду къ намъ быстро стала приближаться небольшого роста дѣвушка въ простенькомъ лиловомъ платьѣ, по тогдашней модѣ такомъ узкомъ, что юбка обрисовывала всѣ формы, и съ поясомъ подъ самыми мышками. Она показалась мнѣ такой молоденькой, что когда г-жа Кусовникова шепнула мнѣ, что это сама графиня бѣжитъ къ намъ на встрѣчу, я подумала, что она шутитъ. Но она не шутила: это милое, простое, привѣтливое существо, съ моложавымъ лицомъ и смѣющимися глазами, отвѣчавшее на мой низкій реверансъ громкимъ раскатистымъ смѣхомъ, была знаменитая графиня Червленная.

Графиня подбѣжала ко мнѣ и, схвативъ меня за обѣ руки, стала всматриваться въ мое лицо съ любопытствомъ, которое показалось бы мнѣ непріятнымъ, еслибъ сквозь него не просвѣчивало такое искреннее добродушіе, что я съ первой минуты почувствовала, что люблю ее, какъ стараго и преданнаго друга.

— Да, хороша! Даже лучше, чѣмъ я воображала,—проговорила она, не спуская съ меня пристальнаго, улыбающагося взгляда. Ей видимо доставляло удовольствіе мною любоваться. Тутъ мнѣ пришлось убѣдиться въ свойствѣ ея характера, съ которымъ были знакомы всѣ, кто зналъ эту странную и до высочайшей степени симпатичную и интересную личность, а именно въ полнѣйшемъ отсутствіи въ ней зависти. Будучи сама скорѣе некрасивая, она находила особенное удовольствіе любоваться красотой другихъ женщинъ; какъ знатокъ всего прекраснаго, она наслаждалась красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ и, какъ сама мнѣ впослѣдствіи часто говорила, чувствовала благодарность къ тѣмъ, кто доставлялъ ей это наслажденіе.

Меня она полюбила съ перваго взгляда и на всю жизнь. Наглядѣвшись на меня, она нѣжно меня поцѣловала и, обнявъ за талью,

увела въ зимній садъ, гдѣ долго разспрашивала меня про мою жизнь, занятія, вкусы.

Впрочемъ, все это она ужъ знала, а также и многое другое. Ей скоро надоѣло играть роль экзаменатора, и она прямо спросила, знаю ли я, что Шарль въ Москвѣ.

— Да ты не краснѣй, вѣдь мнѣ все извѣстно. Онъ мой пріятель и во всемъ мнѣ сознался. Черезъ него я прежде, чѣмъ тебя видѣть, знала, какіе у тебя красивые глаза, и вообще какая ты умница и красавица, но только я не вполнѣ ему вѣрила, не даромъ амура всегда изображаютъ съ повязкой на глазахъ. И вотъ, мнѣ захотѣлось самой убѣдиться, насколько онъ говорилъ мнѣ правду. Давно ужъ хотѣла съ тобою познакомиться... Помнишь князя Юрія Васильевича? Онъ тоже говорилъ мнѣ про тебя. Ты на него сильное произвела впечатлѣніе твоимъ голосомъ... Да ты не пугайся, мнѣ вовсе не хочется, чтобъ онъ на тебѣ женился, я стою за твоего Шарля...

Я кинулась ее обнимать и спрятала мое раскраснѣвшееся лицо въ ея груди.

— А ты вѣрно меня боялась, воображала, что я чванная дѣвка, которая только и признаетъ, что знатность да богатство? Ахъ, ты глупая! глупая! Мнѣ такъ полюбился твой романъ съ де-Сабри, что еслибъ отъ меня зависѣло, я бы васъ сегодня же въ моей церкви обвѣнчала... А обвѣнчать развѣ? Попикъ у меня покладистый, сдѣлаетъ все, что я прикажу,—продолжала она, лукаво на меня посматривая.

— Безъ папенькинаго благословенія я ни за что не выйду замужъ, графиня,—возразила я въ смущеніи.

Она расхохоталась.

— А ты мнѣ и повѣрила? Ахъ, ты, дурочка этакая! повѣрила, что графиня Червленная выпроситъ тебя у отца, чтобъ обманомъ тебя обвѣнчать...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Вы слишкомъ добры! Слишкомъ благородны! Я ни минуты не приняла ваши слова всеріозъ, но надо же мнѣ было что нибудь отвѣтить...

— Видишь, дѣвочка, твое дѣло мудреное, я это не дальше, какъ вчера, сказала самому Шарлю... Ну, что выпучила на меня глазенки? Онъ вчера былъ здѣсь, мы съ нимъ разговаривали на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ ты теперь сидишь... И сегодня ты его увидишь, вотъ здѣсь наединѣ. Надо же вамъ перетолковать передъ разлукой. Времена наступаютъ тяжелыя. Проклятый Бонапартъ собирается насъ завоевать... Ты вѣрно про это слышала? Да? Какъ не слышать, на всѣхъ папертяхъ про это толкуютъ. Послушала бы ты, что мой народъ толкуетъ, только и рѣчи что про Бонапартія, надоѣли даже, ужъ я обѣщала пряниками одаривать тѣхъ, кто другой предметъ для разговора придумаетъ, и никому еще не пришлось ни одной коврижки подарить, такъ и лежатъ въ коробьяхъ нетронутыя...

И вдругъ, мѣняя тонъ, она спросила съ глубокою жалостью во взглядѣ:

— А братецъ-то твой? Такъ и не нашелся? Повѣрь, вѣдь я плакала, когда узнала, что къ цыганамъ изъ родного дома, отъ злой бабы ушелъ! Я это понимаю, еслибъ покойный батюшка вздумалъ во второй разъ жениться, я тоже убѣжала бы изъ дому съ первыми попавшимися бродягами, которые не побоялись бы взять съ собою дочку графа Червленнаго. Воображаю, какъ ты о немъ горюешь! Кабы Господь послалъ мнѣ братца, какъ бы я его любила!— прибавила она со вздохомъ.

Пользуюсь случаемъ познакомить читателя съ этой въ высшей степени интересной, симпатичной и оригинальной личностью, про которую столько говорили и писали вздору, и которую мало кто такъ хорошо зналъ, какъ мнѣ довелось ее узнать! Такого чистосердечія и неиспорченности мнѣ во всю мою долгую жизнь не удавалось встрѣчать ни въ одной изъ женщинъ, съ которыми сталкивала меня судьба. Лгать она не умѣла и приходила въ отчаяніе, когда убѣждалась, что другіе лгутъ, но при этомъ она тотчасъ же спѣшила найти имъ извиненія, и чѣмъ хуже оказывался въ ея глазахъ человѣкъ, тѣмъ больше она его жалѣла и болѣла о немъ душою. Дѣлать добро была для нея такая же потребность, какъ дышать, и числа облагодѣтельствованныхъ ею людей никто никогда не узнаетъ потому, что даже и представить себѣ невозможно, какія предосторожности она принимала, чтобъ лѣвая ея рука не знала, что творитъ правая. Скончалась она въ зрѣлыхъ лѣтахъ и всю жизнь, до послѣдняго издыханія, сохраняла чисто дѣтскую вѣру и ясность души, никакими житейскими мерзостями не омраченную. Надо прибавить къ этому поистинѣ рѣдкую способность находить предметы для развлеченія и смѣха въ такихъ пустякахъ, на которыхъ самыя молоденькія дѣвчонки считаютъ ниже своего достоинства останавливать свое вниманіе. Въ полномъ смыслѣ этого слова жизнерадостное существо, съ умомъ и сердцемъ, не омраченнымъ ни малѣйшимъ сомнѣніемъ въ благости Творца и въ красотѣ созданнаго Имъ міра.

Впослѣдствіи я поняла, почему она такая странная и такъ мало похожа на дѣвушекъ ея лѣтъ и положенія, а когда вся Россія дивилась и каждый вкривь и вкось судилъ о мистическомъ направленіи, овладѣвшемъ ею, я одна, можетъ быть, находила это весьма естественнымъ. Ея душа была мнѣ открыта, и я видѣла въ ней то, чего никто, и даже сама она, не прозрѣвала. Она мнѣ въ этомъ много разъ сознавалась. «Я яснѣе вижу въ самой себѣ, потолковавъ съ тобой, Лизавета», говаривала она въ минуты откровенности. Ни съ кѣмъ не вспоминала она такъ охотно про свое дѣтство и воспитаніе, какъ со мной, и подробности, которыя я отъ нея слышала, убѣждали меня въ томъ, что зло ей совсѣмъ неизвѣстно. Она такъ

и умерла, не узнавъ того, что въ настоящее время каждому школьнику извѣстно про ея семью и про то, что составляетъ принадлежность исторіи. Изъ блестящаго романа дяди ея, память котораго, какъ благодѣтеля, свято чтилась въ ея семьѣ, ее занималъ больше всего трогательный эпизодъ его женитьбы на нѣжно любимой дѣвушкѣ, подробности ея умилительной кончины и смерть его въ сумасшествіи отъ отчаянія. Про отца своего, котораго она обожала, и который платилъ ей страстною, хотя и деспотическою до безобразія, любовью, она знала, что онъ герой и за заслуги отечеству былъ осчастливенъ дружбой и довѣріемъ покойной императрицы, ласкавшей ее, какъ родного ребенка, за отца, и что съ наслѣдникомъ великой Екатерины графъ былъ не въ ладахъ, но что не онъ одинъ изъ вельможъ, окружавшихъ тронъ, былъ въ такомъ положеніи. По воцареніи Павла I, они уѣхали за границу, и тамъ въ чужой землѣ, графинѣ, тогда еще въ дѣтскомъ возрастѣ, каждый день приходилось убѣждаться, что отецъ ея необыкновенный человѣкъ. Ему воздавали почести, какъ коронованному лицу, знаменитѣйшіе европейскіе полководцы, ученые, высокопоставленные вельможи, близкіе къ герцогамъ и королямъ, и самые владѣтели тѣхъ странъ, гдѣ они жили, спѣшили наперерывъ оказывать имъ вниманіе. Разумѣется, она все это приписывала нравственнымъ достоинствамъ обожаемаго ею отца и гордилась быть его дочерью. Подчиняться его строптивому нраву, повиноваться его капризамъ, предугадывать его причуды, однимъ словомъ жить исключительно для него, другой цѣли у нея не было.

— А когда онъ умеръ, я молюсь за него и стараюсь замолить передъ Богомъ его грѣхи, дѣлая добро несчастнымъ. И слава Богу, состояніе мое дозволяетъ мнѣ имѣть много молитвенниковъ за его душу! Всѣ мнѣ толкуютъ о замужествѣ, но подумай сама, легко ли мнѣ связать мою судьбу съ чужимъ человѣкомъ, когда у меня на умѣ одинъ только покойный батюшка? Мужъ начнетъ меня, чего добраго, ревновать къ покойнику... Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ о замужествѣ даже страшно и думать, такъ боюсь я этимъ провиниться передъ батюшкой. При жизни онъ и слышать не хотѣлъ о женихахъ. А ужъ ему, голубчику, извѣстно было, что̀ надо его Натальѣ, прибавляла она съ улыбкой.

И вдругъ случилось такъ, что передъ этой чистой, ясной, какъ стеклышко, душой, поднялся уголокъ темной завѣсы, скрывавшей одну изъ тайнъ, омрачившихъ жизнь ея дорогого покойника! Что она выстрадала отъ этого открытія, нѣтъ словъ выразить на человѣческомъ языкѣ. Не задумываясь, принялась она за подвигъ искупленія. Иначе и быть не могло. По ея понятіямъ, все исходило отъ Бога: Онъ допустилъ, чтобъ она узнала, значитъ, Онъ желаетъ, чтобъ она искупила, для нея это было ясно, какъ день. А такъ какъ безъ причины Онъ этого бы не пожелалъ, значитъ, ей

оставалось только радоваться, что, по окончаніи ея службы своему отцу вѣрой и правдой при его жизни, Господь избралъ ее, чтобъ замолить его преступленіе послѣ его смерти. Преступленіе тяжкое, одной жизни мало, чтобъ его выкупить, нужно, чтобъ другая душа пожертвовала земною жизнью для этой цѣли, и она съ восторгомъ взялась за эту жертву. Принялась она за дѣло искупленія родительскаго грѣха такъ просто, твердо и непреклонно, точно иной цѣли въ жизни никогда не знала, точно, кромѣ этой мучительной заботы, ничего не существовало для нея на свѣтѣ.

Да, тяжелое бремя взяла она на себя во цвѣтѣ лѣтъ, когда личная жизнь такъ обаятельна, что самая мысль отрѣшиться отъ нея кажется ужасною и непонятною большинству, но о страданіяхъ ея могли догадываться, да и то далеко не вполнѣ, только тѣ, которымъ душа ея была такъ открыта, какъ мнѣ, прочіе же, весь свѣтъ, всегда видѣлъ ее спокойной, веселой, къ чужимъ страданіямъ отзывчивой, какъ тогда, когда, не подозрѣвая о преступленіи, она и думать не могла объ искупленіи...

Но я забѣжала впередъ; въ тотъ день, который я начала описывать, я ничего не знала про графиню Наталью Алексѣевну; кромѣ того, что она очаровательно ко мнѣ добра и совершенно завоевала мою душу искренностью и участіемъ, съ которымъ прямо приступила къ вопросамъ, составлявшимъ завѣтную тайну моего сердца.

И то, что въ другихъ устахъ оскорбило бы мою дѣвическую стыдливость и смутило бы меня, не вызвало даже краски на моемъ лицѣ, такъ искренно и съ такою безыскусственною сердечностью относилась она къ чужимъ чувствамъ и затрудненіямъ. У нея была замѣчательная манера говоритъ по-русски, чисто народнымъ говоромъ, съ сильными и грубоватыми выраженіями, удивительно мягко дѣйствующими на больную душу. Разносторонне образованная, она и говорила и писала съ ранняго дѣтства на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ, но любила выше всего родную рѣчь и только по крайней необходимости измѣняла ей. Ужъ одно это составляло въ ней особенность; въ то время люди высшаго общества считали стыдомъ выражаться иначе, какъ по-французски, а по-русски знали только необходимыя слова для объясненій съ прислугой. Она впослѣдствіи мнѣ созналась, что полюбила меня съ перваго раза особенно за то, что со мной можно говорить по-русски, и что я не заражена свѣтскимъ кривляніемъ, манерностью и притворствомъ въ каждомъ словѣ и движеніи, которымъ въ то время учили свѣтскихъ дѣвушекъ съ колыбели. Въ то время говорить то, что думаешь и чувствуешь, безъ прикрасъ, считалось недостаткомъ воспитанія, но это прощалось графинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, благодаря ея исключительному положенію въ обществѣ, какъ богатѣйшей въ Россіи наслѣдницы и любимицы обѣихъ императрицъ.

Мнѣ было съ нею такъ хорошо, что, когда пришли доложить о пріѣздѣ генералъ-губернаторши, мое лицо, вѣроятно, выдало мою досаду, потому что она поспѣшила потрепать меня ласково по щекѣ и объявила, что ей и самой непріятно прерывать бесѣду со мной, но поступить иначе она не можетъ.

— Супруга генералъ-губернатора—у насъ первая дама въ городѣ. А ужъ и чванная же!—прибавила она со смѣхомъ.—Придворная птица, такихъ ты еще не видала...

— Позвольте мнѣ куда нибудь уйти, пока дама эта у васъ будетъ сидѣть.

— Ну, нѣтъ, этого я тебѣ не позволю, ни за что! Надо, чтобъ она видѣла тебя у меня. Но ты не удивляйся, если я представлю ей тебя не тотчасъ послѣ ея появленія; услышавъ твое имя, она, пожалуй, перезабудетъ всѣ сплетни, съ которыми сюда ѣхала... Тобой, дружочекъ, въ настоящее время много занимаются въ городѣ, почти столько же, сколько Бонапартомъ,—прибавила она со смѣхомъ, поднимаясь на встрѣчу посѣтительницѣ, которая величественной походкой шла по залѣ къ зимнему саду. Я отошла въ сторону и смотрѣла на проходившую передо мною сцену, наполовину спрятавшись за густое лимонное дерево. Графиня Анна Степановна Ростанеева поразила меня своимъ безобразіемъ и безвкусіемъ туалета, а между тѣмъ на ней были все дорогія вещи, платье изъ тяжелаго гроденапля, дорогая турецкая шаль, сверхъ которой, Богъ знаетъ для чего, была напялена короткая эпанча, покрытая венеціанскими кружевами. На огромной шляпѣ съ надвинутыми на лобъ полями, красовался цѣлый ворохъ безпорядочно наколотыхъ цвѣтовъ, перьевъ и лентъ, спускавшихся на всѣ стороны безъ смысла и вкуса. По всему было видно, что ей рѣдко приходилось наряжаться и выѣзжать, за модой она не слѣдила и надѣвала на себя все, что подавала ей ея компаньонка, попадейка, завѣдывавшая ея гардеробомъ. Съ Червленными Анна Степановна по матери была въ родствѣ, и графиня Наталья Алексѣевна величала ее тетушкой.

Онѣ вошли въ садъ разговаривая, и, отыскавъ меня взглядомъ, моя графинюшка, успокоивъ меня улыбкой, посадила свою гостью задомъ къ тому дереву, за которымъ я пряталась.

Впрочемъ, эта послѣдняя не замѣтила бы меня даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ помѣстилась прямо противъ меня: шляпа спускалась такъ низко ей на лицо, что одинъ только ея длинный носъ торчалъ между кудрями, промежъ лентъ и перьевъ. Говорила она грубымъ басомъ и по-французски. По-русски, какъ я потомъ узнала, она совсѣмъ не умѣла выражаться и даже затруднялась отдавать приказанія на этомъ языкѣ прислугѣ. Какъ объяснялась она съ компаньонкой поповной—неизвѣстно, по всей вѣроятности, эта послѣдняя выучилась понимать ломанную рѣчь своей госпожи.

Громко жаловалась она на то, что мужъ заставляетъ ее дѣлать визиты московскимъ дамамъ, которыя чванны, глупы и невоспитаны.

— Разумѣется, есть исключенія, Апраксины, напримѣръ, Долгорукіе, Голицыны, но остальныя!.. Нѣтъ, ты представить себѣ не можешь, Наталья, что это за карикатуры!

— Я ихъ всѣхъ знаю, тетушка,—возразила графиня.—Но, воля ваша, а я нахожу, что дядя правъ, заставляя васъ знакомиться съ здѣшнимъ обществомъ. Какъ представитель царя...

Гостья замахала руками въ безобразныхъ широчайшихъ перчаткахъ, расшитыхъ разноцвѣтными шелками по всѣмъ швамъ.

— Не будемъ про это говорить, душа моя! Это наша погибель, этотъ постъ! Я всегда это повторяла и графу, и всѣмъ... Надо быть слѣпымъ, какъ онъ, отъ великаго ума, чтобъ не понимать, что мы обязаны этимъ положеніемъ злѣйшимъ нашимъ врагамъ... Генералъ-губернаторъ города, которому въ самомъ непродолжительномъ времени грозитъ непріятельское нашествіе...

— Ужъ будто бы это неизбѣжно?—спросила съ недовѣрчивой улыбкой графиня.—Однако, не дальше какъ вчера, дяденька Өедоръ Васильевичъ меня увѣрялъ...

— Душа моя, мой супругъ величайшій лжецъ въ мірѣ! Я тебѣ это повторяла тысячу разъ. Ужъ я-то это знаю,—прибавила она, поправляя эпанчу, спускавшуюся то съ одного ея плеча, то съ другого.—Война неизбѣжна. Въ прошломъ году, когда была комета, и всѣ предсказывали бѣду, я говорила, что все это глупости, и что только черный народъ можетъ приписывать небеснымъ явленіямъ вліяніе на наши дѣла, это предразсудокъ—ничего больше, но теперь обстоятельства такъ сложились, что война будетъ. И графъ Өедоръ Васильевичъ это знаетъ какъ нельзя лучше; онъ находится у самаго источника свѣдѣній, и я говорю, что съ его стороны просто грѣшно не предупредить о положеніи дѣла хотя бы близкихъ. Каждый день я съ нимъ изъ-за этого ссорюсь, вотъ и сегодня... Я къ тебѣ съ тѣмъ и пріѣхала, чтобъ посовѣтовать отправить подальше то, что у тебя всего драгоцѣннѣе. Можно быть патріоткой и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумной, одно другому не мѣшаетъ.

— Благодарю васъ, тетенька.

— Отъ тебя поѣду къ Апраксинымъ и скажу имъ то же самое, а ужъ они пусть передадутъ графу Захару Григорьевичу... Впрочемъ, этому все извѣстно такъ же хорошо, какъ и намъ. Французъ-то, котораго Алексѣй Борисовичъ взялъ къ себѣ въ адъютанты...

— Де-Сабри?

— Де-Сабри, да. Онъ протеже графа Захара Григорьевича и у него остановился. Съ важными новостями сюда пріѣхалъ. Вчера его Өедоръ Васильевичъ весь день продержалъ у себя. Обѣдалъ съ нами. Тамъ ему большое довѣріе оказываютъ, а Өедоръ Василье-

вичъ не желаетъ, чтобъ онъ здѣсь долго оставался, болтовни со знакомыми опасается... У князя Бориса въ гувернерахъ служилъ...

— Да, я его знаю,—замѣтила моя графинюшка, подмигивая мнѣ.

— Какъ тебѣ его не знать, онъ у Захара Григорьевича за сынка былъ! Ужъ такъ графъ съ этимъ французишкой носился, такъ носился!.. Всегда говорила, что онъ его выведетъ въ люди, и вышло по-моему.

— Шарль хорошій молодой человѣкъ, мы его коротко знаемъ. Нашъ царь въ немъ такого же вѣрнаго слугу найдетъ, какъ въ Ланжеронѣ, въ Ришелье и въ другихъ эмигрантахъ,—поспѣшила замѣтить графинюшка.

— Можетъ быть, можетъ быть, онъ и Ѳедору Васильевичу очень понравился. Вмѣстѣ Бонапарта и теперешнихъ французовъ ругали...

И вдругъ, мѣняя тонъ, она съ оживленіемъ спросила:

— А ты не слыхала ли чего про нашего сумасброда князя Бориса? Какъ онъ со своей проходимкой? Долгорукіе объявили, что ни за что ее не примутъ, и Ѳедоръ Васильевичъ мой въ большомъ затрудненіи, онъ началъ службу въ одномъ полку съ нимъ, всегда были друзьями... Но развѣ можно было предвидѣть, что онъ выкинетъ такую непристойность...

Ей не дали договорить.

— Вотъ его дочка, Лиза, позвольте вамъ представить, — сказала графиня, подзывая меня знакомъ, и, взявъ меня за руку, поставила передъ гостьей, которая, чтобъ лучше меня разглядѣть, порывистымъ движеніемъ откинула назадъ шляпу и, открывъ такимъ образомъ свой безобразный лобъ, поднесла лорнетъ къ подслѣповатымъ глазамъ.

— Дочь князя Бориса! И какъ на него похожа! Совсѣмъ взрослая особа!

— Намъ ужъ минуло шестнадцать лѣтъ,—сказала графиня, не выпуская мою руку изъ своихъ и съ ласковой улыбкой на меня посматривая.

— Невѣста!—вскричала гостья, продолжая меня съ любопытствомъ разглядывать. И хотѣла еще что-то такое сказать, даже открыла ротъ для этого, но спохватилась, смолкла и неловко поднялась съ мѣста.

— Куда вы такъ торопитесь, тетенька? — спросила графиня, тоже вставая,—посидѣли бы еще.

— Что ты, душенька! Да мнѣ давно пора, визитовъ пропасть, я такъ у тебя лишнее просидѣла... До свиданія, княжна, передайте мой поклонъ вашему батюшкѣ, скажите ему, что я отъ всей души ему желаю скорѣе найти сынка... Князь разъ пять былъ по этому дѣлу у Ѳедора Васильевича,— обратилась она къ хозяйкѣ,— и мужъ въ отчаяніи, что до сихъ поръ не могъ ему помочь...

Послѣднія слова она произнесла, направляясь къ выходу въ сопровожденіи хозяйки.

Я за ними не послѣдовала.

Минутъ черезъ десять графиня Наталья Алексѣевна вернулась одна.

— Поѣхала разсказывать по всему городу, что она тебя у меня видѣла,—сказала она со смѣхомъ, усаживаясь на прежнее мѣсто и указывая мнѣ на кресло, рядомъ съ собой.— А слышала, что она говоритъ про войну? Ей вѣрить можно, она хорошо освѣдомлена. Да, теперь не время думать о пирахъ и балахъ, да о томъ, кого можно и кого нельзя пускать въ общество... Мнѣ иногда кажется, что насъ ожидаютъ такіе ужасы, передъ которыми померкнетъ все, что можетъ представить самая пылкая фантазія, и что проявятся такія чудеса, передъ которыми самые завзятые атеисты преклонятся и познаютъ русскаго Бога...

Я слушала съ большимъ вниманіемъ и о многомъ хотѣла ее разспросить, но бесѣдовать намъ не дали, гдѣ-то по близости часы звонко пробили два, и не успѣлъ звонъ замолкнуть въ воздухѣ, какъ явился метрдотель съ докладомъ, что кушанье на столѣ.

— Идемъ скорѣе обѣдать,— сказала графиня, прерывая свою рѣчь на полусловѣ,— надо тебя накормить до свиданія съ милымъ человѣчкомъ, который, безъ сомнѣнія, не пьетъ, не ѣстъ и не спитъ въ ожиданіи свиданія съ тобой. Я назначила ему пріѣхать, когда ударятъ къ вечернѣ, осталось значитъ ждать всего только два часа. Это не много. Обѣдъ у насъ длится долго,— говорила она, поспѣшно проходя со мной по заламъ, боскетнымъ и гостинымъ, въ противоположную сторону дома, гдѣ была столовая.

Однако, какъ она ни торопилась, но, проходя черезъ длинную галлерею, увѣшанную портретами въ золотыхъ рамахъ, и, замѣтивъ полные любопытства взгляды, которые я бросала по сторонамъ, она остановилась передъ изображеніемъ красиваго молодого человѣка въ шлемѣ и латахъ, съ чудными огненными глазами и съ восторженнымъ взглядомъ, и спросила меня:

— Узнаешь ты князя Алексѣя Яръ-Червленнаго?

Не спуская глазъ съ портрета, я утвердительно кивнула. Въ дѣдушкиной коллекціи гравюръ былъ этотъ портретъ, но въ уменьшенномъ видѣ, слабая тѣнь замѣчательнаго произведенія, которое въ эту минуту было у меня передъ глазами.

— Конечно, ты его знаешь. Когда привезли гравюры съ него изъ Мюнхена, батюшка тотчасъ же послалъ вашему дѣду экземпляръ.

— Я его такимъ ужъ не помню,— продолжала она, впиваясь любовнымъ взглядомъ въ портретъ, глядѣвшій на насъ изъ полотна умными, насмѣшливыми глазами,— но, говорятъ, поразительно былъ похожъ. Не правда ли, понятно, что ни одна женщина не могла передъ нимъ устоять? Вотъ еслибъ я теперь встрѣтила такого кра-

савца и такого умницу, ну, тогда и я, можетъ быть, сошла бы по немъ съ ума,— прибавила она задумчиво.— Однако, соловья баснями не кормятъ, а у меня тамъ соловьевъ цѣлая арава ждетъ, идемъ скорѣе кушать, въ другой разъ мы съ тобой подольше въ этой комнатѣ останемся и о портретахъ побесѣдуемъ.

Очень было досадно уходить, но спутница моя была права; не доходя комнаты три до столовой, услышали мы громкій говоръ, прерываемый визгливыми возгласами ея «народа», какъ она называла толпу ютившихся въ ея домѣ людей, всевозможнаго званія и состоянія, начиная отъ бѣдныхъ сосѣдей по имѣнію, находившихъ пристанище въ ея домѣ, когда судьба закидывала ихъ по дѣламъ въ Москву, и кончая подобранными въ самомъ городѣ личностями, нуждающимися въ кровѣ и пищи. Длинный столъ былъ накрытъ приборовъ на тридцать, по крайней мѣрѣ, и все для однихъ только благородныхъ гостей, т. е. дворянскаго происхожденія, съ которыми, въ какихъ бы они ни были лохмотьяхъ, по традиціи семейной, графинѣ подобало кушать за однимъ столомъ; прочимъ же прихлебателямъ подавали обѣдъ и ужинъ въ одномъ изъ флигелей, гдѣ также питалась многочисленная компанія уродовъ и божьихъ людей, присутствіе которыхъ въ парадныхъ комнатахъ такъ непріятно поразило меня въ первую минуту, до знакомства съ хозяйкой. Теперь же никакія странности не удивляли меня ни въ ней, ни въ ея обстановкѣ, все это ей было къ лицу, дополняло ее и казалось прекрасно, какъ она сама.

За обѣдомъ она мною мало занималась, только изрѣдка дарила улыбкой или привѣтливымъ кивкомъ. Я была для нея уже старой знакомой, и она не считала нужнымъ отвлекать для меня свое вниманіе отъ прочихъ посѣтителей, которымъ имѣла обыкновеніе вполнѣ посвящать время, проводимое съ ними за однимъ столомъ.

— Равные они мнѣ, такіе же дворяне, какъ и я,—часто говорила она про своихъ нахлѣбниковъ, повторяя изреченіе покойнаго отца.

Какъ она счастлива была подражать ему во всемъ, въ чемъ только могла! Всѣмъ было съ нею ловко, никто не стѣснялся ея присутствіемъ, и каждое лицо, къ которому она обращалась съ добродушной шуткой или съ участливымъ вопросомъ, немедленно прояснялось, какъ отъ солнечнаго луча. Въ свѣтѣ даже завистники и недоброжелатели находили, что она мила и граціозна, но что сказали бы они, если бъ увидѣли ее среди ея «народа», какъ я увидала ее въ первый день знакомства съ нею! Я поняла ее въ этотъ день лучше, чѣмъ если бъ была знакома съ нею цѣлые годы визитами, какъ со всѣми свѣтскими людьми. Она такихъ отношеній не понимала и не терпѣла; люди, съ которыми она хотѣла сблизиться, были нужны ея душѣ, и она торопилась предстать передъ ними такою, какой создала ее природа, а не воспитаніе и не общественная обстановка, когда она этого хотѣла, и то и другое выле-

тало изъ памяти послѣ минутной бесѣды съ нею, и надо было сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ вспомнить, что съ вами говоритъ извѣстная графиня Наталья Алексѣевна Яръ-Червленная.

Впослѣдствіи мнѣ довелось ее видѣть въ богатыхъ уборахъ и въ обществѣ первыхъ сановниковъ государства и самого царя, но я ее ужъ тогда хорошо знала, и она мнѣ казалась точно такой же, какъ всегда.

Въ концѣ обѣда подошелъ къ ней лакей и что-то такое шепнулъ, пригнувшись къ ея уху. Она съ веселой улыбкой на меня оглянулась и, снова обратившись къ лакею, приказала ему провести пріѣзжаго въ желтую гостиную.

Лакей ушелъ, а я съ бьющимся отъ волненія сердцемъ ждала, что будетъ дальше. Какъ сейчасъ помню, сидѣвшихъ за столомъ обносили съ разныхъ сторонъ жаренымъ гусемъ съ яблоками. Графиня съ улыбкой на меня смотрѣла, безъ сомнѣнія, угадывая мое нетерпѣніе. Когда я отказалась отъ кушанья, которое мнѣ подали, она замѣтила съ усмѣшкой:

— Вижу, что тебѣ не до гуся, и что теперь самый сладкій кусокъ не пойдетъ тебѣ въ горло. Позволяю тебѣ выйти изъ-за стола. Будутъ еще пироги съ вареньемъ и кисель, тебѣ до конца не высидѣть, помрешь, пожалуй, отъ нетерпѣнія...

И весело засмѣявшись поспѣшности, съ которой я сорвалась съ мѣста, она прибавила:

— Ишь, какая прыткая! Ну, а если я не дамъ тебѣ провожатаго, какъ ты одна желтую гостиную найдешь, вѣдь, пожалуй, весь день по дому проплутаешь?..

И не успѣла я еще смутиться отъ ея шутки, какъ она приказала стоявшему за ея стуломъ старику въ ливрейномъ кафтанѣ и въ напудренномъ парикѣ, проводить меня.

— Даю вамъ полчаса на объясненіе наединѣ, врядъ ли мои старички поѣдятъ кисель раньше,—закричала она мнѣ вслѣдъ.

Но они, должно быть, ѣли его дольше, потому что больше часу прошло прежде, чѣмъ она нарушила своимъ появленіемъ мой блаженный tête à tête съ Шарлемъ.

Что мнѣ сказать объ этомъ свиданіи, радостнымъ и блестящимъ метеоромъ озарившемъ мрачное время нашей разлуки? Каждый, кто любилъ въ своей жизни вѣчной, настоящей любовью, пойметъ наше упоеніе, а тому, кому это божественное святое чувство не знакомо, не стоитъ его объяснять, потому что онъ его не пойметъ.

Мой возлюбленный былъ въ полной формѣ, и на столѣ у дивана, на которомъ мы съ нимъ сидѣли, лежалъ туго набитый бумагами портфель, напоминавшій намъ своимъ присутствіемъ о необходимости разстаться въ самомъ непродолжительномъ времени. Генералъ-губернаторъ, у котораго онъ провелъ весь день за работой, назначилъ ему прощальную аудіенцію въ шесть часовъ,

опоздать нельзя было ни на одну секунду. Минуты пролетѣли, какъ мигъ единый, и намъ казалось, что мы не успѣли еще ни слова сказать другъ другу, когда вошла графиня и стала разспрашивать Шарля о томъ, о чемъ я совсѣмъ забыла его спросить, а именно: былъ ли онъ у моего отца, и какое впечатлѣніе произвела на него перемѣна въ нашемъ домѣ?

Лицо моего возлюбленнаго омрачилось. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что оставляетъ меня на неопредѣленное время въ новой обстановкѣ.

— Объ этомъ не сокрушайтесь, какъ видите, она теперь подъ моимъ покровительствомъ,—прервала его графиня.

Онъ почтительно со слезами на глазахъ поцѣловалъ ея руку.

— Если бъ васъ не было, графиня, я бы дольше не выдержалъ...

— И что бы вы сдѣлали, г. адъютантъ?—спросила она съ лукавой усмѣшкой.

— Во-первыхъ, я не былъ бы адъютантомъ...

— А, во-вторыхъ, вы приняли бы предложеніе князя Юрія Владиміровича и поступили бы къ нему въ управляющіе? Вотъ что вы хотите сказать? Ну, такъ я вамъ на это вотъ что отвѣчу и за себя, и за нее, — указала она на меня, — не видать бы вамъ ее тогда, какъ своихъ ушей. Она русская княжна и если выйдетъ за иностранца, то только за такого, который не на словахъ только, а на дѣлѣ докажетъ, что онъ достоинъ называться подданнымъ нашего царя... Впрочемъ, вы это поняли лучше меня, и на васъ не было бы этого мундира, еслибъ было иначе,— прибавила она мягче, и снова милымъ движеніемъ протянула ему руку, которую онъ съ чувствомъ поцѣловалъ, а за нимъ и я схватила эту руку, чтобъ прижаться къ ней губами.

Она обняла меня и заговорила о моихъ братьяхъ. Шарль разсказалъ, что папенька совѣтовался съ нимъ насчетъ аббата, и что онъ ему сказалъ то же, что сказалъ дядя наканунѣ: въ настоящее время несравненно лучше поручить мальчика старику изъ крѣпостныхъ, чѣмъ такой загадочной и безнравственной личности, какъ аббатъ.

— И по всему видно, что князь послѣдуетъ моему совѣту,— прибавилъ онъ.

— А тотъ, который бѣжалъ?

Шарль не вдругъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ; онъ, повидимому, привелъ его въ смущеніе, но она не спускала съ него яснаго взгляда своихъ большихъ глазъ, и онъ не могъ не отвѣтить ей правды.

— Не удивляйтесь, графиня,—началъ онъ, съ трудомъ сдерживая волненіе,—но, по моему мнѣнію, положеніе князя Сергѣя въ домѣ было таково, что оставаться въ немъ ему было невозможно. Онъ поступилъ благородно, покинувъ родительскій кровъ.

Я на нее смотрѣла, пока онъ произносилъ эти слова, и видѣла, какъ глаза ея широко раскрылись отъ недоумѣнія, и какъ, затѣмъ, въ нихъ выразилась печаль передъ таинственнымъ и неутѣшнымъ горемъ, которое ей давали предугадывать, но она не пыталась дальше проникнуть въ эту тайну и только со вздохомъ прошептала:

— Значитъ, такъ Богу угодно!

— И все къ лучшему,— подхватилъ Шарль.— У насъ скоро будетъ война. Сколько случаевъ обновиться, очиститься!..

— Да, да,—раздумчиво повторила она, закрывая глаза, точно для того, чтобъ дальше уйти въ глубь своей души.

Послѣ ухода Шарля, графиня, вѣроятно, съ цѣлью меня разсѣять, увела меня на антресоли, гдѣ и у нея, какъ у всѣхъ въ то время, жили швеи, подъ присмотромъ пожилой почтенной женщины.

— Въ другой разъ я тебя иной музыкой угощу, а сегодня мы съ тобой въ такомъ настроеніи, что всего лучше русскихъ пѣсенъ послушать,— объявила она, поднимаясь по крутой, витой лѣстницѣ въ просторную комнату, освѣщенную только пламенемъ отъ жарко топившейся печки съ лежанкой.

Заслышавъ наши шаги, дѣвушки, сидѣвшія передъ огнемъ, повскакали со своихъ мѣстъ и кинулись зажигать свѣчи, но графиня приказала имъ оставить все въ томъ же видѣ.

— Мы другъ друга знаемъ. Я пришла къ вамъ, чтобъ вы мнѣ спѣли что нибудь хорошенькое, а слушать я васъ могу и въ полутьмѣ. Садись сюда, мой дружочекъ, — обратилась она ко мнѣ, усаживая меня рядомъ съ собой, на теплый платокъ, который одна изъ дѣвушекъ поспѣшила постлать на полъ передъ огнемъ.— Ну, начинайте же, дружнѣе: «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои»,—завела она звонкимъ и чистымъ сопрано.

Хоръ подхватилъ, и въ первый разъ въ жизни поняла я, что значитъ настоящая русская пѣсня, исполненная русскими людьми.

Начало было положено, за первой пѣсней послѣдовала вторая, третья, четвертая, все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ. Щеки пылали, глаза сверкали, голоса, между которыми были замѣчательно красивые, все звонче и звонче оглашали воздухъ...

И вдругъ графиня вскочила на ноги и, весело крикнувъ:

— Теперь плясовую! Кто умѣетъ, выступай со мной!— стала въ позу, замахала платочкомъ и, какъ настоящая деревенская дѣвушка, начала пожимать плечиками передъ импровизированнымъ кавалеромъ въ холстинковомъ платьѣ и въ мужской фуражкѣ, неизвѣстно откуда здѣсь явившейся.

Послѣ ужина съ тѣми изъ нахлѣбниковъ, которымъ, кромѣ ужина, давался въ домѣ графини и ночлегъ, пришли доложить, что карета у подъѣзда, и графиня, нѣсколько разъ повторивъ, что

скоро опять за мной пришлетъ, и чтобъ я кланялась папенькѣ, наказала г-жѣ Кусовниковой заботиться о томъ, чтобъ я, Боже упаси, дорогой не простудилась.

— Апрѣльскія ночи всегда свѣжія, если она заболѣетъ, ее къ намъ больше не отпустятъ, — повторяла она, нѣжно меня цѣлуя.

XI.

Когда я вернулась домой, мнѣ объявили, что папенька ждетъ моего возвращенія въ кабинетѣ, куда проситъ меня пройти тотчасъ по пріѣздѣ.

Онъ прохаживался взадъ и впередъ въ большомъ волненіи, и не успѣла я войти, какъ отрывисто, и избѣгая встрѣчаться со мною взглядомъ, сталъ спрашивать: какъ меня приняли, кого я видѣла у графини, и что она просила ему передать?

Я отвѣчала на его вопросы, но судя, по нетерпѣливымъ его движеніямъ, можно было догадаться, что отвѣты мои его не удовлетворяютъ и, разсѣянно выслушавъ мои восторженные отзывы о добротѣ моей новой знакомой и о томъ, какъ весело и пріятно я провела у нея время, онъ, не глядя на меня, озабоченно спросилъ:

— Желаетъ ли она познакомиться съ Дарьей?

Вопросъ этотъ такъ меня удивилъ, что я не знала, что на него отвѣтить.

— Не маленькая, кажется,—сердито продолжалъ онъ, не переставая отъ меня отвертываться,—можешь догадаться, въ какое глупое положеніе ставятъ меня всѣ эти жеманницы, отказываясь принимать женщину, которой я далъ свое имя, и которая, этого ужъ не передѣлаешь, сдѣлалась вашей мачихой. Тебѣ же будетъ хуже, если такое нестерпимое положеніе будетъ продолжаться, не могу же я допустить, чтобъ ты бывала въ обществѣ, которое меня знать не хочетъ... Балъ, который мы хотѣли дать по случаю дня твоего рожденія, мы должны были отмѣнить, благодаря безобразному поступку твоего брата, но теперь, слава Богу, надоѣло про это судачить въ городѣ, и мы разсчитывали тебя повеселить въ концѣ мѣсяца...

— Графиня находитъ, что теперь не такое время, чтобъ веселиться,—позволила я себѣ его прервать.

— Какое теперь время? Что ты хочешь сказать? Ничего не понимаю!— замѣтилъ онъ, съ раздраженіемъ пожимая плечами.

— Она увѣрена, что у насъ скоро будетъ война.

— Война? Скажите, пожалуйста, какая пророчица-кликуша проявилась! Что ты еще у нея слышала? Какія новыя глупости? — спросилъ онъ отрывисто, немного помолчавъ.

— Графиня просила меня вамъ передать...

— Что такое? Съ этого надо было начать. Прежде исполняютъ порученія, а ужъ потомъ болтаютъ всякій вздоръ, — прибавилъ онъ строго.

— Она намъ совѣтуетъ все, что у насъ поцѣннѣе, отправить въ надежное мѣсто, прежде чѣмъ Бонапартъ подойдетъ къ Москвѣ...

При имени Бонапарта онъ съ досадой отмахнулся, какъ отъ докучливой мухи.

— Фу, ты дьяволъ!— злобно закричалъ онъ. И подозрительно на меня поглядывая, съ саркастической улыбкой прибавилъ: — А въ монастырь къ бабушкѣ Сусаннѣ она не совѣтовала тебя отвезти?

— Если на то будетъ ваша воля, я съ радостью туда поѣду, — вырвалось у меня вполнѣ искренно.

— Вотъ какъ! Я, значитъ, для того женился, чтобы сынъ къ цыганамъ убѣжалъ, а дочь въ монастырь поступила. Ай да дѣтки! Однако вчера ты не очень-то обрадовалась, когда дядя предложилъ увезти тебя туда,—прибавилъ онъ, не спуская съ меня насмѣшливаго взгляда.

Я промолчала. Не могла же я ему сказать, что послѣ свиданія съ Шарлемъ мнѣ было все равно, гдѣ ни ждать конца смутнаго и грознаго времени и разлуки съ милымъ; ни единымъ взглядомъ, ни единымъ словомъ не поощрялъ онъ меня къ откровенности, отъ него вѣяло холодомъ и враждой.

— И неужели, кромѣ какъ о Бонапартѣ, разговору ни о чемъ больше не было?—спросилъ онъ.—Я думалъ, она тебѣ скажетъ про праздникъ, который отъ нея ждетъ московское общество. Давно ужъ не веселила она насъ.

— Она про это не говорила,—чуть слышно отвѣчала я.

— Значитъ, ужъ совсѣмъ подъ вліяніе нашихъ кликушъ, старыхъ воронъ, въ родѣ Ростопчиной, подпала. Стоило тебя къ ней отпускать на весь день, нечего сказать! Мы съ Дарьей не того ждали... Ну, иди спать, утро вечера мудренѣе, завтра еще поговоримъ.

Я поцѣловала его руку и съ тяжелымъ чувствомъ горькаго недоумѣнія направилась къ двери, но нравственная моя пытка не кончилась, папенька точно нарочно, чтобы сильнѣе меня огорчить, приберегъ самое непріятное къ концу.

— Постой!—окликнулъ онъ меня, когда я ужъ хотѣла переступить порогъ кабинета.—Такъ ты мнѣ бабьими сплетнями про войну досадила, что я совсѣмъ забылъ сообщить тебѣ новость: пока ты тамъ съ кликушами изъ пустого въ порожнее переливала, у насъ былъ гость, нашъ бывшій учитель Шарль де-Сабри. Ему повезло, въ штабъ адъютантомъ взяли... за умѣніе писать по-французски вѣрно, больше не за что. У насъ все такъ, съ Бонапартомъ война, а французовъ выдвигаемъ...

Я ушамъ своимъ не вѣрила. Неужели это папенька, нашъ благородный, великодушный, справедливый, ко всѣмъ доброжелательный, выражается такъ злобно и придирчиво про человѣка, кото-

раго онъ такъ еще недавно цѣнилъ и любилъ? Какъ могъ онъ такъ измѣниться? И въ такое короткое время? Мнѣ было такъ его жаль, что я даже не могла обижаться за Шарля.

А онъ, между тѣмъ, продолжалъ съ возрастающей ироніей:

— Спрашивалъ про тебя, просилъ передать тебѣ свой почтительный привѣтъ. Дарья, какъ радушная хозяйка (ужъ этого, кажется, никто у нея отнять не можетъ?), приглашала его на завтра къ намъ обѣдать, но онъ отказался, сегодня вечеромъ долженъ, будто, ѣхать назадъ, вотъ онъ какъ тамъ теперь сталъ нуженъ! Давно ли въ Петербургѣ никто не зналъ о его существованіи! Но времена перемѣнились, это мы теперь не стали нужны... Теперь ужъ вѣрно ускакалъ назадъ. Жалѣлъ, что не засталъ тебя дома. А я такъ былъ этому очень радъ,—продолжалъ папенька, возвышая голосъ, точно подбодряя себя на новыя противъ меня жестокія выходки.—Добрые люди довели до моего свѣдѣнія, будто этотъ мусью къ тебѣ неравнодушенъ, и меня это, признаться сказать, порядкомъ таки раздосадовало... Развѣ это для тебя партія? Ты княжна Б—ая, недурна собой, талантлива, у тебя, со временемъ, когда я съ помощью Дарьи устрою наше состояніе, будетъ прекрасное приданое, съ какой стати выдамъ я тебя за перваго попавшагося проходимца? Да что я за дуракъ!

Послѣднія слова онъ выкрикнулъ такъ громко, что испугался собственнаго голоса, и оглянувшись на дверь, за которой, безъ сомнѣнія, подслушивали, онъ прибавилъ мягче:—я тебѣ это не именно только насчетъ де-Сабри говорю, а вообще, чтобъ ты знала, какъ тебѣ съ такими молодцами себя держать, въ глупыя мечтанія не вдавалась бы и помнила, что голышъ тебѣ не пара.

Странный у него былъ тонъ! Никогда раньше не относился онъ ко мнѣ такъ сурово. Онъ какъ будто кому-то хотѣлъ доказать, что ему ничего не стоитъ заставлять меня страдать. Откуда такая перемѣна? Неужели ей ужъ удалось навсегда возстановить его противъ дѣтей? Про Сережу онъ безъ раздраженія не могъ вспомнить, но хотя онъ и не зналъ настоящей причины его бѣгства, онъ могъ это смутно подозрѣвать... а я-то чѣмъ передъ нимъ провинилась?

Еслибъ я имѣла понятіе объ оскорбленіяхъ, которымъ онъ подвергался отъ чваннаго московскаго общества съ того дня, какъ вздумалъ ввести въ него женщину, которую считали недостойной этой чести, еслибъ я могла подозрѣвать, какой ударъ нанесъ его самолюбію поступокъ Сережи и участіе, которое люди, никогда раньше не вспоминавшіе про насъ, теперь считали своимъ долгомъ намъ оказывать, для того только, чтобъ ему досадить и доказать ему, что никогда не простятъ ему женитьбу на проходимкѣ, еслибъ я могла догадаться, что онъ, какъ утопающій, хватается за соломинку, такъ и онъ, измученный травлей, поднятой противъ него обществомъ, и сценами, которыя ему дѣлала новая супруга, ухва-

тился за мысль воспользоваться вниманіемъ ко мнѣ графини, чтобъ ввести мою мачиху въ общество, и какъ ему было досадно, что надежда эта не сбылась, еслибъ я могла все это понимать и сообразить, то поняла бы причину его гнѣва, но, увы, мнѣ недавно минуло шестнадцать лѣтъ, и я совсѣмъ не была подготовлена жизнью къ требованіямъ подобнаго рода. Мнѣ даже и не мерещилась такая честь, чтобъ папенька во мнѣ нуждался для возстановленія своего поколебленнаго положенія всеобщаго любимца московскаго высшаго общества.

Прошло нѣсколько дней.

Проходимка вздумала измѣнить съ нами тактику. Она стала вмѣшиваться въ нашу жизнь, чего до сихъ поръ не пыталась дѣлать.

Опять потребовали, чтобъ мы съ Ромой являлись обѣдать и ужинать въ столовую. Это было тѣмъ болѣе непріятно, что гостей больше не приглашали. Со всѣми своими старыми пріятелями папенька разошелся; съ одними за то, что они не знакомили своихъ сестеръ и женъ съ его женой, съ другими потому, что, не стерпѣвъ рѣзкости новой княгини Б—ой, они дали ей понять, что она должна держать себя осторожнѣе съ людьми, дѣлающими ей честь не пренебрегать знакомствомъ съ нею. Мало-помалу всѣ отъ насъ отстали. и мы садились за столъ впятеромъ: папенька съ женой, я съ братомъ и аббатъ.

Признаюсь откровенно, мнѣ каждый разъ приходилось благодарить Бога за то, что папенька не послѣдовалъ совѣтамъ дяди и Шарля, и не выгналъ хитраго іезуита изъ нашего дома. Безъ него каждый обѣдъ непремѣнно сопровождался бы тяжелыми сценами, вслѣдствіе придирокъ и непріятныхъ намековъ, которыми мачиха насъ осыпала. Къ счастью, аббатъ былъ такъ находчивъ, что все умѣлъ обращать въ шутку и такъ ловко отвлекалъ мысли отъ непріятнаго предмета, что все кончалось благополучно.

Послѣ обѣда меня обыкновенно заставляли пѣть, и я должна была безпрекословно выслушивать замѣчанія мачихи, большею частью, нелѣпыя и не согласныя съ тѣмъ, что я слышала отъ моихъ учителей и раньше отъ Люси, которая знала музыку несравненно лучше своей соперницы. И покорность моя выводила папеньку изъ терпѣнія. Обыкновенно онъ ограничивался тѣмъ, что прохаживался большими шагами по комнатѣ, ероша себѣ волосы, но иногда онъ не выдерживалъ, и ему такъ становилось стыдно за жену, что онъ приказывалъ мнѣ итти къ себѣ.

Разъ какъ-то, онъ окончательно вышелъ изъ себя и, остановившись передъ женой, спросилъ у нея, указывая на меня:— перестанешь ли ты вздоръ городить? Неужели ты не видишь, что она надъ тобой смѣется?

Мачиха поблѣднѣла и отъ гнѣва не въ силахъ была произнести ни слова, но на лицѣ ея выразилась такая злоба, что я испугалась.

— Зачѣмъ вы это говорите, папенька?—вскричала я сквозь слезы.

— Потому что она мелетъ вздоръ и сама это понимаетъ, какъ нельзя лучше,—возразилъ онъ,—такъ говорить можетъ только круглый невѣжда въ музыкѣ,—прибавилъ онъ ужъ въ примирительномъ тонѣ, которымъ она воспользовалась, чтобъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства выйти изъ комнаты, зная, какъ нельзя лучше, что онъ тотчасъ же послѣдуетъ за нею, а, оставшись съ нею наединѣ, будетъ стоять передъ нею на колѣняхъ и просить прощенія.

Такъ вышло и на этотъ разъ, миръ былъ заключенъ, и послѣдствія его отразились на насъ самымъ неудобнымъ образомъ: она рѣшилась серіозно заняться нашимъ воспитаніемъ и съ этою цѣлью сблизиться со мной.

Съ этого случая у меня не было больше ни минуты покоя. Во всякое время дня входила она въ мою комнату, разглядывала мою работу, критиковала ее и заставляла передѣлывать по-своему; раскрывала мой шкапъ съ книгами, вынимала изъ него все то, что привлекало ея вниманіе, увы, одними переплетами! Библіотека моя состояла преимущественно изъ французскихъ и итальянскихъ книгъ; перелистывая ихъ, она просила переводить ей заглавіе сочиненій и разсказать вкратцѣ содержаніе, наивно дивясь, какъ можно интересоваться тѣмъ, что дѣлалось на землѣ за сто лѣтъ и болѣе до нашего рожденія, или страданіями такихъ личностей, съ которыми никогда не придется встрѣтиться. Позѣвывая, замѣчала она, что если только въ этомъ заключается образованіе, такъ ей на него наплевать. Она отлично проживетъ безъ него. Главное—деньги, красота и умъ.

Когда она принималась развивать свои теоріи насчетъ того, въ чемъ состоитъ настоящее счастье на землѣ, и какъ надо умѣть держать мужчинъ подъ башмакомъ, чтобъ заставлять себя любить и бояться, или про роль денегъ на землѣ, мнѣ становилось такъ противно, что я объ одномъ молила Бога, чтобъ кто нибудь вошелъ и прекратилъ мою пытку.

Но можно себѣ представить, что я почувствовала, когда она въ одинъ прекрасный день мнѣ объяснила, что ей извѣстны мои чувства къ Шарлю.

— И вы сказали объ этомъ папенькѣ?—вскричала я внѣ себя отъ негодованія.

— Сказала. А какъ же иначе? Вѣдь вы, чего добраго, тоже убѣжали бы изъ дому, какъ вашъ братецъ...

— Вы считаете меня способной бѣжать изъ родительскаго дома съ мужчиной?

— Я знаю, какъ вы смотрите на этотъ домъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ немъ.

Что мнѣ было на это сказать?

Помолчавъ немного въ ожиданіи отвѣта, котораго не послѣдовало, она продолжала:—вамъ надо со мной подружиться, если вы хотите, чтобы я вамъ помогла.

— Въ чемъ это?—спросила я довольно таки высокомѣрно, но она не обратила на это вниманія.

— А вотъ въ чемъ: если вы устроите, что графиня Червленная меня приметъ, я сдѣлаю такъ, что вашъ отецъ согласится на вашъ бракъ съ...

Я ей не дала договорить.—Пожалуйста, Дарья Алексѣевна, бросимте этотъ разговоръ,—возразила я, поднимаясь съ мѣста и закрывая пяльцы.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Мнѣ хотѣлось вамъ услужить, а также испытать, насколько вы преданы вашему отцу... Не можете же вы не видѣть, какъ его мучитъ глупое отношеніе ко мнѣ его добрыхъ знакомыхъ? И еслибъ вы его хоть крошечку любили... Ну, хорошо, хорошо, не будемъ больше про это говорить,—поспѣшила она прибавить, испугавшись взгляда, который я на нее бросила,—я не сержусь на васъ за вашъ отказъ мнѣ помочь, обойдемся и безъ васъ, все дѣло въ терпѣніи и въ деньгахъ. Мнѣ даже много пріятнѣе будетъ сознавать, что и въ этомъ, какъ и во всемъ, я буду обязана исключительно самой себѣ... И вотъ вамъ доказательство, что я говорю правду,—прибавила она, вынимая изъ кармана письмо и подавая мнѣ его,—можете получить это даромъ, безъ условій. Единственное, что я отъ васъ потребую въ замѣнъ моей любезности, это сообщить мнѣ, что вамъ пишутъ. Все же я въ домѣ старшая и должна знать, что въ немъ происходитъ.

Она была права и, распечатавъ письмо, которое было отъ графини, я прочитала вслухъ слѣдующія строки: «Дружочекъ Лизанька, мнѣ очень хочется васъ видѣть. Попросите папеньку отпустить васъ ко мнѣ завтра на весь день. Ваша Наталья».

— Ну, чтожъ? вамъ вѣрно хочется, чтобъ я заставила папеньку согласиться на желаніе графини?—спросила она, посматривая на меня торжествующимъ взглядомъ.

Мнѣ очень улыбалась мысль провести день у графини и, можетъ быть, что нибудь узнать про Шарля, но улыбка противной проходимки такъ меня взбѣсила, что я холодно отвѣтила:

— Какъ вамъ будетъ угодно!

— Прекрасно! За обѣдомъ узнаете о результатѣ моего ходатайства.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, а я осталась одна размышлять о новомъ печальномъ осложненіи въ моемъ и безъ того печальномъ положеніи. Но я не раскаивалась, что отказалась

отъ ея услугъ, и утѣшала себя мыслью, что и новая моя покровительница, и Шарль, оба одобрятъ мой поступокъ, когда о немъ узнаютъ.

Цѣлыхъ два часа оставалась я въ неизвѣстности, готовясь выдержать непріятныя замѣчанія отъ отца одновременно съ отказомъ на просьбу графини, и спрашивала себя: «самъ ли онъ мнѣ отвѣтитъ или предоставитъ это сдѣлать мачихѣ?» Но на этотъ разъ злое предчувствіе меня обмануло, папенька объявилъ мнѣ, что я могу ѣхать завтра къ графинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

— Дарья выпросила, чтобъ я тебя отпустилъ, и хотя ты этого не стоишь, но ужъ такъ и быть, на этотъ разъ позволяю тебѣ провести день у людей, которые не хотятъ знать ни отца твоего, ни жену его, — произнесъ онъ такъ сердито, что мнѣ хотѣлось отвѣтить, что я прошу у него позволенія отвѣтить отказомъ на приглашеніе, но аббатъ вмѣшался въ разговоръ и какимъ-то анекдотомъ о покойномъ графѣ Червленномъ ловко сумѣлъ отклонить собиравшуюся надъ нами грозу.

Папенька сталъ объяснять происхожденіе этого анекдота, и на этомъ разговоръ о завтрашнемъ посѣщеніи прекратился.

На другой день, въ одиннадцатомъ часу утра, карета графини Натальи Алексѣевны уже стояла у подъѣзда нашего дома, и мнѣ пришли доложить, что г-жа Кусовникова въ гостиной. Я ужъ была одѣта, и не прошло пяти минутъ, какъ мы ѣхали по улицамъ, показавшимся мнѣ, даже невзирая на воскресный день, необычайно оживленными. Обѣдня еще не отошла, и церкви были полны народа, а между тѣмъ и улицы также были запружены толпами, стекающимися со всѣхъ сторонъ къ площади, черезъ которую намъ лежалъ путь.

— Куда это всѣ бѣгутъ? — спросила я у моей спутницы, которая тоже съ любопытствомъ выглядывала изъ открытаго окна на празднично разодѣтыя толпы женщинъ и мужчинъ, между которыми карета наша съ трудомъ прокладывала себѣ путь. Погода была прелестная. Солнце ярко свѣтило, воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ липъ и розъ въ садахъ, которыхъ было такое множество тогда въ Москвѣ.

— Генералъ-губернаторъ будетъ послѣ обѣдни что-то такое читать народу, манифестъ, кажется, вчера по всѣмъ дворамъ про это полиція оповѣщала,—отвѣчала г-жа Кусовникова.

Я вспомнила, что, одѣвая меня, Степанида говорила, что сегодня народъ сгоняютъ въ Кремль слушать царскую грамоту о войнѣ, но, занятая моими мыслями, я не обратила вниманія на эти слова. А между тѣмъ, чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Кремлю, тѣмъ за-

труднительнѣе становилось подвигаться впередъ, и, какъ всегда при скопищахъ, толпа становилась нахальна, лошадей нашихъ съ громкими, добродушными восклицаніями останавливали и съ любопытствомъ заглядывали къ намъ въ окна. Впрочемъ, стоило лакеямъ, стоявшимъ на запяткахъ, попросить пропустить дочь графа Ярь-Червленнаго, чтобъ всѣ почтительно разступались, и мы ѣхали дальше, но черезъ нѣсколько минутъ снова приходилось останавливаться. По мѣрѣ того, какъ море темныхъ кафтановъ, подпоясанныхъ разноцвѣтными кушаками, и пестрыхъ сарафановъ разливалось шире, остановки наши происходили чаще, и спутница моя ворчала на кучера, не догадавшагося выбрать другой путь къ цѣли нашего путешествія.

— Вѣдь онъ зналъ, что сегодня площадь будетъ запружена народомъ,—повторяла она, выглядывая то изъ одного окна, то изъ другого.

Я не раздѣляла ея досады; мнѣ весело было всматриваться въ оживленныя лица, среди которыхъ наша карета медленно подвигалась, покачиваясь на высокихъ рессорахъ, и отвѣчать привѣтливыми кивками на почтительные поклоны, которыми многіе меня привѣтствовали, безъ сомнѣнія, принимая за графиню Ярь-Червленную. Толпа была такъ благодушно настроена, что я не понимала, какъ можно было ее бояться. Но вдругъ карета наша совсѣмъ остановилась, со всѣхъ головъ, какъ по командѣ, слетѣли шапки, и гуломъ пронеслось:

— Читаетъ! Читаетъ!

Затѣмъ все смолкло, и наступила мертвая тишина. Всѣ взоры уставились въ одну точку. Что тамъ, вдали, читали,—здѣсь не было слышно, но на всѣхъ лицахъ выражалось умиленіе, на многихъ глазахъ навертывались слезы, и то тутъ то тамъ поднималась рука для крестнаго знаменія. Такъ было тихо, что явственно слышались вздохи тѣснившейся вокругъ кареты толпы и восклицанія, произносимыя шепотомъ отъ избытка чувствъ:

— Господи, помилуй насъ! Спаси матушку Рассею! Вразуми батюшку царя!

Все это дѣйствовало на меня обаятельно, сердце мое преисполнилось торжественнымъ настроеніемъ, я невольно повторяла слышанныя вокругъ меня воззванія и въ страстномъ желаніи подѣлиться волновавшими меня чувствами съ родственною душою, невольно искала такую душу среди кишѣвшей вокругъ меня толпы... И вдругъ, явственно услышала я мое имя:

— Лиза! Сестра!

Внѣ себя отъ изумленія и испуга, опустила я глаза и увидѣла Сережу.

Онъ стоялъ подъ самымъ окномъ кареты, впиваясь въ меня глазами, и, держась одною рукою за дверцу, другою посылалъ мнѣ поцѣлуй.

Но радостный крикъ, вырвавшійся у меня изъ груди, заглушился могущественнымъ «ура!», шапки полетѣли на воздухъ, руки протянулись точно для присяги къ небу, и толпа пришла въ такое неописанное волненіе, что въ ней, какъ въ разбушевавшемся морѣ, не было никакой возможности отыскать милаго лица, которое она увлекла къ тому мѣсту, гдѣ болѣе счастливые слышали непосредственно выраженія царскаго приказа. Остальные могли только повторять слышанное отъ другихъ, и слово «ополченіе» тутъ въ первый разъ достигло до моихъ ушей. Карета тронулась, и хотя я понимала, что мнѣ не найти больше брата, я продолжала искать его глазами въ народѣ, бѣжавшемъ по площади.

Я была такъ потрясена неожиданною встрѣчею, что графиня не могла не замѣтить моего волненія, но, узнавъ отъ моей спутницы, что мы попали на площадь во время чтенія манифеста, она истолковала мое разстройство по-своему. Разувѣрять ее было не время: мы застали ее въ рабочемъ кабинетѣ, съ однимъ изъ ея управляющихъ, и, судя по ея возбужденному виду, вопросъ, который они рѣшали, былъ очень важенъ.

— Мы съ Иваномъ Трофимычемъ толкуемъ, чѣмъ намъ проявить наше усердіе царю и отечеству, — сказала она, кивая на человѣка среднихъ лѣтъ, въ чуйкѣ и съ длинною бородою, который стоялъ у притолки двери въ комнату съ простымъ письменнымъ столомъ, обитымъ черною кожею, на которомъ стояла большая стеклянная, закапанная чернилами, чернильница, съ торчащимъ въ ней перомъ, лежали грубые деревянные счеты и сѣрая бумага. На бумагѣ этой, не прерывая разговора, графиня записывала по временамъ карандашемъ, вѣроятно, цифры для памяти. Комната эта представляла интересный контрастъ съ великолѣпными покоями, окружавшими ее. Впослѣдствіи я узнала, что, слѣдуя въ этомъ примѣру отца, она каждое утро занималась здѣсь дѣлами одна, а также съ управляющими и многочисленными подьячими, занимавшимися ея дѣлами по присутственнымъ мѣстамъ. Здѣсь же она принимала депутаціи отъ крестьянъ, пріѣзжавшія къ ней съ челобитными изъ ея имѣній, разбросанныхъ по всей Россіи.

Графиня, отпустивъ г-жу Кусовникову, предложила мнѣ подождать здѣсь конца ея бесѣды съ Иваномъ Трофимычемъ. Чтобъ имъ не мѣшать, я сѣла въ дальній уголъ комнаты на жесткій диванъ и предалась своимъ размышленіямъ. Но чѣмъ болѣе размышляла я о случившемся, тѣмъ больше все это казалось мнѣ призракомъ, навѣяннымъ моимъ воображеніемъ. Если Сережа въ Москвѣ, то онъ нашелъ бы возможность дать мнѣ объ этомъ знать и изыскалъ бы средство со мною повидаться иначе, чѣмъ на улицѣ среди толпы и на одно мгновеніе. Меня обмануло сходство молодого парня изъ тысячной, возбужденной толпы, съ моимъ братомъ, вотъ и все. Что же касается до его привѣтствія, звучав-

шаго у меня до сихъ поръ въ ушахъ, въ этомъ отношеніи поддаться обману чувствъ было еще легче: среди раздававшихся вокругъ меня криковъ, трудно было различить одинъ голосъ отъ другого. Правда, слова: «Лиза! здравствуй», были произнесены среди тишины, передъ взрывомъ восторженнаго «ура», но, можетъ быть, и это мнѣ показалось, можетъ быть, народъ закричалъ раньше...

Однако, какъ ни погружена была я въ свои мысли, до меня не могли не долетать отрывки изъ разговора, происходившаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я сидѣла, и я не могла имъ не интересоваться.

Графиня, какъ и народъ на площади, толковала съ Иваномъ Трофимычемъ про ополченіе. Ей хотѣлось, по примѣру многихъ другихъ вельможъ, снарядить цѣлый полкъ. По ея мнѣнію, дочери графа Ярь-Червленнаго нельзя было сдѣлать меньше, чтобъ доказать преданность свою родинѣ, а Ивану Трофимычу жаль было жертвовать такимъ множествомъ людей, «посылать ихъ на бойню», какъ онъ выражался. Онъ находилъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе пожертвовать деньги.

Съ возрастающимъ одушевленіемъ, отъ котораго ея выразительное лицо, съ неправильными чертами, сдѣлалось прекрасно, возразила она, что деньги само собою, и что меньше мильона она никоимъ образомъ не пожертвуетъ, но что ей стыдно отставать отъ графа Мамонова, отъ помѣщика Поливанова и другихъ, которые жертвуютъ полками изъ своихъ крѣпостныхъ.

Смышленое лицо ея слушателя осклабилось въ лукавую усмѣшку.

— У насъ такихъ видовъ, какъ у графа Мамонова, быть не можетъ,— замѣтилъ онъ.

— Какіе виды? Что ты хочешь этимъ сказать?— съ живостью спросила она.

— Говорю то, что всѣ говорятъ, ваше с-во, и что вашему с-ву тоже извѣстно: графу по службѣ не везетъ. Имъ, значитъ, при ихъ богатствѣ, и двухъ полковъ снарядить не жаль, чтобъ только передъ государемъ императоромъ съ авантажемъ выдвинуться...

— Пожалуйста, не повторяй сплетенъ,— съ досадой прервала его графиня.— Про всѣхъ говорятъ, рта никому не замажешь. И про меня вѣрно тоже...

— Ну, нѣтъ-съ, ваше с-во, — рѣзко, почти запальчиво, прервалъ ее Иванъ Трофимовичъ,— про насъ никто того не скажетъ, напрасно только изволите такія мысли себѣ на умѣ держать.

Она засмѣялась.

— И про меня скажутъ, что я изъ кожи лѣзу, чтобъ отличиться. И это будетъ сущая правда. Я хочу, чтобъ про меня сказали, что дочь графа Ярь-Червленнаго пожертвовала на родину не меньше того, что пожертвовалъ бы ея отецъ, еслибъ онъ дожилъ до этого страшнаго времени. Вотъ что я хочу, слышишь?

И ни крошечки я этого не стыжусь, пусть себѣ говорятъ,— прибавила она, надменно возвышая голосъ. — Говорятъ же, что я всѣхъ богаче въ Россіи.

— Точно такъ-съ, — вставилъ Иванъ Трофимовичъ, наклоняя голову.

— Какъ же намъ всѣхъ больше не дать? кому много дано, съ того много и взыщется. Ты знаешь, кто это сказалъ?

— Я, ваше с-во, только насчетъ того, что много людей придется оторвать отъ деревни на полкъ, жалѣючи православныхъ, значитъ,—попытался было оправдаться управляющій.

— Полкъ я снаряжу, — рѣшительнымъ тономъ объявила его госпожа,—а, кромѣ того, отдамъ домъ подъ госпиталь для раненыхъ и выстрою церковь во имя Покрова Богородицы въ Кусточкахъ, тамъ церкви нѣтъ...

И вдругъ, обращаясь во мнѣ:

— Батюшка твой, разумѣется, поступитъ въ ополченіе. Скажи ему, чтобъ онъ побывалъ у меня на этихъ дняхъ, до моего отъѣзда въ Петербургъ; мнѣ надо съ нимъ про одного человѣчка переговорить, который желалъ бы послужилъ родинѣ подъ его командой.

Иванъ Трофимовичъ понялъ, что его аудіенція на этотъ разъ кончена, и взялъ со стола потертый портфель, туго набитый бумагами, чтобъ показать, что онъ собирается уходить.

— Ступай съ Богомъ! Вѣдь ты еще не поѣлъ и не отдохнулъ съ дороги,— милостиво сказала ему его госпожа.— Вечеркомъ опять потолкуемъ, а теперь можешь дочку твою навѣстить, заждалась она тебя, поди чай,— прибавила она съ улыбкой, отъ которой угрюмое лицо Ивана Трофимовича просіяло.

— Позвольте, ваше с-во, ручку поцѣловать за всѣ ваши милости къ моимъ семейнымъ,— проговорилъ онъ невнятнымъ отъ волненія голосомъ,— Липа мнѣ все отписала, какъ ваша милость изволили про нее съ дѣтьми вспомнить и на Рождество, и на святой день Пасхи,— продолжалъ онъ, почтительно цѣлуя протянутую ему милостиво руку.

— Напрасно Липа сплетничаетъ, я пожурю ее за это... Ну, ступай, ступай себѣ, мнѣ надо съ гостьей заняться,— прервала она его съ улыбкой.

Онъ вышелъ, а графиня, взявъ меня за талью, увела въ свою уборную, гдѣ горничныя ждали ея появленія, чтобъ приняться за ея туалетъ. Въ рабочемъ кабинетѣ она сидѣла въ халатѣ изъ какой-то персидской матеріи и въ бѣломъ платочкѣ на растрепанныхъ волосахъ, а тутъ началось причесываніе и одѣваніе. Когда она облеклась въ бѣлый батистовый пеньюаръ и сѣла предъ пышнымъ туалетомъ съ венеціанскимъ овальнымъ зеркаломъ въ золотой рамѣ, и вошелъ парикмахеръ, ожидавшій въ сосѣдней комнатѣ,

маленькій, старенькій французъ, доставшійся ей вмѣстѣ со всѣмъ состояніемъ по наслѣдству отъ отца, старшая горничная, которую она звала Катей, доложила, что въ гостиной давно ждутъ князья Голицыны.

— Ну, и пусть еще немножко подождутъ, мнѣ надо съ мсьё Ксавье потолковать.

Она говорила по-русски, но, должно быть, мсье Ксавье понялъ, что про него идетъ рѣчь, потому что на его гладко выбритомъ и покрытомъ сѣтью мелкихъ морщинъ лицѣ выразилось безпокойство, и маленькіе его острые глаза сверкнули. Съ тревогой оглянулся онъ на присутствующихъ, а затѣмъ перевелъ взглядъ на отражавшееся передъ нимъ въ зеркалѣ лицо графини.

Безпокойство его отъ нея не ускользнуло, и она поспѣшила успокоить его улыбкой.

— Оставьте насъ на минуту. Когда вы нужны будете, я позову,— объявила она своей свитѣ, которая тотчасъ же вышла, притворивъ за собою дверь.— Ты оставайся, Лиза, ты намъ не мѣшаешь,— отвѣчала она на мой нѣмой вопросъ:—«не послѣдовать ли и мнѣ примѣру ея камерюнгферъ?» — Это дочка князя Бориса Б — го, — сказала она, обращаясь къ французу, который поспѣшилъ мнѣ низко поклониться. — При ней можно говорить, — продолжала она въ то время, какъ онъ съ новымъ поклономъ принялся расчесывать ея волосы, серіозно сжавъ свои синія губы, чтобъ сдержать волненіе, отъ котораго слегка дрожали его руки.

— Я вотъ что хотѣла у васъ спросить, мсьё Ксавье,— начала графиня, не поднимая глазъ на зеркало, чтобъ не видѣть смущенной физіогноміи своего слушателя.— Какъ намѣрены вы поступить? Вамъ, вѣдь, должно быть извѣстно, что война съ Бонапартомъ разгорается? Многіе увѣрены, что до Москвы онъ не дойдетъ, ну, а есть такіе, которые убѣждены, что онъ непремѣнно сюда явится, такъ какъ цѣль его сдѣлать намъ какъ можно больше вреда, и онъ, какъ всѣ иностранцы, не зная и не понимая Россіи, воображаетъ, что, только взявъ Москву, насъ можно окончательно покорить... въ этомъ онъ заблуждается, конечно,—прибавила она съ живостью, точно опасаясь оставить насъ хоть одно мгновеніе въ мысли, что она раздѣляетъ мнѣніе Бонапарта.

Мсьё Ксавье, всей своей внезапно съежившейся фигурой и умоляющимъ выраженіемъ лица съ влажными глазами, запротестовалъ противъ такого подозрѣнія, но, тѣмъ не менѣе, она не вдругъ успокоилась и все еще взволнованнымъ голосомъ прибавила по-русски, стало быть, по моему адресу:

— Я тамъ долго жила и знаю. Они насъ совсѣмъ не понимаютъ, что французы, что нѣмцы, все равно. Русскій духъ! Это—для нихъ неразрѣшимая загадка. А намъ этотъ духъ такъ понятенъ, не правда

ли, Лизочка? Москва! Гдѣ русскій Богъ, такъ и русскій духъ, а Россія велика...

И, снова обращаясь къ французу, она продолжала, ужъ на его языкѣ, которымъ владѣла, какъ своимъ:

— Во всякомъ случаѣ надо заранѣе озаботиться о безопасности, особенно для васъ. За народъ нашъ нельзя поручиться, что онъ не превратится въ звѣря, когда его доведутъ до изступленія... Что объ этомъ думаетъ мадамъ Ксавье?—прибавила она мягче.

— Мадамъ Ксавье во всемъ полагается на ваше сердце, графиня, она знаетъ, что вы не оставите старыхъ слугъ вашего родителя и позаботитесь объ ихъ безопасности,—отвѣчалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Но въ такомъ случаѣ вамъ придется покинуть Москву.

— Мы послѣдуемъ за вами всюду.

— Это легко сказать! А если мнѣ нельзя будетъ васъ держать при себѣ?

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ жить тамъ, гдѣ вы прикажете.

— Но въ томъ и дѣло, что я не знаю, что приказать. Не дальше, какъ вчера совѣтовалась я на этотъ счетъ съ княземъ Захаромъ Григорьевичемъ, онъ такого мнѣнія, что въ деревнѣ иностранцамъ опасно оставаться во время войны... Не лучше ли вамъ уѣхать на родину, пока еще есть на то возможность.

Лицо мсьё Ксавье покрылось пятнами, и руки его такъ затряслись, что онъ долженъ былъ вынуть гребень изъ волосъ графини.

— Вы насъ гоните, ваше с-во!

— Успокойтесь, Ксавье. Еслибъ я хотѣла васъ выгнать, я не стала бы съ вами совѣтоваться насчетъ того, гдѣ вамъ переждать страшное время. Мнѣ хочется только устроить васъ съ женой покойнѣе и безопаснѣе, вотъ и все. Мадамъ Ксавье меня не огорчила бы такимъ подозрѣніемъ, она меня лучше знаетъ и больше любитъ, чѣмъ вы,—прибавила она съ улыбкой, протягивая руку смущенному и взволнованному старику, который, внѣ себя отъ умиленія, прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Такъ какъ же намъ дѣлать? Гдѣ хотите вы прожить опасное время?

— Только не за границей, графиня. Неужели вы можете сомнѣваться въ томъ, что, прослуживъ двадцать два года такому вельможѣ, какъ вашъ покойный батюшка, и пользуясь вашими милостями послѣ его смерти, мы не сдѣлались вполнѣ русскими и душой и сердцемъ? Да мы не были бы достойны называться людьми, еслибъ это было такъ. Родины у насъ за границей нѣтъ, родина наша здѣсь, — прибавилъ онъ съ твердостью и торжественно выпрямляясь.— Старый Ксавье вамъ это докажетъ. Если нужно умереть...

— Полноте, мой дорогой, еслибъ дѣло шло о смерти, намъ не

стоило бы съ вами и толковать. То время недалеко, когда смерть будетъ насъ подкарауливать на каждомъ шагу, надо подумать о томъ, чтобъ избѣгнуть смерти, и вотъ о чемъ я васъ приглашаю позаботиться.

— Если графиня позволитъ ей сказать, что мы придумали съ мадамъ Ксавье...

— Что вы придумали?

— Еслибъ графиня дозволила намъ остаться здѣсь...

— Какъ это здѣсь? Въ моемъ домѣ?

— Въ вашемъ домѣ, да. Намъ, можетъ быть, посчастливится доказать вамъ нашу преданность не на словахъ только, а на дѣлѣ.

— Но отсюда все будетъ вывезено въ деревню.

— Всего не вывезти. И во всякомъ случаѣ останутся стѣны и крыша. Подъ этой-то крышей мы просимъ убѣжища у нашей благодѣтельницы.

Она подумала.—Надо объ этомъ посовѣтоваться съ Павломъ Ивановичемъ,—проговорила она рѣшительно.—Я возложила на него всѣ заботы о сохраненіи того, что мнѣ всего дороже въ домѣ.

— Мы уже съ Павломъ Ивановичемъ про это говорили,—объявилъ французъ.—Онъ ничего противъ этого не имѣетъ. Мы не одни здѣсь останемся, если вашему с—ву угодно будетъ согласиться на нашу просьбу; каждый день, съ тѣхъ поръ какъ въ народъ проникъ, вопреки газетъ и увѣреній генералъ-губернатора, слухъ о движеніи непріятеля на Москву, приходятъ со всѣхъ концовъ города люди съ просьбой дозволить имъ пріютиться въ подземельяхъ и на чердакахъ дома покойнаго графа. Они увѣрены, что здѣсь безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо. И Павелъ Ивановичъ имъ не отказываетъ, онъ знаетъ, что графиня ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобъ нѣсколько десятковъ несчастныхъ, которымъ дѣваться некуда, нашли пристанище въ стѣнахъ, гдѣ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ существуютъ, оказываютъ помощь страдальцамъ и нуждающимся...

— Разумѣется, я противъ этого ничего не имѣю, и если васъ это устроиваетъ, поселяйтесь здѣсь, когда я изъ дома со всѣми моими выѣду,—сказала она.

— Не знаю, какъ благодарить васъ, графиня! Мадамъ Ксавье будетъ въ восторгѣ! Который день твердитъ она мнѣ, чтобъ я нашелъ случай изложить вамъ нашу просьбу, и какъ сегодня кстати вышло, что вы изволили про это заговорить! Самъ начать я бы, кажется, никогда не рѣшился!—вскричалъ обрадованный французъ.

Графиня улыбнулсь.—Очень рада, но прошу васъ скорѣе кончить мою куафюру, меня ждутъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту все будетъ готово.

И дѣйствительно, руки его съ гребнемъ такъ проворно и ловко

забѣгали, что волосы точно сами собою складывались въ мудреныя петли и локоны.

Про ожидавшихъ молодыхъ людей въ гостиной графиня вспомнила уже тогда, когда была совсѣмъ одѣта, и когда пришли доложить о новыхъ посѣтителяхъ. Одна за другой пріѣхали дамы, графиня Апраксина съ дочерьми, княгиня Несвицкая, г-жа Лихарева.

— Точно сговорились всѣ вмѣстѣ пожаловать,—замѣтила хозяйка, торопливо оправляя прозрачное фишю на открытой шеѣ и направляясь къ двери.—Впрочемъ, оно и лучше, мы такимъ образомъ скорѣе отъ нихъ избавимся, и намъ хоть минутку удастся пробыть вдвоемъ передъ обѣдомъ,—прибавила она, обращаясь ко мнѣ и приглашая знакомъ слѣдовать за собой.

Мы застали въ большой гостиной многочисленное общество въ такой оживленной бесѣдѣ, что никѣмъ не замѣченныя подошли къ самымъ дверямъ. Рѣчь шла объ ополченіи.

Высокая и еще стройная старуха съ бѣлыми локонами и нарумяненными щеками, драпируясь въ красную шаль, увѣряла, что воззваніе къ ополченію было сдѣлано слишкомъ поздно.

— Еслибъ вся Россія поднялась два мѣсяца тому назадъ, Бонапартъ давно ужъ былъ бы изгнанъ изъ предѣловъ Россіи,—объясняла она авторитетнымъ тономъ.

— Ахъ, какъ вы правы, княгиня!—вскричала другая дама, вся въ лиловомъ, среднихъ лѣтъ и тоже въ шали, съ огромной шляпой въ цвѣтахъ и перьяхъ на головѣ, съ довольно безобразнымъ лицомъ.—Но говорятъ, что государь такъ дурно окруженъ!—прибавила она, понижая голосъ и подозрительно оглядываясь на группу молодежи, весело щебетавшую въ отдаленіи, у одного изъ большихъ оконъ, открытыхъ въ садъ, весь залитый солнцемъ.

— Да ужъ, что касается до тѣхъ, которые его окружаютъ...

Фраза не была досказана; хозяйка, переглянувшись съ улыбкой со мной, поспѣшила войти. Начались привѣтствія и любезности. Каждой представляла она меня, и возобновилась та же сцена, что съ супругой генералъ-губернатора: всѣ съ любопытствомъ, которое даже не старались скрыть, разсматривали меня, какъ рѣдкаго звѣря съ ногъ до головы, и къ величайшему моему конфузу тѣ, что были постарше, безъ церемоніи наводили на меня лорнеты, составлявшіе въ то время необходимую принадлежность каждой свѣтской дамы и мужчины. Послѣдніе тоже не спускали съ меня полныхъ любопытства глазъ, и все это чрезвычайно забавляло мою графиню.

Чтобъ лучше подчеркнуть, что она беретъ меня подъ свою особенную протекцію, она посадила меня рядомъ съ собой на диванъ и во время разговора, который сдѣлался общимъ, безпрестанно обращалась ко мнѣ, то съ какимъ нибудь вопросомъ, то съ улыбкой.

Всѣми силами старалась она меня ободрить, но ей это не удавалось; любопытство, которое я возбуждала, благодаря моему семейному положенію, не могло меня не смущать и не возбуждать во мнѣ тяжелыхъ мыслей. Еслибъ всѣ эти равнодушные люди, такіе падкіе на все любопытное и выходящее изъ ряда обыкновенныхъ жизненныхъ явленій, знали про странную встрѣчу мою нѣсколько часовъ тому назадъ на площади! Но, къ счастью, никто, даже моя милая графиня, про это не знали, и я благодарила Бога за то, что мнѣ не удалось ей это сообщить. Не знаю почему, но теперь я понимала, что не имѣю права дѣлиться съ нею тайной, которая принадлежала не мнѣ одной. Почемъ я знаю, какія у Сережи причины не искать со мной свиданія? Можетъ быть, не надо, чтобъ кто либо, кромѣ меня, зналъ, что онъ въ Москвѣ? Я, можетъ быть, подвергну его опасности, если выдамъ его тайну? Ни за что я этого не сдѣлаю! Графиня со мной очень добра, и я готова ей довѣриться во всемъ, что касается меня самой, она все знаетъ про Шарля, и по всему видно—у моего возлюбленнаго отъ нея нѣтъ секретовъ, но это не причина выдавать ей Сережу. Самое его появленіе среди народной толпы и въ одеждѣ простолюдина не доказываетъ ли таинственности положенія, въ которомъ онъ находится и изъ котораго, повидимому, и не думаетъ выходить?

По мѣрѣ того, какъ мысли эти приходили мнѣ въ голову, открывая передъ моими духовными очами новые горизонты, мнѣ все тоскливѣе было сидѣть среди блестящаго и вполнѣ чуждаго мнѣ общества, съ которымъ, кромѣ равенства рожденія и образованія, у меня ровно ничего не было. Только съ виду принадлежала я къ ихъ средѣ. На мнѣ было такое же платье, какъ на молоденькихъ княжнахъ, кокетничавшихъ съ молодыми франтами; онѣ, какъ и я, безукоризненно говорили по-французски и учились всему у такихъ же гувернантокъ, какъ моя мадамъ, какъ нашъ аббатъ и нашъ танцмейстеръ, но на этомъ и кончалось сходство между ими и мною, и я чѣмъ угодно готова была поручиться, что ни одна изъ этихъ дѣвицъ не отдала бы себя всей душой и на всю жизнь, какъ я Шарлю, и что ни у одной изъ нихъ нѣтъ съ братьями такихъ отношеній, какъ у меня съ Сережей и съ Ромой. А наши чувства къ отцу? А то, что мы испытывали къ дѣду при жизни матери? Наши сердечныя страданія за нее и наше горе послѣ ея смерти, а странныя отношенія съ дѣдомъ и чувства наши, когда мы очутились въ домѣ этого дѣда, который такъ и остался для насъ таинственнымъ незнакомцемъ, невзирая на то, что мы цѣлыхъ три года жили подъ однимъ съ нимъ кровомъ и въ обществѣ страстно обожающей его дѣвушки, поставившей себѣ задачей представлять намъ его въ томъ идеализированномъ образѣ, въ которомъ она сама видѣла его сквозь призму романической любви! А то, что я переживала и переживаю, вотъ уже четыре года, отъ проходимки? Нѣтъ, нѣтъ, ни одна изъ

дамъ и дѣвицъ, съ которыми такъ хлопочетъ меня сблизить добрая графиня, ничего подобнаго не испытала въ жизни и даже и представить себѣ ничего подобнаго не можетъ! Да и жизнь самой графини, хотя и не похожая на жизнь ея знакомыхъ, прошла вдали отъ того, черезъ что я проходила и прохожу. Съ нею тоже я не могу быть вполнѣ откровенна. Одинѣ только Шарль, изъ чужихъ, намъ такъ близокъ, что можетъ насъ вполнѣ понимать и намъ сочувствовать. Какъ же мнѣ его не любить, когда онъ для меня на свѣтѣ единственный? Графиня воображаетъ, что мнѣ нравится въ немъ его умъ, характеръ, наружность и то, что онъ меня горячо любитъ, но главнаго, того сродства душъ, порожденнаго совмѣстной жизнью въ такой странной, уединенной обстановкѣ, какъ та, въ которой мы сошлись, про это она и не подозрѣваетъ.

Вотъ ему я сейчасъ бы разсказала про мою встрѣчу съ Сережей, и онъ, можетъ быть, объяснилъ бы то, что мнѣ такъ загадочно въ этой встрѣчѣ... Но его здѣсь нѣтъ, и Богъ знаетъ, когда и гдѣ насъ судьба столкнетъ! Въ будущемъ, кромѣ мрака и ужаса, ничего нельзя было себѣ представить. Непріятельское нашествіе! Сколько таинственныхъ и разнообразныхъ страховъ заключалось въ этихъ словахъ! Вспоминались разсказы очевидцевъ войнъ за границей. Съ появленіемъ на горизонтѣ Бонапарта, войны не прекращались въ Европѣ, и множество несчастныхъ жертвъ кровавой эпидеміи искали убѣжища у насъ въ Россіи. Не было дома, въ которомъ не побывали бы, болѣе или менѣе продолжительное время, эмигранты и разоренные войной иностранцы; всѣ они описывали напасти, которыхъ были свидѣтелями и жертвами. Такихъ разсказовъ приходилось выслушивать великое множество, но одно дѣло слушать описаніе чужихъ бѣдствій и другое готовиться испытать эти бѣдствія на себѣ. Стоило только послушать гостей графини, чтобъ убѣдиться въ этой истинѣ. Всѣ собирались уѣзжать подальше, одни въ опредѣленныя мѣста, въ свои деревни или къ роднымъ и знакомымъ, имѣвшимъ счастье, такъ мало цѣнимое нѣсколько недѣль тому назадъ, обладать имѣніями въ глуши, какъ Саратовская губернія и прилегающія къ ней, куда непріятеля нельзя было ждать. Другіе собирались скрыться куда глаза глядятъ, только бы подальше отъ предстоящихъ ужасовъ. Но чѣмъ всѣ были особенно озабочены, это сохраненіемъ имущества, волей - неволей оставляемаго въ Москвѣ, въ кладовыхъ и подвалахъ дѣдовскихъ домовъ.

Такое наступило время, что на прислугу невозможно было положиться.

— Вы слышали? Говорятъ, онъ сказалъ, что первой его заботой, когда онъ будетъ въ силѣ, это освобожденіе крестьянъ,—сказала одна изъ посѣтительницъ.

На всѣхъ лицахъ выразился ужасъ, одна только моя графиня съ улыбкой недовѣрія отнеслась къ этому предположенію.

— Мало ли что говорятъ! Будемъ лучше надѣяться, что до Москвы онъ не дойдетъ...

Но никто не раздѣлялъ ея надеждъ, и настроеніе съ каждой минутой и по мѣрѣ того, какъ повторялись слухи изъ главной квартиры, достигавшіе сюда и въ частныхъ письмахъ, а также и проскальзывавшіе въ газетахъ, не говоря уже объ иностранныхъ листкахъ, продолжавшихъ проникать во многіе дома, настроеніе омрачалось, и даже молодежь, беззаботно щебетавшая у окна нѣсколько минутъ тому назадъ, примолкла, невольно прислушиваясь къ зловѣщимъ словамъ старшихъ.

Дама въ желтой шали теперь ужъ безпрепятственно объясняла, что государь окруженъ измѣнниками, что манифестъ изданъ поздно, что теперь даже и ополченіе не спасетъ Россію...

Однако, когда она дошла до этого предположенія, графиня не выдержала и дрожащимъ отъ негодованія голосомъ спросила:

— Такъ чтожъ по-вашему? Покориться Бонапарту?

— Я этого не говорю, но насъ могутъ до этого довести...

— Никогда насъ до этого не доведутъ! Я первая скорѣе умру, чѣмъ покорюсь ему!—вскричала графиня.—И вы тоже, господа, не правда ли?—обратилась она къ группѣ у окна.

— Безъ сомнѣнія, графиня,—въ одинъ голосъ возразили молодые люди.

— Ахъ, Боже мой, вы, конечно, правы,—подхватили и окружавшія хозяйку дамы.

— А на народъ нашъ можно положиться, онъ отъ насъ не отступитъ, когда дѣло дойдетъ до защиты престола и религіи, значитъ, остается только предать себя въ руки Бога и терпѣливо ждать Его помощи и милосердія,—произнесла она торжественно, съ сверкающими святымъ восторгомъ глазами.

И, обращаясь къ молодымъ людямъ, продолжавшимъ стоять у окна, въ то время какъ дѣвицы приблизились къ матерямъ, окружавшимъ хозяйку, она прибавила съ улыбкой:—вѣдь вы, господа, тоже, какъ и всѣ, поступаете въ ополченіе?

— Мы пришли, чтобъ вамъ это сообщить, графиня,—отвѣчалъ одинъ нихъ.

— Очень рада. Подъ чье же начальство думаете вы поступить?

Свернутый на новую тему разговоръ произвелъ желаемую диверсію; пессимистки, прокаркавшія погибель Россіи, смутились и разъѣхались, остались только тѣ, которымъ хотѣлось вѣрить, какъ вѣрила графиня, въ лучшую будущность и несокрушимость Россіи. Время до обѣда пролетѣло незамѣтно. За одними гостями слѣдовали другіе, и мнѣ въ этотъ день такъ и не удалось остаться ни на минуту наединѣ съ моей покровительницей. Отпуская меня домой, она прервала бесѣду съ пріѣзжимъ изъ Петербурга вельможей, чтобъ спросить у меня: куда думаетъ отправить меня папенька изъ Москвы?

— У васъ есть подмосковная, но тамъ не безопасно, скажи это отъ меня отцу. Я предложила бы взять тебя съ собой, но уѣзжаю въ Петербургъ, чтобъ предоставить себя въ распоряженіе императрицъ, и сама не знаю, куда закинетъ меня судьба...

Я въ нѣсколькихъ словахъ передала ей опасенія дяди и предложеніе его отвезти меня въ монастырь къ бабушкѣ.

— Это въ Новгородскую губернію? У меня тамъ имѣніе и очень можетъ быть, что я и сама тамъ проведу нѣкоторое время. Если ты тамъ будешь, мы увидимся. Во всякомъ случаѣ прошу мнѣ писать, пока ты въ Москвѣ, можешь передавать письма мсьё Ксавье, кстати ты съ нимъ сегодня познакомилась...

— Неужели мы больше не увидимся?—со слезами спросила я.

— Ничего не могу тебѣ сказать. Каждую минуту жду возвращенія посланнаго съ письмомъ къ императрицѣ матери; если меня сейчасъ не вызовутъ, я черезъ нѣсколько дней за тобой пришлю. Ты меня безпокоишь,—продолжала она, пристально на меня глядя.— Когда ты вошла сегодня утромъ, у тебя было такое лицо, точно ты узнала какую нибудь ужасную новость, но такъ какъ я не дальше вчерашняго дня имѣла извѣстія отъ твоего сердечнаго друга черезъ графа Захара Григорьевича, а потомъ волненіе твое прошло, и ты съ большимъ интересомъ прислушивалась къ моему разговору съ Ксавье и съ гостями, я рѣшила, что это мнимое твое разстройство не что иное, какъ дѣйствіе моего воображенія, и что ничего новаго въ твоемъ положеніи не произошло... Вѣдь такъ? Не правда ли?

Лгать я ей не могла и только вмѣсто отвѣта бросилась ее обнимать.

Она нѣжно прижала меня къ своему сердцу и обѣщала всѣ свои усилія употребить, чтобы еще разъ повидать меня передъ отъѣздомъ. Больше она ничего не могла мнѣ сказать, разговоръ нашъ происходилъ въ дверяхъ гостиной, гдѣ на диванѣ сидѣлъ, въ ожиданіи ея возвращенія, почетный гость, съ большимъ трудомъ урвавшій минуту времени, чтобъ навѣстить дочь своего покойнаго друга.

Вернулась я домой довольно рано, но папенька не звалъ меня къ себѣ, и я прошла прямо въ свою комнату, гдѣ застала Рому.

Мальчикъ сидѣлъ у стола съ зажженными восковыми свѣчами въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ и перелистывалъ книгу съ картинками.

На вопросъ мой: почему онъ не устроился для разсматриванія картинокъ удобнѣе, не велѣлъ подать себѣ лампу или не взялъ самъ съ моего письменнаго стола подсвѣчники пониже,—онъ отвѣчалъ, что ему все равно.

— Я ничего не могу дѣлать, ни читать, ни писать, ни играть, я не знаю, куда мнѣ бѣжать отъ тоски,—проговорилъ онъ, прижи-

маясь ко мнѣ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.—Ты не должна уѣзжать такъ надолго, Лиза, когда тебя дома нѣтъ, мнѣ въ голову лѣзутъ такія скверныя мысли, что хочется умереть.

Я вспомнила про то, что слышала у графини, и стала готовить его къ мысли ѣхать къ дядѣ.—Тебѣ тамъ будетъ хорошо. Онъ такой добрый, и у него такое чудное имѣніе, такой прелестный садъ, множество книгъ. Дядя будетъ съ тобой заниматься...

— А ты?—спросилъ онъ, недовѣрчиво взглянувъ на меня.

— Ты знаешь, что у насъ война, и что Бонапартъ того и гляди дойдетъ до Москвы?—отвѣчала я на его восклицанія.

— Знаю... Знаешь, что?—съ живостью продолжалъ онъ, обвивая ручонками мою шею и устремляя на меня умоляющій взглядъ.— Я не хочу къ дядѣ, поѣдемъ лучше на хуторъ къ Варварѣ Петровнѣ,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

На хуторъ къ Варварѣ Петровнѣ! Какая чудная мысль! Какъ это она раньше не пришла мнѣ въ голову! Милый мальчикъ, какъ я была благодарна ему за нее! Нигдѣ намъ не будетъ такъ хорошо, какъ у нашей старой пріятельницы. Но какъ уговорить папеньку согласиться насъ къ ней отпустить? Онъ даже и представить себѣ не можетъ, чтобъ опасность грозила Москвѣ, и однимъ только озабоченъ, чтобъ ввести жену свою въ «общество»... Въ общество, котораго ужъ теперь больше не существуетъ, всѣ разбрелись или только думаютъ о томъ, чтобъ скорѣе покинуть городъ, который тоже, можетъ быть, скоро не будетъ существовать!...

А онъ между тѣмъ продолжалъ мечтать.

— Сестричка, какъ будетъ хорошо! Сережа къ намъ туда придетъ... мы опять всѣ будемъ вмѣстѣ, какъ въ маленькомъ домѣ, съ мамой...

Сережа! При этомъ имени я вздрогнула, воспоминаніе моей встрѣчи съ братомъ снова воскресло въ моей памяти, и на этотъ разъ такъ живо, что мнѣ и въ голову не приходило сомнѣваться въ дѣйствительности этой встрѣчи.

Какъ могла я сомнѣваться въ этомъ? Разумѣется, это былъ онъ...

И, должно быть, по улыбкѣ, озарившей мое лицо при этомъ воспоминаніи, чуткій мой братишка догадался о томъ, что происходитъ въ моей душѣ, потому что, обнявъ меня, онъ прошепталъ мнѣ на ухо:—Я скажу тебѣ большой секретъ, Сережа здѣсь!...

Внѣ себя отъ изумленія я стала его разспрашивать, но ничего не могла отъ него добиться, кромѣ того, что онъ вотъ ужъ нѣсколько дней сряду видитъ во снѣ брата, и что Петька, казачокъ, ему сказалъ, что это предвѣщаетъ свиданіе.

— Надо Богу больше молиться и не разговаривать съ мальчишками, — сказала я, смущенная его словами больше, чѣмъ мнѣ хотѣлось въ этомъ сознаться, даже и передъ самой собой.

Въ то время я была, во многихъ отношеніяхъ, немножко то, что называли вольтерьянкой, и не допускала вмѣшательства таинственныхъ невидимыхъ силъ въ наши житейскія дѣла. Причиной тому было наше воспитаніе, сначала, когда понятія ребенка часто складываются на всю жизнь, безотлучно при матери, которая ничего такъ не боялась, какъ чтобъ мы не заразились отъ прислуги предразсудками, а потомъ въ домѣ дѣда, друга Вольтера и Руссо, гдѣ, какъ извѣстно читателю, мы находились на особомъ положеніи, въ полнѣйшемъ разобщеніи отъ прислуги, которая не смѣла, безъ надобности, даже и входить въ наши комнаты. Отъ Люси, Шарля и мадамъ Постуланти мы не могли научиться никакимъ предразсудкамъ, они тоже были воспитаны на европейскій манеръ, съ преобладающимъ вліяніемъ энциклопедистовъ. Даже самая религія существовала для насъ скорѣе, какъ символъ отечества, чѣмъ какъ душевная потребность. Мы были русскіе, а потому не могли не быть православными, точно также какъ не могли не обожать самодержавнаго царя и не быть готовыми, при первомъ удобномъ случаѣ, жертвовать для него жизнью.

Моя новая покровительница, графиня Наталья Алексѣевна, приводила меня въ восторгъ и умиленіе своей вѣрой, чистой, какъ у ребенка, и твердой, какъ у мученицы среднихъ вѣковъ, но я не понимала ея чувствъ и если не позволяла себѣ ихъ осуждать, то потому только, что никогда не могла осуждать тѣхъ, кого любила. Это свойство моей природы, сохранившееся во мнѣ, невзирая на перемѣны, подъ вліяніемъ времени и обстоятельствъ, измѣнившихъ все мое духовное существо, мой умъ, характеръ, взглядъ на жизнь и людей и самое понятіе о добрѣ и злѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но совпаденіе моей встрѣчи съ Сережей съ видѣніемъ моего меньшаго брата произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я долго не могла заснуть отъ мыслей, безпорядочнымъ хаосомъ тѣснившихся въ моей головѣ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

VIII.

Одиночество.—Переѣздъ къ Полуденскимъ.—Ихъ семейство.—Новая квартира.—Состояніе.—Князь Оболенскій.—Аѳанасьевъ и Викторовъ.—Моя болѣзнь.—Дядя Н. Н. Загоскинъ.—Поѣздка въ Тверь.—Кончина дяди.—Князь С. М. Голицынъ.—Армянинъ его.—Императоръ Николай I и Н. С. Пашкова.—Семейство С. Т. Аксакова.—Кончина Л. Г. Новосильцовой.—Слухи о войнѣ.—Манифестъ.—Впечатлѣніе его на Москву.—Увеселенія.—Мои новые пріятели.

ПРЕДАВЪ землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ все, что было мнѣ дорого на свѣтѣ, я не имѣлъ болѣе силъ оставаться въ нашемъ домѣ и, 29-го марта, въ день похоронъ матушки, переѣхалъ на временное жительство къ другу моему Полуденскому, радушно предложившему мнѣ раздѣлить съ нимъ его единственную комнату. Переѣхавъ къ нему, я почувствовалъ нестерпимую тоску и гнетущее чувство полнаго одиночества и сиротства. Долго, очень долго, чувство это не переставало преслѣдовать меня, невзирая даже на чисто родственное участіе, оказываемое мнѣ всею семьею Полуденскихъ.

Въ то время, хозяина дома, престарѣлаго Петра Семеновича Полуденскаго, уже не было въ живыхъ. Онъ скончался почти одно-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 921.

временно съ моимъ отцомъ, а въ домѣ проживала вдова его, Елена Александровна, съ двумя пожилыми дочерьми и тремя сыновьями, изъ которыхъ младшій и былъ моимъ другомъ.

Елена Александровна, рожденная Лунина, дочь бывшаго предсѣдателя московскаго опекунскаго совѣта, Александра Михайловича Лунина, пользовавшагося большимъ благоволеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, была женщина уже преклонныхъ лѣтъ. Высокаго роста, чрезвычайно худая, она отличалась большимъ чревомъ и угрюмымъ, покрытымъ морщинами лицомъ. Несмотря на свой непривѣтливый и странный видъ, она была очень добра и, когда желала, чрезвычайно любезна, но дѣтей и прочихъ домочадцевъ держала въ страхѣ и повиновеніи. Къ сожалѣнію, за нею водился одинъ грѣшокъ: она была нѣсколько сварлива. Встанетъ иногда утромъ въ дурномъ расположеніи духа и въ теченіе остальнаго дня не перестаетъ придираться къ своимъ домашнимъ, особенно къ дѣтямъ, которыя въ этомъ случаѣ переставали громко разговаривать и только шопотомъ передавали другъ другу одну и ту же фразу: «тише, тише, генеральша козыряетъ!» Старушка очень полюбила меня, и если въ минуты ея козырянья я спрашивалъ ее о причинѣ такого дурного расположенія духа, то она всегда отвѣчала слѣдующими словами: «помилуй, батюшка, нервы расходились, всѣ меня сердятъ!» А на самомъ дѣлѣ нервы ея были въ полномъ порядкѣ, и никто не думалъ сердить ее.

Старшая дочь, Варвара, когда-то настоящая красавица, была въ замужествѣ за весьма богатымъ помѣщикомъ Лугининымъ [1]), но, не знаю почему, не поладивъ съ нимъ, жила у своей матери. Вторая дочь, дѣвица ..... умная, предобрая, любезная, но хворая и нѣсколько дикая, не любила свѣтъ и потому почти не выходила изъ дома.

Сыновья Елены Александровны были: Сергѣй, Николай и Михаилъ [2]). Первые два служили при Московскомъ университетѣ,— Сергѣй — библіотекаремъ, а Николай не припомню въ какой должности. Они оба отличались замѣчательнымъ умомъ, прямотою характера и рѣдкимъ образованіемъ, но другъ на друга вовсе не походили. Сергѣй, худой, высокаго роста, выглядѣлъ англійскимъ лордомъ и былъ свѣтскій, любезный человѣкъ. Второй, тоже худой,

---

[1]) Дочь ихъ Марія, прекрасивая и премилая, вышла за генерала Николая Александровича Безака.

[2]) Всѣ трое скончались почти въ однихъ и тѣхъ же лѣтахъ (около 40 лѣтъ) и, по опредѣленію лѣчившаго ихъ всѣхъ одного и того же извѣстнаго въ Москвѣ врача П...а, — отъ чахотки. Михаилъ, послѣ кончины своихъ братьевъ, заболѣвъ одинаковою съ ними болѣзнью, просилъ, въ случаѣ его смерти, анатомировать его тѣло. Изслѣдованіе это обнаружило не чахотку, а совершенно иную болѣзнь, и слѣдовательно докторскій діагнозъ и лѣченіе, во всѣхъ трехъ случаяхъ, были непростительно ошибочны.

но малаго роста, не отличался изяществомъ манеръ, походилъ на стараго семинариста, не любилъ общества и былъ крайне молчаливъ.

О меньшомъ сынѣ Михаилѣ я уже прежде говорилъ.

Проживъ у Полуденскихъ болѣе мѣсяца, я нанялъ во флигелѣ ихъ дома, выходившемъ въ Лебяжій переулокъ, маленькую, но помѣстительную квартиру, изъ которой былъ прекрасный видъ на Замоскворѣчье. Уютно устроившись въ ней, я не могъ, однако, по малому размѣру довольно низкихъ комнатъ, помѣстить библіотеку отца въ большихъ книжныхъ шкафахъ и счелъ удобнымъ, до поры до времени, свалить всѣ книги на полъ въ одну комнату, загромоздивъ ее почти до потолка.

Поступокъ этотъ, свидѣтельствовавшій о недостаткѣ моего образованія и пренебреженіи къ книгамъ, привелъ въ негодованіе Михаила Полуденскаго. Онъ сильно распекъ меня; назвалъ неучемъ и невѣждою и самъ привелъ въ порядокъ всѣ разбросанныя книги, поставивъ ихъ безъ шкафовъ, вдоль стѣнъ, одна на другую и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ съ меня слово, что впредь я не буду такъ варварски обращаться съ моею довольно цѣнною библіотекою.

Начавъ новую, одинокую жизнь, я взялъ къ себѣ мою няню Анну Петровну и ея брата Андрея Петровича, камердинера моего отца, и нѣсколько другихъ слугъ, находившихся въ нашемъ домѣ. Поручивъ нянѣ вести хозяйство и сдѣлавъ ее кассиромъ моихъ доходовъ и расходовъ, я самъ ни во что болѣе не вмѣшивался, спокойно препровождая утро на службѣ, а вечера дома, у Полуденскихъ или у К......хъ. Сверхъ того, я посвящалъ немало времени разнымъ переговорамъ по раздѣлу имѣнія между мною и братьями, которые, по духовному завѣщанію матушки, наслѣдовавшей послѣ смерти батюшки все его состояніе, получили меньшую, чѣмъ я, часть на томъ основаніи, что за нихъ уже было заплачено родителями изрядное количество долговъ, а за меня, конечно, ни одной копейки. Братья нисколько не сѣтовали за распоряженіе матушки, признавая волю ея вполнѣ справедливою. По ея завѣщанію, я получилъ во Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, два имѣнія: с. Кохму и д. Тарбаево, состоявшія изъ 250 крестьянъ, нашъ московскій домъ, всю движимость и третью часть изъ капитала, который долженъ былъ выручиться отъ продажи согласно завѣщанію матушки подмосковнаго имѣнія въ Звенигородскомъ уѣздѣ и дачи въ Петровскомъ паркѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое съ имѣвшимся у меня маленькимъ капиталомъ, подареннымъ матерью еще при жизни ея, настолько обезпечило меня, что я могъ продолжать жить прилично, не мѣняя прежней своей обстановки въ домѣ родительскомъ.

Не будучи ни мотомъ, ни кутилою, я былъ очень доволенъ, что достатокъ мой дозволялъ и, какъ я тогда полагалъ, дозволитъ и впредь

жить, не разсчитывая на службу. Чувство этого довольства происходило вслѣдствіе того, что батюшка считалъ всегда счастливымъ человѣка, который не нуждался въ службѣ и могъ себя посвятить ей, не стѣсняясь размѣромъ содержанія и зная, что отставка не лишитъ его насущнаго хлѣба. Такое мнѣніе отца было послѣдствіемъ его личнаго убѣжденія въ томъ, что судьба служащаго лица часто зависитъ не отъ однѣхъ его способностей и усердія, но и отъ каприза его начальника, и что чѣмъ болѣе жизнь чиновника находится въ зависимости отъ получаемаго имъ содержанія, тѣмъ болѣе онъ дѣлается слугою и даже рабомъ своего начальства, между тѣмъ какъ человѣкъ обезпеченный, добросовѣстно исполняющій свои служебныя обязанности, будетъ вѣрнѣе застрахованъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя нерѣдко сыплются на голову бѣдныхъ тружениковъ, опасающихся потерять свое мѣсто. Конечно, это мнѣніе отца не относилось ко всѣмъ вообще начальствующимъ лицамъ, а лишь къ тѣмъ, которые считали своихъ чиновниковъ чуть ли не крѣпостными, и которыхъ въ эту эпоху было немало въ нашей администраціи; къ этимъ послѣднимъ можно было бы отнести и моего начальника князя Оболенскаго, который, какъ я выше упомянулъ, не оказалъ мнѣ послѣ кончины моего отца ни малѣйшаго участія — даже на словахъ, а послѣ смерти матери, несмотря на аккуратное мое ежедневное посѣщеніе архива и усердное исполненіе моихъ обязанностей, нашелъ, къ удивленію всѣхъ моихъ товарищей, что будто бы я, освободившись отъ родительскаго надзора, «сталъ отлынивать отъ службы». Хотя мнѣніе князя не имѣло ни малѣйшаго основанія, но думаю, что если бы въ то время я былъ человѣкъ безъ всякаго состоянія, то мой начальникъ не задумался бы при удобномъ случаѣ выпроводить меня изъ архива, подобно тому, какъ позднѣе онъ выпроводилъ оттуда двухъ бѣдныхъ чиновниковъ, стоявшихъ по своимъ способностямъ, познаніямъ и уму неизмѣримо выше остальныхъ своихъ сослуживцевъ: то были Аѳанасьевъ и Викторовъ. Объ этихъ двухъ благородныхъ личностяхъ и рѣдкихъ труженикахъ мнѣ нечего распространяться: они заслужили такую почетную извѣстность въ литературѣ и наукѣ, что имя ихъ произносится съ полнымъ уваженіемъ каждымъ образованнымъ русскимъ человѣкомъ, и этихъ-то двухъ замѣчательныхъ чиновниковъ Оболенскій заставилъ покинуть архивъ, придравшись къ Викторову за то, что между служебными его бумагами нашлись какіе-то свободные стихи Пушкина, а къ Аѳанасьеву—не помню за что, но, конечно, за какой нибудь вздоръ.

Въ апрѣлѣ вся Москва была взволнована страшнымъ происшествіемъ: убійствомъ княгини Вѣры Дмитріевны Голицыной. Ее убилъ молодой послушникъ Донского монастыря Зыковъ. Княгиня, не задолго передъ тѣмъ овдовѣвшая, была женщина высокой нравственности, достойная всякаго уваженія и горячо любившая своего по-

койнаго мужа и единственнаго сына, въ то время, весьма юнаго, но уже женатаго на Елизаветѣ Александровнѣ Чертковой. Голицыны часто принимали Зыкова, который мало-помалу страстно влюбился въ княгиню и, по кончинѣ ея мужа, разсчитывалъ, тронувъ ее своею любовью, жениться на ней; но, получивъ рѣшительный отказъ и услыхавъ, что будто бы она выходитъ снова замужъ, что̀, впрочемъ, было невѣрно, убилъ ее кинжаломъ.

Въ началѣ мая, проживавшій въ Твери дядя мой, Иліодоръ Николаевичъ Загоскинъ, пріѣхалъ навѣстить меня. Не видавъ его со дня похоронъ матушки, когда онъ нарочно пріѣзжалъ въ Москву, я очень обрадовался ему, но удивился, что онъ остановился не у меня, а въ какой-то гостиницѣ, и только вслѣдствіе усиленной моей просьбы согласился переѣхать ко мнѣ. Прогостивъ нѣсколько дней, дядя передъ отъѣздомъ сказалъ мнѣ: «ну, мой другъ, теперь я долженъ признаться, что не хотѣлъ остановиться у тебя, потому что одинъ нашъ общій, близкій родственникъ сказалъ мнѣ: «не останавливайтесь у Сережи, вы будете для него un trouble fète; онъ со дня кончины матери такъ кутитъ въ компаніи разной молодежи, что ему будетъ непріятно и стѣснительно принять васъ у себя». Теперь, видя твое горе и послѣ разспросовъ у няни и ея брата, я убѣдился, что все выдумано съ цѣлью повредить тебѣ въ моихъ глазахъ». Легко себѣ представить, въ какое негодованіе привела меня такая явная ложь, и какъ я былъ благодаренъ дядѣ, назвавшему мнѣ по имени клеветника, который именно въ то время постоянно увѣрялъ меня въ своей дружбѣ и любви. Не зная ничего подобнаго за собою и бывая въ компаніи людей тихихъ и смирныхъ, я никакъ не могъ объяснить причину, заставившую моего родственника оклеветать меня! Но эта первая клевета, и притомъ взведенная на меня человѣкомъ мнѣ близкимъ, до того поразила меня, что я тогда же пришелъ въ нѣкоторое сомнѣніе относительно вѣрности убѣжденія моего отца, «что всѣ люди—прекрасные люди».

Дядя, возвращаясь надолго въ Тверь, захотѣлъ взять меня съ собою на одинъ день, на что я охотно согласился, желая видѣть тетушку, которой почти не зналъ, а также и посмотрѣть на городъ Тверь.

При покупкѣ билета на поѣздъ я былъ крайне удивленъ требованіемъ кассира моего паспорта. Не подозрѣвая, что билеты на проѣздъ въ Петербургъ или другія станціи Николаевской желѣзной дороги продавались не иначе, какъ по удостовѣреніи личности покупателя, я, конечно, не взялъ съ собою никакого документа, но такъ какъ дядя былъ однимъ изъ начальствующихъ лицъ этой дороги, то онъ засвидѣтельствовалъ мою личность. Изъ этого правила можно судить, какъ строги и стѣснительны были тогдашніе порядки для путешествующихъ даже въ своемъ отечествѣ! А былъ ли изъ этого какой толкъ,—не думаю.

Прогоститвъ въ Твери менѣе сутокъ, я возвратился домой совершенно разочарованный отъ перваго видѣннаго мною губернскаго города, хотя, по правдѣ сказать, въ началѣ 50-хъ годовъ, Москва, за исключеніемъ Кремля, сильно смахивала на ту же Тверь, лишь въ гораздо большемъ размѣрѣ, но любовь моя къ нашей древней столицѣ не допускала тогда и мысли о возможности сравнить ее съ какимъ либо губернскимъ городомъ.

Не прошло мѣсяца послѣ моей поѣздки къ дядѣ, какъ я получилъ извѣстіе о его почти внезапной кончинѣ отъ холеры. Извѣстіе это дошло до меня послѣ его погребенія, и потому я не поѣхалъ въ Тверь. Смерть его глубоко огорчила меня, и мнѣ было искренно жаль добраго родного, благороднѣйшаго человѣка и рѣдкаго христіанина. Послѣ его смерти осталась вдова и нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни и при весьма незначительномъ пенсіонѣ.

Лѣто я провелъ самымъ тихимъ образомъ въ Москвѣ, отправляясь иногда по воскресеніямъ и праздникамъ къ моимъ знакомымъ въ какую нибудь недальнюю подмосковную, и чаще всѣхъ къ Полуденскимъ, проживавшимъ лѣтомъ близъ Москвы въ с. Кузьминкахъ, имѣніи князя Сергѣя Михайловича Голицына, гдѣ у нихъ была собственная дача, построенная на землѣ, подаренной покойному П. С. Полуденскому, другомъ его, владѣльцомъ имѣнія. Тамъ, въ первый разъ, я былъ представленъ князю Сергѣю Михайловичу, который хотя и посѣщалъ моего отца, но никогда не видалъ меня. Онъ обошелся со мною чрезвычайно ласково и на другой день пригласилъ къ обѣду.

Князь Голицынъ [1]), предсѣдатель московскаго опекунскаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса, проживалъ лѣтомъ въ своемъ имѣніи «Мельницахъ», извѣстномъ болѣе подъ именемъ «Кузьминокъ». Деревенскій домъ его, состоявшій изъ длиннаго, стариннаго одноэтажнаго зданія, окруженнаго великолѣпнымъ паркомъ, представлялъ изъ себя настоящее, барское жилище сановника Екатерининскаго времени.

Единственный, и едва ли не послѣдній, русскій вельможа, проживавшій тогда въ Москвѣ, князь Сергѣй Михайловичъ пользовался уваженіемъ и любовью всего общества. Маленькаго роста, довольно плотный, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ и темнорусыми, зачесанными съ затылка на плѣшивую голову волосами, онъ казался, для своихъ 80-ти лѣтъ, замѣчательно бодрымъ и моложавымъ; походка его была скорая, какъ у молодого человѣка, а вся фигура его имѣла видъ важно выглядывавшаго пѣтушка. Зимою онъ жилъ на Пречистенкѣ въ бельэтажѣ своего огромнаго дома, отдѣланнаго во

[1]) Сынъ генералъ-поручика князя Михаила Михайловича Голицына и жены его Анны Александровны, рожденной баронессы Строгоновой.

вкусѣ конца прошлаго столѣтія, а въ нижнемъ этажѣ жили престарѣлая сестра его княгиня Елена Михайловна и ея пріятельница, ветхая фрейлина императрицы Маріи Θеодоровны, Екатерина Николаевна Кочетова, родственница знаменитой княгини Дашковой. Въ домѣ жилъ также крестникъ князя, армянинъ, Михаилъ Ивановичъ (фамиліи его не помню), всегда сопровождавшій его на всѣхъ прогулкахъ и извѣстный тѣмъ, что въ самые жестокіе морозы онъ гулялъ въ одномъ сюртукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ, а зимою купался ежедневно въ Москвѣ-рѣкѣ.

Князь Голицынъ, давая рѣдко балы, и то только для царской фамиліи, однако, открыто принималъ вечеромъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, множество пожилыхъ москвичей, пріѣзжавшихъ къ нему не иначе, какъ во фракѣ и орденахъ, вслѣдствіе того, что и онъ самъ почти съ утра надѣвалъ фракъ съ двумя звѣздами: Андреевскою и Владимірскою. Большая часть гостей проводила вечеръ за карточнымъ столомъ. Въ одиннадцать часовъ подавался роскошный ужинъ, подъ конецъ котораго являлись сладкимъ блюдомъ конфеты домашняго приготовленія, славившіяся во всей Москвѣ и походившія на подаваемыя при дворѣ. Вина, кушанья, сервировка стола и многочисленная прислуга, одѣтая въ красные, ливрейные фраки, превосходила роскошью все существовавшее тогда въ прочихъ богатыхъ московскихъ домахъ.

Князь былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Измайловой, извѣстной подъ названіемъ «la princesse nocturne» [1]), но чета эта не жила вмѣстѣ и, по разсказамъ ея современниковъ, разъѣхалась тотчасъ послѣ вѣнчанія.

Въ городскомъ домѣ была красивая, небольшая церковь, куда по воскресеньямъ собирались знакомые князя и преимущественно дамы. Нѣкоторые изъ нихъ приглашались имъ, послѣ богослуженія, въ гостиную на чашку чая. Вообще, князь любилъ, чтобы его знакомые посѣщали его церковь, и замѣтивъ какого либо старика, давно не бывшаго у него у обѣдни, онъ обращался къ нему съ слѣдующими словами: «Помилуй, любезный» (князь всѣмъ мужчинамъ говорилъ «ты»), «да ты никогда не ходишь въ церковь!—развѣ это возможно?» и на отвѣтъ, что лице это бываетъ въ соборахъ или въ своей приходской церкви, князь ничего не возражалъ, но принималъ удивленный видъ, какъ бы не довѣряя, что въ Москвѣ существуютъ другія церкви, кромѣ его собственной.

Голицынъ былъ человѣкъ весьма добрый и много помогалъ бѣднымъ тайно и явно. Умъ его былъ простой, дѣльный, но довольно ограниченный. Несмотря на то, онъ былъ интереснымъ раз-

---

[1]) Дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Михайловича Измайлова отъ брака его съ княжною Александрою Борисовною Юсуповою. Она жила въ Петербургѣ, занималась астрономіею и принимала гостей съ 11-ти часовъ вечера до глубокой ночи.

сказчикомъ, особенно когда разсказы его касались временъ «матушки Екатерины II», благосклонностью которой онъ пользовался съ самаго ранняго дѣтства.

Невзирая на свою невзрачную фигуру и постоянно крикливый голосъ, онъ могъ служить типомъ истиннаго вельможи и притомъ совершенно самостоятельно. Твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ не жертвовалъ ими ни въ чью пользу, не обращая вниманія ни на какія лица и даже часто наперекоръ всѣмъ свѣтскимъ приличіямъ. Любя пламенно императора Николая Павловича, къ которому онъ былъ весьма близокъ, князь не дѣлалъ и ему ни малѣйшей уступки, когда уступка эта касалась личныхъ его убѣжденій.

Приведу, для примѣра, одинъ подобный случай, разсказанный мнѣ родственницею князя Надеждою Сергѣевною Пашковою, которую онъ, неизвѣстно почему, недолюбливалъ и къ себѣ не приглашалъ. Однажды, не знаю въ какомъ году, во время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ, князь далъ балъ, на который, конечно, не пригласилъ своей родственницы. Разобиженная барыня, пользовавшаяся большою благосклонностью Николая Павловича, пожаловалась ему на своего строптиваго родственника. Тогда государь обѣщалъ ей примирить ее съ княземъ. На другой день къ Пашковой явился камердинеръ послѣдняго съ приглашеніемъ ея, по высочайшему повелѣнію, къ нему на балъ. Она, конечно, съ радостью поѣхала. Но когда подошла къ хозяину дома, чтобы съ нимъ поздороваться, то онъ немедленно повернулся къ ней спиною. Разобиженная Надежда Сергѣевна разсказала государю о томъ, какъ она была приглашена на балъ, и о невѣжливости князя. «Хорошо»,— сказалъ его величество,—«за ужиномъ я сяду рядомъ съ вами и помирю васъ съ нимъ», и, дѣйствительно, за ужиномъ Николай Павловичъ спросилъ подошедшаго къ нему Голицына, почему онъ не любитъ свою родственницу и не хочетъ быть съ нею знакомъ. «Эхъ, ваше величество,—отвѣтилъ тотъ,—какая она родственница!— по Адаму, пожалуй, и я вамъ родня!» и затѣмъ отошелъ отъ государя. Николай Павловичъ, расхохотавшись, поспѣшилъ утѣшить Пашкову тѣмъ, «что съ подобнымъ упрямцемъ ничего не подѣлаешь!» Послѣ этого бала князь, попрежнему, не видался со своею родственницею и, если гдѣ встрѣчалъ ее, то обращался къ ней спиною.

Посѣщая въ это лѣто, какъ я выше сказалъ, нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, жившихъ въ окрестностяхъ Москвы, я однажды предпринялъ болѣе дальнюю поѣздку въ Троице-Сергіеву лавру, на обратномъ пути заѣхалъ къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову, проживавшему съ семействомъ, близъ Хотькова монастыря, въ своемъ имѣніи «Абрамцовѣ». До того времени я рѣдко видалъ Сергѣя Тимоѳеевича и его семейство и радъ былъ случаю ближе съ нимъ познакомиться, въ надеждѣ, что впослѣдствіи я буду часто посѣ-

щать ихъ и сдѣлаюсь, подобно моему отцу, другомъ ихъ дома. Принятый хозяиномъ, хозяйкою и всѣми дѣтьми самымъ радушнымъ образомъ, я провелъ у нихъ цѣлый день.

Аксаковъ былъ человѣкъ уже весьма пожилой и болѣзненный и носилъ, подобно всѣмъ славянофиламъ, русское платье, т. е. кафтанъ и красную рубашку съ косымъ воротомъ. Длинные волосы его, гладко и тщательно причесанные съ проборомъ посреди головы, и окладистая бѣлая борода придавали его лицу видъ чисто библейскій, а самое лице, старческое, благообразное и выразительное съ однимъ добрымъ и умнымъ глазомъ (онъ былъ кривъ на одинъ глазъ), привлекало къ нему всякаго, видѣвшаго его даже въ первый разъ. Не менѣе его была привлекательна и жена его Ольга Семеновна [1]). Старая, тучная, сѣдая, съ круглымъ, смуглымъ лицемъ калмыцкаго типа, она была высокодобродѣтельная и рѣдкая во всѣхъ отношеніяхъ женщина. Крайне простая въ обращеніи, она умомъ и образованіемъ много отличалась отъ дамъ своего времени. Вообще, доброта и гостепріимство ея, какъ и Сергѣя Тимоѳеевича, привлекали въ ихъ домъ людей разныхъ слоевъ общества, но только людей умныхъ, ученыхъ и образованныхъ—пустымъ свѣтскимъ болтунамъ тамъ не было мѣста.

Кромѣ трехъ сыновей, у нихъ было нѣсколько дочерей—дѣвицъ [2]), изъ которыхъ одна, уже не молодая, была постоянно больна. Всѣ дочери, подобно родителямъ и братьямъ, отличались умомъ, образованіемъ и начитанностью и нисколько не походили на большинство дѣвицъ московскаго общества, съ которыми онѣ, впрочемъ, и не были знакомы.

Долженъ сознаться, что, посѣщая съ того времени, какъ я сталъ выѣзжать въ свѣтъ, семейства вполнѣ почтенныя и уважаемыя, но по уму и познаніямъ ничѣмъ не превышавшія общій уровень, я въ первый разъ и на цѣлый день попалъ въ среду не свѣтскую, но гдѣ образованіе и начитанность сразу и совсѣмъ придавили меня... Несмотря на самый радушный пріемъ всего семейства и неоднократные поцѣлуи Константина Аксакова, душившаго меня въ своихъ геркулесовскихъ объятіяхъ, я чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ: мнѣ было какъ-то неловко, и я мало разговаривалъ изъ опасенія сказать какой нибудь вздоръ или высказать мое невѣжество и особенно полное незнаніе славянофильскаго ученія, чего, конечно, Аксаковы не могли ожидать отъ сына ихъ друга, истинно русскаго человѣка, постоянно вращавшагося въ ихъ кружкѣ. Пробывъ у нихъ весь день, я былъ очень радъ наступленію вечера и возможности уѣхать въ Москву. Съ тѣхъ поръ, къ стыду моему, я съ Аксаковыми болѣе не сближался, о чемъ

---

[1]) Рожденная Заплатина.

[2]) Изъ нихъ только одна вышла за г. Томашевскаго.

позднѣе часто и отъ души сожалѣлъ, сознавая, что общество людей, у которыхъ можно было встрѣтить лучшихъ представителей тогдашней литературы и ученаго міра, было бы для меня несравненно полезнѣе того, въ которомъ я продожалъ вращаться. Но поѣздка въ Абрамцово принесла мнѣ большую пользу: съ этого дня, убѣдившись въ моей непригодности къ разговорамъ съ очень умными людьми, я принялся за чтеніе разныхъ серіозныхъ книгъ и изученіе русской исторіи и литературы, но только не славянофильскаго ученія, къ которому тогда ничто не влекло меня...

Осень въ этомъ году принесла мнѣ новое горе: въ Москвѣ скончалась лучшая пріятельница покойной матушки, Любовь Григорьевна Новосильцова, которую я съ самаго моего дѣтства очень любилъ, а въ юности часто навѣщалъ, восхищаясь привѣтливостью, добротою и любезностью этой 70-ти-лѣтней старушки. За нѣсколько часовъ до своей кончины, она потребовала меня къ себѣ, желая проститься со мною. Не зная ничего о внезапной ея болѣзни, я поспѣшилъ къ умирающей, которую засталъ въ полной памяти и окруженною ея родными [1]). Поцѣловавъ и благословивъ меня, она спокойно, но съ какою-то поразительною увѣренностью сказала: «прощай, скоро увижу твою мать и скажу ей, что передъ смертью, видѣла и благословила тебя». Это были ея послѣднія слова, и затѣмъ она впала въ безпамятство и незамѣтно перешла въ вѣчность.

Въ октябрѣ, стали носиться среди московской публики слухи о предстоящей будто бы войнѣ съ Турціею. Слухи эти перепугали многихъ маменекъ, у которыхъ иные сынки были въ военной службѣ а послѣдніе, напротивъ, радовались и съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія возникшихъ у насъ съ Турціею недоразумѣній, въ надеждѣ, въ случаѣ войны, не только сразиться съ врагомъ и, по выраженію тогдашней молодежи, забросать его шапками, но и схватить нѣсколько наградъ. Вскорѣ, недоразумѣнія эти разрѣшились: 20-го октября послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціею, и почти вслѣдъ за тѣмъ Россія была обрадована извѣстіемъ объ одержанной нами блистательной побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ, при Синопѣ. Послѣ этой первой славной побѣды Москва стала съ полною надеждою ожидать дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія...

Считая излишнимъ распространяться о крымской кампаніи, которая уже достаточно всѣмъ извѣстна, я не могу не упомянуть о замѣчательномъ воодушевленіи, охватившемъ московскую молодежь, которая, почувствовавъ порохъ въ воздухѣ, встрепенулась и поже-

---

[1]) Изъ многочисленныхъ племянницъ ея были извѣстны въ литературѣ Софія Владиміровна Энгельгардтъ, писавшая подъ именемъ Ольги Н., и Екатерина Владиміровна Новосильцова—подъ псевдонимомъ «Толычевой».

лала принять участіе въ войнѣ. Много молодыхъ людей, не бывшихъ никогда въ военной службѣ, поступили въ разные полки, находившіеся на театрѣ войны, въ томъ числѣ и три моихъ пріятеля: два брата князья Голицыны[1]) и Николай Сергѣевичъ Римскій-Корсаковъ. Двумъ первымъ, къ несчастію, не посчастливилось: въ теченіе войны они оба были убиты—одинъ 16-го мая, въ несчастномъ дѣлѣ Карамзина, а другой при бомбардировкѣ Севастополя.

Римскій-Корсаковъ же, поступивъ юнкеромъ въ какой-то гусарскій полкъ подъ начальство своего дяди, фельдмаршала князя Паскевича, совершилъ благополучно всю кампанію и заслужилъ знакъ военнаго ордена.

Что касается до моихъ друзей Полуденскаго и Благово и до меня самого, то мы, хотя и были горячіе патріоты, но, какъ люди статскіе, тихіе, смирные, нечестолюбивые и, главное, нехрабраго десятка, предпочли остаться въ Москвѣ, утѣшая себя мыслью, что, если бы и поступили въ военную службу, то безъ малѣйшей пользы для отечества и самихъ себя, такъ какъ въ военномъ дѣлѣ мы были совершенными профанами, а на войнѣ у насъ не было никакихъ вліятельныхъ дядюшекъ, при которыхъ можно было бы состоять ординарцами.

IX.

Домъ Пашковыхъ.—Княгиня Л. Т. Голицына.—Графиня М. И. Васильева.—Княгиня О. А. Долгорукова. — П. П. Свиньинъ.—Графиня Е. П. Ростопчина.—П. И Озеровъ.—Перемѣна въ служебныхъ занятіяхъ.—Наслѣдникъ цесаревичъ.—Мое совершеннолѣтіе.—Вечеръ въ Петровскомъ паркѣ.—Новая квартира. — А. И. Бутовскій и Н. Г. Рубинштейнъ.—Москва и война.—Кончина жены брата Дмитрія.—Манифестъ о призывѣ ополченія. — Мое вступленіе въ ополченіе. — Князь М. А. Оболенскій.—Кончина императора Николая I.—Присяга.—А. П. Ермоловъ.— Паденіе колокола съ Ивана Великаго.

Въ началѣ 1854 года, мой образъ жизни нѣсколько измѣнился, я сталъ по вечерамъ рѣже сидѣть дома и чаще посѣщать моихъ хорошихъ знакомыхъ, особенно Пашковыхъ, гдѣ въ этомъ году, кромѣ радушной хозяйки Надежды Сергѣевны, начали принимать гостей и двѣ старшія ея дочери, Ольга и Зенаида, изъ которыхъ первая была чрезвычайно остроумна и нерѣдко очень забавна, а вторая, маленькая, хорошенькая, напоминала собою саксонскую фарфоровую куколку. У Пашковыхъ можно было встрѣтить много

---

[1]) Петръ и Александръ Николаевичи, сыновья князя Николая Сергѣевича (роднаго племянника извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя Александра Николаевича) отъ брака его съ Воейковой.

пріятныхъ, но только свѣтскихъ людей. Въ числѣ дамъ бывала тамъ часто тетушка хозяйки дома, графиня Марія Ивановна Васильева, рожденная графиня Кутайсова, дочь извѣстнаго любимца императора Павла, премилая, умная и почтенная старушка, которая отлично помнила старину, много разговаривала и со всѣми была любезна.

У нея былъ единственный сынъ [1]), послѣдній представитель графскаго рода Васильевыхъ [2]), женатый на очень красивой англичанкѣ, которую всѣ знали не иначе, какъ «comtesse Betsy». Но ни мужъ, ни жена не представляли изъ себя ничего особеннаго. Посѣщала часто Пашковыхъ и княгиня Луиза Трофимовна Голицына, рожденная Баранова, дама среднихъ лѣтъ, на видъ нѣсколько холодная и сухая, но добродѣтельная и отзывчивая на всякое добро. Она была дочь статсъ-дамы графини Юліи Ѳеодоровны Барановой [3]) и потому пользовалась особою благосклонностью всей царской фамиліи. Уважаемая и любимая московскимъ высшимъ обществомъ, княгиня занимала въ немъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Мужъ ея, князь Михаилъ Ѳеодоровичъ [4]), честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но ума весьма обыкновеннаго, совсѣмъ стушевался при своей умнѣйшей женѣ.

Изрѣдка, по вечерамъ, появлялась невѣстка Надежды Сергѣевны, жена ея брата, княгиня Ольга Александровна Долгорукова, рожденная Булгакова. Не знаю, любили ли другъ друга эти двѣ близкія родственницы, но отношенія ихъ казались не совсѣмъ родственными, чему причиною, быть можетъ, была нѣкоторая «rivalité de métier», вслѣдствіе того, что обѣ, еще не старыя, миловидныя, кокетливыя и первыя московскія львицы высшаго полета, постоянно старались въ этомъ званіи перещеголять другъ друга, что, конечно, тревожило ихъ самолюбіе, раздражало ихъ и не дозволяло имъ сблизиться, какъ то подобало двумъ близкимъ родственницамъ. Первенство въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ казалось, оставалось за княгинею Долгоруковою, которая въ обществѣ имѣла болѣе вѣса, чѣмъ Пашкова, уже потому, что пользовалась гораздо большимъ, чѣмъ она, расположеніемъ государя и государыни и, сверхъ того, своимъ тонкимъ умомъ умѣла окружать себя людьми, много спо-

---

[1]) Дочь ея была въ замужествѣ за г. Романовымъ.

[2]) Фамилія его вмѣстѣ съ титуломъ перешла къ г. Шиловскому, женатому на его дочери.

[3]) Родной сестры министра императорскаго двора графа Владиміра Ѳеодоровича Адлерберга.

[4]) Братъ статсъ-секретаря князя Александра Ѳеодоровича Голицына (бывшаго начальника комиссіи прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя). У него было нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій Иванъ Михайловичъ, находившійся долгое время, въ царствованіе императора Александра II, гофмаршаломъ высочайшаго двора, по своей вѣжливости, любезности и добротѣ, постоянно и до сего времени пользуется любовью всего петербургскаго общества.

собствовавшими къ упроченію ея собственнаго общественнаго положенія.

Изъ числа пожилыхъ мужчинъ, посѣтителей гостепріимнаго дома Пашковыхъ, я не могу пройти молчаніемъ извѣстнаго богача Петра Павловича Свиньина [1]), который, не бывъ никогда влюбленнымъ въ хозяйку дома и питая къ ней самыя платоническія чувства простой дружбы, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ бывалъ у нея ежедневно и преимущественно по вечерамъ. Старый холостякъ, обладавшій большимъ состояніемъ, Свиньинъ былъ очень дуренъ собою, и если бы теорія Дарвина старалась доказать, что люди происходятъ не только отъ обезьяны, но и отъ другихъ животныхъ, то дарвинисты съ радостью нашли бы большое сходство въ лицѣ Свиньина съ тѣмъ звѣремъ, отъ названія котораго произошла его фамилія.

Несмотря на непривлекательную наружность, Петръ Павловичъ былъ очень любимъ за его умъ, остроуміе и широкое хлѣбосольство. Онъ жилъ на Покровкѣ, въ своемъ роскошномъ домѣ, обращенномъ въ настоящій музей, гдѣ весьма часто угощалъ гастрономическими обѣдами своихъ московскихъ и петербургскихъ знакомыхъ [2]).

Выѣзжая много въ свѣтъ и посѣщая часто театръ, Свиньинъ, однако, успѣвалъ, какъ я выше сказалъ, ежедневно бывать у Пашковой и, проводя у нея часть вечера, развлекалъ гостей забавною бесѣдою, а иногда, спокойно, безъ малѣйшей церемоніи, засыпалъ у карточнаго стола.

Личность же самая интересная, посѣщавшая чаще другихъ Надежду Сергѣевну, была родная племянница хозяина дома, графиня Евдокія Петровна Ростопчина [3]). Такъ какъ эта женщина-писательница извѣстна всей Россіи, а между тѣмъ была не только при жизни, но и послѣ смерти, предметомъ самыхъ гнусныхъ сплетенъ и людской злобы, особенно женской, то я, хорошо знавшій ее, не могу не сказать нѣсколько словъ въ защиту этой добрѣйшей, умной, талантливой, но, къ сожалѣнію, иногда не въ мѣру увлекавшейся женщины, которую сгубило несчастное супружество съ человѣкомъ грубымъ, взбалмошнымъ и циничнымъ.

---

[1]) Мать его, носившая фамилію «Алексѣевой», была дочь извѣстнаго князя Григорія Григорьевича Орлова, а слѣдовательно и родственница первому графу Бобринскому.

[2]) Въ описываемое мною время, въ Москвѣ, проживалъ въ собственномъ домѣ, противъ Страстнаго монастыря, еще другой хлѣбосолъ и тоже богатый, старый холостякъ Михаилъ Θеодоровичъ Рахмановъ, извѣстный своею непомѣрною толщиною и изысканными обѣдами, но на которые ѣздили немногіе вслѣдствіе плачевной репутаціи Рахманова, родившагося, по ошибкѣ, русскимъ, а не восточнымъ человѣкомъ.

[3]) Дочь Петра Васильевича Сушкова и жены его Даріи Ивановны, рожденной Пашковой.

Евдокія Петровна, имѣя 22 года, вышла за 20-ти-лѣтняго графа Андрея Ѳеодоровича Ростопчина, сына знаменитаго московскаго главнокомандующаго въ 1812 году. Бракъ этотъ состоялся не по ея желанію, а по требованію и настоянію ея дѣдушки и бабушки Пашковыхъ, у которыхъ она со дня кончины своей матери жила и воспитывалась. Старики Пашковы, принадлежавшіе къ высшей московской аристократіи, обрадованные возможностью выдать свою внучку за молодого человѣка извѣстной фамиліи, обладавшаго огромнымъ состояніемъ, употребили всевозможныя старанія, чтобы убѣдить ее вступить съ нимъ бракъ. Въ первые года супружества, утопая въ роскоши и богатствѣ, графиня, по собственнымъ ея словамъ, была крайне несчастна и только позднѣе, сдѣлавшись матерью трехъ дѣтей, нѣсколько ожила, посвятивъ себя ихъ воспипитанію и нѣжному за ними уходу. Проживая въ Петербургѣ и вращаясь въ большомъ свѣтѣ, окруженная толпою поклонниковъ и вздыхателей, Евдокія Петровна, въ то время, молодая, красивая женщина съ пылкимъ умомъ и любящимъ, страстнымъ сердцемъ, не находя ни любви, ни привѣта въ своей супружеской жизни, невольно увлеклась полюбившимъ ее страстно молодымъ красавцемъ, Андреемъ Николаевичемъ К—мъ... долго и сильно боролась она съ этимъ увлеченіемъ, и только, когда самъ мужъ ея цинично и хвастливо объявилъ ей, что давно содержитъ какую-то актрису, то она, оскорбленная и униженная, дала волю своему чувству... Мѣняла ли она избранниковъ сердца — не знаю, но говорили, что «да», и вотъ это-то «да» и послужило поводомъ къ тѣмъ сплетнямъ и злобѣ, которыя такъ настойчиво не переставали даже за гробомъ преслѣдовать ее, какъ какую нибудь безнравственную, вѣчно кутящую Мессалину!..

Замѣчательная доброта Евдокіи Петровны, рѣдкая любовь ея къ ближнему, тщательное воспитаніе, данное ею дѣтямъ, долговременная жизнь съ невозможнымъ мужемъ и, наконецъ, вполнѣ христіанская кончина ея жизни на 48-мъ году послѣ мучительной безропотно перенесенной болѣзни, казалось бы, достаточно искупили всѣ ея увлеченія и недостатки, чтобы позабыть о нихъ и хоть разъ помянуть добрымъ словомъ эту женщину-поэта, въ которую и донынѣ злые люди продолжаютъ печатно бросать грязью.

Я познакомился съ графинею въ 1853 г., когда ей было не болѣе сорока лѣтъ. Она собою была еще очень не дурна, но маленькая красивая голова ея совсѣмъ не соотвѣтствовала тучному тѣлу ея. Темные, выразительные и крайне близорукіе глаза ея блистали необыкновеннымъ умомъ. Рѣчь ея, часто страстная и всегда увлекательная, быстро и плавно лилась. Графиня любила общество и особенно молодежь, которая, въ свою очередь, платила ей величайшею взаимностью. Люди старые, ученые и литераторы, бывавшіе у нея на вечерахъ, считали ее пустою и легкомысленною жен-

щиною вслѣдствіе того, что, будучи уже не первой молодости, она любила свѣтскія увеселенія, увлекаясь ими подобно юной дѣвицѣ, хотя въ дѣйствительности любила ихъ только потому, что въ вихрѣ свѣта забывала навремя угнетавшую ее тяжелую домашнюю жизнь.

Познакомившись у Пашковыхъ со многими лицами, я съ однимъ изъ нихъ Петрушею Озеровымъ [1]) быстро подружился. Онъ былъ сынъ нашего посланника въ Мюнхенѣ, получилъ воспитаніе за границею и въ ту зиму, пріѣхавъ въ Москву для опредѣленія на службу, поселился у Пашковыхъ, старыхъ друзей его отца. Петруша, милый, образованный и благородный юноша, дурно говорилъ по-русски и потому смѣшилъ всѣхъ забавными оборотами рѣчи. Я съ нимъ коротко сошелся, и съ тѣхъ поръ навсегда мы остались искренними друзьями, часто встрѣчая другъ друга на всѣхъ путяхъ нашей, болѣе чѣмъ полувѣковой жизни.

Въ апрѣлѣ, служба моя значительно измѣнилась: назначенный не задолго передъ тѣмъ третьимъ переводчикомъ съ жалованьемъ въ 300 рублей въ годъ и съ правомъ, присвоеннымъ себѣ переводчиками, ничего не дѣлать, я вдругъ получилъ новое назначеніе: князь Оболенскій объявилъ мнѣ, что, желая ознакомить публику со многими хранившимися въ архивѣ историческими актами, онъ устроилъ въ одномъ изъ залъ Оружейной палаты особое для нихъ помѣщеніе и избралъ Полуденскаго и меня въ руководители публики.

Залъ этотъ, получившій громкое названіе «Государственнаго древлехранилища», былъ довольно большого размѣра и уставленъ временными, неуклюжими шкафами для храненія въ нихъ означенныхъ актовъ, изъ которыхъ особенный интересъ представлялъ актъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Древлехранилище это составляло какъ бы дополненіе къ Оружейной палатѣ, открытой для публики по понедѣльникамъ и четвергамъ, и потому Полуденскій и я должны были являться туда въ тѣ же дни. Не скрою, что назначеніе меня въ новую, хотя и фиктивную должность, доставило мнѣ большую радость, давъ возможность два утра въ недѣлю не скучать въ архивѣ, а пріятно проводить въ компаніи моего друга, развлекаясь постояннымъ хожденіемъ публики, а за отсутствіемъ ея, чтеніемъ газетъ и журналовъ, которые, однако, тщательно прятались при появленіи въ дверяхъ князя Оболенскаго, считавшаго долгомъ контролировать наше присутствіе въ древлехранилищѣ.

---

[1]) Петръ Ивановичъ Озеровъ, нынѣ камергеръ и нашъ министръ-резидентъ въ Дармштадтѣ, женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Пашковой, женщинѣ обширнаго ума и рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Мать ея Марія Трофимовна, рожденная Баранова, подобно сестрѣ своей княгинѣ Луизѣ Трофимовнѣ Голицыной, пользовалась расположеніемъ и уваженіемъ императорской фамиліи. У Озерова двѣ сестры: одна вдова гофмейстера Петерсона, а другая въ замужествѣ за извѣстнымъ прусскимъ дипломатомъ Радовицемъ.

Теряясь въ догадкахъ и не отдавая себѣ отчета, почему князь избралъ именно меня въ помощники къ Полуденскому, а не другого чиновника, болѣе знакомаго съ означенными хартіями, я съ этого времени сталъ замѣчать, что обхожденіе его со мною значительно улучшилось, и два раза въ недѣлю я даже удостоивался его бесѣды.

Весною, прибывшій въ Москву государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ посѣтилъ наше древлехранилище въ сопровожденіи своего адъютанта, графа Адлерберга. Все утро, въ ожиданіи великаго князя, Оболенскій былъ въ большихъ хлопотахъ, осматривая чистоту зала и вынимая самъ изъ шкафовъ тѣ акты, которые считалъ нужнымъ показать его высочеству. Для большей же важности онъ поставилъ у входныхъ дверей зала своего архивнаго курьера, браваго унтеръ-офицера, грудь котораго была украшена орденскими знаками и медалями. Великій князь, войдя въ залу, обратился къ курьеру съ разспросами объ его службѣ, а когда Оболенскій началъ показывать его высочеству болѣе или менѣе важныя хартіи, то Полуденскій и я, по предварительному приказанію князя, должны были слѣдовать за нашимъ начальникомъ, по пятамъ, въ родѣ двухъ адъютантовъ, съ тѣмъ, однако, чтобы никуда не соваться и ни до чего не дотрогиваться. Наслѣдникъ осмотрѣлъ всѣ акты въ полномъ молчаніи, слушая неумолкавшія, заученныя объясненія Оболенскаго, и затѣмъ быстро удалился въ сопровожденіи послѣдняго, оставивъ въ Полуденскомъ и во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе своею красотою, изяществомъ манеръ и въ особенности добрымъ привѣтливымъ взглядомъ; но, такъ какъ его высочествомъ не обратилъ на насъ и на наши поклоны никакого вниманія, то мы сочли въ томъ кругомъ виноватымъ Оболенскаго, не представившаго насъ великому князю, а представить, по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ, князь былъ обязанъ уже потому, что отецъ Полуденскаго—заслуженный сенаторъ, а мой—извѣстный писатель, пользовавшійся при своей жизни благосклонностью наслѣдника, и мы нисколько не сомнѣвались, что его высочеству было бы весьма интересно видѣть ихъ сыновей... таково было наше тогдашнее болѣе чѣмъ наивное убѣжденіе...

15-го мая 1854 г. исполнилось мое совершеннолѣтіе: мнѣ минулъ 21-й годъ, и мнѣ пришла мысль отпраздновать этотъ день въ кругу знакомыхъ, устроивъ вечерній чай въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ дѣтствѣ я проводилъ лѣтнее время, т. е. въ Петровскомъ паркѣ. Я пригласилъ на этотъ сельскій праздникъ болѣе пятидесяти дамъ, дѣвицъ и мужчинъ. Всѣ приглашенные радушно отозвались на мой зовъ, и я не получилъ ни одного отказа.

Въ этотъ день я приказалъ устроить въ лѣсу, близъ дворца, большую палатку съ буфетомъ, въ которомъ находились чай, фрукты, сладости и прохладительные напитки, а вблизи палатки—оркестръ

военной музыки. Вечеръ, хотя и безъ танцевъ, вполнѣ удался, и гости разъѣхались довольными не затѣйливымъ, но оригинальнымъ праздникомъ, даннымъ въ Москвѣ, едва ли не въ первый разъ, человѣкомъ не семейнымъ, не солиднымъ, а просто мальчикомъ.

Послѣ этого вечера, польстившаго моему самолюбію, я возмечталъ, что дѣйствительно сдѣлался настоящимъ членомъ московскаго свѣтскаго общества, и потому счелъ нужнымъ перемѣнить мою квартиру на болѣе обширную, съ цѣлью давать зимою небольшіе вечера, приглашая на нихъ и дамъ. Несмотря на протесты Полуденскаго, весьма дѣльно находившаго, что квартира моя достаточна для такого юнаго птенца, какъ я, и что въ мои года еще ран думать о вечерахъ съ великосвѣтскими дамами, я остался при своемъ рѣшеніи и нанялъ въ Кречетниковскомъ переулкѣ, близъ Собачьей площадки, другую, довольно большую квартиру [1]). Устроившись въ ней прилично и помѣстивъ библіотеку въ большихъ шкафахъ, я почилъ на лаврахъ, въ полной увѣренности, что надолго поселился въ новой квартирѣ, но такъ какъ увѣренность бываетъ часто ошибочна, то мнѣ и пришлось, какъ мы увидимъ послѣ, недолго благодушествовать въ моемъ новомъ просторномъ помѣщеніи.

Къ этому времени относится мое знакомство съ двумя прекраснѣйшими личностями: Александромъ Ивановичемъ Бутовскимъ и Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ.

Бутовскій, бывшій агентъ въ Парижѣ отъ нашего министерства финансовъ, только что переселился тогда въ Москву, занявъ должность предсѣдателя московскаго отдѣленія совѣта мануфактуръ и торговли. Онъ былъ лѣтъ 40, небольшого роста, умный, образованный и крайне нервный; съ вида угрюмый и нѣсколько бурливаго характера или, какъ выражаются французы: «rageur», онъ, въ сущности, былъ предобрѣйшій человѣкъ.

Проживъ долго въ Парижѣ, Бутовскій усвоилъ себѣ привычки и манеры настоящаго француза, по милости которыхъ заслужилъ любезное вниманіе московскихъ дамъ, а черезъ послѣднихъ и видное положеніе въ обществѣ.

Познакомившись со мною, онъ сталъ почти ежедневно посѣщать меня, такъ что все лѣто я провелъ неразлучно съ нимъ, вмѣстѣ посѣщая нашихъ общихъ знакомыхъ, жившихъ въ окрестностяхъ Москвы.

Такая быстро возникшая ко мнѣ дружба Александра Ивановича, почти вдвое меня старѣе, показалась мнѣ въ началѣ нѣсколько странною, но потомъ, по свойственному каждому человѣку самолюбію, я отнесъ ее единственно къ любезнымъ качествамъ моей персоны. Разочарованіе, однако, послѣдовало весьма скоро: я убѣ-

[1]) Квартира, находившаяся въ бельэтажѣ, состояла изъ десяти комнатъ со всѣми принадлежностями. Я платилъ за нее всего 550 руб. сер. въ годъ!

дился въ томъ, что онъ подружился со мною вслѣдствіе любви его къ Софіи Л—ой, съ которой я находился въ самыхъ дружескихъ, почти родственныхъ отношеніяхъ, и надѣясь, что пріязнь его ко мнѣ могла повліять черезъ меня на мало расположенную къ нему мою пріятельницу. Но онъ ошибся: при первомъ моемъ намекѣ Л—ой о его любви, она расхохоталась и, посмѣявшись вдоволь надъ моею съ нимъ дружбою, просила меня впредь не увлекаться моими, будто бы, обворожительными качествами. Послѣ того, какъ и слѣдовало ожидать, я сдѣлался для Бутовскаго не столь необходимымъ, и хотя мы продолжали видѣться, но уже гораздо рѣже. Впрочемъ, несмотря на это охлажденіе, онъ въ теченіе всей своей жизни не измѣнилъ хорошихъ ко мнѣ отношеній, и я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ о пріятномъ времени, проведенномъ мною въ обществѣ этого почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка [1]).

Другая личность, съ которою я тогда познакомился, Николай Рубинштейнъ, впослѣдствіи геніальный музыкантъ и братъ еще болѣе геніальнаго Антона Григорьевича, былъ въ то время студентъ Московскаго университета и, какъ уже замѣчательный пьянистъ, пользовался большою извѣстностью и любовью москвичей, да и нельзя было не любить этого милаго, благороднаго юноши, блиставшаго, кромѣ необычайнаго таланта, прекрасными качествами души и сердца. Послѣ перваго нашего знакомства, онъ подружился со мною, чему я былъ несказанно радъ, и въ теченіе зимы 1854 и 1855 годовъ видѣлся со мною почти ежедневно, но позднѣе, когда мнѣ пришлось разстаться съ Москвою, я, къ сожалѣнію, болѣе съ нимъ не встрѣчался. Сожалѣніе это, перешло, наконецъ, въ истинную печаль при извѣстіи о преждевременной его кончинѣ, послѣдовавшей въ Парижѣ.

Въ началѣ ноября меня постигло новое, сердечное горе: жена брата Дмитрія, Анна Ѳеодоровна, которую я очень любилъ, внезапно скончалась. Кончина ея своею неожиданностью сильно поразила меня и жестоко потрясла мои нервы!—вотъ какъ это случилось. Однажды, послѣ моихъ служебныхъ занятій въ архивѣ, я заѣхалъ къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, находившейся въ интересномъ положеніи, и просидѣлъ у нея до обѣда. Вечеромъ я отправился къ Пашковымъ и едва успѣлъ съ ними поздороваться, какъ мнѣ объявили, что мой камердинеръ желаетъ видѣть меня. Хотя я и удивился его появленію, но, такъ какъ на вопросъ: «что случилось?» онъ отвѣтилъ: «ничего, я пришелъ только сказать, что братецъ Дмитрій Михайловичъ за вами присылалъ, а зачѣмъ, не знаю», я успокоился и отправился къ брату. При входѣ въ его квартиру, я нашелъ входную дверь, отворенною, что, впрочемъ, меня не удивило, такъ какъ братъ

---

[1]) Позднѣе, онъ женился на княжнѣ Юліи Александровнѣ Шаховской и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ званіи сенатора.

жилъ въ отдѣльномъ домѣ, и входъ былъ со двора. Въ передней не встрѣтивъ ни одного человѣка, я вошелъ въ довольно большую столовую, освѣщенную одною свѣчею, гдѣ посреди комнаты стоялъ столъ, а на немъ виднѣлось что-то бѣлое. Подойдя ближе, я, къ ужасу моему, увидалъ на столѣ мертвое тѣло моей невѣстки, прикрытое бѣлымъ покрываломъ... я едва удержался на ногахъ и не могу описать того, что произошло со мною!.. оказалось, что вечеромъ Анна Ѳеодоровна, разрѣшившись сыномъ, тотчасъ скончалась. Братъ былъ въ отчаяніи, и я опасался за его разсудокъ, особенно, когда мнѣ представилась слѣдующая картина: увидавъ меня, онъ влетѣлъ въ столовую и, держа на рукахъ двухъ своихъ малолѣтнихъ дочерей, принялся плясать и кружиться вокругъ покойницы... сцена эта еще болѣе усилила мой испугъ, и я вернулся домой въ сильномъ, нервномъ разстройствѣ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль малѣйшій шорохъ или возгласъ приводили меня въ трепетъ.

На третій день мы похоронили Анну Ѳеодоровну въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ моими родителями, а братъ еще долго казался глубоко опечаленнымъ, но въ слѣдующемъ году, окончательно успокоившись, вторично женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Верховской.

Вслѣдствіе кончины моей невѣстки я снова былъ въ траурѣ и третью зиму никуда не показывался въ свѣтъ.

Кончился тяжелый для Россіи 1854 годъ, и наступилъ новый 1855 годъ, еще болѣе тяжелый и прискорбный для всѣхъ русскихъ, горячо любившихъ свое отечество: на Дунаѣ и въ Крыму лилась ручьями кровь доблестныхъ воиновъ, сраженье терялось за сраженіемъ, непріятель сильнѣе и сильнѣе укрѣплялся на нашей родной землѣ, война принимала все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры...

Въ это время, въ началѣ новаго года, послѣдовалъ высочайшій манифестъ съ призывомъ дворянству ко всеобщему ополченію Манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе на русское дворянство, а московскіе дворяне, старые и юные, стали съ радостью вписывать свои имена въ ополченскіе списки.

Ополченіе Московской губерніи состояло изъ одной дружины въ 1.000 человѣкъ на каждый уѣздъ. Въ начальники дружинъ избирались, по выбору дворянъ, лица въ чинѣ не ниже майора. Статскіе чины переименовывались такъ: статскіе и коллежскіе совѣтники—въ капитаны, надворные совѣтники и коллежскіе ассесоры—въ штабсъ-капитаны, титулярные совѣтники—въ поручики, коллежскіе и губернскіе секретари—въ подпоручики, а коллежскіе регистраторы—въ прапорщики. Всѣ же тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники сохраняли свои чины и поступали въ ополченіе не иначе, какъ начальниками дружинъ или всего ополченія. Изъ числа такихъ статскихъ генераловъ были избраны въ дружинные началь-

ники: тайный совѣтникъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ [1]) и дѣйствительные статскіе совѣтники, камергеры: князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ [2]) и графъ Иванъ Петровичъ Толстой [3]). Остальные начальники дружинъ были изъ отставныхъ военныхъ или бывшихъ прежде въ военной службѣ.

Начальникомъ московскаго ополченія былъ единогласно избранъ знаменитый герой отечественной войны и Кавказа генералъ-отъ-артиллеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, а за отказомъ его по преклонности лѣтъ выборъ палъ на бывшаго попечителя Московскаго университета генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строгонова.

Не будучи, какъ я выше сказалъ, храбраго десятка, и не имѣя ни малѣйшаго желанія переходить въ военную службу нижнимъ чиномъ, я не думалъ принимать участіе въ войнѣ, но, по прочтеніи манифеста, призывавшаго дворянство на помощь войску, я почувствовалъ какое-то душевное волненіе, и мнѣ стало какъ-то совѣстно, что я, молодой, свободный человѣкъ, останусь спокойно проживать въ Москвѣ, когда царь призываетъ своихъ вѣрныхъ дворянъ на защиту отечества!..

Это былъ первый порывъ моего юнаго сердца, и недолго думая, я рѣшился вступить въ ополченіе, но слезы и вопли моей няни и стараго камердинера, а еще болѣе перспектива разставанья съ нѣжно любимою мною Лизою К. едва не поколебали моего быстраго рѣшенія. Не сомнѣваясь въ привязанности Лизы, я былъ увѣренъ, что отъѣздъ мой изъ Москвы на неопредѣленное время, можетъ быть, навсегда, сильно огорчитъ ее. Сообщивъ ей о моемъ рѣшеніи и встрѣтивъ, вмѣсто ожидаемыхъ потоковъ слезъ, радостное лицо и настойчивую просьбу о скорѣйшемъ исполненіи моего намѣренія, я понялъ, что между нами все конечно, и что предметъ моей трехлѣтней, неизмѣнной любви желаетъ ловкимъ образомъ отдѣлаться отъ меня.

На другой день я отправился въ дворянское собраніе и записался въ московское ополченіе; пріѣхавъ оттуда въ архивъ, я попросилъ доложить Оболенскому о моемъ поступленіи въ ополченцы. Князь позвалъ меня въ свой кабинетъ и сухо изъявилъ удивленіе, почему я, рѣшившись на такой шагъ, предварительно не посовѣтовался съ нимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, я не имѣлъ никакого повода мѣнять мою архивную службу на ополченскую, и если я полагаю извлечь изъ этой перемѣны какую нибудь пользу для бу-

---

[1]) Сынъ извѣстной княгини Варвары Васильевны, рожденной Энгельгардтъ, родной племянницы князя Потемкина-Таврическаго.

[2]) Женатый на внучкѣ князя Кутузова-Смоленскаго Аннѣ Матвѣевнѣ Толстой.

[3]) Сынъ извѣстнаго генерала графа Петра Александровича Толстого. Онъ былъ женатъ на дочери графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, но въ то время уже вдовый.

дущей моей служебной карьеры, то онъ можетъ только посовѣтовать мнѣ, по распущеніи ополченія, продолжать военную службу, поступивъ въ Преображенскій полкъ. Послѣ этого наставленія князь холодно отпустилъ меня. Я не сказалъ ему ни слова и радъ былъ уйти отъ человѣка, который, въ виду моей пятилѣтней, совершенно безполезной для меня подъ его начальствомъ службы, не могъ сообразить, что въ данный моментъ мною руководило иное что, чѣмъ чувство честолюбія или личной для себя пользы. Мнѣ очень хотѣлось сказать моему попечительному начальнику: «ошибаетесь, князь, о пользѣ я и не думалъ, а тутъ другія вѣскія причины: манифестъ и... Лиза!» Но, почему я долженъ былъ, по мнѣнію князя, поступить въ Преображенскій полкъ, а не въ другой,—осталось для меня загадкою.

19-го февраля, я былъ у обѣдни въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ въ этотъ день возносились молитвы ко Всевышнему объ исцѣленіи серіозно заболѣвшаго императора Николая Павловича. Послѣ обѣдни я отправился въ дворянское собраніе узнать подробности о происходившихъ тамъ выборахъ по ополченію. Войдя въ огромный залъ собранія, гдѣ находились предводители дворянства всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи и масса дворянъ, я увидалъ на всѣхъ лицахъ выраженіе какого-то испуга и ужаса. Всѣ суетились, жестикулировали и передавали что-то другъ другу... вдругъ я услыхалъ роковыя слова: «Государь скончался!..». Подобно всѣмъ присутствующимъ, я былъ глубоко потрясенъ и опечаленъ, и едва ли въ тотъ день нашелся бы хотя одинъ человѣкъ, который не скорбѣлъ бы душою о кончинѣ Николая Павловича, такъ велико было тогда обаяніе его надъ своими подданными! Всѣ истинно-русскіе любили и чтили его, какъ благороднѣйшую, рыцарскую личность, высоко державшую знамя святой Руси! Чувство горя и слезы были общія; горевали даже и тѣ, которые считали его главнымъ виновникомъ тогдашняго тяжелаго положенія Россіи и всѣхъ нашихъ военныхъ неудачъ.

Пробывъ нѣсколько времени въ собраніи, я вернулся домой въ сильномъ волненіи и сообщилъ моимъ слугамъ страшную вѣсть: они залились слезами. Слезы ихъ служили лучшимъ доказательствомъ той безграничной, горячей любви, которую питаетъ нашъ простой, русскій народъ къ своимъ помазанникамъ Божіимъ, и которая особенно сильно и повсемѣстно проявилась по случаю кончины Николая Павловича, невзирая даже на существовавшее тогда крѣпостное право и частыя злоупотребленія, творившіяся помѣщичьею властію.

21-го февраля, въ Чудовомъ монастырѣ, совершена панихида по усопшемъ государѣ, послѣ которой принесена присяга воцарившемуся императору Александру II. Въ церковь собралась вся служилая и дворянская Москва, но общее вниманіе особенно обра-

щалъ на себя явившійся туда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, проживавшій съ давнихъ лѣтъ въ Москвѣ, почти что въ опалѣ и не показывавшійся ни на какихъ офиціальныхъ сборищахъ. Не видавъ никогда этого почти восьмидесятилѣтняго старца, я былъ пораженъ его величественною фигурою: большого роста, сутоловатый, чрезвычайно плечистый, съ короткою шеею и огромною головою, покрытою сѣдою, львиною гривою, онъ походилъ на какого-то миѳологическаго бога или сфинкса древнихъ временъ.

Во время принесенія присяги произошелъ въ Кремлѣ печальный случай: упалъ малый колоколъ съ колокольни Ивана Великаго! Паденіе его въ столь торжественную минуту произвело большой переполохъ въ народѣ, и было немало старыхъ людей, значительно качавшихъ головою и увѣрявшихъ, что случай этотъ есть дурное предзнаменованіе для новаго царствованія.

Манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра II, прекрасно и трогательно написанный, произвелъ на всю публику умилительное дѣйствіе. Не могу, при этомъ, не вспомнить слезъ находившагося у меня въ услуженіи 17-ти-лѣтняго мальчика Венедикта, котораго, на другой день по опубликованіи манифеста, я увидалъ читающаго газету и горько плачущаго. На вопросъ мой, отчего онъ плачетъ, мальчикъ отвѣтилъ: «читаю манифестъ, а плачу потому, что всѣ говорятъ, безъ слезъ нельзя читать его!».

С. М. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО[1].

Домашній учитель и помѣщикъ-реалистъ.

I.

ВЪ НАЧАЛѢ 60-хъ годовъ, отецъ отпустилъ меня держать экзаменъ для поступленія въ X—ій университетъ. По тому времени, путь въ 300 верстъ считался дальнимъ. Желѣзной дороги отъ насъ до X—ва тогда еще не было. Ѣхалъ я на такъ называемыхъ «долгихъ», то-есть, ямщикъ ѣхалъ верстъ тридцать или сорокъ, затѣмъ останавливался кормить лошадей, а, доѣхавъ до извѣстнаго пункта, «сдавалъ» васъ другому.

Приключеніе, происшедшее со мною и о которомъ хочу разсказать, случилось на первой же остановкѣ на постояломъ дворѣ, куда мы пріѣхали въ сумерки.

Пришлось переночевать въ обстановкѣ весьма не комфортабельной, хотя и обычной для деревенскихъ «заѣзжихъ дворовъ» того времени: бревенчатыя, закопченыя стѣны, проконопаченныя мохомъ, который торчитъ изъ пазовъ черными клоками; по стѣнамъ длинныя и узкія деревянныя лавки; большой засаленный столъ — въ углу, подъ образами; уродливыя лубочныя картины съ безграмот-

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 923.

ными подписями въ прозѣ и стихахъ; грязный полъ, покрытый соломой и затоптанный сапогами; а затѣмъ цѣлыя полчища тараканов — и рыжихъ, и черныхъ, отъ которыхъ въ комнатѣ стоитъ постоянный шорохъ, почти гулъ...

Продрогнувъ дорогой, я попросилъ поставить самоваръ, а самъ, въ ожиданіи «чайнаго блаженства», въ сотый разъ въ теченіе дороги, ощупалъ карманъ своихъ панталонъ, въ которомъ была засунута пачка денегъ, врученныхъ мнѣ отцомъ и завернутыхъ въ бумагу.

Представьте же мой испугъ, когда карманъ оказался пустымъ. Въ комнатѣ, благодаря наступавшему вечеру и маленькимъ окнамъ, было уже почти темно. Я заглянулъ подъ столъ, подъ лавки, но моего пакета нигдѣ не было. Страхъ возросталъ, однако я еще не терялъ надежды. Оптимизмъ, свойственный юности, говорилъ въ глубинѣ моего сердца, что судьба не допуститъ, чтобы со мной (именно почему-то со мной) случилось такое огромное несчастіе. А оно было бы огромно, какъ я объясню сейчасъ. Я былъ почти увѣренъ, что деньги найдутся въ тарантасѣ, въ которомъ я ѣхалъ. Но сказать своему ямщику или хозяевамъ о потерѣ я боялся: «вѣдь они станутъ искать; а если найдутъ, то могутъ и не отдать мнѣ денегъ». Я самъ пробрался во дворъ, отыскалъ свой тарантасъ и сталъ шарить въ сѣнѣ, которымъ онъ былъ наполненъ, ради «комфорта» пассажировъ. Когда послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ и здѣсь ничего не оказалось, отчаяніе и страхъ серіозно стали овладѣвать мною: я чувствовалъ, что ноги мои подкашиваются, руки не двигаются, холодъ охватываетъ все тѣло.

Что я буду дѣлать? Дальше ѣхать нельзя. А вернуться къ отцу и объявить ему о потерѣ—казалось мнѣ еще болѣе невозможнымъ. Отецъ былъ человѣкъ строгій и очень вспыльчивый. Онъ могъ въ первую минуту гнѣва жестоко оскорбить меня и даже прогнать изъ дома. Я уже не говорю о томъ, что мысли объ университетѣ разлетались, какъ дымъ.

Я вернулся въ избу и уже забылъ о самоварѣ. Въ полусумракѣ сидѣлъ я на скамьѣ, начиная подумывать, что въ моемъ положеніи остается одно изъ двухъ: или покончить съ собой, или «убѣжать». Но куда же я убѣгу, куда пойду, въ ужасную погоду, въ началѣ марта, безъ копейки въ карманѣ, я, «избалованный барченокъ», привыкшій къ комфорту и холѣ!

«А если покончить съ собою, то какъ? Пойти ночью, когда всѣ улягутся, во дворъ, отыскать тамъ какія нибудь вожжи, перекинуть ихъ черезъ балку и повѣситься». Но я былъ не увѣренъ, сумѣю ли я все это сдѣлать въ темнотѣ и такъ, чтобы никто не замѣтилъ. А главное—умирать не хотѣлось; ужасъ охватывалъ при одной мысли о смерти, да еще такой отвратительной! Но чтожъ дѣлать? «Не поѣхать ли къ старику-дѣду въ деревню, и все разска-

зать ему? Или отправиться къ одному пріятелю отца: онъ—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, пойметъ мое положеніе и возьмется подготовить отца?»

Смѣшно вспомнить теперь, но среди всѣхъ этихъ опасеній меня больше всего мучила мысль, что вотъ сейчасъ подадутъ самоваръ, нужно будетъ уплатить за него, и какъ же я объявлю, что у меня нѣтъ денегъ, что я ихъ потерялъ? Однако, сказать, что мнѣ не нужно самовара, я не рѣшался. Было почему-то и стыдно, и страшно.

Пока я обдумывалъ свое положеніе, хозяйка внесла зажженную сальную свѣчу, а за свѣчей появился огромный, нечищенный самоваръ, кипѣвшій съ громкими всхлипываніями и сразу наполнившій избу густымъ паромъ и запахомъ непрогорѣвшихъ углей.

— Заваривайте чаекъ-то, баренокъ миленькій! Да съ вами есть ли чай-то? А то я своего заварю,—сказала хозяйка.—Ай, ай! Да вы ужъ никакъ и заснули? Разморила дорога-то! Ужъ и дорога стала! Ни пройти, ни проѣхать!

Пока она говорила все это, доставая изъ поставца чайникъ и чашки, вдали изъ тьмы наступавшей ночи послышался звонъ колокольчика.

— И еще проѣзжіе!—воскликнула хозяйка, прислушиваясь.—Это Мироновъ колокольчикъ!—добавила она съ полной увѣренностью:—такъ и есть,—это онъ къ намъ кого-то еще везетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышались голоса:

— Вноси, вноси! Мы, вѣдь, ночевать будемъ. Самоварчикъ поставьте.

Дверь отворилась, и въ комнату ввалился сперва мальчикъ лѣтъ десяти, закутанный и обвязанный теплыми платками, а вслѣдъ за нимъ, поддерживая его руками, появился широкоплечій человѣкъ небольшого роста, въ короткомъ тулупчикѣ, высокихъ сапогахъ и круглой шапкѣ.

— Эге!—проговорилъ онъ:—да самоваръ-то ужъ на столѣ! Отлично!

Я сразу узналъ его: это былъ знаменитый въ нашемъ уѣздѣ домашній учитель, Константинъ Александровичъ (по фамиліи его никогда и никто не называлъ, да многіе едва ли и знали ее). Восемь лѣтъ тому назадъ, онъ, въ качествѣ гувернера, жилъ у насъ и готовилъ меня въ гимназію.

Ужъ одно появленіе близкаго, почти родного человѣка, въ такую трудную минуту, пріободрило меня. «Я ему все разскажу, и онъ мнѣ посовѣтуетъ, что дѣлать»,—подумалъ я.

Константинъ Александровичъ мало измѣнился, и потому я тотчасъ его узналъ, но меня онъ видѣлъ въ послѣдній разъ девятилѣтнимъ мальчикомъ,—теперь же мнѣ было семнадцать лѣтъ, и онъ, конечно, не узналъ меня, да еще въ избѣ, едва освѣщенной сальнымъ огаркомъ.

Онъ сталъ развязывать платки, которыми былъ укутанъ мальчикъ, а я сказалъ, подойдя ближе:

— Константинъ Александровичъ, неужели вы не узнали меня? Вѣдь я вашъ бывшій ученикъ!

Онъ бросился обнимать меня и даже прослезился отъ радости.

— Ахъ, ты, Господи! Да сколько лѣтъ я тебя не видалъ! Вѣдь, лѣтъ девять! И вотъ гдѣ привелось встрѣтиться!

Онъ прижался къ моему лицу своимъ полнымъ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ и дождя.

Конечно, я не сказалъ ему сразу о своемъ горѣ. Я ожидалъ момента, когда послѣ чая мальчикъ уснетъ, и въ комнатѣ не будетъ никого, кромѣ насъ двоихъ. Теперь же безпрестанно входили: то ямщики, вносившіе вещи, то хозяинъ, то хозяйка, очень словоохотливая.

Константинъ Александровичъ разсказалъ мнѣ, что везетъ въ губернскій городъ О... своего ученика; это былъ сынъ одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ; онъ долженъ поступить въ одно изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

— И сколькихъ вы доставили туда, Константинъ Александровичъ!—сказалъ я:—послѣ меня, я думаю, ужъ человѣкъ десять вы приготовили?

— Нѣтъ, братъ, поменьше будетъ!—отвѣтилъ Константинъ Александровичъ своимъ хриповатымъ, добродушнымъ голосомъ: — поменьше будетъ! Ишь ты какъ хватилъ! Вѣдь, одного этого молодца я три года готовилъ, какъ и тебя когда-то. Ну, а все же за эти семь лѣтъ человѣка четыре пріурочилъ! Да, четверыхъ: Стремоухова, Назарова, Азбукина... Ну, а этотъ четвертый...

Говоря все это, онъ развязывалъ узелки съ провизіей, отперъ погребецъ съ чаемъ и сахаромъ и заварилъ чай, отъ котораго въ комнатѣ разлился нѣжный ароматъ. Въ узелкахъ были и жареныя куры, и цыплята, и котлеты, и какія-то сдобныя лепешки. Видно было, что мальчика отправляла въ путь мать. Мнѣ дома предлагали тоже наготовить всякой провизіи, да я отклонилъ: вѣдь я уже выступалъ въ свѣтъ, какъ будущій студентъ, и везти съ собой холодныя котлеты и жареныхъ куръ считалъ несоотвѣтствующимъ своему грядущему достоинству. Зато теперь, когда первый взрывъ моего отчаянія немножко утихъ, запахъ всѣхъ этихъ вкусныхъ предметовъ возбудилъ мой юный аппетитъ, и я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе учителя—раздѣлить съ нимъ трапезу. Только моментами, среди ѣды, вдругъ припоминалось, въ какомъ я положеніи, и сердце холодѣло, замирало... Но я старался не думать: «вѣдь Константинъ Александровичъ мнѣ, конечно, поможетъ!»

Чай кончили; для мальчика устроили постель на одной изъ лавокъ, и онъ быстро заснулъ.

Мы остались вдвоемъ съ Константиномъ Александровичемъ и въ полголоса продолжали бесѣду. Онъ больше разспрашивалъ, чѣмъ

говорилъ. Разспрашивалъ объ отцѣ, о томъ, какъ умерла мать, былъ ли я на ея похоронахъ. Разспрашивалъ и о прислугѣ, и о старыхъ знакомыхъ. А я все еще не рѣшался сказать ему о своей бѣдѣ. Ужъ очень было совѣстно: онъ говоритъ со мной, какъ съ будущимъ студентомъ и взрослымъ, а я, словно пятилѣтній ребенокъ, на первыхъ же шагахъ своего вступленія въ самостоятельную жизнь такъ «отличился»! Но нужно же было рѣшиться, и я рѣшился...

Константинъ Александровичъ, выслушавъ меня, даже поблѣднѣлъ. Лицо его сдѣлалось серіознымъ, почти строгимъ. Едва ли не въ первый разъ въ жизни я видѣлъ строгимъ и недовольнымъ это всегда добродушное, невозмутимо-ласковое лицо.

— Ахъ, братецъ ты мой! Да какъ же ты это такъ! Да развѣ можно такую крупную сумму денегъ возить въ карманахъ штановъ! Что же ты теперь дѣлать будешь?! Какъ явишься къ отцу! Да хорошо ли ты искалъ въ тарантасѣ? Надо бы велѣть тамъ все сѣно вытрусить. Да и на дворѣ надо поискать: могли въ грязь затоптать сапогами. Ты говоришь,—онѣ у тебя въ бумагѣ были завернуты? Ну, наступилъ ямщикъ ногой, и конецъ. Бумага обратилась въ грязь. Нужно велѣть съ фонаремъ поискать хорошенько.

Я объяснилъ ему мои опасенія относительно того, что деньги могутъ отыскать и скрыть.

— Да, пожалуй, ты правъ! Мы лучше завтра утромъ при себѣ заставимъ искать... Ну, натворилъ ты бѣдъ! А, впрочемъ, братъ, и мое положеніе не лучше твоего: вотъ сдамъ этого младенца, а самъ опять, какъ вѣтеръ въ полѣ... Мѣста сейчасъ не предвидится... Иныя времена настали! Много теперь нашего брата! Да много стали брать и иностранцевъ, особенно послѣ войны. Ужъ и не знаю, куда дѣнусь, если ничего не подвернется... Денегъ не умѣю беречь на черный день... Если ничего не найду, проберусь къ твоему батькѣ: пусть хоть приказчикомъ въ Юдинку возьметъ. Буду ему тамъ что нибудь строить, за рабочими присматривать...

Говоря это, Константинъ Александровичъ шарилъ сапогами по полу, затѣмъ для чего-то наклонился. Я почти не обратилъ вниманія на это движеніе его.

Мы еще проговорили съ полчаса, послѣ чего онъ спросилъ:

— А что ты мнѣ дашь, если я найду твои деньги? Я бы съ тебя ничего не взялъ, да нужно тебя поучить.

Не ожидая отвѣта, Константинъ Александровичъ вынулъ изъ-за пазухи пакетъ съ моими деньгами.

— Вѣдь онъ тутъ и лежалъ на полу, около ножки стола,— сказалъ учитель: — я сейчасъ наступилъ на него. Чувствую, что мягкое. Наклонился—твой пакетъ! Хорошо же ты искалъ! Нечего сказать! Нѣтъ, братецъ, молодъ ты еще, чтобы одному ѣздить. Ну, возьми свои деньги! А мнѣ ничего не надо! Это я пошутилъ. Да только теперь ужъ спрячь хорошенько.

Но я чувствовалъ по какимъ-то неуловимымъ ноткамъ его голоса, что нѣсколько рублей изъ этихъ денегъ ему крайне нужны. Я сталъ убѣждать его взять у меня рублей десять, но онъ упорно отказывался, и только послѣ долгихъ просьбъ взялъ пять рублей.

Отчасти я догадывался, почему онъ не хотѣлъ взять денегъ. Онъ зналъ, что онѣ у него все равно не удержатся, и что къ моему отцу ему придется все-таки итти «по образцу пѣшаго хожденія», если не подвезетъ кто нибудь изъ знакомыхъ. Мало этого: ему было хорошо извѣстно, что онъ могъ изъ-за этихъ денегъ лишиться даже и того костюма, который былъ на немъ, — даже этого тулупчика и сапогъ. Живя у насъ, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не бралъ денегъ у моего отца, надѣясь скопить небольшую сумму на черный день. И въ теченіе этихъ мѣсяцевъ онъ велъ самую умѣренную и скромную жизнь. Но вдругъ у него точно плотину прорывало. Обыкновенно, онъ передъ такой катастрофой уходилъ на охоту и не возвращался дня два, а затѣмъ крестьянинъ какой нибудь сосѣдней деревни приносилъ письмо отцу, съ просьбой прислать денегъ. Проходило еще дня три, и новая записка: «явиться не въ чемъ; все свое платье спустилъ». Посылался какой нибудь старый костюмъ, послѣ чего Константинъ Александровичъ являлся собственной персоной — сконфуженный, похудѣвшій, еще болѣе тихій и задумчивый, чѣмъ всегда. И такъ шло дѣло опять нѣсколько мѣсяцевъ до новой катастрофы. Конечно, отъ насъ, дѣтей, старались скрывать причины этихъ отлучекъ учителя. Говорили, что онъ поѣхалъ повидаться съ какой-то своей сестрой (очевидно миѳической). Константинъ Александровичъ, вѣроятно, думалъ, что, взявъ у меня денегъ, не удержится и, послѣ сдачи своего воспитанника, можетъ очутиться въ веселомъ мѣстечкѣ, гдѣ отведетъ свою одинокую душу за нѣсколько мѣсяцевъ тяжкаго учительскаго труда. А затѣмъ, чтобы продолжить радости этого жалкаго суррогата семейной жизни (вѣдь настоящая семейная жизнь ему была закрыта его положеніемъ), онъ спуститъ съ себя все и выйдетъ на улицу почти нагимъ.

II.

Вы можете спросить меня: но какъ же держали при дѣтяхъ такихъ людей? Но не нужно забывать, что въ доброе, старое время даже учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ славились только тѣмъ, что сильно выпиваютъ да еще «дерутъ» (въ двухъ смыслахъ: учениковъ дерутъ розгами, а съ родителей дерутъ деньгами и съѣстными припасами).

Домашніе учителя (изъ русскихъ) тогда въ цѣломъ уѣздѣ были наперечетъ. Поэтому ихъ приходилось сманивать, — какъ и хоро-

шихъ поваровъ,—которыхъ впрочемъ въ то время было больше, чѣмъ учителей. Изъ этого выходили даже случаи кровной вражды между семьями помѣщиковъ,—нѣчто въ родѣ вражды Монтекки и Капулетти.

Отцу тоже посовѣтовали «сманить» русскаго гувернера отъ нѣкоего помѣщика Звягинцева, который славился во всемъ уѣздѣ тѣмъ, что, несмотря на совершенную задолженность его имѣнія, выписалъ себѣ машину (органъ) въ нѣсколько тысячъ рублей и услаждалъ ею гостей.

Какъ и черезъ кого удалось отцу сманить гувернера, я не зналъ и до сихъ поръ не знаю. Думаю только, что произошло это не въ силу денежныхъ соображеній: Константинъ Александровичъ былъ совсѣмъ безсребренникъ. Да и жалованье ему мой отецъ платилъ ничтожное: едва ли больше 200 рублей въ годъ, конечно, на всемъ готовомъ, кромѣ платья. Какъ бы тамъ ни было, но я до сихъ поръ отлично помню (хотя въ то время мнѣ было не больше шести лѣтъ), что въ одинъ солнечный весенній день къ крыльцу нашего дома подъѣхала крестьянская телѣга, запряженная парой клячъ, а изъ телѣги торчалъ, утопая въ зеленомъ сѣнѣ, бѣлокурый человѣкъ среднихъ лѣтъ, довольно полный, въ бѣломъ (когда-то бѣломъ) картузѣ и старой крылаткѣ. Я его увидѣлъ изъ окна и сразу понялъ, что это «учитель», котораго мы ждали. Наслушавшись разсказовъ о нашихъ уѣздныхъ учителяхъ, я сперва такъ испугался, что, когда меня позвали въ залъ, сердце мое билось, какъ пойманная птица.

Однако, къ моему удивленію, учитель самъ поднялся со стула, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ко мнѣ и даже протянулъ руку, чего ужъ я совсѣмъ не ожидалъ.

— Ну, вотъ, познакомимся. Будемъ учиться. Вы хотите учиться?—спросилъ онъ.

Всѣ мои страхи пропали, и, благодаря этому, я съ искренней радостью отвѣтилъ:

— Да, хочу.

— Ну, вотъ какой молодецъ! Значитъ, будемъ друзьями.

Это мнѣ очень понравилось, хотя, правду говоря, учитель не произвелъ на меня того впечатлѣнія, которое бы сразу потянуло къ нему, заставило увидѣть въ немъ что нибудь привлекательное. Нѣтъ, это былъ, какъ бы сказать, совсѣмъ безцвѣтный, «сѣренькій» человѣкъ: средняго роста съ полнымъ, немножко одутловатымъ лицомъ, небольшимъ закругленнымъ носомъ и очень свѣтлыми, голубовато сѣрыми глазами; волосы его, очень рѣдкіе на темени, были подстрижены почти наголо; усы и борода выбривались, но не особенно тщательно; я обратилъ также вниманіе на добродушную ямочку посрединѣ его дѣтски-полнаго розоваго подбородка.

И самый костюмъ, въ которомъ я ужъ понималъ толкъ, далъ

мнѣ объ учителѣ какое-то «сѣренькое» понятіе. Сюртучокъ, когда-то коричневый, а теперь рыжеватый, былъ коротокъ; сѣрыя короткія брючки потерты... Константинъ Александровичъ такъ и остался для меня чѣмъ-то сѣренькимъ, неопредѣленнымъ, хотя я скоро привязался къ нему. И опять таки не къ нему самому, потому что самъ онъ, какъ личность, до послѣдняго времени оставался мнѣ не извѣстенъ, а привязался я къ его умѣнью дѣлать массу вещей, интересныхъ для ребятъ. И чего только онъ не умѣлъ! Онъ былъ и слесарь, и шорникъ, и архитекторъ, и механикъ, и химикъ, и живописецъ, т.-е. немножко рисовалъ акварелью; а такъ какъ въ то время въ глуши красокъ невозможно было достать, то онъ самъ дѣлалъ и акварельныя краски, растирая обыкновенныя лавочныя на вишневомъ клеѣ, который мы собирали для этого въ саду; кисточки для рисованья онъ тоже самъ дѣлалъ, эксплоатируя для этого бѣличьи хвостики со старой шубейки нашей няни. Кстати два слова о его рисованіи: возьмется онъ, бывало, рисовать, напримѣръ, нашъ домъ, измѣритъ его, затѣмъ размѣритъ все на бумагѣ циркулемъ да треугольникомъ (всѣ эти инструменты онъ приготовлялъ самъ, домашнимъ способомъ), и выйдетъ домъ, очень похожій на нашъ! Потомъ начнетъ его раскрашивать: сбоку сдѣлаетъ деревья ярко-зеленой «венеціанской ярью»; внизу такой же краской нарисуетъ траву... Онъ устроилъ даже однажды подзорную трубу; разъ склеилъ калейдоскопъ, въ которомъ вмѣсто зеркалъ были накопченныя стекла; но особенный восторгъ мой возбуждала сдѣланная имъ маленькая мельница съ толчеей, которая работала. А ужъ какіе змѣйки онъ дѣлалъ, съ какими трещотками, такъ это уму непостижимо!

Константинъ Александровичъ не подозрѣвалъ о воспитательномъ значеніи своихъ игрушекъ, а между тѣмъ его примѣръ воспиталъ во мнѣ чрезвычайную вѣру въ человѣческую способность — производить, строить, сооружать, и притомъ съ самыми простыми домашними орудіями и матеріалами. Кажется, онъ никогда въ жизни не слышалъ и слова «педагогія». Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ безъ всякой задней мысли или побочной цѣли, — совсѣмъ такъ же, какъ птица вьетъ гнѣздо. У него была потребность все это дѣлать, строить, клеить. Въ этомъ почти вся его жизнь состояла. Онъ не ограничивался тѣмъ, что устраивалъ намъ, дѣтямъ, игрушки и забавы, онъ былъ полезенъ и моему отцу при разныхъ постройкахъ, сооруженіяхъ и т. п.

Но больше всего сблизила меня съ учителемъ охота, на которую онъ иногда бралъ меня съ собой. Константинъ Александровичъ принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ «горе-охотниковъ». Онъ почти никогда ничего не убивалъ, а если изрѣдка приносилъ какую нибудь дикую утку, то моя мать, да и вся наша прислуга были увѣрены, что онъ «застрѣлилъ ее серебрянымъ пятачкомъ», т. е.

попросту купилъ у какого нибудь встрѣчнаго охотника-крестьянина. Но, какъ извѣстно, чѣмъ неудачливѣе охотникъ, тѣмъ сильнѣе возростаетъ его страсть къ охотѣ. То же было и съ Константиномъ Александровичемъ: когда у него выдавался свободный часокъ, онъ возился съ старой, плохой одностволкой, данной ему моимъ отцомъ для охоты, развинчивалъ и свинчивалъ ее, чистилъ, смазывалъ масломъ. Для охоты же, онъ самъ устроилъ себѣ патронташъ, самъ приготовлялъ дробь; даже порохъ пытался самъ дѣлать, но тотъ вышелъ пригоднымъ только для фейерверковъ; въ устройствѣ ихъ учитель былъ тоже большой мастеръ.

Немало времени уходило у него на обученіе коричневого щенка, названнаго почему-то Трувелемъ. Этотъ щенокъ былъ настоящимъ мученьемъ для Константина Александровича. Никакое ученье ему въ прокъ не шло, и учитель объяснялъ это тѣмъ, что Трувель — не чистый «лягашъ», а помѣсь съ дворняжкой. Во дворѣ онъ прекрасно ловилъ и мялъ домашнюю птицу; за это наша ключница Аксинья Ѳоминишна грозила обварить кипяткомъ и Трувеля, и его учителя; въ лѣсу же и болотѣ Трувель оказывался истиннымъ покровителемъ звѣрей и птицъ: онъ ихъ разгонялъ по меньшей мѣрѣ на полверсты вокругъ Константина Александровича: несмотря на крики своего хозяина, онъ мчался съ громкимъ лаемъ за каждымъ жаворонкомъ, воробьемъ и вороной, предувѣдомляя дичь о появленіи охотника.

Какъ ни былъ терпѣливъ Константинъ Александровичъ, но однажды даже и онъ не вынесъ такого гуманнаго поведенія Трувеля. Случилось событіе, едва не стоившее жизни бѣдному псу. Правда, самъ Константинъ Александровичъ объяснялъ это событіе своей близорукостью: онъ, видите ли, принялъ будто бы издали Трувеля за лисицу и выстрѣлилъ въ него. Но въ исторической вѣрности его разсказа всѣ у насъ очень сомнѣвались; особенно критически отнесся къ повѣствованію учителя нашъ старый лакей Василій, большій знатокъ охотничьяго дѣла.

Но лучше разскажу самый фактъ, предоставляя читателямъ вѣрить, по своему вкусу, самому историку, т. е. Константину Александровичу, или его критику, лакею Василію.

Дѣло было такъ: однажды Константинъ Александровичъ вернулся съ охоты безъ собаки и былъ очень мраченъ.

— Гдѣ же Трувель?—допрашивались мы съ братомъ. Надо замѣтить, что Трувель былъ нашъ любимецъ, такъ какъ по части игривости и ласковости другой такой собаки трудно было сыскать.

Но на всѣ вопросы Константинъ Александровичъ угрюмо молчалъ.

Безпокоилась о Трувелѣ и старая ключница Аксинья Ѳоминишна, грозившаяся (на словахъ) обварить его кипяткомъ.

— Куда ты его дѣвалъ?—сердито-ласковымъ тономъ говорила

она учителю.—Ужъ не подстрѣлилъ ли со слѣпыхъ-то глазъ собаку вмѣсто лисицы? Отъ тебя станется!

— Ну, да, подстрѣлилъ! Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ!— отвѣтилъ, наконецъ, учитель, и тутъ-то впервые сталъ объяснять исчезновеніе Трувеля ошибкою и близорукостью своей.

— Эхъ, ты, охотникъ! — упрекала старуха. — А кому я теперь кости буду давать? Охотникъ, нечего сказать!

Но Трувель на другой день явился, хотя сильно прихрамывалъ на одну заднюю ногу, и на спинѣ у него сочились двѣ-три ранки отъ крупной дроби. Моя мать и Аксинья Ѳоминишна пустили въ ходъ арнику, и скоро Трувель опять носился по двору, преслѣдуя дворовыхъ утокъ и всякую домашнюю живность, не исключая поросятъ. Зато, послѣ этого происшествія, едва Константинъ Александровичъ начиналъ собираться на охоту, какъ Трувель исчезалъ, словно сквозь землю проваливался! Ни угрозы, ни побои не могли его принудить сопутствовать учителю... Такъ и пропали всѣ труды Константина Александровича по его воспитанію. Зато явилось новое оправданіе охотничьихъ неудачъ. Когда надъ ними подсмѣивалась Аксинья Ѳоминишна, иронически ощупывая его пустой ягдташъ, учитель важно отвѣчалъ:

— Да какая охота безъ собаки! Погодите, обѣщалъ мнѣ Смирновъ щенка! Тогда увидите! Замѣчательный щенокъ!— обращался онъ уже ко мнѣ:—носъ двойной и верхнее чутье! А это вѣдь особенно важно!

— Ну, ужъ и важно! — возражалъ ему лакей Василій, — тоже страстный охотникъ.—Да, вѣдь, на болотѣ, въ осокѣ, она съ верхнимъ-то чутьемъ весь носъ себѣ изрѣжетъ! Только всего и будетъ!

— Ну, ты тоже много понимаешь! Я двадцать лѣтъ охочусь. А ты охотился по тарелкѣ языкомъ...

— Ну, этого вы, положимъ, не видали, такъ зачѣмъ и говорить пустяки!.. А вотъ что я вамъ скажу,—такъ это будетъ настоящее дѣло! Вотъ вы умѣете сѣти плести. А я умѣю перепелиныя дудки дѣлать.

— Эка невидаль! Я и самъ ихъ умѣю дѣлать. Взялъ баранью кишку, перевязалъ кольцами, вставилъ дудочку... Вотъ и готово!

— Ну, вотъ и отлично! Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Перепеловъ теперь и во ржи и въ овсахъ видимо-невидимо! Сдѣлайте-ка сѣтку, а я сдѣлаю дудки, и будемъ мы по вечернимъ зарямъ ихъ ловить! И баринъ намъ спасибо скажетъ: они, вѣдь, и кричатъ хорошо, и, если въ маслѣ, напримѣръ, залить,— настоящій деликатецъ!

— Ты хорошо придумалъ!— сказалъ Константинъ Александровичъ. — Завтра же начну сѣтку плести, а ты дудки приготовляй.

— А меня возьмете?—просительнымъ тономъ приставалъ я.

— Если папаша позволитъ, — отчего не взять!— говорилъ Василій:—вотъ только зарями—роса сильная.

— Ну, можно такъ одѣться, чтобы не повредило! Да и войлочекъ возьмемъ для сидѣнья,—замѣтилъ Константинъ Александровичъ.

Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я окончанія сѣтки и устройства дудокъ. Не было на свѣтѣ зрителя болѣе страстнаго и нетерпѣливаго, чѣмъ я, слѣдившій за каждой петлей, за каждымъ стежкомъ приготовляемой сѣтки.

— А потомъ мы будемъ сѣткой и соловьевъ ловить,—мечталъ Константинъ Александровичъ.

— А развѣ вы и соловьевъ умѣете ловить?—спрашивалъ я.

— Нѣтъ ничего проще! Надо только замѣтить, гдѣ онъ поетъ, выбравъ, конечно, самаго голосистаго. Ну, вотъ невдалекѣ отъ него развѣсимъ сѣтку. Зайдемъ сзади и пугнемъ соловья. Онъ—порхъ! И полетитъ низомъ, да прямо въ сѣтку. Тутъ его и вынимай осторожно, чтобы не помять...

Такъ онъ мечталъ. Мечталъ и я. Между тѣмъ, сѣтка подходила къ концу. Были готовы и двѣ перепелиныя дудки: онѣ превосходно «трю-трюкали», т. е. рѣзко и дробно свистали, напоминая крикъ перепелиной самки. Отъ этихъ приготовленій на меня вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ и безконечно-поэтическимъ. Но, когда мы въ первый разъ пошли на ловлю, дѣйствительность оказалась выше всякихъ мечтаній!

Однако, эту ловлю я опишу въ особой главѣ: она едва не кончилась трагически для Константина Александровича, которому, кажется, было суждено во всемъ встрѣчать неудачи, даже въ ловлѣ перепеловъ!

III.

Солнце уже спряталось за лѣсокъ, синѣющій на горизонтѣ, когда мы втроемъ, т. е. Константинъ Александровичъ, лакей Василій и я, горя нетерпѣніемъ и сладкимъ предчувствіемъ охоты, отправились въ поле, нагруженные всякими приспособленіями. Василій несъ на плечѣ сѣть; Константинъ Александровичъ—особаго рода клѣтку, приготовленную для ожидаемыхъ перепеловъ (въ ней вмѣсто твердаго потолка изъ жердочекъ, была сѣтка, чтобы перепела, посаженные въ нее, не разбили себѣ головъ, такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе прыгать вверхъ). Я несъ перепелиныя дудки, удивляясь ихъ хитрому устройству. Наконецъ, и Василій, и Константинъ Александровичъ захватили войлокъ, щепки для разведенія костра, небольшой металлическій чайникъ съ треножникомъ и коечто изъ провизіи.

Неширокая, покрытая пылью дорога шла между двумя полосами зеленой заколосившейся ржи, отъ которой въ вечернемъ воздухѣ распространялся особенный, слегка-приторный запахъ.

Пыльная дорога казалась, при послѣднихъ лучахъ вечерней зари, розоватой и своими изгибами, терявшимися въ мягкихъ волнахъ ржи, манила вдаль, говоря о чемъ-то таинственномъ, влекущемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой ржи совершалась и кипѣла жизнь, выдававшая себя только голосами, несшимися отовсюду—справа и слѣва, изъ глубины этого зеленовато-сѣраго моря. Въ пяти-шести мѣстахъ этого моря перепела выкрикивали свои сухія нотки, какъ будто ударяли палкой по дереву; они надрывались, стараясь перекричать другъ друга... Вотъ среди нихъ звучалъ болѣе таинственный и робкій свистъ перепелиной самки, напоминавшій удивительное «трю-трю» нашихъ дудокъ. Дальше и ниже, гдѣ былъ ярко-зеленый, покрытый травой, спускъ къ ручью, трещалъ коростель, и ему отвѣчалъ цѣлый концертъ лягушекъ, точно споривших другъ съ другомъ о какихъ-то важныхъ вопросахъ, въ своемъ полувысохшемъ ручьѣ. А надъ этимъ концертомъ, какъ подтверждающее послѣднее слово, звучало унылое «уканье» жерлянки, особенной лягушки, съ красными пятнами на брюшкѣ; это мнѣ было извѣстно изъ моихъ наблюденій надъ водяною жизнью, когда я бродилъ съ удочкой по этому ручью, въ которомъ, кромѣ лягушекъ, ничего не водилось.

И вотъ вся эта таинственная, невѣдомая жизнь, не похожая на жизнь людей, а въ то же время и говорившая о чемъ-то подобномъ человѣческимъ хлопотамъ, стремленіямъ, тревогамъ,—жизнь тѣмъ болѣе заманчивая, что она начиналась только съ наступленіемъ темноты и пряталась въ этомъ морѣ ржи,—вотъ это-то все и влекло меня, и манило: казалось особенно обольстительнымъ увидѣть одного изъ жильцовъ этого таинственнаго міра у себя въ рукахъ или въ клѣткѣ.

Мы выбрали мѣстечко на пригоркѣ, покрытомъ низкой плотной травкой, вдали отъ дороги. Мнѣ подостлали войлокъ, а Константинъ Александровичъ съ Василіемъ стали осторожно разстилать сѣтку надъ колосьями упругихъ ржаныхъ стеблей. Какія длинныя приготовленія! Какъ нетерпѣливо бьется и сжимается сердце!

Но вотъ все готово. Они подходятъ ко мнѣ, садятся и начинаютъ изрѣдка, равномѣрно посвистывать въ дудочки, проводя пальцами по ихъ рубчатымъ бокамъ изъ бараньей кишки.

Издавъ рядъ такихъ нѣжныхъ звуковъ, они прислушиваются, не откликнется ли на нихъ гдѣ нибудь перепелъ-самецъ; чутко прислушиваюсь и я...

А небо и воздухъ темнѣютъ. Сѣтку едва-едва можно различить на сѣроватомъ фонѣ ржи, становящемся сѣровато-фіолетовымъ. По ручью ползетъ вдали туманъ. Но, чу! въ нѣсколькихъ мѣстахъ намъ начинаютъ откликаться перепела. И что это за чудная музыка въ темнѣющемъ, душистомъ, нѣсколько сыроватомъ воздухѣ поздняго вечера, когда стихли всѣ звуки, кромѣ разростающихся

звуковъ невѣдомой, таинственной жизни этого невидимаго, таинственнаго міра.

Крики перепеловъ приближаются, становятся все тревожнѣе и нетерпѣливѣе. Цѣлый пятокъ ихъ приближается къ нашей сѣти съ разныхъ сторонъ.

Мои спутники дѣлаютъ другъ другу и мнѣ таинственные знаки: эти знаки то требуютъ безусловной тишины, то выражаютъ радость, что охота удачна, и что можно сразу поймать нѣсколько птицъ. Я весь охваченъ торжественностью минуты: вѣдь нужно только терпѣливо дождаться, чтобы всѣ птицы сошлись подъ сѣтку, и тогда — великое торжество! Я замираю отъ ожиданія и сладкой тревоги.

Наконецъ, съ пригорка намъ кажется, что всѣ перепела ужъ подъ сѣткой.

Учитель дѣлаетъ знакъ... Мы съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши бѣжимъ къ сѣткѣ. Въ полусвѣтѣ вечера видно, какъ снизу вспархиваютъ птицы, ударяются о сѣтку и путаются въ ней...

Но, увы! Только два перепела пойманы. Остальные улетаютъ! Пойманные съ изумленіемъ и ужасомъ сперва бьются въ рукахъ охотниковъ, потомъ остаются безъ движенія, какъ парализованные. Ихъ помѣщаютъ въ клѣтку съ сѣтью...

— А вѣдь было пять, — говорилъ съ сожалѣніемъ Константинъ Александровичъ:—троихъ упустили!..

— Да вѣдь я дѣлалъ знаки, чтобы подождать,—сердито замѣчаетъ Василій.—Ну, а вы—свое! Вотъ и упустили!..

— Ну, да они еще будутъ наши!

— Какъ же, дожидайтесь! Они тоже народъ хит ый! Теперь они ужъ далеко...

— Ну, новые будутъ! Ишь ихъ сколько кругомъ. А теперь не отдохнуть ли? Разведемъ огонекъ, чайку заваримъ, пропустимъ по маленькой да закусимъ... А тамъ и опять ловить...

Василій ворчалъ и былъ недоволенъ:

— Какая это охота! Двухъ поймали, да и отдыхать! Это и ходить не стоило! Вотъ послѣ двухъ десятковъ можно бы закусить!

Я былъ почти того же мнѣнія. Но Константинъ Александровичъ утверждалъ, что, когда «подкрѣпишься», ловля идетъ успѣшнѣе.

Для него, повидимому, не столько важны были перепела, какъ благодушное сидѣнье въ полѣ около костра, за чайкомъ, подъ небомъ, усѣяннымъ миріадами звѣздъ.

Онъ раскладывалъ принесенные припасы, поджигалъ щепки и собраные кругомъ сучья, поглядывая любовно на бутылку съ водкой, которую вынулъ изъ бокового кармана своей охотничьей куртки.

И вотъ мы уже сидѣли вокругъ тлѣющаго костра, попивая чаекъ.

На свѣтъ этого костра пришло человѣкъ шесть крестьянскихъ ребятишекъ, бывшихъ недалеко на ручьѣ въ «ночномъ» со своими лошадьми...

Они разсматривали нашихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ клѣткѣ, давали совѣты и указанія, гдѣ больше перепеловъ, и вообще принимали самое живое участіе въ нашей ловлѣ и разговорахъ. А разговоры становились все интереснѣе.

Константинъ Александровичъ разсказывалъ невѣроятное происшествіе, бывшее съ нимъ на такой же ловлѣ, лѣтъ шесть тому назадъ; онъ жилъ тогда у помѣщика Мѣдникова.

— Знаю я Мѣдникова,—вставилъ Василій,—хорошій былъ господинъ, померъ года три тому...

— Да это не тотъ Мѣдниковъ. Тотъ Василій Ивановичъ, а этотъ Петръ Ивановичъ!

— А! ну, и этого знаю!.. Въ Плющихѣ его имѣніе. Домъ громаднѣйшій...

— Да не перебивай ты, Василій, ради Бога!—восклицалъ я, желая слышать поскорѣе разсказъ учителя:—очень намъ нужно, что ты знаешь Мѣдниковыхъ. Дай разсказывать и не мѣшай...

— Ну, какъ хотите!—флегматично замѣчаетъ старикъ и начинаетъ усердно, съ громкимъ пыхтѣньемъ втягивать въ себя горячій чай.

— Такъ вотъ,—продолжаетъ Константинъ Александровичъ,—сидимъ мы также на пригоркѣ, а сзади насъ не рожь была, а гречиха, и вся въ цвѣту. Сидимъ и подманиваемъ перепеловъ. А было насъ двое: я да еще поваръ этого Мѣдникова...

— Иванъ Захарычъ? — восклицаетъ Василій: — я и его знаю. Онъ въ прошломъ году дочь выдалъ замужъ за Игнатьевскаго старшину... Хорошій человѣкъ, только временами «зашибаетъ» здорово!

— Ахъ, Василій! Да ты просто невозможный человѣкъ!—опять замѣчаю я.

— Ну, виноватъ, виноватъ! Не буду больше... Ну, такъ сидите вы и подманиваете?—обратился онъ поощрительно къ учителю.

— Ну, подманиваемъ... Все наше, такъ сказать, вниманіе приковано къ сѣткѣ... И вотъ, какъ нынче же,—штукъ шесть перепеловъ бѣгутъ съ разныхъ сторонъ подъ сѣтку. Наконецъ, я дѣлаю знакъ; мы съ Иваномъ Захарычемъ вскакиваемъ, хлопаемъ, кричимъ, и вдругъ, что жъ бы вы думали?.. Даже и повѣрить трудно... И теперь, какъ вспомню, морозъ по кожѣ подираетъ, и волосы дыбомъ встаютъ...

— Да что жъ такое?—спрашиваю я замирая.

— А вотъ что: медвѣдь... да здоровеннѣйшій. Онъ, значитъ, отъ лѣска подошелъ къ гречихѣ, да тамъ и прохлаждался, а насъ и не учуялъ. А какъ мы вскочили да закричали, онъ такъ перепугался, что съ пригорка-то кубаремъ, кубаремъ, прямо на насъ, сбилъ насъ съ ногъ, перекатился черезъ обоихъ, чуть всѣ кости не передавилъ, да въ рожь, да въ сѣтку нашу и запутался. А самъ ревётъ благимъ матомъ... Сѣтку всю порвалъ, а половину на себѣ

унесъ... Какъ пустится это съ нею по ржи, только и видно, что черный комъ катится... То-то потѣха была! Только это—потѣха была потомъ! А съ начала, какъ онъ покатился на насъ, не до смѣху было. Я думалъ, что тутъ и конецъ намъ пришелъ. Потомъ я скоро очнулся, а Иванъ Захарычъ лежитъ, какъ мертвый, и не шевелится! Я его и водой поливалъ, и крапивой теръ... Ну, потомъ налилъ ему въ ротъ водки, онъ и отошелъ... Такъ, въ жизнь свою никогда не забуду этого случая! Умирать стану,—не забуду...

— Да, трусливы эти Михайлы Ивановичи!—вставилъ мальчикъ-крестьянинъ:—вотъ тоже у насъ былъ случай...

— А ты погоди, — перебилъ его Василій: — дай прежде старшимъ сказать... Вы думаете,—обратился онъ къ Константину Александровичу:—что это точно былъ медвѣдь?

— Конечно, медвѣдь!—обиженно отвѣтилъ тотъ.

— Ха-ха-ха! Медвѣдь!—протянулъ Василій:—а вы у него спросили: кто молъ ты? А говорите,—медвѣдь!

— Да я своими глазами видѣлъ...

— Глазами!?. А вы бы сотворили крестное знаменье, тогда бы и узнали, какой это медвѣдь...

— Да кто жъ это былъ по-твоему?—спросилъ я.

— Кто? Извѣстно—кто?! Вотъ только не хорошо «его» называть въ полѣ да ночью...

Василій боязливо осмотрѣлся кругомъ въ надвигающейся темнотѣ, которая казалась еще темнѣе отъ костра...

— Ну, ужъ ты выдумаешь!—презрительно замѣтилъ Константинъ Александровичъ:—все это ваши дикія деревенскія суевѣрія!

— Суевѣрія! А ежели я самъ, своими глазами «его» окаяннаго видѣлъ, и при такомъ же случаѣ, на перепелиной ловлѣ? Тогда вы что скажете?.. Суевѣріе!—передразнилъ онъ учителя.

— Разскажи, разскажи, Василій,—присталъ я.

— Не хорошо о «немъ» разсказывать въ такой часъ да еще въ полѣ. Я дома вамъ разскажу. «Они» не любятъ, когда ихъ поминаютъ. Наше мѣсто свято!—и онъ перекрестился, а затѣмъ, хлебнувъ нѣсколько глотковъ чая, задумчиво добавилъ:—и всегда «они» на перепелиной охотѣ являются... За другой птицей или звѣремъ охоться сколько угодно, а какъ только за перепелами,—«онъ» тутъ какъ тутъ! Удивительное это дѣло! Любятъ они эту птицу... Охъ, Господи Іисусе Христе, помилуй насъ отъ лукаваго!

Послѣ этихъ словъ всѣ мы притихли и боязливо оглядывались. Я вздрагивалъ отъ каждаго звука и треска, раздававшагося во тьмѣ, окружавшей насъ.

— И все это—дикое суевѣріе!—авторитетно сказалъ учитель, точно подбодряя себя.—Все это отъ дикихъ временъ. Дикари выдумали!

— А какіе бываютъ дикіе, Константинъ Александровичъ?—спросилъ я.

— А такіе: ходятъ голыми или въ звѣриныхъ шкурахъ. Живутъ, какъ скоты. Ѣдятъ чортъ знаетъ что!..

— И какъ вы такія слова говорить не боитесь ночью, въ полѣ!— внушительно сказалъ Василій.

— А говорить они умѣютъ?—спросилъ я.

— Ну, какой же у нихъ разговоръ! Такъ, одни дикіе крики!

— Голубчикъ, Константинъ Александровичъ, крикнете такъ, какъ дикіе кричатъ...

— Да очень просто кричатъ. Ну, въ родѣ вотъ этого.

И учитель громко крикнулъ какимъ-то сиплымъ, гортаннымъ голосомъ. Ему откликнулось эхо.

Василій опять перекрестился.

— А что жъ будемъ еще ловить или по домамъ?—укоризненно сказалъ онъ:—ужъ это не ловля, ежели кричать станемъ.

— Конечно, будемъ, — сказалъ Константинъ Александровичъ, нѣсколько сконфуженный,—раскинемъ сѣтку здѣсь же.

Онъ не любилъ долго и много ходить.

— Да, вѣдь тутъ они ужъ напуганы и костромъ, и вашими криками,—продолжалъ язвить Василій.

— Ничего! придутъ, какъ услышатъ дудку.

Ребята вызвались помочь разостлать сѣтку. Другіе стали тушить костеръ. Когда огонь погасъ, темнота стала далеко не такой сильной, какъ казалось. Заря еще не совсѣмъ угасла, и сѣтку можно была различать на болѣе свѣтломъ фонѣ ржи.

И опять мы сидѣли, притаившись, не смѣя дышать. И опять раздался нѣжный свистъ нашихъ дудочекъ.

Но тутъ случилось событіе, которое надолго прервало наши перепелиныя ловли. Судьбѣ было угодно, чтобы дѣйствительность воспроизвела передъ нами въ тотъ же день и часъ увѣренія Василія о любви чорта къ перепеламъ. Когда въ нужный моментъ мы вскочили и стали, хлопая въ ладоши и крича, подбѣгать къ сѣти, совершилось настоящее чудо. Изъ-подъ нея, увлекая ее за собою вверхъ, прыгнуло высоко что-то черное, большое съ двумя длинными рогами по бокамъ головы. На этихъ рогахъ, какъ вуаль, топорщилась наша сѣть. Крикъ ужаса раздался среди ночной тишины изъ цѣлаго десятка человѣческихъ глотокъ. Я видѣлъ, какъ кругомъ, падая и кувыркаясь, всѣ мои собесѣдники мчались въ ночной темнотѣ. Бѣжалъ и я куда-то, и, право, не помню, кричалъ ли я или шепталъ молитву, и долго ли я бѣжалъ. Но вотъ я услышалъ невдалекѣ громкій стонъ и крикъ Константина Александровича.

— Охъ, помогите! Остановитесь! Ради Бога! Охъ!

Въ голосѣ учителя было столько страданія, что я остановился и крикнулъ:

— Константинъ Александровичъ, что съ вами?

— Охъ, пойди сюда, не бойся! Упалъ я въ канаву, да, должно быть, ногу сломалъ или вывихнулъ. Двинуться не могу. Боль ужасная въ ступнѣ.

Я пошелъ на голосъ, крича остальнымъ, чтобы они остановились и помогли учителю. Скоро я нашелъ его и старался помочь подняться. Онъ не могъ стать на ногу и стоналъ. Всѣ крестьянскія ребята скоро собрались на мой крикъ.

Только отъ Василія и слѣдъ простылъ. Мы разули Константина Александровича съ большимъ трудомъ.

— Спиртомъ бы или водкой растереть,—совѣтовалъ одинъ мальчикъ.

— Охъ!—стоналъ учитель,—да тамъ у костра осталось въ бутылкѣ немного водки. Сходите-ка туда кто нибудь.

Двое ребятъ, забывъ о чортѣ, побѣжали отыскивать бутылку и, вернувшись съ нею, объявили, что во ржи кто-то еще барахтается въ сѣткѣ, да только они боялись взглянуть и убѣжали.

— Я теперь знаю, что это!—сказалъ учитель:—и какъ мнѣ давеча этого въ голову не пришло! А все Василій со своими дикими суевѣріями! Вѣдь, это просто земляной заяцъ, тушканчикъ. Ихъ теперь множество! И уши у него длинныя, какъ рога! Идите-ка, ребята, да схватите его и тащите сюда вмѣстѣ съ сѣткой.

— И я пойду! — воскликнулъ я, чувствуя вдругъ приливъ любознательности и храбрости.

И, дѣйствительно, мы нашли во ржи, запутавшагося въ сѣтку земляного зайца, съ длиннѣйшими задними ногами и короткими передними лапками. Онъ былъ торжественно принесенъ къ учителю, а потомъ жилъ у насъ дома въ клѣткѣ, но недолго. Въ одну прекрасную ночь онъ изгрызъ ея стѣнку своими острыми рѣзцами и вышелъ на свободу. Однако здѣсь его замѣтилъ на дворѣ Трувель и растерзалъ.

Константинъ Александровичъ поплатился за этотъ случай растяженіемъ связокъ ступни и долго пролежалъ въ постели.

Но возвратимся къ началу моего разсказа.

IV.

Послѣ случайной встрѣчи на постояломъ дворѣ мнѣ лишь черезъ много лѣтъ привелось снова увидѣться съ моимъ бывшимъ учителемъ. Судьба забросила меня далеко отъ родины, но я зналъ, что мой отецъ поселилъ Константина Александровича въ нашей деревнѣ подъ предлогомъ помощи ему въ хозяйствѣ, хотя въ деревнѣ былъ настоящій приказчикъ. Отецъ писалъ мнѣ одинъ разъ, что Константинъ Александровичъ является иногда большой помѣхой: онъ частенько ссорился со старикомъ приказчикомъ,

желая показать свое главенство надъ нимъ. «Мнѣ,—писалъ отецъ,—безпрестанно, приходится разбирать ихъ споры и раздоры, что очень не легко: оба старика капризны и самолюбивы. Но что дѣлать? Какъ стараго твоего учителя лишить покойнаго угла! Повидимому, онъ доволенъ своею жизнью: много ѣстъ, много спитъ и началъ сильно толстѣть».

Такъ шло дѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока былъ живъ отецъ. Но онъ умеръ скоропостижно, и положеніе стараго учителя сдѣлалось очень тяжкимъ. Правда, сестра моя, которой досталось имѣніе, очень благоволила къ старику, но она вскорѣ вышла замужъ, и тутъ-то пошли невзгоды инвалида-педагога. Но чтобы дать о нихъ читателямъ болѣе ясное понятіе, я долженъ подробнѣе ознакомить ихъ съ довольно любопытнымъ (и нерѣдкимъ для того времени) субъектомъ,—мужемъ моей сестры, Ваничкой Звягинцевымъ, какъ его называли всѣ въ нашемъ уѣздѣ. Его-то я и назвалъ «помѣщикомъ-реалистомъ». Онъ игралъ роковую роль въ судьбѣ Константина Александровича.

Этотъ «помѣщикъ-реалистъ», или Ванечка Звягинцевъ, былъ сынъ того самаго Звягинцева, у котораго когда-то мой отецъ сманилъ Константина Александровича. Я уже упоминалъ о музыкальныхъ наклонностяхъ отца Ванечки: онъ выписалъ органъ-машину въ нѣсколько тысячъ рублей какъ разъ наканунѣ публичной продажи его имѣнія за долги казенные и частные. Къ совершеннолѣтію Ванечки отъ обширнаго имѣнія осталась небольшая усадьба да десятка три десятинъ земли, на которой и хозяйничалъ Ванечка послѣ смерти своего отца, почти никуда не показываясь, исключая нашей семьи. Съ нами же онъ познакомился потому, что былъ вмѣстѣ со мною въ гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ. Это былъ тоже ученикъ Константина Александровича.

Удивительный это былъ юноша! И въ гимназіи, и въ университетѣ онъ чрезвычайно гордился своимъ «аристократизмомъ», что доходило иногда до полнаго отчужденія отъ товарищеской среды. Даже послѣ разоренія онъ не могъ забыть о своемъ «величіи» и, окончивъ математическій факультетъ, считалъ ниже своего достоинства пойти въ учителя или давать уроки, а тѣмъ болѣе взять какое нибудь мѣсто въ уѣздномъ городишкѣ. У него въ характерѣ была одна удивительная черта, развившаяся, быть можетъ, отъ того, что неожиданный переходъ отъ роскоши къ бѣдности рано заставилъ его, чтобы не уронить своего достоинства, играть роль богача, когда въ карманѣ не было ни гроша и порой не на что было пообѣдать. Сколько я его помню, онъ никогда не былъ самимъ собою, а всегда игралъ какую нибудь роль, искренно воображая себя то тѣмъ, то другимъ. Въ роль эту онъ могъ входить на нѣсколько лѣтъ, пока новое впечатлѣніе или образъ не овладѣвали его душой: въ старшихъ классахъ гимназіи онъ былъ Печоринымъ,

на первомъ курсѣ университета—Базаровымъ, потомъ его увлекъ образъ англійскаго лендлорда и т. д. Въ первое время своего пріѣзда въ деревню онъ цѣлые дни проводилъ у насъ, «развивая» мою сестру,—какъ онъ писалъ мнѣ однажды своимъ напыщеннымъ слогомъ, которымъ отличался еще въ гимназіи. «Это развиваніе» кончилось тѣмъ, что сестра влюбилась въ него: въ тогдашней глуши онъ поразилъ ее своей книжной, резонерской, напыщенной рѣчью и разсказами о своихъ широкихъ планахъ устроить какъ-то по-новому свое хозяйство и жизнь: въ то время онъ уже увлекался «реализмомъ» Писарева. Это такъ ослѣпляло сестру, что она не замѣчала ни его внутреннихъ недостатковъ, ни даже его крайняго внѣшняго уродства. Съ краснымъ лицомъ, узенькимъ и высокимъ лбомъ, бѣлыми рѣсницами и выпученными глазами свѣтло-зеленаго цвѣта, длинный и худой, какъ жердь, онъ еще усиливалъ эти некрасивыя детали своей наружности шутовскимъ костюмомъ: кто-то и когда-то сказалъ ему въ шутку, что онъ похожъ на англичанина, и вотъ, это сходство сдѣлалось его idée-fixe. Чтобы походить на кровнаго британца, онъ стригъ волосы подъ гребенку, брилъ усы и бороду, оставляя волосы только подъ подбородкомъ и челюстями, сталъ одѣваться шутомъ гороховымъ, въ коротенькіе пиджаки и широкія панталоны съ огромными клѣтками; на головѣ носилъ шотландскую шапочку съ лентами назадъ; ходилъ вытянувшись, какъ палка, медленными шагами и какъ-то особенно вышвыривая впередъ ноги и почти не сгибая колѣнъ.

— Я подражаю англичанамъ не изъ обезьянства,—объяснялъ онъ мнѣ еще въ то время, когда въ университетѣ я смѣялся надъ его походкой и англоманствомъ.—Ты этого не понимаешь! Это самая практическая походка, какую только можно придумать. А я много думалъ надъ этимъ: вы всѣ ходите, сгибая ноги, а отъ этого тратите массу мускульной и нервной энергіи... А между тѣмъ, въ жизни надо все разсчитывать. Я не даромъ изучаю математику! Жизнь, братъ, это формула! Да, формула. А въ формулѣ важна малѣйшая ошибка, даже въ безконечно малой величинѣ... И вотъ этого никто изъ васъ не понимаетъ.

Вѣроятно, по той же формулѣ, онъ возненавидѣлъ несчастнаго Константина Александровича съ перваго же момента, какъ только вступилъ въ нашъ домъ въ качествѣ мужа хозяйки. Константинъ Александровичъ, уже сильно состарившійся, обрюзгшій, съ отекающими ногами, былъ, конечно, въ хозяйствѣ совершенно безполезенъ, а его совѣты въ этомъ дѣлѣ, основанные на долгомъ опытѣ, Звягинцевъ отвергъ, сразу объявивъ, что онъ будетъ вести дѣло по-новому, «на основаніи науки», и что, если старикъ будетъ мѣшаться не въ свое дѣло съ «устарѣлыми» указаніями, то онъ попроситъ его уѣхать немедленно. И вотъ старикъ сжался, притихъ, сидѣлъ въ своей маленькой комнаткѣ въ мезонинѣ и являлся только къ обѣду, чаю и ужину.

*

Но Звягинцеву было недостаточно этого: все же старый учитель былъ лишнимъ въ его «математической формулѣ». Только серіозное заявленіе моей сестры, что, согласно желанію отца, старый учитель доживетъ свою жизнь у насъ,—помѣшало Звягинцеву привести въ исполненіе рѣшительную мѣру, о которой онъ тоже съ большимъ апломбомъ и громкими фразами сообщилъ мнѣ въ одномъ изъ писемъ: «если бы не твоя сестра, писалъ онъ, я сбылъ бы учителя безъ всякой вашей обломовщины, какъ разсудилъ бы и всякій европеецъ: нужно пристроить его въ богадѣльню, давъ нѣкоторую сумму на карманные расходы, и съ глазъ долой! Что можетъ быть ужаснѣе этихъ вашихъ русскихъ приживальщиковъ? Это—чисто барское изобрѣтеніе. И вы думаете, что дѣлаете благодѣяніе! А на самомъ дѣлѣ обѣ стороны въ самомъ дурацкомъ положеніи. Приживальщикъ вѣчно чувствуетъ себя зависимымъ, приниженнымъ. Въ немъ развивается невольное холопство, боязливость, подлаживаніе. А въ васъ, благодѣтеляхъ его, происходитъ постоянная борьба невольной брезгливости съ боязнью, что обидишь его какимъ нибудь нечаяннымъ словомъ, которое онъ можетъ принять на свой счетъ... Я это по опыту знаю: сколько уже сценъ бывало у насъ изъ-за этого и съ нимъ, и съ Дашей. Скажешь, напримѣръ, нечаянно за столомъ, что мясо стало дороже,—смотришь, онъ поблѣднѣлъ, надулся. Сердобольная сестрица твоя сейчасъ мнѣ нотацію. И пошла писарь губернія! Я—тоже человѣкъ,—возражу что нибудь, ну, вотъ и слезы»...

Необходимо пояснить, что Звягинцевъ тотчасъ послѣ женитьбы убѣдилъ сестру сдать имѣніе ему въ аренду по долгосрочному контракту. Онъ увѣрилъ ее (да и самъ, кажется, былъ убѣжденъ), что хочетъ серіозно и «раціонально» заняться хозяйствомъ, а для этого нужно быть полнымъ распорядителемъ всего. О хозяйствѣ онъ имѣлъ понятіе по какому-то старинному словарю «общеполезныхъ свѣдѣній», оказавшемуся у о. діакона; онъ надѣялся совершить чудеса, выписавъ нѣсколько сельскохозяйственныхъ журналовъ. Уже черезъ два года хозяйствованіе его стало приносить плоды. По довѣренности сестры, онъ заложилъ ея землю, убѣдивъ ее, что необходимы широкія нововведенія: покупка машинъ, искусственныхъ удобреній и т. д. Къ чести его, я долженъ сказать, что занятыя деньги онъ дѣйствительно употребилъ на эти предметы, по послѣднимъ книжкамъ земледѣльческихъ журналовъ. Когда я, въ концѣ этого періода его хозяйствованія, пріѣхалъ въ деревню къ сестрѣ, то всѣ эти заграничные плуги и машины валялись въ сараѣ, частью поломанные, частью разобранные за негодностью, при чемъ желѣзныя и чугунныя части ихъ были проданы. Звягинцевъ, водя меня по этимъ развалинамъ, жаловался на русскихъ рабочихъ, не умѣвшихъ обращаться съ иноземными, дорогими изобрѣтеніями.

— Но я все же извлекъ изъ нихъ выгоду,—хвалился онъ:—я

продалъ чугунныя и стальныя части и такимъ образомъ вернулъ изрядную сумму... У меня все записано: я, знаешь, веду запись каждой копейкѣ!.. О, ни одна копейка жены не пропадетъ! Ты будь увѣренъ въ этомъ! Чтобы быть точнымъ, я даже изучилъ итальянскую бухгалтерію, и у меня всѣ книги ведутся съ математическою аккуратностью. Вотъ я тебѣ покажу... Каждый грошъ на счету...

Что онъ былъ человѣкъ мелочно честный, я это зналъ, но я зналъ также, что въ головѣ у него,—какъ говоритъ русскій народъ,—не хватало какой-то «заклёпки». Когда онъ былъ юношей-студентомъ, это не такъ бросалось въ глаза, какъ теперь, когда онъ вообразилъ себя чѣмъ-то въ родѣ англійскаго лендлорда и началъ послѣдовательно проводить въ жизнь свои, якобы англійскіе, принципы. Съ этого и начались разочарованія въ немъ моей сестры. Онъ воздвигъ гоненіе не на одного Константина Александровича, а мало-помалу и на всѣхъ старыхъ слугъ нашей семьи. Сестрѣ приходилось бороться съ нимъ за каждаго изъ нихъ. Затѣмъ, на Звягинцева нашла манія уваженія къ законности и собственности, и онъ сталъ проводить ее среди своихъ рабочихъ и сосѣднихъ крестьянъ. Не было почти дня, чтобы онъ не приносилъ на кого нибудь изъ нихъ жалобы—въ волость или къ мировому судьѣ, и все это «по принципу»! Каждый исчезнувшій гвоздь, каждая потерянная веревка создавали искъ, да еще непремѣнно въ уголовномъ порядкѣ...

Какъ прежде Звягинцевъ увлекался чтеніемъ сельско-хозяйственныхъ книгъ и выпиской машинъ, такъ теперь онъ окружилъ себя законами, цѣлыми томами рѣшеній сената и, усердно изучая ихъ, писалъ прошенія, апелляціи, кассаціи. Весь уѣздъ смѣялся надъ его неистовымъ рвеніемъ къ юридическому искорененію зла въ невѣжественномъ русскомъ мужикѣ. Сестра поняла, что сдѣлала страшную ошибку въ выборѣ мужа, но она была горда и самолюбива, и, когда я пріѣхалъ къ нимъ, ей не хотѣлось сказать мнѣ объ этомъ. Однако, я замѣтилъ ея блѣдность, нервность, ея сухость съ мужемъ и попробовалъ добиться отъ Константина Александровича разсказа о подробностяхъ ихъ житья-бытья.

— Ну, какъ же вы поживаете тутъ, Константинъ Александровичъ?—началъ я:—хорошо ли вамъ здѣсь? Не обижаютъ ли васъ? Все-же, послѣ смерти отца, здѣсь иные порядки начались.

— О, мнѣ здѣсь очень, очень хорошо!—торопливо заговорилъ онъ, опуская глаза глаза въ землю, изъ чего я понялъ, что учитель говоритъ неправду и конфузится этого, какъ мальчикъ.—Звягинцевъ очень хорошій человѣкъ! — продолжалъ старикъ: — онъ вполнѣ европеецъ! Человѣкъ просвѣщенный, гуманный!.. Я совершенно доволенъ!

— Ну, а какъ онъ съ Дашей? Ихъ жизнь счастлива?

— Я, знаете, не могу въ чужую жизнь вникать. Я живу здѣсь

по ихъ добротѣ и не долженъ ничего критиковать. Это было бы черною неблагодарностью. Да я и не знаю ничего дурного... Живутъ дружно, любятъ другъ друга...

А глаза старика все бродили по полу, точно отыскивая тамъ потерянную иголку.

Я понялъ, что онъ не хочетъ говорить, быть можетъ, по какому нибудь нравственному принципу, усвоенному имъ, а, быть можетъ, по горькому житейскому опыту. Разспрашивать его дальше значило бы подвергать его нравственной пыткѣ, и я заговорилъ о другомъ.

Разъ, когда мнѣ пришлось остаться съ сестрой tête-à-tête, я спросилъ у нея:

— Счастлива ли ты?

— О, да!—отвѣтила она:—мы живемъ очень дружно!—и перевела разговоръ на другую тему.

Только отъ ея старой няни, доживавшей у насъ свои послѣдніе дни, я узналъ, что жизнь сестры была невыносима. Ко всѣмъ качествамъ скуднаго, но вѣчно резонирующаго ума, Звягинцевъ, по словамъ няни, обладалъ еще глупою и безпричинною ревностью. Няня описала мнѣ нѣсколько сценъ, которыя онъ не разъ устраивалъ сестрѣ: любимой его сценой было сдѣлать видъ, что онъ собирается покончить съ собой. Первоначально сестру страшно пугало, когда Звягинцевъ запирался въ своемъ кабинетѣ и начиналъ чистить и приготовлять револьверъ такъ громко, что она не могла не догадываться о его намѣреніяхъ. Или же онъ уходилъ въ сарай, и сестра находила его тамъ съ длинной веревкой, которую онъ прикрѣплялъ къ какой нибудь перекладинѣ. Конечно, сестра каждый разъ «спасала» его отъ смерти, отобравъ револьверъ или веревку. Самоубійца дѣлалъ видъ, что сопротивляется и борется за эти драгоцѣнныя орудія, но мало-помалу уступалъ и кончалъ «истерикой». Сестра принималась ухаживать за нимъ, давать ему валеріаны, лавро-вишневыхъ капель etc., и наступалъ миръ.

Конечно, сестра скоро убѣдилась, что всѣ эти покушенія на самоубійство совершенно безвредны для жизни Звягинцева, и мало-помалу такъ привыкла къ нимъ, что когда тотъ удалялся въ свой кабинетъ и начиналъ чистить револьверъ, или бѣжалъ съ веревкой въ сарай, она покойно предоставляла его самому себѣ. Но это ей недешево давалось. Прождавъ нѣсколько времени ея прихода, Звягинцевъ являлся къ ней вооруженный и грозилъ, что теперь ужъ убьетъ не себя, а ее.

— Ты была бы счастлива, если бы я убилъ себя... Это я вижу! Ты не бѣжишь, какъ прежде, спасать меня! Такъ вотъ не доставлю же тебѣ этого удовольствія! Моя жизнь еще нужна, а тебя стоитъ убить за твое бездушное отношеніе къ жизни мужа! Порядочная женщина, если и разлюбитъ, то у нея остается состраданіе. Но ты и этого лишена. Такъ умри же!

И онъ наводилъ на нее револьверъ, ожидая, что она бросится и вступитъ въ борьбу. Но она сидѣла молча, неподвижная, блѣдная, и обыкновенно кончалось тѣмъ, что онъ бросалъ револьверъ на полъ съ крикомъ:

— Не мммоггу! Я еще любббълю!

А затѣмъ падалъ на полъ въ какихъ-то якобы конвульсіяхъ «отъ сжиманія сердца», какъ увѣрялъ онъ самъ.

Впрочемъ, по словамъ няни, одинъ разъ онъ выстрѣлилъ, но пуля попала въ потолокъ: это былъ врожденный актеръ, а вовсе не злодѣй.

Мнѣ было мучительно больно слышать разсказъ няни: я очень любилъ сестру. Я утѣшалъ себя мыслью, что няня преувеличиваетъ, такъ какъ она всегда явно ревновала свою любимицу къ Звягинцеву.

Только одна возмутительная сцена, устроенная при мнѣ Звягинцевымъ Константину Александровичу и сестрѣ, сняла для меня окончательно покрывало съ ихъ жизни.

Дѣло было за обѣдомъ. Старый мой учитель подъ конецъ жизни любилъ поѣсть. Но онъ видимо стѣснялся и конфузился; клалъ себѣ мало, изрѣдка косясь, какъ ребенокъ, на вкусное блюдо. Чуткое сердце моей сестры угадывало все это, и она накладывала на его тарелку вдвое и даже втрое больше, чѣмъ остальнымъ.

— Ты его когда нибудь обкормишь!—замѣчалъ иногда Звягинцевъ, когда учитель уходилъ: — у него ударъ сдѣлается! Онъ все пожираетъ, что ему положишь!

— Ну, ему, бѣдненькому, все равно — недолго жить осталось. А, вѣдь, это теперь единственное для него удовольствіе!—отвѣчала сестра.

Въ тотъ разъ, о которомъ я хочу говорить, Звягинцевъ былъ страшно раздраженъ мировымъ судьей, отъ котораго передъ тѣмъ вернулся: тотъ не только отказалъ ему въ искѣ, но и призналъ его обвиненіе «недобросовѣстнымъ», что давало право крестьянамъ, на которыхъ жаловался Звягинцевъ, возбудить противъ него самаго уголовное преслѣдованіе.

— Негодяи!—кричалъ за столомъ Звягинцевъ,—бросили работу въ самое горячее время! А я, можно сказать, ихъ облагодѣтельствовалъ: когда зимой были нужны деньги, я далъ имъ впередъ, подъ работу. И вотъ—благодарность! А теперь еще меня же хотятъ къ суду тянуть!

— Да они не будутъ,—сказала сестра.

— Ничего ты не понимаешь! Какъ не будутъ, когда они просили у судьи копію?

— А все виноватъ вотъ этотъ вашъ протеже!—указалъ онъ на Константина Александровича.—Я его вызвалъ свидѣтелемъ, а онъ опоздалъ!

— Извините меня, — сказалъ гордымъ и обиженнымъ тономъ Константинъ Александровичъ,—но я, во-первыхъ, очень мало знаю по этому дѣлу.

— Какъ мало знаете, когда я вамъ все разсказалъ, какъ было!?

— Извините меня, но хотя я вполнѣ вѣрю вашему разсказу, однако я долженъ подъ присягой показать, что видѣлъ самъ... И, наконецъ, во-вторыхъ, извините меня, опять таки, я — человѣкъ съ больными ногами, и пѣшкомъ итти восемь верстъ мнѣ трудно.

— Да, вѣдь, я же вамъ сказалъ, чтобы вы взяли лошадь у Ѳедора, такъ какъ наши заняты въ полѣ! А вы отправились пѣшкомъ. И это все на зло мнѣ!

— Извините меня, но вовсе не на зло. А у Ѳедора лошадь тоже въ полѣ... Я не хотѣлъ ее отрывать...

— Да, вѣдь, онъ, скотина, мнѣ долженъ! Онъ обязанъ былъ дать!—горячился Звягинцевъ.

— Да онъ, извините меня, Бога ради, и не отказывался, а я самъ сообразилъ, что теперь лошадь ему дорого стоитъ...

— Да вы меня, кажется, хотите морали учить?.. Я вамъ этого не позволю!—закричалъ Звягинцевъ и стукнулъ кулакомъ по столу.—Изъ-за васъ я теперь пойду подъ уголовный судъ! И это за всѣ мои благодѣянія! За то, что я васъ терплю здѣсь, кормлю и пою! Вы—дармоѣдъ, и еще мнѣ мораль читать будете? Да доколѣ же я буду терпѣть все это въ моемъ домѣ? Меня здѣсь ни въ грошъ не ставятъ! Я послѣдняя спица въ колесницѣ...

Онъ дергалъ ноздрями, стараясь изобразить глубокое оскорбленіе и гнѣвъ. Какъ всѣ люди подобнаго сорта, т. е. врожденные актеры, входящіе въ роль,—онъ говорилъ бы еще долго, самъ себя разстраивая больше и больше своими собственными жалкими словами, но тутъ произошло нѣчто такое, чего онъ не ожидалъ.

Всегда смиренный и все переносившій Константинъ Александровичъ не вынесъ послѣднихъ словъ его, быть можетъ, потому, что они были сказаны въ моемъ присутствіи, въ присутствіи его бывшаго ученика.

Онъ поднялся изъ-за стола блѣдный, какъ скатерть, и заговорилъ дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ сестрѣ:

— Дорогая Дарья Прохоровна, извините меня и простите. Все я переносилъ, боясь, что огорчу васъ своимъ уходомъ. Вѣдь вотъ какую маленькую я васъ на рукахъ нянчилъ (онъ указалъ, какая маленькая была тогда Даша). А больше я не могу здѣсь оставаться! Спасибо вамъ за все! Вы были ко мнѣ добры больше матери и сестры родной. И я этого по смерть не забуду. А теперь я долженъ уѣхать. Прикажите вы дать мнѣ лошадку да телѣжку до города, да позвольте на прощанье вашу ручку поцѣловать, моя дорогая, хорошая барынька.

И онъ подошелъ къ сестрѣ шатающейся походкой и, громко плача, поцѣловалъ ея руку.

Она тоже плакала и цѣловала его въ лысую макушку, говоря сквозь слезы:

— Я не смѣю васъ просить остаться. Я сама чувствую, что послѣ тѣхъ ужасныхъ словъ, какія здѣсь были сказаны, вамъ оставаться нельзя. Только я васъ такъ не отпущу. Мы съ братомъ,— она указала на меня,—устроимъ васъ иначе, и вамъ будетъ хорошо... лучше, чѣмъ здѣсь. А теперь вы успокойтесь, идите къ себѣ наверхъ, я сейчасъ вамъ пришлю обѣдъ туда, а потомъ приду сама съ братомъ, и мы поговоримъ.

— Спасибо, спасибо вамъ!—бормоталъ старикъ, но онъ такъ ослабѣлъ, что едва могъ двигаться своими больными ногами. Я бросился къ нему, взялъ его подъ руку и довелъ до его коморки въ мезонинѣ. Онъ продолжалъ плакать, а, очутившись въ своей комнатѣ, упалъ на кровать лицомъ въ подушку. Я старался успокоить его увѣреніями, что мы съ сестрой устроимъ его превосходно, но онъ плакалъ все сильнѣе и, наконецъ, собравшись съ силами, усѣлся на кровать и сказалъ:

— Вѣрю тебѣ, вѣрю, дорогой мой. И ей вѣрю, потому что она святая! А ужъ очень обидно мнѣ! Я—дармоѣдъ! я? Всю жизнь, всю жизнь работалъ!—и онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ:—я дармоѣдъ! А онъ?! Онъ?! За что хлѣбъ ѣстъ?! И онъ останется здѣсь! А мнѣ тутъ каждая пылинка, каждая соломинка дороже жизни, и меня онъ вышвыриваетъ! Охъ, не могу! Сердце разорвется! Я—дармоѣдъ...

И онъ опять упалъ лицомъ въ подушку. Кое-какъ я успокоилъ его, отпаивая водой. Когда онъ немножко утихъ, то сталъ мнѣ шептать:

— Идите вы скорѣе внизъ! Оставьте меня, а къ сестрѣ идите. Этотъ звѣрь можетъ убить ее! Вы не знаете, что онъ тутъ творитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, внизу слышались крики, хлопанье дверей, звонъ разбиваемой посуды.

Я сбѣжалъ съ лѣстницы. Сестра еще сидѣла за столомъ, блѣдная, со сжатыми губами.

Скатерть со стола была сдернута и вмѣстѣ съ посудой валялась на полу.

Я подбѣжалъ къ сестрѣ и взялъ ея руки, крѣпко сжимая ихъ.

— Я все знаю. Не скрывай отъ меня ничего, моя бѣдная дѣточка,—вырвалось у меня.

— Не могу я больше жить съ этимъ негодяемъ! Я тоже сейчасъ уѣду отсюда съ Константиномъ Александровичемъ!—крикнула она.

— Но почему же уѣдешь ты? Не лучше ли попросить этого господина убираться отсюда?

— О, онъ человѣкъ предусмотрительный! Я ему сейчасъ сказала это. И знаешь, что онъ отвѣчалъ?—«У меня, говоритъ, формальное условіе, подписанное вами, на аренду этого имѣнія! Ему еще шесть лѣтъ до окончанія срока! И я съ мѣста не тронусь. А вы, если угодно, уѣзжайте! Скатертью дорога!» Такой подлости даже и отъ него я не ожидала!

И она зарыдала, упавъ лицомъ на руки, скрещенныя надъ столомъ...

— Но я его заставлю уѣхать отсюда!—крикнулъ я такъ, чтобы Звягинцевъ слышалъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ ходилъ, громко стуча сапогами:—иначе я убью его. А ты не плачь, предоставь все мнѣ...

И я было направился къ двери кабинета, рѣшаясь на что-то ужасное, чего я и самъ не сознавалъ ясно: я могъ выломать двери и задушить эту гадину. Мой умъ пересталъ работать, а была только одна страсть, одна воля—выбросить этого человѣка изъ моего родного дома, изъ гнѣздышка моей сестры, откуда онъ хотѣлъ выбросить насъ всѣхъ и въ томъ числѣ этого несчастнаго больного старика.

Вдругъ дверь кабинета отворилась. На порогѣ стоялъ Звягинцевъ, блѣдный, въ позѣ героя-страдальца. Онъ заговорилъ слабымъ, словно умирающимъ голосомъ:

— А! вы собираетесь убить меня? Вотъ я къ вашимъ услугамъ! Я безоруженъ! Исполняйте же свой заговоръ! Стрѣляйте, рѣжьте! Вотъ моя грудь!

И онъ рванулъ на груди жилетъ и рубашку и обнажилъ свою грудь, поросшую рыжими волосами...

— Ну, что же? А! Не смѣете?.. Трусъ! Такъ я-жъ покажу вамъ, кто я и какъ умѣю мстить злодѣямъ неблагороднымъ, коварнымъ, ненасытнымъ... Прочь съ дороги!

Мы были такъ поражены этимъ неожиданнымъ монологомъ, что стояли неподвижно, смотря во всѣ глаза на этого неожиданнаго героя-страдальца.

А онъ быстро прошелъ мимо насъ въ балконную дверь, и черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли, какъ онъ въ своей шотландской шапочкѣ, на бѣговыхъ дрожкахъ, отправился въ городъ...

Тамъ онъ обратился къ слѣдователю съ обвиненіемъ противъ меня и сестры въ покушеніи на убійство, хотя на другой же день явился къ намъ просить прощенія: вся эта исторія была продѣлана, очевидно, изъ страсти къ актерству. Сестра не приняла его, а черезъ нѣсколько дней мы уѣхали съ нею изъ усадьбы и увезли Константина Александровича, который такъ расхворался, что пришлось положить его въ больницу.

Здѣсь онъ и умеръ черезъ мѣсяцъ. Сестра до его смерти ежедневно посѣщала его, а мнѣ пришлось черезъ нѣсколько дней уѣхать изъ родного города...

Этотъ случай имѣлъ только одинъ полезный результатъ: сестра окончательно разошлась съ мужемъ и, добившись при помощи всякаго начальства полученія отдѣльнаго вида на жительство, поѣхала въ Петербургъ на врачебные курсы. Наканунѣ ея отъѣзда Ванечка явился къ ней, рыдалъ, просилъ прощенья, падалъ въ обморокъ и даже изорвалъ контрактъ, заключенный съ нею. Но ничто не помогло, и они разстались навсегда.

Л. Е. Оболенскій.

ЗАПИСКИ БАРОНА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ.

> **«Ma vie est une longue plainte, mon pain — le chagrin rongeant et ma boisson — les larmes du désespoir».**

ЭТИМИ словами баронъ Иванъ Штейнгель, отецъ автора записокъ, закончилъ всеподданнѣйшее прошеніе, поданное имъ въ 1802 году императору Александру I, прося вспомоществованія, и эти же слова могутъ быть поставлены во главѣ записокъ его сына: судьба избрала обоихъ для испытанія мѣры человѣческаго долготерпѣнія и выносливости.

Скорбная повѣсть о бѣдствіяхъ, постигшихъ семью Владиміра Ивановича Штейнгеля, и дѣтскихъ его годахъ составляетъ предметъ первой части записокъ (I—III), писанныхъ около 1819 года, со словъ отца, по воспоминаніямъ и имѣвшимся у него въ то время документамъ. Документы эти, на которые В. И. иногда ссылается, вмѣстѣ съ другими бумагами, были въ 1826 году, изъ опасенія обыска, уничтожены его сестрою Маріею Ивановною, когда ей стало извѣстно, что между арестованными заговорщиками оказалось нѣсколько знакомыхъ ея брата.

Вторая часть записокъ (IV—VII)—краткая біографія Владиміра Ивановича — составлена имъ позднѣе, уже по возвращеніи изъ ссылки въ 1858 году, частью по памяти, частью по отрывочнымъ записямъ, веденнымъ въ изгнаніи. Изъ сравненія этихъ двухъ частей, по слогу и содержанію, можно подумать, что писаны онѣ

двумя разными лицами. Между тѣмъ, обѣ — несомнѣнно произведеніе барона В. И. Штейнгеля. Повидимому, горе и время переродили автора.

Баронъ В. И. Штейнгель родился 13-го апрѣля 1783 года въ г. Обвѣ, Пермскаго намѣстничества; воспитаніе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1795 году произведенъ въ гардемарины, черезъ два года въ мичманы, съ назначеніемъ на корабль «Эмгётенъ» въ составъ эскадры, посланной съ десантомъ къ берегамъ Голландіи. По возвращеніи въ Россію, отправленъ съ капитаномъ Башуцкимъ, сухимъ путемъ, въ Охотскъ, для вооруженія корвета «Слава Россіи», назначеннаго для охраны восточныхъ береговъ. На мѣсто прибылъ въ 1802 году и съ этого времени до 1810 года непрерывно служилъ въ Восточной Сибири. Въ 1810 году, Владиміръ Ивановичъ женился на дочери директора кяхтинской таможни Вонифантьевой и вскорѣ, по настоянію тестя, покинулъ далекую окраину, куда ему еще разъ пришлось вернуться, но уже не офицеромъ, а безправнымъ ссыльнымъ. Въ 1811 году, онъ поступилъ въ ряды 4-й дружины с.-петербургскаго ополченія штабъ-офицеромъ. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ за время службы въ дружинѣ, Владиміръ Ивановичъ изложилъ въ «Запискахъ о с.-петербургскомъ ополченіи». Трудъ этотъ былъ поднесенъ имъ императору Александру I и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. По окончаніи кампаніи 1812 года, вышелъ въ отставку и былъ безъ опредѣленныхъ занятій до 1814 года, когда вновь назначенный вмѣсто графа Ростопчина, московскій генералъ-губернаторъ А. П. Тормасовъ, впослѣдствіи графъ, пригласилъ его къ себѣ адъютантомъ, поручивъ ему вскорѣ затѣмъ управленіе военною и гражданскою канцеляріями генералъ-губернатора.

Служба Владиміра Ивановича при Тормасовѣ — самая свѣтлая эпоха его жизни. Своими разносторонними познаніями и способностями онъ пріобрѣлъ полное довѣріе своего начальника, а дѣловыя сношенія сдѣлали его извѣстнымъ лицамъ высшаго правительства и даже самому государю. Усердіе его вѣнчалось успѣхомъ, и ему уже открывался путь къ дальнѣйшему повышенію. Судьба, казалось, ему наконецъ улыбнулась. Но благополучіе его продолжалось недолго. Онъ не избѣгъ общей участи людей, выдѣляющихся среди общей посредственности: успѣхъ его возбудилъ зависть; зависть породила клевету. Обязанный своимъ возвышеніемъ лишь собственнымъ заслугамъ и достоинствамъ, но не имѣя связей и сильныхъ покровителей, онъ не устоялъ противъ интриги и, убѣдившись, что расположеніе къ нему Тормасова поколеблено, онъ отказался отъ безплодной борьбы съ гласными и негласными недругами и отчислился «по кавалеріи». Надо отдать справедливость Тормасову, что онъ, однако, не сразу рѣшился разстаться со своимъ довѣреннымъ сотрудникомъ.

По словамъ самого Владиміра Ивановича, записаннымъ его сыномъ [1]), когда Владиміръ Ивановичъ подалъ просьбу объ отставкѣ и, несмотря на увѣщанія Тормасова повременить и обдумать свой поступокъ, настаивалъ на увольненіи, Тормасовъ, наконецъ, написалъ просимую резолюцію, но вмѣсто песку, какъ бы невзначай, залилъ бумагу чернилами. «Вотъ видишь,—сказалъ онъ Владиміру Ивановичу, — сама судьба не хочетъ, чтобы мы разстались!» Но Штейнгель твердо рѣшилъ исполнить свое намѣреніе; подалъ второе прошеніе, и на этотъ разъ былъ отпущенъ.

Очутившись опять не у дѣлъ, Владиміръ Ивановичъ предался литературѣ: занялся сочиненіемъ «Опыта о времясчисленіи»; написалъ для секретнаго комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательсвомъ Аракчеева, для отмѣны наказанія кнутомъ, — «Разсужденіе о наказаніяхъ» [2]), «О наказаніяхъ вообще», «О законахъ, касающихся до гражданственности въ Россіи», «Разсужденіе о законахъ, относящихся до богохульства».

Въ 1819 году, скончался графъ Тормасовъ. Владиміръ Ивановичъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» его біографію, перепечатанную впослѣдствіи въ «Жизни русскихъ полководцевъ». Нѣсколько позднѣе онъ представилъ государю всеподданнѣйшую записку «О легкой возможности уничтожить существующій въ Россіи торгъ людьми» [3]). Занимаясь литературою, баронъ Штейнгель не переставалъ, однако, искать болѣе прочнаго въ матеріальномъ отношеніи положенія, но неудачно. Во мнѣніи государя онъ былъ потерянъ, и потому государственная служба была для него закрыта; попытки заняться частными дѣлами также успѣха не имѣли. Такимъ образомъ, перебиваясь случайными заработками и остатками своихъ скудныхъ сбереженій, Владиміръ Ивановичъ, не падая духомъ и все еще надѣясь на лучшіе дни, прожилъ до рокового для него 1823 года, когда, познакомившись съ Рылѣевымъ, а черезъ него и съ другими членами революціоннаго кружка, онъ, какъ самъ признавался потомъ слѣдственной комиссіи,—подъ вліяніемъ неудовлетвореннаго самолюбія и «досады видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ» [4]), примкнулъ къ Сѣверному обществу, хотя и не раздѣлялъ радикальныхъ и анархическихъ воззрѣній его руководителей и не вѣрилъ въ успѣхъ заговора [5]). Но отуманенный

---

[1]) Баронъ Вячеславъ Владиміровичъ Штейнгель былъ инспекторомъ Императорскаго Александровскаго лицея. Впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военно-ученаго комитета главнаго штаба; былъ женатъ на дочери адмирала Анжу, Людмилѣ Петровнѣ. Умеръ въ 1898 г. въ С.-Петербургѣ.

[2]) Записка эта, подъ заглавіемъ «Нѣчто о наказаніяхъ», 1817 г., напечатана въ «Сборн. истор. матер. собственной е. и. в. канц.», 1876, вып. І-й, стр. 292.

[3]) Записка отъ 5-го февраля 1823 г. Напечатана въ «Сборн. истор. матер. собств. его имп. вел. канц.», 1895, вып. VII, стр. 193.

[4]) Донесенія высоч. учр. комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Печатано по выс. пов. въ военн. типогр. главнаго штаба е. и. в., стр. 59.

[5]) Тамъ же, стр. 67.

среди опьяненныхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, оказался участникомъ собраній заговорщиковъ и, «желая доказать Рылѣеву, что онъ могъ бы на что нибудь пригодиться» [1]), сочинилъ проектъ манифеста объ учрежденіи, въ виду отреченія обоихъ великихъ князей (цесаревича Константина и великаго князя Николая Павловича) отъ престола, временнаго правленія впредь до избранія правителя Россіи народомъ [2]). Это желаніе пригодиться сдѣлало Владиміра Ивановича, бывшаго дотолѣ неосторожнымъ зрителемъ, активнымъ участникомъ заговора и послужило главною противъ него уликою. 3-го января 1826 года, онъ былъ арестованъ, а по высочайшему повелѣнію 1-го іюня того же года преданъ, вмѣстѣ съ прочими членами Обществъ сѣвернаго, южнаго и соединенныхъ славянъ, въ числѣ 121 человѣка, верховному уголовному суду. Въ спискѣ подсудимыхъ отставной подполковникъ баронъ В. И. Штейнгель значился членомъ Сѣвернаго общества, подъ № 28 [3]).

Чистосердечный разсказъ объ отношеніяхъ къ декабристамъ и личномъ участіи его въ заговорѣ, помѣщенный въ запискахъ, подтверждается протоколами слѣдственной комиссіи.

На конфирмованной сентенціи верховнаго суда, Владиміръ Ивановичъ былъ приговоренъ къ двадцатилѣтней каторгѣ и отправленъ сначала въ Читу, а затѣмъ къ Петровскій заводъ. Въ 1836 году, уже въ качествѣ ссыльно-поселенца, онъ былъ водворенъ въ с. Елани, въ 67-хъ верстахъ отъ Иркутска, а оттуда, по всеподданнѣйшему ходатайству, переведенъ въ городъ Ишимъ. Изъ Ишима переселенъ въ городъ Тару и, наконецъ, въ Тобольскъ. Подробностей своего пребыванія въ Сибири баронъ Штейнгель не описываетъ, но, находясь въ Петровскомъ казематѣ, въ 1839 году, онъ, со словъ нѣкоего Колесникова, написалъ «Записки несчастнаго», тогда же подаренныя имъ его другу Бестужеву. Рукопись эта была впослѣдствіи напечатана въ 1869 году въ журналѣ «Заря» [4]) и въ 1881 году въ «Русской Старинѣ» [5]).

Тридцатилѣтнее изгнаніе Владиміра Ивановича окончилось съ воцареніемъ императора Александра Николаевича. Въ 1856 году онъ былъ возвращенъ семьѣ, среди которой и умеръ въ 1862 году, въ С.-Петербургѣ.

Разрѣшеніемъ помѣстить записки барона В. И. Штейнгеля на страницахъ «Историческаго Вѣстника» я обязанъ егермейстеру Н. А. Воеводскому, женатому на внукѣ автора воспоминаній—Маріи Вячеславовнѣ, рожденной баронессѣ Штейнгель.

П. М. К.

---

[1]) Донесенія высоч. учр. комиссіи, стр. 71.
[2]) Тамъ же, стр. 71.
[3]) Прил. къ донес. слѣдств. ком., стр. 89.
[4]) «Заря», 1869, кн. IV и V.
[5]) «Русск. Стар.», 1881, декабрь.

I.

Цѣль «Записокъ». — Дѣдъ и отецъ Штейнгеля. — Жизнь барона Ивана Штейнгеля въ Аншпахъ-Байрейтѣ. — Поступленіе его въ русскую службу. — Служба въ Пермской провинціи. — Женитьба. — Рожденіе Владиміра Ивановича Штейнгеля. — Переходъ барона И. Штейнгеля на службу въ Сибирь капитанъ-исправникомъ въ Нижне-Камчатскѣ. — Городничій Орленковъ, судья Кохъ, капитанъ Шмалевъ. — Англійская экспедиція; Шелеховъ. — Областной начальникъ Козловъ-Угренинъ. — Экспедиція Лаперуза. — Лессепсъ. — Разрывъ съ Козловымъ. — Насильственные поступки и притѣсненія прапорщика Хабарова. — Экспедиція Биллингса. — Бѣдственное положеніе семьи Штейнгелей. — Судьба Шелеховыхъ.

Жизнь каждаго человѣка, разсмотрѣнная наблюдательнымъ окомъ, есть наставленіе, а жизнь отца можетъ назваться истиннымъ поученіемъ для дѣтей. Если онъ благоразуменъ и добродѣтеленъ, поученіе годится для подражанія; если пороченъ—для предостереженія отъ подобныхъ пороковъ. Итакъ, внимайте, милыя дѣти, долженствующія въ свѣтѣ носить мое имя и сохранять оное отъ пятна, дабы тѣнь моя, по смерти, могла столь же любоваться вами, какъ теперь утѣшаюсь я вашею невинностью.

Отецъ мой, какъ то я самъ отъ него слышалъ изустно, былъ сынъ перваго министра маркграфа Анншпахъ-Байрейтскаго, барона ф.-Штейнгеля [1]), происходящаго отъ древней германской фамиліи, получившей дворянство при императорѣ Оттонѣ I Великомъ, стало быть—въ десятомъ вѣкѣ. Это я сказалъ не для того, чтобы возбудить въ васъ кичливость на счетъ происхожденія; вы увидите вскорѣ, что въ семъ отношеніи гордиться вамъ нечѣмъ, да и не совѣтую. Воспитывался отецъ мой въ Лейпцигскомъ университетѣ. Желаніе родителя его было образовать его для гражданской службы; оно и исполнилось: онъ всему тому научился, что на поприщѣ гражданскомъ знать нужно. Сверхъ познаній въ правахъ, исторіи и словесности, онъ зналъ отлично металлургію, химію и физику. Металлургія и химія имѣли впослѣдствіи великое вліяніе на обстоятельства жизни его.

Окончивъ воспитаніе, отецъ мой возвратился къ родителю въ Анншпахъ-Байрейтъ. Обрадованный старикъ пожелалъ представить его маркграфу. Итакъ, въ назначенный день послалъ его къ гофмаршалу, который долженъ былъ его представить принцу. Отецъ мой, идучи дорогою, вспомнилъ, или зналъ уже, что это былъ день рожденія маркграфа, и потому сочинилъ въ мысляхъ приличное поздравленіе въ стихахъ. Герцогу онъ и стихи его такъ понравились, что онъ приказалъ пригласить его къ маршальскому столу

---

[1]) Онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Краснаго Орла.

и поздравить поручикомъ гвардіи. Отецъ мой, отъ природы склонный болѣе къ военной службѣ, былъ тѣмъ чрезвычайно обрадованъ, но его родитель думалъ и чувствовалъ иначе. Едва узналъ онъ о происшедшемъ, какъ воспылалъ на него гнѣвомъ, укоряя, что онъ, вѣрно, самъ далъ поводъ, а, можетъ быть, и просилъ объ опредѣленіи въ военную службу. Сердце и гнѣвъ, однакожъ, тѣмъ кончились, что старикъ сшилъ сыну своему мундиръ и повелъ его къ маркграфу благодарить. Моему отцу было тогда не съ большимъ 20 лѣтъ, и онъ въ военномъ мундирѣ зажилъ, какъ свойственно молодому, пылкому и разсѣянному человѣку. Это были красные дни его, но, увы, продолжались весьма недолго.

Въ 1770 году возгорѣлась война у Россіи съ турками. Румянцовъ вскорѣ наполнилъ славою побѣдъ своихъ Европу. Имя его было уже въ Пруссіи извѣстно со времени семилѣтней войны. Отецъ мой, видя, что въ гвардіи своего маркграфа онъ немного познакомится съ военнымъ дѣломъ, а еще менѣе можетъ пріобрѣсть военной славы, воспламенился желаніемъ служить подъ знаменами кагульскаго героя. Всѣ убѣжденія, угрозы, просьбы и заклинанія со стороны его родителя остались тщетны: онъ дышалъ войною— и въ слѣдующемъ году явился въ станѣ Румянцова съ рекомендательными письмами отъ имперскаго фельдмаршала Лассія, съ коихъ у меня хранятся копіи [1]). Батюшка меня увѣрялъ, что отъ маркграфа было письмо и къ самой императрицѣ, но что въ этомъ пользы, вы это увидите.

Графъ Румянцевъ, принявъ отца моего весьма благосклонно, предоставилъ ему на волю выбрать для себя полкъ какой хочетъ. Отецъ мой, какъ не знавшій русскаго языка, по необходимости, долженъ былъ выбрать полкъ, въ которомъ болѣе было иностранныхъ офицеровъ—и этотъ полкъ былъ Астраханскій карабинерный, подъ командою князя Шаховского [2]). Графъ Румянцовъ самъ не совѣтовалъ ему вступать въ сей полкъ, потому что онъ былъ въ отдѣльномъ корпусѣ графа Салтыкова, котораго онъ не жаловалъ, но отецъ мой настоялъ въ этомъ—и вотъ источникъ всѣхъ его несчастій!

Во все продолженіе войны съ турками 1772, 1773 и 1774 годовъ, отецъ мой служилъ съ отличіемъ и храбростію, такъ что былъ особенно рекомендованъ отъ графа Салтыкова въ реляціи къ императрицѣ. Въ послѣднемъ же году, при бывшемъ въ Бухарестѣ конгрессѣ, находился, по способности своей, въ свитѣ нашего министра Обрезкова. Въ слѣдующемъ 1775 году, находясь въ Польшѣ, былъ и при истребленіи или разрушеніи такъ называемой

---

[1]) Бумаги эти уничтожены въ 1826 г., передъ обыскомъ. И. К.

[2]) Дѣйствительное опредѣленіе его въ службу по указу государственной военной коллегіи корнетомъ случилось 26-го мая 1772 года. В. Ш.

Запорожской Сѣчи. Въ сраженіяхъ онъ получилъ двѣ контузіи, но ни одной награды, ибо графъ Румянцовъ, по предосудительной слабости, имѣя недоброжелательство къ графу Ив. П. Салтыкову, не испросилъ у монархини наградъ тѣмъ, кои отличились подъ начальствомъ послѣдняго.

1776 и 1777-й годы отецъ мой провелъ въ Малороссіи. Въ первомъ изъ сихъ годовъ случилось расформированіе карабинерныхъ полковъ, и при семъ случаѣ отецъ мой поступилъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, съ пожалованіемъ ему слѣдующаго подпоручичьяго чина.

Въ 1778 году онъ ѣздилъ въ Москву за аммуниціею, которую въ слѣдующемъ году доставилъ исправно на Кубань.

Въ слѣдующемъ 1780 году, по собственному его желанію, отправленъ онъ былъ отъ полка курьеромъ въ С.-Петербургъ съ секретнымъ донесеніемъ военной коллегіи; но главная цѣль его была выхлопотать себѣ справедливо заслуженную награду, которой лишила его распря военачальниковъ.

Всѣ, однакожъ, старанія его о семъ, по прибытіи въ столицу, были тщетны. Какъ иностранецъ, онъ не зналъ, что безъ случая и безъ денегъ, въ то время, какъ, можетъ быть, и во всякое другое, мудрено было дождаться заслуженной одною честію справедливости. Это приводило его въ отчаяніе. Съ одной стороны, отецъ его, огорченный столь долговременною разлукою, настоятельно требовалъ его возвращенія; съ другой—возвратиться безъ всякой награды воспрещало честолюбіе и боязнь, что на него будутъ указывать пальцами тѣ самые товарищи, кои смѣялись надъ его рыцарствомъ тогда, какъ онъ предпринялъ поѣздку въ Россію.

Между тѣмъ, живя въ Петербургѣ, онъ познакомился съ извѣстнымъ того времени поэтомъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ, который ввелъ его въ домъ къ генералъ-поручику Евгенію Петровичу Кашкину. Сей извѣстный, по своимъ качествамъ, мужъ назначенъ былъ императрицею къ открытію Пермской губерніи. Узнавъ способности моего отца и его обстоятельства, онъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ, обѣщая, что онъ вознаградитъ тамъ все то, чего здѣсь тщетно сталъ бы доискиваться. Отецъ мой просилъ еще времени на размышленіе, какъ Кашкинъ доложилъ уже о немъ государынѣ и испросилъ ея, на опредѣленіе моего отца въ свою свиту, соизволеніе. Однажды поутру, какъ отецъ мой взошелъ въ Кашкину, сей встрѣтилъ его сими словами: «Поздравляю, г. баронъ. Государыня мнѣ васъ подарила». Что оставалось дѣлать, какъ [illegible] благодарить? При семъ случаѣ, данъ отцу моему чинъ поруч[illegible] и съ нимъ онъ очутился подъ Уральскимъ хребтомъ, вмѣсто [illegible] что отецъ его ожидалъ въ Байрейтѣ. Сіе самое удаленіе, во[illegible] отцовской волѣ, навлекло на него не только гнѣвъ, но [illegible] проклятіе отца; старикъ не хотѣлъ болѣе о немъ слы[illegible]

признавать за своего сына. При смерти только своей, онъ снялъ эту клятву съ головы его; но опытъ доказалъ, что это уже было поздно. Отецъ мой испилъ всю чашу золъ за непослушаніе родителю своему и суетное послѣдованіе гласу честолюбія. Разительный примѣръ! Дѣти, обратите на него ваше вниманіе!

Вскорѣ по прибытіи въ Пермскую провинцію въ 1781 году[1]), отецъ мой, находясь въ Екатеринбургѣ у пріема рекрутъ, ознакомился съ тою, которая дала мнѣ отъ него жизнь. Это было весьма щекотливое обстоятельство въ жизни отца моего, и потому мнѣ не удалось узнать подробно объ ономъ. Итакъ, я разскажу, сколько знаю. Отцу моему была отведена квартира у купца Разумова. Не знаю и того, былъ ли онъ живъ въ это время; знаю только то, что отцу моему съ перваго взгляда понравилась хозяйская дочь, молодая, проворная, но скромная дѣвушка, воспитанная въ простотѣ естественной, свойственно времени и мѣсту своего рожденія и своему званію. Отецъ мой, по пылкости своей, которая была ему врожденною и во многихъ случаяхъ причиняла ему впослѣдствіи зло, забывъ сердечныя связи, сдѣланныя въ Германіи и потомъ въ Россіи съ дѣвицами благороднорожденными и воспитанными, до того влюбился въ сію дѣвицу, что, увидя при всѣхъ стараніяхъ своихъ непреклонность ея къ непозволенной съ нимъ связи, рѣшился имѣть ее своею женою. При семъ случаѣ оказался другой искатель ея руки, съ коимъ доходило у нихъ до дуэли, и отецъ мой, по военной теоріи, сдѣлалъ, наконецъ, похищеніе своей любезной и потомъ обвѣнчался съ нею.

Въ томъ же году, получивъ совершенное увольненіе отъ военной службы, онъ, въ чинѣ поручика, былъ опредѣленъ, по открытіи уже Пермскаго намѣстничества, въ городъ Обву капитанъ-исправникомъ, а потомъ ему же ввѣрена была и должность городничаго. Здѣсь первымъ плодомъ любви и брака его съ дѣвицею Варварою Марковною Разумовою были два близнеца[2]), коимъ при крещеніи даны имена Стефана и Θеодора. Они оба, вскорѣ послѣ сего священнаго обряда, скончались. А потомъ въ 1783 г., апрѣля 13-го дня, въ великій четвергъ, въ 4 часа утра, въ томъ же городѣ Обвѣ, родился я—отецъ вашъ. Меня воспринималъ отъ купели заочно, 17-го числа, совѣтникъ губернскаго пермскаго правленія, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Андреевичъ Тунцельманъ, въ честь котораго и мнѣ дано имя Владиміръ. Лицо его представлялъ при моемъ крещеніи обвинскій казначей. По матери, согласно съ закономъ имперіи, я долженъ былъ принятымъ быть въ лоно греко-россійской церкви, не[illegible] то, что отецъ мой былъ лютеран-

---

[1]) Губернія откр[illegible] декабря 1781 года, отецъ мой исправлялъ при семъ случаѣ до[illegible]йстера. В. Ш.

[2]) Они родил[illegible] я въ 4 часа утра. Воспріемниками были бѣдные люд[illegible]ѣ отца моего. В. Ш.

скаго закона. Спустя шесть недѣль по рожденіи моемъ, Провидѣніе показало родителямъ моимъ, что я рожденъ для жизни и къ чему либо предназначенъ особенному. Я лежалъ спеленатый на постели, а батюшка съ упомянутымъ казначеемъ, у близъ стоящаго стола, занимались привинчиваніемъ кремней къ заряженнымъ уже пистолетамъ. Отъ неосторожнаго казначея послѣдовалъ выстрѣлъ, и весь зарядъ дробью попалъ въ стѣну, выше меня не болѣе, какъ на два пальца. Можно представить себѣ страхъ отца и матери и потомъ радость и удивленіе ихъ!

Въ Перми, съ открытія намѣстничества, губернаторомъ былъ Иванъ Варѳоломеевичъ Ламбъ, извѣстный потомъ, въ царствованіе императора Павла I, вице-президентъ военной коллегіи. Онъ весьма любилъ отца моего и называлъ даже его другомъ, въ чемъ свидѣтельствуютъ оставшіяся въ бумагахъ отца моего собственноручныя его письма, кои вы сами можете современемъ увидѣть [1]). Сіе милостивое и дружеское расположеніе губернатора было причиною, что отецъ мой рѣшился изъ Обви послѣдовать за Ламбомъ, когда онъ назначенъ былъ къ открытію Иркутскаго намѣстничества, губернаторомъ же. Сіе случилось вскорѣ по моемъ рожденіи, и меня груднымъ младенцемъ повезли въ Иркутскъ [2]). Мать сама, по счастію, была моею кормилицею. При назначеніи въ Иркутскъ, отцу моему дали чинъ коллежскаго ассесора. Сей чинъ, а паче расположеніе губернатора, извѣстнаго со стороны благороднаго образа мыслей и правилъ, льстили, конечно, его честолюбію и обѣщали ему много; но, увы! отецъ мой не мыслилъ о нравоученіи, которое находимъ мы въ священномъ писаніи: «Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе, въ нихъ бо нѣсть спасеніе».

Впрочемъ, конечно, отецъ мой, отчужденный своимъ отцомъ отъ мѣста рожденія, а новымъ союзомъ брачнымъ отъ блистательныхъ знакомствъ и связей въ россійскихъ столицахъ, искалъ самъ сего удаленія, чтобъ время отсутствія изгладило его изъ памяти тѣхъ, къ сердцамъ коихъ онъ былъ близокъ, и кои имѣли полное право осыпать его упреками. Бумаги отца моего свидѣтельствуютъ, что онъ въ сіе время именно рѣшился остаться вѣчно въ подданствѣ Россіи.

Съ открытіемъ Иркутской губерніи, долженствовали открыться также въ Охотскѣ область, а въ Камчатскомъ полуостровѣ городъ Нижнекамчатскъ. Такъ какъ сей отдаленный край весьма еще мало былъ извѣстенъ, то правительство, желая имѣть о немъ лучшее свѣдѣніе, имѣло нужду въ чиновникѣ, имѣющемъ отличныя свѣдѣнія, который бы рѣшился туда ѣхать. Въ семъ отношеніи Ламбъ

[1]) Письма эти уничтожены въ 1826 году. П. К.

[2]) Въ Иркутскъ прибылъ отецъ мой 31-го сентября 1783 года, въ 7 часовъ вечера.

обратилъ вниманіе на отца моего и уговорилъ его (несмотря на то, что онъ въ сію неизвѣстность долженъ былъ, такъ сказать, влачить жену съ груднымъ ребенкомъ) туда отправиться въ качествѣ капитана-исправника Нижнекамчатской округи. Отправленіе наше изъ Иркутска послѣдовало въ началѣ мая мѣсяца 1784 года.

По охотской дорогѣ, по коей надобно было проѣхать 1.014 верстъ верстъ, меня везла матушка около себя въ берестяномъ коробѣ, обыкновенно тамъ тунтаемъ именуемомъ, который въ такомъ случаѣ привязывается съ боку къ сѣдлу, и на немъ дѣлается сверху лучка для прикрытія покрываломъ отъ овода и мошекъ, коихъ тамъ бездна. Въ семъ-то экипажѣ отецъ вашъ, милыя мои дѣти по первому году отъ рожденія путешествовалъ по одной изъ самыхъ труднѣйшихъ дорогъ, какія только есть въ свѣтѣ. Въ Охотскъ прибыли 1-го числа августа.

Окончивъ сію дорогу, изъ Охотска отецъ мой отправился черезъ Охотское море на морскомъ суднѣ въ Большерѣцкъ, куда прибывъ 11-го сентября, вскорѣ вступилъ въ отправленіе своей должности, принявъ ее отъ бывшаго тамъ, послѣ извѣстнаго майора Бема [1]), надворнаго совѣтника Рейникина [2]), который, наружно притворившись доброжелателемъ его, сдѣлалъ ему между тѣмъ множество непріятностей.

Въ это же время городничимъ въ Нижнекамчатскъ назначенъ былъ коллежскій ассесоръ Орленковъ, а въ Охотскѣ былъ временнымъ начальникомъ уѣздный судья коллежскій ассесоръ Кохъ, про коего и при мнѣ жители охотскіе, спустя 20 лѣтъ, твердили двѣ пословицы: «Кохъ не Богъ, а всѣ его боятся», и «у насъ въ Охотскѣ съ одной стороны море, съ другой горе; на небѣ Богъ, а на землѣ Кохъ — куда дѣнешься?» Онѣ достаточны, чтобъ дать понятіе о семъ человѣкѣ. Когда будетъ кстати, я разскажу вамъ, мои милые, его исторію, для примѣра, чтобъ вы видѣли, какъ преслѣдуетъ небесное правосудіе, когда отказываются отъ сего земные законы. Настоящимъ областнымъ въ Охотскѣ начальникомъ былъ опредѣленъ полковникъ Григ. Алекс. Козловъ-Угренинъ. Его портретъ опишу вамъ въ своемъ мѣстѣ. Орленковъ былъ человѣкъ грубый, безъ воспитанія; прочіе подчиненные чиновники изъ отставныхъ камерлакеевъ, почталіоновъ, курьеровъ и

---

[1]) Магнусъ Карлъ фонъ-Бемъ, по личному избранію императрицы Екатерины II, назначенъ былъ въ 1772 году главнымъ командиромъ Камчатки, съ производствомъ изъ капитановъ въ отставкѣ въ премьеръ-майора. Въ 1779 году уволенъ отъ службы, сдавъ должность капитану Василію Шмалеву (Сгибневъ, «Истор. очеркъ главн. событій въ Камчаткѣ. 1650—1856». Т. IV, стр. 1. Спб. 1869). П. К.

[2]) Францъ Рейнеке, назначенный замѣстителемъ Бема, по представленію иркутскаго губернатора Клички, принялъ должность отъ Шмалева. Тамъ же, стр. 26. П. К.

тому подобныхъ людей. Къ симъ причесть должно бывшаго до того частнымъ командиромъ въ Тигилѣ капитана Шмалева, преемника потомъ отца моего, о невѣжествѣ коего можете судить изъ того, что онъ рѣшился въ Тигильской крѣпости сжечь одну камчадалку-старуху, въ срубѣ, живую, за колдовство, въ коемъ ее подозрѣвали. Въ мою бытность въ Камчаткѣ я еще находилъ людей, кои помнили сію исторію и разсказывали за чудо, что при семъ случаѣ выползали изъ пламени разные гады и страшилища [1]), и что въ тотъ годъ, по предсказанію волшебницы, былъ отъ безрыбицы великій голодъ. Сей достойный варварскихъ временъ поступокъ, совершенный въ царствованіе премудрой и человѣколюбивой императрицы, сошелъ Шмалеву съ рукъ даромъ. Глупцамъ часто сіе удается. Поживете, то и сами въ этомъ удостовѣритесь.

Изъ сего изображенія людей, коихъ отецъ мой имѣлъ несчастіе сдѣлаться сослуживцемъ, можете сами легко себѣ представить, какую роль досталось ему играть. Онъ не имѣлъ ничего съ ними общаго: по природѣ благородный германецъ, по воспитанію вѣжливый, просвѣщенный мужъ, по религіи лютеранинъ, по языку нѣмецъ, по душѣ честный человѣкъ, по сердцу пылкій, не въ мѣру чувствительный и храбрый воинъ, могъ ли онъ нравиться толпѣ безнравственныхъ невѣждъ, пріѣхавшихъ въ Камчатку съ единственною цѣлію обогатиться и пожить на счетъ безгласныхъ и угнетенныхъ ея жителей. Вскорѣ увидѣли, что по правотѣ своей онъ всталъ на сторону беззащитныхъ камчадалъ и отказался отъ ихъ сообщества и правилъ. Ссора съ первымъ Орленковымъ не замедлила возникнуть. Онъ, какъ городничій, сдѣлался начальникомъ всѣхъ отдѣльныхъ казачьихъ командъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстечкамъ, и подъ симъ предлогомъ выдавалъ себя за настоящаго начальника Камчатки и вселялъ въ камчадалъ чтобъ его одного слушали и почитали, и боялись. Началась переписка. Отецъ мой, какъ иностранецъ, не знавшій русскаго языка, долженъ былъ положиться на тамошнихъ же писарей полуграмотныхъ, кои были, вѣроятно, по духу его противниковъ; а когда самъ писалъ, то необинуясь называлъ ихъ ворами, грабителями и подлецами. Вотъ уже и преступленіе, какъ противъ закона, такъ и противъ правилъ общежитія! Распря съ Рейникинымъ при первой съ нимъ встрѣчѣ удержала его въ Большерѣцкѣ и воспрепятствовала ему быть при открытіи того суда въ Нижнекамчатскѣ, коего онъ былъ начальникомъ. Это сочтено тоже преступленіемъ и послужило къ обвиненію его въ неповиновеніи и безпорядкахъ.

Скучное и многими непріятностями исполненное отправленіе должности исправника отцемъ моимъ продолжалось до 1786 года [2]).

[1]) Вѣроятно, самъ Шмалевъ съ сообщниками сдѣлалъ столь сумасбродное разглашеніе легковѣрнымъ и напуганнымъ чародѣйствомъ жителямъ. В. Ш.

[2]) О пребываніи барона Штейнгеля въ Камчаткѣ упоминается у Сгибнева: Истор. очеркъ главн. событій въ Камчаткѣ, IV, стр. 29, Спб., 1869. П. К.

Въ семъ году онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то удовольствіе, что принималъ англичанъ, прибывшихъ въ Петропавловскую гавань на кораблѣ «Ларкъ» съ капитаномъ Петерсомъ, который доставилъ ему письмо отъ Кантонской компаніи, съ предложеніемъ торговли съ Камчаткой [1]). Относительно этого сдѣланы были чрезъ отца моего взаимные переговоры съ извѣстнымъ Шелеховымъ. Отецъ мой утѣшался симъ случаемъ немало. Онъ надѣялся быть орудіемъ къ улучшенію бѣднаго положенія того края и къ доставленію отечеству новой торговой отрасли, и тѣмъ отличить себя. Все вышло пусто.

Явился на сцену самъ областной начальникъ, о коемъ я сказалъ выше, Козловъ-Угренинъ. Прибывъ въ Охотскъ въ 1785 году, онъ принялъ отъ Коха начальство и тотчасъ вознамѣрился лично обозрѣть Камчатку. По наступленіи зимы, онъ предпринялъ путь вокругъ Пензинскаго и Гижигинскаго заливовъ. Но прежде надобно представить вамъ его портретъ. Вообразите малорослаго человѣка, котораго всякій французъ съ перваго взгляда назвалъ бы: voila un bout d'homme! съ большими выкатившимися глазами, на коихъ коварство и злоба положили печать свою, съ язвительною улыбкою на лицѣ, скороговорящаго, вспыльчиваго, часто пьянаго, дерзкаго до безумія, слѣдовательно и высокомѣрнаго до нестерпимости. Вотъ тогдашній Козловъ-Угренинъ, погубившій отца моего. Я видалъ его гораздо послѣ уже въ унизительномъ положеніи, какъ то разскажу вамъ въ своемъ мѣстѣ. Непріятели отца моего отнеслись къ нему съ жалобами, исполненными, конечно, низкимъ ласкательствомъ и раболѣпствомъ. Мудрено ли, что человѣкъ такихъ свойствъ взялъ тотчасъ сторону ихъ противъ честнаго и благородно себя чувствующаго германца. Пріѣхавъ въ каменный Коряцкій острожекъ, онъ прислалъ къ отцу моему увѣщательное предписаніе, убѣждая его къ миролюбію, какъ будто посланное еще изъ Охотска. И въ то же самое время представилъ о немъ къ генералъ-губернатору, какъ о самомъ вредномъ и безпорядочномъ человѣкѣ. Не дождавшись еще разрѣшенія, тотчасъ по пріѣздѣ въ Нижнекамчатскъ, онъ отрѣшилъ отца моего отъ должности, поручивъ оную угоднику своему Шмалеву, о коемъ я выше вамъ упомянулъ, предписавъ при томъ, чтобъ Шмалевъ, возя отца моего по округѣ, производилъ изслѣдованіе, по разнымъ на него жалобамъ, сдѣланнымъ по ихъ же наущенію. Между

---

[1]) Происки англичанъ, старавшихся уже въ то время распространить свое вліяніе на крайній востокъ и захватить въ свои руки торговлю съ нашими восточными туземцами, побудили императрицу Екатерину указомъ отъ 22 декабря 1786 г. снарядить кругосвѣтную экспедицію для охраненія права нашего на земли, россійскими мореплавателями открытыя. Но война съ Турціею и ожидавшійся разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Швеціею остановили экспедицію, и 28 октября 1787 г., когда суда были готовы къ отправленію, состоялся указъ объ ея отмѣнѣ. П. К.

тѣмъ отецъ мой оставался въ Машурскомъ острожкѣ, гдѣ купилъ у таена домъ. Съ этого времени я началъ помнить себя и все то, что потомъ поважнѣе съ нами случалось.

Сдѣлавъ сіе распоряженіе, Козловъ тѣмъ удобнѣе поѣхалъ вокругъ всей Камчатки съ огромною своею свитою, занимая у камчадалъ болѣе ста собакъ, отчего весьма много ихъ передохло. Такой вояжъ Козлова назвали камчадалы собачьею оспою, гибельнѣе которой они ничего не знали. Самъ Козловъ ѣхалъ въ превеличайшемъ возкѣ съ своею любовницею, женою унтеръ-офицера Секерина, для коей оставилъ жену свою въ Якутскѣ [1]). Отъ сей Секериной были у него двѣ дочери, съ коими я нашелъ ее въ Камчаткѣ, ибо онъ ее тамъ бросилъ. Изъ Нижнекамчатска Козловъ плылъ вверхъ по рѣкѣ Камчаткѣ до Верхнекамчатска на нарочно устроенной яхтѣ, которую тянули на себѣ бѣдные камчадалы отъ зори до зори, въ потѣ лица своего, между тѣмъ какъ сей камчатскій капралъ пьянствовалъ и веселился съ своею любезною. Могъ ли отецъ мой смотрѣть на это равнодушно!

Въ августѣ мѣсяцѣ 1787 года, пришли въ Петропавловскую гавань корабль и фрегатъ, составлявшіе извѣстную экспедицію Лаперуза [2]). Козловъ не допустилъ отца моего видѣться съ французами, и тѣмъ нанесъ ему чувствительнѣйшую обиду. Что можетъ быть мучительнѣе положенія, въ которомъ онъ тогда находился! Живя въ отдаленности пустынной, гдѣ люди были для него вреднѣе самыхъ звѣрей, слышать о приходѣ на малое время просвѣщенныхъ иностранцевъ и быть лишеннымъ возможности видѣться съ ними и кѣмъ же при томъ?—злѣйшимъ и сильнымъ врагомъ своимъ Лаперузъ, отбывъ изъ Камчатки, оставилъ тутъ Лессепса съ депешами къ королю своему. Лессепсъ, который былъ сыномъ французскаго консула въ Петербургѣ, зналъ хорошо русскій языкъ и потому въ качествѣ переводчика, единственно для Камчатки и чтобъ могъ прослѣдовать чрезъ Россію, былъ взятъ Лаперузомъ. Сей самый Лессепсъ издалъ описаніе Камчатки и своего путешествія, исполненное безстыдной лжи, которое у насъ, по переводѣ на русскій языкъ, шесть разъ уже было напечатано. Таково дѣйствіе пристрастія и вкуса! Лессепсъ послѣ заступилъ мѣсто своего отца; а когда Наполеонъ громилъ Россію, то сей вскормленникъ ея былъ при немъ, а потомъ пропалъ безъ вѣсти. Козловъ, какъ можно себѣ вообразить, осыпалъ Лессепса ласками и угодливостію. Проѣзжая по Камчаткѣ, онъ истощилъ все, чтобъ доставить удовольствіе чувственности достойнаго своего гостя. Попойки, вечеринки

---

[1]) Съ женою у него былъ послѣ процессъ, ибо онъ промоталъ блудно все ея имѣніе, которое было значительно. Ее всѣ тамъ хвалили: она была женщина воспитанная, ученая и добросердечная, но совершенно мужемъ убитая. В. Ш.

[2]) Лаперузъ прибылъ въ гавань съ судами Boussole и Astrolabe 25-го августа 1787 г. и пробылъ тамъ до 19 сентября (Сгибневъ, IV, стр. 34). П. К.

ночныя похищенія, насильства и тому подобныя дѣйствія оставили надолго по себѣ память въ Камчаткѣ о Козловѣ и Лессепсѣ. Лессепсъ за то и послѣ не забылъ стараго друга. Когда Козловъ послѣ суда былъ освобожденъ и вывезенъ изъ Иркутска генераломъ Лебедевымъ и находился въ самомъ бѣдномъ, въ свою очередь, положеніи, то Лессепсъ, чрезъ бывшаго при нашемъ дворѣ французскаго посланника Коленкура, добился того, что Наполеонъ писалъ о немъ государю и испросилъ, чтобъ ему, за пріемъ Лаперуза, дана пенсія по смерть. Ахъ! Еслибъ монархи могли знать, по какимъ связямъ испрашиваются у нихъ награды! Лессепсъ разстался съ Козловымъ передъ каменнымъ острожкомъ, въ коемъ коряки сбирались убить Козлова, и онъ, убоявшись сего, не рѣшился тогда ѣхать, что и Лессепсъ описываетъ въ своемъ путешествіи, но только съ самохвальствомъ, смѣха достойнымъ. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что, по прибытіи его къ корякамъ, всѣ окружили его съ ножами; но онъ, не теряя духа, сказалъ имъ, что онъ иностранецъ и ѣдетъ по должности. При словѣ должность, воскли цаетъ Лессепсъ, у всѣхъ опустились руки!... Вопросъ: на какомъ языкѣ онъ могъ такъ убѣдительно разговаривать съ коряками, что они разнѣжились?... и это читаютъ, и этому вѣрятъ.

Лессепсъ, какъ французъ, видѣвшись съ отцомъ моимъ въ Машурѣ, обласкалъ его и увѣрилъ въ истинномъ своемъ участіи, и послѣ бросилъ нѣсколько ласкательныхъ словъ объ отцѣ моемъ въ своемъ сочиненіи. Но когда отецъ мой, положась на его ласковость писалъ къ нему послѣ и, вѣроятно, жаловался на Козлова, то онъ ему отвѣчалъ прямо по-французски: Monsieur le baron, j'ose prendre à caution votre amitié pour moi, que vous ne me refuserez point d'oublier dans notre future correspondance le nom de M-r Kosloff et les détails de vos griefs envers lui. Cela ne sert qu'a vous aigrir d'avantage et j'ai entrepris de travailler à votre tranquilité [1]).

Козловъ, оставляя Камчатку, предписалъ выслать отца моего изъ Машурскаго острожка въ Тигиль, для выѣзда изъ Камчатки, и отецъ мой принужденъ былъ, бросивъ домъ, съ великою трудностью выѣхать изъ онаго; но онъ отправился въ Петропавловскую гавань, гдѣ прежде остановился въ казенномъ домѣ. Однако вскорѣ, во время зимы, частный командиръ прапорщикъ Хабаровъ изъ сибирскихъ казаковъ, достойный подчиненный Шмалева, выжилъ его изъ сего дома. Я помню, какъ это случилось. Ночью, когда всѣ спали, услышали крикъ: пожаръ и спасайтесь. Кто что могъ накинуть, бѣжали вонъ и бросали изъ окошка вещи; между тѣмъ, ворвавшіеся въ домъ люди сломали всѣ печи, такъ что оставаться уже въ семъ домѣ было невозможно. Итакъ, перебрались въ самую тѣсную

[1]) Письмо изъ Верхнекамчатска отъ 21 января 1788 г.

избушку къ одному камчадалу, на такъ называемую кошку, т.-е. на самый берегъ залива.

Хабаровъ же велѣлъ тотчасъ поправить печи и самъ перебрался жить въ сей домъ. Этимъ наглый сей человѣкъ не удовольствовался; онъ послѣ, пьяный, съ ватагою казаковъ, хаживалъ мимо нашихъ окошекъ и, проходя, вслухъ говаривалъ: вотъ конура нѣмецкой собаки. Сами судите, сколько надобно благородному человѣку духа, чтобъ выносить подобныя поношенія отъ подлаго и самаго низкаго бездѣльника, который послѣ и карьеръ свой тѣмъ кончилъ, что съ каторжными обрабатывалъ Алданскую дорогу и, тѣхъ обокравъ, попался подъ судъ. Лѣтомъ 1789 года, сказали батюшкѣ, что Хабаровъ получилъ на его имя письма и держитъ у себя. Лишаться утѣшенія прочесть хоть строчку умную или дружескую, въ положеніи отца моего, ему показалось уже верхомъ мученій; и такъ, не сказавъ намъ ни слова, онъ накинулъ на себя свой бѣлый плащъ и, спрятавъ подъ полу саблю, вышелъ съ нею и пошелъ прямо къ Хабарову. Вскорѣ пришли намъ сказать, что Хабаровъ бьетъ его. Мать и я при ней пустились въ отчаяніи бѣжать туда и нашли, что батюшка въ передней комнатѣ, полудышащій, лежитъ на полу, связанный казаками. Вопли отчаянные матери моей и мои, если не устрашили, то наскучили злодѣю, и онъ велѣлъ его съ нами отпустить. Мать умоляла отца, чтобъ онъ оставилъ неумѣстную свою горячность. Мы узнали послѣ, что Хабаровъ, увидя, что отецъ мой подходитъ къ его дому, сталъ его изъ окошка ругать и дразнить. Отецъ мой тогда въ азартѣ взошелъ въ переднюю, но вдругъ, когда онъ хотѣлъ броситься къ Хабарову, тайно разставленные по угламъ казаки бросились на него съ ружьями, и одинъ, ударивъ его прикладомъ въ грудь, свалилъ его съ ногъ. Между тѣмъ, отецъ, желая наказать Хабарова саблею, замахнулся на него съ плеча и, задѣвъ за матицу концомъ сабли, отломилъ оный и повредилъ нѣсколько руку подсунувшемуся подъ ударъ казаку [1]). Послѣ сего случая мать моя неусыпно старалась смотрѣть за всѣми шагами батюшки и никуда его одного не пускала. Въ семъ мучительномъ положеніи, безъ жалованья, безъ всякой услуги, такъ что отецъ мой самъ рубилъ дрова и топилъ печь, прожили мы въ Петропавловской гавани до слѣдующаго 1790 года. Между тѣмъ, осенью 1789 года, пришелъ сюда извѣстный капитанъ Биллингсъ съ капитанами Сарычевымъ и Галломъ [2]), на фрегатѣ «Слава Россіи» [3]).

---

[1]) Сабля осталась въ рукахъ Хабарова и представлена была по начальству. Судъ, смотрящій на дѣйствіе, а не на причину, нашелъ въ этомъ поступкѣ ужасное преступленіе. В. Ш.

[2]) Съ ними былъ еще капитанъ Берингъ, добрый человѣкъ, но слишкомъ придерживался правилъ старыхъ моряковъ,—всегда былъ пьянъ. В. Ш.

[3]) Во время зимовки Биллингса въ Петропавловской гавани, было построено тамъ другое судно «Черный Орелъ», спущенное на воду 31 мая 1791 года. По

Съ прибытіемъ его, возродилась нѣкоторая надежда быть, по крайней мѣрѣ, подъ защитою людей благородныхъ. Отецъ мой и мать отдохнули нѣсколько въ пріятномъ ихъ обращеніи, и мнѣ, какъ ребенку, отмѣнно любопытно было видѣть корабль и всѣ къ оному принадлежности. Немало также утѣшилъ меня бывшій съ Биллингсомъ механикъ, Іосифъ Эдвардсъ, своею книжкою, которая при каждомъ скоромъ обращеніи листовъ показывала новыя фигуры. Такія книжки я видалъ послѣ у фокусниковъ, но уже безъ забавы и удивленія. Надобно вамъ сказать, что въ это время было насъ уже двое. Въ 1788 году, 5 іюня, родился братъ, котораго наименовали Петромъ, я былъ его воспріемникомъ. По второму году онъ началъ говорить и ходить и былъ чрезвычайно боекъ, понятливъ и остеръ. Матушка внушила ему, что онъ русскій и что нѣмцемъ быть не желаетъ, и даже онъ говаривалъ отцу: ты—нѣмецъ, собака! Такое начало въ воспитаніи немного обѣщало добраго, и каково было смотрѣть умному отцу, но кто виноватъ! За всѣмъ тѣмъ, отецъ его любилъ весьма нѣжно и называлъ единственнымъ утѣшеніемъ; напротивъ я уже былъ нелюбимый сынокъ.

Должно упомянуть здѣсь о самомъ Биллингсѣ. Онъ, какъ наемникъ, не столько думалъ о выполненіи воли монаршей и о пользахъ отечества, сколько о своеугодливости. Онъ еще въ Якутскъ привезъ съ собою какую-то любовницу, матросскую жену, истратилъ для нея пропасть и, по ея рекомендаціи, раздавалъ якутскимъ князькамъ медали. Эта матросская жена вышла тогда же набогатившись, за бывшаго въ Якутскѣ чиновника Горновскаго родного брата того, который былъ при Потемкинѣ, и много помогла ему по Иркутской губерніи выйти въ люди. Съ прибытіемъ экспедиціи въ Камчатку началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, звѣрскія представленія и пр. Денегъ они убили пропасть, а пользы на грошъ не надѣлали. Передъ отбытіемъ ихъ изъ Охотска, получено было повелѣніе объ остановкѣ экспедиціи; но Кохъ[1]) взялся услужить въ этомъ случаѣ. «Слава Россіи» была уже на рейдѣ, а «Доброе Намѣреніе», другой фрегатъ, былъ еще въ рѣкѣ. Привозъ упомянутаго повелѣнія заставилъ поспѣшить выводомъ на рейдъ второго фрегата, несмотря на противную зыбь и маловѣтріе, вслѣдствіе чего прибило его къ берегу и начало бить такъ, что принуждены были срубить мачты, и хотя весьма бы при слѣдующей полной водѣ, какъ то мнѣ по знанію мѣстнаго положенія извѣстно, можно было спасти самый фрегатъ, но мѣшкать уже не смѣли; и такъ, несмотря на представленія Галла,

---

окончаніи экспедиціи Биллингса, «Черный Орелъ» ушелъ въ Охотскъ, а «Слава Россіи» осталась въ Петропавловской гавани безъ употребленія и 27 марта 1801 г. затонула на глубинѣ 3 саж., со всѣми припасами и матеріалами. (Сгибневъ, IV, стр. 40). П. К.

[1]) Комендантъ Охотска, совѣстный судья Кохъ. П. К.

командира сего фрегата, въ ту же ночь, выгрузили его, обмазали еще смолою и зажгли, такъ что къ утру ничего не осталось. Команду съ сего судна помѣстили на «Славу Россіи» и черезъ нѣсколько дней ушли, заставивъ Коха отрапортовать, что повелѣніе ихъ не застало [1]). Еслибъ экспедиція была обращена, то, во-первыхъ, труденъ былъ бы отчетъ въ передержанныхъ суммахъ и не получили бы по два чина, о коихъ Биллингсъ имѣлъ секретныя повелѣнія у себя. Этого, конечно, никто изъ бывшихъ въ экспедиціи не написалъ и не сказывалъ; но кто же любитъ грѣхи свои разсказывать? Но истина, знать вамъ это должно, не вѣки остается подъ спудомъ, и весьма часто или вообще скрытое для современниковъ открывается для потомства. Извѣстно, какъ щедро наградила императрица англійскаго мичмана Биллингса. Онъ кончилъ жизнь русскимъ бариномъ въ Крыму и бригадиромъ. А все его достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ въ вояжѣ съ Кукомъ, но Кукъ возилъ съ собою и свиней...[2]). Мнѣ этотъ Биллингсъ особенно какъ-то гнусенъ. Я и маленькій смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ. Теперь могу обсуживать, что онъ долженъ былъ быть самый гнусный человѣкъ. Судите по слѣдующему его поступку.

Ему извѣстно было несчастное, можно сказать, ужасное, бѣдственное положеніе отца моего. Онъ притворился принимающимъ живѣйшее участіе въ насъ. Между тѣмъ, не помню, подъ какимъ предлогомъ, убѣдилъ онъ отца моего, чтобъ онъ поѣхалъ напередъ въ Тигиль, гдѣ зимовало судно, а матушка бы отправилась зимнею дорогою. Отлучивъ такимъ образомъ мужа отъ жены, онъ сталъ ежедневно учащать свои посѣщенія къ моей матери и наконецъ наглость свою простеръ до того, что заступленіе за отца моего предъ императрицею и вообще освобожденіе его изъ Камчатки предложилъ ей купить цѣною ея безчестія, прикрывая сіи скотскія и преступныя чувствованія видомъ страстной любви своей. Съ омерзѣніемъ и горькими слезами, о! я помню эту минуту, мать моя отвергла сіе гнусное предложеніе. Тогда злодѣй перемѣнилъ тонъ въ извиненіе и удивленіе добродѣтели, которую онъ не перестанетъ почитать въ моей матери никогда, и тогда въ знакъ памяти предложилъ въ подарокъ золотые часы; но когда матушка ихъ отвергла, онъ дерзко повѣсилъ ихъ на стѣнной гвоздокъ и скрылся. Отецъ мой, какъ бы предчувствуя ковъ, возвратился съ дороги обратно, и когда матушка разсказала ему, какимъ образомъ Биллингсъ оставилъ ей часы, то батюшка пришелъ въ бѣшенство; но Биллингса, если не ошибаюсь, не было уже въ гавани, и дѣлать было нечего. Однакожъ, батюшка тотчасъ

---

[1]) Все это я слышалъ отъ достовѣрныхъ изъ жителей охотскихъ послѣ. В. Ш.

[2]) За выписку Биллингса правительство обязано послу (Сем. Ром.) гр. Воронцову, который многихъ подобныхъ опредѣлилъ въ нашъ флотъ. В. Ш.

отослалъ къ нему часы при письмѣ, о содержаніи коего легко можно судить всякому, кто знаетъ, что долженъ чувствовать благородный человѣкъ къ тому который, будучи въ чести и пользуясь несчастіемъ безсильнаго, ищетъ его безчестія.

Здѣсь долженъ я отдать справедливость благороднымъ чувствованіямъ Март. Иван. Соура[1]), который много утѣшалъ матушку въ ея скорби и давалъ ей полезные совѣты, съ честію сообразныя, вмѣсто того, что Биллингсъ думалъ сдѣлать изъ него въ семъ дѣлѣ посредника. Долженъ сказать и то еще, что при всѣхъ вакханальныхъ пиршествахъ Биллингса никто столько не отличался кротостію и благонравіемъ, какъ нынѣшній вице-адмиралъ Гаврило Адреевичъ Сарычевъ, и еслибъ не онъ, то экспедиція сія столько же бы принесла славы и пользы Россіи, сколько Калигулинъ извѣстный походъ противъ Британіи славенъ былъ для Рима.

Зимою на 1790 годъ мы переѣхали по тигильскому берегу въ Тигильскую крѣпость. Тутъ въ ожиданіи лѣта отдали меня учиться читать часословъ и псалтырь къ безграмотному дьячку, который казался мнѣ тогда великимъ мудрецомъ. И между тѣмъ я рѣзвился съ простыми казачьими и камчадальскими ребятишками, перенимая ихъ нарѣчія и навыки. Здѣсь однажды чуть было не лишился я жизни, подавившись черносливною косточкою, и спасеніемъ обязанъ я смѣлости и усилію, съ какимъ матушка съ братниною нянькою трудились отъ страху колотить меня по спинѣ и по затылку. Косточка выскочила изъ горла съ кровью, и я закричалъ къ ихъ сердечной радости и успокоенію; ибо сколько было меня жаль, а не менѣе того опасались внезапнаго прихода батюшки, который и отъ меньшихъ гораздо причинъ удобно очень раздражался и гнѣвъ свой матушкѣ иногда давалъ весьма непріятнымъ образомъ чувствовать. Сей случай долго потомъ таили отъ отца моего.

---

[1]) Онъ былъ секретаремъ у Биллингса и послѣ, формально разбранившись съ нимъ, былъ отосланъ въ Иркутскъ. В. Ш.

II.

Переѣздъ Штейнгелей изъ Камчатки въ Иркутскъ. — Генералъ-губернаторъ Якобій.—Жизнь въ Иркутскѣ.—Вице-губернаторъ Михайловъ.—Губернаторъ Нагель.— Отправленіе Владиміра Штейнгеля въ Петербургъ и опредѣленіе его въ Морской корпусъ.—Процессъ Штейнгеля-отца въ Иркутскѣ.—Попытка его бѣжать въ Петербургъ.—Увольненіе Нагеля по вступленіи на престолъ императора Павла.— Военный губернаторъ Леццано. — Окончаніе процесса Штейнгеля-отца по восшествіи на престолъ Александра I.—Покровительство барона Николаи.—Внезапная смерть Штейнгеля-отца. — Переселеніе семьи его на жительство въ Пермь.

Наконецъ настало лѣто. Изъ Тигиля отправлялось судно, принадлежавшее извѣстному покорителю Кадьяка купцу Шелихову [1]). Должно было рѣшиться на немъ ѣхать въ Охотскъ, ибо другого не было. Судно сіе было подъ зависимостью родного брата Шелихова, Василья. Каковъ онъ былъ, можете судить изъ того, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ старшій братъ вѣшалъ его на нокъ (конецъ) реи и больно сѣкъ публично линьками или плетьми за участіе въ намѣреніи отравить его ядомъ. Это было въ Охотскѣ, въ правленіе Коха. Я слышалъ сей анекдотъ въ бытность мою послѣ въ Охотскѣ, отъ самовидца Евстр. Деларова, который былъ директоромъ Американской компаніи, и отъ нѣкоторыхъ другихъ особъ. Вотъ что мнѣ разсказывали: Шелиховъ, отправясь въ Америку въ 80-хъ годахъ, оставилъ жену свою въ Охотскѣ. Тутъ она не замедлила вступить въ связь съ однимъ изъ чиновниковъ (забылъ его фамилію), и такъ какъ между тѣмъ разсѣяли, можетъ быть, они же сами, по Охотску вѣрные слухи, что Шеліховъ, вышедъ изъ Америки въ Камчатку, умеръ, то жена его и готовилась выйти за того чиновника замужъ, чему и братъ Василій способствовалъ. Но вдругъ, вовсе некстати, получено письмо, что Шелиховъ живъ и вслѣдъ за онымъ ѣдетъ изъ Камчатки въ Охотскъ. Въ семъ-то

---

[1]) Шелиховъ, Григорій Ивановичъ, основатель и директоръ компаніи его имени, впослѣдствіи Россійско-Американской. Въ 1783 г. рыльскій гражданинъ Шелиховъ составилъ небольшую компанію для звѣринаго промысла. Въ 1786 г. генералъ-губернаторъ Вост. Спб. Якобій возбудилъ ходатайство о выдачѣ этой компаніи привилегіи, но въ ходатайствѣ этомъ правительствомъ было отказано. По смерти Шелихова, въ дѣлѣ принялъ участіе зять его камергеръ Резановъ, получившій за женой въ приданое акціи Шелиховской компаніи, и въ 1798 г. вдова Шелихова, курскій гражданинъ Голиковъ и иркутскій купецъ Мыльниковъ, соединивъ свои промышленныя предпріятія, образовали соединенную Американскую компанію, а 4-го іюля 1799 г. императоръ Павелъ, принявъ ее подъ свое покровительство, переименовалъ ее въ Россійско-Американскую компанію и даровалъ ей на торговлю въ Америкѣ и на островкахъ сѣверо-восточнаго океана привилегію на двадцать лѣтъ. Наталья Шелихова, за заслуги мужа, получила 10-го ноября 1847 г. дворянство. (Сгибневъ, стр. 43. Арх. гос. сов. т. II, проток. сов. 1799 г., стр. 514—526). П. К.

критическомъ положеніи жена рѣшилась, по пріѣздѣ, его отравить. Но предувѣдомленный Шелиховъ едва пріѣхалъ, какъ все искусно разыскалъ, обличилъ ихъ обоихъ, жену и брата, чрезъ своихъ рабочихъ публично наказалъ. Сего не довольно, онъ хотѣлъ, по выѣздѣ въ Иркутскъ, предать жену уголовному суду и настоять, чтобъ ее высѣкли кнутомъ. Но въ семъ случаѣ Барановъ, извѣстный потомъ правитель Америки, бывшій тогда его приказчикомъ, убѣдилъ его пощадить свое имя и простить виновницу. Можетъ быть, сіе происшествіе, которое не могло укрыться отъ иркутской публики, было причиною, что внезапная смерть Шелихова, послѣдовавшая въ Иркутскѣ въ 1792 году, была многими приписываема искусству жены его, которая потомъ, ознаменовавъ себя распутствомъ, кончила жизнь несчастнымъ образомъ, будучи доведена до крайности однимъ своимъ обожателемъ. Таковъ всегда бываетъ конецъ порока. Если богатство и случай прикрываютъ его предъ людьми, то предъ Провидѣніемъ ничто укрыться не можетъ.

Къ наибольшей непріятности отца моего, въ это же время и на томъ же суднѣ отправился и смертельный врагъ его Орленковъ, который и самъ, при всей подлости своей предъ Козловымъ-Угренинымъ, не могъ удержаться на мѣстѣ и былъ смѣненъ. Но такъ какъ онъ, по характеру своему, ближе былъ къ Шелихову, нежели отецъ мой, то ему дали мѣсто въ каютѣ, а намъ отвели подъ палубою на баластѣ. Я помню, что во время самаго плаванія часто доходило до ужаснаго съ обѣихъ сторонъ ожесточенія и брани. Наши и матушкины слезы едва могли удерживать батюшку. Впрочемъ, злодѣи, смѣясь надъ его безсиліемъ, нарочно его дразнили. Плаваніе на семъ дурномъ галіотѣ было очень продолжительно. Провизія наша издержалась, воду стали давать по порціямъ, словомъ мы терпѣли и голодъ и жажду. Наконецъ, говоря выраженіемъ тамошнихъ старыхъ мореходовъ, перехватили землю верстъ за сорокъ къ востоку отъ Охотска и тутъ заштилевали. Отецъ мой рѣшился, чтобъ скорѣе удалиться отъ всѣхъ непріятностей, итти въ Охотскъ пѣшкомъ. Итакъ, по просьбѣ его, насъ высадили на берегъ, и мы, т. е. батюшка, матушка съ братомъ Петромъ за плечами, дѣвка камчадалка Акулина и одинъ казакъ, пустились въ путь по дикому морскому берегу, обитаемому медвѣдями, на волю Божію. Сдѣлавъ переходъ болѣе двадцати верстъ, мы пришли къ рѣчкѣ Мариканкѣ, чрезъ которую тщетно искавъ броду, рѣшились ночевать подъ чистымъ небомъ, будучи измучены усталостью. По утру, на самомъ разсвѣтѣ, мы услышали человѣческіе голоса, и тотчасъ батюшка побѣжалъ осмотрѣть, откуда они происходили. Радость наша была неописанна, когда узнали, что это была байдара, посланная отъ Григорія Ивановича Шелихова къ судну, на коей и на нашу долю послано было нѣсколько булокъ, чаю и сахару. По просьбѣ батюшки, переправили насъ на байдарѣ черезъ рѣчку, и

мы, утоливъ жажду и подкрѣпивъ силы чаемъ, пустились къ Охотску, куда прибыли поздно по вечеру на Тунгузскую кошку, съ которой, при спорной водѣ, переправились чрезъ устье Охоты въ городъ и, остановясь въ отведенной квартирѣ, принесли Богу благодареніе.

Въ Охотскѣ начальствовалъ опять Кохъ, ибо проказы Козлова-Угренина, о коихъ слухъ и самыя жалобы на него дошли до начальства, заставили перевести его поближе, и потому, по возвращеніи изъ Камчатки, сдѣланъ онъ былъ начальникомъ въ Якутскую область. И тутъ пробылъ онъ недолго. Вскорѣ принуждены были его отрѣшить и какъ за старыя, такъ и новыя его безпутства предать въ Иркутскѣ суду. Примѣчанія достойно, что два раза предписывали ему сдать команду, но онъ не слушался; въ третій разъ послали нарочнаго, если не ошибаюсь, коменданта Штевена, который смѣнилъ его силою. Точно такъ же силою смѣненъ послѣ и мой главный злодѣй Бухаринъ, о коемъ въ своемъ мѣстѣ разскажу вамъ. Итакъ, въ Якутскѣ нечего было опасаться.

Въ Охотскѣ мы прожили столько, сколько нужно было, дабы нанять лошадей и изготовить вьюки. Мы отправились въ сопровожденіи одного казака и одного или двухъ проводниковъ изъ якутовъ. Братъ Петръ занялъ мое прежнее мѣсто около матушки, а меня посадили особо на лошадь, которая была поменѣе и посмирнѣе другихъ. Пока я не привыкъ, то казакъ велъ мою лошадь подъ уздцы, а потомъ я уже самъ ѣхалъ. Дорогу сію совершили мы благополучно. Одинъ только непріятный случай мнѣ очень памятенъ. Однажды по-утру наѣхали мы на бадаракъ, такъ называютъ якуты грязное, тинистое и вязкое мѣсто. Казака послали впередъ попробовать: его лошадь увязла, и пока всѣ глядѣли на него, а батюшка поѣхалъ вокругъ, моя лошадь по привычкѣ итти за казаковой бросилась туда же, такъ что я не успѣлъ ее сдержать, тѣмъ болѣе, что завтракалъ въ это время, кусая булку. Какъ скоро лошадь моя увязла обѣими передними ногами, то и начала биться, выдергивая то ту, то другую ногу. Отъ сего неправильнаго трясенія лошади сперва полетѣли изъ рукъ моихъ булки, а потомъ и я упалъ бокомъ въ грязь на лѣвую сторону лошади и такъ, что лицо мое пришлось возлѣ самой ноги лошади, которая легко могла меня убить и втоптать въ грязь, но вся бѣда кончилась тѣмъ, что она задѣла мнѣ копытомъ за ротъ, не тронувъ впрочемъ зубовъ, такъ однакожъ, что отъ удара и опухоли ротъ мой покривился на лѣвую сторону, и я съ недѣлю былъ криворотымъ. Ни отъ чего я такъ не плакалъ потомъ, какъ отъ воображенія, что навсегда такимъ останусь. Можно представить, въ какомъ положеніи было сердце матери и отца, пока они видѣли меня въ грязи подлѣ ногъ бьющейся лошади. Проворству казака и якутовъ единственно обязанъ я спасеніемъ.

По прибытіи въ Якутскъ, гдѣ батюшка не располагался оставаться до зимней дороги, изъ особенной нѣжности къ брату Петру, а, можетъ быть, и по предчувствію, поспѣшили привить ему оспу. Я помню, что у него было нѣсколько оспинокъ на рукахъ, на груди и на спинѣ, и вообще опытъ сей благополучно кончился. Меня же не думали предохранять, да и некогда было. Итакъ, отправились осеннимъ путемъ на тамошнихъ лодкахъ вверхъ по рѣкѣ Ленѣ. Однакожъ едва отплыли за сто верстъ, какъ начались морозы, пошла мезга, или льдяное масло, по рѣкѣ, и мы принуждены были, остановясь на Синей станціи, ожидать зимней дороги.

Вдругъ, къ пущему огорченію, у дѣвки нашей камчадалки, которую звали Акулиною, оказалась оспа. Ее тотчасъ отдѣлили отъ насъ и положили въ банѣ. Однакожъ, она не выдержала болѣзни и умерла. Прежде еще ея смерти я занемогъ оспою, самою крупною, самою жестокою. Все тѣло безъ изъятія, не исключая подошвъ, было покрыто оспинами, величиною съ горошину. Матушка, не знаю, по какому правилу, вѣря симпатическимъ средствамъ, обвела мнѣ около глазъ три раза золотымъ кольцомъ съ молитвою, и подлинно глаза остались неприкосновенными. Мнѣ не давали никакого лѣкарства; но только, когда оспа назрѣла, и начался нестерпимый зудъ, то батюшка, подогрѣвая на ложкѣ простое горячее вино, давалъ мнѣ въ руку губку, и я, обмакивая ее въ теплое вино, примачивалъ тѣ мѣста, гдѣ особенно чувствовалъ зудъ. Симъ однимъ средствомъ избавился я отъ рябоватости и отъ сей оспы такъ хорошо отдѣлался, что при опредѣленіи моемъ въ корпусъ директоръ Мендель, смотря на меня въ лорнетъ, долго не хотѣлъ вѣрить усиленной клятвѣ моей, что на мнѣ была оспа. Едва я сталъ оправляться, какъ къ великому изумленію родителей съ братомъ Петромъ оказались припадки, свойственные началу оспы. Во время жара онъ началъ кидаться и бредить: вынесите меня отсюда, мнѣ здѣсь страшно, я здѣсь умру,—говорилъ сей чудный ребенокъ слезно утѣшающимъ его родителямъ, не имѣя, конечно, понятія о смерти. Любя его, батюшка рѣшился тотчасъ перебраться изъ дома, который одинъ только и былъ въ семъ селеніи, въ якутскую юрту, и, можетъ быть, этимъ только ускорили потерю того, что удержать всячески старались. Надобно себѣ представить, что такое якутская юрта. Строеніе, сдѣланное изъ жердей, обмазанныхъ глиною и коровьимъ каломъ, вокругъ коего низкія внутри лавки, а въ срединѣ глиняный каминъ, чуваломъ именуемый, въ которомъ для тепла огонь долженъ горѣть безпрестанно, полу нѣтъ, голая земля, дверь одна прямо на улицу, окошки пузырныя или ледяныя. Можете судить, какое успокоеніе въ семъ неопрятномъ и вонючемъ зданіи, при безпрестанномъ сквозномъ вѣтрѣ изъ дверей въ каминъ, можно было дать ребенку, страдающему оспою, и самою жестокою. Это былъ горестный опытъ, что прививная, по

тогдашнему способу, оспа не предохраняла отъ второй оспы натуральной. Оспа на братѣ Петрѣ была столь крупна и повсемѣстна, что наконецъ слилась совершенно и представила изъ него безобразный трупъ. Глаза его отъ матеріи совсѣмъ заплывали. Я былъ свидѣтелемъ рѣдкой материнской нѣжности. Безъ малѣйшей брезгливости, матушка высасывала гной изъ глазъ его и очищала оные языкомъ до того, что онъ могъ различать предметы. Тогда ему предлагали вопросы: видитъ ли отца, брата?—въ чемъ они?—гдѣ?—и удовлетворительные отвѣты восхищали родителей несказанно. Но, увы! наконецъ, при всѣхъ усиліяхъ матушки, оказалось, что братецъ лишился зрѣнія. Вопль матери и отчаяніе отца были неописанны. Наступила роковая ночь. Братецъ сталъ бредить и кидаться. Къ пущему страданію его, руки у него были связаны, ибо онъ царапался.—Съѣстъ меня, съѣстъ меня,—твердилъ онъ безпрестанно:—фу, какой вѣтеръ, затворите дверь, хотя никто ихъ не растворялъ; съѣстъ меня, съѣстъ меня!—принимался онъ паки повторять, терзая сердца предстоявшихъ ему отца и матери. Напослѣдокъ, въ самую полночь предсказаніе его сбылось, неумолимая смерть съѣла его. Онъ закрылъ на вѣки вѣжды свои. Нѣтъ, тщетно хотѣлъ бы я изобразить вамъ то ужасное зрѣлище, которое въ сію минуту происходило при безчувственномъ трупѣ брата моего. Скажу вамъ только, что матушка съ воплями отчаянія старалась вложить душу въ охладѣвшій прахъ сына своими объятіями и поцѣлуями. Батюшка то въ ужаснѣйшемъ молчаніи становился на колѣни предъ Богомъ и просилъ, казалось, крѣпости къ перенесенію сего удара, то вдругъ вскакивалъ въ неистовствѣ, билъ себя въ грудь, рвалъ волосы и, воздымая сжатые кулаки, произносилъ ужаснѣйшую хулу противъ самого Бога, желая, казалось, сразиться съ самимъ небомъ. Мнѣ было тогда 7 лѣтъ. Какъ ни молодъ я былъ, но картина сія глубоко вкоренилась въ моей памяти, и до гроба ея не забуду. Сколько, однакожъ, ни терзались, всѣ вопли остались тщетными; мертвые не оживаютъ. Братца похоронили рядомъ съ Акулиною, около существовавшей тамъ часовни. Въ проѣздъ мой въ 1806 году чрезъ Синюю станцію я оставилъ деньги и заказалъ сдѣлать надъ нимъ крестъ съ надписью. Здѣсь заклинаю васъ, дѣти, если я того сдѣлать не успѣю, закажите, кто изъ васъ будетъ въ состояніи, сдѣлать чугунный памятникъ, на коемъ въ краткой надписи изобразите сіе печальное происшествіе и отправьте на Синюю станцію, чтобъ поставили надъ гробомъ брата моего, о коемъ я не перестаю сожалѣть и теперь. Я очень помню, что матушка, въ огорченіи своемъ, говорила мнѣ: лучше бы тебя Богъ прибралъ, или: что? радъ ты теперь, что, кромѣ тебя, некого любить? Я не понималъ тогда сущности сихъ словъ, а теперь нерѣдко завидую участи брата и, согласно съ матушкою, часто говорю самъ въ себѣ: лучше бы меня Богъ прибралъ. Но Господь насъ не слу-

шаетъ, а творитъ по своему изволенію, что святой Его волѣ угодно. Изъ сего происшествія можно представить вамъ разительное нравоученіе, какъ несправедливо предъ Богомъ оказывать одному сыну пристрастную любовь противъ другого. Много подобныхъ примѣровъ бываетъ, но родители не исправляются. Благодарю Бога моего, дѣти, что я ни за кого изъ васъ не чувствую упрека въ сердцѣ моемъ. Я васъ всѣхъ равно люблю. Не знаю, что будетъ послѣ, когда вы, придя въ возрастъ, будете отличаться характеромъ, поведеніемъ, умомъ, познаніями. Это вы увидите и потолкуете между собою, когда меня не будетъ, надъ моею могилою.

Оставивъ на Синей станціи столь драгоцѣнный залогъ, мы пустились къ Иркутску зимнимъ путемъ и прибыли туда въ декабрѣ. Въ Иркутскѣ уже ни Ламба, столь хорошо расположеннаго къ отцу моему и столь много обѣщавшаго ему, ни Якобія не было; на мѣстѣ перваго былъ губернаторомъ Михаилъ Михайловичъ Арсеньевъ, а правящимъ должность генералъ-губернатора былъ Иванъ Алферьевичъ Пиль. Званіе намѣстниковъ уже уничтожилось, можетъ быть, отъ того, что, представляя царскіе портреты, они дозволять себѣ начали царское самовластіе. Якобій жилъ въ Иркутскѣ истинно по-царски. По тогдашнему времени, онъ проживалъ тамъ несмѣтную сумму — 35 тысячъ рублей въ годъ; одной прислуги было 75 человѣкъ. Въ Иркутскѣ долго не могли забыть его праздниковъ. Якобій смѣненъ по доносамъ и преданъ былъ суду сената. Въ числѣ доносчиковъ былъ секретарь его, выкравшій его бумаги. Якобій послѣ былъ оправданъ императрицею. При семъ случаѣ состоялся извѣстный высочайшій указъ, начинающійся сими словами: «Читано передъ нами, — говоритъ императрица,—нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ Иркутскія дѣла, въ которомъ мы ничего не нашли, кромѣ гнусной ябеды и сплетенъ и проч». Якобій потомъ еще служилъ въ царствованіе Павла I по военной части. Ламбъ при семъ государѣ былъ возведенъ на степень вице-президента военной коллегіи и пользовался отличною милостію государя; но, забывъ отца моего, онъ не помогъ ему въ его несчастіи.

Съ прибытія отца моего въ Иркутскъ, онъ долженъ былъ явиться къ суду въ уголовную палату. По незнанію русскаго языка, онъ долженъ былъ сыскать себѣ наставника и защитника. Въ этомъ онъ положился на одного поляка Градковскаго, который ложною дружбою ввелъ его въ новыя бѣды и продалъ его непріятелямъ.

Между тѣмъ, отецъ мой началъ жить порядочно. Общество его составляли отличные въ Иркутскѣ люди, какъ-то: совѣтникъ Дитмаръ, который вскорѣ потомъ умеръ, Дрозманъ, докторъ Шеллеръ, штабъ-лѣкарь Крагъ, профессоръ Лаксманъ, Фабертъ и прочіе, коихъ не помню. Мы жили въ домѣ купца Сибирякова, близъ на-

бережной, въ приходѣ Харлампія. Въ этомъ домѣ вскорѣ послѣ новаго 1791 года, именно января 12 числа, родилась моя милая сестра Татіана Ивановна. Я очень помню, что когда матушка уже мучилась ею, и я началъ плакать, то батюшка вывелъ меня въ сѣни и тутъ со-мною стоялъ, прислушиваясь къ дверямъ. Когда же услышанъ былъ крикъ младенца, то батюшка вскричавъ: а! дочь! отворилъ двери и бросился къ матушкѣ, вскорѣ и мнѣ показали сестрицу. Я не могъ понять, какъ батюшка, стоя за дверью, могъ узнать, что родилась сестрица, а не братецъ.

Отецъ мой, сокрушаясь, что не можетъ начать моего воспитанія лучшимъ образомъ, отдалъ меня въ губернскую школу, куда и ходилъ я цѣлый почти годъ. Помню, что ученіе мнѣ не весьма нравилось, и я часто, идучи въ школу, ходилъ не прямо, а околицею. Однакожъ, при случившемся экзаменѣ, я говорилъ въ первомъ классѣ рѣчь, которой, конечно, и самъ не понималъ, и, получивъ призъ, книжку за прилежаніе, былъ переведенъ во 2-ой классъ, гдѣ преподавали ученіе о должностяхъ гражданина и человѣка, которымъ учили наизусть, какъ попугаевъ.

Въ лѣто 1791 года губернаторъ Арсеньевъ окончилъ жизнь и погребенъ въ церкви Тихвинской Божіей матери. Отецъ мой съ прочими несъ гробъ его при сей церемоніи. Мнѣ очень памятно, какъ меня поднесли къ нему проститься, и я, поцѣловавъ его, отшатнулся весьма порывисто назадъ изъ боязни, чтобъ онъ меня не укусилъ.

У Арсеньева осталось большое семейство. Вице-губернаторъ Андрей Сидоровичъ Михайловъ былъ его зять и, вмѣстѣ съ семействомъ своего тестя, расположился оставить Иркутскъ. Онъ былъ весьма честный и добродѣтельный человѣкъ, и отецъ мой столько нашелъ въ немъ, что онъ далъ ему честное слово взять меня съ собою для опредѣленія въ корпусъ въ С.-Петербургъ.

На мѣсто Арсеньева назначенъ въ Иркутскъ губернаторомъ генералъ-майоръ Нагель, находившійся тогда въ Кяхтѣ для постановленія новаго договора съ китайцами о торговлѣ и для открытія оной вмѣстѣ съ назначеннымъ директоромъ таможни надворнымъ совѣтникомъ Вонифантьевымъ, сдѣлавшимся потомъ чрезъ 19 лѣтъ моимъ тестемъ. Можно ли было тогда провидѣть моимъ родителямъ, что будущая супруга моя находится въ Кяхтѣ на первомъ году жизни!

Я очень помню, какъ въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ въ Иркутскѣ встрѣчали Нагеля съ великою церемоніею на Крестовской горѣ. Отецъ мой, по дружеской съ нимъ до того перепискѣ, ожидалъ для себя много добра: вышло напротивъ. Губернаторъ Нагель былъ уже не простой Нагель. Между тѣмъ какъ батюшка мой, наскучивъ медленностію, съ какою приступали къ его дѣлу, рѣшился, по наученію своихъ же пріятелей, послать просьбу въ се-

нать, то генералъ-губернаторъ Пиль весьма за сіе на него разсердился, какъ скоро тѣ же пріятели перенесли ему, что сдѣлалъ отецъ мой. Я очень помню, какъ, однажды, наканунѣ какого-то праздника, прислали отца моего звать къ столу; а какъ на другой день онъ явился, то адъютантъ Пиля, публично подошедъ къ нему, просилъ извиненія, что его позвали ошибкою. Отецъ мой принужденъ былъ съ досадою возвратиться домой и понялъ, что это означало гнѣвъ великаго сатрапа. И подлинно съ тѣхъ поръ Пиль его не принималъ. Нагель, узнавъ сіи отношенія отца моего съ Пилемъ, принялъ его также сухо, и потомъ оба причинили ему множество огорченій и даже тиранствъ, какъ то вскорѣ вы увидите.

По первому зимнему пути Андрей Сидоровичъ готовъ былъ выѣхать, и такъ меня снарядили въ дорогу. Не понимая тогда, что мнѣ дѣлаютъ единственное благодѣяніе, какое только родители въ тогдашнемъ ихъ положеніи могли мнѣ оказать, я горько плакалъ при каждомъ напоминаніи о разлукѣ; а когда насталъ часъ оной, то насилу могли отлучить меня отъ матери. Батюшку мнѣ не такъ было жаль. Дорогою мало-помалу я утѣшился. Меня снарядили очень хорошо и, можно сказать, богато; роспись всего отпущеннаго со мною у меня еще цѣла, и вы ее можете увидѣть.

По прибытіи въ Москву, мы остановились въ домѣ Арсеньевой на малой Ордынкѣ въ приходѣ Екатерины Великомученицы. Взяли масляницу тутъ и на первой недѣлѣ поста говѣли въ упомянутой церкви. Къ Святой мы переѣхали въ С.-Петербургъ и остановились на Васильевскомъ острову въ 10-й, помнится, линіи. Я очень помню, что заутреню въ первый день Пасхи мы слушали въ полковой деревянной церкви, которая была въ 13-й линіи и давно уже сломана; а къ обѣднѣ я ушелъ одинъ въ церковь Андрея Первозваннаго, гдѣ служилъ архіерей, и меня за сіе самовольство порядочно побранили. Впрочемъ, почтенный мой благодѣтель Андрей Сидоровичъ и супруга его Александра Михайловна поступали со мною, какъ съ сыномъ, безъ малѣйшаго различія съ своею дочерью. Ко мнѣ приставленъ былъ дядька гусаръ (они тогда были въ модѣ), который весьма усердно за мною смотрѣлъ; чесалъ мнѣ каждое утро голову, примачивая квасомъ; заплеталъ косу, заставлялъ молиться Богу и посылалъ къ ручкамъ моихъ благодѣтелей.

Еще я помню изъ тогдашняго времени, что благодѣтели мои весьма сердились, по крайней мѣрѣ, показывали то, что сердятся, на меня за неупотребленіе вовсе за столомъ хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ, меня не иначе, какъ силою, могли принудить ѣсть хлѣбъ. Можетъ быть, младенческое воспитаніе въ безхлѣбной Камчаткѣ на молокѣ и рыбѣ — тому причиною. Надобно еще, къ удивленію вашему, сказать, что я до шестого года возраста не переставалъ сосать груди. Не знаю, для чего матушка моя это попускала.

Меня хотѣли сначала опредѣлить въ артиллерійскій корпусъ, но въ томъ не успѣли. Но, какъ директоръ морского корпуса Иванъ Логгиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ Андрею Сидоровичу свойственникъ, и при томъ во флотѣ капитаномъ былъ двоюродный дядя мой, то и рѣшились опредѣлить меня въ морской корпусъ, хотя мнѣ очень не хотѣлось въ оный. Не помню, кто-то въ Москвѣ, разсказывая мнѣ про воспитаніе и приволье для кадетъ въ сухопутномъ корпусѣ, при графѣ Ангальтѣ дѣйствительно бывшее, воспламенилъ юную мою голову въ пользу сего корпуса. Мнѣ страшно хотѣлось быть армейскимъ. Свидѣтельство, взятое въ Иркутскѣ о моемъ рожденіи, оказалось недостаточнымъ, и потому списывались съ дядею моимъ, который находился въ Ревелѣ. Онъ прислалъ другое отъ эстляндскаго дворянства. Итакъ, наконецъ перевезли меня въ Кронштадтъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Кадеты были уже въ лагерѣ. Меня поручили тогдашнему капитану, вскорѣ сдѣлавшемуся майоромъ, Максиму Петровичу Коробкѣ. Я жилъ у него въ домѣ и въ лагеряхъ въ особой палаткѣ, вмѣстѣ съ его племянниками Николаемъ Коробкою и Тимоѳеемъ Яновскимъ, съ коими очень подружились. До августа я считался волонтеромъ, а 14-го августа 1792 года поступилъ въ комплектъ въ 3-ю кадетскую роту, къ капитану Петру Васильевичу Чичагову, который, будучи сынъ знаменитаго адмирала, не занимался вовсе ротою, оставя ее на попеченіе своего капитана-поручика Александра Петровича Кропотова. Прежде нежели представлю я вамъ любопытное описаніе тогдашняго корпуса и нашего вообще воспитанія, я обращусь къ положенію, въ какомъ находился отецъ мой въ Иркутскѣ во все время моего пребыванія въ корпусѣ, и разскажу вамъ, какъ сей несчастнѣйшій изъ людей и вмѣстѣ достойнѣйшій лучшей участи окончилъ поприще жизни своей.

По отправленіи моемъ, отецъ мой, видя, что, несмотря на подтвержденіе, сдѣланное отъ правительствующаго сената по его просьбѣ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла его, въ палатѣ уголовнаго суда не было никакого по оному движенія, писалъ въ сенатъ другую просьбу объ увольненіи его въ Петербургъ на 4 мѣсяца [1]). Между тѣмъ, видно, въ ожиданіи разрѣшенія лѣтомъ 1792 года онъ отправилъ матушку съ дочерью въ Екатеринбургъ. Надежда его осталась тщетна. Тогда по совѣту ближнихъ друзей и, какъ то самъ батюшка въ оправданіяхъ своихъ послѣ показывалъ, по совѣту самого губернатора Нагеля, онъ предпринялъ гибельное намѣреніе уѣхать изъ Иркутска самовольно, для чего и рѣшился составить фальшивую подорожную. Мысль его была та, что, добравшись до

---

[1]) Побудительною причиною онъ поставилъ кончину своего отца и полученное имъ отъ родственниковъ изъ Германіи увѣдомленіе, что послѣ него осталось имѣніе, изъ котораго и ему часть слѣдуетъ. В. Ш.

Петербурга, онъ можетъ упасть къ престолу и просить правосудія. Увы! едва доѣхалъ онъ до перваго города Нижнеудинска, какъ и былъ — можетъ быть, по предувѣдомленію — оподозрѣнъ, взятъ подъ стражу и возвращенъ подъ оною въ Иркутскъ. Это случилось зимою 1793 года. Правящій должность генералъ-губернатора предписалъ судить его и за сей поступокъ. Между тѣмъ уже безъ всякаго снисхожденія и уваженія къ благородному рожденію его и къ чину начали содержать его на главной гауптвахтѣ, гдѣ позволяли дѣлать съ нимъ всякаго рода наглости; а когда онъ выходилъ изъ терпѣнія и приходилъ въ отчаянное бѣшенство, тогда, называя его сумасшедшимъ, обременяли цѣпями и допускали солдатъ бить его, кому какъ и сколько вздумалось. Въ слѣдующемъ 1794 году Пиль сдѣлалъ представленіе сенату, что отецъ мой, по близости гауптвахты къ его дому, бѣшенствомъ своимъ причиняетъ ему безпокойство, и потому сей, любящій спокойствіе и столь человѣколюбивый, правитель намѣстничества просилъ сенатъ о разрѣшеніи судьбы моего отца или о дозволеніи выслать его туда, куда будетъ указано.

Между симъ временемъ, видно, желая рѣшительно погубить отца моего, вознамѣрились сдѣлать его сумасшедшимъ по формѣ; итакъ, по порученію губернскаго правленія, одинъ изъ совѣтниковъ онаго съ штабъ-лѣкаремъ Поддубнымъ [1]), имѣли за его дѣйствіями наблюденіе и потомъ подписали свидѣтельство, что онъ совершенно лишился ума. Къ этому добавили, что и въ лютеранской киркѣ видѣлъ его самъ Пиль, дѣлающаго разныя кривлянья и тѣлодвиженія, несвойственныя человѣку съ здравымъ разсудкомъ.

При такихъ пособіяхъ наконецъ дѣло палатою рѣшено. По десяти обвинительнымъ пунктамъ, отецъ мой законами приговоренъ, по лишеніи всѣхъ чиновъ и дворянства, къ смертной казни... Рука моя трепещетъ, начертывая сей безчеловѣчный приговоръ низкихъ и гнусныхъ исполнителей воли самовластныхъ владыкъ тамошняго отдаленнаго края, готовыхъ, для угожденія начальству, на всякую мерзость, на всякое неистовство... О! я весьма хорошо зналъ ихъ, и потому не могу не ожесточаться, что невинность, въ лицѣ моего отца, облечена была сими порочными тварями во вретище порока, которое самимъ имъ болѣе было прилично. Развѣ тѣмъ однимъ утѣшиться, что и самъ Іисусъ Христосъ, божественный образъ высочайшей добродѣтели, пострадалъ, какъ злодѣй, отъ рукъ невѣждъ и злодѣевъ. Но въ одномъ ли этомъ пути Провидѣнія непостижимы для насъ, смертныхъ!

---

[1]) Сей Поддубный, по природѣ грубый малороссіянинъ и по воспитанію сущій невѣжда, не лучше и въ знаніи медицины, былъ послѣ главнымъ операторомъ въ Иркутскѣ. Мнѣ случилось обѣдать съ нимъ у архіерея Веніамина, и когда я, доведя матерію, упомянулъ, что онъ былъ въ числѣ обвинителей отца моего, то онъ, не замѣшавшись, отвѣчалъ: «что дѣлать, наше дѣло невольное: велятъ подписывать, то и подписываешь!!». В. Ш.

Представляя приговоръ сей сенату, Пиль въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что онъ, признавая отца моего лишившимся ума и не желая отяготить участь наказаннаго самою судьбою, предаетъ жребій его на уваженіе правительствующаго сената.

Сіе верховное вмѣстилище правосудія сдѣлало заключеніе, что хотя вмѣсто смертной казни отецъ мой подлежалъ тѣлесному наказанію... о правахъ дворянства тогда уже говорить не смѣли, а по случаю изданнаго 1793 года сентября 2 дня, послѣ замиренія съ Оттоманскою имперіею, милостиваго манифеста, токмо слѣдовалъ къ одной ссылкѣ въ работу безъ наказанія; но какъ признанъ генералъ-губернаторомъ и губернаторомъ въ помѣшательствѣ ума, то и содержать его по лишеніи чиновъ и дворянства въ Иркутской губерніи, какъ о сумасшедшихъ въ законахъ предписано.

Сей приговоръ поднесенъ былъ императору Павлу I, издавшему вскорѣ по восшествіи на престолъ строгое повелѣніе о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, и сей государь, не будучи ни съ которой стороны увѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣла отца моего, утвердилъ сей приговоръ 1797 года ноября въ 21 день, начертавъ державною своею рукою: «Быть по сему»,—и послѣдній ударъ свершенъ.

Отецъ мой, желая въ своемъ несчастіи обратить на себя хотя сколько нибудь вниманіе высшаго правительства, написавъ на нѣмецкомъ діалектѣ проектъ о лучшемъ устройствѣ Камчатки, могущей приносить государству знатный доходъ, писалъ къ тогдашнему генералъ-прокурору князю Александру Борисовичу Куракину, чтобъ онъ исходатайствовалъ ему дозволеніе явиться съ симъ проектомъ въ Петербургъ; но сей по рожденію только вельможа, занимавшійся болѣе откупами, нежели зависящею отъ него судьбою многихъ честныхъ, но несчастныхъ людей, сдѣлалъ ему вѣжливый отказъ, что онъ до рѣшенія дѣла его въ 5-мъ департаментѣ правительствующаго сената поступить на это не можетъ, а проситъ, чтобъ онъ прислалъ мысли свои на бумагѣ.

Впрочемъ, Куракина въ безчувственности сей къ несчастіямъ ближняго и винить нельзя. Бывшій другъ отца моего Ламбъ, ни братъ его двоюродный, генералъ-майоръ Штейнгель, сдѣлавшійся потомъ графомъ, не хотѣли, или не могли для него ничего сдѣлать. Я не говорю уже о другомъ братѣ, который былъ капитаномъ флота, онъ ничего самъ по себѣ предпринять не могъ. Онъ писалъ даже ко мнѣ, въ корпусѣ еще бывшему, чтобъ я лично просилъ о несчастномъ отцѣ моемъ государя или Куракина, и упрекалъ меня въ бездѣйствіи и неимѣніи сыновней любви. Онъ не хотѣлъ тогда сообразить, что отлучаться изъ корпуса весьма трудно, а безпокоить государя почтено бы было преступленіемъ. Впрочемъ, мнѣ было тогда 14 лѣтъ отъ роду, и что могъ я разсудить, что предпринять обдуманно, когда они всѣ не рѣшались дѣйствовать, какъ должно истиннымъ роднымъ. Баронъ Николаи, который послѣ

оказалъ свое расположеніе къ отцу моему, какъ къ своему двоюродному же брату, по матери, и который тогда пользовался отличною милостію императора, бывъ у него библіотекаремъ, тоже не предпринялъ тогда ничего въ его пользу. Видно, надобно было, чтобъ отецъ мой, вступившій въ Россію въ нарушеніе прещеній родителя своего, былъ въ ней на сей разъ жертвою всѣхъ золъ, оставленною отъ Бога и людей.

Супруга одна не покинула его въ семъ несчастіи и тѣмъ дала ему утѣшиться, что онъ для несчастій своихъ, коихъ не могъ тогда предвидѣть, женился весьма счастливо. Много ли женъ, кои съ мужьями своими рѣшались переносить всѣ бѣдствія и тогда, когда имѣли законное право, безъ укоризны, оставлять ихъ!

Матушка, какъ скоро узнала о послѣдствіяхъ батюшкина побѣга изъ Иркутска, то и поспѣшила возвратиться въ оный. Тутъ часто своими слезами, своими мольбами испрашивала она временную отцу моему свободу изъ-подъ стражи, которой вскорѣ злодѣи его, подъ какимъ либо предлогомъ, паки лишали. При сихъ случаяхъ, когда вооруженные люди приходили брать насильно отца моего на гауптвахту, матушка въ отчаяніи, въ безпамятствѣ, то умоляя извергова на колѣняхъ, то угрожая имъ казнію Божіею, бросалась съ воплями на самую улицу и за нимъ слѣдовала; малолѣтняя дочь бѣгала за нею. Домъ оставался пустъ, а полицейскіе служители очищали все, что лежало поплоше, и дѣлились съ начальствомъ. Батюшка и матушка увѣряли меня, что весьма много вещей своихъ узнавали у бывшаго тогда городничаго Кондратова, который не имѣлъ не только никакого къ участи моего отца сострадания, но, кажется, утѣшался его несчастіемъ. Послѣ вы увидите нѣчто странное при самой кончинѣ Кондратова, которую опишу я вамъ въ своемъ мѣстѣ. Когда судьба отца моего рѣшилась, и онъ увидалъ себя освободившимся отъ рукъ своихъ мучителей, кои одинъ по одному, по вступленіи на престолъ Павла I-го, изъ своихъ мѣстъ выбыли, то, пользуясь свободою жить въ Иркутскѣ, онъ купилъ себѣ маленькій домикъ на Морской улицѣ, противъ самаго верстнаго столба. Я нарочно сіе описываю, дабы вы, если кому случится быть въ Иркутскѣ, знали, гдѣ дѣдъ вашъ томился въ несчастіи и бѣдности.

Здѣсь пріобрѣтенныя прежде отцомъ моимъ познанія въ экономіи принесли ему пользу. Онъ дѣлалъ различныя настойки и водки и сѣялъ табакъ; а матушка пекла пряники отличнаго вкуса и, продавая то и другое, тѣмъ себя и семейство свое содержали. При семъ бѣдномъ положеніи, Богу угодно было, чтобъ они имѣли еще двухъ дочерей. 1795 года ноября 24-го дня родилась Екатерина, и 1798 года января 6-го Марія. Послѣ содержаніе семейства нѣсколько облегчилось принятою отцомъ моимъ на себя должностію эконома въ клубѣ, который завели въ Иркутскѣ въ 1801 году, уже

по кончинѣ Павла I, не терпѣвшаго подобныхъ заведеній. Я засталъ отца моего въ семъ положеніи, когда въ 1802 году, проѣзжая Иркутскъ, имѣлъ счастіе прижать его, матушку и сестрицъ къ моему сердцу, послѣ 10-лѣтней разлуки. Я никогда не забуду, съ какимъ чувствомъ сказалъ онъ мнѣ о домѣ своемъ: «Вотъ, любезный сынъ, я имѣлъ соболью шубу, которая меня одного грѣла; я ее продалъ за 700 рублей и купилъ другую, которая насъ теперь всѣхъ грѣетъ».

Я уже сказалъ вамъ, что непріятели моего отца, одинъ по одному, выбыли изъ Иркутска. Пиль, тотчасъ по вступленіи на престолъ Павла I, уволенъ, временно занялъ его мѣсто Нагель, но и сей, по какому-то на него доносу, чрезъ фельдъегеря вызванъ въ Петербургъ, куда онъ ѣхалъ съ трепетомъ, а еще болѣе вострепеталъ, когда надобно было предстать предъ грознаго царя. Онъ ошибся однакожъ, его, вмѣсто наказанія, ожидало счастіе въ чертогахъ царскихъ. При первомъ взглядѣ на него, Павелъ, любившій щеголять памятью, призналъ въ немъ знакомыя черты одного извѣстнаго ему нѣкогда гусара.—Не ты ли тотъ Нагель,—вскричалъ монархъ,—который столько-то лѣтъ назадъ служилъ въ такомъ-то полку, когда я смотрѣлъ его? – Я,—отвѣчалъ трепещущій губернаторъ, ожидая приговора.—А! обними меня, другъ мой, о! я тебя знаю, ты честный служивый; тебя оболгали мнѣ, но я тебя награжу,—и тутъ же пожаловалъ ему орденъ Александра Невскаго, чинъ генералъ-лейтенанта [1]) и мѣсто военнаго губернатора въ Ригѣ, если не ошибаюсь.

Послѣ Нагеля пріѣхалъ въ Иркутскъ военнымъ губернаторомъ (ибо генералъ-губернаторы повсемѣстно были уничтожены) съ линіи Омской генералъ, котораго фамилію я забылъ [2]); но онъ былъ недолго. Его смѣнилъ, бывшій до того у города Архангельска, генералъ-отъ-инфантеріи Борисъ Борисовичъ Леццано. Сей былъ истинный другъ несчастныхъ. Въ его правленіе всѣ гоненія пресѣклись отъ мѣстнаго начальства, и въ незабвенную хвалу ему приписать должно, что въ жестокое, можно сказать, царствованіе Павла, имѣя неограниченную власть, онъ не сдѣлалъ ни одного несчастнаго. По восшествіи вожделѣннаго отъ всѣхъ Александра на престолъ, представился Леццано случай удовлетворить вполнѣ влеченію своего сердца.

Въ 1801 году, по высочайшему повелѣнію, составлена была нарочная въ С.-Петербургѣ комиссія для пересмотра старыхъ уголовныхъ дѣлъ и для облегченія участи всѣхъ тѣхъ, кои въ преды-

---

[1]) Тайнаго совѣтника. Ред.

[2]) Послѣ увольненія Нагеля должность гражданскаго губернатора въ Иркутскѣ повелѣно было исполнять иркутскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту Трейдену, указомъ отъ 13-го декабря 1797 года. Ред.

дущее царствованіе подпали несчастію. А, какъ во время Павла о многихъ несчастныхъ не имѣли и свѣдѣнія, куда они посланы, то указомъ сената повелѣно мѣстнымъ начальствамъ о всѣхъ, по суду или безъ суда наказанныхъ и сосланныхъ, доставить свѣдѣнія. Въ это время многія сотни несчастныхъ получили свободу и прежнее достояніе. Въ томъ числѣ и моему отцу, по высочайшей конфирмаціи доклада упомянутой комиссіи, въ 21-й день августа 1802 года возвращены чины, дворянство и свобода возвратиться къ своимъ родственникамъ. Почему онъ и выѣхалъ изъ Иркутска по первому зимнему пути того же года въ свитѣ генерала Шпренгпортена, осматривавшаго тогда Сибирь. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ подалъ государю просьбу на французскомъ языкѣ, съ описаніемъ всѣхъ своихъ бѣдствій, которую вы найдете въ его бумагахъ, и по ходатайству барона Андрея Львовича Николаи, высочайшимъ указомъ мая 22-го дня 1803 года, дарованъ ему пенсіонъ по смерть, состоящій изъ 400 рублей въ годъ. Съ симъ пенсіономъ баронъ Николаи принялъ его управителемъ своихъ отчинъ, пожалованныхъ ему покойнымъ государемъ въ Тамбовской губерніи Моршанской округи. Итакъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1803 года, переѣхалъ онъ въ главное помѣстье барона Николаи, село Кулики, куда послѣдовала за нимъ и матушка, оставя одну Танюшку, старшую дочь свою, у барона Николаи, который содержалъ ее вмѣсто дочери, и этому обязана она, что одна изъ всего семейства пріобрѣла нѣмецкій языкъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Кулики, Провидѣніе обрадовало родителей моихъ рожденіемъ сына Павла; но онъ жилъ весьма недолго и былъ предтечею въ вѣчность отца моего. Весною 1804 года, въ одну ненастную ночь случился пожаръ. Отецъ мой поспѣшилъ на оный самъ, не взявъ въ разсужденіи одежды никакой предосторожности; бѣжавъ же по улицѣ, онъ упалъ въ яму, пріуготовленную для мѣшанія извести и наполненную водою. Освободясь изъ нея, во время пожара, то отъ нестерпимаго жара, то отъ дождя и отъ вѣтра, такъ себя разстроилъ, что получилъ на другой день горячку. Сперва казалось, что оная облегчится, но какое-то неудовольствіе разстроило его паки, и онъ, не имѣя никакого медицинскаго пособія, но будучи пользуемъ одною матушкою по наставленіямъ разныхъ старухъ, наконецъ кончилъ бѣдственную жизнь свою 14-го мая и погребенъ по грекороссійскому обряду около церкви упомянутаго села.

По сіе время не удалось мнѣ быть на его могилѣ, и если вопреки желаній моихъ не удастся и въ будущее время жизни моей ни самому быть, ни памятникъ пристойный надъ нимъ соорудить, то возлагаю это на обязанность вашу, любезнѣйшія дѣти мои: утѣшьте тѣнь дѣда вашего и вмѣстѣ успокойте тѣнь отца своего, коего священный долгъ вы тогда приведете въ исполненіе.

Матушка, по смерти своего супруга, имѣла неосторожность сжечь нѣкоторыя его бумаги, не знаю, по какой причинѣ. Въ томъ числѣ истребила и вексель на 4 тыс. рублей, присланный къ нему барономъ Николаи для полученія по немъ денегъ. Это обстоятельство разстроило ее съ барономъ. При всемъ томъ, однакожъ, сей почтенный человѣкъ, изъ признательности къ покойному за хорошее управленіе и умноженіе доходовъ его, исходатайствовавъ матушкѣ моей по смерть половинный пенсіонъ батюшки, предложилъ ей домъ и услугу по смерть ея, равно какъ и принималъ на свое попеченіе воспитаніе ея дочерей, но она не только отъ сего отказалась, но и Танюшку, къ крайнему огорченію барона и его супруги, не соглашалась у нихъ оставить. Взяла ее и удалилась въ Пермь, гдѣ купила домикъ, похожій на хижину, и въ немъ поселилась. Я слышалъ отъ нея, что сей совѣтъ далъ ей графъ Штейнгель, сказавъ о предложеніи барона Николаи: лучше щей горшокъ, да самъ большой! Не мое дѣло судить поступокъ въ семъ случаѣ матери моей; но нельзя равнодушно принимать оный, изъ любви къ сестрамъ, кои по таковому ея, на честолюбіи основанному дѣйствію, лишились воспитанія, къ которому предстоялъ самый благопріятнѣйшій случай.

Баронъ В. И. Штейнгель.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Разсказъ очевидца.

ТРУДНО себѣ представить что нибудь ужаснѣе той картины, очевидцемъ которой я былъ въ роковой день 1-го марта 1881 г. Все мною видѣнное и перечувствованное въ этотъ злополучный день кажется мнѣ до сей минуты, хотя тому прошло 19 лѣтъ, какъ тяжелый сонъ, какъ страшныя болѣзненныя галюцинаціи, вызывающія невольно слезы; скажу одно, что до послѣдняго моего вздоха не забуду этихъ тяжелыхъ минутъ, которыя мнѣ по волѣ судьбы пришлось провести у постели Страдальца-Царя. Постараюсь въ короткихъ и правдивыхъ словахъ, не отступая ни на іоту отъ истины, описать ту потрясающую драму, въ которой я былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ съ минуты прибытія моего въ кабинетъ его величества до послѣднихъ минутъ жизни въ Бозѣ почившаго императора.

1-го марта, въ 12 час. дня, я вступилъ по обыкновенію въ очередное врачебное при Высочайшемъ Дворѣ дежурство [1]). Сидѣлъ я спокойно въ дежурной комнатѣ за газетою «Голосъ», какъ вдругъ мой слухъ былъ пораженъ страшными словами вбѣжавшаго безъ памяти отъ испуга лакея: «Скорѣе, скорѣе! Государю ноги оторвало». Въ первый моментъ на меня нашелъ какъ будто столбнякъ, но, тотчасъ придя въ себя, я мгновенно собралъ все необходимое, какъ-то: лѣкарскій наборъ, вату, бинты, кровеостанавливающую жидкость и пр., и стремглавъ, насколько хватало силъ, побѣжалъ въ сопровожденіи своего помощника по комендантской лѣстницѣ, по 2-й запасной половинѣ, по темному коридору прямо въ кабинетъ покойнаго государя. Вбѣжавъ туда, я нашелъ царя въ полулежачемъ положеніи на кровати, которая была выдвинута изъ алькова и помѣщена почти рядомъ съ письменнымъ столомъ, такъ что лицо императора было обращено къ окну. Государь былъ въ рубашкѣ

[1]) Врачебное при Высочайшемъ Дворѣ дежурство упразднено въ 1888 году; учреждено оно было по повелѣнію императора Николая I.

безъ галстуха, имѣя на шеѣ прусскій орденъ «pour la mérite», на правой рукѣ была надѣта бѣлая замшевая перчатка, мѣстами перепачканная кровью. У изголовья стоялъ въ полномъ парадномъ мундирѣ великій князь Михаилъ Николаевичъ со слезами на глазахъ, которые были устремлены на августѣйшаго брата; кромѣ великаго князя находились въ кабинетѣ въ моментъ моего прибытія дежурный камердинеръ Подтягинъ и рейткнехтъ. Когда я подбѣжалъ къ кровати, первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это страшно обезображенныя нижнія конечности, въ особенности лѣвая, которая, начиная отъ колѣна и кончая полуоторванной стопой, представляла безформенную, раздробленную кровяную массу; правая конечность была тоже повреждена, но менѣе лѣвой; правая была обута въ сапогъ, лѣвая же стопа безъ сапога. Обѣ раздробленныя конечности были на ощупь холодныя. Не потерявъ присутствія духа, я приказалъ тотчасъ лѣкарскому помощнику придавливать какъ можно сильнѣе обѣ бедренныя артеріи, біеніе которыхъ было едва ощутимо, думая этимъ самымъ сберечь хотя остатокъ драгоцѣнной крови, самъ же приступилъ къ оживленію потухающей жизни. Государь находился въ полномъ безсознательномъ состояніи: лицо представлялось блѣднымъ, мѣстами было обрызгано кровью, лѣвое верхнее вѣко нѣсколько поранено, глаза полуоткрыты, взглядъ мутный, зрачки мало реагировали на свѣтъ, челюсти судорожно сжаты, вдыханіе кислорода не производило желаемаго результата. Всѣ старанія врачей, прибывшихъ послѣ меня, оставались тщетными -- жизнь монарха видимо угасла. Члены Императорской фамиліи начали быстро собираться—лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ нашелъ царя безъ пульса. На вопросъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича, долго ли проживетъ страдалецъ, онъ отвѣтилъ: «отъ 10 до 15 минутъ». Тогда наслѣдникъ отвернулся отъ постели умирающаго и горько заплакалъ, сказавъ при этомъ: «Вотъ до чего мы дожили», и обнялъ горячо великихъ князей Владиміра Александровича и Михаила Николаевича. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ духовникъ ихъ величествъ протопресвитеръ Баженовъ и началъ причащать государя и читать отходную. Мы всѣ стали на колѣна, слышались тихія рыданія. Всѣ члены Императорской фамиліи, находившіеся въ этотъ моментъ въ Петербургѣ, были у постели умирающаго монарха. Въ кабинетѣ государя, кромѣ кромѣ Высочайшихъ Особъ, находились, сколько мнѣ помнится: министръ Императорскаго Двора графъ А. В. Адлербергъ, оберъ-гофмаршалъ Гротъ, гофмаршалъ князь И. М. Голицынъ, нѣсколько фрейлинъ, лейбъ-медикъ Боткинъ, Цыцуринъ, проф. Богдановскій и нѣкоторые другіе. Въ 3½ часа по полудни 1-го марта 1881 г. не стало нашего незабвеннаго монарха: онъ тихо почилъ.

Бывшій дежурный гофъ-медикъ

Ѳ. Ѳ. Маркусъ.

У ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

(Личныя впечатлѣнія).

УЖЕ ДАВНО собирался посѣтить какъ нибудь Льва Николаевича Толстого, но это мнѣ все какъ-то не удавалось: ѣхать къ нему въ Ясную Поляну я никакъ не удосуживался, да и не рѣшался, такъ какъ находилъ, что пріѣхать безъ зова къ незнакомому человѣку прямо въ деревню—это значило бы потребовать насильственно гостепріимства; а когда мнѣ случалось, по дорогѣ въ Питеръ, проѣзжать Москву, гдѣ я, обыкновенно, останавливался всегда дня на два на три, то всегда выходило такъ, что или Льва Николаевича не было въ Москвѣ, или я самъ никакъ не могъ удѣлить время на путешествіе къ нему въ Хамовники (гдѣ былъ его домъ), отстоящіе отъ центра Москвы верстахъ въ пяти, если не больше. Разъ, рѣшился уже было заѣхать, написалъ ему письмо, прося разрѣшить мнѣ обезпокоить его, но отвѣта не получилъ.

Заочно же я былъ знакомъ со Львомъ Николаевичемъ давно, почти 10 лѣтъ,—и это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ 1889 г. я издалъ свои народные разсказы, печатавшіеся въ различныхъ журналахъ. Книжку мою, носящую заглавіе «Люди темные», я выслалъ Льву Николаевичу въ Ясную Поляну. Въ скорости, ко мнѣ въ Оренбургъ, гдѣ я управлялъ тогда отдѣленіемъ крестьянскаго поземельнаго банка, пришелъ и отвѣтъ отъ Льва Николаевича: писала его дочь, Марья Львовна (вышедшая впослѣдствіи замужъ за князя Оболенскаго), по порученію отца, который—она сообщала—

былъ въ это время нездоровъ; она писала, что мои разсказы «очень понравились» Льву Николаевичу, и онъ желалъ бы, чтобы нѣкоторые изъ нихъ были изданы для народа существовавшею въ то время московскою книжною фирмою «Посредникъ», во главѣ которой стояли В. Г. Чертковъ (высланный впослѣдствіи изъ Россіи) и разбогатѣвшій книготорговецъ Сытинъ, и чтобы я, въ случаѣ согласія, сообщилъ о томъ г. Черткову.

Я былъ очень порадованъ этимъ добрымъ отзывомъ о моихъ народныхъ разсказахъ со стороны такого геніальнаго писателя, какъ Толстой; но, въ то же время, былъ немало и изумленъ этимъ его желаніемъ, чтобы мои разсказы были отданы Черткову... Дѣло въ томъ, что я, когда моя книжка только еще набиралась въ Петербургѣ, представилъ, для ускоренія дѣла, ея корректурные листы въ существовавшее тогда на Лиговкѣ отдѣленіе этой издательской фирмы, предлагая воспользоваться—конечно, безплатно—моими разсказами для дешевыхъ народныхъ изданій «Посредника»,—и эти корректуры, какъ я узналъ, поступили на просмотръ именно г. Черткову, жившему тогда, въ ноябрѣ 1889 года, въ Петербургѣ; затѣмъ, спустя нѣсколько дней, я зашелъ справиться и узналъ, что г. Чертковъ находитъ мои разсказы «не подходящими для народныхъ изданій «Посредника»...

Теперь, съ полученіемъ письма М. Л. Толстой, выходило совершенно непонятное для меня qui pro quo... И я рѣшилъ отвѣтить и объяснить прямо, что, съ своей стороны, совершенно согласенъ на изданіе моихъ разсказовъ «Посредникомъ», но что обращаться къ г. Черткову не рѣшаюсь, такъ какъ мои разсказы были уже у него и имъ не одобрены...

Спустя всего нѣсколько дней, получаю длинное посланіе отъ самого г. Черткова, гдѣ онъ пишетъ, что неодобреніе моихъ разсказовъ для народныхъ изданій московской фирмы есть не болѣе, какъ недоразумѣніе: что онъ, Чертковъ, не могъ прочесть ихъ, когда я представлялъ ихъ ему въ Петербургѣ, такъ какъ въ то время его жена была очень больна, что онъ очень извиняется за это «недоразумѣніе», и пр., и пр... Письмо было вообще очень любезное и заканчивалось такъ: «Да поможетъ вамъ Богъ во всѣхъ вашихъ добрыхъ и честныхъ дѣлахъ»...

Я тотчасъ же, конечно, изъявилъ еще разъ свое полное согласіе, и между мною и В. Г. Чертковымъ шла нѣкоторое время переписка, принявшая даже, въ концѣ, философско-религіозный характеръ. Лично въ то время знакомы мы не были, и я познакомился съ г. Чертковымъ лишь весною 1896 года.

Но съ моими разсказами вышла потомъ новая исторія—довольно интересная, какъ увидятъ читатели: ихъ не пропустили для отдѣльныхъ изданій ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Казани,—и цѣлый годъ у меня съ фирмою «Посредникъ» шла переписка,

но вмѣсто Черткова, уѣхавшаго съ больною женою за границу, со мною переписывался начинающій, въ то время, писатель-народникъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ. Въ мартѣ 1891 года, я, будучи переведенъ изъ Оренбурга въ Ставрополь, заѣхалъ въ Петербургъ представиться своему новому начальнику, поэту-лавреату графу Голенищеву-Кутузову, назначенному передъ этимъ управляющимъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ вмѣсто г. Картавцева; и вотъ, живя въ Питерѣ, отнесъ желаемые «Посредникомъ» разсказы въ цензурный комитетъ, прося разрѣшить издать ихъ отдѣльно. Черезъ недѣлю захожу и узнаю отъ секретаря комитета, немножко мнѣ знакомаго, что «разсказы едва ли будутъ дозволены»... что они находятся на просмотрѣ у цензора П. Отправляюсь къ нему на квартиру... Цензоръ встрѣчаетъ меня очень любезно, но заявляетъ, что мои разсказы «не могутъ быть дозволены для дешевыхъ народныхъ изданій»...

— Почему же?—съ изумленіемъ спрашиваю я.

— А вотъ почему,—отвѣчаетъ г. П.:—у васъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Дядя Гаврилычъ» выведенъ полицейскій урядникъ, не пожелавшій покрыть невольнаго вора, дядю Гаврилыча, который потомъ отъ стыда и повѣсился...

— А если вмѣсто урядника будетъ фигурировать сельскій староста,—тогда можно?

— Тогда я пропущу этотъ разсказъ.

Точно также состоялся пріятный для меня компромиссъ и съ другими разсказами. Такимъ образомъ, благодаря доступности г. цензора и его любезности, они получили надлежащую санкцію, а затѣмъ были вскорѣ и изданы названною книгоиздательскою фирмою.

Вотъ, благодаря этимъ-то разсказамъ, и завязалось у меня, 10 лѣтъ тому назадъ, заочное знакомство съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, эти сношенія стали забываться; я все собирался поблагодарить его какъ нибудь лично за оказанное вниманіе, но всѣ эти сборы откладывались въ дальній ящикъ... Потомъ, я было уже и совсѣмъ отложилъ свое намѣреніе увидѣться съ Л. Н., въ виду того, что, судя по газетамъ, его черезчуръ уже стали тормошить нежданные посѣтители не только со всѣхъ концовъ Россіи и изъ Европы, но даже изъ Америки, и я очень сожалѣлъ, что не придется, пожалуй, и совсѣмъ увидѣть этого мірового генія, этого великаго учителя земли Русской... Но въ минувшую зиму 1898—1899 гг. случилось одно обстоятельство, давшее мнѣ, наконецъ, рѣшимость посѣтить Льва Николаевича.

Въ эту зиму, мнѣ довелось бывать довольно часто въ Зимнемъ дворцѣ, у камеръ-фрейлины графини Александры Андреевны Толстой, и не только бывать, но и разбирать отчасти ея бумаги и переписку. Это была та самая графиня Толстая, которая смѣнила,

въ 1866 году, воспитательницу великой княжны Маріи Александровны А. Ѳ. Тютчеву, вышедшую замужъ за И. С. Аксакова, занявъ ея мѣсто. Въ перепискѣ графини оказались письма многихъ знаменитостей, начиная съ гр. Бисмарка и В. А. Перовскаго и кончая громкими литературными именами Русской земли—Жуковскаго, Тургенева, Гончарова и, главное, гр. Л. Н. Толстого, писемъ котораго оказалось болѣе ста. И вотъ, когда я читалъ эти увлекательныя письма Льва Николаевича, обнимающія собою пространство времени съ 1857 года—болѣе 40 лѣтъ—и дышащія, къ тому же, величайшей и столь свойственной Льву Николаевичу искренностью, у меня явилось непреодолимое желаніе увидѣть автора этихъ писемъ, литературнаго генія нашего времени. Обстоятельства сильно посодѣйствовали этому желанію: графиня Софья Андреевна, супруга Льва Николаевича, должна была въ началѣ апрѣля пріѣхать въ Петербургъ, для какихъ-то хлопотъ, и я надѣялся быть ей представленнымъ графинею Александрою Андреевной и испросить, при этомъ, разрѣшенія посѣтить ея мужа; вдругъ графиня А. А. получаетъ извѣстіе, что супруга Льва Николаевича заболѣла въ Москвѣ, и что вслѣдствіе этого самъ Л. Н. пріѣхалъ изъ Ясной Поляны въ Москву же и находится неотлучно при больной графинѣ. Затѣмъ, въ половинѣ апрѣля стало извѣстно, что гр. Софьѣ Андреевнѣ много легче, и что она на пути къ выздоровленію; а 24-го апрѣля я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга, и, такимъ образомъ, могъ разсчитывать найти Льва Николаевича въ Москвѣ.

25-го апрѣля, вечеромъ, я пріѣхалъ въ Москву, а 26-го утромъ, часовъ въ 12-ть, былъ уже въ Хамовническомъ переулкѣ, въ домѣ, на воротахъ котораго было написано, что онъ принадлежитъ «графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой».

Домъ этотъ — деревянный, двухъ-этажный, былъ выстроенъ, отступя сажени на двѣ отъ улицы, и войти въ него надо было со двора. На этомъ дворѣ росли деревья, виднѣлся какой-то каменный подвалъ, на которомъ красовалась надпись: «Складъ изданій Л. Н. Толстого»; а за дворомъ, вдали, виденъ былъ большой, тѣнистый садъ. Единственное крыльцо, которое было видно, служило, очевидно, «параднымъ» и было заперто. Я позвонилъ, и на звонокъ вышелъ шустрый, молодой лакей, объявившій мнѣ, что Льва Николаевича «нельзя теперь видѣть», «они занимаются...». Я спросилъ человѣка, нельзя ли видѣть кого нибудь изъ семейства Льва Николаевича.

— А вотъ я вызову къ вамъ г-на Ге,—отвѣчалъ онъ и ушелъ въ сосѣднюю съ передней комнату, служившую, повидимому, столовой, такъ какъ тамъ продолжался еще стукъ тарелокъ и чашекъ, и слышенъ былъ шумъ многихъ разговаривающихъ голосовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ молодой человѣкъ, въ блузѣ, средняго роста, довольно красивый блондинъ, сынъ извѣстнаго, недавно умершаго художника Н. Н. Ге, находившагося съ Львомъ Николаевичемъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Я объяснилъ г. Ге, что хотѣлъ бы повидать Льва Николаевича, что я—литераторъ, немножко знакомый ему, по перепискѣ, и что въ Москвѣ остановился всего на два дня и долженъ поскорѣе выѣхать на Кавказъ лѣчиться.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ мнѣ полушепотомъ, что Левъ Николаевичъ «не болѣе какъ ¼ часа тому назадъ позавтракалъ, отпилъ кофе и ушелъ къ себѣ заниматься»...

Затѣмъ, онъ добавилъ:—Послѣобѣденное время, отъ семи часовъ, у Льва Николаевича совершенно свободно, и тогда онъ васъ, вѣроятно, приметъ.

Съ тѣмъ я тогда и уѣхалъ, передавъ лишь г. Ге для Льва Николаевича мою книжку «Хива», въ которой былъ подробно описанъ злосчастный зимній походъ въ Хиву графа В. А. Перовскаго, въ 1839 году. Я зналъ изъ писемъ Льва Николаевича къ графинѣ Толстой, что онъ, послѣ «Войны и мира», задумавъ своихъ «Декабристовъ», сильно интересовался эпохою 20-хъ и 30-хъ годовъ въ Россіи—русскимъ обществомъ того времени, а также и замѣчательною личностью самого Перовскаго (Василія Алексѣевича), а потому и рѣшился преподнести ему эту мою книжку, годъ назадъ вышедшую и имѣвшую успѣхъ [1]). Ге обѣщалъ испол-

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, какого былъ мнѣнія Левъ Николаевичъ объ этой эпохѣ и о самомъ Перовскомъ (В. А.), побочномъ сынѣ одного изъ графовъ Разумовскихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. А. А. Толстой (въ 1878 году) онъ, между прочимъ, писалъ ей:

...«Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для петербургской поѣздки, если бы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ; желаніе это уже дошло до maximum, теперь нуженъ толчекъ... А толчка этого нѣтъ; даже скорѣе случился толчекъ обратный, въ видѣ моего нездоровья... Буду ждать. Перовскаго личность вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits,—такимъ и я его представляю себѣ; и такая фигура—одна, наполняющая картину; біографія его была бы груба; но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напримѣръ, Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное съ декабристами,—эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры, выражаетъ вполнѣ то время. Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени 20-хъ годовъ и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню—30-ые годы—уже исторія... Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты. Я испытываю чувство повара (плохого), который пришелъ на богатый рынокъ и, оглядывая всѣ эти, къ его услугамъ предлагаемыя овощи, мяса, рыбы, мечтаетъ о томъ, какой бы онъ сдѣлалъ обѣдъ!.. Такъ и я мечтаю,—хотя и знаю, какъ часто приходилось мечтать

нить мою просьбу, «какъ только Левъ Николаевичъ кончитъ писать»...

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, часу въ седьмомъ, я нанялъ извозчика изъ Газетнаго переулка, гдѣ тогда остановился, въ Хамовники, и отправился. На бѣду, извозчикъ мнѣ попался плохой, и я ѣхалъ почти часъ, а затѣмъ, къ крайнему моему неудовольствію, случился еще слѣдующій казусъ. Я приказалъ возницѣ везти меня «въ Хамовники», назвавъ вообще ту мѣстность, гдѣ находился домъ Льва Николаевича (въ Хамовническомъ переулкѣ),—и, мало зная эту часть Москвы, не могъ судить, правильно или нѣтъ онъ меня везетъ, тѣмъ болѣе, что были уже сумерки... Утромъ же, я ѣхалъ конками, а потомъ шелъ пѣшкомъ, постоянно разспрашивая, гдѣ домъ графа Толстого, и оказывалось, что всѣ, къ кому я ни обращался, отлично знали этотъ домъ и направляли меня къ нему вѣрно; а тутъ, вдругъ, вижу, подъѣзжаемъ мы къ какому-то громадному зданію, около котораго мой извозчикъ и останавливается.

— Вотъ и пріѣхали,—говоритъ онъ.

— Да куда же ты пріѣхалъ?—спрашиваю его.—Мнѣ вѣдь нужно въ Хамовническій переулокъ.

— Это казармы,—отвѣтилъ онъ:—вы меня рядили въ Хамовники; ну, вотъ эти казармы и зовутся Хамовниками...

Дѣлать было нечего: пришлось отпустить этого извозчика съ его замореною клячей и взять другого—до Хамовническаго переулка. И такимъ образомъ, вмѣсто желаемыхъ семи часовъ, я, къ величайшей досадѣ, подъѣхалъ къ дому Льва Николаевича лишь въ восемь.

На дворѣ стояла запряженная коляска и осѣдланная лошадь. Дверь параднаго крыльца оказалась на этотъ разъ открытою. Я вошелъ,—и опять пришлось ждать въ той же передней, опять явился Ге, и начались переговоры... Я сызнова долженъ былъ объяснить, кто я и зачѣмъ... Ге пошелъ на верхъ, по деревянной лѣстницѣ... Въ его отсутствіе, въ переднюю вошелъ новый гость,

---

прекрасно, а потомъ портить обѣды, или ничего не дѣлать... Ужъ какъ пережаришь рябчиковъ, потомъ ничѣмъ не поправишь. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизію, раскладывать—ужасно весело!,.

«Молюсь Богу, чтобы онъ мнѣ позволилъ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать. Но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

«Цѣлую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

«Вашъ Л. Толстой».

(Письмо это подарено мнѣ, какъ автографъ Льва Николаевича, графинею А. А. Толстой и хранится у меня).

И. З.

очень изящно одѣтый господинъ высокаго роста, съ какими-то папками въ рукахъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Ге вернулся и, указывая на лѣстницу, ведущую на верхъ, сказалъ:

— Левъ Николаевичъ васъ приметъ. Вотъ поднимитесь по этой лѣстницѣ на верхъ; тамъ васъ проведутъ...

— Пожалуйста, доложите ужъ, кстати, и обо мнѣ,—обратился къ нему новый гость.

— Извините: Левъ Николаевичъ собирается ѣхать верхомъ, а потому не успѣетъ принять и васъ,—отвѣчалъ Ге.

— Да помилуйте! — запротестовалъ гость: — я уже въ третій разъ пріѣзжаю, и вы мнѣ все отказываете...

Я оставилъ спорящихъ и поспѣшилъ подняться на верхъ. Когда я поднялся и вступилъ на площадку, то въ углу ея оказалось большое общество: нѣсколько дамъ и молодыхъ людей сидѣли около стола, на которомъ горѣла лампа. По видѣннымъ мною ранѣе портретамъ, я тотчасъ же узналъ графиню Софью Андреевну, супруга Льва Николаевича, и подошелъ къ ней... Я назвалъ себя и сказалъ, что желалъ бы видѣть Льва Николаевича.

— Надо узнать отъ Сержа [1]), можно ли его видѣть,—проговорила графиня.

Я объяснилъ, что можно, что именно г. Ге это мнѣ и сказалъ... Затѣмъ, чтобы сказать еще что нибудь, я сообщилъ, что лишь надняхъ видѣлся въ Петербургѣ съ ея уважаемой родственницей, графиней Александрой Андреевной Толстой, которая ждала ее въ Питеръ...

— А вы знакомы съ графиней Александрой Андреевной?—спросила она.

Я сказалъ, что да, знакомъ, и что графиня предлагала мнѣ даже рекомендательное письмо къ Льву Николаевичу.

Тогда графиня хозяйка послала за господиномъ Ге, а въ это время обмѣнялась со мною нѣсколькими фразами и, между прочимъ, сообщила, что ея поѣздкѣ въ Петербургъ помѣшала, вначалѣ, ея собственная болѣзнь, а затѣмъ болѣзнь ея младшей дочери Саши, крестницы графини Александры Андреевны, и внуковъ— дѣтей ея сына Ильи и Сергѣя:

— У насъ теперь внизу—цѣлый лазаретъ; а потому-то наша гостиная и находится въ этомъ маленькомъ уголкѣ,—и она показала на маленькій, дѣйствительно, уголокъ на площадкѣ, гдѣ мы сидѣли, уставленный мягкою мебелью.

Наконецъ явился Ге, и хозяйка поручила ему «проводить» меня къ Льву Николаевичу.

---

[1]) Сергѣй Львовичъ Толстой, старшій сынъ Льва Николаевича, сопутствовавшій духоборамъ при ихъ переселеніи въ Канаду. И. З.

Почти впотьмахъ—такъ какъ былъ 9-й часъ вечера—я пошелъ по какому-то неосвѣщенному коридору; потомъ я и мой провожатый вступили въ маленькія и низенькія комнаты; въ одной изъ нихъ, въ углу, горѣло нѣчто въ родѣ электрической лампочки. Ге, показавъ мнѣ рукой на сосѣднюю комнату и сказавъ въ полголоса:—Вотъ тамъ, въ той комнатѣ,—ушелъ отъ меня...

Я не рѣшился прямо-таки войти въ комнату Льва Николаевича, которая, оказалось, была его рабочимъ кабинетомъ,—и сдѣлалъ нѣсколько громкихъ шаговъ по полу. Въ это время въ дверяхъ показался самъ Левъ Николаевичъ.

— Здравствуйте! заходите сюда,—пригласилъ онъ.

Я вступилъ въ его комнату, поздоровался съ нимъ и назвалъ себя, объяснивъ, что немножко, можетъ быть, ему знакомъ. (Тутъ я, въ нѣсколькихъ словахъ, напомнилъ ему о моихъ народныхъ разсказахъ изъ книги «Люди темные»)...

— Какъ же, какъ же! я хорошо помню ваши разсказы: они мнѣ очень понравились,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

— Вотъ я собирался все поблагодарить васъ, Левъ Николаевичъ, лично, за это ваше вниманіе и лестный для меня отзывъ, сообщенный мнѣ тогда вашей дочерью, Марьей Львовной.

— Что же вы такъ долго собирались—десять лѣтъ?

— Да такъ случилось... Я, впрочемъ, разъ какъ-то написалъ вамъ — просилъ разрѣшить мнѣ посѣтить васъ, но отвѣта не получилъ.

— Ну, ужъ извините въ этомъ случаѣ меня: я рѣдко отвѣчаю на письма, — такое множество получаю ихъ со всѣхъ сторонъ... Прежде, когда мнѣ помогала одна изъ дочерей, я еще отвѣчалъ, но теперь—рѣдко: не имѣю времени...

Въ это время, вдругъ, въ самыхъ дверяхъ его маленькой комнатки-кабинета, показался тотъ самый высокій, рыжій молодой человѣкъ, котораго я оставилъ спорящимъ съ Ге, внизу, въ передней.

— Простите, Левъ Николаевичъ! я на минутку,—проговорилъ онъ...

Левъ Николаевичъ тотчасъ же пошелъ ему на встрѣчу:

— Ничего, очень радъ, — проговорилъ онъ, и повелъ вошедшаго куда-то дальше, въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ, которыми я только что проходилъ... Я лишь слышалъ, что этотъ безцеремонно вошедшій господинъ говорилъ Льву Николаевичу:

— Я художникъ М—евъ; позвольте мнѣ иллюстрировать вашу повѣсть...

Далѣе, я уже не слышалъ ихъ разговора. Потомъ я узналъ, что этотъ г. художникъ, послѣ довольно продолжительнаго спора съ Ге, внизу, видя, что Левъ Николаевичъ «принимаетъ», и узнавъ маршрутъ—по лѣстницѣ и комнатамъ,—который сообщилъ мнѣ Ге,

вышелъ изъ передней на дворъ, а потомъ вернулся, да и пошелъ самъ по той лѣстницѣ въ верхъ, по которой только что поднялся я, преодолѣвъ, затѣмъ, всѣ преграды, встрѣтившіяся на пути,—и дошелъ-таки до кабинета Льва Николаевича.

Когда я остался одинъ, то оглянулся вокругъ себя въ полутемной комнатѣ и былъ чрезвычайно пораженъ простотою обстановки этого «кабинета», въ которомъ работалъ нашъ геніальный писатель. Комната была очень небольшая, почти квадратная, не болѣе восьми аршинъ въ каждой сторонѣ и, къ тому же, очень низкая: я рукой чуть не доставалъ до потолка... Со входа налѣво, перпендикулярно къ окну, выходящему въ садъ, стоялъ самый обыкновенный письменный столъ, весь заваленный большими полулистами исписанной бумаги (Левъ Николаевичъ передѣлывалъ въ это время свое «Воскресеніе», печатавшееся въ Нивѣ [1]); а съ боку стола, подъ прессъ-папье, лежало нѣсколько розовыхъ листковъ, денежныхъ повѣстокъ московскаго почтамта—на голодающихъ крестьянъ. У стола не было кресла, а просто вѣнскій стулъ, на которомъ, очевидно, и сидѣлъ Левъ Николаевичъ во время письма. По одну сторону, противоположную отъ окна, у письменнаго стола было мягкое, обитое темною шагреневою кожей кресло, а у стѣны направо, въ самомъ углу комнаты, стояла такая же отоманка, служившая, вѣроятно, и постелью Льву Николаевичу. Затѣмъ, въ комнатѣ стояло еще нѣсколько простыхъ, вѣнскихъ стульевъ, позади письменнаго стола книжный шкапъ, сбоку, слѣва—полки съ книгами и круглый маленькій столикъ съ недопитою бутылкою сельтерской воды и стаканомъ. И на этомъ же столикѣ лежала моя книжка «Хива», которую я передалъ утромъ Ге для Льва Николаевича. Это и былъ его рабочій кабинетъ въ Москвѣ [2]).

Спустя нѣсколько минутъ, вернулся Левъ Николаевичъ.

— Да что же это мы сидимъ впотьмахъ, — сказалъ онъ:— или ничего—вамъ не нуженъ огонь?

Я отвѣчалъ, что мнѣ онъ не нуженъ:—Я васъ хорошо знаю, Левъ Николаевичъ, а вы меня вотъ тоже узнаете немножко— разъ вы были уже такъ любезны—приняли меня.

— И отлично: не надо будетъ никого звать и безпокоить. А у меня, кстати, и глаза отдохнутъ въ этихъ сумеркахъ.

— Я вамъ не помѣшалъ ли?—спросилъ я.

---

[1]) Романъ «Воскресеніе», въ его первоначальномъ видѣ, былъ минувшею зимою привезенъ въ Петербургъ, въ рукописи, однимъ хорошимъ знакомымъ Льва Николаевича, г. Стаховичемъ, для прочтенія въ салонѣ принцессы Евгеніи Максимиліановны,—и такимъ образомъ романъ сталъ извѣстенъ Петербургу ранѣе, чѣмъ Москвѣ. И. З.

[2]) Рабочій кабинетъ Льва Николаевича въ Ясной Полянѣ былъ, по описанію гр. А. А. Толстой, совсѣмъ иной и, во всякомъ случаѣ, уже болѣе похожій на «кабинетъ» писателя, чѣмъ этотъ московскій кабинетъ. И. З.

— Нѣтъ. Я, правда, собирался было проѣхаться верхомъ, но ужъ распорядился, чтобы лошадь разсѣдлали. Я всегда радъ, когда меня посѣщаютъ: эти часы у меня свободны,—проговорилъ Левъ Николаевичъ съ чрезвычайно милою и добродушною улыбкою:—усаживайтесь же.

— Только, ради Бога, не принимайте меня за любопытнаго, или, еще хуже, за газетнаго интервьюера: это было бы для меня—смѣю васъ увѣрить—черезчуръ обидно.

— Да нѣтъ же: вѣдь я хорошо помню ваши народные разсказы, и именно потому помню, что не нашелъ въ нихъ ничего фальшиваго, выдуманнаго, какъ у нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ, у N..... Вѣдь, просто, невозможно читать его безъ особеннаго удивленія... Въ одномъ своемъ разсказѣ онъ описываетъ пасхальную заутреню и говоритъ, что люди шли изъ церкви при лунномъ освѣщеніи... Онъ, выдумывая небылицы, не зналъ, между прочимъ, даже того, что свѣтло-христова заутреня всегда бываетъ въ темную ночь, то-есть, въ первую субботу послѣ на ожденія весенней луны. И сколько вообще выдуманности и неправды у N, въ этомъ его разсказѣ... А сравните-ка, напримѣръ, описаніе свѣтлой заутрени у N. и у Н. Успенскаго... Помните этотъ разговоръ между парочкой, идущей въ церковь и встрѣтившей препятствіе въ видѣ лужи или грязи... Она спрашиваетъ:

— «Сигать?» Онъ отвѣчаетъ:—«Сигайте»... И вдругъ—прыжокъ... вскрикъ: «Ухъ!» и вопросъ молодого человѣка, ея спутника: «Втесались?!»

— Я ставлю,—продолжалъ Левъ Н—ичъ,—изъ народныхъ писателей Николая Успенскаго вообще много выше превознесеннаго другого Успенскаго, Глѣба, у котораго нѣтъ ни той правды, ни той художественности, которая проходитъ во всѣхъ народныхъ разсказахъ Николая Успенскаго.

Тутъ заговорилъ я, такъ какъ предметъ былъ мнѣ очень знакомый.

— А помните, Левъ Николаевичъ, лѣтъ десять назадъ, наша тенденціозная критика прямо таки объявила, что талантъ Глѣба Успенскаго—«Гоголю равный»...

— Какъ же, помню... Немало я подивился тогда, прочтя объ этомъ открытіи.

— А вы, вѣроятно, не припомните, почему именно появились эти восторги?.. Все вѣдь вышло изъ-за нѣсколькихъ кабацизмовъ.

— Какъ вы сказали? какіе «кабацизмы»?—спросилъ съ веселою нотою въ голосѣ Левъ Н—ичъ.

— А вотъ какіе. Всѣ эти новѣйшіе писатели-народники происходятъ, по большей части, изъ семинаристовъ и, къ ихъ несчастію, изъ городскихъ семинаристовъ, т. е. ихъ отцы служили попами

и дьяконами въ городѣ, а не въ селахъ, и они, поэтому, народа совсѣмъ не знаютъ и принимаютъ за него или пьяный фабричный людъ, или же тѣ подонки, которые наполняютъ столичные кабаки и трущобы. И вотъ, усердно посѣщая эти кабаки, ради мнимаго ознакомленія съ народомъ, эти литераторы подслушиваютъ иногда мудреныя и скверныя слова, произносимыя пьяницами, запоминаютъ эти слова и возводятъ ихъ потомъ въ перлъ созданія... Такимъ образомъ появилась, если припомните, Помяловскаго «сипондряція», Глѣба Успенскаго «перекобыльство» и многая другая мерзость... Эти-то словечки я и называю **кабацизмами**. Напримѣръ, помните сцену у того же Глѣба Успенскаго между двумя пьяными братьями и матерью, состоящую, всю, изъ немногосложныхъ словъ, произносимыхъ пьянымъ, заплетающимся языкомъ однимъ изъ братьевъ, обирающимъ другого брата:—«Бррать!.. Манька!..» Критика нашихъ толстыхъ журналовъ нашла эту сцену «геніальной», а автора признала «Гоголю равнымъ».

— Не читалъ я этой сцены,—отвѣчалъ Левъ Николаевичъ:—и не помню ея. Я вообще не читалъ уже послѣднихъ вещей Глѣба Успенскаго, какъ не читаю и NN, у котораго тоже все выдумано и очень неудачно; вдобавокъ, онъ пишетъ такимъ трескучимъ и витіеватымъ слогомъ и такъ растягиваетъ свои романы и разсказы, что нѣтъ силъ читать... Вотъ, подъ вліяніемъ, должно быть, такихъ разсказовъ, которые, къ сожалѣнію, проникаютъ въ народъ, и портится его языкъ. Напримѣръ, у меня въ домѣ есть лакей. По случаю болѣзни жены приходилось, конечно, звать его довольно часто. И вотъ однажды мы видимъ въ передней, на столикѣ, листъ бумаги съ слѣдующимъ мудренымъ заголовкомъ: «Статистическое бюро звонковъ въ домѣ графа Толстого»... и затѣмъ идутъ такія же витіеватыя записи: «Во столько-то часовъ и минутъ по полуночи пронесся по дому первый разливающійся звукъ призывающаго звонка»—и такія же вычурныя фразы о второмъ звонкѣ, о третьемъ, и такъ далѣе... Цѣлый день, оказалось, записывалъ...

Въ это самое время въ кабинетъ тихо вошла графиня Софья Андреевна съ двумя зажженными свѣчами въ рукахъ.

— Что же это, господа, вы сидите въ потемкахъ? — позвольте посвѣтить вамъ,—и она поставила два подсвѣчника на письменный столъ, и затѣмъ, проговоривъ еще нѣсколько незначительныхъ фразъ, вышла.

Я получилъ возможность разсмотрѣть лицо Льва Николаевича и его самого. Въ общемъ, онъ не имѣлъ никакого сходства ни съ однимъ изъ своихъ **прежнихъ** портретовъ,—и лишь одинъ, работы московской фотографіи Шереръ и Набгольцъ, продававшійся этою зимою въ Петербургѣ, въ эстампномъ магазинѣ Аванцо, былъ очень похожъ на того Толстого, котораго я теперь видѣлъ, хотя

портретъ былъ снятъ еще въ 1896 году [1]). На немъ Левъ Николаевичъ изображенъ въ рабочей блузѣ, борода его немного раздвоенная, длинная и сѣдая; но особенно хороши на этомъ портретѣ глаза: какъ живые, выглядываютъ они изъ-подъ нависшихъ, сѣдыхъ бровей, оживляя все его задумчивое, строгое и, въ же время, милое и добродушное лицо... То же было и теперь на этомъ живомъ лицѣ генія: голубые, блестящіе, какъ у юноши, глаза придавали его старческому лицу какой-то моложавый и красивый видъ. И самъ онъ, на видъ, былъ очень бодръ и живъ. Станъ его, правда, былъ согнутъ немного (ему исполнилось, въ августѣ 1898 г., 70 лѣтъ), но цвѣтъ лица былъ совсѣмъ свѣжій, и даже эти густыя, сѣдыя брови не дѣлали его прекраснаго лица суровымъ, а только серіознымъ; это было чистое русское, милое и умное старческое лицо, съ этими его сѣдыми, вьющимися вихрами на вискахъ — изъ тѣхъ лицъ, которыя встрѣчаются иногда въ глухихъ русскихъ деревняхъ и понынѣ. Нельзя было оторвать глазъ отъ этого благороднаго и милаго лица!... Бюсты его, мною видѣнные, походили на него также очень мало.

По уходѣ графини, разговоръ нашъ возобновился вновь. Онъ начался съ того, что Левъ Николаевичъ заговорилъ о моей книжкѣ «Хива». Оказалось, къ крайнему моему изумленію, что онъ п очелъ уже болѣе половины этой книжки.

— Всю не успѣлъ еще прочесть, — заговорилъ Левъ Николаевичъ.—Меня этотъ походъ очень интересуетъ. А скажите, пожалуйста, я хотѣлъ бы знать, правда или нѣтъ, что Перовскій во время этого похода зарывалъ въ землю живьемъ молодыхъ киргизовъ-проводниковъ въ присутствіи ихъ отцовъ?.. Вы, можетъ быть, это знаете, такъ какъ для своей книги должны были прочесть очень многое объ этомъ несчастномъ походѣ.

Я отвѣчалъ, что это выдумка, что я, живя въ Оренбургѣ и разговаривая со многими участниками похода и подробно разспрашивая ихъ объ этомъ походѣ, не слышалъ ничего подобнаго; что Перовскій дѣйствительно во время бунта киргизовъ въ этомъ походѣ, когда они, получивъ деньги впередъ, еще въ Оренбургѣ, хотѣли бросить отрядъ на произволъ судьбы, въ снѣжной степи, и уйти обратно въ свои кочевья, вмѣстѣ съ верблюдами, покидавъ вьюки,— приказалъ, въ виду упорства взбунтовавшихся, разстрѣлять трехъ человѣкъ, и только такимъ образомъ спасъ отрядъ, состоящій изъ четырехъ тысячъ человѣкъ.

— Но откуда же взялся этотъ слухъ о такой ужасной жестокости?

Я объяснилъ, что этотъ «слухъ» былъ пущенъ въ русской печати впервые въ «Русскомъ Архивѣ» почтеннѣйшимъ П. И. Бартене-

---

[1]) Портретъ этотъ прилагается къ настоящей книгѣ «Историческаго Вѣстника». И. З.

вымъ, хотя ему лучше, чѣмъ кому нибудь другому, должно быть извѣстно, что Перовскій, по своему доброму, человѣколюбивому характеру (онъ былъ другомъ Жуковскаго, Плетнева, А. И. Тургенева и др.), не могъ быть способенъ на такую звѣрскую жестокость.

— Ахъ, какъ я радъ, какъ я радъ, что этого не было! — проговорилъ Левъ Николаевичъ, — я именно былъ увѣренъ, что Перовскій не могъ этого сдѣлать. А вѣдь все-таки, — сказалъ Левъ Николаевичъ послѣ небольшой паузы, — главнокомандующій онъ былъ плохой.

Я отвѣчалъ: — Это несправедливо, Левъ Николаевичъ. О Перовскомъ нельзя судить по одному зимнему походу въ Хиву, ему не удавшемуся: это все равно, напримѣръ, какъ если бы Наполеонъ въ свой первый походъ въ Египетъ потерпѣлъ пораженіе со всѣмъ своимъ отрядомъ — отъ зноя и жажды; значитъ, и о немъ бы тогда можно было говорить, что онъ «очень плохой главнокомандующій»... Вѣдь Перовскій потомъ, въ 1853 году, совершилъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ походовъ въ глубь той же Средней Азіи.

Левъ Николаевичъ внимательно меня выслушалъ. А затѣмъ разговоръ перешелъ на графиню Александру Андреевну Толстую, особу, какъ извѣстно, очень близкую къ покойному Перовскому по своему родству и дружбѣ, и съ которою Левъ Николаевичъ, какъ я уже упоминалъ, состоялъ въ перепискѣ около 40 лѣтъ. Левъ Николаевичъ спросилъ объ ея здоровьѣ, и проч.

Я отвѣчалъ, что графиня часто похварываетъ; къ нему, Льву Николаевичу, относится съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и любовью; что не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, я, увидя у Аванцо его послѣдній портретъ, поднесъ его графинѣ, и она долго всматривалась въ его черты и потомъ поставила его передъ собою, на письменномъ столѣ, въ рамку.

— Замѣчательно умная и очень добрая женщина, — замѣтилъ Левъ Николаевичъ; — только вотъ эта ея слабость — всѣхъ «обращать»...

— Мнѣ кажется, — сказалъ я на это, — что графиня, искренно вѣруя и будучи очень религіозною, искренно же и трудится на пути «обращенія»...

Затѣмъ, разговоръ перешелъ на другую тему. Я спросилъ:

— Доходятъ ли до васъ, Левъ Николаевичъ, сочиненія теперешнихъ марксистовъ? Эти вѣдь еще вреднѣе, чѣмъ псевдо-народники, «лгущіе народа ради»?...

— Конечно, — оживляясь вновь, заговорилъ Левъ Николаевичъ: — это, просто, злѣйшіе враги крестьянина, котораго они хотятъ оторвать отъ земли и пристегнуть къ фабрикѣ. Но только вотъ вопросъ: ктò же тогда доставитъ на эти ихъ излюбленныя фабрики ленъ, пеньку, шерсть, кожи и прочее?... Ктò будетъ сѣять

10*

этотъ ленъ и коноплю, и кто займется овцеводствомъ и пастьбою скота?..

Сильно возбужденный, Левъ Николаевичъ выпилъ сельтерской воды и продолжалъ:

— Какъ много теперь развелось этихъ благодѣтелей крестьянства, и всѣ воображаютъ, что спасаютъ отечество!..

— Да вѣдь что нибудь нужно же сдѣлать,—замѣтилъ я:—вѣдь лукъ натянутъ до послѣдней степени... Возьмите хоть эту минувшую зиму: положительный голодъ въ нѣсколькихъ приволжскихъ и восточныхъ губерніяхъ; затѣмъ, студенческія волненія, принявшія еще необычайные размѣры, и, наконецъ, это выселеніе въ Америку нѣсколькихъ тысячъ самыхъ трудолюбивыхъ, честныхъ и мирныхъ земледѣльцевъ-духоборовъ...

Левъ Николаевичъ быстро всталъ съ своего стула, все лицо его мгновенно оживилось и преобразилось, глаза заблистали, какъ у молодого человѣка:

. . . .
. . . .
. . . .

— Я вотъ теперь стараюсь помочь и голодающимъ, и духоборамъ, но моя помощь—капля въ морѣ...

Я сказалъ ему:—О духоборахъ я могу сообщить вамъ, Левъ Николаевичъ, интересный фактъ, слышанный прошлымъ лѣтомъ на Кавказѣ. Когда пріѣзжаетъ въ Боржомъ Государыня къ больному Наслѣднику, то ея вещи поручаютъ везти до Аббасъ-Тумана только духоборамъ, то-есть молоканамъ, на честность которыхъ можно вполнѣ полагаться, между тѣмъ какъ честность мѣстныхъ жителей — горцевъ и русскихъ переселенцевъ — оказывается сомнительною [1]).

— Стоило только,—проговорилъ Левъ Николаевичъ,—обложить ихъ вмѣсто натуральной воинской повинности, которую они отказывались исполнять, не желая убивать людей на войнѣ, обложить ихъ денежною, какъ это допускалось въ Россіи до 1871 года,— и нѣсколько тысячъ честныхъ, лучшихъ людей не ушли бы отъ насъ. Забыли даже серіозную услугу, оказанную ими Россіи еще такъ недавно, именно въ послѣднюю турецкую войну, когда они доставили на армію, находившуюся въ Малой Азіи, и нѣсколько тысячъ лошадей, и фургоны для перевозки фуража и раненыхъ.

Левъ Николаевичъ подошелъ къ книжному шкафу:

---

[1]) Спустя всего два мѣсяца послѣ этого моего разговора съ Львомъ Николаевичемъ, случилась, какъ извѣстно, кончина Наслѣдника,—и, волею неисповѣдимаго Провидѣнія, суждено было, чтобы послѣднія минуты его жизни и его послѣдній вздохъ были приняты духоборкою Анною Досаевою, которая даже смачивала водою запекшіяся уста страдальца... И. З.

— Вотъ мнѣ недавно пришлось получить изъ Швеціи коллективное письмо отъ членовъ рейхстага, профессоровъ, журналистовъ и врачей, по поводу конференціи о разоруженіи, и я уже отвѣтилъ на него. То и другое заключается вотъ здѣсь, — и онъ подалъ мнѣ брошюру, озаглавленную «Письмо изъ Швеціи по поводу конференціи о разоруженіи».

— Недавно моя племянница,—продолжалъ Левъ Николаевичъ,— была въ Кремлѣ и случайно увидѣла шеренгу новобранцевъ, обучаемыхъ вблизи какой-то казармы. И смѣшно, и больно слышать, какъ обучаютъ этихъ людей!.. Фельдфебель всячески старался объяснить имъ и подраздѣлить, за какіе именно подвиги и проступки полагается награда, а за какіе смертная казнь... А солдатики все путали,—и выходило у нихъ, что и за взятіе непріятельскаго генерала, и за неповиновеніе начальнику въ военное время— «за все полагается смертная казнь»... Фельдфебель страшно сердился и волновался:

— А за что̀ же полагается награда, дураки? — спрашивалъ онъ:—за что̀ Егорьевскій крестъ?

— Не могимъ знать,—былъ дружный отвѣтъ...

— А вотъ еще одна брошюра, на ту же тему, — проговорилъ Левъ Николаевичъ, передавая мнѣ второе письмо по тому же поводу.

Я поблагодарилъ его за оказываемое мнѣ вниманіе и постарался перемѣнить разговоръ, такъ какъ видѣлъ, что вопросъ о несчастной и злой судьбѣ духоборовъ сильно волнуетъ Льва Николаевича.

— Благодарю васъ, Левъ Николаевичъ, за все ваше вниманіе ко мнѣ. А вѣдь я вамъ лично обязанъ очень и очень многимъ, и вы даже не подозрѣваете—чѣмъ.

Левъ Николаевичъ сѣлъ, успокоился — и спросилъ, улыбаясь:

— А чѣмъ же именно вы мнѣ обязаны?—это интересно узнать.

— Позвольте мнѣ разсказать это послѣдовательно. Въ маѣ 1888 года я служилъ въ Вильнѣ предсѣдателемъ отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, и у меня произошло съ начальствомъ маленькое столкновеніе. И вотъ командируютъ ко мнѣ на ревизію члена совѣта Храповицкаго. Пріѣхалъ онъ, сталъ ревизовать и, что называется, и рветъ, и мечетъ: все не такъ, все не этакъ!.. И вдругъ, зайдя въ мой кабинетъ, который былъ рядомъ съ канцеляріей (у меня была казенная квартира при отдѣленіи), онъ увидѣлъ на стѣнѣ ваше изображеніе — извѣстную гравюру Рѣпина, гдѣ вы пашете... увидѣлъ и смягчился. Оказалось, что онъ былъ самымъ усерднымъ вашимъ поклонникомъ и послѣдователемъ. А какъ только онъ смягчился, то сталъ относиться къ дѣлу спокойно и справедливо, и все кончилось для меня благополучно.

— Какой это Храповицкій?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Новгородскій помѣщикъ, онъ уже умеръ. Его сынъ архіерей, бывшій офицеръ.

— А, знаю. Этотъ архіерей пріѣзжалъ ко мнѣ однажды, съ Гротомъ... А чѣмъ еще вы мнѣ обязаны? — спросилъ, продолжая прежній разговоръ, Левъ Николаевичъ.

— Еще вотъ чѣмъ. Покойный С. П. Боткинъ совѣтовалъ мнѣ бросить курить, говоря, что я сокращаю свой вѣкъ, а я никакъ все-таки не могъ бросить: трудно было оставить привычку, которой придерживался болѣе 25-ти лѣтъ. И вотъ, лѣтъ десять тому назадъ, я узнаю, что вы бросили курить... Мнѣ стало досадно, что вотъ вы смогли одолѣть свою привычку, а я нѣтъ,—и я рѣшилъ попробовать сдѣлать то же. И послѣ нѣкотораго колебанія одолѣлъ-таки эту привычку—и курить бросилъ. И сталъ здоровѣе. Только вотъ печень мучитъ—и изъ-за этого ѣзжу на Кавказъ.

— Бросьте еще одну привычку,—вдругъ заговорилъ душевнымъ тономъ, отъ сердца, Левъ Николаевичъ:—бросьте ѣсть мясо! Вѣдь вы, навѣрное, ѣдите мясо... Бросьте—и ваша печень пройдетъ сама собою... Вотъ я этимъ и лѣчусь; у меня тоже печень не въ порядкѣ.

Я возразилъ, что не имѣю средствъ готовить у себя на кухнѣ два стола—мясной и вегетаріанскій...

— Да, я вотъ отучилъ себя отъ двухъ дурныхъ привычекъ,— продолжалъ Левъ Николаевичъ:—отъ мяса и куренія; только вотъ отъ третьей дурной привычки—отъ чтенія газетъ—не могу еще себя вполнѣ отучить,—и изрѣдка все-таки просматриваю ихъ. Впрочемъ, дней пять уже не читалъ никакихъ газетъ.

— Значитъ, вы не знаете,—сказалъ я,—послѣдней новости: инспекторъ Кіевской семинаріи іеромонахъ Филаретъ заколотъ кинжаломъ.

Левъ Николаевичъ быстро оживился:

— Не знаю. Кѣмъ же, кѣмъ?—и лицо его приняло страдальческое выраженіе.

— Нѣкіимъ Крещенскимъ, **первымъ** ученикомъ и по наукамъ, и по поведенію въ старшемъ классѣ, — отвѣчалъ я. — Его братъ вступился за товарища, котораго умышленно «рѣзалъ» одинъ учитель на экзаменѣ... Товарища этого исключили, а равно и брата этого перваго ученика исключили же, за то, что онъ рѣшился вступиться за товарища... И вотъ они всѣ трое поѣхали по Днѣпру въ лодкѣ кататься, чтобы хоть немножко забыться отъ постигшаго ихъ горя. Узнало объ этомъ катаньи начальство—и на другой же день исключили изъ семинаріи и этого перваго ученика. Молодое и пылкое сердце юноши необыкновенныхъ способностей не могло перенести этой первой горькой несправедливости, разбившей и всю его послѣдующую жизнь, и жизнь брата, и всѣ надежды и упованія бѣдняковъ родителей... И вотъ онъ купилъ на базарѣ какой-то старый кинжалъ,—и на другой день, придя къ инспектору за увольнительнымъ билетомъ, ударилъ его этимъ кинжаломъ...

— Умеръ онъ, или нѣтъ?—волнуясь, спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Пока еще нѣтъ.

— Слава Богу!—съ чувствомъ проговорилъ онъ.—Можетъ быть, выживетъ... Вотъ новость! а?!.. И когда это напечатано? гдѣ?

— Да только дня два-три назадъ. Найдете въ «Новомъ Времени».

— Найду, непремѣнно найду!.. И удивительно, право,—продолжалъ Левъ Николаевичъ, — какъ это и религіозность не помогла въ данномъ случаѣ!.. Уже чего бы, кажется, лучше: стѣны семинаріи, кругомъ образа и монахи, спеціально религіозное образованіе,—и вдругъ, кинжалъ и убійство!..

Потомъ онъ продолжалъ:

— Меня вообще сильно удивляетъ наружная религіозность нашей молодежи... Я, напримѣръ, замѣчаю теперешнихъ студентовъ, правовѣдовъ и лицеистовъ: постоянно крестятся... идетъ мимо церкви или часовни — крестится, везутъ Иверскую икону — крестится, несутъ покойника—крестится... Вотъ и вы были офицеромъ и, конечно, помните, что и мы, бывало, крестились: войдешь въ церковь—перекрестишься, а чтобы такъ, на каждомъ шагу—этого я не понимаю, и это меня даже возмущаетъ. Что̀ это такое: ханжество или наружная вѣра?..

Послѣ нѣкотораго молчанія я сталъ говорить Льву Николаевичу:

— Вся эта «наружная», какъ вы называете, вѣра исчезаетъ въ человѣкѣ отъ перваго, иногда случайнаго и чисто внѣшняго толчка. При этомъ я разсказалъ ему случай, бывшій со мною 12 лѣтъ тому назадъ, когда я исполнялъ обязанности почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ . . . .

— Да, вы-таки много видали на своемъ вѣку, — проговорилъ Левъ Николаевичъ.

— Немало,—отвѣчалъ я:—вѣдь я еще помню всѣ ужасы крѣпостного права: въ 1861 году, когда освободили крестьянъ, я былъ уже подпоручикомъ въ стрѣлкахъ. Къ ужасу своему, я видалъ наказанія плетьми на эшафотахъ, и однажды мнѣ довелось присутствовать при прогнаніи сквозь строй...

— Вы не описали этого ужаснаго наказанія?

— Нѣтъ.

— Напрасно. Такія вещи надо печатать... Вы непремѣнно, непремѣнно это напишите,—и у васъ это, я увѣренъ, выйдетъ хорошо... Разсказъ долженъ производить самое тяжелое, страшное впечатлѣніе. Мнѣ, къ счастію, не довелось видѣть этого ужаса.

— Да вѣдь и я видѣлъ поневолѣ! я долженъ былъ «по наряду», то-есть, по приказу, присутствовать при этой страшной экзекуціи, и отказаться было не мыслимо.

Такъ какъ я зналъ изъ писемъ Льва Николаевича къ графинѣ А. А. Толстой, что онъ видѣлъ, однажды, въ Парижѣ смертную казнь (и три дня послѣ этого ничего не могъ ѣсть), то сказалъ ему:

— Мнѣ извѣстно отъ графини Александры Андреевны, что вы тоже видѣли въ Парижѣ страшную вещь– казнь на гильотинѣ...

— Да, да, видѣлъ,—и долго не могъ опомниться; не могъ ничего ѣсть... тотчасъ же уѣхалъ изъ Парижа въ Швейцарію. Это было въ 1857 году, и вотъ тогда-то я и встрѣчался съ Александрою Андреевной очень часто.

Я продолжалъ: — Смертную казнь я видѣлъ въ 1864 году, въ Минской губерніи: разстрѣляли одного польскаго шляхтича. Разсказъ этотъ будетъ напечатанъ въ этомъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ [1]), и, если позволите, я вамъ его вышлю.

— Пожалуйста; это интересуетъ меня. А что вами напечатано за послѣднее время?

Я назвалъ Льву Николаевичу нѣсколько моихъ позднѣйшихъ статей и, между прочимъ, напечатанную въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за минувшій годъ: «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году».

— Такъ вы видѣли Шамиля?

— Да, я его видѣлъ и даже представлялся ему, какъ и всѣ офицеры, пріѣзжавшіе по дѣламъ службы въ Калугу.

— Какое же онъ вообще производилъ впечатлѣніе?

— Впечатлѣніе громадной силы—и физической, и властной.

— Я служилъ на Кавказѣ—до крымской войны, при господствѣ тамъ Шамиля; но увидѣть его потомъ, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ, мнѣ не довелось,—проговорилъ Левъ Николаевичъ.

— Въ той же моей статьѣ,—продолжалъ я,—я описалъ свое путешествіе, сдѣланное шагомъ, съ транспортомъ пороха изъ Калуги въ Кузнецкъ Саратовской губерніи, по нѣсколькимъ внутреннимъ губерніямъ Россіи. Останавливался я всегда на старинныхъ постоялыхъ дворахъ,—и извозчики, чтобы укоротить путь, ѣхали иногда самыми глухими проселочными дорогами. Дѣло было почти наканунѣ освобожденія крестьянъ... Наступала самая интересная и великая эпоха, и я кое-что, болѣе интересное, записывалъ и запоминалъ тогда. Особенно интересенъ и трагиченъ былъ одинъ разсказъ извозчика на постояломъ дворѣ, и я помѣстилъ его въ эту статью «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу»; но редакція сильно испортила мнѣ этотъ разсказъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— У меня въ разсказѣ извозчикъ, повѣствуя свои бѣдствія

---

[1]) Напечатанъ въ октябрьской книжкѣ нашего журнала (1899 года).
Ред.

въ захватившую его преждевременную распутицу, говоритъ о той тоскѣ смертной, охватившей его, когда пали, надорвавшись дорогою, его лошади,—и затѣмъ прибавляетъ:... «И напала на меня вошь... И такая-то, братцы мои, напала вошь, что источила меня, ровно червь»... и т. д. И вотъ это, въ сущности глубоко скорбное мѣсто, редакція взяла да и вычеркнула...

— Не понимаю, почему это надо было исключать!—сказалъ Левъ Николаевичъ:—я иногда просто никакъ не могу обойтись безъ этихъ словъ въ своихъ народныхъ разсказахъ.

Въ это время въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ послышались чьи-то шаги, очевидно, женскіе. Можетъ быть, это была вновь графиня, его супруга... Левъ Николаевичъ прислушался къ этимъ шагамъ, но не вышелъ изъ кабинета. Было уже болѣе десяти часовъ вечера, и я сталъ прощаться и благодарить его, что онъ удѣлилъ мнѣ этотъ вечеръ, и сталъ извиняться, что такъ долго злоупотребилъ его временемъ. Онъ съ свойственною ему—по рожденію и воспитанію—деликатностью остановилъ меня:

— Напротивъ, вы мнѣ доставили большое удовольствіе, такъ какъ мы сходимся и въ эстетическихъ вкусахъ, и во многомъ другомъ... И знаете ли что?—улыбаясь, прибавилъ Левъ Николаевичъ:—какъ вы относитесь къ русской банѣ?

Я отвѣчалъ, что всякій разъ, какъ проѣзжаю черезъ Москву, нарочито посѣщаю это русское «заведеніе».

— Вотъ и прекрасно. Чтобы продлить нашу бесѣду, поѣдемте сейчасъ же въ баню. Я сегодня хотѣлъ побывать въ ней.

Мое положеніе было немного неловкое; я былъ одѣтъ, такъ сказать, въ лучшія свои одежды: нарочно принарядился въ крахмальную рубашку, бѣлый жилетъ и галстухъ и только что сшитый въ Питерѣ англійскій черный сюртукъ съ модными шелковыми отворотами; у меня не было ни своей простыни, ни своего мыла, ни мягкой рубашки, безъ чего мнѣ было бы непривычно и неудобно ѣхать въ баню. Да и семья моя—я зналъ—сильно обезпокоилась бы такимъ моимъ долгимъ отсутствіемъ...

Левъ Николаевичъ замѣтилъ, должно быть, мое колебаніе.

— Вотъ, постойте-ка, я сейчасъ пойду и узнаю, поѣдетъ ли съ нами моя компанія?

И онъ вышелъ изъ кабинета. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вернулся.

— Оказывается, одиннадцатый часъ, и «моя компанія» находитъ, что въ баню ѣхать поздно,—проговорилъ Левъ Николаевичъ.

Я сталъ прощаться—и попросилъ у него позволенія прислать ему мои народные разсказы «Люди темные», во второмъ ихъ изданіи, куда вошло восемь новыхъ, ему неизвѣстныхъ. Онъ очень любезно разрѣшилъ мнѣ это, и спросилъ: какіе именно новые разсказы? Я назвалъ ихъ и, между прочимъ, передалъ ему содержаніе одного разсказа «Что мы имѣемъ».

— Я знаю,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—одну восточную же легенду, нѣсколько схожую съ этимъ разсказомъ: какъ одинъ царь послалъ своего приближеннаго министра по провинціямъ—собирать подати съ народа. Тотъ собралъ, но, возвращаясь, проѣзжалъ черезъ провинцію, постигнутую голодомъ, и роздалъ нуждающимся въ хлѣбѣ всѣ собранныя имъ деньги. Когда онъ явился къ царю съ пустыми руками, а царь узналъ, что деньги были имъ собраны, то велѣлъ его казнить—за утаеніе или за растрату этихъ денегъ. Передъ казнію царь призвалъ его и спросилъ, куда онъ спряталъ похищенныя имъ деньги,—и министръ отвѣтилъ: я ихъ передалъ тебѣ, государь.

— Какъ мнѣ?—спросилъ изумленный царь.

— Да, тебѣ, государь,—отвѣчалъ министръ:—я роздалъ ихъ, отъ твоего имени, твоему же умирающему съ голоду народу, который и благословляетъ теперь твое имя, — и затѣмъ разсказалъ подробно: гдѣ, кому и сколько онъ роздалъ... И царь помиловалъ его.

На этомъ и окончилась въ тотъ достопамятный для меня вечеръ моя бесѣда съ Львомъ Николаевичемъ.

Уходя уже, я сказалъ ему:

— Меня много лѣтъ мучила мысль, что я умру, не видавъ васъ... Вотъ теперь и исполнилась моя мечта...

Онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку, и мы разстались [1]).

Общее впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ величайшій міровой геній, было подавляющее—по своей силѣ, и чарующее—по той деликатности, искренности и простотѣ, которыми было проникнуто каждое его слово и сужденіе—о дѣлахъ, лицахъ и предметахъ. Къ этому прибавлялось еще особое изящество въ обращеніи, соединенное съ крайнею прямотою; наконецъ, его привѣтливость и эта ласковость—и многое, многое другое, изъ чего сложился этотъ человѣкъ-геній, этотъ избранникъ свыше, «отмѣченный божественнымъ перстомъ»... Я отъ него ушелъ, какъ очарованный... Изъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ мнѣ довелось видѣть и знать въ моей долгой жизни, лишь одинъ покойный Сергѣй Петровичъ Боткинъ, по мягкости и симпатичности, подходилъ къ Толстому. Левъ Николаевичъ, видѣвшій меня въ первый разъ въ жизни, бесѣдовалъ со мною, какъ съ добрымъ знакомымъ, равнымъ себѣ, несмотря на мою скромную роль въ литературѣ, и эта бесѣда глубоко врѣзалась въ моей памяти.

---

[1]) Я привелъ здѣсь, къ сожалѣнію, не всѣ разговоры мои съ Львомъ Николаевичемъ, записанные, вкратцѣ, въ тотъ же вечеръ. Если я позволилъ себѣ, рядомъ съ мнѣніями и словами генія, привести и свои ему отвѣты и разсужденія, то сдѣлалъ это поневолѣ: иначе не было бы связи между рѣчами Льва Николаевича,—и онѣ носили бы на себѣ лишь отрывочный и мало понятный характеръ, въ особенности же, въ виду значительныхъ пропусковъ, сдѣланныхъ мною, по необходимости, въ этомъ разсказѣ. И. З.

Я лишь подосадовалъ послѣ, что не успѣлъ все-таки переговорить съ Львомъ Николаевичемъ объ очень многомъ, о чемъ думалъ говорить, когда ѣхалъ къ нему. Это всегда такъ бываетъ, когда создаешь себѣ заранѣе программу бесѣды, которая, однако, принимаетъ иногда совсѣмъ неожиданный характеръ и направленіе... Эти два слишкомъ часа, проведенные мною съ Львомъ Николаевичемъ tête-à-tête, пролетѣли какъ бы одно мгновеніе, волшебное и чудное — словно какая-то дивная сказка!..

Когда я вышелъ изъ дома на улицу, то-есть, на тотъ Долго-Хамовническій переулокъ, куда выходилъ домъ Толстыхъ, темь была страшная, и лишь гдѣ-то въ дали тускло горѣлъ керосиновый фонарь... Я дошелъ до Зубовскаго бульвара, не встрѣтивъ ни одного извозчика, и лишь тутъ мнѣ удалось нанять какого-то запоздавшаго «ваньку», который и повезъ меня мелкой рысцой по слабо освѣщеннымъ въ этихъ мѣстахъ улицамъ и закоулкамъ Москвы.

На другой день, утромъ, я взялъ съ собою книжку моихъ народныхъ разсказовъ и вновь поѣхалъ въ домъ Л. Н. Толстого, рѣшивъ не безпокоить его лично, а передать черезъ Ге.

Я такъ и сдѣлалъ. Къ счастію, я засталъ Ге никуда не отлучившимся и, передавая ему книжку для Льва Николаевича, вручилъ кстати и 25 рублей на голодающихъ крестьянъ. Я горько сожалѣлъ въ душѣ, что не могъ дать больше...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

20-го августа 1899 г.
Кисловодскъ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ.

ЭПИЗОДЪ, который я хочу разсказать, случился очень давно. Многія главныя въ немъ дѣйствующія лица ужъ не находятся въ живыхъ, самое же событіе представляетъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ. Въ 1869 году, я, молодой 22-лѣтній помѣщикъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, проживалъ въ своемъ имѣніи Кантемировкѣ. Лишившись рано отца, я вынужденъ былъ оставить военную службу и заняться, какъ старшій въ родѣ, нашими семейными дѣлами. Случилось это вскорѣ послѣ знаменательнаго дня февраля 1861 года, когда настала неотложная нужда реформировать систему сельскаго хозяйства и приспособляться къ новымъ условіямъ, что было тяжело для людей, совершенно не подготовленныхъ къ самостоятельной работѣ, не вооруженныхъ никакими знаніями. Полтавскій кадетскій корпусъ, въ которомъ я воспитывался, разумѣется, не далъ ничего для дѣйствительной жизни: никакой практической подготовки къ такому сложному дѣлу, какъ сельское хозяйство, да и въ духовномъ отношеніи мы выходили въ жизнь, не Богъ знаетъ съ какимъ запасомъ. Лучшей характеристикой тогдашняго образованія въ корпусахъ служитъ выраженіе нашего баталіоннаго командира Н. Ѳ. Дубровина, которымъ онъ пользовался при всякомъ удобномъ случаѣ: «лоботрясы, самое главное дѣло фронтъ, а наука сама дастся». И дѣйствительно, лоботрясы артистически ходили тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема, съ трескомъ и шумомъ ловко выдѣлывали ружейные пріемы, но смутно знали отечественную исторію и географію, а по части естествозна-

нія были совершенными невѣждами, ужъ не говоря о сельскомъ хозяйствѣ, которое знали только со стороны маковиковъ, буханцевъ, свиного сала, получаемыхъ въ видѣ лакомствъ въ корпусѣ нашими товарищами малороссами. Все это вспоминается въ томъ вниманіи, что начало приключившагося со мною событія застало меня за работой въ деревнѣ, когда я, несмотря на усиленныя старанія, никакъ не могъ сладить съ своими занятіями, вѣчно дѣлалъ непростительные промахи, никакъ не могъ не поддаваться разнымъ своекорыстнымъ ухищреніямъ атамана Макара Васильевича; пичкалъ свою голову разными книжными мудростями по части культуры зерновыхъ хлѣбовъ и въ концѣ концовъ крутился, какъ бѣлка въ колесѣ. Наше имѣніе было расположено въ 25 верстахъ отъ г. Славянска, Харьковской губерніи, откуда нарочный два раза въ недѣлю привозилъ почту. Эти дни были самые радостные: приходили газеты, журналы, а съ ними вмѣстѣ какъ-то расширялась самая жизнь: читая извѣстія изъ разныхъ мѣстъ земного шара, я, какъ будто, переносился за предѣлы Кантемировки съ ея однообразной, скучной жизнью и переживалъ разныя событія.

Въ одинъ изъ такихъ дней, въ числѣ корреспонденцій было письмо отъ брата Андрея, служившаго въ Казанскомъ драгунскомъ полку. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ, что 12 августа прибываетъ его величество государь императоръ Александръ II для смотра войскъ, собранныхъ въ лагерѣ подъ Чугуевымъ. Слухи о томъ, что государь будетъ въ Чугуевѣ, доходили къ намъ гораздо раньше, но никто не зналъ достовѣрно времени, когда пріѣздъ его величества состоится. Завернувшій ко мнѣ какъ-то становой приставъ подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ, что губернаторъ, князь Д. А. Крапоткинъ, сдѣлалъ распоряженіе о сводѣ лучшихъ лошадей со станцій по харьковскому тракту на ст. Харьковъ, Рогань и Чугуевъ, что онъ ихъ будетъ осматривать, что ихъ усиленно будутъ кормить и выѣзжать, а четверикъ подъ экипажъ государя на каждой станціи отъ Харькова до Чугуева набранъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ каждымъ изъ почтосодержателей лошадей. Въ деревнѣ меня окружали еще остатки крѣпостныхъ слугъ, такъ называемые бывшіе дворовые. Между ними камердинеръ отца, Левъ Леонтьевичъ Баскаковъ, обращавшійся со мной, какъ съ ребенкомъ, не иначе называлъ меня, какъ «князинька». Этотъ-то Левъ Леонтьевичъ усиленно сопротивлялся моей поѣздкѣ въ Чугуевъ, бурчалъ и выговаривалъ: «Тутъ, батюшка, молотьба, работа кипучая, а вы собираетесь все бросить, а тамъ станете жаловаться на непорядки, недосмотръ». Но особенно противилась моему отъѣзду няня, Матвѣевна, старуха, забывшая число лѣтъ, ею прожитыхъ. Какъ разъ, наканунѣ отъѣзда, она разсказала страшный сонъ увѣряя, что ничего отъ поѣздки добраго она не предвидитъ.

— Ты бы хоть напутственный молебенъ приказалъ отслужить

отцу Петру, а то небось лба не перекрестишь на дорогу,—ворчала старуха.

Нечего и говорить, что я не могъ внимать всѣмъ этимъ предостереженіямъ и, призвавъ своего любимаго кучера Ѳеодора, приказалъ ему, чѣмъ свѣтъ, быть готовымъ къ отъѣзду.

Рано утромъ, когда еще роса серебрила атаву на лугу, дрожала брильянтовыми каплями на начинавшихъ уже желтѣть листьяхъ нашего стараго сада, я садился въ тамбовскій тарантасъ, нанагруженный няней разными съѣстными припасами домашняго приготовленія.

— Ты что же, батюшка, косишься на кулечки, это и въ дорогѣ пригодится, да и Андрюшу угостишь, ему въ полку не больно сытно живется,— замѣтивъ мой недовольный взглядъ, промолвила Матвѣевна:— а ты не поѣшь, такъ Ѳедька полопаетъ, я его утробу знаю.

Ѳедькѣ было уже лѣтъ за пятьдесятъ. Но Матвѣевна звала его еще мальчишкой, которымъ, вѣроятно, онъ казался ей до сихъ поръ.

До Чугуева отъ насъ считалось 120 верстъ. Этотъ путь не представлялъ собою ничего интереснаго. Невыносимая жара, тучи пыли, слѣдовавшія за нами и иногда окутывавшія своимъ непріятнымъ покрываломъ — вотъ и все.

Дорога сначала шла проселкомъ, а затѣмъ выходила на такъ называвшійся тогда кавказскій трактъ. Приближаясь къ цѣли нашего путешествія, мы подъѣхали къ д. Малиновкѣ, расположенной вблизи лагеря пѣхотныхъ полковъ. Тутъ картина замѣтно мѣнялась: по дорогѣ попадались группы крестьянъ, одѣтыхъ по-праздничному, очевидно спѣшившихъ повидать царя-батюшку. Между Малиновкой и подгородней слободой Осиновой то и дѣло сновали верховые солдаты, а середина дороги была заставлена рогатками и представляла собою совершенно гладкую поверхность, тогда какъ по обочинкамъ былъ довольно глубокій песокъ. Повозки военнаго обоза, линейки съ офицерами и крестьянскія телѣги, подвозившія фашинникъ и мелкій камень, на случай порчи пути, тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги. Наконецъ, мы выѣхали въ сл. Осинову, расположенную у подошвы Генеральской горы, на которой пріютился гор. Чугуевъ. Его выкрашенные разноцвѣтными красками маленькіе домики смотрѣли весело; видно, что и ихъ покрасили или, какъ говорятъ хохлы, «причепурили», въ ожиданіи дорогого гостя. Чугуевъ и теперь сохранилъ видъ военнаго поселенія. Прямыя, точно по стрункѣ вытянутыя, улицы, съ однообразными строеніями, крытыми черепицей, напоминали своимъ однообразнымъ видомъ фронтъ какой либо военной части. Найти помѣщеніе въ Чугуевѣ и думать было нечего. Единственная гостиница была переполнена, да и въ частныхъ домахъ все было занято пріѣзжими,

пожелавшими видѣть государя императора. Зная это, я остановился въ Осиновой, нанявъ у крестьянина хату. Братъ мой съ товарищемъ также жилъ въ избѣ, и у него не могло быть мѣста.

Надо нѣсколько остановиться на занимаемыхъ мною апартаментахъ, такъ какъ и они сыграли нѣкоторую роль въ случившемся. Низкая безъ половъ комната освѣщалась двумя маленькими оконцами, рамы которыхъ подымались до половины вверхъ. Около одной стѣны стояло нѣчто въ родѣ наръ, замѣнившихъ мнѣ кровать, кругомъ простыя деревянныя лавки, а въ углу столъ, покрытый простою крестьянскою скатертью. Любезная хозяйка устроила изъ нѣсколькихъ подушекъ постель, и я, повидимому, устроился терпимо. Повидавшись съ братомъ, я узналъ отъ него подробности пребыванія государя императора въ Чугуевѣ. Его величество пріѣзжалъ на другой день въ два часа дня и послѣ завтрака долженъ былъ ѣхать въ лагерь смотрѣть стрѣльбу пѣхоты.

Ровно въ часъ дня, 12 августа, колокольный звонъ въ Чугуевѣ возвѣстилъ о пріѣздѣ его величества. Суета значительно усилилась на улицахъ Осиновой и на Генеральскомъ спускѣ, т. е. по той дорогѣ, гдѣ долженъ былъ проѣхать государь, появились конные и пѣшіе полицейскіе, исправники изъ сосѣднихъ уѣздовъ и вообще масса полиціи. Передъ тѣмъ, какъ государь долженъ былъ проѣхать черезъ с. Осинову, я сидѣлъ у брата, и мы занимались разными дѣловыми разговорами, такъ что совершенно не замѣтили, какъ время приближалось къ 4 часамъ. Вдругъ вбѣгаетъ со двора денщикъ и кричитъ взволнованнымъ голосомъ: «ѣдетъ», «ѣдетъ». Я схватилъ шапку съ дворянскимъ околышемъ, пенсне (надо знать, что я страшно близорукъ), и вмѣсто того, чтобы надѣть пенсне, впопыхахъ положилъ его въ карманъ и побѣжалъ избрать наблюдательный пунктъ. Дорога, по которой слѣдовалъ его величество, шла сначала по спуску Генеральской горы, затѣмъ круто поворачивала по улицѣ направо, затѣмъ другой поворотъ также направо по другой улицѣ выводилъ дорогу на мостъ черезъ рѣку Донецъ прямо къ лагерю, а за нимъ и къ стрѣльбищному полю. Я сталъ на углу второго поворота, вблизи дома, гдѣ помѣщалась канцелярія Новгородскаго драгунскаго полка; взглянувъ за уголъ, я увидѣлъ тамъ толпу людей, человѣкъ въ десять не больше, также какъ и я, желавшихъ посмотрѣть проѣздъ государя. День былъ жаркій; несмотря на четыре часа по полудни и на вторую половину августа, солнце немилосердно жгло. Около меня никого не было, я стоялъ одинъ и смотрѣлъ въ сторону, откуда долженъ былъ появиться поѣздъ.

Пришлось прождать добрыхъ четверть часа и, какъ послѣ оказалось, что ѣхавшій въ коляскѣ какой-то генералъ былъ принятъ за государя,—кто-то крикнулъ: «ѣдетъ», «ѣдетъ», и всѣ выбѣжали смотрѣть. Наконецъ, въ началѣ улицы показались одна за другой

нѣсколько четвероместныхъ колясокъ, запряженныхъ четвериками, быстро приближаясь къ мѣсту, гдѣ я находился. Такъ какъ было жарко, то я мысленно рѣшилъ снять шапку тогда, когда коляска, въ которой ѣхалъ его величество, поравняется со мною. Но только что я объ этомъ подумалъ, мимо меня пролетѣло два экипажа, а въ слѣдовавшемъ за ними третьемъ я замѣтилъ великаго князя Владиміра Александровича и тотчасъ снялъ шапку. Но уже было поздно. Какъ разъ въ этотъ моментъ между экипажами произошло замѣшательство, они какъ-то вдругъ остановились: одни не доѣзжая угольнаго дома, а другіе за угломъ. Я ровно ничего не могъ сообразить, что случилось; вышелъ за уголъ и услышалъ, что кто-то кричитъ раздраженнымъ голосомъ: «Господинъ съ краснымъ околышемъ, пожалуйте сюда». Я все-таки не понялъ, что это требованіе относится ко мнѣ. Изъ группы людей, стоявшихъ сбоку экипажа, выдѣлился еврей, весь дрожащій, и спросилъ: «мозе, мене, ваше императорское величество?». Государь крикнулъ: «нѣтъ, пошелъ вонъ, господинъ съ краснымъ околышемъ», я только тогда сообразилъ, что его величество зоветъ меня. Какъ я подошелъ къ экипажу, не помню. Въ коляскѣ сидѣлъ императоръ, рядомъ съ нимъ по лѣвую сторону наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Государь, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Отчего вы не здороваетесь, когда всѣ здороваются?

— Виноватъ, ваше императорское величество, я не замѣтилъ, когда вы изволили проѣхать,—сказалъ я въ отвѣтъ. Когда я это отвѣчалъ, то правымъ глазомъ увидѣлъ чей-то серебряный погонъ.

— Не замѣтилъ,—сказалъ государь,—возьми и отвези его на гауптвахту.

Слова государя относились къ стоявшему сзади меня дежурному флигель-адъютанту, полковнику Арапову, который движеніемъ руки пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Экипажъ государя и другіе направились дальше. Мнѣ же полковникъ Араповъ предложилъ сѣсть въ его коляску и, помѣстившись рядомъ со мной, приказалъ кучеру ѣхать въ Чугуевъ на гауптвахту. Не могу описать того нравственнаго состоянія, въ которомъ я находился. Я никакъ не могъ уяснить себѣ, какъ это случилось. Чувство стыда и какой-то жгучей нравственной боли и страха за будущее охватили все мое существо, и я сидѣлъ, какъ истуканъ, мало даже обращая вниманія на моего спутника. Лошади несли нашъ экипажъ по городу; встрѣчавшіеся прохожіе изумленно останавливались, разсматривая необычную картину: какого-то штатскаго въ полувоенной фуражкѣ и сидѣвшаго съ нимъ въ экипажѣ, рядомъ, блестящаго офицера. Экипажъ остановился около большого зданія, которое тогда называлось дворцомъ, а теперь помѣщается военное училище. Полковникъ Араповъ вышелъ изъ коляски и, обращаясь къ дежурному по караулу, приказалъ принять арестованнаго по высочайшему повелѣнію.

Меня ввели въ подвальное помѣщеніе со сводами, довольно высокое, скудно освѣщамое двумя продолговатыми окнами, находившимися почти подъ самымъ потолкомъ. Къ дверямъ этой комнаты было приставлено два улана съ саблями наголо. Вслѣдъ за мною вошелъ и полковникъ Араповъ.

— Какъ ваша фамилія? Какъ васъ зовутъ? — спросилъ онъ.

— Князь Шаховской.

— Гдѣ вы живете, откуда вы?—продолжался допросъ.

Я отвѣтилъ.

— Отчего вы не поздоровались съ его величествомъ, въ то время, когда другіе кричали «ура» и отдавали честь государю?

— Полковникъ, я совершенно близорукъ. На мою бѣду пенсне, которое я ношу, впопыхахъ положилъ въ карманъ и забылъ надѣть. Могу васъ увѣрить, что «ура» никто не кричалъ, что же дѣлалось за угломъ того зданія, гдѣ я стоялъ, нельзя было видѣть. Вотъ почему я не замѣтилъ, какъ прослѣдовалъ его величество. Вѣрьте мнѣ, что никакой скрытой мысли въ моемъ поступкѣ не было, да и трудно ее предположить, такъ была бы безумно безсмысленна выходка, еслибы носила она преднамѣренный характеръ. Прошу васъ, какъ особой милости, засвидѣтельствуйте передъ его величествомъ искренность моего глубокого почитанія особы государя, и да проститъ онъ мнѣ несчастную случайность.

— Все это прекрасно,—замѣтилъ мнѣ полковникъ Араповъ: — но жаль, что вы на вопросъ его величества отвѣтили, что вы не отдали чести потому, что его не знаете.

Это замѣчаніе окончательно уничтожило меня. Я самъ хорошо не помнилъ, что я сказалъ государю въ отвѣтъ на его вопросъ, но мнѣ казалось, что, какъ бы я ни смутился, все же не могъ отвѣтить такой глупости, почему началъ увѣрять полковника, что ничего подобнаго сказано мною не было.

— Позвольте мнѣ вѣрить больше тому, что я слышалъ, стоя сзади васъ, чѣмъ теперешнимъ вашимъ разсказамъ, — возразилъ онъ.—Васъ позоветъ начальникъ Третьяго Отдѣленія, графъ Шуваловъ,—и съ этими словами полковникъ быстро вышелъ изъ арестнаго помѣщенія. Графъ П. А. Шуваловъ всегда сопровождалъ его величество въ путешествіяхъ, въ качествѣ начальника походной квартиры. Оставшись одинъ и мысленно обсуждая только что услышанныя отъ полковника Арапова слова, я пришелъ въ положительное отчаяніе. Неужели же я такъ растерялся, что могъ отвѣтить прямо глупою фразою: «Не знаю государя, потому и не кланяюсь». Въ розсказняхъ объ этомъ случаѣ, наполнившихъ, съ быстротой молніи, все общество и всѣхъ живущихъ въ Чугуевѣ, передавали мой отвѣтъ такъ: «Не знакомъ съ вашимъ величествомъ и не кланяюсь»... Предупрежденіе, что меня потребуетъ къ допросу начальникъ Третьяго Отдѣленія еще болѣе вол-

новало меня. Значитъ я совершилъ какой-то ужасный поступокъ, если понадобилось разслѣдованіе Третьяго Отдѣленія, о которомъ еще въ корпусѣ ходили самые страшные толки, можетъ быть, во многомъ созданные досужей фантазіей, но во всякомъ разѣ, въ данномъ случаѣ ничего хорошаго для меня не предвѣщавшіе. Дѣло въ томъ, что я воспитывался въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ въ періодъ украиноманіи. Хотя я былъ очень молодъ, но и тогда мнѣ казались смѣшными проповѣди объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи. Проповѣди, несмотря на кругомъ замкнутыя двери кадетской жизни, проникали въ нашу среду, въ особенности въ старшіе классы. Мнѣ живо и теперь вспоминаются нѣмцы колонисты, жившіе вблизи Полтавы и разгуливавшіе по городу въ смазныхъ сапогахъ, расшитыхъ малороссійскими узорами рубахахъ съ разноцвѣтными «стежками» у ворота. Помню я и оригинальные вечера у мѣстной аристократки Е. И. М—ичъ, гдѣ самымъ изысканнымъ лакомствомъ считались лѣсовые орѣхи и подсолнечныя сѣмена. Этотъ дессертъ разносили гостямъ горничныя въ малороссійскихъ рубахахъ и плахтахъ, съ босыми ногами, предлагая его изъ бѣлыхъ передниковъ, съ такимъ присловіемъ: «ижте, будьте ласкови». Эта-то М—ичъ, въ концѣ концовъ, была вытребована въ Третье Отдѣленіе и, возвратясь изъ Петербурга, разсказывала въ городѣ ужасныя вещи о разныхъ мѣрахъ, какія принимаются тамъ противъ государственныхъ преступниковъ, каковымъ она себя несомнѣнно считала. Впослѣдствіи изъ указаній негласной исторіи малороссійскаго движенія стало извѣстнымъ, что съ М—вичъ въ Третьемъ Отдѣленіи ничего особенно страшнаго не произошло; она отдѣлалась довольно распространенной тогда мѣрой родительскаго внушенія. Но я отклонился отъ главной темы моего разсказа. Напоминаніе о Третьемъ Отдѣленіи не переставало меня безпокоить. Я усиленно ходилъ изъ угла въ уголъ, нервно прислушиваясь ко всякому движенію и шуму за дверью мѣста моего заточенія. Время тянулось ужасно медленно, тоска, соединенная съ страхомъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ, подавляла меня, какъ-то отнимала всякое соображеніе. Но вотъ дверь отворилась, и въ комнату для арестованныхъ вошелъ дежурный по карауламъ, оказавшійся моимъ однополчаниномъ по Кіевскому гусарскому полку, и, не глядя на меня, приказалъ провести арестованнаго къ графу Шувалову. Я растерялся окончательно. Вышелъ изъ комнаты; впереди меня шелъ уланъ съ обнаженной саблей, сзади также уланъ, я въ серединѣ, забывъ на этотъ разъ свою злополучную шапку. Шествіе наше направилось по панели вдоль дворца, къ другому сосѣднему зданію, также называвшемуся дворцомъ, гдѣ, по дорогѣ, мы встрѣтили генерала, высокаго, стройнаго, съ весьма привѣтливой улыбкой.

Когда мы поровнялись, генералъ, это и былъ П. А. Шуваловъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы князь Шаховской? Что такое съ вами случилось?

Я разсказалъ, какъ смогъ, всю происшедшую исторію.

— Я вижу, вы очень взволнованы, — сказалъ графъ. — Гдѣ ваша шапка?

Я только тогда замѣтилъ, что вышелъ изъ гауптвахты безъ нея.

— Государь нашъ такъ добръ, что извинитъ вамъ вашу неловкость. Изъ какихъ вы Шаховскихъ?

Я объяснилъ.

— Идите на гауптвахту, а я по возвращеніи его величества доложу о васъ.

Такія успокоительныя слова грознаго, какъ мнѣ представлялось, графа П. А. значительно ободрили меня, и я возвратился въ мѣсто своего заточенія совершенно въ иномъ расположеніи духа. Вскорѣ во дворецъ, гдѣ долженъ былъ обѣдать государь, начали съѣзжаться генералы и штабъ-офицеры, при чемъ большинство изъ нихъ изъ любопытства не преминули зайти на гауптвахту посмотрѣть на государственнаго преступника. Зашелъ и князь Д. А. Крапоткинъ, харьковскій губернаторъ; его провели ко мнѣ, съ разрѣшенія дежурнаго по карауламъ. Онъ весьма внимательно разспросилъ меня, какъ все случилось, что я отвѣчалъ государю, обѣщая поговорить обо мнѣ съ графомъ Шуваловымъ.

— Не хорошо одно, что вы такъ необдуманно отвѣтили, что не знаете государя. Какъ вы, бывшій военный, можете не знать его величества?

Я началъ усиленно доказывать, что ничего подобнаго не говорилъ, но мои увѣренія, какъ я замѣтилъ, мало дѣйствовали. И онъ со словами: «такъ доложено государю», вышелъ отъ меня. Между тѣмъ на верху слышался оживленный говоръ и шумъ отъ шаговъ. Но вдругъ все смолкло, послышались звуки мѣднаго оркестра, игравшаго встрѣчу, я понялъ, что пріѣхалъ государь. Обѣдъ длился довольно долго. На гауптвахтѣ пробили повѣстку на молитву, а затѣмъ и зарю, когда крики «ура» возвѣстили, что государь уѣхалъ въ свой дворецъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ ко мнѣ вошелъ полковникъ Араповъ и объявилъ, что, согласно ходатайству графа Шувалова, его величество оказалъ мнѣ милость и приказалъ меня тотчасъ освободить изъ-подъ ареста. Но тутъ оказалось маленькое препятствіе, задержавшее меня лишній часъ въ негостепріимномъ пріютѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ зари арестованные не освобождаются. Я настаивалъ, что освобожденъ по высочайшему повелѣнію, и что таковое должно быть приведено въ исполненіе немедленно, невзирая ни на какіе законы. Видя мою настойчивость, дежурный по карауламъ, по командѣ, доложилъ, какъ быть въ данномъ случаѣ, и получилъ приказъ дать мнѣ тотчасъ свободу. Этимъ далеко не кончились мои злоключенія, какъ послѣдствія разсказаннаго случая.

Выйдя изъ гауптвахты, я нанялъ извозчика и отправился въ Осинову. Тамъ для офицеровъ расположенныхъ въ окрестностяхъ Чугуева полковъ въ одномъ изъ обывательскихъ домовъ было устроено нѣчто въ родѣ ресторана, куда я заѣхалъ перекусить, такъ какъ съ утра почти не ѣлъ. Тѣсныя помѣщенія, наполненныя дымомъ, висѣвшимъ непроницаемой пеленой въ воздухѣ, закрывали присутствующую компанію, преимущественно молодежи. Когда я вошелъ, меня сразу не признали, а затѣмъ удивленно смотрѣли на меня, точно на выходца съ того свѣта. Оно и понятно. Вездѣ были распространены самыя нелѣпыя версіи о случившемся со мною. Въ чемъ не было разнорѣчій, такъ въ томъ, что я несомнѣнно «соціалистъ». Тогда это слово только что появилось въ разговорномъ языкѣ, при характеристикѣ тѣхъ людей, которые были изобличены или подозрѣваемы въ противодѣйствіяхъ разными способами власти. Соціалистомъ въ уѣздныхъ захолустьяхъ называли даже и тѣхъ, кто неуважительно отзывался объ исправникѣ, критически относился къ дѣйствіямъ губернатора и т. д. Къ этой кличкѣ, по отношенію ко мнѣ, въ видѣ подтвержденій приводились самыя неправдоподобныя подробности случая неотданія чести государю, носившія чисто фантастическій характеръ. Но объ этомъ послѣ.

Въ числѣ сидѣвшихъ въ ресторанѣ былъ и мой братъ. Онъ и другіе знакомые бросились ко мнѣ, начали разспрашивать и какъ-то недовѣрчиво отнеслись къ моему появленію. Но когда я разсказалъ, какъ на самомъ дѣлѣ все случилось, каждому стало понятно, что мое освобожденіе изъ-подъ ареста совершенно естественно. Начались долгіе нескончаемые разговоры, съ дополненіемъ шампанскаго, затянувшіеся почти до разсвѣта, и затѣмъ мы разошлись по домамъ. Мой кучеръ Ѳедоръ, когда я подходилъ къ дому, сидѣлъ на заваленкѣ и, увидѣвъ меня, такъ испуганно посмотрѣлъ на меня, что не заговори я съ нимъ сейчасъ, онъ навѣрно принялъ бы меня за дьявольское навожденіе.

— Что съ тобой?—это я.

— Съ нами крестная сила, — и онъ сдѣлалъ крестное знаменіе, — а намъ сказали, что васъ государь - батюшка въ Сибирь услалъ.

Я не сталъ съ нимъ разговаривать и скорѣе легъ въ постель и точно оцепѣнѣлъ подъ вліяніемъ и пережитаго нервнаго возбужденія, отчасти и выпитаго вина. Сонъ былъ настолько тревоженъ, что на смѣну однихъ фантастическихъ сновидѣній, связанныхъ съ случившимся со мною, наступали другія, и подъ утро мнѣ пригрезилось, что я обвиненъ въ какомъ-то тяжкомъ государственномъ преступленіи, и меня разстрѣливаютъ. Подъ впечатлѣніемъ этого сновидѣнія я вскочилъ съ постели. Изба, въ которой я жилъ, ходила, что называется ходуномъ. Стекла дрожали и звенѣли, а кру-

томъ раздавались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Это происходили маневры. Я подошелъ, какъ былъ въ постелѣ, подвинулъ нижнюю часть рамы въ вверхъ, толкнулъ ставню и высунулъ голову въ окно. Въ этотъ самый моментъ государь съ свитой галопомъ, на красивомъ сѣромъ конѣ, проѣзжалъ по улицѣ. Сообразивъ въ одинъ мигъ неприличіе моего костюма, я быстро отбросился назадъ, но этимъ движеніемъ задѣлъ поднятую раму, которая, опустившись, придавила мою шею, а стекла полетѣли вдребезги. Я замеръ въ этой комической позѣ. И только тогда пришелъ въ себя, когда государь и свита быстро проѣхали, не замѣтивъ, разумѣется, случившагося со мною. Мнѣ же въ эти нѣсколько секундъ рисовалась картина новаго заточенія, если не чего либо худшаго. Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ событій, я рѣшилъ уѣхать домой. Распростившись съ братомъ, я усѣлся въ тарантасъ, велѣлъ на всякій случай закрыть верхъ, съ цѣлью укрыться отъ любопытныхъ взоровъ, и мысленно благословлялъ небо, когда передо мною открылась широкая привольная степь, по которой извивалась лентой сѣрая пыльная дорога. Уже вечерѣло, когда я подъѣхалъ къ почтовой станціи Волоховъ-Яръ. Отправивъ кучера съ лошадьми на заѣзжій дворъ, я вошелъ на станцію съ цѣлью напиться чаю и затѣмъ продолжать путь на почтовыхъ. Въ коридорѣ было темно, а изъ комнаты для проѣзжающихъ виденъ былъ свѣтъ, сквозь неплотно прикрытую дверь. Женщина, бывшая въ коридорѣ, пригласила меня войти въ эту комнату, предваряя, что самоваръ будетъ сейчасъ поданъ. Проѣзжій, находившійся въ комнатѣ, былъ офицеръ пѣхотнаго полка, онъ любезно предложилъ мнѣ, не хочу ли я пить чай вмѣстѣ съ нимъ, на что я охотно согласился.

— Вы откуда ѣдете?—спросилъ меня мой знакомый.

— Изъ Чугуева.

— А вы?—въ свою очередь обратился я къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

— Тоже изъ Чугуева,—отвѣтилъ офицеръ.—Вы слышали тамъ непріятную исторію съ княземъ Шаховскимъ? — продолжалъ онъ.

— Слышать-то слышалъ, — отвѣчалъ я,—но ее такъ разнообразно разсказываютъ, что я не знаю, какому разсказу дать вѣру.

Собесѣдникъ мой видимо оживился.

— Я адъютантъ генерала Радецкаго, сегодня передъ отъѣздомъ у него завтракалъ и тамъ изъ первыхъ и достовѣрныхъ источниковъ знаю всѣ подробности этого возмутительнаго случая.

Въ глазахъ его засверкали возмущающія его состояніе искорки, и онъ съ полнымъ убѣжденіемъ во всемъ томъ, что онъ говорилъ, изложилъ свой разсказъ.

Его величество въ коляскѣ съ государемъ наслѣдникомъ отправлялся смотрѣть стрѣльбу. Проѣзжая по предмѣстью Осиновой, какъ

разъ на углу, гдѣ помѣщается канцелярія Новгородскаго драгунскаго полка, стоялъ князь Шаховской, а невдалекѣ за другимъ угломъ этого дома толпа народа, привѣтствовавшая государя восторженными кликами. Князь Шаховской въ упоръ смотрѣлъ на его величество и явно преднамѣренно не отдавалъ ему чести. Тогда императоръ приказалъ остановить экипажъ, подозвалъ къ себѣ князя Шаховского и спросилъ: «Отчего вы не здороваетесь, когда всѣ здороваются?» На это князь Шаховской отвѣтилъ: «Съ 19 февраля 1861 года я не желаю съ вами кланяться». Каковъ господинъ?—и онъ началъ прикладывать къ моей фамиліи нелестные эпитеты.

— Но что же дальше, что же сталось съ этимъ безумнымъ человѣкомъ?—перебилъ я, удерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— Сегодня съ двумя жандармами его отправили въ Петропавловскую крѣпость.

Словоохотливый разсказчикъ началъ было дополнять свое или чужое измышленіе разными характеристиками, но я его вновь остановилъ вопросомъ:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

— Ш—скій, адъютантъ генерала Радецкаго. А ваша?—спросилъ онъ меня.

— Князь Шаховской.

— Вы братъ того, о которомъ я только что разсказывалъ?—смущенно спросилъ меня Ш—скій.

— Нѣтъ, тотъ самый, котораго вы изволили сослать въ Петропавловскую крѣпость, который ничего подобнаго, о чемъ вы разсказываете, государю не говорилъ, а самое происшествіе имѣло характеръ только несчастной случайности,—и я ему передалъ, какъ на самомъ дѣлѣ было. Ш—скій видимо сконфузился, началъ извиняться, замѣтивъ: — вотъ извольте вѣрить разсказамъ, мною слышаннымъ.

— Тѣмъ болѣе, какъ вы, начиная свое повѣствованіе, предварили, что основаніемъ ихъ служатъ самые достовѣрные и первые источники.

Мы мирно разстались, и я поѣхалъ домой. Тамъ уже знали всѣ о случившемся со мною, но знали по весьма разнообразнымъ версіямъ, далекимъ отъ правды, которыхъ, разумѣется, передавать не буду. Три года послѣ того я состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ. Долго нельзя было назвать своей фамиліи, чтобы не послѣдовалъ затѣмъ вопросъ: «Вы не тотъ ли князь Шаховской, который не отдалъ чести государю?»

Князь Михаилъ Шаховской.

БУНТЪ НА ДОНУ ВЪ 1862—1863 ГОДАХЪ.

Въ началѣ 1859 года, въ распоряженіе наказнаго атамана Донского войска М. Г. Хомутова былъ командированъ генералъ-майоръ князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, который вскорѣ затѣмъ и прибылъ въ Новочеркасскъ. Спустя не много в емени, пріѣхало туда же и его семейство: жена—княгиня Надежда Андреевна и два малолѣтнихъ сына: Михаилъ и Николай. Умный, всегда и для всѣхъ доступный, красивый, молодой (39 лѣтъ), простой, деликатный, разговорчивый, князь скоро обворожилъ всѣхъ, начиная отъ представителей тогдашняго новочеркасскаго общества и кончая послѣднимъ чиновникомъ. Атаманъ Хомутовъ и жена его, привыкшіе къ полнѣйшему самовластію и имѣвшіе опредѣленный, довольно тѣсный, кружокъ приближенныхъ, какъ-то замкнулись въ то время у себя дома; такъ какъ оба были уже довольно стары, а потому, естественно, что къ новому лицу бросилось все, что было молодого и не состояло въ числѣ атаманскихъ приближенныхъ. Такое положеніе вещей не могло не вызвать скораго охлажденія между старымъ и новымъ «дворами», и въ этомъ кроется первоначальная причина тѣхъ явленій, о которыхъ я скажу въ этой замѣткѣ. Начальникомъ штаба войска Донского въ тѣ поры былъ генералъ В. И. Андріановъ, скончавшійся въ маѣ того же 1859 года, и князь Дондуковъ назначенъ былъ «исправляющимъ» эту должность. Популярность Дондукова росла въ мѣстномъ обществѣ постольку, поскольку падалъ престижъ стараго «двора», хотя всѣ, отъ мала до велика, не могли не признавать Хомутова за крупнаго дѣятеля, много и съ большою пользою потрудившагося для Донского края. Много было перебѣж-

чиковъ изъ одного лагеря въ другой, много было и такихъ, которые, стараясь балансировать, казались «преданными» и тамъ, и здѣсь. Старуха Хомутова, обращаясь къ послѣднему разряду «преданныхъ», иногда спрашивала язвительно: «какъ проводите время? Давно ли были въ кибиткѣ?» Такой ясный намекъ на калмыцкое происхожденіе князя Дондукова не могъ не быть извѣстнымъ въ его домѣ. Но къ чести Александра Михаиловича слѣдуетъ сказать, что ни онъ, ни жена его, не только не отвѣчали тѣмъ же по адресу Хомутовыхъ, но даже останавливали тѣхъ изъ мѣстной молодежи, которые позволяли себѣ, въ ихъ присутствіи неодобрительно относиться къ деспотическимъ выходкамъ старика атамана или его жены. «Когда мы съ вами, господа, часто провозглашалъ Дондуковъ, доживемъ до ихъ лѣтъ, то, повѣрьте, въ десять разъ будемъ хуже ихъ». Не нравились старику Хомутову и поѣздки Дондукова по Донскому краю съ цѣлью ревизіи при пріемѣ малолѣтковъ на службу, поѣздки, сопровождавшіяся обнаруженіемъ взяточничества и другихъ противозаконій, производимыхъ окружными генералами и медицинскими чинами. Всѣ такія донесенія князя, а также нестѣсняемость послѣдняго по дѣламъ знаменитой Ольгинской дамбы, постройки собора въ Невочеркасскѣ и о многомъ другомъ, о чемъ онъ громко трактовалъ въ обществѣ, Хомутовъ принималъ прямо на свой счетъ, и въ душѣ его день ото дня увеличивалась къ Дондукову непріязнь, которую онъ, какъ человѣкъ умный и политичный, скрывалъ до болѣе благопріятнаго случая. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до весны слѣдующаго 1860 года, когда Хомутовъ испросилъ себѣ разрѣшеніе на поѣздку въ Іерусалимъ. Кому же должна быть передана на это время атаманская должность? По закону—начальнику штаба, но Дондуковъ былъ только «исправляющимъ» эту должность, а потому Хомутовъ, которому, по вышеизложеннымъ причинамъ, не хотѣлось утвержденія князя Дондукова въ этомъ званіи, представилъ старѣйшаго изъ донскихъ генераловъ—П. С. Хрещатицкаго къ исправленію должности наказнаго атамана. Дондуковъ, узнавъ объ этомъ, немедленно послалъ въ Петербургъ прошеніе объ отставкѣ. Всѣ, не исключая и Хомутова, съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта изъ столицы. Очень скоро послѣдовало такое рѣшеніе вопроса: Дондуковъ утвержденъ въ должности начальника штаба, а потому и получилъ полное право исправлять атаманскую обязанность на все время отсутствія Хомутова. Такимъ образомъ кибитка побѣдила, и старикъ-атаманъ, скрѣпивъ сердце, отправился на поклоненіе. Прошло почти полтора года. Вдругъ, безъ всякаго представленія со стороны Хомутова, Дондуковъ производится въ генералъ-адъютанты. Всѣмъ стало до очевидности ясно, что дни Михаила Григорьевича сочтены, и что въ скоромъ времени атаманскую насѣку возьметъ въ руки князь Дондуковъ-Корсаковъ. Непріязнь между «дво-

рами», слѣдовательно, еще болѣе увеличилась, а тутъ новыя вѣянія, обусловленныя освобожденіемъ крестьянъ, серіозные безпорядки въ двухъ большихъ крестьянскихъ поселеніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ (слобода Орѣхова Усть-Медвѣдицкаго округа) князь Дондуковъ доказалъ, что онъ не только хорошій администраторъ, но и большой знатокъ простого народа,—все это давало знать Хомутову, что онъ—мѣхъ старый и новое вино ему уже не подъ силу, что пора убираться. Не за горами былъ и хорошій предлогъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1862 года, старику предстояло праздновать 50-лѣтній юбилей своей офицерской службы. Въ это время въ Петербургѣ осуществилась мысль, надо думать, навѣянная освободительными тенденціями тогдашнихъ правящихъ сферъ. Отъ раскрѣпощенія крестьянъ недалеко и раскрѣпощеніе казачьяго сословія, по рожденію своему обязаннаго нести 25-лѣтнія тягости военной службы на свой собственный счетъ. И появился въ военномъ министерствѣ проектъ о такъ названныхъ «гражданскихъ» казакахъ, котораго я никогда не читалъ, но слышалъ отъ другихъ, что онъ заключалъ въ себѣ предположеніе значительную часть казачьяго сословія, чуть ли не половину, обратить въ «гражданское» состояніе, т. е. предоставить ее самой себѣ, или, вѣрнѣе, своему домашнему очагу. Не могу припомнить, когда именно этотъ проектъ присланъ изъ Петербурга на заключеніе войскового начальства; знаю только, что въ началѣ 1862 года въ Новорчекасскѣ уже громко трактовали объ ожидаемомъ нарушеніи казачьихъ привилегій. Общество донское разбилось тогда на двѣ неравныя партіи: первая, многочисленная, состояла изъ «казакомановъ», т. е. охранителей казачьяго statu quo, къ которой примкнула и молодая интеллигенція. Не имѣя, по молодости лѣтъ, опыта, мы думали тогда, что обязательность казачьей службы на свой счетъ есть привилегія, уничтоженіе которой — не что иное, какъ попраніе историческихъ правъ народа, а потому въ «Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» съ яростью защищали это крѣпостное состояніе отъ всевозможныхъ на него нападокъ второй, менѣе численной, партіи, которая стояла за казачье раскрѣпощеніе и за уничтоженіе «китайской стѣны», охранявшей донское войско отъ вторженія туда иногороднаго элемента. Проектъ о «гражданскихъ казакахъ» вызвалъ необыкновенный гвалтъ въ средѣ «казакомановъ», съ мнѣніемъ которыхъ согласенъ былъ и князь Дондуковъ. Слышно было, что и въ станицахъ «загалдѣли» отъ однихъ только слуховъ о готовящемся преобразованіи, т. е. объ обращеніи казаковъ въ «мужиковъ». Такъ тянулось до іюля 1862 года, когда Хомутовъ отправился въ Петербургъ праздновать свой юбилей, не успѣвъ сообщить правительству свое мнѣніе о проектѣ. Вскорѣ послѣ его отъѣзда князь Дондуковъ, исправляя должность атамана, сообщилъ въ военное министерство, что проектъ о «гражданскихъ»

казакахъ встрѣченъ на Дону очень непривѣтливо, что обращеніе его въ законъ угрожаетъ большими непріятностями, что и теперь уже получаются тревожныя извѣстія изъ станицъ, гдѣ на проектъ смотрятъ, какъ на нарушеніе казачьихъ правъ и привилегій, постоянно подтверждаемыхъ россійскими императорами при вступленіи ихъ на престолъ; что имъ, княземъ, приняты мѣры къ тому, чтобы донское населеніе успокоилось и съ надеждой на правительство ожидало благопріятныхъ результатовъ. Въ такомъ же смыслѣ говорила и мѣстная печать, гдѣ «казакоманы» спорили съ противною стороною до слезъ, какъ въ стихахъ, такъ особенно рѣзко въ прозѣ. Отвѣтъ Дондукова, полученный въ Петербургѣ еще до увольненія Хомутова отъ должности, надо думать, былъ данъ на его заключеніе. У старика, какъ извѣстно, были «старые счеты» съ княземъ, а потому онъ и поспѣшилъ наложить руку на этотъ отвѣтъ, выставивъ его, какъ интригу противъ министерства, какъ угрозу правительству бунтомъ въ такомъ краѣ, который искони приверженъ къ Россіи и дѣтски послушенъ велѣніямъ ея вѣнценосцевъ. И дѣло князя Дондукова пошатнулось. Въ день 50-лѣтняго юбилея Хомутовъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта съ увольненіемъ отъ должности наказнаго атамана, а на его мѣсто вскорѣ назначенъ престарѣлый герой Отечественной войны и Кавказа Павелъ Христофоровичъ Граббе, имѣвшій въ ту пору болѣе 70 лѣтъ отъ роду. Очень интересовались знать, въ какія отношенія станетъ новый атаманъ къ начальнику штаба, и какъ онъ выскажется по поводу проекта министерства. Все это скоро обнаружилось. Граббе, съ первыхъ же дней свиданія со своимъ помощникомъ, не могъ противостоять чарамъ Дондукова и вскорѣ сталъ смотрѣть на дѣла его глазами. Это не могло ускользнуть отъ вниманія петербургскихъ правящихъ сферъ, а появившаяся въ Новочеркасскѣ остроумная карикатура покойнаго князя Д. Г. Голицына, женатаго на внучкѣ графа М. И. Платова, карикатура, изображавшая престарѣлаго атамана мухою, а князя Дондукова паукомъ, дѣятельно оплетающимъ ее паутиною,—ходила по рукамъ въ домахъ высшаго общества, въ которомъ было много пріѣзжихъ изъ Петербурга. Подбавило масла въ огонь еще слѣдующее обстоятельство. Въ промежуткѣ времени между отъѣздомъ Хомутова и вступленіемъ Граббе получена въ Новочеркасскѣ внушительная бумага, ставившая между прочимъ князю Дондукову на видъ неуспѣшный ходъ на Дону крестьянскаго дѣла, которое, на основаніи приведенныхъ изъ повременныхъ изданій цифръ, далеко не достигало того положенія, какое имѣло въ другихъ губерніяхъ; въ этомъ же документѣ помѣщена угроза, что если оно будетъ продолжать подвигаться на Дону также медленно и впредь, то объ этомъ де будетъ доведено до свѣдѣнія высшей власти. Дондуковъ принялъ все это на свой счетъ. Вытребовавъ изъ подлежащаго

учрежденія официіальную справку, цифры которой значительно опровергали газетныя извѣстія, онъ взволнованно продиктовалъ секретарю отвѣтъ слишкомъ сильный, чтобы не сказать дерзкій и, несмотря на предупрежденіе этого чиновника, что подобное изложеніе бумаги можетъ быть допущено только относительно подчиненнаго лица или мѣста,—приказалъ переписать эту диктовку безъ всякаго измѣненія, подписалъ ее и велѣлъ отправить по адресу, что и было, разумѣется, исполнено. Невоздержный на языкъ, особенно въ минуту душевныхъ волненій, Дондуковъ не стѣснялся въ выраженіяхъ даже въ присутствіи лицъ, близкихъ къ тѣмъ, кто подвергался его сарказмамъ, а потому укоры его доходили по адресамъ очень скоро и часто въ преувеличенномъ видѣ. Неудивительно, что результатомъ всѣхъ такихъ явленій родилась мысль объ удаленіи князя Дондукова изъ Донской земли, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Помнится, осенью того же 1862 года появился приказъ, въ которомъ сказано, что начальникъ штаба войска Донского ген.-лейт. князь Дондуковъ-Корсаковъ зачисляется состоять по армейской кавалеріи, но при этомъ не упомянуто объ его отчисленіи отъ должности. Преемника ему назначено не было, а потому мѣстные правящіе умы порѣшили, что онъ долженъ продолжать исполнять свои обязанности до назначенія на его мѣсто новаго лица, и князь Дондуковъ продолжалъ и послѣ этого приказа подписывать всѣ бумаги, а въ томъ числѣ и тѣ, которыя направлялись въ военное министерство. Въ слѣдъ за удивленіемъ, въ Петербургѣ, какъ разсказывали въ то время, послѣдовало опасеніе, что князь, пользуясь слабостью атамана и опираясь на «казакомановъ» и всѣхъ тѣхъ, кто враждебно смотрѣлъ на проектъ о «гражданскихъ» казакахъ, рѣшился не слушать приказаній свыше и поднять на Дону тревогу, взбунтовать населеніе въ ту пору, когда польское возстаніе еще не было подавлено, а вліятельныя русскія газеты заговорили о стремленіяхъ русскихъ окраинъ къ «сепаратизму». Бывшій атаманъ Хомутовъ, вѣроятно, не противорѣчилъ такому мнѣнію. У страха глаза велики, а потому рѣшено было удалить Дондукова съ Дона силою. Пока все это соображалось и рѣшалось, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, втеченіе которыхъ князь продолжалъ подписывать бумаги, какъ начальникъ штаба войска Донского. Въ концѣ января или въ началѣ февраля 1863 года, въ Новочеркасскъ неожиданно пріѣхалъ генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. В. Орловъ-Денисовъ «для наблюденія за выѣздомъ князя Дондукова изъ Новочеркасска». Атаманъ Граббе, несмотря на то, что Орловъ-Денисовъ приходился ему сватомъ, былъ глубоко обиженъ и громко высказывалъ свое негодованіе по поводу такого недовѣрія къ его многолѣтней службѣ, запечатлѣнной кровью, къ странѣ, столько вѣковъ бившейся за царей и православную вѣру. Но дѣлать было нечего: князю Дондукову надо было выѣхать

экстренно со всею семьею и со всѣми пожитками. И вотъ весь Новочеркасскъ собрался къ его квартирѣ на проводы. Около 50 саней перегородили всю Атаманскую улицу близъ Александровскаго сада, у дома Ломовцова. Когда, послѣ легкой закуски и выпивки, провожавшіе стали выходить изъ квартиры князя, чтобы усаживаться въ свои сани, только тогда графъ Орловъ-Денисовъ, все время дожидавшій въ экипажѣ, около корпуса присутственныхъ мѣстъ, выѣзда князя, только тогда онъ пустился впередъ, по направленію къ Москвѣ, не оставляя князя позади себя болѣе чѣмъ на одну почтовую станцію. Вереница саней двинулась за Дондуковыми изъ Новочеркасска до первой, Кадамовской, почтовой станціи, гдѣ ожидалъ всѣхъ прощальный завтракъ. Вина: донскія разныхъ сортовъ и названій, шампанское, венгерское и любимое княземъ кахетинское, вскорѣ образовали опьянѣвшую компанію, кричавшую разныя привѣтствія отъѣзжающему сотней голосовъ. Объятіямъ и поцѣлуямъ не было конца. Наконецъ, послѣ долгихъ затрудненій, разстались; часть провожавшихъ, ближайшіе знакомые семейства Дондуковыхъ, поѣхала далѣе и разсталась съ ними только въ Каменской станицѣ, находящейся въ 100 верстахъ отъ Новочеркасска. Какъ теперь, вижу группы пассажировъ, совмѣстно съ которыми я возвращался съ Кадамовской станціи: одни, раскачиваясь въ саняхъ, плакали, другіе, въ слезахъ, причитывали словно по умершемъ, третьи, одолѣваемые тошнотою, выливали на дорогу то, что было сверхъ мѣры выпито на проводахъ, четвертые кричали во все горло на ямщиковъ и лошадей, требуя отъ распорядителей вина, чтобы погладить и безъ того уже выглаженную дорогу отъѣхавшему начальнику. Мнѣ много разъ приходилось въ жизни присутствовать при оваціяхъ и чествованіяхъ разныхъ лицъ, но никогда не видѣлъ я такой степени воодушевленія, непритворнаго горя и искренней привязанности, какія были во время проводовъ князя Дондукова. Вино въ этомъ случаѣ не играло никакой роли: оно только развязывало языки, придавало бодрости тѣмъ, которые въ трезвомъ положеніи, несмотря на силу чувства, быть можетъ, не такъ громко высказывали бы свои симпатіи...

Этими проводами, собственно говоря, и окончился бунтъ на Дону. Но онъ, этотъ смѣшной бунтъ, остался не безъ послѣдствій: проектъ о «гражданскихъ» казакахъ былъ взятъ обратно, а въ концѣ того же 1863 года, особою высочайшею грамотою, присланною на Донъ съ генераломъ Барановымъ, двадцатипятилѣтній срокъ донской казачьей службы сокращенъ до пятнадцати лѣтъ. Казакоманы, въ числѣ которыхъ состоялъ и я, разумѣется, возликовали, такъ какъ «образъ служенія» остался ненарушеннымъ, то-есть полу-крѣпостное положеніе казака подтверждено надолго, можетъ быть, навсегда. Мы ликовали, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сожалѣли о судьбѣ князя Александра Михаиловича, который купилъ намъ по-

лученныя блага цѣной своей служебной карьеры. Изъ прежнихъ казакомановъ мало осталось въ живыхъ, только одна тогдашняя молодежь, теперь въ стариковъ обратившаяся... Ей теперь немного стыдно, что она ратовала за неотмѣнимость старыхъ устоевъ казачьяго существованія, за закрѣпощеніе казака, теперь такъ тяжко на немъ отозвавшееся; однимъ утѣшеніемъ ей можетъ служить то, что она хотя и ошибалась, но ошибалась искренно, не имѣя никакихъ личныхъ дѣлей, заднихъ мыслей. Провѣряя все прошлое, убѣжденно говорю, что и покойный князь А. М. Дондуковъ въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть, неправильно, недальновидно взглянулъ на казачій вопросъ, будучи увлеченъ огромнымъ большинствомъ тогдашнихъ мѣстныхъ аристократовъ и интеллигенціи, но чтобы имъ руководила какая нибудь особая мысль, эгоистичныя побужденія,—не вижу для этого ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній. Атаманское мѣсто, видимо, для него готовилось, а это и было предметомъ всѣхъ стремленій молодого генерала, которому въ цѣляхъ полученія этой должности опасно было допускать даже видъ интриги въ своихъ дѣйствіяхъ; что же касается до его образа мыслей по политическимъ вопросамъ, то онъ всегда заявлялъ себя врагомъ всякихъ измѣненій въ государственномъ строѣ имперіи. Онъ такъ же, какъ и мы, ошибался въ своихъ воззрѣніяхъ на судьбу казачества и такъ же, какъ и мы, былъ искрененъ въ своихъ ошибкахъ...

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что князь Дондуковъ-Корсаковъ, за короткое его пребываніе на Дону, принесъ очень много пользы краю: онъ трудился по дѣлу искорененія взяточничества, разросшагося въ послѣдніе годы управленія Хомутова до большихъ размѣровъ; его настоятельству предъ Хомутовымъ Донская земля обязана проведеніемъ на войсковой счетъ Грушевской желѣзной дороги, вошедшей потомъ въ составъ Воронежско-Ростовской линіи; онъ же убѣдилъ Хомутова въ необходимости устроить въ Новочеркасскѣ водопроводъ на тѣ же войсковыя средства и проч. Кромѣ того, домъ князя былъ въ Новочеркасскѣ центромъ, вокругъ котораго обращалась мѣстная сановитая и интеллигентная молодежь: танцовальные и музыкальные вечера, любительскіе спектакли, для которыхъ находились болѣе или менѣе талантливые исполнители изъ мѣстнаго общества. Просвѣщенные хозяева всегда радушно давали свою инипіативу такого сорта полезному времяпрепровожденію и ласково относились ко всѣмъ участвующимъ. Естественно, что за 4 года пребыванія князя на Дону и культура высшихъ слоевъ новочеркасскаго общества поднялась въ своемъ уровнѣ до степени тѣхъ губернскихъ центровъ, которые давнымъ-давно опередили Новочеркасскъ, этотъ полувоенный-получиновничій городъ, имѣвшій слишкомъ недавшее прошедшее и никакого будущаго.

Болѣе пяти лѣтъ покойный князь выносилъ на себѣ тяжелыя послѣдствія донского бунта; но состоявшееся возвращеніе его на

службу сначала въ должности юго-западнаго генералъ-губернатора, а потомъ корпуснаго командира, русскаго комиссара въ Болгаріи и, затѣмъ, главноначальствующаго на Кавказѣ и члена государственнаго совѣта, вполнѣ вознаградило его за перенесенные имъ укоры по такому дѣлу, въ которомъ его можно назвать виноватымъ безъ вины.

А. Карасевъ.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ [1].

XXVI.

Назначеніе меня въ плаваніе.—По дорогѣ въ Александровскій округъ.—Селеніе Дербинское.—Нижній и Верхній Армуданы.—Горная дорога.—Перевозка казеннаго груза.—Арковская долина.—Близость моря.—Гиляцкое селеніе.—По берегу во время прилива.—Пріѣздъ въ Александровскій постъ.

Пріѣхавъ на Сахалинъ, я мечталъ забиться со своими книгами въ какой нибудь тихій уголокъ и тамъ терпѣливо выжидать окончанія моей ссылки. Но судьба распорядилась иначе.

Кромѣ того, что я волей и неволей знакомился съ разнообразною дѣятельностью жителей Сахалина, мнѣ самому суждено было пережить всевозможныя формы сахалинскаго гражданства и обозрѣть островъ во всѣхъ пунктахъ русскаго населенія.

Какъ-то пріѣзжаетъ въ Рыковское начальникъ острова, генералъ К., и говоритъ мнѣ, что желалъ бы завести небольшое суденышко для плаванія по Японскому морю, а меня сдѣлать командиромъ его.

— Офиціально я еще нахожусь въ положеніи ссыльно-каторжнаго сахалинца,—напомнилъ я генералу.

— Это ничего,—замѣтилъ онъ: — мнѣ предоставлено назначать васъ всюду, гдѣ вы можете оказать услуги острову.

Я забылъ этотъ разговоръ, какъ вдругъ, лѣтомъ 1891 года, объявляютъ мнѣ, что я долженъ ѣхать въ Александровку моряко-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 1060.

вать на новомъ пароходикѣ «Князь Шаховской». Оказывается, генералъ, уѣзжая въ Россію, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ приказовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы безъ меня этотъ пароходикъ не выходилъ въ дальнее плаваніе.

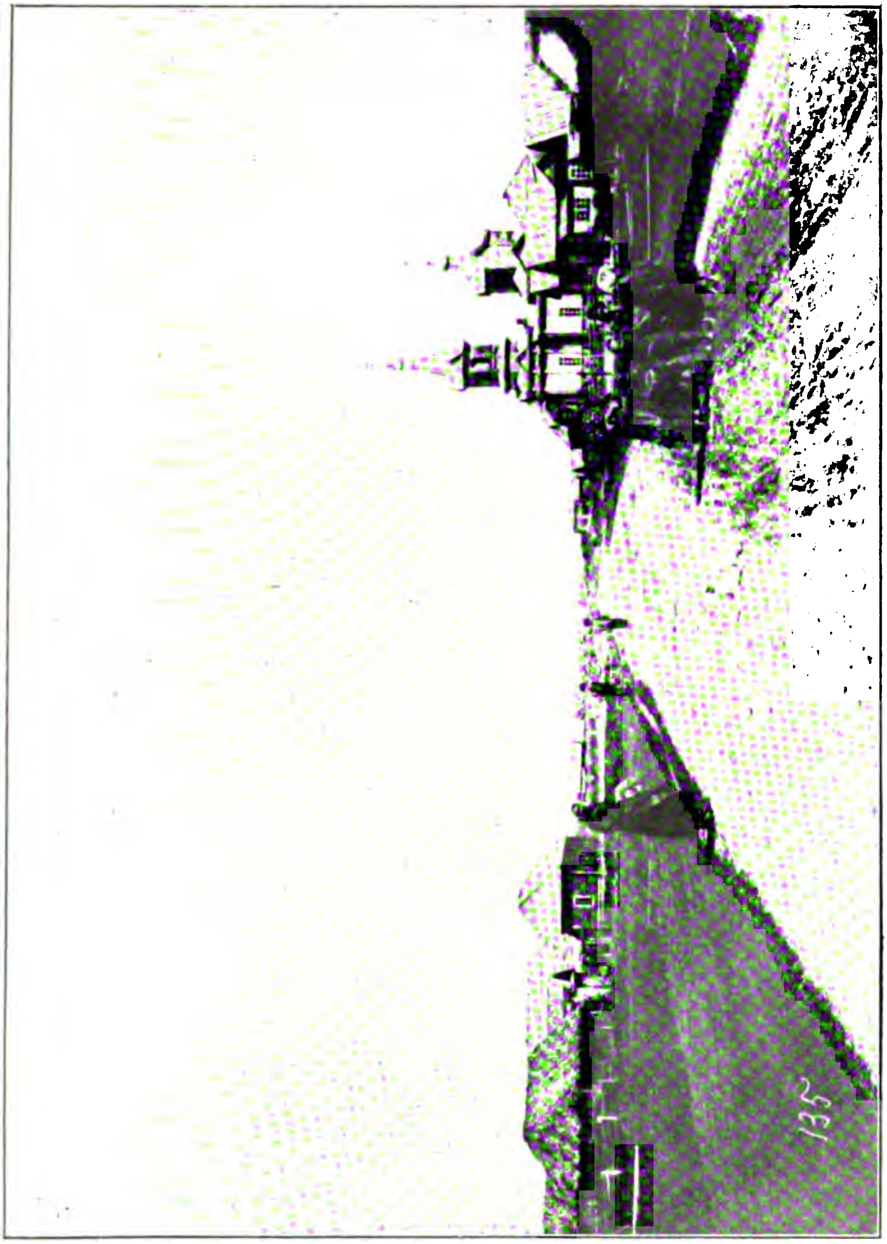
Новое назначеніе сразу воскресило въ моемъ воображеніи давно покинутую сферу морской жизни. Снова мнѣ представилось вѣчно бушующее море и напряженная борьба съ вѣтрами и волнами. У моряка постоянная смѣна чувствъ. Душа его такъ же подвижна, какъ и та стихія, которая носитъ его на себѣ. Когда, выдержавъ жестокую бурю и минуя опасные камни и мели, войдешь въ тихую гавань, пріятно чувствовать себя не то героемъ послѣ битвы, не то отдыхающимъ рабочимъ по окончаніи труднаго дѣла. Блаженное состояніе! Впрочемъ, съ выходомъ въ море оно скоро забывается. Тамъ, послѣ того, какъ покачаешься на обшитой желѣзомъ скорлупкѣ и озабоченный проводишь нѣсколько безсонныхъ ночей на мостикѣ, иногда подъ дождемъ и пронизывающимъ вѣтромъ, только тамъ, среди бушующихъ валовъ, сознаешь всю тяжесть отвѣтственной морской службы и втайнѣ отъ товарищей мечтаешь о прелестяхъ покойной жизни въ городѣ. Но если на самомъ дѣлѣ случится нѣсколько дольше засидѣться на берегу, опять начинаешь сильно томиться однообразіемъ спокойствія, подобно тому, какъ давно заштилѣвшее вялое море жаждетъ хорошаго порыва вѣтра, чтобы снова освѣжиться и закипѣть на просторѣ бурными волнами. Такимъ образомъ у моряка постоянная смѣна желаній: на берегу его тянетъ въ море, а на морѣ—къ берегу.

Долгое пребываніе въ тюрьмѣ убаюкало во мнѣ многія желанія, и съ прибытіемъ на Сахалинъ я почти примирился съ мыслью вести затворническую жизнь въ глухой деревнѣ, но лишь только начальникъ заговорилъ со мной о назначеніи меня въ плаваніе, во мнѣ сразу проснулся моракъ. Я весело отвѣтилъ ему по морскому: есть! и сталъ собираться въ походъ.

На другой день я уже скакалъ на отличной тройкѣ лошадей по новой дорогѣ въ сахалинскую столицу. Попутчикомъ моимъ былъ докторъ Сасапарель. Не успѣли мы передать другъ другу своихъ впечатлѣній отъ видѣнныхъ хлѣбныхъ полей и луговъ, пестрѣвшихъ оранжевою саранкою, какъ уже промчались 15 верстъ и остановились въ селеніи Дербинскомъ.

Невольно тутъ вспомнилась старая дорога чрезъ Пилингскій хребетъ, по которой я брелъ пѣшкомъ четыре дня въ арестантскомъ халатѣ и подъ конвоемъ. Теперь я на положеніи чиновника, въ просторномъ экипажѣ—верхъ сахалинскаго искусства, качусь по ровной гладкой дорогѣ чуть ли не по два десятка верстъ въ часъ. На всѣхъ станціяхъ насъ привѣтливо встрѣчаютъ надзиратели, быстро мѣняютъ лошадей и исполняютъ малѣйшее приказаніе.

Дербинское, одно изъ старыхъ селеній Тымовскаго округа, распо-



Селеніе Дербинское на Сахалинѣ.

ложилось тоже у рѣки Тыми. Оно наполовину менѣе Рыковскаго. Здѣсь также есть церковь, школа и тюрьма, но все это въ малыхъ размѣрахъ. Повидавшись съ хлѣбосольнымъ смотрителемъ здѣшней тюрьмы, мы покатили далѣе. Дорога, перейдя рѣку, постепенно подымалась къ Пилингскому хребту. Веселыя лужайки смѣнились темными лѣсами. Передъ нашими звонкими колокольчиками все разступается: пѣшеходы низко кланяются, а телѣги съ кладью сворачиваютъ въ канавы. Промелькнули бѣдныя селенія—Нижній и Верхній Армуданы. На краю послѣдняго, на высотѣ 180 метровъ отъ уровня моря, мы смѣнили лошадей и стали подыматься къ перевалу—границѣ округовъ.

Горная дорога вообще красива. Даже голые утесы при утреннемъ или вечернемъ освѣщеніи могутъ показаться въ чрезвычайно эффектной картинѣ. Но здѣсь горы были густо одѣты темно-зеленымъ хвойнымъ лѣсомъ. Немного мрачно, но тѣмъ рельефнѣе онѣ выдѣлялись на фонѣ яснаго неба.

Тройка бойкихъ лошадей быстро насъ вынесла на самую верхнюю точку перевала. У меня былъ съ собой анероидъ, и я приблизительно опредѣлилъ, что мы взобрались на 200 метровъ выше Армудана.

По дорогѣ мы встрѣтили цѣлый караванъ медленно двигающихся воловъ съ возами казеннаго груза. Большинство извозчиковъ было намъ хорошо знакомо, и мы привѣтливо съ ними раскланивались. И зимой и лѣтомъ Рыковская тюрьма нуждается въ перевозкѣ пищевыхъ продуктовъ (муки, крупы, соленаго мяса, соли и проч.) и строительныхъ матеріаловъ изъ Александровскаго поста, а потому здѣшняя администрація допускаетъ состоятельнымъ ссыльнымъ въ замѣнъ каторжныхъ работъ перевозить этотъ грузъ на своемъ скотѣ. Для богатаго ссыльно-каторжнаго это есть полное освобожденіе отъ работъ. Если онъ не держитъ собственнаго рабочаго скота, то можетъ нанять за деньги любого поселенца и послать его за грузомъ вмѣсто себя. Такъ это обыкновенно и дѣлается. Я замѣтилъ, что нѣкоторые молодые ссыльные даже съ удовольствіемъ занимаются перевозкою казеннаго груза. Помимо того, что освобождаются отъ тюремнаго надзора, они могутъ еще погулять въ сахалинской столицѣ, гдѣ легче найти всѣ соблазны вольной жизни: вино, карты и проч. Начальство, желая хоть немного придать этой перевозкѣ офиціальный характеръ, только подчиняетъ весь караванъ одному изъ возчиковъ, да опредѣляетъ имъ день выѣзда.

Переваливъ хребетъ, еще быстрѣе мы спустились въ Арковскую долину, выходящую къ морю. Въ одномъ мѣстѣ дорога прижималась къ подножью высокой отвѣсной горы. Тутъ же рядомъ текла не большая, но быстрая рѣченка. Оголенныя скалы, ясно показывая расположеніе слоевъ допотопной формаціи, обсыпались боль-

шими кусками. Видъ былъ очень дикій, напоминающій мѣста битвъ странствующихъ рыцарей старинныхъ сказокъ. Проѣзжая мимо этихъ скалъ, я мысленно рисовалъ картину, какъ эти камни время отъ времени дробились, попадали въ рѣку и сглаживались быстрою водою въ тотъ голышъ, которымъ наполнены долины Сахалина.

Вскорѣ потянуло прохладой: море близко! Мнѣ вдругъ страстно захотѣлось увидѣть эту подвижную стихію, какъ родного человѣка, съ которымъ давно разстался. Я пересталъ заниматься картинами долины, мало обращалъ вниманія и на встрѣчающіяся селенія Алексадровскаго округа—три Арково подъ номерами: мнѣ такъ хотѣлось скорѣе выйти изъ тѣсныхъ горъ на свободный просторъ моря. Всегда сдержанный, спокойный докторъ любовался моею ажитаціею.

— Вотъ смотрите сюда. Видите эту сѣрую полоску?

И онъ указалъ мнѣ мелькнувшій между горъ горизонтъ Татарскаго пролива. Мы высказали одновременно одно и то же желаніе— ѣхать по берегу моря, если на наше счастье сейчасъ вода на отливѣ.

Въ первомъ Арковѣ, ближайшемъ къ морю, встрѣтился намъ надзиратель.

— Ничего, успѣете: у васъ кони хорошіе,—успокоилъ онъ насъ.

Гиляки на наши опросы тоже одобрительно кивали головой.

Здѣсь есть нѣсколько гиляцкихъ юртъ на сваяхъ. Около нихъ виднѣлись всѣ принадлежности для рыбной ловли, все хозяйство гиляковъ, начиная отъ собакъ со стоячими ушами и кончая деревянными лыжами, обтянутыми нерпичьей шкурой. По берегу растянуты были для просушки сѣти, сдѣланныя изъ особаго вида высокой крапивы, въ родѣ конопли. Юрты оживлялись женщинами и ребятишками съ толстыми отвислыми щеками. Попадались знакомыя улыбающіяся лица гиляковъ изъ Тымовскаго округа.

— А, другъ! — привѣтствовали мы ихъ:—много корюшки наловилъ?

— Мало-мало есть.

Сюда они перекочевываютъ на весну и лѣто для ловли морской рыбы, а къ началу хода кэты опять возвращаются въ свои зимнія юрты на берегу рѣки Тыми.

Море было тихо. Приливъ только что начинался, и мы поѣхали по влажной песчаной полосѣ, кое-гдѣ усѣянной камнями. Здѣсь отроги горъ подходили къ морю крутыми обрывами. Они постоянно обсыпались, загромождая береговую линію массою камней. Только и можно было проѣхать нѣсколько поодаль отъ скалъ по открытой во время отлива песчаной отмели. Чѣмъ больше отливъ (а случалось наблюдать во времена сизигій до семи футъ слишкомъ), тѣмъ шире открывается дорога и легче проѣхать. Когда мы поровнялись съ небольшою лощинкой, такъ называемою Половинкою, и опять въѣхали колесами въ сырой песокъ, нашъ возница сталъ безпокойно оглядываться на море. Приливная волна набѣгала все ближе

и тѣснила насъ къ камнямъ. Были случаи съ иными путниками, когда волны совершенно прижимали ихъ экипажъ къ скаламъ и, обдавая его, держали въ плѣну во все время прилива. Этого и боялся нашъ кучеръ. Но немного оставалось намъ ѣхать до города. Уже видны зданія на берегу и пароходы на рейдѣ. Да и приливъ былъ довольно слабый, хотя намъ все-таки пришлось проѣхаться по водѣ.

Кое-гдѣ на отмели встрѣчались двухстворчатыя раковинки, широкія толстыя ленты темнозеленой морской капусты (родъ водоросли), да шершавыя морскія звѣзды, медленно пошевеливающіяся, когда возьмешь ихъ въ руку.

Переѣхавъ въ бродъ небольшую лагуну, мы скоро добрались до Александровской слободки — предмѣстья съ сѣверной стороны города. Тутъ нашъ возница хлестнулъ по лошадямъ, подтянулъ вожжи, и мы лихо понеслись на пригорокъ, гдѣ стояли церковь, губернаторскій домъ, управленіе, почта и другія казенныя зданія.

Докторъ слѣзъ у подъѣзда знакомаго чиновника, а я поѣхалъ дальше къ своему товарищу по ссылкѣ Пл—ому, имѣвшему собственный домъ съ мезониномъ.

XXVII.

Ферма интеллигентнаго ссыльнаго Пл.—Среди александровскихъ чиновниковъ.—Предложеніе новой работы.—Землемѣръ Карауловскій. — Его любознательность и эксцентричность.— Вегетаріанство.—Горе И. С. Карауловскаго. — Тріангуляція и съемка Александровскаго поста.

Меня приняли въ Александровскѣ съ распростертыми объятіями. Гостепріимные хозяева (ихъ было трое: Пл—ій съ женою и Сѣр—ій, тоже ссыльный) для моего помѣщенія предоставили мнѣ весь мезонинъ и выказывали чрезвычайное вниманіе и радушіе. Несмотря на то, что Пл—ій окончилъ университетъ и имѣлъ здѣсь въ канцеляріи начальника округа хорошую службу, по своему содержанію вполнѣ обезпечивающую ихъ скромную жизнь, онъ не стѣснялся наравнѣ съ простыми наемными работниками ухаживать за скотомъ, копаться въ огородѣ и вообще заниматься грязными работами. Они втроемъ создали довольно обширную ферму, и ихъ молочные продукты славились не только на Сахалинѣ, но и по ту сторону Японскаго моря—въ Владивостокѣ. Домъ ихъ былъ, какъ говорится, полная чаша. Любо было смотрѣть на нихъ, молодыхъ, здоровыхъ, всегда дѣятельныхъ.

На другой день я поспѣшилъ представиться начальнику округа, исполнявшему, за отъѣздомъ генерала К., и обязанности начальника острова. Меня пригласили на веранду, гдѣ я засталъ за сто-



По дорогѣ въ Александровскій постъ.

ломъ почти всѣхъ чиновниковъ Александровки. Здѣсь вошло въ обычай каждое утро собираться всѣмъ къ чаю на квартиру начальника округа и тутъ же сообща рѣшать дѣла и составлять программу дѣйствій на текущій день. Такимъ образомъ многіе вопросы разрабатывались прямо при личномъ свиданіи безъ проволочки времени и безъ канцелярской переписки.

Начальникъ округа, перезнакомивъ меня со всѣми чиновниками, передалъ мнѣ желаніе генерала К., чтобы, кромѣ дальнихъ поѣздокъ на новомъ пароходикѣ, я сдѣлалъ имъ морскую карту Александровскаго рейда и составилъ лоцію Татарскаго пролива.

— Мы постоянно слышимъ жалобы отъ командировъ судовъ,— продолжалъ окружной начальникъ,—что у нихъ нѣтъ вѣрной карты Сахалина и въ частности Александровскаго рейда, между тѣмъ какъ плаваніе въ Татарскомъ проливѣ очень опасно. Вотъ почему желательно было бы имѣть промѣръ нашей бухты. Все, что надо, будетъ къ вашимъ услугамъ. Можете пользоваться паровыми катерами: возьмите рабочихъ, сколько потребуется; къ вашимъ услугамъ казенная лошадь для поѣздокъ на пристань; инструменты найдете у здѣшняго землемѣра Карауловскаго. У насъ есть здѣсь дѣльный человѣкъ—чертежникъ Загаринъ. Онъ тоже поможетъ вамъ, если надо что нибудь начертить...

Я нашелъ лишнимъ описывать ему весь трудъ промѣра на открытомъ рейдѣ и молча принялъ предложеніе. Морская съемка для меня хорошо знакомое дѣло, и я разгорался желаніемъ отличиться и показать имъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, когда ему даютъ соотвѣтствующую работу.

Въ тотъ же день я пошелъ искать инструменты у землемѣра Карауловскаго, проживавшаго въ Александровской слободкѣ.

По лѣтамъ Иванъ Семеновичъ,—такъ звали землемѣра,—былъ человѣкъ почтеннаго возраста, но розовое полное лицо его подъ густыми черными кудрями дышало юностью. И на самомъ дѣлѣ, онъ поражалъ своими юношескими увлеченіями, обличающими его, какъ человѣка съ чрезвычайно мягкой душой, который сознательно никому не можетъ причинить зла. Цѣлыми днями просиживая дома и мало обращая вниманія на жизнь Александровскаго поста, онъ въ то же время сильно интересовался всѣмъ, что дѣлалось вообще на свѣтѣ. Каждая почта привозила ему кипы журналовъ и книгъ. И какихъ тутъ только не было! И строго научныя медицинскія книги, и народные лѣчебники, и фоліанты древнихъ святыхъ отцовъ, и проповѣди современныхъ реформаторовъ, и книги по всѣмъ отраслямъ хозяйства, и всевозможные самоучители и практическія руководства. Среди мелкихъ книженокъ для народа вдругъ попадалась соціологія Спенсера или философія Шопенгауера. Я увѣренъ, что ни одинъ отдѣлъ каталога не былъ оставленъ имъ въ покоѣ. Его любознательность готова была обнять весь міръ. Но

если онъ и интересовался науками, то безъ всякой системы, урывками и крайне поверхностно. Объ этомъ можно было судить и по внѣшнему виду его рабочаго кабинета. Всѣ столы и этажерки завалены книгами, чертежами, нотами, картинами, письмами, инструментами и даже игрушками. Въ углахъ этой комнаты еще большій безпорядокъ. Если ему надо что нибудь найти у себя среди этого хаоса, онъ бросается отъ одного стола къ другому, отъ шкафа къ шкафу, все перевернетъ, все перероетъ, пока не наткнется на какую нибудь новую интересную вещь и, увлекаясь ею, забудетъ, чего онъ искалъ. А увлекался онъ иногда очень сильно. Случилось ему прочесть, что Л. Н. Толстой (кстати сказать, у Ивана Семеновича были его сочиненія не только русскаго изданія, но и заграничнаго) не ѣстъ мясного. Это такъ ему понравилось, что онъ тотчасъ же рѣшилъ самъ не ѣсть мяса и рыбы, и не пить молока, къ великому огорченію его супруги. Потомъ мнѣ не разъ приходилось у него бывать во время обѣда и ѣсть съ нимъ гречневую кашу съ постнымъ масломъ, а вмѣсто чая пить горячую воду съ изюмомъ. Однако, увлекаясь книгами Толстого, онъ былъ въ то же время строгимъ приверженцемъ православной церкви.

Несмотря на множество анекдотовъ, разсказываемыхъ здѣсь про Ивана Семеновича, я любилъ его за простодушіе и откровенность. Это былъ въ сущности превосходной человѣкъ, къ которому стекались ему подобные люди, алчущіе и жаждущіе правды. Его книги и ноты ходили по всему Сахалину, и самъ онъ по характеру службы долженъ былъ разъѣзжать по всѣмъ угламъ русскаго населенія.

Меня привязывала къ нему еще общая любовь къ музыкѣ. Страстный любитель хорового пѣнія, Иванъ Семеновичъ подолгу просиживалъ за своимъ великолѣпнымъ органомъ и, медленно перебирая клавиши, казалось, уносился изъ этого міра вмѣстѣ съ гимномъ въ заоблачныя выси. А на колѣняхъ въ это время сидѣлъ у него любимый сынъ, лѣтъ четырехъ, съ большими мечтательными глазами.

Усиленная работа надъ чертежами, съ крайнимъ напряженіемъ глазъ, даромъ не прошла для Ивана Семеновича. Его зрѣніе ослабѣло до такой степени, что онъ пересталъ работать и подалъ въ отставку. Въ это время надъ нимъ стряслось другое горе: горячо любимыя дѣти сразу одинъ за другимъ умерли отъ дифтерита.

Я нашелъ у него мензулу и всѣ принадлежности къ ней, но въ крайне запущенномъ видѣ. За то, разрывая груды разныхъ вещей въ углахъ комнаты, я наткнулся на нѣсколько интересныхъ книгъ; правда, почти всѣ онѣ были разрѣзаны только до половины.

На слѣдующій день я уже былъ на работѣ. Для переноски инструментовъ мнѣ дали нѣсколько человѣкъ рабочихъ, въ томъ числѣ одного сосланнаго офицера, не возбуждавшаго во мнѣ симпатіи, и я сейчасъ же предоставилъ ему свободу итти домой.

Приходящимъ пароходамъ на Александровскій рейдъ для оріентировки своего мѣста, нужны точно назначенные пункты на картѣ выдающихся предметовъ на берегу, напримѣръ, церкви, маяка, тюремной башни и др. Я и началъ съ того, что сталъ связывать ихъ тріангуляціею, предварительно измѣривъ базисъ на прямой ровной дорогѣ отъ пристани. Первая обходная линія съемки бухты и города немного не сошлась, вслѣдствіе плохого инструмента. Я снова обошелъ всю линію во второй разъ и снова провѣрилъ базисъ, пока не достигъ желаемой точности. Кромѣ дождя и сильнаго вѣтра, мнѣ никто не мѣшалъ, и къ своему удивленію со съемкой береговой черты я покончилъ въ двѣ недѣли. Оставалось сдѣлать промѣръ бухты, и карта Александровскаго рейда готова.

XXVIII.

Приглашеніе на морскую прогулку.— Пароходъ «Князь Шаховской».—Въ Татарскомъ проливѣ.—Бурная погода.—Безпокойство спутниковъ.—Берегъ материка.—Заливъ де-Кастри.—Случай бѣжать.—Осмотръ селенія.—Якоря и ядра военныхъ судовъ.

Во время геодезическихъ работъ, однажды вечеромъ приходятъ ко мнѣ, завѣдывающій пристанью и разгрузкою пароходовъ, молодой чиновникъ И. и механикъ Л. и начинаютъ упрашивать меня согласиться на предложеніе начальника округа — сходить завтра на новомъ пароходикѣ «Князь Шаховской» на ту сторону Татарскаго пролива въ де-Кастри.

— Господа,— отвѣчаю имъ,— я ничего противъ этого не имѣю, но надо сперва опредѣлить девіацію компаса. Пойдемте, попробуемте сейчасъ.

Мы отправились на пристань. «Князь Шаховской» стоялъ подъ парами. Это былъ небольшой пароходъ грубой нѣмецкой работы, приспособленный главнымъ образомъ для буксировки судовъ въ устьяхъ морскихъ рѣкъ. Говорили о невѣроятно высокой цѣнѣ, объ обманѣ и плутняхъ, но я больше интересовался его ходомъ. Оказалось, что при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ онъ едва дѣлаетъ 8 миль въ часъ, а въ волненіе значительно теряетъ ходъ и сильно зарывается, такъ что пришлось самимъ поставить на носу фальшбортъ.

Вышли мы на середину бухты. Попробовалъ я что нибудь сдѣлать. Ничего не выходитъ! Отъ сильнаго волненія пароходъ мотается во всѣ стороны, картушка компаса бѣгаетъ кругомъ...

— Поворачивай къ пристани!—скомандовалъ я рулевому.



Лѣтняя юрта гиляковъ на о. Сахалинѣ.

Мои компаніоны пріуныли, но я ихъ успокоилъ, что пойду, и не повѣряя компаса.

На другой день погода еще хуже. Свѣжій SW вѣтеръ переходилъ въ бурю. Я надѣлъ высокіе сапоги и непромокаемую шапку и явился рано утромъ на пристань. Итти въ такую погоду на новомъ неопробованномъ пароходѣ, съ невывѣреннымъ компасомъ, къ неизвѣстнымъ для меня берегамъ, я считалъ неразумнымъ, но молчалъ, видя, какъ чиновникамъ почему-то хотѣлось совершить прогулку сегодня. Думаю, если объяснять имъ рискованность такого перваго плаванія,— сочтутъ еще за труса, и потому рѣшилъ безмолвно отправиться въ походъ. Намѣтивъ заранѣе по своей картѣ створъ нашего курса, я пошелъ по немъ въ открытое море, на встрѣчу вѣтру и волненію.

Нашъ палубный пароходикъ съ закупоренными люками представлялъ изъ себя плавающую бочку, по которой волна гуляла свободно съ одного конца до другого. Всѣ находились на палубѣ, крѣпко держась за поручни, чтобы не смыло волной.

Продержавшись часа четыре въ морѣ, я до нѣкоторой степени примирился съ своимъ пароходомъ: хотя не очень сильно, но все-таки онъ выгребалъ противъ волны. Сахалинскіе берега стали скрываться. Всѣ напрягали зрѣніе увидѣть материкъ. Проходитъ еще два—три часа. Никакого признака берега. Мои спутники волнуются, дѣлаютъ всевозможныя предположенія, обиняками даютъ мнѣ понять, что я ошибся въ направленіи курса. Тутъ мнѣ пришлось играть роль Колумба и тоже, какъ онъ, успокоивать своихъ спутниковъ надеждою, что скоро откроется земля.

— Господа,— говорю я имъ,— мы слишкомъ медленно подвигаемся. Впрочемъ, и то хорошо, что выгребаемъ въ такую погоду. Имѣйте въ виду еще то обстоятельство, что горизонтъ не чистъ, и мы можемъ увидѣть берегъ только на близкомъ разстояніи.

Но они продолжали малодушествовать и стали открыто увѣрять, что мы идемъ не поперекъ, а вдоль Татарскаго пролива. Очевидно, имъ надоѣло цѣлый день сидѣть на кожухѣ парохода и мотаться со стороны на сторону. Они жаждали скорѣе прійти къ берегу, обогрѣться, обсушиться, а главное—хорошенько покушать, потому что нельзя было и думать объ ѣдѣ теперь, когда ежеминутно обдаетъ съ головы до ногъ соленою водою. Въ каютѣ же тяжело пробыть и десять минутъ человѣку, привыкшему къ морской качкѣ.

Меня огорчало ихъ недовѣріе. Будь я облеченъ какою нибудь внѣшнею властью, я и разговаравать съ ними не сталъ бы. Но въ моемъ зависимомъ положеніи мнѣ нужно было итти на компромисъ.

— Чтобы васъ скорѣе успокоить,— говорю имъ,— я немного измѣню курсъ, т. е. возьму не прямо къ де-Кастри, какъ я держалъ, а нѣсколько лѣвѣе, по нормальной къ берегу. Мы должны тогда подойти къ указаннымъ на картѣ камнямъ Константина и Елены.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ часовъ, и только къ вечеру мы подошли какъ разъ къ ожидаемымъ камнямъ, рѣзко выступавшимъ въ туманномъ сумракѣ.

Мои расчеты оказались замѣчательно точны. Убѣдивъ такимъ образомъ своихъ спутниковъ, я смѣло повернулъ въ де-Кастри. Ночью, при огняхъ, мы вошли въ глубину залива и стали на якорь недалеко отъ берега.

Намъ надо было послать телеграмму на Сахалинъ о своемъ благополучномъ прибытіи на материкъ, но у насъ не было шлюпки, чтобы съѣхать на берегъ. Стали свистать. Вскорѣ въ темнотѣ послышался плескъ веселъ. Мы окрикнули, и къ намъ подъѣхали знакомые телеграфисты, которые служили раньше на Сахалинѣ. «Все къ лучшему»,— подумали мы, и поспѣшили поужинать: хотѣлось скорѣе отдохнуть послѣ труднаго плаванія.

Утромъ я вышелъ на палубу посмотрѣть де-Кастри. Это довольно большой заливъ, сильно вдающійся въ материкъ. Среди него разбросано нѣсколько острововъ, которые и защищаютъ глубину залива отъ морского волненія. Кругомъ — горы, заросшія лѣсомъ. Напротивъ насъ виднѣется небольшое селеніе съ церковью. Недалеко отъ него, у высокаго обрывистаго берега, стоитъ естественная арка—высокая скала, прорванная водою. Ее здѣсь называютъ въ честь французскаго адмирала «Воротами Лаперуза».

Я съѣхалъ на берегъ.

Вотъ онъ, материкъ—мечта всѣхъ сахалинцевъ! Какою цѣною въ моемъ положеніи ссыльно-каторжнаго иные домогаются этого желаннаго берега! А я вотъ, независимо отъ личнаго желанія, добрался до него безъ особенныхъ усилій и теперь стою на этой землѣ свободы. Могу и итти, куда мнѣ вздумается. Вотъ отличный случай бѣжать! Отсюда черезъ лѣсъ рукой подать до Амура, а тамъ тебя никто не спроситъ: кто ты такой? Садись на пароходъ и отправляйся. Хочешь въ Россію,—подымайся вверхъ до Срѣтенска. Хочешь за границу,—спускайся до Николаевска, гдѣ пересядешь на иностранное судно. Сладкая мечта для каторжника! Но она въ тотъ моментъ и не приходила мнѣ въ голову. Для меня бѣжать—это, значитъ, погрузиться въ новую ссылку и обречь себя на полное отчужденіе отъ родины, отъ семьи, отъ всего пережитого. Надо похоронить всѣ связи съ русскимъ, похоронить все дорогое прошлое. О, для этого надо слишкомъ большую могилу! Нѣтъ, я не могу забыть, чѣмъ жилъ тридцать лѣтъ, не могу навсегда разстаться съ Россіей и предпочитаю, ради любви ко всему родному, нести неопредѣленное число лѣтъ всевозможныя униженія и стѣсненія.

Первый мой визитъ здѣсь на материкѣ былъ къ моему товарищу, моряку Б. Его не было дома. Осмотрѣвъ его картины (Б. былъ художникъ) и сыгравъ какой-то гимнъ на фисъ-гармоніи, я написалъ ему письмо и отправился дальше осматривать селеніе.

На небольшомъ плацу учили солдатъ. Знакомая картина! Я повернулъ въ другую сторону. Мое вниманіе обратила на себя одна заброшенная избушка у опушки лѣса. Зашелъ. Въ ней стоялъ только большой деревянный крестъ, возвышавшійся до самаго потолка. Говорятъ, какой-то монахъ построилъ ее и, умирая, просилъ жителей поддержать это мѣсто молитвы; но послѣ того, какъ одинъ докторъ позволилъ себѣ сдѣлать въ этой избѣ вскрытіе мертваго тѣла, ее, какъ оскверненную, забросили, и она пришла въ ветхость. Собственно осматривать въ де-Кастри было нечего. Я прошелъ еще немного лѣскомъ, гдѣ укрывались русскіе отъ англійскихъ ядеръ въ 1856 г., и отправился на пароходъ.

Въ эпоху севастопольской кампаніи наши военныя суда, въ томъ числѣ и прославленный Гончаровымъ фрегатъ «Паллада», хотѣли укрыться въ Амурѣ около Николаевска. Но, чтобы пробраться въ устье рѣки, они сняли съ себя всѣ лишнія тяжести и сложили ихъ на одномъ изъ островов де-Кастри.

Товарищи фрегата «Паллада» [1]) давно покончили свое существованіе, а забытое ихъ имущество до сихъ поръ лежитъ на островкѣ, никѣмъ не охраняемое.

Сахалинъ много вывезъ отсюда корабельныхъ ядеръ. Вотъ и теперь мы пришли сюда, между прочимъ, попользоваться чугуномъ. Но ядра всѣ были растащены. Остались гигантскіе якоря да желѣзныя цѣпи удивительныхъ размѣровъ. Попробовали было взять съ собою одно звено на память, но только напрасно иступили два—три зубила о толстое желѣзо.

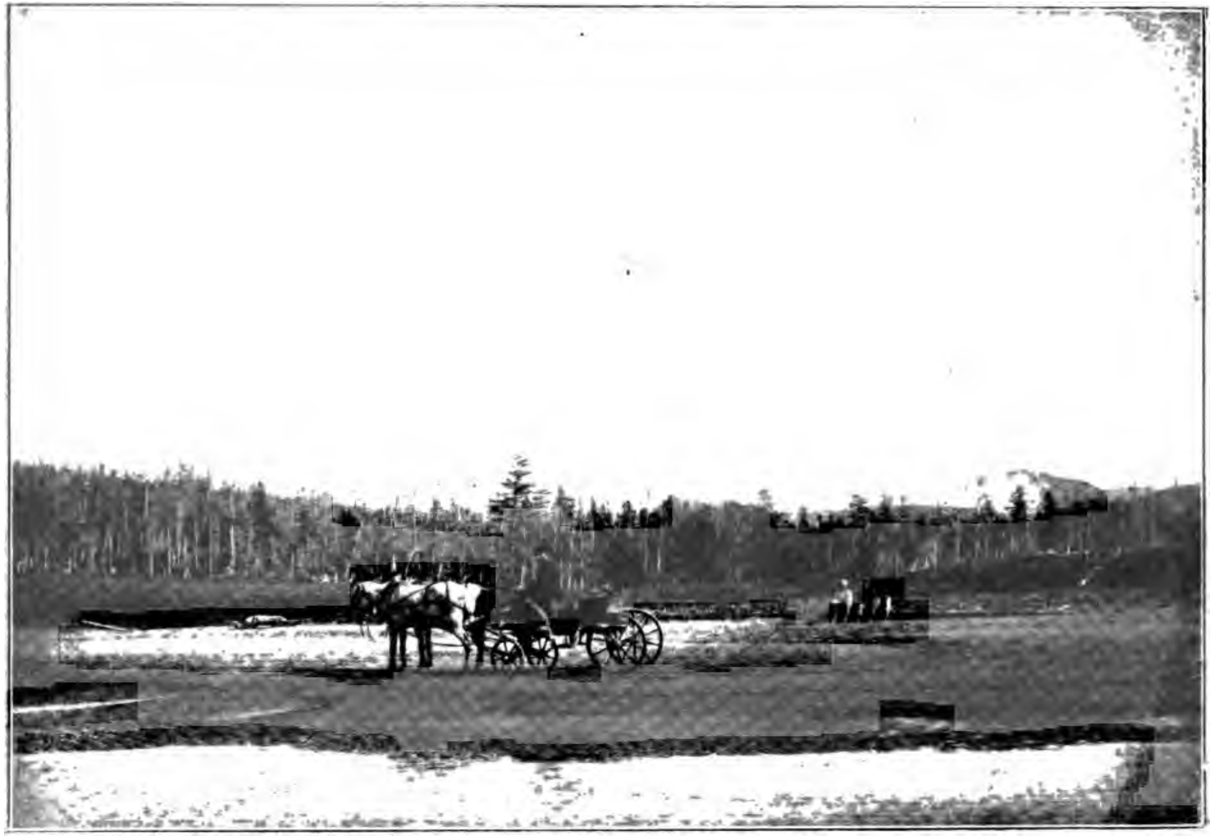
XXIX.

Въ гостяхъ у воинскаго начальника. — Поѣздка на маякъ. — Переправа каторжныхъ съ Сахалина.—Отъѣздъ изъ де-Кастри.—Ночью въ морѣ.—Туманъ.—Сахалинскій берегъ.—Возвращеніе въ Александровскій постъ.

Воинскій начальникъ въ де-Кастри, узнавъ о нашемъ прибытіи, любезно пригласилъ насъ троихъ на обѣдъ. Не имѣя въ виду здѣсь ходить въ гости, мы не запаслись чистымъ платьемъ и должны были итти къ начальнику въ нашихъ рабочихъ тужуркахъ. Правда, послѣ вчерашняго штормованія онѣ успѣли высохнуть, но зато сдѣлались жесткими и бѣлыми отъ выступившей морской соли.

Офицеръ и его молодая супруга оказались премилыми людьми. Они внимательно слѣдятъ за русскою литературою, выписываютъ

[1]) Слѣды этого судна еще находятся въ слѣдующей къ югу отъ де-Кастри бухтѣ, такъ называемой Императорской гавани.



По берегу моря во время отлива.

и иностранные журналы. Ихъ разговоры еще дышали последними новостями столицы, откуда они недавно прибыли. Посидѣвъ съ ними до глубокой ночи, я весь отдался своимъ прошедшимъ временамъ, забылъ, что нахожусь за далекими горами и лѣсами въ настоящей, глухой Сибири, и мысленно перенесся въ культурную Россію, гдѣ когда-то такъ сильно работала мысль надъ модными идеями, гдѣ такъ увлекался толпою и вмѣстѣ съ нею горячо стремился принять участіе въ борьбѣ со старыми формами жизни.

Они меня упрашивали остаться у нихъ ночевать, но разбушевавшаяся гроза съ сильнымъ вѣтромъ напомнила мнѣ о моихъ обязанностяхъ, и я поспѣшилъ на пароходъ.

На другой день вмѣстѣ съ нашими новыми знакомыми мы предприняли морскую прогулку вдоль залива къ здѣшнему маяку, въ четырехъ миляхъ отъ селенія. На этомъ переходѣ я хорошо познакомился съ заливомъ, который можно назвать гаванью Сахалина, потому что всѣ морскія суда, стоящія на Александровскомъ рейдѣ, при приближеніи бури съ югозапада или съ сѣвера, сейчасъ же спѣшатъ укрыться въ де-Кастри. Такъ и въ тотъ бурный день, когда мы пересѣкали Татарскій проливъ, вскорѣ послѣ насъ направился туда одинъ пароходъ, получившій небольшую аварію по дорогѣ. Въ де-Кастри норовятъ приплыть и бѣглые ссыльно-каторжные съ Сахалина, потому что отсюда имъ легко добраться до Софійска на Амурѣ.

Смотритель маяка Сп. много разъ былъ очевидцемъ прибытія сюда бѣглыхъ рабочихъ, или бродягъ, какъ обыкновенно здѣсь ихъ называютъ.

— Чаще всего,—разсказывалъ онъ намъ, — приходится видѣть этихъ несчастныхъ весною. Повѣрите ли, иные приплывутъ на льдинѣ. Да, на льдинѣ, къ которой и прикоснуться-то холодно, а онъ лежитъ на ней цѣлую недѣлю и больше! Зато, если и прибьетъ ихъ сюда волной, Боже, на что они похожи! Иззябшіе, мокрые, голодные... Въ чемъ только душа держится? Еще бы! каждый день, каждый часъ находятся на волоскѣ между жизнью и смертью. Если такой бродяга вылѣзетъ на берегъ, онъ не старается бѣжать. Куда тутъ! Онъ еле держится на ногахъ. Опустится безмолвно на землю, дескать, дѣлайте, что хотите. Но мнѣ въ это время и не приходитъ въ голову арестовать ихъ. Во-первыхъ, у меня не кордонъ, не пограничный постъ съ спеціальными солдатами для охраны береговъ, а, во-вторыхъ, всѣ, которые сюда достигаютъ такимъ образомъ, по-моему, воскресшіе мертвецы. Подумайте какъ можетъ подняться рука на человѣка, отдавшагося на произволъ вѣтра и теченія и на такомъ еще кораблѣ, который ежеминутно таетъ. Какъ вамъ угодно, а, по-моему, онъ прямо на смерть идетъ. И если судьба вынесла его на этотъ берегъ, я смотрю на него, какъ на возвратившагося съ кладбища. Дашь ему поѣсть и отпустишь съ Богомъ.

— А вотъ эта бѣленькая гичка у васъ на берегу, поди, тоже съ Сахалина? Что-то она знакома мнѣ, — замѣтилъ нашъ чиновникъ И—ъ.

— Нѣтъ, батенька, ужъ не отдамъ вамъ! Это мой трофей. Да, тоже каторжные стащили ее тамъ у васъ въ Александровкѣ и приплыли сюда. Бросили ее вотъ въ этомъ мѣстѣ, а сами—маршъ въ лѣсъ и были таковы!

Смотритель маяка разсказалъ намъ еще много характерныхъ случаевъ съ каторжными и выражалъ сожалѣніе, что теперь стало нѣсколько труднѣе доставать прислугу изъ ссыльныхъ, а еще не очень давно почти всѣ чиновники въ Амурѣ имѣли каторжныхъ женщинъ.

Мы отвезли нашихъ гостей обратно домой въ селеніе, провели съ ними еще нѣсколько пріятныхъ часовъ и вечеромъ снялись съ якоря.

При выходѣ изъ залива навстрѣчу намъ мелькнули огни военнаго судна. На немъ возвращался домой мой товарищъ офицеръ Б—ъ. Говорятъ, когда увидѣлъ мое письмо и узналъ, что я только что ушелъ на встрѣченномъ имъ пароходикѣ, Б—ъ сталъ волосы себѣ рвать отъ скорби, что пропустилъ такой хорошій случай повидать товарища, который, платя собою дань времени, сдѣлался за нихъ въ нѣкоторомъ родѣ козломъ отпущенія.

А онъ въ это в емя, качаясь на легкой зыби, сидѣлъ на палубѣ «Князя Шаховского» и жадно упивался «Крейцеровою сонатою» Толстого, только что полученною въ де-Кастри. Морской просторъ, освѣщенный мягкимъ луннымъ сіяніемъ, тишина ночного воздуха и тысячи сильно мигавшихъ звѣздъ на небѣ съ своей стороны вызывали въ его душѣ торжественную музыку въ этомъ стихійномъ безмолвіи.

Спутники мои спали. Время отъ времени я взглядывалъ на полярную звѣзду для провѣрки курса и опять погружался въ чтеніе. Послѣ полночи вдругъ потянулъ вѣтерокъ; за нимъ на горизонтѣ появилась бѣловатая полоска. Вотъ она все ближе и ближе подвигается къ намъ стѣною. Еще немного, и густая пелена тумана, какъ неосязаемая воздушная вата, облегла насъ со всѣхъ сторонъ. Сразу все скрылось: и море, и небо со звѣздами. Я провѣрялъ свой компасъ въ де-Кастри, но надежда на него была плохая. Окруженный близко стоящимъ желѣзомъ, онъ при всѣхъ поворотахъ парохода, какъ прибитый гвоздемъ, показывалъ только одно направленіе. Чтобъ не проскочить Александровскаго рейда и не напороться на камни, которыми такъ богатъ западный берегъ Сахалина южнѣе Дуэ, я повернулъ прямо къ берегу, идя ощупью малымъ ходомъ. Нашимъ указателемъ былъ только одинъ лотъ.

На разсвѣтѣ глубина показала намъ, что мы приблизились къ острову, и какъ разъ въ это самое время полоска тумана разсту-

пилась и открыла намъ берегъ. Замѣтивъ мелькнувшіе дома какого-то селенія, мы стали подавать усиленные свистки. Намъ отвѣчали ружейными выстрѣлами.

Черезъ полчаса подходитъ шлюпка съ надзирателемъ.

— Какое селеніе?—спрашиваетъ его И.

— Мгачи, ваше благородіе. — отвѣчаетъ маленькій начальникъ селенія.

— Господа, намъ еще осталось тридцать верстъ до Александровки.

На радостяхъ, что такъ удачно вышли прямо напротивъ жилого мѣста, мы стали на якорь и начали пировать, насколько позволили намъ захваченные консервы, бутылка краснаго вина и самоваръ.

Лѣтніе туманы—это заурядное явленіе въ Татарскомъ проливѣ. Они особенно густы передъ разсвѣтомъ, а съ восходомъ солнца подымаются надъ моремъ и уносятся вѣтромъ въ видѣ облаковъ.

Не разъ случалось видѣть такую картину въ Александровкѣ. На поверхности моря нѣтъ тумана, и горизонтъ совершенно чистъ, а на горѣ Жонкіерскаго маяка, все еще окутанной непроницаемымъ облакомъ, усердно звонятъ въ большой колоколъ для предупрежденія мореплавателей объ опасности. За мое время пребыванія на дальнемъ востокѣ туманы принесли здѣсь много судовъ въ жертву суровому морю.

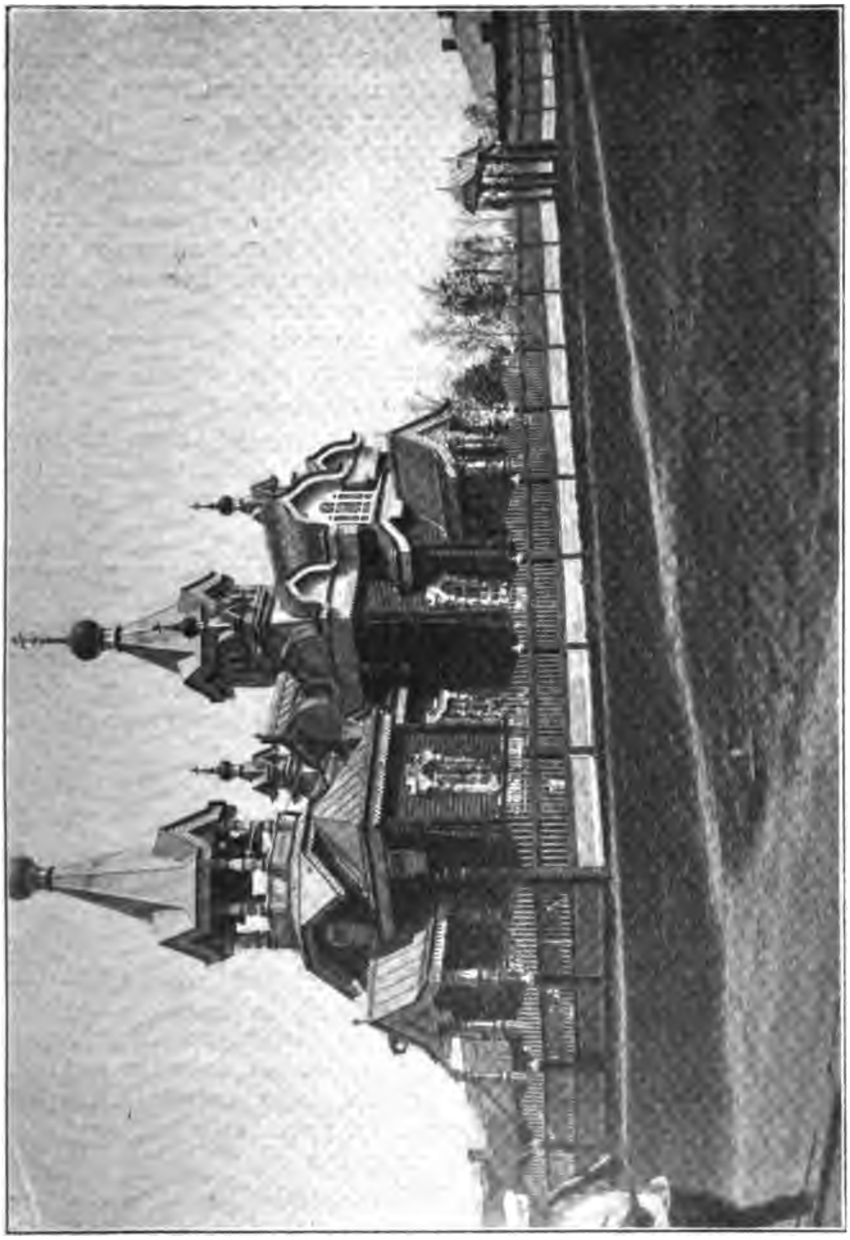
Мы пустились полнымъ ходомъ вдоль Сахалинскаго берега и часа черезъ три, при чудной солнечной погодѣ, пристали къ пристани, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ давно поджидалъ начальникъ округа.

Эта поѣздка имѣла большое значеніе для морской команды. Она выдержала свѣжую погоду на новомъ пароходикѣ, а главное — узнала путь въ де-Кастри. Потомъ, когда «Князь Шаховской» не успѣвалъ спрятаться отъ бури на сахалинскомъ берегу, онъ съ успѣхомъ укрывался не одинъ разъ въ этомъ заливѣ.

XXX.

Приготовленіе къ новому походу.—Совѣщаніе на пристани.—Выходъ въ море.—Ночевка въ Хоэ.—Рискованный входъ въ Віахты.—Отдыхъ на берегу.—Съемка и промѣръ рукава озера.—Гиляцкое селеніе Тыкп.—Старикъ Оркунъ.—Люлька гилячекъ.

Морское путешествіе очень понравилось моимъ спутникамъ Своими восторженными разсказами они увлекли и другихъ чиновниковъ на новою поѣздку. Вскорѣ назначенъ былъ объѣздъ береговыхъ селеній сѣвернаго Сахалина.



Церковь въ Александровскомъ посту.

На пароходъ «Князь Шаховской» мы погрузили съ вечера большой ящикъ всевозможныхъ закусокъ и выпивокъ, или, по выраженію начальника округа, цѣлую бакалейную лавочку.

Утромъ всѣ путешественники собрались въ сторожевомъ домикѣ на пристани. Погода была сырая и сильно вѣтреная. Волны яростно потрясали пристань, и брызги взлетали на крышу дома. На большомъ пространствѣ отъ берега ходили свирѣпые пѣнистые буруны. Нѣкоторые изъ чиновниковъ сразу же заявили, что выходить въ такую погоду не слѣдуетъ. Одинъ только И., въ силу какихъ-то странныхъ соображеній,—пирожки ли засохнутъ, или что-то вареное испортится,—упрашивалъ начальника округа приказать намъ отправляться сегодня. Всѣ обратились ко мнѣ, до сихъ поръ молча сидѣвшему на диванѣ. Я подымаюсь, недовольный настойчивостью И—ва, и немного рѣзкимъ голосомъ очень ясно доказываю имъ, что нѣтъ смысла выходить въ море при NW-омъ вѣтрѣ.

— При такомъ сильномъ прибоѣ,—говорю,—не угодно ли кому сейчасъ пристать къ берегу. А вѣдь такъ по всему Сахалину. Остается трепаться въ морѣ (и мнѣ одному,—думаю про себя,—стоять по колѣни въ водѣ и бороться съ волнами).

Зачѣмъ? Зачѣмъ намъ гдѣ-то искать другую бухту отъ NW вѣтра, когда мы тутъ дома и стоимъ спокойно у пристани?

Тогда рѣшено было подождать, пока утихнетъ погода. Послѣ полудня вѣтеръ сталъ стихать, и въ 4-мъ часу мы могли выйти въ море. Встрѣчная зыбь сильно насъ качала. Нѣкоторые изъ молодыхъ путешественниковъ подверглись морской болѣзни и **травили**, какъ говорятъ моряки.

Поздно вечеромъ мы подошли къ селенію Хоэ и стали на якорь. Чиновники съѣхали ночевать на берегъ, а я съ механикомъ Л. остался на пароходѣ: вѣтеръ свѣжѣлъ, и большая зыбь сильно дергала судно. Всю ночь я не спалъ и время отъ времени выбѣгалъ на палубу смотрѣть, не дрейфуетъ ли насъ. Съ разсвѣтомъ оказалось, что мы порядочно приблизились къ берегу. Наши тревожные свистки разбудили чиновниковъ и заставили ихъ скорѣе собраться на пароходъ.

Въ $5^1/_2$ ч. утра отправились далѣе на сѣверъ. Въ слѣдующемъ селеніи, Трамбаусъ, изъ-за сильнаго прибоя мы не могли съѣхать на берегъ. Пошли дальше. На очереди было селеніе Віахты, на берегу озера, соединяющагося длиннымъ рукавомъ съ моремъ.

Сюда можно входить только мелкимъ судамъ. Чиновникъ И—въ съ матросами попробовалъ на пароходной шлюпкѣ измѣрить глубину фарватера, но, встрѣтивъ на барѣ крупное неправильное волненіе, поспѣшилъ скорѣе вернуться на пароходъ. Стали вызывать свистками шлюпку съ берега. Надзиратель безпокойно забѣгалъ по узкой песчаной косѣ, отдѣляющей озеро отъ моря, и понудительными жестами приказывалъ гилякамъ перевезти его на пароходъ,

но они упорно отмахивались. Въ этой для насъ нѣмой сценѣ отлично сказалось, что гиляки не моряки. Они преимущественно — рѣчные рыбаки, и лодки ихъ мало приспособлены для морскихъ переѣздовъ.

Однако настойчивость надзирателя и наши частые свистки побороли нерѣшительность гиляковъ. Черезъ устье рукава, гдѣ на мелкомъ барѣ бушевала страшная толчея, они все-таки не пошли, а предпочли въ ручную перетащить свою лодку черезъ косу и спустить ее въ буруны прибоя. Этотъ маневръ имъ вполнѣ удался.

Сильно перемокшіе гиляки подвезли намъ надзирателя.

— Сколько футъ въ проходѣ? Можемъ ли мы пройти? Какъ приливъ теперь?

Этими вопросами закидали мои спутники бывшаго солдата мѣстной команды, но онъ ничего не могъ отвѣтить на нихъ.

Рѣшено было послать нашего рулевого на гиляцкой лодкѣ. Гиляки наотрѣзъ отказались итти въ устье рукава. Ихъ замѣнили своими матросами.

Всѣ мы, оставшіеся на пароходѣ, внимательно и съ нѣкоторымъ опасеніемъ слѣдили за движеніями лодки. Войдя въ толчею на барѣ, она недолго кувыркалась въ бѣшеныхъ волнахъ и повернула къ намъ.

— Ну, что?—спрашиваемъ мы хоромъ угрюмо насупившагося рулевого.

— Намъ нельзя итти: футъ пять будетъ,—суровымъ голосомъ замѣтилъ старый морякъ.

Всѣ обратились ко мнѣ.

— Нашъ пароходъ,—сказалъ я имъ,—сидитъ въ водѣ немного менѣе пяти футъ, и на такой волнѣ онъ непремѣнно стукнется о дно. Правда, по характеру берега здѣсь нельзя ожидать камней на барѣ, но и въ песокъ непріятно врѣзаться.

— Я беру на себя всю отвѣтственность,—вдругъ крикнулъ чиновникъ И—въ.—Пойдемте!

— Хорошо,—покорно согласился я, не зная навѣрно, долженъ ли я его слушаться. Потомъ, когда мы вернулись домой, начальникъ округа сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, зачѣмъ я позволялъ вмѣшиваться чиновникамъ въ управленіе судномъ.

Отпустивъ гиляковъ съ ихъ лодкой на берегъ, мы полнымъ ходомъ понеслись къ устью Віахты. Я очень не противился И—у: у меня была надежда, что мы благополучно проскочимъ, потому что приливъ все еще увеличивался.

Пароходъ сперва сталъ нырять, какъ утка, а, приблизившись къ пугающему бару, замотался во всѣ стороны.

Вдругъ: трахъ... трахъ... трахъ! Послышались его удары о дно, и онъ вошелъ въ рукавъ озера.

Съ радостными восклицаніями мы стали пробираться по узкому

фарватеру все дальше и дальше и остановились у самаго селенія Віахты.

Потушивъ огонь въ печахъ и выпустивъ изъ котла воду, мы всѣ до одного съѣхали на берегъ, гдѣ устроили изъ брезента палатку, разложили на травѣ пледы и подушки, запалили костеръ для приготовленія обѣда и принялись опустошать свою «бакалейную лавочку». Вышло въ полномъ смыслѣ «возлежаніе». Одному мнѣ не пришлось долго кейфовать. Я поторопился закусить и пошелъ шагать по изгибамъ береговъ, нанося ихъ на планъ. Мнѣ хотѣлось основательно обслѣдовать входъ въ озеро. И только поздно вечеромъ я вернулся на лодкѣ къ нашему лагерю, съ трудомъ пробираясь по сильно обмелѣвшему фарватеру: былъ отливъ, и нашъ пароходъ открылся до киля.

Ночевали всѣ вмѣстѣ въ повалку на сѣнѣ въ солдатскомъ кордонѣ.

Рано утромъ я поспѣшилъ до нашего отъѣзда сдѣлать промѣръ въ устьѣ рукава. Тамъ я нашелъ, кромѣ вчерашняго, еще два выхода, и одинъ изъ нихъ настолько глубокій, что мы смѣло могли выйти въ море, не опасаясь за свое суденышко. Этотъ проходъ я обозначилъ створными знаками на берегу.

Отъ Віахты къ сѣверу тянулся низкій песчаный берегъ. Часа черезъ три, пользуясь приливомъ, мы завернули за далеко выдающійся въ море мысъ Тыкъ и подошли къ гиляцкому селенію. Насъ привѣтливо встрѣтила цѣлая группа гиляковъ во главѣ съ ихъ уважаемымъ патріархомъ Оркуномъ. Я заглядѣлся на этого высокаго, сѣдовласаго старца, но еще крѣпкаго, съ розовымъ лицомъ и съ чрезвычайно симпатичной улыбкой. Онъ любезно пригласилъ зайти въ его просторную деревянную юрту, гдѣ также проживали его семейныя дѣти. При входѣ, среди вороха посуды и разнаго домашняго скарба копошилась старуха; нѣсколько далѣе молодая гилячка что-то шила и въ то же время покачивала ребенка въ люлькѣ. Мы съ любопытствомъ осмотрѣли стѣны юрты, увѣшанныя разнымъ оружіемъ, одеждою и шкурами животныхъ. Посреди на полу стоялъ большой деревянный ящикъ, набитый пескомъ. Это былъ очагъ съ тлѣющими углями подъ золой. На крышѣ отверстіе для выхода дыма. Кругомъ вдоль стѣнъ тянулись широкія нары. Рядомъ со мной усѣлся на нихъ хозяинъ юрты, старикъ Оркунъ, рѣзко отличавшійся отъ всѣхъ другихъ гиляковъ своими колоссальными размѣрами.

Замѣтивъ маленькую рѣзную фигурку медвѣдя, прикрѣпленную къ его одеждѣ, я попросилъ объяснить мнѣ ея значеніе.

— Шибко боли здѣсь,—указывая на ноги, сказалъ старикъ.— Нашъ шаманъ далъ мнѣ этого медвѣдя, чтобы онъ мало-мало кусай мою болѣзнь.

Подобныя привѣски, въ видѣ рыбъ и животныхъ, какъ симпа-



Общій видъ Александровскаго поста.

тическія средства противъ различныхъ болѣзней, очень распространены здѣсь между инородцами.

Изъ всего видѣннаго въ гиляцкой юртѣ особенно понравилась мнѣ дѣтская люлька. Это было маленькое деревянное корытцо, выдолбленное по росту малютки. Въ корытцо кладется собачья шкура, въ которую завертываютъ совершенно голаго ребенка, протягивая ему руки и ноги. Сверху люлька затягивается тесьмой. Ребенку въ ней и тепло, и удобно. Онъ не чувствуетъ нигдѣ никакого давленія, какъ это случается при нашихъ свивальникахъ, и мать спокойно носитъ это корытцо за своими плечами, не боясь за перегибъ спинного хребта младенца. Чтобы люлька всегда оставалась сухою, ребенку подкладываютъ мягкую, въ видѣ желобка, полоску бересты, конецъ которой подходитъ къ небольшому отверстію въ нижнемъ концѣ корытца. На четырехъ длинныхъ ремняхъ люлька можетъ подвѣшиваться горизонтально. Но если ребенокъ бодрствуетъ, два нижнихъ ремня отстегиваются, и люлька повисаетъ вертикально только на переднихъ двухъ.

Какъ разъ мы и застали ребенка въ такомъ именно положеніи. Мать ему высвободила рученки, и онъ, качаясь въ люлькѣ, представлялъ изъ себя видъ топчущагося на нарахъ.

XXXI.

У мыса Невельского.—Лоцманскія замѣтки.— Самое узкое мѣсто пролива. —Погоби.—Побѣгъ каторжниковъ на паровомъ катерѣ.—Отсутствіе каботажнаго флота у сахалинцевъ.—Возвращеніе въ Тыки.—Въ гостяхъ у тунгусовъ.—Послѣ отлива.

У нѣкоторыхъ изъ насъ было тайное желаніе пробраться къ Николаевску на Амурѣ, и потому мы скоро оставили гиляцкое селеніе Тыки. Итти прямо на сѣверъ вдоль сахалинскаго берега нельзя: слишкомъ мелко. Надо было выходить на корабельный фарватеръ, близъ гористыхъ береговъ материка. Къ ночи мы подобрались къ пустыннымъ обрывистымъ скаламъ мыса Невельского. Недоступный каменистый берегъ не пустилъ насъ высадиться, и мы всѣ остались на пароходѣ. Здѣсь невольно вспомнился Невельской. Ни французъ Лаперузъ, ни англичанинъ Браутонъ, ни Крузенштернъ, не могли разрѣшить загадки: соединяется ли Сахалинъ съ материкомъ перешейкомъ, или представляетъ изъ себя островъ. Только русскому моряку Невельскому, въ свое время неусыпному труженику на дальнемъ востокѣ, удалось разрѣшить этотъ спорный вопросъ и присоединить къ Россіи новый край, вопреки желанію высшаго начальства.

Убаюканные легкою зыбью пролива Невельского (отсюда къ сѣверу Татарскій проливъ принимаетъ другое названіе въ честь нашего изслѣдователя), мы сладко заснули, кто гдѣ нашелъ удобнымъ. Четверо улеглись въ каютѣ, а для меня нашлось мѣсто на машинномъ кожухѣ подъ открытымъ небомъ. Завернувшись въ дождевикъ, я проспалъ до самаго утра. Удивительно: цѣлые дни ходишь въ мокрыхъ одеждахъ, въ сапогахъ, наполненныхъ водою,—и ничего! Здоровъ, и даже насморка не было.

Чуть солнышко позолотило вершины горъ, не теряя дорогого времени, мы двинулись далѣе на сѣверъ. Хотѣли пробраться къ гиляцкому селенію Уанги на сахалинскомъ берегу, но песчаная отмель и утренній туманъ не допустили насъ къ этому селенію.

Постоянное исканіе фарватера и переходы съ одного берега на другой давали мнѣ отличный матеріалъ для составленія лоціи пролива, то-есть для описанія условій здѣшняго плаванія. Цѣлые дни, не выпуская записной книги изъ рукъ, я или записывалъ свои замѣтки, или рисовалъ виды береговъ.

При взглядѣ на карту Сахалина, мнѣ всегда казалось, что самое удобное мѣсто для переправы бѣглыхъ каторжниковъ съ острова на материкъ—это сѣверный кордонъ Погоби, противъ мыса Лазарева. Здѣсь проливъ имѣетъ ширину около 9-ти верстъ, то-есть приблительно равняется разстоянію Кронштадта отъ Ораніенбаумскаго берега. На самомъ же дѣлѣ, тутъ-то меньше всего и переправляются бродяги. Ихъ, пожалуй, не испугали бы сотни двѣ верстъ обходнаго пути по тайгѣ изъ Александровскаго поста до Погоби, какъ нибудь миновали бы и гиляцкія селенія, но для нихъ страшенъ здѣшній кордонъ съ солдатами, да и самъ проливъ въ узкомъ мѣстѣ имѣетъ очень сильное теченіе: непремѣнно отнесетъ далеко въ сторону. Кромѣ того, неблагопріятны и противоположные берега для высадки. Одно только и заманчиво, что здѣсь самое узкое мѣсто пролива, и потому недалеко до материка. Горы Лазарева мыса обольстительно выступаютъ, даже и въ пасмурную погоду, и дразнятъ бродягъ своею близостью. Новичекъ, можетъ быть, и сунется сюда попытать счастье; но у большинства сложилось мнѣніе, что Погоби (гиляцкое названіе)—погибельное мѣсто, и старые бродяги предпочитаютъ пройти еще дальше къ сѣверу, гдѣ изъ Николаевска переправляется зимой на нартахъ почта.

Мы подходили къ Погоби въ 10-мъ часу дня. У нѣкоторыхъ явилось опасеніе, пропустятъ ли насъ солдаты.

— Они могутъ подозрѣвать на нашемъ пароходѣ сбѣжавшихъ каторжниковъ и, пожалуй, станутъ стрѣлять,—замѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ.

— Ну, вотъ выдумали! Развѣ у бродягъ есть паровыя суда?—возразилъ его товарищъ.

— А вы развѣ забыли, какъ каторжные убѣжали ночью на паровомъ катерѣ?...

— И что же?—вмѣшался я въ ихъ разговоръ.—Благополучно перебрались?

— Нѣтъ. Обрадовавшись, что удрали незамѣченными, они перепились, разожгли печи, подняли паръ, пошли самымъ полнымъ ходомъ, а воду въ котлѣ упустили. Ну, и взрывъ! Изъ нихъ только одинъ остался цѣлъ, выбрался на берегъ (недалеко было) и разсказалъ о несчастной судьбѣ катера.

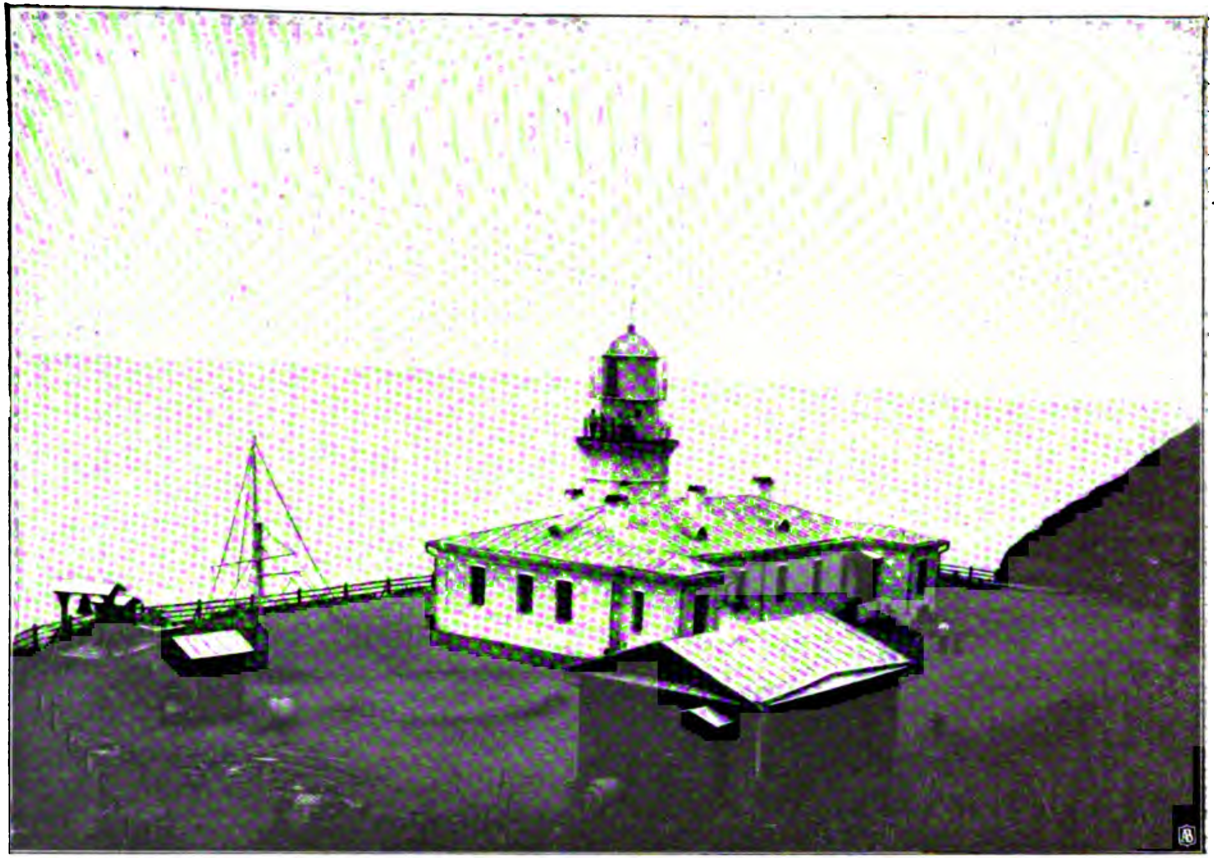
Къ нашему удивленію, на пароходные свистки солдаты не только не отвѣчали ружейными выстрѣлами, но не показывались на берегу и шлюпки не прислали.

Пришлось ѣхать на своей лодченкѣ. Захватили провизію, чтобы сварить обѣдъ на берегу.

У самаго кордона встрѣтили ихъ солдаты. Оказывается, у нихъ нѣтъ своей лодки. Можетъ быть, и тутъ начальство руководилось тѣмъ принципомъ, чтобы уничтожить всѣ средства сообщенія съ материкомъ. Безъ сомнѣнія, если изъ сахалинской столицы каторжные таскаютъ гички и паровые катера, то на кордонѣ они сумѣютъ утащить лодку изъ-подъ самаго носа солдата. Зато эта мѣра крайне тяжело отзывается на поселенцахъ. Обыкновенно всѣ островитяне черпаютъ свое богатство главнымъ образомъ изъ моря, но для сахалинцевъ ихъ Охотское море и Татарскій проливъ служитъ только ненавистною оградою отъ другого міра. Каботажное плаваніе и морскія промысла для сахалинскаго поселенца и даже для крестьянина не существуютъ, какъ для японцевъ, курильцевъ, китайцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ.

Предпріимчивый С. Гр. Юркевичъ, въ бытность свою учителемъ Дербинской сельской школы, подалъ чрезъ начальника округа просьбу—разрѣшить ему постройку небольшой деревянной шхуны для перевозки лѣсныхъ матеріаловъ, бондарныхъ и столярныхъ издѣлій съ острова на материкъ. Сахалинское начальство распорядилось положить это прошеніе «подъ сукно». Не дождавшись отвѣта, учитель Юркевичъ уѣхалъ съ Сахалина на материкъ. Въ концѣ концовъ, кажется, рѣшено отказать ему. Въ то же самое время высшее начальство въ Хабаровскѣ и во Владивостокѣ занято соображеніями, какъ бы развить среди русскаго населенія каботажное плаваніе въ Японскомъ и Охотскомъ моряхъ.

Мы не пошли на сѣверъ далѣе Погоби. Тамъ не было ни русскихъ селеній, ни кордоновъ. А итти въ Николаевскъ опасались: угля не хватитъ. Повернули на ночевку опять къ гилякамъ въ Тыки. Недалеко отъ этого селенія расположилось кочевье тунгусовъ. Ихъ конусообразныя юрты среди лѣса напомнили мнѣ индѣйскіе вигвамы въ иллюстраціяхъ эмаровскихъ романовъ. Пройдя мимо оленей и сердитыхъ собакъ, которыхъ удерживали тунгусы, мы наудачу зашли въ одинъ изъ конусовъ. Тамъ сидѣла молодая женщина въ розовомъ ситцевомъ платьѣ городскаго покроя, и сама



Жонкіерскій маякъ.

такая розовая, мило улыбающаяся, съ маленькими бѣлыми ручками.

«Горничная изъ барскаго дома»,—подумалъ я про себя. А когда она заговорила совершенно чисто по-русски, нашему удивленію не было границъ. Мои догадки оправдались: она жила въ одномъ изъ амурскихъ городовъ въ услуженіи у какихъ-то господъ.

Вообще тунгусы, въ противоположность гилякамъ, скоро усвоиваютъ русскую культуру и охотно крестятся.

Вечеромъ нашимъ глазамъ представилось невиданное раньше зрѣлище. Тамъ, гдѣ днемъ было необозримое море, теперь во время отлива открылась ровная песчаная равнина широкая и далекая, куда глазъ хватаетъ, и только узкая полоска воды у самаго мыса казалась каналомъ среди пустыни. Я не утерпѣлъ, чтобы не побродить по влажному песку. Кое-гдѣ попадалась лента морской капусты да забытая моремъ небольшая ракушка. Низкіе берега тоже не могутъ похвастаться разнообразіемъ растительности: тундровая почва покрыта лишь мхами да жидкими низкорослыми деревьями.

XXXII.

Гиляцкіе склады провизіи.—Просьба гиляка.—Селеніе Танги.—Распря русскихъ съ гиляками.—Гиляцкія собаки.—Богачъ Гилелька.—Селеніе Мгачи.—Покинутая баба.—Береговыя селенія.—Промѣръ Александровскаго рейда.—Англичане въ гостяхъ на Сахалинѣ.

Переночевавъ опять на пароходѣ, мы еще разъ съѣхали въ деревню Тыки проститься съ гиляками и запастись отъ нихъ рыбою и живыми лебедями. Они ловятъ молодые выводки гусей и лебедей и выкармливаютъ ихъ въ большихъ деревянныхъ ящикахъ; а чтобы не могли добраться до нихъ собаки, воздвигаютъ ихъ на высокихъ столбахъ. Въ этихъ же ящикахъ они устраиваютъ склады для рыбы и вообще для всякой провизіи.

На прощаньи подошелъ къ намъ одинъ гилякъ и на трудно понимаемомъ языкѣ началъ излагать какую-то жалобу. Лицо его выражало сильное страданіе и принимало морщинистый видъ плачущаго человѣка, но слезъ я не видѣлъ.

Наконецъ, съ помощью другихъ гиляковъ выяснилось, что у него отняли его мамку (жену) и увели въ другое селеніе, а теперь онъ проситъ, чтобы начальство распорядилось ее вернуть ему. Чиновники обѣщались.

Это не первый случай, что гиляки обращаются съ подобною просьбою къ сахалинской администраціи. Такія крупныя дѣла, какъ похищеніе жены, обыкновенно рѣшались у нихъ родомъ, но въ

настоящее время немноголюдные и разбросанные на сотни верстъ гиляцкіе роды часто бываютъ безсильны въ своихъ постановленіяхъ. Мало-помалу гиляки утрачиваютъ свое патріархальное самоуправленіе, и уваженіе къ старшимъ въ родѣ замѣняется страхомъ предъ русскими **найонами**, т.-е. чиновниками.

Мы выѣхали во время прилива изъ Тыки и направились къ югу. Погода на этотъ разъ намъ благопріятствовала. Теплый солнечный день, спокойное море, близость береговъ, дѣлали изъ этого путешествія пріятную морскую прогулку. Чтобы выполнить до конца возложенную на насъ задачу, мы рѣшили теперь, на обратномъ пути, заѣхать въ пропущенныя селенія: въ Трамбаусъ, Танги и Мгачи. Изъ нихъ по мѣстоположенію самое красивое Танги. Въ ущельѣ, между высокими зелеными горами, на берегу рѣки, лежали рядомъ два селенія: ближе къ морю гиляцкое, а за нимъ—русское. Это сосѣдство возбуждаетъ постоянныя ссоры между ними. Гиляки жалуются, что русскіе пришли въ ихъ селеніе и оттѣснили ихъ юрты въ маленькій уголокъ земли, грубо обижаютъ ихъ, портятъ сѣти, обворовываютъ и пр. Русскіе, съ своей стороны, жалуются, что злыя гиляцкія собаки кусаютъ ихъ скотъ и тѣмъ мѣшаютъ ему пастись на расчищенныхъ ими пастбищахъ. Чиновники постарались успокоить ту и другую сторону обѣщаніями, но у самихъ мнѣнія по этому вопросу тоже раздѣлились. Одни обвиняли гиляковъ, которые въ данномъ случаѣ мѣшаютъ развиться сельскому хозяйству нашихъ колонистовъ. Другіе же поддерживали право ихъ на эту землю, захваченную ими, когда о русскихъ на Сахалинѣ еще не было и помина.

Не только здѣсь, но и по всему Сахалину, гдѣ русскіе живутъ по близости гиляцкихъ селеній, возникаютъ жалобы гиляковъ. Сколько разъ они уступали мѣста своихъ юртъ русскимъ! Случалось такъ, что одинъ и тотъ же гилякъ строилъ третью или четвертую юрту. Собаки—это дѣйствительно слабое мѣсто гиляцкихъ селеній. Онѣ страшно злы и со всею яростью набрасываются на всякаго русскаго, какъ бы въ отместку русскимъ собакамъ, которыя большими стаями и съ сильнымъ лаемъ сопровождаютъ гиляковъ, когда они по какому нибудь дѣлу заберутся въ наше селеніе. Но особенно страшны гиляцкія собаки зимой, на ходу съ нартами. Въ это время онѣ сильно разгорячаются и проявляютъ тогда стадные инстинкты во всей силѣ. Стоитъ лишь первой броситься на человѣка, чтобы вся свора послѣдовала ея примѣру.

Въ Танги живетъ самый богатый гилякъ на Сахалинѣ, Гилелька. Онъ былъ у меня въ домѣ въ Рыковскомъ и поразилъ тогда своею манерою держаться очень развязно. Да и внѣшній видъ его былъ совершенно отличенъ отъ сопровождавшихъ его гиляковъ. Свѣжее розовое лицо и статная фигура говорили о его силѣ и здоровьѣ, хотя онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, судя по силь-

ной просѣди въ волосахъ. Надо было видѣть, съ какимъ подобострастіемъ относились къ нему бѣдные гиляки, въ родѣ нашего добродушнаго друга Канки! Гиляки не имѣютъ своей аристократіи, но они очень уважаютъ богатыхъ людей. Для нихъ Гилелька, казалось, былъ верхъ гиляцкаго счастія. Я въ шутку прозвалъ его «королемъ гиляковъ», и это прозвище ему, какъ видно, очень нравилось.

Въ двѣнадцати верстахъ южнѣе Танги было русское селеніе Мгачи, которое такъ гостепріимно намъ раскрылось въ туманѣ при первомъ путешествіи на «Князѣ Шаховскомъ».

Мы обошли въ немъ нѣсколько избъ. Въ одной изъ нихъ встрѣтила насъ баба среднихъ лѣтъ, повязанная платкомъ, ради нашего прихода.

— Ну, какъ поживаешь, тетка? Гдѣ твой мужикъ? — спрашиваемъ ее.

— Уѣхалъ на заработки въ Николаевскъ, да вотъ второй годъ и жду его...

И баба заплакала, утираясь концомъ платка.

— Если бы мужикъ былъ,—продолжала она изливать давно накипѣвшее горе, — тогда еще можно было бы кое-какъ управиться, а то что я одна? Бросаешься туды—сюды, а какая бабья работа, сами знаете! Обѣщалъ пріѣхать въ скорости. Сначала жила я еще, ничего, вотъ, думаю, скоро пріѣдетъ, денегъ привезетъ, а онъ... И опять слезы.

Эта баба нѣсколько охладила наше праздничное настроеніе, и мы скоро окончили нашъ обходъ.

Мгачи, какъ и другія раньше упомянутыя мною селенія—Танги, Хоэ, Трамбаусъ, Віахты и Ванги—построены по берегу моря, какъ станціи почтоваго зимняго тракта въ Николаевскъ. Здѣшніе поселенцы мало занимаются хлѣбопашествомъ, да и при желаніи, кромѣ огородныхъ овощей, здѣсь трудно выростить какой либо хлѣбъ. Главною помѣхою этому — морскіе туманы. Волей-неволей береговые жители стали заниматься извозомъ, немногіе охотою на пушного звѣря, да посредничествомъ при обмѣнѣ сахалинскихъ произведеній (главнымъ образомъ мѣховъ) на русскіе товары. Тайная продажа спирта при этомъ служитъ имъ главной прибыльной статьей.

Сдѣлавъ за пять дней около 250 миль плаванія, изъ Мгачей въ тотъ же день вечеромъ мы прибыли въ Александровскій постъ.

Въ промежуткахъ между своими путешествіями по сахалинскимъ берегамъ я занимался промѣромъ бухты Александровскаго поста. Сначала я повелъ промѣръ правильными квадратами, выставляя створныя вѣхи на берегу и на водѣ; но чѣмъ дальше уходилъ въ море, тѣмъ труднѣе было удержать ихъ на бурномъ волненіи рейда. Выставленными вѣхами можно было пользоваться очень короткое время: сильное теченіе, даже въ тихую погоду, къ вечеру уже уно-



Берегъ между мысомъ Жонкіеръ и Дуэ.

сило ихъ за Жонкіерскій мысъ, а въ бурю, когда бухта представляла изъ себя кипящій котелъ, онѣ были разбросаны по берегамъ. Эта возня съ вѣхами, которыя ставились не на чугунномъ балластѣ, а на остропленныхъ камняхъ, мнѣ надоѣла, и я перемѣнилъ способъ работы. Съ одного парохода мнѣ удалось достать старенькій секстанъ, и, благодаря ему, я могъ опредѣлять мѣсто каждаго измѣренія глубины, независимо отъ створныхъ вѣхъ, по угламъ береговыхъ предметовъ.

Работа пошла поживѣе. Я торопился не потому, что лѣто кончается, сколько ради Маріи Антоновны, оставшейся на метеорологической станціи въ Рыковскомъ безъ моей помощи. У нея и такъ было много своего дѣла въ аптекѣ и въ больницѣ, а тутъ еще вслѣдъ за чахоткой стала развиваться водянка ногъ, и она съ трудомъ двигалась. Но, какъ всегда, когда заторопится человѣкъ, тутъ-то ему и идутъ на встрѣчу препятствія еще въ большемъ числѣ. Все, что было обѣщано мнѣ въ первые дни моего пріѣзда въ Александровку, оказалось не такъ-то доступнымъ. Мнѣ, напримѣръ, обѣщана лошадь на пристань. Но при первой попыткѣ воспользоваться ею я встрѣтилъ множество препятствій со стороны кучеровъ, надзирателей и др., такъ что махнулъ на нихъ рукой и сталъ ходить пѣшкомъ. Обѣщанъ былъ для работъ паровой катеръ, но придешь на пристань, а тамъ говорятъ, что всѣ катера распредѣлены на другія экстренныя работы [1]). И я нанималъ простую гиляцкую лодку. Обѣщаны необходимые матеріалы, веревки, лѣсъ и пр., и кончалось тѣмъ, что я иное покупалъ въ лавкахъ на собственный счетъ, иное, какъ, напримѣръ, секстанъ, лотъ и др., доставалъ черезъ знакомыхъ на пароходахъ.

Особенно обидно было видѣть контрастъ моихъ работъ и иностранцевъ, когда пришло на Александровскій рейдъ англійское военное судно. Я дѣлаю промѣръ на дрянной лодченкѣ, едва удерживая ее на назначенномъ курсѣ, а рядомъ англичане на отличномъ катерѣ быстро промѣрили входъ въ рѣку, потомъ подошли къ скаламъ у мыса Жонкіеръ, къ такъ называемымъ «Тремъ братьямъ» и между ними поискали прохода. Очевидно, это дѣлалось не для торговыхъ цѣлей. Я вскользь замѣтилъ нѣкоторымъ чиновникамъ, что англичане не имѣютъ права дѣлать промѣра бухты. Но сахалинское начальство, съ русскимъ добродушіемъ раскрывъ всѣ двери широкаго гостепріимства, въ это время было только озабочено, какъ бы

---

[1]) Въ мое время въ распоряженія сахалинской администраціи были три-четыре паровыхъ катера и нѣсколько деревянныхъ баржъ. Работы для нихъ всегда было очень много. Кромѣ разгрузки приходящихъ пароходовъ, они развозили провизію и матеріалы по береговымъ селеніямъ острова. Катерами буксировали также плоты новаго лѣса, заготовленнаго на морскомъ берегу нѣсколько сѣвернѣе Александровскаго поста.

получше принять и занять своихъ гостей. Откровенность русской души на распашку дошла до того, что показали англичанамъ и заковку въ кандалы, и пресловутую «кобылу» тюрьмы, и розги, и позорный кнутъ, называемый здѣсь «плетью». Въ концѣ концовъ одарили ихъ произведеніями сахалинскихъ мастеровыхъ—издѣліями изъ наплывовъ (особенность сырого климата на Сахалинѣ вызываетъ большіе болѣзненные наросты на стволахъ деревьевъ, или наплывы. Въ разрѣзѣ эти наросты представляютъ изъ себя красивые узоры, почему они употребляются для фанеръ. Сахалинскую мебель изъ наплывовъ можно встрѣтить и въ столицахъ у лицъ, имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ администраціею острова).

Англичане, обмѣривъ бухту и собравъ нужныя имъ свѣдѣнія, отправились въ де-Кастри, во Владивостокъ и въ другіе заливы Великаго океана, но тамъ, какъ я потомъ узналъ, не такъ легко и просто имъ было сдѣлать промѣръ.

Какъ бы то ни было, я одолѣлъ стихію и на лодкѣ гиляцкаго устройства. Оставалось теперь нанести промѣръ на свою карту, къ чему я уже и приступилъ вмѣстѣ съ чертежникомъ Загаринымъ, какъ вдругъ произошло новое отвлеченіе отъ работъ.

XXXIII.

На пароходѣ «Стрѣлокъ».—Западный берегъ Сахалина.—Бухта Маука.—Мысъ Крильонъ и Камень Опасности.—Крушеніе парохода «Кострома».—Арестанты въ запертомъ трюмѣ.—Спасеніе экипажа.—Человѣческая жертва.

Сахалинское начальство зафрахтовало пароходъ Шевелева и К° «Стрѣлокъ» для отправки груза изъ Корсаковскаго поста въ заливъ Терпѣнія, гдѣ при устьѣ большой рѣки расположился постъ Тихменевскій. Командиръ «Стрѣлка», Иванъ Мартыновичъ Эриксонъ, какъ разъ въ это время заболѣлъ и слегъ въ постель. Ему предложили взять меня на время этого путешествія. Къ обоюдному удовольствію, вечеромъ я переѣхалъ на пароходъ къ Ивану Мартыновичу, а въ полночь на 6-е августа мы снялись съ якоря и направились на югъ къ мысу Крильонъ. Изъ сахалинцевъ съ нами былъ только одинъ чиновникъ И—въ, неразлучный спутникъ въ моихъ путешествіяхъ по здѣшнимъ морямъ.

По уговору съ помощникомъ командира, первая вахта въ морѣ была моя. Миновавъ огни поста Дуэ, мы больше не видѣли ихъ въ продолженіе всей ночи. На западномъ берегу Сахалина, южнѣе Александровскаго поста, на протяженіи сотенъ верстъ, очень мало населенныхъ пунктовъ. Ради угольныхъ копей оживилось мѣстечко у рѣки Сертупой, да въ другомъ мѣстѣ, въ бухтѣ Маука,—главный

складъ морской капусты. Вдоль этихъ береговъ идетъ гряда камней. Вотъ на нихъ-то и ловятъ широкія ленты этой водоросли. Цѣпь камней прорывается противъ Маука, благодаря чему образуется проходъ въ то водное пространство, которое защищено отъ бурнаго моря этою грядою. Но и здѣсь представляется опасность отъ сильнаго теченія, развивающагося въ камняхъ при извѣстномъ вѣтрѣ, такъ что нашъ «Стрѣлокъ», какъ-то разъ зайдя туда, потерпѣлъ аварію и едва выбрался цѣлъ.

Сначала была погода сѣренькая, но тихая, а вечеромъ 7-го августа, когда мы подходили къ самому южному мысу—Крильону, насъ встрѣтила огромная волна. Съ этого мыса въ ясную погоду бываютъ видны горы японскаго острова Мацмая.

Нашъ пароходъ справился съ волненіемъ и, благополучно миновавъ Камень Опасности, повернулъ въ заливъ Анива.

Камень Опасности—голый каменистый островокъ—лежитъ среди пролива Лаперуза, т. е. тамъ, гдѣ раздѣляются двѣ имперіи и соединяются два моря—Охотское и Японское. Въ туманную погоду онъ дѣйствительно очень опасенъ для мореплавателей, потому что отъ него на далекое разстояніе тянутся подводные рифы. Впрочемъ, его нельзя назвать голымъ. Онъ всегда покрытъ безчисленнымъ множествомъ огромныхъ сивучей, котиковъ и разныхъ другихъ тюленей, которые служатъ своими криками предупреждающей сиреной объ опасности.

Недалеко отъ этого островка было мѣсто гибели парохода Добровольнаго флота «Кострома». Натолкнула его сюда не буря, а туманъ—это страшилище сахалинскихъ береговъ. Пароходъ шелъ съ ссыльно-каторжными въ Александровскій постъ. Погода была тихая, слегка туманная. Наступилъ вечеръ. Случившійся на пароходѣ священникъ спустился въ трюмъ къ каторжнымъ на молитву. Только что сотни двѣ голосовъ затянули «Отче нашъ», какъ послышался ударъ парохода о камень, и машина остановилась. Мгновенно священникъ выскочилъ на палубу. Люкъ закрыли. Каторжные, смутно предчувствуя что-то недоброе, стали прислушиваться. На палубѣ безпокойная топотня и рѣзкіе крики командующихъ офицеровъ. Разсмотрѣть что либо черезъ иллюминаторъ нельзя было: вечернія сумерки и сгустившійся туманъ скрывали берега острова. Арестанты стали вслухъ дѣлать догадки, что пароходъ пробилъ себѣ днище и потому долженъ пойти ко дну. Нѣкоторые пробовали кричать, чтобы открыли люкъ и выпустили ихъ на палубу. Но на верху было не до каторжныхъ. Тамъ еще не знали, въ какомъ положеніи находится пароходъ, а слѣдовательно—и ихъ жизнь.

И объ арестантахъ въ это время, конечно, меньше всего заботились. Важно, чтобы они не выходили на палубу и не произвели смуты. Люки закрыты, и съ этой стороны администрація парохода была покойна. Но если была еще надежда на спасеніе у свобод-



Корсаковскій постъ на о. Сахалинѣ.

ныхъ людей на палубѣ, то у запертыхъ арестантовъ она совершенно исчезала.

— Отворите! Отворите!—кричали они все сильнѣе и сильнѣе.

Нѣкоторые въ безсильной ярости потрясали толстую желѣзную рѣшетку, отдѣляющую ихъ отъ узенькаго коридора, ведущаго къ выходному трапу. Наступившая тьма еще болѣе увеличивала ужасъ этой тѣсной толпы людей.

Вдругъ раздался рѣзкій пронзительный крикъ:

— Вода! Тонемъ!

И сразу пронесся ужасный вой плачущихъ арестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, хлынувшая вода въ пробитое днище дошла до арестантскаго трюма и съ каждымъ мгновеніемъ подымалась все выше и выше. У всѣхъ мелькнуло въ сознаніи, что еще нѣсколько минутъ, и пароходъ погрузится въ воду. Адскіе вопли, истерическія рыданія и отчаянные крики, сопровождаемые громкими ударами въ верхнюю палубу, наполняли эту страшную тьму. Въ тѣснотѣ люди метались по водѣ изъ угла въ уголъ, давя другъ друга.

— Отворите! Отворите!—все еще слышалось среди этого хаоса. Большинство прощались съ земной жизнью и отчаянно молились. Нѣкоторые дѣлали петли, чтобы повѣситься и сразу покончить свои муки. Только небольшая кучка политическихъ ссыльныхъ сбилась въ одно мѣсто и безмолвствовала.

Наконецъ, на верху опредѣлилось положеніе парохода: получивъ пробоину, онъ основательно сѣлъ на камень, имѣя впереди и позади себя достаточную глубину, чтобы погрузиться на дно морское вмѣстѣ съ трубою. Всѣ мысленно благодарили судьбу, что они застряли на камнѣ, а не проскочили черезъ этого виновника ихъ несчастія. Сейчасъ же на шлюпкѣ послали офицера по направленію къ берегу. Къ счастью, онъ оказался довольно близко. Когда объ этомъ узнали на «Костромѣ», всѣ вздохнули свободно: спасеніе обезпечено.

Пришло время вспомнить и о несчастныхъ арестантахъ. Къ ихъ радости открылся люкъ, показался свѣтъ огня, и властный голосъ объявилъ имъ, что бояться больше нечего: пароходъ крѣпко засѣлъ на камнѣ, и вода въ трюмъ выше не подымется. Арестантамъ приказано было не кричать и не шумѣть, а для большаго успокоенія пригрозили въ случаѣ непослушанія задушить ихъ горячимъ паромъ изъ трубки, спеціально проведенной на такой случай въ арестантскомъ отдѣленіи.

Всѣ стали завѣрять о своей покорности и обѣщались вести себя смирно, какъ овцы... И въ самомъ дѣлѣ, когда командиръ распорядился перевозить все необходимое и цѣнное на берегъ, арестанты оказали удивительное усердіе, помогая матросамъ до тѣхъ поръ, пока пароходъ не покинули на произволъ ненасытнымъ волнамъ.

Чтобы закончить описаніе этого печальнаго событія, упомяну еще о грустномъ эпизодѣ наказанія одного изъ интеллигентныхъ



Аины на о. Сахалинѣ.

арестантовъ за то, что онъ, очутившись первый разъ въ своей жизни на берегу моря, осмѣлился нѣсколько отдалиться отъ лагеря для сбора раковинъ [1]). Какъ будто нужна была жертва съ пролитіемъ крови за спасеніе экипажа парохода и 235 человѣкъ каторжныхъ...

Но возвращаюсь къ прерванному повѣствованію о нашемъ путешествіи на «Стрѣлкѣ» въ сахалинскій заливъ Терпѣнія.

XXXIV.

Корсаковскій постъ.—Японская джонка.—Выходъ въ Охотское море.—Инженеръ-угольщикъ. — Киты и морскіе котики. — Тюленій островъ. — Хищники-японцы.— Постъ Тихменевскій.— Переговоры съ японцами.— Выгрузка провизіи.— Ночныя блужданія.

Въ 10 часовъ вечера, мы пришли къ Корсаковскому посту, въ глубинѣ залива Анива, и стали на якорь. Здѣсь «Стрѣлокъ» долженъ былъ забрать муку, крупу, солонину и отвезти все это въ два пункта на восточномъ берегу Сахалина. Начальникъ Корсаковскаго округа Ч. былъ въ отсутствіи, а безъ него намъ ничего не могли выдать. Только на другой день, съ его пріѣздомъ, матросы приступили къ нагрузкѣ провизіи. Я воспользовался этимъ временемъ и, сдѣлавъ нужныя замѣтки для лоціи, обошелъ все селеніе съ чиновникомъ И—ъ. Корсаковскій постъ—это главный городъ южнаго округа. Расположенный на гористомъ берегу моря, онъ выглядитъ довольно красиво среди густой зелени. Впрочемъ, здѣсь существуетъ только одна главная улица, круто подымающаяся въ гору и потому вся открытая съ моря; все же остальное, что внѣ этой улицы, какъ-то скрадывается холмами и зеленью. Заглянувъ по дорогѣ въ церковь, въ тюрьму и въ другія достопримѣчательныя зданія, я поѣхалъ къ японцамъ въ гости.

На рейдѣ стояло нѣсколько джонокъ. Одна была стараго типа, какую теперь трудно встрѣтить и въ самой Японіи. Говорятъ, японское правительство запрещаетъ своимъ подданнымъ совершать на такихъ опасныхъ судахъ далекія плаванія. Мы выбрали именно ее для своего обозрѣнія. По примѣру японцевъ, которыми кишѣла джонка, мы влѣзли въ небольшую бортовую дыру этого чудища, собраннаго изъ малыхъ дощечекъ, съ поднятою кормою и съ дракономъ на носу, и очутились среди комнаты, устланной цыновками. Тамъ немало удивились нашему приходу и принялись угощать зеленымъ чаемъ и рисовыми конфетами. Та комната, или каюта,

---

[1]) Этотъ несчастный молодой человѣкъ, помучившись нѣкоторое время послѣ такого нравственнаго униженія, безслѣдно исчезъ на Сахалинѣ.

въ которой мы сидѣли по-японски, на корточкахъ, вся состояла изъ множества лакированныхъ желтыхъ, красныхъ и черныхъ щитиковъ. Все это разборное, подвижное и напоминало что-то игрушечное.

Намъ пришлось еще сходить къ японскому консулу, проживавшему среди прекраснаго сада, въ сторонѣ отъ города. У него мы запаслись бумагою, которая приглашала японцевъ помочь намъ выгрузить провизію въ Тихменевскомъ посту.

Вечеромъ, мы вышли въ море. Раньше мои вахты были съ полдня и съ полночи, а теперь—съ 8 до 12 часовъ, и утромъ, и вечеромъ. Море было тихо, и вообще погода благопріятствовала для моихъ работъ по лоціи.

Въ нашей каютъ-компаніи появилось еще новое лицо, называвшее себя горнымъ инженеромъ. Поработавъ въ копяхъ около Александровскаго поста, теперь онъ ѣдетъ на берегъ Охотскаго моря поискать новыя залежи угля. Черный отъ угольной пыли, этотъ инженеръ скорѣе напоминалъ собою кочегара. Онъ только объ углѣ и говорилъ. Сначала его слушали съ жаднымъ вниманіемъ, но потомъ его требовательный и заносчивый тонъ сталъ раздражать каютъ-компанію. Кончилось тѣмъ, что на второй или на третій день онъ переругался со всею администраціею парохода и поспѣшилъ при первой возможности выѣхать на берегъ. По пути въ Тихменевскій постъ намъ попадались киты съ своими веселыми фонтанчиками. Охотское море—самое богатое мѣсто морскими животными. Около Шантарскихъ острововъ кишатъ всевозможныхъ видовъ киты, а здѣсь, въ заливѣ Терпѣнія,—морскіе котики. Это богатство жира и мѣховъ привлекаетъ сюда немало хищниковъ изъ Англіи и Америки. Русская инспекція за этимъ моремъ очень слабая. Одинъ военный пароходъ, конечно, не можетъ угоняться за цѣлою толпою иностранныхъ судовъ. Для охраны морскихъ котиковъ посылается еще отрядъ матросовъ съ двумя офицерами на Тюленій островъ у восточнаго берега Сахалина. Этотъ небольшой островокъ — любимое лежбище ластоногихъ животныхъ, и прежде онъ ими кипѣлъ, подобно Камню Опасности въ проливѣ Лаперузы. Несмотря на охрану острова, который въ нѣкоторомъ смыслѣ оказался тоже камнемъ опасности для моряковъ [1]), число морскихъ котиковъ быстро уменьшается, и въ настоящее время предсказываютъ скорое исчезновеніе этой породы тюленей. Полагаютъ, что иностранные хищники прослѣдили морскіе пути котиковъ и истребляютъ ихъ безъ разбора, и самцовъ и самокъ, при періодическихъ передвиженіяхъ ихъ въ открытомъ морѣ.

---

[1]) О томъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ потерпѣли на немъ крушеніе, см. процессъ 1897 г. во Владивостокѣ.

Въ нашихъ же водахъ плаваетъ также много японцевъ-хищниковъ; но у нихъ другой тайный промыселъ—рыба. На своихъ маленькихъ шхунахъ они прокрадываются въ устья сахалинскихъ рѣкъ и безпрепятственно ловятъ въ нихъ здѣшнюю лососину—кэту. Безцеремонность японцевъ иногда доходитъ до того, что, если они не перегораживаютъ буквально всей рѣки, отъ одного берега до другого, какъ подозрѣваютъ ихъ въ этомъ тымовскіе поселенцы, то все-таки употребляютъ такой способъ ловли рыбы, который затрудняетъ ей пройти въ верховья. Какъ только тымовскіе поселенцы не замѣчаютъ кэты въ своей рѣкѣ въ августѣ мѣсяцѣ, такъ ужъ они и знаютъ, что въ устьѣ Тыми работаютъ японцы[1]). Посылаютъ лодку съ солдатами; но пока она пройдетъ 200 верстъ до устья, японцы успѣютъ взять хорошій уловъ рыбы въ лучшую пору ея періодическаго движенія.

Идя полнымъ ходомъ въ тихую погоду ночью, нашъ пароходъ «Стрѣлокъ» легко нагонялъ парусныя шхуны японцевъ и сильно пугалъ ихъ своими огнями.

Полагая, что идетъ военное русское судно, они сворачивали въ сторону и удирали отъ насъ полнымъ вѣтромъ. Точно бѣлыя крылья чайки, справа и слѣва непрестанно мелькали распущенные паруса шхунъ и быстро пропадали въ ночномъ сумракѣ.

Рано утромъ, 10-го августа, мы подошли къ устью большой рѣки Пороная и стали на якорь. Въ 1805 г. адмиралъ Крузенштернъ нашелъ въ ней сходство съ петербургскою рѣкою и потому окрестилъ ее Невою, но это названіе удержалось только на географическихъ картахъ. Сильное теченіе этой рѣки, встрѣчая огромную волну съ моря, производитъ страшную толчею на барѣ. На хорошей морской шлюпкѣ мы едва пробрались черезъ него, чтобы высадиться у Тихменевскаго поста. Съ проведеніемъ сюда дороги изъ Рыковскаго и съ развитіемъ торговли рыбою и лѣсомъ это селеніе будетъ имѣть важное значеніе для Сахалина и, вѣроятно, сдѣлается административнымъ центромъ новаго округа, но въ описываемое мною время оно представляло изъ себя собраніе малаго числа жилыхъ домовъ да сараевъ, вѣроятно, для солдатскаго провіанта.

Какъ это мы и раньше предвидѣли, русскаго народа здѣсь очень мало. Туземное племя ороки или орочены—не моряки. Для выгрузки провизіи пришлось обратиться за помощью къ японцамъ. Въ ожиданіи рыбы въ рѣкѣ стояло нѣсколько японскихъ шхунъ. На хозяина одной изъ нихъ намъ указали, какъ на старшаго. Мы подали ему письмо консула и убѣдительно просили уговорить своихъ собратьевъ перевезти провизію съ парохода на берегъ. Нашимъ переводчикомъ былъ молодой орокъ, удивительно изучившій языки

---

[1]) Въ настоящее время съ японцевъ берутъ небольшую пошлину за рыбу.



Сахалинскіе аины.

всѣхъ приходящихъ сюда народовъ. Кромѣ родного орочонскаго, онъ зналъ гилякскій, аинскій, японскій и русскій языки. Переговоры, однако, затянулись часа на три. Удивительный лингвистъ оказался при этомъ и хорошимъ дипломатомъ. Ему удалось въ концѣ концовъ собрать толпу японцевъ и понудить ихъ ѣхать на русскихъ баркасахъ на пароходъ за провизіей.

Было довольно прохладно, но подвижные японцы довольствовались тропическимъ костюмомъ: на плечахъ легкая синяя накидка съ широкими рукавами, на головѣ повязанный вѣнкомъ платокъ да «цѣломудренный поясъ», нецѣломудренно лежащій на голомъ тѣлѣ. Вотъ и все ихъ одѣяніе. Иные сбрасывали съ себя даже верхнюю накидку. Живые и веселые, они все время работали, какъ бы шутя, съ покрикиваніями и пѣснями.

Погода была крайне неблагопріятна для выгрузки. Баркасы, проходя черезъ баръ, были обдаваемы волнами, и мука промокала въ морской водѣ. Я не знаю, былъ ли хоть одинъ мѣшокъ доставленъ на берегъ сухимъ. Но этого мало: случалось, что волны начинали захлестывать баркасъ, и японцы для облегченія его выкидывали мѣшки прямо за бортъ. На замѣчанія судовой команды они дерзко огрызались или смѣялись. Вольный народъ! Кончаютъ работы, когда хотятъ, начинаютъ—когда вздумается. Ни обѣщанія, ни просьбы, ни угрозы пожаловаться ихъ консулу не могли побѣдить упрямства этого низкорослаго, но чрезвычайно способнаго народа. Торопиться съ выгрузкой сахалинскому начальству былъ расчетъ: за каждый день оно платило хозяину парохода 140 рублей и, кромѣ того, давало свой уголь на все время плаванія. Дорого стоила наша мука для Тарайки[1])! Какъ ни бился чиновникъ И—ъ съ японцами, а раньше трехъ дней они не выгрузили провизіи.

По ночамъ мы снимались съ якоря и уходили по направленію къ Тюленьему острову. Это дѣлалось, чтобы внезапно поднявшаяся буря не застигла насъ ночью вблизи береговъ на открытомъ рейдѣ.

Когда идешь полнымъ ходомъ къ опредѣленному мѣсту, то обыкновенно терпѣливо стоишь на вахтѣ съ сознаніемъ важности своихъ обязанностей. Но если безцѣльно мотаешься въ морѣ самымъ малымъ ходомъ всю ночь до разсвѣта, то время кажется чрезвычайно длиннымъ, какъ въ пріемной въ ожиданіи аудіенціи. У мореплавателей были свои причины назвать эту часть моря заливомъ Терпѣнія, но мы, блуждая здѣсь на «Стрѣлкѣ» и борясь со сномъ всю ночь, теряли всякое терпѣніе.

---

[1]) Тарайкою гиляки называютъ всю мѣстность, прилегающую къ устью рѣки Пороная.



Орочены близъ залива Терпѣнія.

XXXV.

Постъ Мануэ.— Аины Сахалина и Мацмая.— Въ Лаперузовомъ проливѣ.— Морскія птицы.— Сивучи на Камнѣ Опасности.— Островъ Тотомосири.— Возвращеніе въ Александровскій постъ.— Опять въ Рыковскомъ.

Въ полдень, 12 августа, изъ залива Терпѣнія мы отправились на югъ въ постъ Мануэ, къ самому узкому мѣсту острова Сахалина. Послѣ цѣлаго ряда пасмурныхъ и бурныхъ дней наступила ясная и тихая погода. Не желая подходить въ темнотѣ къ неизвѣстной намъ бухтѣ Мануэ, съ двухъ сторонъ скрывающей опасные подводные камни, мы и эту ночь умышленно проболтались въ морѣ. Только на другой день утромъ «Стрѣлокъ» подошелъ къ берегу. Здѣсь мы нашли немного постовыхъ солдатъ да штейгера И—ва, молодого жизнерадостнаго человѣка, командированнаго на берегъ Охотскаго моря, тоже для розыска «уголька». Успокоившееся море отнеслось къ здѣшнимъ солдатамъ болѣе милостиво, и они могли благополучно выгрузить привезенную для нихъ провизію (около 500 пудовъ) на берегъ.

Сдѣлавъ промѣръ и описаніе бухты, цѣлый день я провелъ въ компаніи со штейгеромъ и нашимъ чиновникомъ И—мъ среди нетронутой еще природы. Мы посѣтили жившихъ близъ Мануэ здѣшнихъ аборигеновъ — айновъ. Первый аинъ, встрѣтившійся намъ, былъ жалкій старикъ, со множествомъ морщинъ на лицѣ и густо заросшій длинными волосами. Густая борода и усы—непонятная особенность этого племени на Востокѣ. Видѣли мы и здѣшнихъ женщинъ, тоже некрасивы. Весь молодой мужской полъ былъ въ отсутствіи на рыбной ловлѣ.

Въ Корсаковскомъ посту намъ случилось видѣть, около дома японскаго консула, аиновъ съ острова Мацмая; эти, напротивъ, поражали своею красотою: орлиный видъ съ большими темными глазами, черные усы, крѣпкая статная фигура. Они казались героями среди низкорослыхъ некрасивыхъ японцевъ.

Говорятъ, аины на Сахалинѣ таютъ: привольная жизнь ихъ здѣсь стѣснена пришельцами, и они предпочитаютъ переселяться на японскіе острова.

Оставивъ Мануэ, всю ночь мы спускались къ югу, къ мысу Анива, а утромъ вошли въ Лаперузовъ проливъ.

Море — совершенный штиль. На небѣ—ни облачка. Далекіе берега скрылись изъ глазъ, но зрѣніе не утомлялось однообразіемъ воднаго пространства: оно было оживлено миріадами морскихъ птицъ. Въ воздухѣ—ни одной; но вся гладкая, какъ зеркало, поверхность моря покрыта стаями утокъ, чаекъ, ырковъ, крахалей, казарокъ. Возьмешь бинокль: кругомъ, куда только глазъ хватаетъ, все море

усѣяно плавающими птицами. И какихъ тутъ только не было! И бѣлыя, и пестрыя, и черныя... Всѣ онѣ передвигались на Востокъ.

Но впереди намъ предстояло еще болѣе дивное зрѣлище изъ царства животныхъ. Такъ какъ день былъ ясный, мы увидѣли Камень Опасности миль за шесть. По мѣрѣ приближенія къ острову, его контуры постоянно мѣнялись. Я сидѣлъ съ книжкою въ рукахъ и спѣшилъ зарисовать ихъ. До насъ уже доносились крики сивучей съ Камня, какъ непрерывающееся завываніе вѣтра.

— Смотрите! смотрите! — кричалъ И—ъ, когда мы были отъ острова въ одной мили.—Они кишатъ, какъ черви! А сколько ихъ въ водѣ! Смотрите, какъ они подымаютъ свои морды!..

Занятый рисованіемъ, я ничего этого не видѣлъ. Только странно мнѣ казалось, какъ будто островъ весь изрытъ или усѣянъ большими каменьями. Но приглядываюсь внимательнѣе: камни шевелятся. Я схватилъ бинокль, и предо мной открылась на самомъ дѣлѣ оригинальная картина: сотни, тысячи, десятки тысячъ громадныхъ жввотныхъ, значительно толще коровъ, облѣпили весь островъ. Одни, какъ бѣловатыя статуи, неподвижно торчали на самомъ верху Камня; другіе, вытягивая свои громадныя шеи, очевидно выли. Немного ниже, на склонахъ Камня, несмѣтныя толпы ихъ дѣйствительно копошились, какъ черви на трупѣ. На подводныхъ рифахъ кругомъ острова сплошною массою торчали изъ воды все головы не однихъ сивучей, но и котиковъ, нерпъ и другихъ представителей тюленьей породы.

Немного оправившись отъ болѣзни, командиръ парохода тоже вышелъ на мостикъ полюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ. Онъ разсказалъ намъ одинъ безуспѣшный случай покушенія, кажется, англичанъ, на этихъ толстокожихъ животныхъ. Лодкою здѣсь не подойдешь: сивучи моментально разобьютъ ее вдребезги. Отъ кораблей островъ защищенъ подводными рифами. Пожалуй, если открыть канонаду, можно разогнать эту толпу водяныхъ жителей и высадиться на Камень, но до этого, кажется, никто еще не доходилъ.

Обогнувъ мысъ Крильонъ, мы повернули на сѣверъ.

Прекрасная погода, тихій попутный вѣтеръ, легкая волна, а главное отсутствіе тумана,— все это помогало намъ быстро подыматься вдоль сахалинскаго берега. На этотъ разъ мы днемъ прошли мимо гористаго острова Тотомосири (верстъ 70 отъ сахалинскаго мыса Ноторо), почему-то заброшеннаго на произволъ хищникамъ. Цѣлыя сутки еще оставалось намъ плыть въ Татарскомъ проливѣ. По пути можно бы было собрать кое-какіе матеріалы для лоціи, но близость конечной пристани направляла всѣ мои мысли къ дому, и я ждалъ на вахтѣ скорѣе увидѣть огонь Жонкіерскаго маяка. Въ три часа ночи, 16 августа, послѣ десятичасоваго плаванія, мы стали на якорь на Александровскомъ рейдѣ, а еще черезъ часъ я уже сидѣлъ дома и читалъ накопившіяся за мое отсутствіе письма.

Недѣли черезъ двѣ, сдѣлавъ нѣсколько дополнительныхъ линій промѣра въ рѣкѣ и на рейдѣ, я покончилъ съ картой Александровской бухты и сдалъ ее вмѣстѣ съ лоціей сахалинскихъ водъ начальнику округа.

— Хорошо.— сказалъ онъ,— я ѣду въ Петербургъ и тамъ покажу вашу работу генералу.

— Теперь могу я вернуться въ свое Рыковское?

— Можете.

И вотъ финалъ моихъ трудовъ за все лѣто.

На другой день послѣ этого разговора я простился съ александровскими жителями и на казенныхъ лошадяхъ покатилъ въ Рыковское. Опять промелькнули бѣдныя избушки трехъ Аркововъ и двухъ Армудановъ. Опять небольшая остановка въ Дербинскомъ у гостепріимнаго смотрителя, типичнаго представителя дореформенныхъ помѣщиковъ. Къ вечеру лошади остановились у дома метеорологической станціи, гдѣ меня ждала съ нетерпѣніемъ Марія Антоновна, совершенно изнемогшая отъ болѣзни. Будучи въ послѣднемъ градусѣ чахотки и съ отекшими ногами отъ водянки, она рада была сдать мнѣ завѣдываніе станціею.

И. П. Миролюбовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕУДАВШАЯСЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

(Посвящаю гг. офицерамъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго резервнаго баталіона).

НЕДАВНО мнѣ пришлось слышать отъ очевидца разсказъ о неудачной экспедиціи въ Ахалъ-Теке, въ 1879 году. Разказчикъ принималъ участіе въ экспедиціи, имѣя оберъ-офицерскій чинъ, и, конечно, не былъ посвященъ въ соображенія и взгляды начальствующихъ лицъ. Поэтому возможно, что, находясь подъ впечатлѣніемъ неудачи и перенесенныхъ невзгодъ походной жизни, онъ пристрастно относится къ ихъ распоряженіямъ и не совсѣмъ основательно приписываетъ постигшую насъ бѣду исключительно ихъ ошибкамъ. Но я все-таки рѣшаюсь напечатать этотъ разсказъ, ибо, по моему убѣжденію, даже самое рѣзкое описаніе неудачъ и сдѣланныхъ ошибокъ можетъ принести лишь пользу при изученіи военнаго искусства. Заранѣе прошу извиненія у тѣхъ читателей, которые усмотрятъ въ разсказѣ обидный намекъ для себя или близкихъ имъ лицъ. Передавая слова очевидца, я не счелъ возможнымъ ни измѣнить, ни смягчить ихъ.

I.

Ахалъ-Текинскій оазисъ и сборы въ походъ.

Ахалъ-Текинскій оазисъ, составляющій часть нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, представляетъ изъ себя узкую полосу плодородной земли, тянущуюся съ запада на востокъ, между горнымъ

хребтомъ Копетъ-Дагомъ и пустынею Кара-Кумъ. Южной своей стороной онъ примыкаетъ вплотную къ хребту, а сѣверной къ пескамъ пустыни. Ширина оазиса отъ 8 до 15 верстъ.

Атмосферическія условія страны этой въ высшей степени неблагопріятны: отсутствіе дождей лѣтомъ, маловодность протекающихъ ручьевъ, господство сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтровъ, которые несутъ на оазисъ изъ Кара-Кумъ такую массу песку, что онъ часто засыпаетъ сплошь большія пространства и обращаетъ обработанныя поля въ пустыню, между тѣмъ какъ горный кряжъ препятствуетъ южнымъ вѣтрамъ относить обратно песокъ въ пустыню; все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ плодородную землю оазиса мало пригодной для земледѣлія, такъ что обработка земли возможна здѣсь только въ той части полосы, которая близко расположена къ Копетъ-Дагу, дающему начало небольшимъ ручейкамъ, орошающимъ оазисъ, да и эта полоса не сплошная, а съ большими перерывами.

Несмотря на такія невыгодныя условія жизни, оазисъ густо населенъ племенемъ туркменъ, рода Ахалъ-Теке.

Но если въ экономическомъ отношеніи оазисъ занимаетъ жалкое положеніе, зато стратегическія условія расположенія его прекрасны.

Съ юга оазисъ, какъ уже я упоминалъ раньше, защищенъ не высокимъ, но малодоступнымъ скалистымъ хребтомъ горъ, а съ сѣвера огромной, совершенно безводной пустынею Кара-Кумъ, черезъ которую даже опытнѣйшіе изъ туземцевъ не рѣшаются пускаться.

Единственные пути въ оазисъ, болѣе или менѣе доступные, это съ запада и востока; незначительность же поперечнаго пространства его дала возможность жителямъ обезпечить свою безопасность и съ этой стороны рядомъ укрѣпленныхъ высокими глинобитнымм стѣнами ауловъ, расположенныхъ вдоль оазиса верстахъ въ 10—20 другъ отъ друга.

Высокія стѣны укрѣпленій служили жителямъ защитою не только отъ нападенія сосѣдей, но также и отъ песка, свободно переносимаго изъ пустыни сѣверными вѣтрами.

Неблагопріятныя экономическія условія вынуждали текинцевъ искать добавочныхъ средствъ къ жизни внѣ оазиса, и потому упомянутая выгода стратегическаго его положенія дала возможность имъ заняться, не рискуя почти ничѣмъ, легчайшимъ изъ промысловъ—это разбойничьими набѣгами на ближайшихъ сосѣдей своихъ.

Не только мелкія племена, но даже такія, сравнительно большія и сильныя государства, какъ Персія и Бухара, постоянно находились подъ страхомъ разбойничьяго набѣга текинцевъ: ни одинъ караванъ не могъ появиться вблизи оазиса, не рискуя быть раз-

грабленнымъ. Доставалось отъ нихъ частенько и нашимъ владѣніямъ. Привожу примѣръ одного изъ дерзкихъ нападеній текинцевъ. Въ 1873 году, въ городѣ Красноводскѣ сосредоточивался небольшой отрядъ нашъ для движенія на Хиву. Въ этомъ отрядѣ находился и будущій покоритель текинцевъ, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, тогда еще въ чинѣ капитана генеральнаго штаба. Въ одинъ прекрасный день вдругъ неожиданно налетаетъ на отрядъ шайка текинцевъ человѣкъ въ 600, и пока растерявшіеся солдатики похватали ружья, текинцы пронеслись полнымъ карьеромъ черезъ весь нашъ лагерь, кого кольнувъ, кого рубнувъ шашкой, а одинъ изъ нихъ успѣлъ даже накинуть арканъ на выскочившаго при шумѣ тревоги изъ палатки въ одномъ бѣльѣ Михаила Дмитріевича и поволокъ его за скакавшими товарищами. Плохо бы пришлось Скобелеву, если бы не выручила его пуля одного изъ казаковъ, успѣвшаго выстрѣломъ изъ винтовки ссадить текинца съ лошади, такъ что Скобелевъ отдѣлался только незначительными ушибами и страхомъ.

Такой образъ жизни выработалъ изъ текинцевъ отважныхъ и предпріимчивыхъ наѣздниковъ.

Для обузданія воинственнаго пыла ихъ съ нашей стороны много разъ предпринимались рекогносцировочные набѣги на текинскія земли, и изъ Красноводска, и изъ Чикишляра по берегу рѣки Атрека, но далѣе крайняго аула Кизилъ-Арвата отряды наши не заходили.

На враждебное къ намъ настроеніе умовъ текинцевъ и на образъ дѣйствій ихъ, какъ ходили тогда слухи, сильно вліяли происки англичанъ, агенты которыхъ постоянно разъѣзжали среди враждебныхъ намъ племенъ, подстрекая ихъ къ совмѣстному дѣйствію противъ русскихъ. Опасаясь возрастающаго съ каждымъ годомъ въ Средней Азіи вліянія нашего, англійское правительство дѣлало рѣшительно все, и законное, и незаконное, чтобы остановить поступательное движеніе русскихъ.

И дѣйствительно, текинцы, можетъ быть, поощряемые обѣщаніями Англіи, участили свои нападенія на наши границы.

Наше правительство рѣшило наконецъ наказать текинцевъ, принявъ самыя энергичныя мѣры. Рѣшено было двинуть отрядъ въ глубь оазиса, для окончательнаго покоренія гнѣзда этихъ хищниковъ.

Предварительнымъ дѣйствіемъ къ походу было занятіе аула Кизилъ-Арвата.

Въ 1877 году, высланный изъ Красноводска, небольшой отрядъ занялъ аулъ безъ сопротивленія, но вынужденъ былъ, въ виду затруднительности подвоза продовольствія, скоро оставить его.

Въ слѣдующемъ году былъ занятъ нами другой текинскій аулъ Чадъ, на рѣкѣ Атрекѣ, гдѣ оставленъ гарнизонъ изъ 8 ротъ пѣ-

хоты, 2 сотенъ, 4 орудій и 4 ракетныхъ станковъ и возведены укрѣпленія; въ томъ же году укрѣплено было мѣстечко Чикишляръ, лежащее на юговосточномъ берегу Каспійскаго моря недалеко отъ Атрека.

Эти вновь укрѣпленные пункты послужили исходною точкой нашихъ движеній въ глубь оазиса съ югозапада.

Въ 1879 году начались приготовленія къ окончательно рѣшенному текинскому походу.

Приказано было, по занятіи оазиса, отряду далѣе не двигаться и не занимать Мерва, если бы даже представлялся къ тому удобный случай. Операціонное движеніе отрядовъ не должно было итти по персидской границѣ, даже въ случаѣ согласія на то персидскаго правительства, а путь назначался по правому берегу Атрека и черезъ хребетъ Копетъ-Дагъ.

Персія дала полное свое согласіе на выбранный нами путь и во время похода оказывала всевозможное содѣйствіе, доставляя верблюдовъ и провіантъ для отряда.

Порѣшить съ текинцами былъ назначенъ отрядъ въ составѣ 17-ти баталіоновъ пѣхоты (по мирному составу), 18 сотенъ и 2-хъ эскадроновъ кавалеріи и 34 орудій, но на дѣлѣ оказалось, что въ дѣйствующій отрядъ могли войти только 10 баталіоновъ пѣхоты (4.000 человѣкъ), 14 сотенъ кавалеріи (около 2.000 человѣкъ) и 16 орудій.

Такое уменьшеніе отряда вызвалъ недостатокъ провіантскаго и фуражнаго довольствія и перевозочныхъ средствъ. Дѣятельныя хлопоты строевого начальства о возможно лучшемъ устройствѣ этой стороны экспедиціи разбивались о небрежность интендантства и безконтрольное хищничество разныхъ поставщиковъ и подрядчиковъ.

Появились миліарды невидимыхъ для глаза, но удивительно зубастыхъ и прожорливыхъ червей, пожравшихъ сотни тысячъ пудовъ солдатской муки и сухарей вмѣстѣ съ магазинами, складочными платформами и мѣшками, приготовленными для предстоящаго похода. Однимъ словомъ 2.000.000 рублей, отпущенныхъ на расходы по экспедиціи, канули въ бездонные карманы всевозможныхъ подрядчиковъ, слѣдовавшихъ за войсками, какъ стая голодныхъ волковъ, между тѣмъ какъ отрядъ вслѣдствіе ихъ недобросовѣстности вынужденъ былъ двинуться въ походъ въ непріятельскую землю, завѣдомо бѣдную реквизиціонными условіями, только въ половинномъ составѣ.

Приготовленія къ походу велись съ самой ранней весны.

Узнавъ о снаряженіи экспедиціи, текинцы произвели два нападенія: одно на мирныхъ туркменъ, кочевавшихъ близъ Красноводска, отбивъ у нихъ много баранты и верблюдовъ, а вслѣдъ затѣмъ и на самый отрядъ нашъ, угнавъ 200 штукъ верблюдовъ, предназначавшихся для отряда.

Высланный въ погоню за хищниками отрядъ успѣлъ догнать ихъ и разбить, потерявъ въ стычкѣ 20 человѣкъ убитыми, но вернуть похищенный скотъ не удалось.

Къ іюню мѣсяцу приготовленія были окончены.

Всѣ единодушно высказывались за самое быстрое наступленіе.

Выработанный планъ похода приблизительно заключался въ слѣдующемъ: 1) отрядъ выступаетъ двумя колоннами, авангардъ 6-го іюня, главныя силы 30-го; 2) колонны должны двигаться малыми переходами до 25 верстъ въ сутки включительно, такимъ образомъ 5 или 6 часовъ предназначалось для движенія, 6—7 часовъ для работъ по исправленію пути и удаленію препятствій, остальное время дня и ночи для отдыха [1]); 3) въ Бендесенѣ соединеніе колоннъ и раздѣленіе отряда на дѣйствующій, для движенія въ глубь оазиса, и гарнизонный, для занятія отбитыхъ ауловъ и для обезпеченія тыла дѣйствующаго отряда.

Дальнѣйшее движеніе дѣйствующаго отряда предполагалось произвести слѣдующимъ образомъ: 1-й переходъ до укрѣпленнаго аула Бами, штурмъ его и взятіе (крупная побѣда № 1); 2-й переходъ до укрѣпленія Беурма—штурмъ и взятіе (побѣда № 2); 3-й переходъ до укрѣпленія Арчманъ — штурмъ и взятіе (побѣда № 3); 4-й переходъ до укрѣпленія Яроняса—штурмъ и взятіе (побѣда № 4); 5-й переходъ до главной крѣпости текинцевъ Геокъ-Тепе—штурмъ и взятіе (побѣда № 5 и главнѣйшая). Текинцамъ далѣе некуда дѣваться, и они вынуждены будутъ покориться предложеннымъ условіямъ мира.

Въ виду такого быстраго окончанія похода, рѣшено было взять съ собою продовольствіе и фуражъ только на 50 дней.

Одинъ генералъ Ломакинъ, знакомый съ трудностями лѣтняго похода по Закаспійской области, усомнился въ вѣрности расчета времени и совѣтовалъ при снаряженіи продовольственнаго транспорта главнымъ образомъ имѣть въ виду возможно большое количество довольствія для людей и лошадей даже въ ущербъ всѣхъ прочихъ требованій походной жизни.

Но эти благоразумные совѣты были единодушно отвергнуты, и такъ какъ всѣ были увѣрены въ быстромъ окончаніи похода и

---

[1]) Переходы, ночлеги и дневки были слѣдующимъ образомъ распредѣлены для авангарда: а) 6-го іюня переходъ 25 верстъ, ночевка у колодцевъ Ахты-Буюна; б) 7-го переходъ 24 верстъ, ночевка въ Делили; в) 8-го Гудри-алунъ, 12 верстъ, дневка; г) 10-го іюня Баятъ-Аджи, 23 версты; д) 11-го Яглы-Арунъ, 25 верстъ; е) 12-го Текепжикъ, 19 верстъ; ж) 13-го укрѣпленіе Чадъ, 12 верстъ, отдыхъ два дня; з) 16-го Харъ-Алунъ, 21 верста; и) 17-го Дуза Арунъ, 20 верстъ; к) въ Дузъ-Алунъ и далѣе въ Геокъ-Тепе авангардъ ожидаетъ подхода главныхъ силъ, предпринимая набѣги на крайнія текинскія селенія, для занятія ихъ и разработки пути черезъ перевалъ Копетъ-Дагъ въ оазисъ; л) при приближеніи главныхъ силъ авангардъ переходитъ въ Бендесенъ.

самыхъ блестящихъ побѣдахъ, то и рѣшили предпринять походъ—военную прогулку, по возможности со всѣми жизненными удобствами.

— Что можетъ задержать насъ?—возражали Ломакину:—путь для движенія ровный, гладкій; особенныхъ препятствій нѣтъ, перевалъ черезъ горы незначительный, а пока подойдутъ главныя силы, авангардъ успѣетъ подготовить его. Шайки текинцевъ—эта плохо вооруженная толпа не устоитъ и противъ двухъ-трехъ залповъ нашихъ; стѣны крѣпостей совсѣмъ ничто, нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, и брешь готова; вода на всемъ пути есть, такъ какъ пойдемъ по берегу рѣки Атрека. Что же еще? Кажется, предусмотрѣно все...

Для перевозки войсковыхъ тяжестей было собрано 6.700 верблюдовъ. Распредѣленіе вьюковъ было слѣдующее: нагрузивъ на большую половину верблюдовъ провіантъ и фуражъ, остальныхъ раздѣлили—меньшую часть навьючили патронами и санитарными принадлежностями, ибо дѣло придется имѣть съ плохо вооруженной толпой текинцевъ,—слѣдовательно раненыхъ много не должно быть, да и патроновъ хватитъ съ избыткомъ, большую же часть верблюдовъ нагрузили солдатскими палатками, офицерскими вещами и продовольствіемъ, винами и всевозможными яствами для начальствующихъ лицъ и т. д., часть же верблюдовъ предоставлена была въ распоряженіе маркитантовъ для пополненія сего же запаса. Всѣ же другія тяжести были оставлены въ Чикишлярѣ за ненадобностью и недостаткомъ перевозочныхъ средствъ.

II.

Походъ.

6-го іюня, авангардъ, въ числѣ 2.240 человѣкъ пѣхоты, 840 человѣкъ кавалеріи, при 4-хъ орудіяхъ, подъ командою князя Долгорукова выступилъ изъ Чикишляра.

Съ первыхъ же переходовъ трудности похода дали себя знать.

Жара стояла невыносимая, и, несмотря на то, что путь все время лежалъ по берегу Атрека, люди умирали отъ жажды, такъ какъ добраться до воды было слишкомъ трудно. Берега Атрека совершенно отвѣсны и возвышаются надъ уровнемъ воды саженъ на 6, на 7, вслѣдствіе чего не только не представлялось возможнымъ на походѣ утолить жажду, но и по приходѣ на привалъ надо было, раньше чѣмъ достать этой живительной влаги, поработать часовъ 5 или 6 надъ спускомъ, и тогда только рѣка грязной, горько-соленой воды была въ распоряженіи измученныхъ людей.

Какъ ни старались войска работать усердно, но дѣло подвигалось слишкомъ медленно, ибо грунтъ береговъ, состоящій изъ плотной высохшей глины, мало поддавался маленькимъ лопатамъ, имѣ-

вшимся въ распоряженіи солдатъ, а крупнаго сапернаго инструмента, какъ-то: ломовъ, кирокъ, большихъ лопатъ и т. п., было въ отрядѣ самое незначительное количество; его оставили въ Чикишлярѣ, какъ не нужныя и лишнія тяжести!..

Такимъ образомъ, вмѣсто отдыха, люди на привалахъ несли каторжный трудъ, а когда наконецъ преодолѣвали всѣ трудности, то получали едва годную для питья воду. Такія тяжелыя условія похода скоро отразились на здоровьѣ солдатъ: появилась дезинтерія, и начали чаще и чаще повторяться случаи солнечныхъ ударовъ.

Хорошо еще, что болѣе опытнымъ въ степныхъ походахъ казакамъ пришла счастливая мысль вырывать на берегу Атрека, близъ воды, ямы въ родѣ колодцевъ, въ которыхъ просачивающаяся сквозь почву, какъ черезъ фильтръ, вода получалась для питья болѣе годная и безвредная. Этотъ способъ добыванія воды сталъ примѣняться всѣми.

Мѣстность, по которой войска шли въ началѣ пути, представляетъ ровную твердую поверхность, густо покрытую бѣловатыми пятнами соленаго налета; попадаются иногда поросшія камышемъ озера, но и въ нихъ вода до того солена, что даже верблюды, не прихотливые на качество ея, не хотѣли пить.

Отъ аула Яглы-Олунъ, къ которому авангардъ подошелъ 11-го іюня, мѣстность начала видоизмѣняться. Появились небольшіе бараханы (бугры, большею частью, образовавшіеся изъ наноснаго песку), кое-гдѣ поросшіе колючей травой, но вотъ бѣда! стали встрѣчаться на пути отряда не глубокія, но съ отвѣсными берегами промоины, обойти которыя было слишкомъ далеко, а перейти ихъ, особенно обозу и артиллеріи, не было никакой возможности. Ширина этихъ промоинъ иногда была такъ незначительна, что человѣкъ свободно могъ перепрыгнуть на другой берегъ, зато глубина аршинъ 5 или 6 при совершенно обрывистыхъ берегахъ. Приходилось, волей-неволей, приниматься за лопаты для разрабатыванія спусковъ и подъемовъ.

Невозможно передать тѣхъ проклятій, которыя сыпались изъ устъ приходившихъ въ отчаяніе начальниковъ и солдатъ на эту проклятую Богомъ мѣстность и на злосчастнаго изобрѣтателя малыхъ лопатъ.

— Эхъ, кабы, ваше благородіе, кирочку да ломокъ,—обращался иногда, отрываясь отъ работы, красный какъ вареный ракъ, солдатикъ, къ тутъ же стоявшему и наблюдавшему за работой офицеру, а тотъ бѣдняга только руками разводилъ, не находя отвѣта, или же, отпустивъ крѣпкое словцо по неопредѣленному адресу, обрывалъ мечтателя фразой: «не съ твоимъ носомъ въ разсужденіе пускаться, что дали, тѣмъ и работай, хоть зубами ковыряй!». Конечно, при такихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ нечего было и думать о соблюденіи предписаннаго маршрута! Находясь въ дви-

женіи 16—17 часовъ, войскамъ удавалось въ сутки продвигаться впередъ не болѣе 10 или 12 верстъ.

Невольно является вопросъ: отчего же не строили мостовъ?

Да отъ того, что, вѣроятно, о существованіи описанныхъ препятствій никому не было извѣстно въ Чикишлярѣ. Предполагали ровный гладкій путь, почему и не взяли съ собой надлежащихъ матеріаловъ и инструмента для наводки мостовъ, а мѣстныя условія изобиловали именно полнѣйшимъ отсутствіемъ таковыхъ.

13-го іюня, отрядъ подошелъ къ укрѣпленію Чадъ, гдѣ рѣшено было дать войскамъ двухдневный отдыхъ. Гарнизонъ укрѣпленія встрѣтилъ отрядъ самымъ радушнымъ образомъ, сдѣлавъ рѣшительно все посильное, чтобы дать возможность измученнымъ товарищамъ хорошо отдохнуть, обмыться и оправиться.

Дальнѣйшій путь слѣдованія авангарда лежалъ уже по берегу притока Атрека, рѣчки Сумбаръ, шириною въ три-четыре аршина, а глубиною не болѣе двухъ-трехъ футъ. Берега Сумбара такіе же, какъ у Атрека, т.-е. высокіе, обрывистые и размытые, но вода зато очень хорошая, такъ что въ этомъ отношеніи войска перестали терпѣть нужду.

Выступивъ изъ укрѣпленія Чада 16-го іюня, отрядъ безъ особенныхъ затрудненій въ два перехода достигъ преддверія текинскихъ владѣній, аула Дузъ-Алунъ, расположеннаго при сліяніи Сумбара съ рѣчкой Чандыремъ, на обширной площади, изобилующей прекраснѣйшей водой и растительностью. Здѣсь авангардъ долженъ былъ ждать подхода главныхъ силъ; но дошедшіе до князя Долгорукова слухи, будто текинцы хотятъ запрудить верховья рѣчекъ и такимъ образомъ оставить отрядъ безъ воды, вынудили его принять рѣшеніе продвинуться еще впередъ верстъ на 60, какъ только будетъ разработанъ путь черезъ рѣчку Сумбаръ.

Разработка переправы заняла три недѣли времени, послѣ чего авангардъ передвинулся въ Тераканъ, гдѣ и простоялъ въ ожиданіи главныхъ силъ до 30-го іюля. Оказалось что главныя силы могли выступить изъ Чикишляра только 30-го іюля.

Такое замедленіе выступленія было вызвано до невѣроятности халатнымъ отношеніемъ представителей интендантскаго вѣдомства и ихъ ставленниковъ, разныхъ подрядчиковъ, къ требованіямъ войскъ о возможно скорѣйшей поставкѣ, въ виду выступленія отряда, перевозочныхъ средствъ и отпущеннаго для экспедиціи провіантскаго и фуражнаго довольствія.

Но тщетны были вопли строевого начальства! Не помогли и всевозможныя экстренныя донесенія, предписанія, приказы, отношенія, наконецъ угрозы, мольбы и т. п.; упомянутые выше господа сдѣлали рѣшительно все, чтобы дать возможность текинцамъ вполнѣ обдумать и приготовиться къ встрѣчѣ незванныхъ гостей.

Посѣвы были убраны и скрыты надлежащимъ образомъ, стѣны

укрѣпленій исправлены и закончены, рвы очищены и приведены въ исправность, оборонительныя кибитки наполнены землей, подкрѣпленія изъ сосѣднихъ туркменскихъ племенъ подошли, имущество припрятано, скотъ угнанъ въ безопасныя мѣста и т. д.; однимъ словомъ наши войска при вступленіи въ оазисъ встрѣтили обитателей его вполнѣ готовыми дать самый энергичный отпоръ нападающимъ.

Узнавъ о выступленіи главныхъ силъ изъ Чикишляра, князь Долгоруковъ продвинулся съ авангардомъ въ Ходжалъ-Кала и Бендесенъ съ цѣлью разработать колесный путь между этими пунктами.

Между прочимъ, въ Бендесенѣ къ Долгорукову прибылъ для переговоровъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ текинцевъ, Тыкма-Сердарь, но былъ задержанъ, какъ военноплѣнный, и сопровождалъ нашъ отрядъ все время дальнѣйшаго похода.

При стоянкѣ авангарда въ Бендесенѣ, текинцы постоянно тревожили войска нападеніями. Съ нашей стороны, чтобы отплатить имъ, былъ предпринятъ кавалерійскій набѣгъ на аулъ Бами. Князь Долгоруковъ съ имѣвшейся у него кавалеріей перебрался черезъ перевалъ и близъ Бами неожиданно напалъ на текинцевъ, успѣвъ отбить у нихъ до 6.000 баранты и 800 верблюдовъ.

Текинцы, при отступленіи отряда съ добычею, все время старались отбить потерянное, но во время высланное изъ Бендесена подкрѣпленіе изъ 2-хъ ротъ Ширванскаго баталіона ружейнымъ огнемъ успѣло остановить и обратить въ бѣгство насѣдавшихъ текинцевъ. Отбитые бараны были какъ разъ кстати для голодающаго отряда, ибо продовольствіе, какъ ни растягивали его, приближалось къ концу, а пополнить было не откуда.

Для завершенія неудачи первой половины Ахалъ-Текинской экспедиціи, при проходѣ главнаго отряда черезъ укрѣпленіе Чадъ, 14-го августа, внезапно скончался отъ злокачественнаго нарыва генералъ Лазаревъ.

Командованіе надъ экспедиціоннымъ отрядомъ принялъ, какъ старшій, генералъ Ломакинъ.

20-го августа, главныя силы подошли къ Бендесену, и такимъ образомъ всѣ части отряда наконецъ соединились.

При выясненіи общаго состоянія отряда и образа дальнѣйшихъ дѣйствій оказалась вся опрометчивость рѣшенія, принятаго въ Чикишлярѣ.

Походъ затянулся на неопредѣленное время, между тѣмъ какъ провіантскаго и фуражнаго довольствія оставалось ничтожное количество; часть верблюдовъ пала по дорогѣ отъ безкормицы, часть была негодна отъ переутомленія, часть же была уведена бѣжавшими вожаками туркменами, такъ что перевозочныхъ средствъ не хватало даже на самое необходимое, а улучшить положеніе не

представлялось возможнымъ, такъ какъ интенданты и подрядчики окончательно отказались доставлять теперь что либо отряду.

Подвели итоги, при чемъ оказалось: изъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ для исполненія экспедиціи, въ нападеніи на оазисъ могутъ принять участіе 6¼ баталіоновъ пѣхоты (2.000 чел.), 6 сотенъ кавалеріи, 12 орудій и 6 ракетныхъ станковъ—это изъ 16¼ баталіоновъ, 20 сотенъ и 34 орудій! Довольствія провіантомъ и фуражемъ хватитъ только на 15 дней. Слѣдовательно, надо было въ этотъ срокъ разбить текинцевъ, взять всѣ укрѣпленія и успѣть вернуться назадъ. Такъ и порѣшили.

Что оставалось изъ продовольствія въ Чикишлярѣ и Чадѣ, войсками было перевезено въ Тераскапъ своими средствами.

22 августа, отрядъ двумя колоннами двинулся изъ Бендесена черезъ хребетъ Копетъ-Дагъ въ оазисъ, по направленію къ текинскому аулу Бами. Не заставъ здѣсь противника, отрядъ направился на Беурму, потомъ на Арчманъ-Дурунъ и наконецъ къ предпослѣднему опорному пункту текинцевъ Яроняса, куда и прибылъ 27 августа.

Всѣ эти укрѣпленія текинцы безъ всякаго спротивленія бросали, а сами сосредоточились въ числѣ 20.000 человѣкъ, въ послѣднемъ, хорошо укрѣпленномъ, аулѣ Геокъ-Тепе. Отъ Яроняса до Геокъ-Тепе одинъ переходъ въ 18 верстъ.

Принимая во вниманіе, что дѣло придется имѣть съ неорганизованной толпой плохо вооруженныхъ дикарей, тщательно избѣгавшихъ до сихъ поръ столкновенія съ нашимъ отрядомъ, мало кто предполагалъ встрѣтить серіозное сопротивленіе текинцевъ, и какъ же жестоко посмѣялась судьба надъ такою самоувѣренностью.

III.

Штурмъ и отступленіе.

Укрѣпленіе Геокъ-Тепе представляетъ изъ себя прямоугольникъ съ фасами, западнымъ и восточнымъ въ 400 и сѣвернымъ и южнымъ 500 саженъ. Впереди западнаго фаса на небольшомъ ручьѣ расположена мельница съ устроенной около башней для охраны ея. Шагахъ въ 50 отъ нея, ближе къ Геокъ-Тепе, расположено небольшое, квадратнаго начертанія, укрѣпленьице, по типу похожее на всѣ вообще текинскія постройки этого рода, съ фасами въ 20—25 саженъ и съ воротами, защищенными башнею, выдвинутою изъ стѣны почти на ¾ своей окружности, далѣе между этими передовыми укрѣпленіями и западнымъ фасомъ главной крѣпости идетъ волнистая, пересѣченная небольшими буграми, мѣстность. Противъ южной стѣны у западнаго ея конца,

шагахъ въ 200-хъ впереди, расположена вторая маленькая крѣпостца, такой же величины и устройства, отъ которой къ востоку, параллельно всей южной стѣнѣ Геокъ-Тепе, тянутся поля, сплошь засѣянныя джигурой (высокое, густое съ толстыми стеблями растеніе, родъ конопли), такъ что свободное пространство между джигурой и южной стѣной крѣпости не болѣе 200 шаговъ. Впереди восточной стѣны Геокъ-Тепе, шагахъ также въ 200-хъ, расположены еще три укрѣпленія, по величинѣ и типу однородныхъ съ упомянутыми выше.

Стѣны укрѣпленія построены изъ хорошо сбитой глины, и такой толщины, что наши снаряды не пробивали ихъ. Онѣ поднимаются прямо со дна рва, глубиною въ 7—8 футъ, почти что отвѣсно съ незначительной бермой на уровнѣ горизонта, превышая его еще футовъ на 12.

Передъ стѣнами, впереди рва, на значительныхъ участкахъ стояли оборонительныя кибитки, набитыя землей.

27 августа, вечеромъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по отряду:

«Завтра 28-го августа войскамъ выступить изъ укрѣпленія Ароняса въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Изъ войскъ авангарда выслать два баталіона, два горныхъ орудія и двѣ сотни Дагестанскаго иррегулярнаго полка въ 2 часа по полуночи по пути наступленія къ Геокъ-Тепе и въ 4-хъ верстахъ отъ бивака остановиться, выславъ впередъ, вправо и влѣво разъѣзды. Цѣль высылки отряда—прикрытіе бивака во время вьючки верблюдовъ, разъѣзды должны бдительно наблюдать и, въ случаѣ появленія противника, немедленно давать знать о томъ авангарднымъ войскамъ и на бивакъ главныхъ силъ. Остальныя войска авангарда выступаютъ съ бивака въ 3 часа по полуночи и по соединеніи съ передовымъ отрядомъ слѣдуютъ далѣе со всѣми военными предосторожностями. Главнымъ силамъ выступать въ 4 часа по полуночи».

«При войскахъ слѣдовать верблюдамъ, навьюченнымъ водой и патронами, сухарей выдать на два дня, въ кавалеріи и артиллеріи ячменя на одинъ день».

«Весь обозъ слѣдуетъ въ общемъ вагенбургѣ позади второй колонны и выступить съ ночлега въ 5 часовъ утра, здѣсь же слѣдуютъ больные люди и запасныя лошади».

«Въ прикрытіе къ вагенбургу назначается по одной свободной ротѣ отъ каждаго баталіона, два горныхъ орудія и сотня казаковъ».

Приказомъ по авангардной колоннѣ, въ передовой отрядъ назначены были Стрѣлковый и Кабардинскій баталіоны съ сотней дагестанцевъ, которымъ выступить въ 2 часа ночи и въ 3 часа выступить Куринскому баталіону съ двумя взводами саперъ.

Каждому баталіону было приказано на 25 верблюдахъ поднять патроны, санитарныя принадлежности и сухари.

Вагенбургъ съ прикрывающей его колонной предположено было остановить верстахъ въ 8 отъ Геокъ-Тепе, въ мѣстечкѣ Янчи Кала.

Темная августовская ночь спустилась на землю, покрывъ чернымъ своимъ покрываломъ приготовленія къ рѣзнѣ обѣихъ сторонъ.

Если и выпалъ кому нибудь свободный часъ для отдыха, такъ невольныя мысли о возможности близкой смерти мѣшали ему подкрѣпить измученное тѣло.

Удивительно обостряется память въ такую минуту!

Картины минувшаго, какъ въ калейдоскопѣ, быстро смѣняютъ одна другую. Вся жизнь вспоминается до мельчайшихъ подробностей, начиная съ самаго ранняго возраста: припоминаются такіе моменты, которые въ обыденное время, даже при всемъ усиліи никакъ невозможно такъ ярко возобновить себѣ въ памяти. Является запоздавшее раскаяніе: отчего молъ я въ такомъ-то случаѣ сдѣлалъ такъ-то, а не иначе, когда именно надо бы поступить какъ разъ наоборотъ, и сердце при этомъ такъ больно сжимается, а неотвязчивая дума о завтрашнемъ днѣ и предстоящемъ столкновеніи, помимо желанія, копошится въ мозгу, каждый разъ вызывая нервное вздрагиваніе при малѣйшемъ близкомъ шорохѣ или стукѣ.

До сна ли ужъ тутъ!

Конечно, и войска въ эту ночь глазъ не смыкали.

Время тянулось необыкновенно долго, едва-едва дождались 11 часовъ ночи, когда передовой отрядъ началъ вьючить своихъ верблюдовъ, послѣ чего выступилъ съ ночлега, вмѣсто назначенныхъ 2-хъ часовъ, въ первомъ часу ночи. Сигналы и суматоха въ передовомъ отрядѣ подняли остальныя войска, которыя также начали готовиться къ выступленію.

Въ три часа двинулся авангардъ, но за темнотой попалъ не на ту дорогу, на которую слѣдовало, и блуждалъ довольно долго, пока настоящій путь наконецъ не былъ разысканъ.

Въ четыре часа, поднялись главныя силы, но, выйдя съ бивака, также сбились съ дороги, а, дойдя до мѣста, гдѣ авангардъ свернулъ въ сторону, окончательно остановились, не зная, куда двигаться далѣе.

Начали бродить на удачу, взадъ и впередъ. Вернулись опять къ мѣсту ночевки, но и здѣсь неудача! Слѣды раньше выступившихъ войскъ идутъ одни въ одномъ направленіи, другіе въ другомъ. Что тутъ дѣлать! Рѣшили ждать разсвѣта, который совмѣстно съ явившимся изъ авангарда проводникомъ и выручилъ недоумѣвающій отрядъ. Верстахъ въ двухъ отъ покинутаго привала главныя силы догнали собственный обозъ, выступившій въ назна-

ченные ему 5 часовъ утра, но сразу попавшій по настоящему направленію, и дальнѣйшій путь онъ шелъ уже непосредственно за главными силами. Въ этомъ, правда, какъ показали послѣдствія, не пришлось раскаиваться, но въ общемъ описанный только что безпорядокъ, происшедшій исключительно отъ нераспорядительности начальниковъ, конечно, не могъ не отразиться на силахъ и бодрости солдатъ и офицеровъ.

Отъ Яроняса до Геокъ-Тепе существуютъ двѣ дороги: одна, служившая текинцамъ въ дождливое время года, тянется по сыпучимъ пескамъ и бараханамъ, вслѣдствіе чего для движенія войскъ представляетъ массу затрудненій, другая, идущая параллельно первой, въ верстѣ южнѣе и ближе къ горамъ, имѣетъ всѣ качества для удобнаго движенія отрядовъ, въ особенности же обоза и артиллеріи, такъ какъ тянется по твердому или глинистому грунту.

Какой же путь былъ избранъ для нашего отряда?

Первый, т.-е. по сыпучему песку.

Чѣмъ руководствовались при выборѣ этого пути, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Текинцы, разсчитывая, безъ всякаго сомнѣнія, на наше благоразуміе, выслали на развѣдку свою кавалерію, конечно, по хорошей дорогѣ, но, увидя русскихъ въ пескахъ, были крайне поражены этою необыкновенною хитростью.

Получивъ верстахъ въ 8 отъ Яроняса отъ разъѣздовъ донесеніе о появленіи непріятеля справа, начальники колоннъ перестроили войска въ каре, въ середину которыхъ помѣстился вагенбургъ, и затѣмъ уже продолжали наступленіе въ такомъ порядкѣ, имѣя возможность встрѣтить текинцевъ съ любой стороны. Такъ войска прошли спокойно еще версты три, послѣ чего непріятельская кавалерія дѣйствительно показалась спереди и справа.

Артиллерія наша выѣхала передъ правый фасъ остановившагося каре, пѣхота этого фаса продвинулась впередъ и приготовилась встрѣтить текинцевъ.

Разъѣзды наши тѣмъ временемъ успѣли отойти и очистить мѣсто для дѣйствій орудій.

Непріятель лентой охватилъ каре справа и сзади, желая, повидимому, атаковать насъ, но нѣсколько удачно пущенныхъ гранатъ, отъ которыхъ текинцы, какъ брызги, разлетѣлись въ стороны, принудили ихъ отступить къ горамъ и далѣе къ Геокъ-Тепе.

При приближеніи авангарднаго каре къ крѣпости, непріятель вновь показался въ значительныхъ массахъ, но, встрѣченный ружейными залпами картечью, не рисковалъ предпринять что либо серіозное.

Раскинувъ пѣхотную цѣпь, авангардъ подошелъ къ буграмъ, за которыми непосредственно уже расположено Геокъ-Тепе.

Здѣсь текинцы еще разъ сдѣлали попытку болѣе рѣшительно

атаковать насъ и бросились на цѣпь, но опять были отбиты съ большимъ урономъ, не доскакавъ и 100 шаговъ до собранной въ кучки цѣпи.

Послѣ этихъ неудачъ они, спѣшившись и прикрываясь буграми, открыли ружейную перестрѣлку съ нашими стрѣлками.

Вдругъ изъ-за бугровъ показалась огромная толпа пѣшихъ текинцевъ, которые, размахивая кривыми своими шашками и подбрасывая кверху папахи, быстро приближались къ отряду.

Сначала предполагали, что текинцы идутъ выразить свою покорность, но на всякій случай авангардъ былъ собранъ въ сомкнутыя части.

Конечно, намѣренія противника скоро выяснились, и долѣе ждать было нельзя.

Кучки цѣпи открыли залпы по текинцамъ, а къ нимъ присоединились скоро и роты второй линіи.

Отъ первыхъ же залповъ толпа дрогнула и обратилась въ безпорядочное бѣгство, по направленію къ западнымъ воротамъ крѣпости, гдѣ произошла страшная давка. Обезумѣвшіе отъ охватившей паники текинцы, давя другъ друга, старались скрыться за воротами отъ пуль и штыковъ преслѣдующихъ ихъ по пятамъ солдатъ. Увлекшись преслѣдованіемъ, войска авангарда подошли къ стѣнамъ Геокъ-Тепе совсѣмъ близко, но остановленные поданнымъ изъ главныхъ силъ сигналомъ, залегли передъ самыми стѣнами и начали перестрѣливаться съ находящимся на стѣнахъ непріятелемъ. Между тѣмъ проникшіе скоро внутрь крѣпости бѣжавшіе текинцы на глазахъ нашихъ необыкновенно быстро завалили ворота всѣмъ, что попалось подъ руку.

Передъ приходомъ главныхъ силъ, войска авангарда расположены были въ одну линію слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ Куринскій баталіонъ и саперная рота, далѣе, немного позади, на возвышенности 4 орудія, потомъ на одной линіи съ куринцами—стрѣлковый баталіонъ и на лѣвомъ флангѣ Кабардинскій баталіонъ.

Подошли главныя силы, изъ состава которыхъ сейчасъ же были выдѣлены для усиленія боевой линіи авангарда два гренадерскихъ баталіона и 4 орудія на лѣвый флангъ, а 4 орудія были поставлены за серединой всей боевой линіи. Въ резервѣ остался только одинъ Ширванскій баталіонъ.

Вся кавалерія послана была на сѣверную и восточную стороны крѣпости, дабы добыча не могла ускользнуть черезъ тамошнія ворота.

Штурмъ было рѣшено произвести немедленно, не давая текинцамъ оправиться отъ только что понесеннаго пораженія.

День клонился уже къ вечеру. Около 5 часовъ было приказано войскамъ черезъ пять минутъ послѣ орудійнаго залпа со всѣхъ батарей двинуться на штурмъ.

Въ ожиданіи этого момента усилили ружейный огонь.

Пока шли приготовленія къ штурму, тѣмъ временемъ противникъ въ большихъ силахъ вышелъ изъ южныхъ воротъ и расположился частью за оборонительными кибитками и за буграми, а частью занялъ юго-западное передовое укрѣпленьице и поля джигуры. Съ нашей стороны никакихъ попытокъ занять раньше это укрѣпленіе сдѣлано не было.

Грянулъ сигнальный залпъ.

Вздрогнувшія войска поднялись и начали подвигаться сначала ускореннымъ шагомъ, а затѣмъ бѣгомъ.

Раздалось дружное «ура», и не прошло минуты, какъ войска, пробѣжавъ передовое укрѣпленіе и выбивъ текинцевъ изъ занятыхъ ими позицій за буграми и въ джигурѣ, открыли сильный огонь съ разстоянія 60—70 шаговъ по бѣгущимъ толпамъ, производя въ нихъ страшное опустошеніе.

Текинцы бѣжали къ южнымъ воротамъ, гдѣ столпились въ большой массѣ. Куринскій баталіонъ и рота саперъ, находившіеся на правомъ флангѣ, быстро перемѣнили фронтъ сообразно новому положенію противника, но въ ворота броситься не могли, такъ какъ путь къ нимъ обстрѣливался градомъ пуль и картечи нашихъ же войскъ.

Кромѣ того, куринцы и саперы, занявшіе теперь позицію параллельно южной стѣнѣ Геокъ-Тепе, встали такимъ образомъ тыломъ къ лѣво-фланговому передовому укрѣпленію текинцевъ, войска же, занявшія бугры, имѣли укрѣпленіе это на флангѣ. Все неудобство подобнаго положенія тотчасъ же обнаружилось, такъ какъ засѣвшіе въ укрѣпленіи текинцы воспользовались вполнѣ выгодами своего положенія и начали насъ обстрѣливать тыльнымъ и фланговымъ огнемъ.

Сдѣлали было куринцы съ саперами попытку выбить противника и занять укрѣпленіе, но оказалось, что доступъ къ нему былъ совершенно прегражденъ рвавшимися передъ нимъ нашими же гранатами, хотя и предназначавшимися для атакуемаго укрѣпленія. Тогда куринцы и саперы отошли на позиціи, которыя занимали передъ штурмомъ.

Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ произошло тѣмъ временемъ слѣдующее.

Стрѣлки и кабардинцы добрались до рва крѣпости, спустились въ него, но, вставъ лицомъ къ лицу съ отвѣсной стѣной, больше сдѣлать ничего не могли и начали отступать.

Гренадеры, встрѣтивъ передъ рвомъ, поставленныя въ шахматномъ порядкѣ, оборонительныя кибитки, упорно защищаемыя текинцами, далѣе проникнуть не могли и, потерявъ много убитыхъ, принуждены были тоже отступить.

По всей линіи штурмъ былъ отбитъ.

Ободренные неожиданнымъ успѣхомъ текинцы огромными массами высыпали изъ крѣпости для преслѣдованія русскихъ.

Подъ напоромъ безчисленныхъ враговъ, отбиваясь штыками и прикладами, наши отступавшіе баталіоны пришли въ полный безпорядокъ. Текинцы добрались даже до нашей артиллеріи, которой пришлось обстрѣливать ихъ картечью и отбиваться шашками и револьверами.

Погибла бы непремѣнно вся наша артиллерія, да, слава Богу, во время подоспѣлъ оставшійся въ резервѣ Ширванскій баталіонъ, которому удалось дружными залпами остановить напоръ текинцевъ и тѣмъ дать возможность разстроеннымъ войскамъ хоть сколько нибудь оправиться, а артиллеріи отступить благополучно.

Все это совершилось въ какіе нибудь полчаса времени, при чемъ легла треть всей нашей пѣхоты.

Кавалерія же все это время была на восточной сторонѣ крѣпости, т.-е. на пути предполагавшагося отступленія непріятеля, гдѣ тщетно ждала бѣгства его, сберегая силы коней для погони за несчастными текинцами, и только позднею ночью присоединилась къ остальнымъ войскамъ.

Измученныя, голодныя, потрясенныя постигшей неудачею, войска спѣшили скорѣе добраться до своего обоза. Разставить ихъ для ночлега хоть въ какомъ нибудь порядкѣ не представлялось возможнымъ. Расположились такъ, чтобы быть лишь поближе къ своимъ верблюдамъ.

А безпристрастная ночь опять тихо спустилась на землю, увеличивая темнотою своею суматоху растерявшихся людей: стоны раненыхъ, ревъ голодныхъ верблюдовъ, самыя противорѣчивыя распоряженія, отдаваемыя хриплыми голосами, производили удручающее впечатлѣніе, грудь разрывалась отъ нравственной муки, горькія слезы подступали къ горлу. Да! такую ночь, какую провели наши войска, трудно себѣ и представить.

Хаосъ и безпорядокъ господствовали всюду.

Что бы было со злосчастнымъ отрядомъ, если бы текинцы вздумали ночью напасть на бивакъ, ужъ право, не знаю! Къ нашему счастью, противникъ не вѣдалъ о такомъ бѣдственномъ положеніи войскъ и не предпринялъ никакихъ попытокъ, благодаря чему только эта памятная ночь прошла безъ большой бѣды.

Старшее начальство стало подумывать, какъ бы унести ноги поблагополучнѣе.

Въ 6 часовъ утра отрядъ двинулся въ обратный путь, но уже по хорошей дорогѣ, т.-е. той, которая шла ближе къ горамъ.

Не поддается описанію то положеніе, въ которомъ застало наши войска это неожиданное отступленіе: перевозочныхъ средствъ для помѣщенія раненыхъ не было, исключая 8 одноколокъ Краснаго Креста, въ которыхъ могли помѣститься только 16 человѣкъ.

Остальнымъ раненымъ предоставлено было самимъ позаботиться о способахъ передвиженія. Счастливѣйшіе изъ нихъ устроились на носилкахъ, другіе на орудійныхъ лафетахъ, на верблюдахъ, едва передвигавшихъ ноги отъ голода и усталости, такъ какъ они не развьючивались цѣлыя сутки, и наконецъ легко раненые на своихъ собственныхъ ногахъ.

Люди получали только по одному фунту сухарей. Верблюдовъ и лошадей кормить было нечѣмъ. Вьюкъ отставалъ за вьюкомъ, теряли провіантъ, палатки, санитарныя принадлежности, словомъ все, что было во вьюкахъ, и все это подбирали текинцы, слѣдовавшіе за войсками, какъ акулы за невольничьимъ кораблемъ.

Едва отрядъ снялся съ бивака, какъ текинцы конные и пѣшіе, тысячными толпами бросились преслѣдовать насъ.

Роли перемѣнились.

Вчера только отрядъ шелъ побѣдоносно впередъ, полный надежды на скорое окончаніе труднаго похода. Ни одинъ текинецъ не смѣлъ и на ружейный выстрѣлъ подъѣхать, а сегодня эти самые люди, какъ безумные, лѣзли въ рукопашный бой съ отступавшими войсками.

Бѣда была зазѣваться или хоть немного отстать!

Остервенѣвшіе текинцы, какъ голодные волки, набрасывались на несчастную жертву и моментально изрубали съ куски.

Среди преслѣдующихъ были даже женщины, вооруженныя овечьими ножницами, укрѣпленными на длинныя палки.

Приказано было беречь патроны и снаряды, подбирать раненыхъ и убитыхъ, но это не всегда удавалось исполнить; довольно часто наши раненые погибали подъ ударами кривыхъ шашекъ текинцевъ на глазахъ у всѣхъ.

Гдѣ ужъ было при такихъ обстоятельствахъ патроны беречь! Арьергардъ шелъ все время отстрѣливаясь. Дружныя залпы пѣхоты и артиллеріи лишь на минуту сдерживали насѣдавшаго противника. Къ нашему счастью, текинцы не преслѣдовали насъ далеко, хотя многіе изъ нихъ опередили отрядъ и засѣли за стѣнами попутныхъ ауловъ, откуда и встрѣчали войска ружейными выстрѣлами, такъ что многіе изъ нихъ приходилось обходить стороной. При остановкахъ на ночлеги, отрядъ принималъ всѣ мѣры осторожности отъ внезапнаго нападенія. Въ особенности приходилось заботиться, чтобы не потерять послѣднихъ верблюдовъ, еще кое-какъ волочившихъ ноги; ихъ помѣщали въ серединѣ вагенбурга со спутанными ногами.

6-го сентября, войска, изморенныя голодомъ, измученныя непрерывными переходами и постоянными опасеніями нападенія текинцевъ, прибыли наконецъ въ Бендесенъ. Наканунѣ этого, въ виду недостатка фуража, была отправлена впередъ вся кавалерія, во

главѣ которой, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, покинули отрядъ и негостепріимный край многіе изъ участниковъ похода.

На пути къ Чикишляру кавалерія довольно безцеремонно захватила большую часть шедшаго стада верблюдовъ, предназначавшагося для отряда, оставивъ тѣмъ опять его безъ перевозочныхъ средствъ. Въ Бендесенѣ войска получили наконецъ помощь отъ сжалившагося надъ ними интендантства, которое прислало сюда нѣсколько боченковъ съ соленымъ свинымъ саломъ.

Несмотря на голодовку, никто не хотѣлъ брать его, такъ какъ подъ видомъ сала въ боченкахъ оказались совершенно протухшіе куски разнообразныхъ частей свиней.

Интендантамъ приходилось сжечь это сало, но въ концѣ концовъ его все-таки приказали разобрать по баталіонамъ, и сало сожгли сами войска, а не интендантство.

Изъ Бендесена отрядъ продвинулся въ Ходжамъ-Кала, гдѣ былъ назначенъ отдыхъ. Здѣсь тяжело раненымъ нижнимъ чинамъ роздали по 5 серебряныхъ рублей, а офицерамъ по 50 на лѣченіе.

12-го сентября, войска отступили къ Тераскану, куда прибыли 13-го. Въ Терасканѣ былъ назначенъ отдыхъ до 25-го сентября, сюда же долженъ былъ пріѣхать генералъ Тергукасовъ, назначенный командовать экспедиціоннымъ отрядомъ вмѣсто умершаго Лазарева. Войска ждали его съ нетерпѣніемъ, надѣясь на улучшеніе своего жалкаго положенія, которое было дѣйствительно ужасное: провіантъ почти весь вышелъ; фуража также не было, хотя и привозили нѣсколько разъ конскихъ галетъ фунтовъ по 30 на лошадь. Лошадямъ и верблюдамъ, оставшимся еще при отрядѣ, самимъ было предоставлено разыскивать себѣ пропитаніе. Бѣдныя животныя печально бродили вокругъ лагеря, собирая жалкіе остатки колючки и полыни. Голодъ дошелъ до того, что они поѣдали коновязи, недоуздки и даже хвосты и гривы другъ у друга.

Въ такомъ положеніи засталъ отрядъ прибывшій 21-го сентября въ Бендесенъ генералъ Тергукасовъ.

Произведя смотръ отряду, Тергукасовъ и виду не показалъ, что крайне пораженъ жалкимъ состояніемъ его. Поблагодаривъ отъ имени государя за понесенные труды и лишенія, онъ сейчасъ же распорядился о немедленномъ возвращеніи отряда въ Чикишляръ. 23-го сентября, уничтоживъ все, что не могли съ собою захватить, войска ускоренными переходами двинулись въ Чикишляръ, откуда на пароходахъ были переправлены на Кавказъ къ своимъ полкамъ и штабъ квартирамъ.

Такъ кончилась на радость нашихъ враговъ эта достопамятная экспедиція.

Главнѣйшею причиной неудачи Ахалъ-Текинской экспедиціи 1879 года надо считать, прежде всего, прирожденную намъ, русскимъ, необыкновенную безпечность. Слишкомъ ужъ много мы надѣемся на «авось»!

При составленіи плана экспедиціи, вѣроятно, имѣли въ виду только тѣ легкія побѣды, которыя доставались иногда нашимъ войскамъ въ столкновеніяхъ съ подобными текинцамъ народами, ибо иначе невозможно объяснить себѣ, бросающихся каждому въ глаза, сдѣланныхъ ошибокъ.

Многія лица, попавшія въ отрядъ, благодаря своимъ личнымъ связямъ, воспользовались болѣзненнымъ состояніемъ генерала Лазарева и забрали почти всю иниціативу предпріятія въ свои руки.

Жажда легкихъ побѣдъ затемнила въ нихъ всякое благоразуміе. Совѣты людей опытныхъ, прекрасно изучившихъ мѣстныя условія страны, были единодушно отвергаемы.

Какъ мы видѣли, планъ экспедиціи разработанъ былъ до мельчайшихъ подробностей. Походъ предполагалось закончить въ 50 дней, согласно чему и продовольствія для людей и животныхъ было захвачено на это количество. Повторяю, были люди, указывавшіе на неосновательность такихъ предположеній, но слишкомъ ужъ много самоувѣренности и надежды на русское «авось» было у большинства, чѣмъ и объясняется то единодушіе, съ которымъ принятъ былъ предположенный планъ экспедиціи.

Въ планѣ имѣлась въ виду военная прогулка при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, а возможность неудачи совсѣмъ не принималась въ расчетъ, между тѣмъ, какъ видно изъ разсказаннаго, ни одно предположеніе не сбылось. Съ самаго начала и до самаго конца все дѣлалось не такъ, какъ хотѣли и разсчитывали наши военачальники.

Очень возможно, что результаты экспедиціи были бы совсѣмъ другіе, если бы лучшее изъ предположеній составителей плана похода, т.-е. быстрота наступленія, не столкнулось съ совершенно непреоборимымъ препятствіемъ, въ лицѣ представителей продовольственной части войскъ. Лица эти ничуть не заботились о содѣйствіи строевому начальству. Главная ихъ забота была собственная нажива. Дѣлалось рѣшительно все, чтобы задержать войска въ Чикишлярѣ возможно долѣе. Какое имъ было дѣло до успѣшности похода, и отчего эта успѣшность зависитъ? Жажда наживы заглушила всѣ другія чувства.

Затѣмъ, на полъ-пути къ вражескому оазису умираетъ главнокомандующій русскими силами, генералъ Лазаревъ, послѣ чего принимаетъ начальство надъ отрядомъ, хоть и опытный въ дѣлахъ съ кочевниками Средней Азіи, но поддавшійся вліянію совѣтовъ, рвавшихся въ бой, частныхъ начальниковъ, генералъ Ломакинъ.

Съ этого момента отрядъ раздѣлился на нѣсколько частей, каждая подъ командой особаго начальника, ставившаго собственную инициативу выше всякихъ дѣльныхъ совѣтовъ людей болѣе опытныхъ. Не надо особенно быть знакомымъ съ деталями военнаго искусства, чтобы видѣть тѣ ошибки, которыя были сдѣланы нами при штурмѣ Геокъ-Тепе! Не говоря уже о томъ, что весь путь отряда къ Геокъ-Тепе былъ сдѣланъ безъ предварительныхъ развѣдокъ, во время штурма войска были пущены въ дѣло, не спавшія ночь, голодныя, утомленныя не столько величиной перехода, сколько преодолѣваніемъ трудности пути, прямо съ похода подъ палящими лучами солнца.

Не была произведена рекогносцировка доступовъ къ крѣпости, которая бы выяснила наиболѣе слабые пункты стѣны.

Не были предварительно заняты передовыя укрѣпленія текинцевъ, что поставило войска при штурмѣ въ невыгодныя условія, такъ какъ дало возможность текинцамъ открыть по насъ фланговый и тыльный огонь.

Атака была поведена цѣпью на отвѣсныя высокія стѣны со рвами впереди и захватила громадный районъ — другими словами, не могла быть сильна ни въ одномъ пунктѣ.

Для дѣйствія артиллеріи, которая не была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, а разбросана по частямъ по всей боевой линіи, не обозначено никакой опредѣленной цѣли, вслѣдствіе чего она дѣйствовала безпорядочно, не принося существенной пользы штурмующимъ, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея снаряды препятствовали успѣху дѣйствій пѣхоты.

Не было заготовлено никакихъ приспособленій, облегчающихъ штурмъ стѣнъ.

Не было образовано рабочихъ командъ, которыя могли бы помочь атакующимъ преодолѣть эти стѣны, и наконецъ войска слишкомъ неравномѣрно были распредѣлены на боевую линію (5 батал.) и резервъ (1 бат.), вслѣдствіе чего не на что было опереться, чтобы поддержать свой ударъ, а тѣмъ болѣе для повторенія его.

Кавалерія была отправлена на противоположную сторону крѣпости, преградивъ пути отступленія текинцамъ и тѣмъ вынудивъ ихъ къ самому отчаянному сопротивленію, а когда дѣло было проиграно, не могла принять участіе въ бою и облегчить положеніе отступающихъ войскъ, вслѣдствіе чего отступленіе превратилось въ бѣгство.

Однимъ словомъ, было сдѣлано все, чтобы содѣйствовать успѣшности отраженія штурма, а никакъ не взятія крѣпости.

Неудача экспедиціи сильно поколебала нашъ престижъ въ Средней Азіи. Не только ахалъ-текинцы подняли головы, но возгордились и другіе независимые роды туркменъ и усилили свои нападенія на наше пограничное пространство.

Кромѣ того, неудача наша вредно отозвалась и вообще на настроеніи умовъ всего подвластнаго намъ населенія въ Средней Азіи. Въ виду этого надлежало порѣшить съ текинскимъ вопросомъ во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе доказать азіатцамъ, что сила русскаго оружія не сокрушима.

Рѣшено было снарядить противъ Ахала новую экспедицію и во главѣ ея поставить человѣка, заслужившаго уже себѣ громкое боевое имя и притомъ хорошо знающаго особенности степной жизни. Человѣкомъ этимъ былъ Скобелевъ.

Задача, возложенная на него, была не легкая, такъ какъ успѣхъ, одержанный текинцами, удесятерилъ ихъ силы, почему Скобелеву и были даны самыя широкія полномочія и средства.

Грѣхи предшественниковъ показали ему, какъ надо дѣйствовать, чтобы возстановить славу русскаго оружія.

Экспедиція Скобелева окончилась полнымъ разгромомъ главнаго гнѣзда текинцевъ Геокъ-Тепе, взятаго штурмомъ войсками нашими 12 января 1881 года.

С. Кодинецъ.

СТО ЛѢТЪ ЛИТЕРАТУРНАГО РАЗВИТІЯ.

ПЕРЕДЪ концомъ столѣтія вполнѣ естественнымъ является желаніе оглянуться назадъ и подвести итоги тому, что сдѣлано нами за истекающій періодъ въ той или другой жизненной сферѣ; однако, противъ такого желанія резюмировать работу столѣтія можетъ быть представлено одно выраженіе, не лишенное извѣстной доли основательности. Намъ могутъ сказать, что при опредѣленіи прогрессивнаго хода человѣчества такія мѣрки, какъ число лѣтъ, не имѣютъ никакого значенія; могутъ сослаться на извѣстное французское изреченіе: ce n'est pas le nombre des années qui compte, mais leur valeur, — и такимъ образомъ ретроспективный взглядъ на прожитое время находитъ для себя оправданіе только въ томъ случаѣ, если это время имѣетъ характеръ нѣкоторой цѣльности, представляетъ собою или завершеніе какого либо предшествующаго процесса, или само по себѣ образуетъ извѣстный циклъ развитія, при чемъ конецъ и начало этого развитія укладываются хотя бы приблизительно въ предѣлахъ даннаго числа лѣтъ.

Трудно отвергать раціональность только что указанной точки зрѣнія, и потому, принимая ее за основаніе дальнѣйшаго изложенія, мы прежде всего должны, пусть даже въ самыхъ общихъ чертахъ, опредѣлить, представляетъ ли собою истекающее столѣтіе требуемую цѣлостность по отношенію къ развитію русской литературы, или нѣтъ. Теперь мы только намѣтимъ рѣшеніе этого вопроса, а болѣе обстоятельное, подкрѣпленное фактическими дан-

ными, его разъясненіе должно составить задачу настоящей нашей статьи. Покуда мы полагаемъ достаточнымъ для положительнаго отвѣта на вопросъ ограничиться такимъ указаніемъ: начало XIX вѣка, совпадая съ началомъ новаго царствованія, которое оживило разныя чаянія относительно прогрессивнаго развитія внутренней жизни Россіи и ея внѣшняго роста, вмѣстѣ съ тѣмъ является временемъ пробужденія и литературныхъ интересовъ, такимъ временемъ, когда сильнѣе начинаютъ обнаруживаться народившіяся весьма не задолго до того литературныя стремленія и опредѣленнѣе выдвигаются болѣе широкія задачи литературной дѣятельности, о которыхъ ранѣе почти и не думали. Послѣдующіе годы заняты по существу весьма сложнымъ процессомъ, въ которомъ мы можемъ прослѣдить постепенное, съ незначительными отклоненіями, наростаніе извѣстныхъ стремленій, приводящихъ къ очень крупнымъ фактамъ духовной жизни и пышному расцвѣту всевозможныхъ отраслей литературной производительности. Конецъ столѣтія является временемъ затишья опять таки во всѣхъ этихъ областяхъ, т.-е. въ художественной словесности, и въ критикѣ, и въ публицистикѣ, и даже въ научной литературѣ; но то, что за эту послѣднюю эпоху становится на первомъ планѣ, есть органическое продолженіе труда прежнихъ поколѣній, такъ сказать, дальнѣйшее проведеніе въ жизненное сознаніе добытыхъ ими духовныхъ результатовъ, а новыя вѣянія, понемногу обнаруживающіяся, пока не совсѣмъ ясны, такъ что виды на будущее представляются еще въ смутныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ, и въ этомъ отношеніи перспектива можетъ быть двоякая: можно ждать движенія и по старымъ, уже извѣданнымъ путямъ, которые еще не пройдены до самаго конца; но для многихъ (основательно, или нѣтъ, другой вопросъ) чуется возможность и какихъ-то новыхъ путей, которые должны открыть новую фазу литературнаго развитія. Если на этомъ основаніи намъ скажутъ, что съ этой стороны мы не видимъ полной законченности, то не слѣдуетъ забывать, что исторія не знаетъ такой законченности ни въ какую эпоху, а, кромѣ того, важна не столько законченность самаго періода, сколько цѣльность впечатлѣнія, производимаго этимъ періодомъ; а такую цѣльность XIX столѣтіе въ развитіи нашей литературы представляетъ несомнѣнно въ большей степени, чѣмъ какой либо другой изъ предшествовавшихъ вѣковъ.

Ставя себѣ задачей общую характеристику русской литературы XIX вѣка, при чемъ намъ почти исключительно придется суммировать то, что уже ранѣе добыто, и лишь изрѣдка указывать возможность новаго толкованія явленій,—не излишнимъ также, для выясненія плана нашей статьи, считаемъ указать, что избранный нами періодъ самъ собою распадается на приблизительно равныя части по четвертямъ вѣка, каждая изъ которыхъ имѣетъ свой особый, отличительный характеръ: первая четверть есть эпоха, подготовляющая намъ Пушкина

и его литературное направленіе; вторая—пора творческой работы Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Бѣлинскаго, пора, въ которую уясняется общественное значеніе литературы и созрѣваютъ могучія дарованія плеяды великихъ мастеровъ слова и носителей идеи, долженствующихъ заполнить своей дѣятельностью содержаніе третьей четверти вѣка; наконецъ, въ четвертую четверть эти дѣятели, завершивъ свой трудъ, сходятъ одинъ за другимъ съ жизненной арены, и наступаетъ указанное сейчасъ литературное затишье, время эпигоновъ. Такимъ образомъ нашъ очеркъ естественно дѣлится по указаннымъ рубрикамъ, но предварительно мы считаемъ необходимымъ предпослать ему краткій обзоръ тѣхъ задачъ, которыя завѣщалъ нашему столѣтію XVIII вѣкъ, и которыя, можетъ быть, въ болѣе или менѣе ясныхъ очертаніяхъ представлялись нашимъ литературнымъ предкамъ.

I.

Припоминая параллель, проведенную С. М. Соловьевымъ, мы можемъ сказать, что Россія при Петрѣ Великомъ уподобилась громадной школѣ. Руководимый сознаніемъ насущныхъ народныхъ потребностей, побуждаемый общимъ ходомъ предшествующаго духовнаго развитія Россіи, Петръ самъ обратился въ учителя, при чемъ однимъ изъ важнѣйшихъ педагогическихъ орудій воздѣйствія оказалась его дубинка, въ видѣ тѣхъ страшныхъ, суровыхъ мѣръ, при помощи которыхъ приходилось побѣждать лѣность и строптивость многочисленныхъ школьниковъ. Отчасти благодаря этимъ педагогическимъ пріемамъ, а главнымъ образомъ конечно, вслѣдствіе непререкаемыхъ историческихъ условій, волей-неволей школьники стали усвоивать себѣ всю премудрость, накопленную вѣками исторической жизни западныхъ народовъ. Основной принципъ всякаго школьнаго обученія есть подражаніе, и сколько бы мы ни расточали упрековъ нашей подражательности въ XVIII вѣкѣ, въ концѣ концовъ намъ приходится признать полную ея неизбѣжность и необходимость: сама жизнь звала въ школу, а нѣтъ школы безъ подражанія.

Какъ школьники прежде всего подражаютъ манерамъ учителя, усвоиваютъ себѣ внѣшность ученія, такъ вполнѣ естественно и наши предки должны были начать съ усвоенія внѣшности: надо было прежде всего научиться, такъ сказать, азбукѣ общежитія, воспринять чисто внѣшніе основные элементы новой культуры. Безъ этого нельзя было обходиться, и сколько бы ни раздавалось нападокъ на «фальшивое просвѣщеніе» въ прошломъ столѣтіи, и какъ бы ни повторялись эти укоры XVIII вѣку и до нашего времени, намъ приходится признать, что это «фальшивое просвѣще-

ніе», при всѣхъ своихъ уродливыхъ подробностяхъ, было однимъ изъ проводниковъ истиннаго просвѣщенія точно такъ же, какъ и огорчающая насъ теперь «трактирная цивилизація» есть одно изъ орудій распространенія въ народѣ высшихъ культурныхъ особенностей. Въ уродствахъ, какъ тогда, такъ и теперь, виновата не школа, виноваты не сами ученики, а виноваты только общечеловѣческія условія культурнаго прогресса, который вездѣ и всегда совершался при той же самой обстановкѣ и въ той же послѣдовательности: сперва усвоивалась внѣшность, а затѣмъ она заполнялась идейнымъ содержаніемъ.

Въ этомъ отношеніи происходитъ въ большихъ размѣрахъ тотъ же процессъ, что и въ школѣ: умные ученики начинаютъ замѣчать, что нельзя ограничиться подражаніемъ голосу, манерамъ учителя,—они чувствуютъ потребность догнать своего учителя и по уму, а, можетъ быть, даже и перегнать его, при чемъ, конечно, дѣло не обходится безъ излишествъ юной самонадѣянности. Ломоносовъ, страстно борющійся противъ «недоброхотовъ россійскихъ наукъ» въ нѣмецкой академіи, самъ человѣкъ, стоящій на одномъ уровнѣ съ передовыми представителями европейской науки, лелѣетъ мечту о самомъ широкомъ распространеніи знаній въ русскомъ народѣ, чтобы изъ него выходили «многочисленные Ломоносовы», которые стали бы для Россіи «собственными Платонами и быстрыми разумомъ Невтонами», такъ что наконецъ настало бы то время, когда бы

> **Секвана постыдилась**
> **Своимъ искусствомъ предъ Невой.**

То же стремленіе сравняться съ учителями замѣчается и у другихъ дѣятелей этой поры, у менѣе даровитыхъ современниковъ Ломоносова; и Тредіаковскій съ своимъ неумѣлымъ виршеслагательтвомъ, но съ очень цѣнными научными изслѣдованіями въ области стилистики, и Сумароковъ, вполнѣ увѣренно равняющій себя съ Вольтеромъ,—выразители той же совершенно естественной потребности, какъ бы ни казались намъ комичными ихъ притязанія.

Дѣятельность этихъ писателей ограничивается перенесеніемъ къ намъ западныхъ литературныхъ формъ, но вѣдь въ эти формы на ихъ родинѣ влагалось богатое идейное содержаніе, пріобрѣтенное вѣками умственной работы, и потому, даже при искусственности формъ, литература у нашихъ учителей была органическимъ явленіемъ жизни, такимъ явленіемъ, которое порождалось насущными жизненными потребностями, отвѣчало на реальные запросы общественнаго движенія и вслѣдствіе этого само могло оказывать вліяніе на жизнь, и вліяніе очень сильное. У насъ же на первыхъ порахъ имѣются вмѣсто литературы только литературныя упражненія, потребность въ которыхъ почти никѣмъ не сознается,

и о какомъ нибудь ихъ вліяніи на общество не можетъ быть и рѣчи. Эпитетъ pays des façades болѣе всего примѣнимъ къ Россіи XVIII вѣка, и однимъ изъ фасадовъ приходится признать всѣ эти литературныя упражненія. Въ благоустроенномъ государствѣ должна быть литература, и она есть: имѣются и свои Пиндары, и Расины, и Вольтеры, но о чемъ и, главное, зачѣмъ говорятъ всѣ эти великіе мужи, это вопросъ иного сорта, мало кого интересующій, и даже сами дѣятели литературы покуда не особенно много размышляютъ о задачахъ своей дѣятельности, объ ея идейномъ содержаніи и объ отношеніи ея къ нуждамъ русской жизни.

Правда, церковная проповѣдь и свѣтская поучительно-сатирическая литература выставляютъ реальные образы враговъ просвѣщенія, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, но, уже не говоря о томъ, что такіе образы сравнительно рѣдки, главный недостатокъ всей этой защиты просвѣщенія состоитъ въ томъ, что основы личной и общественной этики, въ которыхъ заключается самая сущность просвѣщенія, не ясны, повидимому, даже самимъ обличителямъ. Призывая къ просвѣщенію, которое измѣняло весь старый порядокъ жизни, покоившійся на извѣстномъ міросозерцаніи, нельзя было ссылаться на однѣ практическія выгоды, истекавшія изъ новшествъ,—необходимо требовалось старымъ идеямъ противопоставить новыя, и эта задача выпала на долю литературы Екатерининскаго времени. Обильнымъ потокомъ хлынули къ намъ въ эту эпоху разныя западныя доктрины, долженствовавшія обновить нашу жизнь, и хотя мы привыкли указывать на запоздалость нашихъ заимствованій съ запада, въ этомъ случаѣ мы не особенно сильно запоздали, такъ какъ теоріи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ совсѣмъ еще не отжили своего вѣка у себя на родинѣ, гдѣ имъ предстояло еще вызвать коренной жизненный переворотъ при ихъ практическомъ примѣненіи.

Иниціатива движенія принадлежала самой императрицѣ, которая во всѣхъ сочиненіяхъ, а въ особенности въ «Наказѣ», знакомитъ русское общество съ новыми европейскими идеями и, что особенно важно, указываетъ для нихъ возможность примѣненія къ русской дѣйствительности. Екатерина не только говоритъ, что надо учиться, но и объясняетъ, чему учиться и зачѣмъ, она указываетъ этическую цѣль, «умонаклоненіе къ добру», и разъ такая цѣль намѣчена, всѣмъ становится ясно, что литература должна обратить вниманіе не на одно невѣжество, но и на многія другія стороны жизни, не согласующіяся съ этимъ «умонаклоненіемъ къ добру», вслѣдствіе чего значительно расширяется область литературнаго обличенія, а отсюда при непосредственномъ наблюденіи облегчается сближеніе литературы съ жизнью. Вслѣдъ за императрицей въ томъ же направленіи сатирическаго реализма дѣйствуютъ и многіе другіе талантливые представители литературы, хотя при этомъ слѣдуетъ

оговориться, что и въ началѣ въ своей проповѣди императрица не была вполнѣ одинока потому, что сподвижниковъ ей подготовлялъ открытый не задолго до ея вступленія на престолъ Московскій университетъ: сколько бы несовершенствъ ни представляло въ своей организаціи это юное учрежденіе, мы не можемъ забывать, что оно дало такихъ замѣчательныхъ людей, такихъ ревностныхъ передовыхъ борцовъ въ рядахъ защитниковъ новыхъ идей, какими были Новиковъ и Фонвизинъ; косвенное вліяніе, какъ можно предполагать, оказалъ Московскій университетъ и на юношу А. Н. Радищева. Каковъ бы ни былъ источникъ движенія, оно скоро охватываетъ все образованное, очень еще незначительное въ количественномъ отношеніи, русское общество, такъ что къ нему примыкаютъ и литераторы старшаго поколѣнія, какъ, напримѣръ, Сумароковъ, въ своихъ комедіяхъ придерживающійся общаго тона сатирической литературы того времени.

Однако факты той же эпохи показываютъ намъ, что это идейное движеніе было тоже своего рода фасадомъ: съ одной стороны требовалось соблюдать благоразумную умѣренность, сатира должна была держаться границъ «улыбательнаго рода», такъ какъ серіозно затрогивать многіе вопросы не хотѣли и представители общественнаго мнѣнія, какъ это видно изъ критическихъ замѣчаній Сумарокова на «Наказъ», да и сама императрица находила нужнымъ умѣрять пылъ чрезмѣрно увлекавшихся идеалистовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые эпизоды изъ біографіи Новикова и Фонвизина; а съ другой стороны ясно было, что литература не можетъ сразу приблизиться къ дѣйствительности, такъ какъ сатира все-таки была по своей природѣ явленіемъ одностороннимъ, и положительные образы Екатерининской литературѣ рѣшительно не удавались, чего, конечно, нельзя объяснять полнымъ ихъ отсутствіемъ въ дѣйствительности.

Эта слабая сторона сатирическаго направленія, помимо чисто внѣшнихъ цензурныхъ вліяній, заставляетъ лучшихъ дѣятелей литературы искать новыхъ путей, и такіе пути опять-таки указываются западными умственными теченіями, изъ которыхъ одно, масонско-мистическое, являлось отрицаніемъ раціонализма, пропагандировавшагося вслѣдъ за энциклопедистами императрицею и вдохновляемыми ею писателями, а другое до извѣстной степени могло примыкать къ обоимъ противоположнымъ направленіямъ мысли, и къ энциклопедизму и къ масонству: это былъ сентиментализмъ. Какъ ни сухъ былъ раціонализмъ просвѣтителей, но въ общественной пропагандѣ онъ постоянно прибѣгалъ къ чувству, какъ къ могучему орудію воздѣйствія на массы: и мѣщанская драма и нравоучительный романъ имѣли въ виду именно пробужденіе чувства, и потому вполнѣ естественно сентиментализмъ въ просвѣтительномъ движеніи идетъ рука объ руку съ сатирой, хотя къ намъ на

Русь сперва приносится только сатира, встрѣчавшая для себя особенно благопріятную обстановку. Элементъ чувства играетъ несомнѣнно самую выдающуюся роль въ родственномъ просвѣтительной философіи нѣмецкомъ литературномъ движеніи періода бури и натиска: и Лессингъ въ своихъ драмахъ, и Шиллеръ въ своей проповѣди идеализма, и Гете въ произведеніяхъ ранней поры его дѣятельности одинаково стараются воздѣйствовать на чувство, изображаютъ чувство и при его помощи стремятся укрѣпить въ общественномъ сознаніи извѣстный кругъ идей, выработанныхъ новымъ временемъ. О томъ значеніи, какое имѣлъ элементъ чувства въ масонско-мистическихъ теоріяхъ особенно распространяться не приходится, такъ какъ самая сущность новаго мистицизма заключалась въ томъ, что онъ выдвигалъ чувство въ противовѣсъ исключительному господству разсудка.

Въ виду всего этого вполнѣ понятными становятся тѣ переходы въ воззрѣніяхъ, которые намѣчаются изслѣдователями въ дѣятельности Новикова: по существу Новиковъ никогда не отрекается отъ идей просвѣщенія, но только послѣ сатиры онъ выдвигаетъ другое орудіе пропаганды этихъ идей и черезъ него сближается съ мистицизмомъ, которому, однако, никогда цѣликомъ не отдается; элементъ чувства есть нѣчто дополняющее, но не отрицающее существенныя стороны прежняго направленія, и весьма возможно, что здѣсь не обошлось безъ вліянія нѣмецкихъ тенденцій бури и натиска: не даромъ же въ кружкѣ Новикова предпринимаются изданія переводовъ изъ произведеній представителей этого движенія, не даромъ имена его корифеевъ хорошо знакомы членамъ кружка, и недаромъ къ кружку примыкаетъ нѣмецкій поэтъ Ленцъ, являющійся однимъ изъ проводниковъ нѣмецкаго литературнаго вліянія. Разъ вмѣсто сатиры выдвигается чувство, потребность исканія положительныхъ образовъ, ихъ воспроизведенія въ литературѣ, ощущается гораздо сильнѣе, но, конечно, удовлетворить этой потребности сразу нельзя, такъ какъ предварительно нужно болѣе тѣсное сближеніе литературы съ жизнью, и это есть одна изъ важнѣйшихъ литературныхъ задачъ, завѣщанныхъ XIX вѣку предшествующимъ періодомъ.

Для того же, чтобы достигнуть этого сближенія, чтобы стать органическимъ проявленіемъ жизни, избавиться отъ характера фасада, литературѣ предстоитъ еще пройти черезъ двѣ ступени: во-первыхъ, выработать свое самосознаніе, опредѣлить тѣ цѣли, во имя которыхъ совершается литературное дѣланіе, а, во-вторыхъ, стать національной, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Работа въ этихъ двухъ направленіяхъ начинается уже въ XVIII вѣкѣ, но опять-таки завершеніе ея должно выпасть на долю наступающаго столѣтія. Первымъ піонеромъ на этомъ поприщѣ является писатель, дѣятельность котораго началась подъ непосредственномъ руководствомъ Новикова, и съ именемъ котораго связано начало но-

ваго періода. Это—Карамзинъ, соединяющій вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Крыловымъ новую литературную эпоху съ предшествующимъ развитіемъ: вступая въ новое столѣтіе съ завѣтами и традиціями прежняго времени, эти три писателя пролагаютъ пути для грядущихъ дѣятелей, для самобытныхъ творцовъ, подготовляютъ почву для Пушкина и его литературной школы, и въ этомъ, какъ мы уже сказали, заключается смыслъ и значеніе первой четверти нашего столѣтія, къ болѣе подробному разсмотрѣнію которой мы и обратимся въ слѣдующей главѣ.

II.

Много можно указать отрицательныхъ сторонъ въ общественно-литературной дѣятельности Карамзина, и она не разъ подвергалась весьма строгому осужденію; вызывая и до нашего времени порой восторженные панегирики, въ которыхъ значеніе ея для позднѣйшей литературы раздувается до крайнихъ предѣловъ, такъ что и Достоевскій и Тургеневъ оказываются порожденіемъ Карамзинскаго «идеализма», она съ другой стороны подвергается упрекамъ въ недостаткѣ искренности, въ непродуманности, въ какомъ-то шатаніи въ отношеніи литературныхъ и общественныхъ принциповъ. Во всѣхъ этихъ упрекахъ есть много справедливаго, хотя есть и ошибки, порождаемыя публицистической страстностью судей, но для нашей цѣли гораздо важнѣе остановиться не на недостаткахъ, а на положительныхъ сторонахъ литературной работы Карамзина, такъ какъ онѣ имѣли существенное значеніе для дальнѣйшаго развитія.

Одною изъ самыхъ важныхъ литературныхъ заслугъ Карамзина является преобразованіе стиля, заключавшееся въ освобожденіи русской литературы отъ тѣхъ крайне условныхъ правилъ, которыя вытекали изъ установленной Ломоносовымъ у насъ по образцу западныхъ риторикъ теоріи трехъ штилей; но объ этомъ было столько говорено, что мы считаемъ излишнимъ распространяться по этому вопросу, и остановимся на другой существенной заслугѣ нашего писателя, которая сравнительно очень мало выдвинута изслѣдователями, на томъ, что имъ сдѣлано для уясненія задачъ литературы, или, какъ мы выше сказали, для литературнаго самосознанія, потому что въ этомъ именно отношеніи имъ оказана нашей литературѣ наибольшая услуга: онъ первый опредѣленно высказалъ, что литература имѣетъ нѣкоторую серіозную цѣль.

Такъ какъ для нашего XVIII вѣка литература была почти исключительно фасадомъ, то немудрено, что цѣль ея усматривалась только въ удовольствіи, при чемъ послѣднее допускало да-

леко не высокую оцѣнку. Для такого взгляда наиболѣе характернымъ являлось сдѣланное Державинымъ сравненіе поэзіи со «вкуснымъ лимонадомъ», и хотя въ другомъ своемъ произведеніи Державинъ и обмолвился, что поэзія есть высшій даръ боговъ, но такая обмолвка въ счетъ итти не можетъ, такъ какъ рядъ противорѣчій въ льстивыхъ восхваленіяхъ, расточавшихся Державинымъ разнымъ лицамъ, вполнѣ подтверждаетъ его несеріозное отношеніе къ своему слову, которому онъ противопоставлялъ свои «дѣла», какъ нѣчто заслуживавшее ему почетъ со стороны сатирика, при чемъ эти дѣла не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ его творчеству. Сказать, чтобы эти воззрѣнія принадлежали исключительно Державину, мы не имѣемъ никакого права: подобные взгляды были переданы нашей литературѣ ея учителями, западными теоретиками псевдоклассицизма, у Державина же они выразились въ наиболѣе яркой, тривіальной формѣ.

Прямую противоположность этимъ воззрѣніямъ составляетъ то, что было высказано Карамзинымъ въ его стихотвореніи «Поэзія», сочиненномъ въ 1787 году и напечатанномъ въ «Московскомъ Журналѣ» 1792 года. Здѣсь для поэзіи указывается высшій источникъ въ тѣхъ гимнахъ въ честь Бога, которые человѣкъ слагалъ, «когда въ невинности сердечной, какъ роза, цвѣлъ въ раю», и вѣчное ея возвышенное значеніе характеризуется такими стихами:

Во всѣхъ, во всѣхъ странахъ поэзія святая
Наставницей людей, ихъ счастіемъ была;
Вездѣ она сердца любовью согрѣвала.
Мудрецъ, натуру знавъ, познавъ ея Творца,
И слыша гласъ Его и въ громахъ и въ зефирахъ,
Въ лѣсахъ и на водахъ, на арфѣ подражалъ
Аккордамъ Божества, и гласъ сего поэта
Всегда былъ Божій гласъ.

Черезъ годъ послѣ этого стихотворенія Карамзинъ печатаетъ статью «Что нужно автору?», и въ ней мы находимъ слѣдующее чрезвычайно важное объясненіе: «естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами не ограниченное *желаніе всеобщаго блага* (курсивы Карамзина): тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ — онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь безполезнымъ писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу. Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; естьли не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою».

Приведенныя слова Карамзина, конечно, явились результатомъ изученія такихъ поэтовъ, на которыхъ онъ указываетъ въ томъ же стихотвореніи, поэтовъ англійскихъ и нѣмецкихъ новаго направленія; знакомствомъ съ ихъ произведеніями Карамзинъ, какъ сказано, обязанъ кружку Новикова и вліянію Ленца, но честь перваго выраженія этихъ взглядовъ въ литературѣ нашей принадлежитъ самому Карамзину, и въ нихъ было заключено зерно тѣхъ воззрѣній, которыя обстоятельно были развиты впослѣдствіи нашими писателями, начиная съ Жуковскаго и кончая гр. Л. Н. Толстымъ: вѣдь въ сущности опредѣленіе поэзіи, какъ зараженія чувствомъ, довольно опредѣленно обнаруживается въ статьѣ «Что нужно автору?»

Указанными теоретическими соображеніями обусловливается и роль чувства въ произведеніяхъ самого Карамзина. Какъ бы мы ни ограничивали размѣры поэтическаго дарованія Карамзина, совсѣмъ его отрицать мы не можемъ, и при исторической его оцѣнкѣ мы должны признать его заслугу и въ его сентиментализмѣ. Хотя это чувствительное настроеніе настолько стало намъ чуждымъ, что даже представляется приторнымъ, да и въ свое время оно вызывало довольно жесткіе упреки въ фальшивости тона и въ искаженіи дѣйствительности, но для огромной массы читателей эта новинка была очень привлекательною. Этимъ и объясняется быстрое размноженіе послѣдователей и подражателей Карамзина. Чувствительность пришлась по вкусу тогдашней публикѣ: многихъ, правда, вела она къ маниловщинѣ, къ прекраснодушію, отлично мирившемуся съ разными отрицательными явленіями русской жизни, въ томъ числѣ и съ крѣпостнымъ правомъ; читая о добродѣтельномъ поселянинѣ Фролѣ Силинѣ, проливая слезы по поводу чувствительнаго повѣствованія о бѣдной Лизѣ и слушая поучительную сентенцію о томъ, что и крестьянки чувствовать умѣютъ, прекраснодушные мечтатели весьма часто бывали способны производить надъ тѣми же крестьянами и крестьянками разныя экзекуціи, какъ это дѣлаетъ впослѣдствіи одинъ изящно-чувствительный помѣщикъ въ «Запискахъ охотника»; для такихъ господъ поэзія оставалась попрежнему лимонадомъ и не могла оказывать сколько нибудь замѣтнаго вліянія на складъ нравственныхъ представленій; книга говорила одно, а жизнь учила другому, что не мѣшало при случаѣ выразить одобреніе чувствительному автору, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался покровительствомъ правящихъ круговъ. Но рядомъ съ такими людьми могли быть и другіе, серіознѣе относившіеся къ литературѣ, и въ силу извѣстнаго взаимодѣйствія между писателемъ и публикой, это открывало для литературы перспективу плодотворнаго развитія въ томъ же направленіи гуманизирующаго вліянія на общественную среду.

Говоря о положительныхъ результатахъ дѣятельности Карам-

зина, нельзя, конечно, обходить молчаніемъ его главнаго труда: «Исторіи государства Россійскаго». Если научное значеніе ея въ наше время и сведено къ нулю, если изслѣдованія П. Н. Милюкова и показали намъ, что даже для своего времени Карамзинъ почти ничего не сдѣлалъ въ смыслѣ научной разработки древней русской исторіи, все же за его трудомъ приходится признать значеніе важнѣйшаго литературнаго памятника. Благодаря именно достоинствамъ своего изложенія, Карамзинъ былъ дѣйствительно Колумбомъ, открывшимъ для современнаго ему общества древнюю Русь. Почти все въ его «Исторіи» было дано ему предшественниками, ему принадлежитъ только стилистическая обработка добытыхъ ранѣе научныхъ результатовъ,—допустимъ это вмѣстѣ съ П. Н. Милюковымъ, но при этомъ мы не должны забывать, что труды его предшественниковъ не пошли въ публику, не могли оказать на нее почти никакого вліянія, не содѣйствовали ея историческому воспитанію, «Исторія» же Карамзина при своемъ появленіи имѣла неслыханный дотолѣ успѣхъ (да и впослѣдствіи мы немного видали книгъ, такъ быстро и въ такомъ большомъ количествѣ расходившихся), и такимъ образомъ она явилась могучимъ орудіемъ популяризаціи историческихъ свѣдѣній, а послѣ этого перваго успѣха она на многія десятилѣтія оставалась однимъ изъ главныхъ основаній историческаго воспитанія русскаго общества, на литературу же оказала несомнѣнно весьма и весьма сильное вліяніе. Поэтому, при оцѣнкѣ многихъ фактовъ послѣдующаго умственнаго развитія нашего общества, въ теченіе многихъ лѣтъ приходится считаться съ вліяніемъ Карамзинскаго труда.

Вслѣдъ за Карамзинымъ выступаетъ на литературное поприще Жуковскій, и его дѣятельность имѣетъ значеніе, прежде всего благодаря дальнѣйшему развитію и уясненію тѣхъ взглядовъ на литературу, которые были высказаны Карамзинымъ, благодаря внесенію въ нашу литературу нѣкоторыхъ новыхъ идеальныхъ мотивовъ, заимствованныхъ изъ того же западнаго источника и, наконецъ, благодаря въ извѣстной мѣрѣ подготовкѣ тѣхъ національныхъ элементовъ, общему, хотя и нѣсколько смутному, указанію этихъ элементовъ, которыхъ полное развитіе выпадаетъ на долю Пушкина.

Начавши, какъ извѣстно, съ подражанія Карамзину, Жуковскій очень скоро, однако, обращается къ другимъ источникамъ, къ недавно возникшему нѣмецкому романтизму, и отсюда онъ черпаетъ такіе взгляды на поэзію, которые по существу мало разнятся отъ изложенныхъ выше теоретическихъ соображеній Карамзина.

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли,

говоритъ у Жуковскаго Камоэнсъ въ драматической поэмѣ того же имени, а другой герой этой поэмы, Васко, подробно разъясняетъ

эту идею объ идеальномъ воздѣйствіи поэзіи. Обращаясь къ Камоэнсу, онъ говоритъ:

Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что бъ труженикъ земной
Ни испыталъ,—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.

Благодаря такому своему характеру, поэзія проникаетъ душу человѣка, «какъ Божій лучъ», ея «пламенникъ» горитъ неугасимо и

Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души.

Понятно, что при такой силѣ поэзія перерождаетъ духовно и самого творца, или, какъ разъясняетъ Толстой, для зараженія другимъ чувствомъ, поэту прежде всего надо его испытать самому, и эта идея рисуется Жуковскимъ въ прекрасной картинѣ вдохновенія, озаряющаго Камоэнса, который разсказываетъ слѣдующее:

Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
Тьма вокругъ меня и тьма во мнѣ...
И вдругъ сказать не смѣю—подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло—свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы—
И было то, какъ будто и во мнѣ
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту...
Я обезпамятѣлъ; когда-жъ пришелъ
Въ себя—то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

При подобномъ взглядѣ на значеніе и происхожденіе поэзіи, для Жуковскаго уже немыслимо было противопоставлять слово дѣлу, какъ это допускалъ когда-то Державинъ, и въ письмѣ 1848 г. къ Гоголю, разъясняя мысль Пушкина, что «слова поэта—дѣла поэта», Жуковскій подробно развиваетъ высказанное Карамзинымъ положеніе объ отраженіи личности автора въ его произведеніи. «Обыкновенно, говоритъ Жуковскій, разсуждая о художествахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника, и творца рознятъ съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю—по крайней мѣрѣ, не въ теоріи, опредѣляющей не то, что можетъ быть и бываетъ, а то, что всегда должно быть. Поэтъ творитъ словомъ, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно владѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее такъ же могущественно объемлетъ; это дѣйствіе есть ни умственное, ни нравственное—оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго; это не есть ни пріобрѣтеніе какой нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога; есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе: поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Таковъ истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго».

Но при такомъ воззрѣніи на существо поэзіи не представляется ли весьма возможнымъ впасть въ непоэтическій дидактизмъ? Жуковскій предвидитъ это затрудненіе и находитъ изъ него исходъ при помощи слѣдующаго разъясненія: «Что же, спросятъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества? Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай его, вѣрь ему, иди къ нему, веди къ нему—тогда, что бы ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному твоему оку, и что бы ни было это встрѣченное—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначащее или легкое, забавное или мрачное—все оно, прошедъ чрезъ твою душу, пріобрѣтетъ ея характеръ, не измѣнивъ

въ то же время и собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободою; утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть; всякое намѣреніе произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость,—тогда какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летать между небомъ и землею, всѣ посѣщать климаты и уносить за собою нашу душу въ этотъ чистый эѳиръ высоты, на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью».

Эти мысли о свободѣ поэтическаго творчества, навѣянныя взглядами нѣмецкой романтической школы и нѣмецкой философіи, могли явиться у Жуковскаго не въ началѣ его дѣятельности, представляются отраженіемъ взглядовъ, получившихъ у насъ господство съ тридцатыхъ годовъ; но онѣ связываются съ теоріей, высказанной Карамзинымъ, такъ какъ Жуковскій, вслѣдъ за приведенной тирадой, разъясняетъ, что «поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлить отъ него самого себя; что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что онъ самъ, то будетъ и его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и самое святое подѣйствуетъ на насъ, какъ отрава, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленной». Такимъ истиннымъ поэтомъ-учителемъ Жуковскій считаетъ Вальтеръ-Скотта. «Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги, съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту и знаешь, какое назначеніе души твоей; онъ представляетъ тебѣ во всей наготѣ и зло и развратъ, но ты ими не заражаешься, съ тобой сквозь толпу очумленную идетъ проводникъ, заразѣ ея недоступный и тебя сопутствіемъ своимъ берегущій. Цѣль художественнаго произведенія достигнута: ты былъ пораженъ, приведенъ въ ужасъ, смѣялся, плакалъ, словомъ: ты насладился красотою созданія поэтическаго; но въ то же время душа твоя проникнута довольствомъ другого рода: она вполнѣ спокойна, какъ будто болѣе утвержденная въ томъ, что все ея лучшее вѣрно». Такую же гармоничность поэтическаго созерцанія признаетъ Жуковскій преимуществомъ и Карамзина, «непорочная душа котораго прошла по землѣ, какъ ангелъ свѣта, и отъ котораго осталось отечеству, въ созданной имъ его исторіи, вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь ко благу и правдѣ, на благоговѣніе передъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ».

Мы намѣренно остановились такъ долго на этихъ взглядахъ Жуковскаго, чтобы показать ихъ преемственность въ отношеніи воз-

зрѣній, впервые высказанныхъ у насъ Карамзинымъ; но въ то же время мы отмѣтили и отраженіе у Жуковскаго нѣмецкой романтической теоріи о свободѣ поэтическаго творчества, и этимъ мы приблизились къ существеннѣйшей сторонѣ литературной дѣятельности Жуковскаго, который явился у насъ первымъ и наиболѣе типичнымъ романтикомъ. Перенесеніе къ намъ этого новаго западнаго направленія поэзіи было неоспоримо важною заслугою, такъ какъ романтизмъ впервые сталъ намъ говорить объ идеалахъ, чего почти совсѣмъ не было ни въ классицизмѣ, ни даже въ возвышенномъ, но очень расплывчатомъ сентиментализмѣ. Русскимъ читателямъ открылся богатый міръ созданныхъ новыми поэтами образовъ, чарующихъ своею красотой и нравственной возвышенностью, а неприглядность жизненной обстановки способствовала возникновенію стремленія унестись въ этотъ лучшій міръ. Но какъ ни заманчивы были эти образы, въ нихъ было много туманнаго, неопредѣленнаго, и въ этомъ была слабая сторона новаго направленія: оно отрывало людей отъ дѣйствительной жизни, тѣмъ болѣе, что указывало въ большинствѣ случаевъ идеалъ или въ воспоминаніяхъ о прошломъ, часто о весьма отдаленной старинѣ, или въ надеждахъ на загробное блаженство; въ какой-то невѣдомой странѣ должны осуществиться наши идеальныя стремленія, а здѣсь, на землѣ, намъ остается только мечтать. Отсюда очень легко было вдаться въ каррикатуру, стать очень добрымъ, но пустымъ мечтателемъ въ родѣ Ленскаго или, что еще хуже, Александра Адуева, при чемъ послѣдній примѣръ показываетъ, что мечтанія объ идеалѣ зачастую не уничтожали многихъ пошловатыхъ чертъ и въ самомъ идеалистѣ, и русскому романтизму грозило очень скорое вырожденіе. Но при всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонахъ нашъ романтизмъ принесъ все-таки извѣстную долю пользы, заронивъ во многихъ искреннее стремленіе къ идеалу и освѣживъ нашу литературу новыми элементами, способными къ развитію.

Въ числѣ такихъ элементовъ наиболѣе важнымъ является идея народности. Въ Германіи романтизмъ былъ движеніемъ національнаго характера, и такимъ онъ скоро становится и у насъ, благодаря чему онъ получаетъ возможность сблизиться съ другими нашими умственными теченіями, существовавшими уже до него. Стремленіе къ народности, раньше выражавшееся или въ чисто внѣшнихъ формахъ или въ протестѣ противъ западныхъ вліяній, теперь обращается въ сторону воскрешенія прежнихъ формъ жизни, которыя при этомъ идеализируются, а, кромѣ того, оно пріобрѣтаетъ довольно скоро идейное обоснованіе, какъ возрожденіе народнаго духа. Романтизмъ несомнѣнно подготовляетъ почву для славянофильства, которое устанавливаетъ опредѣленно свою доктрину уже въ слѣдующей четверти столѣтія.

Важнымъ недостаткомъ романтизма въ той формѣ, какъ онъ проявлялся у Жуковскаго и его ближайшихъ послѣдователей, надо считать отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, слабость интереса къ фактамъ общественной жизни: поэзія сторонилась отъ житейской прозы, поднималась на идеальную высоту, и въ этомъ заключалась опасность, если не примиренія со зломъ и неправдой, то индифферентнаго отношенія къ разнымъ ненормальнымъ сторонамъ окружающей обстановки. Отрекаясь отъ грязи и пошлости житейской, романтики рисковали совсѣмъ порвать связь поэзіи съ дѣйствительностью и вмѣсто того, чтобы стать орудіемъ активнаго добра, нравственнаго совершенствованія, какъ общества, такъ и индивидуума, поэзія могла сдѣлаться исключительно средствомъ квіетическаго самоуслажденія, приблизиться къ тому лимонаду, которымъ ее представлялъ Державинъ.

Однако рядомъ съ романтизмомъ Жуковскаго является и другой романтизмъ, ставящій себѣ задачи болѣе реальнаго свойства, не ограничивающійся однимъ оплакиваніемъ былого прекраснаго или сладостнымъ воспоминаніемъ о минувшемъ счастіи и не могущій удовлетвориться возможностью счастья исключительно въ загробномъ мірѣ. Представители этого рода романтизма думаютъ, что чуждаться жизни поэзія не можетъ, и если она ставитъ себѣ цѣлью нравственное возрожденіе человѣка, то она не можетъ достичь этой цѣли, относясь индифферентно къ современному общественному настроенію, что поэзія должна отзываться прежде всего на запросы жизни, что поэтъ является вождемъ общества не только на пути къ загробному блаженству, но и въ дѣлѣ осуществленія имъ на землѣ идеаловъ правды и человѣчности. Борьба съ Наполеономъ и въ особенности заграничные походы, благодаря которымъ съ европейскою жизнью многимъ удалось лучше познакомиться и усвоить себѣ новыя понятія, выработанныя этой жизнью, послужили, какъ извѣстно могучимъ толчкомъ къ пробужденію общественныхъ интересовъ: съ одной стороны развивается національное самосознаніе, а съ другой стороны для многихъ становится яснымъ, что разныя особенности нашего быта не могутъ считаться нормальными, что требуются различныя улучшенія, можетъ быть, даже радикальныя измѣненія, и что эти улучшенія и измѣненія вполнѣ возможны. Для такихъ людей и романтизмъ получаетъ иное значеніе: идеалы ищутся не гдѣ-то, въ далекомъ мірѣ, а въ реальной обстановкѣ, въ которой они должны быть осуществлены. Эти идеалы — просвѣщеніе, свободное общественное развитіе; о нихъ нельзя только мечтать, за нихъ надо бороться, надо устранять тѣ тормазы, которые задерживаютъ движеніе къ нимъ, и самымъ первымъ изъ этихъ тормазовъ является безправное состояніе огромной массы крестьянства, которое погружено въ безпросвѣтную тьму невѣжества. Къ такого рода романтикамъ относятся Рылѣевъ, Чаадаевъ, кн. Одоевскій, Кюхельбе-

керъ и др., примыкающіе къ общественному движенію второй половины Александровскаго царствованія, когда стремленіе къ протесту еще болѣе возбуждается господствомъ реакціи, фрунтовыхъ идеаловъ Аракчеева, мистицизма кн. А. Н. Голицына и quasi православнаго изувѣрства архимандрита Фотія.

Это отношеніе къ дѣйствительной жизни есть одинъ изъ задатковъ новаго реализма, для котораго почва отчасти уже расчищена старымъ реализмомъ, отличавшимся сатирическимъ характеромъ. Этотъ сатирическій реализмъ въ Александровскую эпоху представляется Нарѣжнымъ, Бенитцкимъ и лучше всего Крыловымъ, который нашелъ для него новую форму въ своихъ басняхъ. Среди этихъ басенъ есть нѣсколько получившихъ названіе историческихъ, но въ сущности къ нимъ могли бы быть отнесены и очень многія другія, возникшія внѣ сомнѣнія не изъ потребности отвлеченнаго нравоученія, а какъ живая сатира по поводу тѣхъ или другихъ конкретныхъ случаевъ. Кромѣ того, крыловскія басни давно оцѣнены со стороны своей народности, но намъ кажется, что при этой оцѣнкѣ, сосредоточивая все вниманіе на замѣчательномъ языкѣ басенъ, мало касались народности выведенныхъ въ нихъ типовъ животныхъ, а между тѣмъ эта сторона имѣетъ не менѣе существенное значеніе: такъ, напримѣръ, крыловская лисица, похожая на льстивую, захлебывающуюся отъ своей лести, русскую кумушку совсѣмъ не то, что лафонтеновскій maître renard, выражающійся изысканнымъ языкомъ французскаго царедворца.

Къ тому же реально-сатирическому направленію примыкаетъ и Грибоѣдовъ со своей знаменитой комедіей, но она представляетъ собою чрезвычайно важный шагъ впередъ въ развитіи этого направленія, такъ какъ въ ней нашему реализму въ первый разъ удалось въ противоположность отрицательнымъ типамъ представить типъ положительный, взятый изъ жизни. Въ созданіи этого типа, конечно, участвовали и литературные образцы, заимствованные у Мольера и Виланда, но мы знаемъ, что указывались и живые оригиналы: Чаадаевъ и самъ Грибоѣдовъ; однако еще важнѣе для насъ, что Чацкій не былъ какимъ-то единичнымъ исключеніемъ, и авторъ, создавая его, могъ имѣть въ виду то настроеніе и тотъ складъ понятій, которыя въ то время могли замѣчаться у многихъ, какъ протестъ противъ духовнаго гнета Аракчеевыхъ, Голицыныхъ и Фотіевъ. Немудрено поэтому, что въ лицѣ Чацкаго передъ нами явился не добродѣтельный манекенъ, произносящій поучительныя рѣчи автора, а человѣкъ живой, чувствующій и страдающій.

Таковы главныя литературныя теченія первой четверти XIX вѣка. Это — пробужденіе идеальныхъ запросовъ, опредѣляющихъ цѣли поэзіи, пробужденіе національныхъ и общественныхъ интересовъ и ихъ отраженіе въ литературѣ, стремленіе къ расширенію

области реальнаго воспроизведенія жизни. Но покуда это только эмбріоны дальнѣйшаго литературнаго движенія, которому суждено проявиться въ полной силѣ во вторую четверть вѣка, въ ту эпоху, когда дѣйствуютъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, славянофилы.

III.

Пушкинъ въ своей поэтической дѣятельности представилъ намъ синтезъ всего предшествующаго литературнаго развитія; въ его поэзіи сошлись, объединились и достигли полнаго уясненія тѣ разрозненныя и часто смутныя стремленія, которыя зародились въ подготовлявшей его литературѣ; но его поэзія есть не только литературный фактъ,—она есть явленіе великаго культурно-историческаго значенія, такъ какъ она представляетъ собою возрожденіе національныхъ началъ, не исключающее началъ общечеловѣческой цивилизаціи; въ ней эти начала національныя получаютъ высшій смыслъ черезъ сліяніе съ общечеловѣческими.

Начало его дѣятельности по времени относится къ первой четверти столѣтія, но полный ея расцвѣтъ, когда талантъ его, геній, обнаружился во всей своей цѣльности, когда вполнѣ выяснились для него самого задачи его творческой работы, когда онъ достигъ высшаго поэтическаго душевнаго равновѣсія, этотъ расцвѣтъ пришелся на долю второй четверти, и къ этому времени относится могучее его вліяніе на литературу, созданіе имъ своей самостоятельной поэтической школы. Такимъ образомъ въ лицѣ Пушкина мы находимъ не только синтезъ прошлаго, но и прочное основаніе будущаго литературнаго развитія.

Встрѣчаясь съ геніальной силой въ той или другой области человѣческаго дѣланія, мы должны имѣть въ виду не только историческія условія, въ которыхъ проявляется дѣйствіе этой силы, но и личныя свойства: историческія условія только въ общемъ опредѣляютъ путь для генія, но главное его отличіе есть самостоятельность, благодаря которой онъ можетъ отвѣтить на запросы, назрѣвшіе въ прошломъ. Поэтому мы считаемъ вполнѣ справедливыми слѣдующія замѣчанія о значеніи Пушкина, принадлежащія новѣйшему историку нашей литературы, А. Н. Пыпину: «Прежде всего основнымъ даннымъ, которымъ опредѣлилась дѣятельность Пушкина, было необычайное богатство и разносторонность его геніальнаго дарованія. Какъ явленіе чисто личное, эта сила дарованія выходитъ изъ всякихъ историческихъ расчетовъ. Можно замѣтить только, что здѣсь, какъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, какіе знаетъ исторія, появленіе геніальнаго таланта наступаетъ какъ бы не случайно и, напротивъ, какъ будто происходитъ въ опредѣленный моментъ, когда пережито предыдущее содержаніе,

когда собираются данныя для историческаго поворота, и нужна только геніальная личность, чтобы положить конецъ старому порядку вещей и съ могущественнымъ авторитетомъ установить новое начало жизненнаго развитія. Такъ явился нѣкогда Петръ Великій, чтобы завершить старый періодъ русскаго національнаго бытія и открыть для него новое поприще; по воспитанію онъ былъ созданіемъ этого прошедшаго, но онъ геніально воспринялъ отъ него инстинктивныя его стремленія къ дальнѣйшему развитію и поддержалъ ихъ всею энергіей своей личности,—такъ что новое содержаніе его реформы было черезъ него и черезъ его сознательныхъ приверженцевъ органически связано съ тѣмъ прошедшимъ, которое было имъ, повидимому, отвергнуто. Подобнымъ образомъ въ литературной жизни русскаго общества Пушкинъ завершалъ старый періодъ и сдавалъ его въ архивъ, но былъ связанъ съ нимъ на первыхъ шагахъ своего личнаго воспитанія и когда вступалъ самъ и вводилъ литературу на путь, повидимому, совершенно новый, залогъ его успѣха заключался въ томъ, что онъ геніально извлекъ изъ этого прошедшаго всю здоровую и цѣнную сущность его стремленій,—чѣмъ и устранилъ его исторически,—и повелъ дѣло дальше, поставивъ сознательно новыя задачи».

Въ поэзіи вообще замѣчаются два основныхъ элемента, которые можно назвать земнымъ и небеснымъ: это воплощеніе идеальныхъ стремленій и отраженіе дѣйствительной жизни. Въ большинствѣ случаевъ эти два элемента не находятся между собою въ равновѣсіи, такъ что кажутся разъединенными, одинъ заслоняется другимъ: у одного поэта мы видимъ исключительный интересъ къ воспроизведенію жизни, другой преимущественно порывается въ высь и какъ бы совсѣмъ забываетъ о землѣ съ ея радостями и горемъ. Въ такомъ положеніи находились до-пушкинскіе реализмъ и романтизмъ: первый почти лишенъ былъ возможности дать идеальное освѣщеніе воспроизводимой имъ дѣйствительности, второй въ погонѣ за идеалами совсѣмъ почти чуждался жизни. Пушкинъ гармонически сочеталъ эти два элемента, и потому, по выраженію Бѣлинскаго, поэзія Пушкина есть «земля, проникнутая небомъ».

Къ такому гармоническому сочетанію основныхъ поэтическихъ элементовъ Пушкинъ пришелъ не сразу, хотя задатки обоихъ этихъ элементовъ сказываются въ его поэзіи очень рано. Въ лицейскихъ уже стихотвореніяхъ его мы встрѣчаемся со смѣлымъ заявленіемъ реализма, такъ какъ юноша-поэтъ собирается писать такимъ образомъ, чтобы его всѣ поняли, и высказываетъ опасеніе и нежеланіе «парить безъ крылъ». Онъ насъ поражаетъ простотою формы и удивительною близостью къ жизни, такою близостью, которая могла въ то чопорное время показаться даже вульгарностью и свидѣтельствовала о смѣлости, доступной только геніаль-

ному дарованію. Рисуя жизнь и уже съ юныхъ лѣтъ проявляя склонность къ народности, Пушкинъ въ это время мало помышляетъ объ идеалѣ, онъ эпикурейски отдается разнымъ увлеченіямъ, свойственнымъ юности и не всегда чистымъ, но порой и въ эту атмосферу кутежей, амурныхъ похожденій и нецензурныхъ стиховъ врываются какіе-то высшіе запросы, когда поэтъ выражаетъ свое сочувствіе идеальной музѣ Жуковскаго и забываетъ любезныхъ ему легкомысленныхъ Парни, Грекура и Ванюшу Лафонтена, а также и «фернейскаго злого крикуна», который въ это время вліялъ на него, по всей вѣроятности, чисто внѣшнимъ образомъ своими легкомысленными насмѣшками надъ религіей.

Выйдя изъ лицея и продолжая вести прежній эпикурейскій образъ жизни, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ въ тогдашніе передовые литературные и общественные кружки, принимаетъ участіе въ борьбѣ, которую ведетъ противъ литературныхъ старовѣровъ общество «Арзамасъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ интересуется тѣми общественными запросами, которые волновали многихъ мыслящихъ людей въ виду господствующей уже реакціи. И это время жизни Пушкина и періодъ его ссылки на югъ, съ увлеченіемъ поэта байронизмомъ, могутъ быть названы временемъ преобладанія идеальныхъ исканій надъ реальными впечатлѣніями. Поэту необходимо разрѣшить волнующія его сомнѣнія, надо уяснить себѣ жизненныя задачи, цѣли своей дѣятельности, онъ находится въ періодѣ броженія, но ясно, что онъ не остановится на тѣхъ туманныхъ, неопредѣленныхъ рѣшеніяхъ смущающихъ его вопросовъ, къ которымъ пришли романтики. Мирная обстановка жизни въ Михайловскомъ, невольное уединеніе даютъ возможность поэту зрѣлѣе обдумать всѣ эти вопросы, и внимательное изученіе и непосредственное наблюденіе раскрываютъ ему картину современной и прошлой русской жизни, вслѣдствіе чего уясняется и отношеніе къ общественнымъ задачамъ: основныя тенденціи отличаются прежнимъ гуманизмомъ, но исчезаетъ юношескій задоръ, приводившій къ различнымъ крайностямъ. Въ это время создаются и замышляются истинно великія произведенія, въ которыхъ дѣйствительность получаетъ высшее идеальное освѣщеніе, и которыя превосходятъ красотою необыкновенно простой формы все до сихъ поръ написанное поэтомъ и появлявшееся въ русской литературѣ прежняго періода.

Задача поэзіи вполнѣ ясна, такъ какъ поэтъ есть пророкъ, возвѣщающій людямъ волю Божію; онъ дѣйствуетъ подъ наитіемъ «божественнаго глагола», но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ, уносясь въ идеальный міръ, оставался чуждымъ земной юдоли. Нѣтъ, онъ есть эхо, отзывающееся на всѣ звуки въ природѣ, слѣдовательно онъ отзывается на людскія радости и печали, онъ выразитель лучшихъ стремленій жизни, но, конечно, онъ дѣйствуетъ

свободно и не можетъ подчиняться никакимъ стѣсненіямъ ни сверху, ни снизу, такъ какъ все равно, «зависѣть ли отъ властей» или «зависѣть отъ народа». Въ своей сферѣ поэтъ—царь и, какъ таковой, онъ властвуетъ надъ людьми, пробуждая въ нихъ своей лирой добрыя чувства, указывая имъ идеалъ свободы и внося во всѣ проявленія жизни свѣтъ гуманности. Какъ ни высоки идеалы поэта, они не отрываютъ его отъ дѣйствительности, не допускаютъ никакихъ фальшивыхъ ея украшеній, какъ это часто практиковалось романтиками. Безъ правды (съ которой не слѣдуетъ, однако, смѣшивать «пошлыхъ истинъ») нѣтъ поэзіи, нѣтъ красоты. Нашему поэту чужда та красота, которая считаетъ себя независимой отъ истины и добра, и поэтому его чарующая своей красотой поэзія глубоко правдива и проникнута добромъ, гуманностью.

Лучшая оцѣнка пушкинской поэзіи до сихъ поръ та, которая была произведена Бѣлинскимъ. «Есть,—говоритъ нашъ великій критикъ,—что-то особенно благородное, нѣжное, кроткое, благоуханное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью при первомъ столкновеніи съ нею и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ томъ, кромѣ высокаго художественнаго значенія формы, такое высокое артистическое изящество человѣческаго чувства. Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ этой мысли».

Завѣтъ Пушкина послѣдующей русской литературѣ заключается именно въ этихъ чувствахъ гуманности и художественной, жизненной правдивости. Теорія чистаго искусства или искусства для искусства, бывшая источникомъ стольких незаслуженныхъ нападокъ на Пушкина со стороны одной партіи нашихъ критиковъ и такихъ же не заслуженныхъ имъ восхваленій со стороны противоположной партіи, въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ она толковалась и врагами и мнимыми друзьями поэта, ему вовсе не принадлежитъ и выводится изъ его словъ съ помощью довольно натянутыхъ толкованій, и въ сущности, если даже примѣнять къ поэзіи Пуш-

кина требованіе объясненія жизни искусствомъ, выставленное Чернышевскимъ въ его надѣлавшей столько шуму въ свое время, а потомъ несправедливо отвергавшейся диссертаціи, то подъ это требованіе она вполнѣ подходитъ. Пушкинъ не есть художникъ, только воспроизводящій жизнь, но онъ и ея толкователь, онъ выразитель лучшихъ стремленій жизни, указывающій тѣ пути, по которымъ она должна развиваться. Его стихотворенія на общественныя темы, всегда проникнутыя тѣмъ же чувствомъ гуманности, служатъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія въ немъ того художественнаго эпикуреизма, олимпійства, которыя составляютъ отличительную черту его мнимыхъ послѣдователей, сторонниковъ теоріи чистаго искусства. Въ объединеніи идеальныхъ требованій съ жизненными стремленіями и заключается то великое наслѣдіе, которое Пушкинъ передалъ русской литературѣ.

Какъ поэтъ реалистъ, Пушкинъ народенъ, онъ выражаетъ и духъ русскаго народа, онъ воплотилъ въ своей поэзіи ту универсальную отзывчивость, которая, по мнѣнію Достоевскаго, есть отличительное свойство русской души, и онъ намѣтилъ намъ цѣлый рядъ образовъ, разработка которыхъ становится дѣломъ славной плеяды писателей, выступившихъ на арену послѣ него. Въ ряду такихъ образовъ наиболѣе важное мѣсто занимаютъ созданные имъ два типа, названные Ап. Григорьевымъ типами «хищнымъ» и «смирнымъ». Первый изъ этихъ типовъ, сравнительно недолго привлекавшій къ себѣ сочувствіе поэта и затѣмъ безповоротно имъ развѣнчанный въ Онѣгинѣ, отличается властностью, отрицаетъ не только жизнь, но и высшіе нравственные принципы во имя своего эгоизма; второй, стоящій, можетъ быть, и ниже перваго въ интеллектуальномъ отношеніи, высокъ своей простотой, непосредственностью и подчиненіемъ своего эгоизма высшему началу. Эти два типа можно прослѣдить и у Тургенева, и у Достоевскаго, и у гр. Л. Н. Толстого, и у другихъ позднѣйшихъ нашихъ писателей.

Пушкинъ оказалъ такое вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей литературы, что отъ него могутъ производиться всѣ выразившіяся въ ней здоровыя стремленія, и къ нему вполнѣ примѣнимы слова, сказанныя Неплюевымъ о Петрѣ Великомъ; «на что въ Россіи ни взгляни, все его имѣетъ началомъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Не говоря уже о всемъ идеально-реальномъ направленіи нашей литературы, вліяніе Пушкина обнаруживается и въ массѣ частныхъ фактовъ; если взять историческій нашъ романъ, то въ немъ, какъ только приходится встрѣтиться съ Пугачевымъ или Екатериной II, авторы не могутъ освободиться отъ подражанія образамъ, дивно созданнымъ Пушкинымъ; историческая драма, лирика, народные типы—все черпается изъ этого обильнѣйшаго источника слова и творческой фантазіи,

при чемъ, конечно, подражателямъ нѣтъ возможности достигнуть красоты оригинала.

Вліяніе Пушкина обнаружилось непосредственно на его современникахъ, но второстепеннымъ талантамъ, конечно, не по плечу была та разносторонность, которою отличался ихъ учитель, и потому, впадая въ различныя крайности, терпя крушеніе, именно вслѣдствіе того, что они ухватывались только за какую нибудь частичку поэтическаго богатства Пушкина, они во многомъ подрывали его авторитетъ, и они-то и были виновниками ожесточенныхъ нападокъ, которымъ впослѣдствіи пришлось подвергнуться Пушкину. Но среди его младшихъ современниковъ были двое оказавшихся вполнѣ достойными своего образца и охранившихъ его традиціи послѣ его безвременной кончины: одинъ изъ нихъ, Лермонтовъ, является ученикомъ Пушкина по его сочиненіямъ, другой, Гоголь, многому научился отъ Пушкина изъ непосредственнаго съ нимъ общенія.

> Въ могилу онъ унесъ летучій рой
> Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
> Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Такими словами оплакалъ Лермонтовъ безвременность кончины своего друга, князя А. И. Одоевскаго, но они съ полнымъ основаніемъ могутъ быть примѣнены и къ его собственной судьбѣ, хотя и существуетъ мнѣніе, будто Лермонтовымъ было при жизни выполнено все, что онъ могъ совершить на своемъ поэтическомъ поприщѣ, и если бы пуля Мартынова не оборвала его жизни, ему все равно предстояла бы скорая смерть, какъ поэту, потому что изъ крайняго разочарованія, выражающагося въ его произведеніяхъ, онъ не могъ бы доискаться никакого исхода. Не говоря уже о томъ, что всѣ подобныя гаданія о возможной судьбѣ человѣка, если бы онъ не умеръ, всегда представляются мудренымъ зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, а въ особенности, когда такія гаданія примѣняются къ человѣку, едва вышедшему изъ юношескаго возраста, по отношенію къ Лермонтову можно прямо указать на ихъ полную несправедливость, такъ какъ они основываются на пристрастномъ, подгоняемомъ ad hoc, одностороннемъ толкованіи произведеній нашего поэта: берутся почти исключительно лирическія его стихотворенія и при томъ только такія, въ которыхъ выражается разочарованіе, скука жизни, располагаются они въ извѣстной градаціи усиленія господствующаго настроенія, при чемъ даже не обращается вниманія на хронологію произведеній, и изъ такой произвольной группировки дѣлается рѣшительный (и для подобной подтасовки) вполнѣ логическій выводъ, что дальше въ этомъ направленіи итти некуда, какъ будто нѣтъ никакой возможности измѣнить принятому направленію, что сплошь и рядомъ замѣчается въ дѣятельности и большихъ и малыхъ писателей, убѣждающихся въ ошибочности

своихъ воззрѣній и ставящихъ на ихъ мѣсто иногда прямо противоположныя. Что сказали бы подобные мудрые судьи о будущей судьбѣ Бѣлинскаго, если бы его дѣятельность прервалась въ періодъ его увлеченія Гегелевской теоріей о разумности дѣйствительности? Навѣрное ихъ приговоръ оказался бы такимъ же безаппелляціонно-суровымъ, какъ и относительно Лермонтова, хотя нужно сказать, что онъ былъ бы все-таки болѣе обоснованъ, такъ какъ при осужденіи на литературную смерть Лермонтова оставляется совсѣмъ въ сторонѣ цѣлый рядъ его произведеній, выражающихъ настроенія, съ разочарованіемъ ничего общаго не имѣющія и даже прямо могущія служить изъ него выходомъ.

Дѣйствительно тяжелое впечатлѣніе выносится, когда читаешь мрачную лирику Лермонтова; жутко становится за человѣка, который «счастія не ищетъ и не отъ счастія бѣжитъ», который отвергаетъ всѣ утѣхи жизни, отрекается отъ желаній, потому что не видитъ пользы въ напрасномъ и вѣчномъ желаніи, отказывается отъ любви, такъ какъ «любить на время не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно», и заканчиваетъ свой злостный анализъ грустнымъ, ведущимъ къ полному нравственному индифферентизму, замѣчаніемъ:

> А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
> Такая пустая и глупая шутка.

При такомъ взглядѣ на жизнь лучше всего отъ нея вполнѣ отречься, и дѣйствительно продолжать движеніе въ этомъ же направленіи нѣтъ никакой возможности, такъ какъ самый крайній предѣлъ разочарованія достигнутъ.

На этомъ пути поэтъ подошелъ къ глухой стѣнѣ, но развѣ не открывалось его творчеству другихъ путей, на которыхъ можно было ожидать болѣе плодотворныхъ результатовъ? Не забудемъ, что Лермонтовъ все еще переживаетъ процессъ исканій, аналогичный тому, который въ его возрастѣ переживалъ и Пушкинъ; его исканія гораздо болѣе мучительны и напряженны, чѣмъ Пушкинскія, что въ очень значительной степени объясняется фактами его біографіи, но нужно или намѣренно закрывать глаза, или отличаться слѣпотой, чтобы не видѣть, что, придя на одномъ пути къ глухой стѣнѣ, поэтъ пытался итти и по другимъ путямъ, часто очень успѣшно достигая на нихъ исхода отъ разныхъ мучившихъ его вопросовъ и сомнѣній.

Подобнымъ исходомъ было для поэта иногда энергично въ немъ пробуждавшееся религіозное чувство: при всѣхъ своихъ колебаніяхъ, поэтъ порой обращался къ религіи, въ ней находилъ утѣшеніе, примиреніе съ жизнью и, видя въ небесахъ Бога, приходилъ даже къ возможности постигнуть счастіе и на землѣ; не да-

ромъ же стихотворенія религіознаго характера отличаются у Лермонтова такою задушевностью. Это религіозное чувство возбуждалось въ немъ часто любовнымъ созерцаніемъ природы, и немудрено поэтому, что эта природа такъ дивно отражалась въ его произведеніяхъ. Рядомъ съ религіозными мотивами и съ любовью къ природѣ слѣдуетъ поставить и патріотическое настроеніе, иногда возникавшее вполнѣ непосредственно, а иногда рождавшееся подъ вліяніемъ интересовавшихъ Лермонтова славянофильскихъ идей о высокомъ призваніи Россіи. Наконецъ, однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ, указывавшихъ на возможность для Лермонтова избавиться отъ томившаго его разочарованія, надо признать развивавшееся въ немъ съ годами стремленіе къ объективному изображенію жизни, при помощи котораго очень опредѣленно осуждаются тѣ крайности «безнадежнаго эгоизма», въ которыя поэтъ впадалъ при своемъ разочарованіи. Это стремленіе къ объективности полнѣе всего вылилось въ знаменитой «Пѣснѣ про купца Калашникова», поражающей насъ той степенью «перевоплощенія» (употребляемъ терминъ Достоевскаго), до которой способенъ былъ доходить нашъ несомнѣнно великій поэтъ.

Осужденіе при этой объективности тѣхъ гордыхъ порывовъ, которымъ прежде поэтъ отдавался совсѣмъ безотчетно, мы находимъ въ «Героѣ нашего времени», который надо считать романомъ сатирическимъ, такъ какъ Печоринъ, весьма похожій на прежніе симпатичные ихъ автору образы дикой эгоистической и гордой энергіи (Измаилъ-бея, Мцыри, Демона), является, по словамъ автора, лицомъ, въ которомъ собраны всѣ недостатки его времени, и совсѣмъ развѣнчивается противопоставленіемъ ему Максима Максимыча. Этотъ послѣдній, уступая герою по уму и образованности, неизмѣримо превосходитъ его по своей нравственной высотѣ, по удивительной человѣчности, присущей ему не въ силу какихъ нибудь разсудочныхъ теорій, а въ силу того свойства, которое Достоевскій въ «Идіотѣ» назвалъ «главнымъ умомъ». Благодаря этому свойству, всѣ симпатіи и автора и читателей находятся въ этомъ противопоставленіи на сторонѣ Максима Максимыча, и въ этомъ отношеніи Лермонтовъ можетъ считаться предшественникомъ Достоевскаго, у котораго подобное противопоставленіе положено въ основу многихъ его романовъ. Быть можетъ, это обстоятельство и было причиной того, что Достоевскій далъ такой глубоко-сочувственный отзывъ о поэзіи Лермонтова въ одной изъ своихъ критическихъ статей. Въ виду всего этого, не рѣшаясь смѣло прорицать, чѣмъ сталъ бы Лермонтовъ, если бы не умеръ такъ рано, мы считаемъ совершенно неосновательнымъ мнѣніе о необходимости для него въ скоромъ будущемъ литературной смерти.

Отъ этого заблужденія обратимся къ другому, еще чаще встрѣчающемуся въ сужденіяхъ о Лермонтовѣ: обыкновенно въ общемъ

направленіи его поэзіи усматриваютъ какую-то противоположность направленію Пушкина, и какъ Пушкина считаютъ отцомъ теоріи чистаго искусства, такъ отъ Лермонтова производятъ такъ называемую гражданскую позію. Однако, будучи, какъ мы выше указали, несправедливымъ въ отношеніи Пушкина, эта антитеза въ равной степени несправедлива и относительно Лермонтова и основывается опять же на одностороннемъ подборѣ извѣстныхъ его произведеній, и на противопоставленіи его стихотворенія «Поэтъ» Пушкинской «Черни». Но зачѣмъ же дѣлать такое именно противопоставленіе? Отчего не сравнить однородныя по тону произведенія, а такихъ «гражданскихъ» стиховъ, какъ въ стихотвореніи «Поэтъ», мы очень много найдемъ у Пушкина, а съ другой стороны и возвышенные, идеальные мотивы «Черни» совсѣмъ не были чужды поэзіи Лермонтова. Такимъ образомъ у этого великаго ученика Пушкина мы можемъ находить то же гармоническое сліяніе обоихъ поэтическихъ направленій (чистаго искусства и гражданской поэзіи), какое было у его учителя, и оно иначе и быть не могло: разъединеніе этихъ направленій было только у теоретиковъ искусства и у второстепенныхъ поэтовъ.

Гоголь въ своемъ творчествѣ обязанъ Пушкину не столько сообщеніемъ сюжетовъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», что въ сущности имѣетъ весьма малое, почти ничтожное значеніе, сколько выработкою своихъ взглядовъ на искусство и болѣе серіознымъ отношеніемъ къ задачамъ своей творческой дѣятельности. Весьма поэтому характерно, что одно изъ наиболѣе опредѣленныхъ разсужденій Гоголя объ искусствѣ находится въ статьѣ «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ». Указывая на причины охлажденія публики къ Пушкину, Гоголь высказываетъ нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ общее теоретическое значеніе. «Будучи поражены смѣлостью его (т.-е. Пушкина) кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его,— говоритъ Гоголь, — и образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить гораздо болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: «изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были». Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: «это вяло, это слабо, это нехорошо, это нимало не похоже на то, что было». Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ, совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть

всѣхъ ея недостатковъ». Толпа непремѣнно требуетъ прикрасъ, но если поэтъ хочетъ остаться поэтомъ, онъ не можетъ прибѣгать къ средствамъ, угоднымъ толпѣ. «Никто не станетъ спорить, продолжаетъ Гоголь, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судья и господинъ, гораздо ярче какого нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ нерасчета поэта—нерасчета передъ его многочисленною публикою, а не передъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей». Чтобы иллюстрировать эти общія положенія конкретнымъ случаемъ, Гоголь разсказываетъ такой весьма любопытный эпизодъ изъ своего дѣтства: «Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое». «Въ дѣтствѣ, прибавляетъ Гоголь, мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ».

Эти идеи о правдивости изображенія жизни, объ отношеніи къ этой правдѣ публики и о равномъ значеніи для искусства всѣхъ предметовъ, подлежащихъ наблюденію художника, высказаны Гоголемъ въ его извѣстномъ «лирическомъ мѣстѣ» въ «Мертвыхъ душахъ» о судьбѣ двухъ писателей, идеалиста и реалиста, а, кромѣ того, художественно развиты имъ въ «Портретѣ», который только и имѣетъ значеніе, какъ разъясненіе задачъ и пріемовъ художественнаго творчества. Любопытно, что въ этой повѣсти мы находимъ даму, требующую, чтобы портретъ ея дочери отличался сходствомъ съ оригиналомъ, однако крайне недовольную, когда такое сходство оказывается въ дѣйствительности, и приходящую въ полный восторгъ, когда художникъ выдалъ за портретъ ея дочери картину, представляющую Психею. Послѣ того, какъ онъ пошелъ на ложный путь прикрашиванія

дѣйствительности, художникъ сталъ любимцемъ публики, но истинное искусство его покинуло, и онъ самъ, наконецъ, сознаетъ, что «погубилъ безжалостно лучшіе годы юности, истребилъ, погасилъ искру огня, можетъ быть, теплившагося въ груди».

Въ этой повѣсти прекрасно рисуется намъ неотразимое, наполняющее душу свѣтомъ, обаяніе, производимое истиннымъ созданіемъ искусства, а въ завѣщаніи стараго художника его сыну весьма полно разъясняется соотношеніе между реальнымъ воспроизведеніемъ и идеальнымъ освѣщеніемъ. «Изслѣдуй, говоритъ художникъ, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникѣ создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ: въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка, въ искусствѣ, и по тому одному оно уже выше всего». Въ этихъ словахъ, устанавливающихъ, отношеніе и связь между идеализмомъ и реализмомъ (а послѣдній долженъ быть, по указанію той же повѣсти, доведенъ до воспроизведенія самыхъ утонченныхъ подробностей), Гоголь, вѣроятно, выразилъ тѣ воззрѣнія, которыя въ немъ выработались подъ вліяніемъ Пушкина, но, какъ мы уже видѣли, ихъ можно привести въ извѣстную историческую преемственность къ статьѣ Карамзина «Что нужно автору?»

Для опредѣленія значенія Гоголя въ нашей литературѣ, мы напомнимъ читателямъ тѣ ступени, по которымъ послѣдовательно проходилъ въ своемъ развитіи Гоголевскій смѣхъ. Первая ступень есть тотъ заразительный добродушный, вполнѣ безобидный смѣхъ, который слышится въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки», такъ какъ Гоголь любитъ изображаемый имъ бытъ малороссійскихъ хлопцевъ, парубковъ и дивчинъ и не предается никакимъ размышленіямъ о ненормальныхъ его сторонахъ, хотя бы о той тьмѣ, которая порождаетъ всевозможныя суевѣрія, а напротивъ эти самыя суевѣрія онъ окутываетъ какою-то поэтическою дымкой, такъ что жизнь производитъ на читателя вполнѣ чарующее впечатлѣніе; здѣсь смѣхъ Гоголя есть юморъ матери, съ любовной улыбкой слѣдящей за проказами своего очень милаго ребенка. Хотя уже въ «Вечерахъ» есть повѣсть «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка», представляющаяся по своему характеру не такою безобидною, какъ остальныя произведенія этого сборника, мы все же видимъ въ это время въ Гоголѣ преимущественно весельчака, какимъ его считали тогда очень многіе, и къ тѣмъ юмористическимъ типамъ и сценамъ, которыя появляются въ его повѣстяхъ,

можетъ быть, справедливо приложить объясненіе мотивовъ его творчества, данное имъ впослѣдствіи: «молодость, во время которой не приходятъ никакіе вопросы, подталкивала».

Гораздо серіознѣе становится юморъ въ «Миргородѣ». Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» самъ Гоголь предупреждаетъ уже въ началѣ повѣсти о характерѣ своего отношенія къ ея героямъ. «Я до сихъ поръ, говоритъ онъ, не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно». И такъ же грустно, какъ и автору, становится и читателю, жалостью исполняется его сердце, когда онъ читаетъ смѣшныя подробности жизни этихъ малороссійскихъ Филемона и Бавкиды: печальна и судьба, постигающая этихъ старичковъ, никому не дѣлающихъ зла, грусто въ то же время и сознаніе, что они коптители неба, не дѣлающіе въ сущности никому и добра.

Та же печаль охватываетъ автора, а за нимъ и читателя, при знакомствѣ съ исторіей Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: все время раздается смѣхъ, вызываемый рядомъ глупостей, совершающихся въ этой исторіи, а въ концѣ становится уже не до смѣха, а испытывается какое-то жуткое ощущеніе; послѣ встрѣчи въ церкви съ сильно измѣнившимися героями своей повѣсти, авторъ уѣзжаетъ изъ Миргорода. «Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами взрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣта небо. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Эта послѣдняя фраза даетъ намъ яркое освѣщеніе новому характеру Гоголевскаго юмора: это есть то же, что и «трансцендентальная иронія» нѣмецкихъ романтиковъ, исполненное жалости созерцаніе съ поэтической высоты массы зла, пошлости и глупости, царящихъ въ мірѣ.

Та же жалость видна и въ петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя, въ особенности въ «Шинели», которая можетъ считаться яркимъ образцомъ Гоголевскаго гуманизма, состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Лучшее объясненіе смысла этой повѣсти заключается тамъ, гдѣ авторъ изображаетъ положеніе Акакія Акакіевича въ средѣ другихъ чиновниковъ. «Акакій Акакіевичъ безропотно

переноситъ всякія насмѣшки, и только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкой на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже, даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ»... Въ этихъ словахъ передъ нами гуманистъ, возстающій на защиту попираемаго человѣческаго достоинства несчастныхъ обездоленныхъ въ общемъ жизненномъ теченіи, и дальнѣйшее развитіе повѣсти, при свѣтѣ этого гуманизма, важно не столько изображеніемъ смѣшныхъ чертъ героя, сколько указаніемъ въ немъ проблесковъ высшей человѣческой природы, подавляемыхъ его положеніемъ, вслѣдствіе чего наша жалость къ бѣдному чиновнику все болѣе растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается чувство негодованія противъ угнетенія и угнетателей.

Съ этимъ чувствомъ мы поднимаемся на слѣдующую ступень развитія Гоголевскаго юмора, который становится такимъ образомъ настроеніемъ весьма серіознымъ и сложнымъ, обнимающимъ въ созерцаніи автора важнѣйшія явленія общественнаго строя. Возмутительный міръ угнетателей, попирающихъ священнѣйшія права человѣческой личности, предавшихъ посмѣянію и униженію, втоптавшихъ въ грязь «святѣйшее изъ званій — человѣкъ», предстаетъ передъ нами во всей своей ужасающей правдѣ въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ». Однако сознаніе истиннаго смысла нарисованной имъ картины является у Гоголя не сразу: такъ можно заключать, по крайней мѣрѣ, изъ того изумленія, которое, по его свидѣтельству, вызвали въ немъ слова Пушкина, произнесенныя послѣ прочтенія первыхъ главъ «Мертвыхъ Душъ». «Боже, какъ грустна наша Россія!»—воскликнулъ Пушкинъ, сосредоточенно и печально слушавшій чтеніе Гоголя, и было дѣйствительно, отъ чего

прійти въ грустное настроеніе мыслящему человѣку! Основой того соціальнаго строя, который изображенъ въ безсмертныхъ комедіи и поэмѣ Гоголя, служатъ полное безправіе и изумительное безвластіе, изумительное особенно потому, что намъ въ послѣднее время постоянно твердятъ о силѣ власти при николаевскомъ режимѣ. Дѣло происходитъ въ такихъ захолустьяхъ, что отъ нихъ «хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь», а подобныхъ захолустьевъ въ дореформенной Россіи было такъ много, что она казалась покрытой ими. Невѣжество царитъ повсюду въ этихъ уголкахъ, всѣ интересы сосредоточены на сплетняхъ, въ изобиліи фабрикуемыхъ и разносимыхъ Добчинскими, Бобчинскими и дамами пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, свѣтъ не можетъ проникнуть ни изъ какого государства, и, пользуясь тьмою и безнаказанностью, всякіе Савозникъ-Дмухановскіе, Чичиковы, Собакевичи, Земляники и прочіе господствуютъ въ странѣ. Вся жизнь построена на глупости и произволѣ, царитъ огромная корпорація воровъ и разбойниковъ. Становится не только грустно при созерцаніи этой дивной картины нравовъ добраго стараго времени, но какой-то ужасъ охватываетъ читателя, ужасъ, соединенный съ негодованіемъ. Тутъ-то и выступаетъ на сцену честное, благородное лицо— смѣхъ. «Нѣтъ, смѣхъ значительнѣе и глубже, чѣмъ думаютъ,— не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера;—не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченья и забавы людей;— но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно біющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы которой мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: «неужели есть такіе люди?» тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди».

Отъ такого пониманія своего юмора, Гоголю при его давней склонности къ мистицизму и учительству, очень просто было обратиться къ тѣмъ замысламъ положительнаго поученія, которые наполняютъ послѣдніе годы его жизни, ведутъ къ неудачной, вслѣдствіе измѣны пріемамъ реальнаго творчества, работѣ надъ вторымъ и третьимъ томами «Мертвыхъ Душъ», къ «Перепискѣ съ друзьями» и «Авторской исповѣди». Все это, какъ извѣстно, по многимъ причинамъ не удалось нашему художнику, а между тѣмъ, при всей неудовлетворительности даннаго имъ рѣшенія, тѣ вопросы, которые имъ были указаны, нарождались сами собой и не были исключительно его личною потребностью, они для многихъ въ это время

становились на первую очередь: не даромъ же эти вопросы религіозно-этическаго свойства стали удѣломъ позднѣйшей литературы, занявъ такое видное мѣсто въ творчествѣ графа Л. Н. Толстого и Достоевскаго; а тѣ типы положительныхъ героевъ, практическихъ дѣятелей въ родѣ Муразова и Костанжогло, которые, совсѣмъ не удались Гоголю, становятся предметомъ исканій Гончарова и Тургенева. Этой именно не удавшейся стороной своей дѣятельности Гоголь, можетъ быть, болѣе всего отразился въ позднѣйшей русской литературѣ, тогда какъ прямыхъ продолжателей его юмора мы можемъ, съ нѣкоторой только натяжкой, видѣть развѣ въ Писемскомъ и Островскомъ, многіе типы которыхъ находятся въ зависимости отъ осмѣянныхъ Гоголемъ героевъ.

Говоря о ближайшихъ послѣдователяхъ Пушкина, нельзя не упомянуть о двухъ поэтахъ, вносившихъ въ нашу литературу нѣкоторые весьма существенные элементы: это Тютчевъ со своимъ философски-политическимъ содержаніемъ поэзіи и удивительнымъ, почти пантеистическимъ созерцаніемъ природы, и Кольцовъ, который далеко уже не можетъ считаться какимъ-то курьезомъ, въ родѣ прежнихъ «поэтовъ-самоучекъ» (уже одинъ эпитетъ «самоучка» показываетъ, что они не были поэтами, такъ какъ поэзіи не учатся), а долженъ быть признанъ (конечно, за исключеніемъ подражательныхъ его стихотвореній) истиннымъ творцомъ, произведенія котораго, дышащія ароматомъ степи, заключаютъ въ себѣ проблескъ непосредственнаго вдохновенія и могутъ служить (и служили) освѣжающимъ источникомъ для дальнѣйшаго развитія нашей поэзіи.

Наша характеристика этого періода литературы была бы крайне недостаточна, если бы мы не упомянули объ одномъ существенномъ факторѣ умственнаго развитія русскаго общества, о критикѣ. Перейдя отъ прошлыхъ періодовъ въ видѣ невиннаго стилистическаго разбора литературныхъ произведеній, критика въ этой четверти столѣтія завоевываетъ себѣ почетную роль руководительницы общественнаго сознанія, на ряду съ лучшими произведеніями художественной литературы. Происходитъ это сперва подъ вліяніемъ осложненія ея задачъ эстетико-философской точкой зрѣнія, и въ этомъ направленіи работаетъ цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей, каковы Веневитиновъ, Кирѣевскій, Сергѣй Строевъ, Полевой, Надеждинъ и въ первыя времена своей дѣятельности Бѣлинскій. Но осложненіе идетъ далѣе и къ эстетико-философскому критеріуму присоединяются историческій и публицистическій, сперва въ слабой мѣрѣ у Надеждина, а затѣмъ въ полной силѣ у Бѣлинскаго, въ дѣятельности котораго вліяніе Станкевича смѣнилось вліяніемъ Герцена. Для характеристики этого развитія позволяемъ себѣ опять привести слова А. Н. Пыпина. «Плодотворность критики Бѣлинскаго,— говоритъ нашъ историкъ,—оказалась уже вскорѣ распространеніемъ сознательныхъ эстетическихъ понятій, которое дало первую ясную

мѣру для оцѣнки произведеній литературы, научало понимать истинныя поэтическія красоты и разоблачало эстетическое ничтожество фальшивой риторики въ классическомъ и романтическомъ стилѣ, какая въ тѣ времена извращала общественные вкусы и понятія; съ другой стороны критика была полезна начинающимъ писателямъ, побуждая ихъ строже относиться къ своему труду, указывая, въ чемъ заключается достоинство художественнаго произведенія. Эта система понятій объ искусствѣ собрала сначала вокругъ Станкевича, потомъ вокругъ Бѣлинскаго, цѣлую группу молодыхъ писателей, соединенныхъ общимъ міровоззрѣніемъ, которое въ концѣ концовъ стало не только эстетическимъ, но и общественнымъ»... Сначала, кзкъ извѣстно, Бѣлинскій, подъ вліяніемъ теоріи разумной дѣйствительности враждебенъ общественному взгляду на литературу, проводившемуся Герценомъ, но въ сороковыхъ годахъ онъ приходитъ къ полному согласію съ тѣмъ, что ранѣе отвергалъ. Бѣлинскій въ этомъ случаѣ, какъ Тургеневскій Михалевичъ

> сжегъ все, чему поклонялся,
> Поклонился всему, что сжигалъ.

Какъ «центральная натура», по выраженію Тургенева, Бѣлинскій явился наиболѣе полнымъ выразителемъ общественныхъ стремленій лучшихъ людей конца второй четверти столѣтія, и онъ будилъ эти стремленія въ тѣхъ, въ комъ они были слабы и неясны. Едва ли не самыя сердечныя строки посвятилъ памяти учителя Некрасовъ.

> Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси (говоритъ поэтъ),
> Дремля и раболѣпствуя позорно,
> Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
> Прокладывалъ, работая упорно...
>
> Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
> Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
> Едва ль не первый ты заговорилъ
> О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Бѣлинскій есть центръ кружка западническаго. Противоположенъ этому кружку станъ славянофиловъ. Они раздѣлены кореннымъ противорѣчіемъ по вопросу о дальнѣйшихъ путяхъ духовнаго развитія Россіи, но есть одинъ вопросъ, относительно котораго одинаково мыслятъ и западники и лучшіе славянофилы: это вопросъ о необходимости просвѣщенія для Россіи, въ той или иной формѣ, обновленія ея общественной жизни, язвы которой такъ пламенно изобразилъ И. С. Аксаковъ, говоря:

> Сплошного зла стоитъ твердыня,
> Царитъ безсмысленная ложь.

Однако, на пути къ разрѣшенію этого вопроса стоитъ страшное препятствіе, которое необходимо преодолѣть, то препятствіе,

которое видѣли на своемъ пути и дѣятели просвѣщенія Александровской эпохи, и объ устраненіи котораго мечталъ Пушкинъ. Это препятствіе—крѣпостное право, и борьба съ нимъ, а также споръ западниковъ и славянофиловъ, начавшись уже въ концѣ второй четверти столѣтія, составляютъ главное содержаніе первыхъ годовъ третьей четверти столѣтія, такъ какъ тамъ она завершается, и также разрѣшается и споръ двухъ партій, которыя постепенно сходятъ со сцены, уступая мѣсто другимъ умственнымъ и общественнымъ теченіямъ.

А. Бороздинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ССЫЛКА ВЪ СИБИРЬ.

I.

ВЪ ПЕРВЫХЪ двухъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ былъ напечатанъ талантливый, живой и интересный очеркъ В. Н. Назарьева «На новую линію», гдѣ дана прекрасная иллюстрація народному колонизаціонному движенію изъ внутренней Россіи за Уральскій хребетъ, въ ту невѣдомую далекую Сибирь, гдѣ, по представленію переселенцевъ, и земли, и хлѣба, и всякаго достатка полная воля и избытокъ. Очеркъ г. Назарьева чрезвычайно поучителенъ и наглядно рисуетъ намъ психологическую и бытовую картину великаго народнаго движенія съ запада на востокъ, длящагося уже сотни лѣтъ и не имѣющаго передъ собою близкаго конца. Этотъ историческій процессъ переселенія, выселенія и разселенія далъ нашему отечеству крупнѣйшіе результаты, навсегда связавъ обширнѣйшую далекую восточную окраину съ центромъ Россіи, ассимилировавъ многочисленныя мелкія народности на этой окраинѣ съ русскимъ племенемъ и создавъ для нашего отечества не одинъ обширный рынокъ сбыта и потребленія. Московское правительство почти триста лѣтъ тому назадъ прекрасно сознавало все значеніе русскаго колонизаціоннаго движенія на востокъ и считало своей ближайшей государственной задачей придать этому движенію возможно болѣе широкіе размѣры, въ видахъ чего принимало мѣры принудительнаго свойства. Отсюда на первыхъ же порахъ родилось и создалось въ русской жизни

понятіе о Сибири, какъ о штрафной колоніи, куда государство считало необходимымъ удалять порочныхъ и вредныхъ членовъ общества. Этимъ самымъ достигалась двойная цѣль: во-первыхъ, цѣль наказуемости этихъ порочныхъ членовъ и, во-вторыхъ, цѣль колонизаціи обширнѣйшей территоріи, которую, въ интересахъ государственныхъ и политической безопасности со стороны азіатскихъ хищниковъ, слѣдовало какъ можно скорѣе заселить и прикрѣпить къ центру. На первыхъ порахъ, безъ сомнѣнія, обѣ цѣли достигались болѣе или менѣе удовлетворительно, но съ теченіемъ времени таковое значеніе Сибири утратилось, и сама жизнь во всѣхъ отношеніяхъ указала правительству на неудобство пользованія ссылкою, какъ мѣрою колонизаціоннаго свойства. Сибирская ссылка, какъ бы органически сросшаяся съ русскою жизнью, вошедшая, такъ сказать, въ ея историческую плоть и кровь, сыгравшая въ отечественной дѣйствительности одну изъ самыхъ крупныхъ и роковыхъ ролей, переживаетъ въ наше время свои послѣдніе дни и обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ стать исключительно лѣтописью былыхъ временъ, гдѣ будетъ забыто все немногое доброе, что она нѣкогда дала, но гдѣ память о страданіяхъ, горѣ и несчастіи тысячъ и тысячъ людей будетъ отмѣчать собою каждую страницу этой длинной и горестной лѣтописи. Да, сибирская ссылка находится наканунѣ своей ликвидаціи, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ намъ ея офиціальный историкъ, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, въ должности шталмейстера высочайшаго двора, А. П. Саломонъ, посвятившій настоящему предмету только что выпущенный въ свѣтъ обширный трудъ «Ссылка въ Сибирь. Очеркъ ея исторіи и современнаго положенія. Для высочайше учрежденной комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки». Трудъ этотъ, основанный на офиціальныхъ источникахъ, не вызывающихъ никакого сомнѣнія въ ихъ достовѣрности, заслуживаетъ серіознаго вниманія читателей и по всей справедливости является въ нашей литературѣ своего рода событіемъ практическаго, реальнаго характера, какъ добрый вѣстникъ новой эры въ русской жизни, откуда навсегда имѣютъ быть вычеркнуты грозныя слова «ссылка въ Сибирь».

Когда мнѣ пришлось ознакомиться съ прекраснымъ трудомъ А. П. Саломона, передо мною, какъ живой, возсталъ образъ покойнаго радѣтеля Сибири, Н. М. Ядринцева, столь много и страстно порабатавшаго именно надъ тѣмъ самымъ вопросомъ, которому посвящена работа г. начальника главнаго тюремнаго управленія. Извѣстная книга «Сибирь, какъ колонія» воистину должна быть разсматриваема въ качествѣ того перваго реальнаго камня будущаго храма добра и милости, который закладывается въ наши дни властными и могучими руками нынѣшнихъ правящихъ сферъ. Заканчивая VIII гл. своей книги, Ядринцевъ писалъ: «Ссылка въ Сибирь скоро будетъ прекращена. Весь вопросъ сводится ко времени

ея уничтоженія и къ финансовымъ практическимъ средствамъ, дающимъ возможность замѣнить ее другою формою наказанія, какую найдетъ новый уголовный кодексъ болѣе удобною. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ финансовыхъ средствъ и изысканіе ихъ, мы увѣрены, что они найдутся у государства, и реформа будетъ совершена. Намъ остается только желать, чтобы это измѣненіе наступило возможно скорѣе, такъ какъ жизнь окраины, при ежегодно увеличивающемся контингентѣ ссылки и ея вредныхъ вліяніяхъ, становится все болѣе тяжкою и невыносимою. Освобожденіе Сибири отъ уголовной ссылки рядомъ съ открытіемъ поприща для свободной колонизаціи будетъ благодѣяніемъ для всего края, оздоровленіемъ общества и открытіемъ новыхъ нормальныхъ и здоровыхъ путей его гражданскому развитію». Этимъ пророческимъ словамъ сибирскаго патріота при его жизни не суждено было видѣть свою реализацію, и только въ наши дни книга г. Саломона даетъ надлежащую надежду въ томъ, что публицистъ Ядринцевъ недаромъ въ свое время взывалъ и къ правительству и къ обществу, ходатайствуя передъ ними за свою родину, чтобы съ нея снята была наконецъ позорная кличка ссыльнаго мѣста, куда попадаютъ всѣ негодные отбросы европейской Россіи. Мысль публициста, которую онъ настойчиво проводилъ и въ своей книгѣ, и въ прочихъ работахъ, и въ трудахъ на разныхъ съѣздахъ, и въ разныхъ офиціальныхъ комиссіяхъ, сдѣлала свое дѣло, и нынѣ, когда вопросъ объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь поставленъ безотлагательно на очередь, пріятно видѣть, что тѣ, отъ кого до извѣстной степени зависитъ благопріятное разрѣшеніе этого назрѣвшаго вопроса, съ признательной памятью и съ должнымъ вниманіемъ относятся къ литературному піонеру отмѣны ссылки. Такъ, г. Саломонъ, помимо офиціальныхъ источниковъ, личныхъ наблюденій и изысканій, широко пользуется и трудами Ядринцева, какъ бы принося тѣмъ историческую дань признательности неутомимому сибиряку за все то, что имъ сдѣлано въ области настоящаго вопроса.

Если обратиться къ русской литературѣ, какъ изящной, такъ и научной, то мы увидимъ, что врядъ ли какая окраина нашего отечества вызывала къ себѣ столь напряженное и внимательное изученіе, какъ Сибирь. Да это и немудрено. Многимъ изъ пишущихъ пришлось не по доброй волѣ стать лицомъ къ лицу съ сибирскою дѣйствительностью и потомъ по личному опыту повѣдать своимъ читателямъ, что дѣлается и какъ живется на этой негостепріимной и далекой окраинѣ. Поэтому, если бы у кого явилась охота и возможность дать сводъ или альбомъ иллюстрацій къ вопросу о сибирской ссылкѣ и каторгѣ, то за этимъ меньше всего явилось бы недостатка. Работы С. В. Максимова, Ядринцева, Мамина-Сибиряка, Наумова, Мельшина, Михеева, Сѣрошевскаго, Чехова и рядъ другихъ даютъ въ этомъ отношеніи богатый мате-

ріалъ, и я очень сожалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ имъ воспользоваться, чтобъ нарисовать передъ читателями «Историческаго Вѣстника» живую картину подневольной жизни въ Сибири. Въ талантливыхъ очеркахъ г. Миролюбова, печатаемыхъ въ журналѣ, отчасти эта жизнь находитъ себѣ освѣщеніе, но очерки относятся собственно до Сахалина, до сахалинской каторги, вопросъ о которыхъ пока еще не поставленъ на очередь; поэтому, въ интересахъ читателей, я позволю себѣ высказать пожеланіе, чтобы нашелся писатель, который бы съ талантливостью г. Назарьева и г. Миролюбова далъ именно тѣ живыя иллюстраціи очередному вопросу, поставленному и разработанному въ книгѣ г. Саломона, изложенію которой и посвященъ настоящій очеркъ. Книга «Ссылка въ Сибирь» по всей справедливости заслуживаетъ именно этого изложенія, а не простой рецензіи, такъ какъ охватываетъ собою предметъ первостепенной важности, исчерпываетъ его всесторонне и глубоко и даетъ референтамъ и компиляторамъ богатѣйшій историческій, бытовой, юридическій и статистическій матеріалъ для ряда монографій. Принимая въ соображеніе характеръ и программу «Историческаго Вѣстника», авторъ настоящаго очерка выдѣляетъ для своей работы главнымъ образомъ историческій матеріалъ, а также движеніе законодательства по сему предмету, оставляя статистику съ ея голыми цифрами и политическую экономію въ сторонѣ, какъ спеціальныя стороны дѣла, требующія и спеціальныхъ монографій, которыя для популярнаго историческаго журнала могли бы явиться тяжелымъ балластомъ.

II.

Впервые ссылка въ Сибирь получаетъ право офиціальнаго гражданства по соборному уложенію 1649 года, гдѣ она примѣнена къ 10 наиболѣе тогда распространеннымъ видамъ преступныхъ дѣяній— татьбѣ, мошенничеству, разбою, корчемству, табачничеству. Съ теченіемъ времени кругъ этихъ дѣяній законодательствомъ расширяется, благодаря чему къ половинѣ XVII столѣтія правительство получаетъ многочисленный классъ подневольныхъ выходцевъ изъ Россіи, которыхъ оно и направляетъ для заселенія обширнѣйшей восточной окраины и прикрѣпленія ея къ центру тѣсными и крѣпкими этнографическими и гражданскими узами. Въ сферу дѣйствія этого круга дѣяній впослѣдствіи вводятся преступленія политическія, а также замѣна смертной казни по отношеніи военно-плѣнныхъ. Въ первый періодъ, при московскомъ правительствѣ, ссылка не разсматривалась собственно непосредственно, какъ актъ наказанія, а являлась скорѣе послѣдствіемъ наказанія, состоявшаго либо въ битьѣ кнутомъ и членовредительныхъ казняхъ, либо въ тюремномъ заключеніи. Отбывъ это наказаніе, потерпѣвшій становился уже въ болѣе льгот-

ное положеніе и являлся въ глазахъ правительства не столько преступникомъ, отбывающимъ наказаніе, сколько нужнымъ и полезнымъ для государства въ мѣстѣ своей ссылки человѣкомъ, отношеніе къ которому мало въ чемъ рознилось отъ отношенія къ прочимъ обитателямъ ссылочной мѣстности. Онъ былъ колонизаторъ, на котораго возлагалось великое государево дѣло, трудное и отвѣтственное, имѣвшее глубокое значеніе и намѣчавшее широкія историческія задачи въ будущемъ. Московское правительство не смотрѣло на ссылаемаго съ презрѣніемъ, а видѣло въ немъ полезную трудоспособную единицу, о которой должно пещись и которую не слѣдуетъ стѣснять какими либо мелкими регламентаціями въ выборѣ осѣдлости, сферы труда и даже передвиженія. Такая широкая постановка вопроса принесла русской государственной жизни немало добрыхъ плодовъ и намного опередила карательныя системы запада. Совершенно справедливо говоритъ поэтому г. Саломонъ, что «въ ту эпоху, когда и въ Западной Европѣ въ громадныхъ размѣрахъ примѣнялась смертная казнь, а мѣста заключенія повсюду находились въ положеніи, возбуждающемъ ужасъ и омерзѣніе, ссылка являлась несомнѣннымъ прогрессомъ въ области карательной политики, сохраняя тысячи жизней, которыя безъ нея пресѣкались бы на эшафотѣ или медленно, но вѣрно гасли бы въ тѣхъ зловонныхъ и зараженныхъ всякими болѣзнями гноилищахъ, которыя представляли тогда собою тюрьмы». Опередивъ такимъ образомъ своихъ старшихъ западныхъ братьевъ въ области карательной политики, мы сумѣли воспользоваться ссылкою и въ интересахъ государственной культуры, придавъ ей значеніе колонизаціоннаго потока, который охватилъ собою очень широкое территоріальное пространство и внесъ сюда хотя бы примитивные зачатки общечеловѣческой культуры. Причины, по которымъ ссылка въ рукахъ московскаго правительства оказалась полезною, достаточно разнообразны, и въ числѣ ихъ надлежитъ отмѣтить: незаселенность Сибири, дававшую новоприбывшимъ широкое поле дѣятельности; отсутствіе искусственныхъ стѣсненій по отношенію сибирскихъ подневольныхъ колонизаторовъ и, наконецъ, то обстоятельство, что въ ссылку шли не одни преступники, но и ихъ жены съ дѣтьми, наличность которыхъ побуждала ссылаемыхъ крѣпко держаться земли и быть крѣпкими къ труду. Несмотря, однако, на благопріятное значеніе въ XVII вѣкѣ ссылки, она уже тогда начинаетъ понемногу плодить недоразумѣнія и безпорядокъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда ей суждено было вырости въ количественномъ отношеніи. Въ числѣ прочихъ причинъ, рождавшихъ эти недоразумѣнія и безпорядокъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить отсутствіе въ странѣ необходимаго количества женщинъ для браковъ, что влекло за собою порчу нравовъ, рядъ преступленій и пороковъ, гибельно вліявшихъ на складъ организуемой колоніи. Но какъ бы ни былъ великъ послѣдній изъянъ

молодой закипавшей на окраинѣ жизни, нельзя упускать изъ виду, что тѣмъ не менѣе ссылка въ Сибирь сыграла въ русской жизни на первыхъ порахъ чрезвычайно важную роль и оказала государству немаловажныя услуги. И если послѣдующія событія внесли въ дѣло ссылки разочарованіе и побудили признать ея несостоятельность, то не слѣдуетъ все же забывать ея первоначальнаго значенія и относиться къ ней исключительно съ враждой и съ проклятіемъ: было время, когда безъ нея русскому государству врядъ ли бы было подъ силу одолѣть географически и этнографически обширнѣйшую окраину и сцементировать ее прочнымъ и несокрушимымъ составомъ съ остальнымъ русскимъ государственнымъ тѣломъ.

Наступившій въ нашей жизни бурный и стремительный періодъ петровскихъ преобразованій потребовалъ наличности массы рабочихъ рукъ внутри страны, вслѣдствіе чего на смѣну сибирской ссылкѣ является новый видъ карательныхъ мѣропріятій въ образѣ каторги [1]) и каторжныхъ работъ, гдѣ преступникъ начинаетъ быть разсматриваемъ, какъ даровой работникъ, на котораго могутъ быть безплатно возложены многочисленныя задуманныя Петромъ Великимъ сооруженія и государственныя работы. Первымъ каторжнымъ пунктомъ былъ избранъ Азовъ, куда въ 1696 г. рядомъ указовъ были направлены подлежавшіе ссылкѣ въ Сибирь преступники для производства разнаго рода сооруженій; отсюда каторга была перенесена на Балтійское побережье, въ Рогервикъ, гдѣ сооружалась гавань. Немало каторжныхъ было назначено для Петербурга, а также во многіе другіе города, гдѣ возникали государственныя работы, каторжнымъ же трудомъ пользовались для разработки соляныхъ копей, рудниковъ и прочихъ ископаемыхъ богатствъ. Примѣненіе къ преступнику каторжныхъ работъ не имѣло тогда нынѣшней формы высшаго уголовнаго наказанія, а исключительно носило характеръ нужнаго правительству принудительнаго труда, на который рядомъ съ преступниками ставились несостоятельные должники, неисправные плательщики государственныхъ повинностей и записанные къ каторгѣ простаго званія люди, какъ, напримѣръ, заводскіе рабочіе, адмиралтейскіе и артиллерійскіе служители, для которыхъ каторжная работа являлась исключительно государственнымъ тягломъ.

Каторжныя работы, какъ мѣропріятіе карательное, подраздѣлялись на двѣ категоріи: временныя и вѣчныя. Первыя не представляли особаго тяжелаго вида наказанія, и съ ними не связывалось ни лишеніе чести, ни шельмованіе; это была простая формула принудительныхъ работъ, въ теченіе которыхъ не возбранялось сви-

[1]) Подъ словомъ каторга разумѣлось собственно гребное судно, и потомъ этимъ словомъ обозначалось понятіе вообще всякой тяжелой принудительной работы.

даніе съ женами и дѣтьми. Вѣчная же каторга являлась уже тяжелымъ наказаніемъ и связывалась съ торговой казнью, членовредительствомъ и шельмованіемъ; слѣдствіемъ ея было расторженіе семейныхъ узъ, послѣ чего расторженныя жены получали право вступленія въ новый бракъ, постриженія или жизни въ своихъ приданныхъ деревняхъ. Болѣе точно каторга опредѣляется уже съ царствованіе Елисаветы Петровны, когда послѣдовала отмѣна смертной казни; вмѣстѣ къ тѣмъ устанавливается и ея соотношеніе въ ссылкѣ. Каторга идетъ на смѣну смертной казни, а потому является мѣрою высшаго наказанія, наказанія позорнаго и вѣчнаго. Слѣдующей пенитенціарной ступенью служитъ съ того времени вѣчная ссылка, разсматриваемая законодательствомъ въ качествѣ болѣе легкой степени наказанія. Смотря на ссылку, какъ на легчайшее наказаніе, правительство, въ видѣ особой милости — частичнаго помилованія, переводило зачастую каторжныхъ въ ссылку, чѣмъ и установлена была eo ipso близкая связь между этими двумя формами наказанія. Установленію этой связи способствовало еще и то, что каторга (по упраздненіи Рогервика) отбывалась именно въ Сибири, куда направлялась и ссылка, вслѣдствіе чего каторга фактически включала въ себя и ссылку. Сосланные на вѣчное поселеніе поступали въ казенное управленіе и казенное же хлѣбопашество, а неспособные содержались въ тюрьмахъ или приселялись къ деревнямъ старожиловъ.

Въ XVIII же вѣкѣ возникаетъ и новый видъ ссылки — ссылки административной, на житье, которое примѣнялось къ неспособнымъ для военной службы или къ совершившимъ незначительные проступки. Этимъ административнымъ ссыльнымъ разрѣшалось свободное разселеніе по сибирской территоріи на мѣстахъ, указанныхъ администраціей.

Всѣ эти виды ссылки, являясь, главнымъ образомъ, мѣропріятіями карательными, вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ въ себѣ попрежнему и идею колонизаціонную, которая не покидаетъ правительства во все протяженіе XVIII вѣка. Колонизаторская политика воскресаетъ при томъ съ особенною силою послѣ того, какъ внутри государства ослабѣваетъ потребность въ казенныхъ принудительныхъ работахъ, но рядомъ съ этимъ нельзя не отмѣтить, что правительство въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ твердость взгляда и постоянство въ примѣненіи ссылки, которыя характеризовали политику московскаго періода.

III

Не унаслѣдовавъ въ дѣлахъ ссылки традицій московскаго правительства, государственные люди послѣдующаго времени тѣмъ не менѣе тщатся при помощи массовыхъ ссылокъ колонизировать

опредѣленные, заранѣе намѣченные, сибирскіе районы; но, увы, несмотря на всю энергію, прилагаемую къ таковымъ колонизаціоннымъ задачамъ, дѣло отъ того мало выигрываетъ и даже, въ концѣ концовъ, терпитъ полное фіаско. Къ числу такихъ колонизаціонныхъ попытокъ слѣдуетъ отнести задачи заселенія Охотска, южной части Камчатки, мѣстности по рѣкамъ Удѣ, Глубокой и Иртышу, Барабинской степи, дороги отъ Якутска до Охотска, Забайкалья, Нижнеудинскего округа и др. Но всѣ эти попытки, при всей видимой стройности, обдуманности плановъ, а также невзирая на прилагаемыя къ ихъ осуществленію мѣропріятія, успѣха не имѣли, создавали на мѣстѣ массу несчастій, ужасовъ и побуждали правительство къ отступленію. Во всѣхъ этихъ неудачахъ существенную роль играли—отсутствіе необходимыхъ денежныхъ средствъ, недостаточность административныхъ силъ, злоупотребленія послѣднихъ, неумѣлость управленія и страшная трудность правильнаго урегулированія отношеній поселяемыхъ другъ къ другу, къ мѣстнымъ жителямъ и къ власти. Только варварскія наказанія, ужасъ административнаго террора, отъ времени до времени создавали фикцію удачи и благосостоянія искусственныхъ поселковъ, но съ устраненіемъ элементовъ зла и жестокости, разрушалась и самая фикція, послѣ которой оставалась горечь воспоминаній и душу леденящія легенды о недавномъ быломъ. Эти колонизаціонныя затѣи влекли за собою гибель тысячи людей, которые устилали своими костями обширныя сибирскія площади; при первомъ же удобномъ случаѣ, главнымъ образомъ, съ устраненіемъ административнаго террора, искусственно собранныя воедино массы людей разсѣивались, образуя изъ себя грозныя разбойничьи шайки и бродяжьи банды, живущія на счетъ грабежа и преступленій. Прекрасная сама по себѣ идея доставила, такимъ образомъ, въ практикѣ жизни одни лишь затрудненія правительству и невольно вселяла въ него, съ одной стороны, скептическое отношеніе къ значенію ссылки, а съ другой — настоятельное сознаніе необходимости всѣми зависящими мѣрами упорядочить ссыльное дѣло. Эти попытки упорядоченія продолжались отъ конца прошлаго столѣтія и до нашихъ дней и всегда одинаково безуспѣшно: ни одна изъ проектированныхъ и примѣненныхъ мѣръ успѣха не имѣла. «Не удавались казенныя поселенія,—говоритъ авторъ «Ссылки въ Сибирь»; не удавались принудительныя работы о доставленіи ссыльнымъ заработковъ; не оправдала надеждъ свобода передвиженія административныхъ ссыльныхъ; не упрочивалось положеніе ссыльныхъ по суду, прикрѣпленіе ихъ къ мѣсту жительства. Отъ заселенія Охотска 1733 года до тарскихъ поселковъ 1889 года, отъ рабочихъ разрядовъ Сперанскаго до задуманнаго нынѣ иркутскаго дома трудолюбія неизмѣнно повторяется одно и то же: предначертанія правительства, труды мѣстныхъ властей, жертвы денежныя, невзгоды, даже страданія

тысячъ людей—все пропадаетъ даромъ, все разбивается о какое-то упорное, тупое, безличное препятствіе».

Надъ ссылкою въ Сибирь дѣйствительно висѣло какое-то проклятіе, и что бы правительство ни задумывало въ пользу несчастныхъ, въ пользу улучшенія ихъ быта, рѣшительно ничто не шло на пользу и благо, и отъ всего оставалась лишь горечь разочарованія. Первый серіозный планъ преобразованія ссылки былъ выработанъ на широкихъ основаніяхъ Сперанскимъ, по назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ основу этого плана, рядомъ съ водвореніемъ ссыльныхъ на землѣ, были положены обязательныя работы, подраздѣленныя на 6 разрядовъ, изъ коихъ 4 имѣли исключительно рабочій характеръ. Въ первый разрядъ временныхъ заводскихъ рабочихъ помѣщались ссыльные, присланные за вины болѣе значительныя, наказанные плетьми; они должны были годъ работать на фабрикахъ и заводахъ вмѣстѣ съ каторжными (но получали двойную противъ нихъ плату), а затѣмъ распредѣлялись экспедиціями о ссыльныхъ по другимъ разрядамъ, при чемъ годъ бытности на заводѣ считался за 2 года въ другомъ разрядѣ. Второй разрядъ составляли дорожные работники, которыми назначались самые лучшіе, здоровые, крѣпкіе и молодые, преимущественно знающіе мастерства, сосланные за неважныя вины. Въ третій разрядъ, ремесленниковъ, назначались остальные лучшіе ссыльные, которые должны были образовать правильную ремесленную организацію, распадаясь по мастерствамъ на отдѣленія и артели, изъ которыхъ въ губернскихъ городахъ предполагалось устраивать ремесленные дома. Наконецъ, въ четвертый разрядъ евреи и иные неспособные къ сельскимъ занятіямъ люди. Пятый и шестой разряды составляли собственно поселенцы, предназначавшіеся къ земледѣльческому устройству въ новыхъ и старожильческихъ селеніяхъ, и неспособные, которые призрѣвались въ больницахъ на счетъ экономическаго поселенченскаго капитала или приписывались къ волостямъ на вольное пропитаніе.

Увы, изъ всѣхъ заводскихъ и фабричныхъ начинаній Сперанскаго рѣшительно ничто не вышло, какъ равно плохо прививалось водвореніе ссыльныхъ на землѣ. Большинство бѣжало съ указанныхъ имъ мѣстъ, а всѣ вмѣстѣ страшно бѣдствовали, что, въ свою очередь, развило до невозможныхъ степеней бродяжничество и связанные съ этимъ состояніемъ пороки и соціальные недуги, бороться съ которыми полиціи было не подъ силу. Планъ Сперанскаго былъ строенъ и хорошъ на бумагѣ, но дѣйствительность, которой онъ и не зналъ, и не предвидѣлъ, опрокинула его предначертанія и создала вмѣсто стройной системы полную анархію ссыльнаго дѣла.

Не большимъ успѣхомъ сопровождалась попытка правительства въ 1829 году устройства казенныхъ поселеній въ Енисейской губеніи, имѣвшая въ виду «чрезъ сосредоточенный надзоръ и занятіе

въ хлѣбопашествѣ удержать преступниковъ отъ праздности и набѣговъ». На устройство этихъ казенныхъ поселеній было ассигновано $^1/_2$ милліона рублей; было поселено 59.523 мужч., 3.835 женщ. Но и здѣсь поселенцы, немедленно по водвореніи, побросали свои дома и «устремились къ бродняжничеству и преступленіямъ». Такъ же плачевно кончились попытки формированія изъ ссыльныхъ рабочихъ ротъ. Всѣ эти неудачи привели правительство императора Николая I къ мысли о необходимости замѣны ссылки другими наказаніями. Въ этихъ видахъ предпринятъ былъ рядъ работъ въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта, собрана масса матеріаловъ и представлены различныя мнѣнія, но въ концѣ концовъ департаментъ не рѣшился на категорическую отмѣну ссылки и проектировалъ лишь нѣсколько мѣръ улучшеній, носившихъ временный характеръ. Достойно вниманія, что въ то время, какъ департаментъ отстаивалъ ссылку и не находилъ никакой иной болѣе цѣлесообразной карательной мѣры вмѣсто ссыльной системы, въ нѣдрахъ его раздались два просвѣщенныхъ голоса, болѣе чѣмъ на полстолѣтія опередившихъ по настоящему предмету мнѣнія правительства и указывающихъ даже нашему времени тотъ путь, который должна принять карательная политика. Мнѣнія эти принадлежали министру внутреннихъ дѣлъ, графу Блудову, и министру юстиціи Дашкову.

Первый изъ нихъ указывалъ, что никакія улучшенія и измѣненія въ системѣ наказаній неотвратятъ вполнѣ неудобствъ, съ ссылкой сопряженныхъ, ибо, несмотря ни на какія распоряженія, нельзя надѣяться на прочное поселеніе тѣхъ преступниковъ, кои по прежнему званію и роду занятій не привыкли къ земледѣльческимъ трудамъ, или по слабости силъ и дряхлости лѣтъ къ тяжелымъ работамъ неспособны. Затѣмъ гр. Блудовъ обращалъ вниманіе на легкость и неустранимость побѣговъ и на то взаимное развращающее вліяніе, которое преступники, оставленные на свободѣ, неминуемо будутъ оказывать другъ на друга. Кромѣ того, ссылка имъ признавалась не дающей соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ. Единственнымъ средствомъ, по мнѣнію гр. Блудова, устранить всѣ эти недостатки ссылки было бы полное уничтоженіе ссылки, съ замѣной ея помѣщеніемъ преступниковъ въ дома заключенія, со введеніемъ въ нихъ европейской исправительной системы.

Равнымъ образомъ и Дашковъ полагалъ, что «въ видахъ правосудія преступникъ имѣетъ множество способовъ къ избавленію себя отъ присужденнаго ему наказанія посредствомъ побѣга; съ другой же стороны, пересылкой на новое мѣстожительство, недостатокъ средствъ къ прочному водворенію, неизбѣжной нищетой, презрѣніемъ со стороны людей, въ общество коихъ вступилъ, подвергается онъ наказанію, превышающему мѣру судебнаго приго-

вора. Въ отношенiи безопасности общественной, хотя преступникъ удаляется съ мѣста, гдѣ совершилъ преступленiе, но переходитъ на другое, имѣющее равное съ первымъ право на огражденiе его правительствомъ отъ нарушенiя благосостоянiя, и поселенiе его тамъ оказывается еще вреднѣе, по недостатку въ средствахъ къ надзору и по новымъ побужденiямъ, каковы бѣдность и расторженiе семейныхъ связей, склоняющихъ его къ порочной жизни. Предметъ нравственнаго исправленiя преступника еще менѣе здѣсь достигается». Единственную выгоду, которую Дашковъ готовъ былъ усмотрѣть въ ссылкѣ, было то, что ссылка даетъ возможность вознаградить вредъ, причиненный преступникомъ, пользою, если не отъ него самого, то отъ его потомства, хотя и тутъ, по мнѣнiю министра юстицiи, «способъ употребленiя работы каторжныхъ и водворенiя ссыльныхъ далеко не соотвѣтствуетъ намѣренiямъ правительства». Въ виду всѣхъ этихъ соображенiй, Дашковъ настаивалъ на уничтоженiи ссылки и на замѣнѣ ея правильно-организованными домами заключенiя. Но, тѣмъ не менѣе, департаментъ законовъ, какъ уже сказано выше, не счелъ возможнымъ согласиться съ мнѣнiями двухъ министровъ и сохранилъ ссылку въ полной силѣ. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу этого сохраненiя служило то соображенiе, что, «съ одной стороны, ссылка въ отдаленный край, самое имя котораго, по крайней мѣрѣ, доселѣ, тѣсно соединено было съ мыслью о наказанiи, и невозвратное расторженiе всѣхъ прежнихъ связей ссылаемаго составляютъ, конечно, достаточную мѣру для удовлетворенiя условiй, правосудiемъ требуемыхъ; съ другой же стороны, въ отношенiи административномъ, вопросъ о пользѣ поселенiй разрѣшается однимъ уже внимательнымъ взглядомъ на Сибирь. Необъятныя пространства ея, богато надѣленныя дарами природы, заключая въ себѣ вѣрный источникъ и частнаго благосостоянiя и общественнаго изобилiя, ожидаютъ лишь рукъ, труда и порядка, чтобы принесли вожделѣнный плодъ».

IV.

Послѣдующiй, пореформенный перiодъ русской жизни мало внесъ измѣненiй въ ссыльное дѣло, и оно, какъ и въ началѣ столѣтiя, своимъ неустройствомъ, анархiей и печальнымъ влiянiемъ на весь складъ окружающей жизни, продолжало безпокоить правительство, которое, однако, въ царствованiя императоровъ Александра II и Александра III не рѣшалось обратиться въ этой области къ какимъ нибудь рѣшительнымъ мѣропрiятiямъ и ограничилось паллiативными попытками частичнаго упорядоченiя ссылки. Г. Саломонъ знакомитъ насъ въ обстоятельномъ изложенiи съ ходомъ законодательныхъ работъ по настоящему предмету во все теченiе шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, съ занятiями спе-

ціальныхъ комиссій и съ мнѣніями мѣстныхъ властей и губернскихъ присутствій, на разсмотрѣніе которыхъ поступалъ вопросъ о ссылкѣ въ тѣхъ или иныхъ ея частяхъ. Вся совокупность этихъ многочисленныхъ отзывовъ и заключительныхъ работъ внесла, однако, мало свѣта въ ссыльное дѣло, и оно до конца 1880-хъ годовъ оставалось въ общихъ чертахъ въ томъ самомъ положеніи, противъ котораго ратовали въ исходѣ 1830-хъ годовъ графы Блудовъ и Дашковъ.

Новый толчокъ этому острому вопросу былъ данъ поѣздкой въ Сибирь бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія, Галкина-Враскаго, въ 1880—1881 годахъ, обнаружившей во всей силѣ существенное и неустранимое частными и мѣстными мѣрами разстройство ссылки. Рядомъ съ этимъ въ концѣ 1886 года покойный императоръ Александръ III обратилъ особое вниманіе на заявленія сибирскихъ властей о крайнемъ разстройствѣ всей системы ссылки въ Сибирь и выразилъ непремѣнную волю, чтобы вопросъ о ссылкѣ подвергнутъ былъ наискорѣйшему разсмотрѣнію въ смыслѣ возможнаго упорядоченія его и ограниченія повсемѣстнаго разселенія ссыльныхъ. Категорически высказанная воля государя императора, въ связи съ результатами ревизіи Галкина-Враскаго, побудила министерство внутреннихъ дѣлъ поставить вопросъ о ссылкѣ на первую очередь и разсмотрѣть его въ полномъ объемѣ, не исключая отсюда и ссылки по приговорамъ обществъ. Мнѣніе по настоящему предмету министерства съ отзывомъ главнаго тюремнаго управленія восходило въ 1888 г. до государственнаго совѣта, но при обсужденіи вопроса единогласія здѣсь не воспослѣдовало, и мнѣнія рѣзко раздѣлились. Меньшинство (8 голосовъ) высказалось противъ отмѣны ссылки по приговорамъ обществъ, находя такую мѣру во всякомъ случаѣ несвоевременной, и всѣ предлагаемыя гарантіи большей осторожности въ пользованіи правомъ непринятія нецѣлесообразными и излишними. Большинство же (34 голоса) общаго собранія раздѣлило взглядъ соединенныхъ департаментовъ о необходимости дать части представленія, касающейся ссылки по приговорамъ обществъ, безотлагательное направленіе. Присоединяясь къ мнѣнію соединенныхъ департаментовъ о невозможности въ настоящее время лишить сельскія и мѣщанскія общества средствъ самозащиты отъ вредныхъ личностей, 34 члена находили, что устраненіе обнаруженныхъ недостатковъ ссылки по общественнымъ приговорамъ должно составлять предметъ особой заботливости правительства и, какъ предуказанное монаршей волей, не можетъ быть отлагаемо до предстоящаго преобразованія уѣзднаго управленія.

Государь императоръ изволилъ раздѣлить по вопросу объ административной ссылкѣ мнѣніе меньшинства, вслѣдствіе чего послѣдовало повелѣніе слѣдующаго содержанія: его императорское

величество, разсмотрѣвъ послѣдовавшія въ государственномъ совѣтѣ разныя мнѣнія по заключающемуся въ дѣлѣ объ ограниченіи ссылки въ Сибирь вопросу объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій относительно административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ, высочайше повелѣть соизволилъ: существующія правила о правѣ сельскихъ обществъ не принимать въ свою среду порочныхъ своихъ членовъ, отбывшихъ заключеніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ, и передавать вредныхъ членовъ своихъ въ распоряженіе правительства—сохранить въ силѣ, отложивъ пересмотръ сихъ правилъ до того времени, когда получатъ осуществленіе общія законодательныя предположенія объ исправленіи признанныхъ недостатковъ сельскаго общественнаго устройства и о надзорѣ за мѣстнымъ крестьянскимъ управленіемъ.

Такъ сошли почти на нѣтъ всѣ попытки реформировать ссылку въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ.

Значительно благополучнѣе подвинулось дѣло въ нынѣшнее десятилѣтіе, когда въ 1894 г. бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Враскій послѣ своей второй поѣздки по Сибири составилъ по настоящему предмету докладъ, извлеченія изъ котораго были представлены на благоусмотрѣніе Государя Императора Николая Александровича. Государь сдѣлалъ на этомъ докладѣ нижеслѣдующія знаменательныя замѣтки: «Я радъ видѣть, что вопросъ о каторгѣ и ссылкѣ сталъ теперь на первую очередь», и противъ словъ: «приступить къ обсужденію вопроса о ссылкѣ»—«непремѣнно нужно». Почти одновременно съ этимъ, на всеподданнѣйшемъ отчетѣ томскаго губернатора о состояніи Томской губ. за 1893 г., гдѣ шла рѣчь о вредѣ и нежелательности ссылки. Государю угодно было начертать: «Я всецѣло раздѣляю этотъ взглядъ. Обращаю вниманіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи на то, что уже давно пора избавить Сибирь отъ наводненія ея всѣми отбросами Европейской Россіи, въ особенности теперь, когда западная ея часть уже соединена желѣзною дорогой». Равнымъ образомъ и на отчетѣ тобольскаго губернатора государь помѣтилъ: «Повторяю мною сказанное въ отчетѣ томскаго губернатора относительно безусловной необходимости прекращенія ссылки въ западныя губерніи Сибири». Послѣ столь категорически высказанныхъ Государемъ Императоромъ пожеланій въ нѣдрахъ правительственныхъ учрежденій послѣдовали по вопросу о ссылкѣ дѣятельная переписка, совѣщанія и представленія докладовъ. Была составлена даже особая комиссія подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго тюремнаго управленія, при участіи директоровъ департаментовъ полиціи и хозяйственнаго, управляющаго земскимъ отдѣломъ и представителей отъ министерства юстиціи и финансовъ. Комиссія выработала немало существенныхъ пунктовъ, долженствующихъ

ликвидировать ссылку, но, увы, съ назначеніемъ Галкина-Враскаго членомъ государственнаго совѣта, другого предсѣдателя назначено не было, и комиссія съ тѣхъ поръ ни разу уже болѣе не собиралась.

Въ 1898 г. по высочайшему повелѣнію нынѣшній начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ былъ командированъ въ Сибирь и на о. Сахалинъ, для личнаго ознакомленія на мѣстѣ съ условіями отбыванія и современнымъ положеніемъ ссылки и каторги. По возвращеніи своемъ изъ командировки, имъ представленъ былъ министру юстиціи докладъ о результатахъ своей командировки, въ которомъ въ общихъ чертахъ излагались важнѣйшія, добытыя во время поѣздки, свѣдѣнія о ссылкѣ, а нынѣ имъ напечатано «для высочайше учрежденной комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки» обширное изслѣдованіе «Ссылка въ Сибирь», историческою частью котораго я и воспользовался для настоящаго очерка. Трудъ г. Саломона обширенъ, обстоятеленъ и рисуетъ вполнѣ наглядно, какъ обстоитъ нынѣ этотъ путаный вопросъ въ нашемъ законодательствѣ и на практикѣ сибирской жизни. Ознакомленіе съ собраннымъ матеріаломъ въ подробностяхъ можетъ доставить настоящее удовольствіе всѣмъ тѣмъ, кто интересуется общественными вопросами отечественной дѣйствительности вообще и очереднымъ вопросомъ о ссылкѣ въ частности. Авторъ «Ссылки въ Сибирь» безусловный противникъ ссылки и въ заключительной части своего труда такъ просто и категорически формулируетъ свой взглядъ на дѣло:

«...Изъ трехсотъ тысячъ ссыльныхъ въ Сибири 100.000 чел.— праздношатающіеся бродяги, 100.000 чел. бездомные пролетаріи, живущіе случайнымъ заработкомъ, 70.000 чел. безземельные рабочіе и 30.000 чел. осѣдлые земледѣльцы. Изъ всей этой массы не болѣе 4.500 человѣкъ имѣютъ шансъ окончательно слиться съ старожильскимъ населеніемъ. Вотъ, слѣдовательно, матеріальный итогъ трехсотлѣтней сибирской ссылки, о нравственномъ же итогѣ этой ссылки можно судить по тому, что въ то время, какъ въ общемъ ссыльные составляютъ немного свыше 5% всѣхъ жителей Сибири, они составляютъ 58% тюремнаго населенія.

Все сказанное позволяетъ сдѣлать слѣдующіе три, повидимому, безспорныхъ вывода: 1) ссылка не достигаетъ ни карательныхъ, ни колонизаціонныхъ цѣлей, 2) всѣ возможныя мѣры къ устройству ссылки были испробованы и оказались безуспѣшными, 3) съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги ссылка утратила значеніе средства, ограждающаго безопасность европейскихъ губерній Россіи. Подобно крѣпостному праву въ позднія эпохи его существованія, ссылка не соотвѣтствуетъ болѣе условіямъ государственной и об-

щественной жизни, и вопросъ объ ея отмѣнѣ вновь выдвигается на очередь.

Обращаясь порознь къ двумъ главнымъ ея подраздѣленіямъ, нельзя не припомнить, что административная ссылка еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ была отмѣнена въ законодательномъ порядкѣ, и если вскорѣ послѣ этого, по ходатайству министерства внутреннихъ дѣлъ, черезъ комитетъ министровъ, она была возстановлена, то только въ видѣ мѣры временной, лишь до повсемѣстнаго введенія судебной реформы. Въ настоящее время блага судебной реформы распространены на всю имперію вплоть до границы Бухарской и до города Дальняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпалъ и единственный доводъ въ пользу сохраненія административной ссылки.

Что касается ссылки судебной, то въ защиту ея тоже приводилось соображеніе, постороннее существу самаго института, а именно дурное устройство мѣстъ заключенія. Наиболѣе характерную форму далъ этому доводу въ 1838 году государственный совѣтъ, сомнѣвавшійся въ возможности организовать трудъ преступниковъ въ тюрьмахъ.

Оцѣнка устройства мѣстъ заключенія, разумѣя подъ этимъ не только устройство зданій, но и организацію внутреннихъ порядковъ, есть дѣло весьма относительное. Если бельгійца, привыкшаго считать единственной разумной формой исполненія наказаній строго проведенное одиночное заключеніе, привести въ лучшій прусскій цухтгаузъ или въ англійскую каторжную тюрьму, устроенную по прогрессивной системѣ, онъ не признаетъ ни того, ни другого мѣста заключенія надлежаще устроеннымъ. Наоборотъ, итальянецъ придетъ въ неподдѣльный ужасъ отъ того каменнаго улья съ крѣпко запертыми ячейками, который представляетъ собою бельгійскій пенитенціарій. Равнымъ образомъ, если приступить къ дѣлу съ какимъ нибудь теоретическимъ масштабомъ въ родѣ статистики рецидива, то едва ли не придется сдѣлать прискорбный выводъ, что всѣ мѣста заключенія всего свѣта никуда не годятся. Но и въ болѣе простой своей постановкѣ, т. е. хорошо или дурно примѣняется въ наличныхъ мѣстахъ заключенія принятая въ странѣ тюремная система,—вопросъ этотъ не поддается опредѣленному рѣшенію. Въ любомъ государствѣ могутъ быть указаны тюрьмы лучшія и худшія, при чемъ то или иное качество тюрьмы зависитъ отъ многихъ причинъ и условій, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, личныя свойства начальника или одного, двухъ лицъ служебнаго персонала, совершенно случайны и неуловимы. вимы. Въ концѣ концовъ, все дѣло въ томъ, существуютъ ли въ данномъ тюремномъ вѣдомствѣ средства, и принимаются ли мѣры къ устройству и поддержанію возможно удовлетворительныхъ тюремныхъ порядковъ.

Ставя этотъ вопросъ по отношенію къ нашему отечеству, позволительно въ общемъ отвѣтить на него утвердительно. Тотъ фактъ, что въ Россіи есть мѣста заключенія, мало въ чемъ уступающія лучшимъ западно-европейскимъ, о чемъ въ шестидесятыхъ годахъ, а тѣмъ болѣе въ тридцатыхъ не было и помину [1]), служитъ доказательствомъ того, что техника дѣла выработана. Во главѣ всего стоитъ, конечно, арестантскій трудъ, который въ обѣихъ формахъ своихъ—работы наружныя и внутреннія—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается. Слабыя стороны нашего тюремнаго дѣла тѣ же, что и въ остальныхъ большихъ европейскихъ государствахъ: недостатокъ денежныхъ средствъ на тюремныя постройки и переустройства и трудность находить вполнѣ удовлетворительный служебный персоналъ. Но эти слабыя стороны нигдѣ не служатъ основаніемъ для того, чтобы отказываться отъ примѣненія наказаній лишеніемъ свободы.

Но если отъ абсолютныхъ требованій перейти къ сравнительной оцѣнкѣ, что въ дѣлѣ практическомъ представляется наиболѣе правильнымъ, и сопоставить современное положеніе нашей тюремной части со всѣхъ ея сторонъ, административной, хозяйственной и пенитенціарной, съ положеніемъ этой части въ шестидесятыхъ годахъ, то значительность достигнутаго успѣха станетъ вполнѣ очевидна; путь же для дальнѣйшихъ усовершенствованій проложенъ, и остается только по нему слѣдовать. Такимъ образомъ, возраженіе противъ отмѣны судебной ссылки, мотивированное неустройствомъ мѣстъ заключенія, должно считаться утратившимъ свое значеніе.

Г. Л. И.

---

[1]) Исключенія составляли, быть можетъ, нѣкоторыя польскія тюрьмы, устроенная гр. Скарбекомъ, и отчасти двѣ исправительныя тюрьмы, Московская и Петербургская, устроенныя по проекту гр. Соллогуба.

ПРИДВОРНОЕ ВОЙСКО ВЪ РОССІИ [1].

II.

МЫ СВОЕВРЕМЕННО дали уже отчетъ нашимъ читателямъ о первомъ томѣ «Исторіи кавалергардовъ» г. Панчулидзева, обратившемъ на себя всеобщее вниманіе, какъ научными своими достоинствами, такъ и художественною стороной изданія. Предъ нами лежитъ теперь только что вышедшій изъ типографіи второй томъ этой «Исторіи», посвященный изложенію судебъ кавалергардовъ во вторую половину XVIII в., во времена Петра III, Екатерины II и Павла I. Какъ и слѣдовало ожидать, второй томъ «Исторіи кавалергардовъ», благодаря значенію изображаемыхъ въ немъ событій, читается еще съ большимъ интересомъ, чѣмъ первый, и читатель не можетъ, наконецъ, оторваться отъ книги, когда авторъ оставляетъ болѣе или менѣе уже изслѣдованные пути и въ послѣднихъ главахъ переходитъ къ драматическому разсказу о царствованіи императора Павла... Какъ и въ первомъ томѣ, исторія кавалергардовъ связывается здѣсь съ параллельнымъ повѣствованіемъ о наиболѣе крупныхъ моментахъ русской исторіи.

Кончина императрицы Елисаветы Петровны повела за собою коренное измѣненіе во внутренней и внѣшней политикѣ русскаго правительства. «Роскошная», лѣнивая, но вполнѣ русская по духу, Елисавета Петровна была вполнѣ народною государыней: не могло

---

[1] См. «Историческій Вѣстникъ», октябрь, 1899 года.

быть и рѣчи о разладѣ между ней и ея подданными, о какомъ либо привычномъ для гвардейцевъ «дѣйствѣ» противъ нея; культурное вліяніе Франціи, возобладавшее при Елисаветѣ, привѣтствовалось всѣми русскими образованными людьми, какъ законный и симпатичный противовѣсъ вліянію нѣмецкому, столь тяжкому и обидному для національнаго чувства, такъ какъ нѣмецкое вліяніе, независимо отъ другихъ причинъ, приводило къ господству нѣмцевъ внутри Россіи. По роковой случайности, императрица Елисавета въ своемъ племянникѣ и наслѣдникѣ, великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, видѣла полное отрицаніе своихъ національныхъ чувствъ и политическихъ и культурныхъ симпатій: это былъ грубый, мало воспитанный нѣмецкій принцъ, съ ограниченнымъ кругозоромъ и мелкими страстями, не хотѣвшій знать Россіи и дѣтски преклонявшійся предъ Пруссіей и Фридрихомъ II. Елисавета незадолго до кончины думала даже объ устраненіи племянника отъ престола, предполагая объявить своимъ наслѣдникомъ внука своего, Павла Петровича, а регентшей мать его, супругу Петра Ѳеодоровича, великую княгиню Екатерину Алексѣевну. Планъ этотъ не осуществился, однако, вслѣдствіе сопротивленія любимцевъ Елисаветы, Шуваловыхъ, не ждавшихъ отъ Екатерины ничего для себя добраго. На престолъ вступилъ Петръ III.

Поразительный по драматизму и едва ли преувеличенный даже въ подробностяхъ разсказъ о поведеніи императора Петра Ѳеодоровича въ первые дни по восшествіи его на престолъ оставила намъ супруга его, а затѣмъ счастливая соперница во власти, императрица Екатерина. «Сей былъ внѣ себя отъ радости и оной нимало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося, окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного арлекина, нежели иного чего, требуя, однако, всякаго почтенія». Въ концѣ перваго же дня царствованія Петра III новая императрица «сдѣлала слѣдующее заключеніе: ежели въ первомъ часу царствованія отставили честнаго человѣка (генералъ-прокурора Шаховского), а не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника (А. И. Глѣбова), чего ждать?—Говорила я себѣ: «твоей инфлюенціи опасаются, удались отъ всего; ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь; по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ; слѣдовательно, ни чести, ни славы тутъ не будетъ: пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ». Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступилась, окромѣ похоронъ покойной государыни, по которымъ траурной комиссіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ» [1]).

[1]) «Русская Старина», 1899, апрѣль, 31—32: «Императрица Екатерина II въ началѣ царствованія Петра III».

Императрица хотѣла выждать, какое впечатлѣніе на общество произведетъ поведеніе новаго государя, но гвардейцы, изъ ея приверженцевъ, уже жаждали «дѣйства». Еще Елисавета Петровна не испустила послѣдняго вздоха, какъ князь Дашковъ, капитанъ гвардіи, прислалъ сказать Екатеринѣ: «повели, мы тебя взведемъ на престолъ». Императрица отвѣчала ему: «Бога ради, не начинайте вздоръ. Что Богъ захочетъ, то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременная и несозрѣлая вещь». Екатерина хотѣла быть избранницей народа, а не одной лишь гвардіи: только тогда ея «дѣйство» имѣло бы за собой и нравственное оправданіе, и прочные шансы на успѣхъ.

Въ I главѣ своего труда г. Панчулидзевъ собралъ въ одно цѣлое всѣ данныя о пагубномъ направленіи политики и о безразсудномъ поведеніи Петра III, которыя и привели къ его низверженію. Отмѣтимъ въ особенности его распоряженія, касавшіяся гвардіи вообще и лейбъ-кампаніи въ частности. Вступивъ на престолъ по праву рожденія, не будучи ничѣмъ обязанъ гвардіи, Петръ III не считалъ нужнымъ церемониться съ нею. «Еще будучи великимъ княземъ, онъ называлъ гвардейскихъ солдатъ янычарами, живущими на одномъ мѣстѣ съ женами и дѣтьми, и говорилъ, что они только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому либо труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ, и всегда опасны для правительства». «Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго царствованія было распущеніе лейбъ-кампаніи. Уничтоженіе этой «гвардіи въ гвардіи» могло возбудить только радость, если бы на мѣстѣ старой русской лейбъ-кампаніи не увидали тотчасъ же новой, только иностраннаго происхожденія—голштинской гвардіи, пользовавшейся явнымъ предпочтеніемъ императора». «Награжденные чинами, но отставленные безъ пенсій и даже не опредѣленные къ «прокормленію» въ монастыри, многіе изъ лейбъ-кампанцевъ, говоритъ г. Панчулидзевъ, остались безъ куска хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство и не позаботилось, какъ сдѣлалъ Биронъ въ 1731 году съ кавалергардами, о высылкѣ этихъ недовольныхъ лицъ изъ столицы, и мы увидимъ, что находившіеся въ Петербургѣ лейбъ-кампанцы принимаютъ дѣятельное участіе въ воцареніи Екатерины II». Разумѣется, что лейбъ-кампанцы по-своему объясняли свою опалу: отставленные лейбъ-кампанцы поговаривали, что они очень хорошо понимаютъ, что ихъ отставили не по какой либо другой причинѣ, какъ по той, что императоръ хочетъ заточить свою супругу въ монастырь; они же тѣмъ менѣе заслужили свою отставку, такъ какъ возвели на престолъ покойную императрицу и слѣдовательно были причиною того, что императоръ по ея кончинѣ занялъ престолъ». Первенствующее значеніе въ гвардіи получилъ дядя государя, иностранный принцъ Георгъ Голштинскій, не имѣвшій никакихъ заслугъ и своими личными качествами возбудившій противъ себя

ненависть. Прежняя, введенная Петромъ Великимъ, форма гвардіи была перемѣнена на короткіе прусскіе кафтаны. Каждое утро въ 11 часовъ былъ парадъ, на который являлся императоръ; введены были новыя, прусскія экзерциціи. Фельдмаршалы и генералы, которые были вмѣстѣ полковниками, подполковниками и майорами гвардейскихъ полковъ, должны лично участвовать съ ними на парадѣ. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ императора, каждый изъ нихъ держалъ у себя въ домѣ молодого офицера и бралъ у него уроки новой, прусской экзерциціи. Всѣ вельможи, даже старики, имѣвшіе почетное мѣсто въ гвардіи, должны были подчиняться новымъ порядкамъ. Графъ Алексѣй Разумовскій избавился отъ подобнаго положенія увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; но младшій его братъ, полковникъ Измайловскаго полка и малороссійскій гетманъ, не спасался отъ выговоровъ и насмѣшекъ Петра III, и говорили, что императоръ находилъ особенное удовольствіе смѣяться надъ Разумовскимъ, неспособнымъ по природѣ къ военнымъ упражненіямъ. Ко всему этому присоединились правдоподобные слухи, что императоръ хочетъ вовсе уничтожить гвардейскіе полки, довольствуясь голштинской гвардіей, распредѣлить гвардейскихъ солдатъ среди армейскихъ полковъ, а въ столицѣ ежегодно перемѣщать полевые полки. Слухи эти нашли себѣ полное подтвержденіе въ намѣреніи Петра III составить себѣ особое, голштинское войско: въ Лифляндію и Эстляндію отправлены были вербовщики съ наказомъ набирать «вольныхъ людей, а не изъ подданныхъ его императорскаго величества»; отправлены были и въ Малороссію для набора «ихъ волоховъ и поляковъ, но никакъ не изъ малороссіянъ». Унижена была не только гвардія, унижено было народное чувство. Одни лишь нѣмцы, напримѣръ, Штелинъ, могли говорить, что Петра III «всѣ вообще полюбили сначала. Только впослѣдствіи, когда онъ уничтожилъ мундиры гвардейскихъ полковъ и ввелъ бѣлыя узкія брюки и проч., — тогда гвардейскіе солдаты, и съ ними многіе офицеры начали тайно роптать и допустили подготовить себя къ возмущенію». При этихъ условіяхъ, даже указъ о вольности дворянства служить и не служить, изданный Петромъ III, возбуждаетъ предположеніе, что тайной его цѣлью было также желаніе императора денаціонализировать русскую армію въ офицерскомъ ея составѣ. Г. Панчулидзевъ весьма удачно напоминаетъ, что въ предложеніи своемъ императрицѣ Елисаветѣ о «фундаментальныхъ законахъ» И. И. Шуваловъ настаивалъ на 25-лѣтней обязательной службѣ дворянъ. Самыхъ образованныхъ и либеральныхъ людей, говоритъ г. Панчулидзевъ, «пугала мысль, что множество дворянъ выйдетъ въ отставку... и многія мѣста въ войскѣ останутся незанятыми, вслѣдствіе чего нужно будетъ наполнять ихъ иностранцами». Шуваловъ требовалъ, чтобы въ гвардіи, арміи и флотѣ три части генераловъ и офицеровъ были русскіе, а четвертая—лифляндцы,

эстляндцы и иностранные. Цѣль денаціонализаціи арміи въ манифестѣ о вольности дворянства косвенно подтверждается тѣмъ, что въ немъ вовсе не упоминалось о привилегіяхъ, которыя для достоинства дворянъ могли имѣть бо̀льшее значеніе, напримѣръ, объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія; упразднялось лишь значеніе дворянства, какъ государственнаго служилаго сословія. Скрытая цѣль манифеста и послѣдствія, къ которымъ онъ могъ привести, остались, однако, на первое время незамѣченными. «У всѣхъ дворянъ, разсказываетъ Екатерина, велика была радость о данномъ дозволеніи служить и не служить, и на тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службой пріобрѣли почести и имѣнія, которыми пользуются». Тотъ же князь Дашковъ, который при кончинѣ Елисаветы Петровны предлагалъ Екатеринѣ произвести переворотъ въ ея пользу, по свидѣтельству самой Екатерины, плакалъ и былъ внѣ себя отъ радости. «Прибѣжавъ ко мнѣ, говоритъ Екатерина, онъ говорилъ: государь достоинъ, дабы ему воздвигнуть статую золотую: онъ всему дворянству далъ вольность и съ тѣмъ ѣдетъ въ сенатъ, чтобы тамъ объявить» [1]). Унижаемая и оскорбляемая своимъ супругомъ, Екатерина должна была, однако, почувствовать, до какой степени она была права, не отдавая своей судьбы въ руки одной лишь гвардіи и дворянства и ожидая проявленія всенароднаго негодованія противъ Петра III. Оно не замедлило послѣдовать.

Распущенность въ частной жизни Петра, выходки, свойственныя незрѣлому юношѣ и унижавшія достоинство государя,—все это было ничто сравнительно съ убѣжденіемъ, проникавшимъ въ народное сознаніе, что государь былъ не русскій, что на царскомъ престолѣ явился «нѣмецъ» и «люторъ». Г. Панчулидзевъ собралъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ постепенно укрѣплялось это сознаніе. Петръ III казался по дѣйствіямъ своимъ простымъ намѣстникомъ прусскаго короля Фридриха II. Война съ Пруссіей, начатая Елисаветой и почти законченная ею къ выгодамъ Россіи и съ соблюденіемъ ея достоинства, была внезапно прекращена новымъ императоромъ, и всѣ сдѣланныя завоеванія были возвращены обратно Пруссіи: принесенныя жертвы оказались напрасными, и Пруссія сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ прежде; мало того, побѣдоносная русская армія, уже овладѣвшая половиной прусскихъ владѣній, должна была отрядить цѣлый корпусъ войскъ, чтобы поддержать вчерашняго заклятаго врага своего противъ семилѣтнихъ братьевъ по оружію. «Воля Фридриха—воля Божія», такъ объяснялъ Петръ свои поступки и доказывалъ это, повторяя неизмѣнно: «Ja, Brüderchen», на каждое представленіе и домогательство прусскаго посланника Гольца. Даже любимцы Петра III, Мельгуновъ и Волковъ, не могли скрыть своего недовольства при видѣ явнаго подчиненія русской политики вліянію

[1]) «Русская Старина», 1899, апрѣль, 36.

прусскаго посланника; негодованію же прочихъ не было предѣловъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ о русско-прусскомъ союзномъ договорѣ, поразившемъ всѣхъ своею нелѣпостію, въ Астрахани, напримѣръ, громко говорили, что императоръ продалъ русскія войска Фридриху II съ тѣмъ, чтобы они уже не возвращались въ Россію. «Когда сдѣлалось намъ извѣстно, что скоро съ прусскимъ королемъ заключится миръ, разсказываетъ Болотовъ, начали опасаться, чтобы не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, особливо отъ огорченной до крайности гвардіи». Негодованіе усилилось, когда узнали, что предлогомъ къ заключенію мира явилось желаніе императора начать войну съ Даніей, чтобы возвратить Голштиніи Шлезвигъ: интересы Россіи завѣдомо приносились въ жертву интересамъ ничтожнаго нѣмецкаго герцогства! И въ то же время Петръ не задумывался оскорблять религіозное чувство православнаго народа. Будучи великимъ княземъ, находясь подъ опекой благочестивой тетки, онъ выражалъ свое нерасположеніе къ православному духовенству высовываніемъ языка священникамъ и діаконамъ во время богослуженія; сдѣлавшись императоромъ, велъ себя неприлично въ церкви, выбѣгалъ изъ нея съ громкимъ смѣхомъ и даже во время похоронъ императрицы Елисаветы, идя за гробомъ ея, былъ, по выраженію Екатерины, «чрезмѣрно веселъ и посреди церемоніи сей траурной сдѣлалъ себѣ забаву». Вскорѣ послѣдовало распоряженіе запечатать православныя домовыя церкви, а вслѣдъ затѣмъ, призвавъ къ себѣ архіепископа новгородскаго Димитрія Сѣченова, первенствующаго члена синода, императоръ лично приказалъ ему, «чтобы въ церквахъ оставлены были только иконы Христа и Богородицы, а другихъ бы не было, и чтобы всѣмъ попамъ предписано было бороды свои обрить и вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ носить такое платье, какое носятъ иностранные пасторы». Распоряженіе это не было и, конечно, не могло быть приведено въ исполненіе, но духовенство было окончательно приведено въ ряды недовольныхъ послѣдовавшимъ, по приказанію Петра, отобраніемъ въ казну монастырскихъ имѣній и не щадило императора, выставляя его отступникомъ отъ вѣры. По замѣчанію г. Бильбасова, «вскорѣ по воцареніи Петра III, русскіе люди не только въ столицѣ, но и въ провинціи потеряли всякое довѣріе къ правительству. Не было такой нелѣпости, такой лжи, которая не принималась бы на вѣру и не повторялась всѣми».

Но рядомъ съ Петромъ III въ народномъ сознаніи стояла супруга его Екатерина Алексѣевна, нѣмка по происхожденію, но по духу ставшая болѣе русскою, чѣмъ многіе русскіе, объявившая вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію при первомъ сдѣланномъ ей кровопусканіи, что у нея выпустили послѣднюю каплю нѣмецкой крови. Сопоставленіе между нею и императоромъ напрашивалось само собою. Ея поведеніе, ея отношеніе къ народному чувству, къ народной вѣрѣ,

было прямою противоположностію поведенію Петра Өеодоровича еще въ томъ нѣжномъ ея возрастѣ, когда не могло быть и намека на какіе либо чистолюбивые планы съ ея стороны, когда, напротивъ, собирались изгнать изъ Россіи ея будущую славу. Предъ кончиной своей Елисавета оцѣнила свою геніальную невѣстку, полюбила ее и, отстраняя сына старшей своей сестры, ей именно предполагала передать управленіе имперіей, въ малолѣтство великаго князя Павла Петровича. Петръ Өеодоровичъ, вступивъ на престолъ и на ряду съ оскорбленіемъ русскаго чувства, русскаго имени, не менѣе позорно оскорблялъ и свою супругу въ присутствіи двора, иностранныхъ посланниковъ, собираясь вступить въ бракъ со своей фавориткой, Елисаветой Воронцовой! Такимъ образомъ, самъ Петръ III соединялъ въ народномъ сознаніи попираемое имъ русское имя съ именемъ своей супруги, самъ онъ созидалъ себѣ соперницу, уже властно господствовавшую надъ умами и сердцами его подданныхъ именно въ то время, когда она, казалось, подвергалась самому позорному униженію, когда ей грозила уже монастырская келья! А между тѣмъ другъ и совѣтникъ Петра, Фридрихъ II, писалъ ему: «Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающимися и превосходными качествами, какія у вашего величества, но эти русскіе, чувствуютъ ли они свое счастье, и проклятая продажность одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его къ составленію заговора».

О переворотѣ, положившемъ конецъ царствованію Петра, и о судьбѣ придворнаго войска при Екатеринѣ мы, руководствуясь книгой г. Панчулидзева, надѣемся побесѣдовать въ слѣдующій разъ.

Евгеній Шумигорскій.

КОЛЛЕКЦІЯ НѢМЕЦКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ПУШКИНА.

НАДНЯХЪ библіотека Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ съ глубокою признательностію получила отъ Митрофана Павловича Щепкина въ даръ богатое собраніе нѣмецкой юбилейной о Пушкинѣ литературы и коллекцію нѣмецкихъ переводовъ изъ Пушкина. Юбилейная литература представлена 85-ю вырѣзками изъ нѣмецкихъ, заграничныхъ и выходящихъ въ Россіи газетъ, а переводы собраны въ числѣ 30 томовъ и брошюръ. Щедрый подарокъ М. П. Щепкина облегченъ ему содѣйствіемъ М. О. Гершензона, который собралъ весь указанный матеріалъ отчасти личными трудами, отчасти съ помощью Берлинскаго бюро, учрежденнаго для справокъ и вырѣзокъ изъ газетъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся перечисленіемъ тѣхъ переводовъ твореній Пушкина, которые дополняютъ собою уже ранѣе имѣвшееся въ библіотекѣ Румянцевскаго музея собраніе переводовъ его произведеній. Во избѣжаніе сложныхъ ссылокъ на каталоги Межова, музея Императорскаго лицея и юбилейной Пушкинской выставки въ Румянцевскомъ музеѣ весною 1899 года, въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ обозначать указанія на эти источники буквами М., Л. и Р. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Puschkiniana Межова вышла въ свѣтъ въ 1886 году, и что въ нее не вошли всѣ тѣ нѣмецкіе переводы, которые являлись въ печати послѣ этого срока.

Пушкинскіе переводы, подаренные Румянцевскому музею М. П. Щепкинымъ, частію обозначены годами изданій, а частію не носятъ этихъ годовъ на своихъ обложкахъ. Къ первой категоріи от-

носятся шестнадцать номеровъ, а ко второй—двѣнадцать. Первые по времени переводы относятся къ 1840 году, именно: Роберта Липперта, Э. фонъ О. и Брандейса. Всѣ три перевода указаны у Межова (№ 3257—3259), въ лицейскомъ каталогѣ (№№ 1842—1845) и въ указателѣ Пушкинской выставки Румянцевскаго музея (Р. № 396, 397 и 394). Четвертый переводъ относится къ 1851 году и входитъ въ составъ изданной въ Лейпцигѣ избранной библіотеки иностранныхъ классиковъ, 75-й томъ которой содержитъ въ себѣ произведенія Елены Ганъ и Александра Пушкина. Послѣднему отведено 160 страницъ,занятыхъ краткимъ біографическимъ очеркомъ Пушкина и повѣстью «Капитанская дочка» въ изложеніи и переводѣ Вильгельма Вольфсона. Изданіе это носитъ заглавіе: Русскіе повѣствователи съ біографическо-критическими предисловіями. (Russlands Novellendichter uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen von Wilhelm Wolfsohn. Erster Theil. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1851. Ausgewählte Bibliothek der Classiker des Auslandes. 75-er Band. Helena Hahn und Alexander Puschkin).

Переводы Минцлофа, изданные въ 1854 году въ Берлинѣ (М. 3335, Л. 1869, Р. 4004), замѣчательны лишь предисловіемъ, въ которомъ авторъ, жившій въ Россіи, опредѣляетъ эпоху рожденія и смерти Пушкина годами 1777 и 1836 (?). Къ 1859 году относится переводъ Теодора Опица, появившійся въ собраніи отечественныхъ и заграничныхъ классиковъ, подъ заглавіемъ: стихотворенія Пушкина и А. Лермонтова (М. 3366, Л. 1885). Переводы Боденштедта представлены собраніемъ его сочиненій, изданнымъ въ двухъ томахъ въ 1866 году (М. 3408, Л. 1895, Р. 399). Девять стихотвореній въ переводѣ д-ра Генриха Лудвига Шмидта, вышедшія въ Висбаденѣ въ 1873 году, отмѣчены лишь у Межова подъ № 3448. Слѣдующій по хронологіи (1877) переводъ принадлежитъ Ашарину (М. 3477, Л. 1925, Р. 406). Къ 1880 году относятся два перевода: Фердинанда Лёве (М. 3428, Л. 1901) и Александра Вальде, въ появившемся въ Ригѣ изданіи подъ заглавіемъ: Знаменитѣйшіе поэты Россіи, отъ Ломоносова до настоящаго времени, переведенные въ подлинномъ размѣрѣ (М. 3514, Л. 1943). Точно также два перевода относятся къ 1894 году: Дубровскій, повѣсть А. Пушкина, переводъ Наталіи фонъ Бессель, Бреславль (Dubrovsky,Novelle von A. Puschkin. Uebersetzt von Nathalie von Bessel, Breslau, Schottlaender), и Сѣверные Звуки, Рига (Nordische Klänge, Riga). Оба названные перевода не отмѣчены ни въ лицейскомъ каталогѣ, ни въ статьѣ Драганова о нѣмецкихъ переводахъ Пушкина («Историческій Вѣстникъ», 1899, май). Въ этихъ же источникахъ не указанъ и переводъ Ганса Гершмана, преподавателя реальной гимназіи въ Кенигсбергѣ, появившійся въ этомъ городѣ въ 1895 году подъ заглавіемъ: Русская лирика въ подлинныхъ размѣрахъ (Russische Lyrik in den Versmassen des Originals, übertragen von Hans Gerschman, Oberlehrer am städtlichen Realgymnasium Königsberg

in Preussen. Königsberg. 1895). Также не извѣстенъ въ Пушкинской литературѣ переводъ «Изъ русскихъ поэтовъ» (Пушкина и Лермонтова) Г. Эдварда, вышедшій въ Ревелѣ въ 1898 году (Aus russischen Dichtern (Puschkin und Lermontoff) übertragen in den Originalvermassen von G. Edward, Reval. 1898). Наконецъ къ числу помѣченныхъ годами изданій надо причислить «Мѣднаго всадника» въ переводѣ Алексѣя Лупуса въ лейпцигскомъ и петербургскомъ изданіи 1898 года (Л. 1988, Р. 401).

Изъ изданій безъ годовъ остановимся прежде на тѣхъ, которыя указаны у Межова и въ лицейскомъ каталогѣ. Сюда относятся: переведенные Адольфомъ Зейбертомъ «Евгеній Онѣгинъ» (М. 3451 и 3563, Л. 2005) и «Кавказскій плѣнникъ» (М. 3562, Л. 2002), Фридрихомъ Фидлеромъ «Борисъ Годуновъ» (Л. 2001) и мелкія стихотворенія Пушкина (Л. 2003), Ф. Леве «Борисъ Годуновъ» (М. 3428, Л. 1901) и Вильгельмомъ Лангомъ «Капитанская дочка» (М. 3564, Л. 1952 подъ 1881 годомъ) вмѣстѣ съ другими повѣстями Пушкина, изданными Рекламомъ (М. 3539 подъ 1882 г.).

Къ числу еще неизвѣстныхъ у насъ переводовъ Пушкина слѣдуетъ отнести слѣдующіе: 1) Изданное въ Галлѣ въ литературной библіотекѣ Генделя «Собраніе образцовъ русской поэзіи», составленное Александромъ Черновымъ (Bibliothek der Gesamt-Litteratur des In-und Auslandes, № 277—279; aus Russischen Dichtern, Lyrisches, Episches und Dramatisches, in Deutschen Uebersetzungen gesammelt, und herausgegeben von Alexander Tschernof. Halle. Druck unb Verlag von Otto Hengel). Здѣсь помѣщены стихи Пушкина въ переводахъ Боденштедта, Ашарина, Титца, Опитца, Липперта и Леве. Къ именамъ этихъ уже извѣстныхъ переводчиковъ прибавлено одно, не встрѣчавшееся до сихъ поръ, именно Гулена (Hulen). 2) Двѣ Пушкинскія повѣсти: «Выстрѣлъ» и «Пиковая дама», переведенныя Кларою фонъ Глюмеръ (Claire von Glümer) и помѣщенныя во 2-мъ и 4-мъ томахъ мюнхенскаго изданія Пауля Гейзе и Германа Курца подъ заглавіемъ: Сокровища иностранной повѣствовательной литературы (Novellenschatz des Auslandes, herausgegeben von Paul Heyse und Hermann Kurz, München; 2-ter Band, Ein Schuss, 4-ter Band, Pique Dame). 3) «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Мѣдный всадникъ», переведенные Фридрихомъ Іогансеномъ и, подъ общимъ заглавіемъ: «Поэтическіе разсказы Пушкина», помѣщенные въ книгахъ для народа, издаваемыхъ Мейеромъ въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ (Meyers, Volksbücher, Leipzig und Wien: poetische Erzählungen von A. S. Puschkin. Aus dem Russische von Friedrich Iohansen). Наконецъ, 4) появившіеся въ томъ же изданіи Мейера нѣмецкіе тексты «Скупого рыцаря, «Моцарта и Сальери», «Каменнаго гостя» и «Русалки». Эти драматическія пьесы изложены въ переводѣ уже извѣстнаго намъ Фридриха Фидлера, но, какъ и прочія «Книги для народа» Мейера, неизвѣстны русскимъ библіографамъ пушкинскихъ переводовъ на нѣмецкій языкъ.

Пожертвованныя М. П. Щепкинымъ изданія не исчерпываютъ списка переводовъ Пушкина, намѣченныхъ къ пріобрѣтенію М. О. Гершензономъ, но оказавшихся ему недоступными. Нѣкоторыя изъ desiderata его списка уже имѣются въ Румянцовскомъ музеѣ, именно «Борисъ Годуновъ» Филиппеуса (М. 9557, Л. 1963, Р. 408), «Бахчисарайскій фонтанъ» Вульферта въ изданіи 1826 года (Р. 393). Переводы Титца (М. 3243, Р. 403) и «Евгеній Онѣгинъ» Блументаля (М. 3490, Р. 400); другіе уже извѣстны изъ Межовскаго указателя и лицейскаго каталота, какъ, напримѣръ, «Капитанская дочка» въ переводѣ 1840 года Требста и Сабинина (М. 3260, Л. 1843) и анонимный переводъ «Бориса Годунова» 1853 года (М. 3307, Л. 1866). Но М. О. Гершензонъ внесъ въ свой списокъ еще нѣсколько совершенно неизвѣстныхъ переводовъ Пушкина, а именно, слѣдующіе: 1) «Сѣверное сіяніе» въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ въ 1833 году и содержащее въ себѣ нѣсколько образцовъ новѣйшей русской литературы (Das Nordlicht. Proben der neuen russischen Literatur. Dresden und Leipzig. Arnold'sche Buchhandlung. 1833). 2) Переводъ «Пиковой дамы» М. фонъ Вальдека (имя Вальдека, впрочемъ, упоминается Драгановымъ) 1890 года. (Russische Erzählungen von Alexander Puschkin, Iw. Turhenjew und A., deutsch von M. v. Waldeck. Berlin, Norddeutsches Verlagsinstitut. 1890). Либретто оперы на пушкинскій сюжетъ, составленное по поводу столѣтняго юбилея смерти Моцарта и напечатанное Шмитцдорфомъ въ Петербургѣ и Лейпцигѣ въ 1891 году (Mozart und Salieri. Trauerspiel mit Musik in einem Aufzuge zur 100 jähriger Todesfeier Mozart's nach Puschkin's dramatischen Gedichte frei bearbeitet. S.-Petersburg und Leipzig, 1891, H. Schmitzdorff). 3) «Дубровскій» въ переводѣ Б. Кордта, кажется, библіотекаря Кіевскаго университета св. Владиміра, изданный Рекламомъ (Dubrowsky. Erzählung von Alexander Puschkin. Autorisierte Uebersetzung aus dem Russischen von B. Cordt, Univ. Bibl. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun.).

Въ заключеніе назовемъ упомянутаго М. О. Гершензономъ «Кавказскаго плѣнника» въ переводѣ Вульферта, изданнаго въ 1824 году одновременно съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Изданіе это не отмѣчено въ указателяхъ Межова и лицейскомъ, но оно было выставлено на пушкинской выставкѣ 1880 года въ Петербургѣ (см. каталогъ этой выставки, стр. 37).

Просвѣщенный даръ М. П. Щепкина, помимо обогащенія библіотеки Румянцовскаго музея недостающими ему изданіями, представляетъ собою цѣнный матеріалъ для собранія библіографическихъ свѣдѣній о переводахъ Пушкина на иностранные языки. Поводъ къ такому собранію такъ удобно представляли майскія торжества прошлаго года, но выполненіе этой настоятельной задачи такъ и остается пока вопросомъ будущаго.

М. Веневитиновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Е. И. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. Москва. 1899.

РУССКОЕ общество мало знакомо съ обычнымъ правомъ не только инородцевъ, но даже русскаго крестьянства.

Научная обработка нормъ обычнаго права очень необходима для правильнаго представленія о современномъ ходѣ крестьянской жизни. Поэтому большое спасибо С.-Петербургскому университету за то, что онъ не ограничился благими намѣреніями, а взялся серіозно за разработку русскаго обычнаго права и привлекъ къ ней студенческія силы.

То же самое надо сказать про обычное право инородцевъ, которыхъ, какъ извѣстно, очень много въ Россіи. Особенно важно изученіе обычнаго права сибирскихъ инородцевъ.

Вымираніе послѣднихъ съ каждымъ годомъ увеличивается; всѣ мѣры, принимаемыя для того, чтобы остановить этотъ процессъ, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ, потому что, не говоря уже о случайности ихъ, онѣ часто идутъ въ разрѣзъ съ міросозерцаніемъ инородцевъ. Къ сожалѣнію, у насъ не считается необходимымъ сначала изучить бытъ народа, а потомъ во всеоружіи знанія приходить къ нему на помощь: гораздо легче принимать «благодѣтельныя» мѣры, сидя въ кабинетѣ. Конечно, еслибы у насъ были готовыя серіозныя работы по обычному праву инородцевъ, то можно было бы скорѣе надѣяться, что будутъ правильнѣе относиться къ дѣлу. Но ихъ пока нѣтъ, и нельзя не поблагодарить г. Якушкина, что онъ хоть до извѣстной степени заполняетъ этотъ пробѣлъ своими «Матеріалами для библіографіи обычнаго права». На-

стоящая работа автора уже третья по счету (въ 1875 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ I выпускъ «Обычнаго права», въ 1896 г.—II выпускъ) и содержитъ сочиненія и статьи по обычному праву русскихъ инородцевъ, появившіяся въ печати съ 1875 по 1890 г.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ крупныхъ промаховъ указанной книги. Во-первыхъ, мы не понимаемъ, чѣмъ руководствовался авторъ, принимая тотъ, а не другой порядокъ размѣщенія. Почему, напримѣръ, трапезондскіе греки попали между латышами и нѣмцами, почему авторъ началъ свою работу съ указанія статьи о болгарахъ, а затѣмъ перешелъ къ библіографіи о литовскомъ племени, на какомъ основаніи указанія на библіографію о нѣмцахъ поставлены раньше указанія на таковую же о евреяхъ и такъ далѣе? Если авторъ не хотѣлъ принять этнографическій алфавитный порядокъ, то почему? Г. Якушкинъ не объяснилъ, какого порядка онъ держится. Все это вопросы очень важные въ подобной работѣ. Далѣе, чѣмъ руководился авторъ, прерывая перечень работъ о киргизахъ вставкой статей о кара-киргизахъ, тоже о грузинахъ и другихъ?

Подобныхъ вопросовъ можно было бы много поставить г. Якушкину. Чтобы не затягивать рецензію, я укажу только на одинъ его промахъ. Въ этнографическомъ указателѣ читаемъ: армяне—618 и такъ далѣе. Ищете 618 №, находите и читаете: «Извлеченіе изъ письма о кавказскихъ горцахъ. В—въ, Молва 1834, 9. Управленіе: старшина, избираемый обществомъ; совѣщаніе всѣхъ совершеннолѣтнихъ, опредѣляющее мѣру наказанія виновнаго, рѣшающее тяжбы и опредѣляющее условія для ополченія противъ враждебнаго племени. Наказаніе воровства потерею голоса въ совѣщаніи или изгнаніемъ изъ общества. Смертная казнь за смертоубійство. Кровомщеніе, стр. 131». Дословная выписка. Но что же говорится объ армянахъ? спроситъ читатель. Неизвѣстно. Въ библіографіи подобная ошибка—крупный недостатокъ.

Свои промахи по порядку размѣщенія статей г. Якушкинъ заглаживаетъ прекраснымъ систематическимъ указателемъ, благодаря которому изслѣдователь легко можетъ найти всю библіографію по интересующему его вопросу, напримѣръ, о кровной мести.

Еще одно замѣчаніе. Можно ли въ общую массу инородцевъ помѣщать туземцевъ, напримѣръ, литовцевъ и переселенцевъ, хотя бы нѣмцевъ-колонистовъ?

Намъ кажется, что это не совсѣмъ удобно. Г. Якушкинъ желаетъ дать перечень сочиненій объ обычномъ правѣ **русскихъ** инородцевъ. Но можно ли считать нѣмцевъ **русскими** инородцами?—другими словами, обычное право **русскихъ** инородцевъ сложилось подъ вліяніемъ географическихъ, экономическихъ, политическихъ и многихъ другихъ условій, существовавшихъ на территоріи Россіи, а таково ли обычное право нѣмцевъ? Мы знаемъ, что нѣмцы очень мало поддаются руссификаціи, что они живутъ, благодаря разнымъ вольностямъ, дарованнымъ имъ нѣкогда, своей **нѣмецкой** жизнью... Поэтому будутъ ли они такими же руссими инородцами, какъ, напримѣръ, самоѣды? Очень сомнительно.

Галланинъ.

Записки Дмитрія Николаевича Свербеева (1799—1826). Томы I и II. Москва. 1899.

Имя Дм. Ник. Свербеева тѣсно связано съ исторіей общественно-литературнаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Пользуясь симпатіей и уваженіемъ, какъ со стороны западниковъ, такъ и славянофиловъ, онъ сумѣлъ тѣхъ и другихъ объединить въ своемъ домѣ, гдѣ дебатировались самые насущные общественные вопросы русской жизни, обсужденіе большей части которыхъ немыслимо было тогда въ нашей печати. Какъ писатель, онъ извѣстенъ нѣсколькими статьями, напечатанными въ семидесятыхъ годахъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русскомъ Архивѣ», изъ которыхъ статьи о Герценѣ, Чаадаевѣ и братьяхъ Тургеневыхъ (А. И. и Н. И.) занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ небогатой у насъ литературѣ объ этихъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ русской культуры.

Записки Свербеева даютъ много матеріала, какъ для характеристики ихъ автора, такъ и для характеристики той среды, въ которой онъ вращался. Главнымъ образомъ онѣ охватываютъ время отъ 1799 до 1826 года, но представляютъ много данныхъ также и для характеристики XVIII вѣка и второй четверти XIX.

Дм. Ник. родился въ 1799 г., въ «грозное царствованіе Павла». Подъ вліяніемъ отца онъ много читалъ по-русски, начиная отъ Ломоносова и исторіи Татищева и кончая моднымъ въ то время Карамзинымъ. Интересовался онъ также запрещенными массонскими сочиненіями, которыя тайно отъ отца бралъ изъ его библіотеки. Въ 1814 году Свербеевъ поступилъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса Свербеевъ опредѣлился на службу въ комиссію прошеній, которая одно время находилась въ Москвѣ, а затѣмъ переведена была въ Петербургъ. Служебныя, родственныя связи и связи по университету дали ему возможность ознакомиться съ обѣими столицами и отчасти съ провинціей. Въ разныхъ мѣстахъ записокъ разсѣяно немало характерныхъ чертъ изъ жизни нашего общества первой, а иногда второй четверти XIX вѣка. Довольно искусно также нарисованъ Свербеевымъ цѣлый рядъ типичныхъ лицъ, между которыми встрѣчаются люди, извѣстные въ свое время или впослѣдствіи. Наконецъ, въ запискахъ есть важные матеріалы, касающіеся нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей. Свербеевъ близко зналъ поэта Языкова, рано умершаго славянофила Валуева, Хомякова, Аб. С. Норова, Чаадаева; встрѣчалъ Шмакова, Гнѣдича, Крылова и другихъ. Служба въ жизни Свербеева имѣла то значеніе, что она познакомила его съ испорченной тогдашней нашей администраціей, но удовлетворить его она не могла. Въ 1821 г. онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу съ цѣлью закончить свое образованіе.

Въ Парижѣ слушалъ онъ Лакретелля, Дону, Рейя и сильно увлекался лекціями Гизо. Подъ руководствомъ послѣдняго русскій путешественникъ изучилъ политическое положеніе Франціи и развитіе ея представительнаго правленія. Въ Швейцаріи Свербеевъ встрѣтился съ Лагарпомъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе, а потому онъ долго останавливается на характеристикѣ педагогической и политической дѣятельности знаменитаго воспитателя Александра I. Пребываніе за границей Свербееву очень понравилось, и онъ рѣшился

было на долгое время остаться тамъ, но его потянуло домой посмотрѣть, какъ живутъ его крестьяне. Участь послѣднихъ сильно интересовала Свербеева. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ воспоминаній онъ не разъ возвращается къ этому вопросу. Даже свои записки, по его заявленію въ одномъ мѣстѣ, началъ писать онъ отчасти для того, чтобы представить безпристрастный историческій очеркъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ за послѣднее пятидесятилѣтіе передъ освобожденіемъ. Къ крѣпостному праву Свербеевъ относился отрицательно не только потому, что основы его шли въ разрѣзъ съ его собственными нравственными воззрѣніями, но и въ силу практическихъ соображеній: какъ умный и непосредственно знакомый съ жизнью человѣкъ, онъ не могъ не замѣтить превосходства свободнаго труда передъ подневольнымъ, при которомъ часто пропадало безполезно много и силъ и времени. Въ запискахъ заключается богатый матеріалъ для исторіи нашего крѣпостничества въ XIX вѣкѣ—цѣнный потому, что авторъ записокъ, какъ и вездѣ, во взглядахъ на крестьянскій вопросъ оставался только умѣреннымъ человѣкомъ, а потому и безпристрастнымъ наблюдателемъ. Въ 1823 году Свербеевъ поступилъ вновь на службу, на этотъ разъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Его причислили къ русскому посольству въ Швейцаріи, представителемъ котораго былъ въ то время Крюднеръ, сынъ знаменитой баронессы, извѣстной своими мистическими подвигами. 1825-й годъ Свербеевъ прожилъ за границей. До него смутно доходили вѣсти о томъ, что дѣлалось въ Россіи. Въ 1826 году Свербеевъ былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ.

Смерть помѣшала Свербееву продолжать записки, которыя онъ довелъ до 1826 года. Самый интересный періодъ его жизни, когда онъ вращался среди лучшихъ людей интеллигентной Россіи, остается для насъ, такимъ образомъ, неизвѣстнымъ. До нѣкоторой степени заполняютъ этотъ пробѣлъ упомянутые выше литературные труды автора записокъ, какъ приложенія, напечатанныя вмѣстѣ съ ними. Желательно, чтобы издана была переписка Свербеева, о которой упоминается въ предисловіи къ запискамъ.

Жаль, что при нихъ не имѣется ни алфавитнаго указателя, ни оглавленія, при посредствѣ которыхъ легче можно было бы разбираться въ богатомъ матеріалѣ, доступномъ по своему изложенію не однимъ только спеціалистамъ.

О. П.

Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи, подъ редакціею генералъ-майора Потто. Тифлисъ. 1899.

Изданіе роскошное, юбилейное. Оно пріурочено къ столѣтію занятія Тифлиса русскими войсками 26 ноября 1799 г.

«Историческій очеркъ» описываетъ сношенія русскихъ съ народами Кавказа съ самыхъ отдаленныхъ временъ, при чемъ отмѣчаетъ переселеніе въ 1520—1530 гг. казаковъ съ рязанской украйны на Терекъ.

Довольно подробно описывается походъ Петра Великаго въ 1722 г. къ берегамъ Каспія. 22 августа наибъ и знатнѣйшіе жители Дербента, павъ на

колѣна, поднесли Петру серебряный ключъ. «Городъ, говорилъ наибъ, основанный великимъ Александромъ Македонскимъ, считаетъ справедливымъ сдаться другому великому монарху». Петръ цѣлую недѣлю прожилъ въ Дербентѣ. Въ нынѣшнемъ комендантскомъ домѣ долго сохранялось окно, пробитое саморучно Петромъ, съ видомъ на море и городъ; однако, однимъ изъ начальниковъ города, въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, это окно, нарушавшее по мнѣнію эстетика симметрію, было задѣлано.

Ближайшіе преемники Петра не сочли возможнымъ продолжать великое дѣло, намѣченное царемъ на Кавказѣ, и отказались отъ всѣхъ завоеваній, но ходъ событій все-таки потянулъ сюда русскихъ,—военныя дѣйствія на Кавказѣ приняли значительные размѣры при Екатеринѣ II, во время турецкихъ войнъ, и отмѣчены многими поразительными подвигами.

Наиболѣе интересное мѣсто въ книгѣ составляетъ разсказъ о походѣ въ Грузію и Имеретію графа Тотлебена, составленный по первоисточникамъ. Здѣсь мы знакомимся съ фактами, изумительными по ихъ нелѣпости; просто надо удивляться, что при подобномъ отношеніи къ дѣлу мы все-таки продвинулись на Кавказъ и обезпечили себѣ успѣхъ.

Трактатомъ 24 іюля 1783 г. Грузія, изнемогавшая въ борьбѣ съ Персіей, признала покровительство Россіи, а Екатерина II ручалась за сохраненіе цѣлости владѣній Ираклія и преемственности престола въ его домѣ. Однако бѣдствія Грузіи не прекратились. Властитель Персіи Ага-Магометъ-ханъ постоянно угрожалъ вторженіемъ въ Грузію. Особенно опустошительно было его нашествіе въ 1795 г., когда онъ даже разрушилъ Тифлисъ.

Манифестъ о присоединеніи Грузіи подписанъ Павломъ I въ Петербургѣ, 18-го декабря 1800 г., а 28 декабря скончался въ Тифлисѣ Георгій XII, здоровье котораго было уже давно подточено. Династія Багратидовъ, считавшая за собой цѣлое тысячелѣтіе, перестала царствовать, а въ исторіи грузинскаго народа началась новая эпоха процвѣтанія подъ непосредственной властью Россіи.

Книга снабжена множествомъ превосходно исполненныхъ снимковъ съ картинъ и портретовъ, хранящихся въ Тифлисскомъ музеѣ; кромѣ того, приложены весьма полезные указатели личныхъ именъ и географическихъ названій. Особенно же важны и просто драгоцѣнны карты Кавказа, совершенно необходимыя при изученіи весьма сложной исторіи военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Карты—это единственно научная часть всего сочиненія, ибо, несмотря на то, что книга составляетъ изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа, она представляетъ только весьма интересный разсказъ. Разработка предмета весьма поверхностная, безъ достаточной системы, довольно мозаичная и безъ ссылокъ на источники. Въ примѣчаніяхъ къ нѣкоторымъ главамъ сказано, что нѣкоторыя свѣдѣнія заимствованы изъ архивныхъ документовъ, но какія именно и изъ какихъ документовъ, не сказано; поэтому будущему историку придется начинать работу сызнова; цитатъ изъ документовъ тоже очень мало. Литература предмета исчерпана совсѣмъ слабо, а между тѣмъ она обширна. Подъ редакціей генералъ-майора Потто работали 3 офицера, компетенція которыхъ намъ неизвѣстна, ибо мы не читали ихъ историческихъ

трудовъ; но не видно и руки редактора, ибо работа въ разныхъ частяхъ весьма разнообразна, какъ относительно манеры излагать, такъ относительно подробностей и отношенія къ источникамъ. Жаль, что въ предисловіи г. Потто не указалъ, кто именно какую работу исполнялъ, такъ какъ теперь упреки въ разнообразныхъ недостаткахъ трудно отнести къ кому либо изъ составителей. Мѣстами разсказъ запутанъ, неясенъ и весьма не полонъ. Особенно важный упрекъ приходится сдѣлать относительно изложенія военныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе существа самаго заглавія книги, мы не ожидали обстоятельнаго изложенія событій съ точки зрѣнія политики,—его и нѣтъ; но мы разсчитывали на серіозное изложеніе военной стороны. Между тѣмъ въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшей попытки разобрать факты съ точки зрѣнія стратегической, тактической или военно-административной; въ изложеніи фактовъ нѣтъ и матеріала для подобныхъ сужденій; факты подобраны и разсказаны такъ, какъ будто объ этихъ точкахъ зрѣнія даже не думали. Нельзя предполагать, чтобы г. Потто подобралъ себѣ сотрудниковъ, не подготовленныхъ въ этомъ отношеніи; нѣтъ, надо думать, что вслѣдствіе спѣшности изготовленія сочиненія къ опредѣленному сроку, къ юбилею, пришлось собрать кое-что готовое, надъ чѣмъ не приходилось бы много и долго трудиться. Впрочемъ, вѣдь юбилей придуманъ нѣсколько искусственно. **Професооръ Н. Орловъ.**

Русскіе портреты собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Выпускъ первый. Съ 32 фототипическими снимками. М. 1900.

П. И. Щукинъ собралъ въ Москвѣ замѣчательный музей старинныхъ русскихъ вещей, портретовъ историческихъ лицъ и документовъ изъ частныхъ архивовъ. Почтенный собиратель не только охотно разрѣшаетъ желающимъ осматривать свое собраніе, помѣщающееся въ особо выстроенномъ для него зданіи, при чемъ даетъ посѣтителямъ необходимыя объясненія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, издаетъ, хотя, къ сожалѣнію, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не для продажи, описаніе собранныхъ имъ рѣдкостей. Имъ уже напечатаны два тома описанія музея и девять томовъ разнообразныхъ документовъ, обнимающихъ время отъ XVI вѣка до послѣднихъ дней. Теперь г. Щукинъ издалъ первый выпускъ «Русскихъ портретовъ собранія П. И. Щукина», въ который вошли прекрасно исполненные фототипическіе снимки съ 32 портретовъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Каждый изъ нихъ сопровождается краткимъ описаніемъ его внѣшности, то-есть размѣровъ, способа художественнаго произведенія (масляными красками, пастелью, водяными красками и т. п.), костюма избраннаго лица и другихъ подробностей. Нѣкоторые изъ портретовъ представляютъ большой интересъ. Мы перечислимъ наиболѣе любопытные. 1) Поясной портретъ императрицы Екатерины II, писанный масляными красками, на которомъ императрица изображена въ русскомъ нарядѣ, въ свѣтло-розовомъ сарафанѣ, вышитомъ золотыми и серебряными цвѣтами, въ серебряномъ кокошникѣ, украшенномъ разноцвѣтными каменьями и жемчугомъ, съ серебряной фатой; на шеѣ жемчужное ожерелье, въ ушахъ бриллiантовыя

серьги; въ правой рукѣ черная маска, указывающая, что этотъ костюмъ маскарадный. 2) Портретъ императора Павла, вырѣзанный изъ моржевой кости, замѣчательный, какъ по сходству, такъ и по необычайной тонкости работы. 3) Превосходный портретъ масляными красками императрицы Маріи Ѳеодоровны въ ея молодые годы, отличающійся отъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ ея изображеній и вполнѣ совпадающій съ описаніемъ ея наружности близкаго къ ней лица, графини Шуазель-Гуфье. 4) Портретъ императора Николая Павловича, писанный на бумагѣ водяными красками; государь изображенъ во весь ростъ, на охотѣ, въ сюртукѣ и фуражкѣ, съ ружьемъ въ лѣвой рукѣ и съ ягташемъ, надѣтымъ черезъ правое плечо; на второмъ планѣ нарисованъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ кадетскомъ платьѣ, приложившійся, чтобы стрѣлять. 5) Картина масляными красками, изображающая графа Орлова-Чесменскаго у постели его больной дочери, Анны Алексѣевны молодая графиня лежитъ въ постели, около которой столикъ и на немъ чайная чашка, стаканъ съ водой, ложка, банка и склянка съ рецептомъ. 6) Неизвѣстный до сихъ поръ портретъ, масляными красками, откупщика и богача Екатерининской и Александровской эпохи, Василія Алексѣевича Злобина. Вообще, изданіе г. Щукина составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу довольно бѣдную иконографію, и онъ окажетъ большую услугу всѣмъ, занимающимся русской исторіей, продолжая знакомить ихъ съ своимъ собраніемъ.

О. Ш.

Высочайше утвержденная Рязанская ученая архивная комиссія. Обозрѣніе пятнадцатилѣтней дѣятельности комиссіи. Составилъ Ив. Проходцевъ. Рязань. 1899.

Настоящее «Обозрѣніе» производитъ въ высокой степени отрадное впечатлѣніе; оно убѣждаетъ насъ, что наша провинція сильна и богата серіозными и безкорыстными научными тружениками, широко жертвующими свой трудъ, время и даже деньги, лишь бы внести отъ себя хотя малую лепту въ общую сокровищницу знаній о нашемъ обширномъ отечествѣ.

13 апрѣля 1884 г. было высочайше утверждено «Положеніе» объ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ, а 15 іюня того же года была открыта таковая комиссія въ Рязани и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности значительно расширила задачи, возложенныя на нее «Положеніемъ». Согласно послѣднему, члены комиссіи за истекшее пятнадцатилѣтіе больше всего сдѣлали въ области археографіи. Ими просмотрѣны архивы: губернскаго правленія, окружнаго суда, казенной палаты и мн. др.; разобрано въ нихъ свыше 155.000 дѣлъ и къ храненію отобрано въ историческій архивъ около 14.000 дѣлъ. Всего въ настоящее время собрано въ этомъ архивѣ и описано членами комиссіи свыше 16.000 дѣлъ, 50.000 указовъ воеводской канцеляріи и около 5.000 разныхъ грамотъ, книгъ, описей, документовъ семейныхъ архивовъ, монастырскихъ и другихъ, что, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ Рязанскій историческій архивъ довольно богатымъ источникомъ для всесторонняго обозрѣнія исторіи этого края.

Несмотря на то, что высочайше утвержденнымъ положеніемъ 1884 г.

археологическимъ занятіямъ комиссій отводилось далеко второстепенное мѣсто и значеніе, Рязанская комиссія признала и ихъ столь же необходимыми, какъ и первыя (археографическія). «Разысканія», говоритъ г. Проходцевъ, «памятниковъ быта и культуры древнѣйшаго мѣстнаго населенія, раскопки городищъ, валовъ, кургановъ, могильниковъ и всякія другія изслѣдованія погребальной древности насельниковъ Рязанскаго края составляютъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей комиссіи» (стр. 48). Результатомъ этихъ усиленныхъ работъ членовъ комиссіи явился «Рязанскій музей», составляющій «главное богатство комиссіи, гордость Рязани» (стр. 86). Въ немъ еще по отчету 1892 г. было свыше 11.000 разныхъ предметовъ, изъ которыхъ больше всего древностей первобытной культуры и монетъ; а такъ какъ онъ съ каждымъ годомъ растетъ все болѣе и болѣе, то для настоящаго 1899 г. эту цифру слѣдуетъ увеличить, по крайней мѣрѣ, на 4—5 тысячъ. Будучи открытымъ для публики, музей въ то же время является и значительною образовательною силою для большинства мѣстнаго населенія.

На ряду съ этимъ члены комиссіи проявили свою дѣятельность по сохраненію памятниковъ древности, по составленію библіотеки (въ ней къ 1 января 1899 года насчитывалось 8.495 экземпляровъ) и по изданію своего органа «Труды». Сначала эти «Труды» выходили въ видѣ журналовъ засѣданій съ приложенными къ нимъ матеріалами, затѣмъ (съ 1888 г.) въ видѣ ежемѣсячнаго изданія и наконецъ (съ 1894 г.) выпусками (3 или 4 въ годъ). Всего за пятнадцатилѣтіе въ «Трудахъ» комиссіи участвовало 83 автора и помѣщено до 400 историческихъ изслѣдованій, рефератовъ, статей, разнаго рода замѣтокъ, древнихъ актовъ, грамотъ, писемъ и проч. документовъ, болѣе или менѣе имѣющихъ историческое значеніе. Намъ не разъ уже приходилось отмѣчать важное значеніе изслѣдованій и матеріаловъ, помѣщаемыхъ въ разныхъ выпускахъ «Трудовъ», а потому здѣсь мы не будемъ касаться этого вопроса, и въ заключеніе остановимся на средствахъ комиссіи, какими она располагала въ теченіе всего пятнадцатилѣтняго періода своей дѣятельности.

Всего въ приходѣ съ 1884 по 1899 г. было 17.212 рублей, которые составились изъ членскихъ взносовъ—3.875 рублей 95 копеекъ, частныхъ пожертвованій — 7.106 рублей, пособій губернскаго и уѣздныхъ земствъ — 4.625 рублей и др. Большая часть этихъ денегъ пошла на канцелярскіе расходы, наемъ писца и сторожа—3.660 рублей (по 244 рубля въ годъ); затѣмъ въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ было израсходовано на изданіе «Трудовъ» комиссіи — 3.348 рублей [1]) и на производство археологическихъ раскопокъ и пріобрѣтеніе древностей—3.340 рублей, и наконецъ на устройство и содержаніе помѣщенія для комиссіи, музея, историческаго архива, шкафовъ, мебели и отопленіе — 2.994 рубля. Эти главныя статьи расхода и поглотили почти всѣ поступавшія въ комиссію суммы. Несмотря на столь ничтожныя средства Рязанской архивной комиссіи, дѣятельность ея является наиболѣе

[1]) Но при этомъ 1.493 рубля употреблены были на изданіе «Актовъ Рязанскаго края» и сборника «Писцовыхъ книгъ», напечатанныхъ подъ редакціею В. Н. Сторожева.

оживленной и плодотворной, заслуживающей со стороны всѣхъ хотя нѣсколько интересующихся родною стариною глубокаго уваженія и вниманія. Въ виду того, что дѣятельность какъ Рязанской, такъ и другихъ архивныхъ комиссій, основывается, главнымъ образомъ на архивахъ и архивныхъ данныхъ, мы думаемъ, что онѣ должны принять наибольшее участіе и въ предстоящемъ новомъ устройствѣ нашихъ губернскихъ архивовъ и ихъ веденіи, а не быть только зрителями или слабыми помощниками, какъ того хочетъ въ своемъ централизаціонномъ проектѣ» Д. Я. Самоквасовъ. **В. Рудаковъ.**

Александръ Аннинскій. Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса. 1899.

Въ виду важности для исторической науки новыхъ источниковъ вообще, необходимо установить правильный взглядъ на древнихъ армянскихъ историковъ и опредѣлить научное достоинство ихъ произведеній. Эту задачу и взялъ на себя г. Аннинскій. Въ разсматриваемой книгѣ онъ обозрѣваетъ существующія въ наукѣ мнѣнія, относительно тѣхъ армянскихъ историковъ, которые изображаютъ древнюю исторію Арменіи, иныя изъ этихъ научныхъ мнѣній исправляетъ, а другія дополняетъ, характеризуетъ личность этихъ историковъ, говоритъ о времени ихъ жизни, особенностяхъ произведеній и о степени исторической достовѣрности ихъ свидѣтельствъ. Книга состоитъ изъ предисловія (стр. 1—4) и пятнадцати главъ изслѣдованія.

Въ частности, въ главѣ первой (стр. 4—15) указываются древніе армянскіе историки въ общепринятомъ порядкѣ, и дѣлается общій очеркъ содержанія ихъ историческихъ трудовъ и краткая характеристика и высказываются преобладающіе взгляды на ихъ труды.

Самымъ древнимъ своихъ историкомъ армяне считаютъ Маръ-Аббаса Катину, родомъ сирійца, написавшаго во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова исторію Арменіи отъ самыхъ древнихъ временъ до царя Вачаршака; трудъ Маръ-Аббаса не сохранился до нашего времени, но въ «Исторіи Арменіи» Моисея Хоренскаго ученые указываютъ 34 главы, взятыя изъ исторіи Маръ-Аббаса. Въ виду легендарнаго характера этихъ отрывковъ, они не имѣютъ почти никакой научной цѣнности.

Вторымъ, по времени, армянскимъ историкомъ считаютъ почему-то сирійца Лабубну, автора «Исторіи Авгаря и проповѣди св. апостола Ѳаддея», гдѣ разсказывается о сношеніяхъ эдесскаго царя Авгаря съ Іисусомъ Христомъ, и приводятся письма перваго къ царю ассирійскому Нерзеху и императору римскому Тиверію о Христѣ, повѣствуется о проповѣди апостола Ѳаддея въ Эдессѣ и обращеніи эдессянъ въ христіанство и т. п. Но этотъ трудъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ Арменіи ни по національности автора, ни по предмету своего содержанія, а потому Лабубна не долженъ считаться въ ряду армянскихъ историковъ.

Слѣдующимъ армянскимъ историкомъ считаютъ Агаѳангела, написавшаго «Исторію царствованія Тиридата и проповѣди св. Григорія Просвѣтителя». Объ Агаѳангелѣ утвердилось общее мнѣніе, что онъ—писатель начала IV вѣка,

былъ секретаремъ армянскаго царя Тиридата III (302—344 г.) и современникомъ обращенія армянъ въ христіанство св. Григоріемъ Просвѣтителемъ. Въ своей исторіи онъ разсказываетъ о паденіи династіи аршакидовъ въ Персіи, о борьбѣ съ Арташиромъ Сассанидомъ армянскаго царя Хозроя, о завоеваніи Арменіи персами и объ освобожденіи ея сыномъ Хозроя Тиридатомъ, а главнымъ образомъ о просвѣщеніи Арменіи свѣтомъ христіанства ея первымъ апостоломъ св. Григоріемъ Просвѣтителемъ, впослѣдствіи армянскимъ католикосомъ (319—334 г.). Но «Исторія Арменіи» Агаѳангела совсѣмъ не оправдываетъ претензій автора на титулъ современника описываемыхъ событій, такъ какъ во многихъ случаяхъ походитъ на сказку, а не на исторію; значеніе ея сокращается до minimum'а и даже совершенно утрачивается, если согласиться съ взглядомъ ученаго Ланглуа, что существующій текстъ «Исторіи» Агаѳангела есть полная передѣлка первоначальнаго ея текста, исполненная очень рано и совершенно извратившая оригинальный трудъ Тиридатова секретаря.

Слѣдующимъ, послѣ Агаѳангела, армянскимъ историкомъ считается епископъ Зенобъ Глакъ, написавшій «Исторію Таронской области».

Послѣ Зеноба въ ряду армянскихъ историковъ обыкновенно ставятъ Фавста Византійскаго, который въ своемъ трудѣ продолжаетъ «Исторію» Агаѳангела и доходитъ до конца IV вѣка.

Пятымъ армянскимъ историкомъ приходится считать Моисея Хоренскаго, который пользуется у армянъ исключительнымъ авторитетомъ и называется отцемъ армянской исторіи, армянскимъ Геродотомъ и Тацитомъ. Моисей жилъ въ V вѣкѣ, въ золотой періодъ армянской литературы, получилъ прекрасное образованіе и, по всѣмъ правиламъ современной науки, написалъ исторію армянскаго народа отъ самаго его происхожденія до половины V вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Трудъ Моисея до половины текущаго столѣтія признавался весьма цѣннымъ и авторитетнымъ, а его свидѣтельства вполнѣ вѣрными. Но въ 1838 году на историческомъ конгрессѣ въ Парижѣ Ледіеръ возсталъ противъ поклоненія авторитету Моисея, а за нимъ потомъ послѣдовали—Пишаръ (1866 г.), Гутшмидтъ (1889—1894 г.) и Каріеръ (1893 г.), которые ниспровергли въ своихъ трудахъ авторитетъ Моисея Хоренскаго, какъ историка, и лишили его добраго имени, какъ писателя, обличивъ его въ плагіатѣ. Впечатлѣніе отъ этихъ разоблаченій еще не изглажено, и новая точка зрѣнія на Моисея, повидимому, готова стать господствующей.

Значеніе перечисленныхъ пяти армянскихъ историковъ, какъ историческихъ источниковъ, въ настоящее время подвергнуто большому сомнѣнію и почти совсѣмъ отрицается, какъ это и показано г. Аннинскимъ въ первой главѣ его книги. Въ слѣдующихъ главахъ онъ и оцѣниваетъ приведенные научные взгляды на армянскихъ историковъ и высказываетъ о нихъ свои сужденія. Во второй главѣ (стр. 15—20) дѣлается разборъ обвиненій противъ Моисея Хоренскаго и опредѣляется время его жизни и написанія исторіи Арменіи. Въ слѣдующихъ семи главахъ (III—IX) производится детальный обзоръ «Исторіи» Агаѳангела и разборъ направленныхъ противъ ея значенія возраженій (стр. 20—79), при чемъ авторъ старается выдѣлить свидѣтельства историческія изъ элементовъ позднѣйшихъ и легендарныхъ, привнесенныхъ въ эту

«Исторію» извнѣ. Въ главахъ десятой и одиннадцатой (стр. 79—96) оцѣнивается трудъ Зеноба Глаки и указывается нѣкоторое его значеніе для исторической науки. Такое же значеніе признается г. Аннинскимъ и за «Исторіей» Фавста Византійскаго, о которой онъ ведетъ рѣчь въ двѣнадцатой главѣ своей книги (стр. 96—108). Въ главѣ тринадцатой (стр. 108 — 125) устанавливается армянская хронологія III—V вѣковъ, при чемъ авторъ основывается главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ Фавста Византійскаго. Въ главѣ четырнадцатой (стр. 125—131) говорится о книгѣ Маръ-Аббаса Катины, о времени ея происхожденія и значеніи. Наконецъ, глава пятнадцатая (стр. 131 — 133) содержитъ нѣсколько замѣчаній о Моисеѣ Херенскомъ и о значеніи его «Исторіи», какъ научнаго источника. Въ приложеніи къ книгѣ г. Аннинскаго помѣщена хронологія армянскихъ царей III—V вѣковъ, армянскихъ католикосовъ и персидскихъ царей.

Въ книгѣ г. Аннинскаго предложенъ обстоятельный обзоръ трудовъ древнихъ армянскихъ историковъ и подробно уясняется ихъ научно-историческое значеніе. Работа русскаго автора является далеко не лишней въ нашей небогатой количественно и качественно литературѣ по исторіи Арменіи. Σ.

Льюисъ Г. Морганъ. Первобытное общество. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900.

Морганъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди соціологовъ и этнологовъ, его сравниваютъ съ Дарвиномъ. Лыбопытна біографія замѣчательнаго американскаго ученаго. Онъ такъ увлекался соціологическими вопросами и въ особенности изученіемъ племенъ индійцевъ, что еще въ ранней молодости вступилъ въ тайное общество подъ названіемъ «Великій орденъ ирокезовъ». Это общество состояло изъ бѣлыхъ, а такъ же изъ образованныхъ краснокожихъ. Общество ставило себѣ задачей не только сохранить обычаи и нравы индійцевъ, но дать возможность туземцамъ свободно развиваться, благодаря американской цивилизаціи. Морганъ, увлекшись дѣятельностью этого общества, поселился среди ирокезовъ и даже былъ «усыновленъ» однимъ изъ племенъ.

Скоро общество распалось, а съ 1846 года стали появляться замѣчательныя статьи Моргана о краснокожихъ, въ которыхъ Морганъ обратилъ особенное вниманіе на своеобразную систему обозначенія родства у ирокезовъ. Съ 1855 года до конца 60-хъ годовъ Морганъ каждое лѣто проводилъ на берегу Верхняго озера, наблюдая и изучая нравы бобровъ.

Капитальный его трудъ «Древнее общество» появился въ 1877 году, но это былъ результатъ многолѣтнихъ трудовъ. Еще въ 1858 году, живя въ Мичиганѣ, Морганъ пришелъ къ тому выводу, что племя оджибвеевъ имѣло тѣ же самыя формы родовой организаціи, какія онъ нашелъ у ирокезовъ. Это поразило Моргана, онъ ознакомился съ множествомъ племенъ краснокожихъ, выработалъ систему вопросовъ относительно степеней родства у краснокожихъ и, разославъ бланки съ вопросами, привлекъ къ своимъ изслѣдованіямъ «Смитсо-

новскій институтъ», черезъ который велась грандіозная корреспонденція со всѣмъ земнымъ шаромъ. Отправныя положенія теоріи Моргана, благодаря изученію подробностей общественнаго и политическаго строя ирокезовъ, знакомству съ ихъ семейной организаціей, экономическимъ бытомъ, религіозными представленіями и пр., имѣютъ глубокое основаніе.

Сочиненіе Моргана «Древнее общество» распадается на четыре части, въ первой изъ нихъ доказывается та мысль, что основу развитія человѣческаго рода составляютъ открытія и изобрѣтенія, при чемъ подъ ними Морганъ понимаетъ развитіе матеріальныхъ отношеній. Въ ихъ послѣдовательной зависимости изобрѣтенія и открытія образуютъ непрерывный рядъ по пути человѣчества. Вмѣстѣ съ общественными учрежденіями они воссоздаютъ передъ нами картину прошедшей культуры. Морганъ, далѣе, разсматриваетъ параллельно съ матеріальнымъ прогрессомъ постепенное развитіе трехъ группъ идей: идеи правительства, идеи семьи и идеи собственности.

Вторая часть, названная «Развитіе общественнаго строя», даетъ замѣчательно цѣнное, можетъ быть, нѣсколько смѣлое, изслѣдованіе развитія идеи правительства. Ростъ этой идеи прослѣженъ Морганомъ, начиная съ древнѣйшей организаціи австралійцевъ, затѣмъ организаціи ирокезовъ и другихъ племенъ, при чемъ Морганъ дѣлаетъ остроумныя, хотя и не всегда выдержанныя, сближенія, страдающія педантизмомъ и натяжкой, между развитіемъ въ Греціи, Римѣ и у краснокожихъ общественно-политическихъ учрежденій. «Строй греческихъ племенъ передъ ихъ вступленіемъ въ цивилизацію», говоритъ онъ, «заключалъ въ себѣ совершенно такой же рядъ органическихъ формъ» (стр. 65), что и общественное устройство американскихъ туземцевъ. Морганъ впервые показалъ въ наукѣ, что племенная организація ирокезовъ не основывалась на разростаніи потомковъ, происходящихъ отъ одного общаго отца. Родословная, какъ доказалъ онъ, всегда велась по женской линіи, такъ же какъ и наслѣдованіе обыкновенно происходило такъ же по женской линіи.

Называя умѣренной олигархіей политическую организацію ирокезовъ, онъ сближаетъ ея развитіе съ развитіемъ политическихъ учрежденій въ древней Греціи. Родъ, фратрія, племя и нація грековъ передъ временемъ Ликурга и Солона встрѣчаются, по мнѣнію Моргана, почти повсемѣстно въ первобытномъ обществѣ и появляются частью уже въ дикомъ состояніи, а на низшей, средней и высшей ступеняхъ варварства достигаютъ полнаго развитія. Греческая общественная система представляла изъ себя, какъ разсуждаетъ Морганъ, родовое общество, а не политическое. Совѣтъ, агора и базилевсъ родовъ являются зародышами сената, народнаго представительнаго собранія и высшей исполнительной власти (король, императоръ или президентъ) современнаго политическаго общества. «Человѣческій умъ, по существу, одинаковъ у всѣхъ личностей всѣхъ племенъ и народовъ, силы его проявляются только опредѣленнымъ образомъ, и съ ничтожными лишь уклоненіями онъ дѣйствуетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Результаты его дѣятельности, достигнутые въ разобщенныхъ странахъ и въ періоды, отдѣленные другъ отъ друга многими вѣками, составляютъ звенья одной логически связанной цѣпи согласующихся между собой опытовъ. Въ безчисленномъ множествѣ ихъ все еще можно распознать

тѣ немногіе первоначальные зародыши идей, которые возникли изъ первоначальныхъ человѣческихъ потребностей и, пройдя естественный процессъ развитія, дали такіе колоссальные результаты» (249 стр.).

Короткій обзоръ общаго изображенія хода событій въ исторіи Аѳинъ Морганъ дѣлаетъ для того, чтобы еще болѣе подкрѣпить одно изъ выставленныхъ имъ главнѣйшихъ положеній: общественный строй у всѣхъ племенъ человѣчества составляетъ продуктъ развитія, прошедшаго нѣсколько послѣдовательныхъ стадій. Къ тому же выводу приводитъ его разсмотрѣніе характерныхъ свойствъ римскаго рода. Онъ изслѣдуетъ его права, полномочія и обязанности, а такъ же отношенія родовъ другъ къ другу въ качествѣ членовъ одной общественной системы, затѣмъ отношенія родовъ къ куріямъ, племенамъ и образованному изъ нихъ народу. Описывая права, обязанности и функціи римскаго рода, Морганъ проводитъ ту мысль, что эта организація была источникомъ общественной и религіозной жизни римлянъ. «Римскій строй», говоритъ американскій изслѣдователь, былъ не нормаленъ. Причиной его ненормальности было то, что центромъ государства была сдѣлана городская община Рима, подавлявшая все остальное. Первоначальная организація народа въ единую армію, проникнутую военнымъ духомъ, создала ту силу, которая сохраняла республику, а позднѣе имперію» (330 стр.).

Въ третьей части Морганъ разсматриваетъ развитіе идеи семейной организаціи. Семья такъ же прошла, какъ онъ доказываетъ, различныя послѣдовательныя формы и образовала тѣ системы родства, которыя сохранились и теперь. Онъ различаетъ пять особенныхъ и послѣдовательныхъ формъ семьи, каждой изъ которыхъ была свойственна особая форма брака, начиная съ той формы семьи, основу которой составлялъ групповой бракъ братьевъ со своими сестрами, и оканчивая современной семьей.

Послѣдняя часть разсматриваетъ развитіе идеи собственности у человѣчества въ ея различныхъ формахъ существованія. Онъ опредѣляетъ три порядка наслѣдованія: собственность въ періодъ дикаго состоянія, собственность на низшей ступени варварства, на средней и высшей. И здѣсь, изложивъ нѣкоторые принципы и результаты развитія идеи собственности у человѣчества, Морганъ приходитъ къ основному выводу, что культура у людей на одинаковой высотѣ развитія по существу одна и та же во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Это служитъ, заканчиваетъ Морганъ, однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ единства происхожденія человѣческаго рода. Прекрасный переводъ этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ труда выполненъ безукоризненно и дѣлаетъ это новое изданіе Л. Пантелѣева очень важнымъ вкладомъ въ нашу литературу. **А. Н—въ.**

Эмиль Фагэ. Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX вѣка. Москва. 1900.

Однимъ изъ очень талантливыхъ критиковъ въ настоящее время во Франціи является Фагэ (родился въ 1847 году). Онъ, повидимому, вообще воздерживается отъ общихъ теорій, но за то онъ даетъ блестящіе этюды характе-

ровъ. Съ удивительнымъ мастерствомъ онъ опредѣляетъ духовный обликъ писателя и очень тонко анализируетъ разнообразныя комбинаціи темпераментовъ и умовъ. Ллюбопытенъ его взглядъ на XVIII вѣкъ, къ которому онъ относится нѣсколько сурово, въ сравненіи съ XVII вѣкомъ. Разбираемая нами книга представляетъ собою нѣсколько этюдовъ о французскихъ мыслителяхъ XIX вѣка. Этюды эти оказываются болѣе политическими, чѣмъ нравственными, такъ какъ моралисты XIX вѣка занимались столько же политикой, сколько и моралью. Въ своемъ сочиненіи Фагэ знакомитъ насъ съ политическими воззрѣніями: Жозефа де-Местра, Бональда, мадамъ де-Сталь, Бенжамена Констана, Ройе-Коллара и Гизо.

На Жозефа де-Местра онъ смотритъ прежде всего, какъ на политическаго теоретика, и потомъ уже, какъ на философа и богослова, такъ какъ въ немъ политикъ преобладалъ надъ философомъ и богословомъ. Фагэ видитъ въ немъ непреклоннаго, горделиваго патриція, съ легкой примѣсью мистицизма, презирающаго народъ и права личности. Главная основа его политическаго ученія заключается въ національномъ единствѣ. «Главная идея его, говоритъ Фагэ (стр. 9), объединенность и преемственность въ существованіи націи; все, что служитъ элементомъ розни, крошитъ страну на мелкія части въ отношеніи пространства и времени, все это возбуждаетъ въ немъ отвращеніе; ему бы хотѣлось все привести къ живому и прочному единенію; а въ глубинѣ этого искомаго единства и желанной преемственности ему чувствуется нѣчто, не уловимое для чувства и разсудка, нѣчто невидимое, не поддающееся счету, доказательству, пониманію, нѣкая тайна, свято оберегаемая и любимая за то, что умъ человѣка не можетъ постичь ее, а сердце отдается ей въ порывѣ вѣры». Часто де-Местру не хватаетъ историческаго чутья, онъ разсуждаетъ отвлеченно. Въ самой его личности Фагэ видитъ отрицаніе XVIII вѣка, а между тѣмъ онъ истинный сынъ столь ненавистнаго ему вѣка.

Полной противоположностью этому пессимисту и запутанному софисту является Бональдъ, «послѣдній изъ схоластиковъ», какъ его называетъ Фагэ. «Онъ представляетъ собою непрерывное разсужденіе», говоритъ французскій критикъ (42 стр.), «онъ весь состоитъ изъ сорита. Мнѣ нечего говорить объ его характерѣ: невольно рождается мысль объ отсутствіи въ немъ всякаго характера; онъ представляется чистымъ умомъ. Въ де-Местрѣ, Руссо, Монтескьё чувствуется то насмѣшливый аристократъ, то желчный плебей, то насмѣхающійся гасконецъ. Въ Бональдѣ я вижу только логика и больше ничего. Даже гнѣвъ его представляется просто мимолетной вспышкой, увлеченіемъ въ спорѣ». Нельзя не согласиться съ Фагэ въ томъ, что Бональдъ былъ сильный, честный, но узкій умъ, преимущественно отрицательный. Онъ казался философомъ, котораго можно противопоставить Руссо, да и самъ онъ считалъ себя антагонистомъ женевскаго философа.

Съ большимъ знаніемъ написаны страницы о мадамъ де-Сталь. Не пытаясь представить ея біографіи, Фагэ даетъ сжатый очеркъ ея литературныхъ, философскихъ и политическихъ идей. «Мадамъ де-Сталь», говоритъ онъ, «прославляютъ, но очень мало читаютъ» (стр. 73), а между тѣмъ въ ея произведеніяхъ заключается исторія идей съ 1780 г. до 1817 года. Фагэ доказываетъ,

что нѣтъ того вопроса въ области философіи, литературы или политики, котораго бы г-жа де-Сталь не прочувствовала. Къ ней именно приложимы слова ея же о Руссо: «онъ ничего не изобрѣлъ, но во все вдохнулъ огонь». Фагэ называетъ ее европейскимъ умомъ во французской душѣ.

Бенжамена Констана Фагэ, по всей справедливости, считаетъ если не самымъ сильнымъ, то самымъ яснымъ мыслителемъ нашего времени. Это былъ иниціаторъ и оригинальный умъ, либералъ, но не оптимистъ. Его сложный характеръ прекрасно обрисованъ имъ въ романѣ: «Адольфъ». Фагэ останавливается на этомъ романѣ, такъ какъ онъ вообще считаетъ психологическій романъ одною изъ прекрасныхъ формъ литературы. Основой характера Констана служилъ, по мнѣнію Фагэ, своего рода эгоизмъ. «Страшное стремленіе къ независимости, стѣсненное требованіями жадной до наслажденія натуры,—вотъ Бенжаменъ Констанъ» (стр. 125). Созданный имъ либерализмъ—чрезвычайно «прямой и удивительно холодный», говоритъ Фагэ. Къ сожалѣнію, Фагэ ограничивается очень туманными разсужденіями политическихъ взглядовъ Бенжамена Констана. Онъ не выясняетъ взгляда представителя либерализма на сущность новой свободы, въ отличіе отъ свободы античной.

На Ройе-Коллара Фагэ смотритъ, какъ на либеральнаго легитимиста, и даетъ талантливый анализъ его политическихъ взглядовъ. Извѣстно, какъ Наполеонъ остался очень доволенъ вступительной лекціею Ройе-Коллара. Онъ говорилъ, что возникшая новая философія во Франціи очень серіозна и выгодна, такъ какъ она можетъ освободить Францію отъ идеологовъ. Система Ройе-Коллара носитъ характеръ чисто политическій и историческій; она совсѣмъ чужда метафизики. Ройе-Колларъ, говоритъ Фагэ, «человѣкъ оппозиціи, правда, оппозиціи консервативной, но все же оппозиціи... Въ немъ особенно былъ силенъ духъ недовѣрія и разочарованія».

Послѣдній этюдъ посвященъ Гизо, человѣку «золотой середины». Фагэ изучаетъ умѣренность ума и твердость характера Гизо. «Онъ съ самаго начала», говоритъ Фагэ (стр. 183), «былъ въ одно время и человѣкомъ дѣла, и человѣкомъ науки». Въ теченіе всей реставраціи онъ является поперемѣнно историкомъ и политикомъ. Говоря о политическихъ взглядахъ Гизо, Фагэ разсматриваетъ философію «золотой середины» и политику, а въ связи съ этимъ выясняетъ, какою должна быть политика средняго класса и задача его. Средній классъ, говоритъ онъ, «долженъ быть разумнымъ и либеральнымъ» (стр. 197). Гизо хотѣлъ править при помощи средняго сословія, но, какъ остроумно выражается Фагэ, «впалъ въ оптическій обманъ, увидѣвъ средній классъ тамъ, гдѣ во Франціи въ 1830 году его не было. Онъ счелъ за средній классъ крупную буржуазію, тогда какъ она съ 1830 года и даже съ начала XIX вѣка была не среднимъ классомъ, а аристократіей». Въ Гизо государственный человѣкъ подавляетъ мыслителя, его политическая мечта никогда не была осуществлена, и Фагэ доказываетъ это, послѣдовательно разбирая взгляды Гизо.

Переводъ этой въ высшей степени интересной книги сдѣланъ подъ редакціей Н. Н. Шамонина, что служитъ достаточной гарантіей его достоинствъ. Издана книга опрятно, цѣна вполнѣ доступная (1 р. 25 к.). **А. Новиковъ.**

Дюкудрэ. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Томъ второй. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское чтеніе". Москва. 1899.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы уже говорили о 1-мъ томѣ этого сочиненія. Вышедшій теперь по-русски второй томъ книги Дюкудрэ обнимаетъ собою средніе вѣка, новыя времена и современную эпоху. Трудно, конечно, на 500 стр. изложить исторію цивилизаціи, пришлось бы пожертвовать мелочами и незначащими именами въ пользу крупныхъ явленій и важнѣйшихъ культурно-соціальныхъ отношеній. Однако, можно установить схему историческаго прогресса, можно выдвинуть все-таки крупные факты и освѣтить ихъ значеніе. Если трудная задача — написать исторію цивилизаціи древняго міра,—удалась болѣе или менѣе автору въ первомъ томѣ, то второй томъ вышелъ у него гораздо слабѣе. Обиліе именъ, которыми онъ наполненъ, все же лишаетъ его полноты. Дюкудрэ отводитъ для среднихъ вѣковъ шесть главъ, раздѣляя первый отдѣлъ такимъ образомъ: вторженіе варваровъ, германское общество, восточная имперія, возстановленіе Западной Римской имперіи. Арабы, калифаты и мусульманская цивилизація. Феодальная система. Феодальная и католическая Европа отъ XI до XIV вѣка. Средневѣковое общество.

Вся средневѣковая жизнь, если обобщить культурные и соціальные факты среднихъ вѣковъ, воплощается въ понятіяхъ «католицизмъ» и «феодализмъ». Безъ выясненія принциповъ этихъ явленій средніе вѣка останутся такими же неясными, какими они были для историковъ XVIII вѣка. Дюкудрэ хорошо и умѣло разсказываетъ о вторженіи варваровъ, о жизни германцевъ, приводитъ отрывокъ изъ соч. Гизо для характеристики салической правды, такъ же хорошо знакомитъ читателя съ монархіей Карла Великаго, но не даетъ опредѣленія феодализма, не выясняетъ его соціальной стороны и политической, что́ очень важно для дальнѣйшаго изложенія и особенно чувствуется при чтеніи страницъ о до-революціонной Франціи (стр. 305 и др.). Феодализмъ, по словамъ Дюкудрэ, «было политическое и общественное состояніе, которое установилось во Франціи и Западной Европѣ между IX и XI вѣками, развилось въ XII, дошло до извѣстнаго блеска въ XIII и склонилось къ упадку въ XIV вѣкѣ. Изъ этого хаотическаго общества выдѣлилось общество новаго времени» (стр. 49). Въ чемъ же с у щ н о с т ь феодализма?—читатель такъ и не узнаетъ изъ этого опредѣленія. Нераздѣльность власти и землевладѣнія, какъ основное начало политической стороны феодализма, съ одной стороны, и формы соединенія крупнаго землевладѣнія съ мелкой собственностью — съ другой — составляютъ характерную особенность феодализма. Но изъ опредѣленія Дюкудрэ мы этого не видимъ. Важно, далѣе, выяснить, какъ окрасилъ собою всѣ стороны общественнаго устройства процессъ феодализаціи, о чемъ Дюкудрэ говоритъ тоже неопредѣленно и смутно. Въ главѣ «феодальная Европа отъ XI до XIV в.» Дюкудрэ разсматриваетъ крестовые походы, рыцарство, исторію Англіи и Франціи. При объясненіи начала крестовыхъ походовъ онъ еще держится старой басни о томъ, что «громадная толпа», присутствовавшая на

Клермонскомъ соборѣ, была подготовлена внушеніями Петра Пустынника (стр. 62). Положительно не удалась автору исторія Англіи, онъ не даетъ опредѣленія, что такое англійскій парламентъ, не интересуется его организаціей, а ограничивается небольшими замѣчаніями о немъ.

Новую исторію Дюкудрэ начинаетъ съ изобрѣтеній. «Нашъ умъ», говоритъ онъ, «испытываетъ невольное смущеніе, видя, какія незначительныя причины приводятъ къ самымъ важнымъ переворотамъ. Смѣси сѣры, угля и селитры, дающей порохъ, нѣсколькихъ тряпокъ, превращенныхъ въ бумагу, нѣсколькихъ буквъ, отлитыхъ изъ металла, иглы, вертящейся на остріѣ, достаточно было, чтобы измѣнить міръ» (стр. 130). Отъ этой «эпохи» Дюкудрэ такъ же рутинно переходитъ къ эпохѣ возрожденія. Гуманизмъ—важнѣйшій отдѣлъ западно-европейской исторіи: только этимъ могучимъ движеніемъ можно съ достаточной ясностью объяснить и реформацію и литературу вѣка просвѣщенія. Къ сожалѣнію, Дюкудрэ вовсе не понялъ гуманизма, такъ какъ онъ говоритъ собственно о возрожденіи классицизма, о живописи, наукѣ и вообще объ искусствѣ. На первомъ планѣ у него—литература, поэзія. Проявленія индивидуализма, одного изъ драгоцѣннѣйшихъ явленій въ этомъ движеніи, авторъ не указываетъ вовсе, онъ даже не называетъ перваго гуманиста (т. е. Петрарку), а говоритъ о немъ еще въ главѣ о средневѣковомъ обществѣ, да и то снисходительно называя его —«поэтъ изящества, канцонъ и сонетовъ» (стр. 114), вовсе не указывая даже на міросозерцаніе Петрарки. Второму гуманисту, Боккаччіо, французскій историкъ посвящаетъ $1^1/_2$ печ. строки: онъ «изображалъ въ остроумныхъ, но уже слишкомъ вѣрныхъ картинахъ, испорченное общество своего времени» (стр. 128). Вотъ и все, что даетъ намъ Дюкудрэ о гуманизмѣ. Остается замѣтить, что появленіе гуманизма онъ объясняетъ слѣдствіемъ завоеванія Константинополя, т. е. держится того взгляда, можно сказать, прошлаго столѣтія, который теперь уже въ наукѣ окончательно оставленъ.

Въ главѣ о реформаціи Дюкудрэ не даетъ знакомства съ Цвингли, не указываетъ на обще-европейскій характеръ реформаціоннаго движенія и не разсматриваетъ соціальныхъ движеній, пошедшихъ подъ знаменемъ религіозной реформаціи. Онъ ограничивается краткимъ изложеніемъ реформы Лютера, указаніемъ на реформацію въ Англіи, ученіемъ Кальвина и появленіемъ іезуитовъ. Вообще, Дюкудрэ не выяснилъ основныхъ движеній въ новой исторіи: всѣ событія излагаются по одному масштабу. Это сказывается у него и въ дальнѣйшихъ главахъ. Въ главѣ IX (Семнадцатый вѣкъ. Религія, политика, общественные интересы) ему пришлось изложить три главныя явленія XVII в.: тридцатилѣтнюю войну, французскій абсолютизмъ и англійскія революціи, но онъ не коснулся политическихъ идей во Франціи и даже плохо выяснилъ развитіе королевскаго абсолютизма. Революція въ Англіи разсказана имъ очень слабо, хотя онъ и любитъ имена, однако на этотъ разъ Дюкудрэ даже не упоминаетъ объ индепендентахъ, левеллерахъ и др., хотя при изложеніи англійской революціи трудно обойтись безъ этихъ именъ. Ростъ парламентаризма такъ же не выясненъ Дюкудрэ. За то онъ добросовѣстно перечисляетъ предшественниковъ Корнеля, разныхъ второстепенныхъ писателей XVII в., врачей, хирурговъ, архитекторовъ, скульпторовъ. Имена такъ и пестрятъ. Тоже мы видимъ и въ главѣ

«Художественное, научное и философское движеніе въ XVIII в.». Даже «король философъ» и вождь вѣка —Вольтеръ разсматривается имъ съ точки зрѣнія исключительно литературной, какъ творецъ ложноклассическихъ произведеній. Дюкудрэ не говоритъ объ его общественной проповѣди вѣротерпимости. Другой великій представитель вѣка просвѣщенія—Монтескье, также не освѣщенъ достаточно, какъ политикъ. Термина «просвѣщенный обсолютизмъ» у Дюкудрэ нѣтъ, но онъ говоритъ о реформахъ Фридриха II, Іосифа II, Помбаля. Заканчивается глава о XVIII в. очень недурной картиной стараго порядка во Франціи, хотя лучшая страница здѣсь принадлежитъ отрывку изъ Тэна (стр. 308—310) о положеніи дворянина.

XIX-й вѣкъ Дюкудрэ начинаетъ съ французской революціи. Этотъ отдѣлъ у него названъ «Современная эпоха», и состоитъ изъ семи главъ. Первые три главы (Современная эпоха. Консульство и имперія. Наполеоновская Европа. Распространеніе французскихъ идей. Состояніе Европы послѣ 1815 г.) даютъ политическую исторію Европы до 1872 г. Эти страницы очень мало говорятъ, такъ какъ исторія нашего столѣтія слишкомъ сложна, даже въ политическомъ отношеніи, не говоря о томъ, что въ это время сталъ особенно важную роль играть соціальный вопросъ, который у Дюкудрэ вовсе не занимаетъ подобающаго мѣста. Исторія XIX в. у Дюкудрэ—простой перечень событій,—который вовсе не есть еще исторія цивилизаціи. Послѣднія четыре главы заключаютъ въ себѣ общій обзоръ, сжатый и умѣло составленный, промышленнаго развитія современной Европы.

Какъ и 1-й томъ, 2-я часть соч. Дюкудрэ очень хорошо издана по-русски, литературно переведена и снабжена многими рисунками въ текстѣ. Если для французскаго читателя подобный конспектъ всеобщей исторіи и не такъ важенъ, то въ русской исторической литературѣ соч. Дюкудрэ, несомнѣнно, имѣетъ свое значеніе, такъ какъ у насъ книгъ по всеобщей исторіи еще мало, а написано соч. Дюкудрэ очень красиво и картинно, иногда съ французскимъ блескомъ. **П. К—ій.**

Архимандритъ Сергій (Тихомировъ). Новгородскій уѣздъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 года. Историко-экономическій очеркъ. Москва. 1900.

Трудъ о. архимандрита Сергія представляетъ большой интересъ для занимающихся исторіей соціально-экономическаго быта на Руси. Въ немъ предложенъ историко-экономическій очеркъ Новгородскаго уѣзда Вотской пятины, прекрасно составленный по писцовой книгѣ 1500 года. Эта писцовая книга—одна изъ самыхъ древнихъ, дошедшихъ до нашего времени, и издана частію археографическою комиссіею (въ 1868 г.), частію Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ (въ 1851 г.). На основаніи этой книги архимандритъ Сергій и взялъ на себя задачу описать матеріально-экономическій бытъ Новгородскаго уѣзда въ 1500 году.

Въ разсматриваемомъ трудѣ ученый авторъ предварительно описываетъ писцовую книгу 1500 года, а затѣмъ отмѣчаетъ многія ошибки ея печатнаго

изданія, которыя онъ замѣтилъ на основаніи весьма тщательнаго и детальнаго изученія своего источника въ его печатномъ видѣ, совсѣмъ не имѣя подъ руками рукописи, хранящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ примѣчаній къ тексту, сдѣланныхъ г. Бѣлокуровымъ по рукописи писцовой книги, почти всѣ поправки, предложенныя о. Сергіемъ, не только оправдываются содержаніемъ памятника, но и согласны съ его рукописною редакціей. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что нашъ авторъ прекрасно вчитался въ свой литературно-историческій источникъ и изучилъ его въ совершенствѣ.

Послѣ обзора источника, авторъ приступаетъ къ описанію Новгородскаго уѣзда, на основаніи 493 столбцовъ писцовой книги (изъ 960), и прежде всего опредѣляетъ его границы въ 1500 году, а затѣмъ описываетъ его природу.

Всѣ земли Новгородскаго уѣзда, описанныя въ писцовой книгѣ 1500 года, принадлежали: 1) великому князю, 2) своеземцамъ и купцамъ, 3) владыкѣ, монастырямъ, церквамъ и попамъ.

Земли великаго князя дѣлились на дворцовыя, оброчныя и помѣстныя. Дворцовыя земли великаго князя назначались на удовлетвореніе потребностей княжескаго двора и составляли какъ бы личную собственность князя. Но подробныхъ свѣдѣній о нихъ въ писцовой книгѣ нѣтъ. Оброчныя великокняжескія земли принадлежали ранѣе боярамъ, а послѣ паденія Новгорода были отданы князю и обложены оброкомъ. Крестьяне попрежнему пахали здѣсь землю, но съ обжи или съ сохи платили опредѣленную подать въ пользу князя. Всѣхъ оброчныхъ земель въ Новгородскомъ уѣздѣ было 895 обежъ или 299½ сохи; на нихъ было 880 дворовъ или 1.350 человѣкъ, что составитъ 26 процентовъ всѣхъ крестьянъ. Помѣстныя земли принадлежали великому князю, въ извѣстное время числились собственностью бояръ и служилыхъ людей, оторые и получали съ нихъ доходъ. Малѣйшаго неудовольствія или подозрѣнія было достаточно, чтобы оказаться опальнымъ бояриномъ и лишиться своихъ земель. Всѣхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ было 78 человѣкъ. Архимандритъ Сергій называетъ ихъ по именамъ и описываетъ ихъ экономическій бытъ, на основаніи данныхъ писцовой книги.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ были земли и такъ называемыхъ «своеземцевъ». Такъ назывались мелкіе «собственники» земли, обрабатывавшіе не великокняжескую, а «свою землю», никому не обязанные никакими оброками и доходами, напротивъ, взимавшіе въ свою пользу доходъ съ тѣхъ крестьянъ, которые селились на ихъ земляхъ. Въ большей своей части своеземцы были тѣ же крестьяне, лишь наиболѣе богатые. Всего во владѣніи своеземцевъ находилось 248 дворовъ или 7 процентовъ общаго числа. Немного было въ Новгородскомъ уѣздѣ и купцовъ.

Что касается земель духовенства въ Новгородскомъ уѣздѣ, то, вопреки мнѣніямъ г. Никитскаго и Лакіера, полагавшимъ, что почти ⅓ всѣхъ земель этого уѣзда въ XV вѣкѣ принадлежала духовенству, архимандритъ Сергій показываетъ, что владыкѣ и монастырямъ тогда принадлежало только 9% общаго количества земли. Правда, раньше Новгородская церковь владѣла большими помѣстьями, но въ періодъ паденія самостоятельности Великаго Новгорода

(съ 1470 г.) она лишилась ихъ. Авторъ подробно обозрѣваетъ земли владыки, монастырей, церквей и поповъ въ 1500 году, описываетъ жизнь крестьянъ на этихъ землямъ и отношеніе ихъ къ владѣльцамъ.

Въ приложеніи къ труду архимандрита Сергія помѣщены списки (числомъ 20) деревень великаго князя—оброчныхъ, дворцовыхъ и помѣстныхъ, съ показаніемъ дворовъ, людей и обежъ въ каждой, — деревень своеземцевъ, купцовъ, владыки, монастырей, церквей и поповъ съ тѣми же указаніями, показано количество каждаго рода владѣній по погостамъ и общее число ихъ въ Новгородскомъ уѣздѣ. Въ заключеніи помѣщенъ алфавитный указатель всѣхъ селеній и пустошей Новгородскаго уѣзда Вотской пятины въ 1500 году, при чемъ отмѣчено, въ какомъ погостѣ то или другое село находилось, сколько дворовъ было въ селѣ, и на какихъ столбцахъ писцовой книги оно упоминается. Таково содержаніе труда о. Сергія.

Архимандритъ Сергій осуществилъ свою задачу съ полнымъ успѣхомъ. Несмотря на кажущуюся сухость предмета, его очеркъ читается съ большимъ интересомъ. Онъ нарисовалъ полную и любопытную картину матеріально-экономическаго быта Новгородскаго уѣзда въ 1500 году,—оживилъ сухіе и стереотипные столбцы писцовой книги остроумными сопоставленіями и сближеніями, обобщилъ ихъ реально-бытовыми сужденіями и выводами, придалъ жизненное содержаніе цифрамъ и, такимъ образомъ, воскресилъ давно-минувшую историческую жизнь, освѣтивъ ее свѣтомъ истинно-научнымъ. Нѣтъ словъ, разсматриваемая работа стоила автору большого труда, — особенно составленіе приложеній. Но эта работа и современна, и интересна, и исполнена авторомъ по пріемамъ вполнѣ научнымъ. Поэтому нѣтъ сомнѣній въ томъ, что она составитъ цѣнный вкладъ въ русскую историко-археологическую науку и встрѣтитъ прекрасный пріемъ у тѣхъ, кто понимаетъ и цѣнитъ всякій истинно-научный трудъ.

Σ.

Герцфельдъ Марія. Скандинавская литература и ея современныя тенденціи. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей И. А. Шляпкина. Спб. 1900.

«Въ моихъ глазахъ главное достоинство моей книги составляетъ указаніе того изъ направленій разбираемыхъ писателей, которое не имѣетъ ничегó общаго съ пессимизмомъ»,—такъ опредѣляетъ самъ авторъ значеніе своей книги; нѣсколько неудачная передача не позволяетъ сразу проникнуть въ смыслъ этого опредѣленія, но все же можно понять, что Герцфельдъ цѣнитъ свое произведеніе, главнымъ образомъ, за собранныя въ немъ данныя о бодромъ и жизненномъ направленіи талантливыхъ писателей сѣвера. Мы только что указали на недостатокъ въ переводѣ и поэтому спѣшимъ оговориться: въ общемъ переводъ чрезвычайно красивъ, и приведенное мѣсто едва ли не единственное въ своемъ родѣ, такъ какъ вездѣ онъ сдѣланъ изящно, литературно, гладко и ровно, несмотря на то, что переводилась книга не однимъ лицомъ, а группой; заслуга здѣсь принадлежитъ редактору, умѣлая рука котораго сгладила всѣ неровности группового труда, благодаря чему языкъ получилъ отпечатокъ вездѣ

одинаково-прекрасной обработки. Немного написала г-жа Герцфельдъ, но за то въ тѣхъ цѣляхъ, которыми задалась, она сумѣла вполнѣ овладѣть обширнымъ матеріаломъ, для котораго послужили и Брандесъ, и Ибсенъ, и Бьеренсонъ, и Якобсонъ, и Драхманъ, и многіе другіе. Въ этой небольшой книжкѣ много интереснаго для себя найдутъ также и тѣ, кто знакомъ съ корифеями молодой литературы по ихъ произведеніямъ и по толкованіямъ изъ того же Брандеса, ибо здѣсь собрано, такъ сказать, въ схему все то, что налагаетъ на нихъ одну общую печать стремленія «быть не только индивидуальными, но и универсальными». Можетъ быть, у нѣкоторыхъ, при чтеніи книги, явится досадное чувство отъ того, что авторъ «скомкалъ» сужденія о тѣхъ или другихъ часто любимыхъ для насъ поэтахъ, что личности и значеніе многихъ изъ нихъ блекнутъ въ такомъ торопливомъ освѣщеніи, что онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ объ отцѣ современной норвежской литературы, столь почитаемомъ на родинѣ Генрикѣ Вергеландѣ, что онъ не указалъ на Драхмана, какъ на художника-поэта-живописца par excellence—все это вѣрно; однако нужно помнить, что согласно главной цѣли своей авторъ не могъ обнять многаго; цѣль же эта сама по себѣ настолько симпатична, что въ значительной мѣрѣ искупляетъ недостатокъ разносторонности и полноты содержанія. Для русскихъ читателей книга представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что переводчицы помѣстили въ примѣчаніяхъ полный перечень переводовъ отдѣльныхъ произведеній скандинавскихъ писателей на русскій языкъ съ подробными указаніями о томъ, гдѣ и когда они были напечатаны. **А. Л.**

Ал. Шумахеръ. Историческій очеркъ жизни императора Александра II. Изд. 2-е. Спб. 1899.

Изложенная прекраснымъ языкомъ, толково, ясно и просто, книга г. Шумахера представляетъ весьма отрадное и не особенно часто встрѣчаемое явленіе въ нашей народной литературѣ. Обыкновенно, историческіе разсказы, предназначаемые для народа, отличаются, за немногими исключеніями, сухостью изложенія, испещрены излишнимъ количествомъ собственныхъ именъ и годовъ, а малохудожественный и черезчуръ «книжный» языкъ дѣлаетъ ихъ неудобочитаемыми и не вполнѣ понятными для простолюдина. Ни одинъ изъ этихъ недостатковъ не встрѣчается въ данномъ очеркѣ. Съ начала до конца онъ читается легко съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Эта небольшая брошюра (209 стр., 8°) при всей сжатости и краткости очерка содержитъ въ себѣ изложеніе всѣхъ главнѣйшихъ преобразованій царствованія Александра II, выясняетъ какъ причины, ихъ вызвавшія, такъ и ихъ благотворное и великое значеніе для Россіи.

Первое изданіе книги г. Шумахера, вышедшее въ 1886 г. подъ заглавіемъ: «О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II, историческій разсказъ для народнаго чтенія», было написано на конкурсъ, предложенный С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности, и удостоено почетнаго отзыва. Различными учеными комитетами она допущена, одобрена или рекомендована къ обращенію

въ войскахъ, народныхъ читальняхъ и библіотекахъ всѣхъ низшихъ школъ. Можно смѣло сказать, что такая книга не залежится на полкахъ библіотекъ и вызоветъ большой спросъ среди читателей, для которыхъ она предназначается.

Выпускаемое нынѣ 2-е изданіе отличается отъ перваго многими исправленіями и дополненіями. **Д. К. Е.**

Г. Ахелисъ. Современное народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Капелюша. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1900.

Въ настоящемъ трудѣ, очень кстати переведенномъ въ изданіи Павленкова, авторъ старается, по возможности, объективно представить развитіе современнаго народовѣдѣнія и его разностороннія задачи. Исходя изъ положенія, что только историко-критическая обработка можетъ дать правильное основаніе для оцѣнки тѣхъ въ высшей степени разнообразныхъ теченій и направленій, изъ которыхъ возникла наука-этнологія, онъ останавливается прежде всего въ своемъ изложеніи на обзорѣ развитія науки народовѣдѣнія. Охарактеризовавъ этнографическіе взгляды прошлаго столѣтія въ лицѣ ихъ представителей, Ахелисъ разсматриваетъ культурно-историческую обработку науки, философское и географическое освѣщеніе ея и приводитъ исторію понятія антропологіи.

За этими предварительными свѣдѣніями о первыхъ шагахъ народовѣдѣнія идетъ изложеніе науки съ соціологической точки зрѣнія. Этимъ и заканчиваеся историческая часть труда.

Въ критической части своего сочиненія авторъ знакомитъ читателя съ методомъ и задачей этнологіи и характеризуетъ отношеніе народовѣдѣнія къ другимъ родственнымъ наукамъ. Послѣдній отдѣлъ имѣетъ особенно важное значеніе потому, что въ немъ авторъ выясняетъ тѣ многочисленныя недоразумѣнія и заблужденія относительно народовѣдѣнія, которыя все еще въ ходу у представителей другихъ, болѣе старыхъ наукъ. **Д. В—въ.**

Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ. Спб. 1899. Его же. Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна. Спб. 1899.

Въ обширнѣйшей литературѣ, вызванной прошлогоднимъ Пушкинскимъ юбилеемъ и заключающей въ себѣ на ряду съ немногими цѣнными изслѣдованіями и матеріалами огромное количество компиляторскаго хлама, несомнѣнно непослѣднее мѣсто занимаютъ брошюры В. В. Сиповскаго, заглавіе которыхъ мы выписали, и на первое мѣсто должна быть поставлена та, въ которой вновь поднимается вопросъ объ отношеніи Пушкина къ Байрону. Въ ней мы находимъ въ сущности довольно обстоятельное изложеніе взглядовъ, высказанныхъ уже ранѣе въ нашей ученой и критической литературѣ, при чемъ авторъ подчеркиваетъ часто неопредѣленность этихъ взглядовъ, происходящую отъ неопредѣленности выраженій, отъ произвольнаго смѣшенія терминовъ «заимство-

ваніе», «вліяніе» и другихъ. Это смѣшеніе приводитъ къ тому, что многіе критики слишкомъ преувеличиваютъ значеніе Байрона для творчества Пушкина, и въ указаніи этого преувеличенія нельзя не признать правды въ аргументаціи г. Сиповскаго. Также представляется цѣнной его попытка провести параллель между Пушкинымъ и Шатобріаномъ, въ чемъ г. Сиповскій слѣдуетъ профессору Московскаго университета Н. И. Стороженко: послѣдній указалъ на возможность такой параллели, а г. Сиповскій подтвердилъ, что она есть дѣйствительно, и въ этомъ, конечно, есть нѣкоторая заслуга. Однако нельзя при этомъ не пожалѣть, что г. Сиповскій слишкомъ ужъ строго относится къ своему предшественнику и не отмѣчаетъ, что мысль о вліяніи образа Рене принадлежитъ ему; а строгость эта происходитъ отъ того, что, цитируя своего предшественника, г. Сиповскій торопится и не доканчиваетъ цитаты, такъ что опровергаетъ потомъ такое мнѣніе, которое совсѣмъ не принадлежитъ его мнимому противнику. Но какъ бы то ни было, будемъ благодарны г. Сиповскому за произведенную имъ провѣрку мелькомъ высказаннаго проф. Стороженко замѣчанія. Однако не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія и вліянію Шатобріана, какъ это было сдѣлано въ одной изъ рецензій на брошюру г. Сиповскаго: авторъ рецензіи обидѣлся на г. Сиповскаго за то, что онъ будто отвергаетъ оригинальность Пушкина. Отъ этого, какъ намъ кажется, г. Сиповскій очень далекъ, и единственная общая поправка, которую можно сдѣлать къ тезисамъ г. Сиповскаго, заключается въ томъ, что вліяніе Шатобріана (не упраздняющее Байроновскаго, такъ какъ о послѣднемъ намъ говоритъ самъ Пушкинъ) было вообще вліяніемъ духа времени. Что касается общихъ теоретическихъ воззрѣній на вліяніе и заимствованіе воззрѣній, которымъ г. Сиповскій придаетъ, повидимому, важное значеніе, считая ихъ своими оригинальными, то приходится сказать, что это повтореніе азбучныхъ истинъ. Такою же азбукою представляются для всѣхъ изучающихъ литературу и тѣ теоретическія замѣчанія объ образованіи типовъ, которыя мы находимъ во второй брошюрѣ г. Сиповскаго; но и она имѣетъ свою цѣнность, какъ довольно полная характеристика Онѣгина, Ленскаго и Татьяны. **А. Бороздинъ.**

Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи. Перев. съ нѣмецк. Л. И. Зака. Изд. Поповой. Спб. 1900.

Исторію освобожденія крестьянъ авторъ настоящаго труда считаетъ исторіей соціальнаго вопроса XVIII вѣка, а такимъ же вопросомъ XIX вѣка является на Западѣ уже не крестьянство, а рабочій классъ и въ частности сельско-хозяйственные рабочіе. Въ выясненіи связи между этими вопросами и, главнымъ образомъ, въ разсмотрѣніи законодательной работы, завершившейся освобожденіемъ крестьянъ въ восточныхъ провинціяхъ Прусской монархіи, и заключается задача, которую поставилъ себѣ Г. Ф. Кнаппъ.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ характеристики отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ до XVI столѣтія и позже. Затѣмъ онъ перехо-

дить къ вопросу о введеніи наслѣдственныхъ правъ на землю, отмѣнѣ принудительной службы и о введеніи права собственности у дворцовыхъ крестьянъ. Изложивъ попытки реформъ для частно-владѣльческихъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, Кнаппъ разбираетъ эдиктъ 9-го октября 1807 г. и правительственныя распоряженія о присоединеніи и консолидаціи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ, указавъ на значеніе статистическихъ данныхъ по крестьянской реформѣ, заключаетъ свое изслѣдованіе обзоромъ судьбы крестьянскихъ дворовъ, не подвергшихся регулированію, и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ во время реформы.

Трудъ Кнаппа охватываетъ всю законодательную работу по крестьянскому вопросу почти за 150 лѣтъ. Исторія освобожденія крестьянъ излагается авторомъ безъ всякаго отношенія къ политическимъ партіямъ, съ цѣлью, какъ можно рѣзче выдвинуть соціально-политическую сторону интересующаго насъ процесса. Переводъ сочиненія Кнаппа сдѣланъ хорошо.

Д. П. В.

Эдуардъ Чекей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI вѣкѣ по свидѣтельству современниковъ. Переводъ съ англійскаго В. Я. и И. Я. Гердъ, подъ редакціей Н. А. Рубакина. Спб. 1899.

Изъ появившихся за послѣднее время историческихъ сочиненій объ Англіи изслѣдованіе Эдуарда Чекея, ассистента при каѳедрѣ исторіи Пенсильванскаго университета, заслуживаетъ особаго вниманія.

Авторъ излагаетъ исторію аграрнаго переворота въ Англіи, по свидѣтельству современниковъ. Въ XV и XVI вѣкахъ въ Англіи произошли важныя соціальныя перемѣны, состоявшія въ уничтоженіи или въ совершенномъ измѣненіи характерныхъ чертъ средневѣковаго общества. Переходъ отъ стараго корпоративнаго строя къ новому, характеризовавшемуся гораздо большей свободой личности, разрывъ для громаднаго числа людей прежней тѣсной связи съ землею, замѣна обычаевъ законами и договорами, по отзывамъ современниковъ, особенно тяжело отразились на низшихъ классахъ и вызвали даже сопротивленіе народа этимъ реформамъ.

Всѣ эти перемѣны сами собою ясно показываютъ наступленіе новой эры и служатъ признаками новыхъ общественныхъ силъ; если же онѣ и повлекли за собою повсемѣстное и долго продолжавшееся страданіе значительной массы населенія, то лишь вслѣдствіе неумѣнія народа примѣняться къ новымъ условіямъ, созданнымъ быстрой и фундаментальной реформой жизни.

Д. В—въ.

Исторія Владимірской духовной семинаріи. Составилъ Н. Малицкій. Выпускъ 1-й (1750—1814 гг.). М. 1900.

Почтенный трудъ г. Малицкаго, заключающій въ себѣ около 300 страницъ in 8° большого формата, написанъ не по тому шаблону, по которому составляются у насъ «исторіи», «историческія записки» и т. п. разныхъ учебныхъ заведеній, обыкновенно вызываемыя на свѣтъ божій юбилеями этихъ заве-

деній. Начало «Исторіи» Владимірской семинаріи (2-й выпускъ готовится къ печати) явилось тоже къ 150-ти-лѣтнему юбилею этого учебнаго заведенія, но, видимо, авторъ далекъ былъ отъ мысли только «отдѣлаться отъ порученія», — онъ для своей работы ясно и опредѣленно намѣтилъ задачи, которыя и выполнилъ удачно.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что для «Исторіи Владимірской семинаріи» за первое 50-лѣтіе автору пришлось нужные документы отыскивать наудачу среди груды еще неразобранныхъ бумагъ стараго консисторскаго архива, и только нѣсколькими документами ему пришлось воспользоваться въ архивахъ святѣйшаго синода и Владимірскаго губернскаго правленія. Съ 1800 г. исторія семинаріи уже болѣе ясна, благодаря богатому архиву самой семинаріи. Если принять во вниманіе всю трудность разыскиванія нужныхъ бумагъ среди трудно поддающейся учету массы старыхъ дѣлъ, покрытыхъ пылью, разбитыхъ, разрозненныхъ, то приходится удивляться настойчивости и терпѣнію, благодаря которымъ авторъ все же достигъ желаемой полноты и въ своемъ трудѣ даетъ читателю документальную и полную картину роста семинаріи, какъ учебнаго заведенія, и той бытовой жизни, какая была присуща семинаристамъ прошлаго вѣка.

Владимірская семинарія учреждена въ 1750 г. преосвященнымъ Платономъ (Петрункевичемъ) и при немъ получила первую организацію. Чтобы достать землю для будущей семинаріи, консисторіи пришлось вести борьбу съ купцами и провинціальнымъ магистратомъ, который писалъ только «весьма продерзостныя» бумаги, и лишь одна канцелярская уловка стараго времени помогла дѣлу. Немало было хлопотъ и съ наборомъ учениковъ, хотя за неисполненіе приказаній и обѣщалось «неослабное на тѣлѣ истязаніе». Набранные ученики, жестоко истязуемые, скудно питаемые, всевозможными способами старались отдѣлаться отъ семинаріи: находились въ бѣгахъ, даже женились съ этой цѣлью. Если трудно было собрать учениковъ, то еще болѣе встрѣтилось затрудненій къ содержанію семинаріи: для этого былъ установленъ хлѣбный сборъ натурою и деньгами. Благодаря царившей недобросовѣстности, была масса злоупотребленій, и, какъ самъ писалъ епископъ Платонъ, «многіе ученики, лишась должнаго имъ быть... довольствія, ходя по міру, просятъ сущимъ подобіемъ нищихъ прокормленія».

Несмотря на всѣ «противности и противостоянія», Платонъ всею душею радѣлъ объ обезпеченіи своего родного дѣтища; прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ строгости и дѣйствуя при томъ безъ послабленій, онъ, проживая, какъ членъ синода, внѣ Владиміра, все же достигъ того, что при немъ ученіе въ семинаріи не прерывалось, какъ это наблюдалось въ другихъ заведеніяхъ, бывшихъ въ одномъ положеніи съ Владимірской семинаріей. А этого достигнуть тогда было не легко: помимо всякихъ неустройствъ, и учителей тогда не было,—Платону приходилось выписывать ихъ изъ Кіева, откуда чаще всего пріѣзжали негодные на родинѣ.

Въ 1757 г. епископъ Платонъ скончался, и его каѳедру занялъ Антоній (изъ грузинъ, царевичъ Карталинскій), не знавшій русскаго языка, незнакомый съ нашими обычаями и порядками. Сидѣніе на Владимірской каѳедрѣ

Антонія, окруженнаго грузинами, ознаменовалось «чиненіемъ излишнихъ расходовъ», и потому для семинаріи, еще не окрѣпшей, при немъ было особенно плохо: онъ мало сочувствовалъ ея существованію, а это, въ свою очередь, сопровождалось «нерачительностью консисторіи» и «упорствомъ духовенства».

Мы не будемъ перечислять «событій» изъ жизни семинаріи,— она встала на болѣе прочную почву только въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда обучался въ ней М. М. Сперанскій, впослѣдствіи графъ Россійской имперіи. Интересующіеся исторіей нашихъ духовныхъ школъ найдутъ въ трудѣ г. Малицкаго массу интереснаго матеріала, рисующаго бытъ воспитанниковъ и учителей семинаріи, хозяйственную часть послѣдней, а также и массу тѣхъ данныхъ, которыя за взятый періодъ характеризуютъ семинарію, какъ учебное заведеніе.

Книга изящно издана, украшена рисунками и автографомъ М. М. Сперанскаго, въ бытность его ученикомъ. **А. В. О.**

Поэзія К. К. Случевскаго. Этюдъ А. Коринфскаго. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1900.

Изящно изданный этюдъ А. Коринфскаго посвященъ поэту, произведенія котораго, по справедливому замѣчанію автора, до послѣдняго времени оставались почти неизвѣстными большинству читающей публики. Случевскій началъ, однако, писать еще въ концѣ 50-хъ годовъ и тогда же вызвалъ восторженный отзывъ Аполлона Григорьева, который, вполнѣ признавая самостоятельность его таланта, находилъ возможнымъ, если и сравнивать его съ кѣмъ, то съ Лермонтовымъ. Любопытно, что и въ гораздо болѣе позднѣйшее время нашъ извѣстный философъ Вл. Соловьевъ отзывался о Случевскомъ, что «отъ такихъ стиховъ не отказался бы и самъ Лермонтовъ» (въ статьѣ «Импрессіонизмъ мысли», «Космополисъ» 1897 г., апрѣль). Это, конечно, случайное совпаденіе, но оно одно свидѣтельствуетъ о силѣ и глубинѣ впечатлѣнія, производимаго своеобразнымъ и замѣчательно искреннимъ творчествомъ поэта. Какою своеобразною прелестью формы и содержанія дышитъ, напримѣръ, слѣдующее стихотвореніе: «Гдѣ бы ни упало подлѣ ручейка сѣмя незабудки, синяго цвѣтка,— всюду, чуть съ весною загудитъ гроза, взглянутъ незабудокъ синіе глаза! Въ каждомъ чувствѣ сердца, въ помыслѣ моемъ, ты живешь незримымъ, тайнымъ бытіемъ... И лежитъ повсюду на дѣлахъ моихъ свѣтъ твоихъ совѣтовъ, просьбъ и ласкъ твоихъ!».

Но наряду съ жизнью сердца у Случевскаго идетъ и постоянная работа разсудка, что придаетъ новое разнообразіе и сложность его творчеству. Врядъ ли, однако, можно согласиться съ авторомъ, который ставитъ К. К. Случевскаго на ряду съ гр. Алексѣемъ Толстымъ, Полонскимъ, Тютчевымъ, Майковымъ, Фетомъ. Ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не испыталъ такого отчужденія отъ читающей публики, какъ Случевскій; и намъ думается, что нельзя объяснять это отчужденіе исключительно вліяніемъ извѣстной эпохи 60-хъ годовъ, какъ дѣлаетъ это авторъ. Причины должны лежать глубже, въ свойствахъ самаго творчества

поэта. Впрочемъ, авторъ и не претендуетъ на всестороннее критическое изслѣдованіе произведеній К. К. Случевскаго; своимъ этюдомъ онъ желаетъ лишь лишній разъ обратить вниманіе на этого оригинальнаго поэта, вызвать появленіе о немъ «новаго, болѣе обстоятельнаго труда», что, конечно, вполнѣ желательно. Въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи авторъ удовлетворительно выполнилъ свое изслѣдованіе; въ 11-ти главахъ онъ подробно анализируетъ элементы поэзіи Случевскаго; не менѣе ярко написана и послѣдняя 12-я глава, представляющая собой коротенькій очеркъ прозаическихъ произведеній Случевскаго, тѣсно связанныхъ съ его поэзіей. **А. Никитинскій.**

И. Н. Божеряновъ. Жизнеописаніе императрицы Александры Θеодоровны, супруги императора Николая I. Вып. 1. Спб. 1900.

Это изящное изданіе предпринято г. Божеряновымъ по поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія императрицы Александры Θеодоровны, а также открытія въ Москвѣ памятника ея первородному сыну императору Александру II. Предполагается нѣсколько выпусковъ. Въ первомъ выпускѣ помѣщены двѣ главы и начало третьей. Первая глава («До брака») посвящена описанію тихой и скромной жизни императрицы, тогда еще принцессы Шарлотты, въ Пруссіи, при чемъ попутно кратко излагаются и политическія событія того времени: нашествіе Наполеона, Тильзитскій миръ и пр. Во второй главѣ разсказывается о вступленіи въ бракъ принцессы Шарлотты съ великимъ княземъ, а въ третьей—о рожденіи сына-первенца.

Личность императрицы Александры Θеодоровны очерчена весьма живо. Воспитанная въ строгихъ религіозныхъ правилахъ своею матерью, королевою Луизой, императрица навсегда сохранила въ своемъ сердцѣ высокіе завѣты матери, которая внушала: «Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и пріятнѣе для монарха, какъ радостные возгласы его народа, спѣшащаго ему навстрѣчу. Тотъ, кто хочетъ заслужить это, долженъ отвѣчать любовію на любовь своего народа, долженъ имѣть сердце, способное раздѣлить его страданія и радости, главное—онъ долженъ быть съ людьми человѣкомъ» (стр. 23).

Вступивъ на русскій престолъ, Александра Θеодоровна осталась вѣрна этимъ завѣтамъ и относилась къ Россіи и ея народу съ той же любовью, какую ея доблестная мать питала къ своей странѣ и къ своему народу. Императрица принимала живѣйшее участіе въ общественныхъ событіяхъ того времени, готовившихъ освобожденіе крестьянъ.

«Два брата, какъ-то сказала она, императоръ Александръ I и императоръ Николай I, полстолѣтія подготовляли это дѣло, да поможетъ Богъ сыновьямъ моимъ осуществить его». Объ Аракчеевѣ императрица отзывалась такъ: «Этого человѣка боялись, его никто не любилъ, и я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ сумѣлъ удержаться въ милости императора Александра до самой его кончины» (стр. 82). «Я чувствовала себя пріятнѣе въ обществѣ Голицына, чѣмъ Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ» (стр. 83).

Остается пожелать, чтобы слѣдующіе выпуски «Жизнеописанія» не замедлили выходомъ, дабы можно было полнѣе охарактеризовать личность императрицы.

Книга издана чрезвычайно изящно, съ прекрасно исполненными рисунками (портреты императоровъ: Александра I, Николая I, великихъ князей и княгинь, Аракчеева, Жуковскаго и др., виды дворцовъ, соборовъ и пр.).

Д. К. Е.

Восточная библіотека. Т. II. Буддійскія сутты. Въ переводѣ проф. Рисъ-Дэвидса, съ примѣчаніями и вступительной статьей. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. М. 1900.

Если буддійское вѣроученіе, вообще, имѣло у насъ мало серіозныхъ изслѣдованій, то едва ли не въ первый разъ появляется на русскомъ языкѣ популярный переводъ самаго текста буддійскихъ каноническихъ книгъ. Теперь этотъ пробѣлъ начинаетъ пополняться изданіемъ восточной библіотеки, представляющей, во всякомъ случаѣ, выдающееся явленіе среди нашей переводной, да и оригинальной литературы, отнюдь не блистающей большимъ знакомствомъ съ востокомъ. Между тѣмъ, какъ вполнѣ справедливо говоритъ почтенный переводчикъ, «широкое, непосредственное знакомство съ твореніями древнихъ мудрецовъ, весьма часто представляя ученія въ иномъ, болѣе прекрасномъ и симпатичномъ свѣтѣ, нежели они изображались въ тѣхъ или иныхъ пересказахъ и толкованіяхъ, даваемыхъ людьми, малоознакомленными съ предметомъ и притомъ находящимися подъ вліяніемъ предварительныхъ воззрѣній... расширяетъ нашъ взглядъ на человѣчество и судьбу его мышленія и постиженія, и, что всего важнѣе, вселяетъ вѣру въ человѣка — въ вѣчно прекрасное въ человѣкѣ!» (Тѣмъ не менѣе самъ г. Герасимовъ отмѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что нынѣ буддизмъ, «какъ народная религія, безконечно далекъ отъ первоначальной высоты мудраго ученія Готамы»; недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ, однако, распространиться объ этомъ общемъ удѣлѣ всѣхъ религій въ мірѣ). Ученіе Готамы долгое время сохранялось посредствомъ устной передачи, что, понятно, должно было отразиться на его оригинальности. Тѣмъ не менѣе, семь суттъ, составляющія главное содержаніе 2-го тома, неизвѣстно, кѣмъ записанныя, носятъ на себѣ яркое отраженіе замѣчательной личности великаго индійскаго мудреца. Въ большомъ и прекрасно написанномъ предисловіи переводчикъ на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ суттъ даетъ довольно полный очеркъ ученія Готамы, въ которомъ «въ рѣдкостномъ сочетаніи сплелись глубокая мудрость и голубиная чистота»; онъ борется, между прочимъ, противъ ходячихъ представленій о буддизмѣ, какъ «поэзіи міровой скорби», «эгоистической проповѣди небытія» и т. п., и подробно выясняетъ значеніе ученія о «нирванѣ». Краткія характеристики самихъ суттъ содержатся во вступительной статьѣ професора Рисъ-Дэвидса. За качество перевода ручается уже то крайне внимательное отношеніе, даже увлеченіе, съ которымъ переводчикъ относится къ своему дѣлу. Слѣдуетъ пожелать скорѣйшаго выпуска остальныхъ томовъ этого симпатичнаго изданія. Въ заключеніе, чтобы ознакомить чита-

теля съ характернымъ строемъ рѣчи суттъ, превосходно переданнымъ переводчикомъ, мы позволяемъ себѣ привести слѣдующіе тексты изъ сутты: «Основаніе царства праведности»: ...5. Вотъ, о нищіе, благородная истина о страданіи. Въ мукахъ рождается человѣкъ, онъ страдаетъ, увядая, страдаетъ въ болѣзняхъ, умираетъ въ страданіи. Союзъ съ немилымъ—страданіе, страданіе—разлука съ милымъ; и всякая жажда, неудовлетворенная, сугубо мучительна. И всѣ пять совокупностей, возникающихъ изъ привязанностей, — мучительны. Такова, о нищіе, благородная истина о страданіи! 6. И вотъ, о нищіе, благородная истина о началѣ страданія. Истинно!—тотъ зачатокъ страданія лежитъ въ жаждѣ, обрекающей на возрожденіе,—въ этой ненасытной жаждѣ, что все влечетъ человѣка то къ тому, то къ другому, связана съ плотскими усладами: въ вожделѣньи страстей, въ вожделѣньи будущей жизни, въ вожделѣньи продленія настоящей. Такова, о нищіе, благородная истина о началѣ страданія! 7. И вотъ, о нищіе, благородная истина о разрушеніи страданія. Истинно — то разрушеніе страданія есть уничтоженіе жажды, побѣда до конца надъ страстями, исцѣленіе, освобожденіе, безстрастность. Такова, о нищіе, благородная истина о разрушеніи страданія!»..

А. Н—ій.

Указатель къ „Опыту россійской библіографіи“ В. С. Сопикова. (Къ книгамъ гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. Москва. 1900.

«Опытъ» В. С. Сопикова (5 чч., Спб., 1813—1821), при всѣхъ своихъ недостаткахъ, является почти единственной справочной настольной книгой для занимающихся исторіей литературы XVIII и начала XIX столѣтій. Анастасевичъ въ «Росписи» Смирдина сдѣлалъ первую попытку исправить и дополнить указанія Сопикова, но и послѣ этого все же многое изъ «Опыта» продолжало оставаться загадочнымъ до второй половины нашего столѣтія, когда библіографія начала мало-помалу привлекать вниманіе изслѣдователей. Къ сожалѣнію, наши библіографы въ это время уже не могли многое исправить по первоисточникамъ, такъ какъ нѣкоторыя произведенія XVIII столѣтія успѣли исчезнуть почти безслѣдно, и свѣдѣнія о нихъ сохранились только въ «Опытѣ» трудолюбиваго Сопикова. Двойственность значенія труда Сопикова, — съ одной стороны, первый, а иногда и единственный источникъ, а съ другой—множество неточностей (главнымъ образомъ—съ формальной стороны: переиначены заглавія, при томъ почти всегда неполно выписанныя) и ошибокъ, и съ такимъ крупнымъ недостаткомъ, какъ отсутствіе указателей предметнаго и именнаго, — все это вынуждало библіографовъ по возможности исправлять и дополнять Сопикова, тѣмъ болѣе, что въ трудахъ митрополита Евгенія, архимандрита Филарета, Лонгинова, Полторацкаго и другихъ давались часто указанія, не совпадающія со свѣдѣніями Сопикова. Геннади въ своемъ «Словарѣ» первый сдѣлалъ серіозный починъ къ сводкѣ въ одно цѣлое всѣхъ данныхъ о произведеніяхъ литературы XVIII и начала XIX столѣтій, и въ этомъ, къ сожалѣнію, не оконченномъ, трудѣ многое исправилъ и дополнилъ въ «Опытѣ» Сопикова.

Послѣдующія библіографическія работы гг. Саитова, Языкова, Губерти, Л. Майкова и другихъ—въ сущности продолжали разысканія Г. Н. Геннади, внося много новыхъ данныхъ, не бывшихъ извѣстными, какъ Сопикову, такъ и Анастасевичу. Наконецъ, въ 1876 г. былъ изданъ и «Алфавитный указатель именъ авторовъ»... и пр., упоминаемыхъ въ «Опытѣ», составленный (неудачно) П. Морозовымъ.

Къ сожалѣнію, хотя и много было произведено разысканій по поводу «Опыта» Сопикова, но все это мало помогало занимающимся литературою прошлаго столѣтія. Въ 1890-хъ годахъ явилась надежда получить полную библіографію того, Сопиковскаго, времени, но какъ «Библіографическіе матеріалы, собранные Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ» (изд. «Книговѣдѣнія» въ 1894 г.), такъ и «Русскія книги» (подъ ред. С. А. Венгерова) почти въ самомъ началѣ пріостановлены изданіемъ, — и мы опять съ единственной пока книгой, «Опытомъ Сопикова»: библіографіи нѣтъ ходу, нѣтъ ей поддержки.

Въ виду этого только что появившійся такъ кстати трудъ Влад. Ник. Рогожина въ значительной степени примиряетъ насъ съ недостаками «Опыта» Сопикова, — онъ вполнѣ удовлетворяетъ могущіе быть запросы къ послѣднему, — за исключеніемъ буквальной точности заглавій. Указатель Рогожина содержитъ въ себѣ: а) указатель сокращенныхъ заглавій, б) указатель авторовъ, переводчиковъ, издателей и редакторовъ, в) указатель собственныхъ именъ, преимущественно историческихъ, встрѣчающихся въ заглавіяхъ книгъ, г) указатель книгъ, печатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей, д) списокъ рѣдкихъ книгъ (по отмѣткамъ Сопикова), е) очень существенное—примѣчанія, дополненія и поправки, гдѣ, во-первыхъ, сведены въ одно всѣ указанія и разъясненія Анастасевича, Геннади, Венгерова, Саитова, Л. Майкова, Д. Языкова, Н. Губерти, и мн. др., главнымъ образомъ относительно авторовъ и переводчиковъ, и, во-вторыхъ, указаны новыя свѣдѣнія, пока еще не напечатанныя. Къ сожалѣнію, провѣрки книгъ по подлинникамъ почти не было, и потому пришлось брать на вѣру указанія въ росписи Смирдина. В. Н. Рогожинъ, понятно, послѣдняго слова не сказалъ,—еще многое осталось не разъясненнымъ; въ этомъ ему помогутъ наши библіографы; но и въ настоящемъ видѣ образцово исполненный трудъ г. Рогожина является неизбѣжнымъ для всѣхъ, вынужденныхъ пользоваться «Опытомъ» Сопикова. Изданъ трудъ г. Рогожина довольно хорошо (хотя, къ сожалѣнію, опечатки встрѣчаются нерѣдко) и по цѣнѣ вполнѣ доступенъ. **А. В. О.**

А. В. Кругловъ. Женскій Аѳонъ. (Очерки историческаго уголка). Изд. 2-е, Спиридонова. Москва. 1899.

Такъ называетъ авторъ женскій монастырь, возникшій на мѣстѣ, полномъ историческихъ воспоминаній—Званкѣ, бывшемъ имѣніи пѣвца Фелицы—Державина. Этотъ поэтическій уголокъ, пріютившійся на возвышенномъ берегу р. Волхова, стоитъ дѣйствительно того, чтобы на него было обращено серіозное вниманіе.

Авторъ начинаетъ свой этнографическій очеркъ съ путешествія по р. Волхову, набрасывая при этомъ рядъ пейзажей, касаясь личности Аракчеева и

его дѣятельности, знакомитъ съ исторіей пароходства и возсоздаетъ общую картину внѣшняго вида современной Званки. Затѣмъ онъ переходитъ къ Званкѣ въ прошломъ и характеризуетъ жизнь Державина въ его семейной обстановкѣ, его отношеніе къ женѣ, къ крестьянамъ, ко двору. Описаны торжественныя похороны Державина, достойнымъ образомъ завершившія славную жизнь поэта, огорченная вдова котораго выразила въ завѣщаніи желаніе устроить на Званкѣ монастырь во имя Знаменія Божіей Матери, что современемъ и было выполнено наслѣдниками.

Затѣмъ авторъ разсказываетъ исторію возникновенія монастыря, дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ характеристикъ монахинь и знакомитъ съ внутреннимъ благоустройствомъ монастыря.

Книга написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, и съ внѣшней стороны изданіе заслуживаетъ также полнаго одобренія. **Н.**

Воспоминанія офицера Кобулетскаго отряда въ кампанію 1877—1878 гг. В. Колюбакина. Изданіе. В. Березовскаго. Спб. 1899.

Эта интересная и довольно объемистая книга, вышедшая уже вторымъ изданіемъ, печаталась, въ началѣ—въ 1883, 1884 и 1885 гг.—въ «Военномъ Сборникѣ» и, выпущенная затѣмъ отдѣльною книгой, скоро разошлась въ продажѣ. Въ своемъ настоящемъ, второмъ, изданіи книга г. Колюбакина дополнена нѣсколькими планами и картами, а въ текстѣ новою главою, заключающею въ себѣ описаніе театра дѣйствій Кобулетскаго отряда. Кромѣ того, это новое изданіе иллюстрировано многими портретами, а также изображеніями нѣкоторыхъ мѣстныхъ типовъ населенія и бытовыми сценами, рисованными съ натуры художникомъ Артуромъ Ванюрà, бывшимъ при названномъ отрядѣ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала «Über Land und Meer».

Кобулетскому отряду пришлось дѣйствовать въ полосѣ Черноморскаго прибрежья, собственно въ бассейнѣ Ріона (въ древней Колхидѣ); авторъ въ качествѣ адъютанта начальника артиллеріи принялъ участіе въ кампаніи съ ея перваго дня, т.-е., съ 12-го апрѣля 1877 года, когда всѣ наши войска, заранѣе сгруппированныя вблизи турецкой границы, по западному побережью Черноморья, двинуты были на турецкую территорію.

Въ своихъ описаніяхъ авторъ не ограничивается сухимъ перечнемъ однихъ лишь военныхъ событій: въ его книгѣ читатели встрѣтятъ и подробную исторію страны—Гуріи,—въ которой происходила война, и этнографію народностей, ее населяющихъ, и даже весьма интересное и картинное описаніе чудной растительности, покрывающей и понынѣ западное побережье Чернаго моря.

Батальная часть книги написана нѣсколько слабѣе: такъ, напримѣръ, описанія сраженія 29-го апрѣля и взятія Хуцу-Убанскихъ высотъ, а равно боя съ турками 11-го и 12-го іюня, представляются лишь сухими отчетами, напоминающими собою офиціальныя реляціи, отправляемыя по начальству по окончаніи сраженій...

Въ этихъ главахъ книги г. Колюбакина нѣтъ описанія ни одного подвига, совершеннаго младшими чинами отряда, или даже и простыми солдатиками, а между тѣмъ—«мы побѣдили», какъ принято говорить, и нельзя же, слѣдовательно, допустить, чтобы въ этихъ жаркихъ дѣлахъ и побѣдахъ не выступила ни разу, въ частныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ, беззавѣтная храбрость, доблесть или, наконецъ, великодушіе—чувства, столь свойственныя русскимъ воинамъ, начиная отъ высшихъ чиновъ и кончая рядовыми. Между тѣмъ, книга г. Колюбакина, равная, по своей величинѣ, почти 20-ти журнальнымъ листамъ (въ ней 274 большихъ страницы), могла бы, повидимому, вмѣстить въ себѣ эти частные эпизоды описываемыхъ битвъ и сдѣлаться, такимъ образомъ, еще болѣе живою и интересною. Издана книга довольно изящно; рисунки исполнены тщательно. **И. Н. З.**

Былое и настоящее. Сибирскіе инородцы. Матеріалы для изученія мелецкихъ инородцевъ, собранные А. А. Яриловымъ. Юрьевъ. 1899.

Названная нами книга представляетъ второй выпускъ предпринятаго енисейскимъ статистическимъ комитетомъ труда по описанію быта сибирскихъ инородцевъ, попреимуществу, проживающихъ въ предѣлахъ Енисейской губерніи. Въ первомъ шла рѣчь о «минусинскихъ и ачинскихъ инородцахъ», и о немъ мы уже имѣли случай говорить. Хотя вопросъ о мелецкихъ инородцахъ, проживающихъ въ Ачинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи, затрогивался и въ этомъ выпускѣ, но свѣдѣнія, собранныя вновь о нихъ г. Яриловымъ, значительно полнѣе. Онъ предварительно сдѣлалъ сводъ историческихъ данныхъ о мелецкихъ инородцахъ, пользуясь для этого очень многими сочиненіями XVIII и XIX вѣковъ (Георги, Миллера, Фишера, Гмелина, Кастрена, В. Радлова, Кострова, Гагемейстера, Кузнецова, Вагина и мн. др.). «Мелецкіе инородцы», говоритъ онъ, «входятъ въ составъ той весьма сложной этнической амальгамы, которой присвоивается обыкновенно общее наименованіе «чулымскихъ татаръ», и извѣстны съ начала XVII вѣка, когда были обложены ясакомъ сургутскими и кетскими казаками. Входя все болѣе и болѣе въ близкія сношенія съ русскими, они въ настоящее время являются совершенно обрусѣвшими. Автору въ 1897 г. сообщали, что 10 лѣтъ тому назадъ были еще живы три женщины, умѣвшія говорить на своемъ родномъ языкѣ.

Вслѣдъ за исторіей г. Яриловъ подробно говоритъ о движеніи и количествѣ населенія, не упуская при этомъ изъ виду и вопроса о колонизаціи Ачинскаго уѣзда и о вліяніи послѣдней на бытъ мелецкихъ инородцевъ; затѣмъ—о развитіи и движеніи земледѣлія, звѣроловства, скотоводства, пчеловодства, рыболовства и о прочихъ занятіяхъ этихъ инородцевъ. Наконецъ, въ приложеніи имъ помѣщены: 27 таблицъ хозяйственныхъ инвентарей, вѣдомость посѣва инородческаго яроваго хлѣба въ 1825 году, свѣдѣнія 1824 года мелецкаго «князца» Кондякова о наличномъ составѣ нѣкоторыхъ мелецкихъ улусовъ, о прибывшихъ и убывшихъ ихъ жителяхъ и наконецъ образецъ условія понайму инородцевъ въ рекруты. **В. Р—въ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Вавилонскія и ассирійскія древности.— Прародитель европейскаго либерализма.— Бракъ Маріи Лещинской. — Невѣдомое историческое сокровище. — Массэна въ Швейцаріи. — Заложенный городъ. — Императоръ Александръ I во Франціи.— Новая біографія Веллингтона.— Уничтоженіе въ Англіи налоговъ на знаніе.— Юбилей Кальдерона и Джіордано Бруно.— Дружба Мишлэ и Кинэ.— Труды англо-русскаго литературнаго общества.— Ненапечатанные отрывки изъ дневника Башкирцевой. — Русская писательница въ Америкѣ.— Новые мемуары.— Франція и православіе на востокѣ.

ВАВИЛОНСКІЯ и ассирійскія древности. Въ Англіи вышли двѣ популярныя монографіи о вавилонскихъ и ассирійскихъ древностяхъ. Первая—принадлежитъ извѣстному ученому спеціалисту профессору Сейсу [1]) и представляетъ живо написанную картину нравовъ и обычаевъ вавилонянъ и ассиріянъ, а послѣдняя — написана однимъ изъ библіотекарей Британскаго музея Кингомъ, и даетъ читателю ясное, вполнѣ удовлетворительное понятіе о вавилонской религіи и миѳологіи [2]). Главный тезисъ Сейса заключается въ сходствѣ древнихъ вавилонянъ съ современными англичанами. Это сходство не случайное и объясняется съ одной стороны происхожденіемъ европейской цивилизаціи отъ греческой, которая много заимствовала отъ финикіянъ и другихъ жителей западной Азіи, а съ другой — тѣмъ фактомъ, что вавилоняне и отчасти ассиріяне были такъ же, какъ англичане, націей лавочниковъ. Не только

---

[1]) Babylonians and Assyrians. By A. Sayce. London. 1900.

[2]) Babylonian Religion and Mythology. By King. London. 1900.

вавилонскіе цари занимались торговыми дѣлами, какъ, напримѣръ, царь Вальтасаръ во времена пророка Даніила торговалъ шерстью, а Камбизъ, будучи наслѣдникомъ престола, давалъ деньги подъ закладъ, но и акціонерныя компаніи процвѣтали въ Вавилонѣ. Еще доказательствомъ торговыхъ стремленій вавилонянъ служитъ разрѣшеніе въ Вавилонѣ женщинамъ вести торговлю отъ своего имени. Все это подробно и основательно выяснено въ книгѣ Сейса, въ которой читатель найдетъ основанныя на новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ Вавилона, о созданіи имъ архитектуры и письменъ, о производствѣ въ немъ роскошныхъ одеждъ, на которыя съ завистью смотрѣли евреи, и о снабженіи Вавилономъ Микенъ во времена до Гомера произведеніями изъ золота, серебра и слоновой кости. Тотъ фактъ, что Вавилонъ былъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ торговлѣ, пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, въ виду неблагопріятныхъ физическихъ условій этой страны. Ея почва была болотистая и не имѣла никакихъ ископаемыхъ богатствъ, но въ ней было обиліе пшеницы, которая росла безъ удобренія, и финиковъ, которыми до сихъ поръ исключительно питаются нѣкоторые азіатскіе народы. Благодаря этому, вавилоняне могли пользоваться дешевымъ трудомъ, такъ какъ, по словамъ профессора Сейса, содержаніе невольника стоило тогда около шести копеекъ въ день, а свободные работники нанимались за пищу и одежду, а въ результатѣ вавилоняне получали возможность развить свою промышленность и торговлю. Несмотря на частыя войны, которыя стоили Вавилону очень дорого, какъ, напримѣръ, одинъ Александръ Великій взялъ деньгами въ этомъ городѣ болѣе трехсотъ милліоновъ рублей, торговое первенство во всемъ свѣтѣ оставалось за нимъ до развитія созданной македонскимъ завоевателемъ Александріи въ Египтѣ. Что касается до очерка религіи и миѳологіи вавилонянъ, то его авторъ, Кингъ, руководствовался всѣми научными трудами, появившимися въ послѣдніе года объ этомъ предметѣ, и, между прочимъ, онъ приводитъ вполнѣ всѣ различные варіанты Тіаматской легенды о сотвореніи міра, указывая на ихъ сходство съ еврейскими преданіями. Вообще трудъ Кинга представляетъ для общаго читателя прекрасное пособіе для перваго популярнаго знакомства съ вѣрованіями древняго Вавилона.

— Прародитель европейскаго либерализма. Въ серіи біографій знаменитыхъ шотландцевъ появилась составленная Р. Воллесомъ біографія Джорджа Буканана [1]), имя котораго почти забыто, хотя онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей XVI вѣка, выдающимся историкомъ, сатирикомъ и поэтомъ, а главное основателемъ современнаго либерализма не только въ Шотландіи и Англіи, но во всей Европѣ. Черезъ шесть лѣтъ европейскимъ либераламъ представится случай отпраздновать пятисотлѣтній юбилей своего прародителя, такъ какъ Букананъ родился въ 1506 году. Онъ принадлежалъ къ старинной, но бѣдной дворянской семьѣ въ Стирлингѣ, что, однако же, не помѣшало ему получить прекрасное воспитаніе. На средства дяди онъ былъ посланъ въ парижскій университетъ, но за смертью его долженъ былъ вернуться на родину и поступить въ шотландскій университетъ св. Андрея, гдѣ получилъ ученую степень,

---

[1]) George Buchanan, by Robert Wallace. London. 1900.

а затѣмъ снова отправился въ Парижъ, окончилъ тамъ университетскій курсъ и получилъ каѳедру въ коллегіи св. Варвары. Спустя одиннадцать лѣтъ, онъ почувствовалъ тоску по родинѣ и возвратился въ Шотландію, но уже протестантомъ и ярымъ врагомъ католическихъ патеровъ. Злая сатира, написанная имъ на латинскомъ языкѣ противъ монаховъ, возбудила ярость католическаго духовенства, и онъ уже хотѣлъ искать убѣжища въ своемъ второмъ отечествѣ, Парижѣ, но шотландскій король Яковъ V не только взялъ его подъ свое покровительство и поручилъ ему воспитаніе одного изъ своихъ незаконныхъ сыновей, но поручилъ ему написать вторую еще болѣе рѣзкую сатиру противъ францисканцевъ. Однако, когда всесильный кардиналъ Гитонъ потребовалъ ареста остроумнаго сатирика и даже предложилъ королю крупныя деньги за выдачу головой Буканана, Яковъ дозволилъ его арестовать и не пошевелилъ пальцемъ, чтобы защитить автора имъ же заказанной сатиры. Буканану пришлось самому выручать себя, и онъ ловко устроилъ свое бѣгство изъ тюрьмы, спасся во Францію и сначала былъ учителемъ въ частныхъ домахъ въ Парижѣ и Бордо, а потомъ отправился съ знаменитымъ португальскимъ ученымъ Говеа въ Коимбру, гдѣ получилъ каѳедру въ мѣстномъ университетѣ. До смерти Говеа все шло хорошо, но затѣмъ злополучный шотландецъ подвергся новымъ клерикальнымъ преслѣдованіямъ. Его признали еретикомъ и заточили въ монастырь, но онъ не унывалъ и въ заточеніи перевелъ прекрасными латинскими стихами псалмы Давида. Выпущенный на свободу въ 1551 году, онъ поѣхалъ на короткое время въ Англію, а затѣмъ снова провелъ 10 лѣтъ во Франціи, гдѣ читалъ лекціи въ Гвіенскомъ университетѣ. Пріобрѣтя европейскую извѣстность, какъ ученый и поэтъ, Букананъ обратилъ на себя вниманіе молодой шотландской королевы, Маріи Стюартъ, и она взяла его къ себѣ учителемъ классической литературы, но по своимъ политическимъ и религіознымъ принципамъ онъ вскорѣ поссорился съ королевой и принялъ сторону возстававшихъ противъ нея шотландскихъ вельможъ съ регентомъ Муреемъ во главѣ. Благодаря покровительству этого послѣдняго, онъ получилъ должность ректора въ коллегіи св. Леонарда, въ университетѣ св. Андрея и секретаря шотландскаго законодательнаго собранія. Скандальные поступки королевы Маріи до того возмутили ея бывшаго учителя, что онъ написалъ противъ нея на латинскомъ языкѣ брошюру, составилъ обвинительный актъ, когда она была отдана подъ судъ Елизаветой, и являлся свидѣтелемъ на этомъ судѣ. Въ 1570 году, Букананъ былъ назначенъ наставникомъ малолѣтняго короля Якова VI и такъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, что обращался съ нимъ, какъ съ простымъ ученикомъ, а не какъ съ королемъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ пересаливалъ и слишкомъ часто прибѣгалъ къ розгѣ, чтобы доказать, какъ мало онъ обращалъ вниманія на королевскій санъ своего ученика. Во всякомъ случаѣ, будущій англійскій король подъ именемъ Якова I былъ обязанъ ему своими научными и богословскими свѣдѣніями, которыми впослѣдствіи онъ такъ хвастался. Замѣчательно, что своему юному ученику Букананъ посвятилъ въ 1579 году свое знаменитое сочиненіе «De jure regis», въ которомъ онъ изложилъ свою либеральную конституціонную теорію. Въ этой книгѣ, служащей азбукой либеральнаго конституціонализма, черпали, какъ при жизни автора,

такъ и въ послѣдующіе вѣка, свои принципы и аргументы либералы всей Европы. Въ послѣдніе годы своей жизни Букананъ исполнялъ должности директора казначейства и хранителя королевской печати, но главнымъ его занятіемъ было составленіе «Исторіи Шотландіи» на латинскомъ языкѣ, которая отличается богатствомъ фактовъ и изяществомъ изложенія, хотя автора небезосновательно упрекаютъ въ пристрастномъ изложеніи современныхъ ему событій. Ровно мѣсяцъ послѣ выхода въ свѣтъ его «Исторіи» онъ умеръ въ Эдинбургѣ въ 1582 году, а спустя два года его вѣчные враги, католическіе патеры, добились признанія его двухъ главныхъ сочиненій «Исторіи Шотландіи» и «De jure regis» по приговору шотландскаго парламента зловредными и подлежащими секвестру у всѣхъ имѣющихъ экземпляры таковыхъ.

— Бракъ Маріи Лещинской. Пьеръ де-Нольякъ, спеціально занявшійся въ послѣднее время интимною исторіею Людовика XV, помѣстилъ въ «Revue de deux mondes» [1]) статью, посвященную браку Людовика XV съ Маріею Лещинскою, дочерью низложеннаго короля польскаго. Отецъ Маріи, Станиславъ Лещинскій, связавшій свою судьбу съ судьбою Карла XII, въ 1725 году, жилъ въ изгнаніи на французской территоріи въ нижне-эльзасскомъ городѣ Виссембургѣ. Почти забытый, безъ вліянія и безъ денегъ, онъ нисколько и не мечталъ о томъ, чтобы снова оказаться окруженнымъ блескомъ и почетомъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, странное стеченіе обстоятельствъ сдѣлало его дочь королевою французскою. Станиславъ Лещинскій уже былъ убѣжденъ, что собственная его карьера покончена, и старался лишь о томъ, чтобы прилично пристроить свою дочь, выдавъ ее замужъ за какого либо мелкаго владѣтельнаго князя или принца крови. Марію свталъ было маркизъ Куртанво, внукъ министра Лувуа, надѣявшійся получить французское перство; послѣднее, однако, не удалось, и бракъ не состоялся. Отецъ думалъ, затѣмъ, выдать Марію за сына своей сосѣдки маркграфини баденской; послѣдняя, однако, дала замѣтить, что она вовсе не цѣнитъ выгодъ семейнаго союза съ королемъ безъ королевства. Станиславъ еще находился подъ впечатлѣніемъ этого унизительнаго отказа, какъ вдругъ за его дочь посваталось весьма важное лицо, одинъ изъ принцевъ дома Бурбоновъ. Въ это время какъ разъ умеръ регентъ, и Станиславъ уже опасался, какъ бы у него не отняли той небольшой пенсіи, которая ему дана была регентомъ, какъ, къ удивленію его, замѣститель регента, первый министръ, герцогъ Бурбонъ, не только выразилъ полное согласіе выдавать пенсію и впредь, но даже попросилъ руки принцессы Маріи. Объяснялось дѣло тѣмъ, что всесильная при герцогѣ метресса его, г-жа де-При, подыскивала для своего любовника супругу, которая была бы безъ особыхъ претензій и въ то же время подходила бы по своему положенію къ супругу; изъ случайныхъ разговоровъ она узнала о дочери Станислава Лещинскаго и остановила на ней свой выборъ. Станиславъ былъ весьма обрадованъ предложеніемъ, но дѣло рѣшено было на первыхъ порахъ вести въ большой тайнѣ. Изъ королевской академіи въ Виссембургъ былъ посланъ художникъ, который долженъ былъ снять портретъ съ

[1]) Pièrre de Nolhac, «Le Mariage de Marie Leczinsky». — «Revue de deux mondes», 1 mars 1900.

Маріи Лещинской. Однако, вскорѣ всѣ эти планы оказалось необходимымъ нарушить. Герцогъ Бурбонъ сталъ страшиться за свою будущность. Король все еще не былъ женатъ, и наслѣдникомъ его считался герцогъ Орлеанскій; стоило случиться какому либо несчастію на охотѣ, къ которой Людовикъ XV былъ въ это время страшно привязанъ, и герцогъ Орлеанскій, врагъ герцога Бурбона, вступилъ бы на престолъ. Нужно было подумать о томъ, чтобы король не умеръ, не оставивъ прямого наслѣдника. Единственнымъ средствомъ являлось немедленно женить Людовика XV на принцессѣ, которая могла бы даровать Франціи дофина. Это встрѣчало, однако, сильныя затрудненія. Дѣло въ томъ, что, въ интересахъ поддержанія связей между Франціею и Испаніею, Людовикъ успѣлъ уже торжественно помолвиться съ семилѣтней испанскою инфантою, которая жила во Франціи и пользовалась офиціальнымъ положеніемъ королевской невѣсты. Отослать ее обратно къ отцу значило бы испортить совершенно отношенія съ Испаніею. Герцогъ все еще колебался, какъ король вдругъ опасно заболѣлъ. У постели больного герцогъ рѣшительно заявилъ: «Когда онъ выздоровѣетъ, его надо будетъ женить!» Дѣйствительно, по выздоровленіи короля, немедленно же было послано Филиппу V письмо, гдѣ, со всяческими извиненіями, излагалось горестное положеніе дѣлъ и необходимость для Франціи имѣть королевскою супругою особу взрослую, а не семилѣтняго ребенка. Въ Испаніи это письмо вызвало страшный гнѣвъ: французскій посланникъ былъ высланъ изъ Мадрида, принцесса Орлеанская, готовая выйти замужъ за донъ Карлоса, была отправлена обратно во Францію, французскимъ консуламъ было велѣно въ 24 часа оставить Испанію. Тѣмъ не менѣе, дѣло было сдѣлано, и король былъ свободенъ. Оставалось найти ему невѣсту. Герцогъ посваталъ короля за старшую дочь принца Уэльскаго. На это полученъ былъ отвѣтъ, что бракъ не можетъ состояться изъ-за различія въ вѣрѣ. Еще раньше появился проектъ брака между королемъ и царевною Елизаветою Петровною; за этотъ проектъ, какъ говорятъ, стояла сама царица Екатерина I; но г-жа де-При, въ рукахъ которой было рѣшеніе дѣла, побоялась «кипучей крови Петра Великаго». Оказывались разныя неудобства и въ случаѣ брака съ принцессами изъ другихъ владѣтельныхъ домовъ Европы. Герцогъ Бурбонъ составилъ даже особый списокъ принцессъ Европы съ указаніемъ при каждой ея достоинствъ и недостатковъ; почти противъ всѣхъ оказывались болѣе или менѣе вѣскіе доводы. Въ это время въ Парижъ былъ присланъ портретъ Маріи Лещинской, изготовленный академикомъ, посланнымъ въ Виссембургъ. Марія была изображена очень схожею съ герцогинею бургонскою, матерью Людовика XV. Это дало г-жѣ де-При мысль предложить ее въ королевы. Герцогъ скоро согласился на это предложеніе. Указывались нѣкоторыя неудобства, прежде всего, зависимое отъ Франціи положеніе отца принцессы, но на это рѣшено было не обращать вниманія. Обратились къ королю для рѣшенія вопроса, показавъ ему предварительно портретъ принцессы. Людовикъ XV остался доволенъ проектомъ, и немедленно же въ Эльзасъ былъ посланъ курьеръ съ письмомъ къ королю Станиславу. Принцесса Марія присутствовала при томъ, какъ отецъ ея читалъ письмо, полученное отъ перваго министра. Видя, что лицо отца при чтеніи сіяло необыкновенною радостью, Марія обратилась къ нему съ вопросомъ: «Что тебя

такъ радуетъ? Не возвращаютъ ли тебѣ тронъ?» — «Небо даетъ намъ еще лучшее счастье,— отвѣчалъ отецъ, — ты будешь королевою французскою». Какъ замѣчаетъ Пьеръ де-Нольякъ, этотъ бракъ былъ первымъ случаемъ во Франціи, когда при выборѣ супруги короля эгоистическіе интересы одержали верхъ надъ національными.

— Невѣдомое историческое сокровище. Парижскія газеты увѣдомляютъ о разработкѣ архива въ провинціальномъ городѣ Труа, въ которомъ оказалась замѣчательная и доселѣ неизвѣстная историкамъ коллекція подъ общимъ названіемъ «саксонскаго архива». Дѣло въ томъ, что въ прошедшемъ столѣтіи сынъ саксонскаго курфюрста Фридриха-Августа II и братъ матери Людовика XVI, принцъ Ксаверій Саксонскій, игралъ довольно значительную политическую роль, командуя саксонскимъ корпусомъ во французской арміи во время семилѣтней войны и управляя Саксоніей по случаю малолѣтства его племянника, а затѣмъ онъ жилъ во Франціи подъ именемъ графа Люзаса въ замкѣ «Pont sur Seine», гдѣ собралъ замѣчательную коллекцію рукописей, имѣвшихъ отношеніе до его политической дѣятельности. Въ эпоху революціи принцъ Ксаверій эмигрировалъ, и все его имущество было секвестровано. Рукописи и документы, найденные въ его замкѣ, были переданы въ архивъ города Труа, и ихъ нашлось столько, что они наполнили двадцать ящиковъ, вѣсившихъ пять тысячъ фунтовъ. Затѣмъ объ ихъ судьбѣ ничего неизвѣстно до 1841 года, когда мѣстный архиваріусъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что подъ его вѣдѣніемъ находится очень интересный «саксонскій архивъ». Спустя одиннадцать лѣтъ, его преемникъ Гиньяръ привелъ въ порядокъ этотъ архивъ и сдѣлалъ ему краткое оглавленіе. Послѣ этого почти пятьдесятъ лѣтъ забыли о немъ, и только съ декабря мѣсяца прошедшаго года особая комиссія занимается его разработкой. Оказывается, что этотъ «саксонскій архивъ» — замѣчательное историческое сокровище, въ особенности для лицъ, изучающихъ семилѣтнюю войну. Онъ состоитъ изъ восьми отдѣловъ Въ первомъ находится обширная переписка принца Ксаверія съ маршаломъ Брольи, герцогомъ Шуазелемъ, саксонскимъ посланникомъ графомъ Брюлемъ и т. д., о событіяхъ семилѣтней войны, а также дневникъ принца и офиціальные документы, касающіеся той же эпохи. Бумаги второго отдѣла относятся до управленія Саксоніей принцемъ Ксаверіемъ во время малолѣтства Фридриха-Августа II. Третій отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ семейную переписку принца и очень любопытные мемуары генерала Мартанжа. Что же касается до остальныхъ пяти отдѣловъ, то они касаются менѣе интересныхъ предметовъ, именно частныхъ дѣлъ принца. По всей вѣроятности, французскіе историки воспользуются этимъ невѣдомымъ историческимъ сокровищемъ и познакомятъ читателей съ самыми любопытными документами саксонскаго архива. Наиболѣе пользы онъ, вѣроятно, принесетъ Ришару Вадингтону при составленіи его замѣчательной «Исторіи Семилѣтней войны», первый томъ которой появился въ прошедшемъ году.

— Массэна въ Швейцаріи. Въ Невшатели появился любопытный трудъ швейцарскаго писателя Эдуарда Ротта объ управленіи французами Швейцаріи во время революціи, подъ заглавіемъ «Перошель и Массэна» [1]. Первое изъ

[1]) Perrochel et Masséna. L'occupation française en Helvetie, par Edouard Bott. Neuchâtel, 1900.

этихъ именъ мало извѣстно, и оно принадлежало честному служителю французской революціи, а второе прославлено носившимъ его наполеоновскимъ маршаломъ, герцогомъ Риволи, принцемъ Эслингскимъ, который, однако, пользовался очень сомнительной репутаціей. Марбо въ своихъ мемуарахъ прямо выражаетъ сожалѣніе, что Массэна омрачалъ свои геройскіе подвиги чрезмѣрной любовью къ деньгамъ, а генералъ, баронъ Девернуа, воспоминанія котораго недавно напечатаны, высказывается о немъ не менѣе рѣзко. Послѣдній находился въ Римѣ, въ 1798 году, когда Массэна принялъ начальство надъ французскимъ окупаціоннымъ отрядомъ въ римской республикѣ и, по его словамъ, какъ самъ Массэна, такъ и его штабъ безмилосердно грабили несчастныхъ итальянцевъ, отнимая у нихъ не только деньги, но и драгоцѣнныя художественныя произведенія. Жалобы противъ Массэны были такъ велики, что директорія его смѣнила, но вскорѣ назначила главнокомандующимъ французской арміей въ Швейцаріи, гдѣ онъ покрылъ себя славой и спасъ Францію отъ нашествія австрійскихъ и русскихъ войскъ, но продолжалъ отличаться хищничествомъ. Въ то время представителемъ Франціи при Гельветической республикѣ былъ простой безхитростный патріотъ съ идеальными стремленіями къ свободѣ и честности, Генри Перошель. Онъ, подобно Талейрану, смѣнилъ патерскую рясу на мундиръ дипломата, но не имѣлъ ничего общаго съ хитрымъ, коварнымъ министромъ и прямо высказывалъ, что герои должны руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ обыкновенными правилами честности. Поэтому въ своихъ депешахъ онъ распространялся въ похвалахъ военнымъ талантамъ Массэны, но рѣзко изобличалъ всѣ злоупотребленія, которыя главнокомандующій допускалъ въ своей арміи и въ своихъ отношеніяхъ къ швейцарской республикѣ. По его словамъ, во французской арміи и въ особенности среди ея начальниковъ «слѣдовало возстановить совершенно потерянное ими чувство честности, которое увеличиваетъ военную славу и возбуждаетъ уваженіе къ арміи въ той странѣ, гдѣ она находится». Дѣйствительно швейцарское правительство и частные граждане жаловались на безконечные поборы, контрибуціи и притѣсненія. Такъ Цюрихъ обязанъ былъ внести добровольно 800.000 ливровъ, а другіе швейцарскіе города отъ 75.000 до 400.000, а когда Базель отказался уплатить требуемые съ него 800.000, то съ него взыскали вдвое, т. е. милліонъ шестьсотъ тысячъ. Французы всюду забирали насильственно фуражъ, лошадей и продовольствіе, не уплачивая выдаваемыхъ квитанцій, и все это дѣлалось не въ завоеванной странѣ, а въ союзной республикѣ, которая была создана Франціей. Естественно, что Перошель, вѣрный республиканскимъ идеаламъ, не могъ помириться съ подобнымъ порядкомъ вещей и неустанно обличалъ «позорную жажду золота, которая превращала героя въ грабителя». Наконецъ, онъ не выдержалъ и написалъ своему министру Талейрану: «Три недѣли тому назадъ генералъ Массэна потребовалъ отъ швейцарскихъ властей поставки лошадей съ повозками для военныхъ надобностей, что и было исполнено. Но какъ только приведено было 150 лошадей и сдано особымъ французскимъ комиссарамъ, то ихъ отправили въ Страсбургъ, а комиссары объяснили, что такъ какъ лошади представлены безъ повозокъ, то значитъ они приведены въ подарокъ, а не поставлены на военную надобность, какъ требовалъ главнокомандующій... Долго ли это

продлится, гражданинъ министръ? Долго ли будутъ злоупотреблять терпѣніемъ дружескаго народа? Долго ли постыдными грабежами будутъ омрачать честь французскаго имени? Долго ли представители республики будутъ тщетно возвышать свой голосъ противъ страшныхъ злоупотребленій, которыя позорятъ французскую націю? Если французское правительство не чувствуетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы карать преступленія, то честнымъ людямъ остается только удалиться отъ зрѣлища подобныхъ отвратительныхъ поступковъ». Идеалистъ Перошель подалъ въ отставку и былъ принесенъ въ жертву славѣ Массэны. Всю эту печальную исторію очень характерно разсказываетъ Эдуардъ Роттъ въ своей книгѣ, которая оканчивается слѣдующими словами: «Перошель умеръ въ 1810 году въ отставкѣ, всѣми забытый, а Массэна въ то время сдѣлался маршаломъ, герцогомъ Риволи, принцемъ Эсслингскимъ, получая въ годъ до милліона франковъ». По словамъ Тэна, Массэна во время всѣхъ своихъ походовъ нажилъ до сорока милліоновъ франковъ, а Альфредъ Рамбо говоритъ о немъ: «Массэна началъ свою карьеру контрабандистомъ и корсаромъ, а всегда во всѣ фазы своей блестящей военной дѣятельности онъ соединялъ храбрость съ погоней за наживой». Только генералъ Тибо, служившій подъ начальствомъ Массэны, старается въ своихъ мемуарахъ оправдать маршала и взвалить главную вину ограбленія Рима на Бертье, который былъ предшественникомъ Массэны въ командованіи тамошнимъ французскимъ корпусомъ; но если Бертье и началъ грабежи, то Массэна ихъ продолжалъ. Въ настоящее время Альберъ Джуркъ, издатель мемуаровъ Девернуа, одного изъ строгихъ обвинителей Массэны, собираетъ матеріалы для полной обстоятельной монографіи по вопросу о хищеніяхъ этого храбраго, но безчестнаго героя, а потому съ появленіемъ въ свѣтъ этой книги означенный вопросъ будетъ, по всей вѣроятности, исчерпанъ и сданъ въ архивъ.

— Заложенный городъ. Въ шведскомъ парламентѣ затронутъ депутатомъ Э. Гадэномъ очень интересный вопросъ дипломатической исторіи XIX вѣка. Дѣло заключается въ томъ, что въ началѣ столѣтія король шведскій Густавъ-Адольфъ IV долженъ былъ жениться на дочери великаго герцога Франциска-Фердинанда Мекленбургъ-Шверинскаго, но этотъ бракъ не состоялся и великій герцогъ потребовалъ, какъ вознагражденіе отъ Швеціи, присоединеніе къ Мекленбургу города Висмара, который принадлежалъ Швеціи со времени Вестфальскаго трактата, хотя находился среди мекленбургскихъ владѣній. Швеція на это не согласилась, и великій герцогъ долженъ былъ удовольствоваться уплаченными ему ста тысячами талерами. Но онъ не отказался отъ своей идеи овладѣть Висмаромъ и принадлежащими ему территоріями Поэль и Нейклостеръ. Онъ предложилъ Швеціи продать ему эту мѣстность, но Швеція отказала ему въ этомъ и послѣ долгихъ переговоровъ согласилась отдать ему Висмаръ съ принадлежащими ему территоріями въ залогъ на сто лѣтъ за данныя Мекленбургомъ въ займы Швеціи милліонъ пятьдесятъ восемь тысячъ талеровъ. Договоръ по этому вопросу былъ заключенъ 26 іюня 1803 года, и послѣдней статьей его установлено, что въ случаѣ неплатежа означенныхъ денегъ Швеціей въ срокъ, Мекленбургъ сохраняетъ Висмаръ еще на сто лѣтъ. Такимъ образомъ, черезъ три года Швеція, уплативъ должныя ею деньги, мо-

жетъ вступить снова во владѣніе своимъ нѣмецкимъ городомъ, но предчувствуя, что Германія не захочетъ отдать Швеціи кусокъ нѣмецкой земли и лишиться хорошаго порта на Балтійскомъ морѣ, шведскій депутатъ Гадэнъ предложилъ въ стокгольмскомъ парламентѣ, чтобы правительство вошло въ переговоры съ Германіей о предоставленіи послѣдней сохранить за собою Висмаръ подъ условіемъ возвращенія Даніи присоединеннаго Германіей сѣвернаго Шлезвига. Конечно, шведское правительство отклонило разрѣшеніе этого вопроса, какъ преждевременнаго; по словамъ журнала «Revue encyclopedique», который приводитъ историческую справку по этому предмету, вопросъ остается открытымъ, и уже вся нѣмецкая печать единогласно заявляетъ, что Германія ни за что не отдастъ Висмара Швеціи по наступленіи срока столѣтняго договора [1]).

— Императоръ Александръ I во Франціи. Въ печатающихся въ «Revue de Paris», подъ заглавіемъ «Le retour de Hartwell», воспоминаніяхъ генерала де-Рейзе, прежде всего, любопытны упоминанія объ Александрѣ I, относящіяся ко времени пребыванія императора во Франціи [2]). Де-Рейзе встрѣтилъ императора, сперва, въ Компьенѣ. Александръ пріѣхалъ сюда 1 мая н. ст. 1814 г., чтобы привѣтствовать Людовика XVIII. Въѣздъ произошелъ въ обыкновенной коляскѣ, безъ свиты; провожалъ императора лишь небольшой отрядъ почетной гвардіи, посланной ему на встрѣчу въ Вербери. При немъ находился его адъютантъ генералъ Чернышевъ. Старый принцъ Кондé ожидалъ его внизу большой лѣстницы, и его тотчасъ же ввели въ аппартаменты короля. Оба монарха поцѣловались и долго сердечно бесѣдовали другъ съ другомъ. Вечеромъ русскій императоръ обѣдалъ во дворцѣ, сидя за столомъ между королемъ и герцогинею Ангулемскою и съ большимъ увлеченіемъ съ ними бесѣдуя. Подъ 7-мъ мая того же года мы читаемъ въ дневникѣ де-Рейзе слѣдующее: «императоръ Александръ чрезвычайно популяренъ: онъ, безспорно, наиболѣе цѣнимый изъ всѣхъ союзныхъ государей; у него изящная внѣшность и благородныя манеры; онъ суетится и ухаживаетъ за женщинами и въ общемъ представляется красивымъ кавалеромъ, хотя онъ и плѣшивъ и немного глуховатъ. Онъ женатъ на принцессѣ баденской, Елизаветѣ Алексѣевнѣ, красивой и робкой; она совершенно незамѣтна и не имѣетъ никакого вліянія; вдовствующая императрица, умная и честолюбивая, лишаетъ ее всякаго значенія и продолжаетъ подчинять своему авторитету императора. Онъ не забылъ еще прежней своей дружбы къ Бонапарту и, кажется, онъ поручилъ маршалу Макдональду сообщить ему это; онъ даже прибавилъ, что, если бы ему не удалось дать ему островъ Эльбу или Корсику, то онъ предоставилъ бы ему мѣстопребываніе въ своихъ владѣніяхъ. Онъ посѣтилъ императрицу Жозефину, какъ только она вернулась въ Мальмезонъ, оставивъ Наварру. Онъ выказываетъ ей возможное участіе и относится къ ней всегда съ большимъ вниманіемъ. Такое обращеніе съ этой несчастной женщиною, которая послѣдовательно потеряла свой тронъ и своего супруга, вызываетъ всеобщія по-

---

[1]) Les enclaves suedoises en Mecklembourg. «Revue encyclopedique», 17 fevrier 1900.

[2]) Vicomte de Reiset, «Le retour de Hartwell».—«Revue de Paris», 1 et 15 mars 1900.

хвалы этому монарху. Онъ — человѣкъ очень религіозный, съ совершенно мистическими идеями; первою заботою его, по прибытіи во Францію, было отслужить на площади Людовика XV заупокойную литургію. Эта церемонія происходила 10 апрѣля, и самъ онъ установилъ всѣ детали ея. Квадратной формы алтарь былъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ несчастный Людовикъ XVI погибъ на эшафотѣ, и здѣсь была отслужена литургія по греческому обряду. Присутствовали всѣ союзные государи, окруженные многочисленными войсками, занимавшими эту площадь и сосѣднія улицы. Во время благословенія всѣ рѣшительно, начиная отъ императора и кончая послѣднимъ солдатомъ, стали на колѣни, а затѣмъ полки прошли передъ государями, устроившими имъ смотръ. Съ прибытіемъ брата короля, императору Александру пришлось оставить отель Талейрана и поселиться въ Елисейскомъ дворцѣ, который снова называютъ теперь «Élysée Bourbon»... Подъ тѣмъ же днемъ де-Рейзе разсказываетъ о политической карикатурѣ, которая въ это время распространялась въ Парижѣ. Карикатура представляла великолѣпную карету, съ Александромъ въ роли возницы и королемъ прусскимъ въ видѣ ливрейнаго лакея. Наполеонъ бѣжитъ за каретою, цѣпляясь за дверцу, и кричитъ: «Тесть, они меня высадили!» — «А меня посадили!» отвѣчаетъ на это австрійскій императоръ, сидящій въ каретѣ. 15-го мая н. ст., разсказываетъ далѣе де-Рейзе, русскій императоръ отправился въ Сэнъ-Лё сдѣлать визитъ королевѣ Гортензіи. По желанію дочери, императрица Жозефина пріѣхала туда, чтобы принять гостя. Принцъ Евгеній также присутствовалъ при этомъ свиданіи. Царь отнесся съ большою симпатіею къ брату и къ сестрѣ и, по словамъ де-Рейзе, «показалъ, что онъ все еще чувствуетъ пріязнь къ семьѣ императора». По его настоянію, состоялся договоръ, 11-го апрѣля, которымъ было регулировано матеріальное положеніе родственниковъ Наполеона, чтобы доставить имъ возможность сохранить приличествующее имъ положеніе. При такомъ отношеніи императора къ Бонапартамъ врядъ ли его могъ поразить особенно пріятно тотъ фактъ, что группа роялистовъ не нашла иного способа отпраздновать въѣздъ его въ Парижъ, какъ сверженіемъ съ Вандомской колонны статуи Наполеона.—Въ заключеніе нашихъ выдержекъ изъ «Retour de Hartwell» приведемъ здѣсь помѣченный 30-мъ мая разсказъ о смерти императрицы Жозефины, такъ какъ и въ немъ встрѣчаются упоминанія объ императорѣ Александрѣ I: «Бѣдная Жозефина была больна лишь немного дней; она скончалась отъ внезапной, недостаточно описанной болѣзни, которую объясняютъ простою простудою. Разсказываютъ, что Александръ, часто посѣщавшій Мальмезонъ, долго гулялъ съ нею вечеромъ въ паркѣ, и что тутъ-то она и схватила простуду. Вечера еще прохладны, трава была влажна, а императрица, всегда кокетливая, была одѣта легко и чувствовала, что холодъ ее пронизываетъ сквозь простой газъ, покрывавшій ея плечи. Невольница этикета, она не рѣшилась прервать прогулки, изъ уваженія къ гостю, и вернулась домой похолодѣвшая, какъ ледъ. Напрасно она велѣла затопить сильнѣе каминъ; было уже поздно. Простуда поразила ее какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она была уже больна нравственно и физически, вслѣдствіе событій послѣдняго времени. Горе по поводу низложенія и изгнанія все еще любимаго ею Наполеона, безпокойство за судьбу дѣтей

послѣ паденія имперіи — все это сильно ее угнетало. Притомъ, несмотря на плохое состояніе здоровья, она не прекращала пріемовъ уже нѣсколько дней; король прусскій явился со своими двумя сыновьями, чтобы провести цѣлый день въ Мальмезонѣ; кромѣ того, здѣсь были съ визитомъ великіе князья Николай и Михаилъ. Всѣ эти пріемы, которые она считала полезными для дѣла своихъ дѣтей, ходатайства, которыя ей пришлось предпринимать, все это въ связи съ горемъ и безпокойствомъ увеличило болѣзнь, сначала неопасную. Въ четвергъ, 26 мая, она чувствовала себя такъ плохо, что г. Горо предложилъ ей приставить пластырь къ шеѣ; это дало нѣкоторое облегченіе; но въ пятницу ей снова стало худо, слабость усилилась, и врачъ императора Александра, присланный къ ней, нашелъ ея положеніе очень серіознымъ. Послѣ долгаго колебанія и смущенія онъ опредѣлилъ у нея грудную жабу... Были испробованы сильныя средства, которыя не дали никакихъ результатовъ; ея красивая нога, которою она такъ гордилась, не принимала даже горчичниковъ. Страдая отъ жестокихъ болей, которыхъ никто не въ состояніи былъ облегчить, она по временамъ бредила и произносила отрывочныя рѣчи, среди которыхъ можно было разобрать: «Бонапартъ» и «Островъ Эльба». Царь, обезпокоенный молніеносною болѣзнью, которая не могла быть объяснена простою простудою, пріѣхалъ самъ вечеромъ въ Мальмезонъ, пообѣдалъ здѣсь и провелъ часть вечера. Приходилось, однако, сдаваться передъ очевидностью... принцъ Евгеній пошелъ за духовникомъ императрицы, аббатомъ Бертраномъ, принесшимъ ей послѣднюю помощь религіи. Бѣдная женщина, которая никогда не отличалась особымъ благочестіемъ, имѣла кончину весьма назидательную; она смиренно исповѣдалась и, попрощавшись со всѣми дѣтьми, умерла въ часъ по полудни...».

— Новая біографія Веллингтона. Старшій сынъ герцога Веллингтона отвѣчалъ на предложеніе лондонскаго издателя Муррея написать жизнь знаменитаго побѣдителя при Ватерлоо: «Я не могу написать жизнь моего отца, но могу подготовить матеріалы для будущаго біографа». Онъ вполнѣ осуществилъ свое обѣщаніе и напечаталъ четырнадцать томовъ военныхъ депешъ желѣзнаго герцога и восемь томовъ его переписки по министерской дѣятельности. Если прибавить къ этому собраніе Веллингтоновскихъ документовъ, изданныхъ Гордономъ, то всего наберется тридцать четыре тома подлинныхъ офиціальныхъ матеріаловъ для изученія жизни Веллингтона, и новый его біографъ сэръ Гербертъ Максвэль вполнѣ усвоилъ себѣ этотъ богатый источникъ [1]). Кромѣ того, онъ пополнилъ его богатой Веллингтоновской литературой и многочисленными ненапечатанными рукописными матеріалами, въ томъ числѣ документами, хранящимися въ семьѣ Веллингтона, и перепиской съ нимъ маркизы Сольсбэри, матери теперешняго перваго министра Англіи. Хотя англійскіе критики не признаютъ, чтобы трудъ Максвэля представлялъ окончательную и насколько возможно идеальную біографію Веллингтона, но считаютъ его очень полезнымъ вкладомъ въ Веллингтоніану. Дѣйствительно въ этой новой біографіи представленъ очень рельефный сводъ всего, что уже было извѣстно о жизни одного изъ выдающихся англійскихъ дѣятелей XIX вѣка, и представлено немало но-

[1]) The life of Wellington, by sir Herbert Maxwell. London. 1900. 2 vols.

выхъ любопытныхъ данныхъ; къ тому же, если книга Максвэля не даетъ глубокаго психологическаго этюда Веллингтона, какъ человѣка, и не отличается широкими историческими взглядами на его эпоху, то нельзя ея автору отказать въ безпристрастномъ отношеніи къ своему герою, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ небольшому числу кумировъ англійскихъ патріотовъ. Хотя побѣдитель Наполеона и первый министръ Англіи не былъ геніемъ ни военнымъ, ни тѣмъ болѣе политическимъ, но нельзя не признать, что слова его матери «Артуръ годится только для пушечнаго мяса», которыя она произнесла, когда ему было шестнадцать лѣтъ, и всѣ его считали глупымъ, тупымъ мальчикомъ, оказались несправедливыми. Конечно, своей побѣдой надъ Наполеономъ онъ былъ обязанъ случайнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ; но въ Индіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ онъ доказалъ, что годится не только для пушечнаго мяса, но и для организаціи арміи. По его собственнымъ словамъ, англійская армія, когда онъ поступилъ въ нее, представляла «пьяную шайку общественныхъ подонковъ, безжалостно грабившую всѣхъ и все, не признававшую дисциплины и ничего не смыслившую въ военномъ дѣлѣ, а послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его командованія она сдѣлалась образцовой и, по его же выраженію, пригодной на все». Посвятивъ первый томъ своей біографіи на военную и административную дѣятельность Веллингтона въ Индіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ, Максвэль въ началѣ второго тома подробно разсказываетъ битву при Ватерлоо, а остальную его часть отводитъ разсмотрѣнію министерской дѣятельности своего героя. Что касается до Ватерлоо, то авторъ признаетъ, что Наполеонъ поймалъ Веллингтона врасплохъ, и что тактику Веллингтона въ началѣ сраженія можно только объяснить тѣмъ, что, по его собственнымъ словамъ, «Наполеонъ его обманулъ и выигралъ у него двадцать четыре часа». Но если, замѣчаетъ Максвэль, Веллингтонъ сдѣлалъ ошибки при Ватерлоо, то и Наполеонъ виновенъ въ томъ же, и потеря имъ сраженія объясняется столько же непоявленіемъ на полѣ битвы Груши, сколько его собственной нерѣшительностью и недостатками его тактики во время боя». Переходя къ обсужденію политической и министерской дѣятельности Веллингтона, его новый біографъ прямо сознается, что въ качествѣ администратора въ Индіи и дипломата во Франціи Веллингтонъ выказалъ значительныя способности, но эти способности проявлялись только, когда онъ могъ дѣйствовать неограниченно и деспотически, но какъ только онъ перешелъ на парламентскую и конституціонную почву, то обнаружилъ полную свою несостоятельность. Отсталый консерваторъ, онъ ненавидѣлъ демократію и хотѣлъ управлять министерствомъ и парламентомъ по-военному. Онъ презиралъ политическія партіи и писалъ лэди Сольсбэри: «Партія, партія! Что значитъ партія, если она не слѣдуетъ за своимъ вожакомъ? Пусть ее убирается къ чорту». Впрочемъ, въ другомъ письмѣ къ лорду Рэдесделю онъ, не отказываясь отъ своего убѣжденія, однако, признаетъ, что, быть можетъ, неправъ: «Пожалуй, я и ошибаюсь, говоритъ онъ, но я болѣе всего на свѣтѣ ненавижу управленіе страной посредствомъ партій, благодаря чему гибнетъ Англія». Эту гибель своей родины Веллингтонъ видѣлъ въ избирательной реформѣ 1830 года, и постоянно съ тѣхъ поръ онъ боялся демократической революціи. Вообще желѣзный герцогъ противился всѣмъ гуманнымъ и прогрес-

сивнымъ реформамъ не только въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ, но даже отстаивалъ вербовку въ армію подонковъ общества и сохраненіе для солдатъ тѣлеснаго наказанія. Что касается частной жизни Веллингтона, то Максвэль представляетъ немного свѣдѣній по этому предмету и не говоритъ ничего новаго. Какъ извѣстно, его бракъ былъ несчастливый, но у него было два вѣрныхъ женскихъ друга во время его долговременной жизни: маркиза Сольсбэри и мистриссъ Арбутнотъ. Кромѣ того, желѣзный герцогъ иногда дѣлался жертвой женской красоты, хотя вообще считалъ женщинъ только игрушками. Извѣстная исторія его переписки съ филантропкой миссъ Дженкинсъ ясно доказываетъ, какъ онъ былъ слабъ въ отношеніи прекраснаго пола. Эта красивая, молодая фанатичка обратила на путь истины одного убійцу передъ его казнью и задумала сдѣлать тоже съ Веллингтономъ. По ея приглашенію старый воинъ посѣтилъ ее и такъ плѣнился ея чарами, что поддерживалъ съ нею въ продолженіе семнадцати лѣтъ душеспасительную переписку. Хотя напечатанныя письма Веллингтона къ миссъ Дженкинсъ возбудили сомнѣніе въ ихъ подлинности, но Максвель лично обозрѣлъ оригиналы всѣхъ трехсотъ девяносто писемъ Веллингтона и признаетъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ подлинности и вмѣстѣ съ тѣмъ и пошлости. Вообще книга Максвэля имѣетъ громадный успѣхъ въ Англіи, появилась въ два мѣсяца четвертымъ изданіемъ и названа публично лордомъ Сольсбери «прекрасной книгой».

— Уничтоженіе въ Англіи налоговъ на знаніе. Одинъ изъ почтенныхъ англійскихъ публицистовъ и авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ сочиненій по исторіи труда, Джорджъ Голіокъ, издалъ со своимъ предисловіемъ «Исторію налоговъ на знаніе», написанную Д. Коллетомъ [1]). Это любопытный вкладъ въ исторію англійской печати, которая достигла своего теперешняго могущества и процвѣтанія только съ отмѣной штемпельнаго налога на періодическую прессу. Этотъ налогъ на газеты былъ установленъ въ 1712 году. Смѣлые издатели постоянно нарушали это тираническое постановленіе и выпускали въ свѣтъ газеты безъ наложенія штемпелей, за что ихъ подвергали по суду значительнымъ штрафамъ и тюремному заключенію. Въ 1836 году было, напримѣръ, 46 подобныхъ преслѣдованій, которыя возбудили такое общее недовольство, что парламентъ въ сентябрѣ того же года сократилъ штемпельный налогъ до одного пенса и налогъ на объявленія до одного шиллинга шести пенсовъ. Послѣ этого парламентскаго акта до 1849 года не предъявлялось никакого требованія на сокращеніе ненавистныхъ налоговъ на знаніе, но тогда началась, по выраженію Голіока, «священная война за свободу печати», которую Гладстонъ называлъ самой упорной борьбой, въ которой онъ когда либо принималъ участіе. По словамъ Кобдена, «вопросъ объ отмѣнѣ газетныхъ штемпелей былъ самымъ труднымъ, за исключеніемъ вопроса о всеобщей подачѣ голосовъ, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны сама пресса была противъ этой мѣры изъ корыстныхъ интересовъ, а съ другой милліонныя массы, никогда не читавшія газетъ, не понимали, чего онѣ были лишены!

---

[1]) History of the taxes on knowledge, their origin and repeal. By Collet. With an introduction, by George Holyoake. 2 vol. London. 1900.

Первымъ организаторомъ этого движенія былъ Джонъ Франсисъ, и, благодаря его пропагандѣ, основалась ассоціація, имѣвшая цѣлью отмѣну штемпельнаго налога на газеты. Ея секретаремъ былъ авторъ настоящей книги Коллетъ, а казначеемъ Франсисъ Плэссъ, портной-редакторъ, принимавшій живое участіе во всѣхъ реформаторскихъ агитаціяхъ того времени. Голіокъ приводитъ любопытный анекдотъ объ этомъ оригинальномъ реформаторѣ. Однажды онъ явился во главѣ рабочей депутаціи къ герцогу Веллингтону, и послѣдній, принявъ отъ него петицію, сказалъ: «Вы всѣ, повидимому, люди съ головой, но смотрите, чтобы она удержалась у васъ на плечахъ». Въ февралѣ 1850 года эта ассоціація, состоявшая преимущественно изъ чартистовъ, расширила свою программу и стала пропагандировать отмѣну не только штемпельнаго налога на газеты, но и налоговъ на объявленія и бумагу, а потому съ тѣхъ поръ приняла новое названіе: «ассоціація для отмѣны налоговъ на знаніе». Первыми успѣхами въ ея дѣятельности было съ одной стороны оправданіе судомъ Диккенса, издавшаго безъ штемпеля «House hold narrative», и заявленіе парламентской комиссіи о томъ, что «новости не были желательнымъ предметомъ для обложенія налогомъ». 4-го августа 1853 года налогъ на объявленія пересталъ существовать, но, благодаря случайности, Гладстонъ, никогда не проводившій реформы скачками, внесъ въ свой бюджетъ сокращеніе этого налога до шести пенсовъ, но Франсисъ убѣждалъ депутатовъ совершенно отмѣнить этотъ налогъ, и 1 іюня Крофортъ, по совѣту Мильнера Джибсона, воспользовался тѣмъ, что министры не находились въ палатѣ, благодаря придворному балу, и предложилъ замѣнить въ биллѣ слова «обложить шестью пенсами» словами «обложить ничѣмъ». Эта поправка была принята и на другой день Гладстонъ объявилъ, что онъ на нее согласенъ. Спустя два года, былъ отмѣненъ штемпельный налогъ, а затѣмъ Мильнеръ Джибсонъ внесъ въ парламентъ въ 1858 году резолюцію о томъ, что «не политично сохранять налогъ на бумагу». Практическое примѣненіе этой резолюціи взялъ на себя Гладстонъ и провелъ въ нижней палатѣ билль объ отмѣнѣ налога на бумагу, но лордъ Пальмерстонъ подвелъ ловкую интригу, и палата лордовъ провалила билль. Гладстонъ, однако, не призналъ себя побѣжденнымъ и вторично провелъ эту мѣру уже не самостоятельнымъ биллемъ, а одной изъ статей бюджета 1861 года. Такимъ образомъ тридцать девять лѣтъ тому назадъ англійская пресса окончательно освободилась отъ всякихъ налоговъ, и съ тѣхъ поръ началось ея блестящее процвѣтаніе.

— Юбилей Кальдерона и Джіордано Бруно. 17-го января праздновался трехсотлѣтній юбилей знаменитаго испанскаго поэта и драматурга дона Педро Кальдерона, но не на его родинѣ, а въ Германіи. Этотъ странный фактъ объясняется тѣмъ, что Испаніи теперь не до юбилейныхъ празднествъ, а литературная Германія всегда отличалась космополитизмомъ въ чествованіи великихъ людей. Поэтому неудивительно, что драматическія общества въ Кельнѣ и Бонѣ устроили юбилейныя торжества въ честь одного изъ величайшихъ поэтовъ и драматурговъ Испаніи. Какъ извѣстно, донъ Педро Кальдеронъ-Де-Ла-Барка-Генайо-И-Ріано родился въ Мадридѣ въ 1601 году и, получивъ первоначальное воспитаніе въ іезуитской коллегіи, слушалъ въ Саламанкскомъ университетѣ лекціи по исторіи философіи и законовѣдѣнію. Че-

тырнадцати лѣтъ онъ проявилъ свой поэтическій и драматическій талантъ въ драмѣ «Elcarro del cielo» (Небесная колесница). Любовь къ военнымъ подвигамъ побудила его поступить въ армію, и онъ отличился на полѣ брани въ Италіи и Нидерландахъ. Вызванный королемъ Филиппомъ IV ко двору, Кальдеронъ былъ назначенъ устроителемъ придворныхъ празднествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался поставщикомъ пьесъ для королевскаго театра. Какъ драматургъ, онъ отличался блестящей фантазіей, не менѣе блистящей поэтической формой своихъ произведеній и необыкновенной плодовитостью. Онъ всего написалъ 128 романическихъ драмъ, историческихъ трагедій и героическихъ комедій, 95 богословскихъ пьесъ, 200 прелюдій и 100 дивертисментовъ. Лучшимъ его драматическимъ произведеніемъ считается «El principe constante» (Вѣрный принцъ), а послѣдняя его трагедія «Hado y wdisa» (Судьба и предзнаменованіе) была написана имъ на восемьдесятъ первомъ году его жизни. Подъ старость онъ поступилъ въ патеры и былъ капеланомъ королевской церкви въ Мадридѣ, но это ему не мѣшало писать пьесы, хотя преимущественно религіозно-символическаго содержанія. Онъ умеръ въ 1681 году, и хотя его мелкія поэмы не сохранились, но драмы составляютъ до сихъ поръ украшеніе испанской сцены. Гете и Шлегель очень высоко ихъ цѣнили и сдѣлали популярными въ Германіи. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены и на русскій языкъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ юбилея Кальдерона исполнилось четыреста лѣтъ со времени сожженія на кострѣ великаго итальянскаго мыслителя эпохи возрожденія Джіордано Бруно. Этому юбилею также не повезло на родинѣ его героя. Клерикализмъ еще такъ силенъ въ Италіи, что римскія власти запретили всякое публичное торжество въ честь славнаго мученика свободной мысли изъ опасенія, чтобы не произошло столкновенія между антиклерикалами и многочисленными католическими паломниками, наполнявшими Римъ по случаю объявленнаго папой священнаго юбилейнаго года. Только профессоръ Лабріола прочелъ по случаю юбилея Бруно блестящую лекцію, а студенты прошли процессіей къ его статуѣ, воздвигнутой нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время министерства Криспи на площади Campo di Fiori. Литературныхъ отголосковъ этого юбилея еще немного, и наибольшаго вниманія заслуживаетъ небольшая англійская брошюра Ч. Плумтра [1]), который посвятилъ этому вопросу отдѣльный выпускъ своихъ «Изслѣдованій малоизвѣстныхъ предметовъ. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ выходитъ съ нѣкоторыхъ поръ въ Лондонѣ серія брошюръ о современныхъ вопросахъ. Послѣдняя изъ нихъ посвящена юбилею Бруно, и въ числѣ нѣскольких статей, касающихся знаменитаго итальянскаго философа, наиболѣе интересенъ его біографическій очеркъ. Джіордано Бруно, прародитель современной пантеистической философіи, родился въ итальянскомъ городѣ Нолѣ въ 1548 году и еще юношей поступилъ въ доминиканскіе монахи, но вскорѣ его обличили въ ереси, и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Италіи. Два года онъ провелъ въ Женевѣ, но своими скептическими идеями возбудилъ недовольство строгихъ кальвинистовъ и вынужденъ былъ

---

[1]) **Studies in little-known subjects, by C. Plumpters, The Bruno Centenary, 17, 1900. London. 1900.**

искать убѣжища въ Парижѣ, гдѣ читалъ лекціи о логикѣ, но его споры съ фанатическими приверженцами Аристотеля, которыми кишѣлъ парижскій университетъ, побудили его покинуть и Францію. Затѣмъ онъ поселился въ Англіи и тамъ напечаталъ свои главнѣйшіе труды, въ которыхъ онъ проводилъ пантеистическое міросозерцаніе, опровергалъ схоластику и Аристотеля и противопоставлялъ Аристотеле-Птоломеевской системѣ міра систему Коперника, которую онъ расширилъ. Но и тамъ духовенство возстало противъ него, и онъ перебрался въ Германію, гдѣ занялъ каѳедру въ Виттембергскомъ университетѣ. Но когда ему предложили сдѣлаться протестантомъ, то онъ отказался, хотя передъ своимъ отъѣздомъ изъ Виттемберга произнесъ пламенный панегирикъ Лютеру. Пробывъ еще нѣсколько времени въ Прагѣ и Франкфуртѣ, Бруно рѣшилъ, что его уже забыли на родинѣ, и послѣ шестнадцати-лѣтняго отсутствія вернулся въ Италію. Дѣйствительно, два года онъ спокойно жилъ въ Падуѣ, но злая судьба побудила его посѣтить Венецію, гдѣ инквизиція его арестовала и отправила въ Римъ. Тамъ семь лѣтъ его судили и, наконецъ, въ виду упорнаго отказа отречься отъ своихъ ученій, главнымъ образомъ о безконечности вселенной и о множествѣ міровъ, Джіордано Бруно былъ сожженъ на кострѣ 17-го февраля 1600 года. Въ нѣмецкой журналистикѣ откликнулась на юбилей Бруно только Nation [1]), въ которой помѣщенъ очеркъ профессора Кроненберга о жизни и мученичествѣ великаго бойца свободной мысли.

— Дружба Мишлэ и Кинэ. Вдова Эдгарда Кинэ написала очень любопытный, хотя нѣсколько сантиментальный очеркъ пятидесятилѣтней дружбы своего мужа и Мишлэ [2]). Эти выдающіеся французскіе писатели, историки, профессора и проповѣдники демократическаго прогресса, впервые познакомились въ 1825 году у философа Кузена, который былъ лишенъ своей каѳедры правительствомъ Реставраціи. Они оба, тогда только что вступившие на ученое поприще, отличались юношескимъ пыломъ, а потому, естественно, относились съ глубокимъ уваженіемъ къ профессору, смѣщенному деспотическимъ правительствомъ, и просили его совѣта, какими предметами всего лучше имъ заняться. Философъ-эклектикъ въ продолженіе цѣлаго часа проповѣдовалъ имъ о пользѣ скромныхъ усидчивыхъ научныхъ занятій и посовѣтовалъ Кинэ заняться переводомъ Олимпіадора, а Мишлэ—изученіемъ св. Бернарда, серьезно увѣряя, что имъ необходимо посвятить на это десять лѣтъ, чѣмъ они окажутъ громадную услугу человѣчеству. Молодые люди, выйдя изъ квартиры Кузена, съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга: «Ну, что вы скажете о совѣтахъ Кузена?» спросилъ Кинэ:—«что касается меня, то я нимало не намѣренъ имъ послѣдовать. Неужели вы похороните себя на 10 лѣтъ въ сочиненіяхъ св. Бернара?» Мишлэ отвѣчалъ:—«Ни за что, вы неужели посвятите себя изученію Олимпіадора?» —«Ни за что»! воскликнулъ Кинэ. Въ то время Мишлэ былъ уже профессоромъ въ колегіи св. Варвары и счастливымъ мужемъ своей первой жены; хотя онъ преподавалъ исторію, но его болѣе привлекала къ себѣ философія, и

---

[1]) Giordano Bruno, von M. Kronenberg. Die Nation. Februar 1900.

[2]) Cinquante ans d'amitié Michelet-Quinet (1825—1875), par m-me Edhar Quinet. Paris. 1900.

онъ переводилъ «Новую науку» Вико. Кинэ, бывшій на нѣсколько лѣтъ моложе своего новаго друга, еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія въ научномъ мірѣ и, недавно вернувшись изъ Гейдельберга, отличался пристрастіемъ къ нѣмецкой наукѣ и взялся за переводъ «Идей о философіи и исторіи человѣчества» Гердера. Замѣчательно, что когда молодые люди окончили свои труды и представили Кузену, то онъ публично заявилъ на своей лекціи: «я очень радъ, что посовѣтовалъ моимъ юнымъ друзьямъ Мишлэ и Кинэ подарить Франціи Вико и Гердера». Этими переводами было подготовлено то обновленіе историческаго метода, которымъ обязана французская наука лекціямъ Мишлэ и Кинэ въ College de France, во время іюльской монархіи. Тогда уже оба друга были неразлучными, и ихъ имена всегда произносились вмѣстѣ, какъ въ разговорахъ, такъ и въ печати. Когда Кинэ женился на молодой нѣмкѣ Минѣ Морэ, то эта дружба нисколько не уменьшилась, а еще болѣе окрѣпла, благодаря въ значительной мѣрѣ доброй Адели Мишлэ, которая нисколько не ревновала своего мужа къ его другу. Нельзя того же сказать о второй женѣ Мишлэ, Атенаисѣ Микларе, которая нѣсколько сдерживала дружескіе порывы своего мужа, но все-таки, по свидѣтельству второй жены Кинэ въ ея книгѣ, эта дружба сохранилась до смерти Мишлэ, который умеръ только годомъ раньше своего друга. Конечно, они временно разставались, когда, Мишлэ путешествовалъ по Италіи, а Кинэ по Германіи, или когда они оба въ различныя времена посѣщали Германію, или наконецъ, когда, изгнанные изъ Франціи декабрьскими переворотами, одинъ изъ нихъ нашелъ убѣжище въ Англіи, а другой въ Швейцаріи, но и въ разлукѣ они постоянно поддерживали между собою дружескую переписку. Въ нашъ прозаическій вѣкъ трудно найти другой примѣръ подобной романической дружбы, исключая, конечно, столь же замѣчательной дружбы Ренана и Бертло.

— Труды англо-русскаго литературнаго общества. Въ № 26 отчетовъ о дѣятельности англо-русскаго литературнаго общества [1]) помѣщены свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ этомъ обществѣ за послѣдніе три мѣсяца прошедшаго года. Изъ прочитанныхъ въ засѣданіи рефератовъ одинъ былъ историческій: «Положеніе русскихъ женщинъ при Петрѣ Великомъ»—миссъ Куртуа, другой географическій: «Посѣщеніе Камчатки Баретомъ Гамильтономъ» и третій: общественный—«Прогрессъ Москвы» Вирта Джерара. Всѣ они отличаются обычнымъ поверхностнымъ характеромъ рефератовъ въ англо-русскомъ обществѣ. Всѣ авторы докладовъ совершенно слегка и очень кратко сообщаютъ кое-что объ избранныхъ ими вопросахъ, не обнаруживая серіознаго отношенія къ дѣлу. Такимъ образомъ миссъ Куртуа говоритъ вскользь, что жизнь русскихъ женщинъ до Петра отличалась рабскимъ прозябаніемъ въ теремахъ, и, переходя къ реформѣ Петра, характеризуетъ ее въ нѣсколькихъ общихъ словахъ, говоря, что Петръ стремился къ уравненію обоихъ половъ и къ воспитанію женщинъ, что онъ ввелъ женщинъ на асамблеи и вообще много сдѣлалъ для свободы женщинъ. Послѣдовавшія за этимъ рефератомъ пренія отли-

---

[1]) The Anglo Russian literary society № 26 Proceedings. October, November and December. 1899.

чались пустой болтовней, и вообще обсужденіе рефератовъ въ этомъ обществѣ признается, вѣроятно, самимъ издателемъ отчетовъ общества малоинтереснымъ, потому что относительно преній по поводу «Прогресса Москвы» упоминается только, что въ нихъ участвовало нѣсколько членовъ общества, а возбудило ли какое либо обсужденіе описаніе Камчатки, вовсе не говорится въ отчетѣ. Баретъ-Гамильтонъ, бывшій агентъ англійскаго правительства, посланный въ Берингово море для изслѣдованія ловли котиковъ, посѣтилъ Камчатку въ 1896 — 1897 годахъ, но, судя по напечатанному отчету, наибольшій интересъ его лекціи заключался въ показанныхъ имъ посредствомъ волшебнаго фонаря видовъ этого отдаленнаго уголка земли. Виртъ Джераръ былъ въ Москвѣ въ первый разъ двадцать лѣтъ тому назадъ, а теперь снова побывалъ тамъ съ цѣлью написать книгу о старой Москвѣ для издающейся въ Лондонѣ серіи «Средневѣковые города». Въ своемъ же рефератѣ онъ только кратко упоминаетъ о главныхъ чертахъ замѣченнаго имъ прогресса въ Москвѣ за послѣднія двадцать лѣтъ. По его словамъ, мостовая стала гораздо лучше, хотя еще заставляетъ многаго желать; деревянные дома быстро замѣняются каменными, изъ которыхъ многіе въ шесть этажей, «прелестный» старинный гостиный дворъ превратился въ великолѣпныя громадныя аркады; промышленность и торговля процвѣтаютъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда. Москва украсилась хорошей статуей Пушкина, еще лучшей Пирогова и вполнѣ прекрасной Александра II, памятникъ котораго «достоинъ великаго человѣка и великаго народа». Въ концѣ своего реферата Джераръ заявляетъ надежду, чтобъ Москва прогрессивала въ русскомъ духѣ, а не въ нѣмецкомъ, такъ какъ никто не нуждается въ русскомъ Берлинѣ, а русскую Москву ожидаетъ славное будущее. Въ томъ засѣданіи, гдѣ прочелъ свою лекцію Джераръ, была доложена статья Н. Неплюева о конгрессѣ человѣчества, который соберется въ Парижѣ, по случаю всемірной выставки, хотя трудно сказать, что онъ имѣетъ общаго съ цѣлью англо-русскаго литературнаго общества—содѣйствовать распространенію въ Англіи русскаго языка и литературы. Собственно до русскаго языка и русской литературы въ послѣднемъ выпускѣ отчетовъ общества относятся только переводъ одной изъ поэмъ Лермонтова и стихотворенія Н. Басманова. Въ критическомъ отдѣлѣ помѣщенъ краткій отзывъ Г. Кина о недавно вышедшей англійской книгѣ профессора Росса и газетнаго корреспондента Скрайна «Сердце Азіи», въ которой помѣщенъ сочувственный взглядъ на русскую администрацію въ центральной Азіи.

— **Не напечатанные отрывки изъ дневника Башкирцевой.** Во второй февральской книжкѣ «Revue des Revues» помѣщены новые, еще неизвѣстные отрывки изъ дневника Маріи Башкирцевой. Они снабжены предисловіемъ г-жи Рэнэ д'Юльмесъ и примѣчаніемъ редактора журнала Жана Фино. По словамъ послѣдняго, «Марія Башкирцева была одна изъ самыхъ загадочныхъ существъ нашего столѣтія. Все въ ней обнаруживало недюжинную женщину. При жизни она была предметомъ поклоненія и обожанія, а послѣ ея смерти многіе посвящали ей психологическіе этюды. Зрѣлище тѣхъ надеждъ, которыя возбуждены были ея блестящимъ появленіемъ на свѣтъ и которыя преждевременно уничтожены ея жестокой смертью, заставляетъ задумываться

психологовъ и плакать людей впечатлительныхъ. Дѣйствительно, Башкирцева олицетворяла въ себѣ самыя противоположныя черты нашей цивилизаціи: чарующую прелесть и томительную скуку, высшую утонченность и умственное разочарованіе, энергію въ борьбѣ и презрѣніе къ побѣдѣ. Государственные люди, какъ Гладстонъ, поэты, какъ Франсуа Коппэ, ученые, какъ Ламброзо, и романисты, какъ Терье, писали о ней статьи, отличающіяся восторженнымъ анализомъ. Но «я» Башкирцевой, возбуждавшее удивленіе и восторгъ всѣхъ знавшихъ ее, дѣлало ее «безконечно несчастной». Г-жа д'Юльмесъ въ своемъ предисловіи заявляетъ, что печатаемые ею впервые отрывки изъ дневника Башкирцевой принадлежатъ къ двумъ послѣднимъ годамъ ея жизни и носятъ вполнѣ отпечатокъ ея необыкновенныхъ интелектуальныхъ способностей. Кромѣ этихъ отрывковъ, она еще приводитъ также неизвѣстный отрывокъ изъ дневника Башкирцевой, относящійся до прежней эпохи и въ которомъ говорится: «Мы видѣли фотографію великаго князя, отличающагося удивительной красотой. Мы кончили тѣмъ, что поцѣловали въ губы этотъ портретъ. Я вынесла изъ этого поцѣлуя картона странное меланхоличное впечатлѣніе, которое заставило меня мечтать около часа. Кто сдѣлается моимъ кумиромъ? Никто. Я буду искать славы и человѣка. Всякое существо, мужчина или женщина, которые работаютъ и стремятся къ славѣ, любятъ иначе, чѣмъ тѣ, которые ничѣмъ другимъ не занимаются. Мое переполненное сердце будетъ, какъ и прежде, случайно изливаться на пыльную дорогу, но оно никогда не изсякнетъ, такъ какъ его постоянно наполняетъ вѣчный благородный источникъ. Я никого не обожаю, но фонарь моего воображенія зажженъ. Буду ли я счастливѣе безумца, котораго называли Діогеномъ?». Хотя неизвѣстно, любила ли кого эта странная, болѣзненно самообожавшая себя молодая дѣвушка, но въ ея жизни были двѣ идилліи, одна чисто интелектуальная, начатая изъ любопытства и оконченная капризомъ, а другая, печальная, разыгравшаяся среди смертельной агоніи. Героемъ первой былъ Мопасанъ, а второй—живописецъ Бастьенъ-Лепажъ. Отрывки дневника Башкирцевой, напечатанные въ «Revue des Revue», начинаются съ 6-го октября 1883 года и оканчиваются 29-го января 1884 г., за девять мѣсяцевъ до ея смерти, и хотя они относятся до эпохи ея идилліи съ Бастьенъ-Лепажемъ, но о немъ упоминается очень мало. Очень трудно передать содержаніе этихъ капризныхъ и нервныхъ патологическихъ записей дневника, а потому лучше привести нѣкоторые изъ нихъ въ видѣ примѣра: «Я видѣла сегодня новую луну лѣвымъ глазомъ и очень опечалена,— пишетъ она 7-го октября.— Но какъ вы смѣете, сударыня, сознаться въ такомъ площадномъ суевѣріи. Отчего площадномъ? Наполеонъ и Цезарь были оба суевѣрны». Черезъ нѣсколько дней она заноситъ въ свой дневникъ: «Сегодня у насъ были Г...., которые хотятъ, чтобы я вышла замужъ за А.... Они потеряли надежду дать мнѣ въ мужья хорошенькаго маленькаго французика, а потому мирятся съ мыслью объ иностранномъ принцѣ. «Но если вы выйдете замужъ за претендента, то вы не будете въ состояніи болѣе рисовать», говорили они между прочимъ. Я на это отвѣчала: «Королева румынская пишетъ и рисуетъ». Я при этомъ разсказала имъ, какъ королева постоянно работаетъ, чтобы убѣдить ихъ, что и я могла бы не оставлять живописи. Со свѣтскими людьми

просто бѣда! Неужели я такъ неизмѣримо выше ихъ. Они мнѣ надоѣли со своими брачными проектами. Еслибы Бастьенъ-Лепажъ женился, то это было бы только горемъ для воображенія. Отчего нравишься скорѣе лицамъ, къ которымъ равнодушенъ, чѣмъ тѣмъ, которыя нравятся? Вѣроятно, потому, что на первыхъ не обращаешь вниманія, а относительно послѣднихъ становишься застѣнчивъ и теряешь свою самоувѣренность, которая составляетъ всю привлекательность своего маленькаго «я». Впрочемъ, всегда нравишься случайно, когда объ этомъ не думаешь». Въ другой записи дневника поражаетъ слѣдующая фраза: «Мнѣ необходимо бросить какое нибудь имя въ громадную мельницу моей головы, а то ей нечего молоть». Очевидно этимъ именемъ, брошеннымъ въ мельницу ея ума, было имя Бастьена-Лепажа, потому что мы читаемъ подъ 23 октября: «Все у меня игра воображенія, я вижу Бастьена-Лепажа, и онъ какъ будто мнѣ нравится, но на другой день все проходитъ. Еще нѣсколько дней, и я говорю себѣ, а Бастьенъ-Лепажъ? Я вовсе о немъ не думаю. Но если не о немъ, то о комъ же мнѣ думать? А мнѣ необходимо убаюкивать себя на сонъ грядущій мыслью о комъ нибудь. Это не имѣетъ значенія и не походитъ на настоящую любовь». О предлагаемомъ ей женихѣ она выражается такъ: «Онъ настолько хорошъ, насколько можетъ быть хорошъ человѣкъ въ его родѣ. Я даже думаю, что у него есть сердце. Но мнѣ надоѣли всѣ эти золотыя посредственности, это не для меня, и я прибавляю: къ несчастію. О, если бы быть глупой! Быть глупой красавицей, вотъ что я пожелала бы своей дочери. Конечно, къ глупости и красотѣ надо прибавить еще нравственные принципы, чтобы не погибнуть». О какомъ-то Г.... Башкирцева говоритъ: «Мнѣ кажется, что я ему нравлюсь. Быть можетъ онъ меня любитъ по-своему. Онъ славный малый, но на что онъ мнѣ? Я его не люблю и даже не желаю его поцѣловать. Я закрываю глаза и спрашиваю себя: «Ну, сознайся, хотѣлось бы тебѣ поцѣловать Г....?». Нѣтъ, ни его, ни кого другого. Однако я была бы не прочь пококетничать съ нимъ, но я слишкомъ для этого честна. Мнѣ было бы не трудно заставить его влюбиться въ меня, ну, а потомъ? Это кончилось бы для него очень грустно». Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ такого существа, какъ Марія Башкирцева, она болѣе всего распространяется въ своемъ дневникѣ о себѣ. «Я въ сущности очень сантиментальна,—пишетъ она,—и вмѣстѣ съ тѣмъ я оскорбляю сантиментальныя натуры своимъ насмѣшливымъ философскимъ тономъ. Я смѣюсь надъ всѣми и надъ собой, но мнѣ страшна мысль, что могутъ смѣяться и надо мною... Искусство и слава, вотъ къ чему я стремлюсь О Боже мой, дозволь мнѣ быть независимой, работать и сдѣлаться настоящимъ свѣтиломъ. Мнѣ понятна только жизнь генія, передъ которымъ всѣ преклоняются. Я только что прочитала мой гороскопъ, который предсказываетъ, что я перенесу много непріятностей, но въ концѣ-концовъ достигну всего, чего хочу... Съ тѣхъ поръ, какъ я одѣваюсь въ Парижѣ, я веду борьбу съ глупыми, неграціозными модами; уже пять лѣтъ я настаиваю на костюмахъ миѳологическихъ, античныхъ, или во вкусѣ Людовика XV. Сначала меня обвиняли въ эксцентричности, но я часами работала у Лаферьера, Ворта, Дусэ, и въ концѣ концовъ мода пошла за мною. Самые лучшіе фасоны Дусэ, изобрѣтены мною, но ни одинъ изъ нихъ не моего имени... Я боюсь заболѣть: мнѣ трудно ды-

шать, я чувствую себя слабой, и я худѣю. Однимъ словомъ, у меня чахотка. Конечно, еслибы можно было отъ нея выздоровѣть, то я была бы счастлива до безумія, но я согласна жить съ этимъ несчастіемъ, только, Боже милосердный, не увеличивай его... Мнѣ хотѣлось бы знать, даетъ ли мой дневникъ понятіе о томъ, что его пишетъ дѣйствительно высшее существо, говорящее въ свѣтѣ со всѣми очень любезно, но страдающее отъ глупости, которую оно слышитъ со всѣхъ сторонъ... Я люблю только славу и боготворю себя, милаго ангела. Я счастлива сегодня, что хорошо работала и примѣряла прекрасные костюмы. Что же мнѣ дѣлать?! Если я не могу жить полной жизнью, то мнѣ надо жить въ воображеніи и сильно чувствовать. Жить я буду потомъ, когда я достигну славы! А если я умру? Я не буду сожалѣть ни о чемъ».

— Русская писательница въ Америкѣ. Въ прошедшемъ году вышла въ Нью-Іоркѣ «Исторія свѣта: первобытные народы», Зинаиды Рагозиной [1]), и эта маленькая книжечка, снабженная двумя-стами иллюстраціями, болѣе замѣчательна по своему автору, чѣмъ по содержанію, хотя она представляетъ очень ясное, популярное изложеніе по новѣйшимъ археологическимъ открытіямъ того, какъ жили доисторическіе люди, обитатели пещеръ и озерныхъ жилищъ, а затѣмъ первобытныя аккадійскія и семитическія племена въ Месопотаміи за четыре и три тысячи лѣтъ до Р. Х.

Зинаида Александровна Рагозина, урожденная Вердеревская, принадлежитъ къ старинной дворянской семьѣ, татарскаго происхожденія. Ея братъ, Евгеній Александровичъ Вердеревскій, былъ извѣстенъ, какъ писатель и поэтъ, въ сороковыхъ годахъ, служилъ на Кавказѣ и состоялъ редакторомъ газеты «Кавказъ». Что касается до нея самой, то съ дѣтства она питала страсть къ исторіи, которая развилась въ ней болѣе посѣщеніями древнихъ памятниковъ въ Римѣ и Аѳинахъ, чѣмъ чтеніемъ книгъ, хотя она съ дѣтства зачитывалась историческими трудами. Литературную карьеру она начала въ «Голосѣ», гдѣ вела отдѣлъ иностранныхъ политическихъ извѣстій,—потомъ писала въ «Нивѣ» и перевела романъ Диккенса «Эдвинъ Друдъ», «Подчиненіе женщины» Милля и «Исторію Французской революціи» Тьера. Въ 1874 году, г-жа Рагозина переселилась въ Американскіе Соединенные Штаты съ мужемъ, который въ томъ же году вернулся въ Россію по дѣламъ и скоропостижно умеръ. Бѣдная женщина осталась одна на чужбинѣ, безъ друзей и средствъ къ жизни. Но, благодаря своей энергіи и талантливой натурѣ, она вскорѣ составила себѣ почетное положеніе на своей новой родинѣ, которой уже болѣе никогда не покидала. Одинаково музыкантъ и историкъ, она открыла для молодыхъ дѣвушекъ интеллигентнаго класса курсы по исторіи и музыкѣ, а также устраивала вечера для знакомства американокъ съ Россіей: ея религіей, обществомъ, музыкой и т. д. Для своихъ историческихъ лекцій она, за недостаткомъ хорошихъ популярныхъ руководствъ, составляла сама записки, которыя служили потомъ основой для ея печатныхъ руководствъ на англійскомъ языкѣ по древней исторіи востока. Выходомъ въ свѣтъ послѣднихъ американская публика

[1]) A History of the World. Earliest-peoples, by Zinaide Ragosin. New-York. 1899.

обязана случайному обстоятельству. Извѣстный издатель Путнамъ предпринялъ серію популярныхъ историческихъ руководствъ и обратился къ профессору Д. Латену съ просьбой написать исторію Халдеи, Ассиріи и Взвилона, ноученый спеціалистъ отказался въ виду ранѣе предпринятыхъ трудовъ и посовѣтовалъ обратиться къ г-жѣ Рагозиной. Американскій издатель послушался, и Рагозина составила для него четыре тома, подъ заглавіемъ: «Исторія Халдеи», «Исторія Ассиріи», «Исторія Мидіи, Вавилона и Персіи» и «Исторія Ведической Индіи». Всѣ они имѣли большой успѣхъ, и прочитавъ одну изъ этихъ книгъ, знаменитый Максъ Мюллеръ писалъ къ ней: «Я старѣю, а еще многое хочу написать, поэтому отказываю себѣ въ удовольствіи многое прочитать, но, открывъ ваше сочиненіе, я прочиталъ его до конца. Это доказываетъ, что оно мнѣ очень понравилось. Не могу выразить вамъ, какъ я восторгаюсь предпринятымъ вами дѣломъ, и надѣюсь, что вы доведете его до конца. Вѣроятно, нѣкоторые критики скажутъ, что вашъ стиль слишкомъ блестящій и краснорѣчивый, но многихъ читателей это именно и увлечетъ. Впрочемъ, если это недостатокъ, то отъ него легко отучиться». Вообще Максъ Мюллеръ принадлежитъ къ избранному кружку друзей г-жи Рагозиной вмѣстѣ съ профессоромъ Сейсомъ, П. Гауптомъ, Гаммелемъ, Рисъ Дэвидомъ и Д. Лайономъ. Насколько онъ высоко цѣнитъ ея историческій талантъ и научныя знанія, доказываетъ его совѣтъ написать краткое изложеніе науки языковѣдѣнія, но она до сихъ поръ не могла исполнить его желанія, такъ какъ занята была другими работами. Кромѣ англійскаго перевода извѣстнаго труда Анатоля Леруа-Болье «Имперія царей и русскіе», она напечатала «Послѣдній процессъ нигилистовъ» и цѣлую серію разсказовъ изъ героическихъ вѣковъ, въ которую вошли «Сигфридъ, герой сѣвера», «Беовульфъ, англо-саксонскій герой», «Фритьофъ, норвежскій викингъ» и «Роландъ, французскій рыцарь», а также «Русскіе евреи и язычники». Послѣднимъ ея трудомъ была сказанная уже «Исторія свѣта», второй томъ которой о древнемъ Египтѣ уже печатается. Отличительной чертой всѣхъ этихъ популярныхъ историческихъ руководствъ г-жи Рагозиной служитъ тотъ фактъ, что они одинаково прочтутся съ пользой и удовольствіемъ какъ учениками, для которыхъ они преимущественно предназначены, такъ и взрослыми читателями. Не лишне прибавить, что г-жа Рагозина членъ Парижскаго этнологическаго общества, Американскаго восточнаго общества, королевскаго Азіатскаго общества Великобританіи и историческаго общества при Техасскомъ университетѣ.

— Новые мемуары. Популярный итальянскій публицистъ Эдмондъ Амичисъ напечаталъ свои воспоминанія подъ заглавіемъ «Memorie» [1]), но это въ сущности не автобіографія, не мемуары, а сборникъ большею частью уже прежде напечатанныхъ статей, передающихъ то, что авторъ видѣлъ во время своихъ многочисленныхъ путешествій и слышалъ отъ встрѣченныхъ имъ замѣчательныхъ людей. Къ этому прибавлено нѣсколько воспоминаній объ его дѣтствѣ, и все это разжижено безконечной болтовней. Хотя эта книга въ теченіе мѣсяца и вышла въ трехъ изданіяхъ, но врядъ ли она прибавитъ что нибудь къ славѣ Амичиса. Гораздо интереснѣе отрывокъ изъ дневника ита-

[1]) Memorie, di Edmondo de Amicis. Milano. 1900.

льянскаго поэта Леопарди, найденный критикомъ г. Чіарини и напечатанный въ Rivista d'Italia отъ 15-го января [1]). Онъ относится до первой любви великаго поэта, внушившей ему одну изъ его лучшихъ элегій «Первую любовь». Ему было тогда девятнадцать лѣтъ, и онъ жилъ въ своей семьѣ въ Реканали. Больной, горбатый, онъ зналъ любовь только по имени, хотя жаждалъ ея всѣми силами своей пламенной души. Неожиданно къ его родителямъ пріѣхала погостить въ 1817 г. очень хорошенькая родственница, жена толстаго, стараго лавочника, Касси, и ея появленіе такъ сильно взволновало юношу, что онъ сталъ записывать всѣ свои впечатлѣнія въ дневникъ, который теперь и напечатанъ. Конечно, возникшая въ его душѣ любовь была чисто платоническая, и предметъ ея даже не подозрѣвалъ о своей побѣдѣ. Синьора Касси провела два дня у его родителей и удостоила юношу только нѣсколькими улыбками и любезными словами, но онъ ночью не могъ спать отъ лихорадочнаго волненія, а днемъ не сводилъ съ нея глазъ, сердился, когда она играла въ карты съ его братьями и радовался, когда она попросила его поучить ее играть въ шахматы. Онъ пытался выразить въ стихахъ свои чувства, но не могъ, и успѣлъ въ этой попыткѣ только послѣ отъѣзда красавицы, когда онъ немного успокоился. Тутъ онъ впервые почувствовалъ себя поэтомъ, написалъ двѣ элегіи, въ которыхъ прекрасно анализировалъ свои ощущенія и рѣшилъ добиться славы поэта, чтобы повергнуть ее къ ногамъ своей красавицы. Спустя годъ, память объ этихъ двухъ знаменательныхъ дняхъ снова вдохновила его, и онъ издалъ свою знаменитую элегію: «Первая любовь».

Англійскій политическій дѣятель, сэръ Монтстюартъ Грантъ-Дуфъ продолжаетъ печатать свой дневникъ, который онъ ведетъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, и только что вышедшіе новые два тома относятся до 1886, 1887 и 1888 годовъ [2]). Въ нихъ встрѣчается много интересныхъ анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, которыхъ авторъ зналъ лично. Напримѣръ, онъ разсказываетъ, что, сообщивъ великому мыслителю Рёскину о взятіи Плевны, съ удивленіемъ услышалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Плевна? Я никогда о ней не слыхалъ. Я ничего не знаю позднѣе XIV столѣтія». По словамъ англійскаго посланника въ Берлинѣ Одо Росселя, присутствовавшаго при знаменитой сценѣ между Бисмаркомъ и княземъ Горчаковымъ въ 1875 г. по случаю заявленія Россіи, что она не желаетъ новаго униженія Франціи, желѣзный канцлеръ едва сдержалъ себя, а русскій канцлеръ говорилъ спокойно: «Ну, ну, милый Бисмаркъ, успокойтесь. Вы знаете, что я васъ очень люблю. Я васъ знаю съ вашего дѣтства, но вы мнѣ не по сердцу, когда у васъ разгуляются нервы. Вы начинаете нервничать. Ну, ну, успокойтесь, милый Бисмаркъ». Тотъ же Россель разсказывалъ Дуфу другой анекдотъ о Бисмаркѣ. Послѣдній жаловался ему, что англійскій и другіе европейскіе кабинеты по глупости принимали биржевые толки за выраженіе истинной политики Германіи. «Мы вѣ-

---

[1]) Prima amore di Giacomo Leopardi, di G. Chiarini.—Rivista d'Italia. 15 gennao. 1900.

[2]) Notes from a diary, 1886 — 1888. By sir Montstuart Grant - Duff. — London, 1900. 2 vol.

римъ не биржевымъ толкамъ, а вашимъ посланникамъ, и вамъ слѣдуетъ прочитать имъ нравоученіе», отвѣчалъ Россель, и Бисмаркъ, прикусивъ губу, ничего не возразилъ. Бывшій посланникомъ въ Петербургѣ, сэръ Робертсъ Морьеръ однажды сказалъ Дуфу: «Россія—съ двумя головами, европейской и азіатской, но у нея привычка всегда поворачивать европейскую голову на востокъ, а азіатскую на западъ».

—Во второй мартовской книгѣ Revue des Revues началось печатанье мемуаровъ генерала Агвинальдо, президента Филиппинской республики [1]), о послѣднемъ возстаніи его родины. Еще только вышли главы, касающіяся предварительныхъ переговоровъ его съ американцами, въ томъ числѣ адмираломъ Дюи, и первыхъ его дѣйствій во главѣ филиппинской арміи, но уже можно заключить, что этотъ искренній разсказъ героя борьбы за свободу филиппинцевъ представляетъ не только большой историческій интересъ, но и важный офиціальный документъ для обличенія коварной и корыстной политики американскаго правительства.

— Франція и православіе на востокѣ. Жоржъ Голи помѣстилъ въ «Revue de Paris» весьма интересную статью о «франко-русскомъ вопросѣ на востокѣ» [2]). Авторъ касается темы весьма щекотливой: его интересуетъ узнать, насколько распря между латинскою церковью и православною, съ особою силою замѣтная на востокѣ, можетъ повліять на франко-русскую дружбу. Сущность вопроса, разсматриваемаго имъ, очень ясно опредѣляется въ послѣднихъ словахъ статьи. «Греческая церковь на востокѣ, говоритъ Голи, потеряла прежнее свое величіе: русская церковь, съ оттоманскимъ славянствомъ въ качествѣ авангарда въ Европѣ и съ палестинскимъ обществомъ въ Азіи, собирается принять въ свои руки наслѣдіе эллинизма. Въ составъ этого наслѣдства входятъ истинно-верховныя права, переданныя Магометомъ II патріарху константинопольскому. Если эти права перейдутъ въ могущественныя руки царей, то будетъ покончено со всею будущностью Оттоманской имперіи. Россія увлекается теченіями, которыя она не можетъ остановить; она уступаетъ вѣрѣ, подобной той, которая двигала Европою въ средніе вѣка. По роковому стеченію обстоятельствъ она встрѣчаетъ въ Палестинѣ и Сиріи Францію, свою союзницу, которую болѣе всего затрогиваетъ возвышеніе православія. Французская политика въ Турціи, потерявшая большую часть прежнихъ своихъ средствъ, оказывается теперь тѣсно связанною съ протекторатомъ надъ латинянами. А между тѣмъ протекторатъ не имѣетъ болѣе упорнаго врага, чѣмъ православную церковь. Возрожденная русскими, обладающими и политическимъ могуществомъ и искреннею вѣрою, каковыхъ у грековъ уже не имѣется, она переходитъ въ наступленіе, которому трудно противостоять». Чтобы разобраться въ причинахъ, вызвавшихъ возвышеніе значенія Россіи и упадокъ значенія Франціи на востокѣ, Ж. Голи излагаетъ главнѣйшія событія, касающіяся положенія

---

[1]) La Verité sur la revolution des Philippines, par E. Aguinaldo.—Revue des Revues, 15 mars. 1900.

[2]) Georges Gaulis, «Une question franco-russe en Orient».—«Revue de Paris», 1 mars 1900.

православной и латинской церквей въ Палестинѣ и Сиріи. Послѣ взятія Константинополя турками положеніе греко-православной церкви опредѣлено было тѣми правами, которыя Магометъ II передалъ патріарху константинопольскому. Патріархъ сталъ непосредственнымъ главою греческой націи. Абсолютный владыка въ духовныхъ дѣлахъ, онъ, по отношенію къ свѣтской власти, еле ограничивался правомъ, которое султанъ сохранялъ надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ. Его суду были подчинены всѣ вопросы гражданскаго права, завѣщанія и т. п. между греками, точно также какъ и кражи и всѣ менѣе важныя преступленія. Онъ управлялъ собственными имѣніями и владѣніями духовенства безъ всякаго контроля, отвѣтствуя передъ халифомъ лишь за правильный сборъ податей. Власть патріарха стала значительно больше, чѣмъ она была въ византійское время, также и потому, что раздвинулись самые предѣлы ея: она простиралась уже не на однѣ лишь византійскія земли, но и на другія владѣнія турокъ. Вплоть до карловицкаго мира продолжала увеличиваться власть патріарха. Его юрисдикціи подчинялись Румелія, Малая Азія, Македонія, Греція, Архипелагъ, Молдавія, Валахія, болгарскія и сербскія земли и часть Албаніи. Всѣ права и преимущества патріарха шли въ пользу однихъ лишь грековъ; славяне, валахи, албанцы и христіане-арабы всѣ являлись лишь подданными греческаго патріарха. Начало умаленія правъ константинопольскаго патріарха положено было пробужденіемъ національнаго самосознанія у балканскихъ народовъ—войнами, веденными для освобожденія этихъ народовъ. Побѣдоносныя войны Россіи указали православному населенію востока на то, что за предѣлами Турецкой имперіи имѣется защитникъ православія. Возстановленіе королевства Греціи устроило расколъ въ самой же греческой церкви: часть духовенства оказалась внѣ прямой зависимости отъ патріарха. Войны XIX вѣка и дипломатія европейскихъ державъ создали изъ обломковъ Турціи новыя государства и изъ обломковъ патріархата новыя церкви; въ настоящее время восточныхъ православныхъ церквей насчитывается до десяти. «Фанаръ», резиденція константинопольскаго патріарха, такимъ образомъ потерялъ свое значеніе. Очертивъ вкратцѣ исторію упадка константинопольской церкви и коснувшись участія Россіи въ усиленіи значенія остальныхъ автономныхъ церквей востока, Ж. Голи переходитъ къ разъясненію отношенія Франціи къ востоку. Въ 1535 году «капитуляціи», дарованныя Солиманомъ Франциску I, признали короля французскаго, какъ единственнаго покровителя латинянъ на востокѣ; представители Франціи получили право юрисдикціи надъ всѣми католическими духовными учрежденіями и лицами, надъ монахами на востокѣ. Самымъ древнимъ изъ этихъ учрежденій являлась францисканская «кустодія Св. Земли», которая и послужила главнымъ средствомъ для Франціи, чтобы утвердить латинство въ Палестинѣ. Кустодія работала чрезвычайно усердно. Когда въ 1757 году французскій посолъ маркизъ де-Верженнъ велѣлъ перечислить въ фирманѣ всѣ латинскія святилища, то оказалось, что большая часть памятниковъ первыхъ временъ христіанства успѣла перейти въ руки католиковъ. Однако, послѣ маркиза де-Верженна привилегіи Франціи въ святыхъ мѣстахъ стали встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны іерусалимскаго патріарха. Послѣ продолжительныхъ споровъ обоихъ вѣроис

повѣданій въ теченіе XVII и начала XVIII в., въ 1740 г. побѣда осталась за католиками. Но зато вторая половина XVIII в. была временемъ неудачъ для французской религіозной политики. Каждый случай охлажденія между Франціей и Портой приводилъ къ отнятію какихъ либо правъ у католиковъ и передачѣ этихъ правъ грекамъ. Въ началѣ XIX в. уже пять святынь, принадлежавшихъ временно католикамъ, были возвращены православнымъ. Соперничество, однако, послѣ этого не прекратилось и продолжается и теперь, приводя къ очень тяжелымъ сценамъ насилія. Фирманы 1853 года и статья 62-ая берлинскаго трактата утвердили statu quo въ св. мѣстахъ, но, какъ вполнѣ понятно, греческое духовенство подчиняется очень неохотно этимъ постановленіямъ. Несмотря на искусную и настойчивую политику грековъ, Ж. Голи не считаетъ ихъ серіозными врагами для успѣховъ латинства въ Палестинѣ. «Будь бы дѣло съ одними греками, латиняне скоро справились бы съ трудностями; это враги не страшные... Но дѣло въ томъ, что въ Іерусалимѣ, какъ и въ Константинополѣ, Россія собирается стать во главѣ православной церкви». Средствомъ, при помощи котораго Россія, по его мнѣнію, думаетъ подчинить себѣ Палестину, является дѣятельность православнаго палестинскаго общества, въ особенности школы этого общества, заставившія значительную часть сирійцевъ забыть французскія учебныя заведенія. Эти послѣднія до сихъ поръ управляются духовными орденами, главнымъ образомъ францисканцами, и доходятъ числомъ до нѣсколькихъ сотъ. Успѣхъ пропаганды французскаго языка и католической вѣры пріостановился со времени появленія значительнаго числа русскихъ школъ. Возникшая при республикѣ рознь между монашескими орденами и правительствомъ, отсутствіе твердыхъ религіозныхъ принциповъ у многихъ изъ французскихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, наконецъ невмѣшательство Франціи въ армянскій кризисъ и другія дѣла восточныхъ католиковъ привели, по мнѣнію Голи, къ тому, что престижъ Франціи на востокѣ при республикѣ сильно понизился, сравнительно со временемъ Наполеона III. Для иллюстраціи этого явленія Голи разсказываетъ слѣдующій фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ маронитскій патріархъ, находясь въ Парижѣ, почувствовалъ понятное стремленіе отдать визитъ министру иностранныхъ дѣлъ. Когда онъ принесъ привѣтствіе по восточному обычаю, заявивъ при этомъ о постоянной привязанности всей его націи къ Франціи, министръ сказалъ: «Вы говорите тутъ о вещахъ, которыя мы прекрасно знаемъ... но положеніе измѣнилось... очень измѣнилось». Выводъ, къ которому приходитъ Ж. Голи, заключается въ томъ, что Россія и Франція должны, непремѣнно, дружественно переговорить о разграниченіи своего вліянія на востокѣ; можетъ быть, несмотря на всѣ распри въ прошломъ, возможно будетъ достигнуть соглашенія.

СМѢСЬ.

КЪ ВОЛКОВСКОМУ юбилею. Ярославское общество для содѣйствія народному образованію и распространенія полезныхъ знаній избрало особую комиссію для детальной разработки вопроса объ увѣковѣченіи памяти основателя перваго русскаго театра Ѳ. Г. Волкова. Комиссія эта пришла къ заключенію, какъ передаютъ «Русскія Вѣдомости», увѣковѣчить память Волкова сооруженіемъ въ Ярославлѣ «Народнаго дворца», въ которомъ сосредоточились бы различнаго рода просвѣтительныя учрежденія. «Народный дворецъ» долженъ заключать въ себѣ сцену и зрительный залъ на 1.200—1.500 человѣкъ для постановки народныхъ спектаклей, концертовъ, публичныхъ чтеній и лекцій и т. п. Въ этомъ же зданіи должно быть дано мѣсто безплатной народной библіотекѣ, читальнѣ, дешевой чайной, картинной галлереѣ, книжному складу для продажи книгъ и такъ далѣе. Для отысканія средствъ, чтобы осуществить этотъ грандіозный проектъ, помимо мѣстныхъ источниковъ, рѣшено возбудить ходатайство о разрѣшеніи всероссійской подписки и постановки спектаклей на императорскихъ сценахъ. Что касается самаго празднованія 150-лѣтняго юбилея зарожденія русской сцены, то комиссія находитъ возможнымъ и желательнымъ устройство во всѣхъ городахъ и наиболѣе крупныхъ селахъ Ярославской губерніи литературныхъ вечеровъ и народныхъ чтеній. Для осуществленія этой цѣли составляется брошюра о Волковѣ и просвѣтительномъ значеніи театра, которая будетъ иллюстрирована свѣтовыми картинами при помощи волшебнаго фонаря.

Диспутъ В. А. Уляницкаго. 5 февраля, въ актовой залѣ Московскаго университета, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета В. А. Уляницкій публично защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ «Русскія консульства въ XVIII вѣкѣ», написанную имъ для полученія степени доктора международнаго права. В. А. Уляницкій, до чтенія лекцій въ Харьковскомъ университетѣ, состоялъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета и одновременно служилъ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ занималъ должность старшаго дѣлопроизводителя. Диспутъ открылся вступительною рѣчью докторанта, ознакомившаго собраніе съ методомъ и выводами своей работы. Въ рядѣ своихъ положеній г. Уляницкій приходитъ, между прочимъ, къ заключенію, что организація первыхъ русскихъ консульствъ за границей заимствована съ Запада, но первые русскіе консулы носятъ характеръ правительственныхъ комиссіонеровъ для заграничной торговли русскими товарами. Коллегія иностранныхъ дѣлъ не принимала участія въ учрежденіи коммерческихъ консульствъ, и они были подчинены ей лишь въ вопросахъ, имѣющихъ политическій характеръ. При преемникахъ Петра Великаго до 1774 года правительственная иниціатива въ учрежденіи консульствъ въ Западной Европѣ проявлялась лишь въ случаяхъ наличности политическаго въ этомъ учрежденіи интереса. Организація русскихъ консульствъ на Западѣ скопирована была съ современной организаціи западно-европейскихъ консульствъ; юридическое положеніе консуловъ опредѣлялось по принципу взаимности и на почвѣ международнаго обычая. Офиціальными оппонентами во время диспута были профессоръ графъ Л. А. Комаровскій и приватъ-доцентъ П. Х. Озеровъ. Диспутантъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени доктора международнаго права.

Новыя залы историческаго музея въ Москвѣ. Въ недавнее время въ историческомъ музеѣ открыты для обзора публики еще двѣ новыя залы, предназначенныя для древнихъ памятниковъ Владиміро-Суздальской области. Въ отдѣлкѣ стѣнъ этихъ залъ живописью и скульптурными прилѣпами замѣчается воспроизведеніе древней стѣнописи, сохранившейся еще отъ XII—XIII столѣтій въ этой области. Это время было, какъ извѣстно, временемъ процвѣтанія политической и культурной жизни во Владиміро-Суздальской области, гдѣ до сихъ поръ сохранилось столько интересныхъ памятниковъ церковнаго зодчества, весьма оригинальнаго по богатству и разнообразію мотивовъ наружныхъ скульптурныхъ украшеній. Эта особенность въ богатствѣ скульптурныхъ украшеній особенно чувствуется, когда изъ Новгородской залы, весьма бѣдной скульптурными украшеніями, переходишь въ первую Суздальскую или Владимірскую залу: здѣсь стѣны этой небольшой круглой залы богато украшены копіями съ прилѣпъ или скульптурныхъ украшеній знаменитаго Дмитріевскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, построеннаго великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ; такъ, напримѣръ, фризъ залы представляетъ собою копію части фриза Дмитріевскаго собора и состоитъ изъ ряда висячихъ колоннъ, соединенныхъ арочками, подъ которыми находятся скульптурныя изображенія святыхъ и разныхъ фантастическихъ животныхъ. Такого рода орнаментальные мотивы давали поводъ ученымъ археологамъ сближать эти фризы Дмитріевскаго собора съ фризами романскихъ церквей на Западѣ. То же можно сказать и о роскошно

украшенныхъ наличникахъ дверей того же собора, копіи съ которыхъ украшаютъ двери Владимірской залы. Плафонъ залы и откосы оконъ украшены живописнымъ орнаментомъ, повторяющимъ древнюю живописную же орнаментацію, сохранившуюся въ Успенскомъ соборѣ г. Владиміра еще отъ времени св. Андрея Боголюбскаго, перваго строителя этого собора. Въ срединѣ этой небольшой круглой залы водруженъ большой крестъ, находившійся прежде на средней главѣ владимірскаго Успенскаго собора; современный Андрею Боголюбскому, крестъ этотъ принесенъ въ даръ музею управленіемъ собора, замѣнившимъ этотъ древній и ветхій крестъ новымъ. Крестъ состоитъ изъ желѣзнаго остова, прикрытаго узорными, прорѣзными мѣдными листами, густо вызолоченными. Стиль его прорѣзной орнаментаціи, украшенной изображеніемъ травъ и птицъ, совершенно совпадаетъ со стилемъ эпохи, выраженнымъ въ другихъ древнихъ предметахъ этой области. Въ витринахъ, сгруппированныхъ вокругъ основанія креста, размѣщены предметы, относящіеся къ исторіи собора во Владимірѣ и вообще къ суздальской старинѣ: такъ, цѣлый рядъ вырѣзанныхъ пластинъ изъ мѣдныхъ листовъ, служившихъ древнимъ покрытіемъ соборныхъ главъ, представляютъ по начерганнымъ на нихъ буквамъ или числамъ несомнѣнные палеографическіе памятники XII вѣка. Свинцовые слитки, найденные вверху сводовъ собора, указывая на свинцовыя покрытія крыши, являются вещественными свидѣтельствами пожара, которому подвергся соборъ во время Батыева нашествія. Слѣды того же пожара носятъ на себѣ и квадратныя поливныя плитки изъ кирпича, которыми, по всему вѣроятію, былъ вымощенъ соборъ или его нѣкоторыя части. Къ XII вѣку относится мѣдная византійская монета, найденная въ насыпи, на трехъ-аршинной глубинѣ, вблизи собора. Къ бытовымъ предметамъ того же времени могутъ быть отнесены украшенія одеждъ княжескихъ или вообще знатныхъ людей, выставленныя въ тѣхъ же витринахъ; эти украшенія состоятъ изъ «бармъ» или ряда круглыхъ серебряныхъ золоченыхъ медальоновъ съ черневыми изображеніями на нихъ крестовъ, Богоматери, изъ серебряныхъ проволочныхъ петлицъ съ нанизанными на нихъ ажурными серебряными бусинами, изъ серегъ и другихъ мелкихъ украшеній. У окна, сбоку, въ той же залѣ, находится другой крестъ, украшавшій прежде одну изъ малыхъ главъ Успенскаго собора и относящійся приблизительно къ тому же времени, что и большой крестъ. Еще большимъ богатствомъ лѣпныхъ украшеній отличаются стѣны второй Суздальской залы; главнымъ образомъ здѣсь находятся слѣпки съ рельефныхъ изображеній и украшеній, сохранившихся въ соборѣ Юрьева-Польскаго; такъ, цѣлая стѣна налѣво отъ входа, противъ оконъ, представляетъ точную копію стѣнъ этого собора съ входнымъ порталомъ и даетъ полное представленіе о богатствѣ рельефныхъ работъ и объ ихъ размѣщеніи въ древнемъ соборѣ. На другихъ стѣнахъ, кромѣ характерныхъ растильныхъ орнаментовъ, или «травъ», сгруппированы вмѣстѣ многочисленныя изображенія фантастическихъ звѣрей, птицъ, которыя встрѣчаются въ такомъ изобиліи на стѣнахъ различныхъ древнихъ храмовъ Суздальской области и которыя указываютъ на господство въ то время фантазіи, воспитанной подъ художественными вліяніями Востока; здѣсь эти художественные вкусы являются уже, несомнѣнно, въ мѣстной, русской переработкѣ. Господ-

ство восточныхъ вліяній не исключаетъ, однако, и другихъ иноземныхъ вліяній; такъ, въ подлинныхъ фрагментахъ архитектурныхъ украшеній Владимірскаго собора, которые расположены внизу стѣнъ обѣихъ залъ, можно замѣтить, какъ древнія формы классическихъ орнаментовъ изъ акантуса, перешедшія въ Суздальскую область изъ Византіи, измѣнились подъ вліяніемъ ручного мастерства. Такія же измѣненія потерпѣли и древне-греческія пятилепестныя пальметки. Въ общемъ лѣпныя украшенія залы производятъ впечатлѣніе горячей потребности художественнаго творчества, застывшаго на долгое время подъ ударами монгольскаго нашествія и тяжести монгольскаго ига. Только слабые слѣды этихъ формъ будутъ встрѣчены впослѣдствіи въ той сосѣдней залѣ, которая будетъ посвящена слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ памятникамъ Москвы. Въ витринахъ этой второй Суздальской залы обращаютъ вниманіе слѣдующія вещи: бронзовый, золоченый и украшенный эмалью голубь, вверху котораго въ особомъ углубленіи хранились запасные дары. По своей техникѣ этотъ «евхаристическій голубь» относится къ издѣліямъ Запада. Западнымъ вліяніемъ, но русскимъ мастерствомъ, какъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся надпись, отличаются бронзовыя литыя полукружія, состоящія изъ плетеныхъ, прорѣзныхъ, украшенныхъ птицами орнаментовъ. Прорѣзная мѣдная лампада въ формѣ чаши съ широкими краями своимъ стилемъ напоминаетъ этого рода «корсунскія издѣлія». Какъ полукружія, такъ и лампада найдены въ развалинахъ древней церкви городища Вщижъ, Орловской губерніи, а помѣщены въ Суздальской залѣ потому, что подходятъ по своему стилю и по времени къ эпохѣ процвѣтанія этого стиля въ Суздальской области. Весьма интересные портреты Ѳеодора Іоанновича и М. В. Скопина-Шуйскаго выставлены здѣсь временно. Кромѣ шитыхъ старинныхъ иконъ, находящихся въ витринахъ, большая шитая икона или пелена занимаетъ на подставкѣ особое мѣсто въ этой залѣ, представляя собою древній и весьма интересный въ иконографическомъ отношеніи памятникъ этого рода, относящійся по времени къ XV вѣку и хранившійся прежде въ одномъ изъ храмовъ Суздальской области. Въ срединѣ пелены на красномъ фонѣ вышито изображеніе причащенія на двѣ стороны, какъ на мозаикахъ Кіево-софійскаго собора. Вокругъ, по широкой каймѣ, вышиты изображенія изъ житія Богородицы. Въ трехъ стальныхъ вертящихся витринахъ, занимающихъ средину залы, размѣщены наиболѣе интересные и древніе экземпляры рѣзныхъ деревянныхъ иконъ, замѣчательныхъ по техникѣ и по стилю изображеній; оклады серебряные, золоченые, представляющіе образцы чеканной, басменной и сканной техники въ древнихъ издѣліяхъ этого рода; наконецъ, въ одной изъ трехъ витринъ выставлены ризы съ иконъ, шитыя бисеромъ, стеклярусомъ, жемчугомъ и цвѣтными камнями по шелку и бархату. Разнообразіе этого рода техники выражаетъ не только большой запросъ въ старинномъ русскомъ быту на этого рода предметы, но также и усидчивый трудъ, замѣчательный вкусъ и техническое мастерство русской женщины. Въ заключеніе можно замѣтить, что стильная отдѣлка этихъ двухъ залъ еще болѣе получитъ интереса, когда будутъ отдѣланы и слѣдующія залы музея. Отдѣлка Московской залы близка къ окончанію; лѣпныя украшенія залъ, относящихся къ временамъ Ивана Грознаго, Ѳеодора Іоанновича,

Бориса Годунова и къ эпохѣ Смутнаго времени, въ настоящее время уже можно считать оконченными, и стѣны залъ уже подготовляются къ росписи. Въ отдѣлкѣ стѣнъ этихъ залъ такъ же, какъ и вновь открытыхъ Суздальскихъ, Историческій музей придерживается того основнаго принципа, въ силу котораго стиль отдѣлки каждой залы долженъ изображать господствующіе художественные вкусы той эпохи, для памятниковъ которой предназначается зала.

О работахъ въ Лаврской Великой церкви въ Кіевѣ. Уже третій годъ, какъ вопросъ объ уничтоженіи древней живописи въ Великой Лаврской церкви не сходитъ со страницъ газетъ и журналовъ и не умолкаетъ въ ученыхъ засѣданіяхъ. Дѣло въ томъ, что прежняя стѣнная живопись признана новѣйшей, переписанной будто бы 1840 г. монахомъ Иринархомъ, и что всѣ историческія изображенія разныхъ гетмановъ на стѣнѣ Великой церкви не имѣютъ никакого значенія. И стѣнная живопись теперь дѣлается заново совершенно по другимъ рисункамъ художникомъ Верещагинымъ. Въ извѣстномъ описаніи г. Кіева, составленномъ Закревскимъ и напечатанномъ въ 1858 г. въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ», говорится, что «соборная Великая церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, въ 1240 г. разрушена Батыемъ; вторую на прежнемъ основаніи устроилъ въ 1470 г. кіевскій намѣстникъ, кн. Симеонъ Александровичъ; потомъ, послѣ пожара обновлена въ 1720 г. Снаружи въ приличныхъ мѣстахъ, а внутри—всѣ стѣны украшены иконописаніемъ разныхъ временъ; замѣчательны прежнія изображенія князей россійскихъ и литовскихъ, благодѣтельствовавшихъ сему монастырю. Вообще же стѣнная живопись очень посредственна». Однако эта посредственная живопись обратила въ свое время вниманіе императора Николая I и принесла немало огорченій знаменитому митрополиту кіевскому Филарету Амфитеатрову. Объ этой печальной исторіи мы также знаемъ со словъ архимандрита Сергія (Василевскаго), вспомянувшаго все это дѣло въ своемъ капитальномъ трудѣ «Филаретъ, митрополитъ кіевскій, и его время». «Въ 1837 г. о. екклесіархъ представилъ митрополиту рапортъ, что въ 4-хъ куполахъ на хорахъ Великой церкви настоитъ надобность поправить штукатурку и побѣлить и окрасить заново. Митрополитъ на журналѣ духовнаго собора написалъ: «разсмотрѣть духовному собору съ особымъ вниманіемъ и тщаніемъ, не лучше ли расписать на маслѣ для прочности и благолѣпія, приличнаго Великой церкви». Вскорѣ былъ составленъ проектъ работъ, а именно: расписать, на маслѣ всѣ своды и стѣны Великой церкви, а также на хорахъ и въ куполахъ, изображеніями святыхъ, чего прежде не имѣлось, а гдѣ таковыя изображенія имѣлись, то таковыя подновить, не измѣняя отнюдь ничего. Обращаясь къ московскимъ мастерамъ, по рекомендаціи извѣстнаго А. И. Лобкова, митрополитъ нашелъ, что запрошенная иконописцемъ Щепетовымъ 100 т. сумма очень велика; дѣло было остановилось и только въ 1840 г. вновь получило движеніе. Въ лавру прибылъ изъ Свѣнскаго монастыря іеродіаконъ Иринархъ извѣстный своимъ искусствомъ по иконописи, и согласился произвести работы съ тѣмъ, чтобы опредѣлены были въ его распоряженіе лица, находящіяся въ лаврѣ, изъ знающихъ иконописно-малярное искусство. Иринахъ былъ посланъ въ Москву для покупки золота, но 31 мая 1843 г. воспослѣдо-

валъ указъ святѣйшаго синода, въ которомъ заключалось, что по увѣдомленію г. министра двора государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: для осмотра стѣнной живописи въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры и составленія предположенія объ исправленіи этой живописи или же совершенно новомъ росписаніи той церкви, командировать академика Солнцева. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода графъ Протасовъ вмѣстѣ съ этимъ писалъ митрополиту, что государь выразилъ ему лично крайнее сожалѣніе и неудовольствіе по дѣлу начавшагося обновленія живописи. Вслѣдъ затѣмъ синодъ по всѣмъ епархіямъ разослалъ циркулярный указъ такого содержанія: «государь императоръ по дошедшему до его величества свѣдѣнію, что въ нѣкоторыхъ древнихъ соборахъ древняя живопись на стѣнахъ замѣняется новой и вообще не сохраняется, какъ слѣдуетъ, высочайше повелѣть соизволилъ принять надлежащія мѣры, чтобы вообще древній, какъ наружный, такъ и внутренній видъ церквей былъ сохраненъ тщательно и не было дозволяемо никакихъ произвольныхъ поправокъ и перемѣнъ безъ вѣдома высочайшей власти. Прибывшій въ лавру академикъ Солнцевъ въ исправленіи лаврской живописи не нашелъ особенно серіозныхъ искаженій, и святѣйшій синодъ своимъ указомъ отъ 21 іюля 1843 г. предписалъ: 1) всю новую живопись сдѣлать темнѣе, на всѣхъ образахъ золотыя украшенія исполнить тщательнѣе, перспективу и пейзажи сдѣлать легче, равно и фигуры въ дальнихъ планахъ облегчить; 2) орнаменты вмѣсто бѣлыхъ написать желтыми, букеты цвѣтовъ между ними совершенно уничтожить; 3) оставшуюся старую живопись—портреты царей, великихъ князей и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить и 4) раку съ мощами святыхъ на аршинъ отодвинуть отъ стѣны и перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ, черезъ что откроется надгробный монументъ кн. Константина Острожскаго, уцѣлѣвшій отъ пожара 1718 г., и самый памятникъ очистить отъ пыли. Этотъ указъ святѣйшаго синода былъ одобренъ государемъ. Митрополитъ Филаретъ донесъ синоду, что всѣ предписанія исполнены, но что раку съ мощами можно отодвинуть только на аршинъ отъ стѣны, гдѣ памятникъ Константина Острожскаго, и что его будетъ тогда возможно осматривать. Затѣмъ 19 октября 1843 г. митрополитъ Филаретъ уже увѣдомлялъ синодъ, что всѣ работы по живописи исполнены подъ личнымъ наблюденіемъ академика Солнцева. Въ этомъ же сочиненіи о. Сергія любопытны сообщенія и по поводу передѣлки иконостаса въ Великой Печерской церкви. Митрополиту Филарету графиня Анна Орлова-Чесменская пожертвовала милліонъ руб., съ тѣмъ чтобы сдѣлать въ соборной церкви новый бронзовый иконостасъ, вмѣсто бывшаго деревяннаго, приходящаго въ ветхость, при чемъ графиня выразила желаніе, чтобы иконостасъ былъ устроенъ совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ состоялъ, безъ всякаго отступленія отъ плана фасада и рисунка онаго, съ тѣмъ при томъ, чтобы св. иконы оставались прежнія, безъ всякой перемѣны. Митрополитъ Филаретъ 8 сентября 1845 г. донесъ святѣйшему синоду, что устроенный послѣ пожара въ 1720 г. иконостасъ въ Соборной церкви отъ времени приходитъ въ ветхость, какъ составленный изъ дерева, позолота и рѣзьба потемнѣли, затѣмъ митрополитъ дальше выражаетъ и выше приведенное желаніе гр. Орловой. По волѣ

государя, который нашелъ, что иконостасъ не соотвѣтствуетъ стилю храма, проектъ иконостаса былъ порученъ архитектору Тону. Впрочемъ составленный Тономъ проектъ оказался неудобнымъ. Епархіальный архитекторъ Спарро сдѣлалъ заключеніе, что фундаментъ для новаго бронзоваго иконостаса будетъ малъ, а позади иконостаса нужно будетъ выгнуть новую каменную стѣнку до половины арки, почему при устройствѣ новаго иконостаса будутъ препятствовать гробницы древнихъ архимандритовъ и братіи, открытыя имъ при испытаніи фундамента, которыя нужно будетъ тронуть съ мѣста, боковыя и верхнія части иконостаса по своему размѣру не могутъ быть поставлены въ соборѣ. Митрополитъ Филаретъ, отсылая это заключеніе въ синодъ, заявилъ, что для сдѣланія новаго фундамента подъ иконостасомъ и устроенія новой каменной стѣны необходимо будетъ прекратить на долгое время богослуженіе въ соборной церкви, въ которую безпрерывно стекается множество богомольцевъ изъ всѣхъ странъ Россіи. Сіе можетъ подать поводъ къ охлажденію ихъ благочестиваго усердія къ особенной святынѣ сей церкви, въ которой никогда богослуженіе не прекращается. Затѣмъ владыка просилъ святѣйшій синодъ дозволить ему возобновить иконостасъ въ теперешнемъ его видѣ, къ которому издавна многочисленные богомольцы привыкли благоговѣть, какъ къ святынѣ. Святѣйшій синодъ во всемъ утвердилъ это представленіе, и митрополитъ Филаретъ распорядился приготовить все нужное и приступить къ работамъ. По его приказанію исправленіе иконостаса должно было производиться по возможности лицами, служащими въ лаврѣ—послушниками и испытанными въ честной жизни служителями. Самыя работы должны быть произведены такъ, чтобы богослуженіе въ Великой церкви совершаемо было ежедневно безпрепятственно. Словомъ, со стороны святителя было сдѣлано все, чтобы «не коснулись къ сему чудотворному храму, какъ древнему кивоту святыни, руки неподобающихъ дѣятелей». И вотъ теперь, въ виду печатныхъ источниковъ и всѣхъ свидѣтельствъ о цѣнности прежней живописи для исторической науки и стараго иконостаса для святого народнаго чувства, становится понятнымъ негодованіе русскихъ археологовъ. Безспорно, прежняя часть живописи въ Лаврской церкви была писана разновременно и, вѣроятно, послѣ пожара поправлялась по прежнимъ образцамъ, и теперь эта живопись разныхъ временъ, на которую указывалъ Закревскій, съ примѣчательными и прежними изображеніями князей россійскихъ и литовскихъ, уже съ 1896 года не существуетъ; она сбита и зарисована новыми, хотя, быть можетъ и лучшими, образцами. Но однако вѣдь это сдѣлано вопреки высочайшему повелѣнію и указу синода и тѣмъ болѣе не простительно, что все дѣло по возобновленію живописи въ сороковыхъ годахъ находится, по словамъ о. архимандрита Сергія, въ лаврскомъ же архивѣ (связка № 17). Самый же иконостасъ въ Великой лаврской церкви, къ которому, по свидѣтельству митрополита Филарета, издавна многочисленные богомольцы привыкли притекать, какъ къ святынѣ, тоже сломанъ и даже уступленъ въ другую церковь, да и сама Великая церковь давно стоитъ безъ всякаго богослуженія, и даже на Св. Пасху не только не было службы, но не пускались и богомольцы. Наконецъ и знаменитый памятникъ кн. Острожскому († 1533)

заставленъ иконой и, какъ передаютъ, именно потому, что во время происходящихъ работъ онъ разбитъ или столь сильно поврежденъ, что его неудобно и показывать.

Археологическая экспедиція. Императорское русское археологическое общество снаряжаетъ экспедицію для изслѣдованія древностей Восточнаго Туркестана. Экспедиція эта выступитъ изъ Джаркента и чрезъ Кульджу, Манасъ и Урумчи достигнетъ Турфана, откуда будутъ предприняты разъѣзды. Во главѣ этой экспедиціи будутъ находиться гг. Клеменцъ и Ольденбургъ.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 26 февраля, состоялось торжественное собраніе общества подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева. Торжество началось панихидой, отслуженной по въ Бозѣ почивающемъ императорѣ Александрѣ III. Затѣмъ присутствовавшіе заняли свои мѣста, и графъ С. Д. Шереметевъ объявилъ собраніе открытымъ. Хоръ исполнилъ «Блаженни, яже избралъ и пріялъ еси, Господи». Затѣмъ началась литературная часть засѣданія. Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочелъ свое стихотвореніе «Дорожныя думы». С. С. Татищевъ прочелъ собранію первую главу изъ своей новой книги: «Императоръ Александръ III, очеркъ его жизни и царствованія». Повѣствованіе начинается горестнымъ событіемъ перваго марта и шагъ за шагомъ слѣдитъ за жизнью Царя-Миротворца. 1-го марта государь Александръ III, тогда цесаревичъ, сидѣлъ за столомъ въ кабинетѣ, въ Аничковомъ дворцѣ, цесаревна возлѣ, когда услыхали два какъ бы выстрѣла. Едва успѣли они обмѣняться взглядами, какъ увидали въѣзжавшую во дворъ тройку съ конюшеннымъ офицеромъ, посланную великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ съ мѣста катастрофы. Долго офицеръ не могъ отъ волненія говорить выбѣжавшимъ на встрѣчу цесаревичу и цесаревнѣ и, наконецъ, прошепталъ, что государь страшно раненъ. На дежурной тройкѣ быстро поѣхали цесаревичъ и непокидавшая его цесаревна въ Зимній дворецъ, гдѣ у постели царственнаго страдальца уже толпились врачи. Когда дыханіе раненаго стало немного ровнѣе, цесаревичъ позвалъ протоіерея Рождественскаго причастить умиравшаго императора, и затѣмъ среди плачущей колѣнопреклоненной царской семьи духовникъ протопресвитеръ Бажановъ прочиталъ отходную. Возвращаясь отъ умершаго уже родителя, императоръ Александръ III поздоровался въ залѣ съ карауломъ кавалергардовъ; тѣ, не зная еще о кончинѣ царя Александра II, отвѣчали Александру III, какъ цесаревичу. Тогда государь, обливаясь слезами, сообщилъ имъ ужасную вѣсть, сказавъ въ заключеніе: «Помолитесь же, братцы, за него и за меня». Ихъ величества поѣхали затѣмъ домой въ Аничковскій дворецъ. Описывая минувшіе тяжелые часы дня 1-го марта, лекторъ остановилъ вниманіе слушателей на манифестѣ о восшествіи на престолъ Александра III. Въ немъ ясно проведена идея единства Россіи въ словахъ о вступленіи на прародительскій престолъ Россійской имперіи и нераздѣльныхъ съ ней царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго. Впервые было тогда приведено къ вѣрноподданнѣйшей присягѣ и крестьянское сословіе. С. С. Татищевъ затѣмъ описалъ день 2-го марта, воцареніе Александра III, торжественную присягу высшихъ чиновъ и рѣчи государя, въ которыхъ Але-

ксандръ III говорилъ о любви своей къ русскому народу, любовь котораго онъ надѣялся заслужить. Полныя живыхъ и интересныхъ подробностей слѣдуютъ описанія первыхъ дней царствованія и обзоръ дѣятельности императора Александра III. Съ первыхъ же дней новаго царствованія ясно намѣтился путь, по которому императоръ Александръ III рѣшился итти. На ходъ и направленіе дѣлъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, онъ наложилъ отпечатокъ державной своей воли, твердой и непреклонной, источникомъ которой было отнюдь не самомнѣніе, совершенно ему чуждое, но глубокія убѣжденія, выработанныя размышленіемъ и опытомъ. Вскормленный молокомъ русской исторіи, царь Александръ III и на престолѣ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ до воцаренія: православнымъ христіаниномъ и истинно русскимъ человѣкомъ. Задачею себѣ Александръ III поставилъ внутреннее умиротвореніе государства, водвореніе въ немъ порядка и правды, которую цѣнилъ выше всего, а во внѣшней политикѣ—утвержденіе цѣлости, безопасности и духовной самостоятельности Россіи... «Исторія,—сказалъ въ заключеніе лекторъ,—съ которой Александръ III всегда считался и къ которой относился съ глубокимъ почтеніемъ, отведетъ ему почетное мѣсто въ ряду лучшихъ государей, благодѣтелей человѣчества, и не только для насъ, русскихъ людей, но и для всѣхъ народовъ вселенной величественный образъ Александра III на вѣки останется свѣтлымъ воплощеніемъ русской правды на землѣ». Собраніе закончилось пѣніемъ народнаго гимна хоромъ графа Шереметева.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. Въ послѣднемъ январьскомъ засѣданіи восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, утвержденъ былъ отчетъ по отдѣленію за 1899 г. Секретаремъ отдѣленія была прочитана записка трехъ членовъ общества, съ изложеніемъ проекта организаціи археологической экспедиціи въ бассейнъ Тарима. Графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ интересное сообщеніе о произведенныхъ извѣстнымъ англійскимъ изслѣдователемъ Деморганомъ раскопкахъ древняго городища въ Сузахъ. Раскопанъ былъ холмъ посредствомъ нѣсколькихъ прорытыхъ въ немъ тоннелей. Въ различныхъ слояхъ найдены были остатки различныхъ культуръ, раздѣленныхъ между собою тысячелѣтіями. Въ самыхъ нижнихъ слояхъ найдены были предметы, относящіеся къ доисторической эпохѣ: кремневыя орудія, первобытная глиняная посуда и проч. Судя по орудіямъ, можно заключить, что эту мѣстность населяло нѣкогда племя, занимавшееся хлѣбопашествомъ. Найдены были остатки исчезнувшихъ городовъ, цитадель, уничтоженная въ VIII вѣкѣ до Р. Х., сожженный дворецъ съ остатками памятниковъ искусства. Нѣкоторыя данныя позволяютъ отнести находки историческаго періода къ четвертому тысячелѣтію до Р. Х. Профессоръ Н. И. Веселовскій сообщилъ о находкѣ глиняныхъ гробовъ въ Самаркандѣ. Закончилось засѣданіе сообщеніемъ Б. А. Тураева о двухъ клинописныхъ глиняныхъ табличкахъ третьяго тысячелѣтія до Р. Х., хранящихся въ музеѣ Кіевской духовной академіи. II. 2-го февраля состоялось общее собраніе членовъ подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого. Проф. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ въ Кубанской области лѣтомъ 1899 г. Изслѣдована была мѣстность, лежащая на сѣверномъ склонѣ кавказскаго хребта до рѣки Кубани. Найденные предметы имѣютъ общую

связь съ открытымъ ранѣе матеріаломъ тамъ изъ 4-хъ кургановъ. Они относятся къ II—III вѣкамъ по Р. Х. Предметы, найденные въ могилахъ, работы греческихъ и римскихъ мастеровъ, но есть и мѣстной работы варваровъ. III. На состоявшемся 22-го февраля засѣданіи классическаго отдѣленія общества сдѣланы были сообщенія: Б. А. Тураевымъ—«По поводу письма генерала Лундквиста о хеттскихъ рельефахъ» и М. И. Ростовцевымъ — «Римскіе гарнизоны въ южной Россіи и раскопки его императорскаго высочества великаго князя Александра Михаиловича въ Ай-Тодорѣ». Генералъ Лундквистъ открылъ и пріобрѣлъ для Россіи камни съ рельефными изображеніями лицъ, надгробными памятниками которымъ служили эти камни, а также и съ письменными на нихъ знаками. Камни эти найдены въ городѣ Морашѣ (въ Азіатской Турціи) и представляютъ остатки памятниковъ библейскаго народа хеттовъ (гетовъ). По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, памятники искусства въ городѣ Морашѣ, съ сильнымъ ассирійскимъ вліяніемъ, относятся къ VII—VIII вѣкамъ до Р. Х. М. И. Ростовцевъ изложилъ исторію появленія на югѣ Россіи въ I и II вѣкахъ по Р. Х. римскихъ гарнизоновъ и въ частности занятія ими Таврическаго полуострова. Окупація Крыма римскими войсками была сдѣлана дважды въ I и во II вѣкахъ. Въ III вѣкѣ римскіе легіоны исчезли изъ предѣловъ Тавриды въ виду необходимости защищать Римскую имперію отъ нашествія готовъ. Яркимъ доказательствомъ этихъ окупацій является открытіе въ имѣніи Ай-Тодоръ при раскопкахъ, произведенныхъ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Александромъ Михаиловичемъ, небольшой римской крѣпостцы, окруженной рядомъ жилищъ и расположенной на самомъ гребнѣ Ай-Тодорскаго мыса (въ 12 верстахъ отъ Ялты). Изъ штемпелей на кирпичахъ референтъ вывелъ заключеніе о тѣхъ римскихъ полкахъ, которые нѣкогда находились здѣсь для защиты побережья отъ пиратовъ и херсонесцевъ отъ нападенія варваровъ. Это были: отрядъ равеннскаго флота и легіонеры I и XI легіоновъ. Въ III вѣкѣ крѣпость эта была покинута. При раскопкахъ найдены монеты, посуда, наконечники стрѣлъ, обломокъ меча и проч. По мнѣнію референта, открытая крѣпость тождественна съ указанной на картѣ Птоломея и носящей имя «Хараксъ». IV. 24-го февраля, въ засѣданіи восточнаго отдѣленія сдѣланы были сообщенія: П. В. Радловымъ — «Изслѣдованія д-ра Гирша о родословной Аттилы», П. К. Коковцевымъ — «Имена жрецовъ въ Нирабскихъ надписяхъ» и П. Н. Меліоранскимъ — «О Кудашку-Биликѣ» Чингисъ-хана. Г. Радловъ въ одной книгѣ, относящейся къ XV вѣку, нашелъ перечисленіе 38 предковъ Аттилы, указанія, имѣющія аналогію со свѣдѣніями китайскихъ источниковъ. Надписи на плитахъ съ рельефными изображеніями, прочитанныя и переведенныя г. Коковцевымъ, означаютъ имена погребенныхъ подъ этими плитами жрецовъ. Референтъ коснулся возбужденнаго на одномъ изъ предыдущихъ засѣданій профессоромъ Н. И. Веселовскимъ вопроса о гробахъ-костехранилищахъ и привелъ интересныя свѣдѣнія, извлеченныя имъ изъ древнихъ еврейскихъ документовъ (III вѣка по Р. Х.). Кости хранились въ небольшихъ ящикахъ, но уже послѣ того, какъ тѣло истлѣвало. Дѣтямъ запрещалось собирать для погребенія кости отца и матери. Охарактеризованная г. Меліоранскимъ книга Чингисъ-хана «Кудашку-Биликъ» содержитъ въ себѣ описаніе того порядка

въ производствѣ народнаго суда въ Монголіи, котораго должны были держаться судьи, назначаемые султаномъ.

Археологическій институтъ. I. Какъ мы уже сообщали, по мысли Н. К. Рериха, слушатели археологическаго института предприняли трудъ по составленію археологичестой карты С.-Петербургской губерніи. Предпріятіе это находится еще въ стадіи подготовительной, участники собираютъ свѣдѣнія о разнообразныхъ остаткахъ старины, разбитыхъ по разнымъ источникамъ. И вотъ эта предварительная, пока еще далеко неполная работа дала уже слѣдующіе результаты для Лужскаго уѣзда. Выяснилось, что различные земляные остатки старины имѣются болѣе, чѣмъ при ста селеніяхъ, приблизительно въ количествѣ 1.500. Разнообразіе этихъ остатковъ отдаленной старины удивительно. Тутъ встрѣчаются: насыпи, курганы, могилы, сопки и сопочки, колоколища, кладбища и наконецъ холмы безъ достаточнаго историческаго матеріала. Огромное большинство этихъ остатковъ еще ждетъ своихъ изслѣдователей, которые должны явиться неотложно, ибо по имѣющимся даннымъ многіе изъ этихъ историческихъ памятниковъ, скрывающихъ въ себѣ «настоящую колыбель нашей народной жизни», постоянно исчезаютъ. Особенный же интересъ въ Лужскомъ уѣздѣ возбуждаютъ окрестности Яблоницкой волости. II. 3-го февраля состоялось общее собраніе членовъ и слушателей подъ предсѣдательствомъ князя П. А. Путятина, сдѣлавшаго сообщеніе по поводу столѣтія со дня смерти Брюлова, сопровождавшееся осмотромъ эскизовъ и акварелей знаменитаго художника, которые принадлежатъ референту. Н. Ф. Арепьевъ сообщилъ о результатахъ произведенныхъ имъ раскопокъ въ Лужскомъ уѣздѣ. Уѣздъ этотъ представляетъ богатое поле для рѣшенія многихъ спорныхъ вопросовъ археологіи. Вскрыты были референтомъ нѣсколько могилъ изъ большого могильника близъ озера Лачужа, одинъ курганъ и др. Раскопки оказались очень бѣдны находками.

Славяно-русская палеографическая выставка. Археологическій институтъ въ Петербургѣ взялъ на себя инициативу устройства такихъ выставокъ, которыя иначе ни въ какомъ случаѣ бы не осуществились. Въ прошломъ году было сдѣлано начало организаціей выставки старинныхъ иконъ, а въ нынѣшнемъ году въ помѣщеніи института устроена славяно-русская палеографическая выставка. Здѣсь собрано множество рукописей русскихъ, южно-славянскихъ, изъ Угорской Руси, рукописи лицевыя XVIII вѣка и старообрядческаго поморскаго письма. Старѣйшія рукописи восходятъ до XV, XIII и даже XII вѣковъ. Кромѣ рукописей, выставлено много старопечатныхъ книгъ и снимковъ съ рукописей и съ нотныхъ книгъ. Разумѣется, подобная выставка не представляетъ привлекательности для массы публики, но все-таки ее посѣтили болѣе трехсотъ интересующихся наукой лицъ. Профессоромъ А. И. Соболевскимъ, устроителемъ выставки, положено очень много знанія и труда на ея организацію. Можно сдѣлать лишь слѣдующее замѣчаніе: подобныя выставки устраиваются не для однихъ спеціалистовъ ученыхъ. Онѣ еще болѣе важны для той части интеллигентной публики, которая уже чувствуетъ влеченіе къ наукѣ, но нуждается еще въ ея популяризаціи. Для такихъ людей въ высшей степени важно, чтобы выставленные спеціальные предметы были снабжены

24*

возможно обстоятельными надписями. Тогда всякому желающему дана будетъ полная возможность оставить выставку болѣе свѣдущимъ чѣмъ, онъ пришелъ на нее. На нынѣшней палеографической выставкѣ подобными вполнѣ удовлетворительными объяснительными надписями были снабжены лишь рукописи Московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія. Еще лучше, конечно, было бы, если бы подобныя пояснительныя надписи можно было не только выставлять подъ предметами, но и включать въ каталогъ.

Общество любителей древней письменности. 11-го февраля, подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева было сдѣлано два сообщенія А. А. Васильчиковымъ. Первое касалось золотого эмалеваго, со сканью, креста, издревле принадлежащаго роду Васильчиковыхъ и находящагося въ настоящее время у докладчика. Крестъ этотъ пріобрѣтенъ въ 1567 году Ю. Ѳ. Нагимъ и представляетъ интересъ, потому что устанавливаетъ связь между Нагими, Колычевыми и Васильчиковыми. Затѣмъ докладчикъ ознакомилъ собраніе съ текстомъ чина бракосочетанія царя Ивана Васильевича Грознаго съ Анною Васильчиковой (1575 г.), отмѣтивъ, что этотъ документъ точно устанавливаетъ фактъ вѣнчанія Грознаго съ Анною Васильчиковой, устраняетъ возможность встрѣчающагося у историковъ смѣшенія Анны Васильчиковой съ Анной Колтовской и наконецъ заключаетъ въ себѣ богатый генеалогическій матеріалъ. Третье сообщеніе «О недавно открытой болгарской надписи царя Самуила 993 года» было сдѣлано Н. В. Волковымъ. Надпись эта—на надгробной плитѣ, найденной въ селеніи Германъ, въ Македоніи, является древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ всей славянской письменности. Глухое упоминаніе о надписи имѣется въ болгарскомъ «Сборникѣ за народни умотворенія» за 1891 г., но цѣликомъ издана она съ снимкомъ и съ статьями о ней лишь въ минувшемъ году русскимъ археологическимъ институтомъ въ Константинополѣ. Найденная надпись, какъ полагаетъ Н. В. Волковъ, представляетъ между прочимъ новый и весьма серіозный доводъ противъ мнѣнія, что кирилица обязана своимъ происхожденіемъ глаголицѣ и явилась на смѣну ей лишь въ вѣкъ Симеона, и что до половины XI вѣка глаголица процвѣтала въ Охридѣ и Преспѣ; кромѣ того, надпись позволяетъ отодвинуть въ большую древность нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ древнихъ церковно-славянскихъ списковъ, напримѣръ, Зографское евангеліе. Но П. А. Сырку находитъ возможнымъ въ Самуилѣ, упоминающемся въ надписи, видѣть царя болгарскаго.

Библіографическое общество въ Москвѣ. Къ длинному ряду ученыхъ учрежденій, состоящихъ при Московскомъ университетѣ, присоединилось новое общество: 10-го января текущаго года министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ уставъ «Русскаго библіографическаго общества при императорскомъ Московскомъ университетѣ». Собственно говоря, это вновь открываемое общество должно замѣнить собою прежній «Московскій библіографическій кружокъ», учрежденный почти десять лѣтъ тому назадъ. Въ мартѣ 1890 года нѣсколько частныхъ лицъ, занимающихся библіографіей, задумали основать первое въ Россіи библіографическое общество, ближайшею задачей котораго имѣлось «составленіе и изданіе полнаго систематическаго каталога всѣхъ русскихъ книгъ». Эти лица выработали проектъ устава, который 31-го іюля

того же года получилъ утвержденіе, и на основаніи его, съ 4-го октября 1890 года, открыли свою дружную работу, въ ограниченномъ составѣ дѣятелей, подъ именемъ «Московскаго библіографическаго кружка». Сообразно съ утвержденнымъ уставомъ, кружокъ при помощи своихъ сочленовъ, въ теченіе первыхъ лѣтъ, успѣлъ обнаружить энергичную дѣятельность: онъ успѣлъ «описать въ натуры» нѣсколько тысячъ книгъ и брошюръ, приготовилъ обработанные матеріалы для изданія систематическаго каталога, собралъ библіотеку, особенно богатую библіографическими пособіями, а въ продолженіе 1894—1896 годовъ издавалъ ежемѣсячный библіографическій журналъ подъ названіемъ Книговѣдѣніе, важный тѣмъ, что въ немъ помѣщались «полные списки всѣхъ вновь выходившихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ». Несмотря на энергію членовъ кружка, недостатокъ средствъ, неимѣніе собственнаго помѣщенія и частію узкія рамки устава побудили нѣкоторыхъ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области библіографіи поднять вопросъ о расширеніи программы дѣятельности кружка, о переименованіи его въ Русское библіографическое общество и о присоединеніи послѣдняго къ ряду учрежденій, благотворно развивающихся подъ сѣнію Московскаго университета. Въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій кружокъ выработалъ новый уставъ и, чрезъ историко-филологическій факультетъ, затѣмъ—чрезъ совѣтъ университета, обратился съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ утвержденіи устава «Русскаго библіографическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ». 28-го февраля послѣдовало открытіе вновь учрежденнаго общества. Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ исполняющаго обязанности декана историко-филологическаго факультета профессора Р. Ф. Брандта. На собраніи былъ прочитанъ уставъ общества, изъ котораго видно, что общество ставитъ своими главными задачами: разработку русской библіографіи, изслѣдованіе по исторіи русской литературы и распространеніе свѣдѣній о книжномъ дѣлѣ въ Россіи. Для достиженія этихъ задачъ общество имѣетъ право: а) собирать матеріалы по біо- и- библіографіи, исторіи литературы и книжному дѣлу; б) собирать библіотеку сообразно главнымъ цѣлямъ общества; в) составлять музей изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи техники печатнаго дѣла и палеографіи; г) устраивать публичныя чтенія съ выставками соотвѣтствующихъ коллекцій; д) издавать журналъ и другіе труды, е) выдавать преміи и награды за труды на пользу общества. Члены общества подраздѣляются на почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и сотрудниковъ. Дѣйствительные члены, уплатившіе единовременно 75 руб., освобождаются отъ ежегоднаго членскаго взноса, члены-соревнователи вносятъ единовременно не менѣе 200 руб. и получаютъ на свое званіе дипломъ. Годичный взносъ для дѣйствительныхъ членовъ опредѣленъ въ три рубля; кромѣ того, при вступленіи они единовременно вносятъ 5 рублей. Собраніе закончилось выборами. Предсѣдателемъ избранъ А. И. Кирпичниковъ, товарищемъ предсѣдателя Д. Д. Языковъ, секретаремъ А. А. Шевелевъ, казначеемъ Н. К. Голубевъ и библіотекаремъ Я. Г. Квасковъ.

Географическое общество. I. По отдѣленію этнографіи Н. Ѳ. Лобза познакомилъ въ вечернемъ засѣданіи 11-го февраля сравнительно многочислен

ную публику со своими личными наблюденіями и впечатлѣніями, касающимися положенія женщины въ сѣверо-восточномъ углу Манчжуріи (городъ Нангута), гдѣ докладчикъ участвовалъ въ желѣзнодорожной развѣдочной партіи. Любопытный далекій край, гдѣ бракъ считается роскошью, доступною лишь для богатыхъ (свадьба обходится въ 275 руб.), гдѣ женщинъ мало, а холостяками хоть прудъ пруди, гдѣ развита проституція и прошлое невѣсты не играетъ никакой роли при замужествѣ, а адюльтеръ жестоко наказывается, привлекъ этой своей стороною вниманіе случайнаго наблюдателя, пополнявшаго свои наблюденія со стороны личными разспросами туземцевъ, изученіемъ лубочной живописи, отражающей жизнь народа: супружеская вѣрность пришлыхъ женатыхъ китайцевъ, оставившихъ на далекой родинѣ по матеріальнымъ и нравственнымъ соображеніямъ свои семьи, съ которыми они бываютъ разлучены по нѣсколько лѣтъ, съ одной стороны, и вызванная бѣдностью проституція, окутанная дымомъ утѣшителя-опіума—съ другой; нѣжная поэзія народныхъ сказаній, гдѣ фигурируютъ «и ночь, и луна, и любовь», влюбленныя поэтессы и посягающіе на прелести богинь пастушки, и рядомъ съ этимъ приравненіе ребенка къ животному, выбрасываніе хилыхъ младенцевъ на съѣденіе собакамъ, отрѣзываніе грудей у невѣрныхъ женъ, грубый развратъ, венерическія болѣзни многочисленнаго холостого населенія. Докладчикъ подтверждалъ свои положенія фактическими примѣрами, демонстрировалъ одежды, украшенія, иллюстрировалъ картами, лубочными туземными картинками, фотографическими снимками, изъ которыхъ многіе были проектированы помощью волшебнаго фонаря, на экранѣ. II. 16-го февраля, подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, вновь избранный помощникъ предсѣдателя М. А. Рыкачевъ принесъ въ даръ географическому обществу огромный недавно изданный атласъ по климатологіи, заключающій въ себѣ 89 картъ и 15 графическихъ таблицъ и являющійся плодомъ дѣятельности главной физической Николаевской обсерваторіи за 50 лѣтъ (1849—1899 г.). Атласъ заключаетъ много новыхъ научныхъ данныхъ. Зятѣмъ извѣстнымъ изслѣдователемъ Г. Н. Потанинымъ сдѣлано было сообщеніе о поѣздкѣ въ средній Хинганъ. Несмотря на многочисленныя экспедиціи, совершенныя къ этой части Монголіи, начиная съ конца 17-го столѣтія, самъ средній Хинганъ остался непосѣщеннымъ натуралистами и совершенно неизслѣдованнымъ, почему докладчикъ и рѣшилъ совершить туда поѣздку лѣтомъ прошлаго года. Двигаясь отъ русской границы на югъ, вдоль западнаго склона Хингана и переваливъ его около монастыря Ханъ-Сума, экспедиція обслѣдовала его восточный склонъ и вернулась назадъ другимъ направленіемъ, употребивъ на путешествіе 3 мѣсяца. Площадь между сѣверными озерами и Хинганомъ представляетъ толстый слой песка съ примѣсью гальки; несмотря на это, наносовъ въ смыслѣ типичныхъ бакановъ не существуетъ; есть наносъ въ сѣверо-западной части, который проникаетъ въ самый Хинганъ и держится, благодаря покрывающему его кустарнику; наносъ этотъ придаетъ мѣстности однообразный и утомительный видъ. Горные хребты Хингана конусообразны съ широкими основаніями и тупыми вершинами, горныя породы принадлежатъ къ изверженнымъ—порфиритъ, гранитъ (въ сѣверной части) и др. Осадки въ среднемъ Хинганѣ весьма обильны—въ лѣтніе мѣ-

сяцы почти половина дней дождливы; каждое утро выпадаетъ роса, чего не бываетъ въ остальной части Монголіи; зимой большіе осадки снѣга; все это способствуетъ хорошему росту травъ. Флора въ самомъ Хинганѣ—горная—дубъ, береза, липа, сирень и др., вдоль Хингана флора забайкальская, типичныхъ монгольскихъ растеній нѣтъ. Среди животнаго царства въ предгорьяхъ Хингана встрѣчается сурокъ, въ Хинганѣ дрофы, фазаны, ящерицы (но опять не типичныя монгольскія). Озера изобилуютъ рыбами—сомъ, сазанъ и др. Живыхъ молюсковъ нѣтъ, хотя встрѣчаются раковины. Вся страна поражаетъ отсутствіемъ могильныхъ насыпей и памятниковъ, какъ будто она населена была другимъ племенемъ, чѣмъ остальная Монголія. Нынѣшнее населеніе страны состоитъ изъ многочисленныхъ монгольскихъ племенъ.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 4 февраля, въ политехническомъ музеѣ происходило засѣданіе географическаго отдѣленія. Предсѣдатель отдѣленія Д. Н. Анучинъ сообщилъ о послѣдовавшихъ въ послѣдніе четыре мѣсяца утратахъ отдѣленіемъ нѣсколькихъ своихъ сочленовъ, а именно: извѣстнаго альпиниста и дѣятеля военно-топографическаго отдѣла кавказскаго военнаго округа А. В. Пастухова, профессора географіи С.-Петербургскаго университета Э. Ю. Петри, профессора Вѣнскаго университета извѣстнаго изслѣдователя сѣверо-восточной Африки Ф. Пауличке и помощника предсѣдателя Императорскаго русскаго географическаго общества, извѣстнаго ученаго, почетнаго члена общества любителей естествознанія, генералъ-лейтенанта А. А. Тилло, и предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ. Затѣмъ онъ остановился подробнѣе на жизни и научной дѣятельности А. А. Тилло, при чемъ указалъ на вывѣшенныя въ залѣ засѣданія гипсометрическія, метеорологическія, магнитныя карты и на выложенныя на столѣ изданія другихъ научныхъ трудовъ покойнаго.—В. В. Богдановъ сдѣлалъ сообщеніе «Мурманъ и Александровскій портъ», при чемъ, иллюстрируя свое изложеніе картинами и картами на экранѣ, указалъ на положеніе и характерныя особенности Мурманскаго берега, его населеніе, состоящее изъ русскихъ, лопарей, финновъ, норвежцевъ, на пути сообщенія, промыслы и остановился подробнѣе на исторіи основанія и коммерческомъ значеніи Александровскаго порта, который, впрочемъ, можетъ пріобрѣсти болѣе важное, общегосударственное значеніе только съ проложеніемъ къ нему желѣзной дороги, и не изъ одного только Петербурга (черезъ Петрозаводскъ и Кемь), но и изъ Сибири и Москвы, продолженіемъ Пермь-котласской дороги къ Вологодско-архангельской и затѣмъ отъ нея къ Кеми и Александровску.—Д. Н. Анучинъ прочиталъ (въ извлеченіи) присланную для напечатанія въ Землевѣдѣніи статью профессора Казанскаго университета П. И. Кротова—«О постановкѣ преподаванія географіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ». Въ статьѣ указываются недостатки современнаго положенія этого предмета и необходимость улучшить его, какъ подготовкой преподавателей (которые должны быть исключительно изъ окончившихъ курсъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета), такъ и болѣе цѣлесообразнымъ веденіемъ и распредѣленіемъ курса, программа котораго также требуетъ пересмотра. Авторъ полагаетъ, что географія должна преподаваться

въ I, II, III, IV классахъ (по 2 часа) и въ VII и VIII классахъ (тоже по 2 часа), при чемъ курсъ VII класса долженъ быть посвященъ «землевѣдѣнію Россіи», а VIII классъ—математической и физической географіи. Рефератъ этотъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, при чемъ было признано, что существующій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ курсъ географіи долженъ быть увеличенъ, что желательно избѣжать въ немъ перерыва, и что преподаватель долженъ быть натуралистомъ, т. е. получившимъ высшее естественно-историческое образованіе.

НЕКРОЛОГИ.

Башкировъ, В. А. 19 февраля, скоропостижно скончался директоръ Кавк. минер. водъ, д. с с. Веніаминъ Александровичъ Башкировъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тульской губ. Алексинскаго уѣзда, родился въ 1840 г., воспитывался во 2-мъ Моск. кадетскомъ корпусѣ, откуда и былъ выпущенъ въ 1859 г. офицеромъ въ артиллерію. Въ 1862 г., вскорѣ по освобожденіи крестьянъ, В. А. оставилъ военную службу и былъ назначенъ кандидатомъ мировыхъ посредниковъ въ Тульской же губ. въ Алексин. уѣздѣ. Затѣмъ покойный прослужилъ четыре трехлѣтія въ Москвѣ, въ должности мирового судьи, предсѣдателя съѣзда мир. судей и члена город. управы, а 1885 г.—почетнымъ мировымъ судьей на своей родинѣ, въ Алексинск. уѣздѣ. Въ 1892 г., В. А. былъ назначенъ управляющимъ государственными имуществами и главнымъ попечителемъ калмыцкихъ народовъ въ Астраханской губ. и зачисленъ въ корпусъ лѣсничихъ, а съ 1 марта 1895 г. былъ назначенъ директоромъ Кавк. минер. водъ, на каковой должности и состоялъ до своей смерти, послѣдовавшей такъ неожиданно. Покойный только что возвратился изъ заграничной командировки, куда былъ посланъ для ознакомленія съ курортами Германіи, Австріи и Франціи, представилъ отчетъ и разсчитывалъ 20 февраля выѣхать въ Пятигорскъ, а 19 вечеромъ внезапно скончался отъ разрыва сердца. На покойнаго, за время его службы въ должности директора водъ, было въ свое время много нападокъ, и его дѣятельность подвергалась иногда рѣзкой критикѣ. Но на такомъ трудномъ и отвѣтственномъ посту, какой занималъ В. А., это было явленіемъ неизбѣжнымъ, такъ какъ приходилось считаться прежде всего съ требованіями

и желаніями самой разнохарактерной публики, къ тому же больной, пріѣзжающей на воды лѣчиться и отдыхать. Затѣмъ, покойному случалось иногда поневолѣ сталкиваться съ интересами и самолюбіями врачей. Между тѣмъ, нельзя не признать, что Кавказскія минер. воды, за послѣднія пять лѣтъ управленія ими В. А., обязаны ему очень многимъ: при немъ была закончена минераловодская желѣзнодорожная вѣтвь, соединяющая четыре кавказскіе курорта со станціей «Минеральныя воды»; при немъ же устроены роскошныя зданія новыхъ ваннъ, обширный курзалъ въ Кисловодскѣ, каптажъ нѣкоторыхъ ессентукскихъ источниковъ и многое другое, что увеличило вообще пріѣздъ лѣчащейся публики на Кавказскія воды за послѣднее время. При покойномъ же былъ изданъ довольно подробный и очень интересный «Путеводитель» по Кавказскимъ водамъ. Какъ директоръ, В. А. отличался доступностью для всѣхъ; какъ человѣкъ, онъ былъ очень симпатичный и добрый, оставившій по себѣ хорошую память у всѣхъ, кто зналъ его или имѣлъ съ нимъ какое нибудь дѣло. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» № 8616).

† **А. И. Вицынъ.** 26 февраля, въ Ялтѣ, скончался въ преклонномъ возрастѣ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ судей и образованныхъ цивилистовъ нашихъ, Александръ Ивановичъ Вицынъ. Покойный родился въ 1834 г. и высшее образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ. По окончаніи курса онъ въ 1854 г. былъ командированъ на два года въ Московскій университетъ для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Получивъ въ 1856 г. за диссертацію «Третейскій судъ по русскому праву» степень магистра гражданскаго права, онъ былъ допущенъ къ преподаванію нѣкоторыхъ предметовъ юридическаго факультета въ Казанскомъ университетѣ, а въ слѣдующемъ году получилъ въ томъ же университетѣ мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ законоположеній государственнаго благоустройства и благочинія. Черезъ два года А. И. былъ перемѣщенъ на каѳедру правовѣдѣнія и дипломатіи, а въ 1859 году занялъ каѳедру гражданскихъ законовъ и въ скоромъ времени былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Въ 1860 году А. И. переѣхалъ въ Петербургъ и началъ читать лекціи сначала въ училищѣ правовѣдѣнія, а потомъ въ Александровскомъ лицеѣ и въ университетѣ. Въ это же время онъ участвовалъ въ трудахъ по составленію проектовъ судебныхъ уставовъ, занимаясь въ бутковской комиссіи по отдѣленію гражданскаго судопроизводства. Въ 1865 году А. И. былъ удостоенъ степени доктора гражданскаго права за сочиненіе «Договоры морского страхованія по русскому праву» и утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1866 г.—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства. Въ этомъ же году онъ оставилъ Петербургскій университетъ и получилъ мѣсто члена московскаго окружнаго суда, которое занималъ только въ теченіе двухъ лѣтъ, до 1868 г., когда перешелъ въ присяжные повѣренные округа московской судебной палаты. На этомъ поприщѣ А. И. пріобрѣлъ репутацію безкорыстно-честнаго адвоката и нѣсколько разъ выбирался предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Занимаясь адвокатурой, А. И. не покидалъ все же профессорской каѳедры и читалъ курсъ гражданскаго судопроизводства въ Московскомъ университетѣ. Съ 1875 г. покойный перешелъ на должность

предсѣдателя московскаго коммерческаго суда и, занимая эту должность въ теченіе цѣлыхъ 23 лѣтъ, поднялъ юридическій уровень правосудія въ судѣ до надлежащей высоты. Въ 1898 г. болѣзнь заставила его выйти въ отставку и переселиться въ Ялту, гдѣ онъ и жилъ до самой смерти. Перу покойнаго профессора, кромѣ вышеупомянутыхъ диссертацій, принадлежитъ книга «Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра Великаго до изданія общаго учрежденія министерствъ» (Каз., 1855), а также изданіе лекцій знаменитаго казанскаго профессора Мейера: «Очеркъ русскаго вексельнаго права» и «Русское гражданское право». Послѣдняя книга пріобрѣла огромную извѣстность, выдержала семь изданій и до сихъ поръ служитъ настольной книгой для юристовъ и учебникомъ во многихъ университетахъ. (Некрологи его: «Русск. Вѣд.» 1900, №№ 59 и 62; «Моск. Вѣд.» 1900, № 59; «Нов. Вр.» 1900, № 8625).

† **Д. А. Есиповъ.** 29 февраля, послѣ долгой болѣзни умеръ художникъ-каррикатуристъ и издатель юмористическихъ журналовъ Дмитрій Александровичъ Есиповъ. Покойный былъ ученикомъ академіи художествъ, учился у барона Клодта пейзажной живописи и окончилъ курсъ въ 1878 г., со званіемъ класснаго художника. Съ первыхъ же лѣтъ ученія въ академіи, онъ обнаружилъ недюжинный талантъ и, судя по его первичнымъ этюдамъ, можно было надѣяться, что изъ него со временемъ разовьется оригинальный пейзажистъ. Но Д. А. не далъ развиться своему таланту и вскорѣ по окончаніи курса бросилъ искусство совершенно, перейдя на амплуа издателя юмористическихъ листковъ-журналовъ. Толчкомъ къ такому повороту было полученіе имъ отъ какихъ-то родственниковъ небольшого наслѣдства. Вообразивъ себя богачомъ, Д. А. затѣялъ изданіе каррикатурнаго журнала «Шутъ». Близкіе люди къ Есипову отговаривали его отъ этого предпріятія и предсказывали неминуемый неуспѣхъ журналу, указывая на отсутствіе у него литературнаго таланта и на его непрактичность въ обыденной жизни—столь необходимыхъ условій для всякаго редактора. Однако, Есиповъ никого не послушался и энергично принялся за изданіе; составилъ оригинальную программу, самъ рисовалъ каррикатуры, сочинялъ надписи къ нимъ и, не имѣя средствъ нанять себѣ помощника, самъ исполнялъ всевозможныя редакціонныя обязанности. Въ январѣ 1879 г. вышелъ первый номеръ «Шута». Журналъ оказался очень посредственнымъ, и публика, не найдя въ немъ ни юмора особеннаго, ни сатиры сильной, отнеслась къ нему довольно холодно. Есиповъ сразу понялъ, что дѣло проиграно, что онъ взялся не за свое дѣло, но, тѣмъ не менѣе, не хотѣлъ прекращать изданія и только, дойдя до полнѣйшаго краха, черезъ годъ, продалъ его въ другія руки. Вскорѣ Д. А. основалъ другой сатирическій журналъ «Эхо», тоже быстро лопнувшій. Но энергія у издателя не пропала, и онъ, спустя нѣкоторое время, предпринялъ изданіе «Петербургская Жизнь»; судьба, однако, и ей не поблагопріятствовала, и она также скоро перешла къ другому издателю. Потерпѣвъ, такимъ образомъ, нѣсколько фіаско въ издательскомъ дѣлѣ, Есиповъ совершенно оставилъ его и ограничился только дѣятельностью журналиста: онъ сотрудничалъ во многихъ юмористическихъ журналахъ. Подъ конецъ жизни Д. А. пробовалъ вернуться къ живописи, но изъ-подъ его кисти ничего выдающагося не вышло. Говоря объ издательской дѣятельности покойнаго,

нельзя не указать на одинъ рѣдко встрѣчающійся и замѣчательный фактъ: жившій обыкновеннно впроголодь, должный всѣмъ и каждому и, повидимому, лишившійся всякой надежды на будущее, Д. А. всегда прикладывалъ всѣ усилія и старанія, чтобы до копейки разсчитаться со своими сотрудниками. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, №№ 8628 и 8635).

† **А. П. Кондратьевъ.** 19 февраля, смерть унесла даровитаго труженика горнаго дѣла, ординарнаго профессора горнаго института, по каѳедрѣ прикладной механики, Александра Петровича Кондратьева. Покойный былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей и оказалъ немало услугъ нашей заводской и горной промышленности своими знаніями и большимъ опытомъ. А. П. родился 22-го августа 1853 г., окончилъ курсъ горнаго института однимъ изъ первыхъ и былъ оставленъ при институтѣ для подготовленія къ профессурѣ. Но обстоятельства такъ сложились, что А. П. долженъ былъ искать занятій внѣ института. Свою службу покойный началъ на петербургскомъ монетномъ дворѣ, гдѣ его полезная дѣятельность продолжалась довольно долго. Затѣмъ А. П. поѣхалъ на Уралъ и тамъ работалъ на богословскихъ, нижне-сергіевскихъ и алапаевскихъ заводахъ. На всѣхъ этихъ заводахъ А. П. ввелъ многія усовершенствованія въ печахъ, станкахъ и вообще въ заводскихъ приборахъ. Служба эта помогла А. П. сдѣлаться превосходнымъ знатокомъ горнозаводскаго дѣла, и его голосъ на совѣщаніяхъ комиссіи по горнозаводскому дѣлу признавался однимъ изъ компетентнѣйшихъ. Незадолго до своей кончины, А. П. получилъ отвѣтственную и важную командировку за границу для изученія тамъ заводскаго дѣла и, вернувшись оттуда, приготовилъ много интересныхъ матеріаловъ по этому вопросу. Какъ профессоръ, покойный отличался большой начитанностью и полнѣйшей корректностью,—его называли строгимъ, но безпристрастнымъ профессоромъ. (Некрологи его: Россія 1900, № 298; Н. Вр. 1900, № 8615).

† **В. П. Кулинъ.** 19-го февраля, въ Спб. скончался послѣ продолжительной болѣзни, бывшій директоръ Высшихъ женскихъ курсовъ, тайный совѣтникъ Василій Петровичъ Кулинъ. Покойный родился 30-го января 1822 г. и образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи курса въ 1842 г., онъ занялъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Тельшевскомъ дворянскомъ училищѣ, затѣмъ онъ былъ преподавателемъ русскаго языка въ Гродненской гимназіи, инспекторомъ Виленской гимназіи, а съ 1862 г. окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа. Послѣднюю должность В. П. занималъ въ трудное время польскаго мятежа, но тѣмъ не менѣе дѣятельность его не осталась безплодной, и онъ энергично выполнилъ всѣ возложенныя нъ него обязанности: онъ открылъ болѣе 30 народныхъ училищъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ и выработалъ проектъ устава первой въ краѣ учительской семинаріи (Молоденческой) для подготовленія народныхъ учителей. Десять лѣтъ спустя, В. П. занялъ ту же отвѣтственную должность въ Московскомъ учебномъ округѣ, а вслѣдъ затѣмъ, по личному желанію, перешелъ на мѣсто директора-руководителя Алферовской учительской семинаріи, въ Смоленской губерніи. Въ 1883 г. покойный вышелъ въ отставку, и черезъ два года, по предложенію бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа

П. Н. Батюшкова, занялся редактированіемъ капитальнаго изданія «Холмская Русь», вышедшаго въ 1885 г. въ двухъ большихъ томахъ. Въ концѣ 1880-хъ годовъ В. П. былъ командированъ въ Палестину для осмотра тамошнихъ учебныхъ заведеній, а послѣ этого ему былъ порученъ обзоръ учительскихъ институтовъ, семинарій и народныхъ школъ. Такіе многолѣтніе труды въ педагогической области и на административномъ поприщѣ выдвинули В. П. на болѣе видный и отвѣтственный постъ—директора Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Въ этой должности онъ пробылъ пять лѣтъ (1889—1894 гг.) и, по выходѣ (вслѣдствіе разстроеннаго здоровья) въ отставку, оставилъ по себѣ добрую память среди учащихся за свою добросердечность и отзывчивость къ ихъ нуждамъ. Литературный формуляръ В. П. Кулина очень не обширенъ. Ему принадлежатъ: корреспонденціи изъ Западнаго края, подъ псевдонимомъ «Русскій» или подъ подписью «В. К-нъ» (въ «Днѣ» и «Руси» Аксакова); повѣсть, не имѣвшая никакого успѣха, «Панъ Грошевичъ» («Отеч. Записки» 1848); «Книга для чтенія»; «Виленскій сборникъ» (1869); статья «О жмудскихъ народныхъ книгахъ» («Виленск. Вѣстн.», 1865); брошюра, ставшая теперь библіографическою рѣдкостью «О введеніи русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе» (1867); редактированіе изданія «Холмская Русь» (1885) и отрывокъ изъ неоконченныхъ его воспоминаній «Изъ записокъ виленскаго старожила» (въ «Русск. Стар.» 1893).—(Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8615; Моск. Вѣд. 1900, № 52; Новости 1900, № 52; Сѣв. Кур. 1900, № 111; Россія 1900, № 297).

† **М. П. Мельниковъ.** 3-го марта, скончался на 46 году извѣстный минералогъ, горный инженеръ, статскій совѣтникъ Михаилъ Петровичъ Мельниковъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Могилевской губ., воспитывался сначала въ Могилевской гимназіи, а затѣмъ въ горномъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1878 г. по первому разряду. Первое время послѣ этого М. П. находился на каменноугольныхъ рудникахъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ Горному департаменту для техническихъ занятій, гдѣ и пробылъ около 7 лѣтъ. Нѣсколько позднѣе, онъ былъ командированъ на Уралъ, откуда доставилъ въ музеи горнаго института весьма цѣнныя коллекціи рѣдкихъ минераловъ и послѣ этого вскорѣ былъ назначенъ техникомъ музея. Въ 1894 г. онъ былъ назначенъ старшимъ хранителемъ музея, оставаясь таковымъ до дня своей кончины. Въ этотъ періодъ времени онъ почти ежегодно совершалъ научныя экскурсіи по Россіи и, между прочимъ, цѣлый годъ пробылъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ, въ окрестностяхъ г. Колы, въ алмазныхъ копяхъ. Въ 1897 г. М. П. предпринялъ поѣздку на Уралъ и открылъ тамъ мѣсторожденіе очень цѣннаго минерала—перовсквита. Въ честь этого открытія копи были названы его именемъ. Въ 1898 г. М. П. была доставлена частная коллекція камней, по изслѣдованіи которой онъ обогатилъ науку открытіемъ новаго вида минерала—леранскита, весьма важнаго и въ геологическомъ отношеніи. Послѣ М. П. осталось много изслѣдованій и сочиненій по минералогіи, частью печатавшихся въ «Извѣстіяхъ Императорскаго минералогическаго общества», частью изданныхъ отдѣльно. (Некрологъ его: Россія, 1900, № 311).

† **А. Ѳ. Плюцинскій.** 17-го февраля, въ Екатеринославѣ, скончался одинъ изъ выдающихся военныхъ ученыхъ, начальникъ 34-й пѣхотной дивизіи, заслуженный ординарный профессоръ Николаевской инженерной академіи, генералъ-лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ Плюцинскій. Покойный родился въ 1844 г. и образованіе получилъ въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ, Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и въ Николаевской инженерной академіи, при которой тотчасъ же по окончаніи курса, въ 1868 г., былъ оставленъ въ должности репетитора по предмету фортификаціи; спустя семь лѣтъ, онъ былъ назначенъ тамъ же преподавателемъ, а съ 1882 года профессоромъ. Во время русско-турецкой войны А. Ѳ. участвовалъ въ обложеніи крѣпости Рущука и частью въ блокадѣ Плевны, и за свои боевыя отличія былъ награжденъ нѣсколькими орденами. Въ 1898 г. А. Ѳ. былъ назначенъ комендантомъ Осовецкой крѣпости, а затѣмъ — начальникомъ 34-й пѣхотной дивизіи. Результатомъ такого неустаннаго теоретическаго и практическаго изученія военнаго дѣла А. Ѳ. явился цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ по фортификаціи, оцѣненныхъ спеціалистами не только у насъ въ Россіи, но и за границей, и доставившихъ покойному почетную извѣстность. Предоставляя спеціалистамъ подробную оцѣнку ученой и педагогической дѣятельности А. Ѳ., мы можемъ только указать, со словъ его учениковъ, на его необыкновенно прямой и честный характеръ и на безграничную преданность своему дѣлу. Нельзя не упомянуть о томъ, что покойному принадлежитъ выработка новаго типа военнаго складного велосипеда, отличающагося дешевизной. Какъ писателю, А. Ѳ., кромѣ массы сочиненій по фортификаціи, принадлежитъ цѣлый рядъ статей по военнымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». (Некрологи его: Н. Вр. 1900, №№ 8614, 8616; Россія 1900, № 296; Новости 1900, № 51; Моск. Вѣд. 1900, № 53).

В. Н. Соловьевъ. 14-го марта, въ Казани, скончался молодой журналистъ, редакторъ «Волжскаго Вѣстника» Василій Николаевичъ Соловьевъ. Покойный родился въ 1870 году, и образованіе получилъ въ казанскомъ реальномъ училищѣ и въ Петровско-Разумовской академіи. По окончаніи курса послѣдней, въ 1893 году, со званіемъ кандидата агрономіи, В. Н. поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при казанской казенной палатѣ, разсчитывая впослѣдствіи занять мѣсто податного инспектора. Рутинная дѣятельность чиновника не могла удовлетворить молодого энергичнаго человѣка, и онъ очень быстро бросилъ ее и перешелъ на поприще журнальнаго работника, занявши въ 1895 году мѣсто секретаря въ редакціи «Волжскаго Вѣстника», въ которомъ онъ сотрудничалъ еще раньше. Здѣсь В. Н. не ограничился только однѣми секретарскими обязанностями, онъ сдѣлался также и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ газеты, что̀ и дало ему возможность впослѣдствіи принять на себя ея редакторство. За семь лѣтъ своей журнальной работы покойный написалъ множество разнообразныхъ фельетоновъ, критическихъ статей, театральныхъ рецензій и большихъ статей по различнымъ общественнымъ вопросамъ и искусству и сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго языка. Произведенія его, по большей части, появлялись подъ разными псевдонимами или вовсе безъ подписи. (Некрологъ его: «Волжскій Вѣстникъ» 1900, № 64).

† **П. А. Черкасовъ.** Въ Севастополѣ скончался скоропостижно 29 февраля академикъ пейзажной живописи Павелъ Алексѣевичъ Черкасовъ. Покойный родился въ 1834 году, учился въ академіи художествъ, изъ которой вышелъ съ званіемъ неклассанго художника по живописи перспективныхъ видовъ. Съ 1859 года онъ посвятилъ свою дѣятельность академіи художествъ. Въ первое время онъ принялъ на себя надзоръ за художественной частью въ академическихъ классахъ, затѣмъ безвозмездно завѣдывалъ костюмнымъ классомъ, занимался устройствомъ ежегодныхъ академическихъ выставокъ, былъ хранителемъ Кушелевской галлереи, наблюдалъ во время перестройки главнаго зданія академіи за художественными произведеніями въ музеяхъ, исполнялъ обязанности инспектора классовъ академіи и по упраздненіи этой должности былъ надзирателемъ академическихъ классовъ. Званіе академика покойный получилъ въ 1866 году за картину «Видъ Петербурга утромъ» (на Неву къ Зимнему дворцу). Картина эта пріобрѣтена академіею и находилась на всемірныхъ выставкахъ въ Парижѣ въ 1867 г. и Лондонѣ въ 1872 г. и на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ въ 1882 г. По своей службѣ въ академіи художествъ, П. А. почти ежедневно имѣлъ дѣло съ учениками академіи, усердно заботился объ ихъ интересахъ и нуждахъ и пользовался съ ихъ стороны горячими симпатіями. Служба по академіи поглощала все время покойнаго, и онъ посвящалъ художественной дѣятельности только каникулярное время. Почти ежегодно онъ проводилъ лѣто въ экскурсіяхъ за границей и на югѣ Россіи, возвращаясь изъ поѣздки съ множествомъ этюдовъ. Одно время онъ былъ живописцемъ при департаментѣ герольдіи правительствующаго сената. (Некрологи его: Н. Вр. 1900, № 8626; Россія 1900, № 306; Сѣв. Кур. 1900, № 121).

А. Я. Щербаковъ. Въ Казани, 9-го марта, скончался на 61-мъ году жизни заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Арсеній Яковлевичъ Щербаковъ. Покойный происходилъ изъ купеческаго сословія, окончилъ курсъ медицинскаго факультета Казанскаго университета въ 1861 году, а въ ноябрѣ 1865 года, послѣ защиты дисертаціи «Продукты пищеваренія въ крови», удостоенъ былъ совѣтомъ университета степени доктора медицины. Въ октябрѣ 1866 года А. Я. Щербаковъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Казанскаго университета по предметамъ физики и медицинской химіи, въ 1868 году штатнымъ доцентомъ, въ декабрѣ 1871 года экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ физіологической химіи, 30-го декабря возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и въ ноябрѣ 1891 года утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. 1-го февраля 1894 года, по выслугѣ 30-ти лѣтъ по учебной части, А. Я. Щербаковъ былъ оставленъ на дальнѣйшей службѣ при университетѣ. Покойный, кромѣ того, въ 1877 году исполнялъ административныя должности въ университетѣ: сначала секретаря, а позднѣе—съ 1886 года до начала 1890 года—декана медицинскаго факультета. Кромѣ того, А. Я. Щербаковъ въ теченіе шести лѣтъ исполнялъ обязанности члена государственной медицинской испытательной комиссіи при Казанскомъ университетѣ, а въ 1900 году предсѣдательствовалъ въ медицинской комиссіи при Харьковскомъ университетѣ. Кромѣ

того, онъ до конца своей жизни состоялъ преподавателемъ медицинской химіи въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ. Покойный издалъ нѣсколько сочиненій по своей спеціальности и всегда, по словамъ «Волжскаго Вѣстника», съ интересомъ слѣдилъ, какъ за движеніемъ впередъ медицинской науки, такъ и за общественной жизнью и, главнымъ образомъ, за проведеніемъ въ жизнь вопросовъ меницины и санитаріи. Стремясь осуществить свои взгляды на вопросы земской и городской медицины и санитаріи, онъ занялся совмѣстно съ другими профессорами-медиками разработкой плана городской медицины и организаціи думскихъ врачебныхъ участковъ въ Казани. Выработанный въ этомъ отношеніи проектъ городской медицины въ особой комиссіи, учрежденной при думѣ въ 80-хъ годахъ, А. Я. Щербаковъ старался привести къ жизни, будучи избранъ гласнымъ думы въ послѣднее 4-лѣтіе, а затѣмъ и заступающимъ мѣсто городского головы. (Некрологи его: «Новое Время» 1900, № 8646; «Волжскій Вѣстникъ» 1900, №№ 60 и 62).

— Экипажъ и лошадей безъ возницы,— отвѣчалъ Греппи.
— Далеко ѣдете?
— Очень. На мѣсяцъ.
— Тогда лучше купить экипажъ.
— Можно.
— А какихъ надо лошадей?
— Добрыхъ.
— Есть прекрасныя.
— Не надо. Предпочитаю добрыхъ.
— Сколько?
— Пару.
— А гдѣ подставы?
— Мое дѣло.
— И мое дѣло. Я не хочу загонять своихъ лошадей.
— Если загоняю, то заплачу.
— Гдѣ взять?
— Въ Виденѣ, гдѣ я живу. Я вернусь на другой день.
— Вы можете представить поручительства?
— Какія?
— Я не люблю имѣть дѣло съ вѣнцами, но можемъ поладить съ вами, если вы объясните, на что вамъ экипажъ и лошади. Я не люблю тайнъ.

— Намъ нечего таиться, и мы не поѣдемъ сами, а нанимаемъ экипажъ для пріятеля. Конечно, намъ нечего говорить его имя. Достаточно вамъ записать мое имя въ книгу и навести справку, что я человѣкъ состоятельный. Для вашего же успокоенія я прибавлю, что мы съ товарищемъ такъ же, какъ вы, не любимъ иностранцевъ. Будьте спокойны, дѣло не идетъ о похищеніи дѣвицы или о чемъ либо преступномъ. Впрочемъ, какое вамъ до этого дѣло, ваше ремесло поставлять экипажи и лошадей, не правда ли?

— Конечно,— отвѣчалъ хозяинъ, который до сихъ поръ смотрѣлъ подозрительно на двухъ друзей, но теперь просіялъ и повелъ ихъ во дворъ, гдѣ въ сараяхъ стояло около двадцати экипажей всякаго рода, отъ простой телѣжки и двухколеснаго кабріолета съ парусиннымъ верхомъ до каретъ и колясокъ.

— У васъ дама?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Францъ, впервые вмѣшиваясь въ разговоръ:—но намъ надо все-таки крытый экипажъ.

Хозяинъ показалъ имъ удобную двухмѣстную карету, но взгляды Греппи и Франца остановились на стоявшей въ углѣ большого сарая старинной и, повидимому, давно не употреблявшейся коляскѣ, съ большимъ верхомъ.

— Вотъ что намъ надо,— сказалъ Греппи, а Францъ, молча, кивнулъ головой.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Манно, — но этотъ экипажъ не продается и не отдается.

— Отчего?

— Это коляска императора.

— Какого императора?

— Наполеона.

Старые служаки знаменательно переглянулись; они искали экипажъ для сына, а нашли коляску отца.

— Можетъ быть, вы желаете знать, какъ она ко мнѣ попала: очень просто! Я купилъ ее пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Шенбрунѣ. Вѣроятно, хотѣли отъ нея отдѣлаться, чтобы случайно императоръ Францъ не сѣлъ въ экипажъ, въ которомъ Наполеонъ катался по Вѣнѣ. Съ тѣхъ поръ она стоитъ здѣсь безъ употребленія.

— Продайте,— сказалъ Греппи.

— Нѣтъ.

— Она намъ нужна во что бы то ни стало,— произнесъ Францъ.

Манно пристально осмотрѣлъ съ головы до ногъ этихъ странныхъ покупщиковъ историческаго экипажа, задумался, а потомъ спросилъ съ улыбкой:

— Куда вы ѣдете?

— Въ Страсбургъ,-- отвѣчалъ Францъ.

— Въ такомъ случаѣ берите.

Пока оба друга договаривались съ Манно насчетъ цѣны коляски, они нимало не подозрѣвали, что за ними пристально слѣдилъ Галлони.

Надѣвъ парикъ и очки, которые его такъ скрывали, что никто его не могъ узнать, ловкій сыщикъ съ утра наблюдалъ издали за отелемъ «Лебедь» и съ удивленіемъ увидѣлъ, что княгиня Саріа приняла въ своихъ аппартаментахъ страннаго на видъ стараго служаку, хотя и въ статскомъ платьѣ. Его подозрѣніе было возбуждено, и онъ послѣдовалъ за Францемъ прежде въ бельведеръ въ стекольный магазинъ Греппи, а затѣмъ въ Леопольдштадтъ. Когда Францъ и Греппи вошли во дворъ, гдѣ отдавались въ наемъ экипажи, Галлони былъ достаточно остороженъ, чтобы остаться на улицѣ и то на значительномъ разстояніи.

Хотя онъ дождался ихъ выхода, но теперь они стали, повидимому, болѣе подозрительными и озирались по сторонамъ, а потому ему пришлось слѣдить за ними такъ издалека, что, при поворотѣ въ одинъ переулокъ, онъ совсѣмъ потерялъ ихъ изъ виду. Это обстоятельство, однако, не привело его въ отчаяніе. Онъ считалъ, что во всякомъ случаѣ сдѣлалъ полезное открытіе и, доложивъ объ этомъ графу Зедельницкому, продолжалъ свои розыски.

III.

Балъ у лорда Каули.

Надо отдать справедливость недавно вступившему тогда на престолъ англійскому королю Вильгельму IV, что онъ всячески старался выказать князю Меттерниху, какъ онъ высоко цѣнитъ услуги, оказанныя Англіи ея могущественнымъ союзникомъ. Дѣйствительно, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ между англійскимъ и австрійскимъ правительствомъ существовало такое тѣсное дружеское соглашеніе, что нѣкоторые истинные патріоты той и другой страны краснѣли за свою родину. Такъ были англичане, которые находили, что Гудсонъ-Ло слишкомъ далеко шелъ въ своей роли тюремщика, и нѣкоторые австрійцы упрекали Меттерниха въ томъ, что онъ дѣлалъ Шенбрунъ продолженіемъ Лонгвуда.

Но зато англійскіе министры или австрійскій канцлеръ дѣйствовали заодно, а лордъ Каули, служившій связующимъ звеномъ между ними, пользовался въ Вѣнѣ совершенно привилегированнымъ положеніемъ. Поэтому неудивительно, что Меттернихъ, рѣшившись выпустить въ свѣтъ своего узника, избралъ мѣстомъ его перваго дебюта домъ англійскаго посланника. Показать впервые свѣту сына Наполеона на балу у представителя его злѣйшихъ враговъ было ловкимъ дипломатическимъ фортелемъ, который долженъ былъ доказать, что юноша простой австрійскій эрцгерцогъ, и тѣмъ убить надежды бонапартистовъ.

Вся знатная и офиціальная Вѣна, конечно, собралась на этотъ балъ, чтобы присутствовать при такомъ интересномъ дебютѣ. Залы и сады посольскаго дома блестѣли тысячами огней и представляли фантастическое, волшебное зрѣлище.

Молодые люди танцовали, какъ только умѣютъ танцовать въ Вѣнѣ, а пожилые занимались свѣтской болтовней, въ ожиданіи императора и его внука.

Среди разговаривающихъ находились Фридрихъ Генцъ и французскій журналистъ, котораго онъ серіозно знакомилъ со всѣми достопримѣчательностями Вѣны. Стоя съ Пьеромъ Лефраномъ на порогѣ первой гостиной, онъ любезно указывалъ своему собесѣднику всѣхъ выдающихся лицъ политическаго и военнаго міра, сообщая ихъ краткую характеристику. Но на этотъ разъ обыкновенно скептичный тайный совѣтникъ произносилъ только похвалы, какъ бы желая выставить передъ иностранцемъ лишь розовую сторону своей родины.

— Посмотрите, какой нѣжной граціей отличается эрцгерцогиня Софія. А видали ли вы когда нибудь болѣе красивую женщину, чѣмъ другая невѣстка императора, Марія-Анна?

Несмотря на свой либерализмъ, Лефранкъ долженъ былъ согласиться со справедливостью этого замѣчанія представителя австрійской реакціи.

— А кто эта дама, говорящая съ обѣими эрцгерцогинями? — спросилъ онъ.

— Графиня Шпигель и баронесса Кинская, обѣ говорятъ съ ними, а потому я не знаю, про которую вы говорите.

— Ни про ту, ни про другую.

— Ахъ, это княгиня Саріа.

— Княгиня, должно быть, странная женщина, она живетъ со мною въ одномъ домѣ, и за нею постоянно слѣдитъ полиція.

— Вы, должно быть, ошибаетесь? Княгиня Саріа—близкій другъ канцлера и эрцгерцогини Софіи.

— Я не могу ошибаться. Напримѣръ, сегодня, прибывшія съ нею изъ Италіи, двѣ дамы уѣхали обратно, и не успѣлъ увозившій ихъ экипажъ исчезнуть изъ вида, какъ въ отелѣ поднялась сумасоха, и полиція стала упрекать хозяина, что онъ не предупредилъ ея объ отъѣздѣ этихъ лицъ. Вообще странныя дѣла творятся въ этомъ отелѣ, и я долго не могъ добиться присланныхъ вами карточекъ для посѣщенія музея на томъ основаніи, что будто бы онѣ прежде должны быть представлены въ полицію. Неужели таковы вѣнскіе обычаи?

Генцъ былъ очевидно смущенъ этимъ вопросомъ и довольно неловко сталъ объяснять своему собесѣднику, почему австрійское правительство считало необходимымъ подвергать жителей Вѣны и даже иностранцевъ многочисленнымъ непріятнымъ стѣсненіямъ въ виду обезпеченія порядка и общественной безопасности.

Княгиня Саріа, которая возбудила этотъ разговоръ между почтеннымъ тайнымъ совѣтникомъ и французскимъ журналистомъ, сидѣла, какъ на иголкахъ. Днемъ она сама отправилась къ графу Зедельницкому н такъ обворожила его своей красотой и любезностью, что получила отъ него приказъ о помилованіи Фабіо, а затѣмъ она готовилась сдѣлать рѣшительный шагъ въ той смѣлой игрѣ, которую она вела съ канцлеромъ, поэтому неудивительно, что она не обращала никакого вниманія на происходившіе вокругъ нея свѣтскіе разговоры.

— Повидимому, лордъ Каули угоститъ насъ сегодня игрой Тальберга и пѣніемъ Пасты, — сказала съ восторгомъ баронесса Кинская.

— Я нимало не интересуюсь услышать эту актерку,— презрительно замѣтила графиня Шпигель.

— Я думала, что Паста пѣвица, — застѣнчиво промолвила сидѣвшая рядомъ молодая дѣвушка.

— Дѣйствительно многіе полагаютъ, что она поетъ и даже прекрасно, но въ сущности она мычитъ. Впрочемъ, и актерка-то она

небольшая и умѣетъ только эффектно драпироваться, хотя походитъ скорѣе на статую, чѣмъ на женщину.

— Какая вы злая, моя добрая графиня!—замѣтила со смѣхомъ эрцгерцогиня Софія.

— Не всѣ съ вами согласны,—сказала баронесса Кинская:—вѣдь не даромъ директоръ оперы платитъ ей десять тысячъ флориновъ за пятьдесятъ представленій.

— Это доказываетъ только глупость вѣнской публики, которая бросается на всякую новинку.

— Я совершенно согласна съ баронессой,—произнесла эрцгерцогиня,—если нашъ любезный хозяинъ угощаетъ насъ сегодня ея пѣніемъ, то она, должно быть, первая пѣвица въ свѣтѣ.

— Во всякомъ случаѣ до завтрашняго утра, выше высочество! — ехидно замѣтила графиня Шпигель, и всѣ вокругъ засмѣялись.

— Подойдите къ намъ, кардиналъ, — воскликнула эрцгерцогиня, увидѣвъ стоявшаго вблизи папскаго легата Альбани: — мы здѣсь очень нуждаемся въ христіанской проповѣди о любви къ ближнему...

— Помилуйте, ваше высочество, — отвѣчалъ ловкій кардиналъ, почтительно кланяясь:—вы служите олицетвореніемъ этой христіанской любви, но, насколько я слышалъ, дѣло идетъ объ актрисѣ.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я предъявляю отводъ.

И лицемѣрный прелатъ удалился въ сторону, а присутствовавшій при этой сценѣ эрцгерцогъ Карлъ сказалъ вполголоса своему сосѣду генералу Бельяру:

— Почтенный прелатъ, вѣроятно, забываетъ, что онъ не только прелатъ, но и посланникъ, а дипломаты гаеры, какъ и актеры. Къ тому же не къ лицу ему здѣсь кичиться своимъ религіознымъ фанатизмомъ, вѣдь онъ пользуется гостепріимствомъ еретика.

Между тѣмъ Альбани подошелъ къ Меттерниху и, поздоровавшись съ нимъ, сказалъ:

— Я очень радъ, что встрѣтился съ вами, ваша свѣтлость, я имѣю сообщить вамъ важную новость.

— Его святѣйшество папа поручилъ мнѣ предложить вамъ отъ его имени кардинальскую шляпу.

— Я васъ не понимаю,—отвѣчалъ канцлеръ дѣйствительно внѣ себя отъ удивленія.

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго,—продолжалъ Альбани,—вы недавно при мнѣ говорили, что любите болѣе всего красный цвѣтъ, и я тотчасъ объ этомъ сообщилъ его святѣйшеству, а онъ отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ увидѣлъ бы васъ въ числѣ кардиналовъ.

— Извините меня, господинъ прелатъ,—отвѣчалъ съ улыбкой Меттернихъ,—но я плохой богословъ и не гожусь въ кардиналы.

— Это ничего. Можно быть кардиналомъ, не отличаясь богословскими познаніями.

— Нѣтъ, право, — отвѣчалъ канцлеръ,—не могу же я постоянно маскироваться, и то мнѣ приходится, отправляясь на Пресбургскій сеймъ, надѣвать венгерскій гусарскій мундиръ, а тутъ вы еще хотите, чтобы я являлся въ кардинальской шляпѣ, къ тому же вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я вскорѣ женюсь.

— Это дѣло другое,—возразилъ папскій легатъ, очевидно недовольный результатомъ своей бесѣды: — его святѣйшество будетъ очень сожалѣть!

— Не правда ли, ваше величество,—сказалъ Меттернихъ, обращаясь къ эрцгерцогу Карлу, который слышалъ ихъ разговоръ съ легатомъ:—вѣдь я былъ бы смѣшнымъ кардиналомъ?

— Нисколько,—отвѣчалъ старый фельдмаршалъ съ иронической улыбкой.

Отойдя въ сторону съ генераломъ Бельяромъ, онъ прибавилъ вполголоса:

— А что я вамъ говорилъ: Альбани не хотѣлъ говорить объ актрисахъ, а самъ предложилъ канцлеру разыграть такую сцену переодѣванія, какую врядъ ли можно видѣть и въ театрѣ. Тонкіе дипломаты эти итальянцы. И когда подумаешь, что вы, французы, сражались съ нами и еще, быть можетъ, готовы сражаться изъ-за итальянцевъ...

— Италія не въ Ватиканѣ,—замѣтилъ Бельяръ.

— Вы правы, она въ Капитоліи,—отвѣчалъ эрцгерцогъ.

Въ эту минуту у входа въ гостиную произошло движеніе, и масса мундировъ раздалась на обѣ стороны, чтобы, очевидно, пропустить кого-то.

— Пойдемте въ театральный залъ,—сказала эрцгерцогиня Софія,—кажется, пріѣхалъ императоръ. Не правда ли, княгиня?—сказала она, обращаясь къ Полинѣ.

— Извините, ваше высочество, — отвѣчала княгиня Саріа дрожащимъ голосомъ, — это не императоръ, а герцогъ Рейхштадтскій.

Услыхавъ это имя, сидѣвшая рядомъ съ нею молодая дѣвушка въ бѣломъ кисейномъ платьѣ устремила глаза на дверь и тихо промолвила:

— Какой онъ блѣдный!

Это была Гермина Меттернихъ.

IV.

Дебютъ герцога Рейхштадтскаго.

Всѣ съ любопытствомъ ожидали перваго шага герцога въ свѣтскомъ вѣнскомъ обществѣ, и самое искреннее удивленіе выразилось на лицахъ какъ дамъ, такъ и мужчинъ, когда онъ появился на порогѣ гостиной, весь въ черномъ, безъ орденовъ. Его щеки казались блѣднѣе обыкновеннаго среди окружающихъ его золотыхъ мундировъ. Высокій бѣлый галстухъ обвивалъ его шею, а въ кружевномъ жабо не видно было ни малѣйшаго брильянта. Узкій, длинный фракъ, короткіе брюки и шелковые чулки обрисовывали его тонкую стройную фигуру. Безъ шпаги, ленты и улыбки онъ казался безмолвнымъ протестомъ и живымъ упрекомъ. Всѣ присутствующіе это хорошо поняли, и сочувственные взгляды приняли почтительный характеръ, а равнодушные выразили безпокойство.

— Какой странный костюмъ,—сказалъ Меттернихъ вполголоса эрцгерцогу Карлу:—вамъ не кажется, что вашъ внукъ какъ будто совершаетъ сегодня государственный переворотъ?

— Во всякомъ случаѣ это не 18 брюмеръ,—отвѣчалъ фельдмаршалъ, стараясь обратить замѣчаніе канцлера въ шутку, но въ глубинѣ своего сердца онъ опасался, чтобы выходка юноши не навлекла на него строгаго выговора.

Между тѣмъ герцогъ, сопровождаемый однимъ изъ своихъ новыхъ адъютантовъ, капитаномъ фонъ-Молемъ, обратился къ хозяину дома съ любезными словами:

— Я очень вамъ благодаренъ, что вы берете на себя трудъ быть моимъ чичероне на этомъ прекрасномъ праздникѣ.

— А я,—отвѣчалъ лордъ Каули, возвышая голосъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ дозволяло приличіе:—осмѣливаюсь поблагодарить васъ, ваше высочество, за то, что вы выбрали мой домъ для вашего перваго появленія въ свѣтѣ.

— Мой дѣдъ, который еще рѣшаетъ за меня всѣ вопросы,—отвѣчалъ герцогъ:—сдѣлалъ этотъ выборъ, и я ему очень признателенъ.

Не продолжая далѣе этой легкой перестрѣлки, сынъ Наполеона направился къ группѣ эрцгерцогинь и любезно поздоровался съ ними, цѣлую имъ руки, затѣмъ онъ отыскалъ Меттерниха и, помѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, подошелъ къ эрцгерцогу Карлу.

— Здравствуйте, дѣдушка.

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты надѣлъ такой странный костюмъ.

— Я не хотѣлъ, чтобы мой мундиръ, даже австрійскій, прика-

сался къ краснымъ мундирамъ, — отвѣчалъ просто и искренно юноша.

— Ахъ, ты, луарскій разбойникъ!—замѣтилъ съ улыбкой эрцгерцогъ.

Между тѣмъ Меттернихъ подготовлялъ театральный эффектъ, который долженъ былъ заставить герцога Рейхштадтскаго выдать себя или, по крайней мѣрѣ, подчеркнуть дипломатическое значеніе его присутствія на балу. Канцлеръ сказалъ два слова лорду Каули, и тотъ направился къ офиціальному представителю новаго французскаго короля, генералу Бельяру.

— Генералъ,—сказалъ онъ, взявъ его за руку,—вы знаете молодого герцога Рейхштадтскаго, не хотите ли, чтобы я васъ познакомилъ?

— Конечно, но...—началъ Бельяръ покраснѣвъ...

Однако онъ не успѣлъ окончить своей фразы, какъ уже хозяинъ дома, какъ бы исполняя долгъ гостепріимства, представлялъ его юношѣ.

— Ваше высочество, — сказалъ лордъ Каули:—вотъ генералъ Бельяръ, представляющій въ Вѣнѣ его величество...

— Любезный лордъ,—перебилъ его герцогъ Рейхштадтскій, съ покраснѣвшими отъ волненія щеками,—для меня генералъ только старикъ-товарищъ по оружію моего отца, и я очень радъ пожать ему руку.

Онъ схватилъ дрожащую руку Бельяра и крѣпко ее пожалъ.

— Мы всѣ, ваше высочество, хотя и служимъ другому правительству...—началъ генералъ, но герцогъ его перебилъ:

— Все равно, я вижу въ васъ только героя героическаго вѣка, и вы всегда останетесь такимъ въ моихъ глазахъ. Долго вы останетесь въ Вѣнѣ?

— Нѣтъ, маршалъ Мэзонъ будетъ здѣсь посломъ Франціи.

— Посолъ Франціи, какой прекрасный! Скажите маршалу отъ меня, что если я не буду въ состояніи его посѣщать, то все-таки я съ удовольствіемъ буду встрѣчаться у моего дѣда съ такимъ славнымъ представителемъ французской арміи.

— Я передамъ ему слова вашего высочества.

— А знаете, генералъ, никто бы не сказалъ, смотря на васъ, что вы сражались подъ Жемаппомъ.

— Какъ, вы знаете, ваше высочество?

— Да. Я знаю и еще многое другое. Мнѣ извѣстно, что вы спасли и привели обратно во Францію египетскую армію, наконецъ, что вы, будучи сподвижникомъ первыхъ побѣдъ моего отца, находились въ числѣ послѣднихъ вѣрныхъ его слугъ. О, какъ бы я желалъ видѣть, что вы видѣли, и какъ моя молодость завидуетъ вашимъ сѣдинамъ!

Въ глазахъ Бельяра все запрыгало, и въ ушахъ его зашумѣло.

Онъ не замѣтилъ, какъ юноша, пожавъ ему руку, удалился, а на его выручку поспѣлъ эрцгерцогъ Карлъ, съ которымъ онъ машинально направился въ другую залу, бормоча про себя!

— Какой славный мальчикъ, какой славный мальчикъ!

— Что товарищъ, мой внукъ былъ бы славнымъ для васъ государемъ?

— Ваше высочество хотите прижать къ стѣнѣ бѣднаго солдата, не годящагося въ дипломаты,—произнесъ Бельяръ.—Ну, да, признаюсь, еслибы я зналъ, что встрѣчу здѣсь такого принца...

— То вы не явились бы сюда представителемъ другого государя,—докончилъ начатую фразу эрцгерцогъ.—Не бойтесь высказать свои искреннія чувства, вѣдь мы съ вами вдвоемъ.

Между тѣмъ лордъ Каули подошелъ къ Меттерниху, который зналъ уже о его неудачѣ и встрѣтилъ англійскаго дипломата недовольнымъ, гнѣвнымъ взглядомъ.

— Однако вы должны сегодня помолодѣть, ваша свѣтлость,— сказалъ посланникъ.

— Отчего?

— Оттого, что, говорятъ, вы присутствовали нѣкогда при такихъ же сценахъ, въ Тюльери и Сенъ-Клу, гдѣ отецъ этого юноши выхвалялъ своихъ генераловъ передъ безмолвствовавшими дипломатами.

— Да, мало ли что я видѣлъ,—отвѣтилъ канцлеръ,—но теперь не время возвращаться къ такимъ сценамъ, и будьте увѣрены, любезный лордъ, что я укорочу память безпокойнаго юноши.

Сидѣвшая подлѣ отца Гермина подумала:

— Какъ отецъ сердится на него, однако онъ поступилъ очень хорошо.

— Я согласился сдѣлать этотъ опытъ, — продолжалъ Меттернихъ:—чтобъ убѣдиться, въ какомъ настроеніи находится нашъ заложникъ, но теперь обѣщаю вамъ, что онъ не выйдетъ изъ четырехъ стѣнъ своей комнаты.

— Я могу сообщить объ этомъ въ Лондонѣ?

— Конечно, у меня не два слова, любезный лордъ.

Гермина блѣдная, какъ ея кисейное платье, подумала: «увы, у него два сердца!».

— Благодарю васъ, ваша свѣтлость,—сказалъ лордъ Каули и поспѣшилъ на встрѣчу къ императору, который только что подъѣхалъ къ посольскому дому.

— Папа, развѣ есть еще заложники?—спросила Гермина, взявъ за руку отца и бросая на него умоляющій взглядъ.

— А, ты насъ подслушала. Да, есть. И когда они ведутъ себя неблагоразумно...

— То что съ ними дѣлаютъ?

— Ихъ запираютъ,—отвѣчалъ Меттернихъ твердымъ голосомъ.

И, освободившись отъ руки дочери, онъ удалился, а молодую дѣвушку увела ея подруга Флора Вирбна въ другую залу, гдѣ танцовала молодежь.

Во все это время Полина спокойно ожидала, чтобы герцогъ Рейхштадтскій подошелъ къ ней. Она знала, что сердце его принадлежитъ ей, но нимало не сердилась, что такъ долго онъ не находилъ нужнымъ поздороваться съ ней. Она, напротивъ, радовалась, что онъ такъ ловко и благородно побѣждалъ преграды, разставленныя ему врагами на каждомъ шагу.

— Я весь день съ нетерпѣніемъ ждалъ этой минуты,—сказалъ онъ, останавливаясь наконецъ передъ нею и почтительно ей кланяясь.

— А я занималась тѣмъ, что подготовляла будущее. Францъ вамъ доложилъ обо всемъ?

— Да, я готовъ.

— Значитъ, вы отсюда...

— Я поѣду отсюда съ моимъ адъютантомъ на маскарадъ графини Клари. Капитанъ Моль согласился съ удовольствіемъ на эту шалость. Домино и маски для насъ обоихъ лежатъ въ каретѣ, и въ этомъ черномъ костюмѣ никто меня не узнаетъ.

— Вы уѣдете отсюда, какъ можно скорѣе, а главное одинъ покинете домъ графини Клари.

— Конечно, конечно, оттуда я прямо полечу къ Францу, и тамъ я васъ увижу.

— Да. Но главное не бойтесь кучера того экипажа, который васъ будетъ ждать у дома графини; его зовутъ Карлъ Греппи. Вы можете ему вполнѣ довѣриться, а найдете вы его съ почтовой коляской у сада графини.

— Хорошо, черезъ часъ я буду на дорогѣ въ Шенбрунъ, а черезъ два мы будемъ оба внѣ всякой опасности.

— Францъ поѣдетъ съ нами, не правда ли?

— Да. Но берегитесь. Меттернихъ не сводитъ съ насъ глазъ. Онъ, вѣроятно, очень не доволенъ вашимъ поведеніемъ.

— А я развѣ дурно поступилъ?

— Нѣтъ, всѣ васъ одобрили.

— А вы?

— Я узнала въ васъ того, кого люблю.

Онъ почтительно поклонился, по всѣмъ правиламъ свѣтскаго искусства, но въ эту минуту ихъ души слились въ одномъ пламенномъ взглядѣ.

V.

Подкопъ.

Спустя нѣсколько минутъ, черезъ эту гостиную прошла императорская чета, направляясь въ театръ. Францъ I шелъ подъ руку съ графиней Каули, а императрицу велъ хозяинъ дома. За ними слѣдовали эрцгерцогини, эрцгерцоги, придворныя особы, генералитетъ и всѣ приглашенные.

— А вы не идете на концертъ, княгиня?—сказала графиня Шпигель, проходя мимо Полины.

— Нѣтъ. Эрцгерцогиня мнѣ разрѣшила удалиться, и я ѣду домой.

— Вотъ счастливая! Прощайте, княгиня.

— Прощайте, графиня!

Полина поспѣшно направилась къ лѣстницѣ.

Эрцгерцогъ Карлъ между тѣмъ остановилъ герцога Рейхштадтскаго.

— Ты идешь слушать пѣніе?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дѣдушка,—отвѣчалъ онъ:—по правдѣ сказать, мы съ капитаномъ Молемъ намѣрены улизнуть отсюда на маскарадъ графини Клари въ Бельведерѣ.

Въ эту минуту проходили мимо Гермина Меттернихъ и Флора Вирбна.

— Ты слышишь?—сказала Флора:—герцогъ ѣдетъ на маскарадъ. Онъ теперь, кажется, повеселѣлъ, не правда ли?

— Да,—отвѣчала Гермина, печально вспоминая слова своего отца, и обѣ дѣвушки направились въ театръ, устроенный въ саду.

— Ты хорошо дѣлаешь, что веселишься,—отвѣчалъ эрцгерцогъ на слова своего внука:—въ твои годы надо веселиться.

— Я до сихъ поръ не зналъ, что это значитъ, милый дѣдушка. Вотъ, напримѣръ, я никогда не бывалъ на маскарадѣ, и еслибы капитанъ Моль не согласился ѣхать со мною, то я и теперь не позволилъ бы себѣ этой забавы. Мнѣ даже какъ-то странно думать, что я буду на маскарадѣ.

— Что же ты опять сталъ хандрить, а вчера еще ты былъ такъ счастливъ.

— Я сегодня еще счастливѣе,—сказалъ юноша, но при мысли, что, быть можетъ, онъ болѣе никогда не увидитъ добраго эрцгерцога, который одинъ обращался съ нимъ ласково, онъ невольно задумался, и лицо его затуманилось печалью.

— Да ты такъ счастливъ, что на твоемъ лицѣ нѣтъ и слѣдовъ его. Знаешь, что, Францъ, я не хочу, чтобы ты принималъ меня за безсердечнаго человѣка. Я не знаю, что тутъ творится вокругъ тебя, и какая тебя ждетъ будущность, но помни всегда, что я тебя люблю, и что ты можешь разсчитывать на мою помощь, еслибы она

тебѣ когда нибудь понадобилась, ну, а теперь пойдемъ со мною въ сосѣднюю галлерею, я хочу покурить, а тебѣ еще рано ѣхать въ маскарадъ.

И они удалились, сопровождаемые капитаномъ Молемъ.

Въ эту самую минуту въ гостиную вошла новая и совершенно неожиданная личность, именно Галлони, въ ливреѣ Меттерниховскихъ слугъ. За нимъ слѣдовалъ лакей англійскаго посольства.

— Подайте эту записку канцлеру, — сказалъ Галлони, подавая лакею тщательно сложенную бумажку.—Это по очень важному дѣлу.

Вскоро послышались торопливые шаги, и Меттернихъ показался на порогѣ.

— Кто вы такой, и отчего вы въ моей ливреѣ?—спросилъ онъ, подходя къ незнакомому ему человѣку.

— Я агентъ ломбардской полиціи, причисленный на время къ вѣнской, — отвѣчалъ Галлони:—меня прислалъ къ вамъ графъ Зедельницкій, а я не могъ проникнуть сюда въ другомъ костюмѣ; иначе могъ бы произойти дипломатическій инцидентъ.

Канцлеръ улыбнулся.

— Графъ мнѣ пишетъ,—сказалъ онъ,—только то, что онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ доказательства заговора, и что вы дадите мнѣ необходимыя разъясненія. А отчего же онъ самъ не явился сюда?

— Его превосходительство отправился самъ наблюдать за исполненіемъ его распоряженій.

— Говорите, я слушаю.

— Княгиня Саріа,—началъ Галлони,—наняла коляску съ парой лошадей, но безъ кучера, говоря, что у нея есть свой, но это неправда, потому что всѣ ея люди остались въ Миланѣ. Экипажъ долженъ быть готовымъ сегодня ночью.

— У кого нанятъ?

— У подозрительнаго лица, венгерца Манно, въ Леопольдштадтѣ.

— Это ничего не доказываетъ. Можетъ быть, княгиня хочетъ посѣтить свои помѣстья, которыя находятся именно въ Венгріи.

Галлони ничего ие отвѣтилъ, а продолжалъ:

— Сегодня утромъ былъ у княгини въ отелѣ «Лебедь» садовникъ Шенбрунскаго дворца. Онъ былъ у нея и вчера. Этотъ же садовникъ поднесъ вчера розы дочери вашей свѣтлости.

Меттернихъ задумался. Не былъ ли этотъ садовникъ заговорщикомъ, доставившимъ герцогу тѣ необыкновенныя свѣдѣнія, знаніе которыхъ онъ обнаружилъ въ послѣдніе дни?

— Сходите въ театръ,—произнесъ канцлеръ, обращаясь къ лакею, который почтительно стоялъ у двери:—и попросите сюда мою дочь. Скажите, что я получилъ важныя извѣстія, и долженъ тотчасъ вернуться съ нею домой.

Когда слуга удалился, Меттернихъ произнесъ, обращаясь къ Галлони:

— Что же вы и начальникъ полиціи полагаете?

— Я осмѣливаюсь предположить, что княгиня Саріа вмѣстѣ съ садовникомъ подготовила бѣгство герцога Рейхштадтскаго. Она только что уѣхала отсюда, вѣроятно, на назначенное свиданіе. Еще можно туда поспѣть, такъ какъ онъ еще здѣсь.

И сыщикъ указалъ на галлерею, въ которой виднѣлся черный фракъ среди двухъ мундировъ.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Гермина печальная, встревоженная.

Меттернихъ не замѣтилъ ея появленія и продолжалъ говорить съ незнакомымъ ей человѣкомъ.

— А гдѣ экипажъ долженъ ждать путешественниковъ?

— Въ Бельведерѣ.

— Не теряйте изъ вида герцога Рейхштадтскаго... Возьмите съ собою какъ можно меньше людей... Приготовьте карету... Смотрите, чтобъ не было ни шума, ни скандала... Ждите меня... Оставьте въ Бельведерѣ человѣка, который могъ бы указать мнѣ дорогу.

Тутъ случайно канцлеръ обернулся и увидалъ свою дочь, которая, дрожа всѣмъ тѣломъ, слышала распоряженія отца и инстинктивно понимала, что герцогу грозила какая-то бѣда.

— Вы послали за мною, папа,—сказала она, стараясь сдержать свое волненіе.

— Да, мы сейчасъ поѣдемъ,—отвѣчалъ онъ:—я завезу тебя по дорогѣ домой, а самъ отправлюсь далѣе по важному дѣлу.

Потомъ онъ сказалъ еще что-то незнакомцу и проводилъ его до двери. Между тѣмъ изъ галлереи направлялись въ гостиную герцогъ Рейхштадтскій, эрцгерцогъ Карлъ и капитанъ Моль.

VI.

Совѣтъ Меттерниха.

— Такъ ты уѣзжаешь? — сказалъ братъ императора своимъ добродушнымъ тономъ.

— Да, дѣдушка, уже поздно. Не правда ли, капитанъ?

Моль согласился, что пора было ѣхать, и пошелъ распорядиться насчетъ экипажей.

— Ну, досвиданія, Францъ!

— Прощайте, дѣдушка.

Все, что дѣлалось и говорилось вокругъ нея, казалось Герминѣ какимъ-то чудовищнымъ сномъ... герцогъ сказалъ своему дѣду: прощайте! Развѣ онъ думалъ о скорой смерти? Сердце молодой дѣвушки разрывалось на части. Между тѣмъ юноша поклонился ей и пошелъ къ дверямъ. Еще минута, и онъ исчезнетъ. Она не могла болѣе бороться съ собой и, быстро подойдя къ эрцгерцогу, сказала:

— Не позволяйте ему уѣзжать!

— Что такое? Что съ вами, дитя мое?

· Я боюсь.

— Вы дрожите, пойдемте на воздухъ. Дайте мнѣ вашу руку.

И онъ вывелъ ее на террассу, выходившую въ садъ.

-- Ну, теперь успокойтесь на чистомъ воздухѣ и разскажите мнѣ, чего вы боитесь.

Молодая дѣвушка искренно разсказала фельдмаршалу все, что она чувствовала, все, что она знала.

Между тѣмъ Меттернихъ и герцогъ Рейхштадтскій стояли другъ противъ друга. Юноша хотѣлъ пройти мимо съ безмолвнымъ поклономъ, но канцлеръ сказалъ:

— Ваше высочество, не уѣзжайте на маскарадъ.

Но герцогъ, гордо поднявъ голову, отвѣтилъ:

— Значитъ, я больше не свободенъ?

— Нѣтъ, вы совершенно свободны, и съ вами говоритъ не министръ, не канцлеръ, котораго въ шутку называютъ вице-императоромъ, но просто другъ вашего дѣда. Я позволяю себѣ въ этомъ качествѣ дать вамъ совѣтъ: не уѣзжайте на маскарадъ.

Хотя Меттернихъ говорилъ очень спокойнымъ и даже мягкимъ тономъ, но юноша чувствовалъ, что между ними идетъ смертельная борьба.

-- Я очень удивленъ и тронутъ вашей добротой. Но неужели я недостаточно потерялъ времени на этомъ офиціальномъ праздникѣ?

— Да, кстати, позвольте вамъ сказать, что вы явились сюда въ костюмѣ, не подходящемъ ни къ вашему высокому положенію, ни къ вашему военному чину.

— Я полагаю, что сынъ Наполеона не можетъ явиться иначе, какъ въ траурѣ, къ представителю англійскаго короля, и меня удивляетъ, что князь Меттернихъ не раздѣляетъ моего мнѣнія.

Канцлера очевидно поразило это смѣлое возраженіе, и онъ перемѣнилъ тактику:

— Хорошо, я не буду съ вами теперь объ этомъ разсуждать, но повторяю, останьтесь здѣсь.

— Но вы, можетъ быть, не знаете, князь,—прибавилъ юноша съ иронической улыбкой:—что я ѣду не одинъ на маскарадъ? Меня сопровождаетъ капитанъ Моль, и вмѣстѣ съ нимъ я, конечно, не не могу заблудиться.

— А вы дадите мнѣ честное слово, ваше высочество, что вы ни на минуту не разстанетесь съ вашимъ адъютантомъ?

— Это ужъ слишкомъ! — воскликнулъ герцогъ, выходя изъ себя...—Приказывайте, если хотите, и я буду вамъ повиноваться. Это будетъ не такъ оскорбительно. Я признаю, что всѣ недавнія распоряженія не имѣютъ никакой силы, откажусь отъ своего полка, распущу свою свиту и вернусь къ прежней жизни узника, даже подвергну себя еще большимъ ограниченіямъ, чѣмъ прежде. Но тогда, по крайней мѣрѣ, мысли мои будутъ свободны... а если мнѣ серіозно дозволено воспользоваться свободой, то намъ нечего больше разговаривать съ вами. Я ѣду на маскарадъ.

И онъ направился къ двери. Меттернихъ загородилъ ему дорогу, но не насильственнымъ жестомъ, а тономъ мольбы.

— Такъ вы очень вѣрите дружбѣ тѣхъ, которые васъ тамъ ждутъ?—спросилъ онъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, князь: вы хотите мнѣ запретить имѣть друзей?

— Я хочу предохранить васъ отъ неосторожности. Я хочу защитить васъ отъ васъ самихъ.

— Вы уже это дѣлаете семнадцать лѣтъ.

— Дѣйствительно семнадцать лѣтъ я исполняю свой долгъ. Я долго боролся съ величайшимъ геніемъ войны, и я возстановилъ противъ него всѣ силы стараго міра, чтобы освободиться отъ его ига. Намъ удалось, и вотъ семнадцать лѣтъ вы наша жертва, потому что вы его сынъ. Но, если вы страдали, думая о томъ, чѣмъ могли бы быть при другихъ обстоятельствахъ, то неужели вы думаете, что мы не понимали вашего горя? Нѣтъ, ваше высочество, я предвидѣлъ все, что васъ терзало, и если не могъ освободить васъ отъ этихъ мученій, то лишь потому, что они предотвращали еще большія бѣдствія для васъ и для насъ. Если бы вашъ славный отецъ слышалъ теперь, что я вамъ говорю, то сказалъ бы вамъ, что я только исполнилъ свое ремесло государственнаго человѣка.

— Мой отецъ сдѣлалъ меня римскимъ королемъ, — отвѣчалъ гордо герцогъ.

— Увы, ваше высочество, вашъ дѣдъ такимъ же образомъ король іерусалимскій, и этотъ титулъ даже стоитъ въ Готскомъ альманахѣ.

— Я наслѣдникъ могущественной имперіи...

— Этого наслѣдія болѣе не существуетъ.

— А если мой народъ требуетъ меня?

— Ужъ не ждетъ ли онъ васъ въ Бельведерѣ? Кто же говорилъ съ вами именемъ Франціи? Нѣтъ, ваше высочество, вашъ народъ болѣе о васъ не думаетъ.

— Неужели вы полагаете, что вы стушевали мое имя и уничтожили мою кровь? А куда же вы дѣли тѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ лицъ, которыя ждутъ моего возвращенія?

— Я съ удовольствіемъ показалъ бы вамъ списокъ этихъ лицъ, и вы покраснѣли бы отъ ихъ малочисленности. Вѣрьте мнѣ, что для васъ недостойно сдѣлаться искателемъ приключеній.

Видя, что герцогъ хочетъ протестовать, канцлеръ нанесъ ему послѣдній ударъ.

— Не спорю, что въ двадцать лѣтъ сладко слушать чарующій голосъ сирены, но когда этотъ голосъ увлекаетъ въ бездну неопытнаго юношу, то я прекращаю его пѣніе.

— Что вы хотите сказать?—гордо спросилъ герцогъ.

— Бываютъ чувства, которыя неожиданно возникаютъ въ сердцахъ двухъ созданій, рожденныхъ другъ для друга, и это чувство достойно всякаго уваженія. Но бываютъ другія чувства, основанныя на расчетѣ, на интригѣ, вотъ эти чувства подозрительны для всякаго благоразумнаго человѣка.

— Какія же интриги позволительны и какія нѣтъ?

Говоря это, юноша смотрѣлъ такъ пристально, такъ рѣшительно на канцлера, что послѣднему стало яснымъ все. Очевидно, герцогу открыла глаза княгиня Саріа, или онъ самъ догадался о всѣхъ злобныхъ ковахъ канцлера противъ него. Какими ненавистными показались ему теперь этотъ юноша и эта женщина! Во всякомъ случаѣ всякое дальнѣйшее разсужденіе было излишне.

— Я больше не скажу ни слова,—произнесъ онъ,—если я хотѣлъ васъ предупредить, то сдѣлалъ это лишь по чувству своего долга. Если вы меня послушаетесь, то я обязуюсь въ 24 часа доказать вамъ, что я правъ, и тогда, быть можетъ, вы поблагодарите меня за то, что я во время удержалъ васъ отъ заблужденія и ошибки. Но, ваше высочество, вы вольны дѣлать, что угодно. Поѣзжайте на маскарадъ, если желаете.

— И поѣду, — отвѣчалъ герцогъ Рейхштадтскій, гордо выходя въ дверь.

VII.

Отецъ и дочь.

— Онъ уѣзжаетъ. Боже милостивый!

Эти слова вырвались изъ наболѣвшаго сердца Гермины Меттернихъ, которая возвращалась въ гостиную изъ сада вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ въ ту самую минуту, какъ герцогъ Рейхштадтскій исчезъ за дверью. Она задрожала всѣмъ тѣломъ и упала въ обморокъ. Эрцгерцогъ едва успѣлъ ее поддержать.

— Что съ тобой, Гермина?—воскликнулъ отецъ, подбѣгая къ ней.

Гермина лежала неподвижно на диванѣ, на который положилъ ее эрцгерцогъ. Глаза ея были закрыты, и смертельная блѣдность покрывала ея лицо.

— Молодая княжна, выходя изъ концерта, почувствовала себя дурно, и я посовѣтовалъ ей подышать свѣжимъ воздухомъ. Она какъ будто оправилась, но, входя въ эту комнату...

Въ эту минуту молодая дѣвушка открыла глаза, и слезы потекли по ея щекамъ.

— Вы не сдѣлаете ему ничего дурного, милый папа. Обѣщайте мнѣ, что онъ не подвергнется никакой опасности. Незнакомецъ, который говорилъ съ вами, очень злой. Да и вы, такой добрый всегда, сегодня сердитый.

— Что это значитъ?—воскликнулъ Меттернихъ.—Можете вы мнѣ это объяснить, ваше высочество?

— Послушайте, князь,—отвѣчалъ добрый старикъ:—воображеніе молодой дѣвушки иногда воспаляется такою мечтою, о которой не имѣетъ понятія никто изъ окружающихъ ее. Самые великіе умы не въ состояніи понять того, что дѣлается въ сердцѣ ребенка. Пожалѣйте, князь, это прямое, чистое созданіе.

Меттернихъ все понялъ. Онъ вспомнилъ наивное сочувствіе, высказанное молодой дѣвушкой относительно герцога Рейхштадтскаго, печальное выраженіе ея лица, когда онъ говорилъ недавно о заложникахъ, и ея волненіе во время его разговора съ сыщикомъ. Не могло быть сомнѣнія, что дочь Меттерниха любила сына Наполеона. Его дорогое дѣтище перешло на сторону его врага.

Въ сущности, Меттернихъ былъ отецъ въ полномъ смыслѣ этого слова и нѣжно любилъ дочь, потому первая мысль его была о томъ, что молодые люди могли составить прекрасную парочку. Но это было невозможно, и, устремивъ на плачущую молодую дѣвушку печальный взглядъ, онъ рѣшилъ, что надо положить конецъ ея безумной мечтѣ.

— Увезите ее поскорѣе, князь, — сказалъ эрцгерцогъ,—а то я боюсь, что въ эту гостиную придетъ кто нибудь и увидитъ ея слезы.

— Благодарю васъ, ваше высочество, благодарю васъ, — отвѣчалъ Меттернихъ. — Мой долгъ тяжелѣе, чѣмъ я думалъ, но все-таки я исполню свой долгъ. Пойдемъ, мое бѣдное дитя.

Они молча вышли въ парадныя сѣни, и послѣ отъѣзда канцлера съ дочерью эрцгерцогъ остановился въ раздумьи на лѣстницѣ.

Онъ вспомнилъ все, что ему говорили Гермина и юный герцогъ, припомнилъ его взволнованное лицо и печальное прощаніе съ нимъ, сообразилъ все это и рѣшилъ, что дѣло не ладно.

— Во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы онъ рѣшился на бѣгство,—произнесъ мысленно добрый старикъ,—да и въ этомъ случаѣ полиціи не пришлось бы далеко его искать. Онъ поѣхалъ въ Бельведеръ. Отправлюсь и я туда. Авось, мнѣ удастся спасти бѣднаго мальчугана.

Эрцгерцогъ Карлъ вышелъ на улицу въ одномъ мундирѣ, хотя слуги посольства подали ему шинель и предложили крикнуть его экипажъ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Прощай мечты.

I.

По дорогѣ.

Возвращаясь домой съ отцемъ, Гермина молча плакала. Она такъ привыкла уважать отца и восхищаться всѣми его дѣйствіями, что не могла обвинять его въ жестокости, а напротивъ она удивлялась, какъ у нея хватило смѣлости полюбить и сознаться въ этомъ постороннему человѣку, именно эрцгерцогу. Лицо ея было покрыто румянцемъ стыда.

— Ты плачешь, дитя мое? — сказалъ, наконецъ, Меттернихъ, надѣясь, что, можетъ быть, молодая дѣвушка поддалась минутному увлеченію:—зачѣмъ ты такъ отчаиваешься? Что произошло? Отчего ты забыла своего отца, для котораго, ты знаешь, нѣтъ другого утѣшенія, кромѣ его ребенка? Развѣ я дурной отецъ? Развѣ я не исполняю всѣхъ твоихъ желаній, злая дѣвочка? Скажи мнѣ все, что у тебя на сердцѣ. Не скрывай отъ меня ничего. Ты молчишь? Ты не хочешь мнѣ отвѣчать? Это не хорошо, Гермина. Я не заслужилъ такого недовѣрія съ твоей стороны.

— Простите меня, папа, —наконецъ, промолвила молодая дѣвушка, сдерживая свои рыданія:—но это свыше моихъ силъ. Мое сердце замерло, когда я увидѣла, что вы его ненавидите. А когда я услышала, что вы даете приказаніе о принятіи мѣръ противъ него, то въ глазахъ у меня почернѣло. Я увѣрена, что смерть не причиняетъ такихъ страданій.

— Милое дитя мое,—произнесъ Меттернихъ, нѣжно взявъ за руку дочь:—неужели ты позволила себѣ привязаться къ этому человѣку безъ?..

— Не знаю.

— Онъ говорилъ когда нибудь съ тобой наединѣ?

— Никогда.

— Гдѣ ты его видѣла?

— У васъ одинъ разъ... въ Шенбрунѣ... и сегодня.

И снова слезы стали душить ее.

— Не плачь. Мы сейчасъ будемъ дома, и не надо, чтобъ слуги видѣли тебя въ слезахъ.

Гермина послушно отерла глаза и спросила:

— А вы не останетесь дома?

— Нѣтъ. Я тебѣ сказалъ, что только завезу тебя, а самъ поѣду далѣе.

— Вы увидите человѣка, съ которымъ вы только-что говорили?

— Можетъ быть. Но не думай объ этомъ. Подобныя дѣла не касаются молодыхъ дѣвушекъ.

И онъ улыбнулся.

— Не смѣйтесь, папа,—я такъ боюсь, чтобы вы...

— Ты снова за старое... Ты не должна болѣе никогда говорить со мной объ этомъ. Слышишь?—никогда.

— Хорошо, папа, я не буду болѣе говорить, но я не могу помѣшать себѣ думать.

— Нѣтъ, ты не должна и думать. Я не хочу, чтобы ты объ этомъ думала.

Она подняла глаза къ небу, тяжело вздохнула и ничего не отвѣчала.

II.

Въ Бельведерѣ.

Бельведерскій паркъ, расположенный у воротъ Вѣны, уже давно не представлялъ императорской резиденціи, и два его дворца, построенные въ стилѣ XVIII столѣтія послѣ того времени, какъ въ нихъ обиталъ принцъ Евгеній Савойскій, служили только музеями историческихъ и художественныхъ предметовъ. Но зато вокругъ этого тѣнистаго парка возвышались роскошные дома австрійской знати, и въ тотъ вечеръ, когда лордъ Каули давалъ балъ, графиня Клари устроила маскарадъ, на которомъ собрались сливки Вѣны.

Всѣ окрестныя улицы были запружены экипажами, а кучера и лакеи въ ожиданіи выхода господъ болтали и сплетничали между собой.

Неожиданно нѣсколько прохожихъ, имѣвшихъ видъ переодѣтыхъ полицейскихъ, окружили коляску, стоявшую отдѣльно у рѣшетки парка, и которая уже давно интересовала кучеровъ и лакеевъ потому, что въ ней никто не пріѣхалъ на маскарадъ, а возница, сидѣвшій на козлахъ, не отвѣчалъ ни слова на всѣ ихъ вопросы. При появленіи подозрительныхъ личностей всѣ разговоры умолкли, и всѣ глаза устремились на таинственный экипажъ, вокругъ котораго, повидимому, должна была разыграться какая-то скандальная сцена.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, два человѣка вскочили

на козла коляски и хотѣли стащить кучера, но тотъ такъ энергично развелъ руками, что они оба упали на мостовую.

— Ловко, молодецъ!—произнесло нѣсколько голосовъ.

Но на кучера набросилось четыре новыхъ противника; его стащили съ козелъ, связали и быстро унесли, а на его мѣсто посадили другого возницу, на котораго надѣли одежду и шляпу прежняго. Когда же зѣваки стали спрашивать объясненія такой странной сцены, то державшій за уздцы лошадей человѣкъ сказалъ авторитетнымъ тономъ:

— Это ничего. Захватили преступника, переодѣвшагося кучеромъ

Коляска отъѣхала на нѣсколько шаговъ и стала попрежнему кого-то ждать, а подозрительныя личности исчезли.

Во время разгара маскарада, изъ освѣщеннаго подъѣзда вышелъ молодой человѣкъ въ черномъ домино и маскѣ. Онъ быстро перешелъ черезъ шоссе и сѣлъ въ коляску, сказавъ что-то кучеру, который погналъ лошадей по дорогѣ въ Гитцингъ.

III.

Трое или двое.

Въ своемъ скромномъ жилищѣ, при входѣ въ маленькое селеніе Гитцингъ, близъ Шенбруна, Францъ Шуллеръ ждалъ около полуночи княгиню Саріа. Онъ былъ въ очень веселомъ настроеніи, хотя нѣсколько часовъ передъ тѣмъ разстался со своей племянницей Маргаритой, которую бѣлошвейки увезли въ Миланъ, чтобы совершенно развязать руки старому служакѣ. Сердце его радостно билось, при мысли, что онъ, простой солдатъ, повезетъ во Францію сына Наполеона. Что будетъ дальше съ ними, онъ ничего не зналъ, но надѣялся, что французы не забыли своей славы, и что ихъ сердца откликнутся на призывъ сына императора.

Впрочемъ Францъ былъ слишкомъ практичный человѣкъ, чтобы въ подобную критическую минуту мечтать, потому онъ старательно собралъ багажъ, который состоялъ изъ двухъ котомокъ. Въ одной были уложены всѣ необходимыя вещи для молодого герцога, именно дорожный костюмъ, туалетныя принадлежности и два пистолета. Конечно, обо всемъ этомъ подумала Полина, и Францъ, пересмотрѣвъ всѣ эти вещи, одобрилъ ея выборъ и только положилъ въ карманъ два маленькихъ пистолета.

— Сейчасъ видна женщина,—промолвилъ онъ громко.—На что пистолеты прятать, они должны быть всегда подъ рукою. Другая котомка гораздо меньшаго размѣра заключала въ себѣ его немногочисленное имущество. Что же касается до денегъ и бумагъ, то, спрятанныя въ портфелѣ, онѣ безопасно помѣщались на его груди

Въ назначенный срокъ явилась княгиня и объявила, что за ней кто-то гнался всю дорогу, но при послѣднемъ поворотѣ отсталъ. Францъ немедленно выбѣжалъ на улицу и сказалъ дожидавшемуся кучеру, котораго прислалъ съ экипажемъ Греппи, чтобы онъ окольными путями возвращался въ Вѣну.

Потомъ Францъ поспѣшилъ къ испуганной Полинѣ и, погасивъ свѣчку, сталъ смотрѣть въ окно. Прежде всего пронесся мимо карьеромъ экипажъ княгини, а за нимъ вскорѣ проскакалъ простой кабріолетъ, на козлахъ котораго сидѣлъ около кучера какой-то незнакомецъ, вѣроятно, переодѣтый полицейскій агентъ. Когда шумъ колесъ обоихъ экипажей замеръ вдали, Францъ снова зажегъ свѣчку и сказалъ:

— Не тревожьтесь, дуракъ, преслѣдующій васъ, нескоро догонитъ вашъ экипажъ и убѣдится, что васъ тамъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ хорошо, что мы не отложили нашего бѣгства, а то, пожалуй, планъ открылся бы. Ужъ очень зорко слѣдятъ за вами.

— Но, можетъ быть, устроятъ погоню за герцогомъ?

— Можетъ быть. Но врядъ ли его догонятъ? Лошади у Манно прекрасныя. Во всякомъ случаѣ намъ не надо терять ни минуты, и какъ только онъ пріѣдетъ, то намъ надо отправиться въ путь.

Княгиня не возвращалась домой съ бала, и Шарлотта привезла заранѣе къ Францу дорожный костюмъ, небольшой чемоданъ съ вещами и шкатулку съ драгоцѣнностями.—Прежде чѣмъ я переодѣнусь, Францъ, я хочу спросить у васъ совѣта,—сказала княгиня.

— У меня?

— Да.

— Вы человѣкъ прямой и благородный, а моя совѣсть что-то не спокойна. Дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить. Только что на балу герцогъ спросилъ у меня, ѣдемъ ли втроемъ. Я отвѣчала, что да, и признаюсь, ничто не могло быть большимъ для меня счастьемъ. Но съ тѣхъ поръ я все думала, и меня тревожитъ мысль, что съ одной стороны мое присутствіе можетъ только усложнить бѣгство герцога, а съ другой придать ему характеръ дамскаго похищенія.

Францъ былъ очень смущенъ. Онъ вполнѣ соглашался съ княгиней, но не зналъ, какъ ей высказать свое мнѣніе.

— Вы его любите,—сказалъ онъ наконецъ,—и значитъ ваше сердце подскажетъ, какъ надо поступить.

— А вы, Францъ, не хотите мнѣ сказать, считаете ли вы приличнымъ, чтобы я сопровождала герцога Рейхштадтскаго во Францію?

— Ну, это нѣтъ,—произнесъ рѣшительнымъ тономъ служака.

— Вотъ видите.

— Простите меня,—продолжалъ Францъ,—но я не могу не высказать вамъ, что вы истинный молодецъ. Я знаю, что безъ васъ онъ никогда не рѣшился бы на это дѣло. Вы сразу заставили его

понять то, о чемъ я напрасно говорилъ ему все это время. Вы организовали наше бѣгство такъ, какъ не удалось бы сдѣлать самому ловкому полицейскому. Но вы все-таки женщина, и я не могу допустить мысли, чтобы сынъ Наполеона вернулся...

— И однако вы понимаете, что я не буду вамъ мѣшать,—воскликнула Полина, сама испугавшись того, что онъ соглашался съ ней.—Я сумѣла бы стушеваться при необходимости и увидѣть снова принца только тогда, когда онъ, возвративъ себѣ свои права и титулъ, могъ потребовать меня, не компрометируя себя.

— Но онъ никогда не согласится съ вами разстаться, если вы съ нами поѣдете,—отвѣчалъ Францъ.—Мы должны все рѣшить безъ него, и увѣряю васъ, что возвращать себѣ престолъ, имѣя подъ рукою женщину, какъ-то неловко.

— Вы совершенно правы,—произнесла Полина:—вы меня убиваете, но я вижу, что вы истинно благородный человѣкъ. Благодарю васъ за совѣтъ. Я не поѣду.

— Простите меня, княгиня!—воскликнулъ Францъ въ большомъ смущеніи.—Я знаю, что причиню вамъ большое горе, но я въ томъ не виноватъ, къ тому же, повѣрьте, съ одной стороны я былъ бы очень радъ, если бы вы поѣхали съ нами. Я не сумѣю одинъ устроить все, какъ слѣдуетъ. Уже я не говорю о томъ, какъ огорчитъ его разлука съ вами.

Полина знакомъ просила его замолчать и стала прислушиваться. Дѣйствительно вдали слышался стукъ колесъ.

— Это, вѣроятно, онъ,—сказала княгиня:—я пойду въ сосѣднюю комнату, а вы скажете ему въ двухъ словахъ о томъ, что мы рѣшили. Будьте спокойны, я сейчасъ приду, мнѣ надо успокоиться. Потомъ вы снесете въ экипажъ вещи, а я прощусь съ нимъ. Послѣ вашего отъѣзда я останусь здѣсь до утра.

И она вышла за дверь въ ту минуту, какъ входилъ въ комнату герцогъ Рейхштадтскій.

IV.

Разставаніе.

— Ты одинъ?—спросилъ юноша.

— Нѣтъ, княгиня здѣсь,—отвѣчалъ Францъ очень смущенный тѣмъ порученіемъ, которое онъ долженъ былъ исполнить.

— Она въ сосѣдней комнатѣ. Сейчасъ придетъ.

Однако такъ или иначе надо было высказать герцогу, что Полина не ѣдетъ съ ними, и Францъ сталъ объяснять окольными путями, что лучше было бы имъ оставить въ Вѣнѣ княгиню, такъ какъ ихъ, можетъ быть, ожидали въ пути большія опасности. Когда

же все окончится благополучно, то ее можно будетъ выписать во Францію.

Юноша слушалъ его съ удивленіемъ. Онъ, конечно, понималъ, что Францъ не сталъ бы ему говорить что либо подобное по своей инициативѣ. Значитъ, сама Полина не хотѣла ѣхать. Конечно, ею не могъ овладѣть страхъ, въ этомъ онъ не могъ и сомнѣваться. Слѣдовательно она считала болѣе благоразумнымъ, чтобы онъ ѣхалъ одинъ, но мысль разлучиться съ нею душила его, и онъ не могъ согласиться на подобное самопожертвованіе. Онъ хотѣлъ громко протестовать, но неожиданно въ головѣ его блеснула мысль: отправляясь съ нимъ, Полина губила себя. Онъ понялъ, что любовь къ ней должна была побудить его къ этой жертвѣ.

— А княгиня раздѣляетъ твое мнѣніе?—спросилъ онъ.

— Да, совершенно, — произнесла твердымъ голосомъ Полина, появляясь въ дверяхъ.

Она была въ бальномъ платьѣ, и этого одного было достаточно, чтобы убѣдить юношу въ ея рѣшимости не сопровождать его. Францъ поспѣшилъ выйти изъ комняты съ вещами, а Полина продолжала, но уже голосъ ея замѣтно дрожалъ:

— Я не хочу, чтобы ваши враги могли упрекнуть васъ въ чемъ нибудь. Францъ вполнѣ согласенъ со мною.

— Я васъ такъ люблю, Полина,—могъ только промолвить юноша со слезами на глазахъ.

— А я,—воскликнула княгиня:—развѣ сердце мое не раздирается отъ одной мысли, что я не буду раздѣлять съ вами всѣхъ опасностей? Какое счастіе было бы ѣхать съ вами! И не думайте, что я боюсь сплетенъ, нисколько. Но на васъ не должно упасть ни малѣйшее пятно. Поѣзжайте одни,—продолжала она, схвативъ его за обѣ руки.—Поѣзжайте одни и скорѣе, моя любовь, мой повелитель! Ваша Полина никогда не покинетъ васъ и мысленно всегда будетъ съ вами. Завтра же я также отправлюсь въ путь окольными путями и при первой возможности присоединюсь къ вамъ. Клянусь, что я всегда буду любить васъ. Я хочу, чтобы вы сохранили обо мнѣ память, какъ о женщинѣ, которая пожертвовала вамъ своимъ счастіемъ и своей жизнью.

— Все готово,—произнесъ Францъ, отворяя дверь.—По несчастію Греппи не можетъ ѣхать съ нами, а прислалъ своего соотечественника.

Герцогъ и не обратилъ вниманія на его слова, а молча бросился въ объятія Полины. Что они говорили другъ другу, какъ они цѣловались, осталось тайной для нихъ самихъ. Въ подобныя минуты поцѣлуи краснорѣчивѣе словъ, а слова нѣжнѣе поцѣлуевъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—промолвила наконецъ Полина.

Въ эту минуту Францъ вторично показался въ дверяхъ, и она

протянула ему руку, которую онъ почтительно приложилъ ко лбу, преклонивъ колѣно.

Еще минута, и она осталась одна въ комнатѣ. Вдали послышался топотъ быстро несущихся лошадей.

— Наконецъ-то! Уже!

Только эти слова торжества и горя дрожали на ея устахъ.

Она тихо опустилась на стулъ и горько зарыдала.

— Однако, зачѣмъ мнѣ плакать?—промолвила она наконецъ.— Онъ свободенъ, а обо мнѣ нечего думать.

Но что это?—за дверью послышались чьи-то шаги.

V.

Лицомъ къ лицу.

Полина вспомнила, что наружная дверь осталась не закрытой, и хотѣла запереть ее, но въ эту минуту дверь отворилась, и она поспѣшно спряталась въ комнату Маргариты.

На порогѣ показался Меттернихъ. Сердце бѣдной женщины дрогнуло. Князь однимъ быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ комнату, сѣлъ на стулъ подлѣ стола, на которомъ стояла зажженная свѣча и, обращаясь къ людямъ, стоявшимъ, очевидно, за дверью, сказалъ,

— Предупредите меня, когда явятся наши.

Полина не знала, что дѣлать. Очевидно, Меттернихъ зналъ о бѣгствѣ герцога, но успѣлъ ли онъ помѣшать ему или нѣтъ? Этотъ вопросъ такъ терзалъ ея сердце, что она не выдержала и вышла изъ своей засады.

— Вы здѣсь, княгиня?—сказалъ съ удивленіемъ Меттернихъ.— Вы развѣ уже кончили вашу прогулку вокругъ Шенбрунскаго парка?

Ясно было, что стратагема Франца удалась, и полицейскіе агенты думали, что она уѣхала изъ Гитцинга. Но что стало съ герцогомъ? И напали ли на его слѣдъ? Это необходимо было выяснить.

— Какъ видите, князь,—отвѣчала она и остановилась въ дверяхъ сосѣдней комнаты, какъ бы желая возбранить туда входъ.

— Вы напрасно хотите меня увѣрить, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то спрятанъ,—спокойно произнесъ Меттернихъ.—Я знаю, что тамъ нѣтъ никого. Я только что встрѣтилъ того, кто былъ здѣсь съ вами. Моя ошибка заключается лишь въ томъ, что по моему предположенію вы уѣхали впередъ.

— Вы ошибаетесь въ томъ, что видѣли кого-то, выходящаго изъ этого дома.

— Такъ это не герцогъ Рейхштадтскій сѣлъ съ другимъ человѣкомъ въ коляску, нанятую въ Леопольдштадтѣ?

— Вы смѣетесь надо мною: еслибы это былъ герцогъ, то вы не допустили бы его бѣгства.

— Кто говоритъ о бѣгствѣ? Я надѣюсь, что этотъ молодой человѣкъ послѣ всѣхъ треволненій согодняшняго вечера преспокойно вернулся въ Шенбрунъ.

— Конечно, онъ долженъ былъ вернуться во дворецъ, если вы его видѣли.

— Видѣлъ, какъ вижу теперь васъ. Я даже готовъ упрекнуть васъ за то, что вы нашли нужнымъ нанять почтовыхъ лошадей для возвращенія съ бала. Это для вѣнцевъ чрезмѣрный расходъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ, вдругъ измѣнивъ свой любезный, учтивый тонъ и придавая ему рѣзкій, даже грубый оттѣнокъ:—быть можетъ, вы приказали кучеру пріѣхать за вами, чтобы отвезти васъ въ Италію или куда нибудь подальше?

— Хорошо, я понимаю, — отвѣчала Полина, догадавшись, что все погибло:—я проиграла, но, прошу васъ, не издѣвайтесь надо мною, а скажите просто, гдѣ герцогъ, и что вы хотите сдѣлать со мною.

— Вотъ такъ-то лучше. Поговоримъ прямо. Герцогъ теперь, должно быть, находится въ Шенбрунѣ, куда его отвезъ мой кучеръ, замѣнившій вашего. Этотъ послѣдній, по имени Греппи, не умѣлый возница, и я не могъ поручить ему править экипажемъ, въ которомъ находился герцогъ. Я также приказалъ вернуть сюда и двухъ вашихъ знакомыхъ дамъ, отправившихся въ Миланъ. Графъ Зедельницкій ихъ нагналъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны, такъ какъ въ ихъ экипажѣ сломалось колесо. Вы видите, что Провидѣніе стоитъ за меня.

— И даже помогаетъ вамъ нарушить свое слово, — отвѣчала гнѣвно Полина:—такъ какъ вы обѣщали мнѣ помилованіе Фабіо.

— Оскорбляйте меня, сколько хотите, я не обижусь. Всѣ ваши планы уничтожены, и вы даже не понимаете, насколько вы пойманы. Впрочемъ, намъ нечего съ вами говорить. Вы меня давно знаете, а я васъ вполнѣ узналъ только сегодня.

— Въ такомъ случаѣ, князь, будьте такъ добры сказать мнѣ, что вы намѣрены со мною дѣлать.

— Подождите, пока вернется ваша коляска съ садовникомъ, который является сообщникомъ княгини Саріа въ государственномъ заговорѣ. Всѣ заговорщики, какъ миланскіе, такъ и вѣнскіе, какъ крупные, такъ и мелкіе, должны быть уличены и подвергнуты строгой карѣ. У вашего Франца Шуллера находятся въ карманѣ остальныя бумаги изъ того пакета, который вы похитили, и благодаря имъ, я узнаю имена всѣхъ вашихъ сообщниковъ.

Этотъ ударъ окончательно сразилъ Полину. Она не только погубила себя, но выдала всѣхъ лицъ, упомянутыхъ въ бумагахъ,

уже не говоря о Францѣ, Греппи и бѣлошвейкахъ. Мрачное отчаяніе выразилось у нея на лицѣ.

— А, княгиня, — произнесъ Меттернихъ, торжествуя свою побѣду:—вы вздумали разыграть большую роль и уничтожить возведенное мною зданіе. Напрасно вы хлопотали, оно слишкомъ крѣпко воздвигнуто, хотя, признаюсь, вы дѣйствовали такъ ловко и энергично, что едва не достигли своей цѣли. Какъ бы то ни было, я не хочу, чтобы повторялись подобныя попытки, и приму мѣры, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ.

— Все зло произошло отъ вашей жестокости, князь,—отвѣчала гордо Полина:—откажитесь отъ нея. Нѣтъ другого выхода.

— Увольте меня отъ вашихъ совѣтовъ, я больше ихъ не спрашиваю.

Хотя Полина вполнѣ сознавала свое пораженіе, однако она старалась хотя на словахъ не поддаваться Меттерниху, и, вспомнивъ о розѣ, брошенной его дочерью на книгу герцога Рейхштадтскаго въ Шенбрунскомъ паркѣ, она смѣло произнесла:

— Я не хотѣла вамъ повиноваться и исполнить ту позорную роль, которую вы мнѣ предназначали. Вы побѣдили и можете меня оскорблять, можете даже погубить. Но моя слава заключается въ томъ, что я люблю и меня любятъ, а ваша слава основана на несчастіи бѣднаго юноши. Но, берегитесь, вы отецъ, и Провидѣніе васъ накажетъ въ вашей родительской любви.

На этотъ разъ пришлось Меттерниху поблѣднѣть, и онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ она узнала объ его семейной тайнѣ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—произнесъ онъ голосомъ, которому тщетно старался придать твердость:—ни я ни моя семья не боится вашихъ угрозъ.

— Кто знаетъ, — промолвила Полина:—за слезы платятъ слезами, за смерть — смертью. Вы заставляете другихъ страдать и сами будете страдать. Да что тутъ говорить! Вы уже и теперь страдаете.

Меттернихъ совершенно смутился, но къ его счастью раздался шумъ колесъ.

— Наконецъ-то,—произнесъ онъ:—теперь мы сведемъ счеты.

Подойдя къ двери, онъ широко ее открылъ и громко крикнулъ:

— Входите!

VI.

Тридцать сребренниковъ Іуды.

Посадивъ герцога въ коляску, Францъ вскочилъ на козлы, что, повидимому, не понравилось кучеру.

— Ничего, молодецъ,—сказалъ онъ,—намъ найдется мѣсто обоимъ. Я хочу покурить и здѣсь свободнѣе. Ну, валяй во всѣ. Дорога теперь пойдетъ въ гору до Гоблица, гдѣ приготовлена первая подстава.

— Да, дорога гористая.

— Не жалѣй лошадей! господинъ мой торопится.

Кучеръ повиновался, но, спустя нѣсколько минутъ, Францъ замѣтилъ, что онъ повернулъ на мостъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать по берегу рѣки.

— Куда ты берешь?—воскликнулъ старый служака.

— На томъ берегу лучше дорога.

— Хорошо.

Пока экипажъ катился, и Францъ спокойно курилъ свою трубку, герцогъ Рейхштадтскій былъ погруженъ въ отчаяніе. Онъ не думалъ о цѣли своего бѣгства, а только сожалѣлъ о томъ, что находился одинъ, и что оставилъ Полину безпомощной передъ гнѣвомъ канцлера. Мысль объ опасности, которой она могла подвергнуться, наконецъ, взяла верхъ надъ всѣмъ, и онъ хотѣлъ уже вернуться въ Гитцингъ, чтобы насильно увезти княгиню, какъ услышалъ перебранку между Францемъ и кучеромъ.

— Налѣво, налѣво, чортъ возьми!—кричалъ старый служака.— Развѣ ты не видишь, что предъ нами дворецъ?

— Не мѣшайте, я знаю, куда ѣду.

— Такъ вотъ ты какой. Стой, слзѣай, мнѣ тебя не надо.

Францъ схватилъ за горло кучера и столкнулъ его съ козелъ, но Галлони, ибо это былъ онъ, быстро вскочилъ весь въ крови и сталъ громко звать на помощь. Францъ подбѣжалъ къ нему и, выхвативъ изъ кармана пистолетъ, убилъ бы его, какъ собаку, еслибъ герцогъ Рейхштадтскій, выскочившій изъ коляски, не схватилъ его за руку.

— Не надо крови, Францъ, я этого не хочу. Къ тому же мы погибли. Всякое сопротивленіе тщетно: посмотри.

Дѣйствительно къ экипажу подходила цѣлая группа людей.

— Отпустить его!—продолжалъ герцогъ,—я его милую. Не даромъ я хоть нѣсколько минутъ былъ мысленно императоромъ. Возьми, Іуда Искаріотскій, и прочь съ моихъ глазъ.

Съ такими словами онъ бросилъ къ ногамъ сыщика кошелекъ съ деньгами.

Въ эту минуту къ нему подошелъ графъ Дитрихштейнъ, за которымъ на почтительномъ разстояніи слѣдовали нѣсколько слугъ.

— Ваше высочество,—произнесъ онъ печально,—не угодно ли вамъ вернуться во дворецъ пѣшкомъ?

— Съ удовольствіемъ, но безо всякаго эскорта,—отвѣчалъ гордо герцогъ.

Но прежде чѣмъ пойти рядомъ съ графомъ Дитрихштейномъ,

который приказалъ слугѣ итти другимъ путемъ, юноша обернулся, чтобы проститься съ Францемъ. Но его глазамъ представилось отвратительное зрѣлище. Стараго солдата повалили, связали и положили, какъ бревно, въ коляску.

— Этотъ человѣкъ только исполнялъ мои приказанія,—произнесъ онъ внѣ себя отъ гнѣва,—и скажите Меттерниху, что если съ его головы упадетъ одинъ волосъ, то, спустя часъ, меня найдутъ мертвымъ, и вся Европа узнаетъ, зачѣмъ я наложилъ на себя руки.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, и я самъ скажу объ этомъ канцлеру,—воскликнулъ графъ Дитрихштейнъ:—но, умоляю васъ, пойдемте со мною. Вамъ пора успокоиться, мое бѣдное дитя,—прибавилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Спустя нѣсколько минутъ, тяжелыя ворота парка затворились за узникомъ Меттерниха.

VI.

Исповѣдь стараго служаки.

Нѣсколько полицейскихъ агентовъ ввели Франца въ его скромное жилище, и онъ не могъ не улыбнуться, увидѣвъ тамъ столь избранное общество, какъ князя Меттерниха, графа Зедельницкаго и т. д. Однако онъ только почтительно поклонился княгинѣ Саріа и, гордо поднявъ голову, посмотрѣлъ прямо въ глаза могущественному канцлеру, который спросилъ его:

— Вы не нѣмецъ?

— Вы сами это видите.

— Безъ фанфаронства. Кто вы?

— Францъ Шулеръ, изъ Соверна.

Князь не могъ удержаться отъ невольнаго движенія.

— Не трудитесь припоминать, — замѣтилъ старый служака:— Севернъ не въ Германіи, а въ Эльзасѣ. Если это васъ интересуетъ, то я прибавлю, что я былъ сержантомъ въ третьемъ баталіонѣ гвардейскихъ егерей, и что у меня въ котомкѣ, оставшейся въ коляскѣ, спрятанъ орденъ Почетнаго Легіона, который я получилъ подъ Аустерлицемъ. Хотите, покажу.

— Нахалъ,—промолвилъ канцлеръ.

— Молодецъ,—промолвилъ кто-то за группой полицейскихъ, стоявшихъ у дверей.

— Въ Шенбрунъ я попалъ очень просто,—продолжалъ Францъ:— мужъ моей сестры былъ садовникомъ въ Шенбрунскомъ дворцѣ, и я наслѣдовалъ его дочь и мѣсто. Вотъ какъ я сталъ заниматься прививкой цвѣтовъ въ томъ самомъ паркѣ, гдѣ я когда-то стоялъ на часахъ во времена отца теперешняго Шенбрунскаго узника.

— И вы заплатили за это гостепріимство предательствомъ,— замѣтилъ Меттернихъ.

— Это зависитъ отъ взгляда, господинъ канцлеръ: я полагаю, что, когда рискуешь жизнью за идею, то это самопожертвованіе, а не предательство. Но вы ученѣе меня, и я не стану спорить съ вами. Я одно только знаю, что очень люблю молодого принца, котораго вы почему-то называете герцогомъ Рейхштадтскимъ, когда онъ Наполеонъ. И неудивительно, что я его люблю; семнадцать лѣтъ тому назадъ я стоялъ часовымъ въ Тюльери, когда онъ ходилъ еще въ коротенькомъ платьицѣ. Впрочемъ я стоялъ на часахъ тамъ и три года передъ тѣмъ, когда вы, князь Меттернихъ, привезли къ намъ его мать, помните?

Канцлеръ презрительно пожалъ плечами.

— Вотъ вся моя исторія. Что касается до бѣгства принца, то я устроилъ его, и оно удалось съ помощью...

— Не стѣсняйтесь, Францъ, говорите все!—воскликнула княгиня Саріа:—я горжусь, что ваша сообщница.

— Ну, да, нашъ планъ удался бы съ помощью этой благородной, мужественной дамы, которую я глубоко уважаю. Еслибъ принцъ не помѣшалъ мнѣ, то я убилъ бы предателя, котораго вы посадили на козлы коляски. Его высочество слишкомъ молодъ и добръ, чтобъ ни въ грошъ не ставить человѣческую кровь. Вотъ онъ мерзавецъ,—прибавилъ Францъ, указывая связанными руками на Галлони:—когда вы будете платить ему за предательство, то не забудьте, что онъ получилъ задатокъ: принцъ подарилъ ему не только жизнь, но и свой кошелекъ. Я все сказалъ, ахъ, нѣтъ, мнѣ надо еще прибавить два слова. Нѣтъ ли тутъ кого нибудь, кто взялся бы доставить моей племянницѣ Маргаритѣ деньги, находящіяся у меня въ портфелѣ и нажитыя честнымъ трудомъ, а не полученныя за содѣйствіе бѣгству принца? Можно быть врагами, но это еще не причина ограбить бѣдную дѣвушку и лишить ее законнаго наслѣдства.

— Скажи мнѣ, гдѣ твои деньги, и я передамъ ихъ по назначенію,—произнесъ тотъ же голосъ, который уже назвалъ Франца молодцомъ.

Это былъ эрцгерцогъ Карлъ.

VII.

Эрцгерцогъ и канцлеръ.

Выйдя изъ дома англійскаго посольства и пройдя нѣсколько шаговъ по улицѣ, эрцгерцогъ рѣшилъ, что онъ не поспѣетъ въ Бельведеръ, чтобъ застать тамъ герцога Рейхштадтскаго. Къ тому же врядъ ли Меттернихъ рѣшится на открытый скандалъ среди

города, а потому эрцгерцогъ рѣшилъ, что ему лучше отправиться прямо въ Шенбрунъ, гдѣ, по всей вѣроятности, должна была разыграться подготовлявшаяся драма. Онъ крикнулъ экипажъ и поскакалъ въ Шенбрунъ. Тамъ онъ узналъ отъ графа Дитрихштейна, ожидавшаго появленія герцога, что Меттернихъ находится въ одномъ домѣ въ Гитцингѣ, и поспѣшилъ туда. Приближаясь къ этому дому, онъ увидѣлъ, что къ нему подъѣхала коляска, и изъ нея вывели какого-то человѣка съ связанными руками. Сердце у него дрогнуло при мысли, что это былъ его внукъ, и онъ, замѣшавшись въ группу полицейскихъ у дверей, былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго. А когда послѣ своей откровенной исповѣди Францъ заявилъ просьбу о томъ, чтобъ преслѣдователи сжалились надъ его племянницей, то эрцгерцогъ вызвался исполнить его порученіе, такъ растроганъ былъ старый воинъ мужествомъ и смѣлостью своего сотоварища по оружію, хотя и враждебной національности.

— Вы, ваше высочество?—произнесъ съ удивленіемъ Меттернихъ.

— Простите меня, маршалъ, я не могу отдать вамъ честь, меня связали!—воскликнулъ Францъ.

— Развязать этого солдата!—скомандовалъ повелительнымъ тономъ эрцгерцогъ.—Вы разрѣшаете, князь?—прибавилъ онъ, обращаясь къ канцлеру:—право, нѣтъ опасности, чтобъ онъ скрылся.

Меттернихъ хотя неохотно, но долженъ былъ согласиться.

Полицейскіе агенты разрѣзали веревки, которыми былъ связанъ Францъ, и, очутившись на свободѣ, онъ легко вздохнулъ, а затѣмъ, приложивъ лѣвую руку къ ногѣ, правой отдалъ честь его высочеству.

— Вамъ, маршалъ,—сказалъ онъ:—я съ удовольствіемъ отдамъ все, что у меня въ карманахъ. Вотъ два пистолета, а вотъ бумажникъ съ моими деньгами и бумагами.

Эти слова произвели потрясающее впечатлѣніе. Полина подумала: «Увы, наши друзья погибли». Галлони и графъ Зедельницкій мысленно промолвили: «наконецъ-то давно отыскиваемыя бумаги въ нашихъ рукахъ»; а Меттернихъ едва не произнесъ громко: «арестъ этого человѣка обнаружитъ намъ списокъ всѣхъ заговорщиковъ».

Подойдя къ эрцгерцогу, который держалъ въ рукѣ портфель Франца, канцлеръ сказалъ:

— Такъ какъ вашему высочеству благоугодно оказать содѣйствіе къ уличенію этихъ интригъ, то я докажу бумагами, заключающимися въ портфелѣ, какой мы открыли заговоръ.

— О какихъ бумагахъ вы говорите?—спросилъ эрцгерцогъ, показывая, что при портфелѣ не было никакихъ бумагъ.

— По сознанію этого человѣка, въ портфелѣ находится списокъ заговорщиковъ и планъ бѣгства,—произнесъ Меттернихъ.

— Это правда,—подтвердилъ Францъ.

— Я очень сожалѣю, князь,—отвѣчалъ эрцгерцогъ,—но если эти бумаги въ моихъ рукахъ, то это все равно, какъ будто онѣ и не существовали. Какъ патеры разрѣшаютъ грѣхи, такъ и я разрѣшаю все, до чего прикасаюсь. Это единственная привилегія моего сана, и, быть можетъ, потому я имъ дорожу. Ну, скажите по правдѣ, князь, какъ могу я отдать вамъ эти бумаги, когда отъ нихъ зависитъ свобода столькихъ людей? Это было бы подлостью съ моей стороны, и вы сами покраснѣли бы, еслибъ я унизился до этого.

— Но, ваше высочество, дѣло идетъ о государственной безопасности,—замѣтилъ Меттернихъ, видимо недовольный, но не рѣшавшійся рѣзко говорить съ братомъ императора.

Эрцгерцогъ спряталъ портфель въ карманъ и продолжалъ, понижая голосъ, такъ что его не слышали окружающіе.

— Послушайте, князь, я не менѣе вашего забочусь о безопасности государства и объ интересахъ императора. Скажу болѣе, даже ваша слава мнѣ дорога, такъ какъ она касается чести родины, которую мы оба защищали. Вѣрьте мнѣ, не раздувайте этого скандала, онъ и такъ возбудилъ слишкомъ много горя и имѣетъ слишкомъ много свидѣтелей. Вы можете быть спокойны, что никто не воспользуется тѣми бумагами, которыя находятся въ моемъ карманѣ. Мой внукъ уже водворенъ въ Шенбрунѣ, чего же вамъ болѣе? Вы хотите обличить и покарать какихъ-то несчастныхъ помогавшихъ бѣгству юноши? Но вѣдь вы этимъ придадите дѣтской выходкѣ характеръ серіознаго заговора. Нѣтъ, лучше оставьте въ покоѣ тѣхъ, которые теперь по вашей милости не могутъ причинить никакого вреда. Конечно, подобный поступокъ вамъ будетъ дорого стоить, но онъ достоинъ великаго Меттерниха. Не забывайте,—и онъ еще болѣе понизилъ свой голосъ,—что зрѣлище ничѣмъ не заслуженнаго несчастія можетъ возбудить сочувствіе самаго невиннаго, самого чистаго сердца. Наконецъ скажите себѣ, что необходимо выказать милость къ другимъ, когда думаешь о томъ, чтобы осушить слезы бѣдной дочери.

Жестокая борьба происходила въ сердцѣ Меттерниха. Съ одной стороны онъ хорошо помнилъ, какъ эрцгерцогъ только что былъ добръ къ его ребенку и ни въ чемъ не могъ ему отказать, а съ другой онъ не могъ рѣшиться простить лицамъ, которыя его обошли, въ особенности Францу и Полинѣ.

— Хорошо, ваше высочество,—произнесъ онъ наконецъ,—если вы этого требуете...

— Я не требую, а прошу.

— Если вы желаете, я согласенъ пренебречь лицами, которыя обѣщали свое содѣйствіе главнымъ заговорщикамъ. Я даже прикажу освободить миланскихъ женщинъ.

— А развѣ въ дѣлѣ были замѣшаны и миланки?

— Да. Но этотъ солдатъ и княгиня Саріа вели все дѣло и скомпрометировали внука императора, который по ихъ милости могъ сыграть жалкую роль въ какомъ-то нелѣпомъ политическомъ заговорѣ, соединенномъ съ глупой романической исторіей. Вотъ этого простить нельзя.

— Полноте, для подобной вины нѣтъ хуже кары, какъ неуспѣхъ. Во всякомъ случаѣ, князь, я очень интересуюсь этимъ старымъ служакой, который все еще живетъ въ эпоху славной легенды своей родины, забывая, что прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ. Отдайте мнѣ его. Клянусь, что вы никогда болѣе не услышите о немъ.

— Преклоняюсь передъ волею вашего высочества,—отвѣчалъ Меттернихъ съ горечью.

— Благодарю васъ. Что же касается до княгини Саріа, то я ее мало знаю, и мнѣ кажется, что я не оскорблю ея, принявъ роль защитника, безъ ея согласія. Позвольте мнѣ сказать ей два слова.

— Вы здѣсь повелѣваете, ваше высочество.

Полина не слышала всего этого разговора и только понимала, что эрцгерцогъ старается убѣдить канцлера быть милостивѣе къ бѣднымъ участникамъ заговора, и она ждала съ лихорадочнымъ волненіемъ результата его благороднаго ходатайства.

— Княгиня,—сказалъ эрцгерцогъ, подходя къ ней и почтительно кланяясь:—я не знаю и не хочу знать, насколько вы отвѣтственны въ этомъ дѣлѣ, по счастью обстоятельства такъ слагаются, что ваша тайна будетъ сохранена, и всѣ окружающія лица будутъ помилованы, если вы возьмете на себя всю вину и покинете Австрію. Кромѣ того, вы дадите мнѣ честное слово, что никогда не предпримете ничего противъ его величества императора. Мнѣ необходимо это обязательство, безъ котораго я не могу вмѣшаться въ дѣло.

— И Франца выпустятъ на свободу?—спросила Полина съ такимъ сіяющимъ лицомъ, что эрцгерцогъ не могъ не бросить на нее глубоко сочувственнаго взгляда.

— И онъ и всѣ, кто бы они ни были, будутъ прощены. Я даю вамъ въ этомъ честное слово солдата и эрцгерцога.

— Благодарю васъ, ваше высочество,—воскликнула Полина.— Вы даровали мнѣ единственное счастье, которое я могла еще имѣть въ жизни. Вы возвратили мнѣ самоуваженіе, и я теперь снова могу смотрѣть гордо на свѣтъ. Благодарю васъ. Что же касается до того обязательства, которое вы отъ меня требуете, то я дамъ его громко при всѣхъ.

Сдѣлавъ два шага къ столу, за которымъ сидѣлъ канцлеръ, она остановилась и блѣдная, но спокойная произнесла:

— Я достойна каръ, потому что обманула князя Меттерниха. Я недостойна болѣе видѣть герцога Рейхштадтскаго, такъ какъ не

сумѣла его освободить. Ваше высочество знаете, что его можно любить, и, быть можетъ, когда нибудь передадите ему, какъ я пламенно была ему предана. Я болѣе никогда ничего не предприму въ его пользу. Я исчезну, и если когда нибудь ему суждено освободиться и достигнуть славы, то я въ этомъ не приму участія.

Голосъ ея порвался, и силы какъ будто покинули ее. Но черезъ минуту она поборола себя и продолжала:

— Прощайте, Францъ Шуллеръ, прощайте, мой другъ. Вы вернетесь на свою родину и будете тамъ жить спокойно, вспоминая о прошедшемъ. Думайте иногда о бѣдной Полинѣ Саріа, которая явилась, какъ метеоръ въ жизни того, кого вы такъ любите, но не сожалѣйте о ней: она вкусила въ продолженіе нѣсколькихъ дней высшее наслажденіе самопожертвованія. Ну, теперь послѣднее слово къ вамъ, князь Меттернихъ,—прибавила Полина, обращаясь къ канцлеру и смотря на него безъ ненависти и безъ смущенія, а съ какимъ-то неземнымъ спокойствіемъ:—не презирайте того, что вы называете моимъ преступленіемъ, я совершила его инстинктивно, безъ расчета, по влеченію сердца. Оно не заслуживаетъ вашего прощенія, такъ какъ я въ немъ не раскаиваюсь. Прощайте, князь. Если вы когда нибудь вспомните обо мнѣ, то скажите себѣ, что честная душа всегда свободна.

Она схватила себѣ рукою за сердце, и внезапно раздался глухой выстрѣлъ. Что-то блеснуло среди массы кружевъ, и облако синяго дыма окружило княгиню.

Францъ схватилъ Полину и удержалъ ее отъ паденія, а Меттернихъ вырвалъ изъ-за корсажа маленькій пистолетъ.

— Несчастная!—произнесъ онъ громко.

— Нѣтъ,—отвѣчала умирающая, открывая глаза и говоря тихо, едва внятно:—я счастливая, онъ меня любитъ!

Глаза ея снова закрылись, и, спустя минуту, она перестала дышать.

Полина Саріа сдержала слово. Она проиграла и заплатила ставку.

Францъ опустился на колѣни передъ нею и, думая объ отчаяніи герцога Рейхштадтскаго, промолвилъ со слезами:

— Она отправилась одна въ далекій путь.

ЭПИЛОГЪ.

I.

Два друга.

Вечеромъ 18 іюля 1832 года въ стекольную лавку Греппи въ Виденскомъ предмѣстьѣ Вѣны вошелъ человѣкъ лѣтъ 60, въ длинномъ синемъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ и красною ленточкой въ петлицѣ.

— Это вы? неужели это вы?—воскликнулъ хозяинъ лавки, выскакивая изъ-за конторки.

— Да, это я, другъ Греппи. Я нарушилъ данное слово и явился сюда. Но вы видите, что теперь я не скрываюсь, а завтра пойду къ эрцгерцогу и скажу ему, въ чемъ дѣло.

— Какъ я радъ васъ видѣть, добрый Францъ, садитесь, пожалуйста. Я сейчасъ позову жену и дочь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Мнѣ не время оставаться, и я желаю сказать вамъ кое-что съ глаза на глазъ.

— Вы явились сюда для...

— Конечно, для него.

— Онъ очень, очень боленъ.

— Знаю. Но не можете ли вы разсказать всѣ подробности?

— Я могу передать только то, что говорятъ въ городѣ. Послѣ памятной ночи я былъ освобожденъ изъ полиціи и прямо побѣжалъ къ Манно, чтобы предупредить его о похищеніи коляски съ лошадьми. Потомъ я отправился въ отель «Лебедь» и узналъ тамъ отъ бѣлошвеекъ, что онѣ спокойно отправляются въ Миланъ. О княгинѣ Саріа онѣ мнѣ сказали, что она застрѣлилась, и что въ ту же ночь прямо изъ вашего дома въ Гитцингѣ ея тѣло повезли въ Венгрію, гдѣ у нея обширное помѣстье. Все это сдѣлали въ большой тайнѣ и распространили слухъ, что она уѣхала.

— Такъ онъ не знаетъ объ ея смерти?

— Вѣроятно, нѣтъ. Никто ему объ этомъ не говорилъ, а единственный человѣкъ, который могъ высказать правду,—эрцгерцогъ Карлъ, удалился въ свой замокъ, и его снова увидѣли въ Вѣнѣ только надняхъ. Бѣдный юноша, вѣроятно, полагаетъ, что княгиня живетъ попрежнему въ Италіи и забыла о немъ.

— Ну, нѣтъ, этого онъ не можетъ думать. Я видѣлъ ихъ вдвоемъ; они пламенно любили другъ друга.

— Въ такомъ случаѣ онъ думаетъ, что ее держатъ взаперти.

Во всякомъ случаѣ съ той роковой ночи онъ сталъ все болѣе и болѣе грустить, и распространили слухъ, что онъ очень ослабѣлъ. Два мѣсяца его не выпускали изъ дворца. Потомъ онъ снова появился на Пратерѣ, во главѣ своего полка, но страшно было видѣть, какъ онъ измѣнился. Какой-то внутренній огонь испепелилъ его, но все-таки онъ продолжалъ дѣлать смотръ и командовать, хотя его голосъ звучалъ глухо, щеки ввалились, а глаза померкли. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день онъ хотѣлъ командовать и не могъ; голосъ его болѣе не слушался, и блѣдныя губы не двигались. Тогда его снова заперли въ комнатѣ; но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ случилось наводненіе, и Дунай вышелъ изъ береговъ. Юноша сталъ неутомимо посѣщать несчастныхъ и подавать помощь. Когда однажды онъ возвращался домой, то лошади понесли его экипажъ, онъ выскочилъ, упалъ и повредилъ себѣ грудь. У него сдѣлалась чахотка, и онъ теперь умираетъ.

— И никому въ голову не пришло послать его въ Италію. Можетъ быть, тамъ было бы легче бѣдному мученику. Какъ онъ долженъ былъ страдать, думая объ ужасной участи тѣхъ, которые его любили. Я одинъ, быть можетъ, знаю, какое у него доброе сердце, и какая свѣтлая голова.

— Я слышалъ, что вызвали его мать,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Греппи.

— Мать? — отвѣчалъ презрительнымъ тономъ Францъ,—она не побезпокоится пріѣхать.

— Нѣтъ, пріѣдетъ, ее ждутъ надняхъ въ Вѣнѣ.

— Ну, такъ, значитъ, конецъ близокъ. Мнѣ не надо терять время. Я долженъ добиться, чтобы эрцгерцогъ Карлъ провелъ меня въ Шенбрунъ, а если это будетъ невозможно, то я попрошу его передать герцогу письмо Маршана. Вы знаете, Греппи, что Маршанъ былъ камердинеръ императора, и что онъ умеръ на его рукахъ. Маршанъ вернулся въ Европу десять лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ тщетно просилъ императора, Меттерниха и Марію-Луизу допустить его до свиданія съ герцогомъ Рейхштадтскимъ. Наконецъ, онъ написалъ печальный разсказъ о послѣднихъ минутахъ императора, и я взялся доставить сыну завѣтъ отца. Если эрцгерцогъ откажется мнѣ помочь, то я буду дѣйствовать одинъ. Вотъ за тѣмъ-то я и зашелъ къ вамъ, добрый Греппи. Могу я разсчитывать, что вы увѣдомите мою племянницу Маргариту, если что нибудь случится со мною?

— Конечно, можете.—И друзья разстались.

II.

Пріобщеніе св. Тайнъ.

По несчастію для Франца, ему не удалось проникнуть въ Шенбрунъ, и онъ могъ добиться отъ эрцгерцога Карла только обѣщанія вручить внуку письмо Маршана, если ему удастся увидѣть наединѣ бѣднаго юношу до его смерти.

Греппи былъ правъ: дѣйствительно узникъ Меттерниха умиралъ. Хотя доктора увѣряли, что онъ можетъ еще протянуть долго, но смерть его была неизбѣжна, и придворный этикетъ подвергъ несчастнаго мученика еще одному тяжелому испытанію.

19 іюня была назначена въ Шенбрунской часовнѣ въ присутствіи всего двора церемонія послѣдняго пріобщенія св. Тайнъ герцога Рейхштадтскаго. Двумя причинами объясняли, что эта церемонія производилась заранѣе и публично, а не въ комнатѣ умирающаго, какъ обыкновенно. Во-первыхъ, императоръ собирался уѣхать изъ Вѣны и не могъ ждать, чтобы агонія внука дошла до послѣдней степени, а съ другой эрцгерцогиня Софія придумала, по своей сердечной добротѣ, нѣсколько сгладить тяжелое впечатлѣніе для больного этой церемоніи. Она наканунѣ сказала ему:

— Милый Францъ, мы оба съ тобой больные, слава Богу, твоя жизнь не въ опасности, но ты обязанъ отказаться отъ всякихъ занятій, отъ всякихъ удовольствій. Я же должна надняхъ родить, и мнѣ что-то страшно. Причастимся вмѣстѣ завтра св. Тайнъ. Я буду молиться о твоемъ выздоровленіи, а ты о моемъ счастливомъ разрѣшеніи отъ бремени. Герцогъ согласился съ признательной улыбкой. Быть можетъ, онъ понялъ тотъ святой обманъ, къ которому прибѣгла добрая женщина.

Вотъ почему 19 іюня 1832 года въ Шенбрунской часовнѣ собралась вся императорская семья и весь дворъ.

Герцогъ Рейхштадтскій явился подъ руку съ эрцгерцогиней Софіей; онъ былъ блѣдный, исхудалый, ни на кого не смотрѣлъ и едва передвигалъ ноги. Машинально опустился онъ въ приготовленное для него кресло, и пока добрая тетка на колѣняхъ молилась подлѣ него, онъ казался погруженнымъ въ тяжелую думу, которая не покидала его въ послѣдніе два мѣсяца, но когда совершавшій службу патеръ сталъ приближаться со св. Дарами, то онъ вдругъ очнулся. Глаза его засверкали, на щекахъ заалѣли постоянно теперь виднѣвшіяся красныя пятна, и онъ медленнымъ движеніемъ руки просилъ отсрочить св. обрядъ.

Патеръ въ недоумѣніи остановился, а эрцгерцогиня вопросительно взглянула на юношу.

— Тетя, я молюсь за васъ и за вашего будущаго ребенка, но, простите меня, я также молюсь за вашего бѣднаго друга, княгиню Capia. Здѣсь въ присутствіи Бога вы меня не обманете. Не правда ли, она умерла?

Хотя ему недолго оставалось жить, но вся его жизнь очевидно висѣла на волоскѣ и зависѣла отъ отвѣта эрцгерцогини. Она поняла это, но не могла солгать въ эту священную минуту, и безмолвная слеза скатилась по ея щекѣ.

Герцогу Рейхштадтскому стало все ясно. Ему даже не дозволили оплакивать ту, которую онъ пламенно любилъ Его разлучили не только съ живыми, но и съ мертвыми. Въ глазахъ у него потемнѣло, ноги подкосились, и онъ упалъ бы на полъ, еслибы его не поддержалъ графъ Дитрихштейнъ.

Спустя минуту, патеръ подошелъ къ блѣдному неподвижному юношѣ и поднесъ св. дары къ его посинѣвшимъ губамъ.

Все было кончено. Могила герцога Рейхштадтскаго была открыта, и когда опустятъ въ нее его бренные останки, было вопросомъ дней или часовъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, позади державныхъ причастниковъ сидѣлъ герцогъ Меттернихъ и весело улыбался своей молодой женѣ, съ которою онъ обвѣнчался годъ тому назадъ.

На слѣдующій день 20 іюня императоръ уѣхалъ въ Тріестъ.

Черезъ пять дней прибыла въ Вѣну изъ Пармы Марія-Луиза.

Спустя мѣсяцъ, смертельная агонія Шенбрунскаго узника окончилась. Сынъ Наполеона умеръ.

Гермина Меттернихъ никогда не вышла замужъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончалась настоятельницей женскаго Савойскаго монастыря въ Вѣнѣ. Съ тѣхъ поръ на могилѣ герцога Рейхштадтскаго болѣе не видны прекрасныя розы, которыя постоянно тамъ смѣнялись въ продолженіе полустолѣтія.

При настоящей книжкѣ разсылается гг. городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе: «Самообезпеченіе», сборникъ практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ всякому, кто стремится положить прочное основаніе своему благосостоянію, обезпечить себѣ и близкимъ матеріальную независимость и охрану отъ превратностей судьбы.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени".**

Программа **„Историческаго Вѣстника":** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

МАЙ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1900 г.

См. слѣд.



АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Аткинсона.

дозв. ценз. 26 апрѣля 1900 г. спб.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ [1].

XIV.

НА ДРУГОЙ день мачиха раньше обыкновеннаго вошла ко мнѣ и съ свойственною ей безцеремонностью стала разспрашивить, кого я видѣла у графини и какъ провела у нея день.

И какъ мнѣ это было ни противно, но пришлось назвать ей лицъ, пріѣзжавшихъ туда съ визитами и обѣдавшихъ вмѣстѣ со мной. Пришлось также, отвѣчая на ея назойливые разспросы, коснуться предмета разговора.

— Да, видно, насъ и въ самомъ дѣлѣ Бонапартъ выгонитъ изъ Москвы,—замѣтила она.—У насъ тоже вчера былъ народъ, и всѣ, точно сговорившись, про нашествіе врага толкуютъ. Варжаевъ идетъ въ ополченіе къ другу своему Поливанову. Взбудоражилъ своими прожектами и папеньку, тоже хочетъ съ французомъ повоевать... Всѣ жертвуютъ... А что графиня даетъ? Ужъ этой не грѣхъ бы и нѣсколько тысячъ отвалить, есть изъ чего,—прибавила она съ такою обидною для моего новаго друга усмѣшкой, что я не вытерпѣла, чтобъ не объявить, что графиня намѣрена снарядить полкъ, выстроить госпиталь для раненыхъ, церковь въ одномъ изъ своихъ имѣній, а деньгами отдать въ распоряженіе государя милліонъ рублей.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 5.

При этомъ послѣднемъ словѣ лицо моей собесѣдницы выразило такое глубокое изумленіе, что мнѣ стало смѣшно.

— Да неужели же?—вскричала она, устремляя на меня широко раскрытые отъ недоумѣнія глаза.

— Про это скоро будетъ, вѣроятно, напечатано въ газетахъ, и вы сами это прочтете. Всегда про благодарность государя за крупныя пожертвованія сообщаютъ въ газетахъ,—прибавила я, вспомнивъ замѣчаніе одной изъ посѣтительницъ графини, которая сказала сидѣвшей рядомъ со мной дамѣ, что когда въ газетахъ прочтутъ о пожертвованіи графини Натальи Алексѣевны, многіе послѣдуютъ ея примѣру.

Не подозрѣвала я тогда, какія послѣдствія будутъ имѣть мои слова.

Слушательница моя задумалась и хотя оставалась у меня еще съ полчаса, предлагая мнѣ вопросы, но ужъ слушала мои отвѣты разсѣянно и видимо занятая другимъ.

За обѣдомъ папенька тоже разспрашивалъ меня про то, что я слышала наканунѣ, но его не столько интересовали пожертвованія графини и другихъ, сколько подробности о томъ: кто куда собирается бѣжать отъ французовъ и когда?

Ему все еще не хотѣлось вѣрить, чтобъ опасность была неминуема и близка, но, тѣмъ не менѣе, онъ замѣтилъ, обращаясь къ женѣ:—А вѣдь, чего добраго, и намъ придется искать убѣжища подальше отсюда, когда ополченіе выступитъ изъ Москвы.

— Вѣдь вы пойдете въ ополченіе, папенька?—спросила я, со страхомъ ожидая отвѣта.

Мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ онъ не обманулъ надеждъ моей милой графини, что я забывала объ опасности, которой онъ себя подвергнетъ поступая, какъ всѣ.

— Разумѣется, пойду. Я уже написалъ главнокомандующему, что предоставляю себя въ его распоряженіе,—отвѣчалъ онъ такъ спокойно, точно дѣло идетъ о самой обыкновенной затѣѣ, о томъ, чтобъ устроить обѣдъ въ клубѣ для пріѣзжаго изъ Петербурга гостя, чествованіе какой нибудь красавицы-пѣвицы или актрисы.—Ну, что ты всполыхнулась?—прибавилъ онъ, смѣясь при видѣ восторга, съ которымъ я на него смотрѣла.—Неужели же ты думала, что я, какъ старая баба, буду сидѣть на печкѣ, когда отечеству грозитъ опасность? Да это даже и она не думаетъ,—продолжалъ онъ, указывая на мачиху.—А кстати, когда увидишь твою графиню, можешь ей сказать, что Дарья тоже жертвуетъ милліонъ на отечественныя нужды,—прибавилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Все это хорошо, а куда намъ дѣться, когда вы уйдете съ ополченіемъ?—поспѣшила она перемѣнить разговоръ, смущаясь его улыбкой.

Папенька развелъ руками.—Этого я вдругъ рѣшить не могу. Слышала, что говорилъ братъ? За безопасность въ «Радостномъ» онъ

такъ мало ручается, что все, что у него самаго цѣннаго, вывезъ въ монастырь... Кстати о монастырѣ и о бабушкѣ Сусаннѣ, не воспользоваться ли вамъ ея гостепріимствомъ съ Лизой? Рому дядя возьметъ къ себѣ, и если до «Радостнаго» дойдутъ французы (чего я, признаться сказать, невзирая на то, что всѣ этого ждутъ, никакъ допустить не могу), онъ увезетъ его съ собой въ Тамбовскую губернію, къ другу своему, старику Парикову... Вѣдь ты поѣдешь съ дядей, не правда ли, Ромочка?—обратился онъ къ брату, который во время разговора смотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ, точно желая напомнить мнѣ то, о чемъ между нами была вчера вечеромъ рѣчь. Я знаками старалась дать ему понять, чтобъ онъ имѣлъ терпѣніе и не раздражалъ бы папеньку противорѣчіемъ. Онъ это такъ хорошо понялъ, что на вопросъ отца поспѣшилъ отвѣтить, что поступитъ такъ, какъ ему прикажутъ.

— Я знаю, что ты у меня молодецъ и огорчать насъ не станешь,—сказалъ отецъ, ласково трепля его по щекѣ.

Аббата за столомъ не было. Какъ я узнала впослѣдствіи, папенька еще наканунѣ объявилъ ему, чтобъ онъ искалъ себѣ другое мѣсто или случая выѣхать за границу, и онъ попросилъ позволенія заняться этимъ съ сегодняшняго дня. Рома учился съ русскимъ учителемъ, сыномъ нашего приходскаго священника, который ужъ съ зимы давалъ ему уроки, потомъ гулялъ съ нимъ въ саду до обѣда, такъ что о томъ, что аббату ужъ отказано, я узнала только послѣ обѣда отъ папеньки, который увелъ меня въ кабинетъ, чтобъ безъ свидѣтелей разспросить про графиню и между прочимъ сказать, что онъ исполнилъ желаніе дяди и отказалъ аббату.

— Левушка былъ правъ, теперь не такое время, чтобъ французовъ держать въ русскомъ домѣ. Да и не до ученія, дай Богъ живу остаться и чтобъ въ конецъ не разориться,—прибавилъ онъ, какъ всегда, безпечно, но при этомъ такъ нѣжно меня обнимая, что я не могла не понять, что онъ за меня безпокоится.

Опять нашла я въ немъ прежнюю нѣжную, любящую душу, отзывчивую на все великодушное и прекрасное. Отъ вчерашней брюзгливости, недовѣрчивости и придирчивости не оставалось и слѣда. Превращеніе это совершилось подъ вліяніемъ толковъ о манифестѣ и о нашихъ неудачахъ при первыхъ стычкахъ съ врагомъ. Я разсказала ему о мѣрахъ, принимаемыхъ графиней относительно имущества, оставляемаго ею въ Москвѣ, о разговорѣ съ ея парикмахеромъ, котораго я была свидѣтельницей, и наконецъ сообщила ему про ея желаніе его видѣть, чтобъ просить его взять подъ свою команду одного изъ близкихъ ей молодыхъ людей.

Послѣднее его очень обрадовало.—Завтра же отправлюсь къ ней,—объявилъ онъ, весело потирая себѣ руки.—И вотъ что я еще хотѣлъ тебѣ сказать,—продолжалъ онъ, и прежде чѣмъ про-

должать, подошелъ къ двери, чтобъ убѣдиться, что она плотно притворена.—Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ Шарля изъ дѣйствующей арміи. Онъ убѣдительно совѣтуетъ мнѣ скорѣе васъ съ Ромой отправить куда нибудь подальше. Они тамъ, должно быть, знаютъ больше, чѣмъ здѣсь, и за насъ очень безпокоятся. На, вотъ, прочти это письмо.

Онъ вынулъ изъ бюро исписанный дорогимъ и знакомымъ почеркомъ листокъ золотообрѣзной бумаги, подалъ мнѣ его и, пока я его читала, всѣми силами стараясь скрыть овладѣвшее мною волненіе, продолжалъ говорить, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ты про это не болтай... Дарья про него не знаетъ... Она баба хорошая, и чѣмъ ближе ее узнаешь, тѣмъ больше въ этомъ убѣждаешься... Какъ великодушно откликнулась она на царское воззваніе!.. Правда, что ей только это и оставалось, чтобъ завоевать себѣ общественное мнѣніе... Когда прочтутъ въ газетахъ царское спасибо княгинѣ Р—й за пожертвованный милліонъ, нашимъ вѣдьмамъ трудно будетъ не принять ея въ свое общество,—продолжалъ онъ посмѣиваясь.—Милліонъ останется милліономъ, и даже графинѣ Червленной нельзя будетъ не прислать ей приглашенія на балъ, не правда ли?

Не отрывая глазъ отъ письма, я утвердительно кивнула. То, что я читала между строкъ въ письмѣ Шарля, наполняло душу мою такимъ счастьемъ, что я ко всѣмъ чувствовала нѣжность, даже къ проходимкѣ. Мой милый, озабоченный моей безопасностью, подробно описывалъ папенькѣ положеніе дѣла и совѣтовалъ отправить меня, пока еще не поздно, въ одну изъ поволжскихъ губерній.

«По всему надо предполагать, что если злодѣя не выгонятъ раньше, съ приближеніемъ его къ Москвѣ, шансы къ окончанію войны будутъ настолько велики, что за опустошеніе остальной части Россіи нельзя опасаться. Извергъ задался цѣлью говорить о мирѣ не иначе, какъ въ Москвѣ. Дай Богъ, чтобъ злой умыселъ ему не удался, но будемъ готовы къ худшему»...

И въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводилъ фамиліи лицъ, раздѣлявшихъ это мнѣніе. Все имена извѣстныхъ своимъ положеніемъ и любовью къ родинѣ вельможъ. Читая перечень этихъ именъ, папенька не могъ не согласиться, что если ужъ такіе люди нашли нужнымъ отправить семьи въ отдаленныя губерніи, опасность дѣйствительно велика.

— Пока ты тамъ съ Дарьей сидѣла у себя сегодня утромъ, я ему отвѣтилъ и отправилъ письмо съ адъютантомъ Ростопчина, который ужъ уѣхалъ,—отвѣчалъ папенька на нѣмой вопросъ, съ которымъ я на него посмотрѣла, складывая письмо и подавая ему его обратно.—У Дарьи есть имѣніе въ ста верстахъ отъ Тамбова, и если бы ты согласилась съ нею туда ѣхать, я былъ бы совсѣмъ

покоенъ,—прибавилъ онъ, останавливаясь передо мною и ласково на меня глядя.

Ѣхать въ такую даль, куда и письма часто не доходятъ, когда всѣ мои интересы были близъ Москвы, и жить тамъ неопредѣленное время, вдали отъ всѣхъ, кто мнѣ милъ, да еще въ обществѣ такого антипатичнаго существа, какъ Дарья Алексѣевна, показалось мнѣ такъ ужасно, что сердце тоскливо сжалось; однако я отвѣчала, что поступлю такъ, какъ ему будетъ угодно, но что мнѣ пріятнѣе было бы ѣхать къ бабушкѣ Сусаннѣ...

— Да говорятъ же тебѣ, что и тамъ не безопасно!—вскричалъ папенька.—Развѣ ты не читала, что онъ пишетъ? Новгородская губернія отъ Москвы рукой подать, а монастырь бабушки Сусанны расположенъ въ той мѣстности, черезъ которую непремѣнно будутъ проходить войска, если только война приметъ тотъ оборотъ, котораго есть основаніе опасаться.

— Такъ отправьте насъ съ Ромой на хуторъ,—нерѣшительно замѣтила я.

— На какой хуторъ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Къ Варварѣ Петровнѣ, на маменькинъ хуторъ.

— Гм... въ Курскую губернію. Но вѣдь туда дальше, чѣмъ до Тамбова... Впрочемъ,—продолжалъ онъ, немного подумавъ:—я объ этомъ кое съ кѣмъ посовѣтуюсь, время еще терпитъ.

Этимъ переговоры наши кончились, къ величайшему моему удовольствію. Не хотѣлось мнѣ покидать Москву, все казалось, что меня здѣсь ждетъ какая-то счастливая неожиданность.

И предчувствіе не обмануло меня.

Прошло недѣли три. Наступилъ іюнь мѣсяцъ. Каждый день ждала я отъ графини посланную съ извѣстіемъ о ея отъѣздѣ, но никто не пріѣзжалъ, и наконецъ я узнала отъ папеньки, что, получивъ изъ Петербурга приглашеніе явиться къ императрицамъ, она въ нѣсколько часовъ собралась ѣхать и просила мнѣ передать, что ждетъ отъ меня письма въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Ей очень интересно знать, куда я тебя отправлю,—прибавилъ онъ.—Я ей не сказалъ про приглашеніе, которое я для тебя получилъ вчера.

— Какое приглашеніе?—спросила я, краснѣя отъ волненія и страха.

— Мой пріятель Рѣпинскій предлагаетъ вамъ убѣжище у сестры его въ Нижегородской губерніи. Меня очень тронуло и обрадовало это вниманіе. Оно доказываетъ, что я не ошибся, когда мнѣ показалось, что ты произвела на него сильное впечатлѣніе, и что Варжаевъ былъ правъ, увѣряя, что онъ въ тебя влюбился... Разумѣется, теперь не время думать о свадьбахъ, но вѣдь не вѣкъ же будетъ продолжаться война, а лучшаго жениха тебѣ не найти, уменъ, хорошъ, любимецъ царя, состояніе огромное... Вѣдь ты его

помнишь, не правда ли? Онъ обѣдалъ у насъ на другой день нашей свадьбы, и я посадилъ его противъ тебя за обѣдомъ. Онъ и отъ пѣнія твоего былъ въ восторгѣ. Еслибъ не необходимость ѣхать на другой день въ Петербургъ, гдѣ его ждали, онъ непремѣнно бы у насъ побывалъ еще, чтобъ ближе съ тобой познакомиться, и очень можетъ быть, что ты бы ужъ теперь была замужемъ...

Онъ совсѣмъ забылъ про то, что ему донесли два мѣсяца тому назадъ про мое чувство къ Шарлю, такъ мало значенія придавалъ онъ тому, что составляло счастье всей моей жизни! Чувство это онъ считалъ такими пустяками, что ему казалось въ порядкѣ вещей, что я заглушу его въ себѣ по его приказанію. Разувѣрять его въ этомъ я, конечно, не нашла нужнымъ и стала его просить отослать насъ лучше на хуторъ, къ Варварѣ Петровнѣ.

Онъ понялъ мой испугъ по-своему.

— Да ты чего же боишься? Воображаешь, можетъ быть, что его сестра и не вѣсть какая строгая дама? Напрасно. Я ее знаю такъ же хорошо, какъ и его. Мы вмѣстѣ выросли, я за нею ухаживалъ, когда она была дѣвчонкой пятнадцати лѣтъ, а братъ ея въ рубашенкахъ бѣгалъ, безъ штановъ, вотъ съ какихъ поръ я ихъ знаю и люблю! Давно познакомилъ бы я тебя съ нею, еслибъ она не жила безвыѣздно въ деревнѣ съ чудакомъ мужемъ, который бросилъ службу, чтобъ заниматься хозяйствомъ... Премилое семейство. У нихъ дочь на три года тебя моложе, сынъ однихъ лѣтъ съ Ромой, при немъ гувернеръ, я былъ бы совершенно покоенъ, еслибъ мнѣ удалось васъ туда пристроить.

Что было на это сказать? Я молчала, размышляя о томъ, какъ дать знать моему возлюбленному о грозившей намъ новой опасности, а папенька, между тѣмъ, продолжалъ:

— Надѣюсь, ты будешь благоразумна; преодолѣешь глупую застѣнчивость и поѣдешь съ радостью къ новымъ друзьямъ, которыхъ посылаетъ намъ судьба?

— Когда?—спросила я.

Ничего больше не въ силахъ я была произнести.

— Да вотъ, когда мы тутъ съ Дарьей устроимся и рѣшимъ, куда она поѣдетъ, проводивши меня. Надо также рѣшить на счетъ людей, кого отправить въ деревню, кого ей съ собой взять и съ вами отпустить, кого здѣсь оставить. Надо надѣяться, что къ концу мѣсяца устроимся, и всѣмъ намъ можно будетъ двинуться въ путь.

Въ концѣ мѣсяца! Цѣлыхъ три или даже четыре недѣли! Да это вѣчность!

— А, можетъ быть, къ тому времени и война кончится, и никуда не нужно будетъ ѣхать,—сказала я, повеселѣвъ.

Онъ засмѣялся.

— А знаешь, между нами сказать, и я на это надѣюсь, но не надо никому про это говорить,—прибавилъ онъ, понижая голосъ:—меня и

такъ всѣ упрекаютъ въ легкомысліи, и что я недовольно серіозно отношусь къ положенію. И графиня меня сегодня бранила. Точно я кому нибудь врежу тѣмъ, что не хнычу, какъ графъ Петръ Андреевичъ, и не каркаю вороной, какъ княгиня Марья Владимировна! Еслибъ я меньше другихъ дѣлалъ для родины, еслибъ я отказывался ей служить подъ предлогомъ, что не вѣрю въ серіозность опасности, ну, тогда дѣло другое, но вѣдь къ этомъ меня упрекнуть нельзя! Дарья пожертвовала милліонъ, а я одинъ изъ первыхъ поступилъ въ ополченіе... А кстати, вѣдь уловка Дарьи удалась, и пожертвованіе ея произвело большой эффектъ. Надежда Семеновна, та вѣдьма, что всѣмъ вертитъ у Апраксиныхъ, прямо объявила вчера у Нарышкиной, что этимъ милліономъ Дарья купила себѣ входъ въ любую изъ московскихъ гостиныхъ. Еще бы! посмотрѣлъ бы я, какъ ей не отдадутъ визита послѣ того, какъ она получитъ приглашеніе на первый придворный былъ, и государь непремѣнно пожелаетъ самъ ее поблагодарить за пожертвованіе... Ну, однимъ словомъ, графиня, какъ умная дѣвушка, такъ хорошо это понимаетъ, что разрѣшила мнѣ привезти къ ней жену, когда она сюда вернется. Графиня очень тебя полюбила, Лизеночекъ,—прибавилъ онъ, съ чувствомъ меня цѣлуя,—и ты представить себѣ не можешь, какъ я этому радъ, вѣдь что тамъ ни говори, а Дарья, невзирая на пожертвованный миліонъ, все-таки тебѣ въ покровительницы не годится.

Невзирая на его намѣреніе начать приготовленія къ отъѣзду, дѣло это подъ разными предлогами откладывалось со дня на день. А между тѣмъ Москва такъ опустѣла, что самъ же онъ разсказывалъ, что никого изъ прежнихъ знакомыхъ въ городѣ не осталось, и кромѣ товарищей по ополченію, съ которыми онъ каждый день сходился у старика начальника, усердно занимаясь обученіемъ новобранцевъ, оторванныхъ отъ сохи, изъ которыхъ надо было сдѣлать, во что бы то ни стало и въ самое короткое время, воиновъ, папенька никого не видѣлъ.

Новому занятію онъ предался съ обычною страстностью, радуясь успѣхамъ своихъ ратниковъ въ военной выправкѣ, въ искусствѣ стрѣлять и рубиться, какъ бывало радовался нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ успѣхамъ въ танцахъ, пѣніи и декламаціи разнахъ Сашекъ и Машекъ, изъ которыхъ онъ дѣлалъ пѣвицъ и актрисъ. Давно не видѣли мы его такимъ оживленнымъ и довольнымъ. Каждый день разсказывалъ онъ намъ за обѣдомъ интересные случаи, которыхъ былъ свидѣтелемъ въ пріемной генералъ-губернатора. Съ этимъ послѣднимъ онъ сблизился еще больше, чѣмъ раньше, восхищаясь его умомъ и находчивостью.

Первымъ послѣдствіемъ общенія папеньки съ серіозными людьми и его кипучей дѣятельности въ новой сферѣ была перемѣна его чувствъ къ женѣ. Вліяніе ея на него постепенно утрачивалось. За

обѣдомъ онъ обращался съ разсказами чаще ко мнѣ, чѣмъ къ ней, и это, разумѣется, приводило ее въ бѣшенство. Не умѣя собою владѣть, она дѣлала ему сцены, до неприличія громко возвышала голосъ, повторяя вопросъ, на который, увлеченный разсказомъ, онъ забывалъ отвѣтить, или выходила изъ-за стола, шумно двинувъ стуломъ, и долго потомъ кричала за дверью съ цѣлью быть услышанной.

А онъ смѣялся и лукаво намъ подмигивалъ, пожимая плечами и не заботясь о впечатлѣніи, производимомъ такими сценами на насъ, особенно на маленькаго брата, который изумленными глазами смотрѣлъ то на него, то на меня, какъ бы требуя объясненія происходившихъ передъ нимъ непонятныхъ странностей.

Мачиха совсѣмъ перестала приходить къ намъ, и, снова предоставленные самимъ себѣ, мы проводили весь день, съ утра до вечера, на террасѣ, какъ бывало тогда, когда Сережа и Шарль были съ нами.

Теперь они были далеко, и единственное наше утѣшеніе было про нихъ думать и говорить.

Но часто сидѣли мы молча на ступенькахъ въ садъ, гдѣ въ тотъ годъ равнодушная къ житейскимъ волненіямъ природа на-диво роскошно распускала свой лѣтній уборъ. Никогда еще, казалось, не цвѣли такъ пышно розы, не пѣли такъ звонко соловьи и не благоухали такъ опьянительно черемуха и липа, какъ въ этомъ роковомъ году, точно съ умысломъ, чтобъ заставить насъ еще больше пожалѣть о дѣдовскомъ домѣ, который мы должны были въ скоромъ времени покинуть, можетъ быть, навсегда.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда мы сидѣли на ступенькахъ террасы, погруженные въ печальныя думы, а вокругъ насъ начинали ужъ сгущаться вечернія сумерки и деревья съ кустами сливались въ черную массу, Рома схватилъ мою руку и, не спуская пристальнаго взгляда съ группы дубовъ у стѣны, прошепталъ:

— Посмотри, тамъ кто-то прячется!..

Я стала глядѣть въ ту же сторону и въ первую минуту ничего не увидала, но онъ не переставалъ судорожно сжимать мою руку, и я продолжала смотрѣть на то мѣсто, съ котораго онъ не спускалъ глазъ.

И вдругъ я убѣдилась, что онъ правъ: между вѣтвями шевелилась человѣческая фигура, которая то подавалась впередъ, то въ нерѣшительности отступала въ тѣнь.

— Надо позвать людей,—чуть слышно, почти онѣмѣвшими губами, вымолвила я.

Онъ энергично замоталъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, это, можетъ, Сережа!..

Не успѣло имя это сорваться съ его губъ, какъ отъ тѣней,

особенно черно сгущавшихся въ этомъ мѣстѣ, отдѣлился человѣкъ, въ которомъ мы узнали нашего старшаго брата.

Можно себѣ представить нашу радость! Долго обнимались и цѣловались мы съ нимъ, осыпая его вопросами, на которые онъ отвѣчалъ отрывистымъ шопотомъ и, увы, весьма неудовлетворительно! Намъ еще не удалось узнать, надолго ли онъ къ намъ вернулся и гдѣ пропадалъ все время, какъ, опомнившись отъ радости свиданія, онъ сталъ все чаще и чаще боязливо посматривать на дверь, растворенную въ бабушкину спальню, и наконецъ попросилъ меня распорядиться, чтобъ никто сюда не вошелъ.

— Я пропалъ, если меня увидятъ! Меня отпустили подъ условіемъ, что я даже и не попытаюсь съ вами повидаться и только издали посмотрю на нашъ домъ... Но я не могъ удержаться... Мы такъ давно не видѣлись! Сердце по васъ у меня такъ наболѣло!.. Какъ я обрадовался, когда два мѣсяца тому назадъ тебя увидалъ, Лиза!.. Чуть съ ума не сошелъ отъ счастья, право!

Онъ говорилъ прерывающимся шопотомъ, и глаза его освѣтились лихорадочнымъ блескомъ на загорѣвшемъ и исхудаломъ лицѣ.

— Да не забудь погасить свѣчи въ комнатѣ. Если кто нибудь войдетъ, меня сейчасъ увидятъ! — повторялъ онъ, когда, съ трудомъ отрываясь отъ него, я поднялась, чтобъ исполнить его желаніе.

— Не безпокойся, я пройду въ буфетную и скажу, чтобъ насъ къ чаю не звали, что мы хотимъ еще посидѣть на террасѣ. Папеньки дома нѣтъ...

— Знаю,—прошепталъ онъ.—Я видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ, и только тогда рѣшился перелѣзать черезъ стѣну...

И, остановивъ меня въ ту самую минуту, когда я ужъ собиралась удалиться, онъ вновь заговорилъ со мною:

— Лиза!..

— Что тебѣ отъ меня надо, голубчикъ?—спросила я, немного озадаченная его смущеніемъ.

— Если можно, принеси мнѣ кусокъ хлѣба, я весь дéнь ничего не ѣлъ, все тутъ... караулилъ васъ... когда вы будете совсѣмъ одни... прибавилъ онъ, указывая на дубы у стѣны.

Вихремъ влетѣла я въ домъ. Слезы душили меня до истерики, и прежде, чѣмъ войти въ буфетную, гдѣ слышались голоса, я должна была остановиться, чтобъ перевести дыханіе и собраться съ чувствами. Вѣдь волненіемъ моимъ я могла выдать брата!

На мое счастье, въ темномъ коридорѣ, освѣщенномъ только свѣтомъ изъ растворенной двери въ комнату, гдѣ готовили чай, мнѣ попалась Степанида.

— Что вамъ тутъ угодно, княжна? А я къ вамъ бѣжала сказать, что папенька приказали просить васъ къ себѣ чай кушать. У нихъ гости, офицеръ, прямо съ войны пріѣхалъ курьеромъ, ка-

жется, такія страсти разсказываетъ, морозъ по кожѣ подираетъ его слушать...

Какъ тутъ быть? Ослушаться приказанія папеньки было немыслимо и повело бы, можетъ быть, къ такимъ бѣдамъ, которыя невозможно было себѣ представить.

Я рѣшилась посвятить Степаниду въ нашу тайну.

Когда она узнала, кто у насъ на террасѣ, она въ первую минуту была такъ ошеломлена, что стояла передо мною съ выпученными глазами и открытымъ ртомъ, не будучи въ состояніи произнести ни слова, но очень скоро оправилась, а когда я объявила, что надо скорѣе его накормить, потому что онъ весь день пробродилъ передъ стѣной, окружавшей нашъ садъ, не пивши и не ѣвши, она окончательно пришла въ себя, повѣрила, что я говорю правду, а не брежу, и объявила, что скроетъ его въ своей комнатѣ рядомъ съ моей.

Ей не трудно было меня убѣдить, что тамъ ему будетъ безопаснѣе, чѣмъ въ саду, куда и садовники могутъ каждую минуту войти, и гдѣ намъ съ Ромой немыслимо провести съ нимъ ночь.

— А въ умывальной, за моей занавѣской, ихъ никто не увидитъ... Бѣгите къ нимъ скорѣе, уговорите ихъ сдѣлать такъ, какъ я говорю, а я имъ принесу кушать и покараулю въ коридорѣ, пока вы будете въ столовой... И не мѣшкайте, чтобъ папенька не послалъ за вами Петьку, этотъ все чорту Христофору той же минутой донесетъ...

— А какъ же Рома? Онъ ни за что не захочетъ разстаться съ братомъ.

— Зачѣмъ имъ съ братцомъ разставаться? Они будутъ вмѣстѣ ужинать, я сейчасъ всѣмъ скажу, чтобъ въ столовую ихъ не ждали, что у нихъ головка заболѣла, и что изволили лечь почивать безъ ужина.

Какъ умно и ловко она все это придумала, и какъ я рада была, что мнѣ пришло въ голову ей довѣриться! Поспѣшно вернулась я въ садъ и, сообщивъ въ короткихъ словахъ братьямъ о томъ, что мы рѣшили со Степанидой, торопливо оправила мой туалетъ и побѣжала въ столовую, въ ту самую минуту, когда папенька входилъ туда съ высокимъ статнымъ военнымъ, котораго онъ называлъ Пашей, и который поразилъ меня энергичнымъ выраженіемъ лица, такого же загорѣлаго, какъ у Сережи, и такъ же, какъ и у брата, съ лихорадочно сверкающимъ взглядомъ.

Оба, и папенька и гость, были такъ заняты разговоромъ про войну, что, наскоро представивъ меня, продолжали начатую въ кабинетѣ бесѣду, не обращая больше вниманія на мое присутствіе, чему я была чрезвычайно рада, такъ какъ нравственное состояніе, въ которомъ я находилась, вовсе не располагало меня къ разговорамъ съ незнакомымъ человѣкомъ. Мачиха, не знаю ужъ подъ

какимъ предлогомъ, не выходила, и папенька приказалъ мнѣ наливать за хозяйку чай. Мы сидѣли въ большой столовой втроемъ. Лакеямъ папенька приказалъ выйти вонъ и притворить за собою двери.

— Такъ ихъ это интересуетъ, что въ собственномъ домѣ не знаешь, куда дѣться отъ шпіоновъ,—сказалъ онъ съ улыбкой гостю, придвигая ему графинъ съ ромомъ.—Такъ какъ же, ты говоришь, намѣренъ дѣйствовать Грушецкій?

— Какъ Денисовъ, Дороховъ, Фигнеръ и множество другихъ нашихъ молодцовъ, которымъ ужъ стало не втерпежъ смотрѣть, какъ войска наши отступаютъ подъ предводительствомъ нѣмцевъ. Одна надежда на партизановъ, вотъ до чего наше безмозглое правительство довело Россію!

— И долго ты думаешь здѣсь остаться? Предупреждаю тебя, что Ростопчинъ не шутитъ, и что онъ поставилъ полицію на такую ногу, на какой она еще никогда у насъ не стояла. Каждый день аресты и высылки, безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ. Увѣряетъ, что теперь не такое время, чтобъ чинить судъ, и что чѣмъ больше будетъ недовольныхъ въ городѣ, тѣмъ хуже будетъ для Бонапарта.

— Онъ, пожалуй, правъ... А ты что же думаешь дѣлать?—круто повернулъ онъ разговоръ, искоса на меня взглянувъ.—Куда думаешь семью выслать? Вѣдь васъ, того и гляди, двинутъ на помощь къ дѣйствующей арміи, или охранять путь къ городамъ, намѣченнымъ злодѣемъ.

— Не знаю еще. Жена хочетъ въ Тамбовское свое имѣніе ѣхать, а дѣти...

— Про старшаго сына ничего до сихъ поръ не знаешь?—прервалъ его гость отрывистымъ вопросомъ, при чемъ его выразительный испытующій взглядъ снова по мнѣ скользнулъ, точно желая проникнуть въ мои мысли. Очень можетъ быть, что краска, разлившаяся по моему лицу при упоминаніи о братѣ, привлекла его вниманіе, такъ или иначе, но мнѣ съ минуты на минуту все неудобнѣе было присутствовать при разговорѣ, и я ломала себѣ голову, чтобъ отыскать предлогъ удалиться изъ комнаты. Но папенька точно на зло медленно кушалъ свой чай и, повидимому, вовсе не намѣренъ былъ итти продолжать бесѣду въ кабинетъ. Онъ разсказалъ про свои неудачныя попытки найти Сережу, жаловался на то, что начальство плохо ему въ этомъ помогало, и кончилъ заявленіемъ, что до конца войны нельзя и помышлять объ успѣхѣ въ поискахъ несчастнаго мальчика.

— А сколько ему лѣтъ?—спросилъ посѣтитель.

— Девятнадцать минуло въ маѣ.

— Ну, какой же онъ мальчикъ, помилуй! У насъ теперь армія полна юношами много его моложе. Моему брату еще шестнадцати нѣтъ, а онъ ужъ въ сраженіи участвовалъ. Рвался со мной къ

Денисову, да я не взялъ, въ строю все же безопаснѣе, да и лишеній столько не испытаетъ.

И опять онъ испытующе на меня взглянулъ, точно приглашая меня вслушиваться въ его слова.

— Да, вы ужъ идете на вѣрную смерть,—замѣтилъ папенька.

— Я это говорю всѣмъ юнцамъ, которые къ намъ со всѣхъ сторонъ лѣзутъ, но это плохо помогаетъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой, отъ которой его строгое лицо вдругъ озарилось и сдѣлалось такое доброе, что я невольно почувствовала къ нему нѣжность.— Кабы ихъ всѣхъ забирать съ собой, этихъ восторженныхъ малышей, это было бы чистое избіеніе младенцевъ, какъ при Иродѣ... И кѣмъ же тогда замѣнится у насъ то поколѣніе, которое погибнетъ въ арміи?

— Такъ что ты имъ отказываешь?

— Насколько можно, отказываю и принимаю мѣры, чтобъ не пошли отъ насъ къ Сеславину или къ другимъ, чтобъ не попали однимъ словомъ изъ огня да въ полымя,—прибавилъ онъ смѣхомъ. И снова заговорилъ про Сережу. Разспрашивалъ онъ про него такъ настойчиво, что мнѣ даже досадно на него стало. Неужели онъ не замѣчалъ, какъ папенькѣ тяжело было ему отвѣчать? А меня въ жаръ бросало при мысли, что нашъ бѣглецъ сидитъ за нѣсколько комнатъ отсюда, и что я не смѣю этого сказать отцу, обрадовать его.

Наконецъ пытка моя кончилась, папенька показалъ мнѣ знакомъ, что я могу ихъ оставить, и, раскланявшись съ гостемъ, я вышла въ коридоръ, откуда побѣжала со всѣхъ ногъ въ бабушкину спальню, гдѣ застала братьевъ за столомъ, съ остатками ужина, бесѣдующихъ съ Степанидой, которая стояла, прислонившись спиной къ запертой двери.

Объясняя, почему меня задержали, я не могла не упомянуть про папенькинаго гостя. При имени Грушецкаго, Сережа измѣнился въ лицѣ, сорвался съ мѣста и, съ трудомъ сдерживая волненіе, объявилъ, что пора ложиться спать.

— Мнѣ надо завтра чуть свѣтъ уйти, пожалуйста, не забудь меня разбудить, Стеша,—проговорилъ онъ торопливо и прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Степанида кинулась въ сосѣднюю комнату готовить постель, Рома расплакался, а я растерянно смотрѣла на милаго моего Сережу, спрашивая себя съ тоской: неужели я нашла его для того, чтобъ снова потерять, не успѣвъ сказать ему ни слова, ничего не узнавъ ни про то, что онъ выжилъ во время разлуки съ нами, ни про то, на что онъ разсчитываетъ въ будущемъ?

Онъ угадалъ мои мысли и пригнувшись, чтобъ меня поцѣловать, шепнулъ мнѣ на ухо, чтобъ я ложилась и гасила свѣчу, что онъ придетъ ко мнѣ, какъ только весь домъ успокоится.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Едва успѣли стихнуть всѣ шумы и шорохи вокругъ насъ, и весь домъ погрузился въ сонъ и мракъ, какъ онъ вошелъ ко мнѣ и объявилъ, что бѣжалъ отъ цыганъ, чтобъ поступить въ отрядъ партизановъ подъ начальство того самаго офицера, которому я наливала чай часа два тому назадъ, и что онъ уже обращался къ нему съ просьбой на этотъ счетъ.

— Какъ я испугался,—говорилъ онъ,—когда узналъ, что онъ у папеньки! Изъ того, что ты говоришь про ихъ разговоръ, и что онъ безпрестанно возвращался къ разспросамъ про меня, я не могу не заключить, что прежде чѣмъ согласиться на мою просьбу, онъ хотѣлъ убѣдиться, что я ему сказалъ правду, и что папенька не знаетъ, гдѣ я нахожусь. Первымъ побужденіемъ его было мнѣ отказать, когда я пришелъ просить его взять меня въ свой отрядъ, но когда я далъ ему честное слово дворянина, что въ родительскій домъ не вернусь и попытаюсь поступить въ другой отрядъ партизановъ, или пойду одинъ на французовъ, если никто не захочетъ меня взять, онъ приказалъ мнѣ ждать до завтрашняго дня рѣшительнаго отвѣта. Можешь себѣ представить, какое это будетъ для меня несчастье, если онъ какъ нибудь узнаетъ, что я провелъ здѣсь всю ночь, въ двухъ шагахъ отъ папеньки! Ни за что онъ меня тогда не возьметъ! А мнѣ по многимъ причинамъ именно у него и хочется служить. Онъ великолѣпный человѣкъ! Храбрый, благородный! Но главное для меня это то, что онъ знаетъ мою тайну и одобряетъ мой поступокъ... Ему не придетъ въ голову мирить меня съ папенькой, онъ понимаетъ, что это невозможно... Ну, однимъ словомъ только онъ одинъ на свѣтѣ и можетъ помочь мнѣ сдѣлаться человѣкомъ, если я не найду смерть на полѣ битвы...

— Онъ ничего не узнаетъ, не безпокойся!—поспѣшила я сказать.—Завтра чуть свѣтъ, не Степанида, а я тебя разбужу, провожу черезъ садъ до забора и буду караулить, чтобъ никто не увидѣлъ тебя, пока ты будешь перелѣзать на улицу. Но скажи мнѣ, ради Бога, неужели мы долго еще не увидимся? И ничего про тебя не будемъ знать? Вѣдь это ужасно! Ты представить себѣ не можешь, какъ ты насъ всѣхъ сокрушаешь! ужъ я не говорю про себя и про Рому, но и папенька...

— Не говори мнѣ про него!—прервалъ онъ меня дрогнувшимъ отъ слезъ голосомъ.—Когда нибудь онъ, можетъ быть, узнаетъ, какъ я его люблю, и что я не могъ поступить иначе... Это и Грушецкій и Шарль знаютъ... Кстати о Шарлѣ, я его недавно видѣлъ, онъ просилъ тебѣ сказать, что любитъ тебя больше прежняго... Это онъ посовѣтовалъ мнѣ попытаться къ вамъ проникнуть черезъ садъ. Онъ очень за тебя безпокоится, боится, что тебя во время отсюда не вывезутъ... И онъ правъ, ты даже и вообразить себѣ не можешь, какимъ ужасамъ ты подвергнешься, если останешься въ завоеванномъ городѣ! Я безъ содроганія подумать про это не могу!

— Я смерти не боюсь.

— Что смерть! Кто же теперь боится смерти въ Россіи? Есть несчастія несравненно хуже смерти, моя дорогая, и отъ нихъ-то и надо тебя спасти.

Я разсказала ему про планы папеньки и между прочимъ упомянула про предложеніе его пріятеля, но тотчасъ прибавила къ этому, что употреблю всѣ силы, чтобъ нась отправили въ другое мѣсто.—Попрошу дядю отвезти меня къ бабушкѣ въ монастырь, или убѣгу съ Ромой на хуторъ, лишь бы только не обязываться Рѣпинскому, ты вѣдь не знаешь, папенька и спитъ и видитъ меня за него отдать замужъ, а на бѣду я ему понравилась...

Сережа сидѣлъ полуодѣтый на моей постели, и при свѣтѣ лампадки я смотрѣла на его милое, истомленное лицо, въ которомъ неизмѣнными оставались одни только большіе черные глаза, съ глубокимъ и, какъ у женщины, нѣжнымъ взглядомъ. На немъ была грязная сорочка толстаго сукна, съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшая потемнѣвшую отъ загара грудь и шею, панталоны изъ солдатскаго сукна, такого грубаго, что, когда я положила руку на его колѣно, оно оцарапало мнѣ кожу до боли. Бѣдный братъ! Какъ должны были быть жестоки нравственныя муки, переносимыя имъ, когда онъ не замѣчалъ неудобства такой одежды! А голодъ? А пребываніе въ такихъ трущобахъ, о которыхъ послѣдній изъ нашихъ крѣпостныхъ не имѣетъ понятія!

— Неужели ты оставался въ Москвѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились съ тобой на площади?—спросила я.—И гдѣ же ты живешь?

— Не спрашивай, сестренка, тамъ, гдѣ я вращаюсь, тебѣ никогда не бывать, даже и во снѣ,—прибавилъ онъ съ печальной улыбкой.—Будетъ съ тебя, если я тебѣ скажу, что я вовсе не такъ несчастливъ, какъ вы всѣ думаете. Не теперь надо меня жалѣть, а раньше, когда я велъ ту страшную жизнь, которая довела меня до гнуснаго преступленія... Разумѣется, мнѣ грустно бываетъ подолгу ничего про васъ не знать, но когда мнѣ удается увѣриться, что все у васъ, если не благополучно, то, по крайней мѣрѣ, новыхъ гадостей нѣтъ, мнѣ, право же, и въ голову не приходитъ жалѣть, что я отъ васъ ушелъ. Въ той жизни, которую я теперь веду, день здѣсь, ночь тамъ, много интереснаго, и мнѣ кажется, что теперь я даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не вернулся бы къ моему прежнему положенію... а ужъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ началась война! Знать бы только, что вамъ не грозитъ бѣды, да посчастливилось бы побольше убить французовъ, ничего больше не молю у Бога... Клянусь тебѣ памятью нашей матери, что я съ радостью умру за отечество!—вскричалъ онъ восторженно. — А еслибы передъ тѣмъ мнѣ посчастливилось избавить родину отъ Бонапарта...

Какъ это?—спросила я, испуганная его экзальтаціей:—про-

тивъ него вооружаются сотни тысячъ людей, да и то не надѣются на успѣхъ, а ты хочешь одинъ...

— А развѣ одинъ человѣкъ не можетъ убить другого? Все зависитъ отъ случая...

Онъ смолкъ, точно испугавшись, что слишкомъ много высказалъ изъ завѣтной своей мечты, и, тряхнувъ кудрями, чтобъ отогнать неотвязную мысль, заговорилъ про Шарля и про его любовь ко мнѣ. Но въ его присутствіи я ни о чемъ не могла думать, кромѣ какъ объ немъ и о томъ, что эта ночь послѣдняя, что послѣ нея опять потянутся долгіе дни безъ извѣстій о немъ. Наглядѣться не могла я на его изможденное, постарѣвшее лицо, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорившее о вынесенныхъ имъ страданіяхъ. Ни о чемъ, кромѣ какъ о немъ самомъ, не хотѣлось отъ него слышать.

Но онъ былъ на этотъ счетъ очень остороженъ и на многіе вопросы совсѣмъ не хотѣлъ отвѣчать, отдѣлываясь шутками или уклончивыми фразами.

О цыганахъ, съ которыми онъ такъ долго странствовалъ по Россіи, онъ не желалъ распространяться. Какъ только началась война, онъ ихъ бросилъ.

— Тутъ только почувствовалъ я всѣмъ своимъ существомъ, что значитъ быть русскимъ! Что со мною сдѣлалось, когда я узналъ отъ жителей того мѣстечка въ Польшѣ, гдѣ раскинулся таборъ, что Бонапартъ вступилъ въ Россію съ цѣлью насъ завоевать, какъ онъ завоевалъ нѣмцевъ, итальянцевъ и другихъ, словъ нѣтъ сказать! Каждый русскій сдѣлался мнѣ милъ и дорогъ, какъ братъ родной!

Неудержимо потянуло его на родину, въ Москву. Мысль, что его здѣсь не будетъ, когда врагъ начнетъ безчинствооать въ знакомой съ дѣтства мѣстности, приводила его въ ярость. Спутники его относились къ этому вопросу иначе, у нихъ была одна забота: извлекать выгоду изъ новаго положенія, и они старались безразлично прислуживаться французамъ и полякамъ, а при удобномъ случаѣ и русскимъ. Сережа отъ нихъ бѣжалъ. Впрочемъ, за нимъ и не гнались. При измѣнившихся обстоятельствахъ въ государствѣ, вслѣдствіе вражескаго нашествія, юноша изъ княжеской семьи имъ былъ скорѣе въ тягость; они не могли заставлять его мародерствовать и шпіонить, а еще менѣе служить непріятелю проводникомъ изъ деревни въ деревню, изъ мѣстечка въ мѣстечко, какъ дѣлали съ большимъ успѣхомъ ихъ люди за плату. Полуодѣтый, безъ гроша денегъ, пробираясь большею частью черезъ непріятельскія войска, Сережа добрался до окрестностей Москвы. Онъ провелъ нѣсколько сутокъ въ Радостномъ, хоронясь днемъ въ пустомъ сараѣ для дровъ и вылѣзая изъ своей засады только ночью, когда не грозило опасности быть узнаннымъ дядиными людьми или самимъ дядей.

О партизанахъ онъ слышалъ еще въ таборѣ и зналъ, что Грушецкій, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще въ то время, когда кутилъ съ папенькиными друзьями, набираетъ себѣ отрядъ въ мѣстности, гдѣ у него было имѣніе, и гдѣ онъ всей молодежи былъ извѣстенъ. Изъ разсказовъ крестьянъ, съ которыми онъ познакомился, бродя по окрестностямъ, онъ узналъ, что барина Грушецкаго поджидаютъ въ Радостномъ, и что онъ обѣщалъ остановиться у князя Льва Романовича.

Сережа разсчитывалъ на случай, чтобъ повидаться съ нимъ и изложить ему свою просьбу, но ему это не удалось, и онъ побрелъ въ Москву.

Здѣсь онъ ужъ съ недѣлю. Съ первой же минуты его потянуло къ родному дому, но, въ страхѣ быть узнаннымъ кѣмъ нибудь изъ людей, онъ дальше глухого переулка, въ который выходилъ нашъ садъ, не осмѣливался подходить. Наконецъ, ему стало такъ не втерпежъ оставаться близко отъ своихъ и не видѣть ихъ, особенно послѣ мимолетной встрѣчи со мной на площади два мѣсяца тому назадъ, что онъ рѣшился воспользоваться совѣтомъ друга и подкараулить насъ въ саду.

Когда я ему сказала, что нашъ маленькій братъ такъ ясно чувствовалъ его близъ насъ, что даже не удивился, увидавъ его, Сережа нашелъ это вполнѣ естественнымъ.

— Развѣ связь между нами могла порваться отъ времени и пространства? Я тоже чувствую, когда вы страдаете, и еслибъ вы только знали, что я переживаю при мысли, что не могу вамъ помочь! Вѣдь это моя прямая обязанность, я вашъ старшій братъ, и мы круглые сироты съ того дня, какъ папенька насъ промѣнялъ на проходимку...

Это былъ единственный намекъ, который онъ сдѣлалъ на отца и на его жену, ни слова больше не проронилъ онъ про нихъ. Не пытался онъ также оправдываться передо мною, сознавая, безъ сомнѣнія, что я не могу его осуждать и, кромѣ глубокой жалости къ его страданіямъ нравственнымъ и физическимъ, къ моей любви къ нему ничего не примѣшивалось.

Но папенька другое дѣло и, зная, какъ онъ глубоко уязвленъ его поступкомъ, настоящая причина котораго ему была неизвѣстна, мнѣ было тяжело видѣть, что Сережа не сознаетъ свою вину передъ нимъ. Еслибъ намъ не оставалось такъ мало времени пробыть вмѣстѣ, и еслибъ обстоятельства, при которыхъ мы должны были разстаться, не усиливали мою тоску, я бы, можетъ быть, попыталась примирить его, хотя бы заочно, съ папенькой, но я не рѣшалась отравлять радость свиданія непріятными напоминаніями.

И какъ онъ мнѣ былъ за это благодаренъ! Его измученное, осунувшееся лицо постепенно прояснялось и принимало прежнее открытое выраженіе, по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался, что ему не-

чего ждать отъ меня нескромныхъ разспросовъ и совѣтовъ. Чтобъ не растравлять раны его сердца, я говорила съ нимъ только о прошломъ, о маленькомъ домѣ близъ Басманной, въ которомъ мы провели наше дѣтство, о маменькѣ...

Все дальше и дальше уходя въ прошлое, мы совсѣмъ забыли о настоящемъ и опомнились ужъ тогда, когда совсѣмъ разсвѣтало.

— Боже мой! ужъ солнце встало! — вскричалъ онъ внѣ себя отъ испуга. — Какъ доберусь я до своего жилья?

Я сорвалась съ постели, на которой лежала полуодѣтая, и, вспомнивъ про вещи, которыя обѣщала ему дать, подбѣжала къ шифоньеркѣ и стала вынимать футляры съ драгоцѣнными вещами, которыхъ у меня накопилось на нѣсколько тысячъ.

— Ты что это дѣлаешь? Неужели ты думаешь, что я возьму у тебя твои вещи? — запальчиво вскричалъ Сережа, хватая меня за руки и заставляя силой положить на мѣсто первый попавшійся мнѣ на глаза футляръ съ брильянтовымъ колье. — И куда ты хочешь, чтобъ я пошелъ съ такою вещью? Чтобъ меня засадили въ тюрьму, какъ вора?...

— Ты скажешь, что тебѣ это дала сестра...

— Чтобъ полиція привела меня сюда? Полно, милая, мнѣ и безъ брильянтовъ, какъ травленному звѣрю, трудно найти пристанища въ Москвѣ...

— Такъ возьми, по крайней мѣрѣ, мои деньги! Къ сожалѣнію, у меня ихъ очень мало, — сказала я со вздохомъ, вынимая кошелекъ. — Ужъ отъ этого ты отказаться не можешь, это доходы съ маменькинаго хутора...

— Ну, изъ этихъ денегъ я у тебя, пожалуй, возьму нѣсколько рублей.

— Возьми все!

Не отвѣчая на мою просьбу, онъ открылъ кошелекъ, вынулъ изъ него нѣсколько серебряныхъ монетъ и подалъ мнѣ его обратно.

— Хоть бы золотой взялъ! — умоляюще протянула я.

— Да ты посмотри, въ какихъ я отрепьяхъ? Развѣ у такихъ бродягъ, какъ я, могутъ быть въ карманѣ червонцы? Ну, прощай, мнѣ ужъ давно пора! Поцѣлуй за меня Рому и скажи ему, что мы непремѣнно скоро увидимся. Пусть надѣется, — прибавилъ онъ со вздохомъ. — Еслибъ такъ случилось, что Павелъ Васильевичъ откажется меня принять въ свой отрядъ, я пойду къ Дорохову или къ Фигнеру, и твои деньги мнѣ тогда очень пригодятся.

— Вотъ что, — прервала я его, — позволь мнѣ размѣнять червонецъ на мелкую монету, а ты зайди за этими деньгами, я буду каждый вечеръ поджидать тебя на террасѣ... Можетъ быть, ты найдешь возможность прійти, — проговорила я сквозь слезы..

— Разумѣется, я постараюсь прійти. Неужели ты сомнѣваешься въ томъ, какое было для меня счастье васъ видѣть! Я мечталъ

объ этомъ цѣлыхъ полгода, съ тѣхъ поръ какъ разстался съ вами... Ну, прощай!

Онъ крѣпко меня обнялъ и безъ оглядки выбѣжалъ въ садъ. Я послѣдовала за нимъ въ надеждѣ обнять его еще разъ передъ разлукой, но какъ я ни торопилась, онъ ужъ успѣлъ перелѣзть черезъ заборъ раньше, чѣмъ я успѣла дойти до группы дубовъ, и мнѣ такъ и не удалось еще разъ его обнять. День только что начинался, и улицы были пусты; шаги его раздавались въ моихъ ушахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не завернулъ въ улицу, къ которой примыкалъ нашъ переулокъ, но я еще долго стояла, прислушиваясь къ шорохамъ и шумамъ вдали, съ смутной надеждой, что онъ вернется. Солнце поднималось все выше и выше, городъ сталъ просыпаться: въ домѣ закопошились люди, скрыпнула калитка, вошелъ садовникъ и съ удивленіемъ увидѣлъ меня подъ дубами.

— Эхъ, барышня! поднялись таки чуть свѣтъ, чтобъ посмотрѣть, не распустилась ли ваша любимая роза! — раздался голосъ Степаниды съ террасы. — Я же вамъ говорила, что раньше воскресенья ей не распуститься, напрасно только изволите по росистой травѣ прямо изъ теплой постели ходить, долго ли простудиться,—продолжала она самымъ естественнымъ тономъ, точно я дѣйствительно говорила съ нею наканунѣ про какую-то розу.

Я пробормотала ей что-то такое въ отвѣтъ и, отвертывая отъ садовника мое заплаканное лицо, поспѣшно вбѣжала въ домъ.

Весь этотъ день и послѣдующіе провела я, не разставаясь ни на минуту съ маленькимъ братомъ, на котораго свиданіе съ Сережей произвело такое сильное впечатлѣніе, что онъ безпрестанно возвращался къ разспросамъ о немъ. Но, невзирая на то, что ему было всего только десять лѣтъ, онъ понималъ, что можетъ повредить Сережѣ, проболтавшись о свиданіи съ нимъ, и надо было только дивиться, какъ онъ искусно умѣлъ владѣть собою при папенькѣ и при тѣхъ, кому не извѣстно было про это свиданіе.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

X.

Начальникъ дружины № 115, баронъ Боде. — Воинскіе уроки. — Несостоявшійся обѣдъ. — Пасхальная заутреня. — Поступленіе въ ополченіе. — Переѣздъ въ Подольскъ.—Составъ дружины.—Первое данное мнѣ порученіе.—Обученіе дружины.— Кончина барона Боде.—Новый командиръ графъ Ростопчинъ. — Наружность его.— Ростопчинъ и Сушковъ. — Офицеры Д. и Г. — Графъ Закревскій. — Смотръ дружины.— Мое недовольство. — Выговоръ отъ Ростопчина.—Деревня Фетищи.—Совмѣстная жизнь съ Х. — Мои поѣздки. — Болѣзнь. — Генералъ Ланской. — Смотръ дружины. — Новая болѣзнь. — Два сюрприза. — Назначеніе меня казначеемъ и квартирмейстеромъ. — Смотръ графомъ Строгоновымъ.— Моя новая служба. — Выступленіе дружины въ походъ.

ПОСТУПИВЪ въ ополченіе, я записался въ Подольскую дружину № 115, такъ какъ былъ хорошо знакомъ съ ея начальникомъ, барономъ Львомъ Львовичемъ Боде, бывшимъ, при покойномъ моемъ отцѣ, помощникомъ его по должности директора оружейной палаты. Боде, служившій прежде въ гвардіи и переименованный, согласно его прежнему чину, въ майоры, былъ еще довольно молодой человѣкъ, красивый, симпатичный и любезный и по старому знакомству со мною очень обрадовался моему поступленію въ его дружину, въ которую также записались: мой пріятель Григорій Александровичъ Чертковъ и знакомые мнѣ графъ Андрей Өеодоровичъ Ростопчинъ и

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 15.

шуринъ его Сергѣй Петровичъ Сушковъ. Ростопчинъ, уже человѣкъ пожилой, не имѣлъ въ себѣ ничего привлекательнаго, а Сушковъ, также не первой молодости, былъ, напротивъ, пріятенъ, любезенъ и очень уменъ.

Записавшись въ ратники, я пересталъ посѣщать архивъ и сталъ приготовляться къ предстоявшимъ мнѣ новымъ обязанностямъ, т. е. брать у какого-то отставного унтеръ-офицера уроки маршировки, ружейныхъ пріемовъ и всякой другой, неизвѣстной мнѣ военной премудрости, дабы, вступивъ въ дружину, имѣть хотя нѣкоторое понятіе о военныхъ эволюціяхъ. Не чувствовавъ прежде никакого влеченія къ военной службѣ и никогда еще не прельщавшись офицерскимъ мундиромъ, я внезапно воспылалъ ребяческимъ желаніемъ поскорѣе надѣть эполеты, и потому съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія высочайшаго приказа о переименованіи меня въ военный чинъ. Отдавая полную справедливость извѣстному изреченію, что «курица не птица, а прапорщикъ не офицеръ», я все же находилъ болѣе благозвучнымъ именоваться прапорщикомъ, чѣмъ коллежскимъ регистраторомъ.

Изъ чиновниковъ архива, сколько я припомню, никто, кромѣ меня, не поступилъ въ ополченіе, но мои товарищи при извѣстіи, что я покидаю ихъ, пожелали на прощаніи со мною устроить мнѣ обѣдъ въ одномъ изъ большихъ московскихъ трактировъ. Глубоко тронутый ихъ дружескимъ и лестнымъ для меня вниманіемъ, я, однако, усомнился въ возможности исполненія ихъ намѣренія, потому что узналъ черезъ Полуденскаго, что двое или трое изъ менѣе храбрыхъ моихъ сослуживцевъ уже оробѣли при одной мысли совершить такую неслыханную въ архивѣ овацію оставляющему службу чиновнику 14-го класса, и которая, по своей новизнѣ, могла показаться въ глазахъ строгаго начальника неумѣстною и даже либеральною, а слѣдовательно и зловредною. Мнѣніе робкихъ, но благоразумныхъ моихъ товарищей восторжествовало, и обѣдъ не состоялся, о чемъ, впрочемъ, я нисколько не сожалѣлъ, вполнѣ понимая, что вслѣдствіе педантичности и рутины во всемъ князя Оболенскаго подобное чествованіе маленькаго чиновника могло навлечь массу непріятностей на моихъ добрыхъ товарищей, о которыхъ и до сего времени я вспоминаю съ глубокою благодарностью за пріязнь, оказанную ими мнѣ въ теченіе моей совмѣстной съ ними службы.

Свѣтлый праздникъ въ этомъ году былъ для меня не особенно радостенъ. Я встрѣтилъ его, какъ и всегда, со дня кончины моихъ родителей, на ихъ могилѣ, но меня томила неизвѣстность о томъ, придется ли еще когда нибудь слушать великую заутреню въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, вблизи моихъ дорогихъ усопшихъ и въ полночь сказать имъ: «Христосъ воскресе!» Вернувшись изъ монастыря домой, грустный и разстроенный, я сѣлъ за письменный столъ и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

ПАМЯТИ МОИХЪ РОДИТЕЛЕЙ.

Безъ васъ, въ день свѣтлый воскресенья,
Я полонъ грусти, размышленья
И надъ могилою родной
Стою одинъ и сиротой.
Надъ вашимъ прахомъ я склонюся
И тихо, молча все молюся,
Молюсь съ поникшею главой,
Обнявъ вашъ камень гробовой,
И вы изъ глубины могилы,
Господней вызванные силой,
Въ порывѣ радости святой,
Воскресли оба предо мною!
Да, въ этотъ свѣтлый мигъ свиданья
Исчезли всѣ мои страданья,
И слышу голосъ я съ небесъ:
Съ тобою мы! Христосъ воскресъ!..

Желая знать, хорошо или дурно мое стихотвореніе, вылившееся прямо изъ души, я прочелъ его Николаю Васильевичу Сушкову и, позднѣе, Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову; несмотря на найденныя ими нѣкоторыя неправильности, я заслужилъ не только ихъ похвалу, но и пророчество, что со временемъ изъ меня можетъ выйти поэтъ. Пророчество это, однако, не сбылось.

Въ апрѣлѣ, послѣдовалъ давно мною ожидаемый высочайшій приказъ объ окончательномъ опредѣленіи меня въ 115-ю дружину, съ чиномъ прапорщика, и наступило время разставанья съ Москвою и отъѣзда въ скучный, грязный Подольскъ. Не легко было покинуть мою прекрасную квартиру, моихъ друзей и мою няню, съ которой я еще ни разу не разлучался... Но эполеты выручили многое!... Отпустивъ неважные усы и стараясь принять военную осанку, я былъ очень доволенъ видѣть себя офицеромъ, хотя внутренно нѣсколько завидовалъ Черткову, назначенному дружиннымъ адъютантомъ и, въ силу этого званія, надѣвшему не шпагу, какъ я, но саблю и шпоры!.. Сабля и шпоры казались мнѣ тогда верхомъ блаженства для военнаго: идешь по улицѣ, бренчитъ сабля; расшаркиваешься передъ дамою—звенятъ шпоры... стыдно, очень стыдно признаться, что такимъ вздоромъ могъ тогда восхищаться почти двадцатидвухлѣтній юноша, уже пять лѣтъ носившій мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ! О молодость, молодость, какъ ты бываешь... глупа!

Переѣхавъ въ Подольскъ, я поселился въ одной квартирѣ съ Чертковымъ, и мы зажили общимъ хозяйствомъ. Несмотря на свое богатство, Чертковъ не былъ ни расточителенъ, ни прихотливъ, и потому я могъ жить съ нимъ на половинныхъ издержкахъ.

Вскорѣ начался пріемъ ратниковъ, и черезъ нѣсколько времени дружина была набрана. Она состояла изъ четырехъ ротъ.

командирами которыхъ назначены: 1-й роты—графъ Ростопчинъ, 2-й—Бухвостовъ, 3-й—Сушковъ и 4-й—Новицкій. Всѣ ротные командиры оказались изъ отставныхъ военныхъ (первые три были штабсъ-капитаны, а послѣдній поручикъ) и потому считались свѣдущими въ военномъ дѣлѣ, но вышло наоборотъ: за исключеніемъ Сушкова, остальные ничего не смыслили, а менѣе всѣхъ Ростопчинъ. Въ должность адъютанта былъ назначенъ, какъ я уже сказалъ, Чертковъ, а въ должность казначея и квартирмейстера прапорщикъ Грушецкій (изъ письмоводителей какого-то подольскаго присутственнаго мѣста). Сверхъ того, въ дружину былъ опредѣленъ докторъ Сумбулъ. Я же поступилъ, подобно всѣмъ прочимъ, субалтернъ-офицеромъ. Объ этихъ моихъ товарищахъ, за весьма малымъ исключеніемъ, распространяться нечего: они были или изъ отставныхъ военныхъ, или изъ мелкихъ чиновниковъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ и не отличались ни воинскими, ни гражданскими, ни просто человѣческими доблестями. Исключеніе изъ нихъ составляли: подпоручикъ Паціентовъ и Кривцовъ и прапорщикъ Шиллингъ. Первый, происходившій изъ духовнаго званія, скромный, тихій и застѣнчивый, могъ служить образцомъ всѣхъ добродѣтелей, а послѣдніе, весьма молодые люди, отличались умомъ, благовоспитанностью и вполнѣ приличными манерами.

Поступивъ въ 3-ю роту, во время пріема ратниковъ, я тотчасъ получилъ приказаніе отвести партію новобранцевъ (человѣкъ въ 50) на назначенныя имъ квартиры въ какомъ-то селѣ, находившемся довольно далеко отъ Подольска. Порученіе это показалось мнѣ забавнымъ уже потому, что въ первый разъ жизни я дѣлался на нѣсколько часовъ начальствующимъ лицомъ и, хотя мои подчиненные состояли только изъ разношерстныхъ мужичковъ, не привыкшихъ къ субординаціи, однако я полагалъ доставить ихъ куда слѣдовало въ полномъ порядкѣ и безъ приключеній. Сѣвъ на лошадь, я повелъ партію, приказавъ состоявшимъ при ней кадровымъ унтеръ-офицерамъ слѣдовать позади, не допуская отсталыхъ. Пройдя спокойно полпути, я вдругъ увидалъ почти передъ собою питейный домъ... при видѣ этого зданія, столь близкаго сердцу русскаго простолюдина, я смутился и оробѣлъ: мнѣ представилась явная невозможность не допустить моихъ ратниковъ до «зелена вина», а, затѣмъ, уже и рисовалась картина прихода ихъ на квартиры въ нетрезвомъ видѣ. Остановивъ партію и приказавъ ей «оправиться», я подозвалъ одного изъ унтеръ-офицеровъ и тихо спросилъ его о томъ, какъ нужно поступить, чтобы мужички прошли мимо кабака, не забѣгая въ него.—«Ничего не подѣлаешь, ваше благородіе», — отвѣтилъ служивый,—«они еще мужланы, не знаютъ дисциплины, не послушаются и безпремѣнно перепьются».

Такія ободрительныя слова стараго воина, предвѣщавшія мнѣ полный безпорядокъ во ввѣренной мнѣ партіи, окончательно обез-

куражили меня... вдругъ, въ головѣ моей блеснула мысль—сказать новобранцамъ краснорѣчивую рѣчь!—быстро подъѣхавъ къ нимъ, я сказалъ приблизительно слѣдующее: «ребята! вы видите передъ собою кабакъ,—я знаю, что васъ тянетъ туда! отвернитесь и плюньте на него, пройдите мимо и докажите, что вы уже не простые мужики, а настоящіе воины, готовые на всѣ жертвы, а когда придемъ на мѣсто, то я угощу васъ, и вы выпьете за здоровье царя!»—въ отвѣтъ на мои слова, толпа крикнула: «слушаемъ, не пойдемъ!» и дѣйствительно, спокойно, въ полномъ порядкѣ, прошла мимо кабака. Я вздохнулъ свободно; но едва успѣлъ вылетѣть изъ моей груди этотъ свободный вздохъ, какъ нѣсколько ратниковъ подскочили ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ нѣжнымъ, умилительнымъ голосомъ проговорилъ: «ваше благородіе, мы всѣ послушались и прошли мимо кабака, а теперь за наше послушаніе дозвольте вернуться и выпить по стаканчику». Не успѣвъ еще опомниться отъ такой неожиданной логики, я тутъ же услыхалъ со всѣхъ сторонъ возгласы: «стыдно, нельзя, не смѣйте итти въ кабакъ», и вслѣдъ затѣмъ остальные ратники не допустили этихъ выскочекъ выпить по «стаканчику». Я благополучно довелъ партію до мѣста ея назначенія и угостилъ ее тамъ водкою.

Подвигъ этотъ, совершенный мною надъ толпою простыхъ крестьянъ, безъ крика и угрозъ, тихо и мирно, подтвердилъ мнѣ на дѣлѣ не разъ слышанныя мною увѣренія покойнаго отца, что русскій простой народъ нуждается не въ «палкѣ и кулакѣ», а только въ «добромъ и понятномъ для него словѣ».

По окончаніи набора, дружину помѣстили въ Подольскѣ и въ окрестныхъ деревняхъ и начали обучать ее маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ и разнымъ построеніямъ. Когда ученія бывали въ присутствіи барона Боде, то производились безъ шума и брани, а въ отсутствіи его въ 1-й и 3-й ротахъ постоянно сопровождались кулачною расправою, въ которой особенно отличался графъ Ростопчинъ. Сушковъ также былъ до нея не малый охотникъ, но колотилъ своихъ ратниковъ рѣже и не столь усердно, какъ его шуринъ. Голоса же обоихъ родственниковъ и изрыгаемая ими непечатная брань на всѣхъ учениковъ одинаково громко раздавались въ воздухѣ мирнаго Подольска и, къ несчастію, не доносились до слуха начальника дружины, часто уѣзжавшаго въ свое имѣніе, находившееся по близости Подольска. Не знаю, какъ дѣйствовали въ своихъ ротахъ Бухвостовъ и Новицкій, но увѣренъ, что послѣдній, прекрасный, добрый и благородный человѣкъ, не позволялъ себѣ ничего подобнаго надъ своими ратниками.

Не долго пришлось дружинѣ находиться подъ командою барона Боде: въ началѣ мая онъ поѣхалъ въ свое имѣніе, заболѣлъ тифомъ и вскорѣ скончался тамъ на рукахъ своей жены и родителей. Горе офицеровъ и ратниковъ было непритворное, всѣ искренно

сожалѣли о безвременной кончинѣ этого молодаго, полнаго силъ и здоровья, превосходнаго человѣка и начальника [1]).

Лично для меня смерть его была очень чувствительна. Опредѣлившись въ подольскую дружину въ полной увѣренности имѣть хорошаго и вѣжливаго начальника, я вдругъ легко могъ очутиться подъ начальствомъ какого нибудь настоящаго бурбона изъ штабъ-офицеровъ другихъ дружинъ московскаго ополченія, такъ какъ нашъ старшій офицеръ Сушковъ, по своему оберъ-офицерскому чину, не имѣлъ права занять мѣсто Боде. Конечно, я могъ ходатайствовать о переводѣ меня въ другую дружину и легче всего въ Клинскую, гдѣ уже находились мои оба брата [2]), но, не имѣя никакого понятія о ея начальникѣ майорѣ Алмазовѣ [3]), и, сверхъ того, по другимъ причинамъ, казавшимся мнѣ тогда совершенно основательными, предпочелъ остаться въ Подольскѣ и ждать у моря погоды... скоро погода эта разразилась грозою, въ лицѣ назначеннаго намъ новаго командира; начальникъ ополченія предложилъ Сушкову принять командованіе дружиною на правахъ и съ

---

[1]) Жена барона такъ же, какъ и мать его, были рожденныя Колычевы. Отецъ его, баронъ Левъ Карловичъ, въ то время оберъ-гофмейстеръ и президентъ московской дворцовой конторы, сдѣлалъ по милости своего друга министра императорскаго двора, князя Волконскаго, чрезвычайно быструю карьеру: такъ, по окончаніи постройки, въ 1847 году, большого кремлевскаго дворца, баронъ Л. К. получилъ одновремённо: чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-гофмейстера и Александровскую ленту. Подъ конецъ своей жизни, вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра II-го, когда уже князя Волконскаго не было въ живыхъ, онъ испыталъ много непріятностей, вслѣдствіе какихъ-то злоупотребленій, обнаружившихся по означенной конторѣ и долженъ былъ оставить службу, сохранивъ только придворный чинъ. Но, при этомъ, государь, цѣня его долговременную, вѣрную и честную службу, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра I-й степени, при полученіи котораго престарѣлый и уже больной Боде, до слезъ тронутый милостью государя, поцѣловалъ орденъ и держалъ его постоянно около себя, на столѣ. Кромѣ сына Льва, у него былъ сынъ Михаилъ, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Чертковой и присоединившій къ своей фамиліи фамилію Колычева. Послѣдній умеръ такъ же, какъ и отецъ его, въ чинѣ оберъ-гофмейстера. У барона Льва Карловича было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна вышла сначала за Олсуфьева, а потомъ за князя Вяземскаго, а другая за князя Александра Ивановича Долгорукова (въ первомъ бракѣ женатаго на Колошиной), сына извѣстнаго поэта князя Ивана Михаиловича, автора «Капища моего сердца». Старый баронъ, жена его Наталья Өеодоровна и все семейство его пользовались въ Москвѣ полнымъ уваженіемъ не только всѣхъ лицъ, близко ихъ знавшихъ, но и всего высшаго общества и, несмотря на свою иностранную фамилію, могли по справедливости называться настоящими русскими «барами».

[2]) Старшій, Дмитрій, передъ выступленіемъ Клинской дружины въ походъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку, а Николай оставался въ ней до окончательнаго расформированія ополченія.

[3]) Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи и, какъ я позднѣе узналъ, былъ умный, добрый старикъ и попечительный начальникъ. Сестра его, Варвара Петровна, по мужѣ Шереметева, была матерью первой жены извѣстнаго богача графа Дмитрія Николаевича Шереметева.

званіемъ «командующаго», но, за отказомъ его, графъ Строгановъ, недолго думая, бросилъ насъ въ объятія графа Ростопчина...

Офицеры, имѣвшіе уже достаточное понятіе о характерѣ графа, сильно перепугались, но Чертковъ и я волновались менѣе другихъ, полагая, что графъ, будучи съ нами давно знакомъ, не измѣнитъ своихъ прежнихъ вѣжливыхъ къ намъ отношеній, хотя, по правдѣ сказать, и намъ вовсе не нравилась перспектива быть постоянными свидѣтелями выходокъ этого замѣчательнаго самодура.

Ростопчину было тогда 42 года, но онъ казался значительно старѣе. Высокаго роста, мускулистаго тѣлосложенія, онъ былъ очень сгорбленъ и держалъ голову впередъ, выдвинувъ свой длинный подбородокъ. Толстый носъ его былъ похожъ на подрумяненную картофелину, а плѣшивая голова, обрамленная снизу какъ бы вѣнчикомъ темныхъ волосъ, гладко прилизанныхъ на вискахъ, принимала лѣтомъ видъ тыквы или арбуза, вслѣдствіе сбриванія на жаркое время послѣднихъ имѣвшихся на ней волосъ. Глаза его, большіе на выкатѣ, словно бычачьи, не лишены были въ минуты мирнаго настроенія нѣкоторой гордости, а во время гнѣва или сильнаго раздраженія наливались кровью и придавали лицу бѣшеное, звѣрское выраженіе. Въ веселомъ настроеніи духа, что случалось часто, особенно въ послѣобѣденное время, графъ не могъ удержаться, чтобы не разсказать о какомъ либо своемъ поступкѣ, повредившемъ ближнему, а иногда и просто имъ выдуманномъ, при чемъ глаза его закатывались, подбородокъ дѣлался еще длиннѣе, и самъ разсказчикъ заливался неудержимымъ смѣхомъ, который, по мѣрѣ злостности или лживости разсказа, становился все болѣе и болѣе неудержимѣе. Тогда слушатели уже не сомнѣвались въ томъ, что графъ или дѣйствительно сдѣлалъ кому либо сильную гадость, или безсовѣстно лгалъ.

Здоровье его было просто желѣзное, и онъ никогда не болѣлъ, несмотря на всѣ выкидываемыя штуки; зимою, напримѣръ, въ самый сильный морозъ, выпарившись въ банѣ, онъ выходилъ нагишомъ на воздухъ и валялся въ снѣгу, а затѣмъ, легко одѣвшись, безъ шубы, садился въ сани и ѣхалъ съ непокрытою головою.

Изъ всего вышесказаннаго не трудно замѣтить, что наружность графа была непривлекательна, а личность его несимпатична, но хорошее образованіе, большая начитанность и не лишенный остроты разговоръ дѣлали изъ него по временамъ забавнаго собесѣдника.

Въ первое время командованія дружиною, Ростопчинъ, обрадованный данною ему властью, сталъ лично обучать ратниковъ, дѣлая ежедневно, въ 4 часа утра и въ 5 дня, ученья и разныя эволюціи, сопровождавшіяся, по обыкновенію, неистовымъ его рёвомъ и хожденіемъ его здороваго кулака по ратническимъ физіономіямъ, зубамъ и затылкамъ.

Плохо зная военный артикулъ, онъ дѣлалъ на ученіяхъ грубыя ошибки, исправителемъ которыхъ постоянно являлся его шуринъ Сушковъ. Появленіе этого непрошеннаго учителя было такъ оригинально и неумѣстно, что вызывало общій сдержанный смѣхъ и, безъ сомнѣнія, умаляло въ глазахъ присутствовавшихъ значеніе самого командира дружины.

Сушковъ забывая, что въ строю родство не полагается, выскакивалъ изъ фронта и громко кричалъ: «врешь, врешь, André! не такъ, совсѣмъ не такъ!» и тотчасъ же принимался доказывать господину «André» неосновательность его командныхъ словъ и построеній. Униженный и пристыженный начальникъ всегда уступалъ, но, бѣшено сверкая своими выпуклыми глазами, какъ будто хотѣлъ сказать командиру 3-й роты: «погоди, голубчикъ, я тебѣ отплачу!» что, впрочемъ, и нерѣдко случалось; ненавидя Сушкова съ давнихъ лѣтъ, графъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы чѣмъ либо повредить ему или, какъ онъ самъ выражался, «напакостить».

А «пакостить» было въ его характерѣ. Вотъ тому первый и не послѣдній примѣръ: вступивъ въ командованіе дружиною, Ростопчинъ немедленно удалилъ изъ нея двухъ офицеровъ Д. и Г., правда, не составлявшихъ особаго украшенія дружины, но и не совершившихъ никакого проступка, а только имѣвшихъ несчастье не понравиться лицомъ и манерами своему начальнику. Онъ сталъ преслѣдовать ихъ, дерзко придирался и до такой степени былъ съ ними грубъ, что они должны были оставить ополченіе. Мало того, одного изъ нихъ Г. онъ чуть не отдалъ подъ судъ за какой-то пустякъ. Оба офицера быстро испарились изъ Подольска, вышли въ отставку, и дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна.

Съ наступленіемъ лѣта, дружина попала подъ особое покровительство московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, проживавшаго лѣтомъ близъ Подольска, въ своемъ имѣніи «Ивановскомъ». Посѣщая часто дружину, графъ называлъ ее «своею дружиной», вѣроятно, потому, что и самъ былъ помѣщикомъ того же уѣзда. Присвоивъ ее себѣ, онъ гордился ею, увѣряя всѣхъ, что «его дружина» лучшая изъ всѣхъ остальныхъ дружинъ московскаго ополченія.

Пріѣхавъ однажды въ Подольскъ въ 6 часовъ вечера, Закревскій сдѣлалъ намъ настоящій смотръ и остался всѣмъ и всѣми доволенъ, невзирая даже на слѣдующее обстоятельство: проходя по фронту дружины и поровнявшись со мною, графъ спросилъ меня, знаю ли я по имени каждаго ратника своей роты, и на отвѣтъ мой, что знаю имена только немногихъ, сказалъ: «это нехорошо; когда я былъ офицеромъ, то всегда зналъ имена солдатъ своей роты».

Сверхъ того, замѣтивъ, что я отдалъ ему честь шпагою и вмѣстѣ съ тѣмъ во время разговора держалъ руку подъ козырекъ, онъ отвелъ мою руку и сказалъ: «зачѣмъ держишь руку? Эхъ, ты, статскій!» и тутъ же пригласилъ меня къ себѣ на чашку чая.

Производившіяся ученія въ 4 часа утра очень утомляли и изводили меня. Не привыкши ни рано вставать, ни предаваться сну среди дня, я вслѣдствіе этихъ ночныхъ вставаній почувствовалъ нѣкоторое отвращеніе къ моей новой службѣ и не разъ пожалѣлъ о своемъ поступленіи въ подольскую дружину, полагая, что другіе начальники не вставали въ 3 часа ночи и не спали, подобно Ростопчину, днемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Хотя графъ и увѣрялъ насъ, что онъ производитъ столь раннія ученія единственно, чтобы избавить дружину отъ дневной жары, но офицеры, зная его причуды, сомнѣвались въ справедливости его словъ; однако, онъ дѣйствительно заботился о ратникахъ и о ихъ здоровьѣ, строго наблюдая, чтобы пища ихъ была свѣжая, хорошая и достаточная, и угощая ихъ часто на свой счетъ чаркою вина, за что ратники называли его попечительнымъ начальникомъ и, повидимому, не обращали особаго вниманія на его побои.

Служба моя еще болѣе показалась мнѣ непріятною послѣ слѣдующаго случая: какъ-то рано утромъ Чертковъ и я, пробужденные обычнымъ барабаннымъ боемъ, встали и, поспѣшно одѣвшись, побѣжали на ученіе, гдѣ нашли дружину уже въ полномъ сборѣ, со всѣми офицерами и Ростопчинымъ во главѣ.

Оказалось, что барабанщикъ поздно забилъ сборъ у нашихъ оконъ, и мы опоздали. Графъ, узнавъ причину нашей неаккуратности, обратился ко мнѣ и строгимъ, внушительнымъ голосомъ сказалъ: «прапорщикъ Загоскинъ, вы опоздали и потому манкировали всей дружинѣ. На этотъ рмзъ я ограничусь замѣчаніемъ, но впредь, если это случится, арестую васъ!»—Черткову же онъ не сказалъ ни слова.. Меня это взорвало, но, конечно, я смолчалъ. Считая себя виноватымъ наравнѣ съ адъютантомъ и то лишь по милости барабанщика, я никакъ не могъ сообразить, почему я одинъ заслужилъ выговоръ,—развѣ потому, что Чертковъ былъ очень богатъ?... хорошъ мой начальникъ!—подумалъ я и рѣшилъ, если такъ будетъ продолжаться, то не только не оставаться въ его дружинѣ, а даже выйти совсѣмъ изъ ополченія, но не подвергать себя незаслуженнымъ выговорамъ и, чего добраго, аресту. Въ тотъ день Чертковъ и я были приглашены уже прежде къ Ростопчину на обѣдъ. Мой пріятель пошелъ, а я отказался подъ предлогомъ нездоровья, но въ сущности, чтобы дать понять моему начальнику всю несправедливость его поступка со мною. Не знаю, понялъ ли онъ мой отказъ или нѣтъ, но въ тотъ же вечеръ зашелъ къ намъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, долго сидѣлъ, разсказывая мнѣ всякій вздоръ. Съ тѣхъ поръ на ученіяхъ я ни разу не получалъ

ни замѣчаній, ни выговоровъ, хотя, быть можетъ, иногда и заслуживалъ ихъ, не умѣя маршировать въ ногу и вытягивать носокъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, составляло тяжкій грѣхъ.

Пребываніе мое въ Подольскѣ продолжалось недолго: по случаю перевода 3-ей роты въ близъ лежащую деревню «Фетищи», я долженъ былъ разстаться съ Чертковымъ и слѣдовать за нею. Въ это время офицеръ той же роты, котораго я назову X., сталъ упрашивать меня поселиться въ Фетищахъ вмѣстѣ съ нимъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ я жилъ съ Чертковымъ, т.-е. на половинныхъ издержкахъ, и, сверхъ того, въ виду предстоявшаго похода, совѣтовалъ мнѣ непремѣнно купить пару лошадей, тарантасъ, чемоданы, ящикъ съ виномъ, посуду и разныя другія мелочи, будто бы необходимыя во время похода. Опираясь на свою прежнюю военную службу на Кавказѣ, X. все это говорилъ авторитетнымъ тономъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго возраженія; вмѣстѣ съ тѣмъ, давая понять, что покупка всего вышесказаннаго обойдется недешево — рублей въ тысячу, онъ предлагалъ уплатить половину суммы, въ томъ случаѣ, если во время похода, я соглашусь продолжать совмѣстное съ нимъ жительство на одинаковыхъ съ нимъ правахъ и расходуя все пополамъ.

Сверхъ того, онъ сталъ доказывать, что вся выгода будетъ единственно на моей сторонѣ, такъ какъ, по молодости, неопытности и излишней довѣрчивости, мнѣ было бы полезно имѣть всегда подъ рукою такого, какъ онъ, опытнаго и надежнаго совѣтника, предлагающаго мнѣ свои услуги изъ одной пріязни ко мнѣ.

Совмѣстная жизнь съ Чертковымъ была для меня весьма пріятна, потому что мы были старые пріятели, почти ровесники, и хорошо другъ друга знали, но жизнь въ одной квартирѣ и общимъ хозяйствомъ съ пожилымъ X., котораго я мало зналъ, встрѣчаясь съ нимъ только въ московскихъ гостиныхъ, нисколько не улыбалась мнѣ; однако, вслѣдствіе моей тогдашней, глупѣйшей деликатности, изъ нежеланья обидѣть такого хорошаго человѣка, какимъ я считалъ X., я согласился на его предложеніе и немедленно вручилъ ему тысячу рублей серебромъ, съ тѣмъ, что на его долю приходилось пятьсотъ рублей. Черезъ нѣсколько дней, на эти деньги были куплены лошади, тарантасъ и все остальное, и я съ моимъ новымъ товарищемъ переѣхалъ въ Фетищи. Мы помѣстились въ двухъ комнатахъ довольно чистой избы и начали жить на половинныхъ издержкахъ... но половины моихъ тысячи рублей я что-то не видалъ...

Не живши до того времени въ деревнѣ, я сталъ съ наслажденіемъ дышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ и, высыпаясь вдоволь, значительно отдохнулъ. Утро я посвящалъ разнымъ ученьямъ, а вечеромъ отправлялся по близости въ Ивановское къ графинѣ Закревской или къ ея дочери графинѣ Нессельроде и иногда въ

богатое имѣніе графа Дмитріева-Мамонова «Дубровицы» къ мѣстному молодому сельскому священнику, который оказался моимъ старымъ знакомымъ. Онъ былъ сыномъ причетника нашей приходской церкви въ Москвѣ, Покрова, что въ Левшинѣ, и при жизни моихъ родителей нерѣдко заходилъ ко мнѣ для переписки разныхъ бумагъ. Два раза я ѣздилъ въ знаменитое имѣніе Ростопчина «Вороново», находившееся въ Подольскомъ уѣздѣ, и гдѣ проводила лѣто жена его съ юнымъ сыномъ и двумя юными, но уже взрослыми дочерьми, моими большими пріятельницами. Въ разговорѣ съ ними я на время отдыхалъ отъ военной процедуры и пріятно проводилъ время въ обществѣ этихъ двухъ дѣвицъ, замѣчательно образованныхъ, умныхъ, веселыхъ и радушныхъ, подобно ихъ добрѣйшей матери. Въ Вороновѣ, которое было для меня настоящимъ оазисомъ среди Фетищевской пустыни, я, къ сожалѣнію, не могъ часто бывать, такъ какъ въ свободные дни уѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Москву.

Проживъ мирно недѣли двѣ съ X., который велъ наши общіе расходы, я предложилъ ему заплатить мой двухнедѣльный долгъ, но онъ отказалъ, прося повременить подъ предлогомъ, что сумма ничтожна, счеты не сведены, и онъ самъ долженъ мнѣ 500 рублей.

Я повѣрилъ и отложилъ уплату своего долга....

Любя верховую ѣзду и имѣя собственную лошадь, я часто прогуливался верхомъ. Однажды, не знаю какимъ образомъ, я натеръ о сѣдло ногу, вслѣдствіе чего на натертомъ мѣстѣ появилась опухоль съ сильною болью, лишившая меня возможности ходить. Дружинный врачъ Сумбулъ, милый и хорошій человѣкъ, но мало опытный врачъ, нашелъ нужнымъ поставить къ больному мѣсту піявки, которыя, вмѣсто того, чтобы облегчить мои страданія, произвели въ опухолѣ нарывъ, и я окончательно слегъ въ постель. Въ это время дружинѣ былъ назначенъ смотръ присланнымъ, по высочайшему повелѣнію, для инспектированія московскаго ополченія генералъ-адъютантомъ Ланскимъ, но какъ я не могъ участвовать на смотрѣ, то разскажу только слышанное мною отъ моихъ товарищей.

Въ назначенный часъ пріѣхалъ Ланской въ сопровожденіи графа Закревскаго, пожелавшаго лично похвастаться «своею дружиною». Генералъ, пройдя по фронту и пропустивъ ее мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, никого не поблагодарилъ и не похвалилъ, а когда Закревскій представилъ ему офицеровъ, то онъ, важно взглянувъ на нихъ, не сказалъ ни одного слова, а на приглашеніе командующаго дружиною пожаловать къ нему на завтракъ отвѣтилъ отказомъ. Затѣмъ, не подавъ руки Ростопчину, отправился съ Закревскимъ въ Ивановское. Такой неожиданный поступокъ генерала до того разбѣсилъ нашего командира, считавшаго себя не изъ послѣднихъ аристократовъ, что онъ принялся неистово кричать, браниться и топать ногами.

Безъ сомнѣнія, гордое обращеніе Ланского съ подольскою дружиною не могло понравиться и Закревскому, что онъ, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ и доказалъ, постаравшись сбавить его спесь слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: въ 7 часовъ вечера, когда я лежалъ больной въ постели, подъѣхалъ къ нашей избѣ Закревскій (чего прежде не случалось) вмѣстѣ съ Ланскимъ. Войдя въ мою комнату и хитро улыбаясь, графъ сказалъ: «ты боленъ и не былъ сегодня утромъ представленъ генералу Ланскому, а потому мы вмѣстѣ пріѣхали навѣстить тебя и напиться чаю». Я, конечно, нѣсколько сконфузился и удивился поступку Закревскаго, тѣмъ болѣе, что Ланской не зналъ меня и очевидно, послѣ утренняго важнаго осмотра дружины, не предполагалъ вечеромъ пить чай у ничтожнаго прапорщика. Впослѣдствіи я узналъ, что графъ привезъ ко мнѣ петербургскаго генерала съ цѣлью показать ему, что генеральскія отношенія къ офицерамъ-ополченцамъ могутъ быть иными, чѣмъ тѣ, которыя онъ выказалъ на утреннемъ смотрѣ [1]).

Вскорѣ болѣзнь моя такъ усилилась, что я принужденъ былъ уѣхать для лѣченія въ Москву, гдѣ бывшій врачъ и другъ моихъ покойныхъ родителей, Клименковъ, сдѣлалъ мнѣ маленькую операцію. Черезъ недѣлю, я уже снова въ Фетищахъ, но на этотъ разъ не надолго: дружина получила приказаніе быть готовою къ выступленію 19-го іюля въ походъ въ Кіевъ, 3-я рота немедленно вернулась въ Подольскъ, а я, не найдя достаточнаго помѣщенія для совмѣстнаго жительства съ Х., поселился на время у Черткова.

Дня черезъ два, я отправился въ Москву для взятія изъ ломбарда нѣкоторой суммы денегъ, необходимой на расходы во время похода, и заболѣлъ тамъ приступомъ холеры, свирѣпствовавшей въ то время во всей Россіи и особенно сильно въ Москвѣ.

Тщательный уходъ добраго Клименкова, не покидавшаго меня въ теченіе цѣлаго дня, остановилъ болѣзнь, и черезъ нѣсколько дней, совершенно оправившись, я вернулся въ дружину.

Въ то утро, когда у меня появились первые признаки холеры, заболѣлъ тою же болѣзнію мой пріятель и сослуживецъ по архиву молодой Кутузовъ. Родители его послали за Клименковымъ, ихъ домашнимъ врачемъ, но посланный, не найдя его дома и не зная, что онъ находится у меня, потерялъ много времени въ пріисканіи другого врача, и когда вечеромъ Клименковъ отправился къ Кутузову, то засталъ его уже мертвымъ. Смерть этого прекраснаго юноши очень огорчила меня и всѣхъ товарищей по архиву.

По возвращеніи въ Подольскъ, меня ожидали два непріятныхъ сюрприза, о которыхъ я никогда и не думалъ. Отстранить первый

---

[1]) Петръ Петровичъ Ланской былъ женатъ на вдовѣ безсмертнаго Пушкина. Не отличаясь ни особеннымъ образованіемъ, ни любезностью, онъ, однако, былъ человѣкъ умный, благородный и вполнѣ представлялъ изъ себя типъ гордаго и важнаго генерала Николаевскихъ временъ.

было не въ моей власти, но второго я легко могъ бы избѣжать, еслибы имѣлъ тогда болѣе твердый характеръ и не прельщался бы саблею и шпорами...

Первый сюрпризъ состоялъ въ томъ, что я узналъ совершенно случайно, но несомнѣнно о причинѣ перемѣны отношеній ко мнѣ Лизы К...; она произошла весьма просто: Лиза влюбилась въ одного моего пріятеля, а онъ въ нее. Коротко и ясно. Винить въ томъ сокрушителя ея сердца я никакъ не рѣшился, ибо никто особенно въ юности не воленъ въ своихъ чувствахъ, и вся моя, впрочемъ, уже нѣсколько остывшая злоба всецѣло обрушилась на юную измѣнницу. Но память о плачевномъ финалѣ моей первой, серіозной привязанности такъ глубоко запала въ мое сердце, что невольно заставила его на многіе годы исключить изъ своего репертуара слово «влюбляться».

Второй сюрпризъ былъ иного рода.

Пробывъ въ дружинѣ нѣсколько дней, я какъ-то утромъ находился въ своей комнатѣ вмѣстѣ съ Чертковымъ и Х. Вдругъ вошелъ Ростопчинъ и, сдѣлавъ такое умильное лице, какого я еще никогда не видалъ у него, сказалъ мнѣ, что, не будучи доволенъ нашимъ казначеемъ, онъ пришелъ просить меня принять эту должность, хотя на время похода. Удивленный и испуганный его предложеніемъ, я быстро отказался, но на мое объясненіе, что не умѣю вести счетовъ, никогда ихъ не велъ даже въ своемъ хозяйствѣ и буду въ этой должности, какъ въ лѣсу, графъ сталъ доказывать мнѣ легкость ея, тѣмъ болѣе, что онъ лично будетъ руководить моими дѣйствіями, и при томъ старался прельстить меня возможностью, во время похода, не находиться въ строѣ, ѣхать верхомъ или въ тарантасѣ и, наконецъ, высыпаться въ волю. Когда же его доводы не поколебали моего рѣшенія, то въ разговоръ вмѣшался Х. и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ принялся доказывать неосновательность моего отказа, завѣряя честнымъ словомъ, что не только Ростопчинъ, но и онъ самъ будетъ постояннымъ моимъ руководителемъ и рѣшителемъ моихъ недоумѣній.

Убѣдительное краснорѣчіе моего ближайшаго совѣтника нѣсколько поколебало меня, но, отдавая справедливость его словамъ, я, однако, сдѣлалъ вопросъ: какимъ образомъ буду пользоваться его совѣтами, когда въ званіи штабнаго лица мнѣ, быть можетъ, придется жить далеко отъ 3-й роты, а слѣдовательно не вмѣстѣ съ нимъ? Ростопчинъ и Х. отвѣтили: «это все пустяки, можно жить и на походѣ вмѣстѣ».

Я долго еще колебался и только окончательно спасовалъ, когда Чертковъ шепнулъ мнѣ на ухо: «принимай, будутъ сабля и шпоры!..». Этотъ вѣскій, но позабытый мною аргументъ возымѣлъ на меня магическое дѣйствіе... и я тотчасъ, хотя не безъ внутренняго трепета и страха, согласился занять эту должность, но временно съ

условіемъ передать ее другому лицу, если увижу, что, несмотря на помощь моихъ совѣтниковъ, не буду въ состояніи совладать съ нею. Ростопчинъ на все согласился, а Х. еще разъ подтвердилъ свою готовность быть моимъ неизмѣннымъ и вполнѣ свѣдущимъ руководителемъ...

И тотъ и другой нагло надували меня!..

На другой день я принялъ отъ г. Грушецкаго казначейскія дѣла, т.-е. онъ принесъ ихъ ко мнѣ, положилъ на столъ и ушелъ, а я, по приказанію графа, донесъ ему рапортомъ, что принялъ дѣла гуртомъ. Это было первое разумное приказаніе моего начальника и столь же разумное исполненіе его мною; а такъ какъ въ дѣлахъ не было никакихъ суммъ и шнуровыхъ книгъ вслѣдствіе того, что во время нахожденія дружины въ Подольскѣ продовольствіе отпускалось натурою изъ мѣстной инвалидной команды, то я вообразилъ, что и на походѣ у меня также не будетъ ни денегъ, ни книгъ и только бумаги, съ которыми надѣялся кое-какъ справиться.

За недѣлю до выступленія дружины въ походъ, начальникъ ополченія графъ Строгановъ пріѣхалъ въ Подольскъ и произвелъ ей смотръ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ, настоящій баринъ-аристократъ, былъ человѣкъ не только высокообразованный, но и ученый.

Подъ холодною его наружностью скрывалось теплое, добрѣйшее сердце, всегда готовое на помощь ближнему. Будучи преимущественно гражданскимъ дѣятелемъ, онъ не былъ пристрастенъ къ военному дѣлу, и потому смотръ оказался непродолжительнымъ. Пропустивъ дружину церемоніальнымъ маршемъ и посмотрѣвъ на ружейные пріемы, графъ остался всѣмъ доволенъ и, поблагодаривъ офицеровъ и ратниковъ, собирался уже уѣхать, но Ростопчинъ, польщенный благодарностью своего начальника, предложилъ ему посмотрѣть и на другія дружинныя эволюціи. Графъ Строгановъ очень хладнокровно отвѣтилъ: «il me semble qu'ils ont tout fait, à moins de les faire danser sur une corde», и тотчасъ уѣхалъ.

Вслѣдъ за смотромъ я получилъ приказаніе, сразу уничтожившее ни на чемъ не основанную мою надежду избавиться, во время похода, отъ счетоводства. Мнѣ было приказано принять изъ московской провіантской комиссіи шнуровыя книги для веденія прихода и расхода по продовольствію ратниковъ и дружинныхъ лошадей. Явившись въ комиссію, я принялъ нѣсколько книгъ, но, не имѣя никакихъ указаній относительно веденія ихъ, я обратился къ одному изъ мѣстныхъ чиновниковъ съ просьбою объяснить эту хитрую и неизвѣстную мнѣ процедуру, а какъ объясненія его оказались для меня непонятными, то я попросилъ его рекомендовать мнѣ какого нибудь писаря, котораго я могъ бы взять для веденія книгъ, на время похода. Не успѣлъ я кончить моей просьбы, какъ подскочилъ ко мнѣ какой-то пожилой писарь и просилъ взять его съ

собою. Рекомендованный чиновниками, какъ знатокъ своего дѣла, онъ согласился за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ сопровождать меня въ походѣ. Обрадованный такою находкою и въ надеждѣ, что провіантскій писарь будетъ для меня полезнѣе Ростопчина и X., я приказалъ ему явиться ко дню выступленія дружины.

Только что я принялъ книги, какъ получилъ новое еще болѣе непріятное приказаніе: принять изъ подольскаго уѣзднаго казначейства большую сумму (что-то около двѣнадцати тысячъ рублей серебромъ) на жалованье дружины и другіе предметы. Порученіе это тѣмъ менѣе мнѣ понравилось, что послѣдовало въ тотъ самый день, когда графъ Закревскій давалъ въ Ивановскомъ всѣмъ дружиннымъ офицерамъ прощальный обѣдъ, а въ виду значительности суммы и моего неумѣнья быстро считать я опасался опоздать на обѣдъ, который могъ бы въ то время доставить мнѣ пріятное развлеченіе среди моихъ невеселыхъ занятій и моего грустнаго настроенія по случаю предстоявшаго близкаго отъѣзда изъ дорогой мнѣ Москвы.

Явившись въ казначейство и узнавъ, что сумма будетъ выдана рублевыми бумажками, я едва не расплакался... просидѣвъ тамъ часовъ до пяти, считая бумажные рубли, я окончательно одурѣлъ и чисто машинально перелистывалъ ихъ одеревенѣвшими пальцами. По окончаніи такого пріятнаго занятія, я, конечно, не попалъ на обѣдъ и пробылъ весь остальной день въ какомъ-то изнеможеніи и полномъ отупѣніи, бросая нерѣдко укорительный взглядъ на главныхъ виновниковъ моего угнетеннаго состоянія—саблю и шпоры... На другой день я рѣшился сказать Ростопчину, что мнѣ слишкомъ трудно исполнять казначейскую должность, и прошу его назначить на мое мѣсто другого, но графъ такъ любезно и вѣжливо сталъ просить меня остаться въ моей должности только до прихода дружины въ Калугу, что я съ свойственною мнѣ глупостью согласился на то и, въ награду за мое согласіе, получилъ дозволеніе отправиться въ день выступленія дружины въ Москву на два дня и затѣмъ уже догнать дружину на походѣ.

Приближался этотъ памятный для меня день. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія на предстоявшій дальній путь, я рѣшился взять съ собою моего юнаго лакея Венедикта, о которомъ я уже разъ упомянулъ, но старый слуга покойнаго отца, Андрей Петровичъ, жившій у меня съ своею женою и сыномъ, узнавъ, что беру не его, а другого, сильно обидѣлся и сказалъ: «слыханное ли дѣло, чтобы барское дитя ѣхало на войну съ молокососомъ? Этого я не допущу, самъ поѣду и охраню его отъ всякаго зла, — да что сказали бы папенька и маменька, если бы узнали, что я отпустилъ его безъ себя?—нельзя, поѣду самъ!» Хотя я былъ очень тронутъ привязанностію ко мнѣ Андрея Петровича, но, не желая разлучать его съ семействомъ, я всячески уговаривалъ его остаться въ моей

квартирѣ. Уговоры, однако, ни къ чему не послужили, и старикъ, поддержанный въ своемъ мнѣніи моею нянею, настоялъ на своемъ...

19-го іюля, въ часъ ночи, подольская дружина была въ полномъ сборѣ на городской площади. Соборный протоіерей, передъ налоемъ, освѣщеннымъ нѣсколькими восковыми свѣчами, служилъ напутственный молебенъ. Протяжное, заунывное пѣніе церковнослужителей въ эту торжественную минуту казалось неземною, ангельскою молитвою, возносившеюся до небесъ, сіявшихъ звѣздами во мракѣ лѣтней, тихой, глубокой ночи... Молились и плакали ратники; молился и плакалъ весь окружавшій ихъ народъ. Тысячи сердецъ возносили ко Всевышнему горячія молитвы о здравіи, благоденствіи и благополучномъ возвращеніи близкихъ имъ людей, шедшихъ на поле брани положить животъ свой «за вѣру и царя»... Кончился молебенъ, и наступила минута разставанія ратниковъ съ ихъ семействами и родными... минута была страшная, потрясающая: вопли, слезы и раздирающіе душу крики отцовъ, матерей, женъ и дѣтей гулко раздавались въ ночномъ воздухѣ...

Въ первый разъ жизни и, благодаря Бога, въ послѣдній, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ горя и нравственныхъ страданій не одного человѣка, не десятка людей, но цѣлой массы народа. Самъ Ростопчинъ, не отличавшійся особою нѣжностью сердца, прослезился; мои же и безъ того разстроенные нервы не выдержали: не дождавшись минуты выступленія дружины, я вскочилъ на приготовленную для меня перекладную и, сломя голову, поскакалъ въ Москву.

Утромъ того же дня, я отправился въ Троице-Сергіеву лавру помолиться угоднику Божію св. Сергію и, по просьбѣ моей няни, взялъ ее съ собою. На слѣдующій день я былъ опять въ Москвѣ, гдѣ, повидавъ въ послѣдній разъ родныхъ и друзей, поѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь проститься съ прахомъ моихъ родителей и испросить ихъ благословеніе на предстоявшее мнѣ новое, трудное и неизвѣстное поприще. Разставаніе съ ихъ дорогою для меня могилою было такъ же тяжело, какъ и разставаніе съ близкими, горячо любимыми мною живыми людьми!

21-го іюля, рано утромъ, солнце ярко, радостно сіяло, а на душѣ моей было мрачно, тяжело, невыразимо тяжело... перекладная стояла у моего подъѣзда.

Простившись съ нянею, обливавшеюся слезами и не разъ благословившею меня, и обнявъ моихъ добрыхъ, вѣрныхъ слугъ, я отправился на перекладной вмѣстѣ съ Андреемъ Петровичемъ догонять дружину, куда, кромѣ долга, ничто не влекло меня, а за мною оставалось все, что было дорого и мило моему сердцу. Выѣхавъ въ Серпуховскую заставу, мы съ моимъ старикомъ обернулись назадъ, взглянули еще разъ на родную Москву, перекрестились и горько заплакали...

XI.

Вороново.—Походъ.—Калуга.—Офицеры и Ростопчинъ.—Путь до Кіева.—Князь М. А. Ухтомскій.—Новый маршрутъ.—Кіевъ.—Провіантская комиссія.—Генералы Панютинъ и Тучковъ.—Отъѣздъ Черткова. — Назначеніе адъютантомъ. — Дальнѣйшій походъ.—Кончина князя М. А. Ухтомскаго.—Малороссійская помѣщица.

Покинувъ Москву утромъ, я въ тотъ же день къ обѣду былъ въ Вороновѣ, куда по дорогѣ заѣхалъ проститься съ графинею Ростопчиною и ея семействомъ. Пробывъ у нея до вечера, я снова усѣлся въ мой трянскій экипажъ и отправился далѣе.

Ночь эта, проведенная мною въ первый разъ на перекладной, осталась навсегда въ моей памяти, познакомивъ меня съ ѣздою, которая при продолжительномъ путешествіи становилась до того мучительною, что казалась настоящею каторгою, а сама «перекладная», то-есть телѣжка безъ рессоръ и спинки, представляла изъ себя какое-то орудіе пытки, особенно когда ночью на зарѣ клонило ко сну, а усталое тѣло, ничѣмъ не поддерживаемое, подпрыгивало, качалось, какъ китайская кукла, и при каждомъ толчкѣ едва не выскакивало изъ трясучки, запряженной тройкою почтовыхъ лошадей, мчавшихся во весь опоръ. Промучившись такимъ образомъ всю ночь, я неоднократно пробовалъ лечь или вѣрнѣе сѣсть на сѣно, положенное на дно телѣжки, но тогда меня начинало такъ подбрасовать къ верху, что я опять принималъ прежнее положеніе, то-есть сидѣлъ безъ всякой опоры, рискуя ежеминутно свалиться съ моей колесницы. Если я не кричалъ и не охалъ, а только ругалъ перекладную, то единственно потому, что мнѣ было совѣстно въ мои лѣта выкрикивать физическія боли въ то время, какъ старикъ камердинеръ смиренно и безропотно подпрыгивалъ на телѣжкѣ, сваливая всю вину не на нашъ первобытный экипажъ, а на плохую проѣзжую дорогу.

Къ шести часамъ утра мы прикатили къ мѣсту дневки дружины. Обрадовавшись окончанію моего путешествія и невзирая на сильную усталость, я провелъ весь день съ нѣкоторыми нашими офицерами въ надеждѣ выспаться въ слѣдующую ночь и расправить свои разбитыя косточки, но какъ надежда бываетъ часто обманчива, то на этотъ разъ не преминула обмануть и меня. Вопреки обѣщанія Ростопчина не разлучать меня съ Х., я узналъ, что послѣдній вмѣстѣ съ 3-й ротою находится въ верстахъ пяти отъ штаба, и потому я не могъ получить находившихся у него моихъ вещей, необходимыхъ для ночлега, что̀ заставило меня провести наступившую ночь почти также несносно, какъ и предыдущую, и если я не качался и не подпрыгивалъ на перекладной, то провелъ ее крайне неудобно, сидя въ тарантасѣ Ростопчина. Не найдя въ

отведенной мнѣ избѣ для ночлега ничего, кромѣ деревянной скамьи и множества клоповъ и таракановъ, я предпочелъ забраться въ стоявшій на дворѣ тарантасъ графа, но какъ экипажъ этотъ былъ весьма коротокъ, то пришлось просидѣть въ немъ до утра, не протягивая ногъ, въ тревожномъ полуснѣ, часто просыпаясь и во время пробужденія проклиная отъ души мое сожительство съ Х.

Въ три часа утра барабанный бой возвѣстилъ время нашего выступленія и конецъ моему сидѣнью. Наскоро умывшись и выпивъ у Ростопчина чая, я поплелся пѣшкомъ вмѣстѣ съ нимъ во главѣ 1-й роты, находившейся, на походѣ, при штабѣ; на пути мы соединились съ прочими ротами. Увидавъ Х., я поспѣшилъ въ присутствіи графа разсказать ему о непріятно проведенной мною ночи, за неимѣніемъ подъ рукою моего имущества, но онъ болѣе чѣмъ равнодушно выслушалъ мою іеремиаду, а графъ принялся увѣрять, что я случайно, въ первый день моего пріѣзда, былъ разлученъ съ Х., и что впредь подобное не случится. Однако, увѣренія графа оказались пустыми словами, и когда въ то же утро дружина пришла въ Малоярославецъ, то 3-я рота опять расположилась далеко отъ штаба, но я, уже наученный опытомъ, потребовалъ отъ Х. присылки нѣкоторыхъ моихъ вещей.

Въ этотъ день, въ первый разъ мнѣ понадобился мой писарь, для записи въ книги кое-какихъ суммъ, назначенныхъ къ выдачѣ ротнымъ командирамъ. Писарь явился и тутъ же признался, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о счетоводствѣ и поступилъ ко мнѣ, предполагая, что я нуждаюсь въ немъ только для переписки составляемыхъ мною счетовъ и бумагъ...

Признаніе его, какъ обухомъ, пришибло меня! Но я понялъ, что, кромѣ обманувшихъ меня провіантскихъ чиновниковъ, главнымъ виновнымъ являлся я самъ, не потрудившись при наймѣ писаря подробно объяснить ему его будущія обязанности, то-есть поступивъ въ этомъ случаѣ также опрометчиво и необдуманно, какъ поступалъ въ то время и во многихъ другихъ. Не имѣя надобности въ подобномъ совѣтникѣ, я хотѣлъ тотчасъ отправить его въ Москву, но писарь со слезами на глазахъ упрашивалъ оставить его при мнѣ до пріисканія мѣста въ какомъ либо попутномъ городѣ, увѣряя, что, покинувъ московскую провіантскую комиссію, онъ не можетъ снова поступить туда. Нечего дѣлать, я согласился на его просьбу, а самъ попробовалъ обратиться за совѣтомъ къ Ростопчину и Х. Первый, пожавъ плечами и скорчивъ неимовѣрно глупое лицо, сказалъ: «Ахъ, отецъ родной, оставьте меня въ покоѣ, впишите, какъ хотите,—все равно, намъ формы не надо!» А второй, наговоривъ много пустыхъ словъ и преподавъ множество совѣтовъ, но ни одного дѣльнаго, заставилъ меня прійти къ полному убѣжденію, что какъ онъ, такъ и Ростопчинъ, ничего не смыслятъ въ счетоводствѣ и, обнадеживая меня своимъ содѣйствіемъ, просто лгали...

Я вписалъ расходъ въ книги, какъ умѣлъ, то-есть, какъ мнѣ казалось болѣе вѣрнымъ и приличнымъ.

Неожиданное положеніе мое, безъ совѣтниковъ и безъ дѣльнаго писаря, становилось незавиднымъ, и мрачныя мысли не переставали преслѣдовать меня въ продолженіе нѣсколькихъ переходовъ отъ Малоярославца до Калуги. Наконецъ, обрадовавшись прибытію въ этотъ городъ, я немедленно отправился въ мѣстную провіантскую комиссію для провѣрки правильности вписаннаго мною въ книги перваго расхода. Чиновники комиссіи при первомъ взглядѣ на составленныя мною статьи признали ихъ никуда не годными, перемарали ихъ и сами вписали означенный расходъ.

Находясь въ безвыходномъ положеніи, но, въ виду обѣщанія Ростопчина освободить меня въ Калугѣ отъ казначейской должности, я попросилъ его назначить на мое мѣсто другого. Просьба моя осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Графъ затопалъ ногами, началъ кривляться и какимъ-то дикимъ голосомъ закричалъ: «отецъ родной! что вы со мною дѣлаете? пожалѣйте меня, останьтесь еще нѣсколько времени, а не захотите остаться, то силою удержу васъ! понимаете, не выпущу, и ничего со мною не подѣлаете!»—затѣмъ слѣдовалъ обычный его хохотъ... этимъ хохотомъ онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «что, дуракъ, попался?—ну, и терпи!»... Вечеромъ того же дня я повторилъ мою просьбу и услыхалъ тотъ же отвѣтъ, но уже безъ кривлянья и въ крайне раздраженномъ тонѣ, не обѣщавшемъ мнѣ ничего хорошаго...

Обманутый Ростопчинымъ, обманутый X. и даже обманутый писаремъ, я не спалъ всю ночь, обдумывая свое положеніе и, наконецъ, рѣшился совсѣмъ оставить ополченіе, но по мѣрѣ того, какъ рѣшеніе мое становилось тверже и тверже, меня, какъ кошмаръ, сталъ преслѣдовать вопросъ: какимъ образомъ я вернусь въ Москву, и что подумаютъ обо мнѣ мои знакомые?—очевидно скажутъ, что я струсилъ и боюсь итти на войну!... отвѣтомъ на этотъ вопросъ являлись новыя тревожныя думы, новая нерѣшительность и, къ стыду моему, слезы!

На другой день утромъ, не зная, что предпринять, я обратился за совѣтомъ къ нѣкоторымъ моимъ товарищамъ, но каково же было мое удивленіе, когда они вдругъ объявили мнѣ, что всѣ офицеры, во главѣ съ Сушковымъ, недовольные грубымъ и невѣжливымъ обращеніемъ Ростопчина, рѣшили въ то же утро просить его оставить дружину, а, въ случаѣ его отказа, самимъ подать въ отставку и потому, если я присоединюсь къ нимъ, то по удаленіи графа изъ дружины мнѣ легко будетъ избавиться отъ моей должности, или же въ противномъ случаѣ я вмѣстѣ съ прочими оставлю ополченіе.

Зная деспотическій и неподатливый характеръ нашего начальника, я мало надѣялся на успѣшный исходъ попытки моихъ товарищей, но не безъ удовольствія присоединился къ нимъ и въ назначенный часъ вмѣстѣ со всѣми отправился къ Ростопчину.

Графъ, узнавъ о появленіи въ его гостиной всего комплекта офицеровъ, вышелъ къ нимъ безъ платья въ одномъ бѣльѣ и спросилъ о цѣли ихъ прихода. Тогда Сушковъ выступилъ впередъ и, громко, ясно, отчеканивая каждое слово, объяснилъ ему причину ихъ прихода и неудовольствія. По мѣрѣ того, что шуринъ его говорилъ, лицо Ростопчина принимало болѣе и болѣе свирѣпый, звѣрскій видъ: глаза наливались кровью и выступали изъ орбитъ, губы и подбородокъ тряслись, кулаки нервно сжимались... видъ его былъ страшенъ и жалокъ... жалокъ, потому что прискорбно было видѣть человѣка, созданнаго по образу и подобію Божіему, превратившагося мгновенно въ лютаго, дикаго звѣря!...

По окончаніи рѣчи Сушкова, графъ, сжавъ кулаки, громовымъ голосомъ закричалъ: «Прапорщики Чертковъ и Загоскинъ! извольте выйти вонъ!»—мы повиновались и въ одинъ мигъ очутились въ смежной комнатѣ. За нами съ трескомъ захлопнулась дверь. Не понимая причины нашего изгнанія, мы услыхали черезъ затворенную дверь голосъ Ростопчина, извергавшаго самыя отборныя ругательства, направленныя преимущественно противъ командира 3-й роты. Вдругъ все смолкло — офицеры удалились, и графъ вошелъ къ намъ съ сердитымъ, но сіяющимъ побѣдою лицомъ и злобно сказалъ: «каково я ихъ отдѣлалъ?—ахъ, они»... тутъ посыпались снова бранныя слова. По окончаніи этого потока ругательствъ, мы рѣшились спросить графа, почему онъ выслалъ насъ обоихъ изъ комнаты. «Помилуйте, господа,—отвѣтилъ онъ:—развѣ я могъ бы такъ ругаться при васъ? — вы навѣрно обидѣлись бы, а они ничего,—ушли!» Слова эти, которыя графъ, конечно, считалъ лестными для насъ, обнаружили намъ во всей своей наготѣ далеко не рыцарскій характеръ нашего командира, и мы ушли отъ него въ полной увѣренности, что въ тотъ же день офицеры подадутъ въ отставку, а съ ними и мы. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось: всѣ остались на своихъ мѣстахъ, вполнѣ удовлетворенные увѣреніемъ Сушкова, что Ростопчинъ не въ своемъ умѣ, и съ нимъ ничего не подѣлаешь!...

Послѣ этой глупой и безобразной сцены, вражда между обоими родственниками дошла до своего апогея. Главный зачинщикъ Сушковъ, нравственно побитый, не скрывалъ болѣе своего желанія покинуть дружину, а Ростопчинъ, изливъ всю злобу на своего шурина, значительно умѣрилъ невѣжливыя манеры относительно офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые, оскорбленные его бранью, долго не хотѣли вступать съ нимъ въ иные разговоры, кромѣ служебныхъ.

Этимъ комичнымъ эпизодомъ окончилось наше пребываніе въ Калугѣ, оставшееся для меня болѣе памятнымъ тѣмъ, что я не добился увольненія отъ моей должности и, желая избѣжать какого либо скандала, рѣшился терпѣливо выжидать минуты, когда удастся избавиться отъ лежавшей на мнѣ непосильной обузы.

При этомъ, однако, одно обстоятельство нѣсколько утѣшало меня: я могъ окончательно разстаться съ X. Объявивъ ему, что я убѣдился въ невозможности, оставаясь казначеемъ, жить, на походѣ, однимъ съ нимъ хозяйствомъ,—я потребовалъ возвращенія моихъ вещей, предоставляя ему пріобрѣсти отъ меня тарантасъ и лошадей или же вернуть ихъ мнѣ, какъ купленные на мои деньги, а также и окончательно свести расчеты за время нашей совмѣстной жизни въ Фетищахъ. X., узнавъ о моемъ рѣшеніи, спокойно, безъ всякихъ разговоровъ, возвратилъ мое имущество, изъявивъ желаніе оставить за собою тарантасъ съ лошадьми и, при уплатѣ за нихъ денегъ, вычесть мой долгъ, но о времени уплаты не упомянулъ ни слова, а я изъ деликатности смолчалъ.

Считаю излишнимъ подробно описывать походъ до Кіева, куда дружина должна была прибыть къ 15 сентября и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Походъ былъ скученъ и однообразенъ: дни походили одинъ на другой подобно тому, какъ походили другъ на друга всѣ уѣздные города и мѣстечки, въ которыхъ намъ приходилось останавливаться. Упомяну только о томъ, что во время похода два обстоятельства сильно волновали меня и разстроивали мои нервы: первое—моя отвѣтственная должность, которая только изрѣдка облегчалась совѣтами начальниковъ попутныхъ, мѣстныхъ инвалидныхъ командъ, а тамъ, гдѣ я оставался безъ руководителей, я совершенно терялъ голову и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что быть казначеемъ, безъ опытности и знанія дѣла, все то же, что садиться играть на фортепіано безъ понятія о музыкѣ и нотахъ. Всякій разъ, когда я жаловался Ростопчину на мое безвыходное положеніе, онъ отвѣчалъ мнѣ одними и тѣми же словами: «Ну, что же? я и самъ ничего не знаю, а не унываю!» и затѣмъ слѣдовали увѣренія, что до Кіева онъ ни подъ какимъ видомъ не выпуститъ меня изъ казначейской должности. Хотя по опыту я уже зналъ цѣну обѣщаніямъ графа, и что Кіевъ легко можетъ быть повтореніемъ Калуги, однако, въ виду желанія Черткова уѣхать изъ этого города въ продолжительный отпускъ въ Москву, у меня явилась надежда, что именно въ Кіевѣ я разстанусь съ моею должностью и буду назначенъ въ должность адъютанта.

Второе обстоятельство, сильно раздражавшее меня, было невольное присутствіе при экзекуціяхъ, совершавшихся Ростопчинымъ во время приваловъ надъ провинившимися ратниками. Экзекуціи, то-есть сѣченія, производились съ замѣчательною жестокостью и приводили меня въ отчаяніе, особенно при видѣ ратника съ исполосанною, истекавшею кровію спиною, несомаго на рукахъ до подводы!.. Никогда не забуду наказанія одного ратника, стащившаго во время ночлега у какого-то жида еврейскую библію; его такъ безжалостно сѣкли въ присутствіи Ростопчина, что врачъ Сумбулъ приказалъ прекратить сѣченіе. Приказаніе это не прошло для док-

тора даромъ: графъ, не терпѣвшій противорѣчій, касавшихся его распоряженій, постарался въ скоромъ времени удалить Сумбула изъ дружины, представивъ по начальству о его будто бы «сумасшествіи».

Во время похода къ намъ пріѣхалъ вновь поступившій въ дружину офицеръ, князь Михаилъ Александровичъ Ухтомскій, братъ нашего товарища князя Сергѣя. Новый офицеръ былъ премилый молодой человѣкъ, пользовавшійся любовью всего московскаго высшаго общества. Въ Москвѣ я былъ съ нимъ мало знакомъ, но на походѣ я обрадовался ему, какъ новому благовоспитанному товарищу, съ которымъ можно было пріятно бесѣдовать, вспоминая наше житье въ Бѣлокаменной.

22-го августа, Севастополь послѣ геройской неслыханной въ военныхъ лѣтописяхъ защиты былъ занятъ непріятелемъ. Прискорбная вѣсть о томъ быстро дошла и до насъ. Дружинные офицеры, глубоко потрясенные ею, искренно сожалѣли, что помощь ополченія при оборонѣ Севастополя оказывалась излишнею, а самая служба наша почти уже безцѣльною, и вслѣдствіе того нетерпѣливо ожидали прибытія дружины въ Кіевъ, въ надеждѣ отдохнуть тамъ отъ утомительнаго двухмѣсячнаго странствованія; но скоро ожиданія ихъ не оправдались: московское ополченіе получило приказаніе продолжать дальнѣйшій походъ до Одессы.

На послѣдней дневкѣ близъ Кіева, въ Броварахъ, Ростопчинъ оставилъ дружину на попеченіе Сушкова и, взявъ меня съ собою, поѣхалъ въ Кіевъ. День былъ ясный, теплый, совершенно лѣтній. Мы катили по гладкой прекрасной дорогѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть столь прославленную красу русскихъ городовъ—древній Кіевъ. Приближаясь къ Днѣпру, мы ѣхали среди густого лѣса, окаймлявшаго съ обѣихъ сторонъ дорогу... вдругъ впереди, на горизонтѣ заблистали золотыя главы Кіево-Печерской лавры,—еще минута, и глазамъ нашимъ открылась чудная картина! Передъ нами высился на горѣ большой городъ, поэтично разбросанный и опоясанный широкою, величественною рѣкою. Гора, сверху начиная отъ лавры и спускаясь вплоть до Днѣпра, была покрыта красивыми зданіями и многочисленными церквами, утопавшими среди почти еще лѣтней зелени окружавшихъ ихъ садовъ. Видъ былъ восхитительный, почти волшебный. Пораженный этою еще невиданною мною картиною, я снялъ фуражку и перекрестился передъ святынею древней столицы русской...

Переѣхавъ Днѣпръ, мы очутились въ низменной части города и, подымаясь все выше и выше, скоро достигли лучшей улицы, называемой «Крещатикомъ», гдѣ остановились въ весьма приличной и опрятной гостиницѣ.

Впечатлѣніе, произведенное на меня Кіевомъ, было такъ сильно и такъ отрадно, что улицы, дома и даже самые жители показались мнѣ особенно красивыми, а моя чистая, просторная комната въ гостиницѣ и поданный мнѣ, вкусный, малороссійскій борщъ, при-

правленный не покидавшею меня надеждою избавиться черезъ нѣсколько дней отъ казначейской должности, заставили меня позабыть трудности и непріятности похода и вкусить всю прелесть физическаго и нравственнаго, хотя кратковременнаго отдыха въ этомъ большомъ городѣ, напоминавшемъ мнѣ родную Москву.

На другой день я поспѣшилъ отправиться въ мѣстную провіантскую комиссію для освидѣтельствованія и исправленія моихъ шнуровыхъ книгъ. Обратившись съ этою просьбою къ одному изъ высшихъ чиновниковъ, человѣку старому и убѣленному сѣдинами, я назвалъ свою должность и фамилію. Старикъ спросилъ меня, не сынъ ли я писателя, и на утвердительный мой отвѣтъ, схвативъ меня за обѣ руки, громко и какъ-то торжественно сказалъ находившимся въ комнатѣ чиновникамъ: «Господа, смотрите, кто у насъ!—сынъ автора «Юрія Милославскаго»!». Чиновники, взглянувъ на меня, стали отвѣшивать поклоны, а старикъ, подхвативъ меня подъ руку, повелъ на показъ по всѣмъ заламъ, увѣряя, что всѣ чиновники будутъ рады видѣть братца Юрія Милославскаго. Не знаю, были ли эти господа рады моему появленію, но, судя по ихъ удивленному виду и низкимъ поклонамъ, мнѣ казалось, что они принимали меня за самого автора.

Какъ я ни старался умѣрить восторгъ моего вожатаго, онъ продолжалъ водить меня по заламъ и разсыпаться въ комплиментахъ и только по окончаніи прогулки занялся просмотромъ и исправленіемъ моихъ книгъ. Тронутый пріемомъ яраго поклонника таланта моего отца, я на другой день сдѣлалъ ему визитъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома.

Въ тотъ же день, я былъ обрадованъ пріѣздомъ брата Николая, отпущеннаго изъ клинской дружины для свиданія со мною. Мы пробыли вмѣстѣ нѣсколько дней, осматривая кіевскія достопримѣчательности; побывали въ лаврѣ и въ разныхъ монастыряхъ, помолились у мощей св. Варвары мученицы и, наконецъ, посѣтили Аскольдову могилу, послужившую сюжетомъ для одного изъ романовъ нашего отца.

Въ лаврѣ, въ подвальномъ этажѣ собора, намъ показали прекрасно сохранившееся тѣло епископа тобольскаго Павла, скончавшагося уже болѣе столѣтія и покоившагося въ своемъ неистлѣвшемъ, деревянномъ гробѣ; лице святителя, нѣсколько изсохшее, имѣло земляной цвѣтъ, но черты хорошо сохранились, а волоса и борода, какъ у живого человѣка. Вблизи его гроба стоялъ другой желѣзный и запаянный съ останками фельдмаршала графа Гудовича, а напротивъ послѣдняго у стѣны, въ нишѣ, гробъ съ тѣломъ жены генералъ-аншефа Михаила Ивановича Леонтьева [1]) Маріи Васильевны, рожденной Еварлаковой.

---

[1]) Леонтьевъ, кіевскій генералъ-губернаторъ (умершій въ 1752-мъ г.), приходился двоюроднымъ братомъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, а жена его была пле-

Тѣло ея, тоже хорошо сохранившееся, прежде показывалось публикѣ, но, несмотря на мою просьбу, мнѣ его не показали, чѣмъ и лишили возможности видѣть нетлѣнное тѣло не духовнаго лица, а простой свѣтской дамы.

Въ мѣстномъ театрѣ, въ которомъ я былъ всего разъ, я случайно познакомился съ тогдашнимъ командующимъ среднею арміею генералъ-адъютантомъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Панютинымъ. Увидавъ меня въ театральномъ коридорѣ, генералъ пожелалъ узнать фамилію ополченца, и когда оказалось, что я сынъ его стараго пріятеля, то онъ подалъ мнѣ руку и любезно пригласилъ меня навѣстить его. На другой день я расписался у него, но встрѣтился съ нимъ еще только разъ на балѣ мѣстнаго дворянскаго собранія, гдѣ онъ находился съ начальникомъ своего штаба генералъ-адъютантомъ Тучковымъ [1]).

Представленный послѣднему самимъ командующимъ арміею, я удостоился продолжительнаго разговора съ обоими генералами, весьма интересовавшимися подробностями о московскомъ ополченіи и нашемъ походѣ. Во время разговора я замѣтилъ, что генералъ Панютинъ часто поглядывалъ на мои сапоги и вдругъ что-то шепнулъ на ухо Тучкову, который, улыбнувшись, спросилъ, почему я ношу шпоры. Я отвѣтилъ, что ношу ихъ въ силу моей казначейской и квартирмейстерской должности. Оба генерала разсмѣялись, а Панютинъ сказалъ: «я думалъ, что вы надѣли шпоры, чтобы пощеголять».

Никогда еще мнѣ не случалось видѣть двухъ генераловъ, занимавшихъ важные посты, столь любезныхъ и простыхъ въ обращеніи: разговаривая съ ними, я забывалъ громадное разстояніе, отдѣлявшее прапорщика отъ командующаго арміею и начальника его штаба, и отъ души пожалѣлъ, что нашему ополченію не суждено было остаться въ Кіевѣ подъ начальствомъ этихъ двухъ прекраснѣйшихъ личностей [2]).

мянница знаменитаго князя Меншикова. Дочь ихъ Наталья Михайловна была въ замужествѣ за Александромъ Васильевичемъ Новосильцовымъ и имѣла отъ этого брака сына Дмитрія Александровича.

[1]) Павелъ Алексѣевичъ, бывшій, позднѣе, московскимъ генералъ-губернаторомъ, заслужившій въ этой должности своимъ благородствомъ, добротою и привѣтливостью искреннюю любовь и глубокое уваженіе всѣхъ москвичей. Онъ былъ женатъ на добродѣтельнѣйшей женщинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Веригиной.

[2]) При этомъ не могу не вспомнить одного анекдота, случившагося съ адъютантомъ генерала Панютина В. И. Капнистомъ и состоявшимъ при немъ по ополченію Г. А. Чертковымъ. Они оба получили отпускъ и отправились въ Москву для свиданія съ своими родителями. Остановившись гдѣ-то на станціи, они повстрѣчали какого-то помѣщика, который, познакомившись съ ними, но не спросивъ ихъ фамилій, сталъ усердно поносить московскаго гражданскаго губернатора по поводу дурнаго обмундированія московскаго ополченія. Капнистъ, услыша брань, попросилъ прекратить объявивъ, что онъ сынъ этого губернатора, на что сконфуженный помѣщикъ отвѣтилъ, что, перепутавъ должности, онъ назвалъ губернатора, между тѣмъ какъ главнымъ виновникомъ оказывался не гу-

Недѣля, проведенная мною въ Кіевѣ среди разныхъ увеселеній, прошла, какъ одинъ мигъ, и настало время отъѣзда для соединенія съ дружиною, продолжавшею свой путь къ Одессѣ.

Наканунѣ моего отъѣзда, Чертковъ получилъ отпускъ въ Москву, а я?... на этотъ разъ надежда меня не обманула: я былъ назначенъ исправлять его должность, и солгу, если скажу, что при этомъ съ моихъ плечъ свалилось горе... нѣтъ, свалилась цѣлая цѣпь всякихъ Монблановъ!.. я прыгалъ и радовался, какъ ребенокъ, и благодарилъ Бога за освобожденіе меня отъ поганой казначейской должности, а какъ такое радостное событіе произошло въ Кіевѣ, то краса русскихъ городовъ показалась мнѣ настоящимъ земнымъ раемъ, съ которымъ я разставался уже съ большою грустью...

На слѣдующее утро я отправился вмѣстѣ съ Ростопчинымъ въ «Ставищи», имѣніе графа Браницкаго, находившееся близъ его же имѣнія «Бѣлая Церковь», гдѣ мы и застали дружину.

Вечеромъ того же дня управляющій этимъ богатымъ имѣніемъ предложилъ офицерамъ отъ имени отсутствовавшаго помѣщика роскошный обѣдъ, тонкія, дорогія вина и старыя наливки. Послѣ обѣда, лишь я вернулся домой, ко мнѣ пожаловалъ вновь назначенный на казначейскую должность, прежній казначей Грушецкій съ просьбою передать ему всѣ суммы, книги и дѣла.

Несвоевременное его появленіе въ ту самую минуту, когда послѣ сытнаго обѣда я спокойно лежалъ на диванѣ, покуривая сигару и предполагая сдать дѣла на другое утро, было для меня не особенно пріятно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя возможность отдѣлаться скорѣе отъ всего, что напоминало мнѣ мои непріятныя обязанности, я согласился на его предложеніе и предварительно сдачи отправился къ Ростопчину, дабы спросить его, какимъ образомъ слѣдуетъ мнѣ произвести ее. Получивъ приказаніе сдать все, подобно тому, какъ я принялъ отъ Грушецкаго, гуртомъ, я такъ и распорядился, но только съ краткою всему описью, составленною имъ самимъ и распискою его въ книгахъ въ пріемѣ ихъ съ оставшимися неизрасходованными суммами.

При сдачѣ суммъ произошло нѣчто, поразившее меня: оказалась сумма (около 4.000 р.), лежавшая въ пакетѣ, безъ всякой надписи и нигдѣ не записанная. Такъ какъ я помнилъ, что сумма эта была выдана изъ Подольскаго уѣзднаго казначейства, но на какой предметъ—я не зналъ, то немедленно сдѣлалъ запросъ означенному казначейству. По наведеннымъ справкамъ обнаружилось, что деньги эти были выданы на провіантъ, а не занесены въ шнуровую книгу единственно по забывчивости мѣстнаго казначея. Извѣстіе это крайне обрадовало и утѣшило меня тѣмъ, что если старый и опытный казначей могъ сдѣлать подобное упущеніе, то мнѣ уже было

бернаторъ, а г. предводитель дворянства, тогда Чертковъ сказалъ ему, что онъ имѣетъ дѣло съ его сыномъ. Можно себѣ представить положеніе помѣщика.

совсѣмъ простительно путаться въ счетахъ и неумѣло записывать ихъ въ книги.

Сдавъ такимъ глупымъ образомъ свою должность и не получивъ отъ новаго казначея, по милости Ростопчина и моей неопытности, никакой форменной квитанціи, о необходимости которой я въ то время не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, я только гораздо позднѣе, когда уже окончательно извѣрился въ людскую честность, понялъ, какимъ послѣдствіямъ подобная сдача могла подвергнуть меня, еслибы мой преемникъ совершилъ какія нибудь беззаконныя дѣйствія и прикрылъ бы ихъ моимъ именемъ.

При новыхъ, адъютантскихъ обязанностяхъ, не имѣя болѣе дѣла съ цифрами, я почувствовалъ себя, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и даже забылъ думать о томъ, что, по возвращеніи Черткова, мнѣ придется вернуться субалтернъ-офицеромъ въ 3-ю роту, но, конечно, уже не съ тѣмъ, чтобы жить въ одной квартирѣ съ Х. на половинныхъ издержкахъ... въ то же время, проученный опытомъ, я далъ себѣ слово никогда, въ теченіе моей жизни, не принимать никакой должности, сопряженной съ счетоводствомъ, хотя бы эта должность могла доставить мнѣ не такія бирюльки, какъ шпоры и саблю, но даже и всевозможные знаки отличія.

Походъ отъ Кіева до Одессы былъ такъ же скученъ и однообразенъ, какъ и предыдущій отъ Москвы до Кіева, но лично для меня не утомителенъ вслѣдствіе легкихъ моихъ занятій и частыхъ остановокъ въ разныхъ городахъ, куда я пріѣзжалъ съ Ростопчинымъ заблаговременно для встрѣчи дружины. Экзекуціи тоже прекратились, а потому и не тревожили моихъ нервовъ и, если я приходилъ въ негодованіе, то только при видѣ графа, раздававшаго подзатыльники горнистамъ, не въ тактъ трубившимъ на своихъ инструментахъ во время похода, при переходѣ изъ одного мѣста въ другое.

Путь до Кіева дружина совершила благополучно, оставивъ въ городскихъ больницахъ самое ограниченное число заболѣвшихъ. Зато во время дальнѣйшаго похода холера, свирѣпствовавшая на югѣ Россіи, похитила немало ратниковъ, въ томъ числѣ и одного офицера, нашего добраго товарища, князя Михаила Ухтомскаго. Онъ скончался почти внезапно, проболѣвъ нѣсколько часовъ на дневкѣ, въ одномъ селеніи, имени котораго не припомню.

Смерть этого прекраснаго офицера, еще такъ недавно прибывшаго въ дружину, произвела на всѣхъ потрясающее дѣйствіе, и даже Ростопчинъ, далеко не нѣжный, отнесся съ замѣчательною сердечностью къ брату умершаго, князю Сергѣю, предложивъ ему отправиться въ Москву для извѣщенія своихъ родителей о постигшемъ ихъ несчастіи и личнаго ихъ утѣшенія. Графъ, отпуская Сергѣя Ухтомскаго, при прощеніи съ нимъ горько заплакалъ и, въ порывѣ изліянія своихъ чувствъ, поцѣловалъ его руку!.. такой неожиданный поступокъ нашего гордаго командира, и при томъ не любившаго князя Сергѣя, поразилъ всѣхъ офицеровъ, доказавъ, что, не-

смотря на дерзкій и жестокій нравъ Ростопчина, въ сердцѣ его еще теплилась искра любви къ ближнему.

Не могу не упомянуть объ одной нашей остановкѣ въ какомъ-то имѣніи Кіевской губерніи, гдѣ мнѣ случилось познакомиться съ малороссійскою, мелкопомѣстною помѣщицею. Вечеромъ, въ день нашего прибытія, пришелъ ко мнѣ оборванный хохолъ и отъ имени своей помѣщицы пригласилъ меня, какъ дружиннаго адъютанта, къ ней на чашку чая. Оставаясь на походѣ безъ малѣйшаго развлеченія, я очень обрадовался случаю пріятно провести вечеръ и, конечно, принялъ приглашеніе. На крыльцѣ небольшого помѣщичьяго дома я былъ встрѣченъ босоногою, грязною горничною, которая и ввела меня въ чистенькую, прилично обмеблированную комнату, гдѣ хозяйка покоилась въ огромномъ, старинномъ креслѣ.

Старая, толстая барыня, одѣтая въ поношенную, ситцевую блузу и въ какомъ-то допотопномъ чепцѣ, имѣла открытое, веселое добродушное лицо; маленькіе заплывшіе жиромъ глаза ея насмѣшливо выглядывали изъ-подъ нависшихъ, сѣдыхъ бровей, а толстый носъ въ видѣ луковицы то съеживался, то раздувался, придавая лицу смѣшное, глуповатое выраженіе.

Увидавъ въ первый разъ такой типъ малороссійской помѣщицы, я едва не разсмѣялся, и мнѣ тотчасъ представилось, что я нахожусь передъ гоголевскою «Коробочкою». Барыня, поздоровавшись со мною, внимательно посмотрѣла мнѣ въ лицо и расхохоталась. На вопросъ мой: «что во мнѣ смѣшнаго?» она отвѣтила: «въ жизнь мою не видала такой престранной рожи, какъ у тебя!» Лицо мое, хотя и было не худое, однако не толстое и далеко не такое, какъ ея собственное, то я сказалъ ей: «а ваше-то каково!»

При этихъ словахъ «Коробочка» залилась неистовымъ, добродушнымъ смѣхомъ и такъ забилась всѣмъ тѣломъ, поддерживая одною рукою колыхавшееся тучное чрево, а другою отчаянно тыкая мнѣ прямо въ носъ, что я самъ неудержимо расхохотался. Босоногая дѣва, оставшаяся въ комнатѣ для снятія нагара съ горѣвшихъ на столѣ сальныхъ свѣчей, закрыла лицо руками и стала фыркать въ кулакъ.

Въ гостиной, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, стоялъ общій, громкій, безсмысленный смѣхъ!..

Наконецъ, спокойствіе водворилось. Выпивъ чашку чая, я попробовалъ завести разговоръ съ моею собесѣдницею, но разговоръ, перерываемый постояннымъ ея смѣхомъ, оказался невозможнымъ, и я поспѣшилъ уйти отъ нея. По милости этой старой хохлачки, отличавшейся отъ босоногой горничной только обутыми ногами и допотопнымъ, головнымъ уборомъ, я въ первый разъ на походѣ отъ души посмѣялся... и за то ей спасибо!

С. М. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ БАРОНА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ [1].

III.

В. И. Штейнгель въ Морскомъ корпусѣ. — Система воспитанія въ немъ. — Обученіе.—Производство въ гардемарины.—Походъ къ Ревелю.— Баронъ И. Ѳ. Штейнгель.—Лѣтняя кампанія 1796 г.—«Главное дежурство».—Восшествіе на престолъ императора Павла и переводъ корпуса изъ Кронштадта въ Петербургъ.—Реформы, произведенныя императоромъ Павломъ во флотѣ.

ТЕПЕРЬ послушайте, дѣти, собственную мою исторію. Она будетъ для васъ любопытна и поучительна, ибо я безъ закрышки представлю вамъ всѣ сдѣланныя мною ошибки, всѣ свои недостатки, глупости и несчастія, а притомъ и распоряженіе судьбы, которая, вопреки всѣмъ желаніямъ моимъ, давала мнѣ всегда неожиданное направленіе. Повѣствуя о себѣ, я буду говорить и о современныхъ обстоятельствахъ, отъ коихъ мое положеніе могло зависѣть.

Выше я уже сказалъ, какимъ образомъ опредѣлили меня въ Морской корпусъ. Директоромъ корпуса былъ тогда адмиралъ Иванъ Логгиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, который жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ и оставлялъ корпусъ на попеченіе подполковника. Это былъ флота капитанъ перваго ранга Николай Степановичъ Ѳедоровъ, человѣкъ грубый, необразованный, не имѣвшій понятія ни о важности, ни о способахъ воспитанія дѣтей. Онъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 100.

наблюдалъ только свои счеты съ гофмейстеромъ корпуса Жуковымъ, а, на него глядя, и капитаны большею частію держались того же правила. Содержаніе кадетъ было самое бѣдное. Многіе были оборваны и босы. Учители все кой-какіе бѣдняки и частію пьяницы, къ которымъ кадеты не могли питать иного чувства, кромѣ презрѣнія. Въ ученьи не было никакой методы; старались долбить одну математику по Эвклиду, а о словесности и другихъ изящныхъ наукахъ вообще не помышляли. Способъ исправленія состоялъ въ истинномъ тиранствѣ. Капитаны, казалось, хвастались другъ передъ другомъ, кто изъ нихъ безчеловѣчнѣе и безжалостнѣе сѣчетъ кадетъ. Каждую субботу подавались лѣнивые сотнями, и въ дежурной комнатѣ цѣлый день вопль не прекращался. Одинъ пріемъ наказанія приводилъ сердца несчастныхъ дѣтей въ трепетъ. Подавалась скамейка, на которую двое дюжихъ барабанщиковъ растягивали виновнаго и держали за руки и за ноги, а двое со сторонъ изо всей силы били розгами, такъ что кровь текла ручьями, и тѣло раздиралось въ куски. Нерѣдко отсчитывали до 600 ударовъ и болѣе, до того, что несчастнаго мученика относили прямо въ лазаретъ. Что жъ отъ этого? Между кадетами замѣчательна была вообще грубость, чувства во многихъ низкія и невѣжественныя. Въ это время дѣлались заговоры, чтобы побить такого-то офицера или учителя; пили вино, посылали за нимъ въ кабаки кадетъ же и проч. Не говорю уже о другихъ студныхъ мерзостяхъ. Вотъ доказательство, что тиранія и въ воспитаніи не дѣлаетъ людей лучшими.

Другой родъ наказанія былъ пустая, т.-е. тюрьма, смрадная, гнусная, возлѣ самаго нужнаго мѣста, гдѣ водились ужасныя крысы, и туда-то безразсудные воспитатели юношества сажали нерѣдко на нѣсколько сутокъ 12-ти или 13-ти-лѣтняго юношу и морили на хлѣбѣ и водѣ. Самые учители въ классахъ били учениковъ линейкою по головѣ, ставили голыми колѣнами на дресву и даже на горохъ: послѣ сего удивительно ли, что кадеты сихъ гнусныхъ мучителей ненавидѣли и презирали, и нерѣдко соглашались при выходѣ изъ классовъ вечернихъ, пользуясь темнотою, дѣлать имъ взаимно различныя пакости.

Зимою въ комнатахъ кадетскихъ стекла были во многихъ выбиты, дровъ отпускали мало, и чтобъ избавиться отъ холода, кадеты по ночамъ лазили чрезъ заборъ въ адмиралтейство и оттуда крали бревна, дрова, или что попадалось, но если заставали въ семъ упражненіи, то тѣ же мучители, кои были сего сами виновники, наказывали за сіе самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Можетъ быть, это тиранство одну только ту выгоду приносило, что между кадетами была связь чрезвычайная. Случалось, что одного пойманнаго въ шалости какой либо замучивали до послѣдняго изнеможенія, добиваясь, кто съ нимъ былъ, — и не могли иного отвѣта исторгнуть, кромѣ — не знаю. Зато такой герой награждался призна-

тельностію и дружбою имъ спасенныхъ. Съ этой стороны воспитаніе можно было назвать спартанскимъ. Нерѣдко по-спартански и кормили. Кадеты потому очень отличали тѣхъ капитановъ, кои строго наблюдали за исправностію стола. Въ мою бытность въ одномъ столѣ за ужиномъ пожаловались капитану Быченскому, что каша съ саломъ; удостовѣрившись въ справедливости жалобы, онъ тутъ же приказалъ позвать Михайлыча — такъ вообще звали главнаго кухмистера — и велѣлъ бить его палками и вмѣстѣ съ тѣмъ мазать ему рожу тою кашею. Какъ ни глупо и ни смѣшно было такое зрѣлище во время стола благородныхъ дѣтей, но кадеты не смѣли смѣяться, ибо Быченскій былъ сущій звѣрь и кровопійца, онъ и жизнь кончилъ, сойдя съ ума: такихъ-то давали намъ наставниковъ въ царствованіе премудрой сѣверной Семирамиды!

Была еще одна особенность въ нашемъ корпусѣ—это господство гардемариновъ и особенно старшихъ въ камерахъ надъ кадетами. Первые употребляли послѣднихъ въ услугу, какъ сущихъ своихъ дворовыхъ людей: я самъ, бывши кадетомъ, подавалъ старшему умываться, снималъ сапоги, чистилъ платье, перестилалъ постель и помыкался на посылкахъ съ записочками, иногда въ зимнюю ночь, босикомъ, по галлереѣ бѣжишь и не оглядываешься. Боже избави ослушаться!—прибьютъ до полусмерти. И все это, конечно, отъ призору наставниковъ. Зато, какая радость, какое счастіе, когда произведутъ, бывало, въ гардемарины; тогда изъ крѣпостныхъ становишься уже самъ бариномъ, и все повинуется!

Подполковникъ Өедоровъ недолго при мнѣ былъ въ корпусѣ, мѣсто его заступилъ въ 1794 году Петръ Кондратьевичъ Карцовъ, потомъ сдѣлавшійся директоромъ, человѣкъ честный, добрый, но также суровый и о воспитаніи прямомъ не лучшее понятіе имѣвшій. При немъ, однакожъ, не только порядокъ, но и самый образъ ученія принялъ другой совсѣмъ видъ. Въ послѣднемъ отношеніи сдѣлалась важная перемѣна: вмѣсто Эвклидовыхъ стиховъ, кои учили наизусть по три года, особливо пятую книгу, предприняли преподавать математику по курсу Безу, начиная съ ариөметики, а не съ геометріи, какъ прежде.

Я былъ въ числѣ первыхъ, кои начали учиться по новой методѣ. Меня записали въ классъ къ Романову, учителю, знающему свое дѣло и прилежному. При началѣ, я было сдѣлался боленъ и опасно—корью съ пробуднымъ кашлемъ и болью глазъ. Несмотря, что я былъ девятилѣтній ребенокъ, мнѣ въ одинъ день отворили кровь и поставили двѣ мушки на грудь и на затылокъ. Вышедши изъ лазарета, я нашелъ, что въ классѣ читаютъ уже дѣленіе, и меня хотѣли почесть отставшимъ, чтобы записать въ другой классъ; но съ помощію пріобрѣтеннаго знанія еще въ губернской иркутской школѣ о четырехъ правилахъ ариөметики, хотя безъ десятичныхъ долей, я могъ выдержать экзаменъ, остался въ этомъ

классѣ и вскорѣ сдѣлался въ немъ первымъ и любимымъ ученикомъ Романова. Понятіе и память у меня были такъ хороши, что я не велъ совсѣмъ записокъ, и учитель, хотя выговаривалъ, но послѣ не сталъ уже принуждать къ онымъ. За то я не прилежалъ уже нигдѣ болѣе. Языкамъ учился тупо. Нѣмецкій даже ненавидѣлъ, можетъ быть, по внушенію съ дѣтства и потому, что когда меня кто либо изъ товарищей, по фамиліи, вздумаетъ дразнить нѣмцомъ, то съ торжественнымъ удовольствіемъ бывало возражалъ: «врешь ты, я по-нѣмецки и не говорю совсѣмъ». Географіи, исторіи, грамматикѣ и рисованію учили кое-какъ, заставляя твердить наизусть то, чего не понимали; таковъ былъ и успѣхъ!

При такомъ образѣ ученья я на третій годъ кончилъ кадетскій курсъ, и 1795 года мая 9-го дня, по экзамену, произведенъ въ гардемарины, будучи 12 лѣтъ. Тогда флотъ назначался въ Англію съ вице-адмираломъ Ханыковымъ, носившимъ всеобщее прозваніе **душеньки**, ибо онъ имѣлъ привычку всѣхъ такъ называть. Гардемариновъ назначали желающихъ: я могъ быть въ числѣ ихъ; но, по молодости и невѣжеству, побоялся дальняго вояжа, и чрезъ это потерялъ противъ товарищей, ибо тѣ на слѣдующій же годъ произведены въ офицеры. Мы пошли въ походъ до Ревеля на трехъ корабляхъ. Я былъ на «Сысоѣ Великомъ» у капитана Потапа Петровича Лялина, который славенъ былъ во всемъ Кронштадтѣ своею глупостію и распутными дочерьми. Странное дѣло, этотъ корабль, конечно, по предразсудкамъ, славился именемъ несчастнаго и, въ самомъ дѣлѣ, когда стали мы перетягиваться на дальній рейдъ, свалились съ кораблемъ «Максимомъ Исповѣдникомъ» и сломали у себя форбрамъ-стеньгу; а когда уже снялись съ якоря, то вскорѣ, именно у Толбухина маяка, принуждены были, за противнымъ вѣтромъ, бросить якорь; а потомъ, при снятіи съ якоря, изломали шпиль, и должно было за нимъ посылать въ Кронштадтъ. Во многихъ вещахъ бываетъ такъ, что суевѣріе и предразсудки глупцовъ какъ бы нарочно подтверждаются опытами. Впрочемъ, мы благополучно пришли въ Ревель. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ дядю своего, Ивана Ѳедоровича Штейнгеля, къ которому и перевели меня на корабль «Прохоръ». Отсюда съ рейда мы ходили понедѣльно въ крейсерство двумя кораблями для обученія гардемаринъ практикѣ, не далѣе Дагерорта. А осенью нашъ корабль, за ветхостію, съ двумя фрегатами назначенъ былъ въ Кронштадтъ, почему всѣхъ гардемаринъ и размѣстили на сіи суда.

Дядя мой имѣлъ въ Ревелѣ, за Рижскою горою, мызу съ большимъ огородомъ, и какъ оный, по тогдашнему обычаю, обработывали матросы, то и дразнили Прохорскую команду капустниками; а самого дядю называли коляскою, ибо онъ, имѣя кривыя ноги, ходя, какъ бы катился. Имѣлъ еще ту странность, что всѣмъ, даже матросамъ, говорилъ учтиво: вы-съ, и ко всякому почти слову при-

бавлялъ эпитетъ своей вѣжливости -съ. Такъ, напримѣръ, когда случалось наказать матроса, то онъ, выйдя на шканцы и потирая руками—это тоже была его привычка—говорилъ: «Иванъ Ивановъ-съ, извольте раздѣваться-съ, васъ надобно-съ посѣчь: вы вчера-съ были пьяны-съ», и подлинно, бывало, учтивымъ образомъ отпоретъ. Бывало, наказуемый молится:

— Помилосердуйте, не буду!..

— Не будете пить-съ,—приговаривалъ мой дядя,—не станутъ бить-съ. Прибавьте ему-съ!

Дядя мой былъ малаго роста, а жена его Афимья Антоновна, изъ фамиліи Бистромъ, вдвое его выше и пресварливая, нерѣдко ему доставалось отъ нея до слезъ. Офицеры намъ разсказывали, что разъ, въ воскресный день, они пришли его съ праздникомъ поздравить и, вдругъ, послѣ шума, увидѣли, что онъ выбѣгаетъ съ растрепанными волосами въ залъ, преслѣдуемый женою, вооруженною голикомъ. Послѣдняя унялась кричать и спряталась, а дядя, пріосанясь, нашелся сказать:

— Господа!.. извините-съ, мы сегодня немножко съ женою-съ поразыгрались.

У него было тогда трое дѣтей. Старшая дочь Луиза въ двѣнадцать лѣтъ имѣла уже всѣ ужимки кокетки, ибо чувствовала, что недурна собою.

Всѣ сіи обстоятельства вмѣстѣ, а не менѣе и незнаніе нѣмецкаго языка и непривычка къ нѣмецкимъ обычаямъ, не привязали моего къ нимъ сердца, хотя, впрочемъ, дядя мой довольно былъ человѣкъ добрый и ласкалъ меня; даже на кораблѣ приглашалъ меня обѣдать и, обыкновенно, щупая у меня брюхо и лобъ, шутя приговаривалъ:

— Вы мало кушали-съ!..

Сіе приглашеніе къ столу сдѣлало то, что я на всю жизнь получилъ отвращеніе отъ нюханія табаку, ибо дядя мой до того нюхалъ, что носовыя нервы у него разслабли, и онъ не чувствовалъ, когда подъ носомъ скоплялись у него табачныя капли. Однажды случилось за обѣдомъ, что паръ изъ тарелки съ супомъ выгналъ изъ носа его подобную каплю скорѣе обыкновеннаго, и она канула въ супъ... Это сдѣлало такое на меня впечатлѣніе, что я не могъ ѣсть безъ омерзѣнія.

По возвращеніи изъ похода, написали меня въ гардемаринскіе классы и, между прочимъ, учиться навигаціи и астрономіи у Балаболкина. Это была сущая балаболка, маленькая кривошея съ пискливымъ и плаксивымъ голосомъ... и мы всѣ, бывало, передразнивая его, кричали за нимъ: «вотъ, вотъ, истинный путь корабля!». Вообще дурно дѣлаютъ блюстители воспитанія, когда поставляютъ учителей, имѣющихъ тѣлесные и нравственные недостатки. Отъ нашего Балаболкина нерѣдко чеснокомъ припахивало. Я и въ

этомъ классѣ былъ изъ первыхъ—и увѣренъ, что еслибы попался съ сихъ лѣтъ на руки къ какому либо почтенному профессору математики, то могъ бы современемъ быть въ семъ родѣ наукъ человѣкомъ отличнымъ; но судьба, или, лучше сказать, небреженіе тѣхъ, коимъ власть ввѣрила назиданіе надъ юными питомцами, расположили все иначе.

Къ маю будущаго 1796 года я окончилъ навигацію; но въ другихъ классахъ успѣхъ былъ не лучше прежняго и, если не былъ въ числѣ лѣнивыхъ, то отъ того только, что былъ смиренъ и покоренъ учителямъ. Между прочими науками преподаваніе артиллеріи и фортификаціи, предметовъ столь важныхъ, было самое плохое: въ томъ и другомъ классѣ, не сказавъ, что такое артиллерія, что фортификація, заставляли въ первомъ не чертить, но скопировывать чертежъ пушки, а во второмъ, по старому плану Вобана, учить одни названія полигона, бастіоновъ, куртины и проч.

Для кампаніи, я былъ написанъ на корабль «Изяславъ» 66-типушечный, на которомъ капитаномъ былъ Шепингъ [1]). Эскадра подъ командою контръ-адмирала Скуратова, прозваннаго нѣжнымъ адмираломъ, долженствовала соединиться съ эскадрою вице-адмирала Мусина-Пушкина, и подъ его начальствомъ производить все лѣто, для обученія молодыхъ офицеровъ, гардемаринъ и служителей, маневры.

Во всю кампанію ничего важнаго не случилось. Для примѣра, какъ должно молодымъ людямъ осторожнымъ быть въ словахъ, не лишнее будетъ, если разскажу вамъ случившееся у насъ на кораблѣ. Въ это время, не знаю, по какому-то непонятному правилу, на флотъ посылали духовныхъ—большею частію пьяныхъ и развратныхъ, въ наказаніе. Итакъ, можно сказать вообще, къ священникамъ не было никакого уваженія, и нерѣдко молодые офицеры и гардемарины строили надъ ними разныя насмѣшки и пакости. У насъ на кораблѣ было однакожъ изъ сего правила исключеніе: къ намъ попался іеромонахъ очень скромный, трезвый и дѣло свое знающій; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, офицеры, по привычкѣ, не очень его уважали. Однажды, двое мичмановъ, Давыдовъ и Богдановъ повздорили изъ-за картъ—таково всегда или часто бываетъ слѣдствіе игры—и одинъ другому сказалъ, въ каютъ-компаніи при іеромонахѣ, что удивляется, какъ Богъ, на него глядя, не взбѣсится. Іеромонахъ вступился за сію дерзость, въ минуту пошелъ къ капитану и пожаловался со всею важностію и настоятельностью своего сана. Капитану ничего не оставалось дѣлать, какъ

---

[1]) Сей Шепингъ охотникъ былъ до бостона. Въ 1798 году, шедши отъ города Архангельска къ берегамъ Англіи, онъ умеръ на кораблѣ скоропостижно, сыгравъ наканунѣ 13 въ сюрахъ. Это происшествіе сдѣлалось между морскими бостонистами анекдотомъ и пословицею. В. Ш.

уважить такую жалобу. Онъ приказалъ собрать всѣхъ офицеровъ въ каютъ-компанію и велѣлъ предъ виновными прочесть клерку (корабельному секретарю) артикулъ, повелѣвающій за богохульство прожигать языкъ каленымъ желѣзомъ, и потомъ до того умѣлъ настращать виновныхъ, что они съ искренними слезами раскаянія принуждены были просить священника простить ихъ, и тотъ наконецъ, прослезившись, произнесъ съ важностію: Богъ проститъ; тѣмъ эта драма на сей разъ и кончилась; иначе капитанъ обязанъ былъ бы представить къ начальству, и шалуны могли бы пострадать жестоко. Изъ сего примѣра вы можете видѣть и то, что всегда отъ человѣка зависитъ поддержать тотъ санъ, который онъ на себѣ носитъ, какъ бы оный въ общемъ мнѣніи ни былъ униженъ.

По возвращеніи къ осени въ корпусъ, я, какъ двухкампанецъ, сдѣлался уже изъ старшихъ гардемаринъ — и, несмотря, что по малости роста едва могъ таскать тесакъ, былъ назначаемъ на ротное и даже на главное дежурство; ибо капитанъ Кропотовъ меня любилъ и восхищался, что у него такой крошечный главный сержантъ. Между тѣмъ сдѣлалось производство по корпусу въ урядники — и меня обошли, ибо я по язычнымъ классамъ оставался въ нижнихъ, то-есть училъ, или, лучше сказать, твердилъ безъ всякаго понятія грамматику наизусть. Мнѣ казалось чрезвычайною несправедливостью, что произвели нѣкоторыхъ въ чиновные — такъ въ корпусѣ назывались капралы, унтеръ-офицеры и сержанты—такихъ, кои по математическимъ классамъ учились гораздо хуже меня. Одному изъ такихъ, Ростопчину по фамиліи, я не хотѣлъ оказывать уваженія и даже сдѣлалъ надъ нимъ насмѣшку—говоря корпуснымъ языкомъ—подразнилъ его; онъ пожаловался дежурному поручику Новокщенову... и сей чуть-чуть не наказалъ меня розгами; но меня спасло чистосердечное признаніе и раскаяніе; при томъ же Новокщеновъ зналъ Ростопчина за шалуна, и какъ былъ вспыльчивъ, то вскорѣ, сжалившись надо мною, обратилъ весь свой гнѣвъ на принесшаго жалобу. Это былъ единственный случай, что я былъ приведенъ къ дежурному офицеру, какъ виновный, и находился, такъ сказать, наканунѣ розогъ.

Чтобы не скрыть отъ васъ ничего, что относилось къ моему тогдашнему воспитанію, я долженъ вамъ сказать, что такое значило у насъ стоять на главномъ. Въ главное дежурство въ каждую субботу на цѣлую недѣлю впередъ назначался капитанъ, капитанъ-поручикъ или поручикъ и подпоручикъ. Капитанъ назначалъ съ собою изъ своей роты главнаго сержанта изъ чиновныхъ или изъ гардемаринъ. Должность главнаго сержанта состояла въ томъ, что онъ получалъ отъ ротныхъ дежурныхъ ежедневно свѣдѣнія о числѣ наличныхъ въ ротахъ кадетъ и, по онымъ дѣлая общее счисленіе, подносилъ съ вечера подписывать капитану вѣдѣніе, сколько испечь къ завтрашнему дню булокъ; онъ смотрѣлъ за исправ-

ностью кухни вообще; долженъ былъ наблюдать за порядкомъ во время стола: именно, чтобы всѣмъ достало мѣста, и потомъ, чтобы все серебро было со столовъ собрано; онъ же наблюдалъ за тишиною въ классахъ. Что-жъ изъ этого выходило? — Одинъ отъ одного, какъ бы по наслѣдству, перенимали прописывать лишнія булки, изъ которыхъ хлѣбникъ пёкъ особые для сержанта хлѣбы, и потомъ сушили сухари; сверхъ того, какъ всякій ротный дежурный прибавлялъ число порцій, то главный, обыкновенно, отпуская булки въ роты, удерживалъ по нѣскольку какъ бы въ процентъ и потомъ разсылалъ отъ себя своимъ пріятелямъ, съ кѣмъ дружнѣе, чрезъ своего любимаго кадета. А чтобы въ кухнѣ не всякое лыко въ строку, то Михайлычъ (кухмистеръ), который воровалъ преисправно, давалъ сержанту сахаръ, изюмъ, черносливъ и стряпалъ къ его столу, который всегда былъ послѣ кадетскаго стола, торты или другое пирожное... Короче, это была первая школа, какъ, служа, наживаться, кривить душою и грабить; ибо кто былъ смѣлѣе, дерзостнѣе обманывалъ своего капитана и болѣе снисходилъ плуту Михайлычу, у того болѣе послѣ главнаго дежурства и оставалось. Впрочемъ, главный сержантъ былъ важное лицо въ отношеніи къ кадетамъ, не разбирая, кто какой роты, онъ надъ всѣми имѣлъ власть. По дѣтству моему, я очень утѣшался этою важностію и часто большихъ повѣсъ дралъ за уши; но какъ не могъ иныхъ доставать, то приказывалъ нагибаться, и мнѣ повиновались. Съ этой стороны дисциплина была въ самомъ высокомъ градусѣ.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ учились въ кронштадтскомъ корпусѣ, въ Россіи произошла важнѣйшая перемѣна: 7-го числа ноября ввечеру насъ собрали послѣ классовъ въ церковь и прочитали манифестъ о послѣдовавшей наканунѣ кончинѣ императрицы Екатерины и о восшествіи на престолъ Павла I. Не далѣе какъ чрезъ три дня получено было свѣдѣніе, что корпусъ нашъ переводится въ Петербургъ; ибо сей государь, будучи наслѣдникомъ и генералъ-адмираломъ, зналъ положеніе корпуса и всегда съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что онъ въ Кронштадтѣ совсѣмъ не у мѣста.

Вдругъ послѣдовало новое обмундированіе корпуса, стали готовиться къ перевезенію кадетъ, и было уже всѣмъ не до ученья. Прежде нежели я опишу вамъ наше переселеніе, скажу въ нѣсколькихъ словахъ о томъ положеніи, въ какомъ флотъ и морская служба, равно какъ и самый Кронштадтъ въ послѣднее время царствованія Екатерины находились.

Число кораблей хотя значительно было, ибо, помнится, считалось до 40 линейныхъ кораблей въ Кронштадтѣ и Ревелѣ, но они большею частію были ветхіе, дурной конструкціи, съ такимъ же вооруженіемъ, и не обшивались мѣдью, отъ чего большею частію ходили дурно. Капитаны любили бражничать. Офицеры и матросы

были мало практикованы; работы на корабляхъ производились медленно и съ великимъ шумомъ. Далеко бывало слышно, когда корабль снимается съ якоря: шуми, шуми, ребята! была любимая команда вахтеннаго лейтенанта, когда вертѣли шпиль. Съ рифами возились по получасу. Офицеры любили тоже куликать, и вообще людей образованныхъ было весьма мало. Мундиръ на офицерахъ былъ бѣлый съ зелеными лацканами, а матросскій зеленый камзолъ еще покроя временъ Петра I. Форма нестрого наблюдалась. Часто случалось встрѣчать офицеровъ въ мундирѣ, въ пестромъ нижнемъ платьѣ, съ розовымъ галстукомъ и въ круглой шляпѣ. Ѣдучи куда либо, особенно капитаны, любили имѣть за собою вѣстового, который обыкновенно несъ шпагу и плащъ: тогда носили большею частію бѣлые плащи. Въ портѣ былъ во всемъ недостатокъ, и воровство было непомѣрное, какъ въ адмиралтействѣ, такъ и на корабляхъ. Кронштадтъ утопалъ въ непроходимой грязи; крѣпостные валы представляли развалину, станки пушечные оказывались разсыпавшимися; пушки съ раковинами; гарнизонъ—каррикатура на войска; однимъ словомъ эта часть вообще находилась въ самомъ запущенномъ состояніи. Со вступленіемъ Павла на престолъ все перемѣнилось. Въ этомъ отношеніи строгость его принесла великую пользу.

Примѣчательныя распоряженія Павла I по флоту состояли въ слѣдующемъ:

1) Мундиры даны зеленые съ бѣлымъ воротникомъ и вмѣсто башмаковъ сапоги.

2) Флотъ раздѣленъ на три дивизіи по тремъ флагамъ, кои велѣно было и подымать на корабляхъ.

3) Синій и красный флаги были съ гюйсами въ углу, а не съ бѣлымъ флагомъ, какъ при Петрѣ и нынѣ.

IV.

Исповѣдная старца, иже мертвъ бѣ и оживе.

Морской корпусъ при императорѣ Павлѣ.—Производство Штейнгеля въ мичманы.—Участіе его въ кампаніи 1799 года.—Ожиданіе войны Россіи съ Англіей.—Мысль о защитѣ Камчатки.—Командировка Штейнгеля въ Сибирь при капитанѣ Бащуцкомъ.—Ссыльный Ивашкинъ, крестникъ Петра Великаго.—Экспедиція Крузенштерна.—Ссора Штейнгеля съ командиромъ Бухаринымъ.—Посланникъ Рязановъ и его покровительство Штейнгелю.—Ссора Резанова съ Кузенштерномъ.—Губернаторъ Трескинъ.—Кн. В. Н. Горчаковъ и судьба его при императорахъ Павлѣ и Александрѣ.—Участь Бухарина.—Поѣздка Штейнгеля въ Петербургъ и свиданіе съ Пестелемъ.—Женитьба Штейнгеля на Вонифантьевой, рожденіе дочери Юліи.—Петербургъ.

Воспитанникъ морскаго корпуса 1790-хъ годовъ. На учебную скамейку сѣлъ рядомъ съ Белингсгаузеномъ какъ бы для выраженія судебъ противоположныхъ. Съ 1795 года гардермаринъ. Въ

1796-мъ году на кронштадтскомъ рейдѣ, когда выстрѣлы возвѣщали о рожденіи «Матушкѣ» внука, радовался ребячески на шканцахъ корабля «Изяславъ». О Массильонѣ еще не слыхивалъ; не зналъ текста «Се лежитъ сей на возстаніе и на паденіе многихъ во Израилѣ».

Не стало «Матушки», воцарился Павелъ Петровичъ, и перемѣнилось, съ первыхъ дней, положеніе кадетъ морского корпуса. Чрезъ мѣсяцъ, половина ихъ была уже въ Петербургѣ, и ничего похожаго на спартанское не осталось, хотя соединили съ греками. Государь отечески занялся заброшенными. Посѣщенія были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная. «Логинъ! не обманываешь ли ты меня, всегда ли у тебя такъ хорошо?»—спросилъ государь однажды нашего генерала Кутузова во всеуслышаніе, пробуя хлѣбъ въ столовой залѣ.

Два года еще въ этой новой жизни корпуса оставался я по малолѣтству и малому росту, завидуя своимъ товарищамъ. Юность не размышляетъ о пользѣ, а польза была явная; въ это время началось преподаваніе высшей математики и теоріи кораблевожденія. Преподавателемъ былъ незабвенный кротостію и добротою Платонъ Яковлевичъ Гамалѣя, у котораго самый строгій выговоръ заключался въ словахъ: экой ты «бгатецъ печайной». Я у него былъ первымъ въ классѣ и послѣ, изъ старшихъ унтеръ-офицеровъ, первымъ вышелъ и по выпуску.

Мичманомъ поступилъ на плѣненный у шведовъ корабль «Эмгётенъ», постройки знаменитаго въ свое время Чапмана. Командиромъ корабля былъ благороднѣйшій и просвѣщеннѣйшій изъ капитановъ того времени, Н. А. Игнатьевъ, убитый впослѣдствіи подъ Тенедосомъ. Корабль состоялъ въ эскадрѣ, назначенной съ десантомъ къ берегамъ Голландіи. Она ввѣрена была только что выпущенному изъ крѣпости контръ-адмиралу Чичагову. Едва успѣли въ Гельдерѣ высадить десантъ, надобно было принять его обратно. Въ это время я былъ при перевозкѣ на англійскія суда раненныхъ Когда я шелъ у носилокъ тяжело раненнаго капитана Цвиленева съ холма изъ кучки офицеровъ послышался голосъ: «этого куда? Онъ и дня не проживетъ». Судьба прошептала: «будетъ генераломъ!» и, конечно, не ошибалась. «Эмгётенъ» отвезъ десантъ въ Портсмутъ. На немъ были фанагорійцы, дышавшіе духомъ Суворова! Шефа ихъ Жеребцова убили, имъ данъ Мамаевъ, котораго я засталъ въ корпусѣ каптенармусомъ, отбиравшимъ у кадетъ бѣлье. При входѣ на Спитгедскій рейдъ, выходилъ съ него стопушечный корабль Queen Charlotte подъ флагомъ адмирала Кейта, чтобъ сгорѣть на Ливерпульскомъ рейдѣ. На немъ погибъ русскій волонтеръ Куличкинъ.

Въ зиму на 1800 годъ, исправлялись отъ порта. При пріемкѣ матеріаловъ, я былъ дядькою надъ шкиперомъ. Эти господа тогда

имѣли привилегію быть ненадежными. Капитанъ замѣчалъ и любовался расторопностію и живостію офицера, офицеръ увлекался благородствомъ своего капитана. Минуло 58 лѣтъ съ того времени, и еще живо помнится, какъ этотъ капитанъ, съ умнымъ навислымъ челомъ, ходя по шканцамъ и принюхивая свой гаре́, съ гордостію говорилъ: «Варвары, гальéтчики, срамятъ только флагъ!» Сарказмъ относился къ смуглерамъ.

Юность впечатлительна: я усвоилъ на всю жизнь это надменное отвращеніе отъ всего унизительнаго. А это худой проводникъ къ счастію!

Возвратились въ Россію, объявлена Англіи война. Въ позднюю осень наложено было амбарго на англійскія купеческія суда въ Кронштадтѣ. Всѣ экипажи съ нихъ перевезены въ Ораніенбаумъ, со всѣми возможными «God damn» съ ихъ стороны.

Катастрофою 1801 года и переговоромъ Чичагова съ Нельсономъ чаша крови прошла мимо. Пріуготовленная защита стала ненужною, восторженное ожиданіе сразиться съ Джеками, какъ тогда выражались, миновалось, и я поступилъ на вновь строящійся корабль «Смѣлый». Но вскорѣ предпочелъ пуститься въ Камчатку, безъ поощренія, безъ наградъ, даже безъ удвоеннаго жалованья. Благо, представился случай. Интересенъ поводъ къ этому случаю.

Въ 1799 году, объявлена была война Испаніи. Родилась мысль о беззащитности нашихъ восточныхъ береговъ. Посланъ, изъ Иркутска, Сомова полкъ для занятія Камчатки, Охотска, Гижиги и Удскаго острога. Изъ С.-Петербурга отправленъ капитанъ Бухаринъ въ Охотскій портъ для пріуготовленія траспортовъ. Сомовъ привезъ въ Камчатку тифозную горячку, которая уменьшила малое населеніе ея на половину. Несчастіе рѣдко бываетъ безъ повторенія, чтобъ не забывалось: въ это же время погибло компанейское судно «Фениксъ» съ первымъ кадьякскимъ архіереемъ Іоасафомъ и со всею его свитою. Для защиты восточныхъ береговъ съ моря предписано было вооружить оставшійся отъ Билингсовой экспедиціи корветъ «Слава Россіи», если еще годится. Для этого понадобились разнаго рода мастеровые и художники. Адмиралтейство отправило ихъ съ капитаномъ Л. Башуцкимъ. Я былъ къ нему прикомандированъ и отъ Москвы велъ передовую партію. Путь назначенъ черезъ Вятку, Пермь и Тобольскъ. Адмиралтейство не могло въ другихъ губерніяхъ дѣлать денежныхъ ассигнованій.

Въ лѣто 1802 года, прибыли въ Охотскъ, въ старый Охотскъ, въ которомъ, кромѣ адмиралтейскихъ и компанейскихъ строеній, существовало не болѣе 100 домовъ, и помнилась еще поговорка: «въ нашемъ Охотскѣ съ одной стороны море, съ другой горе, на небѣ

Богъ, а на землѣ Кохъ; куда дѣнешься!» Въ этомъ приморскомъ захолустьѣ были тогда: вице-адмиралъ Ѳоминъ—главнымъ командиромъ, на правѣ военнаго-губернатора; полковникъ Пирожковъ—начальникомъ гарнизона; капитанъ 1-го ранга Бухаринъ — начальникомъ порта, и полный штатъ уѣзднаго города съ городничимъ изъ поляковъ. Сколько элементовъ для взаимной ненависти и ссоръ—на первый случай—отъ нечего дѣлать. Въ это же время подъѣхалъ новый комендантъ Камчатки, Кошелевъ, намѣренный гонитель тогдашнихъ агентовъ Россійско-Американской компаніи, считавшей 4-й годъ своего существованія. Башуцкій смѣнилъ Бухарина; благоволя болѣе къ штурманамъ, онъ далъ мнѣ самый плохой изъ транспортовъ. Послѣ дивились, какъ можно было на немъ сдѣлать рейсъ въ Большерѣцкъ.

Въ Камчаткѣ въ то время было интересное лицо, любимое всѣми камчадалами, подъ именемъ Матвѣича; это Ивашкинъ, крестникъ Петра Великаго. Офицеръ гвардіи Анны Іоанновны, котораго она благословляла на бракъ, и котораго потомъ, при восшествіи на престолъ Елисаветы, высѣкли кнутомъ съ ужаснымъ вырѣзаніемъ ноздрей. Лѣтъ 20 онъ прожилъ въ Якутскѣ и 40 въ Камчаткѣ. Я вскорѣ познакомился съ этимъ интереснымъ мученикомъ. Грѣшно было бы пройти молчаніемъ анекдотъ, имъ разсказанный. Во время коронаціи Анны Іоанновны, когда государыня изъ Успенскаго собора пришла въ Грановитую палату, которой внутренность старецъ описалъ съ удивительною точностію, и помѣстилась на тронѣ, вся свита установилась на свои мѣста, то вдругъ государыня встала и съ важностію сошла со ступней трона. Всѣ изумились, въ церемоніалѣ этого указано не было. Она прямо подошла къ князю Василію Лукичу Долгорукову, взяла его за носъ,—«носъ былъ большой, батюшка»,—пояснилъ старецъ,—и повела его около средняго столба, которымъ поддерживаются своды. Обведя кругомъ и остановясь противъ портрета Грознаго, она спросила:

— Князь Василій Лукичъ, ты знаешь, чей это портретъ?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей онъ?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, такъ знай же и то, что, хотя баба, да такая же буду, какъ онъ: васъ семеро дураковъ сбиралось водить меня за носъ, я тебя прежде провела; убирайся сейчасъ въ свою деревню, и чтобъ духомъ твоимъ не пахло!

Старецъ зналъ и послѣдствія.

Этого Матвѣича, въ слѣдующемъ году, предписано мнѣ было взять и доставить въ Охотскъ. Онъ былъ прощенъ съ возвращеніемъ чина и съ дозволеніемъ выѣхать въ Россію. Но ему было уже 96 лѣтъ, онъ ослѣпъ и не захотѣлъ разстаться съ Камчаткою; черезъ годъ еще его уже не существовало.

Въ 1805 году, мнѣ былъ ввѣренъ новый транспортъ Охотскъ и предписано доставить, въ Петропавловскую гавань провизію для корвета «Надежда», долженствующаго возвратиться изъ Японіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, посылались и депеши къ капитану Крузенштерну, со включеніемъ ему перваго ордена св. Анны 2-й степени. Въ этотъ разъ я былъ самымъ радостнымъ вѣстникомъ, какъ объ этомъ упомянуто и въ путешествіи Крузенштерна, хотя не во всемъ вѣрно.

Посланника я уже не засталъ. Въ качествѣ уполномоченнаго Россійско-Американской компаніи онъ поспѣшилъ отправиться на ея кораблѣ въ Ситку, только что покоренную Барановымъ, при помощи «Невы», другого корабля изъ кругосвѣтной экспедиціи. Моряки съ обычною откровенностію разсказали всю подробность драмы, разыгранной здѣсь предъ отправленіемъ въ Японію, которая осталась безгласною и впослѣдствіи стоила жизни достойнѣйшему офицеру, Петру Трофимовичу Головачеву.

Вышедъ изъ Петропавловской гавани 5-го сентября, я встрѣтилъ ужасный штормъ, продолжавшійся 17 дней. Въ это время, какъ молодой человѣкъ, уносился я мечтами къ тѣмъ идеямъ, которыя никогда меня не оставляли. Гораздо послѣ, ознакомившись съ Кяхтою и Нерчинскимъ краемъ, я имѣлъ случай въ С.-Петербургѣ въ 1812 году сообщить адмиралу Мордвинову свою мысль о возможности развѣдать Амуръ, не подавъ повода китайцамъ къ подозрѣнію и неудовольствіямъ. Адмиралъ признавалъ ее удобоисполнимою. Всему въ мірѣ есть, однако же, свое время, и тщетно упреждать ходъ судебъ.

Прошедъ первымъ Курильскимъ проливомъ и встрѣтивъ постоянный NW уже со снѣгомъ, я вынужденъ былъ войти въ рѣку Воровскую, въ которую никогда суда казенныя не заходили. Въ острожкѣ считалось только 12 избъ, и здѣсь надо было провесть зиму. По счастію, я взялъ съ собою одного сироту, Олесова, штурманскаго сына, которому въ Охотскѣ прочиталъ весь кадетскій курсъ, а здѣсь окончилъ навигацію и астрономію. Этотъ сирота былъ послѣ самъ командиромъ судна и погибъ; но передъ погибелью своею успѣлъ порадовать своего благодѣтеля въ несчастіи, доставивъ ему доказательство, что сохранилъ благородныя чувства. По наступленіи зимы, я немедленно отправилъ депеши Крузенштерну черезъ [illegible]у въ Охотскъ; тамъ между тѣмъ произошла перемѣна въ управленіи; Бухаринъ возратился единственнымъ начальникомъ порта и всей приморской страны. Полагая, что онъ сохранилъ ко мнѣ то расположеніе, съ какимъ разстался, я написалъ къ нему письмо и очень свободно передалъ все, что слышалъ на счетъ Резанова [1]). Какъ же жестоко ошибся я!

---

[1]) Камергеръ Резановъ, зять Шелихова, состоялъ корреспондентомъ Россійско-Американской компаніи. П. К.

Возвратясь въ 1806 году въ Охотскъ, я нашелъ въ Бухаринѣ высокомѣрнаго начальника, отъ котораго все кричало и служебное, и частное. Первые жаловались на жестокости, вторые—на притѣсненія и грабительство. Я вспомнилъ тогда своего благороднаго капитана и его слова.

Обойденный въ С.-Петербургѣ, при производствѣ въ лейтенанты моихъ товарищей, я подалъ начальнику порта рапортъ, въ которомъ просилъ экзамена. Бухаринъ отвѣчалъ: «Начальство знаетъ, когда вамъ дать экзаменъ». Оскорбленный этимъ явнымъ притѣсненіемъ, я наговорилъ ему лично грубостей, болѣе соотвѣтственныхъ своему о немъ понятію, нежели дисциплинѣ. Бухаринъ въ это время взялъ тонъ человѣка удивленнаго и сожалѣющаго, повторяя: «успокойтесь, успокойтесь, никто не думалъ васъ притѣснять. Подите и ожидайте предписанія». Очень хорошо понялъ я значеніе этого незлобія. Пришедъ къ себѣ и въ себя, я ждалъ насильственной мѣры и всю ночь провелъ въ пріуготовленіи лишить себя жизни. Господь помиловалъ! Съ наступленіемъ утра мнѣ принесли пакетъ, распечаталъ въ трепетѣ и, дѣйствительно, нашелъ предписаніе сдать транспортъ и команду и отправиться въ Иркутскъ, «гдѣ вы можете на меня жаловаться», сказано было въ заключеніи. Я палъ на колѣни и со слезами возблагодарилъ Бога; но не прежде повѣрилъ, что это не сонъ, какъ когда уже увидалъ себя трясущимся на якутской лошади и услышалъ громкое «ходь, ходь!» якута по дорогѣ въ Якутскъ.

Послѣ узналъ я, что, по отъѣздѣ моемъ, Бухаринъ сказалъ своимъ офицерамъ: «Обрадовался Штейнгель, что выѣхалъ! Въ желѣзахъ привезутъ, матросъ будетъ и умретъ подъ линьками!» Такъ говорилъ въ немъ духъ злобы; но освобожденіемъ моимъ судьба готовила избавленіе края отъ него самого.

Впрочемъ, со стороны Бухарина это была не простая угроза; онъ донесъ министру, что я своевольно зазимовалъ въ Камчаткѣ и ввелъ казну въ убытокъ, и просилъ меня предать суду. Министръ готовъ былъ удовлетворить его желаніе; но государь повелѣлъ «арестовать на мѣсяцъ, со внесеніемъ въ послужной списокъ». Сердце царево въ руцѣ Божіей, — время креста не приспѣло еще.

Заставъ въ Якутскѣ Резанова, я, подстрекаемый любопытствомъ видѣть человѣка, акредитованнаго важными порученіями, котораго мнѣ представляли болѣе смѣшнымъ и ничтожнымъ, нежели уваженія достойнымъ, поспѣшилъ къ нему явиться. Къ удивленію своему, я встрѣтилъ ласковый пріемъ, съ увѣреніемъ, что много наслышанъ обо мнѣ и радъ познакомиться.

Удивленіе превратилось въ полное замѣшательство, когда Резановъ подалъ мнѣ мое собственное письмо, писанное къ Бухарину, наполненное сарказмами. Это былъ разительный урокъ! Я едва былъ

въ состояніи разговаривать: «Ваше превосходительство не должны ни удивляться, ни сѣтовать на меня, я не имѣлъ чести васъ знать и передалъ то, что мнѣ говорили люди, которымъ не могъ не вѣрить». «Очень знаю»,—прервалъ Резановъ,—«нарочно взялъ это письмо изъ рукъ вашего недоброжелателя, чтобы лишить его возможности вамъ вредить. Я далъ ему слово доставить его министру, и вотъ оно въ рукахъ вашихъ. Надѣюсь, что вы перемѣните обо мнѣ мысли». Такимъ благороднымъ и столь обязательнымъ для меня поступкомъ онъ совершенно обворожилъ меня. Взаимно Резановъ до того меня полюбилъ, что въ Иркутскѣ заставилъ меня почти всякій день быть у себя; удостоилъ меня полной своей довѣренности по отчетамъ правительству и компаніи и открылъ мнѣ все, что писалъ въ такъ называемой имъ «Синей книгѣ». Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ввелъ меня къ генералъ-губернатору, ходатайствовалъ у него о моей защитѣ и далъ совѣтъ подать генералъ-губернатору просьбу, что я и сдѣлалъ. Этого мало, онъ написалъ въ главное правленіе Россійско-Американской компаніи, чтобы выпросили меня у министра въ свою службу. Онъ далъ мнѣ слово, что возьметъ меня съ собою въ Нью-Іоркъ, для сопутствованія ему, черезъ Орегонъ въ Калифорнію, въ портъ Санъ-Франциско, гдѣ намѣренъ былъ жениться на дочери коменданта. Провидѣніе распорядилось иначе— онъ умеръ въ Красноярскѣ.

Исторія Резанова слишкомъ замѣчательна, чтобы пройти ее молчаніемъ, даже при самой намѣренной краткости разсказа. Онъ такъ много претерпѣлъ во время пути до Камчатки, что по приходѣ въ Авачинскую губу, вышедъ на шканцы, въ первый разъ послѣ шестимѣсячнаго затворничества, въ своей камергерской формѣ, онъ перекрестился и громко сказалъ: «Благодарю Бога, наконецъ я подъ защитою законовъ моего отечества!» Съѣхавъ на берегъ, онъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Нижнекамчатскъ къ коменданту, требуя вооруженной помощи и аудитора для составленія военной комиссіи. Комендантъ, генералъ-майоръ Кошелевъ, который уже ожидалъ прибытія полномочнаго посла къ японскому двору, поторопился явиться съ ротою, не забылъ и аудитора. Крузенштернъ, какъ умный и далеко незлобивый человѣкъ, тотчасъ увидѣлъ, къ чему это поведетъ, и потому не замедлилъ разсказать коменданту исторію ссоры и убѣдить его войти въ посредничество. Комендантъ не отказалъ и успѣлъ помирить и тѣмъ спасти капитана корвета отъ непріятныхъ послѣдствій, а экспедицію отъ безславія. Лицо, обвиненное въ первоначальномъ поводѣ къ смутамъ, отправлено берегомъ обратно и возвратилось въ Петербургъ, по выраженію Чацкаго, «алеутомъ», а въ свиту посла комендантъ выбралъ своего адъютанта, родного своего брата и лучшаго изъ своихъ офицеровъ, капитана Ѳедорова. Такимъ образомъ, посолъ рѣшился опять сѣсть на корветъ и отправиться въ Нангасаки. Съ грустію.

а нельзя не упомянуть, что изъ этого мира непосредственно произошла причина смерти вовсе ни въ чемъ невиннаго офицера и одного изъ самыхъ благородныхъ моряковъ того времени — лейтенанта Головачева, о которомъ уже упоминалось выше; Резановъ, жалуясь на все общество офицеровъ, выставилъ коменданту только одного Головачева, котораго поведеніе не только не могъ упрекнуть, но даже выхвалялъ особенно. Съ этой минуты на Головачева напала иппохондрія, онъ вообразилъ, что товарищи могутъ заподозрѣть его въ ласкательствѣ; иппохондрія развилась до такой степени, что на возвратномъ пути въ Петербургъ онъ застрѣлился. Прахъ его остался на островѣ св. Елены, который черезъ 10 лѣтъ потомъ принялъ на берега свои знаменитаго смутника всей Европы.

Обращаюсь къ себѣ. По отъѣздѣ Резанова, вскорѣ отправился и генералъ-губернаторъ въ Тобольскъ. Онъ уже и не возвращался. Умный и дѣятельнѣйшій, чуть ли не изъ всѣхъ тогдашнихъ губернаторовъ, Трескинъ остался полнымъ дѣятелемъ, съ неограниченною довѣренностію Пестеля, и въ отношеніи къ нему былъ истинный factotum. Я имѣлъ случай вскорѣ обратить на себя его вниманіе.

Вотъ этотъ случай.

По отъѣздѣ Резанова изъ Охотска, лейтенантъ Хвостовъ, командиръ компанейскаго корабля, на которомъ Резановъ прибылъ изъ Новоархангельска, по данной ему прежде инструкціи, отправился въ губу Айнива, для свиданія съ Давыдовымъ, командиромъ тендера «Авось», и тамъ разорили японское селеніе, какъ имъ было предписано въ инструкціи, хотя потомъ и измѣнено, но не опредѣлительно. Когда они пришли въ Охотскій портъ, Бухаринъ рѣшился арестовать ихъ. Они бѣжали изъ-подъ ареста въ Якутскъ и съ разрѣшенія генералъ-губернатора пріѣхали въ Иркутскъ. Губернаторъ, замѣтивъ превосходство Давыдова предъ Хвостовымъ въ образованіи, потребовалъ отъ него свѣдѣній о нашей Америкѣ и Камчаткѣ. Удовлетворивъ его желаніе въ отношеніи къ первой, относительно второй Давыдовъ указалъ на меня, какъ болѣе о ней свѣдущаго. Доставленныя мною свѣдѣнія понравились и доставили мнѣ свободный доступъ въ кабинетъ его превосходительства. Въ губерніи, и еще въ сибирской, это имѣетъ свое значеніе, до возбужденія зависти.

Въ этотъ періодъ времени, мнѣ довелось видѣть рѣшительный примѣръ превратности судьбы, повторившейся послѣ надъ губернаторомъ и надъ самимъ мною. Я встрѣтилъ тутъ въ званіи посельщика Василія Горчакова, бывшаго военнаго губернатора въ Ревелѣ. Князь Вас. Ник. Горчаковъ—любимецъ Павла I, который такъ гремѣлъ въ 1800 году, когда мы, возвратясь изъ Англіи, высаживали войска въ Ревелѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказалъ мнѣ свою интересную исторію. Однажды, какъ онъ распоряжался, ка-

кой дать балъ, что онъ дѣлалъ часто, прискакалъ вдругъ фельдъегерь въ повелѣніемъ немедленно отправиться на Донъ и произвесть изслѣдованіе о произведенной тамъ казни надъ двумя братьями Грузиновыми. Собравшись тотчасъ въ дорогу, онъ рѣшился заѣхать въ Гатчино, гдѣ государь тогда находился, чтобы принять изустно его наставленія. Какъ скоро явился во дворецъ, тотчасъ эго позвали въ кабинетъ; только что вошелъ въ двери, какъ государь, ожидавшій его у самой двери съ лѣвой стороны, схвативъ его за руки и подведя къ образу, сказалъ: «Вотъ тебѣ Матерь Божія свидѣтельница, я не виновенъ; защити меня». Дѣло было въ томъ, какъ государь объяснялъ ему, что Грузиновы судились за оскорбленіе величества, и наказной атаманъ Рѣпинъ и, кажется, Денисовъ (настоящій) представили дѣло прямо къ государю, когда бы слѣдовало представить въ аудиторіатъ. Государь, заглянувъ въ приговоръ, чтобы вразумить ихъ, съ негодованіемъ написалъ карандашемъ «поступить по законамъ» и велѣлъ возвратить имъ на ихъ счетъ. Тѣ, по недоумѣнію и по недовѣрію къ войсковому прокурору, который ихъ останавливалъ, сочли это за утвержденіе сентенціи, назначили на утро казнь, отрубили головы и донесли государю.

Князь Горчаковъ разыскалъ все какъ слѣдуетъ; атаманы были выключены изъ службы; третьему оставшемуся брату Грузиновыхъ была пожалована 1.000 душъ, а князь Горчаковъ назначенъ инспекторомъ всей кавалеріи. Въ этомъ его положеніи новый государь вступилъ на престолъ и отверзъ врата за границу. Князь Горчаковъ вздумалъ этимъ воспользоваться. Деньги были, попросился, отпустили; пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, проигрался; занималъ у богатой тещи, та отказала, рѣшился рискнуть. У него оставались векселя на банкирскіе дома въ Европѣ, по должности интенданта корпуса принца Конде въ 1799 году. Онъ предъявилъ одинъ первый банкиру Ливіо, если не ошибаюсь, въ 60 тысячъ, получилъ ихъ и отправился. Но вскорѣ, по отвѣту того дома, на который вексель былъ адресованъ, узнали, что эта сумма выплачена была по второму векселю и, слѣдовательно, въ предъявленіи перваго была явная фальшь. Тотчасъ послали арестовать и въ Кенигсбергѣ достигли, привезли въ крѣпость, предали суду, и хотя, по словамъ его, въ числѣ судей были обыгравшіе его,—осудили къ лишенію чиновъ и въ ссылку на поселеніе. Онъ былъ поселенъ въ Тункѣ и тутъ не потерялся: выучился по-монгольски, пріобрѣлъ довѣріе бурятъ и на ихъ имя содержалъ Кругоморскую дорогу, а послѣ вошелъ въ особенное расположеніе и самого губернатора, у котораго былъ какъ бы церемоніймейстеромъ; никакой праздникъ не совершался безъ Василія Николаевича. За всѣмъ тѣмъ, онъ кончилъ дни въ Тункѣ.

Учащая посѣщать губернатора, однажды, при входѣ въ каби-

нетъ его, я засталъ у него градского голову. «А кстати!»—сказалъ Трескинъ:—«а мы съ Мих. Ив. только что говорили о твоемъ пріятелѣ!»

— О какомъ пріятелѣ, ваше превосходительство?

— Ну, о Бухаринѣ. Вотъ Мих. Ив. говоритъ, что купцы боятся ѣхать въ Охотскъ. Но что съ этимъ дѣлать? Мы съ Иваномъ Борисовичемъ (Пестель) рѣшились бы смѣнить его, да онъ, пожалуй, еще окажетъ непослушаніе.

— Помилуйте,— отвѣчалъ я,—можно ли допустить его до возможности ослушаться.

— Право,— сказалъ губернаторъ съ полунасмѣшливымъ удивленіемъ и присовокупилъ:—впрочемъ, это мы только такъ говоримъ, а я бы желалъ, чтобы ты накидалъ свои мысли, какъ бы ты думалъ его смѣнить.

На другой же день губернаторъ имѣлъ въ рукахъ своихъ удовлетворительный проектъ. Я ничего не ожидалъ, но чрезъ два мѣсяца губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Ну, я хотѣлъ было тебя самого отправить смѣнить Бухарина; но Ив. Борис. справедливо замѣтилъ, что у васъ взаимная вражда, а какъ назначенный смѣнить его долженъ быть и презусомъ слѣдственной надъ нимъ комиссіи, то правительству нельзя будетъ дать вѣры его дѣйствіямъ; поэтому велѣлъ оставить тебя на мѣстѣ Бабаева начальникомъ здѣшняго адмиралтейства, а его послать въ Охотскъ». Такъ это и было сдѣлано. Бухаринъ взятъ былъ въ постели, смѣненъ, преданъ суду.

Послѣ, въ С.-Петербургѣ, въ семилѣтнее содержаніе его на гауптвахтѣ, какъ ни старались выжидать возможности подвесть его подъ манифестъ, должны были сослать его въ Сибирь. Комиссія въ Охотскѣ нашла представленіе Бухарина обо мнѣ несправедливымъ и во всемъ меня оправдала. По представленію генералъ-губернатора послѣдовало высочайшее повелѣніе арестъ изъ послужнаго списка исключить.

Несмотря на мое мичманское ничтожество, мнѣ удалось однако же привесть иркутское адмиралтейство и команду въ совершенно новый видъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и заготовленія для Охотскаго порта вывесть изъ-подъ несовмѣстнаго вліянія казенной палаты. Это обратило на меня общее вниманіе. Бойкая губернаторша, которая была такъ важна, что нѣкоторымъ дамамъ, и особенно купеческаго сословія, давала цѣловать руки, звала меня байкальскимъ адмираломъ.

Сдѣлавшись больна послѣ родовъ, она желала, чтобы я проводилъ ее самъ на дальнія Кутомарскія минеральныя холодныя воды, въ Нерчинскомъ округѣ. Это доставило мнѣ возможность видѣть весь Забайкальскій край и Кяхту. Знакомство въ этой послѣдней съ директоромъ таможни повело къ сватовству на такой невѣстѣ,

въ рукѣ которой было отказано сыну генералъ-губернатора Селифонтова. Я успѣлъ вскорѣ понравиться честному, хотя очень странному старику, 25 лѣтъ управлявшему нашею кяхтинскою торговлею и стяжавшему отъ всѣхъ имя «батюшки». Это былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Вонифантьевъ.

Въ это время Бабаевъ возвратился изъ Охотска, а я переведенъ въ балтійскій флотъ. Надо было ѣхать. Губернаторъ вошелъ въ мое положеніе и помогъ мнѣ, давъ письмо къ генералъ-губернатору Пестелю. Эту поѣздку я совершилъ въ одной повозкѣ съ возвращавшимся изъ Америки лейтенантомъ Бергомъ, бывшимъ у меня на сговорѣ въ Кяхтѣ. Въ проѣздъ чрезъ Тверь я имѣлъ счастіе представиться блаженной памяти великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая удостоила меня въ своемъ кабинетѣ многими разспросами о Сибири и Камчаткѣ. Потомъ я представлялся и его императорскому высочеству принцу Ольденбургскому и могъ ли тогда воображать, что сынъ этой августѣйшей четы, тогда еще не бывшій на свѣтѣ, черезъ 50 слишкомъ лѣтъ, будетъ благословлять образомъ моего сына.

Когда въ С.-Петербургѣ явился я къ Пестелю и подалъ ему письмо, то пріемъ былъ самый неблагопріятный; но, начавъ читать, генералъ-губернаторъ нѣсколько разъ окидывалъ меня взоромъ и, наконецъ, прочитавъ, опустилъ руку съ письмомъ и сказалъ: «Вы согласитесь, я вѣдь васъ совсѣмъ не зналъ; теперь Николай Ивановичъ пишетъ о васъ такъ много хорошаго, что я совершенно въ вашихъ повелѣніяхъ; что угодно, что бы я для васъ сдѣлалъ, я все сдѣлаю».

Опредѣленіе къ нему по особымъ порученіямъ и отправленіе обратно въ Иркутскъ было полнымъ оправданіемъ этой истинно милостивой фразы.

Возвратясь въ Иркутскъ, я поспѣшилъ за Байкалъ и переѣхалъ чрезъ него, на удивленіе всѣхъ, 24—25-го апрѣля, переночевавъ на льду, состоящемъ изъ иголокъ. Ледъ сломало въ тотъ же вечеръ. Итакъ, отъ сговора до свадьбы я проѣхалъ 13 тысячъ верстъ. Настоянія тестя, при женитьбѣ, заставили меня оставить морскую службу. На пути въ С.-Петербургъ беременность жены задержала въ Перми; тутъ родилась дочь Юлія.

Въ концѣ 1811 года великолѣпная комета, наводившая тревожное ожиданіе на всѣ умы, свѣтила на сѣверо-западѣ. Безотчетные страхи оправдались войною ужасною.

В. И. Штейнгель.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ [1].

ПОСЛѢ отстраненія графа Аракчеева отъ завѣдыванія общими государственными дѣлами,— рескриптомъ отъ 20-го декабря 1825 года, можно было быть увѣреннымъ, что онъ не останется долго и во главѣ управленія военными поселеніями. Послѣ погребенія тѣла императора Александра, наступило и это нетерпѣливо поджидаемое современниками, вожделѣнное для нихъ, событіе. Здоровье графа Аракчеева послѣ потери своего отца и благодѣтеля сильно пошатнулось; по его собственному признанію, онъ «убитый старикъ», дошелъ до такого состоянія, что ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Наконецъ, по совѣту пользовавшихъ его врачей, онъ нашелъ себя вынужденнымъ просить объ увольненіи за границу для пользованія Карлсбадскими водами.

9-го (21-го) апрѣля графъ Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, имѣющимъ первостепенное значеніе для характеристики безъ лести преданнаго графа и его дѣятельности по управленію военными поселеніями. Приведемъ здѣсь полностію этотъ замѣчательный историческій документъ. Графъ Аракчеевъ пишетъ:

---

[1]) Глава изъ приготовляемаго къ печати сочиненія «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Читано 2-го марта 1900 года въ общемъ годичномъ собраніи Императорскаго русскаго историческаго Общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества въ Зимнемъ дворцѣ.

«Ваше императорское величество

«Всемилостивѣйшій государь!

«Нѣсколько лѣтъ уже я страдаю болію въ груди: общее несчастіе—горестная кончина государя императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего, довершило разстройство моего здоровья и довело наконецъ до такого состоянія, что я ни днемъ, ни ночью не имѣю покою. Я совѣтовался со многими врачами, но ни одинъ не могъ облегчить меня. Всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно средство, испытать Карлсбадскія воды; я долженъ послѣдовать ихъ совѣту. Всемилостивѣйшій государь! я служу уже четвертому россійскому государю, офицеромъ съ 1787 года, и во всѣ сіи тридцать девять лѣтъ, въ первый разъ прошу моего императора объ отпускѣ меня за границу. Я испрашиваю сего отпуска единственно для поправленія моего здоровья. Ежели Всевышній благоволитъ ниспослать мнѣ облегченіе отъ болѣзни, то я могу продолжать мое служеніе вамъ, всемилостивѣйшій государь, съ тѣмъ же чистымъ и прямымъ усердіемъ, которое руководило меня при жизни покойнаго государя, отца и благодѣтеля моего, ежели только служба моя угодна будетъ вашему императорскому величеству.

«Новое государственное учрежденіе военныхъ поселеній, въ моемъ управленіи состоящее, съ Божіею помощію и особымъ высочайшимъ въ Бозѣ почивающаго государя императора, отца и благодѣтеля моего, Александра Павловича, попеченіемъ, получило уже твердое основаніе во всѣхъ частяхъ его устройства, такъ что теперь оно не требуетъ болѣе ничего, кромѣ охраненія заведеннаго вездѣ порядка.

«Что касается до денежныхъ способовъ военныхъ поселеній, то я оставляю наличныхъ денегъ болѣе тридцати двухъ миліоновъ рублей. Кажется, могу я открыто и съ позволеннымъ вѣрному слугѣ своего государя христіанскимъ удовольствіемъ сказать, что сія часть въ такомъ положеніи, какое, конечно, не всѣмъ другимъ извѣстно, и въ какомъ, можетъ быть, никто не воображаетъ себѣ военныхъ поселеній; въ дополненіе же онаго всеподданнѣйше доношу, что всѣ закономъ установленные отчеты по военнымъ поселеніямъ сданы уже государственному контролю по 1825 годъ, въ чемъ удостовѣряютъ полученныя отъ онаго квитанціи.

«Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе особую записку о капиталахъ военныхъ поселеній.

«Ежели мои труды и усердіе въ скопленіи и пріобрѣтеніи сихъ значительныхъ суммъ удостоятся обратить на себя хотя нѣсколько вниманія вашего императорскаго величества, то въ награду оныхъ я прошу оказать мнѣ двѣ монаршія милости: дозволить мнѣ подносимую записку напечатать въ «Инвалидѣ» къ общему свѣдѣнію

и предоставить мнѣ пользоваться во время отпуска нынѣ получаемымъ мною содержаніемъ. Оно не огромно, всемилостивѣйшій государь! и менѣе получаемаго не только моими сотоварищами, но даже и многими статсъ-секретарями.

«Не позволилъ бы я себѣ утруждать ваше императорское величество просьбою о послѣднемъ, ежели бы могъ безъ того обойтися въ приготовленіи себя къ отъѣзду и въ содержаніи себя за границею, но мои нужды доказываетъ продажа домовыхъ моихъ столовыхъ серебряныхъ вещей, что должно быть не безъизвѣстно и вамъ, всемилостивѣйшій государь, по докладамъ вашего гофмаршала и управляющаго кабинетомъ. Письмо мое къ сему послѣднему я бы желалъ, дабы оно доведено было до высочайшаго свѣдѣнія.

«Но ежели я не пріобрѣлъ службою моего права и на сію милость вашего императорскаго величества, то долженъ буду прибѣгнуть для путевыхъ издержекъ къ займу денегъ подъ залогъ единственнаго Грузинскаго моего имѣнія, дарованнаго мнѣ за службу въ Бозѣ почивающимъ вашимъ родителемъ: имѣніе сіе составляетъ все мое благосостояніе,—и я со времени пожалованія онаго мнѣ не прибавилъ къ нему ни единой души крестьянъ, ни единой десятины земли, ни покупкою, ни наградами розданныхъ арендъ и земель.

«Всемилостивѣйшій государь! все здѣсь изложенное столь истинно, что я могу подвергнуть оное суду самыхъ моихъ недоброжелателей. Мнѣ кажется, и они, прочитавъ все оное, ежели бы не отдали мнѣ справедливости, то, конечно, восчувствовали бы въ совѣсти своей нѣкоторое волненіе. Я предаю себя сердцевѣдцу Богу и моему всемилостивѣйшему государю, августѣйшему брату блаженныя памяти государя, отца и благодѣтеля моего. Служа его величеству вѣрою и правдою, я не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства, я имѣлъ счастіе удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ: его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшеніемъ, а нелицемѣрный судія—грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ.

«Остаюсь на вѣкъ, съ глубочайшимъ и истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію,

«вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный,
«графъ Аракчеевъ».

Въ отвѣтъ на это письмо, государь, разрѣшивъ графу Аракчееву заграничный отпускъ, пожаловалъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, на дорожныя издержки 50.000 рублей.

Оставаясь вѣрнымъ системѣ, усвоенной себѣ въ продолженіе всего царствованія императора Александра и заключавшейся въ

неизмѣнномъ уклоненіи отъ высочайшихъ наградъ, графъ Аракчеевъ и на этотъ разъ остался себѣ вѣрнымъ, не соблаговоливъ воспользоваться дарованною ему наградою; онъ не замедлилъ дать пожалованнымъ ему деньгамъ такое назначеніе, которое едва ли найдетъ себѣ въ служебномъ мірѣ много подражателей. 17 апрѣля графъ обратился къ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ съ просьбою принять отъ него 50.000 рублей для составленія капитала, на проценты котораго воспитывать въ императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ пять дѣвицъ сверхъ штата.

Но графъ Аракчеевъ не довольствовался этимъ великодушнымъ поступкомъ и довершилъ оказанное имъ благодѣяніе тѣмъ, что пожертвовалъ въ добавокъ къ 50.000 рублямъ еще 2.500 рублей, «дабы бѣдныя дѣвицы», какъ писалъ онъ 3-го мая императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ, «въ семъ году еще воспользовались дарованною мнѣ отъ государей императоровъ милостію».

Что же касается до денежныхъ средствъ, въ которыхъ нуждался графъ Аракчеевъ для заграничнаго путешествія, то, какъ упомянуто во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 9-го апрѣля, онъ приступилъ къ продажѣ своихъ драгоцѣнностей. Для этой цѣли графъ Аракчеевъ обратился 9-го марта 1826 года съ просьбою къ князю А. Н. Голицыну о продажѣ въ кабинетъ его величества своихъ драгоцѣнностей, прося оцѣнить ихъ по-христіански. Приведемъ здѣсь это письмо, преисполненное свойственнымъ графу Аракчееву язвительнымъ юморомъ.

«Судьбы человѣческія неисповѣдимы!—пишетъ Аракчеевъ.—Я всегда располагалъ себя такъ, чтобъ мнѣ никогда ваше сіятельство не безпокоить моими просьбами; но нынѣ долженъ по необходимости преступить сіе правило и адресоваться къ вашему сіятельству съ моею слѣдующею просьбою.

«Служа съ офицерскаго чина 39 лѣтъ четвертому россійскому государю, во все оное время накопились у меня жалованныя вещи. Но какъ я по болѣзни моей долженъ буду просить себѣ увольненія къ водамъ, а для сего нужны деньги, то я и рѣшился всѣ имѣющіяся жалованныя вещи продать.

«Прилагая о сихъ вещахъ подробную опись, прошу васъ, милостивый государь, приказать купить оныя въ кабинетъ его величества, гдѣ, я полагаю, по нынѣшнему приближающемуся торжественному коронованію, подобныя вещи будутъ нужны.

«Если ваше сіятельство прикажете оныя мои вещи, накопленныя въ 39 лѣтъ моей службы, оцѣнить по-христіански, то я за оное буду вамъ, милостивый государь, весьма благодаренъ, ибо симъ самымъ увеличится моя сумма, потребная мнѣ на приготовленіе къ моему отъѣзду».

Письмо это является тѣмъ болѣе любопытнымъ историческимъ документомъ, если вспомнить, что еще незадолго до того, а именно

въ 1824 году, графъ Аракчеевъ въ союзѣ съ архимандритомъ Фотіемъ сокрушилъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которымъ управлялъ тогда князь А. Н. Голицынъ; по свидѣтельству же Фотія графъ Аракчеевъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, «яко Георгій Побѣдоносецъ» [1]).

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ не оказался злопамятнымъ и отнесся къ своему недавнему врагу вполнѣ по-христіански; онъ тотчасъ отвѣтилъ графу Аракчееву, что оцѣнка вещей его будетъ сдѣлана по всей справедливости.

Сверхъ брильянтовъ, графъ Аракчеевъ продалъ еще въ придворную контору серебро и фарфоръ, такъ что окончательно продажа всѣхъ вещей состоялась на слѣдующихъ условіяхъ:

Табакерка черепаховая, оправленная въ золото и украшенная брильянтами, подаренная въ 1812 году наслѣднымъ принцемъ шведскимъ	8.400 р.
Перстень брильянтовый съ вензелемъ императора Павла	2.100 »
Серебряная посуда, десертное вызолоченное серебро и фарфоровыя десертныя тарелки	28.390 »
Итого:	38.890 р.

На счетахъ же рукою графа Аракчеева написано: «Всего денегъ получено 38.890 рублей, которыя всѣ отданы въ коммерческій банкъ 7-го апрѣля 1826 года и взяты на расходы графомъ за границу 1-го мая 1826 года».

Судьба военныхъ поселеній опредѣлилась слѣдующимъ рескриптомъ императора Николая на имя графа Аракчеева отъ 30-го апрѣля 1826 года:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ! Для поправленія разстроеннаго вашего здоровья, сходно съ желаніемъ вашимъ, увольняю васъ къ водамъ за границу, предоставляя вамъ управленіе отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеніи во время вашего отсутствія поручить на общихъ правилахъ начальнику штаба генералъ-майору Клейнмихелю, который обязанъ о дѣлахъ важныхъ, требующихъ вашего разрѣшенія, относиться къ начальнику главнаго моего штаба. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ» [2]).

---

[1]) Н. Шильдеръ: Александръ I, т. 4.

[2]) Пока графъ Аракчеевъ управлялъ еще военными поселоніями, то-есть до 1-го мая 1826 года, императоръ Николай осматривалъ новгородскія поселенія съ 23-го по 26-е апрѣля. Это было первое путешествіе государя по Россіи, предпринятое имъ послѣ воцаренія. Николай Павловичъ, оставшись вполнѣ довольнымъ осмотрѣнными войсками, объявилъ свою особенную признательность графу Аракчееву. 30-го апрѣля по военнымъ поселеніямъ послѣдовалъ по случаю этого радостнаго событія приказъ:

«Усердіе, которое всегда отличало 1-ю поселенную гренадерскую дивизію въ устройствѣ, ученіяхъ и смотрахъ, къ особенному удовольствію моему отличило

Хотя по смыслу рескрипта 30-го апрѣля казалось, что графъ Аракчеевъ только временно разстается съ корпусомъ военныхъ поселеній, до излѣченія болѣзни, но въ дѣйствительности онъ простился съ своимъ твореніемъ навсегда. 1-го мая графъ Аракчеевъ отдалъ свой послѣдній прощальный приказъ, въ которомъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, называетъ ихъ почтенными сотоварищами и добрыми солдатами военныхъ поселеній. Этотъ трогательный приказъ былъ послѣднимъ откликомъ той отнынѣ замиравшей сельской идилліи, которою графъ Аракчеевъ восхищалъ и утѣшалъ императора Александра въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія.

По возвращеніи графа Аракчеева изъ-за границы въ исходѣ 1826 года, онъ ужъ болѣе не вступалъ въ исправленіе своихъ обязанностей. На основаніи послѣдовавшаго тогда указа, штабъ военныхъ поселеній былъ присоединенъ къ главному штабу его императорскаго величества, подъ вѣдѣніе начальника его генералъ-адъютанта барона Дибича [1]). Съ этого времени новгородское военное поселеніе поступило въ полное управленіе генералъ отъ ин-

---

ее и нынѣ при высочайшемъ смотрѣ, бывшемъ 22-го, 23-го, 24-го, 25-го и 26-го числъ сего апрѣля мѣсяца. Государь императоръ совершенно доволенъ. Прилагаемый при семъ высочайшій приказъ, отданный въ 28-й день сего апрѣля мѣсяца, удостовѣритъ каждаго въ монаршемъ благоволеніи. Гордитесь, воины, царскою милостію и потщитесь усердіемъ и добрымъ поведеніемъ болѣе и болѣе обратить на себя монаршее вниманіе! Въ поселенныхъ баталіонахъ, столь отлично учившихся, не производить никакого ученія до сентября мѣсяца сего года. Первое царское денежное награжденіе, по высочайшему приказу получаемое, раздать въ присутствіи полковыхъ командировъ по принадлежности каждому человѣку въ руки непремѣнно, а бригаднымъ командирамъ оное засвидѣтельствовать. Высочайшій приказъ и сей, отдаваемый мною, прочитать во всѣхъ поселенныхъ полкахъ 1-й гренадерской дивизіи въ каждой ротѣ».

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ находился за границею, онъ удостоился еще разъ получить монаршее благоволеніе. Императоръ Николай во время проѣзда изъ Петербурга въ Москву для коронаціи 17-го іюля 1826 года снова осмотрѣлъ войска новгородскаго отряда военныхъ поселеній и, найдя ихъ въ отличномъ видѣ, объявилъ о томъ въ приказѣ. Въ заключеніи высочайшаго приказа сказано: «Его величество, относя таковое отличное состояніе означенныхъ войскъ наиболѣе неутомимымъ трудамъ главнаго надъ военными поселеніями начальника генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, объявляетъ ему особенную свою признательность».

[1]) Во всякомъ случаѣ послѣдовавшее въ 1826 году уничтоженіе прежняго исключительнаго положенія, занимаемаго въ государствѣ военными поселеніями, позволяло по крайней мѣрѣ надѣяться, что дальнѣйшему расширенію или развитію этого зловреднаго учрежденія положенъ будетъ предѣлъ.

Не такъ смотрѣлъ на любимое твореніе Александра I-го цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 22-го января (3-го февраля) 1827 года онъ писалъ императору Николаю:

«C'est à vous, cher frère, de mettre la dernière main à l'oeuvre favorite de notre immortel Empereur au sujet des colonies militaires qui n'ont été, pour ainsi dire, qu'ébauchées par lui».

фантеріи князя Шаховского, получившаго званіе командира отдѣльнаго гренадерскаго корпуса; Херсонское и Екатеринославское поселенія были подчинены также на правахъ командира отдѣльнаго корпуса начальнику этихъ поселеній графу Витту, а поселенія въ Слободско-украинской и Могилевской губерніяхъ остались въ завѣдываніи своихъ прежнихъ начальниковъ, имѣвшихъ званіе отрядныхъ командировъ.

Извѣстіе объ этой новой организаціи военныхъ поселеній графъ Аракчеевъ получилъ при возвращеніи въ Россію. Это видно изъ письма его къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 5-го декабря 1826 года изъ Кіева.

«Не осмѣливаясь,—пишетъ Аракчеевъ,—безпокоить моимъ донесеніемъ его императорскому величеству всемилостивѣйшему моему государю императору о полученномъ мною 2-го декабря послѣдовавшемъ на мое имя прошлаго октября 23-го числа указѣ о присоединеніи военныхъ поселеній въ главный штабъ его императорскаго величества, я по званію вашему увѣдомляю объ этомъ васъ, милостивый государь, для доклада государю императору.

«Покорно прошу ваше высокопревосходительство при докладѣ вашемъ его императорскому величеству изъяснить мою вѣрноподданную благодарность за увольненіе меня отъ занятіевъ по военному поселенію, что дѣйствительно мнѣ нужно для поправленія совершенно разстроеннаго моего здоровья, которое необходимо требуетъ единственной мнѣ уединенно-спокойной жизни».

24-го декабря 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ отвѣчалъ своему бывшему покровителю:

«Содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства ко мнѣ отъ 5-го сего декабря я доводилъ до свѣдѣнія государя императора и по высочайшему повелѣнію въ отвѣтъ на оное имѣю честь увѣдомить, что его величество искренно желаетъ, дабы отдохновеніе отъ долговременныхъ трудовъ, на пользу службы вами понесенныхъ, могло способствовать къ совершенному возстановленію разстроеннаго вашего здоровья».

Судя по приведеннымъ здѣсь письмамъ, остается открытымъ вопросъ: составлялъ ли указъ отъ 23-го октября неожиданное для Аракчеева проявленіе высочайшей воли, или же прекращеніе исключительнаго положенія, существовавшаго для военныхъ поселеній въ администраціи имперіи являлось результатомъ соглашенія, состоявшагося еще до отъѣзда графа Алексѣя Андреевича за границу. Но какъ бы то ни было, съ этого времени графъ Аракчеевъ, распростившись окончательно съ служебнымъ поприщемъ, дѣйствительно обратился въ грузинскаго отшельника—наименованіе, которымъ онъ столь часто злоупотреблялъ въ дни прошедшихъ навсегда силы и могущества. Теперь графу Аракчееву оставалось спокойно выжидать, чтобы, какъ онъ выражался въ

письмѣ къ императору Николаю, нелицемѣрный судія—грядущее время и потомство изрекли бы всему справедливый приговоръ. Но вскорѣ по собственной винѣ и неожиданно для всѣхъ произошло событіе, которое сильно встревожило грузинскаго отшельника и омрачило спокойное и однообразное теченіе его уединенной жизни.

31-го января (12-го февраля) 1827 года, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Тифлисъ, обратился къ графу Аракчееву съ слѣдующимъ письмомъ:

«До свѣдѣнія государя императора дошло, что здѣсь въ С.-Петербургѣ появились печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, будто бы писанныя покойнымъ государемъ императоромъ къ вашему сіятельству. Его величество полагаетъ, что таковыя письма и записки напечатаны безъ вѣдома вашего сіятельства кѣмъ либо недоброжелательствующимъ вамъ, будучи увѣренъ въ собственномъ вашемъ убѣжденіи, сколь неприлично бы было напечатать то, что покойный государь императоръ, по особенной къ вамъ довѣренности, могъ писать къ вамъ партикулярно и по секрету. А потому его величество желаетъ знать: неизвѣстно ли вашему сіятельству, изъ какого источника могли быть почерпнуты сіи напечатанныя письма и записки, и кѣмъ выданы въ печать? Буде же сіе вамъ неизвѣстно, то для предупрежденія всякихъ толковъ въ публикѣ его величество полагалъ бы лучшимъ средствомъ, напечатать вашему сіятельству отъ себя объявленіе, что таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вѣроятія.

«Прося покорнѣйше ваше сіятельство почтить меня на сіе увѣдомленіемъ вашимъ, для доклада государю императору, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего сіятельства

«покорнѣйшимъ слугою,

«Иванъ Дибичъ» [1]).

Графъ Аракчеевъ находился въ это время въ Тверской губерніи, въ городѣ Бѣжецкѣ, гдѣ похоронены были его родители; онъ говѣлъ и готовился пріобщиться святыхъ таинъ. Алексѣй Андреевичъ немедленно отвѣчалъ барону Дибичу собственноручнымъ письмомъ, 13-го февраля 1827 года:

«Получа вашего высокопревосходительства письмо, писанное ко мнѣ 31-го января, касательно появившихся въ Петербургѣ печатныхъ книгъ, въ коихъ помѣщены письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, отцомъ и благодѣтелемъ моимъ, я сдѣлалъ объ ономъ нынѣ же мое донесеніе его императорскому величеству, которое нынѣ же и отправилъ.

«Касательно же требуемаго, по высочайшему повелѣнію, отъ меня объявленія о неизвѣстности моей касательно печатанія оныхъ

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 622.

писемъ, то я оное при семъ въ оригиналѣ къ вамъ, милостивый государь, препровождаю для объявленія онаго куда слѣдуетъ.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего высоко превосходительства

«покорнѣйшій слуга

«графъ Аракчеевъ».

Къ этому письму было приложено нижеслѣдующее собственноручное объявленіе графа Аракчеева:

«Дошло до свѣдѣнія графа Аракчеева, что въ С.-Петербургѣ появились въ публикѣ печатныя книги, въ коихъ помѣщены будто бы письма и записки, писанные ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ,—то какъ я, графъ Аракчеевъ, никому ничего никогда не только не позволялъ печатать, но даже и не отдавалъ никому никакихъ сего ради бумагъ, то и объявляю, что всѣ таковыя изданныя въ печати письма и записки должны быть невѣрныя и не заслуживающія вѣроятія.

«Генералъ графъ Аракчеевъ» [1]).

Императоръ Николай послалъ это письмо Дибичу въ Тифлисъ и 27-го февраля 1827 года писалъ ему:

«Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе всѣхъ насъ; я получилъ цѣлыхъ два, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ злоумышленниковъ изобрѣлъ дѣло на него, и что я погрѣшу, если сему вѣрить буду!—je vous abandonne les réflexions» [2]).

Дѣйствительно «истинно русскій новгородскій неученой дворянинъ», какъ называлъ себя нѣкогда Аракчеевъ въ перепискѣ своей съ Сперанскимъ, написалъ 13-го февраля изъ Бѣжецка два письма къ государю, одно лучше другого, представляющія собою неподражаемыя свидѣтельства для характеристики безъ лести преданнаго графа; говѣніе, повидимому, не располагало его къ излишней правдѣ. Приведемъ здѣсь полностію содержаніе этихъ двухъ писемъ:

«Ваше императорское величество,

«всемилостивѣйшій государь!

«Къ удивленію моему, ваше императорское величество, узналъ я изъ отношенія ко мнѣ начальника главнаго штаба вашего величества, что появились въ С.-Петербургѣ печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, писанныя покойнымъ государемъ императоромъ ко мнѣ. Еслибы оное свѣдѣніе дошло когда либо до меня постороннимъ образомъ, то я бы никогда не повѣрилъ оному быть возможнымъ по той причинѣ, что, доживъ до 60-ти

---

[1]) Военно-ученый Архивъ. Отд. 1. № 1048.

[2]) Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973.

лѣтъ, стыдно бы мнѣ старику было не знать, что милостивыя покойнаго государя императора ко мнѣ писанныя письма должны быть для меня одного драгоцѣнны, а объявлять ихъ въ печатныхъ книгахъ въ публику не только неприлично, но вредно и непозволительно. Почему я всеподданнѣйше прошу вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшаго государя моего, приказать разыскать, кто позволилъ оныя печатать, и кто оныя письма для онаго употребленія выдалъ, тогда и откроются тѣ люди, кои сіе обидное для меня дѣло выдумали.

«По случаю десятимѣсячнаго моего отсутствія изъ С.-Петербурга, я вышедшихъ въ публику печатныхъ книгъ нигдѣ ни у кого не только не видалъ, но и ни отъ кого объ оныхъ не слыхалъ, то и не могу придумать и вообразить себѣ, на кого бы я въ ономъ могъ имѣть подозрѣніе. Почему повторяю мою всеподданнѣйшую просьбу приказать оное изслѣдовать, что, кажется, весьма легко и удобно исполнить.

«Касательно требуемаго начальникомъ штаба отъ моего имени объявленія въ публику, что оныя письма никому мною не выдаваемы были для печатанія, то я оное препроводилъ къ нему нынѣ же, для объявленія онаго, гдѣ слѣдуетъ.

«Вашего императорскаго величества на вѣки

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ».

Къ этому офиціальному письму приложено было другое, предназначенные лично для государя; оно заключалось въ слѣдующемъ:

«Ваше императорское величество! всемилостивѣйшій государь императоръ.

«Изъяснивъ мой отвѣтъ вашему императорскому величеству касательно появившихся въ С.-Петербургѣ печатныхъ книгъ, въ коихъ помѣщены письма, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, въ особомъ письмѣ моемъ, которое, можетъ быть, угодно будетъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, отдать къ общимъ дѣламъ,—я осмѣливаюсь писать сіе особое мое письмо къ вашему императорскому величеству, въ коемъ открываю мою душу въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, коими былъ я наученъ покойнымъ государемъ, отцомъ и благодѣтелемъ моимъ, оставаясь въ той надеждѣ и упованіи, что оное письмо будетъ извѣстно только вамъ однимъ, всемилостивѣйшій государь!

«Ваше императорское величество, конечно, изволили сами давно уже замѣтить, сколь много я имѣю у себя не только недоброжелательныхъ людей, но и самыхъ злодѣевъ, число коихъ извѣстно одному Богу и покойному государю императору, отцу и благодѣтелю моему! Но прошу васъ, всемилостивѣйшій государь, обратить на сіе ваше милостивое вниманіе, какая оному могла быть

иная причина, какъ только моя вѣрная и истинная служба и вѣрная преданность покойному государю императору, ибо въ теченіе оной не обогатилъ я себя никакими способами и не выпросилъ себѣ никакихъ особенныхъ почестей и наградъ, въ сравненіи моихъ товарищей, слѣдовательно, никого онымъ не обидѣлъ, а былъ только вѣрный слуга моему государю и говорилъ ему всегда правду, что видѣлъ и слышалъ; вотъ чѣмъ самымъ и получилъ себѣ сіе безчисленное число недоброжелателей.

«Всемилостивѣйшій государь! Я всегда служилъ покойному вашему родителю и августѣйшему вашему брату вѣрно и истинно и не имѣлъ ничего у себя иного въ предметѣ, какъ только быть истиннымъ вѣрнымъ слугою, и всѣ ввѣренныя мнѣ части я оставилъ, кажется, въ хорошемъ положеніи, въ чемъ имѣлъ, слава Богу, счастіе заслужить и ваше, всемилостивѣйшій государь, благоволеніе, то на что мнѣ въ публикѣ хвастать бывшими ко мнѣ письмами, ибо я не имѣю причины въ чемъ либо себя предъ публикою оправдывать, то сіе рѣшите государь. Если вы подумаете, что изданныя печатныя письма по моему согласію изданы, я онаго никогда себѣ и въ умѣ не воображалъ, а дѣйствительно видно оное слѣлано недоброжелателями моими и должно, кажется, тутъ скрываться, кромѣ намѣренія сдѣлать мнѣ непріятное, предположеніе онымъ поселить въ вашихъ мысляхъ дурное обо мнѣ мнѣніе; но, можетъ быть, и общее какое либо злонамѣроніе, почему весьма нужно открыть издателей оныхъ книгъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Здоровье мое такъ худо, что я теперь ничего себѣ не долженъ желать, какъ только одного покою, но онаго я отъ моихъ недоброжелателей никогда не буду имѣть, если вы, всемилостивѣйшій государь, не обратите вашего милостиваго вниманія на стараго слугу вашихъ августѣйшихъ предковъ. Не оставьте меня вашею отцовскою защитою и будьте увѣрены, что я окажу свои послѣдніе годы жизни, хотя уже не службою, но тою же вѣрною преданностію къ вамъ, августѣйшему монарху, всемилостивѣйшему государю моему, о коемъ я ежедневно молюсь Богу, ведущему всѣ наши помышленія.

«Я теперь говѣю и готовлюсь пріобщиться святыхъ тайнъ въ той деревнѣ, гдѣ находятся гробы моихъ родителей, а потомъ велю себя перевезти въ мое Грузино и буду жить уединенно. Но прошу у васъ, всемилостивѣйшій государь, милости — позволить мнѣ въ случаѣ важныхъ какихъ либо обидъ и угнетеніевъ отъ злодѣевъ моихъ, адресоваться прямо къ вашему императорскому величеству съ тою искренно душевною откровенностію, съ какою я всегда оное дѣлалъ въ теченіе моей жизни.

«Окончу сіе письмо принесеніемъ моей вамъ, всемилостивѣйшій государь, вѣрноподданнической душевной благодарности за ваши, мнѣ оказанныя до сего времени, милости и буду просить Господа

Бога, дабы Онъ даровалъ вашему величеству здоровье, нужное для счастія любезнаго нашего отечества, а я всю достальную жизнь пребуду съ душевнымъ вѣрноподданническимъ высокопочитаніемъ и преданностію.

«Вашего императорскаго величества

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ».

Трудно встрѣтить болѣе наглаго обращенія съ истиною, какъ въ этомъ произведеніи пера «истинно русскаго новгородскаго неученаго дворянина», являющемся къ тому же вполнѣ ложною исповѣдью. Остается только повторить слова, высказанныя по этому поводу императоромъ Николаемъ въ письмѣ къ барону Дибичу: «je vous abandonne les réflexions». Но чаша беззаконій оказалась переполненною, и наказаніе не замедлило послѣдовать неожиданно и самымъ быстрымъ образомъ.

Между тѣмъ начавшееся уже ранѣе разслѣдованіе обнаружило, что графъ Аракчеевъ самъ распорядился напечатать въ типографіи военныхъ поселеній письма и записки императора Александра, подъ заглавіемъ: «Собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля, Александра I-го къ его подданному графу Аракчееву. Съ 1796 года до кончины его величества, послѣдовавшей въ 1825 году» [1]). Затѣмъ графъ Аракчеевъ имѣлъ неосторожность подарить одинъ экземпляръ, съ собственноручною надписью, одному изъ своихъ бывшихъ ближайшихъ сотрудниковъ и другу, который не замедлилъ представить императору Николаю полученный имъ драгоцѣнный сборникъ. Желаемая улика оказалась на лицо, и отнынѣ неосторожному издателю трудно было продолжать свою защиту, сваливая содѣянный имъ грѣхъ на какихъ-то невѣдомыхъ «злодѣевъ» и выпрашивая себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отцовскую защиту государя.

Нашелся и другой доносчикъ, нѣкій Сальватори (Antoine Salvatori), который передалъ черезъ генерала Канкрина въ руки государя французскій переводъ двухъ послѣднихъ писемъ императора Александра къ своему другу, заказанный графомъ Аракчеевымъ [2]).

---

[1]) Поименованное здѣсь изданіе графа Аракчеева слѣдуетъ признать вторымъ. Первое изданіе было напечатано въ 1822 году, еще при жизни «отца и благодѣтеля» графа Аракчеева, подъ заглавіемъ:

«Собственноручные рескрипты государя императора Александра I-го къ графу Аракчееву. Съ 1796 по 1822 годъ».

[2]) Que dites vous de l'impudence de M. le comte Araktscheeff qui nie formellement avoir imprimé les fameuses lettres, demande une enquête et prétend que c'est une invention des злоумышленники. Entre autres preuves pour le confondre, l'Empereur a reçu par M-r Kankrin la traduction des deux dernières lettres faite par un nommé Salvatori, qui dit en avoir eu l'ordre du comte et y avoir trava-

Тогда императоръ Николай, убѣдившись въ виновности графа Алексѣя Андреевича, рѣшилъ послать въ Грузино графа Чернышева, какъ бывшаго нѣкогда «dans les bonnes grâces du comte», съ полномочіемъ отобрать у Аракчеева напечатанную имъ переписку и доказать ему «son mensonge impudent», какъ выразился генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Порученіе было не изъ пріятныхъ, если припомнить въ какихъ выраженіяхъ Чернышевъ кадилъ нѣкогда ѳиміамъ всесильному временщику [1]).

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ графъ Чернышевъ описываетъ свое свиданіе съ грузинскимъ отшельникомъ въ письмѣ къ барону Дибичу отъ 26-го марта (7-го апрѣля) 1827 года.

«Я заставилъ этого господина (l'individu) признаться во всемъ и взялъ отъ него всѣ напечатанные экземпляры, которые находились у него въ рукахъ, яко бы для своего собственнаго употребленія. Мое сердце содрогнулось при мысли, что человѣкъ, настолько

---

illé en sa présence. On tache de rassembler les imprimès et Czernicheff ira en ambassade à Grousino, dès l'arrivèe du seigneur pour lui prouver son mensonge. Qu'un homme capable d'une impudence aussi hardie est dangereux auprès d'un souverain.

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 26-го февраля 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

19-го февраля (3-го марта) 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

Le lendemain de votre dèpart j'ai reçu les deux lettres que voici, dont le contenu peut fournir à maintes reflexions!—je n'en ferai aucune et me bornerai à ajouter qu'après pareille déclaration, j'ai procèdè officiellement à reclamer les exemplaires et qu'à cette occasion l'individu chargè par le comte de la traduction en français des deux fameuses lettres de Taganrog, est venu restituer les deux brouillons de la traduction avec les ratures dessus!—Je vous prie instamment de me renvoyer les lettres, ainsi que le livre, vu l'importance de l'inscription autographe; il m'est indispensable pour l'avenir.

[1]) 20-го февраля 1815 генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ графу Аракчееву:

«Зная, сколь всякое слово вашего сіятельства уважается нашимъ обожаемымъ монархомъ, почелъ я долгомъ показать ему лестное письмо, коимъ вы меня удостоили».

8-го августа 1815 года:

«Благосклонное расположеніе вашего сіятельства всегда было для меня столь драгоцѣнно, что въ каждомъ случаѣ не переставалъ я руководствоваться желаніемъ болѣе и болѣе удостоиться оказанной вашимъ сіятельствомъ мнѣ ласки, Если обстоятельства не дозволяли мнѣ изъяснять вамъ безпрерывною перепискою привязанность мою и давать отчетъ дѣяніямъ моимъ, то не менѣе того служило мнѣ простое одобреніе ваше всегда цѣлію, вмѣстѣ и наградою... Мы всѣ крайне сожалѣли, что вы не изволили во все послѣднее время сопутствовать государю императору; всѣмъ извѣстно уваженіе, которое его величество признаетъ къ совѣтамъ и видамъ вашимъ».

Во времена силы и могущества Аракчеева, Чернышева приводили въ благоговѣйный трепетъ усердіе и преданность къ славѣ государя и пользѣ службы, о коихъ графъ Алексѣй Андреевичъ неутомимо пещись изволилъ. Въ 1827 году онъ обратился уже для него въ «individu».

пользовавшійся милостями нашего ангела-благодѣтеля, выказалъ себя столь низкимъ и столь трусливымъ» [1]).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выразился объ этомъ дѣлѣ, которое называетъ грязнымъ (sale affaire), еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ въ письмѣ къ барону Дибичу.

«Чернышевъ былъ посланъ къ графу Аракчееву съ документами въ рукахъ, чтобы доказать ему его преступленіе въ отношеніи его благодѣтеля и государя, его злоупотребленіе довѣріемъ въ отношеніи дружбы, которою онъ былъ почтенъ, и его безстыдную ложь (mensonge impudent) въ отношеніи царствующаго императора. Его миссія носитъ положительный характеръ, но она не является пріятною для человѣка, который въ теченіе столькихъ лѣтъ искалъ и добился милостей опальнаго визиря.

«Онъ все отдалъ, онъ былъ настолько же трусливъ, настолько же подлъ, насколько прежде былъ высокомѣренъ. Какой урокъ! Императоръ проявилъ къ этому преступному человѣку всю внимательность, которую его чудная душа должна была воздать памяти его несравненнаго брата; люди уважали въ немъ даже слабость государя, котораго не существовало болѣе; никто не нападалъ на него, хотя всѣ осуждали его. Онъ самъ палъ подъ собственною тяжестью своихъ дѣяній, и Провидѣніе, начавшее карать его со дня убійства его любовницы, не имѣло надобности ни въ содѣйствіи людей, ни въ могуществѣ императора, чтобы сдѣлать его несравненно болѣе несчастнымъ, чѣмъ былъ несчастенъ Меншиковъ, сосланный на сѣверъ Сибири» [2]).

---

[1]) Lors de l'expédition du dernier courrier j'ètais absent pour une commission fort dèsagrèable á Grousino; j'ai fait convenir de tout l'individu et lui ai pris tous les exemplaires imprimès qu'il avait entre les mains, soi-disant pour son propre usage. Mon coeur a gèmi de ce qu'un homme qui a été si fort dans les bonnes graces de notre angèlique bienfaiteur, se soit montrè même si bas et si poltron.

Изъ письма графа Чернышева къ барону Дибичу отъ 26-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

[2]) «Le comte Arakczéew est de retour à Grousino; avant hier le comte Czernischeff lui a été envoyé, les documents en mains, pour lui prouver son crime envers son bienfaiteur et maître, son abus de confiance envers l'amitiè dont il en ètait honoré, et son mensonge impudent envers l'Empereur régnant. La mission est positive, mais elle n'est pas agréable pour un homme qui pendant tant d'années a cherchè et obtenu les bonnes gràces du vizir disgracié». (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 13-го марта 1827 года).

Une autre affaire moins importante, mais plus sale encore, vient d'être terminée à Grousino, par l'entremise de Czernicheff; il a tout remis, il a été aussi poltron, aussi bas qu'il avait été arrogant autrefois. Quelle leçon; l'Empereur a comblé cet homme coupable de toute la délicatesse que sa belle âme devait à la mèmoire de son incomparable frère; les hommes ont respecté en lui jusqu'à la faiblesse du maître qui n'existait plus; personne ne l'a attaqué, quoique tous le condamnaient. Lui seul est tombé par le propre poid de ses actions, et la Providence qui a commencée sa punition du jour de l'assassinat de sa maitresse, n'a pas eu besoin de

15-го (27-го) марта 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Сегодня утромъ Чернышевъ вернулся ко мнѣ изъ Грузина, куда я посылалъ его объясниться устно съ Аракчеевымъ. Я выбралъ его для большей вѣрности, такъ какъ онъ пользовался милостями графа. И что же вы подумали бы? Онъ привезъ 18 экземпляровъ и признаніе, что онъ былъ не правъ, но что, какъ его спрашивали, не извѣстно ли ему о подобныхъ книгахъ, ходившихъ по рукамъ, а не спрашивали, не велѣлъ ли онъ напечатать ихъ для себя, то онъ не думалъ, что лжетъ (il n'avait pas cru mentir), сказавъ, что не слышалъ разговоровъ объ этомъ. Онъ плакалъ, увѣрялъ, что печаталъ ихъ съ вѣдома императора, и что даже императоръ часто спрашивалъ его, насколько увеличилось изданіе. Что онъ подарилъ ихъ только двумъ лицамъ, но что возможно, что часть ихъ украли у него, что, впрочемъ, онъ показывалъ ихъ нѣсколькимъ. Что касается пресловутыхъ послѣднихъ писемъ, то справедливо, что онъ показывалъ ихъ, переводилъ, списывалъ и раздавалъ, и что въ этомъ онъ признаетъ себя виновнымъ передо мною въ томъ отношеніи, что не испросилъ у меня разрѣшенія» [1]).

Еще ранѣе императоръ Николай послалъ цесаревичу письма графа Аракчеева отъ 13-го февраля и печатный экземпляръ его изданія, переданный государю другомъ—предателемъ. Возвращая государю эти рѣдкости, Константинъ Пквловичъ писалъ:

«У меня просто опускаются руки, и мнѣ нечего прибавлять къ негодованію, которое я испытываю какъ противъ Аракчеева, такъ и противъ презрѣннаго (misérable)..., который, осыпанный въ пол-

---

l'assistence des hommes, ni de la puissance de l'Empereur, pour le rendre bien plus malheureux que ne l'a été Mentschikow exilé au nord de la Sibérie». (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 19-го марта 1827 года).

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

[1]) Ce matin m'est revenu Чернышевъ de Grousino, où je l'avais envoyé s'expliquer verbalement avec Аракчеевъ. J'avais fait choix de lui pour plus de sûreté parce qu'il avait été dans les bonnes grâces du comte. Eh bien que croyez vous? il m'a rapporté 18 exemplaires et un aveu de ce qu'il avait eu tort; mais que comme on lui avait demandé s'il n'avait pas connaissance de livres pareils qui couraient le monde et non s'il les avait fait imprimer pour lui, il n'avait pas cru mentir en disant qu'il n'en avait pas entendu parler. Il a pleuré, protesté que c'était de l'aveu de l'Empereur qu'il les avait fait imprimer et que même l'Empereur lui avait souvent demandé de combien l'édition avait augmentée. Qu'il n'en a fait cadeau qu'à deux personnes, mais qu'il est possible qu'on lui en a volès; qu'au reste il les avait fait voir à plusieurs, Quant aux fameuses dernières, il était vrai qu'il les avait montrées traduites, copiées et distribuées, et qu'en cela il s'avouait coupable devant moi de ne m'en avoir pas demandé permission. Voici un exemplaire que vous m'avez demandé».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 15-го (27-го) марта 1827 года.

ной мѣрѣ его милостями, имѣлъ подлость (la bassesse) отдать свой экземпляръ съ его собственноручною надписью; я, на его мѣстѣ, постарался бы уничтожить ее, сохранивъ, все-таки, экземпляръ, еслибы не могъ истребить его. Человѣкъ, обнаруживающій недостатокъ благодарности къ своему благодѣтелю, каковъ бы ни былъ послѣдній самъ по себѣ,—человѣкъ гадкій и низкій, заслуживающій презрѣнія и недостойный, по моему мнѣнію, оставаться среди общества и, въ особенности, на какомъ бы то ни было мѣстѣ близъ государя (un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque). Таково мое мнѣніе. Что же касается книги самой по себѣ, она не представляетъ ничего другого, какъ, съ одной стороны, слѣпую довѣрчивость человѣка, судившаго о прочихъ по своему ангельскому сердцу, а съ другой стороны—глупое тщеславіе (sotte vanité), безстыдное самолюбіе (amour propre déhonté) и желаніе возвеличить себя даже въ ущербъ тому, кого онъ называлъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ — однимъ словомъ это прискорбно» [1]).

Государь, отвѣчая Константину Павловичу, постарался, до нѣкоторой степени, смягчить рѣзкій приговоръ брата относительно лица, выдавшаго тайну своего благодѣтеля, объяснивъ побудительную къ тому причину; но затѣмъ Николай Павловичъ все-таки окончательно какъ бы подтверждаетъ справедливость отзыва, сдѣланнаго цесаревичемъ. Приведемъ здѣсь относящіяся до этого строки изъ письма гусударя отъ 14-го (26-го) марта 1827 года:

«Я вполнѣ раздѣлилъ бы ваше мнѣніе на счетъ... еслибы фактъ былъ самъ по себѣ точенъ; но такъ какъ книга была выгребована у него внезапно и неожиданно для него, то это смягчаетъ его вину; но, къ несчастью, болѣе чѣмъ часто бываешь вынужденъ пользоваться услугами людей, которыхъ не уважаешь, если они могутъ принести хоть какую нибудь пользу,—а таково

---

[1]) «Les mains m'en tombent et je n'ai rien à ajouter à l'indignation que j'en ressens tant envers lui, qu'envers le misérable... qui, comblé comme il l'a été de ses bontés, a eu la bassesse de rendre son exemplaire avec la souscription autographe; moi à sa place, je l'aurais fait disparaitre, en gardant toutefois l'exemplaire, si je n'aurais pu l'annuler. Un homme qui manque de reconnaissanse envers son bienfaiteur, tel qu'il puisse être, est un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque—c'est mon avis. Quant au livre en soi-même, il ne contient rien autre qu'une aveugle confiance d'une part d'un homme, qui jugeait les autres d'après son coeur angélique, et de l'autre une sotte vanité, un amour propre déhonté et une envie de se faire valoir au détriment même de celui qu'il appelait son père et son bienfaiteur—en un mot c'est déplorable.—Si vous pouvez, cher frère, me procurer un des exemplaires, veuillez me l'envoyer, vous m'obligeriez par là infiniment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1827 года.

именно положеніе даннаго лица. (Je partagerais complètement votre opinion sur... si le fait était exact; mais comme le livre lui a été redemandé subitement et à sa surprise, cela diminue de sa culpabilité: mais malheureusement on n'est que trop souvent forcé d'employer des individus que l'on n'estime pas, quand ils peuvent être de quelque utilité—et c'est bien le cas du personnage).

Объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ повинная графа Аракчеева, привезенныя Чернышевымъ изъ Грузина, заключались въ нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 13-го (25-го) марта 1827 года:

«Ваше императорское величество,

всемилостивѣйшій государь.

«Я благодарю ваше императорское величество, что вы изволили выбрать честнаго человѣка и справедливаго, Александра Ивановича Чернышева, которому я подробно и истинно все объявилъ, и всѣ печатные, бывшіе у меня осьмнадцать экземпляровъ при семъ представляю; девятнадцатый отданъ былъ господину Клейнмихелю, а двадцатый оставилъ у себя и болѣе сего, то-есть, двадцати экземпляровъ я не переплеталъ и не собиралъ, о чемъ извѣстенъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель и чиновникъ Ольденборгеръ, управляющій типографіею и переплетной. Печатаны же сіи экземпляры съ самаго учрежденія типографіи каждогодно, по прошествіи каждаго года, и я имѣлъ счастіе каждый годъ показывать покойному государю императору, который послѣдніе годы уже самъ изволилъ спрашивать меня, напечаталъ ли я письма и сколько ихъ прибыло, что я все ясно и подробно объяснилъ Александру Ивановичу.

«Касательно же перваго моего письма о сихъ письмахъ, то я разумѣлъ письмо Ивана Ивановича Дибича, что онъ спрашивалъ меня о появившихся книгахъ, печатныхъ въ публику, то я и думалъ, что письма сіи напечатаны въ какихъ либо журналахъ, или анекдотахъ, а если бы онъ спросилъ у меня, нѣтъ ли для себя печатныхъ экземпляровъ, то я бы все то написалъ, что нынѣ лично объяснилъ генералу, графу Чернышеву. Послѣ сего, кажется, ваше величество изволите увидѣть совершенно мою невинность и простите милостиво мое желаніе имѣть сіи письма въ печати, собственно для себя, а не для публики, о чемъ и покойный государь меня благословлялъ и позволялъ изъ представленныхъ ежегодно печатныхъ ему писемъ, а виноватъ, всемилостивѣйшій государь, что я послѣдній годъ напечаталъ при вашемъ царствованіи.

«Господину Шкурину [2]) я непереплетеннаго экземпляра не пере-

[1]) Вѣроятно, упомянутый здѣсь Шкуринъ есть флигель-адъютантъ Павелъ Сергѣевичъ Шкуринъ, произведенный въ октябрѣ 1827 года въ генералъ-майоры. Въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 23-го февраля 1827 года, онъ

давалъ, и не знаю, откуда онъ получилъ; даже я родному брату оныхъ не давалъ, и ихъ у него нѣтъ. Всемилостивѣйшій государь, простите мнѣ вину мою, если я виновенъ въ ономъ, ибо я терзаюсь онымъ, что вы гнѣваетесь на меня, и оной гнѣвъ вашъ меня ускоритъ къ смерти.

«Письма послѣднія государя покойнаго я показывалъ его величеству королю прусскому, и онъ изволилъ, кажется, списать копіи, ибо изволилъ ихъ оставлять у себя, то-есть, въ переводѣ, французскія и нѣмецкія. Болѣе не могу писать, ибо, въ какомъ положеніи мое здоровье, то видѣлъ Александръ Ивановичъ, а пребуду на вѣки

«вашего императорскаго величества

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ.

«Позвольте, ваше величество, Александру Ивановичу вамъ пересказать, что я ему говорилъ».

На это письмо графа Аракчеева императоръ Николай отвѣтилъ немногими строками:

«Генералъ-адъютантъ Чернышевъ вручилъ мнѣ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, и посылку; онъ мнѣ передалъ весь вашъ разговоръ. Излишне мнѣ входить съ вами въ разсужденіе о предметѣ, на который мы взираемъ совершенно съ разныхъ точекъ. Я исполнилъ долгъ, какъ братъ и какъ государъ. Ваше опасеніе на счетъ собственный излишне; гдѣ есть законы, тамъ и защита каждому; мое же дѣло—смотрѣть за соблюденіемъ ихъ, безъ лицепріятій, но съ должною справедливостію».

Затѣмъ императоръ Николай повелѣлъ уничтожить всѣ полученные имъ изъ Грузина экземпляры изданія графа Аракчеева, за исключеніемъ двухъ экземпляровъ: одинъ оставилъ у себя, а другой, согласно просьбѣ цесаревича, послалъ въ Варшаву. Но сверхъ сего существуютъ еще экземпляры аракчеевскаго сборника писемъ императора Александра I, замуравленные въ грузинской колокольнѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ собственноручныя строки императора Николая, въ письмѣ государя отъ 19-го февраля (3-го марта) 1827 года къ цесаревичу Константину Павловичу:

объявилъ, что получилъ отъ графа Аракчеева только копію съ письма къ нему отъ императора Александра изъ Таганрога отъ 3-го октября 1825 года, а матушка его получила отъ него двѣ копіи на французскомъ языкѣ также съ писемъ императора Александра отъ 22-го сентября и отъ 3-го октября 1825 года—«изъ коихъ въ первой четыре строки были помараны». Эти строки относились къ Минкиной, и на это обстоятельство мы указали въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I». Копіи эти Шкуринъ препроводилъ Бенкендорфу и заявилъ, что отъ графа Аракчеева никогда не получалъ никакихъ печатныхъ экземпляровъ писемъ императора Александра.

«L'on a enterré 12 exemplaires sous chacune des colonnes, d'un magnifique clocher élevé à Grousino, pour que la chose passe à la postérité la plus reculée».

Послѣ тревогъ 1827 года, въ жизни графа Аракчеева наступило затишье. Алексѣй Андреевичъ поселился уже навсегда въ своемъ грузинскомъ монастырѣ. Здѣсь графъ занимался хозяйствомъ, продолжалъ благодѣтельствовать по-своему крестьянамъ и устраивать свое великолѣпное помѣстье, «хранилище драгоцѣннѣйшихъ для него залоговъ довѣренности и благодѣяній, коими онъ пользовался отъ своихъ монарховъ». Какъ святыню, берегъ онъ всѣ украшенія комнатъ, въ которыхъ останавливался миротворецъ Европы, во время неоднократныхъ его пребываній въ Грузинѣ; не могъ безъ слезъ вспоминать и говорить о немъ; хранилъ подъ стекломъ его рескрипты и письма; внесъ въ 1833 году 50.000 рублей ассигнаціями въ государственный заемный банкъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія оставалась тамъ неприкосновенною со всѣми процентами 93 года, для обращенія потомъ въ награду лучшему историку царствованія Александра [1]), затѣмъ въ томъ же 1833 году графъ соорудилъ своему вѣнценосному благодѣтелю предъ грузинскимъ соборомъ великолѣпный бронзовый памятникъ.

Графъ Аракчеевъ составилъ описаніе памятника въ селѣ Грузинѣ, открытаго 19-го ноября 1833 года, и напечаталъ его въ видѣ отдѣльнаго листка; но, памятуя непріятности, сопровождавшія для него тайное печатаніе сборника писемъ императора Александра въ 1826 году, на листкѣ описанія красуется закономъ установленная подпись: «Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 14-го декабря 1833 года. Цензоръ Никитенко».

Это литературное произведеніе графа Аракчеева заключается въ слѣдующемъ:

Три фигуры: Вѣра, Надежда и Милосердіе, поднимаютъ бюстъ императора, а милосердіе одною рукою коронуетъ его небеснымъ вѣнкомъ съ сіяніемъ.

Каждая изъ сихъ фигуръ одною рукою поднимаетъ бюстъ, какъ бы желая передать оный небу, а другою—держитъ свой отличительный признакъ, какъ-то:

Вѣра, съ таинственнымъ покрываломъ на головѣ и священнымъ именемъ Іеговы на персяхъ, правою рукою обнимаетъ крестъ.

---

[1]) Въ завѣщательномъ распоряженіи графа Аракчеева отъ 2-го апрѣля 1833 года о предназначенной наградѣ за лучшую исторію царствованія императора Александра I сказано, что сумма сія назначается въ награду тому изъ россійскихъ писателей, который къ 1925 году напишетъ исторію Александра Перваго «лучше всѣхъ, то-есть, полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе».

Остается пожелать, чтобы тотъ невѣдомый, заранѣе отмѣченный Аракчеевымъ, историкъ вдохновился при своей работѣ мудрыми словами графа:

«Нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ».

Надежда, чистая, съ открытою грудью и твердая, стоитъ, опершись на свой якорь.

Милосердіе имѣетъ вѣнокъ изъ листьевъ гранатоваго дерева, а позади себя стоящаго подлѣ ногъ пеликана—птицу, почитающуюся истиннымъ образомъ чадолюбія или любви государя къ своему народу.

Милосердіе стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, дабы оно свободно могло возлагать вѣнецъ: равносторонній четвероугольный камень, служа для сего, означаетъ въ то же время правильность и неизмѣнность въ ея основаніи. Вѣнецъ, которымъ она коронуетъ, состоитъ изъ семи звѣздъ, коихъ лучи сіяютъ на бюстъ Благословеннаго.

Внизу сихъ фигуръ, на верхней части пьедестала, лежатъ на подушкѣ императорскія регаліи: корона, скипетръ и держава.

Сіи регаліи, находясь ниже фигуръ, означаютъ, что онѣ остаются здѣсь въ матеріальномъ мірѣ, а три небесныя добродѣтели, отовсюду однимъ воздухомъ окруженныя, возносятъ бюстъ Благословеннаго.

У подножія памятника сидятъ двѣ фигуры: Россійскій воинъ и Освобожденная Европа, въ печальномъ видѣ, обратя взоры свои на возносящійся бюстъ.

Россійскій воинъ, на правой сторонѣ бюста, сидитъ на опрокинутой мортирѣ, подлѣ коей лежатъ нѣсколько ядеръ; одежду его составляетъ національная русская рубаха, опоясанная двумя воинскими ремнями; а обувь—короткія, тѣсно переплетенныя сандаліи; оружіе его—шлемъ, мечъ, и за спиною лукъ и колчанъ. Подлѣ него стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги покойнаго императора.

По другую сторону пьедестала—Европа, со скипетромъ въ рукѣ и съ городовою короною на головѣ, какъ повелительница надъ другими частями земли нашей, сидитъ на двухъ рогахъ изобилія, опершись лѣвою рукою на лежащія подлѣ нея книги, глобусъ и нѣкоторые инструменты—извѣстные признаки многообразнаго ея плодородія и промышленности и особеннаго просвѣщенія. Одѣяніе ея древнее греческое; хламида на плечахъ означаетъ воинскій духъ обитателей. Освобожденіе ея представлено переломленнымъ ярмомъ, которое она попираетъ ногою.

На гранитномъ пьедесталѣ, съ передней его стороны, находится высѣченный барельефомъ въ гранитѣ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, а въ срединѣ онаго вензель императора Александра I, а подъ нимъ слѣдующая высѣченная въ гранитѣ надпись:

Государю, благодѣтелю,
по кончинѣ
его.

На другой сторонѣ гранитнаго пьедестала слѣдующая надпись:

От подданнаго
въ 1833 году.

царствовалъ
25 лѣтъ.

«Теперь я все сдѣлалъ,—писалъ графъ къ одному изъ своихъ приближенныхъ,—и могу явиться къ императору Александру съ рапортомъ».

Этотъ моментъ не заставилъ себя долго ждать; онъ наступилъ въ 1834 году 21-го апрѣля (3-го мая), въ томъ же самомъ году, въ которомъ послѣдовало, 30-го августа, открытіе Александровской колонны въ Петербургѣ.

Очевидецъ послѣднихъ дней жизни графа Аракчеева пишетъ:

«De mortuis aut bene aut nihil; тѣмъ не менѣе, какъ ни грустно, но безпристрастный повѣствователь долженъ правдиво разсказать о томъ, чему былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Во все продолженіе болѣзни графа Аракчеева крестьяне его и по одиночкѣ и группами подходили ко дворцу (такъ они называли жилище своего помѣщика) освѣдомляться о немъ. По ихъ лицамъ можно было видѣть, ухудшается или улучшается его положеніе. Въ первомъ случаѣ на лицахъ ихъ блистала радость, а во второмъ омрачали ихъ тоска и печаль. Когда же онъ умеръ, то крестьяне у самаго дома его бросали вверхъ шапки отъ радости и, обнимаясь другъ съ другомъ, приговаривали: «Вотъ сегодня для насъ настоящій свѣтлый праздникъ!» А это была пятница на страстной недѣлѣ [1]).

По неназначенію графомъ Аракчеевымъ себѣ наслѣдника, вскорѣ по кончинѣ его, 6-го мая 1834 года, состоялся на имя правительствующаго сената слѣдующій указъ:

«Высочайшимъ указомъ, блаженныя памяти государя императора Александра Павловича, отъ 11-го декабря 1816 года, утверждено духовное завѣщаніе генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, порученное храненію правительствующаго сената въ запечатанномъ пакетѣ. Симъ же указомъ предоставлено было завѣщателю внести отъ себя въ сенатъ таковый же конвертъ съ означеніемъ имени избраннаго имъ наслѣдника. Но сего назначенія во все продолженіе жизни графа Аракчеева не было имъ предъявлено сенату, и нынѣ, по смерти его, въ оставшихся бумагахъ не найдено о томъ никакого акта. По вскрытіи, въ присутствіи правительствующаго

---

[1]) Краткій очеркъ біографіи баронета Якова Васильевича Вилліе, доктора В. Сахарова, въ отчетѣ по устройству Михайловской клинической больницы баронета Вилліе. С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 39.

сената, помянутаго запечатаннаго пакета, между распоряженіями покойнаго о нераздѣльномъ владѣніи и наслѣдованіи всемилостивѣйше пожалованною ему за службу Грузинскою волостью, оказалось слѣдующее: что ежели бы дни его прекратились прежде избранія имъ достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляетъ онъ государю императору. Въ семъ положеніи дѣла, желая съ одной стороны упрочить нераздѣльное владѣніе имѣніемъ покойнаго и благосостояніе крестьянъ его, а съ другой сохранить имя графа Аракчеева такимъ образомъ, который бы соотвѣтствовалъ всегдашнему его стремленію къ пользѣ общественной, мы за лучшее средство признали отдать навсегда Грузинскую волость и всю принадлежащую къ ней движимость въ полное и нераздѣльное владѣніе Новгородскому кадетскому корпусу, съ тѣмъ, чтобы оный обращалъ доходы, получаемые съ имѣнія, благопріобрѣтеннаго покойнымъ и отъ законовъ обыкновеннаго наслѣдства имъ самимъ устраненнаго, на воспитаніе благороднаго юношества, и принялъ имя и гербъ завѣщателя».

Затѣмъ въ указѣ слѣдовали статьи, числомъ пять, которыми обусловливались подробности владѣнія кадетскимъ корпусомъ Грузинскою волостью.

Въ заключеніе приведеннаго нами указа сказано еще: «За симъ, для исполненія во всей точности послѣдней воли графа Аракчеева, мы утверждаемъ въ полной силѣ какъ всѣ распоряженія и денежныя назначенія, содержащіяся въ черновой тетради, собственною его рукою писанной и въ оставшихся послѣ него бумагахъ найденной, хотя сіи распоряженія не были еще облечены установленными закономъ формами, такъ и особое словесное завѣщаніе о денежномъ награжденіи, при самой кончинѣ имъ изъявленное и письменнымъ удостовѣреніемъ свидѣтелей подтвержденное».

Еще наканунѣ появленія разсмотрѣннаго здѣсь указа, а именно 5-го мая 1834 года, Новгородскій корпусъ былъ наименованъ: «Новгородскимъ графа Аракчеева кадетскимъ корпусомъ».

Вслѣдъ за кончиною графа Аракчеева, было также сообщено во всеобщее свѣдѣніе упомянутое выше высочайше утвержденное 20-го апрѣля 1833 года, и согласно волѣ графа хранящееся въ архивѣ академіи наукъ: «Завѣщательное распоряженіе о предназначаемой наградѣ за лучшую исторію царствованія императора всероссійскаго Александра I».

«Въ жизни моей я руководствовался всегда одними правилами,— говаривалъ графъ Аракчеевъ,—никогда не разсуждалъ по службѣ и исполнялъ приказанія буквально, посвящая все время и всѣ силы мои службѣ царской. Знаю, что меня многіе не любятъ, потому что я крутъ — да что дѣлать? Такимъ меня Богъ создалъ! И много круто поворачивали, а я за это остался благодаренъ. Мягкими

французскими рѣчами не выкуемъ дѣла! Никогда я ничего не просилъ для себя, и милостію Божіею дано мнѣ все! Утѣшаюсь мыслію, что я былъ полезенъ».

По поводу послѣднихъ словъ графа Аракчеева остается намъ повторить другія болѣе мудрыя слова его, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе близкія къ истинѣ:

«Нелицемѣрный судія—грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ».

Н. Шильдеръ.

БЕЗОБРАЗНЫЙ ПОСТУПОКЪ „ВѢКА“.

(Изъ моихъ литературныхъ воспоминаній).

ЭПИЗОДЪ, получившій въ свое время довольно громкую извѣстность подъ названіемъ «безобразнаго поступка Вѣка»,—эпизодъ очень любопытный, по моему мнѣнію, не только въ исторіи русской журналистики, но и въ исторіи русскаго общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, въ особенности по такъ называемому женскому вопросу. Эпизодъ этотъ относится къ 1861 г., и я считаю не лишнимъ предпослать разсказу о немъ, въ видѣ бѣглаго введенія, нѣсколько фактическихъ данныхъ, относящихся къ этому времени и къ моему тогдашнему литературному положенію.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1858 г. въ февралѣ. Мой литературный багажъ былъ тогда очень невеликъ: книжечка стихотвореній, изданная въ Одессѣ, и затѣмъ нѣсколько стихотвореній, которыя я изъ Тамбова послалъ Каткову, редактировавшему тогда «Русскій Вѣстникъ», и которыя онъ помѣстилъ тамъ, ошибочно озаглавивъ ихъ «Изъ Гейне», вѣроятно, потому, что они были написаны подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкаго поэта и въ его духѣ и тонѣ.

Съ такимъ литературнымъ багажемъ я и пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Тамбова,—вѣрнѣе, бѣжалъ оттуда, потому что чувствовалъ, что если пробуду въ этомъ захолустьѣ еще немного, то или задохнусь, или окончательно опошлѣю. Въ Тамбовѣ (куда я попалъ совершенно случайно), я служилъ при знаменитомъ въ свое время

губернаторѣ Данзасѣ и редактировалъ неофиціальную часть тамошнихъ «Губернскихъ Вѣдомостей»; въ сущности же только ухаживалъ за барынями, вѣстѣ съ другими чиновниками губернатора, у которыхъ это занятіе стояло на первомъ планѣ.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ для того, чтобы посвятить себя литературѣ. Знакомыхъ въ литературной сферѣ у меня не было ни одного, кромѣ А. Я. Мейснера, съ которымъ я познакомился тоже въ Тамбовѣ, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ казенной палаты; въ литературѣ онъ занималъ очень маленькое мѣсто своими довольно нескладными и тяжелыми переводами изъ Гейне, или, какъ онъ называлъ его, «Хейне». Большимъ пріятелемъ его былъ извѣстный въ свое время поэтъ В. Г. Бенедиктовъ, авторъ знаменитыхъ тогда «Кудрей-змѣекъ», а въ ту пору, о которой я говорю, — и трескучихъ стихотвореній въ начавшемъ распространяться тогда «граждански-обличительномъ» духѣ. Этимъ направленіемъ заразился, въ бытность мою въ Тамбовѣ, и я, и когда прочелъ стихотвореніе Бенедиктова «Правда», то написалъ стихотвореніе въ такомъ же духѣ и послалъ его Бенедиктову. Онъ отвѣчалъ мнѣ очень любезнымъ письмомъ, но стихотвореніе ни одна редакція не напечатала. Такимъ образомъ и завязалось мое заочное знакомство съ Бенедиктовымъ, перешедшее въ личное и довольно близкое, когда Мейснеръ познакомилъ меня съ нимъ, и онъ ввелъ меня въ свой «кружокъ», въ которомъ фигурировалъ и понынѣ здравствующій поэтъ Платонъ Кусковъ. Бенедиктовъ, Мейснеръ и Кусковъ задумали тогда издавать журналъ, который они хотѣли назвать «Корни». Я былъ приглашенъ на предварительное редакціонное соглашеніе, съ почтительнымъ вниманіемъ новичка слушалъ объяснительныя рѣчи, главные пункты программы и тому подобное и почти ничего не понялъ.

— Чего же собственно вы желаете? — осмѣлился спросить я, когда былъ удостоенъ желаніемъ выслушать и мое мнѣніе.

— Мы хотимъ углублять корни.

— Куда и какіе?—полюбопытствовалъ я.

— Въ русскую почву. Чѣмъ глубже они проникнутъ, тѣмъ лучше.

Корни эти, однако, такъ и остались на поверхности земли, потому что вся редакціонная работа ограничилась нѣсколькими совѣщаніями въ такомъ же родѣ, въ какомъ было первое.

Бывалъ у Бенедиктова умершій недавно П. Л. Лавровъ. Хорошо помню одинъ вечеръ у автора «Кудрей», на который онъ позвалъ меня очень таинственно, сообщивъ, что будетъ прочтена «очень интересная, но и очень запрещенная вещь», только что написанная. Явился Лавровъ. Двери въ кабинетъ были тщательно заперты, прислугѣ было велѣно не входить, и Лавровъ вполголоса прочелъ намъ—«Размышленіе у параднаго подъѣзда» Некрасова!... Слушатели таинственно и даже съ нѣкоторымъ страхомъ порeглядыва-

лись между собою, тѣмъ болѣе, что чтеніе происходило въ казенной квартирѣ (Бенедиктовъ былъ въ то время однимъ изъ директоровъ государственнаго банка). А когда Лавровъ кончилъ, водворилась на нѣкоторое время тревожная тишина, которую хозяинъ наконецъ нарушилъ словами:

— Прекрасно... но нужна большая смѣлость, чтобъ писать подобныя вещи!...

Это происходило въ первой половинѣ 1858 года!...

Я обратился къ Бенедиктову съ просьбою доставить мнѣ занятіе къ какой нибудь редакціи, и онъ познакомилъ меня съ А. В. Старчевскимъ, редакторомъ «Сына Отечества», гдѣ Бенедиктовъ тоже сотрудничалъ. Старчевскій жилъ тогда въ домѣ Монферана, у Прачешнаго моста, на Мойкѣ (принадлежащемъ теперь Е. И. Ламанскому), въ квартирѣ, поражавшей роскошью и артистичностью своей обстановки и собраніемъ всевозможныхъ рѣдкостей. Въ спальнѣ, напримѣръ, какъ разсказывали люди, удостоивавшіеся проникновенія во внутренніе апартаменты (изъ сотрудиковъ допускались туда только «именитые»), стояла кровать, на которой спала нѣкогда Марія-Антуанетта, а теперь, послѣ несчастной королевы, почивалъ бывшій тогда въ зенитѣ своего газетнаго могущества Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій.

Онъ принялъ меня съ покровительственнымъ величіемъ и поручилъ мнѣ, какъ первую работу, написать о только что вышедшихъ трехъ томахъ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова.

Я осмѣлился замѣтить, что никогда исторіей, особенно русской, не занимался, и что поэтому мнѣ будетъ весьма трудно исполнить эту работу.

— Вы еще молодой человѣкъ (мнѣ было тогда около 28 лѣтъ),— возразилъ редакторъ,—и относитесь къ дѣлу не такъ, какъ слѣдуетъ. Молодой человѣкъ долженъ обо всемъ умѣть писать—и объ исторіи, и о литературѣ, и о всякомъ другомъ предметѣ.

Деньги мнѣ были нужны тогда до зарѣзу, ибо я пріѣхалъ въ Петербургъ съ 8 рублями въ карманѣ, не имѣя, какъ уже сказалъ, почти ни одного знакомаго, и я поневолѣ согласился написать объ этихъ трехъ томахъ, для чего просилъ только времени, объясняя, что мнѣ, при моемъ собственномъ невѣдѣніи, необходимо ознакомиться съ тѣмъ, что уже было написано о новомъ трудѣ Устрялова, и хотя нѣсколько овладѣть историческимъ матеріаломъ, касающимся этого предмета.

— Я васъ покорнѣйше прошу,—строго замѣтилъ Альбертъ Викентьевичъ,—не читать ничего такого, потому что иначе вы скажете что нибудь чужое, а въ «Сынѣ Отечества» все должно быть совершенно самостоятельно и оригинально.

Написалъ я статью, а затѣмъ началъ печатать въ той же газетѣ и свои стихотворенія. Оригинально производилась плата за

эти поэтическія произведенія. У редактора была маленькая металлическая мѣрка, которою онъ отмѣривалъ напечатанные стихи, и платилъ не построчно, а «помѣрочно»—если память не измѣняетъ мнѣ, за каждую «мѣрку» я получалъ полтора рубля. Но и эта плата принималась съ благодарностію. Такого гонорара, какой получается теперь даже самыми скромными стихотворцами, тогда не видѣли и во снѣ, а печатать даромъ многіе (напримѣръ, Бенедиктовъ) даже считали за честь...

Бенедиктовъ познакомилъ меня и съ Дружининымъ, который былъ въ то время редакторомъ издававшейся Печаткинымъ «Библіотеки для Чтенія». Сперва я помѣщалъ тамъ стихотворенія оригинальныя и переводныя, а скоро былъ уже помощникомъ редактора и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Количество исполнявшейся мною работы было по истинѣ изумительно; я одинъ писалъ очень значительную часть журнала: почти всю «литературную лѣтопись», современное обозрѣніе, переводилъ цѣлые романы, просматривалъ и исправлялъ чужіе переводы и т. п. Платилось за это все тоже весьма скромно: такъ, напримѣръ, за «современную лѣтопись» я получалъ по 35 рублей, сколько бы ни вышло ея въ номерѣ, а выходила она иногда до двухъ листовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дружининъ, очень сблизившійся со мною, ввелъ меня въ свой кружокъ, въ которомъ неизмѣнно появлялись Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, Василій Боткинъ и другіе. Собирались всѣ у Дружинина по четвергамъ, вечеръ проходилъ въ оживленныхъ бесѣдахъ, а къ десяти часамъ подавались неизмѣнныя котлеты съ горошкомъ, всѣ усаживались за круглый столъ, за которымъ предсѣдательствовала мать хозяина, и бесѣда принимала еще болѣе оживленный характеръ. Не могу, однако, сказать, чтобы эти разговоры были особенно содержательны и интересны въ литературномъ отношеніи, чтобы я, новичекъ, чуть не съ благоговѣніемъ прислушивавшійся къ каждому слову этихъ свѣтилъ, могъ вынести что нибудь существенное, вызывающее на работу мысль, обогащающее познаніями, расширяющее умственный кругозоръ. Дружининъ разсказывалъ игривые и часто циническіе анекдоты; Тургеневъ, являвшійся обыкновенно поздно (изъ аристократическихъ гостиныхъ) и во фракѣ, что всегда вызывало добродушныя насмѣшки и остроты остальныхъ собесѣдниковъ, приносилъ разныя сплетни и остроумные разсказы о лицахъ, съ которыми онъ только что видѣлся; Боткинъ считалъ своею обязанностію сильно и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ругаться; Гончаровъ сидѣлъ въ углу, большею частью молчалъ и иронически улыбался. Некрасова я видѣлъ въ этой компаніи всего одинъ разъ.

Въ это же время я познакомился съ Краевскимъ и сталъ писать у него въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» «Литературную лѣ-

топись» и фельетоны; кромѣ того, стали появляться мои юмористическія стихотворенія въ начавшемъ тогда издаваться журналѣ «Весельчакъ», и наконецъ къ этой же порѣ относится рожденіе «Искры», гдѣ я съ самаго начала сдѣлался членомъ редакціи и впервые выступилъ съ псевдонимомъ «Гейне изъ Тамбова». Появленіе и распространеніе «Искры» было тоже очень любопытнымъ своего рода эпизодомъ въ исторіи русской журналистики и русской общественной жизни; когда нибудь я передамъ читателямъ свои воспоминанія объ этой порѣ самаго жаркаго, могу даже сказать, бѣшенаго разгара «обличительнаго» настроенія въ литературѣ и публикѣ... Въ настоящее время нельзя себѣ и представить, какъ жадно набрасывалась эта публика на каждый номеръ «Искры», какой авторитетъ завоевала она себѣ на самыхъ первыхъ порахъ, какъ боялись ея всѣ, имѣвшіе основаніе предполагать, что они могутъ попасть или подъ карандашъ ея каррикатуристовъ, или подъ перо ея поэтовъ и прозаиковъ,—съ какою юношескою горячностью наконецъ относились къ своему дѣлу и мы сами, хотя большинство наше состояло изъ людей совсѣмъ ужъ не такихъ юныхъ. Помню, напримѣръ, очень хорошо случай, когда въ Николаевѣ вывели изъ клуба одну даму, нисколько того не заслуживавшую, и въ газетахъ появилась корреспонденція объ этомъ «событіи». Боже мой, какую тревогу забили въ нашей редакціи! Мы составляли цѣлыя конференціи для обсужденія этого дѣла; мы говорили о немъ такъ, какъ будто вся Россія находилась въ опасности, мы писали статьи за статьями, мы подняли на ноги чуть не всю тогдашнюю газетную печать... А при воспоминаніи о томъ, какъ относилась къ нашему обличительному рвенію публика, припоминаю тоже, напримѣръ, тотъ фактъ, что когда въ № 9 «Искры» появилась, подъ заглавіемъ «Аристидъ Термаламаки», написанная мною юмористическая біографія знаменитаго въ то время милліонера Б., то въ теченіе нѣсколькихъ дней число подписчиковъ возросло на 1.000 человѣкъ!

Но меня давно уже занимала мысль основать собственный журналъ. Цѣли мои были чисто литературныя; изящная словесность и критика—вотъ что ставилъ я на первомъ планѣ въ своемъ проектѣ, тѣмъ болѣе, что только эти двѣ области были мнѣ по сердцу, только въ нихъ я чувствовалъ себя какъ дома; къ внѣшней политикѣ я всегда питалъ какое-то органическое отвращеніе, въ вопросахъ внутреннихъ понималъ мало и важнѣйшими изъ нихъ интересовался постольку, поскольку поинтересуется ими всякій образованный человѣкъ. Но не включить эти отдѣлы въ программу журнала представлялось невозможнымъ, тѣмъ болѣе въ ту пору, когда эти «вопросы» выдвинулись на первое мѣсто, и когда публику, только что начинавшую вздыхать свободно, живѣйшимъ образомъ интересовало все, касавшееся внутренней жизни Россіи. Надо бы-

ло найти себѣ «компаньоновъ», которые были бы спеціалистами въ этихъ областяхъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ — и компаньонами матеріальными, такъ какъ мои собственныя денежныя средства были очень ничтожны). Прежде всего я обратился къ наиболѣе для меня близкому въ литературномъ мірѣ человѣку—Дружинину, и предложилъ ему соединиться со мною. Онъ отнесся къ дѣлу очень сочувственно, изъявилъ полное согласіе и посовѣтовалъ пригласить въ собственники и члены редакціи по тѣмъ отдѣламъ, которые и ему были чужды такъ же, какъ и мнѣ, извѣстнаго экономиста В. П. Безобразова и К. Д. Кавелина. Первый согласился войти въ «компаньоны», т.-е. сдѣлаться однимъ изъ собственниковъ, второй не захотѣлъ рисковать ничѣмъ и вступилъ въ редакцію на условіи полученія опредѣленнаго жалованья. Такъ образовался журналъ «Вѣкъ». Офиціальнымъ редакторомъ былъ утвержденъ я; на меня же, вмѣстѣ съ Дружининымъ, было возложено завѣдываніе литературною частью, Безобразовъ завѣдывалъ экономическою, Кавелинъ—публицистическимъ отдѣломъ. Замѣчу здѣсь,—это имѣетъ важность для послѣдующей исторіи «безобразнаго поступка Вѣка»,—что въ нашемъ журналѣ всѣ вопросы должны были рѣшаться непремѣнно большинствомъ голосовъ,—меньшинство должно было безусловно соглашаться съ рѣшеніемъ большинства.

Начали мы съ крайне скудными матеріальными средствами. Теперь должно показаться совершенно невѣроятнымъ, что для начала журнала мы внесли каждый по 500 рублей. Единственное крупное подспорье состояло въ открытіи намъ типографіею Безобразова и К° кредита за печатаніе и бумагу, но съ тѣмъ, чтобы разъ въ 3 мѣсяца производилась уплата. И вотъ, вооруженные такимъ образомъ, мы выпустили объявленіе объ изданіи «Вѣка». Это было блестящее, небывалое до тѣхъ поръ объявленіе, по совмѣщенью въ немъ, въ качествѣ сотрудниковъ, цѣлой массы болѣе или менѣе громкихъ именъ, принадлежавшихъ всему, что было въ ту пору лучшаго въ беллетристическомъ и публицистическомъ мірѣ. И въ настоящее время громкія имена продолжаютъ составлять нѣкоторую приманку; въ ту пору (а вѣдь сколько было въ то время дѣйствительно громкихъ именъ въ литературѣ!) объявленіе «Вѣка», появившееся въ размѣрѣ громаднаго листа, произвело необычайную сенсацію; достаточно сказать, что въ концѣ декабря 1860 года вышло объявленіе, а къ 15 января 1861 года у насъ было 3.000 подписчиковъ, къ концу же февраля оно дошло уже до 5.000! И это произрастаніе происходило не въ силу только сгруппировки въ объявленіи стольких и такихъ именъ. Перечисленіе ихъ не было фиктивное—уже въ первыхъ номерахъ читатели встрѣчали стихотвореніе Некрасова, разсказъ Тургенева, очерки А. А. Потѣхина, повѣсти Дружинина, его же письма Чернокнижникова, статьи Безобразова, К. К. Арсеньева, Куломзина и т. п. Публика была, по-

видимому, вполнѣ удовлетворена, но лично на меня журналъ уже послѣ шести—семи номеровъ сталъ производить какое-то удручающее впечатлѣніе. Беллетристика «Вѣка» не вызывала во мнѣ протестовъ; многое въ ней я печаталъ даже съ истиннымъ удовольствіемъ; но остальные отдѣлы повергали въ уныніе: все это было очень нравственно и благонамѣренно, очень умно, очень серьезно, но въ высшей степени скучно, тяжело, безцвѣтно... Кавелинъ отправлялъ свои лучшія статьи въ «Московскія Вѣдомости», которыя тогда издавались подъ редакціей его пріятеля Корша, а «Вѣку» давалъ, большею частью, очень незначительныя статьи, которыя притомъ иногда были только подписаны его именемъ, а на самомъ дѣлѣ писались по его указаніямъ студентами; сотрудники съ «именемъ», которыхъ онъ приглашалъ, запружали столбцы журнала тяжеловѣсными дисертаціями, умѣстными въ ученомъ изданіи; но особенно смертоноснымъ для жизни нашего «Вѣка» оказывался отдѣлъ экономическій. Безобразовъ былъ человѣкъ очень свѣдущій, даже ученый, но—если могу такъ выразиться—какая-то путанная голова. Когда онъ говорилъ, не только объ ученыхъ, но и совершенно обыкновенныхъ предметахъ то понять его часто бывало очень трудно человѣку «непосвященному», профану (да, пожалуй, нерѣдко и спеціалисту!). Точно также и его статьи, иногда непроходимо темныя по своей формѣ, лишенныя живого, общаго интереса по содержанію, на свѣжаго читателя должны были дѣйствовать гнетущимъ, отуманивающимъ образомъ. Въ такомъ же родѣ былъ и чужой матеріалъ, который онъ доставлялъ въ редакцію. Такъ, помню, однажды онъ вбѣжалъ ко мнѣ съ самымъ радостнымъ лицомъ и восклицаніемъ:

— Ну, я вамъ досталъ такую статью, которая еще болѣе подниметъ нашъ журналъ!

— Что же это? — съ нѣкоторымъ страхомъ полюбопытствовалъ я.

— Это статья о путяхъ сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ. Авторъ — Сѣверцевъ, знаете, извѣстный путешественникъ. Вы и представить себѣ не можете, какое можетъ она имѣть значеніе. Не смущайтесь тѣмъ, что я дорого заплатилъ—по 200 рублей за листъ. А къ статьѣ я заказалъ еще большую карту—обойдется около 300 рублей, но зато какая карта!...

И воцарилось въ журналѣ то, что Добролюбовъ въ очень остроумномъ стихотвореніи назвалъ «тишью да гладью»...

«Зрѣетъ все, что было зелено,

говорилъ онъ въ «Свисткѣ»—

Правдѣ зиждется престолъ.
Вѣкъ Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.
«Вѣкъ Пожарскаго и Минина,

Дружбу князя съ мясникомъ,
«Вѣкъ» Кавелина, Дружинина,
Возврати намъ цѣликомъ.
«Въ «Вѣкѣ» Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь и гладь,
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.
«Вѣкъ» счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкруту дастъ кредитъ...
«Будетъ зрѣло все, что зелено,
И свершится человѣкъ...
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Вѣкъ»!...

Шло у насъ все тихо, смирно,—и вдругъ 22 февраля разразилась гроза. Въ этотъ день появился въ «Вѣкѣ» фельетонъ, подписанный «Камень Виногоровъ» и озаглавленный «Русскія диковинки»; подъ этимъ общимъ заглавіемъ я (Камень-Петръ, Вино—Wein, гора—Berg) вознамѣрился въ юмористической формѣ сообщать читателямъ обо всемъ, что появлялось въ русской современной жизни «дикованнаго» и могло дать пищу юмористическимъ изліяніямъ. Первымъ матеріаломъ къ тому послужилъ мнѣ одинъ изъ фельетоновъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ то время редактировавшихся Краевскимъ. То была корреспонденція изъ Перми, гдѣ разсказывалось о музыкально-литературномъ вечерѣ, состоявшемся въ Перми 27 ноября 1860 года, и гдѣ корреспондентъ съ торжественнымъ паѳосомъ описывалъ участіе въ этомъ вечерѣ жены статскаго совѣтника г-жи Толмачевой, «высокаго роста дамы, съ очень красивою, эффектною и замѣчательно выразительною наружностью»; эта дама выступила на эстраду и прочла передъ публикою «Египетскія ночи» Пушкина.

Я, пожалуй, не обратилъ бы вниманія на самый фактъ публичнаго чтенія этихъ стиховъ женщиною, еслибы не тѣ подробности, которыми обставилъ корреспондентъ свое восторженное описаніе. Такъ, напримѣръ, когда послѣ чтенія къ г-жѣ Толмачевой подошелъ какой-то смущенный этой декламаціей офицеръ съ Георгіемъ въ петлицѣ и сталъ «напирать преимущественно на чувство оскорбленнаго достоинства и потревоженной добродѣтели, вызванное чтеніемъ «Египетскихъ Ночей» у нѣкоторыхъ маменекъ и дочекъ», то чтица отвѣчала ему: «Это немножко странно; если мы всѣ, и мужчины, и дамы, и дѣвицы, читаемъ, не конфузясь, грязные французскіе романы, то было бы въ высшей степени смѣшно и дико не прочесть публично прекрасное, художественное произведеніе великаго поэта... Не кажется ли вамъ ужъ особенно нескромнымъ выраженіе: «Кто между вами купитъ цѣною жизни ночь мою?» Но вѣдь, если это не говорится, зато дѣлается на каждомъ

шагу; мы чуть не каждый день видимъ, какъ молодыя женщины продаютъ себя и не на одну ночь, а на всю жизнь, противнымъ, дряхлымъ, но богатымъ старикамъ. Аскетическое, растлѣнное воспитаніе безъ знакомства съ наукой и жизнью положительно губитъ нашихъ дѣвушекъ».

Еще интереснѣе было описаніе самаго процесса чтенія. «Большіе глаза г-жи Толмачевой,—пѣлъ пермскій бардъ,—то загорались, то меркли и погасали; все лицо ея измѣнялось безпрестанно, принимая то нѣжно страстное, то горделиво вызывающее выраженіе. Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры купить ночь ея цѣною жизни,—извѣстный стихъ «И взоръ презрительный обводитъ вокругъ поклонниковъ своихъ» прочитанъ былъ дѣйствительно съ такимъ выраженіемъ презрѣнія и злой насмѣшки, молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмолвную толпу, что, будь это въ театрѣ, зала навѣрно потряслась бы отъ аплодисментовъ».

Когда я прочелъ эту корреспонденцію, она не только насмѣшила меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмутила, — возмутила потому, что въ начавшемся въ эту пору и въ Петербургѣ весьма сильномъ женскомъ движеніи при всѣхъ истинно прекрасныхъ сторонахъ и проявленіяхъ его обнаруживалось немало той же комической уродливости, которая нашла себѣ мѣсто (по крайней мѣрѣ, судя по описанію у пермскаго корреспондента) въ поступкѣ и рѣчахъ г-жи Толмачевой и которая, подавленіемъ въ своихъ внѣшнихъ формахъ всего женственнаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова, вызывала осужденіе всѣхъ даже очень либеральныхъ, но трезво мыслящихъ людей. Подъ вліяніемъ этихъ ощущеній я и написалъ свой фельетонъ, написалъ въ томъ насмѣшливо-шутливомъ тонѣ, которымъ въ ту пору писались вообще юмористическія статьи, и отъ котораго теперь, когда я перечелъ свое произведеніе, пахнуло на меня довольно почтенною антикварностью...

«Въ честь г-жи Толмачевой, — восклицалъ я, приведя изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» описаніе чтенія,—въ честь г-жи Толмачевой хочу я написать гимнъ, который будетъ начинаться словами: «О ораторъ, реформаторъ и эмансипаторъ! ваше слово смѣло, ново, мадамъ Толмачева! Теперь статьи Стюарта Милля, Михайлова и т. д. оказываются совершенно безполезными, дѣло освобожденія началось. Русская дама, статская совѣтница, явилась передъ публикой въ видѣ Клеопатры, произнесла предложеніе «купить цѣною жизни ночь ея» и какъ произнесла! Къ вамъ, мои прекрасныя читательницы, обращаюсь я, къ вамъ взываю! Долой всякая стыдливость, долой женственность, долой свѣтскія приличія, васъ приглашаетъ къ этому г-жа Толмачева и почтенный панегиристъ ея, возгласившій міру о невѣроятномъ событіи устами «Петербургскихъ Вѣдомостей...». И затѣмъ, посмѣявшись надъ газетой,

давшей у себя пріютъ такому забавному панегирику, Камень-Виногоровъ спрашивалъ: «Не прочтетъ ли г-жа Толмачева еще другое стихотвореніе Пушкина, тоже удивительное въ художественномъ отношеніе, начинающееся стихомъ «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ»? Прочтите, прочтите, г-жа Толмачева! При чтеніи его можно еще лучше принимать вызывающее выраженіе и дѣлать еще болѣе выразительные жесты. Уже, коли эмансипироваться, такъ до конца! Зачѣмъ останавливаться на полдорогѣ!» Но среди этихъ насмѣшекъ, касавшихся собственно сущности дѣла, я (каюсь въ томъ теперь, какъ каялся и тогда) въ порывѣ своего возбужденія позволилъ себѣ и выходку личную, дѣйствительно достойную осужденія,—выходку по поводу вышеприведенныхъ словъ фельетониста о томъ, какъ декламаторша «Египетскихъ ночей» обвела толпу презрительнымъ взглядомъ. «Не совсѣмъ я понимаю только,—замѣтилъ я,—какое отношеніе имѣли посѣтители пермскаго литературнаго собранія, слушавшіе г-жу Толмачеву, къ поклонникамъ Клеопатры, а отношеніе, вѣроятно, было, потому что иначе зачѣмъ бы г-жѣ Толмачевой обводить толпу взоромъ «презрительной и злой насмѣшки!..».

Статью мою я прочелъ въ корректурѣ Безобразову и Дружинину (кажется, былъ при этомъ и Кавелинъ, но утверждать этого я не могу), они вполнѣ одобрили и содержаніе, и тонъ ея (не замѣтивъ, вмѣстѣ со мною, только что упомянутой неприличности нѣсколькихъ строкъ), и, какъ сказано выше, въ злополучный день 22-го февраля «Русскія диковинки» появились въ свѣтъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода номера я встрѣтилъ около Аничкина моста, на Невскомъ, Некрасова.

— Отлично, отецъ (такъ онъ называлъ хорошихъ знакомыхъ), отлично вы сдѣлали, что отдѣлали эту барыню... Такъ ихъ и нужно!..

Въ этомъ же родѣ сочувственные отзывы слышалъ я и отъ другихъ людей совсѣмъ не обскурантнаго, даже совсѣмъ не консервативнаго лагеря. Но мнѣ самому, когда я перечелъ уже въ печати свой фельетонъ, очень непріятно кинулась въ глаза нечистоплотность личной выходки, и я тотчасъ же отправилъ къ г-жѣ Толмачевой отъ всей редакціи «Вѣка» письмо, въ которомъ извинился въ тѣхъ нѣсколькихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя вкрались въ фельетонъ. Статья моя была напечатана въ № 8, а № 9 былъ уже сверстанъ, когда получилось, для напечатанія въ «Вѣкѣ», письмо Михаила Ларіоновича Михайлова. Такъ какъ номеръ былъ уже готовъ, то можно было сдѣлать только заявленіе, что получено письмо, и что по поводу его въ слѣдующемъ номерѣ («Вѣкъ» выходилъ разъ въ недѣлю) будетъ обстоятельное объясненіе; къ этому прибавлялось, что «касательно неосторожныхъ выраженій, вкравшихся въ статью Камня Виногорова, редакція,

еще до полученія письма г. Михайлова, сама приняла всѣ мѣры и употребила средства, какими только располагать можетъ, для заявленія передъ г-жею Толмачевою чистосердечнаго своего извиненія». Но Михайловъ не дождался выхода № 10, и 3-го марта появилось въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» его письмо, исполненное самаго сильнаго негодованія.

«Слова Камня Виногорова,—писалъ онъ,—свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи въ немъ всякаго нравственнаго чувства, всякаго сознанія обязанностей относительно общества, въ которомъ онъ живетъ, всякаго уваженія къ человѣческому достоинству и въ себѣ самомъ, и въ другихъ. Такой человѣкъ не можетъ быть терпимъ въ литературѣ, и судъ общественнаго мнѣнія долженъ навсегда заклеймить его. Поступку Камня Виногорова нѣтъ названія. При всѣхъ темныхъ сторонахъ нашей литературы и журналистики, въ ней до сихъ поръ еще не встрѣчалось ничего, сколько нибудь подходящаго къ черной клеветѣ, имъ сочиненной». Въ чемъ Михайловъ усмотрѣлъ клевету, когда я только перепечаталъ то, что schwarz auf weiss стояло въ газетѣ Краевскаго, я не знаю. Но онъ этимъ не ограничился. «Нѣтъ, конечно,—продолжалъ онъ,—человѣка съ живымъ сердцемъ въ груди, который, зная настоящія общественныя условія и положеніе женщинъ, рѣшился бы публично оскорблять женщину и выдавать ее на посмѣяніе и обиды глупцамъ и невѣждамъ. И за что же? Зато, что она смѣло заявила свое пренебреженіе къ невѣжественнымъ предразсудкамъ». И дальше опять шла рѣчь о томъ, что я клеветалъ, что я исказалъ смыслъ слова Толмачевой, что я выводилъ какія-то циническія заключенія. Все это Камень Виногоровъ дѣлалъ «съ беззастѣнчивостью человѣка, у котораго вмѣсто сердца комъ грязи». Въ лицѣ Толмачевой Михайловъ находилъ оскорбленными «всѣхъ женщинъ», и молчать, по его мнѣнію, «было бы преступленіемъ».

Съ М. Л. Михайловымъ я былъ знакомъ довольно близко, мы бывали другъ у друга, обмѣнивались единомышленными мнѣніями, и потому это письмо его меня немало удивило: я зналъ его за сильнаго и благороднаго поборника женскаго движенія, но никогда не думалъ, что онъ приметъ мое осужденіе поступка г-жи Толмачевой за выраженіе оппозиціи именно этому движенію вообще. Зная его однако очень хорошо, я утѣшался убѣжденіемъ, что онъ дѣйствовалъ совершенно искренно, подъ вліяніемъ чисто-душевнаго взрыва, не допускавшаго никакихъ хладнокровныхъ обсужденій и соображеній. Тѣмъ не менѣе надо было отвѣчать не медля, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ тоже успѣли забить тревогу, и даже иные изъ тѣхъ, которые заявляли мнѣ, что съ удовольствіемъ прочли мой фельетонъ, мгновенно перемѣнили фронтъ. Такъ, въ самый день появленія письма Михайлова я встрѣтился съ Некрасовымъ въ театрѣ, и онъ подошелъ ко мнѣ со словами:

— Какъ это вы, отецъ, такъ неосторожно поступили?

— Николай Алексѣевичъ, да вы мнѣ что же говорили на Невскомъ?

— Да, я не разобралъ тогда,—я теперь вижу. Нѣтъ, оно дѣйствительно... не хорошо вы сдѣлали.

Тревога проникла и въ редакцію «Вѣка»; произошелъ самый сильный переполохъ. Дружининъ былъ вообще человѣкъ до робости сдержанный, пуще всего боявшійся «скандаловъ» въ литературѣ, въ чемъ, замѣчу кстати, заключалась, въ соединеніи съ его чисто эстетическими принципами, его крайняя непріязнь въ литературѣ ко всему, носившему въ себѣ хотя небольшіе признаки «обличительнаго» направленія. Прочтя письмо Михайлова, онъ, хотя нисколько не соглашаясь съ нимъ, но испугавшись, что подымется шумъ, что «начнутъ ругаться»,—совершенно упалъ духомъ. Кавелинъ отнесся къ дѣлу какъ-то уклончиво и послѣ разныхъ неопредѣленныхъ замѣчаній пояснилъ дипломатически, что, по его мнѣнію, «лучше бы какъ нибудь потушить дѣло». Безобразовъ же совѣтовалъ совсѣмъ замолчать. Я понималъ, что молчаніе здѣсь немыслимо, приводилъ всевозможные доводы, и наконецъ мнѣ коекакъ удалось убѣдить моихъ сочленовъ, чтобы къ тому заявленію, которое я долженъ былъ сдѣлать собственно отъ своего имени, какъ автора «Русскихъ диковинокъ», они присоединили и объясненіе отъ всей редакціи. И вотъ въ слѣдующемъ номерѣ «Вѣка» появились два такихъ объясненія.

Въ томъ, которое исходило отъ редакціи «Вѣка», сперва упоминалось о принесенномъ уже редакціей передъ г-жею Толмачевой извиненіи, и затѣмъ было сказано: «Затѣмъ мы смѣемъ думать, что со стороны нашей сдѣлано было въ этомъ отношеніи все, что только въ границахъ литературныхъ приличій и обязанностей могло быть сдѣлано... Обращаясь къ сущности юмористической замѣтки Камня Виногорова, редакція «Вѣка» позволяетъ себѣ рѣшительно не согласиться со взглядами на этотъ предметъ, высказанными въ статьѣ Михайлова, съ мыслями его о смѣлости женщины, становящейся посредствомъ подобнаго чтенія выше невѣжества толпы, о несчастіи тѣхъ, которые не могутъ сочувствовать такимъ проявленіямъ смѣлости женщинъ, объ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ русскимъ женщинамъ шуткою надъ такими общественными явленіями и проч. Мы рѣшительно не понимаемъ, что̀ можетъ выиграть общественное положеніе русской женщины отъ публичнаго чтенія Египетскихъ ночей».

Что касается до моего собственнаго отвѣта, то я называлъ статью Михайлова плодомъ совершенно разстроеннаго воображенія, результатомъ какихъ-то псевдо-донкихотскихъ, не желающихъ видѣть истины, стремленій. «Что вызвало мою замѣтку?—писалъ я. Ужъ, конечно, не желаніе очернить г-жу Толмачеву; положимъ даже, что у меня,

какъ изволитъ выражаться г. Михайловъ, вмѣсто сердца комъ грязи; но я такъ же, какъ и г. Михайловъ, не имѣю чести знать г-жу Толмачеву лично и, если г. Михайловъ узналъ ея имя въ первый разъ изъ статьи «Вѣка», то я узналъ его въ первый разъ изъ статьи «Петербургскихъ Вѣдомостей». Я произнесъ ея имя только потому, что это имя было прописано en toutes lettres корреспондентомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»; я не выводилъ на посмѣяніе женщину, а позволилъ себѣ обсудить только фактъ, сдѣлавшійся достояніемъ гласности. По моему глубокому убѣжденію, такой фактъ противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ объ истинной женственности; по моему глубокому убѣжденію, между тою чопорною pruderie, на которую напалъ пермскій корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и совершенною беззастѣнчивостью есть еще большая разница... Передо мною была не г-жа Толмачева, передо мною былъ корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», описывавшій чтеніе «Египетскихъ ночей» женщиною въ публичномъ собраніи и описывавшій это самымъ смѣшнымъ, самымъ циническимъ образомъ». Тутъ же я повторилъ извиненіе въ нѣсколькихъ «неосмотрительныхъ» выраженіяхъ, прибавивъ: «Я такъ высоко ставлю достоинство женщины, такъ свято чту ея права, что эти нѣсколько выраженій моихъ, вкравшихся совершенно невольно, безъ всякаго злого умысла, непріятно подѣйствовали на меня, можетъ быть, больше, чѣмъ на кого нибудь другого». И свое заявленіе я заключилъ словами: «Я продолжаю держаться твердаго убѣжденія, что такое стихотвореніе, какъ «Египетскія Ночи», при всемъ его великомъ поэтическомъ достоинствѣ, не можетъ быть читано женщиною на публичномъ вечерѣ, и что настоящее освобожденіе женщины не состоитъ въ окончательномъ сбрасываніи съ себя всѣхъ условій, налагаемыхъ на нее и обществомъ, и ея врожденною натурою».

Какъ бы то ни было, искра была брошена, въ набатъ ударили, и тревога поднялась самая сильная. Распространенію ея въ печати содѣйствовало одно совсѣмъ спеціальное обстоятельство. 1861 годъ былъ послѣднимъ годомъ арендованія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Краевскимъ, и въ слѣдующемъ году онъ намѣревался выступить съ собственною газетою «Голосъ». Для Краевскаго, какъ и для огромнаго большинства издателей, всякая сильная конкуренція была острый ножъ, и когда вышелъ «Вѣкъ», когда Андрей Александровичъ увидѣлъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія подписки у нашего журнала было 3.000 подписчиковъ, а еще черезъ мѣсяцъ 5.000, тогда въ сердцѣ его закипѣло озлобленье. Но придраться покамѣстъ было не къ чему, нужна была искра для того, чтобы зажечь пожаръ; эту искру бросилъ фельетонъ Камня Виногорова.

Письму Михайлова Краевскій (которому, конечно, въ душѣ не было никакого дѣла до женской «эмансипаціи» въ духѣ г-жи Тол-

мачевой) не только далъ немедленно и съ большою готовностью мѣсто въ своей газетѣ, но еще сдѣлалъ къ нему общій заголовокъ: «Безобразный поступокъ Вѣка», прибавивъ отъ редакціи, что она получила уже очень много протестовъ въ такомъ же родѣ и будетъ печатать подъ этимъ заголовкомъ, какъ всѣ полученные, такъ и тѣ, которые ему будутъ посылаться. Походъ дѣйствительно открылся. Немедленно вслѣдъ за письмомъ Михайлова появилась статья, подписанная иниціалами Н. Ш. (я имѣю основаніе думать, что подъ ними скрывался Николай Шелгуновъ), возмущавшаяся за женщину вообще, усматривавшая въ моемъ фельетонѣ антиобщественный поступокъ, а о его авторѣ замѣчавшая, что «Камень Виногоровъ въ дѣлѣ мысли отличается всѣми качествами дикаго камня или, вѣрнѣе, дико каменнаго киргиза».

Третьимъ бойцомъ выступилъ князь Н. Цертелевъ. Онъ ужъ пошелъ въ самую глубь, возвелъ чтеніе «Египетскихъ ночей» г-жею Толмачевой на ступень важнаго общественнаго явленія, поставилъ его въ тѣсную связь съ развитіемъ «женскаго вопроса» вообще, патетически восклицалъ: «Мы отжили гнилые предразсудки, будто женщинѣ непозволительно заниматься тѣмъ, что признается изящнымъ и благороднымъ въ дѣятельности мужчины»... Мало того: князь счелъ нужнымъ обратиться и къ исторіи. «Весь образованный міръ,—поучалъ онъ,—признаетъ право женщины на свободное развитіе разума, на свободное избраніе дѣятельности... Въ исторіи мы видѣли, на всѣхъ поприщахъ жизни, славныя дѣйствія женщинъ, успѣвшихъ по особо счастливымъ обстоятельствамъ высвободиться изъ-подъ рутиннаго положенія въ обществѣ», и т. п. Заглянувъ въ прошедшее и почерпнувъ оттуда столь новыя вещи, авторъ кинулъ тревожный взглядъ въ будущее, и по поводу моего фельетона ощутилъ страхъ за будущее положеніе женщины, за ея развитіе въ обществѣ, выразилъ опасенія, что такая статья, какъ моя, можетъ заставить иныя «разумныя существа» остановиться «въ нерѣшительности и уклоняться отъ честной дѣятельности на благо человѣчества». Любопытно и благородно со стороны князя было то, что онъ въ своей филиппикѣ нѣсколько разъ называлъ въ кавычкахъ мои слова «донесеніе», указывая такимъ образомъ на инсинуаціонный ихъ характеръ, на желаніе автора «Русскихъ диковинокъ» обратить вниманіе кого слѣдуетъ на такіе ужасные, подрывающіе «основы», поступки какъ декламація г-жи Толмачевой.

Нѣкто Г—ко занялся раскрытіемъ псевдонима. «Камень,—догадывался онъ,—Петръ, Вино—Wein, гора—Berg»; ужъ не Петръ ли это Вейнбергъ, подписывающійся редакторомъ «Вѣка»? Но мы знаемъ дѣятельность г. Вейнберга и никакъ не думаемъ, что это написалъ онъ; и если мы не ошибаемся въ этомъ предположеніи, то совѣтуемъ ему выкинуть изъ своей редакціи такого сотрудника,

какъ «Камень Виногоровъ». Его возмущалъ не только мой фельетонъ, но и мой отвѣтъ Михайлову; въ этомъ послѣднемъ онъ ухитрился даже найти «сальности» въ родѣ словъ: «Чтеніе Египетскихъ ночей есть беззастѣнчивость, окончательное сбрасываніе съ себя всѣхъ условій, налагаемыхъ на женщину и обществомъ, и ея врожденною натурою», и т. д. и т. д. Выступили на сцену подъ флагомъ «безобразнаго поступка» и юмористы, напримѣръ, нѣкій «Икряный статскій совѣтникъ и кавалеръ»; появились и дамы, напримѣръ, г-жа Жизнева, письмо которой состояло изъ общихъ и безцвѣтныхъ мѣстъ, но которая заявляла, что пишетъ отъ лица всѣхъ женщинъ (не представивъ, однако, отъ нихъ никакой законной довѣренности).

Много появилось и другихъ замѣтокъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; вездѣ, гдѣ Краевскому представлялся поводъ ущипнуть «Вѣкъ», онъ не упускалъ благопріятнаго случая, и иногда это доходило до истиннаго комизма. Такъ, напримѣръ, какъ разъ въ это время умеръ Шевченко, и я написалъ объ этомъ въ очень, конечно, сочувственномъ тонѣ, съ выраженіемъ глубокаго прискорбія, при чемъ, говоря о послѣднихъ дняхъ жизни поэта, выразился, что «смерть тащила нѣсколько дней его къ себѣ». И вотъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» напустились на меня: что значитъ «смерть тащила»? Какъ можно такъ безцеремонно глумиться? это—кощунство надъ смертью—и т. д. и т. д. Другіе журналы тоже не молчали. Изъ нападавшихъ я помню только «Искру», гдѣ я все это время продолжалъ быть сотрудникомъ. Курочкинъ заѣзжалъ ко мнѣ, смѣялся надъ декламаціею г-жи Толмачевой, смѣялся надъ всѣмъ этимъ патетическимъ шумомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавался, что «Искрѣ» публично невозможно стать на нашу сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно молчать—и вотъ въ «Искрѣ» появилось стихотвореніе, правда, остроумное, гдѣ героемъ фигурировалъ растерзанный Камень Виногоровъ. Такого же мнѣнія былъ и Елисѣевъ, въ то время одинъ изъ главныхъ членовъ редакціи «Искры». «Я бы все хотѣлъ сдѣлать для Вейнберга,—сказалъ онъ Степанову,— я тоже смотрю на этотъ фактъ, какъ на очень смѣшной, но онъ затрогиваетъ такіе вопросы, съ которыми надо считаться. Нечего дѣлать, — спасти Вейнберга нельзя» (я буквально помню это выраженіе), и была напечатана «передовая статья», а Степановъ нарисовалъ и каррикатуру. Въ одномъ «Современникѣ» не было ничего сказано объ этой исторіи; только въ «Свисткѣ» Добролюбовъ упомянулъ вскользь, двумя, тремя словами о «безобразномъ поступкѣ «Вѣка», но скорѣе съ насмѣшкой надъ тѣми, которые изобрѣли это «безобразіе» поступка, чѣмъ надъ самымъ поступкомъ; но затѣмъ никакихъ насмѣшекъ. Тревога проникла и за границу. Кавелинъ написалъ объ этомъ эпизодѣ Герцену, не сказавъ однако намъ, его товарищамъ по редакціи, ни слова о своемъ

письмѣ и, вѣроятно, представивъ насъ, особенно меня, въ очень неблаговидномъ свѣтѣ. Говорю, «вѣроятно», судя по отвѣту Герцена Кавелину—отвѣту, который, уже много лѣтъ послѣ того, нашелъ въ изданныхъ въ 1892 году за границей «Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену».—«Что̀ ты возишься,—писалъ Герценъ Кавелину 15-го мая 1861 г.,—съ вашимъ журналомъ и Виногоровымъ. Брось его. Редакція завралась—этого не поправишь отвѣтами, и вопросъ такъ сталъ, что les rieurs будутъ не съ вашей стороны. Тебѣ-то что за радость, что и твое имя поминаютъ вмѣстѣ съ Вейнбергомъ» [1]).—А еще незадолго до того—замѣчу это кстати—я помѣстилъ въ «Колоколѣ» стихотвореніе, сюжетомъ котораго было дѣяніе одного, въ ту пору очень вліятельнаго сановника,—и Герценъ, черезъ посредство одного изъ знакомыхъ, видѣвшихся съ нимъ за границей, просилъ меня давать ему почаще такой матеріалъ...

А мы во всей этой тревогѣ хранили упорное молчаніе. Я понималъ, что этимъ мы себя губимъ, сами топимъ свой журналъ, что надо было продолжать борьбу и въ юмористическомъ тонѣ, и серіозно,—однимъ словомъ надо было сражаться. Но я говорилъ выше о принципѣ большинства голосовъ въ нашей редакціи; Безобразовъ и Дружининъ (Кавелинъ уже не принималъ участія въ редакціи) молили и требовали, чтобъ мы были нѣмы, какъ рыбы,—и «Вѣкъ» продолжалъ выходить въ той же тиши, глади и божьей благодати, съ тѣмъ же экономическимъ грузомъ, съ тѣми же «путями сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ», а вокругъ насъ въ тогдашней неширокой прессѣ все шумѣло, и кипѣло, и возбуждало общество противъ насъ. О «безобразномъ поступкѣ Вѣка» сходились молодежь, да и зрѣлые люди, толковать, точно на политическіе митинги; я получалъ массу писемъ, и анонимныхъ, и не анонимныхъ (жалѣю, что при своихъ позднѣйшихъ переѣздахъ потерялъ эти образцы краснорѣчія), самаго ужасающаго содержанія. Трудно въ настоящее время даже представить себѣ силу и размѣры этого возбужденія.

Однажды явилась ко мнѣ депутація—около пятнадцати женщинъ и мужчинъ. Я принялъ ихъ очень вѣжливо и освѣдомился о причинѣ посѣщенія.

— Вы Камень Виногоровъ?—спросили они меня.

— Я Камень Виногоровъ.

— Вы писали фельетонъ «Русскія диковинки?»

— Я писалъ фельетонъ «Русскія диковинки».

— Вы оскорбили г-жу Толмачеву. Въ лицѣ ея оскорблена вами

---

[1]) Издатель этихъ писемъ, покойный Драгомановъ, сдѣлалъ къ вышеприведеннымъ словамъ Герцена пояснительное примѣчаніе, въ которомъ «выходка» журнала «Вѣкъ» забавно названа «антисемитическою»! Вѣрныя, стало быть, имѣлъ свѣдѣнія Драгомановъ о «безобразномъ поступкѣ».

женщина вообще, оскорблено все либеральное движеніе нашего общества, и мы требуемъ чтобы вы публично принесли покаяніе, заявили печатно, что вы признаете себя презрѣннымъ человѣкомъ.

Я нашелъ это требованіе довольно милымъ и оригинальнымъ и попросилъ депутатовъ и депутатокъ удалиться.

— Въ такомъ случаѣ, вы поплатитесь за это дѣло и даже, можетъ быть, своею жизнью,—грозно произнесли они и удалились.

Жизнью я, однако, не поплатился, и вообще эта буря постепенно начала охлаждаться, затихать. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Некрасовъ, и другіе стали выражать иное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ; мнѣ говорили, что и самъ Михайловъ (онъ былъ вскорѣ послѣ того арестованъ, и я его больше не видѣлъ) сознавался потомъ, что онъ погорячился, и что, еслибъ это было теперь, онъ бы своей филиппики не написалъ.

Тѣмъ не менѣе дальнѣйшая судьба «Вѣка» складывалась очень печально, чему, однако, содѣйствовала не только исторія съ г-жей Толмачевой. Онъ началъ падать, и падать очень сильно, какъ въ литературномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Подписка почти совсѣмъ прекратилась. Кавелинъ не только вышелъ изъ состава редакціи, но и совсѣмъ пересталъ писать (у него въ это время произошло большое семейное несчастіе—смерть сына), остальные сотрудники перестали присылать статьи, всѣ громкія имена мало-помалу исчезли, мы остались съ самыми скромными силами, и только Безобразовъ неутомимо продолжалъ запруживать журналъ экономическимъ матеріаломъ, да Дружининъ отъ времени до времени выступалъ съ фельетонами Чернокнижникова, которые постепенно дѣлались все болѣе и болѣе безцвѣтными. Надъ «Вѣкомъ» уже независимо отъ его «безобразнаго поступка» стали подсмѣиваться въ разныхъ журналахъ, задѣвали его такіе тогдашніе тузы, какъ «Новый поэтъ» въ «Современникѣ», образовалась даже юмористическая поговорка: «Вѣкъ не проживетъ вѣка». У меня опустились руки,—я видѣлъ, что мнѣ одному трудно справиться съ такимъ печальнымъ положеніемъ дѣла, видѣлъ, что изданіе начало давать сильные убытки, что долгъ типографіи увеличивался, а она настоятельно требовала уплаты,—и съ уныніемъ устремлялъ взоры въ будущее. Но это не помѣшало мнѣ, когда Безобразовъ и Дружининъ въ виду такого «финансоваго кризиса» нашли лучшимъ совсѣмъ ретироваться изъ состава редакціи и отказаться отъ правъ собственности, — это не помѣшало мнѣ принять все на свой рискъ, и съ 1-го ноября 1861 года «Вѣкъ» перешелъ въ мое исключительное завѣдываніе и исключительную собственность; Дружининъ и Безобразовъ остались сотрудниками, то-есть, на самомъ дѣлѣ милостиво позволили оставить ихъ имена въ спискѣ сотрудниковъ (чему я, особенно относительно второго, могъ только порадоваться). Теперь, съ развязанными руками, оставшись полнымъ хозяиномъ, я мечталъ, что преобразую журналъ, сдѣлаю его легкимъ, живымъ,

вполнѣ литературнымъ; ко мнѣ примкнуло нѣсколько молодыхъ литературныхъ силъ; имѣлъ я въ виду и пріобрѣтеніе нѣкоторой суммы денегъ, къ чему присоединилась и надежда если не на большую, то хотя на приличную подписку... но всѣ планы и надежды рушились самымъ жалкимъ образомъ, когда выяснились первые результаты этой подписки на 1862 годъ.

Изъ 5 тысячъ слишкомъ подписчиковъ къ февралю 1862 года оказалось—192 человѣка! Денегъ у меня не было рѣшительно ни копейки, долги все росли—оставалось продать журналъ. Тутъ появилась «компанія» покупщиковъ, въ которой находились между прочими Елисѣевъ, Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ. Они предложили мнѣ за «Вѣкъ» 1.800 рублей. Я съ радостью согласился и на эту плачевную сумму, но и изъ нея не получилъ ни одной копейки. А когда я, прождавъ нѣсколько времени послѣ заключенія нашего условія, обратился къ Елисѣеву (онъ стоялъ во главѣ этой компаніи) съ просьбой заплатить мнѣ, онъ отвѣчалъ письменно: «Рѣшительно не понимаю, почему это дѣло васъ такъ интересуетъ». На томъ наши финансовыя сношенія и покончились. Но на мнѣ лежало теперь около 10.000 рублей долгу; изъ нихъ бо́льшая часть—тысячъ семь, кажется, приходилась типографіи Безобразова. Мой ех-сотоварищъ, В. П. Безобразовъ, былъ однимъ изъ главныхъ и крупнѣйшихъ компаньоновъ фирмы, владѣвшей этою типографіею, но это обстоятельство не воспрепятствовало тому, что на меня было подано ею ко взысканію; мало того, въ то время существовало долговое отдѣленіе не для однихъ только купцовъ, какъ теперь, — и вотъ въ одно прекрасное утро, уполномоченный типографіею явился ко мнѣ съ любезнымъ приглашеніемъ—или уплатить хотя значительную часть моего долга, или, согласно состоявшемуся судебному рѣшенію, сѣсть въ это гостепріимное учрежденіе. Предпочитая проживать на собственной квартирѣ, я прибѣгнулъ къ средству избавиться отъ грозившей мнѣ перспективы. Въ долговое отдѣленіе нельзя было сажать чиновниковъ, получавшихъ на службѣ жалованье—оставалось мнѣ сдѣлаться такимъ чиновникомъ, предоставивъ моимъ кредиторамъ законный вычетъ изъ моего жалованья. По женѣ моей я состоялъ въ родствѣ съ Ф. Н. Устряловымъ, стоявшимъ тогда во главѣ интендантскаго управленія; онъ принялъ меня къ себѣ, и я сталъ усердно писать доклады о заготовленіи фуража разнымъ аугстенбургско-дармштадтскимъ имени герцогини Виртембергской полкамъ, оставляя ихъ, когда это было можно, на время для того, чтобы вынимать изъ своей столоначальнической конторки Шекспира и переводить его для Гербелевскаго изданія!.. Впослѣдствіи я выплатилъ типографіи Безобразова весь свой долгъ до копейки, и съ Владиміромъ Павловичемъ мы оставались до самой его смерти въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Петръ Вейнбергъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СУВОРОВА,

написанная имъ въ 1786 году.

ВЪ 1786 ГОДУ, Суворовъ представилъ въ московское депутатское собраніе подробную записку о своемъ происхожденіи и службѣ, прося, на основаніи ея, внести его въ четвертую часть дворянской родословной книги. Записка эта, найденная въ дѣлахъ собранія Д. П. Голохвастовымъ, была сообщена имъ въ Общество исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ и напечатана въ 1848 году въ издаваемыхъ обществомъ «Чтеніяхъ». Теперь, полвѣка спустя, записка Суворова едва ли многимъ извѣстна, и мы считаемъ не лишнимъ перепечатать ее въ виду исполняющагося 6-го мая столѣтія со дня его кончины, тѣмъ болѣе, что она заключаетъ въ себѣ важный матеріалъ для его біографіи, и нѣкоторыя, сообщаемыя имъ самимъ о себѣ, свѣдѣнія расходятся съ позднѣйшими данными, приводимыми его біографами. Такъ, напримѣръ, всѣ біографіи считаютъ годомъ рожденія Суворова 1729 или 1730 годъ; но онъ въ своей автобіографической запискѣ говоритъ: «въ службу я вступилъ пятнадцати лѣтъ, въ 1742 году, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка мушкатеромъ». Слѣдовательно, по его удостовѣренію, онъ родился въ 1727 году. Любопытно, какъ медленно подвигался онъ сначала по службѣ, получивъ первый офицерскій чинъ лишь въ 1754 году. Интересно также указаніе Суворова, получившаго весьма поверхностное образованіе и восполнившаго его уже въ зрѣломъ возрастѣ чтеніемъ, что въ 1786 году онъ владѣлъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, польскимъ,

турецкимъ, и отчасти персидскимъ, арабскимъ и финскимъ. Наконецъ, въ автобіографіи подробно перечисляются всѣ деревни съ количествомъ крестьянъ, полученныя имъ по наслѣдству и пріобрѣтенныя покупкой. Автобіографія предназначалась Суворовымъ не только для депутатскаго собранія, но и для потомства, какъ это можно замѣтить изъ его послѣсловія: «Потомство мое прошу брать мой примѣръ: всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ, до издыханія быть вѣрнымъ государю и отечеству, убѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія, и искать славу черезъ истину и добродѣтель, которыя суть моимъ символомъ. Не для суеты, но для онаго я въ сіе плодовитое описаніе вошелъ; нѣкія происшествія я забылъ и не помню верификаціевъ чиселъ и именъ, не имѣвши у себя никакихъ записокъ. Старость моя наступаетъ, и долженъ я о моихъ дѣлахъ скоро дать отвѣтъ Всемогущему Богу».

Въ 1622 году, при жизни царя Михаила Өеодоровича, выѣхали изъ Швеціи Ноумъ и Суворъ, и по ихъ челобитью приняты въ россійское подданство. Именуемые честные мужи раздѣлились на разныя поколѣнія, и по Сувору стали называться Суворовы: симъ и другимъ ихъ поколѣній за Крымскіе и иные походы жалованы были помѣстья до государствованія императора Петра I-го. Его величество отцу моему, Василью Ивановичу, былъ воспріемникомъ. При семъ государѣ онъ началъ службу въ должности денщика и переводчика, и по кончинѣ его императрицею Екатериною I-ю выпущенъ былъ лейбъ-гвардіи отъ бомбандиръ сержантомъ и вскорѣ пожалованъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ онъ службу продолжалъ до капитана и потомъ въ разныхъ званіяхъ; а при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ употребленъ былъ бригадиромъ и генералъ-майоромъ по военной коллегіи, генералъ-поручикомъ и кавалеромъ святыя Анны и святаго Александра; въ войнѣ съ прусскимъ королемъ, въ арміи главнымъ при провіантскомъ департаментѣ и губернаторомъ Прусскаго королевства; нынѣ, въ потомственные роды славно державствующею, мудрою и великою императрицею, произведенъ онъ былъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ преміеръ-майоромъ, лейбъ-гвардіи въ Измайловскій подполковникомъ, генералъ-аншефомъ и сенаторомъ, и употребляемъ былъ въ разныхъ важныхъ препорученностяхъ, которыя до моего свѣдѣнія не доходили. По кончинѣ его, въ 775 году, получилъ я въ наслѣдство родовыя и иныя, имъ пріобрѣтенныя, деревни: Пензенскаго намѣстничества, Мокшанской округи, въ селѣ Никольскомъ, Новая Шукша тожъ, въ сельцѣ Скрябинѣ и деревнѣ Рудаковкѣ, по нынѣшней четвертой ревизіи мужеска пола двѣсти сорокъ семь, женска двѣсти двадцать душъ; Володимірскаго намѣстничества, Суздальской округи, въ селахъ Кистошѣ и Менча-

ковѣ, деревняхъ Куркахъ и Хлябовѣ, мужеска триста семьдесятъ двѣ, женска триста пятьдесятъ душъ; Ковровской округи, въ сельцѣ Дьяковѣ и деревнѣ Трутневой, мужеска девятнадцать, женска двадцать двѣ души; Костромскаго намѣстничества, Плесской округи, въ селѣ Сараевѣ, деревняхъ Ѳедорихѣ, Симанихѣ и Михалевой, мужеска сто шестьдесятъ девять, женска сто шестьдесятъ три души; Новгородскаго намѣстничества, Боровицкой округи, въ Кривинской и Сапинской волостяхъ съ деревнями, мужеска девятьсотъ семьдесятъ, женска девятьсотъ пятнадцать душъ; Московской губерніи, Воскресенской округи, въ селѣ Рожественѣ и деревнѣ Долгинихѣ, мужеска сто осьмнадцать душъ. И на оставшія по его экономіи и иныя деньги купилъ разныя части къ прежде реченнымъ и другія помѣстьи Пензенской, Мокшанской округи, въ селѣ Никольскомъ, Новой Шукшѣ тожъ,и сельцѣ Скрябинѣ, деревнѣ Рудаковкѣ, въ 776 году, февраля въ 14 день, отъ вдовы Анны Васильевой дочери, жены дяди моего, лейбъ-гвардіи капитана поручика, Александръ Иванова сына Суворова, мужеска тридцать пять, женска тридцать семь душъ; того жъ года, мѣсяца и числа, отъ отставнаго поручика Михайлы Александрова сына Суворова, мужеска семьдесятъ одна, женска семьдесятъ четыре души; въ 778-мъ, ноября въ 15 день, отъ арміи бригадира, Ѳедора Александрова сына Суворова, мужеска семьдесятъ двѣ, женска семьдесятъ пять душъ; Владимірскаго намѣстничества, Ковровской округи, въ селѣ Дьяковѣ и деревнѣ Трутневой, въ 776 году, ноября въ 11 день, отъ отставнаго поручика, Михайлы Александрова сына Суворова, мужеска шесть, женска восемь душъ; въ 778-мъ, ноября въ 15 день, отъ арміи бригадира, Ѳедора Александрова сына Суворова, мужеска шесть, женска пять душъ; того жъ намѣстничества и округи въ селѣ Ундолѣ, деревняхъ: Гнусовѣ, Петрушинѣ, Хрѣновѣ и Лагинѣ, въ 776 году, марта въ 21 день, отъ госпожи капитанши, вдовы жены покойнаго Сергѣя Иванова сына Бутурлина, Татьяны Андреевой дочери, мужеска четыреста двадцать семь, женска четыреста тридцать душъ; Суздальской округи, въ селѣ Кистошѣ, въ 784-мъ, сентября въ 19 день, отъ госпожи полковницы, жены Алексѣя Ѳедорова сына Лодыжинскаго, Марьи Даниловой дочери, мужеска девяносто двѣ, женска девяносто восемь душъ; Костромскаго намѣстничества, Плесской округи, въ сельцѣ Гритьковѣ и деревнѣ Дворянинцовѣ, въ 784, октября въ 21-й день, отъ титулярнаго совѣтника, Николая Петрова сына Вишнякова, мужеска тридцать одна, женска тридцать пять душъ. Въ 774 году взялъ я въ супружество Варвару Иванову, дочь князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, генерала-аншефа и кавалера; имѣю дочь Наталью, рожденную въ 775 году и опредѣленную, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, въ Воспитательный домъ благородныхъ дѣвицъ въ Санктъ-Петербургѣ. Въ

службу я вступилъ пятнадцати лѣтъ, въ 742 году, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку мушкатеромъ; произведенъ капраломъ и состоялъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ съ исправленіемъ разныхъ должностей и трудныхъ посылокъ, а въ 754 году выпущенъ былъ изъ сержантовъ въ полевые полки поручикомъ; въ 756 году произведенъ былъ оберъ-провіантмейстеромъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, а потомъ переименованъ въ преміеръ-майоры; въ которомъ званіи, въ 758 году, былъ при формированіи третьихъ баталіоновъ въ Лифляндіи и Курляндіи и имѣлъ оныхъ въ своей командѣ семнадцать, которые препроводилъ въ Пруссію, и былъ комендантомъ въ Мемелѣ; въ томъ же году пожалованъ подполковникомъ, былъ при занятіи Кросена въ Шлезіи подъ командою генерала князь Михайлы Никитича Волконскаго; отправлялъ должность генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго при генералѣ графѣ Вилимѣ Вилимовичѣ Ферморѣ; былъ на Франктфортской баталіи и въ разныхъ партіяхъ; въ 761 году состоялъ въ легкомъ корпусѣ при генералѣ Берхѣ и былъ подъ Бригомъ, при сраженіи Бреславскомъ съ генераломъ Кноблокомъ и разныхъ шармицеляхъ, на сраженіи близъ Стригау, при Гросъ-и Клейн-Вандрисѣ, гдѣ предводилъ крыломъ и двѣ тысячи россійскаго войска четыре Шлезскихъ миль противоборствовали арміи подъ королемъ Прусскимъ цѣлый день, а къ ночи сбили ихъ форпосты и одержали мѣсто своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападеніе на лѣвое Прусское крыло противъ монастыря Вальштатъ; потомъ былъ въ разныхъ неважныхъ акціяхъ и шармицеляхъ. Приближаясь къ Швейдницу и окопу тамо Прусскаго короля, атаковалъ въ деревнѣ N Прусскую заставу съ малымъ числомъ казаковъ и за нею на высотѣ сильный Прусской пикетъ; которымъ мѣстомъ, по троекратномъ нападеніи, овладѣлъ и держалъ оное нѣсколько часовъ, доколѣ отъ генерала Берха прислано было два полка казачьихъ, которые стоящихъ близъ подошвы высоты Прусскихъ два полка гусарскихъ, съ подкрѣпленіемъ двухъ полковъ драгунскихъ, сбили съ мѣста въ лагерь; отсюда весь Прусской лагерь былъ вскрытъ и тутъ утверждена легкаго корпуса главная квартира соединеніемъ форпостовъ въ право къ Россійской, въ лѣво Австрійской арміямъ; происходили потомъ здѣсь непрестанныя шармицели и сверхъ разныхъ примѣчательныхъ единожды подъ Королевскими шатрами разбиты были драгунскіе полки, при моемъ нахожденіи, Финкенштейновъ и Голштейнъ, гусарскіе Лосовъ и Малаховскій, съ великимъ ихъ урономъ. Когда генералъ Платенъ пошелъ чрезъ Польшу къ Колбергу, легкій корпусъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ; достигши оный, часто съ нимъ сражался съ фланковъ, и при Костянахъ напалъ на его лагерь сквозь лѣсъ, сзади, ночью, причинилъ знатный уронъ, принудилъ къ маршу и разбилъ бы корпусъ, если бъ конные регулярные полки въ свое

время подоспѣли. Я былъ впереди при всемъ происшествіи: какъ дни два послѣ того почти подобное сему въ день случилось. Слѣдуя противъ Ландсберга, взялъ я съ собою слабый во стѣ конехъ Туравѣрова казачій полкъ, переплыли чрезъ Нецъ и въ той же ночи шесть миль отъ Дризена поспѣли къ Ландсбергу противнымъ берегомъ Варты; не медля чрезъ ровъ вломились въ городовыя ворота и передовыми казаками сурпренированы и плѣнены двѣ прусскія команды съ ихъ офицерами; потомъ, съ помощію обывателей, сожженъ Ландсберхской большой мостъ; прибывшее противное войско на другомъ берегу остановилось, но за нескорымъ прибытіемъ нашего легкаго корпуса переправилось потомъ на понтонахъ, и держало свой путь къ Колбергу; отряженъ я былъ отъ генерала Берха съ казачьими полками и нѣсколькими гусарскими для подкрѣпленія, встрѣтился я съ противнымъ корпусомъ подъ Фридебергомъ; оной маршируя на высотахъ отозвался противъ меня всею своею артиллеріею, подъ которою я разбилъ его фланковые эскадроны, и забрано было въ полонъ отъ оныхъ знатное число. Остановлялъ я Платена въ маршѣ елико возможно, доколѣ пришелъ въ черту генерала князь Василья Михайловича Долгорукова, который потомъ прежде его прибылъ къ Колбергу; нашъ легкій корпусъ остановился подъ Старгардтомъ. По нѣкоторомъ времени выступилъ оной къ Регенвальду, въ которой сторонѣ было нападеніе на майора подъ Чарли, гдѣ я предводилъ часть легкихъ войскъ; взятъ сей майоръ съ его деташаментомъ въ полонъ. Но какъ г. Курбьеръ съ сильнымъ войскомъ, при нашемъ обратномъ походѣ, спѣшилъ ударить въ нашъ задъ, гдѣ я обрѣтался, принужденъ я былъ его передовые пять эскадроновъ съ пушками брускировать съ имѣющимися у меня въ виду меньше ста гусаръ и казаковъ, которыми дѣйствительно сіи эскадроны опровержены были и оставили намъ много плѣнныхъ; успѣхъ отъ того былъ, что Курбьеръ ретировался. Подъ Новгартеномъ, предводя одну колонну легкаго корпуса, въ деревнѣ N атаковалъ я команды моей Тверскимъ драгунскимъ полкомъ слабой драгунской полкъ Голштейнъ, что послѣ Поменскаго, баталіонъ гренадерской Арнима и два баталіона принца Фердинанда. Тверской полкъ, около двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, врубился въ пѣхоту на неровномъ мѣстѣ, и сбилъ драгунъ. Уронъ Прусской въ убитыхъ и плѣнныхъ былъ великъ и взята часть артиллеріи, подо мною разстрѣляна лошадь и другая ранена. Знатная часть Прусскаго войска выступила отъ Колберга, по военнымъ потребностямъ, къ сторонѣ Штетина; къ нашему легкому корпусу на походѣ соединился генералъ князь Михайла Никитичъ Волконской съ кирасирскими полками; передовые наши отряды къ сторонѣ Регенвальда встрѣтились съ Прусскимъ авангардомъ; при моемъ нахожденіи, четыре эскадрона конныхъ гренадеръ атаковали пѣхоту на палашахъ, гусары сразились съ гусарами; весь сей

сильный авангардъ [1]) подполковникомъ Курбьеромъ взятъ былъ въ плѣнъ, и его артиллерія досталась въ наши руки; въ послѣди я напалъ съ ближнимъ легкимъ отрядомъ въ разстояніи малой мили на прусскихъ фуражировъ, подъ самымъ ихъ корпусомъ, гдѣ тако жъ, сверхъ убитыхъ, много взято въ плѣнъ. Въ ночи прусской корпусъ сталъ за Гольновъ, оставя въ городѣ гарнизонъ; генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ прибылъ къ намъ съ нѣкоторою пѣхотою; я однимъ гренадерскимъ баталіономъ атаковалъ вороты и, по сильномъ сопротивленіи, вломились мы въ калитку, гнали Прусской отрядъ штыками чрезъ весь городъ, за противные вороты и мостъ, до ихъ лагеря, гдѣ побито и взято было много въ плѣнъ. Я поврежденъ былъ контузіею въ ногу и въ грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной въ полѣ. Предъ взятьемъ Колберга, при дѣйствіяхъ принца Виртембергскаго, находился я при легкомъ корпусѣ съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ. При возвратномъ походѣ оттуда прусскаго войска къ Штетину, имѣлъ я съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ сильное сраженіе, съ однимъ отъ онаго деташаментомъ изъ пѣхоты и конницы, подъ Штетиномъ, при деревнѣ Везенштейнъ, въ которой сторонѣ Прусской корпусъ нѣсколько дней отдыхалъ. Послѣдствіе сего было, что въ ту же ночь весь реченный корпусъ къ Штетину поспѣшно ретировался. Никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно, и теорія безъ практики мертва: тó [2]) надлежитъ здѣсь прибавить для молодыхъ офицеровъ, кои стремятся къ пріобрѣтенію впредь себѣ славы не чужими достоинствами. Осенью, въ мокрое время, около Регенвальда, генералъ Берхъ съ корпусомъ выступилъ въ походъ; регулярная конница его просила итти окружною гладкою дорогою; онъ взялъ при себѣ эскадрона три гусаръ и два полка казаковъ и закрывалъ корпусъ одаль справа; выходя изъ лѣсу, вдругъ увидѣли мы на нѣсколькихъ шагахъ весь прусской корпусъ, стоящій въ его линіяхъ; мы фланкировали его влѣво; возвратившійся офицеръ донесъ, что впереди, въ большой верстѣ, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее, погнались за нами первѣе прусскіе драгуны на палашахъ, за ними гусары; достигши до переправы, пріятель и непріятель, смѣшавшись, погрузли въ ней почти по луку; нашимъ надлежало прежде на сухо выйти, за ними въ мигъ нѣсколько прусскихъ эскадроновъ, кои въ мигъ построились. Генералъ приказалъ ихъ сломить. Ближній эскадронъ былъ слабый желтый Свацековъ; я его пустилъ, онъ опровергъ всѣ прусскіе эскадроны обратно, опять въ болото; чрезъ оное между тѣмъ нашли они, влѣвѣ отъ насъ, суше переправу; первый ихъ полкъ перешелъ драгунскій Финкенштейновъ, весьма комплектной; при

---

[1]) Вѣроятно, пропущено «съ».

[2]) Т.-е., это должно помнить молодымъ офицерамъ.

ближнихъ тутъ высотахъ было отверстіе на эскадронъ, противъ котораго одинъ Финкенштейновъ сталъ; не можно было время тратить; я велѣлъ ударить стремглавъ на полкъ одному нашему Сербскому эскадрону; онаго капитанъ Жандръ бросился въ отверстіе на сабляхъ; Финкенштейновы дали залпъ изъ карабиновъ; ни одинъ человѣкъ нашихъ не упалъ; но Финкенштейновы пять эскадроновъ въ мгновеніе были опровержены, рублены, потоптаны и перебѣжали чрезъ переправу назадъ. Сербскій эскадронъ былъ подкрѣпляемъ однимъ Венгерскимъ, который въ дѣлѣ не былъ; Финкенштейновы жъ были подкрѣпляемы, кромѣ конницы, баталіонами десятью пѣхоты; вся сія пѣхота, прекрасное зрѣлище! Съ противной черты, на полвыстрѣлѣ, давала на насъ ружейные залпы; мы почти ничего не потеряли, отъ нихъ же, сверхъ убитыхъ, получили знатное число плѣнниковъ. При сихъ дѣйствіяхъ находились ихъ лучшіе партизаны, и Финкенштейновымъ полкомъ командовалъ подполковникъ и кавалеръ Реценштейнъ, весьма храбрый и отличный офицеръ. Потомъ оставили они насъ въ покоѣ. Въ 762 году отправленъ я былъ къ высочайшему двору съ депешами отъ генерала графа Петра Ивановича Панина и ея императорскимъ величествомъ произведенъ въ полковники слѣдующимъ собственноручнымъ указомъ: «Подполковника Александра Суворова жалуемъ Мы въ наши полковники въ Астраханской пѣхотный полкъ и пр.». Сей указъ у меня тогда отобранъ военною коллегіею, генераломъ князь Семеномъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ. Въ 768 году пожалованъ я бригадиромъ при Суздальскомъ пѣхотномъ полку и, командуя бригадою, отряженъ былъ съ онымъ и двумя эскадронами командующимъ корпусомъ генераломъ Нумерсомъ отъ стороны Смоленска въ Литву, къ Оршѣ, откуда, какъ корпусъ прибылъ, выступилъ далѣ къ Литовскому Минску, гдѣ корпусъ со мною соединился. Оттуда съ реченнымъ отрядомъ войскъ предписано мнѣ было слѣдовать поспѣшно къ Варшавѣ, раздѣля сей отрядъ на разныя части и двѣ колонны; во время разныхъ волнованій въ Литвѣ былъ мой маршъ на Брестъ Литовской, гдѣ соединясь прибылъ я къ Жмудскому Минску, подъ Варшавою пять миль; здѣсь примѣчу, что одна колонна была въ пути до ста двадцати, другая, со мною, до ста тридцати тамошнихъ миль; но маршъ былъ конченъ ровно въ двѣ недѣли, безъ умершихъ и больныхъ, съ подмогою обывательскихъ подводъ, и потомъ прибылъ на Прагу къ Варшавѣ. Оттуда разогналъ я незнатную партію подъ варшавскимъ маршалкомъ Кадлубовскимъ. Чрезвычайный посолъ, князь Михайла Никитичъ Волконской, отправилъ меня въ Литву для усмиренія мятежей; я взялъ половину реченнаго деташамента и прибылъ къ Брестъ-Литовскому, гдѣ я услышалъ, что мятежники не въ дальности, и что близъ ихъ обращаются разные наши краснорѣчивые начальники съ достаточными деташаментами. Въ семъ пунктѣ я

оставилъ людей большое число, самъ же взялъ съ собою, не мѣшкая ни мало, суздальскихъ шестьдесятъ гренадеръ, сто мушкатеръ, болѣе ста стрѣлковъ, при двухъ пушкахъ, и тридцать шесть воронежскихъ драгунъ; повстрѣчался я съ графомъ Кастелли при тридцати карабинерахъ и толикомъ числѣ казаковъ и взялъ его съ собою. Маршировавши ночь, противъ полденъ, повстрѣчались мы съ мятежниками подъ Орѣховымъ. Ихъ число возвышалось близъ десяти тысячъ, что была неправда; я ихъ полагалъ отъ дву до трехъ тысячъ. Начальники ихъ были маршалки и иные: достойный Ксавьеръ Пулавской, который здѣсь убитъ, братъ его, Казиміръ, Пинской Орѣшко, Малчевской, Заремба, числомъ девять. Я ихъ вѣдалъ быть безпечными въ худой позиціи, то-есть, стѣсненными на лугу, въ лѣсу, подъ деревней. Какъ скоро мы франшировали три тѣсныя дефилеи, гдѣ терпѣли малой уронъ, началась атака, но продолжалась отъ четырехъ до пяти часовъ. Деревня позади ихъ зажжена гранатою; кратко сказать: мы ихъ побили, они стремительно бѣжали, уронъ ихъ былъ знатенъ; въ числѣ плѣнныхъ обрѣтался Пинской драгунской полкъ съ его офицерами, но очень малосильный. Потомъ съ отрядомъ прибылъ я въ Люблинъ, гдѣ по важности поста учинилъ мой капиталь [1]). Я не буду ничего говорить о политическихъ обращеніяхъ, съ коими всѣ воинскія операціи въ Польшѣ и Литвѣ сообразуемы были, ниже о самыхъ тѣхъ разныхъ операціяхъ, какъ и о маловажнѣйшихъ вышереченнаго происшествіяхъ; но трону только подобныя, гдѣ я самъ обрѣтался. Разбитъ былъ главный полковникъ N близъ Клементова, въ Сендомирскомъ воеводствѣ, малымъ отрядомъ, подъ моимъ предводительствомъ, и потерялъ нѣсколько сотъ съ пятью пушками. Атаковали мы Ландскоронъ за Краковымъ, овладѣли городомъ, кромѣ замка, и разбили противнаго генерала N, пришедшаго на выручку. Въ мѣстечкѣ Урендовѣ на Вислѣ супренировалъ я ночью войска маршалковъ Пулавскаго и Савы; тутъ при великой потерѣ достались намъ въ руки драгуны сего послѣдняго, и онъ былъ такъ разоренъ, что, по безсилію, скоро погибъ: ихъ самихъ прогнали изъ-подъ Красника. Разбитъ былъ въ лѣсахъ, въ сторонѣ Владиміра, полковникъ Новицкій и той же ночи въ деревнѣ N вовсе разрушенъ. По многимъ дѣйствіямъ, такъ называемою Главною Конфедераціею, городъ Краковъ такъ былъ стѣсненъ, что нашимъ тамо войскамъ недостатокъ въ субсистенціи наступалъ; я далъ моимъ отрядамъ рандеву на рѣкѣ Санѣ, отбилъ прежде преграду ихъ на рѣкѣ Дунайцѣ и, по нѣкоторыхъ ночныхъ и денныхъ битвахъ, достигъ до Кракова, откуда метежниковъ прогналъ. Въ той же ночи, противъ разсвѣту, напалъ, неподалеку Кракова, на ихъ Тынецкія укрѣпленія, гдѣ, сверхъ многихъ побитыхъ, въ

[1]) Т.-е., главную квартиру.

томъ числѣ штыками, забрали мы много въ плѣнъ ихъ лучшей пѣхоты и распущенныхъ саксонцевъ съ нѣмецкими офицерами и артиллеріею. На другой день было славное происшествіе подъ Ландскорономъ, гдѣ собранные множественные мятежники были въ конецъ разбиты; погибли нѣсколько французскихъ офицеровъ съ пѣхотою, на ихъ образъ учрежденною; убито два маршалка, Пинской Орѣшко и N. князь Сапѣга; при многихъ плѣнныхъ мнѣ достались въ руки маршалки Краковской, Міончинской, и Варшавской, Лоіоцкой. Едва сіе кончено, какъ я извѣщенъ о сильной диверсіи мятежниковъ къ сторонѣ Замостья и Люблина. Надлежало мнѣ спѣшно туда обратиться. Побита была прежде ихъ, достаточно собравшаяся изъ разсѣянныхъ, часть при рѣкѣ Санѣ, на походѣ; въ числѣ плѣнныхъ были нѣкоторые иностранные офицеры. Потомъ мятежники сильно были разбиты, разсѣяны подъ Замостьемъ и изъ крѣпости деложированы. Сраженьевъ сихъ было много, но примѣчательныхъ было девять, которыхъ планы я отправилъ къ генералу Веймарну, но послѣ о нихъ не слыхалъ. Французскій бригадиръ Мезьеръ, обрѣтавшійся при мятежникахъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, на сіе скоро отозванъ къ своему двору и на его мѣсто прибылъ Вьомениль, генералъ и кавалеръ ордена Святаго Людовика Большаго Креста. Возмутилась вся Литва. Регулярная ея, изъ полковъ нѣмецкаго штата и конпутовыхъ хоронгъ, армія съ достаточною артиллеріею и всѣмъ, къ войнѣ надлежащимъ, снабдѣнная, собралась, какъ и довольно иррегулярныхъ войскъ подъ предводительствомъ ихъ великаго гетмана, графа Огинскаго, который сперва и получилъ нѣкоторые авантажи; наши тамошніе деташаменты дѣйствовали слабо и очень предопасно, давали ему время возрастать, такъ что уже считали его болѣе какъ въ десяти тысячахъ лучшаго войска, что не могло быть правдою, но отъ протяженія времени вѣроятно бы совершилось. Я напоминаю молодымъ вождямъ, что только одинъ глубокій въ практикѣ военачальникъ можетъ строить рѣдко непріятелю золотой мостъ, какъ и чинить хитрые маневры. При вышесказанномъ происшествіи подъ Ландскорономъ побѣда произошла ни отъ чего иного, какъ отъ оныхъ [1]) французскою запутанностію, которою Россійское войско пользовалось; они наклоняютъ пустые маріши больше къ изнуренію войска, къ облѣненію онаго и роскоши; хороши для красоты въ реляціяхъ. Непріятелю время давать не должно, пользоваться сколько можно его наималѣйшею ошибкою и брать его всегда смѣло съ слабѣйшей стороны, но надлежитъ, чтобъ войски предводителя своего разумѣли. Чтобъ нигдѣ не дегарнировать, собралъ я всего войска до семи сотъ человѣкъ и двѣ пушки; тутъ были и легіонныя, которыя прежде нѣчто отъ г. Огинскаго пострадали. Но имѣлъ я храбрыхъ офицеровъ, при-

[1]) Т.-е., хитрыхъ маневровъ.

выкшихъ часто сражаться вблизи; шли мы чрезъ Брестъ-Литовскій и прямымъ трактомъ, но поспѣшнымъ маршемъ, сближались съ арміею г. Огинскаго, который дневалъ подъ Столовичемъ; пойманы фуражировавшіе уланы. Принявши ихъ ласково, свѣдалъ я отъ нихъ нужное о ихъ расположеніи. Остерегалъ его генералъ Бѣлякъ, но онъ не вѣрилъ; въ ту же ночь пошли мы на атаку, продолжали маршъ безъ малѣйшаго шума, цѣля на его огни; ночь была темная, и къ утру палъ туманъ. Пѣхоту я поставилъ въ первой линіи, артиллерія въ срединѣ, вторая линія была вся изъ кавалеріи, позади артиллеріи былъ пѣхотный резервъ, позади второй былъ особый резервъ изъ пѣхоты и конницы, казаки были разсѣяны съ крылъ и сзади. Нападеніе наше на литовцевъ было съ спины; мы къ нимъ приближились нечто до разсвѣта, такъ тихо, что деташированные съ господиномъ Паткулемъ порубили нѣсколько ихъ часовыхъ и, по данному сигналу, встрѣчены были отъ нихъ изъ мѣстечка сильною стрѣльбою ружейною и изъ артиллеріи. Передъ нами было болото и чрезъ оное плотина, по которой майоръ Киселевъ съ Суздальскими гренадерами пошелъ на штыкахъ, пробилъ и далъ мѣсто нашей конницѣ, которой предводитель, подполковникъ Рылѣевъ, все встрѣчающееся въ мѣстечкѣ порубилъ и потопталъ; между тѣмъ майоръ Киселевъ пошелъ прямо на квартиру г-на Огинскаго; его подкрѣпила часть пѣхоты, прочая подъ майоромъ Фергиномъ съ Нарвскими гренадерами, капитанами Шлиселемъ и Анибаломъ, управясь съ засѣвшею въ мѣстечкѣ противною пѣхотою, съ нимъ соединилась; вся пѣхота и резервы выстроились и пошли атаковать линіи г-на Огинскаго въ полѣ, съ которыми наша конница уже въ дѣло вступила. Литовское войско оборонялось храбро, легіонные гренадеры себя весьма отличили, и когда дошло до штыковъ, то отъ ротъ мушкатерскихъ г-нъ Масловъ съ легіонною первый ударилъ. Побѣда уже была въ нашихъ рукахъ, какъ стоявшій въ полмили отъ мѣста баталіи генералъ Бѣлякъ, правда поопоздавши, съ двумя сильными полками лучшихъ улановъ, своимъ и Корицкаго, отрѣзалъ и окружилъ нашихъ три эскадрона; тѣ не одинъ разъ сквозь ихъ прорубались, чѣмъ и кончено сраженіе. Вся артиллерія, обозы, канцелярія и клейноды великаго гетмана достались намъ въ руки, тожъ всѣ драгунскія лошади съ уборомъ, конпутовыя съ уланами знатною частью спаслись; плѣнъ нашъ наше число превосходилъ: отъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ почти всѣ, кромѣ убитыхъ, штабъ и оберъ-офицеры были въ нашемъ плѣну. Изъ нашихъ офицеровъ старшіе почти всѣ были переранены, изъ нижнихъ чиновъ убито было мало, но переранено около осьмой доли. Сраженіе продолжалось отъ трехъ до четырехъ часовъ, и вся Литва успокоилась. Вся жъ сія Литовская армія состояла не болѣе тогда въ собраніи, какъ до трехъ тысячъ человѣкъ, кромѣ уланъ и нѣсколькихъ иррегулярныхъ.

8*

Послѣ сего послѣдовало происшествіе Краковское. Я обращался въ Литвѣ; французскіе офицеры вошли въ зàмокъ ночью чрезъ скважину въ стѣнѣ, гдѣ истекали нечистоты, при мятежничьихъ войскахъ; сею супризою плѣнили тамошній гарнизонъ и ввели туда отъ стороны Тынца болѣе тысячи человѣкъ особо лучшей, изъ распущенныхъ саксонцевъ и увольненныхъ австрійцовъ, при нѣмецкихъ офицерахъ, пѣхоты; отъ нашего, стоящаго въ городѣ, войска были разныя тщетныя покушенія; чрезъ нѣсколько дней я прибылъ туда съ отрядомъ, какъ отъ своей стороны польскіе королевскіе генералы, графъ Браницкой и Грабовской; самой тотъ почти часъ учинили мятежники на разсвѣтѣ изъ зàмка генеральную вылазку для овладѣнія городомъ; конница ихъ ударила прямо на гауптвахтъ, но была разстрѣлена и отрѣзана; пѣхота шла великою густотою, но скоро картечами обращена назадъ; наши по диспозиціи отъ [1]) меня и малочислію на мѣстѣ за нею не погнались. Тотчасъ мы облекли зàмокъ, королевскихъ войскъ квартира основалась за Вислою, учредили коммуникаціи мостами и шанцами. По обѣимъ сторонамъ Вислы заняли посты въ приличныхъ мѣстахъ пѣхотою, на которые отъ противниковъ чинены были разныя вылазки, особливо въ полночь и полдни, всегда съ ихъ урономъ. Нашей всей пѣхоты было до семи сотъ человѣкъ, мы жъ почти сами въ городѣ отъ разныхъ деташаментовъ мятежничьихъ блокированы. И хотя я больше пяти тысячъ человѣкъ по разнымъ мѣстамъ въ дирекціи имѣлъ, но ихъ не можно было опорожнить, кромѣ Сендомирскаго воеводства. Г. майоръ Нагель покупалъ и провозилъ скрытыми маршами съ его отрядомъ военную аммуницію изъ Шлезскаго Козеля. Майоръ Михельсонъ болѣе всѣхъ, по его искусству, отряжаемъ былъ противъ мятежниковъ въ поле и отъ успѣховъ его получилъ себѣ великую славу. Мятежники въ зàмкѣ имѣли много провіанта, но недоставало имъ другихъ съѣстныхъ припасовъ, чего ради употребляли себѣ въ пищу своихъ лошадей. Оказавшаяся Литовская, давно по Польшѣ странствующая, маршалка Косовскаго партія, разбита была мною при Смерзонцѣ, между Кракова и Тынца, и потоплена въ Вислѣ. Отъ всѣхъ странъ зàмокъ былъ стѣсненъ, но одинъ генеральный штурмъ намъ не удался, хотя уже одни вороты одержаны были, въ чемъ мятежничій уронъ нашъ превосходилъ, и отъ чего потомъ у нихъ скоро оказался недостатокъ въ порохѣ и кремняхъ. Артиллерія наша была незнатна, но искусствомъ г-на Гакса въ разныхъ мѣстахъ испортила коммуникаціи, часто въ зàмкѣ зажигала, и брешь въ стѣнѣ на шесть рядовъ былъ готовъ; двѣ мины съ обѣихъ сторонъ Вислы, одна королевскаго офицера N, другая инженеръ-капитана Потапова, приходили галлереями къ концу пунктовъ, и уже

[1]) Въ подлинникѣ «до».

ни одинъ человѣкъ изъ зàмку прокрасться не могъ, какъ вышелъ ко мнѣ изъ зàмка ночью бригадиръ Галибертъ и, по многимъ переговорамъ, капитулировалъ. Можно отдать честь французамъ, что они въ зàмкѣ Королевскихъ гробницъ, ниже что изъ драгоцѣнныхъ клейнодовъ, нимало не повредили, но свято польскимъ чиновникамъ возвратили. Гарнизонъ объявленъ былъ плѣннымъ, но титла военноплѣннаго не акордовано, сколько о томъ меня французскіе начальники ни просили; вышелъ въ восьми стахъ человѣкъ здоровыхъ, прочіе больные, или погибли, пѣхоты его оставалось еще больше нашей, чего ради положили ружье дежурному при мнѣ майору, князю Солнцеву, въ зàмкѣ; при немъ штабъ и оберъ-офицеровъ разныхъ націй было около пятидесяти человѣкъ; французскіе были бригадиры и Святаго Людвига кавалеры, Шоази и Галибертъ, капитаны Вьомениль, племянникъ генеральской, который первый въ зàмокъ вошелъ, Солиньякъ и другихъ два кавалера Военнаго Ордена. Изъ нихъ были въ походахъ въ Индіяхъ и дѣйствіяхъ въ Корсикѣ. Еще нѣкоторые французскіе оберъ и унтеръ-офицеры. Всѣмъ симъ господамъ я подарилъ ихъ шпаги, какъ мнѣ бригадиръ Шоази свою вручалъ; и по трактаментѣ, въ ту же ночь, при возможныхъ выгодахъ и учтивствѣ, отправлены реченные господа съ прочими и гарнизономъ при эскортѣ на Люблинъ, оттуда жъ нижніе чины въ Россію, офицеры, прибывшіе съ генераломъ Вьоменилемъ, въ Львовъ; тѣ, что прежде прибыли съ бригадиромъ Мезьеромъ, въ литовскую крѣпость Бялу, польскіе въ Смоленскъ. Далѣе я о моихъ политическихъ операціяхъ къ Тынцу, Ландскорону и иныя мѣста не описываю, какъ о стòящихъ паки новаго пространства; г-нъ Вьомениль разпрощался со мною учтивымъ благороднымъ письмомъ и отбылъ во Францію съ человѣками тремя оставшихъ своихъ офицеровъ и увольненнымъ отъ меня N, знатнаго отца, который ввѣренъ былъ мнѣ отъ г-на Шоази изъ зàмка для излеченія его смертельныхъ ранъ, отъ которыхъ получилъ свободу. Начиная отъ Радзивильцовъ, большая часть мятежничьихъ партіевъ мнѣ, вооруженныя, сдались и распущены. Потомъ и кончились всѣ польскія возмущенія.

Пожалованъ я въ 770-мъ генералъ-майоромъ и въ 774 годахъ генералъ-поручикомъ. Въ 772-мъ генералъ Елмтъ и я, по перемѣнившемуся правленію въ Швеціи, обращены съ полками изъ Польши къ Финляндіи. По прибытіи моемъ въ Санктъ-Петербургъ опредѣленъ былъ я временно къ тамошней дивизіи, осматривалъ Россійскій съ Швеціею рубежъ съ примѣчаніемъ политическихъ обстоятельствъ и имѣлъ иныя препорученія; какъ обстоятельства съ Швеціею перемѣнились, отправленъ я былъ въ первую армію, гдѣ отъ генералъ-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцова, помѣщенъ былъ въ состоящій въ Валахіи корпусъ. Командующій онымъ генералъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ поручилъ

мнѣ отрядъ войскъ, на рѣкѣ Ардышѣ, противъ черты Туртукая, куда прибывъ нашелъ я близъ двадцати переправныхъ косныхъ лодокъ, отъ войска выбралъ и пріучилъ къ нимъ надлежащихъ гребцовъ, и сдѣлалъ половинный скрытый маршъ для приближенія къ Дунаю; на разсвѣтѣ были окружены турецкою конницею, въ конецъ ее разбили и прогнали за Дунай; съ плѣнными былъ ихъ командующій паша. Тѣмъ мы вскрылись, и въ слѣдующую ночь переправились за Дунай благополучно, пять сотъ человѣкъ пѣхоты Астраханскаго, сто карабинеръ, при полковникѣ князѣ Мещерскомъ, Астраханскаго жъ полковъ, лошади вплавь и сто казаковъ. Турки на противномъ берегу свыше пяти тысячъ почли насъ за неважную партію, но сильно изъ ихъ пушекъ по насъ стрѣляли, какъ и въ устье Ардыша, откуда выходили лодки. Мы одержали надъ ними извѣстную побѣду. Второе дѣйствіе мое подъ Туртукаемъ во время происшествія при Силистріи тако жъ частью изъ реляцій извѣстно; объясню только, что, по слабости отъ болѣзни, я безъ помощи ходить не могъ, что, по овладѣніи нами турецкимъ ретраншементомъ ночью, варвары превосходствомъ почти въ десятеро, насъ въ немъ сильно оступили; тутъ былъ и вышереченный князь Мещерской, которымъ, какъ г-мъ Шемякинымъ, прибывшимъ ко мнѣ съ коннымъ отрядомъ и легкою пушкою, довольно нахвалиться не могу, и они всегда въ моей памяти пребудутъ; карабинеры жъ Мещерскаго вооружены были ружьями съ штыками по недостатку пѣхоты; ночь и къ полднямъ сражались мы непрестанно, и военная аммуниція знатно уменьшилась. Но раненъ былъ пулею Визулла, командующій паша, предатель Египетскаго Алибея, исколотъ Сенюткиными козаками. Противъ полденъ капитанъ Братцовъ учинилъ вылазку съ штипереножною колонною въ вороты на янычаръ, холоднымъ ружьемъ поразилъ и самъ смертельно раненъ; тогда все войско выступило изъ ретраншемента, и одержана была полная побѣда. Вся турецкая артиллерія нижняго и верхняго лагерей съ ихъ всею флотильею достались въ наши руки. Первый разъ подъ Туртукаемъ перебита у меня нога отъ разрыву пушки; о разныхъ прежде мнѣ неважныхъ контузіяхъ я не упоминаю. Послѣ того опредѣленъ я былъ начальникомъ Гирсовскаго корпуса; сей Задунайскій постъ надлежало соблюсти. Я починилъ крѣпость, прибавилъ къ ней земляныя строенія и сдѣлалъ разныя фельдшанцы. Предъ наступленіемъ турецкимъ перевелъ я мой резервъ изъ-за Дунаю, два полка пѣхоты, на островъ вблизости Гирсова, въ закрытіи, за рѣчкою N, на которой были понтоны. Турки оказались рано днемъ около одиннадцати тысячъ; велѣлъ я дѣлать разные притворные виды нашей слабости; но съ моей стороны, особливо изъ крѣпости, начали рано стрѣлять и вмѣсто картечь ядрами, они фланкировали наши шанцы; шармицерованіе продолжалось до полденъ и не имѣло конца. Приказалъ я всѣмъ своимъ

очистить поле; пріятно было видѣть — варвары при пяти пашахъ бунчужныхъ построились въ три линіи, въ первыхъ двухъ пѣхота, въ рединѣ конница, по флангамъ пушки въ ихъ мѣстахъ, поевропейскому; въ третьей, что резервъ, было разное войско и нѣкоторые обозы; съ довольною стройностью приближились они къ нашему Московскому ретраншементу, гдѣ мы молчали, заняли высоту, начали бомбами и ядрами безотвѣтно и впрочемъ весьма храбро подъ предводительствомъ ихъ байрактаровъ бросились съ разныхъ странъ на ретраншементъ; наша стрѣльба открылась вблизи, ретраншементъ былъ очень крѣпокъ; изъ закрытія князь Мачабеловъ съ Сѣвскимъ полкомъ и баронъ Розенъ съ тремя эскадронами гусаръ взошли на наши высоты съ превеликимъ ихъ пораженіемъ, и князь Гагаринъ другаго полку съ кареемъ наступилъ на ихъ лѣвой флангъ, изъ ретраншемента; они крайне пострадали; недолго тутъ дѣло продолжалось, отъ одного до двухъ часовъ; ударились они въ бѣгство, претерпѣли великій уронъ, оставили на мѣстѣ всю ихъ артиллерію; побѣда была совершенная. Мы ихъ гнали тридцать верстъ. Прочее извѣстно по реляціямъ, въ которыя я мало вникалъ и всегда почиталъ дѣло лучше описанія, и скорѣе примѣчу къ наставленію военноначальниковъ, что изъ ста Сѣвскихъ раненныхъ солдатъ ни одинъ не умеръ; толико о блюденіи людей былъ попечителенъ достойный полковникъ князь Мачабеловъ. Послѣднюю баталію въ турецкой войнѣ выигралъ я при Козлуджи, предъ заключеніемъ мира. Резервный корпусъ команды моей соединился съ Измаильскимъ. Турецкая армія около пятидесяти тысячъ была подъ командою Резакъ Эфендія и главнаго Янычарскаго Аги была на походѣ чрезъ лѣсъ и встрѣчена нашею конницею, которая захватила ихъ квартирмейстеровъ съ генеральнымъ и принуждена была уступить силѣ. Отъ моего авангарда три баталіона гренадеръ и егерей съ ихъ пушками подъ командою г-дъ Трейдена, Ферзена, Река, остановили въ лѣсу противный авангардъ, восемь тысячъ албанцовъ, и сраженіе начали. Скоро усилены были команды генерала Озерова кареемъ двуполковымъ, Суздальскаго и Сѣвскаго подъ Мачабеловымъ; но почти уже предуспѣли сломить албанцовъ, соблюдая весьма свой огонь. Сіе пораженіе продолжалось близъ двухъ часовъ около полуденъ. Люди наши шли во всю ночь и не успѣли принять пищу, какъ и строевыя лошади напоены не были. Лѣсъ прочистился, мы вступили въ маршъ впередъ; на нашемъ трактѣ брошено нѣсколько сотъ телѣгъ съ турецкимъ лучшимъ шанцовымъ инструментомъ; происходили неважныя стычки въ лѣсу; конница закрывала малосиліе пѣхоты нашей; ее было до четырехъ тысячъ; старшій генералъ Луисъ, котораго поступками я весьма одолженъ; я оставляю прочее примѣчаніе; шли мы лѣсомъ девять верстъ, и по выходѣ изъ онаго упалъ сильный дождь, который наше войско ободрилъ, против-

ному жъ мокротою причинилъ вредъ. При дебушированіи встрѣчены мы сильными выстрѣлами съ батареи на высотахъ отъ артиллеріи барона Тотта, и кареи, взявъ свою дистанцію, ихъ одержали и все взяли. Хотя разныя покушенія отъ варварской арміи на насъ были, но безъ успѣха, а паче препобѣждены быстротою нашего марша и крестными пушечными выстрѣлами, какъ и ружейною пальбою съ соблюденіемъ огня. Здѣсь раненъ былъ внутри карея князь Ратіевъ, подполковникъ, какъ Далкелыжди [1]), по ихъ обычаю, въ оныя внѣдрываются; полемъ былъ нашъ маршъ, большею частью терновникомъ, паки девять верстъ, и при исходѣ его прибылъ къ намъ артиллеріи капитанъ Базинъ и съ нимъ близъ десяти большихъ орудіевъ, которыми открылъ пальбу въ лощину, внутрь турецкаго лагеря. Уже турки всюду бѣжали, но еще дѣло кончено не было, за ихъ лагеремъ усмотрѣлъ я высоту, которую одержать надлежало; пошелъ я сквозь оный съ подполковникомъ Любимовымъ и его эскадронами, кареи жъ оный обходили и тѣмъ нѣчто замѣшкались. По занятіи мною той высоты произошла съ турецкой стороны вдругъ на насъ сильная стрѣльба изъ большихъ пушекъ, и по продолженію примѣтилъ я, что ихъ немного, то приказалъ отъ себя майору Парфентьеву взять поспѣшнѣе изъ карея три Суздальскихъ роты, ихъ отбить, что онъ съ крайнею быстротою марша и учинилъ. Все наше войско расположилось на сихъ высотахъ противъ наступающей ночи, и прибылъ къ намъ г. бригадиръ Заборовской съ его кареемъ комплектнаго Черниговскаго полку; такимъ образомъ окончена совершенная побѣда при Козлуджи, послѣдняя прошлой турецкой войны. Былъ я на лошади, часто въ огнѣ и грудномъ бою; тогдашняя моя болѣзнь столько умножилась, что я отбылъ лѣчиться за Дунай; почему я за реляцію, ниже за донесеніе мое, въ слабости моего здоровья, не отвѣчаю, но доволенъ въ душѣ моей о извѣстныхъ слѣдствіяхъ отъ сего происшествія. Въ силу имяннаго высочайшаго повелѣнія, гдѣ прописано: «ѣхать мнѣ въ Москву въ помощь генералу князю Михайлѣ Никитичу Волконскому», отбылъ я тотчасъ изъ Молдавіи и прибылъ въ Москву, гдѣ усмотрѣлъ, что мнѣ дѣлать нечего, и поѣхалъ далѣе, внутрь, къ генералу графу Петру Ивановичу Панину, который, при свиданіи, паки мнѣ высочайшее повелѣніе объявилъ о содѣйствіи съ нимъ въ замѣшательствахъ и далъ мнѣ открытый листъ о послушаніи меня въ губерніяхъ воинскимъ и гражданскимъ начальникамъ. Правда, я спѣшилъ къ передовымъ командамъ и не могъ имѣть большаго конвоя; такъ и не иначе надлежало; но извѣстно ли, съ какою опасностію безчеловѣчной и безчестной смерти? Сумазбродныя толпы вездѣ шатались; на дорогѣ множество отъ нихъ тирански умерщвленныхъ. И не стыдно

[1]) Не «Делибаши» ли?

мнѣ сказать, что я на себя принималъ иногда злодѣйское имя; самъ не чинилъ нигдѣ, ниже чинить повелѣвалъ, ни малѣйшей казни, развѣ гражданскую, и то однимъ безнравнымъ зачинщикамъ, но усмирялъ человѣколюбивою ласковостью, обѣщаніемъ высочайшаго императорскаго милосердія. По прибытіи моемъ въ Дмитріевскъ свѣдалъ я, что извѣстный разбойникъ вблизости одной за Волгою слободы; не смотря на его неважную силу, желалъ я, переправясь, съ моими малыми людьми на него тотчасъ ударить, но лошади всѣ выбраны были, чего ради я пустился вплавь на суднѣ въ Царицынъ, гдѣ я встрѣтился съ г-мъ Михельсономъ. Большая часть нашихъ начальниковъ отдыхала на красносплетенныхъ реляціяхъ; и ежели бы всѣ были, какъ г-да Михельсонъ и Гагринъ, разнеслось бы давно все, какъ метеоръ. Сіи разнообразные случаи прикосновенны моей службѣ, которою я нынѣ справедливо отозваться необходимо долженствую, впрочемъ бы я молчалъ. Изъ Царицына взялъ я себѣ разнаго войска конвой на коняхъ и обратился въ обширность Уральской степи за разбойникомъ, отстоящимъ отъ меня суткахъ въ четырехъ. Прибавить должно, что я, по недостатку, провіанта почти съ собою не имѣлъ, но употреблялъ вмѣсто того рогатую скотину, засушеніемъ на огнѣ мяса съ солью по испытанію Померанской, въ прусской войнѣ, послѣдней кампаніи. Въ степи я соединился съ г-ми Иловайскимъ и Бородинымъ; держались слѣдовъ и чрезъ нѣсколько дней догнали разбойника, шедшаго въ Уральскъ. Посему доказательно, что не такъ онъ былъ легокъ, а быстрота марша первое искусство. Сіе было среди большаго Узеня, я тотчасъ раздѣлилъ партіи, чтобъ его ловить, но извѣстился, что его уральцы, усмотря сближенія наши, отъ страху его связали и бросились съ нимъ на моемъ челѣ стремглавъ въ Уральскъ, куда я въ тѣ же сутки прибылъ. (Чего жъ ради они его прежде не связали?.. Почто не отдали мнѣ? Потому что я былъ имъ непріятель, и весь разумный свѣтъ скажетъ, что въ Уральскѣ уральцы имѣли больше пріятелей, какъ и на форпостахъ онаго. Наши жъ передовые здѣсь нечто сбились на киргизскіе слѣды). И чтобъ пустыми обрядами не продолжить дѣло, немедленно принялъ я его въ мои руки, пошелъ съ нимъ чрезъ Уральскую степь назадъ, при непрестанномъ во все то время безпокойствіи отъ киргизцовъ, которые одного ближняго при мнѣ убили и адъютанта ранили, и отдалъ его генералу графу Петру Ивановичу Панину въ Синбирскѣ. Въ слѣдующее время моими политическими распоряженіями и военными маневрами буйства башкирцовъ и иныхъ безъ кровопролитія сокращены, но паче императорскимъ милосердіемъ.

Въ 776 году былъ я опредѣленъ къ полкамъ московской дивизіи въ Крымъ, гдѣ около Карасу-Базара собравшіяся, противныя Шагинъ Гирей хану, партіи, я разсѣялъ одними движеніями, и по

прибытіи его изъ Тамана, объявлялъ его въ семъ достоинствѣ, а по продолжающейся болѣзни отъѣзжалъ въ Полтаву для излеченія. Въ слѣдующемъ году и 778-мъ командовалъ я корпусомъ Кубанскимъ, гдѣ по рѣкѣ Кубани учредилъ я линію, крѣпости и фельдшанцы, отъ Чернаго моря до Ставрополя и тѣмъ сократилъ неспокойствія Закубанскихъ и Нагайскихъ народовъ. Одинъ тотъ годъ не произошло никакого Нагайскаго за Кубань побѣга. Того жъ года обращенъ я въ Крымъ и командовалъ корпусами Крымскимъ, Кубанскимъ, на Днѣпрѣ и иными войсками; вывелъ христіанъ изъ Крыма въ Россію безъ остатку; вытѣснилъ турецкую флотилію изъ Ахтіарской гавани, великаго адмирала, Гасанъ-Пашу, и Али-Бея Анадольскаго со всѣмъ Оттоманскимъ флотомъ и транспортными съ войскомъ судами, коихъ всѣхъ по счету было больше ста семидесяти, отъ крымскихъ береговъ обратилъ назадъ къ Константинополю воспрещеніемъ свѣжей воды и дровъ, и выступилъ изъ Крыма съ войсками въ 779 году. Потомъ обращался я въ разныхъ мѣстахъ и комиссіи, командуя Казанскою дивизіею. До заключенія конвенціи съ турками командовалъ я Кубанскимъ корпусомъ и въ 783 году привелъ Нагайскія орды къ всеподданнической ея императорскаго величества присягѣ, и какъ они, учиня мятежъ, знатною частью ушли за Кубань, то имѣлъ я туда на нихъ походъ съ регулярнымъ и сильнымъ иррегулярнымъ войскомъ; были они нами за Кубанью и на рѣкѣ Лабѣ на разсвѣтѣ при Керменчикѣ [1]) такъ сурпренированы, что потеряли множество народа и всѣхъ своихъ мурзъ; и того жъ числа другой разъ ихъ, и иныя поколѣнія равно сему разбиты были, одни сутки кончили все дѣло.

Что до моихъ наукъ, онѣ состоятъ въ математикѣ, части философіи, географіи, гисторіи, языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, италіанскомъ, польскомъ, турецкомъ съ малою частію арабскаго и персидскаго и финскомъ. Я осыпанъ благоволеніями ея императорскаго величества, моей всемилостивѣйшей монархини, моей матери и матери отечества; о ея ко мнѣ щедротахъ прилагаю при семъ копіи съ ея высочайшихъ рескриптовъ, по которымъ я кавалеръ третьяго и большаго креста втораго класса Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія; Святаго Великаго Князя Александра Невскаго; Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени; Святыя Анны, по письму графа Панина. Сверхъ того имѣю я отличные знаки высочайшаго ея императорскаго величества милосердія: съ бриллiантами золотую офицерскую шпагу; такую жъ четыреугольную табакерку съ всепресвѣтлѣйшимъ ея портретомъ; бриллiантовую звѣзду съ собственной ея императорскаго величества одежды, при особливыхъ письмахъ, которыхъ я,

---

[1]) Т.-е., Гермечугѣ.

по моей разномѣстности, не отыскалъ. При семъ тако жъ прилагаю копіи съ моихъ на чины патентовъ. Потомство мое прошу брать мой примѣръ: всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ, до издыханія быть вѣрнымъ государю и отечеству, убѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія, и искать славы чрезъ истину и добродѣтель, которыя суть моимъ символомъ. Не для суеты, но для онаго я въ сіе плодовитое описаніе вошелъ; нѣкія происшествія я забылъ и не помню верификаціевъ чиселъ и имянъ, не имѣвши у себя никогда никакихъ записокъ. Старость моя наступаетъ, и долженъ я о моихъ дѣлахъ скоро отвѣтъ дать Всемогущему Богу.

1786 года, сентября 22 числа, я,

Генералъ-аншевъ **Александръ Суворовъ.**

СПАСИТЕЛЬ ЖИЗНИ СУВОРОВА.

(Посвящается родному и дорогому Дону) [1].

> Подвиги донцовъ больше и удивительнѣе отъ нихъ содѣяны, нежели оные описать или довольно восхвалить удобно.
>
> Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

БОЛѢЕ вѣка назадъ, жилъ въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ казакъ, по имени Захаръ Пахомовичъ, благодарная память о которомъ и понынѣ еще живетъ между признательными сынами «Тихаго Дона».

Изъ скромной надписи, высѣченной на простой плитѣ, покрывающей его забытую могилку, можно видѣть только, что онъ скончался «на 51 году отъ роду, 12 января 1795 года, въ чинѣ бригадира».

Не время ли доблестнымъ донцамъ теперь, когда вся Русь готовится къ народному торжеству въ память великаго Суворова, вспомнить и о спасшемъ ему жизнь Захарѣ Пахомовичѣ, а 12-го января 1901 года, въ столятую годовщину его кончины почтить славные подвиги и труды его на пользу родного края всенародною молитвою и постановкой хотя бы скромнаго памятника?

Теперешіе древніе старцы помнятъ, какъ, бывало, отцы и дѣды ихъ одушевленно разсказывали про него. По ихъ словамъ, онъ былъ сыномъ простого и бѣднаго, но честнаго, храбраго и всѣми уважаемаго старшины, Пахомія Ананьевича, и, оставшись, еще въ юныхъ годахъ, круглымъ сиротою, безъ всякаго призора, попалъ

---

[1]) Авторъ, состоящій въ родствѣ съ Луковкиными, Иловайскими, Леоновыми и Румянцевыми, при составленіи этой статьи пользовался ихъ письмами и воспоминаніями, а также сочиненіемъ правнука З. П.—Михаила Сенюткина «Донцы».

въ дурную компанію, забросилъ ученіе [1]) и совершенно безвинно пострадалъ. На двадцатомъ году, замѣшанный въ скверную исторію, онъ былъ лишенъ по суду казачьяго званія и посаженъ въ тюрьму.

Въ 1771 году, онъ отправился волонтеромъ въ Молдавскую армію и въ августѣ мѣсяцѣ явился къ Румянцеву [2]) въ то время, когда онъ и вся его армія, жившіе еще свѣжими впечатлѣніями баснословныхъ успѣховъ на достопамятныхъ поляхъ Ларги и Кагула, были взволнованы и поражены рядомъ позорныхъ неудачъ подъ Журжей. «Горю желаніемъ,—писалъ онъ въ прошеніи:—сразиться съ врагами моего отечества и кровью своею загладить прежнюю вину» [3]).

Имя Захара Пахомовича вскорѣ «стало извѣстнымъ почти во всей арміи по многимъ совершеннымъ имъ подвигамъ храбрости и удальства». Выступая чуть не ежедневно съ передовыми застрѣльщиками, онъ во всѣхъ боевыхъ схваткахъ между Журжею и Букарестомъ удивлялъ товарищей и начальниковъ отважными поступками и, можно сказать, показалъ себя прямо не знающимъ робости.

Послѣ цѣлаго ряда мелкихъ стычекъ, турки въ октябрѣ стремительно двинулись отъ Журжи въ числѣ 50.000, подъ командою сераскира Мехмеда, сбили наши посты, стоявшіе по рѣкѣ Аржису, овладѣли переправами на рѣкѣ Самборѣ и показались 20 числа въ четырехъ верстахъ отъ Букареста, къ которому, по приказанію растерявшагося Румянцева, къ этому времени сосредоточились подъ командою генералъ-поручика фонъ-Эссена почти всѣ войска, стоявшія на Нижнемъ Дунаѣ. И здѣсь, въ долинѣ рѣчки Дембовицы, завязалась упорная битва, долженствовавшая рѣшить участь всей Валахіи.

Лихія атаки нашей кавалеріи и донцевъ Леонова и Сулина имѣли рѣшающее вліяніе на исходъ этого боя. Непріятель разсыпался въ разныя стороны, и только темная осенняя ночь, быстро окутавшая окрестность, остановила горячее преслѣдованіе и спасла турокъ отъ окончательнаго истребленія.

---

[1]) По словамъ полковника А. Г. Луковкина, З. П. учился въ Воронежской семинаріи. Изъ писемъ же генералъ-лейтенанта Д. И. Иловайскаго видно, что онъ былъ годъ въ Черкасской семинаріи. Письмо Румянцева-Задунайскаго къ двоюродной сестрѣ Аннѣ Никитишкѣ Нарышкиной (урожд. Румянцевой) свидѣтельствуетъ, что З. П. зналъ хорошо «россійскую грамоту, читать и писать, а также и ариѳметику и другія науки».

[2]) Съ письмомъ А. Г. Луковкина, служившаго съ Румянцевымъ въ семилѣтнюю войну.

[3]) Приказомъ отъ 2 сентября «бывшій войска донскаго Медвѣдицкой станицы Захаръ Сенюткинъ, исключенный изъ числа казаковъ за убійство имъ въ дракѣ казака Сергѣева, прибывшій въ армію по собственному его произволенію», зачисленъ былъ въ число волонтеровъ при полку походнаго атамана Никифора Сулина.

Въ этомъ жаркомъ сраженіи З. П. Сенюткинъ, по словамъ его сослуживцевъ, «нисколько не жалѣя своей жизни и презирая всѣ опасности, бросался одинъ въ толпы турокъ и, казалось, искалъ смерти; но къ общему удивленію оставался почти невредимымъ».

Съ разсвѣтомъ, генералъ-поручикъ фонъ-Эссенъ двинулся впередъ, а 24 октября, на самой зарѣ, передовой отрядъ его [1]), бывшій подъ начальствомъ извѣстнаго партизана, храбраго полковника князя Дмитрія Константиновича Кантемира, бросился на приступъ Журжи, сбилъ турокъ съ валовъ и овладѣлъ цитаделью. Однимъ изъ первыхъ вскочилъ на валъ Захаръ Пахомовичъ и выказалъ необычайную храбрость при дальнѣйшемъ боѣ въ самой крѣпости, которая была взята при содѣйствіи подоспѣвшей кавалерійской бригады генерала Панина [2]). Турки, оставивъ въ рукахъ нашихъ кавалеристовъ и донцовъ весь лагерь, обозы и орудія, бросились на суда и поспѣшно переправились къ Рущуку.

Несмотря и на эту побѣду, Румянцевъ не осмѣлился продолжать наступленіе.

Такія нерѣшительныя дѣла его сильно огорчали императрицу Екатерину и принудили ее согласиться на переговоры о мирѣ, которые и велись почти весь 1772 годъ.

Такъ какъ турки не согласились на предложенныя имъ тягостныя условія, армія Румянцева въ февралѣ 1773 года получила повелѣніе перейти Дунай и атаковать великаго визиря.

Къ началу дѣйствій эта до крайности разстроенная армія, раздѣленная на четыре отряда, была расположена по лѣвому берегу Дуная: самъ Румянцевъ съ 15.000, стоялъ у Галаца и Браилова, Вейсманъ съ 4.000—въ Измаилѣ, Потемкинъ съ 4.000—противъ Гуробалъ, и Салтыковъ съ 12.000—у Журжи. Отъ послѣдняго былъ выдѣленъ отрядъ въ 2.300 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Батурина, къ Негоештскому монастырю, расположенному недалеко отъ впаденія въ Дунай рѣки Аржиса, противъ крѣпости Туртукая. Въ отрядъ Батурина входила донская сотня полка Леонова, которой командовалъ Захаръ Пахомовичъ, за геройскіе подвиги [3]) опредѣленный Румянцевымъ въ число казаковъ донского войска и произведенный въ есаулы.

---

[1]) Астраханскій карабинерный полкъ, гусары генерала Текелли и донцы Леонова и Сулина.

[2]) Нижегородскій и Сибирскій полки.

[3]) Правнукъ З. П. Михаилъ Сенюткинъ разсказываетъ, что З. П. однажды въ пылу преслѣдованія разбитыхъ подъ Журжей турокъ бросился на нихъ одинъ, когда они садились въ лодки, и поразилъ двухъ кинжаломъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда въ присутствіи всего генералитета и войскъ отслуженъ былъ въ Яссахъ по случаю взятія Суворовымъ Кракова (изъ письма Леонова) благодарственный молебенъ, Румянцевъ приказалъ возложить на Сенюткина бѣлое знамя и затѣмъ выдалъ ему листъ, въ которомъ сказано, что «возложеніемъ на него публично знамени онъ отъ носимаго имъ доселѣ безчестія навсегда разрѣ-

Весной начались съ нашей стороны поиски на правый берегъ Дуная. Захаръ Пахомовичъ, принявшій въ это время полкъ, по приказанію [1]) Румянцева, отъ заболѣвшаго Леонова, несъ очень тяжелую и отвѣтственную сторожевую и развѣдочную службу, занимая своимъ слабымъ полкомъ большую охранительную линію въ мѣстности пересѣченной и болотистой, отъ устья рѣки Аржиса до Чиканета, и имѣлъ тутъ чуть не ежедневно жаркія схватки, кончавшіяся всегда не въ пользу турокъ [2]). «Особенно отличился онъ», пишетъ его правнукъ Михаилъ: «18 апрѣля 1773 года» [3]).

Черезъ три же недѣли послѣ этого дѣла, въ ночь на 9-ое мая Господь помогъ Захару Пахомовичу совершить подъ Туртукаемъ великій подвигъ, коимъ онъ пріобрѣлъ себѣ право на признательность и вѣчную добрую память не только всѣхъ сыновъ «Тихаго Дона», но даже и всей Святой Руси.

Тщательное изслѣдованіе хода этого дѣла и предшествовавшихъ ему событій путемъ сопоставленія рапортовъ Александра Васильевича Суворова, писемъ и «воспоминаній» участниковъ и другихъ лицъ, а также разсказовъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, даетъ много данныхъ представлять его совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ описано оно въ различныхъ сочиненіяхъ о жизни и боевой дѣятельности великаго сподвижника земли Русской, героя Рымникскаго и Сенъ-Готардскаго, а также полагать, что въ Негоештскомъ отрядѣ охранительная служба все время, а въ особенности въ достопамятную ночь съ 8-го на 9-е мая, велась въ высшей степени небрежно [4]); иначе трудно объяснить, какъ могъ Бинъ-паша,

---

шенъ и причтенъ въ число казаковъ донского войска». Въ томъ же году за вновь оказанное отличіе подъ Журжею Румянцевъ произвелъ З. П. прямо въ есаулы и перечислилъ его въ полкъ Леонова.

[1]) Письмо Румянцева къ А. Г. Луковкину.

[2]) Свидѣтельствуетъ полковникъ Батуринъ.

[3]) Въ ночь подъ это число турки, переправясь въ большомъ числѣ черезъ Дунай, сдѣлали внезапное нападеніе на нововербованный казачій полкъ, стоявшій по другую сторону Аржиса, и, конечно, разбили бы его, еслибъ не подоспѣлъ къ нему на помощь съ своею сотнею Сепюткинъ, который какъ только увидѣлъ турокъ, тотчасъ же перешелъ съ казаками въ бродъ чрезъ Аржисъ, и, по словамъ Батурина, съ такою неустрашимостью напалъ на непріятеля, что, вскоча въ середину разсѣянныхъ турокъ, самъ своими руками кололъ ихъ и принудилъ къ отступленію».

[4]) З. П. почти сутки отсутствовалъ и, прибывъ къ Суворову отъ Потемкина послѣ полуночи страшно утомленнымъ, не провѣрилъ посты и легъ спать вблизи его палатки на копнѣ сѣна.

По разсказамъ А. Г. Луковкина, казаки вечеромъ 8-го мая сильно подкутили, и одинъ изъ нихъ, по имени Степанъ, пользовавшійся весьма дурной репутаціей и бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пугачевымъ, исчезъ съ весьма важнаго поста, гдѣ онъ стоялъ вмѣстѣ съ юнымъ казакомъ Сысоевымъ въ орѣховой рощѣ; на посту же стоялъ казакъ Тарасовъ, который послалъ Сысоева доложить З П. о замѣченномъ странномъ шумѣ правѣе его поста.

По разсказамъ того же Луковкина, сотня З. П. была доведена имъ до вы-

переправившійся еще 7-го мая на лѣвый берегъ Дуная съ 600 кавалеристами и 400 пѣхотинцами, оставаться незамѣченнымъ до зари 9-го числа, т. е. до момента нападенія его на спящій отрядъ Суворова. Не считая себя, однако, въ правѣ помѣщать свои выводы и заключенія, быть можетъ, и не вполнѣ вѣрные, на страницахъ историческаго журнала, я привожу здѣсь подлинныя слова объ этомъ дѣлѣ правнука Захара Пахомовича.

«Это случилось», пишетъ онъ [1]), «такимъ образомъ: по прибытіи къ арміи, въ первыхъ числахъ мая 1773 года, Суворовъ, по предписанію главнокомандующаго, отправился къ ввѣренному подъ начальство его небольшому отряду при Нигоешти. Едва только онъ успѣлъ пріѣхать туда и взглянуть съ противоположнаго берега Дуная на мѣстоположеніе Туртукая, какъ въ тотъ же день, 8-го мая [2]), распорядился было атаковать крѣпость, несмотря на то, что не имѣлъ на это приказанія отъ фельдмаршала. Но какъ было уже поздно, то Суворовъ отложилъ предпріятіе свое до слѣдующей ночи, а самъ, между тѣмъ, завернувшись плащемъ, легъ отдохнуть въ своей походной палаткѣ, недалеко отъ берега рѣки Аргиза [3]). Въ эту самую ночь (подъ 9-е мая) передъ разсвѣтомъ [4]), 600 турецкихъ спаговъ переплыли Дунай, прогнали наши пикеты [5]) и, усмотрѣвъ издали палатку, прямо устремились на нее [6]) съ громкими криками: «Алла! Алла!». Пробужденный шумомъ, Суворовъ вскочилъ и видя, что въ нѣсколькихъ саженяхъ прямо на него скачутъ съ обнаженными саблями множество турокъ, въ

сокой степени боевого образованія, но «народъ былъ подобранъ все отчаянный». Изъ нихъ въ этомъ бою легло больше трети; почти всѣ начальники были переранены, а самъ З. П. получилъ шесть неопасныхъ ранъ. Вышеупомянутый Степанъ былъ посланъ пугачевцами съ грамотой къ донцамъ и убитъ малолѣтками Луковкина въ сраженіи 19-го августа 1774 года близъ Малодѣльской станицы у кургана Караулъ, гдѣ пугачевцы были разбиты.

[1]) «Донцы» Михаила Сенюткина, 2-я часть, стр. 54 и 55.

З. П. подвигъ этотъ считалъ важнѣйшимъ въ своей жизни и, вспоминая о Суворовѣ, любилъ разсказывать своимъ пріятелямъ, какъ онъ имѣлъ счастье спасти жизнь ему.

[2]) Суворовъ прибылъ 5-го мая, и отъ этого числа есть его рапортъ Салтыкову, изъ котораго видно, что ему предложено было взять Туртукай.

[3]) Это было верстахъ въ четырехъ и даже пяти отъ р. Аржиса.

[4]) По разсказамъ самого З. П., Бинъ-паша напалъ, когда было уже свѣтло; 2-й же эскадронъ астраханцевъ, атака котораго имѣла рѣшающее вліяніе на исходъ этого неравнаго боя, ринулся на разстроенный уже лѣвый флангъ противника въ тотъ моментъ, когда яркій лучъ восходящаго солнца брызнулъ изъ-за сѣрыхъ облаковъ, висѣвшихъ надъ горизонтомъ у непріятельскаго берега. Бинъ-паша переправился 7-го мая.

[5]) Три пикета, по словамъ Луковкина, были турками захвачены; остальные же и не знали ничего о нападеніи.

[6]) На палатку скакало, по разсказамъ З. П., только около 30 турокъ съ Бинъ-пашей. Всѣ они были вмигъ уничтожены первымъ взводомъ, а Бинъ-паша, сбитый съ коня, увлеченъ къ астраханцамъ.

первое мгновеніе не зналъ, на что рѣшиться. Тутъ-то, замѣтивъ критическое положеніе своего начальника, Сенюткинъ съ необыкновенною храбростью ударилъ съ казаками на турокъ, остановилъ ихъ стремленіе, далъ Суворову время избѣжать опасности и потомъ, съ помощью двухъ прибывшихъ эскадроновъ Астраханскаго полка, опрокинулъ и гналъ непріятеля до береговъ Дуная, положивъ на мѣстѣ болѣе 80 человѣкъ, не считая утонувшихъ и взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Бинъ-пашею. Это была первая побѣда, одержанная Суворовымъ надъ турками. По окончаніи дѣла, Суворовъ обнялъ своего избавителя и похвалилъ его по-своему [1]).

«Спасибо, чудо-богатырь», сказалъ Суворовъ, въ присутствіи всего отряда, крѣпко цѣлуя Захара Пахомовича. «Спасибо, голубчикъ! Ты спасъ меня отъ вѣрной гибели!».

Послѣ благодарственнаго съ колѣнопреклоненіемъ молебна Господу Богу и похоронъ павшихъ на полѣ брани, Суворовъ въ весьма теплыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ всѣхъ участвовавшихъ въ бою и немедленно съ казакомъ Тарасовымъ [2]) послалъ графу Салтыкову слѣдующій рапортъ:

«На здѣшней сторонѣ мы уже ихъ побили. Взятъ въ полонъ подъ пашею Туртукайскимъ старшій Бинъ-паша и два аги, прочихъ мало. Два эскадрона Астраханскіе пріобрѣли сіе и Сенюткинъ. На берегу я плотно обозрѣлъ. Реченный Бинъ-паша пришелъ 3-го дня съ 600 конницы и 400 пѣхоты; по объявленію плѣнныхъ, поменьше ихъ 4-хъ тысячъ. Тяжело,—пѣхота у нихъ лополамъ. Мы начнемъ сію ночь и, можетъ быть, диспозицію перемѣнимъ.

«Генералъ-майоръ Суворовъ».

Въ ночь на 10-е Суворовъ взялъ Туртукай.

Въ продолженіе всей Туртукайской экспедиціи Захаръ Пахомовичъ былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ его и, какъ свидѣтельствуетъ о немъ очевидецъ, премьеръ-майоръ Капперовъ, онъ, «врываясь въ толпы непріятелей и оныя сильно поражая, доказалъ себя прямо не знающимъ робости, а по совершенномъ истребленіи какъ непріятеля, такъ и города Туртукая, съ небольшимъ числомъ былъ посланъ для истребленія турковъ и исполнилъ сіе съ отмѣнною ревностію и расторопностію, безъ малѣйшей съ своей стороны потери, а напротивъ того, съ большимъ непріятельскимъ урономъ».

---

[1]) Болѣе подробное описаніе этого дѣла и жизни З. П. будетъ въ беллетристической формѣ помѣщено въ настоящемъ году въ одномъ изъ періодическихъ журналовъ. Въ трудѣ этомъ будетъ изложена вся боевая дѣятельность Суворова и борьба Луковкина и Иловайскаго съ пугачевцами.

[2]) По словамъ А. Г. Луковкина, внучатный племянникъ этого Тарасова былъ женатъ на Луковкиной.

Въ 1774 году, Захаръ Пахомовичъ отличился въ бояхъ около деревень Опретино и Пула, а также при осадѣ и рекогносцированіи крѣпости Рущука. Будучи сильно раненъ, онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ августѣ, въ то время, когда пугачевскія толпы ворвались въ Донскіе предѣлы, онъ больной, израненый, съ честью и славой вернулся на родину войсковымъ старшиною и былъ торжественно встрѣченъ «съ хлѣбомъ-солью и съ хорунками всею честною станицею».

Ни въ разбитіи и преслѣдованіи пугачевцевъ, ни въ дальнѣйшихъ войнахъ съ татарами, поляками и турками Захаръ Пахомовичъ не принималъ никакого участія; и, несмотря на неоднократныя, весьма лестныя и выгодныя предложенія извѣстныхъ въ то время выдающихся военныхъ людей, онъ не трогался изъ родной станицы, будучи вполнѣ доволенъ своею участью.

Что же дѣлалъ онъ на родинѣ въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ, и что заставляло его отказываться отъ выгодныхъ предложеній и, быть можетъ, отъ блестящей военной карьеры?

Поприще[1]), избранное имъ, было славное и поучительное... По разсказамъ стариковъ-станичниковъ (и по запискамъ Луковкиныхъ и Иловайскихъ), Захаръ Пахомовичъ былъ человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ представлялъ собою цѣльный и полный типъ гордаго своимъ званіемъ, щедраго, гостепріимнаго, прямодушнаго, лихого донца-рубаки, съ возвышеннымъ благороднымъ характеромъ честнаго труженика, преисполненнаго страха Божія, отличавшагося благочестіемъ и строгимъ соблюденіемъ уставовъ церкви, преданнѣйшаго и вѣрнѣйшаго подданнаго, горячаго патріота, любившаго больше всего и сердцемъ и головою Господа Бога, Царя, Святую Русь, родной «Тихій Донъ», правду и свою семью. Чрезвычайно умѣренный въ своихъ потребностяхъ, безкорыстный, кроткій, безгранично добрый, правдивый и неспособный ни на какія сдѣлки съ совѣстью, онъ въ теченіе 20 лѣтъ неустанно и энергично боролся съ темными сторонами жизни, съ грубой жаждой

---

[1]) По словамъ правнука его Михаила, онъ служилъ безсмѣннымъ начальникомъ сыскныхъ дѣлъ (окружнымъ атаманомъ) въ своей дистанціи (округѣ) и, занимая это мѣсто, принесъ согражданамъ много пользы своимъ умомъ, правдивостью и милосердіемъ къ бѣднымъ. Въ 1790 году онъ оказалъ значительную услугу правительству, когда, по предписанію Потемкина, на Новохоперской верфи перестраивались изъ фрегатовъ два бомбардирскіе корабля, названные потомъ: «Сергій и Никонъ, Радонежскіе чудотворцы».

Войсковой атаманъ, генералъ Алексѣй Ивановичъ Иловайскій, возложилъ на Захара Пахомовича вырубку годнаго лѣса для кораблей и доставку его къ верфи. Выполнивъ это порученіе, Захаръ Пахомовичъ занялъ, изъ усердія, должность лоцмана и, преодолѣвъ множество препятствій, провелъ эти корабли по Хопру и Дону къ назначенному мѣсту, за что получилъ, кромѣ лестныхъ благодарностей отъ адмирала Мордвинова и флота капитана Баскакова, чинъ бригадира.

къ любостяжанію и былъ ярымъ защитникомъ слабаго [1]) и сираго. Видя своихъ собратій въ духовной темнотѣ, въ нравственномъ убожествѣ и страшной хозяйственной нищетѣ и желая быть имъ полезнымъ, онъ, по возвращеніи изъ Молдавіи, прежде всего употребилъ всю силу характера, чтобы образовать свой недюжинный умъ и обогатить его полезными знаніями. Поселившись въ родительскомъ домѣ, онъ первое время почти замкнулся и ревностно занялся самообразованіемъ и саморазвитіемъ. Чрезъ годъ онъ открылъ въ станицѣ на свои скромныя средства школу, гдѣ подъ его непосредственнымъ руководствомъ училось больше сорока мальчугановъ.

Въ 1778 году, онъ уже считался на Дону однимъ изъ образованнѣйшихъ людей, и войсковой атаманъ Алексѣй Ивановичъ Иловайскій неоднократно предлагалъ ему постъ въ «войсковомъ правительствѣ», но Захаръ Пахомовичъ всегда отказывался, будучи вполнѣ доволенъ своей дѣятельностью и скромной должностью начальника сыскныхъ дѣлъ (окружнаго атамана). По словамъ, близко знавшаго его, полковника Амвросія Гавріиловича Луковкина, онъ много читалъ и ревностно, безъ устали, слѣдилъ какъ за всѣми техническими и сельско-хозяйственными усовершенствованіями, такъ равно и за текущими историческими событіями въ Европѣ. Въ это время онъ уже извѣстенъ былъ не только на всемъ Дону, но даже и въ сосѣднихъ уѣздахъ Воронежской и Саратовской губерній, и какъ образцовый хозяинъ-земледѣлецъ, и какъ садоводъ, винодѣлъ [2]),

---

[1]) По словамъ его правнука Михаила, онъ «отличался кротостью и не любилъ заводить ссоръ; но въ случаяхъ важныхъ, когда замѣчалъ гдѣ либо явную несправедливость, быстро воспламенялся, дѣйствовалъ рѣшительно и смѣло говорилъ истину, не смотря на лицо». Въ доказательство сего Михаилъ приводитъ слѣдующій случай. Графъ Апраксинъ, командовавшій пѣхотнымъ полкомъ, стоявшимъ въ станицѣ, гдѣ жилъ Захаръ Пахомовичъ, приказалъ своимъ солдатамъ за что-то высѣчь донского офицера, квартермистра Птахина. Узнавъ объ этомъ, З. П. пошелъ къ нему и послѣ «жаркой перепалки на словахъ» отстоялъ Птахина. «Пусть прежде судятъ его, если онъ виновенъ», сказалъ З. П. вспылившему графу: «а безъ суда, пока я живъ, никому не дамъ въ глазахъ моихъ бить палками донского офицера».

[2]) Г. А. Луковкинъ говоритъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», что З. П., гостя нерѣдко у нихъ въ Амвросіевкѣ, часто приносилъ съ прогулокъ «какіе-то камешки и увѣрялъ, что это желѣзо и свинецъ съ серебромъ». «Надо бы покопать немножко», говорилъ онъ: «тутъ у васъ золотое дно: и желѣзо, и серебро, и уголь, а, можетъ, есть и золото». Только спустя 80 лѣтъ, въ Амвросіевкѣ началась добыча руды и угля М. С. Шаховскимъ; самъ же Г. А. Луковкинъ, хотя и получилъ въ 1831 году брильянтовый перстень «за содѣйствіе къ распространенію горной промышленности въ южномъ краю Россіи», но въ своемъ имѣніи сдѣлалъ въ этомъ направленіи очень мало, ограничиваясь лишь незначительными развѣдками ширины пластовъ и ихъ направленія. З. П. привезъ въ Амвросіевку виноградныя лозы и самъ посадилъ ихъ на избранномъ имъ мѣстѣ. Громадный фруктовый садъ посаженъ тоже при его содѣйствіи. Онъ же указалъ мѣсто для табачной плантаціи и снабдилъ Луковкина сѣменами, вывезенными изъ Турціи. По его же указаніямъ была построена прекрасная водяная мельница и винокурный заводъ.

пчеловодъ, огородникъ, и какъ неутомимый честный-труженикъ, стремившійся избавить всѣхъ станичниковъ своего округа отъ многихъ золъ и бѣдствій и вырвать ихъ изъ когтей пьянства и нищеты. Дѣйствуя не строгостями и взысканіями, а вліяя исподволь словомъ, собственнымъ примѣромъ и силою добродѣтельной чистой души, онъ произвелъ въ своихъ землякахъ благодѣтельную перемѣну, и Господь благословилъ его дождаться великой радости—видѣть неисчислимые плоды трудовъ своихъ, любовь и благодарность простыхъ чистыхъ сердецъ. Обладая замѣчательнымъ даромъ тепло, увлекательно, живо и убѣдительно бесѣдовать съ неграмотными людьми, онъ просто и ясно сообщалъ имъ всякія полезныя свѣдѣнія и понятія; и казаки вѣрно и легко понимали его внушенія и совѣты, до глубины души проникались ими и становились ревностными послѣдователями его въ своей жизни. Онъ давалъ имъ всякаго рода сельско-хозяйственныя указанія и объясненія, стараясь научить осмысленному хозяйству, пріохотить къ посадкѣ деревьевъ, къ пчеловодству, къ занятію ремеслами и торговлей, къ трудолюбію и бережливости. Онъ безпрестанно толковалъ имъ о губительности пьянства и о нравственной пользѣ совершенной трезвости. «Будь трезвъ, молись усердно Господу Богу и на Него надѣйся, помогай ближнему, не падай духомъ въ несчастьи и трудись въ потѣ лица»,— вотъ совѣты, которые Захаръ Пахомовичъ постоянно повторялъ своимъ станичникамъ, и самъ, не ослабѣвая въ трудахъ своихъ до самой смерти, былъ лучшимъ исполнителемъ этихъ правилъ. Такой человѣкъ, конечно, не могъ не оказывать сильнаго воздѣйствія на своихъ земляковъ. Онъ безгранично владѣлъ ихъ душами и пользовался необыкновеннымъ на нихъ вліяніемъ. Всѣ отъ мала и до велика полюбили его всею силою души, повиновались ему безпрекословно, гордились имъ и считали чуть не святымъ человѣкомъ. Не прошло и пяти лѣтъ со времени возвращенія его изъ Турціи, какъ уже почти во всемъ округѣ начали закрываться кабаки, сократились пьяныя празднества и безобразныя гульбища, съ позорными дѣлами, тянувшіяся иногда по недѣлямъ и кончавшіяся драками, а зачастую и убійствами; и большинство станичниковъ зажило, какъ велѣлъ Господь Богъ, новой честной трудовой истинно— христіанской семейной и общественной жизнью въ мирѣ, любви и согласіи, воспитывая своихъ «орлятъ», будущихъ защитниковъ вѣры, царя и отечества, въ страхѣ Божіемъ, научая ихъ молитвамъ, всему доброму и хорошему.

Вотъ какими славными подвигами и неутомимыми, благословенными трудами въ теченіе 23-хъ лѣтъ, Захаръ Пахомовичъ пріобрѣлъ себѣ право на признательность и вѣчную добрую память всѣхъ казаковъ своего округа.

Въ декабрѣ 1774 года, Захаръ Пахомовичъ, спасая провалившихся на Дону въ прорубь, сильно простудился, а 12-го января 1795 года чистая, благородная душа его отошла ко Господу.

«Грустное извѣстіе о тяжкой болѣзни его, — пишетъ очевидецъ,—вызвало непритворную, глубокую скорбь въ Медвѣдицкой станицѣ и во всемъ округѣ. Домъ его съ утра и до поздней ночи былъ окруженъ казаками, казачками и дѣтишками, желавшими хоть взглянуть въ послѣдній разъ на своего благодѣтеля, просвѣтителя и защитника. Прощанье же его со станичниками было по истинѣ трогательное. Умилительно было видѣть казаковъ, кои, по очереди, крестясь, на цыпочкахъ подходили къ постели, гдѣ лежалъ больной и хилый дорогой другъ нашъ, и, опустившись на колѣнки, плакали навзрыдъ и цѣловали его холодѣющія руки и ноги. А онъ, глядя на нихъ своими добрыми и чудными глазами, сіявшими какимъ-то неземнымъ блескомъ, слабой, худой рукой благословлялъ каждаго, цѣловалъ въ голову, и тихая молитва текла изъ устъ его... За четверть часа до кончины онъ заявилъ, что хочетъ отдохнуть. Заперли двери, и съ нимъ остались: я, Матвѣй, Савченко и Руфъ. Остальные гости и родственники перешли въ сосѣднюю горницу. Захарушка нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ Руфа, который, стоя на колѣняхъ около головы его, безутѣшно рыдалъ. «Не плачь, родной мой», тихо сказалъ Захарушка, съ трудомъ дыша: «о, какъ тяжело!»... «Будь имъ наставникомъ, защитникомъ и другомъ», продолжалъ онъ минуту, спустя: «помогай... и помни, что все, что имѣешь, не твое, а поручено только тебѣ Господомъ, чтобы дѣлать добро... помогать нуждающимся...». Это были послѣднія слова страдальца. Вскорѣ затѣмъ, склонивъ главу на плечо Руфа, онъ тихо почилъ... Кончина его, во истину, была праведна, какъ праведна была и жизнь его, исполненная глубокой вѣры, смиренія и безпредѣльной любви къ ближнему».

Да будетъ же миръ праху его, а душѣ и славнымъ, святымъ дѣламъ его вѣчная память!

Я увѣренъ, что всякій сынъ «Тихаго Дона», гдѣ бы онъ ни былъ, всей душой отзовется на призывъ мой достойно почтить память Захара Пахомовича.

Гвардіи есаулъ **В. Шаховской**

СУВОРОВЪ ВЪ АСТРАХАНИ.

МНОГО говорилось и писалось о боевой и служебной дѣятельности Суворова, немало печаталось и о его частной жизни, однако, несмотря на столѣтній періодъ со дня его кончины (время, кажется достаточное, чтобы исчерпать всѣ данныя о немъ), собрано далеко не все, чтобы вполнѣ очертить его, какъ полководца, какъ начальника, какъ военно-административнаго дѣятеля, наконецъ, какъ семьянина, но особенно какъ частнаго и общественнаго человѣка. А между тѣмъ всякая мелочь, всякія даже отрывочныя свѣдѣнія изъ жизни и дѣятельности такого великаго человѣка представляютъ интересъ, самые незначительные факты могутъ помочь уясненію его характера, очертить его взгляды, его нравственный уровень, найти пути къ оправданію темныхъ сторонъ, можетъ быть, иногда невольныхъ его дѣяній.

До сей поры въ печати нѣтъ, напримѣръ, почти никакихъ данныхъ о дѣятельности Суворова внутри Россіи, его частныхъ и служебныхъ сношеніяхъ съ подлежащими властями и жителями на далекихъ окраинахъ и его житьѣ-бытьѣ въ Поволжьѣ и Пріуральѣ— въ Казани, Симбирскѣ, Уфѣ — въ періодъ усмиренія Пугачевскаго бунта. И лишь о пребываніи въ Астрахани есть нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя довольно сбивчивыя и неточныя. Послѣднее пребываніе, между прочимъ, тѣсно связываютъ съ командировкой Суворова для устройства на южномъ берегу Каспійскаго моря укрѣпленной русской торговой факторіи и пріобрѣтенія прибрежныхъ персидскихъ факторій и частью, возникшими между нимъ и женою его Варварой Ивановной семейными неурядицами.

Послѣднее обстоятельство ложится темнымъ пятномъ на всю долголѣтнюю и славную боевую жизнь Суворова, рисуя съ неприглядной стороны его характеръ и показывая отчасти его неуживчивость, мнительность и недобросердечіе. Подозрѣвая жену въ невѣрности, онъ уже послѣ пятилѣтней супружеской жизни проситъ развода [1]). Но видимо подъ вліяніемъ своихъ родныхъ, особенно сестры Анны Васильевны, вскорѣ прекратилъ это дѣло и рѣшилъ испытать послѣднее средство къ примиренію путемъ церковнаго покаянія понудить Варвару Ивановну принести раскаяніе.

1-го января 1780 года, Суворовы съѣхались у зятя своего, князя И. Р. Горчакова. Черезъ три недѣли, для увѣщанія ихъ туда же пріѣхалъ кронштадтскій протопопъ, и всѣ вмѣстѣ «съ нѣмкой Бехтеръ» 24-го января отправились въ Астрахань [2]).

Прибывъ туда около половины февраля, супруги сейчасъ же переѣхали въ село Началово (или по-простонародному Черепаха), имѣніе бывшаго астраханскаго губернатора (1763—1772) Н. А. Бекетова, въ 12 верстахъ отъ Астрахани, и поселились въ барскомъ домѣ. Суворовъ часто «гулялъ по селу и садамъ, дарилъ дѣтей пряниками и орѣхами; солдаты, бывшіе при немъ, буклей и косъ не носили, а были острижены» [3]). По сказанію современника, ключаря астраханскаго каѳедральнаго собора Кирилла Васильева [4]), Суворовы проводили въ Черепахѣ и расположенныхъ около нея татарскихъ садахъ почти все лѣтнее время: апрѣль, май, іюнь, іюль, а до половины августа жили въ городѣ, въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ [5]) и, наконецъ, съ половины августа до половины декабря въ Николаевской Чуркинской (женской) пустыни [6]). Съ ними вмѣстѣ находился и вышепоказанный протоіерей, «членъ синода»; изъ астраханцевъ же болѣе близко стояла къ нимъ жена статскаго совѣтника Анна Панкратьевна Баранова.

Повидимому, Суворовы вели жизнь замкнутую. Между тѣмъ, одинъ изъ мѣстныхъ «исторіографовъ», небезъизвѣстный составитель малоинтересной «Астраханской лѣтописи» г. Штылько, настой-

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ статьѣ С. Н. Шубинскаго «Жена Суворова» «Историческій Вѣстникъ», 1897, IV, 70—78.

[2]) «Русская Старина», 1899, XI, 300.

[3]) Воспоминанія мѣстнаго старожила В. Т. Кулагина, хранящіяся въ рукописи въ библіотекѣ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края.

[4]) Родился около 1770 г., умеръ 1-го января 1837 г. Имъ оставлена рукопись подъ названіемъ: «Исторія о началѣ и возникновеніи Астрахани, случившихся въ ней происшествіяхъ» и проч., изданная въ 1887 г. Астраханскимъ Кирилло-Меѳодіевскимъ обществомъ подъ именемъ Ключаревской лѣтописи. Нижеприводимыя свѣдѣнія значатся на стр. 65.

[5]) Т. е. какъ разъ въ то время, когда изъ Астрахани, вслѣдствіе нестерпимой жары, разъѣзжался весь высшій чиновный людъ. Спасо-Преображенскій мужской монастырь упраздненъ: нынѣ въ немъ помѣщается мѣстная духовная семинарія.

[6]) Николаевская пустынь (нынѣ монастырь) находится на одномъ изъ рукавовъ Волги, Чуркѣ, въ 75 верстахъ отъ Астрахани.

чиво увѣряетъ [1]), что Суворовъ, живя въ Астрахани, велъ знакомство съ чиновными людьми и часто бывалъ на вечерахъ и обѣдахъ, даже у губернатора Ивана Варѳоломеевича Якоби, котораго, однако, очень не долюбливалъ, нерѣдко ясно показывая свое пренебреженіе. Суворовъ будто бы считалъ себя выше Якоби (хотя оба были въ равныхъ чинахъ генералъ-поручиковъ) и крайне обижался, что окружающіе не оказывали ему тѣхъ же знаковъ почтенія, какіе расточали губернатору [2]).

Однажды былъ званый обѣдъ у откупщика. Привыкшій обѣдать рано Суворовъ явился туда однимъ изъ первыхъ, но обѣдъ не подавался до 4 часовъ; ждали Якоби, и когда послѣдній наконецъ пожаловалъ, его встрѣтили съ музыкой. «Разобиженный этимъ и проголодавшійся Суворовъ раньше времени приказалъ подавать на столъ. За обѣдомъ раздражительность его достигла такихъ размѣровъ, что обѣдъ показался ему застывшимъ, переспѣлымъ, подправленнымъ. Александру Васильевичу даже не поздоровилось отъ этого, и онъ тутъ же (за обѣдомъ) при всѣхъ протягиваетъ доктору руку и проситъ ощупать пульсъ, говоря при этомъ, что «со временъ А. П. Бестужева такъ поздно развѣ когда ужиналъ». Поступокъ этотъ произвелъ на Якоби впечатлѣніе: «онъ былъ великодушенъ (sic), его могущество обезпокоилось и рано ретировалось». За униженія, которыя Суворовъ выносилъ будто бы въ Астрахани, онъ платилъ тѣмъ же. Его жена «за двѣнадцать губернаторшихъ визитовъ не смилостивлена ею ни однимъ...».

Однако въ отысканной нами въ дѣлахъ астраханскаго губернскаго архива одной перепискѣ за 1780 годъ видно, что Суворовъ жилъ съ Якоби далеко не въ ссорѣ, а наоборотъ пользовался съ его стороны большимъ уваженіемъ и расположеніемъ. Кромѣ того, въ противовѣсъ доселѣ существующимъ характеристикамъ, по даннымъ этой переписки Суворовъ рисуется, какъ человѣкъ добрый и отзывчивый въ духѣ христіанской любви къ людямъ нуждающимся, къ своимъ ближнимъ, кто бы они ни были. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Астрахань, одинъ изъ ко-

---

[1]) См. «Астраханскій Листокъ» 1894, №№ 5 и 7. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что всѣ перечисленные г. Штылько источники (счетомъ восемь), которыми онъ якобы пользовался для своей статьи о пребываніи Суворова въ Астрахани и на Черепахѣ, по провѣркѣ оказались ничего не имѣющими общаго съ этимъ пребываніемъ, за исключеніемъ сочиненія Петрушевскаго «Генералиссимусъ Суворовъ», т. I; въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ (какъ, напримѣръ, «Морской Сборникъ» 1850 г., VI, № 9, стр. 256 и біографія протоіерея Н. Г. Скопина въ «Саратовскомъ Сборникѣ», т. I) даже не упоминается и имени А. В-ча. Авторъ указываетъ еще на дневники того же Скопина, но послѣдніе, къ сожалѣнію, начинаютъ описывать Астраханскую жизнь только съ 1793 года.

[2]) Генералъ-поручикъ И. В. Якоби былъ астраханскимъ губернаторомъ (послѣ Кречетникова) съ 1777 по 1782 г., когда былъ назначенъ симбирскимъ и уфимскимъ генералъ-губернаторомъ.

чевавшихъ близъ Черепахи калмыковъ Цойджинъ надумалъ «принять вѣру греческаго исповѣданія» и просилъ въ этомъ дѣлѣ помощи Суворова. Нашъ великій полководецъ не только охотно согласился исполнить просьбу совершенно незнакомаго ему туземца, но вызвался еще быть его воспріемникомъ, давъ ему отчество отъ своего имени [1]). Въ доношеніи, поданномъ 12 марта 1780 года [2]) на имя губернатора въ калмыцкую экспедицію, Цойджинъ, ходатайствуя «о допущеніи его съ семействомъ до св. крещенія», въ то же время просилъ быть ему подъ защитой у генералъ-поручика Суворова» [3]). И по той его просьбѣ губернаторъ опредѣлилъ «допустить Цойджина до св. крещенія и съ его семействомъ единственно подъ защищеніемъ его высокопревосходительства (т. е. Суворова), а состоящіе на немъ Цойджинѣ долги преданы на его господина генералъ-поручика (Суворова) распоряженіе, по обѣщанію его (Суворова) въ таковыхъ долгахъ показать удовольствіе, на основаніи чего Цойджину «и билетъ данъ» [4]).

Обрядъ крещенія, видимо, былъ совершенъ вскорѣ послѣ этого, такъ что въ поданной 17 марта въ губернскую канцелярію «на высочайшее ея императорскаго величества имя челобитной» Цойджинъ уже именовалъ себя «новокрещеннымъ изъ калмыкъ Петромъ Александровымъ» и, между прочимъ, писалъ: «по собственному желанію и по опредѣленію губернатора крещенъ онъ съ женою и дѣтьми въ вѣру греческаго исповѣданія [5]), но по престарѣлымъ лѣтамъ ни въ какой службѣ быть способнымъ себя не находитъ, да и работою пропитаться съ женою и дѣтьми не можетъ, отчего принужденъ будетъ къ содержанію себя терпѣть крайній недостатокъ и бѣдность, въ разсужденіи чего и принялъ онъ намѣреніе со всѣмъ своимъ семействомъ быть въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи у его высокопревосходительства господина ге-

---

[1]) Какъ увидимъ ниже, послѣ крещенія Цойджинъ получилъ отчество «Александровичъ».

[2]) Мы нарочно подчеркиваемъ эту дату. По ней видно, что уже въ мартѣ Суворовы имѣли пребываніе въ Черепахѣ. Слѣдовательно въ Астрахань они прибыли гораздо ранѣе. Допуская, что они дѣлали ежедневно по 100 верстъ, съ необходимыми для отдыха Варвары Ивановны ночлегами, то, выѣхавъ 24 января, могли проѣхать разстояніе отъ Москвы до Астрахани (приблизительно 1.500 верстъ) не менѣе, какъ въ 15—20 дней; значитъ прибыли туда не ранѣе 10—15 февраля (срав. выше).

[3]) Въ противоположность сообщенію г. Штылько, это яснѣе всего доказываетъ, что Суворовъ, напротивъ, имѣлъ въ Астрахани большое значеніе, силу и вѣсъ, если къ его покровительству и защитѣ прибѣгали бѣдняки.

[4]) Рапортъ астраханской губернской канцеляріи къ Якоби 20 мая 1780 г., № 147 (см. въ дѣлѣ за 1780 г., № 78: «по рапорту астраханской губернской канцеляріи объ отдачѣ одного калмыченина съ семействомъ въ вѣчное подданство господину генералъ-поручику и кавалеру Суворову).

[5]) Къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать, въ какой церкви совершено таинство крещенія, и кто были воспріемниками жены и дѣтей Цойджина.

нералъ-поручика и кавалера Александра Васильевича Суворова», почему и просилъ «быть ему съ женою и дѣтьми подъ вѣчнымъ его владѣніемъ дозволенія».

Однако губернская канцелярія, въ виду высочайшаго указа 16 ноября 1737 г. и сенатскаго указа 1748 г., «не имѣла смѣлости» сама своею властью «приступить къ отдачѣ» Цойджина съ дѣтьми «во владѣніе» Суворова». По этой причинѣ, «выведя на справку» выдержки изъ вышепоказанныхъ указовъ [1]), она (20 мая) представила челобитную Цойджина «на благоусмотрѣніе» губернатора Якоби, который въ то время жилъ въ Саратовѣ [2]). Можно было ожидать, что Якоби рѣшитъ дѣло въ благопріятномъ смыслѣ, но на челобитную эту онъ вотъ какъ отвѣтилъ самому Суворову.

«Милостивый государь

«Александръ Васильевичъ.

«Сыскивая всѣ способы по исполненію просьбы вашего превосходительства, не нашелъ лутче, какъ приказать камышенскому приставу г-ну коллежскому ассесору Воронину, чтобъ уговорилъ владѣльца Тюменя на уступку вашему превосходительству крещеныхъ калмыкъ и дать на нихъ запись. Я несомнѣнно въ томъ

---

[1]) Для ясности разсказа приводимъ эти выдержки цѣликомъ. Пунктъ 6-й перваго указа гласилъ: «Калмыкъ и другихъ нацей, которые, какъ извѣстно, крещены бываютъ и хозяевамъ достаются больше малолѣтніе и многіе купленные для употребленнаго къ воспитанію и обученію ихъ отъ хозяевъ не малаго иждивенія,—въ подушный окладъ не писать, а позволяется всякому такихъ покупать, крестить и у себя держать безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, только съ одною запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, чтобъ вѣдомо было, сколько оныхъ нынѣ находится и впредь прибудетъ и которые объявятъ,—давать отписки, что они явлены, и онымъ быть у тѣхъ, отъ кого они явлены, неотъемлемымъ».

Во второмъ указѣ значилось: «Если которые калмыки будутъ просить св. крещенія, о такихъ посторонне развѣдывать, не учинили ль они въ калмыцкихъ улусахъ воровства, смертнаго убійства и другого какого явнаго злодѣйства... да и прочихъ некрещеныхъ калмыкъ при городахъ, безъ писемъ и прошенія владѣльцевъ ихъ, жить не допускать; когда же о приходящихъ для крещенія калмыковъ получено будетъ извѣщеніе, что оные въ калмыцкихъ улусахъ убійства и никакого явнаго злодѣйства не учиняли, таковыхъ, по разсмотрѣніи и обученіи и довольномъ христіанскомъ законѣ наставленіи, крестить и отсылать для житья въ новопостроенную Ставропольскую крѣпость, а кои калмыки заберутъ въ улусахъ долги и, не заплатя оныхъ, будутъ приходить въ россійскіе города для крещенія, таковыхъ принимать и, заплатя за нихъ долги изъ скота и пожитковъ ихъ, для крещенія и поселенія ихъ отсылать въ Ставрополь же, а ежели такихъ долговъ изъ пожитковъ ихъ заплатить будетъ нечѣмъ, таковыхъ калмыкъ для крещенія не принимать, а отдавать возвратно въ улусы владѣльцамъ ихъ».

[2]) Въ то время городъ Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи. Въ 1780 г. Якоби жилъ въ Саратовѣ по дѣлу о самозванцѣ Ханжинѣ (см. нашу статью «Къ исторіи Пугачевщины» въ «Русскомъ Архивѣ» 1896, VI).

увѣренъ, что тотъ владѣлецъ не воспротивится благоугодить намѣреніямъ вашимъ, а мнѣ весьма лестно, что я посредствомъ сего случая могу показать передъ васъ сію услугу и подтвердить то истинное мое почтеніе и преданнось, которыми я къ особѣ вашей исполненъ, и за честь себѣ поставляю быть и именоваться

«Вашего превосходительства милостиваго государя
«покорный слуга
«И. Якоби» [1]).

№ 131.
28 мая 1780 года.
Саратовъ.

Одновременно (за № 133) было написано письмо и Тюменю. Прося Хошоутовскаго владѣльца [2]) ради «своего (къ губернатору) благопріятства» объ уступкѣ калмыковъ «посредствомъ продажи» Суворову, Иванъ Варѳоломеевичъ увѣрялъ при этомъ, что «они навсегда у него (т. е. Суворова) хотятъ остаться» и «совсѣмъ уже вамъ не прочны, и ежели бы у васъ остались, то, кромѣ досады и огорченія, вамъ никакой не принесли пользы».

Оба письма были отправлены при особомъ предписаніи А. И. Воронину, дабы онъ доставилъ ихъ по принадлежности и еще «отъ себя просилъ» Тюменя «и уговорилъ его объ уступкѣ подать прошеніе». «Вы тѣмъ,—писалъ Якоби,—подадите мнѣ способъ исполнить хотѣніе Александра Васильевича, и я обязуюсь вамъ за всѣ таковыя одолженія много благодарнымъ быть». А далѣе въ postscriptum добавлялось: «Письмо Александру Васильевичу не прежде вручите, пока не получите отзывъ отъ Тюменя, и ежели онъ заупрямится, то и не отдавать совсѣмъ» [3]).

Къ сожалѣнію, на этомъ переписка кончается, и неизвѣстно, была ли исполнена Тюменемъ просьба Суворова, и для чего ему понадобился этотъ престарѣлый съ семьей калмыкъ, который не могъ «снискивать себѣ пропитанія», и за котораго нужно было еще уплачивать долги. Конечно, здѣсь уже нельзя допустить и мысли о какихъ либо со стороны нашего полководца выгодахъ и эгоистическихъ расчетахъ, кромѣ любви и христіанскаго милосердія

---

[1]) По этому и послѣдующимъ письмамъ можно судить, что отношенія Якоби къ Суворову были ужъ не настолько плохими, какъ объясняетъ въ своей статьѣ г. Штылько. Интересно было бы также знать, съ какого времени начались указываемыя этимъ авторомъ между ними разногласія изъ-за мѣстничества, когда извѣстно, что большую часть времени пребыванія Суворова въ Астрахани Якоби жилъ въ Саратовѣ.

[2]) Зимняя ставка Хошоутовскаго улуса (Тюменевка) стоитъ въ 80 верстахъ выше Астрахани, на лѣвомъ берегу Волги, гдѣ находится домъ владѣльца съ каменнымъ хуруломъ (ламайскій храмъ), украшеннымъ разными священными предметами, вывезенными прямо изъ Тибета при первомъ еще переселеніи въ Россію калмыкъ.

[3]) Въ томъ же дѣлѣ № 78 см. письмо приставу города Камышина Андрею Петровичу Воронину того же числа за № 132.

къ бѣдствующему ближнему. И надо думать, князь Тюмень[1]), если не по чувству добросердечія, то изъ уваженія уже къ тогда извѣстному Суворову, не желая въ то же время ссориться съ Якоби, какъ съ губернаторомъ, которому онъ всецѣло подчинялся,—удовлетворилъ «хотѣніе» Александра Васильевича.

Вотъ пока отрывочныя, но точныя архивныя данныя о пребываніи Суворова въ Астраханскомъ краѣ. Можетъ быть, при дальнѣйшихъ раскопкахъ мѣстнаго губернскаго архива намъ удастся найти и болѣе подробныя свѣдѣнія о его здѣсь житьѣ-бытьѣ, чтобы сдѣлать дополненіе къ тѣмъ скуднымъ сказаніямъ, которыя занесены на страницы «Ключаревской лѣтописи», будто между Суворовымъ и его женой и въ Астрахани происходили распри, что они прожили здѣсь три года и, наконецъ, 13 декабря 1783 г. въ церкви села Началова въ присутствіи игуменіи Маргариты и жены статскаго совѣтника Барановой принесли другъ другу публичное покаяніе и за обѣдней, совершенной каѳедральнымъ протоіереемъ Панфиловымъ, причастились св. Таинъ, послѣ чего въ тотъ же день съ извѣщеніемъ о состоявшемся примиреніи супруговъ былъ отправленъ къ государынѣ курьеръ. Слѣдомъ за нимъ черезъ два дня (т. е. 15 числа) выѣхалъ въ Петербургъ и находившійся при нихъ кронштадтскій протопопъ, а 18 января 1784 года и самъ Суворовъ «съ полками Курильскимъ, Тамбовскимъ, Астраханскимъ и Селенгинскимъ отправился къ городу Кавказу». Варвара Ивановна выѣхала изъ Астрахани только 26 февраля[2]).

Впослѣдствіи, какъ говоритъ г. Штылько, Александръ Васильевичъ часто вспоминалъ астраханскую жизнь и говорилъ окружающимъ:

— Давно ужъ не проводилъ я время такъ весело, какъ въ Астрахани!

П. Юдинъ.

---

[1]) Намъ неизвѣстно, какого исповѣданія былъ этотъ владѣлецъ, но уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія нѣкоторые изъ Тюменей исповѣдывали православную вѣру.

[2]) Ключаревская лѣтопись, стр. 66. Между тѣмъ г. Штылько («Астраханскій Листокъ» 1894 г., № 7) увѣряетъ, что уже въ концѣ 1783 года Суворова не было въ Астрахани. Но недавно въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» за сей годъ, № 65, было приведено въ подлинникѣ доселѣ неизвѣстное письмо Суворова къ Потемкину отъ 10 декабря 1784 года, въ которомъ онъ жалуется, что весь «истекшій годъ прожилъ въ деревнѣ въ ожиданіи особой команды». Не изъ Черепахи ли было послано это письмо?... Тогда бы самъ собою рѣшился споръ о днѣ его выѣзда отсюда: даты ключаревской лѣтописи отодвинулись бы на одинъ годъ позднѣе.

ХАРАКТЕРИСТИКА СУВОРОВА.

(Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина).

КАЖЕТСЯ, что все уже разсказано о Суворовѣ (1821 г.)... Но, между тѣмъ, существуютъ о его личности нѣкоторыя мелкія подробности, которыя доступны только людямъ, бывшимъ при дворѣ, и могутъ быть объяснены лишь тѣми, кто знакомъ былъ съ государственными дѣлами. Эти подробности придадутъ новые оттѣнки уже яснымъ, вполнѣ опредѣлившимся чертамъ нашего полководца.

О благородствѣ происхожденія Суворова были не особенно высокаго мнѣнія; но онъ украсилъ свое имя такими великими дѣяніями, что этотъ пунктъ совершенно неваженъ, тѣмъ болѣе, что его отецъ былъ генераломъ и притомъ весьма заслуженнымъ, которому довѣрено было порученіе въ Константинополѣ при очень важныхъ обстоятельствахъ. Суворовъ, отъ природы человѣкъ тщеславный, прекрасно умѣлъ оцѣнивать людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Съ того времени, какъ онъ началъ думать, что достигъ нѣкоторой извѣстности, и что за нимъ наблюдаютъ, онъ, чтобы привязать къ себѣ солдатъ, проявлялъ грубость въ своихъ нравахъ и въ дѣйствіяхъ, а также крайне преувеличенное благочестіе. Качества эти были вполнѣ достаточны для того, чтобы закрѣпить за нимъ преданность солдатъ;

вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлалъ для себя безвредными своихъ соперниковъ, которые видѣли въ немъ по его дѣйствіямъ человѣка, близкаго къ сумасшествію, и, не считая его поэтому опаснымъ для себя, предоставляли ему итти его дорогой.

Зато онъ и достигъ успѣха, пользуясь всѣми обстоятельствами, въ которыхъ не нашелся бы всякій другой, и дошелъ до высшихъ степеней путями, которые казались достойными сумасшедшаго дома. Средства Суворова для достиженія цѣли были въ одно и то же время такъ ничтожны и такъ необыкновенны, что я приведу лишь нѣсколько случаевъ изъ его жизни, которые, для ознакомленія съ его личностью, стоятъ всѣхъ длинныхъ повѣствованій о его походахъ.

Во время первой польской конфедераціи, послѣ того, какъ поляковъ заставили признать своимъ королемъ Понятовскаго, ему было поручено уничтожить ее съ незначительными военными силами, находившимися у него. Онъ скоро замѣтилъ, что препятствіемъ для достиженія этой цѣли являлось также и хорошо организованное конфедератами шпіонство, такъ что каждый его шагъ, который онъ намѣревался сдѣлать, былъ ими всегда предупрежденъ. Воспользоваться этимъ открытіемъ было бы дѣломъ обыкновеннаго таланта, а при превосходствѣ силъ у конфедераціи даже уничтоженіе шпіонства привело бы только къ слабымъ или не вполнѣ вѣрнымъ результатамъ. А вотъ что придумалъ Суворовъ. Онъ велѣлъ объявить въ дневномъ приказѣ, что двинется на непріятеля при первомъ крикѣ пѣтуха. Конфедераты, по обыкновенію хорошо обо всемъ освѣдомленные, со своей стороны сдѣлали что нужно, чтобы все было готово для встрѣчи его къ полночи; между тѣмъ, какъ только наступили сумерки, Суворовъ пустился бѣгать по лагерю, крича, какъ умѣлъ, пѣтухомъ. Солдаты уже знали его странности, и въ нѣсколько минутъ каждый былъ на своемъ мѣстѣ; непріятель былъ застигнутъ врасплохъ, и меньше чѣмъ въ часъ конфедерація прекратила свое существованіе.

Суворовъ никогда не имѣлъ при себѣ ни экипажа, ни кровати, ни даже лошади. Когда на немъ были его сапоги, онъ считалъ себя раздѣтымъ; миска солдатскихъ щей замѣняла ему обѣдъ; когда ему было жарко, онъ ходилъ по лагерю въ одной сорочкѣ; если онъ позволялъ себѣ нѣсколько развлечься съ первой попавшейся маркитанткой, онъ потомъ бѣжалъ къ ближайшему ручью, крича солдатамъ: «я согрѣшилъ, я согрѣшилъ!». Подобное поведеніе сдѣлало Суворова любимцемъ солдатъ; но ему было мало этого: онъ хотѣлъ усыпить своихъ соперниковъ и поразить придворныхъ и потому велъ себя также странно даже при дворѣ; во время пребыванія въ Петербургѣ: онъ пользовался чуднымъ помѣщеніемъ во дворцѣ, но обѣдалъ въ немъ въ 10 часовъ утра, при чемъ ѣлъ коп-

ченую рыбу, кислую капусту, соленые огурцы и кашу; ложась спать снималъ сапогъ только съ одной ноги и шпоры съ другой; забавлялся тѣмъ, что разрывалъ простыни изъ тонкаго голландскаго полотна и дорогія китайскія одѣяла. Я видѣлъ однажды какъ государыня Марія Ѳеодоровна предложила ему тарелку съ первыми плодами; онъ поблагодарилъ императрицу и велѣлъ отнести всю тарелку въ свою комнату, вмѣсто того, чтобы взять одинъ персикъ или абрикосъ. Этотъ человѣкъ, который являлся ко двору, для того только, чтобы быть увѣнчаннымъ лаврами или чтобы получить приказаніе пожать новые, этотъ человѣкъ входилъ въ покои государя и великихъ князей не иначе, какъ съ земнымъ поклономъ, и дѣло доходило чуть не до насилія, чтобы заставить его перемѣнить положеніе, которое люди обыкновенно принимаютъ въ храмѣ. Всякій понимаетъ, какую противоположность составлялъ этотъ образъ дѣйствій съ гордымъ видомъ графа Румянцева или съ разсчитанной небрежностью князя Потемкина! Его военные рапорты состояли всегда изъ смѣси выраженій самыхъ подобострастныхъ или носившихъ отпечатокъ религіозности, но всегда чрезвычайно краткихъ; иногда онъ придавалъ имъ стихотворную форму. О своемъ участіи въ дѣлахъ онъ предоставлялъ докладывать другимъ, ограничиваясь самъ только сообщеніемъ о происшедшемъ дѣлѣ. Въ одинъ изъ его походовъ, въ войнѣ противъ турокъ въ 1770 году, бо́льшую важность представляло занятіе крѣпости Туртукая. Овладѣвъ ею, онъ въ своемъ донесеніи ограничился слѣдующимъ двустишіемъ:

«Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ, и я тамъ».

Долговременное служеніе Суворова въ низшихъ офицерскихъ чинахъ дало ему время обогатить себя разнообразными свѣдѣніями. Онъ былъ глубоко образованъ, но въ бесѣдѣ дѣлалъ часто видъ, что спрашиваетъ по невѣжеству; онъ отлично зналъ много языковъ, но, постоянно притворяясь по крайнему недовѣрію къ людямъ, прикидывался, будто говоритъ только на родномъ языкѣ.

Наконецъ, желаніе Суворова внушить недовѣріе къ нормальному состоянію его умственныхъ способностей было такъ велико, что онъ никогда не возобновлялъ разговора съ лицомъ, которое не отвѣчало ему сразу или не отвѣчало хотя на одинъ заданный вопросъ, хотя бы оно завѣдомо неспособно было на него отвѣтить. Напримѣръ, на вопросъ: «Гдѣ Калькутта?» — слѣдовало отвѣчать: «На Миссисипи!», и тогда онъ находилъ васъ восхитительнымъ и крѣпко обнималъ васъ отъ всего сердца.

Когда вѣнскій дворъ просилъ Павла I назначить Суворова для командованія войсками въ Италіи, государь сдѣлалъ видъ, что онъ

удивляется, что желаютъ этого назначенія, потому что Суворовъ не ходилъ на парады, какъ онъ, и не придавалъ ни малѣйшаго значенія прусскимъ экзерциціямъ. Государь открыто смѣялся надъ Суворовымъ, хотя былъ очень польщенъ, что у него просили о его назначеніи. Но когда у Суворова дѣло коснулось подготовительныхъ работъ съ австрійскимъ посломъ графомъ Кобенцелемъ и съ генералами, принцемъ Ауэрспергомъ и Дитрихштейномъ, онъ высказалъ такое знаніе мѣстности, на которой ему предстояло дѣйствовать, а также такое пониманіе военныхъ операцій французовъ, что оставалось только восхищаться и молчать: Суворовъ зналъ гораздо больше тѣхъ, которые имѣли смѣлость собираться учить такого человѣка, какъ онъ.

Такъ какъ я вмѣнилъ себѣ въ обязанность не обходить въ моихъ воспоминаніяхъ, которыя я оставляю послѣ себя, ничего того, что я видѣлъ и слышалъ, то я закончу эту статью двумя фактами, которые могутъ вполнѣ обрисовать портретъ Суворова. Въ 1792 г. онъ пріѣхалъ въ Царское Село, гдѣ находился тогда дворъ, и нашелъ тамъ князя Потемкина, которому угрожала немилость государыни. Положеніе Екатерины между этими двумя личностями было довольно щекотливо, такъ какъ она уже рѣшилась не выдвигать ни того, ни другаго. Однажды въ воскресенье она прислала за мной за часъ до своего туалета и дала мнѣ порученіе къ фельдмаршалу очень длинное и важное, говоря, что она не хотѣла затруднять старика (очень молодого), заставляя его подниматься къ ней (трудъ, который онъ исполнилъ бы съ удовольствіемъ).

Я велѣлъ доложить о себѣ фельдмаршалу отъ имени ея величества; послѣ безчисленныхъ съ его стороны знаковъ почтенія, которыя меня совсѣмъ уничтожали, онъ сообщилъ мнѣ такія точныя и ясныя подробности дѣла, что я пришелъ въ восхищеніе. По всей вѣроятности, онъ замѣтилъ это, потому что, въ то время, когда онъ провожалъ меня, несмотря на мои просьбы избавить меня отъ этой муки, до послѣдней передней,—увидѣвъ тамъ г. Ребиндера, оберъ-шталмейстера, онъ громко спросилъ его: «Кто этотъ господинъ, который уходитъ?—я его не знаю». Нужно замѣтить, что мы ежедневно обѣдали у государыни въ числѣ шести или восьми человѣкъ, и что герой-царедворецъ хорошо зналъ всѣхъ приглашенныхъ съ перваго дня. Но то, что я собираюсь передать, болѣе замѣчательно.

Какъ-то заговорили о ложныхъ репутаціяхъ, которыя создаются людьми. Суворовъ сдѣлалъ глупое лицо,—сначала промолчалъ, а потомъ сказалъ вдругъ: «Очень трудно исполнять свой долгъ; меня считали за варвара, при штурмѣ Праги, убито было 7.000 человѣкъ. Европа говоритъ, что я чудовище; я самъ читалъ это въ печати, но я хотѣлъ бы поговорить объ этомъ съ людьми и узнать отъ нихъ: не лучше ли кончить войну гибелью 7.000 человѣкъ, чѣмъ тянуть дѣло и погубить 100 тысячъ?

Столько людей, которые гораздо умнѣе меня; очень бы желалъ, чтобы кто нибудь потрудился объяснить мнѣ это!».

Онъ имѣлъ отъ своей жены, княгини Прозоровской, толстой и глупой женщины, которую его побѣды покрыли брилліантами и знаками отличія, когда всѣ обыкновенныя награды были исчерпаны, хотя они постоянно жили врозь, двухъ дѣтей: дочь, вышедшую замужъ за графа Николая Зубова, впослѣдствіи оберъ-шталтмейстера, добрую и добродѣтельную маленькую особу, которую онъ очень любилъ, и сына...

Этотъ сынъ, очень красивый пошелъ затѣмъ довольно быстро въ гору, но утонулъ въ пьяномъ видѣ, переправляясь черезъ какую-то рѣку въ Турціи. Онъ поступилъ хорошо, сдѣлавъ это, потому что, благодаря игрѣ и разнымъ сумасбродствамъ, потерялъ всѣ земли и брилліанты, которые получилъ его славный отецъ. Онъ оставилъ въ большой нуждѣ, отъ брака со старшей дочерью оберъ-шталмейстера Александра Нарышкина, двухъ дочерей и двухъ сыновей, которыхъ я видѣлъ брошенныхъ на произволъ судьбы, въ 1816 году, во Флоренціи.

Императоръ Александръ пожаловалъ имъ 25.000 рублей пенсіи до совершеннолѣтія младшаго. Я просилъ его величество поручить мнѣ двухъ сыновей и распоряженіе пенсіей, потому что мнѣ казалось ужаснымъ видѣть внуковъ Суворова, остающихся безъ образованія и безъ хлѣба, на берегахъ Арно. Я отдалъ ихъ въ знаменитый институтъ Гасвиля. Они до сихъ поръ находятся тамъ. Я сомнѣваюсь, чтобы изъ нихъ вышли выдающіеся люди, но, по крайней мѣрѣ, ихъ нравственность и слава ихъ имени, кажется мнѣ, находятся въ безопасности.

Графъ Ѳ. Г. Головкинъ.

ИЗЪ ГАЛЛЕРЕИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СИЛУЭТОВЪ.

Суворочка.

ОТДАВАЯ должную дань памяти величайшаго изъ русскихъ полководцевъ въ столѣтнюю годовщину его кончины, умѣстно вспомнить и о его дочери, единственномъ существѣ, на которомъ грозный для Европы воитель изливалъ свою нѣжность и на которомъ постоянно отражались лучи его всемірной славы. Образъ Суворова, какъ человѣка, въ отношеніяхъ его къ любимой дочери, «Суворочкѣ», уясняетъ намъ много чертъ въ его исторіи, и, почемъ знать, не мысль ли о юной дочери, не покидавшая непобѣдимаго вождя во всѣхъ его походахъ, укрѣпляла въ немъ среди кровавыхъ битвъ чувство состраданія къ безоружнымъ и слабымъ и спасала жизнь тысячамъ, десяткамъ тысячъ людей?

Наталья Александровна Суворова, въ замужествѣ графиня Зубова, имѣетъ въ этомъ смыслѣ право на память о ней потомства, какъ ни скудны сохранившіяся о ней свѣдѣнія и какъ ни проста была сама по себѣ ея личная жизнь: въ своей безхитростной скромности она являлась всегда живымъ отрицаніемъ славолюбія геніальнаго своего отца и казалась чуждою пріобрѣтеннымъ имъ неувядающимъ лаврамъ.

Суворовъ вступилъ въ бракъ довольно поздно, 43-хъ лѣтъ, женившись въ 1774 г., по желанію старика-отца, на старшей дочери генералъ-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Мужъ, сухопарый и невзрачный, преданный исключительно службѣ и военному дѣлу, не могъ нравиться полной, красивой и статной Варварѣ Ивановнѣ. Съ умомъ ограниченнымъ, съ воспитаніемъ, исключавшимъ, по обычаямъ старины, всякія познанія, кромѣ умѣнія читать и писать, она не могла оцѣнить ни широкаго образованія своего супруга, ни его выдающихся талантовъ; напротивъ того, рѣзкія, солдатскія манеры и привычки Суворова, его постоянно кочевой образъ жизни, безъ удобствъ и комфорта, давали его женѣ, обладавшей наклонностями къ расточительности и любившей жить открыто, поводъ къ жалобамъ и домашнимъ сценамъ: Варвара Ивановна была избалована съ дѣтства, легкомысленна и притомъ моложе супруга 20 годами. Супружескія пререканія становились чаще и рѣзче, такъ какъ Суворовъ по характеру отличался горячностію и упорствомъ, а жена его, съ своей стороны, не чувствовала себя способною обходиться съ нимъ мягко и уступчиво, чтобы такимъ образомъ приручить къ себѣ медвѣдя. Первые годы супружества протекли однако сравнительно спокойно, и 1-го августа 1775 г. Суворовъ обрадованъ былъ рожденіемъ дочери, Натальи. Въ октябрѣ 1777 г. Суворовъ писалъ изъ Полтавы одному изъ своихъ знакомыхъ, что дочка вся въ него и въ холодъ бѣгаетъ босикомъ по грязи [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникалъ новый поводъ къ непріятностямъ между супругами, такъ какъ такая система воспитанія дочери едва ли могла быть по душѣ Варварѣ Ивановнѣ. Впрочемъ, маленькой Наташѣ суждено было недолго оставаться при матери: въ 1779 г. натянутыя отношенія супруговъ привели наконецъ къ тому, что Суворовъ сталъ хлопотать о разводѣ, ссылаясь, и справедливо, на легкомысленное поведеніе жены. Одновременно съ этимъ, онъ, не желая оставлять дочь у нея на рукахъ, просилъ императрицу, чрезъ Потемкина, принять ее въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ. Императрица Екатерина благосклонно отнеслась къ ходатайству Суворова. Пятилѣтняя Наташа, жившая въ это время при матери, въ Москвѣ,—по высочайшему повелѣнію, передана была матерью состоявшему подъ начальствомъ Суворова и пользовавшемуся его довѣріемъ капитану Корицкому для доставленія въ Петербургъ. Получивъ дѣвочку изъ рукъ матери 31-го декабря 1779 года, Корицкій въ тотъ же день повезъ ее въ Петербургъ, гдѣ и сдалъ ее на руки г-жѣ Делафонъ, начальницѣ Смольнаго монастыря. Наталья Суворова не была, однако,

[1]) Петрушевскій: «Генералиссимусъ князь Суворовъ», 175.

зачислена въ списки воспитанницъ воспитательнаго общества, а находилась на особомъ попеченіи начальницы: пріемъ дѣвицъ въ воспитательное общество связанъ былъ съ обязательствомъ родителей не брать оттуда дочерей ни подъ какимъ предлогомъ впредь до окончанія ими курса, и, очевидно, Суворовъ, любя дочь и надѣясь, что условія семейней его жизни могутъ измѣниться къ лучшему, не желалъ брать на себя этого обязательства. Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Въ началѣ 1784 г. Суворовъ окончательно разошелся съ женой, не достигнувъ успѣха въ своихъ домогательствахъ о формальномъ разводѣ, какъ разъ въ то время, когда жена его готовилась разрѣшиться отъ бремени сыномъ Аркадіемъ [1]). Каждый изъ супруговъ несетъ свою долю отвѣтственности въ происшедшихъ между ними несогласіяхъ; но единственной жертвою этихъ несогласій оказалась дочь Суворовыхъ, Наталья, надолго лишившаяся и материнскихъ ласкъ, и родительскаго крова.

Живя въ Смольномъ монастырѣ на попеченіи г-жи Делафонъ, Наташа Суворова, наравнѣ съ другими смолянками, проходила обычный въ то время курсъ свѣтскаго, экзотическаго воспитанія, вдали и отъ легкомысленно-безпечной жизни матери, и отъ лагерной обстановки отца. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ ея къ матери за это время, но юная Наташа всегда была предметомъ особой любви отца, навѣщавшаго дочь въ рѣдкіе пріѣзды свои въ Петербургъ и окрестившаго ее «Суворочкой». Громкая слава Суворова, его постоянные военные успѣхи, также непосредственно отражались на его дочери: сама императрица Екатерина обращала вниманіе на скромную смольнянку и интересовалась ея перепиской съ побѣдителемъ турокъ при Кинбурнѣ, Фокшанахъ и Рымникѣ; интересовался этой перепиской, пользуясь, вѣроятно, перлюстраціей, и самъ всемогущій сначала покровитель, а потомъ недругъ Суворова, Потемкинъ. Примѣняясь къ пониманію дочери, Суворовъ шутливо писалъ ей о своемъ военномъ житьѣ-бытьѣ, изрѣдка позволяя себѣ говорить и о своихъ подвигахъ. «У насъ,—писалъ онъ, получивъ рану въ сраженіи подъ Кинбурномъ 20-го декабря 1787 г.,—все были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бокъ пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили; на силу часовъ чрезъ восемь отпустили съ театру въ камеру. Я теперь только что поворотился, выѣздилъ близъ пяти сотъ верстъ верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерлядки, осетры, пропасть!» Когда

[1]) Шубинскій, «Жена Суворова» («Истор. Вѣстникъ», 1891 г.).



Княгиня Варвара Ивановна Суворова.

Наталья Александровна переведена была въ старшій, бѣлый классъ (воспитаницы Смольнаго разныхъ возрастовъ отличались цвѣтомъ своихъ платьевъ), Суворовъ писалъ ей, сидя подъ Очаковомъ 2-го іюня 1778 года: «Ай да Суворочка, здравствуй, душа моя, въ бѣломъ платьѣ; носи на здоровье, рости велика. Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ (Делафонъ) нижайшее мое почтеніе. Ахъ, теперь-то, Наташа, какой же у нихъ (у турокъ) по ночамъ въ Очаковѣ вой: собачки воютъ волками, коровы лаютъ, кошки блеютъ, козы ревутъ, а я сплю на косѣ (Кинбурнской). Она такъ далеко въ морѣ, въ лиманѣ: какъ гуляю, слышно, что они говорятъ. Они такъ около насъ очень много (sic), на такихъ превеликихъ лодкахъ, шесты большіе къ облакамъ, полотны отъ нихъ на версту. Видно, какъ табакъ курятъ, пѣсни поютъ заунывныя. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ: красненькіе, зелененькіе, синенькіе, сѣренькіе (намекъ на цвѣта платьевъ воспитанницъ по возрастамъ). Оружія у нихъ такія большія, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицами. Божіе благословеніе надъ тобою!» Послѣ блистательной побѣды своей надъ турками при Рымникѣ Суворовъ получилъ графскій титулъ одновременно отъ германскаго императора Іосифа и отъ императрицы Екатерины съ наименованіемъ Рымникскимъ. Восторгу Суворова не было предѣловъ, тѣмъ болѣе, что графскій титулъ распространялся и на его дочь. «Comtesse de deux empires,—писалъ онъ ей,—любезная Наташа, Суворочка. А cela, ай да, надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу, да и кто выдержитъ? Слышала, сестрица душа моя, еще de ma magnanime mère (т. е. императрицы) рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея, тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего, голубушка, первый классъ св. Георгія. Вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце! Чуть, право, отъ радости не умеръ! Божіе благословеніе надъ тобою». Нездоровье Натальи Александровны, правда, случайное, едва было не отравило радости Суворова, и онъ писалъ дочери, получивъ извѣстіе о ея выздоровленіи: «Графиня и имперская графиня, поцѣлуй всѣхъ моихъ сестрицъ. Благодарю почтительнѣйше ваше сіятельство за письма ваши и благодарю Бога за сохраненіе твоего, столь мнѣ дорогого здоровья, попеченіями несравненной твоей матери Софьи Ивановны; осчастливь ее за то Всемогущій! Дѣла наши пріостановились. Иначе я не читалъ бы твоихъ писемъ, ибо они бы мнѣ помѣшали ради моей нѣжности къ тебѣ». Наталья Александровна отвѣчала отцу, сообщая ему свои монастырскія новости, но для славолюбиваго отца было, вѣроятно, неожиданностію встрѣтить въ отвѣтномъ послѣ взятія Измаила письмѣ дочери приписку: «Имѣю честь васъ поздравить съ побѣдою; я

принимаю великое участіе въ вашей славѣ, но она мнѣ многихъ слезъ стоила». «Дражайшій батюшка», писала она затѣмъ: «посылаю вамъ рисунокъ моей работы. Онъ изображаетъ, кажется, укрѣпленный замокъ. Какъ бы я желала, чтобы всѣ крѣпости, которыя вы будете брать, походили на эту, и чтобы вода не обращалась въ кровь! Тогда я не безпокоилась бы такъ сильно за вашу жизнь, столь дорогую для меня. День моего выхода изъ монастыря приближается. Еслибы онъ могъ доставить мнѣ счастье поцѣловать вашу руку! Что за радость была бы для вашей счастливой дочери! Богъ да услышитъ мои молитвы, ежедневно къ Нему возсылаемыя, и сохранитъ васъ. Г-жа Делафонъ вамъ кланяется, равно какъ и мои милыя сестрицы. Онѣ очень сожалѣютъ, что не имѣли удовольствія видѣть васъ предъ своимъ выпускомъ. Простите меня, милый батюшка, что я такъ часто васъ безпокою, но за клавикорды до сихъ поръ еще не заплачено. Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь навсегда Г. Н. Суворова-Рымникская».

Суворову дѣйствительно приходилось уже думать, куда помѣстить дочь по выходѣ изъ монастыря, такъ какъ въ сущности у нея не было семьи. Оторванная отъ матери, дочь не могла жить и при отцѣ, который, въ погонѣ за военными лаврами, привыкъ вести лагерный, скитальческій образъ жизни. Сестры Суворова, изъ которыхъ одна была замужемъ за кн. Горчаковымъ, другая за помѣщикомъ Олешевымъ, принимали къ себѣ племянницу погостить на нѣкоторое время въ ту пору, когда она воспитывалась въ Смольномъ, но взять на себя обязанности матери по отношенію къ молодой дѣвушкѣ при вступленіи ея въ свѣтъ, разумѣется, не рѣшались. Недоумѣніе Суворова разрѣшено было императрицей, желавшей почтить геніальнаго полководца въ лицѣ его дочери. 3-го марта 1791 года графиня Наталья Александровна Суворова-Рымникская пожалована была во фрейлины съ денежнымъ содержаніемъ въ 600 руб., и тогда же императрица помѣстила ее у себя въ уборной. Какъ ни польщенъ былъ старикъ новымъ знакомъ милости къ себѣ государыни, но опасенія за судьбу дочери при извѣстномъ по распущенности нравовъ дворѣ Екатерины сильно тревожили его отцовское сердце; притомъ онъ вообще не терпѣлъ придворныхъ и не любилъ «придворной науки». Впослѣдствіи онъ говаривалъ, что въ домашней жизни онъ бывалъ раненъ гораздо больше, чѣмъ на войнѣ, а при дворѣ еще чаще, чѣмъ дома. Придворныхъ угодниковъ Суворовъ называлъ «антишамбристами»; зятю своему кн. Горчакову «разсказывалъ критики о придворныхъ, входъ, походки, поклоны, рѣчи льстивыя, улыбки безмолвныя, взгляды надменности, умствованія и прочее». Но главнымъ образомъ боялся онъ развращенности придворныхъ. Получивъ извѣстіе о пожалованіи дочери во фрейлины, Суворовъ счелъ необходимымъ преподать ей наставленіе, какъ она должна держать себя

въ новомъ для нея обществѣ. «Да охраняетъ тебя всегда богиня невинности», писалъ онъ ей. «Положеніе твое перемѣняется. Помни, что дозволеніе свободно обращаться съ собою порождаетъ пренебреженіе. Берегись этого. Пріучайся къ естественной вѣжливости, избѣгай людей, любящихъ блистать остроуміемъ: по большей части это люди извращенныхъ нравовъ. Будь сурова съ мужчинами и говори съ нимъ немного, а когда они станутъ съ тобой заговаривать, отвѣчай на похвалы ихъ скромнымъ молчаніемъ. Надѣйся на Провидѣніе! Оно не замедлитъ упрочить судьбу твою... Я за это отвѣчаю. Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ, и если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай: это—князь (Потемкинъ), И. И. Шуваловъ, графы Салтыковы, старики Нарышкины, старый князь Вяземскій, также графъ Безбородко, Завадовскій, гофмейстеры и др.» [1]). Въ особенности онъ боялся почему-то распущенности Потемкина.

Въ далекой Молдавіи Суворовъ безпокоился о судьбѣ взрослой уже дочери и чувствовалъ въ вопросѣ о ея будущности всю свою безпомощность. Суворовъ былъ уже въ Петербургѣ, когда Наталья Александровна помѣщена была во дворцѣ. Ей было въ это время всего 16 лѣтъ, а институтское, отрѣшенное отъ жизни воспитаніе не дало ей знанія жизни и людей; не отличаясь красотою и умомъ, дочь Суворова обладала добрымъ сердцемъ, довѣрчивымъ чувствомъ. Эти качества Натальи Александровны еще болѣе возбуждали опасенія отца за ея будущность и доводили его осторожность и предусмотрительность въ этомъ отношеніи до крайнихъ предѣловъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ желаетъ быть постоянно съ дочерью, Суворовъ взялъ дочь изъ дворца и помѣстилъ ее въ собственномъ домѣ на Итальянской улицѣ, вызвавъ къ себѣ одновременно изъ Вологодской деревни сестру свою Марью Васильевну Олешеву. Потомъ, когда его послали осмотрѣть крѣпости въ Финляндіи, а Олешева уѣхала къ себѣ въ деревню, попечительство надъ Наташей перешло къ Хвостову, мужу племянницы Суворова, Аграфены Ивановны, урожденной княжны Горчаковой. Но воспретить дочери бывать при дворѣ Суворовъ не могъ: щекотливость государыни и безъ того была затронута, когда Наталья Александровна взята была изъ ея уборной; въ концѣ 1791 года Храповицкій лаконически отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Довольны, что откланивались Суворовъ и князь Прозоровскій. Ils sont mieux à leurs places. Я сказалъ, что уборная не велика. Усмѣхнулись. Oui, cette chambre est trop petite». Императрица оказывала однако Суворочкѣ неизмѣнные знаки благоволенія, а въ ноябрѣ 1792 г. пожаловала ей свой вензель.

---

[1]) «Русск. Арх.», 1866, 946—948.

Мысль о дочери, о ея беззащитности, не давала Суворову покоя и внѣ Петербурга. «Оставляя дочь на рукахъ Хвостова,—говоритъ біографъ Суворова,—онъ приказалъ ему вразумлять всѣхъ, что Наташа еще дитя и года два или три не будетъ ничьею невѣстой. Кромѣ того, онъ изложилъ ему цѣлую систему надзора,



Графиня Наталья Александровна Зубова.

Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ С. В. Масальской.

не зная мѣры въ своихъ подозрѣніяхъ и опасеніяхъ. Онъ говоритъ, что приходится отдать дочь баронессѣ Мальтицъ (гофмейстеринѣ) «безъ шуму, какъ казнили въ Бастиліи»; совѣтуетъ стеречься такой-то дамы, сынъ которой лазилъ чрезъ потолокъ къ горничной Машѣ; опасаться «просвѣщенія» другой; третья, по слухамъ, способна «заповѣднымъ товаромъ промышлять»; не велитъ

вѣрить «ни Граціямъ, ни Меркуріямъ». Истопника Суворовъ приказываетъ посадить на пенсію, камеръ-лакея задарить, другому дать двойное жалованье, горничной Машѣ тоже, если не подозрительна, иначе замѣнить ее другою; дѣвушекъ баронессы Мальтицъ одарить... Съ сжимающимся сердцемъ приказываетъ Суворовъ готовить Наташу къ дежурству, къ баламъ, къ спектаклямъ въ Эрмитажѣ: «бѣдная Наташа, не обольстись утѣхами». Хвостову дается подробное наставленіе, въ которомъ между прочимъ говорится, что ничѣмъ Наташу изъ Жанъ-Жака не просвѣщать; на всякій соблазнъ имѣть бдительное око; никого изъ молодежи ей у себя не принимать; кто подойдетъ къ рукѣ—полтора шага назадъ» [1]).

Все это доказываетъ, съ какою требовательною заботливостію относился Суворовъ къ дочери. Не даромъ писалъ онъ ей: «Помни меня, какъ я тебя помню; я вездѣ буду тебя за глаза цѣловать; какъ будто мое сердце я у тебя покинулъ; смерть моя—для отечества, жизнь моя—для Наташи». Въ это же время, въ февралѣ 1792 г., онъ подписалъ и духовное завѣщаніе въ пользу дочери, оставляя ей всѣблаго пріобрѣтенныя имѣнія съ 834 душами мужского пола, а изъ денегъ, что на лицо окажется. Дочь платила отцу за его любовь также горячей привязанностію и полнымъ подчиненіемъ его волѣ; но, несомнѣнно, постоянная тревога отца выражалась въ ея постоянной сдержанности при дворѣ, боязни сказать лишнее слово, сдѣлать какой либо неловкій шагъ, не угодный отцу. Репутація ея была незапятнанная. Даже злоязычный графъ Ѳедоръ Головкинъ, бывшій въ это время камеръ-юнкеромъ, отзывается о Суворовой въ своихъ «Запискахъ», какъ о «доброй, добродѣтельной маленькой особѣ». Психическое состояніе молодой дѣвушки было, конечно, угнетенное; замѣчали это при дворѣ, гдѣ многіе поэтому считали Наташу Суворочку за глупую дѣвушку; замѣчалъ его и самъ безпокойный отецъ ея, но говорилъ, что «если Наташѣ недостаетъ свѣтскаго, то научитъ мужъ по своему вкусу».

Суворовъ началъ однако ясно понимать, что для него легче выиграть нѣсколько баталій, чѣмъ руководить поведеніемъ и судьбою дочери-невѣсты, и поэтому непрочь былъ выдать ее замужъ, несмотря на ея нѣжную молодость. Въ женихахъ недостатка не было. Суворовъ остановилъ свой выборъ на сынѣ стараго своего сослуживца, полковникѣ графѣ Эльмптѣ. Въ апрѣлѣ 1794 г. онъ писалъ Хвостову: «Гдѣ же лучшій женихъ? Лучшій—Чернышевъ, но тамъ гнѣздо сибаритовъ, гдѣ душевнаго спокойствія нѣтъ. Эльмпта жена живетъ (то-есть будетъ жить) съ мужемъ отъ родителей, его далеко; онъ спокоенъ, не роскошенъ и не забіяка; больше застѣнчивъ по строгому воспитанію, но уменъ и достоинъ; только по наружности стоитъ иногда фертомъ по-нѣмецкому». Но женихъ

[1]) Петрушевскій, 403—404.

этотъ не нравился ни Хвостовымъ, которые видѣли препятствіе къ браку въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи жениха, ни самой Натальѣ Александровнѣ. Суворовъ настаивалъ на своемъ, считая дочь за ребенка, подчиняющагося вліянію Хвостовыхъ. «Въ настоящую осень (1794 года) отправляется графъ Эльмптъ въ Петербургъ; моя дочь—его невѣста, я ей отецъ, онъ ей женихъ, пріуго-



Графиня Наталья Александровна Зубова.
Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ С. В. Масальской.

товляйте бракъ»,—писалъ онъ Хвостовымъ; писалъ онъ о томъ же дочери и Платону Зубову, чтобы испросить согласіе императрицы. Но Суворочка отвѣчала уклончиво, что «она безъ отрицанія исполнитъ волю отца купно съ волею императрицы», а Зубовъ прямо отвѣтилъ, что Екатеринѣ «можетъ показаться необычайнымъ и даже неприличнымъ, что дочь знаменитаго русскаго полководца, слыву-

щаго столь привязаннымъ къ вѣрѣ и отечеству,—дочь, отличенная вензелемъ и покровительствомъ государыни, выдается за иностраннаго иновѣрца. Графиня молода; она найдетъ себѣ партію, болѣе подходящую, выгодную и приличную». Отвѣтъ Зубова Суворовъ получилъ на походѣ въ Польшу въ сентябрѣ 1794 г., а 4 октября онъ написалъ уже дочери слѣдующее стихотворное посланіе:

Увѣдомляю симъ тебя, моя Наташа,
Костюшко злой въ рукахъ; взяла вотъ такъ-то наша!
Я же веселъ и здоровъ, но лишь немного лихъ,
Тобою что презрѣнъ мной избранный женихъ.
Когда любовь твоя велика есть къ отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.
Но впрочемъ никакихъ не слушай, другъ мой, вздоровъ.
Отецъ твой Александръ графъ Рымникскій Суворовъ.

На посланіе это Суворочка отвѣтила также стихами:

Для дочери отецъ на свѣтѣ всѣхъ святѣй,
Для сердца же ея любезнѣй и милѣй.
Дать руку для отца, жить съ мужемъ по неволѣ,
И графска дочь ничто—ея крестьянка болѣ.
Что можетъ въ старости отцу утѣхой быть:
Печальный вздохъ дѣтей, иль имъ въ весельѣ жить?
Все въ свѣтѣ пустяки: богатство, честь и слава.
Гдѣ нѣтъ согласія, тамъ смертная отрава;
Гдѣ-жъ царствуетъ любовь, тамъ тысячи отрадъ,
И нищій мнитъ въ любви, что онъ, какъ Крезъ, богатъ [1]).

Упорство Наташи оправдывалось однако и дворскими соображеніями, и послѣдующими событіями въ жизни ея отца. Польскій походъ Суворова закончился славнымъ штурмомъ Праги и взятіемъ Варшавы. На другой день послѣ пріѣзда въ Петербургъ генералъ-майора Исленьева, присланнаго Суворовымъ съ ключами и хлѣбомъ-солью города Варшавы, во дворцѣ былъ выходъ и отслуженъ благодарственный молебенъ. Дочь Суворова удостоена была при этомъ самаго милостиваго вниманія императрицы; между прочимъ, Екате-

---

[1]) «Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго. Собранные Васильемъ Левшинымъ. М. 1809». — Время, когда писаны были эти стихотворныя посланія, вполнѣ совпадаетъ съ ходомъ сватовства Эльмпта и не оправдываетъ сомнѣній въ подлинности посланій (Петрушевскій, 794), написанныхъ въ суворовскомъ духѣ. Нельзя также не принять въ соображеніе, что книга Левшина, въ которой напечатаны были посланія, появилась еще въ 1809 г., при жизни Суворочки, и она не отвергала ихъ подлинности. «Да простятъ мнѣ, писалъ Левшинъ въ предисловіи, здравствующія особы семейства великаго Суворова, что я осмѣлился включить здѣсь нѣсколько семейственныхъ писемъ: оныя носились въ публикѣ, и я имѣлъ случай взять съ нихъ списки. Оправданіе мое состоитъ въ томъ, что каждая мысль, каждое слово, исходящее изъ устъ мужа великаго, суть наставленія, которыми пользоваться всѣ имѣютъ право».

рина, отвѣдавъ варшавской хлѣба-соли, поднесла ихъ ей собственноручно. Потомъ былъ парадный обѣдъ, въ срединѣ котораго объявлено было о возведеніи Суворова въ фельдмаршалы. Матеріальное благосостояніе его было также упрочено: ему пожаловано было Кобринское имѣніе съ 7.000 душъ мужского пола. Теперь на сцену появился новый брачный проектъ: къ Натальѣ Александровнѣ сталъ свататься, съ вѣдома императрицы, старшій братъ временщика, князя Платона Зубова, шталмейстеръ графъ Николай Зубовъ. Наталья Александровна не была противъ него, Суворовъ также далъ свое согласіе, обезпечивъ за дочерью 800 душъ мужского пола, которыя завѣщалъ онъ ей ранѣе. Дѣло шло быстро, несмотря на отсутствіе отца невѣсты, находившагося въ Польшѣ. Въ пятницу на масляной 1795 г. совершилось торжественное обрученіе въ Таврическомъ дворцѣ. «Благословеніе Божіе Наташѣ и здравіе съ графомъ Николаемъ Александровичемъ; ай да, куда какъ мнѣ это утѣшно». Вѣнчаніе произошло чрезъ два мѣсяца, 29 апрѣля.

О графѣ Николаѣ Зубовѣ сохранилось несравненно меньше свѣдѣній, чѣмъ о братьяхъ его, князѣ Платонѣ и графѣ Валеріанѣ. Но то, что извѣстно о немъ, мало говоритъ въ его пользу. Это былъ грубый человѣкъ, съ ничтожнымъ образованіемъ, съ отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ, но съ большими страстями; въ особенности развита была въ немъ наклонность къ пьянству. Съ такимъ супругомъ Суворочкѣ нужно было заботиться только о томъ, чтобы онъ немного «училъ ее по своему вкусу», чего желалъ прежде ея отецъ; ей пригодилась ея непритязательность, доброта и склонность къ домашней жизни. Суворовъ, освободившись отъ заботъ о дочери, попрежнему любилъ ее, но не считалъ уже себя въ правѣ вмѣшиваться въ ея жизнь. Пріѣхавъ изъ Варшавы въ началѣ января 1796 г. въ Петербургъ, гдѣ устроена была ему торжественная встрѣча, Суворовъ приглашенъ былъ однажды къ столу императрицы; пріѣхавъ послѣднимъ, онъ, войдя въ пріемную, подбѣжалъ къ дочери, благословилъ ее и затѣмъ перекрестилъ ей животъ. Наталья Александровна была въ это время беременна. Суворовъ зналъ «буянство» своего зятя, иногда ссорился съ нимъ по отношеніямъ своимъ къ брату его, Платону Зубову, но высоко ставилъ власть мужа надъ женою. Естественно, даже и по его мнѣнію, что и Наталья Александровна должна была уже подчиняться волѣ мужа, а не отца. Иногда непріятности между тестемъ и зятемъ принимали острый характеръ. Суворова оскорбляло, что зять писалъ ему рѣдко или присылалъ письма безъ подписи; оскорбляло его и то, что въ недоразумѣніяхъ, происходившихъ между нимъ и княземъ Платономъ, Николай Зубовъ становился на сторону брата. «Графъ Николай», писалъ Суворовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «можетъ быть инструментомъ князя Платона, чего ради ему нѣтъ никакой нужды имѣть со мною переписку, а о здо-

ровьѣ и вы скажете. Ра́вно мнѣ, если онъ будетъ называть меня отцомъ или сыномъ: я ему пріятель... Наташа отдана мужу, тако съ нимъ имѣетъ связь; онъ ко мнѣ не пишетъ, я къ нимъ не пишу,—Божіе благословеніе съ ними... Родство и свойство мое— съ долгомъ моимъ: Богъ, государь и отечество». Но въ письмахъ своихъ къ Хвостову онъ постоянно посылалъ дочери свое благословеніе, обращался къ ней иногда съ нѣсколькими нѣжными словами. И Наталья Александровна, въ трудномъ положеніи своемъ при столкновеніяхъ между грубымъ мужемъ и причудливымъ отцомъ, всегда сохраняла къ отцу дочернюю любовь и почтительность. Внѣшнимъ выраженіемъ любви и довѣрія Суворова къ дочери служило то, что ея попеченіямъ ввѣрилъ онъ въ 1796 г. сына своего Аркадія, который до того времени жилъ въ Москвѣ при матери. Аркадію Суворову было въ это время 11 лѣтъ, и наступило время дать ему образованіе. По пріѣздѣ своемъ изъ Варшавы въ Петербургъ, въ январѣ 1796 г., Суворовъ выхлопоталъ сыну назначеніе камеръ-юнкеромъ ко двору великаго князя Константина Павловича, помѣстилъ его къ дочери и поручилъ Николаю Зубову нанять ему учителей и слѣдить за его образованіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Зубовъ оказался не на высотѣ этого призванія.

При такихъ семейныхъ условіяхъ постигла Наталью Александровну кончина ея благодѣтельницы, императрицы Екатерины. Отъ новаго императора семья ея не ожидала ничего добраго. Зубовы лишились своего вліянія и, кромѣ того, братья Николая Зубова, князь Платонъ и графъ Валеріанъ, уволены были въ отставку; Николай Зубовъ остался, однако, на службѣ, завѣдуя по должности шталмейстера придворной конюшенной конторой. Императоръ Павелъ отнесся къ нему благосклонно, потому, вѣроятно, что Николай Зубовъ не мѣшался, да и не могъ мѣшаться въ дѣла въ царствованіе Екатерины; притомъ же онъ былъ одинъ изъ первыхъ, привезшихъ опальному великому князю въ Гатчину вѣсть о смертельной болѣзни императрицы и о его возвышеніи. Зато Суворовъ не ужился съ новыми порядками, и сначала долженъ былъ оставить службу, а затѣмъ, въ маѣ 1797 года, сосланъ былъ на жительство въ пріобрѣтенное имъ ранѣе село Кончанское въ Новгородской губерніи. Опала, постигшая великаго полководца, тяжело подѣйствовала на Наталью Александровну: незадолго передъ тѣмъ она только что разрѣшилась отъ бремени сыномъ, которому, въ честь дѣда, дали имя Александра. Суворовъ обрадовался рожденію внука. «Наташа», писалъ онъ дочери еще до ссылки въ Кончанское: «привези графа Александра Николаевича ко мнѣ, а онъ пусть о томъ же попроситъ своего батюшку, твоего мужчину». Узнавъ изъ новаго письма отца о постигшей его ссылкѣ и пріѣздѣ его въ Кончанское, Наталья Александровна тотчасъ рѣшила просить разрѣшенія государя на поѣздку къ отцу. Въ іюлѣ она была уже въ Кончанскомъ съ сы-

номъ, братомъ, одной родственницей, въ сопровожденіи воспитателя брата, майора Сіона, и его жены. Два мѣсяца провела Суворочка вмѣстѣ съ отцомъ, въ его крайне тѣсномъ и неудобномъ помѣщичьемъ домѣ; но зато Суворовъ былъ въ восторгѣ: онъ какъ бы не чувствовалъ горечи своего положенія, испытывая тихія семейныя ра-



Графъ Николай Александровичъ Зубовъ.

дости, которыхъ онъ лишенъ былъ въ теченіе всей своей жизни. Забылъ онъ и непріязнь свою къ зятю. «Графа Николая Александровича», писалъ онъ Хвостову, «обнимаю, какъ руки и ноги графа Александра Николаевича (внука), и наслаждаюсь съ его любезной Наташей. Провидѣнію я преданъ, служу небесному Богу и вѣренъ

богу земному». Приставникамъ Суворова государь приказалъ не касаться переписки графини Зубовой или ея близкихъ.

20-го сентября пріѣхалъ въ Кончанское для надзора за Суворовымъ извѣстный агентъ Николевъ, а на другой день графиня Зубова вмѣстѣ съ семьей выѣхала въ Петербургъ, такъ какъ съ наступленіемъ холоднаго времени года въ домѣ, гдѣ жилъ Суворовъ, невозможно было оставаться, въ особенности, съ ребенкомъ. Послѣ ея отъѣзда самъ Суворовъ тотчасъ же переселился въ избу и часто плакалъ, оставшись снова одинъ въ глухой деревнѣ. Не получая долгое время никакихъ писемъ отъ дочери, онъ очень грустилъ и былъ крайне обрадованъ, когда наконецъ дошло къ нему письмо отъ нея, въ которомъ она увѣдомляла отца о благополучномъ возвращеніи своемъ въ Петербургъ.

Нѣжная заботливость Натальи Александровны объ отцѣ не гармонировала съ холоднымъ отношеніемъ ея къ матери, которую она не видала съ 5-ти-лѣтняго возраста. 5-го іюня 1796 года одна придворная дама въ одномъ изъ писемъ выражалась о Зубовой слѣдующимъ образомъ: «Вижу графиню Зубову при дворѣ ежедневно и очень съ нею сблизилась потому, что она очень добраго сердца и очень глупа... Я сказала ей: заставьте вашего брата писать каждую почту къ матери; жестоко оставлять несчастную и бѣдную мать въ сторонѣ, вдали отъ дѣтей, которыя совершенно ее забыли. Притомъ она въ такой бѣдности, что едва ли выдержитъ и наложитъ на себя руки; когда ее видѣли въ послѣдній разъ, она была въ самомъ жалкомъ положеніи, а теперь, говорятъ, еще хуже. Зубова на то сказала, что братъ ея пишетъ матери каждую почту, а она, Зубова, отправляетъ эти письма; однако, есть обстоятельства, которыя не дозволяютъ ей къ матери писать». Едва ли возможно сомнѣваться, что обстоятельства эти заключались въ давнемъ и категорическомъ запрещеніи отца. По крайней мѣрѣ, обращаясь къ мужу въ концѣ 1797 года съ просьбою обезпечить ее и заплатить ея долги, графиня Варвара Ивановна прибавляла въ своемъ письмѣ къ нему: «Еще скажу вамъ, развяжите мою душу, прикажите дочери нашей меня, несчастную мать, знать, какъ Богомъ указано». Суворовъ далъ отвѣтъ женѣ на словахъ, и то лишь на денежную ея просьбу, что «онъ самъ долженъ, а потому и не можетъ ей помочь, а впредь будетъ стараться»; когда же въ дѣло вмѣшался самъ государь и повелѣлъ Суворову назначить Варварѣ Ивановнѣ домъ для жительства и ежегодное денежное содержаніе въ 8.000 рублей, то Суворовъ просилъ Николая Зубова сдѣлать только для этого нужныя распоряженія. Вслѣдъ затѣмъ онъ поспѣшилъ составить духовное завѣщаніе, которымъ отдавалъ всѣ родовыя и пожалованныя ему деревни, а также московскій домъ и пожалованныя ему вещи и бриллíанты—сыну, а деревни купленныя и собственные бриллíанты—дочери.

Въ началѣ 1798 года императоръ Павелъ пригласилъ Суворова въ Петербургъ и предложилъ ему вступить вновь на службу, но старый полководецъ хорошо понималъ, что служба его въ мирное время при новыхъ порядкахъ и при такомъ государѣ, какъ Павелъ, поведетъ лишь къ новой опалѣ: онъ рѣшительно и наотрѣзъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія и уѣхалъ обратно въ деревню. Въ этомъ же году одно случайное обстоятельство повлекло за собою опалу императора и на зятя его. 28-го сентября данъ былъ слѣдующій указъ сенату: «Озорничество, оказанное служителями конюшенной команды въ лицѣ двора нашего камеръ-пажа, графа де-Балмена, доказываетъ слабое и непопечительное надзираніе шталмейстера нашего двора графа Зубова, котораго для сей причины и отставляемъ отъ службы нашей. Павелъ» [1]). Зубовы должны были переѣхать на жительство въ Москву, и для Суворова возникъ вопросъ, куда помѣстить жившаго у нихъ сына Аркадія, который долженъ былъ остаться въ Петербургѣ. Суворовъ писалъ Хвостову: «Долженъ я прибѣгнуть къ дружбѣ вашей; при выѣздѣ Наташи изъ Петербурга, прошу принять Аркадія на ваши руки и содержать его такъ, какъ предъ симъ реченную его сестру содержали». Суворовъ не успѣлъ проститься съ дочерью предъ отъѣздомъ ея въ Москву; притомъ отношенія его къ зятю снова испортились. Трудно сказать, кто былъ истиннымъ виновникомъ новой размолвки, возникшей на почвѣ денежныхъ недоразумѣній; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно было одно, что Николай Зубовъ не прочь былъ пользоваться любовью Суворова къ своей женѣ, чтобы достигать своихъ матеріальныхъ цѣлей, и не относился почтительно къ старому тестю. Въ концѣ концовъ Суворовъ прекратилъ корреспонденцію съ Николаемъ Зубовымъ «по многимъ на меня налогамъ», какъ онъ выразился. Наталья Александровна должна была и теперь, какъ прежде, сократить переписку свою съ отцомъ. Суворовъ, озлобленный противъ зятя, сталъ заподозрѣвать въ корыстныхъ побужденіяхъ даже любимую дочь, думая, что она во всемъ подчиняется мужу. И самъ онъ видѣлъ въ своихъ сужденіяхъ излишество и неправду, самъ понималъ, что находится въ состояніи крайней раздражительности, а потому, когда ему однажды пришлось какъ-то особенно горько, онъ написалъ Хвостову: «не оставляйте меня, Богъ васъ не оставитъ». Суворовъ началъ вновь переписываться съ дочерью, и то лишь изрѣдка, когда вторично вызванъ былъ императоромъ Павломъ въ Петербургъ, на этотъ разъ для принятія начальства надъ соединенными русской и австрійской арміями въ войнѣ противъ французовъ: благосклонность импе-

[1]) Сенатскій архивъ, I, 442.—Въ Москвѣ ходили слухи, что истинною причиною увольненія Зубова отъ службы были неосторожныя слова его объ удаленіи отъ двора фрейлины Нелидовой. «Архивъ кн. Воронцова», XV, 134.

ратора къ «россійской арміи побѣдоносцу», лавры, пожатые имъ на равнинахъ Италіи и въ горахъ Швейцаріи, внушали Николаю Зубову основательныя надежды на улучшеніе собственнаго положенія и заставляли его смотрѣть сквозь пальцы на эту переписку. Сохранившіяся за это время письма Суворова къ дочери—очень короткія: о зятѣ въ нихъ не упоминалъ онъ ни слова, выражаясь: «здравствуй съ дѣтьми», «цѣлую тебя съ дѣтьми». Наталья Александровна, очевидно, жаловалась отцу на краткость писемъ его, и Суворовъ написалъ ей изъ Кобрина, уже по возвращеніи изъ заграничнаго похода: «Наташа! Когда я къ Д. И. (Хвостову) пишу благословеніе съ домашними или подобное, ты естественно тутъ же разумѣешься; слѣдственно въ особливой и дальней нужды нѣтъ; по такимъ письмамъ ты вѣдаешь, какъ я здоровъ; неужли-то Д. И. такъ рѣдко къ тебѣ пишетъ? Сохрани тебя Боже впредь отъ болѣзни и даруй тебѣ Свою милость! Его благословеніе тебѣ и дѣтямъ. Я одной ногой изъ гроба выхожу. Цѣлую тебя».

Это письмо было послѣднимъ письмомъ великаго полководца къ его дочери. Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ, совсѣмъ больной, выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, вмѣсто торжествъ, его ждала новая опала и затѣмъ смерть. Наталья Александровна, жаждавшая, вѣроятно, свиданія съ отцомъ, не могла даже отдать ему послѣдній долгъ: она находилась въ періодѣ беременности и должна была оставаться въ Москвѣ.

Слишкомъ 40 лѣтъ прожила еще графиня Наталья Александровна послѣ кончины славнаго отца, но о ней мы не встрѣчаемъ у современниковъ почти никакихъ свѣдѣній: Суворочка какъ бы умерла для нихъ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Извѣстно лишь, что она вмѣстѣ съ мужемъ возвратилась въ Петербургъ, когда ему вмѣстѣ съ братьями императоръ Павелъ разрѣшилъ въ концѣ 1800 г. возвратиться въ столицу и назначилъ его шефомъ гусарскаго полка. 13-го января 1801 г. «жена генералъ-лейтенанта графа Зубова» представлялась по этому случаю императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Едва ли, впрочемъ, это пребываніе въ Петербургѣ могло возбуждать въ дочери преданнаго царямъ героя хорошее воспоминаніе, если она знала о роли своего мужа въ концѣ царствованія императора Павла; напротивъ того, она могла почувствовать къ нему лишь полное охлажденіе... По восшествіи на престолъ императора Александра, Николай Зубовъ пожалованъ былъ въ оберъ-шталмейстеры, но Наталья Александровна, вѣроятно, не могла жить съ нимъ въ Петербургѣ и оставалась въ Москвѣ; въ письмахъ Ростопчина къ Циціанову [1]) мы встрѣчаемъ даже темное и странное указаніе, что она жила въ 1803 году у князя Платона Зубова, въ его имѣ-

---

[1]) «Девятнадцатый вѣкъ», II, 20.

ніи, Ругенталѣ, въ Курляндіи: «Платонъ Зубовъ,—писалъ Ростопчинъ,—живетъ въ Ругенталѣ, воспитываетъ Николаева сына и съ нимъ и мать его, дочь безсмертнаго Суворова». Объ отношеніяхъ Натальи Александровны къ матери послѣ смерти отца данныхъ нѣтъ. Княгиня Варвара Ивановна, въ день коронаціи Александра I, въ память заслугъ мужа пожалована была статсъ-дамой и орденомъ св. Екатерины I степени и скончалась въ 1806 году.

Въ 1805 г. графъ Николай Зубовъ былъ уволенъ по неизвѣстнымъ причинамъ отъ службы и вслѣдъ затѣмъ умеръ. На рукахъ молодой 30-лѣтней вдовы его остались 3 сына и 3 дочери. Для воспитанія ихъ Наталья Александровна окончательно поселилась въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Тверской; но жили они здѣсь такъ тихо и уединенно, что въ запискахъ современниковъ, описывающихъ чуть непоголовно всю московскую знать начала XIX в., вовсе не встрѣчается свѣдѣній о дочери Суворова. По преданію извѣстно, что, вполнѣ оправдывая своею жизнію отзывъ отца, что у нея было «мало свѣтскаго», она уклонялась отъ свѣтской жизни и всякихъ блестящихъ пріемовъ и воспитывала не только сыновей, но и дочерей своихъ въ духѣ простоты и благочестія. Зимою москвичи могли ежедневно видѣть, какъ дочери Суворочки, три графини Зубовы, огребали лопатами у себя на дворѣ снѣгъ. Лѣто Наталья Александровна проводила въ своемъ имѣніи, селѣ Хорошовѣ, въ десяти верстахъ отъ Москвы. Наталья Александровна не могла быть однако окончательно забыта. Всеобщее уваженіе и народное поклоненіе къ «дочери безсмертнаго Суворова» сопровождало ее до могилы. При жизни ея, напримѣръ, былъ даже напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» разсказъ о томъ, какъ купецъ отказался взять съ нея деньги за товары, узнавъ, что она дочь Суворова [1]). Сама Наталья Александровна разсказывала внучкѣ своей, нынѣ здравствующей княгинѣ Софьѣ Владиміровнѣ Масальской, какъ пришлось ей встрѣтиться съ французами въ 1812 году. Она ѣхала изъ Хорошова по старой Смоленской дорогѣ, направляясь въ Петербургъ именно въ то время, когда французскія войска уже начали наводнять мѣстность. Ей надо было проѣхать черезъ Москву, и она очутилась среди французовъ, которые остановили ея лошадей, окружили карету и спросили, кто она такая. Но когда она сказала, что она графиня Зубова, дочь фельдмаршала Суворова, французы немедленно воздали ей воинскія почести и пропустили ея экипажъ. Въ 1831 г. императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины меньшаго креста.

Наталья Александровна Зубова скончалась 30-го марта 1844 г. Внезапная вѣсть о кончинѣ ея невѣстки, графини Ек. А. Зубовой, глубоко ее огорчила, и съ 17-го августа 1843 года здоровье ея

[1]) «Московскій Вѣстникъ», 1809, ч. I, 289.

примѣтно ослабѣло. На смертномъ одрѣ она имѣла утѣшеніе обнять и благословить новорожденнаго правнука.

На похороны Суворочки собралась вся Москва. Отпѣвалъ прахъ ея московскій митрополитъ Филаретъ. «Сколько блестящихъ историческихъ воспоминаній»,—писалъ очевидецъ,—«тѣснилось вокругъ этого безмолвнаго гроба! Имя Суворова, слава Россіи, неразлучная съ этимъ именемъ, признательность потомства къ незабвеннымъ заслугамъ величайшаго изъ героевъ, — все это дѣлало это трогательно зрѣлище еще болѣе умилительнымъ и, можно сказать, торжественнымъ. Слезы непритворной горести родныхъ и облагодѣтельствованныхъ покойницей лились, какъ драгоцѣнные перлы на ея покровъ смертный, въ знакъ любви и благодарности» [1]).

Одна изъ внучекъ Суворочки, ласкаемая ею въ дѣтствѣ, охарактеризовала ее въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Она была, какъ Божій день, ясна.
Она была радушна и спокойна,
Любви къ добру и ближнему полна,
Родителя душой своей достойна.
Не даромъ онъ къ Суворочкѣ своей
Писалъ свои прекрасныя посланія.
Не душу ль онъ свою провидѣлъ въ ней?
Не всѣ ль она его свершила приказанья?
И волю въ чемъ великаго забыла?
Какъ онъ велѣлъ — любила молодца,
Какъ онъ велѣлъ — семью и Русь любила,
Какъ онъ велѣлъ — привѣтна и добра
Она была, какъ Руси воплощеніе,
Какъ прадѣдовъ радушная пора,
И вѣкъ она не знала осужденья!
И кто бы ей порока вѣсть принесъ?
И гдѣ при ней злословіе проснулось?
Языкъ ея хулы не произнесъ,
И зло души ея прекрасной не коснулось.
Родитель ли съ небесъ ее хранилъ?
Уста ли злымъ смыкало уваженье?
Но домъ ея пріютомъ тихимъ былъ,
Гдѣ мирное бывало воскресенье,
Гдѣ не было злословія при ней,
Гдѣ чада чадъ съ очами голубыми
Съ любовію смотрѣли въ очи ей,
Гдѣ радостна она бывала съ ними.
И домъ ея пріютный опустѣлъ.
И нѣтъ ея души въ семьѣ родимой!
И кто бы съ ней бесѣдовать хотѣлъ,
Съ уныніемъ проходитъ мимо — мимо,
И мирныя тѣ пиршества прошли,
Гдѣ лаской всѣхъ она одушевляла,
Еще одной нѣтъ доброй на землѣ,
И дочери Суворова не стало.

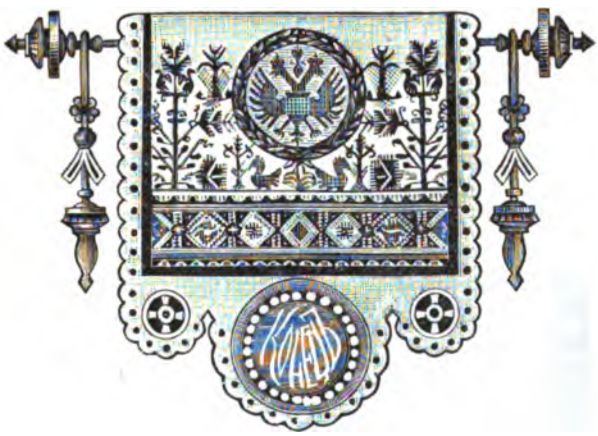
---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1844 г., № 42.

Отзывы лицъ, еще живущихъ и хорошо помнящихъ Суворочку въ ея преклонной старости, вполнѣ подтверждаютъ эту теплую дань памяти любимой бабушки.

Прахъ Натальи Александровны перевезенъ былъ въ Сергіеву пустынь, близъ Петербурга, и погребенъ тамъ въ семейномъ склепѣ графовъ Зубовыхъ.

Евгеній Шумигорскій.



ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ [1].

XXXVI.

Манифестъ 1891 года.—Ожиданіе монаршей милости.—Поздравленія съ окончаніемъ каторги.—Разочарованіе.—Новыя огорченія.—Болѣзнь М. А. Кржижевской.—Ея смерть и похороны.—Плачъ по «матери ссыльныхъ».—Мое сиротство въ ссылкѣ.

ВЪ БЫТНОСТЬ мою на Сахалинѣ, ссыльно-каторжнымъ вообще приходилось часто разочаровываться; но въ годъ моего плаванія они испытали еще новое разочарованіе. Съ пріѣздомъ наслѣдника цесаревича (нынѣ царствующаго государя) во Владивостокъ, изданъ былъ для ссыльныхъ извѣстный манифестъ 1891 года. Главные пункты его содержанія сначала переданы были на Сахалинъ по телеграфу. Эта неожиданная вѣсть вызвала здѣсь взрывъ восторговъ. Обыкновенно ссыльные въ каторгѣ всегда ждутъ манифеста, и всѣ расчеты на будущее освобожденіе у всѣхъ бываютъ связаны непремѣнно съ монаршею милостію.

— Вотъ увидите, въ этомъ году будетъ большой манифестъ. У меня осталось каторги пять лѣтъ, какъ разъ одна треть, скинутъ мнѣ ее, и я свободенъ! Вотъ увидите, непремѣнно будетъ манифестъ!

Такъ мечтаетъ каторжный. А почему непремѣнно, онъ и самъ не знаетъ. Иной, для утѣшенія себя и собратій, выставитъ аргументомъ свой сонъ. Но если на самомъ дѣлѣ предвидится какое

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 175.

нибудь обстоятельство, вызывающее манифестъ (коронація, рожденіе наслѣдника престола и др.), то расчетамъ, ожиданіямъ и разговорамъ конца нѣтъ. И я замѣтилъ, что всю радость предстоящаго манифеста они переживаютъ заранѣе, такъ что, когда приходитъ время объявленія его, всѣ принимаютъ новую милость довольно спокойно. Но манифестъ 1891 года объявленъ былъ совершенно неожиданно, и потому ликованіе народа было особенно восторженное. Тутъ сахалинскіе прозорливцы вспомнили всѣ свои вѣщіе сны. Радость каторжныхъ еще болѣе увеличилась, когда имъ 12-го мая прочитали телеграфное извѣстіе, что сроки работъ по новому манифесту сокращаются до двухъ третей. Обыкновенно манифесты прощали одну треть лѣтъ, назначенныхъ пробыть въ каторгѣ, а тутъ сразу двѣ трети!

— Дай Богъ здоровья нашему наслѣднику! — искренно молилась вся каторга.

Меня тоже всѣ поздравляли съ окончаніемъ каторги.

— Дождались, наконецъ, и вы званія поселенца,—говорили мнѣ друзья. — Теперь подавайте скорѣе прошеніе на высочайшее имя, чтобы вернули вамъ окончательно всѣ права, да съ Богомъ поѣзжайте-ка въ Россію! Довольно натерпѣлись,—будетъ!

На другой день докторъ спѣшитъ ко мнѣ явиться съ визитомъ—торжественно поздравить меня.

Но это было недоразумѣніе. Вскорѣ выяснилось: все количество лѣтъ, назначенныхъ по суду, сокращается до двухъ третей; иначе сказать, сосланному оставляется двѣ трети лѣтъ каторги, а прощается ему, какъ это было и по другимъ манифестамъ, только одна треть.

Каторжные носы повѣсили отъ разочарованія. И тѣ, которые вчера ликовали, какъ освобожденные изъ тюрьмы, сегодня еще болѣе стали печальны, чѣмъ до объявленія манифеста.

Грустное разочарованіе коснулось и меня. Даже со скидкою одной трети мнѣ оставалось пробыть въ каторгѣ еще нѣсколько лѣтъ, несмотря на то, что прошло восемь лѣтъ, какъ я лишенъ свободы. Сколько за эти годы я пережилъ обманчивыхъ ожиданій! Отправляя на Сахалинъ, мнѣ говорили:

— Вѣдь васъ тамъ продержатъ одинъ годъ, не больше, и сдѣлаютъ поселенцемъ. Поѣдете въ Сибирь и не замѣтите, какъ ужъ и крестьянство дадутъ. Иначе нельзя: порядокъ такой! Необходимо провести васъ по всѣмъ степенямъ до возвращенія въ Россію.

Но вотъ до сихъ поръ я не поднялся еще ни на одну степень.

Просторъ морей и земель и знакомство съ жизнью свободныхъ людей въ моихъ поѣздкахъ на пароходахъ воскресили въ моей памяти забытое прошлое и еще болѣе подчеркнули контрастъ съ тоскливой жизнью въ Рыковскомъ селеніи, гдѣ меня ждали новыя огорченія.

Я уже говорилъ о болѣзни Маріи Антоновны Кржижевской. Бѣдная труженица ужасно страдала. Кровь на платкѣ показывалась все чаще и чаще. Кашель мучилъ ее немилосердно. Отъ постояннаго просачиванія воды чрезъ кожу опухшія ноги ея покрылись язвами. Минуты Маріи Антоновны были сочтены. Но она не жаловалась, старалась перемогаться и попрежнему аккуратно ходила на службу въ аптеку и въ больницу.

Однажды утромъ пришла она къ своимъ больнымъ, но вдругъ сама почувствовала острую боль въ груди и со стономъ опустилась на стулъ.

Послали за докторомъ. Онъ распорядился сейчасъ же отправить ее домой и уложить въ постель. Но Марія Антоновна не могла ни спать, ни лежать. Сидя въ креслѣ, она тихонько стонала отъ боли и задыхалась. На дворѣ стояла засуха. Для увлажненія воздуха въ комнатѣ развѣсили мокрыя простыни и разбрызгивали воду пульверизаторомъ. Сколько ей ни давали хлоралъ-гидрату, она не могла заснуть ни на минуту. Поставили три мушки. Онѣ немного успокоили боль въ груди, однако бѣдная страдалица еще болѣе задыхалась.

— Воздуху! дайте воздуху!—жалобно молила она окружающихъ ее друзей.

Но мы только и придумали махать вѣеромъ около ея лица.

Черезъ три дня непрерывнаго страданія, рано утромъ, она попросила раскрыть окна. Холодный воздухъ вмѣстѣ съ первыми лучами восходящаго солнца ворвался въ комнату. Тутъ она взглянула въ послѣдній разъ на земной міръ. Какъ бы въ отвѣтъ на ея прощальныя привѣтствія, въ это время показалась на дорогѣ длинная вереница испытуемыхъ каторжныхъ. Со звономъ кандаловъ они шумно прошли мимо на работы. Марія Антоновна грустно отвернулась отъ окна: за тридцать восемь лѣтъ она видѣла вокругъ себя только нужду, страданія, неволю...

Похороны этой исключительной женщины на Сахалинѣ собрали все село Рыковское. Каждый считалъ себя счастливымъ оказать покойной то или другое вниманіе. Отъ начальника до послѣдняго каторжника, всѣ понимали, что Тымовскій округъ лишался самаго дорогого человѣка, служившаго не изъ-за денегъ и не ради какихъ либо личныхъ выгодъ для себя, а единственно ради простой идеи—помочь несчастнымъ.

Когда опустили гробъ въ землю, толпа женщинъ навзрыдъ заплакала, вспоминая все добро, которое она имъ оказала. Тутъ только развязались ихъ языки, замкнутые при жизни Маріи Антоновны ея смиреніемъ: всѣ онѣ на перебой спѣшили повѣдать публикѣ удивительные примѣры самоотверженной любви къ нимъ покойницы.

Какъ бы въ дополненіе дѣятельности Маріи Антоновны на Са-



Ссыльно-каторжные на постройкѣ Уссурійской дороги.

халинѣ, оставшееся послѣ нея небольшое имущество все было роздано бѣднымъ.

Величая покойницу своею матерью, нѣкоторые простодушные люди чуть не боготворили ее, какъ святую.

Помню, вскорѣ послѣ похоронъ Маріи Антоновны, былъ нашъ храмовой праздникъ Казанской иконы Божіей Матери. Я встрѣтилъ у церковной паперти старика сторожа и говорю ему:

— Ну, что, дѣдушка, пригорюнился? вѣдь у тебя сегодня праздникъ!

— Какой теперь праздникъ! Мы похоронили свою «казанскую матушку»...

Для меня смерть Маріи Антоновны была особеннымъ ударомъ. Я въ ней лишился не только друга и товарища по службѣ, но и помощника въ моихъ литературныхъ занятіяхъ [1]).

По странному стеченію обстоятельствъ, мое горе усугубилось одновременною потерею (на одной недѣлѣ съ Маріей Антоновной) еще двухъ дорогихъ пріятелей изъ ссыльныхъ: одинъ, котораго я уважалъ, какъ отца, умеръ отъ простуды, а другой — нечаянно упалъ въ рѣку Тыму и утонулъ. Лишившись ихъ, я сразу осиротѣлъ и почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ среди множества подобно мнѣ сильно тоскующихъ людей въ ссылкѣ.

XXXVII.

Печальные дни каторги. — Наказаніе лишеніемъ хлѣба. — Дорога къ Охотскому морю. — Надзиратель Хановъ. — Его распоряженія на Онорѣ. — Отношенія начальства къ дорожной партіи. — Больные и забитые. — Убыль рабочихъ у Ханова. — Бѣглецы съ Онора.

Съ моимъ возвращеніемъ изъ плаванія, вообще для всего Рыковскаго селенія, а въ частности для меня, потянулись печальные дни. Сѣрое однообразіе каторжной жизни время отъ времени нарушалось только какимъ нибудь крупнымъ воровствомъ или варварскимъ убійствомъ, возмущавшимъ даже арестантскую среду; но крупныхъ событій другого характера, или новыхъ реформъ, оживлявшихъ каторгу, не было. Генералъ уѣхалъ въ отпускъ и проживалъ гдѣ-то далеко за границей, а слуги безъ барина относились къ своей дѣятельности спустя рукава, занимаясь больше устройствомъ пиршествъ, карточныхъ вечеровъ, пикниковъ и другихъ развлеченій. Впрочемъ, чиновники одного не забывали: каждый день пороть каторжныхъ.

---

[1]) Только малая часть ея работъ напечатана. Остальная еще ждетъ своего изданія.

— Надо, чтобы арестанты всегда чувствовали надъ собою крѣпкую власть, бдительное око и карающую руку! — въ самоупоеніи говорили они другъ другу.

Но это была неправда. Каторжные хорошо понимали, что они оставлены на произволъ надзирателей, которыхъ легко можно было подкупить и затѣмъ дѣлать многія недозволенныя вещи. Даже при страшномъ смотрителѣ Л—нѣ, кто побойчѣе и побогаче позволяли по вечерамъ и въ картишки поиграть и водкой поторговать. Въ утреннюю жертву кровожадности смотрителя обыкновенно шли самые бѣдные, безотвѣтные арестанты. Не имѣя денегъ, чтобы подкупить надзирателей, они несли на своихъ плечахъ всю тяжесть каторжныхъ работъ.

Кромѣ порки и тяжелыхъ работъ, каторжные одновременно терпѣли еще другой видъ наказанія: уменьшеніе дневной порціи хлѣба. Если арестанту по закону полагается три фунта на день,—ему въ наказаніе даютъ два. Въ Рыковской тюрьмѣ особенно любилъ практиковать этотъ способъ наказанія смотритель Л—ъ. Для него двойное удовольствіе: и каторжные наказаны самымъ существеннымъ образомъ, и остается большая экономія хлѣба. Этотъ способъ обиранія несчастнаго арестанта пришелся по душѣ и надзирателямъ, когда ихъ съ партіей каторжныхъ назначали въ тайгу на дорожныя работы.

По проекту уѣхавшаго генерала, дорога изъ Александровскаго поста въ Рыковское селеніе должна была быть продолжена на югъ до Корсаковскаго поста. На исполненіе этого проекта уходили главныя силы каторги. Со стороны Тымовскаго округа была отправлена большая партія рабочихъ съ многими надзирателями, во главѣ съ суровымъ исполнителемъ начальственныхъ предписаній, Алимпіемъ Хановымъ. Этотъ высокій и очень сильный старикъ, вышедшій въ старшіе надзиратели изъ ихъ же среды, носилъ еще слѣды прежняго варварскаго обычая—клейма на тѣлѣ. Хановъ выдержалъ суровую трудную школу, но зато и самъ зачерствѣлъ душою. Умный отъ природы и талантливый на различныя мастерства, онъ былъ строгъ и требователенъ къ другимъ. Арестанты очень боялись его суроваго взгляда изъ-подъ нависшихъ бровей. Мнѣ лично никогда не случилось замѣчать, улыбается ли онъ; и я понимаю, съ какимъ страхомъ шла за нимъ партія каторжныхъ въ тайгу, за 60 верстъ отъ Рыковскаго селенія. Впрочемъ, находились такіе смѣльчаки, которые хвастливо говорили среди рабочихъ:

— Въ тайгѣ мы долго разговаривать съ тобой, Алимпій Иванычъ, не станемъ. Тамъ ты не испугаешь насъ ни уркомъ[1]), ни кулакомъ.

---

[1]) Урки на языкѣ каторжныхъ—поденные уроки работъ, задаваемые имъ надзирателями.

До Ханова доходили эти угрозы, но онъ презрительно замѣчалъ:

— Молоды-зелены они еще обмануть стараго каторжанина.

Хановъ прежде всего раздѣлилъ свою партію рабочихъ на десятки и назначилъ изъ нихъ наиболѣе дерзкихъ десятниками, предоставляя имъ нѣкоторыя льготы. Эти десятники вмѣстѣ съ надзирателями изъ солдатъ составляли довольно внушительную силу противъ остальныхъ каторжниковъ. Толпа, лишенная такимъ образомъ своихъ главарей-крикуновъ, сразу поутихла. Сначала на работахъ Хановъ ограничивался одними замѣчаніями. Если и дастъ милостиво подзатыльника, то развѣ какому нибудь робкому рабочему. Потомъ онъ сталъ все суровѣе и строже покрикивать, иной разъ вытянетъ и палкой по спинѣ, а уроки назначалъ съ каждою недѣлею все больше и больше. Помимо того, что земляныя работы сами по себѣ были тяжелы, надо было терпѣть отъ холодной, какъ ледъ, грунтовой воды и одновременно—отъ назойливыхъ комаровъ и мошки. Къ довершенію всего приходилось ходить за хлѣбомъ къ мѣсту пекарни верстъ за пять, за семь, за десять, по мѣрѣ удаленія работъ отъ первоначальнаго лагеря.

Время отъ времени пріѣзжалъ на Оноръ,—главное мѣсто рабочей партіи,—начальникъ округа. Пройдетъ по тайгѣ съ Хановымъ, посмотритъ работы, сдѣлаетъ дальнѣйшія распоряженія и—домой! Смотритель Л—ъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло и не ѣздилъ къ Ханову, ссылаясь на свои обязанности при тюрьмѣ, хотя главною причиною было—нежеланіе играть здѣсь второстепенную роль. Военный врачъ тымовской команды, временно занимавшій, съ отъѣздомъ В. А. Сасапареля, мѣсто тюремнаго врача, первое время тоже туда не показывался. Такимъ образомъ Хановъ сталъ полновластнымъ начальникомъ надъ сотнею слишкомъ людей, самъ слушая только одного начальника округа. Мужикъ возгордился и далъ волю своему грубому произволу. Его опричнина изъ надзирателей и десятскихъ была крѣпко организована. Теперь можно было свободно бить и дубиной.

— Пикнуть не смѣй: убью!

И безотвѣтный каторжникъ молчитъ.

Пріѣдетъ начальникъ округа.

— Все благополучно! — докладываетъ Хановъ. А рабочіе безмолвно стоятъ, понуря голову, да печально смотрятъ на суровое лицо своего старшаго надзирателя, который въ это время сгоралъ только однимъ желаніемъ: отличиться, выслужиться предъ начальствомъ и прославиться проведеніемъ новой дороги въ сахалинской тайгѣ, какихъ бы жертвъ это ни стоило.

Въ Рыковскомъ стали появляться все чаще и чаще больные отъ Ханова.

— Бьетъ насъ Хановъ немилосердно! — жаловались они въ больницѣ.—А опричь того и хлѣба не даетъ полностью. Урки за-



Лазаретъ Тымовскаго округа.

даетъ большіе. Бьешься, бьешься цѣлый день... Нѣтъ, все-таки къ вечеру не успѣешь кончить. Тутъ тебя хватитъ надзиратель стяжкомъ по спинѣ, а другой разъ и по чему попало, да велитъ еще на фунтъ, а то и на два, урѣзать пайка. А въ тайгѣ что и ѣсть, какъ не хлѣбъ.

Узналъ Хановъ, что о немъ худая молва пошла по Тымовскому округу,—сталъ рѣже отсылать больныхъ въ лазаретъ и оставлялъ ихъ на Онорѣ. Мало того, за дальностію разстоянія, онъ же просилъ разрѣшенія у начальника округа не посылать умершихъ въ Рыковское селеніе, а погребать ихъ тамъ на мѣстѣ, въ тайгѣ.

Какъ-то вечеромъ я увидѣлъ телѣгу, пришедшую съ Онора съ больнымъ человѣкомъ. Онъ едва дышалъ, и отъ него нельзя было добиться ни одного слова. Толпа ссыльныхъ обступила телѣгу и разспрашивала возницу о порядкахъ на Онорской дорогѣ у Ханова. Вдругъ выходитъ изъ воротъ тюрьмы надзиратель столяровъ Любомирскій, большой любитель смѣшить публику своими остротами.

— Ну, чего столпились!—заоралъ онъ на толпу.—Эка невидаль, что съ Онора мертваго привезли! Вотъ, еслибы живого оттуда доставили,—это диво! Стоило бы посмотрѣть!...

Если больныхъ отъ Ханова стали меньше привозить въ тымовскій лазаретъ, то чаще и чаще появлялись отъ него рапорты о погребеніи рабочихъ и даже съ указаніемъ, отъ какой болѣзни кто умеръ. Вскорѣ стали повторяться новыя донесенія—о побѣгѣ каторжныхъ съ дорожныхъ работъ въ тайгу. Партія рабочихъ у Ханова замѣтно порѣдѣла. Начальникъ округа ужаснулся такой убыли народа и написалъ генералу.

Мнѣ рѣдко приходилось вступать въ какія либо объясненія съ Бутаковымъ относительно событій на Онорѣ. Я зналъ, что убыль людей изъ партіи Ханова у него больное мѣсто. И затрогивать этотъ вопросъ значило только раздражать его. Въ послѣднее время онъ сталъ особенно вспыльчивъ и въ запальчивости говорилъ и дѣлалъ иногда несообразныя вещи. Однажды, какъ бы слагая съ себя вину, онъ замѣтилъ:

— Посудите сами, что мнѣ дѣлать? Я пишу генералу, что съ тѣми средствами, которыми теперь располагаю, я не могу въ такое короткое время, какъ онъ хочетъ, провести дорогу черезъ тайгу, болота и рѣки. А онъ на одномъ только и стоитъ: пожалуйста, сдѣлайте дорогу. Не знаю, какъ и быть! Я ему уже два раза писалъ... Еслибы народу было больше, да назначили бы завѣдующимъ партіей спеціальнаго чиновника,—ну, тогда другое дѣло!

Наконецъ онорскіе бѣглецы показались и въ Рыковскомъ селеніи. Страшный видъ! Изможденные, голодные, исхудавшіе, они покорно явились съ повинной къ смотрителю тюрьмы.

— Ваше высокоблагородіе! — отчаянно умоляли они на колѣ-

няхъ:—не посылайте насъ къ Ханову на смерть! Многіе уже скончались отъ его побоевъ. Бьетъ онъ стягомъ по чемъ ни попало. Невмоготу намъ его урки! Ваше высокоблагородіе! оставьте насъ здѣсь на самыхъ тяжелыхъ работахъ...

Но ихъ, какъ бѣглецовъ, отодрали розгами и опять отослали на Оноръ къ Ханову.

XXXVIII.

Мой новый слуга.—Его прошлое.—Бѣгство съ Онора.—Разсказъ Андрея.—Положеніе рабочихъ у Ханова.—Самовольное увѣчье.—Онорскіе людоѣды.—Слѣдствіе Д. С. Климова.

Сдѣлавшись единственнымъ наблюдателемъ Рыковской метеорологической станціи, я занялъ казенную квартиру, въ которой жила Марія Антоновна. Въ качествѣ сторожа метеорологической будки мнѣ полагался рабочій. Охотниковъ на это мѣсто, или, какъ говорятъ ссыльно-каторжные, «ваканцію», было много. Мнѣ рекомендовали сбѣжавшаго съ Онора грузина Андрея. Я попросилъ смотрителя, и онъ назначилъ его ко мнѣ въ услуженіе. Андрей не замедлилъ явиться. Еще бы! съ поступленіемъ ко мнѣ онъ освобождался отъ страшнаго Ханова.

Этотъ грузинъ въ турецкую войну геройски служилъ милиціонеромъ на Кавказѣ и былъ раненъ въ голову. До сихъ поръ остался замѣтный шрамъ надъ бровью. Потомъ онъ находился нѣкоторое время на берегу Чернаго моря на спасательной станціи и, какъ хорошій пловецъ, два раза имѣлъ случай оказать помощь на морѣ, за что получилъ медаль за спасеніе погибающихъ. Въ началѣ армянскаго движенія, которое въ концѣ концовъ разыгралось до кровавыхъ сценъ, Андрей занимался контрабандною перевозкою оружія. Его прослѣдили и, несмотря на храбрую оборону, схватили, а затѣмъ послѣ суда сослали въ каторжныя работы. Попавъ въ партію къ Ханову, онъ не выдержалъ одного только вида звѣрской расправы и убѣжалъ. Счастливый случай попасть на вакансію избавилъ его отъ наказанія. Мнѣ онъ сразу внушилъ довѣріе, и я попросилъ его откровенно разсказать, что дѣлается на Онорѣ.

Сильно волнуясь, временами со слезами на глазахъ, онъ мнѣ повѣдалъ цѣлый рядъ ужасныхъ картинъ грубаго произвола надзирателей. Я передамъ только часть его разсказа.

— Мы тамъ сильно отощали. Намъ, говорятъ, полагался четвертый фунтъ хлѣба: ужъ очень работа тяжелая; а приварокъ— только слава одна: совсѣмъ плохъ! Но мы не только не видѣли

этого четвертаго фунта, но и трехъ-то не всѣ получали. Работа трудная, таежная, въ болотинѣ, съ комарами да мошкою, промнешься за цѣлый-то день,—голодно! А тутъ еще надзиратели съ палками. Задастъ урокъ,—впередъ знаешь, что не сдѣлаешь. Скажешь ему смирненько, что не подъ силу будетъ такой урокъ; гляди, сейчасъ же и влѣпитъ тебѣ въ спину палкой! Одинъ рабочій изъ хорошихъ людей сталъ на колѣни, заплакалъ и началъ просить: «Алимпій Иванычъ, отпусти мою душеньку: вѣдь я совсѣмъ извелся! не дай помереть безъ покаянія, не добивай меня до смерти!» Но нѣтъ! Его не проймешь жалкими словами. Еще больше разсердился! Убѣжалъ бы; да куда безъ хлѣба убѣжишь? Кругомъ Онора пустая тайга. Развѣ вотъ ягодъ кое-гдѣ найдешь. Да съ нихъ толку мало: одинъ поносъ только. Вотъ и я: шатался, шатался по тайгѣ... совсѣмъ изъ силъ выбился! Не хочется съ голоду умирать, — пошелъ тоже въ Рыковское... И знаю напередъ, что тамъ розги ждутъ, а все думается: авось, какъ нибудь Богъ помилуетъ. Но рѣдко кому удалось, какъ мнѣ, остаться здѣсь. Дадутъ тридцать штукъ [1]) обязательныхъ, и опять къ Ханову. Никакъ не придумаешь, что и дѣлать. Много несчастныхъ погибло съ голоду! Тайга кругомъ завонялась отъ труповъ. Такъ смердитъ, такъ смердитъ,—надо носъ затыкать, чтобы пройти по онорской дорогѣ...

— Неужели они не жаловались начальнику?

— Пикнулъ бы кто нибудь пожаловаться,—показалъ бы имъ Хановъ! Начальникъ, положимъ, зналъ, что Хановъ дерется: онъ ему это позволилъ. А на счетъ умершихъ Хановъ всегда докладывалъ что скончался, дескать, отъ чахотки, или отъ воспаленія легкихъ, или отъ какой другой болѣзни...

— Вѣдь, ихъ много, удивительно, какъ они не сопротивлялись Ханову!

— Какое сопротивленіе! Они, какъ очумѣвшія мухи, едва шевелятся, а надзиратели всѣ съ револьверами да съ палками. Одинъ изъ солдатъ страшный былъ озорникъ: бьетъ, бьетъ, пока не повалится несчастный; и не знаешь—живъ ли онъ, или мертвъ. Разъ тоже Хановъ сильно прибилъ рабочаго и приказываетъ ему: «вставай!» Тотъ лежитъ, какъ трупъ, и не шевелится. — А, такъ-то ты!—кричитъ Хановъ:—вотъ, подожди, сейчасъ очнешься у меня! Обвязалъ его веревкой, да въ рѣчку! и давай его на веревкѣ окунать...

— Не можетъ быть!—вскричалъ я въ негодованіи.

Андрей обидѣлся за выраженное недовѣріе и смущенно замолкъ: онъ говорилъ, что видѣлъ своими глазами.

Это повѣствованіе скоро подтвердилось ужаснымъ образомъ.

— Сейчасъ съ Онора,—докладываютъ мнѣ:—привезли рабочаго, который отсадилъ себѣ топоромъ, кажется, кисть руки.

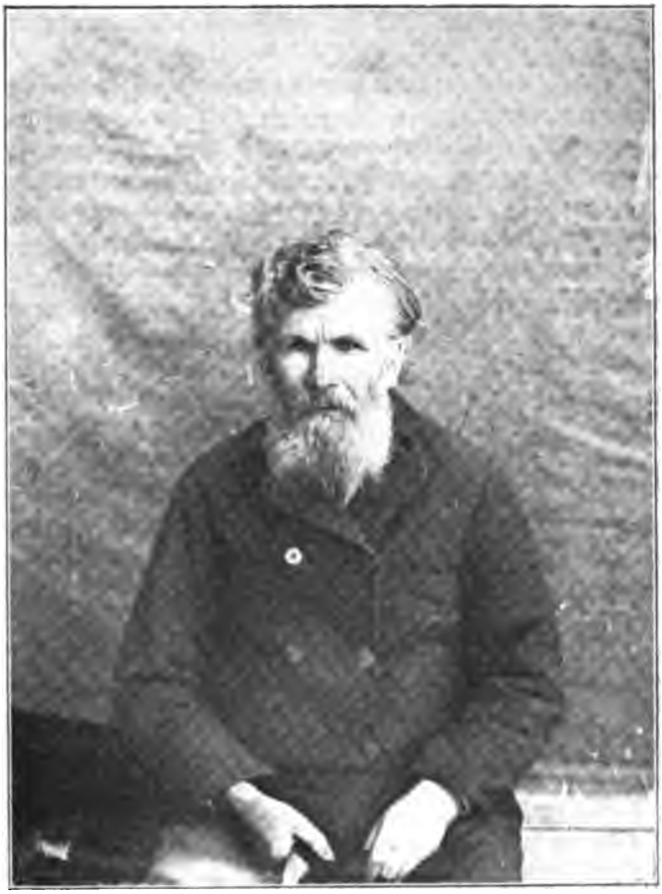
---

[1]) Тридцать ударовъ розгами.

— Какъ это отсадилъ? Нечаянно?

— Нѣтъ, умышленно. Положилъ руку на пень, да съ размаху и тяпнулъ по ней топоромъ. Лучше, говоритъ, безъ пальцевъ остаться, чѣмъ умирать отъ надзирательскихъ палокъ...

У меня сжалось сердце отъ представленія такой картины. Я побѣжалъ въ лазаретъ, гдѣ врачъ только что обошелъ палаты и спускался съ крыльца.



Надзиратель Хановъ.

— Неужели,—говорю ему,—это не краснорѣчивые факты, что тамъ происходитъ что-то ужасное!

— Развѣ это,—отвѣчаетъ мнѣ врачъ, — первый случай въ каторгѣ! Очевидно, онъ не хочетъ работать и предпочитаетъ на правахъ увѣчнаго ничего не дѣлать.

— Нѣтъ, позвольте! — горячо возражаю я.—Вѣдь, вы вотъ за милліонъ рублей не отдадите ни одного своего пальца; а тотъ, несчастный, рубитъ ихъ себѣ самъ, чтобы только не быть на Онорѣ. Значитъ, тамъ не легко!... Это ужасно, ужасно! Отчего начальникъ не обратитъ на это своего вниманія?

— Да, онъ знаетъ, что Хановъ бьетъ ихъ. Иначе и нельзя. Подумайте, какъ ему справиться съ такою отчаянною толпою убійцъ въ глухомъ лѣсу? Тамъ вѣдь не вызовешь на помощь военной команды. Если не держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, нельзя и работать съ ними...

Я ко многому присмотрѣлся и прислушался въ каторгѣ, но этотъ случай всегда возмущалъ мою душу. Сознательно рубить себѣ пальцы и руки!... Несчастные каторжные, что имѣли своего собственнаго, все приносили въ жертву за свое освобожденіе изъ онорскаго ада. Казалось, дальше этого нельзя итти. Но начальство оставалось глухо и къ этому вызову и даже грозило по излѣченіи наказать ихъ розгами и снова отправить къ Ханову.

Въ 15-ти верстахъ отъ Рыковскаго, по Пилингской дорогѣ, расположилось старѣйшее въ округѣ селеніе Мало-Тымово. Въ описываемое время тамъ еще существовала небольшая тюрьма, смотрителемъ которой былъ молодой чиновникъ Д. С. Климовъ. Однажды приводятъ къ нему двухъ бродягъ, убѣжавшихъ съ Онора. При обыскѣ нашли въ ихъ сумкахъ куски жаренаго человѣческаго мяса. Бродягъ немедленно отправили къ начальнику округа при рапортѣ о найденномъ человѣческомъ мясѣ. Бутаковъ назначилъ произвести слѣдствіе, какъ наиболѣе свободному человѣку, Д. С. Климову. До послѣдняго и раньше доходили слуги объ онорскихъ звѣрствахъ; но когда пришлось на мѣстѣ ужасныхъ событій разспрашивать каторжныхъ, у него волосы становились дыбомъ! Климовъ велѣлъ раскопать нѣсколько могилъ. Страшный видъ! у кого голова проломлена, у кого ребро... Всѣ показанія каторжныхъ были тщательно записаны, и такимъ образомъ составилось большое дѣло: о звѣрской расправѣ надзирателей съ каторжными.

Бродяги, явившіеся въ Мало-Тымово, заявили, что они отрѣзали ноги отъ валявшихся труповъ въ тайгѣ и умышленно явились съ человѣческимъ мясомъ въ сумкахъ, чтобы обратить на себя вниманіе начальства.

— Пусть отдаютъ подъ судъ,—говорили они,—пусть увеличиваютъ срокъ каторги, только бы не отправляли насъ къ Ханову!

Желаніе этихъ бѣглецовъ было исполнено: ихъ, какъ людоѣдовъ, отдали подъ судъ, а куски мяса, закупоренные въ банкахъ со спиртомъ, поставили въ сахалинскій музей.

XXXIX.

Отъѣздъ и отставка Л—а.—Смотритель Н. Н. Я—въ.—Цвѣты, поэзія и расправа съ арестантами.—Расширеніе Тымовскаго округа.—Осложненіе дѣлъ.—Закрѣпленіе ссыльныхъ къ Сахалину.—Изба, покрытая тесомъ.—Право на выѣздъ.—Сознаніе Бутакова.—Съ кладбища не возвращаютъ.

Смотритель Рыковской тюрьмы Л—ъ, получивъ новое назначеніе въ Корсаковскій округъ, съ радостью уѣхалъ туда отъ приближающагося скандала. Онъ умывалъ свои руки въ онорскомъ дѣлѣ, ссылаясь на то, что Бутаковъ отстранилъ его отъ присмотра за Хановской партіей. На самомъ же дѣлѣ нравственная отвѣтственность отчасти падала и на него: въ Тымовскомъ округѣ онъ былъ главнымъ создателемъ системы суровой расправы, увеличиванія уроковъ и урѣзыванія подъ видомъ наказанія арестантскаго хлѣба. Хановъ прошелъ у него хорошую школу, какъ управляться съ каторжными, и на Онорѣ не замедлилъ показать себя точнымъ его послѣдователемъ.



Грузинъ Хуцієвъ.

Сначала всѣ полагали, что съ назначеніемъ новаго начальника въ Корсаковскій постъ Л—ъ вернется назадъ опять смотрителемъ Рыковской тюрьмы, но какъ разъ къ этому времени кончалась для пенсіи его двадцатилѣтняя служба въ Приморской области, и онъ поспѣшилъ выйти въ отставку. Впрочемъ, говорили на Сахалинѣ, что слишкомъ много жалобъ было на Л — на отъ чиновниковъ и священниковъ, и это было до нѣкоторой степени причиною его выхода въ отставку. Вмѣсто Л — на смотрителемъ тюрьмы былъ назначенъ Н. Н. Я—ъ, окончившій Горигорецкое земледѣльческое училище. Пріѣхавъ въ Рыковское, онъ, какъ страстный любитель цвѣтовъ, днемъ сталъ заниматься главнымъ образомъ устройствомъ парниковъ и разведеніемъ цвѣтниковъ, а вечеромъ въ небольшомъ кругу своихъ пріятелей или игралъ въ карты, или декламировалъ стихотворенія русскихъ поэтовъ, такъ что для тюрьмы, для тюремнаго хозяйства у него не оставалось времени. Судя по его словамъ, онъ порывался войти съ арестантами въ дружескія отношенія, хотѣлъ заслужить отъ нихъ кличку отца родного, но, не умѣя

владѣть собою, онъ ничего не могъ сдѣлать для нихъ—ни дурного, ни хорошаго. Покинутая на произволъ надзирателей тюрьма, какъ говорится, распустилась. Однако, на Сахалинѣ, въ странѣ контрастовъ, цвѣты и поэзія не мѣшали Я—у пороть арестантовъ и даже ссыльныхъ женщинъ; впрочемъ, онъ всегда старался оправдать себя или предписаніемъ начальства, или какими либо другими соображеніями.

Бутаковъ, подъ вліяніемъ ли онорскаго дѣла, или подъ тяжестью семейнаго горя (къ этому времени умерла горячо любимая имъ жена, а единственный сынъ былъ выгнанъ изъ гимназіи), какъ-то ослабѣлъ въ своихъ требованіяхъ отъ смотрителя Я—ва внимательнаго отношенія къ дѣламъ тюрьмы и махнулъ на нее рукою. И безъ тюрьмы у него было много заботъ по управленію обширнымъ округомъ.

Пока Тымовская долина въ предѣлахъ трехъ-четырехъ селеній представляла изъ себя небольшую земледѣльческую колонію, Бутаковъ отлично справлялся съ нею и даже снискалъ славу хорошаго хозяина. Но когда новыя селенія стали расти, какъ грибы [1]), и округъ растянулся далеко на сѣверъ по рѣкѣ Тыми и на югъ по онорской дорогѣ, дѣла по управленію сильно осложнились, и Арсеній Михайловичъ принужденъ былъ цѣлыми днями просиживать въ канцеляріи за бумагами. Одинъ изъ дѣятельныхъ реформаторовъ Сахалина, генералъ К—ъ (къ сожалѣнію, покинувшій островъ, когда онъ больше всего нуждался въ умномъ администраторѣ), своими распоряженіями поднялъ цѣлую кучу новыхъ вопросовъ. Бутаковъ едва поспѣвалъ отписывать на нихъ, а новыхъ помощниковъ ему не давали. Съ отъѣздомъ генерала К—а, временно управляющіе островомъ, быстро смѣняемые одинъ за другимъ въ сахалинское междуцарствіе до назначенія новаго начальника, внесли нѣкоторый сумбуръ въ сложную машину управленія ссыльными. Помимо приказаній высшаго начальства, надо было соображаться еще съ ихъ личными требованіями. Бутакову, какъ человѣку безъ образованія, привыкшему только «слушаться и исполнять» канцелярскія предписанія относительно арестантовъ, трудно было уловить новыя вѣянія, приходящія съ каждой почтой изъ Петербурга, и потому онъ не разъ попадался впросакъ.

Въ такомъ грандіозномъ и живомъ дѣлѣ, какъ насажденіе новыхъ колоній въ дѣвственныхъ лѣсахъ Сахалина на протяженіи слишкомъ двухъ сотъ верстъ, надо быть человѣкомъ со смѣлою иниціативою и, не дожидаясь кабинетныхъ инструкцій, дѣйствовать по своимъ соображеніямъ. Но Бутаковъ въ послѣднее время

---

[1]) Въ 1889 году: Вальзе, Воскресенское, Усково; въ 1890 г.: Малыя Лонгари, Тауланъ; въ 1891 г.: Верхній Поронай, Далдаганъ, Славо, Хамдаса I; въ 1892 г.: Оноръ, Хамдаса II и др.



Селеніе Малое Тымово.

весь ушелъ въ бумаги, которыя и подавили его умъ и сердце. Ему, напримѣръ, предпишутъ укрѣпить ссыльное населеніе въ округѣ. Онъ и укрѣпляетъ. Но какъ?

Придетъ къ нему поселенецъ, который лѣтъ десять состоитъ въ этомъ званіи и уже обзавелся домомъ и небольшимъ хозяйствомъ.

— Ваше высокородіе! Нельзя ли меня представить въ крестьяне?..

— Ты избу сперва покрой тесомъ, тогда и думай о крестьянствѣ,—скажетъ ему Бутаковъ и прогонитъ отъ себя.

Иному замѣтитъ, что онъ скота не имѣетъ или земли не пашетъ. Странныя требованія! Человѣкъ стремится вырваться на волю изъ сахалинскаго ада, гдѣ онъ во всѣхъ званіяхъ—каторжнаго, поселенца, крестьянина—чувствуетъ себя подневольнымъ, съ позорной кличкой ссыльнаго; ему хочется снова быть полноправнымъ гражданиномъ со свободою передвиженій; а ему говорятъ: живи среди ненавистныхъ тебѣ горъ, живи, гдѣ тебя били, гдѣ ты носилъ кандалы и позорное платье... Какъ хорошо ни обставляй неволю, человѣкъ всегда будетъ рваться изъ тюрьмы, какъ птица изъ клѣтки. Поселенецъ ждетъ не дождется, когда минуютъ необходимыя шесть лѣтъ (а по манифесту — четыре), чтобы получить крестьянство и съ нимъ право выѣзда на материкъ. Если и есть у него кое-какія деньжонки, то, конечно, онъ постарается сберечь ихъ для заведенія новаго хозяйства тамъ, гдѣ онъ сядетъ крѣпко, навсегда. А ему говорятъ: крой здѣсь избу тесомъ, заводи скотъ, пахатную землю и пр. Онъ благополучно прожилъ десять лѣтъ въ избѣ, покрытой корьемъ или соломой, и кормилъ себя своимъ ремесломъ, которое еще дороже будетъ цѣниться въ новомъ Уссурійскомъ краѣ, гдѣ сразу воздвигается такая масса построекъ; а ему говорятъ: заводи теперь здѣсь полное хозяйство и занимайся несвойственнымъ для тебя дѣломъ—паши землю,—и тогда можешь все это бросить и уѣхать на материкъ. Одно время придумали новыя препятствія и для крестьянина.

— Избу можешь продавать,—говорятъ ему,—но не землю; земля казенная.

Тоже непонятное препятствіе. Человѣкъ своими руками корчевалъ землю нѣсколько лѣтъ, построилъ на ней избу, развелъ огородъ; а ему говорятъ: земля казенная, а избу можешь продать или перенести, куда тебѣ вздумается. Но, кажется, это требованіе далѣе канцелярій не пошло.

Я не одинъ разъ ходатайствовалъ за поселенцевъ предъ Бутаковымъ.

— Да развѣ я самъ не понимаю,—говорилъ онъ мнѣ,—что насильно милъ не будешь? Никакими средствами не удержишь ссыльнаго на Сахалинѣ. Ужъ на что были хорошіе хозяева (здѣсь онъ помянулъ нѣсколько извѣстныхъ фамилій въ Рыковскомъ) Ловягинъ, Скубко и др. Какія у нихъ были пашни, сколько скота! Своими



Каторжникъ Гусевъ.

руками создали здѣсь прекрасныя хозяйства... И все это бросили и уѣхали. Мнѣ жаль было выпускать ихъ на материкъ: они были украшеніемъ нашего селенія. А нельзя: давно имѣли право на крестьянство. Вотъ Палевскихъ поселенцевъ я съ удовольствіемъ бы выгналъ вонъ изъ округа. Отъ нихъ никогда толку не будетъ. А не могу: приказываютъ удерживать народъ отъ выѣзда, — я и держу. Иной, самъ знаю, поселенцемъ лѣтъ четырнадцать! И человѣкъ-то смирный, а я все-таки держу его. Не имѣю права отпускать такихъ, кто здѣсь не обзавелся хозяйствомъ.

А между тѣмъ вопросъ, кого выпускать на материкъ, разрѣшается справедливѣе, если взять за критерій не богатство ссыльнаго, а его нравственное состояніе. Бутаковъ достаточно зналъ своихъ поселенцевъ, чтобы опредѣлить, кто безусловно испорченный человѣкъ и опасный для общества, и кто напротивъ могъ бы быть прекраснымъ, честнымъ гражданиномъ на материкѣ. Вѣдь, кто раньше всѣхъ покроетъ крышу тесомъ!—Пройдоха, кулакъ, торговецъ запрещеннымъ товаромъ, ростовщикъ. Эти развязные господа какъ-то быстро освобождаются отъ работъ и иногда завоевываютъ почетное положеніе среди другихъ ссыльныхъ. Они скорѣе получаютъ крестьянство и чаще всего немедленно уѣзжаютъ на материкъ для новыхъ преступленій. И худо то, что изъ-за этихъ «сахалинскихъ гражданъ», какъ ихъ съ ироніей называютъ во Владивостокѣ, худая слава распространяется на всѣхъ сахалинцевъ. Одинъ, напримѣръ, пріѣхалъ на материкъ и въ казначействѣ по подложному талону получаетъ десятки тысячъ рублей, другой берется позолотить куполъ церкви и оклеиваетъ его золотою бумагою, которая смывается при первомъ дождѣ; еще хуже, когда дерзкая кража сопровождается убійствомъ. Подобные поступки не разъ вызывали сильныя репрессаліи со стороны мѣстной власти противъ выѣзда сахалинцевъ на материкъ и, конечно, ложились новымъ гнетомъ на ссыльное населеніе.

Система насильственнаго удерживанія поселенцевъ на Сахалинѣ, сверхъ назначеннаго закономъ срока, страшно вооружила ихъ противъ Бутакова. Нѣкоторые пробовали обойти его подачею прошеній на высочайшее имя.

Случилось мнѣ однажды написать такое прошеніе хорошему мужику, за котораго хлопотали родные въ Россіи. Они прислали на Сахалинъ приговоръ сельскаго общества, съ просьбою вернуть къ нимъ этого ссыльнаго. Онъ пошелъ къ начальнику округа. Бутаковъ едва взглянулъ на прошеніе и съ ироніей сказалъ ему:

— Съ кладбища не возвращаютъ!



Работы каторжныхъ при постройкѣ моста на р. Хорѣ.

XL.

Выходъ съ Сахалина.—Каторжные на постройкѣ Уссурiйской желѣзной дороги.—Жалобы рабочихъ.—Тяготѣнiе къ Амуру.—Развитiе пароходства.—Заработная плата.—Пьянство матросовъ.—Худая слава сахалинцевъ.—Зависимость отъ каторжнаго острова.—Окончательный разрывъ съ Сахалиномъ.

Когда для нѣкоторыхъ ссыльныхъ закрыты были и законные пути для выхода изъ Сахалина, судьба какъ будто сжалилась надъ массою тоскующихъ людей въ неволѣ и дала имъ выходъ инымъ путемъ.

Для ускоренiя постройки Уссурiйской желѣзной дороги рѣшено было привлечь на земляныя работы, кромѣ китайцевъ, военныя команды и ссыльныхъ. Эта вѣсть быстро облетѣла весь Сахалинъ и взбудоражила все населенiе. Вотъ выходъ на материкъ!—мелькнуло у сахалинцевъ, и они толпой повалили къ начальнику округа проситься на желѣзную дорогу. Несмотря на то, что ихъ предупреждали о тяжести земляныхъ работъ, о стѣснительныхъ условiяхъ, и что, по окончанiи работъ, ихъ снова вернутъ на островъ, ссыльные не унывали.

— Ладно, говори тамъ!—утѣшали они себя.—У меня къ тому времени и срокъ кончится... Тамъ будетъ новое начальство,—авось, оно милостивѣе!... Что мнѣ тутъ дѣлать на посельѣ? Тамъ нашъ братъ мастеровой во какъ нуженъ!... Можно хорошую деньгу зашибить... и т. д.

Съ такими радужными иллюзiями уѣхали большiя партiи рабочихъ во Владивостокъ. Сортировалъ народъ, конечно, самъ Бутаковъ.

Многiе, дѣйствительно, окончили во время работъ свои сроки и устроились въ Уссурiйскомъ краѣ довольно хорошо; но нѣкоторымъ пришлось вернуться назадъ на Сахалинъ и разсказать про уссурiйскую жизнь на линiи дороги. И замѣчательно: тяжесть работъ почти всегда ставилась въ зависимость не отъ мѣстныхъ условiй, а отъ распорядителя ихъ. Оказывается, и тамъ нашелся суровый чиновникъ, въ своемъ родѣ Л—ъ, который поражалъ своею жестокостью. О его звѣрскихъ расправахъ разсказывалось даже на Сахалинѣ, какъ о чемъ-то изъ ряда выходящемъ. Каторжные очень жаловались на крутыя обращенiя съ ними и передавали, что будто бы и тамъ, въ Уссурiйскомъ краѣ, нашелся для нихъ «островъ» наказанiя—небольшой камень въ глубинѣ Амурскаго залива, недалеко отъ Владивостока. Поселенцы тоже обижались на стѣснительныя для нихъ мѣры на желѣзной дорогѣ. Вообще большинство вернувшихся были недовольны этимъ новымъ «отхожимъ промысломъ» и своими разсказами сильно расхолодили стре-



Мость на рѣкѣ Тымѣ.

мленія другихъ отъ поѣздки въ Уссурійскій край на подневольныя работы.

Гораздо охотнѣе сахалинцы уѣзжали на пароходѣ не во Владивостокъ, а по проторенному пути въ Николаевскъ и выше по Амуру. Оно и понятно. Для бѣднаго поселенца и шестнадцать рублей большія деньги; онъ, конечно, предпочтетъ добраться до материка за три рубля ближайшей дорогой чрезъ Николаевскъ. Къ тому же въ этомъ городѣ сахалинецъ чувствуетъ себя въ своей средѣ. Здѣсь, смѣло можно сказать, болѣе половины населенія изъ каторжныхъ, и потому прибытіе новаго ссыльнаго не вызываетъ ни презрѣнія, ни удивленія. Главное же, что тянетъ сахалинца на Амуръ, это—вѣрный заработокъ, на который онъ сейчасъ же можетъ разсчитывать, какъ только ступитъ на берегъ. Если у него есть скопленныя деньжонки, онъ спѣшитъ въ устьяхъ Амура засолить на продажу первый уловъ кэты, которая дорого цѣнится во всей Приморской области, какъ низовая рыба; а нѣтъ денегъ—идетъ рабочимъ на сборку пароходовъ или матросомъ на плавающія суда.

Съ постройкою, Сибирской желѣзной дороги рѣки Восточной Сибири, особенно Амуръ и Уссури, сильно оживились. Для перевозки милліоновъ пудовъ желѣзнодорожнаго груза нужно было создать нѣсколько казенныхъ и частныхъ пароходствъ, а съ ними явилась громадная потребность въ рабочемъ людѣ. Цѣна простого матроса на баржѣ поднялась до тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ! Нѣкоторые телеграфные чиновники нашли выгоднымъ бросить свою службу и поступить матросами или приказчиками на суда. Очень цѣнились въ этомъ краѣ также мастеровые. Обыкновенный плотникъ, напримѣръ, получалъ по 1 р. 80 к. въ день. Наконецъ, если не на рѣкѣ, то можно было хорошо заработать на золотыхъ пріискахъ. При умѣренномъ образѣ жизни простой рабочій здѣсь могъ откладывать по 25 рублей въ мѣсяцъ сбереженія.

Къ сожалѣнію, съ увеличеніемъ заработка на Амурѣ развилось страшное пьянство. Особенно жадны были до водки сахалинцы. Дорвавшись до кабака, котораго иные не видѣли лѣтъ пятнадцать-двадцать, они быстро спускали весь свой богатый заработокъ. На моихъ глазахъ погибло отъ пьянства немало способныхъ работниковъ.

Чтобы не быть въ зависимости отъ безшабашныхъ сахалинцевъ, нѣкоторые пароходовладѣльцы обратились къ отставнымъ солдатамъ, къ крестьянамъ переселенцамъ и къ иностранному элементу—къ японцамъ и китайцамъ. Въ послѣднее время на Амурѣ стали бояться сахалинцевъ, такъ что даже трезвымъ и честнымъ сахалинскимъ выходцамъ надо было скрывать свою связь съ островомъ каторжныхъ.

«...Когда пріѣдете сюда,—писали съ того берега уѣхавшіе сча-



Водяная мельница въ Рыковскомъ селеніи.

стливцы своимъ оставшимся товарищамъ на Сахалинѣ,—нигдѣ не говорите, а особенно въ Хабаровскѣ и въ Благовѣщенскѣ, что вы сахалинцы, иначе трудно найти въ городѣ уголъ у квартирной хозяйки. Нашего брата сторонятся здѣсь, какъ заразы».

Всѣ блуждающіе по Амурскому краю сахалинскіе крестьяне и поселенцы и неуспѣвшіе еще приписаться къ какой либо деревнѣ Восточной Сибири крѣпко привязаны къ острову каторжныхъ своими паспортами. Сахалинъ держитъ ихъ какъ бы тремя пучками невидимыхъ веревокъ, исходящихъ изъ трехъ административныхъ центровъ: Александровскаго поста, Корсаковскаго и Рыковскаго. При встрѣчѣ «сахалинскаго гражданина» на материкѣ, прежде всего слышишь отъ него о безпокойствѣ относительно паспорта.

— Я послалъ свой билетъ въ Александровку и просилъ прислать мнѣ новый еще на годъ, да вотъ пять мѣсяцевъ жду. Ужъ и не знаю, вышлютъ ли мнѣ его...

— Да вы какъ послали? Вложили ли деньги за перемѣну паспорта?

— Послалъ заказнымъ письмомъ, но денегъ не клалъ. Я не зналъ.

— Надо было. Изъ-за этого-то и задержка.

Только тогда этотъ человѣкъ перестаетъ быть для другихъ страшнымъ сахалинцемъ, когда онъ перерѣжетъ эту послѣднюю нить, то-есть когда онъ порветъ свою паспортную зависимость отъ острова. А это не такъ легко: надо много извести бумаги, времени и денегъ! Зато, если успѣетъ приписаться къ обществу сибирскихъ крестьянъ или мѣщанъ, онъ сразу становится здѣсь полноправнымъ обывателемъ, и позорная кличка «сахалинца» снимается съ него навсегда.

XLI.

Пріѣзжіе въ Рыковскомъ селеніи. — Программа занимать гостей. — Церковь. — Тюрьма.—Школа.—Конюшня.—Картофельный дворецъ.—Мельница.—Огороды.—Поля.—Тымовская военная команда.—Столкновенія солдатъ съ ссыльнымъ населеніемъ.—Между двухъ огней.

Начальство время отъ времени наѣзжало въ Рыковское и всегда оставалось въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слышаннаго. Но это и понятно. Гости они недолгіе, заѣдутъ въ наше селеніе дня на два, на три—не больше; а за это короткое время легко можно было занять человѣка въ такомъ обширномъ округѣ, какъ Тымовскій. На этотъ счетъ была выработана особая программа. Каждый разъ, какъ пріѣзжаетъ свѣжій человѣкъ съ того берега (генералъ, боль-



Казарма Тымовской военной команды.

шой чиновникъ, корреспондентъ и другіе), мы напередъ знали, куда его повезутъ и что покажутъ.

Прежде всего почетныхъ гостей вели въ церковь. Просторная и свѣтлая, съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ мѣстнаго ильмоваго дерева, она производила пріятное впечатлѣніе. Особенно восхищались инкрустаціей изъ разныхъ деревьевъ на царскихъ дверяхъ, сдѣланной самимъ Бутаковымъ. Если случался праздникъ, хорошее пѣніе хора каторжныхъ во время богослуженія окончательно подкупало гостей искренно расхваливать здѣшнюю церковь.

— И все это, вы говорите, дѣло каторжныхъ? Удивительно!..— замѣчали гости.

Поражала ихъ своими большими размѣрами новая школа съ массою дѣтей обоего пола.

Тюрьма обыкновенно показывалась въ то время, когда каторжные расходились изъ нея по работамъ. Камеры на этотъ случай декоративно украшались свѣжими елками и пихтами, а полъ усыпался хвоей, чтобы смолистымъ запахомъ ихъ перебить невыносимую вонь, присущую арестантскимъ помѣщеніямъ. Тутъ же на тюремномъ дворѣ проведутъ гостей по мастерскимъ. Въ столярной обязательно покажутъ столы, шкафы, шкатулки изъ сахалинскихъ наплывовъ, и при этомъ заинтересованнымъ гостямъ что нибудь подарятъ на память. Затѣмъ шелъ обходъ тюремнаго хозяйства. Ферма и конюшня въ образцовомъ порядкѣ. У лошадей обширное помѣщеніе, чистое, сухое и не съ такимъ противнымъ запахомъ, какъ въ арестантскихъ казармахъ. Цѣлый рядъ казенныхъ лошадей, сытыхъ, здоровыхъ, лоснится тщательно вычищенною гладкою шерстью. Въ сараѣ разнообразіе блестящихъ экипажей.

— А это тоже работа каторжныхъ?—спросятъ гости.

— Все здѣшняго производства...

Недалеко отъ больницы, въ которую мимоходомъ тоже заглянутъ, находится грандіозное зданіе. Домъ — не домъ, сарай—не сарай...

— Что это такое?—спросятъ гости.

— Картофельный дворецъ...

— Что-оо?!.

Но вмѣсто объясненія ихъ вводятъ внутрь.

Средина въ два этажа занята обширными складами картофеля. Кругомъ ихъ подѣланы просторные коридоры, уставленные кадками съ кислою капустой. Кое-гдѣ стоятъ желѣзныя печи для поддержанія въ сильные морозы соотвѣтствующей температуры.

Все это для гостей такъ интересно, такъ ново и на этотъ случай такъ чисто, что они, искренно восторгаясь всѣмъ, уносятъ съ собою самое прекрасное впечатлѣніе отъ селенія. При этомъ ихъ окружаютъ изысканнымъ вниманіемъ, а послѣ обхода въ домѣ начальника ихъ ожидаютъ вкусный обѣдъ и мягкая постель.

На другой день—продолженіе программы. Въ прекрасной коляскѣ бойкія лошади везутъ гостей по естественной аллеѣ изъ гигантскихъ тополей и ивъ къ рѣкѣ Тыми. Въѣзжаютъ на длинный деревянный мостъ. Широкій, прочный, красивый, онъ вызываетъ удивленіе гостей.

— И такія постройки дѣлаютъ каторжные безъ участія архитектора!—восторженно замѣчаютъ они.

У второго моста сдѣлана плотина, сдерживающая довольно обширное озеро. Съ края плотины высится водяная мельница. Вода кипитъ ключомъ, жернова кружатся, одинъ мѣшокъ зерна за другимъ исчезаетъ въ пасти воронки...

— Построена ссыльно-каторжнымъ,—предупредительно говорятъ гостямъ.

— Прекрасно! прекрасно! А видъ здѣсь какой! Будь это въ Петербургѣ,—здѣсь были бы самыя дорогія дачи. Какой чудный воздухъ! Сколько воды, зелени! А какія красивыя горы кругомъ по горизонту!..

Но программа еще не закончена. Гостей везутъ въ одно изъ ближайшихъ поселеній, а по дорогѣ показываютъ длинныя вереницы грядъ капусты, картофеля и другихъ овощей. Между грядъ въ разныхъ мѣстахъ курятся коренья выкорчеванныхъ деревьевъ для отогнанія капустной бабочки. За огородомъ открывается волнующееся море желтыхъ колосьевъ. Куда ни оглянешься—направо или налѣво отъ дороги — во всю ширину долины до самыхъ горъ переливаются золотистыя волны хлѣба подъ яркимъ горячимъ солнцемъ.

— Вотъ это голый ячмень,—поясняетъ услужливый хозяинъ округа.—А это рожь. Въ этомъ году, если Богъ дастъ ведро при уборкѣ, надо полагать, будетъ хорошій урожай. А вотъ зеленая полоса пшеницы. Тоже скоро должна выколоситься.

— Говорятъ, на Сахалинѣ хлѣбъ не растетъ; но вѣдь это настоящая житница!—восклицаетъ изумленный гость.

Самодовольно улыбаясь, начальникъ округа предлагаетъ проѣхаться на заимку или на рыбалку.

— Довольно, довольно! Всего не пересмотришь. Я и такъ загостился у васъ. Очень, очень вамъ благодаренъ! Какой порядокъ, чистота... Я совершенно забываю, что нахожусь въ самой срединѣ острова каторжныхъ.

Если это корреспондентъ русскаго или иностраннаго журнала, ему покажутъ еще нѣсколько сахалинскихъ знаменитостей, въ родѣ «Золотой Ручки», и даже одарятъ фотографіями.

Мѣстная военная команда, занимая своими солидными сооруженіями особый кварталъ въ самомъ центрѣ Рыковскаго селенія, также немало занимала большихъ гостей военнаго званія и парадною встрѣчею, и разводомъ съ церемоніей, и гимнастикою, и

другими воинскими затѣями. У солдатъ также было особое обширное хозяйство, свой скотъ, огороды и луга. Въ первые годы своего пребыванія въ Рыковскомъ селеніи, они несли тѣ же самыя работы, что поселенцы и каторжные: та же расчистка земли для покоса травы, та же заготовка лѣса зимою, сооруженія новыхъ зданій, заготовка соленой рыбы, огородныхъ овощей и прочее. Только при второмъ воинскомъ начальникѣ, когда хозяйство команды болѣе или менѣе было налажено, стали обращать вниманіе и на фронтовое ученіе.

Холостые солдаты занимали обширную казарму въ своемъ кварталѣ, а женатые жили въ отдѣльныхъ избенкахъ среди поселенцевъ. Какъ ни старались офицеры изолировать нижнихъ чиновъ отъ общенія съ ссыльными, они волей-неволей сталкивались и на прогулкахъ, и въ лавкахъ, и на работахъ.

Обыкновенно солдаты держатъ себя очень нахально съ поселенцами, какъ съ безправными людьми, надъ которыми постоянно виситъ угроза въ видѣ розогъ за попытку защитить свое человѣческое достоинство. За всѣ восемь лѣтъ въ Рыковскомъ селеніи только одинъ разъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ поселенцы осмѣлились было унять трехъ пьяныхъ буяновъ изъ мѣстной команды; но это поставило на ноги чуть ли не всю роту, которая, прибѣжавъ къ мѣсту драки, обрушилась на одного пьянаго рабочаго и такъ его избила, что надо было нести бѣднягу прямо въ лазаретъ.

Въ Александровскомъ посту были болѣе крупныя столкновенія, но о нихъ я знаю только по разсказамъ.

Мнѣ самому случилось испытать на себѣ непріязненное отношеніе солдатъ къ поселенцамъ. Каждый день вечеромъ въ 9 часовъ, по окончаніи метеорологическихъ наблюденій, я проходилъ мимо домовъ воинскаго начальника и начальника округа. Перваго охранялъ часовой съ ружьемъ, а второго—свора громадныхъ злыхъ собакъ. Время отъ времени раздавались жалобы, что онѣ кусали то одного, то другого поселенца; тѣмъ не менѣе, каждый вечеръ спускали ихъ съ цѣпи, и какъ разъ въ то время, когда я шелъ домой. Всегда мнѣ стоило большого труда пройти мимо этой своры; но однажды зимой, яростно набрасываясь на меня, злыя собаки заставили податься отъ нихъ къ дому воинскаго начальника. Часовой, видя при яркомъ лунномъ освѣщеніи мое безпомощное положеніе, вышелъ мнѣ навстрѣчу, взялъ ружье на перевѣсъ и грубо крикнулъ:

— Куда идешь!

Тѣсное положеніе пришлось мнѣ испытать тогда! Но недолго я находился между двухъ огней: ярость собакъ раньше утихла, чѣмъ у солдата, и онѣ убѣжали отъ меня домой.

XLII.

Первыя извѣстія въ печати объ онорскихъ жестокостяхъ.—Поиски сахалинскаго корреспондента.—Обидныя угрозы начальника.—Арестъ Н. П—а.—Двѣ судьбы.—Отношеніе чиновниковъ къ ссыльнымъ.—Самоубійства К—а и Д—аго.

Лѣтомъ 1892 года, пріѣзжалъ на Сахалинъ профессоръ Красновъ. Желая ближе познакомиться съ природою острова, онъ избралъ заброшенную дорогу въ Рыковское черезъ Пилингу и далѣе по рѣкѣ Поронай въ заливъ Терпѣнія. Его сопровождали, какъ проводники и носильщики, ссыльно-каторжные, которые откровенно разсказали ему о послѣднихъ происшествіяхъ въ Тымовскомъ округѣ. По пріѣздѣ въ Россію, профессоръ подѣлился своими впечатлѣніями въ «Книжкахъ Недѣли», между прочимъ помянулъ и о звѣрской расправѣ Ханова съ обезсиленными голодомъ людьми. Какъ бы въ подтвержденіе его разсказовъ, время отъ времени стали появляться корреспонденціи съ Сахалина во «Владивостокѣ». Наконецъ, объ онорскомъ дѣлѣ заговорили и за границею. Администрація встревожилась. Казалось бы, надо скорѣе затушить пожаръ, то-есть, изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, прогнать Ханова, установить новые порядки и обратить особенное вниманіе на избитыхъ; но сдѣлали какъ разъ наоборотъ: Ханова попрежнему оставили надзирателемъ на Онорѣ, а удалили чуть не со скандаломъ Д. С. Климова, начатое послѣднимъ «онорское дѣло» положили «подъ сукно», еще съ болѣе строгою цензурою отнеслись къ письмамъ ссыльныхъ и стали искать среди нихъ корреспондентовъ «Владивостока».

Корреспонденты, правду сказать, немного пересаливали. На ряду съ описаніемъ онорскихъ происшествій, они затрагивали интимную жизнь чиновниковъ, не брезгали и мелкими скандальными исторіями среди поселенцевъ. По характеру статей сразу можно было догадаться, что писала ихъ не рука интеллигентнаго человѣка, а какого нибудь малообразованнаго писаря. Тѣмъ не менѣе начальство рѣшило про себя, что корреспондентъ находился среди интеллигентныхъ ссыльныхъ Рыковскаго селенія.

Однажды пріѣзжаетъ начальникъ въ нашъ округъ. По извѣстной программѣ ему показали всѣ достопримѣчательности Рыковскаго селенія. Конечно, онъ остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ.

Послѣ его объѣзда сосѣднихъ селеній, позвали меня и моихъ товарищей въ канцелярію полицейскаго управленія. Полагая, что начальникъ желаетъ съ нами лично познакомиться, я спокойно вмѣстѣ съ другими вошелъ въ присутствіе; но, взглянувъ на суровое лицо его, я сейчасъ же понялъ, что бесѣда предстоитъ не совсѣмъ мирнаго характера.

Спросивъ у Бутакова наши фамиліи и чѣмъ мы занимаемся, начальникъ сдѣлалъ намъ строгое внушеніе, что если мы будемъ писать корреспонденціи съ Сахалина, онъ сошлетъ насъ на сѣверъ. И при этомъ энергично погрозилъ пальцемъ.

Оскорбленный рѣзкою рѣчью начальника и этимъ грозящимъ пальцемъ (ни раньше, ни послѣ, въ продолженіе всего моего мытарства въ тюрьмахъ и ссылкѣ, ни одинъ чиновникъ не позволилъ по отношенію ко мнѣ ничего подобнаго), я не могъ произнести въ отвѣтъ ни одного слова: отъ обиды и волненія спазмы сжимали мнѣ горло и грудь. Товарищи тоже хранили гробовое молчаніе. Мы сами не только не знали корреспондента «Владивостока», но и не сочувствовали характеру его писаній.

Совершенно подавленнымъ я вышелъ изъ канцеляріи. Вѣроятно, не лучше чувствовали себя и мои товарищи, потому что одинъ изъ нихъ, Н. Л. П—ъ, не выдержалъ и пошелъ объясняться на квартиру начальника. Тотъ, подозрѣвая въ немъ корреспондента, раскричался на него, приказалъ сейчасъ же арестовать и продержать на гауптвахтѣ цѣлый мѣсяцъ.

Между тѣмъ корреспондентъ «Владивостока» не унимался и продолжалъ разоблачать сахалинскіе порядки.

Строгое отношеніе начальника къ намъ, ссыльнымъ, сейчасъ же отразилось и на обращеніи съ нами нѣкоторыхъ чиновниковъ и офицеровъ.

Былъ такой характерный случай со мною.

Мѣсяца за два до пріѣзда къ намъ начальника, меня вызвали въ Александровскій постъ устроить тамъ метеорологическую станцію. На возвратномъ пути въ Рыковское селеніе я ѣхалъ съ однимъ изъ сахалинскихъ офицеровъ. Длинная дорога заставила насъ разговориться. Найдя въ нашемъ прошломъ нѣсколько общихъ знакомыхъ, мы довольно откровенно разсказали другъ другу о своей прошлой жизни. Оказалось, мы были почти одних лѣтъ. Юношей онъ былъ на худомъ счету у начальства, всегда съ плохимъ балломъ изъ поведенія и, кажется, былъ исключенъ изъ военнаго училища. Но все-таки какъ-то выбрался въ офицеры. За то потомъ довольно скоро завоевалъ себѣ сравнительно хорошее положеніе на службѣ. Я же, напротивъ, прекрасно учился, никогда не имѣлъ изъ поведенія менѣе двѣнадцами балловъ, пользовался на службѣ прекрасною аттестаціею начальства и... попалъ въ каторгу. Теперь мы сошлись въ одномъ мѣстѣ, сидимъ рядомъ въ одномъ тарантасѣ, но на самомъ дѣлѣ стоимъ на ступеняхъ общественной лѣстницы далеко другъ отъ друга. Поражаясь капризами судьбы, мы мирно доѣхали до дома и довольно тепло разстались. Онъ просилъ заходить къ нему по вечерамъ.

Послѣ посѣщенія начальникомъ Рыковскаго селенія, этотъ офицеръ, встрѣчаясь со мною, сталъ показывать видъ, что не знакомъ

со мною. Конечно, и я не узнавалъ въ немъ того милаго собесѣдника, какъ мнѣ казалось, съ русскою душею на распашку, который ѣхалъ со мною еще такъ недавно изъ Александровскаго поста.

Не желая имѣть такихъ временныхъ знакомствъ съ чиновниками и получать отъ нихъ внѣшніе знаки вниманія, какъ милостивую подачку, я старался держаться на Сахалинѣ въ сторонѣ отъ ихъ круга. Только неотложныя дѣла заставляли меня посѣщать ихъ квартиры.

Одинъ изъ моихъ сожителей по тюрьмѣ, студентъ М. Н. К—ъ, напротивъ, употреблялъ всѣ усилія войти въ ихъ общество. Онъ скоро достигъ своей цѣли. Да это было и не такъ трудно, стоило лишь каждый день проводить съ чиновниками и офицерами мѣстной команды или на охотѣ, или за картами, или просто въ пріятельской бесѣдѣ. Удовлетворило ли это его? Нѣтъ. Онъ не выдержалъ четырехъ лѣтъ такой жизни и кончилъ страшнымъ самоубійствомъ: одновременно принялъ стрихнину и прострѣлилъ себѣ грудь изъ ружья. Несмотря на такое безповоротное рѣшеніе разстаться съ здѣшнимъ міромъ, бѣдному страдальцу пришлось ждать смерти въ продолженіе десяти часовъ при полномъ сознаніи.

Лишь только извѣстіе о самоубійствѣ К—а достигло Александровскаго поста, тамъ другой нашъ товарищъ, тотъ самый П. Д—й, который такъ гостепріимно принималъ насъ при нашемъ прибытіи на Сахалинъ, послѣдовалъ его примѣру и однимъ выстрѣломъ сразу покончилъ съ собою.

Я умышленно упоминаю объ этихъ двухъ самоубійствахъ. Они были вызваны главнымъ образомъ тоскою въ неволѣ и сознаніемъ, что они люди, безповоротно оторванные отъ общества.

XLIII.

Положеніе интеллигентныхъ людей на островѣ.—Сахалинская семья.—Обманчивыя ожиданія.—Пьянство.—Раздача водки.—Спиртные напитки.—Разгулъ надзирателей.—Сахалинскія мѣры къ отрезвленію.

Самое ужасное наказаніе, когда отнимаютъ всякую надежду на освобожденіе или растягиваютъ ее на столько лѣтъ (послѣ окончанія каторги надо пробыть шесть лѣтъ поселенцемъ и десять крестьяниномъ, чтобы получить право возвращенія въ предѣлы Европейской Россіи), что человѣкъ, наконецъ, теряетъ терпѣніе и осахалинивается.

Одни изъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, послѣ мучительныхъ колебаній, наконецъ, рѣшаются основательно засѣсть на островѣ и берутъ къ себѣ въ домъ каторжную бабу. Тамъ пойдутъ дѣти, а съ ними появится естественная привязанность къ сахалинской

семьѣ. Другіе крѣпятся, ведя ненормальную жизнь и мечтая о будущемъ семейномъ счастьѣ въ Россіи. А между тѣмъ лучшіе годы уходятъ, показывается преждевременная сѣдина, наглядно приближается старость. Это сознаніе, что почти вся жизнь проходитъ въ какомъ-то обманчивомъ ожиданіи, сильно гнететъ человѣка. Онъ дѣлается болѣзненнымъ, нервнымъ, недовольнымъ, раздражительнымъ. Страшно видѣть, какъ ссыльный на Сахалинѣ мучится и нравственно и физически! И вотъ, если смерть не подкрадется въ видѣ чахотки или какой другой болѣзни, несчастный страдалецъ кончаетъ съ собою пулей, стрихниномъ. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгаютъ къ общепринятому утѣшенію въ горѣ—къ водкѣ. Если свободные люди и притомъ семейные, хорошо обезпеченные, занимающіе почетное положеніе на Сахалинѣ, не выдерживаютъ здѣшней жизни и запиваютъ свою тоску водкою, то что же можно требовать отъ ссыльнаго!

Въ Тымовскомъ округѣ нѣтъ открытой продажи спирта. Его привозятъ для ссыльныхъ поселенцевъ только наканунѣ большихъ праздниковъ изъ Александровскаго поста. Привозъ спирта въ Рыковское—цѣлое событіе! Въ одинъ мигъ со всѣхъ концовъ соберется толпа мужиковъ и бабъ съ бутылками въ общественную избу. Каждому отольютъ по мѣркѣ, сколько назначено начальникомъ. Я зналъ только одного человѣка на Сахалинѣ, который не пользовался своимъ правомъ купить бутылку спирту изъ казны, остальные всѣ домогались получить какъ можно больше всеутѣшающаго напитка, если не для себя, то для продажи. На Сахалинѣ для непьющаго человѣка спиртъ самая доходная статья. Самъ онъ платитъ по казенной расцѣнкѣ, а беретъ съ другого ссыльнаго въ четыре, пять разъ дороже, особенно если онъ попридержитъ свой спиртъ къ концу праздниковъ. Иногда въ Рыковскомъ селеніи еще далеко до окончанія святокъ или свѣтлой недѣли выпивается весь запасенный спиртъ, тогда идутъ въ лавку еврейки Манихи и покупаютъ у нея одеколонъ. На Сахалинѣ пьютъ всякую мерзость, лишь бы чувствовался спиртъ. Лакъ, политура, духи и даже аптечныя тинктуры—все годится здѣшнему пьяницѣ. Отъ иного ссыльнаго мужика разитъ одеколономъ за нѣсколько шаговъ.

Однажды у одного надзирателя изъ ссыльныхъ русская душа разошлась во всю ширь. Пилъ онъ и спиртъ съ водою, и политуру, и одеколонъ. Вдругъ увидѣлъ на полкѣ дорогой флаконъ съ духами.

— Давай духовъ! Знай нашихъ!...

А на другой день на немъ лица не было: такъ разнесло его отъ всѣхъ этихъ «спиртныхъ» напитковъ.

Если какой нибудь надзиратель позволитъ себѣ напиться въ одномъ изъ административныхъ центровъ (Александровскій постъ, Дуэ, Рыковское и др.) и начнетъ буйствовать среди поселенцевъ

и каторжныхъ, то это еще половина горя: здѣсь есть кому съ нимъ управиться. Но вотъ бѣда, когда въ какомъ нибудь отдаленномъ поселенiи напьется пьянымъ надзиратель, представляя изъ себя тамъ единственное начальство. Что съ нимъ могутъ сдѣлать беззащитные поселенцы?!

Въ рождественскiе праздники 1893 года былъ, напримѣръ, возмутительный случай въ начинающемъ селенiи Тауланѣ, когда пьяный надзиратель Т—iй вздумалъ стрѣлять изъ револьвера въ проходящихъ поселенцевъ.

Смотритель Л—ъ, самъ всегда трезвый, преслѣдовалъ пьянство въ своей тюрьмѣ всѣми возможными средствами. Однажды онъ отодралъ за пьянство одного ссыльнаго, когда-то бывшаго въ учительской семинарiи. Этотъ молодой здоровый человѣкъ въ пьяномъ видѣ оскорбилъ, кажется, священника. Узнавъ объ этомъ, Л—ъ сейчасъ же распорядился засадить семинариста въ кандальную. На другой день вывели его для экзекуцiи.

— Простите! — взмолился семинаристъ: — я позволилъ себѣ оскорбить неумышленно въ пьяномъ видѣ.

— Я тебя не наказываю за дерзость, а за пьянство. За дерзость я съ тобой не такъ бы расправился. Ложись!

— Простите!—продолжалъ умолять семинаристъ:—я со второй рюмки не могу владѣть собою и не помню, что я дѣлаю...

— Я тебя за вторую рюмку и не наказываю, а за первую. Не пей первой, никогда не будешь пить и второй. Ребята,—обращается смотритель къ старостамъ:—кладите его!

Для надзирателей, которыхъ Л—ъ не имѣлъ права наказывать розгами, онъ придумалъ другой способъ скораго отрезвленiя.

— Какъ только у меня,—разсказывалъ онъ другимъ чиновникамъ:—Л—iй напьется, сейчасъ велю тащить его на полокъ въ жаркую баню, да продержу его тамъ подъ рядъ нѣсколько часовъ,— скоро приходитъ въ себя!

И. П. Миролюбовъ.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

СТО ЛѢТЪ ЛИТЕРАТУРНАГО РАЗВИТІЯ [1].

IV.

ВЪ СВОИХЪ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ Бѣлинскій между прочимъ высказалъ мнѣніе, что нашъ великій поэтъ «умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни, но смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ (resignatio), какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія». Факты жизни и творчества Пушкина, неизвѣстные еще въ то время нашему критику, заставляютъ насъ кореннымъ образомъ измѣнить это сужденіе; но оно важно для насъ не по отношенію къ поэту, но по отношенію къ самому критику, такъ какъ вслѣдъ за приведенными словами Бѣлинскій разъясняетъ, въ чемъ заключаются его требованія отъ поэзіи. «Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались жизнью всякой истинной поэзіи»,— заявляетъ Бѣлинскій и, приведя поэтическое profession de foi Пушкина изъ стихотворенія «Чернь», замѣчаетъ: «Дѣйствительно смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и проч., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 242.

если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобы соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобы противорѣчить имъ,—а тѣмъ, чтобы, забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты, съ ихъ «вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами», но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, еслибы набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственный источникъ таинственной психеи народной жизни. Народъ (взятый, какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи порождать изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи,—съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобъ поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній».

Мысли, выраженныя въ приведенныхъ словахъ, встрѣчаются въ статьяхъ Бѣлинскаго уже съ 1842 года и составляютъ главную основу его литературныхъ взглядовъ въ послѣдніе годы его дѣятельности, когда онъ явился защитникомъ натуральной школы, какъ такого направленія, которое, исключая возможность искусства для искусства, сдѣлало литературу «выраженіемъ общественныхъ вопросовъ», когда онъ сталъ ратовать противъ такой объективности въ искусствѣ, которая представляется въ сущности общественнымъ индифферентизмомъ. «Право,—восклицаетъ онъ въ «Современныхъ замѣткахъ» 1847 года, — пора бы перестать вспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго нигдѣ и никогда не бывало. Пора перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его то какимъ-то бродягою, безъ дома и отечества, то цыганкою, то прелестницею не изъ-за денегъ, а по страсти къ ремеслу». Эти взгляды Бѣлинскаго имѣютъ самое существенное значеніе для дальнѣйшаго развитія русской критики: общественная точка зрѣнія становится съ того времени первенствующею, и передъ ней должны стушеваться всякія эстетическія отвлеченности. Начиная съ Валеріана Майкова, который въ частныхъ вопросахъ какъ бы не соглашался съ Бѣлинскимъ, но, требуя отъ искусства «очеловѣченія жизни», въ сущности поддерживалъ своего предшественника, вся наша критика (за самыми не-

значительными исключеніями) и понынѣ идетъ по пути, указанному Бѣлинскимъ, хотя нужно сказать, что далеко не всѣ ея представители умѣли такъ гармонично объединять общественныя требованія съ чувствомъ красоты, какъ это проявлялось въ пламенныхъ статьяхъ «неистоваго Виссаріона». Однако, припоминая то, что мы говорили въ предыдущихъ главахъ нашей статьи о развитіи нашего литературнаго самосознанія, мы не можемъ не признать извѣстной родственности между этими общественными стремленіями въ критикѣ и прежними ученіями о воздѣйствіи на добрыя чувства.

Первымъ въ ряду послѣдователей Бѣлинскаго на поприщѣ критики (послѣ Майкова, дѣятельность котораго было слишкомъ кратковременна, чтобы оказать сколько нибудь замѣтное вліяніе на литературу) былъ Н. Г. Чернышевскій, давшій въ своихъ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы» раньше всѣхъ правильную оцѣнку трудовъ своего учителя, оцѣнку, къ которой дальнѣйшія научныя изслѣдованія прибавили по существу не особенно много новаго. И въ этихъ «Очеркахъ», и въ своей забракованной начальствомъ диссертаціи «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», и въ рядѣ замѣчательныхъ критическихъ статей, посвященныхъ различнымъ явленіямъ прошлой и современной ему русской литературы, Чернышевскій обстоятельно развилъ тѣ взгляды, съ которыми новая критика приступаетъ къ оцѣнкѣ произведеній литературы.

Критикъ рѣшительно заявляетъ, что литература не должна и не можетъ чуждаться общественныхъ интересовъ, что чистое искусство есть полнѣйшая фикція, и если есть такіе господа, которые подъ видомъ защиты самостоятельности поэзіи отрицаютъ ея общественное значеніе, то подобное ихъ отрицаніе есть сознательная или безсознательная ложь, которою прикрывается всегда извѣстное вполнѣ опредѣленное общественное направленіе. Иначе никогда не было, да и быть не можетъ, если правильно уяснить себѣ сущность искусства. Отвергнувъ всякія туманныя разсужденія старой эстетики о превосходствѣ произведеній искусства надъ произведеніями природы, а также и отвлеченное опредѣленіе прекраснаго, какъ «полнаго проявленія общей идеи въ индивидуальномъ явленіи», и установивъ положеніе (кстати сказать, уже ранѣе встрѣчающееся у Бѣлинскаго), что «прекрасное есть жизнь», Чернышевскій въ своей диссертаціи взглядъ на задачи искусства формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Существенное значеніе искусства— воспроизведеніе того, чѣмъ человѣкъ интересуется въ дѣйствительности (курсивъ нашъ). Но, интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи быть человѣкомъ вообще, не

можетъ, еслибы и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи — вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка (курсивъ опять нашъ). Бываютъ люди, у которыхъ сужденіе о явленіяхъ жизни состоитъ почти только въ томъ, что они обнаруживаютъ расположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ дѣйствительности и избѣгаютъ другихъ,—это люди, у которыхъ умственная дѣятельность слаба; когда подобный человѣкъ—поэтъ или художникъ, его произведенія не имѣютъ другого значенія, кромѣ воспроизведенія любимыхъ имъ сторонъ жизни. Но если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіемъ жизни, одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому кромѣ его не интѐресными), будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью. Это направленіе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (напримѣръ, въ живописи можно указать на каррикатуры Гогарта); но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства, оставаясь въ области искусства, пріобрѣтаетъ значеніе научное. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи произведенія искусства не находятъ себѣ ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности,—но только по формѣ: что касается до содержанія, до самыхъ вопросовъ, предлагающихся, или разрѣшаемыхъ искусствомъ, они всѣ найдутся въ дѣйствительной жизни, только безъ преднамѣренности, безъ arrière-pensée».

Такимъ образомъ, по взгляду Чернышевскаго, искусство относится къ дѣйствительности совершенно такъ же, какъ и наука, строящая для объясненія жизни рядъ формулъ: искусство при помощи своихъ средствъ объясняетъ жизнь. «Все, что высказывается наукою и искусствомъ, найдется въ жизни, и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ со всѣми живыми подробностями, въ которыхъ обыкновенно и лежитъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются наукою и искусствомъ, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страждетъ всякое человѣческое произведеніе,—какъ поученіе, какъ наука, жизнь полнѣе, правдивѣе, даже художествен-

нѣе всѣхъ твореній ученыхъ и поэтовъ. Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано; правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь; но ихъ извлекли для насъ геніальные люди; безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе. Наука и искусство (поэзія)—«Handbuch» для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности». Сблизивъ въ такой степени области искусства и науки, Чернышевскій вполнѣ естественно пришелъ къ установленію параллели между исторіей и искусствомъ, потому что «искусство относится къ жизни совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія говоритъ о жизни человѣчества, искусство—о жизни человѣка, исторія—о жизни общественной, искусство—о жизни индивидуальной. Первая задача исторіи—воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всѣми историками,—объяснить ее; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для настоящаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; думая о второй задачѣ, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе пріобрѣтаетъ черезъ это научное достоинство. Совершенно то же самое надо сказать объ искусствѣ».

Если таково значеніе произведеній искусства, то и литературная критика должна отречься отъ прежнихъ узкихъ эстетическихъ пріемовъ оцѣнки, она становится объясненіемъ общественнаго значенія произведеній литературы. Наиболѣе яркое отрицаніе старыхъ пріемовъ мы находимъ въ статьѣ Добролюбова по поводу Тургеневскаго «Наканунѣ». «Эстетическая критика, говоритъ Добролюбовъ, сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень». Она состоитъ изъ ряда безсодержательныхъ, чувствительныхъ восклицаній о талантѣ автора, о необыкновенныхъ достоинствахъ его произведенія, но не затрогиваетъ фактовъ общественной жизни, изображенной въ этомъ произведеніи. Поэтому, отказываясь отъ роли «воспитателя эстетическаго вкуса публики», Добролюбовъ ставитъ себѣ другую задачу. «Мы хотимъ, говоритъ онъ, просто подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ произведеніи писателя и которыя мы принимаемъ, какъ совершившійся фактъ, какъ жизненное явленіе, стоящее передъ нами. Работа не хитрая, но нужная, потому что, за множествомъ занятій и отдыховъ, рѣдко кому придетъ охота самому всмотрѣться во всѣ подробности литературнаго

изведенія, разобрать, провѣрить и поставить на свое мѣсто всѣ цифры, изъ которыхъ составляется этотъ сложный отчетъ объ одной изъ сторонъ нашей общественной жизни, и затѣмъ подумать объ итогѣ и о томъ, что онъ обѣщаетъ и къ чему насъ обязываетъ... Для насъ не столько важно то, что хотѣлъ сказать авторъ, сколько то, что сказалось имъ, хотя бы и ненамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни. Мы дорожимъ всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни... Писатель художникъ, не заботясь ни о какихъ общихъ заключеніяхъ относительно состоянія общественной мысли и нравственности, всегда умѣетъ однако же уловить ихъ существеннѣйшія черты, ярко освѣтить и прямо поставить ихъ предъ глазами людей размышляющихъ. Вотъ почему и полагаемъ мы, что какъ скоро въ писателѣ-художникѣ признается талантъ, т. е. умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то уже въ силу этого самаго признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о той средѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркою для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы».

Взглядъ на критику, какъ на «разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе», повторяется Добролюбовымъ и въ его знаменитой статьѣ «Что такое обломовщина?» Вотъ какъ характеризуетъ Добролюбовъ старые критическіе пріемы и тѣ новыя задачи, которыя должны разрѣшаться при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній: «Обломовъ вызоветъ, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, множество критикъ. Вѣроятно, будутъ между ними и корректурныя, которыя отыщутъ какія нибудь погрѣшности въ языкѣ и слогѣ, и патетическія, въ которыхъ будетъ много восклицаній о прелести сценъ и характеровъ, и эстетично-аптекарскія, съ строгою повѣркою того, вездѣ ли точно, по эстетическому рецепту, отпущено дѣйствующимъ лицамъ надлежащее количество такихъ-то и такихъ-то свойствъ, и всегда ли эти лица употребляютъ ихъ такъ, какъ сказано въ рецептѣ. Мы не чувствуемъ ни малѣйшей охоты пускаться въ подобныя тонкости, да и читателямъ, вѣроятно, не будетъ особеннаго горя, если мы не станемъ убиваться надъ соображеніями о томъ, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ такая-то фраза характеру героя и его положенію, или въ ней надобно было нѣсколько словъ переставить и т. п. Поэтому намъ кажется нисколько непредосудительнымъ заняться болѣе общими соображеніями о содержаніи и значеніи романа Гончарова, хотя, конечно, истые критики и упрекнутъ насъ опять, что статья наша написана не объ Обломовѣ, а по поводу Обломова».

Далѣе въ этой же статьѣ Добролюбовъ высказываетъ нѣкото-

рыя соображенія, уясняющія отличіе его критическихъ взглядовъ отъ теоріи чистаго искусства и показывающія намъ въ то же время, что онъ такъ же, какъ и Бѣлинскій въ приведенныхъ нами выше словахъ, не навязываетъ искусству узкаго дидактизма. Добролюбовъ цѣнитъ то, что «Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни». «Изображеніе ихъ, говоритъ Добролюбовъ, составляетъ его (Гончарова) призваніе, его наслажденіе: объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспріимчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ, безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это—нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей — даже въ чувствѣ. Приписывать автору слабую степень воспріимчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ,—несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимическаго паѳоса. Если человѣкъ умѣетъ выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его,—это значитъ, что у него чуткая воспріимчивость соединяется съ глубиною чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ». Такимъ образомъ Добролюбовъ не отвергаетъ объективнаго воспроизведенія жизни, онъ видитъ въ этомъ даже могущество художника, соглашаясь въ этомъ случаѣ съ Бѣлинскимъ и до извѣстной степени съ Чернышевскимъ, который тоже допускалъ для искусства воспроизведеніе жизни, безъ ея объясненія, безъ приговора надъ нею. Это могущество Добролюбовъ готовъ поставить очень высоко, признавая, что «въ высшемъ своемъ развитіи оно стоитъ, разумѣется, всего, что мы называемъ симпатичностью, прелестью, свѣжестью или энергіей таланта». Однако, вслѣдъ за этимъ даются нѣкоторыя ограничительныя поясненія. «И это могущество, замѣчаетъ Добролюбовъ, имѣетъ свои степени, и, кромѣ того, оно можетъ быть

обращено на предметы различнаго рода, что тоже очень важно. Здѣсь мы расходимся съ приверженцами такъ называемаго искусства для искусства, которые полагаютъ, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности».

Разсматривая изложенные взгляды Чернышевскаго и Добролюбова безпристрастно, sine ira et studio, безъ традиціоннаго ужаса предъ отцами нигилизма, мы не увидимъ въ нихъ особенно рѣзкихъ отличій отъ того, что уже ранѣе высказывалось въ нашей литературѣ: мысль, что въ произведеніяхъ искусства нужно болѣе всего цѣнить содержаніе, идеи (или объясненіе, приговоръ надъ жизнью), высказывалась, какъ мы видѣли, уже съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, и даже ранѣе Карамзинъ ставилъ форму ниже содержанія; общественное значеніе литературы тоже давно намѣчалось. Такимъ образомъ новой критикѣ принадлежитъ болѣе точная формулировка, болѣе широкое развитіе тѣхъ идей, которыя въ зачаткахъ были уже въ прежней нашей литературѣ. Опасными эти идеи стали казаться въ примѣненіи къ отдѣльнымъ литературнымъ фактамъ, частью уже въ статьяхъ Добролюбова и Чернышевскаго, критика которыхъ, благодаря обстоятельствамъ эпохи, приняла боевой публицистическій характеръ, а еще въ большей степени стало внушать страхъ новое направленіе, когда его представителями оказались такіе прямолинейные люди, какъ блещущій литературнымъ талантомъ Писаревъ, и совсѣмъ не талантливый, но очень задорный Зайцевъ, доведшіе теорію своихъ учителей въ нѣкоторыхъ частныхъ примѣненіяхъ до абсурда.

Въ статьѣ «Разрушеніе эстетики», изложивъ довольно обстоятельно содержаніе диссертаціи Чернышевскаго, Писаревъ указываетъ на значеніе ея для дальнѣйшаго направленія критики, такъ какъ «роль критика, проникнутаго мыслями «Эстетическихъ отношеній», состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы прикладывать къ художественнымъ произведеніямъ различныя статьи готоваго эстетическаго кодекса, и вмѣсто того, чтобы исправлять должность безличнаго и безпристрастнаго блюстителя неподвижнаго закона, кри-

тикъ превращается въ живого человѣка, который вноситъ и обязанъ вносить въ свою дѣятельность все свое личное міросозерцаніе, весь свой индивидуальный характеръ, весь свой образъ мыслей, всю совокупность своихъ человѣческихъ и гражданскихъ убѣжденій, надеждъ и желаній».

Статья «Разрушеніе эстетики», несмотря на громкое заглавіе, написана сравнительно въ умѣренномъ тонѣ, такъ какъ является собственно изложеніемъ взглядовъ Чернышевскаго; но настоящимъ «разрушеніемъ эстетики», хотя тоже находящимся въ зависимости отъ Чернышевскаго, слѣдуетъ признать по крайней страстности аргументаціи статью «Реалисты». «Въ томъ-то, говоритъ Писаревъ, и состоитъ пошлость всякихъ эстетическихъ приговоровъ, что они произносятся не вслѣдствіе размышленія, а по вдохновенію, по внушенію того, что называется голосомъ инстинкта или чувства. Взглянулъ, понравилось—ну, значитъ, хорошо, прекрасно, изящно. Взглянулъ, не понравилось—кончено дѣло: скверно, отвратительно, безобразно. А почему понравилось или не понравилось—этого вамъ не объяснитъ ни одинъ эстетикъ. Все объясненіе ограничится только ссылкой на внутренній голосъ непосредственнаго чувства. Эстетикъ выставитъ вамъ, конечно, цѣлую систему второстепенныхъ правилъ, но чтобы поставить весь этотъ затѣйливый эшафодажъ на какой нибудь фундаментъ, онъ все-таки сошлется подъ конецъ на непосредственное чувство». Однако такой ссылки, какъ полагаетъ Писаревъ, принять никоимъ образомъ невозможно, такъ какъ «внутренній голосъ непосредственнаго чувства повторяетъ только, какъ попугай, то, что нажужжали намъ въ уши съ самой ранней молодости», и всѣ эстетическія теоріи, на которыя мы ссылаемся, представляются только предразсудками, своего рода idola fori и idola theatri, о которыхъ когда-то говорилъ Бэконъ. «Наши инстинкты, говоритъ Писаревъ, наши безсознательныя влеченія, наши безпричинныя симпатіи и антипатіи, словомъ — всѣ движенія нашего внутренняго міра, въ которыхъ мы не можемъ дать себѣ яснаго и строгаго отчета, и которыя мы не можемъ свести къ нашимъ потребностямъ или къ понятіямъ вреда или пользы,—всѣ эти движенія, говорю я, захвачены нами изъ прошедшаго, изъ той почвы, которая насъ выкормила, изъ понятій того общества, среди котораго мы развились и жили. Это наслѣдство и составляетъ силу и основаніе всѣхъ нашихъ эстетическихъ понятій. Что нравится намъ безотчетно, то нравится намъ только потому, что мы къ нему привыкли. Если эта безотчетная симпатія не оправдывается сужденіемъ нашей критической мысли, то очевидно, что эта симпатія тормозитъ наше умственное развитіе. Если въ этомъ столкновеніи побѣдитъ трезвый умъ, мы подвинемся впередъ къ болѣе общеполезному взгляду на вещи. Если побѣдитъ эстетическое чувство,—мы сдѣлаемъ шагъ назадъ къ царству рутины, умственнаго безсилія,

вреда и мрака. Эстетика, безотчетность, рутина, привычка—это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ—это также равносильныя понятія, діаметрально-противоположныя первымъ. Чѣмъ больше мы даемъ простора нашимъ безотчетнымъ влеченіямъ, тѣмъ сильнѣе разыгрывается наше эстетическое чувство, тѣмъ пассивнѣе становятся наши отношенія къ окружающимъ условіямъ жизни, тѣмъ окончательнѣе и безвозвратнѣе наша умственная самостоятельность поглощается и порабощается безсмысленными вліяніями нашей обстановки. Люди, обожающіе красоту и эстетику, разсуждаютъ обыкновенно такъ: мнѣ это нравится, слѣдовательно, это хорошо. Утвердившись на той позиціи, что это хорошо, они начинаютъ подбирать второстепенныя условія, при которыхъ можетъ и должна развиться полная красота даннаго предмета, и этимъ подбираніемъ ограничивается то скромное шевеленіе мозговъ, которое называется эстетическимъ анализомъ. Мысль при этомъ вертится въ предѣлахъ того крошечнаго кружка, который очерченъ вокругъ нея заранѣе. Повертится, передвинетъ съ мѣста на мѣсто кое-какія пылинки, да на томъ и успокоится».

Литература есть одно изъ средствъ правильнаго развитія общественнаго мнѣнія, и она исполняетъ свое назначеніе, если ея содержаніе серіозно, если она не наполняется эстетическимъ хламомъ. «Задавать обществу психологическія задачи,—говоритъ Писаревъ,—показывать ему столкновенія между различными страстями, характерами и положеніями, наводить его на размышленія о причинахъ этихъ столкновеній и о средствахъ устранить подобныя непріятности, заставлять его сочувствовать въ книгѣ тому лицу или поступку, противъ котораго оно (общество) вооружилось бы въ дѣйствительной жизни вслѣдствіе своихъ закоренѣлыхъ предубѣжденій,—все это значитъ формировать общественное мнѣніе, значитъ—говорить обществу: вглядывайся, вдумывайся въ свою собственную жизнь, выметай изъ нея, хотя понемногу, тотъ мусоръ ложныхъ понятій, на которомъ живые люди, твои же собственные члены, спотыкаются и ломаютъ себѣ ноги!» При такомъ взглядѣ на задачи литературы, Писаревъ вполнѣ естественно приходитъ къ отрицанію формы, такъ какъ «теперь вниманіе читателей безраздѣльно направляется на содержаніе, то-есть на мысль. Отъ формы требуютъ только, чтобы она не мѣшала содержанію, то-есть, чтобы запутанные и тяжелые обороты рѣчи не затрудняли собой развитіе мысли. По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, красота языка заключается единственно въ его ясности и выразительности, то-есть исключительно въ тѣхъ качествахъ, которыя ускоряютъ и облегчаютъ переходъ мысли изъ головы писателя въ голову читателя. Достоинство телеграфа заключается въ томъ, чтобы онъ передавалъ извѣстія быстро и вѣрно, а никакъ не въ томъ, чтобы теле-

графная проволока изображала собой разныя извилины и арабески. Эту простую истину нашъ практическій вѣкъ понемногу, самъ того не замѣчая, приложилъ къ области поэтическаго творчества. Языкъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, именно средствомъ для передачи мысли. Форма подчинилась содержанію, и съ этого времени укладываніе мысли въ размѣренныя и риѳмованныя строчки стало казаться всѣмъ здравомыслящимъ людямъ ребяческой забавой и напрасной тратой времени. По привычкѣ къ старинѣ, мы еще не рѣшаемся громко сознаться въ томъ, что мы дѣйствительно такъ смотримъ на это дѣло, но живые факты сами говорятъ за себя».

При такомъ реалистическомъ взглядѣ на литературу, Писаревъ, само собою разумѣется, долженъ былъ ополчиться противъ одного изъ наиболѣе существенныхъ, хотя въ то же время и слабыхъ, положеній эстетической теоріи о безсознательности и безцѣльности поэтическаго творчества. Его возраженія противъ этого конька отвлеченной эстетики надо признать положительно блестящими. «Истинный, полезный поэтъ,—говоритъ онъ,—долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этой ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священный смыслъ всего его существованія и всей его дѣятельности. «Я пишу не чернилами, какъ другіе,—говоритъ Берне,—я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ». Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно, не можетъ составлять исключенія изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть, чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ великихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь

между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собой яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ въ даль, на ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей, и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути».

«И вы, господа эстетики, — восклицаетъ Писаревъ, — хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губы! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшился пестрыми картинками своей фантазіи именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не сумѣетъ, и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и прочувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ волей-неволей въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду. Итакъ, по моему мнѣнію, истиный поэтъ, принимаясь за перо, отдаетъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроетъ подъ самый корень. Поэтъ—или великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный «рыцарь духа», какъ говоритъ Гейне, или же ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ или титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или же козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза. Это—строгая психологическая истина. Дѣйствительно, каждый эстетикъ, конечно, согласится со мною, что искренность есть необходимѣйшее качество поэта. Драма, романъ, поэма, лирическое стихотвореніе, въ которыхъ хоть сколько нибудь проглядываютъ натянутыя и обязательныя отношенія автора къ его предмету,—ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть названы поэтическими произведеніями.

Это—риторическія упражненія на заданныя темы, а риторъ и поэтъ, разумѣется, не имѣютъ между собой ничего общаго. Искренность необходима; но поэтъ можетъ быть искреннимъ или въ полномъ величіи разумнаго міросозерцанія, или въ полной ограниченности мыслей, знаній, чувствъ и стремленій. Въ первомъ случаѣ онъ—Шекспиръ, Дантъ, Байронъ, Гете, Гейне. Во второмъ случаѣ онъ—Фетъ. Въ первомъ случаѣ онъ носитъ въ себѣ думы и печали всего современнаго міра. Во второмъ—онъ поетъ тоненькой фистулой о душистыхъ локонахъ».

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ, если исключить изъ нихъ, какъ крайность, отрицаніе поэзіи индивидуальнаго чувства и презрѣніе къ поэтической формѣ, заключаются мысли вполнѣ здравыя и, можетъ быть, въ иныхъ нѣсколько формахъ и ранѣе выражавшіяся въ русской литературѣ; но именно указанныя крайности и привели Писарева, вмѣстѣ съ поверхностнымъ изученіемъ предмета, къ весьма несправедливому примѣненію его критеріума къ русской литературѣ. Поставивъ вопросъ, есть ли у насъ въ Россіи замѣчательные поэты, онъ отвѣчаетъ «безъ всякихъ обиняковъ, что у насъ ихъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть—и, по всей вѣроятности, очень долго еще не будетъ. У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго». Возражать противъ такого безапелляціоннаго приговора не приходится, но онъ характеренъ, какъ показатель односторонности и легкомысленной отваги критической мысли прямолинейнаго реалиста. Объявивши Пушкина пародіей на поэта, Писаревъ въ этой же статьѣ признаетъ его только «великимъ стилистомъ» и называетъ рѣшительно вздоромъ мнѣніе, что Пушкинъ основалъ нашу новѣйшую литературу; при этомъ онъ обѣщаетъ впослѣдствіи разобрать дѣятельность Пушкина «съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма». Обѣщаніе это, какъ извѣстно, было выполнено въ статьяхъ «Пушкинъ и Бѣлинскій», о которыхъ не стоило бы и говорить, еслибы онѣ не признавались наиболѣе яркимъ выраженіемъ несостоятельности реальной критики. Слабая сторона этихъ статей заключается именно въ крайне неумѣломъ, истекшемъ, можетъ быть, изъ пристрастнаго отожествленія Пушкина съ поэтами чистаго искусства, примѣненіи къ его произведеніямъ пріемовъ новой критики: Писаревъ совершенно не принялъ въ расчетъ, что публицистическіе пріемы, умѣстные при разборѣ произведеній текущей литературы, должны замѣняться историческими, когда дѣло идетъ о памятникахъ минувшаго, что общественное значеніе поэта всегда выясняется изъ исторической обстановки, въ которой онъ дѣйствовалъ; а, кромѣ того, Писаревъ выхватилъ изъ всего поэтическаго наслѣдія Пушкина нѣсколько произведеній, толкуя ихъ крайне произвольно

(отожествляя Пушкина съ Онѣгинымъ),—и, конечно, впалъ въ цѣлый рядъ ошибокъ. Но такъ какъ ошибки проистекли отъ нарушенія метода, то обращать ихъ въ орудіе противъ самаго метода есть въ свою очередь крайне грубая ошибка.

Критическое направленіе, сказавшееся въ дѣятельности Чернышевскаго и его ближайшихъ послѣдователей, находящееся въ преемственной связи съ взглядами Бѣлинскаго и болѣе раннихъ представителей нашего литературнаго самосознанія, встрѣтило не мало противниковъ, среди которыхъ самое видное мѣсто (хотя, какъ сейчасъ увидимъ, не въ силу разности основныхъ принциповъ критики) принадлежитъ Аполлону Григорьеву. Туманная терминологія этого критика, крайняя внѣшняя безпорядочность его сочиненій, которыя онъ называлъ «халатными статьями, писанными на распашку», а главное неопредѣленность, расплывчатость, даже невыясненность основъ его міросозерцанія, приводили къ тому, что онъ не могъ имѣть особенно сильнаго вліянія на общество, и даже немногочисленные, хотя и очень ревностные, его поклонники не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ, въ чемъ собственно состоитъ его значеніе, и ограничивались почти исключительно безотчетными похвалами его проницательности и широтѣ взгляда. Такъ, уже при первомъ знакомствѣ со статьями Григорьева является темнымъ вопросъ о его отношеніи къ Бѣлинскому, которое и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи остается не вполнѣ опредѣленнымъ. Мы видимъ, что Григорьевъ очень высоко цѣнитъ своего предшественника и въ одной изъ своихъ статей даетъ о немъ слѣдующій, глубоко сочувственный отзывъ: «Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ,—едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ этотъ удѣлъ совершенно по праву. Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду, онъ не усомнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже, онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ, и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ,—заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ, никогда не ошибался. У него былъ ключъ къ словамъ его эпохи, и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. У него—теоре-

тики назовутъ это слабостью, а мы великою силою—никогда не достало бы духу развѣнчать во имя теоріи сегодня то, что созналъ онъ великимъ и прекраснымъ вчера». Однако этотъ сочувственный отзывъ не помѣшалъ Григорьеву признать понятіе Бѣлинскаго о жизни «голо логичнымъ», въ чемъ заключалось прямое противорѣчіе той смѣлости, честности и правдивости, которыя Григорьевъ видѣлъ въ Бѣлинскомъ.

Въ этомъ противорѣчіи лучше всего сказалась хаотичность понятій Григорьева, которая еще болѣе обнаруживается въ противопоставленіи имъ своей критики пріемамъ Бѣлинскаго, такъ какъ въ сущности онъ всегда стремился къ сочетанію историческихъ и эстетическихъ элементовъ, которое было у Бѣлинскаго и которое въ болѣе слабой степени проявлялось даже у его послѣдователей, враговъ Григорьева, «теоретиковъ» (по терминологіи Григорьева) Чернышевскаго и Добролюбова: оба послѣдніе умѣли довольно правильно цѣнить Пушкина, Добролюбовъ даже признавалъ достоинства «Черни», и даже enfant terrible «теоретиковъ», Писаревъ иногда говоритъ объ «истинѣ, добрѣ и красотѣ». Тотъ историческій принципъ, котораго держится Григорьевъ, раньше проводился Бѣлинскимъ, и если отбросить крайне путанныя, мистическія опредѣленія жизни, которая «есть нѣчто таинственное и неисчерпаемое, бездна, поглощающая всякій конечный разумъ, необъятная ширь, въ которой нерѣдко исчезаетъ, какъ волна въ океанѣ, логическій выводъ какой бы то ни было умной головы,—нѣчто даже ироническое и вмѣстѣ съ тѣмъ полное любви, производящее изъ себя міры за мірами», если отбросить этотъ романтически-шеллингіанскій наборъ словъ, то принципы критики Григорьева окажутся довольно близкими къ взглядамъ «теоретиковъ». Такъ, въ статьѣ «Русская литература въ 1851 году» мы находимъ слѣдующее изложеніе этихъ принциповъ: «Нашъ вѣкъ есть вѣкъ попреимуществу историческій, и повторимъ опять, мы менѣе всего отрицаемся отъ такого его значенія. Историческій взглядъ есть пріобрѣтеніе, завоеваніе, купленное многими тяжкими опытами, многими трудами. Странно бы было, еслибы эта общая схема не приложена была и къ искусству, странно было бы, еслибы не было исторической критики; скажемъ еще болѣе, мы сами думаемъ, что едва ли въ наше время можетъ и существовать иная критика, кромѣ исторической. 1) Историческая критика разсматриваетъ литературу, какъ органическій продуктъ вѣка и народа въ связи съ развитіемъ государственныхъ, общественныхъ и моральныхъ понятій. Такимъ образомъ всякое произведеніе является на судъ ея живымъ отголоскомъ времени, его понятій, вѣрованій и убѣжденій, и постольку замѣчательнымъ, поскольку отразило оно жизнь вѣка и народа. Но, такъ какъ во всемъ временномъ есть частицы вѣчнаго, непремѣннаго, и такъ какъ это вѣчное, непремѣнное остается постояннымъ масштабомъ

для оцѣнки различныхъ видимыхъ явленій, то и слѣдуетъ отсюда прямо, что общіе эстетическіе законы подразумѣваются исторической критикой художественныхъ произведеній. 2) Историческая критика разсматриваетъ литературныя произведенія въ ихъ преемственной и послѣдовательной связи, выводя ихъ, такъ сказать, одно изъ другого, сопоставляя ихъ, сличая между собою, но не уничтожая одного въ пользу другого, не возвышая послѣдне-написаннаго на счетъ предшествовавшихъ. Показать относительное значеніе всѣхъ литературныхъ произведеній въ массѣ, опредѣлить каждому подобающее мѣсто, какъ органическому, живому продукту жизни, — и повѣрить каждое безотносительными законами изящнаго, непремѣнно повѣрить каждое—вотъ дѣло исторической критики. 3) Историческая критика, разсматривая литературное произведеніе, какъ живой продуктъ общественной и моральной жизни, опредѣляетъ, что̀ внесло оно содержаніемъ своимъ въ массу познаній о человѣкѣ».

Въ той же статьѣ любопытно и замѣчаніе о поэтическомъ міросозерцаніи, которое «не есть что либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Широта или узость міросозерцанія обусловливается эпохой, страной, однимъ словомъ,—временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Геніальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является, такъ сказать, фокусомъ, отражающимъ крайніе, истинные предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю истинную степень развитія общественныхъ понятій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней, по слову Гоголя, «въ перлъ созданія», очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Геніальная натура носитъ въ себѣ, такъ сказать, кладъ всего непремѣннаго, что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но, отражая въ себѣ эти стремленія, не служитъ имъ рабски, а владычествуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь».

По существу тѣ же самые взгляды на критику, съ незначительными видоизмѣненіями, съ болѣе опредѣленнымъ указаніемъ необходимости сочетать точки зрѣнія историческую и эстетическую, которыя въ отдѣльности ведутъ къ одностороннимъ и неправильнымъ сужденіямъ о произведеніяхъ искусства, развиваются Григорьевымъ и въ послѣдующихъ его статьяхъ, изъ которыхъ болѣе всего значенія имѣетъ «Критическій взглядъ на основы, значеніе и пріемы современной критики искусства». Какъ мы уже указывали, принципіальныя разнорѣчія Григорьева съ «теоретиками» были не особенно значительны: историческая критика не можетъ считаться противоположностью публицистической, а идеалъ отвергался теоретиками только на словахъ, такъ какъ мѣрки «честно-

сти», «правдивости», «добра», примѣняемыя Добролюбовымъ и Чернышевскимъ къ литературнымъ произведеніямъ, или понятія «общечеловѣческой солидарности» и даже «истины, добра и красоты», признаваемыя Писаревымъ, логически должны быть признаны тѣми самыми идеалами, о которыхъ такъ туманно говоритъ Григорьевъ. Разница заключалась главнымъ образомъ въ частныхъ приложеніяхъ: Григорьевъ какъ-то странно отрицалъ значеніе «Обломова», въ комедіяхъ Островскаго видѣлъ не то, что въ нихъ видѣли «теоретики», восхищался смиреніемъ, которое нашелъ въ Пушкинскомъ Бѣлкинѣ, почему этому типу приписалъ какое-то изъ ряда вонъ выходящее, полу-мистическое значеніе, о которомъ врядъ ли когда помышлялъ и самъ Пушкинъ; Григорьевъ намѣтилъ въ нашей литературѣ параллельные ряды хищныхъ и смирныхъ типовъ и т. д. Во всемъ этомъ ему приходилось противорѣчить теоретикамъ, но главной основой противорѣчія былъ его взглядъ на народность: онъ примыкалъ къ славянофиламъ, тогда какъ теоретики были западниками, слѣдовательно различіе касалось не принциповъ искусства, а воззрѣній общественныхъ, и въ концѣ концовъ намъ приходится признать Григорьева такимъ же проводникомъ общественнаго критеріума въ вопросахъ искусства, какими были его антагонисты, такимъ же публицистомъ, какъ и они.

Рядомъ съ этими общественными настроеніями въ критикѣ этого времени встрѣчаются, какъ археологическіе остатки, и чисто эстетическія стремленія, представляемыя Дудышкинымъ, Дружининымъ, Анненковымъ, Катковымъ и др., но нужно о нихъ сказать, что даже имъ не всегда удается удержаться на ихъ олимпійской высотѣ, соблюсти безразличное отношеніе къ фактамъ общественной жизни, а, кромѣ того, они не имѣютъ ровно никакого вліянія на общественное сознаніе, за исключеніемъ развѣ Каткова, хотя и онъ привлекъ къ себѣ вниманіе не тѣми отвлеченными разсужденіями, которыми наполнены его нелишенныя нѣкоторой цѣнности статьи о Пушкинѣ, а своей публицистической дѣятельностью. Да оно иначе и быть не могло, такъ какъ публицистика, въ эту эпоху впервые у насъ зародившаяся въ самостоятельной формѣ (мы не принимаемъ въ расчетъ того, что проскальзывало раньше между строкъ), проникаетъ почти безъ исключенія всѣ произведенія печатнаго слова.

Реакція, дошедшая до крайнихъ предѣловъ послѣ 1848 г., подавила всякое проявленіе общественной мысли, какого бы оно ни было направленія. Устои существующаго порядка представлялись незыблемыми, и всякое обсужденіе не только этихъ устоевъ, но даже и частныхъ явленій общественной жизни было признано излишнимъ, хотя бы это было одобреніе какихъ нибудь полицейскихъ распоряженій. Всѣ должны были замолчать, и западники, и славянофилы, и Булгаринъ со своими присными, такъ какъ наступила

«эпоха цензурнаго террора», какъ было сказано впослѣдствіи объ этомъ времени въ одной офиціальной запискѣ. Въ своихъ подвигахъ цензура доходила прямо до виртуозности, которая могла бы казаться комической, еслибы отъ нея не испытывалось такого невыносимаго гнета. Такою виртуозностью, напримѣръ, отличается слѣдующее ея замѣчаніе по поводу статьи К. С. Аксакова о былинахъ: «К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калина. Хотя это и непріятельскій царь, но все-таки неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь!
Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.

Само собою разумѣется, что подобное угнетеніе мысли должно было вести къ духовному развращенію общества: являлись предупредительные сикофанты не только въ лицѣ Булгариныхъ и Гречей, но даже и на университетской каѳедрѣ. Драгоцѣнные матеріалы для характеристики этого духовнаго разврата сообщаетъ въ своемъ «Дневникѣ» Никитенко. Такъ, напримѣръ, весьма любопытна, какъ знаменіе времени, слѣдующая «непристойность», происшедшая въ 1848 г. на диспутѣ магистра Варнека, защищавшаго диссертацію на тему: «О зародышѣ вообще и о зародышѣ брюхоногихъ слизняковъ»: «Диспутантъ, по обыкновенію, сопровождалъ свою рѣчь въ иныхъ мѣстахъ латинскими терминами, иногда нѣмецкими и французскими, которые ставилъ въ скобкахъ при названіи техническихъ предметовъ. Изъ этого профессоръ Шиховской вывелъ заключеніе, что Варнекъ не любитъ своего отечества и презираетъ свой языкъ, о чемъ велерѣчиво и объявилъ автору диссертаціи. Послѣдній былъ до того озадаченъ этимъ новымъ способомъ научнаго опроверженія, что растерялся и не нашелъ, что отвѣчать. Тогда профессоръ началъ намекать на то, что диспутантъ яко бы склоненъ къ матеріализму, а въ заключеніе объявилъ, что диссертація такъ нелѣпа и темна, что онъ не понялъ ея вовсе».

Немудрено, что какое-то отчаяніе охватило въ это время лучшихъ людей, и Никитенко замѣчаетъ въ 1852 г.: «Да, тяжело положеніе, когда, не питая никакихъ преступныхъ замысловъ, не укоризненные въ глубинѣ своей совѣсти, потому только, что природа одарила васъ нѣкоторыми умственными силами и общество признало въ васъ ихъ, вы чувствуете себя каждый день, каждый часъ въ опасности погибнуть такъ, изъ-за ничего, отъ какого нибудь тайнаго доноса, отъ клеветы, недоразумѣнія, отъ ложнаго истолкованія вашихъ поступковъ и словъ... утѣшаясь, кто можетъ, вѣрой въ болѣе свѣтлое будущее, которое, увы! врядъ ли достанется еще и нашимъ внукамъ. А самъ, искалѣченный, измученный, ужъ лучше сразу откажись отъ всякихъ правъ на жизнь и дѣятельность—во

имя... Да во имя чего же, Господи?». То же отчаяніе выражается въ письмѣ Грановскаго Герцену 1850 г., гдѣ мы читаемъ такія строки: «Положеніе наше становится у насъ нестерпимѣе день-отодня. Всякое движеніе на западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами... Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее—когда же развалится этотъ міръ?». Подъ вліяніемъ того же настроенія у И. С. Аксакова вырвались слѣдующіе стихи:

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, что были дружны
Во имя правды и добра!
. . . .
Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!

А между тѣмъ лучшіе люди ясно сознавали, что нельзя оставаться въ «полномъ гордаго величія покоѣ», что нужно обновленіе жизни, что на родную землю «много грѣховъ ужасныхъ налегло», что она

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Какъ по закону физики между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ должно быть равновѣсіе, такъ и въ исторической жизни чѣмъ сильнѣе гнетъ, тѣмъ сильнѣе противъ него реакція. Покою пришелъ конецъ, крымская война лучше всего доказала полную несостоятельность дореформеннаго строя, 19-го февраля 1855 года повѣяло новымъ духомъ, и подъ этимъ вѣяніемъ взволновалось русское море. Не сразу, конечно, но очень скоро послышались новыя рѣчи, раздался голосъ публицистики, ожила и вообще литература, въ которой прежде всего и сильнѣе всего зазвучали струны обличительныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ слышится и радостная нота въ надеждѣ на новое, живое дѣло. Тотъ же И. С. Аксаковъ, который въ отчаяніи готовъ былъ сложить оружіе, въ 1858 г. пишетъ такіе стихи:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,

Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Публицистика получаетъ возможность развиваться, благодаря новой постановкѣ цензуры. Опека надъ печатнымъ словомъ не упразднена, но сильно ослаблена, и даже среди представителей этой опеки являются такія лица, какъ цензоръ Н. Ф. Крузе, который въ офиціальной запискѣ выступаетъ съ краснорѣчивой защитой литературы, полагая, что правительство смотритъ на нее, «не какъ на враждебный элементъ, допускаемый только по обычаю или изъ приличія, а какъ на дѣло существенное, необходимое, желательное, какъ на важное и лучшее пособіе себѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ». Только при подобномъ отношеніи возможно говорить такъ о цензурѣ, какъ это сдѣлалъ Аксаковъ въ передовой статьѣ «Паруса». «Неужели же,—спрашивалъ публицистъ,—еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели мы еще не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно?! — изолгались совсѣмъ... Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и вѣнчалась офиціальная ложь, одна, владыкою безмолвнаго простора. Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству настоящее положеніе дѣлъ и его отношенія къ обществу, и въ чемъ замѣчаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить». Самымъ важнымъ дѣломъ для народившейся публицистики представлялся крестьянскій вопросъ, издавна уже бывшій предметомъ чаяній и стремленій лучшихъ дѣятелей нашей литературы. По этому вопросу сошлись и западники и славянофилы, и «Рус-

скій Вѣстникъ» Каткова и «Колоколъ» Герцена. За крестьянскимъ вопросомъ становятся на очередь и другія неотложныя нужды: реформа суда, земское и городское самоуправленіе и пр., и относительно всѣхъ этихъ дѣлъ замѣчается въ основныхъ принципахъ единодушіе всѣхъ партій, за очень незначительнымъ исключеніемъ поклонниковъ стараго порядка...

Всѣ эти общественныя движенія, все это радостное возбужденіе не могутъ не отражаться и въ художественной литературѣ, въ которой въ это время выдвигается блестящій сонмъ первоклассныхъ талантовъ, идущихъ по пути реальнаго воспроизведенія жизни и выраженія ея лучшихъ стремленій, проложенному Пушкинымъ, Гоголемъ и Бѣлинскимъ: и лирика, и романъ, и драма достигаютъ небывалаго развитія; благодаря свободѣ, создаются тѣ великія произведенія, которымъ суждено было завоевать русской литературѣ почетное мѣсто въ международномъ умственномъ общеніи. Обиліе этихъ литературныхъ фактовъ таково, что обстоятельное ихъ обозрѣніе не можетъ быть выполнено въ небольшой статьѣ, почему мы и ограничимся лишь нѣкоторыми наиболѣе выдающимися явленіями.

Начнемъ съ лирики, которая, какъ поэзія чувства, прежде всего должна была отразить въ себѣ новые интересы, возбудившіеся въ обществѣ, и мы видимъ въ ней нарожденіе того направленія, которое называется «гражданскимъ». Въ узкомъ смыслѣ слова этотъ эпитетъ сталъ первоначально примѣняться къ такимъ поэтамъ, какъ Розенгеймъ и Бенедиктовъ, въ трескучихъ, хотя отдававшихъ фальшью, стихахъ старавшихся показать, что и они «съ вѣкомъ наравнѣ», что и они сторонники прогрессивнаго движенія; однако отсутствіе искренности въ произведеніяхъ этихъ пѣвцовъ сразу бросалось въ глаза, и не они, конечно, могли имѣть вліяніе на общество. Настоящимъ гражданскимъ поэтомъ явился Некрасовъ со своей «музой мести и печали», которую онъ называетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній «сестрой народа». Его поэтическое profession de foi выражено въ извѣстномъ діалогѣ поэта и гражданина, совпадающемъ по основной идеѣ съ тѣми взглядами, которые проводились въ реалистической критикѣ.

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ,

говорится въ этомъ стихотвореніи, и такимъ образомъ указывается то, что критика признавала долгомъ каждаго «мыслящаго человѣка». Но этотъ долгъ не есть что либо извнѣ навязанное поэту, онъ есть вполнѣ естественная его потребность. Поэтому-то, напомнивъ поэту о долгѣ, сказавъ ему:

покуда
Не видно солнца ни откуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать!

Еще стыднѣй въ годину горя
Красу небесъ, долинъ и моря
И ласку милой воспѣвать...

гражданинъ разъясняетъ, что иначе поэтъ прямо не можетъ дѣйствовать, какъ живой человѣкъ:

Гроза молчитъ, съ волной бездонной
Въ сіяньи спорятъ небеса,
И вѣтеръ ласковый и сонный
Едва колеблетъ паруса,—
Корабль бѣжитъ красиво, стройно,
И сердце путниковъ спокойно,
Какъ будто вмѣсто корабля,
Подъ ними твердая земля.
Но громъ ударилъ; буря стонетъ
И снасти рветъ, и мачту клонитъ,—
Не время въ шахматы играть,
Не время пѣсни распѣвать!
Вотъ песъ—и тотъ опасность знаетъ
И бѣшено на вѣтеръ лаетъ:
Ему другого дѣла нѣтъ...
А что бы дѣлалъ ты, поэтъ?
Ужель въ каютѣ отдаленной
Ты сталъ бы лирой вдохновенной
Лѣнивцевъ уши услаждать
И бури грохотъ заглушать?

Поэтическій квіетизмъ есть нѣчто противоестественное:

Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,—
Не будетъ гражданинъ достойный
Къ отчизнѣ холоденъ душой,
Ему нѣтъ горше укоризны...

И послѣ этого мы видимъ такой высоко-гуманный, вполнѣ соотвѣтствующій духу русской литературы, призывъ къ поэту:

А ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ!
Не вѣрь, что не имущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, что вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви;
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.

При такомъ воззрѣніи на поэзію, конечно, гражданскіе мотивы должны стоять на первомъ планѣ, и они заполняютъ собою почти

все творчество Некрасова: нужда и горе народа въ крѣпостную эпоху, да и послѣ освобожденія, когда порвалась цѣпь великая, ударившая однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику, мучительное душевное состояніе мыслящихъ людей, окруженныхъ тупыми эгоистами, дряблость общественныхъ дѣятелей—не могли не вызвать грустныхъ и негодующихъ отзвуковъ въ душѣ поэта; месть и печаль преобладаютъ въ его лирикѣ, такъ какъ истинный гуманистъ не можетъ остаться только болтающимъ поэтомъ. Эти настроенія были источникомъ многихъ дѣйствительно вдохновенныхъ произведеній Некрасова, которыми заслоняются другіе его стихи, слишкомъ уже сбивающіеся на риѳмованную публицистику и послужившіе для враждебной Некрасову критики основаніемъ отвергать его поэтическій талантъ, упрекать его въ дѣланности, искусственности. Врядъ ли кто станетъ теперь повторять такіе упреки, хотя бы даже ссылаясь на факты біографіи Некрасова. Кромѣ того, слѣдуетъ добавить, что для правильнаго сужденія о Некрасовѣ нельзя забывать и его личной лирики, въ которой мы встрѣчаемъ такія дивныя стихотворенія, какъ «Внимая ужасамъ войны», «Тяжелый крестъ достался ей на долю», «Дѣдушка Мазай и зайцы» и другія, показывающія тамъ, что его дарованіе далеко не было одностороннимъ.

Къ той же группѣ поэтовъ гражданскаго направленія надо отнести Никитина, Плещеева, Жадовскую, И. С. Аксакова и нѣкоторыхъ другихъ, теперь уже почти забытыхъ лириковъ. Чѣмъ крупнѣе талантъ, тѣмъ гармоничнѣе въ немъ сочетаются гражданскіе мотивы съ вѣчными идеальными стремленіями, какъ это видѣли мы на примѣрѣ Пушкина и Лермонтова. То же можно сказать и о перечисленныхъ представителяхъ гражданской поэзіи: и у Аксакова рядомъ съ цитированными выше стихотвореніями общественнаго характера встрѣчаются произведенія, вызванныя чисто личными мотивами; и Плещеевъ, энергично высказавшійся въ стихотвореніи «Впередъ безъ страха и сомнѣнія на подвигъ доблестный, друзья», не прочь иногда воспѣвать «красу долинъ, небесъ и моря»; и Жадовская удѣляетъ въ своей лирикѣ много мѣста мотивамъ чисто личнаго свойства, хотя и выразила взглядъ на свое призваніе въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ
Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, что я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ порой дрожатъ достойные—увы!
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путемъ, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ,
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ...

Въ противоположность охарактеризованной группѣ лириковъ въ ту же эпоху развиваютъ свою дѣятельность три поэта чистаго искусства Майковъ, Полонскій и Фетъ, подвергавшіеся въ шестидесятыхъ годахъ чуть не безпрерывному жестокому осмѣянію. Тѣ мотивы вѣчной красоты, которыми проникнуты ихъ произведенія, личныя, подчасъ неуловимыя ощущенія, которыя они стремятся выразить въ совершеннѣйшей формѣ (при чемъ эта забота о формѣ доходитъ иногда до совсѣмъ ненужной виртуозности, какъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Фета), желаніе уйти отъ жизненной тревоги, чтобы отдаться поэтическому созерцанію—все это казалось въ то время совсѣмъ неумѣстнымъ, поэзія этихъ «трехъ мальчиковъ» была признана безсодержательной, безполезной и даже въ гражданскомъ отношеніи вредной.

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ —
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!

Такъ говорилъ Майковъ, и подобное олимпійское отчужденіе отъ всѣхъ должно было казаться непозволительнымъ, и враждебная поэту критика не думала вникать въ тѣ цѣли, которыя ставитъ себѣ поэтъ въ своемъ отчужденіи, а цѣли эти никакъ нельзя считать безразличными для другихъ людей, такъ какъ поэтъ, удаляясь отъ нихъ, думаетъ о нихъ же:

Ты—на горѣ;
Они—въ долинѣ,
Но Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.
Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи —
Но вѣдь и имъ,
На самомъ пирѣ,
Имъ нужно знать,
Что есть онъ въ мірѣ,
Что гдѣ нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь, —
И онъ отвѣтитъ.

Въ этихъ стихахъ свѣтится положительно высокая гуманность, и если поэтъ такъ смотритъ на свое призваніе, то ему трудно относиться къ людямъ и ихъ горю съ презрѣніемъ, а между тѣмъ именно презрѣніе слышалось иногда отъ этихъ поэтовъ чистаго искусства. Что же, какъ не это чувство, говоритъ въ слѣдующей тирадѣ Фета? «Съ легкой руки правительственныхъ реформъ, внезапно выступившихъ, подобно Минервѣ, во всеоружіи, все закипѣло духомъ оппозиціи (чему?) и запоздалою гражданскою скорбью.

Такъ какъ скорбѣли люди, не имѣвшіе никакого понятія о практической жизни, то и самый скорбный недугъ поневолѣ сосредоточился на языкѣ. Быть писателемъ, хотя бы и лирическимъ поэтомъ, по понятію этихъ людей, значило быть скорбнымъ поэтомъ. Такъ какъ, въ сущности, эти люди ничего не понимали въ дѣлѣ поэзіи, то останавливались только на видимой сторонѣ дѣла, именно на его непосредственной безполезности. Понятно, до какой степени казались имъ наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбнымъ отсутствіемъ гражданской скорби. Но, справедливый читатель, вникните же и въ наше положеніе. Мы, если припомните, постоянно искали въ поэзіи единственнаго убѣжища отъ всяческихъ житейскихъ скорбей, въ томъ числѣ и гражданскихъ. Откуда же мы могли взять этой скорби тамъ, куда мы всячески старались отъ нея уйти? Не все ли это равно, что обратиться къ человѣку, вынырнувшему изъ глубины рѣки, куда онъ бросился, чтобы потушить загорѣвшееся на немъ платье, съ требованіемъ: давай огня!» Въ приведенномъ разсужденіи, кромѣ индифферентизма, слышится и кое-что другое: замѣчаніе о реформахъ отзывается, пожалуй, и крѣпостничествомъ, а вѣдь это-то и должно было отталкивать отъ «чистой» поэзіи Фета прежнюю критику. Тотъ же индифферентизмъ можно видѣть и въ стихотвореніи «Муза»:

> Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня (говоритъ Фетъ),
> Бичей подыскивать къ закону;
> Поэтъ, остановись! Не призывай меня—
> Зови изъ бездны Тизифону!
> Плѣнительные сны лелѣя наяву,
> Своей божественною властью
> Я къ наслажденію высокому зову
> И къ человѣческому счастью.
> Когда безчинствами обиженный, опять
> Въ груди заслышишь зовъ къ рыданью,—
> Я ради мукъ твоихъ не стану измѣнять
> Свободы вѣчному призванью.
> Страдать! Страдаютъ всѣ, страдаетъ темный звѣрь,
> Безъ упованья, безъ сознанья;
> Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
> Гдѣ радость теплится страданья;
> Ожесточенному и черствому душой
> Пусть эта радость незнакома,—
> Зачѣмъ же лиру бьешь ребяческой рукой,
> Что не труба она погрома?
> Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?
> На землю сносятъ эти звуки
> Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ,
> А исцѣленіе отъ муки.

Но Фетъ не только отстаиваетъ свой собственный индифферентизмъ, онъ съ укоромъ относится къ поэтамъ иного напра-

вленія и, называя ихъ «псевдо-поэтами», онъ посвящаетъ имъ такіе стихи:

Молчи, поникни головою,
Какъ бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ!
На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣпца
Цѣннѣй грошовый твой разсудокъ
Безумной прихоти пѣвца.
Тамъ сбытъ малеванному хламу,—
На этой затхлой площади;
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ, не подходи!
Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: свобода,
Ни разу сердцемъ не постигъ;
Не возносился богомольно
Ты въ ту свѣтлѣющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ и орлу.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что пониманіе свободы, какъ общественнаго индифферентизма, свойственно не всѣмъ поэтамъ чистаго искусства. Для нихъ свобода то же, что и для Пушкина—свободное служеніе идеалу, который вноситъ свѣтъ въ общественную жизнь, вслѣдствіе чего поэтъ есть вождь, указывающій путь людямъ къ вѣчнымъ идеаламъ истины, добра и красоты, а не рядовой боецъ, влекущійся въ общей массѣ. Это прекрасно выражено въ слѣдующемъ стихотвореніи Майкова:

«Не отставай отъ вѣка»—лозунгъ лживый,
Коранъ толпы. Нѣтъ: выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь, и вкось стремя свои разливы.
Нѣтъ! Мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширитъ, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!
Тутъ ихъ напоръ неровности въ ней сгладитъ,
Порой волна счастливый дастъ толчекъ,
А золота крупинку мчитъ потокъ,
Оно само въ стихѣ твоемъ осядетъ.

Ясно, что такія «крупинки золота» возможно найти и въ современномъ общественномъ движеніи, и мы знаемъ, что въ поэзіи Майкова не разъ находили себѣ откликъ тѣ или другія событія русской жизни, хотя этотъ откликъ звучалъ не всегда въ унисонъ съ господствующимъ тономъ общественныхъ симпатій, и поэта иногда (и, быть можетъ, вполнѣ справедливо) обвиняли въ византійствѣ. Однако никто, думается намъ, не найдетъ византійства

въ его «Картинкѣ» (Посмотри, въ избѣ мерцая свѣтитъ огонекъ) или въ прекрасномъ стихотвореніи «Поля», представляющемъ собою яркую поэтическую защиту освободительной реформы.

Третій изъ этихъ поэтическихъ «мальчиковъ», Полонскій, умѣетъ съ сочувствіемъ отнестись и къ гражданской поэзіи — не даромъ онъ посвятилъ такія трогательныя строки памяти Некрасова, котораго онъ называетъ «вѣщимъ пѣвцомъ страданій и труда», но при всемъ сочувствіи общественному теченію поэзіи онъ не признаетъ его цѣлесообразности, и, обращаясь къ поэту-гражданину, онъ не называетъ его псевдо-поэтомъ, а спокойно говоритъ:

Боюсь, твой грозный стихъ судьбы не пошатнетъ,
Толпа угрюмая, на голосъ твой призывный
Не откликаяся, идетъ.
Хоть прокляни,—не обернется...
И вѣрь, усталая, въ досужій часъ скорѣй
Любовной пѣсенкѣ сердечно отзовется,
Чѣмъ музѣ ропщущей твоей.

Если такъ, если толпа «къ поэтическимъ страданьямъ не привыкнетъ, привыкнувъ иначе страдать», то вполнѣ естественно сказать поэту:

Оставь напрасныя воззванья!
Не хныкай! Голосъ твой пусть льется изъ груди,
Какъ льется музыка,—въ цвѣты ряди страданья,
Любовью—къ правдѣ насъ веди!
Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда—безъ творческой мечты.

При такомъ широкомъ воззрѣніи на поэзію, Полонскій не могъ сдѣлаться исключительно пѣвцомъ «красоты небесъ, долинъ и моря», отдаваться сладостнымъ размышленіямъ о «ласкахъ милой», гражданскихъ отголосковъ въ его произведеніяхъ, всегда проникнутыхъ искренней гуманностью, еще больше, чѣмъ у Майкова.

Къ этой же группѣ поэтовъ чистаго искусства относятъ обыкновенно, хотя уже съ меньшимъ основаніемъ, графа А. К. Толстого, который въ популярности не уступаетъ Некрасову и далеко превосходитъ Майкова, Полонскаго и Фета. Любопытно однако, что, несмотря на эту популярность мы находимъ въ критикѣ о графѣ Толстомъ чрезвычайно рѣзкіе приговоры. Такъ, въ одномъ изъ отзывовъ все достоинство его произведеній сводится почти къ нулю: говорится, что образы его не оригинальны и не ярки, описанія риторичны и холодны, форма дѣланная, что отъ его стихотвореній «вѣетъ холодомъ искусственнаго вымысла, тяжелыми усиліями кропотливой художественной отдѣлки, мучительными потѣніями надъ инымъ, неукладывающимся въ размѣръ стихомъ и не дающейся

риемой»; наконецъ, указывается, что у Толстого нѣтъ отраженія «любопытныхъ и поучительныхъ психическихъ явленій или философскихъ идей», и «по своему міросозерцанію онъ стоитъ вполнѣ на уровнѣ великосвѣтскаго кружка, къ которому принадлежалъ». Что ни слово въ этомъ отзывѣ, то пристрастная фальшь, и объясняется эта фальшь, съ одной стороны, «великосвѣтскимъ міросозерцаніемъ», которое врядъ ли кому извѣстно, кромѣ критика, а съ другой стороны — ошибочнымъ отнесеніемъ гр. Толстого къ школѣ чистаго искусства.

Если поэтъ и стоитъ за свободу вдохновенья, говоря, что «надъ вольной мыслью Богу неугодны насиліе и гнетъ», то вѣдь это есть самое законное требованіе поэтической искренности, выставлявшееся даже Писаревымъ; если онъ въ отвѣтъ на упреки И. С. Аксакова указывалъ, что его душа просится выше, то тутъ же онъ заявлялъ, что ему дороги гражданскія стремленія и честной рѣчи трезвый звукъ, и что это была не фраза, достаточно прочесть его сатирическія стихотворенія, хотя бы «Богатыря», гдѣ мы находимъ слѣдующую картинку, отъ которой не отказался бы и Некрасовъ:

Стучатъ и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села
И Русь затопляетъ оно.
Дерутся и рѣжутся братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачъ, пѣсни, и вой и проклятья—
Питейное дѣло растетъ!
И гордо на клячѣ гарцуетъ
Теперь богатырь удалой;
Ужъ сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку сымаетъ долой:
Гарцуетъ оглоданный остовъ,
Вѣнецъ на плѣшивомъ челѣ,
Вѣнецъ изъ разбитыхъ бутылокъ
Блеститъ и сверкаетъ во мглѣ,
И черепъ безглазый смѣется:
«Призванье мое свершено!
«Не даромъ же имъ достается
«Мое даровое вино»!

Что же касается замѣчанія премудраго аристарха о формѣ, «вѣющей мучительными понятіями», то оно, можетъ быть, остроумно съ точки зрѣнія «великосвѣтскаго міросозерцанія», но врядъ ли можетъ быть подкрѣплено фактами. То же надо сказать и объ отсутствіи «любопытныхъ и поучительныхъ психическихъ явленій»: вспомнилъ бы лучше великосвѣтскій критикъ тонкую психологію въ «Драматической трилогіи», созданіе такихъ типовъ поразительныхъ именно съ психологической точки зрѣнія, какъ Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ (очень отличающійся отъ пушкинскаго,

своего рода Раскольниковъ на тронѣ смутной эпохи) и въ особенности царь Өедоръ Іоанновичъ, для художественнаго воспроизведенія котораго нужна была именно тонкая и глубокая психологія, такъ какъ историческіе источники весьма мало давали въ этомъ отношеніи нашему поэту.

Къ этой же группѣ поэтовъ чистаго искусства надо причислить Апухтина и г. Случевскаго (послѣдняго, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями), но лучшее время ихъ дѣятельности относится скорѣе къ послѣдней четверти столѣтія.

А. Бороздинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ Л. Н. МАЙКОВА.

Насъ было много на челнѣ.
Иные парусъ напрягали;
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ...

НЕВОЛЬНО припомнились мнѣ эти дивныя строки нашего великаго поэта, когда еще одна могила скрыла въ себѣ прахъ стараго, дорогого товарища, въ былое время стоявшаго во главѣ нашего молодого, тѣсно-сплоченнаго кружка — въ былое время, когда насъ было тоже «много на челнѣ», когда мы всѣ жаждали жизни и дѣятельности, когда такъ страстно искали труда по плечу, искали подвига, которому бы хотѣлось беззавѣтно предаться и посвятить всю свою жизнь.

И странно сказать, этотъ «кормщикъ умный», котораго мы въ ту пору называли просто «Леонидомъ», уже и въ періодъ самаго большого разгара нашихъ молодыхъ увлеченій, отличался удивительнымъ спокойствіемъ и ровностью темперамента, поразительною въ юношѣ уравновѣшенностью и благоразуміемъ...

Въ то время, когда каждый изъ насъ спѣшилъ избрать какую нибудь спеціальность и погрязалъ въ ней всецѣло; когда неизбравшіе спеціальности приходили въ отчаяніе и сокрушались преждевременно о своей непригодности,—«Леонидъ» одинъ объ этомъ не тревожился и заботился только о пополненіи своего общаго обра-

зованія, и даже на студенчеслой скамьѣ успѣлъ уже достигнуть въ этой области блестящихъ результатовъ... Правда, ему много помогало то, что онъ выросъ въ домѣ, который, въ свое время, служилъ однимъ изъ видныхъ центровъ умственнаго и литературнаго движенія въ петербургскомъ обществѣ,—въ домѣ, который жилъ традиціями цвѣтущаго времени Пушкинскаго періода, въ стѣнахъ котораго русская литература и русская наука издавна были ходячею монетою, интересомъ каждаго дня. Нашъ Леонидъ воспитался и выросъ подъ вліяніемъ такихъ братьевъ, какъ Аполлонъ и Валеріанъ, среди кружка, въ которомъ Гончаровъ и Григоровичъ были завсегдатаями, а Тургеневъ не составлялъ диковинки. Тонко-развитый, изящный вкусъ и тактъ, строгость критической оцѣнки литературныхъ произведеній и осторожность въ сужденіяхъ относительно явленій общественной жизни—все это были элементы, которые Леонидъ восприняли съ юности, въ которыхъ онъ воспитался и выросъ, и это давало ему огромныя преимущества предъ всѣми нами, членами небольшаго кружка, сплотившагося изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ [1]). Но къ этимъ преимуществамъ многое добавляли и личныя свойства нашего Леонида: спокойный, наблюдательный умъ, большая сила воли и настойчивость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, а главное—полное отсутствіе склонности къ какимъ бы то ни было увлеченіямъ, какимъ бы то ни было крайностямъ. Уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ обладалъ счастливымъ талантомъ примирять противоположныя направленія, сглаживать неровности и шероховатости отношеній и выискивать въ людяхъ (съ которыми по убѣжденіямъ не могъ ни сойтись, ни сблизиться ихъ лучшія, ихъ наиболѣе привлекательныя стороны... Даже и въ ту пору, когда мы всѣ составляли одну дружную, тѣсно-связанную товарищескую семью, онъ возвышался и преобладалъ надъ всѣми нами именно этою своею большою нравственною силою, нравственною выдержкою и спокойствіемъ—и возмущался, и выходилъ изъ этой колеи спокойствія только тогда, когда лицомъ къ лицу сталкивался съ какимъ нибудь олицетвореннымъ отсутствіемъ логики въ выводахъ, съ какимъ нибудь дикимъ абсурдомъ.

Такимъ, какъ онъ проявлялся въ нашемъ молодомъ кружкѣ, онъ вступилъ и въ жизнь. На первыхъ порахъ, когда каждый изъ насъ уже шелъ по опредѣленной дорогѣ, Леонидъ какъ бы обманулъ наши ожиданія. Мы всѣ пророчили ему карьеру ученаго, а послѣ защиты имъ диссертаціи на степень магистра («Былины Владимірова цикла») даже ожидали, что онъ, вотъ-вотъ, займетъ ка-

---

[1]) Напомню, что въ кружокъ этотъ входили слѣдующія лица: Ф. Ф. Ординъ, Д. И. Писаревъ, Н. А. Трескинъ, Е. Е. Замысловскій, В. В. Макушевъ, Л. Н. Майковъ. Въ настоящее время въ живыхъ остались — А. М. Скабичевскій и я.

П. П.

ѳедру словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ... Нисколько не сомнѣваюсь въ томъ что, при его способностяхъ и связяхъ, ему очень легко было бы добиться этой ближайшей цѣли. Но онъ благоразумно уклонился отъ профессуры, потому что она, очевидно, не могла его удовлетворить, и пошелъ иною дорогою, которая, не отдаляя его отъ науки, въ то же время не уединяла его и отъ общественной дѣятельности, къ которой онъ чувствовалъ несомнѣнное призваніе. Весьма разнообразный и сложный путь, которымъ онъ достигъ высокаго положенія, выпавшаго на долю его въ послѣдніе годы жизни, съ одной стороны обогатилъ его умъ массою опыта и наблюденій; а съ другой—далъ ему полную возможность выказать въ полномъ блескѣ и силѣ его природныя дарованія и ту нравственную силу, благодаря которой онъ принесъ много пользы, оказалъ много добра и оставилъ по себѣ самыя теплыя, самыя искреннія и признательныя воспоминанія. На долгомъ пути своей служебной дѣятельности ему удалось собрать и сплотить около себя обширный кружокъ людей, искренно преданныхъ ему и высокоцѣнившихъ его совѣты, взгляды и мнѣнія. Самъ занимаясь научной и литературной дѣятельностью лишь въ очень рѣдкіе часы досуга, Леонидъ Николаевичъ постоянно очень горячо относился ко всѣмъ, кто могъ посвящать наукѣ свое время и трудъ, слѣдилъ внимательно за всѣми успѣхами въ области изученія нашей словесности и исторіи, и всегда готовъ былъ помогать каждому труженику науки въ его трудахъ, поискахъ и усиліяхъ. Послѣдніе годы его жизни, какъ извѣстно, были посвящцы изученію Пушкина, которое онъ доводилъ до крайнихъ подробностей, вникая во всѣ мелочи, роясь всюду, гдѣ только можно было надѣяться сыскать хоть тѣнь намека на то или другое обстоятельство жизни и дѣятельности нашего великаго поэта. Этотъ трудъ надъ изданіемъ Пушкина, много разъ прерываемый уже ясно выразившимся недугомъ, былъ послѣднею данью Леонида Николаевича русской наукѣ. Отъ труда можно было ожидать многаго; но почти всѣ близкіе къ Леониду Николаевичу не сомнѣвались въ томъ, что ему удастся довести этотъ трудъ до конца. Еще при послѣднемъ свиданіи нашемъ (дней за десять до кончины), Леонидъ Николаевичъ долго и много говорилъ со мною о нѣкоторыхъ своихъ соображеніяхъ относительно печатаемаго II тома сочиненій Пушкина, живо интересовался подробностями, которыя я ему сообщалъ о моихъ работахъ по моему новому труду, дѣлалъ указанія, предлагалъ внести нѣкоторые изъ принадлежащихъ ему рисунковъ. Уѣзжая въ деревню, я обѣщалъ ему непремѣнно побывать у него тотчасъ по возвращеніи оттуда—и мы разстались съ полною надеждою на предстоящее свиданіе.

И вотъ — не сбылись наши ожиданія! Нашего «умнаго кормщика» уже нѣтъ. Въ нашей душѣ осталось только доброе, дру-

жеское воспоминаніе о немъ и пріятное сознаніе того, что мы шли съ нимъ когда-то рука-объ-руку и, впослѣдствіи, когда наши жизненные пути такъ далеко разошлись, не порывали съ нимъ нашей нравственой связи. Мы все еще чувствовали, что между нами существуетъ нѣчто общее, нѣчто такое, чего не можетъ измѣнить ни время, ни общественное положеніе.

Миръ праху твоему, старый товарищъ!

П. Полевой.

ЛЕОНИДЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

(Некрологъ).

ТЯЖКОЙ и незамѣнимой утратой для русской науки должна быть признана кончина (7-го апрѣля) вице-президента императорской академіи наукъ, Леонида Николаевича Майкова. Покойный былъ однимъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи русской литературы и въ высшей степени рѣдкимъ знатокомъ ея; онъ обладалъ громадной эрудиціей въ области внутренней исторіи Россіи и русской этнографіи и обогатилъ русскую науку рядомъ капитальныхъ и цѣнныхъ трудовъ. Благодаря его замѣчательной эрудиціи, всѣ даже мелкія замѣтки и критическіе отзывы покойнаго имѣютъ несомнѣнное научное значеніе. Къ тому же, все написанное Л. Н. Майковымъ отличается прекраснымъ, строго-выработаннымъ академическимъ слогомъ.

Покойный родился 28-го марта 1839 года; онъ былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей отставнаго майора гусарскаго принца Оранскаго полка Николая Аполлоновича Майкова, который по выходѣ въ 1821 г. въ отставку занялся живописью и за написанный имъ запрестольный образъ въ церкви св. Троицы лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка получилъ званіе академика[1]). Старшіе братья Л. Н. Майкова хорошо извѣстны въ русской литературѣ: Аполлонъ Николаевичъ, какъ поэтъ, а Валеріанъ Николаевичъ, какъ литературный критикъ. Въ домѣ Майковыхъ собирались многіе изъ молодыхъ

---

[1]) Заимствовано изъ дѣла о дворянствѣ Майковыхъ, хранящагося въ архивѣ департамента геральдіи прав. сената, св. № 1733.

и выдающихся писателей, ученыхъ и живописцевъ того времени. Наиболѣе частымъ посѣтителемъ и близкимъ человѣкомъ въ семьѣ былъ И. А. Гончаровъ, преподававшій старшимъ братьямъ покойнаго русскую литературу. «Это семейство», говоритъ Гончаровъ, «кипѣло жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Самъ хозяинъ, Николай Аполлоновичъ, радовался до слезъ всякому успѣху и всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальнаго и артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что доступно было его уму и образованію». Благодаря этому, Л. Н. Майковъ получилъ прекрасное домашнее образованіе и рано почувствовалъ влеченіе къ учено-литературнымъ занятіямъ.

По окончаніи пансіона Сюзора и С.-Петербургской второй гимназіи, онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета и окончилъ его въ 1860 году. Время пребыванія его въ университетѣ совпало съ лучшей эпохой послѣдняго. Послѣ долгаго застоя, университетская жизнь съ воцареніемъ императора Александра Николаевича чрезвычайно оживилась. Наплывъ новыхъ научныхъ силъ, большая свобода въ чтеніи лекцій и широкій доступъ въ университетскія аудиторіи сообщили университетской наукѣ особенный интересъ. Всегда чуткая ко всему высокому, молодежь съ особою отзывчивостью отдалась этому новому движенію. Изъ студентовъ нѣсколькихъ факультетовъ образовалось своего рода научное общество, немедленно же приступившее къ изданію «оригинальныхъ сочиненій и переводовъ ученаго содержанія и мелкихъ историко-литературныхъ замѣтокъ» своихъ членовъ, въ отдѣльномъ самостоятельномъ органѣ, подъ названіемъ «Студентскій Сборникъ». Еще до появленія перваго его выпуска самая мысль издавать подобный органъ нашла глубокое сочувствіе въ такихъ авторитетахъ, какъ С. Т. Аксаковъ и П. А. Плетневъ. Какъ извѣстно, ожиданія оправдались вполнѣ: многія изъ статей «Сборника» сохранили свое научное значеніе и до сихъ поръ.

Л. Н. Майковъ, еще дома получившій влеченіе къ наукѣ, не могъ остаться равнодушнымъ къ научному стремленію университетской молодежи. Онъ, видимо, игралъ въ этомъ научномъ кружкѣ немалую роль и въ первомъ же выпускѣ «Сборника» (1857 г.) помѣстилъ двѣ замѣтки: «Ненапечатанные стихи А. С. Пушкина» и «Поправки къ Смирдинскому изданію сочиненій Д. В. Давыдова», а во второмъ (1860 г.)—«Замѣтки объ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибоѣдовѣ», въ которыхъ, между прочимъ, впервые было передано авторомъ содержаніе комедіи Грибоѣдова «Студенты»; послѣдняя оставалась извѣстною въ нашей литературѣ исключительно по этому пересказу вплоть до 1889 г., до изданія сочиненій Грибоѣдова И. А. Шляпкинымъ.

Кромѣ того, Л. Н. Майковъ за это время помѣстилъ еще нѣсколько рецензій историко-литературнаго характера въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1858 г.) и другихъ періодическихъ органахъ.

Вскорѣ по окончаніи университета, покойный опредѣлился на службу въ министерство финансовъ, по департаменту внѣшней торговли, но оставался тамъ недолго; также непродолжительно было и его преподаваніе въ гимназіи императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Въ 1864 г.[1]) онъ поступилъ въ центральный статистическій комитетъ и оставался тамъ до 1882 года, занимая должности помощника секретаря, младшаго и старшаго редактора. Л. Н. Майковъ былъ весьма дѣятельнымъ работникомъ въ комитетѣ: принималъ участіе въ переписи жителей Петербурга 1869 года, ѣздилъ въ 1871 г. въ приволжскія губерніи для статистическихъ изысканій къ предстоявшей московской Политехнической выставкѣ, участвовалъ въ С.-Петербургскомъ международномъ статистическомъ конгрессѣ (1872 г.) и былъ членомъ постоянной комиссіи международнаго статистическаго конгресса въ Вѣнѣ (1873 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составилъ рядъ статистическихъ работъ для «Статистическаго Временника Россійской имперіи», издаваемаго Центральнымъ Стат. Комитетомъ,—«О внѣшней торговлѣ и народномъ просвѣщеніи» (т. I, 1866 г.; вмѣстѣ съ Л. Добровольскимъ), «Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи» (1872 г.), «Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ, съ 1865 по 1869 г.» (1872 г.), и напечаталъ отдѣльно «Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи по свѣдѣніямъ 1859 г.» (1868 г.) и въ сотрудничествѣ съ Раевскимъ «Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири», изданное хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1868 г. Л. Н. Майковъ назначается помощникомъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», а затѣмъ, по выходѣ Е. М. Ѳеоктистова, и редакторомъ его (до 1890 г.). Время его сотрудничества съ Е. М. Ѳеоктистовымъ и самостоятельнаго завѣдыванія «Журналомъ» ознаменовалось для послѣдняго тѣмъ, что онъ всецѣло обратился въ лучшей своей научной части въ историко-литературный журналъ, каковое направленіе его вполнѣ поддерживалось и преемникомъ Л. Н. Майкова—В. Г. Васильевскимъ.

Въ 1864 г. покойный вступилъ въ члены императорскаго Русскаго географическаго общества и съ обычною ему энергіей и трудолюбіемъ принялъ участіе въ его трудахъ. Особенно плодотворною для общества оказалась его дѣятельность въ 1872—1889 гг., когда онъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія и ре-

---

[1]) Всѣ цифровыя данныя о прохожденіи службы Л. Н. Майкова взяты изъ подлиннаго формулярнаго списка.

дакторомъ шести томовъ (II, III, VII, IX, X и XI) «Записокъ» послѣдняго. Достаточно сказать, что онъ первый и въ широкой степени поставилъ вопросъ объ изученіи быта инородцевъ Россіи и произведеній русскаго народнаго творчества, давая полный просторъ всѣмъ болѣе цѣннымъ статьямъ на страницахъ редактируемаго имъ изданія. Помимо помѣщенія цѣлаго ряда статей этнографическаго характера въ органахъ географическаго общества, Л. Н. Майковъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи «Географическо-статистическаго словаря» Семенова (II т. на букву К) и «Этнографической карты Европейской Россіи» и напечаталъ «Обозрѣніе дѣятельности географическаго общества по отдѣленію этнографіи за первое 25-лѣтіе существованія общества» (1872 г.).

Въ 1882 г. Л. Н. Майковъ былъ назначенъ помощникомъ директора императорской Публичной Библіотеки и здѣсь особенно выказалъ свою доступность и готовность помочь словомъ и дѣломъ всѣмъ обращавшимся къ нему за научною пищей. Въ 1890 г. императорская академія наукъ «во вниманіе его высокихъ научныхъ заслугъ на литературномъ поприщѣ» избрала его своимъ экстраординарнымъ членомъ, въ слѣдующемъ году ординарнымъ и въ 1893 г.—вице-президентомъ. По званію вице-президента покойный предсѣдательствовалъ въ особой комиссіи, образованной при академіи наукъ и занимающейся назначеніемъ пособій литераторамъ и ученымъ, и много содѣйствовалъ правильному распоряженію средствами фонда нынѣ благополучно царствующаго императора Николая II, благодаря обширному знакомству съ писателями, пріобрѣтенному за 40-лѣтнюю литературную дѣятельность.

Во время перваго съѣзда дѣятелей по печатному дѣлу (1894 г.), Л. Н. Майковъ явился однимъ изъ его дѣятельнѣйшихъ почетныхъ членовъ и принялъ на себя обработку многихъ интересныхъ ходатайствъ, въ томъ числѣ и ходатайства объ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго «Устава о цензурѣ и печати».

Кромѣ того, онъ много потрудился и какъ членъ обществъ: императорскаго русскаго археологическаго, императорскаго историческаго, общества древней письменности, общества ревнителей просвѣщенія Россіи въ память Александра III и православнаго палестинскаго, какъ членъ императорской археографической комиссіи (съ 1876 г.), въ которой по смерти А. Ѳ. Бычкова былъ предсѣдателемъ и др. Даже во время болѣзни покойный не отказался принять участіе въ выработкѣ устава возникшаго въ 1899 г. «Русскаго библіологическаго общества» и, выбранный его предсѣдателемъ, онъ не принялъ на себя этого званія лишь потому, что «молодое общество, которому предстоитъ широкая дѣятельность, нуждается въ энергичномъ работникѣ, какимъ онъ уже, къ сожалѣнію, себя не чувствуетъ».

Учено-литературная дѣятельность Л. Н. Майкова начинается его магистерскою диссертаціею: «О былинахъ Владимірова цикла» (Спб., 1863 г.), сразу поставившею имя ея автора, тогда еще 23-лѣтняго юноши, наряду съ лучшими научными изслѣдователями. До 1863 г. въ средѣ нашихъ словесниковъ продолжалась эпоха почти безраздѣльнаго господства миѳологическаго объясненія народной поэзіи, находившаго себѣ представителей и въ послѣдующее время. Л. Н. Майковъ одинъ изъ первыхъ выдвинулъ историческую точку зрѣнія на происхожденіе русскихъ былинъ, которая и является теперь господствующей. По его мнѣнію, «русскій народный эпосъ отвѣчаетъ нѣсколькимъ періодамъ исторической жизни русскаго народа и можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ, которые болѣе или менѣе полно отражаютъ въ себѣ бытъ и понятія даннаго періода». Въ частности былины Владимірова цикла изображаютъ кіевскій удѣльный періодъ; многихъ героевъ былинъ: Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Садко, Илью Муромца, — авторъ, сопоставляя лѣтописныя указанія, считаетъ лицами, дѣйствительно существовавшими; въ бытовыхъ подробностяхъ онъ указываетъ слѣды дѣйствительной исторической жизни X—XIII вв. Эта историческая точка зрѣнія на происхожденіе былинъ нашла себѣ детальнаго изслѣдователя въ лицѣ профессора В. Ѳ. Миллера и его учениковъ: Халанскаго, Шамбинаго, Маркова и П. Милюкова, пытающихся привязать русскій былинный эпосъ къ новгородской землѣ (см. «Очерки по народной словесности» профессора Миллера и «Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера, изданный его учениками и почитателями», М., 1900 г.).

Продолжая интересоваться вопросомъ о былинахъ, Л. Н. Майковъ напечаталъ въ послѣдующее время слѣдующіе труды:

Разборъ IV тома «Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1868 г., № 5); разборъ «Онежскихъ былинъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ» (ib., 1873 г., № 8) и «Причитаній Сѣвернаго края» Е. В. Барсова, ч. 1 и 2 (ib., 1872 г., № 12 и въ «Отчетѣ о 28-мъ присужденіи наградъ графа Уварова»); «Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула» («Извѣстія императорскаго Русскаго географическаго общества», 1874 г., № 6); «О былинахъ» («Revue des deux mondes», 1874 г., въ статьѣ A. Rambaud: «La Russie epique»); «Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья» («Древняя и Новая Россія», 1876 г., № 6); «О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ» XVII в. (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1880 г., № 11); «Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника» («Живая Старина», 1890 г., вып. I), и «Отрывокъ былины изъ сибирской лѣтописи» (ib., 1891 г., вып. III).

Во всѣхъ этихъ статьяхъ авторъ обращаетъ особое вниманіе

на значеніе былинъ въ народномъ быту и на самый типъ сказателей. Въ обозрѣніи о «старинныхъ рукописныхъ сборникахъ» онъ, при помощи подробнаго изслѣдованія и сличенія текста пѣсенъ и былинъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ XVII в. и съ позднѣйшими устными пересказами тѣхъ же пѣсенъ и былинъ, устанавливаетъ, съ одной стороны, отношенія книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, а съ другой—выясняетъ тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти.

По отношенію къ другимъ видамъ произведеній народной словесности Л. Н. Майковъ напечаталъ: «Великорусскія заклинанія» («Записки императорскаго Русскаго географическаго общества», т. II и отдѣльно, Спб., 1869 г.). Это собраніе «великорусскихъ заклинаній» составлено частью по матеріаламъ географическаго общества и частью по множеству небольшихъ сборниковъ, разсѣянныхъ въ провинціальныхъ изданіяхъ; благодаря обилію матеріала, оно и до сихъ поръ является довольно цѣннымъ трудомъ. Далѣе—«Свадебные обычаи и пѣсни въ Толвуйской волости», съ примѣчаніями («Записки по отдѣленію этнографіи императорскаго Русскаго географическаго общества», т. III, 1873 г.); «Къ исторіи русскихъ суевѣрій. Рапортъ въ Шацкую провинціальную канцелярію отъ лѣкаря Рампау, 1765 г.» («Русская Старина», 1873 г., т. VII); «Заговоры донскихъ казаковъ» («Живая Старина», 1891 г., вып. III) и рецензія на соч. проф. А. И.. Соболевскаго: «Великорусскія народныя пѣсни», т. I, въ которой сообщено немало поправокъ и дополненій.

Что же касается памятниковъ письменной литературы, то изъ нихъ преимущественное вниманіе покойнаго академика обращали на себя произведенія трехъ послѣднихъ столѣтій; но имѣются его изслѣдованія и изъ предыдущей эпохи. Здѣсь на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ первый томъ его «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ» (Спб., 1890 г.; первоначально напечатанъ въ 51 томѣ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ»), въ которомъ помѣщена: «Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда». Въ предисловіи и объясненіяхъ къ этой «Бесѣдѣ», открытой самимъ авторомъ, дается заключеніе, что «Бесѣда»—памятникъ сложный; хотя она и составлена въ XV столѣтіи, но въ основу ея положено произведеніе болѣе раннее, именно описаніе Константинополя, сдѣланное русскимъ паломникомъ около 1300 года и остававшееся неизвѣстнымъ до 1890 г.; описаніе это заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Цареграда вскорѣ по освобожденіи его отъ господства латинянъ и потому составляетъ значительное пріобрѣтеніе, какъ для русской

паломнической литературы, такъ отчасти для исторіи и древностей Византіи [1]).

Второй томъ «Матеріаловъ и изслѣдованій», изданный въ 1891 г. (въ «Сборникѣ отд. русск. яз. и словесности имп. академіи наукъ», т. LIII, и отд.), содержитъ въ себѣ: «Сказки объ Ильѣ Муромцѣ, по рукописямъ XVIII вѣка» и «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка».

Еще болѣе къ ранней эпохѣ, чѣмъ первый томъ «Матеріаловъ и изслѣдованій», относится интереснѣйшая статья покойнаго о «Старинныхъ русскихъ паломникахъ» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1884 г., № 7), составленная на основаніи изданій Православнаго Палестинскаго общества: «Житье и хожденье Данила Русьскыя земли игумена. 1106—1108 г.», «Хожденіе гостя Василья» и «Странствованіе В. Г. Барскаго по святымъ мѣстамъ востока».

Изъ произведеній XVII вѣка Л. Н. Майковъ остановился, главнымъ образомъ, на изученіи твореній Симеона Полоцкаго, помѣстивъ обширную монографію о немъ въ «Древней и Новой Россіи», 1875 г., т. III. «Въ этой обширной статьѣ», по словамъ академика А. Н. Веселовскаго, «авторъ излагаетъ жизнь Семеона Полоцкаго по тѣмъ источникамъ, печатнымъ и рукописнымъ, которыми могъ пользоваться въ петербургскихъ библіотекахъ, и разсматриваетъ его сочиненія, какъ находящіяся въ печати, такъ и извѣстныя въ рукописяхъ. Въ біографической части статьи указаны характеръ и источники образованія Симеона Полоцкаго, его отношенія къ старой московской культурѣ и его просвѣтительныя стремленія; въ обзорѣ его сочиненій обращено вниманіе на его литературные источники и на отношеніе его произведеній къ современнымъ нравамъ, при чемъ впервые сообщены въ печати многія стихотворенія Полоцкаго изъ его «Вертограда Многоцвѣтнаго». Безпристрастная оцѣнка дѣятельности этого характернаго представителя западно-русскаго образованія, который обстоятельствами былъ занесенъ въ Москву, сохраняетъ свое значеніе и теперь».

Изъ другихъ работъ покойнаго по литературѣ того же XVII в. назовемъ: «О началѣ русскихъ виршъ. По поводу статьи профессора А. И. Соболевскаго: Изъ исторіи русской литературы XVII в.», помѣщенной въ «Библіографѣ» за 1891 г., № 3—4 («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1851 г., № 7); «Любовное посланіе конца XVII вѣка», съ объясненіями, которое автору посчастливилось найти въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и которое представляетъ едва ли не единственный памятникъ подоб-

---

[1]) Въ видѣ дополненія къ этому см. замѣтки Д. Ѳ. Кобеко—«Опытъ исправленія текста Бесѣды»... въ III и IV книжкахъ «Извѣстій 2-го отдѣленія имп. академіи наукъ», за 1897 г.

наго рода отъ XVII вѣка (напечатано посланіе въ «Русскомъ Архивѣ» за 1881 г., т. III); «Библіографическія замѣтки объ изданіи проповѣдей Лазаря Барановича» (ib., 1875 г., т. III) и «Челобитная черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу о напечатаніи сочиненія его «Трубы» (ib.).

Къ числу трудовъ Л. Н. Майкова по исторіи русской литературы XVIII в. принадлежатъ:

«Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1878 г., № 11 и отдѣльно, Спб., 1880 г.), работа, обогатившая наши свѣдѣнія о русской повѣсти переходной эпохи, тронутой и въ нравахъ и въ литературныхъ вкусахъ первыми вѣяніями Петровской реформы.

«О жизни и сочиненіяхъ Василія Ивановича Майкова», статья, напечатанная при собраніи его сочиненій (Спб., 1867 г.) и отдѣльно, и представляющая собою весьма обстоятельный этюдъ о нашемъ первомъ народникѣ, изображавшемъ народную жизнь въ періодъ господства ложноклассицизма.

«Молодость Василія Кирилловича Тредьяковскаго до его поѣздки за границу (1703—1726)» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1897 г., № 7). Статья эта составлена частію на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ и частію на основаніи новаго и тщательнаго извлеченія біографическихъ данныхъ изъ произведеній Тредьяковскаго и представляетъ прекрасное дополненіе къ извѣстному труду объ этомъ писателѣ академика П. П. Пекарскаго.

Въ 1889 году покойный издалъ отдѣльною книгой: «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ», куда вошли изъ раньше напечатанныхъ его работъ, но въ переработанномъ и дополненномъ «сообразно современному состоянію свѣдѣній» видѣ: «Симеонъ Полоцкій», «Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени», «Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго», «Литературныя мелочи екатерининскаго времени: Театральная публика во времена Сумарокова, Сонъ Ѳ. А. Эмина, Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 г. и В. А. Чупятовъ», и «Нѣсколько данныхъ изъ исторіи русской журналистики».

Немало также новыхъ историко-литературныхъ свѣдѣній и поправокъ разбросано въ рецензіяхъ Л. Н. Майкова на «Историческое розысканіе о русскихъ современныхъ изданіяхъ за 1073—1802 гг.» и «Указатель» къ нему А. Н. Неустроева (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1876 г., № 7 и «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. III, кн. 2, 1898 г.); на «Новое изданіе сочиненій Фонвизина» Глазунова («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1867 г., № 1); «Матеріалы для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова (ib., 1867 г., № 7); на сочиненіе А. С. Будиловича: «М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ»

въ «Зарѣ», 1870 г., № 2); «Жизнь и переписка Г. Р. Державина» Я. К. Грота (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1881 г., № 2); на разборъ В. Е. Якушкина, напечатанный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1894 г., № 336, по поводу выхода въ свѣтъ



Леонидъ Николаевичъ Майковъ.

академическаго изданія: «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Дениса Ивановича Фонвизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова» («въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»., 1895 г., № 1,—подъ заглавіемъ: О «Фонвизинскомъ сборникѣ» Н. С. Тихонравова»), и др.

Въ числѣ историко-литературныхъ матеріаловъ имъ напечатаны: «Сонъ, видѣнный въ 1765 г. Сатира на Сухопутный кадетскій корпусъ, на академію наукъ и на академію художествъ» («Русскій Архивъ», 1873 г.; въ предисловіи авторъ высказываетъ справедливое предположеніе, что «сатира» принадлежитъ перу Ѳ. А. Эмина), «Неизданная грамматическая замѣтка Ломоносова», съ предисловіемъ (ib., 1866, № 3), и «Два донесенія А. П. Сумарокова», съ предисл. («Восемнадцатый вѣкъ» Бартенева, т. III, стр. 182—186; М., 1869 г.).

Изъ писателей XIX в. Л. Н. Майковъ наибольшее время посвятилъ изученію произведеній К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина. Въ 1887 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ въ трехъ томахъ полное собраніе сочиненій Батюшкова и присоединилъ къ нимъ обширную статью «о жизни и сочиненіяхъ» этого поэта, а также и подробныя подстрочныя примѣчанія. Какъ самое изданіе произведеній поэта, такъ и его біографія всѣми признаются монументальнымъ трудомъ, который въ 1889 г. и былъ увѣнчанъ полной Пушкинской преміей. Особенно цѣнною является составленная Л. Н. Майковымъ біографія Батюшкова; въ ней въ изящномъ изложеніи разсказана весьма подробно несчастная судьба русскаго поэта, все его внутреннее развитіе, его отношеніе къ событіямъ и людямъ эпохи, и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Въ виду массы разнаго рода свѣдѣній, она является въ то же время обстоятельнымъ обзоромъ всей литературной жизни эпохи Александра Благословеннаго. Той же цѣли служатъ и обширныя примѣчанія біографическаго и библіографическаго характера, въ которыхъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ между прочимъ до 35 біографій писателей допушкинскаго періода; остальныя—около 40—составлены В. И Саитовымъ.

Во время чествованія академіею наукъ памяти Батюшкова, 22-го ноября 1887 г., покойный академикъ прочелъ рѣчь: «Характеристика Батюшкова, какъ поэта», которая и была потомъ напечатана въ 43 томѣ «Сборника отд. русскаго языка и словесности». Впослѣдствіи онъ напечаталъ еще: «Пушкинъ о Батюшковѣ», новооткрытыя замѣтки (въ «Русскомъ Архивѣ», 1894 г., № 4), «Два письма К. Н. Батюшкова» (въ «Русской Старинѣ», 1893 г., № 3) и «Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову, 22 апрѣля 1816 г.» (ib., 1893 г., № 5).

Въ 1889 г. академія наукъ поручила Л. Н. Майкову критическое изданіе сочиненій А. С. Пушкина, каковою работою и былъ занятъ покойный все послѣднее десятилѣтіе своей жизни. Результатомъ его трудовъ были: 1) «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки» (Спб., 1899 г.). Содержаніе этого наиболѣе цѣннаго труда составляютъ: «Молодость А. С. Пушкина по разсказамъ его младшаго брата», «Записки И. И. Пущина о

дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ», «Бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ», «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ», «А. Вульфъ и его дневникъ» (отдѣльно было напечатано въ «Русской Старинѣ», 1899 г., № 3), «Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской Кернъ», «Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ (по матеріаламъ Остафьевскаго архива)», «Пушкинъ о Батюшковѣ», «Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ», «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ (1826—1830)», «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году», «Наталья Кирилловна Загряжская» и «Пушкинъ и Даль». 2) «Пушкинъ. Лирическія стихотворенія», т. I (Спб., 1899 г.); 3) «Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа» («Русская Старина», 1899 г., № 8 и 9); 4) «Два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти сына-поэта» (ib., 1899 г., № 5); 5) «Письмо В. Д. Соломірскаго къ А. С. Пушкину», съ предисловіемъ («Русскій Архивъ», 1894 г., № 11) и 6) «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту» (въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ» за 1896 г. и потомъ въ «Сборникѣ» того же отдѣленія, т. 64, 1899 г.).

Затѣмъ Л. Н. Майковъ немало занимался также изученіемъ произведеній И. А. Крылова и составилъ на основаніи вновь найденныхъ документовъ: «Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ» (Спб., 1889 г.). Въ видѣ извлеченія изъ этой брошюры имъ были сообщены въ «Русскую Старину» (1890 г., № 1) «Три басни изъ изданія: Утренніе часы», въ которомъ Крыловъ былъ сотрудникомъ въ 1788—1789 г. Эти басни до того признавались принадлежащими перу неизвѣстнаго поэта.

По поводу появленія юбилейныхъ статей о Крыловѣ: г. Нечаева (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1895 г., № 7) и А. I. Лященко—«Басня Крылова «Водолазы» (Спб., 1895 г.), Л. Н. Майковъ напечаталъ въ «Русской Старинѣ» за 1896 г., № 2, статью подъ заглавіемъ: «Какъ понимать басню Крылова «Водолазы», въ которой, указавъ на погрѣшности того и другаго автора, предложилъ новое объясненіе, опираясь, между прочимъ, и на историческія данныя.

Въ 1891 г. онъ редактировалъ и снабдилъ характеристикой собраніе критическихъ опытовъ своего брата, Валеріана Николаевича. Наконецъ, къ литературной же исторіи XIX вѣка относятся его: «Эпизодъ изъ исторіи славянофильства: дѣло о запрещеніи изданія «Московскаго Сборника», 1852—1853 гг. (въ «Русской Старинѣ», 1875 г., т. XIV); «Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ» (ib., 1900 г., № 1) и рецензія на редактированное проф. Д. И. Багалѣемъ «Собраніе сочиненій Гр. С. Сковороды», въ которомъ указано немало ошибокъ въ обработкѣ матеріала и пропу-

сковъ, особенно въ I главѣ (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1894 г., № 12).

Хотя исторія русской литературы и составляла главный предметъ занятій покойнаго академика, но онъ немало удѣлялъ времени работамъ и по русской исторіографіи и русской исторіи, которыя въ большинствѣ случаевъ изобилуютъ новыми матеріалами и новыми освѣщеніями. Къ области исторіографіи относятся слѣдующія его двѣ статьи: «О лѣтописи Черепанова» (въ «Лѣтописи занятій археографической комиссіи», вып. VII, 1884 г.) и «Къ вопросу объ «Исторіи Русовъ» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1893 г., № 5).

Послѣдняя статья написана по поводу появленія въ свѣтъ книги г. Горленка: «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в.» (Кіевъ, 1893 г.), и содержитъ въ себѣ много дополненій и поправокъ; между прочимъ, Л. Н. Майковъ болѣе склоненъ раздѣлять мнѣніе г. Лазаревскаго, чѣмъ г. Горленко, о принадлежности «Исторіи Русовъ» перу двухъ Полетикъ.

Непосредственно къ русской исторіи относятся его труды: 1) «Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ» (въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. LII, и отдѣльно, Спб., 1891 г.), съ предисловіемъ, гдѣ окончательно опредѣлено историческое значеніе «Разсказовъ» и ихъ источники, и съ примѣчаніями, обнаруживающими въ авторѣ громадную начитанность въ иностранной исторической литературѣ. По отзыву К. Н. Бестужева-Рюмина, это изданіе одно изъ самыхъ тщательныхъ и можетъ служить образцомъ подобнаго рода изслѣдованій. 2) «Петръ Великій въ разсказахъ Нартова, его учителя въ токарномъ мастерствѣ, въ 1712—1725 гг.» («Русская Старина», 1892 г., № 1 и 4). 3) «Княжна Марія Кантемірова» (ib., 1897 г., № 1, 3, 6 и 8;—обширное изслѣдованіе съ многочисленными подробностями по части придворной и общественной жизни Россіи въ первую половину XVIII в. и съ значительными біографическими свѣдѣніями о Димитріи и сынѣ его поэтѣ Антіохѣ Кантеміряхъ). 4) «Жизнь И. И. Неплюева (имъ самимъ написанная)», съ предисловіемъ и примѣчаніями («Русскій Архивъ», 1871 г., № 4—5). 5) «Левъ Юрловъ и его письмо къ родственникамъ, 16-го сентября 1743 г.» (ib., 1868 г., № 7—8). 6) «Матеріалы для русской исторіи, хранящіеся въ Чехіи. Россія при Петрѣ II.—Русскія войска въ Германіи при Аннѣ Іоанновнѣ». Съ предисловіемъ и примѣчаніями (ib., 1883 г., т. III). 7) «Разсказъ графа И. Н. Панина о воцареніи Екатерины II. Изъ записокъ барона Ассебурга». Съ продисловіемъ (ib., 1879 г., т. I). 8) «Пугачевскіе листы» («Русская Старина», 1875 г., т. XIII). 9) «Прощаніе Дидро съ императрицей Екатери-

ной II» («Историческій Вѣстникъ», 1880 г., № 10). 10) «Краткое извѣстіе о народѣ Остяцкомъ Григорія Новицкаго» (Спб., 1884 г., изданіе императорскаго общества древней письменности). 11) «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.» П. И. Челищева (Спб., 1886 г., изданіе того же общества. Въ предисловіяхъ авторъ даетъ подробную оцѣнку того и другого памятника, впервые появляющихся въ печати подъ его редакціей). 12) «Молодость А. А. Башилова. Записки о временахъ Екатерины II и Павла I». Съ предисловіемъ («Заря», 1871 г.. № 12). 13) «Первая мысль о Морейской экспедиціи графа А. Г. Орлова». Съ предисловіемъ (въ «Историческихъ матеріалахъ. Приложеніе къ «Зарѣ», 1870 г.» и то же въ «Памятникахъ новой русской исторіи», т. I, 1871 г.). 14) «Для исторіи сношеній Россіи съ Китаемъ при Петрѣ Великомъ» («Извѣстія императорскаго русскаго археологическаго общества», т. VIII, вып. 5). 15) «Сношенія князя А. А. Черкасскаго съ Голштинскимъ дворомъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ» (въ «Памятникахъ новой русской исторіи», т. I, 1871 г. и тоже въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ», изд. Михайловымъ, Спб., 1873 г.). 16) «Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ. Статья г. Гашера и донесеніе Екатеринѣ II А. И. Моркова». Съ предисловіемъ («Русскій Архивъ», 1876 г., т. II). 17) «Князь М. М. Щербатовъ. Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ», съ примѣчаніями («Русская Старина», 1891 г., № 11). 18) «М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II въ 1765 году». Съ предисловіемъ («Русскій Архивъ», 1873 г.). 19) «Современное письмо о наказаніи Салтычихи, 22-го октября 1768 г.» («Осьмнадцатый вѣкъ» Бартенева, т. IV). 20) «В. А. Чупятовъ, чудакъ XVIII вѣка» («Русскій Архивъ», 1873 г.). 21) «Плѣнъ шведскаго графа Гордта въ Россіи, въ 1759—1762 гг.». Извлечено изъ его записокъ и дополнено (ib., 1877 г., т. II). 22) «Атаманъ Запорожской Сѣчи Петръ Калнишевскій въ 1787 и 1801 гг. Замѣтки о его судьбѣ». («Русская Старина», 1876 г., т. XV; вмѣстѣ съ Г. К. Рѣпинскимъ). 23) «Воспоминанія Анны Григорьевны Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году». Съ предисловіемъ. («Русскій Архивъ», 1891 г., т. III). 24) «Вѣнскій конгрессъ по разсказамъ графини Элизы фонъ-Пернсторфъ» («Русская Старина», 1898 г., № 3). 25) Рецензія на редактированное С. Н. Шубинскимъ изданіе «Писемъ леди Рондо» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1874 г., № 1). 26) «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (ib., 1881 г., № 9 и отдѣльно). Это изслѣдованіе составлено по порученію археографической комиссіи; въ немъ авторъ, путемъ сличенія показаній актовъ и лѣтописей, приходитъ къ выводу, что атаманъ Кольцо привезъ въ Москву извѣстіе о покореніи Сибири въ началѣ 1583 года, и что затѣмъ послѣдовало принятіе этого края въ русское подданство.

Кромѣ того, Л. Н. Майкову принадлежитъ еще нѣсколько статей по исторической географіи и этнографіи Россіи. Изъ нихъ назовемъ: 1) «Замѣтка о географіи древней Руси» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1874 г., № 8, и отдѣльно, Спб., 1874 г.), написанная по поводу выхода въ свѣтъ книги Н. Барсова: «Географія начальной лѣтописи», и заключающая немало важнѣйшихъ поправокъ. 2) «О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка» (ibid., 1877 г., № 6, 7, и 12, и отдѣльно, Спб., 1878 г.); представляетъ подробный пересказъ содержанія книги проф. Алквиста: «Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen», съ дополненіями относительно вліянія славянской культуры на финскую, на основаніи данныхъ русской этнографической литературы. 3) «О бытѣ евреевъ въ сѣверо-западномъ краѣ» («Извѣстія императорскаго географическаго общества», т. VIII, 1872 г.) и 4) «Замѣтки о московской этнографической выставкѣ» (ibid., т. III, 1867 г.).

Весьма любопытными и заслуживающими серіознаго вниманія являются и некрологи, написанные Л. Н. Майковымъ, какъ по обилію точныхъ свѣдѣній, потому что онъ писалъ лишь о лицахъ, хорошо ему извѣстныхъ, такъ и по правильной оцѣнкѣ трудовъ и дѣятельности покойныхъ ученыхъ. Имъ написаны некрологи: П. А. Плетнева («Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ», т. LIV), Д. П. Лебедева («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1892 г., № 1), А. Д. Галахова (ib., 1892 г.. № 12), Н. С. Тихонравова (ib., 1894 г., № 1), А. И. Артемьева (ib., 1874 г., № 11), И. И. Срезневскаго (ib., 1880 г., № 3), Н. А. Трескина (ib., 1894 г., № 7), Е. Е. Замысловскаго (ib., 1896 г., № 8), К. Н. Бестужева-Рюмина (ib., 1897 г., № 2), Е. М. Ѳеоктистова (ib., 1898 г., № 8), А. Ѳ. Бычкова (ib., 1899 г., № 10 и 1900 г., № 1) и В. Г. Васильевскаго («Русская Старина», 1899 г., № 6).

Кромѣ всего перечисленнаго, отъ Л. Н. Майкова остался еще цѣлый рядъ напечатанныхъ имъ «Отчетовъ» о дѣятельности второго отдѣленія академіи наукъ, императорскаго общества древней письменности, двухъ археологическихъ съѣздовъ (4-го и 5-го) и нѣсколько отысканныхъ имъ болѣе или менѣе цѣнныхъ въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ небольшихъ матеріаловъ, въ видѣ, напримѣръ, писемъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ послѣднихъ трудахъ покойнаго академика, которые, вѣроятно, академія наукъ не замедлитъ издать. Къ такимъ трудамъ его относятся: 1) второе изданіе перваго тома «лирическихъ стихотвореній» А. С. Пушкина, съ дополненіями и поправками, сдѣланными почти исключительно самимъ Л. Н. Майковымъ; 2) значительная часть уже

отпечатаннаго второго тома стихотвореній Пушкина; 3) «Матеріалы для біографіи князя А. Д. Кантеміра. Переписка князя А. Д. Кантеміра», составленная по матеріаламъ гг. Александренко и А. А. Титова и обнимающая время съ 1732 г. по 1744 г.; приготовлена къ напечатанію въ одномъ изъ томовъ «Сборника» 2-го отдѣленія; и 4) «Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина до 1860 г.», времени переселенія его въ Петербургъ. «Воспоминанія» выйдутъ, вѣроятно, нынѣшнимъ же лѣтомъ. Они въ высшей степени любопытны, такъ какъ содержатъ много данныхъ для характеристики московскихъ литературныхъ кружковъ и московскихъ ученыхъ, свѣдѣній о студенчествѣ, о театрѣ и т. п. Къ тому же они значительно дополнены примѣчаніями Л. Н. Майкова, пользовавшагося въ нихъ и перепискою покойнаго историка съ разными лицами.

Не переставая до конца дней своихъ интересоваться разными вопросами по русской литературѣ и русской исторіи, Л. Н. Майковъ въ послѣднее время много также занимался изученіемъ ереси жидовствующихъ, дѣятельностью Геннадія, Герасимова и Николая Нѣмчина и открылъ рядъ новыхъ документовъ, напримѣръ, по отношенію къ послѣднему. Вѣроятно, при разборѣ его бумагъ академія наукъ воспользуется и этими матеріалами для напечатанія ихъ въ своемъ изданіи.

Послѣ всего сказаннаго легко понять, какую великую утрату понесла русская наука въ лицѣ Л. Н. Майкова, а если къ этому прибавить еще, что онъ при своей обширной эрудиціи и рѣдкой памяти былъ неисчерпаемымъ кладеземъ знаній для молодыхъ ученыхъ, искреннимъ и сердечнымъ ихъ руководителемъ, снисходительнымъ судьей и постояннымъ совѣтникомъ, то эта потеря по справедливости, можетъ быть признана и невозградимой, по крайней мѣрѣ, на долгое время.

В. Е. Рудаковъ.

ПОѢЗДКА ВЪ КРОНШТАДТЪ.

(Впечатлѣнія провинціала).

ПО СЛУЖЕБНЫМЪ дѣламъ мнѣ пришлось пріѣхать въ Петербургъ. Вслѣдствіе разныхъ канцелярскихъ проволочекъ въ хлопотахъ по дѣламъ, у меня оказался промежутокъ въ нѣсколько дней, и я рѣшилъ употребить эти дни на поѣздку въ Кронштадтъ, главнымъ образомъ для того, чтобъ увидѣть живущаго въ немъ извѣстнаго православнаго пастыря.

Еще передъ моей поѣздкой знакомыя мои дамы приходили въ умиленіе отъ того, что я черезъ поѣздку въ Петербургъ получу возможность побывать въ Кронштадтѣ. Я зналъ, что мнѣ придется отдавать отчетъ своимъ добрымъ знакомымъ, не скажу, чтобъ и самому мнѣ не было интересно побывать въ Кронштадтѣ, увидѣть прославленнаго человѣка, если возможно, услыхать его мнѣніе по волнующимъ меня вопросамъ, а у кого такихъ нѣтъ?—и я поѣхалъ.

Какъ я, такъ и другіе провинціалы, представляемъ себѣ возможность исполненія своихъ намѣреній совершенно иначе, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Мы думаемъ: пріѣду къ уважаемому пастырю и поговорю съ нимъ о томъ-то и о томъ-то... Пріѣхать—всецѣло, конечно, зависитъ отъ васъ. По пріѣздѣ увидѣть его, также, имѣете возможность, ибо, если онъ въ Кронштадтѣ, то ежедневно служитъ. Но видѣться и говорить съ нимъ—это ужъ очень маленькая возможность, которая можетъ сдѣлаться и невозможностью.

Пріѣхалъ я въ Кронштадтъ, никого изъ бывалыхъ людей ни о чемъ не разспросивъ. Я потомъ нѣсколько пожалѣлъ, что не запасся совѣтами опытныхъ людей. По пріѣздѣ, я прямо отправился къ церковнымъ домамъ, въ коихъ проживаетъ причтъ Андреевскаго Кронштадтскаго собора. Во дворѣ я встрѣтилъ среднихъ лѣтъ женщину, вѣроятно, прислугу одного изъ членовъ причта, и обратился къ ней съ просьбой сказать мнѣ, какъ и гдѣ я могу увидѣться съ извѣстнымъ пастыремъ.

— Батюшки нѣтъ теперь въ Кронштадтѣ,—сказала она мнѣ:—онъ уѣхалъ въ Москву. Пріѣдетъ сегодня вечеромъ.

Какъ я потомъ замѣтилъ, названіе «батюшка» сдѣлалось въ Кронштадтѣ какъ бы собственнымъ именемъ одного лица. Его здѣсь иначе не называютъ, и всѣ уже знаютъ, кого нужно разумѣть подъ этимъ именемъ. Будемъ и мы поэтому въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа именовать его этимъ именемъ.

— А какъ мнѣ съ нимъ увидѣться?—спросилъ я.—Есть ли у него пріемная для желающихъ бесѣдовать съ нимъ, или какъ?

— Нѣтъ, на домъ къ нему не допускаютъ. Какъ только онъ пріѣзжаетъ домой, тотчасъ ворота на-запоръ, и даже во дворъ никого не впускаютъ. А кто хочетъ видѣть его, то останавливается на квартирахъ. Есть особыя квартиры для желающихъ видѣть батюшку. Открываются онѣ съ его благословенія. Только эти квартиры онъ и объѣзжаетъ. Вотъ напротивъ нашего дома есть такая квартира. Въ ней онъ завтра навѣрно будетъ, а въ другихъ будетъ, въ которыхъ успѣетъ, такъ какъ квартиръ много, и въ одинъ день батюшка не успѣваетъ объѣхать всѣ, а бываетъ одинъ день въ однѣхъ, а другой въ другихъ. А ужъ въ этой онъ непремѣнно будетъ.

Поблагодаривъ словоохотливую женщину за совѣтъ, я отправился къ указанному мнѣ дому. Войдя въ наружную дверь и пройдя длинный коридоръ, я очутился въ комнатѣ, биткомъ набитой народомъ. Одни сидѣли, другіе стояли, пили чай, галдѣли. Воздухъ былъ спертый. Хорошо еще, что не было накурено, ибо куреніе табаку здѣсь, какъ и въ другихъ квартирахъ для богомольцевъ, не допускалось. Я остановился при входѣ въ комнату, ища глазами, къ кому тутъ обратиться, кто тутъ всѣмъ заправляетъ. Стоявшую невдалекѣ отъ меня женщину я спросилъ, гдѣ хозяинъ.

— N. N.,—окликнула она кого-то по имени и отчеству,—васъ спрашиваютъ.

И передо мной очутился какой-то субъектъ, невысокаго роста, съ несимпатичной, угреватой физіономіей. Онъ рѣзкимъ, отрывистымъ и крайне непріятнымъ голосомъ спросилъ меня: что вамъ угодно?

— Я вотъ хочу у васъ остановиться, чтобы имѣть возможность завтра видѣть батюшку,—отвѣтилъ я.

— Вы какъ желаете — въ общей или отдѣльный номеръ?

Я видѣлъ, что въ общей народу много, да и мое расположеніе духа въ тотъ моментъ было таково, что лучше было бы быть отдѣльно. Эти соображенія быстро пробѣжали въ моей головѣ, и я безъ колебаній отвѣтилъ, что желаю занять отдѣльный номеръ.

— За отдѣльный номеръ заплатите шесть рублей за ночь,— сказалъ субъектъ.

Еслибъ я напередъ слышалъ что нибудь о высокихъ цѣнахъ здѣсь, былъ предупрежденъ о дороговизнѣ спеціальныхъ квартиръ, то былъ бы нѣсколько подготовленъ къ такой баснословной цифрѣ. Теперь же, услышавъ цѣну шесть рублей за одинъ ночлегъ, я положительно ушамъ своимъ не вѣрилъ и не могъ собраться съ мыслями. Когда вы въ городѣ идете въ первоклассную гостиницу, то напередъ уже знаете, что съ васъ сдерутъ порядочно, если пожелаете имѣть роскошнѣйшій номеръ. Если вамъ онъ не по карману, то найдется другой номеръ, дешевле. А тутъ дѣло обстоитъ иначе. Сюда стекается со всѣхъ концовъ Россіи православный русскій народъ, наслышанный о славѣ единственнаго въ своемъ родѣ человѣка. Быть можетъ, иной потратилъ послѣднія деньги и, по пріѣздѣ къ цѣли своей поѣздки и своихъ мечтаній, не знаетъ, что дѣлать, какъ и куда обратиться, гдѣ остановиться. Онъ находитъ, что ему необходимо занять отдѣльный номеръ, чтобы имѣть возможность наединѣ побесѣдовать съ человѣкомъ, для совѣта съ которымъ онъ тянулся изъ-за тысячъ верстъ, къ которому онъ, какъ къ маяку, направлялся, надѣясь получить отъ него спасеніе въ тревожащихъ его бурныхъ волненіяхъ жизни. Здѣсь же понимаютъ душевное состояніе и нужду пріѣзжаго и хотятъ воспользоваться случаемъ. Шесть рублей—за одинъ ночлегъ! И требующій это — тонкій психологъ. Онъ знаетъ, что если вамъ дѣйствительно желательно видѣть уважаемаго пастыря, то вы дадите шесть, даже десять рублей, какъ уже дали за проѣздъ, быть можетъ, нѣсколько десятковъ пріѣзжихъ сюда паломниковъ.

Но возвратимся къ страшному субъекту. Такимъ онъ мнѣ показался, какъ по своей несимпатичной физіономіи, такъ и по той хищнической жадности, сквозившей и во взорѣ, и во всѣхъ движеніяхъ, съ какими онъ относился къ нуждающимся въ немъ людямъ. Онъ замѣтилъ, что внушительная цифра произвела на меня неблагопріятное впечатлѣніе... Должно быть, изумленіе и испугъ были видны на моемъ лицѣ.

— Что? Аль дорогонько это для васъ? Въ такомъ случаѣ помѣщайтесь въ общей,—сказалъ онъ.

— Но вѣдь общая-то переполнена народомъ. Тамъ всѣмъ и сѣсть негдѣ... Гдѣ же тамъ ночевать? — попробовалъ возразить я.

— А тамъ, гдѣ и всѣ, на полу,—невозмутимо выговорилъ онъ.

По его словамъ видно было, что его крайне удивляетъ, что,

пріѣзжая въ такое мѣсто, люди могутъ желать какихъ-то удобствъ, въ родѣ сноснаго ночлега.

Тутъ у меня явилась мысль, за которую я съ радостью ухватился, не сомнѣваясь, что, готовый воспользоваться случаемъ, квартиросодержатель согласится на мое предложеніе, ибо интересы его кармана не пострадаютъ.

— Я вамъ вотъ что предложу,—началъ я.—Сколько платятъ вамъ за ночлегъ въ общей комнатѣ?

— Тридцать копеекъ.

— Я вамъ уплачу тридцать копеекъ, даже сорокъ, уплачу сейчасъ же. Но ночевать здѣсь не буду; пойду, переночую въ гостиницѣ, а завтра вы меня впустите сюда, когда пріѣдетъ батюшка.

— Нѣтъ, мы не можемъ впускать на молебенъ съ улицы. Я такъ не согласенъ,—продолжалъ тиранить меня жестокій человѣкъ.

Этого отказа я ужъ никакъ не предполагалъ. Ну, не мучитель ли онъ?! Онъ непремѣнно хотѣлъ заставить меня спать въ общей комнатѣ, на полу, гдѣ сравнены полы и возрасты, спать согнувшись, скорчившись, подвергаясь опасности быть облитымъ кипяткомъ безпрерывно пьющими чай богомольцами, т.-е. спать при такихъ условіяхъ, при которыхъ нельзя и помышлять о снѣ, чтобы такимъ образомъ совершенно презрѣть свою плоть и возвыситься духомъ.

— Ну, что жъ, если не хотите спать въ общей комнатѣ,—продолжалъ онъ послѣ маленькой паузы,—то вотъ къ вашимъ услугамъ сундукъ.

Съ этими словами онъ повелъ меня въ коридоръ и указалъ мнѣ сундукъ, на которомъ дѣйствительно можно было улечься взрослому человѣку. Ночлегъ на немъ представился мнѣ роскошью сравнительно съ ночлегомъ въ общей комнатѣ, и я не замедлилъ согласиться на сдѣланное мнѣ предложеніе.

— За этотъ сундукъ 75 копеекъ,—проговорилъ онъ.

Я ничего не возражалъ.

— А то, можетъ, желаете въ этой вотъ комнатѣ ночевать,—сказалъ онъ, указывая мнѣ другой узенькій коридорчикъ, названный имъ комнатой, вѣроятно, потому, что здѣсь висѣла икона, и онъ находился за общей комнатой, слѣдовательно представлялъ спящему возможность избѣжать тѣхъ безпокойствъ, которыя были бы неизбѣжны при спаньѣ въ первомъ коридорѣ, служившемъ проходомъ изъ общей комнаты къ наружнымъ дверяхъ. Мой выборъ остановился на второмъ сундукѣ.

— За этотъ сундукъ рубль,—внушительно произнесъ квартиросодержатель.

Все у него было взвѣшено, оцѣнено. За маленькое удобство онъ прибавилъ 25 копеекъ!

— Я оставляю за собою рублевый сундукъ,—сказалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, идите вонъ въ тотъ уголъ,—указалъ онъ мнѣ на общую комнату.—Тамъ васъ запишутъ. Дадите вашъ паспортъ, если имѣете, а если нѣтъ, то запишутъ вашу фамилію.

Я пошелъ въ указанное мнѣ мѣсто общей комнаты, гдѣ за столомъ возсѣдалъ какой-то писака и записывалъ лежавшіе около него паспорты. Я подошелъ къ нему и объяснилъ, что мнѣ сказано прописать свою фамилію, такъ какъ я паспорта не имѣю. Онъ медленно поднялъ на меня свои глаза, посмотрѣлъ поверхъ очковъ, продолжительнымъ и уничижающимъ, по его мнѣнію, взглядомъ, также медленно отвелъ его отъ меня и, ничего не сказавъ, продолжалъ свою работу. Мнѣ какъ-то неловко сдѣлалось отъ такого обращенія, я отошелъ и остановился въ сторонѣ отъ стола.

Въ комнатѣ стоялъ гулъ отъ множества говорившихъ, слышался звонъ стакановъ.

— Марія N.!—возгласилъ писака, читая имя и фамилію изъ паспорта.

На зовъ никто не откликнулся: за шумомъ голосовъ окликъ писаря не былъ слышенъ въ дальнемъ углу. Онъ болѣе громкимъ и властнымъ голосомъ повторилъ вызовъ. Къ столу спѣшно подошла какая-то старушка.

— Что это ты оглохла, что ль? не слышишь, что тебя спрашиваютъ?—гнѣвно напустился на нее писарь.—Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятьдесять семь, родимый,—отвѣтила старушка.

— А почему у тебя въ паспортѣ не прописаны лѣта? а? Видно, пьянъ былъ писарь, когда писалъ паспортъ?

— Не знаю, батюшка, можетъ, и пьянъ!

— То-то, не знаю! А зачѣмъ брала такой паспортъ, въ которомъ и лѣта-то не прописаны?

— Да я неграмотная, родимый!—оправдывалась старушка:—не знаю, что тамъ написано, а что—нѣтъ. Далъ мнѣ въ руки бумагу, я взяла и пошла. А что въ ней написано—Господь вѣдаетъ. Неграмотная я сама.

Грубое обращеніе писаря, въ связи съ прежними разговорами съ хозяиномъ, непріятно подѣйствовало на меня, и я поспѣшилъ выйти на чистый воздухъ, чтобъ немного освѣжиться.

Тутъ предо мной, точно изъ земли выросшій, появился какой-то оборванецъ.

Нужно замѣтить, что въ Кронштадтѣ такое множество оборванцевъ, не какихъ нибудь немощныхъ, калѣкъ, а людей вполнѣ здоровыхъ и даже здоровенныхъ, что это невольно сразу бросается въ глаза пріѣзжему человѣку.

Мѣстные жители говорили, что тогда ихъ еще, сравнительно, не много было, ибо была еще работа въ портѣ. Когда же тамъ прекращаются работы, то число ихъ значительно увеличивается. Всѣ они толкутся цѣлодневно на улицахъ, и отъ щедраго батюшки

каждому выдается ежедневно 8—10 копеекъ. Онъ для нихъ и ночлежный домъ построилъ, и кормитъ, и одѣваетъ ихъ. Но они настойчиво пристаютъ къ каждому проходящему. Одни изъ голяковъ просто просятъ подать имъ милостыню, а другіе начинаютъ излагать резоны, что вы даже обязаны подать ее. Скоро отъ васъ онъ не отстанетъ. Другіе, видя, что ихъ коллега съ кѣмъ-то разговариваетъ, тоже подходятъ, или, лучше, подбѣгаютъ, и вотъ около васъ въ одинъ мигъ образуется толпа босяковъ, отъ которой отдѣлаться можете или подачкой, или зайдя куда нибудь въ домъ, такъ какъ они цѣлой толпой будутъ сопровождать васъ до самаго конца вашего путешествія.

Одинъ изъ голяковъ стоялъ передо мной. Безъ всякой приниженности, даже съ чувствомъ сознанія собственнаго достоинства, онъ заговорилъ:

— Подайте, милостивый государь, человѣку, цѣлый день ничего не ѣвшему, а батюшка ужо помолится о вашемъ здравіи.

По здоровому виду заговорившаго со мной нельзя было думать, чтобъ его желудокъ часто испытывалъ то состояніе, о которомъ онъ говоритъ теперь. А по нѣсколько даже веселому тону его голоса можно было предполагать, что онъ даже и теперь напраслину возводитъ, жалуясь на терпимое цѣлый день лишеніе. Я радъ былъ поговорить съ мѣстнымъ жителемъ и притомъ такимъ, какъ стоявшій предо мной субьектъ, знавшимъ жизнь своего города во всѣхъ подробностяхъ.

— Какъ онъ помолится,—сказалъ я,—если и увидѣть-то его трудно? Вотъ я не могу долго оставаться въ Кронштадтѣ и, чтобы его завтра увидѣть, принужденъ непремѣнно остановиться въ этомъ домѣ, у квартиросодержателя, который мнѣ не нравится.

Думая, вѣроятно, угодить мнѣ, босякъ началъ неодобрительно отзываться о квартиросодержателѣ, не жалѣя густыхъ красокъ Онъ посовѣтовалъ перейти въ другой домъ для богомольцевъ, содержимый нѣкоей Б., увѣряя и клянясь, что завтра батюшка непремѣнно будетъ тамъ чуть ли не тотчасъ по пріѣздѣ, ибо госпожа Б. его крестница. Я мало придалъ вѣры завѣреніямъ босяка, но сильное желаніе уйти отъ грубаго и алчнаго квартиросодержателя и невѣжественнаго и дерзкаго писаря побудило меня воспользоваться совѣтомъ босяка. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ его слова правдивы въ существенномъ!.. подумалъ я. Мы отправились, и онъ подвелъ меня къ какому-то довольно большому дому, вызвалъ хозяйку, которую онъ назвалъ по имени и отчеству, и объяснилъ ей цѣль нашего прихода, сказавъ, что я желаю занять отдѣльный номеръ. Она видимо очень обрадовалась такому моему желанію и повела меня показывать номеръ. Первая комната, въ котурою мы вошли, была «общая», также наполненная народомъ, хотя не въ такомъ множествѣ, какъ въ прежней квартирѣ. Мы прошли въ дру-

гую, маленькую комнату, которую хозяйка и предложила мнѣ занять за три рубля за ночлегъ. Хотя цѣна и вдвое меньше прежнихъ цѣнъ, но все же не маленькая. Я еще не отвѣтилъ сразу ничего и продолжалъ осматривать комнату, какъ хозяйка, вѣроятно, опасаясь, что я не захочу занять комнату по дороговизнѣ, и она можетъ лишиться постояльца, поспѣшила сказать мнѣ, что въ общей комнатѣ находится какой-то господинъ, который хотѣлъ было занять отдѣльный номеръ, но какъ цѣна за номеръ для него высока, то онъ и остался въ общей.

— Вотъ вамъ вдвоемъ,—заключила она,—занять номерокъ, оно бы и дешевле вышло. Тутъ вотъ какъ разъ есть такой—съ двумя кроватями.

Такое предложеніе явилось весьма подходящимъ, и я на него согласился. Она пригласила названнаго господина, и мы вдвоемъ заняли номеръ въ 2 рубля 50 копеекъ за ночлегъ. Приходившаяся на мою долю плата 1 рубль 25 копеекъ показалась мнѣ даже малою сравнительно, конечно, съ тѣмъ, что съ меня хотѣлъ за номеръ прежній квадтиросодержатель.

Мой случайный товарищъ былъ интеллигентный на видъ, симпатичный молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Херсонской губерніи нарочито къ уважаемому пастырю. По всему видно было, что какое-то глубокое горе тяготило его. Мы отпили чай, поговорили и собрались укладываться спать. Но вотъ изъ сосѣдней съ нами общей послышалось пѣніе: «Взбранной воеводѣ», выводимое однимъ неувѣреннымъ голосомъ. Къ нему присоединилось нѣсколько другихъ голосовъ, затѣмъ послышались пискливые женскіе голоса, и образовалось такимъ образомъ общее пѣніе Богородицѣ, унисонное, нестройное. Видно было, что пѣвшіе не привыкли участвовать въ пѣніи и дѣлаютъ это теперь, только увлекаемые примѣромъ одного изъ начетчиковъ, расхаживающихъ всю жизнь по матушкѣ-Россіи съ акаѳистникомъ въ котомкѣ. Послѣ пѣнія началось однимъ изъ богомольцевъ чтеніе акаѳиста, сопровождаемое пѣніемъ всѣхъ присутствовавшихъ. По окончаніи одного акаѳиста началось чтеніе другого, затѣмъ читалось евангеліе... Долго ли продолжалось ихъ моленіе—не знаю, ибо сонъ, несмотря на пѣніе, овладѣлъ мною.

Не было еще шести часовъ, какъ мы проснулись и, поспѣшно одѣвшись, отправились въ соборъ. Шла утреня. Народу было немного, что̀ насъ нѣсколько удивило. Но скоро дѣло объяснилось-батюшка, пріѣхавшій наканунѣ поздно вечеромъ, служилъ не въ соборѣ, а въ церкви при домѣ трудолюбія. Мы отправились туда. Здѣсь церковь была уже переполнена народомъ, несмотря на то, что только-что началась утреня. Народъ стоялъ и въ коридорѣ; въ церкви мѣста не было. Съ трудомъ намъ удалось войти въ самую церковь. Я былъ въ ватномъ пальто. Жара и духота стояли въ церкви, но я не обращалъ на это вниманія и не думалъ ухо-

дить. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ напряженно были обращены къ алтарю, чтобы видѣть «его». Вышелъ священникъ говорить ектенію. Всѣ заволновались, стараясь какъ можно выше приподняться. Кто въ Россіи не видалъ портрета прославленнаго пастыря! Его вы найдете у крестьянъ висящимъ рядомъ съ иконами, найдете у офеней на всѣхъ ярмаркахъ, на чайныхъ чашкахъ... Но издали трудно было разсмотрѣть вышедшаго священника, и потому стоявшіе вдалекѣ не могли прійти къ несомнѣнному заключенію, «онъ» ли это, или не «онъ».

— Гляди, Матрена, — сказала стоявшая около меня женщина своей товаркѣ:—«онъ» вышелъ.

Матрена приподнялась на цыпочки и начала присматриваться

— Кажись, что не онъ,—проговорила она.

— Какъ не онъ?—онъ!—настаивала первая.

Стоявшій рядомъ съ ними мужчина, можетъ быть, изъ кронштадтскихъ, рѣшилъ ихъ споръ, сказавъ авторитетнымъ голосомъ:

— Это не батюшка. Это второй священникъ соборный.

Тутъ я ясно понялъ, что слово «батюшка» употреблялось здѣсь въ приложеніи къ одному только лицу.

Но вотъ, во время канона, вышелъ изъ алтаря уже «настоящій батюшка» и прошелъ на клиросъ. Толпа заколыхалась. Каждый почему-то задвигался, какъ бы желая показать, что онъ видитъ батюшку, смотритъ на него. Батюшка началъ читать канонъ.

Прочиталъ и ушелъ обратно въ алтарь. Присутствовавшіе молились очень усердно, особенно во время его чтенія. Многіе плакали и плакали искренно. И это вполнѣ естественно. Многіе пріѣхали сюда съ глубокими ранами душевными и тѣлесными, о нихъ они теперь постоянно думаютъ и со слезами молятъ Бога объ избавленіи молитвами прославленнаго пастыря.

Утреня окончилась. Батюшка съ сослужащими священниками вышелъ читать приготовительныя предъ литургіей молитвы. Когда, по церковнымъ правиламъ, обратившись къ народу, онъ сдѣлалъ поклонъ, послышались взвизгиванія, восклицанія: «батюшка, благослови, батюшка!..»

Началась литургія. Мнѣ сдѣлалось невыносимо жарко, и я отошелъ въ заднюю часть храма, гдѣ было нѣсколько свободнѣе. Пѣли нѣсколько человѣкъ мужскимъ хоромъ. Пѣніе было бы довольно хорошимъ, еслибъ пѣли потише и не брались за исполненіе непосильныхъ партесныхъ пѣснопѣній, а то пѣвцы напрягали всѣ свои голосовыя силы и много портили производимое ими впечатлѣніе.

Обѣдня окончилась, но народъ не расходился, ожидая выхода батюшки. Многіе прямо перешагнули черезъ низенькую рѣшетку, что сдѣлалъ и мой товарищъ, и стали сплошной колонной около сѣверныхъ и южныхъ дверей алтаря. Какъ только имъ удавалось

видѣть проходившаго въ алтарѣ батюшку, тотчасъ взывали: «батюшка, благослови».

Батюшка сталъ въ дверяхъ и спросилъ толпившихся:

— Чего вы ожидаете?

Послышались неразборчивыя просьбы о благословеніи, многіе потянулись цѣловать его руку, но онъ не далъ возрости возгласамъ и тотчасъ прибавилъ:

— Вотъ что, друзья мои: если кто хочетъ завтра причащаться св. таинъ, идите по домамъ и приготовляйтесь воздержаніемъ и молитвой.

Сказавъ это, онъ немедленно ушелъ въ алтарь. Нѣкоторые изъ мужчинъ, болѣе смѣлые, рѣшились вступить въ алтарь. Съ моимъ товарищемъ, желавшимъ во что бы то ни стало говорить съ батюшкой, случилось маленькое, куріозное обстоятельство. Онъ видѣлъ, что изъ алтаря вышелъ какой-то крестьянинъ. Принявъ его за церковника, онъ сунулъ ему въ руку полтинникъ, прося его впустить въ алтарь и передать батюшкѣ, чтобы онъ вышелъ къ нему. Крестьянинъ полтинникъ спряталъ въ карманъ и сказалъ, что онъ самъ пріѣзжій, вошелъ было въ алтарь, да пономарь выпроводилъ его оттуда. Скоро показались и всѣ остальные, вторгшіеся въ алтарь, выпроваживаемые пономаремъ. Послѣдній объявилъ, что батюшка уже уѣхалъ изъ церкви и поѣхалъ по квартирамъ. Народъ началъ расходиться. Отправились и мы на свою квартиру ожидать пріѣзда туда батюшки, имѣвшаго, по словамъ моего вожатаго и увѣреніямъ квартиросодержательницы, непремѣнно быть сегодня тамъ.

Но, увы! тщетно мы безвыходно просидѣли въ номерѣ, ожидая пріѣзда батюшки, пока не убѣдились, что онъ не пріѣдетъ, и на вопросы по сему обстоятельству, обращенные къ хозяйкѣ, получили равнодушный отвѣтъ:

— Не пріѣхалъ, значитъ, не успѣлъ. Пріѣдетъ завтра.

Мой товарищъ даже и не раздумывалъ, а рѣшилъ остаться и на слѣдующій день. Я же нѣсколько подумалъ о томъ, оставаться или нѣтъ. Но сегодняшній день я не могъ назвать успѣшнымъ въ отношеніи исполненія цѣли моей поѣздки. Съ другой стороны, не хотѣлось заставлять моего компаньона опять мыкаться по общимъ, да и расходы по проведенію въ Кронштадтѣ еще одного дня не такъ-то велики, при оплатѣ номера двумя,—все это склонило и мое рѣшеніе въ ту сторону, чтобъ оставаться, и я рѣшилъ остаться.

Сидѣть въ номерѣ надоѣло, а часъ былъ далеко не поздній, и мы отправились вдвоемъ побродить по городу. Очутились мы опять около дома трудолюбія. Намъ интересно было осмотрѣть въ то время новый способъ подачи помощи бѣдному люду посредствомъ предоставленія ему возможности всегда имѣть работу, и мы попросили

дозволенія осмотрѣть домъ трудолюбія, на что администрація дома любезно согласилась.

Весь домъ трудолюбія состоитъ изъ двухъ большихъ каменныхъ домовъ, надворнаго флигеля и разныхъ построекъ для хозяйства. Въ двухъ домахъ устроены: церковь, пенькощипная, школа шитья и кройки, сапожная мастерская, народная столовая, хлѣбопекарня, классъ ручного труда, ночлежные пріюты, богадѣльня для престарѣлыхъ, лѣчебница для приходящихъ, дѣтскій пріютъ на пятьдесятъ человѣкъ, классы для мальчиковъ и дѣвочекъ, безплатная народная читальня, дѣтская библіотека, безплатная воскресная школа, народныя воскресныя чтенія, книжная лавка духовно-нравственныхъ книгъ для народа, рисовальные классы, дешевыя квартиры. Всѣми этими учрежденіями завѣдуетъ совѣтъ Андреевскаго попечительства. Домъ трудолюбія со всѣми своими развѣтвленіями устроенъ по мысли батюшки на собранныя имъ средства.

Мы узнали, что здѣсь есть номера для пріѣзжающихъ и общая комната. Въ домъ трудолюбія батюшка пріѣзжаетъ каждый день послѣ службы и уже отсюда ѣдетъ на другія квартиры. Узнавъ, что есть и теперь свободный номеръ съ двумя кроватями, мы рѣшили занять этотъ номеръ, въ убѣжденіи, что въ такомъ случаѣ навѣрно получимъ возможность видѣться съ батюшкой, тогда какъ, оставаясь на прежней квартирѣ, мы не имѣли на это никакихъ твердыхъ основаній.

На слѣдующій день утромъ мы отправились къ утренѣ въ соборъ, гдѣ служилъ батюшка. Мнѣ удалось упросить старосту, и онъ впустилъ меня въ алтарь. Сослужили батюшкѣ нѣсколько священниковъ. Служба совершалась безъ всякихъ затяжекъ и замедленій. Поминанія на проскомидіи, за множествомъ ихъ, совершались однимъ изъ священниковъ впродолженіе всей утрени. Главную часть проскомидіи совершалъ самъ батюшка, которому переданы были полученныя на его имя телеграммы и письма простыя и денежныя, въ которыхъ страждущіе изъ отдаленныхъ мѣстъ просили молитвъ пастыря, въ силу которыхъ они вѣровали. Нѣкоторыя письма, послѣ поминанія прописанныхъ въ нихъ именъ, онъ откладывалъ въ сторону, а нѣкоторыя прочитывалъ съ особеннымъ вниманіемъ и сосредоточенностью и пряталъ въ карманъ на груди, а вынималъ потомъ для поминанія во время пресуществленія св. даровъ. Также поступалъ и съ телеграммами. Литургія окончилась, но еще никого не причащали. Послѣ полнаго окончанія литургіи батюшка обратился къ народу со словомъ, главное содержаніе котораго — призываніе всѣхъ къ покаянію. Говорилъ онъ около часа времени, и рѣчь его дышала искренностью и, какъ таковая, производила глубокое впечатлѣніе на народъ. Окончивъ проповѣдь, онъ властнымъ голосомъ сказалъ:

— Кайтесь всѣ во всѣхъ грѣхахъ своихъ безъ утайки.

Самъ же, воздѣвъ руки, поднялъ глаза къ небу и началъ молиться Господу Небесному о ниспосланіи прощенія грѣховъ грѣшному народу. Обильныя слезы орошали лицо его впродолженіе всей молитвы.

Трудно описать волненіе, охватившее присутствовавшихъ, и отъ властнаго призыванія, звучащаго приказаніемъ, къ покаянію и отъ этой молитвы человѣка, страждущаго отъ грѣховъ ближнихъ его. Поднялся общій вопль, все болѣе и болѣе усиливавшійся. Всѣ начали громко называть свои грѣхи, ибо каждый былъ занятъ самимъ собою и не слушалъ словъ другого. Батюшка окончилъ свою молитву, но плачъ и крикъ не прекращались. Онъ смотрѣлъ пристально то направо, то налѣво, смотрѣлъ на отдаленныхъ, обращался къ кому-то со словами: «кайся!» «смотри, не дѣлай больше такъ!»

Отъ этихъ его дѣйствій народъ еще болѣе плакалъ, такъ что послѣ продолжительнаго времени, когда батюшка хотѣлъ читать общую разрѣшительную отъ грѣховъ молитву, то не было никакой возможности сдѣлать это, и только послѣ нѣсколькихъ окриковъ батюшки: «довольно, перестаньте, слушайте молитву!» толпа начала стихать. Изрѣдка раздавались отдѣльныя всхлипыванія. Разрѣшительная молитва была прочитана, и началось причащеніе покаявшихся тремя священнослужителями. Всѣмъ хотѣлось получить св. тайны изъ рукъ батюшки, и потому къ боковымъ дверямъ мало подходили. Причащеніе продолжалось часа полтора. По этому можно судить о множествѣ причащавшихся.

Обѣдня кончилась. Прочитана и молитва послѣ причащенія. Батюшка началъ разоблачаться въ алтарѣ. Къ нему подходитъ юноша лѣтъ шестнадцати въ гимназической одеждѣ и робко протягиваетъ ему какую-то бумагу.

— Скажите такъ, на словахъ, чего вы просите, — сказалъ батюшка, продолжая свое дѣло съ свойственной ему поспѣшностью.

— За право ученія... не имѣю... слышатся отрывочныя слова, произносимыя шопотомъ.

— Сколько съ васъ требуютъ?

— Пятьдесятъ рублей.

Батюшка опускаетъ руку въ карманъ, вынимаетъ оттуда деньги. Отдѣливъ часть ихъ, онъ готовится передать просителю, опять таки, дѣлая это между прочимъ, не прерывая прежней работы. Теперь онъ въ первый разъ внимательно взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ юношу, по щекамъ котораго текли невольно выступавшія слезы, а на лицѣ подергивались отъ волненія мускулы. Кто знаетъ? Быть можетъ, онъ уже не въ одномъ мѣстѣ робко и напрасно подавалъ свою просьбу и пришелъ сюда съ послѣдней надеждой, при неосуществленіи которой должны были разбиться всѣ его мечты о свѣтлой будущности! Еслибы ему отказали здѣсь,

то онъ ушелъ бы въ полномъ отчаяніи. Но его просьбѣ внемлютъ безъ всякихъ оскорбительныхъ разспросовъ, безъ униженія личности, даютъ ему якорь спасенія такъ просто, какъ будто онъ попросилъ какой нибудь пустякъ. Слезы благодарности хлынули изъ глазъ юноши. О, какъ счастливъ тотъ, кто можетъ исторгать у людей такія слезы!

— Успокойтесь, успокойтесь, голубчикъ! Я очень радъ, что могу помочь вамъ.

Батюшка гладитъ по головѣ наклонившагося юношу. Глазамъ его невольно бросаются короткіе рукава гимназическаго пальто, расползающіеся швы,—и рука, готовая было уже передать просимую сумму просителю, быстро опять опускается въ карманъ и уже послѣ этого удовлетворяетъ просьбу.

Радостный ушелъ юноша, но вскорѣ вернулся. Его возвратила боязнь ошибки. Въ смущеніи, онъ опять подходитъ къ батюшкѣ, держа еще въ рукѣ поданное.

— Батюшка! вы ошиблись: тутъ гораздо больше!

— Нѣтъ, не ошибся,—отвѣчаетъ ему тихо батюшка,—то вамъ на пальто... на книги...

Но батюшкѣ не даютъ съ кѣмъ либо долго разговаривать. Онъ нуженъ для многихъ и многихъ. Къ нему подошелъ священникъ того же Андреевскаго собора.

— Батюшка, — сказалъ онъ, — тамъ жена одного псаломщика проситъ помощи; мужъ сосланъ въ монастырь на эпитимью, а она съ дѣтьми бѣдствуетъ.

И опять рука привычно опустилась въ карманъ и черезъ священника передала захваченное бѣдствующей.

Я поспѣшилъ въ домъ трудолюбія, чтобы встрѣтить тамъ батюшку, который вскорѣ туда пріѣхалъ.

Отслуживъ молебенъ въ общей, онъ началъ ходить по номерамъ.

Останавливаться въ домѣ трудолюбія очень удобно, ибо въ вашъ номеръ не пускаютъ никого больше. Администрація сама заботится объ этомъ.

Батюшка, видимо, куда-то торопился, но намъ все-таки удалось задержать его для бесѣды.

Цѣль моей поѣздки въ Кронштадтъ была выполнена, и я поспѣшилъ на пароходъ, боясь опоздать.

Передъ самымъ отходомъ парохода пріѣхалъ батюшка, почти каждый день ѣздящій въ Петербургъ. Съ большими усиліями и при помощи полицейскихъ онъ протиснулся сквозь толпу и скрылся въ каютѣ.

Въ срединѣ пути я поднялся изъ нижней каюты на верхъ. Здѣсь какая-то женщина лежала на диванѣ, страшно рыдая, какъ бы въ безсознательномъ состояніи. Я подумалъ было, что это у нея

отъ качки, хотя и ничтожнѣйшей, которая была въ этотъ день, но окружавшіе ее объяснили мнѣ другое. Несмотря на то, что батюшка никого не принималъ къ себѣ, эта женщина какъ-то добилась того, что ѣхавшіе съ батюшкой въ одной каютѣ близкіе ему люди упросили его допустить ее для бесѣды. Сидѣла она тамъ около получаса и вышла оттуда въ вышеописанномъ состояніи, такъ что ей прикладывали даже компрессы къ головѣ, давали валеріановыя капли...

Наконецъ, мы прибыли въ Петербургъ. Съ помощью опять-таки полиціи батюшка прошелъ къ заранѣе ожидавшей его каретѣ и скрылся изъ виду.

Скоро я окончилъ свои дѣла и уѣхалъ изъ Петербурга, надолго сохранивъ въ душѣ впечатлѣніе отъ кронштадтской поѣздки.

Иларіонъ Княгницкій.

ПЕРВЫЕ ФАБРИЧНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

(Памяти Ѳ. Г. Волкова, 1750—1900).

НАРОДНЫЙ театръ, какъ и многія другія явленія въ русской государственно-общественной жизни, имѣлъ и имѣетъ и своихъ горячихъ сторонниковъ, и своихъ не менѣе убѣжденныхъ противниковъ. Одни, въ своихъ желаніяхъ и надеждахъ, считаютъ народный театръ той идеальной формой сценическаго искусства, въ которую рано или поздно воплотится русскій театръ. Другіе не только не признаютъ благотворнаго вліянія театра на зрителей изъ народа, но, какъ одинъ изъ ратующихъ противъ театра писателей, говорятъ: «вреда отъ зрѣлищъ много, а пользы ни для кого никакой» [1]). Между этими людьми діаметрально-противоположныхъ воззрѣній на народный театръ стоятъ цѣлые ряды лицъ, не такъ пылко защищающихъ его, не такъ рѣзко на него нападающихъ.

Уже самое существованіе вопроса о народномъ театрѣ, стремленіе теоретически разработать его и дать на него отвѣтъ въ томъ или иномъ изъ указанныхъ выше направленій, наконецъ, практическія попытки устройства народныхъ театровъ,—все это придаетъ вопросу жизненность и заставляетъ искать правильнаго и всѣхъ удовлетворяющаго рѣшенія его.

Тщательно изучая прошлое и внимательно всматриваясь въ настоящее народнаго театра въ Россіи, можно подойти къ основнымъ

---

[1]) «По вопросу объ устройствѣ для народа театровъ», М., 1889, стр. 4.

выводамъ, опредѣляющимъ его будущее. Исторія собрала нѣкоторыя весьма цѣнныя данныя, нѣкоторыя очень интересныя указанія, по которымъ можно судить о прошломъ русскаго народнаго театра, о его формахъ и духѣ, объ отношеніи къ нему народа и о вліяніи его на народъ. Современное положеніе нашего народнаго театра даетъ, въ свою очередь, достаточно матеріала для сопоставленій съ опытомъ прошлаго. «Вопросъ», такимъ образомъ, представляется достаточно назрѣвшимъ и болѣе или менѣе подготовленнымъ для разработки и рѣшенія.

При современномъ положеніи русскаго народнаго театра существованіе его выразилось въ различныхъ формахъ: въ видѣ городского, деревенскаго, солдатскаго и фабричнаго театровъ, съ нѣкоторыми болѣе частными подраздѣленіями. Особенное развитіе въ послѣднія десять лѣтъ получили театры фабричные. Увеличеніе ихъ числа во вторую половину истекающаго десятилѣтія стало очень замѣтнымъ.

Почва для насажденія этой формы народнаго театра оказалась, очевидно, благодарною, дѣло растетъ и крѣпнетъ, польза его становится ясною для хозяевъ-фабрикантовъ, вліяніе его отражается на рабочихъ-фабричныхъ.

Историческое прошлое русскаго фабричнаго театра не богато фактическими данными. Въ зародышѣ фабричный театръ существовалъ у насъ даже раньше офиціальнаго учрежденія «россійскаго театра» императрицею Елисаветой Петровной. Но развитіе этого зародыша было задержано почти на полтора вѣка,—до послѣднихъ лѣтъ, когда начала складываться опредѣленная форма народнаго театра и опредѣленныя рамки его существованія.

Развитію этому мѣшали и общія условія общественной жизни, и состояніе фабричнаго дѣла, и положеніе рабочаго класса. Но несомнѣнно, что идея театра для фабричныхъ и другихъ мастеровыхъ людей никогда не замирала и то тамъ, то здѣсь проявлялась въ практическомъ осуществленіи. Къ сожалѣнію, собрать свѣдѣнія объ этихъ частныхъ и иногда случайныхъ проявленіяхъ идеи фабричнаго театра чрезвычайно трудно. Вопросу этому никогда не придавалось важнаго значенія, на самое дѣло не обращалось серіознаго вниманія, и потому въ исторической литературѣ не сохранилось по этому предмету записей.

Въ настоящемъ очеркѣ я хочу указать на три несомнѣнныхъ факта изъ исторіи русскаго фабричнаго театра. Эти три факта можно считать и за три момента въ исторіи развитія этого рода театральнаго дѣла въ Россіи.

Достовѣрность устанавливаемыхъ дальше фактовъ читатели провѣрятъ по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаются. Самые же факты—моменты могутъ для будущихъ историковъ народнаго театра по-

служить тѣми точками, стоя на которыхъ имъ легче будетъ разобраться въ матеріалѣ, касающемся фабричнаго театра.

* * *

Первый фабричный театръ въ Россіи, какъ я уже сказалъ, существовалъ раньше, чѣмъ учрежденъ былъ русскій театръ указомъ императрицы Елисаветы Петровны, 30-го августа, 1756 года. Въ извѣстныхъ до сихъ поръ документальныхъ данныхъ сохранились на это только косвенныя указанія, но они достаточно убѣдительны для того, чтобы по нимъ можно было увѣриться въ существованіи самаго факта, ими отмѣчаемаго.

Создателемъ перваго фабричнаго театра является и основатель, вмѣстѣ съ тѣмъ, русскаго театра, Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ самородковъ. Его имя, упоминаемое въ учебникахъ русской словесности, извѣстно образованнымъ людямъ, а теперь оно проникаетъ въ его жизнеописаніи и въ народную среду [1]), но біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Въ дѣтствѣ онъ остался сиротой послѣ смерти отца своего, костромскаго купца, съ матерью и четырьмя младшими братьями [2]). Вдова Волкова вышла замужъ за ярославскаго купца—заводчика Полушкина, и переселилась съ дѣтьми въ Ярославль. Воспитаніе, первоначальное образованіе Волкова въ Московской славяно-греко-латинской академіи, его уроки нѣмецкаго языка у пастора, состоявшаго при Биронѣ, жившаго въ ссылкѣ въ Ярославлѣ—все это недостаточно выясненныя стороны біографіи основателя русскаго театра [3]). Во всякомъ случаѣ своимъ обширнымъ развитіемъ, своими знаніями и просвѣщеніемъ, съ которыми онъ явился на поприще сценической дѣятельности, Волковъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, себѣ, уму своему, труду и энергіи и тому, что съ юныхъ лѣтъ пристрастно прилежалъ къ познанію наукъ и «художествъ», какъ характеризуетъ его первый его біографъ, другой «ревнитель русскаго просвѣщенія», Н. И. Новиковъ [4]).

Съ ранней юности Волковъ становится близко къ заводскому дѣлу, будучи вмѣстѣ съ братьями принятъ отчимомъ въ товарищество «для заводскаго произвожденія и надъ работными людьми смотрѣнія». Въ Петербургѣ, куда Волковъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ, онъ увлекся театромъ и съ зародившеюся страстью вер-

---

[1]) Существуетъ нѣсколько народныхъ изданій біографіи Ѳ. Г. Волкова.

[2]) Волковъ родился 9-го февраля 1729 года.

[3]) Въ статьѣ моей «На родинѣ русскаго театра» (Волковъ въ Ярославлѣ), напечатанной въ Ежегодникѣ императорскихъ театровъ, сезонъ 1895—1896 года, приложеніе I,—выяснены событія дѣтства и юности Волкова, насколько это возможно по даннымъ, сохранившимся на мѣстѣ и собраннымъ изъ литературныхъ источниковъ.

[4]) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. 1772.

нулся въ Ярославль. Отчимъ его въ то время уже умеръ, а Волковъ, которому тогда не было и двадцати лѣтъ, оказывается во главѣ заводскаго дѣла, именно—«оказывается», потому что никакой охоты къ торгово-промышленной дѣятельности у Волкова не было, и приходилось заниматься ею волей-неволей. Немудрено поэтому, что черезъ два-три года заводы Волковыхъ приходятъ «во всеконечный упадокъ и разореніе». Волкова въ это время все сильнѣе и сильнѣе затягивала страсть къ сценѣ, такъ что ему было не до сѣрныхъ и селитрянныхъ заводовъ. Отъ театральныхъ представленій въ комнатахъ онъ переходитъ къ спектаклямъ въ амбарѣ, потомъ устраиваетъ и первый большой театръ. Существуетъ указаніе и на то, что Волковъ давалъ спектакли и на своемъ заводѣ [1]). Приспособить для театра какой нибудь сарай на заводѣ было, конечно, очень легко, и это-то и былъ первый въ Россіи фабричный театръ.

Устройство этого театра и спектаклей на его сценѣ можно предположительно отнести къ 1750—1751 годамъ. Такимъ образомъ, въ текущемъ 1900 году исполняется полтораста лѣтъ со времени основанія и дѣятельности перваго фабричнаго театра въ Россіи.

Заводскіе рабочіе въ театрѣ Волкова представляли собою не только публику, но и лицедѣевъ, и, слѣдовательно, первый нашъ фабричный театръ вполнѣ осуществлялъ свою идею и свое названіе.

Указаніе на участіе рабочихъ въ спектакляхъ Волкова встрѣчается въ сохранившихся офиціальныхъ документахъ, а потому врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

Когда съ Волковыми изъ-за заводовъ и другого имущества затѣяла тяжбу дочь Полушкина отъ перваго брака, Кирпичева, то она въ своихъ жалобахъ старалась обвинить Волкова съ братьями въ нерадивомъ веденіи заводскаго предпріятія. Волковы, по ея словамъ, «не зная къ заводскому дѣлу искусства ни малаго, въ томъ не употребляли раченія и, вѣдая, что имъ непрочны оные заводы, привели ихъ въ крайнее несостояніе и заводскихъ людей, вмѣсто надлежащей должности, употребляютъ при себѣ въ комедіи и въ прочія свои услуги» [2]).

Въ 1752 году, указомъ императрицы, Волковъ, съ своею труппою «комедіантовъ-охотниковъ», былъ потребованъ въ Петербургъ, откуда уже больше не возвращался въ Ярославль. Сѣмя, посѣянное имъ ровно полтораста лѣтъ тому назадъ на почвѣ просвѣщенія рабочихъ людей, замерло надолго и лишь черезъ сто сорокъ лѣтъ пустило первые ростки въ видѣ современныхъ фабричныхъ театровъ.

---

[1]) Ярославскій литературный сборникъ, 1850, ст. Серебренникова.

[2]) «Ярославскія Губернскія Вѣдомости», 1870, №№ 30—31, указъ государственной бергъ-коллегіи.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что рабочій людъ,—мастеровые и фабричные,—былъ за этотъ вѣковой періодъ совершенно чуждъ театру. На народныхъ праздникахъ, въ столицахъ и большихъ городахъ, рабочіе являлись не только зрителями, но и исполнителями театральныхъ представленій.

Въ народномъ театрѣ, почти современномъ Волкову и, можетъ быть, устроенномъ по его же мысли, въ Петербургѣ, на площади близъ Мойки, въ числѣ «безъименныхъ комедіантовъ» находились фабричные, переплетчики и другіе мастеровые [1]). Но правильно организованнаго фабричнаго театра не существовало. И состояніе фабрично-заводской промышленности, и общій уровень просвѣщенія обусловливали такое положеніе. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что не только бывали за все это время отдѣльные случаи театральныхъ представленій для фабричныхъ и съ участіемъ фабричныхъ, но были даже попытки дать имъ правильное и прочное устройство.

Объ одной изъ этихъ попытокъ мнѣ пришлось узнать, собирая матеріалы для описанія современныхъ фабричныхъ театровъ. Разсказъ о ней вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателей.

Фабричные спектакли, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся приблизительно къ половинѣ періода, протекшаго между дѣятельностью заводскаго театра Волкова и нынѣшнихъ фабричныхъ театровъ. Мысль объ устройствѣ фабричныхъ спектаклей и ея осуществленіе принадлежали одному изъ замѣчательныхъ русскихъ фабрикантовъ, Тимоѳею Васильевичу Прохорову. Человѣкъ онъ былъ для своего времени и для своей среды настолько выдающійся, что его характеристикѣ слѣдуетъ посвятить нѣсколько строкъ.

Прохоровъ (родился 1797, † 1854 году) выросъ въ Москвѣ въ купеческой семьѣ, подъ вліяніемъ матери, умной и нравственной женщины. Глубоко-религіозная и трудолюбивая, она не терпѣла лжи и лести. Въ ея совѣтахъ дѣтямъ указывались, какъ прямые пути для жизни, страхъ Божій, правда, совѣсть, любовь къ ближнимъ. Насколько чисты и высоки были ея нравственныя основы, можно заключить изъ того, что она отговаривала своего мужа отъ занятій пивовареніемъ, какъ промысломъ, приносящимъ зло ближнимъ. Сама простая и необразованная женщина, Екатерина Никифоровна,—такъ звали мать Прохорова,—считала для своихъ дѣтей первымъ условіемъ счастья — просвѣщеніе. Въ фабричныхъ школахъ она сама занималась съ ученицами, кроила и шила имъ и ученикамъ рубашки и радовалась на учившихся дѣтей. Такимъ чертами рисовалъ портретъ своей матери самъ Прохоровъ, а по разсказу послѣдняго и его біографъ [2]).

---

[1]) «Спб. Вѣстн., 1779, т. 4, ст. Я. Штелина.

[2]) Священникъ Іоаннъ Благовѣщенскій. Хрестоматія Дмитревскаго и Сухотина, «Жизнеописанія», стр. 117—150.

Яблочко не далеко укатилось отъ яблони,—и въ жизни и дѣятельности Т. В. Прохорова слишкомъ очевидны слѣды материнскихъ заботъ и вліянія. Къ фабричному дѣлу онъ пріучался съ дѣтства, а послѣ французскаго погрома устроилъ разоренную фабрику своего отца и сразу выдвинулся впередъ, несмотря на свою молодость. Чтобы судить о томъ, насколько его считали выдающимся человѣкомъ, достаточно сказать, что въ двадцать лѣтъ онъ состоялъ уже словеснымъ судьею при Прѣсненскомъ частномъ домѣ. Отношеніе Прохорова къ фабричнымъ рабочимъ и теперь поставило бы его въ ряды просвѣщенныхъ и передовыхъ людей, а восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ оно было совершенно исключительнымъ. Больше, чѣмъ о матеріальномъ успѣхѣ своего дѣла, онъ заботился о нравственности и развитіи тѣхъ, чья судьба во многомъ зависѣла отъ него. Онъ собиралъ рабочихъ и, обладая неистощимымъ даромъ слова, бесѣдовалъ съ ними, внушалъ имъ все доброе и хорошее. Но слова его падали на неподготовленную почву и не давали плода. Тогда онъ рѣшился, по мѣрѣ силъ и средствъ, бороться съ невѣжествомъ и перенести свое просвѣтительное вліяніе на молодое поколѣніе. Въ 1816 г. онъ открываетъ на своей фабрикѣ первую въ Россіи фабричную школу и отдается всей душой новому дѣлу. Съ тѣхъ поръ школа существуетъ непрерывно при Прохоровской, нынѣ Трехгорной мануфактурѣ [1]). Открытая на 20—30 дѣтей, школа вмѣщала уже въ 1830 году сотню воспитанниковъ. Свою идею о необходимости образованія для рабочихъ Прохоровъ старался проводить среди купечества, приглашая его на публичныя испытанія учениковъ. Московскія мѣщанскія училища, давшія образованіе тысячамъ дѣтей, основаны по его мысли. У себя на фабрикѣ Прохоровъ въ 1833 году открылъ учебныя мастерскія и классы, постановка обученія въ которыхъ была по тому времени рѣдкая и замѣчательная, достигавшая и образовательныхъ, и нравственно-воспитательныхъ цѣлей. Тогда же вскорѣ онъ учредилъ на фабрикѣ и женскую школу.

При такихъ стремленіяхъ и задачахъ, поставленныхъ въ основу веденія торгово-промышленнаго предпріятія, дѣла Прохорова не расширялись, капиталы его не увеличивались. Въ своей средѣ фабрикантъ-новаторъ не встрѣчалъ сочувствія гуманнымъ взглядамъ и начинаніямъ, многіе смѣялись надъ его занятіями, но это не пугало и не отклоняло его съ намѣченнаго пути. Примѣняя къ другимъ святую истину, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», Прохоровъ искалъ и для себя духовнаго хлѣба. Будучи уже взрослымъ, онъ не переставалъ учиться, приглашалъ даже для этого учителей разныхъ наукъ, ѣздилъ за границу. За учрежденіе школы и попеченіе о нравственности мастерового народа Прохо-

[1]) Въ Москвѣ, близъ Трехгорной заставы.

ровыхъ, послѣ мануфактурной выставки 1835 г., благодарилъ, не въ примѣръ прочимъ, государь Николай Павловичъ, а Тимоѳею Васильевичу было вскорѣ дано званіе мануфактуръ-совѣтника.

Прохоровъ обладалъ пылкимъ и проницательнымъ умомъ, укрѣпленнымъ самообразованіемъ. Свой даръ слова онъ любилъ примѣнять къ устнымъ бесѣдамъ, поучая слушателей по всевозможнымъ вопросамъ жизни. И надо думать, бесѣды его были краснорѣчивы и убѣдительны. На одной изъ подмосковныхъ фабрикъ мнѣ случилось встрѣтить почтеннаго старца-технолога, который черезъ полвѣка вспоминалъ, съ какимъ интересомъ они, тогдашніе ученики технологическаго института, слушали обращенныя къ нимъ рѣчи посѣтившаго институтъ Прохорова. Фабрика не могла, повидимому, удовлетворять влеченію его къ добру и пользѣ для ближнихъ, и онъ составлялъ проекты объ улучшеніи торговли, объ упорядоченіи быта духовенства и вліянія послѣдняго на народъ и проч., доставлялъ нищимъ и бѣднымъ работу. Онъ оставилъ по себѣ хорошую память, и какъ членъ тюремнаго комитета. Неудивительно, послѣ всего сказаннаго, что «Сѣверная Пчела» почтила память умершаго Прохорова прочувствованнымъ некрологомъ, а некрологи тогда были очень рѣдки. Характеризуя покойнаго дѣятеля, газета отзывалась о немъ, какъ о человѣкѣ, который «всегда горѣлъ пламенною любовью къ пользамъ отечества», «дѣйствовалъ на пользу ближнихъ съ самоотверженіемъ и, хотя не оставилъ по себѣ вещественнаго капитала, но въ его разсадникѣ осталось много богатства» [1].

По выраженію его біографа, Прохоровъ «имѣлъ неоднократные случаи замѣчать, въ какомъ жалкомъ состояніи находится нравственность низшаго класса народа и особенно фабричныхъ мастеровыхъ, и почелъ священною для себя обязанностью обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ. Мысль объ улучшеніи народной нравственности быстро въ немъ развилась, укоренилась и сдѣлалась господствующею мыслью въ его душѣ».

Какъ человѣкъ просвѣщенный, Прохоровъ не могъ не понимать великаго значенія театра, какъ средства «для улучшенія народной нравственности». Изъ этого желанія укрѣпить въ фабричныхъ нравственныя начала и просвѣтить ихъ и исходило, безъ сомнѣнія, намѣреніе Прохорова устроить фабричные спектакли.

Въ цитированной мною біографіи Т. В. Прохорова не сообщается ничего объ этихъ спектакляхъ, можетъ быть, потому, что авторъ, по своему сану, не придавалъ важнаго значенія фабричному театру.

Свѣдѣнія, приводимыя мною, сохранились въ семейныхъ преданіяхъ Прохоровыхъ. Я слышалъ разсказъ о фабричномъ театрѣ Прохорова отъ одного изъ послѣдующихъ владѣльцевъ Трехгорной

---

[1] «Сѣверная Пчела», 1854 г., № 280.

мануфактуры, недавно скончавшагося, С. И. Прохорова, который былъ главнымъ руководителемъ современнаго театра на своей фабрикѣ. Кое-что помнятъ и старики изъ фабричныхъ служащихъ.

Начало спектаклей на Прохоровской фабрикѣ, организованныхъ Тимоѳеемъ Васильевичемъ, относится къ 1820 годамъ. Сцена была приспособлена въ одномъ изъ фабричныхъ помѣщеній, исполнителями выступали ученики фабричной школы. Душой этого дѣла былъ, конечно, самъ Прохоровъ. Онъ, по разсказамъ фабричныхъ того времени, самъ слѣдилъ за подготовкой актеровъ къ представленію. Одинъ изъ участниковъ тогдашнихъ спектаклей вспоминалъ, какъ хозяинъ, когда разыгрывали «Недоросля», указывалъ ему на неправильности въ его игрѣ и все говорилъ: «логики, логики у тебя нѣтъ!». Мать Прохорова тоже принимала посильное участіе въ устройствѣ спектаклей и шила, между прочимъ, костюмы для актеровъ. Спектакли продолжались и въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, но подробностей о нихъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать, да да врядъ ли онѣ кому и извѣстны. Новѣйшій періодъ прохоровскаго театра наступаетъ черезъ полвѣка, но описаніе его—уже дѣло современной хроники.

За время около тридцати лѣтъ, съ 40-хъ годовъ до начала 70-хъ, не встрѣчается извѣстій о правильно организованныхъ фабричныхъ театрахъ. Отдѣльные случаи спектаклей и попытки устроить постоянный театръ для фабричныхъ были, вѣроятно, и въ этотъ періодъ. Къ числу этихъ попытокъ слѣдуетъ отнести и постройку театра на Раменской мануфактурѣ Малютиныхъ [1],—театра, которому, къ сожалѣнію, пришлось долго ждать примѣненія своего назначенія. Возникновеніемъ своимъ этотъ театръ былъ обязанъ также дѣятелю, оставившему по себѣ добрую память въ лѣтописяхъ фабричной промышленности и быта рабочихъ. Я говорю о покойномъ профессорѣ императорскаго московскаго техническаго училища, Ѳедорѣ Михаиловичѣ Дмитріевѣ, бывшемъ директорѣ Раменской мануфактуры. Ему эта фабрика вообще обязана добрымъ почином и постоянными заботами о бытѣ рабочихъ и образцовымъ благоустройствомъ. Фабричные рабочіе этой мануфактуры—большею частью, жители окрестныхъ деревень, и среди нихъ до сихъ поръ живутъ благодарныя воспоминанія о Дмитріевѣ, какъ о незабвенномъ попечителѣ и благодѣтелѣ, отзывчивомъ на мужицкое горе и нужду. Къ числу учрежденій на самой фабрикѣ, имѣющихъ цѣлью облегченіе нуждъ и просвѣщеніе рабочихъ, принадлежитъ и училище, основанное тамъ еще въ 1858 году. При Дмитріевѣ, въ 1870 году, для училища было построено обширное зданіе. Оно состояло собственно изъ школьныхъ помѣщеній и большого зала, приспособленнаго для народныхъ чтеній и театральныхъ представленій.

[1] Близъ станціи Раменское московско-казанской желѣзной дороги.

Этому театру пришлось долго пустовать по такъ называемымъ «независящимъ» отъ его устроителей обстоятельствамъ. Народныя чтенія начались въ немъ только въ 1883 году.

Что же касается до театральныхъ представленій, то начало имъ въ раменскомъ театрѣ положено лишь въ 1895 году,—и мысль Ѳ. М. Дмитріева, наконецъ, вполнѣ осуществилась.

* * *

Вотъ три начинанія въ области устройства фабричныхъ спектаклей, достойныя быть занесенными въ исторію русскаго народнаго театра.

Какъ ни скудны данныя, на основаніи которыхъ описаны эти начинанія, они, однако, представляютъ матеріалъ для нѣкоторыхъ выводовъ, не лишенныхъ интереса для исторіи фабрично-народнаго театра.

Прежде всего мы видимъ, что Волковъ—основатель русскаго театра—вмѣстѣ съ тѣмъ есть и основатель народнаго театра, въ одной изъ его формъ. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что и Волковъ, и его позднѣйшіе послѣдователи, Прохоровъ и Дмитріевъ, были люди просвѣщенные, воодушевленные въ своей дѣятельности желаніемъ блага своимъ ближнимъ. Мы замѣчаемъ, что народный театръ является для нихъ однимъ изъ средствъ помощи меньшому брату на почвѣ нравственнаго воспитанія и умственнаго развитія.

Изъ этихъ выводовъ вытекаетъ и значеніе заслугъ дѣятелей народнаго театра. Потому-то исторіей русскаго просвѣщенія не должны быть забыты и имена Волкова, Прохорова и Дмитріева, какъ начинателей, въ разное время и при разныхъ условіяхъ, въ дѣлѣ примѣненія сцены къ просвѣтительному вліянію на рабочую массу.

Алексѣй Ярцевъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ Парижѣ и ея мать принцесса Монбельяръ.— Разсказъ полковника Біо о Бородинской битвѣ и о пребываніи въ Москвѣ.—Александръ I и вторая реставрація въ 1815 г.

СЪ КАЖДЫМЪ днемъ все болѣе и болѣе разростающійся отдѣлъ иностранной литературы, который можно назвать Rossica, представляетъ уже за настоящій годъ нѣсколько любопытныхъ трудовъ иностранцевъ о Россіи. Остановимся на книгѣ Дюко «Мать герцога Ангіенскаго» [1]), въ которой встрѣчается нѣсколько любопытныхъ страницъ о посѣщеніи императрицей Маріей Ѳеодоровной Парижа въ 1781 году и объ ея матери принцессѣ Монбельяръ, а также на двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ во французскомъ историческомъ журналѣ «Le carnet historique et litteraire», «Эпизоды Бородинской битвы и пребываніе французовъ въ Москвѣ», полковника Біо [2]), и «Императоръ Александръ I и вторая реставрація 1815 г.», Леонса Пенго [3]).

О книгѣ Дюко данъ краткій отчетъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», и мы теперь только обратимъ вниманіе читателя на тѣ ея страницы, которыя касаются императрицы Маріи

---

[1]) La mère du duc d'Enghien, par le comte Ducos. Paris. 1900.

[2]) Episodes de la bataille de la Moscowa et du sejour à Moscou. Par le colonel Biot. La carnet historique et litteraire. 15 mars 1900.

[3]) L'Empereur Alexandre et la seconde restauration, par Léonce Pingaud. Ibidem. 15 janvier 1900.

Θеодоровны и ея матери, принцессы Монбельяръ. Авторъ біографіи императрицы Маріи Θеодоровны, Е. С. Шумигорскій, говоря о переселеніи ея родителей, принца Фридриха-Евгенія Виртембергскаго и принцессы Софіи-Доротеи, дочери маркъ-графа Бранденбургъ-Шведтскаго, изъ Трептова въ Монбельяръ, указываетъ, что въ точности неизвѣстны обстоятельства, вызвавшія это событіе, и только предполагаетъ, что они заключались въ малыхъ средствахъ герцога, который могъ пользоваться болѣе обезпеченнымъ положеніемъ въ Монбельярѣ, куда его назначилъ своимъ намѣстникомъ владѣлецъ этого графства, его старшій братъ, герцогъ Виртембергскій. Но Дюко подробно объясняетъ, почему Виртембергская чета перебралась въ Виртембергъ. Оказывается, что Монбельяръ въ старину составлялъ имперскій лэнъ младшихъ сыновей виртембергскаго дома, но съ теченіемъ времени они покинули этотъ отдаленный горный уголокъ, предпочитая жить при штутгартскомъ дворѣ. Однако, принцъ Фридрихъ и его жена нѣжно любили другъ друга и нашли, что это убѣжище будетъ самой подходящей рамкой для ихъ семейнаго счастья среди семьи, состоящей изъ пяти сыновей и трехъ дочерей. Поэтому они поселились въ 1769 году въ Монбельярѣ и стали съ тѣхъ поръ называться принцемъ и принцессой Монбельяръ. Ихъ миніатюрное владѣніе имѣло лишь нѣсколько миль пространства, и большинство ихъ подчиненныхъ состояло изъ мелкой буржуазіи, рабочихъ и поселянъ французскаго происхожденія, а вовсе не было дворянъ помѣщиковъ. Новымъ владѣтелямъ ничего бы не стоило при такихъ условіяхъ корчить изъ себя гордыхъ повелителей, но они предпочли обращаться со своими подданными, какъ съ младшими членами своей семьи, осыпая ихъ своими щедротами и пользуясь ихъ любовью. Эта примѣрная чета, по словамъ Дюко, жила мирно, спокойно до французской революціи, которая изгнала ихъ навсегда въ Германію и обратила Монбельяръ въ скромную подпрефектуру департамента Дубса.

Принцесса Монбельяръ познакомилась съ матерью герцога Ангіенскаго, герцогиней Бурбонской, по случаю сеансовъ, которые давалъ въ ея домѣ знаменитый мистикъ и теософъ Сенъ-Мартинъ, по имени котораго было названо мартинистами общество русскихъ массоновъ, къ которому принадлежалъ Новиковъ. Этотъ «невѣдомый философъ», какъ его называли въ Парижѣ, былъ въ большой модѣ среди свѣтскаго общества, и знатныя дамы поклонялись ему, какъ новому мессіи. Самой пламенной его ученицей была герцогиня Бурбонская, и ея домъ сдѣлался центромъ мистическихъ сеансовъ Сенъ-Мартина, а потому къ ней должна была обратиться принцесса Монбельяръ, когда ей вздумалось познакомиться съ моднымъ ученіемъ. Подпавъ подъ вліяніе чарующаго мистика, принцесса часто бывала у герцогини и подружилась съ нею.

Неудивительно, что, приглашая къ себѣ въ Монбельяръ Сенъ-

Мартина, она просила пріѣхать туда и герцогиню. Но прежде чѣмъ состоялась эта поѣздка, принцесса познакомила новую пріятельницу со своей дочерью Маріей Ѳеодоровной, которая пріѣхала въ Парижъ со своимъ мужемъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Хотя они путешествовали подъ строгимъ инкогнито и назывались графомъ и графиней Сѣверными, но въ Парижѣ и въ Версалѣ имъ была устроена великолѣпная, восторженная встрѣча. Но изо всѣхъ данныхъ въ ихъ честь блестящихъ празднествъ первое мѣсто занимало трехдневное торжество въ Шантильи, гдѣ мужъ герцогини Бурбонской, его отецъ принцъ Кондэ и ея сынъ, малолѣтній герцогъ Ангіенскій, чисто поцарски принимали державныхъ гостей. Но такъ какъ герцогиня не жила съ мужемъ и была разлучена съ сыномъ, то она не могла участвовать въ этихъ празднествахъ, о чемъ очень сожалѣла. Великая княгиня отгадала ея горе и, познакомившись съ ней черезъ свою мать, посѣтила ее нѣсколько разъ и любезно выразила свое сожалѣніе, что не видѣла ее въ Шантильи, гдѣ она была бы такой достойной хозяйкой. Въ одно изъ этихъ посѣщеній Марія Ѳеодоровна привезла съ собою свою любезную подругу юности, г-жу Оберкирхъ, которая постоянно жила въ Монбельярѣ.

Эта пріятная, образованная молодая женщина такъ понравилась герцогинѣ Бурбонской, что она на слѣдующій годъ поѣхала въ Монбельяръ, чтобы увидать столько же г-жу Оберкирхъ, сколько принцессу. Во время этого визита она еще болѣе привязалась къ ней и разставаясь сказала: «Г-жа Оберкирхъ, русская великая княгиня очень счастлива, что у нея такой другъ, какъ вы, и я желала бы занимать въ вашемъ сердцѣ второе мѣсто послѣ нея». Когда же молодая женщина стала благодарить ее, то она воскликнула: «Хорошо; съ этой минуты вы принадлежите мнѣ во Франціи, что не мѣшаетъ вамъ принадлежать великой княгинѣ въ Россіи. Мы будемъ дѣлить васъ, какъ Прозерпину, только я не хочу быть Плутономъ. Такъ помните, что я васъ всегда жду въ Парижѣ, какъ великая княгиня васъ ждетъ въ Петербургѣ».

Переходя къ «Эпизодамъ Бородинской битвы и пребыванія французовъ въ Москвѣ», прежде всего надо замѣтить, что это отрывокъ изъ ненапечатанныхъ мемуаровъ полковника Біо, которые найдены редакціей интереснаго французскаго историческаго органа, во главѣ которой стоитъ графъ Флёри, авторъ нѣсколькихъ выдающихся историческихъ трудовъ, въ томъ числѣ «Людовикъ XV и его мелкія фаворитки». Этотъ мѣсячный журналъ выходитъ третій годъ и уже помѣстилъ на своихъ страницахъ немало любопытнаго историческаго матеріала, между прочимъ, монографію барона Лумброзо «Кампанія Мюрата въ 1815 году» и «Дневникъ Бэло-де-Кергора»,

представляющій блестящую картину наполеоновскихъ войнъ. Что касается до мемуаровъ полковника Біо, то, судя по напечатанному отрывку, они отличаются живымъ интересомъ и могутъ служить полезною иллюстраціею общеизвѣстныхъ фактовъ, столь часто описанныхъ очевидцами всевозможныхъ національностей.

Разсказъ о Бородинской битвѣ начинается съ печальной исторіи полковника Дэзира, который угостилъ на полѣ битвѣ своего товарища чашкой кофе, но сказалъ печально: «День будетъ теплый, и надо крѣпко держать голову на плечахъ». Затѣмъ, увидѣвъ мимо проходившій полкъ гвардейскихъ драгунъ, въ которомъ онъ прежде служилъ эскадроннымъ командиромъ, Дэзира крикнулъ: «Ну, ребята, это будетъ моею послѣднею битвою». Дѣйствительно, при второмъ залпѣ русской артиллеріи, мимо автора мемуаровъ пронеслась лошадь съ висѣвшимъ на сѣдлѣ всадникомъ, въ которомъ онъ узналъ бѣднаго полковника Дэзира съ оторванной головой. Самъ Біо состоялъ адъютантомъ при генералѣ Пажолѣ, который командовалъ дивизіею, и ему пришлось простоять съ нею четырнадцать часовъ на открытомъ мѣстѣ подъ самымъ убійственнымъ огнемъ. Вокругъ него люди падали, какъ мухи, и одиннадцатый егерскій полкъ потерялъ треть своего состава.

Второй эпизодъ, разсказанный въ воспоминаніяхъ Біо, не менѣе трагичный. Къ его генералу подъѣхалъ корпусный командиръ Монбренъ и громко спросилъ: «Ну, что, Пажоль, какъ дѣла?» Тотъ отвѣчалъ: «Моя дивизія стоитъ въ такомъ открытомъ мѣстѣ, что каждый выстрѣлъ уноситъ жертвы». Далѣе ихъ разговоръ продолжался слѣдующимъ образомъ: «Отчего ты не двинешься немного налѣво, тамъ можно, повидимому, укрыться?»—«Я посылалъ туда на рекогносцировку, но тамъ вся мѣстность занята итальянской арміею. Значитъ, мнѣ нельзя тронуться». — «Кого ты посылалъ?»—«Біо».—«Ну, все-таки поѣдемъ сами». Онъ скакалъ впередъ, держась ближе всего къ непріятелю, а его тотчасъ догнали Пажоль и Біо, которые и поѣхали рядомъ. Не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ послышался глухой звукъ. «Кто-то раненъ»,—воскликнулъ Біо. Въ ту же минуту генералъ Монбренъ упалъ съ лошади, пораженный ядромъ въ бокъ.

Мѣсто Монбрена занялъ генералъ Коленкуръ, присланный императоромъ; хотя ему удалось во главѣ кирасирскаго полка взять центральный редутъ, но онъ за это поплатился жизнью, какъ его предшественникъ. Другіе два генерала Пажоль и Субервиль отдѣлались однимъ страхомъ. Они спорили между собою, гдѣ лучше зимовать французской арміи послѣ одержанной въ тотъ день побѣды, въ чемъ никто не сомнѣвался, и Пажоль стоялъ за Украйну, а Субервиль—за Подолію. Они такъ были заняты своимъ разговоромъ, что не замѣтили, какъ подлѣ нихъ упала граната и не слышали крика Біо: «берегись». Гранату разорвало, и ея

осколками убита была лошадь Субервиля и вырванъ кусокъ мяса изъ спины лошади Пажоля, но они оба остались невредимы. Если генералы подвергались такимъ опасностямъ, то какова же была участь офицеровъ и солдатъ. Дѣйствительно, по словамъ Біо, развозя приказанія своего генерала, онъ постоянно находился подъ дождемъ пуль, ядеръ и картечи. Онъ долго удивлялся, что оставался невредимымъ и наконецъ получилъ легкую рану въ плечо.

На слѣдующій день генералъ Пажоль въ стычкѣ съ казаками былъ раненъ пулей, раздробившей ему руку, но, сдѣлавъ перевязку, онъ не покидалъ своей дивизіи, хотя ѣхалъ за нею въ экипажѣ. Наканунѣ занятія Москвы эта дивизія ночевала на развалинахъ загороднаго дома графа Ростопчина, передъ которымъ былъ вбитъ въ землю столбъ съ французскою надписью: «Домъ сожженъ, чтобы его не осквернили своимъ присутствіемъ собаки-французы». Генералъ Дюронель, назначенный губернаторомъ Москвы, прежде чѣмъ отправиться на свой постъ, забѣжалъ къ Пажолю и сказалъ, что если послѣдній отправитъ какого нибудь офицера въ Москву, то онъ отведетъ ему хорошее помѣщеніе, гдѣ раненый генералъ можетъ отдохнуть и поправиться.

«Генералъ выбралъ меня, разсказываетъ Біо, и на другое утро съ разсвѣтомъ я отправился въ путь съ двумя ординарцами и польскимъ унтеръ-офицеромъ, говорившимъ по-русски. Съ большимъ трудомъ я отыскалъ штабъ генерала Дюронеля, и увидавъ меня издали, онъ воскликнулъ: «Ну, любезный другъ, ужъ извините. Всѣ русскія власти удалились съ арміей, и не возможно правильно распредѣлить квартиры, а потому каждый помѣстится, какъ можетъ, отыщите себѣ подходящій домъ и займите его безъ дальнѣйшихъ церемоній». Я вскочилъ на лошадь и началъ свои розыски. На всякомъ шагу мнѣ попадались прекрасные дома и даже дворцы. Наконецъ я добрался до большой улицы, называемой «Петербургской», и увидалъ, что какой-то всадникъ съ ординардцемъ также розыскиваютъ квартиру. Приблизившись я узналъ въ немъ принца Евгенія (Богарне, вице-короля итальянскаго). «Что вы тутъ дѣлаете?»—спросилъ онъ меня.—«Отыскиваю квартиру для генерала Пажоля, но если вы здѣсь желаете помѣститься, то я найду ему квартиру въ другомъ мѣстѣ». «Нѣтъ, отвѣчалъ вице-король, отыщите ему здѣсь квартиру; я считаю генерала Пажоля всегда въ спискахъ итальянской арміи». Но, несмотря на разрѣшеніе принца, я отправился въ другой кварталъ города и тамъ нашелъ подходящій домъ. Не успѣлъ я его хорошенько осмотрѣть, какъ туда явился адъютантъ герцога Ваграмскаго. «Любезный товарищъ, сказалъ онъ, вы первый заняли этотъ домъ, и я не стану оспаривать вашихъ правъ на него, но позвольте мнѣ предложить вамъ промѣнять этотъ домъ на еще большій, въ которомъ я оставилъ ординарца. Тамъ помѣщеніе лучше, но здѣсь ближе къ главной

квартирѣ герцога. Поѣзжайте туда, посмотрите домъ, и если онъ вамъ понравится, то мы ударимъ по рукамъ». Онъ мнѣ далъ другого ординарца, чтобы указать мнѣ на занятый имъ домъ, и дѣйствительно, отправившись туда, я нашелъ, что тамъ помѣщеніе лучше. Кромѣ того, въ этомъ домѣ оказался французъ управляющій, который не объяснилъ мнѣ, какъ онъ попалъ въ Россію, но сказалъ мнѣ, что его братъ, гусарскій эскадронный командиръ, былъ убитъ подъ Ваграмомъ. Хозяева дома, какъ всѣ остальные, отсутствовали, но вся прислуга была налицо, а также бѣлье, посуда, серебро. Я занялъ этотъ домъ, выставилъ на воротахъ записку съ именемъ моего генерала, оставилъ для большей важности своего ординарца и поскакалъ за Пажолемъ».

«Я нашелъ его, продолжаетъ Біо, у городскихъ воротъ и проводилъ его въ новое помѣщеніе. Тамъ насъ ожидалъ прекрасный холодный завтракъ съ отличнымъ виномъ. Французъ поваръ, котораго привезъ съ собою генералъ, осмотрѣлъ кладовую и объявилъ, что приготовитъ намъ къ вечеру настоящій французскій обѣдъ. Отдохнувъ немного, Пажоль предложилъ мнѣ пройтись по улицамъ Москвы. Мы отправились, и вскорѣ нашимъ глазамъ представился великолѣпный мраморный дворецъ. Я постучался въ дверь, и ее открылъ негръ. Мы вошли и очутились въ великолѣпныхъ апартаментахъ, убранныхъ съ восточной роскошью. «Чортъ возьми,—сказалъ генералъ,—здѣсь гораздо лучше. Переберемся сюда и возьмемъ съ собою нашего управляющаго въ качествѣ переводчика». Мы уже начали распредѣлять комнаты, какъ вдругъ я увидалъ неожиданный свѣтъ. Въ ту же минуту раздался страшный трескъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, и мы съ трудомъ выбрались на улицу гдѣ со всѣхъ сторонъ также горѣли дома. Мы поспѣшили вернуться въ прежнее наше помѣщеніе, но не успѣли мы войти въ него, какъ и оно загорѣлось. По счастію наши повозки еще не были разгружены, и мы отправились вмѣстѣ съ ними искать себѣ убѣжище. Но куда было итти? Со всѣхъ сторонъ виднѣлся огонь. Цѣлую ночь мы бродили среди безконечныхъ пожаровъ, рискуя быть убитыми пылающими остатками домовъ, которые падали справа и слѣва. Наконецъ на разсвѣтѣ мы очутились въ Калужскомъ предмѣстьѣ, куда огонь еще не достигъ, и тамъ мы выбрали подходящій домъ, въ которомъ и жили до выхода изъ Москвы».

Несмотря на то, что генералъ Пажоль отказался отъ предложенія императора отправиться во Францію съ большимъ транспортомъ раненыхъ и больныхъ, онъ не могъ владѣть рукой и не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вскорѣ Біо надоѣло ничего не дѣлать, и онъ временно поступилъ къ генералу Бельяру, который однажды послалъ его на аванпосты, стоявшіе на Калужской дорогѣ, съ депешами къ Мюрату. Онъ нашелъ неаполитанскаго короля на рекогносцировкѣ и принялъ въ ней участіе, но

дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ видѣлъ только издали казаковъ. Во время этой рекогносцировки, онъ, къ своему величайшему удивленію, убѣдился, что въ арміи были величайшіе безпорядки. Вездѣ чувствовался недостатокъ въ продовольствіи, и умирали какъ люди, такъ и лошади. Когда же солдаты выходили изъ терпѣнія и отправлялись на фуражировку по окрестнымъ деревнямъ, то казаки, предупрежденные поселянами, нападали на нихъ и заставляли спасаться, бросая добычу. Точно также не принимались необходимыя предосторожности на случай внезапнаго нападенія непріятеля. Во всемъ виднѣлась непростительная дезорганизація и безпечность. Одинъ изъ товарищей Біо, гусарскій полковникъ Мезіо изъ корпуса генерала Себастіани, печально говорилъ ему: «Любезный другъ, положеніе становится невыносимымъ. Я боюсь, что безпечность генерала Себастіани окончится нашей гибелью. Онъ не заботится ни о продовольствіи, ни о безопасности своего войска. Онъ самъ и его штабъ съ утра до вечера разглагольствуютъ. Я увѣренъ, что, по его мнѣнію, лучшій офицеръ тотъ, который умѣетъ произносить цвѣтистыя рѣчи.

Эти предчувствія оправдались: корпусъ Себастіани былъ настигнутъ русскими врасплохъ и разбитъ на голову. Это событіе заставило задуматься Наполеона, и на другой же день онъ покинулъ Москву, а затѣмъ началось трагическое отступленіе изъ Россіи. Разсказывая о пораженіи генерала Себастіани, Біо очень откровенно осуждаетъ его и Мюрата за ихъ небрежность и бездѣйствіе. Вообще его мемуары отличаются большимъ безпристрастіемъ и рѣдкимъ для французовъ отсутствіемъ хвастовства, какъ личнаго, такъ и національнаго. Для примѣра укажемъ на его разсказы о двухъ трусахъ «великой арміи», что̀ обычному французскому шовинизму можетъ показаться святотатствомъ. Однимъ изъ этихъ трусовъ былъ генералъ Гюро, который, воспользовавшись тѣмъ, что ядро оторвало переднюю часть треугольной шляпы, поскакалъ съ поля битвы при Бородинѣ, но его вернулъ маршалъ Ней, говоря: «Вы, генералъ, успѣете найти другую шляпу послѣ окончанія битвы». Другой трусъ, гусарскій эскадронный командиръ, Сенъ-Пернъ, имѣлъ самую сомнительную репутацію; въ нѣсколькихъ битвахъ онъ покидалъ свой эскадронъ, а въ дѣлѣ при Инковѣ нарочно упалъ съ лошади и отдался въ плѣнъ русскимъ. Потомъ Біо видѣлъ его въ Москвѣ, куда онъ попалъ неизвѣстно какимъ образомъ; представившись Наполеону, онъ выпросилъ переводъ въ пѣхотный полкъ, находившійся въ Испаніи, куда и направился. Но по дорогѣ въ Можайскѣ онъ попалъ въ руки казакамъ и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти.

Леонсъ Пенго извѣстенъ, какъ авторъ многихъ историческихъ трудовъ о французскихъ эмигрантахъ и о Бурбонской реставраціи,

къ которой относится и новый его очеркъ объ императорѣ Александрѣ I въ 1815 году. По его словамъ, Александръ послѣ взятія Парижа въ апрѣлѣ предыдущаго года былъ настоящимъ государемъ Франціи. Онъ одинъ изъ всѣхъ союзниковъ понялъ, что побѣда надъ Наполеономъ принимала въ глазахъ французскаго народа видъ освобожденія отъ тирана, и онъ искусно сталъ играть роль посредника между старой Франціей, которая возрождалась съ бурбонами, и новой, которую представляли люди 1789 года. Эту роль всѣ признавали за нимъ, и къ нему начали обращаться съ жалобами и просьбами въ такомъ числѣ, что онъ напечаталъ въ Монитерѣ отъ 6-го апрѣля офиціальную замѣтку, въ которой отсылалъ жалобщиковъ и просителей къ временному правительству. Французскіе документы того времени кишатъ фактами объ его тогдашней популярности въ Парижѣ, а другіе, хранящіеся въ русскихъ архивахъ, подтверждаюсъ и пополняютъ ихъ. На основаніи послѣднихъ, доказывающихъ, что Александръ сохранилъ свои отношенія къ французамъ всѣхъ партій до 1815 года, составлена статья Пенго въ «Carnet».

По его словамъ, въ Петербургѣ хранится обширная переписка по поводу приличнаго устройства принца Евгенія Богарнэ и письма маршаловъ Нея, Сюпэ, Бертье и Даву, генераловъ Коленкура и Мутона, герцогини Истрійской и бывшаго секретаря Наполеона, Меневаля, съ просьбами объ оказаніи имъ покровительства. Трудно сказать, были ли онѣ всѣ уважены, но извѣстно, что о принцѣ Евгеніи Александръ успѣшно хлопоталъ на вѣнскомъ конгрессѣ, тогда какъ съ офиціальнымъ представителемъ Людовика XVIII, Талейраномъ, онъ обращался очень рѣзко. Вообще до ста дней Александръ сочувственнѣе относился къ побѣжденнымъ, чѣмъ къ побѣдителямъ, но во второе свое пребываніе въ Парижѣ онъ значительно измѣнился. Конечно, онъ попрежнему интересовался независимостью Франціи, и если не могъ сохранить ей границы 1814 г., то помѣшалъ возстановленію границъ XVI столѣтія, попрежнему желалъ сохраненія той свободы, которую отвоевала революція, но онъ уже не заявлялъ себя республиканцемъ, не возобновлялъ съ Лафайетомъ прошлогодняго разговора о Бурбонахъ, а напротивъ, заявлялъ въ письмѣ къ герцогу Орлеанскому, отъ 7 мая 1816 года, свои идеи, какъ члена священнаго союза. Эти идеи главнымъ образомъ состояли въ томъ, что легитимистскіе принципы и теоріи вѣка должны были основываться на христіанской нравственности, а Провидѣніе уже устроитъ все по-своему. Его энтузіазмъ къ свободѣ значительно охладѣлъ; права человѣка ему казались уже несогласными съ европейскимъ миромъ, а во Франціи онъ считалъ невозможнымъ оправдать зачинщиковъ ста дней, съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ правительства стоялъ его другъ и вѣрный слуга, герцогъ Ришелье.

Поэтому въ первые мѣсяцы второй реставраціи Александръ оставался глухъ къ мольбамъ, обращеннымъ къ нему, какъ къ человѣку, естественно расположенному къ великодушію и милосердію. Герцогъ Виченскій просилъ у него аудіенціи, чтобъ защитить свое поведеніе во время ста дней, но императоръ отказалъ въ этомъ и хотя увѣрилъ его въ своемъ постоянномъ расположеніи, но прибавилъ, что осуждаетъ его поведеніе. Вдовы генераловъ Ренье и Нансути обратились къ нему съ просьбой оставить имъ хоть часть полученнаго ихъ мужьями содержанія въ Польшѣ, но имъ было отказано наотрѣзъ. Александръ принялъ на себя передъ союзниками обязанность удержать въ Россіи брата Наполеона, Іосифа, и когда его жена просила назначить имъ резиденцію въ Литвѣ и Курляндіи, чтобъ находиться поближе къ ея сестрѣ, женѣ Бернадота, наслѣднаго принца шведскаго, то онъ отвѣчалъ, что можетъ только предложить имъ Кіевъ «согласно климату и многимъ другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ», при чемъ выслалъ паспортъ на имя г. Іосифа Бонапарта съ женою, которымъ они не воспользовались. Съ Груши онъ обошелся еще рѣзче. Этотъ генералъ просилъ принять его на службу въ русскую армію съ его новымъ чиномъ фельдмаршала, но Александръ отвѣчалъ: «Я первый не одобрилъ бы, еслибъ вамъ сохранили чинъ, который вы пріобрѣли на службѣ Бонапарта, послѣ принятія присяги королю, а тѣмъ менѣе могу я, генералъ, принять васъ въ свою армію, первое достоинство которой вѣрность своему долгу».

Также неуспѣшны были обращенія къ милосердію Александра женъ приговоренныхъ къ смерти генерала Лабедойера и маршала Нея. Эти трогательныя слезныя письма напечатаны впервые цѣликомъ Леонсомъ Пенго, и онъ прибавилъ къ нимъ еще письмо въ пользу Лабедойера, герцогини Анны-Доротеи курляндской, которая имѣла старинныя связи съ русскимъ дворомъ. Но ничто не помогло, и Александръ отвѣчалъ г-жѣ Лабедойеръ, что онъ не можетъ вмѣшиваться въ дѣла французскаго правосудія, и ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ несчастной женщинѣ искать утѣшенія въ религіи, въ исполненіи своего долга и въ любви къ дѣтямъ. Что же касается до жены Нея, то она два раза писала къ Александру и въ послѣднемъ письмѣ увѣряла, что онъ при своемъ высокомъ положеніи во Франціи не могъ оставаться нейтральнымъ въ дѣлѣ ея мужа, и если было основаніе не одобрять поступковъ ея мужа, то не было причины переносить на нее, ни въ чемъ неповинное существо, чисто политическую злобу, противорѣчившую его извѣстному человѣколюбію. На это императоръ отвѣчалъ отъ 23 октября: «Ваше письмо, сударыня, получено мною послѣ отъѣзда изъ Парижа. Я съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что вы объясняете мое поведеніе несогласно съ тѣми принципами, которыми оно всегда руководствуется. Но уваженіе, которое всегда возбуждается горемъ,

заставляетъ меня не опровергать подробно мотивовъ вашей просьбы. Но какъ бы ни было велико уваженіе къ вашему горю, оно не можетъ заглушить голоса справедливости, а, только поддерживая справедливость, государи могутъ пользоваться тѣмъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, которое вы приписываете мнѣ и которое имѣетъ лишь цѣну, если оно основано на совѣсти. Вѣрьте, что мнѣ очень тяжело только жалѣть вашего мужа, но оправдывать его я не могу. Я не только не въ состояніи вмѣшаться въ его пользу, но, какъ это мнѣ ни тяжело, я долженъ высказать вамъ свое искреннее мнѣніе, которое въ вашемъ печальномъ положеніи еще болѣе увеличитъ ваше горе. Прошу вѣрить въ мое искреннее уваженіе къ вамъ».

По словамъ Пэнго, Александръ былъ вполнѣ убѣжденъ, что тогда необходима была строгость, и Ришелье, конечно, вспоминалъ о немъ, когда предложилъ палатѣ пэровъ отъ имени всей Европы судить маршала Нея. Не только другъ Александра былъ его главнымъ обвинителемъ, но старый адъютантъ русскаго императора, Рошшуаръ, вернувшійся на службу Франціи и назначенный комендантомъ Парижа, присутствовалъ при казни храбраго воина.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ. М. В. Стремоуховъ и П. Н. Симанскій. Изданіе книжнаго магазина Гроссманъ и Кнебель. Москва. 1900.

ИНТЕРЕСЪ всякаго рода изображеній той или другой исторической личности заключается не только въ полученіи сходства, но и въ полученіи свидѣтельства, насколько личностью этой интересовалась человѣческая мысль, въ какомъ отношеніи, какое значеніе она ей придавала и какъ ее себѣ представляла.

Насколько глубокій слѣдъ оставилъ по себѣ въ исторіи Суворовъ, насколько интересовалось имъ современное человѣчество, видно какъ по обширной, разновидной о немъ литературѣ, такъ и еще болѣе по столь же разновидной его личной иконографіи и изображеніямъ его дѣяній.

Когда имѣешь передъ глазами современныя художественныя заграничныя изданія по жизнеописаніямъ, напримѣръ, Наполеона или Фридриха Великаго, такія, напримѣръ, изданія, какъ Armand Dayot (Napoléon, raconté par l'image) или Peyre (Napoléon et son temps) и другія тому подобныя, то является невольное сожалѣніе, что мы не имѣемъ подобныхъ для Петра Великаго, Потемкина, Румянцева, Суворова и Кутузова, хотя имѣется весь для того необходимый художественный матеріалъ; нечего и говорить о значеніи подобныхъ изданій въ воспитательномъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ. И вотъ, послѣ прекраснаго въ художественномъ отношеніи труда Н. К. Шильдера—«Императоръ Александръ I», передъ нами, какъ бы юбилейное изданіе— «Суворовъ въ его изображеніяхъ», трудъ, прекрасно исполненный въ художественномъ отношеніи

и вообще, соотвѣтственно преслѣдуемой имъ цѣли, снабженный въ должной мѣрѣ и соотвѣтствующимъ текстомъ и объясненіями, напечатанный въ Москвѣ, въ русской типографіи, съ русскими клише и на русской бумагѣ; вполнѣ родное изданіе,—радостное явленіе нашей культурной жизни.

Честь и слава авторамъ-составителямъ, нашимъ молодымъ офицерамъ генеральнаго штаба, подарившимъ русскому обществу прекрасное изданіе, не уступающее лучшимъ заграничнымъ изданіямъ этого рода.

Много энергіи, настойчивости и труда въ соединеніи съ любовью къ дѣлу приложено М. Б. Стремоуховымъ, чтобы осуществить изданіе «Суворова въ его изображеніяхъ».

Составители поставили себѣ цѣлью, по производствѣ развѣдки художественнаго матеріала, дать въ одной книгѣ возможно все наиболѣе характерное и интересное по отношенію Суворова въ изображеніяхъ: портреты (масломъ, пастелью, въ гравюрахъ, литографіяхъ, по статуямъ, бюстамъ, медалямъ и т. д.), автографы — съ чина сержанта, изображенія эпизодовъ его жизни, и боевой и краткой мирной; портреты лицъ, касавшихся его жизни и дѣятельности, аллегорическія, народныя, лубочныя и другія картины, каррикатуры, образцы прежнихъ иллюстрированныхъ изданій о Суворовѣ (съ рисунками такихъ мастеровъ-рисовальщиковъ, какъ — Коцебу, Тиммъ и Шевченко), виды мѣстностей, гдѣ жилъ и воевалъ Суворовъ, медали и кресты въ честь Суворова и его подвиговъ, ордена и другіе знаки отличія и т. п.

Источниками для всего этого послужили издателямъ наши отечественныя сокровища—собранія: Д. А. Ровинскаго, П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, П. И. Щукина, А. А. Васильчикова (Московскій историческій музей), граверное отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа, картинная галлерея Зимняго дворца, кое-что заимствовано въ Румянцовскомъ музеѣ, въ собраніяхъ князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, С. В. Козлова, Брокара, графовъ Д. И. и И. И. Толстыхъ (богатая коллекція медалей), и у многихъ другихъ частныхъ лицъ и учрежденій.

Способъ воспроизведенія — автотипія, клише исполнены въ Москвѣ, въ художественной мастерской Шерера и Набгольца (кромѣ портрета въ краскахъ, исполненнаго въ Лейпцигѣ).

Въ концѣ изданія М. Б. Стремоуховъ въ особой, XV главѣ, даетъ интересный обзоръ спеціально портретовъ полководца, «ни въ чемъ не желавшаго походить на другихъ, кромѣ какъ на самого себя», и въ этомъ обзорѣ дѣлаетъ оцѣнку наиболѣе схожихъ и достовѣрныхъ.

По этому послѣднему вопросу сообщимъ лишь еще неизвѣстный составителямъ новый, только 6-го апрѣля сего года объявившійся портретъ Суворова, представленный предсѣдателю суворовской комиссіи, начальнику Николаевской академіи генеральнаго штаба, генер.-лейтен. Сухотину, барономъ Петромъ Өедоровичемъ Бюлеромъ при слѣдующей надписи: «единственная копія Шмита, заказанная ему барономъ Бюлеромъ[1]) съ портрета, рисованнаго симъ живописцемъ

---

[1]) Дѣдомъ барона П. Ө. Бюлера, бывшимъ чиновникомъ по дипломатической части при Суворовѣ, въ 1800 г.

съ натуры для курфюрста Саксонскаго въ Прагѣ Богемской въ 1800 году. По этому рисунку Н. И. Уткинъ гравировалъ портретъ его свѣтлости».

Портретъ этотъ (пастель) — совершенство, лучшее видѣнное нами изображеніе Суворова, и мы надѣемся видѣть его въ краскахъ во второмъ изданіи труда М. Б. Стремоухова.

Позволимъ себѣ также указать для послѣдующаго изданія: ограничиться лишь небольшими, на одномъ мѣстѣ собранными портретами вдохновителей Суворова (Карла XII и др.), выборомъ лучшихъ и наиболѣе характерныхъ портретовъ Екатерины II и прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ прекрасныхъ рисунковъ Коцебу и Тимма, безспорно лучшихъ иллюстраторовъ жизни Суворова.

По цѣнѣ (не говоря уже о подписной) въ 8 рублей изданіе не представляется дорогимъ, особенно же по сравненію съ таковой однородныхъ заграничныхъ изданій.

Надо надѣяться, что этотъ первый и болѣе, чѣмъ удачный опытъ вызоветъ подражанія, что найдутся собиратели и издатели подобныхъ, въ изображеніяхъ, трудовъ для Петра Великаго, Румянцева, Потемкина и для великой эпопеи отечественной войны 1812 года. **Б. Колюбакинъ.**

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ сто второй. Спб. 1898.

Этотъ выпускъ сборника историческаго общества составляетъ продолженіе дипломатической переписки англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. Прежде напечатано уже одиннадцать частей этой переписки, и въ новый томъ вошли хранящіяся въ англійскомъ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ донесенія, инструкціи, письма и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ за 1744 и 1745 годы. Въ эту эпоху царствованія императрицы Елисаветы были представителями Англіи въ Петербургѣ сначала лордъ Тироли Джонъ (Tirowly), неизвѣстно почему называемый, въ сто второмъ томѣ сборника, напечатанномъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества А. А. Половцева, лордомъ Тироули, какъ впрочемъ пишетъ эту фамилію Соловьевъ, и лордъ Джемсъ Гиндфордъ. Оба они были чрезычайными и полномочными послами во время и тотчасъ послѣ высылки изъ Россіи пресловутаго представителя Франціи Шетарди, въ чемъ Тироли принималъ немалое участіе, доставляя Бестужеву различные документы, обличавшіе ненавистнаго имъ обоимъ француза въ дѣйствіяхъ противъ Россіи и въ оскорбленіи императрицы, а также выставляя ей Шетарди не только «опаснымъ, но и весьма смѣшнымъ», а потому ихъ посольства совпадаютъ съ паденіемъ при русскомъ дворѣ французскаго вліянія и усиленія англійскаго. Дѣйствительно лорду Гиндфорду удалось послѣ долгихъ переговоровъ и пререканій заключить въ 1748 году субсидную конвенцію, по которой Англія обязалась уплачивать ежегодную субсидію, а Россія послать войска противъ Франціи, но депеши объ этихъ переговорахъ включены въ составъ вышедшаго еще въ 1897 году сто третьяго тома сборника.

Вообще представители Англін относились къ Россіи не очень сочувственно, и лордъ Тироли увѣрялъ, что «нельзя ждать ничего хорошаго отъ русскаго двора», и что «имъ не стоятъ дорожить», а слѣдовательно нечего держать посла. Одинъ только лордъ Гиндфордъ симпатично говоритъ о русскихъ, хотя признаетъ, что финансы страны и армія въ большомъ безпорядкѣ, называетъ Бэстужева «единственнымъ другомъ Англіи», честнымъ, способнымъ министромъ, а объ Елизаветѣ отзывается: «ея величество соединяетъ въ себѣ сердце мужчины съ красотой женщины и достойна восторженнаго удивленія всего міра». Что же касается англійскихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, лорда Картерета и лорда Гарингтона, съ которыми переписывались послы, то они смотрѣли на Россію только какъ на дикую страну, которую можно было эксплуатировать, и стремились сдѣлать ее слѣпымъ орудіемъ Англіи, благодаря уплатѣ субсидіи правительству и подкупу государственныхъ людей. Сами послы относились другъ къ другу самымъ враждебнымъ образомъ, такъ лордъ Тироли говоритъ о своемъ предшественникѣ, что онъ оставилъ по себѣ въ Петербургѣ очень незавидную память, а самъ завелъ неприличныя пререкательства съ прибывшимъ для его смѣны лордомъ Гиндфордомъ. Самъ же лордъ Гиндфордъ былъ, повидимому, очень благоразумнымъ, осторожнымъ дипломатомъ, оберегавшимъ интересы своей родины, но и относившимся съ уваженіемъ и къ интересамъ того двора, при которомъ находился; его депеши обнаруживають ясные, основательные взгляды на тогдашнюю политику. Къ сожалѣнію, въ нихъ очень рѣдко попадаются свѣдѣнія о внутреннихъ дѣлахъ Россіи, и то совершенно краткія, а посолъ такъ же, какъ его предшественникъ, исключительно упоминаетъ о дипломатическихъ дѣлахъ и придворныхъ интригахъ, для исторіи которыхъ эти депеши имѣютъ громадную важность. Къ сожалѣнію, переводъ депешъ не всегда удачный и точный; можно было бы привести много примѣровъ небрежности въ этомъ отношеніи, но мы удовольствуемся однимъ. На страницѣ 347 въ англійскомъ текстѣ напечатано: she (императрица) answered she had a very good opinion of Woronzoff, but that of anything could make her alter, it would be the praise of such a roque, senle she must imagine that Woronzoff had the same way not thinking as he (Лестокъ), otherwise he would not commend him so much», а въ подстрочномъ переводѣ говорится: «она отвѣчала, что имѣетъ о Воронцовѣ очень хорошее мнѣніе, если же что нибудь способно измѣнить это мнѣніе, лучшее средство для этого похвалы такого плута, какъ Лестокъ. Слушая ихъ, можно вообразить, что Воронцовъ держится однихъ съ нимъ взглядовъ. Будь это такъ, она бы не довѣряла ему такъ много». Но вотъ буквальный переводъ словъ императрицы: «она отвѣчала, что имѣла очень хорошее мнѣніе о Воронцовѣ, но если что нибудь могло измѣнить его, то похвалы такого негодяя, такъ какъ она можетъ вообразить, что Воронцовъ одинаковыхъ съ нимъ мнѣній, иначе онъ столь не хвалилъ бы его».

В. Т.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ сто пятый. Спб. 1899.

Историческое общество окончило изданіе депешъ французскаго посла маркиза де-ла-Шетарди и продолжаетъ печатаніе донесеній его преемника д'Алліана, а также отвѣтовъ французскаго правительства. Сто пятый томъ его сборника посвященъ этимъ двумъ предметамъ, составленъ подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана и обнимаетъ эпоху царствованія Елисаветы отъ 1743—1745 гг. Она совпадаетъ съ полнымъ ослабленіемъ вліянія Франціи въ Россіи, за которымъ послѣдовалъ въ 1746 году совершенный разрывъ дипломатическихъ сношеній между обоими государствами въ теченіе послѣдующихъ девяти лѣтъ. Относящіеся къ означенному времени документы почерпнуты изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и съ апрѣля 1745 года свѣрены съ рукописью, находящейся въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ. Въ предисловіи къ послѣднему тому сборника говорится, что между тѣми и другими документами существуетъ незначительная разница, а рукопись С.-Петербургской Публичной библіотеки, купленная въ Парижѣ Петромъ Дубровскимъ, вѣроятно, первоначально принадлежала къ архиву Бастиліи. Всѣ эти догадки вполнѣ подтверждаются Альфредомъ Рамбо, который сообщаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ первому тому «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de Franceen Russie», что онъ имѣлъ въ рукахъ рукопись № 19, Ф. IV, С.-Петербургской Публичной библіотеки подъ заглавіемъ: «Подлинныя черновыя переписки д'Алліона, французскаго посланника при русскомъ дворѣ отъ 1744 по 1745 годъ, писанныя имъ собственноручно». Рамбо прибавляетъ, что къ этой рукописи приложены депеши Аржансона къ д'Алліону, и что она происходитъ изъ Бастильскаго архива, часть котораго послѣ того, какъ разсѣялся этотъ архивъ, вслѣдствіе уничтоженія Бастиліи 14-го августа 1789 года, была куплена за дешевую цѣну Петромъ Дубровскимъ, состоявшимъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Рамбо также говоритъ, что д'Алліонъ былъ при первомъ посольствѣ Шетарди секретаремъ, а не аташе, какъ сказано въ предисловіи, и что онъ еще ранѣе бывалъ въ Россіи. Въ 1724 году его посылалъ туда дядя, маркизъ Боннакъ, французскій посолъ въ Константинополѣ, съ порученіемъ вести переговоры съ французскимъ посломъ въ Россіи Кампредономъ о посредничествѣ Франціи между Турціей и Россіей. Затѣмъ онъ вернулся въ Константинополь въ качествѣ комиссара для проведенія русско-турецкой границы со стороны Персіи и оставался тамъ послѣ отозванія его дяди, но такъ интриговалъ при новомъ посланникѣ виконтѣ д'Андрезелѣ и въ особенности послѣ его смерти для полученія мѣста повѣреннаго въ дѣлахъ, что французское министерство прекратило на время его дипломатическую карьеру. Онъ тогда поѣхалъ вторично въ Россію, какъ частный человѣкъ, и въ 1729 году просилъ разрѣшенія у кардинала Флери поступить на русскую службу, но это ему не удалось, и онъ оставался въ Петербургѣ, вѣроятно, въ качествѣ шпіона до пріѣзда Шетарди, взявшаго его въ секретари посольства. Послѣ перваго отъѣзда Шетарди изъ Россіи онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ и съ большимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ его возвращеніе обратно, такъ что

даже у нихъ произошла драка, о которой, конечно, въ депешахъ не сказано ни слова. Только семь мѣсяцевъ пробылъ Шетарди въ Россіи и былъ высланъ со скандаломъ за его оскорбительныя выраженія объ Елисаветѣ въ депешахъ, которыя были перлюстрованы и представлены императрицѣ. Послѣ этого снова представителемъ Франціи сдѣлался д'Алліонъ. Такимъ образомъ послѣдній томъ сборника начинается депешами д'Алліона, затѣмъ слѣдуютъ донесенія Шетарди, а кончается онъ снова перепиской д'Алліона съ министрами Амело и д'Аржансономъ. Всѣ эти документы представляютъ очень любопытную картину интригъ при дворѣ Елисаветы, но имъ нельзя всегда вѣрить, потому что легкомысленный, хвастливый Шетарди наполнялъ свои донесенія пустой болтовней и хвастовствомъ о своемъ господствѣ при русскомъ дворѣ, а болѣе осторожный и хитрый д'Алліонъ, хотя писалъ сдержаннѣе, но намѣренно искажалъ истину. Во всякомъ случаѣ тѣ и другія депеши составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для русскаго историка, но нельзя не пожалѣть, что къ французскому тексту не приложенъ русскій переводъ, хотя надо отдать справедливость, что оглавленіе составлено очень подробно и толково. Не лишнее прибавить, что этотъ томъ составляетъ тринадцатую часть дипломатической переписки французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ съ 1681 года. **В. Т.**

Исторія Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академіи за сто лѣтъ. 1798 — 1898. Составлена комиссіею по порученію конференціи академіи подъ редакціею профессора Ивановскаго. Спб. 1898.

Эта роскошно изданная книга in 4°, украшенная многочисленными портретами, почему-то до сего времени мало оцѣнена по достоинству, чему, можетъ быть, немало содѣйствуетъ какъ высокая цѣна книги (не знаемъ, поступила ли она въ продажу), такъ и малая ея распространенность.

Исторія военно-медицинской академіи составлялась при особо благопріятныхъ условіяхъ, и потому здѣсь была полная возможность привести въ исполненіе такой широкій планъ, какому у насъ еще не было примѣра. Вмѣстѣ съ изданіемъ общей исторіи академіи, были выпущены къ юбилею историческіе очерки отдѣльныхъ каѳедръ. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, отразилось не совсѣмъ выгодно на «общей исторіи» академіи: излагая общую жизнь заведенія, историки неминуемо должны были коснуться и научной дѣятельности ея, но, памятуя, что то же болѣе подробно излагается въ отдѣльныхъ очеркахъ, обязаны были ограничиваться на цѣлыхъ десяткахъ страницъ сухимъ перечнемъ существовавшихъ въ тотъ или другой періодъ каѳедръ и работавшихъ на нихъ лицъ, а это значительно расхолаживаетъ интересъ читателя и оставляетъ въ немъ впечатлѣніе отрывочности и неудовлетворенности.

Медико-хирургическая академія была открыта въ 1798 году, но въ общей исторіи составители дали въ началѣ очеркъ медицинскаго образованія въ Россіи. Въ этомъ очеркѣ, повторяющемъ прежде извѣстное, но далеко не лишнемъ, болѣе подробно изложена исторія медицины въ Россіи съ Петра I,

когда заведена была первая школа въ Москвѣ при первомъ гофшпиталѣ стараніями перваго директора Николая Бидлоо. Былъ сдѣланъ удачный почнъ, и съ теченіемъ времени медицинскія школы, наполненныя поповичами, были заведены и въ Петербургѣ. Въ царствованіе Екатерины II преобразованія коснулись и медицинскаго дѣла; была учреждена медицинская коллегія, исторія которой отразила, какъ въ зеркалѣ, направленія Екатерининскаго времени. Во вторую половину ея царствованія медицинское образованіе было улучшено, но открытіе высшаго училища (академіи) затормозилось. Академія открыта по волѣ Павла I, и этому много способствовалъ А. И. Васильевъ, главный директоръ медицинской коллегіи.

18 декабря 1798 г. состоялся указъ о постройкѣ зданій для врачебнаго училища въ С.-Петербургѣ, и отсюда военно-медицинская академія ведетъ свое начало.

На протяженіи 100 лѣтъ академія пережила немало измѣненій; историки отмѣчаютъ шесть періодовъ: 1-й, когда она была въ вѣдѣніи медицинской коллегіи и министерства внутреннихъ дѣлъ (1798 — 1808); 2-й — въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія (1808 — 1822) и опять министерства внутреннихъ дѣлъ (1822—1838); 3-й—со времени перехода въ вѣдѣніе военнаго министерства до преобразованій въ 1857 г. (1838 — 1857); 4-й — во время президентства П. А. Дубовицкаго (1857 — 1867); 5-й — переходный (1867—1881), и 6-й—когда она стала военно-медицинской академіей.

Авторы исторіи академіи (Скориченко, Косоротовъ, Веденскій, Бѣлогорскій и Кульбинъ), располагая несомнѣнно богатѣйшимъ матеріаломъ, можетъ быть, внѣ своего желанія, изложили ходъ развитія этого въ своемъ родѣ единственнаго учебнаго заведенія офиціально точно и подробно, не опустивъ, вѣроятно, ни одного явленія, зарегистрированнаго въ канцеляріи, какъ по учебно-ученой части академіи, такъ, по хозяйственной, ничего, что касается съ внѣшней стороны преподавателей и учащихся. Но читатель не найдетъ здѣсь почти ничего о внутреннемъ бытѣ академіи, какъ будто здѣсь жизнь шла только въ предѣлахъ распоряженій, инструкцій и т. п. А этого и можно было ждать именно въ «общей исторіи», такъ какъ очерки каѳедръ могли давать только частности, касавшіяся спеціальностей, напримѣръ, анатоміи, физіологіи и прочее. Есть, правда, нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, которыя даютъ понять, что въ рукахъ историковъ академіи были интересные матеріалы, не вошедшіе въ настоящую исторію, и объ этомъ можно только пожалѣть. Бытъ учащихся, среди коихъ до половины нашего столѣтія преобладали семинаристы, за каждый періодъ очерченъ нѣсколькими штрихами, но и здѣсь по большей части все «сведено къ простому перечню фактовъ съ самымъ элементарнымъ освѣщеніемъ ихъ причинной связи».

Мы понимаемъ всю трудность и обширность того труда, который долженъ бы давать полную исторію академіи; это должно потребовать массу времени и средствъ. Но когда же ждать подобной исторіи? Время уходитъ, живые свидѣтели умираютъ, и по необходимости все должно сводиться къ перечню фактовъ. Разсматриваемая исторія академіи служитъ яркимъ примѣромъ сказаннаго нами: за 100 лѣтъ здѣсь накопилось одних фактовъ столько, что для изло-

женія ихъ потребовалось (съ приложеніями) болѣе 1.000 страницъ. Чтобы изложить внутреннюю исторію, думаемъ, потребовалось бы вдвое-втрое болѣе мѣста, но зато мы имѣли бы раскрытыя страницы изъ жизни учебнаго заведенія, научная дѣятельность котораго по справедливости признается образцовою.

И за исторію академіи въ томъ объемѣ, въ какомъ она издана въ 1898 г., русское общество сказало бы большое спасибо, еслибы было ознакомлено съ этимъ изданіемъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Книга, которая не предназначена была для продажи, разсылалась только нѣкоторымъ лицамъ. А сколько бывшихъ питомцевъ академіи разсѣяно по Россіи, которые желали бы ознакомиться и имѣть на память исторію своей «alma mater».

Кстати о питомцахъ академіи. Въ приложеніи (особая книга) помѣщенъ списокъ окончившихъ курсъ въ академіи съ 1801 по 1898 годъ, но въ такомъ видѣ, что положительно недоумѣваешь, для кого нужны такіе списки: уже не говоря о томъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ всѣхъ этихъ окончившихъ курсъ, здѣсь не указано, откуда они поступили въ академію, и даже не обозначены имена ихъ (про отчества и говорить нечего), — однѣ фамиліи, такъ что разыскать кого нибудь въ этихъ спискахъ положительно невозможно. Надо отдать справедливость, этими списками данъ единственный въ своемъ родѣ образецъ, какъ не должно издавать подобные списки.

А. В. О.

Проф. Евгеній Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I, II и III. Казань. 1899—1900.

Полнаго связнаго очерка изученія философіи въ Россіи пока нѣтъ, хотя матеріаловъ для него (большею частью библіографическихъ) собрано немало. Таковы, напримѣръ, дополненія Я. Колубовскаго о русской философіи при переводѣ исторіи философіи Ибервега-Гейнце, статьи о профессорахъ философіи въ исторіяхъ и словаряхъ университетовъ и духовныхъ академій. Критическія и историческія замѣчанія объ отдѣльныхъ теченіяхъ русской философской мысли можно найти въ изслѣдованіяхъ по исторіи литературы, напримѣръ, по вопросамъ о масонствѣ и мистицизмѣ, о вліяніи французской философіи, о философскихъ кружкахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ; такъ называемыя западничество и славянофильство вызвали громадную литературу. Всѣ эти труды и матеріалы ждутъ еще полной сводки и всесторонняго критическаго освѣщенія.

Новая книга г. Боброва (исправляющаго должность профессора Казанскаго университета) является не опытомъ связной исторіи философіи въ Россіи, какъ это можно было бы предположить по заглавію ея, а только собраніемъ нѣкоторыхъ матеріаловъ для нея. Изъ предисловія не видно, какого плана держится издатель этихъ матеріаловъ; первые же выпуски свидѣтельствуютъ о томъ, что яснаго плана у него нѣтъ: это просто рядъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ русской философской литературы, не связанныхъ ни общими вліяніями, ни изложенныхъ въ ихъ постепенномъ развитіи. Къ сожа-

лѣнію, притомъ приходится отмѣтить, что авторъ торопится ихъ опубликованіемъ, не закончивъ вполнѣ своихъ изученій; поэтому ему приходится для дополненій и поправокъ не разъ возвращаться къ вопросамъ, ранѣе имъ затронутымъ. Такъ, первый выпускъ посвященъ «Жизни и трудамъ А. А. Козлова» и «Воспоминанію о Г. Тейхмюллерѣ», а обѣщанный на 24 страницѣ его списокъ сочиненій Козлова нужно искать во второмъ выпускѣ. Второй выпускъ заключаетъ въ себѣ замѣтки о русскихъ шеллингистахъ—Д. В. Веневитиновѣ, И. Е. Шадѣ, Д. М. Велланскомъ, М. Г. Павловѣ и Н. И. Розановѣ. Къ Велланскому г. Бобровъ возвращается въ третьемъ выпускѣ (глава «труды Велланскаго по животному магнитизму»), о названныхъ лицахъ въ русской литературѣ имѣются не только отдѣльные матеріалы, но и изслѣдованія и даже общіе обзоры, напримѣръ, въ статьяхъ М. М. Филиппова «Судьбы философіи въ Россіи» («Русск. Богатство» 1894), въ книгѣ П. Н. Милюкова «Главныя теченія русск. исторической мысли». Но и изложеніе г. Боброва будетъ нелишнимъ, такъ какъ имъ подробно передается содержаніе главныхъ трудовъ Велланскаго, Веневитинова и Павлова, съ указаніемъ отзывовъ о нихъ, и нѣкоторыя собственныя замѣчанія автора книги «Философія въ Россіи». Такъ какъ г. Бобровъ заботится о полнотѣ библіографическихъ матеріаловъ и ставитъ даже себѣ поэтому въ заслугу извлеченіе указаній о Велланскомъ изъ печатной книги Прозорова «Матеріалы для исторіи императорской медико-хирургической академіи», то думаемъ, не лишне было бы упомянуть и о томъ, что нѣкоторыя данныя о Велланскомъ (отзывъ о его лекціяхъ, портретъ и др.) можно найти и въ новой «Исторіи военно-медицинской академіи» (С.-Петербургъ, 1898); что десять его писемъ напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1897, № 11; что живая характеристика его дана въ статьѣ П. Граба въ «Запискахъ наукового товариства имени Шевченка», т. XV. Что касается біографіи Шада, то, кромѣ «открытаго» г. Бобровымъ источника для нея въ «Annales academiae Scensis», ее еще яснѣе раскрываетъ дѣло о Шадѣ, изложенное проф. Д. И. Багалѣемъ въ его трудѣ «Удаленіе проф. Шада изъ Харьковскаго университета» (Харьковъ, 1899). Глава «Философскія книги въ провинціи» представляетъ собою не что иное, какъ списокъ книгъ по философіи, напечатанныхъ въ харьковскихъ и казанскихъ типографіяхъ въ первой половинѣ XIX в.

Наибольшую цѣнность книги г. Боброва составляетъ изложеніе и изслѣдованіе разсужденія извѣстнаго писателя прошлаго вѣка, А. Н. Радищева. Г. Бобровъ оспариваетъ мнѣніе Пушкина о сильномъ вліяніи на Радищева французской философіи и трудовъ Гельвеція; онъ видитъ въ нашемъ писателѣ послѣдователя философіи Лейбница. Насколько правъ авторъ, дѣлая этотъ выводъ, предоставляемъ судить спеціальной философской критикѣ. Находимъ нужнымъ отмѣтить только, что сочиненіе Радищева дошло до насъ не вполнѣ обработаннымъ и издано, быть можетъ, недостаточно внимательно. «Намъ было бы пріятно,—замѣчаетъ по этому поводу г. Бобровъ,—еслибы наши замѣтки по критикѣ текста этого труда Радищева пригодились будущему редактору полнаго собранія сочиненій Радищева. Во всякомъ случаѣ, послѣ личнаго изученія текста мы полагаемъ неудобнымъ ограничиться въ такомъ предполагаемомъ

собраніи сочиненій простою перепечаткою труда о безсмертіи; необходима, по нашему мнѣнію, внимательная рецензія текста, и притомъ со стороны спеціалиста». Соглашаясь съ тѣмъ, что желательно было бы видѣть редакторомъ этого изданія человѣка, не чуждаго философскимъ изученіямъ, мы думаемъ однако, что воспроизведеніе интереснаго труда Радищева должно быть сдѣлано вполнѣ точно по рукописи, безъ всякихъ поправокъ предполагаемыхъ учеными спеціалистами промаховъ Радищева; такія поправки нерѣдко могутъ быть вызваны невольнымъ желаніемъ редактора приписать автору то, что имъ вовсе не было сказано.

Книга г. Боброва, повторяемъ, оставляетъ впечатлѣніе работы, нѣсколько торопливо изданной. Самъ авторъ замѣчаетъ, что онъ занимался біографіями и трудами русскихъ философовъ «въ широкихъ размѣрахъ, и настоящіе этюды суть лишь первые опыты разработки относящихся сюда матеріаловъ, весьма обширныхъ». Торопиться изданіемъ накопившихся матеріаловъ не слѣдовало; желательно было бы появленіе изслѣдованія, результаты котораго были бы вполнѣ продуманы авторомъ. **Арк. Л—нко.**

В. А. Павловичъ. Разсказы изъ русской исторіи. Пятое изданіе. Съ 23 рисунками. Спб. 1900.

Пятое изданіе книги г. Павловича указываетъ на то, что потребность въ такихъ популярныхъ разсказахъ изъ русской исторіи у насъ довольно велика.

Цѣль г. Павловича скромная: онъ сумѣлъ живо, интересно и популярно разсказать наиболѣе крупные факты изъ русской исторіи: о бытѣ народовъ арійскаго племени въ доисторическое время, жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени, о языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и крещеніи ихъ, о Кіевѣ, Владимірѣ и Новгородѣ, татарскомъ игѣ, московскомъ самодержавіи, Іоаннѣ Грозномъ, освобожденіи Малороссіи отъ польской неволи, о великомъ царѣ-работникѣ, правленіи временщиковъ и, наконецъ, о нашествіи Наполеона. Жаль, что авторъ ограничился только временемъ императора Александра I, не познакомивъ читателей въ своихъ популярныхъ разсказахъ съ эпохой великихъ реформъ, съ освобожденіемъ крестьянъ. Это—замѣтный пробѣлъ. Царствованіе императора Александра II дало бы очень богатый матеріалъ, какъ для знакомства съ внутренними дѣлами, такъ и для картины внѣшней политики. Книжка недурно иллюстрирована и для юношества представитъ занимательное чтеніе. **И. С.**

Русскій біографическій словарь. Томъ II. Алексинскій — Бестужевъ-Рюминъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцева. Спб. 1900.

«Русскій біографическій словарь» началъ издаваться Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ съ 1896 года. Въ этомъ году вышелъ первый томъ, заключающій въ себѣ первую половину буквы *А*; въ 1897 году—неизвѣстно какой томъ, съ буквами *И—К*; и теперь, черезъ три года, второй

томъ, въ которомъ закончена буква *А* и начата буква *Б*. Если и послѣдующіе томы будутъ выпускаться по такой же странной системѣ и съ такими же продолжительными промежутками, то окончанія «Словаря» придется ожидать, пожалуй, не одинъ десятокъ лѣтъ. Какъ всякій коллективный трудъ, при томъ же не объединенный авторитетной редакціей, второй томъ «Словаря», подобно предыдущимъ двумъ, не отличается строго выдержаннымъ планомъ. Біографіи нѣкоторыхъ выдающихся лицъ изложены слишкомъ сжато, тогда какъ иные второстепенные дѣятели удостоились обширныхъ жизнеописаній; затѣмъ, включено немало именъ, не имѣющихъ никакого значенія и составляющихъ лишь излишній балластъ. Такъ, бездарному фельдмаршалу С. Ѳ. Апраксину отведено тридцать столбцовъ, неизвѣстно для чего наполненныхъ подробнѣйшимъ описаніемъ военныхъ дѣйствій въ 1757 году, тогда какъ графу Аракчееву отмѣрено шестнадцать столбцовъ, а на біографію знаменитаго екатерининскаго канцлера, князя Безбородко, удѣлено всего двѣнадцать столбцовъ. Рѣшительно недоумѣваемъ, чѣмъ замѣчательны такія личности, какъ отставной генералъ-майоръ Атаришковъ, вотякъ Байтугановъ, докторъ Бартошевичъ, кларнетистъ Беръ и многіе другіе, и по какимъ соображеніямъ они удостоились попасть въ «Словарь»? Напримѣръ, вся біографія доктора Бартошевича заключается въ томъ, что онъ служилъ инспекторомъ псковской и волынской врачебныхъ управъ и написалъ диссертацію «De laryngitide pseudomembranacea», а кларнетиста Бера въ томъ, что онъ въ 1783 году былъ принятъ въ театральный оркестръ съ жалованьемъ по 1.600 руб. въ годъ, по контракту на три года, по истеченіи этого срока служилъ безъ контракта и въ 1792 году оставилъ службу. Такихъ дѣятелей, какъ вышеприведенные, можно найти тысячи, и если всѣхъ ихъ включать въ «Словарь», то онъ грозитъ разростись на сотню томовъ. Однако, несмотря на всѣ недостатки, въ общемъ, «Русскій біографическій словарь» является однимъ изъ полезнѣйшихъ и выдающихся изданій въ нашей исторической литературѣ. Большинство біографій составлено весьма обстоятельно и подъ каждой указаны источники, которыми пользовались составители, а такія біографіи, какъ, напр., «Царь Алексѣй Михайловичъ», «Императрица Анна Іоанновна», «Батюшковъ», «Бестужевы-Рюмины» представляютъ собою цѣлыя изслѣдованія и даютъ не только подробныя свѣдѣнія, касающіяся описываемаго лица, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рисуютъ эпоху и обстановку, въ которой они дѣйствовали. Остается желать, чтобы Историческое Общество приняло всѣ мѣры для скорѣйшаго выпуска послѣдующихъ томовъ «Словаря», представляющаго важное подспорье для всѣхъ занимающихся отечественной исторіей и заслуживающаго ихъ искренней признательности. **С. Ш.**

П. Н. Полевой. Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Изд. А. Ф. Маркса. Томъ I. Спб. 1900.

Противъ нашей древней литературы въ обществѣ долгое время господствовало странное предубѣжденіе, не исчезнувшее окончательно и до сихъ поръ. Причинъ, вызвавшихъ такое предубѣжденіе, было много. Останавливаться на

нихъ въ краткой рецензіи нѣтъ возможности, но здѣсь умѣстно напомнить, что это предубѣжденіе значительно поколеблено въ свое время «Исторіей русской словесности» — П. Н. Полевого, выдержавшею пять изданій и много лѣтъ служившею единственнымъ источникомъ, изъ котораго широкій кругъ читателей имѣлъ возможность почерпнуть, между прочимъ, свѣдѣнія по исторіи древней русской словесности.

Въ настоящее время трудъ П. Н. Полевого является въ свѣтъ вновь. Онъ значительно передѣланъ, роскошно изданъ и снабженъ многочисленными художественными иллюстраціями. Составитель широко взглянулъ на свою задачу, поставивъ цѣлью дать читателямъ «возможно полную картину умственной и духовной жизни русскаго народа, насколько она проявилась въ словѣ устномъ, писанномъ или печатномъ». Къ сожалѣнію, рѣшеніе поставленной задачи вполнѣ удовлетворительнымъ назвать нельзя, причиной чего является отчасти не всегда пропорціональное историко-литературному значенію распредѣленіе матеріала, а главнымъ образомъ недостатокъ мѣста, которымъ авторъ, очевидно, былъ очень стѣсненъ. Вслѣдствіе этого, о нѣкоторыхъ крупныхъ литературныхъ явленіяхъ говорится слишкомъ обще, а о другихъ слишкомъ мало. Наиболѣе неудовлетворительными въ этомъ отношеніи показались намъ тѣ мѣста «Исторіи», которыя посвящены малороссійскимъ думамъ, переводной литературѣ, литературѣ раскольничьей, Печерскому Патерику и литературной дѣятельности Вассіана Косого. Странно, что авторъ какъ бы намѣренно игнорируетъ новые научные труды по занимающимъ его вопросамъ, что, главнымъ образомъ, отразилось на тѣхъ главахъ, гдѣ рѣчь идетъ о народной словесности. Мало удѣлено вниманія также иностраннымъ литературамъ, вліявшимъ на русскую, а о важнѣйшей въ этомъ отношеніи византійской говорится только мелькомъ.

Къ достоинству «Исторіи» принадлежитъ то, что авторъ ея не изолируетъ литературныхъ явленій, но разсматриваетъ ихъ въ связи съ общественными условіями, породившими ихъ, а также и указываетъ на то вліяніе, какое они съ своей стороны производили на общество. Къ сожалѣнію, составитель слишкомъ строго придерживается въ изложеніи хронологическаго порядка, не всегда обращая должное вниманіе на группировку однородныхъ фактовъ по направленію, что очень неудобно для читателя, особенно мало подготовленнаго. Какимъ образомъ, напримѣръ, такой читатель составитъ себѣ понятіе хотя бы о сказаніяхъ, связанныхъ съ возвышеніемъ Московскаго царства, когда свѣдѣнія объ этихъ сказаніяхъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ изданія? Тотъ же вопросъ можно предложить относительно исторіи іосифлянъ, той партіи, родоначальникомъ которой былъ Нилъ Сорскій, и т. д.

Написана «Исторія словесности» языкомъ прекраснымъ, нѣсколько сжатымъ, но вполнѣ доступнымъ самому широкому кругу читателей. **О. П.**

Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго. Спб. 1900.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ появилось нѣсколько сборниковъ критическихъ статей (напримѣръ, А. И. Кирпичникова, Л. Н. Майкова, К. К. Арсеньева и др.). Можно привѣтствовать появленіе такихъ сборниковъ, такъ какъ они, заключая въ себѣ рядъ статей того или другого критика, болѣе уясняютъ его основную точку зрѣнія, объединяютъ рядъ нерѣдко весьма интересныхъ работъ по небогатому, въ общемъ, отдѣлу критики новой русской литературы. Правда, такіе сборники имѣютъ и неизбѣжные имъ недостатки: они не могутъ дать полнаго обзора литературныхъ явленій извѣстнаго порядка или времени.

Книга Арс. И. Введенскаго, принадлежащая къ типу указанныхъ нами сборниковъ критическихъ статей, заслуживаетъ полнаго вниманія русской читающей публики. Издавая ее въ свѣтъ, авторъ ставилъ себѣ скромныя задачи. Она предназначена «для того обширнаго круга читателей, которые знакомы съ главнѣйшими произведеніями русской художественной литературы, но мало знакомы съ критикой, а также для людей, начинающихъ знакомиться съ литературой... Авторъ смотритъ на великія литературныя произведенія, какъ на необходимыя явленія умственной жизни даннаго общества или народа, подчиненныя точно опредѣленнымъ, хотя и трудно опредѣляемымъ законамъ. Въ своей совокупности составляя литературу общества или народа, они представляютъ картину послѣдовательнаго роста его общественнаго самосознанія. Съ этой именно точки зрѣнія разсматриваются въ книгѣ великія произведенія русской литературы, и въ этомъ объясненіе и оправданіе принятаго для нея заглавія». Само собою разумѣется, что наиболѣе яркимъ выраженіемъ народнаго самосознанія русская литература стала со времени Пушкина, перваго геніальнаго поэта русской дѣйствительности. Главою о Пушкинѣ и начинается книга г. Введенскаго. Въ началѣ ея находимъ замѣчанія о «первыхъ предшественникахъ Пушкина» — писателяхъ XVIII вѣка, далѣе о Карамзинѣ, Жуковскомъ и Крыловѣ. Обзоръ «предшественниковъ» Пушкина сдѣланъ, сравнительно, бѣгло; мы, напримѣръ, желали бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія литературныхъ заслугъ Фонвизина и Крылова. За главою о Пушкинѣ слѣдуютъ статьи о Грибоѣдовѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ, Толстомъ. Книга оканчивается какъ бы резюмирующею главою «Литературные типы русской интеллигенціи». Не вводя въ свою книгу «новыхъ словъ», г. Введенскій сумѣлъ дать хорошія характеристики литературной дѣятельности Гоголя, Тургенева, Достоевскаго. Внимательный читатель найдетъ здѣсь нѣкоторыя новыя объясненія и замѣчанія. Крупнѣйшему представителю новой русской литературы Л. Н. Толстому посвящена только одна, правда, очень интересная, глава — «Передъ судомъ смерти» (по поводу «Смерти Ивана Ильича»). Отмѣчаемъ это съ большимъ сожалѣніемъ. Такія произведенія, какъ «Анна Каренина», «Крейцерова соната», «Воскресенье» дали бы богатый матеріалъ для книги г. Введенскаго.

Задачу, поставленную себѣ, г. Введенскій выполнилъ вполнѣ успѣшно. Его книгу смѣло можно рекомендовать особенно нашему учащемуся юношеству: она написана языкомъ легкимъ и даетъ характеристику литературныхъ явленій, съ которыми необходимо познакомиться каждому образованному русскому человѣку.

Арк. Л—нко.

Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 гг. Спб. 1900.

Если историческая и критическая литература о Пушкинѣ, появившаяся къ столѣтнему юбилею поэта, не можетъ похвалиться особенной содержательностью и цѣнностью, зато такъ называемой «документальной» литературѣ посчастливилось занять среди юбилейныхъ изданій довольно видное мѣсто. Воспроизведенъ цѣлый рядъ автографовъ, иногда очень крупныхъ по объему, изданы многочисленныя дѣла и бумаги, имѣющія отношенія къ пушкинской біографіи и таившіяся до тѣхъ поръ въ государственныхъ и частныхъ архивахъ. Напомнимъ хотя бы не такъ давно вышедшее «Дѣло о дуэли Пушкина», изданное съ возможной точностью и изяществомъ П. М. Кауфманомъ, на извлеченія, сдѣланныя изъ лицейскихъ бумагъ И. А. Шляпкинымъ, и друг. Будучи научены горькимъ опытомъ не довѣрять текстамъ, издаваемымъ подъ видомъ «подлинныхъ» случайными издателями, изслѣдователи должны быть признательны лицамъ, которыя не боятся кропотливой и наполовину черновой работы надъ установленіемъ не мнимой, а дѣйствительной точности текста, и которыхъ компетентность и научная добросовѣстность не оставляютъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію.

Къ этому же роду «документальной» литературы относится и настоящее изданіе, выполненное г. Николаемъ Гастфрейндомъ. Здѣсь мы находимъ прежде всего чиновничій формуляръ Пушкина, формуляръ «самый прозаическій», по выраженію издателя, сравнительно съ формулярами его однокашниковъ и сослуживцевъ, если только можно вообще говорить о поэзіи (вѣроятно, очень своеобразной) въ формулярахъ даже такихъ почтенныхъ особъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ баронъ Гревеницъ или князь Горчаковъ. Какъ ни прозаиченъ этотъ формуляръ, однако и въ немъ мы найдемъ одну-двѣ черты, характеризующія Пушкина-поэта. Такъ, за помѣткой: «По высочайшему указу уволенъ вовсе отъ службы 1824 г. іюля 8-го»—въ особой рубрикѣ прибавлено: «безъ награжденія чиномъ», что объясняется хорошо извѣстными обстоятельствами его біографіи. Въ pendant къ этому по вопросу: «Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ?»— не вписано ничего: очевидно, редакція отвѣта была бы не изъ легкихъ,—пришлось бы по меньшей мѣрѣ сдѣлать отступленіе отъ общепринятыхъ формъ.

Передавая въ точности содержаніе прочихъ документовъ, оставленныхъ безъ вниманія другими изслѣдователями (между прочимъ, Л. Поливановымъ) по ничтожности ихъ безотносительнаго содержанія, г. Гастфрейндъ останавливается на кое-какихъ мелочахъ, не лишенныхъ, однако, нѣкотораго психологическаго значенія.

Такъ, онъ отмѣчаетъ, что бумага, на которой поэтъ далъ обязательство «безъ замедленія отправиться изъ гор. Одессы къ мѣсту назначенія въ губернскій городъ Псковъ, не останавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу», вышла изъ писчебумажной фабрики А. Н. Гончарова—будущаго родственника Пушкина по женѣ; обозначая, что это случилось «29 дня 1824 г.», поэтъ забываетъ, по разсѣянности, проставить мѣсяцъ (іюль); въ роспискѣ въ полученіи 9-го сентября 1832 г. причитавшихся ему 1.666 руб. 66½ коп. Пушкинъ второпяхъ, по вѣроятному предположенію г. Гастфрейнда, расписывается на четвертой страницѣ почтоваго листа. Кромѣ упомянутыхъ и дѣлъ чисто канцелярскихъ, здѣсь помѣщены: снимокъ fac-simile съ письма Пушкина къ чиновнику архива министерства иностранныхъ дѣлъ В. А. Полѣнову о томъ, что въ числѣ бумагъ о Пугачевѣ онъ не нашелъ главнѣйшей: допроса, снятаго съ самого Пугачева въ слѣдственной комиссіи,—и подписка Пушкина о непринадлежности ни къ какимъ тайнымъ и массонскимъ обществамъ, писанная крайне неровнымъ и порывистымъ почеркомъ, свидѣтельствующимъ о томъ сильномъ душевномъ волненіи, въ которомъ находился писавшій. Примѣчанія издателя, по ихъ отрывочности и неполнотѣ, не принесутъ особой пользы тѣмъ, кто будетъ пользоваться настоящимъ изданіемъ; между прочимъ, г. Гастфрейндъ отожествляетъ Пушкинскія письма отъ 21-го ноября 1836 года и 25-го января 1837 г., т.-е. повторяетъ предположеніе, высказанное П. О. Морозовымъ и оспариваемое г. Евг. Ляцкимъ, указавшимъ на несходство ихъ содержанія («Русская Старина», 1900, январь); въ самомъ дѣлѣ, не въ натурѣ Пушкина было пользоваться письмомъ, черновой бланкъ котораго могъ быть заготовленъ два мѣсяца тому назадъ.

«Конечно, можетъ быть, всѣ эти бумаги о служебной дѣятельности Пушкина,— говоритъ г. Гастфрейндъ о своемъ изданіи,— и не вносятъ ничего новаго, но зато сколько даютъ онѣ мелкихъ штриховъ, нюансовъ, оттѣнковъ къ тому, что намъ уже извѣстно о Пушкинѣ. Я придерживаюсь того взгляда, что всякая мелочь, на первый взглядъ и не важная, можетъ имѣть свое значеніе для біографіи, и уже дѣло біографа откинуть или принять данную деталь»... Съ этимъ нельзя не согласиться, и въ указанныхъ рамкахъ нельзя поэтому не признать работу г. Гастфрейнда полезнымъ вкладомъ въ Пушкинскую литературу.

Е. Еленинъ.

В. Л. Тагѣевъ. Русскіе надъ Индіей. Спб. 1900.

Авторъ задался цѣлью познакомить русское общество съ походами русскихъ развѣдочныхъ отрядовъ на Памиры (въ Средней Азіи, почти на границахъ съ Индіей) въ 1892—1894 гг. Несмотря на сопротивленіе афганцевъ, наши солдаты проникли въ ханства Шугнанъ и Рошанъ, чѣмъ фактически подтвердили принадлежность этихъ земель къ владѣніямъ Россіи. Очерки и разсказы изъ боевой жизни на Памирѣ, какъ г. Тагѣевъ называетъ свое сочиненіе, составлены отчасти на основаніи личныхъ его воспоминаній, какъ участника одного изъ походовъ, отчасти по документамъ. Конечно, очерки, составленные послѣднимъ способомъ, гораздо цѣннѣе для исторіи походовъ, ибо касаются болѣе важныхъ

предметовъ; однако жаль, что авторъ не отдѣлилъ точно заимствованное изъ документовъ отъ плодовъ своего собственнаго творчества, такъ какъ онъ самъ признается, что «старался скрасить сухость описанія однихъ военныхъ дѣйствій отрядовъ бытовыми сценами походной и туземной жизни, историческими и этнографическими очерками, мѣстными легендами, а также разсказами изъ боевой жизни завоевателей Туркестана». Въ первой части книги чаще встрѣчается «скрашиваніе»; здѣсь авторъ является очевидцемъ событій; но вѣдь извѣстно свойство очевидцевъ—все относить къ своей особѣ, полагая, что событія именно и сосредоточиваются около нея. Даже, если очевидецъ занимаетъ мѣсто главнаго дѣйствующаго лица,—и тогда онъ разсматриваетъ происходившее черезъ особую призму, хотя, разумѣется, его воспоминанія играютъ роль важнаго первоисточника для исторіи, его показаніе чрезвычайно цѣнно для историческаго слѣдствія. Если же очевидецъ участвовалъ въ походѣ въ качествѣ лица второстепеннаго, напримѣръ, рядового-вольноопредѣляющагося, то его свѣдѣнія ограничиваются наблюденіемъ бытовой стороны, ходъ же событій, ихъ смыслъ и значеніе ускользаютъ. Описаніе «всѣхъ военныхъ дѣйствій во время памирскаго похода» мало выиграетъ отъ изображенія охоты автора на кіиковъ и архаровъ или воровскихъ уловокъ оренбургскихъ казаковъ (стр. 56, 57).

Разсказы г. Тагѣева написаны въ живой формѣ и въ чтеніи интересны; нѣкоторыя замѣчанія весьма мѣтки. На стр. 102—104 разсказывается, какъ «начальникъ памирскаго населенія» подполковникъ Громбчевскій, «извѣстный и симпатичный путешественникъ» (стр. 143), соревнуя славѣ начальника памирскаго отряда полковника Іонова, препятствовалъ движенію отряда впередъ и тѣмъ сильно повредилъ дѣлу. Такое «соревнованіе» весьма обычно и характерно для дѣятелей изъ славянъ; у другихъ національностей всегда больше единства, невзирая на ихъ личныя отношенія.

Любопытенъ разговоръ русскихъ офицеровъ съ афганскимъ майоромъ о спорныхъ границахъ.

— Вотъ, вы считаете, что Ляангаръ вашъ,—сказалъ майоръ,—такъ почему же даже и въ настоящее время тамъ стоитъ нашъ кавалерійскій полкъ?

— А потому,—возразилъ одинъ изъ офицеровъ,—что вашъ полкъ нисколько намъ не мѣшаетъ, а если бы онъ оказался намъ вреднымъ для нашего движенія, то мы нашли бы средство устранить это препятствіе!

Афганецъ усмѣхнулся, блеснувъ своими жемчужными зубами, и, взявъ предложенную папироску, прибавилъ:

— Въ такомъ случаѣ Петербургъ мой!

Къ сочиненію приложено 20 портретовъ и рисунковъ, относящихся къ тексту, и карта, совершенно слѣпая и безъ масштаба, такъ что по ней почти невозможно разобраться.

Профессоръ Н. Орловъ.

Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1898 годъ. Тифлисъ. 1899.

Со времени Пирогова врядъ ли найдутся какія либо другія офиціальныя изданія, которыя пользовались бы такой же широкой популярностью среди нашего общества, какою пользуются циркуляры и отчеты попечителя Кавказскаго округа—К. П. Яновскаго. Въ нихъ, помимо ихъ спеціальнаго назначенія, затрогиваются обыкновенно самые насущные для нашего времени вопросы, касающіеся школьнаго образованія и воспитанія. Часто эти вопросы не ограничивались только теоріей, а разрѣшались по мѣрѣ возможности и на практикѣ. Такъ, на Кавказѣ впервые сдѣланы попытки реформировать господствующую систему экзаменовъ, которая гибельно отражается на здоровьѣ, какъ учащихся, такъ и самихъ учащихъ, взамѣнъ того почти не принося ни тѣмъ, ни другимъ никакой пользы; здѣсь же положено немало силъ для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ эти изысканія производились не канцелярскимъ порядкомъ, а путемъ совмѣстной работы преподавателей, не совсѣмъ нормальное общественное и матеріальное положеніе которыхъ, кстати сказать, не разъ обращало на себя вниманіе попечителя Кавказскаго округа.

Составляются отчеты К. П. Яновскаго не только на основаніи матеріаловъ, касающихся учебныхъ заведеній, ему подчиненныхъ, но и на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ ему другими вѣдомствами, въ завѣдываніи которыхъ находится часть просвѣтительной дѣятельности на Кавказѣ, какъ въ остальной Россіи. Къ сожалѣнію, съ этой стороны попечитель не всегда, кажется, встрѣчаетъ должное сочувствіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, лежащій передъ нами отчетъ страдаетъ нѣкоторой неполнотой относительно православныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ онъ заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ какъ для сужденія о дѣлѣ школьнаго образованія и воспитанія на Кавказѣ, такъ и для разрѣшенія общественно-педагогическихъ вопросовъ болѣе общаго характера. Изъ послѣднихъ два заслуживаютъ особеннаго вниманія. Оба они разрѣшаются составителемъ отчета при посредствѣ статистическихъ данныхъ. Одинъ изъ нихъ касается благотворнаго вліянія, оказываемаго грамотностью на уменьшеніе преступности на Кавказѣ; другой возбужденъ по поводу отклоненія отъ обычнаго теченія школьной жизни въ 1895—1896 учебномъ году. Какъ извѣстно, въ этомъ году, вслѣдствіе празднованія въ маѣ мѣсяцѣ священнаго коронованія, воспитанники и воспитанницы отпущены были на каникулы раньше, чѣмъ они отпускались обыкновенно, и переходные экзамены произведены были нѣсколько снисходительнѣе, чѣмъ они производились раньше, тѣмъ не менѣе успѣшность за послѣдніе послѣдующіе два года значительно поднялась сравнительно со средней, или нормальной успѣшностью за предшествовавшее время.

Дѣло просвѣщенія на Кавказѣ, какъ показываетъ отчетъ, съ каждымъ годомъ подвигается все больше и больше впередъ, но не съ такою силой, съ какой было бы желательно. Туземное населеніе уже достаточно поняло значеніе для него образованія и въ настоящее время предъявляетъ въ этомъ отношеніи

такія требованія, которыя пока еще не могутъ быть удовлетворены въ достаточной степени. Увеличеніе желающихъ учиться не соотвѣтствуетъ количеству вновь открываемыхъ школъ, слѣдствіемъ чего является переполненіе послѣднихъ, несмотря на то, что многимъ приходится отказывать за недостаткомъ мѣстъ въ классахъ. Составитель отчета справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что «стремленію къ образованію въ мѣстномъ населеніи, посредствомъ русскихъ школъ,— правительственныя власти обязаны удовлетворить всѣми возможными способами, такъ какъ такое образованіе есть самый вѣрный путь къ сближенію Кавказа съ государствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ и къ развитію въ обществѣ стремленія къ правдѣ и добру, а слѣдовательно и къ уничтоженію преступленій». О. П.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XVI. Тифлисъ. 1899.

«Сборникъ», издаваемый Кавказскимъ учебнымъ округомъ, сталъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія Кавказа не только въ этнографическомъ отношеніи, но также со стороны экономической, исторической и лингвистической. Матеріалы, печатаемые въ «Сборникѣ», начинаютъ пріобрѣтать интересъ и для русской исторіи и словесности, выступая изъ спеціальнаго круга вопросовъ кавказовѣдѣнія. Такъ, въ настоящемъ выпускѣ мы находимъ статью г. Джанашвили подъ заглавіемъ: «Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѳіи, Осетіи, Хозаріи, Дидоэтіи и Россіи», составляющую продолженіе работы того же автора, помѣщенной въ XXII выпускѣ. «Повѣсти о царяхъ хозарскихъ Джимшерѣ, Хееро и Мзечабукѣ» относятся къ циклу историческихъ поэмъ XII вѣка, выросшихъ на грузинской почвѣ подъ вліяніемъ иранскаго эпоса (см. Хахановъ: Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. II, М., 1897). «Повѣсти» эти являются прототипомъ кавказскаго былиннаго эпоса; въ нихъ можно отыскать черты, разсѣянныя по грузинскимъ сказаніямъ Амиранова цикла, по сказаніямъ осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ, горскихъ и закавказскихъ татаръ: та же борьба съ дэвами-нарнами, или чудовищами, опустошающими всю страну и залегающими у верховьевъ рѣкъ; тѣ же сказочныя проявленія богатырской удали и тотъ же рыцарскій культъ женщины. Поэмы отличаются цвѣтистымъ слогомъ, разукрашеннымъ блестками восточной поэзіи. Поэтическія сравненія въ соединеніи съ гиперболическими образами разбросаны щедрою рукою: бой богатырскій сравнивается съ столкновеніемъ двухъ горъ; лязгъ оружія уподобляется раскатамъ грома; красота женщины превосходитъ чарующій блескъ луны и свѣтлѣе яркихъ лучей солнца; волны считаются сотнями тысячъ, а подарки, раздаваемые въ несмѣтномъ количествѣ, цѣлыми сотнями коней, золотой сбруей, цѣлыми вьюками драгоцѣнныхъ камней и златотканной парчи. Религіозный элементъ отсутствуетъ, такъ что нельзя сказать, относятся ли поэмы къ міру христіанскому или мусульманскому. Статья г. Лемма посвящена вопросу «Настоящее имя святой просвѣтительницы Грузіи». Авторъ на основаніи недавно найденнаго

коптскаго текста имя Нины, просвѣтительницы Грузіи, установленное вѣковой традиціей, замѣняетъ Ѳеогностой. Коптскій текстъ, представляющій рядъ отрывковъ, плохо сохранившихся и не вполнѣ убѣдительно дешифрированныхъ, съ комментаріями почтеннаго автора едва ли послужитъ основаніемъ славить Ѳеогносту вмѣсто Нины. Статья извѣстнаго грузинолога профессора университета въ Грацѣ Гуго Шухардта «О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южно-кавказскихъ) языковъ» переведена съ нѣмецкаго языка и затрогиваетъ рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ вопросовъ. Къ первому же отдѣлу относится статья г. Сагарадзе «Обычаи и вѣрованія въ имперіи». Во второй отдѣлъ вошли: «Талышинскія легенды и повѣрья» г. Теймуръ-бека Байрамъ-Алебекова; «Татарская народная словесность въ Закавказьѣ (преданія о Баку, Шамилѣ, Насръ-Эодинѣ и др.); «Изъ области суевѣрій и устной словесности терскихъ казаковъ» г. Е. Баранова и «Нѣсколько грузинскихъ легендъ и сказаній» г. М. Шатберова. Третій отдѣлъ посвященъ «Адинскимъ пословицамъ, загадкамъ, повѣрьямъ» и пр. г. Тамбоева, раздѣленнымъ по группамъ, сообразно съ содержаніемъ ихъ. Въ этотъ же отдѣлъ вошли: «Нѣкоторыя особенности живого говора города Ейска, Кубанской области» г. Харламова и статья покойнаго грузинолога Н. И. Гулака «О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ». Авторъ ищетъ основанія и приводитъ факты, устанавливающіе родство грузинскаго языка съ индо-европейской группой. Но вопросъ едва ли можно считать разрѣшеннымъ въ виду вызываемыхъ возраженій съ тѣхъ сторонъ, которыя авторомъ не затронуты.

А. Хах—овъ.

М. Г. Джанашвили. Царица Тамара. (Съ обзоромъ грузинской исторіи и литературы до эпохи Тамары). Тифлисъ. 1900.

Грузинская исторія и литература въ Россіи мало извѣстны. Происходитъ это не отъ недостатка историческихъ и литературныхъ памятниковъ древней и современной Грузіи, а вслѣдствіе простого игнорированія духовныхъ интересовъ небольшихъ народностей, вошедшихъ въ составъ Россійской имперіи. Въ январѣ 1901 года исполнится столѣтіе со времени добровольнаго присоединенія Грузіи къ Россіи, а между тѣмъ, какъ часто отъ образованныхъ людей приходится слышать вопросы, какой вѣры держатся грузины, есть развѣ разница между грузинами съ одной стороны и армянами или черкесами съ другой стороны, имѣется ли литература у грузинъ, и какъ они пишутъ—справа ли налѣво или обратно и пр. и пр. Нельзя сказать, чтобы не было попытокъ установить правильные взгляды на Грузію и грузинъ,—не разъ заявлялось, что грузины народъ искони православный, что никакого родства ни по языку, ни по вѣрѣ, ни по характеру, нѣтъ ничего общаго между грузинами и армянами или черкесами, что есть памятники грузинской письменности съ V вѣка, и нынѣ процвѣтаетъ грузинская поэтическая литература, а между тѣмъ Грузія для русскихъ все же terra incognita.

Эти слова я предпослалъ рецензіи книжки г. Джанашвили, съ цѣлью указать публикѣ на популярно написанное сочиненіе объ одной изъ свѣтлыхъ

эпохъ въ жизни Грузіи. Книжка даетъ истинное представленіе о Грузіи въ XII в. и разсѣетъ недоразумѣнія о древней ея культурѣ и между прочимъ устранитъ легковѣрное мнѣніе о легендарной «коварной царицѣ Тамарѣ» Лермонтова, часто отождествляемой незнающими исторіи Грузіи съ великой царицей, исторически засвидѣтельствованной Тамарой (1189—1213). Попутно читатель узнаетъ о знаменитомъ поэтѣ временъ Тамары, Шока Руставели, авторѣ романтической поэмы «Барсова кожа» (вѣрнѣе «Человѣкъ въ барсовой кожѣ»), составляющей гордость грузинской литературы. Къ книжкѣ приложены образчики грузинскаго письма VII—XIII вв. изъ актовъ съ надписями царицы Тамары, поэта Руставели, католикоса Ѳедора и др. Книжка написана извѣстнымъ грузинскимъ историкомъ и издателемъ грузинскихъ памятниковъ. Нѣкоторое гиперболическое возвеличеніе Тамары подсказано ему тѣми восторженными отзывами лѣтописца и грузинскихъ народныхъ пѣсенъ, которыми окружено имя великой царицы.

А. Хах—овъ.

Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Е. К. Тифлисъ. 1899.

Авторъ этой книги, скрывающійся подъ иниціалами Е. К., за годъ предъ этимъ издалъ работу «Заслуги Грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества», имѣющую тѣсную связь по основной идеѣ съ «Двѣнадцативѣковой религіозной борьбой православной Грузіи съ исламомъ». Въ послѣднемъ своемъ солидномъ изслѣдованіи, состоящемъ изъ пяти главъ, Е. К. слѣдитъ за столкновеніемъ Грузіи съ послѣдователями Магомета съ VII в. до XVIII в. включительно. Первый полководецъ Омара, вторгшійся въ Грузію, былъ Халидъ, по прозванію «мечъ Божій». Около 686 г. послѣдовало новое нашествіе арабовъ подъ предводительствомъ Мурвана Кру, при которомъ пали мучениками аргветскіе князья Давидъ и Константинъ, мощи которыхъ находятся въ Моцаметскомъ монастырѣ, близъ г. Кутемха. Арабы надолго водворяются въ Грузіи. Къ гоненіямъ ихъ присоединяются турки-сельджуки, во главѣ Альпъ-Арслана наводнившіе Грузію несмѣтными полчищами. Свирѣпость и фанатичность турокъ напомнили грузинамъ ужасы первыхъ арабскихъ нашествій. Лишь при Давидѣ возобновителѣ (1089—1125 г.) Грузія освобождается отъ ига сельджуковъ. Счастливая пора жизни Грузіи продолжается до смерти царицы Тамары, и въ XIII в. страна подвергается нашествію монголовъ, произведшихъ неслыханное избіеніе населенія. Монгольское иго было свержено въ XIV в. царемъ Георгіемъ Блистательнымъ, но не успѣла Грузія еще отдохнуть, какъ она сдѣлалась ареной кровопролитія отъ орды Тамерлана, шесть разъ разорявшаго Закавказье. За Тамерланомъ слѣдуетъ самая мрачная эпоха въ жизни Грузіи и ея церкви. Послѣ паденія Константинополя Грузія становится яблокомъ раздора между Персіей и Турціей, поочередно ее разорявшими. Шахъ-Аббасъ, Надиръ-шахъ, Ага-Магометъ-ханъ вырѣзали населеніе Грузіи, частью же переселили жителей въ отдаленную Персію. Истощенная и истомленная непосильной борьбой Грузія обратилась за помощью къ единовѣрной Россіи и подъ ея крыломъ нашла давно желанный

миръ для культурнаго развитія. Такъ ведется изложеніе труда Е. К., который собралъ обширныя свѣдѣнія о разбираемомъ вопросѣ во всѣхъ источникахъ грузинскихъ и иностранныхъ. Она прекрасно знакомитъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи Грузіи. **А. Хах—овъ.**

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Э. Лависса и А. Рамбо. Томъ шестой. Людовикъ XIV. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900.

Шестой томъ «Исторіи» Лависса и Рамбо посвященъ вѣку Людовика XIV. Совершенно справедливо назвали авторы цѣлую эпоху (1643—1715) однимъ именемъ «Людовикъ XIV-й». Эта эпоха не обогатила исторію созданіемъ новаго принципа, давшаго бы ей имя и внутренній смыслъ. Внѣшняя и внутренняя политика того времени иллюстрируютъ довольно ясно безпринципность эпохи. Съ другой стороны, французская нація жила своимъ «королемъ-солнцемъ» и увлекалась имъ, государство и личность короля отожествлялись въ одномъ имени ««Louis le Grand», которое такъ мало подходило къ особѣ Людовика въ сравненіи съ другими великими историческими дѣятелями.

Хотя литература о Людовикѣ XIV очень богата, но цѣльнаго и достаточно полнаго общаго сочиненія, охватывающаго всю эпоху, мы не имѣемъ: разсмотрѣны отдѣльныя стороны царствованія Людовика. Пробѣлъ этотъ особенно чувствителенъ для русскихъ читателей, такъ какъ объ этой эпохѣ у насъ почти ничего нѣтъ. Съ этой стороны появленіе шестого тома французскихъ историковъ очень кстати.

Какъ и предыдущія книги, послѣдній томъ страдаетъ тѣми же недостатками—нѣкоторой пестротой въ смыслѣ подбора матеріала и неравномѣрностью, какъ въ исторіи цѣлыхъ странъ, такъ и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ явленій. Лучше всего и полнѣе всего представлена въ этомъ томѣ исторія Франціи, и очень плохо изложена Англія. Францію составляли нѣсколько лицъ.

Первая глава, написанная Debidour'омъ, разсматриваетъ состояніе Франціи до Фронды. Здѣсь мы находимъ нѣсколько словъ о Мазарини и довольно полное описаніе Фронды. Дѣятельность Мазарини и оцѣнка ея представлены слабо. 3-я глава, длинная и скучная, наполнена «барабанной исторіей» и посвящена войнѣ за испанское наслѣдство, войнѣ съ Голландіей и Аугсбургской лигѣ. Въ сущности, въ такой общей исторіи всѣ эти подробности часто-внѣшнихъ событій можно было бы сократить безъ ущерба, въ особенности здѣсь. Гораздо интереснѣе познакомиться съ международной политикой и дипломатій того времени, и составитель этой главы удачно охарактеризовалъ въ началѣ главы всю безнравственную дипломатію и ужасающіе принципы международнаго права, которые господствовали тогда во всей Европѣ, и которые такъ ярко отражали на себѣ «старый порядокъ». Тогда, не стѣсняясь, торговали человѣческой совѣстью. Примѣры и характеристика международной политики почерпнуты авторомъ, это ясно видно, изъ великолѣпнаго сочиненія Сореля, знатока дипломатіи, «Европа и французская революція». Посланникъ долженъ былъ вести себя, какъ «Хамелеонъ или какъ Протей». «Онъ надѣвалъ на себя», говоритъ Вастъ,

«всякія маски и бралъ на себя всякія роли, чтобы отстаивать интересы своего государя: онъ въ особенности старался достигнуть съ помощью интригъ солидныхъ и существенныхъ результатовъ, поэтому всегда былъ готовъ жертвовать мелочными вопросами и воображаемыми требованіями чести. Онъ долженъ былъ посѣщать хорошее общество и умѣть держать себя среди людей съ утонченными вкусами» (стр. 81). Такъ же удачно составлено авторомъ описаніе военныхъ силъ Франціи, при чемъ онъ ярко изобразилъ состояніе арміи до Лувуа, продажность должностей и возмутительныя злоупотребленія, которыя порождала эта система, а также преобразованіе арміи, ея начальниковъ, администрацію, тактику. Сочувственнымъ тономъ разсказываетъ онъ о дѣятельности Вобана, котораго Сенъ-Симонъ назвалъ **патріотомъ**, и Лувуа, подготовившаго вмѣстѣ съ Вобаномъ Людовику отличную армію.

Центральными главами можно считать главы четвертую (Людовикъ XIV. Абсолютная монархія) и пятую (Экономическое положеніе Франціи); остальныя 4 главы разсматриваютъ религіозный вопросъ, литературу и искусство этого времени.

IV глава написана Лакуръ-Гайе. Въ ней онъ сначала выяснилъ теорію королевской власти, а потомъ изобразилъ особенности администраціи централизованной Франціи, королевскій дворъ и общество старой Франціи. Послѣдній отдѣлъ трудно писать послѣ Тэна. Поэтому авторъ часто повторяетъ здѣсь блестящую картину Тэна варьируя и пользуясь его свѣжими до сихъ поръ красками. Однако, онъ могъ бы еще рельефнѣе выдвинуть характеръ и идеи Людовика XIV, еслибы подробнѣе познакомилъ читателей съ мемуарами короля, гдѣ онъ откровенно раскрываетъ свое политическое міросозерцаніе и высказываетъ свое отношеніе къ прошлому Франціи. Въ его запискахъ полно и ясно выражена теорія абсолютизма.

Лакуръ-Гайе въ краткихъ чертахъ знакомитъ читателя съ провинціальнымъ управленіемъ старой Франціи. Чтобы объяснить, въ чемъ заключалась перемѣна въ положеніи провинцій (переводчикъ неудачно выразился «губерніи», стр. 171), интендантствъ и парламентовъ, авторъ указалъ на ихъ прошлое. Роль интенданта, этого «короля», «смотрителя надъ каторжниками» и «тирана», выяснена имъ достаточно ясно, хотя и очень кратко. «Королевскій дворъ» изображенъ историкомъ изящно и остроумно, хотя читателю, знакомому съ книгой Тэна о старомъ порядкѣ, картина, написанная Лакуръ-Гайе, покажется нѣсколько тусклой.

Извѣстный знатокъ экономической исторіи Франціи, Левассеръ написалъ главу объ экономическомъ положеніи Франціи. Вопросъ очень важный, но въ этомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ 871 стр., на долю экономическаго состоянія Франціи отведено всего лишь 23 стр. (223—246). Это слишкомъ мало, а потому статья Лагассера вовсе не удовлетворитъ читателя. Вѣдь эпоха Людовика XIV была временемъ особеннаго развитія и господства меркантилизма, а потому было бы въ высшей степени важно выяснить, какъ постепенно въ эту пору начинаютъ выдвигаться экономическіе интересы и появляется спеціальная экономическая литература, но, конечно, необходимо было выяснить сущность меркантильной системы. Любопытно было бы познакомиться съ сочине-

ніями современника Кольбера и яраго противника его экономическихъ реформъ Буагильбера, а также и Вобана, сходившагося съ нимъ въ вопросѣ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ.

Превосходна глава о католической церкви, составленная Шенономъ. Всю исторію католической церкви онъ обобщаетъ въ пререканіяхъ трехъ разрядовъ: пререканія политическія, возбужденныя теоріями писателей объ абсолютизмѣ, пререканія догматическія и дисциплинарныя, касавшіяся вопроса объ отношеніяхъ къ перешедшимъ въ христіанство язычникамъ. Дополнено все это свѣдѣніями о религіозныхъ орденахъ и христіанскихъ миссіяхъ.

Немного даютъ главы объ искусствѣ въ Европѣ и наукахъ, въ особенности о послѣднихъ. Философское движеніе, развитіе раціонализма выяснены плохо и неудачно-конспективно.

Если, вообще, въ этомъ томѣ можно считать удачнымъ изображеніе Франціи, то другая страна, игравшая нѣсколько иную роль, но не менѣе крупную, Англія, которая въ XVIII вѣкѣ ссудила Францію своими идеями и даже прельщала своими учрежденіями,—изображена неполно. 20 страницъ для разсказа объ англійской республикѣ и реставраціи слишкомъ мало. «Послѣдніе Стюарты и Вильгельмъ III» (11-я глава) чисто-внѣшняя, фактическая исторія. Соціальная и экономическая исторія англійской республики вовсе не затронута историкомъ (Sayous). Также неудачно написана исторія Италіи, лучше составлена Испанія и, сравнительно съ прежними выпусками, Германія, гдѣ обращено вниманіе на государственное устройство Священной Римской имперіи. Главы о Сѣверной войнѣ и Оттоманской имперіи, а также Индостанѣ написаны знатокомъ «Сѣвера» и нашей русской исторіи, Рамбо. Нужно отдать полную справедливость французскому историку, справившемуся замѣчательно добросовѣстно съ своей задачей. Правда, онъ говоритъ о томъ, что ниже казаковъ стояли «представители буржуазіи» (!) и крестьяне, но это, скорѣе, вина переводчика. При нашемъ недостаткѣ историческихъ пособій издаваемый К. Т. Солдатенковымъ трудъ Лависса и Рамбо является очень полезнымъ, и нужно надѣяться, что переводъ его доведутъ до конца, послѣ смерти талантливаго переводчика Невѣдомскаго.

П. К—ій.

Кохъ Максъ. Исторія нѣмецкой литературы. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900.

На русскомъ языкѣ существуетъ единственное, но замѣчательное пособіе по исторіи нѣмецкой литературы—классическій трудъ Шерера (тоже въ изданіи Л. Ф. Пантелѣева). Составляя въ подлинникѣ большой томъ около 900 стр., сочиненіе Шерера можетъ служить превосходнымъ пособіемъ. Но книга Шерера предполагаетъ уже нѣкоторое знакомство и съ германской филологіей и съ исторіею.

Недавно вышла небольшая книжка Коха, сдѣлавшаяся, однако, извѣстной въ Германіи. Кохъ—оригинальный и самостоятельный мыслитель. Онъ поставилъ себѣ задачу разсказать исторію нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ времена до нашихъ дней. Особенностями этого сочиненія является удивительная

сжатость, съ которою Кохъ изображаетъ явленія литературной жизни въ Германіи. Онъ старается быть краткимъ, но въ то же время полнымъ, слогъ его отличается ясностью, доступностью, а изложеніе—научностью. Онъ сообщаетъ множество фактическихъ свѣдѣній, но нигдѣ не переходитъ въ скучный перечень именъ, годовъ и названій.

Книжка Коха дѣлится на три части: 1) древнѣйшая эпоха и средніе вѣка, 2) реформація и возрожденіе, 3) XVII и XIX столѣтія. Маленькимъ вступленіемъ ко второй части служитъ глава о предшественникахъ реформаціи и о сущности гуманизма. Умѣніе Коха справиться съ историческимъ матеріаломъ вполнѣ иллюстрируется въ этихъ четырехъ страницахъ (60—63), гдѣ онъ говоритъ о Петраркѣ и значеніи нѣмецкихъ гуманистовъ, въ особенности хороша литературная характеристика Лютера. Кохъ начинаетъ о немъ разсказъ словами Шиллера: «языкъ есть зеркало націи». Это зеркало было поставлено передъ глазами націи 10-го ноября 1483 года, когда родился Мартинъ Лютеръ. Но зеркало это было сильно испорчено и покрыто школьной и церковной пылью. Чѣмъ ближе подвигается авторъ къ новой литературѣ, тѣмъ изложеніе у него становится подробнѣе.

Лессингу отведено 8 страницъ. «Лессингъ завоевалъ для своего народа», говоритъ авторъ, «возможность новаго свободнаго развитія духовной жизни въ искусствѣ и религіи; не зная отдыха въ своей короткой неутомимой жизни, онъ далъ высокій образецъ неуклоннаго нравственнаго стремленія къ цѣли. Достоинство и самостоятельное положеніе поэта и писателя основали въ Германіи Клопштокъ и Лессингъ» (131 стр).

Хорошо изложена также эпоха «бури и натиска» (134—182). Это литературное движеніе получило свое характерное названіе отъ одной пьесы Клингера «Буря и натискъ». Клингеръ сдѣлался, по его словамъ, писателемъ, чтобы «хотя на отдѣльныя мгновенія дать исходъ бродившему въ немъ стремленію къ дѣятельности».

Въ этой главѣ центральное мѣсто занимаетъ Шиллеръ. Сдѣлавъ разборъ его произведеній и указавъ на то, что его драмы съ ихъ глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ и юношески-свѣжимъ воодушевленіемъ, съ ихъ богатствомъ образовъ и чувствъ и превосходной сценической постановкой, должны были оказать сильное вліяніе на нѣмецкій народъ, Кохъ, мимоходомъ, отдалъ должное статскому совѣтнику Коцебу, назвавъ его писакой и интриганомъ.

Нѣсколько односторонне и какъ-то странно относится Кохъ къ Гейне, которому посвятилъ всего лишь одну страницу. Въ оцѣнкѣ его личности Кохъ напираетъ на личныя цѣли Гейне, которыя, по его мнѣнію, играли большую роль въ поэзіи Гейне. Безъ всякихъ доказательствъ авторъ говоритъ, что Гейне готовъ былъ отказаться отъ своихъ убѣжденій и отъ своего поэтическаго свободомыслія. Такое замѣчаніе, вскользь брошенное авторомъ популярной книги, едва ли служитъ ея украшеніемъ. Да и поэзія Гейне заслуживала бы гораздо серіознѣе отношенія къ ней: Гейне принадлежитъ вѣдь къ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ поэтамъ пѣсенъ, въ немъ элегія сочеталась съ шутливой сатирой, а его вліяніе на Европу продолжается и теперь.

Несомнѣннымъ достоинствомъ книги Коха служитъ его послѣдняя глава о

новѣйшей поэзіи. Нельзя сказать, чтобы Кохъ жаловалъ новѣйшихъ поэтовъ. О Зудерманѣ онъ говоритъ, что славу драматурга составило ему «его софистически-невѣрное, какъ и антихудожественно-тенденціозное противопоставленіе различныхъ общественныхъ слоевъ и ихъ моралей» (209 стр). Но Кохъ отдаетъ ему первое мѣсто среди новыхъ драматурговъ.

«Заслуживаетъ похвалы», какъ говоритъ Кохъ, «и Гауптманнъ». Въ немъ Кохъ видитъ доказательство безплодности односторонняго натурализма. «Потонувшій колоколъ», по его мнѣнію,—внутренно пустая пьеса, а успѣхъ, которымъ она пользуется, указываетъ «на печальный недостатокъ среди публики художественнаго чутья, помогающаго отличить истинно поэтическое отъ разсчитанныхъ на эффектъ внѣшнихъ пріемовъ». Переведена книга хорошимъ языкомъ, каждая глава снабжена довольно полной библіографіею вопроса, въ концѣ приложенъ указатель собственныхъ именъ, что облегчаетъ пользованіе книгой. **А. Н.**

Л. В. Федоровичъ. Исторія политической экономіи съ древнѣйшихъ временъ до А. Смита. Одесса. 1900.

Нѣтъ особенной необходимости доказывать въ настоящее время пользу и важность изученія исторіи какой бы то ни было науки. Профессоръ Федоровичъ въ своемъ введеніи указываетъ на то, что въ Германіи историческій методъ изученія политической экономіи становится господствующимъ. Конечно, исторія политической экономіи, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, не можетъ ограничиться лишь изученіемъ экономической литературы: слишкомъ тѣсна связь науки съ жизнью, а потому, изучая первую, необходимо слѣдить за развитіемъ второй. Чтобы выяснить ходъ и развитіе экономическихъ ученій, историкъ политической экономіи обязанъ прослѣдить развитіе хозяйственной дѣятельности, уловить тотъ историческій процессъ, который направлялъ хозяйственный строй общества въ ту или другую сторону. Поэтому, изучая исторію политической экономіи, необходимо изучить также и экономическія системы. Задача профессора Федоровича заключается въ томъ, чтобы не ограничиваться обзоромъ историческаго развитія экономической науки, но также выяснить и историческую эволюцію экономическаго быта, оказавшаго вліянія на эту науку.

Въ своемъ сочиненіи профессоръ Федоровичъ предпосылаетъ исторіи политической экономіи въ древніе, средніе и новые вѣка очерки хозяйственнаго быта народовъ, не организованныхъ еще въ правильные общественные союзы. Экономическая наука возникаетъ уже съ развитіемъ хозяйственнаго быта культурныхъ народовъ. Профессоръ Федоровичъ слѣдитъ за исторіей хозяйственнаго быта этихъ народовъ, раздѣляя исторію на три періода.

Первый періодъ, начинаясь со времени возникновенія культуры, продолжается до половины среднихъ вѣковъ и характеризуется господствомъ натуральнаго хозяйства, когда люди обмѣнивались лишь избыткомъ собственнаго производства.

Второй періодъ начинается около X—XI вѣка и характеризуется обособленіемъ отдѣльныхъ отраслей промышленностей. Въ это время обмѣнъ играетъ

уже значительную роль, но производство еще не переступаетъ предѣловъ собственнаго потребленія.

Третій періодъ—наше время—господство денежнаго хозяйства. Раздѣленіе труда и производство мѣновыхъ цѣнностей характеризуетъ этотъ періодъ, въ которомъ обмѣнъ играетъ уже первую роль.

Сообразно этому дѣленію и въ историческомъ развитіи науки политической экономіи тоже можно найти три періода. Первый періодъ охватываетъ собою древніе и средніе вѣка. Политической экономіи въ тѣ времена, какъ науки, еще не существовало. Экономическіе взгляды и ученія высказывались въ разнообразныхъ сочиненіяхъ и въ связи съ ученіями религіозными и философскими. Такъ, напримѣръ, экономическіе взгляды у древнихъ восточныхъ народовъ могутъ быть почерпнуты лишь изъ источниковъ религіознаго содержанія.

Въ Греціи и Римѣ тоже еще не было самостоятельныхъ сочиненій по политической экономіи, хотя экономическія положенія здѣсь болѣе развиты. Политическая экономія въ античномъ мірѣ тѣсно была связана съ этикой, съ науками философскими и политическими.

Не было политической экономіи и въ средніе вѣка, какъ самостоятельной науки. Многіе экономическіе вопросы требовали себѣ разрѣшенія, но всякое рѣшеніе обусловливалось тѣмъ богословскимъ или клерикальнымъ характеромъ, который отличалъ средневѣковую жизнь. Юристы—тѣ же богословы и канонисты; поэтому основы политической экономіи разрабатываются въ церковномъ и гражданскомъ законодательствѣ.

Второй періодъ развитія политической экономіи представляетъ собой уже самостоятельную, хотя и не систематическую разработку этой науки. Этотъ періодъ продолжается до Адама Смита. Профессоръ Федоровичъ также отмѣчаетъ въ этомъ періодѣ три стадіи. Появившіеся самостоятельные экономическіе трактаты дали толчекъ возникновенію меркантильной системы. Первая стадія и характеризуется господствомъ меркантилизма.

Вторая стадія была реакціею первой. Вмѣсто государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, вмѣсто отожествленія богатствъ страны съ количествомъ накопленныхъ въ ней драгоцѣнныхъ металловъ, новое движеніе требовало полной свободы промышленности и торговли. Единственнымъ источникомъ и богатствомъ страны представители этого движенія, физіократы, считали земледѣліе. Послѣдняя стадія является какъ бы подготовкой третьяго періода развитія политической экономіи, это такъ называемая школа шотландскихъ философовъ.

Таковы рамки труда профессора Федоровича. Авторъ въ очень доступной формѣ, изложивъ основы экономическаго быта грековъ, разсмотрѣвъ особенности торговли древняго міра, экономическую политику грековъ и финансовую систему, знакомитъ насъ съ экономическими идеями Платона и его заслугой въ исторіи экономической науки. Онъ останавливается также на экономическихъ воззрѣніяхъ Ксенофонта, пользуясь небольшой статьей Бранта. Довольно подробно онъ разсматриваетъ ученія Аристотеля, сравнивая его положеніе съ тѣмъ, какое занималъ Адамъ Смитъ. «Аристотель,—говоритъ онъ,—создалъ теорію политической экономіи въ смыслѣ научной системы. И у Аристотеля

политическая экономія покоится еще на этическомъ основаніи, но она выдѣлена уже въ отдѣльную отрасль государственныхъ наукъ въ обширномъ смыслѣ слова, составляетъ самостоятельную отрасль знанія и, согласно практическому уму автора, не представляетъ собой чего-то идеальнаго, воображаемаго, какъ у Платона, а вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительной жизни и имѣетъ практическое примѣненіе. Вотъ почему Аристотеля иногда и считаютъ основателемъ политической экономіи» (стр. 90). Ученіе Аристотеля было послѣднимъ словомъ греческой науки объ общественномъ хозяйствѣ.

Римскіе юристы только слегка касались экономическихъ вопросовъ, и то съ правовой точки зрѣнія. Авторъ объясняетъ отсутствіе теоретической разработки политико-экономическихъ вопросовъ въ римской литературѣ особеннымъ строемъ всей римской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли интересовать вопросы народнаго хозяйства римскаго солдата въ то время, пока Римъ расширялъ свое господство путемъ безпрестанныхъ войнъ и насилія?

Въ сжатомъ очеркѣ авторъ излагаетъ основы экономической жизни въ средніе вѣка. Жаль только, что почтенный профессоръ мало обратилъ вниманія на экономическую исторію Англіи, особенно поучительную въ исторіи экономики и ясно указывающую, какая глубокая связь между исторіей, ходомъ и развитіемъ экономическихъ ученій и хозяйственнымъ строемъ народа.

М.

Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. («Библіотека для самообразованія». III) Москва. 1900.

Большой (XX+667 стр.), изящно изданный и безупречный въ корректурномъ отношеніи томъ, заглавіе котораго мы выписали, является однимъ изъ 17 уже выпусковъ «Библіотеки для самообразованія», изданія товарищества Сытина. Представляя собою историческую хрестоматію для изученія императорской эпохи Рима, книга эта даетъ цѣлый рядъ статей или отрывковъ изъ монографій по исторіи даннаго періода, принадлежащихъ перу преимущественно французскихъ ученыхъ (Гастонъ Буасье, Гиро, Марта, Фюстель де Куланжъ, Жанъ Ревиль, Дюрюи, Е. Леблянъ, Де Брольи); съ англійскаго переведена одна статья (Лекки)--и съ нѣмецкаго двѣ—(Гаусрата и Фридлендера). Кромѣ того, какъ оговаривается и редакція въ предисловіи, въ книгу вошли также двѣ статьи русскихъ ученыхъ, а именно: В. И. Герье и В. М. Михайловскаго.

Нельзя не порадоваться появленію этой прекрасной книги—хрестоматіи, и умѣло составленной и, гдѣ понадобилось, хорошо переведенной. И преподаватель древнихъ языковъ или исторіи, и студентъ университета, и вообще образованный человѣкъ не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на чтеніе этого увѣсистаго тома. Особенность стиля французскихъ популяризаторовъ-ученыхъ, заключающаяся въ умѣніи соединить серьезность научнаго изложенія съ блескомъ живого и легкаго языка, въ значительной степени сохранена и въ переводѣ, что, конечно, облегчитъ ознакомленіе съ нею лицамъ, избѣгающимъ пресловутой сухости ученыхъ трактатовъ.

Какъ живо встаютъ передъ читателемъ образы мудраго Августа, мрачнаго Тиберія, «великаго артиста» и жестокаго психопата Нерона, «космополита на тронѣ» Адріана. Въ новомъ свѣтѣ обрисовывается вовсе не добродѣтельная личность Константина Великаго, такъ искусно умѣвшаго угодить и язычникамъ и христіанамъ,—и далеко не чувство отвращенія возбудить, быть можетъ, въ читателѣ драма жизни императора Юліана, неудачно попытавшагося оживить античную религію путемъ прививки, такъ сказать, къ ея дряхлому стволу лучшихъ идей новой религіи. Нашу маленькую замѣтку мы заключимъ пожеланіемъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, котораго эта книга, конечно, вскорѣ дождется, были добавлены въ интересахъ полноты статьи о Домиціанѣ, Траянѣ, Антонинѣ Благочестивомъ и Маркѣ Авреліи философѣ, хотя бы для этого и пришлось раздѣлить книгу на 2 тома. Цѣна книги (2 руб. 50 коп.), принимая во вниманіе ея объемъ (29 печатныхъ листовъ) и изящную внѣшность (четкій шрифтъ, хорошую бумагу и прочный коленкоровый переплетъ), должна быть признана невысокой. **И. А.**

К. К. Гёрцъ. Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Гёрца. Выпускъ 1-й: Археологическая топографія Таманскаго полуострова.—Выпускъ 2-й: Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ.—Выпускъ 3-й: Письма изъ Италіи и Сициліи.—Выпускъ 4-й: О состояніи живописи въ Сѣверной Европѣ, отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи.—Выпускъ 5-й: Статьи по археологіи восточной, классической и древне-христіанской. Спб. 1898—1900.

Настоящее изданіе предпринято академіей наукъ согласно волѣ сестры покойнаго профессора Московскаго университета, К. К. Гёрца, нынѣ также умершей З. К. Гёрцъ, которая завѣщала въ вѣдѣніе академіи 7.000 р. «съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала за первыя семь лѣтъ по передачѣ его въ вѣдѣніе академіи были употреблены на вознагражденіе за составленіе біографіи К. К. Гёрца, на напечатаніе этой біографіи и на изданіе его сочиненій, а затѣмъ употреблялись на поощреніе ученыхъ трудовъ по классической археологіи и другимъ наукамъ, которыя были предметомъ занятій проф. Гёрца». Согласно постановленію особой комиссіи изъ членовъ историко-филологическаго отдѣленія академіи, при перепечаткѣ трудовъ рѣшено было держаться первоначальнаго текста, въ который, однако, могутъ быть вносимы разнаго рода корректурныя поправки; переводныя цитаты съ иностранныхъ языковъ и библіографическія указанія должны быть провѣрены по подлинникамъ, и возможныя ошибки оговорены въ примѣчаніяхъ; библіографическія указанія, кромѣ того, должны быть освѣжены приведеніемъ новыхъ изданій тѣхъ трудовъ, на которые ссылался авторъ. Редакціей изданія завѣдуетъ ординарный академикъ В. В. Латышевъ, который въ короткое время (годъ съ небольшимъ) успѣлъ выпустить въ свѣтъ уже 5 томовъ. Въ первомъ изъ нихъ напечатана магистерская диссертація К. К. Гёрца о топографіи Таманскаго полуострова, вы-

шедшая впервые въ свѣтъ въ 1870 г. Сочиненіе это распадается на двѣ части: въ одной изъ нихъ авторъ стремится выяснить тотъ физическій видъ, который имѣла Тамань въ древности, а въ другой подробно описываетъ всѣ извѣстные ему археологическіе памятники этого края. Въ тѣсной связи по содержанію съ первымъ выпускомъ стоитъ второй, въ которомъ заключается исторія археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ, начиная съ конца XVIII столѣтія до 1855 года включительно. Это сочиненіе, первое изданіе котораго относится къ 1876 г., подобно магистерской диссертаціи, возникло подъ вліяніемъ собственныхъ раскопокъ Гёрца въ Тамани, предпринятыхъ имъ по порученію императорской археологической комиссіи въ 1859 г. Историческій обзоръ раскопокъ сдѣланъ исключительно на основаніи офиціальнаго архивнаго матеріала и черноваго журнала, составленнаго въ 1851—1855 гг. тогдашнимъ директоромъ Керченскаго музея, К. Р. Бѣгичевымъ. Въ третьемъ выпускѣ переизданы корреспонденціи К. К. Гёрца изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Италіи и Сициліи, посылавшіяся имъ въ «Московскія Вѣдомости» 1871—1872 гг. Конечно, за тридцать лѣтъ, отдѣляющихъ эти корреспонденціи отъ нашего времени, въ классической Италіи произошло много всякаго рода перемѣнъ, поэтому В. В. Латышевъ, при редактированіи настоящаго выпуска, пригласилъ себѣ на помощь А. Н. Щукарева, старательно дополнившаго и исправившаго многія изъ указаній Гёрца. Вполнѣ понятно, что соблюсти должную мѣру въ этихъ исправленіяхъ было трудно, и, какъ кажется, главной заботой г. Щукарева было стремленіе къ краткости, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ является даже излишнею, такъ на стр. 49 можно было бы упомянуть, что щиты съ цитатами изъ древнихъ авторовъ давно уже уничтожены на Палатинѣ; на той же стр. слѣдовало бы оговорить, что Піетро Роза умеръ 1891 г., какъ это сдѣлано при упоминаніи Гёрцемъ Росси и Фіорелли; на стр. 51 мы ожидали бы встрѣтить хотя бы самое краткое указаніе на весьма важные результаты новѣйшихъ раскопокъ на главномъ форумѣ, тогда какъ на стр. 73, по поводу упоминанія о раскопкахъ Геркулана, надо было бы сказать, что онѣ давно прекращены; на стр. 58 ожидалось бы указаніе, что американцы основали свою отдѣльную археологическую школу въ Римѣ, и что тогдашній глава Англо-Американскаго общества, Паркеръ, нынѣ давно уже сошелъ со сцены († 1884). Число такихъ примѣровъ можно было бы легко увеличить. Въ общемъ корреспонденціи Гёрца довольно поверхностны и суховаты. Полной противоположностью имъ является напечатанный въ томъ же томѣ впервые, по иниціативѣ В. В. Латышева, отрывокъ, относящійся къ болѣе раннему заграничному путешествію Гёрца (1851—1856 гг.) подъ заглавіемъ «Осенній день въ Венеціи» (въ ноябрѣ 1851 г.). Хотя авторъ отдаетъ здѣсь значительную дань тому ландшафтному сентиментализму, который мощно охватилъ европейское общество въ первой четверти истекающаго столѣтія, однако съ каждой страницы очерка вѣетъ молодымъ и свѣжимъ восторгомъ предъ царицей Адріатики. Въ четвертомъ выпускѣ помѣщена докторская диссертація Гёрца, посвященная исторіи средневѣковой живописи, главнымъ образомъ IX и X столѣтій. Это изслѣдованіе представляетъ собою переработку болѣе ранней статьи московскаго ученаго на ту же тему (напечатана въ Журн.

Мин. Нар. Просв., 1859, № 7). Особенное вниманіе, какъ и слѣдовало ожидать, авторъ удѣляетъ византійскому элементу и указываетъ на вліяніе его на романскую эпоху; наряду съ этимъ много говорится объ ирландской и англосаксонской школахъ. При редактированіи этого выпуска, главнымъ образомъ при провѣркѣ обширныхъ библіографическихъ указаній, В. В. Латышевъ также отчасти пользовался содѣйствіемъ А. Н. Щукарева. Къ изслѣдованію приложены 4 таблицы рисунковъ съ миніатюръ, изслѣдованію которыхъ попреимуществу посвящена диссертація. Въ пятомъ выпускѣ собраны болѣе мелкія журнальныя и газетныя статьи, въ которыхъ Гёрцъ старался ознакомить русскую публику съ движеніемъ археологической науки, и, надо ему отдать справедливость, онъ былъ прекраснымъ популяризаторомъ въ этой области. Нѣкоторыя изъ этихъ статей представляютъ собою рефераты Гёрца, прочитанные имъ на засѣданіяхъ Московскаго археологическаго общества, въ которомъ покойный ученый принималъ дѣятельное участіе, состоя сперва секретаремъ, а потомъ товарищемъ предсѣдателя. Наиболѣе значительны по объему и интересны по содержанію въ пятомъ томѣ слѣдующія статьи: О значеніи исторіи искусства, Погребальные обряды древнихъ египтянъ, Восточное и древне-греческое искусство (по поводу роскошнаго изданія Musée de Napoléon III) и двѣ работы, посвященныя біографіи и изложенію результатовъ раскопокъ извѣстнаго Генриха Шлимана. Первая изъ названныхъ статей представляетъ собою вступительную лекцію къ курсу исторіи искусства (произнесена въ 1857 г.), не читавшейся до Гёрца ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Наконецъ, къ пятому тому приложенъ фототипическій портретъ К. К. Гёрца. Остается добавить, что, судя по редакціонному предисловію къ 1-ой части, остальные научно-популярные труды составятъ еще два тома, а имя энергичнаго редактора можетъ служить вполнѣ надежнымъ ручательствомъ за ихъ скорый выходъ въ свѣтъ. Вѣроятно, не замедлитъ своимъ появленіемъ и біографія Гёрца вмѣстѣ съ библіографическимъ спискомъ его трудовъ, составленіе которыхъ, судя по редакціонному предисловію къ 1-й части, поручено вполнѣ компетентному лицу.

А. М—нъ.

Н. Карѣевъ. Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Изданіе второе. Изданіе Спб. акціонернаго общества печатнаго дѣла „Издатель". Спб. 1900.

Одинъ изъ видныхъ современныхъ профессоровъ признается въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ, поступая въ университетъ, избралъ себѣ филологическій факультетъ, главнымъ образомъ, потому, что разъ, будучи въ гимназіи, увидалъ виньетку на изданіи какого-то классика, на которой изображенъ былъ ученый, обложенный фоліантами и работающій при свѣтѣ одинокой лампы вдали отъ шумнаго свѣта. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ упомянутый профессоръ окончилъ курсъ гимназіи, прошло около тридцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе можно съ большей увѣренностью сказать, что соображенія въ родѣ только что приведеннаго руководятъ еще и въ наше время немалымъ числомъ изъ поступающихъ въ университеты. Недостаточная общеобразовательная подготовка въ нашихъ гимназіяхъ

мѣшаетъ оканчивающимъ въ нихъ курсъ опредѣлить склонность къ той или другой специальности, а почти что полнѣйшее незнакомство съ настоящей наукой не даетъ возможности имъ увлечься какой либо отраслью знанія. Слухи же, которые достигаютъ до гимназистовъ старшихъ классовъ объ университетѣ, часто бываютъ односторонни и не всегда безпристрастны въ томъ или другомъ отношеніи. Между тѣмъ выборъ факультета важное дѣло въ жизни человѣка, серіозно задумывающагося надъ задачами послѣдней. Отъ этого выбора иногда зависитъ будущая профессія, такъ какъ есть такіе роды общественной дѣятельности, для которыхъ необходимо окончить тотъ, а не другой факультетъ. Кромѣ того, большой процентъ изъ числа оканчивающихъ гимназіи не настолько обезпеченъ, чтобы заниматься во время университетской жизни только наукой. Приходится думать и о работѣ для поддержанія своего существованія, а такая работа не для всѣхъ совмѣстима можетъ быть съ пребываніемъ на нѣкоторыхъ факультетахъ, въ особенности на тѣхъ, гдѣ студенты завалены практическими занятіями.

Немаловажное значеніе при выборѣ факультета имѣетъ и вопросъ объ общемъ образованіи. Какіе факультеты въ особенности и въ какомъ отношеніи тотъ или другой факультетъ способствуетъ общему образованію—вопросъ первостепенный. Книжка Н. И. Карѣева прежде всего останавливается на вопросѣ о томъ, что представляетъ изъ себя каждый факультетъ, что онъ даетъ спеціальнаго, и что пригоднаго для общаго образованія, а также, какимъ образомъ расположены на немъ занятія, что важно для будущихъ студентовъ, разсчитывающихъ на заработокъ во время пребыванія своего въ университетѣ. Сужденія составителя книжки о факультетахъ (за исключеніемъ филологическаго, на которомъ онъ самъ окончилъ курсъ и работалъ много лѣтъ въ качествѣ профессора) провѣрены авторитетными спеціалистами, что придаетъ этимъ сужденіямъ особенную цѣнность.

Почти половина книжки Н. И. Карѣева посвящена практическимъ совѣтамъ молодымъ людямъ о томъ, какъ они должны распредѣлять занятія, чтобы серіозно готовиться по избранной спеціальности и въ то же время пополнять свое общее образованіе; какъ вырабатывать въ себѣ научную самостоятельность и какъ, наконецъ, относиться къ профессорамъ, какъ къ своимъ руководителямъ.

Быстрая распродажа перваго изданія занимающей насъ книжки указываетъ, насколько она необходима для тѣхъ, кому она предназначается. Во второмъ изданіи перемѣнъ мало; главная заключается въ томъ, что въ немъ не перепечатывается статья «О сущности гуманитарнаго образованія», вошедшая теперь въ составъ второго изданія «Историко-филологическихъ и соціологическихъ этюдовъ» того же автора. О. П.

М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическое изслѣдованіе. Изд. товарищества „Знаніе". Спб. 1900.

Книга Гюйо представляетъ высокій интересъ, какъ по самому существу разсматриваемыхъ вопросовъ, такъ и по оригинальности высказываемыхъ мыслей. Какъ и въ другихъ своихъ трудахъ, Гюйо и здѣсь преслѣдуетъ одну цѣль: связать нравственность, эстетику и религію съ идеей жизни.

Въ противоположность ученію многихъ современныхъ ученыхъ и философовъ, которые убѣждаютъ, что люди рождаются преступниками такъ же, какъ и поэтами,—Гюйо утверждаетъ, что если наслѣдственность и можетъ создать генія, то все же безъ воспитанія человѣкъ не можетъ быть истинно нравственнымъ. Гюйо признаетъ нравственность безъ принужденія. Такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, чувство долга не есть чувство необходимости или насилія, а прежде всего чувство могущества, избытокъ жизни, стремящійся проявиться въ дѣйствіи, пожертвовать собою. Воспитаніе должно внушать человѣку довѣріе къ своимъ силамъ, вѣру въ себя, въ свою способность къ добру и неспособность ко злу. Слѣдуетъ указывать не на пользу добра, а на его красоту: только безкорыстные нравственные поступки способны произвести на душу глубокое впечатлѣніе своей красотой.

Впереди нужно поставить воспитаніе эстетическое: прежде, чѣмъ говорить уму, слѣдуетъ дѣйствовать на воображеніе и чувство. Низшія школы, какъ предназначенныя для воспитанія главной основы націи—народной массы, должны особенно заботиться о томъ, чтобы давать хорошо устроенныя головы и добрыя и честныя сердца. Ничто не можетъ быть опаснѣе поверхностнаго образованія, которое лишь отнимаетъ здравый смыслъ: невѣжественный крестьянинъ менѣе безтолковъ, чѣмъ «просвѣщенный» рабочій. Въ низшихъ школахъ необходимы нравственныя и соціальныя науки. Говоря о среднемъ образованіи, Гюйо состоитъ за преподаваніе древнихъ языковъ, такъ какъ античный міръ и его литература имѣютъ одно важное съ педагогической точки зрѣнія качество: они не романтичны и не могутъ развить ни чрезмѣрной чувствительности, ни лживой сентиментальности. Высшее образованіе должно быть болѣе философское, т. е. «слѣдуетъ ввести изученіе нравственныхъ и соціальныхъ наукъ, философію искусствъ, философію исторіи и философію наукъ», чтобы связать между собою всѣ области знанія и такимъ образомъ упростить ихъ, чтобы сдѣлать доступными не «только для умовъ, высоко одаренныхъ, но и для умовъ, мало культивированныхъ».

По адресу женскаго образованія Гюйо посылаетъ слѣдующія пожеланія: поменьше эрудиціи, литературы и исторіи, побольше идей нравственныхъ и эстетическихъ, побольше навыковъ къ ручному труду, побольше силы воли, энергіи, практичности, иниціативы. Врагомъ настоящаго знанія Гюйо считаетъ эрудицію, т. е. знаніе черезчуръ мелкихъ подробностей, въ которыхъ умъ теряется и истощается (Лейбницъ: «излишнее ученіе не только не шлифуетъ умъ, но напротивъ притупляетъ его»). Весьма важнымъ принципомъ является періодическая смѣна культуръ расы, и въ воспитаніи смѣна культуръ должна сдѣлаться такимъ же элементарнымъ правиломъ, какъ и въ земледѣліи; же-

лательна періодическая замѣна городской жизни сельскою и обратно, физическій трудъ долженъ чередоваться съ интеллектуальными занятіями.

Въ приложеніи помѣщены два этюда Гюйо: Замѣтка его о гипнотизмѣ и одинъ изъ первыхъ его опытовъ: «О стоицизмѣ и христіанствѣ» и «Правила Эпиктета», переведенныя съ греческаго и снабженныя примѣчаніями М. Гюйо.

Д. К. Е—въ.

Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Профессора А. Р. Уоллеса. Переводъ Л. Лакіера. Съ приложеніемъ статьи профессора В. Зомбарта: Соціализмъ и соціальное движеніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Переводъ Х. Раппопорта. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1900.

Немного встрѣчается на современномъ рынкѣ книгъ, проникнутыхъ такимъ теплымъ чувствомъ автора къ своему предмету, какъ вышеназванная. Это не исторія 19-го вѣка въ тѣсномъ смыслѣ слова, это также и не широкое обобщеніе идей и матеріальныхъ фактовъ, характеризующихъ столѣтіе; это не болѣе, какъ рядъ популярно написанныхъ очерковъ по культурѣ нашего столь прославленнаго вѣка.

Не останавливаясь надъ вопросомъ, чѣмъ вызванъ мощный расцвѣтъ знанія въ 19-омъ вѣкѣ, авторъ непосредственно переходитъ къ его недостаткамъ, образовавшимся преимущественно на моральной и соціальной почвѣ. Выясненію этихъ недостатковъ онъ посвящаетъ бо́льшую и самую интересную часть книги. Каковы же эти недостатки? «Нѣкоторые изъ нашихъ великихъ мыслителей,— отвѣчаетъ авторъ,—были такъ поражены ужасной природой этихъ недостатковъ, что усомнились даже: на какую чашку вѣсовъ ложится окончательный результатъ работы нашего столѣтія — на чашку добра или зла, счастья или безысходнаго горя для человѣчества вообще». На недостатки эти онъ смотритъ, какъ на прямое слѣдствіе нашей блестящей по виду цивилизаціи, отъ которой, однако, уже не въ моготу становится народамъ, выносящимъ ее на своихъ плечахъ. Понятно, авторъ относится отрицательно къ современному уголовному законодательству, не исправляющему, а еще лишь болѣе развращающему людей, къ развитію милитаризма, истощающаго націи хуже самой войны, къ войнамъ 19-го вѣка, особенно колоніальнымъ. Но самый страшный бичъ современной цивилизаціи онъ видитъ въ ея меркантильномъ направленіи, въ колоніальныхъ войнахъ, представляющихъ собою замаскированный грабежъ, ъ накопленіи богатствъ въ немногихъ рукахъ, въ то время, какъ рабочая масса подвергается варварской эксплоатаціи. Будущій историкъ, говоритъ онъ, съ удивленіемъ отмѣтитъ небывалое и имѣющее тенденцію прогрессировать увеличеніе бѣдности среди народа, въ то время, какъ средства производства выросли неимовѣрно. Исторія Англіи, шествующей впереди другихъ державъ въ дѣлѣ капиталистическаго развитія, предоставляетъ автору богатый выборъ для описанія ужасающей нищеты, въ которую погружена болѣе, чѣмъ значительная часть англійскаго народа, и разнаго рода насилій, совершенныхъ и совершаемыхъ этимъ народомъ въ разныхъ концахъ вселенной. Точными циф-

рами авторъ иллюстрируетъ также прогрессирующее увеличеніе числа самоубійцъ, умалишенныхъ, преступниковъ и т. д., что служитъ косвеннымъ доказательствомъ не только слишкомъ дурныхъ условій жизни народа, но и прямого вырожденія расы. Обращаясь къ попыткамъ облегчить положеніе страдающихъ массъ, авторъ справедливо называетъ всѣ такія попытки жалкими палліативами.

Много мѣста отводитъ Уоллесъ и недостаткамъ, какъ онъ выражается, въ умственной сферѣ—именно, пренебреженію френологіей, въ будущность которой онъ глубоко вѣритъ, и оппозиціи противъ гипнотизма и «физическихъ изысканій» (спиритизмъ), оппозиціи, давшей ему достаточно поводовъ отмѣтить ученую нетерпимость и филистерство.

Заключительная глава трактуетъ о хищнической эксплоатаціи земныхъ богатствъ, «разграбленіи» земли, истребленіи цѣлыхъ народовъ ради погони за золотомъ, худшей, чѣмъ во времена завоеванія Америки. Но, несмотря на всѣ эти «ужасы» цивилизаціи, непоколебимая вѣра въ человѣческую природу не оставляетъ автора; онъ вѣритъ въ интеллектуальныя силы человѣка, въ развитіе общественнаго самосознанія, и что именно и даетъ ему надежду на свѣтлое будущее,—это великое соціальное движеніе нашего вѣка: «народъ начинаетъ понимать дѣйствительныя причины соціальныхъ золъ, которыя теперь вредятъ всѣмъ классамъ одинаково, превращая многіе дары науки изъ благословеній въ проклятія. Еще одна четверть столѣтія такого быстраго воспитательнаго прогресса—и мы очутимся у обрыва»...

Авторъ не былъ бы вѣренъ себѣ, если, представивъ читателю ужасающую картину соціальныхъ золъ нашего столѣтія, не попытался бы указать и на средства къ ихъ исцѣленію, что онъ и дѣлаетъ въ post scriptum'ѣ. Средство это онъ видитъ въ организаціи труда для производства продуктовъ, потребляемыхъ самими рабочими. Для того же, чтобы прекратить немедленно голоданіе безработныхъ, онъ предлагаетъ раздачу дарового хлѣба на счетъ избытка средствъ, въ огромномъ числѣ скопляющихся въ рукахъ немногихъ владѣтелей земли и капитала. Если же лорды и капиталисты откажутся пожертвовать своими избытками въ пользу бѣдныхъ, то могущественное средство противъ нихъ онъ видитъ въ народномъ голосованіи — мѣра, примѣнимая, понятно, лишь при извѣстной степени культуры. Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ, впрочемъ, войти въ болѣе обстоятельное обсужденіе этихъ мѣръ противъ бѣдности; во всякомъ случаѣ, онѣ представляются намъ далеко не такими радикальными, какъ это кажется автору; уже одно то, что, напримѣръ, рабочій классъ Англіи въ своей совокупности матеріально заинтересованъ въ эксплоатаціи хотя бы той же Индіи, а съ другой стороны одичаніе (подъ вліяніемъ торговой политики) народныхъ массъ Европы должны внести существенную поправку въ теорію автора.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе этой интересной книги, авторъ которой, надо замѣтить, относится съ величайшей симпатіей къ русскому народу, давшему, по его словамъ, «въ лицѣ Льва Толстого не только литературнаго генія первой величины, но и истиннаго и величайшаго моральнаго учителя, кокого только могло произвести настоящее столѣтіе». Переводчикъ отнесся къ

своей задачѣ видимо самымъ внимательнымъ образомъ. Приложеніемъ или, лучше сказать, дополненіемъ къ книгѣ служитъ статья проф. Зомбарта: Соціализмъ и соціальное движеніе въ 19-омъ вѣкѣ. Коротко написанная, она заключаетъ, однако, въ себѣ содержательный обзоръ соціальнаго движенія, какъ оно выразилось въ нашемъ вѣкѣ, его исходныхъ точекъ, развитія и современнаго положенія. Чуждая полемическаго тона, эта статья переноситъ вопросъ на строго научную почву, доказывая, что движеніе это—необходимое слѣдствіе современныхъ условій жизни.

А. Никитинскій.

Эмиль Эггеръ. Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ временъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900.

Въ заключительныхъ строкахъ своей небольшой книжки профессоръ словесности и членъ парижскаго института Эггеръ дѣлитъ всѣ вообще книги, могущія находиться въ каждой библіотекѣ, на три разряда: «Есть много книгъ,—говоритъ онъ, — безполезныхъ, которыхъ не слѣдуетъ покупать, которыя могли быть подарены какимъ либо другомъ и сохраняются изъ вниманія къ дарителю, но никогда не читаются. Есть книги, по самому своему свойству предназначающіяся только для справокъ, тѣмъ не менѣе книги необходимыя, которыя нужно всегда имѣть подъ рукой, если не желаютъ за малѣйшей справкой отправиться изъ дому и итти въ публичную библіотеку. Наконецъ, и главнѣе всего, есть книги для повседневнаго употребленія, которыя читаютъ и прочитываютъ безпрестанно или для поученія или для развлеченія» (стр. 241).

Приведенную классификацію нельзя признать исчерпывающей предметъ уже по одному тому, что книжка самого автора не можетъ быть причислена ни къ одному изъ указанныхъ имъ рязрядовъ: она не пригодна для справокъ, такъ какъ скользитъ по верхамъ трактуемаго ею предмета и почти не даетъ фактовъ, ограничиваясь таковыми лишь въ видѣ примѣровъ къ выводимымъ авторомъ положеніямъ; тѣмъ менѣе пригодна она для «повседневнаго употребленія» по не совсѣмъ удачному выраженію переводчика, такъ какъ врядъ ли способна внушить кому нибудь захватывающій интересъ къ себѣ; наконецъ, вполнѣ безполезной ее также назвать нельзя въ виду того, что, касаясь предмета, вообще говоря, мало обращавшаго на себя донынѣ вниманіе изслѣдователей, она сообщаетъ въ очень легкой и занимательной формѣ свѣдѣнія, неизвѣстныя или весьма мало знакомыя большинству читающей публики.

Самъ авторъ—надо отдать ему справедливость—видимо человѣкъ, глубоко и основательно изучившій исторію изслѣдуемаго имъ вопроса. Но съ его стороны была большой ошибкой попытка изложить въ небольшой книжечкѣ нѣсколько такихъ серіозныхъ предметовъ, какъ исторія письменности съ самаго ея возникновенія, исторія книгопечатанія, книжной торговли и библіотечнаго дѣла, далѣе, постепенныя измѣненія во вкусахъ читающей публики, исторія анонимныхъ и псевдонимныхъ книгъ, наконецъ, разборъ цѣлей, коимъ вообще можетъ или не можетъ удовлетворить книга. Русскій переводъ книги Эггера страдаетъ небольшими промахами переводчика, свидѣтельствующими

о недостаточномъ съ его стороны знакомствѣ съ историческими фактами и русской грамотой. Такъ, на стр. 68-й мы узнаемъ, что у франковъ былъ король по имени Шильперикъ, выдумавшій буквы для азбуки. Это сообщеніе, несомнѣнно доказывая, что переводчику очень хорошо извѣстно произношеніе французскихъ буквъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ поводъ думать, что онъ врядъ ли слышалъ когда либо о королѣ изъ династіи Меровинговъ Хильперихѣ I (561—584 г.), извѣстномъ своей звѣрской жестокостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ любовью къ богословію и литературѣ. Далѣе на стр. 223 мы встрѣчаемъ слово, русскому литературному языку вовсе неизвѣстное: «Сенека... надсмѣхается надъ тѣми собирателями книгъ, которые употребляютъ ихъ только на украшеніе своихъ столовыхъ». Хорошо еще, что подобные перлы сравнительно рѣдки, а потому не слишкомъ затрудняютъ пользованіе книгой Эггера.

Н. Лосскій.

Михайловъ, Д. Аполлонъ Григорьевъ, жизнь въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его. Спб. 1900.

Видимо сознавая себя не вполнѣ способнымъ давать самостоятельныя характеристики тому или другому явленію, г. Михайловъ очень удачно оперируетъ при помощи цитатъ на пространствѣ цѣлыхъ печатныхъ листовъ, и поэтому понятіе о значеніи Ап. Григорьева, какъ критика, можно вынести на основаніи этой книжки довольно правильное. Въ исторіи нашей литературной критики Григорьевъ занимаетъ совершенно особое мѣсто, рѣзко ограниченное ото всѣхъ другихъ. Его симпатіи лежатъ на сторонѣ славянофильства, и въ 60-хъ годахъ онъ не нашелъ себѣ товарищей по оружію въ борьбѣ за свои идеалы; идеалы эти создались имъ еще въ молодости, подъ вліяніемъ идей Шеллинга, которымъ критикъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней и, руководствуясь которыми, создалъ свою собственную теорію «органической критики». Философъ и поэтъ по натурѣ, онъ враждебно относился къ господствовавшему направленію реализма и оттолкнулъ отъ себя широкій кругъ передовыхъ людей того времени. Немногочисленные поклонники его таланта, отъ нихъ же первыми были Н. Страховъ и братья Достоевскіе, ставили Ап. Григорьева очень высоко, и отношеніе ихъ къ нему было тѣмъ страстнѣе, что отечество не принимало пророка, «попавшаго въ струю жизни отшедшей и отзвучавшей». Такимъ отношеніемъ отличается написанное объ немъ Страховымъ и Волынскимъ; оно же характерно и для выспреннихъ тирадъ г. Михайлова. Но читатель долженъ радоваться, что три четверти новой книжки заняты выписками изъ самого Григорьева, ибо отъ этого выигрываетъ столько же вѣрность характеристики, сколько и самая литературность языка, а въ ней авторъ очень и очень не силенъ. Мы не говоримъ уже о такихъ «самобытныхъ» выраженіяхъ, какъ «пучекъ свѣта», «заворотъ въ сторону», «истокъ этого взгляда» и др., которыя у него пользуются правомъ гражданства на ряду съ «шуршаніемъ вѣянія» и «шелестомъ эпохи»; гораздо курьезнѣе и безграмотнѣе вещи мы можемъ встрѣтить у него по части формы и синтаксиса цѣлыхъ предложеній; такъ на стр. 44 читаемъ: «Одно изъ послѣднихъ по количеству и силь-

ныхъ по качеству, принесшихъ великую услугу развитію ума и чувства Григорьева, значеній имѣло то пожирающее чтеніе французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ романовъ, которое съ такимъ неподражаемымъ азартомъ производилось въ домѣ его отца», или на стр. 46: «Вотъ тѣ книжныя впечатлѣнія, литературныя вѣянія, окружавшія дѣтство Григорьева». Несмотря на это, книга заслуживаетъ вниманія. Объ Ап. Григорьевѣ у насъ написано очень мало, а въ популярной литературѣ онъ и совсѣмъ забытъ, поэтому отмѣтить книгу г. Михайлова небезполезно; при своей доступности по цѣнѣ и по изложенію она послужитъ къ ознакомленію широкой публики съ личностью (значительно, правда, скрашенной у г. Михайлова) и съ основными идеями нашего недюжиннаго критика-философа. **А. Л.**

Профессоръ Л. Іолли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Переводъ съ нѣмецкаго А. Санина. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900.

Предназначенная для спеціальнаго круга читателей, эта книга, вообще, читается съ трудомъ; къ ней можно лишь прибѣгать для справокъ каждый разъ, какъ встрѣтится надобность узнать годъ изданія того или другого школьнаго закона, напримѣръ, въ Германіи, или цифру учащихъ и учащихся въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи какого либо государства Западной Европы· Болѣе подробныя свѣдѣнія приведены относительно низшаго, средняго и высшаго образованія въ Германіи, Австріи, Франціи, Швейцаріи, Англіи и Бельгіи, хотя помѣщены также важныя указанія о состояніи образованія и въ другихъ странахъ Западной Европы. Такимъ образомъ, книга имѣетъ исключительно характеръ школьнаго календаря и составлена по образцу «Школьныхъ ежегодниковъ», какіе издаются съ практическою цѣлью въ разныхъ европейскихъ странахъ. Отъ тюбингенскаго профессора полицейскаго права можно было бы ожидать бо́льшаго научнаго освѣщенія разсматриваемыхъ вопросовъ, указанія связи между школьнымъ законодательствомъ той или другой страны и ея политической и соціальной жизнью. Ничего подобнаго, однако, мы не встрѣчаемъ въ названномъ трудѣ проф. Іолли. Сухой перечень законовъ и указовъ, касающихся низшаго, средняго и высшаго образованія въ различныхъ европейскихъ странахъ, уставы и программы народныхъ школъ, гимназій, университетовъ, таблицы цифръ, указывающихъ число учебныхъ заведеній, ихъ бюджетъ, плату за ученіе, жалованье преподавателей и т. п. наполняютъ почти всѣ 190 страницъ книги. Мѣстами встрѣчаются совершенно лишнія опредѣленія того, что хорошо извѣстно каждому и не нуждается въ какомъ бы то ни было поясненіи, напримѣръ, говоря о частномъ обученіи въ Германіи, г. Іолли считаетъ почему-то нужнымъ сообщить: «Частное образованіе можетъ даваться либо отдѣльнымъ лицамъ приватными или домашними учителями, либо въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ обучается неопредѣленно (?) большое число постоянно (?) мѣняющихся лицъ» (стр. 103). Какъ образцы сухого «календарнаго» изложенія ученаго труда, приведемъ первыя попавшіяся на удачу выдержки, трактующія первая—о среднемъ женскомъ образованіи

въ Швейцаріи, вторая—о высшемъ образованіи въ Австріи: «Городскія школы для дѣвицъ въ Цюрихѣ и Винтертурѣ. Въ нихъ принимаются дѣвушки, окончившія курсъ въ секундарной школѣ. Курсъ ученія—четырехлѣтній. Плата за ученіе въ цюрихской школѣ—90 фр., въ винтертурской—60 фр. въ годъ. Въ 1895 г. цюрихскую школу посѣщало 203 ученицы, винтертурскую—33»... «Австрійскіе университеты въ общемъ организованы точно такъ же, какъ и германскіе; различіе заключается только въ томъ, что съ 1897 года въ Австріи плата за слушаніе лекцій (kollegiengelder) взимается въ пользу государства» (стр. 119).

Вотъ все, что сказано объ университетскомъ образованіи въ Австріи. Вообще, несмотря на то, что авторъ много потрудился надъ составленіемъ книги и почерпалъ свои свѣдѣнія изъ многихъ источниковъ, какъ это видно изъ помѣщенныхъ при каждой главѣ указаній на литературу предмета,—его сообщенія все же не полны, а иногда и черезчуръ кратки, такъ, напримѣръ, опущена вся область профессіональнаго образованія, а о факультетахъ во Франціи приведены поразительно лаконическія свѣдѣнія: «Естественно-научныхъ факультетовъ во Франціи всего 15. Они раздаютъ учащимся степени магистра и доктора» (стр. 153). И только!

Сухость и безжизненность изложенія, неполнота и краткость сообщаемыхъ ею свѣдѣній дѣлаетъ книгу проф. Іолли малодоступною и малоцѣнною не только для обыкновеннаго читателя, но, думается, даже и для спеціалистовъ.

Д. К. Ежовъ.

Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ второй (книга 3 и 4). Спб. 1900.

О первомъ томѣ этого обширнаго труда мы говорили въ мартовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ. Въ настоящее время вышелъ второй томъ Талмуда, книга 3-я и 4-я, столь же объемистый (въ немъ 540 страницъ in folio).

Этотъ томъ, носящій названіе «Моэдъ», трактуетъ о еврейскихъ праздникахъ, объ ихъ времени и значеніи, а также о законахъ и обрядахъ, съ ними сопряженныхъ. Вся книга состоитъ изъ двѣнадцати трактатовъ, которые устанавливаютъ, въ строгой послѣдовательности, порядокъ еврейскихъ праздниковъ: Песахимъ (Пасхи), Шекалимъ (празднованіе исхода изъ Египта), Іома (день очищенія), праздникъ Кущей, Пятидесятницы, Новолѣтія, священныхъ собраній (шаббатонъ), постовъ, ношенія печали (трауръ) и проч.

Этотъ «критическій переводъ» Талмуда, знакомящій публику съ религіознымъ, на этотъ разъ, кодексомъ еврейской жизни, представляетъ собою столь же цѣнный и интересный трудъ, какъ и первый томъ, вышедшій въ переводѣ того же г. Переферковича. **И. Н. З.**

В. Добронравовъ. Скопчество въ предѣлахъ Владимірской епархіи. Владиміръ. 1900.

Въ первый годъ изданія «Историческаго Вѣстника» скопчеству были посвящены двѣ статьи (Майнова и Есипова), съ которыми совпадаетъ и разсматриваемая брошюра г. Добронравова. О скопческой сектѣ немало напечатано и другихъ матеріаловъ, особенно въ «Чтеніяхъ» общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Всѣ они имѣютъ тѣсную связь съ скопческимъ ересіархомъ К. Селивановымъ, заточеннымъ въ Суздальскій монастырь въ 1820 году. Но еще ранѣе его, въ 1804 году, туда же былъ отправленъ камергеръ Еленскій, съ прибытіемъ котораго въ Суздаль и началась исторія скопчества во Владимірской губерніи. Теперь г. Добронравову по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ удалось установить, что еще до заточенія въ Суздаль главныхъ вождей скопчества эта секта уже имѣла послѣдователей во Владимірской губерніи, именно въ селѣ Нушполѣ Александровскаго уѣзда. Въ виду этого брошюра (51 стр.) г. Добронравова, заключающая въ себѣ матеріалы доселѣ неизвѣстные, является не лишнею для занимающихся исторіею раскола въ Россіи. **А. В. О.**

Памятная книжка Ломжинской губерніи на 1900 г. Ломжа. 1900.

Намъ уже не въ первый разъ приходится говорить о памятныхъ книжкахъ Ломжинской губерніи. Изданная на текущій годъ книжка, какъ и двѣ предыдущія, составлена подъ редакціею мѣстнаго историка-археолога Г. А. Воробьева. Изящно напечатанная въ мѣстной губернской типографіи и украшенная изображеніемъ въ краскахъ герба Ломжинской губерніи и 3 фототипіями (закладка православной церкви въ гор. Островѣ, открытіе первой чайной попечительства о народной трезвости въ Ломжѣ, памятникъ у дер. Ольшево, откуда ихъ величества 19-го августа 1897 г. изволили смотрѣть на маневры), книжка выдѣляется изъ ряда подобнаго рода изданій. Состоитъ она изъ пяти отдѣловъ, изъ коихъ первые три носятъ справочный характеръ. Въ 4-мъ отдѣлѣ помѣщены статистическія данныя по губерніи за 1898 г., а въ 5-мъ—хроника выдающихся событій въ ней же въ теченіе 1899 г., некрологъ губернскаго ветеринара Д. Н. Намѣтниченко и статья г. Воровьева «Замѣчательныя могилы на ломжинскомъ городскомъ кладбищѣ». Изъ послѣдней, между прочимъ, узнаемъ, что на ломженскомъ кладбищѣ покоится прахъ извѣстнаго романиста Ф. Бернатовича, романъ котораго «Поята, дочь Лиздейки, или литовцы въ XIV ст.» еще въ 40-хъ гг. былъ переведенъ на русскій языкъ, и что тамъ же погребенъ славный ботаникъ Яковъ Вага, со дня рожденія котораго 25-го іюля настоящаго года исполнится сто лѣтъ.

Къ справочнымъ отдѣламъ книжки, по обыкновенію, приложенъ алфавитный указатель фамилій.

Г—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Любовь некоронованной королевы. — Легенда о дѣтяхъ Руссо. — Юбилей Вильяма Каупера. — Фуше и Прудонъ. — Французская полиція во времена консульства и имперіи.—Династія американскихъ государственныхъ людей.—Георгъ IV въ Ирландіи.—Агвинальдо и филиппинская революція.—Смерть генерала Жубера, полковника Вильбуа-Моріеля и Арчибальда Форбса.—Пятисотлѣтіе Краковскаго университета—Наполеонъ II на сценѣ и въ исторіи.—Споръ о папской инквизиціи.—Заговоръ противъ Англіи.—Братья Наполеона.

ЛЮБОВЬ некоронованной королевы. Подъ этимъ оригинальнымъ заглавіемъ В. Вилькинсъ впервые подробно разсказываетъ романъ Софіи-Доротеи, жены англійскаго короля Георга I и графа Кенигсмарка[1]). Для того, чтобы придать своему труду полный историческій интересъ, авторъ не только посѣтилъ и подробно описалъ замокъ Альденъ, гдѣ долго томилась въ заточеніи его героиня, но и старательно провѣрилъ подлинность переписки Софіи-Доротеи съ графомъ Кенигсмаркомъ, которая хранится въ Лундскомъ университетѣ и теперь впервые вполнѣ напечатана въ англійскомъ переводѣ. Нѣмецкіе историки, опровергавшіе подлинность этихъ писемъ на французскомъ языкѣ, никогда не потрудились сдѣлать этой провѣрки, и трудъ Вилькинса, основанный на такомъ безспорномъ матеріалѣ и другихъ шведскихъ и отчасти нѣмецкихъ источникахъ, вполнѣ исчерпываетъ заданную имъ себѣ задачу въ обширныхъ двухъ томахъ, снабженныхъ многочисленными иллюстраціями. Обыкновенно считаютъ, что вся романическая сторона англійской исторіи связана со Стюартами, но

---

[1]) The love of an Uncrowned Queen, Sophie-Dorothea, Consort of George I and her Correspondence with Philip Christopher Count Königsmark. By W. H. Wilkins. 2 vol. London. 1900.

романъ жены перваго и матери второго изъ королей Ганноверской династіи, хотя она никогда не видала англійскаго престола, представляетъ не меньшій драматическій интересъ, чѣмъ судьба излюбленныхъ героевъ и героинь Стюартскаго дома. Софія-Доротея была единственной дочерью герцога Уэльскаго. Ея мать, единственный другъ этой несчастной женщины, также не отличалась счастливой судьбой; она была дочерью французскаго эмигранта гугенота и вышла замужъ морганатически за герцога Георга Вильгельма Уэльскаго. Послѣ долгихъ усилій ей удалось превратить свой морганатическій бракъ въ настоящій, благодаря покровительству императора, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она вполнѣ властвовала надъ своимъ мужемъ, но подъ конецъ ея вліяніе было уничтожено, благодаря интригамъ ганноверскаго двора и его министра Беренсторфа. Первый женихъ Софіи-Доротеи, принцъ старшей брауншвейгской линіи (Вольфенбютельской), умеръ на полѣ брани, а планъ матери выдать ее замужъ за брата умершаго не удался въ виду интригъ курфюрста ганноверскаго и его жены. Послѣдней не удалось женить своего сына на принцессѣ Аннѣ англійской, а потому она выбрала ему невѣстой Софію-Доротею, такъ какъ ея отецъ былъ очень богатъ. Въ тотъ самый день, когда молодой дѣвушкѣ минуло 16 лѣтъ, и она должна была обручиться съ братомъ своего погибшаго жениха, Софія ганноверская прискакала рано утромъ, прошла прямо въ спальную своего деверя и уговорила его отдать дочь за ея сына, при чемъ говорила на нижне-голландскомъ языкѣ, котораго его жена не понимала. Когда вскорѣ прибылъ герцогъ Вольфенбютельскій со своимъ сыномъ, то ему объявили, что онъ опоздалъ. Съ тѣхъ поръ этотъ герцогъ сдѣлался заклятымъ врагомъ младшей брауншвейгской линіи и впослѣдствіи написалъ романъ подъ заглавіемъ «Boëmische Octavia», въ которомъ описалъ несчастную жизнь Маріи-Доротеи. Юная жертва придворной интриги сначала и слышать не хотѣла объ этомъ бракѣ и бросила на полъ миніатюрный портретъ Георга, привезенный его матерью, такъ что украшавшіе его драгоцѣнные камни разсыпались во всѣ стороны. Но ее заставили повиноваться, и черезъ два мѣсяца была сыграна свадьба. По словамъ самой принцессы Софіи, ея сынъ, котораго она никогда не любила, не питалъ никакого нѣжнаго чувства къ своей женѣ, а его соблазнили ея сто тысячъ талеровъ годового дохода. Всѣмъ извѣстно было его развратное поведеніе, и онъ не скрывалъ его даже подъ маской приличія. Онъ былъ на шесть лѣтъ старше своей жены, и хотя она упала въ обморокъ, впервые увидавъ его, Софія-Доротея терпѣла недостойнаго мужа, пока ея сердце не было занято, и родила ему сына, будущаго англійскаго короля Георга II, и дочь, также Софію-Доротею, которая сдѣлалась впослѣдствіи прусской королевой и матерью Фридриха Великаго. Когда явился въ Ганноверъ въ 1688 году графъ Филиппъ Кенигсмаркъ и поступилъ на службу курфюрста, принцъ Георгъ уже давно перестать думать о своей женѣ и предался всецѣло своей любовницѣ Эрменгардѣ Шуленбургъ, которую ему отыскала графиня Платенъ, любовница его отца и величайшая на свѣтѣ интриганка. Кенигсмаркъ былъ ловкій, блестящій шведъ невысокой нравственности, но врядъ ли такой негодяй, какимъ его рисуетъ Теккерей въ своихъ лекціяхъ о четырехъ Георгахъ, такъ какъ, вѣроятно, великій романистъ спуталъ его со старшимъ братомъ Кенигсмарка. Хотя онъ зналъ Софію-Доротею съ десятилѣтняго возраста и потомъ

увѣрялъ, что любилъ ее съ дѣтства, но въ продолженіе нѣкотораго времени она не обращала на него вниманія, и онъ свелъ интригу съ графиней Платенъ. Только по возвращеніи Кенигсмарка изъ Мореи, куда онъ ѣздилъ воевать въ качествѣ странствующаго рыцаря, онъ сблизился съ Софіей-Доротеей и возбудилъ подозрѣніе въ ревнивой графинѣ Платенъ, которая выдала ихъ тайну Георгу. Но Вилькинсъ полагаетъ, что тогда еще между ними не было никакой связи, и она началась лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, для чего онъ приводитъ письма Кенигсмарка къ Софіи-Доротеѣ. Въ первыхъ изъ нихъ, относящихся къ іюлю 1691 года, онъ подписывается «votre esclave» (вашъ рабъ), «votre trèsobeissant valet» (вашъ послушный слуга), и только спустя два мѣсяца онъ пишетъ «adieu, emable brune, je vous embrasse les jenous» (прощайте, любезная брюнетка, цѣлую ваши колѣни). Осенью начались между ними ночныя свиданія при помощи придворной дамы Кнезебэкъ. Подозрѣвая что-то недоброе, мать Софіи-Доротеи предупреждала ее быть осторожной, и она не только совѣтовала Кенигсмарку жениться, но даже пыталась пріобрѣсть любовь своего мужа, хотя тщетно. Тогда ея чувства къ Кенигсмарку, воевавшему во Фландріи во второй половинѣ 1692 года, приняли болѣе пламенный характеръ. «День и ночь, ночь и день я надоѣдаю милосердому Богу своими молитвами о васъ,—писала она своему возлюбленному.—Еслибы вы только знали, какъ я васъ страшно люблю, то пожалѣли бы меня; моя любовь усиливается каждую минуту, несмотря на ваше отсутствіе. Я люблю васъ и все, что вамъ принадлежитъ, такъ пламенно, нѣжно и деликатно, что никто не можетъ себѣ этого вообразить!» На такое признаніе въ любви Кенигсмаркъ отвѣчалъ не менѣе горячими тирадами, въ которыхъ увѣрялъ, что онъ изъ любви къ ней не ходитъ ни на какія празднества и не смотритъ ни на какихъ женщинъ. По возвращеніи его въ Ганноверъ возобновились ночныя свиданія, но ихъ теперь было недостаточно для безумно влюбленной Софіи-Доротеи, и она просила отца назначить ей особую пенсію, конечно, съ тайной цѣлью бѣжать отъ мужа съ Кенигсмаркомъ. Хотя отецъ ей въ этомъ отказалъ, но все-таки планъ бѣгства былъ рѣшенъ, и даже день назначенъ 1-го іюля 1694 года, но наканунѣ ночью графиня Платенъ узнала обо всемъ, открыла глаза герцогу и добилась отъ него приказа объ арестѣ Кенигсмарка. Послѣдній при выходѣ въ поздній часъ изъ дворца былъ схваченъ четырьмя солдатами, которые убили его и тотчасъ похоронили. Хотя ганноверскій дворъ хранилъ глубокую тайну объ этомъ событіи, но вся Европа заговорила о роковой катастрофѣ. Что касается до Софіи-Доротеи, то ее убѣдили развестись съ мужемъ, на что она согласилась въ надеждѣ освободиться отъ ненавистнаго человѣка и жить потомъ у отца, но, какъ извѣстно, несчастной молодой женщинѣ пришлось провести всю остальную жизнь въ заточеніи въ замкѣ Альденъ.

— Легенда о дѣтяхъ Руссо. Англичанка г-жа Ф. Макдональдъ продолжаетъ обѣлять Жанъ-Жака Руссо на страницахъ «Revue des Revues», и во второй мартовской книжкѣ этого журнала она занимается вопросомъ о дѣтяхъ великаго мыслителя [1]). Какъ извѣстно, излюбленнымъ аргументомъ его враговъ

[1]) Vers la rehabilitation de J. J. Rousseau. Nouvelle etude sur la legende des enfants de J. J. Rousseau, par F. Macdonald.—Revue des Revues.—15 mars 1900.

для доказательства, что онъ былъ «Тартюфомъ человѣчности», служитъ ссылаться на фактъ отдачи авторомъ «Эмиля», проповѣдникомъ обязанностей родителей, своихъ пятерыхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Онъ самъ въ этомъ чистосердечно кается въ своихъ «Исповѣдяхъ», и потому до сихъ поръ не сомнѣвались въ томъ, что Руссо былъ безчеловѣчнымъ отцомъ. Но г-жа Макдональдъ старается доказать, послѣ основательнаго изслѣдованія этого вопроса, что безчеловѣчность Руссо, какъ отца, и несчастная судьба его дѣтей болѣе ничего, какъ легенда. Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что объ отдачѣ своихъ дѣтей авторомъ «Эмиля» въ воспитательный домъ говоритъ только онъ одинъ, а ни слова объ этомъ не упоминается его врагами Дидеро и Гриммомъ, которые осыпали его однако бранью и клеветами. Изъ современниковъ Руссо только Вольтеръ въ анонимной брошюрѣ «Чувство гражданъ» обвиняетъ его въ томъ, что онъ «бросилъ своихъ дѣтей у двери больницы», и самъ Руссо послалъ эту брошюру въ Парижъ для напечатанія съ его опроверженіемъ, въ которомъ онъ прямо говоритъ: «я никогда не бросалъ и не велѣлъ бросать никакого ребенка у двери больницы или гдѣ бы то ни было!». Если же впослѣдствіи въ «Исповѣдяхъ» онъ упрекаетъ себя за отдачу дѣтей въ воспитательный домъ, то объясняетъ, что никогда не бросалъ ихъ на улицу, а повивальная бабка осторожно отнесла ихъ въ воспитательный домъ, и для перваго ребенка онъ составилъ шифръ и написалъ его на карточкѣ, которую положили на ребенка, чтобъ сохранить возможность впослѣдствіи его найти. Кромѣ того, какъ въ «Исповѣдяхъ», такъ въ письмѣ къ г-жѣ Франкельонъ онъ прямо заявляетъ, что поступилъ подобнымъ образомъ для блага дѣтей, такъ какъ не могъ ихъ содержать, не имѣя на то средства, а будучи больнымъ и ожидая скорой смерти, боялся, что Тереза послѣ него еще менѣе будетъ въ состояніи кормить и воспитывать дѣтей. «Не надо родить дѣтей,когда нечѣмъ кормить ихъ, могутъ мнѣ возразить,—пишетъ онъ къ г-жѣ Франкельонъ:—но, сударыня, извините, природа требуетъ созданія дѣтей, и она производитъ достаточно всего, чтобъ всѣ дѣти были сыты, а богатые воруютъ у бѣдныхъ хлѣбъ ихъ дѣтей. Природа также требуетъ, чтобъ родители обезпечили хлѣбъ своимъ дѣтямъ, вотъ почему я и отдалъ своихъ въ воспитательный домъ; еслибъ его не существовало, то я наполнилъ бы свой домъ и самъ умеръ бы съ голода скорѣе, чѣмъ оставить дѣтей безъ хлѣба». Къ тому же г-жа Макдональдъ указываетъ, что эпоха, когда Руссо отдалъ своихъ дѣтей въ воспитательный домъ, относилась ко времени «Эмиля», а также его статьи въ «Энциклопедіи» и политической экономіи, въ которой онъ доказывалъ, что общественное воспитаніе одно можетъ внушить человѣку сознанье равенства, братства и истиннаго патріотизма, а потому онъ могъ тогда искренно думать, что, отдавая своихъ дѣтей обществу для воспитанія, такъ какъ не имѣлъ самъ средствъ воспитать ихъ дома, онъ поступалъ, какъ слѣдовало отцу и гражданину. Наконецъ въ то время Тереза не была его женою, и онъ по собственнымъ его словамъ прежде всего заботился объ ея чести, стараясь скрыть фактъ ея родовъ. Такимъ образомъ поведеніе Руссо относительно его дѣтей нимало не противорѣчило его тогдашнимъ нравственнымъ понятіямъ и объяснялось фактическими обстоятельствами его жизни, а когда онъ измѣнилъ свои понятія, то вполнѣ искупилъ свою вину публичнымъ

покаяніемъ. «Вѣрьте мнѣ, говоритъ онъ въ «Эмилѣ»: я предсказываю всякому имѣющему родительскую утробу и не исполняющему священныхъ родительскихъ обязанностей, что онъ горько будетъ оплакивать свое поведеніе и никогда не утѣшится». Однако, снявъ такимъ образомъ нравственную отвѣтственность съ Руссо за отдачу его дѣтей въ воспитательный домъ, г-жа Магдональдъ переходитъ къ фактической сторонѣ вопроса о дѣтяхъ великаго мыслителя и представляетъ доказательства, что ихъ никогда не существовало, а Руссо ввели въ обманъ. Во-первыхъ, никто изъ современниковъ никогда не упоминалъ объ его дѣтяхъ, кромѣ его самого, во-вторыхъ, жена маршала Люксембурга по просьбѣ Руссо приказала сдѣлать справку въ парижскомъ воспитательномъ домѣ объ этихъ дѣтяхъ, но о нихъ не нашлось никакихъ свѣдѣній, тогда какъ въ ту эпоху о каждомъ сданномъ ребенкѣ, а тѣмъ болѣе повивальной бабкой, составлялся подробный протоколъ; въ-третьихъ, еслибы дѣйствительно у Терезы были дѣти, то не въ ея интересахъ было ихъ скрыть. На основаніи этихъ аргументовъ г-жа Магдональдъ заключаетъ, что у Терезы никогда не было дѣтей отъ Руссо, и что она сочинила эту легенду для того, чтобы крѣпче держать его въ своихъ рукахъ. Наконецъ немалымъ доказательствомъ справедливости теоріи г-жи Магдональдъ служитъ и то обстоятельство, что Руссо, по его собственнымъ словамъ, никогда не видалъ своихъ дѣтей, а Тереза каждый разъ рожала у повивальной бабки.

— Юбилей Вильяма Каупера. 25-го апрѣля минуло сто лѣтъ со смерти англійскаго поэта Вильяма Каупера, и апрѣльскія книжки лондонскихъ журналовъ полны юбилейными статьями объ его жизни и литературномъ значеніи, Наиболѣе интересный критическій очеркъ Биреля «Leisure Hour» и біографическій этюдъ Дугласа въ «English Illustraded Magazine». Всего любопытнѣе въ жизни и литературной дѣятельности Каупера тотъ фактъ, что онъ былъ сумасшедшій, и что его поэзія, написанная сумасшедшимъ, отличалась не только здравымъ, естественнымъ и реальнымъ характеромъ, но и совершила славную реформу въ англійской литературѣ. «Замѣчательно, говоритъ Джорджъ Дугласъ, что современная англійская поэзія обязана своимъ возрожденіемъ сумасшедшему Кауперу и поселянину Борнсу; но именно потому, что одинъ былъ сумасшедшій, а другой поселянинъ, они могли освободить англійскую литературу отъ царившаго въ ихъ время безплоднаго классицизма и искусственнаго сентиментализма, такъ какъ поселяне и сумасшедшіе не подчиняются рутинѣ». Вильямъ Кауперъ родился въ 1731 году въ провинціальномъ пасторскомъ домѣ, и хотя его отецъ былъ скромнымъ деревенскимъ пасторомъ, но онъ принадлежалъ къ извѣстной и состоятельной семьѣ, которую прославилъ лордъ Кауперъ, бывшій лордомъ канцлеромъ. Жизнь поэта была съ самаго начала печальною и несчастною. Впечатлительный, нервный и застѣнчивый мальчикъ, онъ лишился шести лѣтъ своей матери и тотчасъ былъ помѣщенъ въ школу, гдѣ подвергся отъ старшихъ учениковъ преслѣдованію, которое совершенно забило его слабую натуру и повергло его въ мрачную меланхолію, не покидавшую его во всю жизнь. Объ этихъ двухъ фактахъ его дѣтства, окрасившихъ все дальнѣйшее его существованіе, сохранились слѣды въ его литературныхъ произведеніяхъ. Такъ о смерти матери онъ трогательно выражается въ своемъ сти-

хотвореніи «При полученіи портрета матери», которое, по словамъ англійскихъ критиковъ, заставило больше пролить слезъ, чѣмъ какая бы то ни было англійская поэма, а относительно школьныхъ преслѣдованій онъ высказывается съ пламеннымъ негодованіемъ въ «Обозрѣніи школъ». Окончивъ свое воспитаніе въ Вестминстерской школѣ, онъ, по преданіямъ семьи, представители которой большею частью были юристы, поступилъ въ контору одного изъ лондонскихъ стряпчихъ, а затѣмъ былъ принятъ въ сословіе адвокатовъ. Но онъ ненавидѣлъ законы и суды, а потому никогда не занимался адвокатскими дѣлами и, благодаря тому, что отецъ оставилъ ему послѣ своей смерти маленькое состояніе, онъ могъ существовать безбѣдно, занимаясь литературой. Онъ читалъ Гомера, набрасывалъ стихи и перевелъ нѣсколько главъ «Генріады» Вольтера. Но семья не хотѣла оставить его въ покоѣ и, заботясь о карьерѣ юнаго Каупера, добыла ему мѣсто комиссара по дѣламъ несостоятельныхъ. Но онъ никогда не вступалъ въ эту должность, и тогда родственники предложили ему болѣе блестящее мѣсто секретаря въ палатѣ лордовъ. Онъ по несчастію для себя принялъ это назначеніе и впродолженіе шести мѣсяцевъ приготовлялся къ экзамену, который долженъ произойти въ присутствіи всей палаты. Этотъ искусъ казался ему столь ужаснымъ, что его мрачная меланхолія, посѣщавшая его временами, дошла до апогея, и умъ его помутился. Онъ даже покусился на свою жизнь и одолженъ былъ своимъ спасеніемъ только тому, что оборвалась веревка, на которой онъ повѣсился. Конечно, мысль объ экзаменѣ была оставлена, и родственники отправили его въ деревню въ надеждѣ, что онъ поправится. Съ тѣхъ поръ его любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ сдѣлался Ольнэй въ Букингамширѣ, гдѣ его окружалъ тѣсный кружокъ образованныхъ, культурныхъ женщинъ, нѣжно любившихъ его. Къ этому кружку принадлежали мистриссъ Унвинъ, жена пастора, лэди Остэнъ, вдова баронета, и двоюродная сестра Каупера лэди Бекэтъ. Всѣ онѣ ухаживали за нимъ съ материнской заботливостью, а лэди Остэнъ первая подала ему мысль сдѣлаться поэтомъ вседневной жизни. «Вы можете обо всемъ писать, сказала она, напишите-ка поэму на этотъ диванъ». И онъ написалъ поэму подъ заглавіемъ «Задача», которая была напечатана и повѣдала Англіи, что у нея народился не только новый поэтъ, но поэтъ совершенно новаго рода. Ему обязана своимъ происхожденіемъ натуральная школа поэзіи въ Англіи. Его веселая юмористическая баллада «Джонъ Джильпинъ» была также внушена ему лэди Остэнъ, которая разсказала ему легенду, положенную въ основу баллады. Наконецъ появился написанный по инициативѣ той же Егеріи поэтическій переводъ Гомера, и слава Каупера была вполнѣ установлена. Полное собраніе его сочиненій въ пятнадцати томахъ, кромѣ поэзіи и прозы, заключаетъ въ себѣ его письма, которыя, быть можетъ, представляютъ лучшій примѣръ эпистолярнаго искусства въ Англіи. Они отличаются удивительной простотой, замѣчательнымъ остроуміемъ, веселымъ юморомъ и мѣстами нѣжной меланхоліей. Такъ какъ главный предметъ его сумасшествія заключался въ религіи, то онъ никогда не пускался ни въ поэзіи, ни въ прозѣ, въ разсужденія или въ мечтанія, а довольствовался объективными картинами природы, хотя мѣстами онъ высказывалъ благородныя мнѣнія, истинный патріотизмъ и пламенное желаніе, чтобы справедливость была

оказана всему человѣчеству. Подъ конецъ его жизни однако и муза, долго охранявшая его отъ роковаго недуга, оказалась безпомощной, и онъ окончательно лишился своихъ умственныхъ способностей. Замѣчательно, что его другъ, мистриссъ Унвинъ, тоже сошла съ ума, и ихъ обоихъ помѣстили въ одной больницѣ. Она умерла первая, а затѣмъ черезъ четыре года за ней послѣдовалъ и несчастный поэтъ [1]).

— Фушэ и Прудонъ. Клеманъ Рошель издаетъ въ Парижѣ посмертныя сочиненія Прудона, и послѣдній изъ вышедшихъ томовъ, быть можетъ, наиболѣе интересенъ. Онъ посвященъ коментаріямъ на мемуары Фушэ [2]), но, собственно говоря, эти мемуары только служатъ предлогомъ Прудону нарисовать картину интригъ, мелкихъ заговоровъ и ядовитой болтовни, которые составляли главныя черты эпохи, начавшейся съ 18 брюммера и окончившейся битвой при Ватерлоо. Прежде всего онъ подвергаетъ эти мемуары справедливой оцѣнкѣ съ точки зрѣнія ихъ документальной важности. Многіе изъ историковъ, напримѣръ, Тьеръ, пользовались ими, не называя своего источника, такъ какъ Фушэ одна изъ тѣхъ личностей, на которыхъ неприлично ссылаться, но Прудонъ прямо признаетъ его мемуары въ высшей степени правдивыми за исключеніемъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ неточностей и высказываемыхъ авторомъ эгоистическихъ пристрастныхъ взглядовъ. Вообще историки очень рѣзко отзываются о Фушэ, и они видятъ всевозможные пороки въ этомъ странномъ человѣкѣ, полуполицейскомъ и полудипломатѣ, который былъ такъ необходимъ Наполеону, что его частыя опалы никогда не длились долго. Очень ловкій, хитрый и прозорливый, онъ умѣлъ повременамъ противодѣйствовать Наполеону и вспышками независимой самостоятельности внушить ему уваженіе къ своей личности. Такимъ образомъ, уничтоживъ министерство полиціи по настоянію своего брата Іосифа, сестры Элизы, Дюрока и Савари, Наполеонъ сказалъ на прощанье Фушэ: «Будьте увѣрены, что я не отказываюсь ни отъ вашихъ совѣтовъ, ни отъ вашихъ услугъ. Это вовсе не опала, и не обращайте вниманія на болтовню въ салонахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья или въ табачныхъ, гдѣ собираются старые клубные ораторы, надъ которыми мы такъ часто съ вами смѣялись». Что касается самого Фушэ, то Прудонъ рисуетъ мастерской его портретъ: «Фигура у него была длинная, сухощавая, а взглядъ подозрительный, зоркій. Жизнь онъ велъ трезвую, скромную, презиралъ развратъ, не поддавался увлеченію, не былъ жестокосердъ и хотя отличался посредственнымъ умомъ, но былъ очень проницателенъ. Не обладая геніемъ, онъ обнаруживалъ всегда благоразуміе и вѣрно цѣнилъ, какъ людей, такъ и обстоятельства. Писалъ онъ простымъ, дюжиннымъ слогомъ, но иногда попадаются у него оригинальныя и энергичныя выраженія, невольно запечатлѣвающіяся въ памяти. Онъ служилъ хорошо и толково своимъ повелителямъ, но часто шелъ далѣе ихъ намѣреній, благодаря ненасытному любопытству и жаждѣ инициативы. Онъ никому никогда всецѣло не предавался и всегда былъ готовъ бросить шатавшуюся власть,

---

[1]) William Cowper. By Augystine Birrel. Leisure Hour. April. 1900. William Cowper. By George Douglas. English Illustrated Magazine. April, 1900.

[2]) Commentaires sur les memoires de Fouché, par P. J. Proudhon. Paris. 1900.

при чемъ охотно поддерживалъ интриги и заговоры. Пламенный эгоистъ, онъ любилъ власть, почести и богатство, а потому принималъ свой собственный интересъ за критерій для оцѣнки общихъ интересовъ страны и для поддержки своей власти легко мѣнялъ свои политическіе взгляды». Однако главный предметъ коментаріевъ Прудона не Фушэ, а Наполеонъ, котораго онъ ненавидитъ всѣми силами своей пылкой души. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о немъ по случаю 18 брюмера: «Бонапартъ тутъ выказался во всемъ своемъ уродствѣ и обнаружилъ всю подлость и жестокость тирана или гіены. Лишенный истиннаго мужества, онъ всегда трусилъ передъ противодѣйствовавшей ему силой и выказывалъ мощь только относительно слабыхъ. Всякій, читавшій мемуары Фушэ, не можетъ не признать, что Тьеръ, такой же безнравственный и безпринципный, какъ Фушэ, нашелъ нужнымъ прикрасить жизнь Наполеона. Но копните глубже, и вы увидите, что исторія консульства и имперіи только безконечная оргія, въ которой лишь выдаются фигуры тирана и его жертвъ». Среди многочисленныхъ скандаловъ наполеоновскаго двора его связь съ дочерью Жозефины, Гортензіей Богарне, до сихъ поръ представлялась очень смутной, а панегиристы Наполеона признавали всѣ разсказы о ней презрѣнной клеветой. Но Прудонъ держится иного взгляда. Приходя въ отчаяніе отъ своего безплодія, Жозефина, говоритъ онъ, вздумала сдѣлать дочь Гортензію своей замѣстительницей у мужа, который начиналъ ускользать изъ ея рукъ. Въ ранней юности Гортензія питала ненависть къ мужу своей матери, но, съ теченіемъ времени и благодаря его лучезарной славѣ, она стала сочувствовать ему и наконецъ обожать его. Не будучи красивой, она отличалась умомъ, граціей и многочисленными талантами. Она понравилась Наполеону, и Жозефина сначала поощряла ихъ интимность подъ маской родственнаго чувства, а потомъ смотрѣла сквозь пальцы на торжество своей интриги. Мать и дочь такимъ образомъ царили вмѣстѣ въ сердцѣ гордаго властелина. Когда же по совѣту Жозефины дѣло зашло такъ далеко, что Гортензія очутилась въ интересномъ положеніи, то пришлось ее наскоро выдать замужъ. Она сама съ удовольствіемъ пошла бы за Дюрока, но Наполеонъ задумалъ усыновить ребенка и потому предпочелъ женить на Гортензіи своего брата Людовика. Онъ уже въ 1801 году предвидѣлъ имперію и необходимость обезпечить престолонаслѣдіе». Вообще Прудонъ старательно подбираетъ всѣ факты, говорящіе противъ Наполеона, подвергаетъ ихъ строгой исторической критикѣ и затѣмъ составляетъ на основаніи ихъ такой безжалостный обвинительный актъ, какого ни одинъ историкъ еще не предъявлялъ противъ Наполеона. Онъ не оставляетъ ему ни малѣйшаго слѣда его славы. Онъ обнаруживаетъ до мелочей его деспотизмъ, клеймитъ его развратную жизнь, обличаетъ его безполезную жестокость и даже подкапывается подъ его военный геній, отдавая пальму первенства Веллингтону. Хотя въ нѣкоторыхъ своихъ взглядахъ на Наполеона Прудонъ очевидно хватаетъ черезъ край, но его книга представляется полезнымъ противовѣсомъ воскресшему въ послѣдніе дни наполеоновскому культу.

— Французская полиція во времена консульства и имперіи. Однимъ изъ представителей наполеоновскаго культа является Демаре, служившій 15 лѣтъ въ министерствѣ полиціи начальникомъ отдѣленія въ эпоху кон-

сульства и имперіи. Его мемуары, напечатанные еще въ 1833 году, но сдѣлавшіеся библіографическою рѣдкостью, снова изданы съ любопытными примѣчаніями Гразилье и подробной біографіей автора, составленною А. Савинь [1]). Получивъ воспитаніе въ коллегіи Людовика Великаго, Демаре былъ провинціальнымъ патеромъ до революціи, когда онъ сбросилъ съ себя рясу и сдѣлался ревностнымъ якобинцемъ. Въ сѣверной арміи онъ занимался подрядами и въ Валаньсенѣ былъ поставщикомъ продовольствія. Тамъ узналъ его Фушэ и взялъ въ министерство полиціи, гдѣ онъ служилъ, какъ при Фушэ, такъ и при Савари, до самой реставраціи, обнаруживая большое искусство въ изслѣдованіи роялистскихъ заговоровъ и интригъ. Выйдя въ отставку, онъ занялся составленіемъ мемуаровъ, которые посвятилъ «Памяти Наполеона или другому великому человѣку, который поступитъ лучше его въ такихъ же критическихъ обстоятельствахъ». На каждой страницѣ своей книги онъ выражаетъ самое пламенное поклоненіе Наполеону и въ качествѣ рьянаго чиновника въ особенности превозноситъ его, какъ реорганизатора административной системы во Франціи. Конечно, Демаре всего подробнѣе разсказываетъ тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ принималъ энергичное участіе, именно заговоры противъ Наполеона, Пишегрю и Кадудаля, попытку нѣмца Стапса убить Наполеона въ Эрфуртѣ, заговоры реннскій и турскій, а также дѣло генерала Малэ. Мы находимъ въ его мемуарахъ свѣдѣнія о различныхъ загадочныхъ событіяхъ того времени, какъ, напримѣръ, о таинственномъ исчезновеніи англійскаго посланника въ Вѣнѣ, Бадгурста, которое до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено. Но всего интереснѣе то, что онъ разсказываетъ о настроеніи тогдашняго французскаго общества, о чемъ очень рѣдко упоминаютъ авторы современныхъ мемуаровъ, а потому воспоминанія Демаре составляютъ важный матеріалъ для знакомства съ общественной стороной наполеоновской эпохи.

— Династія американскихъ государственныхъ людей. Въ Соединенныхъ Штатахъ мало-помалу развивается своего рода аристократія, и ее составляютъ представители тѣхъ семействъ, которыя занимаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе съ самаго начала республики видные политическіе посты. Первое мѣсто въ рядахъ этой аристократіи ума и труда принадлежитъ роду Адамсъ. Первый изъ государственныхъ людей этого имени былъ Джонъ Адамсъ, американскій посланникъ въ Парижѣ во время борьбы юной республики съ Англіей, а затѣмъ посланникъ въ Лондонѣ и преемникъ Вашингтона въ качествѣ президента. Его сынъ Джонъ Квинси Адамсъ былъ профессоромъ реторики въ Горвардскомъ университетѣ, сенаторомъ и посланникомъ въ Гаагѣ и Берлинѣ, а въ 1808 году его послали первымъ представителемъ американской республики въ Петербургѣ. Онъ оставался въ Россіи 6 лѣтъ, а затѣмъ принялъ участіе въ Гаагѣ въ переговорахъ о заключеніи мира между Соединенными Штатами и Англіей. Проведя нѣсколько лѣтъ посланникомъ въ Лондонѣ, онъ вернулся на родину и былъ долго министромъ иностранныхъ дѣлъ, и наконецъ

---

[1]) Quinze ans de haute police sous le consulat et l'empire, par E. Desmarest. Edition annoté, par L. Grasiller, precedée d'une biographie de Desmarest par A. Savine. Paris. 1900.

по примѣру отца президентомъ. Отслуживъ съ честью президентскій срокъ, онъ не хотѣлъ покинуть политическую дѣятельность и поступилъ депутатомъ въ конгрессъ. Онъ умеръ въ глубокой старости, прослуживъ своей родинѣ 70 лѣтъ. Третій Адамсъ, Чарльсъ Франсисъ, хотя не былъ президентомъ, но, подобно дѣду и отцу, состоялъ посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ. Его біографія [1]), написанная теперешнимъ представителемъ рода Адамсъ, заключаетъ въ себѣ не только исторію его жизни, но и характеристику первыхъ двухъ Адамсовъ, а потому эта книга имѣетъ общій историческій интересъ. Третій Адамсъ началъ свое воспитаніе въ Петербургѣ, и такъ какъ французскій языкъ царилъ въ высшемъ русскомъ обществѣ, то и маленькій сынъ американскаго посланника научился хорошо говорить по-французски. Дальнѣйшее свое воспитаніе онъ продолжалъ въ Лондонѣ, а окончилъ его на родинѣ въ Горвардскомъ университетѣ. Хотя онъ съ юности посвятилъ себя адвокатурѣ, но болѣе занимался литературой. Онъ былъ сотрудникомъ «North american Review» и редакторомъ газеты «Boston Whig». По примѣру отца онъ возставалъ противъ рабства, но не принадлежалъ къ крайнимъ аболиціонистамъ, во главѣ которыхъ стояли Гаррисонъ, Сумнеръ и Вендель-Филипсъ. Только съ 1861 года онъ выступилъ на политическое поприще и былъ назначенъ президентомъ Линкольномъ на важный дипломатическій постъ посланника въ Лондонъ, который онъ сохранилъ во все время борьбы сѣвера съ югомъ. Очень характеристично описываетъ біографъ Адамса его первое свиданіе съ Линкольномъ. «Глубоко сознавая всю тяжелую отвѣтственность, которую онъ принималъ на себя, Адамсъ,—разсказываетъ его сынъ,—пошелъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сюардомъ въ «Бѣлый домъ», гдѣ онъ тридцать лѣтъ передъ тѣмъ жилъ со своимъ отцемъ, когда тотъ былъ президентомъ. Комната, въ которую ихъ ввели, живо напомнила Адамсу культурную, полную достоинства фигуру его отца, и онъ немало удивился, когда отворилась дверь, и въ комнату вошелъ длинный долговязый мужчина, неуклюжій и очень небрежно одѣтый. Въ особенности бросались въ глаза его узкія протертыя на колѣняхъ брюки, грубые чулки и истоптанные туфли. Онъ казался очень застѣнчивымъ человѣкомъ и очевидно былъ не въ своей тарелкѣ. Министръ представилъ президенту Адамса, какъ новаго посланника въ Лондонъ, и послѣдній произнесъ обычную фразу о томъ, что онъ очень благодаренъ за лестное назначеніе и постарается оправдать оказанное ему президентомъ довѣріе. Равнодушно выслушавъ его, Линкольнъ небрежнымъ тономъ отвѣчалъ, что не онъ назначилъ его, а объ этомъ такъ просилъ Сюардъ, что онъ не могъ ему отказать въ подобномъ пустякѣ, и если кого слѣдовало благодарить, то Сюарда. Затѣмъ, протянувъ свои длинныя ноги и схватившись за голову своими не менѣе длинными руками, президентъ сказалъ, обращаясь къ Сюарду: «Ну, я сегодня утромъ порѣшилъ дѣло о назначеніи почтмейстера въ Чикаго». Затѣмъ Адамсъ, его посольство и внѣшняя политика были сданы въ архивъ. Адамсъ вышелъ изъ «Бѣлаго дома» изумленный и пораженный». Впрочемъ не одного Адамса изумляли сначала странныя манеры Линкольна, хотя впослѣдствіи самые куль-

---

[1]) Charles Francis Adams. By his son Charles Francis Adams. Boston. 1900.

турные американцы должны были согласиться, что онъ былъ величайшимъ и достойнѣйшимъ изъ всѣхъ преемниковъ Вашингтона. По словамъ біографа Чарльса Франсиса Адамса, онъ оставилъ послѣ себя дневникъ, который будетъ вскорѣ напечатанъ и, конечно, составитъ новый драгоцѣнный матеріалъ для исторіи борьбы за освобожденіе негровъ.

— Георгъ IV въ Ирландіи. По поводу недавняго посѣщенія Ирландіи королевой Викторіей англійскіе журналы вспоминаютъ о прежнихъ пребываніяхъ англійскихъ государей на Зеленомъ островѣ. Эти визиты были не многочислены и большею частью офиціальные, въ родѣ настоящаго; только Георгъ IV сумѣлъ придать своему визиту въ 1821 году искренно народный характеръ. Зато и сыны Эрина отвѣтили на его веселое, сочувственное, добродушное отношеніе къ нимъ самой задушевной встрѣчей. Любопытную картину этого единственнаго въ англійской исторіи братанія гордаго короля англо-саксонскихъ побѣдителей съ побѣжденными ирландцами, вѣчно возстававшими противъ нихъ, рисуетъ Майкъ-Макдонагъ въ апрѣльской книжкѣ Fortnightly Review [1]). 12 августа Георгъ IV высадился въ Готѣ и сразу сталъ въ дружескія отношенія съ ирландскимъ народомъ. Проѣзжая въ коляскѣ съ берега къ приготовленному для него помѣщенію, онъ, напримѣръ, замѣтилъ, что рядомъ съ тихо двигавшимся среди громадной толпы экипажемъ шелъ здоровенный, красивый поселянинъ и вступилъ съ нимъ въ оживленный разговоръ.—«А что, добрый другъ, вы, конечно, фермэръ?»—спросилъ онъ добродушно.—«Конечно, фермэръ,—отвѣчалъ поселянинъ:—хотя, ваше величество, я въ сущности только свободный арендаторъ».—«Надѣюсь, что у васъ есть корова»?—продолжалъ король.—«Нѣтъ, ваша королевская милость, вотъ этого-то у меня нѣтъ».—«Такъ вамъ надо дать корову,—возразилъ Георгъ:—я полагаю, что каждый бѣдный ирландецъ долженъ имѣть хоть одну корову, одну свинью и пару куръ». Этотъ королевскій планъ разрѣшенія ирландскаго вопроса былъ встрѣченъ громкими криками одобренія. Георгъ приказалъ записать имя и адресъ счастливаго поселянина, который спустя два дня получилъ дойную корову и двухъ свиней. Въ Дублинѣ, король продолжалъ заигрывать съ народомъ. При его въѣздѣ въ ирландскую столицу многочисленная кавалькада ирландцевъ всѣхъ сословій провожала его до Фениксскаго парка и тамъ остановилась, но онъ крикнулъ:—«За мной, друзья»,—и подъѣхалъ къ дворцу съ этой народной свитой. Выйдя изъ экипажа, Георгъ обернулся къ толпѣ и произнесъ импровизованную рѣчь. «Это одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни, — сказалъ онъ:— я уже давно желалъ побывать у васъ. Мое сердце всегда было ирландскимъ. Съ перваго дня какъ оно стало биться, я любилъ Ирландію, а сегодня, я убѣдился, что мои ирландскіе подданные также любятъ меня. Титулы, почести, богатство—все ничто, но чувствовать, что я живу въ сердцахъ моихъ ирландскихъ подданныхъ, для меня высшее счастье. Я долженъ теперь еще разъ поблагодарить за вашу доброту ко мнѣ и сказать вамъ до свиданія. Идите домой и сдѣлайте то же, что я сдѣлаю; я буду пить за ваше здоровье, а вы за мое хоро-

---

[1]) A royal visit to Ireland in 1821, by Michael Mac-Donagh.—Fortnightly Review. April 1900.

шимъ пуншемъ, изъ ирландскаго виски». Съ этими словами онъ крѣпко пожалъ руки окружавшимъ его ирландцамъ, а видя, что нѣсколько старыхъ поселянъ не могли пробиться къ нему, онъ громко крикнулъ: «Пустите этихъ честныхъ фермеровъ къ ихъ королю». Энтузіазмъ возбужденный добродушнымъ обращеніемъ Георга превзошелъ всѣ ожиданія. Въ Дублинѣ никогда не было видано ничего подобнаго. Толпы радостно ликующаго народа наполняли всѣ улицы, королю подавались безчисленные адресы. Многіе думали, что онъ привезъ съ собою актъ католической эмансипаціи. Любезность короля къ представленнымъ ему лицамъ не знала границъ, и онъ называлъ всѣхъ по имени. «Невозможно понять, какъ быстро онъ переходитъ отъ перваго знакомства къ фамильярности,—писалъ Чарльсъ Бушъ, одинъ изъ высшихъ судебныхъ сановниковъ въ Ирландіи, который былъ представленъ королю въ Слэнскомъ замкѣ, резиденціи лорда Конингама:—черезъ полчаса послѣ того, какъ онъ впервые увидалъ меня, король уже называлъ меня просто Бушъ, словно онъ зналъ меня двадцать лѣтъ». Въ свою очередь ирландцы отвѣчали на любезности Георга безграничной лестью; такъ гости въ Слэнскомъ замкѣ, въ числѣ 200 человѣкъ, единогласно заявили ему, что онъ лучше всѣхъ на свѣтѣ танцуетъ ирландскій джигъ. Наконецъ наступила минута разставанія. 3-го сентября Георгъ отплылъ въ Англію изъ Дунлири, и весь ирландскій народъ назвалъ это маленькое селеніе на морскомъ берегу Кингтоуномъ, т.-е. городомъ короля. Въ роскошной палаткѣ, воздвигнутой на самомъ берегу, Георгу былъ врученъ отъ имени дублинскихъ гражданъ адресъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Когда ваше величество прибыли къ намъ, то прекратились всѣ распри и даже предразсудки. Ваше величество уничтожили всѣ дурныя страсти въ ирландскомъ народѣ и соединили шесть милліоновъ благодарнаго народа взаимной братской любовью и горячей преданностью къ престолу и особѣ вашего величества». Прочитавшій этотъ адресъ Аконель, носившій гордое прозвище «Освободитель» преклонилъ колѣно и подалъ Георгу вѣнокъ изъ лавровъ, который, по словамъ адреса, долженъ былъ скоро замѣниться «изумруднымъ вѣнцемъ».

— Агвинальдо и филиппинская революція. Президентъ филиппинской республики Эмиліо Агвинальдо окончилъ въ первой апрѣльской книжкѣ «Revue des Revues» свой очеркъ послѣднихъ событій на филиппинскомъ архипелагѣ и его отношеній къ американскимъ властямъ подъ заглавіемъ «Правда о филиппинской революціи» [1]). Эта любопытная страница изъ автобіографіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ политическихъ дѣятелей тѣмъ интереснѣе, что она вмѣстѣ характеризуетъ его личность и представляетъ до сихъ поръ неизвѣстныя подробности коварной и корыстной политики американцевъ, которые явились на Филиппины въ качествѣ освободителей, а кончили тѣмъ, что купили освобожденный ими народъ у его вѣковыхъ притѣснителей испанцевъ. Въ видѣ предисловія къ исторіи филиппинской революціи 1898 года, Агвинальдо кратко разсказываетъ предыдущее возстаніе 1896 года

---

[1]) La verité sur la revolution des Filippines, par E. Aguinaldo. — Revue des Revues.—14 mars—1 avril. 1900.

и событія, случившіяся между этими двумя народными движеніями на его родинѣ. По его словамъ, филиппинцы 350 лѣтъ терпѣли испанское иго, и наконецъ въ августѣ, четыре года тому назадъ, вспыхнула революція въ провинціяхъ Манилы и Кавите. Несмотря на то, что туземцы были вооружены сначала только дубинами и первобытными мечами, они одержали верхъ надъ регулярной испанской арміей въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычкахъ, при чемъ взяли много плѣнныхъ и большое количество снарядовъ. Видя необыкновенные успѣхи такъ называемыхъ инсургентовъ, испанскій генералъ-губернаторъ Бланко рѣшился прибѣгнуть къ примирительной политикѣ и сталъ увѣрять филиппинцевъ, что онъ нимало не намѣренъ подвергать ихъ ни рѣзнѣ, ни преслѣдованіямъ. Но мадридское правительство не одобрило этого плана и назначило новаго генералъ-губернатора, генерала Палавьеху, который, получивъ значительное подкрѣпленіе и имѣя въ своемъ распоряженіи до 16.000 солдатъ съ Маузеровскими ружьями, быстро усмирилъ половину провинціи Кавите, но неожиданно занемогъ и передалъ начальство надъ арміей генералу Примо-де-Ривера. Этотъ энергичный и не лишенный человѣколюбія старый воинъ очистилъ означенную провинцію отъ возставшихъ туземцевъ, и они принуждены были скрыться въ горахъ Біакъ-на-Бато, гдѣ Агвинальдо въ маѣ 1897 года сформировалъ республиканское правительство. Оно просуществовало только до 14 декабря того же года, когда въ виду невозможности дальнѣйшаго сопротивленія Агвинальдо заключилъ съ генераломъ Примо-де-Риверо мирный трактатъ, по которому испанцы обязались ввести мѣстную автономію и удалить католическія конгрегаціи, а также выдать филиппинскому предводителю 800.000 долларовъ и предоставить ему свободный пропускъ въ Гонгъ-Конгъ. Хотя въ послѣднюю минуту Ривера отказался отъ подписи первыхъ двухъ условій, и они не внесены въ окончательный текстъ договора, но онъ обязался на словахъ ихъ исполнить. Въ сущности же онъ только не препятствовалъ Агвинальдо съ его ближайшими сторонниками удалиться въ Гонгъ-Конгъ и выдалъ ему первый уговоренный взносъ четыреста тысячъ долларовъ, а всѣ остальныя условія трактата оказались нарушенными. Агвинальдо предвидѣлъ такое недобросовѣстное поведеніе испанцевъ и заранѣе уговорился со своими товарищами, что въ случаѣ неисполненія трактата первый денежный взносъ пойдетъ на покупку снарядовъ и оружія для возобновленія борьбы съ Испаніей. Между тѣмъ въ мартѣ 1898 года командиръ американскаго военнаго судна «Petrel» вошелъ въ сношенія съ Агвинальдо и отъ имени адмирала Дьюи совѣтовалъ ему вернуться поскорѣе на Филиппины и снова начать борьбу съ испанцами, обѣщая помощь Соединенныхъ Штатовъ, которые, по его словамъ, были слишкомъ могущественной и богатой націей, чтобы нуждаться въ колоніяхъ. То же повторилъ ему въ Сингапурѣ американскій консулъ Пратъ, который объявилъ, что Соединенные Штаты уже начали военныя дѣйствія противъ Испаніи. Агвинальдо отвѣчалъ консулу, что необходимо составить письменное условіе о тѣхъ выгодахъ, которыя Соединенные Штаты предоставятъ филиппинцамъ послѣ общей побѣды надъ испанцами. Пратъ взялся переговорить по телеграфу объ этомъ съ адмираломъ Дьюи, который командовалъ американской эскадрой, назначенной для завоеванія филиппинскаго архипе-

лага и, по словамъ консула, имѣлъ полномочія отъ президента Маккинлея. На слѣдующій день Пратъ объявилъ Агвинальдо, что онъ получилъ отвѣтъ Дьюи, и что послѣдній считалъ излишнимъ заключать письменныя условія, но давалъ слово, что Соединенные Штаты признаютъ независимость Филиппиновъ подъ покровительствомъ американскаго флота. Къ этому консулъ прибавилъ, что американское правительство честное, справедливое и могучее. Наконецъ Дьюи вызвалъ Агвинальдо въ китайскую гавань Миръ, близъ Гонгъ-Конга, гдѣ находилась его эскадра, но, онъ не засталъ его тамъ, такъ такъ уже адмиралъ отправился въ Маниллу по приказанію своего правительства, чтобы немедленно атаковать испанскій флотъ. Однако американскій консулъ въ Гонгъ-Конгѣ, Вильтманъ, объявилъ, что Дьюи пришлетъ за Агвинальдо американское военное судно; дѣйствительно онъ на крейсерѣ «Макъ-Кулокъ» отправился 17-го мая въ Манильскую бухту. По его прибытіи туда, адмиралъ тотчасъ послалъ за нимъ своего адъютанта и очень любезно принялъ его на своемъ адмиральскомъ кораблѣ «Олимпія», гдѣ Агвинальдо оказали почести, слѣдуемыя генераламъ. Дьюи, подтвердивъ все, что говорилъ Пратъ отъ его имени, сказалъ, что Соединенные Штаты несомнѣнно признаютъ независимость Филиппинскихъ островомъ. При этомъ онъ прибавилъ, что честное слово американца крѣпче всякаго письменнаго документа, который, какъ Агвинальдо видѣлъ на опытѣ съ испано-филиппинскимъ трактатомъ, можно было легко нарушить. Затѣмъ онъ просилъ Агвинальдо принять энергичныя мѣры для возобновленія борьбы съ испанцами, обѣщалъ содѣйствовать доставленію оружія и снарядовъ, заботы о чемъ были поручены филиппинскимъ предводителемъ американсмому консулу въ Гонгъ-Конгѣ, Вильдману, и посовѣтовалъ завести національный филиппинскій флагъ, но не поднимать его ранѣе торжества надъ испанцами. При такихъ условіяхъ началась революція 1898 года. Агвинальдо вышелъ на берегъ въ Кавите, учредилъ тамъ диктаторское правительство и издалъ 26 мая прокламацію, которую адмиралъ Дьюи разослалъ всѣмъ представителямъ иностранныхъ державъ въ Маниллѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ американскаго консула Вильдмана 1.999 ружей и 200.000 снарядовъ, а также Дьюи прислалъ ему 62 ружья и значительное количество снарядовъ, взятыхъ у испанцевъ. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ прибывали въ Кавите добровольцы, и по данному сигналу возстали всѣ внутреннія провинціи острова Люсона. Самъ Агвинальдо разбилъ испанцевъ подъ начальствомъ генерала Пэна и отнялъ у нихъ значительное количество оружія. Затѣмъ филиппинцы взяли фортъ Бинакаянъ и городъ Бакуръ, гарнизоны которыхъ въ количествѣ 500 человѣкъ сдались на капитуляцію. Успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ, и адмиралъ Дьюи горячо поздравлялъ Агвинальдо съ каждымъ изъ нихъ, признавая торжество филиппинцевъ надъ испанцами, что впрочемъ доказывалось большимъ числомъ плѣнныхъ, прибывавшихъ въ Кавите со всѣхъ сторонъ. Тогда Агвинальдо нашелъ, что наступило время поднять національный флагъ, и онъ сдѣлалъ это на филиппинской флотиліи, состоявшей изъ восьми судовъ, большая часть которыхъ была взята въ плѣнъ у испанцевъ. Когда онъ послѣ этого посѣтилъ Дьюи, то послѣдній сказалъ ему, что на вопросъ нѣмецкаго и французскаго адмираловъ, зачѣмъ онъ до-

зволилъ филиппинцамъ поднять никѣмъ не признаный флагъ, онъ отвѣчалъ, что филиппинцы это сдѣлали съ его согласія, и что въ виду выказаннаго ими мужества въ борьбѣ съ испанцами они имѣютъ, по его мнѣнію, полное право на свой національный флагъ. На основаніи столь ясно выраженнаго адмираломъ американскаго покровительства Агвинальдо послалъ свои суда съ войсками на другіе Филиппинскіе острова. Экспедиція на Бизайосъ вполнѣ удалась, а вскорѣ послѣ этого филиппинцы взяли въ плѣнъ испанскій пароходъ «Compania de Philippinas». Во время движенія туземныхъ судовъ взадъ и впередъ по Манилльской бухтѣ они, проходя мимо американскаго адмиральскаго корабля, всегда салютовали, и имъ отвѣчали тѣмъ же. Наконецъ 12 іюня диктаторское правительство провозгласило независимость Филиппинскихъ островов, и эта церемонія произошла въ городѣ Кавите, родинѣ Агвинальдо. Хотя адмиралъ Дьюи не принялъ въ ней участія, но прислалъ своего секретаря съ извиненіями, что самъ не можетъ присутствовать, такъ какъ очень занятъ спѣшными дѣлами. Въ концѣ мѣсяца американцы взяли испанскую канонерку «Zeyte», и Дьюи передалъ плѣнныхъ и оружіе, захваченные на этомъ суднѣ, филиппинскому правительству. Когда прибыла первая военная экспедиція изъ Соединенныхъ Штатовъ подъ начальствомъ генерала Андерсона, то послѣдній прежде одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Дьюи, посѣтилъ Агвинальдо, какъ главу филиппинскаго правительства, и оба они подтвердили, что американцы явились на Филиппины не для того, чтобы воевать съ туземцами, а чтобы ихъ освободить отъ испанскаго ига. Такимъ образомъ отношенія между филиппинцами и американцами долго были вполнѣ дружественныя, и Агвинальдо съ презрѣніемъ отвергъ предложеніе испанцевъ признать обѣщанную ими автономію его родины подъ верховной властью Испаніи. Первое облако, отуманившее эти отношенія, было заключеніе американцами условія съ испанцами о капитуляціи Маниллы безъ участія филиппинцовъ, хотя Дьюи обѣщалъ Агвинальдо взять городъ штурмомъ вмѣстѣ, при чемъ филиппинцамъ было бы предоставлено дѣйствовать противъ предмѣстій. Затѣмъ явился въ Маниллу новый начальникъ американской арміи, генералъ Отисъ, и сталъ дѣйствовать враждебнымъ образомъ относительно филиппинцевъ, которые продолжали однако вести себя очень тактично и осторожно. Наконецъ, 4-го января 1899 года, Отисъ обнародовалъ прокламацію. въ которой заявлялъ отъ имени президента Маккинлея, что Филиппинскій архипелагъ присоединенъ къ Американской республикѣ, и грозилъ смертью всякому, кто не призналъ бы американскаго господства. Тогда Агвинальдо горячо протестовалъ, но Отисъ придумалъ дипломатическую уловку и предложилъ филиппинскому правительству назначить своихъ делегатовъ для обсужденія совмѣстно съ присланной американскимъ президентомъ комиссіей о мирномъ разрѣшеніи вопроса на счетъ будущей системы управленія Филиппинами. Эта конференція собралось 11 января и засѣдала двадцать дней. Филиппинцы высказали всѣ свои жалобы на жестокія насильственныя дѣйствія американской арміи и заявили требованіе о признаніи независимости ихъ родины. Американскіе комиссары отнеслись къ нимъ очень сочувственно, но заявили, что только вашингтонское правительство можетъ рѣшить этотъ вопросъ, а потому генералъ Отисъ телеграфировалъ Маккинлею о желаніяхъ филиппинцевъ,

прибавивъ, по словамъ комиссаровъ, свое ходатайство, чтобы эти желанія были уважены. Но, прежде чѣмъ получился отвѣтъ президента, генералъ Отисъ неожиданно въ ночь на 4 февраля напалъ на филиппинскія войска и произвелъ кровавую рѣзню, а потомъ увѣдомилъ Маккинлея, что филиппинцы начали военныя дѣйствія противъ своихъ союзниковъ. Впослѣдствіи оказалось, что эта роковая комедія была разыграна нарочно съ цѣлью провести въ американскомъ конгрессѣ ратификацію мирнаго трактата съ Испаніей, который былъ принятъ большинствомъ только трехъ голосовъ, поданныхъ съ оговоркой, что эти голоса подаются лишь потому, что возникла война между филиппинцами и американцами. Какъ бы то ни было, всѣ обязательства, данныя Агвинальдо американцами, были нарушены и возникла борьба, которая продолжается уже цѣлый годъ. Оканчивая свой правдивый разсказъ о филиппинской революціи, призидентъ маленькой республики пламенно протестуетъ противъ коварной, корыстной политики большой республики и взываетъ къ тѣмъ американцамъ, которымъ дороги традиціи Вашингтона, вернуться къ своимъ прежнимъ великимъ принципамъ и признать независимость Филиппинскихъ острововъ.

— Смерть генерала Жубера, полковника Вильбуа-Моріеля и Арчибальда Форбса. Скорбный листъ умершихъ за послѣднее время—какъ и подобаетъ въ эпоху двухъ войнъ—американцевъ съ филиппинцами и англичанъ съ трансваальцами, наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе кончиною двухъ героевъ и одного лѣтописца военныхъ подвиговъ, хотя только одинъ изъ нихъ убитъ въ бою. Эта первая жертва борьбы за свободу маленькой африканской республики противъ могущественной европейской державы представляется тѣмъ болѣе интересной личностью, что она принадлежала не къ расѣ боэровъ, а къ французской національности. Полковникъ Вильбуа-Моріель былъ одинъ изъ видныхъ офицеровъ французской арміи и плодовитымъ писателемъ. Онъ находился постояннымъ сотрудникомъ въ клерикально-консервативномъ журналѣ «Correspondent», гдѣ писалъ политическія, критическія и военныя статьи, а, кромѣ того, напечаталъ нѣсколько романовъ, изъ которыхъ «Sacrifiée» имѣетъ автобіографическій характеръ, а «Entre avilisés» переноситъ читателя въ Индію, которую авторъ недавно посѣтилъ, и гдѣ онъ былъ принятъ такъ любезно англійскими властями, что одно время думалъ даже перейти на англійскую службу. Вообще онъ питалъ глубокое уваженіе къ англійскимъ учрежденіямъ и англійской расѣ, что выражалось во всѣхъ его сочиненіяхъ. Поэтому его многочисленные англійскіе друзья очень удивились, когда онъ неожиданно въ концѣ прошедшаго года отправился въ Трансвааль и принялъ энергичное участіе въ борьбѣ боэровъ противъ англичанъ. Эта выходка скорѣе объясняется желаніемъ прославить себя и обратить на свою личность вниманіе французовъ, чѣмъ сочувствіемъ къ народу, защищающему свою свободу. Самолюбивый, блестящій офицеръ, онъ въ 1896 году, находясь на службѣ въ Алжирѣ, кичился тѣмъ, что былъ самымъ юнымъ полковникомъ французской арміи, и надѣялся сдѣлаться такъ же самымъ юнымъ генераломъ, но быстро смѣнявшіеся военные министры не осуществили этой надежды, и разочарованный Вильбуа-Моріель вышелъ въ отставку. Однако онъ не отказался отъ своихъ самолюбивыхъ

цѣлей, и на него стали указывать, какъ на одного изъ сторонниковъ будто бы подготовлявшагося государственнаго переворота, орудіемъ котораго долженъ былъ служить созданный имъ въ Парижѣ клубъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Такимъ образомъ, когда онъ неожиданно исчезъ изъ Парижа, говоря о какой-то таинственной миссіи, то его друзья предполагали, что она имѣла отношеніе къ наступавшей тогда столѣтней годовщинѣ 18 брюмера. Никому и въ голову не приходила мысль, что этотъ бравый офицеръ съ консервативными и клерикальными тенденціями могъ отдать свою жизнь за народъ, отстаивающій свою свободу. Но такова иронія судьбы. Конечно, ничего не было необыкновеннаго въ смерти главнокомандующаго боэрской арміи, генерала Жубера, если не прямо отъ англійской пули, то отъ физическаго и нравственнаго переутомленія, причиненнаго войной этому старому, славному защитнику независимости своей родины. Онъ также былъ французъ по происхожденію, и въ немъ текла кровь мужественныхъ религіозныхъ гугенотовъ, которые въ XVII вѣкѣ искали убѣжища въ голландской Африкѣ отъ католическихъ преслѣдованій. Какъ извѣстно, среди боэровъ находится много подобныхъ гугенотовъ, и между прочимъ самъ Крюгеръ, чистокровный голландецъ, былъ первый разъ женатъ на внучкѣ Дю-Плесси, потомка близкаго родственника кардинала Ришелье, который на предложеніе Наполеона вернуться во Францію и сдѣлаться герцогомъ отвѣчалъ: «Я слишкомъ старъ, чтобъ быть вельможей во Франціи послѣ того, какъ всю жизнь былъ скромнымъ поселяниномъ въ Африкѣ». Вторая жена Крюгера такъ же принадлежитъ къ той же семьѣ Дю-Плесси, и разсказываютъ, что Жуберъ сострилъ по этому случаю, говоря, что Крюгеръ «un homme de double duplicitée». (Этотъ не переводимый каламбуръ основанъ на игрѣ словъ du Plessis и duplicitée, т. е. двоедушіе). Какъ обнаруживаетъ эта шутка, Жуберъ былъ одно время во враждебныхъ отношеніяхъ съ Крюгеромъ, и на выборахъ 1893 года его кандидатура въ президенты едва не одержала верхъ, но это не мѣшало ему стойко и энергично итти рука въ руку съ Крюгеромъ въ дѣлѣ защиты трансваальской республики. Какъ государственный человѣкъ, онъ стоялъ ниже своего соперника, но, какъ главнокомандующій, онъ превосходилъ всѣхъ боэровъ, хотя въ послѣднее время его упрекали, что онъ былъ остороженъ и медлителенъ. Столь же набожный, какъ Крюгеръ, Жуберъ былъ гораздо образованнѣе его, благодаря воспитанію, полученному въ Капской колоніи, и пребыванію въ Голландіи, Франціи и Германіи, гдѣ онъ серіозно изучалъ военное дѣло. Поэтому неудивительно, что онъ отличался прогрессивными идеями, тогда какъ Крюгеръ, упорный консерваторъ. Родившись въ 1835 году, онъ съ молодыхъ лѣтъ и до послѣдняго дня своей 65-лѣтней жизни посвятилъ себя на борьбу за родину съ окрестными дикарями и съ англичанами, которымъ онъ нанесъ знаменитое пораженіе при Маюбѣ въ 1881 году. Бросившись въ бой съ прежней энергіей въ началѣ настоящей войны, Жуберъ однако послѣ трехъ мѣсяцевъ занемогъ и долженъ былъ покинуть поле брани. Но какъ только онъ поправился, то сталъ снова во главѣ своей арміи и совершилъ цѣлый рядъ подвиговъ. Въ особенности замѣчательны его дѣйствія подъ Лэдисмитомъ, когда онъ снялъ осаду этого города, не потерявъ ни одного человѣка и ни одного орудія. Нео-

жиданное воспаленіе въ легкихъ унесло въ могилу маститаго полководца въ ту самую минуту, когда Трансваальская республика нуждалась болѣе всего въ его военныхъ талантахъ, непреодолимой энергіи и фанатическомъ патріотизмѣ.

Ветеранъ англійскихъ военныхъ корреспондентовъ, Арчибальдъ Форбсъ, умеръ въ Лондонѣ на 62-мъ году своей жизни. Хотя до него въ англійскихъ газетахъ появлялись письма съ театра войны, и Крабъ-Робинсонъ описалъ въ «Times» бомбардировку Копенгагена, а въ Крымскую кампанію корреспондентъ той же газеты, Россель, придалъ важное значеніе военнымъ корреспонденціямъ, но Форбса можно считать настоящимъ основателемъ этой области журналистики въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ. Сынъ шотландскаго пастора, онъ слушалъ лекціи въ Абердинскомъ университетѣ, но не окончилъ курса и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія въ Канадѣ онъ поступилъ солдатомъ въ драгунскій полкъ. Пробывъ на военной службѣ шесть лѣтъ и набравшись практическихъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ, которыя ему впослѣдствіи очень пригодились, Форбсъ перебрался въ Лондонъ. Онъ издавалъ газету «London scotsman», но дѣла его пошли плохо, и онъ непремѣнно обанкрутился бы, еслибы на его выручку не явилась франко-прусская война. Онъ принялъ въ ней участіе корреспондентомъ прежде «Morning Advertiser», а потомъ «Daily News» при нѣмецкой арміи. Хотя онъ не зналъ нѣмецкаго языка, но быстрота, новизна и изящный слогъ его обширныхъ телеграммъ составили славу не только его, но и «Daily News», столбцы которой до самой его смерти украшались его письмами и статьями. Онъ первый сообщилъ русскому императору о шипкинской побѣдѣ и также первый увѣдомилъ Англію о побѣдѣ при Улундѣ въ Африкѣ, для чего онъ сдѣлалъ верхомъ и пѣшкомъ 170 миль въ 35 часовъ. Затѣмъ онъ описывалъ съ одинаковымъ блескомъ занятіе англичанами Кипра, походъ въ Афганистанъ, карлистское возстаніе въ Испаніи, вѣнскую выставку и много другихъ выдающихся событій нашего времени. Въ послѣдніе годы онъ по старости и болѣзни долженъ былъ прекратить утомительную корреспондентскую дѣятельность, но читалъ публичныя лекціи, писалъ статьи и печаталъ книги, матеріаломъ для которыхъ служили его воспоминанія обо всемъ, что онъ онъ видѣлъ и слышалъ во время своихъ безконечныхъ странствованій по всѣмъ частямъ свѣта.

— **Наполеонъ II на сценѣ и въ исторіи.** Съ легкой руки Сары Бернаръ, которая послѣ Гамлета вздумала сыграть сына Наполеона и заказала поэту Ростану пьесу «Орленокъ», Наполеонъ II вошелъ въ моду въ Парижѣ, и всѣ иностранные журналы наполнены статьями о немъ. Собственно говоря, «Орленокъ» Ростана и Сары Бернаръ не имѣетъ ничего общаго съ исторической личностью герцога Рейхштадтскаго, но это не мѣшаетъ пьесѣ привлекать многочисленную публику, а историковъ и журналистовъ писать статьи по поводу «Орленка» о настоящемъ сынѣ Наполеона. О немъ уже прежде было писано немало, хотя въ сущности фигура этого австрійскаго эрцъ-герцога, умершаго на 21-мъ году жизни, такая блѣдная и не интересная, что только его происхожденіе и временная мода объясняютъ тотъ фактъ, что Наполеонъ II составляетъ теперь предметъ общаго любопытства. Изъ всѣхъ статей, появившихся о немъ

во французскихъ журналахъ, наиболѣе интересенъ рядъ историческихъ замѣтокъ въ апрѣльскомъ номерѣ «Le Carnet historique et litteraire» [1]). Въ этихъ замѣткахъ представленъ очеркъ того, что писали до сихъ поръ историки и поэты о герцогѣ Рейхштадтскомъ, напечатано любопытное его письмо и помѣщены свѣдѣнія, сообщенныя барономъ Бурже, о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ его жизни. Подлинные источники для исторіи Наполеона II немногочисленны и заключаются въ двухъ сочиненіяхъ француза графа Монбеля и нѣмца графа Прокеша-Остэна, которые лично знали своего героя. Первый изъ нихъ бывшій министръ Карла X искалъ убѣжища въ Вѣнѣ послѣ революціи 1830 года и составилъ книгу, которая представляетъ вѣрныя и любопытныя свѣдѣнія о герцогѣ Рейхштадтскомъ, главнымъ образомъ основанныя на разсказахъ его друга Прокеша. Но взгляды автора до такой степени пропитаны вліяніямъ Меттерниха, что имъ нельзя довѣрять, а потому болѣе надежнымъ матеріаломъ служитъ сочиненіе самого Прокеша, который въ послѣдніе два года жизни юнаго герцога пользовался его дружбой. Вѣроятно, за эту дружбу молодой австрійскій офицеръ подвергся опалѣ со стороны Меттерниха и только впослѣдствіи прославился на дипломатическомъ поприщѣ, какъ австрійскій посланникъ въ Константинополѣ. Его книга о Наполеонѣ II подъ заглавіемъ «Mein Verheltniss zum herzog Reichstadt» составляетъ искренній и правдивый разсказъ о томъ, чѣмъ дѣйствительно былъ несчастный сынъ Наполеона. Конечно, это лучшій матеріалъ, которымъ можно пользоваться для полнаго знакомства съ личностью этого юноши, не имѣвшаго въ себѣ ничего симпатичнаго или поэтическаго, какимъ стараются теперь его представить романисты, поэты и даже нѣкоторые историки: Въ сущности физически, нравственно и умственно онъ болѣе походилъ на австрійскаго эрцъ-герцога, чѣмъ на сына Наполеона, и отъ послѣдняго онъ ничего не наслѣдовалъ. Напротивъ по ограниченному уму онъ напоминалъ свою мать, легкомысленную, пустую Марію-Луизу; воспитаніе, данное ему Меттернихомъ, окончательно притупило и тѣ малыя способности, которыми онъ обладалъ. Невѣжественный и не имѣвшій понятія ни о чемъ, слабохарактерный, тупой, австрійскій офицерикъ, думавшій только о своемъ мундирѣ и о парадахъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о значеніи своего отца и тѣмъ болѣе о французской революціи и никогда серіозно не думалъ о возможности возвратить себѣ отцовскій престолъ, хотя иногда его дѣдъ, императоръ Францъ, по неосторожности говорилъ ему объ этомъ. Что касается до фактической стороны его жизни, то она была очень несложна. Родившись въ Парижѣ въ 1811 году, онъ получилъ въ колыбели титулъ короля римскаго и до паденія отца, впродолженіе трехъ лѣтъ, былъ окруженъ его любовью и всевозможной роскошью, затѣмъ его перевезли въ Шенбрунъ, гдѣ онъ выросъ подъ руководствомъ Меттерниха, такъ какъ ни мать ни дѣдъ не обращали на него никакого вниманія, а Меттернихъ, конечно, позаботился уничтожить въ немъ все, что могло сдѣлать его опаснымъ для реакціонной политики рокового

[1]) Les historiens du duc de Reichstadt.—Le duc de Reichstadt et les poetes.—Le Berceau et le tombeau.—Lettres de Marie Louise et du duc de Reichstadt.—Lettres du baron de Bourget.—Le Carnet historique et litteraire, 15 avril 1900.

вдохновителя священнаго союза. Онъ вполнѣ добился своей цѣли: сынъ Наполеона совершенно онѣмечился и, умирая на 21-мъ году жизни отъ чахотки, онъ обратился къ нелюбившей его матери съ слѣдующими словами на нѣмецкомъ языкѣ: «Ich gehe unter, meine muter, meine muter!» Хотя серіозные историки и послѣдніе біографы герцога Рейхштадтскаго, Вельшингеръ въ книгѣ «Le roi de Rome», Вертеймеръ въ приготовляемомъ къ печати сочинении «Наполеонъ II», отрывки изъ котораго уже появились во французской прессѣ, и Даръ въ статьѣ, помѣщенной въ «Annales de l'ecole libre des sciences politique» за 1896 годъ, опровергаютъ легенду о томъ, что Меттернихъ нарочно развратилъ юнаго герцога и довелъ его до преждевременной смерти при помощи подкупленной имъ извѣстной танцовщицы Фанни Эльслеръ, которая всячески разжигала его физическія страсти, но баронъ Бурже въ письмѣ, напечатанномъ въ «Carnet», говоритъ, что его мать, урожденная графиня Фестичъ, знала въ своей юности герцога Рейхштадтскаго и приписывала его смерть физическимъ излишествамъ, въ чемъ его поощряли окружающія его лица. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ мало интересномъ юношѣ, который, конечно, самъ не былъ виноватъ въ томъ, что не возбуждаетъ большого сочувствія. Но во всякомъ случаѣ Ростанъ и Сара Бернаръ не имѣли никакого основанія придать ему, какъ они сдѣлали, въ «Орленкѣ» характеръ поэтичнаго, идеальнаго юноши, обожающаго своего отца, стремящагося возвратить себѣ его престолъ, произносящаго напыщенныя, патріотическія, шовинистскія тирады и повременамъ впадающаго въ мечтательный тонъ какого-то символическаго, декадентскаго Гамлета. Вообще трудно себѣ представить что нибудь нелѣпѣе этой пьесы, въ который топчется въ грязь не только исторія, но даже здравый смыслъ и логика, которые замѣняются балаганными эффектами, трескучими фразами и шовинистскими выходками. Чего только нѣтъ въ этой куріозной пьесѣ: и высправнія воинственныя тирады Орленка передъ треуголкой его отца, и неизбѣжный переодѣтый французскій солдатъ, который разглагольствуетъ о побѣдахъ Наполеона, и Фанни Эльслеръ, присланная Меттернихомъ на любовное свиданіе и вмѣсто того разсказывающая юному герцогу тѣ же побѣды его отца, и Ваграмское поле битвы, черезъ которое бѣжитъ Орленокъ, рѣшившійся завоевать Францію съ помощью браваго солдата, и появленіе на этомъ полѣ битвы призраковъ убитыхъ Наполеоновскихъ солдатъ, и арестъ Орленка агентами Меттерниха на этомъ же полѣ, и самоубійство съ отчаянія французскаго солдата и наконецъ смерть Орленка, который передъ своей кончиной требуетъ, чтобы ему подали люльку, въ которой онъ когда-то лежалъ королемъ римскимъ, и сентиментально качаетъ ее. Но, несмотря на все это безобразіе, весь Парижъ бѣгаетъ и вся Франція, и, по всей вѣроятности, значительная часть Европы будутъ бѣгать на представленія Орленка, наивно вѣря, что имъ показываютъ историческіе типы, а не безсмысленную стряпню, во вкусѣ послѣднихъ псевдо-историческихъ феерій Сарду.

— Пятисотлѣтіе Краковскаго университета. 25-го мая или, по новому стилю, 7-го іюня, настоящаго года одинъ изъ древнихъ въ Европѣ и древнѣйшихъ изъ славянскихъ университетовъ—Ягеллонскій университетъ въ Краковѣ празднуетъ свой 500-лѣтній юбилей.

Собственно своимъ существованіемъ Краковскій университетъ обязанъ Казиміру Великому.

Послѣдній, подражая Карлу IV-му, основателю университета въ Прагѣ—чешской (1347 г.), 12-го мая 1364 г. издалъ повелѣніе объ открытіи подобнаго же учрежденія въ Краковѣ. Но такъ какъ, по условіямъ того времени, на открытіе университетовъ требовалось согласіе папы, то и было сдѣлано по этому поводу сношеніе съ Римомъ. Въ сентябрѣ того же года послѣдовала санкція папы Урбана V-го.

Такимъ образомъ возникла «Краковская главная школа» (Szkoła Główna krakowska) или «Studium Generale». Доступъ въ нее былъ свободный—не только для подданныхъ польскихъ, но и для иностранцевъ. Она имѣла свое самоуправленіе. Во главѣ ея стоялъ ректоръ, съ очень обширными правами. Его выбирали сами студенты («жаки»). Факультетовъ (wydziały) существовало три: юридическій, естественный (медицинскій) и свободныхъ искусствъ (sztuk wyzwolonych).

Черезъ 6-ть лѣтъ Казиміръ В. умеръ. Школа, оставшись безъ покровителя, еле-еле влачила существованіе. Людовикъ, король польскій и венгерскій (1370—1382), проживалъ внѣ Польши, и Краковская главная школа мало его интересовала. Но въ 1384 г. на польскій престолъ вступаетъ дочь Людовика—Ядвига, внучка сестры Казиміра В. Она, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ — Владиславомъ Ягелло, проникнувшись просвѣтительными идеями, рѣшила возстановить старую казиміровскую (какъ тогда называли по имени основателя) школу. Въ 1397 году Ядвига исходатайствовала у папы Бонифація IX-го разрѣшеніе на преподаваніе въ главной школѣ богословія.

Открытіе обновленной казиміровской школы или уже въ полномъ смыслѣ университета (wszechnicy) послѣдовало по смерти королевы Ядвиги († 1399) при ея преемникѣ Владиславѣ Ягелло. По его имени Краковскій университетъ и получилъ названіе Ягеллонскаго (Wszechnica Iagiellońska, Akademia Iagiellońska). 22-го іюля 1400 г. университетъ открытъ, въ присутствіи короля, въ улицѣ «Жидовской» (нынѣ св. Анны), въ зданіи, именуемомъ до сихъ поръ «Ягеллонскимъ коллегіумомъ» (Collegium Iahiellonicum). На первыхъ же порахъ въ университетскіе матрикулы внесли свои имена: король, 4 высшихъ государственныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, 12 прелатовъ и каноникoвъ, 28 священниковъ-настоятелей приходовъ и 205 студентовъ. Въ изданномъ по этому случаю привилеѣ Владиславъ подтверждалъ дарованныя студентамъ Казиміромъ В. права и свободы. Оберегателемъ («консерваторомъ») этихъ правъ назначенъ епископъ Краковскій. Владиславъ, будучи самъ человѣкомъ не ученымъ, однако сознавалъ значеніе и пользу наукъ и поэтому всю свою жизнь былъ заботливымъ попечителемъ ученаго учрежденія.

XV-й и первая половина XVI-го вѣка—періодъ наибольшаго процвѣтанія Ягеллонскаго университета. Вторая половина XVI-го и затѣмъ XVII и XVIII стол.—время застоя, какъ вообще во всѣхъ католическихъ университетахъ той эпохи. Въ концѣ XVIII ст. извѣстный Коллонтай, по порученію такъ называемой «Воспитательной комиссіи» (Kommisyja Edukacyjna), пересмотрѣлъ уставъ Краковскаго университета, и послѣдній получилъ организацію университетовъ германскихъ.

Пятисотлѣтняя годовщина Краковскаго университета будетъ, какъ слышно, праздноваться съ большою торжественностію, и теперь уже идутъ приготовленія къ ней. Будутъ разосланы приглашенія ко всѣмъ университетамъ міра. По случаю торжества, Краковскій университетъ присудитъ титулъ докторскій «honoris causa» европейскимъ свѣтиламъ науки. Торжество будетъ продолжаться два дня. Тогда же послѣдуетъ открытіе во дворѣ университетской библіотеки памятника Николаю Копернику, работы г. Пія Веліонскаго.

Къ празднованію 500-лѣтія Ягеллонскаго университета пріурочены различные ученые съѣзды. Самымъ интереснымъ, конечно, будетъ съѣздъ польскихъ (въ широкомъ значеніи этаго слова) историковъ, III-й по счету. Онъ соберется 4-го іюня (н. с.) и будетъ продолжаться три дня. Громадное развитіе исторической науки въ Польшѣ за послѣднія десять лѣтъ, истекающихъ со времени II-го съѣзда (во Львовѣ), масса появившихся за это время матеріаловъ—все это даетъ обильную пищу преніямъ съѣзда. Надобно замѣтить, что, кромѣ исторіи, въ тѣсномъ значеніи слова, на съѣздѣ будутъ представлены рефераты по археологіи, искусству, литературѣ, этнографіи, исторіи права, соціальнымъ отношеніямъ и т. д., словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія, имѣющимъ хотя нѣкошеніе къ исторіи.

— Споръ о папской инквизиціи. Въ «Deutsche Revue» помѣщена очень интересная статья графа Генсбреха о «Папствѣ и инквизиціи». Статья эта вызвана споромъ, возникшимъ по поводу заявленія объ инквизиціи, сдѣланнаго представителемъ католическаго центра въ прусской палатѣ депутатовъ, барономъ Лоэ, на одномъ изъ засѣданій въ 1896 году [1]). Лоэ утверждалъ, что нужно различать двѣ инквизиціи, испанскую государственную и папскую церковную. Первая дѣйствовала средствами государственными матеріальными, налагая наказанія на жизнь и имущество, въ то время какъ вторая, вызванная къ жизни папами, налагала только церковныя, духовныя наказанія. Противъ этого утвержденія и направлена статья графа Генсбреха, краеугольное положеніе которой заключается въ томъ, что инквизиція — всецѣло созданіе папъ, всегда находившее съ ихъ стороны поощреніе. Дѣйствительно, авторъ указываетъ рядъ буллъ, изданныхъ папами Иннокентіемъ IV, Александромъ IV, Григоріемъ XI и Бонифаціемъ XI, въ которыхъ постоянно повторяются слѣдующія слова: «вамъ, инквизиторамъ, эта должность предоставлена непосредственно отъ сего апостольскаго престола». Папа Сикстъ V прямо писалъ въ буллѣ, изданной въ январѣ 1588 года: «Наша воля состоитъ въ томъ, чтобы святая инквизиція въ испанскихъ странахъ и владѣніяхъ, утвержденная властью папскаго престола и ежедневно приносящая обильные плоды на пашнѣ Господа нашего, безъ нашего или преемниковъ нашихъ соизволенія, не измѣнялась». Каковы были «плоды», собиравшіеся инквизиціею «на пашнѣ Господней», объ этомъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, начиная съ XIII в. Папскій инквизиторъ доминиканецъ Гильомъ Пелиси разсказываетъ въ своей хроникѣ: «въ лѣто 1231 умеръ въ Тулузѣ еретикъ Гальваннъ... Это не ускользнуло отъ

[1]) Graf Paul v. Hoensbroech, «Papsttum und Inquisition».—«Deutsche Revue», April 1900.

инквизитора магистра Роландо... Онъ тотчасъ созвалъ доминиканцевъ, князя и народъ. Они вошли въ домъ, гдѣ еретикъ умеръ, разрушили его до основанія и устроили на немъ мѣсто свалки нечистотъ. Гальванна они вырыли, протащили его трупъ по городу и сожгли его во славу римской и католической церкви, матери нашей... Инквизиторы братья Челлани и Арнольди сожгли въ Монсегюрѣ еретика Іоанна да Гарда съ двумястами десятью другими еретиками. Братъ Понтій де Эгидіо призвалъ на судъ ремесленника Санцерія. Онъ отрицалъ свое еретичество, но братія осудила его, и онъ былъ сожженъ... Въ лѣто 1234 превозглашена была въ Тулузѣ святость отца нашего св. Доминика. Епископъ Раймондъ справлялъ обѣдню въ монастырѣ. Торжественно справивъ богослуженіе, онъ умылъ свои руки, чтобы начать трапезовать. Въ это время пришелъ нѣкто изъ города и сообщилъ, что еретики собрались у какой-то больной еретички. Тотчасъ епископъ и доминиканцы пошли туда и велѣли вытащить еретичку на постели, на которой она лежала, возложить на костеръ, и тотчасъ же сжечь... Послѣ этого епископъ съ братіею вернулись въ трапезную и ѣли съ веселіемъ большимъ, славя Бога и св. Доминика». Въ Германіи въ томъ же вѣкѣ особенно свирѣпствовалъ папскій инквизиторъ Конрадъ Марбургскій, сжигавшій всѣхъ еретиковъ, «кого лишь онъ хотѣлъ». Въ 1223 г. въ Страсбургѣ на исполинскомъ кострѣ были сожжены папскимъ инквизиторомъ двадцать три женщины, двѣнадцать священникокъ и много дворянъ. Послѣ подобныхъ подвиговъ папа Григорій IX въ октябрѣ 1231 года писалъ Конраду: «Мы славимъ Творца, показавшаго столько милостей своихъ чрезъ тебя. Онъ помогъ тебѣ исполнить его святую волю. Много славныхъ дѣлъ твоихъ разсказываютъ намъ, и мы радуемся твоимъ успѣхамъ». На зданіи, гдѣ помѣщалась въ Севильѣ инквизиція, имѣется слѣдующая надпись: «Въ лѣто Господне 1481, при папѣ Сикстѣ IV и въ правленіе Фердинанда и Изабеллы, здѣсь началась святая инквизиція. До 1524 года болѣе двадцати тысячъ еретиковъ здѣсь отреклись отъ гнусныхъ своихъ преступленій; почти тысяча упорныхъ еретиковъ здѣсь преданы были огню съ согласія и благословенія папъ Иннокентія VIII, Александра IV, Пія III, Юлія II, Льва X, Адріана VI, Климента VII». Въ Римѣ инквизиція за періодъ съ 1533 по 1610 годъ велѣла сжечь двадцать двухъ еретиковъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ, какъ о томъ доносилъ синьоріи венеціанскій посолъ, на медленномъ огнѣ. Іезуитъ Петра Санта такимъ образомъ опредѣляетъ принципы инквизиторовъ: «Въ Римѣ тѣхъ, кто впадалъ въ еретичество, приговаривали къ смерти, но, въ случаѣ сознанія ихъ, ихъ не сжигали живыми, а сначала душили, а потомъ уже сжигали. Если они оставались упорными, ихъ, правда, сжигали живыми, но дѣлали это не изъ жестокости, но въ надеждѣ выкипятить (excoquere) ихъ упорство и самой величиною наказанія побудить ихъ къ исповѣданію истинной вѣры». Папскій инквизиторъ Бернардъ Гвидони въ своей книгѣ о «Практикѣ инквизиціи» выражается по тому же поводу слѣдующимъ образомъ: «Цѣлью инквизиціи является разрушеніе еретичества: еретичество, однако, нельзя разрушить, не разрушая самихъ еретиковъ. Еретиковъ же можно разрушить двоякимъ способомъ: во-первыхъ, отвлекая ихъ отъ еретичества обратно къ католической религіи; во-вторыхъ, сжигая ихъ тѣлесно». Впрочемъ, инквизиція признаетъ

не одно только сжиганіе; примѣнялись и разныя другія наказанія: ссылка на галеры, пожизненное заключеніе въ монастырь, наказаніе кнутомъ и т. п.; кромѣ того, всегда рѣшительно осужденіе еретика влекло за собою признаніе семьи его безправной и конфискацію всего его имущества. Если принять во вниманіе сотни и тысячи достаточно завѣренныхъ фактовъ, то нѣтъ никакой возможности оправдать папство хотя бы въ незначительной части того зла и горя, которыя обрушены были на человѣчество инквизиціей. Въ настоящее время, конечно, инквизиція уже почти не имѣетъ никакого значенія. Она такая же конгрегація, какъ и много иныхъ въ Римѣ, и вѣдаетъ только обряды, папскіе приказы и т. п.

— Заговоръ противъ Англіи. Въ настоящее время, когда континентальная печать Европы неоднократно поднимала вопросъ о всеобщемъ союзѣ противъ Англіи, Альберъ Делакуръ счелъ умѣстнымъ особою статьей въ «Revue hebdomadaire» напомнить объ антибритантскомъ заговорѣ 1717 — 1719 годовъ [1]). Въ положеніи Европы замѣчалась въ эти годы нѣкоторая аналогія съ нынѣшнимъ положеніемъ. Франція была унижена, послѣ договоровъ Утрехтскаго и Раштатскаго, также какъ и послѣ франко-прусской войны. Великія завоеванія германскія и протестантскія, приведшія теперь къ усиленію Англіи и Германіи, уже начинались. Англія, вышедшая побѣдительницею изъ своего поединка съ Людовикомъ XIV, удерживала въ рукахъ своихъ всѣ моря. Имперія, полупротестантская, возстановленная въ 1714 году, простирала власть свою на весь западный материкъ. Расположенная между обѣими Голландія, истощившая свои силы колоссальной борьбою съ Людовикомъ XIV, на морѣ стала въ вассальныя отношенія къ Георгу I, на сушѣ къ Карлу VI. Это преобладаніе англо-германское шло рука объ руку съ паденіемъ расъ латинскихъ и католическихъ. Франція уже не въ силахъ была оказать прежнее вліяніе на всемірную политику. Италія Утрехтскимъ договоромъ была отдана во власть нѣмцевъ. Испанія, лишенная половины своихъ провинцій, была повержена въ полное униженіе. Возникалъ тотъ же вопросъ, что и теперь: слѣдуетъ ли мириться съ неизбѣжнымъ упадкомъ и вырожденіемъ латинскихъ расъ? Въ эту эпоху нашелся человѣкъ, который предположилъ помочь возрожденію латинской Европы. Это былъ кардиналъ Альберони, сынъ пармскаго садовника, который своими талантами добился роли руководителя испанской политики при испанскомъ королѣ Филиппѣ V. Цѣлью его было создать тѣсный союзъ Испаніи, Франціи, Италіи. Раздѣленіе Италіи, бывшей почти провинціею Германіи, и англофильское правительство Франціи дѣлали невозможнымъ немедленно же прямымъ путемъ осуществить эту цѣль. Поэтому Альберони пришлось прибѣгнуть къ окольнымъ путямъ. Онъ рѣшилъ отдѣлить другъ отъ друга своихъ противниковъ, подавъ каждому изъ нихъ надежду одержать верхъ надъ соперниками. Прежде всего, онъ предположилъ, при помощи Англіи, вытѣснить германское вліяніе изъ Италіи. Для этой цѣли онъ даже уговорилъ Филиппа V не помогать болѣе планамъ Стюартовъ. Однако, въ Англіи какъ

[1]) Alb. Delacour. «La conspiration antibritannique de 1717—1719».—«La Revue hebdomadaire», 14 avr. 1900.

будто угадали его планы, и, безъ его вѣдома, въ маѣ 1716 года заключенъ былъ договоръ между императоромъ и Великобританіею. Это было сильнымъ ударомъ для Альберони, но онъ не потерялъ головы, а сталъ немедленно повсюду разыскивать союзниковъ для своей политики. Историкъ Санъ-Фелипе, агентъ Испаніи въ Генуѣ, возбуждалъ эту небольшую республику противъ императора, а Альберони самъ вступилъ въ сношенія съ Голландіею и предложилъ принять на жалованье короля испанскаго голландскій военный флотъ. Однако, снова и на этотъ разъ планы его не удались, притомъ вслѣдствіе измѣны какъ разъ того государства, которое больше всего могло бы выиграть отъ его удачи. Регентъ и Дюбуа во Франціи испугались возможнаго роста испанскаго могущества и заключили союзъ съ Англіею, къ которому вскорѣ примкнула и Голландія. Планы Альберони о торжествѣ латинской расы снова грозили рушиться. Но тутъ испанскій министръ рѣшился воспользоваться силами самой Испаніи. Благодаря искусному управленію финансами, доходы Испаніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сильно превышали ея расходы. На эти средства создано было два громадныхъ флота, которые съ августа 1717 года по августъ 1718 годъ превратили Средиземное море въ латинское озеро; Италія возстала, чтобы освободиться отъ германскаго ига. Англія и Германія были сильно напуганы. Посолъ британскаго короля даже предлагалъ вернуть Испаніи Гибралтаръ. Еслибы Франція осталась нейтральною, Альберони могъ бы восторжествовать. Но за пенсію въ 50 тысячъ золотыхъ Дюбуа рѣшился предать будущность латинскихъ расъ, и при его содѣйствіи въ іюлѣ 1718 года создался союзъ четырехъ державъ: Англіи, имперіи, Франціи и Голландіи, противъ Испаніи. Англійскій флотъ вошелъ въ Средиземное море, чтобы возстановить въ немъ англогерманское преобладаніе; подъ Мессиною погибъ весь латинскій флотъ. Вотъ въ этотъ-то моментъ, когда англичанами уничтожены были всѣ надежды Альберони, въ головѣ его возникъ проектъ, въ высшей степени замѣчательный для его времени. Онъ рѣшилъ создать союзъ всѣхъ латинскихъ расъ запада съ славянскимъ міромъ востока Европы. «Онъ былъ первымъ, говоритъ Делакуръ, кто усмотрѣлъ ту громадную услугу, которую Русское государство могло бы оказать западной свободѣ». Въ это время на востокѣ происходила великая сѣверная война. Альберони предполагалъ помирить Петра Великаго съ Карломъ XII и включить какъ Швецію, такъ и Россію въ общую антибританскую коалицію. Король шведскій, по плану Альберони, долженъ былъ съ пятьюдесятью линейными судами и тридцатью тысячами ветерановъ высадиться на берегахъ Шотландіи, игравшей въ то время роль нынѣшней Ирландіи. Сюда же остатокъ испанскаго флота долженъ былъ привезти претендента Якова Стюарта. Соединенной испано-шведской арміи Альберони считалъ достаточно для покоренія всей Англіи. Въ то же самое время русскій царь во главѣ ста пятидесяти тысячъ долженъ былъ вступить въ Германію и предложить имперіи, ослабленной уже движеніямъ венгровъ и турокъ, покориться требованіямъ лиги, составившейся противъ англо-германскаго деспотизма. Альберони казалось необходимымъ, чтобы и Франція также приняла участіе въ этомъ заговорѣ. По его мнѣнію, французскій флотъ долженъ былъ бы высадить армію на югѣ Англіи, съ тѣмъ, чтобы легче обезпечить себѣ под-

чиненіе Великобританіи. Чтобы привлечь на свою сторону Францію, требовалось низвергнуть англофильское правительство ея. Для этой цѣли, при участіи Альберони, создался заговоръ Селламаре, въ которомъ участвовали многіе изъ видныхъ французскихъ дѣятелей. Предполагалось арестовать регента и созвать генеральные штаты. Заговорщики, среди которыхъ былъ Вилларъ, герцогъ Мэнскій, кардиналъ Полиньякъ и другіе, собирались у испанскаго посла Селламаре. Все уже было готово, какъ вдругъ о заговорѣ этомъ узнали въ Англіи. Изъ Лондона немедленно же оповѣстили регента, который велѣлъ арестовать всѣхъ главныхъ заговорщиковъ; Селламаре бѣжалъ въ Испанію. Правительство регента немедленно же приняло всѣ мѣры къ уничтоженію замысловъ Альберони, тѣмъ болѣе, что надежды послѣдняго на Швецію и Россію не оправдались. Французскіе солдаты, подъ присмотромъ англійскаго комиссара, сожгли испанскій арсеналъ и верфь въ Пасахесѣ, порты Испаніи были заняты англійскимъ флотомъ, и Испаніи оставалось лишь покориться англичанамъ. Альберони за смѣлые свои проекты поплатился изгнаніемъ.

— Братья Наполеона. Въ изданныхъ въ началѣ нынѣшняго года третьемъ и четвертомъ томахъ книги Ф. Массона: «Napoléon et sa famille», мы находимъ любопытныя характеристики братьевъ великаго корсиканца и исторію судьбы ихъ во время имперіи [1]). Единственнымъ человѣкомъ среди Бонапартовъ, который дѣйствительно отличался самостоятельнымъ характеромъ и имѣлъ и личное значеніе, былъ Люсьенъ Бонапартъ, который одинъ лишь имѣлъ достаточно силы воли, что могъ самоотверженно отказываться отъ участія въ дѣлежѣ княжествъ и королевствъ, производившемся братомъ. Прямота его и была причиною немилости къ нему Наполеона. Послѣ смерти крестьянки, на которой онъ женился во время революціи, первый консулъ предлагалъ ему руку одной изъ принцессъ изъ дома испанскихъ бурбоновъ. Люсьенъ, однако, нарушилъ всѣ планы брата, обвѣнчавшись тайкомъ съ разведенною женою парижскаго биржевого маклера Жуберту, пользовавшейся репутаціею очень неважною. По этой причинѣ, когда состоялось провозглашеніе имперіи, Люсьенъ Бонапартъ былъ исключенъ изъ списка высшихъ чиновъ двора, а также и изъ списка возможныхъ наслѣдниковъ. Въ 1805 году, подъ вліяніемъ матери, онъ написалъ Наполеону привѣтственное письмо, которое тотъ счелъ признакомъ раскаянія. За это ему тотчасъ была предложена корона Италіи, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ призналъ свой бракъ несостоявшимся и своихъ дѣтей незаконными. Люсьенъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе: «Титулъ, котораго я не могу раздѣлить съ матерью дѣтей моихъ, былъ бы для меня гибельнымъ даромъ, который отравилъ бы дни мои». Когда и послѣ личнаго свиданія съ Наполеономъ не удалось склонить Люсьена на уступки, императоръ запретилъ ему пребываніе въ Римѣ. Люсьенъ тогда отправился въ Тускулумъ и предался занятіямъ поэзіей и археологіей. Совершенно инымъ типомъ представлялся Іосифъ Бонапартъ, старшій изъ братьевъ, который съ самаго начала успѣховъ Наполеона смотрѣлъ на эти успѣхи, какъ на нарушеніе своихъ правъ старшинства. Самъ Наполеонъ былъ не чуждъ этого чувства и поэтому всегда от-

---

[1]) Lanzac de Lalorie, «La famille impériale».—Correspondant, 10 avril 1900

носился съ особою снисходительностью къ Іосифу, какъ бы желая, чтобъ тотъ простилъ счастье, бывшее болѣе благопріятнымъ второму, чѣмъ старшему изъ братьевъ. Со времени установленія императорской власти Іосифъ смотрѣлъ на себя уже, не какъ на старшаго, лишеннаго власти, а на вѣроятнаго наслѣдника престола. Серіозно увѣренный въ наслѣдственности престола, Іосифъ былъ убѣжденъ, что онъ съ такою же легкостью унаслѣдуетъ престолъ, какъ если бы оба брата принадлежали къ старинному королевскому дому. Думая, что правитель не долженъ быть лишенъ военныхъ талантовъ, онъ выхлопоталъ себѣ линейный полкъ и любилъ устраивать парады, избѣгая, однако, всѣхъ серіозныхъ обязанностей службы. Оставленный въ Парижѣ, когда императоръ находился въ Австріи, онъ нисколько не заботился о финансовомъ кризисѣ и о другихъ внутреннихъ дѣлахъ, а ограничивался тѣмъ, что убѣждалъ всѣхъ и каждаго въ наступленіи золотого мирнаго времени, когда престолъ достанется ему. Поставленный королемъ въ Неаполѣ, Іосифъ скоро сталъ успокоивать себя химерами, что народъ ему преданъ, что власть его покоится на любви населенія, пока, наконецъ, возстаніе Калабріи и появленіе англійскаго флота не напомнили ему, что онъ держится, только благодаря помощи французскихъ штыковъ. Однако, то же самое самообольщеніе овладѣло имъ, когда послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ принялъ корону Испаніи. Онъ сталъ чувствовать себя преемникомъ Карла V, подписывалъ бумаги обычною формулою Yo el Rey, думалъ о союзѣ съ Англіею, а тѣмъ временемъ свысока обращался съ французскими солдатами, безъ которыхъ его бы давно уже прогнали изъ его королевства. Людовикъ Бонапартъ былъ самый большой ипохондрикъ во всей семьѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на Гортензіи Богарнэ, меланхолія его осложнилась еще ревностью. Онъ вслушивался въ толки о привязанности Наполеона къ невѣсткѣ; его подозрѣнія еще болѣе увеличились, когда императоръ выразилъ желаніе усыновить сына Гортензіи или, по крайней мѣрѣ, утвердить за нимъ права на корону Италіи. Несмотря на свои заботы супружескія и постоянныя тревоги о здоровьѣ, Людовикъ, съ начала имперіи, имѣлъ время выказать и честолюбіе. Будучи начальникомъ сѣверной арміи, собранной изъ жителей Рейна, во время кампаніи Аустерлицкой, онъ былъ серіозно убѣжденъ, что ему удалось спасти Францію отъ прусскаго нашествія. Когда Наполеонъ назначилъ его королемъ въ Голландіи, Людовикъ совершенно искренно рѣшилъ управлять, прежде всего, въ интересахъ своихъ новыхъ подданныхъ. Онъ называлъ себя голландцемъ и говорилъ, что интересы Франціи его уже болѣе не касаются. Въ интересахъ своихъ новыхъ подданныхъ онъ даже согласился на нарушеніе континентальной системы. Императоръ, задѣтый въ самыхъ важныхъ своихъ интересахъ, былъ этимъ страшно раздосадованъ; это обстоятельство вызвало потомъ присоединеніе Голландіи императоромъ. Сынъ, котораго Наполеонъ хотѣлъ усыновить, умеръ отъ крупа, и королева сказавъ, что «Голландія—чудовище, пожирающее дѣтей», рѣшила больше туда не возвращаться; она жила потомъ въ Котере и въ Парижѣ, гдѣ общее горе временно сблизило супруговъ; въ это время родился будущій Наполеонъ III. Но сцены ревности возобновились; Людовикъ вернулся въ Голландію, и воспослѣдовалъ разрывъ, уже окончательный. Послѣдній изъ братьевъ, баловень семьи Жеромъ, началъ свою карьеру морскимъ

офицеромъ. Находясь въ Бальтиморѣ, онъ увлекся красавицею Елизаветою Паттерсонъ и женился на ней, не спросясь родственниковъ. Вернувшись въ Европу, онъ думалъ, что все дѣло ограничится представленіемъ его жены Наполеону. Но онъ плохо зналъ брата; ему было заявлено, что лишь онъ получитъ паспортъ для въѣзда во Францію, жена же, если покажется, будетъ немедленно выслана. Тѣмъ не менѣе, Жеромъ, оставивъ свою жену въ Лиссабонѣ, пріѣхалъ ко двору брата и, закружившись въ вихрѣ увеселеній, пересталъ думать о возвращеніи къ женѣ; «американская жена» имъ почти уже и не вспоминалась. Легкомысленный и неспособный Жеромъ, по волѣ брата, сталъ королемъ Вестфаліи, гдѣ нужно было бы прямо-таки геніальное умѣнье, чтобы утвердиться надолго. Жеромъ, умѣвшій только переходить отъ слабости къ жестокости, возбудилъ противъ себя лишь всеобщее негодованіе. Поэтому въ 1809 г., когда началась война, Вестфалія, вмѣсто того, чтобы оказаться опорнымъ пунктомъ для Франціи, должна была еще особо охраняться.

СМѢСЬ.

ПЕРВОЕ засѣданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. 9-го марта, происходило въ Мраморномъ дворцѣ первое соединенное засѣданіе отдѣленія русскаго языка и словесности и составляющаго съ нимъ одно цѣлое разряда изящной словесности, учрежденнаго въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Пушкина. Въ засѣданіи присутствовали: его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, ординарные академики: М. И. Сухомлиновъ, А. Н. Веселовскій, Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, И. Н. Ждановъ, В. И. Ламанскій и Н. П. Кондаковъ; почетные академики: А. М. Жемчужниковъ, А. А. Потѣхинъ, А. Ѳ. Кони, В. С. Соловьевъ и В. Г. Короленко. Почетный академикъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ не присутствовалъ по причинѣ болѣзни. Собраніе открыто рѣчью его императорскаго высочества августѣйшаго президента академіи наукъ: «Во исполненіе высочайшей воли государя императора, столѣтіе со дня рожденія Пушкина ознаменовано учрежденіемъ разряда изящной словесности, составляющаго одно нераздѣльное цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Избраніе первыхъ почетныхъ академиковъ налагало на отдѣленіе русскаго языка и словесности лестный, но и отвѣтственный долгъ; изъ среды нашихъ писателей-художниковъ и литературныхъ критиковъ предстояло избрать нѣсколькихъ достойныхъ завиднаго званія пушкинскихъ академиковъ. Выборы состоялись. Сегодня впервые отдѣленіе русскаго языка и словесности привѣтствуетъ васъ, господа почетные академики, и президентъ

академіи счастливъ, что на его долю выпало передать вамъ это привѣтствіе. Отдѣленію, при его преобразованіи изъ императорской россійской академіи, въ 1841 году державною волею императора Николая I было «ввѣрено попеченіе о русскомъ словѣ». Въ чемъ же выражалось это попеченіе? Въ основательномъ изслѣдованіи свойствъ русскаго языка, въ начертаніи сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ его употребленія, въ изданіи полнаго словаря, въ изученіи исторіи русской словесности и славяно-русской филологіи. Нынѣ, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ параграфовъ положенія объ отдѣленіи, къ предметамъ его занятій прибавлены: исторія русской культуры, исторія славянскихъ литературъ, исторія иностранныхъ литературъ по отношенію къ русской, исторія и теорія искусства, теорія словесности и историко-литературной критики. Если эти предметы и не требуютъ для ихъ изученія трудовъ ученыхъ спеціалистовъ, то, во всякомъ случаѣ, сближаютъ отдѣленіе русскаго языка и словесности съ міромъ литературы и его дѣятелями. Это сближеніе усиливается присоединеніемъ къ отдѣленію разряда изящной словесности. Вамъ, господа, какъ первымъ членамъ этого разряда, предстоитъ сдѣлаться связующимъ звеномъ между областью науки и міромъ литературы. Ваше дарованіе, тонкій вкусъ и любовь къ русскому слову даютъ вамъ возможность, съ одной стороны, не быть чуждыми трудовъ II отдѣленія, а съ другой—стоять въ рядахъ представителей изящной словесности. Въ составленіи словаря русскаго языка, въ критическомъ изданіи русскихъ писателей вы, безъ сомнѣнія, примете дѣятельное участіе. Состоя непремѣнными членами комиссіи по присужденію пушкинскихъ и другихъ премій за литературные труды, вы, какъ художники слова, значительно облегчите работу ученымъ-спеціалистамъ. Вашъ кругъ можетъ и долженъ расти; но да будетъ этотъ ростъ постепененъ и правиленъ, чтобы служить не въ ущербъ разряду изящной словесности, а къ вящшему его укрѣпленію. Отъ души выражаю пожеланіе, чтобы доблестный кругъ вашъ расширялся не по вѣянію партійнаго духа, не по личнымъ пристрастіямъ и сочувствіямъ, а подъ вліяніемъ строгой и осмотрительной разборчивости, въ силу уваженія къ нравственному облику избираемаго и всегда согласно съ чуткою художественною совѣстью. Недаромъ Пушкинъ отъ истиннаго художника требовалъ «взыскательности» и судъ его надъ самимъ собою считалъ высшимъ судомъ. Этотъ же возвышенный взглядъ на поэтическое творчество долженъ быть приложенъ и къ настоящей критикѣ, задача которой—итти рука объ руку съ «взыскательнымъ художникомъ» и умѣть понимать его. Какъ отъ всего сердца не пожелать, чтобы каждому изъ нынѣшнихъ и будущихъ членовъ разряда изящной словесности, въ память безсмертнаго Пушкина призванныхъ пещись о русскомъ словѣ, всегда и неизмѣнно слышался пушкинскій завѣтъ:

> Дорóгою свободной
> Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
> Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
> Не требуя наградъ за подвигъ благородный».

За рѣчью августѣйшаго президента послѣдовала рѣчь предсѣдательствующаго въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, академика М. И. Сухомли-

нова: «Наука и литература—двѣ родственныя области, созданныя духовной силой человѣка и удовлетворяющія его духовнымъ нуждамъ и стремленіямъ. Между тою и другою областью много общаго, много сторонъ соприкосновенія. Какъ для научнаго, такъ и для литературнаго творчества необходимы вѣрное и глубокое наблюденіе и сила таланта, связующаго въ одно живое цѣлое множество отдѣльныхъ фактовъ и чертъ. Тѣмъ сильнѣе связь науки о языкѣ съ литературою, ея теоріею и исторіею. Справедливо замѣчаютъ ученые, что языкъ есть самое художественное изъ всѣхъ произведеній, доступныхъ человѣческому творчеству. Что касается собственно русскаго языка, то его значеніе и величіе признается единодушно всѣми учеными и писателями отъ Ломоносова до Пушкина и Тургенева. Пушкинъ утверждалъ, что русскій языкъ «достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій». Всѣмъ памятны безсмертныя слова Тургенева, обращенныя къ писателямъ: «Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!» Если русскій языкъ и изученіе его свойствъ такъ высоко цѣнятся великими представителями нашей художественной литературы, то сама собою является мысль, что между учеными изслѣдователями языка и писателями-художниками можетъ и должно существовать общеніе и взаимное пониманіе. Такъ думали лучшіе люди различныхъ эпохъ, и такая мысль положена въ основу учрежденій, во главѣ которыхъ слѣдуетъ назвать основанную Екатериною II «Россійскую академію». Въ первый ея періодъ дружно работали, съ одной стороны, ученые: Разумовскій, Лепехинъ и др.; съ другой — писатели: Державинъ, Фонвизинъ и др. Въ послѣдній періодъ россійской академіи членами ея были геніальный филологъ Востоковъ и геніальный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ избранъ въ члены россійской академіи 7-го января 1833 года. Пушкинъ охотно посѣщалъ академическія собранія, участвовалъ въ разсмотрѣніи «Словаря» и выразилъ пожеланія, чтобы академія «ободрила, оживила отечественную словесность». Въ 1841 году россійская академія соединена съ академіею наукъ и переименована въ отдѣленіе русскаго языка и словесности. Писатели, бывшіе членами россійской академіи, назначены членами академіи наукъ: Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій и др. Князь Вяземскій говоритъ по этому поводу: «Не каждый членъ чисто литературной академіи можетъ быть и членомъ академіи наукъ. Фонвизинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ россійской академіи; въ академіи наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація». Писатели желали образовать особую группу, и комитетъ, составленный изъ членовъ, какъ россійской академіи, такъ и академіи наукъ, призналъ нужнымъ положить нѣкоторое число почетныхъ академиковъ, которые, не принимая на себя обязанностей, лежащихъ на членахъ конференціи всѣхъ

трехъ отдѣленій академіи наукъ, были бы полезны отдѣленію русскаго языка и словесности своею опытностью въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами. Къ такому же рѣшенію вопроса пришло и отдѣленіе русскаго языка и словесности. Весьма пріятно заявить, что взглядъ отдѣленія раздѣляютъ и многіе изъ писателей. Такимъ образомъ, отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ ординарныхъ и почетныхъ академиковъ. Званіе почетнаго академика есть самое высшее званіе, въ которое академія можетъ избирать представителей литературы. Отношеніе избранныхъ въ академіи наукъ, установленное новымъ закономъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ и высокому уваженію къ званію писателя, и той нравственной свободѣ, которою такъ дорожатъ писатели-художники. При совѣщаніяхъ по этому животрепещущему вопросу высказано было мнѣніе, что отдѣленіе русскаго языка и словесности, по существу своему, является учрежденіемъ, могущимъ содѣйствовать нравственному сближенію представителей отечественной литературы. Дай Богъ, чтобы это оправдалось блестящимъ образомъ въ дѣйствительности, и чтобы отдѣленіе наше и въ своемъ новомъ, расширенномъ видѣ сохранило свое давнее и драгоцѣнное достояніе— единодушіе. Да послужитъ залогомъ нашего единодушія великое имя Пушкина, заключающее въ самомъ себѣ объединяющее начало. Въ первый разъ это единеніе выразилось при самомъ избраніи Пушкина въ члены россійской академіи: забылись старые счеты, вражда и рознь уступили мѣсто справедливому признанію высокихъ заслугъ. Пушкинъ избранъ былъ единогласно. Въ собраніи участвовали: знаменитый ученый Востоковъ, знаменитый общественный дѣятель Н. С. Мордвиновъ, и личные враги Пушкина, Уваровъ и Каченовскій, высказались въ пользу его; Шишковъ, какъ президентъ, положилъ ему два бѣлыхъ балла и т. д. Второй разъ имя Пушкина сблизило всю русскую литературу въ одно цѣлое, несмотря на различіе взглядовъ и направленій, въ прекрасные пушкинскіе дни при открытіи въ Москвѣ памятника великому поэту. Кто пережилъ эти чудные дни, тотъ навсегда сохранитъ въ душѣ своей свѣтлое воспоминаніе о свободной, восторженной дани, принесенной русскому національному генію. Въ третій разъ имя Пушкина объединило представителей нашей умственной жизни при чествованіи столѣтія со дня рожденія поэта, вызвавшемъ учрежденіе разряда изящной стовесности. Да будетъ это дорогое всѣмъ намъ имя связующимъ и вдохновляющимъ началомъ для дѣятельности разряда изящной словесности, составляющаго одно нераздѣльное цѣлое съ высшимъ въ Россіи учрежденіемъ, въ кругъ занятій котораго входятъ словесныя науки. Пожелаемъ, чтобы живая связь между литературой и наукой становилась все прочнѣе и глубже, и чтобы сближеніе между ними послужило завѣтомъ и для грядущихъ дѣятелей на поприщѣ родной словесности». Отъ имени почетныхъ академиковъ говорилъ А. Ѳ. Кони, произнесшій слѣдующую рѣчь: «По уполномочію и отъ лица присутствующихъ здѣсь товарищей моихъ по избранію въ почетные академики, считаю долгомъ выразить отдѣленію русскаго языка и словесности глубокую благодарность нашу за честь, оказанную намъ этимъ избраніемъ. Учрежденіе разряда изящной словесности, вызванное столѣтнимъ юбилеемъ рожденія Пушкина, возстановляетъ въ значительной мѣрѣ то положеніе, когда въ россійскую академію, существовавшую до 1841 года, призывались дѣятели

родной литературы и служители русскаго слова въ его широкомъ и наиболѣе проникающемъ въ общество осуществленіи. Между ними сіялъ въ лучахъ немеркнущей славы и великій поэтъ нашъ. Его критическія замѣтки и написанныя почти за годъ до смерти статьи о торжественномъ засѣданіи россійской академіи 18-го января 1836 г. и по поводу рѣчи Лобанова, въ которыхъ глубокія мысли переплетены съ искрящимся юморомъ,—содержатъ рядъ завѣтовъ и указаній, не потерявшихъ своей силы и значенія до настоящаго времени. Ими должна быть освящена и предстоящая намъ дѣятельность. Горячій ратоборецъ свободы мысли, восклицавшій: «Что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль!?», знаменитѣйшій членъ россійской академіи требовалъ, чтобы эта мысль выражалась «словами истины, свободными, простыми», и желалъ охранить ее отъ навязанныхъ цѣлей и внѣшнихъ «своенравныхъ» путъ. Теорія, по которой практическая польза есть цѣль и условіе произведеній изящной словесности, осуждалась имъ, какъ мелочная и ложная. Литература—«не педагогическое занятіе» и «цѣль художества — не нравоученіе, а идеалъ». Стремленіе къ нему должно достигаться свободнымъ проявленіемъ творчества, рисующимъ этотъ идеалъ или заставляющимъ его подразумѣвать и чувствовать. Пушкинъ начерталъ привлекательный образъ писателя, независимость и самоуваженіе котораго возвышаютъ его «надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы». Необходимымъ орудіемъ творчества является родной языкъ—«точный и опрятный». Судьбы языка, однако, озабочивали Пушкина. «Прекрасный нашъ языкъ,—писалъ онъ, — быстро клонится къ паденію, слова искажаются, грамматика колеблется, орѳографія, сія геральдика языка,—измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго». Эти опасенія подтверждены, много лѣтъ спустя, страстнымъ призывомъ къ охраненію русскаго языка, сдѣланнымъ Тургеневымъ. И дѣйствительно, въ началѣ XVIII вѣка, въ сильный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языкъ офиціальный, вторглось множество иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и придавшихъ ему новый, странный и несимпатичный характеръ изломанности и дѣланности. Еще при Петрѣ Великомъ, въ его распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ и встрѣчаются образныя выраженія конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто внѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія новыхъ понятій. Послѣ Петра языкъ, подъ давленіемъ офиціальнаго вліянія, портится еще болѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны. Затѣмъ настоящій русскій языкъ постепенно отвоевываетъ свои поруганныя права и, благодаря усиліямъ Карамзина и въ особенности Пушкина—истиннаго и непревзойденнаго создателя литературнаго языка,—становится на надлежащую высоту. Однако, со второй половины XIX столѣтія спокойно обрабатываемая книга сначала постепенно, но неуклонно, а затѣмъ съ увеличивающеюся быстротою замѣщается лихорадочно составляемою газетою—и читатель въ большинствѣ предпочитаетъ слушать не результатъ продуманной мысли автора сочиненія, а услышать поскорѣе вѣсти, удовлетворяющія его злободневному любопытству. А эти вѣсти

часто не церемонятся съ русскимъ языкомъ, въ который вторгается множество словъ и оборотовъ, совершенно чуждыхъ ему и его законамъ, навѣрное глубоко огорчившихъ бы Пушкина, принимавшаго, въ свое время, отрицаніе силы и богатства русскаго языка, почти какъ личное себѣ оскорбленіе. Да будетъ же дозволено высказать пожеланіе, чтобы новое сочетаніе академическихъ силъ, слѣдуя завѣтамъ великаго поэта, сослужило, всѣми зависящими отъ него способами, службу русскому обществу, укрѣпляя въ немъ правильный взглядъ на призваніе писателя, содѣйствуя увеличенію простора русской мысли и ставъ на стражу драгоцѣнныхъ правъ русскаго языка». Затѣмъ приступлено было къ разсмотрѣнію проекта положеній, опредѣляющихъ права и обязанности почетныхъ академиковъ и корреспондентовъ по разряду изящной словесности. По обсужденіи возникавшихъ по этому поводу вопросовъ, собраніе занялось распредѣленіемъ, для рецензій, сочиненій на Пушкинскія преміи, представленныхъ въ весьма значительномъ количествѣ. Положено собираться ежемѣсячно, и слѣдующее засѣданіе назначено на 2-е апрѣля.

Императорское русское историческое общество. 2-го марта, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Зимнемъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя Императора, при участіи великихъ князей Владиміра Александровича и Николая Михаиловича, годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. Въ собраніи присутствовали дѣйствительные члены общества: Н. Ѳ. Дубровинъ, Д. Ѳ. Кобеко, А. Н. Куломзинъ, Л. Н. Майковъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, графъ М. Н. Муравьевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, А. А. Половцовъ, Н. Н. Селифонтовъ, В. И. Сергѣевичъ, профессоръ А. Н. Филипповъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Н. К. Шильдеръ и Г. Ѳ. Штендманъ. По открытіи засѣданія, предсѣдатель общества А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества. Въ минувшемъ году оконченъ печатаніемъ и вышелъ въ свѣтъ 107 томъ сборника общества, служащій продолженіемъ изданія бумагъ екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія и составляющій 9-ю часть сего изданія. Въ настоящемъ томѣ окончены печатаніемъ наказы горожанъ Московской губерніи и всѣ городскіе наказы губерній Кіевской, С.-Петербургской, Новгородской и Казанской. Помѣщенные здѣсь наказы, какъ и наказы 8-й части изданія, согласуясь между собою въ общемъ направленіи, различаются одинъ отъ другаго, смотря по различію особенностей каждаго города, его мѣстныхъ нуждъ и потребностей, и съ этой стороны даютъ цѣнный матеріалъ для изученія положенія городовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Первое мѣсто между нуждами и потребностями городовъ занимало невѣдѣніе ими государственныхъ законовъ, обнародованіе которыхъ не всегда соблюдалось еще со временъ Петра Великаго. Насколько такой порядокъ вещей представлялся неудобнымъ, видно изъ наказа жителей города Ржева, которые выражали даже желаніе покрыть изъ городскихъ средствъ издержки по напечатанію и присылкѣ въ городской магистратъ указовъ, вышедшихъ съ 1730 года. Не меньшее неудобство для городскихъ жителей того времени заключалось въ централизаціи всего государственнаго управленія въ приказахъ и коллегіяхъ, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, куда надо было обращаться для совершенія всякаго рода гражданскихъ сдѣлокъ. Для записи, напримѣръ, духовнаго завѣщанія въ

XVIII вѣкѣ надо было ѣхать въ Петербургъ для явки его въ юстицъ-коллегіи; для записи долговыхъ обязательствъ, даже на самую незначительную сумму, но обезпеченныхъ закладными записями на недвижимое имѣніе, необходимо было обращаться въ юстицъ-коллегію, и т. под. Государственныя повинности были распредѣлены между плательщиками весьма неравномѣрно. Сборщики таможенные, питейные, соляные, въ случаѣ какихъ либо недочетовъ во ввѣренномъ имъ казенномъ имуществѣ, являлись отвѣтственными лицами, а въ случаѣ ихъ несостоятельности отвѣтственность переходила на все городское общество. Людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, которые только и могли нести такую службу, было меньшинство, служба ихъ поэтому была почти безсмѣнная и вносила разстройство и въ ихъ торговыя дѣла, и въ ихъ домашнее хозяйство. Вопросъ о правѣ владѣнія землей также былъ предметомъ особой заботливости со стороны городскихъ жителей. Въ Московскомъ государствѣ средній классъ населенія: горожане, духовенство, мелкіе приказные служители, не были лишены права пріобрѣтенія земельной собственности, а послѣдніе даже награждались иногда помѣстьями, въ законодательствѣ же XVIII вѣка стали появляться ограниченія, въ царствованіе императрицы Екатерины II значительно умножившіяся. Въ слѣдующей 10-й части изданія бумагъ екатерининской комиссіи будутъ начаты печатаніемъ крестьянскіе наказы. Нужный для этого матеріалъ уже извлеченъ изъ архива государственнаго совѣта и переданъ въ распоряженіе редактора бумагъ екатерининской комиссіи, члена совѣта, профессора В. И. Сергѣевича. Дальнѣйшія работы по изданію сборника общества представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ 108-мъ томѣ печатаются документы, относящіеся до сношеній Московскаго государства съ Швеціей и Даніей за время царствованія царя Ивана Васильевича, съ 1557 года. Настоящій томъ относится къ той серіи томовъ сборника общества, въ которыхъ помѣщаются памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Изданіе памятниковъ, начатое II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, съ окончаніемъ дѣятельности сего отдѣленія, передано, по высочайшему повелѣнію, императорскому русскому историческому обществу. Съ тѣхъ поръ обществомъ издано 6 томовъ памятниковъ, изъ которыхъ 35-й томъ сборника вышелъ вторымъ изданіемъ. Ко дню настоящаго собранія 108 тома напечатано 8 листовъ, изъ которыхъ закончена вся первая посольская книга по сношеніямъ Россіи со Швеціей за 1555—1562 годы. 109-й томъ служитъ продолженіемъ изданія бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны съ 1734 года, первая и вторая части которыхъ, за 1730—1733 года, напечатаны въ 104-мъ и 106-мъ томахъ сборника. Редакторъ изданія бумагъ кабинета, профессоръ государственнаго права въ Юрьевскомъ университетѣ А. Н. Филипповъ, съ разрѣшенія совѣта общества, въ настоящемъ томѣ нѣсколько измѣнилъ планъ изданія бумагъ, прибавивъ къ журналамъ кабинета еще реестры входящихъ въ кабинетъ актовъ. Основаніемъ для этого послужили слѣдующія соображенія. До 1733 года въ самыхъ журналахъ кабинета содержались и краткіе списки входящихъ въ кабинетъ и исходящихъ изъ него актовъ, причемъ отмѣчались также и тѣ приказы, которые словесно или письменно отдавались изъ кабинета

тѣмъ или другимъ лицамъ и учрежденіямъ. Съ 1734 года этотъ характеръ журналовъ весьма рѣзко измѣняется: вмѣсто этихъ журналовъ (которые можно было бы назвать протоколами кабинета) съ 1734 по 1740 годъ въ кабинетской канцеляріи ведутся лишь журналы приказовъ, отдаваемыхъ изъ кабинета, а изъ прежнихъ журналовъ-протоколовъ выдѣляются въ особыя книги реестры входящихъ и исходящихъ изъ кабинета бумагъ, а равно и составляются въ отдѣльныхъ случаяхъ особыя «протокольныя записки» и «протоколы на указы». Если двѣ послѣднія категоріи актовъ легко могутъ найти себѣ мѣсто въ приложеніяхъ къ журналамъ приказовъ, то является вопросъ: что надо сдѣлать съ обширными реестрами входящихъ и исходящихъ бумагъ? Пока эти реестры составляли часть журналовъ-протоколовъ, вопросъ рѣшался самъ собой; но съ выдѣленіемъ ихъ изъ этихъ журналовъ дѣло весьма усложняется. Именно, если помѣстить въ сборникѣ только «журналы приказовъ», то будущіе историки лишатся возможности опредѣлить, на основаніи данныхъ этого изданія, предѣлы компетенціи кабинета, слагавшейся постепенно, и не столько de jure, сколько de facto. Конечно, печатаніе списка входящихъ и исходящихъ бумагъ было бы излишне, еслибы въ приложеніяхъ къ «журналамъ приказовъ» можно было воспроизвести самыя эти бумаги. Но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивавшаяся дѣятельность кабинета уже съ 1734 года начинаетъ принимать такіе размѣры, что въ приложеніяхъ могутъ быть напечатаны лишь исходившіе изъ кабинета акты, именно указы, высочайшія повелѣнія, указы и письма кабинетъ-министровъ и т. под. (какъ это сдѣлано въ 104 и 106 томахъ). Что же касается входящихъ въ кабинетъ бумагъ (донесеній, рапортовъ, реляцій, челобитій и пр.), то, за недостаткомъ мѣста, онѣ могутъ быть помѣщаемы только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ,—такъ велико ихъ количество и обширенъ нерѣдко ихъ размѣръ (особенно реляцій съ театра военныхъ дѣйствій въ Польшѣ и Турціи, рапортовъ сената, прошеній и проч.). Выборку изъ этихъ бумагъ приходилось дѣлать уже для напечатанныхъ томовъ, еще болѣе придется прибѣгнуть къ ней въ послѣдующихъ томахъ. Отсюда ясно, что если объ исходящихъ изъ кабинета актахъ можно легко судить по копіямъ этихъ бумагъ, помѣщаемымъ въ приложеніяхъ, то о входящихъ такого сужденія нельзя будетъ составить по тѣмъ же приложеніямъ. Поэтому, если еще возможно не помѣщать реестровъ исходящихъ бумагъ, то безъ реестровъ входящихъ обойтись рѣшительно невозможно и ихъ непремѣнно слѣдуетъ, съ ясною оговоркой въ текстѣ, присоединить къ «журналамъ приказовъ», чтобы дать послѣднимъ извѣстную полноту. Въ 110-мъ томѣ печатаются документы, относящіеся къ дипломатической перепискѣ англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. Матеріалъ этотъ былъ извлеченъ изъ лондонскаго государственнаго архива, благодаря содѣйствію, нынѣ покойныхъ, генералъ-майора Ланца, г.г. Бартоломея и Давыдова и при участіи члена-корреспондента общества Ральстона, скончавшагося въ 1889 году. Такъ какъ настоящимъ томомъ исчерпывается весь имѣвшійся въ распоряженіи общества матеріалъ изъ лондонскаго архива, то совѣтъ общества, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи, постановилъ обратиться съ просьбой къ нашему военному агенту въ Лондонѣ, г. Ермолову, принять на себя трудъ продолжить извле-

ченіе историческаго матеріала изъ лондонскаго государственнаго архива, начиная съ 1749 года за все время царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Въ 111-мъ томѣ продолжается изданіе документовъ изъ вѣнскаго государственнаго архива, печатаніе которыхъ начато въ 18-мъ и 46-мъ томахъ сборника, гдѣ помѣщены донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи. Въ настоящемъ же томѣ, издаваемомъ, какъ и предыдущіе два тома, подъ редакціей секретаря общества, печатаются донесенія князя Лобковича графу, впослѣдствіи князю, Кауницу за 1764—1767 годы. Что же касается отвѣтовъ князя Кауница и распоряженій австрійскаго правительства своему представителю въ Петербургѣ, то документы эти не могутъ быть включены въ печатаемый томъ, такъ какъ не послѣдовало еще разрѣшенія австрійскаго правительства на пользованіе сими документами. Въ 112-мъ томѣ будутъ помѣщены документы, относящіеся къ конференціи, учрежденной императрицею Елисаветою Петровною въ 1741 году для обсужденія — вначалѣ только вопросовъ внѣшней политики, а впослѣдствіи и всѣхъ вообще важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Изданіе сихъ документовъ возложено на члена совѣта Н. Ѳ. Дубровина. Въ виду того, что о рѣшеніяхъ конференціи сообщались во всѣ высшія государственныя учрежденія экстракты изъ протоколовъ конференціи и рескрипты императрицы, и что посему въ архивахъ этихъ учрежденій найдется немало документовъ, могущихъ служить дополненіемъ къ имѣющемуся въ распоряженіи общества матеріалу, въ мартѣ прошлаго года я входилъ въ сношеніе съ министрами: военнымъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, императорскаго двора и удѣловъ и съ оберъ-прокукуроромъ святѣйшаго синода относительно разрѣшенія Н. Ѳ. Дубровину разсмотрѣть и снять копіи съ документовъ, къ конференціи относящихся и хранящихся въ архивахъ указанныхъ министерствъ, на что со стороны гг. министровъ уже послѣдовало согласіе. Въ этомъ же томѣ могутъ быть помѣщены выписки изъ секретныхъ экстрактовъ конференціи за 1756—1761 гг., списанные по порученію предсѣдателя общества изъ сенатскаго архива. Въ 113-мъ томѣ будетъ продолжено изданіе документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Николая I. По программѣ, выработанной для этого изданія членомъ общества Н. К. Шильдеромъ и утвержденной совѣтомъ общества въ 1895 году, печатаніе документовъ должно занять два тома сборника: первый томъ—императоръ Николай I съ 1825-го по 1833 годъ. Сюда войдутъ слѣдующіе документы: 1) междуцарствіе; 2) восточныя дѣла съ 1826 по 1828 г.; 3) Турецкая война 1828—1829 гг.; 4) экспедиція въ Босфоръ 1833 года; 5) война съ польскими мятежниками 1831 года; 6) переписка графа Дибича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, графомъ Чернышевымъ, графомъ Толстымъ и др. лицами; 7) переписка фельдмаршала князя Ф. В. Остенъ-Сакена; 8) графъ Дибичъ въ Берлинѣ въ 1830 г. и 9) кончина и погребеніе Дибича въ 1831 г. Во второй томъ—императоръ Николай I въ Восточную войну 1853, 1854 и 1855 годовъ—войдетъ полная переписка императора Николая Павловича съ княземъ Варшавскимъ, княземъ Воронцовымъ, княземъ Горчаковымъ и княземъ Меншиковымъ, а также переписка императора, относящаяся къ венгерской кампаніи 1849 года. Въ настоящее время напечатано 5 листовъ. 114-й томъ, который печатается въ Парижѣ, бу-

детъ заключать въ себѣ донесенія представителей французскаго правительства при русскомъ дворѣ, а также хранящіяся въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ донесенія русскихъ представителей при французскомъ дворѣ за 1814 и слѣдующіе годы. Благодаря содѣйствію министра иностранныхъ дѣлъ, графа М. Н. Муравьева, нынѣ уже получены и отправлены въ Парижъ копіи съ бумагъ за 1814, 1815 и 1816 годы. Снятіемъ этихъ копій занимались служащіе въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ руководствомъ графа В. Н. Ламздорфа, князя В. С. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго и директора архива барона Д. Ѳ. Стуарта. Одновременно съ изданіемъ сихъ документовъ изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, съ разрѣшенія французскаго правительства, сообщены уже обществу копіи съ донесеній французскихъ представителей при петербургскомъ дворѣ и съ полученныхъ ими инструкцій за время реставраціи (съ 1815 по 1830 годъ), что̀ въ совокупности съ нашими документами дастъ полную картину взаимныхъ политическихъ отношеній русскаго и французскаго правительствъ того времени. Въ 115-мъ томѣ продолжается печатаніе памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ нидерландскими генеральными штатами за 1617 и послѣдующіе годы, начало которыхъ напечатано въ XXIV томѣ сборника подъ наблюденіемъ бывшаго члена общества А. Х. Бека. Переводомъ и приготовленіемъ къ печати означенныхъ документовъ занимается завѣдывающій библіотекой Императорскаго университета св. Владиміра В. Кордтъ. Напечатано 4 листа. Озабочиваясь собираніемъ историческаго матеріала для изданія въ сборникѣ, предсѣдатель общества входилъ въ сношеніе съ княземъ Викторомъ Сергѣевичемъ Кочубеемъ и получилъ его разрѣшеніе воспользоваться богатымъ матеріаломъ, хранящимся въ его фамильномъ архивѣ въ Диканькѣ. Н. Д. Чечулинъ, по порученію предсѣдателя общества осматривавшій Диканьскій архивъ, пришелъ къ убѣжденію, что содержаніе этого архива дастъ цѣнный историческій матеріалъ. Изданіе Русскаго біографическаго словаря также не останавливалось, какъ это доказываетъ вновь изданный томъ. Что касается денежныхъ средствъ общества, то изъ представленнаго казначеемъ Н. Ѳ. Дубровинымъ отчета за 1899 годъ, провѣреннаго ревизіонною комиссіею, видно, что къ 19-му февраля 1899 года было въ остаткѣ 10.182 руб. 65 коп., съ 19-го февраля 1899 года по 8-е февраля 1900 года поступило въ приходъ 4.100 р.; за тотъ же періодъ времени израсходовано 7.572 руб. 42 коп., къ 8-му февраля 1900 года въ кассѣ остается 6.710 руб. 23 коп. Представивъ отчетъ о дѣятельности общества за 1899 годъ, перехожу къ понесеннымъ обществомъ утратамъ. Въ минувшемъ году общество лишилось двухъ своихъ членовъ: А. Ѳ. Гамбургера и А. Ѳ. Бычкова. 29-го апрѣля 1899 года скончался въ Швейцаріи членъ-учредитель императорскаго русскаго историческаго общества, статсъ-секретарь Андрей Ѳедоровичъ Гамбургеръ; 22-го марта 1871 года онъ былъ избранъ въ вице-предсѣдатели и оставался въ этой должности до самаго своего отъѣзда на постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при швейцарскомъ союзѣ, въ 1879 году. Андрею Ѳедоровичу Гамбургеру наше общество многимъ обязано при извлеченіи историческихъ документовъ, какъ изъ государственнаго архива въ Петербургѣ, такъ и изъ архивовъ иностран-

ныхъ. Общество съ самаго начала своей дѣятельности заботилось о собираніи матеріаловъ, относящихся къ перепискѣ императрицы Екатерины II съ современными ей государями и съ частными лицами, имѣвшими историческое значеніе. Въ этомъ случаѣ Андрей Ѳедоровичъ Гамбургеръ оказалъ обществу значительную услугу, обративъ вниманіе на интересную переписку императрицы Екатерины II съ г-жой Жоффренъ. Г-жа Жоффренъ, по своему уму, характеру и связямъ со всѣми замѣчательными людьми того времени, имѣла большое вліяніе на французское общество и служила центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ интересующіеся науками и искусствами. Понятно поэтому, какой большой интересъ могла представлять собою переписка такихъ замѣчательныхъ личностей, какъ императрица Екатерина II и г-жа Жоффенъ. При посредствѣ А. Ѳ. Гамбургера были предоставлены въ распоряженіе общества княземъ Н. А. Орловымъ письма императрицы Екатерины II къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову. Когда въ 1870 году по почину августѣйшаго почетнаго предсѣдателя общества было рѣшено издать въ свѣтъ хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги императрицы Екатерины II, почетный членъ общества, канцлеръ князь Горчаковъ, и членъ совѣта Андрей Ѳедоровичъ Гамбугеръ сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, для осуществленія этого рѣшенія. Благодаря содѣйствію Андрея Ѳедоровича, общество въ 1876 г. получило разрѣшеніе французскаго правительства воспользоваться изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ копіями съ дипломатическихъ депешъ за все время царствованія императрицы Екатерины II, хотя по архивнымъ правиламъ разрѣшалось пользоваться документами только до 1774 года. Точно такое же содѣйствіе оказалъ онъ и при извлеченіи документовъ изъ вѣнскаго архива. Участвуя въ годичныхъ собраніяхъ общества, Андрей Ѳедоровичъ Гамбургеръ нерѣдко дѣлалъ сообщенія интересныхъ документовъ, свободный доступъ къ коимъ имѣлъ по своимъ близкимъ отношеніямъ къ князю Горчакову. 2-го апрѣля 1899 года скончался Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. Въ лицѣ почившаго не одно наше общество, но весь ученый и литературный міръ лишился почтеннаго, маститаго, выдающагося дѣятеля, вся долгая жизнь котораго была посвящена русской исторической наукѣ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ трудовъ по русской палеографіи, археологіи, древней русской литературѣ и біографіи. Самыми крупными по значенію изданіями, обязанными ему существованіемъ, слѣдуетъ признать, во-первыхъ, шесть изданныхъ подъ его редакціей томовъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, а, во-вторыхъ, четыре объемистые тома писемъ и бумагъ Петра Великаго. Между массой другихъ литературныхъ его трудовъ особенно выдѣляются: Описаніе славяно-русскихъ рукописныхъ сборниковъ, Дворцовые разряды за 1612—1701 годы, двадцать четыре выпуска Путевыхъ и походныхъ юрналовъ Петра Великаго. Перечисленіе остальныхъ твореній Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова, по своему чрезвычайному объему, вышло бы изъ предѣловъ сегодняшняго моего поминальнаго слова. Будучи за свои труды избранъ въ ординарные академики императорской академіи наукъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ былъ въ то же время членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Членомъ императорскаго русскаго историческаго общества покойный состоялъ со дня учрежденія общества,

въ 1866 году, занимая съ 1882 года должность вице-предсѣдателя. Несмотря на свои многосложныя служебныя обязанности и литературные труды, онъ немало удѣлялъ времени и обществу. Уже въ 1 томѣ сборника имъ напечатаны и снабжены примѣчаніями рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова, сообщенные посломъ въ Парижѣ, членомъ общества княземъ Н. А. Орловымъ. Тогда же Аѳанасій Ѳедоровичъ представилъ весьма интересно составленную имъ статью относительно учрежденія комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Сводъ инструкцій, данныхъ въ 1767 году депутатамъ для сочиненія этого проекта, переписывался въ Императорской Публичной библіотекѣ подъ наблюденіемъ Аѳанасія Ѳедоровича, каковое порученіе было возложено на него совѣтомъ общества. Матеріалъ этотъ былъ затѣмъ переданъ редакторамъ бумагъ екатерининской комиссіи А. Н. Попову и Д. В. Полѣнову. Для 2-го тома сборника Аѳанасій Ѳедоровичъ сообщилъ копіи съ донесеній мальтійскаго резидента графа Литты, изъ Петербурга, за первые годы царствованія императора Павла I. Въ XI томѣ напечатаны подъ его наблюденіемъ указы и письма императора Петра I къ Матвѣю Петровичу Гагарину и другимъ лицамъ, извлеченные изъ архива правительствующаго сената. Кромѣ того, подъ его же наблюденіемъ напечатаны документы петровскаго времени, собранные Н. В. Калачевымъ и княземъ П. Д. Волконскимъ. Всего въ XI томѣ напечатано свыше 600 документовъ. Въ XXI томѣ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ напечаталъ «Отчетъ въ дѣлахъ 1810 года, представленный императору Александру I М. М. Сперанскимъ и содержащій въ себѣ четыре отдѣла: 1) по управленію государственною канцеляріей; 2) по управленію комиссіей законовъ; 3) по плану финансовъ, и 4) по дѣламъ Финляндіи. При содѣйствіи Аѳанасія Ѳедоровича были напечатаны въ 34 томѣ сборника донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ за 1681 — 1718 годы, изданіе которыхъ въ сборникѣ общества было постановлено въ общемъ собраніи 22-го марта 1871 года; документы эти были извлечены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, благодаря содѣйствію князя Орлова. Въ 1868 году, по порученію совѣта, Аѳанасій Ѳедоровичъ занимался разсмотрѣніемъ матеріаловъ о Пугачевскомъ бунтѣ въ предѣлахъ Пермской губерніи. Документы эти, извлеченные изъ архивовъ пермскаго губернскаго и кунгурскаго уѣзднаго, были поднесены его императорскому высочеству почетному члену общества великому князю Владиміру Александровичу и его высочествомъ переданы въ распоряженіе общества; они послужили дополненіемъ къ имѣвшимся въ обществѣ матеріаламъ, изъ собранныхъ Н. В. Калачевымъ, относящимся къ этому же событію русской исторіи и ранѣе переданнымъ Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову. Въ общемъ собраніи членовъ общества, бывшемъ 22-го марта 1871 года подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, графъ Д. А. Толстой доложилъ собранію о необходимости обнародованія документовъ, относящихся къ царствованію императрицы Екатерины II и хранящихся не только въ государственномъ архивѣ въ Петербургѣ, но и въ архивахъ другихъ вѣдомствъ какъ въ Петербургѣ, такъ и вообще въ Россіи. Предложеніе это было одобрено его величествомъ, и для подробной разработки столь важнаго вопроса была образована комиссія, въ составъ которой избраны К. Н. Бестужевъ

Рюминъ, А. А. Половцовъ, К. К. Злобинъ, А. Н. Поповъ, а также и А. Ѳ. Бычковъ. Въ общихъ годичныхъ собраніяхъ общества Аѳанасій Ѳедоровичъ нерѣдко дѣлалъ интересныя сообщенія. Такъ, 28-го марта 1873 года, онъ сообщилъ нѣсколько писемъ царевны Наталіи Алексѣевны къ Петру Великому и одно крайне любопытное письмо Петра къ князю Я. Ѳ. Долгорукову. 18-го февраля 1885 года, въ собраніи, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ государя императора, Аѳанасій Ѳедоровичъ сдѣлалъ сообщеніе о приготовительныхъ работахъ для изданія писемъ императора Петра I и прочиталъ нѣкоторыя доселѣ неизданныя его письма. Въ общемъ собраніи 23-го февраля 1887 года, состоявшемся также подъ предсѣдательствомъ государя императора, Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ была прочитана біографія С. М. Соловьева, бывшаго съ 22-го марта 1871 года членомъ общества и скончавшагося 4-го октября 1879 года. Очеркъ этотъ въ настоящее время послужитъ матеріаломъ для составленія обстоятельной біографіи С. М. Соловьева для издаваемаго обществомъ «Русскаго біографическаго словаря». Въ дѣлѣ изданія біографическаго словаря Аѳанасій Ѳедоровичъ не оставался безучастнымъ, и редакція «Словаря» обязана ему многими полезными указаніями и содѣйствіемъ, какъ директора Императорской Публичной библіотеки. Постоянный, неутомимый, безпристрастный, строго научный трудъ — такова была цѣль, неустанно преслѣдуемая Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Бычковымъ чрезъ всю его жизнь. Такими служителями научной правдѣ не изобилуетъ человѣчество даже и въ государствахъ наиболѣе богатыхъ культурой и надлежащими ея цѣнителями. Я счастливъ, что на мою долю выпала обязанность сегодня здѣсь произнести имя одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи. Затѣмъ члены общества прочитали: 1) Николай Ѳедоровичъ Дубровинъ — сообщеніе, подъ заглавіемъ: «Характеристика великаго князя Константина Павловича и отношенія его къ императорамъ Александру и Николаю Павловичамъ», — и 2) Николай Карловичъ Шильдеръ — составленную имъ статью «Императоръ Николай I и графъ Аракчеевъ въ 1827 году». Въ заключеніе состоялось избраніе: въ вице-предсѣдатели — К. П. Побѣдоносцева; въ члены совѣта общества — Н. К. Шильдера; въ члены ревизіонной комиссіи — А. Н. Куломзина, — и въ дѣйствительные члены общества: 1) члена совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ барона Ѳедора Романовича фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, 2) ординарнаго академика Императорской академіи наукъ Александра Николаевича Пыпина и 3) Павла Яковлевича Дашкова.

Русское археологическое общество. 4-го марта, подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія археологическаго общества. За отказомъ С. М. Середонина отъ должности секретаря отдѣленія избранъ В. В. Майковъ. А. А. Спицынымъ былъ прочитанъ рефератъ — «Обозрѣніе предметовъ съ выемчатой эмалью, найденныхъ въ Россіи». По его мнѣнію, техника эмали возникла въ Малой Азіи и Александріи и черезъ Византію распространилась на востокъ и западъ Европы. На Днѣпрѣ она была въ большомъ употребленіи, занесенная сюда аланами. Здѣсь попадаются нагрудныя цѣпи, конскіе уборы и прочее. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ сообщилъ объ изслѣдованной имъ очень интересной рукописи XVI вѣка сочиненія Ивана Пересвѣтова. Но этотъ любопытный памятникъ въ цѣломъ видѣ не со-

хранился. Онъ передаетъ разсказъ о царѣ Махметѣ-Салтанѣ, завоевавшемъ Константинополь и вводившемъ различныя реформы въ своемъ царствѣ. Изъ описанія этихъ реформъ видно, что авторъ подразумѣваетъ подъ Махметъ-Салтаномъ Іоанна Грознаго. По мнѣнію референта, сочиненіе Пересвѣтова написано было не ранѣе 1555 года и не позже 1565 года. Художникъ-археологъ Н. К. Рерихъ сообщилъ о раскопкахъ близъ станціи Вруды, произведенныхъ весною 1899 года членами и слушателями археологическаго института.

Московское археологическое общество. 29-го февраля, въ годичномъ засѣданіи археологическаго общества былъ прочитанъ отчетъ объ его дѣятельности за истекшій годъ секретаремъ общества В. К. Трутовскимъ. Послѣ того графиня П. С. Уварова доложила объ уничтоженіи храма св. Троицы, что на Задвиньѣ, въ Ригѣ. Въ 1896 году, во время занятій археологическаго съѣзда въ Ригѣ, къ графинѣ въ гостиницу явились нѣкоторые прихожане храма св. Троицы, расположеннаго за Двиной, прося защиты ихъ приходскому деревянному храму, упраздненному за послѣднее время и уже лишенному всей утвари, перенесенной въ новопостроенный каменный храмъ, возведенный приблизительно за версту отъ древняго. Тогда же храмъ на Задвиньѣ былъ осмотрѣнъ графиней и нѣкоторыми другими членами съѣзда, и тогда же выяснилось, что: 1) упраздненный Свято-Троицкій храмъ построенъ въ 1780 году на мѣстѣ, гдѣ существовалъ древнѣйшій православный храмъ въ Ригѣ; 2) что онъ деревянный, построенъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ и на каменномъ фундаментѣ; 3) что лѣсъ совершенно свѣжъ; 4) храмъ просторный, свѣтлый и высокій, хотя и не отличается какими либо особенными архитектурными особенностями; 5) что храмъ располагалъ въ былое время просторнымъ дворомъ, который оказался при осмотрѣ уже застроеннымъ корпусомъ машиностроительнаго завода Ланге, выдвинувшаго паровой двигатель такъ близко къ храму, что между нимъ и заводомъ оказалось только четыре сажени, когда по статьѣ 220-й устава строительнаго не только не дозволено строиться ближе пяти саженъ къ церкви, но даже разрѣшается церквамъ, имѣющимъ тѣсные погосты, отбирать у сосѣднихъ владѣльцевъ землю на общихъ правилахъ о вознагражденіи за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства. Тогда же выяснилось, что деревянный храмъ приговоренъ духовенствомъ къ уничтоженію, ибо заводу Ланге необходимо расширить свои постройки; платить настоящія деньги сосѣдямъ-обывателямъ, могущимъ продать свою усадьбу, онъ находитъ накладнымъ и потому вошелъ въ соглашеніе съ духовенствомъ, которое обѣщаетъ снести храмъ и продать ему землю. Тогда же приступлено было графиней къ переговорамъ съ епископомъ рижскимъ о желательности сохраненія храма, такъ какъ онъ расположенъ въ центрѣ православнаго прихода, и о возстановленіи въ немъ церковныхъ службъ, о чемъ ходатайствовали не только русскіе, но и латыши. Но тогда же выяснилось, что духовенство крѣпко держится своего рѣшенія уступить землю заводу. Императорскому московскому археологическому обществу удалось впослѣдствіи выхлопотать у рижской консисторіи книгу на сборъ пожертвованій въ пользу церкви, выданную на имя прихожанки Любови Васильевны Зенченко, составить комитетъ для завѣдыванія всѣмъ дѣломъ, въ который вошли почетный

гражданинъ Н. Д. Меркульевъ, секретарь городского управленія П. Г. Лабутинъ, подполковники Добронравовъ и Горяиновъ, епархіальный архитекторъ Бааръ и жена потомственнаго дворянина Л. В. Зенченко. Этимъ комитетомъ были собраны деньги, смѣта и планы представлены, и такимъ образомъ оставалось только приступить къ работѣ; но 30-го ноября истекшаго года поступаетъ вдругъ отъ Петерсона, управляющаго соляной мельницей Кашенъ, заявленіе къ мѣстному приставу о томъ, что «крыша церкви и башня ея (вѣроятно, колокольня) опасны для прохожихъ». 4-го декабря приставъ Цитовичъ составляетъ актъ осмотра, въ которомъ заявляетъ, что «въ виду огражденія легко возможнаго быть несчастнаго случая отъ обвала колокольни, необходимо, чтобы таковая была немедленно исправлена или снесена». 12-го же декабря полицеймейстеръ Гертисъ входитъ уже съ рапортомъ къ лифляндскому губернатору, въ которомъ, основываясь на рапортѣ пристава и показаніи мѣстнаго священника, говоритъ, что «разборка старой церкви необходима потому, что она легко можетъ внезапно разрушиться вслѣдствіе сильныхъ ударовъ парового молота въ мастерской Ланге, находящейся по сосѣдству церкви приблизительно въ 4-хъ саженяхъ». На основаніи, вѣроятно, этихъ данныхъ рижская консисторія получила уже 5-го февраля указъ святѣйшаго синода о разборкѣ церкви, а 11-го февраля приступлено было къ ея сломкѣ, при чемъ «Рижскій Вѣстникъ» описываетъ совершенное по этому случаю при массѣ народа, бывшихъ прихожанъ церкви, молебствіе, послѣ котораго «были сняты еще оставшіяся въ храмѣ иконы и разобранъ св. престолъ, на которомъ оказалась надпись объ освященіи его въ 1781 году, 14-го августа. Все дерево престола было сожжено. Затѣмъ были спущены съ главъ кресты и разобранъ алтарь, который будетъ весь отданъ какой либо вновь построенной церкви, равно какъ и кресты. Къ ломкѣ стѣнъ будетъ приступлено также немедленно. Церковную землю предполагается продать, и вырученныя деньги употребить на нужды прихода. Лѣсной матеріалъ, кромѣ иконостаса, будетъ употребленъ на церковное отопленіе или на печеніе просфоръ, согласно церковнымъ обычаямъ; а на мѣстѣ св. алтаря причтъ озаботится построить часовню». Церковь разнесена въ три дня, и дѣло велось такъ спѣшно, что не давали себѣ труда разбирать ее, а перепилили въ углахъ брусья, которые послѣ того рушили. Послѣ разборки матеріалъ былъ спѣшно убранъ. Сообщая этотъ фактъ, референтъ констатируетъ проявленіе въ немъ отношенія къ памятникакъ родной старины на этотъ разъ въ Прибалтійскомъ краѣ... Затѣмъ В. Н. Щепкинъ представилъ старинные бронзовые солнечные часы, найденные въ землѣ во Владимірской губерніи и относящіеся, повидимому, къ концу XVII вѣка. Они представляютъ сходство съ деревянными подобными же часами, употребляемыми еще и теперь мѣстами во Владимірской губерніи пастухами. Сдѣланы они на 17 часовъ, т.-е. на самый длинный день, приходящійся на 56-й параллели, на широтѣ Владиміра, Твери, Нижняго и т. д. Д. Н. Самоквасовъ выступилъ съ сообщеніемъ «о славянскомъ элементѣ въ языкѣ древнихъ скиѳовъ», повторяя уже не разъ высказанное имъ мнѣніе, что скиѳо-сарматы были славяне, и что въ ихъ странѣ, въ Южной Россіи, надо искать прародины славянъ, особенно русскихъ. Утверждая, что славянство скиѳовъ принималось издавна нашими

предками, и что только со временъ Байера, въ прошломъ вѣкѣ отождествлявшаго скиѳовъ съ хазарами и доказывавшаго, что послѣдніе говорили турецкимъ языкомъ, получила начало теорія о не-славянствѣ скиѳовъ, референтъ подвергъ разсмотрѣнію доводы Байера, основывшагося на разборѣ названій рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, какъ онѣ записаны Константиномъ Порфиророднымъ, и старался доказать, что въ нихъ, въ противность Байеру, нѣтъ ничего турецкаго, и что названія эти могутъ быть съ одинаковымъ правомъ объясняемы и изъ славянскаго языка. Методъ, приложенный референтомъ, вызвалъ однако возраженія со стороны филологовъ, профессоровъ В. Ѳ. Миллера и Р. Ѳ. Брандта. В. Е. Щепкина и другихъ, которые выразили даже предположеніе, что референтъ хотѣлъ только вышутить Байера, приводя еще болѣе невозможныя филологическія толкованія. Только Д. И. Иловайскій, самъ защищающій славянство скиѳовъ, выступилъ защитникомъ взглядовъ и методовъ г. Самоквасова. Въ заключеніе были произведены выборы должностныхъ лицъ общества. Предсѣдателемъ и товарищемъ предсѣдателя были выбраны par acclamation прежде состоявшіе въ этихъ званіяхъ графиня П. С. Уварова и Д. Н. Анучинъ; предсѣдателемъ восточной комиссіи, товарищемъ его и секретаремъ — также занимавшіе уже ранѣе эти должности В. Ѳ. Миллеръ, М. В. Никольскій и С. С. Слуцкій; предсѣдателемъ славянской комиссіи избранъ М. И. Соколовъ, товарищемъ его — С. О. Долговъ, секретаремъ попрежнему остался В. А. Погорѣловъ; обязанности библіотекаря общества по просьбѣ присутствовавшихъ согласился принять на себя В. Н. Щепкинъ. Далѣе были избраны баллотировкой въ члены-корреспонденты общества: епископъ Митрчянъ, А. И. Грузинскій, В. А. Погорѣловъ, и польскіе ученые: гг. Копера, Змигродкій и Стржиховскій.

Археографическая комиссія. 13-го марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ профессора А. И. Кирпичникова, засѣданіе археографической комиссіи Московскаго археологическаго общества, въ которомъ, между прочимъ, Г. Г. Лукьяновъ прочелъ интересный докладъ: «Иноземный инструкторъ въ русскомъ войскѣ половины XVII вѣка». Сообщеніе это касалось возникшаго въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія дѣла, документы котораго хранятся въ архивѣ министерства юстиціи, о жестокомъ обращеніи полковника Франца Ѳедоровича Ульфа, какъ со своими солдатами, такъ и съ посторонними людьми. Опредѣлить съ достовѣрностью національность этого иноземца затруднительно, хотя онъ и называется всюду нѣмчиномъ, однако, извѣстно, что по терминологіи тогдашней Руси слово нѣмецъ было синонимомъ слова иностранецъ и прилагалось къ любому чужеземцу-христіанину иного съ нами вѣроисповѣданія. Въ началѣ 7173 (1665 г.) въ городъ Бѣлгородъ явились рейтары полка Ульфа и подали князю Б. А. Репнину отъ имени всего полка челобитную на своего полковника Ф. Ѳ. Ульфа, обвиняя его въ жестокомъ съ ними обращеніи и корыстолюбіи. Результатомъ жалобы былъ приказъ расписать этихъ рейтаровъ по другимъ полкамъ, а въ полкъ Ульфа набрать новыхъ рейтаровъ. Но жестокости не прекращались. Во второмъ челобитьи рейтары жаловались, что Ульфъ «увѣчитъ ихъ смертнымъ боемъ напрасно на всякомъ смотру, человѣкъ по 20 и больше, батоги, снявъ рубаху, вмѣсто кнута до полусмерти невѣдомо

за что», и беретъ большіе посулы. Но этимъ не закончились подвиги иноземнаго культуртрегера. Въ 1668 году бѣлгородецъ Бѣляевъ билъ челомъ воеводѣ окольничему князю Юр. Никитичу Барятинскому, что на съѣзжемъ дворѣ, въ Ахтыркѣ, полковникъ Ульфъ избилъ и прокололъ шпагой его и брата Никифора, а также товарищей: Некрасова, Мишнева и Васина. Оказалось по осмотру черезъ посланнаго Барятинскимъ полуполковника Зуева, что всѣ означенныя лица сильно избиты, а Некрасовъ «прокололъ шпагой въ горло», и, кромѣ того, «пограблены» вещами и деньгами. Черезъ 5 дней Некрасовъ отъ полученныхъ имъ ранъ умеръ. Въ дѣлѣ этомъ имѣется цѣлый списокъ мѣстныхъ жителей, оказавшихся по произведенному слѣдствію избитыми и ограбленными полковникомъ Ульфомъ. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній о томъ, во что обошлись такія злодѣйства иноземному инструктору. По всему вѣроятію, они сходили въ то время съ рукъ иноземнымъ инструкторамъ, такъ какъ армія, начавшаяся только что формироваться по западно-европейскому образцу, сильно нуждалась въ опытныхъ людяхъ.

Русское библіографическое общество. Въ происходившемъ 21-го марта засѣданіи русскаго библіографическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ, было рѣшено обратиться во всѣ четыре факультета университета съ увѣдомленіемъ объ открытіи общества и приглашеніемъ профессоровъ и преподавателей вступить въ члены общества. Затѣмъ было постановлено считать всѣхъ членовъ бывшаго библіографическаго кружка членами русскаго библіографическаго общества.

Общество любителей древней письменности. 10-го марта состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе о «Владыкѣ Михаилѣ, упомянутомъ въ записи псалтири 1397 года», было сдѣлано В. В. Майковымъ. По предположенію докладчика, этотъ владыка Михаилъ—епископъ смоленскій, который, возвращаясь изъ Константинополя въ свитѣ митрополита Кипріана, провелъ осень 1389 г. въ Кіевѣ и имѣлъ возможность познакомиться съ списателемъ псалтири 1397 г. протодіакономъ Спиридоніемъ и заказать ему списокъ псалтири. Второе сообщеніе—«Кіево-Печерскій патерикъ въ редакціи Іосифа Тризны» сдѣлалъ Д. И. Абрамовичъ. Подробно разсмотрѣвъ составъ печерскаго патерика въ этой редакціи и опредѣливъ ея отношеніе къ другимъ болѣе раннимъ редакціямъ, референтъ пришелъ къ заключенію, что редакція Іосифа Тризны, имѣя въ своей основѣ списокъ Кассіановской второй редакціи, проливаетъ много свѣта на печатное славянское изданіе патерика (1661 г.), зависимость котораго отъ польскаго изданія Сильвестра Коссова (1635 г.) неосновательно преувеличиваютъ. Секретаремъ было прочитано присланное Е. К. Рѣдинымъ сообщеніе о «Миніатюрахъ толковой лицевой Палеи въ спискѣ XVI вѣка», собранія графа А. С. Уварова. Въ члены-корреспонденты избранъ Г. З. Кунцевичъ.

Ярославская губернская ученая архивная комиссія въ засѣданіи 17-го марта обсуждала программу предполагаемаго 1-го историко-археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ; программа была разсмотрѣна въ предварительномъ собраніи членовъ комиссіи совмѣстно съ делегатами владимірской и нижегородской архивныхъ комиссій. Первоначально выработанная программа подверглась

нѣкоторымъ частичнымъ измѣненіямъ; кромѣ того, въ нее введенъ новый отдѣлъ «архивовѣдѣніе»; въ окончательномъ видѣ она будетъ отпечатана и послана для отзыва въ столичныя ученыя общества. Съѣздъ предполагается созвать въ первой половинѣ августа 1901 года. Въ томъ же засѣданіи въ почетные члены архивной комиссіи избранъ профессоръ Д. Н. Анучинъ, 25-тилѣтіе ученой дѣятельности котораго совершится въ концѣ этого мѣсяца; комиссія постановила послать въ день юбилея своему почетному члену привѣтственную телеграмму.

Общество любителей россійской словесности. 24-го марта М. А. Веневитиновъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Отзывы нѣмецкой печати о Пушкинѣ», собранные имъ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ журналовъ и газетъ. Изъ доклада выяснилось, что въ отзывахъ нѣмецкой печати дается болѣе или менѣе правильная оцѣнка произведеній русскаго поэта, но зато имѣется масса непростительныхъ погрѣшностей относительно біографіи Пушкина.

Русское географическое общество I. 28-го марта состоялось подъ предсѣдательствомъ И. В. Мушкетова засѣданіе отдѣленія географіи физической и математической. Художникомъ И. А. Борисовымъ было сдѣлано сообщеніе о поѣздкѣ его на Новую Землю; цѣль поѣздки была чисто-художественная. Но передъ тѣмъ, чтобы ѣхать на Новую Землю, г. Борисовъ, какъ выражается онъ, рѣшилъ себя испытать, способенъ ли онъ вынести подобное путешествіе, для чего и совершилъ въ 1897 г. поѣздку къ Югорскому Шару и острову Вайгачу. Изъ поѣздки этой вывезъ много интересныхъ свѣдѣній о религіозныхъ обрядахъ самоѣдовъ, посѣтилъ ихъ главное священное мѣсто, собралъ тамъ большую колекцію идоловъ и пришелъ къ заключенію, что у самоѣдовъ существуютъ до сихъ поръ человѣческія жертвоприношенія; кромѣ того, онъ сдѣлалъ нѣсколько географическихъ замѣчаній; такъ, по его мнѣнію, Вороновъ носъ, нанесенный на карту Джаксона и помѣченный высотою въ 300 ф., совершенно низменъ и смѣшанъ, вѣроятно, съ Вороновымъ островомъ. Въ 1899 г. лѣтомъ онъ отправился на Новую Землю, куда отвезъ складной домъ, въ которомъ думалъ прозимовать слѣдующую зиму; здѣсь онъ вдвоемъ съ однимъ самоѣдомъ изслѣдовалъ мѣстность до Моржоваго носа, посѣтилъ большой глетчеръ, не нанесенный на карту и не имѣвшій названія, и взобрался на гору Вильчика, гдѣ нашелъ искусственный курганъ и дубовый ящичекъ, въ которомъ оказались два термометра, при чемъ максимальный показывалъ + 12 град., а минимальный—52; къ несчастью, при доставкѣ въ Петербургъ одинъ изъ нихъ разбился, а другой оказался испорченнымъ. Теперь г. Борисовъ отправляется вновь на Новую Землю на $1^1/_2$ г., при чемъ предлагаетъ свои услуги для нѣкоторыхъ наблюденій географическому обществу, прося снабдить его необходимыми инструментами; отдѣленіе постановило ходатайствовать о снабженіи г. Борисова таковыми передъ совѣтомъ и Николаевской обсерваторіей. Затѣмъ Ѳ. А. Богдановымъ была демонстрирована новая рельефная карта Кавказа. Въ настоящее время рельефныя карты очень дороги, ибо производятся только ручнымъ способомъ, а между тѣмъ онѣ крайне полезны и незамѣнимы въ учебномъ мірѣ. Ѳ. А. Богдановъ изобрѣлъ особый способъ для печатанія рельефныхъ картъ, при чемъ его карта Кавказа, несмотря на всѣ неудобства, устранимыя въ будущемъ, вмѣсто сотенъ рублей обошлась менѣе 50 руб. Э. Э. Анертомъ былъ сдѣланъ докладъ

о путешествіи его черезъ Корею и Пэй-Шанъ въ Манчжурію. Э. Э. Анертъ провелъ въ Средней Манчжуріи около 3 лѣтъ; данное сообщеніе касалось пути отъ Ново-Кіевскаго къ устью рѣки Туманъ-Ганъ, затѣмъ поперекъ сѣверной Кореи черезъ Пэй-Шанъ въ долину рѣки Сунгари. Сначала мѣстность не представляетъ большихъ высотъ, перевалы не превышаютъ 170 метровъ; почва состоитъ изъ гранита, порфира, утеноса и по берегамъ Туманъ-Гана—каменнаго угля; сама рѣка крайне порожиста, при чемъ является какъ бы границею между Кореей и Китаемъ. Постепенно мѣстность возвышается, и перевалы доходятъ до 1.400 метровъ. Пей-Шанъ достигаетъ 2.600 метровъ, названіе этой горы означаетъ «Бѣлая гора», ибо вершина ея вѣчно въ снѣгу; восхожденіе на нее, благодаря пологости склоновъ, довольно легкое; Пей-Шанъ—потухшій вулканъ, на одномъ изъ его плато лежитъ озеро длиной около 3 верстъ, изъ котораго, по мнѣнію многихъ, вытекаетъ рѣка Сунгари, но докладчикъ это отрицаетъ. За Пей-Шаномъ идетъ мѣстность Манчжуріи, покрытая золотопромышленными центрами, населенная отдѣльными охотниками-помѣщиками, управляемыми старшинами, живущими общиной, но не занимающимися лично ни воздѣлываніемъ земли, ни добычей золота, а отдающими свою землю въ аренду отдѣльнымъ предпринимателямъ. II. 29-го марта состоялось общее собраніе общества подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова. Баронъ Э. В. Толь сдѣлалъ сообщеніе о цѣляхъ отправляющейся подъ его начальствомъ русской полярной экспедиціи. Въ краткихъ чертахъ коснувшись исторіи путешествій и открытій на сѣверѣ въ прошломъ столѣтіи, указавши на болѣе позднія экспедиціи Врангеля, опредѣлившаго землю на сѣверъ отъ Котельнаго острова, Анжу, отрицавшаго существованіе далѣе земли на сѣверѣ, которая была однако открыта капитаномъ «Жанетты», и на экспедиціи самыя позднѣйшія Нансена и Фрама, изъ которыхъ первому, дошедшему до 86,14′ сѣверной широты, не удалось найти земли, а второй былъ затертъ льдами на 85,57′, баронъ Толь высказалъ нѣкоторую увѣренность существованія этой земли, увѣренность, вынесенную послѣ участія его въ сѣверной экспедиціи 1881 г., снаряженной императорской академіей наукъ. Настоящая экспедиція предполагаетъ пройти между путями «Фрама» и «Жанетты»; планъ ея, выработанный барономъ Толемъ, принятъ и одобренъ особой комиссіей при императорской академіи наукъ, при чемъ ассигновано 60 тысячъ рублей на судно и 180 тысячъ рублей на снаряженіе экспедиціи. Судно по типу своему не должно походить ни на «Фрама», ни на «Ермака», ибо, несмотря, напримѣръ, на достоинства послѣдняго, жертвовать имъ, что, можетъ быть, придется сдѣлать, слишкомъ убыточно, да и невозможно будетъ вести команду болѣе чѣмъ въ 100 человѣкъ; судно скорѣе всего должно подходить къ типу большого китобойнаго судна «Вега». Такое судно уже пріобрѣтено въ Христіаніи, построено оно изъ сосны и дуба въ 1873 году, теперь ремонтировано заново и наименовано «Заря». Осадка «Зари» 17 фут., длина палубы 144 фута, водоизмѣщеніе 423 тонны, скорость 6 узловъ, заплочено за нее 70 тысячъ кронъ (35 тысячъ р.). Экипажъ будетъ состоять изъ командира судна лейтенанта Каломейцева, еще двухъ офицеровъ, зоолога, доктора, начальника вспомогательной санной экспедиціи; 9 человѣкъ команды матросовъ императорскаго флота, идущихъ добровольно, 3 наемныхъ матросовъ-поморовъ и

якутскаго урядника. Кромѣ каютъ-компаніи, на «Зарѣ» устроены 7 отдѣльныхъ каютъ и свѣтлая, теплая лабораторія. Запасъ провіанта и корма для собакъ будетъ сдѣланъ на 3½ года, въ каковой срокъ экспедиція думаетъ совершить свое путешествіе. Къ началу мая «Заря» будетъ въ Петербургѣ. Въ срединѣ лѣта она будетъ ждать удобнаго момента для выхода въ Карское море, въ которое если удастся войти ранѣе сентября, то въ первый же годъ можно добраться до Таймурскихъ островов, гдѣ и зимовать и во время зимовки совершать санныя экскурсіи въ стороны, на слѣдующій годъ двинуться далѣе и постараться пройти мѣсяцемъ ранѣе мѣста, гдѣ затертъ былъ льдами «Фрамъ»; обратный путь предполагается черезъ Беринговъ проливъ. Задачи экспедиціи, конечно, не исключительно географичеѐкія, то-есть открытія какой либо маленькой земли, а стремленіе къ разрѣшенію многихъ важныхъ, серіозныхъ научныхъ вопросовъ. Будутъ производиться магнитныя и метеорологическія наблюденія въ связи съ наблюденіями качанія маятника; изслѣдованія зоологическія, могущія вести къ практическимъ послѣдствіямъ для рыболовства; послѣднія изслѣдованія не могли были быть произведены Нансеномъ, ибо у него не было зоологическихъ инструментовъ для разныхъ глубинъ. Наконецъ можно ожидать многаго отъ изслѣдованій геологическихъ; можетъ быть, удастся найти ископаемые остатки субтропической флоры и соотвѣтственной ей фауны. На Новой Сибири существуютъ уже остатки ледниковъ ископаемаго періода и найдены слѣды оленей, антилопъ, носороговъ и даже тигровъ. Сообщеніе барона Толя было встрѣчено долгими аплодисментами и сопровождалось искренними пожеланіями всего собранія полнаго успѣха серіозной, научной, трудной и опасной экспедиціи.

Донской историческій музей. Особенность Донского музея, открытаго четыре мѣсяца тому назадъ въ Новочеркасскѣ, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ обязанъ своимъ существованіемъ не сильнымъ покровителямъ наукъ и искусствъ, а маленькому человѣку, коренному донскому казаку, страстному любителю донской старины: Харитону Ивановичу Попову [1]). Ему же начальникъ края поручилъ какъ храненіе новооткрытаго музея, такъ и продолженіе собиранія онаго. Первая мысль объ устройствѣ мѣстнаго музея на Дону возникла слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ въ средѣ донскаго статистическаго комитета. Вступившій въ то время въ должность секретаря комитета—учитель русской словесности Новочеркасской гимназіи А. М. Савельевъ внесъ въ дѣтельность этого учрежденія небывалое до того оживленіе. Кромѣ основной дѣятельности по статистикѣ, онъ внесъ въ кругъ обязанностей комитета собираніе историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ матеріаловъ. Тогда, именно въ 1864 году, случайно была открыта на окраинѣ гор. Новочеркасска, въ курганѣ, при устройстрѣ водопровода, археологичсекая находка скиѳскаго періода, поступившая въ императорское археологическое общество. Въ послѣдующихъ годахъ открывались также случайно археологическія находки въ разныхъ мѣстахъ земли войска Донского: однѣ изъ нихъ поступали въ столичныя

---

[1]) Служившему ранѣе помощникомъ управляющаго канцеляріей, а въ послѣднее время—совѣтникомъ областного правленія.

хранилища древностей, а другія пропадали безслѣдно. Вопросъ о музеѣ былъ поднятъ въ 1882 году; группа сторонниковъ его задумала организацію общества любителей донской старины, а въ 1884 году, вмѣсто названнаго общества, было предложено учредить мѣстную архивную комиссію. Но такъ какъ для возникновенія архивной коммиссіи требовались денежныя средства, которыхъ не было налицо, то остались неосуществленными ни общество, ни комиссія. Несмотря на всѣ эти неудачи, собиратель музея продолжалъ рѣшать свою задачу: собраны были имъ дѣла прошлаго столѣтія главнаго тогда города Черкасска [1]); разысканы по всѣмъ станицамъ рукописи и акты старыхъ временъ; открыты жалованные кубки и сабли казачьимъ старшинамъ Екатерининскихъ временъ, уцѣлѣвшіе въ старыхъ казачьихъ семьяхъ, и пріобрѣтены для будущаго музея; собраны цѣнныя археологическія рѣдкости, между которыми были массивные браслеты изъ чистаго золота, монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя давно прошедшихъ временъ, а также оружіе, панцыри, наконечники стрѣлъ и проч. Въ настоящее время музей имѣетъ въ своемъ составѣ самыя разнообразныя и цѣнныя, по историческому значенію, коллекціи. Въ числѣ древностей находятся предметы каменнаго, бронзоваго и другихъ позднѣйшихъ періодовъ (молоты, топоры, копья, наконечники стрѣлъ, скиѳскія вазы, греческія амфоры и проч.). Въ числѣ древнихъ монетъ есть греческія III и II вѣка до Р. Х., византійскія до XII вѣка включительно, римскія I вѣка до Р. Х. и I—II вѣка по Р. Х., болгарскія до IV вѣка включительно и восточныя (арабскія, персидскія, татарскія) VIII—XIV вѣка. Есть плиты и камни съ греческими, латинскими (изъ Танаиды и Таны) и арабскими надписями I—XIV вѣковъ. Интересную коллекцію представляютъ христіанскіе памятники IX—XII вѣка изъ Цымлянскихъ городищъ (вѣроятно, хазарскаго Саркела или Бѣлой Вежи русскихъ лѣтописей). Всѣ эти древности принадлежатъ Донскому краю. Въ залѣ донской старины, сравнительно еще небогатомъ коллекціями, находятся предметы, заслуживающіе вниманія: старинные портреты, жалованные царскіе ковши, разнообразное оружіе, масса кольчугъ и проч.; есть желѣзныя кованныя пушки, заряжавшіяся съ казенной части, каменныя ядра и проч. Въ историческомъ архивѣ собраны акты Черкасскаго, Хоперскаго, многихъ станичныхъ и нѣкоторыхъ фамильныхъ старинныхъ архивовъ конца XVII и всего XVIII столѣтій; есть тамъ рукописи и дневники, вообще представляющіе большой интересъ для всесторонняго изученія края и въ особенности бытовой стороны его жизни. Въ отдѣлѣ горнаго музея многочисленныя коллекціи каменныхъ угля, кокса, рудъ, окаменѣлостей, геологическихъ отпечатковъ растеній и проч. Въ смежномъ съ нимъ залѣ собраны комиссіей по устройству Донского музея разнообразные остатки доисторическихъ животныхъ: мамонта, носорога, оленя, быковъ разныхъ видовъ и проч. Здѣсь же временно отведено мѣсто и для такъ называемыхъ каменныхъ бабъ, которыми изобильна южная часть Донской области. Земля Донская обильна историческими памятниками, оставленными проходившими черезъ нее, съ востока назападъ, и обитавшими здѣсь ранѣе многочисленными народами. Но эти памятники еще мало

[1]) Нынѣ, съ 1804 г., станица Старочеркасская.

изслѣдованы научно. Только впослѣдствіи они дадутъ богатый матеріалъ къ болѣе основательному выясненію минувшихъ судебъ края. На Дону городища древнихъ, курганы, пепелища казачьихъ городковъ (станицъ) и родовитые казачьи дома (курени) скрываютъ въ себѣ непочатыя сокровища древности и археологіи.

Домикъ Петра Великаго въ Копыси. Въ № 21 «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщено описаніе такъ называемаго безъ всякихъ, впрочемъ, несомнѣнныхъ основаній домика Петра Великаго въ Копыси. Онъ находится у паперти Преображенской копысской церкви, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ черты улицы. Мѣстность эта находится въ центрѣ города, близъ Днѣпра и невдалекѣ отъ древняго городища, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ вала. Копысь, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ нашей губерніи и упоминается въ лѣтописяхъ уже въ 1059 году. Петръ I могъ быть въ Копыси въ 1706 году, когда онъ проѣзжалъ чрезъ Оршу въ февралѣ и чрезъ Могилевъ 22-го іюня, и несомнѣнно былъ въ 1708 году, какъ о томъ прямо говоритъ могилевская лѣтопись Трубницкаго: «W tym roku 1708 mca januarya dnia 10 Car Jmść Piotr Aleksiejewicz był w Kopysiu, gdyż tam wielkie mockiewskie wojsko kupiło się do gromady i tam stało pod Kopysiem w okopach. A to dla odporu przeciwko szweda, ciągnącego na Ruś» (л. 52). Петровскій домикъ копысскимъ населеніемъ и пріурочивается именно ко времени пребыванія Петра I въ Копыси, какъ царская квартира. Но какихъ нибудь документальныхъ данныхъ на это не имѣется. По сообщеніямъ мѣстныхъ старожиловъ, домикъ обветшалъ очень давно, и ужъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ былъ необитаемъ. Съ теченіемъ времени онъ лишился дверей и оконъ и превратился въ сарай. Обратили на него вниманіе только въ концѣ 70-хъ годовъ, когда собирались матеріалы для описанія Могилевской губерніи, задуманнаго А. С. Дембовецкимъ. Къ сожалѣнію, вниманіе это принесло памятнику только вредъ. Неосновательно принявъ вырѣзанную на одной изъ балокъ надпись за произведеніе Петра I, нѣкоторыя изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ трудѣ г. Дембовецкаго, подали мысль о доставленіи балки въ Могилевъ, въ губернскій музей. Балка была вынута и съ іюля 1881 года водворена въ музей. Этотъ примѣръ разоренія памятника,—поданный сверху,—въ глазахъ невѣжественнаго населенія, былъ достаточнымъ поводомъ для окончательнаго его разрушенія, и когда о домикѣ вспомнили опять въ 90-хъ годахъ, отъ него оставались только развалившіяся стѣны. Тогда началась реставрація домика. Балку изъ музея возвратили въ Копысь; развалившіяся стѣны опять были сложены, хотя не совсѣмъ правильно, и многія бревна протянулись чрезъ оконныя и дверныя отверстія. Найденъ и полъ, но, повидимому, отъ другого дома, такъ какъ носитъ слѣды недавней покраски. Дверныхъ и оконныхъ косяковъ нѣтъ, потолка и крыши такъ же; но три потолочныя балки уцѣлѣли и лежатъ поверхъ стѣнъ, въ томъ числѣ и бывшая въ могилевскомъ музеѣ. Надъ этими реликвіями устроенъ павильонъ, крыша котораго достаточно защищаетъ ихъ отъ дождя. Зимою для защиты отъ боковыхъ метелей павильонъ завѣшивается со всѣхъ сторонъ парусиною. Благодаря этимъ мѣрамъ, дальнѣйшее разрушеніе памятника задержано, и остается только жалѣть, что онѣ

не были приняты если не 60—50 лѣтъ тому назадъ, когда домикъ былъ еще цѣлъ, то хотя бы 30—20 лѣтъ назадъ, когда онъ не находился еще въ развалинахъ. Насколько можно теперь судить, домикъ представлялъ лишь одну половину жилища, состоявшаго изъ двухъ избъ. Размѣры его очень невелики: длина 8½ арш., ширина 7½ ар., вышина 3 ар. Петру Великому, слѣдовательно, приходилось подъ балками сгибаться. Дверей въ домикѣ было двѣ: однѣ—изъ сѣней, съ сѣвера, другія со двора, съ запада. Оконъ трое: къ югу, къ улицѣ, двойное, родъ венеціанскаго, и два одиночныя къ востоку, къ церкви. Балки положены по длинѣ, съ сѣвера на югъ. Какъ балки, такъ и стѣны были тщательно отесаны. Печь очевидно находилась въ сѣверо-западномъ углѣ, между дверями, но отъ нея никакихъ слѣдовъ не осталось. На средней балкѣ, на лѣвой боковой сторонѣ, находится надпись, искусно вырѣзанная вглубь. Въ началѣ и въ концѣ надписи вырѣзаны заставки въ видѣ шестилепестныхъ розетокъ, вписанныхъ въ кругѣ. Надпись въ одну строку:

Благослови Гди домъ сей и жывущихъ въ немъ.

Вверху надписи, надъ словами «Гди домъ» вырѣзанъ четырехконечный крестъ съ расширяющимися концами (въ родѣ георгіевскаго). Затѣмъ, послѣ второй заставки вырѣзана цифра 1696, а за ней, менѣе глубоко, вѣроятно, позднѣе и другимъ лицомъ, очень неразборчиво вырѣзаны въ двѣ строки слова:

М...са 7в...
дня 3.

Само собой разумѣется, что надпись эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписана Петру I. Если даже признать несомнѣннымъ фактъ пребыванія его въ Копыси, гдѣ воздвигались укрѣпленія для предполагавшейся встрѣчи съ Карломъ XII и устраивались склады провіанта, то все же Петръ I могъ быть въ Копыси не ранѣе 1706 года, да трудно и допустить, чтобы въ такое время, когда ожидалось наступленіе шведовъ на Москву, онъ занимался вырѣзываніемъ надписей въ чужомъ домѣ чужой страны, и при томъ надписей «заднимъ числомъ», и не о пребываніи своемъ въ Копыси, а о времени постройки дома. Надпись просто вырѣзана хозяиномъ дома, можетъ быть, священникомъ, при его постройкѣ, какъ это вообще въ Копыси было принято, судя по сохраняющимся доселѣ надписямъ и въ другихъ домахъ.

НЕКРОЛОГИ.

Аболенскій, В. В. 26 марта отъ кровоизліянія въ мозгъ скончался извѣстный въ медицинскомъ мірѣ дѣятель докторъ медицины, ст. сов., В.В. Аболенскій. Покойный, сынъ священника, родился въ 1852 году, первоначальное образованіе получилъ въ тульской семинаріи, а затѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ въ 1877 году окончилъ курсъ военно-медицинской академіи. Въ томъ же году молодой докторъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій русско-турецкой кампаніи, гдѣ ему много и самоотверженно пришлось побороться въ перекидныхъ лазаретахъ со свирѣпствовавшимъ среди войска тифомъ. По окончаніи войны, В. В. опредѣлился въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ на него были возложены сложныя работы дѣлопроизводства по судебно-медицинской части. Эту должность онъ занималъ до послѣднихъ дней своей жизни. Главная заслуга В. В. состоитъ въ его обширныхъ и всесторонних трудахъ по наукѣ и изслѣдованію зубоврачеванія. 15 лѣтъ тому назадъ онъ былъ приглашенъ редактировать «Зубоврачебный Вѣстникъ» и, взявшись за это дѣло, онъ отдался ему весь. За эти пятнадцать лѣтъ В. В. обогатилъ русскую медицину очень многими переводами спеціальныхъ изслѣдованій и самостоятельными сочиненіями. Большая часть матеріала, печатавшагося въ редактированномъ имъ журналѣ, принадлежала его перу. Среди сослуживцевъ по медицинскому департаменту и среди сотрудниковъ по журналу «Зубоврачебный Вѣстникъ» В. В. оставилъ по себѣ неизгладимую память сердечности и задушевности. (Некрологъ его: «Россія», 1900, № 332).

† **В. В. Болотовъ.** 5 апрѣля скончался ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ общей церковной исторіи Василій Ва-

сильевичъ Болотовъ. Покойный — сынъ священника, родился въ 1854 году, образованіе получилъ въ тверской духовной семинаріи и въ С.-Петербургской духовной академіи. Въ послѣдней онъ кончилъ курсъ кандидатомъ богословія съ правомъ на полученіе степени магистра безъ устнаго испытанія. Въ 1879 году В. В. защитилъ диссертацію «Ученіе Оригена о Св. Троицѣ», представленную имъ для полученія степени магистра, и вскорѣ былъ приглашенъ доцентомъ въ С.-Петербургскую духовную академію для чтенія древней церковной исторіи. Черезъ пять лѣтъ онъ занялъ каѳедру общей церковной исторіи и въ 1896 году, получивъ степень доктора церковной исторіи, былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ цѣнныхъ работъ преимущественно по древней церковной исторіи. Изъ нихъ назовемъ: «Къ исторіи внѣшняго состоянія константинопольской церкви подъ игомъ турецкимъ», «Изъ церковной исторіи Египта; церковно-историческіе очерки и наброски», «Описаніе двухъ эѳіопскихъ рукописей, пожертвованныхъ въ библіотеку С.-Петербургской духовной академіи Анатоліемъ, епископомъ острожскимъ» и др. Въ послѣднее время (въ мартѣ прошлаго года) онъ принялъ дѣятельное участіе въ присоединеніи къ православной церкви сиро-халдейской депутаціи во главѣ съ епископомъ супраганскимъ. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, №№ 8663 и 8666; «Сѣв. Кур.» 1900, № 155; «Новости» 1900, № 97; «Россія» 1900, № 342).

† **Н. А. Гаккель.** 31 марта скончался, на 79 году, академикъ архитектуры ст. сов. Николай Августовичъ Гаккель, состоявшій въ послѣдніе годы въ техническомъ отдѣленіи с.-петербургской городской управы архитекторомъ по освидѣтельствованію торгово-промышленныхъ заведеній. Покойный родился въ Петербургѣ, въ 1831 г., воспитывался въ ларинской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ архитектурные классы императорской академіи художествъ, гдѣ, въ 1840 году, академическимъ совѣтомъ былъ удостоенъ званія неклассимаго художника, послѣ чего вскорѣ опредѣлился въ С.-Петербургскую портовую таможню на должность архитектора. Затѣмъ Н. А. былъ переведенъ въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, по порученію котораго неоднократно былъ командированъ для построекъ зданій въ различные портовые города: Либаву, Ревель, Севастополь и друг. Среди сослуживцевъ по техническому отдѣленію Н. А. оставилъ по себѣ память добросовѣстнаго и корректнаго товарища и симпатичнаго человѣка. (Некрологъ его: «Россія» 1900, № 337).

Ф. Гезеліусъ. Въ 20 числахъ марта скончался на 53 году жизни докторъ Францъ Гезеліусъ, основатель газеты «St.-Petersburger Herold» и ея бывшій редакторъ. Обстоятельства покойнаго въ концѣ его жизни сложились для него крайне неблагопріятно, и ему, уже надломленному болѣзнію, пришлось вынести немало ударовъ судьбы, атрофировавшихъ его, безъ сомнѣнія, плодотворную энергію на тѣхъ двухъ поприщахъ дѣятельности, которыя онъ для себя избралъ. Покойный Гезеліусъ получилъ высшее медицинское образованіе и въ области медицины много и плодотворно работалъ въ особенности по вопросу о трансфузіи крови. Что же касается дѣятельности покойнаго, какъ газетнаго работника, то газета «Herold» во всѣхъ своихъ главныхъ частяхъ является его созданіемъ, и успѣхъ этого органа среди нашей нѣмецкой колоніи достаточно свидѣтель-

ствуетъ о томъ, какимъ хорошимъ руководителемъ былъ для нея покойный. (Некрологъ его: «Россія» 1900, № 326).

† **А. Г. Горавскій.** 28 марта скончался въ Маріинской больницѣ, 67-ми лѣтъ, академикъ живописи Аполинарій Гиляріевичъ Горавскій. Покойный изъ потомственныхъ дворянъ Минской губерніи, воспитаніе получилъ въ Александровскомъ брестъ-литовскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ его способности къ рисованію были замѣчены и откуда, съ соизволенія императора Александра II, бывшаго въ то время наслѣдникомъ престола, онъ былъ переведенъ въ академію художествъ. Въ академіи его руководителями были М. Н. Воробьевъ и Ѳ. А. Бруни. Съ 1852 г., А. Г. получилъ послѣдовательно всѣ установленныя медали и въ 1855 г. былъ отправленъ за границу пансіонеромъ академіи. Въ Швейцаріи онъ изучалъ пейзажъ у Каланса, въ Дюссельдорфѣ—у Андрея Ахенбаха, въ Парижѣ и Римѣ работалъ надъ типами и фигурами. Въ 1861 году онъ былъ признанъ академикомъ живописи за картину «Молящаяся старушка». Въ 1870 г. онъ былъ посланъ на казенный счетъ внутрь Россіи для изученія русскихъ типовъ. По возвращеніи изъ этой художественной поѣздки А. Г. до 1886 г. преподавалъ рисованіе и живопись въ рисовальной школѣ общества поощренія художествъ. Работы покойнаго по части этюдовъ съ натуры, головокъ, фигуръ и пейзажныхъ, пользовались нѣкогда большимъ успѣхомъ и за границей, раскупались всегда охотно туристами и находились на многихъ всемірныхъ выставкахъ, гдѣ удостоивались похвальныхъ аттестацій. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1900, № 8658).

† **Л. В. Дубельтъ.** Въ 10-хъ числахъ апрѣля скончался отставной генералъ-лейтенантъ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ. Покойный родился въ 1818 году, службу началъ въ кавалергардскомъ полку, участвовалъ въ крымской кампаніи, былъ флигель-адъютантомъ императора Александра II. Въ 1881 г. онъ вышелъ въ отставку. Л. В. принадлежитъ нѣсколько статей и замѣтокъ въ «Русской Старинѣ», гдѣ онъ преимущественно полемизировалъ съ разными мемуаристами, неблагосклонно относившимися къ памяти его отца — знаменитаго шефа жандармовъ. (Некрологъ его: «Сѣв. Кур.» 1900, № 159).

† **М. А. Загуляевъ.** 2 апрѣля скончался, на шестьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, Михаилъ Андреевичъ Загуляевъ, имя котораго начало появляться на страницахъ періодической печати съ 1856 года. Покойный, сынъ моряка, родился въ 1834 году, получилъ первое образованіе дома, а затѣмъ воспитывался сначала въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, а затѣмъ въ учебныхъ ротахъ морского экипажа, откуда былъ выпущенъ въ офицеры въ 1855 году; служба его во флотѣ длилась всего до 1860 года, когда онъ перешелъ на гражданскую службу въ министерство народнаго просвѣщенія, откуда, спустя три года, вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя литературной и публицистической дѣятельности. Первымъ литературнымъ произведеніемъ М. А. былъ небольшой разсказъ «Старый камердинеръ», напечатанный въ «Сынѣ Отечества» въ 1857 году. До выхода своего въ отставку М. А. Загуляевъ печаталъ свои небольшіе разсказы еще въ «Русскомъ Мірѣ», «Библіотекѣ для чтенія», которую онъ редактировалъ, въ «Свѣточѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» при А. А. Краевскомъ. Въ «Голосѣ» М. А. Загуляевъ

проработалъ до послѣдняго дня его существованія, принимая въ то же время дѣятельное участіе и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ «Недѣлѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Всемірномъ Трудѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Зарѣ», «Journal de St.-Petersbourg», «Огонькѣ» и мног. друг. Въ 1883 году въ «Вѣстникѣ Европы» появился его большой романъ «Старинная исторія», а въ слѣдующемъ году онъ началъ работать въ «Новомъ Времени», въ числѣ сотрудниковъ котораго состоялъ до самой смерти, такъ же какъ и въ «Journa de St.-Petersbourg». М. А. Загуляевъ состоялъ корреспондентомъ «Indépendance Belge» и «Journal de Débats». (Некрологи его: «Новости» 1900, № 94; «Русск. Вѣд.» 1900, № 94; «Россія» 1900, № 339; «Нов. Вр.» 1900, № 8660; «Петерб. Вѣдом.» 1900; № 93; «Сѣв. Кур.» 1900, № 152).

† **Ю. Б. Иверсенъ.** 13-го апрѣля скончался небезъизвѣстный нумизматъ Юлій Богдановичъ Иверсенъ. Покойный родился въ Ревелѣ въ 1823 году. По окончаніи курса въ бывшемъ Дерптскомъ, нынѣ Юрьевскомъ, университетѣ, онъ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и преподавалъ древніе языки въ нѣсколькихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Свободное время посвящалъ своему любимому занятію—изученію русскихъ древнихъ медалей, и въ этой области достигъ вскорѣ солидной извѣстности. Его первый печатный трудъ появился въ «Programm der Peterschule für 1870» подъ заглавіемъ «Beitrag zur Russischer Medaillienkunde». Затѣмъ имъ напечатанъ цѣлый рядъ изслѣдованій о русскихъ медаляхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: «Историческомъ Вѣстникѣ», «Извѣстіяхъ археологическаго общества» и друг. Изъ его работъ назовемъ: «Медали, пожалованныя Екатериною II нѣкоторымъ лицамъ войска Донского», «Медали на дѣянія Петра Великаго», «Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ», «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», «Медали царствованія Александра II», «Сатирическія медали на Сѣверную войну» и друг. Съ 1879 года Ю. Б. занималъ должность старшаго хранителя нумизматическаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа. За выдающіеся труды покойный былъ избранъ въ члены-корреспонденты археологической комиссіи. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ любителей древней письменности. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1900, № 8668).

† **И. И. Кедринъ.** 3-го апрѣля скончался въ Петербургѣ, агрономъ, д. с. с. Иванъ Ивановичъ Кедринъ. Окончивъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра со степенью кандидата философіи, И. И. былъ опредѣленъ въ 1844 г. чиновникомъ особыхъ порученій при инспекторѣ сельскаго хозяйства южныхъ губерній, затѣмъ былъ окружнымъ начальникомъ херсонскаго округа, совѣтникомъ новгородской палаты государственныхъ имуществъ, исправлялъ должность управляющаго палатой и, наконецъ, причислился къ департаменту гражданскихъ отчетовъ государственнаго контроля, гдѣ работалъ до самой смерти. Въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ покойный печаталъ цѣлый рядъ своихъ наблюденій въ формѣ очерковъ, отрывковъ изъ путевыхъ журналовъ и дорожныхъ замѣтокъ, статистическихъ, метеорологическихъ и хозяйственныхъ записокъ и писемъ. Назовемъ изъ нихъ: «Хозяйственные очерки Крыма», «О рѣчныхъ промыслахъ на южномъ и за-

падномъ взморьяхъ Азовскаго моря», «О производствѣ винодѣльческихъ работъ въ Судакской долинѣ Крыма», «Очеркъ свеклосахарной промышленности Кіевской губерніи», «О шелководствѣ въ Херсонской губерніи», «О разведеніи винограда и винодѣліи на лѣвомъ берегу Днѣстра въ Херсонской губерніи», «О состояніи табачной промышленности у государственныхъ крестьянъ Тираспольскаго уѣзда». Между прочимъ П. П. занимался устройствомъ первыхъ на югѣ выставокъ сельскихъ произведеній въ Елисаветградѣ и Херсонѣ. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, № 8662; «Россія» 1900, № 343).

† **В. П. Преображенскій.** Въ ночь на 11-е апрѣля въ Москвѣ скончался, на 35 году жизни, редакторъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» Василій Петровичъ Преображенскій. Несмотря на свою молодость, покойный успѣлъ заявить себя, какъ талантливый психологъ и какъ видный представитель философскихъ знаній въ Россіи. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету онъ занялся спеціально изученіемъ философіи и психологіи и въ этой области обнаружилъ разносторонность свѣдѣній и замѣчательное дарованіе. Ему принадлежитъ рядъ цѣнныхъ критическихъ работъ и переводовъ. Изъ самостоятельныхъ трудовъ покойнаго назовемъ: «Теорію познанія Шопенгауера» и «Нравственную философію Фридриха Ницше»; изъ его переводовъ— сочиненія Лейбница, Куно Фишера, Паульсена и «Этику» Спинозы. В. П. былъ знатокомъ иностранныхъ языковъ и писателемъ-стилистомъ. Всѣ его работы отличаются ясностью изложенія и правильностью русскаго языка. Съ 1888 года онъ принялъ дѣятельное участіе въ московскомъ психологическомъ обществѣ и съ 1889 года редактировалъ основанный въ томъ же году журналъ «Вопросы философіи и психологіи», въ которомъ напечаталъ большую часть своихъ работъ. Смерть рано унесла его въ могилу, не давъ его силамъ возможности проявиться вполнѣ. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, № 8667; «Русск. Вѣд.» 1900, № 101).

† **В. Д. Рокотовъ.** 14-го апрѣля скончался на 64 году жизни даровитый актеръ Владиміръ Дмитріевичъ Рокотовъ. Покойный происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Псковской губерніи, образованіе получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Начавъ службу въ Преображенскомъ полку, онъ скоро переѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ былъ выбранъ предводителемъ дворянства Великолуцкаго уѣзда. Въ этой должности онъ съ увлеченіемъ отдался проведенію крестьянской реформы, чѣмъ заслужилъ горячую симпатію мѣстнаго населенія. Послѣ непродолжительной службы въ городѣ Ковно, В. Д. переѣхалъ въ 1868 году въ Кіевъ и здѣсь основалъ первую публичную библіотеку. Здѣсь же онъ издавалъ и редактировалъ газету «Кіевскій Вѣстникъ». Въ городѣ Кіевѣ покойный увлекся впервые театральнымъ дѣломъ и явился устроителемъ первыхъ воскресныхъ спектаклей для народа въ городскомъ театрѣ. Затѣмъ онъ выступилъ въ роли антрепренера, держалъ два года въ Кіевѣ театръ. Не щадя силъ и денегъ, покойный руководствовался въ своей дѣятельности просвѣтительными цѣлями и ставилъ для провинціи преимущественно пьесы Шекспира, Мольера, Островскаго. Подъ руководствомъ В. Д. начали свою дѣятельность многіе выдающіеся артисты: Андреевъ-Бурлакъ, Ивановъ-Козельскій, Киселевскій, Александрова, Фанни Козловская и другія. Но любимое дѣло

В. Д. растратило все его солидное состояніе, и когда новочеркасскій театръ пришлось за недостаткомъ средствъ передать въ другія руки, онъ оказался въ крайней нуждѣ. Съ этихъ поръ началась для него полная злоключеній жизнь странствующаго актера. Онъ служилъ актеромъ въ Ростовѣ-на-Дону, игралъ на московскихъ и петербургскихъ частныхъ сценахъ и въ 1887 году поступилъ на императорскую сцену. Одновременно онъ продолжалъ отдавать свои досуги излюбленнымъ народнымъ спектаклямъ, участвуя уже въ качествѣ исполнителя въ народныхъ театрахъ. Покойный сотрудничалъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Театръ и Искусство», «Биржевыя Вѣдомости», «Трудъ», «Артистъ», «Читальня народной школы», «Всходы» и другихъ, и написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ: «Которая изъ трехъ», «А счастье было такъ возможно» и другія (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1900, № 8.668).

† **А. Г. Сахарова.** 31-го марта скончалась на 50 году жизни въ Петербургѣ писательница Анна Гавриловна Сахарова. Родилась она въ дворянской семьѣ и получила солидное домашнее образованіе. Держала экзаменъ на званіе учительницы при университетѣ и была учительницей англійскаго языка въ одной изъ петербургскихъ гимназій. Ея самостоятельныя работы и переводныя, по преимуществу съ польскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, появлялись въ журналахъ: «Игрушечка», «Дѣтское Чтеніе», «Родникъ», «Семья и Школа» Ю. Симашка, «Живописное Обозрѣніе» и другихъ. Изъ переводныхъ работъ назовемъ: «Прогрессъ и бѣдность» Г. Джоржа, «Сильвекъ съ погоста» романъ Е. Оржешковой (съ которой покойная была очень дружна), «Ученическіе годы В. Мейстера» В. Гете, «Спиноза» Б. Ауэрбаха и т. п. Покойная писательница пользовалась большой симпатіей въ литературныхъ кружкахъ, благодаря своей значительной начитанности, добротѣ и отзывчивости къ нуждамъ ближнихъ. (Некрологи ея: «Нов. Вр.» 1900, № 8.657, «Сѣв. Кур.» 1900, № 152).

† **Н. Н. Харузинъ.** Въ 20-хъ числахъ марта, въ Москвѣ скончался на 34 году, приватъ-доцентъ Московскаго университета Николай Николаевичъ Харузинъ Несмотря на молодость, покойный составилъ себѣ почетную извѣстность многочисленными и цѣнными трудами по этнографіи. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ Н. Н. совершилъ нѣсколько поѣздокъ съ этнографическими цѣлями. Въ 1886 году изучалъ бытъ кавказскихъ горцевъ, въ слѣдующемъ году—бытъ лопарей. Читая этнографію въ Московскомъ университетѣ и спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института, покойный досуги своей службы всецѣло посвящалъ изученію этнографіи. Изъ его многочисленныхъ сочиненій назовемъ: «По горамъ Сѣвернаго Кавказа» и «Русскіе лопари». Подъ его редакціей изданъ «Сборникъ матеріаловъ для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи». Его мелкія статьи печатались въ разныхъ изданіяхъ. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ этнографическомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, гдѣ состоялъ въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя. Имъ была выработана программа журнала общества «Этнографическое обозрѣніе» и, когда журналъ сталъ издаваться, онъ принялъ близкое и дѣятельное участіе въ немъ въ качествѣ сотрудника и одно время помощника редактора. Смерть похитила въ самый разгаръ его талантливой, научной и ученой дѣятельности. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, № 8.652; «Рус. Вѣд.» 1900, № 88).

† **Ф. Ф. Черни.** Въ ночь на 5 апрѣля умеръ отъ воспаленія легкихъ одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ консерваторіи Францъ Францовичъ Черни. Покойный, которому было 70 лѣтъ, отличался цвѣтущимъ здоровьемъ и смерть подкосила его совсѣмъ неожиданно для всѣхъ, знавшихъ его. Онъ пользовался общею любовью сослуживцевъ, учениковъ и всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ здѣшнемъ музыкальномъ мірѣ симпатіи тоже принадлежали ему. Онъ былъ большимъ знатокомъ хорового дѣла и многіе годы стоялъ во главѣ мужского хора нѣмецкаго общества Liedertafel, который и былъ доведенъ имъ до высокой степени отдѣлки. Въ консерваторіи онъ служилъ съ 1862 года, т.-е. съ ея основанія. Сперва онъ былъ адъюнктомъ Лешетицкаго по классу спеціальной игры на фортепіано, затѣмъ перешелъ на классъ обязательной фортепіанной игры и транспонировки, а въ 1897 году получилъ званіе профессора. Дѣятельность его въ консерваторіи не была особенно видною, но тѣмъ не менѣе весьма полезною. Болѣе десяти лѣтъ онъ также руководилъ хоромъ музыкальнаго общества, но прекратилъ эти занятія въ 1882 году. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, № 8.662, «Сѣв. Кур.» 1900, № 156).

И. Н. ЗАХАРЬИНЪ (ЯКУНИНЪ).

Дѣйствит. членъ Общ. Драмат. Писателей.

СМЕРТЬ КОРКУЭЛЛО.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Драматическою цензурою къ представленію дозволено безусловно — 15 декабря 1899 года, за № 9159.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Испанецъ **Донъ-Коркуэлло,** предводитель отряда гверильясовъ; высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія; лѣтъ 30-ти.

Генералъ **Валли,** начальникъ отряда французскихъ войскъ, расположенныхъ въ Наваррѣ.

Жуанилло, пастухъ козъ въ горахъ; юноша лѣтъ 20-ти.

Долоресъ, городская дѣвушка изъ Санъ-Гаэля.

Лейтенантъ **Вурдэ,** караульный офицеръ.

Сержантъ **Лянжакъ.**

Нѣсколько французскихъ **солдатъ** и нѣсколько **испанцевъ** и **испанокъ,** жителей Санъ-Гаэля.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ провинціи Наварра, въ 1811 г. Между первымъ и вторымъ актомъ проходитъ нѣсколько часовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ [1].

Декорація изображаетъ горы и скалы; вдали виднѣются пещеры, служащія убѣжищемъ для пастуховъ. Видно стадо козъ, пасущееся въ горахъ, покрытыхъ мѣстами зеленью и лѣсомъ.

СЦЕНА I.

Жуанилло и Долоресъ (сидятъ рядомъ на выступѣ скалы. Неподалеку лежитъ котомка пастуха и его рожокъ и посохъ).

Жуанилло. И онъ сказалъ тебѣ это такъ рѣшительно?

Долоресъ. Да, онъ объявилъ прямо: «пускай, говоритъ, принесетъ мнѣ 25 золотыхъ монетъ и беретъ тебя».

Жуанилло. На что ему такая прòпасть денегъ?...

Долоресъ. Отецъ говоритъ, что на эти деньги онъ сдѣлаетъ мнѣ приданое, и потомъ устроитъ для насъ обоихъ какое нибудь дѣло: «не все же, говоритъ, будетъ твой Жуанилло пасти чужихъ козъ»...

Жуанилло (съ сердцемъ). Право, было бы лучше, еслибы твой отецъ поменьше заботился о нашемъ будущемъ: мы сами, съ помощью святой Мадонны, сумѣли бы устроить свое счастіе.

Долоресъ. Я тоже пробовала говорить ему это...

Жуанилло. Ну, и что же?

Долоресъ (съ грустью въ голосѣ). Ничего!.. Такъ прямо и сказалъ: «пусть, говоритъ, съ пустыми руками лучше и не показывается мнѣ на глаза!»... (Помолчавъ немного). Какъ жаль, что моя мама

---

[1]) Фабулой для настоящей пьесы послужилъ дѣйствительный эпизодъ, происшедшій во время войны французовъ съ испанцами въ 1811 году и описанный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ формѣ «воспоминаній», въ одномъ изъ французскихъ журналовъ. Вначалѣ эти «драматическія сцены» были написаны въ четырехъ картинахъ, а затѣмъ передѣланы—въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ здѣсь помѣщаются. И. З.

умерла! Она, можетъ быть, была бы добрѣе... (Нѣжно прижимается къ Жуанилло). Обождемъ еще немного, Жуанилло! Можетъ быть, мнѣ и удастся уговорить отца... Какъ нибудь послѣ—въ его добрый часъ... Вѣдь, теперь такія тяжелыя времена!...

Жуанилло (пожавъ плечами и безнадежно махнувъ рукой). Конечно, ничего болѣе и не остается, какъ ждать... Можетъ быть, еще наши и прогонятъ французовъ...

Долоресъ. Да, вѣдь, потому-то отецъ такъ и несговорчивъ теперь, что онъ постоянно ворчитъ и сердится: онъ не можетъ равнодушно видѣть этихъ французовъ, которые въ настоящее время хозяйничаютъ у насъ, какъ у себя дома; вчера, напримѣръ, они пришли въ нашу лавочку, и хотя у насъ, ты знаешь, ничего почти нѣтъ, кромѣ стараго желѣза, но они все-таки взяли нѣсколько желѣзныхъ лопатъ и преспокойно ушли, не заплативъ ни одного реала. Мы долго плакали...

Жуанилло (сердито). И когда только они отсюда уберутся, дьяволъ ихъ возьми!... Эхъ, жаль, что мы не можемъ съ ними справиться и прогнать ихъ восвояси. А ужъ и немало-таки ихъ побили наши гверильясы: одинъ Коркуэлло съ своими молодцами уложилъ ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, такъ что они едва-едва, наконецъ, съ нимъ справились. (Одушевляется). Да ужъ и лихо же дрались его ребята!... Вотъ здѣсь (показываетъ рукой въ даль горъ) и происходило все сраженіе...

Долоресъ (въ отчаяніи). Да зачѣмъ они, эти французы, къ намъ пришли!?...

Жуанилло. Да развѣ ты не знаешь—зачѣмъ?... У французовъ, надо тебѣ сказать, царствуетъ теперь безбожный Наполеонъ, который взялъ въ плѣнъ и даже дерзнулъ посадить въ темницу святого папу... Ну, вотъ, этотъ самый Наполеонъ пожелалъ сдѣлать нашимъ королемъ своего брата...

Долоресъ (наивно). Значитъ, у насъ теперь будетъ два короля—Карлъ и этотъ самый... другой?...

Жуанилло (машетъ рукой). Совсѣмъ нѣтъ! Карла уже не будетъ: его французы... того (дѣлаетъ знакъ колѣномъ и рукой)... затѣмъ, забрали тоже въ плѣнъ и не выпускаютъ на свободу...

Долоресъ (всплеснувъ руками). Ахъ, святая Мадонна!..

Жуанилло. Ну, вотъ, эти-то самые французы и препожаловали теперь къ намъ, въ Испанію, съ своимъ королемъ, Іосифомъ... А народъ нашъ и священники не захотѣли новаго короля, и вступились за Карла... попросили этихъ французовъ убираться подобру-поздорову къ себѣ; а они заупрямились—не идутъ,—и пошла потѣха!... Сначала дрались солдаты съ солдатами, а теперь началась уже народная война: горожане наши и крестьяне добываютъ себѣ оружіе, собираются въ отряды, и бьютъ этихъ французовъ гдѣ попало... Вотъ это-то и есть гверильясы. Поняла?

Долоресъ. Поняла, теперь. И значитъ, этотъ... больной... который живетъ у тебя въ пещерѣ... это одинъ изъ гверильясовъ?

Жуанилло (пожимая плечами). Должно быть... потому что я его нашелъ въ горахъ истекающимъ кровью, какъ разъ на другой день послѣ битвы...

Долоресъ (живо). Ну, и что же—онъ поправляется? лучше ему?

Жуанилло. Да, теперь ему много лучше: онъ сталъ свободно ходить, хотя раны еще не зажили.

Долоресъ (встаетъ). Засидѣлась я съ тобой. Прощай! Сегодня еще разъ переговорю съ отцомъ и забѣгу къ тебѣ на минутку.

(Дѣлаетъ ему нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ и, напѣвая пѣсню, быстро уходитъ внизъ, легко и ловко прыгая по камнямъ. Ея пѣсня).

Ранней зорькой золотою
Громко пѣсни я пою,—
И всѣмъ сердцемъ и душою
Жуанилло я люблю!..

СЦЕНА II.

Жуанилло (одинъ). Если поможетъ святая Мадонна, то изъ Долоресъ выйдетъ для меня хорошая жена!..

(Беретъ рожокъ и играетъ. Вдали слышенъ громкій и протяжный свистъ; Жуанилло отвѣчаетъ три раза рѣзкимъ и короткимъ свисткомъ. Съ горы тихо спускается Коркуэлло. Жуанилло встаетъ и дѣлаетъ ему на встрѣчу нѣсколько шаговъ. Сходятся и здороваются, крѣпко пожимая другъ другу руки).

СЦЕНА III.

Жуанилло и Коркуэлло (голова его повязана платкомъ; правая рука виситъ на перевязи; лицо худое и блѣдное).

Коркуэлло. Добрый день!

Жуанилло. День добрый, сеньоръ-кавальеро! Какъ ваше здоровье?

Коркуэлло. Понемножку двигаюсь; какъ видишь, сталъ уже выходить... А ты давно вернулся изъ города?

Жуанилло. Съ полчаса назадъ, не болѣе.

Коркуэлло. Ну, что новаго въ Санъ-Гаэлѣ?

Жуанилло. Да все то же: тѣ же французы торчатъ на всѣхъ постахъ и гауптвахтахъ; такъ же ропщутъ обижаемые ими на каждомъ шагу испанцы; такъ же переполнены тюрьмы и остроги, куда французы сажаютъ совсѣмъ неповинныхъ людей, которымъ неугодно признавать своимъ королемъ корсиканца Іосифа...

Коркуэлло (вздохнувъ). Значитъ, плохо?

Жуанилло. Да еще какъ плохо-то, сеньоръ-кавальеро!..

Коркуэлло. Ну, а еще что слышно въ городѣ?

Жуанилло. Еще... А еще вотъ что: французскій генералъ увеличилъ обѣщанную награду за голову храбраго донъ-Коркуэлло: раньше обѣщалъ 500 франковъ, а теперь уже сулитъ тысячу.

Коркуэлло (оживляясь). О-го!..

Жуанилло. Да... Только напрасно онъ трудится объявлять: между испанцами не найдется Іуды-предателя, еслибы даже кто и зналъ, гдѣ именно находится теперь донъ-Коркуэлло,—да сохранитъ его святая Мадонна!

Коркуэлло (съ волненіемъ въ голосѣ). Ты—честный малый, Жуанилло!

Жуанилло. И навѣрное, храбрый донъ-Коркуэлло, если только онъ живъ и здоровъ, набираетъ теперь новый отрядъ молодцовъ-гверильясовъ и вернется вновь въ наши горы. И дай Богъ поскорѣе!..

Коркуэлло (глухимъ голосомъ). Едва ли онъ вернется... не думаю...

Жуанилло (быстро). Почему вы такъ думаете, сеньоръ?

Коркуэлло. Такъ мнѣ кажется.

Жуанилло (настаиваетъ). Нѣтъ, почему же вамъ такъ кажется? скажите!... Вѣдь у меня одна надежда, что въ нашихъ горахъ появится вновь храбрый донъ-Коркуэлло съ новымъ отрядомъ и на этотъ разъ испытаетъ лучшую удачу и выгонитъ, наконецъ, отъ насъ ненавистныхъ французовъ.

Коркуэлло (упавшимъ голосомъ). Онъ не появится болѣе...

Жуанилло. Это будетъ большое горе и для моей родины, и для меня лично!...

Коркуэлло (съ чувствомъ). Ты—добрый испанецъ, Жуанилло!

Жуанилло. Спасибо вамъ, сеньоръ-кавальеро, за хорошее мнѣніе обо мнѣ, но только вы все-таки должны сказать мнѣ, почему именно намъ не ожидать Коркуэлло? Мнѣ сдается, что вы знаете на этотъ счетъ больше меня... (Искреннимъ, задушевнымъ тономъ). Вы убѣдились уже, сеньоръ, что я хотя и молодъ, но не болтливъ... Я нашелъ васъ въ горахъ почти мертваго, истекающаго кровью... я перевязалъ, какъ умѣлъ, ваши раны и лѣчилъ васъ; при этомъ, я никогда не спрашивалъ васъ о вашемъ имени и какъ вы попали въ наши горы... и кто васъ такъ безжалостно изранилъ...

Коркуэлло (перебиваетъ). Да, ты спасъ меня... даешь мнѣ жилье и пищу...

Жуанилло. Жилье даю вамъ не я, а Тотъ, Кто сотворилъ эти скалы и горы, въ пещерахъ которыхъ мы съ вами живемъ; а молоко, сыръ и хлѣбъ у меня найдутся для васъ всегда...

Коркуэлло (потрепавъ Жуанилло по плечу). Ты—славный малый, и я, такъ и быть ужъ, удовлетворю твое любопытство: Коркуэлло не вернется сюда потому, что онъ сильно израненъ,—такъ же, какъ и я...

Жуанилло. А-а-а... Какая жалость!...

Коркуэлло. Да. (Съ грустью въ голосѣ). И Коркуэлло уже не будетъ воевать болѣе и наводить страхъ на французовъ!...

Жуанилло (покачивая головой). Вотъ что... это очень, очень жаль!... А все-таки французы будутъ долго его помнить: его молодцы хорошо дрались!

Коркуэлло. А ты почему знаешь?!

Жуанилло. Да вѣдь я послѣднюю-то ихъ битву видѣлъ почти всю, отъ начала до конца, своими собственными глазами.

Коркуэлло (быстро). Какъ! ты видѣлъ послѣднюю битву гверильясовъ?!...

Жуанилло. Видѣлъ. Я былъ съ своимъ стадомъ вонъ на той горѣ (показываетъ рукою вдаль), которая видна отсюда... Слышу, началась пальба... Я спустился немного пониже, выбралъ себѣ мѣстечко и все время смотрѣлъ, какъ они бились... Все сраженіе было у меня, какъ на ладошкѣ. О-о-о! сколько разъ я жалѣлъ, что я только бѣдный пастухъ, что въ моихъ рукахъ не было ружья,—послать хоть одну пулю въ этихъ проклятыхъ французовъ.

Коркуэлло (похлопывая Жуанилло по плечу). Ты—храбрый парень, Жуанилло.

Жуанилло (продолжаетъ разсказъ, волнуясь и горячась все болѣе и болѣе). О, я никогда, хотя бы прожилъ на свѣтѣ еще сто лѣтъ, не забуду этой битвы!... Вѣдь это было лишь три недѣли назадъ... я, какъ сейчасъ, все вижу и слышу... У Коркуэлло было всего только пятьсотъ молодцовъ... а эти французы напали на него въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, да еще съ четырьмя горными пушками, да вдобавокъ, накрыли его, бѣднягу, врасплохъ: чуть-чуть только стало разсвѣтать, какъ они окружили Коркуэлло съ трехъ сторонъ и начали пальбу...

Коркуэлло. Да, мы (быстро поправляется) ...я хочу сказать—они были слишкомъ безпечны: очень надѣялись на неприступность горъ да на свои карабины... (оживляется). Мы надѣялись, что съ юга къ намъ поспѣшитъ на выручку другой отрядъ гверильясовъ, подъ начальствомъ храбраго Эмпецинадо, — и ошиблись! отрядъ этотъ не пришелъ... (Съ грустью въ голосѣ и вздыхая). О, еслибы Эмпецинадо не такъ медлилъ, а мы были бы знакомы съ осторожностью и больше разсчитывали на самихъ себя,—мы бы не попались... (Увлекаясь и стукнувъ кулакомъ лѣвой руки о камень). А все-таки, пріятель, мы хорошо дрались—и не дешево досталась французамъ побѣда!...

Жуанилло. О, не дешево, ваша правда, сеньоръ-кавальеро! и пришлось, надо полагать, по крайней мѣрѣ, по два мертвыхъ француза на каждаго убитаго испанца; а такъ какъ нашихъ было пятьсотъ, то, значитъ, у французовъ-то легла цѣлая тысяча... Вѣдь всю недѣлю потомъ убирали только трупы...

Коркуэлло. Такъ ты полагаешь, что всѣ пятьсотъ человѣкъ нашихъ убиты? Не спасся развѣ никто?...

Жуанилло (вздохнувъ). Увы, сеньоръ, кажется, никто!.. Впрочемъ, можетъ быть, и спаслось какъ нибудь нѣсколько человѣкъ раненыхъ и въ томъ числѣ Коркуэлло, котораго теперь всюду ищутъ...

Коркуэлло. И женщины... тоже погибли?...

Жуанилло. Да, и женщины имѣли общую участь... французы не пощадили не только ихъ, но и дѣтей... Всѣхъ! Всѣхъ!!...

Коркуэлло. О святая Мадонна! неужели всѣхъ?!... (Жуанилло молчитъ). А не замѣтилъ ли ты... одну высокую, красивую женщину, одѣтую въ ярко-пунсовое платье?...

Жуанилло. О, я хорошо ее замѣтилъ; стоя у самаго края скалы, она отчаянно работала ножомъ не хуже любого гверильяса.

Коркуэлло (быстро схватываетъ Жуанилло за плечо). Ну, ну?...

Жуанилло. Она долго отбивалась отъ трехъ окружившихъ ее егерей, прислонившись спиною къ мулу, у котораго на спинѣ въ корзинѣ сидѣлъ двухлѣтній ребенокъ...

Коркуэлло (утвердительно киваетъ головой). Такъ, такъ, при ней былъ ребенокъ...

Жуанилло (говоритъ съ большимъ увлеченіемъ). Да, она прислонилась спиною къ мулу и храбро и ловко отбивалась отъ нападающихъ... Одинъ егерь былъ убитъ ножомъ прямо въ сердце... другого она ловко пырнула въ шею сбоку, и онъ безпомощно упалъ на землю и, падая, громко крикнулъ что-то своему третьему, остававшемуся еще въ живыхъ, товарищу, призывая его, вѣроятно, къ отмщенію. Все это видѣлъ ихъ офицеръ, находившійся шагахъ въ тридцати отъ этой свалки, который и побѣжалъ къ сражающимся... Въ это время женщина, раненая штыкомъ въ правую руку, быстро перехватила ножъ въ лѣвую... Я все ясно видѣлъ изъ пещеры, и еслибы въ моихъ рукахъ былъ не горный рожокъ, а добрый испанскій ножъ, то такъ бы, кажется, и бросился ей на помощь...

Коркуэлло (трясетъ его за плечо). Ну, ну?!...

Жуанилло. Перехвативъ ножъ, она сдѣлала ловкій выпадъ, но егерь отбилъ ея ударъ... и въ это же самое мгновеніе офицеръ выстрѣлилъ въ несчастную въ пяти шагахъ изъ пистолета: она уронила ножъ, схватилась рукою за грудь и зашаталась... еще нѣсколько секундъ, и подбѣжавшіе товарищи убитыхъ ею егерей столкнули въ пропасть и ее, и мула съ несчастнымъ ребенкомъ.

Коркуэлло (хватаетъ себя за голову). О-о-о!!!... (Съ ужасомъ въ голосѣ). И ты, ты самъ все это видѣлъ??!...

Жуанилло (кивая головою). Да, все это я самъ видѣлъ, и такъ же ясно, какъ вотъ сейчасъ вижу васъ, сеньоръ.

Коркуэлло (съ рыданіями въ голосѣ). О бѣдная! бѣдная!... бѣдная!!!!...

Жуанилло. Я слышалъ въ городѣ, что у Коркуэлло была жена и ребенокъ... Это, вѣрно, и были они; и если Коркуэлло дѣйствительно живъ, то мнѣ жаль его.

Коркуэлло. Да, теперь ему незачѣмъ больше жить.

Жуанилло. Ваша правда: если любишь жену и ее теряешь, то это все равно, какъ еслибы вырвали у тебя сердце изъ груди.

Коркуэлло (разсѣянно). Ты такъ думаешь?... Откуда ты, такой молодой, это знаешь?

Жуанилло. О, я знаю это хорошо!... Я, видите ли, смертельно влюбленъ въ одну дѣвушку въ Санъ-Гаэлѣ... но наша любовь встрѣчаетъ большія препятствія, и мнѣ придется, кажется, потерять мою невѣсту... И вотъ, когда это несчастіе случится, тогда я не останусь жить, потому что у меня будетъ вырвано изъ груди сердце.

Коркуэлло (разсѣянно). А хороша дѣвушка, которую ты любишь?...

Жуанилло (восторженно). О святая Мадонна!... хороша ли моя Долоресъ!!... Она такъ же прекрасна, какъ наши горы, какъ божій міръ!

Коркуэлло (медленно и также разсѣянно). А она тебя любитъ?

Жуанилло. О, да!

Коркуэлло. Почему же ты не женишься на ней? какія препятствія вамъ мѣшаютъ?

Жуанилло. Вотъ, видите ли: она—дочь почтеннаго Феррагуцы, который торгуетъ старымъ желѣзомъ на Цадорскомъ мосту; старикъ очень бѣденъ и много принялъ горя на своемъ вѣку отъ этой самой бѣдности... Поэтому онъ и не хочетъ, чтобы и дочь его тоже вышла за бѣдняка и горевала бы тоже всю жизнь... И вотъ онъ мнѣ прямо объявилъ, что я получу его дочь въ тотъ день, когда я отсчитаю ему двадцать пять золотыхъ монетъ, которыя французы называютъ наполеондорами.

Коркуэлло. Значитъ, онъ продаетъ ее тебѣ?

Жуанилло (съ досадой). Совсѣмъ нѣтъ!—онъ говоритъ, что это будетъ приданымъ для Долоресъ, и что на эти деньги онъ устроитъ для насъ какое нибудь дѣло.

Куркуэлло. Вотъ какъ! (Задумывается, встаетъ съ мѣста и устремляетъ взоръ на небо. Въ сторону). Да, это будетъ хорошо.... (Къ Жуанилло). Когда ты надѣешься увидѣть свою невѣсту?

Жуанилло. Она сегодня хотѣла быть здѣсь, у меня: она принесетъ мнѣ послѣднее слово своего отца.

Коркуэлло. Ну, такъ ты получишь свою Долоресъ. Я схожу въ Санъ-Гаэль, и надѣюсь дать тебѣ деньги.

Жуанилло (вскакивая съ мѣста). Ради всѣхъ святыхъ! что вамъ тамъ нужно, сеньоръ-кавальеро?!.. ваши ноги такъ слабы, что вамъ и не дойти туда.

Коркуэлло. Ноги мои, правда, слабы, но на этотъ недалекій путь у меня еще хватитъ силъ.

Жуанилло. Да зачѣмъ, зачѣмъ вамъ итти туда?!. Вѣдь тамъ— французы: васъ могутъ схватить... Развѣ вамъ здѣсь нехорошо?.. Будьте спокойны: васъ здѣсь никто и никогда не найдетъ!..

Коркуэлло (растерянно). Ты—добрый и честный парень! Поцѣлуй меня! (Цѣлуются). Вотъ, такъ... (Веселымъ тономъ). А теперь давай-ка, братъ, пообѣдаемъ еще разъ вмѣстѣ.

Жуанилло (обрадованный). Вотъ и отлично, сеньоръ! пообѣдаемте—чѣмъ Богъ послалъ. (Живо беретъ свою котомку, развязываетъ ее, достаетъ оттуда разную провизію и кладетъ на камень). Вотъ хлѣбъ, вотъ козій сыръ: самъ дѣлалъ вчера—вкусный удался сыръ! а вотъ апельсины, а вотъ (наклоняется въ разсѣлину скалы) и горшечекъ молочка... Милости просимъ, сеньоръ-кавальеро!..

(Сидятъ и закусываютъ. Вдали показывается Долоресъ).

Коркуэлло (тревожно вглядывается вдаль). Смотри, тамъ, кажется, кто-то идетъ...

Жуанилло (всматривается, заслоняя глаза рукою). Это... вотъ это и есть моя Долоресъ, о которой я вамъ говорилъ. Сами увидите— какая красавица она и какая добрая, и веселая... и всегда пѣсенки поетъ. А вотъ теперь, должно быть, чѣмъ нибудь огорчена—идетъ молча...

Коркуэлло (какъ бы про себя и тяжело вздохнувъ). Да... счастливъ тотъ, кто можетъ быть веселымъ... И я, глядя на васъ, порадуюсь.

(Долоресъ подходитъ, вытирая фартукомъ заплаканные глаза. Жуанилло встаетъ ей на встрѣчу).

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Долоресъ.

Жуанилло. Что съ тобой, моя дорогая?!. о чемъ ты плачешь?

Долоресъ (сквозь слезы). Все погибло!.. Отецъ сказалъ мнѣ сейчасъ послѣднее, рѣшительное слово: «Или, говоритъ, пусть твой новіо принесетъ двадцать пять луидоровъ для твоего приданаго, или я выдамъ тебя замужъ за моего стараго друга, мясника Франциско?»... (Плачетъ). А вѣдь этотъ... его другъ-то... такой старый, такой противный!.. (Садится на камень и утираетъ фартукомъ слезы).

Жуанилло (садится рядомъ). Значитъ, намъ остается теперь одно: уйдемъ отсюда!.. Завтра же перейдемъ горы и въ первомъ французскомъ селеніи, гдѣ найдется сговорчивый патеръ, обвѣнчаемся.

Долоресъ (съ ужасомъ). Что ты, что ты! ни за что на свѣтѣ!...

Жуанилло. Но почему?... Вѣдь ты же меня любишь, милая Долоресъ?

Долоресъ. Да, люблю... но... я боюсь отца, онъ можетъ проклясть меня... Да и святая Мадонна, я знаю, никогда не проститъ мнѣ, если я обвѣнчаюсь съ тобой безъ согласія и благословенія отца: она не пошлетъ намъ счастія... (Плачетъ).

Жуанилло (упавшимъ голосомъ). Значитъ, мы должны теперь разстаться!? и ты, Долоресъ, выйдешь за другого?!.. О, я не перенесу этой твоей измѣны, этого несчастія!.. Да, не перенесу, вотъ увидишь...

Долоресъ. Но что же я могу сдѣлать, Боже, что̀ я могу сдѣлать!?..

Коркуэлло (все время держался въ сторонѣ и внимательно прислушивался къ ихъ разговору). Не печальтесь, милая дѣвушка. Я такъ много обязанъ вашему жениху, что считаю себя вправѣ помочь вашему горю. Деньги, требуемыя вашимъ отцомъ, будутъ у васъ сегодня же. Прошу васъ, мои друзья, быть нынче же, передъ закатомъ солнца, въ Санъ-Гаэлѣ, вблизи площади, у французской гауптвахты.

Жуанилло. Ахъ, сеньоръ, умоляю васъ еще разъ—не ходите къ нашимъ врагамъ!

Коркуэлло. Не бойся за меня, мой другъ! я вѣдь не воевать пойду къ французамъ...

Доролесъ (съ благодарностью въ голосѣ). Вы, должно быть, очень богаты и добры, сеньоръ, что вамъ не жаль для насъ такихъ большихъ денегъ?

Жуанилло. Или онѣ вамъ такъ легко достаются?

Коркуэлло (вздыхаетъ). Нѣтъ, я не богатъ... Но деньги эти я, дѣйствительно надѣюсь достать легко и скоро... И дай Богъ, чтобы онѣ сдѣлали васъ счастливыми, мои друзья!

Жуанилло и Долоресъ (вмѣстѣ). О, благодаримъ васъ, добрый сеньоръ! Да воздастъ вамъ Богъ за ваше доброе обѣщаніе. (Кланяются и пожимаютъ руку Коркуэлло).

Коркуэлло. Не стоитъ; не благодарите меня очень много. Я поступаю такъ изъ благодарности, и еще потому, что такъ подсказываетъ мнѣ мое сердце; я хочу теперь только одного, чтобы вы были счастливы, дѣтки. Дай вамъ Богъ! Вы этого сто̀ите.

Жуанилло. Ну, а вы... Неужели вы, добрый сеньоръ — такой больной и слабый еще!—собираетесь уйти отъ меня?!..

Коркуэлло (беретъ за локоть Жуанилло и показываетъ затѣмъ ему вверхъ). Видишь, вонъ тамъ, высоко въ небѣ, паритъ орелъ?

Жуанилло (присмотрѣвшись). Вижу, и что же изъ этого?

Коркуэлло. А вотъ что: этотъ орелъ высоко теперь паритъ, выше горъ... А когда станетъ очень старъ, или смертельно захвораетъ, онъ сядетъ на скалу, сложитъ крылья — и молча и гордо умретъ... Такъ-то! Ну, пока, до свиданья, дѣточки! Господь съ вами! Поцѣлуйте меня на прощаніе. (Цѣлуется съ Жуанилло и съ Долоресъ).

Долоресъ. Да спасетъ васъ святая Мадонна!

Жуанилло. Вы уходите... и не вернетесь уже сегодня?

Коркуэлло. Да, я не вернусь къ вамъ больше.

Доролесъ. Вы уходите тоже къ своей Долоресъ? да?

Коркуэлло (опускаетъ голову на грудь и медленно говоритъ). Да... Вы не ошибаетесь... я иду... къ своей Долоресъ!... (Медленно идетъ по сценѣ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Площадь въ Санъ-Гаэлѣ. Видны дома и сады. Въ сторонѣ, съ боку сцены, военная гауптвахта; въ козлахъ, на платформѣ, стоятъ ружья; на столбѣ, подъ обычнымъ навѣсомъ, виситъ сигнальный колоколъ. Французскій часовой, съ ружьемъ въ рукахъ, ходитъ по платформѣ.

СЦЕНА I.

Коркуэлло и часовой.

Коркуэлло (тихо идетъ по сценѣ и останавливается у фонарнаго столба, на которомъ наклеена публикація. Разсматриваетъ ее). Что это такое? О чемъ-то публикуютъ... и имя Коркуэлло напечатано крупными буквами... Прочтемъ. (Громко читаетъ). «По указу короля Испаніи и Наварры, его величества Іосифа Бонапарте, симъ объявляется награда въ тысячу франковъ тому, кто доставитъ бригадному командиру Валли, квартирующему въ Санъ-Гаэлѣ, бывшаго предводителя банды гверильясовъ дона-Коркуэлло—живого или мертваго». (Плюетъ съ негодованіемъ). Негодяи!.. Впрочемъ, нѣтъ! больше дураки, чѣмъ негодяи... Воображаютъ, что за тысячу франковъ можно получить голову Коркуэлло... Гм... Ошибаются: еслибы объявили не тысячу, а десять тысячъ, даже сто тысячъ франковъ, то и тогда въ благородной Испаніи не нашлось бы предателя, который выдалъ бы имъ за деньги дона-Коркуэлло... (Идетъ къ гауптвахтѣ).

Часовой (окликаетъ). Кто идетъ?

Коркуэлло. Испанецъ.

Часовой. Испанецъ, стой! что пропускъ?

Коркуэлло. Король Карлъ.

Часовой. Неправда: въ Испаніи королемъ—Іосифъ Бонапарте. Ни съ мѣста! или я выстрѣлю въ тебя. (Ударяетъ два раза въ колоколъ).

Коркуэлло (насмѣшливо). Не попадешь, пожалуй!.. (На платформу выходитъ офицеръ).

СЦЕНА II.

Тѣ же и офицеръ.

Офицеръ. Чтò тутъ случилось?

Часовой. Да вотъ, господинъ лейтенантъ, этотъ оборвышъ не знаетъ пропуска, а лѣзетъ прямо на платформу, къ ружьямъ. И вдобавокъ, осмѣлился еще сказать: «король Карлъ»...

Офицеръ (строго). Кто ты и что тебѣ нужно, бродяга?

Коркуэлло. Кто я, это для васъ безразлично, господинъ офицеръ; достаточно съ васъ знать, если я скажу, что предъ вами благородный наваррецъ.

Офицеръ (насмѣшливо). Всѣ вы—благородные... бандиты. Что же вамъ нужно?

Коркуэлло. Мнѣ надо видѣть лично вашего генерала.

Офицеръ. Бригаднаго генерала господина Валли?

Коркуэлло (пожимая плечами). А ужъ, право, я не знаю, какой онъ генералъ, и кàкъ его зовутъ... мнѣ только надо увидѣться съ нимъ лично.

Офицеръ. Этого нельзя: я не могу безпокоить генерала изъ-за какого нибудь вздора...

Коркуэлло. Я имѣю очень серіозное дѣло къ вашему генералу, господинъ офицеръ.

Офицеръ. Тогда скажите мнѣ, и я доложу ему.

Коркуэлло. Вамъ я не могу сказать моего дѣла, оно секретное и очень важное. Потрудитесь обезпокоить самого генерала.

Офицеръ (нерѣшительно). Хорошо... Но, если вы, почтеннѣйшій, лжете и пришли съ какимъ нибудь вздоромъ, то не прогнѣвайтесь: мы съ вами разсчитаемся потомъ... (Къ часовому). Вызови сержанта.

(Часовой ударяетъ одинъ разъ въ колоколъ; на платформу выходитъ сержантъ Лянжакъ).

СЦЕНА III.

Тѣ же и сержантъ. (Беретъ «подъ козырекъ» и подходитъ къ офицеру).

Офицеръ. Слушай, Лянжакъ. Иди сію минуту къ господину генералу... Доложи ему, что какой-то наваррецъ (показываетъ на Коркуэлло)... вотъ этотъ самый... желаетъ видѣть его лично, по секретному и важному, какъ онъ говоритъ, дѣлу... Если генералъ занятъ, то скажи, что я задержу этого пришлеца до утра. Или, можетъ

быть, онъ прикажетъ привести сейчасъ же, къ нему на квартиру этого человѣка... Понялъ?

Сержантъ. Понялъ, господинъ лейтенантъ!

Офицеръ. Ну, такъ иди же, да живо!

Сержантъ. Слушаю-съ. (Поворачивается налѣво кругомъ, опускаетъ отъ козырька руку и скоро уходитъ).

СЦЕНА IV.

Тѣ же, безъ сержанта.

(Часовой продолжаетъ молча ходить по платформѣ; офицеръ достаетъ сигару и закуриваетъ; Коркуэлло тихо опускается на тумбу у гауптвахты).

Офицеръ. А что, устали, видно?

Коркуэлло. Такъ точно: ноги мои не совсѣмъ-то здоровы.

Офицеръ. А что ваша правая рука на перевязкѣ? должно быть, угостили гдѣ нибудь?

Коркуэлло (неохотно). Попало-таки...

Офицеръ. Не мудрено: такая ужъ у васъ сторонка милая— бандитъ на бандитѣ...

Коркуэлло. А если у насъ такая плохая сторонка, то зачѣмъ вы къ намъ пожаловали?

Офицеръ. Это ужъ не наше дѣло: намъ приказано, мы и пришли сюда.

Коркуэлло. А я вотъ, на вашемъ мѣстѣ, ни за что бы не пошелъ, по чужому приказанію, разорять и убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей...

Офицеръ (иронически). Да-а-а, неповинныхъ, какъ же!.. Ослушники вы, вотъ что! осмѣливаетесь не признавать воли великаго императора Наполеона, которому повинуется весь міръ...

(Подходитъ генералъ Валли, въ сопровожденіи сержанта. Часовой ударяетъ три раза въ колоколъ; на платформу выбѣгаетъ караулъ и становится въ ружье; офицеръ быстро становится впереди караула).

СЦЕНА V.

Коркуэлло, офицеръ, генералъ Валли, сержантъ, часовой и караулъ.

Офицеръ (къ караулу). На пле-чо!! слушàй: на кра̀-а-а-улъ!! (Солдаты берутъ «на-плечо» и «на-краулъ». Офицеръ, взявъ «подъ козырекъ», подходитъ къ генералу и рапортуетъ). Господинъ генералъ! честь имѣю доложить вашему превосходительству, что въ караулѣ все обстоитъ благополучно, и всѣ нижніе чины на своихъ мѣстахъ.

Генералъ (кивая головой). Хорошо-съ. (Беретъ руку офицера «отъ козырька» и заставляетъ его опустить ее внизъ. Къ карауду). Стоять вольно, ребята! (Солдаты опускаютъ ружья внизъ, «къ ногѣ». Къ офицеру). А что это за гость, который желаетъ меня видѣть? Лазутчикъ?..

Офицеръ (взявъ снова «подъ козырекъ»). Не могу знать-съ; повидимому, бандитъ какой-то... Вотъ онъ самъ здѣсь, на лицо... (Указываетъ на поднявшагося съ мѣста Коркуэлло).

Коркуэлло (подходитъ къ генералу, снимаетъ свободною лѣвою рукой шляпу, вѣжливо кланяется и надѣваетъ ее вновь). Это я желалъ васъ видѣть, господинъ генералъ.

Генералъ. Кто ты и чѣмъ занимаешься?

Коркуэлло (пожимая плечами). Своимъ дѣломъ я занимался... къ которому обязывалъ меня мой долгъ.

Генералъ (сердито, обращаясь къ офицеру). Вѣроятно, бродяга какой нибудь... Что тебѣ нужно?

Коркуэлло. Я хочу разсказать вамъ кое-что о Коркуэлло...

Генералъ. О Коркуэлло? (Къ офицеру). Вотъ уже, кажется, десятый человѣкъ является ко мнѣ съ свѣдѣніями о Коркуэлло, обѣщаетъ его выдать, а въ концѣ концовъ оказывается, что не знаетъ даже, гдѣ онъ находится.

Коркуэлло (твердо). Я знаю это.

Генералъ (вспыльчиво). Это же говорятъ всѣ являющіеся ко мнѣ бандиты и бродяги, желая только обманывать насъ и дурачить. Пошелъ прочь!.. Сержантъ, отведи этого человѣка въ кордегардію,— пусть онъ тамъ переночуетъ, а завтра выгоните его вонъ, на всѣ четыре стороны.

Коркуэлло (дѣлая шагъ впередъ). Я знаю, господинъ генералъ, гдѣ находится въ настоящее время Коркуэлло,—и если вы дадите мнѣ двадцать пять наполеондоровъ, я укажу вамъ его. Я не лгу и не обманываю васъ, я говорю серіозно.

Генералъ (серіозно). Ты получишь больше: тебѣ дадутъ пятьдесятъ наполеондоровъ, если только говоришь правду. Но пораздумай хорошенько: если ты меня обманешь и не выдашь этого бандита, то будешь строго наказанъ: я посажу тебя въ тюрьму, откуда ты выйдешь очень и очень нескоро!...

Коркуэлло (презрительно улыбается). Хорошо, я согласенъ.

Генералъ. Ну, гдѣ же находится Коркуэлло—говори!

Коркуэлло (протягивая руку). Деньги!

Генералъ. Эге! чего захотѣлъ!.. Обманешь, голубчикъ! Знаю я вашего брата!

Коркуэлло (вновь протягиваетъ руку). Деньги! Мнѣ надо сначала получить деньги.

Генералъ (разсердясь). Тебѣ говорятъ, бродяга, что ты ихъ получишь, но лишь тогда, когда дѣйствительно укажешь мѣсто, гдѣ

скрывается Коркуэлло. Развѣ французскій генералъ можетъ дать тебѣ напрасное обѣщаніе?!

Коркуэлло. Я вамъ вѣрю, но мнѣ нужны обѣщанныя деньги теперь же; я ихъ возьму, отнесу и отдамъ въ надежныя руки и тотчасъ же вернусь сюда. Увѣряю васъ, господинъ генералъ, что вы ничѣмъ не рискуете: выдайте мнѣ деньги и пошлите со мною нѣсколько человѣкъ вашихъ солдатъ — съ ружьями, конечно, — и прикажите имъ привести меня обратно.

Генералъ. Но вѣдь ты можешь убѣжать, бродяга?..

Коркуэлло. Я не убѣгу. Наконецъ, вѣдь у вашихъ солдатъ будутъ ружья и пули, которыя могутъ меня догнать... Вѣдь ваши егеря, надѣюсь, сумѣютъ же попасть изъ своихъ ружей?.. А вѣдь я—видите—совсѣмъ безоруженъ и, къ тому же, очень боленъ и слабъ...

Генералъ (горячится). Скажи, гдѣ находится Коркуэлло, и получишь деньги.

Коркуэлло (спокойно). Выдайте мнѣ обѣщанную сумму, и Коркуэлло тотчасъ же будетъ въ вашихъ рукахъ. Отвѣчаю вамъ своею головой, если обману васъ.

Генералъ (подумавъ). Хоть ты выглядываешь скорѣе бандитомъ, чѣмъ порядочнымъ человѣкомъ, но я почему-то начинаю тебѣ вѣрить... Да, ты невольно заставляешь себѣ вѣрить! (Достаетъ изъ кармана свертокъ и вынимаетъ деньги). Дай руку! (Коркуэлло протягиваетъ). Считай!—вотъ тебѣ одинъ столбикъ, другой, третій, четвертый и пятый... Въ каждомъ изъ нихъ по десяти наполеондоровъ, и это составитъ какъ разъ обѣщанную тысячу франковъ. (Къ офицеру). Господинъ лейтенантъ! отрядите къ этому молодцу трехъ отборныхъ егерей и прикажите имъ проводить его, куда онъ пожелаетъ, и привести тотчасъ же назадъ.

Офицеръ (взявъ «подъ козырекъ»). Будетъ исполнено, господинъ генералъ!

Генералъ (со смѣхомъ). Ты, можетъ быть, сейчасъ же самъ и приведешь къ намъ этого знаменитаго бандита Коркуэлло? а? приведешь?...

Коркуэлло (тихо и серіозно). Да, я сегодня же выдамъ вамъ Коркуэлло. (Прячетъ деньги въ карманъ, вновь садится на тумбу, достаетъ трубку и спокойно закуриваетъ).

Генералъ. Хорошо, хорошо, посмотримъ! Только помни—со мною, любезный, не шути! (Къ лейтенанту). А вѣдь порядочные всетаки негодяи эти испанцы: за тысячу франковъ готовы предать своего же брата!.. А молодчина, вѣдь, этотъ Коркуэлло,—и не дурно было бы взять его?—какъ вы полагаете, Бурдэ? а?

Офицеръ. Просто, не вѣрится, господинъ генералъ, что мы его когда нибудь захватимъ...

Генералъ (не относясь ни къ кому). Канальи испанцы, предатели!.. До свиданья, лейтенантъ!

Офицеръ (взявъ «подъ козырекъ»). Честь имѣю откланяться, ваше превосходительство! (Генералъ уходитъ).

СЦЕНА VI.

Тѣ же, безъ генерала.

Офицеръ (къ караулу). Смир-но! (Солдаты подтягиваются). Лянжакъ! (Сержантъ подходитъ). Вызови впередъ трехъ человѣкъ изъ числа самыхъ надежныхъ, которые посильнѣе и, вдобавокъ, стрѣляютъ безъ промаха.

Сержантъ (взявъ «подъ козырекъ»). Слушаю-съ! (Къ караулу). Карбонъ! Сартенъ! Травель!—впередъ!!.

(Изъ фронта караула выходятъ впередъ, съ ружьями въ рукахъ, три егеря).

Офицеръ (къ вышедшимъ егерямъ). Слушайте, ребята!—по приказанію господина генерала, вы назначаетесь находиться неотлучно при этомъ вотъ молодцѣ (указываетъ на Коркуэлло). Карбонъ! ты, какъ ефрейторъ, будешь за старшаго. Онъ отправится вмѣстѣ съ вами, и вы не отлучайтесь отъ него ни на шагъ,—помните!.. И этотъ человѣкъ долженъ вернуться сюда обратно—тотчасъ же вмѣстѣ съ вами. Слышите?

Всѣ трое. Слушаемъ, господинъ лейтенантъ!

Офицеръ. Все поняли?

Всѣ трое. Все поняли, господинъ лейтенантъ!

Офицеръ. Ну, съ Богомъ! маршъ!.. (Трое егерей окружаютъ Коркуэлло, который встаетъ и, продолжая курить, медленно направляется вмѣстѣ съ ними по площади. Лейтенантъ и солдаты уходятъ со сцены въ кордегардію. Изъ боковой кулисы имъ навстрѣчу выходятъ Жуанилло и Долоресъ. Егеря стоятъ вдали).

СЦЕНА VII.

Коркуэлло, Жуанилло, Долоресъ и егеря.

Коркуэлло. А вотъ вамъ, дѣти мои, и обѣщанныя деньги. (Достаетъ ихъ). Возьми, Жуанилло; тутъ ровно пятьдесятъ наполеондоровъ.

Жуанилло. Пятьдесятъ наполеондоровъ! Это очень много, добрый сеньоръ. Право же, я столько не заслужилъ...

Коркуэлло. О, нѣтъ! это много менѣе, чѣмъ всѣ твои бывшія заботы обо мнѣ и хлопоты. (Кладетъ деньги въ руку Жуанилло; тотъ крѣпко и нѣсколько разъ цѣлуетъ руку).

Долоресъ. Вы такъ добры къ намъ... Вы и не знаете, что все наше счастіе зависитъ только отъ половины этой суммы! (Цѣлуетъ тоже руку Коркуэлло; тотъ вырываетъ руку).

Жуанилло (крѣпко жметъ руку Коркуэлло). Вы не только даете намъ деньги и счастіе, но и спасаете насъ обоихъ отъ большой бѣды.

Коркуэлло (растроганный). Душевно радуюсь, что помогъ вашему счастію. (Цѣлуетъ ихъ обоихъ). Не забывайте вашего стараго друга. (Взволнованно). А если узнаете о моей смерти, помолитесъ обо мнѣ!.. Идите. Я васъ провожу немного... Прощусь съ вами.

(Коркуэлло, Жуанилло и Долоресъ уходятъ. Коркуэлло тотчасъ же возвращается и подходитъ къ гауптвахтѣ).

СЦЕНА VIII.

Коркуэлло и три егеря.

Коркуэлло (къ старшему егерю). Вызови офицера.

(Одинъ изъ егерей идетъ на гауптвахту и тотчасъ же возвращается съ офицеромъ и сержантомъ).

СЦЕНА IX.

Коркуэлло, офицеръ, сержантъ и егеря.

Ефрейторъ (взявъ подъ козырекъ, подходитъ къ офицеру). Мы вернулись, господинъ лейтенантъ.

Офицеръ. А этотъ бродяга никого не привелъ?

Ефрейторъ. Никакъ нѣтъ. Тутъ же, за угломъ, его поджидалъ какой-то испанецъ съ молодою дѣвушкой—по виду, пастухъ; но онъ ихъ сюда не пригласилъ, и они уже ушли.

Офицеръ (съ важностью, къ Коркуэлло). Ты вернулся? Ну, гдѣ же твой Коркуэлло? Подавай его сюда!

Коркуэлло. Извините, господинъ офицеръ, но объ этомъ я могу сообщить лишь самому генералу. (Отходитъ немного въ сторону, садится на тумбу и закуриваетъ).

Офицеръ. А, генералу!.. Хорошо. (Къ Лянжаку). Поди, Лянжакъ, и доложи господину генералу, что этотъ франтъ вернулся.

Сержантъ (беретъ «подъ козырекъ»). Слушаю-съ! (Поворачивается налѣво кругомъ и уходитъ).

СЦЕНА X.

Тѣ же, безъ сержанта.

Офицеръ (къ егерямъ). Ну, ребята, идите въ кордегардію; ваша обязанность исполнена. (Въ полголоса). Онъ не хотѣлъ удрать?

Солдаты (въ одинъ голосъ). Никакъ нѣть-съ.

Офицеръ. А деньги передалъ кому нибудь?

Ефрейторъ. Передалъ на нашихъ глазахъ тому самому молодому пастуху; тотъ цѣловалъ у него руки, сильно благодарилъ и сказалъ, что деньги эти его сдѣлали вполнѣ счастливымъ.

Офицеръ (съ удивленіемъ). Вотъ какъ!..

(Трое солдатъ, сопровождавшихъ Коркуэлло, уходятъ въ кордегардію. Подходитъ генералъ, въ сопровожденіи Лянжака. Часовой ударяетъ три раза въ колоколъ вновь выбѣгаетъ караулъ и становится въ ружье).

СЦЕНА XI.

Коркуэлло, офицеръ, генералъ, сержантъ, часовой и караулъ.

Офицеръ (живо подходитъ къ караулу и командуетъ). На пле-е-е-чо! Слушай: на кра-а-а-улъ! (Беретъ «подъ козырекъ». Солдаты дѣлаютъ «на караулъ»).

Генералъ (дѣлаетъ караулу подъ «козырекъ» и приказываетъ). Стоять вольно. (Солдаты опускаютъ ружья къ ногѣ. Подходитъ къ Коркуэлло, который снимаетъ передъ нимъ на нѣсколько секундъ шляпу). Ну, что, Іуда, хорошо ли спряталъ свое золото?.. (Медленно идетъ по сценѣ; Коркуэлло слѣдуетъ за нимъ). Ты, должно быть, боялся, что у тебя его отнимутъ?.. А?.. Гдѣ же Коркуэлло? (Останавливается у рампы).

Коркуэлло. Теперь, господинъ генералъ, я могу вамъ это сообщить... (Опускаетъ голову и говоритъ въ полголоса). Это—я.

Генералъ (пораженный, останавливается). А!.. (Со смѣхомъ). Ты шутишь надо мною, глупый человѣкъ?!. Иль это просто наглость?..

Коркуэлло (снимаетъ лѣвою рукою шляпу и повязку съ головы: потомъ засучиваетъ рукавъ правой руки). Видите, на головѣ моей еще не зажила рана отъ сабельнаго удара... а вотъ вамъ прострѣленная рука... Раны еще свѣжія... (Съ оживленіемъ). Да вы всмотритесь хорошенько въ мое лицо: или вы забыли, когда я, на вашихъ глазахъ, три недѣли тому назадъ, верхомъ на сѣромъ андалузскомъ конѣ, рубилъ вашихъ солдатъ направо и налѣво, пока не убили моего коня, а самого изранили?!.

Генералъ (беретъ Коркуэлло за локоть и говоритъ серіознымъ тономъ, въ полголоса). Зачѣмъ вы выдаете себя?..

Коркуэлло (вначалѣ говоритъ тоже въ полголоса, опустя голову на грудь; но потомъ одушевляется все болѣе и болѣе, гордо закидываетъ голову и говоритъ громко). Вы хотите знать—зачѣмъ?! А вотъ зачѣмъ. (Пауза. Говоритъ другимъ тономъ). Я мирно жилъ и трудился въ деревнѣ, съ своей семьею, на своей землѣ; ваши солдаты пришли и все разорили: домъ сожгли, виноградники и сады вырубили... И вотъ мы, мирные жители, стали поневолѣ воевать противъ васъ... Теперь я потерялъ все: моя жена умерла, ребенокъ мой умеръ, мои боевые друзья и товарищи умерли, красавецъ конь мой умеръ—вы всѣхъ, всѣхъ убили!!. Испанія въ рукахъ французовъ, а самъ я весь израненъ и искалѣченъ, безъ правой руки, такъ что не могу уже служить моей родинѣ и никуда больше не гожусь... Да, господинъ генералъ, все, все для меня умерло!!. Вотъ я и задалъ себѣ вопросъ: къ чему жить?!. А тутъ, какъ разъ, бѣдному пастушку, спасшему меня, истекавшаго кровью, понадобилось, для полнаго счастья, двадцать пять золотыхъ монетъ, чтобы жениться на честной и милой Долоресъ... Я и подумалъ: пусть будетъ однимъ несчастнымъ меньше и двумя счастливыми больше!

Генералъ (въ полголоса). Я вѣрю... и вижу, что вы дѣйствительно, Коркуэлло, храбрый вождь гверильясовъ, причинившій столько бѣдъ и хлопотъ нашимъ войскамъ... Но... (голосъ его дрожитъ) мнѣ жаль васъ... Уходите!.. Вотъ, еслибы вы попались съ оружіемъ въ рукахъ—другое дѣло!.. А теперь... французскій генералъ не можетъ взять безоружнаго, израненнаго врага, котораго, вдобавокъ, долженъ немедленно казнить. (Поворачивается спиною къ Коркуэлло). Уходите! Скорѣй уходите! пока никто не знаетъ, что вы—Коркуэлло!..

Коркуэлло (громко). Я рѣшилъ выдать себя, и прошу васъ господинъ генералъ, арестовать меня. Я взялъ деньги...

Генералъ (поворачивается къ Коркуэлло). Если полученныя деньги вы обратили на доброе дѣло, тѣмъ лучше для васъ и для меня. (Строго). Говорятъ вамъ—уходите!.. Вонъ, видите (указываетъ рукой)—тотъ садъ... онъ очень недалеко... Я не удерживаю васъ и не стану больше васъ розыскивать... Ступайте же!

Офицеръ (подходитъ и беретъ «подъ козырекъ»). Этотъ бродяга шумитъ здѣсь и, кажется, не хочетъ исполнять какого-то вашего приказанія, господинъ генералъ?

Генералъ (смущенный). Да... впрочемъ, нѣтъ... тутъ—такой небывалый случай...

Коркуэлло. Господинъ лейтенантъ! Вы подошли очень кстати... я теперь громко объявляю господину генералу и вамъ...

Генералъ (дѣлаетъ порывистое движеніе). Тс-с-с!!.

Коркуэлло... что передъ вами—донъ-Коркуэлло.

Офицеръ (вскрикиваетъ). Какъ?!. Коркуэлло!!.

Коркуэлло (опуская голову). Вы не ошибаетесь, господинъ лейтенантъ... (Все время, затѣмъ, стоитъ въ сторонѣ, опустивъ голову и медленно поправляя повязки на головѣ и рукѣ).

Генералъ (пожимая плечами). Этотъ человѣкъ, повидимому, говоритъ правду... Но мы все-таки должны удостовѣриться въ его личности. Прошу васъ, лейтенантъ, пошлите Лянжака въ ближайшій трактиръ, пусть заберутъ оттуда всѣхъ, кого застанутъ, и приведутъ тотчасъ же сюда. (Отходитъ въ глубь сцены, къ саду, и медленно, опустивъ голову, ходитъ взадъ и впередъ).

Офицеръ (взявъ «подъ козырекъ»). Сейчасъ будетъ исполнено, господинъ генералъ! (Отходитъ къ гауптвахтѣ. Лянжаку). Живо бѣги вотъ въ этотъ трактирчикъ (указываетъ) и всѣхъ, кого тамъ застанешь. тащи сюда, по приказанію господина генерала!

Сержантъ (взявъ «подъ козырекъ»). Слушаю-съ. (Быстро уходитъ въ глубь сцены и исчезаетъ).

СЦЕНА XII.

Тѣ же, безъ сержанта.

Офицеръ (въ сторону). Вотъ такъ штука: къ намъ въ гости попалъ самъ донъ-Коркуэлло!!... Теперь, пожалуй, и мнѣ перепадетъ красная ленточка въ петлицу... (Къ Коркуэлло). И неужели вы сами, сеньоръ Коркуэлло, выдаете себя?!.

Коркуэлло (съ ироніей). Вы, должно быть, жалѣете, что не сумѣли захватить меня?

Офицеръ. Увы! Я не былъ такъ счастливъ, любезнѣйшій сеньоръ.

Коркуэлло. Скажите лучше, наоборотъ, что вы были такъ счастливы, что не повстрѣчались со мною въ горахъ: вѣдь вы знаете, что Коркуэлло недешево бы тогда отдалъ свою жизнь!..

(Входитъ сержантъ въ сопровожденіи алькада и нѣсколькихъ гражданъ).

СЦЕНА XIII.

Коркуэлло, генералъ, офицеръ, сержантъ, Лянжакъ, часовой (расхаживающій все время молча, взадъ и впередъ, по платформѣ гауптвахты), **караулъ французскихъ солдатъ** (стоящій, тоже молча, съ ружьями «къ ногѣ», на платформѣ) **и нѣсколько испанцевъ и испанокъ изъ Санъ-Гаэля.**

Генералъ (къ испанцамъ). Идите всѣ сюда, ближе! (Граждане подходятъ). Вы, какъ жители Санъ-Гаэля, должны отлично знать бывшаго предводителя отряда гверильясовъ, дѣйствовавшаго въ Наваррѣ...

Алькадъ и граждане (вмѣстѣ). О, мы отлично его знаемъ, господинъ генералъ! Еще бы намъ не знать храбраго донъ-Коркуэлло! Онъ жилъ всего въ двухъ миляхъ отъ Санъ-Гаэля.

Генералъ. Вглядитесь теперь хорошенько въ этого человѣка (указываетъ на Коркуэлло, который въ это время поворачивается лицомъ къ испанцамъ): Коркуэлло это, или нѣтъ?

Алькадъ и граждане (переглядываются между собою и отвѣчаютъ съ притворнымъ удивленіемъ). Въ этого человѣка?!.. Да развѣ это—донъ-Коркуэлло?!.

Генералъ. Это уже ваше дѣло рѣшить—Коркуэлло это, или нѣтъ.

Алькадъ (уклончиво). Трудно это сказать, господинъ генералъ... Мы такъ давно уже не видѣли дона-Коркуэлло.

Одинъ изъ гражданъ. Этотъ человѣкъ какъ будто меньше ростомъ...

Другой. Да; и очень худъ, къ тому же...

Коркуэлло (подходитъ къ нимъ). Друзья мои! Вы желаете меня спасти... не узнаёте меня... Да воздастъ вамъ Богъ за добрыя намѣренія ваши! Но я не хочу этого: я самъ выдаю себя... потому что я потерялъ все, что только можетъ привязывать человѣка къ жизни—жену, сына, друзей, здоровье, имущество и даже родину, которую я, какъ вы знаете, такъ долго защищалъ... Я нашелъ, что мнѣ пора умереть... а потому, прошу васъ, скажите господину генералу правду, что передъ нимъ именно тотъ самый Коркуэлло—нынѣ одинокій, несчастный и искалѣченный человѣкъ!—который, во главѣ своего отряда, причинилъ французамъ такъ много хлопотъ... (Гробовое молчаніе).

Офицеръ (къ испанцамъ). Что же вы молчите и не отвѣчаете господину генералу? Или вы онѣмѣли отъ удивленія?..

Алькадъ. Вы правы, господинъ лейтенантъ: мы онѣмѣли отъ удивленія...

Коркуэлло. Еще разъ прошу васъ, друзья мои, скажите имъ правду... Прекратите эту тяжелую сцену, которая меня только мучитъ!

Алькадъ (съ грустью въ голосѣ и опустивъ голову). Да, господинъ генералъ: это—донъ-Коркуэлло!..

Генералъ (громко). Вслѣдствіе имѣющагося у меня распоряженія изъ Мадрита, отъ его величества короля Іосифа, государственный преступникъ донъ-Коркуэлло, въ случаѣ захвата его, долженъ быть немедленно, безъ суда и слѣдствія, казненъ,—во избѣжаніе, акъ сказано въ указѣ его величества, возможности побѣга, или возмущенія со стороны жителей, съ цѣлью освободить этого преступника изъ-подъ стражи; указано лишь удостовѣриться въ личности Коркуэлло,—и только. А такъ какъ теперь это сдѣлано, то мнѣ и остается исполнить указъ. (Къ Коркуэлло, мѣняя тонъ). Вы смѣлы

и великодушны; но я долженъ повиноваться; вы сами—солдатъ, и можете понять, что я теперь обязанъ исполнить свой долгъ... Вы должны умереть.

Коркуэлло (вздохнувъ, тихо). Я затѣмъ пришелъ.

Генералъ. Такъ; но я желалъ бы исполнить вашу предсмертную волю... Что я могу сдѣлать для васъ? Скажите, чего вы желаете?

Коркуэлло (немного подумавъ). Дайте мнѣ заряженный пистолетъ, позвольте помолиться,—и когда вы скомандуете «пли!»—Коркуэлло не станетъ.

Генералъ (послѣ нѣкотораго молчанія). Хорошо. (Къ лейтенанту, вполголоса). Вы имѣете при себѣ заряженный пистолетъ?

Офицеръ (взявъ «подъ козырекъ»). Такъ точно, господинъ генералъ. (Вынимаетъ изъ кобуры пистолетъ и вручаетъ его генералу).

Коркуэлло (въ сторону горъ и закатывающагося солнца, громкимъ голосомъ). Прощайте, милыя горы!.. Прощай, солнце! Прощай и ты, добрякъ Жуанилло!!. (Снимаетъ шляпу, падаетъ на колѣни и, поднявъ глаза къ небу, начинаетъ молиться). Pater noster, qui es in coelis!.. (Остальныя слова молитвы онъ произноситъ полушепотомъ).

(Во время молитвы закатывается солнце и на сценѣ дѣлается темнѣе. Генералъ обнажаетъ голову; его примѣру слѣдуютъ всѣ, а равно и солдаты, опускающіе ружья внизъ. Окончивъ молитву, Коркуэлло быстро поднимается съ колѣнъ и протягиваетъ руку къ генералу; тотъ подаетъ ему заряженный пистолетъ и отходитъ въ сторону. Коркуэлло прикладываетъ дуло пистолета къ виску и ждетъ).

Генералъ (кашляетъ и затѣмъ выпрямляется, стараясь подбодрить себя, командуетъ громко). Пли!!.

(Раздается выстрѣлъ—и Коркуэлло падаетъ мертвымъ).

Занавѣсъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пе-
сылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Н**-
ваго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣ-
ленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Сарато**-
при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностран-
(въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовы-
этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очер-
разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣ-
тельныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, об-
чаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностран-
исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты,
вости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интере-

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и р**-
сунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться
адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николае**-
Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку жур-
только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную су-
непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщен-
подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почт-
учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать за-
леніе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги,
противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе оста-
безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историчес-
Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ п-
сылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ІЮНЬ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1900 г.

См. слѣд. стр.



ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

дозв. ценз. 27 мая 1900 г. спб.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ [1].

XIII.

ВСЕ ПОШЛО по-старому. Папенька дѣятельно продолжалъ заниматься своей дружиной. Размолвки его съ женой учащались и принимали острый характеръ. Всё рѣже и рѣже видѣли мы мачиху. Она и обѣдать теперь приказывала подавать себѣ въ комнату, и, повидимому, папенька относился къ этому совершенно равнодушно. Дня не проходило, чтобъ онъ не упоминалъ о необходимости скорѣе отправить насъ изъ Москвы, но намѣреніе это дальше разговора не шло, дни слѣдовали за днями, а мы не трогались съ мѣста.

Однажды папенька вскользь намъ сказалъ, что онъ получилъ опять письмо отъ Шарля.

— И чѣмъ бы написать что нибудь интересное (изъ газетъ теперь ничего невозможно узнать), онъ все спрашиваетъ: отправилъ ли я васъ въ провинцію? Даже досадно, право! Неужели же онъ воображаетъ, что меня самого вопросъ этотъ не заботитъ? Право же, я въ первую минуту такъ разсердился, что чуть было не написалъ ему, чтобъ онъ не мѣшался не въ свое дѣло. На его счастье курьеръ, съ которымъ надо было отправить отвѣтъ, задержался въ Москвѣ, и гнѣвъ мой успѣлъ остынуть къ тому времени, когда онъ собрался ѣхать,—прибавилъ онъ со смѣхомъ.—Я отвѣ-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 385.

чать ему, что мы съ женой еще не торопимся покидать городъ, и что пока вы съ нами, за васъ бояться нечего.

Въ другой разъ онъ намъ сообщилъ, что Грушецкій ужъ давно выступилъ со своимъ отрядомъ на поиски непріятеля. Въ пользу партизанской войны онъ не вѣрилъ и относился скептически къ идеѣ, чтобъ всякій, недисциплинированный сбродъ подъ командой даже опытнаго офицера могъ сдѣлать много вреда непріятелю.— Покусаютъ его, какъ блохи, заставятъ почесаться, вотъ и все. Да и много ли ихъ?

Безпорядокъ и распущенность, воцарившіеся въ домѣ съ водвореніемъ новой хозяйки, со дня на день усиливались. Начались побѣги. Первымъ ушелъ неизвѣстно куда одинъ изъ кучеровъ, за нимъ послѣдовалъ форейторъ, потомъ скрылись двѣ бѣлошвейки и казачекъ. Разыскивать ихъ нечего было и думать, полиція завалена была дѣлами подобнаго рода и ужъ давно отказывалась ихъ разбирать и принимать мѣры для поимки бѣглецовъ. Ободренные примѣромъ безнаказанности, дворовые стали уходить совсѣмъ явно, простившись съ друзьями и родными, увязывая въ узлы свое имущество, почти не скрываясь. Каждый день узнавали мы, что тотъ-то и та-то ушли. А тѣ, которые не находили еще для себя удобнымъ покинуть вѣрный пріютъ на неизвѣстность, совсѣмъ перестали работать и шлялись по дворамъ въ поискахъ за новостями, разносимыми съ базара, изъ церкви, отовсюду, гдѣ народъ толкался въ ожиданіи катастрофы, которая теперь ужъ казалась неминуемой. Когда являлся такой вѣстовщикъ или вѣстовщица, всѣ тотчасъ же собирались вокругъ него и слушали его розсказни, разиня ротъ. Чѣмъ нелѣпѣе былъ слухъ, тѣмъ дольше и упорнѣе онъ всѣхъ занималъ, и тѣмъ охотнѣе ему вѣрили. Такое ужъ было всеобщее настроеніе, что простое и естественное казалось невозможнымъ, а странное, таинственное и дикое принималось на вѣру, какъ несомнѣнный фактъ.

— И ты уйдешь?—спросила я у Степаниды, когда въ одно прекрасное утро она прибѣжала мнѣ сказать, что въ эту ночь ушли двѣ коровницы съ мужикомъ, приставленнымъ для ухода за скотиной, и что экономка не знаетъ, кого послать доить коровъ. На сегодняшій день и сливки и сметана есть, а завтра не знаетъ, какъ и быть!

Вопросъ мой заставилъ ее измѣниться въ лицѣ и опустить глаза передъ моимъ пристальнымъ взглядомъ.

— Говори правду, ты знаешь, что я тебя не выдамъ,—продолжала я, признаться сказать, не безъ сердечнаго трепета ожидая отвѣта. Тяжело мнѣ было бы, послѣ всего, что произошло между мною и этой дѣвушкой въ самое тяжелое время нашего пребыванія здѣсь, а также и послѣднее время, когда волей-неволей пришлось ей довѣрить Сережину тайну, лишиться такой преданной души.

Съ минуту длилось молчаніе. Она видимо колебалась вполнѣ откровенно мнѣ высказаться, но борьба между желаніемъ оправдать мое довѣріе и боязнью поплатиться за откровенность кончилась перевѣсомъ въ пользу перваго чувства, и она объявила, что никогда не разстанется со мной, если только...

— Что такое, говори прямо?—сказала я.—Если можно, я исполню твое желаніе.

— Барышня, милая, побожитесь мнѣ передъ образомъ, что когда всѣ эти страсти кончатся, и все будетъ у насъ опять попрежнему, вы меня отстоите,—вскричала она, кидаясь къ моимъ ногамъ.

— Передъ кѣмъ тебя отстаивать?

— Передъ проходимкой. Вы ужъ обѣщали взять меня къ себѣ... Помните, когда я вамъ про ея шашни съ княземъ Сергѣемъ Борисовичемъ...

— Помню, помню, я тебѣ это обѣщала и сдержу свое слово.

— Нѣтъ, милая барышня, ужъ я васъ попрошу, если ваша милость будетъ, выпросить меня у князя теперь, пока они на войну не пошли... Пусть закрѣпостятъ они меня за вашей милостью, тогда я ужъ по гробъ жизни вамъ буду слугой, и никто насъ не разлучитъ. А по нонѣшнему времени куда какъ хорошо молодой барышнѣ вѣрнаго человѣка при себѣ имѣть!..

— Хорошо, я скажу папенькѣ,—согласилась я.

Она, внѣ себя отъ радости, точно я и Богъ вѣсть какую ей оказала милость, стала цѣловать мои руки и благодарить, а мнѣ стало на душѣ легче при мысли, что нашелся на свѣтѣ человѣкъ, который радъ мнѣ принадлежать и тѣломъ и душой. Отъ всеобщей эпидеміи бѣгства, заразившаго нашъ домъ, мною начинало овладѣвать безотчетное безпокойство, о которомъ я не имѣла понятія нѣсколько дней тому назадъ. На Москву дулъ какой-то вѣтеръ ужаса и растерянности, державшій въ постоянномъ страхѣ людей и заставлявшій ихъ бѣжать куда глаза глядятъ, лишь бы подальше, и если у первыхъ бѣглецовъ была болѣе или менѣе опредѣленная цѣль, можно было чѣмъ угодно поручиться, что у послѣдователей ихъ такой цѣли ужъ не было, а бѣжали они, повинуясь инстинкту, заставляющему крысъ и мышей покидать жилища передъ пожарами и наводненіями. На папеньку, повидимому, это не производило особенно дурного впечатлѣнія. Правда, что изъ слугъ, близко къ нему стоявшихъ, ни одинъ еще не рѣшался его самовольно покинуть, и каждое утро онъ видѣлъ тѣ же знакомыя лица камердинера и парикмахера; тотъ же поваръ готовилъ ему обѣдъ и ужинъ, а когда онъ выѣзжалъ, на козлахъ кареты сидѣлъ тотъ же кучеръ Кузьма, возившій его еще при покойномъ отцѣ, такъ что для него, проводившаго весь день внѣ дома и среди интересовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ домашними дрязгами, собы-

тія, волновавшія дѣвичьи и людскія, доходили только, такъ сказать, съ внѣшней ихъ стороны; онъ зналъ по краткимъ докладамъ дворецкаго, что дворня завольничала и, пользуясь неурядицей въ полиціи, самовольно уходитъ изъ дома, но вотъ и все, прислуги все-таки оставалось довольно, чтобъ все шло попрежнему, и въ нравственное значеніе этого явленія онъ не углублялся. Однако, когда ему пришли доложить, что молодой поваръ, недавно кончившій ученіе на Шереметевской кухнѣ и стряпню котораго папенька особенно любилъ, вмѣстѣ съ женой и съ сестрой жены, отличной кружевницей, со вчерашняго дня скрылись, и нигдѣ ихъ не могутъ найти, онъ разсердился и сталъ запальчиво выговаривать старику, замѣнившему Ивана Васильевича, что онъ не печется о барскихъ интересахъ и распустилъ дворню до безобразія.

Сцена эта происходила въ моемъ присутствіи. Дворецкій выбралъ время для доклада, когда я пришла наливать папенькѣ чай въ маленькую столовую. У него былъ какой-то торжественный и рѣшительный видъ, и ужъ по одному тому, какъ онъ слушалъ выговоръ, сосредоточенно сжавъ губы и опустивъ глаза, можно было догадаться, что онъ только выжидаетъ случая высказаться. И дѣйствительно, давъ барину выбраниться до конца, онъ спросилъ очень почтительно, но съ характерною твердостью: «дозволитъ ли его сіятельство высказать всю правду, какъ онъ понимаетъ это дѣло?»

— Сдѣлай одолженіе, говори,—отрывисто сказалъ папенька, садясь за столъ и принимая налитую мною большую чашку чая.

— Надо сдѣлать, какъ всѣ господа дѣлаютъ, ваше сіятельство, а то у насъ скоро ни одного холопа не останется.

— Что-жъ надо по-твоему сдѣлать?

— То, что другіе господа ужъ давно сдѣлали: сами по деревнямъ подальше разъѣхались, а холоповъ, которыхъ съ собой нельзя было взять, по вотчинамъ разослали.

— А если мнѣ еще нельзя никуда семью отправить? Если мнѣ нельзя изъ Москвы двинуться? Что же мнѣ по-твоему дѣлать?

— Извольте приказать домъ запереть, сами во флигель перейдите и оставьте при домѣ только тѣхъ, на кого можно положиться.

— А на кого можно положиться?—спросилъ папенька, съ раздраженіемъ мѣшая ложечкой чай.—Ужъ если Захарка, которому я жалованье, какъ вольному, положилъ, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ удрать, чего же отъ другихъ ждать?

— На Григорія можно положиться, на Алексѣя, на Павла Петрова...

Онъ назвалъ еще два, три имени и смолкъ.

— Ну, хорошо, а при барынѣ кто же останется?

— У нихъ свои люди есть,—угрюмо отвѣчалъ старикъ.

— А при барышнѣ?

— Папенька,—позволила я себѣ вступиться въ разговоръ:— сдѣлайте вашу милость, подарите мнѣ Степаниду, я къ ней очень привязана, и мнѣ не хотѣлось бы съ нею разставаться.

— Но вѣдь она и такъ при тебѣ.

— Я буду покойнѣе, если она совсѣмъ будетъ моя.

— Купчую желаешь на нее имѣть?

— Да, если ваша милость будетъ.

И съ этими словами я взяла его руку и поцѣловала ее.

— Хорошо. Распорядись, Дмитричъ. А на счетъ высылки остальныхъ въ деревню я подумаю.

Дмитричъ вздохнулъ и, постоявъ еще немного у притолки въ ожиданіи новыхъ приказаній, ушелъ, ничего больше не дождавшись.

— Всѣ, точно сговорившись, пристаютъ съ отъѣздомъ изъ Москвы, надоѣли! И чего торопятся, не понимаю! Если даже Бонапартъ и придетъ сюда, такъ вѣдь это же такъ скоро сдѣлаться не можетъ. Навѣрное произойдетъ нѣсколько сраженій, прежде чѣмъ его сюда допустятъ... Да еще вопросъ: допустятъ ли?

Проговоривъ слова эти вполголоса, какъ бы про себя, онъ отодвинулъ недопитый стаканъ и, поднявшись съ мѣста, посовѣтовалъ мнѣ итти спать.

— Самъ сейчасъ лягу. Завтра надо чуть свѣтъ подниматься, собираемся у начальства, курьеръ пріѣхалъ изъ главной квартиры, какой-то приказъ будутъ читать.

У него былъ утомленный видъ, и, прощаясь съ нимъ, я подумала, что новая жизнь повліяла не на одну физическую сторону его натуры, а и на нравственную: онъ со дня на день становился равнодушнѣе къ семьѣ и къ дому, порой казалось, что ему все равно, какая бы судьба насъ съ Ромой ни постигла. Про Сережу же онъ ужъ давно не вспоминалъ.

А между тѣмъ у нашей мачихи происходило нѣчто странное: по мѣрѣ того, какъ городъ пустѣлъ, къ ней являлись все чаще и чаще гости, пріѣзжія въ Москву личности, не принадлежавшія къ разряду обычныхъ посѣтителей, которыхъ привыкли видѣть въ домѣ князей Р—хъ, какіе-то провинціалы, въ смѣшныхъ допотопныхъ одеждахъ, съ грубыми ухватками и рѣзкими голосами, но были между ними и робкіе, заискивающіе, конфузящіеся даже передъ лакеемъ въ ливрейномъ фракѣ. Посѣтители эти не только угощались у насъ вмѣстѣ съ людьми своими и лошадьми, но и проводили ночь, прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшій путь. Въ иные дни ихъ наѣзжало такое множество, что невозможно было выйти въ коридоръ, чтобъ не встрѣтить котораго нибудь изъ нихъ, шныряющаго и высматривающаго по сторонамъ. Случилось даже такъ, что въ то время, когда я всего менѣе этого ожидала, дверь моей комнаты тихо растворялась, и, къ величайшей моей досадѣ, я видѣла незнакомое лицо съ сверкающими отъ любопытства глазами, выглядывающее

изъ щелки. Лицо мгновенно скрывалось при первомъ моемъ движенiи, и по коридору раздавались поспѣшные шаги удалявшагося незванаго посѣтителя, но впечатлѣнiе жуткой неуютности, подъ которымъ оставляли меня эти посѣщенiя, долго не изглаживалось, и чтобъ отъ нихъ избавиться, я велѣла придѣлать задвижку къ моей двери.

Степанида, которая, какъ и всѣ обитатели дома, была крайне заинтригована таинственными гостями, увѣряла, что это все родственники и прiятели нашей мачихи, такiе же проходимцы, какъ и она сама, наѣзжавшiе сюда, чтобъ высмотрѣть, чѣмъ имъ можно будетъ въ Москвѣ поживиться, когда всѣ господа изъ нея выѣдутъ.

Очень можетъ быть, что она ошибалась, и что гости были не что иное, какъ бѣдные мелкопомѣстные дворяне или торговцы, переѣзжавшiе, въ виду надвигавшейся опасности, съ насиженныхъ мѣстъ въ другiя, подальше, и останавливавшiеся въ нашемъ домѣ, съ исключительною цѣлью отдохнуть, не тратясь на постоялые дворы, но, какъ сказано выше, Дарья Алексѣевна внушала такое всѣмъ недовѣрiе и отвращенiе своимъ пронырствомъ и искусствомъ втираться въ довѣрiе къ людямъ выше ея по рожденiю и по воспитанiю, какъ къ дѣдушкѣ, напримѣръ, и къ нашему отцу, что не было сказки, которой не повѣрили бы и не повторяли бы, когда дѣло до нея касалось. Съ прислугой ея наши люди не сходились, и они продолжали держать себя особнякомъ, очень осторожно, ни во что не вмѣшиваясь, избѣгая откровенныхъ разговоровъ и якшаясь только между собою. Первое время новая хозяйка занялась было хозяйствомъ, и послѣдствiемъ этого были каждодневныя стычки съ прежней домоправительницей и съ буфетчикомъ изъ-за подваловъ съ винами; съ тѣхъ поръ какъ ключи находились у Христофора, вино стало пропадать дюжинами бутылокъ, а въ кладовыхъ съ съѣстными припасами происходилъ тотъ же грабежъ. Проходимка сердилась, ругалась, грозила всю дворню сослать въ дальнiя деревни и отдать въ солдаты; очень можетъ быть, что она выполнила бы свое намѣренiе и установила бы въ домѣ тотъ порядокъ, который ей былъ желателенъ, но война этому помѣшала. Для чего было хлопотать о водворенiи порядка въ домѣ, который надо покинуть, чтобъ Богъ знаетъ когда въ него вернуться? Дворню и безъ того придется разослать по разнымъ отдаленнымъ деревнямъ. Такъ дѣло и шло, отчасти спустя рукава, но, тѣмъ не менѣе, все же въ лучшемъ порядкѣ, съ тѣхъ поръ какъ старые слуги вступили въ свои прежнiя должности, а проходимкина челядь смирилась въ ожиданiи лучшихъ временъ и ни во что не вступалась.

Зато барыня съ ними сошлась еще ближе. Горничная ея, лицемѣрка Марья, была съ нею неразлучна, и разсказывали, что князь потому не сидитъ больше съ княгиней, что не желаетъ находиться въ обществѣ хамовъ. Все это было преувеличено, безъ

сомнѣнія, но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, была въ этомъ и доля правды: папенькѣ не могло быть пріятно, что жена его окружаетъ себя постоянно обществомъ такихъ людей, которымъ мѣсто въ прихожей и въ дѣвичьихъ, но онъ былъ слишкомъ поглощенъ новыми заботами, чтобъ выдерживать съ нею сцены по этому поводу, и предпочиталъ избѣгать непріятныхъ столкновеній. Мнѣ такъ это теперь представляется послѣ шестидесяти лѣтъ, но очень можетъ быть, что были и другія причины, вліявшія на поступки этой женщины, которую намъ такъ и не удалось узнать, невзирая на то, что она была нашей мачихой и повліяла самымъ пагубнымъ образомъ на нашу судьбу. Впрочемъ, ея никто не зналъ въ Москвѣ, и подробности, какъ о появленіи ея, такъ и объ исчезновеніи, для всѣхъ остались навсегда загадкой.

Скажу здѣсь кстати, чтобъ не забыть, что и смерть ея была такъ же загадочна, какъ и ея жизнь: много лѣтъ послѣ ея похоронъ, мнѣ довелось встрѣтить за границей и на югѣ Россіи людей, увѣрявшихъ меня, что она до сихъ поръ жива, и что они ее видѣли и говорили съ нею. И я имъ вѣрю, она была изъ такихъ, отъ которыхъ всего можно ждать. Со временемъ я также поняла ужасъ, который она внушала нашему несчастному Сережѣ, и что онъ предпочелъ бы смерть встрѣчѣ съ нею. Бѣдный юноша продолжалъ пылать къ ней преступной страстью, невзирая на разлуку и на жизнь, полную страшныхъ лишеній и опасностей, на которую онъ себя обрекъ въ наказаніе за грѣшное чувство, которое она въ немъ возбудила, и которое онъ не въ силахъ былъ побѣдить.

Все это я въ то время только предчувствовала и такъ смутно, что не могла бы опредѣлить это словами, папенька же этого вовсе не подозрѣвалъ, и читатель въ этомъ убѣдится изъ повѣствованія о послѣдующихъ событіяхъ. Но дворнѣ нашей, разумѣется, все было извѣстно, и несчастье молодого князя, котораго всѣ обожали, усиливало злобу противъ проходимки, какъ всѣ продолжали ее называть.

Прошло недѣли двѣ послѣ посѣщенія Сережи; я ничего не знала о немъ, и мучило меня это ужасно, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро Степанида сообщила мнѣ, что ему посчастливилось поступить въ отрядъ Грушецкаго, что онъ ужъ былъ въ дѣлѣ, и что ему удалось много французовъ убить.

Гдѣ? Какъ? При какихъ обстоятельствахъ?—на всѣ эти вопросы она отозвалась незнаніемъ.

Пришелъ къ нимъ на кухню человѣкъ, еле державшійся на ногахъ отъ голода и истощенія. Много ихъ теперь по Москвѣ такихъ бродитъ, гдѣ ни попало у добрыхъ людей кормятся. Этотъ вызвалъ Степаниду на задній дворъ и просилъ передать барышнѣ поклонъ отъ братца и сказать, что ему ужъ удалось много французовъ убить въ отрядѣ того самаго начальника, къ которому онъ желалъ поступить. Вотъ и все. Посланца Степанида хотѣла накормить, но онъ ни минуты

не пожелалъ у насъ оставаться, насилу уговорила она его взять краюху хлѣба и кусокъ варенаго мяса, которые онъ тутъ же началъ ѣсть, такъ былъ голоденъ.

Казалось бы, что толковать о войнѣ больше, чѣмъ толковали тогда въ Москвѣ, было невозможно, ни о чемъ другомъ никто не могъ думать и говорить, но съ наступленіемъ конца іюля слухи стали расти и размножаться, какъ песокъ морской. А вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣги людей изъ нашей дворни продолжались, рѣдкій день кто нибудь не уходилъ неизвѣстно куда.

— Она только того и хочетъ, чтобъ, кромѣ ейныхъ хамовъ, никого въ домѣ не оставалось,—говорила мнѣ Степанида.

Отъ нея только я и знала о томъ, что происходило въ окружающемъ насъ мірѣ, съ которымъ никакихъ общеній у насъ съ Ромой не было съ тѣхъ поръ, какъ онъ проводилъ все свое время у меня и занимался ученіемъ только со мной, что̀ было для меня большимъ развлеченіемъ и нравственной поддержкой. Во время урока я могла ни о чемъ иномъ думать, какъ только о томъ, чтобъ лучше объяснить ему то, что я сама знала изъ грамматики, литературы и т. п., и только благодаря этому, я сохраняла бодрость духа и упованіе на Бога, которыя мнѣ были такъ необходимы въ это ужасное время, изобилующее для насъ не столько ужасами, сколько тоскливымъ ожиданіемъ этихъ ужасовъ.

А папенька все медлилъ насъ выпроводить изъ Москвы. Ему ужъ перестали про это напоминать. Да и некому было: друзья его давно разъѣхались, кто на войну, кто по деревнямъ; отъ дяди не было вѣстей. Говорили, что въ Радостномъ его ужъ съ мѣсяцъ какъ нѣтъ, и что на послѣднее его письмо, присланное съ нарочнымъ, въ которомъ онъ убѣждалъ папеньку послать меня въ монастырь, а Рому поручить ему, папенька отвѣчалъ отказомъ. Съ тѣхъ поръ не было о дядѣ ни слуху ни духу. Можетъ быть, онъ былъ ужъ мертвъ. Каждый день разсказывали про господъ, разграбленныхъ и истребленныхъ непріятелемъ, который шнырялъ болѣе или менѣе многочисленными отрядами по большимъ дорогамъ, поджидая добычу, а дядя уѣхалъ съ однимъ слугой, что же мудренаго, если его ужъ давно нѣтъ въ живыхъ.

Впрочемъ такое было время, что даже подобное предположеніе о самомъ близкомъ человѣкѣ не производило особеннаго впечатлѣнія. Люди переставали даже о самихъ себѣ заботиться; утомленные продолжительными опасеніями и жуткими предчувствіями бѣды, они стремились къ покою, какъ къ единственному благу на землѣ, которое могло бы ихъ удовлетворить, и никогда еще не слышно было о такомъ множествѣ смертей, какъ въ это время. Безпрестанно слышались такія извѣстія: такой-то собрался выѣзжать и умеръ, такая-то усиленно хлопотала, укладывалась; то добро, что не смогла взять съ собой, припрятала въ надежное мѣсто, выѣхала наконецъ и, не

доѣхавши до перваго привала, скончалась, ни съ чего, безъ всякой болѣзни, отъ утомленія нравственнаго и физическаго, отъ безсонныхъ ночей, отъ думъ, отъ представленія ужасовъ, которыхъ она стремилась избѣгнуть.

Рядомъ съ нами, въ большомъ барскомъ домѣ, жило семейство, состоящее изъ отца, матери, сыновей и дочерей. Отправивъ дѣтей къ родственникамъ въ Тамбовскую деревню при первыхъ слухахъ объ опасности, отецъ съ матерью стали заниматься укладкой имущества въ ящики, которые дѣлали съ этою цѣлью доморощенные столяры такъ долго, что когда они были готовы, господа были ужъ не въ состояніи ими воспользоваться: въ такое угнетенное настроеніе привели ихъ слухи объ ужасахъ, происходившихъ всюду, гдѣ проходилъ непріятель. Дворня ихъ, какъ и наша, начала разбѣгаться. Господа никого не удерживали. А когда пришло извѣстіе, что обоихъ старшихъ сыновей убили въ сраженіи, а обозъ съ одной изъ барышенъ пропалъ, на нихъ нашелъ столбнякъ. Преданные люди кормили ихъ и поили, какъ малыхъ ребятъ.

Въ такомъ положеніи прошло еще нѣсколько дней, и вдругъ мы узнали, что мачиха наша исчезла изъ дома. Наканунѣ еще ее видѣли, какъ она провожала до прихожей какихъ-то пріѣзжихъ, проживших въ одномъ изъ флигелей нашего дома нѣсколько сутокъ, а затѣмъ она ужъ изъ своихъ комнатъ не выходила. Туда ей и обѣдъ принесла ея прислуга, а также и ужинъ, но это ничего не доказывало, ужинъ могъ быть заказанъ для отвода глазъ.

На другой день нашли комнаты ея пустыми и постель нетронутой.

Приближенные къ ней горничная и лакей тоже исчезли, а остальная ея челядь ровно ничего не знала и страшно перепугалась, узнавъ объ исчезновеніи ихъ госпожи, опасаясь, безъ сомнѣнія, преслѣдованія нашихъ людей въ такое время, когда некому будетъ за нихъ вступиться. Но опасенія ихъ были напрасны, изъ челяди, наполнявшей безъ счету нашъ домъ, остались только самые преданные и благоразумные, которымъ въ такое ужасное время, когда каждый вѣрующій христіанинъ готовился ежечасно предстать передъ Божіимъ судомъ, было не до мелкихъ придирокъ и мести. Покинутыхъ людей, прежде, чѣмъ донести барину о случившемся, допросили и узнали, что большую часть своихъ вещей изъ драгоцѣнностей проходимка ужъ давно отправила неизвѣстно куда съ однимъ изъ посѣщавшихъ ее въ послѣднее время незнакомцевъ, пріѣхавшимъ съ фурой, въ которую понемногу все и снесли ночью изъ княгининой спальни. Остальное она увезла съ собой, безъ сомнѣнія, потому, что въ комнатахъ ея, кромѣ громоздкой мебели, ничего не нашли. Не оставила она также и письма своему мужу, чтобъ объяснить причину такого бѣгства.

— Навсегда, значитъ, уѣхала,—радостно говорили люди, возвращаясь изъ опустѣлыхъ покоевъ.

— А со старичкомъ-то въ чуланѣ какъ же быть?—напомнилъ кто-то.

Только тутъ о немъ вспомнили, такъ смирно онъ себя велъ съ тѣхъ поръ, какъ барыня поселила его въ коморочку подъ одной изъ черныхъ лѣстницъ, такую маленькую, низенькую и темную, что даже невозможно было предположить, чтобы человѣкъ могъ долго въ ней прожить. Но таинственный старичекъ и этому невзрачному пристанищу былъ радъ. Выползалъ онъ изъ него только поздно вечеромъ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ на крылечкѣ, гдѣ онъ сидѣлъ подолгу, облокотившись обѣими руками на колѣни и опираясь подбородкомъ на вывернутыя ладони. Лица его никогда никто не видѣлъ, онъ тщательно прикрывалъ его снизу высочайшимъ галстукомъ, доходившимъ выше ушей, а сверху картузомъ съ широкимъ козырькомъ, изъ-подъ котораго виднѣлись, да и то только тогда, когда удавалось застать его врасплохъ, блестящіе глаза. Почему называли его старикомъ, и кто далъ ему эту кличку,— неизвѣстно. Ходилъ онъ бодро, собой былъ статный, взглядъ у него былъ острый, какъ у молодого человѣка. Когда, послѣ бѣгства его покровительницы, къ нему обратились въ первый разъ съ разговоромъ и спросили у него, что онъ теперь намѣренъ дѣлать, онъ, не выражая ни малѣйшаго изумленія, точно давно ждалъ этого извѣстія, объявилъ, что желаетъ переговорить съ княземъ, и чтобъ послѣдняго объ этомъ увѣдомили.

Такъ и поступили. На вопросъ папеньки: неужели во всемъ домѣ нѣтъ человѣка, съ которымъ Дарья Алексѣевна говорила о своемъ намѣреніи? Ѳедоровичъ замѣтилъ, что, можетъ быть, старикъ, который живетъ въ чуланѣ, про это знаетъ.

— Какой старикъ?—спросилъ, внѣ себя отъ недоумѣнія, папенька.

Тогда ему разсказали, что съ мѣсяцъ тому назадъ пришелъ пѣшкомъ и, какъ видно, издалека, человѣкъ съ большой сумой на плечахъ и закутанный въ какую-то хламиду, похожую на тѣ, что носятъ странники, съ большой суковатой палкой въ рукѣ, и приказалъ доложить о себѣ княгинѣ, прибавляя къ этому, что она его ждетъ, и что всѣмъ достанется, если просьба его не будетъ тотчасъ же исполнена. Побѣжали докладывать. Княгиня вышла къ незнакомцу на заднее крыльцо и сама провела его въ свои комнаты. Долго сидѣли они запершись, больше часу, потомъ вышла Марья и объявила, что приказано очистить чуланъ подъ лѣстницей на старый чердакъ, заваленный ненужнымъ хламомъ. Лѣстница вела подъ крышу, въ помѣщеніе съ разнымъ старьемъ. На чердакъ этотъ никогда никто не ходилъ, но, тѣмъ не менѣе, княгиня приказала запереть его и отдать ей ключъ. Должно быть, новый жилецъ прогуливался иногда по этому чердаку, потому что въ той дѣвичьей, надъ которой онъ находился, сталъ слышаться глухой шумъ, какъ

отъ шаговъ прохаживающагося человѣка. Ѣсть носила таинственному жильцу въ коморку подъ лѣстницей Марья.

— Но почему мнѣ про это раньше не доложено?—спросилъ папенька.

— Барыня запретили про это кому бы то ни было говорить. Мы думали, вашей милости извѣстно, Да и не онъ одинъ у насъ.

— Кто же еще?

— Кажинный день приходили и пріѣзжали на фурахъ, въ телѣгахъ и въ тарантасахъ какіе-то... не то господа, не то простолюдины, все барынины знакомцы. Которые сутки, которые дольше проживали, одинъ только этотъ такъ долго.

— И ты говоришь, онъ меня хочетъ видѣть?

— Точно такъ-съ. Прикажете его сюда привести?

— Само собою разумѣется, не итти же мнѣ къ нему подъ лѣстницу.

Таинственнаго незнакомца ввели въ папенькинъ кабинетъ, гдѣ онъ пробылъ гораздо дольше, чѣмъ ожидали, и, должно быть, обстоятельно объяснилъ ему причины неожиданнаго отъѣзда новоиспеченной княгини, потому что папенька не разспрашивалъ больше про это людей. Незнакомцу же велѣлъ отвести помѣщеніе во флигелѣ, предварительно выселивъ изъ него приказчика изъ дальней деревни, который тутъ жилъ въ ожиданіи приказаній ужъ третью недѣлю. Папенька какъ будто совсѣмъ забылъ, для чего онъ его выписалъ. Теперь онъ вспомнилъ и, призвавъ его, сталъ ему объяснять, какой дорогой везти насъ съ братомъ въ имѣніе сестры г-на Репнинскаго, гдѣ мы должны были пережидать окончанія событій, перевернувшихъ вверхъ дномъ всю Россію. Самъ папенька каждый день ждалъ приказа выступать со своей дружиной...

— Позвать княжну,—приказалъ онъ среди разговора съ нашимъ будущимъ спутникомъ.

Когда я вошла въ кабинетъ, папенька, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, объяснялъ своему слушателю, приземистому человѣку среднихъ лѣтъ, съ пріятнымъ русскимъ лицомъ, въ опрятномъ кафтанѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, что княгиня ужъ уѣхала въ свое имѣніе въ Смоленскую губернію, а такъ какъ тамъ непокойно, и каждую минуту можно ждать непріятельскаго нашествія, то дѣтей она съ собой не взяла...

При моемъ появленіи онъ смолкъ и пристально на меня посмотрѣлъ, точно желая угадать, какъ отношусь я къ его словамъ. Но я стояла передъ нимъ, опустивъ глаза, и по моему лицу онъ ничего не могъ прочесть.

— Вотъ съ кѣмъ вы должны ѣхать, Лиза,—сказалъ онъ.—Хотѣлось было самому мнѣ васъ проводить, да новая моя должность начальника дружины такова, что я себѣ больше не принадлежу. Какъ выйдетъ приказъ выступать, такъ не медля и отправимся.

А васъ хотѣлось бы доставить скорѣе въ безопасное мѣсто. Собирайся. Уложи все, что у тебя поцѣннѣе, не набирай лишняго лучше потомъ выслать, что окажется нужнымъ. Поѣдете въ дорожной каретѣ съ Тарасомъ да съ Петромъ...

— И Степаниду позволите съ собой взять?

— Ахъ да, на счетъ Степаниды! Вотъ тебѣ дарственная на нее,— сказалъ онъ, вынимая изъ бюро бумагу съ печатью и подавая мнѣ ее.—Едва успѣли совершить, такой у нихъ кавардакъ, что еслибъ не было знакомыхъ подьячихъ, пришлось бы тебѣ долго ждать этого подарка отъ меня...

— Когда же прикажете намъ выѣхать?— спросила я, дрогнувшимъ отъ сдержанныхъ слезъ, голосомъ.

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Завтра...

— Имъ такъ скоро не собраться,—замѣтилъ стоявшій въ дверяхъ буфетчикъ. —Дорога не ближняя, и по теперешнимъ временамъ разсчитывать на то, чтобъ найти что нибудь на постоялыхъ дворахъ, нельзя.

— Ужъ и тогда, когда я сюда ѣхалъ,—замѣтилъ Ефремъ,—на постоялыхъ ни лошадей, ни хлѣба нельзя было достать, а теперь, поди чай, еще хуже, тьма тьмущая всякаго народу изъ Москвы и изъ сосѣднихъ городовъ бѣжитъ.

— Надо такъ запастись, чтобъ до мѣста провизіи хватило,— вставилъ буфетчикъ.

— Это будетъ самое лучшее, намъ тогда можно будетъ эти разбойничьи гнѣзда, постоялые дворы, и обойти, будемъ останавливаться гдѣ ни на есть, хоть среди поля или лѣса, теперь лѣто.

— Да, оно такъ-то лучше будетъ.

— Черезъ сколько времени думаете доѣхать?—освѣдомился папенька.

— Отъ Нижняго триста верстъ, ваше с—во?

— Не больше. Репнинскій, Александръ Васильевичъ, и маршрутъ къ письму приложилъ, черезъ какія селенія ѣхать. Я тебѣ его велю списать.

— Ну, значитъ, если остановокъ не будетъ, черезъ недѣльку, Богъ дастъ, прибудемъ. Кони у насъ добрые, по пятидесяти верстъ въ день будемъ отмахивать. Это на худой конецъ, а, можетъ, и больше.

— Слышишь, Лиза, я, значитъ, черезъ двѣ недѣли могу ужъ получить отъ тебя извѣстіе какъ вы доѣхали, и какъ васъ встрѣтили... Что ты носъ повѣсила? Не хочется къ незнакомымъ людямъ ѣхать! Боязно? Такъ вѣдь говорятъ же тебѣ, что вы тамъ будете желанными гостями, и что Надежда Васильевна моя большая пріятельница, а письмо ея брата ты читала...

— Отпустите насъ лучше на хуторъ къ Варварѣ Петровнѣ, папенька,—взмолилась я сквозь слезы.

— Ну, это совсѣмъ вздоръ, и прошу тебя выбросить это изъ

головы! Мѣсто совсѣмъ дикое, ни общества, ни удобства. Ты тамъ съ ума сойдешь отъ скуки, не говоря уже о томъ, что и довезти васъ туда некому, мѣстность нашимъ людямъ незнакомая...

Ничего больше не оставалось, какъ повиноваться.

Начались сборы. Степанида обрадовалась, когда я ей показала бумагу, въ которой значилось, что она принадлежитъ мнѣ. Она бросилась цѣловать мои руки и божилась, что докажетъ мнѣ свою преданность на дѣлѣ. Она была очень довольна ѣхать далеко, въ незнакомый край, къ совершенно чужимъ людямъ и весело принялась за укладку вещей, необходимыхъ для дороги, а также на первое время пребыванія въ знатномъ и богатомъ домѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, насъ вначалѣ будутъ судить по наряду.

— Хоть и говорится, что по одеждѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, а все же лучше, если и встрѣтятъ и проводятъ съ честью,— говорила она.

Рома тоже былъ въ восторгѣ ѣхать, и такъ они меня затормошили, что я на время забыла про мои заботы. Если Москва была далеко отъ того мѣста, гдѣ мой Шарль стоялъ съ дивизіей генерала, при которомъ онъ состоялъ адъютантомъ, то Нижній-Новгородъ былъ еще дальше. Когда получу я отъ него отвѣтъ на письмо, которое я собиралась ему написать до отъѣзда?

Письмо это Степанида вызывалась передать въ домъ графа Захара Григорьевича, гдѣ, невзирая на отсутствіе хозяина, давно покинувшаго Москву, продолжались сношенія съ дѣйствующей арміей, въ которой вмѣстѣ съ моимъ Шарлемъ служили двое племянниковъ графа.

— А князь-то какъ изволилъ отъѣздъ ейный повернуть!—сказала Степанида, въ пылу укладки, стоя на колѣняхъ передъ огромной важей, въ которую бережно укладывала ваперевое платье.— Уѣхала, говоритъ, въ Смоленскую губернію, хи, хи, хи!..

— Да, можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ туда уѣхала,—замѣтила я:— у нея тамъ имѣніе.

— Такъ зачѣмъ же она въ свое имѣніе украдкой уѣхала, никому, даже супругу не сказавшись? Вѣдь баринъ совсѣмъ обомлѣлъ, когда Дмитріевичъ имъ доложили про то, что барыня уѣхали неизвѣстно въ какое время и въ какомъ экипажѣ. Это они ужъ потомъ, оправимшись да обдумавшись, про имѣніе въ Смоленской губерніи заговорили, и будто съ ихъ вѣдома онѣ туда укатили. А спроси-ка у нихъ, въ какомъ экипажѣ и на какихъ лошадяхъ, не сумѣютъ, небось, отвѣтить.

— А и въ самомъ дѣлѣ, какъ она это сдѣлала? Вѣдь не пѣшкомъ же ушла?

— Зачѣмъ пѣшкомъ? Мало, что ли, у нея знакомцевъ-то въ городѣ осталось? Навѣрно приказала поставить къ извѣстному человѣку экипажъ и лошадей, на всякій случай, чтобъ было на чемъ

выѣхать, никому не обязываясь и никому не сказываясь. А куда она махнула и вернется ли когда нибудь, про то ея други и пріятели, шайтаны да лѣсные лѣшіе, знаютъ. Оставила на свое мѣсто старика.

— А что это за старикъ?

— Богъ его знаетъ! Тоже, поди чай, изъ домовы̆хъ, ейный пріятель. Подолгу она съ нимъ, говорятъ, по ночамъ бесѣдовала. И, должно быть, онъ сумѣлъ такое слово и барину сказать, что тотчасъ же ему повѣрили и весь домъ ему поручили. За старшаго онъ у насъ здѣсь, говорятъ, останется. Отъ Бонапарта взялся все наше добро охранять, слово вѣрно такое знаетъ, что даже и разбойники, которые всю Рассею разоряютъ, ничего изъ того, что ему поручено, не тронутъ.

Разговоръ этотъ она затѣяла, когда Рома легъ спать, и мы остались съ нею наединѣ.

— А ты его видѣла?—спросила я, заинтригованная таинственнымъ незнакомцемъ, которому папенька, никогда не видавъ его раньше, оказалъ такое довѣріе.

Прежде чѣмъ отвѣтить, она оглянулась по сторонамъ.

— Видѣла,—произнесла она, понижая голосъ до шопота, невзирая на то, что въ комнатѣ, кромѣ насъ двухъ, никого не было.— Такой страшный, что не рада, что и видѣла, по ночамъ будетъ сниться.

— Старый?

— Не старый, а страшный. Да вы лучше, барышня, не разспрашивайте меня про него, я рада, что мы отъ него далеко уѣдемъ. Я вамъ даже и сказать не могу, какой онъ страшный! Вотъ какъ въ сказкахъ про Змѣя Горыныча разсказываютъ. И на человѣка не похожъ, хуже звѣря, право.

Черезъ три дня всѣ наши приготовленія къ путешествію были готовы. Напечено было и нажарено такое множество всякой снѣди, что даже невозможно было себѣ представить, чтобъ такой запасъ можно было шестерымъ людямъ съѣсть въ недѣлю, но старшіе говорили: «Дай Богъ, чтобъ хватило!» и каждую минуту подкладывали новые кулечки и бурачки съ ѣдой къ вороху, приготовленному для укладки въ карету. Невзирая на серіозность положенія,—французы подступали къ окрестностямъ Москвы, и готовился знаменитый Бородинскій бой,—сборы наши были веселые. Спутники мои невольно заражали меня своимъ радостнымъ настроеніемъ, такъ что я ужъ чаще думала о томъ, что насъ ждетъ впереди, чѣмъ о томъ, что я оставляю за собой. Папенька насъ торопилъ. Долетали до него слухи, что приказъ о выступленіи московскаго ополченія ждутъ у главнокомандующаго Москвы каждую минуту, а ему непремѣнно хотѣлось выпроводить насъ до своего ухода съ дружиной, которою онъ занимался, невзирая на

постигшую его катастрофу, дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо. Въ день нашего отъѣзда (ночи были лунныя, и Ефремъ совѣтовалъ выѣхать вечеромъ) у насъ обѣдали всѣ офицеры, состоявшіе подъ его командой, и рѣчь шла, какъ всегда, про военныя дѣйствія, происходившія, судя по разсказамъ, гдѣ-то очень близко отъ Москвы.

Послѣ обѣда всѣ гости разъѣхались, а папенька отправился осматривать экипажъ, въ которомъ мы должны были ѣхать. Его выкатили для этого изъ каретнаго сарая на середину двора, и онъ долго разсматривалъ его со всѣхъ соронъ, толкуя съ Ефремомъ и съ кузнецами о прочности заграничной работы и про то, насколько она лучше, чѣмъ у насъ.

Потомъ подали ужинъ, за которымъ сидѣлъ съ нами священникъ нашего прихода. За нимъ послали, чтобъ онъ отслужилъ напутственный молебенъ.

Встали изъ-за стола, помолились и пришли доложить, что лошади готовы.

Наскоро, чтобъ и себя не разстраивать и насъ не волновать проявленіями тревоги и нѣжности, обнялъ насъ отецъ, а затѣмъ, подозвавъ меня къ окну, надѣлъ мнѣ на шею сумочку съ какими-то бумагами и съ сверткомъ золота, судя по тяжести, довольно объемистымъ, и строго наказалъ ни подъ какимъ видомъ съ этой сумкой, даже на минуту не разставаться, а по пріѣздѣ отдать ее на храненіе нашей новой покровительницѣ. Затѣмъ, повторивъ еще разъ, чтобъ я непремѣнно написала ему длинное письмо, съ подробностями того, что съ нами приключится на пути (письмо это долженъ былъ привезти ему одинъ изъ сопровождавшихъ насъ людей послѣ того, какъ мы будемъ доставлены благополучно на мѣсто), папенька вышелъ, держа насъ за руки, на крыльцо, посадилъ въ карету и приказалъ кучеру ѣхать.

— Ну, Степанъ, съ Богомъ! Благополучно довезешь молодыхъ господъ—въ награду вольную получишь!— проговорилъ онъ, возвышая дрогнувшій отъ слезъ голосъ.

— Помоги, Господи, услужить вашему с—ву! — отвѣтилъ Степанъ и крикнулъ форейтору:—трогай!

XIV.

Карета покатилась. До поворота въ переулокъ мы съ Ромой выглядывали изъ окна на домъ, отъ котораго видна была одна только крыша, выдѣлявшаяся на темномъ фонѣ стараго сада, но когда мы завернули въ переулокъ, и крыша скрылась у насъ изъ глазъ, мы поняли, что долго не увидимъ отца и горько заплакали.

Сидѣвшая противъ насъ Степанида тоже всхлипывала. Полная луна заглядывала намъ въ карету, и при свѣтѣ ея мы видѣли во

многихъ дворахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, людей, копошащихся вокругъ экипажей. Тоже вѣрно собирались выѣзжать тѣ, которые, какъ и мы, не успѣли сдѣлать этого раньше.

Я въ то время такъ поглощена была личными чувствами, что мнѣ и въ голову не приходило спрашивать себя: почему всѣ стремятся пускаться въ путь ночью? Давно ли старались всегда выѣзжать изъ Москвы днемъ?

Должно быть, папенькѣ и провожавшимъ насъ это было извѣстно, и потому-то, безъ сомнѣнія, онъ былъ такъ взволнованъ, а люди, высыпавшіе на крыльцо, чтобъ взглянуть на насъ въ послѣдній разъ, и молившіеся вмѣстѣ съ нами на молебнѣ, хранили такое озабоченное выраженіе на лицахъ. Но я ни на чемъ не въ силахъ была останавливать вниманія. Предметы и люди кружились передъ глазами, какъ во снѣ. Порой я, точно очнувшись, спрашивала себя: что насъ ждетъ дальше? И не вѣрилось, чтобъ мы благополучно доѣхали до цѣли нашего путешествія.

Предчувствіе мое сбылось, но ужъ, конечно, я въ то время даже и приблизительно не могла себѣ представить то, что насъ ждало въ недалекомъ будущемъ.

Долго громыхала наша карета по пыльнымъ, неровнымъ улицамъ, прежде чѣмъ доѣхать до заставы, гдѣ насъ довольно долго продержали.

При этой остановкѣ Рома, измученный волненіемъ и ухабами, такъ крѣпко заснулъ, что не слышалъ, какъ мы тронулись дальше.

Я спать не могла и, высунувшись изъ окна, полной грудью вдыхала въ себя свѣжій воздухъ, который съ минуты на минуту становился прохладнѣе и душистѣе.

Время отъ времени обгоняли насъ разные экипажи и повозки. Такихъ же бѣглецовъ, какъ и мы, безъ сомнѣнія.

— Имъ вальготно ѣхать, они налегкѣ, не то, что мы,—замѣтила вполголоса Степанида, тоже выглядывавшая изъ кареты съ другой стороны.

Невзирая на поздній часъ ночи, окрестности города не были пусты и, не говоря уже о подводахъ, тянувшихся по большимъ дорогамъ, часто попадались небольшіе отряды солдатъ.

— Патрули,—проговорила наша спутница послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Высматриваютъ француза, городъ оберегаютъ. Какъ, значитъ, его, злодѣя, издали увидятъ, такъ и дадутъ главнокомандующему Москвы знать. А у него ужъ все готово, чтобъ съ честью принять незваныхъ гостей,—прибавила она, повертывая ко мнѣ свое улыбающееся лицо.

Улыбка эта мнѣ показалась жалкой. Не до смѣха намъ было, особенно ей. Многое ей было извѣстно, о чемъ я и не подозрѣвала. Объ ужасахъ, ожидавшихъ насъ на пути и которыя мы могли избѣгнуть только чудомъ, давно ужъ толковали въ людскихъ и

въ дѣвичьихъ, такъ что надо было дѣйствительно обладать большою къ намъ преданностью, чтобъ охотно подвергаться опасностямъ, которыхъ легко было избѣгнуть, слѣдуя примѣру другихъ, а именно заблаговременно обезпечивъ себѣ независимость бѣгствомъ въ такое время, когда о преслѣдованіи не могло быть и рѣчи.

Многіе изъ крѣпостныхъ бѣжали тогда потому только, что здравый смыслъ имъ подсказывалъ, что такого удобнаго случая во время всей ихъ жизни никогда больше не представится, и что не воспользоваться имъ было бы просто глупо. Да, въ привязанность тѣхъ людей, которые оставались вѣрны своимъ господамъ въ то время, нельзя было не вѣрить, а такихъ, къ чести, какъ ихъ, такъ и ихъ господъ, было немало. Если по ходу моего повѣствованія мнѣ пришлось упомянуть о такихъ, которые воспользовались возможностью бѣжать, то мнѣ придется говорить и о такихъ, какъ Степанида, которые доказали намъ свою преданность и любовь.

— Зачѣмъ же такія предосторожности? Развѣ непріятель близко?—спросила я.

— Давно ужъ онъ къ Москвѣ подступаетъ все ближе и ближе. А шпіоновъ своихъ еще ранней весной засылалъ народъ мутить. Думалъ всѣхъ крѣпостныхъ противъ господъ поднять и волю всѣмъ за это сулилъ. Ну, и поддались многіе... да не всѣ, слава Богу! Надо безъ креста быть, чтобъ отъ француза милости принимать,—продолжала она одушевляясь,—да я бы, кажется, ни за что! Хоть озолотилъ бы меня, не стала бы его, шайтана, слушать,—прибавила она со сверкающими отъ негодованія глазами.—И Маша съ Дуней тоже не захотѣли никого слушать, не пошли за другими...

— Такъ по-твоему подбивали бѣжать нашихъ людей французы?—спросила я съ удивленіемъ. Въ первый разъ доводилось мнѣ слышать подобное объясненіе.

— А то кто же? Вашей милости гдѣ же знать, не къ вамъ, а къ намъ они ходили, проклятики, подъ разными личинами. Самый первый изъ смутьяновъ повадился къ намъ въ домъ еще при мадамѣ. Притиранья онъ ей для лица носилъ и букли ейные подвивалъ...

— Я его помню, маленькій такой, Казимиромъ его звали, я у него мыло покупала!—вскричала я.

— И мы тоже у него всякой всячиной запасались. Иголки, нитки, булавки, запоночки красивенькія, косыночки, платочки. Съ кого деньги возьметъ, а у которой нѣтъ, и даромъ уступитъ. «Отдашь, когда разбогатѣешь», бывало скажетъ, да на ушко прибавитъ: «когда вольная будешь». И хитро такъ подмигнетъ при этомъ. Кто на это только засмѣется да старымъ шутомъ соблазнителя обзоветъ, а кто и призадумается надъ его предсказаніемъ. А только всѣмъ было лестно его каляканіе послушать, и какъ придетъ съ

коробомъ своимъ въ людскую, толпой вокругъ него собирались, разсказы его про Бонапарта слушать, какъ онъ, какъ христосикъ какой, по свѣту ходитъ да всѣмъ благодѣтельствуетъ, рабовъ отъ господъ освобождаетъ, у богатыхъ беретъ, чтобъ бѣдныхъ одѣлять, и все такое. Самъ-то онъ изъ поляковъ былъ, французомъ только прикидывался, и когда захочетъ, такъ хорошо, бывало, по-русски говоритъ, что все понимаешь. Ходилъ онъ къ намъ такимъ манеромъ до страстной недѣли, и вдругъ пропалъ, попался вѣрно полиціи въ руки, голубчикъ. А на Святой жидъ у насъ проявился, точильщикъ, и на всѣ руки мастеръ. Онъ вашей милости клавикорды разъ настраивалъ, извольте припомнить, черноватенькій такой, безусый.

— Помню, помню! Одинъ разъ только и былъ, очень скверно клавесинъ настроилъ. Для чего же онъ къ вамъ-то ходилъ?

— А чтобъ народъ смущать. Прикинулся влюбленнымъ въ Дашу бѣлошвейку и сталъ сманивать уйти съ нимъ. Такое теперь, говоритъ, наступитъ время, что полиціи не до того будетъ, чтобъ бѣглыхъ крѣпостныхъ разыскивать. Бонапартъ идетъ на Россію съ такой аравой войска, что православнымъ ни за что не устоять. Надо, говоритъ, спасаться куда глаза глядятъ, чтобъ не убили да не изувѣчили французы. Ну, этотъ многихъ у насъ соблазнилъ, Андрей съ Савеліемъ въ монастырь ушли, Васька казачекъ къ матери въ деревню убѣжалъ, Липа, Стеша и Фима ушли въ Радостное, оттуда вѣдь онѣ. Вѣдь не у насъ у однихъ, а почитай, что отъ всѣхъ господъ, мало ли, много ли, а изъ дворни бѣжали,— прибавила она въ видѣ извиненія.

— Кто же еще васъ подбивалъ?—спросила я.

— Да много ихъ, разныхъ иностранцевъ, шаталось по барскимъ дворамъ и усадьбамъ. У насъ еще что! А у барыни Харитоновой, прежде чѣмъ цѣлой оравой бѣжать, домъ-то подожгли, чтобъ денегъ да разныхъ драгоцѣнныхъ вещей съ собой унести, совсѣмъ по-разбойничьи. Этихъ ужъ, когда найдутся, не помилуютъ,—прибавила она съ увѣренностью. И, помолчавъ немного, прибавила:

— А слыша́ли вы, княжна, что папенька Степану обѣщалъ, если онъ насъ благополучно довезетъ до мѣста и назадъ привезетъ?—спросила она.

— Онъ обѣщалъ дать ему вольную. И я обѣщаю тебѣ то же самое, если Господь благополучно дастъ намъ совершить наше путешествіе.

Она взяла мою руку и со вздохомъ прижала ее къ своимъ губамъ.

Между тѣмъ, луна стала клониться къ заходу, и когда мы проѣзжали мимо лѣса, ея ужъ за деревьями было не видно. Рома все спалъ, но у меня глаза не смыкались, и самыя неожиданныя мысли лѣзли въ голову. То вдругъ мнѣ казалось, что мнѣ непремѣнно

долженъ откуда-то выѣхать на встрѣчу Шарль. Но встрѣча эта меня не радовала, а приводила скорѣе въ жуткое недоумѣніе. Просто свершиться это не могло, и то, что должно было предшествовать этому событію, было такъ страшно, что я отгоняла отъ себя это предчувствіе всѣми силами. Всю предыдущую ночь провела я за письмомъ къ нему. Все ему разсказала, всѣми силами стараясь смягчить тревогу, которую онъ почувствуетъ, когда узнаетъ, что я ѣду къ сестрѣ того человѣка, котораго папенька желаетъ видѣть моимъ мужемъ. Но онъ пойметъ, что я ничего противъ этого не могла сдѣлать, и что противиться волѣ отца было бы навлечь на меня подозрѣніе въ томъ, что до поры до времени необходимо было отъ него скрыть. Не такое теперь было время, чтобы открываться даже такому отцу, какъ нашъ, въ любви къ французу. Самъ Шарль это такъ хорошо понималъ, что въ письмѣ, которое мнѣ далъ папенька и которое я безпрестанно перечитывала и знала наизусть, онъ остерегался каждаго выраженія, могущаго заставить угадать его чувства ко мнѣ, и выказывалъ гораздо больше заботы о безопасности брата, чѣмъ о моей. Разумѣется, онъ упоминалъ и про меня, но такъ сдержанно, что ни къ одному слову нельзя было придраться, чтобъ усмотрѣть въ немъ что либо, кромѣ простого участія къ дочери человѣка, въ домѣ котораго онъ прожилъ цѣлыхъ три года, какъ членъ семьи. Я отвѣчала ему въ томъ же духѣ и передала письмо незапечатанное папенькѣ, который долженъ былъ послать его въ дѣйствующую армію съ однимъ изъ многочисленныхъ фельдъегерей, отправляемыхъ по всѣмъ направленіямъ генералъ-губернаторомъ.

Ѣхали мы часа три не останавливаясь. Усиливающаяся свѣжесть предвѣщала наступленіе утренней зари. Отряды солдатъ попадались все рѣже и рѣже, но зато намъ стали встрѣчаться мужицкія подводы съ кладью, на которыхъ сидѣли какія-то закутанныя фигуры. Когда стало свѣтать, намъ навстрѣчу попалось большое стадо быковъ, съ вожаками котораго наши люди разговорились.

— Куда гоните быковъ? — спросилъ Яковъ, словоохотливый и веселый малый, служившій выѣзднымъ и посланный съ нами за шустрость и преданность.

— Въ дѣйствующую армію, къ генералу Барклаеву,—отвѣчалъ старикъ еще бодрый, сопровождавшій стадо, верхомъ на сильной, чалой лошадкѣ, старшій, должно быть, потому что товарищи его шли пѣшими, и только одинъ изъ нихъ спалъ на телѣгѣ съ кладью, вѣроятно, со съѣстными припасами.

— Откуда?—продолжалъ свой допросъ любознательный Яковъ.

— Изъ-подъ Тамбова. Господа скопомъ солдатикамъ на жаркое, значитъ, пожертвовали. Пусть кушаютъ на здоровье,—прибавилъ онъ съ широкой улыбкой.

— Ну, дай вамъ Богъ благополучно добраться. Непокойно стало у насъ теперь.

— Слышали мы. Французъ-то, проклятый, все ближе да ближе на Москву православную надвигается. Отъ него, вѣрно, отлыниваете? Много къ намъ господъ отсель понаѣхало, почитай что въ кажинномъ домѣ гости.

— Княжну съ маленькимъ братцемъ къ родственникамъ веземъ...

Прескверное впечатлѣніе произвело на меня это слово «родственники». Зловѣщимъ предсказаніемъ отозвалось оно у меня въ сердцѣ, и безъ того тоскливо нывшемъ при видѣ незнакомой мѣстности, гдѣ все мнѣ было чуждо и казалось враждебно. Каждый поворотъ колесъ катившагося безъ остановки экипажа отдалялъ насъ все дальше и дальше отъ родного города, отъ папеньки и, увы, также отъ Сережи и Шарля. Въ Москвѣ можно было каждый день ждать отъ нихъ вѣстей, и можно даже было надѣяться ихъ увидать, а тамъ, въ глуши, никакого утѣшенія нельзя было ждать.

Съ восходомъ солнца мы поѣхали тише и остановились, наконецъ, у лѣсочка, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ. Рома все спалъ и такъ спокойно, точно въ своей кровати на антресоляхъ. Будить мы его не стали, а сами съ Степанидой вышли промять ноги изъ кареты. Чудное было утро, тихое, ясное и душистое. Въ воздухѣ довольно-таки свѣжемъ ужъ чувствовалась осень, пахло спѣлыми плодами, безъ сомнѣнія, изъ садовъ въ покинутыхъ барскихъ усадьбахъ, крыши которыхъ виднѣлись въ отдаленіи отъ того мѣста, гдѣ мы совершили нашъ первый привалъ. При взглядѣ на эти крыши, виднѣвшіяся изъ-за деревьевъ, печальныя мысли навертывались на умъ. Гдѣ-то ютятся теперь хозяева этихъ когда-то оживленныхъ усадебъ? Стояли онѣ теперь мрачныя и безмолвныя, какъ тѣло, отъ котораго отлетѣла душа. Разводя огонь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кареты, изъ которой лошади были выпряжены и щипали неподалеку травку, люди вполголоса разговаривали про эти заброшенныя усадьбы, попадавшіяся на нашемъ пути. Многихъ изъ владѣльцевъ этихъ покинутыхъ дворянскихъ гнѣздъ они знали, такъ какъ они бывали у дѣдушки, пріѣзжая по зимамъ въ Москву веселиться съ семьями. Таинственно понижая голосъ, разсказывали они другъ другу слухи, достигшіе до нихъ про дворовыхъ и крестьянъ въ этихъ усадьбахъ, и съ каждымъ ихъ словомъ мнѣ все яснѣе и яснѣе представлялось ужасное положеніе нашей несчастной родины, съ тѣхъ поръ, какъ непріятель распоряжался полновластнымъ хозяиномъ въ завоеванныхъ мѣстностяхъ. Застигнутые врасплохъ, люди бѣжали, куда глаза глядятъ, внося смуту, отчаяніе и ужасъ во всѣ души разсказами о неистовствахъ и бѣдствіяхъ, которыхъ они были свидѣтелями. Шатаніе мыслей было невообразимое; кто считалъ Бонапарта антихристомъ и впа-

далъ въ мистическій страхъ передъ неотразимой его силой и могуществомъ, кто рвался мстить ему за злодѣйства, но были и такіе, на которыхъ подѣйствовали эхидныя рѣчи смутьяновъ, и которые готовы были видѣть въ немъ избавителя отъ притѣсненій сильныхъ и старшихъ, грознаго духа, посланнаго Богомъ, чтобы сдѣлать всѣхъ бѣдныхъ богатыми, рабовъ господами и тому подобное. Всего ужаснѣе было то, что самые благонамѣренные не только изъ низшаго класса, но также и изъ высшаго, положительно не знали, что дѣлать, и нисколько не вѣрили въ пользу мѣръ, предпринимаемыхъ для спасенія себя и своего имущества. Выѣзжали въ дальнія губерніи, безъ малѣйшей увѣренности, что тамъ будетъ безопаснѣе, зарывали сокровища въ подвалы подъ храмами и въ тайникахъ домовъ, нисколько не надѣясь найти въ сохранности спрятанныя вещи. Бесѣдуя между собою и при этомъ не подозрѣвая, что я ихъ подслушиваю, наши люди касались также и распоряженій, сдѣланныхъ въ нашемъ домѣ, чтобъ спасти имущество отъ разграбленія, и между прочимъ я услышала такія фразы:

— Ужъ если старикъ не устережетъ, ну, значитъ, такая судьба, чтобъ все погибло.

Намекали также на бѣгство проходимки и какъ будто одобряли его:

— Всѣмъ, и первому нашему князю, развязала руки...

Лошади отдохнули, люди поѣли, и мы снова пустились въ путь.

Такъ ѣхали мы съ остановками то въ лѣсу, то подъ открытымъ небомъ среди поля, третьи сутки, какъ вдругъ, когда подъѣхали поздно вечеромъ къ рѣкѣ, черезъ которую надо было переѣзжать на паромѣ, случилась неожиданная задержка: паромъ оказался на той сторонѣ, и сколько наши люди ни кричали, никто не являлся, чтобъ насъ перевезти.

— Не поискать ли дороги проселкомъ, Ефремъ Степановичъ?— робко посовѣтовалъ Яковъ, оглядываясь по сторонамъ.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, намъ проселками кружиться не рука. Надо такъ или иначе рѣчку переплыть, да по большой столбовой дорогѣ путь держать. Оно и надежнѣе невпримѣръ, да и ближе.

Форейторъ, который увѣрялъ, что плаваетъ не хуже рыбы, мигомъ раздѣлся и, привязавъ себѣ одежду на спину, поплылъ къ противоположному берегу. Невзирая на надвигавшуюся темноту, мы вскорѣ увидали его у парома, и нѣсколько минутъ спустя, онъ ужъ плылъ на немъ къ намъ назадъ.

Живо впрягли лошадь въ карету, ввезли ее по крутому спуску на приставшій паромъ, поставили на него остальныхъ лошадей, а затѣмъ и мы съ Степанидой на него вступили и стали у кареты. Кучеръ, форейторъ и Яковъ съ Петромъ потянули канатъ. Имъ помогалъ Ефремъ.

Все ближе и ближе надвигались мы на красивое небольшое

селеньице, раскинувшееся среди зелени, вдоль берега. Ужъ можно было разглядѣть хижины съ запертыми ставнями и дверями, а также барскій садъ, спускавшійся съ горы, съ бѣлѣвшимися на верхушкѣ строеніями и весело мигающими огоньками въ окнахъ. Но чѣмъ ближе мы подплывали, тѣмъ страннѣе казалась тишина, царствовавшая тутъ.

И вдругъ тишина эта нарушилась протяжнымъ воемъ. Выразить не могу, какъ намъ всѣмъ сдѣлалось жутко! Даже Яковъ поблѣднѣлъ и пересталъ тянуть канатъ. Паромъ остановился.

— Вотъ что, ребята,—сказалъ Ефремъ,—мы причалимъ, и пусть двое изъ васъ пойдутъ со мной туда,—указалъ онъ на домъ,—а господъ мы съ остальными оставимъ на паромѣ. Надо сначала посмотрѣть, что тамъ дѣлается, а ужъ потомъ съ каретой на берегъ съѣзжать.

Предложеніе это было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ, но тотчасъ же всѣ поналегли на канатъ, и не прошло пяти минутъ, какъ мы причалили. Перекинувшись шопотомъ нѣсколькими словами, отъ группы отдѣлились Яковъ съ кучеромъ и подошли къ Ефрему.

— Ну, ладно,—сказалъ этотъ послѣдній вполголоса,—идемте со мной посмотрѣть, что тамъ дѣлается, а вы побудьте здѣсь. Поберегите господъ, Степанида Васильевна,—прибавилъ онъ отрывисто, обращаясь къ нашей спутницѣ.

— Не безпокойтесь, Ефремъ Степановичъ,—отвѣчала она.

И странною торжественностью прозвучалъ ея шопотъ среди таинственной тишины.

Рома держалъ меня за руку, и только по тому, какъ онъ по временамъ судорожно ее пожималъ, я могла догадаться, какъ ему было жутко.

Ефремъ со своими спутниками вышелъ на берегъ, и поспѣшными шагами, минуя молчаливыя хижины, они направились къ саду. Мы вскорѣ потеряли ихъ изъ виду. Собака продолжала выть.

— Почуяла чужого,—прошепталъ кто-то.

— Она и раньше выла,—замѣтила Степанида.

Это были единственныя слова, произнесенныя на паромѣ въ ожиданіи возвращенія нашихъ развѣдчиковъ. Съ минуты на минуту ужасъ, леденившій намъ кровь и заставлявшій замирать въ насъ сердце, усиливался. Мы ужъ ни о чемъ не могли думать и старались только всѣми оставшимися въ насъ силами души отгонять представленія одно безобразнѣе и страшнѣе другого, кружившіяся у насъ въ умѣ. Мало-помалу и по мѣрѣ того, какъ время шло, на насъ на всѣхъ сталъ находить какой-то столбнякъ; всѣ мы стояли въ кучѣ, прижимаясь другъ къ другу, забывъ разстояніе, отдѣлявшее насъ другъ отъ друга; форейторъ, самъ того не сознавая, подвинулся ко мнѣ такъ близко, что я чувствовала его тяжелое прерывистое дыханіе на моей щекѣ, а Степенида обнимала

меня одной рукой такъ крѣпко, что мнѣ даже было больно. И всѣ мы, затаивъ дыханіе, какъ заколдованные, смотрѣли не мигая на домъ, который своими огнями притягивалъ къ себѣ наши души, какъ гремучая змѣя притягиваетъ въ свою пасть намѣченныхъ ею несчастныхъ жертвъ. А огоньки все мигали, и среди таинственной, сверхъестественной тишины вой раздавался все протяжнѣе и зловѣщѣе. Онъ былъ такъ тягучъ и упоренъ, этотъ вой, что невозможно было допустить, чтобъ это выла собака. Между тѣмъ наступила давно ночь, и мѣсяцъ горѣлъ на потемнѣвшемъ небѣ, ярко обмывая то тутъ, то тамъ верхушку дерева, край крыши, сверкая на стеклѣ окна съ незадвинутымъ ставнемъ. Домъ на горѣ купался въ его серебристомъ таинственномъ блескѣ, а огоньки тускнѣли.

Сколько времени длилось наше ожиданіе, трудно сказать. Время тянулось такъ долго, что минуты казались часами. Казалось, эта страшная ночь никогда не кончится. По временамъ только легкій плескъ воды да покачиваніе парома заставляли насъ вспомнить, что мы стоимъ на водѣ и ждемъ возвращенія посланныхъ на развѣдки. Все чаще и чаще навертывался на умъ вопросъ: «а что мы станемъ дѣлать, если они совсѣмъ не вернутся?»

И съ минуты на минуту предположеніе это казалось вѣроятнѣе, такъ что, когда мы увидѣли спускавшихся съ горы промежъ деревьевъ людей, и Яковъ радостнымъ шопотомъ произнесъ: «слава Богу, наши!»—всѣ мы вздохнули радостно, точно отъ непредвидѣннаго счастія.

Но когда развѣдчики подошли ближе, и мы могли прочесть ихъ чувства по выраженію ихъ лицъ, мы испугались, такъ они были блѣдны, и такимъ ужасомъ сверкалъ ихъ взглядъ.

— Живо, живо! впрягайте лошадей, выѣдемъ на большую дорогу, тамъ ужъ обсудимъ, что дальше дѣлать,— проговорилъ скороговоркой Ефремъ, принимаясь помогать своимъ товарищамъ.

Всѣ работали молча и съ такою поспѣшностью, что въ одну минуту лошади были впряжены, всѣ сѣли по мѣстамъ, и экипажъ быстро понесся мимо селенія и мимо господскаго дома на горѣ съ мерцающими въ окнахъ огоньками, прямо въ поле. Оттуда мы завернули все съ той же быстротой къ довольно густому лѣсу, въѣхали въ него, и тутъ волей-неволей пришлось двигаться медленнѣе по кочкамъ, пнямъ и срубленнымъ вѣтвямъ, которыми заваленъ былъ путь, но это длилось недолго, мы скоро выѣхали въ поле и ѣхали по немъ до хуторка, гдѣ и остановились у плетня, за которымъ виднѣлось низенькое строеніе. Тутъ Яковъ соскочилъ съ козелъ и, подойдя къ окну кареты, сказалъ, что зайдетъ въ избу узнать, не пустятъ ли насъ переночевать.

Не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ къ плетню, перелѣзъ черезъ него, и мы видѣли, какъ онъ большими шагами приблизился къ домику и, прежде чѣмъ войти въ него, поднялся на заваленку, чтобъ заглянуть въ отверстіе ставня.

— Что-то онъ тамъ найдетъ?—прошептала Степанида, которая во все время нашего пути по лѣсу и тогда, когда мы изъ него выѣхали въ поле, не переставала занимать Рому разсказами, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ страшныхъ мыслей.

Тѣмъ временемъ я продолжала смотрѣть на заваленку, съ которой Яковъ соскочилъ, чтобъ войти въ домъ, откуда онъ очень скоро вернулся назадъ къ каретѣ.

— Ну, что?—спросилъ кучеръ.

Вмѣсто отвѣта Яковъ только махнулъ рукой.

— То же, что и тамъ?—продолжалъ допросъ Ефимъ.

— Въ избѣ ни души. Я такъ думаю, надо намъ туда въѣхать, чтобъ дать лошадямъ отдохнуть часочка два-три. До разсвѣта поѣдемъ дальше, авось набредемъ на людей и добьемся языка. Растворимъ ворота, Ефремъ Степановичъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ вмѣстѣ съ Ефремомъ пустился бѣжать обратно къ плетню, растворилъ ворота, и карета наша въѣхала на обширный дворъ, поросшій травой, мѣстами перемятой, и со слѣдами колесъ и человѣческихъ ногъ на рыхлой почвѣ.

— Барышня,—сказалъ Ефремъ, растворяя дверцу кареты,—домъ пустой, но все же вамъ въ немъ будетъ покойнѣе, чѣмъ среди поля. Лошадямъ надо дать хорошенько отдохнуть, прежде чѣмъ пуститься дальше. По намѣченной дорогѣ ѣхать не придется, по всему видать, что французъ на ней пакоститъ. Надо разузнать, куда намъ свернуть, чтобъ, Боже упаси, ему въ руки не попасться.

Ни слова не возражая (отъ страха у меня духъ захватывало), вышла я изъ кареты и послѣдовала за нимъ на крылечко, гдѣ Яковъ ужъ высѣкалъ огонь изъ кремня, чтобъ зажечь фонарь, отстегнутый отъ кареты, въ то время, какъ Степанида, держа за руку Рому, слѣдовала за мной.

Когда свѣча въ фонарѣ загорѣлась, Яковъ пошелъ впередъ въ домъ, оказавшійся довольно просторною избой съ большою печью и чуланчикомъ. Ефимъ сказалъ правду: тутъ не было ни души, и, кромѣ лавокъ да стола, ничего не осталось; все, даже образа были отсюда вынесены. Печка была совсѣмъ холодная.

У брата былъ такой измученный видъ, что мы тотчасъ же принялись устраивать ему изъ подушекъ, вынесенныхъ изъ кареты, постель на лавкѣ и уложили его спать. Я сѣла возлѣ него, а Степанида вышла готовить чай въ сѣни, гдѣ Яковъ ужъ ставилъ нашъ складной дорожный самоваръ.

Рома очень скоро заснулъ, а я предалась весьма невеселымъ размышленіямъ о странныхъ приключеніяхъ, вслѣдствіе которыхъ путешествіе наше, по всей вѣроятности, продлится нѣсколько лишнихъ дней. По дорогѣ, знакомой Ефрему, мы ужъ ѣхать не могли, это было ясно. Еслибъ еще всюду царила такая пустота, какъ здѣсь

и въ томъ селѣ, черезъ кототоре мы пронеслись съ такою быстротою, точно за нами гнались, это было бы хорошо, для коней былъ кормъ въ изобиліи какъ въ полѣ, такъ и въ лѣсу, а у насъ провизіи хватило бы надолго, но спутники наши, повидимому, имѣли причины опасаться бо̀льшей бѣды...

Луна свѣтила въ отверстіе, сдѣланное въ ставнѣ окна, противъ котораго я сидѣла, и при ея свѣтѣ я могла различить бѣдную обстановку, окружавшую меня: голыя бревенчатыя стѣны, истыканныя въ красномъ углу гвоздями, на которыхъ, безъ сомнѣнія, еще очень недавно висѣли образа и теплилась лампада, столъ съ черепками битой посуды, съ какимъ-то тряпьемъ и тому подобною ненужною дрянью. Въ углу стояло лукошко съ сѣномъ, въ которомъ, навѣрное, курица, теперь зарѣзанная, сидѣла на яицахъ. На томъ же столѣ, единственномъ впрочемъ въ избѣ, стоялъ фонарь, зажженный Яковомъ, а за дверью слышался все громче и громче говоръ бесѣдующихъ между собой нашихъ людей. Съ минуты на минуту становилось мнѣ все страшнѣе здѣсь одной съ крѣпко спящимъ братишкой, и наконецъ я не вытерпѣла и вышла въ сѣни, гдѣ застала всю компанію на крыльцѣ въ оживленной бесѣдѣ, правда, шопотомъ, но отъ волненія голоса̀ безпрестанно возвышались, и восклицанія ужаса то и дѣло вырывались то у одного, то у другого изъ бесѣдующихъ. Говорили, безпрестанно перебивая другъ друга, Ефремъ съ Яковомъ, а прочіе только слушали и если прерывали повѣствователей, то для того, чтобъ заставить повторить какую нибудь подробность, особенно ужасную и невѣроятную. Никто не слышалъ, какъ я растворила дверь, и простояла бы я тутъ долго, никѣмъ не замѣченная, еслибъ крикъ ужаса не вырвался изъ моей груди. Люди испугались и стали меня успокаивать, но я ужъ ничего не хотѣла слушать и приказала разсказать мнѣ безъ утайки все, что Ефремъ съ Яковомъ видѣли въ домѣ на горѣ, мимо котораго мы промчались такъ поспѣшно. Они колебались исполнить мое приказаніе, но Степанида объявила, что если я ужъ знаю половину, то лучше мнѣ все сказать. Оказалось, что развѣдчики наши нашли всѣхъ господъ въ домѣ зарѣзанными, за исключеніемъ молоденькой барышни, которая лишилась разсудка отъ ужасовъ, происходившихъ на ея глазахъ, и бѣгала по комнатамъ со свѣчей въ рукахъ, въ одной сорочкѣ, съ распущенными волосами. Увидавъ Ефрема съ Яковомъ, она съ громкимъ воплемъ кинулась отъ нихъ бѣжать, вскочила на подоконникъ и стала угрожать, что бросится внизъ головой, если они къ ней подойдутъ.

— А нашли-то мы ее въ третьемъ этажѣ, на смерть бы разбилась, еслибъ мы къ ней двинулись. Внизу это она вѣрно свѣчи-то вездѣ зажгла, во всѣхъ канделябрахъ, во всѣхъ подсвѣчникахъ, какъ на балъ, освѣтила домъ. Старую барыню мы нашли съ разрубленною головой на лѣстницѣ въ садъ, бѣжала вѣрно туда, когда

злодѣи ее настигли. Еще какихъ-то двухъ, не то барышень, не то приживалокъ, одѣты не такъ роскошно, какъ сама-то, увидали, тоже мертвыхъ, скрючившись на полу у шкапа съ серебромъ, да трехъ мужчинъ зарубленныхъ, одного у двери, должно быть, кабинета, большая такая комната со столомъ, обитымъ сафьяномъ у окна, а двухъ другихъ дальше, одного въ коридорѣ... У этого ножъ въ рукахъ, защищаться вѣрно вздумалъ, а другого во дворѣ, у параднаго подъѣзда. Всѣхъ укокошили однимъ словомъ. И ужъ давно, должно быть, мертвецы ужъ тронулись... Мы почуяли запахъ, какъ порогъ переступили...

Несчастная молодая дѣвушка оставалась одна съ трупами!

— Зачѣмъ не взяли вы ее съ собой?—вскричала я внѣ себя отъ ужаса и жалости.

— Барышня, милая, да вѣдь она съ ума сошла, къ ней приступу нѣтъ, она изъ окна бы бросилась, кабы мы къ ней подошли,—сказалъ Яковъ.

— Мы всячески пробовали ее успокоить и увѣрить, что ей отъ насъ зла не будетъ, но она была такъ напугана, что никакихъ словъ не принимала,—подхватилъ Ефимъ.—Мы вѣдь тоже крещеные, и прежде чѣмъ ее оставить, пробовали и такъ и этакъ ее уломать, чтобъ выслушала насъ и разсказала бы намъ, кто эти злодѣи, что такихъ страстей понатворили, столько человѣческихъ душъ загубили и все разграбили, но она даже и не поняла, что мы ей говорили...

— И чтожъ она теперь? Навѣрное съ голоду умретъ, или пожаръ сдѣлаетъ и сама сгоритъ?

Мои собесѣдники переглянулись. Видно, имъ и самимъ мысль эта приходила въ голову. Однако Ефремъ замѣтилъ, что навѣрное кто нибудь да донесетъ начальству о томъ, что случилось въ имѣніи помѣщицы, и на выручку несчастной помѣшавшейся барышни пошлютъ кого надо.—Поди чай, и родные у нихъ есть, и знакомые по сосѣдству, а мы люди проѣзжіе, все равно взять бы ее съ собой не могли, мы не къ себѣ ѣдемъ, дай Богъ и самимъ-то благополучно добраться.

— Вотъ и отсюда всѣ бѣжали,—вставилъ Яковъ,—должно быть, и здѣсь оставаться не безопасно.

— Мы здѣсь не останемся: какъ лошади отдохнутъ, такъ и пустимся въ путь,—пояснилъ Ефремъ, который старался говорить спокойно и однимъ своимъ тономъ дѣйствовалъ на меня ободряющимъ образомъ.

— Отъ кого же мы узнаемъ, куда намъ ѣхать, если никого нѣтъ?—спросила я.

— Кого нибудь да найдемъ. Кузька поѣхалъ на развѣдки. Можетъ, повстрѣчаетъ кого. Быть не можетъ, чтобъ такъ-таки весь народъ двинулся бѣжать, куда глаза глядятъ, кто нибудь да остался на наше счастье,—подхватила Степанида.

И чтобъ отвлечь мои мысли отъ страшной дѣйствительности, она напомнила, что самоваръ готовъ, и предложила мнѣ чаю.

Мнѣ было не до чая, но чтобъ не затруднять моихъ спутниковъ, у которыхъ вопросъ о моемъ спокойствіи стоялъ на первомъ планѣ, и которые, я это отлично видѣла, забывали собственную тревогу, чтобъ только меня чѣмъ нибудь развлечь, я приняла предложеніе и, чтобъ не разбудить Рому, приказала перенести самоваръ изъ сѣней на крыльцо.

Распоряженіе это всѣмъ моимъ спутникамъ пришлось по вкусу. Никому не хотѣлось покидать мѣста, съ котораго видна была вся окрестность, и гдѣ можно было услышать нѣсколькими секундами раньше топотъ лошади возвращавшагося съ рекогносцировки Кузьки. Степанида принялась заваривать чай на порогѣ крылечка, я сѣла на верхнюю ступеньку, а спутники мои, по настоятельному моему требованію, согласились наконецъ опуститься на траву у моихъ ногъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Мы боялись даже шопотомъ выражать мысли, вертѣвшіяся у насъ на умѣ, такъ онѣ были ужасны. Степанида, наливая и подавая намъ чай, безпрестанно заглядывала въ горницу, чтобъ удостовѣриться, что нашъ мальчикъ спитъ, и возвращалась оттуда съ прояснившимся лицомъ.

— Какъ въ постелькѣ своей въ Москвѣ, изволятъ почивать, вотъ какъ умаялись!—проговорила она мнѣ вполголоса, подавая баночку съ вареньемъ, изъ которой я взяла ложечку, чтобъ доставить ей удовольствіе. Мнѣ не только не хотѣлось ѣсть, но даже пища съ трудомъ проходила въ стиснутое отъ волненія горло.

— Хоть бы его намъ спасти!—замѣтила я со вздохомъ.

— Что вы, барышня, да мы обоихъ васъ въ цѣлости до мѣста доставимъ,—подхватилъ Ефремъ съ напущенною беззаботностью.

— Костьми всѣ за васъ ляжемъ,—угрюмо пояснилъ Степанъ.

— Мы васъ, барышня, съ братцемъ, если что, на рукахъ до мѣста донесемъ,—весело вскричалъ Яковъ.—За князя Бориса Романыча, за благодѣтеля нашего, да мы и въ огонь и въ воду, мы на самого чорта, а не то, что на француза пойдемъ...

— Да, тебѣ не грѣхъ, паренекъ, за князя и смерть принять,— замѣтилъ Степанъ, поднимаясь на ноги и подавая Степанидѣ пустой стаканъ.

Примѣру его послѣдовали и другіе; чай былъ выпитъ, и сидѣть передъ барышней не оставалось больше ни малѣйшаго резона. Всѣ это поняли и стали вглядываться, стоя, въ серебрившуюся подъ луннымъ блескомъ даль. Степанида же, пригнувшись ко мнѣ, начала разсказывать, какія причины были у всѣхъ у нихъ обожать папеньку и оказывать ему безпредѣльную преданность. Съ ранняго дѣтства являлся онъ ихъ заступникомъ передъ суровымъ старымъ княземъ и покойницей княгиней. Но особенно многимъ обязаны ему были люди, вызвавшіеся сопровождать насъ.

— Отца Якова онъ отъ ссылки на Сибирь спасъ. Человѣкъ былъ большого ума и страсть какой непокойный, съ дурными людьми связался, вошелъ съ ними въ стачку усадьбу въ Радостномъ обокрасть, чтобъ потомъ съ награбленнымъ имуществомъ, черезъ Польшу, за границу бѣжать. Онъ тамъ бывалъ съ бариномъ. Отецъ Якова былъ тогда молодъ и приставленъ къ князю вторымъ камердинеромъ. Ну, и насмотрѣлся за границей другихъ порядковъ, чѣмъ у насъ, и какъ вернулся, все въ умѣ держалъ, какъ бы туда опять попасть, да съ деньгами, чтобъ важную фигуру тамъ изъ себя разыграть. Понятно, что при такомъ настроеніи служба въ господскомъ домѣ ему на умъ не шла. Сгрубилъ что-то такое старшему камердинеру (теперь уже давно покойному, онъ былъ лѣтъ на двадцать старше покойнаго князя), вотъ его, раба божія, въ наказаніе и сослали въ деревню, подъ начало управляющаго изъ нѣмцевъ. Стали его жучить, на черной работѣ морить хуже, чѣмъ простого мужика, а онъ мужицкой работы никогда и не дѣлывалъ, родился въ барскомъ домѣ отъ любимой княгининой камерфрейлины и привыкъ съ барскаго стола кушать, да съ господами завсегда играть и веселиться. Да что! Даже грамотѣ и всему прочему обучили его вмѣстѣ съ господами у нашего приходскаго дьячка. Приказчика, довѣреннаго человѣка, изъ него готовили, а онъ и показалъ себя: какъ попалъ въ опалу, не стерпѣлъ и съ разбойниками въ стачку вошелъ... Все раскрылось, и быть бы ему кнутомъ на площади битымъ да въ Сибирь угнаннымъ, кабы не князь Борисъ. Ужъ какимъ манеромъ выпросилъ онъ ему прощеніе, мы такъ и не узнали, но только вышло такъ, что за мѣсто всякаго другого наказанія, выслали его съ обозомъ въ Уфимскую деревню, да тамъ на ссыльной же дѣвицѣ женили. Вотъ этотъ самый Яшка, ихъ сынокъ. Какъ отецъ-то его умеръ, его трехлѣтнимъ мальченкой съ матерью къ намъ въ Москву привезли. Ей отвели комнатку въ флигелѣ (тамъ теперь старушка Лукерья живетъ), а мальчика взяли въ комнату. Все-то онъ, бывало, у насъ промежъ ногъ толчется, забавный такой, всѣ его любили и баловали, господа и люди. Мать его недавно умерла, всего только года два тому назадъ, съ полгода такъ, послѣ кончины стараго барина...

— Я ее помню, Валентиной ее звали,—сказала я.

— Какъ не помнить! Для нея, бывало, не было бòльшаго удовольствія, какъ изъ двери на васъ смотрѣть, когда вы учитесь, или слушать, какъ вы поете. Сколько разъ, бывало, какъ увидишь, что вы изволили за клавикорды сѣсть, побѣжишь къ ней во флигель или Яшку пошлешь ей сказать, что княжна пѣть собирается, сейчасъ это прибѣжитъ...

— А Степану что папенька хорошаго сдѣлалъ?—спросила я.

Если Степанида начала этотъ разговоръ съ цѣлью дать иное,

болѣе пріятное направленіе моимъ мыслямъ и чувствамъ, то она вполнѣ въ этомъ успѣла: ничто не могло меня такъ утѣшить и успокоить въ эти страшныя минуты, какъ увѣренность въ любви моихъ спутниковъ къ нашему отцу и убѣжденіе, что онъ заслужилъ эту любовь и преданность. Какъ оказалось, и Степанъ имѣлъ причины благодарить судьбу за то, что зависѣлъ отъ князя Бориса Романовича, а ужъ про Ефрема и говорить нечего, онъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ и будущностью своихъ дѣтей, которыя были помѣщены на выучку къ людямъ опытнымъ и знающимъ, былъ обязанъ своему барину. Тутъ только узнала я вещь, которая меня крайне удивила, и обрадовала вмѣстѣ съ тѣмъ: папеньку крѣпостные любили несравненно больше, чѣмъ его брата, несмотря на легкомысліе перваго и благоразуміе второго.

— Никогда онъ въ рабѣ своемъ человѣка не забываетъ,— сказала Степанида, повторяя, безъ сомнѣнія, чужія слова, потому что врядъ ли въ то время, когда ей было всего только двадцать лѣтъ, способна была она понимать смыслъ этихъ словъ.

А время между тѣмъ шло, и спутники наши начинали ужъ безпокоиться продолжительнымъ отсутствіемъ ихъ посланца, когда наконецъ послышался лошадиный топотъ и скрипъ колесъ со стороны лѣса, изъ котораго мы выѣхали.

— Не онъ! Ему надо совсѣмъ не съ той стороны ѣхать,—сказала Степанида, подходя къ группѣ, присматривавшейся и прислушивавшейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крылечка, на которомъ я продолжала сидѣть.

Ей не отвѣчали. Повидимому, появленіе экипажа изъ лѣса всѣхъ заинтриговало. Наконецъ, показалась телѣга, запряженная одною лошадью, направлявшаяся прямо въ нашу сторону.

— Все равно и отъ этихъ что нибудь узнаемъ,—проговорилъ Ефремъ, дѣлая нѣсколько шаговъ навстрѣчу подъѣзжающимъ.

Ихъ было двое, лошадью правилъ монахъ, а въ телѣгѣ сидѣлъ нашъ Кузька.

— Изъ монастыря монаха привезъ,—радостно прошептала Степанида, которая ко мнѣ вернулась и вмѣстѣ со мною съ нетерпѣніемъ смотрѣла на приближавшихся.

Наконецъ, они подъѣхали почти къ самому крылечку, и я поднялась, чтобъ привѣтствовать незнакомца, безъ сомнѣнія, пріѣхавшаго съ доброю цѣлью.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

XII.

Одесса.—Квартира на Балкѣ.—Новый командующій ополченіемъ.—Мое назначеніе къ нему адъютантомъ.—Пріѣздъ императора Александра Николаевича.—Царскій смотръ.—Графъ Толстой.—Одесскій клубъ.—Новые знакомые.—Архіерей Иннокентій.—Мои служебныя занятія.—Прикомандированіе дружинъ къ полкамъ.—Полковой командиръ Мазараки.—Встрѣча 1856-го года.—Генералы Сухозанетъ и Непокойчицкій.—Мое пребываніе въ с. Кубанкѣ.—Ростопчинъ и Мазараки.—Мое возвращеніе въ Одессу.—Арестъ Ростопчина.—Миръ.—Обратный походъ въ Москву.—Мой отъѣздъ.—Офицеръ X. и мой камердинеръ.

РОСТОПЧИНЪ, 28-го октября, оставивъ дружину близъ самой Одессы, поѣхалъ со мною въ этотъ окончательный пунктъ нашего трехмѣсячнаго странствованія.

Одесса, въ 1856 году, представляла обширный, красиво застроенный городъ на высокомъ берегу Чернаго моря, вдоль котораго шелъ прекрасный бульваръ, обсаженный южными акаціями. Каменные дома, большею частью итальянскаго стиля, широкія улицы, окаймленныя пирамидальными тополями, и вездѣ множество народа различнаго типа, особенно греческаго, рѣзко отличали этотъ городъ отъ прочихъ большихъ русскихъ городовъ.

Въ первый день моего пріѣзда, я возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе продолжительнаго похода и отъ души пора-

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 403.

довался возможности поселиться въ большомъ городѣ, награжденномъ природою такимъ теплымъ климатомъ, что въ тотъ же вечеръ я наслаждался чаепитіемъ на балконѣ моей комнаты въ Европейской гостиницѣ. Море и южная природа, никогда мною еще не виданныя, были для меня такъ новы и заманчивы, что на нѣкоторое время я позабылъ и Кіевъ и Москву...

Ратники нашей дружины помѣстились въ Сабанскихъ казармахъ, а офицеры — въ частныхъ домахъ. Ростопчинъ же нанялъ для себя и канцеляріи, вблизи казармъ, меблированную квартиру, уступивъ мнѣ одну комнату за 25 рублей въ мѣсяцъ. Обѣдая вмѣстѣ съ графомъ, я уплачивалъ ему за обѣдъ не деньгами, а виномъ: онъ кормилъ меня, а я поилъ его, и думаю, что графъ не былъ въ накладѣ, такъ какъ обѣдъ состоялъ изъ двухъ, трехъ блюдъ, а вина вливалось въ его утробу весьма почтенное количество. Совмѣстная моя съ нимъ жизнь продолжалась очень недолго: я неожиданно получилъ новое назначеніе, и вотъ какимъ образомъ.

Графъ Строгоновъ, проводивъ ополченіе до Одессы, отправился въ Москву, передавъ свою должность старшему изъ дружинныхъ начальниковъ, дѣйствительному статскому совѣтнику графу Толстому, а какъ адъютантъ начальника ополченія Бибиковъ подалъ въ отставку, то Толстой предложилъ мнѣ занять его мѣсто. Польщенный избраніемъ меня на такую видную по ополченію должность, я съ радостью принялъ ее, въ полной увѣренности окончательно разстаться съ Ростопчинымъ, но онъ, получивъ извѣстіе о поступленіи Черткова на ординарцы къ командующему среднею арміею, упросилъ Толстого, при назначеніи меня его адъютантомъ, оставить и дружиннымъ адъютантомъ. Подобная комбинація, создавая изъ меня, одновременно, совмѣстителя двухъ должностей—высшей и низшей, оказалась, какъ увидимъ послѣ, не только незаконною, но и въ высшей степени комичною, а множество занятій по ополченію и ничтожность ихъ по дружинѣ побудили меня переѣхать въ Европейскую гостиницу, гдѣ находился Толстой съ своею канцеляріею.

Въ началѣ ноября, императоръ прибылъ изъ Крыма въ Одессу и назначилъ смотръ мѣстнымъ войскамъ, въ томъ числѣ и московскому ополченію. Вѣсть о царскомъ смотрѣ крайне перепугала дружинныхъ начальниковъ, опасавшихся, чтобы ратники не предстали предъ его величествомъ въ видѣ толпы плохо обученныхъ мужиковъ, и только надежда на извѣстную доброту и милость государя нѣсколько успокоивала начальствующихъ лицъ. Струхнули также Толстой и я, увѣренные, что мы оба, парадируя во главѣ ополченія, надѣлаемъ немало несообразностей, впрочемъ, по нашему личному мнѣнію, вполнѣ извинительныхъ для графа, какъ прежняго сенатскаго оберъ-прокурора, а для меня, какъ бывшаго архивнаго чиновника. Въ день смотра погода была ясная и очень теплая. Въ 10 часовъ утра, когда всѣ дружины стояли на военномъ полѣ,

на своихъ мѣстахъ, а я находился верхомъ подлѣ Толстого, ко мнѣ подскакалъ Ростопчинъ съ просьбою помѣняться съ нимъ лошадью, увѣряя, что лошадь его, прозванная имъ «Екатериною Ивановною» [1]), горячится и не стоитъ смирно. Считая себя хорошимъ ѣздокомъ, я тутъ же пересѣлъ на «Екатерину Ивановну» и нашелъ, что она была скромна и тиха, какъ барашекъ, и если прыгала и скакала у графа, то, вѣроятно, вслѣдствіе его собственнаго, раздраженнаго состоянія по случаю предстоявшаго смотра и постоянно впускаемыхъ въ ея бока острыхъ шпоръ.

Наконецъ, настала очередь ополченію итти церемоніальнымъ маршемъ передъ императоромъ. Когда Толстой, имѣвшій меня позади себя, повелъ дружины, то я догадался, что не знаю, какъ салютовать государю, т.-е. долженъ ли держать руку подъ козырекъ, или отдать честь саблею, и, спросивъ о томъ Толстого, получилъ слѣдующій отвѣтъ: «mon cher, c'est la question que je voulais vous faire moi-même!..», но какъ мы находились уже вблизи государя, и не было времени для разсужденій, то графъ, держа въ рукѣ саблю, отсалютовалъ ею его величеству, а я приложился къ козырьку... къ счастью, наши салюты случайно оказались правильными [2]). Но вслѣдъ за нами иначе отличились: Ростопчинъ и одинъ дружинный казначей!—первый, парадируя во главѣ дружины, отдалъ честь государю лишь на половину, держа все время саблю передъ своимъ лицомъ и опустивъ ее только, когда сталъ позади его величества. Такая непростительная ошибка для бывшаго военнаго была замѣчена ему императоромъ. Казначей же, проѣзжая верхомъ передъ дружиннымъ обозомъ, поровнявшись съ государемъ, остановилъ свою лошадь, слѣзъ съ нея, вытянулся во фронтъ, приложился къ козырьку и, низко поклонившись, снова вскочилъ на лошадь, продолжая путь въ полной увѣренности, что исполнилъ свою обязанность не хуже другихъ. Неожиданныя гимнастическія упражненія казначея не имѣли для него, по милости рѣдкой доброты государя, никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Произошли ли на смотрѣ другіе подобные эпизоды—не знаю, но

---

[1]) Въ числѣ странныхъ причудъ Ростопчина было обыкновеніе называть своихъ лошадей и собакъ человѣческими именами, а служившихъ у него крѣпостныхъ людей безсмысленными кличками: такъ, своего камердинера Артемія онъ прозвалъ «Вапоромъ».

[2]) 2-го іюня 1865-го года, когда я былъ объявленъ женихомъ жены моей, дочери генералъ-адъютанта Юрьевича, проживавшаго въ то время на своей дачѣ въ Павловскѣ, государь посѣтилъ его и въ милостивомъ со мною разговорѣ спросилъ о моей прежней службѣ. На мой отвѣтъ, что я началъ службу въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а позже, въ крымскую кампанію, находился въ московскомъ ополченіи, государь, улыбнувшись, сказалъ: «Помню васъ, я видѣлъ ополченіе въ Одессѣ, ну, хороши же вы были!», тогда я позволилъ себѣ разсказать выше приведенный случай о салютѣ его величеству, который и вызвалъ продолжительный смѣхъ государя.

всѣ ополченскіе офицеры удостоились высочайшаго благоволенія, со внесеніемъ его въ формуляръ.

Первое время моего пребыванія въ Одессѣ я провелъ довольно пріятно, хотя значительно утомлялся моими новыми служебными занятіями, поглощавшими всѣ утренніе часы, а иногда и послѣобѣденные. Особенно много времени отнимали у меня циркуляры, которыхъ набиралось нерѣдко до пяти и болѣе въ день, а какъ разсылка ихъ по дружинамъ, каждой отдѣльно, составляла массу бумагъ за моею подписью, то провѣрка ихъ отнимала у меня много времени.

Вначалѣ на всѣхъ бумагахъ, по приказанію Толстого, я подписывался «адъютантомъ», нисколько не подозрѣвая, что не только по моему чину не имѣю на то никакого права, но уже и потому, что не было вовсе приказа по ополченію о моемъ назначеніи въ эту должность. О такой неправильности, указанной мнѣ однимъ изъ нашихъ писарей, я тотчасъ сообщилъ графу, но онъ и послѣ того не нашелъ нужнымъ отдать о моемъ назначеніи особый приказъ, увѣряя, что все это пустяки, и ограничился тѣмъ, что попросилъ меня подписываться «въ должности» или «за адъютанта».

Графъ Толстой былъ человѣкъ умный, благородный, добрый и благовоспитанный. Со всѣми привѣтливый, онъ рѣдко сердился и никогда не возвышалъ голоса, но гнѣвъ его выражался особымъ, своеобразнымъ образомъ: губы его расширялись и принимали ехидное выраженіе, а носъ испускалъ легкое фырканіе. Отличительными чертами его характера были трусливость, доходившая до смѣшного при словѣ «высшее начальство», и лѣность, заставлявшая его по цѣлымъ днямъ лежать въ халатѣ на диванѣ. Были ли у него друзья и привязанности—мнѣ неизвѣстно, но въ Одессѣ онъ ни съ кѣмъ не сходился и не сближался и былъ привязанъ только къ своему неразлучному спутнику—старой лягавой собакѣ, платившей ему, въ свою очередь, рѣдкою привязанностью. Умная и добрая собака была, подобно своему хозяину, очень труслива и отъ всѣхъ пряталась, особенно при видѣ пса больше и выше ея ростомъ. Ко мнѣ же она была довольно равнодушна и не ласкалась, но нисколвко не боялась меня, вѣроятно, потому, что сознавала положеніе свое при командующемъ ополченіемъ несравненно выше званія его адъютанта.

Отношенія графа ко мнѣ были самыя любезныя, и вслѣдствіе сосѣдства нашихъ комнатъ, раздѣленныхъ лишь канцеляріею, всѣ начальническія и подчиненныя формальности были уничтожены. Разъ только, и то въ началѣ моего адъютантства, случилось обстоятельство, поразившее меня своею неумѣстностью: графъ, вставъ утромъ не въ духѣ и, при моемъ докладѣ, подписывая молча и нервно бумаги, ехидно улыбался, испуская носомъ какіе-то звуки. Вдругъ, сломавъ перо и бросивъ его на полъ, сказалъ мнѣ: «по-

дымите перо!» Не привыкнувъ къ исполненію подобныхъ приказаній, я удивленно посмотрѣлъ на него и приказалъ находившемуся въ комнатѣ писарю поднять перо. Тогда мой начальникъ какъ-то странно взглянулъ на меня и сердито сказалъ: «отчего вы не подняли пера?»—Я отвѣтилъ: «для этого есть писарь и лакеи, а я вашъ адъютантъ!»—Послѣ такого спокойнаго и твердаго отвѣта Толстой сконфузился, покраснѣлъ, какъ ракъ, и сквозь зубы проворчалъ: «это моя старая привычка,—я привыкъ въ сенатѣ, чтобы чиновники поднимали мои перья!» — Вслѣдъ затѣмъ протянулъ мнѣ руку, какъ бы въ знакъ примиренія желая загладить свой странный и неумѣстный поступокъ.

Что касается до моихъ занятій по дружинѣ, то они были ничтожны, а какъ Ростопчинъ переѣхалъ также въ нашу гостиницу, мнѣ уже не трудно было, два раза въ день, забѣгать въ его канцелярію для подписи бумагъ, составлявшихся вполнѣ свѣдущимъ писаремъ, находившимся при дружинѣ со дня ея сформированія.

Посвящая утро занятіямъ, я проводилъ часть вечера въ мѣстномъ клубѣ за чтеніемъ газетъ или въ разговорахъ съ прибывшими въ Одессу офицерами, какъ ополченскими, такъ и вновь сформированнаго стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи. Въ числѣ послѣднихъ находились мои старые московскіе пріятели: Еремѣевъ [1]) и Ермоловъ [2]); черезъ нихъ я познакомился почти со всѣми офицерами баталіона, въ которомъ служили тогда и два петербургскіе аристократы-богачи: графъ Бобринскій [3]) и князь Гагаринъ [4]), оба милые, умные и образованные молодые люди.

Но умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ изъ всѣхъ офицеровъ былъ безспорно графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, впослѣдствіи извѣстный писатель, авторъ «Князя Серебрянаго». Несмотря на свое видное уже, въ то время, общественное положеніе вслѣдствіе особаго благосклоннаго къ нему расположенія императора Александра Николаевича, Алексѣй Константиновичъ былъ тогда, какъ и во всю свою остальную жизнь, скромнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ. Чрезвычайно мягкаго характера и рѣдкаго остроумія, онъ

---

[1]) Дмитрій Павловичъ, въ то время адъютантъ баталіона, замѣчательно красивый и добрѣйшій человѣкъ. Въ Одессѣ онъ находился съ своею молодою, милѣйшею женою, Ольгою Дмитріевною, рожденною Скуратовою. Позднѣе, онъ былъ симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, занимая должность помощника управляющаго дворянскимъ банкомъ.

[2]) Григорій Петровичъ, нынѣ генералъ-майоръ, благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, заслужившій уже въ молодости глубокое уваженіе всѣхъ знавшихъ его. Впослѣдствіи я былъ настолько счастливъ, что сблизился съ нимъ и пріобрѣлъ искреннюю, могу сказать, братскую дружбу этого рѣдкаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

[3]) Алексѣй Павловичъ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія и извѣстный послѣдователь ученія лорда Редстока.

[4]) Левъ Николаевичъ, позднѣе московскій губернскій предводитель дворянства.

былъ искренно любимъ своими товарищами, а появленіе его въ обществѣ, среди не только молодежи, но и людей пожилыхъ, доставляло всѣмъ не одно простое удовольствіе, а какое-то отрадное чувство, превращавшееся скоро въ поклоненіе его уму и сердцу.

Въ клубѣ по вечерамъ собиралось мужское высшее одесское общество, масса военныхъ и нѣсколько севастопольскихъ героевъ, изъ которыхъ особенное вниманіе обращалъ на себя начальникъ штаба южной арміи, князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, извѣстный высокимъ образованіемъ, гуманнымъ обращеніемъ съ низшими чинами и беззавѣтною храбростью.

Изъ лицъ мѣстнаго общества, дававшихъ балы и вечера, я былъ только знакомъ съ г-жею Папудовой, красивою женою богатаго грека, одесскаго жителя, у которой можно было ежедневно встрѣтить многочисленныхъ ея поклонниковъ, въ томъ числѣ, и главнаго изъ нихъ, командующаго южною арміею генерала Лидерса.

По воскресеньямъ и праздникамъ я ходилъ къ обѣднѣ въ одесскій соборъ, гдѣ восхищался проповѣдями мѣстнаго знаменитаго архіерея Иннокентія. Проповѣди его были не только увлекательны, но и крайне своеобразны: онъ говорилъ, безъ всякой записки, просто, какъ бы разговаривая съ слушателями и поясняя имъ мнимые ихъ вопросы. Во время проповѣди умное, благообразное лице святителя принимало задумчивое и вопрошающее выраженіе, а иногда случалось, что среди своей краснорѣчивой рѣчи онъ вдругъ умолкалъ и, обращая взоръ на кого либо изъ ближайшихъ слушателей, какъ будто, ожидалъ отвѣта на свои слова. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ продолжалъ рѣчь, обращаясь уже къ другому лицу. Проповѣди его производили сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, вызывая ихъ слезы, а, быть можетъ, и душевное покаяніе.

Въ концѣ года ополченіе испытало неожиданную непріятность: приказомъ по южной арміи дружины были прикомандированы къ армейскимъ полкамъ, въ видѣ прибавочнаго баталіона. Такое прикомандированіе подъ начальство никому неизвѣстныхъ полковыхъ командировъ вызвало немалое негодованіе ополченскихъ офицеровъ и особенно дружинныхъ начальниковъ. Негодованіе это, впрочемъ, было весьма понятно, такъ какъ дворяне, записываясь въ ополченіе, сами, по своему усмотрѣнію, избирали дружину и дружиннаго командира, а послѣдніе, считая себя отдѣльными начальниками и имѣя лишь отношеніе къ одному начальнику ополченія, не могли помириться съ мыслію о неожиданномъ подчиненіи ихъ командирамъ армейскихъ полковъ.

Нѣкоторые офицеры собирались даже выйти въ отставку, но путь этотъ оказался имъ прегражденнымъ послѣдовавшимъ новымъ приказомъ по арміи объ увольненіи въ отставку или отпускъ только тѣхъ ополченскихъ офицеровъ, которые, по строжайшемъ

освидѣтельствованіи военными врачами, окажутся дѣйствительно больными и неспособными къ военной службѣ. Этимъ освидѣтельствованіемъ, сколько припомню, воспользовался только одинъ больной, пожилой офицеръ Волоколамской дружины, поручикъ Смирновъ. Остальные же, обрѣтаясь въ вожделѣнномъ здравіи, не смѣли прибѣгнуть къ столь рискованному способу и поневолѣ остались подъ командою полковыхъ командировъ и подъ фиктивнымъ начальствомъ графа Толстого, котораго, несмотря на то, штабъ арміи не переставалъ заваливать всякими предписаніями, заключавшими въ себѣ довольно часто: «ordre» и «contre-ordre».

Подольская дружина вошла въ составъ Люблинскаго резервнаго полка подъ начальство полковника Мазараки. При первомъ моемъ представленіи и докладѣ ему о томъ, что въ лицѣ моемъ совмѣщаются двѣ должности—высшая и низшая, полковникъ пришелъ въ неописуемый ужасъ, не соображая, какимъ образомъ одно и то же лицо можетъ давать себѣ предписанія и получать отъ себя же донесенія!.. и онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ въ скоромъ времени одновременное исполненіе мною этихъ двухъ должностей окончилось эпизодомъ, неслыханнымъ въ рядахъ войскъ!.. мнѣ, какъ адъютанту начальника ополченія, пришлось арестовать моего начальника по дружинѣ!..

Мазараки показался мнѣ человѣкомъ благовоспитаннымъ и вовсе не походившимъ на типъ грубыхъ и невѣжливыхъ командировъ того времени. Онъ обошелся со мною чрезвычайно любезно и, отпуская меня отъ себя, сказалъ, что, желая сдѣлать пріятное Толстому, онъ оставитъ за мною незаконное исполненіе двухъ должностей, въ надеждѣ, что, невзирая на мою высшую должность, я буду, по дружинѣ, аккуратно исполнять всѣ приказанія его полкового адъютанта.

Довольный любезнымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ нашимъ новымъ командиромъ, я порадовался за дружину, что она попала подъ его начальство, но когда я сообщилъ о томъ Ростопчину, не видавшему еще Мазараки, то по тону графа и злобному выраженію глазъ догадался, что онъ не только не будетъ, но и не желаетъ быть съ полковникомъ въ ладу, считая для себя оскорбительнымъ состоять подъ его начальствомъ.

Почти вслѣдъ за прикомандированіемъ ополченія къ полкамъ, командующій арміею приказалъ расквартировать дружины по разнымъ селеніямъ, находившимся въ довольно дальнемъ разстояніи отъ Одессы. Распоряженіе это произвело новое неудовольствіе между офицерами, не предполагавшими такъ скоро покинуть пріятный городъ для того, чтобы прозябать въ скучнѣйшихъ молдаванскихъ деревняхъ или нѣмецкихъ колоніяхъ. Ростопчинъ и его дружина отправились въ селеніе Кубанку. Графъ едва ли не былъ единственный офицеръ, радовавшійся своему отъѣзду, и только по-

тому, что въ Кубанкѣ онъ надѣялся рѣже видѣть ненавистное ему лицо своего полкового командира. Я же, по настоянію Толстого, остался при немъ и былъ замѣненъ въ дружинѣ другимъ офицеромъ, назначеннымъ временно исправлять мои адъютантскія обязанности.

По отбытіи ополченія, я вздохнулъ свободно: переписка со штабомъ арміи почти совсѣмъ прекратилась. Имѣя много свободнаго времени, я сталъ усердно посѣщать знакомыхъ мнѣ офицеровъ стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи, изъ которыхъ въ то время многіе болѣли тифомъ, но, къ счастью, всѣ выздоровѣли за исключеніемъ только одного Сергѣя Николаевича Сипягина [1]). Въ ту зиму тифъ свирѣпствовалъ въ Одессѣ и особенно сильно среди войскъ южной арміи. Достойно замѣчанія, что всѣ заболѣвшіе имъ стрѣлковые офицеры, лѣчившіеся холодными обливаніями у извѣстнаго одесскаго врача Линка, выздоровѣли, и только умеръ одинъ Сипягинъ, лѣчившійся у другихъ врачей и другими средствами.

Новый 1856 годъ я встрѣтилъ въ залѣ одесскаго дворянскаго собранія, гдѣ въ тотъ вечеръ собралось высшее мѣстное общество и почти всѣ представители южной арміи. Въ полночь, старшій изъ находившихся тамъ генераловъ, Липранди, поднялъ бокалъ и поздравилъ присутствующихъ съ новымъ годомъ, пожелавъ всѣмъ счастія, а военнымъ—успѣховъ на полѣ брани...

Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастіемъ!—раздавалось со всѣхъ сторонъ,—я тоже поднялъ бокалъ, и... слеза покатилась изъ глазъ... въ эту минуту живо представилось мнѣ былое время, когда я встрѣчалъ новый годъ въ моей дорогой Москвѣ, съ моими родителями, а потомъ съ друзьями тихо, безмятежно, съ полною надеждою на свѣтлое будущее, а тутъ, въ одиночествѣ, вдали отъ родного города, среди почти незнакомыхъ людей и въ тревожномъ невѣдѣніи о дальнѣйшей своей судьбѣ... минута была грустная! Вернувшись домой, я былъ несказанно радъ обнять моего слугу Андрея Петровича и пожалѣлъ, что поѣхалъ въ собраніе и не встрѣтилъ новаго года вмѣстѣ со старикомъ и нашими общими съ нимъ воспоминаніями.

Наступившій годъ принесъ важную новость: на мѣсто командующаго южною арміею Лидерса, назначеннаго главнокомандующимъ всѣми военными силами въ Крыму, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, а начальникомъ его штаба генералъ Непокойчицкій.

---

[1]) Главноуправляющій комиссіею прошеній, на высочайшее имя подаваемыхъ, а дочь Александра Сергѣевна вышла за героя—моряка Дубасова. Вдова же Сергѣя Николаевича, рожденная Красовская, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти мужа, вступила въ бракъ съ егермейстеромъ, княземъ Васильемъ Васильевичомъ Мещерскимъ.

Сухозанетъ былъ дряхлый, страшно худой и согбенный старикъ. Умный, благородный, добрый человѣкъ, онъ не могъ похвастаться особымъ образованіемъ и еще менѣе знаніемъ русскаго языка, дѣлая въ своихъ писанныхъ резолюціяхъ массу ошибокъ, бывшихъ предметомъ забавъ и остротъ его подчиненныхъ. Жена его, рожденная княжна Яшвиль, была дама пожилая, важная, строгая и замѣчательно умная. Мужественная фигура ея, большіе черные глаза и величественный, горбатый носъ, придавая ей видъ «восточнаго человѣка», послужили поводомъ штабнымъ ея мужа прозвать ее «туркомъ» или «султаномъ». Старики Сухозанеты жили дружно и любили другъ друга. Въ доказательство ихъ взаимной любви и даже нѣжности, приведу одно обстоятельство, сдѣлавшееся въ теченіе зимы извѣстнымъ всѣмъ военнымъ по милости нескромности ближайшихъ подчиненныхъ генерала. Они разсказывали, что по утрамъ, когда пріемная Сухозанета была полна лицами, ожидавшими его выхода, адъютанты и ординарцы часто должны были просить ихъ повременить, увѣряя, что генералъ «еще занятъ». Занятія же, по словамъ тѣхъ же штабныхъ, состояли будто бы въ томъ, что жена командующаго арміею приходила въ это время въ его кабинетъ, садилась къ нему на колѣни и нѣжно цѣловала его въ губы. Не знаю, насколько было правды въ этихъ разсказахъ, но они распространялись приближенными къ Сухозанету, увѣрявшими, что нѣжныя сцены между старыми супругами были ими подмѣчены черезъ замочную щелку его кабинетныхъ дверей.

Начальникъ штаба Непокойчицкій былъ еще молодой генералъ, извѣстный своимъ умомъ, военнымъ образованіемъ и даже ученостью. Повидимому, онъ былъ строгій и взыскательный начальникъ. Говорю это потому, что однажды, выходя изъ госпиталя, гдѣ я навѣщалъ больныхъ ратниковъ, я увидалъ ѣхавшаго по улицѣ Непокойчицкаго и, не успѣвъ надѣть на правую руку перчатку, приложился къ козырку обнаженною рукою. Казалось бы, вина была не большая, особенно для ополченца, но начальникъ штаба, замѣтивъ это, велѣлъ сказать мнѣ черезъ своего ординарца Озерова, моего московскаго пріятеля, что буде повторится еще разъ подобное, то онъ посадитъ меня подъ арестъ. Благодаря Бога, подобное не повторилось: я никогда болѣе не встрѣчалъ на улицѣ строгаго генерала. Оставшись, какъ я выше сказалъ, почти безъ занятій, я, съ дозволенія Толстого, отправился на нѣкоторое время въ дружину, желая узнать, что въ ней творится при новыхъ порядкахъ. Пріѣхавъ въ довольно грязное молдаванское селеніе «Кубанку» и вступивъ въ тотъ же день въ исправленіе моей дружинной должности, я нашелъ Ростопчина въ крайне раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе присылки полковымъ командиромъ въ дружину одного изъ своихъ офицеровъ для обученія ея воинскому

уставу. При первомъ моемъ знакомствѣ съ прибывшимъ учителемъ, милымъ, веселымъ и обязательнымъ молодымъ человѣкомъ, я убѣдился, что онъ уже тяготился своими обязанностями, подвергаясь постоянымъ насмѣшкамъ Ростопчина.

Дня черезъ два послѣ моего пріѣзда, Мазараки назначилъ смотръ дружинѣ. Графъ, не проявлявшій до того времени явно затаенной къ своему полковому командиру злобы, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ первый разъ выказать ему пренебреженіе, встрѣтивъ его пѣшкомъ и не сѣвъ вовсе на лошадь въ продолженіе смотра и церемоніальнаго марша, между тѣмъ какъ полковой командиръ и адъютантъ его прибыли верхомъ. Поступокъ графа, какъ казалось, не обратилъ на себя особаго вниманія его начальника, однако послѣ смотра, отправившись завтракать къ Ростопчину, онъ прочелъ ему въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, маленькую лекцію объ обязанностяхъ военныхъ людей и сказалъ, между прочимъ, что ополченцамъ нужно еще многому учиться въ силу извѣстнаго изреченія, что «ученье свѣтъ, а неученье тьма».

Послѣ этого завтрака Ростопчинъ окончательно возненавидѣлъ своего полкового командира и, вѣроятно, тогда же въ душѣ своей поклялся «пакостить ему», потому что вслѣдъ за смотромъ онъ донесъ рапортомъ, что присланный офицеръ не можетъ обучать дружину, вслѣдствіе внезапно проявившагося у него сумасшествія, чему имѣются явныя доказательства не только у самого графа, но и у всѣхъ офицеровъ, а потому и просилъ возвратить его въ полкъ для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей... Въ этомъ рапортѣ отъ перваго слова до послѣдняго была наглая ложь! Несмотря на то, молодой человѣкъ былъ отозванъ въ полкъ; но чѣмъ окончилось изслѣдованіе мнимаго его сумасшествія, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ Мазараки не далъ этому дѣлу дальнѣйшаго хода, и, вѣроятно, потому, что послѣ подобнаго рапорта онъ самъ усомнился въ порядкѣ умственныхъ способностей не своего офицера, а дружиннаго командира. Все это произошло въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, мною проведенныхъ въ Кубанкѣ, и, ожидая отъ графа еще болѣе несообразныхъ дѣйствій, я крайне обрадовался приказанію графа Толстого вернуться въ Одессу, гдѣ присутствіе мое оказывалось нелишнимъ по случаю возникшей снова переписки штаба арміи съ командующимъ ополченіемъ.

Почти одновременно съ моимъ возвращеніемъ, пришло извѣстіе о заключенномъ съ непріятелемъ перемиріи, и вслѣдствіе того явилась нѣкоторая надежда на заключеніе окончательнаго мира. Мысль о мирѣ для большей части военныхъ была непріятна. Они находили, что, при нашихъ неудачахъ въ Крыму и особенно при нахожденіи Севастополя въ непріятельскихъ рукахъ, необходимо было продолжать военныя дѣйствія и не помышлять о заключеніи мира ранѣе одержанной побѣды надъ непріятелемъ. Мнѣніе это,

можетъ быть, и основательное, раздѣлялось, однако, не всѣми: многіе находили, что императоръ Александръ Николаевичъ, не начавъ самъ войны, имѣлъ неотъемлемое право, ради прекращенія кровопролитія, заключить миръ, хотя бы въ ущербъ нашимъ интересамъ.

Въ половинѣ февраля наша дружина возвратилась въ Одессу. Очутившись опять двойнымъ адъютантомъ и опасаясь подвергнуться по милости Ростопчина какимъ либо непріятностямъ, я отказывался подписывать тѣ изъ его рапортовъ полковому командиру, которые казались мнѣ не достаточно вѣжливыми и несогласными съ долгомъ службы, и на которые онъ не скупился послѣ того, что совершенная имъ незадолго до выступленія дружины изъ Кубанки новая и совсѣмъ уже безумная дерзость осталась безнаказанною. Она заключалась въ слѣдующемъ. Мазараки поручилъ двумъ своимъ офицерамъ, майору и капитану, произвести инспекторскій смотръ дружинѣ. Офицеры эти явились къ Ростопчину и любезно предложили ему назначить, по его усмотрѣнію, день и часъ смотра. Назначивъ на слѣдующій день девять часовъ утра, графъ собралъ къ этому времени дружину и сталъ ожидать прибытія инспекторовъ, но, такъ какъ они опоздали на десять минутъ, то графъ, вмѣсто подачи надлежащаго рапорта, грозно закричалъ:

— Я назначилъ смотръ въ девять часовъ, а вы опоздали и осмѣлились мнѣ манкировать! — затѣмъ, обратившись къ своему офицеру, исправлявшему, за моимъ отсутствіемъ, должность адъютанта, сказалъ: — Арестуйте ихъ!..

Инспектора, не сказавъ ни слова, взглянули на него, какъ глядятъ на какого нибудь полоумнаго, и ушли... Тѣмъ и кончился этотъ небывалый въ военной службѣ инспекторскій смотръ, а Ростопчинъ, не подвергшійся, какъ я выше сказалъ, за свой проступокъ ни выговору, ни даже замѣчанію, сталъ, по возвращеніи въ Одессу, хвастаться передъ всѣми своими знакомыми храбрыми, по мнѣнію его, подвигами и еще болѣе досаждать дерзкими рапортами полковому командиру. Наконецъ, терпѣніе Мазараки лопнуло, и, пригласивъ меня къ себѣ, онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

— Кто осмѣливается писать такіе дерзкіе рапорты?

Удивленный такимъ страннымъ вопросомъ, такъ какъ рапорты подписывались однимъ командующимъ дружиною, я отвѣтилъ:

— Графъ Ростопчинъ.

— Вы мнѣ говорите это офиціально?

— Точно такъ, — сказалъ я.

— Хорошо, — прибавилъ онъ: — прощайте, а я знаю, что дѣлать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Толстой получилъ предписаніе отъ командующаго арміею отправить Ростопчина подъ арестъ на главную гауптвахту, а мнѣ, какъ адъютанту начальника ополченія, приказано было свезти туда моего дружин-

наго начальника!.. Таковъ былъ результатъ исправленія мною двухъ несовмѣстныхъ должностей—высшей и низшей! Но, такъ какъ никто, кромѣ меня, не обратилъ вниманія на подобную служебную нелѣпость, то Толстой, посмѣявшись вдоволь надъ препровожденіемъ графа Ростопчина на гауптвахту подъ присмотромъ его же адъютанта, попросилъ меня никому не говорить о такомъ приключеніи, столь противномъ военному уставу.

Ростопчинъ, узнавъ о своемъ арестѣ, нисколько не сѣтовалъ на него, а, напротивъ, казалось, забавлялся имъ. Войдя на гауптвахту, гдѣ ему приходилось провести нѣсколько дней въ компаніи другихъ арестованныхъ офицеровъ, онъ залился своимъ обычнымъ глупымъ смѣхомъ и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Господа, какъ здѣсь воняетъ!

Послѣ этого началъ поливать одеколономъ стѣны комнаты, мебель и самихъ офицеровъ. Но, по окончаніи ареста, графъ не оказался столь смиреннымъ агнцемъ и, не имѣя болѣе возможности излить свою злобу на Мазараки, обратилъ ее на Толстого, сдѣлавъ ему въ клубѣ за допущеніе его ареста дерзкую сцену, сопровождавшуюся криками и угрозами. Ни въ чемъ неповинный Толстой, испугавшись своего разсвирѣпѣвшаго подчиненнаго, не сказалъ ему ни слова, убѣжалъ изъ клуба и съ тѣхъ поръ не возвращался туда, избѣгая всячески встрѣчи съ этимъ, по его выраженію, «дикимъ и бѣшенымъ человѣкомъ».

6-го марта, миръ былъ окончательно заключенъ къ великой радости ополченцевъ, проведшихъ всю зиму въ полномъ бездѣйствіи и нетерпѣливо ожидавшихъ возобновленія военныхъ дѣйствій или возвращенія на родину. Хотя заключенный миръ былъ далеко не въ нашу пользу и даже нѣсколько оскорбителенъ для русскаго самолюбія, но я долженъ сознаться, что, несмотря на мой патріотизмъ, я тоже очень обрадовался ему, какъ предвѣстнику нашего возвращенія въ Москву, и, дѣйствительно, надежда эта сбылась: въ скоромъ времени ополченіе получило приказаніе вернуться въ свои уѣзды.

Когда дружины выступили въ обратный путь, то въ Одессѣ, осталось только три ополченца: Толстой, я и мой братъ, получившій отпускъ въ Москву. Графъ, оставаясь безъ должности по случаю возвращенія нашего прежняго начальника графа Строгонова, ожидавшаго ополченіе въ Вознесенскѣ, намѣревался ѣхать въ Москву и, въ виду моего тогдашняго нѣсколько разстроеннаго здоровья и значительнаго утомленія, вслѣдствіе усиленныхъ занятій за послѣднее время, предложилъ мнѣ отпускъ для сопровожденія его въ Москву. Не трудно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ и благодарностью принялъ я предложеніе графа, подававшее мнѣ надежду увидать черезъ нѣсколько дней родной городъ, друзей, пріятелей и, наконецъ, избавиться отъ скучнѣйшаго похода...

Здоровье мое положительно требовало отдыха: я кашлялъ и до того ослабъ, что не чувствовалъ себя въ состояніи принять любезное предложеніе графа Строгонова остаться и при немъ въ должности адъютанта.

Передъ пасхою Толстой отправился на нѣсколько дней въ Вознесенскъ для свиданія съ графомъ Строгоновымъ, а я остался на свѣтлый праздникъ въ Одессѣ и на другой день съ моимъ братомъ поѣхалъ въ Вознесенскъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда продолжать дальнѣйшій путь вмѣстѣ съ Толстымъ.

Бѣгло разсказавъ о моемъ мало интересномъ пребываніи въ Одессѣ, я не упомянулъ о томъ, что въ началѣ зимы мой бывшій товарищъ X., назначенный начальникомъ одной дружины московскаго ополченія, пожелалъ, наконецъ, свести со мною прежніе счеты и уплатить мнѣ свой долгъ. Уплата эта произошла, однако, самымъ оригинальнымъ образомъ: X. долженъ былъ мнѣ около 500 рублей, а въ концѣ концовъ оказалось, что не онъ долженъ мнѣ, а я ему 350 рублей!... которые, за уплатою имъ своего долга, будто бы приходились ему за мѣсяцъ, проведенный съ нимъ въ Фетищахъ, т. е. за продовольствіе мое, моего человѣка и моей верховой лошади! Другими словами, я задолжалъ ему почти девятьсотъ рублей за ежедневный мой общій съ нимъ обѣдъ, состоявшій изъ двухъ простыхъ блюдъ и бутылки самаго дешеваго вина, да за продовольствіе моего камердинера остатками того же обѣда и кормъ лошади.

Очевидно, по этому расчету, X. кормилъ меня, камердинера и лошадь трюфелями въ кулакъ величины и вливая при томъ въ наши желудки по нѣсколько бутылокъ шампанскаго въ день... Хотя въ то время моя довѣрчивость и деликатность доходили до глупости, но такое наглое надувательство не только поразило меня, но даже сконфузило и, взявъ, какъ говорятъ французы, «mon courage à deux mains», я выразилъ X. мое крайнее удивленіе и послѣ довольно бурнаго объясненія, не желая болѣе имѣть никакого дѣла съ подобною личностью, я рѣшился уплатить ему 350 рублей при первой получкѣ денегъ изъ Москвы. Но X., требуя немедленной уплаты моего мнимаго долга, попросилъ Ростопчина выдать мнѣ въ займы эту сумму, которую графъ и передалъ ему, однако же не изъ собственныхъ денегъ, а изъ дружинныхъ, потребовавъ съ меня надлежащую росписку [1]). По удаленіи же X., Ростопчинъ, ехидно разсмѣявшись, сказалъ:

— Что, батюшка, попались? Я давно знаю, что X. за птица!

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ этой аттестаціи, данной графомъ своему бывшему офицеру, послѣдній былъ уволенъ отъ своей

---

[1]) По возвращеніи моего долга Ростопчину, при его казначеѣ, мнѣ росписки этой никто не возвратилъ.

новой должности, вслѣдствіе оказавшагося черезчуръ дурного продовольствія ратниковъ ввѣренной ему дружины и затѣмъ куда-то исчезъ... Миръ праху твоему!—подумалъ я,—спасибо и за то, что за 350 рублей ты научилъ глупаго юношу не довѣряться людямъ, подобнымъ тебѣ, услужливымъ, любезнымъ, но хитрымъ и вкрадчивымъ!

Не такъ посмотрѣлъ на это дѣло мой старый камердинеръ: онъ долго не могъ успокоиться и, при всякомъ удобномъ случаѣ, отзывался о X. въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Ахъ, мошенникъ, облапошилъ младенца! Недаромъ я не любилъ этого шустраго молодца! Погоди, братъ, попадись только мнѣ на глаза, отдѣлаю, да еще какъ! Да и Ростопчинъ хорошъ, зачѣмъ далъ деньги? — лѣшій лупоглазый!..

Упомянувъ о моемъ Андреѣ Петровичѣ, я долженъ сказать, что, во время похода и въ началѣ зимы, онъ былъ постоянно моимъ заботливымъ камердинеромъ и настоящимъ другомъ, но потомъ, соскучившись по Москвѣ и по своемъ семействѣ, сталъ часто проявлять свой врожденный, довольно непріятный и ворчливый характеръ и, подъ конецъ, сдѣлался до того грубъ и нестерпимъ, что присутствіе его становилось для меня тягостнымъ. Однажды, выведенный изъ терпѣнія, я предложилъ ему отправиться въ Москву.

— А какъ отправите?—спросилъ онъ:—пѣшкомъ, что ли? Не пойду.

— Нѣтъ, на перекладной, — отвѣтилъ я.

— На перекладной? Не поѣду—вотъ и все!

Таковъ былъ его отвѣтъ, и, конечно, старикъ попрежнему остался у меня, заслуживъ своею прямотою и честностью уваженіе Ростопчина и Толстого, несмотря на то, что онъ ихъ не долюбливалъ и, за частое нарушеніе ими седьмой заповѣди, называлъ ихъ прямо въ глаза «старыми грѣховодниками».

XIII.

Графъ Строгоновъ. — Дальнѣйшее путешествіе. — Старый Мерчикъ. — Почтмейстеръ.—Москва.—Комендантъ Кизмеръ.—Графъ Закревскій.—Обѣдъ у него.—Лиза К......а.—Мои старые знакомые.—Отъѣздъ въ Серпуховъ.—Ростопчинъ и офицеръ его дружины.—Возвращеніе дружины въ Подольскъ.—Отъѣздъ въ Москву.—Мой домъ.—Пріѣздъ царской фамиліи.—Коронація.—Празднества.—Сдача дружинныхъ дѣлъ.—Прикомандированіе къ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора. — Награда.

Пріѣхавъ въ Вознесенскъ, я немедленно отправился къ графу Строгонову поблагодарить его за желаніе оставить меня своимъ адъютантомъ и объяснить, что только вслѣдствіе моего болѣзненнаго состоянія я долженъ былъ отказаться отъ его предложенія и

ѣхать для отдыха въ Москву. Графъ радушно принялъ меня, но, мнѣ показалось, не придалъ большой вѣры разстройству моего здоровья, считая мой отказъ желаніемъ избѣгнуть обратнаго похода. Въ то же время онъ назначилъ въ свои адъютанты офицера нашей дружины, князя Ухтомскаго.

Изъ Вознесенска Толстой поѣхалъ въ Москву въ собственномъ дормезѣ, предложивъ въ немъ два мѣста мнѣ и моему брату. Одно мѣсто было внутри кареты, а другое позади, въ крытомъ сидѣніи. Въ продолженіе нашего путешествія, братъ и я попеременно мѣнялись мѣстами, а наши два камердинера ѣхали за нами на перекладной, далеко отставая отъ насъ, такъ какъ подъ карету графа давались лучшія лошади и, конечно, безъ малѣйшей задержки.

Весь путь до Москвы мы совершили пріятно безъ особой усталости, ночуя въ городахъ или на почтовыхъ станціяхъ. Почетъ Толстому былъ великій. Однажды этимъ почетомъ воспользовался я, и вотъ какимъ образомъ: на одной изъ станцій близъ Харькова графъ взялъ перекладную и отправился впередъ съ моимъ братомъ, а я одинъ поѣхалъ въ его дормезѣ. На первой станціи, гдѣ была перемѣна лошадей, я нашелъ ожидающаго меня станціоннаго смотрителя въ полной формѣ. При моемъ появленіи, онъ вытянулся во фронтъ и сказалъ, что мой адъютантъ уже проѣхалъ, и лошади для меня готовы. «Какой адъютантъ?—спросилъ я:—проѣхалъ генералъ графъ Толстой, а я его бывшій адъютантъ».—«Извините, ваше превосходительство, но мы знаемъ, что вы-то и есть генералъ!». Я снялъ шинель и показалъ ему мои офицерскіе погоны: «вотъ видите,—сказалъ я,—я прапорщикъ». Смотритель улыбнувшись отвѣтилъ: «изволили помѣняться мундирами съ адъютантомъ!»—«Помилуйте,—продолжалъ я,—вы видите, что я еще юноша, а генералъ человѣкъ пожилой!»—«И что же, ваше превосходительство, развѣ не бываетъ молодыхъ генераловъ!».

Несмотря на всѣ мои завѣренія, я уѣхалъ со станціи, оставивъ смотрителя въ полномъ убѣжденіи, что онъ принялъ съ надлежащимъ почетомъ настоящаго командующаго ополченіемъ. Всю эту шутку продѣлалъ Толстой взявъ для себя мою подорожную и увѣривъ смотрителя, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ генералъ, а онъ заготовляетъ ему лошадей.

Въ Харьковѣ мы пробыли сутки, но весь день Толстой и я провели вблизи города, въ Старомъ Мерчикѣ, у моей кузины, графини Натальи Алексѣевны Орловой-Денисовой, овдовѣвшей за нѣсколько времени передъ тѣмъ и проводившей лѣто въ принадлежавшемъ ей этомъ великолѣпномъ имѣніи. Графиня, бывшая въ свойствѣ съ Толстымъ, очень обрадовалась нашему посѣщенію и казалась глубоко опечаленною смертію своего мужа. Однако, несмотря на свою печаль, она въ скоромъ времени вышла замужъ

за бывшаго московскаго оберъ-полицеймейстера Ивана Дмитріевича Лужина[1]), съ давнихъ лѣтъ страстно въ нее влюбленнаго.

Въ Орлѣ и Тулѣ мы останавливались только на ночлегъ и наконецъ 5-го мая прибыли въ Серпуховъ, гдѣ провели нѣсколько часовъ, чтобы пообчиститься, перемѣнить платье и въѣхать въ Москву въ приличномъ видѣ.

Въ тотъ же день, въ три часа дня, передъ нами заблистала глава Ивана Великаго и, какъ бы изъ земли, стали постепенно выростать кремлевскія святыни... По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Москвѣ, мое нетерпѣніе увеличивалось, и радостныя слезы застилали мои глаза... не могу описать чувства, испытаннаго мною при въѣздѣ въ бѣлокаменную! Сердце забилось, я плакалъ, молился. Такія минуты въ жизни бываютъ рѣдки: все прошлое, дѣтство, юность, родители, друзья, все воскресло предо мною!... ополченіе, походъ, непріятности, страданія нравственныя, физическія—канули въ вѣчность; я чувствовалъ какую-то неизъяснимую отраду, овладѣвшую всѣмъ моимъ существомъ—я на родинѣ, дома, у себя...

Лишь только мы въѣхали въ Серпуховскую заставу, какъ я разстался съ Толстымъ и, сѣвъ на извозчика, поѣхалъ въ часовню Иверской Божіей Матери, гдѣ въ прежнее время я такъ часто молился, а въ этотъ разъ, быть можетъ, еще усерднѣе возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе ополченской службы и возвращеніе домой. Изъ часовни, по дорогѣ въ мою квартиру, я заѣхалъ къ Полуденскимъ. Нечего говорить о радости моего друга при моемъ появленіи; матушка его и все семейство тоже обрадовались мнѣ, какъ родному. Пробывъ у Полуденскихъ нѣсколько минутъ, я поспѣшилъ къ себѣ...

Никогда не забуду той минуты, когда издали увидалъ свою квартиру и особенно когда позвонилъ у входной двери, и въ отворенное окно показалось лицо моей няни, не ожидавшей моего прибытія и съ радостнымъ крикомъ бросившейся отворять дверь. Няня долго и крѣпко обнимала меня и крестила, а оставашіеся въ квартирѣ мои крѣпостные два лакея и поваръ, узнавъ о моемъ возвращеніи, прибѣжали и кинулись цѣловать меня, какъ въ свѣтлый праздникъ. Если мой пріѣздъ доставилъ имъ большую радость, то изліяніе ихъ чувствъ и поцѣлуи были лучшею мнѣ наградою за всѣ о нихъ мои попеченія. Уже въ ранней юности, по какому-то безотчетному чувству, я очень любилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей, находившихся въ услуженіи у моихъ родителей, и всегда старался, по мѣрѣ возможности, быть имъ полезнымъ. Хотя жизнь ихъ въ нашемъ домѣ была не тяжелая, а обращеніе съ ними моихъ роди-

---

[1]) Онъ былъ женатъ, въ первомъ бракѣ, на княжнѣ Васильчиковой, дочери извѣстнаго генерала князя Иларіона Васильевича, и имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей и одну дочь въ замужествѣ за свѣтлѣйшимъ княземъ Салтыковымъ-Головкинымъ.

телей преисполнено той рѣдкой любви къ ближнему, которая была отличительною чертою ихъ характера, но, тѣмъ не менѣе, убѣдившись воочію, чему «крѣпостные» подвергались въ то время въ иныхъ домахъ, я искренно заботился о своихъ, стараясь, при томъ, чтобы они не боялись меня, а только любили... возвращеніе мое въ Москву доказало, что мои старанія не остались безъ успѣха.

На другой день, рано утромъ, я отправился въ Новодѣвичій монастырь поклониться праху моихъ родителей и оттуда, какъ военный, представиться престарѣлому московскому коменданту, генералу Кизмеру, незадолго передъ тѣмъ назначенному въ эту должность. Комендантъ принялъ меня любезно и, узнавъ мою фамилію, сказалъ: «ваша фамилія что-то знакома мнѣ?»—Я отвѣтилъ: мой отецъ былъ извѣстный писатель.—«Писатель?—удивленно спросилъ онъ меня:—не слыхалъ, не слыхалъ»,—и, затѣмъ, подумавъ немного, продолжалъ: «а, теперь вспомнилъ, онъ, кажется, былъ придворный?»—«Онъ былъ директоромъ оружейной палаты»,—отвѣтилъ я.—«Вотъ, вотъ такъ и есть»,—присовокупилъ старикъ. Тѣмъ и окончился мой визитъ къ московскому коменданту, человѣку почтенному и всѣми уважаемому, но, къ сожалѣнію, мало знакомому съ русскою литературою.

Отъ коменданта я поѣхалъ къ генералъ-губернатору графу Закревскому и представился ему въ его пріемной, въ числѣ прочихъ военныхъ и статскихъ лицъ. Увидавъ меня, графъ вскрикнулъ: «а, больной!» и, погрозивъ пальцемъ, сказалъ: «приходи сегодня ко мнѣ обѣдать».

Посѣтивъ въ то же утро моихъ братьевъ и вернувшись домой, я узналъ, что графъ присылалъ сказать, что онъ обѣдаетъ не въ городѣ, а съ графинею, въ своемъ имѣніи Ивановскомъ, и потому мнѣ приходилось скакать на обѣдъ въ Подольскъ! Мнѣ, только-что вернувшемуся въ Москву, такая новая, длинная прогулка была не совсѣмъ пріятна, тѣмъ болѣе, что въ теченіе дня я хотѣлъ навѣстить моихъ друзей и Лизу К—у.

Пріѣхавъ въ Ивановское, я обѣдалъ съ графомъ и его супругою. Во время обѣда, графъ, интересуясь попрежнему «своею дружиною», подробно разспрашивалъ о ея состояніи, о походѣ и объ извѣстныхъ уже ему продѣлкахъ Ростопчина, а также и о прочихъ дружинныхъ начальникахъ, желая знать, не было ли какихъ злоупотребленій, и часто повторяя: «разскажи, что знаешь, ничего не скрывай». Никогда не слыхавъ о какихъ либо злоупотребленіяхъ по ополненію, кромѣ дурного продовольствія ратниковъ въ дружинѣ Х., я могъ указать графу только на увольненіе послѣдняго. «Знаю, знаю,—прервалъ графъ,—странное дѣло, казался порядочнымъ человѣкомъ, и вдругъ такая гадость!»... въ продолженіе обѣда тема разговора была одна и та же: ополненіе и ополченіе. Вставъ изъ-за стола, я тотчасъ распростился съ любезными хозяевами и помчался въ Москву къ моей измѣнницѣ...

У нея я нашелъ кое-что такое, чего никакъ не ожидалъ: великое ликованіе по случаю моего возвращенія и слезныя жалобы на коварство и невѣрность мужчинъ!... Оказалось, что въ теченіе зимы мой юный, влюбленный въ Лизу, пріятель предложилъ ей сердце и руку и, получивъ быстрое на то согласіе ея матери, считался въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея женихомъ, но, позабывъ главное—спросить согласіе на бракъ своихъ родителей, женихъ менѣе чѣмъ черезъ недѣлю увѣдомилъ невѣсту о томъ, что «папаша и мамаша его» не разрѣшаютъ ему вступленіе въ бракъ, и потому онъ долженъ отретироваться... и дѣйствительно отретировался, то-есть совсѣмъ пересталъ ѣздить въ домъ К—хъ, а влюбленная по уши молодая дѣвушка, взбѣшенная и оскорбленная такимъ неожиданнымъ пассажемъ, дала себѣ слово никогда и ни за кого не выходить замужъ. Обѣщаніе это она сдержала, оставшись на всю жизнь дѣвицею и посвятивъ свою дѣятельность на благо ближняго. Въ первые дни моего пребыванія въ Москвѣ я посѣтилъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ и, по пріему ихъ, могъ судить о степени ихъ радости или равнодушія къ моему пріѣзду, что и намоталъ себѣ на усъ. Изъ свѣтскихъ домовъ радушнѣе всѣхъ приняли меня Пашковы, Рюмины, Ростопчины и Щербатовы, а изъ старыхъ знакомыхъ батюшки, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, проводившій лѣто въ Александрійскомъ дворцѣ, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, проживавшій въ Кузьминкахъ, и графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ. Послѣдній, 76-ти-лѣтній старецъ, только что передъ тѣмъ вступилъ во второй бракъ съ пожилою вдовою Данзасъ, рожденною Закревскою, но не измѣнилъ своему обычному цинизму: на первомъ же у него обѣдѣ, въ присутствіи своей новой супруги, онъ пожаловался гостямъ на излишнія ея притязанія.

Отдохнувъ нравственно и физически, я скоро совершенно поправился здоровьемъ и въ началѣ іюля по случаю предстоявшаго возвращенія дружины уѣхалъ въ Серпуховъ, дабы имѣть возможность вмѣстѣ съ нею совершить тріумфальное шествіе въ ея родной городъ Подольскъ.

Въ Серпуховѣ я засталъ Ростопчина, прибывшаго ранѣе дружины. Онъ принялъ меня любезно, несмотря на то, что былъ въ претензіи за отъѣздъ мой безъ его вѣдома изъ Одессы въ Москву. Въ то время, какъ я у него находился, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ отвратительной и, по истинѣ, изумительной сцены!...

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, котораго я назову N. N., подольскій помѣщикъ хорошей дворянской фамиліи, но человѣкъ весьма ограниченный, былъ еще въ Одессѣ, за неблаговидные поступки, удаленъ Ростопчинымъ изъ дружины, хотя не офиціально, но съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе въ нее не являлся. Въ Серпуховѣ же, въ то время какъ я бесѣдовалъ съ графомъ, влетаетъ къ нему N. N. и, молча, глупо улыбаясь, становится во фронтъ. Ростопчинъ, недолго

думая, схватилъ палку, кинулся на него и сталъ наносить ему сильные побои, приправляя ихъ площадными ругательствами... Офицеръ, прикрывая голову и лице руками, ограничилъ свой протестъ словами: «ваше сіятельство, не извольте ругаться!»...

Невольный свидѣтель такой отвратительной сцены, я стоялъ, не вѣря глазамъ при видѣ происходившаго и не понимая: гдѣ я? на кулачномъ ли бою? въ кабакѣ ли? но, во всякомъ случаѣ, не въ ополченіи...

Поколотивъ смиреннаго офицера, графъ вытолкалъ его пинками, направленными не въ дворянскую спину, а нѣсколько пониже. Вся эта сцена продолжалась не болѣе минуты, и затѣмъ Ростопчинъ куда-то скрылся. Я же, до крайности взволнованный, какъ палочною расправою, такъ и презрѣнною выносливостью подобнаго русскаго дворянина, вернулся на свою квартиру. Минутъ черезъ пять, входитъ ко мнѣ N. N. и не безъ гордости объявляетъ, что ѣдетъ въ Москву для принесенія жалобы на Ростопчина, а меня беретъ въ свидѣтели нанесенныхъ ему побоевъ. Признаюсь, что оглашеніе такой скандальной исторіи въ нашей дружинѣ, почти при расформированіи ея, показалось мнѣ въ высшей степени нежелательнымъ, и поведеніе офицера до того омерзительнымъ, что, не задумавшись, я сказалъ: «вы ошибаетесь, я не видалъ, какъ васъ били!».—«Какъ не видали?—закричалъ онъ:—вѣдь графъ при васъ колотилъ меня?»—«Нѣтъ, не видалъ и думаю, что это неправда».—«Какъ не правда?—вотъ синяки и опухоль на рукахъ!» и, заплакавъ, умильнымъ голосомъ проговорилъ: «голубчикъ, что вы дѣлаете со мною, зачѣмъ говорите, что не видали?»—«А вотъ зачѣмъ,—уже съ сердцемъ отвѣтилъ я:—если графъ васъ билъ, то вы, имѣя шпагу, на мѣстѣ убили бы его, а какъ онъ живъ, значитъ онъ васъ не билъ!»—Офицеръ, вытаращивъ глаза и схвативъ меня за руку, быстро проговорилъ: «хорошо, сейчасъ, пойду заколю его». Тутъ я испугался не на шутку, особенно, при мысли, что этотъ дуракъ убьетъ Ростопчина, да скажетъ, что убилъ его по моему наущенію. Остановивъ N. N., я спокойно объяснилъ ему, что теперь уже поздно расправляться съ графомъ, такъ какъ такая расправа не будетъ защитою, а обдуманнымъ, гнуснымъ убійствомъ, и благоразумнѣе не давать огласки дѣлу, которое, если позорно для графа, то еще позорнѣе для него самого. N. N. со мною согласился, успокоился и, поплакавъ надъ своими синяками, уѣхалъ въ Москву.

Черезъ нѣсколько дней дружина прибыла въ Подольскъ, но безъ ожидаемаго мною торжественнаго вступленія: ратники, подходя къ городу, начали суетиться и, увидавъ своихъ родственниковъ, смѣшались съ ними, цѣловались и обнимались. Дружина, встрѣченная на городской площади мѣстнымъ духовенствомъ, выравнялась и стала на молитву. Начался благодарственный моле-

бенъ. Ратники, преклонивъ колѣна, благоговѣйно возносили теплыя, благодарныя молитвы ко Всевышнему за благополучное возвращеніе на родину, въ нѣдра своихъ семействъ... въ то же время городская площадь огласилась воплями и криками: то были отчаянныя слезы матерей, женъ и дѣтей, искавшихъ, но не нашедшихъ въ строю своихъ мужей, отцовъ и сыновей, мирно почившихъ и покоящихся гдѣ-то далеко отъ своихъ близкихъ, въ безвѣстныхъ, одинокихъ, покинутыхъ могилахъ...

Миръ праху вашему и вѣчная память, доблестные, честные воины, русскіе мужички, смиренно, безропотно отошедшіе въ небесныя обители! Ваше краткое служеніе «за вѣру и царя» зачтется вамъ, какъ чистая, святая молитва передъ Богомъ, царемъ царствующихъ!.. Расформированіе дружины продолжалось не болѣе недѣли. Знамя поставили въ мѣстный соборъ, а потомъ препроводили въ Чудовъ монастырь, ратниковъ распустили по домамъ, выдавъ имъ наградныя деньги изъ какихъ-то дружинныхъ суммъ, а офицерамъ разрѣшили уѣхать въ Москву или въ свои имѣнія. Я же, взявъ адъютантскія дѣла, подлежавшія къ сдачѣ въ архивъ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора, распростился навсегда съ Подольскомъ и, вернувшись на свою московскую квартиру, предался полному отдохновенію въ ожиданіи предстоявшихъ праздниковъ по случаю коронаціи, назначенной на 26-е августа.

Съ половины іюля, Москва начала наполняться пріѣзжими со всѣхъ концовъ Россіи, приглашенными для участвованія въ коронаціи или же прибывавшими по собственному желанію изъ любопытства. По случаю большого наплыва публики, квартиры и особенно отдѣльные дома въ лучшихъ улицахъ сдавались, на время коронаціонныхъ празднествъ, за баснословныя цѣны,—такъ, напримѣръ, домъ Вѣры Яковлевны Левшиной, на Воздвиженкѣ, былъ сданъ подъ квартиру какого-то иностраннаго принца за 15.000 рублей серебромъ! Но мой меблированный домъ, хотя и находился на хорошемъ мѣстѣ близъ Пречистенки, остался не сданнымъ по слѣдующему случаю: домъ, состоявшій изъ двадцати комнатъ, былъ нанятъ за полгода передъ тѣмъ г. С... помѣсячно, безъ контракта, за 125 рублей въ мѣсяцъ (таковы были тогдашнія цѣны!). Вернувшись изъ Одессы въ Москву и узнавъ, что С... ищетъ другую квартиру, я попросилъ его увѣдомить меня о времени окончательнаго выѣзда его, дабы успѣть привести домъ въ надлежащій порядокъ для сдачи его въ наемъ на время коронаціи, если не за огромную сумму, то, во всякомъ случаѣ, за бо́льшую противъ платимой мнѣ жильцомъ. С... извѣстилъ меня, что онъ останется до 1-го іюля. Имѣя впереди достаточно времени для устройства дома, окраски его и прочаго, я согласился на его предложеніе. Но когда настало 1-е іюля, жилецъ не думалъ еще съѣзжать... Несмотря на мои настоятельныя просьбы о скорѣйшемъ очищеніи дома, С...,

подъ разными пустѣйшими предлогами, остался въ немъ до конца іюля, присылая ежедневно сказать мнѣ, «что, молъ, съѣду завтра». Наконецъ, онъ выѣхалъ, но время для сдачи дома было потеряно, такъ какъ пріѣзжіе запасались квартирами заблаговременно, и именно когда жилецъ мой кормилъ меня завтраками и никого не допускалъ къ осмотру дома. Забавнѣе всего, что, оставаясь въ немъ почти до самаго августа, онъ отказался отъ уплаты слѣдуемой мнѣ съ него суммы, на томъ основаніи, что, не проживъ съ 1-го іюля цѣлаго мѣсяца, онъ не нанималъ дома «по часамъ». Заводить исторію съ С... изъ-за ста рублей я не хотѣлъ, когда уже, по его милости, потерялъ гораздо бо́льшую сумму, и потому распорядился отдѣлкою дома, чтобы позднѣе сдать его по годамъ.

Передъ прибытіемъ въ Москву царской фамиліи, вступила туда вся гвардія, пѣшая и конная. Между гвардейскими офицерами, я нашелъ нѣсколько знакомыхъ и даже одного друга дѣтства, офицера лейбъ-гвардіи коннаго полка, князя Дмитрія Николаевича Крапоткина. Въ полкахъ кавалергардскомъ и преображенскомъ оказалось также два моихъ пріятеля—братья Давыдовы. Въ первомъ—Николай, а во второмъ Василій, сыновья Евдокима Васильевича Давыдова, родного брата знаменитаго партизана отечественной войны Дениса Васильевича. Будучи коренными москвичами, они и прежде часто посѣщали Москву и были уже много лѣтъ со мною знакомы. Впослѣдствіи, я съ ними очень подружился и видался почти ежедневно, а потому рѣчь о нихъ будетъ впереди [1].

Въ это время я познакомился со многими гвардейскими офицерами, но объ одномъ всегда вспоминаю съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ, подружившись съ первыхъ дней нашего знакомства, мы остались на всю жизнь добрыми пріятелями и позднѣе породнились. То былъ семнадцатилѣтній баронъ Левъ Александровичъ Фредериксъ [2]), только что произведенный изъ камеръ-пажей въ офицеры Преображенскаго полка. Маленькаго роста, бѣлокурый, красивый, съ открытымъ, благороднымъ лицомъ и изящными манерами, этотъ, не скажу, молодой человѣкъ, а просто милый ребенокъ казался, по наружности, слишкомъ юнымъ для офицерскихъ эполетъ, и вслѣдствіе того на улицахъ народъ, принимая его не за простого офицера, снималъ передъ нимъ шапки, и, если не дѣлалъ дальнѣйшихъ овацій, то единственно потому, что юный преображенецъ не отвѣчалъ на многочисленные поклоны.

14-го августа, императоръ и императрица прибыли въ Москву. Не въѣзжая въ городъ, они остановились во дворцѣ Петровскаго

---

[1]) Николай исправлялъ въ 70-хъ годахъ должность оберъ-церемоніймейстера и умеръ, въ 1894 году, гофмейстеромъ высочайшаго двора. Василій—нынѣ генералъ-майоръ.

[2]) Нынѣ, генералъ-лейтенантъ, нашъ военный агентъ въ Парижѣ, женатый на Варварѣ Андреевнѣ Араповой.

парка, и только 17-го послѣдовалъ торжественный въѣздъ ихъ въ столицу.

Я смотрѣлъ на въѣздъ съ высоты построенныхъ для публики галлерей, на Тверской, близъ тріумфальныхъ воротъ. Императоръ ѣхалъ верхомъ, окруженный блестящею свитою, среди которой находились члены императорской фамиліи и прибывшіе на коронацію иностранные принцы. Вездѣ, на царскомъ пути, стояли войска шпалерами и музыка не переставала играть, а колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ и пушечные выстрѣлы съ Кремлевскихъ стѣнъ неумолкаемо оглашали воздухъ.

Когда поѣздъ удалился изъ моихъ глазъ, то, пораженный величественною картиною, я не могъ удержаться, чтобы еще разъ не взглянуть на него вблизи самаго Кремля, колокольнаго звона и пушечнаго грохота. Я побѣжалъ окольными путями и, сѣвъ на перваго попавшагося извозчика, тѣми же путями, доѣхалъ почти до Иверской площади, гдѣ и смѣшался съ народомъ. Здѣсь картина представлялась еще торжественнѣе, еще величественнѣе. Вся площадь была покрыта народомъ, восторженно кричавшимъ «ура». Кремлевскіе колокола, сливаясь съ гудѣвшимъ «Иваномъ Великимъ», военною музыкою, пушечными выстрѣлами и неумолкающими криками несмѣтной толпы народа, производили на всѣхъ какое-то особое, рѣдко испытываемое, потрясающее дѣйствіе: многіе плакали и, при видѣ царя, осѣняли его крестнымъ знаменіемъ...

При проѣздѣ двухъ первыхъ золотыхъ каретъ, въ которыхъ ѣхали, въ каждой отдѣльно, императрица мать Александра Ѳеодоровна и императрица Марія Александровна, стоявшій въ толпѣ, возлѣ меня мужичекъ, взирая на вдовствующую государыню, громко сказалъ: «а вотъ настоящая императрица!» и когда ему замѣтили, что обѣ императрицы одинаковы, мужичекъ прибавилъ: «нѣтъ, другая императрица еще не коронована».

Эти простыя слова русскаго простолюдина ясно показываютъ, какую цѣну придаетъ царскому мѵропомазанію нашъ православный народъ, и какое умилительное чувство овладѣваетъ имъ, послѣ коронаціи, при видѣ своего помазаннаго царя, принявшаго дары св. Духа, и сердце котораго «въ руцѣ Божіей».

На другой день послѣ въѣзда государь съ государынею отправились на говѣніе въ «Останкино» (имѣніе извѣстнаго богача графа Дмитрія Николаевича Шереметева), находящееся близъ самой Москвы. Тамъ, ихъ величества оставались до конца коронаціи.

Вечеромъ, 25-го августа, нѣсколько моихъ пріятелей-офицеровъ пили у меня чай и засидѣлись гораздо за полночь, несмотря на то, что рано утромъ они собирались присутствовать при предстоявшемъ торжествѣ. По удаленіи гостей, я легъ спать, позволивъ прислугѣ отправиться съ ночи въ Кремль и предупредивъ оставшихся дома камердинера и няню, что я долженъ встать не позднѣе 7-ми

часовъ, чтобы имѣть возможность къ 8-ми быть на площади у соборовъ и съ трибунъ видѣть процессію, такъ какъ въ Успенскій соборъ я не имѣлъ права попасть.

Проснувшись утромъ, никѣмъ не разбуженный, я посмотрѣлъ на часы. Часы показывали почти 11-ть. Подумавъ, что они идутъ невѣрно, и зная, какъ мой Андрей Петровичъ аккуратно, по обыкновенію, въ экстренныхъ случаяхъ, будилъ меня, я позвалъ его. На вопросъ: который часъ? онъ съ улыбкою отвѣтилъ: «уже поздно, почти 11-ть!» «Какъ? что?» спросилъ я, страшно разсердившись. Старикъ спокойно отвѣтилъ, что, не приказавъ ему разбудить меня, а сказавъ только, что мнѣ нужно рано встать, онъ ровно въ 7 часовъ вошелъ въ мою спальню, но увидавъ меня, погруженнаго въ крѣпкій и сладкій сонъ, счелъ излишнимъ, по совѣту няни, будить меня, полагая, что, не вставъ самъ во время, быть можетъ, я измѣнилъ мое намѣреніе. «Да и зачѣмъ было тревожить», прибавилъ онъ, «молоды, увидите и въ другой разъ!»

Убійственная логика охранителя моего сна окончательно вывела меня изъ терпѣнія, и въ первый разъ со времени нахожденія его у меня я сильно выбранилъ его; но брань и доводы ни къ чему не послужили: старикъ и няня считали себя совершенно правыми и винили меня самого. Наскоро одѣвшись, я побѣжалъ въ Кремль, гдѣ, кромѣ колокольнаго звона и массы народа, ничего не видалъ: процессія уже вернулась во дворецъ... весь день я былъ не въ духѣ и сердился на камердинера, няню и особенно на себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже очень стыдно было кому либо сознаться въ томъ, что проспалъ коронацію».

Въ этотъ торжественный день Кремль, Замоскворѣчье и весь городъ были красиво иллюминованы. Иллюминація продолжалась еще два дня. Особенно хорошъ былъ видъ изъ Кремля на Замоскворѣчье, гдѣ множество колоколенъ, сіяя безчисленными огнями, освѣщали яркимъ заревомъ замоскворѣчную часть, вплоть до Воробьевыхъ горъ. Вечеръ провелъ я въ иллюминованномъ кремлевскомъ саду, въ которомъ народъ сливался съ гвардейскими солдатами, любуясь ихъ красивою формою, давно не виданною въ Москвѣ.

Послѣ офиціальныхъ празднествъ, дворцовыхъ выходовъ и обѣдовъ, слѣдовали частные балы: первымъ былъ балъ у коронаціоннаго верховнаго маршала князя Сергія Михайловича Голицына; затѣмъ, у пословъ англійскаго, французскаго и австрійскаго и, наконецъ, у частныхъ лицъ. Я, какъ несчастный ополченскій прапорщикъ, былъ приглашенъ только на послѣдніе, данные Столыпинами, Пашковыми, Рюмиными и пріѣхавшею изъ Петербурга графинею Елисаветою Алексѣевною Орловою-Денисовою [1]).

[1]) Дочь извѣстнаго генерала графа Никитина, въ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ графомъ Θеодоромъ Васильевичемъ Орловымъ-Денисовымъ. Умная, добрая и любезная женщина, она считалась въ то время одною изъ петербургскихъ львицъ.

На балахъ и вообще, гдѣ присутствовали гвардейскіе офицеры и статскіе, петербургскіе молодые люди, мы, обычные московскіе кавалеры, совсѣмъ стушевывались передъ ними и не безъ зависти замѣчали, съ какимъ вожделѣніемъ и затаенною надеждою смотрѣло на блестящую петербургскую молодежь большинство московскихъ маменекъ и ихъ дочекъ, не обращая уже на насъ, мелкихъ сошекъ, ни малѣйшаго вниманія. Самолюбіе наше, не скрою, было задѣто, а мое въ особенности...

Послѣ царскаго въѣзда я былъ еще свидѣтелемъ народнаго праздника, происходившаго на Ходынскомъ полѣ, близъ Петровскаго парка, и потомъ заключительнаго празднества — большого фейерверка въ Лефортовѣ.

Народный праздникъ съ массою стоявшихъ на полѣ столовъ, покрытыхъ многочисленными яствами и воздвигнутыми фонтанами для вина, привлекъ всю пѣшую Москву. Когда прибылъ государь, верхомъ, и въѣхалъ въ толпу ликующихъ москвичей, то воздухъ огласился безконечными криками «ура», продолжавшимися во все время объѣзда его величествомъ Ходынскаго поля, среди толпы народа, восторженно привѣтствовавшей своего нововѣнчаннаго царя!.. Яства и вина были быстро уничтожены, а дождливая погода, не прекращавшаяся во все время праздника, скоро разогнала народъ, и праздникъ прекратился.

Фейерверкъ великолѣпный и продолжительный, такой, какого еще никогда не видала Москва, былъ плохо виденъ, вслѣдствіе постоянно застилавшаго его дыма. Зато шумъ и грохотъ ракетъ, бураковъ и пушечныхъ выстрѣловъ надолго остался въ ушахъ публики.

Послѣ отъѣзда царской фамиліи, двора, петербургской знати и гвардіи, оживившаяся и встрепенувшаяся старушка Москва вошла въ свою обычную колею: пушки замолкли, колокола лѣниво звонили, улицы опустѣли, пыль поднималась столбомъ, военные стали рѣдки, и даже блюстители порядка, по тогдашнему будочники, стояли попрежнему сонливо у будокъ, опираясь на свои допотопныя аллебарды, и апатично поглядывали на валявшихся по улицамъ пьяныхъ людей, не смѣя подбирать ихъ въ силу того, что они были «не ихъ фартала», и только наружный видъ зданій и домовъ, по милости коронаціи, нѣсколько измѣнился, пообчистился и побѣлился, да, быть можетъ, булыжныя мостовыя стали на время сноснѣе, рѣже сбрасывая съ извозчичьихъ гитаръ подгулявшихъ сѣдоковъ...

Осенью, во время уже полнаго затишья, я сталъ рѣже посѣщать нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ и благодарнымъ тѣмъ изъ нихъ, которые, по моемъ возвращеніи изъ Одессы, приняли меня радушно, и гдѣ маменьки и дочки выказали, въ коронаціонное время, полную ко мнѣ пріязнь, не пе-

решедшую въ холодность ради петербургскихъ кавалеровъ. Такихъ знакомыхъ оказалось достаточно, чтобы я могъ, какъ и въ прежніе года, пріятно проводить вечера въ дружескихъ бесѣдахъ.

Дѣла ополченія, еще не сданныя, оставались на рукахъ дружинныхъ адъютантовъ, и потому мои находились у меня, и только въ октябрѣ Ростопчинъ получилъ приказаніе сдать ихъ въ архивъ гражданскаго губернатора. Приказаніе это не застало меня, врасплохъ, такъ какъ все касавшееся до адъютантской должности было своевременно мною приведено въ надлежащій порядокъ къ сдачѣ, но исходящія и входящія по казначейской части заставили себя долго ждать по милости нашего казначея, не торопившагося сдачею ихъ.

Вернувшись, однажды, съ прогулки, я нашелъ на моемъ столѣ кипу бумагъ, оказавшихся казначейскими дѣлами, принесенными въ мое отсутствіе казначеемъ. Но, Боже мой! въ какомъ видѣ они находились, растерзанныя, растрепанныя и безъ всякой скрѣпы! Не желая возиться съ чужими дѣлами, я попросилъ Ростопчина приказать г. Грушецкому привести ихъ въ приличный видъ. Однако, несмотря на всѣ поиски, казначея не оказалось въ Москвѣ. Отсутствіе его и повторенное приказаніе начальника ополченія о немедленной сдачѣ всѣхъ дѣлъ заставило меня привести въ нѣкоторый порядокъ и казначейскія, которыя затѣмъ я сдалъ вмѣстѣ съ моими въ губернаторскій архивъ.

Освободившись окончательно отъ ополченія, я сталъ нетерпѣливо ожидать приказа о моей отставкѣ, желая поскорѣе снять мундиръ, саблю и шпоры... а давно ли я восторгался военною формою и жертвовалъ своимъ нравственнымъ и физическимъ спокойствіемъ для ношенія тѣхъ же шпоръ? и что же? все это мнѣ до крайности и быстро надоѣло... годъ ополченской службы привелъ меня къ другимъ мыслямъ, къ другимъ желаніямъ.

Наконецъ, послѣдовалъ высочайшій приказъ о переименованіи офицеровъ, поступившихъ въ ополченіе изъ статской службы, въ прежніе ихъ гражданскіе чины съ временнымъ прикомандированіемъ ихъ къ канцеляріямъ мѣстныхъ гражданскихъ губернаторовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ дано право носить на груди бронзовую, вызолоченную медаль на Андреевской лентѣ, установленную въ память крымской кампаніи, и ополченскій крестъ, красовавшійся прежде на ихъ фуражкахъ.

Такимъ образомъ, нежданно-негаданно, я попалъ въ число сверхштатныхъ чиновниковъ московскаго гражданскаго губернатора, генерала Синельникова! Ожидая получить за мою двойную адъютантскую должность орденъ св. Станислава 3-й степени, къ которому я былъ представленъ, я уже впередъ радовался возможности щеголять съ тремя орденскими знаками въ петлицѣ, и потому немало сконфузился, когда узналъ, что по производствѣ меня за вы-

слугу лѣтъ въ губернскіе секретари я вмѣсто ордена награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря, и съ тѣмъ, чтобы производство въ слѣдующій чинъ послѣдовало не ранѣе выслуги положенныхъ лѣтъ для перехода изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари и изъ послѣднихъ въ 9-й классъ, т. е. мнѣ приходилось служить въ пожалованномъ чинѣ не менѣе шести лѣтъ для производства въ титулярные совѣтники! Пріятная награда—нечего сказать! но я съ нею долженъ былъ помириться, потому что ни одинъ ополченскій прапорщикъ не получилъ ордена. Ордена же были пожалованы только офицерамъ въ чинѣ не ниже подпоручика.

С. М. Загоскинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ БАРОНА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ [1].

V.

Поступленіе Штейнгеля въ петербургское ополченіе въ 1812 г.—Докторъ Моргенъ.—Подъ Данцигомъ.—«Записки о петербургскомъ ополченіи».—Архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій.—Назначеніе Тормасова главнокомандующимъ въ Москвѣ вмѣсто Ростопчина.—Назначеніе Штейнгеля его адъютантомъ.—Безпорядки въ канцеляріи Ростопчина.—Московская цензура для книги Новикова.—Дѣятельность Штейнгеля.—Поѣздка въ Петербургъ и представленіе графу Аракчееву.—Полицеймейстеръ Шульгинъ.—Возобновленіе Кремля.—Пребываніе въ Москвѣ императора Александра Павловича въ 1816 г.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ дядя мой, финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Штейнгель, отрекомендовалъ меня министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву; такимъ образомъ, мѣсто для новой службы было обезпечено, но ясно понимаемый долгъ указалъ другой путь. Беременная жена, малолѣтняя дочь не могли остановить; я явился въ ряды защитниковъ отечества и поступилъ штабъ-офицеромъ въ 4-ю дружину с.-петербургскаго ополченія, которой начальникомъ былъ назначенъ генералъ-майоръ Кошелевъ, бывшій камчатскій комендантъ, только что выпущенный изъ ордонансъ-гауза. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, у котораго онъ, во время знаменитаго посольства въ Константинополь, былъ адъютантомъ, оказалъ ему свое покровительство. По прежнимъ нашимъ отношеніямъ я не могъ быть пріятенъ Кошелеву и претерпѣлъ немало неудовольствія. Нельзя было уничтожить, такъ сбыли съ

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 430.

рукъ похвалами, и я оставленъ былъ въ Юрбургѣ за плацъ-майора; здѣсь занемогъ и, перевезенный въ Тильзитъ, едва не лишился жизни. Человѣколюбивое искусство доктора, достопочтеннаго 73-хъ лѣтняго старца Моргена, который имѣлъ счастіе въ 1807 году оказывать медицинское пособіе двумъ императорамъ, Александру и Наполеону, спасло меня. Однажды, когда я выразилъ ему сожалѣніе свое, что его часто безпокоятъ призваніемъ къ больнымъ, даже въ окрестности, онъ отвѣчалъ, возведя глаза и указуя рукою на небо: «Meine Ruhe ist da!» Это Meine Ruhe до смерти не истребится изъ памяти. По выздоровленіи, я явился подъ Данцигъ и былъ командированъ, по переформированіи новгородскаго ополченія, дежурнымъ штабъ-офицеромъ.

По заключеніи предварительныхъ условій о сдачѣ Данцига, дежурный генералъ Вельяминовъ нуждался въ человѣкѣ, который бы могъ изъ годового журнала осады составить поспѣшно краткую записку для представленія государю императору; ему указали на меня, и я исполнилъ порученіе это ранѣе срока, къ полному удовольствію генерала. Мнѣ обѣщали награду—я попросилъ только увольненія къ семейству. Въ сравненіи съ другимъ штабъ-офицеромъ дружины, котораго мало употребляли и еще менѣе уважали, мнѣ слѣдовалъ бы чинъ подполковника, но наградили вторично орденомъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. За службу подъ Данцигомъ вообще былъ представленъ къ прусскому ордену, но нужно было искательство въ штабѣ, я не искалъ, но поспѣшилъ удалиться и возвратился въ С.-Петербургъ, посланный курьеромъ въ комитетъ ополченія. Такъ кончилась моя служба, вызванная бѣдствіемъ отечества. Если я не вынесъ всѣхъ наградъ, на которыя имѣлъ право, то ихъ замѣнило обращенное на себя вниманіе достойнѣйшаго изъ генераловъ, Ивана Матвѣевича Бѣгичева, который впослѣдствіи удостоивалъ меня самыхъ дружественныхъ отношеній. Дочь его—супруга генералъ-адъютанта Колзакова, знаетъ объ этихъ отношеніяхъ.

Исполнивъ, такимъ образомъ, обязанность свою предъ отечествомъ, я, чтобы сохранить память о службѣ самаго ополченія, написалъ «Записки о С.-Петербургскомъ ополченіи», которыя были поднесены государю, и я удостоенъ былъ награды перстнемъ. Впослѣдствіи одинъ изъ генераловъ въ своихъ «Военныхъ письмахъ» наименовалъ меня «русскимъ Ксенофонтомъ»; но это было испрашиваніе благосклонности къ его отцу, служившему въ Москвѣ предсѣдателемъ гражданской палаты. Такимъ образомъ, когда ополченіе возвратилось, въ числѣ 4 тыс. изъ 15, въ С.-Петербургъ, я опять былъ поставленъ въ положеніе искателя мѣста. Сенаторъ Хитрово ревизовалъ предъ тѣмъ Вологодскую губернію и открылъ немало злоупотребленій; директоръ россійско-американской компаніи Булдаковъ, съ которымъ я познакомился при посредствѣ Резанова,

убѣдилъ меня просить мѣсто полицеймейстера въ Великомъ-Устюгѣ, гдѣ самъ онъ былъ главнымъ гражданиномъ. Тогда мѣста эти зависѣли отъ министра полиціи, которымъ былъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ. Директоръ канцеляріи министра—Политковскій—отецъ несчастнаго Монтекристо, былъ своякъ Булдакова и съ удовольствіемъ взялся за дѣло; познакомилъ меня лично съ новымъ вологодскимъ губернаторомъ Винтеромъ, который, принявъ мою просьбу, уѣхалъ, съ тѣмъ, чтобы по вступленіи въ должность представить. Вмѣсто представленія онъ написалъ къ директору письмо, въ которомъ извѣщалъ, что настоящій полицеймейстеръ «подходитъ» подъ милостивый манифестъ, то, какъ прикажетъ, смѣнить его или нѣтъ для барона Штейнгеля. Вопросъ этотъ Политковскій предоставилъ разрѣшенію самого претендента на мѣсто и получилъ въ отвѣтъ: «Я никогда не строилъ своего счастія на счетъ ближняго. Видно, не судьба». Директоръ обнялъ меня, Богъ знаетъ за что. Въ это время я не разъ бывалъ у митрополита Амвросія (Подобѣдова), которому былъ свойственникомъ по женѣ. Однажды, сидя съ нимъ въ гостиной на софѣ и разговаривая о прошедшей войнѣ, я въ первый разъ увидѣлъ Филарета, который на неоднократныя приглашенія митрополита: «садись, отецъ архимандритъ», отвѣчалъ низкими поклонами и не допустилъ себя усадить. Прошло 8 лѣтъ, и я видѣлъ торжественное шествіе его изъ Казанскаго собора въ Успенскій въ Москвѣ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и при стеченіи народа, бросающагося цѣловать полы его мантіи. Фактъ поучительный въ подтвержденіе евангельской истины «смиряяся—вознесется».

Въ томъ же 1814 году, генералъ Тормасовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Дѣйствія графа Ростопчина, по возвращеніи его въ разоренную столицу, требовали этого; они возбудили почти общій ропотъ. При этомъ слишкомъ памятна еще была смерть неповиннаго купца Верещагина, преданнаго имъ на растерзаніе черни (онъ указалъ на него разъяренному народу, какъ на измѣнника, распространяющаго прокламаціи Наполеона), только для того, чтобы самому, пользуясь этимъ временнымъ занятіемъ черни, можно было съ задняго крыльца сѣсть на лошадь и ускакать изъ Москвы въ моментъ почти вступленія въ нее непріятеля. Этимъ фактомъ онъ лишилъ себя народной привязанности.

Назначеніе Тормасова было не безъ повода. Онъ находился въ числѣ депутатовъ, подносилъ государю титулъ «Благословеннаго». Тогда еще въ особой аудіенціи государь сказалъ ему: «Александръ Петровичъ, ты на меня сердишься за то, что я армію твою отдалъ Чичагову; я думалъ что онъ, какъ личный врагъ Наполеона, будетъ дѣйствовать съ полной энергіей; я ошибся». Тормасовъ отвѣчалъ на это: «Государь, и я никогда другомъ Наполеона не былъ». «Знаю», прибавилъ государь, «я виноватъ, но постараюсь загла-

дить это». Проходилъ уже мѣсяцъ послѣ этого назначенія, какъ я вспомнилъ, что генералъ Тормасовъ—дядя полковника Порошина, котораго дружбу пріобрѣлъ я на полѣ сраженія.

Это тотчасъ подало мнѣ мысль написать слѣдующую записку: «Любезный другъ, дядя твой назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Если люди моего разбора на что либо могутъ быть ему надобны, надѣюсь, ты меня порекомендуешь». Порошинъ отвѣчалъ: «Самъ Богъ вложилъ тебѣ эту мысль, сейчасъ ѣду, спѣшу, лечу, говорю за тебя, какъ за друга, какъ за брата, какъ самъ за себя, жди извѣщенія».

Не скоро, однако же, удалось ему говорить съ дядей. Чрезъ недѣлю наконецъ я долженъ былъ представиться. Разспросивъ, гдѣ и какъ служилъ, чѣмъ занимался, генералъ сдѣлалъ вопросъ: «есть ли у васъ какіе аттестаты?»

— Никакихъ,—отвѣчалъ я съ живостью:—какъ я ни молодъ (мнѣ былъ 32-й годъ), но успѣлъ замѣтить, что никто столько не хлопочетъ объ аттестатахъ, какъ люди пустые, которые сами себя ничѣмъ рекомендовать не могутъ.—Отвѣтъ примѣтно понравился. Чрезъ три дня я сидѣлъ уже съ генераломъ въ его каретѣ, въ качествѣ его адъютанта, состоящаго по кавалеріи. Военный министръ тогда имѣлъ право давать на это разрѣшеніе. Октября 4-го прибыли мы въ древнюю столицу-страдалицу, на сущее пепелище. Въ самый день пріѣзда было мнѣ поручено принять военную канцелярію. Ею—кто бы повѣрилъ!—у знаменитаго въ свое время и громкаго графа Ростопчина завѣдывалъ человѣкъ, переряженный изъ аудиторовъ—тогдашнихъ аудиторовъ—въ мундирѣ л.-гв. преображенскаго полка и такой, что стыдно было пробыть съ нимъ столько времени, сколько необходимо было для подписи длинныхъ рапортовъ. И этотъ человѣкъ могъ играть судьбою людей! Я засталъ подготовленное рѣшеніе по военному дѣлу, по которому нѣсколько провіантскихъ чиновниковъ приговаривались къ лишенію чиновъ и ссылкѣ. Они судились по бездоказательному доносу, будто бы, хлѣбъ, доставленный на баркахъ и показанный разграбленнымъ, вовсе не былъ доставленъ. Разсмотрѣвъ дѣло и не видя никакихъ ясныхъ доводовъ къ подтвержденію доноса, я спросилъ аудитора, на какомъ основаніи допустилъ онъ такое рѣшеніе. Въ отвѣтъ получилъ: «на это была воля вашего предмѣстника».—«Стало быть, если у меня нѣтъ воли губить людей, такъ ихъ можно спасти?»—«Какъ прикажете». Ужаснувшись такого факта, я тотчасъ доложилъ это дѣло генералу, и осужденные были спасены отъ ссылки, но приговорены къ неопредѣленію впредь къ подобнымъ должностямъ.

Провидѣніе жестоко взыскало за такую волю. Сынъ этого капитана гвардіи, бывшій въ тогдашнемъ Дворянскомъ полку, задушилъ больного своего дѣда, по матери, чтобы воспользоваться деньгами, которыя замѣтилъ у него подъ подушкою. И это былъ его единственный сынъ!

Гражданскою канцеляріею при графѣ Ростопчинѣ управлялъ человѣкъ образованный, съ отличными способностями, сынъ сенатора Рунича, но Тормасову не понравился. Руничъ первый замѣтилъ это и просилъ увольненія. Генералъ опредѣлилъ на его мѣсто чиновника Сесаревскаго, привезеннаго съ собою, по рекомендаціи сенатора Ланскаго, тоже со способностями и человѣка честнаго. Впослѣдствіи онъ былъ оберъ-прокуроромъ сената; но и этотъ не могъ угодить Тормасову. Опредѣливъ его на другое мѣсто, сверхъ всякаго всѣхъ чаянія, Тормасовъ поручилъ и эту канцелярію мнѣ. Этимъ онъ поставилъ своего адъютанта въ такое значеніе по Москвѣ, въ какомъ до него никто не былъ и послѣ него, вѣроятно, никто не будетъ. Это случилось въ маѣ 1815 года.

Во всей бюрократіи заговорили: «самъ кавалеристъ и канцелярію поручилъ кавалеристу, будетъ толкъ». Мнѣ предстояла задача доказать нелѣпость этого сужденія; я принялся дѣйствовать и учиться. Канцелярія главнокомандующаго была полный хаосъ. Дѣла, какъ были второпяхъ забраны, увезены и обратно привезены, такъ и лежали брошенными. За текущими бумагами никто не хотѣлъ за нихъ взяться. Между чиновниками не было никакой дисциплины; въ канцеляріи курили трубки—сигаръ еще не знали—расхаживали и посвистывали. Одинъ секретарь, князь, къ тому же съ московскою значительностію, имѣвшій особую часть просительскую, явно старался уронить Сесаревскаго въ глазахъ прочихъ своимъ неуваженіемъ, не воображая, что этимъ унижаетъ самое мѣсто. Я положилъ всему этому тотчасъ же конецъ. Въ самое короткое время все приняло совершенно новый, благоприличный видъ. Дѣла разобраны, архивъ приведенъ въ порядокъ; высочайшія повелѣнія, раскиданныя съ небреженіемъ, подобраны, переплетены въ сафьянъ и положены въ нарочно устроенный ковчегъ. Въ этомъ собраніи особенно замѣчателенъ первый собственноручный рескриптъ Павла I, данный на имя Измайлова, тогда главнокомандующаго Москвы. Вотъ его содержаніе: «Михаилъ Михайловичъ! Объяви княгинѣ Дашковой, чтобы она, помянувъ событіе 1762 года, немедленно изъ Москвы выѣхала и впредь въ нее не въѣзжала. Пребываю впрочемъ . . . . . . ». Другую достопримѣчательность, найденную при этомъ разборѣ дѣлъ, составляли также разбросанныя копіи съ писемъ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, масоновъ и мартинистовъ, изъ-за границы и изъ внутреннихъ губерній, которыя были списываемы въ московскомъ почтамтѣ и представляемы почтъ-директоромъ Пестелемъ, послѣ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Сибири, главнокомандующему князю Прозоровскому. Эти-то самыя копіи послужили Прозоровскому къ возбужденію подозрѣнія въ императрицѣ, и она указала арестовать Новикова съ прочими и произвесть изслѣдованіе. Все это довольно подробно описано въ неизданныхъ запискахъ

Ивана Владимiровича Лопухина, очень интересныхъ[1]). Всѣ эти копiи съ «покорнѣйшими» донесенiями о нихъ Пестеля переплетены въ особый in-folio.

Нельзя умолчать объ одномъ курiозномъ анекдотѣ, характеризующемъ всѣ подобныя преслѣдованiя. Для разбора всѣхъ книгъ и сочиненiй, отобранныхъ большею частiю у Новикова, а также и у другихъ, составлена была комиссiя. Въ ней былъ членомъ Геймъ, Иванъ Андреевичъ, составитель нѣмецкаго лексикона, котораго жаловала императрица Марiя Ѳеодоровна, и онъ-то и разсказывалъ, что у нихъ происходило тутъ сущее auto da fe. Чуть книга казалась сомнительною, ее бросали въ каминъ; этимъ болѣе распоряжался засѣдавшiй отъ духовной стороны архимандритъ. Однажды, разбиравшiй книги сказалъ:

— Вотъ эта духовнаго содержанiя, какъ прикажете?

— Кидай ее туда же,—вскричалъ отецъ архимандритъ,—вмѣстѣ была, такъ и она дьявольщины наблошнилась.

По приведенiи всѣхъ дѣлъ канцелярiи въ порядокъ и самой канцелярiи въ полное благоустройство, я употребилъ особое старанiе, чтобы не было повода къ хожденiю по подаваемымъ просьбамъ. Я достигъ исполненiя самаго скораго къ удовлетворенiю всякаго, кто имѣлъ дѣло до канцелярiи,—а кто тогда не имѣлъ до нея дѣла?—это обратило вниманiе публики. Всѣмъ было очевидно, какими малыми средствами и съ какимъ ограниченнымъ числомъ сотрудниковъ это сдѣлано.

Похвалы сыпались отовсюду. Этого мало, я успѣвалъ во всѣхъ торжественныхъ выѣздахъ сопутствовать генералу. Въ 1815 году, когда было молебствiе въ Успенскомъ соборѣ о побѣдѣ подъ Ватерлоо (Бельальянсъ), длинную реляцiю о ней читалъ я во услышанiе полнаго собора и въ присутствiи всѣхъ знаменитостей, такъ что самъ преосвященный Августинъ отозвался, что чтеца такого не запомнитъ.

Между тѣмъ я занимался проектомъ обстройки столицы и правилами вспоможенiя разореннымъ. Все это вчернѣ написано было моею рукою. Когда все было готово, генералъ Тормасовъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, въ сопровожденiи одного меня, пригласилъ только съ собою предсѣдателя комиссiи строенiй, князя Цицiанова.

Послѣ личнаго представленiя государю генераломъ Тормасовымъ, въ кабинетѣ Зимняго дворца, плановъ и проекта, на другой день я получилъ отъ графа Аракчеева пригласительную записку «явиться къ нему завтра по утру въ шесть часовъ». Доложивъ объ этомъ своему генералу, въ этотъ же вечеръ я свѣрилъ свои часы съ часами графа и на утро, за четверть часа до срока, былъ въ его аванзалѣ. Графъ не заставилъ дожидаться. Выйдя, подошелъ близко

[1]) Нынѣ они уже изданы въ полномъ видѣ. Ред.

и началъ такъ: «Здравствуйте, г. баронъ, вы съ Александромъ Петровичемъ пріѣхали сюда съ проектами. Государь мнѣ ихъ передалъ, чтобы я разсмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ доложи же ты своему Александру Петровичу — какъ ему угодно: я ли къ нему пріѣду, или (возвыся голосъ) онъ ко мнѣ пожалуетъ?» И потомъ съ нѣкоторою фамильярностію присовокупилъ: «А всего, братецъ, лучше, какъ бы онъ тебя ко мнѣ прислалъ, такъ мы бы съ тобою въ полчаса это дѣло кончили». Послѣднихъ словъ я, конечно, своему генералу не передалъ, а на первую фразу Тормасовъ отозвался съ значительною улыбкою: «Ну, братецъ, само собою разумѣется, что я къ нему поѣду».

Такъ и сдѣлалось. За ломбернымъ столомъ графъ посадилъ Тормасова противъ себя, а меня съ бумагами просилъ сѣсть съ третьей стороны. Такимъ образомъ, я имѣлъ честь прочитать все предъ этимъ глубоковнимательнымъ судьею. Графъ слушалъ, подперши наклоненную къ столу голову обѣими руками, и, по временамъ, быстрымъ взглядомъ на меня, требовалъ объясненія о томъ, что казалось ему, по неизвѣстной мѣстности, не совсѣмъ яснымъ. Я объяснялъ смѣло, нисколько не боясь того, который въ то время многимъ казался страшнымъ.

Проектъ и планы получили высочайшее одобреніе, и генералъ Тормасовъ возвратился къ дѣятельному выполненію всѣхъ предположеній.

Распущенность московской полиціи заставила графа Тормасова перемѣнить оберъ-полицеймейстера Ивашкина. Этого мѣста искалъ, извѣстный самому государю и всею Москвою любимый, полицеймейстеръ Волковъ, бывшій потомъ московскимъ комендантомъ. Тормасовъ находилъ одно препятствіемъ, что онъ былъ мягокъ и имѣлъ связи въ Москвѣ, а потому колебался. Но въ Петербургѣ явился къ нему генералъ Шульгинъ, съ письмомъ отъ цесаревича, у котораго былъ нѣкогда адъютантомъ. Такого предстательства Тормасовъ не могъ не уважить, хотя былъ предваряемъ неодобрительными отзывами; опредѣлилъ его и послѣ дорого заплатилъ за эту погрѣшность. Справедливость требуетъ сказать, что во всемъ, касающемся до матеріальной стороны и наружности, Шульгинъ привелъ полицію и пожарную команду въ лучшій, стройный видъ, въ какомъ она едва ли когда бывала. Москва быстро возникала изъ пепла и украшалась лучше прежняго. Кремль возобновился во всемъ своемъ величіи. Двухъ-этажный дворецъ надстроенъ былъ стоячими брусьями и обложенъ тонкою кирпичною стѣною въ промежуткахъ; для устраненія сырости насыпанъ былъ толченый уголь; внутри околочено войлоками и оштукатурено подъ мраморъ. Иванъ Великій снова закрасовался своею главою, къ колоколу его прибавили 500 пудовъ. Никольская башня, на которой такъ чудесно сохранился, послѣ взрыва ея, образъ Святителя и Чудотворца Ни-

колая, возобновлена съ нѣкоторою передѣлкою. Вѣрно снятый видъ ея въ руинѣ долженъ быть между вещами, оставшимися отъ преосвященнаго Августина.

Околы стѣны, съ восточной стороны, по Неглинной, вмѣсто рва со всякою нечистотою, явился садъ и благоуханіе. Въ началѣ августа (1816) возвѣщено было прибытіе государя. Князь Волконскій сообщилъ, что его величество прибудетъ ночью и желаетъ, чтобы въ Кремлѣ никого, ни самой полиціи, не было, и чтобы военный генералъ-губернаторъ, одинъ съ адъютантомъ, встрѣтилъ его величество на Красномъ крыльцѣ.

Государь прибылъ въ самую полночь, генералъ Тормасовъ въ сопровожденіи меня принялъ его при выходѣ изъ экипажа. На низкій поклонъ генерала государь отвѣчалъ привѣтомъ: «Здравствуй, Александръ Петровичъ, здоровъ ли?», быстро взошелъ по лѣстницѣ и, принявъ рапортъ, тотчасъ отпустилъ насъ.

На другой день государь былъ въ Успенскомъ соборѣ у обѣдни.

По возвращеніи во дворецъ, государь сказалъ Тормасову: «Вашъ Августинъ мастеръ служить! мастеръ служить! Я Платона видѣлъ, онъ и его перещеголялъ!»

Затѣмъ изъявилъ благодарность свою Тормасову и при этомъ случаѣ разсказалъ ему, какъ недоволенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ за переводъ и печатаніе въ «Сѣверной Почтѣ» рѣчи, сказанной на варшавскомъ сеймѣ, примолвя: «Всѣ хотятъ мѣшаться въ политическія дѣла».

Въ тотъ же день представлялось дворянство и потомъ купечество. Государь, обращаясь къ градскому головѣ, спросилъ: «Точно ли они довольны новымъ начальникомъ?» и, услышавъ утвердительный отвѣтъ, выраженный съ примѣтно искреннимъ чувствомъ, присовокупилъ: «очень радъ, очень радъ; это мой выборъ!»

Вообще государь, по обозрѣніи Москвы, изумленъ былъ успѣхомъ ея обновленія и въ день своего тезоименитства, 30-го августа, оказалъ многія милости: Тормасовъ возведенъ въ графское достоинство; Августинъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго; Шульгину пожалована бриллiантовая звѣзда св. Анны; мнѣ чинъ подполковника. На третій день я представлялся графу Аракчееву. Послѣ перваго ласковаго привѣтствія, графъ, взявъ со стола бумагу, сказалъ: «Вотъ, г. баронъ, государь велѣлъ тебѣ это показать, чтобы ты видѣлъ, до какой степени онъ внимателенъ. Посмотри, здѣсь у тебя въ итогѣ невѣрность». Это была вѣдомость о возобновленныхъ и вновь выстроенныхъ домахъ, которую графъ Тормасовъ считалъ сначала ненужною къ рапорту о благосостояніи столицы и вдругъ предъ самымъ отъѣздомъ во дворецъ потребовалъ: второпяхъ писарь вмѣсто 69 въ итогѣ поставилъ 96. Я не могъ скрыть, сколь прискорбно было для меня это замѣчаніе, и графъ очень милостиво присовокупилъ: «Оно ничего, братецъ, не-

важно. Государь не гнѣвается; но тебѣ это сказано для того, чтобы впредь былъ осторожнѣе».

Въ это пребываніе государя въ Москвѣ, нѣкоторые случаи достойны особаго замѣчанія. Нѣкто, содержатель косметическаго магазина Розенштраухъ, послѣ бывшій въ Одессѣ лютеранскимъ пасторомъ, очень уважаемымъ, тотчасъ по пріѣздѣ государя, подалъ просьбу военному генералъ-губернатору о дозволеніи ознаменовать 30-е августа открытіемъ массонской ложи. По докладѣ объ этомъ, государь изволилъ отозваться: «Я формально позволенія на это не даю. У меня въ Петербургѣ на это смотрятъ такъ (государь взглянулъ сквозь пальцы). Впрочемъ, опытъ удостовѣрилъ, что тутъ зла никакого нѣтъ. Это совершенно отъ васъ зависитъ».—И ложа была открыта подъ фирмою «Тройственный рогъ изобилія (изъ трехъ роговъ составлялась буква А). Я былъ приглашаемъ ко вступленію въ нее, но отказался, болѣе по той причинѣ, что имѣлъ случай видѣть вблизи все ничтожество лицъ, по массонеріи значительныхъ.

Послѣ 30-го уже августа, графиня Орлова дала балъ. Она была убѣждена, что государь будетъ у нея ужинать, и нѣкоторымъ уже объявила о томъ за тайну. Великолѣпно накрытый столъ, подъ померанцовыми деревьями, свидѣтельствовалъ, что она вѣрила этому особенному своему счастію, особенному потому, что государь никогда нигдѣ не ужиналъ. И въ этотъ разъ онъ не намѣренъ былъ остаться; поэтому предварилъ Тормасова, чтобы во время мазурки экипажъ его былъ у подъѣзда. Тормасовъ сообщилъ тайну одному мнѣ и велѣлъ внимательно слѣдить за движеніями его величества. Государь настоятельно убѣдилъ Милорадовича протанцовать мазурку vis-à-vis съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Кругъ составился въ шесть паръ. Великій князь начиналъ, и какъ кончилъ очень скромно свой туръ, Милорадовичъ выступилъ со всѣми ухватками молодого поляка. Кругъ зрителей стѣснился, особенно дамы и дѣвицы тянулись нацыпочкахъ видѣть пà, выдѣлываемыя графомъ Милорадовичемъ. Въ это время государь обвелъ взоромъ своимъ весь кругъ и замѣтя, что на него никто не смотритъ, сдѣлалъ шагъ назадъ, быстро свелъ двухъ флигель-адъютантовъ, стоявшихъ за нимъ, передъ себя и повернувшись, большими скорыми шагами, незамѣтно вышелъ изъ зала. Я тотчасъ тронулъ Тормасова, который тоже глядѣлъ на предметъ всеобщаго вниманія, и мы вдвоемъ едва успѣли, слѣдя за государемъ, проводить его къ коляскѣ. Милорадовичъ отплясалъ, и тогда только замѣтили, что государя уже нѣтъ. Удивленіе и шепотъ были общіе. Хозяйка и Милорадовичъ замѣтно были сконфужены.—Уѣзжая домой, Тормасовъ сказалъ мнѣ: «порядочнымъ же шутомъ выставился Милорадовичъ».

— Что же ему прикажете дѣлать»,—замѣтилъ я:—«послѣ столь сильнаго убѣжденія государя!

— Лѣта давали ему возможность отклонить убѣжденіе,—сказалъ Тормасовъ.

Москва объ этомъ поговорила, и тѣмъ все кончилось.

Графу Тормасову самому хотѣлось угостить государя, но на приглашеніе государь отвѣчалъ: «Я готовъ у тебя быть, но запросто, чтобы, кромѣ **моихъ** и **твоихъ**, никого не было». Такимъ образомъ я удостоился быть за однимъ столомъ съ государемъ въ числѣ шестнадцати особъ.

Великій князь отправился прежде этого въ южныя провинціи; въ тогдашнее путешествіе его по Россіи его высочеству минуло 20 лѣтъ.

Предъ самымъ отбытіемъ государя, въ Московскомъ сенатѣ случилась непріятность. По одному тяжебному дѣлу перемѣшали въ департаментѣ голоса, и государь повелѣлъ оберъ-секретаря Руссова предать строжайшему суду.

Несмотря на это, однако же, оставляя Москву, государь изъявилъ Тормасову полное свое удовольствіе и благодарность, обѣщая посѣтить и на будущій годъ.

Въ чиновничьемъ мірѣ бываетъ нерѣдко странное проявленіе: кто упалъ, особливо съ нѣкоторой высоты, къ тому, вмѣсто состраданія, возбуждается въ другихъ какой-то родъ ненависти; его стараются попридавить и изъ него повыдавить. Такъ случилось и съ Руссовымъ: въ уголовной палатѣ его приговорили къ лишенію чиновъ и ссылкѣ на поселеніе. Разсмотрѣвъ дѣло, я увидѣлъ, что это было сдѣлано съ вопіющею натяжкою. Его осудили болѣе за неподатливость и рѣзкіе отвѣты, такъ что палата оказалась и претендателемъ и судьей. Я все это объяснилъ въ докладной запискѣ, и графъ Тормасовъ представилъ сенату, что, не соглашаясь съ рѣшеніемъ, полагаетъ Руссова отставить и впредь къ подобнымъ должностямъ не опредѣлять. Дѣло было тотчасъ же отослано въ сенатъ. Чрезъ два дня, при выходѣ изъ канцеляріи съ портфелемъ, я встрѣтилъ человѣка, съ Владимірскимъ крестомъ, въ почтительномъ ожиданіи.—«Что вамъ угодно?»—Чиновникъ отвѣчалъ: «судьба моя у васъ въ рукахъ. Я — Руссовъ». — «Ошибаетесь, судьба ваша въ рукахъ правительствующаго сената».—Руссовъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.—«Успокойтесь»,—сказалъ я ему:—«подите, справьтесь и вы будете, надѣюсь, вполнѣ довольны». — Чрезъ два года потомъ я встрѣтился съ нимъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ князя Одоевскаго, отца извѣстнаго поэта, и не узналъ его; но онъ бросился ко мнѣ на шею съ восклицаніемъ «избавитель мой!» и насказалъ мнѣ, ничего уже не значившему, много отраднаго.

VI.

Срытіе въ Кремлѣ собора Николы Голстунскаго и постройка экзерциргауза.— Отношенія къ Штейнгелю московскаго общества.—Прибытіе въ Москву императора Александра въ 1817 году.—Интриги Шульгина.—Увольненіе Штейнгеля отъ службы при Тормасовѣ.—Комитетъ объ отмѣнѣ кнута.—Н. Н. Новосильцевъ.— Отношенія Штейнгеля къ Аракчееву.—Записки Штейнгеля по законодательнымъ вопросамъ.—«Біографія графа Тормасова».—Немилость къ Штейнгелю императора Александра Павловича.—Частныя занятія Штейнгеля въ Тамбовѣ, Астрахани и Москвѣ.

По отбытіи государя, мы съ новою горячностію принялись за окончательное обновленіе Кремля и устройство Москвы. На кремлевской площади оставался старый соборъ, называемый «Николы Голстунскаго», похожій на «Спаса на Бору», также вросшій въ землю. Его, по почтительной древности, предположено было обнести благовидною галлереею по примѣру домика Петра Великаго; но полученное извѣстіе, что съ государемъ прибудетъ и прусскій король, подало мысль: соборъ сломать, а площадь очистить для парадовъ. Графъ послалъ меня переговорить объ этомъ важномъ предметѣ съ Августиномъ. Преосвященный въ полномъ значеніи слова вспылилъ, наговорилъ опреметчиво тьму оскорбительныхъ для графа выраженій; но, какъ со всѣми вспыльчивыми бываетъ, постепенно стихъ и рѣшилъ такъ: «Скажите графу, что я согласенъ, но только съ тѣмъ, чтобы онъ далъ мнѣ честное слово, что, приступивъ къ ломкѣ, по наступленіи ночи, къ утру не только сломаютъ, но очистятъ и разровняютъ все мѣсто такъ, чтобы знака не оставалось, гдѣ былъ соборъ. Я знаю Москву: начни ломать обыкновеннымъ образомъ, толковъ не оберешься. Надо удивить неожиданностію, и всѣ замолчатъ. Между тѣмъ я сдѣлаю процессію: торжественно перенесу всю утварь во вновь отдѣланную церковь подъ колокольней Ивана Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ освящу ее».

Довольный такимъ результатомъ переговоровъ, графъ сказалъ: «О, что до этого, я наряжу цѣлый полкъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что за ночь не останется ни камешка». При первомъ свиданіи съ преосвященнымъ графъ выразилъ ему особую благодарность. Преосвященный понялъ, что я былъ скроменъ и не все передалъ графу, и съ этой поры сталъ оказывать мнѣ особенное вниманіе, говоря другимъ: «Это честный человѣкъ». Голстунскій соборъ дѣйствительно исчезъ въ одну ночь.

Этому не менѣе дивились, какъ и созданію въ 6 мѣсяцевъ гигантскаго экзерциргауза, со стропилами, поддерживающими потолокъ въ 23 сажени шириною.

Тутъ вся честь принадлежала двумъ инженеръ-генераламъ: Бетанкуру и Карбоньеру.

Въ этой, можно сказать, изумительной дѣятельности я получилъ значительную извѣстность и уваженіе. Генералъ-адъютантъ—и что главное—человѣкъ высокихъ достоинствъ, графъ Павелъ Алекс. Строгоновъ и супруга его Софья Владиміровна, другъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, удостоивали писать ко мнѣ, высококлассныя личности Москвы первыя протягивали мнѣ руку. Но всего замѣчательнѣе было частое сношеніе съ А. И. Нейдгардтомъ, который былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 6-го корпуса и очень часто посѣщалъ канцелярію военнаго генералъ-губернатора. Всякій разъ, въ этихъ случаяхъ, подходя съ необыкновенными комплиментами, онъ просилъ извинить его, что отвлекаетъ меня отъ дѣла, безпокоя своими посѣщеніями. Могъ ли я, въ упоеніи тогдашней своей значительности, вообразить, что этотъ такъ сладко привѣтливый господинъ есть будущій главнокомандующій кавказскаго корпуса, а чествуемый—я, государственный колодникъ! И я не готовился на черный день; не запасался ни покровительствомъ сильныхъ, ни матеріальными средствами. По чувствамъ, какія природа вложила въ грудь мою и какія таятся еще, послѣ столь сильнаго затушенія, я не могъ входить ни въ какія низкія сдѣлки людьми мелкодушными. Мнѣ говорили, что Шульгинъ хвалится «сшибить меня»,—я пренебрегъ, и какъ палъ!

Въ 1817 году, государь прибылъ въ Москву уже съ большою свитою, предваривъ пріѣздъ прусскаго короля. Шульгинъ, размѣщавшій по квартирамъ свиту, всѣмъ, кому только могъ и имѣлъ случай говорить, разсказывалъ, что «не Тормасовъ въ Москвѣ генералъ-губернаторъ, а баронъ Штейнгель, который сѣлъ на него верхомъ и дѣлаетъ чортъ знаетъ что!» Эта тривіальная, столь неопредѣлительная фраза была первымъ подкопомъ. Всѣ хотѣли видѣть, что это за Штейнгель, противъ котораго такъ кричитъ оберъ-полицеймейстеръ; очень понятно, что это принято за «недаромъ». Обыкновенно, тотъ кажется правымъ, чей крикъ ближе къ ушамъ нашимъ. Я, дѣйствительно, былъ противенъ Шульгину потому, что для огражденія городскихъ тогда очень скудныхъ доходовъ мѣшалъ его выгодамъ отъ фуража для пожарной команды, ремонта лошадей и т. п. Чтобы ясно видѣть, между прочимъ, значеніе Шульгина у Тормасова, приведу слѣдующій случай.

Государь, проѣзжая вечеромъ мимо Тверского бульвара, замѣтилъ, что въ числѣ работающихъ арестантовъ находился одинъ безъ рубашки, и потому изволилъ замѣтить Тормасову, что «на работу посылать можно, но надо же и человѣчество помнить».

Это было въ суровую осень. Графъ, передавъ это мнѣ, сказалъ: «Такъ напиши же ты оберъ-полицеймейстеру, чтобы сдѣлалъ тюремному смотрителю строжайшій выговоръ, и чтобы впредь этого не было». Такъ и было написано. Черезъ недѣлю, въ одно утро, по окончаніи доклада, графъ подалъ мнѣ бумагу, говоря: «на, бра-

тецъ, да напиши ты этому дураку, что нельзя же намъ государя-то отдавать подъ слѣдствіе». Бумага была рапортъ Шульгина о томъ, что онъ произвелъ строжайшее слѣдствіе о томъ, кто былъ безъ рубашки, и оказалось, что никого не было. Вмѣсто сознанія, это послѣднее предписаніе возбудило еще болѣе ненависть Шульгина; интрига усилилась; говоръ чрезъ князя П. М. Волконскаго дошелъ до слуха государя и невозвратно погубилъ меня въ его мнѣніи.

Къ этому нужно еще прибавить, что я не могъ нравиться аристократическому кругу, для угодливости котораго надо нерѣдко дѣлать не такъ, какъ повелѣваетъ долгъ и совѣсть. Довольно привести два факта. Генералъ Апраксинъ самъ забѣгалъ ко мнѣ и оставилъ карточку. На другой день поступила отъ него просьба, чтобы законфисковать весь пригнанный по рѣкѣ Москвѣ лѣсъ у лѣсного торговца, который, вѣроятно, поссорился съ его управляющимъ. Графъ Тормасовъ тотчасъ увидалъ, что это значило бы отстраивающуюся Москву лишить главнаго матеріала, и отказалъ.

Одинъ изъ самыхъ значительныхъ сенаторовъ того времени—Алябьевъ, самою лестною манерою завлекъ меня въ свое знакомство, и что же? Чрезъ нѣсколько времени я получилъ письмо: сенаторъ проситъ обратить особое вниманіе на подсудимаго, котораго дѣло изъ уголовной палаты поступило къ генералъ-губернатору. Я самъ разсмотрѣлъ это дѣло и убѣдился, что кліентъ его высокопревосходительства — отъявленный мошенникъ; съ этого времени, разумѣется, нога моя не была у Алябьева. Такъ, знакомство мое въ высшемъ кругу ограничивалось Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, извѣстнымъ поэтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи; сенаторомъ Львовымъ, бывшимъ адъютантомъ князя Таврическаго, и графинею Броліо.

Инженеръ-генералъ Карбоньеръ, удостоивавшій меня своею дружбою, не принадлежалъ къ аристократическому кругу; онъ былъ слишкомъ дѣльнымъ для этого. Итакъ, не увидительно, что наконецъ достигли того, что и самого графа Тормасова вооружили противъ его усерднаго работника, увѣривъ, что тотъ выдаетъ себя вездѣ за factotum'a.

Замѣтивъ перемѣну, я тотчасъ же просилъ увольненія, «съ состояніемъ по кавалеріи», и получилъ его немедленно.

Сдавъ канцелярію въ три дня, въ полной исправности, я написалъ письмо къ графу Тормасову, которое начинается такъ: «Сіятельнѣйшій графъ!—справедливо ли со мною поступлено, да судитъ Богъ сердцевѣдецъ; я управлялъ дѣлами канцеляріи рукою непогрѣшительною, и если погрѣшилъ, то однимъ только, что при настоящемъ присутствіи государя не успѣлъ отдать справедливости моимъ сутрудникамъ, и потому, зная вашу правоту, представляю списокъ съ означеніемъ, по совѣсти, способностей каждаго, и кто чего достоинъ».

Всѣмъ исходатайствованы награды безъ малѣйшей отмѣны.

Послѣ этого, я старался не встрѣчаться съ графомъ, хотя являлся въ благородномъ собраніи, съ открытыми на всѣхъ глазами.

Я не остался и безъ дѣла: занялся сочиненіемъ Опыта о времесчисленіи, написалъ Разсужденіе о наказаніяхъ, узнавъ о тайномъ комитетѣ, составленномъ съ цѣлью трактовать объ отмѣнѣ кнута. Это—фактъ не многимъ извѣстный, и между тѣмъ очень интересный. Предсѣдателемъ комитета былъ графъ Аракчеевъ, человѣкъ, ославившійся своею жестокостью; первымъ по немъ членомъ—министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій, нѣкогда славный полковникъ, державшійся строго правила «девять забей—десятаго поставь». Затѣмъ графъ Тормасовъ, Н. Н. Новосильцевъ, А. Н. Голицынъ, сенаторъ Плотниковъ (извѣстный въ Москвѣ подъ прозваніемъ «Плохандросъ», но онъ женатъ былъ на Архаровой) и предсѣдатель комиссіи строеній князь Циціановъ. Правителемъ дѣлъ назначенъ Марченко.

Предложили два вопроса: 1) можно ли отмѣнить кнутъ? и 2) чѣмъ замѣнить его въ такомъ случаѣ? При отрицательномъ рѣшеніи 1-го вопроса, 2-й самъ собою уничтожился. Предложили 3-й, что же бы такое сдѣлать, чтобы удовлетворить желаніе государя, «чѣмъ либо, въ этомъ родѣ, ознаменовать посѣщеніе имъ Москвы»; придумали отмѣнить рваніе ноздрей, какъ мѣру предупрежденія побѣговъ, которая при существованіи этаповъ и внутренней стражи оказывается ненужною. Въ этомъ смыслѣ написанъ докладъ, высочайше утвержденъ и указъ данъ сенату. Только что онъ вышелъ, въ московской уголовной палатѣ готовилось осужденіе преступника къ торговой казни. Секретарь, соображая, что при опредѣленіи наказанія кнутомъ всегда упоминалось «съ постановленіемъ знаковъ», и находя эту мѣру также только предохранительною, какъ и рваніе ноздрей, обратился съ вопросомъ къ присутствію: клеймить или не клеймить? Присутствіе затруднилось, послали за прокуроромъ; прокуроръ также не рѣшился отвѣчать положительно; созвали на совѣтъ всѣхъ предсѣдателей, признали необходимымъ остановиться приговоромъ и представить вопросъ на разрѣшеніе правительствующаго сената. Сенатъ разрѣшилъ: по справкѣ, какъ въ указѣ сказано только объ одной отмѣнѣ рванія ноздрей, то и продолжать клеймить.

Такимъ образомъ самое благодушное намѣреніе государя, котораго исполненіе было бы лучшимъ памятникомъ его царствованія, не только обратилось въ ничто, но даже не помѣшало совершенно противному проявленію впослѣдствіи.

Между тѣмъ, узнавъ отъ Новосильцева, въ чемъ секретъ, я написалъ «о наказаніяхъ вообще», и это чрезъ него было поднесено государю и послѣ въ канцелярію графа Аракчеева, съ надписью «читалъ». Изъ этой пьесы проявилось послѣ только: эшафотъ, телѣга и священникъ, но совсѣмъ не въ томъ видѣ.

При этомъ случаѣ Новосильцевъ просилъ государя отдать ему меня, какъ человѣка со способностями для дѣла, ему порученнаго, а именно: приспособленія англійскихъ институцій къ Россіи. Государь сказалъ: «Да, знаю, у тебя одинъ Байковъ 12 тысячъ беретъ за то, что хорошо шампанское пьетъ; но Штейнгеля взять тебѣ будетъ не ловко; онъ только что разстался съ неудовольствіемъ съ графомъ Тормасовымъ».

Въ концѣ слѣдующаго 1818 года, въ Петербургѣ я былъ обнадеженъ графомъ Аракчеевымъ, что онъ возьметъ меня къ себѣ, и потому я долженъ былъ переѣхать изъ Москвы. Въ то же время, по поводу записки о наказаніяхъ, я написалъ о законахъ, касающихся до гражданственности въ Россіи. Выводъ былъ тотъ, что еслибы въ званіи простого гражданина родился человѣкъ, съ самыми честнѣйшими наклонностями, то нехотя разочтетъ, что лучше быть бездѣльникомъ. Эта пьеса была поднесена графу Аракчееву и породила въ немъ холодность. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ возвратилъ ее при слѣдующей запискѣ: «Графъ Аракчеевъ благодаритъ барона Штейнгеля за доставленныя ему бумаги, которыя при семъ возвращаетъ, по ненадобію въ оныхъ. 19-го октября 1819 года».

Тогда же я написалъ разсужденіе о законахъ, относящихся до богохульства. Поводъ былъ замѣчательный—въ бытность мою еще правителемъ канцеляріи; на Рогожской улицѣ въ Москвѣ мѣщанинъ, придерживающійся раскола, встрѣтился съ дьячкомъ, и оба въ подгулѣ. «Экъ! ты нализался,—сказалъ послѣдній,—вотъ ужо-те Дмитрій-то Ростовскій!»—«Убирайся ты, съ своимъ...». Дьячекъ не вынесъ, нанесъ заушеніе, отвѣтъ былъ такой же; на драку явился квартальный, и отсюда преступленіе первой степени! Уголовная палата осудила высѣчь кнутомъ и сослать вѣчно въ каторгу. А раскольникъ-то былъ бѣдный отецъ пятерыхъ дѣтей.

При докладѣ, графъ Тормасовъ ужаснулся, признавъ такое рѣшеніе жестокимъ, и рѣшился доложить государю. Государь былъ того же мнѣнія, но присовокупилъ: «Это обстоятельство щекотливое; надо бы узнать, какъ думаетъ объ этомъ Августинъ». Графъ, передавая это мнѣ, прибавилъ: «Поѣзжай же ты къ своему пріятелю и потолкуй съ нимъ»; онъ всегда шутилъ надъ знакомствомъ моимъ съ преосвященнымъ. Августинъ тоже содрогнулся и велѣлъ сказать графу: «Пусть пришлютъ его къ намъ на покаяніе, мы его исправимъ». Когда я уже выходилъ отъ него, преосвященный вскричалъ вслѣдъ: «Постойте, постойте, Владиміръ Ивановичъ, вотъ еще что скажите графу: я такой вѣры, что еслибы самъ Святитель былъ въ живыхъ, онъ первый былъ бы ходатаемъ за этого несчастнаго». На другой же день было доложено государю, и объявлено высочайшее повелѣніе сенату: освободить отъ наказанія, предавъ духовному покаянію.

Разсужденіе это было написано съ полною энергіею, съ цѣлью убѣжденія, что существующій законъ, отъ котораго содрогнулась рука, долженствовавшая утвердить приговоръ, отвратный сердцу монарха и не одобряемый духовною властью, не имѣетъ и тѣни христіанской мысли въ основаніи. Оно было черезъ Тургенева доставлено князю Голицыну—тогда министру духовныхъ дѣлъ, и, какъ все возникающее снизу, осталось безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что истина представлялась отъ человѣка опальнаго, а въ логикѣ Наѳанаила сказано: «Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?»

Въ 1819 году, скончался графъ Тормасовъ; я напечаталъ въ журналѣ «Сынъ Отечества» его біографію, которая послѣ внесена въ «Жизнь Россійскихъ полководцевъ», и въ которой, не прибѣгая къ постыдной и низкой лести, я отдалъ полную справедливость благородному характеру графа.

Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ графъ Аракчеевъ повторялъ мнѣ: потерпите, потерпите; директоръ департамента министерства финансовъ, Дружининъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто директора варшавской таможни, по новому только что вышедшему положенію. Я отвѣчалъ: «Что же вы хотите, чтобы государь принялъ это за явное доказательство наклонности къ корыстолюбію?»—«О, нѣтъ,—отвѣчалъ Дружининъ,—это управленіе будетъ состоять подъ непосредственнымъ наблюденіемъ цесаревича, и потому предполагается, что никто съ мыслями корысти не рѣшится вступить въ эту должность». Я согласился, мы поѣхали къ министру, графу Гурьеву. Графъ обласкалъ какъ нельзя болѣе и требовалъ только, чтобы я вышелъ изъ военной службы, говоря: «Я бы самъ подалъ докладъ, но государь не желаетъ, чтобы мы брали военныхъ прямо». По этому поводу я вышелъ въ отставку, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. По настоянію министра о поспѣшеніи я уже готовъ былъ ѣхать въ Варшаву, какъ вдругъ государь назначилъ на это мѣсто Бибикова. На похвальный отзывъ обо мнѣ министра государь сказалъ: «Я въ немъ отказалъ Новосильцеву, позволь и тебѣ отказать». Тогда я обратился къ князю Голицыну и просилъ его предстательства о томъ, чтобы государь оказалъ милость, повелѣвъ объявить мнѣ мою вину и принять отъ меня оправданіе. Въ этомъ смыслѣ, съ согласія князя, я самъ написалъ къ государю, чрезъ статсъ-секретаря Кикина, письмо, которое оканчивалось слѣдующими словами:

«Государь! благочестивѣйшіе предки вашего величества имѣли обычай на Святую Пасху отпускать вины самымъ злѣйшимъ преступникамъ; неужели вы, государь, коего свѣтъ прославляетъ христіанскія добродѣтели и человѣколюбіе, въ сіи святые и великіе дни, откажете въ одной справедливости невинному и не восхотите въ мнѣніи вашемъ возвратить доброе имя тому, который былъ и умретъ честнымъ и ревностнымъ вашего императорскаго величества вѣрноподданнымъ».

Въ великую пятницу, когда князь Голицынъ, кончивъ докладъ, заговорилъ обо мнѣ, государь прервалъ его и выразился такъ: «А кстати, онъ ко мнѣ пишетъ, вотъ его письмо, призови его къ себѣ и скажи ему, что напрасно онъ тебя цитуетъ: не твое дѣло входить въ посредство, это не по твоей части, до тебя не касается, и что, впрочемъ, я самъ лучше тебя его знаю». Князь, передавая эти слова, присовокупилъ: «Крайне жаль, но долженъ вамъ сказать, что вы такъ очернены въ мнѣніи государя, что мой вамъ совѣтъ о службѣ и не помышлять».

Не только я пораженъ былъ такимъ результатомъ, но и любящій меня г. Карбоньеръ—не менѣе. По его участію, я принужденъ былъ принять управленіе частнымъ винокуреннымъ заводомъ въ Тульской губерніи. Съ дѣломъ я ознакомился тотчасъ, но отношеніе къ казенной палатѣ показалось невыносимо. Тогда операція винной продажи производилась отъ казны. Больше года я не могъ пробыть; возвратясь въ Москву, я получилъ приглашеніе отъ астраханскаго губернатора Попова «помочь ему» въ отношеніяхъ его къ генералъ-губернатору Ермолову; я поѣхалъ и тутъ познакомился со многими новыми предметами. Въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ я занимался дѣлами у губернатора, написалъ представленія: объ управленіи калмыками, о рыболовной экспедиціи, о тюленьей ловлѣ. Между прочимъ, съ ужасомъ узналъ, что армяне, имѣющіе права дворянъ, покупаютъ на Макарьевской ярмаркѣ крѣпостныхъ людей и перепродаютъ ихъ, разбивая семейства, въ рабство къ трухменцамъ. Я рѣшился написать объ этомъ прямо государю. Впослѣдствіи продажа людей безъ земли была строго воспрещена.

Увидя, что желаніе губернатора имѣть меня сотрудникомъ своимъ не могло черезъ г. Ермолова осуществиться, я возвратился въ Москву. Здѣсь, по предварительно данному отъ университета дозволенію на право завести пансіонъ, я было и приступилъ къ этому; но тогдашній поставщикъ арміи Варгинъ предложилъ заняться его дѣлами на очень выгодныхъ для меня условіяхъ, и я согласился.

VII.

Знакомство съ Рылѣевымъ.—Кончина императора Александра Павловича.—Дѣйствія тайнаго общества. — Сношенія Штейнгеля съ Рылѣевымъ.—Я. И. Ростовцевъ.—14-е декабря.—Арестъ Штейнгеля.—Бесѣда съ нимъ императора Николая.—Пребываніе въ Петропавловской крѣпости.—Допросы.—Графъ Татищевъ и Кутузовъ.—Сентенція верховнаго суда.—Заключеніе въ Свартгольмѣ.—Ссылка въ Сибирь.—Милости императора Николая.—П. Д. Горчаковъ.—Генералъ Анненковъ.—Коронація Александра II и освобожденіе Штейнгеля.—Письмо его къ императору Александру II.—Пріѣздъ въ Петербургъ и жизнь въ немъ.

Съ 1823 года началась для меня роковая эпоха, именно когда вышелъ замѣчательный альманахъ «Полярная звѣзда». Въ первой книжкѣ этого альманаха, между прочимъ, помѣщенъ былъ переводъ Рылѣева—сатиры Ювенала «на временщика». Очевидно эта статья намекала на графа Аракчеева, а потому выходка оказалась очень смѣлою и сильно выставляла поэта переводчика. Лѣтомъ этого года надобно было мнѣ, по дѣламъ Варгина, быть въ Петербургѣ. Въ книжномъ магазинѣ Сленина, совершившаго небывалое въ Россіи дѣло, покупку права на второе изданіе «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, за 75 тысячъ, когда еще первое изданіе не разошлось, я спросилъ у Сленина, бываетъ ли у него въ магазинѣ Рылѣевъ; при утвердительномъ отвѣтѣ онъ прибавилъ: а онъ о васъ недавно спрашивалъ, не будете ли вы сюда.—Это какъ?—и вдругъ входитъ незнакомый человѣкъ, въ которомъ Сленинъ представляетъ мнѣ Кондратія Ѳедоровича Рылѣева.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій я сказалъ ему: «Что мнѣ было интересно узнать васъ, это не должно васъ удивлять; но чѣмъ я могъ васъ заинтересовать—отгадать не могу». «Очень просто,—я пишу Войнаровскаго, сцена близъ Якутска, а какъ вы были тамъ, то мнѣ хотѣлось попросить васъ, прослушать то мѣсто поэмы и сказать, нѣтъ ли погрѣшностей противъ мѣстности».

Я отвѣчалъ «съ удовольствіемъ», и тотчасъ же Рылѣевъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ и совершенно обворожилъ меня собою, такъ что мы разстались друзьями.

На другой годъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановился въ домѣ россійско-американской компаніи въ квартирѣ директора Прокофьева и нашелъ Рылѣева правителемъ дѣлъ компаніи. Это еще болѣе насъ сблизило, особенно когда надобно было заняться дѣломъ директоровъ, Крамера и Сѣверина, чуть было не доведшихъ компаніи до банкротства.

Однажды Рылѣевъ пригласилъ меня съ нимъ отобѣдать въ гостиницѣ подъ фирмою «Лондонъ», на балконѣ, который по удаленію отъ сообщества онъ называлъ Америкою.

Обѣдали вдвоемъ, вскорѣ отъ компанейскихъ дѣлъ перешли къ общему тогдашнему ходу вещей въ государствѣ. Перебирая случаи неурядицы и злоупотребленій, я первый съ экстазомъ произнесъ: «И никто этого не видитъ; неужели нѣтъ людей, которыхъ бы интересовато общее благо!» Рылѣевъ привскочилъ, схватилъ меня за руку и съ самымъ энергическимъ взглядомъ, удушливо, сказалъ: «Есть люди! Цѣлое общество! Хочешь ли быть въ числѣ ихъ?» Меня обдало холодомъ, я тотчасъ же почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво, и однако же, немедля нимало, отвѣчалъ: «Любезный другъ, я уже не мальчикъ, мнѣ 42-й годъ; прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мнѣ нужно знать, что это за люди, какая цѣль общества; апрантивомъ мнѣ быть уже не прилично».—«Я не могу теперь сказать тебѣ,—отвѣчалъ Рылѣевъ.—но поговорю съ директорами и тогда скажу». На этомъ пресѣкся разговоръ и не возобновлялся до самаго отъѣзда моего. При прощаніи Рылѣевъ сказалъ: «Директора наши въ Красномъ Селѣ, я не успѣлъ ни съ кѣмъ видѣться; а вотъ тебѣ письмо къ моему другу Ивану Ивановичу Пущину; тебѣ будетъ пріятно познакомиться съ нимъ, и онъ тебѣ все откроетъ». И дѣйствительно познакомиться съ Пущинымъ было для меня чрезвычайно пріятно; но объ обществѣ я узналъ только, что оно образовалось съ цѣлью дѣйствовать противъ злоупотребленій и невѣжества, и что они съ Рылѣевымъ съ этою цѣлью оставили военную службу и служили въ с.-петербургской уголовной палатѣ волонтерами для наученія порядка дѣлъ, и съ этою же цѣлью онъ теперь надворный судья. Что касается до общества, оно раздѣлилось на два: сѣверное и южное, по разногласію, и на этотъ разъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Болѣе я и не любопытствовалъ.

Въ слѣдующемъ (1825) году, я привезъ въ Петербургъ трехъ сыновей, для опредѣленія двухъ (Ростислава и Николая) въ пансіонъ Муральта, а третьяго (Всеволода) въ морской корпусъ. Окончивъ это, я готовъ ужъ былъ возвратиться въ Москву, какъ вдругъ, 27-го ноября утромъ, явился ко мнѣ Рылѣевъ, жившій въ нижнемъ этажѣ дома Россійско-Американской компаніи, и объявилъ, что въ 4 часа утра пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что государь опасно боленъ и едва ли живъ; что весь синклитъ собирается въ Александро-Невскую лавру для молебствія о здравіи, и что онъ поѣдетъ узнать, что будетъ.

Въ 11 часовъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами: «Ну, все кончено, государь не существуетъ. Только что пропѣли Херувимскую, начальникъ гвардейскаго штаба Нейдгардтъ подошелъ къ великому князю Николаю Павловичу, шепнулъ ему что-то на ухо; великій князь потихоньку вышелъ, и всѣ за нимъ поѣхали во дворецъ. Теперь присягаютъ Константину».

На другой же день, какъ скоро присяга огласилась совершенно.

я написалъ женѣ: «Я хотѣлъ уже выѣзжать, но вдругъ вѣсть о кончинѣ государя, и на престолѣ Константинъ. Ты знаешь мои отношенія къ людямъ, къ нему близкимъ, и потому не удивишься, что рѣшился остаться».

Въ этомъ вся причина погибели. Думалъ дождаться почестей—выждалъ лишеніе всего! Наступили 17 дней тайныхъ обоюдныхъ маневровъ. Съ одной стороны, подъ наружностію скораго ожиданія прибытія новаго императора, распоряженія подъ рукою о готовности перемѣнить присягу; съ другой—все, что принадлежало къ тайному обществу и дремало въ совершенной апатіи, вдругъ встрепенулось и приняло за motto—«теперь или никогда».

Любопытство всѣхъ и каждаго было напряжено въ высшей степени. И какъ Рылѣевъ имѣлъ обо всемъ точныя свѣдѣнія, то очень естественно, что я каждый день, поутру и ввечеру, заходилъ къ нему съ вопросомъ: «ну, что у васъ дѣлается?»

Изъ того, что слышалъ, я могъ только заключить о броженіи умовъ молодыхъ людей между гвардейцами и о возгласахъ, безъ всякаго положительнаго плана и обдуманности, и имѣлъ сильный поводъ заключить, что это одна болтовня, экстазъ. Я никогда ни въ какомъ совѣщаніи не былъ, и ни съ кѣмъ, кромѣ Рылѣева и въ послѣдній вечеръ Ростовцева, ни слова не говорилъ, и не могъ говорить по той простой причинѣ, что никого не зналъ. Въ эти дни всѣ казались единомышленниками. За обѣдомъ у директора Россійско-Американской компаніи 12-го числа декабря, гдѣ присутствовали сенаторъ гр. Хвостовъ и между прочими Гречъ и Булгаринъ, что было говорено, того теперь, конечно, послѣдніе не сознàютъ, послѣ нападенія на «злоумышленниковъ».

Въ эту суматоху я одинъ только разъ имѣлъ возможность поговорить съ Рылѣевымъ и тутъ высказалъ ему свое мнѣніе, что въ Россіи республика невозможна, и революція съ этимъ намѣреніемъ будетъ гибельна; что въ одной Москвѣ 90 т. однихъ дворовыхъ, готовыхъ взяться за ножи, и что первыми жертвами тогда будутъ ихъ бабушки, тетушки и сестры. Если же непремѣнно хотятъ перемѣны порядка, то лучше признать царствующею императрицею Елисавету Алексѣевну, и подкрѣпилъ эту мысль всѣми доводами, которыхъ онъ не могъ опровергнуть. Чтобы болѣе его убѣдить въ этой идеѣ, я вызвался написать проектъ манифеста въ этомъ смыслѣ. Все это осталось втуне. Рылѣевъ такъ завлекся, что уже отступить назадъ не могъ. Утромъ 13-го числа Ростовцевъ принесъ ему описаніе своего поступка и сказалъ: «дѣлай со мною, что хочешь, я не могъ иначе поступить». Рылѣевъ былъ озлобленъ на него чрезвычайно и при свиданіи со мною тотчасъ послѣ его посѣщенія передалъ мнѣ о случившемся, показалъ записку Ростовцева и съ сердцемъ проговорилъ: «его надо убить для примѣра». Я постарался, однако же, его успокоить

и упросилъ ничего противъ Ростовцева не предпринимать. «Ну, пусть его живетъ!»—сказалъ Рылѣевъ съ тономъ болѣе презрительнымъ, нежели злобнымъ. Сверхъ того, Рылѣевъ разсказалъ мнѣ, что Каховскій по какому-то отчаянію вызвался быть режисидомъ, и что если прямо не присягнули Николаю Павловичу, то причиною тому Милорадовичъ, который предупредилъ великаго князя, что не отвѣчаетъ за спокойствіе столицы по той ненависти, какую къ нему питаетъ гвардія. До Милорадовича не доходило ничего, о чемъ шпіоны доносили тайной полиціи; напротивъ Рылѣевъ былъ во всемъ предупреждаемъ. Кромѣ того, я былъ свидѣтелемъ, какъ капитанъ Репинъ давалъ отчетъ за Финляндскій полкъ, что большая часть готовы дѣйствовать, но Моллеръ просилъ на его баталіонъ не надѣяться. До самой ночи 13-го и даже по утру 14-го декабря нельзя было ожидать чего либо. Въ крикѣ Московскаго полка неслась по Гороховому проспекту буря—и площадь обагрилась кровью. Я былъ зрителемъ, какъ и многіе; тутъ узналъ, что Ростовцевъ, избитый прикладами, увезенъ домой; тотчасъ отправился къ нему и былъ свидѣтелемъ посѣщенія присланныхъ отъ государя флигель-адъютанта и доктора.

Рылѣевъ въ тотъ же вечеръ былъ арестованъ. Я думалъ быть въ совершенной безопасности; присягнулъ государю въ церкви Вознесенья; 20-го декабря выѣхалъ изъ Петербурга; 23-го былъ въ Москвѣ. 3-го января 1826 года, раннимъ утромъ, меня арестовали и 6-го въ 5 часовъ утра привезли въ Петербургъ прямо во дворецъ.

Здѣсь началось съ того, что дежурный генералъ-адъютантъ Чернышевъ оскорбилъ меня своею грубостію и угрозами. Изъ другой комнаты, гдѣ замѣтно, что спалъ и только что одѣвался, онъ закричалъ скалозубовскомъ басомъ: «Что вы тамъ задумали!—мы все знаемъ. Отведите его въ фельдъегерскую».

Трудно описать, до какой степени наглость эта возмутила духъ мой. Меня перевели въ большую комнату, гдѣ дежурный фельдъегерь побрякивалъ своими шпорами. Тутъ долженъ я былъ просидѣть до 6-го часа вечера и съѣсть только ломтикъ бѣлаго хлѣба съ икрою. Въ 6 часовъ былъ представленъ къ допросу генералъ-адъютанта Левашова и потомъ удостоился видѣть самого государя. «Штейнгель, и ты тутъ?»—сказалъ онъ.—«Я только былъ знакомъ съ Рылѣевымъ»,—отвѣчалъ я.—«Какъ ты родня графу Штейнгелю?»—«Племянникъ его, и ни мыслями ни чувствами не участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ; и могъ ли участвовать, имѣя кучу дѣтей!»—«Дѣти ничего не значатъ,—прервалъ государь,—твои дѣти будутъ мои дѣти! Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?»—«Зналъ, государь, отъ Рылѣева».—«Зналъ и не сказалъ—не стыдно ли?»—«Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому нибудь право назвать меня подлецомъ!»—«А теперь какъ тебя назовутъ?»—спро-

силъ государь саркастически, гнѣвнымъ тономъ. Я нерѣшительно взглянулъ въ глаза государя и потупилъ взоръ. «Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно», сказалъ государь съ ощутительною угрозою въ голосѣ и повелѣлъ отвезти въ крѣпость.

Одно воспоминаніе объ этой минутѣ, чрезъ столько лѣтъ, приводитъ въ трепетъ. «Твои дѣти будутъ мои дѣти» и это «прошу не прогнѣваться»—казались мнѣ смертнымъ приговоромъ. Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ положеніи. Здѣсь кстати разсказать замѣчательное явленіе въ психологическомъ отношеніи.

Ввечеру на второй или третій день по заключеніи, ходя изъ угла въ уголъ каземата, съ напряженнымъ духомъ, я испытывалъ себя, въ состояніи ли я умереть на эшафотѣ съ полнымъ присутствіемъ духа, и прослѣдилъ весь процессъ. Казнивъ себя такимъ образомъ, я легъ и заснулъ. Мнѣ представилось во снѣ, что меня съ прочими везутъ изъ-за Байкала, на тройкахъ, и по въѣздѣ на бугоръ Никольской пристани увидѣлъ я, что изъ перваго дома ко мнѣ бѣжитъ съ распростертыми объятіями Загоскинъ [1]), который, бросившись ко мнѣ, вскричалъ: «ты возвратился, другъ любезный».

Очень естественно, что сонъ этотъ я принялъ за слѣдствіе разстроеннаго воображенія и, готовясь на смерть, рѣшился недешево отдать свою жизнь. Эта мысль возродила дерзновенье.

Потребовавъ бумаги, на что дано было право, я написалъ государю, въ собственныя руки, очень обширное письмо, содержащее краткій, но рѣзкій очеркъ минувшаго царствованія, съ раздѣленіемъ его на три эпохи: филантропіи, военную и мистицизма; тутъ между прочимъ я нѣкоторымъ образомъ предсказалъ случившееся послѣ въ военномъ поселеніи.

Въ самыхъ отвѣтахъ моихъ я уже не соблюдалъ никакой осторожности; такъ, напримѣръ, въ дополнительномъ отвѣтѣ, приведя всѣ доказательства, что меня можно по справедливости обвинить въ томъ только, что, бывши неожиданно, противъ воли депозиторомъ чужой тайны, не сдѣлался доносчикомъ, какихъ всегда презираютъ даже тѣ самые, въ чью пользу доносятъ, я заключилъ: «Вы, милостивые государи, которые должны произвесть надо мною судъ по совѣсти, приведите на память этой самой совѣсти событія 1801 года съ 11-го на 12-е марта. Итакъ, были и будутъ вѣчно обстоятельства выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, постановленій и обязанностей».

Въ другихъ отвѣтахъ, писанныхъ противъ вопросныхъ пунктовъ,

---

[1]) Другъ Штейнгеля, авторъ Юрія Милославскаго и Рославлева, которому впрочемъ не суждено было дожить до свиданья, онъ умеръ нѣсколько ранѣе помилованія декабристовъ.

сознаваясь, почему не былъ сторонникомъ великаго князя, написалъ такія вещи, которыя показались слишкомъ дерзновенными; былъ призванъ въ комитетъ, и тамъ послѣдній сидящій съ лѣвой стороны членъ, генералъ-адъютантъ П. В. Кутузовъ, закричалъ: «Какъ вы смѣли, милостивый государь, писать такія мерзости про государя?»—«Такого добраго, милосердаго», присовокупилъ президентъ, военный министръ Татищевъ, протяжно жалостнымъ тономъ, какъ бы желая дать понять, зачѣмъ такъ раздражать противъ себя. Татищевъ зналъ, что мнѣ извѣстны обстоятельства, которыхъ открытіе могло бы быть очень ему непріятно. Въ другой разъ, когда меня отвели въ ближнюю комнату, для очной ставки съ Семеновымъ, Татищевъ вышелъ за мною и ласково убѣждалъ не опасаться, увѣряя, что всячески старается спасти меня. Я взглянулъ на него съ горькою недовѣрчивостью и дѣйствительно словамъ его нисколько не вѣрилъ, имѣя прежде съ нимъ нѣкоторыя столкновенія. Что касается до Кутузова, восклицаніе его не могло не показаться мнѣ безстыдствомъ: я зналъ, что этотъ теперешній судья возмутителей былъ нѣкогда въ сонмѣ пьяныхъ режисидовъ, а потому спокойно отвѣчалъ: «я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорблять государя; но вы сами требовали во всемъ полнаго и чистосердечнаго сознанія, а потому я написалъ, что заставляло меня предпочтительно желать царствованія Елисаветы Алексѣевны».—«Такъ вы можете это перемѣнить», подхватилъ кротко Бенкендорфъ, «вѣдь намъ надобно это присовокупить къ дѣлу.»—«Очень охотно», отвѣчалъ я.—«Ну, такъ мы пришлемъ вамъ переписанные вопросы, напишите тѣ же отвѣты, выпустивъ все оскорбительное».—«Угодно, чтобы и о Елисаветѣ Алексѣевнѣ не упоминать?»—«Нѣтъ, это можете оставить».—Такъ и сдѣлано.

Утверждаю съ клятвою, что до самаго объявленія сентенціи не зналъ и не воображалъ, что надъ нами есть судъ. Когда верховный судъ отрядилъ членовъ для опроса содержащихся въ крѣпости: 1) точно ли отвѣты подписаны собственною рукою каждаго, и 2) не имѣютъ ли какихъ претензій,—приглашеніе отъ плацъ-адъютанта было сдѣлано тою же фразою: «Сегодня пожалуйте въ комитетъ».

Войдя, я увидѣлъ другую комнату, другія лица; но что это значило, не могъ догадаться, имѣя хорошія понятія о судопроизводствѣ, даже и тогда, когда позвали въ комитетъ, когда надо было выслушать предъ цѣлымъ сонмомъ верховнаго суда, что осужденъ на 20 лѣтъ въ каторжную работу. Точно также былъ я пораженъ удивленіемъ, когда вмѣсто Сибири отвезли въ Финляндію и засадили въ крѣпость Свартгольмъ, взорванную потомъ (въ крымскую войну) англичанами.

Здѣсь меня ввели въ 1 № секретнаго дома; это былъ низкій казематъ, 8 шаговъ длины и 6 ширины, съ двумя желѣзными

дверьми и маленькимъ окошкомъ съ желѣзною рѣшеткою. «Это ваше мѣсто»,—проговорилъ черство офицеръ, смотритель, и съ шумомъ заперъ двери запорами и ключемъ. Это была самая ужаснѣйшая минута во всей жизни. Мнѣ вообразилось, что тутъ опредѣлено умереть. Я упалъ передъ окошечкомъ на колѣни и молился на свѣтъ, Создателю свѣта, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ никогда не молился. Слезы текли ручьемъ, сердце облегчилось, я всталъ и въ ту же минуту услышалъ, что двери темницы отворяются. Смотритель вошелъ и ласково просилъ извиненія, что ничего не приготовлено, но все будетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ спросилъ: «Не прикажете ли что? Намъ велѣно пристойно содержать васъ». Carcero duro продолжалось до февраля мѣсяца 1827 г. (съ іюня 1826 г.), до пріѣзда генералъ-губернатора Финляндіи Закревскаго. Онъ приказалъ допускать къ общему обѣду, къ прогулкѣ по одиночкѣ и въ баню. Положеніе облегчилось. Въ іюнѣ того же года, заковавъ въ желѣзы, отправили въ Сибирь съ фельдъегеремъ. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Лавинскій, велѣлъ садить привозимыхъ въ острогъ съ убійцами и ворами. Преосвященный Михаилъ, въ одинъ воскресный день, нарочно служилъ въ острожной церкви, чтобы подать слово утѣшенія несчастнымъ и благословить просфорою. Наконецъ всѣ собраны были въ Читу. Тутъ узнали объ особенномъ вниманіи государя, оказанномъ назначеніемъ генерала Лепарскаго комендантомъ для наблюденія за государственными преступниками. Это оказался человѣкъ и умный и благороднѣйшій. По его представленію, 30-го августа 1828 года сняты съ ногъ кандалы. Въ 1830 году, перешли пѣшкомъ 100 верстъ въ Петровскій заводъ и помѣщены въ потемки вновь выстроеннаго, собственно для насъ, каземата. Лепарскій исходатайствовалъ тотчасъ свѣтъ: прорубили окна. Здѣсь составили свои правила и жили, какъ въ монастырѣ, занимаясь науками.

По истеченіи 10 лѣтъ, въ 1836 году, меня перевели поселенцемъ въ село Елань, въ 67 верстахъ отъ Иркутска. Пораженный мыслію, что при первой болѣзни безъ помощи могу умереть, воспользовался разрѣшеніемъ писать своеручно [1]) и написалъ графу Бенкендорфу письмо, въ которомъ просилъ его исходатайствовать у государя двѣ милости, чтобы государь простилъ меня, какъ человѣкъ человѣка, что это потребность души на часъ смертный, и чтобы повелѣлъ перевести меня въ г. Ишимъ, для сближенія съ родными. Чрезъ генералъ-губернатора Сибири воспослѣдовало высочайшее соизволеніе.

Въ бытность въ Ишимѣ оказана была новая высочайшая ми-

---

[1]) До этого времени за ссыльныхъ писали жены нѣкоторыхъ изъ нихъ, жившія тамъ, какъ, напримѣръ, Трубецкая, Юшневская; всѣ письма съ начала до самаго возвращенія въ Петербургъ присылались черезъ III Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. В. Ш.

лость, по письму моему къ статсъ-секретарю Мордвинову, опредѣленіемъ послѣдней дочери моей въ московскій Екатерининскій институтъ пансіонеркою государя. Затѣмъ послѣ бывшаго въ Ишимѣ пожара, въ которомъ чуть не сгорѣлъ, перевели меня въ г. Тобольскъ.

Новый губернаторъ Ладыжинскій, знавшій меня по Москвѣ, обласкалъ меня особенно и потомъ просилъ заняться преподаваніемъ его малолѣтней дочери необходимыхъ элементарныхъ уроковъ. Когда въ 1842 году возмутились въ смежныхъ уѣздахъ Пермской губерніи крестьяне, и начались неистовства, приводящія въ содроганіе, и даже произвели безпокойства и броженіе умовъ въ трехъ пограничныхъ уѣздахъ, Ладыжинскій просилъ меня написать къ народу остерегательную прокламацію народнымъ, вразумительнымъ языкомъ и потомъ еще двѣ краткихъ, но сильныхъ. Онѣ подѣйствовали. Генералъ-губернатору Западной Сибири, князю П. Д. Горчакову, не понравилось, что удержаніе спокойствія стали приписывать губернатору, и какъ прокламаціи были составлены мною, то онъ предписалъ отослать меня въ г. Тару, сообщивъ графу Бенкендорфу, что Штейнгель занимается редакціею бумагъ у губернатора и потому имѣетъ вліяніе на управленіе губерніи, что онъ находитъ неприличнымъ.

Пораженный, при всемъ своемъ несчастіи, этимъ оскорбленіемъ со стороны сильнаго, я написалъ графу Бенкендорфу и неумѣренно выставилъ, какія чувства могутъ быть внушаемы подобными нападками. Чрезъ начальника штаба жандармовъ мнѣ прямо сдѣлано замѣчаніе и напоминаніе, чтобы впредь былъ осторожнѣе. По вступленіи графа Орлова въ управленіе III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, я написалъ къ нему и просилъ возвращенія въ Тобольскъ. Не получивъ даже отзыва, повторилъ просьбу энергическимъ образомъ; послѣдовалъ отвѣтъ, что не буду удовлетворенъ, пока не перемѣню свой безпокойный нравъ и пока не получу одобренія отъ начальства.

Въ этомъ положеніи наѣхалъ ревизовать Западную Сибирь генералъ-адъютантъ Анненковъ. Я написалъ къ нему въ Тобольскъ и, когда онъ проѣзжалъ черезъ Тару, былъ у него и по поводу вопроса его о причинѣ замѣченной имъ медленности по всѣмъ дѣламъ написалъ ему полный и возможно удовлетворительный отвѣтъ. Хотя послѣдствій по отвѣту никакихъ явно не было, но меня перевели въ Тобольскъ.

Наконецъ, за тяжкими и горестными событіями для Россіи, послѣдовалъ благодатный миръ и свѣтлое коронованіе Александра II, а съ нимъ и неожиданное, невообразимое, возвращеніе изъ 30-тилѣтней ссылки. Для немногихъ, оставшихся въ живыхъ, изгнанниковъ радость полная, но и тутъ не безъ отравы.

Въѣздъ въ столицы запрещенъ!

Благородный сынъ, инспекторъ лицея [1]), прислалъ тотчасъ же 300 руб. и приглашеніе ѣхать въ Тверь, гдѣ назначилъ свиданіе. Сердце отца не могло размышлять. Старикъ 74 лѣтъ, несмотря на осень и безпутицу, воспользовался оказіею и рѣшился быть спутникомъ молодого гвардейскаго офицера, возвращавшагося въ Петербургъ изъ отпуска. Предъ самымъ отъѣздомъ написалъ письмо государю, излилъ свои благодарныя чувства, и между прочимъ со слезами пали на бумагу, прямо изъ сердца, слѣдующія слова:

«Дозвольте видѣть Москву. Сердцемъ и трудами я участвовалъ въ возсозданіи ея изъ пепла и въ осушеніи слезъ у разоренныхъ и бѣдныхъ. Безъ укора совѣсти, открытыми глазами, могу глядѣть на отблескъ ея золотыхъ маковицъ. Въ Москвѣ я сердцемъ считалъ выстрѣлы, возвѣщавшіе благодатное рожденіе ваше. Въ Москвѣ прахъ моихъ дѣтей и близкихъ родныхъ. Снимите прещеніе, котораго источникъ, я это глубоко чувствую, не въ божественной благости высокаго духа вашего.

«Въ Петербургѣ жена, дѣти мои, всѣ родные—и 30 тяжкихъ лѣтъ разлуки.

«Государь, отверзите только этой мысли высокое сердце ваше!»

Отвѣта не воспослѣдовало! До сихъ поръ не позволяю себѣ думать, чтобы строки эти имѣли счастіе быть прочтенными самимъ государемъ и не тронули его сердца.

Достигнувъ Москвы 24-го октября 1856 года, я остановился за заставою и написалъ къ графу Закревскому письмо о дозволеніи въѣхать и пробыть дня два въ Москвѣ, для приготовленія къ отправленію по желѣзной ворогѣ въ Тверь. Письмо возвращено съ резолюціею: «Дозволяю въѣхать и пробыть два дня». Я употребилъ эти два дня на посѣщеніе митрополита и преосвященнаго Евгенія. Перваго зналъ съ 1814 года еще архимандритомъ; второго пожелалъ видѣть по славѣ, какую тотъ оставилъ о себѣ въ Тобольскѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ поклонился праху бывшаго моего начальника, такъ легко нѣкогда меня предавшаго, и подалъ поминаніе о душѣ его. Въ Твери дѣйствительно встрѣтилъ и прижалъ къ сердцу двухъ сыновей, оставшихся изъ шести: одинъ полковникъ и инспекторъ лицея, другой поручикъ л.-гв. гатчинскаго полка. Между тѣмъ успѣлъ познакомиться съ достопочтеннымъ архимандритомъ Платономъ, настоятелемъ Желтикова Успенскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи св. Арсенія, архіепископа тверского.

Дѣти перевезли меня, для ожиданія разрѣшенія на выѣздъ въ С.-Петербургъ, въ Колпино, гдѣ оставался до 27-го ноября, пока по ходатайству попечителя лицея, его императорскаго высочества

---

[1]) Баронъ Вячеславъ Владиміровичъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военно-ученаго комитета.

принца Ольденбургскаго, не послѣдовало высочайшее соизволеніе жить съ семействомъ. Замѣчательно, что въѣхалъ въ С.-Петербургъ въ тотъ самый день, съ котораго, за 32 года, начались мое несчастіе и страданья, т. е. въ которой получено было извѣстіе о кончинѣ государя Александра I.

Въѣхавъ въ столицу, прямо отъ заставы поспѣшилъ къ могилѣ своего друга адмирала Рикорда и сотворилъ поклоненіе мощамъ св. Александра Невскаго. На другой день помолился чудотворной иконѣ Нерукотвореннаго Спасителя, въ домикѣ Петра Великаго. На третій поспѣшилъ поклониться праху блаженной памяти государя Николая I; сердце сжалось, обильныя слезы съ тихимъ рыданіемъ облегчили грудь; казалось, и изъ гроба повторилъ государь: «давно простилъ тебя!»

Все это не помѣшало, однако же, начальнику III Отдѣленія (князя Долгорукову) счесть нужнымъ призвать къ себѣ 74-лѣтняго старца и пристращать его нотаціею, чтобы велъ себя осторожнѣе. Старикъ сообразовался съ тою ролью, которую на него этимъ фактомъ налагали еще разъ; не высказалъ ни малѣйшаго признака оскорбленія, но не могъ не почувствовать полнаго сожалѣнія...

Вскорѣ нашли, что неприлично и неумѣстно жить мнѣ въ лицеѣ. Сватъ мой, вице-адмиралъ Анжу, пріютилъ меня на своей квартирѣ.

Итакъ я снова попалъ въ положеніе столь же странное, какъ и тяжкое, тяжкое до того, что едва ли не тяжелѣе ссылочнаго. Одно, что миритъ съ нимъ, это мысль, что Господу не угодно въ этомъ мірѣ вполнѣ облегчить несомый крестъ.

Это требуетъ поясненія.

Вызваннымъ изъ Сибири, какъ изъ гроба, намъ сказано только «грядите вонъ», но не прибавлено «разрѣшить имъ узы». Возвращено достоинство родовое, но съ ограниченіемъ свободы, съ оставленіемъ признака кары, отверженія и напоминанія для всѣхъ и каждаго: «это былъ преступникъ». Всему долженъ быть предѣлъ, даже ненависти и мщенію. Провидѣніе какъ бы нарочно оставило немногихъ зажиться въ страданіи, чтобы вызвать проявленіе христіанскаго полнаго примиренія и прощенія; вмѣсто того, что проявилось: лице, приговоренное верховнымъ судомъ, каковъ бы судъ этотъ ни былъ, къ лишенію живота, не послушавшее ни правительства, ни закона, оставшееся спокойно за границею (Тургеневъ), получило всѣ почести, а тѣ, которые были во власти и страдали 30 лѣтъ, признаны нестоящими этого возвращенія и все-таки опасными, потому что по сіе время находятся подъ присмотромъ полиціи [1]).

Баронъ В. Штейнгель.

[1]) Надзоръ полиціи прекращенъ въ 1859 году.

КРУТОЯРОВСКАЯ ТРИЗНА.

I.

ЭКА БЛАГОДАТЬ-ТО стоитъ у насъ на «Веселой»! Теплынь-то, истома!—говоритъ мнѣ старъ старичекъ Пахомычъ, сѣдой, какъ лунь, весь расцвѣтая радостною улыбкой.

Сутуловатый, сгорбленный подъ тяжестью лѣтъ, онъ доживаетъ седьмой десятокъ, но на видъ это еще бодрый мужикъ, у котораго цѣлы почти всѣ зубы. Теплота іюньскаго дня, томительно жгучая, изводя меня своимъ зноемъ, очень по сердцу дѣду, которому она пріятно грѣетъ старческія кости. Пахомычъ уже въ десятый разъ насадилъ червяка на крючекъ, поплевалъ на него, прихлопнулъ на мозолистой ладони «насадку» и, какъ заправскій рыболовъ, ловко взмахнувъ удилищемъ, закинулъ лесу на «вопушку» зеленыхъ тростниковъ и весь насторожился. Пристально вглядываясь старческими глазами, хорошо ли стоитъ на водѣ поплавокъ, старина по привычкѣ говоритъ самъ съ собой, при чемъ интонація его голоса такова, что можно подумать, будто онъ ворчитъ и кѣмъ-то недоволенъ.

— И на «вопушкѣ»-то не беретъ,—разсуждаетъ онъ вслухъ,—натко-сь!.. А потому—мошкара! Сыта рыба-то нонѣ, охъ, сыта! Да годъ отъ году менѣе ее становится, рыбы-те. Ишь круги-те пущаетъ, блажная!

Пахомычъ, упершись руками въ колѣни, продолжаетъ пристально глядѣть на неподвижный поплавокъ, пожевывая губами. Мы стоимъ

въ густыхъ камышахъ, одѣвающихъ почти сплошной изумрудной каймой весь лѣвый берегъ неширокой рѣчки «Веселой». Въ грубо сколоченномъ старомъ дощаникѣ [1]) насъ трое: я, дѣдушка Пахомычъ и его семилѣтняя внучка Олена. Я не могу налюбоваться на эту милую дѣвчурку въ бѣлой рубашечкѣ и ситцевомъ сарафанѣ, чистенькомъ, подобранномъ до колѣнъ, узенькимъ пояскомъ, перехватывающимъ ея дѣтскую талію. Бѣлокурая головка Олены съ голубыми глазками, съ крохотнымъ носикомъ пуговкой, пунцевыя губки и пухленькій подбородокъ, тонкія ямочки на загорѣлыхъ щекахъ—все въ ней необычайно миловидно. Я слѣжу за ея движеніями, и меня поражаетъ въ этомъ крестьянскомъ ребенкѣ какое-то неуловимое изящество формъ, удивительная пластичность движеній. Неизмѣнная спутница своего дѣда, его любимица Олена терпѣливо высиживаетъ часами въ старомъ дощаникѣ, играя сама съ собой чурачками, которыя отецъ—«батя Егоръ», надѣлалъ ей изъ березоваго полѣна. По временамъ она тянется въ зеленый тростникъ, къ камышамъ, чтобы сломить длинный стебель съ бархатистой коричневой шишкой. Операція эта требуетъ большого напряженія силъ и немалой ловкости, но дѣвчурка, провозившись съ добрую четверть часа, наконецъ достигаетъ желанной цѣли.

Дѣду не до нея—онъ занятъ поплавками, и Олена, несмотря на свой семилѣтній возрастъ, давно уже привыкла къ самодѣятельности. Довольная, вся раскраснѣвшаяся отъ усилій, она обращается ко мнѣ и серебристымъ голоскомъ, необыкновенно пѣвучимъ и нѣжнымъ, говоритъ, показывая свои трофеи:

— Вотъ она, бархатка-то, глянько-сь!

— Отдай мнѣ, подари!—прошу я, желая испытать характеръ ребенка. А дѣвочка уже протягиваетъ мнѣ свою любимую «бархатку»—шишку, и миловидное личико ея попрежнему озарено радостной улыбкой.

Не скрою, что эта маленькая дѣвочка, сиротка, съ первой встрѣчи приворожила меня къ хмурой семьѣ Михѣевыхъ—крутояровскаго лѣсника Егора, Пахомова сына. Съ тѣхъ поръ, какъ огромная площадь лѣсовъ по ту сторону рѣчки «Веселой», принадлежавшая богатому помѣщику Карташеву, была продана имъ на срубы купцу Мѣдникову, а въ лѣсной сторожкѣ, на берегу рѣки. поселился Пахомычъ съ сыномъ вдовцемъ и внучкой Оленой, меня все чаще стало тянуть въ ихъ убогую, унылую хату. «Крутой Яръ»—родовое имѣнье Карташевыхъ—находилось всего въ верстѣ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло мое дѣтство. Позднѣе, бывая на родинѣ, я охотился въ крутояровскихъ лѣсахъ и тамъ встрѣтился съ Егоромъ.

Отдѣленное отъ усадьбы рѣкой, огромное чернолѣсье тянулось

---

[1]) Плоскодонная лодка, сдѣланная изъ досокъ.

на десятки верстъ, охватывая болѣе трехъ тысячъ десятинъ, и считалось въ уѣздѣ едва ли не единственнымъ. Лѣсъ былъ старый, могучій, уцѣлѣвшій отъ дѣдовскихъ временъ и достался внуку, Дмитрію Карташеву, почти не тронутымъ. До лѣсного закона и время и люди его щадили, но какъ разъ въ началѣ 90-хъ годовъ и безъ того промотавшійся баричъ окончательно зарвался. Доходовъ съ заложеннаго имѣнья давно уже не хватало на уплату долговъ. Въ Крутояровѣ все чаще и чаще стали появляться скупщики-аферисты, дровяники, да разные комиссіонеры-охотники поживиться на чужой счетъ, на даровщинку.

Печальное положеніе финансовъ крутояровскаго владѣльца ни для кого уже не было тайной. Еще съ молоду достойный внукъ своихъ предковъ, Карташевъ умѣлъ пожить широко, любилъ задать шику по цѣлой губерніи. Огромный домъ его славился роскóшью обстановки, разнообразіемъ стильной отдѣлки комнатъ; мебель выписывалась изъ-за границы. На обѣдахъ, гдѣ засѣдала добрая половина дворянъ изъ уѣзда, зимой подавались клубника и персики изъ своихъ оранжерей, изводившихъ въ годъ лѣсу не одну десятину ради процвѣтанія въ N—ской губерніи тропической флоры. Лѣтомъ огромный паркъ и цвѣтники убирались растеніями и статуями. Отъ желѣзнодорожной станціи на десять верстъ проведено было шоссе, стоившее владѣльцу немало денегъ, а самый выѣздъ помѣщика на ту же станцію совершался не иначе, какъ на шикарныхъ тройкахъ своего коннаго завода, въ серебряной сбруѣ и въ дорогой вѣнской коляскѣ. При постоянномъ наплывѣ гостей пикникамъ да катаньямъ конца не было. Для верховыхъ лошадей былъ нанятъ отдѣльный берейторъ; имѣлась для любителей псовая охота. Цѣлая флотилія лодокъ, пестро размалеванныхъ краской, съ рѣзными гребнями на носу, съ брезентовымъ шатромъ подъ скамьями, должны были напоминать гондолы, а тихая рѣчка, запруженная въ верстахъ трехъ подъ усадьбой старой плотиной для мельницы, возбуждать въ гостяхъ иллюзію венеціанскихъ каналовъ.

Не мудрено, что для подобныхъ затѣй не хватило наконецъ никакихъ угодій, хозяйство велось спустя рукава, при чемъ изъ года въ годъ сокращалась запашка полей; истощенная земля все чаще отдавалась подъ лёнъ крестьянамъ. Запущенные заливные луга убирались тѣми же крестьянами изъ третьей копны да исполу, а роскошный паркъ съ тѣнистыми саженцами—аллеями, съ куртинами для цвѣтовъ, съ шаловливыми амурами изъ гипса и затѣйливыми бесѣдками—дряхлѣлъ, разрушался, заростая бурьяномъ, ветлой и ольхами. Усадьба замѣтно опускалась; конный дворъ уже былъ закрытъ, весь рысистый заводъ распроданъ почти за безцѣнокъ. Наступилъ чередъ и старому чернолѣсью...

II.

Когда первый ударъ топора застучалъ въ зеленой чащѣ дремучаго исполина, онъ вздрогнулъ вершинами своихъ вѣковыхъ березъ, затрепеталъ листвою пугливыхъ осинъ и, какъ будто охваченный тяжелымъ предчувствіемъ, зашумѣлъ протестуя, но скоро умолкъ и задумался...

— «Пріутихъ, стоитъ богатырь лѣсной! Словно чуетъ онъ своимъ днямъ конецъ!» вспомнилась мнѣ импровизація лѣсника Егора. Мы охотились съ нимъ на Гребневской засѣкѣ и какъ разъ, на привалѣ, разговорились по «душамъ». Каково же было мое удивленіе, когда я вдругъ услыхалъ отъ хмураго, всегда сдержаннаго лѣсника Михѣева неожиданный перифразъ Кольцовскаго «Лѣса».

«Пріутихъ, стоитъ—головой поникъ... Справы нѣтъ ему больше ратовать съ грозной силою—топора съ пилой.

«Раздается онъ, разступается, стонетъ, падаетъ, ведетъ просѣку! Все валитъ топоръ, все крушитъ пила—клонитъ голову исполинецъ боръ ко сырой землѣ, землѣ-матушкѣ!

«Смолкли пѣсни въ немъ соловьиныя; звѣрье разное позапряталось, во норахъ сидитъ, схоронилося! Гдѣ же мощь твоя, богатырь лѣсной? Рѣчь та думная, шепотъ ласковый?

«Не умаяли годы долгіе, не осилили буря—непогодь! Погубилъ тебя человѣкъ лихой, золотой казной съ плечъ снялъ голову!».

Егоръ стоялъ передо мной, заложивъ руки за спину, и говорилъ протяжно, нараспѣвъ, весь охваченный какимъ-то восторженнымъ паѳосомъ. Я глядѣлъ съ изумленіемъ на его оживленное лицо, темно-бурое отъ загара и веснушекъ, на каріе глаза, свѣтившіеся радостной, блаженной улыбкой, и чувствовалъ, что не могу разгадать этого на видъ простого человѣка.

— Что за странная семья?—думалось мнѣ невольно. Дѣдъ Пахомычъ, «скрипучое дерево», какъ зовутъ старика въ околоткѣ, рослый Егоръ «медвѣжатникъ», скромный и застѣнчивый, какъ дѣвушка, и среди нихъ этотъ хрупкій ребенокъ—Оленушка! Что за разнородные элементы сплотила судьба воедино и заставила жить ихъ общими совмѣстными интересами! Жизнь Михѣевской семьи представлялась мнѣ загадкой; но меня тянуло къ ней, и я рѣдкій день не навѣщалъ старой лѣсной сторожки въ Крутомъ Яру, доживавшей послѣдніе годы вмѣстѣ съ пріютившимъ ее дремучимъ великаномъ.

Придя сегодня къ лѣснику пріятелю, я засталъ обитателей сторожки не въ духѣ. Дѣдъ лежалъ на полатяхъ, отмалчивался и кряхтѣлъ. Егоръ хмурился, вздыхалъ, и только послѣ долгихъ разспросовъ съ моей стороны не вытерпѣлъ и сталъ, какъ здѣсь говорятъ, «жалобиться».

— Мочи моей нѣтъ на его глядѣть, на лѣсъ-то,—сокрушался лѣсникъ.—Пріобыкли мы съ отцомъ-те къ нему... Ну, и не втерпежъ намъ разоръ лѣсной. Былъ я на сѣчкахъ—такъ ажно заплакалъ. Валятъ дерева-те, крушатъ, что твою крапиву, и все къ ряду безъ толку! Не глядѣлъ бы, кажись, и то подъ сердцемъ засосало....

— Уходи, говорю я, незачѣмъ и въ лѣсникахъ жить, если лѣсъ жалѣешь.

Егоръ глядитъ на меня съ изумленьемъ, зрачки его карихъ глазъ испуганно расширяются.

— Да куда иттить-те?—спрашиваетъ онъ съ грустью.—Мы вѣдь тутошніе, изъ дворовыхъ. Батька-те еще у баринова папаши служилъ,—не то что! Да и дѣдъ нашъ Силантій Егорычъ, сказываютъ, до насъ съ батей при старомъ баринѣ состоялъ. А того барина-те мы и не знавали, давно померъ. Такъ, выходитъ, здѣсь-то мы споконъ вѣка...

— Ну, такъ чтожъ?—говорю я.—Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ — гдѣ лучше.

— Вѣстимо... Только батька отседова ни-ни... Ни почемъ не пойдетъ! Очень онъ ужъ мѣста свои любитъ. Опять тоже рѣка, Пахомъ-те рыбу ловить охочъ. Да и дѣвонька моя все въ лѣсъ норовитъ по грибы да по ягоды.

Я пытливо вглядываюсь въ лицо Егора. Ни звука о себѣ, какъ будто у него нѣтъ личной жизни и связанныхъ съ нею своихъ интересовъ.

— Ну, а самъ-то ты какъ?—спрашиваю я помолчавъ.—Въ городъ не тянетъ?

— Н-нѣтъ! что въ немъ въ городѣ-те? Не въ примѣръ здѣсь вольготнѣй.

— Да вѣдь придется же уйти, когда лѣсъ срубятъ?

Егоръ грустно поникаетъ головой и вздохнувъ говоритъ едва слышно:

— Не скоро, чать? Законъ, сказываютъ, не дозволяетъ лѣсъ валомъ рубить-те! Мѣдниковъ-то купецъ и самъ такъ приказчикамъ говорилъ. Контора у него въ Борисовкѣ на тоемъ краю пустоши ставлена, верстъ гляди шесть будетъ отъ насъ-те. Жди еще, когда сюда подойдетъ. Не одинъ я лѣсникъ, кругомъ мѣстахъ въ десяти тоже наши ребята лѣсъ караулятъ. Небойсь, поживемъ!—добавилъ онъ, тряхнувъ головою.

— А не скучно тебѣ одному вѣкъ коротать?—спрашиваю я помолчавъ.

Егоръ вздрогнулъ и выпрямился; по лицу его скользнула хмурая усмѣшка, но онъ быстро отвернулся и проговорилъ сурово:

— Что намъ не жить, когда не о комъ тужить? День да ночь—сутки прочь, а какъ смерть подойдетъ, никто отъ нея не уйдетъ, нигдѣ не схоронится! Ну, а моему-то веселью давно пора прошла!

Егоръ подошелъ къ окну и сумрачно уставился въ лѣсъ, обернувшись ко мнѣ спиною. Могучая фигура лѣсника говорила о полномъ расцвѣтѣ силъ, объ избыткѣ здоровья, и производила странный диссонансъ съ окружающей обстановкой. Я оглядѣлъ закоптѣлыя стѣны избушки, въ которой, несмотря на привѣтливый нравъ ея обитателей, чувствовалась какая-то унылая пустота. Ей не доставало заботливой женской руки, безъ которой въ крестьянскомъ хозяйствѣ нѣтъ обычнаго ладу. Не даромъ въ старину говорилось, что не красна изба углами, и не будь въ Егоровой сторожкѣ веселой Оленушки, этой будущей «домовницы», уже теперь степенно выступавшей въ своемъ ситцевомъ сарафанѣ, вѣроятно, еще тяжелѣе жилось бы и молодому вдовцу и старому дѣду Пахомычу.

— Надо хозяйку брать! — проговорилъ я, обращаясь къ Егору.

— Есть хозяйка,—отвѣтилъ лѣсникъ оборачиваясь и бросилъ на меня грустный взглядъ исподлобья.

— Есть хозявка-те, есть!—отозвался и Пахомычъ на слова сына.

Онъ сидѣлъ на полатяхъ, свѣся босыя ноги, и смотрѣлъ на насъ сверху своими подслѣповатыми глазами.

— Хозявка-те есть, да мала ростомъ. А вотъ ежели Богъ дастъ подростетъ—заживемъ безъ помѣхи. Оленушка, гдѣ ты, касатка?—ласково проговорилъ Пахомычъ, нагибаясь и заглядывая по угламъ и подъ лавкой.

— Здѣсь я, дѣдуся!—послышался тонкій голосокъ, и дѣвочка выглянула изъ-за печки.

А по лѣсу шелъ протяжный гомонъ. Въ окно доносились до насъ и шелестъ листвы и мѣрные удары дятла и едва слышный скрипъ старой ели, осѣнявшей избушку лѣсника своими жилистыми вѣтвями.

Шепотъ стараго лѣса, казалось, разогналъ тяжелыя думы Егора.

Онъ потянулъ въ себя полной грудью ароматный, смолистый воздухъ и, какъ будто припомнивъ нашъ разговоръ, проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Пущай рубятъ, что жъ теперь дѣлать-те? Чужому не укажешь! А только, сказываютъ, десятинъ до тысячи останется... жаль мнѣ лѣсу-те, что говорить! И такъ всю дичину кругомъ распужали! Это вѣрно!—продолжалъ онъ съ легкой досадой въ голосѣ.—Теперича вамъ, окромя грибовъ, и кушать у насъ нечего... Развѣ что ушицу схлопочемъ? Тогда не миновать вамъ съ дѣдомъ рыбачить.

Я кивнулъ головою, а Егоръ, обращаясь къ отцу, спросилъ громко:

— Батя, будешь что-ль нонѣ рыбу ловить? Такъ пора; вотъ и гость нашъ съ тобой собирается!

Пахомъ, обувавшій новые самодѣльные лапти, отвѣтилъ не сразу.

Онъ медленно пожевалъ губами, что-то соображая, взглянулъ на сына, потомъ на меня и, какъ будто опасаясь встрѣтить во мнѣ опаснаго конкурента, проговорилъ не безъ труда:

— Нешто и вы ловить будете? Такъ у меня вудочки нѣтъ...

Но я поспѣшилъ его успокоить.

— И не надо, старина, я для компаніи ѣду! Самъ знаешь— люблю твоихъ разсказовъ послушать...

— Это дѣло!—тотчасъ же согласился Пахомычъ и торопливо полѣзъ съ полатей.

— Дѣдуся, а я? — послышался звонкій голосокъ Олены. Дѣвчурка подбѣжала къ старику и, ластясь своей бѣлокурой головкой, уцѣпилась рученками за дѣдову рубаху.

— Да безъ тебя-те мнѣ и лову нѣтъ!—любовно отвѣтилъ ей Пахомычъ и ласково добавилъ... Подолъ-те свой подвяжи, касатка... Забавница она у насъ!—проговорилъ рыбакъ, уже обращаясь собственно ко мнѣ,—и вѣнки плести и пѣсни пѣть мастерица... Да вотъ сами увидите! Ну, съ Богомъ!

Мы вышли гурьбой изъ избы и направились къ рѣчкѣ. Пахомычъ несъ удочки, Егоръ кадушку и ковшъ, а дѣвочка бѣжала за нами въ припрыжку, весело напѣвая какую-то пѣсенку. Лѣсникъ деревяннымъ ковшемъ вычерпалъ воду изъ стараго дощаника, поставилъ по серединѣ его кадушку подъ рыбу и вывелъ лодку изъ заводей. Я сѣлъ къ весламъ, старикъ на руль, а его внучка примостилась на кормѣ, высоко подобравъ подолъ своего дѣтскаго сарафана. Егоръ столкнулъ насъ съ отмели и, пожелавъ «счастливаго лова», зашагалъ къ лѣсу. Олена тотчасъ же вытащила изъ-подъ лавки свои любимыя чурки, а дѣдъ, указавъ мнѣ, куда надо плыть, принялся не спѣша разматывать свои удочки.

Я перерѣзалъ рѣку по направленію къ усадьбѣ Карташева, и, четверть часа спустя, дощаникъ нашъ стоялъ уже въ камышахъ, невдалекѣ отъ стараго господскаго парка.

III.

Я люблю ѣздить на рыбную ловлю съ Пахомычемъ. Старикъ въ своей бѣлой рубахѣ, подпоясанной ремешкомъ, въ посконныхъ крестьянскихъ портахъ, обутый въ самодѣльные лапти, съ неприкрытою головой, методически закидываетъ свои удочки, напоминая мнѣ аллегорическую фигуру картины «Время» Дрезденской галлереи. На ней изображенъ сѣдой старецъ, съ такимъ же безстрастнымъ лицомъ, застывшій въ такой же сосредоточенной позѣ.

Пока Пахомычъ таскаетъ изъ рѣки пискарей да плотицъ, а маленькая женщина въ сарафанѣ снимаетъ рыбу съ крючка, взвизгивая при этомъ отъ восторга, я лежу на носу лодки въ сладкой истомѣ. Олена, бережно посадивъ рыбу въ кадушку, свѣшивается въ нее, глядится въ воду и, держась рученками за края кадки, весело болтаетъ въ воздухѣ босыми ногами.

— Дядя, а, дядя, а я себя вижу!—обращается она ко мнѣ, лукаво щуря свои голубые глазенки. Ей видимо хотѣлось бы привлечь и меня къ тому же занятію, но, взглянувъ на отраженное въ водѣ небо, Олена вдругъ радостно всплескиваетъ руками.

— Дѣдуся, дѣдуся!—слышится мнѣ,—глянько-сь, утица-те? Эвоте утица! Пырь, пырь!

Но Пахомычу не до утокъ. Большой линь сразу потянулъ и поплавокъ и лесу, такъ что старикъ едва успѣлъ схватиться за орѣховое удилище.

— Нѣтъ, шалишь! какой прыткій! насъ не проманешь!—говоритъ онъ самъ съ собой въ какомъ-то напряженномъ возбужденіи, то вытягивая лесу, то снова ее опуская. Линь ходитъ по дну и долго не поддается Пахомычу, котораго начинаетъ разбирать досада. А тутъ еще Олена пристаетъ, чтобы ее выпустили на берегъ. Дѣвочкѣ жарко, ей хочется бѣгать и собирать цвѣты, а мы сидимъ въ камышахъ на самомъ солнцепекѣ.

— Дѣдуся, а я побѣгу! ась? я побѣгу! — звенитъ голосокъ Олены.

— Побѣжи ужъ! что съ тобой дѣлать! Эхъ, баловница!—ворчитъ Пахомычъ, застигнутый врасплохъ и линемъ и внучкой.

— Знаю я тебя!—говоритъ онъ, любовно глядя на ребенка.— Меня не проманешь. Чать, къ барышнѣ опять побѣжишь, къ Марьѣ Митровнѣ, пѣсни пѣть? Такъ что ли? Охъ, ты, проказница! неча дѣлать, вылѣзай!

Высадивъ дѣвочку на зеленый пригорокъ, мы снова заѣзжаемъ въ камыши, еще ближе къ усадьбѣ. А Олена, раскраснѣвшаяся, какъ маковъ цвѣтъ, съ минуту глядитъ на насъ, лукаво улыбаясь, и, опустивъ подолъ сарафана, бѣгомъ направляется въ сторону барскаго сада.

Время бѣжитъ незамѣтно, какъ тѣ бѣлыя облака, что скользятъ непрерывною грядой надъ нами въ яркой синевѣ неба. Ихъ рыхлыя, причудливыя глыбы, отраженныя рѣкой, какъ будто застыли недвижно, но мнѣ, наблюдающему это плавное облачное теченіе, бросается въ глаза постепенная смѣна его очертаній. Я лежу на кормѣ, заложивъ подъ голову руки, прислушиваясь къ воркотнѣ дѣда. Первый пылъ рыболовнаго недуга начинаетъ у него замѣтно остывать, удочки дольше остаются въ водѣ, Пахомычъ становится разговорчивѣе. Я угощаю его папиросами, и старикъ, смакуя табачный дымъ, погружается въ свои воспоминанія.

— Господи Боже, ты милостивъ!—говоритъ онъ въ раздумьѣ.— Погляжу это я—никакой нонѣ рыбы нѣтъ... Дичь повывелась, звѣря лѣснаго и совсѣмъ, почитай, не видать, все пришло въ разореніе! А прежде-то въ нашихъ мѣстахъ что за жисть была!

— Лучше было?—говорю я нарочно, зная, чѣмъ расшевелить старика и вызвать его на излюбленныя «параллели» прошлаго съ настоящимъ.

— Ну, чего толковать!—отзывается Пахомычъ.—Не то, что отцову жисть, мою сравнить—развѣ такъ жилось допрежде? Съ молоду-те я не на печи сидѣлъ—разнаго насмотрѣлся. При отцѣ-то и въ ключахъ ходилъ, кашеваромъ былъ на застольной и подстаростой. А какъ родитель-то померъ, на его мѣсто меня въ дворецкіе прочили. Ну, а тутъ воля подошла намъ; всѣ и расползлись, дворовые-те, кто куда, какъ тараканы. Жили съ достаткомъ, а нищими стали... Ни кола, ни двора! Въ городъ ступай—околачивайся!

Пахомычъ вздыхаетъ и говоритъ помолчавъ:

— Оскудѣніе какъ есть; а все изъ -за воли! Потому—порядку не стало! Всякъ себѣ голова, всякъ себѣ набольшій! Старшихъ не почитаютъ, другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ. Нѣтъ въ людяхъ прежняго страха Божьяго, отъ того и земля отъ нихъ затворилась—не родитъ, какъ прежде. И солнце и дождь стали не на потребу: то жарой хлѣба сожжетъ до травы, то дождемъ сгноитъ... И что ни годъ, то хуже. Прежнихъ мѣстовъ своихъ не узнаешь

Дѣдъ съ досадой машетъ рукой и продолжаетъ возбужденно:

— Взять хоть къ примѣру нашу рѣченку: совсѣмъ не та, что въ старые годы была, заросла, обмелѣла. И рыба-то въ ней—пискарь да голецъ; линь да окунь за рѣдкость! Щученка дрянь пошла, а налима второй годъ и въ глаза не вижу. А прежде-то, Господи, рѣшетомъ здѣсь рыбу черпали! по три пуда сѣтями налавливали! Дѣдъ-то мой Силантій, царство ему небесное, въ лѣсахъ-те нашихъ на медвѣдя ходилъ съ рогатиной, на волковъ да лисицъ силки ставилъ. Ружьемъ-то тогда и не баловались. Какъ пойдутъ бывало съ покойнымъ-те бариномъ съ доѣзжачими да съ собаками по лѣсу порскать, Господи Боже ты мой, что тогда у нихъ дѣялось! Стонъ стоитъ по Борисовкѣ; по Горѣлому болоту псы заливаются. По суходолью выжлятники верхами, въ кафтанахъ цвѣтныхъ, борзыхъ держатъ на сварахъ, не шелохнутся. А ужъ какъ травля пойдетъ—слушать-то боязно! не русаковъ, а волковъ да лисицъ гоняли!

— Да ты самъ-то охотникъ?—спрашиваю я дѣда.

— Н-нѣтъ, не люблю... а вотъ Силантій-то Митричъ, царство ему небесное, охочъ былъ. Да и не то теперь время! Лѣтось баринъ нашъ съ гостями на охоту пріѣзжалъ—тоже народу было не мало, господа все и съ ружьями. Ружья-то махонькія, собаки-те совсѣмъ дрянь; больше все на веревкахъ бѣгаютъ...

— Какъ на веревкахъ?—изумляюсь я. Но дѣдъ, вспомнивъ про поплавокъ, бросается къ одному изъ удилищъ и, пробормотавъ свое обычное: шалишь! не проманешь!—быстро вытаскиваетъ головлика.

— Такъ, на веревкахъ...—продолжаетъ онъ свой разсказъ.—Я и самъ допрежь отродясь такого манера не видывалъ. Собаченки-то молодыя, поджарыя, да, видать по всему, плохія. Съ горяча-то рвутся не знамо куда, еще гляди убѣгутъ—ищи ихъ по лѣсу, гдѣ

вѣтеръ свищетъ! Ну, охотники-те, вишь, ихъ на веревкахъ и спущаютъ! Штукъ съ пятокъ, поди, съ ними такихъ собакъ было. Въ ожерелкахъ псы, отъ ожерелка бичева пущена, саженъ гляди, десять будетъ, а на концѣ веревки-то петля. Какъ значитъ псы-то зарвутся, начнутъ бичеву дергать, сейчасъ господа ногами на бичеву и давай наступать, чтобы тѣ не горячились! Умора!

— Много они у васъ тогда настрѣляли?

— Ну, гдѣ ужъ! Какая стрѣльба! Егоръ-то мой сказывалъ— смѣхъ одинъ! Господъ по лѣсу онъ водилъ, мнѣ ужъ теперь не подъ силу. Потомъ сказывалъ—одно дѣло ихняя охота, что собакъ разматывать! И такъ чуть псица не удавилась...

— Какъ удавилась?—недоумѣваю я.

Дѣдъ машетъ рукой и беззвучно смѣется:

— Намотается, веревка-те вкругъ куста либо дерева... Собака, чать, рыщетъ да кружитъ... Гдѣ за сукъ бичева зачѣпится, да за ожерелокъ собаку и притянетъ... Тутъ наши мужички бѣги да распутывай... Хорошую тогда деньгу съ баръ зашибли!—И, помолчавъ съ минуту, дѣдъ добавляетъ строго: — Такъ развѣ такая бываетъ охота? Какъ есть одно баловство! Послѣ нея мужички-то наши, ровно собаки, высуня языки пришли. Хороши и охотники—однихъ «витютеней» [1]) набили. Да что, и вспоминать не стоитъ!—вдругъ встрепенулся Пахомычъ, и тусклые, старческіе глаза его вспыхнули гнѣвною досадой. Онъ повернулся ко мнѣ лицемъ и проговорилъ, грозя въ сторону усадьбы костлявымъ пальцемъ:

— Кабы всталъ изъ могилы покойный нашъ баринъ, да на сыночка-то своего Митрія Ляксандрыча поглядѣлъ, на жисть-то его непутевую, онъ бы ему задалъ встряску! Одинъ разоръ кругомъ да пропойство; старикъ вотчины своей не узналъ бы. Совсѣмъ послѣднія времена пришли!—обратился ко мнѣ дѣдъ уже злобно, какъ будто передъ нимъ въ лодкѣ сидѣлъ не я, а крутояровскій помѣщикъ.

— Какъ узрѣлъ бы покойникъ жисть-то вашу теперешнюю залихватскую, гульбище-то съ позаранку и до ночи, плясы-то ваши бѣсовскіе,—далъ бы вамъ знать себя Лександръ-то Иванычъ посвойски! Старикъ-то былъ строгій, благочестивый, суразный! При немъ вотчина-те была не нонѣшней чета. Порядки-те были другіе...

Я гляжу на Пахомыча и совсѣмъ не узнаю дѣда. Степенно важеватый, всегда добродушный, онъ теперь преисполненъ гнѣва. Выцвѣтшіе глаза его кажутся оловянными, нижняя челюсть дрожитъ, а голова на худой морщинистой шеѣ и жилистыя загорѣлыя руки трясутся. Пахомычъ сидитъ передо мной на скамейкѣ у самой кормы, обернувшись спиной къ рѣкѣ, видимо позабывъ и о своихъ «драгоцѣнныхъ» поплавкахъ, подаренныхъ ему круто-

[1]) Витютень—дикій голубь.

яровской барышней (раньше Михѣевъ ловилъ на пробку), и о рыбѣ, которая не разъ уже дергала лесу.

Онъ сердито уставился на меня, рѣчь его звучитъ возбужденно, руки пытаются жестикулировать.

IV.

— Все-то прахомъ идетъ, Боже ты милостивый! — говоритъ старикъ гнѣвно.—Вчужѣ смотрѣть моченьки нѣтъ! Тридцати пяти годовъ не прошло, а что приключилося! Усадьба была-те полная чаша! Въ хоромахъ добра видимо, невидимо—все въ аккуратѣ, и все къ своему мѣсту. На службы бывало глядишь—душа радуется: что ни взять—конный ли, скотный ли дворъ, хлигеля, дворовыя избы, контора—одно заглядѣнье! Потому—чистота и призоръ! И вездѣ народомъ полно полнехонько! Всѣмъ-то сытно, всѣмъ-то тепло, и жилось людямъ безъ свары!

— Тѣ времена прошли,—отзываюсь я,—такъ жить теперь, Пахомычъ, невозможно.

— Вѣрно, вѣрно! Знаемъ, какъ нонѣ-те бары живутъ! Наглядѣлись! Въ томъ же Крутояровѣ видимъ! Разореніе идетъ, вотъ что! Сами себя бары-те топятъ! Дѣдово да отцовско добро раструсили, а свово-те, гляди, не припасли... Погляди-ка на вотчину-те: кони посведены; скотъ поиздохъ; не узнать господскихъ строеній. Угодьевъ-те прежнихъ давно не стало: порасхватали купчики, заѣзжіе голубчики! А лѣса-те вѣковые, Владычица! По пятидесяти рублевъ, баютъ, Мѣдниковъ-те скупилъ десятину; эдакъ Крутоярамъ скоро и конецъ подойдетъ неминучій!—сокрушается дѣдъ, качая головою.

Пахомычъ и не подозрѣваетъ основныхъ началъ совершившейся на его глазахъ метаморфозы. Ему не вдомекъ, что причины печальнаго явленія кроются гораздо глубже, и что на смѣну старому одряхлѣвшему строю, на смѣну бытовому укладу, въ которомъ онъ выросъ и жилъ, время и жизнь выдвинули новыя формы, совершенно иныя условія и интересы. Прежнія связи «вотчины» съ «деревней» порвались; новые обитатели этихъ старыхъ насиженныхъ гнѣздъ оказались чуждыми другъ другу. Но именно этой розни—помѣщиковъ и крестьянства, не можетъ вмѣстить дѣдъ, и наблюдая явленіе, онъ по-своему объясняетъ мнѣ его причины.

— Оттого и раздоръ и разореніе по Руси пошли, что всѣхъ «врагъ» осѣтилъ!—продолжаетъ Пахомычъ наставительно.—Мужикъ голову потерялъ, а баринъ—достатки! Ну, и маются оба, ровно овцы на пожарѣ—изъ огня да въ полымя! А жить-то какъ стали ноневе—не по-нашему? Погляди-кось, что въ Крутояровѣ-то дѣется!

Пахомычъ пристально глядитъ на меня не то съ укоризной, не то съ сожалѣніемъ.

— Старый-те баринъ съ барыней съ Маріей Андреевной сорокъ лѣтъ душа въ душу здѣсь прожили у всѣхъ на виду, безъ зазору. Встанутъ бывало съ утра, каждый по своей линіи пошелъ: баринъ на дрожки да весь день, гляди, по полямъ ѣздитъ. А барыня по дому не присядетъ, и вездѣ-то сама хозяйскимъ глазомъ все доглядитъ и укажетъ! Ну, и спорилось у нихъ каждое дѣло. Въ праздникъ-те спервоначалу въ церковь идутъ — потому Бога чтили; и барчатъ съ собой приведутъ: Митрія Ляксандрыча да сестрицу Анѳису, и рядышкомъ передъ собой поставятъ; даже смотрѣть умилительно!—Пожевавъ губами, дѣдъ продолжаетъ:

— О дворнѣ-те и разговору нѣтъ—всѣ на лице въ церкви; да и хрестьянства-то добрая половина. Богу-то помолившись, вернутся домой, и все это чинъ чиномъ по-хорошему. Ну, и гости-сусѣдство понаѣдутъ безпремѣнно: потому—праздникъ. На будняхъ зато въ Крутояровѣ—тихо: день на работѣ, а какъ солнышко сядетъ—на боковую. Лѣтомъ бывало и огня не вздували. Вотъ какъ жили мы, батюшка,—ну, а теперь-то кругомъ что творится?

Странное настроеніе охватываетъ меня во время разсказа Пахомыча. Я не засталъ уже этой жизни тихой, патріархальной, методически повторяющей день за днемъ свою несложную схему, о которой старикъ всегда вспоминаетъ съ такою любовью. Но мнѣ, внуку, грустно сознаться передъ нимъ, что намъ чуждъ этотъ вымирающій укладъ старины, съ ея милой простотой, несложными интересами и томительнымъ однообразіемъ. Жизнь «дѣдовъ» уже намъ недоступна, а жизнь «отцовъ»?

— Послѣднія времена пришли,—говоритъ въ эту минуту Пахомычъ,—какъ есть конецъ свѣта! Погляжу это я на «дѣточекъ»-те, даже оторопь беретъ, право! У какихъ родителевъ взросъ Митрій-те Ляксандрычъ, въ какомъ обхожденіи!—а на, погляди, что теперь самъ раздѣлываетъ. Страха Божія совсѣмъ нонѣ не стало! Потеряли какъ есть люди-те нонѣ и стыдъ и совѣсть. Овдовѣть не успѣлъ Митрій-те Ляксандрычъ, а ужъ мамошку завелъ, да, баютъ, еще при жизни покойницы съ ними баловался. Барышня-дочка въ домѣ живетъ при отцѣ и всякое его безобразіе видитъ, страмъ одинъ! Мамошка-те всѣмъ домомъ вертитъ, самого барина въ грошъ не ставитъ, а Марію Митровну, голубушку, поѣдомъ ѣстъ. Нрава-те барышня у насъ тихаго, кроткаго, а какъ та передъ ней фардыбачить зачнетъ— остается одно, изъ дому уходить... И то она бѣдная все больше въ саду сидитъ да плачетъ. Съ Оленушкой моей дни сиротскіе коротаетъ... Охъ, Господи!—вздохнулъ Пахомычъ,—и что только нонѣ люди творятъ! Обижаетъ мамошка-те сироту, а отецъ ни слова. Ейное же добро моторитъ. Что будешь дѣлать,—одна, какъ перстъ, — ни отъ кого защиты!

Я слушаю старика, и жгучая боль прокрадывается мнѣ въ душу. Марію Дмитріевну я помню подросткомъ, лѣтъ на пять меня мо-

ложе. Мы встрѣчались съ ней мелькомъ въ Крутояровской церкви, куда по воскресеніямъ наѣзжали лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ окрестные землевладѣльцы. Маня Карташева выглядѣла тогда худенькой, блѣдной дѣвочкой съ большими черными глазами, съ тонкими, нѣсколько обостренными чертами лица, на которомъ попеременно отражались то застѣнчивость, то какое-то затаенное волненіе. Въ своемъ бѣломъ пикейномъ платьицѣ, съ малиновой лентой въ темно каштановыхъ волосахъ, я помню, она обыкновенно стояла возлѣ отца, уже тогда пожилого и довольно обрюзгшаго отъ невоздержной жизни. Отъ всей его фигуры вѣяло бьющимъ въ глаза самодовольствомъ, необыкновеннымъ цинизмомъ, а временами наглостью. Для каждаго было ясно, что отецъ и дочь чужды другъ другу. Въ округѣ говорили, что семья только держится матерью Анной Ивановной, женщиной доброй и порядочной, имѣвшей на мужа благотворное вліяніе. Но послѣдніе годы она все хворала, а Карташевъ опускался все ниже и ниже. «Какъ помретъ Анна Ивановна, говорили сосѣди, мигомъ муженекъ-то все состояніе профуфукаетъ, а дочка, несчастная, пойдетъ по міру»...

Предсказанія видимо сбылись; Крутоярово было давно заложено и висѣло, какъ говорится, на волоскѣ, но Карташевъ не унимался.

— Все въ разоръ идетъ,—сокрушается Пахомычъ,—а гости въ дому хороводятся съ утра до ночи. Съ утра—пиръ горой, пропиваютъ да проѣдаютъ сиротское достояніе. Еще солнце-те вона гдѣ было, а Митрій-те Ляксандрычъ съ гостями на трехъ лодкахъ отвалилъ: шумъ, гамъ, поютъ, хохочутъ— знать, на мельницу пировать поѣхали... На лицѣ Пахомыча отражается презрѣніе.

— Поди, опять у нихъ спрыски идутъ,—соображаетъ старикъ помолчавъ.—Какъ въ позапрошломъ году, когда лѣсъ-те съ купцомъ пропивали. Что тогда было, страсть! Фиверки жгли. Баринъ-те фонарей понавезъ разноцвѣтныхъ, понавѣсилъ въ саду, позажегъ; плясъ да пѣсни, да музыка цѣльный день—хороводились, почитай, что недѣлю, все по отцовскомъ-те добрѣ поминки справляли...

— И не стыдно ему?—спрашиваю я.

— Ни синь-пороха! Совѣсти-то у него не осталось! Чего ужъ тамъ—батюшку нашего отца Пароенія звалъ къ себѣ на гульбежку... Такъ только одинъ человѣкъ и нашелся, что всю правду въ глаза безстыжему сказалъ: «Нѣтъ, уже, говоритъ, увольте, мнѣ и по сану не подобаетъ тризны справлять. Это, говоритъ, Митрій Ляксандрычъ, вы свое да дочкино счастье хороните! А оное не пристойно!» Такъ къ нему и не поѣхалъ.

— Да ему што!—помолчавъ добавилъ Пахомычъ,—свою линію твердо ведетъ—завей горе веревочкой! Сегодня опять гостей полонъ домъ; а барышня-те бѣдная, поди, одна убивается!

V.

Я гляжу на старый заглохшій паркъ, что̀ недвижно застылъ передъ нами въ тепломъ вечернемъ воздухѣ. Стройными рядами спустились къ берегу, почти къ самой водѣ подошли, вѣковыя липовыя аллеи. Ихъ плотно сомкнутыя вершины образуютъ зеленый квадратъ, изъ котораго выступаетъ красная крыша стараго господскаго дома. Обращенный фасадомъ къ рѣкѣ, онъ стоитъ на пригоркѣ, украшенный по фронтону традиціонными колоннами Николаевскихъ временъ, съ капителями, выкрашенными охрой, и съ какимъ-то замысловатымъ гербомъ подъ крышей, полинявшей отъ времени и непогоды.

И домъ и паркъ смотрятъ сиротливо. Освѣщенные косыми лучами вечерняго солнца, въ яркихъ контрастахъ тѣней и свѣта, они кажутся чуждыми и этой обмелѣвшей рѣкѣ, убогой, растерявшейся въ безчисленныхъ рукавахъ, поросшей кустами, заплывшей тиной, какъ заброшенный прудъ, съ едва примѣтнымъ на глазъ теченіемъ. Одряхлѣвшая усадьба какъ будто глядитъ съ недоумѣніемъ вокругъ себя на истощенныя нивы, на худосочный лѣсокъ, жалкій, заморенный, выросшій на старомъ моховомъ болотѣ. Она съ трудомъ узнаетъ былыя мѣста—такъ измѣнило ихъ время и люди.

Только тамъ, вдали, за рѣкой, какъ хмурая туча, еще чернѣетъ на горизонтѣ зеленый шатеръ огромнаго чернолѣсья. Но и онъ порѣдѣлъ мѣстами; на пустынныхъ прогалинахъ одиноко и сиротливо встаютъ тамъ и сямъ, словно забытые, «сѣменники», съ отчаяніемъ простирая къ небу свои наполовину оголенныя верхушки...

Кругомъ—надъ рѣкой, надъ полями, унылая тишина. Въ тепломъ воздухѣ давно смолкли, замерзли звуки. Не рѣютъ, какъ прежде, надъ домомъ веселыя стаи ласточекъ, не носятся стрижи, не слышно ни блеянія стада, ни суетливаго людского гомона. Лишь изрѣдка изъ сумрака темныхъ аллей доносится слабый отрывистый пискъ летучихъ мышей, что̀ съ закатомъ солнца начинаютъ безумно носиться на своихъ мягкихъ, будто бархатныхъ крыльяхъ. И жутко, и непривѣтливо пусто становится тогда на старой усадьбѣ — тоскливой и хмурой, какъ одинокая, заброшенная могила.

И я, и Пахомычъ, мы оба чувствуемъ эту туску, охватившую насъ и какъ будто принесенную вмѣстѣ съ влажнымъ туманомъ рѣки отъ застывшаго въ вечернемъ сумракѣ Крутого Яра. Мы оба молчимъ. Раскаленный дискъ солнца багрянымъ полымемъ уже охватываетъ горизонтъ. Земля тихо дремлетъ. Фіолетовый тонъ неба и розовыхъ облаковъ, отражаясь въ воздухѣ, придаетъ рѣкѣ фантастическій колоритъ, и она кажется пестрой, причудливой лентой, протянувшейся извивами среди береговъ, постепенно теряющихъ свои очертанія.

Дощаникъ застылъ въ камышахъ, а я и дѣдъ застыли въ немъ: сидимъ и не шелохнемся... Старикъ, видимо, перебираетъ свои думы, вспоминая былое, а я машинально гляжу, какъ стаи прозрачныхъ стрекозъ усѣлись рядами на зеленый тростникъ, готовясь къ ночлегу... Обвѣваемыя мелкимъ вечернимъ тепломъ, онѣ прижались другъ къ другу, нѣжась и вздрагивая при каждомъ дуновеніи вѣтра своими прозрачно-изумрудными крыльями. А розоватая даль уже потухаетъ, становясь блѣдно-золотистой.

Вдругъ до насъ съ Пахомычемъ доносится звонкое дѣтское сопрано:

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда...

Пѣсенка льется, звенитъ — это голосъ Олены. Серебристая трель его несется къ намъ изъ ближней аллеи господскаго сада, и въ звукахъ этого милаго, дѣтскаго голоса слышится тихая грусть, отъ которой вѣетъ какою-то неизъяснимою сладостью.

— Что за прелесть дѣвушка! — думаю я, невольно прислушиваясь. А дѣдъ поднялъ свою сѣдую голову, вытянулъ шею и весь насторожился. Лице его озарено радостной улыбкой; старческія губы беззвучно шевелятся.

— Это все ее барышня обучаетъ! — говоритъ онъ мнѣ шепотомъ, какъ бы боясь проронить каждое слово.— Пой, разумница, пой, моя ласковая!

А дѣвочка отзывается уже новою трелью:

Долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ...

выводитъ Оленушка, и ея тонкій хрустальный голосокъ звучитъ громче, видимо, къ намъ приближаясь. А дѣдъ уже весь второпяхъ: онъ наматываетъ на удилище лесу, не осматривая ни поплавковъ, ни крючка, на которомъ рыба давно съѣла приманку, пользуясь нашей бесѣдой.

— Надо бы ноги размять,—говоритъ Пахомычъ.—Вылѣземъ что ли на берегъ?

Я берусь за весло и, почти упираясь въ илистое дно, подгоняю старый дощаникъ къ опушкѣ темнаго сада.

— Глянько-сь, дѣдуся, какой я вѣнокъ сплела,—слышится мнѣ пѣвучій голосъ Олены, и она бросается на шею къ старику, успѣвшему вылѣзть изъ лодки на берегъ.

— Ахъ, ты, моя баловница! Ахъ, ты, моя умница! — отзывается дѣдъ, но въ ту же минуту я слышу вблизи другой женскій голосъ:

— Это вы, Пахомычъ?

— Я, матушка барышня, я! Кому и быть, какъ не мнѣ! — отвѣчаетъ старикъ весело и любовно.

— Много ли наловили?

— Совсѣмъ пустяки! Очень незадача.

— Не везетъ?—спрашиваетъ женскій голосъ съ оттѣнкомъ не то усмѣшки, не то сожалѣнія, и мнѣ чудится въ немъ чуть дрогнувшая нота. Дѣвушка глубоко вздыхаетъ.

— А со мной-те Иваньковскій баринъ,—говоритъ Пахомычъ, понижая голосъ.—Чать, помните, худощавый такой?

— Ну, вотъ!—произноситъ дѣвушка съ досадой:—зачѣмъ же вы не сказали? Я бы ушла, Пахомычъ!

Но въ эту минуту я поднимаюсь со скамейки дощаника и рѣшительно подхожу къ разговаривающимъ. Какая-то сила толкаетъ меня къ нимъ, и я повинуюсь ей почти безотчетно. Передо мной стоитъ молодая дѣвушка, высокая, стройная, съ блѣднымъ, измученнымъ лицемъ и впалыми глазами. Даже розовый колоритъ гаснущей зари, освѣщая предметы послѣднимъ багрянцемъ, золотя прихотливо листву и наводя розы на старческія щеки Пахомыча, не оживляетъ ея матоваго лица съ застывшей на немъ грустной улыбкой. Оленушка въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ на золотистыхъ кудряхъ прижалась своей миловидной головкой къ опущеннымъ рукамъ дѣвушки, любовно ласкаясь, а дѣдъ стоитъ подлѣ нихъ, заложивъ за спину руки, пристально всматриваясь въ давно знакомыя ему лица. Я гляжу на эту странную группу, озаренную меркнущимъ свѣтомъ прощальныхъ лучей, и мнѣ чудится въ ней символическая эмблема жизни, ея расцвѣта, увяданія и смерти... Подойдя къ Карташевой, я кланяюсь и говорю:

— Простите, что помѣшалъ, но мы были когда-то знакомы.

Марія Дмитріевна устремляетъ на меня робкій, вопросительный взглядъ, но когда я напоминаю ей о нашихъ встрѣчахъ въ Крутояровской церкви, о нашемъ дѣтствѣ, грустная улыбка на ея лицѣ смѣняется замѣтнымъ оживленіемъ.

— Да, да, припоминаю!—отвѣчаетъ она уже смѣлѣе, и у насъ скоро завязывается дружеская, непринужденная бесѣда. Оленушка убѣгаетъ пересчитать «рыбку» въ кадушкѣ, а Пахомычъ, отойдя изъ вѣжливости въ сторону, присаживается на старый пень и, поглядывая на насъ, глубоко вздыхаетъ. Въ сѣдой головѣ дѣда, видимо, бродятъ невеселыя думы; но онъ упорно молчитъ, изрѣдка покашливая въ руку. Неподвижно застывъ, какъ изваяніе, какъ будто насъ не замѣчая, старикъ устремляетъ свои безстрастные глаза вдаль, туда, гдѣ догораетъ послѣдняя багряная полоса іюньскаго заката.

VI.

— Грезы юности милой!—говоритъ мнѣ между тѣмъ дѣвушка, задумчиво перебирая своими тонкими, полупрозрачными пальцами пахучую вѣтку цвѣтущей липы. Я только что напомнилъ ей нѣсколько эпизодовъ изъ нашего прошлаго, полнаго жизнерадостныхъ надеждъ и стремленій. Встрѣчаясь въ домѣ одного помѣщика, общаго знакомаго семьи Карташевыхъ и нашей, мы, тогда еще «зеленая молодежь», помню, мечтали объ устройствѣ какой-то образцовой школы для крестьянскихъ дѣтей, о праздничныхъ вечеринкахъ съ чтеніемъ и картинами для народа, для которыхъ должны были составляться рефераты мѣстной интеллигенціей. Сколько искренняго увлеченія и вѣры въ свои силы было тогда у нашего маленькаго кружка, серіозно пытавшагося учредить въ N—скѣ «Міровое общество единенія и прогресса», и сколько куріозовъ тогда выходило!

Я стараюсь развлечь Марію Дмитріевну и шутливымъ тономъ моего разсказа и юморомъ его содержанія, но она слушаетъ меня съ грустной задумчивостью. Взглядъ ея темно-карихъ глазъ попрежнему серіозенъ и печаленъ. Тихимъ, медленнымъ шагомъ доходимъ мы до нижней аллеи Крутояровскаго парка и присаживаемся на старую полусгнившую скамью, шагахъ въ ста отъ рѣчки.

— Да, — говоритъ дѣвушка вздыхая,—всѣ мечты разлетѣлись, какъ дымъ! Такъ и не удалось мнѣ устроить любимой школы! И дѣтишки были въ виду такія славныя! Мы съ мамой тогда и мѣсто подходящее нашли тамъ, за садомъ, а выстроить училища не пришлось!

Марія Дмитріевна опускаетъ голову, но я замѣчаю, что глаза ея затуманились, а на блѣдныхъ щекахъ проступаетъ яркими пятнами едва сдерживаемое волненіе. Я слушаю ее молча.

— Матушка тогда умерла,—продолжаетъ она тихо,—а потомъ... мнѣ было не до школы! Да и въ домѣ у насъ перестали жить прежними интересами... Время бѣжитъ какъ-то неумолимо быстро... Теперь, когда я вспоминаю прошлое, мнѣ даже не вѣрится, что я могла о чемъ-то мечтать, а тѣмъ болѣе о... школахъ!

И, быстро отвернувшись отъ меня, дѣвушка какъ будто глядитъ въ глубину аллеи, стараясь скрыть навернувшіяся слезы. Я дѣлаю попытку перевести разговоръ на другую тему.

— Вы попрежнему ведете хозяйство?—спрашиваю я, зная отъ Пахомыча, сколько усилій прилагалось Карташевой послѣ смерти матери, чтобъ поддержать въ домѣ заведенный порядокъ, а въ хозяйствѣ свести концы съ концами.

— Да, прежде вела,—говоритъ она съ грустью,—ну, а теперь... Какое же у насъ хозяйство? Вы, вѣроятно, знаете, что Крутоярово... продано?

— Какъ продано?—спрашиваю я.

Дѣвушка быстро поднимаетъ голову.

— Да, продано! Вѣдь прежнихъ угодій давно половины нѣтъ. Отецъ все распродалъ... частями... Я ничего не могла сдѣлать!

— Неужели «все», это ужасно! Такое имѣніе? Наконецъ, можно было бы удержать хотя родовую усадьбу...

Тонкіе пальцы Маріи Дмитріевны, перебирающіе складки ситцеваго платьица, нервно вздрагиваютъ. Она закусываетъ нижнюю губу, видимо пытаясь подавить охватившее ее волненіе. Мнѣ становится ее невыносимо жаль, и она чувствуетъ это.

— Изъ продажи нельзя было исключить усадьбы, — говоритъ она тихо.—Да кому же и жить въ ней теперь? Отецъ видимо стремится въ столицу. Онъ все мнѣ твердитъ, что здѣсь невыносимо тяжело, что онъ не можетъ работать, сознавая неизбѣжность разоренія. Думаетъ служить въ Петербургѣ, а впрочемъ...

— Но мнѣ помнится, Марія Дмитріевна, вы такъ любили свое родовое гнѣздо, родныя мѣста, деревню, хозяйство?

— Что дѣлать! Видно, такъ суждено... Въ моей судьбѣ я безсильна!

И дѣвушка судорожнымъ порывистымъ движеніемъ быстро ломаетъ застывшую въ ея рукахъ липовую вѣтку.

— Да, такъ суждено! Исхода нѣтъ—и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Она произноситъ послѣднія слова полушепотомъ и закрываетъ лицо дрожащими ладонями.

— Я давно уже ожидаю перемѣнъ въ моей жизни. Рано ли, поздно ли, все равно бы пришлось рѣшиться...

— Ну, а вашъ батюшка? Онъ, привыкшій къ простору, къ деревенской свободѣ, набалованный комфортомъ своей обстановки, роскошью дома, въ которомъ родился и выросъ,—неужели ему не жаль родныхъ мѣстъ?...

— У отца странный, чуждый мнѣ характеръ,—говоритъ Марія Дмитріевна, и на лицѣ ея отражается жгучая боль затаенной душевной муки.—Я завидую ему. Онъ какъ-то умѣетъ развлечься, забыться! Вотъ и теперь... Я знаю, что ему тяжело разставаться съ имѣніемъ... Разумѣется, еслибы не долги, онъ ни за что не продалъ бы Крутого Яра... А между тѣмъ... онъ можетъ веселиться: мамы нѣтъ! — говоритъ она и вдругъ, какъ бы спохватившись, сразу умолкаетъ.

А мягкій сумракъ надвигавшейся ночи уже охватываетъ насъ отовсюду. На горизонтѣ померкла заря... Въ голубой полутьмѣ потонули и скрылись вѣковые лѣса, ширь полей, серебристые извивы рѣки, теряющейся подъ пологомъ нависшаго надъ ней бѣловатаго тумана. Въ глубинѣ аллеи ужъ стушевалась перспектива деревьевъ, почти не видать и барскаго дома.

— Я не понимаю этого поколѣнія!—говоритъ мнѣ неожиданно

Марія Дмитріевна. Въ голосѣ ея звучатъ слезы; въ груди чувствуются сдерживаемыя рыданія.—Вѣдь мы гибнемъ! Все прахомъ идетъ! Для насъ—это потеря насущнаго куска хлѣба. А отецъ какъ будто не понимаетъ этого или не хочетъ понять — онъ веселъ или бодрится? Я съ ужасомъ гляжу на гостей, которые толкутся у насъ съ утра и до поздней ночи! Ихъ смѣхъ, ихъ веселье леденятъ мнѣ кровь! И зачѣмъ они здѣсь, когда въ домѣ чуть не похороны? Это ужасно! И всѣ они пьютъ и ѣдятъ, хотя прекрасно знаютъ, что мы уходимъ отсюда почти нищими!

— Чего же вы хотите отъ чужихъ вамъ людей, отъ постороннихъ?

Марія Дмитріевна быстро подымается со скамьи и начинаетъ нервно ходить по темной аллеѣ.

— Да, но отецъ? Какъ онъ можетъ справлять всѣ эти ужасные «вспрыски» каждой новой продажи? И съ кѣмъ же? Съ тѣми, что пьютъ его кровь, скупая все почти за безцѣнокъ? Еслибъ вы знали, за что пошли наши лѣса, конный и кирпичный заводы—это ужасно!

И она останавливается передо мной, съ отчаяніемъ заломивъ руки.

— Ну, а вчера порѣшили и съ имѣніемъ! Теперь все кончено!—говоритъ Марія Дмитріевна глухимъ голосомъ. — Еслибъ вы видѣли этого наглаго купчика, которому отецъ продалъ наше родовое гнѣздо—ужасъ беретъ! Какъ онъ смотрѣлъ на меня, пока писали задаточную росписку! Какъ нахально улыбался, стучалъ сапожищами по паркету, желая дать намъ понять, что теперь уже онъ здѣсь хозяинъ! Еслибъ вы видѣли, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли на насъ его приказчики, которымъ онъ, выйдя на крыльцо, сказалъ со смѣхомъ: «Эхъ, дворянчики, дворянчики — пусты ваши чемоданчики!» И некому было защитить отъ обиды!

— Да что вы? Богъ съ вами! — проговорилъ я:—успокойтесь! Можно ли такъ волноваться?

— Я сама слышала!—отвѣчала она, почти задыхаясь.—Готова была разрыдаться и сознавала, что сынокъ Мѣдникова сказалъ правду...

— Какой Мѣдниковъ? Тотъ самый, что скупилъ у васъ за безцѣнокъ вѣковое чернолѣсье?

— Да, онъ... Ему же досталось и наше имѣніе...

Наступила тяжелая мучительная пауза. Я чувствовалъ, какъ въ груди молодой дѣвушки, стоявшей подлѣ меня, порывисто билось сердце, какъ она съ трудомъ переводила дыханіе.

— А теперь на мельницѣ идетъ пиръ—горой!—проговорила Марія Дмитріевна чуть слышно, въ какомъ-то тягостномъ раздумьѣ.

«Тризну справляютъ», мелькнуло у меня въ головѣ, и я вспомнилъ отца Парѳенія.

— Неужели не было никого, кто бы могъ... за васъ заступиться?—сорвалось у меня какъ-то непроизвольно.

Я всталъ со скамьи и подошелъ къ дѣвушкѣ. Она вздрогнула, выпрямилась, и когда я взялъ ее за руку, горячая ладонь ея отвѣчала мнѣ крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Не нашлось никого!—проговорила она твердо, съ какимъ-то спокойнымъ мужествомъ.—Гдѣ уже защиты ждать или помощи— отъ перваго отъ васъ слышу сочувствіе! Спасибо и на томъ!—добавила она съ нервнымъ смѣхомъ:—спасибо! А теперь прощайте, мнѣ пора! Да и вамъ тоже.

— Гдѣ-то Оленушка? гдѣ-то Пахомычъ?—вспомнила вдругъ Марія Дмитріевна съ тревогой.—Бѣдные! Въ ожиданіи васъ, должно быть, дежурятъ у лодки? А все изъ-за меня, во всемъ я виновата... Прощайте!

Дѣвушка быстро вошла въ темную аллею и, кивнувъ мнѣ головой, исчезла по направленію къ дому.

. . . .

Я вернулся на берегъ рѣки въ тяжеломъ подавленномъ настроеніи. Дѣдъ дремалъ на кормѣ, укрывшись кафтаномъ, а рядомъ съ нимъ, уронивъ голову на колѣни, беззаботнымъ дѣтскимъ сномъ крѣпко спала Олена. Подобравъ разбросанныя на берегу весла, я вошелъ въ дощаникъ...

Чуткій Пахомычъ тотчасъ же проснулся. Я сказалъ ему шепотомъ, что самъ буду грести, и чтобы онъ не будилъ внучки. Скоро мы выплыли на середину Веселой, недвижной и тихой; я направилъ лодку вдоль берега къ знакомой лѣсной сторожкѣ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ съ противоположнаго конца дремавшей рѣки, со стороны плотины, послышался вдругъ смѣхъ, голоса, и до насъ донеслись обрывки полупьяной разудалой пѣсни. Это возвращался домой неунывающій крутояровскій баринъ съ своей послѣдней, на этотъ разъ, роковой тризны.

К. А. Борисовъ-Корженевскій.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

ТЯЖЕЛЫЕ дни моей жизни относятся къ началу 1870-хъ годовъ, когда наша молодежь еще вѣровала въ возможность «сліянія съ народомъ», и вскорѣ успѣла горько въ этомъ разочароваться. Я рѣшаюсь разсказать здѣсь испытанныя мною тогда увлеченія и нравственныя страданія, въ предположеніи, что мои воспоминанія дадутъ нѣсколько штриховъ для характеристики пережитаго мною времени, уже сдѣлавшагося достояніемъ исторіи.

I.

Должно быть, немного осталось у меня здоровья, если при переѣздѣ изъ Московской тюрьмы въ Петербургъ я ѣхалъ въ забытьѣ и не помню дороги. А когда я преодолѣвалъ себя, и ко мнѣ возвращалось сознаніе моего положенія, меня охватывало лихорадочное возбужденіе противъ того, что меня перевозятъ, какъ товаръ за номеромъ, и сдадутъ подъ росписку въ другія руки. Опять мысль начинала работать въ одномъ направленіи.

Уже два года, какъ я сталъ арестантомъ, и весь человѣческій родъ превратился для меня въ ключниковъ, хожалыхъ, надзирателей, смотрителей и прокуроровъ... Нѣтъ иныхъ именъ въ общеніи со мною, и самъ я забывалъ иногда свое собственное.

Въ одиночныхъ камерахъ тюрьмы находился каждый изъ насъ, и по номерамъ же насъ вызывали на допросъ и возвращали обратно. Иногда я себя самого въ казематѣ громко называлъ христіанскимъ именемъ, и на душѣ становилось легче... Тяжело было чувствовать себя типичнымъ арестантомъ! Каждаго изъ моихъ серцевѣдовъ и охранителей мнѣ нужно было обмануть и такъ, чтобы онъ, на манеръ обманутыхъ мужей изъ Боккачіо, не вѣрилъ собственнымъ глазамъ.

Теперь, при переѣздѣ въ Питеръ, я способенъ былъ обмануть самаго добраго изъ нихъ, спрыгнувъ съ поѣзда въ лѣсъ. Когда посѣщало меня сознаніе, что такъ дѣйствуютъ только бродяги, я становился самъ себѣ гадокъ. Съ теченіемъ времени это чувство все сильнѣе овладѣвало мною, но, къ счастью, въ Петербургѣ отношенія администраціи къ заключеннымъ были гуманнѣе, и многимъ изъ насъ разрѣшили свиданія съ родными, пропускъ книгъ и писемъ. Лжи стало меньше, и до суда мы не были лишены всѣхъ правъ, какъ въ провинціальныхъ тюрьмахъ.

Я дожидался дремоты моихъ конвойныхъ, чтобы броситься изъ вагона впередъ и опередить ихъ на десятокъ шаговъ передъ темнымъ лѣсомъ. Терять было мнѣ нечего, а силы мои были когда-то могучія, находчивость молодая...

Точно загипнотизированный одной мыслью, я ужасался тому, что съ каждой станціей я былъ ближе къ Петербургу, а не къ свободѣ. Вотъ и Бологое, Малая Вишера и множество другихъ станцій, и темная ночь, и толпы людей, а я еще не сдѣлалъ попытки прорваться сквозь нихъ на волю и чувствовалъ, что нѣтъ къ тому у меня силъ. Пугачевская башня отняла все здоровье, а безъ него не выполнимъ ни одинъ арестантскій замыселъ.

Слезы текли у меня по щекамъ, когда мои ноги едва шевелились, и все тѣло съ трудомъ повиновалось мнѣ. Тщетная надежда: и голова кружится, и сердце замираетъ отъ волненія, а для побѣга нужны силы и хладнокровіе.

Я посылалъ то того, то другого конвойнаго купить мнѣ въ буфетѣ булку или заварить чай и оставался наединѣ съ усталымъ и засыпающимъ временами его товарищемъ. Я подстерегалъ каждое его дыханіе, но не могъ двинуться, чтобы не упасть. А поѣздъ мчался уже далѣе, проѣхали Любань, и къ утру замелькали окрестности столицы. Арестантское состояніе духа, столь несвойственное моей искренней и прямой душѣ, стало покидать меня по мѣрѣ того, какъ сквозь стекла вагона я узнавалъ когда-то хорошо знакомые мнѣ виды подъ Петербургомъ съ его фабриками и заводами, на которыхъ я часто проживалъ среди рабочихъ. Замечтался я опять о нихъ и, подавленный воспоминаніями, забылъ о своей арестантской участи, и мнѣ стало легче, хорошо, спокойно... Съ «гордымъ терпѣніемъ» въ душѣ я вышелъ изъ вагона, когда

поѣздъ остановился у платформы. Оба моихъ конвойныхъ были у меня по бокамъ, но я непринужденно и счастливо озирался по сторонамъ, встрѣчаясь со взглядами давно невиданныхъ мною въ такомъ количествѣ людей. Я отвыкъ отъ толпы и теперь съ удовольствіемъ слѣдилъ за ея движеніями.

Петербургъ... Но тотчасъ же меня посадили въ карету съ опущенными занавѣсками на окнахъ и привезли въ только что построенный, по самому усовершенствованному образцу келейныхъ тюремъ, «Домъ предварительнаго заключенія» на Шпалерной улицѣ. При посѣщеніи профессоромъ Фойницкимъ съ студентами С.-Петербургскаго университета мѣстъ заключенія, одинъ изъ его спутниковъ сдѣлалъ въ газетахъ о «Домѣ предварительнаго заключенія» слѣдующій отзывъ: «Мрачная окраска колоссальныхъ стѣнъ, уходящіе въ высь ряды желѣзныхъ лѣстницъ, сумракъ, царствующій во всѣхъ коридорахъ, полная тишина, нарушаемая только звяканьемъ ключей въ рукахъ многочисленныхъ надзирателей, — все это тяжело дѣйствовало на посѣтителей. Несмотря на то, что «Домъ предварительнаго заключенія» построенъ по всѣмъ требованіямъ архитектуры и правилъ гигіены, въ немъ еще болѣе сжимается сердце, чѣмъ въ Литовскомъ замкѣ. Въ послѣднемъ человѣкъ лишенъ только свободы, но не общенія съ людьми, попавшій же въ «Домъ предварительнаго заключенія» долженъ почувствовать себя сразу оторваннымъ отъ всего міра. Въ Литовскомъ замкѣ скорѣе будешь жить надеждой на будущее, чѣмъ въ предварительномъ заключеніи. Вся эта каменная мрачная громада давитъ, гнететъ душу, и невольно представляется, что отсюда нѣтъ выхода. Подслѣдственные не видятъ другъ друга никогда. Въ церкви они помѣщаются въ отдѣльныхъ будкахъ съ рѣшетками, гуляютъ только въ отдѣльныхъ для каждаго загородкахъ, устроенныхъ на дворѣ. Мѣсто для прогулокъ неспособно разсѣять мрачныхъ думъ арестанта.. Представьте себѣ рядъ высокихъ сплошныхъ заборовъ, идущихъ радіусами отъ одного центра. Каждый заключенный обязанъ прогуливаться въ теченіе опредѣленнаго времени на пространствѣ десятка шаговъ между двумя радіусами-заборами».

Вопреки этому отзыву, какою прекрасною показалась мнѣ эта европейская тюрьма послѣ грязныхъ мѣшковъ Пугачевской башни! Все здѣсь блестѣло: полъ, натертый воскомъ; чиновники въ форменномъ платьѣ, надзиратели-ключники на государственной службѣ и самый секретный номеръ чистый, какъ стекло, съ газовымъ рожкомъ, водопроводомъ и водостокомъ въ углу, герметически закрываемымъ. Хорошо, но только пусто въ номерѣ. Даже откидная кровать привинчена къ стѣнѣ. Столъ и стулъ представляли изъ себя простыя желѣзныя дощечки, безъ ножекъ, просто откидываемыя отъ стѣны на крючекъ. Номеръ былъ и длиннѣе моихъ прежнихъ и выше. Массивная его дверь запиралась на тройной

запоръ американской системы такъ, что на два оборота ключъ находился днемъ у надзирателя, а ночью на три оборота для ночного замыканія у помощниковъ управляющаго домомъ. Но я понялъ причину моей тоски только тогда, когда замѣтилъ совершенное отсутствіе въ зданіи дерева. Къ дереву человѣкъ привыкъ болѣе, чѣмъ къ металлу, и я сильно ощущалъ эту разницу.

Чисто... Просторно... Администрація изъ чиновниковъ, а не солдатъ; ванна есть, обѣдъ и ужинъ, книги есть... А вотъ тоскливо въ номерѣ, какъ не было никогда со мной! Даже глазокъ въ двери завѣшенъ подвижнымъ кускомъ желѣза, и сквозь это круглое отверстіе надзиратели, обутые въ мягкую обувь изъ верблюжьей шерсти, «тихими стопами» наблюдаютъ за нами. Деревяннаго пола, деревянной кровати, деревяннаго стулъ не было, я страдалъ безъ нихъ.

Какая мелочь! пробовалъ я себя утѣшать разсужденіями и чувствовалъ, что меня раздражаетъ даже жестяная кружка, привѣшенная на цѣпочкѣ къ мѣдному крану надъ водопроводной раковиной... Прихотливые люди въ одиночномъ заключеніи! Имъ не хватаетъ дерева, солнца, живого лица, хотя бы тюремщика... Но, конечно, черезъ мѣсяцъ—другой я ко всему привыкъ и сталъ забывать мои провинціальныя полудеревянныя тюрьмы съ наемной стражей передъ открытыми форточками нашихъ дверей и разговорами съ ней.

Криминалистъ проектировалъ здѣсь систему абсолютнаго одиночнаго молчанія, но онъ поторопился привѣтствовать торжество послѣдняго слова уголовнаго права въ нашей «Предварилкѣ». Человѣческое слово проникло и сюда черезъ желѣзо и камень. Мы опять заговорили между собой, и теоретикъ криминалистъ былъ побѣжденъ изобрѣтательностью человѣческаго генія.

Усѣвшись на откидной желѣзный блинъ и опустивъ руки на такой же столъ, я машинально глядѣлъ на газовый рожокъ, торчавшій около моей головы. Вдругъ въ этомъ рожкѣ что-то заворочалось и зашуршало; потомъ опять, точно кто чертилъ кругами вокругъ рожка настойчиво и вопросительно. Въ это время стали заключеннымъ разносить обѣдъ, и я машинально сказалъ надзирателю, что видно въ рожкѣ по газопроводной трубѣ залѣзла мышь и скребется тамъ.

— Вотъ я пожалуюсь управляющему домомъ на эту мышь,— сердито отвѣтилъ тотъ, захлопывая мою форточку.

Такъ это собратъ по судьбѣ зоветъ меня на бесѣду, тотчасъ же сообразилъ я. Днемъ-то, вѣдь, газъ закрытъ и труба пустая. Нужно отвинтить рожокъ у себя въ номерѣ, хотя бы суповой металлической ложкой, а сосѣду у себя. Тогда образуется между нами пустота, въ которую можно шептаться черезъ стѣну до 6 часовъ вечера, когда пускаютъ газъ, и мы зажигаемъ его у себя въ рожкѣ.

Какая радость: днемъ живая рѣчь товарища и безконечный обмѣнъ мысли, а ночью чистый свѣтъ газа въ комнатѣ и книги, которыми заключенные черезъ младшихъ надзирателей обмѣнивались между собой.

— О Петербургъ! ты всегда былъ гуманнѣе, чѣмъ провинція, къ потерпѣвшимъ людямъ. Никто не разрѣшалъ этого обмѣна книгами, но всѣ знали объ этомъ, и надзиратели по добротѣ русской души не отказывались пересмотрѣть книгу и передать ее въ тотъ или другой номеръ.

— Почемъ вы знаете, что тамъ сидитъ такой-то?—спрашивали они. — По паровымъ трубамъ перестукиваетесь или объ рѣшетку оконъ?

— Всячески... Всѣхъ не посадите въ карцеры.

— Гдѣ сладить съ вами! У всѣхъ и рамы на окнахъ вынуты...

Надзиратель понималъ, что черезъ книгу мы не будемъ сноситься о секретныхъ дѣлахъ, такъ какъ можемъ переговариваться болѣе безопаснымъ способомъ. Онъ бралъ книгу и безшумно въ туфляхъ приближался къ слѣдующему номеру отмыкалъ форточку ключемъ и молча просовывалъ узнику желаемую имъ книгу. Также точно мы получали другъ отъ друга чай, сахаръ и свѣчи. Газъ не всю ночь горѣлъ, а всего только до 9 часовъ зимой, а лѣтомъ совсѣмъ не горѣлъ. Болѣе богатые изъ насъ дѣлились съ бѣдными и свѣчами, и провизіей. Помощь провіантомъ была необходима. Многіе изъ насъ пріѣхали изъ провинціи истощенными хроническимъ голоданіемъ, а въ «Домѣ предварительнаго заключенія» на каждаго арестанта полагалось нѣсколько копеекъ въ сутки. На общій котелъ изъ щей, гороха, макаронъ и второго блюда изъ каши—этихъ денегъ хватало; но однообразіе и малопитательность ихъ сдабривались большими порціями чернаго хлѣба съ солью и обиліемъ невской воды изъ-подъ крана. Голодъ побуждалъ одного изъ насъ приручать къ окну голубей и ловить ихъ. Въ номерѣ онъ убивалъ птицу, чистилъ, обмывалъ и въ кастрюлькѣ изъ-подъ щей варилъ и жарилъ на газовомъ рожкѣ. Но эта примитивная охота на домашнюю птицу возбуждала въ другихъ отвращеніе, и всѣ мы голодали по ночамъ основательно. Вдругъ надзиратель принесъ мнѣ однажды пару шеколадныхъ плитокъ.

— Отъ кого? Что такое?!

— Съ женскаго отдѣленія... Черезъ канцелярію прислано.

— Но отъ кого?

— Не знаю... Изъ заключенныхъ которая нибудь...

— Кто же? Кто? Узнайте... Возьмите своимъ дѣтямъ одну изъ шеколадинъ.

— Благодаримъ, но намъ не скажутъ...

— Жалость какая!

Съ тѣхъ поръ я часто получалъ шеколадъ, развернутый и осмотрѣнный въ канцеляріи, но фамилію жертвовательницы я не могъ узнать. Тщательно я приглядывался къ полированной поверхности шеколада, и только разъ иголкой на немъ было начертано, въ ласкающемъ тонѣ, мое собственное имя: «Анатольчикъ». Въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ я провелъ молодость, мужчины и женщины, зовутъ другъ друга чисто по-братски, именами нѣжными; но до личныхъ и интимныхъ воспоминаній бываетъ еще весьма далеко. Было одно лицо, о которомъ я хотѣлъ думать, но разумъ уже сдерживалъ меня, и я боролся съ очарованіемъ вымысла о томъ, что есть на свѣтѣ женщина, томящаяся также въ заключеніи, съ которой для меня былъ бы «рай любви возможенъ»...

Шеколадъ былъ такъ кстати для моего истощеннаго организма... Доктора въ «Домѣ предварительнаго заключенія» охотно назначали мнѣ больничную порцію, т. е. кружку молока, которое я кипятилъ на газѣ и варилъ въ немъ шеколадъ. Я былъ экономенъ... Иногда шеколадъ напоминалъ легкій супецъ, а иногда былъ густымъ и питательнымъ. Я дѣлился имъ съ моими сосѣдями и теперь дорого далъ бы, чтобы эти строки попали на глаза неизвѣстной и случайной моей подруги.

Признательность къ ней никогда не изсякнетъ въ моей памяти и всегда согрѣваетъ мою душу слезами умиленія въ думахъ о прошломъ.

Скоро положеніе сидящихъ въ «Предварилкѣ» измѣнилось еще болѣе къ лучшему: нѣкоторыя дамы согласились собирать въ Петербургѣ пожертвованія для заключенныхъ, и каждый изъ насъ сталъ ежемѣсячно получать маленькія средства. Вотъ эти-то «маленькія средства»: кому при отъѣздѣ на поселеніе — фуфайка и полушубокъ; кому теплые сапоги и деньги, а заключеннымъ — 5 или 10 рублей на обѣдъ изъ частной кухмистерской, чай и сахаръ отдѣльно—поддерживали безусловно наше здоровье, подорванное провинціальными тюрьмами.

Эти дамы-филантропки многимъ намъ остались неизвѣстны, а между тѣмъ мы имъ обязаны тѣмъ, что дотянули дни до суда въ бодромъ состояніи духа. Какъ же естественно теперь желаніе расцѣловать эти руки, которыя протягивались за помощью для насъ, и сколько тяготы несли, за чуждыхъ имъ людей, эти милосердныя женщины и молодыя дѣвушки!

Теперь, когда уже волосъ сѣдѣетъ, и минувшія увлеченія женщинами кажутся мнѣ тяжкими, среди нихъ есть имена, примиряющія меня со всѣми утраченными иллюзіями на землѣ... Ничѣмъ другимъ я не могу отплатить имъ за ихъ «сборы на заключенныхъ», за хлопоты о свиданіяхъ подъ именемъ «невѣстъ», за книги,

за письма, за рискъ, какъ только привести здѣсь посвященные имъ стихи одного изъ нашихъ поэтовъ:

Лишь вы однѣ насъ не забыли:
Вы съ нами братски раздѣлили
И хлѣбъ, и чистую любовь.
И ваше теплое вниманье
Намъ облегчало гнетъ страданья
И силы намъ давало вновь.
Въ тюрьмѣ подчасъ и умъ мутится;
И если услыхать случится
Тогда сочувствія привѣтъ,
Опять отраднѣе вздохнется,
И сердце радостнѣе бьется
Привѣту братскому въ отвѣтъ.
Еще не конченъ путь страданій,
Но свѣтлыхъ рядъ воспоминаній
Я сохраню и въ скорбный часъ;
И какъ-то вѣрится живѣе,
Что скоро станетъ жизнь свѣтлѣе,
Когда подумаю о васъ!

II.

«Домъ предварительнаго заключенія» имѣетъ паровое отопленіе по вертикальнымъ чугуннымъ трубамъ, проходящимъ насквозь съ нижняго этажа до верхняго. Такимъ образомъ архитекторъ тюрьмы позаботился сообщить всѣхъ заключенныхъ одной и той же трубой, по которой достаточно стукнуть ногтемъ пальца, чтобы сотрясеніе сообщалось трубѣ и распространялось по всѣмъ смежнымъ номерамъ. Стучали мы оловянными, столовыми ложками и ими же колотили по рѣшеткамъ оконъ. Металлическіе звуки доносились до самой канцеляріи, но намъ уже не препятствовали перестукиваться. Многіе перестукивались условными шифрами, такъ какъ среди большой массы заключенныхъ были завѣдомо измѣнившіе намъ товарищи. А потребность сообщаться новостями была жгучая, и трудно было удержаться, чтобы не дѣлиться ими. Мы сидѣли на окнахъ, изъ которыхъ были повынуты стеклянныя рамы, и переговаривались другъ съ другомъ безъ всякой помѣхи. Внутренній фасадъ «Дома предварительнаго заключенія» расположенъ былъ четырехугольникомъ, и заключенные по его сторонамъ могли бы другъ друга видѣть отчетливо, еслибы дворъ былъ поменьше пространствомъ. Но мы пріобрѣли себѣ маленькія зеркала и тогда ухитрялись ими приближать къ себѣ изображенія дома во всѣхъ его направленіяхъ. Я даже просилъ прислать съ воли маленькій бинокль и наслаждался имъ, приближая къ себѣ гуляющихъ по двору товарищей или родственниковъ заключенныхъ, которые приходили на свиданіе въ больницу къ нимъ черезъ дворъ тюрьмы. На окнахъ мы разговаривали различно.

— Коня!—ежеминутно раздавался крикъ изъ окна, и въ тотъ же моментъ изъ какого нибудь окна спускался внизъ или тянулся вверхъ на крѣпкой ниткѣ свертокъ сахару, кусокъ колбасы или письмо.

Этого же «коня» можно было размахать у себя передъ окномъ и пустить въ бокъ, гдѣ его уже ловили при помощи свѣчи или гребенки, за которыя онъ запутывался. Такимъ путемъ «конь» объѣзжалъ значительное пространство, перебирался наискось отъ одного товарища къ другому, и тогда обѣ стороны соединялись, какъ бы телеграфомъ. Цѣлый мотокъ нитокъ уходилъ на сѣтку во всѣхъ направленіяхъ по окнамъ. Во время обысковъ по номерамъ, всѣ заключенные предупреждались громкимъ стукомъ о желѣзную рѣшетку, и запрещенныя вещи тотчасъ же уѣзжали изъ номеровъ на «коняхъ». Оборвать «коня» также было легко, когда это требовалось по стратегическимъ соображеніямъ.

Кромѣ «коней», у насъ были «клубы» особенно по ночамъ.

Сидишь бывало за столикомъ и читаешь при зажженномъ газѣ книгу, вдругъ по трубѣ раздается призывъ ударами: «въ клубъ!». Идешь въ уголъ каземата, наполняешь кружку водой и съ силой выбрасываешь изъ нея воду въ водосточникъ такъ, чтобы все въ немъ содержимое ушло въ водопроводную трубу, общую для всѣхъ номеровъ. Менѣе брезгливые очищали водосточникъ просто руками или коркой чернаго хлѣба. Прочистивъ углы въ казематахъ, мы становились колѣнями на полъ и разговаривали между собой, какъ черезъ газовый рожокъ. Слова достигали съ пятаго этажа до перваго и обратно. Нечего, конечно, говорить о томъ, что мы дышали амміакомъ, и многіе хворали желтухой, брюшнымъ тифомъ и глазными болѣзнями. Потребность разговоровъ и споровъ была такъ сильна, что мы сидѣли въ клубахъ днемъ и ночью. Разговоры были больше о прошломъ, о будущемъ; а съ сосѣдомъ надо мною мы учили вмѣстѣ англійскій языкъ и переводили въ подлинникѣ Шекспира.

Господи! вспомнишь теперь эту жизнь, и не вѣрится, что все это было со мной. Здѣсь цѣлые мѣсяцы и годы приходилось вычищать руками наши «клубы» и благодарить за нихъ судьбу. Какъ не задохся я въ нихъ, и какъ трахома не лишила меня окончательно зрѣнія! Какъ не сгорѣлъ я у себя въ номерѣ неоднократно! Случалось отвинтить рожокъ въ стѣнѣ, а надзиратель вслѣдъ затѣмъ отпиралъ дверь въ номерѣ и просилъ меня итти въ ванну или на допросъ. Пока онъ работалъ въ замкѣ ключемъ, успѣешь повернуть рожокъ разъ-другой въ его гнѣздѣ, да такъ, не довернувъ, и уйдешь. А тѣмъ временемъ пустятъ газъ, по коридору вонь, надзиратель бѣгаетъ изъ номера въ номеръ, пока не догадается о моемъ номерѣ, гдѣ газъ легко могъ бы вспыхнуть при неосторожности съ огнемъ.

Изобрѣтательность заключенныхъ была поразительная... Многіе изъ насъ изъявили желаніе бывать по праздникамъ въ церкви «Дома предварительнаго заключенія», гдѣ для секретныхъ арестантовъ существуетъ длинный шкафъ, раздѣленный нѣсколько разъ глухими перегородками съ дверцами позади каждаго дѣленія и форточкою впереди къ алтарю. Такимъ образомъ, молящіеся въ этомъ шкафу раздѣлены другъ отъ друга стѣнками, но заключенные умудрились продырявить стѣнки чуть ли не гвоздиками, добытыми изъ собственныхъ сапогъ, и разговаривать въ эти скважины между собою... Все было одухотворено человѣческимъ словомъ: и шкафы въ церкви, и окна тюрьмы, и рожки въ стѣнахъ, и водостоки по угламъ казематовъ, и паровыя трубы по срединѣ...

III.

Въ «Домѣ предварительнаго заключенія» я возстановилъ силы, исключительно благодаря помощи извнѣ. Кромѣ матеріальныхъ средствъ, я сталъ получать книги, и были попытки устроить мнѣ свиданіе съ совершенно незнакомыми лицами. Одни изъ нихъ назывались моими родственниками, женщины—невѣстами, но мистификаціи не удавались. Изъ родныхъ у меня были сестры, но онѣ жили въ провинціи, смотрѣли на жизнь разными со мною глазами. Впослѣдствіи, тюремныя впечатлѣнія съ нелегальною жизнью вытѣснили изъ моего сердца образы дѣтства и убили во мнѣ, такъ называемыя, родственныя чувства. Товарищи по одному дѣлу стали моими близкими. Я сроднился съ этой новою семьею по мыслямъ, и она вполнѣ замѣняла мнѣ кровныхъ родныхъ.

Въ «Домѣ предварительнаго заключенія» мы жили тѣсною семьею и, какъ одинъ человѣкъ, отстаивали свои интересы передъ администраціею. Наши скорби искупались солидарностью и мужествомъ въ каждомъ изъ насъ. Всѣ казематы были испещрены стихами, которые въ то же время декламировались въ клубахъ и распѣвались на окнахъ:

Думы, наши думы!
Рветесь вы на волю:
Хочется иную
Отыскать вамъ долю.
Хочется, чтобъ путы
Съ рукъ долой свалились,
Чтобъ тюрьмы желѣзной
Двери растворились.
Чтобъ неволя злая
Не свела въ могилу
Годныя для дѣла
Молодость и силу...

Только что смолкали послѣдніе звуки стиха, какъ съ другаго окна вполголоса слышалась уже новая пѣсня:

Думы мои любыя,
Думы мои честныя,
Жить не помѣшаютъ вамъ
Эти стѣны тѣсныя.
Свѣтомъ освѣщенныя
Долгаго страданья,
Вы впередъ прорветеся
Силой упованія...

Долгое пребываніе въ тюрьмѣ дѣлало свое дѣло: оно фанатизировало насъ и дѣлало мученикомъ изъ слабыхъ и ничтожныхъ людей, какими потомъ большинство изъ насъ стали на волѣ. Но, живя подъ колпакомъ, мы не могли провѣрить собственныхъ силъ такъ же, какъ и до тюрьмы въ отвлеченныхъ спорахъ объ отдаленномъ будущемъ и въ пѣсняхъ о томъ, что своею грудью мы согрѣемъ грудь народа. Уже потомъ обнаружилось, что большинство было чуждо любви даже другъ къ другу, какъ только они вышли изъ общежитія на волю, и что народу ничего не досталось отъ ихъ страданій за идеи о будущемъ вѣкѣ. Это все потомъ стало приходить въ голову, когда на всѣхъ поприщахъ мы встрѣтили враждебно настроенныхъ намъ лицъ и нигдѣ своего человѣка...

Одиночное заключеніе, разумѣется, не могло указать намъ живого и плодотворнаго дѣла, къ которому мы были бы пригодны въ Россіи. Въ тюрьмахъ мы еще болѣе спѣлись между собою, и чѣмъ заключеніе было продолжительнѣе, тѣмъ наши вымыслы о жизни и собственныхъ силахъ становились отвлеченнѣе. Я съ энтузіазмомъ ждалъ суда, чтобы публично защищать свою миссію, но вмѣстѣ съ тѣмъ я жаждалъ не только сочувствія къ своимъ идеаламъ, но и къ себѣ самому и, конечно, отъ любимой и самой лучшей въ мірѣ женщины. Такая женщина, я зналъ, гдѣ-то затерялась въ тюрьмахъ, но ея ликъ и всѣ совершенства жили въ моемъ сердцѣ. Иногда, казалось, и голосъ ея упрекалъ меня вслухъ: «да неужели ты ничего не сдѣлаешь, чтобы узнать, гдѣ я, и неужели для любви существуютъ препятствія?» Изъ безчисленныхъ справокъ и догадокъ я, наконецъ, узналъ ея фамилію, но, не имѣя сообщеній съ женскимъ отдѣленіемъ въ «Домѣ предварительнаго заключенія», сталъ думать, что, можетъ быть, она находится въ Петропавловской крѣпости, и что, конечно, мнѣ надлежитъ быть тамъ же и какъ можно ближе къ ея собственному номеру. «Прогулки въ стойлахъ» помогли моимъ намѣреніямъ.

Для представленія о «прогулкахъ въ стойлахъ» нужно сказать слѣдующее: часть площади тюремнаго двора въ «Домѣ предварительнаго заключенія» была снаружи окружена высокимъ заборомъ, а внутри отъ центра къ окружности, по радіусамъ, раздѣлена та-

кими же заборами, образуя клѣтки изъ треугольниковъ, какъ куски въ разрѣзанномъ кругломъ пирогѣ.

Въ этихъ клѣткахъ, которыя мы называли стойлами, гуляли заключенные, каждый по одиночкѣ, но одновременно числомъ 17 человѣкъ. Когда меня вели на прогулку въ одно изъ стойлъ, я сталъ заходить въ чужія стойла къ заключеннымъ, несмотря на сопротивленіе надзирателя, и, наконецъ, предложилъ товарищамъ «совмѣстную» прогулку, то-есть, перепрыгнуть одновременно черезъ заборъ и гулять на дворѣ группою. Осуществленіе этой мысли какъ разъ совпало съ распоряженіемъ приготовить нѣсколько номеровъ въ «Домѣ предварительнаго заключенія» для новыхъ арестованныхъ лицъ, а старыхъ, по выбору администраціи Дома предварительнаго заключенія, перевести въ Петропавловскую крѣпость. Поздно вечеромъ посадили меня въ карету и повезли черезъ Неву.

Двое конвойныхъ, сидѣвшіе со мной въ каретѣ, не мѣшали мнѣ любоваться въ окно теченіемъ могучей рѣки, омывающей крѣпостные бастіоны и перерѣзываемой въ разныхъ направленіяхъ дымящимися пароходами и многочисленными яликами съ зажженными фонариками. Судовые свистки и команда на баркахъ, тянущихся на буксирѣ, доносились до моего слуха, точно изъ далекаго и чуждаго мнѣ міра.

Я не отрывалъ лица своего отъ стекла въ каретѣ и не пропускалъ ни одной подробности, стараясь привязаться къ нимъ, пока видитъ ихъ глазъ и слышитъ ухо... А вотъ и амбразуры въ стѣнахъ крѣпости и чугунныя пушки наверху... Луна серебрила окрестности и заливала своими лучами золоченый шпицъ Петропавловскаго собора, съ черными крыльями на самомъ верху ангела.

Карета приближалась къ Екатерининской куртинѣ и Алексѣевскому равелину, минуя Монетный дворъ и соборъ съ гробницами усопшихъ царей. Въ этотъ моментъ куранты Петропавловской крѣпости заиграли часы, и въ ночномъ воздухѣ раздались заунывные перезвоны Сіонской пѣсни:

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ:
Великъ онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на земли великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.

Преданіе гласитъ, что въ это время заключенные въ крѣпости всегда мечутся на цѣпяхъ и бьются отъ угрызенія совѣсти объ стѣны въ то время, когда вслѣдъ за музыкальнымъ и томящимъ душу перезвономъ часы начинаютъ мѣрно и гулко бить свое время. Ровно въ полночь я былъ привезенъ въ Екатерининскій бастіонъ и посаженъ въ одинъ изъ его казематовъ.

IV.

Казематы Петропавловской крѣпости представляютъ собой просторныя комнаты, хотя низкія и недостаточно свѣтлыя. Окна, какъ во всѣхъ тюрьмахъ, устроены выше человѣческаго роста, и въ нихъ не увидишь ни двора, ни Невы. Передъ окнами возвышается глухая стѣна, такъ что даже клочекъ неба скрывается отъ глазъ узниковъ. Съ сбоку двери, въ самомъ казематѣ находится умывальникъ, а въ противоположномъ углу постель съ маленькимъ деревяннымъ столикомъ и тубаретомъ. Остальное пространство комнаты совершенно пусто.

— Есть гдѣ гулять: не то, что въ Пугачевской башнѣ,—подумалъ я, осматривая новое свое жилище и съ удовольствіемъ шлепая по асфальтовому полу арестантскими туфлями.

Низкій, полусводомъ, грязный потолокъ мнѣ не понравился съ перваго взгляда... А больше уже нечего было осматривать.

Я пробовалъ стукомъ узнать, кто мои сосѣди, но, къ моему огорченію, стѣны оказались обитыми войлокомъ, сверхъ котораго натянуты были сѣтка изъ проволоки и обои. Не получалось никакого звука отъ удара въ стѣну, и это открытіе повергло меня въ страшное уныніе. Я пробовалъ запѣть членораздѣльно гамму: а... а... а... а..., сообразно дѣленію азбуки на 6 столбцовъ такъ, чтобы первое пѣнье гаммы означало столбецъ, а второе пѣнье той же гаммы самую букву въ этомъ столбцѣ, и такимъ образомъ разговаривать съ ближайшимъ сосѣдомъ. Но никто на этотъ разъ не откликнулся мнѣ...

Однако, въ этомъ состояніи я недолго оставался. Видимо мои товарищи проснулись и догадались, что въ крѣпость привезенъ новый заключенный.

Едва затихли мои гаммы, и въ коридорѣ опять настала тишина, я явственно услыхалъ глухіе удары знакомой мнѣ сокращенной азбуки.

— Да, это она!—прислушивался я съ радостнымъ замираніемъ сердца; все тотъ же шифръ изъ шести столбцовъ, по которому и я тянулъ свои гаммы. Нѣтъ сомнѣнія, это меня выстукиваютъ: «кто привезенъ? Куда посаженъ новичекъ? Кто ты?» Послѣдній вопросъ задаетъ уже несомнѣнно мой сосѣдъ надъ головой, и стучитъ онъ мнѣ прямо въ асфальтовый полъ чѣмъ-то мягкимъ и тупымъ.

Одного момента было достаточно, чтобы сообразить, какъ ему отвѣтить. Я заработалъ пяткой ноги, и мои удары ею объ полъ,— о счастье!—также далеко слышны и поняты товарищами.

Эту ночь я не спалъ отъ радости, встрѣтивъ старыхъ товари-

щей. Съ этими людьми начиналась моя духовная жизнь, и пусть она полна ошибокъ, но она исчерпывалась исканьемъ правды, и мнѣ было бы больно иначе думать о ней, и мнѣ не было бы теперь такъ легко вспоминать объ этомъ прошломъ. Отъ волненій, вызванныхъ счастливой встрѣчей въ толстыхъ стѣнахъ крѣпости съ друзьями, я едва не заболѣлъ, просиживая цѣлыми ночами за стукомъ въ каменный полъ вмѣсто того, чтобы спать и не волновать себя спорами и новостями. Но среди этихъ новостей не было имени дорогой мнѣ дѣвушки... Все померкло въ моей душѣ: и настоящее, и будущее перестали меня интересовать. Она, по точнымъ свѣдѣніямъ, оказалась именно въ «Домѣ предварительнаго заключенія», откуда я самъ такъ стремился въ крѣпость.

Стали мнѣ скучны опять и безконечные разговоры по ночамъ другъ съ другомъ, игра въ шахматы и чтеніе книгъ изъ библіотеки при крѣпости. Я впалъ въ мрачный трансъ, какъ только выяснилось, что даже въ одиночномъ заключеніи нельзя жить безъ преклоненія передъ женщиной, и что присутствіе ея здѣсь создаетъ атмосферу идеализма, мгновенія котораго мы такъ хорошо знаемъ на свободѣ. Но такой женщиной могла быть только одна, а другія ничего не говорили моему воображенію. Этой «одной» здѣсь не было, и все чудесное было убито. Дни тянулись однообразно, безъ допросовъ и живыхъ голосовъ, которые животворили «Домъ предварительнаго заключенія». Мнѣ предстояло опять свыкнуться исключительно съ сѣрыми фигурами часовыхъ и жандармовъ, приносившихъ мнѣ чай и обѣдъ. Какъ послѣ охоты за дичью передъ дремлющимъ окомъ охотника летаютъ тетерева и утки, такъ сѣрыя фигуры моей стражи вытѣснили изъ моихъ представленій маленькій запасъ впечатлѣній за послѣднее время, и опять весь міръ сталъ мнѣ казаться состоящимъ изъ солдатъ. Изо дня въ день раздавался въ моихъ ушахъ звукъ ихъ сабель; виднѣлись въ форточкѣ ихъ подстерегающіе глаза и негодующія угрозы пожаловаться коменданту на то, что мы переговариваемся стукомъ или играемъ каждый у себя на столѣ въ шахматы тѣмъ же стукомъ пяткой ноги въ асфальтовый полъ. Кромѣ сѣрыхъ фигуръ солдатъ, я уже около года не видалъ въ Петропавловкѣ ни одного штатскаго и свободнаго человѣка. Я чувствовалъ, что сживаюсь съ ними, и что они сами перестаютъ начальствовать надъ нами, дѣлаясь проще и ближе къ намъ.

— Это моя среда и мое общество,—размышлялъ я:—и теперь, и послѣ суда...

Прошлая жизнь тускнѣла, и только временами вспоминался шумъ Брянскихъ лѣсовъ, гдѣ въ имѣніяхъ поэта Ѳ. И. Тютчева (с. Овстугъ) я былъ лѣснымъ объѣздчикомъ и смолокуромъ съ идеями и книгами; гдѣ я любилъ, былъ любимъ и былъ обманутъ, когда мнѣ не было и 20 лѣтъ, а въ городѣ Брянскѣ занималъ мѣсто учителя

въ народной школѣ и мнилъ себя Ланкастеромъ, пока мнѣ не предложили убираться вонъ... А къ этому времени я уже побывалъ въ Питерѣ, и здѣсь-то мнѣ стали дороги и мои друзья, и мимолетныя встрѣчи съ дѣвушкой, которую я не могъ забыть по моимъ тюрьмамъ... Но сѣрый фонъ казармъ Петропавловскихъ бастіоновъ стушевалъ яркость прошлой жизни, и по мѣрѣ того, какъ я обросталъ бородой, прошлое все болѣе и болѣе пряталось назади, а впереди ждала жизнь каторжника.

Время, проведенное внѣ общества, уже наложило на меня свой слѣдъ. Изъ стройнаго и высокаго молодого человѣка я пріобрѣлъ фигуру арестанта изъ одиночнаго заключенія: вытянутую изъ ключицъ шею, шатающуюся и развинченную походку слабыхъ ногъ, и лицо съ безстрастнымъ взглядомъ. Мнѣ опять, какъ и въ Пугачевской башнѣ, недоставало впечатлѣній, и я становился равнодушнѣе день ото дня и къ книгамъ, и къ прогулкамъ, и къ перестукиванію съ товарищами, и даже къ новостямъ о свободѣ, къ которой такъ жадно прислушиваются одиночно-заключенные. Я еще росъ физически, но чувствовалъ, что вѣсъ тѣла и силы мои убываютъ именно отъ безмолвія сидячей жизни и забвенія всѣми... Слабѣлъ умъ и желанія... Вслѣдствіе разстройства ассоціаціи идей и памяти выростали галлюцинаціи. Стоило только мнѣ уставиться взглядомъ въ уголъ каземата, и я видѣлъ въ немъ любимое лицо и изображеніе; если во снѣ я слышалъ арію изъ оперы, то и наяву весь день въ моихъ ушахъ гремѣли ея могучіе напѣвы и т. д.

Дѣйствительность занимала меня только въ свѣтлые промежутки душевной жизни. Апатія или галлюцинація, сонъ или безсонница, безконечное сидѣніе за столомъ съ опущенной головой на руки или хожденіе по каземату въ одномъ направленіи до того, что на подошвахъ ногъ высохшая кожа слѣзала ремнями, чередовались между собой въ моей жизни. Но были моменты, когда я усиленно жаждалъ гласнаго суда и радовался слухамъ о томъ, что обвинительный актъ написанъ, и что мнѣ дадутъ возможность изложить свои мысли громко и безбоязненно. Были моменты, когда сердце мое трепетало при мысли, что наконецъ-то приближается время, когда я встрѣчу на судѣ милую мнѣ дѣвушку, и однимъ ея взглядомъ опять увѣрую въ счастье на землѣ. Но, должно быть, я былъ очень слабъ, если самая администрація перевела меня въ скоромъ времени обратно въ «Домъ предварительнаго заключенія», и тамъ я тотчасъ же воспрянулъ духомъ.

V.

Въ «Домѣ предварительнаго заключенія» я узналъ достовѣрно, что въ женскомъ отдѣленіи находится та, которую мнѣ хотѣлось встрѣтить до суда. «Такъ находиться близко другъ къ другу и, мо-

жетъ быть, никогда не увидѣться! — восклицалъ я со слезами на глазахъ.—Ходитъ слухъ, что всѣхъ хотятъ на судѣ раздѣлить по группамъ, несмотря на то, что обвинительный актъ одинъ и обвиняетъ насъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Что если она очутится въ одной группѣ, а я въ другой? Вѣдь, мы не увидимся и на судѣ, и я умру отъ горя».

Я старался отогнать эту мысль о дѣленіи насъ на группы и разсмотрѣніи виновности каждой изъ нихъ въ отсутствіи другихъ. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, найдется въ Петербургѣ просторное зданіе для судей и публики, гдѣ помѣстятъ также и всѣхъ обвиняемыхъ.

Тѣмъ временемъ я нашелъ возможность въ «Домѣ предварительнаго заключенія» черезъ уголовныхъ арестантовъ сноситься съ «волей», откуда мнѣ была прислана необходимая сумма денегъ для подкупа одного изъ младшихъ надзирателей, наиболѣе ко мнѣ расположенныхъ. Не на злое дѣло я подбивалъ его, а чтобы онъ помогъ мнѣ встрѣтиться въ коридорѣ съ любимой мною женщиной въ то время, когда поведутъ ее брать ванну, или въ канцелярію на свиданіе съ родственниками, или на допросъ, или въ церковь.

— Необходимо тебѣ узнать ея номеръ и очередь,—говорилъ я.— Я буду отказываться отъ прогулокъ на дворѣ и ваннъ во всѣ промежутки времени и требовать ихъ только тогда, когда время можетъ совпасть со временемъ выхода дорогой мнѣ дѣвушки съ женскаго отдѣленія. Тебѣ ничего за это не достанется... Никто не узнаетъ, но ты долженъ точно распредѣлить по времени очередь, по которой выводятъ барышень съ женскаго отдѣленія куда бы то ни было, чтобы намъ встрѣтиться на одну минуту.

— Какъ фамилія ея?—наконецъ спросилъ онъ послѣ того, какъ я передалъ ему всѣ присланныя мнѣ деньги.

Я назвалъ ее и съ того момента жилъ въ лихорадочномъ возбужденіи. Проходили мѣсяцы, я все не могъ встрѣтить ожидаемое лицо, и уже былъ склоненъ думать, что надзиратель обманулъ меня.

— Можетъ ли это быть?—обидчиво возразилъ онъ мнѣ.—Я знакомъ съ надзирательницею на женскомъ отдѣленіи, и оба стараемся, а вотъ не приходится, чтобы вы встрѣтились... Подождите!

Я ждалъ, и это напряженное состояніе души было все-таки болѣе нормальнымъ, чѣмъ пенитенціарное равнодушіе ко всему. Помню и счастливѣйшій день въ моей жизни, когда я встрѣтилъ, наконецъ, въ коридорѣ мою узницу, возвращавшуюся съ допроса. Эта встрѣча была случайна, и я совершенно не думалъ о ней. Возвращаясь по какой-то надобности изъ канцеляріи, я увидѣлъ въ коридорѣ идущую на встрѣчу мнѣ съ надзирательницей блѣдную дѣвушку съ блестящими черными глазами, въ черномъ платьѣ, изящно отороченномъ бѣлыми кружевами. Я узналъ ее... Это была она.

Я схватилъ ея руки и не могъ говорить отъ радости, а надзирательница торопилась разлучить насъ силой. Но мнѣ ничего не нужно было говорить ей. Я назвалъ свою фамилію, и она уже знала обо мнѣ отъ дѣвушки, которая сидѣла со мной въ провинціальной тюрьмѣ, принимаемая мной долгое время за нее. Теперь она стояла предо мной во всей своей неземной красотѣ, и я чувствовалъ, что она знаетъ мою любовь къ ней. Голосъ мой сказалъ ей болѣе о моемъ чувствѣ, чѣмъ слова.

— Я васъ помнилъ... Все время помнилъ!.. Какъ увидѣлъ въ первый разъ...

— Расходитесь, господа,—кричала надзирательница, отпихивая меня и приглашая къ тому же насилію и моего надзирателя.

— Я буду все время васъ помнить. Нынѣ и всегда!

— Я также много говорила о васъ... Я хорошо васъ знаю,—отвѣчала она, схватывая въ послѣдній разъ мои руки и нѣсколько разъ весело оглядываясь, когда насъ уводили въ разныя стороны.

Охъ, какъ было много въ этомъ короткомъ свиданіи для трепещущаго избыткомъ счастья моего сердца! Какъ сразу кровь начала циркулировать по всему моему тѣлу и зажигала мои щеки горячимъ румянцемъ!

— О, я не умру. Такъ не умираютъ!—восторженно восклицалъ я въ своемъ номерѣ, чувствуя, что я опять возрожденъ къ жизни и радостямъ.

— Я совершенно здоровъ,—стучалъ я своему непосвященному сосѣду. Выздоровѣлъ сейчасъ...

— Ты съ ума сошелъ,—отвѣчалъ онъ.—Какъ это выздоровѣлъ «сейчасъ»?

— Ты не понимаешь? Ты глупъ... Я умиралъ, но сейчасъ воскресъ, потому что сейчасъ встрѣтилъ ее...

— Кого?!

— Мою жизнь... Мое счастье...

— Дуракъ, — перебилъ онъ стукомъ мой стукъ и весь день не отвѣчалъ на мой призывъ продолжать со мной бесѣду о моемъ счастьѣ.

VI.

Нужно ли говорить, что нервное возбужденіе оживило всѣ мои силы, и я быстро поправился здоровьемъ. Я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, и мнѣ доставляло безконечное удовольствіе сознавать, что женщины съ перваго взгляда умѣютъ почувствовать человѣка, которому онѣ нравятся.

Вотъ въ какомъ состояніи духа засталъ меня обвинительный актъ, который вручили каждому изъ насъ.

О, какъ было бы мнѣ тяжело читать его при другихъ обстоятельствахъ, думалъ я почти на каждомъ его листѣ. Какъ я ни приготовленъ къ показаніямъ испуганныхъ арестомъ людей,—эти показанія обвиняютъ насъ не только юридически, но и нравственно. Эти показанія большей частью исходятъ отъ наиболѣе близкихъ намъ людей, и потому ихъ трусливое поведеніе на допросахъ особенно огорчало насъ.

Испугъ—плохой совѣтникъ, и если къ нему присоединяется желаніе какою бы то ни было цѣною освободиться изъ-подъ ареста, то изъ подсудимаго выйдетъ самый нѣжный для прокуратуры свидѣтель противъ бывшихъ единомышленниковъ. «Какъ люди въ страхѣ—гадки»,—говоритъ поэтъ.

Но теперь меня эти люди уже не могли долго интересовать, и я даже радовался тому, что могу воспользоваться ихъ показаніями противъ меня, чтобы имѣть поводъ на судѣ возстановить въ истинномъ свѣтѣ нашъ образъ мыслей и наши цѣли. Но вскорѣ я былъ потрясенъ новой радостью и до такой степени, что исключительно занялся личной жизнью. Судьба покровительствовала мнѣ: отъ суда былъ назначенъ мнѣ и дорогой мнѣ дѣвушкѣ одинъ и тотъ же защитникъ... О, никакого умѣнья не хватитъ для выраженія того, что я тогда почувствовалъ! Насъ вызывали въ пріемный залъ къ защитнику по очереди, но мы случайно встрѣтились раза два-три... Боже мой! какъ прибывали мои силы, и какими пустяками казались мнѣ долгіе годы одиночнаго заключенія передъ могуществомъ этихъ встрѣчъ... Вѣдь, вотъ я уже почти и старикъ, но изъ всѣхъ женщинъ эта подруга моего одиночества наиболѣе долго осталась въ памяти такою, какою я создалъ ее всесильной мечтою. Пусть жизнь сдѣлала ее впослѣдствіи самой простой смертной, но черезъ нее мнѣ было дано понять все глубину земного обожанія, и оно мнѣ дорого, какъ сильнѣйшее чувство въ моей груди. И какъ легко съ этимъ чувствомъ я ждалъ рѣшенія своей судьбы, и какъ смѣло выслушалъ извѣстіе, что мы должны будемъ въ ближайшихъ дняхъ быть вызваны въ судъ. Уже изъ Петропавловской крѣпости мои товарищи были перевезены въ Домъ предварительнаго заключенія, и, наконецъ, всѣхъ насъ выстроили въ рядъ по коридорамъ и повели подъ конвоемъ въ зданіе окружного суда.

О несчастіе! Я такъ хотѣлъ судебныхъ преній, публичности засѣданій и полнаго стенографическаго отчета. Между тѣмъ, залъ засѣданія былъ тѣсенъ, и насъ самихъ раздѣлили на группы, и большинство заключенныхъ выразило свое недовольство единодушнымъ нежеланіемъ присутствовать на судѣ. Мнѣ трудно было пристать къ товарищамъ, и мнѣ такъ хотѣлось проповѣди на судѣ; но большинство желало, чтобы насъ судили заочно, и женщины брали съ насъ въ томъ обѣщаніе, прежде чѣмъ мы были уведены изъ зала суда обратно въ казематы. Каждый изъ насъ имѣлъ объясненіе

съ г. первоприсутствующимъ на судѣ иногда въ формѣ рѣзкой, иногда въ смягченной. Помню, привели меня въ судъ, и, послѣ вопроса первоприсутствующаго о виновности, между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я приведенъ сюда изъ каземата силой и не желаю принимать участія въ разбирательствѣ дѣла, отказываюсь отъ защиты, свидѣтелей, вызванныхъ мною, и прошу отвести меня обратно въ тюрьму. Мотивировки моего поведенія я не желаю дѣлать и прошу меня удалить.

— Ваше заявленіе,—сказалъ первоприсутствующій,—не служитъ законнымъ основаніемъ для удаленія васъ.

— Я думаю, что подавать такой поводъ совершенно излишне, поэтому я настаиваю.

— Я васъ не вызываю на безпорядокъ, я только объявляю, что вамъ нѣтъ основанія удаляться.

— Я мотивировки моего поведенія не желаю дѣлать, но прошу меня отсюда удалить.

— На какомъ основаніи? Я безъ законнаго повода васъ удалить не могу.

— Я буду снова просить удалить меня. Мнѣ кажется, уже одна настойчивость въ данномъ мѣстѣ есть законный поводъ, и, я думаю, этого достаточно, чтобы удалить меня.

— Этого вовсе не достаточно.

— Самое препирательство мое съ вами есть уже незаконное дѣйствіе, и я думаю этого достаточно, чтобы удалить меня.

— Вы протестуете противъ дѣйствій суда?

— Я ничего не прибавлю къ тому, что уже было сказано моими товарищами, и еслибы что либо сказалъ, то это была бы чисто личная причина.

— Такъ какъ подсудимый настаиваетъ, удалите его.

Я былъ утѣшенъ за отказъ присутствовать на судѣ похвалою, которую получилъ черезъ своего защитника отъ милой мнѣ дѣвушки.

— Она довольна мною?—воскликнулъ я.

— Особенно довольна вами! Она знала, что вы не раздѣляли протеста и пристали къ нему изъ чувства товарищества. Она велѣла сказать, что это тронуло ее.

Послѣ этой многократно выраженной черезъ защитника мнѣ ласки, я равнодушно ждалъ своей участи, рѣшаемой въ мое отсутствіе на судѣ. Но вдругъ положеніе наше измѣнилось. Въ одну изъ ночей я услышалъ громкое щелканье замковъ въ коридорахъ и голоса заключенныхъ. Вскорѣ отперли дверь и моего каземата.

— Въ канцелярію пожалуйте,—сказалъ надзиратель.

— Что тамъ?

— Ничего не знаю... Двадцать человѣкъ вытребовали изъ казематовъ по списку.

— Куда? По какому списку?

— Я слышалъ, что составили списокъ въ канцеляріи... Одѣвайтесь скорѣе,—испуганно воскликнулъ онъ.—Помощникъ управляющаго идетъ.

Въ канцеляріи я засталъ многихъ моихъ товарищей, но никто изъ служащихъ ничего не отвѣчалъ на наши вопросы, и скоро появились среди насъ жандармы. На дворѣ ожидали насъ кареты. Помню, меня повезли съ товарищемъ вдоль Невы. Пока мы ѣхали и не знали куда, каждый дѣлалъ свои предположенія.

— Въ крѣпость везутъ, — тихо сказалъ, наконецъ, одинъ изъ жандармовъ.

— Въ крѣпость?! Неужели навсегда?—воскликнули мы.

— Этого намъ неизвѣстно, господа...

— Вотъ оно что... Да, въ крѣпость... Неву переѣзжаемъ. Это за нашъ протестъ на судѣ увозятъ самыхъ безпокойныхъ изъ «Дома предварительнаго заключенія»,—говорили мы и видѣли, какъ однѣ кареты съ заключенными спѣшили впередъ, а другія ѣхали сзади.

VII.

Второй разъ я попалъ въ Петропавловскую крѣпость, но ужъ безъ всякой надежды на гласный судъ и встрѣчу тамъ или на свободѣ съ дорогими мнѣ людьми. Кончался уже четвертый годъ моего пребыванія въ одиночномъ заключеніи... Дни потянулись опять однообразно за книгами и перестукиваніемъ въ полъ пятками ногъ. До крови изобьешь, бывало, и ходить становилось больно, а разговаривать иначе было нельзя. Въ это время мой благородный защитникъ обратился къ суду съ слѣдующей рѣчью:

— Мои кліенты отказались отъ защиты, но не отказались отъ защитника, а потому я долженъ выполнить возложенную на меня задачу. Я полагаю, что, еслибы они отказались и отъ защитника, то они могутъ взять назадъ свой отказъ, можетъ быть, и я могу убѣдить ихъ взять свой отказъ назадъ, а для этого я долженъ имѣть съ ними свиданіе. Между тѣмъ обстоятельства дѣла сложились такъ, что я не могу этого сдѣлать, потому что ночью ихъ изъ «Дома предварительнаго заключенія» въ числѣ 20 человѣкъ увезли въ крѣпость. Я тамъ былъ вчера. Не говоря уже о томъ, что меня не допустили по свидѣтельству, данному мнѣ на свиданіе въ «Домѣ предварительнаго заключенія», мнѣ объявили, что я не имѣю возможности и права являться вечеромъ, а такъ какъ я днемъ участвую въ судѣ, то выходитъ, что я не имѣю возможности видѣть моихъ кліентовъ. Поэтому я покорнѣйше прошу такъ или иначе дать мнѣ возможность видѣть подсудимыхъ и разговаривать съ ними.

Его просьба была уважена, и въ одно прекрасное утро меня позвали изъ тюрьмы въ особое рядомъ зданіе на свиданіе съ нимъ глазъ на глазъ безъ свидѣтелей.

О, сколько радости принесъ мнѣ въ этотъ день мой благородный защитникъ! Сердечный и мужественный братъ не на словахъ, а на дѣлѣ, тебѣ я обязанъ многими радостями въ послѣдніе дни моего пребыванія въ крѣпости и теперь, когда я вспоминаю, какъ мало ты былъ подготовленъ сочувствовать намъ, мнѣ тѣмъ дороже твои намъ услуги и память о тебѣ.

Въ слѣдующіе дни нашихъ свиданій мой защитникъ глядѣлъ печальнѣе, и намъ мѣшалъ свободно говорить постоянно мимо насъ проходившій и прислушивавшійся помощникъ коменданта крѣпости. Вдругъ, во второй разъ на день, позвали меня на свиданіе. Защитникъ былъ радостный и встрѣтилъ меня восклицаніемъ:

— Освобождена! Освобождена!—повторялъ онъ, потрясая мнѣ руки и заглядывая мнѣ прямо въ глаза.—Та, которую вы любите, освобождена до окончанія суда и отдана на поруки. Ей вмѣнятъ въ наказаніе ея продолжительный арестъ до суда...

— И она будетъ свободна? Она не умретъ здѣсь?

— Да, да! не умретъ... будетъ свободна. Успокойтесь... Эти слезы у васъ отъ радости.

— О, какъ я радъ!.. Какъ я радъ!—твердя безчисленное число разъ, перебивалъ я его.

— У меня есть письмо къ вамъ отъ нея... Осторожнѣй, не попадитесь.

Это нѣсколько привело меня въ себя, и я быстро пробѣжалъ его глазами. Она отвѣчала мнѣ на мою, безъ ея вѣдома, созрѣвшую любовь слѣдующими строками:

«Дорогой мой! Отъ души рада была бы отвѣтить тебѣ на твое чувство, но по несчастію не могу. Я питаю къ тебѣ самую искреннюю дружбу, безпредѣльную братскую любовь, и эти чувства къ тебѣ останутся всегда неизмѣнны. Гдѣ бы ты ни былъ, всегда обращайся ко мнѣ смѣло, если пожелаешь найти дружбу, совѣтъ и душевное успокоеніе. Я рада, что ты высказался. Судъ скоро кончится, къ тому времени тебя, вѣроятно, перевезутъ въ Литовскій замокъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Сибирь, и я буду ходить къ тебѣ на свиданіе. Увѣрена, что между нами установятся самыя дружескія отношенія въ ихъ чистомъ видѣ. Я бы очень хотѣла получить отвѣтъ на это письмо, который закрѣпитъ нашу дружбу. Я чувствую, что никто, кромѣ мужа, не могъ бы быть такъ близокъ ко мнѣ, какъ ты. Прощай, дорогой мой, братъ мой... А какъ прикажешь съ моей карточкой: прислать тебѣ или нѣтъ?».

Нужно ли говорить, что это письмо потрясло меня такъ же сильно, какъ и ея освобожденіе. Но къ скорби моей за отказъ присоединилось какое-то благородное чувство, которое лучше и прочнѣе

любви. Чувство взаимнаго довѣрія и почитанія внутренняго міра въ человѣкѣ связывало насъ крѣпче радостей любви и наслажденій. Склонившись головой на столъ, я старался успокоиться, а защитникъ деликатно вытянулъ изъ моихъ рукъ письмо и спряталъ его у себя.

— Сюда могутъ войти,—сказалъ онъ.—Я сохраню это письмо у себя, если оно дорого вамъ. Со временемъ вы возьмете его отъ меня.

— Милый! благодарю!—Слезы мѣшали мнѣ говорить.

Теперь, старику, мнѣ больно за эти слезы, пролитыя въ Петропавловской крѣпости. Много лѣтъ спустя, вслѣдствіе клеветы изъ-за угла и постыднаго уклоненія моихъ недруговъ отъ третейскаго суда или дуэли, мнѣ пришлось искать душевнаго утѣшенія именно у этой женщины, но у нея было достаточно и своихъ заботъ, и она не собралась отвѣтить мнѣ на мое письмо, и мое горе показалось ей мало мотивированнымъ. Нѣтъ, я неправъ въ своемъ гнѣвѣ: не ей ли я обязанъ лишнимъ доказательствомъ, что мужчина долженъ страдать одинъ и въ важныхъ моментахъ своей жизни не искать ни женскаго одобренія, ни женскаго осужденія? Вѣчная ей моя признательность за исчезновеніе очарованія на землѣ, связаннаго съ именемъ женщины!

Часы Петропавловской крѣпости безконечно долго били время съ обычнымъ перезвономъ, точно хоронили послѣднія мои иллюзіи. А защитникъ, подозрительно оглянувшись и видя меня успокоеннымъ, весело сказалъ:

— Есть другое письмо къ вамъ... Разверните обвинительный актъ и вложите въ него письмо.

Мы оба сѣли за столъ, и защитникъ вслухъ читалъ обвинительный актъ въ то время, какъ я жадно пробѣгалъ частное ко мнѣ письмо:

«Вчера, дорогой мой, я послала тебѣ письмо черезъ нашу почту, а сегодня уже пишу вторично. Ты знаешь, что я освобождена изъ-подъ стражи, но къ волѣ я отнеслась какъ-то тупо. Извѣстіе о ней меня порадовало, но только пока перемѣной обстановки, въ которой я устала отъ однообразія впечатлѣній,—порадовало еще и потому, что я надѣюсь видѣться съ тобой. Но представленія о свободной жизни во мнѣ уже не существовали. Извѣстіе о переводѣ въ крѣпость вызвало бы гораздо больше образныхъ представленій, чѣмъ извѣстіе о волѣ...».

Опять слезы потекли у меня изъ глазъ.

— Да,—думалось мнѣ:—мы такъ долго сидимъ въ одиночномъ заключеніи, что представленія о свободной жизни давно умерли, и новая крѣпость становится дороже всего на свѣтѣ.

Я съ трудомъ продолжалъ чтеніе письма.

«Но что всего страннѣе, что и самая перемѣна обстановки не произвела никакого особеннаго впечатлѣнія. Съ самаго перваго

часа свободной жизни, какъ я вступила въ нее, я вспоминаю прошлое и дорогихъ мнѣ людей, съ которыми столько времени дѣлила это скучное и однообразное прозябаніе. Грустно бываетъ иногда, тяжело... Вотъ, разболталась, скажешь ты... А между тѣмъ, видишь ли, голубчикъ, мнѣ совѣстно пользоваться своей свободой, когда васъ всѣхъ ночью похитили отъ насъ и опять замуровали въ крѣпость на долгіе годы. Я успокаиваю себя тѣмъ, что буду дѣлиться съ тобой всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, но помогай же и ты мнѣ успокаивать мою совѣсть и пиши мнѣ. Сосѣдямъ твоимъ одинъ и тотъ же привѣтъ, а тебѣ особо».

Я былъ совершенно разстроенъ этими двумя письмами и обо многомъ совсѣмъ забылъ разспросить защитника. А между тѣмъ онъ вскорѣ простился со мной и очень долго не пріѣзжалъ въ крѣпость. Вдругъ двери моего каземата однажды отперли какъ-то особенно поспѣшно, и самъ помощникъ коменданта пришелъ за мной.

— На свиданіе!—крикнулъ онъ и, видимо скрывая отъ меня новость, все время улыбался, пока я мѣнялъ свой арестантскій костюмъ на штатскій.

Мы прошли съ нимъ вмѣстѣ черезъ дворъ въ отдѣльное зданіе рядомъ съ тюрьмой, гдѣ всегда я видѣлся съ своимъ защитникомъ. Онъ оставилъ меня съ нимъ какъ-то дружелюбно и довѣрчиво.

— Да что такое?—воскликнулъ я, горячо сжимая руку защитника,—точно этотъ день и для него праздникъ.

— Вы не ошиблись, другъ мой. Ему пріятно, когда его заключенному привезутъ радость. По суду вы осуждены въ Сибирь, но постановлено ходатайствовать о вмѣненіи вамъ въ наказаніе вашего предварительнаго ареста. Завтра придетъ бумага объ освобожденіи васъ до окончательнаго утвержденія приговора... Ахъ, Господи, воды бы вамъ...

— Нѣтъ, не зовите!—простоналъ я, откидываясь на спинку дивана.—Горлу больно... Дышать трудно.

— Экій вы! Хуже барышни!—улыбаясь суетился около меня защитникъ, по мѣрѣ того, какъ блѣднота на моемъ исхудаломъ лицѣ проходила, и глаза мои засвѣтились счастьемъ.

— Неужели я свободенъ? Неужели? Вы не шутите? Я боюсь сойти съ ума за ночь.

— Не нервничайте... Это правда... Вредно такъ,—успокаивалъ онъ меня и самъ съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе и крѣпко сжималъ мнѣ руки.

— Да неужели это наканунѣ свободы?—спросилъ я.—Завтра я буду ходить по улицѣ среди людей, и никто за мной не погонится и не повезетъ меня въ тюрьму?

— Никто! Вы свободны. Уже состоялось постановленіе. Судьи снисходительно отнеслись...

— Ко всѣмъ?—перебилъ я, чувствуя вдругъ, что радость моя омрачена.

— Ходатайство о смягченіи приговора составлено обо всѣхъ, но неизвѣстно, будетъ ли оно уважено во всемъ составѣ или относительно немногихъ...

VIII

Еслибы мнѣ пришлось провести въ Петропавловской крѣпости не послѣднюю ночь, а двѣ-три такихъ, то я бы вышелъ безумнымъ или психически-больнымъ. Извѣстіе о предстоящемъ мнѣ завтра освобожденіи не только лишило меня сна, когда настала ночь, но я не могъ ни ходить въ маломъ пространствѣ каземата, ни тѣмъ болѣе сидѣть на тубаретѣ передъ маленькой жестяной лампочкой на деревянномъ столикѣ и читать старые журналы... А больше нечего было дѣлать, и я метался по каземату, то вскрикивая отъ радости, то въ отчаяніи отъ того, что этой ночи конца не будетъ, и я умру до утра.

Дежурный жандармъ доложилъ помощнику коменданта о безпокойномъ арестантѣ, и ко мнѣ хотѣли пригласить доктора.

— Положите холодный компрессъ на голову, наконецъ, если не хотите доктора,—совѣтовалъ помощникъ коменданта.

— Ахъ, оставьте,—жаловался я.—Зачѣмъ было ранѣе говорить мнѣ о волѣ? Вѣдь, я живу остатками силъ, а теперь еще полночи нѣтъ... Эти часы съ сіонскимъ напѣвомъ, этотъ похоронный бой... О, неужели завтра я буду уже въ другомъ мѣстѣ и увижу небеса, услышу вѣтеръ, улыбнуся лицомъ къ лицу въ яркія очи дорогой мнѣ дѣвушки и залюбуюсь вмѣстѣ съ ней миріадами звѣздъ надъ нами! О, хороша ты жизнь тому, кто чувствуетъ тебя... «Въ былинкахъ на землѣ»—подсказывали куранты на Петропавловскомъ соборѣ. Да, языкъ не можетъ изъяснить величія жизни, соглашался я съ ними, прислушиваясь къ тонкимъ звукамъ, разливающимся въ ночномъ воздухѣ вокругъ бастіоновъ. Далеко за полночь я сталъ нѣсколько покойнѣе и ухватился мысленно за первую идею, мелькнувшую передо мной.

Если величіе жизни «и на тронѣ» и въ «былинкахъ на землѣ», то нельзя ли служить ему при любой обстановкѣ на землѣ? Если это такъ, если любовь къ людямъ и міру прежде всего, то какъ легко отличить добрыя дѣла отъ злыхъ.

Мысли мои, однако, быстро переходили отъ философіи къ любимой дѣвушкѣ, и это уравновѣшивало мое возбужденное состояніе. Видѣть ее не слѣдуетъ мнѣ, рѣшилъ я наконецъ. Она или не полюбитъ меня, а ждать я не могу развитія этого чувства въ ней, или выйдетъ за меня замужъ безъ страсти, которая всегда сама изъ себя развивается, самое себя питаетъ независимо отъ достоинствъ или пороковъ человѣка. Въ такой страсти заключается гарантія любви, а другой мнѣ и не надо.

Я идеально смотрѣлъ на любовь и, не находя таковой въ дорогой мнѣ дѣвушкѣ, избѣгалъ на волѣ съ ней встрѣчъ, никогда

не забывая, какъ много я нашелъ въ ней, будучи въ казематахъ, и какъ много потерялъ по выходѣ изъ нихъ. Къ утру я все-таки не заснулъ, но уже покойнѣе ждалъ своей участи. Въ полдень заѣхалъ защитникъ и сказалъ, что бумага уже подписана обо мнѣ, но, вѣроятно, придетъ къ вечеру. Этотъ моментъ, наконецъ, насталъ—и какая радость: за мной пріѣхалъ мой товарищъ и прямо увезъ меня къ себѣ на квартиру.

Я вышелъ изъ Петропавловской крѣпости безъ всякаго житейскаго опыта и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ.

Свобода въ значительной степени облегчила мои страданія, когда я добровольно уклонялся отъ встрѣчи съ любимой дѣвушкой. Наконецъ, мои любовныя страданія должны были еще болѣе ослабнуть, когда я узналъ объ административныхъ высылкахъ моихъ товарищей, что ходатайство суда не уважено, и что я самъ принужденъ скрыться и жить «въ пространствѣ» нелегальнымъ.

Это тоже стоитъ вспомнить когда нибудь...

Какъ тюрьма, такъ и нелегальная жизнь мало содѣйствовали ознакомленію съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и нашихъ собственныхъ силъ. Съ преувеличеннымъ мнѣніемъ о самихъ себѣ и своихъ успѣхахъ, мы убывали изъ рядовъ одинъ за другимъ, и мнѣ предстояло сдѣлаться, наконецъ, эмигрантомъ, несмотря на сознаніе, что за границей я еще менѣе буду полезенъ родинѣ, и что необходимо сдѣлать попытку остаться дома на одномъ изъ поприщъ, могущихъ поглотить всѣ мои силы. Такимъ поприщемъ могла быть для меня русская литература, но для этого мнѣ нужно было вернуть настоящее мое имя и право жить въ Петербургѣ съ условіемъ, чтобы меня не тревожили допросами о томъ, какъ и гдѣ я жилъ нелегальнымъ.

Мнѣ было устроено свиданіе съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, въ восьмидесятыхъ годахъ всемогущимъ человѣкомъ. Ему я всецѣло обязанъ тѣмъ, что моя послѣдующая жизнь не была совершенно безполезна въ моемъ отечествѣ. Вступая въ общество подъ собственнымъ именемъ, уже совершенно взрослымъ человѣкомъ, я тѣмъ не менѣе плохо зналъ Россію и жизнь. Мнѣ приходилось начинать послѣднюю съ того момента, когда я впервые былъ арестованъ и на долгіе годы оторванъ отъ живой дѣйствительности тюрьмами и нелегальностью. Неудивительно, что послѣдующая жизнь была исполнена невѣдѣнія и ошибокъ! Но міръ отвлеченныхъ идеаловъ и страданій за нихъ давалъ настроеніе, съ которымъ не уживались корысть и злоба...

Вотъ почему этому міру отвлеченныхъ идеаловъ и любви къ благородству поступковъ въ человѣческой исторіи я обязанъ и лучшими чувствами во мнѣ, и до нѣкоторой степени отпущеніемъ грѣховъ, выпавшихъ на мою долю въ такомъ изобиліи...

А. Фаресовъ.

В. Н. КАРАЗИНЪ И КНЯЗЬ П. И. ТРУБЕЦКОЙ.

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» пищущимъ эти строки разсказана была исторія ареста въ 1820 году основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина, заточенія его въ Шлиссельбургскую крѣпость и ссылки въ деревню. Печатаемый ниже документъ можетъ служить до нѣкоторой степени иллюстраціей того положенія, въ какое попалъ Каразинъ послѣ этой своей опалы. Послѣ ареста въ 1820 году и шестимѣсячнаго заключенія въ Шлиссельбургѣ, Каразинъ былъ водворенъ въ своемъ Кручикѣ. Въ 1826 году ему было позволено выѣзжать въ Москву, а дабы обезопасить на будущее время высшее начальство отъ вмѣшательства Каразина въ общественныя и государственныя дѣла, съ него была взята подписка въ томъ, что онъ будетъ «воздерживаться отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго». Высшее начальство надѣялось при этомъ, что лѣта, а также и «собывшееся съ нимъ» успокоятъ, наконецъ, его пылкое вооображеніе. Надежда начальства оказалась, однако, неосновательной. Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку, пословица эта какъ нельзя лучше оправдалась и на Василіи Назарьевичѣ. Общественный дѣятель смолоду, онъ и до конца жизни остался общественнымъ дѣятелемъ. Разумѣется, лѣта и «собывшееся съ нимъ» повліяли на него замѣтно. Къ старости Каразинъ смирился, писемъ «въ собственныя руки его императорскаго величества» и даже къ министрамъ онъ уже не пишетъ, его интересы гораздо мельче и уже, но общественныя дѣла его все-таки интересуютъ попрежнему. На почвѣ инте-

реса къ общественнымъ дѣламъ основано и то столкновеніе между Каразинымъ и княземъ П. И. Трубецкимъ, память о которомъ осталась въ дѣлѣ архива канцеляріи харьковскаго гражданскаго губернатора, носящемъ названія: «Дѣло объ отобраніи подписки отъ с. с. Каразина, чтобы онъ не утруждалъ начальство посторонними бумагами» [1]).

Въ 1834 году, губернаторскую должность въ Харьковѣ занялъ прославленный покойнымъ Лѣсковымъ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой. Молодой администраторъ былъ человѣкъ пылкій, ревниво относившійся къ прерогативамъ губернаторской власти. Для него люди, дерзавшіе «смѣть свое сужденіе имѣть», были людьми во всѣхъ отношеніяхъ непріятными. А опальный Каразинъ дѣйствительно смѣлъ свое сужденіе имѣть, что и обнаружилось вскорѣ послѣ водворенія Трубецкого въ Харьковѣ.

Сидя въ своемъ Кручикѣ, лишенный возможности говорить и дѣйствовать, Каразинъ задумалъ издавать рукописный журналъ подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный». Журналъ, очевидно, былъ разсчитанъ на сосѣдей и знакомыхъ В. Н. Авторствовалъ въ немъ, полагать нужно, одинъ Каразинъ. Сколько №№ «Гражданина» было выпущено изъ кабинета В. Н., и каково было ихъ содержаніе,—мы не знаемъ, знаемъ только, что 2-й № этого журнала заключалъ въ себѣ кое-какія замѣчанія объ управленіи Харьковскою губерніей. Каразинъ имѣлъ неосторожность прислать этотъ № губернатору, результатомъ чего было слѣдующее предписаніе на имя богодуховскаго исправника Меранди:

«Помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда с. с. Каразинъ чрезъ почту прислалъ ко мнѣ второй № журнала, который онъ ведетъ письменно подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» и въ которомъ, вопреки истребованной отъ него, Каразина, подпискѣ, по распоряженію правительства отъ него отобранной, въ томъ, чтобы ему отнюдь не дозволять себѣ входить къ мѣстному начальству съ бумагами особаго содержанія, кромѣ только по собственнымъ его дѣламъ, онъ предоставляетъ себѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ дѣлать замѣчанія о моихъ распоряженіяхъ по управленію высочайше ввѣренной мнѣ губерніи. Къ прекращенію на будущее время таковыхъ дѣйствій со стороны г. Каразина, я предписываю вашему высокоблагородію, отправясь лично въ имѣніе помѣщика Каразина, объявить ему, чтобы впредь не осмѣливался доставлять ко мнѣ журналовъ или писемъ, подобныхъ вышеозначенному, для чтенія которыхъ, при исполненіи моей обязанности, не могу и не желаю безполезно терять время, при чемъ обязываетесь предупредить г. Каразина, что если и за силою вышеупомянутой данной имъ подписки онъ вновь станетъ утруждать меня бумагами, подобными

---

[1]) Архивъ харьковскаго губернскаго правленія 1834 года, № 4322.

послѣдне присланному имъ журналу, упустивъ въ семъ случаѣ и требуемое отъ него уваженіе ко мнѣ въ моемъ званіи начальника губерніи, то я не премину представить высшему начальству о поступленіи за сіе съ нимъ, какъ съ ослушникомъ законной власти, по всей строгости существующихъ постановленій. О исполненіи же сего обязываетесь мнѣ донести. 29-го марта 1834 года, гражданскій губернаторъ, князь Трубецкой».

Меранди поѣхалъ въ Кручикъ, объявилъ Каразину предписаніе начальства и отобралъ отъ него требуемую подписку, въ концѣ коей безпокойный владѣлецъ Кручика собственноручно подписалъ: «Сію и всякую предложенную мнѣ отъ начальства подписку охотно даю, никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступая отъ его предписаній. Статскій совѣтникъ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и кавалеръ, Василій Назарьевъ сынъ Каразинъ».

Это былъ тотъ періодъ въ жизни Каразина, когда его лягали и ослы.

Д. Миллеръ.

ОСТРОВЪ АНИКІЕВЪ.

МНОГО, много лѣтъ тому назадъ,—говоритъ мурманская легенда,—Цыпъ-Наволокъ былъ лучшимъ становищемъ Мурмана. Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ съ десятокъ колонистскихъ избъ да столько же пустыхъ факторій и амбаровъ (остатки процвѣтанія Цыпъ-Наволока въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ этого столѣтія), тамъ, въ былое время, ключемъ кипѣла жизнь. На берегу было тѣсно отъ множества лачужекъ, сложенныхъ изъ камней, а около ихъ массами копошились промышленники. Являясь сюда на лѣто для лова рыбы, эти промышленники долгое время были единственными хозяевами всего берега. Но вотъ, съ далекаго запада, изъ дебрей сѣверной Финъ-Мархіи, пришелъ страшный великанъ-богатырь, началъ обижать беззащитныхъ рыбаковъ и обложилъ данью каждый уловъ рыбы. Страшный и безобразный Аника, такъ звали великана, поселился на небольшомъ островѣ, не далѣе какъ въ верстѣ отъ становища рыбаковъ, и съ него наблюдалъ за пріѣзжавшими съ лова промышленниками. Отъ зоркаго глаза его не ускользало ни одно судно. Долго продолжалась эта тяжелая для рыбаковъ зависимость отъ богатыря, но однажды въ становищѣ появился юноша. Кто онъ былъ и откуда—никто не зналъ, и только стройный, высокій станъ, бѣлокурые волосы и смѣлый чистый взглядъ голубыхъ, какъ небо, глазъ говорили, что родина его далека отъ холодныхъ и туманныхъ береговъ Мурмана. Юноша скоро

сталъ любимцемъ становища, а по быстротѣ, съ какою онъ умѣлъ «наживлять» рыболовныя снасти, онъ слылъ первымъ «наживальщикомъ» по всему Мурману. Однажды, когда рыбаки вернулись съ моря, и юноша стоялъ у своей хижины, выжимая мокрыя вареги, къ нимъ подошелъ Аника, требуя съ нихъ обычную дань. При видѣ несправедливости и обидъ, какія чинилъ Аника беззащитнымъ рыбакамъ, лицо юноши омрачилось, и онъ въ присутствіи самого Аники запретилъ рыбакамъ исполнять требованія великана. Грозно, но презрительно взглянулъ на него Аника, и съ бо́льшею еще дерзостію началъ требовать онъ свою дань. Тутъ глаза юноши блеснули гнѣвомъ, и онъ съ такою силою стиснулъ въ своихъ рукахъ выжимаемыя имъ вареги, что онѣ перервались. Рыбаки увидѣли необычайную силу, какою обладалъ юноша, и это придало имъ смѣлости. Аника злобный ушелъ отъ нихъ на этотъ разъ съ пустыми руками. Чрезъ нѣкоторое время между Аникою и юношею состоялся поединокъ. У подножія высокой горы была расчищена небольшая въ видѣ круга площадка, и вотъ въ этомъ-то кругѣ, среди собравшейся толпы рыбаковъ и бился юноша съ великаномъ. Убивъ Анику, юноша тотчасъ же исчезъ, и никто больше его уже не видалъ».

Промышленники и поселившіеся въЦипъ-Наволокѣ колонисты-выходцы изъ Норвегіи, разсказывая эту легенду, до сихъ поръ показываютъ въ верстѣ отъ своихъ жилищъ, около самой горы, это мѣсто побоища, ровное, гладко вымощенное мелкимъ камнемъ и окруженное барьеромъ изъ такихъ же камней бо́льшаго размѣра. Нынѣ въ центрѣ этого круга видна яма: одинъ изъ колонистовъ передавалъ мнѣ, что какой-то ученый туристъ, по указанію отца этого колониста, дѣлалъ будто бы на этомъ мѣстѣ раскопку и нашелъ здѣсь кости Аники, при чемъ бедренная кость великана была будто бы длиною около четырехъ футъ. Насколько все это вѣрно, или, правильнѣе сказать, невѣрно, — вопросъ трудный, но только островъ, на которомъ жилъ Аника, до сихъ поръ называется «Аникіевымъ».

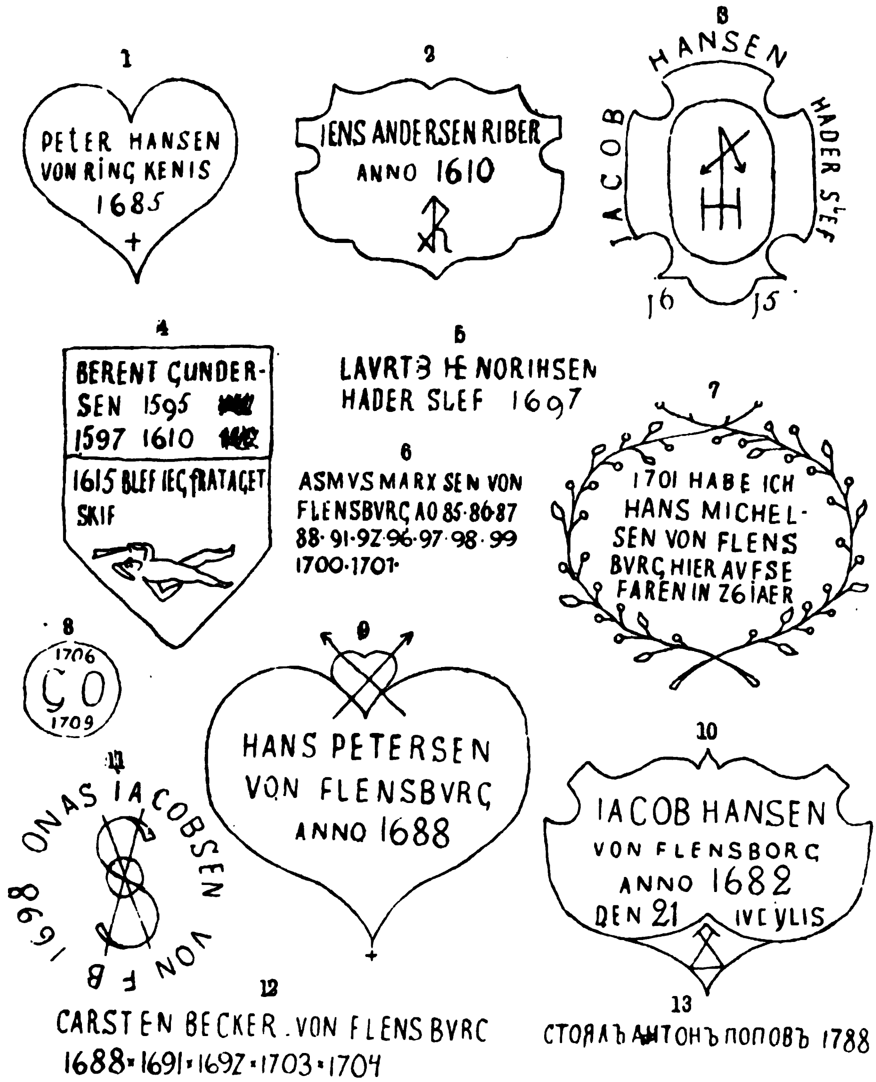
Этотъ мало кому извѣстный островокъ находится на западной сторонѣ Мурманскаго берега (то-есть, на западъ отъ Кольской губы), въ $1^1/_2$—2 верстахъ отъ колоніиЦипъ-Наволокъ, или «Подъ-Шея», и вмѣстѣ съ длиннымъ и узкимъ Ципъ-Наволоцкимъ мысомъ образуетъ восточную оконечность Рыбачьяго полуострова. Отъ материка онъ отдѣляется неглубокимъ (5—8 саж.) проливомъ, шириною около полуверсты. Въ этотъ проливъ со стороны материка впадаетъ небольшая рѣка, носящая тоже названіе «Аникіевки». Островъ, имѣя эллипсовидную форму, окружностью немного болѣе полуверсты, представляетъ собою, какъ бы отброшенныя сильною рукою отъ берега, скалы изъ темнаго песчаника, нептуническое происхожденіе котораго видно изъ его напластованности, вполнѣ замѣтной

на вывѣтрѣвшихъ отъ времени выступахъ. Мѣстами, свѣтлыми пятнами выдѣляются вкрапленныя въ песчаникъ глыбы красноватаго гранита. Во впадинахъ и расщелинахъ острова—множество «лягъ», или лужъ, съ застоявшеюся и въ большинствѣ случаевъ морскою водой, занесенною сюда въ видѣ брызгъ въ сильныя бури, когда нагоняемые сѣверо-восточнымъ вѣтромъ (по̀здѣшнему «полунощникъ») валы, или «взводни», едва не цѣликомъ перекатываются черезъ островокъ. Около лужъ—тощая травка. На сѣверной, самой возвышенной части островка, высится полуразрушенный временемъ, поставленный какимъ нибудь поморомъ-мореходомъ крестъ, а на южномъ и низменномъ концѣ—«гурій», небольшая башенка изъ камней.

Темныя скалы, образующія островъ, отвѣсно спускаясь въ море, у уровня воды, почти сплошь облѣплены известковыми щитками актиній, а «въ куйпогу», то-есть, во время отлива, островокъ кажется окаймленнымъ желтовато-бурымъ вѣнцомъ пузырчатаго фукуса. Подъ массою этихъ водорослей берегъ и дно сплошь усѣяны множествомъ разноцвѣтныхъ спиральныхъ и круглыхъ ракушекъ, издающихъ подъ ногою непріятный трескъ. Въ морѣ, около берега, также замѣтна своя особая жизнь: то промелькнетъ подъ водорослями и снова скроется, тихо перебираясь, оранжевая звѣзда, то шарообразный морской ежъ, усѣянный острыми иглами и едва примѣтный подъ водою, добывая невидимую пищу, вытянетъ свои нитеобразные, малиноваго цвѣта щупальцы, то внезапно выскочитъ, смѣшно сгибаясь и расшибаясь, снова скроется сѣрый копшакъ, а багряная, студенистая медуза, раздувая свои парусики и вытянувъ книзу или въ сторону свои хватательные органы, плавно подвигается и постепенно исчезаетъ гдѣ-то въ глубинѣ океана. Въ узкомъ проливѣ, противъ устья «Аникіевки», во множествѣ ловятся крупныя и жирныя камбалы и клюетъ пикшуй и мелкая треска. Дно залива къ Ципъ-Наволоцкому мысу усѣяно массою темносинихъ раковинъ, слизняки которыхъ служатъ лучшею наживкою при ловлѣ трески и особенно палтуса, и дорого цѣнится въ Норвегіи. Съ весны здѣсь часто показываются, привлекая сюда норвежскихъ китобоевъ, цѣлыя стада китовъ, и то тутъ, то тамъ вынырнетъ изъ воды, удивленно оглядываясь по сторонамъ, круглая голова «кожи» (гренландскій тюлень). А кругомъ острова на скалахъ и «лудахъ» стономъ стоитъ гамъ: тутъ и рѣзкій крикъ чайки, и хохотъ гагары, и пискъ кривка, и неумолкающій гомонъ прочихъ пернатыхъ.

Видъ съ островка прекрасенъ на всѣ четыре стороны. На юго-востокѣ чуть синѣетъ вдали и какъ будто виситъ въ воздухѣ—Кильдинъ, самый большой островъ Мурмана. Правѣе отъ него блеститъ на солнцѣ своими вершинами утесистый кольскій берегъ, прерываемый лишь Кольскою губой, кажущейся отсюда проливомъ, еще правѣе—мрачный, точно подернутый флеромъ, отвѣсный

Образцы надписей на островѣ Аникіевѣ.



Копировалъ съ натуры П. Пономаревъ.

гранитный берегъ Мотовскаго залива, скрывающагося за лежащимъ ближе мысомъ Сергѣевскимъ, а на западѣ взгромоздилась высокая, крутая къ югу и покатая на сѣверъ гора съ высокимъ «гурьемъ» на вершинѣ. Подъ этой горой, по берегу океана, раскинулась колонія «Ципъ-Наволокъ». Посѣтивъ восточную сторону нашего Мурмана, гдѣ въ своихъ сырыхъ, затхлыхъ и грязныхъ избахъ не жи-

вутъ, а лишь прозябаютъ (во всѣхъ смыслахъ) переселившіеся сюда поморы, съ какимъ удовольствіемъ смотришь на эти чистенькіе домики изъ толстыхъ досокъ, съ ихъ дерновыми и зеленѣющими высокою травою крышами! Расположенные около домовъ, прекрасно вычищенные, съ роскошною, по-здѣшнему, травою луга и самое населеніе колоніи здоровое, сытое, опрятное, наглядно свидѣтельствуютъ о трудолюбіи этихъ норвежцевъ и ихъ способности отлично себя чувствовать здѣсь.

Но не по одной только живописности видовъ замѣчателенъ островъ Аникіевъ. Этотъ незначительный островокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ «страничка изъ исторіи Мурмана». Для будущаго исторіографа Мурмана онъ можетъ оказать громадную услугу—на юго-восточной части островка, саженяхъ въ 15—20 отъ берега есть небольшая (около 4-хъ квадрат. саж.) квадратная площадка изъ мягкаго шифера, испещренная нѣмецкими, англійскими, датскими и голландскими надписями. До сихъ поръ между моряками, посѣщающими Ципъ-Наволокъ или Корабельную губу, лежащую верстахъ въ 4-хъ на юго-западъ, держится обычай посѣщать этотъ островокъ и вырѣзывать на плитѣ свое имя, названіе корабля и годъ посѣщенія. Нѣкоторыя изъ надписей украшены виньетками, изображеніемъ вѣнковъ или расположены на щитахъ и въ фигурахъ, подобныхъ дворянскимъ гербамъ. Образчики такихъ надписей изображены на прилагаемыхъ рисункахъ.

Изъ этихъ немногочисленныхъ образчиковъ можно уже видѣть, что еще триста лѣтъ тому назадъ и цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе посѣщенія Архангельска Петромъ Великимъ, вызвавшимъ сѣверный край къ жизни,—Мурманъ уже посѣщался иностранными кораблями и посѣщался не случайно какъ нибудь, а регулярно, съ вполнѣ опредѣленною цѣлью. Зачѣмъ именно приходили они сюда, какія выгоды извлекали мореходы изъ Мурмана,—можно рѣшить лишь полнымъ историческимъ разслѣдованіемъ, точкою опоры для котораго и могли бы послужить эти краткія надписи.

Однако уже изъ того, что Berent Gundersen былъ здѣсь шесть разъ (рис. 4), Asmus Marxsen почти подрядъ двѣнадцать разъ (рис. 5), а Hans Michelsen говоритъ, что онъ путешествовалъ сюда 26 лѣтъ (рис. 7), — можно заключить, что въ то время Мурманъ оправдывалъ надежды мореходовъ и служилъ дня нихъ прочнымъ источникомъ существованія. По многочисленности надписей, относящихся къ концу XV вѣка, къ началу и концу XVI и срединѣ XVII,— можно уже судить о кипучей дѣятельности, какая была здѣсь въ тѣ далекія времена, а громадное большинство надписей съ упоминаніемъ Flensburg'а говоритъ, что мореходы этого небольшого нѣмецкаго порта (Голштинія) играли въ Ципъ-Наволокѣ, а, можетъ быть, и по всему Мурману, значительную роль. Интересно отмѣтить, что русскія надписи начинаютъ попадаться только съ

средины XVII вѣка, и только одна кудреватая надпись «лѣта 7158 горевалъ Гришка Дудинъ» [1]) свидѣтельствуетъ, что русскiе посѣщали Ципъ-Наволокъ и въ XVI вѣкѣ. А какiя житейскiя драмы скрыты отъ насъ въ надписи Gundersen'a (рис. 4) «blex jeg fratаget skif» (у меня отняли корабль), или въ упомянутой выше надписи «Гришки Дудина»!

Къ сожалѣнiю, многiя надписи нынѣ попорчены, а нѣкоторыя можно разобрать лишь съ трудомъ. (Примѣръ такой порчи—неразборчивость цифръ въ двухъ датахъ Gundersen'a). Плита съ надписями не защищена ни отъ атмосферическихъ влiянiй и дѣйствiя воды, ни отъ безцѣльной порчи дѣтьми—«зуйками» и даже взрослыми, почему точная скопировка всѣхъ надписей была бы чрезвычайно желательною, особенно въ настоящее время, когда все касающееся прошлаго Мурмана, вступившаго наконецъ въ стадiю развитiя, должно имѣть свою цѣну...

П. Ф. Пономаревъ.

[1]) Этой надписи при посѣщенiи острова Аникiева лѣтомъ 1899 года мною не найдено.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ [1].

XLIV.

Въ новомъ званіи поселенца.—Упадокъ состоянія духа.—Извѣстіе о пріѣздѣ генералъ-губернатора.—Встрѣча барона Корфа въ Рыковскомъ.—Пріѣздъ Н. И. Гродекова.— Сахалинскіе флаги.— Простота обстановки генерала. — Его путешествіе по селеніямъ округа.—Подача прошеній.—Недовольство чиновниковъ.

ВРЕМЯ ИДЕТЪ безостановочно. Борешься съ днями... Глядишь, ихъ набралось уже мѣсяцы и годы! Потихоньку подкрался и срокъ моей каторги. Потому ли, что ожиданіе этого момента было такъ долго, или потому, что новое званіе поселенца почти не измѣняло моего внѣшняго положенія, я не особенно радовался. Новое званіе даже было хуже прежняго въ матеріальномъ отношеніи: мнѣ перестали выдавать пищевой паекъ (1 пудъ 27 фунтовъ муки, 12½ фунтовъ мяса и 5 фунтовъ крупы), который полагается ссыльно-каторжному, а вмѣстѣ съ тѣмъ—обувь и сукно для одежды. Я попрежнему былъ лишенъ свободы передвиженія, а главное—не имѣлъ права выѣзда на материкъ: надо еще потерпѣть неопредѣленное число лѣтъ на Сахалинѣ. Ожиданіе чего-то новаго какъ будто еще ярче подчеркнуло всѣ невзгоды ссыльной жизни. Послѣдніе годы были особенно тяжелы потерею многихъ близкихъ людей. Оставшіеся мои товарищи тоже ослабѣли духомъ и сильно изнервничались. Интересъ ко всему сахалинскому сталъ замѣтно ослабѣ-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 550.

вать. Да и общій фонъ жизни Тымовскаго округа въ эти годы омрачался частыми убійствами и самоубійствами.

Стало всѣмъ тяжело, душно. Послѣ инфлюенціи, измучившей лѣтомъ 1893 года поголовно все населеніе Рыковскаго, настало какое-то нравственное угнетеніе, духовная инфлюенція... Чувствовалась нужда въ сильномъ дуновеніи свѣжаго воздуха извнѣ, чтобы разогнать скопившіяся испаренія этого невылазнаго болота—каторжной сахалинской жизни.

Такимъ свѣжимъ воздухомъ пахнуло извѣстіе о пріѣздѣ къ намъ помощника пріамурскаго генералъ-губернатора, Н. И. Гродекова.

Начальство засуетилось и стало готовиться къ пріему важнаго гостя. Всѣмъ еще памятно было посѣщеніе Сахалина покойнымъ генералъ-губернаторомъ, барономъ Н. А. Корфомъ. Это былъ настоящій праздникъ для всѣхъ. Къ намъ, въ Рыковское селеніе, онъ пріѣхалъ въ ясный, теплый іюльскій день. Поселенцы и бабы съ ребятами въ яркихъ ситцахъ двумя огромными толпами обступили спеціально построенныя для гостя тріумфальныя ворота—высокую деревянную арку, украшенную зеленью. Здѣсь барона встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью благообразный поселенецъ и сказалъ отъ лица всего ссыльнаго общества краткую рѣчь [1]), въ отвѣтъ на которую Николай Андреевичъ поспѣшилъ поздравить его съ крестьянскимъ званіемъ. Затѣмъ, принявъ почетный караулъ отъ мѣстной команды, онъ сталъ бесѣдовать съ поселенцами. Частныхъ просьбъ почти не было. Говорили объ общихъ нуждахъ и главнымъ образомъ—объ условіяхъ здѣшняго хлѣбопашества. Если и раздавались жалобы, то только по адресу погоды.

Послѣ небольшого отдыха, барону и его многочисленной свитѣ стали показывать тюремное хозяйство по извѣстной программѣ. Все, конечно, расхваливалось, все награждалось. Настроеніе у чиновниковъ было самое праздничное, веселое, довольное.

Полагали встрѣтить такимъ же образомъ и новаго генералъ-губернатора. Опять стали соображать объ устройствѣ тріумфальной

---

[1]) Вотъ она дословно:

«Ваше высокопревосходительство!

«Нерадостная судьба наша заставляетъ позабыть свою родину, свое происхожденіе и поселиться на краю свѣта, среди непроходимыхъ лѣсовъ. Богъ помогъ намъ. Въ короткое время построили дома, очистили долину подъ поля и луга, развели скотъ, воздвигли храмъ, и, вы сами теперь видите, здѣсь Русью пахнетъ. Но, скрываясь за горами и лѣсами отъ людей, мы и думать не смѣли, чтобы посѣтилъ насъ, когда-то отверженныхъ отъ общества, кто нибудь изъ высокопоставленныхъ въ Русскомъ государствѣ. Господь увидѣлъ наше смиреніе,—и вотъ ваша нога первая вступила со властью и покровительствомъ царя, съ милостью и вниманіемъ отца страны преступныхъ изгнанниковъ. Ваше высокопревосходительство! Радостно встрѣчаемъ васъ! Радуемся надеждою, что вы оставите намъ по себѣ память своимъ вниманіемъ къ нашимъ нуждамъ и просьбамъ и не погнушаетесь нашею деревенскою встрѣчею съ хлѣбомъ и солью».

арки, опять заказали рѣзчику дорогое блюдо для подношенія хлѣба-соли, нашили множество новыхъ флаговъ... какъ вдругъ извѣщеніе: по желанію генерала, никакихъ арокъ, подношеній и вообще парадной встрѣчи не дѣлать.

Раннею весною, 29-го апрѣля Н. И. Гродековъ пріѣхалъ въ Рыковское. Въ сопровожденіи небольшой свиты онъ быстро подкатилъ къ толпѣ поселенцевъ, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль (рѣзного блюда не принялъ) и тотчасъ направился въ тюрьму, а оттуда въ лазаретъ.

Увидя вывѣшенные флаги изъ бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ полосъ (синяя бумажная матерія была настолько темна, что издали казалась совершенно черною), Н. И. Гродековъ спросилъ начальника округа:

— Эти флаги какого государства?

Смущенный начальникъ ничего не могъ отвѣтить на вопросъ и обѣщалъ перешить ихъ.

Меня тоже возмущали эти «сахалинскіе» флаги. Еще до пріѣзда генерала, я попробовалъ замѣтить окружному начальнику, что въ русскомъ флагѣ синяя полоса находится въ серединѣ, а не съ краю, но тогда простодушный начальникъ не придавалъ большого значенія порядку полосъ.

Бутаковъ приготовилъ помѣщеніе для Н. И. Гродекова въ своемъ домѣ, но генералъ, какъ настоящій ревизоръ, отклонилъ и это предложеніе и попросилъ себѣ какую нибудь свободную избу. Ему указали на недавно построенную обширную школу. Въ ней онъ помѣстился со своимъ единственнымъ слугою, который былъ для него всѣмъ: и лакеемъ, и поваромъ.

Такая простота жизни озадачила рыковскихъ чиновниковъ, но на другой день имъ пришлось еще болѣе удивляться, когда генералъ изъявилъ желаніе ѣхать на Оноръ.

— Туда ѣхать нельзя теперь, — замѣчаетъ ему начальникъ округа.—Недавно снѣгъ стаялъ, а потому рѣки вышли изъ береговъ, да и мокрыя мѣста еще не просохли.

— А поселенцы? Ходятъ же они какъ нибудь?

— Да; но они пробираются по вязкой дорогѣ пѣшкомъ, и мѣстами имъ приходится мѣсить грязь по колѣно и выше.

— Дойдемъ и мы!

Генералъ-губернаторъ быстро собрался и поѣхалъ въ тарантасѣ въ селеніе Палево и далѣе по новой дорогѣ, насколько это было возможно.

Это путешествіе вышло совсѣмъ внѣ программы живыхъ картинъ благосостояніи Тымовскаго округа. По дорогѣ очамъ генерала представились несчастныя новыя селенія во всемъ ихъ ужасающемъ видѣ. Среди тощихъ лиственницъ кое-гдѣ торчали бѣдныя лачужки. Небольшая кучка понурыхъ поселенцевъ робкимъ голо-



Группа каторжныхъ на работѣ.

сомъ попробовала было говорить о погибшей «картошкѣ», которую они сажали въ холодную тундристую землю...

Жалкая нищета! Эти насильственно насажденныя селенія на безплодной почвѣ, разные Тауланы и Далдаганы, въ настоящее время по распоряженію высшаго начальства покинуты и вычеркнуты изъ списковъ.

Скрѣпя сердце, генералъ побрелъ дальше по болотистой землѣ на Оноръ.

При выѣздѣ изъ Рыковскаго, начальникъ округа надѣялся, что Н. И. Гродековъ остановится предъ трудностью многоверстнаго пути по непросохшей дорогѣ; но энергичный генералъ, котораго не могли остановить безплодныя степи Средней Азіи, упорно подвигался впередъ все дальше и дальше.

Начальникъ округа окончательно упалъ духомъ. И было отчего! Онъ зналъ, что дальше раскроются еще болѣе грустныя картины.

Н. И. Гродековъ и на Онорѣ остановился въ простой избѣ поселенца, а не у страшныхъ надзирателей, создавшихъ «онорское дѣло». Всѣ ссыльные имѣли свободный доступъ къ генералу и откровенно поразсказали ему о своихъ невзгодахъ.

На другой день поздно вечеромъ генералъ вернулся въ Рыковское. Какъ видно, онъ хотѣлъ основательно познакомиться съ Тымовскимъ округомъ, потому что утромъ уже опять покатилъ съ Бутаковымъ по долинѣ рѣки Тыми на сѣверъ. Въ этой сторонѣ селенія Дербинское, Воскресенское, Усково и другія были расположены болѣе удачно: обширные луга вперемежку съ красивыми рощами и пашнями до нѣкоторой степени примиряли съ этими деревушками пріѣзжаго человѣка изъ Россіи.

Казалось бы, генералъ все обозрѣлъ въ округѣ, но онъ и не думаетъ объ отъѣздѣ. Онъ хочетъ узнать всю изнанку здѣшней жизни и не по малоговорящимъ бумагамъ канцеляріи, а отъ самой дѣйствительности. И вотъ онъ гостепріимно раскрываетъ двери своего обширнаго помѣщенія въ школѣ для всѣхъ желающихъ съ нимъ поговорить. Это былъ истинный праздникъ ссыльныхъ Сахалина! Съ утра до вечера одна толпа просителей смѣняла другую. И мужчины, и женщины, ссыльные и свободнаго состоянія, всѣ обрадовались случаю разсказать свою нужду и подать прошенія. Кто просилъ увеличить размѣръ кормовыхъ денегъ для дѣтей, кто о перечисленіи въ крестьяне, а кто подавалъ прошеніе о помилованіи на высочайшее имя. Но чаще всего встрѣчалась просьба поселенцевъ о примѣненіи къ нимъ послѣдняго манифеста, по которому они получили бы званіе крестьянина съ правомъ выѣзда на материкъ.

Генералъ терпѣливо выслушивалъ каждаго просителя, быстро дѣлалъ вѣрную оцѣнку и не медлилъ рѣшеніемъ. Его помощники, капитанъ С. Г. Леонтовичъ и прикомандированный чиновникъ

А. А. Куломзинъ, работали днемъ и ночью, едва успѣвая разобраться въ массѣ накопившихся дѣлъ. Весь грамотный людъ въ округѣ былъ занятъ составленіемъ прошеній для поселенцевъ. Меня тоже упрашивали написать знакомые и незнакомые.

По какому-то поводу мнѣ надо было взять справку въ полицейскомъ управленіи. Всегда вѣжливый и любезный со мной чиновникъ Б — хъ вдругъ грубо дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, зачѣмъ я пишу прошенія для поселенцевъ. Не желая скрывать или дѣлать что либо тайно, я обратился къ начальнику округа.

— Да, правда,—сказалъ онъ мнѣ: — незачѣмъ имъ писать, потому что будутъ общія положенія о перечисленіи всѣхъ поселенцевъ въ крестьяне.

Это было сказано такимъ упавшимъ и въ то же время груcтнымъ голосомъ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать:

— Восемь лѣтъ я былъ старательнымъ служакой. По распоряженію начальства, иногда съ болью въ сердцѣ, я твердо удерживалъ массу поселенцевъ отъ выѣзда изъ Сахалина. И вотъ съ этимъ несчастнымъ онорскимъ дѣломъ я теперь сильно упалъ во мнѣніи генерала, и чужіе грѣхи приписываютъ одному лишь мнѣ.

XLV.

Моя встрѣча съ генераломъ Гродековымъ.—Ложный слухъ о нашемъ родствѣ.—Золотая Ручка.—Исповѣдь съ слезными рыданіями.—Энергія генерала.—Рыковское подъ русскимъ флагомъ.—Воскресеніе мертвыхъ.—Прощальная рѣчь Н. И. Гродекова.—Просьба старухи Марьи.

На пятый день своего пребыванія въ Рыковскомъ, генералъ Гродековъ неожиданно приходитъ ко мнѣ на домъ осмотрѣть метеорологическую станцію. Поговоривъ немного о погодѣ, онъ просилъ меня написать для него краткую характеристику климата здѣшней долины и ушелъ.

Это посѣщеніе вызвало немалое удивленіе среди поселенцевъ, которые смотрѣли на мой домъ, не какъ на офиціальное учрежденіе, а исключительно какъ на жилое помѣщеніе, данное мнѣ отъ казны.

— Генералъ,—говорили они,—не былъ ни у начальника округа, ни у смотрителя, а къ нему, поселенцу, пошелъ. Это не спроста! Не иначе, онъ родственникъ ему, или они раньше служили вмѣстѣ...

Эта вѣсть быстро распространилась по селенію. Ссыльные еще болѣе стали осаждать меня просьбами—походатайствовать за нихъ у генерала.

Дня черезъ два послѣ моего свиданія съ Н. И. Гродековымъ, приходитъ ко мнѣ принарядившаяся женщина еврейскаго типа, съ сильно раскрашенными щеками.

Я не узналъ ея, но она сама поспѣшила рекомендоваться:

— Блюфштейнъ. Меня называютъ здѣсь «Золотою Ручкою», но это несправедливо: настоящая Золотая Ручка въ Одессѣ, а меня ложно выдали подъ этимъ именемъ.

И вдругъ заплакала.

Я поспѣшилъ предложить ей стулъ.

— Чѣмъ я могу вамъ служить?—спрашиваю ее.

Ничего не отвѣчая, она сидитъ и плачетъ.

Издали мнѣ часто приходилось видѣть эту пресловутую «Золотую Ручку» въ сопровожденіи ссыльнаго Богданова, тоже въ своемъ родѣ сахалинской знаменитости за свои преступныя продѣлки. Эта парочка, всегда возбуждая во мнѣ непріятное чувство, свободно разгуливала по селенію и разными незаконными путями эксплуатировала здѣшнихъ простаковъ. Только теперь я имѣлъ возможность поближе разсмотрѣть эту женщину.

Еслибы Софья Блюфштейнъ захотѣла, она легко могла найти себѣ здѣсь пособниковъ на всякое преступное предпріятіе. Не знаю, насколько справедливо, но народная молва въ Александровскомъ посту нѣсколько случаевъ крупнаго воровства называетъ дѣломъ ея «золотыхъ ручекъ». Послѣ ея вторичной попытки бѣжать съ каторги, ее наказали и перевели за Пилингскій хребетъ въ нашъ Тымовскій округъ.

— Можетъ быть, вы желаете, чтобы я написалъ для васъ прошеніе?—снова ее спрашиваю.

Она отрицательно мотнула головой и продолжала плакать. Я совершенно растерялся предъ такимъ обильнымъ потокомъ слезъ. Вперемежку съ рыданіями она, наконецъ, подробно стала разсказывать, какъ въ Александровскѣ заковали ее по рукамъ и ногамъ въ кандалы, какъ съ ней грубо обращались и звѣрски наказали ее розгами...

Выслушавъ ея грустную исповѣдь, я все же недоумѣвалъ: что ей надо отъ меня?

Не отвѣчая прямо на мой вопросъ, она стала жаловаться на начальника Тымовскаго округа.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ я ей, — начальникъ, напротивъ, относится къ вамъ слишкомъ снисходительно. Ему, напримѣръ, извѣстно, что вы сдѣлали изъ своего дома шинокъ, и однако онъ смотритъ на это сквозь пальцы. И еслибы вы продавали одну чистую водку, а то вѣдь у васъ какое-то особенное пиво съ дурманомъ. Какъ стаканъ выпьешь, говорятъ, такъ цѣлый день въ головѣ точно гвоздь сидитъ.



Селеніе Оноръ на Сахалинѣ.

— Ахъ, что вы?! что вы?! Я вамъ принесу сейчасъ. Вы сами увидите, что вамъ неправду сказали.

— Нѣтъ, благодарю! Мой сторожъ попробовалъ выпить у стаканъ пива, да потомъ всю ночь промучился съ страшною ною болью... Если вы не желаете, чтобы я вамъ написалъ ніе, то что же вы хотите отъ меня?

— Говорятъ, вы родственникъ генералу... Не скажете ли за меня нѣсколько словъ?..

Пришлось ее разочаровать, какъ и многихъ другихъ ссыль приходившихъ съ подобными просьбами.

Тюремные чиновники пытались было остановить свобод женіе народа къ генералу, пробовали вмѣшаться въ откровенные разсказы поселенцевъ, но то и другое имъ не Н. И. Гродековъ категорически попросилъ ихъ не мѣшать слушать всѣ просьбы ссыльныхъ.

Насъ поражала энергія генерала: неусыпно работая весь онъ мало отдыхалъ и ночью. Между прочимъ, онъ попросилъ смотрѣть «онорское дѣло» въ изложеніи Д. С. Климова. описаніе надзирательскихъ звѣрствъ ужаснуло его. Да, это видно и по лицамъ тюремныхъ чиновниковъ. Начальникъ и смотритель тюрьмы до того растерялись, что вдругъ ни съ ни съ сего публично на площади въ присутствіи самого стали громко обвинять другъ друга. Эта уличная сцена запечатлѣлась въ моей памяти. Еще недѣлю тому назадъ это сахалинскіе князья, передъ которыми трепетали безправные каторги. А теперь они сами потеряли изъ-подъ ногъ почву ствуютъ себя жалкими, несчастными, осужденными и безсиль

Наступилъ праздникъ 6-го мая. Рыковское селеніе лось флагами. На этотъ разъ они были настоящіе русскіе.

— Вотъ оно, когда наступило у насъ Русское царство!— восклицали поселенцы. И имъ было отъ чего ликовать. До поръ въ глазахъ начальства они считались, за малымъ ніемъ, какъ мертвые на кладбищѣ.

— Съ погоста не возвращаютъ!—сурово говорили имъ.

Нуженъ былъ въ своемъ родѣ властный мессія, который шелъ бы въ этотъ сахалинскій адъ и воскресилъ обреченны вѣчную смерть.

Долго его ждали ссыльные. Многіе сѣдовласые старцы, поселенцами болѣе десяти лѣтъ, такъ и не дождались своего вителя. И дѣйствительно, они навсегда упокоили свои кост здѣшнемъ погостѣ. И вотъ вдругъ является человѣкъ, который даетъ имъ надежду уже тѣмъ только, что принимаетъ ихъ прошенія.

— Ну, слава Богу,—говорилъ забытый народъ,—и мы еще свѣтъ увидимъ!..



Золотая Ручка (Софья Блюфштейнъ).

Простившись очень тепло съ поселенцами, Н. И. Гродековъ подошелъ къ чиновникамъ и сказалъ имъ:

— Ошибки, недосмотры, промахи—все это можно простить; но у васъ, господа, сердца нѣтъ! сердца нѣтъ!..

По отъѣздѣ генерала наступило удивительное затишье въ Онорѣ. По утрамъ не было слышно ни криковъ, ни плача наказываемыхъ, и даже кобылу съ розгами убрали, хотя по этому поводу не было свыше никакого распоряженія. Голоса чиновниковъ и надзирателей не были такъ громки и дерзки. У всѣхъ стоялъ вопросъ:

— Что-то скажетъ главное начальство въ Хабаровкѣ?..

Плетется ко мнѣ маленькая старушка, но еще бодрая, выносливая.

— Здравствуйте, Марьюшка! Что скажете?

— Да слышала, что будутъ пускать насъ съ Сахалина. А у меня дочка есть. Пріѣзжай, говоритъ, маменька, ко мнѣ: я теперь замужемъ, живу хорошо. И вотъ мнѣ захотѣлось къ дочкѣ. Хоть до смерти посмотрѣть, какъ она тамъ, голубушка.... Пожалуйста,—кланяется мнѣ старуха,—напишите генералу прошеньице!

— Опоздала, Марьюшка: онъ уѣхалъ. Да теперь все равно: васъ и безъ прошенія отпустятъ. Вѣдь вы, поди, лѣтъ десять, какъ считаетесь поселенкой?

— Больше, больше! Я ужъ и счетъ потеряла.

Проходитъ послѣ отъѣзда генерала мѣсяцъ, другой, третій, а о какихъ либо общихъ распоряженіяхъ о перечисленіи поселенцевъ въ крестьяне ничего не слышно. Только и приказано было ускорить слѣдствіе по «онорскому дѣлу».

Вѣроятно, распространившаяся молва въ Россіи и за границей объ онорскихъ звѣрствахъ заставила въ это же время пріѣхать еще другихъ начальниковъ.

На этотъ разъ старуха Марья не прозѣвала одному изъ нихъ подать свое прошеніе. Вернулась ко мнѣ вся сіяющая, довольная.

— Ну, что,—спрашиваю ее,—принялъ прошеніе?

— Принялъ, принялъ... Да, какой же онъ хорошій да ласковый! Тебѣ, спрашиваетъ, бабушка, зачѣмъ на старости лѣтъ двигаться отсюда?—Да какъ же не хотѣть, говорю я ему: тутъ я одна, а тамъ у меня дочка родная. Все же упокоитъ меня, старуху, да и похоронитъ, Богъ дастъ, какъ слѣдуетъ быть.—Ну, хорошо, хорошо, говоритъ. Такой ласковый, пріятный генералъ!..

— А прошеніе-то ваше принялъ онъ? Передалъ адъютанту?

— Бумагу-то мою? Взялъ. Взялъ ее въ свои ручки, да вотъ этакъ, вотъ этакъ, пока говорилъ со мною, все и комкалъ; а потомъ положилъ комочекъ въ свой карманъ и говоритъ мнѣ: хорошо, бабушка, иди! Какъ же принялъ, принялъ!

O sancta simplicitas!—подумалъ я.

Все остальное время, пока я былъ на Сахалинѣ, Марья поджидала отвѣта на свое прошеніе, которое такъ ласково было принято. Дождалась ли она его и уѣхала ли къ своей дочери, или до сихъ поръ продолжаетъ читать сорокоусты по сахалинскимъ покойникамъ, какъ это она дѣлала раньше въ продолженіе десяти лѣтъ,— мнѣ неизвѣстно.

XLVI.

Поселенка Елизавета К.—Пріѣздъ ея дочери изъ Россіи.—Разсказъ Маши о своемъ путешествіи.—Сватанье жениховъ.—Сожительство съ рабочимъ.—Жертва ревности.—Болѣзнь Маши.—Разрывъ сожительства.

Другая рыковская поселенка, Елизавета К., распорядилась не такъ, какъ старушка Марья. Безпокоясь о судьбѣ оставшейся въ Московской губерніи взрослой дочери, она надумала пригласить ее на Сахалинъ и здѣсь выдать замужъ за надзирателя или вообще за «хорошаго» человѣка.

Елизавета приходитъ ко мнѣ посовѣтоваться.

— Моя Маша,—разсказывала она,—все время, какъ меня увезли на Сахалинъ, живетъ въ услуженіи по чужимъ людямъ. Теперь ей пошелъ девятнадцатый годъ. Кто ее тамъ убережетъ? Вотъ еслибы здѣсь со мной жила, долго не засидѣлась бы въ дѣвкахъ: здѣсь невѣстъ хорошихъ мало. Только не знаю, можно ли мнѣ выписать ее сюда на казенный счетъ?

— Если дочь ваша согласна пріѣхать на Сахалинъ, то можно.

Я боялся отговорить Елизавету отъ ея намѣреній. Она, думаю, сама прекрасно знаетъ условія здѣшней жизни. Это правда, на Сахалинѣ мало женщинъ, и скромная дѣвушка можетъ вполнѣ разсчитывать на хорошую партію, потому что нѣкоторые тюремные чиновники и интеллигентные ссыльные сдѣлали простыхъ каторжныхъ бабъ не только сожительницами, но и законными женами. Наконецъ, надо принять и то во вниманіе, что если взрослая грамотная дѣвушка согласна ѣхать къ каторжнымъ на Сахалинъ, то, вѣроятно, ей несладко живется въ Москвѣ.

Я написалъ необходимыя бумаги и разсказалъ Елизаветѣ, что надо сдѣлать.

Мое прошеніе увѣнчалось неожиданнымъ успѣхомъ. Съ первымъ пароходомъ изъ Одессы съ ссыльными, Маша прибыла въ Александровскій постъ. Вмѣстѣ съ вновь прибывшими каторжными женщинами заключили и ее на нѣсколько дней въ карантинъ. Мать, какъ только услышала о прибытіи Маши, сейчасъ же поѣхала

встрѣчать ее въ сахалинскую столицу и вскорѣ вернулась съ нею въ Рыковское. Первый визитъ ихъ былъ ко мнѣ.

Я полагалъ, что Маша болѣзненная или некрасивая женщина, которая въ отчаяніи за свою судьбу рискнула искать счастья за тридевять земель у каторжныхъ; но, къ моему удивленію, она оказалась очень миловидною, живою дѣвушкою, съ полными розовыми щеками. Взвинченная массою новыхъ впечатлѣній по дорогѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, она съ жаромъ принялась мнѣ разсказывать о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы, о путешествіи по «арапскимъ», индѣйскимъ и китайскимъ странамъ, о прибытіи на Сахалинъ и про свою жизнь въ карантинномъ сараѣ.

— Меня всѣ уговаривали не ѣхать на Сахалинъ. Стращали меня, что здѣсь и холодъ непомѣрный, и ѣсть-то здѣсь нечего, и каторжные-то меня погубятъ... Пугали и дорогою по морю. Пришла къ приставу, и тотъ отговариваетъ меня. Ужъ я вамъ и сказать не знаю, какъ я рѣшилась ѣхать такую даль. Въ Москвѣ исповѣдывалась, причащалась, а пріѣхала въ Одессу—снова пошла къ священнику исповѣдываться, чтобы не осталось ни одного грѣшочка. Мнѣ говорили, что грѣшный человѣкъ не можетъ переѣхать моря. А какъ пріѣхала на Сахалинъ,—жениховъ здѣсь... отбою нѣтъ!

— Съ женихами-то вы не торопитесь,—замѣчаю я ей.—Поживете, поприглядитесь къ здѣшнему народу, тогда вамъ и разсказывать не надо будетъ: сами все узнаете.

Но не прошло недѣли, какъ Елизавета опять приходитъ ко мнѣ со своею дочкою. Маша—попрежнему сіяющая.

— Посовѣтоваться пришли,—торжественно заявляетъ мать.—Сватается много жениховъ, и одинъ очень понравился Машѣ, да я боюсь ее отдать ему: пьяница! Я-то хотѣла, чтобы она вышла за ключника при складѣ съ провизіей. Вы не слышали про него?

— Нѣтъ, не знаю.

— На хорошей ваканціи человѣкъ и доходы большіе... Недавно домъ купилъ здѣсь, въ Рыковскомъ. И не пьющій. Только... Ужъ не знаю, какъ вы посовѣтуете. Онъ не можетъ сейчасъ вѣнчаться: у него срокъ черезъ три мѣсяца [1]). Какъ вы скажете?

— Подождите три мѣсяца. Немного! А тѣмъ временемъ лучше узнаете, что̀ онъ за человѣкъ.

— Мы-то согласны подождать, да онъ не хочетъ. Или сейчасъ иди къ нему, или онъ другую возьметъ. Мнѣ, говоритъ, надо на

---

[1]) По закону каторжный имѣетъ право жениться, когда онъ поступитъ въ разрядъ исправляющихся, и то спустя нѣкоторое время. Напримѣръ, осужденный на пятнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ имѣетъ право вступить въ законный бракъ только по прошествіи двухъ годовъ въ разрядѣ испытуемыхъ и трехъ годовъ въ разрядѣ исправляющихся. Если каторжный состоялъ въ бракѣ до осужденія въ ссылку, то по новому закону, въ случаѣ отказа жены слѣдовать за своимъ супругомъ, онъ расторгается.



Женщины Рыковскаго селенія, полющія хлѣбъ.

службу ходить, и оставлять домъ безъ призора не годится. Здѣсь, говоритъ, и всѣ такъ живутъ. Ужъ и не знаю, что дѣлать...

— Правда, — отвѣчаю я, — здѣсь многіе живутъ не въ законномъ бракѣ, потому что имъ нельзя вѣнчаться, и ихъ никто за это не осуждаетъ. А вѣдь вашему ключнику остается всего три мѣсяца. Если ему нравится ваша дочь, подождетъ немного-то! И вамъ спокойнѣе. А разъ онъ грозитъ взять другую женщину, то и Богъ съ нимъ!

Должно быть, мать очень прельстилась доходами ключника, потому что вскорѣ послѣ нашего разговора она водворила свою дочку въ его домѣ.

Наступила зима. Приходитъ ко мнѣ фельдшеръ и разсказываетъ, что оба молодые находятся въ лазаретѣ, въ палатахъ накожныхъ болѣзней.

— Что такъ?—спрашиваю.

— Онъ говоритъ, что Марья его заразила, а Марья говоритъ, что онъ ее. Кто ихъ разберетъ!

По выздоровленіи Маша приходитъ ко мнѣ одна, безъ матери, блѣдная, печальная. Особенной причины не было ко мнѣ пріійти. Видно было, что ей хотѣлось оправдаться предо мною, и бѣдная женщина стала разсказывать свою грустную исторію временнаго замужества.

— Что же, думаю, пріѣхала не для того, чтобы сидѣть на материей шеѣ. Надо свой домъ устраивать. Я и пошла къ нему. Не скажу, чтобы онъ мнѣ нравился. Всегда суровый, молчаливый, нелюдимый такой. Къ намъ никто не смѣлъ пріійти въ гости, и самъ онъ уходилъ только на службу. И то какъ: запретъ меня иной разъ на ключъ, а пальто или платокъ запрячетъ куда нибудь. Чуть только освободится въ складѣ, сейчасъ же бѣжитъ посмотрѣть: дома ли я. Все боялся, какъ бы я не ушла отъ него. Даже ночью не вѣрилъ мнѣ. Проснется утромъ.

— Ты выходила?—спрашиваетъ.

— Никуда я не ходила.

— Нѣтъ, врешь! Ты къ любовнику бѣгала..

Придумалъ завязывать двери веревкой. Если стукнетъ гдѣ нибудь ночью, опять на меня набрасывается:

— Это тебя любовники вызываютъ?

Итакъ каждый день: ругаетъ, бьетъ, а потомъ начнетъ прощенія просить. Я уже отъ него не разъ къ матери бѣгала. Придетъ, начнетъ упрашивать, клянется, что не будетъ больше обижать, цѣлуетъ ноги; а чуть немного заподозритъ что, опять, какъ звѣрь, накинется на меня. Разъ что же случилось. Кололъ это онъ вечеромъ лучину.

— Ложись, говоритъ, Маша, и я сейчасъ лягу.

Какъ всегда, заперъ дверь на ключъ и обвязалъ ручку верев-

кой. Легъ и онъ по-хорошему. Заснули. Вдругъ среди ночи будитъ меня.

— Марья, это что?—кричитъ онъ.

Я ни жива, ни мертва, ничего не понимаю.

— Это ты зачѣмъ, говоритъ, положила на постель ножъ? Зарѣзать меня хотѣла?!

И не успѣла я ему слова отвѣтить, какъ схватилъ меня за косу, стащилъ съ кровати на полъ и принялся бить по чемъ ни попало... Потомъ открылъ подполье, да и сбросилъ меня въ одной рубашкѣ, какъ была въ постели, на холодную землю. Вся избитая, тѣло ноетъ, морозъ... Ну, думаю, смерть моя пришла... Какъ вдругъ отворяетъ онъ подполье, вытаскиваетъ меня на верхъ, кладетъ на кровать и начинаетъ цѣловать мои ноги.

— Прости, говоритъ, Машенька, я тебя напрасно билъ. Я вспомнилъ, ножъ-то я самъ вчера положилъ на постель, когда лучину кололъ.

До самаго утра все цѣловалъ меня и просилъ прощенія. Но я рѣшила уйти отъ него. Лишь только онъ вышелъ изъ дому, я въ одномъ платьѣ выскочила на улицу и, сколько еще оставалось силы, побѣжала по задворкамъ чрезъ огороды прямо къ маменькиному дому. И уже не много оставалось, какъ смотрю, бѣжитъ онъ за мной. У меня и ноги подкашиваются. Спасибо, сосѣдъ тутъ близко былъ, такъ онъ не позволилъ ему насильничать надо мною...

Очевидно, окончательный разрывъ произошелъ у нихъ, когда имъ пришлось обоимъ пойти въ лазаретъ; но она объ этомъ по скромности умолчала, и я не настаивалъ на продолженіи грустнаго разсказа.

XLVII.

Женщины на Сахалинѣ.—Ссыльно-каторжныя.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.— Разнузданность и щегольство каторжанокъ. — Преимущество каторжной женщины предъ свободной.—Законныя жены.—Потеря стыда. — Картежная игра.— Пѣвчій Ѳ—ъ.

Въ поселеньяхъ на Сахалинѣ живутъ два разряда женщинъ. Однѣ—какъ сосланныя за преступленія, другія—свободнаго состоянія, добровольно послѣдовавшія сюда за своими мужьями, осужденными на каторжныя работы.

Между ними огромная разница.

Сосланная женщина, очень часто нравственно испорченная сожительствомъ съ другими преступницами въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогѣ, скоро познаетъ свою силу на Сахалинѣ. Она нужна тутъ. Какая бы она ни была,—хорошая или худая, здоро-

вая или больная, молодая или старая, красивая или некрасивая,— она всегда здѣсь найдетъ себѣ сожителя. А коль скоро она поступила въ домъ къ какому нибудь мужику, начальство сейчасъ же освобождаетъ ее отъ каторжныхъ работъ.

Въ 1893 г. ссыльныхъ женщинъ освободили отъ унизительнаго тѣлеснаго наказанія.

Такъ какъ весь режимъ на островѣ поддерживается плетями и розгами, то съ уничтоженіемъ для женщинъ грубыхъ наказаній онѣ стали какъ бы внѣ закона. Сахалинское начальство сдѣлалось безсильно по отношенію къ нимъ. Ужъ если уничтожать тѣлесное наказаніе, то слѣдовало бы это сдѣлать сразу для всего населенія острова, для мужчинъ и женщинъ безразлично, и выработать другія сдерживающія начала отъ повторенія преступленій. Объ этомъ я скажу нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, Катька [1]), теперь намъ самъ чортъ не страшенъ!—разнузданно кричитъ одна баба другой, грубо раскачивая руки со стороны на сторону.

И въ самомъ дѣлѣ были примѣры поразительной наглости. Одна каторжанка, говорятъ, убила своего сожителя и тутъ же бахвалится, что ей ничего не сдѣлаютъ:

— Прибавятъ десять лѣтъ каторги? Пусть! Мнѣ же лучше: еще десять лѣтъ буду паекъ получать.

Съ освобожденіемъ женщинъ, сожительствующихъ съ поселенцами, отъ каторжныхъ работъ, ихъ не лишаютъ пищевого довольствія и казенной одежды во все время, пока не окончится назначенное имъ число лѣтъ каторги.

Насколько каторжныя бабы высокомѣрны, разнузданны, щеголихи, настолько задавлены, забиты и жалки женщины свободнаго состоянія, пришедшія сюда или по любви къ мужу, или по бѣдности и претерпѣннымъ униженіямъ дома въ деревнѣ. Ихъ и внѣшній видъ настолько различенъ, что сахалинцы съ одного взгляда вѣрно опредѣляютъ: каторжная прошла или свободная.

— Ахъ, ты, шлюха,—ворчитъ про себя поселенецъ вслѣдъ каторжанкѣ:—въ Россіи, поди, въ лаптяхъ ходила, а здѣсь, вишь, какъ щеголяетъ: высокіе сапожки съ мѣдными подковками!

Конечно, каждая ссыльная женщина норовитъ попасть въ сожительницы къ болѣе состоятельному надзирателю или поселенцу. И пока молода и считается «рабочею», она разборчива и мѣняетъ, случается, не одинъ разъ своего сожителя; но съ годами женщина

[1]) За восемь лѣтъ моего пребыванія на островѣ у меня смѣнилось много прачекъ и поломоекъ; но невольно я и мои товарищи обратили вниманіе, что значительное большинство изъ нихъ были съ именемъ Екатерины. Однажды случилось мнѣ просмотрѣть списокъ вновь прибывшихъ женщинъ въ каторгу, и въ немъ также чаще всего встрѣчалось имя Екатерины.



Ссыльно-каторжный, совершившій восемь убійствъ.

и на Сахалинѣ старается потѣснѣе связать свою судьбу со своимъ избранникомъ и довести союзъ съ нимъ до законнаго брака.

Съ экономической стороны для поселенца гораздо выгоднѣе имѣть хозяйкою въ домѣ каторжанку, чѣмъ свою россійскую законную жену, потому что послѣдняя, какъ женщина свободнаго состоянія, не получаетъ казеннаго продовольствія. Правда, если у нея есть дѣти, ей даютъ для нихъ отъ казны небольшія кормовыя деньги, но этого права не лишается и ссыльно-каторжная.

Обыкновенно мужья сами, еще съ дороги на Сахалинъ, начинаютъ письмами вызывать къ себѣ своихъ женъ, оставленныхъ въ Россіи. А пріѣдутъ онѣ на островъ, ихъ мужья, загрубѣвшіе въ каторжной обстановкѣ, вмѣсто благодарности, примутся возмутительно ругать несчастныхъ женщинъ:

— Къ чему сюда пріѣхала, да еще охапку дѣтей привезла?! Чѣмъ я васъ буду кормить? Умѣла пріѣхать, умѣй и копейку заработать!... Законная! А что мнѣ толку въ тебѣ, законной?

Въ концѣ концовъ, послѣ ежедневно повторяющейся ругани и колотушекъ, «законная жена» идетъ съ плачемъ и рыданіемъ зарабатывать позорнымъ ремесломъ двугривенные.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ грустныхъ картинокъ законнаго сожительства на Сахалинѣ.

Мужъ сидитъ на лавкѣ и штопаетъ протоптанныя чуни. Двое маленькихъ ребятишекъ завтракаютъ картошкой съ солью. Мать возится съ жестяными котелками у печки. Вдругъ отворяется дверь, и вваливается солдатъ мѣстной команды въ большой черной папахѣ на головѣ.

— Здорово будете!—гаркаетъ солдатъ и, растопыривъ ноги, становится фертомъ посреди избы.

Хозяйка еще усерднѣе хлопочетъ около печки, отвернувшись отъ солдата, а мужъ, тоже не глядя на него, недовольно подымается, натягиваетъ на себя тулупъ и затыкаетъ за поясъ топоръ.

— Ну, мнѣ пора въ тайгу за бревномъ, — бурчитъ онъ сквозь зубы, ни къ кому собственно не обращаясь, и выйдетъ изъ избы.

И такая торговля женою среди бѣлаго дня!

Покойная М. А. Кржижевская, побывавшая на родахъ почти въ каждой семьѣ Рыковскаго селенія, хорошо была знакома съ бытомъ зрѣшнихъ поселенцевъ. Сравнительно богатые изъ нихъ жили, по ея замѣчанію, еще довольно сносно, но несчастнѣе судьбы женъ бѣдныхъ поселенцевъ она ничего себѣ не представляла. Это какое-то сплошное страданіе, если онѣ окончательно не утратили еще совѣсти и человѣческаго достоинства.

— Вотъ эти «русскія женщины»,—говорила Марія Антоновна,— должны бы возбудить въ публикѣ самое горячее участіе къ ихъ несчастной долѣ.

Я и самъ былъ не разъ свидѣтелемъ крайне печальныхъ кар-



Ссыльно-каторжный, совершившій много ловкихъ кражъ.

тинъ здѣшней семейной жизни и всегда ужасался за участь сахалинскихъ дѣвочекъ. Если мужъ сознательно толкаетъ на позоръ свою жену, то про дѣтей и говорить нечего. Да и весь сахалинскій бытъ таковъ, что поневолѣ приходится мириться съ своеобразнымъ понятіемъ о цѣломудріи.

Напримѣръ, въ общественныхъ баняхъ Рыковскаго селенія мужчины и женщины моются вмѣстѣ.

Правда, въ тюрьмѣ женщины ходятъ въ баню особо отъ мужчинъ, но зато отхожее мѣсто на дворѣ общее. Мнѣ кажется, надо потерять женщинѣ остатки всякаго стыда, чтобы позволить себѣ войти сюда въ толпу мужчинъ... Ко многому я приглядѣлся на Сахалинѣ, но эти картины всегда меня возмущали. Впрочемъ, въ мое время нельзя было требовать отъ смотрителей уваженія цѣломудрія женщины, когда они могли во всякое время приказать мужикамъ публично наказать ее розгами.

На Сахалинѣ, съ отсутствіемъ свободныхъ кабаковъ и дешевой водки, пьянство для бѣдныхъ поселенцевъ до нѣкоторой степени недоступно, но зато здѣсь развита среди нихъ другая ненасытная страсть—картежная игра. Бѣда, если у сахалинской матери семейства мужъ картежникъ! Въ азартѣ онъ спуститъ не только всѣ ея сбереженія, привезенныя изъ Россіи, но и платья ея, и паекъ свой, и даже казенныя сѣмена, выданныя для посѣва.

Въ Рыковскомъ селеніи мнѣ пришлось познакомиться съ С—ой, очень заботливой и трудящейся женщиной. Мужикъ у нея тоже былъ смирный и хорошій работникъ. Къ несчастью, онъ сильно пристрастился къ картежной игрѣ. Что было можно,—все спустилъ въ карты. Бывало не знаешь, какъ имъ и помочь. Если дашь женѣ денегъ,—мужъ отниметъ и проиграетъ. Пошлешь къ празднику кулекъ муки,—и тотъ тихонько утащитъ въ майданъ. Бѣдная баба изъ слезъ не выходила.

Ни уговоры, ни розги, никакія лишенія не могутъ здѣсь остановить пристрастившагося къ азартной игрѣ. Былъ въ рыковской тюрьмѣ прелестный теноръ, ссыльный Ѳ—ъ. Съ нимъ нянчились и смотритель, и регентъ, и товарищи. Ничего не могли подѣлать. Какъ начнетъ проигрывать, то спуститъ не только всѣ деньги, сапоги, халатъ, шапку, но и казенное пѣвческое платье. На спѣвку являлся въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, позаимствованныхъ на время у другихъ. А то и вовсе не явится въ хоръ, за неимѣніемъ одежды. Иной разъ заглянешь въ тюремную камеру,—на нарахъ сидитъ въ одномъ бѣльѣ Ѳ—въ и ждетъ случая у кого нибудь занять, чтобы отыграться. Онъ самъ сознаетъ, что дѣлаетъ нехорошо, но не можетъ справиться съ собою, въ виду непрестаннаго соблазна въ камерахъ тюрьмы. Во всѣхъ остальныхъ своихъ проявленіяхъ, онъ очень симпатичный, смирный, трезвый человѣкъ.

XLVIII.

Уваженіе личности нравственно подымаетъ человѣка. — Сравненіе русскаго съ иностранцами.—Приниженное положеніе нашего мужика.—Ссыльно-каторжный Шалаевъ.—Отказъ отъ работы. — Добровольное лишеніе зрѣнія. — Вниманіе къ ссыльнымъ.—Хорошіе люди на Сахалинѣ.—Причины осужденія въ каторгу.

Меня не одинъ разъ обступали съ разспросами:

— Цѣлесообразны ли въ каторгѣ тѣлесныя наказанія?

Мнѣ кажется, этотъ вопросъ лучше всего разрѣшаютъ сами же каторжные, испытавшіе на себѣ страшныя плети или розги.

Когда ссыльный видитъ, что его человѣческое «я» не уважается другими, и онъ не имѣетъ никакой возможности заставить уважать его личность, тогда онъ самъ перестаетъ цѣнить себя, махаетъ рукою на весь раньше выработанный имъ нравственный кодексъ и еще болѣе опускается, оскотинивается. Такого человѣка дѣйствительно можно пронять и заставить что либо дѣлать только дубиной, розгами. Но стоитъ лишь этому же ссыльному показать, что его считаютъ за человѣка, что его личность уважается наравнѣ съ другими людьми, какъ тотчасъ же въ немъ просыпается его «я», и онъ уже начинаетъ крѣпко дорожить своимъ именемъ. Съ развитіемъ чувства собственнаго достоинства, человѣкъ не только бережетъ себя отъ внѣшнихъ оскорбленій, но и хранитъ свой нравственный обликъ отъ всевозможныхъ пороковъ и преступленій.

Непріятно слушать русскаго барина, когда онъ, вернувшись изъ-за границы, начнетъ сравнивать съ иностранцами своего русскаго мужика и, конечно, къ невыгодѣ послѣдняго. И пьяница-то онъ, и подлый мошенникъ, и лжецъ, и грубый неразвитый рабъ... Однимъ словомъ, въ его устахъ, гаже, презрѣннѣе нашего мужика, кажется, ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Если даже допустить, что это такъ, то кто же виноватъ въ этомъ? Отчего нѣмецкій или англійскій крестьянинъ такъ привлекателенъ путешествующему русскому барину?—Оттого что у иностранца не заглушено сознаніе человѣческаго достоинства, онъ не позволитъ себя ни ругать, ни бить. Онъ въ глазахъ нашего барина человѣкъ, а не скотина. Посмотрите на иностранца, какъ онъ цѣнитъ себя, какъ дорожитъ своею честью и не хочетъ допустить даже подозрѣнія въ его честности. Говорятъ, нѣмецъ перенесетъ выговоръ за неумѣнье, за нерадѣнье, но ни за что не потерпитъ унижающаго ты.

— Alles, alles,—страшно волнуясь, говоритъ онъ негодующему на него барину,—nur mit «Sie» (все, все говорите, но только съ «вы»)!..

Какъ это не похоже на русскаго мужика, котораго обижаютъ, ругаютъ, бьютъ! А ужъ про грубое «ты», съ покрикиваніемъ, съ наг-

лымъ невниманіемъ къ его словамъ и говорить нечего! Рѣдко случается, чтобы нашъ мужикъ вышелъ изъ своего крайне приниженнаго положенія. Чаще всего онъ становится покорной скотиной, а требованія человѣческой личности заглушаетъ въ себѣ водкой. Впрочемъ, нѣкоторые съ заснувшей совѣстью выбиваются изъ своей среды путемъ противнаго кулачества, и потомъ сами дѣлаются попирателями человѣческаго достоинства въ другихъ.

На Сахалинѣ, гдѣ личность ссыльнаго въ окончательномъ загонѣ, все это выступаетъ особенно ярко.

Въ рыковской тюрьмѣ, напримѣръ, былъ здоровый молодой рабочій Шалаевъ, сосланный сюда сравнительно на недолгій срокъ. Онъ не меньше другихъ ссыльныхъ могъ разсчитывать, по окончаніи каторги, устроиться гдѣ нибудь на Сахалинѣ и дождаться своего освобожденія въ среднихъ лѣтахъ. Но, получая за каждый пустякъ розги, колотушки и другія различныя оскорбленія, Шалаевъ махнулъ рукою на свое человѣческое достоинство и опустился до степени скота.

— Не стану и работать!—порѣшилъ онъ.

Въ это время страшный смотритель тюрьмы Л—ъ уѣхалъ, и его обязанности временно исполнялъ недавно прибывшій сюда молодой человѣкъ Р—нъ. Онъ принялся было уговаривать Шалаева, обѣщалъ посылать его только на легкія работы, потомъ сталъ грозить наказаніями, оставлялъ его не разъ безъ обѣда, приковывалъ цѣпью къ одному мѣсту. Шалаевъ упорно отказывался работать. Узнавъ объ этомъ, я пришелъ къ нему въ камеру. Съ безразличнымъ выраженіемъ лица, грязный, съ накинутымъ на плечи арестантскимъ халатомъ, Шалаевъ сидѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ, и пальцемъ ковырялъ въ доскѣ на полу. На мои вопросы онъ отвѣчалъ нехотя и больше не словами, а какимъ-то страннымъ мычаніемъ.

— Психически больной,—говорю про него помощнику смотрителя.

Въ отвѣтъ на это Р—нъ загадочно улыбнулся.

Въ концѣ концовъ Шалаева какъ-то сумѣли выгнать на работы. Нѣкоторое время я потерялъ его изъ вида. Но однажды, при новомъ смотрителѣ, попадается мнѣ на улицѣ медленно выступающій арестантъ, съ поднятой головой и ощупывающій дорогу палкой. Вглядываюсь: Шалаевъ! И слѣпой на оба глаза! Услышавъ мой голосъ, онъ протянулъ руку и попросилъ милостыню.

Оказывается, чтобы не ходить на работы, Шалаевъ натиралъ свои глаза смѣсью извести съ какимъ-то снадобьемъ, пока не ослѣпъ. Ради полнаго удовлетворенія животныхъ инстинктовъ—ѣсть, пить, спать и валяться безъ дѣла,—онъ предпочелъ лишиться наилучшаго органа тѣла и добровольно погрузиться во тьму.

— Что же онъ дѣлаетъ теперь?—полюбопытствовалъ я у его товарищей по камерѣ.



Похороны ссыльно-каторжнаго.

— Да что ему дѣлать! Надоѣстъ валяться,—идетъ милостыню собирать, а вечеромъ въ карты играетъ.

— Въ карты!!... Какъ же это такъ? Вѣдь онъ слѣпой!

— Каждую ночь играетъ. Посадитъ около себя на нарахъ кого нибудь изъ товарищей, да во все время игры и командуетъ имъ. Выиграетъ,—денежки себѣ. Ну, малая толика перепадетъ и товарищу.

Такъ вотъ и пропадаютъ молодые, здоровые люди...

Но стоитъ лишь показать имъ маленькое вниманіе, приблизить ихъ къ себѣ, поставить рядомъ на одну доску, хотя бы на недолгое время, какъ этотъ забитый, загнанный людъ сразу преображается. У меня было нѣсколько живыхъ примѣровъ на Сахалинѣ.

Въ продолженіе моей жизни на островѣ изгнанія, мнѣ приходилось имѣть постоянныя сношенія съ каторжными и въ тюрьмѣ, и въ церкви, и въ своихъ разъѣздахъ по порученію начальства. Внѣшнее вниманіе я оказывалъ имъ всѣмъ равное. Всегда предупредительный, вѣжливый, словоохотливый, я старался своимъ видимымъ уваженіемъ вызвать въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства.

Тѣ ссыльные, которые чаще другихъ видѣлись со мною, невольно потянулись на мою ласку и искали еще болѣе сблизиться со мною. Но, какъ бы чувствуя себя нравственно испорченными каторжною жизнью, они сначала робко переступали порогъ моего дома. Въ ихъ словахъ и дѣлахъ проявлялись иногда пугливость и недовѣріе ко мнѣ подъ покровомъ лжи, обмана и лукавства, то-есть тѣхъ унижающихъ человѣческое достоинство качествъ, которыя свойственны безправнымъ рабамъ. Потомъ, видя мое не фальшивое и слащавое, какъ у нѣкоторыхъ благотворительницъ, а серіозное и неизмѣнное вниманіе къ нимъ, они стали довѣрчивѣе, чище и правдивѣе. Подъ моимъ вліяніемъ они начинали уважать въ себѣ человѣка и уже боялись сдѣлать что нибудь непристойное не только на показъ, но и противъ своей совѣсти. Такимъ образомъ сама собою образовалась около меня группа людей всѣхъ возрастовъ и различныхъ вѣроисповѣданій, которая стремилась достигнуть евангельской святости.

Нравственное улучшеніе ихъ было такъ замѣтно, что они быстро завоевали себѣ уваженіе среди другихъ ссыльныхъ. И на самомъ дѣлѣ такіе хорошіе мужики, какъ Александръ Катинъ, Николай Скороходовъ [1]), Михаилъ Барановъ, Петръ Кобчикъ, Евдокимъ Савельевъ, Михаилъ Рюхинъ, Александръ Лоцинъ и др., сдѣлали бы честь любой странѣ. Я искренно полюбилъ и уважалъ этихъ людей, несмотря на то, что они прошли сахалинскую каторгу со всѣми ея страшными послѣдствіями.

---

[1]) Недавно вернулся на родину, въ деревню Никитинскую Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Теперь, вспоминая картины каторжной жизни на островѣ, я могу сказать, что позорныя тѣлесныя наказанія еще дольше держатъ человѣка въ состояніи скотины. И если только мы имѣемъ въ виду исправлять сосланныхъ людей, непремѣнно надо уничтожить всю обстановку, которая унижаетъ достоинство человѣка. Я допускаю, что среди каторжныхъ найдется десять процентовъ страшныхъ изверговъ-убійцъ, почти неисправимыхъ людей, но зачѣмъ же изъ-за нихъ подвергать остальные 90% жестокимъ мѣрамъ, убивающимъ въ нихъ все человѣческое?

Вѣдь, если послушать ихъ откровенную исповѣдь, за что они сосланы сюда!.. Одинъ, напримѣръ, прямо признается, что онъ на праздникахъ въ пьяномъ видѣ повздорилъ съ сосѣдомъ и въ дракѣ высадилъ ему ребро, другой хотѣлъ стащить у богатаго купца кулекъ муки и взломалъ у него амбаръ, третій въ пьяномъ видѣ «далъ сдачи» оскорбившему его офицеру, четвертый попалъ сюда за участіе въ бунтѣ, пятый въ горькой обидѣ на барина поджегъ у него домъ, шестой, сосланный на короткій срокъ въ Сибирь, своими побѣгами дошелъ до двадцати лѣтъ каторги, седьмой, подкупленный дѣлателями фальшивой монеты, пускалъ ее въ обращеніе среди публики и т. д. И какъ присмотришься внимательнѣе къ ихъ преступленіямъ, то поймешь, что большинство изъ нихъ пришли на Сахалинъ изъ-за водки и изъ-за нужды. Нѣкоторые же старики, давно окончившіе срокъ каторги, говорили, что они наказаны по ложному обвиненію. И я имъ вѣрю. Нельзя не вѣрить человѣку, который одною ногою стоитъ въ гробу и сводитъ съ жизнью окончательные счеты.

XLIX.

Потеря лучшей поры жизни.—Тяжелое положеніе въ ссылкѣ.—Одиночество среди людей.—Отъѣздъ друзей.—Смерть Бутакова.—Его честность и довѣріе къ людямъ.—Онорское дѣло.—Новый составъ чиновниковъ.—Конецъ терпѣнію.

Послѣдній годъ на Сахалинѣ я страшно тяготился ссылкою. Да и не я одинъ мучился сознаніемъ, что время отъ 23 до 35 лѣтъ, эта самая лучшая пора, когда закладывается фундаментъ всей остальной жизни, дѣлается служебная карьера и завязывается брачный узелъ для своей собственной семьи, прошла въ жалкомъ прозябаніи сначала въ удушливой вонючей камерѣ, а потомъ въ атмосферѣ непрестанныхъ нравственныхъ униженій. Еслибы у насъ не оставалась въ памяти прошлая жизнь среди бодрыхъ, здоровыхъ, довольныхъ людей, еслибы мы раньше не извѣдали счастья женской любви и не услаждались театромъ, музыкой и другими искусствами, наконецъ, еслибы мы не ожидали въ будущемъ опять

вернуться къ культурной жизни городовъ, гдѣ протекала наша юность, то мы, вѣроятно, дали бы волю нашимъ грубымъ инстинктамъ на Сахалинѣ и, примирившись съ обстановкой своего стойла, скоро приблизились бы къ безсловеснымъ животнымъ. Но въ томъ-то и трагизмъ нашей ссылки, что мы въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ постоянно пережевываемъ обрывки воспоминаній нашего прошлаго и спимъ, и видимъ опять вернуться къ нему, а въ то же время отлично понимаемъ, что годы уходятъ, «все лучшіе годы», а съ ними—молодость, сила, энергія. Какъ взглянешь, бывало, на свое слабое болѣзненное тѣло, какъ подумаешь о своей отсталости отъ культурной жизни, о своихъ разстроенныхъ нервахъ, о своемъ невысокомъ положеніи среди другихъ людей,—и на душѣ еще горше станетъ. И тѣ, которые въ началѣ съ нетерпѣніемъ высчитывали чуть ли не минуты ссылки, подъ конецъ срока сильно колебались въ рѣшеніи вопроса,—ѣхать ли имъ въ Россію или оставаться на дальнемъ Востокѣ.

И чѣмъ дольше было наше пребываніе на островѣ, тѣмъ глубже чувствовалась скорбь изгнанія и отчужденности. Ссыльному крестьянину или мастеровому было значительно легче: онъ здѣсь находится въ обществѣ такихъ же простыхъ рабочихъ людей, какъ онъ самъ, онъ скоро находитъ себѣ земляковъ, друзей и даже подругу жизни изъ ссыльныхъ женщинъ, для него и обстановка поселенческой жизни не представляетъ много новаго, и физическая работа не чужда ему. Другое дѣло интеллигентнаго ссыльнаго. Его ненормальное положеніе, насильственно холостое, безъ соотвѣтствующаго общества, безъ постояннаго угла, безъ какихъ либо улыбающихся перспективъ въ будущемъ, съ постоянной тоской по родинѣ, ложилось страшнымъ гнетомъ на душу страдальца. Ему даже нельзя и бѣжать съ острова, какъ это дѣлаютъ простые рабочіе: для него подобная попытка была бы равносильна самоубійству.

Сколько образованныхъ людей въ городахъ Россіи жалуются на свое одиночество! На Сахалинѣ эта обособленность чувствуется еще тяжелѣе и сильно вліяетъ на психическое состояніе человѣка. Многіе мои товарищи не выдержали этого одиночества среди людей и душевно заболѣли. Большой процентъ изъ нихъ умерли въ молодыхъ годахъ, а иные кончили самоубійствомъ...

Меня сильно поддерживали письма моихъ родныхъ и знакомыхъ изъ Россіи. Они постоянно внушали мнѣ, что я еще не умеръ для нихъ, и что для меня еще возможно воскресеніе для лучшей жизни. Къ тому же на восьмой годъ моего пребыванія на островѣ стала улыбаться надежда на выѣздъ въ Россію. Въ это время зародившіяся симпатіи къ нѣкоторымъ сахалинцамъ начали порываться одна за другою. Какъ будто судьба желала облегчить мою новую пересадку и заранѣе рвала недавно пущенные корни: нѣкоторые дорогіе для меня люди умерли, другіе выѣхали изъ Сахалина на

материкъ, а оставшіеся старики поселенцы ушли въ богадѣльню въ другое селеніе. Наконецъ, свалился могучій дубъ, не разъ укрывавшій меня отъ здѣшнихъ житейскихъ бурь, А. М. Бутаковъ. Смерть его для всѣхъ была неожиданностью. Правда, инфлюенція, свирѣпствовавшая здѣсь лѣтомъ 1893 года, уложила и его въ постель, но чрезъ недѣлю, двѣ онъ оправился и попрежнему казался крѣпышемъ, для котораго ничего не значило пройти по тайгѣ пѣшкомъ половину своего обширнаго округа. И вдругъ его не стало. Сахалинская молва заподозрѣла, что его убило нравственное утнетеніе, которое онъ испытывалъ послѣ возникновенія дѣла объ онорскихъ происшествіяхъ. Вѣроятно, это отчасти имѣло свое вліяніе на его здоровье, но главною причиною его внезапной смерти было воспаленіе легкихъ.

Я искренно любилъ Бутакова, какъ человѣка съ честными принципами, трудолюбиваго и заботливаго хозяина. Онъ могъ бы по примѣру другихъ сахалинскихъ чиновниковъ скопить разными законными и незаконными путями большое состояніе, но на самомъ дѣлѣ, послѣ его смерти, осталась очень ничтожная сумма, едва достаточная на первое время для его большого семейства. Несчастное онорское дѣло совершенно не вяжется съ его характеромъ. Мнѣ извѣстно много случаевъ его тайнаго благотворенія бѣднымъ поселенцамъ, и потому думаю, что самъ по себѣ онъ былъ добрый и сердечный человѣкъ. Такое впечатлѣніе онъ дѣлалъ и на многихъ начальствующихъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ его округъ. Если онъ допустилъ совершиться такимъ звѣрствамъ въ своемъ округѣ, то не по жестокости, а скорѣе по своей слабости и довѣрчивости къ людямъ. Вѣроятнѣе всего, онъ сначала самъ долго не зналъ, что происходитъ на Онорѣ, а когда ему раскрыли глаза, онъ, жалѣя чиновниковъ, виновныхъ невнимательностью къ жалобамъ рабочихъ, употреблялъ всѣ мѣры затушить дѣло.

Вслѣдъ за Бутаковымъ умираютъ его помощникъ Б—хъ и смотритель рыковской тюрьмы Я—въ. Остальные сослуживцы Бутакова, смотритель дербинской тюрьмы О—въ, секретарь управленія М—нъ и врачъ тымовскаго лазарета Т—нъ, вышли въ отставку. Такимъ образомъ сразу обновился весь составъ чиновниковъ Тымовскаго округа.

Устанавливать новыя отношенія съ наѣхавшимъ начальствомъ мнѣ не хотѣлось, и еще сильнѣе потянуло меня вонъ изъ Рыковскаго. Здѣсь все мнѣ приглядѣлось. Сѣрый колоритъ арестантской жизни давно надоѣлъ. Извѣстія о кражахъ, убійствахъ и другихъ преступленіяхъ уже не возбуждали ни удивленія, ни негодованія. Прислушались даже крики наказываемыхъ (съ отъѣздомъ Н. И. Гродекова, послѣ небольшого промежутка, розги опять стали входить въ свою силу). Жизнь потянулась тяжелымъ колесомъ, медленно ворочающимся по глинистой грязи. Съ каждымъ новымъ

оборотомъ, оно все болѣе и болѣе вязнетъ, а грязь все гуще и гуще облѣпляетъ и спицы, и шину... Еще немного, и сахалинское болото совсѣмъ бы затянуло въ свою невылазную тину.

— Больше нѣтъ силъ оставаться здѣсь!—сказалъ я своимъ товарищамъ и подалъ прошеніе о выдачѣ мнѣ билета на выѣздъ въ Уссурійскій край.

И. Миролюбовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БРАКЪ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ УКАЗУ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, 11-го іюля, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы (чтò нынѣ Казанскій соборъ), синодскій регистраторъ Александръ Дмитріевъ Максимовъ повѣнчанъ былъ противъ собственной своей воли съ дочерью портного, Екатериною Клокенбергъ. Этотъ оригинальный бракъ въ свое время возбудилъ много толковъ. На него указывали, какъ на примѣръ, характеризующій царствованіе императора Павла I. Несмотря на то, что съ того времени прошло около ста лѣтъ, бракъ Максимова не забылся и въ настоящее время. Въ 1881 году, въ № 1 журнала «Древняя и Новая Россія» было напечатано извлеченіе изъ дѣла Максимова, а недавно оно послужило сюжетомъ для повѣсти Н. И. Мердеръ, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ: «Царскій приказъ». Мы имѣемъ возможность возстановить этотъ историческій фактъ во всей его полнотѣ, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, которыя здѣсь и предлагаются. При этомъ позволимъ себѣ высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что истиннымъ виновникомъ насильственнаго брака Максимова былъ графъ Паленъ.

Біографическія свѣдѣнія о Максимовѣ очень скудны. Онъ происходилъ «изъ секретарскихъ дѣтей», поступилъ сначала на службу въ сенатъ въ 1788 году, а въ 1796 году вышелъ по прошенію въ отставку. 10-го января 1800 года Максимовъ, по предложенію оберъ-прокурора Д. И. Хворова, опредѣленъ синодомъ въ число своихъ канцелярскихъ служителей и въ томъ же году получилъ чинъ XIV класса [1].

---

[1] Дѣла архива святѣйшаго синода 1800 года, №№ 17 и 978.

Получивъ должность, Максимовъ нанялъ комнату въ квартирѣ портного Клокенберга, и это совершенно случайное обстоятельство и послужило поводомъ къ той исторіи, благодаря которой онъ оказался повѣнчаннымъ насильно. Дочь портного влюбилась въ синодскаго регистратора. Мать объ этомъ узнала и подвергла виновную такому жестокому наказанію, что дочь, рѣшившись покончить съ собою, бросилась въ рѣку Мойку. Полицейскіе чины спасли ее изъ воды и представили къ матери. Объ этомъ случаѣ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ доведено было до свѣдѣнія государя, который и повелѣлъ повѣнчать Максимова съ Клокенбергъ, что̀ и было исполнено 11-го іюля [1]).

На другой день по совершеніи оригинальнаго бракосочетанія священникъ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, Стефанъ Михайловъ, рапортовалъ С.-Петербургской духовной консисторіи: «Сего іюля 11-го числа по полуночи въ половинѣ 9-го часа призванъ я былъ въ вышеозначенную церковь его превосходительствомъ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ, с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и кавалеромъ Рачинскимъ, который, вруча мнѣ копію съ высочайшаго его императорскаго величества указа, послѣдовавшаго сего іюля 10-го дня на имя его сіятельства господина генерала отъ кавалеріи, с.-петербургскаго военнаго губернатора и кавалера, графа Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена, со изъявленіемъ высочайшей воли о совершеніи обвѣнчанія регистратора Максимова съ дочерью портного Клокенберга; и требовалъ онъ, господинъ оберъ-полицеймейстеръ, немедленно таковое исполнить, о чемъ я тотъ же часъ сдѣлалъ отношеніе оной церкви протоіерею и кавалеру Ѳедору Семивскому, а между тѣмъ объяснялъ его превосходительству, что на таковъ случай потребно учинить обыскъ, но на сіе получилъ отзывъ, что должно исполнить высочайшую волю безъ малѣйшаго промедленія, и потому не смѣлъ долѣе останавливаться, имѣя отъ вышеупомянутаго протоіерея позволеніе, по церковному чиноположенію вѣнчаніе того числа въ присутствіи господина оберъ-полицеймейстера мною совершено, при чемъ объявлены со стороны жениха Андрея Максимова и со стороны невѣсты Екатерины на таковое бракосочетаніе согласія, о чемъ духовной консисторіи благопочтенно донося, представляю при семъ и вышеозначенную врученную мнѣ отъ его превосходительства, господина

---

[1]) Въ показаніяхъ числа вѣнчанія замѣчается различіе: вѣнчавшій священникъ указываетъ на 11-е число, а вѣнчавшіеся—на 10-е. Ближе къ истинѣ показаніе священника. Высочайшее повелѣніе о повѣнчаніи дано было въ Петергофѣ 10-го іюля. Трудно допустить, чтобы оно въ тотъ же день раннимъ утромъ могло быть въ Петербургѣ (вѣнчаніе происходило въ $8^1/_2$ часовъ утра). Съ другой стороны и въ донесеніи священника встрѣчается очевидная неточность: онъ Максимова называетъ Андреемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ носитъ имя Александра. Понятно, подъ вліяніемъ страха всѣ перепутались.

оберъ-полицеймейстера и кавалера, съ высочайшаго именного повелѣнія копію.

«Священникъ Стефанъ Михайловъ.

«Іюля 12-го дня 1800 года.

«Копія.

«Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-деръ-Паленъ. Я усмотрѣлъ изъ сегодняшнаго вашего рапорта, что дочь портного Клокенберга изъ любви къ регистратору Максимову хотѣла утопиться, и какъ я въ обвѣнчаніи ея ничего противнаго не вижу, то предоставляю вамъ оное совершить; пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательнымъ.

«На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою такъ:

«Павелъ».

Петергофъ.
Іюля 10-го дня 1800 года.

Въ царствованіе императора Павла I Максимовъ не смѣлъ, конечно, и подумать о томъ, чтобы предпринять что нибудь противъ насильственно навязанной ему жены. Но лишь только императоръ Павелъ умеръ, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того онъ подалъ новому государю всеподданнѣйшее прошеніе о расторженіи его брака съ Клокенбергъ, какъ незаконнаго. Заявляя о незаконности своего брака, Максимовъ совершенно забывалъ то весьма важное въ данномъ случаѣ обстоятельство, что онъ съ самаго вѣнчанія и до подачи прошенія пользовался всѣми правами мужа. Въ своемъ прошеніи Максимовъ писалъ:

«Всеавгустѣйшій монархъ!

«Всемилостивѣйшій государь!

«Правосудіе и милость твои облегчатъ несчастную судьбу мою, свершенную противъ моего желанія, а чрезъ что лишенъ я милостей родителя моего и оставленъ влачить жизнь въ бѣдности и отчаяніи.

«Прошлаго 1800-го года іюля 10-го числа по именному покойнаго государя императора указу обвѣнчанъ противъ моей воли господиномъ оберъ-полицеймейстеромъ Рачинскимъ на дочери нѣмца портного мастера Клокенберга, по показанію ея, будто бы она отъ любви ко мнѣ хотѣла утонуть, въ этомъ убѣждена была отъ своей матери, а не отъ жестокаго ей отъ нея наказанія. Мать же жены моей, бывши взыскана милостями отставного гофъ-маршала, князя Мещерскаго, дочь на сіе настроила, въ надеждѣ на его сильное покровительство. Я жъ, не имѣя склонности любить ее, къ тому и

состоянія, чтобъ содержать жену, бѣднѣе еще и себя, едва и самъ нахожу средства къ своему пропитанію.

«Всемилостивѣйшій государь!

«Повергаясь предъ священнымъ твоимъ престоломъ, гдѣ царствуетъ вкупѣ судъ и милость, молю: Простри милосердый и чадолюбивый взоръ свой на погруженнаго въ отчаяніе, повели сей бракъ, яко не пожеланію совершенный, развести, ибо какое благополучіе можетъ быть въ томъ супружествѣ, гдѣ нѣтъ согласія и по нищетѣ обоихъ жизнь горестную влачащихъ, съ позволеніемъ мнѣ вступить въ другой по волѣ моей бракъ, а она по правамъ своей религіи можетъ по разводѣ безпрепятственно вступить въ согласную и счастливѣйшую чету. Великій государь! Оживи щедротами своими отчаяніемъ и совершенною бѣдностію гонимаго.

«Всеавгустѣйшій монархъ,
«Всемилостивѣйшій государь
«Вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный».
«регистраторъ Александръ Максимовъ».

По высочайшему повелѣнію статсъ-секретарь М. Н. Муравьевъ прошеніе регистратора Максимова 18-го апрѣля препроводилъ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода съ тѣмъ, чтобы тотъ предложилъ его на разсмотрѣніе синода. 22—29 апрѣля святѣйшій синодъ, выслушавъ всеподданнѣйшее прошеніе своего же собственнаго чиновника, постановилъ по поводу его слѣдующее опредѣленіе: «какъ объ ономъ бракѣ его Максимова съ помянутою Клокенберговою, когда онъ съ нею вѣнчанъ, гдѣ и кѣмъ, и въ какой силѣ послѣдовалъ упоминаемый однимъ имъ, Максимовымъ, именной покойнаго государя императора указъ, никакого въ святѣйшемъ синодѣ свѣдѣнія нѣтъ, а безъ того оному къ разсмотрѣнію сего дѣла приступить не можно; для того къ синодальному члену преосвященному Амвросію, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому и кавалеру, послать указъ и велѣть с.-петербургской консисторіи: учиня о всемъ томъ надлежащую справку и изслѣдованіе, а при томъ отобравъ отъ той жены его Максимова письменное показаніе, имѣла ли она съ нимъ супружеское сожитіе и желаетъ ли оное продолжать впредь, представить въ святѣйшій синодъ. 6-го мая митрополитъ с.-петербургскій Амвросій при своемъ рапортѣ представилъ въ святѣйшій синодъ въ копіяхъ рапортъ священника Михайлова отъ 12-го іюля 1800 года (выше приведенъ) и копію съ высочайшаго повелѣнія о повѣнчаніи Максимова на дѣвицѣ Клокенбергъ и при чемъ съ своей стороны заявилъ, что онъ, «разсмотрѣвъ сіе дѣло, признаетъ достаточнымъ къ рѣшенію

просьбы Максимова». Обсудивъ представленные ему документы, святѣйшій синодъ 6—8 мая по поводу дѣла Максимова постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

«Какъ изъ вышеупоминаемаго поданнаго въ консисторію отъ священника Степана Михайлова рапорта открылось, что вѣнчаніе его, Максимова, съ тою женою его совершено имъ прошлаго 1800 года іюля 11-го числа въ силу означеннаго высочайшаго повелѣнія не противу желанія его, Максимова, какъ онъ въ прошеніи своемъ показываетъ, но по взаимному обоихъ ихъ на то согласію, отъ котораго и таинство браковѣнчанія болѣе всего зависитъ, другихъ же никакихъ относящихся къ разводу его, Максимова, съ нею, Клокенберговою, причинъ, кромѣ несклонности его къ любленію ея и неимѣнія состоянія къ содержанію, не показано, слѣдовательно по одному сему онаго брака, яко совершившагося по церковному чиноположенію, расторгать по слову Божію, у евангелиста Матѳея главы 19-й, въ стихѣ 6-мъ изображенному, не слѣдуетъ, для того означенный его, Максимова, съ нею, Екатериною Клокенберговою, бракъ не расторгая утвердить въ своей силѣ, о чемъ ему и объявить въ канцеляріи святѣйшаго синода по надлежащему».

О состоявшемся по дѣлу Максимова рѣшеніи святѣйшій синодъ поручилъ своему оберъ-прокурору Д. И. Хвостову довести до свѣдѣнія государя императора, что̀ имъ немедленно и было исполнено [1]).

Вѣроятно, государь не удовлетворился рѣшеніемъ дѣла синодомъ, а потому потребовалъ отъ синодальнаго оберъ-прокурора, чтобы тотъ представилъ ему подробную записку по дѣлу Максимова. Послѣ того 23-го мая генералъ-прокуроръ Д. П. Трощинскій писалъ с.-петербургскому митрополиту Амвросію:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко.

«Изъ записки, истребованной по высочайшему повелѣнію отъ господина оберъ-прокурора святѣйшаго синода тайнаго совѣтника Хвостова, и изъ объясненія, какое имѣлъ я честь лично получить отъ вашего высокопреосвященства объ извѣстномъ вамъ бракѣ регистратора Максимова на дочери портного мастера Клокенберга, государь императоръ, усматривая съ одной стороны, что святѣйшій синодъ, признавая совершеніе брака сего церковному чиноположенію сообразнымъ, не можетъ приступить къ его расторженію, а съ другой видя, что всѣ обстоятельства, браку сему предшествовавшія и его сопровождающія, доказываютъ ясно, что не могъ онъ быть совершенъ съ согласія мужа, а участіе въ немъ полиціи есть между прочимъ такой признакъ принужденія, коего ничѣмъ опровергнуть не возможно, и который одинъ составляетъ уже весьма

---

[1]) Дѣло святѣйшаго синода 1801 года, № 313.

важное противъ твердости сего брака предубѣжденіе, сколько бы впрочемъ соблюденіе при немъ обыкновенныхъ обрядовъ ни давало ему наружнаго вида законной силы, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ отнестись къ вашему высокопреосвященству, чтобы по долгу архипастырскому, призвавъ къ себѣ сію чету, преподали вы ей средства, на совѣсти основанныя, къ лучшему и удобнѣйшему расположенію жизни ихъ, какое только можетъ позволить имъ настоящее ихъ положеніе».

Митрополитъ Амвросій отобралъ письменныя показанія порознь отъ Максимова и его жены по слѣдующимъ вопросамъ: 1) «прежде брака ихъ имѣли ли они любовную другъ къ другу склонность, и не было ли между ими взаимнаго къ браку оному согласія? 2) Когда о обвѣнчаніи было имъ объявлено отъ полицейскаго начальства, то было ли что вопреки или въ согласіе оному ими говорено и что именно и при комъ? 3) Продолжать супружескую жизнь вмѣстѣ отнынѣ желаютъ или нѣтъ и почему? Митрополитъ впрочемъ не ограничился допросами только мужа и жены. Онъ привлекъ сюда же и мать невѣсты, а потомъ жены Максимова, показанія которой имѣютъ существенное значеніе для выясненія дѣйствій с.-петербургскаго военнаго губернатора графа Палена.

1801 года, мая 25-го дня служащій въ святѣйшемъ синодѣ регистраторъ Максимовъ показалъ:

1) Прежде брака съ женою его, дочерью портного нѣмца Клокенберга, Катериною Ивановою, любовной къ ней склонности онъ, Максимовъ, не имѣлъ, и взаимнаго между имъ и ею къ браку согласія не было, кромѣ одного съ нею знакомства по жительству его въ одномъ домѣ.

2) Прошедшаго 1800 года іюля 10-го числа взятъ былъ онъ, Максимовъ, бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ Рачинскимъ и представленъ къ господину санктпетербургскому военному губернатору графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену, который объявилъ ему, Максимову, именное высочайшее повелѣніе о обвѣнчаніи его съ показанною дочерью Клокенберга Катериною, и хотя онъ, Максимовъ, его господина военнаго губернатора и просилъ по нежеланію его, Максимова, и по неимѣнію склонности избавить отъ сего брака, но на то отъ него господина военнаго губернатора объявлено, что ему больше дѣлать нечего, какъ только долженъ выполнить именное повелѣніе. Потомъ приказалъ помянутому оберъ-полицеймейстеру его, Максимова, отвести въ церковь и обвѣнчать съ оною дочерью Клокенберга Катериною, почему онъ, Максимовъ, тѣмъ оберъ-полицеймейстеромъ вмѣстѣ съ нею, Катериною, отвезенъ былъ въ Казанскій соборъ, гдѣ священникомъ онаго Стефаномъ Михайловымъ съ тою дочерью Клокенберга Катериною въ началѣ девятаго часа поутру до обѣдни при ономъ оберъ-полицеймейстерѣ и обвѣнчанъ; при вѣнчаніи ихъ, когда священникъ спрашивалъ

его, Максимова, имѣетъ ли онъ благое произволеніе взять ее себѣ въ жену, отвѣчалъ, что онъ выполняетъ волю государя императора.

3) Продолжать супружескую съ ней, Катериной, жизнь онъ, Максимовъ, не желаетъ потому, что онъ обвѣнчанъ противу своей воли и склонности, каковой и нынѣ не имѣетъ. А потому и почитаетъ оный бракъ для себя отяготительнѣйшимъ.

1801 года мая 25-го дня. Служащаго въ святѣйшемъ синодѣ регистратора Максимова жена, портного нѣмца Клокенберга дочь, Катерина Иванова показала:

1) Прежде брака съ онымъ регистраторомъ Максимовымъ по жительству его въ одномъ съ нею домѣ любовную склонность къ нему, Максимову, она имѣла, а съ его стороны была ли къ ней таковая склонность и взаимное съ нею къ браку согласіе, она не знаетъ, когда же родители ея, замѣтя въ ней любовь къ нему, Максимову, стращали ее засѣчь до смерти, тогда она, убоясь сего наказанія и избравъ себѣ легчайшую смерть, прошедшаго 1800 года іюля 8-го числа поутру бросилась въ рѣку Мойку съ намѣреніемъ утопиться, но изъ оной полицейскими служителями была вытащена и представлена 1-й адмиралтейской части въ частный судъ, откуда, по отобраніи отъ нея частнымъ инспекторомъ ея о причинѣ намѣренія объясненія, отдана родителямъ ея съ подтвержденіемъ имъ, чтобы они впредь съ нею такъ строго не поступали.

2) На другой день послѣ того, то-есть 9-го числа іюля въ вечеру бывшій полицеймейстеръ Зильбергарнешъ, взявъ ее, Катерину, съ матерью ея представилъ къ господину военному губернатору графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену, который спрашивалъ ее, Катерину, желаетъ ли она вступить въ бракъ съ помянутымъ регистраторомъ Максимовымъ, на что она ему, господину военному губернатору, отвѣчала, что не желаетъ, и то же самое и отъ матери ея было объявлено, но на сіе онъ, господинъ военный губернаторъ, объявилъ имъ именное повелѣніе обвѣнчать ее, Катерину, съ нимъ, Максимовымъ, и хотя мать ея и просила его господина военнаго губернатора, чтобы избавить ее, Катерину, отъ сего съ Максимовымъ брака, но онъ отозвался, что долженъ выполнить волю государя императора, и съ тѣмъ она, Катерина, и мать ея имъ, господиномъ военнымъ губернаторомъ, отпущены были въ домъ свой, а 10-го числа іюля поутру паки взята была она въ домъ къ господину военному губернатору и оттуда вмѣстѣ съ регистраторомъ Максимовымъ, бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ Рачинскимъ отвезена въ Казанскій соборъ, гдѣ священникомъ собора онаго, Стефаномъ Михайловымъ, она, Катерина, съ тѣмъ Максимовымъ въ началѣ 9-го часа поутру до обѣдни приономъ полицеймейстерѣ и обвѣнчана. При вѣнчаніи жъ на вопросъ священниковъ объявляла ли она, будучи тогда объята страхомъ, согласіе свое къ таковому браку или нѣтъ, не знаетъ.

3) Продолжать супружескую жизнь она, Катерина, съ нимъ, Максимовымъ, желаетъ.

1801 года мая 28-го дня портного нѣмца Клокенберга жена Катерина Филипова, содержащая вѣру римско-католическаго исповѣданія, по выслушаніи взятыхъ отъ зятя ея, служащаго въ святѣйшемъ синодѣ регистратора Александра Максимова, и жены его, а ея дочери Катерины Ивановой, показаній, объяснила:

«Что Максимовъ по жительству его въ одномъ съ ними домѣ имѣлъ съ дочерью ея, а его нынѣшнею женою, Катериною, любовную переписку и какъ недѣли за четыре до того происшествія, когда она, Катерина, бросилась въ Мойку, найдено было у нея, Катерины, въ карманѣ три письма отъ него, Максимова, къ ней писанныя, то за сіе и была она, Катерина, отъ нея, Клокенберговой, наказана розгами, а 8-го числа іюля прошедшаго 1800 года поутру усмотрѣвъ она, Клокенбергова, въ рукѣ у нея, Катерины, золотое кольцо, спрашивала, откуда она оное получила, на что она, Катерина, объявила, что то кольцо дано ей отъ Максимова, чѣмъ она, Клокенбергова, огорчась и ударивъ ее, Катерину, по щекѣ, сказала ей, что, конечно, забыла она ту баню, которую получила, и потомъ начала плакать, а она, Катерина, вышедъ изъ дому, бросилась въ Мойку отъ страха побоевъ, но чтобъ засѣчь ее до смерти, устращиванья ей отъ нея, Клокенберговой, и мужа ея не было, а когда она, Катерина, по вытащеніи ея изъ Мойки и по представленіи 1-й Адмиралтейской части въ частный судъ, отдана была изъ онаго ей, Клокенберговой, и мужу ея, тогда отъ частнаго инспектора Эйхлера подтвержденія имъ Клокенберговымъ, чтобъ они съ нею, Катериною, строго не поступали, не было, а сказано только, чтобъ ее простить и не наказывать, а потомъ послѣ обѣда пріѣхавъ онъ, частный инспекторъ Эйхлеръ въ домъ къ нимъ, Клокенберговымъ, истребовалъ отъ нихъ означенныя отъ Максимова къ дочери ея писанныя три письма для представленія ихъ къ господину военному губернатору, на другой же день послѣ того, то-есть 9-го числа іюля въ вечеру бывшій полицеймейстеръ Зильбергарнешъ, взявъ ее, Катерину, вмѣстѣ съ нею, Клокенберговою, представилъ къ господину военному губернатору, графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену, который спрашивалъ оную дочь ея Катерину, желаетъ ли она вступить въ бракъ съ помянутымъ регистраторомъ Максимовымъ, на что она ему, господину военному губернатору, отвѣчала, что не желаетъ, а то же самое и отъ нея, Клокенберговой, было объявлено, но на сіе онъ, господинъ военный губернаторъ, объявилъ имъ именное повелѣніе обвѣнчать ее, Катерину [1]), съ нимъ, Максимовымъ, и хотя она, Клокен-

---

[1]) Обращаемъ вниманіе на показанія матери. Они приводятъ къ заключенію, что истиннымъ виновникомъ насильственнаго брака Максимова былъ не кто иной,

бергова, и просила его, господина военнаго губернатора, чтобъ избавить дочь ея отъ сего съ Максимовымъ брака, но онъ отозвался, что долженъ выполнить волю государя императора, и съ тѣмъ она, Клокенбергова, съ дочерью своею имъ, господиномъ военнымъ губернаторомъ, отпущены были въ домъ свой, а 10-го числа іюля поутру оная дочь ея Катерина паки взята была квартальнымъ офицеромъ въ домъ къ господину военному губернатору и оттуда вмѣстѣ съ регистраторомъ Максимовымъ бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ Рачинскимъ отвезена въ Казанскій соборъ, гдѣ священникомъ онаго собора Стефаномъ Михайловымъ въ началѣ 9-го часа поутру до обѣдни приономъ оберъ-полицеймейстерѣ они, Максимовъ и дочь ея Катерина, и обвѣнчаны, при которомъ вѣнчаніи и она, Клокенбергова, была, но на вопросъ священниковъ, объявляли ли они, Максимовъ и дочь ея Катерина, къ браку согласіе, она Клокенбергова не слыхала и симъ объясненіе свое кончила.

1801 года мая 28-го дня регистратора Максимова жена Катерина Иванова на объясненіе матери своей и въ пополненіе взятаго съ нея, Ивановой, сего жъ мая 25-го дня показанія изъяснила:

«Что она, Катерина, прежде брака съ онымъ мужемъ ея Александромъ Максимовымъ, имѣя къ нему любовную склонность, письма къ нему писала, чтобъ онъ не съѣзжалъ съ квартиры, а остался бъ въ томъ домѣ, гдѣ она съ матерью и отцомъ своимъ жительство имѣла, на которыя письма и отъ него таковыя же получала съ отзывомъ, что онъ останется ли въ томъ домѣ жить или нѣтъ, не знаетъ, когда же за четыре недѣли до того происшествія, какъ она, Екатерина, бросилась въ Мойку, найдены были у нея матерью ея три письма отъ него, Максимова, къ ней, Катеринѣ, писанныя, то за сіе подлинно она отъ матери своей наказана была розгами съ подтвержденіемъ, что ежели впредь въ таковомъ обращеніи съ Максимовымъ замѣчена будетъ, то до тѣхъ поръ будетъ сѣчена, пока духъ изъ нея выйдетъ, и какъ послѣ того узнала она, Катерина, отъ жившаго у него Максимова человѣка, что онъ, Максимовъ, непремѣнное имѣетъ намѣреніе перемѣнить квартиру, то писала къ нему чрезъ того человѣка, чтобы онъ, Максимовъ что нибудь ей подарилъ для того, что она его любитъ, почему онъ, Максимовъ,

---

какъ графъ Паненъ. Изъ представленныхъ ему писемъ Максимова и Клокенбергъ онъ могъ ясно усмотрѣть, что тамъ не было ничего сказано объ ихъ бракѣ, а потому если онъ тѣмъ не менѣе выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о повѣнчаніи, то тѣмъ ввелъ въ заблужденіе государя. Кромѣ того, графъ Паленъ явно обманывалъ и мать и дочь Клокенбергъ, увѣря ихъ 9-го іюля, что имѣетъ высочайшее повелѣніе о повѣнчаніи ихъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ высочайшее повелѣніе состоялось 10-го іюля. Желая въ своихъ лукавыхъ цѣляхъ вооружить общественное мнѣніе противъ Павла I, графъ Паленъ, позволялъ себѣ извращать высочайшія повелѣнія.

8-го числа іюля прошедшаго 1800 года поутру и подарилъ ей золотое кольцо, которое усмотрѣвъ тогда въ рукѣ у ней, Катерины, мать ее спрашивала, откуда оное она получила, на что и отвѣтствовала, что то кольцо дано ей отъ Максимова, чѣмъ мать ея приведена будучи въ огорченіе, ударивъ ее, Катерину, по щекѣ, сказала ей, что, конечно, забыла она ту баню, которую получала, и потомъ начала плакать, устращивая ее сѣчь, чего она, Катерина, убоявшись, вышедъ изъ дому, бросилась въ Мойку.

А что она, Катерина, въ первомъ своемъ показаніи о бывшей у нея съ нимъ, Максимовымъ, перепискѣ умолчала, то сіе произошло отъ ея забвенія. Въ тѣхъ же письмахъ обѣщанія онъ ей, Максимовъ, чтобъ взять ее за себя, не дѣлалъ. Въ прочемъ во всемъ утверждается она на ономъ первомъ своемъ показаніи.

Максимовъ 28-го мая, подтверждая показанія своей жены, прибавилъ слѣдующее: «Письма писаны имъ, Максимовымъ, въ отвѣтъ на ея жъ письма, но что въ оныхъ было писано, того не упомнитъ, но только подлинно знаетъ, что въ нихъ ко взятію ея, Катерины, за себя въ замужесво обѣщаніевъ не давалъ. А когда имъ, Максимовымъ, отыскана была для жительства другая квартира, то она, Катерина, узнавши объ ономъ отъ упоминаемаго при немъ жившаго человѣка, писала къ нему, Максимову, чтобы онъ ей что нибудь подарилъ для того, чтобы имѣть ей вещи отъ того человѣка, котораго она любила; тогда онъ, Максимовъ, не почитая противнымъ подарить ту дѣвицу, которая безъ всякаго пороку его любила, а единственно по одному виданію его въ томъ домѣ, купя золотое кольцо, отдалъ ей, Катеринѣ, не имѣвъ при томъ ни малѣйшаго намѣренія къ порочной съ нею любви, какъ только выполнилъ тѣмъ ея просьбу. А что онъ, Максимовъ, во взятіи съ съ него сего мая 25-го дня показанія объ оной, бывшей съ нею, Катериною, перепискѣ умолчалъ, то сіе произошло не отъ чего иного, какъ отъ одного только того, что не почиталъ онъ нужнымъ объяснять о томъ; въ прочемъ во всемъ утверждается на ономъ прежнемъ своемъ показаніи.

1-го іюня митрополитъ Амвросій сообщилъ генералъ-прокурору Д. П. Трощинскому результаты порученнаго ему дѣла и въ заключеніе всего высказался слѣдующимъ образомъ:

«Я, разсматривая сіи обстоятельства, нахожу, что бракъ сей, яко не имѣвшій взаимнаго согласія, есть принужденіе и не совершенъ, а потому въ силу законовъ и можетъ быть расторгнутъ; но поелику жена сего не желаетъ, то опасаяся къ оному приступить, дабы она по расторженіи, не предвидя для себя не токмо къ другому браку, но и къ самому прокормленію надежды, не могла прійти въ отчаяніе и не сдѣлала бъ съ собою подобнаго прежнему пагубнаго насилія, примѣчая, что мужъ ея, Максимовъ, не хочетъ продолжать съ нею супружества болѣе отъ неимѣнія чѣмъ себя съ

женою содержать, обращаюсь къ вашему превосходительству, прося покорнѣйше для разрѣшенія сего дѣла доложить его императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ его величеству изъ высочайшаго милосердія пожаловать единовременно нѣкоторую сумму съ обнадеживаніемъ Максимова опредѣлить къ выгоднѣйшей должности, нежели какова нынѣ, ежели онъ согласится продолжать съ нею супружество; а ежели бы и затѣмъ не былъ согласенъ на оное, тобъ оную сумму, по разводѣ его съ женою, всю отдать женѣ его, дабы она могла или удобнѣе выйти за другого мужа, или и безъ онаго безбѣдно себя содержать, а чрезъ то удалиться отъ всякаго унынія и на себя покушенія».

На сообщеніе митрополита тайный совѣтникъ Д. П. Трощинскій 7-го іюня отвѣтилъ ему слѣдующимъ официальнымъ письмомъ:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко!

«Его императорское величество, принявъ во уваженіе представленныя вашимъ высокопреосвященствомъ обстоятельства, высочайше повелѣть соизволилъ доставить къ вашему высокопреосвященству изъ кабинета тысячу рублей съ тѣмъ, чтобы, согласно мнѣнію вашему, выдать ихъ въ помощь состоянію мужа, если согласится онъ продолжать супружество съ настоящею его женою; если же на сіе согласенъ не будетъ, то употребить деньги сіи на вспоможеніе и въ возмездіе одной женѣ его. При чемъ высочайшая его императорскаго величества воля есть, чтобы означенный Максимовъ, буде останется онъ въ согласномъ сожитіи съ женою, помѣщенъ былъ со временемъ и на выгоднѣйшій окладъ по усмотрѣнію господина оберъ-прокурора святѣйшаго синода».

9-го іюня Максимовъ выслушалъ состоявшееся относительно его высочайшее повелѣніе и просилъ дать ему нѣсколько времени на размышленіе.

11-го іюня регистраторъ Максимовъ подалъ митрополиту Амвросію слѣдующее письменное заявленіе:

«Имѣвъ счастіе выслушать именное его императорскаго величества высочайшее соизволеніе и внимая милосердаго монарха, призирающаго съ высоты престола къ вѣрноподданному своему снисхожденію, коему повинуюся, яко гласу съ небеси отъ Бога, остаюсь согласнымъ продолжать бракъ мой, совершенный въ 1800 году іюля 10-го числа, съ дочерью нѣмца Клокенберга Катериною Ивановою, безразрывно навсегда, если ею, Катериною, оной бракъ по точности правилъ святыхъ отецъ будетъ соблюденъ. О чемъ сіе утверждая, далъ сію своеручную подписку регистраторъ Александръ Максимовъ. Іюня 11-го дня 1801 года».

По полученіи денегъ изъ кабинета, митрополитъ вызвалъ къ себѣ Максимова и вручилъ ему, въ присутствіи его жены, тысячу

рублей [1]). Высочайшее повелѣніе относительно улучшенія служебнаго положенія регистратора Максимова являлось для него немалымъ утѣшеніемъ. Къ сожалѣнію, едва ли ему пришлось воспользоваться имъ. По крайней мѣрѣ, въ 1803 году, хотя вспомнили о высочайшемъ повелѣніи касательно предоставленія по службѣ, но и это все-таки прошло для него безслѣдно. Въ іюнѣ 1803 года оберъ-прокуроръ Яковлевъ получилъ изъ Москвы отъ прокурора тамошней синодальной конторы увѣдомленіе о смерти секретаря Московской духовной консисторіи и рѣшился было воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы устроить туда Максимова. Оберъ-прокуроръ вошелъ съ предложеніемъ въ святѣйшій синодъ, въ которомъ рекомендовалъ въ секретари Московской консисторіи Максимова, «яко достойнаго и способнаго къ отправленію сей должности и тѣмъ паче, что и именнымъ высочайшимъ указомъ въ прошломъ 1801 году повелѣно его, Максимова, имѣть въ особенномъ вниманіи». Сверхъ ожиданія, святѣйшій синодъ отклонилъ предложеніе оберъ-прокурора, ссылаясь на то, что еще онъ не получилъ увѣдомленія о смерти секретаря Московской консисторіи отъ московскаго митрополита. Когда же получено было это увѣдомленіе, въ которомъ московскій митрополитъ рекомендовалъ на мѣсто умершаго своего кандидата—Воинова, то синодъ на должность секретаря Московской консисторіи назначилъ Воинова, а не Максимова [2]). Дальнѣйшая судьба Максимова намъ не извѣстна.

Протоіерей В. Жмакинъ.

[1]) Дѣло канцеляріи новгородскихъ митрополитовъ 1801 года, № 122.
[2]) Дѣло синода 1803 года, № 385.

ТАМБОВСКІЙ ЕПИСКОПЪ ЛЕОНТІЙ.

(Очеркъ изъ исторіи русской церкви конца XVII и начала XVIII в.).

ТАМБОВСКАЯ епархія, открытая опредѣленіемъ собора 1682 года, не была счастлива своими архипастырями и вслѣдствіе этого просуществовала недолго. Правда, среди первыхъ ея епископовъ мы видимъ святителя Питирима (1685—1697 гг.), который, по словамъ Тамбовской лѣтописи, «пасъ съ ревностію врученное ему Богомъ стадо, успѣвая въ добродѣтеляхъ». Но рядомъ съ этимъ свѣтлымъ именемъ стоятъ печальной памяти имена Леонтія (1682—1684 гг.) и Игнатія (1697—1701 гг.). Эти епископы, послѣ кратковременнаго управленія тамбовской каѳедрой, окончили жизнь въ заточеніи: одинъ въ Суздалѣ, другой въ Соловкахъ. «За вины своихъ епископовъ»,—какъ говоритъ авторъ «Исторіи іерархіи» [1],—Тамбовская епархія была лишена самостоятельности и приписана къ Рязанской.

Пользуясь главнымъ образомъ архивными данными, мы хотимъ познакомить читателей съ любопытною судьбою перваго изъ опальныхъ епископовъ—Леонтія, о которомъ тамбовскіе историки, какъ увидимъ ниже, говорятъ очень мало и разнорѣчиво.

---

[1]) «Исторія Россійской іерархіи», т. I (изд. 2), М., 1822, стр. 23.

I.

На открытую тамбовскую каѳедру былъ избранъ патріархомъ Іоакимомъ игуменъ Покровскаго Авраамієва Городецкаго монастыря Леонтій [1]). Почти ничего не извѣстно о жизни Леонтія до монашества. Въ документахъ монастырскаго приказа упоминается его сынъ Иванъ Лаврентьевъ, священникъ с. Мыта, Суздальскаго уѣзда. Отсюда можно догадываться, что и самъ Леонтій (въ мірѣ — Лаврентій) происходилъ изъ духовнаго званія, тоже былъ священникомъ, а затѣмъ, по случаю вдовства, постригся въ монахи. Въ половинѣ 1679 года, Леонтій сдѣлался игуменомъ монастыря и правилъ обителью около трехъ лѣтъ [2]). Городъ Галичъ съ его десятиной, къ которой принадлежалъ Покровскій монастырь, въ то время входилъ въ составъ патріаршей области [3]). Весьма вѣроятно, что игуменъ Леонтій былъ лично извѣстенъ патріарху и, благодаря этому, изъ невиднаго монастыря былъ взятъ на епископскую каѳедру. Кромѣ того, въ царскомъ предложеніи патріарху отъ 2-го сентября 1681 года Галичъ упоминается среди такихъ городовъ, гдѣ «противники (раскольники) умножились» [4]). Такимъ образомъ, Леонтій былъ несомнѣнно знакомъ съ расколомъ, и это обстоятельство, можетъ быть, тоже имѣло нѣкоторое вліяніе на выборъ его на тамбовскую каѳедру, которая открыта была, главнымъ образомъ, съ цѣлью противодѣйствовать расколу.

26-го марта 1682 года, Леонтій былъ посвященъ патріархомъ «со властями» (митрополитами и архіепископами) во епископа Тамбовскаго [5]). Въ то время новопоставленные архіереи вообще не спѣшили отправляться на свои епархіи и довольно долго проживали въ столицѣ,—«годовали»,—чтобы участвовать въ торжествен-

[1]) Каталогъ архіереевъ. Рукопись Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки, № 123, л. 160 (подробнѣе объ этой рукописи намъ придется говорить впослѣдствіи). Ср. Строева, Списки іерарховъ... Спб., 1877 года. Столб. 891. — Покровскій Городецкій монастырь, основанный преподобнымъ Аврааміємъ Галицкимъ или Городскимъ (XIV вѣка), находится въ 10 верстахъ отъ города Чухломы. Въ «Историческомъ описаніи» монастыря, составленномъ Д. Прилуцкимъ (Спб., 1861 г.), о Леонтіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній (самое имя его пропущено въ спискахъ настоятелей).

[2]) Строевъ, столб. 866—867, 870.

[3]) Протоіерей Николаевскій. Патріаршая область и русск. епархіи въ XVII вѣкѣ. Христіанское Чтеніе, 1888 года, № 1—2, стр. 153. Ср. И. Шимко. Патріаршій казенный приказъ. Москва. 1894 года, стр. 120.

[4]) Николаевскій, стр. 180.

[5]) Въ «Разрядѣ безъ мѣстъ... 190 году» поставленіе Леонтія отнесено къ 24-му марта (Соловьевъ. Исторія Россіи. 2 изд. «Товарищества Общественной Пользы». Книга III, столб. 947), а въ Исторіи іерархіи (т. I, стр. 206)—къ 25-му марта. Но на подлинномъ листѣ архіерейской присяги, подписанномъ Леонтіемъ въ день посвященія, помѣчено 26-го марта (рукописный сборникъ Московской синодальной библіотеки № 55; отсюда и у о. Николаевскаго, стр. 187; ср. Строева, столб. 891).

ныхъ служеніяхъ патріарха и помогать ему въ дѣлахъ церковнаго управленія. Помимо этого, Леонтія задержали въ Москвѣ еще и тѣ важныя событія, которыя вскорѣ послѣ его рукоположенія совершились въ церковной и государственной жизни. 2-го апрѣля, Леонтій, вмѣстѣ со многими іерархами, участвовалъ въ посвященіи перваго воронежскаго епископа Митрофана [1]). Съ этого времени мы часто видимъ обоихъ епископовъ въ торжественныхъ службахъ и крестныхъ ходахъ. 28—29 апрѣля, они присутствовали на выносѣ и погребеніи царя Θеодора Алексѣевича, а послѣ того участвовали въ очередномъ (по іерархическимъ степенямъ) служеніи заупокойныхъ литургій въ Архангельскомъ соборѣ. 25-го іюня совершалось вѣнчаніе на царство государей Іоанна и Петра. При этомъ Леонтій былъ посланъ патріархомъ «на срѣтеніе животворящихъ крестовъ Господнихъ и св. бармъ и царскаго чину», а во время самаго вѣнчанія онъ подносилъ вѣнецъ царя Іоанна и державу. Послѣ церемоніи Леонтій былъ, конечно, и у царскаго стола [2]). 5-го іюля, опять вмѣстѣ со святителемъ Митрофаномъ, Леонтій участвовалъ на соборѣ въ грановитой палатѣ, во время извѣстныхъ преній съ раскольниками [3]). И послѣ московскихъ мятежей, когда святитель Митрофанъ уѣхалъ уже въ Воронежъ, нашъ епископъ еще не покидалъ Москвы: онъ прожилъ здѣсь до самой зимы, занятый разными хлопотами по дѣламъ Тамбовской каѳедры.

Новая епархія, выдѣленная изъ владѣній рязанскихъ митрополитовъ, была очень скромна по размѣрамъ. Въ составъ ея вошло только три города съ уѣздами: Тамбовъ, Козловъ и Добрый; въ этихъ предѣлахъ было всего 159 церквей. По проекту царя, на содержаніе новаго епископа должны были поступить два монастыря: Троицкій и Мамонтовъ, за которыми, по росписи 1661 г., значилось 130 дворовъ [4]). Но съ открытіемъ каѳедры являлись такія нужды, которыя требовали немедленнаго удовлетворенія. Для новаго епископа необходимы были облаченія и другія принадлежности богослужебной и обыденной архіерейской обстановки. На небольшіе доходы съ приписныхъ монастырей всего этого нельзя было завести сразу. Въ виду этого, по распоряженію патріарха, тотчасъ же по посвященіи, Леонтію (какъ и св. Митрофану), «даны изъ рязанской домовой казны книги, церковное архіерейское облаченіе и одѣяніе, посохи, кареты, запасъ, посуда и деньги» [5]). Ко-

---

[1]) Соловьевъ, тамъ же.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳика, т. VII (изд. 2., М., 1789 г.), стр. 413, 422, 446—447. Ср. Соловьева, столб. 949 и слѣд.

[3]) Увѣтъ духовный. Москва. 1682 г., л. 46.

[4]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ см. въ нашей статьѣ: Открытіе Тамбовской епархіи.—«Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости»», 1896 г., № 39.

[5]) Рязанскія достопамятности, собранныя архим. Іеронимомъ. Изданіе Рязанской архивной комиссіи. Рязань. 1889 г., стр. 104.

нечно, это пожалованіе было очень скудныхъ размѣровъ, и выданныя вещи отличались ветхостью. Поэтому Леонтію предстояло еще многимъ обзаводиться самому. Нужно было также набрать штатъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для архіерейскаго дома. Все это, разумѣется, требовало денегъ, а потому заботы новаго епископа главнымъ образомъ сосредоточивались на вопросѣ о матеріальныхъ средствахъ каѳедры.

Отъ лицъ, знакомыхъ съ Тамбовскимъ краемъ, Леонтій скоро узналъ, что пожалованные монастыри могутъ дать ему сравнительно скудное обезпеченіе, и у него естественно явилось желаніе увеличить свои средства. Съ этою цѣлью онъ попытался взять въ свои руки еще Козловскій Троицкій монастырь, который, хотя и не отличался богатствомъ, тѣмъ не менѣе могъ быть существенною поддержкой для тамбовской каѳедры. Но жители Козлова, прослышавъ о намѣреніи епископа, поспѣшили вступиться за свой монастырь. Въ отвѣтъ на ихъ челобитную послѣдовалъ указъ (12 мая 1682 г.), которымъ «Троицкаго монастыря къ инымъ монастырямъ приписывать не велѣно, (потому) что козловцы многіе въ томъ монастырѣ вкладчики и въ строеніи того монастыря чинятъ большое споможенье собою»... Изъ дальнѣйшихъ словъ указа видно, что попытка лишить Козловскій монастырь самостоятельности исходила именно отъ Леонтія: «...а нынѣ въ Тамбовѣ поставленъ вновь епископъ, и тому монастырю велѣно быть въ той епархіи нынѣ и впредь особо» [1])... Этотъ неудачный опытъ, помимо его безуспѣшности, принесъ Леонтію и прямой вредъ. Козловцы и братія монастыря, еще не видя своего епископа, были предубѣждены противъ него, а это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, невыгодно отразилось на послѣдующей судьбѣ Леонтія.

Пока шла переписка о Козловскомъ монастырѣ, Леонтій приступилъ къ пріему монастырей, назначенныхъ ему царскою «росписью». Скоро, однако, оказалось, что дѣло это—совсѣмъ не легкое. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что эти монастыри были не самостоятельные, а приписные: Мамонтовъ принадлежалъ Саввину Сторожевскому, а Троицкій—Чудову монастырю. Такимъ образомъ, царскимъ проектомъ предполагалось «отписать» тѣ два монастыря и отдать ихъ тамбовскому епископу. Но московскія обители, конечно, далеко не расположены были отказываться отъ своихъ тамбовскихъ вотчинъ. Къ тому же, смерть царя Ѳеодора Алексѣевича, послѣдовавшая вскорѣ за посвященіемъ Леонтія, помѣшала

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи. Грамоты и друг. акты коллегіи экономіи, № 5831.— Въ томъ же 1682 г. козловскій настоятель получилъ санъ архимандрита (П. Казанскій. Историческое описаніе Троицкаго Козловскаго монастыря, М., 1849 г., стр. 10). Этимъ пожалованіемъ еще болѣе закрѣплялась независимость монастыря.

послѣднему получить надлежащій указъ о припискѣ. Этими двумя обстоятельствами вопросъ о пріемѣ вотчинъ такъ осложнился, что изъ него возникло цѣлое тревожное дѣло.

II.

9-го мая 1682 года «власти» Саввина монастыря получили изъ Тамбовскаго края непріятную вѣсть. Строитель Мамонтовой пустыни, черный попъ Іона, писалъ имъ, что по грамотѣ тамбовскаго епископа Леонтія въ пустынь являлись староста поповскій, села Ивенья, попъ Василій, да села Перкина попъ Гаврилъ «съ понятыми многими людьми для описки того монастыря за него, епископа, въ домовые». Чувствуя за собою сильную руку саввинскаго начальства, попъ Іона счелъ возможнымъ воспротивиться этому наѣзду и потребовалъ отъ прибывшихъ царскаго указа или грамоты, чего у нихъ не оказалось. За такое противленіе епископскіе посланные посадили строителя подъ караулъ и во всемъ ему «отказали» и крестьянамъ не велѣли его ни въ чемъ слушать.

Саввинскія «власти» тотчасъ же начали ходатайство о возвращеніи имъ пустыни. Въ челобитной объ этомъ они постарались изобразить весь ущербъ, причиненный Сторожевскому монастырю отпиской Мамонтовской пустыни и сейчасъ разсказаннымъ поступкомъ поповскаго старосты и его спутниковъ. «У насъ, богомольцевъ вашихъ,—жаловались власти,—тѣмъ приписнымъ монастыремъ святая обитель и пополняется, и для хлѣбнаго пополненія переведены въ тотъ монастырь крестьяне изъ иныхъ монастырскихъ вотчинъ. И нынѣ, государи, въ монастырской нашей вотчинѣ на Хопрѣ и на Воронѣ и въ томъ монастырѣ медвеные сборы, и рыбныя ловли, и хлѣбные, и всякіе заводы за крестьянскимъ ослушаніемъ остановились, и строитель и съ служебными людьми въ великомъ отъ крестьянъ опасеніи и помираютъ голодомъ...». Благодаря особому положенію Саввина монастыря [1]) и своимъ постояннымъ связямъ при дворѣ, «власти» безъ особаго труда получили указъ о томъ, чтобы Мамонтова пустынь была «попрежнему» въ ихъ владѣніи, и чтобы монастырскіе служебники «Саввинскимъ властемъ во всемъ были послушны, и пашню пахали, и всѣ дѣла дѣлали, и доходы платили...» [2]).

Находясь въ это время въ Москвѣ, Леонтій, разумѣется, зналъ о начавшемся противъ него дѣлѣ и долженъ былъ предвидѣть, что оно окончится не въ его пользу. Однако, надежда на какихъ ни-

---

[1]) Онъ былъ въ непосредственномъ вѣдѣніи самого государя. С. Смирновъ, «Историч. описаніе Саввина монастыря». М. 1860. Изд. 2-е. Стр. 34—36, 71.

[2]) Архивъ минист. иностр. дѣлъ. Монастырскія дѣла, связка 12, № 15 (1682 г., 20-го іюня).

будь покровителей или просто полемическое увлеченіе вызвали у Леонтія новую попытку присвоить Мамонтову пустынь. На этотъ разъ, по его грамотѣ и тоже безъ царскаго указа, въ монастырь прибыли свѣтскіе чиновники тамбовскаго архіерейскаго дома: боярскій сынъ Григорій Кремѣевъ Шашковскій и подьячій Иванъ Яковлевъ Рубцовъ, опять со многими понятыми людьми, и приступили къ подробной описи всего монастырскаго имущества. Вторая коммиссія взялась за дѣло энергичнѣе первой. Строитель, старецъ Іона, вѣроятно, успѣвшій получить отъ своихъ властей подробныя инструкціи, опять потребовалъ было указа великихъ государей. Но съ нимъ не стали церемониться: посадили его подъ караулъ, морили голодомъ и въ оковахъ отослали въ Козловскій Троицкій монастырь, при чемъ, какъ водилось, «били его смертнымъ боемъ»... Точно также былъ «побитъ плетьми безчинно» и слуга Ив. Агѣевъ, завѣдывавшій монастырскимъ промысломъ. Остальные обитатели пустыни уже не рѣшились противодѣйствовать. Архіерейскіе люди описали въ монастырѣ «церковь Божію, и Божіе милосердіе [1]), и всю церковную утварь, и въ житницахъ всякой хлѣбъ, и на пчельникѣ пчели, и на скотскомъ дворѣ монастырскія пригонныя лошади и коровы, и всякую мелкую рогатую скотину, и въ монастырской казнѣ деньги, и всякой казенной борошень [2]), и Хоперской и Воронской промыселъ»... Покончивъ съ общимъ монастырскимъ имуществомъ и взявъ всѣ казенныя деньги «безъ остатку», чиновники обратились къ частной собственности и стали ею вознаграждать себя за труды. У игумена, «что было денженецъ и борошнишку, все обрали»... У другихъ монаховъ, вмѣстѣ съ деньгами и нѣкоторыми иноческими одеждами («скимашникъ вишневой, мятель коричной»), были взяты разныя хозяйственныя принадлежности: блюда, сковороды и проч. Слуга Ив. Агѣевъ лишился «рубашки съ портками, цѣною въ 8 алтынъ 2 деньги»...

Похозяйничавъ такъ въ монастырѣ, Шашковскій и Рубцовъ на тройкѣ монастырскихъ лошадей отправились въ Москву къ епископу. Перепуганные монахи, съ казначеемъ во главѣ, не посмѣли подать «явки» на епископскихъ людей. Но и съ отъѣздомъ послѣднихъ монастырская жизнь долго не могла пріити въ порядокъ. Естественнымъ продолженіемъ погрома были смуты въ монастырскихъ вотчинахъ. Жившіе у епископа крестьяне явились агентами въ его пользу и подговаривали монастырскихъ крестьянъ бить челомъ объ указѣ, чтобы монастырю и его владѣніямъ «отойти за епископа». Особенно досаждалъ монахамъ какой-то Любимка.

---

[1]) Т. е. иконы.

[2]) Борошень—вещи для ежедневнаго употребленія, домашняя рухлядь. (Словарь академіи наукъ).

Прибывъ изъ Москвы, этотъ смѣльчакъ началъ поднимать на смѣхъ монастырское начальство. Такъ, напримѣръ, при встрѣчѣ съ келаремъ, онъ «похвалялся при всемъ міру, былъ де онъ предъ святѣйшимъ Іоакимомъ патріархомъ съ тобою, отецъ келарь, на очной ставкѣ и иныя неистовыя рѣчи говорилъ»... Обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ казначей, «убогій чернецъ Нектарище Резанецъ», обстоятельно донесъ въ Саввинъ монастырь и представилъ подробную «роспись, что взято Григ. Шашковскимъ».

Только что получивъ указъ о возвращеніи Мамонтовой пустыни, саввинскія власти должны были начать новое дѣло о своевольствѣ тамбовскаго епископа. По жалобѣ ихъ послана въ Тамбовъ къ воеводѣ грамота о разслѣдованіи событія на мѣстѣ, а епископу Леонтію данъ указъ освободить строителя Іону и впредь «ни въ чемъ не вѣдать Мамонтовой пустыни»... Воевода Опраксинъ назначилъ для сыску подьячаго тамбовской приказной избы Л. Данилова, который подвергъ допросу священниковъ и крестьянъ изъ селъ, сосѣднихъ съ Мамонтовой пустынью. Но, какъ и слѣдовало ожидать, показанія даны были очень неопредѣленныя и уклончивыя: духовныя лица опасались говорить что нибудь противъ епископскихъ людей, а крестьяне, вѣроятно, сочувствовали своимъ собратьямъ въ стремленіи освободиться изъ-подъ монастырской власти. Всѣ подтверждали только фактъ «взятія» строителя, а насчетъ остальныхъ подробностей большинство отзывалось невѣдѣніемъ или сообщало неясныя извѣстія по слуху. Благодаря этому, наѣздъ архіерейскихъ чиновниковъ остался безнаказаннымъ, а для Леонтія дѣло окончилось потерею Мамонтовой пустыни [1]). Это обстоятельство, конечно, было для него весьма чувствительно: онъ остался теперь всего съ однимъ монастыремъ и очень небогатымъ. Можетъ быть, ему обѣщали чѣмъ нибудь вознаградить эту утрату. Но среди тогдашней смуты правительству не было времени думать о нуждахъ отдаленной епархіи, и Леонтій выѣхалъ изъ Москвы, не дождавшись улучшенія своихъ средствъ [2]).

III.

24-го ноября 1682 г. Леонтій прибылъ, наконецъ, въ свой каѳедральный городъ [3]) и лично увидалъ ту непригляднуюобстановку, въ которой должна была начаться его пастырская дѣятельность.

---

[1]) Архивъ мин. иностранн. дѣлъ. Монастырскія дѣла, св. 12, № 20 (1682 г. 12-го іюля).

[2]) Въ подобномъ же положеніи былъ и воронежскій епископъ Митрофанъ: по его словамъ, онъ «отпущенъ съ Москвы въ смутное время, а ничѣмъ не пожалованъ»... (Матеріалы для жизнеописанія св. Митрофана, собранн. Ст. Звѣревымъ. Выпускъ I. Воронежъ. 1897. Стр. 85).

[3]) Тамбовская лѣтопись, напечат. у Дубасова: Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. III. Москва. 1884. Стр. 18.

Онъ поселился, вѣроятно, въ ветхомъ домѣ, давно еще построенномъ для пріѣзда рязанскихъ владыкъ, ихъ приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ [1]). Деревянный каѳедральный соборъ, современный самому основанію Тамбова, тоже приходилъ въ упадокъ и былъ скудно обставленъ утварью. Кругомъ была бѣдность, и вопросъ о средствахъ принималъ для Леонтія настойчивую форму.

Кромѣ доходовъ съ вотчинныхъ монастырей, епархіальные архіереи въ XVII в. пользовались еще пошлинами съ ставленныхъ грамотъ. Размѣръ этихъ сборовъ, опредѣленный еще Стоглавымъ соборомъ, не во всѣхъ епархіяхъ наблюдался съ точностью и часто зависѣлъ отъ усмотрѣнія епископа [2]). Къ этому источнику дохода и обратился Леонтій для улучшенія своихъ средствъ. Онъ значительно повысилъ ставленныя пошлины сравнительно съ ихъ прежнимъ размѣромъ въ нашемъ краѣ [3]). При господствѣ выборнаго начала въ приходской жизни того времени, тяжесть этихъ увеличенныхъ сборовъ ложилась не столько на самихъ ставленниковъ, сколько на ихъ избирателей-прихожанъ. Благодаря этому, поступокъ Леонтія вооружилъ противъ него значительное число лицъ изъ духовенства и мірянъ въ г. Козловѣ. Вождемъ оппозиціи явился настоятель Козловскаго монастыря архимандритъ Доровей, который вмѣстѣ со всѣми козловцами, какъ мы видѣли выше, имѣлъ уже поводъ къ недовольству Леонтіемъ. Обиженные составили на епископа челобитную и отправили къ патріарху. Намъ не извѣстны подробно обстоятельства этой прискорбной ссоры: наши источники передаютъ о ней въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, разсказываетъ объ этомъ Тамбовская лѣтопись: «за общее наше согрѣшеніе,—пишетъ, очевидно, какой-то доброжелатель Леонтія,—попустилъ Богъ ратовати діаволу на христіанскій родъ, ненавидяй всякаго добра, начатъ бить челомъ святѣйшему Іоакиму патріарху Козлова города Троицкаго монастыря архимандритъ Доровей съ братіею, священническій чинъ и многіе жители города Козлова. И по указу святѣйшаго патріарха и по ихъ челобитью, велѣно сыскать про него, епископа, съ Костромы Ипатскаго монастыря игумену Тимоѳею [4]), и они были и сыскивали

---

[1]) Инн. Николевъ. Матеріалы, относящ. къ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ первый. Тамбовъ. 1884. Стр. 14 и 20. Ср. Дубасова, Очерки..., вып. IV. (Тамбовъ. 1887). Стр. 28.

[2]) Только въ 1687 г. патріархъ Іоакимъ разослалъ по епархіямъ выписку о церковныхъ пошлинахъ, которая должна была служить для всѣхъ архіереевъ руководствомъ въ денежныхъ сборахъ, между прочимъ, и со ставленниковъ (см. Описаніе архива мин. юстиціи, кн. I, отд. III. Спб. 1869).

[3]) При обширныхъ размѣрахъ своей епархіи, рязанскіе митрополиты могли облагать ставленниковъ не очень обременительными сборами.

[4]) Въ этомъ сообщеніи несомнѣнно допущена ошибка. По «Спискамъ» Строева, въ 1682—1684 гг. настоятелями Ипатіевскаго монастыря были архимандриты Пахомій и Ѳеодосій (столб. 853), и въ другихъ костромскихъ монастыряхъ за это время нѣтъ игумена Тимоѳея.

про него, епископа...» [1]). Изъ этихъ строкъ нельзя понять, въ чемъ именно заключалось обвиненіе козловцевъ, вызвавшее «сыскъ про епископа». Но мы имѣемъ другой источникъ, который говоритъ о проступкѣ Леонтія болѣе опредѣленно. По словамъ «Каталога россійскихъ архіереевъ» [2]), Леонтій «отлученъ бысть престола своего за поставленіе священнаго чина на мздѣ...». Такимъ образомъ, челобитная козловцевъ обвиняла епископа въ мздоимствѣ. Само по себѣ подобное дѣло въ то время не представляло чего либо особенно выдающагося. Но патріархъ Іоакимъ довольно строго относился къ такимъ явленіямъ церковной жизни. Въ 1676 году онъ, напримѣръ, лишилъ епархіи и послалъ въ монастырь коломенскаго епископа Іосифа, между прочимъ, «за безмѣрное мздоимство» [3]), и съ такою же строгостію поступилъ патріархъ и въ дѣлѣ Леонтія. «По сыскѣ, говоритъ Тамбовскій лѣтописецъ, велѣно ему, епископу, быть въ Москвѣ, а поѣхалъ изъ Тамбова въ 192 (1684) году іулія въ первомъ числѣ, и съ того числа не бысть въ Тамбовѣ...».

IV.

Одинъ изъ тамбовскихъ историковъ, имѣвшій случай касаться дѣла Леонтія, высказалъ догадку, что описанная ссора возникла, лишь благодаря «гордости и строптивости» козловцевъ, самъ же Леонтій былъ въ этомъ происшествіи вовсе не виноватъ, и патріархъ уволилъ его изъ Тамбова только «въ намѣреніи дать ему въ управленіе другую епархію» [4]). Съ такимъ предположеніемъ, повидимому, согласуется и общій тонъ лѣтописной замѣтки, кото-

---

[1]) Дубасовъ. Очерки.... III, 18.

[2]) Рукоп. Синод. библіот., № 123, л. 160. Такъ какъ этотъ источникъ имѣетъ очень важное значеніе для біографіи Леонтія, то мы считаемъ нужнымъ сообщить о «Каталогѣ архіереевъ» болѣе подробныя свѣдѣнія. «Книги сей,—говоритъ авторъ «Исторіи Росс. іерархіи»,—многіе списки съ разными поправками, а иные и подъ разными заглавіями находятся въ московскомъ патріаршемъ, новгородскомъ софійскомъ и въ другихъ духовныхъ книгохранилищахъ. Нѣкоторые приписываютъ сіе сочиненіе св. Димитрію Ростовскому, но поелику во всѣхъ почти извѣстныхъ спискахъ лѣтосчисленіе въ нѣкоторыхъ статьяхъ простирается далѣе кончины сего святителя, а притомъ и слогъ показываетъ сочинителя, мало въ словесности искуснаго,—то мнѣніе сіе сомнительно» (Ист. іер., т. I, стр. II—III). Одинъ изъ подобныхъ списковъ «Каталога», въ которомъ отдѣлъ о Тамбовской епархіи доведенъ до конца XVIII в., хранится теперь въ тамбовской архивн. коммисіи (объ этой рукописи см. нашу замѣтку въ Извѣст. тамб. арх. ком. № 46, стр. 26—31). Свѣдѣнія о Леонтіи въ обоихъ спискахъ рукописей—синодальномъ и тамбовскомъ—буквально сходны. (Ср. Митр. Платона, Краткая церковная россійская исторія. Изд. 3. М. 1829. Томъ II, стр. 224).

[3]) А. Доброклонскій. Руков. по истор. русской церкви. Вып. III. М. 1889. Стр. 121.

[4]) Н. М—въ. Жизнеописаніе святителя Питирима, еписк. тамбовскаго. Тамбовъ. 1885. Стр. 31 и 40.

рая разсказываетъ о событіи съ видимымъ сочувствіемъ Леонтію и даетъ понять, что недовольство епископомъ имѣло только мѣстный характеръ, а не распространялось по всей епархіи. Что же касается нашей ссылки на «Каталогъ архіереевъ», то она можетъ быть ослаблена возраженіемъ: возможно допустить, что показанія этой рукописи принадлежатъ кому либо изъ враговъ Леонтія, а потому и не должны считаться вполнѣ безпристрастными свидѣтельствами о немъ. Чтобы рѣшить, какой изъ двухъ источниковъ ближе къ истинѣ,—лѣтопись или «каталогъ»,—мы передадимъ дальнѣйшую судьбу Леонтія, по удаленіи его изъ Тамбова. Въ этомъ разсказѣ мы увидимъ, съ одной стороны, чѣмъ закончилось дѣло тамбовскаго епископа, а съ другой—познакомимся вообще съ характеромъ Леонтія и, такимъ образомъ, получимъ возможность безошибочно судить о томъ, дѣйствительно ли распря была вызвана только «гордостію и строптивостью» козловцевъ.

Въ Москвѣ Леонтій, безъ сомнѣнія, пытался оправдаться, но это ему совсѣмъ не удалось: онъ былъ не только лишенъ каѳедры, но и запрещенъ въ священнослуженіи. Проживая въ какомъ нибудь московскомъ монастырѣ, Леонтій долженъ былъ почувствовать всю тяжесть положенія запрещеннаго епископа и съ матеріальной и особенно съ нравственной стороны. Наказаніе смирило его. Вотъ что писалъ онъ въ своей покаянной челобитной къ патріарху: «Великому господину, святѣйшему Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи, бьетъ челомъ богомолецъ твой, Леонтій епископъ. Согрѣшилъ я, богомолецъ твой, предъ Господомъ Богомъ и предъ тобою, государемъ отцемъ своимъ, премилостивымъ архипастыремъ, отъ вѣдѣнія и невѣдѣнія, и прогнѣвилъ есмь Творца своего Бога и тебя, государя отца своего, премилостиваго архіерея. И за грѣхи мои и вины отлученъ есмь отъ Божія милости и отъ твоея архипастырскія и отеческія любви и твоею государевою архіерейскою по Божіи воли духовною властію запрещено мнѣ ничтоже священническая дѣйствовати, не то что архіерейская. И я, богомолецъ твой, ради того, что лишенъ есмь твоея государевы архипастыскія милости и благословенія, съ печали едва волочуся и молю, яко во тьмѣ или во адѣ дни моя препровожаю, горько плача. Якоже праотецъ нашъ Адамъ, преступивъ заповѣдь Божію, сведенъ бысть во адъ и слезами и моленьемъ получилъ отъ превѣчнаго Архіерея Христа Спасителя велію милость и отъ ада освобожденіе, тако и азъ, окаянный, будучи въ великой печали, яко во адѣ, и вѣдая твое государево архіерейское превѣчнаго Архіерея свѣта Христа Бога и истинно-подражательное милосердное благонравіе, проливаю моленіе мое съ горькими слезами къ тебѣ, премилостивому государю отцу своему, пречестнѣйшему архипастырю и благоутробному архіерею, припадая до честныхъ стопъ твоихъ отеческихъ, много челомъ бія и горько плача, милости и отрады, якоже пра-

отецъ нашъ Адамъ, желаю отъ темноты свобожденія и свѣтлости твоея государевой премилостиваго архіерея отеческой первой милости и благоволенія. Милостивый великій господинъ, святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи! Пожалуй мене, богомольца своего, и помилуй, государь, для своего архипастырскаго многолѣтнаго здравія и благоденствія, свободи мя милостію своею отъ великой печали и горькихъ слезъ, яко отъ ада, и отъ союза запрещенія разрѣши и прости, государь, мене, богомольца своего, въ преступленіи моемъ и во всѣхъ на мя нанесенныхъ винахъ и сподоби, государь, мое недостоинство совершеннаго разрѣшенія и прощенія и первыя своея христоподражательныя архіерейской и отеческой милости. О семъ, со слезами припадая, твоему архипастырскому милосердію много челомъ бію и радъ есмь за твое государево архипастырское и отеческое многолѣтное здравіе непрестанно Господа Бога молить. Великій господинъ, смилуйся, пожалуй. Къ сей своей челобитной Леонтій епископъ руку приложилъ» [1]).

Это слезное моленіе достигло цѣли. Но, разрѣшая Леонтія отъ запрещенія, патріархъ даже при особомъ благоволеніи къ нему не могъ уже опять дать ему каѳедру: въ русской церкви того времени было всего два епископа (тамбовскій и воронежскій), а остальные іерархи имѣли санъ архіепископовъ и митрополитовъ [2]). Въ виду этого Леонтій, какъ выражается «Каталогъ», «данъ бысть для послуженія и поставленія ставленниковъ преосвященному Корнилію, митрополиту новгородскому». Неизвѣстно, числился ли Леонтій официіальнымъ викаріемъ новгородской митрополіи, или онъ только исполнялъ обязанности викарнаго епископа безъ особаго титула [3]). Но и въ Новгородѣ его пребываніе было неспокойно. «За непослушаніе и крамолы» Леонтій былъ отправленъ въ 1690 г. въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь «подъ начало» къ митрополиту Иларіону, опять съ запрещеніемъ архіерейскаго служенія. Казалось, это вторичное наказаніе должно бы было сдѣлать Леонтія болѣе сдержаннымъ и осмотрительнымъ. Но мы видимъ совсѣмъ не то: и митрополиту Иларіону Леонтій «многія козни

---

[1]) Московской синодальной библіотеки свитокъ № 52, по 3 реестру.

[2]) Прот. П. Николаевскій, Патріаршая область и русскія епархіи въ XVII в. «Христ. Чтеніе», 1888 г., № 1—2, стр. 189.

[3]) Въ «Исторіи Россійской іерархіи» сказано, что Леонтій «данъ викаріемъ, епископомъ корельскимъ и орѣшецкимъ, митрополиту Корнилію» (т. I, стр. 85.— Ср. Филарета, архіеп. Черниговскаго, «Ист. росс. церкви», періодъ IV. Изд. 4-е. Черниговъ, 1862, стр. 16). Но въ «Спискахъ» Строева среди новгородскихъ викаріевъ Леонтія не видно (столб. 38 и 891). Равнымъ образомъ, Строевъ не принимаетъ и другого сообщенія «Ист. іерархіи», что Леонтій былъ назначенъ къ суздальскому митрополиту Иларіону викаріемъ же (ср. по этому вопросу И. Покровскаго: «Русскія епархіи въ XVII—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы», т. I. Казань. 1897, стр. 386).

учинилъ». Въ чемъ именно заключались эти козни,—о томъ довольно обстоятельно разсказываетъ «житіе» Иларіона [1]).

Какъ видно, Леонтій сперва вызвалъ къ себѣ нѣкоторую долю сочувствія со стороны митрополита: по ходатайству послѣдняго подначальному епископу было дозволено по двунадесятымъ праздникамъ служить въ епископскомъ облаченіи. При этой льготѣ у Леонтія естественно явилась мысль еще улучшить свое положеніе. Для этой цѣли онъ рѣшилъ воспользоваться тѣмъ несчастіемъ, которое подъ старость постигло митрополита, именно его слѣпотою. «Житіе» передаетъ, что однажды, придя въ крестовую палату, Леонтій прямо обратился къ митрополиту съ такимъ предложеніемъ: «Отдаждь ми престолъ твой, яко паче тебе могущу управляти ми. Ты же нѣси достоинъ таковый санъ имѣти, слѣпъ сый. Того ради не можеши архіерейства чинъ содержати, о семъ убо подпишу своею ти рукою»... Разумѣется, это предложеніе было далеко не по сердцу митрополиту. «Тебѣ что о семъ попеченіе привниде?—возразилъ Иларіонъ:—аще азъ и нѣсмь достоинъ и не могу содержати, тебѣ же не могу престола своего отдати... Аще хощеши, проси о семъ царскую державу». Такой отвѣтъ привелъ Леонтія въ сильную ярость. Онъ началъ, «аки левъ, свирѣпо рыкати» и рядъ «гнѣвныхъ и мятежныхъ словесъ» закончилъ обѣщаніемъ донести на митрополита царю «нѣчто тайное». Послѣдняя угроза не могла не смутить Иларіона, хорошо знавшаго, какъ страшны были въ то время дѣла о разныхъ «тайныхъ словахъ». Митрополитъ отдалъ приказъ «зѣло твердо блюсти епископа», а самъ поспѣшилъ написать царю. Леонтія вытребовали въ Москву. Предъ соборомъ архіереевъ и царскимъ синклитомъ онъ долженъ былъ дать показаніе о «тайномъ словеси». Замѣтно, что Леонтій обстоятельно готовился къ этому отвѣту: онъ подалъ цѣлый «свитокъ» обвиненій на митрополита. Указывая на слѣпоту Иларіона, какъ на существенное препятствіе къ управленію епархіей, Леонтій прибавлялъ,

---

[1]) Иларіонъ (род. около 1632 г.) сдѣлался суздальскимъ митрополитомъ въ 1681 г. изъ настоятелей Флорищевой пустыни (Владим. губ., Гороховецкаго у.), въ которой онъ постригся въ 1653 г. и сталъ извѣстенъ царю Θеодору Алексѣевичу своей подвижнической жизнью. Здѣсь же, вѣроятно, и началось знакомство Иларіона съ Леонтіемъ, которое перешло въ довольно близкія отношенія (какъ увидимъ далѣе, Леонтій былъ одно время духовникомъ Иларіона). Такъ какъ Леонтій доставилъ въ Суздалѣ много тревогъ митрополиту, то «житіе» Иларіона, писанное его ученикомъ и искреннимъ почитателемъ (см. статью гр. М. В. Толстого: «Иларіонъ, митрополитъ суздальскій».—«Душеполезное Чтеніе», 1867 г., кн. I, стр. 263 и слѣд.; мы пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи печатнымъ изданіемъ: «Житіе преосв. Иларіона, митроп. суздальскаго». Памятникъ начала XVIII в». Казань. 1868 г.), отзывается о Леонтіи крайне сурово. Очень возможно, что въ передачѣ и толкованіи поступковъ Леонтія авторомъ «Житія» допущены нѣкоторыя неточности, хотя общій ходъ всего дѣла излагается, повидимому, правильно.

что митрополитъ рукополагаетъ въ священный санъ людей недостойныхъ и даже «имѣетъ предъ лицемъ своимъ государственныхъ злодѣевъ». Что же касается «тайнаго словеси», то его Леонтій заимствовалъ изъ своихъ воспоминаній о прошлой жизни митрополита. Когда-то, еще до своего архіерейства, Иларіонъ на исповѣди будто бы сдѣлалъ о себѣ признаніе Леонтію, что онъ, Иларіонъ, недостоинъ священнаго сана.

Изъ всѣхъ этихъ обвиненій въ глазахъ правительства наиболѣе вѣскимъ являлось первое, и оно было до нѣкоторой степени принято во вниманіе [1]). «Тайному же словеси», въ виду безпокойнаго нрава Леонтія и его прежнихъ «крамолъ», никакого значенія не придали. Вмѣсто ожидаемаго полученія каѳедры, Леонтію грозила теперь ссылка «въ дальные предѣлы», т. е. скорѣе всего въ Соловецкій монастырь. Предвидя такой исходъ своего дѣла, Леонтій самовольно «съѣхалъ» изъ Москвы въ Суздаль, чтобы распорядиться оставшимся въ его кельѣ имуществомъ, которое, въ отсутствіе хозяина, могло безслѣдно разойтись по рукамъ суздальскихъ монаховъ. Снова вызвали Леонтія въ Москву, и въ допросѣ онъ показалъ, что «съѣзжалъ онъ въ Суздаль для своей рухляди, которую, будучи онъ въ Суздалѣ, въ Спасскомъ монастырѣ покинулъ: сундучекъ съ деньгами и рухлядью, съ вѣдома того монастыря архимандрита Варлаама, подъ теплою церковью поставилъ за своею печатью и замкомъ; да у него жъ осталось въ кельѣ, гдѣ онъ жилъ, платье теплое и холодное и иная рухлядь»... Вѣроятно, вопросъ объ этой «рухляди» и былъ причиною того, что вмѣсто «дальныхъ предѣловъ» Леонтій былъ опять отправленъ въ Суздаль; но теперь ему велѣно быть въ монастырѣ «твердѣйше блюдому и неисходну», а пищу и питье давать ему братскія... При этомъ монастырскій приказъ, не пропускавшій случая прибирать къ рукамъ имущества опальныхъ лицъ, сдѣлалъ распоряженіе о переписи всего находившагося въ кельѣ Леонтія и его «сундучка» съ деньгами. Подробную роспись велѣно прислать къ Москвѣ, «а ему, епископу,

---

[1]) По словамъ «Житія», государь повелѣлъ митрополиту, несмотря на его слѣпоту, «пребывати на своемъ престолѣ даже до кончины его» (стр. 143). Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ совсѣмъ иное. Въ 1703 г. изъ Монастырскаго приказа было послано Иларіону предписаніе прибыть въ Москву на чреду священнослуженія съ ризницей, пѣвчими и проч. (Архивъ мин. юст. Дѣла Монаст. прик., св. 212, № 153). Очевидно, въ Москвѣ хотѣли видѣть Иларіона затѣмъ, чтобы опредѣлить, насколько онъ способенъ заниматься дѣлами. Когда же митрополитъ отказался ѣхать «за древностью и за скорбью»,—была послана ему другая грамота, а съ ней отправленъ подьячій, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ (Дѣла Мон. пр., св. 212, № 153). 21 февраля 1705 г. (т. е. послѣ дѣла Леонтія которое, какъ увидимъ далѣе, закончилось въ 1704 г.). Иларіонъ былъ уволенъ отъ епархіи «за старостью» (св. 224, № 56), а умеръ онъ, по показанію «Житія», 14-го декабря 1707 г.

тое рухляди и сундучка до указу великаго государя не отдавать» [1])...

Теперь всякое желаніе властительства у Леонтія должно было погаснуть. Испытанныя невзгоды разстроили его здоровье, и его жизненное поприще видимо подходило къ концу. Въ августѣ 1707 г., чувствуя приближеніе смерти, Леонтій обратился къ государю съ слѣдующей челобитной: «Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій. Въ прошломъ, государь, 704 году по твоему государеву указу, сосланъ я, богомолецъ твой, въ смиреніе во градъ Суздаль во святую обитель Всемилостиваго Спаса въ Евѳимьевъ монастырь въ казну. А нынѣ я, богомолецъ твой, кончаюсь при смертномъ часу, а погребетися и помянутца мнѣ нечемъ и очами обнищалъ. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества, вели, государь, того Всемилостиваго Спаса Евѳимьева монастыря архимандриту Варлааму крохи мои изъ казны выдать противъ росписи, какова у нихъ въ монастырѣ, и о томъ послать свой государевъ указъ къ нему, архимандриту, вашего величества нижайшій богомолецъ, бывшей епископъ Леонтій Танбовской. Къ сей челобитной, вмѣсто отца своего родного, бывшаго епископа Леонтія Танбовскаго, что онъ очами обнищалъ, по его благословенію и и велѣнію, сынъ его, села Мытъ Пречистенской попъ Иванъ Лаврентьевъ руку приложилъ...» [2]). По обычаю, началась продолжительная переписка Монастырскаго приказа съ Суздальскимъ архіерейскимъ приказомъ и Спасскимъ монастыремъ. Иванъ Лаврентьевъ, заинтересованный исходомъ этого дѣла, усердно снималъ нужныя копіи и лично доставлялъ ихъ въ Монастырскій приказъ. Но, пока тянулось дѣло, Леонтій успѣлъ умереть, и хлопоты его сына пропали даромъ. Можетъ быть, ему и выдали что нибудь изъ отцовской «рухляди»; но достовѣрно извѣстно, что сундучекъ съ деньгами Ивану Лаврентьеву не достался: онъ былъ взятъ въ казну [3]).

---

[1]) Дѣла Монаст. прик., св. 235, № 8. (Среди имущества Леонтія, между прочимъ, упоминается и нѣсколько книгъ: Златоструй, Евангельскія притчи, Небо звѣзда (?), т. е., вѣроятно, Небо новое, съ новыми звѣздами сотворенное—Іоанникія Голятовскаго. Многочисленное зерцало, «кіевская печатная» (здѣсь разумѣется скорѣе всего «Зерцало Богословія»—Кирилла Транквиліона, такъ какъ извѣстное въ то время «Великое Зерцало» въ печати не появилось).

[2]) Дѣла Монастырскаго приказа, св. 235, №8.—«Житіе» Иларіона сообщаеть, что Леонтій, послѣ вторичнаго заключенія въ Суздаль, «изступленіемъ ума пострадалъ есть» (стр. 143).

[3]) Среди разныхъ поступленій въ казну за 1708 г. значатся «келейныя деньги послѣ смерти тамбовскаго еп. Леонтія» въ количествѣ 416 р. (П. Милюковъ. Государств. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII. стол. и реформа Петра Великаго. СПБ. 1892. Приложенія, стр. 135. По «описи» въ сундукѣ у Леонтія было 397 р. 15 алтынъ).

V.

Факты, собранные нами въ этой печальной повѣсти о жизни Леонтія съ того времени, какъ онъ покинулъ Тамбовъ, достаточно обрисовываютъ эту неудачную личность. Мы можемъ, кажется, теперь снять обвиненіе съ козловцевъ и искать причину ссоры главнымъ образомъ въ «гордости и строптивости» самого Леонтія. Эти черты характера, можетъ быть, отчасти проявлявшіяся и въ начальствованіи Леонтія надъ Покровскимъ монастыремъ, нашли себѣ болѣе обильную пищу на епископской каѳедрѣ. Обстоятельства сложились такъ, что Леонтій въ Тамбовскій край ѣхалъ уже раздосадованный цѣлымъ рядомъ безуспѣшныхъ хлопотъ и столкновеній по экономическимъ вопросамъ. На мѣстѣ это раздраженіе только усилилось и обратилось противъ козловцевъ, которые въ глазахъ Леонтія были отчасти виновниками его тяжелаго матеріальнаго положенія.

Но, рядомъ съ разсказанными выше событіями, въ жизни Леонтія есть и такіе эпизоды, которые, повидимому, представляютъ въ болѣе выгодномъ свѣтѣ строптивую личность этого епископа. Проживая послѣ рукоположенія въ Москвѣ, Леонтій встрѣтился съ однимъ инокомъ, постриженникомъ Саввина Вишерскаго монастыря. Этотъ инокъ, впослѣдствіи знаменитый докторъ богословія Палладій Роговъ, по его собственнымъ словамъ, родился «въ Кашинскомъ уѣздѣ (Тверской губ.) въ вотчинахъ Калязинскаго Макарьева монастыря», откуда «перешелъ вь Новгородскіе предѣлы и тамъ по обѣщанію пріялъ чинъ монашескій въ Саввинѣ Вишерскомъ монастырѣ». Не извѣстно, по какому поводу Палладій явился въ Москвѣ, и какъ онъ познакомился съ Леонтіемъ. Послѣдній, вѣроятно, надѣялся имѣть въ молодомъ монахѣ помощника по управленію епархіей, а потому взялъ его съ собою въ Тамбовъ, посвятивъ въ санъ іеродіакона. Вмѣстѣ съ Леонтіемъ Палладій покинулъ Тамбовъ и, имѣя около 30 лѣтъ, поступилъ въ богоявленскую школу. Конечно, пребываніе Палладія въ Тамбовскомъ краѣ прошло совершенно безслѣдно. Но для насъ интересенъ уже самый фактъ сближенія Леонтія съ такою выдающеюся личностью [1].

---

[1]) О Палладіи Роговѣ (за границей онъ сталъ называться Роговскимъ) см. Древн. Росс. Вивліоѳ., т. XVIII; Сынъ Отечества, 1840 г., т. IV; Православное Обозрѣніе, 1861 г., № 2; Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ 1883 г., ч. 32.—Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что нѣкоторые авторы, говоря о пребываніи Палладія въ Тамбовѣ, называютъ его «ученымъ діакономъ» (Дубасовъ, Очерки..., II, 104 Ср. Н. М.—въ, Жизнеопис. святителя Питирима, стр. 28.). Палладій сталъ дѣйствительно «ученымъ», долго спустя послѣ служенія его въ Тамбовѣ, когда онъ прошелъ курсъ Богоявленской школы (у Лихудовъ) и затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ за границей. Объ учености же Палладія въ Тамбовѣ нѣтъ ника-

Любопытно еще одно обстоятельство въ жизни Леонтія, также заставляющее думать, что этотъ неудачникъ не лишенъ былъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ «благихъ порывовъ». Въ приходо-расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа за 7194 годъ записано: «Во 194 году въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ, по указу святѣйшаго патріарха, выдано изъ казны и отдано изъ Казеннаго приказу въ цѣну книгъ «Увѣтовъ духовныхъ»; Леонтію, епископу танбовскому, 6 книгъ въ переплетѣ (по полтинѣ за книгу)» [1]. Пріобрѣтая нѣсколько экземпляровъ «Увѣта», Леонтій имѣлъ въ виду не свой только личный интересъ къ книгѣ (хотя и самъ онъ, какъ показываетъ опись его имущества, книгъ не чуждался), но, очевидно, и миссіонерскія нужды Тамбовскаго края, гдѣ число раскольниковъ было значительно [2].

С. Введенскій.

кихъ свѣдѣній, такъ какъ ея еще и не было. Тѣмъ и знаменитъ, между прочимъ, Палладій, что онъ началъ школьное образованіе уже на тридцатомъ году, т. е. гораздо позднѣе даже Ломоносова.

[1]) Архивъ министерства юстиціи, книга патріарш. казеннаго приказа № 119, л. 121 обор.—Такъ какъ въ 7194 (1685—1686) году Леонтій уже не былъ епископомъ тамбовскимъ, то нужно думать, что «Увѣты» были выданы ему ранѣе, а въ этомъ году только занесены въ приходо-расходную книгу.

[2]) Здѣсь умѣстно указать на одну ошибку, допущенную относительно Леонтія почтеннымъ изслѣдователемъ тамбовской старины, И. И. Дубасовымъ. По его словамъ, Леонтій былъ «фанатикомъ старообрядства», послѣдователемъ извѣстнаго Талицкаго, за что и сосланъ въ Суздаль (Очерки.., I, стр. 201 и 83). Но Талицкій началъ въ Москвѣ свою проповѣдь о пришествіи антихриста (въ лицѣ царя Петра), уже много лѣтъ спустя послѣ того, какъ Леонтія отправили въ «неисходное заключеніе», именно въ самые послѣдніе годы XVII в. (подробности объ этомъ мы имѣемъ въ виду сообщить въ статьѣ о тамбовскомъ епископѣ Игнатіи, который дѣйствительно сочувствовалъ Талицкому). Равнымъ образомъ, и въ сохранившихся извѣстіяхъ о Леонтіи нѣтъ никакого намека на его симпатіи къ расколу.

СТО ЛѢТЪ ЛИТЕРАТУРНАГО РАЗВИТІЯ [1].

V.

ТЕПЕРЬ скажемъ нѣсколько словъ о драмѣ, а затѣмъ поспѣшимъ обратиться и къ самому крупному явленію въ литературѣ этой поры, къ роману. Въ области драмы почти всѣхъ дѣятелей заслонилъ собою Островскій, какъ въ количественномъ отношеніи (въ чемъ онъ уступаетъ, пожалуй, г. Крылову), такъ и въ качественномъ. Въ его дѣятельности можно намѣтить три періода: первый—самый плодотворный, когда онъ изображалъ хорошо знакомый ему купеческій и приказный міръ; во второмъ — онъ отдается преимущественно исторической драмѣ, въ третьемъ — представляетъ въ своихъ комедіяхъ новыя явленія, народившіяся въ русской жизни въ пореформенную эпоху. Слава Островскаго зиждется, главнымъ образомъ, на произведеніяхъ перваго періода, когда онъ обрисовалъ во всемъ его безобразіи темное царство. Нельзя не указать, что кое-какія черты, кое-какіе типы этого міра были уже ранѣе подмѣчены и воспроизведены Гоголемъ, такъ что Островскій повторялъ своего великаго учителя: такъ, Ѳекла въ «женитьбѣ» есть прототипъ почти всѣхъ свахъ въ комедіяхъ Островскаго, разговоръ Агаѳьи Тихоновны съ Подколесинымъ встрѣчается въ разныхъ варіаціяхъ въ Бальзаминовской трилогіи, типы Мудрова, Ризполо-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 584.

женскаго и другихъ стряпчихъ являются у Гоголя въ «Игрокахъ» въ лицѣ Псоя Стахича Замухрышкина и т. д. Однако, это только отдѣльныя черты, вся же картина темнаго царства, съ царящимъ въ немъ невѣжествомъ, со стариннымъ домостроевскимъ складомъ жизни, а главное, съ самодурствомъ — является, несомнѣнно, произведеніемъ Островскаго.

Въ открытіи этого своеобразнаго міра было дѣйствительно «новое слово» Островскаго, и тѣ славянофильскія идеи, которыя находилъ въ его комедіяхъ Аполлонъ Григорьевъ, выражались въ нихъ въ сущности очень слабо, и, можетъ быть, это скорѣе надо признавать ихъ достоинствомъ. Еслибы выраженіе этихъ идей въ комедіяхъ Островскаго было сильнѣе, мы рисковали бы въ нихъ встрѣтить другой трафаретный рецептъ нравственности въ родѣ постоянной у него тенденціи наказывать порокъ и награждать добродѣтель. Кромѣ самодуровъ, изъ этой поры творчества Островскаго имѣютъ несомнѣнную цѣнность типы разныхъ плутоватыхъ дѣльцовъ изъ приказнаго міра, въ родѣ Юсовыхъ и Беневоленскихъ, ничтожныхъ людишекъ въ родѣ Бальзаминова, нѣкоторые свѣтлые типы, какъ учитель Ивановъ, механикъ Кулигинъ, Любимъ Торцовъ и другіе. Это собраніе типовъ, ярко рисующихъ намъ жизнь извѣстной общественной среды въ данную эпоху, помимо своего временнаго значенія, имѣетъ, благодаря неоспоримому художественному таланту Островскаго, и огромную абсолютную важность: юморъ, освѣщающій всю эту жизнь, такъ силенъ, художникъ такъ умѣетъ въ нѣкоторыхъ своихъ типахъ намѣтить общія человѣческія черты, что его комедіи смѣло можно ставить рядомъ съ высшими созданіями драматической литературы. Поэтому-то совсѣмъ несостоятельны попытки современныхъ нашихъ дѣятелей театра вытѣснить со сцены Островскаго и замѣнить его «устарѣлыя» комедіи якобы идейными пьесами новѣйшаго европейскаго репертуара.

Нельзя также не цѣнить и историческихъ драмъ Островскаго, изъ которыхъ «Василиса Мелентьева», вѣроятно, еще долго будетъ занимать почетное мѣсто въ нашемъ репертуарѣ. Въ этихъ драмахъ Островскій слѣдовалъ манерѣ историческихъ хроникъ Шекспира, и настолько удачно, что его пьесы могутъ смѣло выдерживать конкурренцію съ замѣчательной «Трилогіей» графа А. К. Толстого, и во всякомъ случаѣ стоятъ выше историческихъ драмъ Мея, Чаева, Аверкіева. Произведенія третьяго періода—очень многочисленны, и хотя въ нихъ есть и несомнѣнныя достоинства сценичности и жизненнаго наблюденія, они не могли имѣть того успѣха, что прежнія драмы Островскаго, такъ какъ въ нихъ не чувствуется уже свѣжести таланта, а старый недостатокъ, шаблонность морали, сказывается значительно сильнѣе.

Изъ другихъ драматурговъ этой поры драгоцѣнный вкладъ въ

нашу литературу сдѣлалъ Сухово-Кобылинъ, создавши вѣчные типы Кречинскаго и Расплюева, типы, по своей скульптурной законченности и жизненности, могущіе стоять рядомъ съ Грибоѣдовскими и Гоголевскими героями: не даромъ же ихъ имена, особенно Расплюева, стали нарицательными, а выраженія «просвѣщенные мореплаватели» и «сорвалось» стали такъ же популярны, какъ и стихи «Горя отъ ума» и нѣкоторыя фразы «Ревизора» и «Женитьбы». Въ исторіи нашей новѣйшей драмы намъ врядъ ли удастся назвать другіе типы, которые имѣли бы такое же общее значеніе, какъ два героя Сухово-Кобылина: создавая ихъ, художникъ поднялся на значительную высоту надъ тѣмъ бытомъ, который ихъ породилъ, и если мы ихъ внимательно проанализируемъ, то мы увидимъ въ нихъ такую основу, которая совсѣмъ не зависитъ отъ бытовыхъ условій. Кречинскіе и Расплюевы могутъ существовать въ какой угодно странѣ и при какихъ угодно обстоятельствахъ. Чѣмъ, какъ не Кречинскимъ, конечно, въ грандіозныхъ размѣрахъ, слѣдуетъ назвать иного государственнаго авантюриста, въ родѣ извѣстнаго Джона Ло? Вѣдь и «сорвалось»-то у него такъ же, какъ у Кречинскаго, а не надо забывать, что встрѣчаются подобные Кречинскіе en grand и въ такой обстановкѣ, что у нихъ не «срывается», и тогда весь міръ ихъ готовъ чествовать чуть ли не въ качествѣ благодѣтелей. А развѣ низменная расплюевщина ужъ такъ-таки и должна быть отнесена къ дореформенной эпохѣ? Намъ кажется, что, обѣляя себя отъ этого достоинства, людямъ позднѣйшаго времени не мѣшало бы иногда вспоминать пророческія слова, сказанныя почтеннымъ ученымъ въ 60-хъ годахъ, о томъ, что въ весьма недалекомъ будущемъ «современные ему Репетиловы обратятся въ Расплюевыхъ». Развѣ на многихъ и многихъ не оправдалось это пророчество? Развѣ нѣкоторыя грустныя литературныя явленія, о которыхъ намъ придется говорить въ слѣдующей главѣ, не слѣдуетъ признать именно превращеніемъ репетиловщины въ расплюевщину?

Крупнѣйшимъ явленіемъ въ области драмы надо признать и «Горькую судьбину» Писемскаго: въ ней авторъ далъ такую реальную картину народнаго быта, какой въ драматической формѣ мы другой не имѣемъ, за исключеніемъ «Власти тьмы» гр. Л. Н. Толстого. Что касается комедій Писемскаго, то успѣхъ ихъ былъ гораздо слабѣе, и на репертуарѣ онѣ не могли удержаться особенно долго.

Прочіе драматурги третьей четверти столѣтія, Чернышевъ, Дьяченко, Пальмъ, г. Аверкіевъ, Потѣхинъ, Соловьевъ и др. дали рядъ болѣе или менѣе удачныхъ драмъ и комедій, но особенно важнаго значенія ихъ дѣятельность не имѣетъ. Что касается драматическихъ произведеній Тургенева, то, несмотря на ихъ литературныя достоинства, жизненность типовъ, они, за исключеніемъ «Завтрака у пред-

водителя» и «Нахлѣбника», не отличаются особенною сценичностью, и врядъ ли можно сказать, чтобы они имѣли успѣхъ.

Обращаясь къ роману, мы опять видимъ себя вынужденными остановиться лишь на самыхъ яркихъ его явленіяхъ, такъ какъ развитіе этого литературнаго рода въ разсматриваемый періодъ достигло у насъ небывалыхъ размѣровъ: на этомъ поприщѣ выступаютъ такіе художественные колоссы, какъ Тургеневъ, Достоевскій, графъ Л. Н. Толстой, Гончаровъ и Писемскій, и передъ ними блѣднѣютъ таланты меньшаго объема, въ родѣ Г. Успенскаго, Златовратскаго, Рѣшетникова, С. Т. Аксакова, Лѣскова, Мельникова, В. Крестовскаго, Крестовскаго-псевдонима, Маркевича, тогда какъ въ другую эпоху каждый изъ этихъ второстепенныхъ писателей могъ бы занять одно изъ очень почетныхъ мѣстъ. Изъ названныхъ нами пяти корифеевъ нашего романа мы оставимъ въ сторонѣ также и Гончарова съ Писемскимъ: первый изъ нихъ, хотя и создалъ удивительную по реализму и широтѣ захвата фигуру Обломова, но въ исканіи положительнаго типа дѣятеля недалеко подвинулся сравнительно съ Гоголемъ, такъ какъ и дядюшка Адуевъ и Штольцъ представляютъ собою дальнѣйшее и неособенно удачное развитіе типовъ Костанжогло и Муразова, а, кромѣ того, при всѣхъ достоинствахъ нѣкоторыхъ реальныхъ образовъ (особенно женскихъ) романовъ Гончарова, ему портилъ какой-то натянутый дидактизмъ, хотя критика почему-то признавала въ немъ исключительно объективнаго художника; что касается Писемскаго, то при всѣхъ замѣчательныхъ достоинствахъ его романовъ, какъ правдиваго воспроизведенія жизни, отсутствіе высшаго художественнаго освѣщенія изображаемыхъ явленій значительно понижаетъ цѣнность его романовъ и повѣстей и ставитъ ихъ особнякомъ отъ общаго теченія русскаго реализма, который, какъ мы указывали, наибольшую цѣнность пріобрѣтаетъ отъ соединенія съ идеализмомъ, указаннаго еще Пушкинымъ; гуманное начало, такъ ярко заявляющее себя у другихъ представителей нашего реализма и заставляющее насъ любить ихъ произведенія, у Писемскаго почти нигдѣ не выражается.

Начавши свою литературную карьеру блѣдными, подражательными стихотвореніями и повѣстями, Тургеневъ уже на порогѣ новой четверти вѣка выступаетъ, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, вмѣстѣ съ Григоровичемъ и Некрасовымъ, какъ борецъ противъ крѣпостного права. Можетъ быть, первые очерки «Записокъ охотника» и не преслѣдовали явно этой общественно-политической цѣли, но въ общей совокупности вліяніе этихъ, повидимому, непритязательныхъ разсказовъ именно въ этомъ направленіи неоспоримо и прежде всего, какъ извѣстно, было подтверждено самимъ императоромъ Александромъ II. Сила повѣстей заключалась именно въ удивительномъ художественномъ тактѣ молодого писателя, безъ

всякихъ кричащихъ эффектовъ, при помощи вполнѣ обыденныхъ картинокъ, «среднихъ типовъ», сумѣвшаго показать зло крѣпостныхъ отношеній, возбудить въ обществѣ новыя сочувствія къ безправному народу и этимъ показать обществу, въ чемъ должно состоять его первое дѣло. Необходимость перейти отъ безполезныхъ, хотя и возвышенныхъ, словоизверженій къ серіозному дѣлу многими уже сознавалась, но это были смутныя, неопредѣленныя порыванія, и велика заслуга художника, указавшаго путь для этихъ благихъ стремленій. Однако для дѣла нужны и соотвѣтствующіе люди, честные работники, не одни прекраснодушные идеалисты, и потребность въ такихъ людяхъ была уже указана Гоголемъ въ его противопоставленіи не удавшихся типовъ Костанжогло и Муразова съ одной стороны низменному въ нравственномъ отношеніи дѣльцу Чичикову, а съ другой—идеалисту, «коптителю неба» Тентетникову.

Чтобы разрѣшить художественную задачу, поставленную Гоголемъ и настоятельно выдвигаемую самой жизнью, Тургеневъ, какъ реалистъ, долженъ былъ обратиться къ пересмотру тѣхъ данныхъ, которыя находились въ окружающей дѣйствительности, а тутъ онъ встрѣтился прежде всего съ разными типами лишнихъ людей, Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, головы которыхъ представлялись «складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ», и которые вслѣдствіе такого своего умственнаго склада не имѣли никакого сознанія реальныхъ потребностей жизни и ужъ, конечно, не могли быть дѣятелями. Слѣдующей стадіей въ исканіи типа положительнаго дѣятеля были «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо», но Рудинъ и Михалевичъ полезны обществу только своимъ нѣсколько космополитическимъ идеализмомъ, они будятъ къ духовной работѣ другихъ людей, при чемъ сами не дѣйствуютъ, такъ какъ все же оторваны отъ родной почвы; Лежневъ же и Лаврецкій, противопоставленные этимъ героямъ, несмотря на бо̀льшую свою практичность въ сравненіи съ ними, страдаютъ отсутствіемъ энергіи, разумно направленной на служеніе общему дѣлу, и сколько ни есть симпатичныхъ сторонъ въ этихъ четырехъ типахъ, намъ ясно, что только изъ сочетанія тѣхъ чертъ, которыя находятся въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, можетъ получиться новый типъ, удовлетворяющій искомому идеалу. Дѣятель какъ бы найденъ въ «Наканунѣ», но болгаръ Инсаровъ, хоть и умираетъ за святое дѣло родины, представляетъ такія особенности, что значительная часть нашихъ симпатій остается на сторонѣ русскихъ, у которыхъ, по его же собственному признанію, «золотыя сердца». Базаровъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» еще ближе подходитъ къ идеалу, его любитъ авторъ, какъ сильную натуру, но и онъ въ концѣ концовъ «баринъ», который ничего не понимаетъ, и жизнь ломитъ этого дѣятеля.

Представивши намъ затѣмъ въ «Дымѣ» несостоятельность По-

тугиныхъ и Литвиновыхъ, мало отличающихся отъ прежнихъ лишнихъ людей, и отмѣтивъ отрицательныя черты движенія молодежи 70-хъ годовъ, Тургеневъ какъ бы пришелъ къ давно отыскиваемому типу въ лицѣ героя «Нови» — Соломина. По крайней мѣрѣ, устами Паклина онъ даетъ слѣдующій приговоръ объ этомъ своемъ героѣ: «Такіе, какъ онъ,—они-то вотъ и суть настоящіе, повѣрьте; и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои; это даже не тѣ «герои труда», о которыхъ какой-то чудакъ—американецъ или англичанинъ—написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы посмотрите на Соломина: уменъ, какъ день,—и здоровъ, какъ рыба... Какъ же не чудно! Вѣдь у насъ до сихъ поръ на Руси какъ было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаніемъ—такъ непремѣнно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше, и ненавидитъ онъ то же, что мы ненавидимъ, да нервы у него молчатъ, и все тѣло повинуется, какъ слѣдуетъ... значитъ, молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы; образованный—и изъ народа; простой—и себѣ на умѣ... Какого вамъ еще надо?...». Соломину и ему подобнымъ принадлежитъ будущность, судя по роману, однако, какъ люди будущаго, они еще не вполнѣ опредѣлились, и страхъ беретъ, какъ бы не вышли изъ нихъ «буржуи», а тогда и нечего толковать объ идеалѣ. Такимъ образомъ окончательнаго рѣшенія своей художественной задачи Тургеневъ не далъ, какъ не дали его и другіе художники, шедшіе по тому же пути, и единственнымъ цѣльнымъ героемъ будущаго, если не принимать въ расчетъ Молотова изъ романа Помяловскаго, типъ, представляющій нѣкоторые существенные недостатки, является, пожалуй, только Рахметовъ въ романѣ Чернышевскаго «Что дѣлать?»—но и этотъ герой есть чисто фантастическій образъ, и вся бѣда въ томъ, что жизнь пока еще не дала матеріала для рѣшенія указанной художественной задачи.

Если задача и не рѣшена, то въ этомъ вина не художника, а онъ свое дѣло исполнилъ и въ рядѣ своихъ романовъ представилъ намъ художественную лѣтопись нашего духовнаго развитія: тутъ и идеализмъ людей сороковыхъ годовъ, и западничество, и славянофильство, и возрожденіе эпохи великихъ реформъ, и движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, такъ что по романамъ Тургенева мы можемъ чрезвычайно живо возстановить картину умственной жизни, духовныхъ стремленій нашего общества. И вся эта картина освѣщена дивнымъ идеализмомъ нашего художника; есть что-то бодрящее, зовущее впередъ, къ свѣту, во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева, который какъ бы обращается къ грядущимъ поколѣніямъ съ привѣтомъ Лаврецкаго: «Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы, жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и

вставать среди мрака, — вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами».

«Мрачный художникъ», «жестокій талантъ» и «великій человѣколюбецъ»—вотъ тѣ противорѣчивые отзывы, съ которыми приходится встрѣчаться, когда рѣчь коснется литературнаго облика Достоевскаго. Источникомъ этихъ противорѣчій и въ особенности отрицательныхъ отзывовъ надо большею частью признать личныя антипатіи критиковъ и тѣ общественныя столкновенія, которыя мѣшали въ свое время безпристрастно отнестись къ великому художнику; но чѣмъ дальше мы отходимъ отъ жгучей эпохи, когда дѣйствовалъ Достоевскій, тѣмъ ярче передъ нами вырисовывается страдальческій образъ этого искателя правды и печальника униженныхъ и оскорбленныхъ. «Каковъ съ колыбельки—таковъ и въ могилку», — можно смѣло сказать о Достоевскомъ, который, при первомъ своемъ литературномъ дебютѣ обнаруживъ необыкновенную силу психологическаго анализа; направленнаго на раскрытіе въ забитомъ по внѣшности человѣкѣ сознанія достоинства своей личности и на указаніе въ немъ «искры Божіей», сохранилъ эти свойства своего дарованія до послѣднихъ дней жизни. Жестокость таланта Достоевскаго состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ проникать въ самые сокровенные уголки человѣческой души и тамъ находить ужасающій источникъ мерзости; но дѣло въ томъ, что великій художникъ этимъ не ограничивается, какъ это дѣлаетъ Зола, открывающій «человѣка-звѣря», — онъ въ самомъ ужасномъ звѣрѣ умѣетъ разглядѣть что-то человѣческое, дающее надежду на возможность возрожденія. Припомнимъ отвратительныя фигуры князя Валковскаго, Свидригайлова, Өедора Павловича Карамазова, но какъ ни отвратительны эти герои—они все же люди; Достоевскій не даетъ намъ это забыть, этимъ какъ бы повторяетъ Гоголевскія слова, что они наши братья, и заставляетъ насъ всмотрѣться въ самихъ себя, нѣтъ ли и въ насъ той же мерзости, и этимъ ведетъ насъ къ нравственному очищенію. Если въ этомъ процессѣ есть жестокость, то не надо забывать, что правда никогда не добывается при помощи сентиментальной маниловщины; но думается намъ, что и жестокости тутъ нѣтъ, такъ какъ психологическое изслѣдованіе нашего великаго художника всегда проникается гуманной идеей, той pitié russe, которая возбудила совсѣмъ неожиданный протестъ со стороны Альфонса Додэ.

Въ общественномъ смыслѣ больные герои Достоевскаго представляютъ высокій интересъ, такъ какъ олицетворяютъ собою больное общество. А русское общество болѣетъ сильнѣе всего отрицаніемъ, такъ какъ оно оторвано отъ народной почвы. Мессіаническое міровоззрѣніе Достоевскаго признавало въ русскомъ народѣ живой источникъ вселенской правды. Положимъ, народъ нашъ — образа звѣринаго, соглашался Достоевскій, въ немъ много грубости,

онъ невѣжественъ, въ его семейномъ быту есть разныя безобразія, но въ немъ есть глубокое сознаніе своей скверны, есть изумительная сила братской любви, которая должна привести къ всечеловѣческому единенію въ идеалахъ христіанства. Какъ бы намъ ни казались эти идеи фантастическими, сколько бы мы ни распространялись объ ихъ дикомъ мистицизмѣ, мы не можемъ отрицать, что такими рѣчами Достоевскій будилъ въ насъ этическіе запросы, совершалъ дѣло, необходимое въ эпоху крайняго индивидуализма и эгоизма, или, какъ онъ выражался устами старца Зосимы, въ эпоху «отъединенія». Эта проповѣдь дала толчекъ тому исканію нравственныхъ идеаловъ, которое идетъ въ теченіе всей слѣдующей четверти столѣтія; но въ этомъ исканіи еще болѣе могущественнымъ вдохновителемъ былъ графъ Л. Н. Толстой, къ характеристикѣ котораго мы и обратимся.

«Великій писатель земли Русской», какъ называлъ графа Толстого Тургеневъ, уже почти въ началѣ своей дѣятельности, въ «Севастопольскихъ очеркахъ», высказалъ свое художественное исповѣданіе вѣры въ такихъ словахъ: «Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда». Этотъ-то единственно-прекрасный герой навсегда остался любимымъ героемъ графа Толстого. Изъ стремленія къ правдѣ истекаетъ и необыкновенный художественный психологическій анализъ графа Толстого; особенность этого анализа была отлично отмѣчена Чернышевскимъ. «Вниманіе графа Толстого,—говоритъ критикъ,—болѣе всего обращено на то, какъ одни чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь, по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ». Особая форма этого психологическаго анализа—тѣ діалоги съ самими собой, которые такъ часто ведутъ герои Толстого, начиная съ Николеньки Иртенева въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» и кончая Нехлюдовымъ въ «Воскресеньѣ».

Эти діалоги съ собой, или самоанализъ, являются для писателя однимъ изъ средствъ разрѣшенія этическаго вопроса, который выдвигается въ его произведеніяхъ тоже съ «Дѣтства и отрочества», и трудно сказать, чѣмъ особенно дороги намъ эти произведенія, необыкновеннымъ ли художественнымъ мастерствомъ при изображеніи колоссальныхъ жизненныхъ картинъ и рисовкѣ внѣ-

шняго міра и внутренняго облика героевъ, или именно этимъ неустаннымъ стремленіемъ отвѣтить на основной для всякаго мыслящаго человѣка вопросъ, какъ и зачѣмъ надо жить, вопросъ, который всякій долженъ для себя разрѣшить, если не хочетъ смотрѣть на свою жизнь, какъ на нѣчто, лишенное всякаго смысла. Этотъ вопросъ занимаетъ и Николеньку Иртенева, когда онъ размышляетъ о comme il faut, и Оленина, ѣдущаго къ казакамъ, и Нехлюдова въ Люцернѣ и въ деревнѣ, и князя Андрея при всѣхъ его честолюбивыхъ мечтаніяхъ, и Пьера Безухаго въ столкновеніяхъ съ масонами, декабристами и Платономъ Каратаевымъ, и Левина, и др. до Нехлюдова въ «Воскресеньѣ». Во всѣхъ рѣшеніяхъ есть разныя варіаціи, но есть и общія черты, позволяющія разглядѣть идеалъ графа Толстого; но каковы бы ни были рѣшенія, нельзя отвергать законности самаго исканія, а между тѣмъ мы уже много лѣтъ присутствуемъ при удивительномъ зрѣлищѣ: со всѣхъ сторонъ надъ графомъ Толстымъ смѣются за эти исканія, стараются научить его уму-разуму, отечески наставить, а иногда обрушиваются на него съ жестокими филиппиками, вторгаясь даже въ личную его жизнь,—и все это за то, что человѣкъ осмѣлился заговорить о томъ, о чемъ говорить необходимо, и при этомъ пошелъ не по проторенной дорожкѣ, а вздумалъ искать своего пути! Если мы приложимъ къ графу Толстому эпитетъ «слона», который ему далъ Тургеневъ, то всѣ эти господа, поражающіе его и съ военной, и съ духовной, и съ эстетической, и съ соціологической точекъ зрѣнія, представятся намъ уморительной стаей мосекъ, желающихъ своимъ лаемъ показать, что и онѣ сильны, и, пожалуй, сильнѣе мірового генія, которому у нихъ не мѣшаетъ поучиться. И слава Богу, что онъ, не замѣчая этого лая, идетъ себѣ впередъ и продолжаетъ свою литературную работу, высшія цѣли которой имъ опредѣлены въ его трактатѣ объ искусствѣ: какъ бы мы ни смотрѣли на основное положеніе этого трактата, что цѣль искусства есть зараженіе добрымъ чувствомъ, мы должны признать, что эта точка зрѣнія была всегда, въ теченіе настоящаго столѣтія, господствующею въ нашей литературѣ, и она остается въ ней господствующею и теперь, хотя въ послѣднюю четверть столѣтія стали о себѣ заявлять нѣкоторые взгляды, идущіе съ нею въ разрѣзъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ обзору литературныхъ явленій этой новѣйшей эпохи, считаемъ необходимымъ сказать хоть нѣсколько словъ о дѣятельности нашего первокласснаго сатирика-публициста, Щедрина. Сорокъ лѣтъ продолжался его трудъ, и за это время смѣнилось множество всякихъ общественныхъ теченій, такъ что его сочиненія явились зеркаломъ, отразившимъ ненормальности нашей жизни, начиная съ дореформенной эпохи и кончая позднѣйшей реакціей восьмидесятыхъ годовъ. Типы, созданные имъ, такъ же популярны, какъ и Гоголевскіе герои: Іудушка, глуповцы, ташкентцы

стали нарицательными именами. При чтеніи его сатиръ, какой-то леденящій ужасъ охватываетъ насъ, когда мы видимъ, какую невѣроятную силу пріобрѣтаетъ въ нашей жизни «торжествующая свинья», благодаря тому, что среди насъ «пропала совѣсть», и мы понимаемъ, что хотя сатирикъ и много смѣялся, но смѣхъ его истекалъ изъ глубины души, потрясенной горемъ и негодованіемъ, при созерцаніи всѣхъ мерзостей, искажавшихъ человѣческій образъ. Передъ нами такой же сильно чувствующій гуманистъ, какими были и великіе его современники.

VI.

Если мы будемъ останавливаться только на внѣшней сторонѣ нашей литературной исторіи послѣдней четверти вѣка, то впечатлѣніе получится очень неутѣшительное, и наше время придется признать эпохой упадка или, по крайней мѣрѣ, литературнаго затишья, какъ его назвалъ г. Головинъ въ своей извѣстной книгѣ «Русскій романъ и русское общество». Дѣйствительно, уже съ половины 1870-хъ годовъ русская литература постоянно сиротѣетъ, начинается убыль въ рядахъ той блестящей литературной плеяды, которая съ такимъ успѣхомъ выдвинулась на общественную арену въ 1840-хъ годахъ, а въ 1860-хъ дала наиболѣе крупныя свои произведенія, поставившія нашу юную литературу на одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровомъ умственно-художественномъ общеніи. Смерть уноситъ въ 1875 году графа А. К. Толстаго, за нимъ идутъ Некрасовъ, Достоевскій, Писемскій, Мельниковъ, Тургеневъ, Чернышевскій, Шелгуновъ, Аксаковъ, Кавелинъ, Градовскій, Салтыковъ, Островскій, Гончаровъ, Плещеевъ, Апухтинъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій и, наконецъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы похоронили Д. В. Григоровича. Изъ прежнихъ дѣятелей остается лишь графъ Л. Н. Толстой, неустанно работающій; правда, это геній, которому трудно найти равнаго, для котораго и годы, повидимому, не имѣютъ значенія, если судить по его «Воскресенію», но все же онъ одинъ.. Вмѣстѣ съ нимъ изъ старшаго поколѣнія дѣйствуютъ лишь гг. Михайловъ-Шеллеръ, Случевскій, Жемчужниковъ и Боборыкинъ, но они принадлежатъ къ dii minores этого поколѣнія... На смѣну отшедшимъ дѣятелямъ выдвигаются новые, среди которыхъ есть и крупные таланты, но они не заняли еще того руководящаго положенія, какое принадлежало ихъ предшественникамъ, и трудно сказатя, отъ какихъ причинъ это происходитъ, отъ сравнительно небольшихъ все-таки размѣровъ дарованій новыхъ дѣятелей, или отъ болѣе общихъ условій литературной обстановки.

Если мы обратимся къ этимъ общимъ условіямъ, то мы увидимъ, что они не могутъ быть названы особенно благопріятными:

съ одной стороны понизились вкусы читающей публики, которая возросла въ количественномъ отношеніи, но въ отношеніи культурномъ представляетъ собой въ большинствѣ весьма нетребовательную массу, такъ что въ ней большимъ успѣхомъ пользуются произведенія совершенно безъидейныя, но отличающіяся занимательностью фабулы (въ родѣ компилятивныхъ историческихъ романовъ), фельетоннаго и даже порнографическаго оттѣнка; съ другой стороны въ идейномъ отношеніи замѣчаются такіе факты, которые заставляютъ иныхъ изслѣдователей и критиковъ называть послѣднюю четверть столѣтія эпохой «смуты» (Н. К. Михайловскій) или «разброда и исканія новыхъ идеаловъ» (С. А. Венгеровъ).

Это исканіе новыхъ идеаловъ началось уже во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, когда признаки реакціи стали замѣтно усиливаться, а въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, совершенно не прикосновенныхъ къ реакціоннымъ вѣяніямъ, выдвинулся вопросъ, что нужно ставить впереди, измѣненіе общественныхъ формъ или личное совершенствованіе. Для многихъ представлялось яснымъ, что даже наилучшія политическія формы могутъ оказаться безсодержательными, если общество не воспитано въ ихъ духѣ, и даже онѣ могутъ принести вредные безусловно плоды, если въ обществѣ не развиты альтруистическія чувства. А между тѣмъ въ нашемъ быту слишкомъ еще много было остатковъ стараго міросозерцанія, благодаря чему и реформы въ самомъ принципѣ оказались не настолько широкими, насколько предполагалось, да и примѣненіе ихъ къ жизни въ сущности очень слабо повліяло на нашу дѣйствительность: Глуповъ остался «прежнимъ, ветхимъ Глуповымъ», и въ немъ повсюду властвуютъ «господа ташкентцы», есть «Ташкентъ древній, Ташкентъ установившійся, окрѣпшій», и даже есть «Ташкентъ, который нарождается», такъ какъ «Ташкентъ порождаетъ Ташкентъ». Изъ этихъ соображеній вытекало, что надо перевоспитать самое общество, и даже съ этимъ соглашались нѣкоторыя группы радикаловъ, припоминая пословицу «по Сенькѣ и шапка». Но какъ перевоспитать общество? Какъ распространить въ немъ широко болѣе возвышенныя понятія и чувства? Нужно въ людяхъ пробудить совѣсть, которая пропала, и которой никто и знать не хочетъ, какъ это изобразилъ Щедринъ въ своей извѣстной сказкѣ. Чтобы преобразовать общество, надо перевоспитать отдѣльныя единицы, его составляющія, и когда общественная среда будетъ состоять не изъ ташкентцевъ, а изъ людей, проникнутыхъ сильными альтруистическими стремленіями, въ ней неизбѣжно установятся и болѣе совершенныя соціальныя формы.

Воспитаніе въ этомъ направленіи должно захватить и народъ и интеллигенцію: по отношенію къ народу такое значеніе имѣли (помимо своего боевого, революціоннаго характера) и различныя формы «хожденія въ народъ», ставившія своей цѣлью поднятіе

его умственнаго и нравственнаго развитія; по отношенію же къ интеллигенціи орудіемъ воспитанія явилась этическая проповѣдь, начавшаяся въ литературѣ къ концу 1870-хъ годовъ. Задачей поставлено личное совершенствованіе, какъ ступень (и это наиболѣе существенно имѣть въ виду) къ совершенствованію соціальному. Такова исходная точка зрѣнія и Достоевскаго, который проводилъ свой взглядъ и въ «Дневникѣ писателя» и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»: и старецъ Зосима и Алексѣй Карамазовъ являются отрицателями исключительно политическихъ идей, проводимыхъ Иваномъ Карамазовымъ; они ихъ отрицаютъ во имя высшаго нравственнаго начала христіанской любви, такъ какъ эти идеи, требуя для своего осуществленія насильственныхъ пріемовъ, ведутъ къ отъединенію, а истинная свобода, служащая основаніемъ человѣческой солидарности, можетъ явиться только изъ духа любви. «Стань прежде всего самъ лучше, а потомъ исправляй общество», — какъ бы говорилъ Достоевскій устами своихъ героевъ, и такого исправленія онъ полагалъ возможнымъ искать только въ приближеніи къ народной правдѣ, почему и обращался къ образованнымъ людямъ съ призывомъ: «Смирись, гордый человѣкъ». То же этическое направленіе, какъ мы уже сказали, проявляется и въ дѣятельности графа Л. Н. Толстого, и, намъ кажется, трудно приписывать графу Толстому такую точку зрѣнія, съ которой личное совершенствованіе являлось бы исключительной, конечной цѣлью, такъ что даже проповѣдь непротивленія злу, явившаяся однимъ изъ фазисовъ его ученія, не можетъ считаться отрицаніемъ необходимости въ концѣ концовъ возрожденія общественнаго: вѣдь не даромъ же графъ Толстой такъ много въ своихъ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ останавливается именно на общественныхъ недугахъ, и эти-то общественные недуги онъ думаетъ уврачевать личнымъ совершенствованіемъ. Воспитаніе индивидуумовъ входитъ, какъ одна изъ составныхъ частей, и въ программу того направленія нашей мысли, которое г. Южаковъ называетъ «этико-соціологическимъ», такъ какъ эта школа имѣетъ въ виду, что «общество комбинируется изъ единицъ человѣческихъ», и признаетъ между прочимъ необходимымъ въ вопросѣ объ общественномъ процессѣ считаться съ тѣмъ «значеніемъ, которое для этой комбинаціи имѣетъ дѣятельная воля, самочувствіе и самосознаніе комбинируемыхъ единицъ (индивидуальностей)».

Однако для нѣкоторыхъ группъ представителей нашей общественной мысли эта идея личнаго совершенствованія послужила источникомъ общественнаго индифферентизма, сблизившаго ихъ съ прямо реакціонными стремленіями этой эпохи. Сближеніе произошло на почвѣ отрицанія тѣхъ идеаловъ, которые руководили обществомъ въ предшествующій періодъ великихъ реформъ: «отцы» объявлены были отсталыми, а «дѣти» выступили съ программой, знаменующей

понятное движеніе. Новое литературное поколѣніе отнеслось къ прежнимъ идеаламъ съ надменной ироніей «вслѣдствіе естественной для живого человѣка невозможности превратиться въ сухую отвлеченную схему идеализированнаго героя-гражданина». Этотъ старый идеализмъ, какъ заявили представители «дѣтей» (или такъ называемые восьмидесятники), есть «не что иное, какъ охватывающая по временамъ человѣчество суровая и аскетическая религія гражданственности. Увлекая человѣка громадностью своей задачи, блескомъ открываемыхъ ею перспективъ всеобщаго счастья, она налагаетъ на него, во имя величія и трудности своей цѣли, тяжелыя обязанности, требуетъ подвижничества и самопожертвованія. Она стремится замѣнить существующій органическій порядокъ жизни другимъ, идеальнымъ, придуманнымъ человѣкомъ, и потому не можетъ не относиться отрицательно къ природѣ, къ дѣйствительности міра, создавшаго несогласныя съ ея планомъ явленія. Жизнь для нея не что иное, какъ борьба за идеалы, а потому она цѣнитъ въ человѣкѣ только преданность ея идеямъ, да рѣшительную, непоколебимую волю,—словомъ, то фантастическое настроеніе, которое заставляетъ его отрѣшиться отъ всѣхъ благъ и приманокъ жизни и позволяетъ ему совершать чудеса героизма и самоотверженія въ сферѣ общественной дѣятельности». Отъ такого пренебрежительнаго отношенія къ героическому идеализму, отверженія его аскетическаго характера, подвижничества и самопожертвованія очень легко было перейти не только къ общественному индифферентизму, но и къ самому узкому эгоизму (не въ томъ уже смыслѣ, какъ понимали эгоизмъ въ 60-хъ годахъ), а отсюда одинъ шагъ былъ къ самообожествленію въ духѣ теорій Нитцше (кстати, не совсѣмъ правильно понятыхъ), къ чистому эстетизму, совершенно отдѣляющему красоту отъ добра и истины. Подобный общественный индифферентизмъ въ области литературы приводилъ къ сближенію съ школой чистаго искусства, при чемъ «новое литературное поколѣніе» въ лицѣ особой группы своихъ представителей придало этой школѣ такое направленіе, какого она никогда не имѣла; въ области же политики «новое поколѣніе» стало на сторону реакціонныхъ стремленій, признавая необходимость преклоняться передъ дѣйствительностью. Такимъ образомъ результатъ получился весьма печальный: изъ тѣхъ теорій личнаго совершенствованія, весь raison d'être которыхъ заключался въ общественномъ прогрессѣ, при помощи логическаго скачка, опущенія самаго важнаго ихъ элемента, произошли взгляды, чуждые идеѣ общаго блага, лишенные нравственнаго содержанія и даже упразднявшіе это личное совершенствованіе.

Въ какой степени измѣнились въ нѣкоторой довольно значительной части новаго литературнаго поколѣнія взгляды на писательство, можно видѣть изъ слѣдующей параллели: когда-то Добролюбовъ написалъ такіе стихи:

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но зато родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Изъ этихъ стиховъ видно, что писатель извѣстность свою основывалъ главнымъ образомъ на честности, въ смыслѣ вѣрности убѣжденіямъ, строго оцѣненнымъ съ этически-общественной точки зрѣнія. Но tempora mutantur, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ литераторовъ (правда, малой прессы, хотя это имѣетъ очень мало значенія, такъ какъ въ наше время трудно указать точное различіе малой прессы отъ большой и даже отъ нѣкоторыхъ толстыхъ журналовъ, бьющихъ на фельетонную занимательность) высказалъ слѣдующія знаменательныя для эпохи мысли: «Я скромный журналистъ, не литературный корифей; но еслибы въ день моего юбилея или на моихъ похоронахъ обо мнѣ не нашли ничего лучшаго сказать, какъ то, что я служилъ правдѣ, а не кривдѣ, что я былъ честный человѣкъ, не продававшій своего пера и не таскавшій платковъ изъ кармановъ,—я бы почувствовалъ себя уязвленнымъ въ самое мое сердце и перевернулся бы въ гробу... Я жду не того, чтобы мнѣ публично выдали аттестатъ въ трезвомъ и честномъ поведеніи, а того, чтобы мнѣ не отказали въ высшемъ удовлетвореніи моего самолюбія—признаніи таланта. Прекрасное дѣло—честность, но это принципъ ремесла, а не искусства, къ которому я имѣю смѣлость отнести даже простой репортерскій отчетъ. Искусство не можетъ быть ни честнымъ, ни безчестнымъ, ни подлымъ, ни благороднымъ, а только талантливымъ или бездарнымъ, занимательнымъ или скучнымъ... Позвольте васъ спросить, въ чемъ же моя личная заслуга, если я проповѣдую «честное», между прочимъ, на мой собственный взглядъ и всегда согласно съ моими убѣжденіями? Гораздо труднѣе было бы для меня говорить противъ убѣжденія, чѣмъ согласно съ нимъ. Я говорю то, что думаю, птица поетъ то, что чувствуетъ. Зачѣмъ же такая привилегія для меня? Тиранія «честнаго направленія» натворила немало зла въ литературѣ и журналистикѣ. Это была систематическая травля талантливаго, рѣзкаго въ своей индивидуальности и оригинальности... Объ этой эпохѣ до сихъ поръ вздыхаютъ кое-какіе литературные лицемѣры... А вздыхать, право, нечего.. Талантливость изложенія, свѣжесть, полнота и сенсаціонность матеріала, виртуозность формы—изумительно ушли впередъ... Журнализмъ новое и оригинальное явленіе въ литературной сферѣ... Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что журнализму пытаются навязать, такъ сказать, мораль съ чужого плеча и судятъ о немъ... съ общей, весьма широкой и мало подходящей точки зрѣнія... Нельзя требовать отъ газеты, въ которой работаютъ сотни людей, которая живетъ одинъ только день, появляется утромъ и умираетъ вечеромъ, отражаетъ на себѣ уличный

шумъ и гулъ, дрожитъ отъ кликовъ толпы,—нельзя, говорю я, требовать особой централизованности мысли. Она должна быть легкомысленна, ежедневная газета, какъ легкомысленна толпа, которою она живетъ, и, какъ толпа, она должна быть подвижна, какъ она, рѣшительна и скора въ своихъ сужденіяхъ, и она должна такъ же легко воспламеняться, какъ и остывать, увлекаться и грѣшить, а потомъ терзаться и каяться, щеголять въ блестящей позолотѣ, любить зрѣлища, пестроту, выставочную красоту». Въ этой цитатѣ (которую мы заимствуемъ изъ прекрасной книги г. Меньшикова «О писательствѣ») высказано все съ такой беззастѣнчивой откровенностью, что никакихъ комментаріевъ къ ней, кажется, не нужно.

Въ нѣкоторой части нашей литературы послѣдней четверти вѣка подобные взгляды имѣютъ вліяніе, но, слава Богу, живы въ ней и другія традиціи, унаслѣдованныя отъ лучшихъ представителей русской художественной и критической мысли прежняго времени. Одной изъ такихъ традицій нужно признать и поддержаніе въ критикѣ нравственно-общественной точки зрѣнія. Прямыми продолжателями критической работы въ томъ направленіи, которое было начато Бѣлинскимъ и корифеями 60-хъ годовъ, являются гг. Михайловскій и Скабичевскій и покойный Шелгуновъ: начало ихъ литературной дѣятельности относится къ 60-мъ годамъ, такъ что они непосредственно примыкаютъ личными связями къ кружкамъ «Современника», «Русскаго Слова» и «Отечественныхъ Записокъ». Изъ этихъ трехъ дѣятелей Шелгуновъ, несмотря на нѣсколько весьма интересныхъ и важныхъ статей, скорѣе долженъ быть признанъ публицистомъ, главная заслуга котораго заключается въ защитѣ этически-общественныхъ идеаловъ въ его «Очеркахъ русской жизни», какъ отъ старыхъ враговъ, представителей реакціи, такъ и отъ новыхъ, «восьмидесятниковъ» извѣстной группы; А. М. Скабичевскій далъ нѣсколько очень добросовѣстныхъ работъ, несомнѣнную цѣнность имѣетъ, напримѣръ, его статья о русскомъ историческомъ романѣ, и важны также его мнѣнія о Пушкинѣ, являющіяся существенной поправкой къ отрицательнымъ взглядамъ Писарева, и нѣкоторыя возраженія противъ рѣзкаго отверженія эстетики Чернышевскимъ, хотя въ общемъ его писанія (особенно же «Исторія новѣйшей русской литературы») часто представляютъ недостаточно провѣренное повтореніе иногда несправедливыхъ приговоровъ. Наиболѣе крупною силой изъ этихъ трехъ дѣятелей (да и вообще въ современной русской критикѣ) безспорно является Н. К. Михайловскій, обладающій блестящимъ полемическимъ талантомъ и глубокой философски-соціологической эрудиціей; благодаря послѣднему своему свойству, г. Михайловскій могъ смѣло выступить въ качествѣ критика теорій Дарвина, Спенсера и другихъ европейскихъ авторитетовъ, безразлично принимавшихся на вѣру нашими прогрессивными кругами конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Послѣ Чернышевскаго онъ мо-

жетъ считаться первымъ, установившимъ соціологическія основы новаго міросозерцанія, а его литературно-критическія статьи, за немногими исключеніями, представляютъ образцовый анализъ литературныхъ фактовъ въ связи съ жизненными условіями, ихъ породившими. Позже выступили на поприще литературной критики, но примѣняютъ къ литературнымъ произведеніямъ тотъ же масштабъ нравственно-общественный, конечно, съ извѣстными отклоненіями въ ту или другую сторону, съ усиленіемъ то эстетическаго, то философскаго элемента въ критикѣ, гг. Протопоповъ, Евг. Соловьевъ, Меньшиковъ, Южаковъ, Арсеньевъ, Вл. С. Соловьевъ, Ив. Ивановъ, Розановъ, Головинъ и покойные Ор. Ѳ. Миллеръ и Страховъ (о послѣднихъ двухъ надо оговориться, что начало ихъ дѣятельности относится къ 60-мъ годамъ). Къ тому же направленію относится и г. Буренинъ (конечно, мы при этомъ оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о характерѣ его общественныхъ взглядовъ, а оттѣняемъ только рѣшительное преобладаніе въ его сочиненіяхъ общественнаго принципа надъ эстетическимъ) въ тѣхъ своихъ статьяхъ, гдѣ онъ отказывается отъ памфлетнаго тона, дѣлая очень правильныя и тонкія въ эстетическомъ отношеніи оцѣнки литературныхъ произведеній: таковы, напримѣръ, его статьи о Тургеневѣ, Гончаровѣ и др.

Противоположность этой группѣ составляетъ г. Волынскій, проводящій въ своихъ иногда очень глубокомысленныхъ статьяхъ какой-то туманный идеализмъ, который очень смахиваетъ на отрицаніе этическихъ началъ въ критикѣ и приводилъ г. Волынскаго къ такимъ иногда страннымъ приговорамъ, которые возбуждали не только возраженія, но настоящее негодованіе въ журналистикѣ; много недоразумѣній также вызывала и путанная терминологія г. Волынскаго и его склонность къ символизму. Рѣшительнымъ символистомъ выступилъ въ своей книжкѣ «О причинахъ упадка современной русской литературы» и въ сборникѣ «Вѣчные спутники»— г. Мережковскій, проповѣдующій и въ критическихъ статьяхъ и въ стихотвореніяхъ необходимость какого-то объединенія жизнерадостныхъ началъ древняго міра, эллинской культуры, съ христіанскимъ міросозерцаніемъ и очень ратующій за теорію чистаго искусства, хотя въ болѣе раннихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ и выражалъ общественныя тенденціи. Есть еще нѣсколько представителей этого символическаго направленія; они группируются преимущественно въ журналѣ «Міръ искусства», но они болѣе шумятъ, чѣмъ имѣютъ какое нибудь дѣйствительное вліяніе. Эти агенты новаго направленія неустанно толкуютъ о возрожденіи, которое должно наступить и даже наступило уже въ области искусства, о новомъ идеализмѣ, совершенно упуская изъ виду, что для русской литературы не нужна эта проповѣдь, такъ какъ въ теченіе всего XIX вѣка она именно и сильна была своимъ идеализмомъ, кото-

рый никогда не чуждался дѣйствительности, потому что для его представителей было ясно, что нѣтъ идеала безъ правды. Проповѣдь идеализма вполнѣ понятна, какъ нѣчто новое на западѣ, гдѣ онъ является реакціей крайнему натурализму; но у насъ она есть или открытіе давно открытой Америки, или простое обезьяничанье, или же кривлянье, которымъ прикрывается нравственно-общественный индифферентизмъ. Въ числѣ критиковъ-эстетиковъ, конечно, очень видное мѣсто занимаетъ С. А Андреевскій: у него совсѣмъ нѣтъ крайностей чистаго эстетизма, и его «Литературныя чтенія» представляютъ нѣсколько удивительно мѣткихъ характеристикъ, проникнутыхъ поэтической теплотой.

Переходя къ художественной литературѣ, мы будемъ держаться порядка, принятаго нами въ предыдущихъ двухъ главахъ, и остановимся прежде всего на лирикѣ. Въ этой области мы можемъ отмѣтить три главныхъ направленія, изъ которыхъ два первыя могутъ считаться продолженіемъ прежнихъ традицій, а третье есть результатъ той этической безпринципности, которую мы выше старались охарактеризовать. Первое изъ этихъ направленій есть старая школа чистаго искусства, которая, какъ мы указывали въ предыдущей главѣ, не всегда чуждалась запросовъ нравственно-общественныхъ; второе—направленіе гражданской поэзіи, и третье мы полагаемъ назвать новою школой чистаго искусства, такъ какъ поэты этого направленія почти исключительно заботятся о формѣ, но отличаются отъ прежнихъ представителей чистаго искусства тѣмъ, что отстраняются отъ этическихъ тенденцій и даже, въ силу какого-то страннаго представленія о свободѣ своего творчества, отрицая связь между идеями добра и красоты, настаивая на какой-то автономности красоты, впадаютъ иногда въ цинизмъ.

Изъ поэтовъ первой категоріи уже въ предыдущую эпоху начали свою дѣятельность г.г. Случевскій, Андреевскій, Жемчужниковъ и покойный Апухтинъ. Общій строй лирики Апухтина меланхолическій, его поэзія по преимуществу затрагиваетъ мотивы личной грусти, и крайне рѣдки у него стихи, въ которыхъ онъ касался бы вопросовъ общественнаго свойства; однако его меланхолія, при всемъ своемъ личномъ характерѣ, встрѣтила сочувствіе въ обществѣ, она пришлась ко времени, и въ 80-хъ и 90-хъ годахъ стихотворенія Апухтина быстро расходились, чему, конечно, способствовала и ихъ артистически-выработанная музыкальная форма. Тотъ же характеръ личной грусти замѣчается и въ произведеніяхъ г. Андреевскаго, хотя у него значительно чаще проскальзываютъ ноты общественнаго сочувствія. Г. Случевскій въ началѣ своего поэтическаго поприща былъ встрѣченъ критикой крайне враждебно, какъ человѣкъ, идущій противъ теченія: по своему таланту онъ имѣетъ много общаго съ графомъ А. К. Толстымъ, такъ что признаніе его исключительно поклонникомъ чистаго искусства было неспра-

ведливо, и въ послѣдніе годы отношеніе общества къ нему радикально измѣнилось. Общій характеръ его поэзіи лучше всего виденъ изъ слѣдующаго стихотворенія:

Неуловимое порою уловимо,
Какъ вѣтеръ, какъ роса, какъ звукъ или кристаллъ!
Все уловимое скорѣй проходитъ мимо,
Чѣмъ чувство, мысль, мечта, сомнѣнье, идеалъ!
Богъ создалъ не одинъ, а два великихъ міра:
Міръ видимый для насъ, весь въ краскахъ и чертахъ,
Міръ тяготѣнія! Отъ камня до эѳира
Онъ—въ подчиненіи, въ безсильѣ и въ цѣпяхъ....
Но подлѣ міръ другой! Изъ мысли человѣка
Отъ вѣка рожденный, онъ, что ни день, растетъ!
Для мысли дебрей нѣтъ, и ей вездѣ просѣка,
И тяготѣнія она не признаетъ.
Въ ней мощь нетлѣнія! Повсюду проступая,
Мысль свой особый міръ въ подлунной создала,
И въ немъ она вершитъ, мысль Бога воплощая,—
Нерукотворныя и вѣчныя дѣла!
Она порой грѣшитъ, смутясь въ исканьѣ хлѣба...
А все же кажется, что въ нѣдра душъ людскихъ,
Въ насъ корни нѣкіе спускаются отъ неба,
Свидѣтели судебъ и силъ совсѣмъ иныхъ.

Въ этихъ стихахъ свѣтится идеальная человѣчность, которая, конечно, не можетъ вести къ общественному индифферентизму, и мы видимъ, что и въ стихахъ и въ прозѣ г. Случевскій касается людскихъ радостей и горя и всегда отвѣчаетъ имъ теплымъ сочувствіемъ.

Еще ярче, еще въ болѣе задушевныхъ формахъ выражается эта человѣчность въ стихотвореніяхъ А. М. Жемчужникова, котораго лучше стали цѣнить собственно только въ эту послѣднюю четверть столѣтія, хотя многія чрезвычайно цѣнныя его произведенія (не говоря уже о его участіи въ коллективномъ трудѣ надъ твореніями Кузьмы Пруткова) были имъ написаны значительно раньше. Поэтъ остается вѣренъ прежнимъ традиціямъ, какъ это прекрасно разъясняется имъ въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ позднѣйшихъ его стихотвореній:

Призванью слѣдуя, ты пой, а не учи:
Пусть въ старческихъ рукахъ гремитъ иль плачетъ лира;
Пусть небу молится, да ниспошлетъ лучи
Животворящіе въ пустынный сумракъ міра.
И еслибы тебя на крыльяхъ вознесли
Молитвы и мечты въ далекій сводъ небесный,
Въ безстрастной чистотѣ той сферы безтѣлесной,
Услыша зовъ, покинь заоблачную даль;
То—голосъ совѣсти! Она на землю кличетъ,
Гдѣ рядомъ съ радостью терзается печаль,
Гдѣ озлобленіе съ любовію граничитъ.
Такъ тѣнямъ вѣренъ будь наставниковъ своихъ,

Друзей—мыслителей, почіющихъ въ могилахъ;
И, вѣренъ до конца, слагай свой ветхій стихъ,
Пока еще теперь слагать его ты въ силахъ

Вполнѣ естественно, что при такомъ гуманномъ воззрѣніи на свои задачи поэтъ не можетъ сочувственно относиться ни къ безъидейному реализму, роющемуся въ грязи, ни къ quasi-идейному декадентству и рѣзко осуждаетъ оба эти направленія въ стихотвореніи «Живописная проза и декадентская поэзія», говоря:

И такъ—двѣ крайности. Когда одна изъ двухъ,
Иль обѣ вмѣстѣ нашъ плѣнять желаютъ слухъ —
Та хрюканьемъ свинымъ, а эта птичьей пѣсней—
Рѣшить я не берусь, изъ нихъ что интереснѣй.
Лишь людъ бы людомъ былъ! Вотъ отповѣдь моя!
А птицей и свиньей... ужъ птица и свинья.

У поэта, который смотритъ на свое призванье такъ, какъ это выражено въ цитированныхъ стихотвореніяхъ, конечно, рядомъ съ идеальными мечтами должны занимать почетное мѣсто и гражданскія стремленія, и эти-то стремленія необходимо будить въ обществѣ, въ которомъ, благодаря отсутствію «вседневнаго гражданина», образовалось «пустое мѣсто».

У насъ чиновникъ дворянинъ (говоритъ поэтъ)
И члены прочихъ есть сословій;
Но исчезаетъ гражданинъ.
Пусть государственнаго зданья
Вполнѣ постройка хороша,—
Для формы нужно содержанье,
Какъ тѣлу надобна душа.
Что пользы въ томъ, чтобы большія
Зіяли рамы безъ картинъ?
Въ тебѣ-жъ отсутствуютъ, Россія,
Твоя душа—твой гражданинъ.
Узрѣть я жажду гражданина,
Покуда мыслю и живу;
Къ забытой матери я сына
Неблагодарнаго зову.
«Отчизны дверь тебѣ отверста;
Недостаешь ты ей одинъ;
Войди, займи пустое мѣсто,
Носящій доблесть гражданинъ!»

Изъ младшаго поколѣнія поэтовъ того же направленія одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ К. Р. Настроеніе его поэзіи свѣтлое, примиряющее съ жизнью, чѣмъ она выдѣляется ихъ общаго грустнаго тона современной лирики. Но ей не чужда и грусть, однако выраженіе этой грусти всегда мягкое, не доходящее до отчаянныхъ нотъ. Проявляется въ стихотвореніяхъ К. Р. иногда и энергичное настроеніе: такимъ настроеніемъ проникнуты, напримѣръ, заключительныя строки стихотворенія «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Расторгнемъ же сѣти порока и зла,
Къ свѣту воспрянемъ изъ тьмы усыпленія;
Вновь да раздастся и наша хвала:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Говоря о произведеніяхъ К. Р., нельзя не указать и чисто некрасовскаго мотива въ содержаніи и формѣ того стихотворенія, которое вызвано смертью солдата. Приводимъ для образца начало этого стихотворенія:

Умеръ, бѣдняга! Въ больницѣ военной
Долго родимый лежалъ;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкій недугъ доконалъ...
Рано его отъ семьи оторвали:
Горько заплакала мать,—
Всю глубину материнской печали
Трудно перомъ описать!
Съ невыразимой тоскою во взорѣ
Мужа жена обняла;
Полную чашу великаго горя
Рано она испила,
И протянулъ къ нему съ плачемъ рученки
Мальчикъ-малютка родной...
Изъ виду скрылись родныя избенки,
Край онъ покинулъ родной.

Изъ другихъ поэтовъ того же направленія отмѣтимъ, какъ наиболѣе выдающихся, графа Голенищева-Кутузова, у котораго общественная нота звучитъ замѣчательно сильно въ стихотвореніяхъ: «Для битвы честной и суровой» и «Такъ жить нельзя», а также гг. Аполлона Коринфскаго и Фофанова, которые отличаются иногда положительно блестящей формой, чаруютъ музыкальностью стиха и удивительно-смѣлыми образами, при чемъ нельзя о нихъ сказать, чтобы они чуждались дѣйствительности. Въ этой же группѣ поэтовъ надо помѣстить и нашего философа, иногда поражающаго своими парадоксами, Вл. С. Соловьева: небольшая книжечка его стихотвореній заключаетъ въ себѣ рядомъ съ выраженіями личнаго чувства и очень сильныя произведенія общественно-нравственнаго характера.

Во второй группѣ, представителей поэзіи гражданской, конечно, прежде всего надо помянуть симпатичное дарованіе безвременно умершаго Надсона. Его сравнивали съ Лермонтовымъ и Некрасовымъ, однако такое сравненіе приходится признать результатомъ сочувствія къ горькой судьбѣ поэта, а также и того обстоятельства, что его печальныя пѣсни удивительно гармонировали съ настроеніемъ эпохи. Но, помимо этого временнаго значенія, нельзя не признать, что рѣдкая грація ея формы и гуманность содержанія всегда будутъ привлекать къ ней молодыя сердца. Невозможно не цѣнить той искренности, которая чувствуется въ слѣдующихъ стихахъ:

Я чувствую и силы и стремленье
Служить другимъ, бороться и любить;
На ихъ алтарь несу я вдохновенье,
Чтобъ въ трудный часъ ихъ пѣсней ободрить.
Но кто пойметъ, что не пустые звуки
Звенятъ въ стихѣ неопытномъ моемъ,—
Что каждый стихъ—дитя глубокой муки,
Рожденное въ раздумьи роковомъ?
Что каждый мигъ «святого вдохновенья»
Мнѣ стоилъ слезъ, невидныхъ для людей,
Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья,
И скорбныхъ думъ въ безмолвiи ночей?

Къ тому же гражданскому направленiю примыкаютъ гг. Минскiй и Мережковскiй (въ прежнихъ своихъ стихотворенiяхъ), П. Я., пишущiй въ «Русскомъ Богатствѣ», Танъ и многiе другiе, но, кромѣ кричащихъ эффектовъ, эти господа ничѣмъ не выдаются. Форма ихъ стиховъ иногда безусловно красива и даже въ первый моментъ читателя подкупаетъ энергiя выраженiй, но при ближайшемъ знакомствѣ съ этой поэзiей въ ней открываются кое-какiе перифразы стараго. Такъ, напримѣръ, весьма эффектное восклицанiе г. Тана:

«Да скроется сумракъ, да здравствуетъ!»—

есть не что иное, какъ, повторенiе, можетъ быть, и безсознательное, извѣстнаго Пушкинскаго стиха:

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

Изъ третьей категорiи поэтовъ упомянемъ г. Бальмонта и г-жу Лохвицкую-Жиберъ. Оба они главное достоинство своей поэзiи видятъ въ формѣ. Г. Бальмонтъ прямо щеголяетъ даже вычурностью формы своего стиха и курiозными сочетанiями образовъ. Вотъ образчикъ:

Какъ красный цвѣтъ небесъ, которыя не красны,
Какъ разногласье волнъ, что межъ собой согласны,
Какъ сны, возникшiе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышитъ,
Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя не слышитъ.
Какъ на поверхности потока бѣлизна,
Какъ лотосъ въ воздухѣ, растущiй ото дна,—
Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
Есть сновидѣнiе иного сновидѣнья.

Смыслъ туманной поэзiи г. Бальмонта объясняется намъ въ слѣдующемъ стихотворенiи:

За предѣлы предѣльнаго
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности!
Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастiя цѣльнаго

Мы, воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.
И едва качаемъ крыльями.
Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ!
Дерзкими усильями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,
Мы домчимся въ міръ чудесный
Къ неизвѣстной
Красотѣ!

Но, кромѣ этой неизвѣстной красоты, есть еще извѣстная, въ культѣ сладострастія, который воспѣвается г. Бальмонтомъ.

Та же вычурность формы замѣчается у г-жи Лохвицкой-Жиберъ, въ стихахъ которой встрѣчаются «ларвы», «ненюфары», «эбеновые волосы», а содержаніе ея поэзіи, несмотря на то, что г-жа Лохвицкая-Жиберъ призываетъ своихъ «собратьевъ» «страдать и не вѣрить мишурному счастью», оказывается удивительно-нескромнымъ, чтобы не сказать болѣе. Приведемъ примѣръ:

Мы съ тобой въ эту ночь были оба дѣтьми,
О мой другъ!
Мы съ тобой въ эту ночь были оба дѣтьми,
Но теперь, если мракъ насъ обступитъ вокругъ,—
Опоясанъ кольцомъ холодѣющихъ рукъ,
Поцѣлуемъ ты губы мои разожми,
Ты меня утоми.

Конечно, тутъ нечего искать этическихъ мотивовъ, нѣтъ и искусства, а есть одинъ, если мягко выразиться,... эротизмъ.

Обращаясь къ повѣсти и роману за разсматриваемую эпоху, мы должны прежде всего упомянуть о двухъ почтенныхъ беллетристахъ, начавшихъ свою карьеру уже раньше, о гг. Михайловѣ-Шеллерѣ и Боборыкинѣ: первый изъ нихъ дебютировалъ въ «Современникѣ» и сразу обратилъ на себя вниманіе публики своимъ гражданскимъ направленіемъ и реализмомъ нѣкоторыхъ изображеній; эти достоинства остались навсегда отличіемъ многочисленныхъ романовъ г. Михайлова, хотя рядомъ замѣчается очень существенный недостатокъ, который г. Скабичевскій называетъ книжностью: всѣ романы г. Михайлова написаны какъ бы по одному рецепту, по которому добродѣтельному чуть ли не съ дѣтства герою приходится вести борьбу съ разными отрицательными личностями, изображенными всегда по одному шаблону; эта шаблонность приводитъ къ тому, что, прочитавъ 2—3 романа г. Михайлова и взявшись за слѣдующіе, всегда можно угадать, что скажетъ авторъ, какія лица будутъ дѣйствовать въ его романѣ, какая интрига въ немъ развернется; въ результатѣ, при всей добродѣтельности намѣреній романиста, овладѣваетъ читателемъ скука. Отличительное свойство г. Боборыкина—рѣдкая наблюдательность, помогаетъ

ему во время схватить черты нарождающихся духовныхъ теченій въ нашемъ обществѣ, такъ что его романы, подобно тургеневскимъ (конечно, съ значительными оговорками, если касаться размѣровъ таланта), представляются художественной исторіей русской жизни за много лѣтъ; недостатокъ романовъ г. Боборыкина — нѣкоторая вычурность формы и стремленіе къ протоколизму; однако, несмотря на этотъ недостатокъ, его романы очень читаются, такъ какъ передъ нами въ нихъ всегда виденъ вдумчивый, широко образованный и наблюдательный авторъ.

Что касается новыхъ дарованій, то изъ нихъ самыми сильными являются гг. Чеховъ и Короленко. Ихъ можно назвать исключительно новеллистами, такъ какъ попытки ихъ выйти изъ рамокъ повѣсти имъ рѣшительно не удавались. Обращаясь отъ формы къ содержанію, мы видимъ, что оба эти автора стремятся дать своимъ произведеніямъ гуманное освѣщеніе, и это обстоятельство, а также свойственный г. Чехову заразительный юморъ, чрезвычайно высоко ставятъ ихъ повѣсти: читатель или растроганъ, или въ немъ возникло серіозное размышленіе, или онъ отъ души посмѣялся. Это умѣнье захватить симпатіи читателя дается только истиннымъ художникамъ, и остается пожалѣть, что г. Короленко вдается иногда въ дидактизмъ, который ослабляетъ впечатлѣніе и безъ того поучительныхъ его повѣстей; а г. Чеховъ иногда совсѣмъ даромъ тратитъ свой юморъ, что̀ происходитъ, вѣроятно, оттого, что онъ началъ свою карьеру въ малой прессѣ.

Несомнѣннымъ талантомъ среди новыхъ писателей обладаетъ г. Максимъ Горькій: и его разсказы и романъ «Ѳома Гордѣевъ» обнаружили въ немъ сильную наблюдательность, правда, въ извѣстной ограниченной области, въ мірѣ босяковъ и приволжскаго купечества. Гдѣ г. Горькій опирается на свои наблюденія, тамъ онъ даетъ дѣйствительно сильныя, жизненныя картины; поэтому прямо досадно становится, когда онъ берется за изображеніе того быта, котораго онъ не знаетъ: яркимъ образцомъ его неудачи отъ подобнаго стремленія сочинять жизнь можетъ служить повѣсть «Варенька Олесова». Однимъ изъ важныхъ недостатковъ сочиненій г. Горькаго является слабое идейное освѣщеніе изображаемаго быта, а иногда даже отсутствіе всякаго освѣщенія: однимъ марксизмомъ тутъ не поможешь, на жизнь надо смотрѣть нѣсколько шире. Рядомъ съ г. Горькимъ ставятъ пишущаго тоже въ марксистскихъ изданіяхъ, г. Вересаева, но у этого автора талантъ замѣняется писаніемъ по трафарету, такъ что вся его извѣстность создана только покровительствомъ марксизма. Гораздо свѣжѣе дарованіе г. Накрохина, напечатавшаго годъ тому назадъ свои «Идилліи въ прозѣ»: въ этихъ разсказахъ удивительная простота, непритязательность, отсутствіе трафарета и вмѣстѣ теплое отношеніе къ жизни позволяютъ ожидать отъ г. Накрохина въ будущемъ неза-

урядныхъ беллетристическихъ работъ. Что касается г. Тана, то «Чукотскіе разсказы» этого новаго автора представляютъ собою интересъ не литературный, а этнографическій.

Изъ болѣе крупныхъ величинъ въ области романа и повѣсти надо упомянуть еще о гг. Альбовѣ и Баранцевичѣ, начавшихъ писать уже въ концѣ третьей четверти вѣка: первый удивительно точно умѣетъ воспроизводить жизненныя явленія мелкой разночинной среды, а г. Баранцевичъ въ своихъ повѣстяхъ привлекаетъ нашу симпатію любовнымъ, безъ всякой фальши и натянутости, отношеніемъ къ разнымъ маленькимъ, забитымъ людямъ. Оба эти беллетриста являются продолжателями гуманныхъ традицій нашей литературы XIX столѣтія. Нельзя не видѣть довольно крупнаго таланта и у г. Мамина-Сибиряка, но вѣдь это талантъ почти исключительно наблюдателя; реализмъ этого писателя есть своего рода искусство для искусства, и весьма трудно замѣтить, какія новыя идеи вносятся имъ въ литературный оборотъ; и это, конечно, весьма существенный недостатокъ, такъ какъ въ концѣ концовъ только идеи и даютъ значеніе писателю, внося въ огромную массу наблюденій нѣчто объединяющее, влагая «душу живу» въ мертвый наборъ фактовъ.

Одно время наши журналы привѣтствовали, какъ крупное нарождающееся дарованіе, г. Потапенко, но многописаніе этого беллетриста или какія нибудь другія причины привели къ тому, что надежды такъ до сихъ поръ и остались надеждами: г. Потапенко во всѣхъ своихъ многочисленныхъ повѣстяхъ и романахъ разрабатываетъ всего 2—3 темы, затронутыя въ создавшихъ ему популярность повѣстяхъ «Секретарь его превосходительства», «На дѣйствительной службѣ» и нѣкоторыхъ другихъ, внѣ хорошо знакомой ему семинарской сферы теряется, въ стилѣ не особенно оригиналенъ, въ романахъ слишкомъ вдается въ шаблонъ и часто оправдываетъ на себѣ грустный приговоръ Тургенева, что у нашихъ новыхъ писателей нѣтъ «выдумки». Такія же не осуществившіяся надежды возлагались и на г. Мельшина: очерки, составившіе первую часть его книги «Въ мірѣ отверженныхъ», при своемъ появленіи въ «Русскомъ Богатствѣ» наталкивали многихъ на паралели съ «Записками изъ мертваго дома», хотя и тогда уже ясно было для болѣе объективныхъ судей, что далеко г. Мельшину до Достоевскаго, что у него нѣтъ той широты художественной концепціи, которая придаетъ такую цѣнность великому произведенію Достоевскаго. Послѣдующіе очерки г. Мельшина оказались уже гораздо слабѣе первыхъ, и этимъ оправдался въ полной мѣрѣ приговоръ скептиковъ.

Можно еще назвать немало представителей современной русской повѣсти и романа: таковы, напримѣръ, гг. Луговой, Сѣдой, кн. Голицынъ-Муравлинъ, Смирнова, Маркъ Басанинъ, Мачтетъ,

Бажинъ, Ардовъ, Кругловъ, Максимъ Бѣлинскій и разныя литературныя дамы, среди которыхъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ по возрасту, но вѣдь все это величины второстепенныя. О большинствѣ этихъ беллетристовъ приходится сказать, что они пишутъ не потому, чтобы у нихъ была насущная потребность что-нибудь выразить, а просто потому, что они «владѣютъ перомъ», т. е. умѣютъ грамотно и гладко писать (хотя и невсегда). Литература не есть нервъ ихъ жизни, и, говоря о нихъ припоминаешь слова стараго нашего сатирика о былыхъ сочинителяхъ торжественныхъ одъ, что они «народъ все нужный, должностной», что

Большая часть изъ нихъ — лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій...

Самымъ, пожалуй, крупнымъ явленіемъ въ области романа и повѣсти этихъ второстепенныхъ величинъ придется признать, появившіяся уже послѣ смерти автора, повѣсти А. Н. Апухтина. Особенно сильное развитіе получила за послѣднее время историческая беллетристика, но, къ сожалѣнію, сказать о ней что либо хорошее не приходится, такъ какъ всѣхъ нашихъ историческихъ романистовъ и романистокъ задавилъ своимъ колоссальнымъ геніемъ гр. Л. Н. Толстой, а, кромѣ того, они почти поголовно отличаются историческимъ невѣжествомъ, и многіе изъ нихъ изготовляютъ свои произведенія чисто-фабричнымъ способомъ, не брезгуя зачастую явнымъ плагіатомъ, передѣлывая забытыя сочиненія второстепенныхъ беллетристовъ 20—30 годовъ. Легкое отношеніе къ исторіи позволяетъ этой категоріи авторовъ вносить въ нее въ изобиліи порнографическій элементъ.

Если отъ повѣсти и романа обратимся къ драмѣ, то и здѣсь мы замѣтимъ затишье; вѣдь нельзя же пьесы гг. Крылова, Невѣжина, Потапенка, Вл. Немировича-Данченка, кн. Сумбатова и др. считать чѣмъ либо равносильнымъ драмамъ Писемскаго, Островскаго, Сухово-Кобылина, гр. А. К. Толстого, Потѣхина, и вполнѣ понятно, почему публика предпочитаетъ старыхъ драматурговъ новѣйшимъ. Въ этой сферѣ за послѣдніе годы самыми крупными явленіями были, конечно, произведенія гр. Л. Н. Толстого, да нѣкоторыя пьесы г. Чехова, если не принимать въ расчетъ передѣлокъ старыхъ романовъ и переводовъ иностранныхъ пьесъ; изъ этихъ послѣднихъ особенный успѣхъ имѣли произведенія Ибсена, Бьернстьерне-Бьернсона, Зудермана, Гауптмана и Ростана. Въ иностранномъ репертуарѣ нѣкоторые, какъ мы сказали выше, готовы были видѣть что-то новое, освѣжающее нашу драматическую литературу, но, по правдѣ сказать, въ этихъ пьесахъ, за немногими исключеніями, подносилась намъ или прописная буржуазная мораль, или проповѣдывались идеи, давно высказанныя въ нашей литературѣ,

или же воскрешалось искусство для искусства, подъ видомъ противовѣса грубому реализму.

Заканчивая нашъ краткій очеркъ развитія русской литературы XIX столѣтія, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какія же перспективы открываются намъ въ будущемъ, какъ результатъ этого столѣтняго развитія. Мрачна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наша характеристика послѣдней четверти вѣка, этого затишья и разброда, но мы полагаемъ, что приходить въ уныніе при мысли о будущемъ нашей литературы не приходится; если въ ней теперь нѣтъ сильныхъ талантовъ, то они могутъ явиться; ихъ нарожденіе зависитъ не отъ насъ, но вполнѣ въ нашей власти, и даже нашъ долгъ облегчать имъ условія дѣятельности. Самое же существенное изъ этихъ подспорій для грядущихъ талантовъ имѣется на лицо: это гуманный и правдивый духъ нашей литературы, укрѣпившійся въ ней за періодъ столѣтняго развитія; и хотя мы указывали на взгляды такъ называемаго «новаго литературнаго поколѣнія», мы думаемъ, что это есть нѣчто преходящее, что этимъ взглядамъ, этой словесной накипи, не удастся одолѣть честныя преданія нашей литературы, и мы вѣримъ въ ту прекрасную картину будущаго возрожденія, которую Салтыковъ прозрѣвалъ въ заключеніи своей сказки «Пропала совѣсть»: «Отыскалъ мѣщанинишка маленькое русское дитя, растворилъ его сердце чистое и схоронилъ въ немъ совѣсть. Растетъ маленькое дитя, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ въ немъ и совѣсть. И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ неробкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама».

А. Бороздинъ.

ВАСИЛІЙ ПАВЛОВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ.

Некрологъ.

ВЪ ЛИЦѢ скончавшагося 27-го апрѣля академика Василія Павловича Васильева русская наука лишилась одного изъ первѣйшихъ знатоковъ китайскаго и тибетскаго языковъ, справедливо приравниваемаго, какъ самостоятельнаго и оригинальнаго изслѣдователя, къ лучшимъ западно-европейскимъ синологамъ.

В. П. Васильевъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ, 22-го февраля 1818 года, въ семьѣ мелкаго чиновника; шести лѣтъ онъ былъ отданъ въ мѣстное уѣздное училище, по окончаніи котораго опредѣленъ копіистомъ въ нижегородскій уѣздный судъ, несмотря на то, что ему было отъ роду всего девять лѣтъ. Вскорѣ, однако, онъ долженъ былъ оставить судъ, такъ какъ вышелъ указъ, воспрещавшій принимать на службу ранѣе 14 лѣтъ, и въ 1828 г. поступилъ въ мѣстную гимназію. Окончивъ курсъ въ послѣдней на 15-мъ году, онъ не могъ поступить въ университетъ и два года провелъ въ Нижнемъ Новгородѣ, перебиваясь частными уроками.

Наконецъ, въ 1834 г. В. П. Васильевъ былъ принятъ въ Казанскій университетъ по историко-филологическому факультету; но отсутствіе средствъ скоро заставило его перейти на казенное содержаніе по разряду монгольскаго и татарскаго языковъ. Въ то время профессоромъ здѣсь былъ извѣстный монголистъ Ковалевскій; онъ сумѣлъ развить въ случайномъ восточникѣ любовь къ своему предмету и сообщить ему, какъ въ теченіе университетскаго курса, такъ и въ послѣдующіе два года, основательную научную подготовку. Въ 1837 г. В. П. Васильевъ былъ уже магистромъ мон-

гольской словесности за диссертацію «Духъ Алтанъ-Гэрэла», заключавшую въ себѣ подробный разборъ буддійской философіи и вызвавшую сенсацію въ ученомъ мірѣ, и въ томъ же году зачисленъ въ Пекинскую духовную миссію.

Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Пекинѣ, прошли въ постоянныхъ кабинетныхъ занятіяхъ, имѣвшихъ результатомъ для будущаго профессора глубокія познанія въ языкахъ китайскомъ, маньчжурскомъ и тибетскомъ и въ ихъ литературахъ.

По возвращеніи въ Казань, онъ былъ назначенъ въ 1851 г. экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ китайской и маньчжурской словесности, а черезъ четыре года переведенъ въ С.-Петербургскій университетъ, въ которомъ оставался до конца своихъ дней, читая въ послѣдніе годы уже только необязательные курсы. Съ первыхъ же лѣтъ своей профессорской дѣятельности ему пришлось приняться за составленіе руководствъ и пособій къ изученію преподаваемыхъ предметовъ, такъ какъ таковыхъ въ то время не существовало. Уже въ Казани имъ былъ приготовленъ рядъ грамматикъ, словарей и христоматій, которыя удалось издать лишь съ переѣздомъ въ Петербургъ и которыя до сихъ поръ являются у насъ единственными и въ то же время вполнѣ научными руководствами. Конечно, за послѣднія 30—40 лѣтъ В. П. Васильевъ былъ и единственнымъ образователемъ нашихъ китаистовъ и монголистовъ. Кромѣ того, онъ съ 1857 г. состоялъ еще въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту духовныхъ дѣлъ и затѣмъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ по азіатскому департаменту.

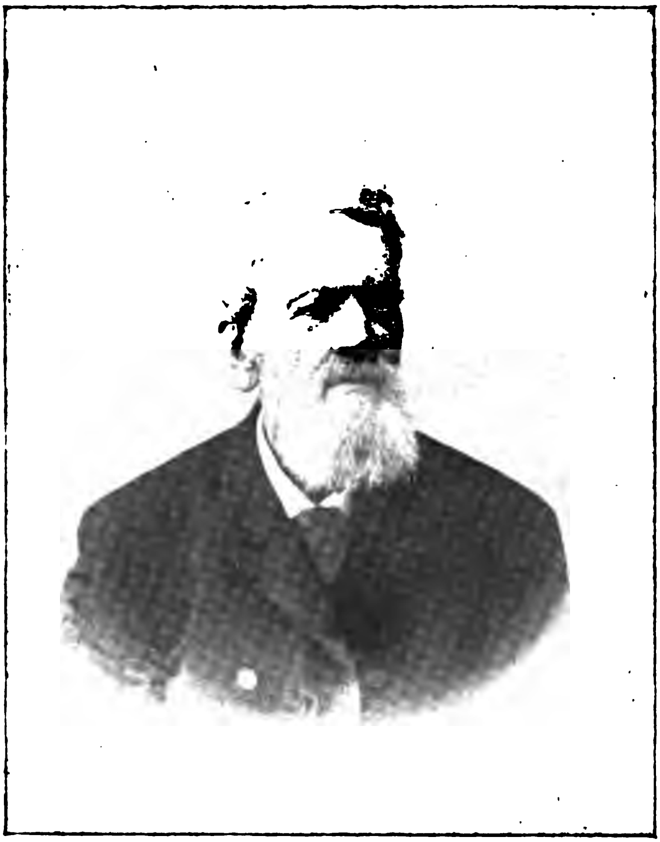
Учено-литературная дѣятельность покойнаго профессора и академика весьма обширна; одинъ перечень его статей занялъ бы десятки страницъ. Мы же здѣсь коснемся только наиболѣе важнѣйшихъ его трудовъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ ставятся обыкновенно работы по буддизму и вообще по религіямъ Востока. Въ 1857 г. появилась первая часть его труда: «Буддизмъ, его догматы, исторія и литература», заключавшая въ себѣ «общее обозрѣніе» и изданная академіей наукъ.

Новостью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній и ихъ оригинальною разработкою она изумила Европу и вскорѣ была переведена на языки нѣмецкій и французскій. Привѣтствуя ея появленіе, академикъ Кеппенъ выразился такъ: «до Васильева «Буддизма» мы были слѣпцами». Вторую и третью части этого труда составили: «Буддійскій терминологическій лексиконъ» (Спб., 1867 г.) и «Исторія буддизма въ Индіи; сочиненіе Даронаты» (Спб., 1869 г.).

Не меньшею самостоятельностью и значеніемъ пользуется и другой капитальный трудъ В. П. Васильева — «Религіи Востока:

конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ» (Спб., 1873 г.), который онъ также предназначалъ и для публики. Кромѣ нихъ, по тѣмъ же вопросамъ имъ помѣщено нѣсколько статей и замѣтокъ въ изданіяхъ императорской академіи наукъ.

Вслѣдъ за этими трудами важную роль играютъ и его труды по исторіи и географіи Востока, каковы: «Исторія и древности



Василій Павловичъ Васильевъ.

восточной части Средней Азіи отъ X до XII вв.; съ присоединеніемъ переводовъ китайскихъ извѣстій о киданяхъ, чжурчженяхъ и монголо-татарахъ» (въ «Трудахъ восточнаго отдѣленія Импер. Русскаго археологическаго общества», ч. IV, 1861 г.); «Свѣдѣнія о маньчжурахъ во время династій Юань и Минъ» (докторская диссертація, Спб., 1864 г.); «Русско-китайскіе трактаты» (Спб., 1862 г.); «О движеніи магометанства въ Китаѣ» (Спб., 1867 г.); «Воспоминанія о Пекинѣ» («Сѣверная Пчела», 1861 г., № 6); «Выписки изъ

дневника, виденнаго въ Пекинѣ» (Спб., 1856 г.); «Центральная Азія и главные хребты горъ въ Китайскихъ владѣніяхъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1852 г., ч. LXXVIII); «Описаніе Маньчжуріи» («Записки Импер. Русскаго географическаго общества», т. XII); «Записка о Нинчутѣ» (ib.); «Описаніе большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ («Вѣстникъ Импер. Русскаго географическаго общества», т. XIX и XXIII); «О существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи» (ib., т. XV); «Географія Индіи; сочиненіе Миньчжул-Хутухты» (Спб., 1897 г.); «По поводу ученаго путешествія Гюка и Габе въ Тибетъ» («Извѣстія Импер. Русскаго географическаго общества», 1872 г.), и мн. др.

Что касается руководствъ для студентовъ, то таковыхъ имъ издано нѣсколько: «Маньчжурская христоматія для первоначальнаго преподаванія» (Спб., 1862 г.); «Маньчжурско-русскій словарь» (Спб., 1866 г.); «Графическая система китайскихъ гіероглифовъ», Опытъ перваго китайско-русскаго словаря» (Спб., 1867 г., литогр.; до появленія въ 1891 г. печатнаго словаря Д. А. Пещурова былъ единственнымъ руководствомъ); «Анализъ китайскихъ гіероглифовъ» (Спб., 1866 г.); «Элементы китайской письменности» (Спб., 1884 г.); «Китайская христоматія» въ 3-хъ частяхъ (Спб., 1868—1882 г.), съ обширными приложеніями, которыя издавались отдѣльно; «Очеркъ исторіи китайской литературы» (Спб., 1886 г.; первоначально печатался въ «Исторіи всеобщей литературы» Корша и Кирпичникова); «Матеріалы по исторіи китайской литературы» (Спб., 1888 г.), и др.

Наконецъ, В. П. Васильевъ выступалъ, и какъ публицистъ, трактуя преимущественно о современныхъ китайскихъ дѣлахъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Дневникѣ», «Голосѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Новомъ Времени» и др. Изъ этихъ статей, выходившихъ иногда отдѣльными брошюрами, наиболѣе любопытны: «Три вопроса» (1878 г.); «Современное положеніе Азіи. Китайскій прогрессъ» (1883 г.); «Двѣ китайскія записки о паденіи Кульджи и о завоеваніи ея русскими» (1872 г.); «Исторія японскаго уголовнаго судопроизводства» (1883 г.); «Россія и Средняя Азія», «Китайскія посольства въ Россіи», «Голодъ въ Китаѣ», «О далай-ламахъ въ Тибетѣ» и др.

Покойный академикъ былъ членомъ нѣсколькихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ и русскихъ: географическаго и археологическаго; членомъ корреспондентомъ императорской академіи наукъ состоялъ съ 1866 г., а ординарнымъ академикомъ съ 1886 года.

В. Р—въ

О ДЬЯВОЛИЗМѢ [1].

I.

СЪ ТѢХЪ поръ, какъ человѣкъ появился на землѣ, по могиламъ, древнѣйшимъ слѣдамъ его, можно и должно заключить, что земными предѣлами никогда не исчерпывались его представленія о жизни. За тѣснымъ кругозоромъ его наблюденія и опыта разстилался необозримый океанъ неизвѣстнаго, незримаго; но этотъ невѣдомый міръ не былъ и для него мертвою пустыней. Онъ вѣрилъ, что и тамъ есть жизнь и существа, ему не чуждыя, одаренныя волей и силой, превосходящія силу видимыхъ, живущихъ на землѣ существъ. Въ этотъ незримый міръ переходятъ и живущіе здѣсь, коль скоро наступаетъ то навсегда непостижимое событіе, которое называется смертью. Полнаго разрыва между двумя этими бытіями

---

[1]) Изъ обширной литературы объ этомъ предметѣ укажемъ на главнѣйшія сочиненія, бывшія въ нашемъ распоряженіи:

M-r Léon Meurin, S. s. archevêque—evêque de Port Louis: La Franc-Maçonnerie Synagogue de Satan. Paris, 1893.—Domenico Margiotta: Le Palladisme-culte de Satan Lucifer dans les triangles maçonniques. Grenoble. 1895. — Dr. Bataille. Le diable au XIX siècle. 2 vols.——Léo Taxil. Y-a-t-il des femmes dans la Franc-Maçonnerie? Paris. 1895.—Louis Martin: L'anglais est-il un juif? Paris. 1895.—Jules Bois. Le Satanisme et la Magie. Paris. 1895. Особенно важны сообщенія и признанія Марджіотты и Батая, принадлежавшихъ къ высшимъ степенямъ палладизма. Достовѣрность показаній А. Таксиля поколеблена недавнимъ разоблаченіемъ нѣкоторыхъ его мистификацій, но цѣликомъ отвергать ее все-таки не слѣдуетъ.

не допускалъ первобытный человѣкъ и потому охранялъ тѣло умершаго могилою. Мучительная тягота жизни должна была возбудить въ умѣ вопросъ о цѣли жизни, а напряженное стремленіе къ счастью стало стимуломъ къ покоренію природы изученіемъ ея явленій. Но чѣмъ сильнѣе разумъ устремляется къ познанію причинъ, чѣмъ выше восходитъ онъ по ихъ лѣстницѣ, тѣмъ общѣе и отвлеченнѣе онѣ становятся, тѣмъ шире раздвигается область невѣдомаго, объемлющаго массу изслѣдованнаго матеріала, и тѣмъ ничтожнѣе оказывается эта масса. Конечныя цѣли становятся загадочнѣе, дѣйствующія силы—непостижимѣе, опытное знаніе—безсильнѣе. Но духовная жизнь человѣка не ограничивается дѣятельностью одного разума: она движется совокупно съ нимъ вѣрою. То, что темно для ума, освѣщается вѣрою. Самое знаніе въ сущности не что иное, какъ повѣрка того, во что человѣкъ вѣритъ, не что иное, какъ стремленіе путемъ опыта удостовѣриться въ дѣйствительномъ существованіи неосязаннаго, невидѣннаго и неслыханнаго, пользуясь тѣми средствами, какія въ данное время находятся въ распоряженіи испытующихъ. Но такъ какъ поле наблюденія ограничено прежде всего предѣлами человѣческой жизни, такъ какъ самая жизнь человѣчества во всей ея исторической совокупности представляется только короткимъ эпизодомъ міровой жизни, то понятно, что первая причина и конечная цѣль бытія остаются внѣ предѣловъ опыта. Одно откровеніе можетъ пріобщить духъ человѣка къ высшей истинѣ и показать ему первовиновника всего сущаго и тѣ пути, по которымъ текутъ явленія видимой жизни къ незримой цѣли. Наблюденія опыта, раскрывая причины, не раскроютъ и нравственнаго смысла жизни, а безъ этическаго элемента теряетъ свой смыслъ дѣятельность человѣка и, слѣдовательно, дѣятельность всего видимаго міра; вѣра, столь могущественно руководящая человѣкомъ, протестуетъ противъ такого заблужденія и даетъ то, чего не можетъ дать разумъ. Завѣты вѣры, просвѣтленной откровеніемъ, столь же драгоцѣнны и необходимы для человѣчества, какъ и сокровища знанія. Хранителемъ этихъ завѣтовъ, оградою чистоты и неповреждаемости вѣры и воспріемникомъ истиннаго откровенія является церковь. Въ ней только человѣкъ находитъ богопознаніе и нравственное ученіе о добрѣ и злѣ. Она одна является носителемъ этическаго идеала. Въ ней только человѣкъ обрѣтаетъ человѣка, а съ ними и жизнь всего мірозданія. Разумъ и вѣра никогда не совпадутъ и не составятъ одной силы; они останутся такими же отдѣльными элементами, какъ сила зрѣнія и сила мускульная въ физическомъ организмѣ человѣка.

Незримыя міроправительныя силы нигдѣ не проявляются съ большею наглядностью, какъ въ исторіи человѣчества. Нерѣдко кажется, что судьбы человѣчества совершаются «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», что ходъ исторіи прерывается случайными

и неожиданными катастрофами. Нуженъ большой промежутокъ времени, чтобъ примѣнить требованіе закономѣрности къ совершившимся фактамъ и уразумѣть этическій ихъ смыслъ. Ибо все познаваемое составляетъ лишь очищенный матеріалъ для нравственнаго сужденія и приговора, направляющихъ затѣмъ живыя, наличныя силы человѣческой дѣятельности; ибо въ борьбѣ добра со зломъ (понятій нравственныхъ) и въ стремленіи дать побѣду добру заключается весь смыслъ не только отдѣльной, но, можно вѣрить, и міровой жизни. Въ обоихъ случаяхъ содержаніе добра, существо конечной цѣли, какъ и слѣдуетъ изъ вышесказаннаго, составляютъ предметъ вѣры, даются только откровеніемъ, составляютъ сокровище церкви.

Жизнь духовная выражается въ своеобразныхъ общежительныхъ формахъ, болѣе прочныхъ и долговѣчныхъ, нежели государственныя, живущихъ своеобразною и самобытною жизнью. Какъ носительница идеала, церковь должна имѣть руководящее вліяніе на человѣческое общежитіе. Какъ форма менѣе устойчивая, государство, подчиняя себѣ церковь, а съ нею и совѣсть человѣческую, не можетъ не оказать вреднаго и разлагающаго вліянія на церковную жизнь. На пространствѣ вѣковъ можно видѣть, какъ много рушилось государствъ съ ихъ государственными идеалами, какъ народы одинъ за другимъ сходили съ исторической сцены, наполнивъ ее блескомъ и славой, и въ то же время церковь, гонимая или торжествующая, пребывала на своемъ мѣстѣ, утѣшая побѣжденныхъ, стараясь согласовать задачи новыхъ историческихъ дѣятелей съ своимъ вѣчнымъ идеаломъ.

Поводомъ раздѣленія церквей востока и запада было зараженіе западной половины вселенской церкви государственнымъ началомъ единой власти, которое внесли въ церковную жизнь римскіе патріархи запада. Зараженіе такъ глубоко, что даже замѣчательный по силѣ ума пастырь, нынѣ возсѣдающій на римскомъ престолѣ, краеугольнымъ камнемъ возсоединенія ставитъ одно признаніе своего главенства надъ восточными церквами. Присвоивъ себѣ званіе намѣстника Тріединаго Бога на землѣ, папа долженъ былъ потребовать и признаніе за собою непогрѣшимости, таящей въ глубинѣ своей полную безгрѣшность, а слѣдовательно и безусловную власть надъ человѣческою совѣстью. Западный міръ раскололся на пастырей и пасомыхъ. Внутренняя связь между ними порвалась, ибо первымъ дана власть, вторые осуждены на одно послушаніе, а закономъ для тѣхъ и другихъ стала воля римскаго владыки. Въ такомъ положеніи неизбѣжными стали столкновенія между папою и государствомъ, между свободой воли и внѣшнимъ авторитетомъ. За нимъ послѣдовало разложеніе западной церкви. Злоупотребленіе церковнымъ авторитетомъ ради цѣлей, церкви чуждыхъ, вызвало

страшный толчекъ въ противоположную сторону. Протестантизмъ отвергъ авторитетъ, далъ волю личному разсужденію, поставилъ каждаго своимъ собственнымъ для себя папой. Ограниченія этого принципа оказались столь несостоятельными, что въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ протестантизмъ раздробился на множество частныхъ подраздѣленій и сектъ, которыя, сойдя на путь раціонализма, доходятъ до отрицанія самыхъ основаній христіанства, до семитическаго деизма, до пантеизма, до утилитаризма, совершенно не нуждающагося въ какой либо религіи, какъ таковой, до полнаго и откровеннаго атеизма. Западное христіанство неудержимо идетъ внизъ, теряя на каждой ступени роковой лѣстницы одно христіанское вѣрованіе за другимъ, ослѣпленное внѣшнею матеріальною культурой, прельщающею и тѣ, чуждые ему народы, которые, отчасти по чувству самосохраненія, прельщаются его успѣхами. На послѣдней видимой нынѣ ступени западные народы, по крайней мѣрѣ, руководящіе ими классы, доходятъ до полнаго отрицанія христіанства, якобы несогласимаго съ тою складкою, которую пріобрѣло ихъ духовное, именно умственное, раціоналистическое развитіе. Все, недоступное навѣки разуму, подвергается безпощадному отрицанію. Руководителемъ исторической жизни долженъ быть разумъ, направляющій дѣятельную жизнь исключительно на благосостояніе большинства. Конфуцій проповѣдывалъ своему трудолюбивому китайскому муравейнику думать болѣе о текущихъ нуждахъ современной жизни и не заниматься богословскими вопросами: западноевропейскій прогрессъ прямо отвергъ церковную жизнь, какъ пережитой, составляющій одно достояніе исторіи теологическій періодъ. Экономическое процвѣтаніе массъ объявлено сущностью исторической жизни человѣчества. Мысль сорвалась съ горныхъ высотъ и по той лѣстницѣ, по которой она стремилась вверхъ, excelsior, устремилась внизъ, къ матеріи, издѣваясь надъ прежними трансцендентальными задачами.

Но на этой ступени вдругъ съ поразительною неожиданностью ворвался въ слагающееся, повидимому, царство «просвѣщеннаго» разума цѣлый рядъ непостижимыхъ, противорѣчащихъ господствующимъ міропредставленіямъ явленій. Свѣтъ религіи гасили съ великимъ усердіемъ, водворяя мракъ религіознаго невѣдѣнія, и вотъ изъ этого мрака стали появляться темныя, невѣдомыя силы, существованіе которыхъ раціонализмъ относитъ исключительно на счетъ невѣжества и суевѣрія. Эти силы на подобіе кошмара налегли на смущеннаго и безвѣрнаго западнаго человѣка. Онѣ олицетворились въ формы, непокорныя систематическому изслѣдованію. Невѣдомыя существа проявили могущество сверхчеловѣческое, неподвластное и отрицающее всѣ тѣ эмпирическіе выводы, которые называются законами природы. Одно за другимъ рушились раціоналистическія возраженія, и замолкали насмѣшки надъ суевѣріями,

какъ наслѣдіемъ полудикаго или средневѣковаго быта; напротивъ, порча, сглазъ, ясновидѣніе, всепроницаемость, внушеніе, непостижимыя объективныя явленія доставили такую массу фактовъ, засвидѣтельствованныхъ не только достовѣрными свидѣтелями, но и строго научными наблюденіями, что о голословномъ отрицаніи не можетъ быть и рѣчи. Невѣдомый факторъ, повидимому, чаще и чаще врывающійся въ жизнь, носитъ преобладающій духовный характеръ, проявляетъ себя, какъ цѣлесообразная сила, дѣйствуетъ попреимуществу на духовную сторону человѣка и посредствомъ его воли; ему необходимо общеніе съ душою и постепенность для того, чтобы развить силу своихъ проявленій; чтобы ихъ видѣть, нужно имѣть вѣру. Снизу также потребовалась вѣра, какъ она была необходима на пути горѣ. Такимъ образомъ эта странная сила по существу своему относится къ области религіи и дается при помощи религіозныхъ процессовъ—экстаза (транса) и откровенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ свидѣтельствъ устанавливаетъ ея противохристіанскій характеръ. Не только вѣрующіе христіане, присутствующіе при подобныхъ опытахъ, но и предметы христіанскаго культа оказываются препятствіемъ къ удачному результату этихъ опытовъ. Въ виду столь удивительныхъ явленій приступили къ пересмотру осмѣянныхъ «суевѣрій» прошлыхъ вѣковъ и, къ великому изумленію, нашли, что современныя сверхъестественныя явленія въ точности соотвѣтствуютъ тому, что признавалось за дѣтское легковѣріе временъ невѣжества, за обманное колдовство, за ошибочное признаніе психіатрическихъ явленій дѣйствіями нечистой силы: эта нечистая сила вновь проявляла себя и притомъ въ обширныхъ, ненаблюдавшихся дотолѣ размѣрахъ, какъ будто бы находя для себя въ настоящее время болѣе воспріимчивую и подготовленную среду, чѣмъ когда либо. Въ полномъ разгарѣ матеріалистическихъ стремленій и механическаго міросозерцанія вдругъ возсталъ спиритуализмъ и при томъ въ отрицательной формѣ, какъ начало противоположное ученію положительной религіи, какъ враждебная этой религіи религія. Пока спеціалисты изучали физическія и психическія стороны фактовъ, данныхъ наблюденіемъ, мистики и жаждущіе вѣры выяснили демоническій характеръ новаго вѣянія и сложились въ различныя группы религіознаго характера, учредили іерархію, возсоздали въ цѣломъ рядѣ обрядовъ новую магію. Эти общества, явное учрежденіе коихъ въ Западной Европѣ удостовѣрено уже въ первой половинѣ XVIII вѣка, шли размножаясь и, постепенно входя въ общеніе, направляются къ сліянію воедино. Для характеристики описываемаго явленія въ его совокупности принято называть его оккультизмомъ. Общество, раскинувшее въ настоящее время свою сѣть по всему культурному міру, не исключая мусульманскаго, индійскаго, китайскаго міровъ, но, замѣчательно, только въ православ-

номъ и восточно-христіанскомъ не встрѣтившее себѣ сочувствія [1]), называется масонскимъ, но и оно еще не вполнѣ объѣдинило всѣ свои ложи; кромѣ того, рядомъ съ нимъ существуютъ общества, преданныя оккультизму, не входящія въ масонскую организацію, но слабость ихъ организаціи неизбѣжно приведетъ ихъ къ поглощенію масонствомъ.

II.

Общество «вольныхъ каменщиковъ», или орденъ франкъ-масоновъ, возводитъ свое начало къ средневѣковымъ корпораціямъ каменщиковъ, строителей готическихъ соборовъ, и къ ордену храмовниковъ, тампліеровъ. Отъ первыхъ будто бы унаслѣдованы были традиціи, тайно передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ строителей храма Соломона, вмѣстѣ съ обрядами и внѣшними отличіями (передники, циркули, молотки и т. п.). Вторымъ приписывается истинное богопознаніе, сохранившееся въ тайнѣ неприкосновеннымъ со временъ Соломона и усвоенное тампліерами на востокѣ. Поль Розанъ (Paul Rosen), бывшій масонъ, сообщаетъ, что въ XII вѣкѣ на востокѣ существовала христіанская секта іоаннистовъ, которые придавали евангелію только аллегорическое значеніе. Глава ихъ Ѳеоклетъ посвятилъ въ таинства іоаннистовъ рыцаря Гюга Пеяна (Peyen), магистра тампліеровъ, учрежденныхъ въ 1118 г., и передалъ ему главенство въ сектѣ. Такимъ образомъ, тампліеры исповѣдывали гностицизмъ, и ученіе ихъ перешло къ франкъ-масонамъ и отразилось въ «храмовомъ чинѣ» (le rite templièr) 1543 г. Іоаннисты извѣстны также подъ именемъ мандаитовъ и существуютъ въ Персіи и Месопотаміи до сихъ поръ. Ученіе ихъ составляетъ странную смѣсь манихеизма, христіанства и язычества. Лео Таксиль въ книгѣ «Les mystères de la Franc-Maçonnerie» приписываетъ испорченность тампліеровъ вліянію на нихъ мусульманъ, въ особенности измаилитовъ, вѣроученіе которыхъ образовалось подъ воздѣйствіемъ манихейства. Тампліеры втайнѣ поклонялись идолу Бафомету. Имя это сложено, по мнѣнію архіеп. Мёрена, изъ греческихъ словъ Вафи—погруженіе и Метисъ—мудрость и означаетъ «крещеніе мудрости». Гаммеръ разыскалъ до двѣнадцати такихъ «бафометовыхъ головъ» и разобралъ греческія, араб-

---

[1]) Батай (Bataille, l. c.) сообщаетъ подробный списокъ масонскихъ управленій во всѣхъ частяхъ свѣта. Изъ восточно-христіанскихъ странъ таковыя находятся только въ Александріи, городѣ, такъ сказать, международномъ, въ которомъ даже шейхъ дервишскаго монастыря, по словамъ одного русскаго путешественника, состоитъ масономъ. Въ личномъ составѣ этихъ управленій мы встрѣтили только два русскихъ имени: Яблочковъ въ Парижѣ и князя Ухтомскаго въ Миланѣ. Извѣстно, что въ Россіи состоять въ масонскихъ ложахъ воспрещено по закону, по крайней мѣрѣ, лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ; открытіе ложъ также возбраняется.

скія и латинскія надписи, которыя на нихъ находились. Метисъ, мудрость, изображается на этихъ идолахъ подъ видомъ человѣческимъ съ признаками обоихъ половъ и сопровождается буквою тавъ, т. е. египетскимъ фаллусомъ, змѣемъ, солнцемъ, луной, лучистою звѣздою, передникомъ, семисвѣщникомъ и др. Эти же символы, іероглифы и надписи встрѣчаются на замкахъ, церквахъ и гробницахъ тампліеровъ. Орденъ былъ уничтоженъ папою Климентомъ V послѣ продолжительнаго процесса. Тампліеровъ обвиняли въ преступныхъ сношеніяхъ съ невѣрными противъ христіанскихъ государей, въ союзѣ съ ассасинами, въ заговорѣ съ цѣлью ниспровергнуть всѣ королевскіе престолы въ Европѣ, въ отреченіи отъ Христа, въ оплеваніи и попираніи креста, чѣмъ они занимались по пятницамъ, въ возмутительномъ развратѣ, въ сожиганіи дѣтей, рождавшихся отъ тампліеровъ, въ волшебствѣ, клятвенномъ обязательствѣ безпрекословно исполнять всякое повелѣніе великаго магистра, считать все дозволительнымъ, что ведетъ къ выгодѣ ордена, въ особенности же не выдавать страшныхъ тайнъ ихъ ночныхъ собраній, подъ угрозой жестокихъ наказаній. Тампліеровъ, схваченныхъ съ великимъ магистромъ, подвергли пыткѣ, и они повинились за немногими исключеніями. Великій магистръ и нѣсколько десятковъ рыцарей несознавшихся были сожжены въ 1314 г.; остальные воспользовались разрѣшеніемъ вступить въ другіе рыцарскіе ордена. Понятно, что пытка подрываетъ довѣріе къ искренности признаній. Тампліеры подверглись такой же участи въ Англіи, Италіи и большей части германскихъ государствъ. Нѣсколько французскихъ рыцарей укрылись въ Шотландію, подъ покровительство короля и основали конвентъ въ Кильвиннингѣ. Въ награду за помощь въ битвѣ при Баннокбернѣ король Робертъ Брюсъ превратилъ этотъ конвентъ въ рыцарскій орденъ Свято-андреевскаго репейника, иначе называемый орденомъ Геродома. Другой капитулъ ордена былъ устроенъ въ Іоркѣ. По словамъ масонскихъ писателей, рыцари тайно принесли въ Шотландію своего идола Бафомета. Капитулы въ Кильвиннингѣ и Іоркѣ послужили основаніемъ для первыхъ масонскихъ ложъ, и оттуда же масонство распространилось по Европѣ и Америкѣ. Въ 1801 году Бафометъ былъ перенесенъ въ Чарльстоунъ въ Америкѣ, находящійся подъ 33° широты, избранный потому, что масонство раздѣляется на 33 степени. $^{30}/_{10}$ степень масонства составляетъ званіе «рыцаря Кадоша», или «рыцаря тампліера», и начальникъ ихъ именуется великимъ магистромъ. Бафометъ въ чарльстоунскомъ капищѣ составляетъ палладіумъ масонства, центръ высшихъ степеней его, члены которыхъ назвались палладистами. Ежегодно справляются торжественныя поминки по сожженномъ Яковѣ Моле. На саркофагѣ изображены буквы I. В. М. (Іаковъ Бургиньонъ Моле); у подножія саркофага лежатъ три черепа, средній положенъ на черной бархатной подушкѣ,

признается за черепъ Іакова Моле и увѣнчанъ лаврами; черепъ направо въ королевской коронѣ и представляетъ Филиппа Красиваго, черепъ налѣво въ папской тіарѣ и считается черепомъ Климента V. Здѣсь посвящаются въ степень—«рыцаря Кадоша». Посвящаемый, произнося клятву соблюденія тайнъ, поклоняется черепу Моле и поражаетъ кинжаломъ остальные два, повторяя за великимъ магистромъ слова: «смерть тираніи, смерть преступленію».

Орденъ тампліеровъ, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, погибъ въ пламени костровъ, твердо отрицая обвиненіе въ еретическихъ ученіяхъ. Масонство, объявивъ себя законнымъ наслѣдникомъ ордена по непрерывному преемству, развило въ своихъ тайноученіяхъ и символическихъ обрядахъ именно то, что составляло сущность обвиненій: ненависть къ христіанской церкви и монархической власти.

Хотя усвоеніе нѣкоторыхъ символовъ и указываетъ на связь нынѣшняго масонства съ орденомъ тампліеровъ, тѣмъ не менѣе наименованіе ордена и достовѣрные документы указываютъ на прямое происхожденіе масонскихъ ложъ изъ средневѣковыхъ корпорацій каменщиковъ.

Новѣйшіе историки масонства [1]) выяснили вліяніе средневѣковыхъ еретическихъ и мистическихъ ученій на религіозную жизнь корпорацій каменщиковъ. Альбигойцы, вальденсы, апостольскіе братья, ліонскіе бѣдняки, бегарды и бегины находили въ этихъ корпораціяхъ убѣжище отъ преслѣдованія инквизиторовъ, поступая въ корпорацію въ качествѣ любителей труда и принося съ собою ученіе о духовномъ созиданіи храма Богу въ душѣ человѣческой, символомъ котораго должно служить созиданіе каменныхъ готическихъ соборовъ. Въ наилучшемъ состояніи средневѣковыя мистическія секты шли своимъ путемъ, параллельно съ церковью, не сливаясь съ ней, но въ большинствѣ случаевъ были прямо враждебны ей. Альбигойцы, прямые послѣдователи восточнаго павликіанства и манихейства, признавали міръ невидимый и душу твореніемъ одного, а міръ видимый и тѣло—дѣломъ другого бога; все церковное ученіе—ложнымъ, правительство—тираніей, критеріемъ истины—свободное толкованіе священнаго писанія, не подчиненное авторитету церкви; въ принципѣ отрицали бракъ и собственность. Ихъ таинства содержались въ величайшемъ секретѣ, и допущеніе къ нимъ предварялось многолѣтнимъ искусомъ. Старѣйшины секты были тщательно укрываемы. Каѳары, другая вѣтвь манихейства, распространились по Рейну въ Вестфаліи. Возставая противъ церкви, они въ то же время заявили себя рѣшительными врагами феодальнаго дворянства. Аналогическое явленіе представляютъ въ

---

[1]) Katsch: Ueber die Vorgeschichte der Freimaurerei.—Keller: Die Reformation und die alten Reformparteien.

то же время патарены во Франціи, гдѣ плотникъ Дюранъ основалъ въ 1184 г. общество «братьевъ въ бѣлыхъ шапкахъ», имѣвшихъ цѣлью преобразовать весь общественный строй на началахъ равенства и братства. Эти революціонеры пользовались полнымъ сочувствіемъ евреевъ и въ свою очередь считали ихъ своими братьями. Взаимныя симпатіи проистекали не только изъ общей ненависти къ гнетущимъ соціальнымъ условіямъ того времени, но коренились также и въ сродствѣ ученій. Восточные элементы сектантства заключали въ себѣ тѣ же древнія ученія гностиковъ и манихеевъ, которымъ не чужда была и каббала, развившаяся такъ же подъ вліяніемъ александрійскаго гностицизма. Преслѣдованія разсѣяли сектантовъ и порвали ихъ связи съ евреями, но этотъ разрывъ былъ временный, хотя и продолжительный. Вступая въ корпораціи каменщиковъ, скрытые еретики приносили съ собою духъ протеста противъ средневѣковой церкви и феодальнаго общества, реформаціонныя и революціонныя стремленія. Дѣятельность нѣмецкихъ корпорацій охватывала, кромѣ Германіи, Голландію, Бельгію и Англію, страны наиболѣе богатыя религіозными разномысліями въ средніе вѣка. Каменщики, приходя на чужбину, соединялись въ братства или примыкали къ такимъ же мѣстнымъ союзамъ, которые въ Англіи уже въ XV вѣкѣ именовались строительными ложами и существовали тамъ съ незапамятныхъ временъ, можетъ быть, уже въ римскую эпоху. Въ особенности значительно было переселеніе нѣмецкихъ каменщиковъ въ Англію въ послѣднее тридцатилѣтіе XVII вѣка.

Англійское правительство относилось недовѣрчиво къ такому религіозному разномыслію, но, тѣмъ не менѣе, ученіе о духовномъ созиданіи утвердилось въ ложахъ, въ которыя стали допускаться и постороннія лица въ качествѣ accepted massons, а послѣ революціи 1688 г. даже король Вильгельмъ III тайно вступилъ въ члены масонства. Къ концу XVII столѣтія ложи приходятъ въ упадокъ, число ремесленниковъ уменьшается, большинство вступающихъ приходится на номинальныхъ масоновъ. Въ 1717 г. четыре лондонскія ложи, руководимыя братьями, принадлежащими къ ученому сословію и аристократіи, соединились въ одну великую ложу, которая единственною цѣлью поставила себѣ духовное созиданіе. Положено было пригласить къ союзу всѣ другія ложи, учреждать новыя и выработать на основаніи прежнихъ уставовъ новый общій для всѣхъ статутъ. Составленіе статута было поручено пастору Эндерсону (Anderson), и статутъ былъ напечатанъ въ 1723 г. Отношенія каменщика къ Богу и религіи опредѣляются слѣдующимъ образомъ: «каменщикъ обязанъ повиноваться нравственному закону и, если онъ правильно понимаетъ свое искусство, онъ не будетъ ни тупоумнымъ безбожникомъ, ни невѣрующимъ распутникомъ. Въ прежнее время каменщики обязывались исповѣдывать религію,

которая признается всѣми людьми, какъ бы они ни назывались. Такимъ путемъ масонство обратится въ центръ союза и въ средство для насажденія дружбы между лицами, которыя иначе пребывали бы во взаимномъ отчужденіи». Духовное созиданіе должно было состоять въ освобожденіи человѣка отъ суевѣрія, предразсудковъ и страстей. Такимъ образомъ обязательнымъ исповѣданіемъ былъ деизмъ, да и это требованіе выражено нерѣшительно, только въ отрицательной формѣ. Не забудемъ, что на языкѣ XVIII в. освобожденіе отъ суевѣрія означало борьбу противъ установленной церкви,—вспомнимъ вольтеровское «écrasez l'infame»,—освобожденіе отъ предразсудковъ—борьбу съ соціальнымъ и политическимъ строеніемъ; освобожденіе отъ страстей допускаетъ самое широкое толкованіе, ибо къ этой цѣли можетъ привести и строгій аскетизмъ и полное пресыщеніе разнузданныхъ похотей. Строго требовалось, чтобы въ члены принимались только люди состоятельные, могущіе нести издержки ложъ. Однако не всѣ англійскія ложи примкнули къ великой ложѣ. Іоркскія ложи образовали отдѣльный союзъ подъ названіемъ старо-масонскихъ ложъ (ancient massons), а лондонскій союзъ получилъ наименованіе новомасоновъ (modern massons). Статутъ іоркской великой ложи, составленный ирландцемъ Лоренсомъ Дермоттомъ, былъ изданъ въ 1756 г. подъ заглавіемъ Ahiman Rezon или Братская помощь. Замѣчательно, что уже съ первыхъ шаговъ масоны начинаютъ пользоваться еврейскимъ языкомъ. Старомасоны (ancient massons) принимали въ свои ложи однихъ христіанъ и къ тремъ существовавшимъ степенямъ присоединили четвертую «царскій ковчегъ» (royal arch), которая была принята потомъ и въ другихъ ложахъ. Іоркская ложа туго прививалась въ Англіи, но получила значительное распространеніе въ Америкѣ. Одновременно съ ней образовались великія ложи шотландская (1736 г.) и ирландская (1730 г.). Соединеніе всѣхъ ложъ Англіи состоялось только въ 1813 г., и въ настоящее время гросмейстеромъ и покровителемъ всѣхъ ложъ въ Англіи состоитъ принцъ Уельскій.

Въ то время, какъ масонство при своемъ возникновеніи отличалось аристократическимъ характеромъ, въ низшихъ слояхъ англійскаго общества началось параллельное движеніе, выразившееся основаніемъ общества oddfellows, «чудаковъ» или «безработныхъ», такъ какъ oddfellow означаетъ и чудака и работника, не имѣющаго занятій. Это общество возникло въ 1782 г. и подобно масонству раздѣляется на ложи. Цѣль общества состояла въ оказаніи пособія членамъ его и семействамъ ихъ въ случаѣ нужды или смерти. Девизомъ приняты слова: любовь, дружба и правда. Политическое значеніе масонства, уже выяснившееся во Франціи, не могло, однако, ускользнуть отъ чуткихъ правящихъ классовъ Англіи, конечно, не желавшихъ поощрять демократическихъ тенден-

цій, и потому къ обществу вскорѣ примкнули члены изъ буржуазіи и дворянства. Въ одной Англіи считаютъ теперь 4.000 ложъ съ 800.000 членовъ, но въ Америкѣ оно приняло еще болѣе обширные размѣры. Въ немъ учреждено 5 степеней, въ Америкѣ къ нимъ прибавили еще три высшія степени, которыя, впрочемъ, въ Англіи не признаются. Преобразованное въ такомъ видѣ американское отдѣленіе общества приняло названіе Re-Theurgistes Optimates, то же самое, какое носятъ и палладисты, и вступило въ сношеніе съ этими послѣдними. Вообще слѣдуетъ замѣтить наклонность масонства къ страннымъ и напыщеннымъ наименованіямъ. Орденъ Oddfellows располагаетъ богатыми средствами, которыя назначены на благотворительныя цѣли. Впрочемъ дѣятельность его содержится въ тайнѣ. Всѣ ложи Англіи, Америки и Германіи,—въ латинскихъ и католическихъ странахъ онъ не существуетъ,—подчинены верховной великой ложѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Бальтиморѣ, которая и заправляетъ «тайнымъ дѣломъ». Она установляетъ знаки и лозунги, распоряженія ея передаются словесно и часто мѣняются. Бальтиморская ложа опредѣляетъ чинъ принятія и правила для дѣятельности ложъ. При мужскихъ ложахъ въ Америкѣ учреждена женская «ложа Ревекки». Посторонней публикѣ общество извѣстно только по періодическимъ банкетамъ.

Нигдѣ, однако, массонство, пересаженное изъ Англіи, не было встрѣчено съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ и не пережило такой бурной исторіи, какъ во Франціи. Показныя гуманитарныя цѣли масонства совпали съ идеалами «вѣка просвѣщенія» и обезпечили ему симпатіи передовыхъ людей. Великая ложа Франціи была учреждена въ 1726 г. депутатомъ великой англійской ложи гр. Девентуетеромъ въ Парижѣ. Въ 1726 году Рамсей основалъ Шотландскую ложу въ Аррасѣ и во главѣ ея поставилъ Шевалье Деланьо и Робеспьера, отца Максимиліана Робеспьера. Съ необыкновенною быстротой масонство стало всемогущею модой. Быть массономъ значило стоять на уровнѣ современнаго либерализма и свободомыслія, стало признакомъ порядочности и просвѣщенности. Дворянство и буржуазія массою устремились въ ложи, въ которыхъ подъ рабочими фартуками стирались сословныя грани; гдѣ церемоніи и таинственные обряды сулили какое-то заманчивое глубокое знаніе настоящей истины для многихъ неудовлетворенныхъ сухими матеріалистическими ученіями вѣка; гдѣ наконецъ скрывался въ тайнѣ трибуналъ, облеченный, кромѣ вѣдѣнія, еще и властью, о силѣ которой создавались преувеличенныя представленія. При дворѣ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты только король съ королевой не были масонами. Но французскія ложи не отличались ни консерватизмомъ, ни сдержанностью англійскихъ, руководимыхъ людьми высшихъ сословій, не расположенными къ демократическимъ увлеченіямъ и явному нарушенію респектабельности. Эластическая

программа общества во Франціи вскорѣ выразилась такими дѣйствіями, которыя навлекли на масоновъ ватиканскіе громы и судебныя преслѣдованія. Въ 1767 году ложи были закрыты по королевскому указу, но продолжали существовать тайно, а въ 1772 г. были разрѣшены вновь. Въ 1789 г. во Франціи считалось уже до 700 ложъ, во главѣ которыхъ стоялъ Великій Востокъ (Le Grand Orient de France) подъ управленіемъ герцога Орлеанскаго (впослѣдствіи гражданина Филиппа Эгалите). Ложи были центрами революціоннаго движенія. Предъ съѣздомъ нотаблей великій магистръ востока разослалъ во всѣ ложи инструкцію для руководства при составленіи записокъ (cahiers) о нуждахъ Франціи, которыя требовались правительствомъ отъ нотаблей. Революціонный лозунгъ: свобода, равенство, братство, былъ еще до революціи девизомъ Шотландской ложи. Во время революціи ложи превратились въ якобинскіе революціонные клубы, которые захватили въ свои руки судьбы Франціи. Дѣятельность ихъ достаточно извѣстна. Разогнавъ клубистовъ, Наполеонъ, понимавшій международное значеніе масонства, возстановилъ масонскія ложи. Точно также благоволилъ къ нимъ и Наполеонъ III, но оба императора просмотрѣли преобладаніе англійскаго вліянія во всѣхъ масонскихъ ложахъ, и потому расчеты ихъ на помощь отъ ложъ въ политическихъ предпріятіяхъ потерпѣли полную неудачу. Ниже мы коснемся политической дѣятельности масонства, теперь же упомянемъ, что, кромѣ Великаго Востока, во Франціи существуетъ еще одна великая ложа, называющаяся Верховнымъ Совѣтомъ (Suprême Conseil de France) и имѣющая 33 степени посвященія. Раскрытіе этого тайнаго ученія, замѣнившаго христіанскую вѣру, происходило постепенно, по мѣрѣ повышенія въ высшія степени. Члены обязывались страшными клятвами не открывать ученія никому изъ непосвященныхъ, и нескромность въ этомъ отношеніи каралась наравнѣ съ измѣной. Лишь немногіе достигали 33-й и другихъ соотвѣтствующихъ высшихъ степеней, однако и брату 33-й степени не всегда открывалась масонская тайна во всей полнотѣ. Иногда на эту степень возводятся люди, нужные масонству по своему вліянію или богатству, и такимъ дается, въ знакъ почета, перстень, но это отличіе означаетъ, что съ такими членами нужна осторожность, и что тайна масонства имъ неизвѣстна. Наиболѣе надежные и дѣятельные члены въ средѣ самаго масонства сплочены въ особое тайное братство, распоряжающееся всѣми силами общества и соединенное между собою особыми таинственными знаками. Обыкновенные масоны не вѣдали до послѣдняго времени о томъ, что творится въ тайныхъ сборищахъ, нынѣ называемыхъ въ отличіе отъ ложъ треугольниками (triangles). Большинство масоновъ долгое время пребывало въ убѣжденіи, что дѣятельность общества исчерпывается пріемными собраніями и банкетами, на которыхъ произносятся рѣчи изъ общихъ мѣстъ о любви

къ человѣчеству и просвѣщеніи, да дѣлами благотворенія и попеченіемъ о народномъ образованіи. Не хотѣли и не могли замѣтить, что кажущаяся амплификація общихъ мѣстъ, возбуждавшая только насмѣшки, имѣла для посвященныхъ иной, болѣе содержательный смыслъ; что дѣла благотворенія были ничтожны, что на просвѣщеніе народа упадали крохи, имѣвшія цѣлью только отвести глаза отъ другихъ, болѣе сокровенныхъ дѣяній. До послѣдняго времени, многіе изъ высшихъ степеней масонства упорно отрицали существованіе неизвѣстныхъ имъ женскихъ адоптивныхъ ложъ, хотя во Франціи ихъ считается 40 на 60 мужскихъ, и хотя учрежденіе этихъ ложъ восходитъ къ 1730 году. Даже зоркая французская полиція теряла слѣды преступленія на порогѣ этихъ ложъ. Въ женскихъ ложахъ дѣйствующихъ, конечно, совокупно съ мужскими, «ученицы» (apprenties) и «мастерицы» усердно работаютъ надъ искорененіемъ страстей и главнымъ образомъ ревности...

Побѣдоносно преуспѣвая въ политическомъ отношеніи, успѣшно распространяясь въ средѣ буржуазіи и черезъ нее получая преобладающее вліяніе въ представительныхъ правительствахъ,—что въ особенности обнаруживается во Франціи и Италіи,—масонство является заклятымъ врагомъ монархіи и церкви. Сокровенный политическій идеалъ его—буржуазная республика, въ которой принципы свободы, братства и въ особенности равенства имѣютъ очень условное значеніе. Въ этомъ отношеніи демократическія тенденціи средневѣковыхъ рабочихъ братствъ и корпорацій подвергались въ Англіи радикальной, специфически англійской переработкѣ и въ новомъ уже видѣ были усвоены изъ Англіи Западною Европой. Но, подорвавъ монархическіе принципы, масонство столкнулось съ церковью и христіанствомъ. Съ самаго начала масонство отнеслось отрицательно къ церкви и христіанству, однако ни одно общество, претендующее на господство и распространеніе, на однихъ отрицаніяхъ удержаться не можетъ. Нельзя отойти отъ христіанства и церкви, его воплощающей, и остаться, такъ сказать, на большой дорогѣ. До нѣкоторой степени такое положеніе возможно лишь для немногихъ единичныхъ лицъ, дѣйствующихъ и духовно живущихъ особнякомъ; для массы же лицъ, соединившихся для перестройки соціальной, необходимы свой Богъ, свой символъ, свой обрядъ. Ни сомнительныя преданія храмовниковъ, ни смутные остатки средневѣковой мистики и манихейства не представляли удовлетворительной системы вѣрованій и соотвѣтствующаго ей культа. Въ этомъ отношеніи на помощь масонству явились прирожденные и всегдашніе союзники всѣхъ враговъ Христовой церкви и христіанской культуры — евреи, которымъ до 1782 г. былъ закрытъ доступъ въ масонскія ложи, проникнуть въ которыя они употребляли всѣ усилія.

Къ политическимъ стремленіямъ французскаго масонства графъ

Мирабо, возвратясь изъ Германіи, прививаетъ иллюминатство. Родина великихъ христіанскихъ мистиковъ, обуреваемая протестантскою анархіей въ области вѣрованій, Германія была всегда благодарною почвой для развитія мистическихъ сектъ и тайныхъ обществъ, нерѣдко безнравственнаго характера. Основателемъ иллюминатства въ половинѣ XVIII в. въ Германіи считается профессоръ Вейсгауптъ. Его общество было закрыто за обнаруженную безнравственность. Одновременно съ Вейсгауптомъ дѣйствовалъ во Франціи испанскій еврей Мартинесъ Паскалисъ, основатель мартинизма. Иллюминатство и мартинизмъ коренятся въ пантеистическихъ ученіяхъ каббалы, но имѣли, однако, не только теоретическій и философскій характеръ, а также и практически-религіозный, были не доктриной, а ересью. Страстная политическая борьба, въ которую втянулось французское масонство, не могла заглушить запросовъ вѣры по сокрушеніи французской церкви. Мартинизмъ и иллюминатство сдѣлали небезуспѣшную попытку внести религіозный элементъ въ отрицательныя ученія французскихъ ложъ. Проповѣдникомъ новой догматики явился Мартинесъ Паскалисъ. Лишь въ недавнее время обнародованы нѣкоторыя изъ его сочиненій. Ученіе его главнымъ образомъ извѣстно по сочиненіямъ Сенъ-Мартена, главнаго его ученика и послѣдователя, хотя сей послѣдній не былъ вполнѣ посвященъ въ мысли своего учителя. Мартинесъ Паскалисъ присоединилъ къ теоретическимъ наставленіямъ богослуженіе и обряды, служившіе символомъ его догматики. Онъ училъ, что цѣль земной жизни—совершенствованіе человѣка, достигаемое посредствомъ общенія съ высшими духами, непосредственно созерцающими божество, и при ихъ содѣйствіи. Руководимый этими духами, каждый вѣрующій можетъ достигнуть божественнаго усыновленія и обожествленія. Общеніе устанавливается въ совершеніи обрядовъ, предписанныхъ Мартинесомъ. По словамъ Сенъ-Мартена Паскалисъ проповѣдывалъ о спасеніи «отпадшаго существа» (l'être pervers). Спасеніе это составляетъ обязанность «перваго человѣка» (кабалистическаго Адама Кадмона), и каждый просвѣщенный иллюминатъ долженъ продолжать обязательный трудъ своего праотца. Въ чемъ состояли магическія дѣйствія, имѣвшія цѣлью такое спасеніе, ни одинъ изъ учениковъ Паскалиса не огласилъ; Сенъ-Симонъ ограничивается сообщеніемъ, что обряды были многосложны.

Масонство началось съ вѣроисповѣднаго индифферентизма и деизма. Робеспьеровскій L'être Suprême можно считать преданіемъ аррасской ложи. Слѣдуетъ замѣтить, что первый масонскій уставъ напечатанъ подъ еврейскимъ заглавіемъ. Затѣмъ, подъ вліяніемъ еврея мартинисты обращаются къ ученію каббалы. Зарождается сочувственное отношеніе къ «отпадшему существу». Денница-Люциферъ становится поборникомъ свободы, революціонеромъ противъ Царя Небеснаго, врагомъ деспотизма, изъ спасаемаго дѣлается

спасителемъ, носителемъ свѣта, которому и должна принадлежать окончательная побѣда. Его сфера—чистое пламя. Въ огненной атмосферѣ ликуетъ сатана съ полчищами своихъ духовъ и избранными. Люциферъ провозглашается богомъ, которому въ тайныхъ собраніяхъ поклоняются масоны, и нерѣдко появляется среди ихъ видимымъ образомъ; ему приносятся жертвы, въ честь его совершаются кощунственныя и возмутительныя оргіи. Можно думать, что въ наше время возродились въ масонскихъ ложахъ нечестивѣйшія ученія и таинства давно исчезнувшихъ карпократистовъ, офитовъ и каинитовъ. Центральнымъ капищемъ сатаны служитъ масонскій храмъ въ Чарльстоунѣ, но и тамъ церемоніи культа охраняются въ строгой тайнѣ, и къ присутствованію при нихъ допускаются только масоны высшихъ степеней. Точно также въ тайнѣ содержатся собранія масоновъ въ главныхъ ложахъ Европы и Америки. Масоны низшихъ степеней вполнѣ искренно отрицаютъ сообщенія о мерзостяхъ, совершаемыхъ люциферіанами, т. е. высшими степенями ордена. Масоны избѣгаютъ переписки о своихъ дѣлахъ. Лемми, по словамъ Марджіотти, сносится изъ Рима съ Чарльстоуномъ при помощи нечистой силы. Нескромность наказывается смертью, при чемъ виновники всегда остаются неразысканными. Замѣчательно, что высшія степени масонства носятъ еврейскія названія, и литургическіе гимны, опубликованные Батаемъ, написаны на еврейскомъ языкѣ. Въ Берлинѣ еврейскія ложи существуютъ отдѣльно отъ христіанскихъ ложъ; евреи могутъ участвовать въ собраніяхъ христіанскихъ ложъ, но къ себѣ христіанъ не пускаютъ. Ежегодно Чарльстоунъ получаетъ отъ масоновъ громадные взносы денегъ. Финансовое управленіе масонства сосредоточено въ Берлинѣ, нѣмецко-еврейскіе банкиры принадлежатъ къ масонамъ, политическое руководство сосредоточено въ Римѣ, въ рукахъ Лемми, а религіозное въ Чарльстоунѣ. При господствѣ буржуазіи во Франціи, масонство захватываетъ въ свои руки правительственную власть, объявляетъ клерикализмъ (христіанство) врагомъ государства и начинаетъ съ нимъ ожесточенную борьбу. Въ устраненіи христіанскаго ученія и культа изъ народныхъ училищъ проявляется несомнѣнное вліяніе масонскаго еврейства. Сто лѣтъ тому назадъ, первые масоны довольствовались индифферентизмомъ въ области религіозной; теперь масоны стали явными врагами христіанства, а такъ какъ ни католикамъ, ни протестантамъ нѣтъ основаній ратовать противъ него, то понятно, что только французскимъ евреямъ слѣдуетъ приписывать противохристіанскія мѣропріятія тамошняго правительства. Свободномыслящіе (libres-penseurs), охвостье «философовъ» XVIII вѣка, и позитивисты, дававшіе и еще дающіе тонъ либеральной литературѣ на континентѣ, являются въ большей или меньшей степени сознательно не болѣе, какъ слугами исконной ненависти выродившихся евреевъ къ ученію Христову.

Выше замѣчено, что масонство развилось и укоренилось въ буржуазіи. Батай даетъ приблизительную цифру масонскихъ сборовъ. Изъ этой огромной суммы на дѣла благотворительности и просвѣщенія народнаго, чѣмъ стараются масоны пустить пыль въ глаза общественному мнѣнію, расходуется весьма скромная часть. Провозглашая всеобщее братство, масоны не допускаютъ вспомоществованій членамъ своего общества. Обѣднѣвшій масонъ болѣе не братъ и немедленно исключается изъ числа сочленовъ за невзносъ годичнаго сбора. Масонъ, протягивающій руку за помощью, теряетъ право на братское рукопожатіе. Таково общее правило. Оргіи и революціонная пропаганда поглощаютъ всѣ средства масонства. Число училищъ, больницъ и пріютовъ, а также призрѣваемыхъ въ нихъ на счетъ масонства ничтожно.

Выдавая себя за противниковъ фанатизма, за безкорыстныхъ борцовъ чистой человѣчности, масоны пользовались долгое время сочувствіемъ общества, и только правительства, лучше освѣдомленныя о настоящемъ характерѣ братства, иногда принимали противъ нихъ строгія мѣры. Въ послѣднее время открылись глаза и близорукаго общества. Появился цѣлый рядъ страшныхъ разоблаченій. Масоны въ большинствѣ случаевъ отмалчиваются съ напускнымъ пренебреженіемъ, или стараются набросить на обличителей обвиненіе въ клерикальномъ фанатизмѣ, или же, воспользовавшись ошибками обличителей въ разоблаченіи темныхъ, тщательно скрываемыхъ масонскихъ дѣлъ, прямо обвиняютъ своихъ непріятелей въ клеветѣ. Но въ число клеветниковъ до сихъ поръ попали немногіе писатели, тогда какъ обличительная литература растетъ. Англоеврейскія симпатіи масоновъ во Франціи, столь ярко засвидѣтельствованныя событіями послѣднихъ лѣтъ въ дѣлѣ Дрейфуса, въ унизительныхъ для Франціи отношеніяхъ къ Англіи, могутъ служить доказательствомъ разлагающаго вліянія масоновъ, коль скоро они получаютъ значеніе въ управленіи христіанской страны.

М. Соловьевъ.

НЕРАЗГА[illegible]НАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА.

«Исторія желѣзной маски останется, по всей вѣроятности, всегда темной».— Исторія Франціи, Мишлэ.

ВПОЛНѢ естественно, что при настоящемъ развитіи историческихъ изслѣдованій и архивныхъ работъ такъ называемыя историческія загадки все болѣе и болѣе сдаются въ архивъ. Но тѣмъ любопытнѣе, что одна изъ нихъ, сосредоточивающая на себѣ вниманіе всего свѣта болѣе полутораста лѣтъ, остается постоянно неразгаданной, несмотря на всѣ усилія историковъ пролить на нее свѣтъ обнародованіемъ новыхъ архивныхъ документовъ и подтвержденіемъ одной гипотезы за другою самыми, повидимому, доказательными аргументами. Разгадчики этой исторической тайны гордо восклицаютъ «Еврика!» и каждый начинаетъ съ опроверженія всѣхъ прежнихъ теорій. Пока дѣло идетъ о критикѣ, то новый изслѣдователь выходитъ побѣдителемъ, и всѣ гипотезы его предшественниковъ валятся подъ его ударами, какъ карточные домики, но лишь только онъ приступаетъ къ возведенію своего историческаго зданія, какъ оно оказывается одинаково построеннымъ на пескѣ. Это или старая, давно разбитая теорія, только болѣе или менѣе ловко возобновленная, или новая, но столь же мало выдерживающая критику. Такимъ образомъ загадка остается неразгаданной, хотя въ послѣднее время надъ ней особенно усиленно работали историки, словно желая покончить со старыми вопросами въ истекающемъ столѣтіи и, сдавъ ихъ въ архивъ, подготовить почву для разрѣшенія новыхъ задачъ.

Дѣло идетъ о знаменитой желѣзной маскѣ и о таинственной личности, которая скрывалась подъ ней въ Бастиліи и въ другихъ французскихъ тюрьмахъ при Людовикѣ XIV. Не только Мишлэ предполагалъ, что эта загадка никогда не выяснится, но и другой французскій историкъ Генри Мартэнъ сказалъ по этому поводу: «исторія не имѣетъ права произносить своего приговора надъ тѣмъ, что никогда не выйдетъ изъ области предположеній». Дошли до того, что стали даже сомнѣваться въ существованіи таинственной желѣзной маски и относить ее къ числу многочисленныхъ историческихъ легендъ, которыя обращаются въ мыльный пузырь при серіозномъ, научномъ ихъ изслѣдованіи. Но въ этомъ случаѣ легенда имѣла твердое фактическое основаніе, и длинный рядъ сочиненій Топена, Луазелера, Юнга, Гюрго и Базери, Башета и др. безусловно подтвердили дѣйствительное существованіе несчастнаго узника, который около тридцати лѣтъ томился во французскихъ тюрьмахъ, скрытый отъ всего міра если не подъ желѣзной, то подъ черной бархатной маской. Но, если этотъ фактъ не подлежалъ сомнѣнію, то кто былъ узникъ въ маскѣ, становилось тѣмъ загадочнѣе, чѣмъ болѣе предлагалось для его разъясненія гипотезъ, одинаково не основательныхъ. Можно было смѣло сказать, что онъ не былъ, какъ увѣряли тѣ или другіе писатели, ни старшимъ братомъ Людовика XIV и сыномъ Анны Австрійской отъ Мазарини, ни младшимъ его братомъ, ни сыномъ его и г-жи Ла-Вальеръ, графомъ Вермандуа, ни герцогомъ Монмутъ, ни сыномъ Кромвеля, ни знаменитымъ министромъ финансовъ Людовика XIV, Фукэ, ни армянскимъ патріархомъ, Аведикомъ, ни министромъ мантуанскаго герцога, Маттіоли, и т. д. и т. д. Но кто именно скрывался подъ этой маской, оставалось тайной.

Наконецъ, въ 1898 году, Функъ-Брентано въ цѣломъ рядѣ статей [1]) возобновилъ старую гипотезу о томъ, что желѣзной маской былъ Маттіоли, и обставилъ ее, хотя не новыми, но столь искусно сгруппированными документами и доказательствами, что почтенный историкъ Сорель заявилъ торжественно: «Загадка разгадана». Каково же было всеобщее изумленіе, когда надняхъ появилась объемистая книга Анатоля Логена [2]), который фактически и логически разбилъ теорію Функъ-Брентано. Конечно, его собственная гипотеза, что желѣзной маской былъ Мольеръ, является еще менѣе доказанной, и Функъ-Брентано естественно вступилъ съ нимъ въ ожесточенную полемику [3]) еще ранѣе появленія его книги. Кстати въ это же время

---

[1]) Legendes et archives de la Bastille, par T. Funck-Brentano. Paris. 1898.
Le masque de fer, par T. Funck-Brentano. Revue Bleue, 26 mars 1898.
L'homme au masque de velour noir, par T. Funck-Brentano. Revue historique. Tome LVI. 1894.

[2]) Le prisonier masqué de la Bastille, par An. Loguin. Paris. 1900.

[3]) Le masque de fer. Trois articles polemiques de U. Loguin et T. Funck-Brentano. Paris. 1899.

появилось англійское сочиненіе Аллена Чильза, который воскрешаетъ другую старую гипотезу о томъ, что желѣзной маской былъ Фукэ [1]). Такимъ образомъ XIX вѣкъ оканчивается болѣе жаркой литературной борьбой по этому вопросу, чѣмъ когда либо съ тѣхъ поръ, какъ имъ интересуются.

Постараемся, если не разрѣшить, что, повидимому, невозможно, то, по крайней мѣрѣ, выяснить со всѣхъ сторонъ таинственную исторію желѣзной маски и представить въ бѣглыхъ чертахъ все, что извѣстно достовѣрнаго объ этой загадочной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ познакомимъ читателей со всѣми гипотезами, которыми такъ богата обширная, постоянно увеличивающаяся литература по этому вопросу.

I.

По мѣткому выраженію французскаго критика Поля Де-Сенъ-Виктора, «никогда божество Индіи не подвергалось столькимъ превращеніямъ и метаморфозамъ, какъ человѣкъ въ маскѣ». Впервые о немъ упоминается при Людовикѣ XIV въ анонимной маленькой книжкѣ, приписываемой, однако, не безъ основанія г-жѣ Де-Вье-Мезонъ: «Тайные мемуары по исторіи Персіи» [2]). Это въ сущности сатира на политическіе придворные нравы при Людовикѣ XIV подъ персидскими названіями. Въ ней разсказывается о посѣщеніи регентомъ государственнаго преступника, который содержится въ маскѣ и перевезенъ изъ крѣпости Армусъ (острова св. Маргариты) въ Испагань (Бастилію). При этомъ ясно намекается, что узникъ не кто иной какъ графъ Вермандуа, сынъ Людовика XIV и г-жи Ла-Вальеръ, заточенный въ наказаніе за пощечину, данную дофину, и о смерти котораго отъ чумы возвѣстили всему свѣту. «Комендантъ крѣпости Ормузъ, разсказываетъ авторъ, обращался съ своимъ узникомъ очень почтительно; онъ самъ прислуживалъ ему и бралъ блюда изъ рукъ поваровъ, которые никогда не видали лица Гіафара (гр. Вермандуа). Однажды онъ вздумалъ вырѣзать ножемъ свое имя на тарелкѣ. Одинъ изъ невольниковъ, въ руки котораго попалась эта тарелка, отнесъ ее къ коменданту въ надеждѣ получить награду, но его немедленно казнили, чтобъ похоронить вмѣстѣ съ нимъ важную тайну. Гіафаръ оставался нѣсколько лѣтъ въ Ормузѣ, а затѣмъ его перевезли въ Испагань, когда шахъ-Абасъ (Людовикъ XIV) назначилъ комендантомъ этой крѣпости своего вѣрнаго слугу въ вознагражденье за его преданность. Какъ въ Ормузѣ, такъ и въ Испаганѣ узнику надѣвали маску, когда по случаю болѣзни или по какому либо другому поводу его могли видѣть. Многія лица, достойныя довѣрія, засвидѣтельствовали, что видѣли не разъ

[1]) Nicolas Fouquet, by Allan Cheales. London. 1899.

[2]) Memoires secrets pour servir à l'histoire de Perse. Amsterdam. 1745.

этого узника въ маскѣ, который обращался съ комендантомъ на «ты», а послѣднiй почтительно преклонялся передъ нимъ.

Легенда была создана и пошла гулять по свѣту. Хотя графъ Вермандуа умеръ 18-го ноября 1689 года, въ Куртрэ, Вольтеръ воспользовался вниманiемъ, которое она привлекла къ себѣ, и хотя считалъ «Мемуары по исторiи Персiи» нелѣпымъ памфлетомъ, но, очевидно, основалъ на немъ свой разсказъ о желѣзной маскѣ, помѣщенный въ первомъ изданiи его сочиненiя «Вѣкъ Людовика XIV», появившагося въ 1751 году. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Мазарини, говоритъ онъ, случилось обстоятельство самое необыкновенное, и тѣмъ болѣе замѣчательное, что никто изъ историковъ о немъ не упоминаетъ. Въ замокъ на островѣ св. Маргариты на Прованскомъ морѣ прислали подъ самой строгой тайной невѣдомаго узника, выше средняго роста, молодого и съ красивымъ, благороднымъ лицомъ. Онъ въ дорогѣ носилъ маску съ стальной пружиной, что дозволяло ему ѣсть, не снимая ея. Было приказано убить его, если онъ сниметъ маску. Онъ оставался на островѣ, пока комендантъ Пиньероля, пользовавшiйся довѣрiемъ короля и носившiй фамилiю Сенъ-Марса, не былъ назначенъ комендантомъ Бастилiи. Онъ поѣхалъ на островъ св. Маргариты и въ 1790 году отвезъ въ Бастилiю узника попрежнему въ маскѣ. Маркизъ Лувуа посѣтилъ его на островѣ до перевода въ Бастилiю и говорилъ съ нимъ стоя, при чемъ выразилъ самое глубокое уваженiе. Въ Бастилiи его помѣстили насколько возможно хорошо. Ему ни въ чемъ не отказывали, его главная слабость была къ тонкому бѣлью и кружевамъ. Онъ игралъ на гитарѣ. Кормили его очень роскошно, и комендантъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый врачъ Бастилiи, часто лѣчившiй узника, говорилъ, что никогда не видѣлъ его лица, хотя подвергалъ осмотру его языкъ и все тѣло. Онъ былъ, по словамъ доктора, прекрасно сложенъ; цвѣтъ его кожи былъ смуглый; голосъ отличался симпатичностью. Онъ никогда не жаловался на свое положенiе и не давалъ ни малѣйшаго повода предполагать, кто онъ былъ. Этотъ неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью въ приходѣ св. Павла. Немало удивленiя возбуждаетъ тотъ фактъ, что когда этого таинственнаго узника послали на островъ св. Маргариты, въ Европѣ не исчезло ни одной замѣчательной личности. Но вотъ что случилось въ первые дни его пребыванiя на этомъ островѣ. Комендантъ самъ ставилъ ему кушанье на столъ и потомъ уходя запиралъ за собою дверь. Однажды узникъ написалъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее въ окно, подъ которымъ находилась у берега рыбачья лодка. Рыбакъ поднялъ тарелку и отнесъ ее къ коменданту. Послѣднiй спросилъ: «Вы прочли, что написано на тарелкѣ, и показывали ее кому нибудь?» — Я не умѣю читать, — отвѣчалъ рыбакъ: — я только что нашелъ тарелку, и никто ея не видалъ». Рыбакъ аресто-

вали, но убѣдившись, что онъ дѣйствительно не умѣетъ читать и никому не показывалъ тарелки, комендантъ его отпустилъ со словами: «Вы очень счастливы, что не умѣете читать».

Спустя три года появился новый варіантъ исторіи «Желѣзной маски». Въ «Планѣ общей и частной исторіи французской монархіи» аббата Ланглэ Дюфренуа [1]) и въ письмѣ Лагранжа-Шанзеля, напечатанномъ въ «Année litteraire», впервые упоминается, что таинственнымъ узникомъ былъ герцогъ Бофоръ, внукъ короля Генриха IV и Габріэли Д'Естре. Эта легенда поддерживается тѣмъ, что будто бы герцогъ Бофоръ исчезъ при осадѣ Кандіи въ 1769 году, гдѣ онъ командовалъ французскимъ флотомъ. Но существуютъ свѣдѣнія, что онъ умеръ 25-го іюня этого года и также при осадѣ Кандіи, и при томъ всѣ историки признаютъ, что не было никакой причины Людовику XIV схватить и заточить герцога, такъ какъ въ то время герой Фронды уже превратился въ преданнаго царедворца. Но Лагранжъ-Шансель увѣряетъ, что, находясь въ тюрьмѣ на островѣ св. Маргариты въ 1718 году, двадцать лѣтъ послѣ желѣзной маски, онъ самъ слышалъ отъ коменданта, что таинственный узникъ былъ дѣйствительно герцогомъ Бофоромъ. Онъ прибавляетъ, что, по словамъ другихъ арестантовъ, узникъ въ маскѣ не смѣлъ подъ угрозой смерти снимать эту маску въ присутствіи доктора, что комендантъ обращался съ нимъ съ большимъ почетомъ и доставлялъ ему богатую одежду, что, наконецъ, единственнымъ его занятіемъ было выдергивать волоса изъ своей бороды, маленькими стальными щипчиками, которыя сохранились въ крѣпости. Лагранжъ-Шансель еще передаетъ разсказъ, сообщенный однимъ изъ арестантовъ Дюбюисономъ, кассиромъ Самуэля Бернара, который содержался въ комнатѣ надъ желѣзной маской и, вступивъ съ нимъ въ разговоръ черезъ печную трубу, спросилъ, какъ его зовутъ, на что получилъ отвѣтъ, что таинственный узникъ будетъ немедленно убитъ, если онъ разоблачитъ свою тайну.

Наконецъ, въ 1769 году, патеръ Грифорэ впервые обнародовалъ въ своей книгѣ «Трактатъ о доказательствахъ, подтверждающихъ правду въ исторіи» [2]) важные документы, служащіе до сихъ поръ единственной основой имѣющихся немногихъ достовѣрныхъ данныхъ о желѣзной маскѣ. Эти документы состоятъ изъ подлиннаго акта о смерти таинственнаго узника, записаннаго въ книгахъ прихода св. Павла, и отрывковъ изъ дневника смотрителя Бастиліи Етьена Дю-Юнка. Вотъ что говорится въ первомъ изъ нихъ: «Сего (19-го ноября 1703 года) Маркіолли, 45 лѣтъ отъ рода, или около

[1]) Plan de l'histoire generale et particulière de la monarchie française, par l'abbée Langlet-Dufresnoix. Paris. 1754.

[2]) Traité de differentes sortes de preuves qui servent à ètablir la verité dans l'histoire, par le père Griffet. Paris. 1769.

того, умеръ въ Бастиліи, и тѣло его похоронено на кладбищѣ его прихода св. Павла, и сего 20-го числа, въ присутствіи Розаржа, майора Бастиліи, и Релэ, врача Бастиліи, которые подписали сей актъ». Отрывковъ изъ дневника Дю-Юнка два, подлинникъ которыхъ хранится въ арсенальномъ архивѣ въ Парижѣ, и они относятся къ поступленію въ Бастилію желѣзной маски и къ его смерти. Мы приводимъ эти оба документа цѣликомъ, такъ какъ на нихъ основана вся современная полемика.

«Въ четвергъ, 18-го сентября (1698 года), въ 3 часа по полудни г. де-Сенъ-Марсъ, комендантъ замка Бастиліи, прибылъ, чтобы вступить въ должность съ острововъ св. Маргариты и Онорэ, гдѣ онъ до сихъ поръ коменданствовалъ и привезъ въ своемъ паланкинѣ стараго узника, который былъ у него въ Пиньеролѣ, которому запрещено снимать маску, и имя котораго никогда не произносится. При выходѣ изъ паланкина его помѣстили въ первой комнатѣ Базиньерской башни до ночи, когда въ 9 часовъ вечера я, г. де-Розаржъ и комендантъ отвели его въ третью южную комнату Бретодьерской башни, которую я приказалъ меблировать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нужно, по предписанію Сенъ-Марса. Этому узнику будетъ прислуживать де-Розаржъ, а кормить его будетъ самъ комендантъ».

«Въ тотъ же день, въ понедѣльникъ, 19-го ноября 1703 года, неизвѣстный узникъ, всегда носившій черную бархатную маску, который давно находился подъ присмотромъ Сенъ-Марса и привезенъ имъ съ острова св. Маргариты, умеръ въ 10 часовъ вечера. Онъ почувствовалъ себя дурно вчера послѣ обѣдни, и хотя онъ не имѣлъ серіозной болѣзни, но нашъ духовникъ Жиро исповѣдовалъ его вчера. Смерть пришла неожиданно, и онъ не могъ пріобщиться Св. Таинъ, а патеръ только напутствовалъ ему за минуту передъ смертью. Этотъ неизвѣстный узникъ, содержавшійся такъ долго, былъ похороненъ во вторникъ, въ 4 часа по полудни 20-го ноября, на нашемъ приходскомъ кладбищѣ св. Павла. Въ актѣ смерти обозначено также неизвѣстное имя, и его подписали майоръ Розаржъ и врачъ Релэ. Я узналъ впослѣдствіи, что въ актѣ смерти узника назвали г. де-Маршіелемъ, и что заплатили за похороны 40 ливровъ».

Приводя эти документы, патеръ Гриффе говоритъ, что получилъ ихъ отъ коменданта Бастиліи, Журдана Делонэ, и прибавляетъ: «Память объ узникѣ въ маскѣ сохранилась между офицерами, солдатами и слугами тюрьмы; многіе свидѣтели видѣли собственными глазами, какъ онъ проходилъ черезъ дворъ, отправляясь къ обѣднѣ. Тотчасъ послѣ его смерти сожгли все, что принадлежало ему: бѣлье, одежду, матрацъ и одѣяло; кромѣ того, оскоблили и выбѣлили стѣны, а также перемѣнили оконныя рамы въ его комнатѣ изъ опасенія, чтобы не остался какой нибудь слѣдъ или нѣчто написанное имъ, что могло бы открыть его имя».

Книга ученаго іезуита придала документальный характеръ смутной легендѣ, а Вольтеръ повторилъ въ седьмомъ изданіи «Dictionnaire philosophique» свой прежній разсказъ, исправивъ его согласно дневнику Дю-Юнка, и прибавилъ: «Пишущій эти строки, быть можетъ, знаетъ болѣе патера Гриффе, но не скажетъ ни слова». Однако, онъ дозволилъ своему издателю напечатать слѣдующее примѣчаніе, которое, вѣроятно, писано имъ самимъ: «Желѣзная Маска былъ, безъ сомнѣнія, братомъ, и еще старшимъ братомъ Людовика XIV, мать котораго отличалась слабостью къ тонкому бѣлью, каковую слабость г. де-Вольтеръ приписываетъ Желѣзной Маскѣ. Читая въ мемуарахъ того времени объ этой особенности королевы, я вспомнилъ о томъ, что Вольтеръ говоритъ о Желѣзной Маскѣ, и вполнѣ убѣдился, что эта таинственная личность была ея сыномъ, какъ доказываютъ и другія обстоятельства. Извѣстно, что Людовикъ XIII уже давно не жилъ съ королевой, и что рожденіе Людовика XIV было обязано лишь счастливому случаю, который заставилъ короля провести ночь съ королевой. Вотъ какъ я полагаю произошло это обстоятельство: королева быть можетъ, воображала, что по ея винѣ Людовикъ XIII не имѣлъ наслѣдниковъ. Но когда она родила Желѣзную Маску, то убѣдилась въ несправедливости этого подозрѣнія. Кардиналъ Мазарини, которому она созналась въ этомъ, задумалъ извлечь изъ означеннаго факта пользу себѣ и государству. Вслѣдствіе этого, онъ устроилъ такъ, что король былъ обязанъ провести ночь съ королевой, конечно, кардиналъ и королева скрыли рожденіе Желѣзной Маски и воспитали его въ тайнѣ. До смерти Мазарини ничего не зналъ объ этомъ и Людовикъ XIV. Но когда ему стало извѣстно, что у него былъ братъ, и братъ старшій, отъ котораго мать не могла отказаться который, быть можетъ, походилъ на него, и котораго нельзя было объявить незаконнымъ послѣ смерти Людовика XIII, такъ какъ онъ былъ рожденъ во время брака, то король придумалъ средство самое мудрое и справедливое, чтобы обезпечить спокойствіе себѣ и государству безъ совершенія жестокости, хотя менѣе добросовѣстный и великодушный государь, чѣмъ Людовикъ XIV, объяснилъ бы подобную жестокость государственной необходимостью».

Такимъ образомъ, съ одной стороны увеличивались свѣдѣнія болѣе или менѣе вѣрныя о Желѣзной Маскѣ, а съ другой—росли и умножались гипотезы. Въ первомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія разсказъ аббата Папона въ его «Исторіи Прованса»[1]) о посѣщеніи тюрьмы Желѣзной Маски на островѣ св. Маргариты и письмо внука Сенъ-Марса, Де-Пальто, въ «Année litteraire» отъ 1769 года. «Я полюбопытствовалъ,—говоритъ Папонъ,—осмотрѣть 2-го февраля 1778 года ту комнату, въ которой содержался таинственный уз-

[1]) Histoire de Province, par l'abbé Papon. Paris. 1778.

никъ. Она освѣщена однимъ окномъ, пробитымъ въ сѣверной стѣнѣ, имѣющей четыре фута толщины и огражденной тройнымъ рядомъ желѣзныхъ перекладинъ, прикрѣпленныхъ на равномъ разстояніи. Окно это выходитъ на море. Въ крѣпости я нашелъ стараго офицера 79-ти лѣтъ, который мнѣ разсказалъ, что его отецъ, служившій въ томъ же полку, какъ и онъ, разсказывалъ, что ихъ полковой духовникъ однажды увидѣлъ подъ окномъ таинственнаго узника что-то плавающее на водѣ. Онъ поднялъ этотъ предметъ и отнесъ его къ коменданту Сенъ-Марсу. Это была очень тонкая рубашка, небрежно сложенная и вся исписанная узникомъ. Сенъ-Марсъ смутился, развернулъ рубашку, прочелъ нѣсколько написанныхъ на ней строкъ и спросилъ, старался ли патеръ разобрать надпись на рубашкѣ. Хотя патеръ клялся, что онъ ничего не читалъ, но, спустя два дня его нашли мертвымъ въ кровати. Мнѣ еще разсказывали, что комендантъ искалъ служанку для своего узника, и что одна крестьянка изъ деревни Манженъ предложила свои услуги, въ надеждѣ сдѣлать богатыми своихъ дѣтей, но узнавъ, что ей придется быть запертой съ узникомъ и прекратить всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, она отказалась отъ предлагаемой должности. Я долженъ еще прибавить, что на двухъ оконечностяхъ порта поставлены были часовые, которые должны были стрѣлять въ каждую лодку, приближавшуюся на извѣстное разстояніе». Съ своей стороны, де-Пальто разсказываетъ: «Пѣхотный офицеръ Бленвилье, имѣвшій доступъ до Сенъ-Марса, мнѣ часто говорилъ, что, интересуясь судьбою Желѣзной Маски, однажды взялъ у часового его одежду и оружіе, переодѣлся и замѣнилъ его подъ окнами комнаты, которую занималъ узникъ. Онъ видѣлъ его очень хорошо, на немъ не было маски, лицо его было свѣтлое, волоса сѣдые, хотя онъ былъ въ цвѣтущемъ возрастѣ. Высокаго роста и хорошо сложенный, онъ отличался слишкомъ толстыми икрами. Всю эту ночь онъ провелъ, расхаживая по камерѣ. Одежда его всегда была коричневаго цвѣта, и ему доставляли тонкое бѣлье и книги. Комендантъ и офицеры разговаривали съ нимъ стоя и съ обнаженной головой, пока онъ не приглашалъ ихъ накрыться и сѣсть. Они часто ходили къ нему обѣдать и разговаривать съ нимъ. По дорогѣ съ острова св. Маргариты въ Бастилію Сенъ-Марсъ остановился съ узникомъ въ своемъ помѣстьѣ Пальто. Первымъ прибылъ узникъ въ особомъ паланкинѣ, окруженный конной стражей, а за нимъ слѣдовалъ также въ паланкинѣ и съ эскортомъ Сенъ-Марсъ. Поселяне вышли на встрѣчу къ своему помѣщику. Сенъ-Марсъ обѣдалъ съ узникомъ въ столовой, но узникъ сидѣлъ спиною къ окнамъ, и поселяне не могли сказать мнѣ, былъ ли онъ въ маскѣ или нѣтъ. Но они очень хорошо видѣли, что передъ Сенъ-Марсомъ, сидѣвшимъ противъ окна, лежали два пистолета. Имъ прислуживалъ одинъ лакей, который, выходя изъ комнаты, старательно запиралъ за собою дверь.

Проходя черезъ дворъ, узникъ былъ постоянно въ маскѣ. Ночью Сенъ-Марсъ спалъ на кровати подлѣ него».

Всѣ эти свѣдѣнія о Желѣзной Маскѣ относятся къ позднѣйшей эпохѣ, и, кромѣ приведенныхъ выше документовъ и выписокъ изъ дневника Де-Юнка, а также офиціальной переписки, о которой скажемъ впослѣдствіи, такъ какъ она обнародована новѣйшими историками, сохранились только два современныхъ Желѣзной Маскѣ отзыва о немъ. Амстердамская газета напечатала въ номерѣ отъ 3-го октября 1698 года, что изъ Парижа пишутъ: «Новый комендантъ Бастиліи, Сенъ-Марсъ, вступилъ въ должность и помѣстилъ въ крѣпости привезеннаго имъ узника». Рядомъ съ этимъ газетнымъ извѣстіемъ надо поставить два отрывка изъ писемъ невѣстки Людовика XIV, пфальцъ-графини Рейнской, къ женѣ гановерскаго курфюрста:

Марли, 10 октября 1711 года [1]).

«Много лѣтъ находился въ Бастиліи одинъ узникъ въ маскѣ, и онъ умеръ, не снимая ея. При немъ всегда находилось два солдата, которые должны были убить его, еслибы онъ снялъ маску. Онъ спалъ, ѣлъ и причащался въ этой маскѣ. Вѣроятно, это такъ было нужно, потому что съ нимъ обращались хорошо, его помѣщеніе было не дурное, и ему доставляли все, что онъ желалъ. Онъ былъ очень набоженъ и постоянно читалъ. Невозможно узнать. кто былъ этотъ таинственный человѣкъ».

Версаль, 22 октября 1711 г.

«Я только что узнала, кто скрывался въ Бастиліи и умеръ тамъ подъ желѣзной маской. Если его заставляли носить маску, то не изъ варварства. Это былъ англійскій лордъ, который былъ замѣшанъ въ заговорѣ герцога Бервика (незаконнаго сына Іакова II) противъ короля Вильгельма. Онъ умеръ въ маскѣ для того, чтобы его король никогда не узналъ, куда онъ дѣлся».

Если мы перейдемъ къ гипотезамъ, которыя были предъявлены въ XVIII вѣкѣ для разрѣшенія интересовавшей всѣхъ тайны, то насъ поразитъ ихъ число и разнообразіе. Повидимому, послѣ смерти Людовика XIV знали загадку только его два преемника и ихъ первые министры, но и то не всѣ. Напримѣръ, герцогъ Шуазель, по словамъ мемуаровъ шведскаго барона Глейхена, всячески старался разузнать тайну, но безуспѣшно, и на всѣ его вопросы Людовикъ XV называлъ ему всѣ существовавшія тогда гипотезы, но отказывался дать рѣшительный отвѣтъ. Когда же Шуазель обратился къ маркизѣ Помпадуръ, и та въ свою очередь стала приставать къ королю, то онъ наконецъ сказалъ: «Не надоѣдайте мнѣ съ вопросами,

---

[1]) Correspondance de la princesse Pallatine, par Guillom Tepping. «Revue Bleue», 18 juillet 1896.

я не могу открыть вамъ этой тайны. Послѣ смерти Лувуа и Шамильяра никто не зналъ ея, кромѣ регента и кардинала Флёри. Этотъ послѣдній передалъ ее мнѣ. Теперь на свѣтѣ никто не знаетъ этой тайны, и она умретъ со мною». Однако, по другимъ свѣдѣніямъ Людовикъ XV сказалъ однажды Шуазелю: «Еслибы вы только знали, кто былъ Желѣзной Маской, то увидѣли бы, что эта тайна вовсе неинтересна». Также существуетъ варіантъ, что маркиза Помпадуръ наконецъ добилась своего, и будто бы Людовикъ XV сказалъ ей, что Желѣзной Маской былъ министръ италіанскаго принца. Что касается до Людовика XVI, то г-жа Кампанъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ: «Королева Марія-Антуанета очень мучила короля, чтобы узнать эту тайну, но онъ увѣрялъ, что самъ ея не знаетъ. Наконецъ она уговорила его сдѣлать розыскъ въ государственныхъ бумагахъ. Я была при королевѣ, когда король, окончивъ свои розыски, сказалъ, что ничего не нашелъ въ секретныхъ бумагахъ о таинственномъ узникѣ, но что онъ говорилъ объ этомъ съ министромъ Морепа, по словамъ котораго Желѣзной Маской былъ очень опасный интриганъ, подданный герцога Мантуанскаго, котораго заманили за французскую границу, арестовали и содержали узникомъ сначала въ Пиньеролѣ, а потомъ въ Бастиліи». Вотъ все, что извѣстно объ отношеніяхъ Людовиковъ XV и XVI къ занимающему насъ вопросу, и къ тому же эти свѣдѣнія не безусловно достовѣрны.

Всего смѣлѣе гипотеза, высказанная въ своихъ мемуарахъ барономъ Глейхеномъ, который полагаетъ, что чрезвычайныя мѣры, принятыя для охраненія тайны Желѣзной Маски, могутъ объясняться только, если дѣйствительно въ дѣлѣ была замѣшана важная государственная тайна, отъ которой, напримѣръ, зависѣлъ бы вопросъ о законности правъ Людовика XIV и его преемниковъ на французскій престолъ, поэтому онъ и доказываетъ, что Желѣзной Маской былъ дѣйствительный сынъ Людовика XIII, вмѣсто котораго Анна Австрійская и Мазарини посадили на престолъ своего незаконнаго сына, который и царствовалъ подъ именемъ Людовика XIV. Хотя всѣ новѣйшіе изслѣдователи этой исторической загадки презрительно отвергаютъ подобную замѣну дѣтей, конечно, очень затруднительную, хотя бы дѣти и походили другъ на друга, но нельзя не замѣтить, что это объясненіе Желѣзной Маски имѣло много партизановъ, и, между прочимъ, Мишлэ въ своей «Исторіи Франціи» говоритъ: «Если Людовикъ XVI увѣрялъ Марію-Антуанету, что онъ ничего не зналъ объ этой тайнѣ, то это лишь значитъ, что онъ очень хорошо ее зналъ, но не хотѣлъ, чтобы о ней стало извѣстно въ Вѣнѣ. Очень вѣроятно, что Желѣзной Маской былъ старшій братъ Людовика XIV, и что въ этомъ таинственномъ дѣлѣ замѣшанъ вопросъ о законности правъ Людовика XIV на престолъ».

Въ мемуарахъ герцога Ришелье, которые составлены его секре-

таремъ аббатомъ Сулави, развивается другая не менѣе романтичная исторія. Но въ этой гипотезѣ такъ все фантастично, даже самое ея происхожденіе, что трудно отнестись къ ней серіозно. Въ этихъ мемуарахъ разсказывается, что герцогъ Ришелье чрезвычайно желалъ открыть тайну Желѣзной Маски, и дочь регента, принцесса Валуа, находившаяся съ Ришелье въ интимныхъ отношеніяхъ, согласилась пожертвовать собою и отдаться влюбленному въ нее отцу, чтобы угодить герцогу и достать отъ регента записку, написанную Сенъ-Марсомъ объ его узникѣ. Согласно этой запискѣ Людовикъ XIV родился въ полдень, а въ тотъ же вечеръ, во время ужина короля, Анна Австрійская родила второго дофина близнеца. Послѣдняго скрыли съ цѣлью помѣшать могущимъ возникнуть распрямъ относительно того, кто изъ дофиновъ старше. Молодой принцъ былъ воспитанъ сначала Ришелье, а потомъ Мазарини, въ полномъ невѣдѣніи, кто онъ такой. Но однажды, уже юношей, онъ увидалъ портретъ Людовика XIV, и его такъ поразило сходство съ королемъ, что онъ воскликнулъ: «Я братъ короля и хочу воспользоваться моимъ высокимъ положеніемъ». Когда объ этомъ доложили Людовику XIV, то онъ приказалъ заточить его въ крѣпость на островѣ св. Маргариты, и такимъ образомъ явилась Желѣзная Маска. Еслибы записка Сенъ-Марса была безусловно подлинная, то уже давно загадки не существовало бы, но дѣло именно заключается въ томъ, что достовѣрность этого документа ничѣмъ не подтверждена, и самое его изложеніе носитъ на себѣ отпечатокъ стиля мемуаровъ Ришелье, то-есть настоящаго ихъ автора Сулави. Поэтому всѣ серіозные современные изслѣдователи загадки о Желѣзной Маскѣ даже не обсуждаютъ этой гипотезы такъ же, какъ вообще всѣхъ гипотезъ, стремящихся сдѣлать изъ Желѣзной Маски представителя дома Бурбоновъ.

Послѣднимъ отголоскомъ теоріи королевскаго происхожденія Желѣзной Маски служатъ брошюры, появившіяся во времена первой имперіи, и авторы которыхъ, идя по слѣдамъ барона Глейхена, доказывали, что Людовикъ XIV не имѣлъ никакого права на престолъ, а что законный король былъ таинственный узникъ Сенъ-Марса. Но они этимъ не довольствовались и утверждали, что этотъ узникъ женился на дочери коменданта Пиньерольской крѣпости Бомпара, и тайно удалившись на Корсику, тамъ сдѣлался родоначальникомъ семьи Бонапарте. Такимъ образомъ Наполеонъ, по словамъ этихъ брошюръ, былъ законнымъ наслѣдникомъ Бурбоновъ. Онъ самъ говорилъ на островѣ св. Елены генералу Гурго: «Мнѣ стоило бы сказать только одно слово, и всѣ повѣрили бы этой сказкѣ». Замѣчательно, что роялисты довѣряли слуху о намѣреніи Наполеона основывать свои права на престолъ на этой сказкѣ, и въ одномъ манифестѣ Вандейскихъ шуановъ говорится: «Роялистской партіи не слѣдуетъ полагаться на увѣренія нѣкоторыхъ Бона-

партовскихъ эмиссаровъ, что онъ овладѣлъ престоломъ для того, чтобы возвратить его Бурбонамъ, а напротивъ все доказываетъ намѣреніе Бонапарте основать свои права—наслѣдовать королевскій престолъ на его происхожденіи отъ Желѣзной Маски».

Когда вспыхнула революція, то всѣ интересовавшіеся таинственнымъ узникомъ Бастиліи были увѣрены, что немедленно выяснится тайна, столь упорно сохраняемая монархіей. Послѣ взятія этого позорнаго оплота королевской власти, народъ торжественно отнесъ въ парижскую ратушу знаменитую книгу о пріемѣ узниковъ, но къ всеобщему разочарованію не оказалось именно той страницы, на которой должна была значиться запись и пріемъ въ Бастилію Желѣзной Маски. Эта пресловутая страница была замѣнена другой, написанной очевидно въ недавнее время. По справкамъ было удостовѣрено, что эту книгу требовалъ къ себѣ министръ Людовика XVI Мальзербъ, который, повидимому, зналъ тайну Желѣзной Маски. Въ его бумагахъ отыскалась копія недостающаго листа, а въ бумагахъ начальника полиціи Ансело найдена и недостающая страница, хотя меньшаго формата, такъ что нельзя навѣрно сказать, подлинникъ ли это. Во всякомъ случаѣ въ этихъ обоихъ документахъ болѣе нѣтъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыя сообщилъ въ своей книгѣ патеръ Гриффэ.

Разочарованіе еще болѣе подстрекнуло воображеніе изобрѣтателей гипотезъ, и во время революціи не было имъ конца, хотя каждая новая теорія кажется нелѣпѣе предыдущей. Только гипотезы о томъ, что Желѣзной Маской были Фукэ и Маттіоли, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ онѣ до сихъ поръ находятъ сторонниковъ. Что же касается до остальныхъ, что мы только для любопытства и для счета укажемъ бѣгло на нихъ, не ручаясь, однако, чтобы этотъ списокъ былъ полонъ. Предполагалось, что Желѣзной Маской были: герцогъ Монмутъ, незаконный сынъ англійскаго короля Карла II, казненный въ Лондонѣ; незаконный сынъ Маріи - Луизы Орлеанской, жены испанскаго короля Карла II; незаконный сынъ Маріи Нейбургъ, второй жены испанскаго короля; незаконный сынъ герцогини Генріеты Орлеанской и Людовика XIV; незаконный сынъ той же герцогини Орлеанской и графа Гиша; незаконный сынъ королевы Маріи-Терезы, жены Людовика XIV, и привезеннаго ею изъ Испаніи негра; сынъ королевы Христины Шведской и ея шталмейстера Мональдески; сынъ Кромвеля; неизвѣстный любовникъ Луизы Орлеанской, королевы испанской; одинъ изъ Рогановъ, составившій заговоръ противъ короля; невѣдомый іезуитъ, написавшій оскорбительное стихотвореніе противъ Людовика XIV, и, наконецъ, какая-то таинственная женщина.

Вотъ въ какомъ видѣ первый вѣкъ догадокъ, гипотезъ о Желѣзной Маскѣ завѣщалъ эту неразгаданную загадку XIX столѣтію.

II.

Несмотря на обиліе старыхъ предположеній о томъ, кто скрывался подъ желѣзной, или, какъ удостовѣрено новѣйшими историками, бархатной маской, число ихъ еще болѣе возросло въ наше время. Первою изъ этихъ новыхъ гипотезъ было отождествленіе таинственнаго узника съ армянскимъ патріархомъ Аведикомъ. За это дѣло взялся Тилесъ, бывшій французскій генеральный консулъ въ Сиріи, и въ 1823 году онъ напечаталъ по этому предмету любопытное сочиненіе, которое начиналось надменными словами: «Я открылъ тайну Желѣзной Маски и считаю своей обязанностью дать Европѣ и послѣдующимъ поколѣніямъ отчетъ въ моемъ открытіи». Разсказанная имъ исторія очень любопытна. При Людовикѣ XIV цѣлая группа французскихъ іезуитовъ отправилась въ Константинополь съ цѣлью присоединить армянскую церковь къ католической, но встрѣтила тамъ сильное сопротивленіе со стороны патріарха Аведика, человѣка мужественнаго и энергичнаго. Впрочемъ іезуиты не унывали и, пользуясь содѣйствіемъ французскаго посланника, добивались не только удаленія изъ Константинополя патріарха, но и заточенія его въ подземную тюрьму, гдѣ почти постоянно стояла вода. Когда же, благодаря обстоятельствамъ, Аведикъ возвратился на берега Босфора и снова вступилъ на патріаршій престолъ, то іезуиты приняли болѣе радикальныя мѣры. Они съ разрѣшенія Людовика XIV и съ помощью посланника Феріоля подкупили грековъ съ острова Хіоса, которые захватили патріарха съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ международнаго права. Вслѣдъ затѣмъ несчастный былъ привезенъ во Францію и заточенъ прежде въ неизвѣстной тюрьмѣ, а потомъ въ Бастиліи. Вотъ этого-то узника нимало не таинственнаго Тилесъ во что бы то ни стало хотѣлъ выдать за Желѣзную Маску, но это ему не удалось, такъ какъ о патріархѣ Аведикѣ существуютъ безспорныя документальныя свѣдѣнія. Прежде всего онъ доставленъ въ Бастилію не съ острова св. Маргариты, а изъ крѣпости Монъ-Сенъ-Мишель, и что самое главное—въ 1709 году, шесть лѣтъ послѣ смерти Желѣзной Маски. Къ тому же, какъ доказываютъ документы Бастильскаго архива, хранящагося въ парижской арсенальной библіотекѣ, его заточеніе не составляло никакой тайны, и въ спискахъ бастильскихъ узниковъ онъ прямо именуется армяниномъ и армянскимъ патріархомъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ году онъ былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ вынужденъ былъ отречься отъ армянской церкви и перейти въ католичество. Въ вознагражденіе за отступничество онъ былъ посвященъ въ патеры и назначенъ въ одну изъ парижскихъ церквей. Тогда уже Людовикъ XIV смѣло отвѣчалъ на всѣ требованія султана о выдачѣ неправильно арестованнаго армянскаго патріарха,

что у него такого нѣтъ и никогда не было. Въ 1711 году, Аведикъ умеръ въ своей квартирѣ въ улицѣ Феронъ. Такимъ образомъ, эта романическая гипотеза, отождествлявшая его съ Желѣзной Маской, не имѣетъ ни малѣйшей основы и окончательно сдана въ архивъ, гдѣ она покоится вмѣстѣ со многими другими.

Той же участи заслуживаетъ и теорія, по которой Желѣзной Маской былъ знаменитый министръ финансовъ при Людовикѣ XIV Фукэ. Но о ней слѣдуетъ сказать поподробнѣе, такъ какъ она существуетъ болѣе столѣтія и, часто опровергаемая безспорными доказательствами, снова возникаетъ по временамъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Послѣднимъ ея отголоскомъ служитъ недавно вышедшая книга англичанина Чильза. Хотя эта маленькая монографія, по остроумному замѣчанію одного англійскаго критика, написана, повидимому, ея авторомъ, англиканскимъ пасторомъ, только для потомковъ Фукэ, переселившихся въ Англію, но она интересна по искреннему довѣрію, которое Чильзъ питаетъ къ давно опровергнутой теоріи. Правда, онъ начинаетъ свое сочиненіе признаніемъ, что исторія Желѣзной Маски была, есть и вѣчно будетъ исторической загадкой; но потомъ заявляетъ, что самой любимой ея разгадкой служило и служитъ отождествленіе таинственной маски съ Фукэ, а наконецъ уже выдаетъ эту гипотезу за вполнѣ доказанную, такъ какъ Фукэ, по его словамъ, умеръ въ Бастиліи, а не въ Пиньеролѣ, какъ утверждаютъ офиціальные документы, и не похороненъ въ семейномъ склепѣ въ Парижѣ, гдѣ будто бы никогда не находился его гробъ. Но всѣ эти доводы онъ основываетъ на извѣстной книгѣ Поля Лакруа, писавшаго подъ псевдонимомъ, Jacob Bibliophile [1]: «Человѣкъ подъ желѣзной маской», и въ этомъ послѣднемъ сочиненіи означенная теорія развита гораздо искуснѣе и подробнѣе, чѣмъ въ изящно изданной и снабженной прекрасными рисунками монографіи Чильза, который на 70-ти страницахъ говоритъ не только о конечной судьбѣ своего героя, но объ его предыдущей жизни и политической дѣятельности, объ его великолѣпномъ замкѣ Во, объ его книгѣ «Совѣты мудрости», объ его потомкахъ и т. д. Поэтому въ книгѣ Лакруа и въ блистательно опровергнувшемъ ее трудѣ Маріуса Топпена: «Человѣкъ въ желѣзной маскѣ» [2]), слѣдуетъ искать свѣдѣній объ этой, по увѣренію англійскаго пастора, излюбленной гипотезѣ о желѣзной маскѣ.

Жизнь Фукэ была сама по себѣ такъ романтична, что не удивительно желаніе людей съ живымъ воображеніемъ придать ея эпилогу еще болѣе сенсаціонный характеръ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ дѣйствительно отличался. Николя Фукэ, сынъ французскаго посланника въ Швейцаріи, отличался самыми блестящими способностями

---

[1]) L'homme au masque de fer. par P. L. Jacob Bibliophile (Paul Lacroix. Paris. 1836.

[2]) L'homme au masque de fer, par M. Toppin, Paris, 1869.

и 35 лѣтъ былъ прокуроромъ парижскаго парламента, а спустя два года назначенъ управляющимъ финансами или верховнымъ казначеемъ, т.-е. министромъ финансовъ. Въ продолженіе девяти лѣтъ онъ игралъ послѣ кардинала Мазарини первую роль во Франціи. Не только онъ былъ всемогущимъ распорядителемъ государственной казны, но самъ обладалъ колоссальнымъ состояніемъ, безумно бросалъ деньги, выстроилъ себѣ знаменитый замокъ Во, который составлялъ прототипъ Версаля, былъ щедрымъ меценатомъ, другомъ Расина, Лафонтена, Мольера, покровителемъ художниковъ и ученыхъ. Самолюбію его не было границъ, и онъ уже мечталъ сдѣлаться первымъ министромъ. Когда умеръ Мазарини, онъ былъ въ зенитѣ своей славы, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на покровительство Анны Австрійской, онъ неожиданно палъ съ своей высоты и очутился подъ судомъ. Причины этого неожиданнаго паденія объясняютъ различно: одни—желаніемъ молодого короля Людовика XIV быть своимъ собственнымъ первымъ министромъ, другіе—злобой и завистью, возбужденными въ королѣ чрезмѣрно блестящимъ праздникомъ, который данъ былъ ему въ замкѣ Во, третьи чрезвычайной дерзостью Фукэ, который не только затмилъ своимъ великолѣпіемъ блескъ королевскаго двора, но и хотѣлъ отбить у Людовика очаровательную Лавальеръ, четвертые кознями его соперника Кольбера, который, желая занять мѣсто Фукэ, вырылъ ему могилу подъ предлогомъ спасти французовъ отъ установленной имъ колоссальной системы хищенія государственной казны. Какъ бы то ни было, всемогущій, богатый министръ послѣ трехлѣтняго суда былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ и къ лишенію всѣхъ неправильно пріобрѣтенныхъ имъ богатствъ, хотя въ сущности на судѣ было доказано скорѣе его легкомысленное и безпорядочное, чѣмъ преступное управленіе государственными финансами. Конечно, какъ справедливо замѣчаетъ Альфредъ Дрозъ въ своей недавней статьѣ о процессѣ Фукэ [1]), онъ не былъ безгрѣшенъ, но и Мазарини, придя во Францію безъ гроша, тогда какъ у Фукэ было свое значительное состояніе, нажилъ до ста милліоновъ, а слѣдовательно несправедливо было превращать одного Фукэ, бывшаго въ значительной мѣрѣ орудіемъ Мазарини, въ козла отпущенія, тѣмъ болѣе для очистки почвы Кольберу.

Къ этимъ строго историческимъ фактамъ можно только прибавить, что Фукэ сидѣлъ 15 лѣтъ въ Пиньерольской крѣпости и тамъ же умеръ въ 1680 году. Все остальное, что разсказываютъ о немъ сторонники легенды, отождествляющіе его съ Желѣзной Маской, — вымышлено и даже не очень ловко. Поэтому серіозные авторы, писавшіе о немъ, или, какъ Дрозъ, не говорятъ ни слова объ этой гипотезѣ или, какъ Лэръ, основательно опровергаютъ ее [2]). Въ сущ-

---

[1]) Le procès de Foucquet, par Alfred Droz. Revue de Paris, 15 juillet 1899.

[2]) Nicolas Foucquet, par Lair. Paris, 1890. 2 vol.

ности между Фукэ и Желѣзной Маской существуетъ только одно общее, именно, что тотъ и другой находились въ Пиньерольской тюрьмѣ подъ присмотромъ Сенъ-Марса, въ теченіе семи лѣтъ, такъ какъ Фукэ былъ привезенъ въ Пиньероль въ 1665 г., а умеръ въ 1680 г., а таинственный узникъ въ маскѣ находился тамъ лишь отъ 1673 по 1681 гг. При этомъ пребываніе Фукэ въ Пиньеролѣ не скрывалось, и о немъ существуютъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Быть можетъ, въ первые годы своего заточенія съ нимъ обращались строго, но съ 1672 г., какъ свидѣтельствуетъ официальная переписка между министромъ Лувуа и Сенъ-Марсомъ, ему постепенно стали дѣлать все большія и большія послабленія. Ему дозволили имѣть лакея, видѣться со знаменитымъ Лозеномъ, тогда также содержавшимся въ Пиньеролѣ, гулять вмѣстѣ по всей крѣпости, обѣдать у коменданта съ офицерами, принимать визиты офицеровъ и гражданъ Пиньероля. Въ 1679 году разрѣшено было Фукэ видѣться съ женою, дѣтьми, братомъ, повѣреннымъ и нѣкоторыми другими лицами, а наконецъ его дочери дозволено жить вмѣстѣ съ отцомъ, занимая комнату въ верхнемъ этажѣ надъ его помѣщеніемъ. Кромѣ того, Фукэ получалъ всѣ книги и журналы, какія онъ только желалъ. Все это ясно доказываетъ, что Людовикъ XIV сталъ относиться очень снисходительно къ нему, и даже, по словамъ Лэра, при дворѣ стали говорить, что ему вскорѣ дозволятъ отправиться на воды, для поправленія здоровья, а затѣмъ совершенно освободятъ. Этому помѣшала только его неожиданная смерть 23 марта 1680 года. Онъ скончался отъ удара, окруженный своей семьей. По просьбѣ его жены и, какъ видно изъ предписанія Лувуа къ Сенъ-Марсу отъ 9-го апрѣля того же года, король дозволилъ передать тѣло покойнаго Фукэ слугамъ его жены для перенесенія, куда она пожелаетъ. Наконецъ, существуетъ подлинная выписка изъ книги монастыря Божіей Матери въ Парижѣ, въ которой значится: «23 марта 1681 года, похороненъ въ церкви означенной обители Николя Фукэ, совѣтникъ парламента, генеральный прокуроръ, управляющій финансами и государственный министръ».

Все это ясно и безусловно вѣрно. Однако находятся лица, и во главѣ ихъ Поль Лакруа, которыя упорно утверждаютъ, что Фукэ ни умеръ, ни похороненъ въ монастырѣ Божіей Матери въ Парижѣ, а, превратившись въ Желѣзную Маску, переведенъ подъ присмотромъ Сенъ-Марса въ Бастилію и тамъ скончался въ 1704 году, 89 лѣтъ отъ роду. Эта сенсаціонная исторія еще усложняется тѣмъ, что будто бы Фукэ бѣжалъ изъ Пиньероля, но былъ разысканъ агентами Кольбера въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Европы, схваченъ и возвращенъ въ Пиньероль, откуда его перевели подъ маской прежде Бастиліи еще на островъ Маргариты. Доказательствами этой фантастической легенды приводятся три обстоятельства. Во-первыхъ, при взятіи Бастиліи, въ 1789 году, въ

ея архивѣ нашлось много карточекъ, подписанныхъ различными министрами и касавшихся многочисленныхъ узниковъ; на одной изъ этихъ карточекъ подъ № 389.000 находились слѣдующія слова: «Фукэ прибылъ съ острова св. Маргариты въ желѣзной маскѣ». Во-вторыхъ, Поль Лакруа увѣряетъ, что по его просьбѣ осмотрѣны всѣ гробы, находившіеся въ семейномъ склепѣ Фукэ въ церкви монастыря Божіей Матери въ Парижѣ, и что не оказалось тамъ ни гроба Николая Фукэ, ни надгробной надписи. Въ-третьихъ, причина необыкновеннаго усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ Фукэ послѣ значительнаго ихъ ослабленія заключалась въ томъ, что маркиза Ментэнонъ, бывшая когда-то въ близкихъ отношеніяхъ съ Фукэ, потребовала отъ короля, прежде чѣмъ выйти за него замужъ, принятія строгихъ мѣръ противъ опаснаго свидѣтеля ея прежней легкомысленной жизни. Даже приводятъ слѣдующее ея письмо, будто бы написанное могущественному Фукэ во время его славы: «Я недостаточно знаю васъ, чтобы полюбить, а когда я вполнѣ узнаю, то, быть можетъ, вовсе не полюблю. Я всегда убѣгала отъ разврата, но, конечно, грѣшила. Признаюсь, что я еще болѣе ненавижу бѣдность. Я получила отъ васъ десять тысячъ золотыхъ, и если вы мнѣ принесете черезъ два дня еще десять тысячъ, то я рѣшу, какъ поступить».. Вся эта сложная комбинація ничѣмъ не подтверждена и слишкомъ наивна, а потому можно смѣло согласиться со всѣми новѣйшими изслѣдователями этой загадки, начиная съ Топпена, что, безъ всякаго сомнѣнія, Фукэ не былъ Желѣзной Маской.

Но если новѣйшіе изслѣдователя, поставившіе вопросъ о Желѣзной Маскѣ на серіозную научную почву, единогласно отвергаютъ всѣ прежнія гипотезы, въ томъ числѣ и ту, которая относится до Фукэ, то большее ихъ число однако дѣлаютъ исключеніе въ пользу также старой, но возобновленной Топпеномъ теоріи о томъ, что желѣзной маской былъ Маттіоли. Но такъ какъ эта теорія въ особенности послѣ трудовъ Функъ-Брентано въ настоящее время самая распространенная и даже пользовалась полнымъ торжествомъ до возбужденія Лакеномъ полемики съ Функъ-Брентано, то мы отведемъ ей въ этомъ очеркѣ послѣднее мѣсто рядомъ съ гипотезой Лакена о Мольерѣ. Теперь же по возможности кратко укажемъ на другія догадки, которыя заявлялись новѣйшими изслѣдователями, хотя не съ большимъ успѣхомъ.

Противъ доводовъ Топпена въ пользу Маттіоли возстали съ особой силой и, повидимому, вполнѣ ее разбили Жюль Луазелеръ и генералъ Юнгъ, но заявленныя ими гипотезы оказались еще менѣе основательными и были въ свою очередь разсѣяны въ прахъ. Первый изъ нихъ написалъ по этому вопросу нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе интересны «Историческія задачи» и «Три историческія загадки»; въ нихъ онъ старается доказать,

что напрасно всѣ изслѣдователи пытаются отыскать подъ Желѣзной Маской какую нибудь важную личность, тогда какъ, по его мнѣнію, это былъ неизвѣстный шпіонъ, арестованный маршаломъ Катина въ 1681 году. Тотъ фактъ, что этому невѣдомому узнику надѣли въ Бастиліи бархатную маску, по его словамъ, не имѣетъ ничего удивительнаго, такъ какъ подобные факты случались не разъ въ Бастиліи [1]). Конечно, противопоставить всѣмъ сенсаціоннымъ легендамъ такой простой обыкновенный фактъ было бы вполнѣ достойно серіознаго историка, еслибы это былъ только фактъ. Но онъ ничѣмъ не подтвержденъ, и ему противорѣчатъ всѣ имѣющіяся документальныя свѣдѣнія о таинственномъ узникѣ; а эти свѣдѣнія въ значительной мѣрѣ возросли въ XIX столѣтіи, такъ какъ, начиная съ Делора, напечатавшаго въ своей книгѣ «Исторія Желѣзной Маски» [2]) самыя интересныя письма изъ переписки Лувуа и Сенъ-Марса, всѣ новые изслѣдователи этого вопроса спеціально занимаются изученіемъ и обнародованіемъ архивнаго матеріала.

Наибольшую услугу въ этомъ отношеніи оказалъ Юнгъ своей книгой: «Правда о Желѣзной Маскѣ» [3]); онъ задался вполнѣ правильною задачей прослѣдить исторію всѣхъ шестидесяти двухъ узниковъ, которыхъ имѣлъ подъ своимъ надзоромъ Сенъ-Марсъ въ Пиньеролѣ, Экзалѣ, на островѣ св. Маргариты, гдѣ онъ постепенно былъ комендантомъ отъ 1665 по 1698 г., когда его перевели въ томъ же качествѣ въ Бастилію. Что въ числѣ этихъ узниковъ находилась Желѣзная Маска, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ Юнгомъ найденъ драгоцѣнный документъ, служащій до сихъ поръ камнемъ основанія всѣхъ разгадокъ этой исторической тайны, именно письмо къ Сенъ-Марсу сына и преемника Лувуа, маркиза Барберье, отъ 13 августа 1691 г., въ которомъ говорится объ узникѣ, находящемся подъ присмотромъ Сенъ-Марса **двадцать лѣтъ**. Опредѣлить, кто былъ этотъ узникъ, значило разрѣшить не разгаданную загадку, такъ какъ, очевидно, это былъ Желѣзная Маска. По справедливому замѣчанію Лакена, если ключъ къ этой тайнѣ заключался въ документахъ, книгахъ и спискахъ, хранящихся въ архивахъ военнаго министерства и другихъ вѣдомствъ, терпѣливо, обстоятельно пересмотрѣнныхъ Юнгомъ, то мы теперь бы навѣрное знали, кто былъ Желѣзная Маска. Но Юнгъ, выяснивъ болѣе всѣхъ своихъ соперниковъ тѣ немногія фактическія свѣдѣнія, которыя скрывались въ архивныхъ документахъ о таинственномъ узникѣ, побѣдоносно опровергъ прежнія предположенія о Вермандуа, Бофорѣ, Монмутѣ, Фукэ, Аведикѣ и Маттіоли,

---

[1]) Problemes historiques, par Jules Loiseleur. Paris. 1867. Trois enigmes historiques, par Jules Loiseleur. Paris. 1875.

[2]) Histoire du Masque de Fer, par M. Delort. Paris. 1825.

[3]) Vérité sur le Masque de Fer, par E. Jung. Paris. 1873.

но, какъ всѣ изслѣдователи, обнаружилъ свою ахиллесову пяту, взявшись доказать свою собственную гипотезу.

По его мнѣнію, Желѣзной Маской былъ какой-то заговорщикъ, арестованный въ Пермнѣ между 1671 и 1673 годами и заточенный въ Бастиліи. Но всѣ свѣдѣнія, которыя Юнгъ съ трудомъ собралъ о немъ, самыя смутныя и неопредѣленныя; онъ не можетъ даже опредѣлить, какъ звали узника, и приводитъ пять фамилій: Олендорфъ, Киеренбахъ, Лефруа, Армуазъ и Маршіель; преступленіе, совершенное этой личностью, также загадочно, и Юнгъ предполагаетъ, что это былъ шпіонъ и участникъ пресловутаго дѣла объ отравахъ. Наконецъ Юнгъ не можетъ ничѣмъ доказать, что приводимое имъ письмо Лувуа къ Сенъ-Марсу въ 1674 г., въ которомъ говорится о посылкѣ «узника, хотя человѣка темнаго, но имѣющаго значеніе», именно относится къ этому Олендорфу, и, какъ замѣтилъ остроумно Лэръ, «генералъ Юнгъ не сумѣлъ даже довести своего избранника до Пиньероля, что̀ является первымъ основнымъ условіемъ для доказательства его тождественности съ Желѣзной Маской». Такимъ образомъ и Юнгъ, несмотря на всю серіозность фактической и критической стороны его почтеннаго труда, оказался не на высотѣ своего призванія историка, какъ только онъ вступилъ на почву гипотезъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ для Юнга, если только это утѣшеніе, можетъ служить тотъ фактъ, что его самые ожесточенные критики Луазелеръ и Лэръ сами не были счастливѣе его въ своемъ разрѣшеніи таинственной загадки. Онъ самъ вполнѣ справедливо разсѣялъ фантазіи перваго, а найденные имъ документы вполнѣ опровергаютъ гипотезу послѣдняго. Лэръ предполагаетъ, что желѣзной маской былъ Эсташъ Дожэ, который, дѣйствительно, находился вмѣстѣ съ таинственнымъ узникомъ въ Пиньеролѣ, но документально подтверждено, что онъ поступилъ туда за нѣсколько лѣтъ до Маски, т. е. въ 1669 году, и умеръ тамъ въ 1694 году, именно 13 лѣтъ послѣ того, какъ Желѣзная Маска былъ переведенъ оттуда. Правда, что и Дожэ представляется также таинственной личностью, и, быть можетъ, поэтому Функъ-Брентано считаетъ гипотезу о немъ самой вѣроятной, конечно, послѣ его собственной теоріи о Маттіоли. Но, кромѣ указаннаго несоотвѣтствія лѣтъ, свидѣтельствуютъ противъ предположенія Лэра слѣдующія безспорныя данныя. Дожэ прямо упоминается въ перепискѣ Лувуа и Сенъ-Марса по имени и фамиліи, а имя Желѣзной Маски, по замѣчанію Юнга, «никогда не произносится». Дожэ былъ лакей, по заявленію Лувуа, и его назначили слугой къ Фукэ; а то и другое противорѣчитъ всѣмъ даннымъ о Желѣзной Маскѣ, который былъ, повидимому, важной особой и съ которымъ обращались почтительно. Дожэ остался въ Пиньеролѣ послѣ отбытія Сенъ-Марса съ Желѣзной Маской и послѣ смерти похороненъ, согласно предписанію Лу-

вуа, «какъ солдать». Несмотря на всѣ розыски Юнга, Лакена и другихъ, не открыто никакого слѣда о томъ, кто былъ и что сдѣлалъ этотъ таинственный лакей, рѣчи котораго Лувуа запрещалъ Сенъ-Марсу «слушать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ», и котораго вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ назначить слугою къ Фукэ.

Франсуа Гавэсожъ, ученый библіотекарь арсенальной библіотеки въ Парижѣ, предшественникъ Функъ-Брентано по классификаціи бастильскаго архива, напалъ на мысль, что Желѣзной Маской былъ молодой графъ Керуальзъ, который сражался при осадѣ Кандіи подъ начальствомъ адмирала Бофора, но, скромно изложивъ свою теорію, онъ впослѣдствіи самъ отказался отъ нея. Также новую и не болѣе успѣшную гипотезу заявили Эмиль Бюрго и Базери въ своемъ объемистомъ изслѣдованіи [1]), имѣющемъ цѣлью отождествить Желѣзную Маску съ генераломъ Вивьеномъ Лаббэ-де-Бюландъ. Этого генерала Лувуа приказалъ арестовать за оскорбительное обращеніе съ главнокомандующимъ, принцомъ Конти. Но Жоффруа де-Гранмэзонъ напечаталъ въ газетѣ «Univers» отъ 9-го января 1895 года два опровергающіе подобное предположеніе документа. Это—квитанціи, подписанныя генераломъ де-Бюландомъ въ 1699 году, когда Желѣзная Маска содержался въ Бастиліи, и отъ 1705 года, когда онъ умеръ уже два года передъ тѣмъ.

Наконецъ баронъ Карутти выставилъ кандидатуру въ Желѣзныя Маски—сумасшедшаго якобинца, содержавшагося въ Пиньеролѣ. Этотъ узникъ дѣйствительно находился въ одно время съ Желѣзной Маской не только въ Пиньеролѣ, но и въ Экзилѣ; кромѣ того, онъ столь же таинственная личность, какъ Дожэ. Изъ переписки Лувуа и Сенъ-Марса не видно, когда онъ присланъ въ Пиньероль, но въ 1676 году онъ очевидно сидѣлъ въ одной комнатѣ съ Дюбрелемъ, шпіономъ, который велъ двойную игру, продавая свои услуги въ Базелѣ то французскому главнокомандующему графу Монклару, то австрійскому Монтекукули, за что онъ былъ схваченъ по приказанію Лувуа и отвезенъ въ Пиньерольскую крѣпость. Этотъ Дюбрель обратился съ просьбой къ Лувуа, «чтобы его перевели въ другую комнату, такъ какъ содержавшійся съ нимъ узникъ былъ сумасшедшій, и съ нимъ неудобно находиться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что онъ заражаетъ воздухъ». На эту просьбу получился отвѣтъ министра только 21-го февраля слѣдующаго года, и въ этомъ отвѣтѣ, написанномъ на имя Сенъ-Марса, говорится: «Дѣйствительно тѣ, которые дѣйствуютъ противъ патеровъ, не обращая вниманія на ихъ священный характеръ, подвергаются отлученію отъ церкви, но дозволительно карать патера, который дѣлаетъ зло, и за котораго надо отвѣчать; если этотъ патеръ также безопасенъ въ комнатѣ, гдѣ находится слуга Лозена, какъ въ комнатѣ Дюб-

[1]) Le Masque de Fer, par E. Burgaud et Bazeries. Paris. 1894.

реля, то король предоставляетъ вамъ перемѣнить его мѣсто заточенія, но если вы сочтете нужнымъ оставить его съ Дюбрелемъ, то можно его связать, чтобы онъ не причинялъ вреда! «Вотъ все, что извѣстно о прошедшемъ этого узника, а затѣмъ видно изъ переписки Лувуа и Сенъ-Марса, что онъ находился въ отдѣльной кельѣ нижней башни, и что его называли такъ же, какъ содержавшагося тамъ же Желѣзную Маску, «узниками нижней башни». Кромѣ того, Сенъ-Марсъ называетъ его якобинцемъ, и, по всей вѣроятности, ему придавали большое значеніе, такъ какъ при переводѣ Сенъ-Марса губернаторомъ въ Экзиль ему было предписано взять съ собою узниковъ нижней башни, такъ какъ, по словамъ Лувуа, его величество считаетъ ихъ настолько важными, что не желаетъ передать ихъ въ другія руки, кромѣ Сенъ-Марса. Поэтому, если Сенъ-Марсъ въ письмѣ къ аббату Эстраду отъ 25-го іюня 1681 года и называетъ этихъ двухъ таинственныхъ узниковъ «дроздами», то онъ этимъ нимало не опредѣляетъ низкаго ихъ происхожденія, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, а лишь выражается саркастически и, быть можетъ, съ цѣлью возбудить сомнѣніе въ томъ, что его надзору поручены важные преступники. Какъ бы то ни было и кто бы ни скрывался подъ прозвищемъ якобинца, очевидно бывшаго патеромъ или монахомъ, но онъ достовѣрно умеръ въ Экзилѣ къ 1687 году, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Лувуа къ Сенъ-Марсу, и поэтому онъ не могъ быть Желѣзной Маской, который вмѣстѣ съ Сенъ-Марсомъ былъ переведенъ въ томъ же году на островъ св. Маргариты, а затѣмъ въ Бастилію.

III.

Разсмотрѣвъ права выставленныхъ въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ 25 кандидатовъ въ Желѣзныя Маски, мы видѣли, что всѣ они одинаково не выдерживаютъ критики. Теперь намъ остается взглянуть еще на двухъ послѣднихъ личностей въ этой серіи псевдо-Желѣзныхъ Масокъ—на Маттіоли и Мольера.

Первый изъ нихъ до прошедшаго года пользовался наибольшей популярностью между изслѣдователями этой исторической загадки. Ранѣе всѣхъ указалъ на Маттіоли, какъ на таинственнаго узника Бастиліи, баронъ Гейсъ, отставной капитанъ Эльзасскаго полка и одинъ изъ замѣчательныхъ библіофиловъ своего времени. Онъ напечаталъ объ этомъ въ «Journal Encyclopedique» отъ 28-го 1770 года. Вслѣдъ затѣмъ подтвердили его тезисъ дю-Тэнъ въ 1783 году въ его «Correspondence interceptée», баронъ Шамбріе въ 1793 году, въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ Берлинской академіи, и Ру-Фезильякъ, членъ конвента, въ сочиненіи, напечатанномъ въ 1801 году. Самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ этого мнѣнія

явился въ своей книгѣ Маріусъ Топпенъ, и несмотря на то, что оно было документально опровергнуто трудами Луазелера и Юнга, эта гипотеза поддерживается многочисленными авторами, именно Рэтомъ, Делоромъ, Армапомъ, Башэ, Карцо Боттой, Полемъ де Сенъ-Викторомъ, Камиллемъ Руссэ, Шерюелемъ, Гюйгенсомъ и Депингомъ. Наконецъ, Францъ Функъ-Брентано доставилъ окончательное торжество этой теоріи, и съ нимъ печатно согласились Бертренъ, Бежи, Поль д'Эстрэ, Ожэ де-Ласю, докторъ Брекингъ, Бурнонъ, который въ своей исторіи Бастиліи возставалъ противъ гипотезы о Маттіоли, а послѣ выхода въ свѣтъ трудовъ Функъ-Брентано сознался въ своей ошибкѣ, и наконецъ Соррель, заявившій, что «наконецъ» загадка «разгадана». Только полемика, возбужденная Анатолемъ Лакеномъ съ Функъ-Брентано, на страницахъ газеты «Jironde» и наконецъ его обстоятельная книга свели вопросъ на фактическую почву и не только пошатнули, но окончательно разбили теорію, защитники которой уже прославляли свою побѣду. Въ виду подобнаго значенія этой теоріи и ея странной живучести, несмотря на многіе нанесенные ей смертельные удары, она заслуживаетъ наибольшаго вниманія, поэтому мы подробно изложимъ ее и приведемъ всѣ доводы, какъ за, такъ и противъ.

Графъ Эркале-Антоніо Маттіоли родился въ Болоньи въ 1640 году, воспитывался въ Болонскомъ университетѣ и поступилъ на службу герцога Мантуанскаго, Карла III. Отличаясь блестящими умственными способностями и свѣтскимъ лоскомъ, онъ вкрался въ довѣріе герцога, который назначилъ его министромъ и государственнымъ секретаремъ. По смерти Карла III, ему наслѣдовалъ его тринадцати-лѣтній сынъ, Фердинандъ Карлъ IV, а регентшей сдѣлалась его мать Изабелла-Клара. Хотя всесильнымъ при дворѣ сталъ ея фаворитъ, Булгарини, но и Маттіоли продолжалъ играть значительную роль. Благодаря постояннымъ придворнымъ интригамъ и развратной жизни, которую вела регентша, государственныя дѣла въ Мантуѣ пришли въ такой безпорядокъ, что въ нихъ вмѣшались императоръ и папа. Принцесса Изабелла-Клара, чтобы прикрыть свои грѣхи, тайно вышла замужъ за Бульгарино, но это еще болѣе взбѣсило папу, и онъ обоихъ заставилъ принять монашество. Однако принцесса въ монашеской рясѣ продолжала жить во дворцѣ и управлять государственными дѣлами, хотя ея сынъ уже достигъ совершеннолѣтія. Онъ женился на красавицѣ, Изабеллѣ Гонзаго, дочери герцога Гвастальскаго, но, слѣдуя примѣру матери, предавался съ юности развратной жизни и почти постоянно жилъ въ Венеціи среди роскоши и въ обществѣ куртизанокъ. Маттіоли поощрялъ въ этомъ молодого герцога, и тотъ назначилъ его сенаторомъ, а также пожаловалъ въ графы. Естественно, что такимъ положеніемъ дѣлъ въ Мантуѣ воспользовался Людовикъ XIV по совѣту своего посланника въ Туринѣ, маркиза Виллара, который ни-

салъ министру Помпону: «Время кажется очень удобнымъ для вступленія въ переговоры съ герцогомъ Мантуанскимъ. Онъ негодяй, расточитель и большой игрокъ; ни у него, ни у его любимцевъ нѣтъ ни гроша. Онъ уже забралъ у евреевъ всѣ свои доходы за нѣсколько лѣтъ впередъ. Я полагаю, что было бы очень выгодно для Франціи добиться отъ него отдачи въ ея руки крѣпости Казаль за хорошую сумму денегъ и значительную субсидію для содержанія гарнизона въ крѣпости и городѣ. Эта сдѣлка была бы тѣмъ полезнѣе, что герцогъ не можетъ долго прожить». Для приведенія въ исполненіе этого плана было поручено французскому посланнику въ Венеціи, аббату д'Эстраду, войти въ сношенія съ герцогомъ, который назначилъ Маттіоли своимъ довѣреннымъ лицомъ для веденія тайныхъ переговоровъ, но и лично самъ подтвердилъ д'Эстраду, что одобряетъ мысль о порученіи французскому гарнизону защищать Казаль.

Вслѣдствіе этихъ переговоровъ, графъ Маттіоли отправился въ качествѣ тайнаго агента герцога Мантуанскаго въ Парижъ, въ декабрѣ 1678 года, и подписалъ въ Версалѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, маркизомъ Помпономъ, секретный договоръ, по которому Людовикъ XIV получилъ право занять Казаль французскимъ гарнизономъ, обязующимся подъ клятвой сохранять эту крѣпость для герцога по распоряженію короля, а герцогъ Мантуанскій получилъ за эту важную уступку 100.000 золотыхъ. Что касается Маттіоли, то ему обѣщали послѣ окончанія дѣла 10.000 золотыхъ и много другихъ щедрыхъ милостей въ будущемъ. Король былъ очень доволенъ столь выгодной сдѣлкой, за которую, по словамъ маркиза Помпона въ его мемуарахъ, онъ охотно заплатилъ бы гораздо болѣе, и тайно принялъ ночью Маттіоли въ аппартаментахъ Монтеспанъ. Агентъ герцога Мантуанскаго распространился въ пламенныхъ выраженіяхъ о желаніи его повелителя и его самого быть полезными его величеству и получилъ отъ короля бриліянтовый подарокъ, а также 2.000 золотыхъ. Спустя два дня, онъ уѣхалъ обратно въ Мантую, но уже въ качествѣ тайнаго агента не своего герцога, а французскаго короля, съ подробной инструкціей о приведеніи въ исполненіе заключеннаго имъ трактата. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катина былъ отправленъ въ Пиньероль, чтобы принять мѣры для военнаго занятія Казаля.

Однако прошли два мѣсяца, назначенные графомъ Маттіоли для ратификаціи и окончательнаго исполненія договора, но онъ все медлилъ и тянулъ дѣло подъ различными предлогами. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1679 года, аббатъ д'Эстрадъ увѣдомилъ французское правительство, что Маттіоли игралъ двойную роль, и сообщилъ о заключенномъ имъ трактатѣ въ Туринъ, Мадридъ и въ Вѣну. Такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ Маттіоли послѣ заключенія трактата дѣйствовалъ, какъ дипломатическій агентъ французскаго короля

то относительно его измѣны не можетъ быть и сомнѣнія, но трудно рѣшить, по словамъ компетентныхъ историковъ, дѣйствовалъ ли онъ изъ корыстныхъ цѣлей, и продалъ ли онъ свою тайну изъ-за денегъ или же, понявъ, когда уже было поздно, что передача французамъ Казаля грозитъ опасностью всей Италіи, онъ изъ патріотизма хотѣлъ загладить свою ошибку или вину. Во всякомъ случаѣ, благодаря ему, французскій король оказался въ очень глупомъ положеніи, и рѣшилъ жестоко отомстить итальянцу. Аббату д'Эстраду было поручено заманить Маттіоли на территорію Франціи близъ Пиньероля подъ предлогомъ, что французское правительство не сомнѣвается въ его добрыхъ намѣреніяхъ и въ успѣшномъ окончаніи начатаго имъ дѣла, а потому предлагаетъ ему получить часть денегъ, обѣщанныхъ королемъ за его хлопоты. Несмотря на всю свою ловкость и хитрость, Маттіоли попался въ ловушку и поѣхалъ съ посланникомъ въ его коляскѣ въ сельскую гостиницу въ окрестностяхъ Турина, гдѣ его ожидалъ Катино, но не съ деньгами, а съ солдатами. Онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Пиньероль 2-го мая 1679 г. Въ королевскомъ приказѣ объ его арестѣ сказано, что «онъ долженъ быть заточенъ на всю жизнь и такимъ образомъ, чтобы никто не зналъ объ его судьбѣ».

Вотъ достовѣрныя свѣдѣнія о политической карьерѣ графа Маттіоли до его заточенія въ Пиньеролѣ, какъ ихъ передаютъ всѣ историки, трактующіе объ этомъ международномъ эпизодѣ царствованія Людовика XIV, между прочимъ графъ Гаррикъ-де-Бокеръ въ введеніи и примѣчаніяхъ къ только что изданнымъ дипломатическимъ документамъ по исторіи сношеній Франціи съ Мантуей [1]). Дальнѣйшая жизнь этого итальянца представляется не въ столь ясныхъ, опредѣленныхъ чертахъ, чѣмъ и воспользовались защитники гипотезы, что Маттіоли былъ Желѣзной Маской. Мы прежде приведемъ ихъ разсказъ и доводы въ подтвержденіе своей теоріи, а затѣмъ укажемъ на немногіе безспорные факты тюремной жизни Маттіоли и на аргументы ихъ противниковъ.

Топпенъ, Функъ-Брентано и всѣ сторонники ихъ теоріи утверждаютъ, что Маттіоли былъ помѣщенъ въ 1679 году въ Пиньерольскую крѣпость подъ надзоръ Сенъ-Марса, и что онъ тамъ оставался послѣ назначенія Сенъ-Марса губернаторомъ въ Экзиль до 1694 года, когда онъ переведенъ на островъ св. Маргариты, гдѣ снова попалъ подъ надзоръ Сенъ-Марса, который въ 1698 году перевезъ его въ Бастилію, гдѣ онъ умеръ 18-го ноября 1703 года. Въ означенные года, по ихъ словамъ, находился тамъ же, гдѣ Маттіоли и пресловутый узникъ къ маскѣ, а потому они приходятъ къ за-

---

[1]) Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Lavoie—Sardaigne et Mantoue avec introductions et notes, par le comte Harric de Beaucaire. Tome 2. Paris. 1899.

ключенію, что эти оба узника составляютъ одно. Въ доказательство своей разгадки исторической тайны они приводятъ цѣлый рядъ съ перваго взгляда очень вѣскихъ доказательствъ. По поводу ареста Маттіоли не только Людовикъ XIV говорилъ въ своемъ приказѣ: «никто не долженъ знать о судьбѣ этого человѣка», но и Катина доносилъ Лувуа, что «все произошло безъ малѣйшаго насилія, и никто не знаетъ имени негодяя изъ лицъ, содѣйствовавшихъ его аресту». Наконецъ, въ 1682 году, т. е. два года послѣ этого событія, появилась любопытная брошюра на итальянскомъ языкѣ, которая сохраняется въ парижской національной библіотекѣ: «La prudenza triomphale di Casale», и въ ней между прочимъ говорится за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, какъ былъ возбужденъ впервые вопросъ о Желѣзной Маскѣ: «секретаря Маттіоли окружили десять или двѣнадцать всадниковъ, которые его схватили, переодѣли, закрыли ему лицо маской и повезли въ Пиньероль».

Заручившись тѣмъ, по его мнѣнію, вполнѣ доказаннымъ фактомъ, что Маттіоли находился въ маскѣ, когда его посадили въ Пиньерольскую крѣпость, Функъ-Брентано продолжаетъ такъ свое изложеніе доводовъ въ пользу своей гипотезы: «Мы знаемъ по выпискѣ изъ дневника Юнга, что человѣкъ въ маскѣ содержался въ Пиньеролѣ подъ присмотромъ Сенъ-Марса. Въ 1681 году Сенъ-Марсъ перешелъ губернаторомъ въ Экзиль, и сколько въ то время у него находилось узниковъ, можно опредѣлить точно. Ихъ было ровно пять. Въ депешѣ Лувуа отъ 9-го ноября прямо говорится, что Сенъ-Марсъ возьметъ съ собою двухъ узниковъ нижней башни, а самъ Сенъ-Марсъ пишетъ аббату д'Эстраду, отправляясь въ Экзиль, «что онъ беретъ съ собою двухъ порученныхъ ему дроздовъ, а Маттіоли остается съ двумя другими узниками». Если всѣхъ узниковъ было пять, то Желѣзная Маска долженъ былъ находиться въ ихъ числѣ. Эти пять узниковъ были слѣдующіе: Ларивьеръ, умершій въ декабрѣ 1686 года, сумасшедшій якобинецъ, умершій въ 1593 году, и Дюбрель, умершій, въ 1697 году на островѣ Маргариты, Доже и Маттіоли. Такимъ образомъ Желѣзной Маской былъ очевидно одинъ изъ двухъ послѣднихъ узниковъ. Но Доже былъ, какъ видно изъ депешъ Сенъ-Марса, лакеемъ и прислуживалъ Фукэ, а слѣдовательно онъ не могъ быть Желѣзной Маской, котораго содержали въ самой строгой тайнѣ въ Пиньеролѣ. Потомъ математически доказано, что Желѣзной Маской былъ Маттіоли».

Къ этому будто бы математическому доказательству, которое въ сущности далеко не математическое, какъ мы вскорѣ увидимъ, Функъ-Брентано и его единомышленники прибавляютъ еще три, по ихъ мнѣнію, безусловно вѣрныя доказательства. Во-первыхъ, въ свидѣтельствѣ о смерти Желѣзной Маски онъ прямо названъ Маркіоли, а это, очевидно, ошибочно написанное имя Маттіоли. Во-вторыхъ, Людовикъ XV сказалъ маркизѣ Помпадуръ, что Желѣзной

Маской былъ министръ итальянскаго принца. Въ-третьихъ, Людовикъ XVI объявилъ Маріи-Антуанеттѣ, что Желѣзной Маской, по словамъ Морепа, былъ опасный интриганъ, подданный герцога Мантуанскаго, содержавшійся узникомъ въ Пиньеролѣ, а потомъ въ Бастиліи.

Вотъ все, что говорится и представляется въ пользу гипотезы, которая будто бы окончательно разрѣшила загадку о Желѣзной Маскѣ. Теперь взглянемъ на достовѣрные факты тюремной жизни Маттіоли и на аргументы противниковъ этой теоріи. Достовѣрныхъ извѣстій о Маттіоли очень мало, но все-таки можно положительно сказать, на основаніи переписки Лувуа и Сенъ-Марса, что Катино заточилъ его въ Пиньеролѣ подъ именемъ Лестана, хотя Лувуа и Сенъ-Марсъ почти постоянно такъ называютъ его, но иногда они даютъ ему настоящее его имя, какъ Сенъ-Марсъ въ письмѣ отъ 7 сентября 1680 года, въ которомъ говорится о помѣщеніи Маттіоли въ одну комнату съ якобинцемъ, а Лувуа въ распоряженіи объ его вещахъ. Сначала Лувуа настаиваетъ на томъ, чтобы съ нимъ обращались очень строго, и говоритъ: «его величество не желаетъ, чтобы вы дѣлали ему какія нибудь послабленія, и чтобъ онъ велъ хоть мало-мальски пріятную жизнь». Когда же Сенъ-Марсъ писалъ, что Маттіоли такой же сумасшедшій, какъ якобинецъ, увѣряя, что онъ близкій родственникъ королю, а также разговариваетъ ежедневно съ Богомъ или ангелами и позволяетъ себѣ такія выходки, что смотритель обязанъ былъ пригрозить ему тяжелымъ наказаніемъ, то Лувуа отвѣчалъ: «Покажите ему дубинку, а если онъ умретъ, то похороните, какъ солдата». Когда Сенъ-Марса перевели губернаторомъ въ Экзиль, куда онъ отвезъ съ собою «двухъ дроздовъ, не имѣющихъ другого имени, кромѣ «господа нижней башни», то Маттіоли остался въ Пиньеролѣ подъ присмотромъ Вильбуа и Ла-Прада. Въ продолженіе слѣдующихъ шести лѣтъ въ перепискѣ Лувуа и замѣнившаго его Барбезье съ Вильбуа и Ла-Прадомъ упоминается о Маттіоли лишь два раза, но уже его фамилія прописана буквально. Въ первомъ случаѣ Лувуа одобряетъ наказаніе, которому Вильбуа подвергъ «лакея господина Маттіоли», а во второмъ Барбезье писалъ Ла-Праду отъ 27 декабря 1693 года: «Вы сожгите остатки кусковъ кармановъ, на которыхъ Маттіоли и его человѣкъ написали кое-что, и которые вы нашли скрытыми подкладкой ихъ одежды». Это послѣдній офиціальный документъ, въ которомъ упоминается о Маттіоли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Пиньероль послѣ продолжительныхъ осадъ въ іюнѣ 1694 года пересталъ быть государственной тюрьмой и, спустя два года, былъ переданъ Виктору-Амедею Савойскому по мирному трактату. Содержавшихся тамъ въ послѣднее время трехъ узниковъ, изъ которыхъ, по словамъ письма Барбезье къ Сенъ-Марсу отъ 20 марта 1694 года, одинъ по крайней мѣрѣ

имѣлъ значеніе, было предписано перевести на острова св. Маргариты, гдѣ комендантомъ находился тогда Сенъ-Марсъ. Эти три узника были безспорно Маттіоли, Дюбрель и Де-Герсъ, который поступилъ въ Пиньероль послѣ отъѣзда оттуда Сенъ-Марса въ Экзиль и о которомъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Изъ письма Барбезье къ Ла-Праду отъ 20 марта 1894 года видно, что перевозка узниковъ должна была совершиться по одному, а потому Юнгъ, Луазелеръ и Лакенъ полагаютъ, что Маттіоли, какъ, вѣроятно, тотъ узникъ, о которомъ Барбезье писалъ, что «онъ имѣетъ значеніе», былъ отправленъ со своимъ лакеемъ первымъ и прибылъ на островъ св. Маргариты 15, 16 или 17 апрѣля. Относительно этого перевода Маттіоли изъ Пиньероля на островъ св. Маргариты не спорятъ и сторонники указанныхъ изслѣдователей исторической загадки, но они съ Функъ-Брентано во главѣ утверждаютъ, что Маттіоли на островѣ св. Маргариты превратился въ Желѣзную Маску. Почему случилось это необыкновенное событіе, и почему вдругъ въ офиціальныхъ документахъ перестаютъ говорить о Маттіоли, какъ это дѣлалось прежде, никто изъ нихъ не объясняетъ. Напротивъ Юнгъ, Луазелеръ и Лакенъ говорятъ, что о Маттіоли перестаютъ говорить по той простой причинѣ, что онъ умеръ послѣ прибытія на островъ св. Маргариты въ концѣ апрѣля мѣсяца 1694 года, въ доказательство чего приводятъ письмо Барбезье къ Сенъ-Марсу отъ 10 мая 1694 года: «Я получилъ ваше письмо отъ 9 апрѣля; вы можете, какъ предлагаете, помѣстить въ тюрьмѣ подъ сводами лакея узника, который умеръ, но примите мѣры, чтобы онъ содержался такъ же, какъ другіе, не имѣя возможности вступать съ кѣмъ бы то ни было въ сношенія на словахъ или въ письмѣ». Юнгъ указываетъ, что смерть Маттіоли, который былъ еще боленъ въ Пиньеролѣ, подтверждена была маркизу Кастелану, аббату Бартелеми и патеру Попону Клодомъ Сошономъ, который слышалъ объ этомъ отъ отца своего, офицера Жака Сошона, и тюремнаго духовника, Фавра.

Наконецъ, изо всѣхъ узниковъ, находившихся подъ присмотромъ Сенъ-Марса на островѣ св. Маргариты, только у одного Маттіоли былъ лакей, и этотъ лакей дѣйствительно заслуживалъ, чтобы о немъ заботились и подвергли заточенію послѣ смерти его господина, какъ видно изъ письма Барбезье. По справедливому замѣчанію Юнга, этотъ слуга былъ необыкновенный и раздѣлилъ участь своего господина потому, что зналъ всю исторію о передачѣ Франціи Казаля. Въ этомъ можно вполнѣ удостовѣриться изъ письма аббата Д'Эстрада къ министру Помпону въ маѣ 1699 года, гдѣ говорится: «Два дня послѣ того, какъ Маттіоли былъ заточенъ въ Пиньерольскомъ замкѣ, я отправилъ туда же его лакея съ вещами и чемоданомъ; я воспользовался для ареста этого лакея письмомъ, которое Маттіоли заставили написать съ приказаніемъ

лакею явиться къ нему въ назначенное мѣсто». Такимъ образомъ смерть Маттіоли на островѣ св. Маргариты въ 1694 году, хотя не вполнѣ достовѣрна, но болѣе чѣмъ вѣроятна, и указанія Функъ-Брентано, что въ означенное время умеръ на островѣ св. Маргариты не Маттіоли, а другой узникъ, протестантскій пасторъ Мальзакъ, и что объ его лакеѣ говорится въ письмѣ Барбезье, вполнѣ фантастичны. Во-первыхъ, у пастора Мальзака не было лакея, и Барбезье, отправляя его въ 1692 году на островъ св. Маргариты, предписываетъ Сенъ-Марсу «заточить его въ надежное мѣсто такъ, чтобы онъ не имѣлъ сношеній подъ какимъ бы то ни было видомъ ни на словахъ ни на письмѣ съ кѣмъ нибудь внутри или внѣ крѣпости». Во-вторыхъ, хотя нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о смерти пастора Мальзака, который прибылъ на островъ св. Маргариты больной, но Юнгъ имѣетъ основаніе предполагать, что онъ скончался въ концѣ 1692 года или въ началѣ 1693 года, такъ какъ Барбезье въ письмѣ отъ 3-го марта 1693 года, говоря о протестантскихъ пасторахъ, которыхъ было четыре съ Мальзакомъ, упоминаетъ только о трехъ и каждому даетъ отдѣльную кличку, именно: Полю Корделю — пѣвчаго, такъ какъ онъ постоянно пѣлъ гимны, Вальзеку—писателя, потому что онъ имѣлъ привычку писать на всемъ, что ему попадалось подъ руку, и Лестему—послѣдняго, въ виду его заточенія послѣ всѣхъ.

Если мы перейдемъ къ аргументамъ, которыми постоянно и успѣшно опровергается гипотеза о томъ, что Желѣзной Маской былъ Маттіоли, хотя она со страннымъ упорствомъ снова и снова возникаетъ, то увидимъ, что первое и главное мѣсто среди нихъ занимаетъ уже извѣстное читателямъ письмо Барбезье, который, замѣстивъ своего отца Лувуа послѣ его смерти, писалъ Сенъ-Марсу: «Когда вамъ нужно будетъ что нибудь мнѣ сообщить объ узникѣ, который находится подъ вашимъ присмотромъ впродолженіе 20-ти лѣтъ, то прошу васъ принимать тѣ же предосторожности, какъ вы дѣлали при Лувуа». Эти строки писаны въ 1696-мъ году, когда Маттіоли еще находился въ Пиньеролѣ, гдѣ онъ состоялъ подъ присмотромъ Сенъ-Марса только два года отъ 1679 года, когда онъ былъ заточенъ, и до 1681 года, когда Сенъ-Марсъ, оставивъ его въ Пиньеролѣ, перебрался съ Желѣзной Маской въ Экзиль. Такимъ образомъ ясно, какъ день, что Маттіоли не могъ быть желѣзной маской, а что именно о Желѣзной Маскѣ говорилъ Барбезье въ своемъ письмѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Только одинъ Функъ-Брентано увѣряетъ, что знаменитыя слова Барбезье, служащія основой всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій о Желѣзной Маскѣ, относились не къ этому таинственному узнику, а къ лакею Эсташу Дожэ. Вообще Функъ-Брентано питаетъ какое-то особое пристрастіе къ лакеямъ, и по его словамъ тѣ дрозды, которыхъ перевезъ съ собою Сенъ-Марсъ изъ Пиньероля въ Экзиль, и о которыхъ Лувуа писалъ ему отъ 12 мая 1681 года:

«Вы возьмете съ собою только тѣхъ узниковъ, которыхъ его величество сочтетъ достаточно значительными, чтобы не передавать ихъ въ другія руки, кромѣ вашихъ»,—были два лакея Фукэ, все тотъ же Эсташъ Дожэ и еще Ларивьеръ, о которомъ даже неизвѣстно, былъ ли онъ отдѣльнымъ узникомъ или привезенъ въ Пиньероль самимъ Фукэ. Конечно, эти догадки Функъ-Брентано такъ странны, что не заслуживаютъ даже критики.

Другими доказательствами противъ предположенія, что Желѣзной Маской былъ Маттіоли, служатъ нѣсколько очень вѣскихъ аргументовъ, выставляемыхъ Луазелеромъ, Юнгомъ и Лакеномъ. Во-первыхъ, согласно перепискѣ Лувуа и Сенъ-Марса, видно, что о желѣзной маскѣ никогда не упоминается по имени или даже по кличкѣ, а онъ обозначается только словами: «вотъ (мой) узникъ» или «вотъ (мой) старый узникъ», а Маттіоли прямо называли по фамиліи или по данной ему кличкѣ. Во-вторыхъ, Желѣзная Маска находился двадцать лѣтъ или около того подъ присмотромъ Сенъ-Марса, и этотъ таинственный узникъ считался такимъ важнымъ, что король не хотѣлъ передать его въ другія руки, кромѣ Сенъ-Марса, а Маттіоли шесть лѣтъ находился въ Пиньеролѣ безъ присмотра Сенъ-Марса. Этотъ аргументъ такъ важенъ, что Сорель, несмотря на торжественно заявленную имъ разгадку Функомъ-Брентано тайны Желѣзной Маски, говоритъ въ своей статьѣ по этому вопросу: «въ 1681 году Сенъ-Марсъ перешелъ изъ Пиньероля въ Экзиль, въ 1694 (1697) году онъ былъ назначенъ комендантомъ на островъ св. Маргариты, а въ 1698 г. вызванъ въ Бастилію: его узникъ въ маскѣ, его старый узникъ, всюду слѣдовалъ за нимъ, и вездѣ можно видѣть его слѣдъ». Этими словами почтенный историкъ вполнѣ правильно и основательно уничтожаетъ ту самую теорію, которую онъ поддерживаетъ. Въ-третьихъ, въ извѣстномъ отрывкѣ изъ дневника Юнга о смерти Желѣзной Маски говорится, что этотъ узникъ находился давно подъ присмотромъ Сенъ-Марса и перевезенъ имъ съ острова св. Маргариты, а если это былъ Маттіоля, то онъ могъ находиться подъ надзоромъ Сенъ-Марса въ Пиньеролѣ всего два года и на островѣ св. Маргариты четыре. Въ-четвертыхъ, если и допустить, что Маттіоли неожиданно на островѣ св. Маргариты превратился въ Желѣзную Маску, то надо такую странную метаморфозу объяснить какой нибудь важной причиной, побудившей Людовика XIV перемѣнить свою политику относительно Мантуанскаго министра, а такой причины ни Функъ-Брентано ни другіе сторонники этой гипотезы не выставляютъ, да и выставить ее нельзя. Изъ переписки Людовика XIV съ французскимъ посланникомъ въ Туринѣ, аббатомъ Морелемъ, видно, что герцогъ Мантуанскій не только не оскорбился захватомъ и насильственнымъ арестомъ своего министра, что, конечно, составляло со стороны Франціи нарушеніе международнаго права, но былъ этому очень

радъ и благодаренъ королю, такъ какъ Маттіоли своими интригами нанесъ ему столько же вреда, сколько Людовику XIV. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, не было никакого основанія неожиданно придать таинственный характеръ исторіи, извѣстной всему свѣту. Къ тому же самъ Функъ-Брентано признаетъ, что съ теченіемъ времени заточеніе Маттіоли сдѣлалось менѣе строгимъ, и относительно его допускались значительныя послабленія.

Такимъ образомъ, изо всѣхъ доводовъ Функъ-Брентано и его единомышленниковъ остается еще сказать только о побѣдоносной ихъ ссылкѣ на свидѣтельство о смерти Желѣзной Маски, въ которомъ упоминается имя, схожее съ Маттіоли, и на слова Людовиковъ XV и XVI о томъ, что Желѣзной Маской былъ подданный Мантуанскаго герцога. Всѣ противники этой гипотезы прямо признаютъ, что въ свидѣтельствѣ о смерти Желѣзной Маски приписано имя Маттіоли, и тоже они допускаютъ относительно словъ обоихъ королей, если только эти слова подлинныя. Но по остроумному замѣчанію Лакена, если Людовикъ XIV тридцать одинъ годъ считалъ нужнымъ скрывать настоящее имя таинственнаго узника, то, конечно, онъ не дозволилъ бы открыть его тотчасъ послѣ смерти узника въ офиціальномъ документѣ, а напротивъ въ интересахъ, какъ его, такъ и его преемниковъ, было навести всѣхъ любопытствующихъ узнать загадку на ложный слѣдъ, что и было сдѣлано ссылкой на Маттіоли. Изъ всего сказаннаго ясно видно, что двадцать шестая гипотеза о таинственномъ узникѣ такъ же мало заслуживаетъ вниманія, какъ и всѣ предыдущія догадки.

IV.

Послѣдній кандидатъ въ Желѣзныя Маски, неожиданно выставленный Анатолемъ Лакеномъ, Мольеръ, представляется съ перваго взгляда какой-то шуткой и мистификаціей. Но, когда мы видимъ, что эту необыкновенную комбинацію приводитъ ученый археологъ, изслѣдователь народныхъ французскихъ пѣсенъ съ древнихъ временъ, почетный членъ археологическаго общества въ Орлеанѣ, предсѣдатель академіи въ Бордо, серіозно опровергающій всѣ другія гипотезы, то невольно надо признать, что такова судьба всѣхъ изслѣдователей этой исторической загадки. Какъ мы уже видѣли, почти каждый изъ нихъ является толковымъ, основательнымъ критикомъ своихъ предшественниковъ, но самъ, развивая новую теорію, заражается тѣми самыми недостатками, въ которыхъ онъ искусно уличаетъ другихъ. По крайней мѣрѣ, Лакену надо отдать справедливость, что его гипотеза новая, оригинальная и непохожая ни на одну изъ прежнихъ. Всѣ остальные изслѣдователи таинственнаго вопроса основывались, хоть на какихъ нибудь фактахъ, и большая часть ихъ героевъ дѣйствительно были узниками, къ которымъ они

уже подгоняли легенду о Желѣзной Маскѣ, но Лакэнъ смѣло создалъ свою гипотезу на однѣхъ аналогіяхъ, предположеніяхъ и вѣроятіяхъ. Конечно, сознавая всю фантастичность теоріи, надѣвающей на великаго автора столькихъ веселыхъ комедій трагическую маску, онъ поступилъ очень осторожно при ея обнародованіи. Такъ сначала онъ высказалъ ее въ сочиненіи «Тайна Желѣзной Маски или послѣдніе годы Ж. П. Поклена де-Мольера» съ подписью псевдонима Убальда [1]), а затѣмъ развилъ въ объемистомъ трудѣ въ двухъ томахъ уже подъ собственнымъ именемъ: «Мольеръ въ Бордо» [2]), и, наконецъ, прямо выступилъ въ только что вышедшемъ своемъ сочиненіи, какъ противникъ всѣхъ прежнихъ гипотезъ и защитникъ своей собственной.

Задавшись вопросомъ, кто же былъ Желѣзной Маской, если подъ нею не скрывался ни одинъ изъ двадцати шести выставленныхъ кандидатовъ, Лакенъ пришелъ къ убѣжденію, что таинственный узникъ могъ быть только очень извѣстной личностью во Франціи, такъ какъ иначе его не скрывали бы подъ маской хотя не желѣзной, но бархатной, и не обставляли бы его заточенія такой таинственностью, что, по словамъ Лувуа, Сенъ-Марсъ долженъ былъ «слѣдовать относительно его лишь приказаніямъ короля и давать о томъ отчетъ одному королю». Но если это былъ какой нибудь знаменитый человѣкъ, то, неожиданно исчезая, онъ долженъ былъ оставить по себѣ слѣдъ въ памяти современниковъ, а, по словамъ Вольтера, тогда не исчезала въ Европѣ ни одна извѣстная личность. Хотя въ свидѣтельствѣ о смерти Желѣзной Маски упомянуто, что ему было сорокъ пять лѣтъ, но этому свидѣтельству вообще нельзя слѣпо вѣрить, и напротивъ де-Пальто, описывая пребываніе Сенъ-Марса съ его узникомъ въ помѣстьѣ перваго, говоритъ, что «подъ маской виднѣлись сѣдые волосы», и также маршалъ Ришелье говорилъ Сулави, что «Желѣзная Маска умеръ въ большой старости». Основываясь на этихъ далеко не безспорныхъ фактахъ, Лакенъ высчитываетъ согласно письму Барбезье о двадцати-лѣтнемъ пребываніи Желѣзной Маски подъ надзоромъ Сенъ-Марса въ 1691 г., что онъ долженъ былъ поступить въ Пиньероль въ 1671—1672 годахъ или никакъ не позже 1673 года. Если допустить, что дѣйствительно заточеніе таинственнаго узника началось въ 1673 году, хотя нѣтъ никакихъ доказательствъ этого факта, то въ томъ году, по словамъ Лакэна, случилось таинственное обстоятельство, именно неожиданно умеръ 17-го февраля 1673 года великій Мольеръ, при очень странныхъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Le secret du masque de fer ou les dernières années de J. B. Poclin de Molière, par Ubalde. Paris. 1895.

[2]) Moliere à Bordo vers 1647 et en 1648, avec des considerations nouvelles sur ses fins dernieres à Paris 1673... ou peut-être 1703, par Anatol Lacquin. Paris. 1898.

Въ послѣдніе годы жизни Мольера, онъ навлекъ на себя преслѣдованія клерикаловъ, въ особенности іезуитовъ, которые достигли своего апогея съ запрещеніемъ «Тартюфа», послѣ перваго представленія въ 1667 году. Хотя, спустя два года, по разрѣшенію Людовика XIV эта пьеса вошла въ репертуаръ и стала пользоваться постояннымъ успѣхомъ, но съ тѣхъ поръ усилилась, если не явная, то тайная борьба противъ него осмѣянныхъ имъ лицемѣровъ. Они пустили въ ходъ всевозможныя клеветы и прежде тайно въ памфлетахъ, а потомъ явно стали обвинять его въ томъ, что онъ женатъ на собственной своей дочери. Это обвиненіе долго поддерживалось, и только въ наше время окончательно доказано, что жена Мольера, Арманда Бежаръ, была не дочь, а младшая сестра его любовницы Магдалины Бежаръ. Какъ бы то ни было, король, повидимому, повѣрилъ этой клеветѣ и въ 1672 году прекратилъ всѣ свои милости къ Мольеру. Несмотря на то, что онъ писалъ одну новую пьесу за другой и между ними знаменитыя «Школа женщинъ» и «Мнимый больной», онѣ не допускались на придворную сцену. Среди этой опалы неожиданно онъ умеръ, вернувшись изъ театра, послѣ представленія «Мнимаго больного». Онъ не страдалъ никакой болѣзнью, и только въ театрѣ у него сдѣлался кашель, отъ котораго, по словамъ современниковъ, ночью лопнула жила. Эта смерть была такъ неожиданна и, по словамъ Лакэна, таинственна, что сложилась легенда объ его кончинѣ не дома, а на сценѣ. Конечно, эта легенда несправедлива, но она доказываетъ, что современники видѣли что-то необыкновенное и темное въ кончинѣ великаго писателя. Къ тому же свидѣтельство объ его похоронахъ никѣмъ не подписано, такъ какъ патеры отказались хоронить своего врага, и даже мѣсто его погребенія долго оставалось спорнымъ. Во всякомъ случаѣ его могила находилась на кладбищѣ св. Іосифа, и въ 1817 г. его останки были перевезены на кладбище Père Lachaise, гдѣ они и находятся рядомъ съ могилой Лафонтена. По крайней мѣрѣ, такъ говорятъ всѣ и біографы Мольера.

Но Лакенъ смѣло противополагаетъ фактамъ фантазію и увѣряетъ, что іезуиты убѣдили Людовика XIV, въ то время находившагося вполнѣ подъ ихъ вліяніемъ, благодаря маркизѣ Ментенонъ, согласиться на тайное заточеніе ихъ заклятаго врага. Вслѣдствіе этого Мольеръ былъ схваченъ послѣ представленія «Мнимаго больного», распространена вѣсть объ его смерти и устроены ложныя похороны, а между тѣмъ онъ отвезенъ въ Пиньероль и сданъ подъ надзоръ Сенъ-Марса, затѣмъ начинается исторія желѣзной или бархатной маски, которая продолжалась 31 годъ. По словамъ Лакэна, всѣ извѣстныя черты этой исторіи вполнѣ подходятъ къ его гипотезѣ, и самый фактъ, что лице таинственнаго узника покрывалось маской, легко объясняется тѣмъ, что Мольеръ былъ извѣстенъ всѣмъ во Франціи. Кромѣ того, онъ указываетъ, что Мольеръ такъ же,

какъ Желѣзная Маска, былъ высокаго роста, что его кожа была одинаково смуглая, что они оба любили тонкое бѣлье, и что Мольеру въ 1703 году, когда умеръ Желѣзная Маска, было бы 81 годъ, слѣдовательно онъ долженъ былъ отличаться сѣдиной. Наконецъ, Лакенъ видитъ доказательства своей теоріи и въ тѣхъ обстоятельствахъ, что до смерти Желѣзной Маски не выходило ни одной біографіи Мольера, и пьесы его не давались на придворномъ театрѣ, тогда какъ черезъ годъ послѣ кончины Желѣзной Маски явилась первая подробная біографія Мольера, написанная Жаномъ Гримаре, и съ тѣхъ поръ Людовикъ XIV сталъ самъ ставить въ Версали комедіи своего нѣкогда любимаго автора. Все это придумано очень остроумно, и послѣдняя гипотеза о Желѣзной Маскѣ обставлена искусно, ловко, картинно, но, конечно, она не отличается серіознымъ, историческимъ характеромъ, и она болѣе всего замѣчательна по своей куріозной оригинальности.

Сводя такимъ образомъ на нѣтъ всѣ заявленныя двадцать семь гипотезъ о Желѣзной Маскѣ, нельзя не задать себѣ вопроса: не мистификація ли это, и дѣйствительно ли существовалъ таинственный узникъ въ желѣзной, или, вѣрнѣе, бархатной маскѣ? На это трезвая, документальная исторія должна отвѣтить: «Желѣзная Маска — фактъ, подтвержденный безусловными доказательствами. Около тридцати одного года Сенъ-Марсъ сторожилъ въ Пиньеролѣ, Экзилѣ, на островѣ св. Маргариты и въ Бастиліи — неизвѣстнаго узника въ маскѣ, который, наконецъ, умеръ въ 1703 году. Но кто онъ былъ, вѣроятно, останется навсегда неразгаданной исторической загадкой. Не даромъ начальникъ парижской полиціи при Людовикѣ XV, Д'Аржансонъ, посѣщая Бастилію и слушая безконечныя догадки тамошнихъ офицеровъ о томъ, кто былъ желѣзная маска, говорилъ: «Этого никогда свѣтъ не узнастъ».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. Д. Чечулинъ. Русскій соціальный романъ XVIII в. Спб. 1900.

ВЪ 1896 г. появился первый, а черезъ 2 года и второй томъ собранія сочиненій князя М. М. Щербатова, изданнаго подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Кромѣ раньше изданныхъ произведеній кн. Щербатова, сюда вошли нѣкоторыя новыя, до сихъ поръ еще неизвѣстныя. Личность М. М. Щербатова, извѣстнаго исторіографа и общественнаго дѣятеля XVIII в., представляетъ большой интересъ для изслѣдованій. Во всѣхъ своихъ многочисленныхъ статьяхъ Щербатовъ является ярымъ защитникомъ дворянскихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи для выясненія взглядовъ Щербатова очень интересно его сочиненіе «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Въ немъ приводится множество анекдотовъ, начиная съ Петра Великаго, анекдотовъ, въ большинствѣ случаевъ не отличающихся исторической вѣрностью и подтасованныхъ такимъ образомъ, чтобы легче доказать главную идею автора, а именно: необходимость преобладанія аристократіи. Кн. М. М. Щербатовъ является дворянскимъ публицистомъ XVIII в. par excelence.

Съ особенною яркостью это сказывается въ наиболѣе интересномъ произведеніи его, только теперь увидѣвшемъ свѣтъ,—въ «Путешествіи въ Офирскую страну». Къ сожалѣнію, оно осталось неоконченнымъ. Г. Чечулинъ въ своемъ очеркѣ передаетъ содержаніе этого произведенія, снабжая его объяснительными замѣчаніями. Такъ какъ по формѣ «Путешествіе въ Офирскую землю» приближается къ беллетристическимъ произведеніямъ, и такъ какъ авторъ пре-

слѣдуетъ политико-соціальныя цѣли, то г. Чечулинъ и назвалъ его «соціальнымъ романомъ XVIII в.». Извѣстно, что въ это время на западѣ появилось много подобныхъ работъ: знаменитое произведеніе Фенелона «Похожденіе Телемака» (Les aventures de Télémaque), «Histoire de sevarambes,.peuples, qui habitent une partie du troisième continent, communément appellé la terre Australe» и т. д. Верраса, «Entretien d'un Européan avec un insulaire du royaume de Dumocala» польскаго короля Станислава Лещинскаго, «Königreich Ophir» неизвѣстнаго автора и т. д., и т. д. У послѣдняго автора кн. Щербатовъ и заимствовалъ заглавіе. Содержаніе «Путешествія въ Офирскую сторону» взято частью изъ «Königreich Ophir», частью у Верраса и другихъ авторовъ, но многое принадлежитъ и лично самому Щербатову. Офирская земля не что иное, какъ русское государство, географическія названія, встрѣчающіяся въ «Путешествіи», тоже русскія, полученныя черезъ перестановку слоговъ и буквъ, напримѣръ: Голва—Волга, Унидва—Двина, Предна—Днѣпръ; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ придумывалъ новыя географическія названія, легко опредѣлить, что̀ они обозначаютъ изъ разбора содержанія текста; напримѣръ, великій государь Перега перенесъ столицу изъ Квамо въ г. Перегабъ, который онъ основалъ въ устьяхъ рѣки Невіи «изъ болота, противу чаянія и противу естества вещей». Очевидно, что Перега—Петръ Великій, Перегабъ—Петербургъ, а большая столица Квамо—Москва. Ограничусь этими примѣрами, изъ которыхъ читатель видитъ, что возстановить истинныя названія, скрытыя подъ вымышленными, не представляетъ особой трудности. Перейдемъ къ самому содержанію «Путешествія въ Офирскую землю».

Одинъ дворянинъ С. бѣжалъ со своимъ отцомъ изъ Швеціи во Францію, послѣ того, какъ заговоръ, въ которомъ они принимали участіе, былъ открытъ. Здѣсь онъ завершилъ свое образованіе и потомъ поступилъ въ военную службу. Послѣ смерти отца дворянинъ С. отправился въ Остъ-Индію, гдѣ въ продолженіе 11 лѣтъ изучалъ санскритскій языкъ. На обратномъ пути изъ Остъ-Индіи во Францію корабль потерпѣлъ жестокую аварію. Матросы подняли бунтъ и хотѣли бросить корабль, пересѣсть въ уцѣлѣвшій ботъ и на немъ искать спасенія. Но въ эту критическую минуту была замѣчена земля, оказавшаяся впослѣдствіи Офирской. Корабль направился къ ней. Офирскіе жители встрѣтили европейцевъ радушно и позволили имъ произвести необходимыя починки. Благодаря знанію дворяниномъ С. санскритскаго языка, на которомъ говорили офирцы, европейцы могли объясняться съ ними. За радушный пріемъ европейцы отблагодарили офирцевъ тѣмъ, что затѣяли съ ними драку и даже убили одного. Рѣшено было наказать виновныхъ и остальныхъ поскорѣе сплавить на родину. Черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ корабль былъ приведенъ въ порядокъ, и европейцы могли тронуться въ путь, но тутъ съ дворяниномъ С. случилось несчастье: онъ опасно заболѣлъ. Офирскіе врачи признали его болѣзнь («распространеніе антонова огня во всемъ тѣлѣ»?!) излѣчимой при условіи, что онъ мѣсяцъ не будетъ находиться близко отъ воды. С. пришлось остаться, но офирцы дали обѣщаніе отправить его на европейскій материкъ не позже, какъ черезъ два года. Еще до болѣзни своей дворянинъ С. внимательно присматривался къ быту офирцевъ и удивлялся совершенству ихъ политической, со-

ціальной и религіозной жизни. Но его наблюденія были отрывочны. Теперь онъ могъ хорошо изучить офирскую жизнь, пользуясь симпатіями одного вельможи Агибы, который постарался всюду провести своего протеже. Свои наблюденія С. и высказываетъ въ видѣ мемуаровъ. Какъ видитъ читатель, сюжетъ мало оригинальный.

Мы не станемъ передавать, какъ путешествовалъ С., гдѣ онъ останавливался, какіе онъ видѣлъ города и т. д., а перейдемъ прямо къ строю жизни офирцевъ. Хотя и здѣсь кн. Щербатовъ не вполнѣ оригиналенъ, но здѣсь зато онъ рисуетъ свой идеалъ жизни, здѣсь ярче всего выступаютъ его завѣтныя думы, его аристократическія притязанія,—здѣсь такая Россія, какою онъ желалъ ее видѣть.

«Она достойна,—говоритъ кн. Щербатовъ,—примѣчанія мудрымъ учрежденнымъ правленіемъ, въ коемъ власть государская соображается съ пользою народною, вельможи имѣютъ право со всякою приличною смѣлостью мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано отъ царскаго двора, и истина имѣетъ въ оный невозбранный входъ; въ коемъ законы содѣланы общимъ народнымъ согласіемъ и еще безпрестаннымъ наблюденіемъ и исправленіемъ въ лучшее состояніе приходятъ; правительствъ немного и немногочисленны, но дѣлъ мало, ибо внушенная изъ дѣтства въ каждаго добродѣтель и зачатія ихъ не допускаетъ» и т. д. Но эта новая Аркадія рисуется въ очень непригляднымъ свѣтѣ въ нашихъ глазахъ, когда мы узнаемъ подробнѣе строй офирской жизни; если кому и весело въ ней живется, такъ это только дворянству и особенно аристократіи. Во главѣ правленія въ Офирской землѣ стоитъ наслѣдственный императоръ; онъ пользуется внѣшнимъ почетомъ и... только, на дѣла правленія его вліяніе очень слабое. Законовъ онъ не издаетъ, такъ какъ «цари не бываютъ ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими и не ощущаютъ многихъ, которыя ихъ подданные чувствуютъ, а потому и неудобны суть сами сочинять законы». Зато императоръ сильно «обузданъ законами» при жизни (ему не полагается имѣть даже стражи для того, чтобы «не ввергся» въ государственныя преступленія, и такимъ образомъ «не истребился» бы существующій идеальный порядокъ), и даже послѣ смерти не оставляютъ его въ покоѣ: черезъ 30 лѣтъ послѣ его кончины особый судъ судитъ его дѣла и сообразно съ ними присуждаетъ ему почетный титулъ или налагаетъ позоръ на ихъ память. Вся власть принадлежитъ дворянству, оно одно допускается къ службѣ, при чемъ области отдаются въ управленіе высшимъ представителямъ этого сословія, но они не живутъ въ нихъ, а посылаютъ туда своихъ уполномоченныхъ, приказчиковъ, скажемъ мы, которые и вѣдаютъ всѣ дѣла. Такимъ образомъ кн. Щербатовъ хочетъ придать самое широкое примѣненіе крѣпостному строю Россіи и по его нормамъ построить всю государственную жизнь страны. Остальныя сословія должны работать и подчиняться. Купцы и ремесленники занимаются промыслами и торговлей; крестьяне должны служить господамъ, быть ихъ вѣчными рабами. Права и обязанности каждаго сословія строго опредѣлены, и переходъ изъ одного въ другой строго запрещенъ. Даже школы для каждаго сословія существуютъ отдѣльныя: все, чего могутъ достичь мѣщане, это сдѣлаться учителями въ дворянскихъ школахъ.

Такимъ образомъ, заявленіе кн. Щербатова, что въ Офирской землѣ «законы содѣланы общимъ народнымъ согласіемъ», не что иное, какъ громкая фраза; здѣсь кн. Щербатовъ отдалъ дань философіи XVIII в., но только... въ словахъ. У французскихъ и англійскихъ философовъ мысль, что законы являются результатомъ народнаго соглашенія, служитъ основаніемъ, изъ котораго выводится принципъ равенства, необходимость уничтоженія сословнаго дѣленія; у Щербатова выходитъ какъ разъ наоборотъ.

Мы не будемъ останавливаться на административныхъ учрежденіяхъ Офирской земли, такъ какъ духъ ихъ вытекаетъ изъ вышесказаннаго, а самая организація не представляетъ особаго интереса; да и безъ того наша рецензія слишкомъ растянулась. Читатель ясно видитъ, что обѣщанная Аркадія далека отъ истинной Аркадіи, и что можно только поблагодарить судьбу, что утопія Щербатова осталась утопіей, не получивъ примѣненія къ жизни.

Относительно самой брошюры г. Чечулина мы можемъ сказать только одно: если у кого есть возможность прочесть цѣликомъ все «Путешествіе въ Офирскую землю», то онъ больше вынесетъ изъ него, чѣмъ изъ упомянутаго очерка. Но если это представитъ затрудненіе, то мы предпочли бы отослать читателя къ статьѣ г. Мякотина о кн. М. М. Щербатовѣ («Русское Богатство», 1897 г., № 1, «Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи»). **Галланинъ.**

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Седьмая часть. М. 1900.

П. И. Щукинъ продолжаетъ издавать бумаги, хранящіяся въ его обширномъ музеѣ. Въ вышедшей теперь седьмой части помѣщены документы самаго разнообразнаго содержанія, изъ которыхъ многіе, несмотря на отрывочность, заключаютъ въ себѣ любопытныя черты для характеристики быта и дѣятелей прошлаго времени. Всѣхъ документовъ болѣе 150, и изъ нихъ, по нашему мнѣнію, особенно интересны слѣдующіе: бумаги, относящіяся до народныхъ зрѣлищъ въ Москвѣ въ 1823 году; письмо императора Александра I къ камергеру Витовтову объ учрежденіи комитета для разбора и вспомоществованія нищимъ; письмо «россійскаго механика» Кулибина къ графу Аракчееву съ приложеніемъ проекта постояннаго моста черезъ Неву; дѣло объ учрежденіи вспомогательнаго заведенія для бѣдныхъ офицеровъ при домѣ московскаго благороднаго собранія; дѣло о запрещеніи книгъ «Ложный Петръ III или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Пугачева» и «Анекдоты о Пугачевѣ» 1811 года; приходо-расходная книга денежной казны великой княжны Анны Павловны за 1809 годъ; любопытные приказы графа Клейнмихеля по вѣдомству путей сообщенія за 1842 годъ; вѣдомость главнаго управленія пермскихъ заводовъ князей Голицыныхъ о томъ, «какое количество съ мая 1818 г. по май 1819 г. губернскаго города Перми и уѣздовъ онаго господамъ присутствующимъ и прочимъ чиновникамъ, для снисканія благосклонности по дѣламъ вашихъ сіятельствъ, въ выдачу наличными деньгами, хлѣбными припасами, провизіей и прочимъ произошло». Оказывается, что для «снисканія благосклонности» въ

теченіе года роздано, начиная съ губернатора Криднера, вице-губернатора, предсѣдателей палатъ и кончая самой мелкой приказной сошкой, 17.784 рубля. Не лишены интереса инструкціи управляющему и хозяйственныя распоряженія извѣстнаго князя С. М. Голицына и его тяжба съ мѣщаниномъ Губанцевымъ изъ-за ананасовъ, а равно переписка съ разными лицами графа А. А. Закревскаго. Кромѣ перечисленныхъ, въ седьмой части «Сборника» г. Щукина находится немало и другихъ весьма любопытныхъ документовъ, касающихся преимущественно нашей исторіи начала XIX столѣтія, и нельзя не поблагодарить почтеннаго собирателя за то, что онъ, издавая собранныя имъ бумаги, дѣлаетъ ихъ доступными для занимающихся. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы еще разъ должны повторить, уже сдѣланный ему раньше, упрекъ въ томъ, что онъ не прилагаетъ къ своимъ «Сборникамъ» столь необходимыхъ «указателей личныхъ именъ», и тѣмъ затрудняетъ пользованіе его изданіями. **О. Ш.**

Н. Е. Волковъ. Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ. Въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1900.

Вопросъ, изслѣдуемый авторомъ въ вышеназванной книжкѣ, можно сказать, вовсе не былъ затронутъ въ нашей литературѣ, если не считать нѣсколькихъ косвенныхъ замѣчаній въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Собирая данныя для рѣшенія его, г. Волковъ занимался, главнымъ образомъ, въ архивахъ (сенатскомъ, государственномъ и министерства императорскаго двора), что, конечно, еще болѣе усиливаетъ значеніе его труда; но, несмотря на все это, изложеніе его заставляетъ желать много лучшаго.

Во «вступленіи» г. Волковъ пытается, желая придать «настоящей книгѣ значеніе болѣе серіозное, нежели простой справочный перечень», сообщить «нѣкоторое развитіе изъясненія» (?!) той мысли, что «дворскій укладъ» не есть плодъ «произволенія» одного человѣка, и черезъ двѣ-три странички, переполненныя цитатами изъ сочиненій Забѣлина и Соловьева, приходитъ къ выводу, что «исторія придворныхъ чиновъ» есть въ то же время и исторія Россіи; при этомъ онъ высказываетъ, между прочимъ, что еще походы русскихъ князей въ IX в. дѣлались изъ «стремленія создать у себя на Руси власть, подобную царской власти византійскихъ императоровъ» (стр. V—VI); что Россія, «отлившись при Петрѣ Великомъ въ могущественную форму великаго государственнаго зданія», «поддерживалась двумя столпами—православіемъ и дворянствомъ» (стр. VIII) и т. п. Вѣроятно, для большей убѣдительности авторъ широко пользуется употребленіемъ архаизмовъ, въ родѣ: «пріялъ», «пріемлетъ», «тщились», «преуспѣянія» и др.

За этимъ «вступленіемъ» слѣдуетъ «часть первая», заключающая въ себѣ «историческій обзоръ», всего въ 42 стр. Хотя этотъ краткій «обзоръ» имѣетъ исключительно характеръ механическаго, чисто внѣшняго, сшиванія разныхъ узаконеній о придворныхъ чинахъ, тѣмъ не менѣе изъ него можно вынести нѣкоторыя свѣдѣнія, врядъ ли доселѣ бывшія плодомъ общаго достоянія.

Еще Петръ I своею «Табелью о рангахъ» опредѣлилъ всѣ придворные чины и должности, но на самомъ дѣлѣ въ то время существовали только немногіе

изъ нихъ и то исключительно при императрицѣ. Великій Преобразователь довольствовался услугами однихъ своихъ денщиковъ. Лишь 14 декабря 1727 г. былъ утвержденъ и выбранъ для императора первый придворный штатъ, состоящій изъ гофмейстера, 8 камергеровъ и 7 камеръ-юнкеровъ. Императрица Анна Іоанновна положила начало регламентанціи придворныхъ чиновъ и утвердила нѣсколько инструкцій для нихъ; дѣло ея продолжала и Елисавета Петровна, обращавшая особое вниманіе на поведеніе придворныхъ. Наибольшаго блеска придворный штатъ достигъ при Екатеринѣ Второй, но онъ, какъ и нѣкоторыя другія реформы и дѣянія императрицы, потерпѣлъ немалое измѣненіе въ своемъ устройствѣ при Павлѣ I, не говоря уже о количествѣ и составѣ: при дворѣ этого императора не было ни одного камергера изъ пожалованныхъ Екатериною II.

Въ теченіе всего XVIII в. придворный штатъ во многихъ отношеніяхъ страдалъ «неопредѣленностью», которая въ значительной степени была устранена узаконеніями Александра I; окончательная же регламентація, уцѣлѣвшая въ очень многомъ до нашихъ дней, дана императоромъ Николаемъ I. Еще съ 1809 г. званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ признаются лишь придворнымъ отличіемъ, не приносящимъ никакого чина, тогда какъ до того первыя приравнивались къ генералъ-майорамъ, а вторыя къ бригадирамъ. Въ 1824 году была прекращена и выдача жалованья названнымъ чинамъ, хотя намъ кажется и не для того, «чтобы мыслію о матеріальной выгодѣ не омрачать блеска столь близкаго къ престолу званія», какъ полагаетъ г. Волковъ (стр. 41), и вмѣстѣ съ тѣмъ строго регламентированъ порядокъ пожалованія и исключенія изъ придворнаго званія. Со временъ Петра Великаго и до сихъ поръ самыми распространенными были званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, отъ чего о нихъ и сохранилось наиболѣе свѣдѣній.

Форма одежды мужскихъ придворныхъ чиновъ подвергалась измѣненіямъ много разъ, а до послѣдняго времени дамскій придворный туалетъ и теперь тотъ же, который утвердилъ еще императоръ Николай I въ февралѣ 1834 года.

Вторая часть книжки г. Волкова заключаетъ въ себѣ законоположенія о придворныхъ чинахъ, начиная съ табели о рангахъ и кончая правилами, высочайше утвержденными 26-го марта 1882 г.; третья—«церемоніалы и этикеты при императорскомъ всероссійскомъ дворѣ», и наконецъ, четвертая— «списокъ всѣмъ придворнымъ чинамъ XVIII столѣтія по категоріямъ и по старшинству пожалованія». Наибольшее значеніе, конечно, имѣетъ послѣдняя часть, такъ какъ при каждомъ имени сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія, съ указаніемъ источника, изъ которыхъ они заимствованы.

Особенно цѣнны сообщаемыя свѣдѣнія о придворныхъ дамахъ, такъ какъ они являются впервые собранными воедино изъ самыхъ разнообразнѣйшихъ источниковъ и пособій. Этою частью, можно сказать, и выкупается для историка все значеніе книжки г. Волкова.

Для удобства пользованія ею приложенъ «алфавитный указатель» именъ.

В. Р—въ.

П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900.

Умный, образованный и талантливый нашъ романистъ задумалъ, послѣ своей тридцатилѣтней карьеры романиста, какъ бы подвести итоги своимъ многостороннимъ знаніямъ. Удачная мысль нашла талантливое исполненіе. Первоначально авторъ хотѣлъ выяснить эволюцію художественнаго русскаго романа за тотъ періодъ времени, который заключается между «Евгеніемъ Онѣгинымъ» и началомъ 1860-хъ годовъ, когда появился романъ Тургенева «Отцы и дѣти».

Первоначальный замыселъ автора заключался въ томъ, чтобы написать исторію русскаго романа до эпохи 1860-хъ годовъ, при чемъ цѣлая треть книги должна была пойти на вступительную картину развитія западно-европейскаго романа. Но планы автора разрослись, и теперь все его сочиненіе состоитъ изъ двухъ половинъ: первый томъ этого сочиненія и представляетъ собой цитируемая нами книга, а второй томъ будетъ посвященъ авторомъ русскому роману до 1860-хъ годовъ. Самъ авторъ опредѣляетъ свой трудъ, какъ попытку «критически обработать содержаніе и форму художественнаго романа, какъ одного изъ самыхъ яркихъ симптомовъ собирательной творческой психологіи европейскаго человѣчества, за первыя двѣ трети XIX вѣка».

Все сочиненіе г. Боборыкина состоитъ изъ введенія, восьми главъ и выводовъ. Очень большой интересъ представляетъ введеніе, гдѣ опредѣляется и точка зрѣнія автора и цѣль его книги. Онъ смотритъ на область прекраснаго, на развитіе изящнаго творчества, какъ на нѣчто самостоятельное, имѣющее самостоятельную цѣль и связанную лишь съ удовлетвореніемъ потребности въ прекрасномъ. Поэтому и эволюцію творчества онъ старается изучить, основываясь на психо-эстетической почвѣ. Какъ рѣка въ своемъ теченіи имѣетъ самостоятельную жизнь, хотя ея направленіе и русло зависятъ отъ разныхъ причинъ, такъ и изящное творчество подчинено своимъ законамъ. «Не слѣдуетъ брать,—говоритъ авторъ,—главными мѣрилами въ дѣлѣ изученія изящной литературы вообще и въ частности романа политическіе, моральные и разные другіе мотивы, какъ это дѣлается до сихъ поръ большинствомъ критиковъ и въ монографіяхъ, и въ цѣлыхъ компендіяхъ по исторіи современной литературы».

Вотъ почему авторъ допускаетъ въ своей безусловно богатой содержаніемъ книгѣ важный, съ нашей точки зрѣнія, пробѣлъ. Онъ игнорируетъ соціологическую сторону въ исторіи развитія литературы, а это игнорированіе особенно замѣтно и неудобно, потому что самъ же авторъ называетъ свой пріемъ въ изученіи художественнаго творчества «эволюціоннымъ». Эволюціонная точка зрѣнія требуетъ уже по самому своему существу анализа взаимодѣйствія жизни и литературы и оторвать литературу отъ жизни, отъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній въ данномъ обществѣ—значитъ не объяснить литературу, а только описывать ее. «Не творчество подчинено служить дѣйствительной жизни,—говоритъ авторъ,—а скорѣе, наоборотъ, она доставляетъ ему тотъ матеріалъ, который въ данный моментъ творческое дарованіе отдѣльнаго писателя перерабатываетъ въ произведеніе изящной литературы». До

тѣхъ поръ,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—пока извѣстная, чисто художественная, творческая потребность не назрѣла и не нашла себѣ даровитыхъ выразителей, жизнь сама по себѣ, т.-е. дѣйствительность, переживаемая человѣчествомъ въ данную эпоху, не въ состояніи измѣнить пріемовъ, указать новые пути, расширить содержаніе и усовершенствовать форму».

Набросавъ въ общихъ чертахъ исторію развитія литературно-критическихъ идей и пріемовъ, указавъ на роль публики, съ ея взглядами, авторъ разсматриваетъ въ главѣ, названной «Жизнь и творчество», вопросъ объ отношеніи психическаго элемента къ соціологическому въ дѣлѣ художественнаго творчества. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ изъ обзора художественно-литературной критики въ XIX вѣкѣ, заключается въ слѣдующемъ. На художественно-литературную критику XIX вѣка вліяли и философско-эстетическія идеи и научные пріемы. Освободившись отъ гнета метафизики, критика XIX вѣка пошла двоякимъ путемъ: субъективнымъ, давшимъ проповѣдь крайняго индивидуализма, и объективно-научнымъ, выдвинувшимъ школу сравнительно-историческаго изученія. Поверхъ обоихъ направленій «всплыло» соціологическое направленіе.

Весьма интересны дальнѣйшія главы: о содержаніи романа въ его развитіи, объ эволюціи пріемовъ мастерства, о вліяніяхъ междулитературныхъ, о личности и судьбѣ писателя, наконецъ, оригинально названная, послѣдняя глава—«главныя вѣхи западнаго романа». Въ ней авторъ старается рѣшить вопросъ о томъ, какъ творчество человѣка извлекало изъ духовно-матеріальной культуры элементы изящнаго. Здѣсь заключается главный узелъ всего сочиненія г. Боборыкина, такъ какъ остальныя главы являются лишь подготовительными и, такъ сказать, критикой существующихъ взглядовъ. Глава о вѣхахъ западнаго романа даетъ множество цѣнныхъ наблюденій и указаній. Картина литературы XIX вѣка набросана широко, но причина «эволюціи» разныхъ писателей все-таки неясна для читателя, такъ какъ развитіе соціальныхъ и политическихъ идей не поставлено авторомъ въ связь съ развитіемъ литературы. **Н.**

И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. Спб. 1899.

Надо удивляться колоссальной учености автора, написавшаго настоящее изслѣдованіе. Какъ показываетъ заглавіе труда г. Гревса, сочиненіе его слагается изъ трехъ элементовъ: историческаго, филологическаго и политико-экономическаго, и во всѣхъ этихъ отросляхъ науки авторъ чувствуетъ себя, какъ дома; вездѣ изложеніе его опирается на самые солидные первоисточники и пособія. Въ концѣ своего труда г. Гревсъ называетъ около 350 сочиненій новѣйшихъ ученыхъ, относящихся къ предмету его изслѣдованія, и смѣло можно сказать, что вся эта громадная масса пособій была не только прочитана, но и изучена нашимъ авторомъ. Въ прекрасно написанныхъ предисловіи и введеніи г. Гревсъ выясняетъ всѣ тѣ огромныя трудности, съ которыми ему приходилось считаться при написаніи своего труда, подобнаго которому по столь

широкой темѣ еще нѣтъ ни въ одной европейской литературѣ, и излагаетъ вкратцѣ причины, почему, вмѣсто систематическаго изложенія предмета, ему приходится пока ограничиться очерками изъ исторіи землевладѣнія, которыхъ въ настоящей книгѣ заключается всего два. Очеркъ первый озаглавленъ такъ: «Землевладѣніе во времена Августа по сочиненіямъ Горація». Здѣсь прежде всего должно отдать дань оригинальности автора: о произведеніяхъ Горація существуетъ такая огромная литература, что одинъ голый перечень ея до начала истекающаго столѣтія могъ бы составить предметъ цѣлаго годового курса при двухъ лекціонныхъ часахъ въ недѣлю и, между тѣмъ, мысль воспользоваться произведеніями этого автора, какъ источникомъ для изслѣдованія землевладѣнія, впервые пришла въ голову только г. Гревсу. На стр. 187 авторъ даетъ общую оцѣнку своего источника, говоря, что онъ имѣетъ такое же значеніе, какое для будущаго историка земельнаго строя или крестьянскаго вопроса въ Россіи въ концѣ XIX вѣка будутъ имѣть «воспроизведенія дѣйствительности, исходящія изъ частнаго характера», къ каковымъ авторъ причисляетъ записки и письма всякаго просвѣщеннаго члена интеллигентнаго общества, а также произведенія бытового беллетриста. Позволяю себѣ думать, что сравненіе это отнюдь не можетъ быть названо вѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не надо забывать, что Горацій—прежде всего лирическій поэтъ (Оды, I, 1), и если обратиться къ сравненію г. Гревса, ставъ на эту точку зрѣнія, то позволительно задать вопросъ: много ли достовѣрнаго матеріала извлечетъ историкъ земельнаго строя Россіи изъ такого источника, каковы стихотворенія Фета, Лермонтова и даже Пушкина? Конечно, разъ г. Гревсъ лишенъ возможности пользоваться для своей темы офиціальными документами (въ родѣ кадастровыхъ книгъ), онъ долженъ былъ считаться и съ такими источниками, какъ поэтическія произведенія, но добытые изъ изученія ихъ выводы далеко не всегда могутъ быть признаны несомнѣнными. Авторъ съ большою тщательностью разсматриваетъ всѣ данныя, которыя можно извлечь изъ стихотвореній Горація для описанія его Сабинскаго помѣстья. Но получаемъ ли мы изъ этихъ старательныхъ изысканій точное описаніе Гораціева имѣнія? Кажется, что отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ очень нелегко, такъ какъ во многихъ случаяхъ автору приходится довольствоваться только болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Съ большимъ интересомъ читается сдѣланное на основаніи собственныхъ наблюденій автора живое описаніе мѣстности, гдѣ было Гораціево имѣніе, но существенныхъ выводовъ для рѣшенія вопроса о величинѣ имѣнія оно не даетъ вовсе. Недвижимая собственность Горація, по мнѣнію г. Гревса, слагалась изъ трехъ главныхъ частей: Сабинскаго имѣнія, дома въ Тибурѣ и дома въ Римѣ. Насколько несомнѣнно существованіе первой изъ этихъ частей, настолько же проблематичны двѣ остальныя. Обладаніе домомъ въ Тибурѣ приписывается Горацію на основаніи одного крайне темнаго мѣста изъ біографіи поэта, составленный Светоніемъ, тогда какъ самъ поэтъ о немъ не упоминаетъ вовсе. А поэтому всѣ соображенія г. Гревса насчетъ этого жилища, въ родѣ того, что «самостоятельный «pied à terre» очень былъ удобенъ для него (Горація), когда онъ, живя въ Сабинскомъ владѣніи, пріѣзжалъ въ Тибуръ на нѣсколько дней по дѣламъ» (стр. 89, ср. стр. 91), являются только остроумными

гипотезами и ничѣмъ болѣе. Еще болѣе загадочно существованіе дома въ Римѣ. Основаніемъ для этого г. Гревсу служатъ слова поэта въ шестой сатирѣ первой книги: inde... domum me refero (т. е. оттуда... я отправляюсь домой). Но надо ли здѣсь подъ domum разумѣть непремѣнно собственный домъ? Не выразился ли бы точно также Горацій, еслибы онъ возвращался и въ наемное жилище? Если, такимъ образомъ, существованіе двухъ домовъ у Горація только проблематично, то столь же проблематичной должна казаться и выводимая г. Гревсомъ общая оцѣнка имущества поэта. Такъ какъ Горацій былъ всадникомъ, и условіемъ принадлежности къ этому сословію является цензъ въ 400.000 сестерцій, то изъ этой суммы 100.000 сестерцій, по мнѣнію г. Гревса, надо отчислить на дома, а 300.000 на имѣніе. На сейчасъ приведенномъ примѣрѣ наглядно видна вся неустойчивость поэтическаго источника нашего автора; то же можно сказать и о привлекаемыхъ имъ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, такъ, напримѣръ, про Тибулла г. Гревсъ говоритъ (стр. 206): «изъ одного стихотворенія (IV, 8) можно предположить, что у Тибулла была еще небольшая вилла въ Тосканѣ на арретинской территоріи, но о ней ничего неизвѣстно». Авторъ забываетъ, что Тибуллъ говоритъ здѣсь отъ лица Сульпиціи, родственницы Мессаллы, которому и принадлежало Арретинское помѣстье. Кстати, въ серіозномъ трудѣ неудобно цитовать съ именемъ Тибулла такъ называемую третью книгу, равно какъ 2-е стихотвореніе 4-ой книги, такъ какъ давно доказано, что эти произведенія не могутъ принадлежать самому Тибуллу. Нельзя также толковать объ «отцовскомъ помѣстьѣ» Ювенала на Аквинатской территоріи (стр. 209), такъ какъ стихъ, на который опирается г. Гревсъ, гласитъ только: «ты, спѣша на отдыхъ, будешь изъ Рима возвращаться въ твой Аквинъ» (городъ Aquinum былъ родиной Ювенала). Нельзя такъ же много разсуждать о помѣстьяхъ Марціала, такъ какъ давно указано, что этотъ поэтъ очень часто говоритъ въ первомъ лицѣ не отъ своего имени. Спѣшу оговориться, что высказанныя соображенія не могутъ особенно умалить весьма интересный очеркъ о Гораціи, а основной выводъ г. Гревса (стр. 232): «крупная собственность подавила къ концу періода республики исконное римское крестьянство», долженъ быть признанъ вполнѣ справедливымъ, хотя къ нему можно было бы прійти и инымъ кратчайшимъ путемъ.

Второй очеркъ г. Гревса посвященъ «экономической біографіи» извѣстнаго друга Цицерона, Т. Помпонія Аттика. Такъ какъ автору приходилось имѣть здѣсь дѣло съ прозаическими источниками, каковыми прежде всего является біографія Аттика, написанная Корнеліемъ Непотомъ, и письма Цицерона, то выводы г. Гревса отличаются гораздо бо̀льшей опредѣленностью, а нѣкоторыя страницы очерка, какъ, напримѣръ, характеристика Аттика, читаются съ живѣйшимъ интересомъ и смѣло могутъ быть названы мастерскими. Правда, и здѣсь въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ изложенія, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ италійскихъ помѣстьяхъ Аттика или объ его бутротійскихъ владѣніяхъ, автору приходится говорить, что «о величинѣ и характерѣ этихъ владѣній ничего неизвѣстно въ точности», и что «топографія ихъ неизвѣстна».

За очеркомъ жизни Аттика слѣдуетъ «Заключеніе» книги. Въ немъ авторъ снова указываетъ на основную мысль своей книги (доказательство торжества

крупной собственности въ Италіи и провинціяхъ) и опять возвращается къ роли индивидуальныхъ этюдовъ въ общемъ планѣ изученія затронутаго имъ вопроса. Затѣмъ, указавъ на то, что эти этюды получаютъ истинный смыслъ при сопоставленіи ихъ съ общею теоріею, «которая посадитъ ихъ въ глубокую и плодородную почву», авторъ признаетъ такой теоріей—уясненіе особенностей экономическаго развитія античной и спеціально римской древности. При разсмотрѣніи этого вопроса г. Гревсъ склоняется къ мнѣнію, предложенному впервые Родбертусомъ и видоизмѣненному затѣмъ Бюхеромъ, въ силу котораго преобладающей формой экономической жизни древнихъ является независимое хозяйство отдѣльнаго дома. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этой теоріи, укажу только, что она раздѣляется далеко не всѣми учеными. Изъ иностранныхъ противниковъ ея особенно долженъ быть отмѣченъ авторъ извѣстной «Geschichte des Alterthums», Эд. Мейеръ, а изъ нашихъ отечественныхъ ученыхъ М. И. Ростовцевъ.

Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе огромной (до 700 стр.) книги г. Гревса. Съ авторомъ ея можно во многомъ не соглашаться (прежде всего, конечно, относительно метода изслѣдованія), но, съ другой стороны, колоссальная ученость г. Гревса и блестящее изложеніе даютъ его труду почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. **А. М—нъ.**

Wierzbowski, Teodor. Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzów polskich. T. I. 1398—1600. Warszawa. 1900.

Празднованіе въ текущемъ году пятисотлѣтняго юбилея существованія Краковскаго университета вызвало въ польской историографіи нѣкоторое оживленіе. Предпринято, напримѣръ, изданіе исторіи всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя когда либо существовали въ предѣлахъ прежней Рѣчи Посполитой. Въ настоящее время уже вышли исторія Виленскаго университета, а также исторія историко-филологическаго факультета бывшей Главной Школы въ Варшавѣ. Появились и другія работы, посвященныя Краковскому университету въ виду его юбилея, къ числу которыхъ принадлежитъ и трудъ, заголовокъ котораго мы выписали выше. Хотя этотъ трудъ, судя по заглавію, обѣщаетъ дать лишь матеріалы для исторіи польской письменности, но въ дѣйствительности новое изданіе трудолюбиваго изслѣдователя исторіи и литературы Польши представляетъ болѣе широкій интересъ. Г. Вержбовскій въ своей книгѣ сообщаетъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1398 г. и кончая 1600, документы и, главнымъ образомъ, письма разныхъ польскихъ писателей, которые ему удалось собрать во время своихъ занятій въ различныхъ русскихъ и заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ. Такъ какъ въ XVI в. Польша принимала живое участіе въ общеевропейской политической и умственной жизни, то естественно, что въ числѣ изданныхъ г. Вержбовскимъ писемъ мы находимъ много адрессованныхъ на имя нѣкоторыхъ извѣстныхъ ученыхъ и гуманистовъ Западной Европы того времени. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, напримѣръ, не только письма къ Эразму Роттердамскому, но и его письма къ Петру То-

мицкому и Яну Ласкому. Почтенному издателю удалось, между прочимъ, отыскать нѣсколько неизвѣстныхъ писемъ послѣдняго, изданіе которыхъ служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ собранію писемъ Ласкаго, опубликованныхъ ранѣе гг. Кюйнеромъ и Дальтономъ. Впрочемъ, относительно г. Дальтона мы должны оговориться, что его «Lasciana» (Berlin, 1898) изданы крайне неудовлетворительно, и пользоваться ими слѣдуетъ съ большою осторожностью. Документы, напечатанные въ книгѣ профессора Вержбовскаго, могутъ представить интересъ не только для занимающихся польскою письменностью XV—XVI вв., но также и для историковъ, какъ, напримѣръ, письмо Станислава Решки къ Альбрехту Ласкому изъ Рима въ 1575 г., въ которомъ дается интересная картина религіозной жизни вѣчнаго города въ этотъ юбилейный годъ. Встрѣчаются и документы, которые имѣютъ прямое отношеніе къ русской исторіи. Къ числу таковыхъ принадлежитъ письмо, помѣщенное подъ номеромъ 382. Въ концѣ своего царствованія Стефанъ Баторій задумалъ новый походъ противъ Москвы и отправилъ посольство къ папѣ Сиксту V, чтобы просить его содѣйствія въ этой войнѣ, а также и денежной субсидіи. Станиславъ Решка, имѣвшій по этому поводу аудіенцію у папы, очень подробно разсказываетъ о своихъ переговорахъ съ нимъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Баторію.

Въ типографскомъ отношеніи книга издана очень старательно. Въ текстѣ находятся автографы Модржевскаго, Христофора Варшевицкаго, Скарги, Себастіана Клоновича и другихъ писателей. **Н. Любовичъ.**

С. Н. Прокоповичъ. Рабочее движеніе на западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія. Т. I. Германія и Бельгія. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899.

Цѣлью разсматриваемаго сочиненія, по словамъ автора, служитъ сравнительное изученіе рабочаго движенія различныхъ странъ. Въ вышедшемъ первомъ томѣ разсматривается рабочее движеніе въ Германіи и Бельгіи, второй томъ будетъ посвященъ рабочему движенію Англіи, Франціи и Швейцаріи. Выводы, являющіеся какъ результатъ изслѣдованія, будутъ развиты въ введеніи ко второму тому.

Книга г. Прокоповича—весьма солидный трудъ, подробно знакомящій съ внѣшней и внутренней исторіей развитія рабочаго движенія, начиная съ его зачаточной формы—кассъ взаимопомощи, которыя составляютъ основу организаціи рабочихъ. Большую поддержку въ такъ называемомъ «профессіональномъ движеніи» оказываетъ цѣлая система ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ товариществъ: потребительныя, производительныя, кредитныя и др. Задача ихъ -борьба съ капитализмомъ. Наиболѣе видную роль въ соціальномъ процессѣ играютъ потребительныя товарищества. Капитализація промышленности, проведеніе желѣзныхъ дорогъ вызвали къ жизни національные и международные рабочіе союзы. Соціальное движеніе, какъ въ Германіи, такъ и въ Бельгіи, возникаетъ сперва среди мануфактурныхъ рабочихъ, затѣмъ распространяется и на фабричныхъ. Такъ какъ «содержаніе и форма рабочаго движенія зависятъ отъ экономическихъ, правовыхъ и политическихъ отношеній, существующихъ въ обществѣ», то тактика соціаль-демократической партіи мѣ-

няется вмѣстѣ съ измѣненіями среды. Въ Германіи можно отмѣтить три господствующія тактики соціаль-демократической партіи. Во-первыхъ, тактика и теорія Лассаля, отрицающаго всякія реформы, какъ палліативы, признающаго цѣлесообразность лишь коренного преобразованія всего существующаго общественнаго строя, уничтоженія дѣленія общества на классы. Выше практической дѣятельности онъ ставитъ политическую агитацію, подготовительную работу, развитіе массъ. Прежде всего слѣдуетъ стремиться къ захвату политической власти, добиться признанія всеобщаго избирательнаго права. Лассаль отрицаетъ профессіональные союзы, какъ преслѣдующіе только матеріальныя, узко корпоративныя цѣли. Буржуазія близка къ гибели, а потому не слѣдуетъ ее поддерживать, не слѣдуетъ вступать въ союзъ съ прогрессистами (либеральной буржуазіей). Замѣчательно, что Бисмаркъ и Лассаль, имѣя въ виду каждый свою цѣль: Бисмаркъ — усиленіе консервативной партіи, Лассаль—созданіе сильной соціаль-демократической партіи—сошлись въ требованіи всеобщаго избирательнаго права. Дѣйствительность оправдала расчеты обѣихъ сторонъ: сначала всеобщее избирательное право усилило консервативную партію, а черезъ 25 лѣтъ создало сильную соціаль-демократическую партію.

Во-вторыхъ, тактика эрфуртской программы, т. е. періодъ 1867—1890 гг., когда возникаетъ вторая соціаль-демократическая партія—партія Бебеля и Либкнехта. Съ введеніемъ всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права въ 1867 г. въ Германіи (въ Бельгіи въ 1894 г.), передъ соціаль-демократической партіей открылось поле для практической дѣятельности. Теперь партія уже признаетъ пользу и необходимость реформы. Слѣдуетъ рядъ стачекъ, вызвавшихъ изданіе закона противъ соціалистовъ въ 1878 г. Между тѣмъ вѣра лассальянцевъ въ близость крушенія буржуазіи не оправдалась, и соціаль-демократы вступаютъ въ союзъ съ прогрессистами, чѣмъ значительно увеличиваютъ силы своей партіи (вмѣсто 12, 36, а потомъ 56 представителей въ рейхстагѣ и 2.100.000 голосовъ).

Съ изданіемъ закона 1878 г. боевыя тенденціи рабочихъ союзовъ растутъ и приводятъ къ отмѣнѣ этого закона въ 1890 г. Въ-третьихъ—тактика Фольморъ-Ауэра или періодъ послѣ 1890 г., когда соціаль-демократическая партія, почувствовавъ свою силу, выступаетъ на поле практической дѣятельности. Въ этотъ періодъ измѣнилось отношеніе соціаль-демократовъ къ профессіональному движенію. Оно было признано равноправнымъ съ политическимъ. Эти три тактики невозможно свести къ общему знаменателю—теоріи Маркса, какъ это старается сдѣлать Каутскій. Теоретикомъ новаго направленія въ соціаль-демократіи является Бернштейнъ.

Фактическія данныя о развитіи рабочаго движенія въ Германіи и Бельгіи почерпнуты отчасти изъ личныхъ наблюденій и разговоровъ съ дѣятелями этихъ движеній, главнымъ же образомъ изъ богатой литературы предмета. Особенное вниманіе читателя авторъ старается обратить на связь, которая существуетъ между рабочимъ движеніемъ и условіями общественной жизни. Онъ приводитъ слова Вандервельде: «Профессіональные союзы—не продукты фантазіи; это организмы, строеніе которыхъ опредѣлено соціальною средою и которые измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ среды». **Д. К. Е—въ.**

С. и В. Уэббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Перевелъ съ англійскаго Г. А. Паперна. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1899.

Имена Сиднея и Беатрисы Уэббъ хорошо извѣстны русской читающей публикѣ по ихъ классическому труду: «8-ми часовой рабочій день». Въ прошломъ году появились въ русскомъ переводѣ «Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма» (изданіе О. Поповой) и лежащая передъ нами «Исторія рабочаго движенія въ Англіи» (вышедшая въ оригиналѣ еще въ 1894 г.). Новый обширный трудъ авторовъ представляетъ большой теоретическій и практическій интересъ—уже вслѣдствіе значенія, котораго достигли организованные союзы рабочихъ въ Англіи, представляющіе крупную политическую силу въ странѣ. Въ концѣ 1892 года около 20 проц. взрослаго мужского населенія страны находилось въ рядахъ трэдъ-юніонистовъ, а въ 1897 г. по отчету англійскаго министерства промышленности—насчитывалось 1.287 рабочихъ союзовъ съ 1.609.909 членовъ.

Рабочее движеніе въ Англіи, какъ извѣстно, шло, да отчасти идетъ и до сихъ поръ, путемъ, отличнымъ отъ соціальнаго движенія на континентѣ Европы. Въ эпоху промышленнаго расцвѣта, во второй половинѣ нашего столѣтія, въ Англіи установилось было даже, такъ называемое, соціальное перемиріе между трудомъ и капиталомъ, но оно продолжалось недолго. За послѣднее время соціаль-демократическія идеи влили новую струю въ начинавшій уже дряхлѣть трэдъ-юніонизмъ («аристократію труда»), при чемъ съ особою рѣзкостью выступилъ на сцену вопросъ объ организаціи безработныхъ. Описаніе постепеннаго проникновенія «новыхъ» идей въ англійскую рабочую среду и вліянія экономическихъ условій производства на ростъ и организацію рабочихъ союзовъ и составляетъ наиболѣе интересную сторону этой цѣнной монографіи. Но и вообще съ обычнымъ мастерствомъ авторы сумѣли разобраться въ огромной массѣ фактическаго матеріала, который подлежалъ ихъ разсмотрѣнію. Насколько великъ былъ этотъ трудъ, можно видѣть уже изъ того, что имъ пришлось всесторонне изучить сотни рабочихъ союзовъ, и прежде всего заняться для этого собираніемъ фактическихъ данныхъ (преимущественно, среди самихъ трэдъ-юніонистовъ); одно это собираніе матеріала, разбросаннаго въ тысячѣ мѣстахъ и иной разъ спасеннаго отъ вѣрнаго уничтоженія, нельзя не поставить въ положительную заслугу авторамъ. Заключительная глава, представляющая «скорѣе приложеніе, чѣмъ часть основного плана книги», вводитъ читателя въ самый міръ рабочихъ союзовъ; въ ней авторы «попытались съ высоты птичьяго полета обозрѣть современное трэдъ-юніонистское движеніе съ его неравномѣрнымъ распредѣленіемъ, съ его сильно партикуляристической организаціей, съ его несовершеннымъ политическимъ механизмомъ, съ его новымъ, правящимъ классомъ въ видѣ дѣятелей рабочихъ союзовъ—вообще его современные, носящіе на себѣ печать переходной эпохи, методы, цѣли и тактику въ связи со множествомъ стоящихъ передъ нимъ неразрѣшенныхъ конституціонныхъ, экономическихъ и политическихъ вопросовъ». Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно. **А. Никитинскій.**

Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Переводъ съ французскаго Е. Леонтьевой. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Спб. 1900.

Небольшая брошюрка Тома̀ посвящена бѣглому обзору современныхъ системъ морали и выясненію ихъ воспитательнаго значенія. Исходя изъ той точки зрѣнія, что всѣ попытки обосновать нравственность на одной наукѣ или внѣ всякой науки до сихъ поръ не дали удовлетворительной формулировки долга и твердыхъ принциповъ, вообще правилъ поведенія, авторъ сообразно съ этимъ дѣлаетъ оцѣнку тѣмъ нравственнымъ системамъ, которыя до сихъ поръ предлагались и предлагаются современными философами. Признавъ безусловно непригодными въ воспитательномъ отношеніи давно уже раскритикованный и оставленный пессимизмъ, парадоксальный дилетантизмъ, новѣйшій черезчуръ эгоистичный индивидуализмъ и пригодный лишь для рафинированныхъ умовъ эстетизмъ, Тома̀, однако, признаетъ заслуги за ученіемъ нравственнаго детерминизма, который хотя вреденъ тѣмъ, что отрицаетъ нравственную свободу и считаетъ человѣка лишь сознательнымъ автоматомъ, но въ то же время учитъ болѣе справедливому отношенію къ собственному поведенію и поведенію другихъ. Изъ натуралистическо-нравственныхъ системъ Тома̀ выше другихъ считаетъ ученіе Гюйо о нравственности безъ принужденія, хотя и здѣсь онъ находитъ недостатки, присущіе всѣмъ эмпирически обоснованнымъ нравственнымъ ученіямъ: разсмотрѣніе жизни съ одной только количественной точки зрѣнія. Наиболѣе плодотворнымъ ученіемъ является въ глазахъ автора ученіе о человѣческой солидарности (Пьеръ Леру, Фулье и др.), которое хотя и можетъ быть названо «юридической моралью», такъ какъ ставитъ справедливость на мѣсто милосердія, но при ближайшемъ разсмотрѣніи въ немъ можно отыскать основные принципы христіанства.

Вообще авторъ въ наиболѣе цѣнныхъ догматахъ новѣйшихъ нравственныхъ ученій видитъ лишь возвращеніе къ старой морали, воспитывающей прежде всего въ человѣкѣ чувство личности, вѣрность своему долгу и любовь къ труду. Вопросъ нравственный есть вопросъ соціальный, и этотъ послѣдній есть вопросъ воспитанія, такъ какъ сила и величіе обществъ зависитъ отъ силы и достоинства составляющихъ ихъ личностей; поэтому первой работой воспитанія должно быть развитіе энергіи, иниціативы, бо̀льшей рѣшительности въ понятіяхъ и поступкахъ.

Несмотря на бѣглость и краткость очерковъ, сущность различныхъ нравственныхъ системъ выяснена вполнѣ ярко. Переводъ очень хорошъ и читается легко. Приведено много цитатъ изъ французскихъ книгъ. Брошюра (76 стр. 8°) составлена изъ отдѣльныхъ очерковъ, появлявшихся уже ранѣе въ повременныхъ изданіяхъ и собранныхъ въ одно цѣлое, какъ въ виду общности ихъ основной мысли, такъ и въ виду того интереса, который возбуждаютъ въ настоящее время въ обществѣ вопросы морали.. **Д. Е—въ.**

На границѣ. Повѣсти и разсказы Ѳ. Ѳ. Тютчева. Москва. 1900.

Главное достоинство этой книги заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго: всѣ разсказы взяты, несомнѣнно, изъ дѣйствительности — очень тяжелой и печальной, изображаемой авторомъ безъ всякихъ прикрасъ, съ фотографическою вѣрностью. Канвою для всѣхъ разсказовъ служитъ жизнь и служба пограничной стражи, преимущественно на прусской границѣ; только одинъ разсказъ—«Герои долга» — взятъ изъ кавказской жизни, но героями его являются тѣ же чины пограничныхъ сторожевыхъ постовъ.

Изъ разсказовъ особенно выдается разсказъ «Убили», гдѣ авторъ описываетъ исторію двухъ отважныхъ парней, ставшихъ контрабандистами въ угоду красивой дѣвушкѣ Бронѣ, племянницѣ арендатора корчмы, занимавшагося контрабандою; дѣвушка обманываетъ обоихъ парней, водитъ ихъ за носъ и безбожно эксплоатируетъ, такъ что, въ концѣ концовъ, оба они погибаютъ

Особымъ интересомъ, въ смыслѣ изображенія мѣстныхъ пограничныхъ нравовъ, отличается разсказъ «Ясновельможняя контрабандистка», гдѣ выведена нѣкая важная и знатная польская дама, пани Тржембицкая, жившая въ пяти верстахъ отъ прусской границы и ѣздившая аккуратно, два раза въ недѣлю, «къ доктору», за пограничную черту, на кровныхъ рысакахъ, въ очень изящной вѣнской каретѣ, у которой верхъ, благодаря искусно устроенному механизму, имѣлъ внутри пустоту, наполняемую всякій разъ при возвращеніи «отъ доктора» шелковыми лентами и дорогими кружевами.... Разсказъ этотъ такъ живъ и реаленъ, что напрасно авторъ прибавляетъ въ концѣ, въ видѣ эпилога, что содержаніе его «имѣло мѣсто въ дѣйствительности».

Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть также и о разсказѣ «Въ Бразилію», самомъ интересномъ и самомъ, въ сущности, тяжеломъ. Здѣсь передается цѣлая эпопея человѣческихъ страданій, испытываемыхъ легковѣрными польскими крестьянами, соблазняемыми и уговариваемыми различными «агентами» къ переселенію въ Бразилію.

Въ общемъ, книга г. Тютчева не только интересна, но и поучительна, такъ какъ знакомитъ читателя съ такими сторонами жизни на границѣ, которыя мало извѣстны большинству русской публики. **И. Н. З.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Археологическіе труды и торжества.— Реймское славянское евангеліе. — Кромвэліана.—Дѣти въ колоніальные дни.—Театръ французской комедіи въ продолженіе 220 лѣтъ.—Юбилей перехода Наполеона черезъ Сенъ-Бернаръ.—Первая серія очерковъ патологической исторіи. — Вѣкъ выставокъ. — Дневникъ парижской жизни.—Легендарное изреченіе.—Письма генерала Спарре къ Карлу XII.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ труды и торжества. Археологи привыкли къ трудамъ, которые съ каждымъ годомъ приводятъ все къ болѣе замѣчательнымъ открытіямъ, но торжества для нихъ рѣдкость, и неудивительно, что извѣстный итальянскій археологъ Рудольфо Ланчіяни съ особымъ удовольствіемъ описываетъ на страницахъ англійскаго «Athenaeum'a» [1]) два археологическіе праздника, происходившіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Римѣ. Одинъ изъ нихъ заключался въ торжественномъ посѣщеніи итальянскими королемъ и королевой новыхъ раскопокъ Форума, гдѣ найдены драгоцѣнные памятники, подтверждающіе разсказы многихъ древнихъ латинскихъ писателей, которые отвергались, какъ баснословные, современной критикой. Для большаго торжества это посѣщеніе устроено министромъ народнаго просвѣщенія Гвидо Баччели 22-го апрѣля, въ день 2653-ей годовщины основанія вѣчнаго города, и въ немъ приняло участіе все римское населеніе. Конечно, этотъ археологическій праздникъ отличался обычными чертами общественныхъ торжествъ, и, между прочимъ, директоръ раскопокъ, Джакомо Бонни, получилъ орденъ Итальянской Короны за оказанныя имъ услуги археологіи и исторіи, но въ немъ была и новинка, какъ подобало археологическому празднику, почти девятнадцати-вѣковаго происхожденія. Студенты пѣли «Carmen Secula» Горація, а ученые «коментировали эту столѣтнюю пѣснь», которая, по словамъ Вольтера,

---

[1]) Notes from Rome, by Rodolpho Lanciani, Athenaeum. 2 may. 1900.

составляетъ одно изъ наиболѣе прекрасныхъ поэтическихъ произведеній классическаго міра. Великій поэтъ написалъ эту оду въ 736 году отъ основанія Рима, т. е. на 16-мъ году до Рождества Христова, и полагаютъ, что ее пѣли на происходившихъ тогда столѣтнихъ играхъ. Означенныя игры были установлены, по общему мнѣнію ученыхъ, въ честь освобожденія Рима отъ какого нибудь общественнаго бѣдствія, и праздновались до Августа четыре раза, начиная съ 298 года отъ основанія Рима, хотя ихъ слѣдовало справлять каждыя 110 лѣтъ три дня и три ночи, а затѣмъ еще четыре раза. Послѣднее подобное торжество происходило въ 1000-мъ году или въ 247 послѣ Рождества Христова. Теперь, спустя тысяча семьсотъ пятьдесятъ три года, столѣтній гимнъ во славу Рима, и что въ особенности знаменательно во славу мира и наступавшаго тогда новаго вѣка, который, по словамъ Горація, «будетъ лучше прошедшаго», торжественно исполненъ среди возстановленнаго древняго Рима современными римлянами, стоящими на порогѣ новаго вѣка и возобновившими на этомъ археологическомъ праздникѣ великую связь прошедшаго съ настоящимъ и будущимъ. Другимъ археологическимъ торжествомъ былъ первый конгрессъ христіанской археологіи, происходившій подъ предсѣдательствомъ одного изъ первыхъ археологовъ нашего времени, аббата Дюшена, который задумалъ и привелъ въ исполненіе это замѣчательное научное препріятіе. На конгрессѣ собралось 824 ученыхъ, спеціально занимающихся христіанской археологіей, и предметомъ обсужденія служилъ цѣлый рядъ вопросовъ общаго и мѣстнаго интереса. Между прочимъ было рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи каѳедры христіанской археологіи въ семинаріяхъ, о запрещеніи итальянскимъ патерамъ продавать старинные художественные предметы, принадлежащіе церквамъ и монастырямъ, и открыть доступъ вѣрующимъ въ гробницу апостола Петра, гдѣ хранятся его мощи, и которая, по мнѣнію англійскаго археолога Барнеса, была замуравлена въ соборѣ св. Петра въ 846 году, чтобы сохранить ее отъ святотатственнаго покушенія сарацинъ. Всѣ работы конгресса изложены кратко въ его офиціальномъ бюллетенѣ подъ заглавіемъ «Commentarius authenticus», а Барнесъ въ подтвержденіе своей теоріи о гробницѣ св. Петра, которая принята конгрессомъ, издалъ великолѣпную книгу: «Св. Петръ въ Римѣ и его могила на Ватиканской горѣ» [1]). Хотя этотъ почтенный археологъ болѣе руководствовался при составленіи своего труда преданностью католической церкви, къ которой онъ принадлежитъ, чѣмъ историческою правдой, но онъ собралъ все, что только имѣетъ отношеніе къ предмету его изслѣдованія, хотя бы печатаемые документы противорѣчили его теоріи. Эта теорія заключается въ томъ, что апостолъ Петръ дѣйствительно былъ въ Римѣ, состоялъ епископомъ римской церкви въ продолженіе 25 лѣтъ и похороненъ подъ соборомъ св. Петра, гдѣ находится до сихъ поръ въ замурованной часовнѣ, выстроенной архитекторомъ Браманте. Но нельзя сказать, чтобы эти факты вполнѣ подтверждались приведенными Барнесомъ доказательствами, которыя очень смутны и неопредѣленны, а нѣкоторые изъ напечатанныхъ имъ документовъ и свидѣтельствъ современ-

---

[1]) St. Peter in Rom and his tomb on the Vatican hill,—by A. Barnes. London 1900.

никовъ прямо опровергаютъ ихъ. Такъ, по словамъ писателей XIV и XV вѣковъ, существовала надпись надъ алтаремъ церкви св. Павла, въ которой сказано было, что подъ этимъ алтаремъ находилась половина останковъ апостоловъ Петра и Павла, тогда какъ другая половина была въ соборѣ св. Петра, а ихъ головы въ церкви св. Іоанна Латеранскаго. Барнесъ считаетъ это извѣстіе миѳическимъ, но приводимыя имъ свѣдѣнія о гробницѣ св. Петра не представляются болѣе историческими фактами, чѣмъ эта легенда.

Если отъ археологическихъ праздниковъ мы перейдемъ къ археологическимъ работамъ, то онѣ представляютъ, конечно, еще большее торжество для науки. Бернардъ Гренфель и Артуръ Гунтъ, производящіе въ нынѣшнемъ году раскопки въ Египтѣ по порученію Калифорнскаго университета и на деньги, пожертвованныя богатой американкой мистрисъ Герстъ, напечатали въ Athenaeum'ѣ [1]) любопытный отчетъ о найденномъ ими значительномъ числѣ папирусовъ, относящихся до эпохи Птоломеевъ.. Эта находка совершена въ Фаюмѣ, близъ селенія Тутунъ, древняго Тептуниса, и заключаетъ въ себѣ папирусы, въ которыхъ были завернуты муміи не только людей, но и крокодиловъ, имѣвшихъ особое кладбище. Большая часть этихъ папирусовъ написана на греческомъ языкѣ, хотя есть и демотическіе, и они относятся до послѣднихъ двухъ вѣковъ передъ Р. Х. Всѣ эти тептунистскіе папирусы въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ отправлены въ Оксфордскій университетъ для разборки и прочтенія тамошними спеціалистами, а затѣмъ поступятъ на храненіе частью въ Калифорнскій университетъ, а частью въ Гизейскій музей. Еще болѣе замѣчательны раскопки мѣстности, гдѣ находилась древняя Суза въ Месопотаміи, отчетъ о которыхъ представленъ французскому министру народнаго просвѣщенія Моргανомъ, руководившимъ означенными раскопками въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Этотъ извѣстный египтологъ, открывшій много важныхъ памятниковъ, относящихся до первыхъ египетскихъ династій и занимавшій должность директора Гизейскаго музея, перемѣнилъ въ 1897 году мѣсто своей археологической дѣятельности и занялся продолженіемъ работъ французскаго ученаго Дьёлафуа по возстановленію слѣдовъ доисторическаго царства Элама, о существованіи котораго едва подозрѣвали пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Это царство, имѣвшее своей столицей Сузу, поддерживало постоянныя войны съ Халдеей, и теперь Моргану удалось найти въ нѣдрахъ земли остатки Эламидскаго дворца съ громаднымъ изваяннымъ барельефомъ, изображающимъ военный подвигъ Нарамъ-Зина, царя Аганейскаго, жившаго за 3750 лѣтъ до Р. Х., какъ гласитъ надпись на этомъ любопытномъ памятникѣ глубокой старины. Кромѣ того, Морганъ нашелъ большой гранитный обелискъ въ шесть футъ вышины, покрытый съ четырехъ сторонъ надписями, а также значительное число различныхъ предметовъ, относящихся къ доисторическимъ временамъ. Эти находки углубляютъ наше знаніе все далѣе и далѣе въ первобытную эпоху человѣчества. Говоря о нихъ въ своей статьѣ «Первыя египетскія династіи по послѣднимъ находкамъ» въ Revue Encyclopédique.

---

[1]) A large find of papyri, by Grenfell and Hunt. Athenaeum, 12 march.

[2]) Les premières dynasties egyptiennes, par G. Maspero. Revue Encyclopédique. 21 april, 1900.

Масперо указываетъ на ихъ важность для уясненія вопроса объ отношеніяхъ Халдеи къ Египту. Почтенный египтологъ не соглашается съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что египетская цивилизація въ своихъ лучшихъ чертахъ происходитъ изъ халдейской, но вполнѣ признаетъ, что эти обѣ цивилизаціи имѣли значительное вліяніе другъ на друга, какъ доказываютъ многія общія черты ихъ первобытныхъ памятниковъ. Въ засѣданіи французской академіи надписей, 19-го мая, Мели прочелъ докладъ о только что напечатанной имъ по порученію академіи новооткрытой греческой рукописи, въ которой описано существованіе Вавилонской башни въ 355 году послѣ Р. Х. Авторъ этой рукописи, Гарпократіонъ, посѣтилъ башню, опредѣлилъ ея географическое положеніе и точно ее измѣрилъ. По его словамъ, тождественность видѣннаго имъ халдейскаго храма, въ которомъ производилось священнослуженіе, не подлежитъ сомнѣнію: это настоящій Биръ-Немрудъ или знаменитая Вавилонская башня. Бывшая на ней надпись гласила, что она реставрирована Навуходоносоромъ въ VI вѣкѣ передъ Р. Х., а воздвигнута за сорокъ два поколѣнія до него. Она находилась въ 94 километрахъ отъ Ктезифона, къ югу отъ Вавилона, и состояла изъ широкаго фундамента въ 75 футъ вышины и четыреугольной башни въ 6 этажей по 28 футъ вышины, надъ которыми возвышалось святилище въ 15 футъ вышины. До вершины достигали по наружной лѣстницѣ въ 765 ступеней, изъ которыхъ 305 были серебряныя и 60 золотыхъ. Эти 365 ступеней обозначали дни года, 7 этажей—дни недѣли, а число ступеней между каждымъ этажемъ—52 недѣли въ году. Такимъ образомъ, это описаніе грека, жившаго въ IV столѣтіи послѣ Р. Х., почти математически подтверждаетъ предположенія Апперта, который произвелъ раскопки на мѣстности самаго древнѣйшаго изъ памятниковъ человѣческой цивилизаціи. Наконецъ новѣйшіе археологическіе труды увѣнчались находкой саркофага Софокла въ Колонасѣ, древнемъ Колонѣ, селеніи, находящемся въ получасѣ ходьбы отъ Аѳинъ, и гдѣ, какъ извѣстно, родился этотъ знаменитый греческій драматургъ V вѣка до Р. Х. Имя Софокла ясно значится на саркофагѣ, хотя надпись нѣсколько пострадала отъ времени, но въ саркофагѣ оказались только черепья, кости и четырнадцать драгоцѣнныхъ аттическихъ вазъ для благоуханій.

— **Реймское славянское евангеліе.** Недавно появилось въ Парижѣ новое великолѣпное изданіе знаменитаго славянскаго евангелія, находящагося въ Реймсѣ и которое извѣстно подъ названіемъ «Текста присяги», потому что на немъ присягали нѣкоторые изъ французскихъ королей [1]). Исторія этого драгоцѣннаго памятника старины очень любопытна и разсказана впервые точно и основательно почтеннымъ знатокомъ славянскаго міра во Франціи Луи Лежэ, который старательно опровергнулъ всѣ легенды. Оказывается, что реймское евангеліе происходитъ изъ Праги и принадлежало тамошнему славянскому или эмаусскому монастырю, потому что въ день освященія его читался тотъ текстъ дѣяній апостоловъ, который относится до обращенія св. Павла на пути въ Эмаусъ. Постройка означеннаго монастыря разрѣшена въ 1346 году императоромъ Карломъ IV, королемъ богемскимъ, сочувственно относившимся

[1]) L'Evangeliaire Slavon de Reims. Paris. 1900.

къ славянамъ и добившимся у папы буллы не только на означенную постройку, но и на богослуженіе въ монастырской церкви на славянскомъ языкѣ. Самое евангеліе принадлежало къ церковнымъ книгамъ обители и написано двойнымъ шрифтомъ: глаголицей и кирилицей. Какимъ образомъ оно попало въ Реймсъ, вполнѣ неизвѣстно, но предполагаютъ, что оно даже побывало въ Константинополѣ; а достовѣрно только, что кардиналъ лотарингскій принесъ его въ даръ Реймскому собору, гдѣ оно пользовалось особымъ поклоненіемъ, благодаря драгоцѣнному переплету съ частями мощей, страннымъ буквамъ, которыя принимались то за коптскія, то за эѳіопскія, то за индійскія, и легендѣ, относившей его къ книгохранилищу св. Іеронима. Въ XVIII столѣтіи русскіе, посѣщавшіе Реймсъ, обратили вниманіе на это сокровище, и оно послужило предметомъ сообщенія французскаго правительства Екатеринѣ II. Во время революціи оно исчезло, и долго полагали, что оно потеряно, но впослѣдствіи евангеліе найдено, хотя драгоцѣнный переплетъ лишился украшавшихъ его частей святыхъ мощей и драгоцѣнныхъ камней. Оно отдано на храненіе въ реймскую библіотеку, гдѣ находится до настоящаго времени, и только при посѣщеніи Парижа императоромъ Николаемъ II оно было отвезено въ Парижъ и показано державному посѣтителю тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Рамбо, извѣстнымъ изслѣдователемъ русской исторіи. Ученые Россіи, Польши и Чехіи давно интересовались реймскимъ евангеліемъ, и палеографъ Сильвестръ, извѣстный своимъ прекраснымъ воспроизведеніемъ старинныхъ рукописей, предложилъ императору Николаю I напечатать полное его facsimile. Императоръ согласился и выдалъ на это 13.500 франковъ. Изданіе Сильвестра вышло въ 1842 году и для той эпохи великолѣпно, но въ немъ много неточностей, и давно чувствовалась необходимость новаго изданія. Теперь Луи Лежэ по порученію Реймской національной академіи взялся за этотъ трудъ и привелъ его въ исполненіе на свой счетъ самымъ блестящимъ образомъ. Въ числѣ первыхъ подписчиковъ на это роскошное изданіе, стоящее съ черными рисунками 100 франковъ и съ акварельными 300 франковъ, были великій князь Владиміръ Александровичъ, князь Болгарскій, митрополитъ болгарскій, архіепископы реймскій, пражскій и аграмскій, экзархъ болгарскій, а также главныя библіотеки и университеты Россіи, Австріи, Чехіи и Сербіи. Съ успѣхомъ этого замѣчательнаго ученаго труда издателя поздравили академіи Петербургская, Бѣлградская, Аграмская и Пражская, а профессоръ Ягичъ говоритъ въ «Archiv für Slavische Philologie»: «Лежэ, офиціальный славинистъ Франціи, написалъ прекрасное, блестящее предисловіе и составилъ основательную библіографію; вообще славяне должны быть искренно ему благодарны за его заботы по этому изданію».

— Кромвеліана. Никогда Кромвель не пользовался такой популярностью не только въ Англіи, но и въ Америкѣ, какъ съ прошлаго года, благодаря его юбилею, и почти ежедневно увеличивающаяся Кромвелевская литература вскорѣ уступитъ по своему объему только Наполеоновской. Недаромъ американскій журналъ «Century» помѣщаетъ рядомъ на своихъ столбцахъ новыя бесѣды Наполеона на островѣ св. Елены съ докторомъ Омеарой и біографію Кромвеля, принадлежащую перу Джона Морлея. Эта біографія продолжается

въ мартовской, апрѣльской и майскихъ книжкахъ [1]), обнимая въ вышедшихъ главахъ событія отъ половины 1645 до конца 1648 годовъ, то-есть вторую гражданскую войну и предшествовавшій суду надъ королемъ конечный кризисъ борьбы его съ парламентомъ и народомъ, представителемъ котораго была тогда не палата депутатовъ, а армія. Несмотря на могущество арміи послѣ окончанія первой гражданской войны побѣдой Кромвеля при Нэзьби и взятіемъ Бристоля, а также укрывательствомъ короля среди шотландскаго войска, ошибочно, по словамъ Морлея, «сравнивать Англію того времени съ Франціей по возвращеніи Бонапарта изъ Италіи. Между тѣмъ и другимъ положеніемъ не было ничего общаго, такъ какъ Кромвель не былъ бандитомъ, а армія новаго образца не состояла изъ многихъ десятковъ тысячъ солдатъ, жаждавшихъ только кровопролитія и грабежа; никогда не было во всей человѣческой исторіи революціи, въ основѣ которой, какъ въ англійской, находились идеи и принципы, а не эгоизмъ и личные интересы». Подробно и вполнѣ логично новый біографъ Кромвеля выясняетъ, что борьба противъ Карла I началась отстаиваніемъ со стороны парламента попранной королемъ конституціи, а затѣмъ продолжала ее армія, превратившаяся мало-помалу изъ парламентской въ народную и одинаково защищавшая народныя права противъ короля и парламентской олигархіи. Причиной этого видоизмѣненія борьбы, приведшей отъ защиты конституціонной монархіи къ установленію республики путемъ военныхъ переворотовъ, было съ одной стороны упорство короля, отчасти, благодаря его принципіальному убѣжденію въ божественномъ происхожденіи своей власти, а отчасти его неспособности, безхарактерности и лицемѣрному коварству, а съ другой — узкія кастовыя стремленія парламентскаго большинства, которое не хотѣло понять, что кромвелевская армія хотя дѣйствовала путемъ насилія, какъ всякая армія, но руководилась не только высокорелигіозными стремленіями, но и убѣжденіемъ, что всѣ люди рождены свободными, равными и обязаны подчиняться лишь правительству, въ установленіи котораго они имѣютъ голосъ. По странной ироніи судьбы, Кромвель, долго державшійся того правила, что пріобрѣтенное мирнымъ путемъ гораздо надежнѣе того, что взято силой, сдѣлался, благодаря обстоятельствамъ, однимъ изъ знаменитѣйшихъ сторонниковъ, если не теоретическаго, то практическаго примѣненія господства силы, хотя все-таки онъ прибѣгалъ къ насилію лишь для конечнаго торжества народныхъ правъ надъ безправіемъ. Такимъ образомъ, этотъ пламенный воинъ за Бога и народъ сдѣлался силою вещей политическимъ опортунистомъ въ современномъ значеніи этого слова. Во время пребыванія Карла I въ шотландской арміи, а затѣмъ, послѣ его ссоры съ нею, въ различныхъ англійскихъ замкахъ, по опредѣленію парламента, Кромвель всячески старался даже на личномъ свиданіи съ нимъ примирить его съ арміей, но всѣ его усилія рушились отъ слѣпого упрямства короля, надѣявшагося хитростью и коварствомъ перессорить своихъ враговъ. Видя, что съ королемъ ничего не подѣлаешь, Кромвель обратился къ примиренію парламента съ арміей, но и это

[1]) Oliver Cromwell, by John Morley. — «Century Magazine». — March—may. 1900.

ему не удалось, такъ какъ, несмотря на то, что всѣ требованія арміи были основаны на томъ, что она не войско наемниковъ, а священное воинство, защищающее права и свободу народа, парламентское большинство, отстаивая свои олигархическіе и пресвитеріанскіе интересы, настаивало во что бы то ни стало на слѣпомъ подчиненіи арміи парламентской власти. Тогда Кромвель вполнѣ предался одной арміи, единственному вѣрному представителю въ то время англійскаго народа, но уже тутъ онъ не руководилъ движеніемъ, а напротивъ старался его сдерживать отъ крайностей и только по необходимости шелъ съ революціонной волной. Главная его цѣль заключалась въ сохраненіи единства страны, и ради этого единства онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ и согласиться на требованія крайнихъ нивелеровъ, или уравнителей, стоявшихъ за права человѣка ранѣе Робеспьера и Джеферсона, за полную свободу совѣсти и общую подачу голосовъ. Задолго до Дантона онъ воскликнулъ: «Я погибну скорѣе, чѣмъ буду свидѣтелемъ расторженія Англіи». Такова была дѣятельность Кромвеля на общемъ совѣтѣ арміи, который образовался лѣтомъ 1647 года и который состоялъ изъ нѣкоторыхъ генераловъ и четырехъ представителей каждаго полка: двухъ офицеровъ и двухъ солдатъ. Этотъ совѣтъ имѣлъ чисто политическій характеръ, и, мало-помалу, на немъ стали господствовать нивелеры, которымъ, въ концѣ концовъ, подчинился Кромвель. Подъ ихъ вліяніемъ онъ совершилъ первый актъ военнаго насилія противъ парламента въ августѣ 1647 года, и хотя это первое нарушеніе парламентской независимости было въ болѣе скромной формѣ, чѣмъ послѣдующіе два, но все-таки онъ разставилъ свою кавалерію въ Гайдъ-Паркѣ и вошелъ въ парламентъ въ сопровожденіи солдатъ, которые остались у различныхъ входовъ въ парламентское зданіе послѣ того, какъ Кромвель занялъ свое депутатское мѣсто въ залѣ засѣданія. «Солдаты окончательно превратились въ политическихъ дѣятелей,—замѣчаетъ Морлей, и хотя Европа еще не была знакома на опытѣ съ тѣми событіями, которыя потомъ послѣдовали, не трудно было предугадать, какой политики они будутъ держаться». Впрочемъ самъ король и самъ парламентъ способствовали логическому развитію этой политики. Въ ноябрѣ того же года Карлъ I бѣжалъ изъ Гамптонъ-Корта, гдѣ онъ находился по распоряженію парламента, заперся въ Карисбургскомъ замкѣ на островѣ Вайтѣ съ немногими своими сторонниками и заключилъ тайный договоръ съ шотландцами, которые обязались возстановить его неограниченную королевскую власть подъ условіемъ, что пресвитеріанство будетъ признано государственной церковью, а индепендентство уничтожено. Прямымъ послѣдствіемъ этого смѣлаго, но безумнаго шага была вторая гражданская война. Все зависѣло отъ побѣды народной арміи, главнокомандующимъ которой сдѣлался Кромвель, такъ какъ шотландцы и другіе сторонники двинулись на Лондонъ. Палата лордовъ открыто заявила себя роялистской, а нижняя палата, гдѣ большинство было пресвитеріанское, вступила въ переговоры съ Карломъ. Кромвель вполнѣ оправдалъ возложенныя на него надежды. Въ теченіе десяти дней онъ покончилъ эту войну, разбивъ на голову королевскую армію подъ Престономъ, очистилъ Англію отъ шотландцевъ и уничтожилъ всѣ военныя силы короля. Но Карлъ не унывалъ и заключилъ съ парламентомъ въ Нью-Портѣ договоръ

и, считая его только средствомъ для своего освобожденія, сталъ тайно подготовлять возстаніе въ Ирландіи, а также прибытіе вспомогательнаго войска изъ Голландіи съ цѣлью возстановленія его неограниченной королевской власти. Какъ бы то ни было, парламентъ помирился съ королемъ, и народной арміи оставалось только принять крайнія мѣры противъ того и другого. По словамъ Морлея, быстро приближалась послѣдняя сцена той отчаянной драмы, главные дѣятели которой: король, парламентъ, армія и Кромвель, боролись съ непреодолимой необходимостью. Отрядъ народной арміи явился въ Карисбругскій замокъ, схватилъ короля и водворилъ его въ замкѣ «Гурстъ» на пустынной косѣ Гампширскаго берега, а спустя десять дней, 15 декабря 1648 года, онъ былъ перевезенъ въ Виндзоръ. Въ то же время палата депутатовъ, отвергнувшая пламенный протестъ солдатъ противъ ея вступленія въ сдѣлку съ королемъ, была окружена арміей, и полковникъ Прайдъ дозволилъ войти въ залу засѣданія только тѣмъ депутатамъ, которые были преданы народному дѣлу, а его противники были арестованы или насильственно удалены отъ парламентскаго зданія. Во все это время Кромвель находился во главѣ своей арміи прежде въ Шотландіи, а потомъ въ Іоркширѣ, и достовѣрно неизвѣстно, принималъ ли онъ участіе въ арестѣ короля, переводѣ его въ Виндзоръ и во второмъ насильственномъ актѣ противъ парламента. Однако онъ открыто заявилъ, что предварительно не зналъ объ этихъ мѣропріятіяхъ, но разъ, что они приняты, онъ радовался имъ и намѣренъ ихъ поддержать. На этомъ кончаются напечатанныя пятая, шестая и седьмая части замѣчательнаго труда Морлея, который одинаково возбуждаетъ интересъ по богатству сообщаемыхъ свѣдѣній, оригинальнымъ безпристрастнымъ взглядамъ автора и блестящему изложенію.

Эксплуатируя моду на Кромвеля, соперничающій съ «Century» американскій журналъ «Scribner» помѣщаетъ съ января его біографію, составленную популярнымъ дѣятелемъ войны съ Испаніей, Теодоромъ Розевельтомъ, теперешнимъ губернаторомъ Нью-Іорка, но хотя редакція хвалилась, что она «представляетъ не компиляцію ученаго, малоопытнаго въ практической дѣятельности, а характеристику историческаго дѣятеля, какимъ онъ представляется молодому современному дѣятелю», но вышедшія до сихъ поръ главы не обнаруживаютъ новыхъ взглядовъ и не бросаютъ новаго свѣта на лорда протектора, а составляютъ самую дюжинную компиляцію, только украшенную великолѣпными иллюстраціями. Гораздо интереснѣе статьи о Кромвелѣ съ конституціонной точки зрѣнія профессора Гардинера, почтеннаго изслѣдователя Кромвелевской эпохи, и Д. Воллеса. Первая изъ нихъ въ январьскомъ номерѣ «Contemporary Review» «Конституціонныя цѣли Кромвеля» [2]) защищаетъ своего героя отъ обвиненія въ оппортунизмѣ лишь съ цѣлью привлечь его правительству сочувствіе всей націи. «Кромвель,—говоритъ извѣстный историкъ,—даже принявъ конституціонное правленіе вмѣсто военнаго, отстаивалъ до конца ту пуританскую олигархію, безъ которой его правительство не могло существо-

[1]) Oliver Cromwell, by Th. Rausevelt.—«Scribners Magazine». — January—may. 1900.

[2]) Cromwells constitational aims, by S. Gardiner.—Contemporary Review. Januar 1900.

вать. Можно осуждать подобную систему, но мы не имѣемъ права обвинять Кромвеля въ сознательной тираніи и въ нарушеніи закона, потому что онъ всячески старался придать своему правительству такую форму, которая оградила бы его отъ народнаго недовольства». Д. Воллесъ въ помѣщенномъ въ мартовской книжкѣ «Nineteenth Century» очеркѣ подъ заглавіемъ «Конституціонные опыты Кромвеля» [1]), рисуетъ эволюцію Кромвеля, который превратился изъ военнаго диктатора въ конституціоннаго правителя. «Эта эволюція, по его словамъ, очень интересна, хотя результатамъ ея не было суждено сдѣлаться долговѣчными. Часто задавали себѣ историки вопросъ, успѣлъ ли бы онъ, если бы прожилъ еще лишнія десять лѣтъ, обезпечить существованіе конституціонной монархіи подъ династіей Кромвелей, но трудно предположить, чтобы онъ и его преемники могли избѣгнуть компрометирующаго вліянія того воинственнаго пуританства, представителемъ котораго онъ былъ и которому не сочувствовало большинство страны».

— Дѣти въ колоніальные дни. Подъ этимъ оригинальнымъ названіемъ американская писательница Алиса Морзъ-Эрль, написавшая нѣсколько любопытныхъ книгъ о добромъ старомъ времени, представляетъ картину положенія дѣтей въ англійскихъ колоніяхъ Новаго Свѣта до революціи. Хотя въ сущности дѣти составляютъ интересный и важный предметъ при изученіи всякой исторической эпохи, но ни одинъ изъ великихъ историковъ за исключеніемъ Тэна не обратилъ вниманія на этотъ жизненный вопросъ, и то онъ въ своей «Исторіи французской революціи» исключительно занялся изслѣдованіемъ, какъ французскіе аристократы XVIII столѣтія подготовили своихъ дѣтей для той роли, которую имъ предстояло разыграть въ жизни. Мистриссъ Эрль въ своемъ прекрасно иллюстрированномъ сочиненіи [2]) съ любовью отнеслась къ своему предмету, и оно не только имѣетъ историческое и соціологическое значеніе, но въ немъ встрѣчаются художественно-поэтическія страницы, особенно тѣ, которыя относятся къ дѣтской флорѣ, т.-е. къ любви американскихъ дѣтей въ старину къ цвѣтамъ. Сочувствуя свободному, здоровому развитію дѣтей, которое царитъ въ настоящее время въ Америкѣ, авторъ сожалѣетъ объ ихъ угрюмомъ мрачномъ существованіи во времена первыхъ поселенцевъ—пуританъ, и въ этомъ отношеніи повторяетъ только то, что говорили уже давно Готорнъ, и Сидней Смитъ, рисовавшіе портреты тогдашнихъ дѣтей въ самыхъ черныхъ краскахъ, благодаря суровому обращенію пуританъ и квакеровъ. Въ особенности, по словамъ мистриссъ Эрль, бѣднымъ дѣтямъ доставалось отъ героическаго метода лѣченія, отчего умирало значительное ихъ число. Такъ, напримѣръ, преобладавшую во многихъ мѣстностяхъ колоній англійскую болѣзнь лѣчили купаніемъ дѣтей утромъ, прямо со сна въ холодной водѣ, при чемъ ихъ опускали въ воду головой впередъ. Вообще въ физическомъ воспитаніи дѣтей англійскіе эмигранты придерживались суровыхъ теорій Локка, и тѣ изъ нихъ, которыя оставались въ живыхъ, отличались крѣпкимъ организмомъ.

---

[1]) Cromwells constitional experiments, by J. Walles. — Nineteenth Century. March. 1900.

[2]) Child life in colonial days. By Alice Morse Earle. New-York. 1900.

Относительно пищи, американскія дѣти находились въ благопріятномъ положеніи; она была обильная и здоровая, и преимущественно состояла изъ зелени и плодовъ. Но теперешнее пристрастіе американцевъ къ сластямъ ведетъ свое начало съ колоніальной эпохи, когда одинъ мѣстный поэтъ жаловался, что у красавицъ дурные зубы отъ излишнихъ лакомствъ, которыми они злоупотребляли съ дѣтства. Въ этой отличительной чертѣ американцевъ мистриссъ Эрль видитъ причину того факта, что дантисты ни въ одной странѣ на свѣтѣ такъ быстро не развились и не достигли такого процвѣтанія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Умственное воспитаніе было конькомъ Новой Англіи. Первобытные поселенцы также заботились о воспитаніи своихъ дѣтей, какъ и собственныхъ матеріальныхъ выгодахъ. Пасторы наиболѣе пеклись объ этомъ, и одинъ изъ нихъ краснорѣчиво восклицалъ: «Если не процвѣтаютъ школы и университеты, не можетъ существовать ни государство, ни церковь». Но, конечно, какъ всякое духовенство, и американскіе пасторы старались сосредоточить контроль надъ общественнымъ воспитаніемъ въ своихъ рукахъ. Учителя въ первобытные колоніальные дни вели незавидную жизнь, такъ какъ имъ платили не деньгами, а натурой, т.-е. бобами, горохомъ, маисомъ, шкурами медвѣдей и бобровъ и т. д. Мистриссъ Эрль разсказываетъ, что въ одной сельской школѣ была учреждена очередь между учениками, и дежурный, сидя у окна, зазывалъ прохожихъ, предлагая имъ купить что нибудь изъ набравшагося запаса различныхъ предметовъ у учителя. Для отопленія школъ родители поставляли дрова, а если они забывали это сдѣлать, то ихъ дѣтей оставляли на дворѣ или сажали въ самый холодный уголъ школьной комнаты. Хотя въ каждомъ селеніи обязательно было прежде всего выстроить школу, но онѣ представляли очень первобытные срубы, и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія во многихъ сельскихъ школахъ не было стеколъ въ окнахъ, а они замѣнялись намасленной бѣлой или даже газетной бумагой. Только съ теченіемъ времени деревянные срубы вездѣ замѣнились прекрасными зданіями, преимущественно каменными. Американскихъ дѣтей въ старину держали очень строго и часто подвергали тѣлесному наказанію, и какъ родители, такъ и наставники руководствовались всегда тѣмъ правиломъ, что тишина должна царить среди дѣтей. Въ настоящее время, по словамъ мистриссъ Эрль, воспитаніе дѣтей напротивъ страдаетъ противоположною крайностью. Дѣти господствуютъ въ американскихъ семьяхъ, и нѣтъ на свѣтѣ болѣе непослушныхъ, надменныхъ и несносныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Театръ французской комедіи въ продолженіе 220 лѣтъ. По случаю недавняго пожара перваго изъ парижскихъ театровъ, именно, театра французской комедіи, въ парижскихъ журналахъ появилось много статей, представляющихъ картину долговременнаго существованія «дома Мольера», какъ называютъ этотъ театръ, и замѣчательнѣйшіе эпизоды изъ его исторіи. Наиболѣе интересны очеркъ двухсотъ двадцати-лѣтняго существованія французской комедіи Франсуа Бурнана въ апрѣльской книжкѣ [1]) «Revue General» и разсказъ графа Флери о французской комедіи въ тюрьмѣ во время революціи въ «Carnet

[1]) La comedie française, par François Bournand. Revue General. Avril, 1900.

historique et littéraire» 15-го апрѣля [1]). Какъ извѣстно, Людвикъ XIV въ 1680 г. приказалъ соединить подъ названіемъ французской комедіи двѣ труппы, ту, въ которой нѣкогда игралъ Мольеръ, и другую, помѣщавшуюся въ Бургундскомъ дворцѣ. Сначала этотъ театръ помѣщался въ Палѣ-Роялѣ, а затѣмъ въ улицѣ Мазарини, улицѣ Des-Faussés Saint Germain-des-Prés и, наконецъ, на мѣстѣ теперешняго Одеона, гдѣ впервые была поставлена «Свадьба Фигаро». Революція въ 1793 году уничтожила французскую комедію, и ея театръ сгорѣлъ въ 1799 году, а вмѣсто него воздвигнутъ теперешній Одеонъ. Послѣ паденія Робеспьера, знаменитая актриса Ракуръ реорганизовала французскую комедію въ улицѣ Лувуа, а Наполеонъ, въ качествѣ перваго консула, возстановилъ ее въ теперешнемъ ея видѣ, и съ 1803 года она существовала въ томъ помѣщеніи въ улицѣ Ришелье, которое сгорѣло 8-го марта нынѣшняго года. Излишне распространяться о томъ, что съ театромъ французской комедіи связаны воспоминанія о лучшихъ пьесахъ и артистахъ классическаго и современнаго репертуара. На его сценѣ давались произведенія Мольера, Корнеля, Расина, Вольтера, Мариво Делавиня, Виктора Гюго, Альфреда Мюссэ, Ожье и т. д., а среди ея актеровъ и актрисъ блистали Лёкэнъ, Тальма, Сансонъ, Колелэнъ, Адріенна Лекувреръ, Марсъ, Рашель, Сара Бернаръ и т. д. Хотя въ настоящее время театръ французской комедіи не отличается первоклассными артистическими талантами, которые нѣкогда составляли его славу, и новый репертуаръ пополняется посредственными произведеніями, но онъ все-таки поддерживаетъ свою репутацію первой французской сцены мастерскимъ исполненіемъ классическихъ пьесъ. Въ болѣе двухвѣковой исторіи театра одинъ изъ самыхъ любопытныхъ драматическихъ эпизодовъ составляетъ пребываніе въ тюрьмѣ его артистовъ въ 1793 году, о чемъ рельефно и характеристично разсказываетъ графъ Флёри въ своей статьѣ. Хотя французская комедія въ началѣ революціи приняла названіе національнаго театра, но революціонные дѣятели смотрѣли подозрительно на ея артистовъ, державшихся роялистскихъ идей, за исключеніемъ одного Молэ, который поправлялъ Мольера въ республиканскомъ духѣ. Въ особенности, Калло-Дербуа, самъ бывшій когда-то освистаннымъ актеромъ, преслѣдовалъ своихъ прежнихъ товарищей и прямо говорилъ въ клубѣ якобинцевъ: «французская комедія снесетъ свою голову на гильотину, а остальное ея тѣло пойдетъ въ ссылку». Однако, долго не могли найти противъ нихъ болѣе серіознаго обвиненія, какъ-то, что артисты театра носили аристократическіе костюмы, ходили на красныхъ каблукахъ, и если прямо не проповѣдывали возстановленіе монархическихъ порядковъ, то во всякомъ случаѣ возбуждали къ нимъ сочувствіе. Наконецъ, въ 1793 году по случаю представленія пьесы опортуниста Франсуа-де-Нешато «Памела», въ которой попадались стихи, восхвалявшіе благоразуміе умѣренныхъ и осуждавшіе политическія преслѣдованія, конвентъ рѣшилъ закрыть этотъ театръ и подвергнуть суду всѣхъ его актеровъ и актрисъ, за исключеніемъ Молэ и больного Дезессара. Сначала они были заточены въ тюрьмѣ Маделлонетъ, а затѣмъ въ Пикпюсъ. Хотя Ко[...]

[1]) La comedie française au Madellonette 1793 et son sauveur. Labussier: [...] comte Fleuri. Carnet historique et littéraire. 15 april, 1900.

Дербуа торопилъ прокурора Фукье-Тенвиля поскорѣе кончить дѣло ненавистныхъ ему актеровъ, но мѣсяцы шли за мѣсяцами, а дѣло это не подвигалось, и несчастные артисты тревожно ждали печальнаго разрѣшенія своей судьбы, такъ какъ всѣ ихъ хлопоты у Робеспьера и Дантона не привели ни къ чему. Но въ тайнѣ за нихъ работалъ Шарль Лабюсьеръ, и благодаря ему, всѣ документы, касавшіеся ихъ дѣла, были уничтожены. Этотъ странный оригинальный дѣятель революціи мало извѣстенъ и только пріобрѣлъ нѣкоторую популярность во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ Сарду вывелъ его въ своей пьесѣ «Термидоръ». Въ молодости онъ служилъ юнкеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ королевскихъ полковъ, затѣмъ сдѣлался актеромъ, а во время революціи служилъ чиновникомъ въ комитетѣ общественной безопасности. Тутъ онъ разыгрывалъ чрезвычайно характеристическую роль. Находясь въ самомъ центрѣ дѣятельности героевъ террора, онъ завѣдывалъ отдѣленіемъ обвинительныхъ производствъ, и поставилъ себѣ цѣлью спасти сколько было возможно жертвъ комитета. Въ канцеляріи царилъ хаосъ, не брали росписокъ въ полученіи документовъ, и не существовало ихъ списка, а потому, пользуясь такимъ безпорядкомъ, Лабюсьеръ похищалъ обвинительные документы тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ онъ хотѣлъ освободить. Для того, чтобы легче вынести документы изъ канцеляріи, онъ опускалъ ихъ въ ведро съ водою, стоявшее для питья и умыванія, затѣмъ скатывалъ размоченную бумагу въ комки и наполнялъ ими свои карманы. «Наконецъ, разсказывалъ онъ самъ, выйдя изъ канцеляріи, я направлялся въ ванны Вижье и маленькими шариками спускалъ въ воду эти страшные документы». Такимъ образомъ всѣ слѣды обвиненія исчезали, и за недостаткомъ ихъ черезъ нѣкоторое время выпускали на свободу подсудимыхъ. Конечно, подобная процедура могла удаться только при существовавшей тогда сумятицѣ, и такимъ образомъ Лабюсьеръ спасъ поэта Флоріана, маршала Сегюра и его сына, Жозефину Богарне и многихъ другихъ. Наконецъ очередь дошла до артистовъ и артистокъ французской комедіи. Лабюсьеръ продѣлалъ то же самое съ относившимися къ ихъ дѣлу бумагами. Хотя, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ его ловкая продѣлка не спасла бы артистовъ, такъ какъ Коло-Дербуа настоялъ бы на возстановленіи исчезнувшихъ документовъ, но, благодаря возбужденной имъ проволочкѣ времени, они остались въ тюрьмѣ до Термидора, а затѣмъ были освобождены со всѣми заключенными въ парижскихъ тюрьмахъ. Изъ числа многочисленныхъ лицъ, спасенныхъ отъ смерти Лабюсьеромъ, большинство забыло о немъ или никогда не знало объ оказанныхъ имъ услугахъ; только артисты французской комедіи, узнавъ о томъ, что онъ умиралъ въ крайней бѣдности, дали ему бенефисъ, но трудно сказать, въ честь кого былъ устроенъ этотъ бенефисъ—несчастнаго товарища-актера или своего спасителя. Къ исторіи французской комедіи относятся только что вышедшія воспоминанія Жолена де-ла-Салля, который былъ директоромъ этого театра отъ 1833 по 1837 годъ [1]). Его интересные мемуары были сначала напечатаны графомъ Флери въ «Carnet», а теперь изданы отдѣльной книгой. Въ нихъ встрѣ-

---

[1]) Souvenirs sur le theatre Français de Jauslin de la Salle. 1833—1837. Paris, 1900.

чается много любопытныхъ анекдотовъ, имѣющихъ значеніе не только для исторіи театра, но и для характеристики выдающихся писателей и политическихъ дѣятелей. Приведемъ два изъ нихъ. Знаменитая актриса Марсъ, замѣтивъ въ числѣ второклассныхъ актрисъ молодую, красивую женщину, старалась своими совѣтами подготовить изъ нея трагическую звѣзду, но однажды, разучивая вмѣстѣ съ нею эффектную роль, она никакъ не могла вдохнуть въ ея исполненіе трагическій пылъ. Разыгрываемая сцена касалась ревности брошенной героини къ бросившему ее любимому чаловѣку, и наконецъ Марсъ воскликнула: «Поставьте себя на ея мѣсто, что бы вы сдѣлали, еслибы васъ покинулъ любимый вами человѣкъ?»—«Я постаралась бы поскорѣе замѣнить его другимъ»,—отвѣчала актриса.—«Въ такомъ случаѣ,—сказала Марсъ,—мы только теряемъ время». По словамъ автора мемуаровъ, этотъ рѣдкій случай неудачи актрисы французской комедіи окончился для нея блестящимъ образомъ, и она вышла замужъ за богатаго русскаго вельможу. Другой анекдотъ касается Жоржа Шенье и Бонапарта. Они оба были влюблены въ графиню Эспрадо, которую первый прославилъ въ своихъ стихахъ. Что касается Бонапарта, то въ промежутокъ времени между Тулономъ и первымъ итальянскимъ походомъ, онъ таялъ передъ прекрасной графиней, называя ее «моимъ ангеломъ», тогда какъ она дала ему кличку «мой мученикъ». Ко дню ея рожденія оба соперника приготовили свои подарки: конечно, Шенье написалъ стихи, а Бонапартъ, въ то время невѣдомый бѣдный офицеръ, только что произведенный въ генералы, приготовилъ оригинальный букетъ, который онъ просилъ разрѣшенье принести вечеромъ и въ темную комнату. Дѣйствительно, среди окружающаго мрака, его букетъ сверкалъ лучезарно: оказалось, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей набралъ большее количество свѣтляковъ и украсилъ ими каждую сердцевину цвѣтковъ мальвы, изъ которыхъ былъ составленъ громадный букетъ.

— Юбилей перехода Наполеона черезъ Сенъ-Бернаръ. Двадцатаго мая въ швейцарской деревнѣ, устроенной на парижской выставкѣ, происходилъ своеобразный праздникъ по случаю столѣтняго юбилея перехода Наполеона черезъ Альпы. Въ этой деревнѣ искусственно воспроизведены многія изъ историческихъ памятниковъ Швейцаріи, между прочимъ маленькая сельская гостиница въ селеніи Сенъ-Пьеръ у подошвы Сенъ-Бернара, гдѣ останавливался Наполеонъ, и въ этой-то художественно-архитектурной копіи устроено было юбилейное празднество, на которое приглашены старѣйшіе французскіе солдаты изъ дома инвалидовъ, которые хотя не участвовали въ этомъ подвигѣ французскаго оружія, но сохранили культъ къ его герою. Къ этому юбилею вышло новое изданіе историческаго отдѣла французскаго главнаго штаба: «Кампанія резервной арміи въ 1800 году»[1]). Этотъ трудъ капитана Кюньяка составленъ по общей программѣ историческихъ изслѣдованій, предпринятыхъ главнымъ штабомъ по исторіи войнъ консульства и имперіи. Задача трудолюбивыхъ компиляторовъ заключается въ приведеніи въ порядокъ всѣхъ имѣющихся документовъ и печатаніи ихъ цѣликомъ безъ стратегическихъ обсужденій и критики. Поэтому

---

[1]) Campagne de l'armée de reserve en 1800, 1 partie. Passage du Saint-Bernard. Paris, 1900.

Кюнькъ, пользуясь для своего труда архивами не только національными, мѣстными швейцарскими, а также частными, напримѣръ, герцога Ваграмскаго, генерала графа Дюзема и монастыря на Сенъ-Бернарѣ, напечаталъ всѣ документы, касающіеся до перехода Наполеона черезъ Альпы, при чемъ впервые обнародованы имъ приказы Бертье, письма Лана и Мюрата, а также многіе другіе любопытные матеріалы. Для полноты же картины онъ собралъ все, что относится къ данному событію въ изданной и не изданной перепискѣ Наполеона, историческихъ мемуарахъ, хранящихся въ архивѣ французскаго военнаго министерства и въ различныхъ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ, между прочимъ въ Oesterreichische militarische Zeitschrift. Такимъ образомъ въ вышедшемъ первомъ томѣ «Кампаніи резервной арміи въ 1800 году» находится полный сводъ какъ новыхъ, невѣдомыхъ до сихъ поръ свѣдѣній, такъ и прежде обнародованныхъ, о смѣломъ предпріятіи Наполеона, которое удивило всю Европу и было прологомъ къ побѣдѣ при Маренго, чему будетъ посвященъ второй томъ этого труда. Прежде разсказа о военныхъ дѣйствіяхъ авторъ рисуетъ картину военнаго положенія Франціи ровно сто лѣтъ тому назадъ. Ея врагами были тогда Англія и Австрія: первая поддерживала своими субсидіями войска баварскія и вюртемберскія, а, благодаря своему флоту, царила на Средиземномъ морѣ. У Австріи были двѣ арміи: одна на правомъ берегу Рейна подъ начальствомъ Края, а другая въ Италіи подъ начальствомъ Меласа. Противъ одной Франція могла противоставить Моро со 100.000 солдатами, а противъ другой Массену съ 31.000. Что же касается до Бонапарта, то онъ взялъ начальство дѣйствительное, хотя неофиціальное, надъ резервной арміей, которой командовалъ Бертье, такъ какъ по тогдашней конституціи званіе консула была несовмѣстимо съ должностью главнокомандующаго. Но Наполеонъ въ сущности былъ душею похода черезъ Альпы и всѣмъ лично руководилъ. Капитанъ Кюньякъ подробно день за днемъ слѣдитъ за образованіемъ этой арміи, за тысячью трудностями, встрѣтившимися при переходѣ черезъ снѣжныя вершины, и за всѣми перипетіями ея движенія какъ среди Альпъ, такъ и въ итальянскихъ долинахъ, гдѣ они очутились послѣ неожиданнаго сопротивленія Барскаго форта, сдавшагося въ концѣ концевъ на капитуляцію. Вся эта Альпійская эпопея продолжалась двѣ недѣли, и Бонапартъ верхомъ на мулѣ, какъ на картинѣ Деларота, а не на боевомъ конѣ, какъ его изображалъ Давидъ, сопровождалъ свои войска, дѣля съ ними всѣ трудности, поддерживая въ нихъ мужество и придумывая энергическіе способы для преодолѣнія всѣхъ преградъ. Все это какъ нельзя лучше и рельефнѣе выступаетъ въ собранныхъ Кюнькомъ подлинныхъ донесеніяхъ, рапортахъ и письмахъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ этой, быть можетъ, самой замѣчательной по драматическому эфекту кампаніи Наполеона.

— Первая серія очерковъ патологической исторіи. Извѣстный французскій докторъ-историкъ, Кабанесъ, избралъ себѣ спеціальностью изученіе исторіи съ медицинской точки зрѣнія, находя, что «если бы историки были докторами, то они обращали бы должное вниманіе на безспорное вліяніе расы, жизненыхъ условій и темперамента на героевъ историческихъ событій». Такимъ образомъ, посвятивъ свои основательные, добросовѣстные труды изученію патологической стороны исторіи и положивъ въ ихъ основу физіологію, какъ

необходимую подпору психологіи, онъ напечаталъ въ различныхъ журналахъ длинный рядъ очерковъ и этюдовъ, которые теперь собралъ въ отдѣльные четыре тома подъ общимъ заглавіемъ «Секретный кабинетъ исторіи». Конечно, въ этомъ сборникѣ патологическихъ диковинъ исторіи авторъ исключительно занимается выдающимися дѣятелями своей родины и старается главнымъ образомъ объяснить историческія событія болѣзненнымъ состояніемъ ихъ героевъ, но онъ считаетъ, что рано еще выводить общія заключенія и философскія дедукціи, такъ какъ масса собранныхъ физіолого-психологическихъ фактовъ еще недостаточно для этого велика. Что касается до названія Мишлэ первымъ основателемъ патологической исторіи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики на томъ основаніи, что онъ раздѣлилъ царствованіе Людовика XIV на двѣ эпохи, до и послѣ фистулы, то Кабанесъ возстаетъ противъ этого на томъ основаніи, что, во-первыхъ, Мишлэ заимствовалъ свою будто бы великую историческую новизну у Лемонтея, а, во-вторыхъ, что онъ скрывалъ подъ псевдо-научными терминами фантастическіе парадоксы. Напротивъ, по мнѣнію Кабанеса, къ предшественникамъ физіолого-психологическихъ историковъ можно отнести братьевъ Тьери, Сенъ-Бева, Литрэ и главное Тэна. «Если, прибавляетъ онъ, нельзя признать во всемъ ея объемѣ теорію Ламброзо, то все-таки безспорно, что многіе изъ историческихъ преступниковъ были только больные или умалишенные, и что, напримѣръ, цезаризмъ составляетъ лишь особое патологическое явленіе, удачно названное *цезаритой*». Только что появившаяся пятымъ изданіемъ первая серія «Секретнаго кабинета исторіи»[1]) представляетъ, какъ всѣ патолого-историческіе очерки автора, болѣе интереса для историковъ, чѣмъ для общихъ читателей, такъ какъ она состоитъ изъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій мелочныхъ подробностей преимущественно физіологическаго характера въ жизни историческихъ личностей, а рѣдко знакомитъ съ общей психологической характеристикой. Хотя всего чаще предметомъ этихъ изслѣдованій служитъ эротическій элементъ человѣческой жизни, но нельзя упрекнуть доктора Кабанеса въ порнографіи, и если онъ посвящаетъ наибольшее вниманіе подобнымъ предметамъ, то на это вынуждаетъ его сама жизнь, только отраженіемъ которой служитъ исторія, а тѣмъ болѣе патологическая. Первая серія «Секретнаго кабинета исторіи» начинается четырьмя очерками болѣзней Людовика XIV, XV и XVI. О первомъ авторъ разсказываетъ малоизвѣстныя подробности насчетъ того, что онъ называетъ «грѣхомъ молодости короля» въ слѣдствіе его первыхъ отношеній къ женщинамъ, именно къ старой горничной его матери, г-жѣ Бовуа и другимъ соблазнительницамъ, которыя сдѣлали его изъ скромнаго, невиннаго юноши однимъ изъ развратнѣйшихъ людей его времени. Что касается до знаменитой фистулы, или свища, столь прославленной поэтомъ-историкомъ Мишле, то Кабанесъ не сообщаетъ ничего новаго, но обставляетъ этотъ эпизодъ изъ жизни короля-Солнца научными данными и подробно описываетъ операцію, произведенную королю, для чего былъ изобрѣтенъ королевскимъ хирургомъ Феликсомъ инструментъ, существующій до сихъ поръ подъ названіемъ

[1]) Le cabinet-secret de l'histoire, par le docteur Cabanès.—Prémiére serie.-5 edition.—Paris.—1900.

«королевскаго бистуря.» Болѣзнямъ Людовика XV посвящена самая большая статья въ сборникѣ, но и въ этомъ случаѣ авторъ представляетъ лишь сводъ уже извѣстныхъ свѣдѣній, но тщательно свѣряетъ ихъ, дополняя и контролируя другъ другомъ. Какъ извѣстно, Людовикъ XV посвящалъ всю свою жизнь ѣдѣ, питью, охотѣ и разврату, а потому изъ четырехъ его главныхъ болѣзней двѣ были навѣяны его образомъ жизни и хотя двѣ остальныя были летучая и настоящая оспа, но послѣднюю, отъ которой и умеръ, онъ, говорятъ, схватилъ отъ дочери плотника, бывшей его послѣдней минутной фавориткой. Относительно Людовика XVI докторъ Кабанесъ только приводитъ все, что современники передали потомству объ операціи, произведенной королю, послѣ которой онъ сдѣлался счастливымъ отцемъ трехъ дѣтей. Хотя протоколъ этой операціи, сдѣланный докторомъ Лассономъ находился въ коллекціи Фенье-де-Конги, но его теперь скрываютъ въ тайнѣ, и Кабанесъ не могъ его достать, несмотря на всѣ усилія. По справедливому его замѣчанію, это скрытіе правды даетъ только основаніе нѣкоторымъ историкамъ утверждать, что означенная операція была лишь комедіей, къ которой прибѣгли, чтобъ замаскировать обязательную въ виду государственныхъ интересовъ измѣну королевы своему больному мужу. Первые роды Маріи-Антуанетты и императрицы Маріи-Луизы даютъ Кабанесу случай нарисовать любопытныя картинки придворной жизни въ разныя эпохи монархической Франціи, а затѣмъ онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ странной болѣзни, которая заставляла Марата искать временнаго успокоенія отъ нестерпимаго зуда въ постоянныхъ ваннахъ, объясняетъ его вѣчное нервное раздраженіе и была, по всей вѣроятности, экземой. Три этюда посвящены авторомъ неизвѣстнымъ докторамъ, заслуживающимъ вниманія по прямому или косвенному ихъ отношенію къ историческимъ личностямъ. Изъ нихъ хирургъ Субербьель, извѣстный своей спеціальностью—дробленіемъ камней въ мочевомъ пузырѣ, былъ ярымъ революціонеромъ, однимъ изъ судей Маріи-Антуанеты и другомъ Робеспьера, который за нѣсколько часовъ до своего паденія сказалъ ему: «Ты не будешь въ состояніи вылѣчить меня отъ той раны, которую нанесутъ мнѣ враги». —«Такъ надѣнь кольчугу подъ платье», отвѣчалъ докторъ.—«Ты не понимаешь, произнесъ Робеспьеръ, указывая на свою шею, вотъ гдѣ они меня ранятъ. Они отрубятъ мнѣ голову». Кромѣ своего историческаго значенія, этотъ докторъ былъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что онъ представлялъ самъ удивительный примѣръ дѣйствительности своей медицинской системы, такъ какъ въ 90 лѣтъ онъ дѣлалъ свои знаменитыя операціи недрожащей рукой, плясалъ бѣшеный канканъ подъ веселую руку и хвастался своими побѣдами надъ женщинами. Другой медикъ, о которомъ разсказываетъ Кабанесъ, назывался Бурдуа-Де-Ла-Мотъ, домашній врачъ Талейрана, во время опалы послѣдняго при Людовикѣ XVIII, который формально приказалъ ему заставить всѣхъ забыть о себѣ. Знаменитый дипломатъ, впродолженіе шестидесяти лѣтъ игравшій королями и народами, какъ пѣшками на шахматной доскѣ, примирился съ этимъ новымъ для него положеніемъ, только окруживъ себя цѣлымъ дворомъ, въ которомъ одну изъ первыхъ ролей игралъ докторъ Бурдуа, наблюдавшій за гигіеной своего паціента, преданнаго поклонника гастрономіи, и постоянно игравшій съ нимъ въ вистъ. Кромѣ него, было у Талейрона нѣсколько докторовъ,

въ томъ числѣ Микаръ, который произвелъ послѣ его смерти вскрытіе его тѣла и замѣтивъ, что головной мозгъ забыли положить въ унесенный уже гробъ, взялъ его съ собою и по дорогѣ домой бросилъ въ городскую трубу для нечистотъ куда, по словамъ Кабанеса, сорокъ четыре года передъ тѣмъ были брошены останки Робеспьера. Однако авторъ «Секретнаго кабинета исторіи» такъ безпристрастно ищетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ правды, что помѣстилъ въ видѣ предисловія къ первой серіи своего труда письмо Сарду, въ которомъ этотъ шарлатанъ-драматургъ, но знатокъ всего, что касается до исторіи революціи, опровергаетъ, чтобы останки Робеспьера были брошены въ трубу для нечистотъ, а доказываетъ, что они были опущены въ общую могилу на кладбищѣ «Эрранси» близъ теперешняго парка Монсо. Послѣдніе доктора, являющіеся героями этюдовъ Кабанеса, предки маршала Макъ-Магона. Хотя во время президентства послѣдняго «Moniteur» увѣрялъ, ссылаясь на «Times», что эта генеалогическая справка несправедлива, и что маршалъ происходилъ прямо отъ ирландскаго короля Брайана, но не подлежитъ сомнѣнію, что хотя по женской линіи Макъ-Магонъ дѣйствительно былъ потомкомъ ирландскихъ королей, но его прадѣдъ и дѣдъ практиковали медицину въ качествѣ врачей во Франціи, а послѣдній изъ нихъ былъ героемъ скандальнаго процесса, хотя и выиграннаго имъ, но набросившаго на него тѣнь неправильнаго присвоенія себѣ крупныхъ помѣстій двухъ родственниковъ его жены, урожденной Эгвильи. Послѣдній очеркъ Кабанеса посвященъ вопросу, куда дѣлся глазъ Гамбеты. По тщательному изслѣдованію всѣхъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что Гамбета 8 лѣтнимъ мальчикомъ смотрѣлъ въ своемъ родномъ городѣ Кагорѣ, какъ ножевщикъ Гальтье пробивалъ тонкимъ желѣзнымъ остріемъ отверстіе въ ручкѣ ножа, и сломавшееся остріе неожиданно отскочило въ правый глазъ ребенка. Онъ не только пересталъ видѣть этимъ глазомъ, но переносилъ нестерпимыя страданія; однако его родители не рѣшались на операцію, и только въ 1867 году Гамбета молодымъ адвокатомъ, не задолго до процесса Бодена, доставившаго ему славу, обратился къ знаменитому тогда окулисту, барону Векэру, съ просьбой сдѣлать ему операцію. Хотя эта операція было очень простая: черезъ три дня больной былъ на ногахъ, но Веккэръ писалъ Кабанесу, что онъ никогда не видалъ такого хладнокровнаго и мужественно паціента. Вынутый глазъ былъ замѣненъ стекляннымъ и впослѣдствіи подаренъ Веккэромъ русскому доктору Иванову, профессору Кіевскаго университета. Когда же Ивановъ умеръ отъ чахотки, то глазъ Гамбеты исчезъ неизвѣстно куда. По совѣту Веккера Кабанесъ писалъ другу и любимому ученику Иванова, герцогу Баварскому, также знаменитому окулисту и брату австрійской императрицы, спрашивая его, не досталась ли ему эта диковина, но онъ отвѣчалъ отрицательно. Потомъ Кабанесъ также безуспѣшно обращался къ профессору Эрлангенскаго университета Эвербуту съ просьбой выяснить, не находился ли пропавшій глазъ въ коллекціи анатомическихъ препаратовъ Иванова, которая досталась этому университету; но она оказалась въ большемъ безпорядѣ, и всѣ ея предметы смѣшаны, не разобраны и не снабжены подписями. Такимъ образомъ глазъ Гамбеты окончательно пропалъ. Замѣчательно, что въ первомъ томѣ «Секретнаго кабинета исторіи», посвященномъ патологическимъ этюдамъ, наи-

большій интересъ возбуждаетъ чисто психологическій очеркъ: «Людовикъ XVI въ интимной жизни». На нѣсколькихъ страницахъ авторъ блестяще резюмируётъ подлинный дневникъ короля, который онъ велъ почти непрерывно отъ 1764 года, когда онъ еще былъ дофиномъ, и до 31 іюля 1792 года. Тутъ записано его собственной рукою все, что касается до парадовъ, охотъ, обѣдовъ, религіозныхъ службъ, болѣзней и мельчайшихъ обстоятельствъ семейной придворной жизни; но на тысячѣ страницахъ этого дневника не найдется ни одной мысли, ни одного замѣчанія о политическихъ событіяхъ. Когда же проходилъ день, который не ознаменовался ни обѣдомъ, ни церковной службой и т. д., Людовикъ XVI записывалъ «ничего». Такимъ образомъ въ день отставки Неккера, въ день смерти Морепа, въ день кончины австрійской императрицы Маріи-Терезіи, въ страшные для него дни революціи, вездѣ отмѣчено: «ничего». «Въ сущности, справедливо замѣчаетъ Кабанесъ, слово ничего наилучше характеризуетъ этого короля, безъ энергіи, безъ воли случайно наслѣдовавшаго престолъ, бывшій не по силамъ его слабохарактерной, неспособной натурѣ, отличавшейся даже добродушіемъ, но не естественнымъ, а ложнымъ».

— Вѣкъ выставокъ. Хотя первая выставка была открыта въ Парижѣ по инициативѣ министра внутреннихъ дѣлъ Франсуа Де-Нёшато въ эпоху директоріи въ 1798 году, но всѣ дальнѣйшія выставки, какъ національныя, такъ и международныя, принадлежатъ XIX столѣтію, который можетъ быть вполнѣ правильно названъ вѣкомъ выставокъ. Вторая національная французская выставка въ 1801 году была устроена не на Марсовомъ полѣ, какъ первая, а во дворѣ Лувра. Число экспонентовъ уже удвоилось, и вмѣсто 110 ихъ было уже 229, изъ которыхъ половина получила награды. Открытая первымъ консуломъ, она продолжалась пять дней, и гвоздемъ ея была куріозная одежда безъ шва, которая могла, по желанію, превратиться въ сюртукъ, плащъ, жилетъ или брюки. Слѣдующая выставка въ 1802 году въ томъ же мѣстѣ, хотя и представила 540 экспонентовъ, но доказала воочію, что ежегодное ихъ повтореніе слишкомъ часто, а потому за всю наполеоновскую эпоху была еще только одна выставка въ 1806 году на эспланадѣ инвалидовъ, гдѣ уже явились 1.422 экспонента. Три выставки во время реставраціи въ 1819, 1823 и 1829 годахъ въ залахъ Лувра не представили ничего замѣчательнаго. Зато выставка 1834 года на площади Согласія была торжествомъ для іюльской монархіи; въ ней участвовало до 2.447 экспонентовъ, въ томъ числѣ много художниковъ. До февральской революціи было еще двѣ національныя выставки—въ 1839 и 1844 годахъ, на Елисейскихъ поляхъ, а послѣ нея одна въ 1849 году въ той же мѣстности при президентѣ Людовикѣ-Наполеонѣ закрыла серію національныхъ выставокъ. Ея устроитель, министръ торговли, Турэ, хотѣлъ придать ей характеръ международной, но коммерческія палаты высказались противъ этого смѣлаго нововведенія, и Лондонъ взялъ на себя инициативу всемірныхъ выставокъ. Первая изъ нихъ была открыта въ 1851 году въ Гайдъ-Паркѣ въ хрустальномъ дворцѣ, построенномъ по плану Пакстина, перенесенномъ потомъ въ Санденгамъ, въ окрестностяхъ Лондона, гдѣ онъ существуетъ теперь въ видѣ загороднаго гулянія. Эта выставка имѣла громадный, неимовѣрный успѣхъ, принесла устроившей ее частной компаніи 5 милліоновъ франковъ дохода, и на ней перебывало

6 милліоновъ посѣтителей, а экспонентовъ было 17.000 со всѣхъ частей свѣта. Затѣмъ пошла такая мода на всемірныя выставки, что ихъ было въ теченіе сорока девяти лѣтъ три въ Лондонѣ, въ 1862, 1871 и 1884 годахъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія потерпѣли фіаско; четыре въ Парижѣ въ 1855, 1867, 1878 и 1889 годахъ; двѣ въ Америкѣ, въ Филадельфіи въ 1876 году и въ Чикаго въ 1893 году, обѣ неудачныя, первая—по малому числу экспонентовъ, а вторая—по дефициту въ 47 милліоновъ франковъ, хотя по величинѣ, количеству экспонентовъ 70.000 и посѣтителей 27.500.000, она превзошла всѣ выставки до настоящаго времени; и по одной въ Вѣнѣ въ 1873 году, ознаменовавшейся громаднымъ финансовымъ фіаско; въ Мельбурнѣ въ Австраліи въ 1880 году, гдѣ было всего 1.200.000 посѣтителей; въ Антверпенѣ въ 1885 г. и въ Барселонѣ въ 1888 году. Кромѣ того, были спеціальныя выставки, хотя болѣе или менѣе международнаго характера, въ Амстердамѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ, Брюсселѣ, Женевѣ, Будапештѣ и т. д. Сначала всемірнымъ выставкамъ придавали громадное значеніе мирныхъ турнировъ просвѣщенія, праздниковъ цивилизаціи, торжествъ человѣческаго братства и т. д., но мало-помалу онѣ потеряли значеніе храмовъ прогресса и сдѣлались только громадными ярмарками и всесвѣтными увеселительными заведеніями. Все-таки, если отбросить эту непригляднуя ихъ сторону, международныя выставки представляютъ возможность подвести итогъ художественной и промышленной дѣятельности всего свѣта за извѣстное время, а только что открывшаяся выставка въ Парижѣ, благодаря многочисленнымъ пріуроченнымъ къ ней научнымъ, литературнымъ и общественнымъ конгресамъ, даетъ случай не только подвести итогъ промышленному и художественному, но также умственному прогрессу въ теченіе XIX столѣтія. Поэтому и обширная литература этой выставки получаетъ болѣе чѣмъ временный интересъ: до сихъ поръ выставкѣ исключительно посвящены два особыхъ періодическихъ иллюстрированныхъ изданія «L'Exposition Universelle à Paris de 1900». и прибавленіе къ Revue des Revues подъ заглавіемъ: «La Grande Revue de L'Exposition». Конечно, всѣ парижскіе журналы и газеты отводятъ ей особые отдѣлы, такъ что нѣтъ недостатка въ матеріалѣ для знакомства, даже издали, со всѣмъ, что этотъ фактическій подсчетъ XIX вѣка представитъ дѣйствительно новаго и замѣчательнаго.

— **Дневникъ парижской жизни.** Парижскій книгоиздатель Плонъ въ настоящее время издаетъ выпусками исторію города Парижа, которая мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, даетъ картину парижской жизни, начиная со времени Наполеона I и кончая послѣдними событіями [1]). Этотъ дневникъ парижской жизни за цѣлое столѣтіе составленъ по громадному количеству воспоминаній и украшенъ многочисленными воспроизведеніями портретовъ, видовъ, картинъ и карикатуръ. На переднемъ планѣ перваго выпуска мы встрѣчаемъ фигуру Наполеона, которому Парижъ много обязанъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Онъ заботился о возведеніи великолѣпныхъ общественныхъ зданій такъ же точно, какъ объ устройствѣ новыхъ площадей, проложеніи новыхъ улицъ и возведеніи памятниковъ. Еще въ качествѣ перваго консула онъ, на

[1]) «Paris de 1800 à 1900». Paris. Plon.

ряду съ заботою о государственномъ управленіи, обратилъ особое вниманіе на промышленный подъемъ столицы, для чего онъ сумѣлъ пустить въ ходъ громадныя суммы. Что касается временъ первой имперіи, то расходы казны на Парижъ достигли милліоновъ, такъ какъ новый императоръ желалъ увѣковѣчить свои побѣды памятниками, которые должны были напоминать потомкамъ о его славѣ. Въ качествѣ перваго консула Наполеонъ старался, по возможности скорѣе уничтожить все, что могло напомнить о республикѣ. Онъ окружилъ себя большимъ блескомъ, хотя въ собственныхъ потребностяхъ и оставался очень скромнымъ. Въ это время онъ уже создалъ небольшой придворный штатъ своей супругѣ Жозефинѣ и назначилъ четырехъ почетныхъ дамъ, которыя состояли при ея особѣ во дворцѣ. Министры титуловались имъ «превосходительствами», и вообще, мало-помалу, возродились старыя традиціи Тюильерійскаго дворца. Преслѣдуя ожесточенно всѣхъ сторонниковъ либеральныхъ тенденцій, Наполеонъ относился къ роялистамъ снисходительно и старался вернуть ихъ въ Парижъ обѣщаніемъ амнистіи. Первымъ «государемъ», который въ консульство Наполеона пріѣхалъ въ Парижъ, былъ пармскій инфантъ Людовикъ Бурбонъ, котораго онъ назначилъ королемъ этрурійскимъ. Инфантъ пріѣхалъ, чтобъ поблагодарить перваго консула. Самъ онъ представлялъ собою такую карикатуру на короля, что нѣсколько недѣль давалъ неистощимый поводъ къ смѣху парижанамъ. Наполеонъ сожалѣлъ, что передалъ ему Тоскану. Когда онъ, наконецъ, уѣхалъ изъ Парижа, гдѣ его всячески чествовали, первый консулъ замѣтилъ своимъ окружающимъ: «Молодое поколѣніе до сихъ поръ не имѣло еще понятія о королѣ; теперь мы ему показали образчикъ». Около того же времени основанъ былъ орденъ Почетнаго Легіона. Отъ Наполеона, котораго французское общество считало за воплощеніе бога войны, ожидали, что онъ будетъ признавать лишь заслуги на полѣ битвы. Тѣмъ большее вниманіе обратило на себя, что онъ сталъ заботиться и о награжденіи выдающихся заслугъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. При основаніи Почетнаго Легіона въ 1802 году онъ объяснилъ въ своемъ декретѣ, что этотъ знакъ отличія дается и простому солдату за выказанныя имъ мужество и храбрость, и мирнымъ дѣятелямъ за труды ихъ на пользу отечества. Учрежденіе этого ордена первоначально вызвало сильную оппозицію, но представители элегантнаго общества Парижа, также какъ и теперь, стремились къ тому, чтобы получить красную ленточку; тѣ, кто не могли ея имѣть, замѣняли ее ношеніемъ красной гвоздики въ петличкѣ. Уличная жизнь въ Парижѣ въ началѣ вѣка представляла много своеобразнаго. Уже въ это время начинала дѣйствовать реклама. Новымъ изобрѣтеніемъ въ этой области были уличные плакаты на разноцвѣтной бумагѣ, которые раньше выставлялись лишь на Pont neuf и исключительно сообщали объ общественныхъ увеселеніяхъ. Дрожки съ автоматическими «таксаметрами», которые получаютъ большее распространеніе лишь теперь, упоминаются еще въ 1801 въ газетной замѣткѣ годъ названіемъ «повозки, записывающей пройденный путь.» Автоматическіе приборы вообще привлекали публику. Очень усердно посѣщалась особая выставка на Rue des Pouillis, гдѣ показывался автоматъ, игравшій въ шахматы. Такъ какъ существовала только конная тяга, то скорости въ сообщеніяхъ большой не могло быть. Въ

1814 году парижане были приведены въ изумленіе почтовою телѣгою, прозванною Velocifère, которая разстояніе отъ Парижа до Руана прошла въ двѣнадцать часовъ. Во времена консульства появилось на Сенѣ первое паровое судно, но почему-то изобрѣтеніе Фультона не обратило на себя никакого вниманія, и въ кругахъ ученыхъ даже не догадывались о значеніи, которое это изобрѣтеніе должно было имѣть. Среди благотворительныхъ учрежденій особенность представляло собою учрежденіе для безплатной раздачи супа бѣднымъ жителямъ столицы; оно получило поддержку отъ общественнаго управленія. Оригиналенъ былъ пріемъ нѣкоего содержателя купаленъ, которыя пожертвовалъ въ пользу погорѣвшихъ однодневный сборъ съ купавшихся; парижане въ этотъ день могли купаться съ благотворительною цѣлью. Какъ на одно изъ уличныхъ неудобствъ, карикатуристы временъ консульствъ и имперіи указывали на длинные шлейфы дамъ, поднимавшіе лѣтомъ страшную пыль и ставившіе въ немалое затрудненіе мужскую публику, которая должна была лавировать, чтобы не наступить, на оживленной улицѣ какой либо дамѣ на шлейфъ. Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ сталъ центромъ общественной жизни въ Парижѣ. Если война его не отзывала изъ столицы, онъ два раза въ недѣлю устраивалъ пріемы въ Тюильерійскомъ дворцѣ. Блестящій періодъ общественной жизни совпалъ съ короткимъ промежуткомъ между коронаціею и разводомъ. Жозефина своею красотою, своими манерами, любезностью и своеобразнымъ отпечаткомъ креолки привлекла къ себѣ сердца всѣхъ. Въ сравненіи съ нею, Наполеонъ своимъ рѣзкимъ обращеніемъ казался грубымъ и не умѣлъ создать себѣ много друзей. Блестящія празднества въ Версали, въ Тріанонѣ и Сенъ-Клу навсегда кончились, когда померкла звѣзда Наполеона; австрійская эрцгерцогиня не умѣла собрать въ Тюильери такой кругъ дамъ, какой собирала первая императрица. Настоящее общество прекратилось. Графиня Потоцкая разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ Сэнъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ стали собираться лишь небольшія общества, человѣкъ двѣнадцать не болѣе, которые забавлялись тѣмъ, что представляли шарады въ лицахъ или смотрѣли на фокусы дрессированныхъ собакъ. Императрица Жозефина одна умѣла, также дѣйствительно царскимъ образомъ, пользоваться своими доходами. Самъ императоръ былъ очень бережливъ, съ большой тщательностью наблюдалъ за бюджетомъ своего дома, не допускалъ расточительности и хвалилъ главныхъ поваровъ, если они экономили средства. Онъ не могъ забыть того времени, когда онъ съ матерью и съ сестрами принужденъ былъ жить въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Изъ суммъ, полагавшихся на придворный штатъ, и изъ собственнаго его цивильнаго листа, ежегодно экономилось 13 — 14 милліоновъ. Будучи императоромъ, онъ каждое утро въ 9 часовъ выходилъ изъ своихъ апартаментовъ въ костюмѣ, который оставался на немъ въ теченіе цѣлаго дня. Дежурные офицеры утромъ первыми имѣли доступъ къ нему. Затѣмъ шли большія аудіенціи, во время которыхъ онъ благосклонно и любезно бесѣдовалъ со всѣми. По окончаніи ихъ императору въ ½10-го подавался очень простой завтракъ, занимавшій обыкновенно не больше десяти минутъ времени. Иногда онъ во время завтрака принималъ художниковъ и ученыхъ и бесѣдовалъ съ ними. Занимался онъ днемъ обыкновенно съ утра до 6 часовъ вечера, когда

онъ вмѣстѣ съ императрицею садился обѣдать. Даже во время обѣдовъ, въ которыхъ участвовала по воскресеньямъ вся семья императора, царила большая простота. Наполеонъ предпочиталъ самыя простыя блюда; любимѣйшимъ его напиткомъ было бургонское Шанбертэнъ. Послѣ обѣда императорская чета удалялась въ свои апартаменты. Спалъ императоръ очень мало. Часто онъ ночью вставалъ, чтобы закончить какія либо важныя дѣла. Послѣ ночной работы онъ ѣлъ мороженое или пилъ сорбетъ, и затѣмъ вновь ложился спать. Грандіознаго аппетита своихъ предшественниковъ по престолу, Бурбоновъ, онъ не унаслѣдовалъ вовсе. Послѣ развода съ императрицею Жозефиною, роль этой послѣдней при торжественныхъ пріемахъ перешла къ матери императора. 25-го декабря 1810 года императоръ въ послѣдній разъ обѣдалъ съ Жозефиною въ Тріанонѣ. Парижское купечество встрѣтило и консульство и имперію съ большимъ ликованіемъ. Никогда въ Парижѣ съ такою легкостью не тратились деньги, какъ въ это время. Созданные Наполеономъ новые графы и герцоги старались превзойти еще въ роскоши прежнихъ аристократовъ, и благодаря своимъ богатствамъ, они дѣйствительно были въ состояніи давать хорошую поддержку промышленности и торговлѣ. Величайшая расточительность господствовала при украшеніи и меблировкѣ комнатъ. Отъ времени имперіи дошли до насъ истинно художественные образцы домашней утвари, въ которыхъ выражалось возрожденіе античнаго вкуса и искусства. Въ этомъ увлеченіи роскошью и расточительностью средніе классы не отличались отъ высшихъ. Дамы буржуазіи старались одѣваться, устраивать себѣ квартиры и обстановку, какъ герцогини. Приданое въ сто тысячъ франковъ казалось небольшимъ; кружевныя накидки и индійскія шали скоро поглощали всѣ проценты отъ этой суммы. Такое же великолѣпіе обнаруживалось и въ экипажахъ, ежегодное содержаніе которыхъ требовало цѣлаго состоянія. Обнаруживавшееся на каждомъ шагу благосостояніе было, однако, фиктивно. Не было истиннаго соотвѣтствія между приходомъ и расходомъ. Деньги, необходимыя для роскошества, добывались часто при помощи очень рискованныхъ биржевыхъ спекуляцій. Бывали большіе выигрыши, но бывали и крахи. Извѣстная мадамъ Рекамье, салонъ которой принадлежалъ къ числу первыхъ въ то время, вслѣдствіе биржевыхъ спекуляцій своего мужа стала жертвою финансовой катастрофы. Наполеонъ не захотѣлъ ей помочь, и мадамъ Рекамье принуждена была продолжать свои пріемы въ небольшомъ домикѣ на Rue du Passe, пока ей не пришлось бѣжать за границу. Извѣстіе о разводѣ императора произвело угнетающее впечатлѣніе на коммерческій міръ Парижа, обогащенію котораго сильно содѣйствовала щедрость Жозефины. Послѣ второго брака Наполеона этотъ источникъ богатства постепенно сталъ изсякать, несмотря на то, что на престолѣ сидѣла дочь императора. Публичные пріемы стали рѣже и менѣе блестящи. Императоръ лишь изрѣдка появлялся на нихъ. Туалеты дамъ, быть можетъ, были дороже, чѣмъ съ 1800 по 1811 годъ, но требовалось уже меньше туалетовъ. Жены богато надѣленныхъ Наполеономъ герцоговъ и маршаловъ послѣ развода императора уже являлись гораздо болѣе экономными. Такимъ образомъ, совершенно справедливо утверждали, что съ уходомъ Жозефины исчезло не только счастье Наполеона, но и—на время, конечно—богатство и благосостояніе Парижа.

— Легендарное изреченіе. Извѣстенъ повторяемый во всѣхъ біографіяхъ знаменитаго химика Лавуазье анекдотъ о томъ, какъ онъ, послѣ смертнаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ въ революціонномъ трибуналѣ, просилъ отсрочить казнь на нѣсколько дней для окончанія важныхъ опытовъ, и какъ имъ будто бы на это былъ полученъ отвѣтъ: «Республика не нуждается въ ученыхъ». Ж. Гильомъ, въ недавней статьѣ въ «Revue bleue», подвергъ этотъ анекдотъ исторической критикѣ, при чемъ выяснилъ полную недостовѣрность его [1]). Замѣчательно, что даже Луи Бланъ, который покончилъ со многими легендами о революціи, повѣрилъ этому анекдоту и писалъ по поводу его: «Ужасно то, что его казнили, но еще болѣе ужасно, что ему не дали отсрочки, чтобы закончить начатые имъ полезные опыты». Луи Бланъ однако отмѣчаетъ, что изреченіе о ненужности ученыхъ представляется ему недостовѣрнымъ какъ по грубой глупости своей, такъ и вслѣдствіе несогласія свидѣтелей: дѣло въ томъ, что одни приписываютъ это изреченіе предсѣдателю революціоннаго суда Дюмà, другіе Фукье Тенвиллю, третьи выражаются просто: «главарь этой ужасной шайки» и т. д. Нѣкоторыя сомнѣнія сталъ высказывать по поводу всего разсказа о жестокости судей Жоржъ Пуше. Онъ обратилъ вниманіе, что въ рѣчи Фуркруа, произнесенной въ память Лавуазье черезъ два года послѣ казни великаго химика, слова эти передаются такъ: «Республика не нуждается въ ученыхъ; ей довольно для управленія и одного умнаго человѣка». Фраза объ одномъ человѣкѣ могла быть сказана лишь во время наибольшей власти Робеспьера, что не совпадаетъ съ датою смерти Лавуазье. Кромѣ того, Фуркруа, который долженъ былъ объяснить, почему онъ не помогъ Лавуазье избѣгнуть смерти, несомнѣнно, изобрѣлъ для обѣленія себя легенду о томъ, будто въ это время революціонеры хотѣли истребить всѣхъ ученыхъ. Имѣются, однако, и иныя доказательства полной недостовѣрности анекдота. Прежде всего, ни Дюмà, ни Фукье Тенвилль, которымъ приписывается изреченіе о ненужности ученыхъ, не могли его произнести по той простой причинѣ, что они не участвовали въ этомъ судѣ. Предсѣдателемъ отдѣленія, судившаго прежнихъ откупщиковъ, а въ ихъ числѣ и Лавуазье, былъ Кофиньяль. Далѣе существуетъ точный отчетъ о судѣ въ «Мемуарахъ» Делаганта, въ которыхъ ровно ничего не говорится о томъ, будто Лавуазье просилъ отсрочки. Не упоминается объ этомъ и въ запискѣ астронома Лаланда о Лавуазье, напечатанной черезъ два года послѣ казни химика; Лаландъ жалуется лишь на то, что судьи не взяли на себя труда прочесть доставленнаго имъ гражданиномъ Галле́ мемуара о научныхъ заслугахъ Лавуазье. Изъ свидѣтелей, защищающихъ извѣстіе о знаменитой фразѣ, старшій—Фуркруа, писавшій черезъ двадцать семь мѣсяцевъ послѣ событія, говоритъ о фразѣ, но не упоминаетъ объ отсрочкѣ. Объ отказѣ суда дать отсрочку первое извѣстіе появилось въ кантатѣ Шарля Дезодрэ, которая была исполнена въ тотъ же день, когда Фуркруа произнесъ свою рѣчь. Въ примѣчаніи автора говорится, что отказалъ въ отсрочкѣ «злодѣй Дюмà». Черезъ три года о томъ же писалъ Кенаръ въ короткой біографіи Лавуазье, помѣщенной въ «Collection» Бонневале; отсюда, вѣроятно, разсказъ

---

[1]) I. Guillaume, «Un mot légendaire».—Rev. bleue, 5 mai 1900.

о судьяхъ попалъ и въ извѣстную біографію, написанную знаменитымъ Кювье для «Biographie universelle» Мишо. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ свидѣтельствъ, какія собралъ Ж. Гильомъ, получается выводъ, что анекдотъ объ отсрочкѣ и отвѣтѣ судей встрѣчается только у тѣхъ изъ свидѣтелей, которые не имѣли точныхъ данныхъ о процессѣ и не были его очевидцами, въ то время какъ у наиболѣе достовѣрныхъ анекдотъ этотъ отсутствуетъ. Ж. Гильому удалось указать и первоисточникъ анекдота. Оказывается, анекдотъ пущенъ въ ходъ Грегуаромъ, который всего черезъ семь мѣсяцевъ послѣ смерти Лавуазье сталъ утверждать, что Дюма̀ отказалъ въ отсрочкѣ Лавуазье, сказавъ: «намъ не надо химиковъ». Это утвержденіе Грегуара было сдѣлано имъ 24 фримера III-го года республики и было вызвано тѣми же соображеніями, какъ цѣлый рядъ другихъ отзывовъ Грегуара, которые дошли до насъ; цѣлью утвержденія было представить въ возможно болѣе отвратительномъ видѣ поступокъ революціонныхъ судей, и самъ по себѣ достаточно ужасный и несправедливый.

— Письма генерала Спарре къ Карлу XII. Въ февральской книжкѣ «Historisk Tidskrift» помѣщены письма генерала Акселя Спарре къ Карлу XII. Спарре былъ оставленъ Карломъ въ Бендерахъ, чтобы заботиться о шведскомъ отрядѣ, а также о полякахъ и ихъ королѣ, прибывшемъ въ Бендеры въ 1713 г. Всю эту толпу (первоначально шведовъ было около 400) надо было кормить, содержать, а короля Станислава еще и «развлекать насколько это возможно». Всѣ письма стараго генерала наполнены поэтому единой его заботой, какъ и гдѣ достать денегъ. Съ родины нечего было ждать поддержки, а иностранные и мѣстные купцы перестали вѣрить въ долгъ; приходилось обращаться къ янычарамъ, евреямъ, грекамъ и т. п., платя неимовѣрные проценты. Турецкое правительство выдавало, правда, «таинъ», то-есть, продовольствіе хлѣбомъ и мясомъ, но выдача происходила скупо и неравномѣрно. Уже во второмъ письмѣ Спарре жалуется, что мѣсячной порціи мяса едва хватаетъ на 8 дней. То немногое, что можно набрать въ долгъ, нужно сберегать для больныхъ и раненыхъ. Но турки все время очень вѣжливы и не скупятся... на обѣщанія. Правда, что ни паша, ни крымскій ханъ не дѣлаютъ визита Станиславу, ожидая, какъ выскажется объ этомъ Порта. Спарре жалуется, что люди его ходятъ едва прикрытые, что многіе не выдерживаютъ и «становятся турками», т.-е., принимаютъ исламъ.

Спарре едва удается прокормить свою разноплеменную толпу, и онъ пишетъ Карлу уже въ мартѣ 1713 года, что о доставленіи людямъ одежды, сапогъ, сѣделъ и т. п. и думать нечего. Въ концѣ апрѣля уже и офицерамъ ѣсть нечего. Спарре посылаетъ къ Карлу генералъ-майора Зюлиха: «... Я не вижу иного исхода дожить, не умирая съ голоду, до возвращенія генералъ-майора, какъ продать лошадей вашего величества... хотя ихъ стоимость въ мирное время едва ли хватитъ болѣе, чѣмъ на 14 дней продовольствія всей этой толпы. Генералъ майоръ можетъ свидѣтельствовать, что для доставленія ему средствъ на поѣздку въ Демотику [1]) я долженъ былъ заложить мои часы и мою един-

[1]) Гдѣ тогда былъ король.

ственную пару пистолетовъ. По этому можно судить, какъ здѣсь обстоятъ дѣла; въ случаѣ, если мы въ самомъ скоромъ времени не получимъ помощи въ той или другой формѣ, я передъ Богомъ долженъ объявить моему доброму и всемилостивѣйшему повелителю, что всѣ мы неизбѣжно должны погибнуть. Посему всеподданнѣйшій долгъ мой требуетъ довести о томъ до свѣдѣнія вашего королевскаго величества... дабы ваше королевское величество, а нашъ драгоцѣннѣйшій и всемилостивый повелитель, король и отецъ, могъ, какъ могущественный повелитель, найти какое нибудь средство помочь своимъ нуждающимся вѣрноподданнымъ въ столь великой нуждѣ». Тщетно запрещаетъ Спарре солдатамъ и офицерамъ брать въ долгъ у янычаръ по безумнымъ процентамъ— 50, 70, 80 и даже 100 на 100! Нужда была такъ велика, что брать все равно надо было. Всѣ дальнѣйшія письма Спарре суть варіаціи на ту же тему, ясно показывающія, какъ мало могъ помочь имъ король, находившійся и самъ въ далеко не блестящемъ положеніи.

СМѢСЬ.

Диспутъ А. I. Малеина. Апрѣля 22, въ Московскомъ университетѣ преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института А. I. Малеинъ защищалъ написанную имъ для полученія степени магистра римской словесности диссертацію «Марціалъ. Изслѣдованіе въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретаціи. С.-Петербургъ. 1900». А. I. Малеинъ родился въ 1869 г., среднее образованіе получилъ въ Ржевской прогимназіи и Тверской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью; въ 1888 г., поступилъ въ число студентовъ Императорскаго историко-филологическаго института и, по выдержаніи въ С.-Петербургскомъ университетѣ магистерскаго экзамена, осенью 1894 г. былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу на 2 года; онъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Бонскомъ университетахъ, затѣмъ много работалъ въ Ватиканской, Флорентійской и Амброзіанской библіотекахъ. По возвращеніи изъ-за границы А. I. Малеинъ поступилъ преподавателемъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института по каѳедрѣ латинскаго языковѣдѣнія, гдѣ и состоитъ до настоящаго времени. Офиціальными оппонентами на диспутѣ были профессоры Ѳ. Е. Коршъ и М. М. Покровскій. Неофиціальными оппонентами выступили: генералъ-отъ-кавалеріи графъ А. В. Олсуфьевъ и преподаватель Виѳанской семинаріи Виноградовъ. Диссертантъ былъ удостоенъ степени магистра римской словесности, что̀ было встрѣчено громкими апплодисментами.

Премія имени Г. Ѳ. Карпова. 24 апрѣля въ помѣщеніи Московскаго университета подъ предсѣдательствомъ проф. В. О. Ключевскаго происходило засѣданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Объявлены результаты соисканія преміи имени Г. Ѳ. Карпова. Премія присуждена г. Харламщевичу за сочиненіе «Западно-русскія школы XVI и начала XVII вв.». Въ томъ же засѣданіи присуждены медали общества рецензентамъ — проф. С. Т. Голубеву и г. Крачковскому.

Общество любителей древней письменности. 31-го марта состоялось подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева общее собраніе. Въ этомъ засѣданіи В. В. Стасовъ сдѣлалъ сообщеніе о принадлежащемъ Императорскому Эрмитажу серебряномъ блюдѣ, изданномъ, со статьями о немъ, профессоровъ Д. А. Хвольсона, Н. В. Покровскаго и Я. И. Смирнова, Императорской археологической комиссіей въ 1899 г. Блюдо это, при несомнѣнно низкомъ культурномъ уровнѣ націи, въ средѣ которой оно сдѣлано, является тѣмъ не менѣе, по убѣжденію докладчика, самымъ важнымъ изъ всего великолѣпнаго собранія блюдъ Эрмитажа. Статьи упомянутыхъ ученыхъ имѣютъ безспорно крупное научное значеніе, но блюдо должно быть подвергнуто дальнѣйшему изученію, такъ какъ съ основнымъ выводомъ названныхъ изслѣдованій, а именно съ тѣмъ, что блюдо, о которомъ идетъ рѣчь,—сирійскаго происхожденія, по мнѣнію В. В. Стасова, рѣшительно нельзя согласиться. Доводы въ пользу сирійскаго происхожденія блюда сводятся въ сущности къ слѣдующему: 1) на блюдѣ—сирійская надпись; 2) встрѣчаемые на блюдѣ типы—сирійскіе; 3) изображенія на блюдѣ имѣютъ сходство съ изображеніями на сирійскихъ памятникахъ. Всѣ эти доводы вызываютъ возраженія. Надпись не даетъ никакихъ твердыхъ основаній для сужденія о блюдѣ, потому что она, какъ пояснилъ профессоръ П. К. Коковцевъ въ дополненіе къ тому, что было сказано профессоромъ Д. А. Хвольсономъ, сдѣлана мастеромъ, повидимому, недостаточно знакомымъ съ сирійскимъ письмомъ и языкомъ. Антропологическія данныя изображеній на блюдѣ рѣшительно не подтверждаютъ мнѣнія, чтобы типы были сирійскіе. Не говоритъ за сирійское происхожденіе и указанное профессоромъ Н. В. Покровскимъ и профессоромъ Я. И. Смирновымъ сходство изображеній на блюдѣ съ изображеніями на другихъ сирійскихъ памятникахъ, такъ какъ эти памятники слѣдовали древне-христіанскому канону. Со своей стороны В. В. Стасовъ указалъ на сходство изображеній на блюдѣ съ изображеніями въ нѣкоторыхъ кельтскихъ рукописяхъ и отмѣтилъ, что при сопоставленіи съ ними въ изображеніяхъ на блюдѣ объясняется многое изъ того, что представляется непонятнымъ, если считать блюдо сирійскимъ. Указавъ еще на сходство блюда съ нѣкоторыми ломбардскими памятниками, референтъ пояснилъ, что все это не даетъ, конечно, еще никакого права говорить о кельтскомъ или ломбардскомъ происхожденіи блюда, такъ какъ между стилями кельтскимъ и ломбардскимъ и стилемъ блюда много различій, и высказалъ предположеніе, что блюдо сдѣлано у средне-азіатскихъ тюрковъ. За это говорятъ типы людей, изображенныхъ на блюдѣ, ихъ костюмъ (халаты), своеобразныя позы (сидѣнье на корточкахъ), изображеніе булавы и другія черты. Сирійскій языкъ надписи и христіанскій характеръ изображеній на блюдѣ подтверждаютъ предположеніе:

среди тюрковъ было очень распространено христіанство (несторіанство), а сирійскій языкъ былъ въ большомъ ходу въ Туранской области. Сообщеніе вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній между референтомъ съ одной стороны и Н. П. Кондаковымъ и Я. И. Смирновымъ—съ другой.

Археологической институтъ. Послѣднее въ 1899—1900 академическомъ году общее собраніе членовъ и слушателей института состоялось 28-го марта. Сдѣланы были сообщенія: художникомъ А. А. Карелинымъ—«Основы реставраціи» и В. П. Метаксомъ—«Идеализація земной жизни на древне-греческихъ надгробныхъ барельефахъ», при чемъ былъ показанъ посредствомъ волшебнаго фонаря цѣлый рядъ барельефовъ—художественныхъ скульптурныхъ произведеній Греціи IV—V вѣковъ до Р. Х. Богатѣйшее въ мірѣ собраніе барельефовъ находится въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ. Изображенія на нихъ рисуютъ передъ зрителемъ сцены общенія умершаго съ живыми, сцены, гдѣ умершій наслаждается земными радостями. Но на всѣхъ изображеніяхъ лежитъ скорбь объ утратѣ этихъ радостей.

Библіологическое общество І. Въ помѣщеніи Археологическаго института состоялось общее собраніе членовъ Библіологическаго общества. По обсужденіи текущихъ дѣлъ, А. Л. Липовскій сдѣлалъ обширный докладъ о «Славяновѣдѣніи въ программахъ домашняго чтенія». Указавъ на появленіе читателя, ищущаго популярной книги и стремящагося къ самообразованію, г. Липовскій заявилъ, что люди, берущіе на себя руководство этимъ читателемъ, должны относиться къ нему крайне внимательно. Къ сожалѣнію, большинство популярныхъ изданій не отвѣчаетъ не только строгимъ, но даже снисходительнымъ требованіямъ. Отдѣлъ славяновѣдѣнія въ «Программахъ домашняго чтенія», изданныхъ московской комиссіей для распространенія техническихъ знаній, составленъ, по словамъ г. Липовскаго, крайне небрежно. Нѣтъ основной руководящей идеи, указаны устарѣлыя пособія. Мало того, помѣщены книги и статьи, завѣдомо никуда негодныя. Между тѣмъ славяне заслуживали бы болѣе внимательнаго отношенія къ нимъ. Они сыграли видную роль въ общей исторіи Европы и особенно Россіи. Да и сами по себѣ славяне интересны, какъ культурный типъ. Въ виду всего этого, по мнѣнію г. Липовскаго, нельзя не возмущаться непростительной небрежностью составителей указателя по этому предмету. Затѣмъ В. Ѳ. Боцяновскій сдѣлалъ докладъ объ «Остафьевскомъ архивѣ», заключающемъ въ себѣ обширную переписку кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Отмѣтивъ громадное значеніе переписки для характеристики обоихъ корреспондентовъ, игравшихъ видную роль въ исторіи литературы начала XIX вѣка, г. Боцяновскій указалъ, что въ этой перепискѣ бездна мелкихъ, но крайне важныхъ для историка литературы мелочей: здѣсь много матеріала для характеристики Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Гоголя и т. д. Къ сожалѣнію, мелочи эти теряются, тонутъ и иногда даже просто непонятны, такъ какъ онѣ не объяснены примѣчаніями. В. И. Саитовъ, составившій примѣчанія къ первому тому архива, не приложилъ ихъ къ другимъ. Само собой понятно, что онъ, какъ знатокъ литературы и опытный библіографъ, врядъ ли сдѣлалъ это по своей волѣ. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ играли роль соображенія издателя, обѣщавшаго впрочемъ

выпустить примѣчанія отдѣльно. Собраніе выслушавъ докладъ, выразило желаніе, чтобы примѣчанія къ «Остафьевскому архиву» были напечатаны издателемъ, такъ какъ безъ нихъ теряетъ свое значеніе весь заключающійся въ этомъ изданіи матеріалъ. **II.** Въ собраніи общества, состоявшемся въ субботу, 22-го апрѣля, А. I. Лященко сдѣлалъ докладъ о заслугахъ академика Л. Н. Майкова передъ библіографіей. Указавъ на то, что Л. Н. Майковъ во всѣхъ своихъ работахъ стремился къ возможной полнотѣ библіографическихъ разысканій, г. Лященко замѣтилъ, что, благодаря этому, многія его статьи сохраняютъ свое значеніе до сего времени. Лучшимъ примѣромъ является его трудъ о Симеонѣ Полоцкомъ. Положенныя въ основу его 25 лѣтъ назадъ библіографическія разысканія Л. Н. Майкова оказались настолько полными, что двѣ позднѣйшія работы о Симеонѣ Полоцкомъ (гг. Попова и Татарскаго), вышедшія года три назадъ, не прибавили къ нимъ ничего новаго. Исчерпывающей полнотой, точностью и тщательностью отличаются также и всѣ другія работы Л. Н. Майкова. Заканчивая свой докладъ личными воспоминаніями, г. Лященко отмѣтилъ рѣдкую доступность Л. Н. Майкова, его всегдашнее содѣйствіе всѣмъ занимавшимся исторіей литературы. А. М. Ловягинъ, съ своей стороны, сообщилъ нѣсколько личныхъ воспоминаній о Л. Н. Майковѣ. Затѣмъ А. М. Бѣловъ подѣлился съ обществомъ своими впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія библіотекъ и музеевъ частныхъ лицъ въ Москвѣ—П. И. Щукина, А. П. Бахрушина и А. А. Бахрушина. Музеи эти очень богаты. Въ музеѣ г. Щукина, помѣщающемся въ прекрасномъ, выстроенномъ въ русскомъ стилѣ зданіи, собрано множество старинныхъ рукописей, иконъ и предметовъ. У А. П. Бахрушина собраны предметы роскоши и искусства, у А. А. Бахрушина—богатые матеріалы для исторіи русскаго театра. Вопросъ объ изданіи собственнаго журнала вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, послѣ котораго подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшено было исходатайствовать разрѣшеніе и приступить къ изданію журнала съ 1-го января 1901 года. Въ этомъ же собраніи избраны въ почетные члены общества: П. А. Ефремовъ, В. С. Иконниковъ, А. Н. Неустроевъ, А. Н. Пыпинъ, В. И. Саитовъ и А. И. Соболевскій.

Русское Библіографическое общество, состоящее при Московскомъ университетѣ, въ засѣданіи 24 апрѣля, рѣшило принять участіе въ чествованіи Гуттенберга по случаю исполняющагося 500-лѣтія со дня его рожденія. Чествованіе будетъ происходить въ Майнцѣ и продолжится четыре дня. Въ первый день назначено открытіе типографической выставки; во второй день—академическое засѣданіе, въ третій день—закладка музея имени Гуттенберга и въ четвертый день — увеселительная прогулка по Рейну. Общество командируетъ на торжества своего почетнаго члена Д. А. Торопова, который повезетъ для Гуттенбергскаго музея біографію изобрѣтателя книгопечатанія на русскомъ языкѣ и изданія бывшаго Библіографическаго кружка.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. I. Въ общемъ собраніи, происходившемъ 5-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина, обсуждался вопросъ о наиболѣе широкой и практической организаціи статистическаго и библіографическаго бюро при обществѣ. По этому поводу Н. М. Лисов-

скимъ, иниціаторомъ этого дѣла, былъ прочитанъ докладъ. Г. Лисовскій находитъ, что успѣшное исполненіе статистическихъ и библіографическихъ работъ прежде всего зависитъ отъ правильно организованной регистраціи заведеній и произведеній печати. Регистрація заведеній печати должна дать точный и полный списокъ всѣхъ учрежденій, служащихъ для производства и распространенія книги и вообще всего, что получается при посредствѣ печатнаго станка, а также опредѣлить объемъ дѣятельности учрежденій, заглянуть въ исторію возникновенія и отмѣтить ихъ развитіе. Помимо научнаго значенія, подобная статистика принесетъ и чисто практическую пользу, помогая правильному и всестороннему изученію тѣхъ вопросовъ, которые будутъ разрабатываться въ обществѣ. Регистрація произведеній печати дастъ точныя и подробныя свѣдѣнія о книгахъ, брошюрахъ, журналахъ, портретахъ и проч. предметахъ, появляющихся въ свѣтъ при посредствѣ печатнаго станка; свѣдѣнія эти должны быть помѣщаемы на особыхъ библіографическихъ карточкахъ установленнаго образца. Такимъ образомъ составится карточный каталогъ, который будетъ издаваться помѣсячно или погодно. Такой каталогъ уже самъ по себѣ, какъ справочная книга, помимо требованій статистики, необходимъ не только для ученыхъ, всей образованной публики и библіотекарей, но также и для дѣятелей печатнаго дѣла: издателей, книгопродавцевъ, типографовъ и проч. Предсѣдателемъ было доложено собранію, что на основаніи доклада г. Лисовскаго совѣтомъ выработана схема занятій статистическаго и библіографическаго бюро, заключающая въ себѣ пять отдѣловъ: 1) регистрацію заведеній печати; 2) регистрацію произведеній печати; 3) научную обработку собраннаго статистическаго матеріала; 4) составленіе спеціальной библіотеки; 5) образованіе спеціальнаго музея или постоянной выставки печатнаго дѣла, и что по этому поводу совѣтъ обратился къ обществу книгопродавцевъ и издателей съ предложеніемъ издавать списокъ произведеній печати ежемѣсячно. Общее собраніе постановило образовать комиссію для разработки вопросовъ, касающихся бюро, и просить совѣтъ выбрать лицъ, которыя въ данномъ случаѣ могутъ быть полезны. Н. М. Лисовскій единогласно выбранъ членомъ этой комиссіи. Представитель писчебумажной фабрики Говарда, К. Н. Казаковъ, предложилъ отъ имени фабрики для надобности бюро бумаги на 1.000 руб. въ годъ, а отъ себя — 400 руб. на расходы по изданію каталога; кромѣ того, г. Казаковъ предложилъ 10 стопъ бумаги для напечатанія портрета Гуттенберга съ тѣмъ, чтобы вырученная отъ продажи сумма поступила въ пользу бѣдныхъ учениковъ школы печатнаго дѣла. М. Я. Вилліе пожертвовалъ 50 руб. на преміи по конкурсу наборщиковъ, который состоится 8-го сентября. Всѣмъ этимъ лицамъ общимъ собраніемъ выражена благодарность. Делегатами отъ общества въ Майнцъ на гуттенберговскія празднества поѣдутъ гг. Шредеръ и Бенке. II. 26-го апрѣля въ засѣданіи совѣта г. Пропперъ сдѣлалъ сообщеніе о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ области печатнаго дѣла за границей. Въ Германіи много толковъ возбуждаетъ изобрѣтеніе способа переводить рисунки прямо на металлъ. Благодаря этому изобрѣтенію, можно будетъ изготовить клише въ 4—5 часовъ, что особенно важно для илюстрированныхъ изданій. Въ об-

ласти машиннаго производства также сдѣлано немало усовершенствованій. Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвало предложеніе г. Сойкина основать въ Петербургѣ профессіональную школу для учениковъ типографіи. Большинство присутствовавшихъ высказалось за расширеніе школы печатнаго дѣла императорскаго русскаго техническаго общества. Въ печальномъ положеніи учениковъ немало виноваты и тѣ типографы, которые принимаютъ въ ученики такихъ юношей, которые даже и читаютъ-то плохо, а съ грамотой знакомы по наслышкѣ. Отчего бы и въ данномъ случаѣ не взять примѣра съ порядковъ, существтющихъ за границей. Напримѣръ, въ Германіи собственникъ типографіи не имѣетъ права принять ученика въ типографію, если онъ не окончилъ двухъ классовъ гимназіи; въ Австріи еще строже слѣдятъ за техническимъ и общимъ образованіемъ учениковъ, и желающимъ поступить въ типографію предъявляются еще бо̀льшія требованія.

Географическое общество. I. Въ состоявшемся 19-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова общемъ собраніи географическаго общества были избраны въ дѣйствительные члены общества: вице-адмиралъ Е. И. Алексѣевъ, баронъ Дистерло, В. Ф. Желѣзновъ, П. Г. Игнатовъ, Ф. Ф. Клейнъ, Ричардъ Кренъ, Я. С. Медвѣдевъ, графъ Олсуфьевъ, В. Н. Панаевъ, баронъ Торнау, М. А. Шабельскій, Н. М. Штруппъ, Я. С. Эдельштейнъ, А. П. Энгельгардтъ и К. П. Яновскій. Затѣмъ было прочитано письмо отъ П. К. Козлова, начальника экспедиціи въ Центральную Азію, помѣченное 13-мъ февраля и дающее краткія свѣдѣнія о послѣдней дѣятельности экспедиціи, при чемъ оказывается, что программа изслѣдованія пустыни Гоби уже почти выполнена путешественниками. Д-ръ Н. В. Слюнинъ сдѣлалъ очень интересное сообщеніе о поѣздкѣ на Охотско-Камчатское побережье. Экспедиція эта была начата еще въ 1895 году и имѣла съ одной стороны цѣль чисто горнаго изслѣдованія, а съ другой болѣе широкаго, по району изслѣдованія экономическаго. Выполненіе этой послѣдней задачи и было поручено Н. В. Слюнину, уполномоченному министерствомъ финансовъ. Въ послѣднее время Охотско-Камчатскій край сталъ сильно падать въ экономическомъ отношеніи, почему и являлась необходимость найти средство для оживленія края. Въ 1896 году съ первыми заморозками экспедиція Н. В. Слюнина перебралась въ Охотскъ. Изъ Охотска Н. В. Слюнинъ двинулся 15-го октября на Петропавловскъ, куда и прибылъ только 10-го апрѣля. Путь этотъ, обнимающій пространство между Охотскимъ моремъ и Колымскимъ хребтомъ, крайне длиненъ, опасенъ и почти не изслѣдованъ. Способъ передвиженія — собаки, запряженныя въ нарты (особыя сани) попарно, съ одной передовой особенно умной и опытной; чуткость этихъ передовыхъ собакъ удивительна и не разъ спасала жизнь сбивавшимся съ дороги путникамъ. Мѣстность, главнымъ образомъ, состоитъ изъ тундры, блещущей красотой, яркостью красокъ въ солнечный день и ужасною во время пурги. Селенія этого края большую часть времени погребены подъ снѣгомъ; населеніемъ являются частью русскіе крестьяне, частью якуты, главнымъ же образомъ тунгусы и коряки. Тунгусы—аборигены всего восточнаго побережья Сибири. Южные тунгусы отличаются большимъ ростомъ, широкимъ сложеніемъ; сѣверные наоборотъ — мелки, длинноголовы и бѣлокожи. Тунгусы самый бро-

дячій и непосѣдливый народъ; они являются лучшими проводниками; способность оріентироваться, зрѣніе и чутье тунгуса поразительны. Жители Гижигинской области, коряки, дѣлятся на осѣдлыхъ и бродячихъ; они всѣ великорослы, даже женщины; послѣднія являются существами довольно забитыми, почти рабынями; впрочемъ корячки не чужды кокетства; въ большинствѣ случаевъ среди нихъ практикуется татуировка лица (чему мотивомъ является, кажется, ревность). Коряки большею частью двоеженцы; религіозныя вѣрованія ихъ связаны съ шаманствомъ и жертвоприношеніями; танцы ихъ отличаются образностью и остроуміемъ. Главнымъ богатствомъ края является рыба; обиліе ея въ рѣкахъ баснословно; во время хода сельдей нельзя часто провести весломъ; въ теченіе часа отдѣльными сачками легко наловить до сотни больших лососинъ. Но это богатство, за отсутствіемъ умѣнья консервировать рыбу, соли, копченья, мало обезпечиваетъ населеніе. Обученіе же способамъ консервированія крайнѣ важно, ибо за послѣднее время пушной промыселъ сильно падаетъ. Санитарное положеніе края также крайне незавидно, моровыя эпидеміи, идущія изъ Якутска и моремъ, страшно уничтожаютъ инородцевъ. Большой недостатокъ врачей и медикаментовъ, пріобрѣтеніе послѣднихъ затрудняется отсутствіемъ денежныхъ знаковъ. Ко всему этому присоединяются еще два зла: сифилисъ, оставленный въ наслѣдство краю въ 1854 г. флотиліей китобоевъ, и проказа. Школъ почти нѣтъ, въ Охотскѣ и Гижигѣ онѣ числятся только офиціально и только въ Петропавловскомъ округѣ существуютъ въ количествѣ 5—6. II. 25-го апрѣля состоялось засѣданіе общества по отдѣленіямъ географіи математической и физической. В. В. Витковскій, предсѣдательствовавшій въ собраніи, познакомилъ послѣднее съ новымъ приборомъ для нивелированія, предложеннымъ русскимъ инженеромъ Шварцомъ еще въ 1890 году. Опыты съ этимъ приборомъ дали довольно хорошіе результаты, и пользованіе имъ, благодаря простотѣ его устройства (двѣ стеклянныя трубки, наполняемыя водой, соединены 10-ти-саженной гуттаперчевой кишкой), имѣетъ много практическихъ удобствъ, — имъ можно нивелировать въ лѣсу, въ туннеляхъ, ночью и т. п. Къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстно, и нигдѣ нѣтъ указаній, кто такой самъ инженеръ Шварцъ. Затѣмъ А. И. Звегинцевымъ было сдѣлано очень интересное сообщеніе: «Путешествіе по Сѣверной Кореѣ въ 1898 году». Задачи этой экспедиціи при короткомъ срокѣ требовали очень быстраго исполненія, почему она и была разбита на восемь отрядовъ; отрядъ А. И. Звегинцева, двигаясь отъ Ново-Кіевска на югъ, въ продолженіе 90 дней успѣлъ обслѣдовать болѣе тысячи верстъ пути. Гранью между нашими и корейскими владѣніями является рѣка Туманганъ. Первый городъ Пурехесъ лежитъ въ пяти дняхъ пути отъ границы; отсюда дорога поворачиваетъ внутрь страны; долина верхняго Тумангана еще суровѣе. Управляется страна губернаторомъ и приставами, завѣдывающими округами по назначенію на три года; волости и селенія имѣютъ выборную администрацію. Повинности прежде были натуральными, но теперь постепенно переходятъ на денежныя; благодаря этому переходу, страна принимаетъ видъ запустѣнія: хлѣбные магазины вездѣ разрушены, дороги становятся непроѣздными, сводчатые каменные мосты XVII вѣка смѣняются пляшущими на коз-

лахъ, верстовые столбы валяются разбитыми и т. п. За горами Пейктусанъ идетъ самая дикая часть Кореи, плоскогорье, покрытое дѣвственнымъ лѣсомъ; лѣсъ кореецъ считаетъ своимъ врагомъ и совершенно не умѣетъ имъ пользоваться, зато сосѣдній китаецъ безцеремонно эксплоатируетъ его. Гора Пейктусанъ высотою въ 9 тыс. футовъ, представляетъ потухшій вулканъ, на вершинѣ ея лежитъ озеро, изъ котораго, по мнѣнію многихъ, берутъ начало рѣки Тумангаиъ и Сунгари, по точнымъ же изслѣдованіямъ экспедиціи это не подтвердилось. Южный склонъ плоскогорья, имѣющаго до 8 тыс. фут., богатъ рудниками—желѣзными, мѣдными и золотыми розсыпями—и является такимъ образомъ источникомъ главнаго благосостоянія Кореи; разработка и устройство всѣхъ этихъ богатствъ—чисто кустарныя. Хребетъ Пейктусанъ является гранью климатическаго и племеннаго состава страны; южнѣе его жители болѣе мелки, раскосы, съ другимъ нарѣчіемъ. Мѣстность эта служитъ житницей всей Кореи и даже Япоріи. Корейцы земледѣльцы, они отчасти собственники земли, отчасти испольники, отчасти арендаторы казенной. Экспедиція составила цѣлый рядъ маршрутовъ, нанеся ихъ на карту, опредѣлила 11 астрономическихъ точекъ, собрала колекцію изъ области этнографіи и геологіи. Сообщеніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ діапозитивовъ.

III. 29-го апрѣля состоялось засѣданіе общества по отдѣленію этнографіи. Предсѣдатель В. И. Ламанскій посвятилъ нѣсколько словъ памяти Л. Н. Майкова и В. П. Васильева, коснувшись ихъ научной дѣятельности, связанной съ дѣятельностью географическаго общества; Л. Н. Майковъ былъ въ продолженіе 14 л. предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія; онъ много сдѣлалъ въ области изученія народной поэзіи и знакомства съ русской пѣснью. Затѣмъ д. чл. общества А. А. Башмаковъ сдѣлалъ крайне обширный докладъ «Поѣздка въ Македонію». Поѣздку свою А. А. Башмаковъ совершилъ лѣтомъ 1899 г. въ цѣляхъ выясненія сути македонскаго вопроса и опредѣленія племенной принадлежности македонскихъ славянъ. Вниманіе свое референтъ главнымъ образомъ остановилъ на западной части Македоніи. Сдѣлавъ небольшой географическій очеркъ страны и характеристику македонца, докладчикъ перешелъ къ центральному вопросу своего доклада, вопросу этнографическому. Въ настоящее время споръ о принадлежности македонцевъ къ болгарамъ или сербамъ весьма обострился; самымъ крайнимъ представителемъ сербской партіи въ литературѣ явился Гойчевичъ, книга котораго переведена на русскій языкъ; этотъ трудъ, по мнѣнію докладчика, даетъ впечатлѣніе неискренности; онъ считаетъ македонцевъ по обѣ стороны р. Вардара исключительно сербами, исходя изъ того положенія, что македонцы говорятъ на языкѣ, близкомъ сербамъ, непонятномъ болгарамъ, и называютъ себя болгарами, но употребляютъ для этого форму сербскую—бугары. Сербы утверждаютъ довольно справедливо, что до 1878 года въ Македоніи не было ни болгарскихъ церквей, ни школъ, наконецъ, кромѣ языка, сроднаго сербамъ, македонцы имѣютъ сербскіе обычаи, какъ, напримѣръ, празднованіе «Славы». Болгары, къ точкѣ зрѣнія которыхъ склоняется и референтъ, наоборотъ всѣхъ македонцевъ считаютъ болгарами; главнымъ аргументомъ къ этому у нихъ является психическая сторона вопроса; теперь, когда македонскій народъ переживаетъ острый душев-

ный кризисъ, сербы чужды ему, они чужды тому гнету, подъ которымъ находятся македонцы; они не поднимаютъ голоса объ ихъ освобожденіи. Болгарія же находится въ положеніи истинной матери дитяти, принесеннаго на судъ Соломона. На основаніи наблюденій надъ турками и чистокровными албанцами въ Скопле и Велесѣ, говорящими чисто болгарскимъ языкомъ, А. А. Башмаковъ пришелъ къ твердому заключенію, что болгарскій языкъ въ Македоніи—языкъ природный. Въ этомъ г. Башмаковъ, бывшій въ Македоніи наѣздомъ, діаметрально разошелся съ такимъ знатокомъ Македоніи и Албаніи, какъ извѣстный консулъ нашъ сначала въ Призренѣ, а потомъ въ Салоникахъ,—г. Ястребовъ, прожившій въ странѣ разъ во сто дольше, чѣмъ г. Башмаковъ. По поводу племенного спора было сдѣлано нѣсколько замѣчаній присутствовавшимъ на засѣданіи г. Милюковымъ. Онъ склоняется также къ основной точкѣ зрѣнія А. А. Башмакова, что Македонія—страна болгарская; успѣхи сербской пропаганды за послѣднее время объясняются измѣненіемъ политики турокъ и желаніемъ послѣднихъ вселять рознь; но пока идетъ теоретическій споръ между сербами и болгарами, практически онъ повертывается и кончится не въ пользу ни тѣхъ, ни другихъ, благодаря происходящей въ Македоніи албанской эмиграціи и албанизаціи края. Остальную часть доклада А. А. Башмаковъ посвятилъ описанію страны, тяжелаго положенія порабощенныхъ македонцевъ и нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ. Онъ представилъ яркіе пестрые контрасты богатѣйшихъ условій и страшной нищеты, полнаго произвола и тираніи съ одной стороны и свободы революціонной пѣсни—съ другой. Докладъ иллюстрировался діапозитивами.

Россійское общество защиты женщинъ. Въ С.-Петербургѣ возникло, подъ предсѣдательствомъ принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, Россійское общество защиты женщинъ—съ цѣлью содѣйствовать предохраненію дѣвушекъ и женщинъ отъ опасности быть вовлеченными въ развратъ и возвращенію уже падшихъ женщинъ къ честной жизни. Въ настоящее время комитетомъ общества, предсѣдательство въ которомъ приняла на себя принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, установленъ слѣдующій планъ дѣятельности. Соотвѣтственно съ основными задачами общества заботы его направляются ближайшимъ образомъ 1) на мѣры предупредительнаго характера съ цѣлью предохраненія дѣвушекъ и женщинъ отъ вовлеченія въ развратъ; 2) мѣры нравственнаго воздѣйствія на падшихъ женщинъ съ цѣлью возвращенія ихъ къ честной жизни и 3) мѣры объединенія дѣла защиты женщинъ. Каждая изъ этихъ отраслей дѣятельности общества распадается на отдѣльные виды. I. Мѣры предупредительнаго характера выразятся: 1) въ заботахъ по обнаруженію и разслѣдованію положенія дѣвушекъ и женщинъ, которымъ можетъ угрожать опасность вовлеченія въ развратную жизнь, въ связи съ непосредственными мѣрами предупредительнаго воздѣйствія на нихъ; 2) въ предоставленіи имъ немедленно временнаго пріюта; 3) въ заботахъ по устройству ихъ дальнѣйшей судьбы путемъ предоставленія или пріисканія имъ постоянныхъ занятій и др. II. Мѣры воздѣйствія на падшихъ женщинъ: 1) въ розысканіи ихъ, обслѣдованіи ихъ положенія и мѣрахъ нравственнаго на нихъ вліянія и увѣщанія съ цѣлью вызвать въ нихъ стремленіе вернуться

[illegible] жизни; 2) въ продоставленіи имъ немедленно временнаго пріюта; [illegible] устройствѣ ихъ дальнѣйшей судьбы. III. Мѣры объединенія дѣла защиты [illegible] выражается: 1) въ заботахъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ от[illegible] общества и содѣйствіи къ возникновенію самостоятельныхъ органи[illegible] по примѣру Московскаго общества улучшенія участи женщины); 2) въ [illegible] взаимныхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранными обществами защиты [illegible] женщинъ съ цѣлью сосредоточенія данныхъ объ ихъ дѣятельности, установле[illegible] взаимодѣйствія между ними и пр; 3) въ устройствѣ съѣздовъ дѣятелей [illegible] защитѣ женщинъ въ цѣляхъ уясненія наиболѣе раціональныхъ способовъ [illegible]щественія относящихся къ этому дѣлу задачъ. Исходя изъ признанія плодотворности начала раздѣленія труда, особенно въ такомъ сложномъ дѣлѣ, комитетъ нашелъ необходимымъ образованіе особыхъ группъ или отдѣловъ для ближайшаго завѣдываиія тою или другою изъ намѣченныхъ отраслей. Отдѣламъ этимъ признано желательнымъ предоставить, при сохраненіи единства въ дѣятельности общества, возможно широкую самостоятельность, какъ главное условіе жизнеспособности отдѣловъ, которое поможетъ имъ привлечь къ своей работѣ людей съ инициативой, энергичныхъ и преданныхъ дѣлу. Въ настоящее время уже организуются отдѣлы, имѣющіе своею задачею слѣдующія отрасли: 1) обнаруженіе и разслѣдованіе положенія дѣвушекъ и женщинъ, которымъ надлежитъ оказать защиту; 2) устройство предупредительныхъ пріютовъ и общежитій; 3) устройство временныхъ пріютовъ для проститутокъ, обнаружившихъ стремленіе вернуться къ честной жизни; 4) заботы о дальнѣйшей судьбѣ выходящихъ изъ пріютовъ обѣихъ категорій. Въ ближайшемъ будущемъ предположено образовать: отдѣлъ юридической помощи женщинамъ, сдѣлавшимся жертвами преступнаго вовлеченія въ развратъ, а также отдѣлъ литературный, на которомъ будутъ лежать заботы по устройству публичныхъ лекцій, изданію брошюръ и статей по вопросамъ, входящимъ въ задачи общества. Для того, чтобы на первыхъ же порахъ обезпечить раціональную постановку изложенныхъ отраслей дѣятельности общества, необходимъ возможно болѣе широкій притокъ и денежныхъ средствъ, и личныхъ силъ. Важность задачи борьбы съ ужаснымъ застарѣлымъ зломъ, развитію котораго нужно оказать энергическое противодѣйствіе, служитъ порукою тому, что она встрѣтитъ сочувственное къ себѣ отношеніе въ многочисленныхъ кругахъ русскаго общества. Въ средѣ ихъ найдется, можно быть увѣреннымъ, не малое количество лицъ, которыя пожелаютъ выразить свое сочувствіе въ активной формѣ и содѣйствовать успѣху изложенныхъ начинаній путемъ пожертвованій въ пользу общества, а также принятіемъ непосредственнаго дѣятельнаго участія въ работахъ его. Пожертвованія въ пользу общества принимаются: 1) у казначея общества барона Г. Г. Винекена (Екатерин. кан., 156), 2) въ конторѣ предсѣдательницы комитета Е. В. принцессы Саксенъ-Альтенбургской (Фонтанка, 46), 3) у товарища предсѣдателя А. А. Сабурова (Инженерная, 4)

НЕКРОЛОГИ.

Айвазовскій, И. К. 18-го апрѣля, въ имѣніи Шейхъ-Мамай, близъ Ѳеодосіи, внезапно скончался знаменитый маринистъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій. Кому не только въ Россіи, но и за границей не извѣстно имя Айвазовскаго, въ продолженіе 65-ти лѣтъ обогащавшаго своими маринами художественныя галлереи всего міра? Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, по происхожденію армянинъ, родился въ Ѳеодосіи 17-го іюля 1817 года, и, еще будучи мальчикомъ, обратилъ на себя вниманіе своими рисунками. Благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ, заинтересовавшихся имъ лицъ, И. К. попалъ въ качествѣ пенсіонера въ академію художествъ въ 1833 году. Первымъ учителемъ его въ области живописи «морскихъ видовъ» былъ Филиппъ Тоннеръ; первой работой его былъ «Этюдъ воздуха надъ моремъ», написанный въ 1835 году, за который онъ получилъ первую серебряную медаль. Съ тѣхъ поръ Иванъ Константиновичъ посвятилъ себя, исключительно, любимому имъ морю. Въ маринахъ его не чувствовалось подражаніе: каждый мотивъ разрабатывался по-своему оригинально, сильно. Въ компановкѣ его картинъ чувствовался лиризмъ; каждый сюжетъ, каждая композиція были проникнуты несомнѣнной поэзіей. Интересно, что первая картина И. К. Айвазовскаго, «Этюдъ воздуха надъ моремъ», была снята съ выставки, благодаря проискамъ его же профессора Тоннера. Но профессоръ Зауэрвейдъ, первый оцѣнившій работу И. К., лично изложилъ императору Николаю I причины зависти француза къ блестящему молодому конкурренту, и молодому Айвазовскому дана была возможность продолжать свою славную артистическую карьеру. Въ слѣдующемъ году И. К. сопровождалъ уже великаго князя Константина Николаевича въ плаваніи, далѣе провелъ два года у себя на родинѣ въ Крыму и

на Кавказѣ, а затѣмъ отправился въ заграничное путешествіе, побывавъ послѣдовательно въ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи и Испаніи. Въ Римѣ папа Григорій XVI за композицію картины «Хаосъ» пожаловалъ ему золотую медаль. Въ 1842 году И. К. Айвазовскій выставилъ свои марины въ Венеціи, въ слѣдующемъ году въ Парижѣ, а у себя на родинѣ получилъ званіе академика. Четырнадцать лѣтъ спустя, за выставленную въ Парижѣ картину «Четыре богатства Россіи», И. К. былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Вернувшись изъ вторичнаго путешествія съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ Константинополь и Грецію, покойный маринистъ получилъ званіе профессора. Въ цѣломъ рядѣ картинъ Айвазовскій изобразилъ крымскую кампанію, а изъ картинъ, иллюстрировавшихъ послѣднюю русско-турецкую войну, особенный интересъ возбудила картина—«Знаменіе времени». Преклонные годы нисколько не вліяли на знаменитаго художника; на девятомъ десяткѣ лѣтъ онъ изучалъ попрежнему природу, находилъ въ ней новые мотивы и работалъ неустанно, почти до послѣднихъ дней. Даже здѣсь, подъ сѣрымъ небомъ Петербурга, имъ только въ мартѣ мѣсяцѣ была закончена еще одна марина. Цѣлыя галлереи колоссальныхъ холстовъ ежегодно выходили изъ-подъ его кисти, и всѣ они являлись законченными образцовыми вещами. Количество созданныхъ Айвазовскимъ картинъ феноменально; въ исторіи живописи нѣтъ примѣра, чтобы художникъ оставилъ послѣ себя болѣе четырехъ тысячъ картинъ масляными красками и безконечное количество рисунковъ. Разсѣяны онѣ по всѣмъ галлереямъ Европы и Америки. И. К. Айвазовскій—второй изъ русскихъ художниковъ, удостоившійся величайшей почести: ему предложили написать свой собственный портретъ для картинной галлереи палаццо Питти, гдѣ собраны всѣ портреты выдающихся художниковъ, писанные ими самими, начиная съ эпохи возрожденія. Любимѣйшими мотивами Айвазовскаго были: сѣрый день на морѣ, гроза на морѣ, штиль, лунная ночь, восходъ луны, восходъ и закатъ солнца на морѣ, побережье Крыма, военно-грузинская дорога, малороссійскіе хутора, обвалы въ горахъ, зима, портреты судовъ, фантастическія композиціи (каковы его: «Хаосъ», «Объѣздъ Нептуномъ своихъ владѣній», «Рожденіе Венеры», «Потопъ», «Гибель Помпеи» и пр.) и композиціи историческаго характера: библейскія сцены, сцены изъ эпохи завоеванія Кавказа и пр. Скончался И. К. Айвазовскій на 83 году отъ рожденія. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, № 8672 и 8675; «Новости» 1900, № 108; «Русск. Вѣд.» 1900, №№ 109, 116 и 118; «Моск. Вѣд.» 1900, № 114; «Россія» 1900, №№ 353 и 354).

† **Вадбольскій, Н. М.** Въ Москвѣ скончался 13-го апрѣля князь Николай Михайловичъ Вадбольскій, принадлежавшій къ числу видныхъ русскихъ коннозаводчиковъ-спортсменовъ. Покойный имѣлъ конный заводъ въ Тульской губ. и принималъ близкое участіе въ дѣятельности Московскаго общества охотниковъ конскаго бѣга и Императорскаго общества правильной охоты. Будучи знатокомъ охоты и рысистаго спорта, онъ написалъ нѣсколько цѣнныхъ статей, помѣщенныхъ въ разное время въ «Природѣ и Охотѣ», «Журналѣ Коннозаводства», журналѣ «Спортъ» и другихъ изданіяхъ. Имъ былъ редактированъ между прочимъ первый томъ «Книги рысистыхъ лошадей». (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8671).

† **Гачковскій, Г. И.** Въ первыхъ числахъ мая скончался, въ Рыбинскѣ врачъ Генрихъ Исаевичъ Гачковскій. Покойный родился въ 1844 году, образованіе получилъ въ Новороссійскомъ и Московскомъ университетахъ: въ первомъ онъ кончилъ по разряду естественныхъ наукъ, во второмъ по медицинскому факультету. Г. И. принималъ дѣятельное участіе въ текущей медицинской литературѣ, печатая свои работы во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ» и въ журналѣ «Русская Медицина». Изъ его статей назовемъ «Резорцинъ при злокачественныхъ новообразованіяхъ», «Электрическій свѣтъ, какъ лѣчебное средство, или электро-фото-терапія» (1892 г.), «Электрическій снопъ или вѣтеръ, какъ болеутоляющее средство при зубныхъ болѣзняхъ» (1892 г.), «Холодный электрическій свѣтъ, какъ цѣлебное средство» (1894 г.) и др. Покойный, будучи врачемъ Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д., явился однимъ изъ первыхъ врачей-практиковъ, широко примѣнявшихъ лѣченіе электрическимъ свѣтомъ надъ своими больными. Живя въ Рыбинскѣ, онъ пользовался большой популярностью среди мѣстнаго населенія. Онъ одинаково внимательно относился къ богатымъ и бѣднымъ и никому не отказывалъ во врачебной помощи, когда бы его ни позвали къ больному—днемъ или ночью. Г. И. живо интересовался медицинской наукою и слѣдилъ за ея открытіями и усовершенствованіями. Между прочимъ онъ устроилъ у себя апаратъ для примѣненія Рентгеновскихъ лучей. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8699).

† **Изыльметьевъ, Ө. Д.** 23-го апрѣля, скончался начальникъ Морского инженернаго училища императора Николая I тайный совѣтникъ Өедоръ Дмитріевичъ Изыльметьевъ. Покойный, сынъ морского офицера, родился въ 1832 году, образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской морской академіи. Съ 1855 г. по 1886 г. онъ былъ преподавателемъ Морского корпуса, съ 1886 г. начальникомъ Техническаго училища морского вѣдомства, которое при немъ измѣнилось не только по названію, превратившись въ Морское инженерное, но и по существу, получивъ задачу приготовлять корабельныхъ инженеровъ и инженеровъ-механиковъ. Въ лицѣ покойнаго училище лишилось одного изъ своихъ главныхъ дѣятелей, ревностно старавшихся о созданіи для русскаго флота кадра знающихъ инженеровъ. Подъ его руководствомъ получили воспитаніе и образованіе нѣсколько сотъ морскихъ офицеровъ-спеціалистовъ механики и корабельнаго дѣла. Статьи покойнаго по различнымъ отраслямъ морской механики и техники помѣщались, попреимуществу, въ «Морскомъ Сборникѣ» и создали ему извѣстность въ морскомъ мірѣ. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8679; Россія, 1900, № 359).

† **Корсаковъ, С. С.** Въ Москвѣ скончался 1-го мая извѣстный психіатръ, профессоръ Московскаго университета Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ. Покойный происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, родился въ 1853 г. и образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ врачомъ въ 1875 г. По выходѣ изъ университета онъ занялся изученіемъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней подъ руководствомъ проф. А. Я. Кожевникова. Особенное вниманіе С. С. обратилъ на пагубное вліяніе алкоголизма въ области душевныхъ заболѣваній. Свою дисертацію на степень доктора медицины онъ посвятилъ «Алькогольному параличу», выяснивъ этотъ

вопросъ замѣчательно обстоятельно и всесторонне. Каѳедру психіатріи въ Московскомъ университетѣ онъ занималъ съ 1893 года. Въ это же время онъ издалъ «Курсъ психіатріи», являющійся по настоящее время однимъ изъ лучшихъ руководствъ для студентовъ и врачей. Ему принадлежитъ множество статей, преимущественно по клинической психіатріи, напечатанныхъ въ «Медицинскомъ Обозрѣніи», въ «Трудахъ перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ», въ «Вопросахъ философіи и психологіи» и «Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie». и другихъ журналахъ. Будучи знатокомъ душевныхъ болѣзней, покойный пользовался обширной извѣстностью и имѣлъ большую практику: къ нему пріѣзжали нерѣдко за совѣтомъ и помощью изъ дальнихъ русскихъ городовъ. Онъ принималъ горячее участіе въ дѣятельности московскаго невропатологическаго и психіатрическаго общества и завѣдывалъ психіатрической клиникой Московскаго университета имени А. А. Морозова. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8685; Россія 1900, № 367; Новости 1900, № 122; Русск. Вѣд. 1900, №№ 123 и 130; Моск. Вѣд. 1900, № 121).

† **Морозовъ, Ю. И.** Въ ночь на 30-е апрѣля скончался въ Харьковѣ послѣ продолжительной болѣзни заслуженный профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ физики и физической географіи Юрій Ивановичъ Морозовъ. Покойный родился въ 1835-мъ году, образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ со степенью кандидата физико-математическаго факультета. Начавъ свою службу въ качествѣ преподавателя физики въ мѣстной гимназіи, онъ вскорѣ былъ командированъ за границу съ ученой цѣлью и по возвращеніи оттуда утвержденъ Харьковскимъ университетомъ въ званіи магистра физики и приглашенъ въ качествѣ доцента читать въ университетѣ физику. Это было въ 1863-мъ году. Съ тѣхъ поръ покойный не разставался съ университетомъ, занимая съ 1867-го года каѳедру физической географіи. Въ 1870-мъ году онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Матеріалы для объясненія образованія градинъ», представленную имъ для полученія степени доктора физической географіи. Ю. И. принималъ дѣятельное участіе въ университетской жизни. Онъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ секретаремъ физико-математическаго факультета, составлялъ систематическій каталогъ университетской библіотеки и пр. Досуги своей службы покойный посвящалъ изученію археологіи и мѣстныхъ древностей. Ему принадлежитъ между прочимъ цѣнное изслѣдованіе «О городищахъ». Особенно видное участіе принималъ покойный въ харьковскомъ обществѣ испытателей природы, въ которомъ состоялъ до дня своей кончины предсѣдателемъ. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8686; Россія 1900, № 369.).

† **Преосвященный Павелъ.** 23-го апрѣля скончался преосвященный Павелъ, бывшій епископомъ сперва Вологодской, а затѣмъ Псковской и Олонецкой епархіи. Въ послѣдніе три года покойный былъ настоятелемъ Высоко-Петровскаго монастыря, въ которомъ и скончался на 90 году жизни. Преосвященный Павелъ, въ мірѣ Прокопій Ниловичъ Доброхотовъ, получилъ образованіе въ тамбовской духовной семинаріи и с.-петербургской духовной академіи. Онъ кончилъ курсъ со степенью магистра богословія въ 1837 г. и былъ опредѣленъ преподавателемъ въ литовскую духовную семинарію, а въ 1847 г. принялъ

монашество. Въ санѣ архимандрита о. Павелъ былъ послѣдовательно ректоромъ полоцкой, рижской, екатеринославской, могилевской и вятской духовныхъ семинарій. Епископомъ онъ былъ съ 1866 г. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8678; Россія 1900, № 360; Моск. Вѣд. 1900, № 112).

† **Циммерманъ, Р. Э.** 17-го апрѣля, въ Самарѣ скончался молодой даровитый писатель Романъ Эмильевичъ Циммерманъ. Покойный родился въ 1866 г. въ Москвѣ, гдѣ, по окончаніи реальнаго училища, поступилъ въ московское техническое училище. Здѣсь, однако, его учебныя занятія были прерваны пятилѣтней административной ссылкой. Оторванный въ юношескомъ возрастѣ отъ семьи и заброшенный въ глушь Сибири, Р. Э. не опустилъ въ безсиліи руки, а расширилъ свой кругозоръ путемъ самообразованія и выработалъ въ себѣ ту стойкость характера и убѣжденія, которая отразилась и въ его литературныхъ работахъ.

Годы испытаній почти не отразились на его внѣшности, и только преждевременно посѣдѣвшая голова свидѣтельствовала о пережитыхъ невзгодахъ. Вдумчивый и искренній, чуждый всякой рисовки, покойный и тогда уже производилъ впечатлѣніе человѣка убѣжденнаго, выработавшаго себѣ опредѣленный взглядъ на задачи писателя. По пріѣздѣ въ Самару онъ началъ работать въ «Самарской Газетѣ» и въ «Самарскомъ Вѣстникѣ» до прекращенія этого изданія, принимая ближайшее участіе въ редакціи и завѣдуя отдѣломъ передовыхъ статей. Вынужденный жить въ провинціи, Р. Э. Циммерманъ поступилъ на службу въ управленіе дороги (гдѣ занималъ въ послѣднее время видное мѣсто), но не прерывалъ и литературныхъ занятій. Писалъ онъ подъ псевдонимомъ Р. Гвоздева и, кромѣ мелкихъ очерковъ изъ сибирской жизни («Смѣнщикъ»—въ «Русск. Бог.» 1896 г. и «Горбачъ»—въ «Жизни» 1899 г.), помѣстилъ въ «Научномъ Обозрѣніи» за 1898 г. статью «Къ вопросу о телеологичности историческаго процесса», а въ 1899 г. появилась отдѣльной книгой его крупная работа «Кулачество и ростовщичество», гдѣ онъ высказался по поводу совершающейся у насъ экономической эволюціи. Обѣ послѣднія работы были въ свое время отмѣчены печатью. Въ послѣднее время Р. Э. занятъ былъ историко-соціальнымъ изслѣдованіемъ «Интеллигенція». Первая часть этого интереснаго труда должна появиться въ ближайшіе мѣсяцы въ одномъ изъ «толстыхъ» петербургскихъ журналовъ. Что могъ бы дать онъ еще русской общественной мысли, то знаютъ его друзья и читатели. Ранняя смерть прервала могучую, повидимому, жизнь въ самомъ расцвѣтѣ ея физическихъ и духовныхъ силъ.

Иронія судьбы: за день до смерти Р. Э. получилъ столь желанную для него возможность переѣхать въ Петербургъ, гдѣ бы онъ могъ развить свою общественно-литературную дѣятельность. (Некрологи его: Россія 1900, № 362; Сѣв. Кур. 1900, № 179).

† **Шефферъ, В. А.** Въ Москвѣ скончался 18-го апрѣля экстраординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ римской словесности Валеріанъ Александровичъ Шефферъ. Несмотря на свои 36 лѣтъ, покойный былъ уже докторомъ классической филологіи и пользовался извѣстностью знатока классической литературы. В. А., сынъ профессора Кіевскаго университета А. А.

Шеффера, родился въ 1864 г. и образованіе получилъ сначала въ первой кіевской гимназіи, а затѣмъ на историко-филологическомъ факультетѣ Кіевскаго университета. По окончаніи курса онъ приватно слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ, а по выдержаніи въ 1886 г. магистерскаго экзамена былъ командированъ на три года за границу. Читать лекціи въ Московскомъ университетѣ онъ началъ въ 1889 г. въ качествѣ привать-доцента, а въ 1892 г. былъ назначенъ уже экстраординарнымъ профессоромъ. Изъ его ученыхъ трудовъ назовемъ «De Deli insulae rebus» (магистерская диссертація), «Аѳинское гражданство и народное собраніе» (докторская диссертація), «Домъ Веттіевъ» и рядъ статей въ «Филологическомъ Обозрѣніи», «Berliner Philosophische Wochenschrift» и «Bursian's Jahresbericht» и издалъ «Каталогъ книгъ библіотеки семинаріи при историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета» (1895 г.). Чтеніе лекцій В. А. продолжалъ до самой своей смерти, являясь однимъ изъ выдающихся представителей филологической каѳедры и пользуясь большими симпатіями среди студентовъ. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8674; Сѣв. Кур. 1900, № 167; Новости 1900, № 109).

ЖЕЛАННЫЙ КОРОЛЬ.

(La Fontana de oro)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИСПАНСКАГО

ЕК. УМАНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

I.

Улица Святого Іеронима въ 1821 году.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ шести памятныхъ лѣтъ, протекшихъ между 1814 и 1820 годами, Мадридъ былъ свидѣтелемъ цѣлаго ряда празднествъ «по поводу счастливыхъ событій», какъ выражались газеты того времени. Воздвигались тріумфальныя арки, задрапированныя цвѣтными матеріями, по улицамъ тянулись процессіи различныхъ обществъ и братствъ, и на всѣхъ углахъ были наклеены афиши съ подходящими къ обстоятельствамъ патріотическими стихами поэта Арріазы. Во всѣхъ этихъ празднествахъ народъ былъ не что иное, какъ зритель наряду съ алькадами, монахами и генералами, и держалъ себя такъ, какъ ему было предписано.

Въ періодъ между 1820 и 1823 годами положеніе вещей было иное. Тогда не существовало процессій, народъ изо дня въ день жилъ своею личною жизнью, не обращая вниманія на статьи газетъ; безъ тріумфальныхъ арокъ, безъ фейерверковъ, безъ знаменъ, онъ приводилъ въ волненіе весь городъ, превращалъ его улицы въ театръ бурной радости или шумныхъ безумствъ; однимъ единодушнымъ крикомъ смущалъ спокойствіе того, кто по какой-то насмѣшкѣ исторіи былъ прозванъ «Желаннымъ», съ глухимъ ропотомъ собирался у воротъ дворца или у церкви Маріи Арагонской, гдѣ находились кортесы.

Это были годы, полные большихъ событій для грязнаго, неудобнаго, неспокойнаго и мрачнаго города. Это уже не былъ торжествующій Мадридъ достославныхъ дней 2-го мая и 3-го сентября.

Это былъ очагъ конституціонной пропаганды той эпохи, это была каѳедра, съ которой самая блестящая молодежь Испаніи краснорѣчиво проповѣдывала новое право. Несмотря на это, городъ имѣлъ крайне непріятный видъ. Статуя Мари-Бланки все продолжала стоять у Puerta del Sol на своемъ грубомъ пьедесталѣ, но теперь была свидѣтельницею революціонныхъ волненій народа, всегда собиравшагося въ этомъ мѣстѣ для своихъ овацій и возмущеній.

Еслибъ можно было перенести читателя къ Санъ-Филипе, этому капитолію политическихъ и общественныхъ вымысловъ, или посадить его на влажную ограду фонтана Мари-Бланка, пунктъ, гдѣ собирались подонки общества, то онъ понялъ бы, какая разница между тѣмъ, что мы видимъ теперь, и что видѣли наши дѣды нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Онъ, несомнѣнно, обратилъ бы вниманіе на то, что большая часть праздныхъ людей, съ незапамятныхъ временъ собиравшихся въ этомъ мѣстѣ, покидаетъ его съ наступленіемъ вечера и направляется къ улицѣ Санъ-Іеронимо или къ другимъ смежнымъ улицамъ. Эта публика шла въ клубы, на патріотическія собранія, въ «Золотой Фонтанъ», въ «Великій Востокъ», въ «Лоренчини», въ «Мальтійскій крестъ». Изъ группъ выдавалось нѣсколько личностей, пользовавшихся, повидимому, уваженіемъ и почетомъ остальныхъ. Онѣ то водворяли тишину въ толпѣ, то, оборачиваясь назадъ, складывали крестообразно руки, какъ бы призывая къ вниманію; по всему было видно, что онѣ имѣютъ большое вліяніе на толпу.

Большая часть направлялась на улицу Святого Іеронима, такъ какъ въ ней находился наиболѣе посѣщаемый и самый революціонный изъ всѣхъ клубовъ «Золотой Фонтанъ». Но прежде чѣмъ войти въ него, опишемъ улицу Святого Іеронима, которая тогда, какъ и теперь, была самою шумною и оживленною улицей столицы.

Теперь, когда мы видимъ, что большая часть этой улицы состоитъ изъ отдѣльныхъ домовъ, намъ трудно себѣ представить, что тогда она состояла лишь изъ высокихъ стѣнъ, да трехъ-четырехъ монастырей. Она тонула въ темнотѣ, образуемой широкою стѣной монастыря Викторія съ одной стороны и старою глиняною стѣной Buen Suceso—съ другой. Изъ-за глиняной стѣны, служившей продолженіемъ монастыря Пинто, возвышались верхушки кипарисовъ, росшихъ надъ могилами. Напротивъ находился монастырь итальянцевъ, почти въ томъ же видѣ, въ какомъ мы его знаемъ теперь, а ниже монастырь Святого Духа, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь конгрессъ депутатовъ.

Дома грандовъ чередовались съ монастырями. Въ нижней части улицы виднѣлся широкій фасадъ дворца Мединачели, съ его безчисленными окнами, садомъ и часовней; напротивъ—дворцы Вальмедьяносовъ, Пингателли и Гонзаго; дальше—Пандо и Мачеда и наконецъ домъ Хихаръ, получившій недавно историческое значеніе,

какъ оказавшій гостепріимство монарху. Для частныхъ домовъ и лавокъ оставалась лишь третья часть улицы, съ которою намъ необходимо познакомиться, такъ какъ въ ней-то и происходили главныя событія разсказываемой нами исторіи.

Въ началѣ Puerta del Sol, за монастыремъ Викторія находился большой портикъ, ведшій къ старинному дому, который, несмотря на свою отдѣлку и гербы, сдавался въ наемъ. Напротивъ этого классическаго портика находилась дверь, ведшая въ цырюльню. Обладая оригинальною внѣшностью, зеленою дверью, бѣлыми занавѣсками, вывѣской, изображавшей какого-то субъекта въ минуту бритья, и даму, которой пускаютъ кровь изъ ноги, цырюльня эта была еще болѣе интересна внутри. Три молодца подъ начальствомъ хозяина Кальехи каждую недѣлю брили тутъ бороды сотнямъ самыхъ заядлыхъ либераловъ. Тутъ велись споры, говорили о королѣ, о кортесахъ, о Веронскомъ конгрессѣ, о «Святомъ союзѣ». Подъ звуки бритвъ декламировались революціонные стихи. Но интереснѣе всего въ этой первой цырюльнѣ Мадрида былъ ея хозяинъ Гаспаръ Кальеха (онъ откинулъ донъ послѣ 1820 года), герой революціи и одинъ изъ главныхъ враговъ короля Фернанда въ 1814 году, какъ онъ самъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ.

Далѣе находилась лавка ирландцевъ, полная самыхъ разнообразныхъ товаровъ: тутъ были и спички, и матеріи для жилетовъ и панталонъ, и цвѣтные галстухи и проч., и проч. Хозяинъ лавки, толстый краснолицый ирландецъ, напоминавшій собою быка и окончательно объиспанившійся, былъ горячимъ приверженцемъ короля, но по политическимъ обстоятельствамъ и особенно потому, что происходило на улицѣ Святого Іеронима, тщательно скрывалъ это. Говорили, что когда по улицѣ проѣзжалъ король или донъ-Карлосъ, коммерсантъ немедленно выскакивалъ изъ-за прилавка, подбѣгалъ къ двери и смотрѣлъ на проѣзжавшихъ съ уваженіемъ и плохо скрываемою нѣжностью. Въ остальное время онъ по желанію своихъ пріятелей выражалъ протестъ противъ существующаго порядка вещей.

Около лавки ирландца была книжная торговля, на жалкой выставкѣ которой были отогнуты первыя страницы книгъ въ родѣ: «Исторія Испаніи», «Новеллы Вольтера», «Ночи Юнга», «Чувствительный путешественникъ» и новелла «Артуро и Арабелла», бывшая въ большой модѣ въ то время. Нѣкоторыя произведенія Монтіано, Порчелля, Аріазы, Фенкео, трактатъ о языкѣ цвѣтовъ и Путеводитель довершали книготорговлю.

Рядомъ и какъ бы представляя иллюстрацію къ этому литературному храму, находился магазинъ парфюмеріи и драгоцѣнныхъ вещей; тутъ же виднѣлись предметы охоты и деревянныя издѣлія. Среди банокъ съ помадой и косметиками, среди игрушекъ и коробокъ съ булавками виднѣлся археологическій профиль старухи-

хозяйки. Еще дальше была темная, узкая, почти подвальная лавка письменныхъ принадлежностей, съ пучкомъ гусиныхъ перьевъ у двери; изъ самой глубины ея блестѣли узкіе глазки ея владѣльца дона Анатоліо Маса.

Напротивъ помѣщался магазинъ съѣстныхъ припасовъ. Здѣсь заготовлялось къ празднику Рождества до четырехъ сотъ индѣекъ разныхъ достоинствъ. Въ дни именинъ, рожденій и званыхъ обѣдовъ не заказать дичи у Перико Махонеса (такъ звали хозяина) считалось преступленіемъ. Кромѣ рябчиковъ и зайцевъ, здѣсь можно было купить англійское печеніе, бисквиты и марцыпаны.

Невдалекѣ отъ этой лавки виднѣлись шелка, нитки, бумажныя и шерстяныя матеріи, платки, ленты, бѣлье, серьги, булавки Доньи Амброзіи, которая была просто теткой Амброзіей до 1820 года. Это была полная тяжеловѣсная сеньора; она прекрасно вела свою торговлю, а что касается до ея политическихъ воззрѣній, то вся улица считала ее ярой роялисткой.

Эти лавки съ ихъ товарами и хозяевами служили декораціей улицы, и декораціей очень живописною. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ день здѣсь громыхали кареты жившихъ поблизости грандовъ. Эти кареты, о которыхъ теперь нѣтъ и помину, состояли изъ кузова, напоминавшаго корабль, укрѣпленный на желѣзныхъ рессорахъ; четыре тяжелыхъ колеса обдавали грязью прохожихъ. Огромный кузовъ былъ отдѣланъ краснымъ деревомъ съ инкрустаціями изъ тонкаго мрамора или бѣлой жести. На запяткахъ, изображая собою неподвижныя, безжизненныя фигуры, стояли два лакея въ длинныхъ ливреяхъ. На козлахъ сидѣлъ толстый могучій кучеръ, соперничавшій въ силѣ только съ мулами, двигавшими этотъ экипажъ. Ревъ муловъ, говоръ публики, крики разносчиковъ, на лоткахъ которыхъ возвышались колонками продаваемыя сомбреро и другіе предметы, звуки гитары слѣпыхъ музыкантовъ довершали живописность улицы.

Пока мы останавливались на этомъ описаніи, группы приближались къ срединѣ улицы и исчезали въ узкой двери, которая должна была вести въ большое помѣщеніе, судя по тому, какъ много народу оно вмѣщало. Это былъ знаменитый «Золотой фонтанъ, кафэ и ресторанъ», какъ обозначалось на вывѣскѣ у двери. Это былъ центръ собранія пылкой, шумной молодежи, жаждавшей возбуждать страсти народа и выслушивать его необдуманныя оваціи. Это былъ самый извѣстный и самый вліятельный клубъ той эпохи. Его ораторы, тогдашніе неофиты новаго культа, направляли политику страны; многіе изъ нихъ впослѣдствіи охладѣли къ принципу добра. Но мы не касаемся того, что сталось съ этою молодежью въ послѣдующіе годы; нашъ разсказъ относится лишь къ 1821 году.

Тогда демократія, создавшаяся изъ революціонныхъ движеній и народнаго возмущенія, создала новый политическій критерій, ко-

торый съ трудомъ развивался въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Большими безуміями сопровождались благородныя усилія этой молодежи создать не существовавшее до тѣхъ поръ положеніе вещей. Клубы, превратившіеся въ краснорѣчивыя каѳедры и мѣста для научныхъ диспутовъ, потеряли свое настоящее значеніе и сдѣлались убѣжищемъ для обсужденія мѣръ правительства. На такой почвѣ легко было личностямъ восторжествовать надъ принципами и поддаться честолюбивымъ замысламъ, а главное корыстолюбіе и подкупъ, которымъ тогда пользовались, развращали нравы. Истинные патріоты сильно и долго боролись съ этимъ. Неограниченная власть, облекшись въ маску отвратительной демагогіи, проникла въ клубы, наполнила ихъ и въ концѣ концовъ подкупила ихъ. Дѣло въ томъ, что молодежь 1820-хъ годовъ, полная вѣры и храбрости, была слишкомъ довѣрчива или слишкомъ великодушна. Или она не знала подлости своихъ предполагаемыхъ друзей или же, если знала, то надѣялась покорить ихъ благороднымъ оружіемъ: убѣжденіемъ и пропагандой.

Дряхлое общество, еще поддерживаемое нѣкоторыми упорными стариками, вело ожесточенную войну съ обществомъ молодымъ, сильнымъ, призваннымъ къ обладанію будущимъ. Но перейдемъ къ нашему разсказу.

Любопытные собирались у «Золотого Фонтана»; продавцы выходили на улицу; цырюльникъ, любившій, чтобъ его называли гражданинъ Кальеха, былъ также у своей двери, съ бритвой въ рукѣ, и поглядывалъ на клубъ и на собравшихся сосѣдей самонадѣяннымъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Еслибъ я тамъ былъ!..

— Что такое? Что нибудь случилось?

Спрашивавшій былъ одинъ изъ тѣхъ индивидуумовъ, возрастъ которыхъ нельзя опредѣлить, и которые кажутся старыми или молодыми, смотря по силѣ освѣщенія и по выраженію ихъ лица. Онъ былъ малъ ростомъ, и шея, соединявшая его голову съ туловищемъ, была длинна лишь настолько, что онъ не казался горбатымъ. Онъ держалъ руки на своемъ большомъ, выдающемся животѣ, какъ бы нѣжно предохраняя его отъ опасности. Его полузакрытые маленькіе глазки были, однако, очень живы и составляли симметрическую гармонію съ его широкими, эластическими губами, которыя въ пылу разговора удлиннялись въ трубку, что̀ придавало его голосу необыкновенную значительность. Несмотря на его свѣтское платье, въ немъ было что-то монашеское. Его голова какъ бы носила слѣды тонзуры, а широкій плащъ напоминалъ монашескую рясу. Голосъ у него былъ глухой и жесткій, но движенія довольно выразительны и быстры.

Скажемъ, въ довершеніе, что человѣка этого звали Жиль Карраскоза; онъ былъ воспитанъ монахами-августинами и уже гото-

вился сдѣлаться аббатомъ, когда ушелъ изъ монастыря, къ великому изумленію монаховъ. Благодаря придворнымъ связямъ, ему удалось сдѣлаться аббатомъ, но въ 1812 году его лишили этого сана. Тогда онъ сдѣлался горячимъ либераломъ до возвращенія короля Фернандо и при содѣйствіи фаворита Алагона получилъ мѣсто въ королевской канцеляріи на десять тысячъ реаловъ. Тутъ онъ объявилъ себя полнымъ приверженцемъ неограниченной власти, но обѣщаніе конституціи въ 1820 году заставило его измѣнить свои убѣжденія, онъ присталъ даже къ обществу коммунистовъ и перешелъ въ лагерь самыхъ экзальтированныхъ.

— Еще бы не случилось! — отвѣтилъ ему Кальеха.—Сегодня экстренное собраніе въ «Фонтанѣ». Хотятъ просить короля, чтобъ онъ составилъ новое министерство, потому что старое намъ не нравится. Будетъ говорить Алькала Гальяно.

— Этотъ некрасивый андалузецъ...

— Да, онъ самый. Тотъ, который сказалъ мѣсяцъ тому назадъ: «нѣтъ ни прощенья, ни пощады врагамъ свободы! Чего хотятъ эти темные умы, эти?...»—и такъ далѣе, просто сыпалъ золотомъ...

— Ужъ онъ имъ покажетъ,—замѣтилъ Карраскоза.—Что за краснорѣчіе! Что это за талантливый юноша!

— А я, сеньоръ донъ Жиль, уважая ваше компетентное для меня мнѣніе, скажу...

Онъ откашлялся два раза и продолжалъ:

— Скажу, что, любуясь талантомъ Алькалы Гальяно, предпочитаю Ромеро Альпуэнте, потому что онъ выразительнѣе, сильнѣе... Онъ говоритъ съ такимъ увлеченіемъ... напримѣръ: «Кто хочетъ желѣза—тому желѣзо! Пусть тираны не ищутъ опоры въ правосудіи, пусть ищутъ его въ столбахъ висѣлицы, въ безчестномъ плечѣ палача!»

— А я,—возразилъ эксъ-аббатъ,—хоть и восхищаюсь Ромеро Альпуэнте, но предпочитаю Алькалу Гальяно, потому что онъ точнѣе, разсудительнѣе...

— Вы ошибаетесь, другъ Карраскоза. Не сравнивайте этого человѣка съ моимъ любимцемъ. Всѣмъ ораторамъ Испаніи далеко до Ромеро Альпуэнте. Помните, какъ онъ говорилъ: «долой привилегіи, долой излишества, долой эту роскошь, называемую королемъ!»

Кальеха повторялъ эти слова съ необыкновеннымъ паѳосомъ и энтузіазмомъ. Онъ припоминалъ отрывки того, что слышалъ, и все перепутывалъ. Мы забыли сказать, что этотъ гражданинъ Кальеха былъ человѣкъ широкоплечій и очень толстый; природа, создавшая его какъ бы съ исключительною цѣлью изобразить полное сходство человѣка съ быкомъ, надѣлила его очень тонкимъ,

пискливымъ голосомъ, такъ что ужасно смѣшно было слушать, какъ онъ повторялъ то, что говорили ораторы въ «Фонтанѣ».

— Значитъ, наши мнѣнія расходятся,—отвѣтилъ Карраскоза съ большимъ апломбомъ,—потому что, что значитъ это краснорѣчіе въ сравненіи съ краснорѣчіемъ Алькалы, который если скажетъ «я иду», то всѣ пойдутъ за нимъ?

— Это правда,—подтвердилъ одинъ изъ присутствующихъ, по костюму тореро,—это правда. Когда Алькала нападаетъ на тирановъ и начинаетъ горячиться... Недурно отдѣлалъ онъ въ послѣдній разъ инквизицію. Мнѣ особенно нравится, когда онъ начинаетъ тихо-тихо, а кончаетъ все громче и громче. Да, это вотъ ораторъ!

— Повторяю, что всѣ ораторы ничто въ сравненіи съ Альпуэнте!—снова заявилъ Кальеха.—Помните, какъ онъ отдѣлалъ монаховъ? Онъ назвалъ ихъ «каменными могилами»! Ну, кому это придетъ въ голову? А вы, сеньоръ донъ-Жиль, и не толкуйте о вашемъ Алькалѣ Гальяно! Я лучше, чѣмъ кто другой, всѣхъ ихъ знаю!

— Право, не понимаю, сеньоръ донъ Гаспаръ, почему вы считаете себя такимъ компетентнымъ,—важнымъ тономъ произнесъ Карраскоза.

— Да какъ же мнѣ не считать?—пищалъ Кальеха.—Я каждый вечеръ слушаю ихъ и прекрасно знаю, что они такое. И нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на хорошую репутацію, просто болтуны. И какъ это вы, сеньоръ Карраскоза, можете говорить, что я не компетентенъ? Кто вы такой, что бы знать это?

— Кто я такой?.. А что вы понимаете въ рѣчахъ?

— Ну, сеньоръ Жиль, не испытывайте моего терпѣнія. Я считаю васъ самонадѣяннымъ невѣждой!

— Вы, сеньоръ Кальеха, должны уважать тѣхъ, которые по своему образованію... Я имѣю званіе каноника...

— Ну, да, каноникъ знаетъ латинскій языкъ, но что же у него общаго съ политикой? Не вмѣшивайтесь въ эти дѣла, потому что они не для вашей головы.

— Это вы не должны въ нихъ вмѣшиваться,—воскликнулъ внѣ себя Карраскоза.—Въ свободное время отъ бритья бородъ вы должны заниматься вашимъ домомъ.

— Послушайте, сеньоръ каноникъ, латинистъ, монахъ или какъ тамъ васъ! Отправляйтесь-ка читать проповѣди въ монастырь августиновъ, тамъ вы будете болѣе на своемъ мѣстѣ.

— Кабальеро,—произнесъ Карраскоза, краснѣя, какъ томатъ. Несмотря на свое невысокое мнѣніе о цырюльникѣ, онъ побаивался этого гиганта и осматривался по сторонамъ, какъ бы призывая на помощь.

— А теперь я припоминаю,—съ презрѣніемъ прибавилъ цы-

рюльникъ,—что вы еще не заплатили мнѣ за піявки, которыя я ставилъ одной сеньорѣ изъ улицы Горгера, сестрѣ тамбурмажора королевской гвардіи.

— Такъ вы называете меня обманщикомъ? Лучше бы гражданинъ Кальеха припомнилъ, что онъ до сихъ поръ еще не отдалъ девятнадцать реаловъ, которые ему одолжилъ мой кузенъ, торговецъ дичью.

— И ты и твой торговецъ дичью—одного поля ягоды!

— Да, и не дурно бы ему припомнить гитару, которую онъ укралъ у Перико Сардина.

— Гитару? И вы говорите, что я укралъ гитару? Однако, вы дерзки...—проговорилъ цырюльникъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Разсказывайте, знаемъ мы васъ!

— И тебя знаемъ! Ты былъ роялистомъ и ухаживалъ за Астолазой, чтобъ онъ далъ тебѣ какое нибудь мѣстечко. Тогда ты кричалъ viva неограниченному королю и во время карнавала подносилъ ему на Прадо цвѣты вмѣстѣ со студентами. А я, хоть и цырюльникъ, но всегда былъ либераломъ. Да, сеньоры. Либералъ, хоть и цырюльникъ; я не какой нибудь прощалыга, а честный гражданинъ и либералъ, какъ и всякій другой. А эти роялисты теперь ужъ измѣнили своимъ убѣжденіямъ; послѣ того, какъ по ихъ наговорамъ переполнились всѣ тюрьмы, они стоятъ за конституцію и ужъ кричатъ viva свободѣ.

— Сеньоръ Кальеха, вы забываетесь!

— Приверженецъ короля!

Эти слова были самымъ большимъ оскорбленіемъ въ ту эпоху. Когда они произносились, оставалось только поссориться.

Уже артистическое орудіе, изобрѣтенное для улучшенія и бритья бородъ половины рода человѣческаго, поднялось въ рукѣ раздраженнаго цырюльника; уже остріе его блестѣло надъ беззащитной головой аббата и каноника, какъ другая рука предотвратила ударъ, долженствовавшій раскроить на части всѣ каноническія познанія. Эта спасительная рука принадлежала могучей супругѣ Кальехи, которая, сидя въ углу цырюльни, увидала угрожающее движеніе своего мужа, быстро бросила работу и ребенка, кормившагося у ея монументальной груди, наскоро застегнула платье, подбѣжала къ двери и избавила бѣднаго Карраскозу отъ вѣрной смерти.

Нѣсколько мгновеній эти три фигуры представляли собою интересную нѣмую группу: Кальеха съ поднятой рукой и пылающимъ лицомъ; его толстая, широкоплечая супруга, поддерживающая на вѣсу его руку, и бѣдный нѣмой отъ ужаса Жиль. Донья Тереза Бургильосъ, такъ звали супругу Кальехи, была сеньора колоссальныхъ размѣровъ, но въ эту минуту она по своей величественности напоминала Минерву въ тотъ моментъ, когда та удерживаетъ руку Ахиллеса; но надо сознаться, что Агамемнонъ изъ королевской канцеляріи представлялъ собою мало классическаго.

— Гражданинъ Кальеха,—спокойнымъ тономъ произнесла эта сеньора,—не поднимай твоего оружія на этого жалкаго труса, побереги его для тирановъ.

Кальеха сложилъ бритву и спряталъ ее для тирановъ.

Дона Жиля увлекли съ собою товарищи, желавшіе избѣжать катастрофы, и собравшаяся группа скоро разошлась.

А храбрая амазонка вернулась къ прерваннымъ занятіямъ. Не будемъ передавать всего того, что она говорила въ то время, какъ ея ребенокъ снова завладѣлъ такъ неожиданно потерянной грудью. Скажемъ только въ похвалу доньѣ Терезѣ Бургильосъ, что она умѣла читать, хоть это ей доставалось и не легко, учила на память печатныя рѣчи и, наслушавшись въ цырюльнѣ либеральнаго краснорѣчія, сдѣлалась большимъ политикомъ; съ большимъ энтузіазмомъ относилась къ Ріего и Квирогѣ, хотя и признавалась, что люди слова нравятся ей больше, чѣмъ люди сабли, и увѣряла, что не знаетъ болѣе скромнаго кабальеро, чѣмъ Мартинесъ де-ла-Роза.

II.

Клубъ патріотовъ.

Въ «Фонтанѣ» было два отдѣленія: одно предназначалось для кафэ, другое для политики. Въ первомъ было разставлено нѣсколько столовъ. Далѣе, въ углу предназначалось мѣсто для засѣданій. Вначалѣ ораторъ становился на столъ и произносилъ рѣчь; впослѣдствіи хозяинъ кафэ счелъ необходимымъ поставить каѳедру. Сюда стекалась такая толпа, что пришлось прибавить много скамеекъ; затѣмъ, вслѣдствіе соперничества этого клуба съ «Великимъ Востокомъ» здѣсь начали рѣшаться политическіе вопросы, и ярые либералы уѣзжали отсюда умѣренными. Наконецъ, было рѣшено, что собранія будутъ тайныя, и клубъ перевели въ верхній этажъ. Тѣ, кто внизу пили кофе или шоколадъ, чувствовали, какъ дрожалъ потолокъ во время горячихъ преній наверху, и боясь, чтобы на нихъ не обрушился потолокъ вмѣстѣ со всѣми патріотами, перестали посѣщать кафэ.

Однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе озабочивавшихъ хозяина «Золотого Фонтана», былъ вопросъ о томъ, чтобы соединить патріотизмъ съ коммерціей, засѣданія клуба съ посѣтителями кафэ. Онъ умолялъ не шумѣть, но это было принято за приверженство королю, шумъ усиливался, и посѣтители расходились. Въ разсказываемую нами эпоху засѣданія производились еще въ нижнемъ этажѣ. Это были хорошіе дни «Фонтана». Всякій, кто приходилъ пить кофе, былъ членомъ собраній.

Среди многочисленныхъ недостатковъ этого клуба, нельзя было упрекнуть его лишь въ одномъ: въ просторности; наоборотъ, это было узкое, неправильное, низкое, почти подвальное помѣщеніе. Толстыя балки, поддерживавшія потолокъ, были несимметричны. Для того, чтобы устроить кафэ, пришлось разобрать кирпичную стѣну, а, получивъ такимъ образомъ необходимое помѣщеніе, надо было его со вкусомъ отдѣлать.

Этимъ занялись лучшіе художники города. Они обратили вниманіе на тонкія стѣны, толстыя балки и массивный потолокъ и рѣшили, что вертикальныя балки надо укрѣпить, придавъ имъ видъ колоннъ; затѣмъ, стѣны были оклеены разрисованными обоями; рисунокъ изображалъ черепа козъ, рога которыхъ были перевиты цвѣтами и фруктами, что производило тяжелое впечатлѣніе. Колонны были выкрашены въ бѣлый цвѣтъ съ розовыми и зелеными разводами, подъ яшму. На стѣнѣ, противъ входа было два зеркала, но не настоящихъ, а составленныхъ изъ простыхъ стеколъ, съ подложенными подъ нихъ листами бѣлой жести; зеркала эти были завѣшены зеленой марлей, чтобы защитить ихъ отъ мухъ, устраивавшихъ себѣ здѣсь главную квартиру. Съ обѣихъ сторонъ этихъ зеркалъ стояло по фонарю на мрачно разрисованныхъ подставкахъ; они чадя и мигая освѣщали грустнымъ свѣтомъ залу до двѣнадцати часовъ ночи, затѣмъ, какъ бы уставъ освѣщать, медленно угасали, предоставляя апостоламъ свободы спасать отечество въ потемкахъ.

Чадъ этихъ фонарей, дымъ сигаръ, паръ отъ кофе сильно затемнили позолоту зеркалъ, рисунки на стѣнахъ и яшму колоннъ. Только въ силу сохранившихся традицій можно было представить себѣ живопись на потолкѣ.

Меблировка была очень незатѣйлива; она заключалась въ нѣсколькихъ деревянныхъ столахъ, выкрашенныхъ подъ орѣхъ, съ бѣлыми жилками, изображавшими мраморъ, и въ полусотнѣ скамеекъ съ клеенчатыми подушками, изъ которыхъ отъ старости торчали мочалки.

На возвышеніи стоялъ большой, широкій прилавокъ, надъ которымъ причудливыми іероглифами красовались инициалы хозяина; невозмутимое лицо его всегда виднѣлось изъ-за этого катафалка, по обѣ стороны котораго находились полки съ бутылками. Между бутылками были разложены пряники, палки шоколада и апельсины; половина бутылокъ была пуста и заклеена до верху заманчивыми этикетками. Кромѣ всего этого, здѣсь находился огромный котъ, большую часть дня мирно спавшій въ углу. Это былъ благоразумный котъ, никогда не прерывавшій преній своимъ мяуканьемъ и не позволявшій себѣ неприличныхъ выходокъ въ критическія минуты. Звали его Робеспьеромъ.

Въ описанномъ нами клубѣ собиралась пылкая молодежь 1820 года. Откуда она взялась? Часть въ 1812 году стояла за

конституцію, открывшую многимъ глаза. Часть воспитывалась въ теченіе шести лѣтъ притѣсненій, предшествовавшихъ возвращенію короля Фернандо. Часть была продуктомъ смутной эпохи 1820 года. Одни изъ нихъ десять лѣтъ скитались за границей, а вернувшись отстаивали свои принципы съ прежнимъ интересомъ, но столкнулись съ требованіями новаго поколѣнія. Они увидали, что это поколѣніе ушло отъ нихъ впередъ, и не захотѣли слѣдовать за нимъ.

Сначала въ клубѣ только обсуждались политическіе вопросы, но потомъ мало-помалу характеръ этихъ мирныхъ собраній измѣнился. Фонтанщики пожелали имѣть прямое вліяніе на управленіе страною. Они торжественно требовали смѣщенія министра и назначенія новаго. Появилось двѣ партіи: умѣренныхъ и ярыхъ, при чемъ каждая изъ нихъ дѣйствовала по-своему. Но и этимъ не кончилось. Такъ какъ въ «Фонтанѣ» возбуждались народныя страсти, то правительство допускало эти крайности, чтобы напугать короля, его врага. Король между тѣмъ тайно возбуждалъ пылъ «Фонтана», потому что видѣлъ въ немъ опасность для свободы. Мы знаемъ изъ исторіи, что Фернандо подкупилъ одного изъ ораторовъ и провелъ въ клубъ измѣнниковъ съ цѣлью поколебать конституціонную систему; но министры, узнавъ объ этомъ, закрыли «Фонтанъ», и тогда фонтанщики возстали противъ правительства и пытались его свергнуть. Король раздувалъ это возмущеніе при помощи своихъ агентовъ; клубъ перешелъ на сторону министровъ; они его отвергли, клубъ началъ мстить, и начались всеобщія интриги, и довѣрчивые патріоты подавали голоса въ невыясненныхъ вопросахъ.

Два элемента подрывали «Фонтанъ»: невѣжество и подлость. Въ первомъ главное мѣсто занималъ цырюльникъ Кальеха. Онъ встрѣчалъ такимъ громовымъ шиканьемъ ненравившагося ему оратора, что члены клуба серіозно подумывали запретить ему входъ въ «Фонтанъ».

Въ описываемый нами вечеръ Кальеха, требуя начала засѣданія, неистово хлопалъ въ свои огромныя ладони; другіе нетерпѣливо стучали палками въ полъ. Напрасно изъ переднихъ рядовъ, гдѣ виднѣлись военные чины, депутаты, знаменитые ораторы, старались водворить тишину; она не водворилась до той минуты, пока на трибуну не взошелъ Алькала Гальяно.

Это былъ молодой человѣкъ высокаго роста, стройный, съ большой головой, съ густо вьющимися волосами и съ прямыми, откровенными, хотя и нѣсколько грубыми чертами лица. У него былъ большой ротъ съ толстыми губами, но въ выраженіи лица виднѣлось благородство, а въ глубокомъ, проницательномъ взглядѣ былъ виденъ умъ.

Онъ началъ съ того, что напомнилъ о вопросахъ предыдущаго собранія, послѣдствіемъ котораго было то, что изъ «Фонтана» вы-

шли Гарелли, Торено и Мартинесъ де-ла-Роза. Онъ указалъ на различіе принциповъ, отдѣляющихъ умѣренныхъ отъ ярыхъ, и обрисовалъ съ точностью и деликатностью положеніе правительства. Но, когда онъ, возвысивъ голосъ, краснорѣчиво описывалъ картину прошлыхъ несчастій страны, случился инцидентъ, заставившій его прервать рѣчь. Съ улицы послышался сильный шумъ голосовъ. Многіе поднялись со своихъ мѣстъ и вышли. Аудиторія начала уменьшаться, наконецъ, зала такъ опустѣла, что оратору оставалось лишь умолкнуть.

Недовольный и раздраженный андалузецъ сошелъ съ трибуны [1]. Шумъ на улицѣ все увеличивался, и въ концѣ концовъ въ кафэ осталось только человѣкъ пять-шесть. Движимые любопытствомъ, они также вышли вмѣстѣ съ Гальяно.

Въ десять минутъ «Фонтанъ» совершенно опустѣлъ, и шумъ и гулъ все удалялись, потому что толпа народа почти бѣжала. По всему было видно, что это одна изъ многочисленныхъ въ то время сходокъ.

Было уже поздно; фонари доживали свои послѣднія минуты и передъ смертію немилосердно чадили. Одинъ изъ слугъ ушелъ спать, другой храпѣлъ у двери, а третій ушелъ вмѣстѣ съ посѣтителями. Издалека долетало эхо угрожающихъ голосовъ толпы, волновавшей весь городъ.

Хозяинъ кафэ неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. За нимъ сверкали двѣ зеленыя точки; это Робеспьеръ лѣзъ, ласкаясь, на плечи своего хозяина; тотъ ласково погладилъ его, котъ замурлыкалъ, выгнулъ спину, потерся и снова ушелъ дремать въ уголъ.

Какъ разъ напротивъ прилавка, въ самомъ темномъ углу кафэ, начала выясняться невидимая до тѣхъ поръ человѣческая фигура. Выйдя изъ мрака, она медленно приблизилась къ прилавку, и при тускломъ свѣтѣ фонарей можно уже было разсмотрѣть эту молчаливую, странную личность.

Это былъ уже пожилой человѣкъ, сохранившій, однако, живость и энергію. Лицо его было сухощаво, неправильно, лобъ очень широкъ, между тѣмъ какъ ротъ и щеки были малы; къ этому надо прибавить полное отсутствіе зубовъ, что производило впадины вокругъ рта и на щекахъ. На его шеѣ и за ушами виднѣлись всѣ кости и нервы, несмотря на прикрывавшую ихъ кожу. Глаза были большіе, со слѣдами прежней красоты. Совершенно сѣдые волосы представляли рѣзкую противоположность съ черными густыми бровями. Его прямой и тонкій носъ также, должно быть, былъ красивъ когда-то, но съ годами удлинился и очень напоминалъ собою клювъ хищной птицы. Странное впечатлѣніе производили его боль-

---

[1] Самъ Алькала Гальяно съ большой откровенностью разсказываетъ это происшествіе въ своихъ замѣткахъ въ «Исторіи Испаніи».

шія, торчащія, прозрачныя уши. Взглядъ его большихъ глазъ былъ упоренъ, проницателенъ, блестящъ и мраченъ подъ густыми бровями. Казалось, его глаза, помимо того, что видятъ, освѣщаютъ то, на что смотрятъ; въ нихъ сквозили и умъ и энергія, несмотря на то, что слабое тѣло далеко не энергично подавалось впередъ всѣмъ своимъ небольшимъ корпусомъ. Его руки были такъ худы, что на нихъ можно было сосчитать вены и нервы; костлявые пальцы напоминали когти птицы. Кожа на лбу была желтая и сморщенная; когда онъ говорилъ, она быстро двигалась и собиралась надъ бровями мелкими складками. Одѣтъ онъ былъ въ черное, съ суконной фуражкой на головѣ.

Когда этотъ человѣкъ подошелъ къ прилавку, хозяинъ всталъ, подошелъ къ двери, прислушивался нѣкоторое время, заглянулъ въ оконце, выходившее на дворъ, и за дверь, выходившую на лѣстницу. Изъ трехъ слугъ кафэ только одинъ оставался здѣсь и храпѣлъ въ углу; хозяинъ разбудилъ его и отпустилъ. Заперевъ накрѣпко дверь, онъ вернулся за прилавокъ и взглянулъ на человѣка въ фуражкѣ, какъ бы ожидая, что онъ скажетъ.

— Ловко подстроили! — сказалъ онъ громко, въ увѣренности, что никто изъ постороннихъ его не услышитъ.—Вторая сходка въ одинъ вечеръ. А еще говорятъ, что королевская гвардія готовитъ большую неожиданность. Вы, донъ Эліасъ, должны знать это.

— Все идетъ своимъ порядкомъ, пріятель, все идетъ своимъ порядкомъ,—сказалъ старикъ звучнымъ и глубокимъ голосомъ.

И, опустивъ руку въ карманъ, онъ вынулъ маленькій кошелекъ и положилъ его на столъ. Хозяинъ кафэ взглянулъ на этотъ кошелекъ со странной, невольной нѣжностью, между тѣмъ какъ старикъ медленно началъ развязывать его и, вынувъ нѣсколько унцій, сталъ считать.

При звукѣ монетъ, Робеспьеръ открылъ глаза, но увидя, что эта вещь его не интересуетъ, снова закрылъ ихъ и задремалъ. Старикъ отсчиталъ десять полу-унцій и подалъ ихъ хозяину.

— Ну, что же я могу сдѣлать съ пятью унціями, сеньоръ донъ Эліасъ?—недовольно произнесъ онъ.

— За пять унцій можно купить даже богиню свободы,—возразилъ донъ Эліасъ, не глядя на него.

— Полноте! Здѣсь есть такіе патріоты, которые не скажутъ «да здравствуетъ король» за все золото міра.

— Эти-то сеньоры больше всего и интересуются деньгами,—воскликнулъ донъ Эліасъ со свойственной ему ироніей.

— Попробуйте-ка предложить денегъ Алькалѣ Гальяно и Морено Гуэррѣ.

— Эти ведутъ возмущеніе тамъ, въ кортесахъ; разговоръ идетъ не о нихъ, а о тѣхъ, которые заводятъ смуты здѣсь.

— Но, увѣряю васъ, дорогой мой сеньоръ донъ Эліасъ, что того,

что вы мнѣ дали, не хватитъ на починку сапогъ самаго плохого изъ ораторовъ этого клуба.

— А я говорю вамъ, что этого довольно. Мой сеньоръ не желаетъ лишнихъ расходовъ.

— Плохо же, должно быть, приходится неограниченному! Плохи его дѣла, если онъ такимъ пустякомъ хочетъ поколебать конституцію.

— Подождите, все устроится, все идетъ своимъ порядкомъ,— отвѣтилъ старикъ со вздохомъ и закрылъ ротъ, при чемъ казалось, что его нижняя челюсть нашла на верхнюю.

— Но, сеньоръ донъ Эліасъ, что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ съ пятью унціями?.. Какъ вамъ понравился сержантъ, говорившій вчера вечеромъ? Говорятъ, что онъ оселъ, но онъ производитъ большой шумъ и этимъ полезенъ намъ. А мнѣ не дешево обходится каждое слово тѣхъ, которые волнуютъ толпу и весь городъ... А какъ съ нѣкоторыми бываетъ трудно, донъ Эліасъ! Позавчера цырюльникъ Кальеха привелъ съ собою какого-то человѣка; онъ вошелъ на трибуну, началъ говорить о конвенціи и сказалъ, что необходимо снести головы гидрѣ. Ему очень аплодировали, и онъ надѣлалъ много шуму, хотя я, надо признаться, ничего не понялъ изъ его рѣчи. Когда окончилось засѣданіе, я хотѣлъ уговорить его сказать вторую рѣчь, но онъ отвѣтилъ, что перерѣжетъ мнѣ горло, и прибавилъ, что не забудетъ меня. Какого страху я набрался! И за это мнѣ такъ платятъ! А рѣчь, которую вчера, подъ конецъ, произнесъ валенціанскій студентъ, стоила мнѣ двѣ порціи тушенаго мяса и двѣ бутылки вина. Ахъ, еслибъ это знали Алькала Гальяно и Флоресъ Эстрада!..

— Эти-то и есть головы гидры, которыя надо снести,—воскликнулъ старикъ, подмигивая глазомъ и дѣлая рукою такой жестъ, какъ будто что-то рѣжетъ.

— Это было бы жаль, потому что они славные ребята. Скажу вамъ откровенно, что я хоть и горячій сторонникъ неограниченной власти, но когда слушаю этихъ молодыхъ людей, особенно, Алькалу Гальяно, когда онъ, войдя на трибуну, начинаетъ сыпать цвѣтами краснорѣчія, то у меня сердце такъ и прыгаетъ отъ радости, и мнѣ хочется его расцѣловать.

— Пусть они кричатъ, это-то и нужно. Вѣдь сегодняшней сходкой мы имъ обязаны. Побольше бы такихъ сходокъ, и все устроится. Король именно этого желаетъ. Ахъ, вы увидите, они скоро всѣ перегрызутся!

— Но что же я сдѣлаю съ пятью унціями? — снова сказалъ хозяйнъ кафэ.

— То, что я вамъ сказалъ. Король не можетъ много расходовать, а чтобы подкупить этихъ людей, не надо большихъ денегъ.

— Какъ не надо? Спросите-ка того монаха, котораго выгнали

изъ монастыря: вѣдь онъ съѣлъ у меня на три унціи изъ тѣхъ, что вы дали мнѣ на прошлой недѣлѣ. А тотъ чиновникъ, который такъ краснорѣчиво говорилъ о «разорванномъ Карѳагенѣ?»..

— О разрушенномъ Карѳагенѣ, вы хотите сказать...

— Ну, все равно, о разрушенномъ... Этотъ чиновникъ настоящій обжора, онъ съѣлъ у меня двѣ огромныхъ порціи фаршированнаго зайца. Я еще не сказалъ вамъ, что для того, чтобы заставить Андресильо Кархо, по вашему желанію, бѣгать по улицамъ и кричать, мнѣ пришлось заплатить его домохозяину за восемь мѣсяцевъ за квартиру и массу мелкихъ долговъ его пріятелямъ... А вѣдь не даромъ же я работаю, донъ Эліасъ. Опять таки повторяю вамъ, что если либералы узнаютъ объ этихъ продѣлкахъ, то они мнѣ всѣ кости переломаютъ.

— Будьте осторожны, надо быть очень осторожнымъ, — строго сказалъ донъ Эліасъ. — Ничего не писать, не адресовать мнѣ ни одного письма, не довѣрять бумагѣ ни одной мысли по этому вопросу.

— А скажите,—произнесъ хозяинъ кафэ, понижая голосъ, какъ бы боясь, что его услышитъ Робеспьеръ,—скажите, когда поднимется королевская гвардія?

— Не знаю,—пожавъ плечами, отвѣтилъ донъ Эліасъ.

— Говорятъ, что «Святой союзъ» писалъ королю.

Осторожный старикъ снова сухо и отрывисто пробурчалъ: «не знаю».

Тогда послышался отдаленный шумъ голосовъ, на который вечеромъ выбѣжали всѣ посѣтители клуба.

— Должно быть, хотятъ оцѣпить домъ Торено.

— Прекрасно, я очень радъ,—съ мрачнымъ удовольствіемъ сказалъ старикъ.—Я вижу, что они начинаютъ не понимать другъ друга. Иначе и не могло быть. О, я понимаю все! А что могло бы случиться? Испанія могла бы долго оставаться въ рукахъ кучки свободомыслящихъ. Еслибъ это продлилось, то я началъ бы сомнѣваться въ Провидѣніи, которое управляетъ народами. Испанія безъ короля все равно, что безъ славы, безъ жизни, безъ чести. Развѣ была конституція въ то время, когда Испанія была первою страной въ мірѣ? Было бы чудовищно, еслибъ народъ началъ издавать законы. Гдѣ это видано, чтобы законы издавалъ тотъ, кѣмъ слѣдуетъ управлять? Развѣ было бы справедливо, еслибъ наши слуги приказывали намъ! У насъ нѣтъ ни короля, ни Бога, но это кончится, клянусь тебѣ, что это кончится!

Говоря это, старикъ широко раскрылъ глаза и съ бѣшенствомъ сжалъ кулаки. Хозяинъ кафэ, будучи не въ силахъ выдержать всей прелести такого краснорѣчія, поднялся изъ-за прилавка. Разводя съ энтузіазмомъ руками, онъ уронилъ бутылку; она покатилась по полу и ударила Робеспьера, который, неожиданно проснувшись,

отчаянно замяукалъ, а затѣмъ нашелъ себѣ болѣе спокойный уголокъ на шкафу съ бисквитами.

Эліасъ вынулъ изъ кармана маленькій черный шарфикъ и, обвязавъ имъ себѣ шею, направился къ выходу. Хозяинъ, со своимъ обычнымъ уваженіемъ къ этому человѣку, отворилъ ему дверь. Начинало свѣтать. Старый роялистъ ушелъ домой, не поклонившись своему пріятелю.

III.

Патріотическая схватка и ея послѣдствія.

Донъ Эліасъ пересѣкалъ улицу Санъ-Іеронимо, когда увидалъ, что навстрѣчу ему идетъ нѣсколько человѣкъ, хохочутъ и кричатъ виваты конституціи и Ріего. Онъ хотѣлъ избѣжать встрѣчи и перейти на другую сторону, но одинъ изъ нихъ остановилъ его.

Это были пять подозрительныхъ и при томъ совершенно пьяныхъ субъектовъ подъ предводительствомъ Кальехи. Одинъ изъ нихъ былъ торговецъ изъ улицы Жилимонъ, другой кабальеро, извѣстный всему Мадриду своими продѣлками, третій высокій, худой, смуглый юноша, о которомъ разсказывали чудеса въ 1809 году и затѣмъ въ происшествіяхъ 1820 года. Слѣдомъ его похожденій былъ огромный рубецъ, пересѣкавшій ему все лицо черезъ глазъ и изуродовавшій носъ. Четвертый былъ мясникъ изъ Салитре.

— Убить его, убить! — пьянымъ голосомъ крикнулъ мясникъ, тыкая дона Эліаса въ грудь палкой.

— Нѣтъ, оставь, его Перино; не стоитъ связываться съ этимъ скотомъ.

— Да вѣдь это Колетилья,—сказалъ человѣкъ съ рубцомъ.— Это Колетилья, другъ Винуэзы, тотъ самый, который ходитъ по клубамъ, чтобы доносить королю, что тамъ дѣлается.

— Три Песеты, возьми-ка за руку этого сеньорито.

Три Песеты сорвалъ фуражку съ головы Эліаса и бросилъ ее на земь, обнаживъ лысую голову старика. Раздался общій взрывъ хохота.

— Посмотрите, что за ослиныя уши! — сказалъ человѣкъ съ рубцомъ, дернувъ его за ухо такъ сильно, что наклонилъ голову на плечо.

Мясникъ хлопнулъ его по головѣ. Роялистъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства, нервно сжалъ кулаки, и слезы безсилія засверкали на его глазахъ. Тутъ Кальеха, пользовавшійся, повидимому, большимъ вліяніемъ среди этой компаніи, схватилъ Эліаса за руку и воскликнулъ со смѣхомъ:

— Пойдемъ съ нами, храбрецъ. Граждане, это великій Коле-

тилья, самъ Колетилья. Будемъ друзьями. Онъ представитъ насъ конституцiонному королю и тотъ сдѣлаетъ насъ...

— Министрами!

— Граждане, да здравствуетъ неограниченный король! Да здравствуетъ Колетилья!

— Будемъ его качать, какъ члена великой коммуны.

— Качать его, качать!

Одинъ изъ нихъ подхватилъ Элiаса и приподнялъ на воздухъ, а другой сильнымъ ударомъ повалилъ наземь.

— Вотъ возьми эту саблю и ударь кого нибудь изъ насъ,— крикнулъ ему Три Песеты и такъ сильно ударилъ его рукояткой, что старикъ отлетѣлъ въ сторону.

— Скажи: да здравствуетъ конституцiя!

— А если не скажешь, то вотъ у меня есть хорошее средство,—крикнулъ мясникъ, вынимая острый Альбачетскiй ножъ, противъ ношенiя котораго при себѣ такъ боролась тогда полицiя.

Тутъ подошло нѣсколько прохожихъ, которымъ Кальеха объяснилъ важнымъ тономъ:

— Сеньоры, это Колетилья, великiй Колетилья.

— Оставь его, Жилетъ, я самъ съ нимъ справлюсь,—сказалъ человѣкъ съ рубцомъ, обращаясь къ мяснику, извѣстному подъ оригинальнымъ прозвищемъ Жилета.

Плохо пришлось несчастному Элiасу. Онъ уже поручилъ свою душу Богу, когда приходъ новой личности избавилъ его отъ вѣрной смерти.

Это былъ высокiй молодой человѣкъ въ военной формѣ, и, повидимому, аристократъ, потому что на немъ виднѣлись погоны слишкомъ высокаго для его лѣтъ чина. На немъ былъ синiй плащъ, и сбоку висѣла такая тяжелая сабля, что ею можно было разсѣчь голову любому врагу. Видя, что онъ намѣренъ защитить старика, всѣ съ уваженiемъ разступились.

— Оставьте въ покоѣ этого бѣднаго старика; вѣдь онъ не дѣлаетъ вамъ никакого вреда,—сказалъ военный.

— Да это Колетилья, самъ Колетилья.

— Но васъ пятеро противъ одного, и онъ безоруженъ.

— И я говорю то же самое,—воскликнулъ Кальеха съ пьянымъ смѣхомъ.

— Пусть онъ скажетъ: да здравствуетъ конституцiонный король.

— Онъ скажетъ, когда вы его освободите. Я ручаюсь, что это добрый либералъ и хорошiй человѣкъ.

— Нѣтъ, это приверженецъ короля!—воскликнулъ Жилетъ.

— А что вы хотѣли съ нимъ сдѣлать?—спросилъ военный.

— Просто распороть ему животъ, чтобъ посмотрѣть, какiя у роялистовъ внутренности.

— Ну, такъ расходитесь по домамъ,—строго сказалъ военный.— Я его защищаю.

— Вы?

— Да, я. Я отвѣчаю за него.

— Только пусть онъ прежде скажетъ: да здравствуетъ конституція,—крикнули всѣ хоромъ.

— Скажите это,—обратился военный къ Эліасу,—вѣдь это совсѣмъ не трудно, и къ тому же въ наши дни это долженъ говорить каждый истинный испанецъ.

— Чтобъ я сказалъ!...

— Пусть сейчасъ же скажетъ!

Военный настаивалъ на томъ, чтобъ онъ произнесъ эту фразу, какъ средство спасенія, но Эліасъ молчалъ.

— Да скажите же скорѣе!—просилъ военный.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Эліасъ полнымъ негодованія голосомъ.

Тогда Три Песеты занесъ надъ нимъ дубину, остальные накинулись на старика, и военному пришлось бороться изо всѣхъ силъ, чтобы не допустить несчастія.

— Скажите: да здравствуетъ конституція.

— Нѣтъ!—повторилъ Эліасъ и, какъ бы вдохновленный свыше, воскликнулъ:—да умретъ!

Присутствующіе заревѣли отъ бѣшенства, но военный видимо рѣшился защищать Эліаса до послѣдней капли крови.

— Разойдитесь,—проговорилъ онъ.—Этотъ человѣкъ сумасшедшій. Развѣ вы не видите, что онъ сумасшедшій?

— Пусть онъ скажетъ эти слова,—настаивалъ пьяный Кальеха съ идіотскимъ хохотомъ.

— Да, онъ сумасшедшій,—согласился Жилетъ,—а если не сумасшедшій, такъ пьяный.

— Да, да, пьяный!—крикнулъ Кальеха, прислоняясь къ стѣнѣ, чтобъ не упасть.

Собралось нѣсколько сосѣдей, и потому ли, что пьяныхъ легко отвлечь, или потому, что рѣшительный видъ военнаго подѣйствовалъ на нихъ, но только четыре пріятеля Кальехи оставили Эліаса, который при помощи своего покровителя поднялся и надѣлъ свою фуражку, истоптанную ногами мясника. Военный, отстраняя ножъ Жилета, направленный на Эліаса, порѣзалъ себѣ лѣвую руку. Онъ вытеръ выступившую кровь, обернулъ руку платкомъ, а правую подалъ Эліасу. Старикъ былъ такъ взволнованъ и до такой степени ослабѣлъ, что едва передвигалъ ноги и спотыкался на каждомъ шагу.

Военный, поддерживая его и идя очень медленно, спросилъ, гдѣ онъ живетъ. Эліасъ, не отвѣчая ему, направился черезъ улицу Válgame Dios, гдѣ находился его домъ.

Молодой человѣкъ не принадлежалъ, повидимому, къ молчали-

вымъ людямъ и обладалъ веселымъ и откровеннымъ характеромъ, такъ какъ началъ говорить, нисколько не смущаясь упорнымъ молчаніемъ старика:

— Можно пожалѣть, другъ мой, о томъ, что въ жизни все хорошее имѣетъ всегда дурную сторону; всякій, даже самый блестящій предметъ имѣетъ тѣнь. Самыя лучшія нововведенія, изобрѣтенныя человѣкомъ, представляются въ первое время странными и внушаютъ мало довѣрія. Сами люди, изобрѣтшіе какой нибудь механическій фокусъ, не съ разу рѣшаются дать ему примѣненіе. Политическая свобода есть высшій идеалъ государствъ; но какъ трудны первые дни практики! Какъ насъ оглушаетъ и отчаиваетъ первая проба этой машины! Хуже всего тутъ нетерпѣніе. Надо имѣть выдержку и вѣру, надо ждать, чтобы свобода дала свои плоды, а не осуждать ее съ перваго же дня. Не безумно ли было бы, еслибъ тотъ, кто посадилъ молодое деревцо, вырвалъ его потому, что оно не дало вѣтокъ, цвѣтовъ и плодовъ въ первый же день?

Онъ умолкъ, въ надеждѣ, что его разсужденія произвели нѣкоторое впечатлѣніе на старика, но тотъ какъ будто не понималъ его словъ и думалъ свою думу.

— Можно пожалѣть о томъ, — продолжалъ молодой человѣкъ, сопровождая свое краснорѣчіе мимикой,—что первыя права завоеванной свободы такъ дурно примѣняются нѣкоторыми людьми. Особенно трудно привыкнуть къ свободѣ, и мы должны терпѣть отъ естественной грубости тѣхъ, которые поздно привыкаютъ. Но не будемъ приходить въ отчаяніе, другъ мой. Вы, какъ добрый либералъ, и я, какъ таковой же, сумѣемъ ждать.

Онъ снова остановился, чтобы взглянуть, выражается ли на лицѣ старика одобреніе, но на этомъ странномъ лицѣ выражалась лишь одна меланхолія.

— Тѣ, которые напали на васъ,—продолжалъ военный,—не либералы. Это или тайные агенты короля, или безсовѣстные невѣжды, или же необразованные кутилы. Нужно ли отнять у нихъ свободу и не возвращать ея до тѣхъ поръ, пока они не получатъ образованія или наказанія? Въ такомъ случаѣ, для однихъ будетъ свобода, а для другихъ нѣтъ. А она должна быть дана всѣмъ или отнята у всѣхъ. И справедливо ли было бы отказываться отъ благодѣтельной системы потому только, что кучка людей злоупотребляетъ ею? Нѣтъ, лучше пусть будетъ пользоваться свободой сотня, которая ея не понимаетъ, чѣмъ потеряетъ ее одинъ, сознающій ея значеніе. Зло, которое могутъ причинить невѣжды,—незначительно въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ благомъ, какое можетъ сдѣлать одинъ образованный человѣкъ.

Молодой человѣкъ умолкъ въ третій разъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ему нечего было больше сказать, а, во-вторыхъ, потому, что старикъ остановился у двери и сказалъ:

— Здѣсь.

Военный хотѣлъ проститься со своимъ новымъ пріятелемъ, но замѣтилъ, что онъ съ каждой минутой ослабѣвалъ все больше и больше и врядъ ли могъ бы одинъ подняться на лѣстницу; поэтому предупредительный молодой человѣкъ ввелъ его въ домъ.

Эліасъ жилъ на срединѣ улицы Válgame Dios, и домъ его былъ похожъ на зàмокъ. Несмотря на свои гигантскіе размѣры, въ немъ было всего два этажа, въ верхнемъ изъ которыхъ и жилъ Эліасъ. Фасадъ былъ некрасивъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась мастерская мѣдника, поставлявшаго сковороды, подковы и ведра всему кварталу Баркильо. Балконы этого дома были живымъ изображеніемъ висячихъ садовъ Вавилона, такъ какъ съ нихъ свѣшивались цвѣты и кусты, похожіе на деревья. Среди нихъ красовалась вывѣска кассы ссудъ.

Они поднялись по широкой лѣстницѣ, и военный позвонилъ. Несомнѣнно, кто-то нетерпѣливо ждалъ старика, такъ какъ дверь тотчасъ же отворилась. Ее открыла молодая дѣвушка лѣтъ восемнадцати и увидя, что у старика такое измученное лицо, а главное, что его сопровождаетъ какой-то незнакомецъ, что случалось, должно быть, нечасто, она вскрикнула отъ испуга и удивленья.

— Что такое? Что съ вами случилось? — спросила она, когда, запирая дверь, они вступили въ переднюю.

И она прошла впередъ, отворяя дверь залы, куда они и вошли всѣ трое. Старикъ не произнесъ ни слова и съ видимымъ страданіемъ опустился на стулъ.

— Не ранены ли вы? — сказала дѣвушка, ласково осматривая старика и взявъ его за руку.

— Нѣтъ, это ничего,—произнесъ военный, вѣжливо снимая фуражку.—Это ничего. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ шелъ по улицѣ, и пять встрѣтившихся ему бродягъ хотѣли заставить его что-то спѣть, сеньору было не до пѣнья, и онъ отказался.

Молодая дѣвушка какъ-то тупо посмотрѣла на военнаго. Она, повидимому, ничего не поняла изъ его словъ.

— Это были пьяные... они напали на него, но, къ счастію, я проходилъ мимо... Не пугайтесь, онъ не раненъ.

Эліасъ немножко отдохнулъ; онъ холодно отстранилъ отъ себя дѣвушку, и лицо его начало проясняться.

— Ахъ, какого страху натерпѣлась я сегодня вечеромъ! — сказала молодая дѣвушка.—Я его ждала, ждала, а его все нѣтъ. Потомъ—эти крики на улицѣ. Въ полночь здѣсь пробѣжали съ криками какіе-то люди. Мы съ Паскалой убѣжали во внутреннія комнаты и спрятались тамъ въ уголъ, дрожа отъ страха. Какъ они кричали! Потомъ послышались какіе-то удары, какъ будто кого-то убивали... Мы заплакали. Паскала лишилась чувствъ, но я храбрилась, и мы обѣ опустились на колѣни и начали молиться Пре-

святой Дѣвѣ. Тогда шумъ сталъ удаляться; мы услыхали стоны на улицѣ. Ахъ, мнѣ страшно вспомнить! Я и теперь еще боюсь.

Военный съ интересомъ слушалъ ея разсказъ, но въ то же время разсматривалъ квартиру, въ которой находился, и дѣвушку, живущую въ ней.

Квартира была скромная, но простота и порядокъ говорили о достаткѣ. Дѣвушка была болѣе достойна вниманія, чѣмъ квартира. Кларѣ на видъ можно было дать лѣтъ девятнадцать, но ей было всего семнадцать. Она была довольно высокаго роста, и вся ея пропорціонально развитая фигура напоминала здоровыхъ и красивыхъ женщинъ обѣихъ Кастилій. Цвѣтъ ея лица былъ блѣденъ, но не смуглой блѣдностью андалузянокъ, а свѣжей бѣлизной уроженокъ Алькалы, Сеговіи и Мадрида. Ея большіе черные глаза были полны глубокой грусти. Ея правильный небольшой носъ, маленькій, красиво очерченный лобъ и граціозный ротъ очень нравились незнакомцу, привыкшему считать себя цѣнителемъ женской красоты.

Ея высокую пирамидальную прическу можно было назвать провинціальной, такъ какъ въ Мадридѣ она уже вышла изъ моды, но красота не нуждается въ модахъ, и прическа эта очень шла къ Кларѣ. На ней была свѣтлая юбка съ мелкими цвѣточками и свободный у таліи лифъ съ рукавами, плотно охватывающими кисть руки.

Наблюденія свои незнакомецъ произвелъ гораздо быстрѣе, чѣмъ мы описали ихъ. Съ минуту всѣ трое сидѣли неподвижно другъ противъ друга, не говоря ни слова, когда вдругъ старикъ, какъ бы продолжая вслухъ свои мысли, воскликнулъ съ бѣшенствомъ, сверкая глазами:

— Подлыя собаки! Желалъ бы я имѣть въ рукахъ такое оружіе, которымъ сразу можно было бы покончить со всѣми этими мерзавцами. Ахъ, но они не виноваты! Виноваты другіе, ученые, ораторы, тѣ, которые ихъ воспитываютъ, тѣ проклятые шарлатаны, которые профанируютъ даръ слова въ подлыхъ собраніяхъ кортесовъ. Виноваты революціонеры, непокорные королю, проклятые Богомъ. О справедливый Боже! Неужели я не увижу дня отмщенія?

Военный былъ изумленъ и нѣсколько смущенъ. Ему показалось, что это косвенные намеки на него лично; онъ хотѣлъ уже возражать, но, увидавъ звѣрское выраженіе на лицѣ Эліаса, воздержался. Его вниманіе было отвлечено молодой дѣвушкой. Клара смотрѣла на старика съ привычнымъ равнодушіемъ и въ то же время смотрѣла на его защитника, какъ бы стыдясь за слова Эліаса.

Военный, не обращая вниманія на разглагольствованія старика, началъ чувствовать большой интересъ къ этой бѣдняжкѣ, которая съ первой минуты внушала ему жалость къ себѣ.

Но была минута, когда положеніе молодого человѣка сдѣлалось

очень неловкимъ. Эліасъ, не глядя на него, продолжалъ тихимъ голосомъ ворчать. Нужно было уходить, но уйти, не удовлетворивъ своего любопытства и не поговоривъ немножко съ молодой дѣвушкой, ему не хотѣлось. Онъ пристально взглянулъ на Эліаса и подошелъ къ нему, но въ немъ не было замѣтно ни благодарности, ни любезности, ни вниманія; онъ какъ будто былъ созданъ не такъ какъ, другіе люди. Видя такую разсѣянность, онъ рѣшился поговорить съ Кларой о донѣ Эліасѣ.

— Пожалуйста, ничего не бойтесь,—сказалъ онъ ей, отходя къ окну.—Онъ не получилъ побоевъ, онъ только не можетъ опомниться отъ изумленія и гнѣва, но онъ успокоится.

— Да, успокоится... немного.

— И будетъ доволенъ.

— Нѣтъ, доволенъ не будетъ.

— Ужъ онъ ради васъ не будетъ грустенъ.

Эта фраза, которую можно было принять за комплиментъ, не произвела никакого впечатлѣнія на Клару. Она обернулась взглянуть на Эліаса; онъ сидѣлъ все въ той же позѣ, жестикулируя и время отъ времени ворча: «собаки! негодяи!»

Тогда военный рѣшился задать рискованный вопросъ и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Можетъ быть, съ моей стороны это и нескромно, но меня извиняетъ мое участіе къ этому кабальеро и желаніе быть ему полезнымъ... Скажите, онъ въ здравомъ умѣ?

Клара съ большимъ удивленіемъ взглянула на военнаго и, какъ будто этотъ вопросъ въ первый разъ навелъ ее на какую-то мысль, отвѣтила:

— Сумасшедшій ли онъ?

Затѣмъ, помолчавъ и пожавъ плечами, прибавила:

— Не знаю.

Любопытство незнакомца увеличилось.

— Не придавайте этому большого значенія,—сказалъ онъ,—но его поведеніе, его слова, его странный видъ заставляютъ меня думать, что онъ страдаетъ умопомѣшательствомъ.

Взглядъ Клары говорилъ, что она почти согласна съ нимъ.

— Не знаю,—произнесла наконецъ она.—Бѣдняжка много страдаетъ. И я страдаю, глядя на него. Онъ никогда не бываетъ веселъ; иногда мнѣ кажется, что онъ готовъ умереть отъ раздраженія. Онъ проводитъ ночи за чтеніемъ книгъ, за писаніемъ писемъ и часто говоритъ самъ съ собою, вотъ какъ теперь. Онъ очень пугаетъ насъ съ Паскалой; мы слышимъ, какъ онъ встаетъ ночью и быстро ходитъ по этой комнатѣ. Онъ уходитъ изъ дома рано утромъ и часто не ночуетъ дома.

Военный почувствовалъ, что въ немъ увеличивается состраданіе къ Кларѣ; ему казалось, что это мученица, страдающая отъ жестокостей сумасшедшаго.

— Но вы не страдаете отъ его рѣзкостей? Онъ не обращается съ вами дурно?—спросилъ онъ.

— Я? Нѣтъ. Онъ никогда со мною дурно не обращается.

Казалось бы страннымъ, что Клара, не зная молодого человѣка, говоритъ съ нимъ такъ откровенно, но это было бы удивительно при иныхъ обстоятельствахъ, въ данномъ же случаѣ нѣтъ. Клара всегда жила съ этимъ старикомъ; она была сирота, не имѣла ни родственниковъ, ни друзей, никогда не выходила изъ этого пустыннаго, скучнаго дома. Она обладала необыкновенно простымъ характеромъ; случай свелъ ее съ любезнымъ и великодушнымъ человѣкомъ, который ради удовлетворенія любопытства ловко находилъ предметъ разговора, и она говорила ему то, что онъ хотѣлъ знать.

Любопытный не рѣшался больше разспрашивать; онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, уже хотѣлъ проститься, когда Клара увидала окровавленную руку и воскликнула:

— Вы ранены!

— Нѣтъ, это просто царапина.

— Но изъ нея течетъ кровь. Господи, у васъ вся рука въ крови!

— О, это ничего... немножко воды...

— Я сейчасъ принесу...

Она торопливо ушла и черезъ минуту вернулась въ сосѣднюю комнату и позвала военнаго, который не замедлилъ подойти къ ней.

— И у него есть семья?—спросилъ онъ, опуская руку въ воду, чтобы попробовать, не холодна ли она.

— Семья?—переспросила Клара со свойственной ей простотою.— Нѣтъ, и я очень объ этомъ сожалѣю. Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ его заставили забыть эти маніи. Прежде онъ былъ очень добръ ко мнѣ и былъ очень веселъ... Я была тогда еще ребенкомъ.

— Прежде онъ былъ добръ, а теперь не добръ?

— Нѣтъ, добръ, только теперь... Теперь ему о многомъ надо подумать...

— Съ какихъ же поръ онъ измѣнился?

— Давно ужъ, еще съ тѣхъ поръ, когда начались смуты, когда говорили, что хотятъ убить короля... или тамъ не знаю кого. Но онъ и до этого бывалъ часто озабоченъ. Когда я была еще маленькой дѣвочкой... онъ водилъ меня по воскресеньямъ на прогулку, и мы обѣдали въ лѣсу вмѣстѣ съ Паскалой.

— А теперь онъ никогда съ вами не выходитъ?

— Никогда,—отвѣтила Клара такимъ тономъ, какъ будто ея затворничество вполнѣ естественно.

Военный все больше заинтересовывался такъ неожиданно встрѣченной имъ дѣвушкой. Въ немъ все сильнѣе возростала увѣренность въ томъ, что это несчастная жертва грубости фанатика. Съ

того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, онъ видѣлъ старика, сидѣвшаго въ нѣмомъ бѣшенствѣ. При взглядѣ на Клару, простота и грустная откровенность которой составляли такой рѣзкій контрастъ съ этимъ ужаснымъ роялистомъ, его любопытство и опасенія усилились.

— И вы никогда не выходите, чтобы разсѣяться, чтобы развлечься отъ этого тяжелаго уединенія?—спросилъ онъ.

— Я? Зачѣмъ же мнѣ выходить? Мнѣ становится грустно, когда я выхожу. Я вижу улицу только въ воскресенье рано утромъ, когда иду въ церковь, но на улицѣ я чувствую себя болѣе одинокой, чѣмъ здѣсь.

— И онъ не заботится о томъ, чтобъ вы развлекались, чтобъ вы пріятно проводили время?—снова спросилъ онъ, искоса поглядывая на Эліаса, чтобъ убѣдиться, что тотъ не слышитъ.

— Онъ? Но я не хочу развлекаться... потому, что меня ничто не интересуетъ. Онъ говоритъ, что я должна всегда сидѣть дома.

— Значитъ, вы ни съ кѣмъ не знакомы и никого не видите?

— Вижу Паскалу; она меня очень любитъ.

— Эта Паскала ваша подруга?

— Нѣтъ, это наша служанка.

— А... И у васъ больше нѣтъ друзей? Въ ваши годы была бы вполнѣ естественна дружба съ молодыми дѣвушками, а главное нельзя жить такъ, какъ вы живете. Необходимо...

— Мнѣ такъ хорошо. Онъ говоритъ, что мнѣ не нужно знакомыхъ.

— И заставляетъ васъ вести эту грустную жизнь?

— Онъ не заставляетъ меня. Еслибъ я хотѣла, могла бы выходить. Его никогда нѣтъ дома. Но я... избави Боже! Куда же мнѣ итти?

Военный не зналъ, что думать. Какія отношенія между этимъ маньякомъ и этой дѣвушкой? Это ея отецъ, мужъ. Но, нѣтъ, было бы возмутительно предположить супружескія отношенія между этими двумя существами.

— Не удивляйтесь моимъ разспросамъ, — сказалъ онъ тревожно,—но вы оба меня очень интересуете. А его никто не навѣщаетъ? Никто не приходитъ къ нему?

— Онъ очень близокъ съ однѣми сеньорами Порреньо. Онѣ хорошаго происхожденія и были очень богаты.

— И онѣ бываютъ здѣсь?

— Рѣдко. Онъ ихъ очень любитъ.

— А какъ онѣ къ вамъ относятся?

— Ко мнѣ? Онѣ разъ сказали мнѣ, что я имѣю видъ хорошей дѣвушки.

— И только? И больше ничего не сказали?

— Ахъ, онѣ очень добры. Онъ говоритъ, что онѣ очень добры. Одна изъ нихъ—святая.

Клара говорила все это съ трогательной наивностью. Чтобы читатель не удивлялся откровенности бѣдной Клары, мы прибавимъ, что она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не видала никого, кромѣ дона Эліаса, Паскалы и изрѣдка трехъ мумій сеньоръ Порреньо. Ея жизнь была необыкновенно однообразна. Только въ первый разъ полгода тому назадъ она провела шесть недѣль въ Атекѣ, въ Арагонѣ, куда ее послалъ Эліасъ подышать воздухомъ.

— Но возможно ли, чтобъ вы жили исключительно въ обществѣ этого человѣка?—продолжалъ военный, забывая о присутствіи Эліаса.—И вы никогда не выѣзжали отсюда, никогда не были въ деревнѣ?

— Нѣтъ, я уѣзжала полгода тому назадъ.

— Куда?

— Въ Атеку. Онъ послалъ меня. Я заболѣла и поѣхала туда поправиться. Я была на его родинѣ.

— А-а...—произнесъ военный, радуясь, что нашелъ хоть незначительное доказательство того, что этотъ человѣкъ не вполнѣ извергъ.

— И вы хорошо провели время?

— О, да; я такъ была рада.

— И вы хотѣли бы туда вернуться?

— Конечно, да!—воскликнула она.

— Вы не должны оставаться здѣсь; у васъ безконечно доброе сердце. Для чего, какъ не для счастья, Богъ соединилъ въ одномъ существѣ столько физическихъ и нравственныхъ достоинствъ? Сколькихъ бы вы могли сдѣлать счастливыми! Вы не думали объ этомъ? Такъ подумайте.

Клара ничего не отвѣтила на эту любезность. Она молчала, опустивъ глаза, и, быть можетъ, думала объ этомъ, какъ посовѣтовалъ ей военный. Онъ ждалъ ея отвѣта, когда Эліасъ, заглянувъ въ комнату, гдѣ они разговаривали, крикнулъ:

— Клара! Клара!

Военный быстро подошелъ къ нему и, скрывая свое смущеніе, сказалъ:

— Кабальеро, я не хотѣлъ уходить, не убѣдившись, что вамъ лучше. Я разсказывалъ этой сеньоритѣ о случившемся и о грубости этихъ людей. Теперь я вижу, что вы успокоились и окрѣпли, и могу удалиться съ просьбою помнить, что я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю,—сухо отвѣтилъ Эліасъ. — Клара, проводи этого кабальеро.

Необходимо было уйти; не было болѣе предлога оставаться. Рука военнаго была прекрасно забинтована, и хозяинъ дома указалъ ему на дверь. Онъ не зналъ, что бы ему сдѣлать, чтобы не уходить. Онъ взглянулъ на Клару, надѣясь прочесть въ ея глазахъ

желаніе, чтобъ онъ остался, но она была совершенно равнодушна и даже прошла впередъ, чтобъ отпереть дверь.

Нечего было дѣлать, военный протянулъ руку роялисту, подавшему ему свои холодные, костлявые пальцы, и вышелъ изъ залы; дойдя до двери, онъ хотѣлъ снова завести разговоръ, но молодая дѣвушка поклонилась ему и тѣмъ привела его въ отчаянье. Онъ вышелъ и снова вернулся.

— Не забудьте то, что я вамъ сказалъ,—произнесъ онъ, спускаясь съ лѣстницы.—Вы не можете такъ жить. Необходимо...

— Клара! Клара!—раздался изъ залы голосъ фанатика.

Клара заперла дверь, и военный остался на лѣстницѣ. Его первымъ намѣреньемъ было звонить, звонить до тѣхъ поръ, пока она ему не откроетъ, но потомъ онъ рѣшилъ, что это было бы неблагоразумно. Онъ медленно спустился съ лѣстницы.

— Какая-то тайна есть въ этомъ домѣ,—мысленно разсуждалъ онъ.—Кто она ему, дочь, жена, племянница или воспитанница? О, я не могу отказаться узнать эту тайну! Какъ отказаться отъ того, чтобы Клара сама о себѣ со свойственной ей наивностью разсказала мнѣ?

Онъ вышелъ на улицу и взглянулъ на домъ.

— Она одна не приметъ меня,—разсуждалъ онъ.—Эта встрѣча была простой случайностью. И подъ какимъ предлогомъ вернулся бы я?.. Какъ должна страдать эта несчастная! У нея и лицо страдальческое... Жить съ этимъ звѣремъ, никого не видѣть, ни съ кѣмъ не поговорить...

Онъ машинально снова направился къ двери. Ему пришло въ голову, что старикъ бранитъ ее за разговоръ съ нимъ, что онъ, быть можетъ, только прикидывался разсѣяннымъ, слышалъ, о чемъ они говорили, и теперь оскорбляетъ ее.

Онъ осторожно и безшумно поднялся, дошелъ до двери и остановился. Его рука невольно дотронулась до снурка звонка. Еслибъ онъ услыхалъ шумъ спора, еслибъ до него донесся рѣзкій голосъ старика, онъ позвонилъ бы изо всѣхъ силъ. Но, прикладывая ухо къ двери, онъ ничего не слышалъ. Въ домѣ царила гробовая тишина. Вдругъ онъ услышалъ женское пѣнье, кто-то прошелъ по коридору за дверью, и чей-то голосъ выразительно напѣвалъ какую-то мелодію. Это прошла Клара съ пѣньемъ. Быть можетъ, она счастлива?.. Новая тайна.

Онъ задумался, выпустилъ изъ рукъ снурокъ звонка и медленно, шагъ за шагомъ, осматриваясь по сторонамъ, какъ воръ, спустился на улицу; затѣмъ онъ перешелъ на противоположную сторону и началъ пристально всматриваться въ таинственный домъ. Наконецъ, онъ удалился рѣшительнымъ шагомъ.

IV.

Колетилья.

Странный человѣкъ, извѣстный намъ подъ именемъ Эліаса, родился въ 1762 году въ Атекѣ, арагонскомъ мѣстечкѣ. Родителями его были Эстебанъ Орехонъ-и-Вальдеморильо и Николаза Паредесъ; онъ—честный земледѣлецъ, она—единственная дочь богатаго торговца. Послѣ девяти мѣсяцевъ супружеской жизни появился нѣжный отпрыскъ этой четы, судьба котораго обѣщала быть выдающейся. Дѣло въ томъ, что донья Николаза на пятомъ мѣсяцѣ беременности увидѣла во снѣ, что ея ребенокъ уже выросъ, возмужалъ и былъ взятъ на небо въ золотой колесницѣ. Позднѣе ей не разъ снилось, что ея сынъ сдѣлался министромъ, патеромъ, епископомъ, королемъ и чуть ли не папой.

Наконецъ ребенокъ появился на свѣтъ съ помощью Бога и акушера Атеки, очень умнаго человѣка. Но въ немъ не только не было признаковъ избраннаго среди избранныхъ, но онъ былъ такъ худъ и слабъ, что сразу было видно, что его мать больше занималась разгадываньемъ сновъ, чѣмъ своимъ здоровьемъ.

Однако, хотя ребенокъ родился, какъ и всякій другой, но нѣкоторыя чудеса сопровождали таки его рожденіе. Было замѣчено на небѣ Атеки, что Большая Медвѣдица слилась съ Меркуріемъ, луна появилась въ видѣ кольца, и большая комета разгуливала по небу, какъ по своему дому. Деревенскій аптекарь, наблюдавшій планеты и слывшій за колдуна, видѣлъ всѣ эти небесныя явленія въ Атекѣ и объявилъ съ большою торжественностью, что все это признаки того, что ребенокъ прославитъ весь міръ. Сліяніе созвѣздій предсказывало, что двѣ націи соединятся противъ него; комета предсказывала, что онъ побѣдитъ всѣхъ, а кольцеобразная луна была признакомъ безсмертія.

— Отъ меня ничто не укроется въ небесныхъ свѣтилахъ,— увѣрялъ донъ Пабло Брагасъ (такъ звали аптекаря),—и если я что утверждаю, то это такая же правда, какъ то, что это шоколадъ.

И дѣйствительно передъ нимъ стоялъ шоколадъ, какъ должная дань благодарныхъ родителей.

Крестины вышли на славу. Арагонское вино лилось рѣкою, жаркія и пирожныя такъ и чередовались одно за другимъ. Усерднѣе всѣхъ угощали дона Пабло. Въ восторгѣ отъ того, что такъ великодушно оплачиваются его астрономическія познанія, онъ называлъ Орехоновъ покровителями науки.

Ребенокъ росъ. Лишнее говорить, что надежды его родителей все крѣпли. Все, что дѣлалъ ребенокъ, было необыкновенно, никогда

не видано и не слыхано. Едва онъ открывалъ ротъ, чтобы произнести слогъ, какъ въ этомъ видѣли уже интенцію. Если онъ просилъ грудь, то, по мнѣнію астролога, это означало загадочный афоризмъ.

Прошло два, четыре года, шесть лѣтъ, и слава маленькаго Орехончито все росла.

— Знаете, что я видѣлъ, сеньора Николаза?—сказалъ однажды аптекарь таинственнымъ тономъ счастливой матери...

— Что такое, донъ Пабло?—испугалась она.

— Вчера Эмцико игралъ съ курами и колотилъ пѣтуховъ такой толстой палкой, что не будь его ручки такъ слабы, пѣтухи поколѣли бы. «Мальчикъ, зачѣмъ ты бьешь ихъ?»—спросилъ я его.—«Потому что это пѣтухи,—отвѣтилъ онъ,—и я хочу ихъ убить».—«Что же они тебѣ сдѣлали?»—«Я имъ приказываю пищать, а они не хотятъ». Видите, сеньора донья Николаза, видите, сколько тутъ здраваго смысла, какая глубина ума!

Донья Николаза не вполнѣ ясно понимала въ данномъ случаѣ глубину ума своего сына, но въ благодарность за похвалу накрыла столъ скатертью и поставила передъ Пабло Брагасомъ превкусный обѣдъ.

Эліасъ все росъ, и по совѣту одного доминиканскаго исповѣдника изъ Таразоны, проповѣдывавшаго въ Атекѣ въ день храмового праздника, его отправили на обученье въ доминиканскій монастырь. Ему было тогда двѣнадцать лѣтъ, и онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ латыни.

Когда онъ достигъ пятнадцати лѣтъ, тогда былъ собранъ домашній совѣтъ, на которомъ обсуждался вопросъ, куда отдать его, въ семинарію ли Туделы или въ университетъ Алькалы. Пабло Брагасъ высказался за Алькалу, и всѣ присоединились къ его мнѣнію. Такимъ образомъ чудо природы, сопровождаемое корзинами съ провизіей и виномъ, причитаніями матери и астрологическими наблюденіями, отправилось на родину безсмертнаго Сервантеса и прибыло туда на четвертый день пути.

Въ это время у доньи Николазы родилась дочь, но никакой переворотъ природы не сопровождалъ ея рожденія.

Эліасъ изучалъ въ Алькалѣ теологію. Онъ выказывалъ большое прилежаніе, и преподаватели пророчили ему великую будущность. Онъ не спалъ ночей, пожирая Евзебіо, Саваларіо и Гротіуса. Тогда начали замѣчаться въ немъ характерныя особенности его натуры: огромная гордость, сухость въ обращеніи и рѣзкость манеръ, за что товарищи не любили его.

Однако всѣ признавали его за ученаго. Онъ поѣхалъ на родину, и при въѣздѣ въ деревню его встрѣтилъ съ низкимъ поклономъ Пабло Брагасъ; тутъ же были алькадъ, патеръ и все лучшее общество Атеки. Брагасъ вынулъ изъ кармана бумагу и про-

челъ привѣтствіе, написанное наполовину по-латыни, наполовину по-испански, которому аплодировали всѣ, кромѣ привѣтствуемаго. Дома его ждали состарѣвшаяся сеньора Николаза и еще бодрый отецъ. Его сестра уже сдѣлалась дѣвочкой, но больше думала о шалостяхъ, чѣмъ о наукахъ. Устроили маленькій пиръ по случаю его пріѣзда, и большинство угощеній было истреблено Пабло Брагасомъ.

Въ деревнѣ Эліасъ продолжалъ заниматься науками. Его сухость и гордость увеличивались, но родители этого не замѣчали. Если ихъ и оскорбляло иногда его рѣзкое обращеніе, то они успокаивались, выслушивая панегирики Брагаса, и начинали угощать его шоколадомъ или обѣдомъ.

Эліасу было тридцать лѣтъ, когда онъ отправился въ Мадридъ. Неизвѣстно, принялъ ли онъ это рѣшеніе въ надеждѣ на славу, предсказанную ему планетами, но несомнѣнно, что онъ составилъ себѣ какой-то планъ. Пріѣхавъ въ Мадридъ, онъ завязалъ тѣсныя сношенія съ отцами монастыря Тринитаріевъ (Св. Троицы), отличавшимися большой ученостью. Особенно сошелся онъ съ однимъ сеньоромъ аристократическаго происхожденія, по фамиліи Порреньо-и-Венегасъ. Онъ такъ привязался къ этой семьѣ, что вѣрно служилъ ей въ качествѣ управляющаго дѣлами во время ея процвѣтанія, равно какъ и въ дни разоренія, случившагося въ концѣ войны. Въ 1808 году Эліасъ простился со своей сидячей жизнью и съ теологіей, чтобы вступить въ отрядъ Эшеварри и Эмпечинадо; съ первымъ онъ совершилъ всю наваррскую кампанію и организовалъ въ Кастиліи отрядъ, встрѣтившій Наполеона при его возвращеніи изъ Мадрида.

По окончаніи войны онъ опять проѣхалъ къ себѣ на родину; отецъ его умеръ, сестра была уже замужемъ за родственникомъ земледѣльцемъ, а мать была слаба и больна. Брагасъ потерялъ свое хорошее расположеніе духа, но любилъ Эліаса и попрежнему предсказывалъ, что на него поднимутся двѣ націи, и онъ побѣдитъ ихъ.

Въ Атекѣ онъ узналъ о склонности нѣкоторыхъ партій къ конституціи и о томъ, съ какимъ энтузіазмомъ весь полуостровъ смотрѣлъ на съѣздъ въ Кадиксѣ. Эліасъ чувствовалъ смертельную ненависть къ конституціоналамъ. Этотъ человѣкъ, жившій съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя, исключительно умомъ, не испытавшій въ молодости чувства любви и дружбы, въ сорокъ лѣтъ былъ одержимъ пылкою страстью. Страсть эта заключалась въ любви къ деспотизму, въ ненависти ко всякой терпимости, ко всякому виду свободы; это былъ жестокій, закоренѣлый роялистъ, и въ пылу фанатизма онъ былъ способенъ на сомоотреченіе, на самопожертвованія, на муки. Онъ обладалъ страстнымъ характеромъ по натурѣ, хотя постоянныя занятія и измѣнили его. Но въ ту эпоху,

когда ни одинъ испанецъ не могъ оторвать взора отъ назрѣвшаго переворота, скрытая пылкость чувствъ Эліаса выразилась не въ формѣ любви, скупости или тщеславія, а въ формѣ политической страсти, всецѣло преданной одной системѣ и глубоко ненавидящей иную.

Послѣдствіемъ страстности характера въ немъ развилась такая сила воли и такая энергія, какія при иныхъ обстоятельствахъ привели бы его къ великимъ дѣламъ. Но въ данномъ случаѣ странное направленіе его умственныхъ способностей дѣлало изъ него одно изъ тѣхъ чудовищныхъ существъ, которыхъ поверхностный наблюдатель опредѣляетъ словомъ «сумасшедшій». Когда въ 1814 г. рушилась конституціонная система, Эліасъ былъ счастливъ, но не успокоился, потому что началъ принимать участіе въ жизни политической. Онъ сошелся съ герцогомъ Алагонскимъ, окунулся въ интриги двора и гордился своей дружбой съ принцемъ, обезчестившимъ свою родину.

Но наступилъ 1820 годъ, и Эліасъ завелъ тайныя сношенія съ дворомъ, старался организовать реакцію и употреблялъ всѣ средства для достиженія своей цѣли. Онъ ходилъ по клубамъ, раздувалъ недовольство, посѣщалъ собранія роялистовъ и даже либераловъ. Онъ пользовался всѣмъ, что слышалъ, но противъ него уже поднялись громкія обвиненія; на него указывали, какъ на заговорщика, и не разъ уже грозили ему.

Всѣ знавшіе его по виду, встрѣчавшіеся съ нимъ въ патріотическихъ клубахъ, называли его Колетилья [1]). Этимъ словомъ хотѣли опредѣлить его отношенія къ королю, и прозвище это осталось за нимъ даже въ деревнѣ. Его малочисленные друзья очень остерегались называть его такъ.

V.

Воспитанница Колетильи.

Въ декабрѣ 1808 года состоялъ въ отрядѣ, собранномъ въ Сеговіи Хуаномъ Эмпечинадо. Отрядъ этотъ имѣлъ нѣсколько стычекъ съ французами, которые, наконецъ, заставили его отступить къ Вальядолиду; отсюда онъ подвигался къ сѣверу и дошелъ до Асторги. Эліасъ остался въ Саагунѣ съ кучкою людей, желавшей разбить Нея при его выходѣ изъ Галиціи.

Въ Саагунѣ жилъ одинъ отставной полковникъ, человѣкъ умный, съ возвышеннымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ. Онъ былъ очень богатъ, но судьба послала ему невыносимую жену. Бѣдный

[1]) Слово Колетилья (Coletilla) почти не переводимо; его можно передать лишь словомъ прихвостень.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

FEB 19 '63 H